

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

ТОМЪ СXLVI.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СХLVI.

1916

ПЕТРОГРАДЪ
Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“¹. Зртелевъ, 13
1916

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНИЕ

ОКТАБРЬ 1916 г.

СТРАН.

Историческая летопись . . . . . V—XXXII

Иллюстраціи: 1) Штабъ Верховнаго Главнокомандующаго.—2) Командиръ одного изъ армейскихъ корпусовъ ген.-отъ-инфант. Н. А. Каштановскій, награжденный орденомъ св. Георгія 3-ей степени.—3) Фердинандъ I, король Румыніи.—4) Ген.-отъ-инфант. А. М. Заіончковскій, командующій русскими войсками въ Румыніи.

- I. У чужихъ алтарей. Романъ. XIV—XVIII. (Продолженіе).
В. В. Тимоосевой-Починковой 1
- II. Воспоминанія о жизни и дѣятельности протоіерея І. В. Василчева. VII—VIII. (Продолженіе). **Л. І. Автономовой**. 27
- Иллюстраціи: 1) Православный храмъ въ Парижѣ.—2) Внутренній видъ Парижскаго православнаго храма.
- III. Старый протодіаконъ и Вильгельмовъ подарокъ. **Н. Нормова (Н. Новрускаго)**. 49
- IV. Воспоминанія сестры милосердія. (Дорогимъ пермцамъ на память 1877—1878 г.г. отъ ихъ сестры милосердія). I—V. **С. А. фонъ-Кенигъ (нынѣ Чириковой)**. 70
- Иллюстрація: Софія Александровна фонъ-Кенигъ (нынѣ Чирикова).
- V. Скобелевъ въ Туркестанѣ. (1869—1877 гг.). I—IV. **Е. Толбухова**. 107
- VI. Моя борьба съ имяборцами на Святой горѣ. V—VIII. (Окончаніе). **Геросхимонаха Антонія (Булатовича)**. 133
- VII. Александръ Васильевичъ Кругловъ. **Анны Догановичъ**. 170
- VIII. Нѣсколько словъ объ отцѣ Іоаннѣ Кронштадтскомъ. (Ко дню его рожденія 19 октября). **Евгеніи Козеко**. 195
- IX. У колеса счастья. Памяти Маріи Гавриловны Савиной. **В. Николенико-Гильченко**. 201
- X. Забытый уголокъ Іоанна Грознаго. **И. Стеллецкаго**. 212

Иллюстраціи: 1) Общій видъ твердыни Іоанна Грознаго въ Александровой слободѣ, нынѣ Успенскій женскій монастырь.—2) Дворецъ Іоанна Грознаго съ моленными кельями и подземными тюрьмами, нынѣ Успенскій соборъ.—3) Покровская церковь, построенная вел. кн. Василіемъ Ивановичемъ въ 1513 году.—4) Троицкій соборъ, построенный Іоанномъ Грознымъ.—5) Подземная тюрьма Іоанна Грознаго подъ Успенскимъ соборомъ въ Александровой слободѣ.—6) Царевна Марья Алексѣевна.

(См. слѣд. стран.).

XI. Критика и библиографія	220
1) Русская литература XX вѣка (1890—1910). Подъ редакціей С. А. Венгерова. Часть I. Томъ I—II. Выпуски 1—5. Москва. 1916. Съ иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ. Евг. Павлова.—2) С. В. Безсоновъ. Надзоръ за книгой. Опытъ систематизаціи матеріаловъ о цензурѣ въ допетровскую эпоху. Очеркъ по исторіи русскаго права. М. Д. Богданова.—3) Записки И. И. Горбачевского. Съ примѣчаніями и со вступительной статьей Б. Е. Сыроѣжковского. «За друга». М. 1916. Е. Шумигорскаго.—4) Письма А. П. Чехова. Подъ редакціей М. П. Чеховой. Томъ VI. (1900—1904 г.г.). Съ иллюстраціями. Москва. 1916. Д. М.—на.—5) А. В. Тищенко. Его работы. Статьи о немъ. Петроградъ. 1916. К.—6) Матеріалы къ исторіи и изученію религиозныхъ общественныхъ движеній въ Россіи. Подъ редакціей Владимира Бончъ-Бруевича. Отдѣлъ: Сектанство. Выпускъ седьмой. Чемереки. Отвѣтленіе Старога Израїля. Съ 10 портретами и фотографическими группами, 4 иносказательными изображеніями и другими снимками. Вступительная статья, замѣтки и примѣчанія Владимира Бончъ-Бруевича. Пгр. 1916. Т. М.—7) П. Митрофановъ. Леопольдъ II австрійскій. Внѣшняя политика. Т. I. Часть I. Пгр. 1916. А. Б.—А. Васильевъ. Курсъ исторіи среднихъ вѣковъ. М. 1915. В. Бутенко. Курсъ новой исторіи. М. 1915. П. Б.—8) Исполить Тавъ. Путешествіе по Италіи. Переводъ П. П. Перцова. Томъ II. Флоренція и Венеція. М. 1916. М.—9) Памятники мировой литературы. Персидскіе лирики X—XV вѣковъ. Съ персидскаго перевелъ акадѣмикъ Ѳ. Коршъ. Послѣ его смерти проредактировалъ и вступительною статьею снабдилъ профессоръ А. Крымскій. 1916. А. Налимова.	
XII. Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника»	237
XIII. Новости исторіи. Е. С. Шумигорскаго.	241
XIV. Заграничныя историческія новости и мелочи.	248
1) Старинный нѣмецкій учебникъ шпионства.—2) Политическая жизнь Китайской республики.—3) Нѣмцы о войнѣ на истощеніе.—4) Чеховъ въ оцѣнкѣ американскаго критика.—5) Къ характеристикѣ Вильгельма.	
XV. Смѣсь	264
1) Пятидесятилѣтіе московской консерваторіи.—2) 40-лѣтіе литературной дѣятельности В. Я. Лучинскаго.—3) Юбилей П. Г. Бывалькевича.—4) Выставка войны и трофеевъ.	
XVI. Некрологи	268
1) Баклундъ, О. А., академикъ.—2) Балнцкій, С. В.—3) Борисовъ, П. Я.—4) Жуковский, В. В.—5) Ольхинъ, С. А.—6) Рыбаковъ, К. Н.—Спасскій, А. А., профессоръ.—7) Фругъ, С. Г.	
XVII. Замѣтки и поправки	272
Приложенія: 1) Портретъ: Александра Васильевича Круглова—2) Красная кокарда. Историческій романъ Ставляя Веймана. Переводъ съ англійскаго А. Б. Михайлова. Часть вторая. V—VIII. (Продолженіе).	

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КРУГЛОВЪ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ВАДЦАТЬ ПЯТАГО іюня англійская главная квартира во Франці доносила: «Несмотря на упорное сопротивление непріятели, наша пѣхота, сильно поддерживаемая артиллеріей, доблестно продолжала продвигаться впередь и сегодня утромъ нами захвачено нѣсколько важныхъ пунктовъ. Послѣ ожесточенной предварительной бомбардировки мы произвели штурмъ въ югу отъ Тепваля на необычайно сильное укрѣпленіе «Лейпцигскій редуть», который расположенъ въ выступѣ германскихъ линій. Непріятель примѣнилъ здѣсь всю свою изобрѣтательность, укрѣпляя этотъ пунктъ въ теченіе 20 мѣсяцевъ. Далѣе на югъ одна изъ нашихъ бригадъ, атаковавъ съ запада, проложила себѣ путь черезъ германскія линіи на протяженіи 500 ярдовъ къ германскому оборонительному укрѣпленію Овиле. Ожесточенный бой происходитъ нынѣ за овладѣніе этимъ селеніемъ. Развивая нашъ успѣхъ, за минувшую ночь къ востоку отъ Лабуаселя мы продвинули нашу линію за нѣсколько германскихъ траншей на фронтѣ протяженіемъ приблизительно въ 2.000 ярдовъ и въ глубину на 500 ярдовъ, причемъ атакою мы вытѣснили непріятели къ сѣверу отъ Фрикура изъ двухъ лѣсовъ и трехъ линій траншей. Прусская гвардія была послана въ бой въ 10 час. утра къ востоку отъ Контальмезона, чтобы отчаяннымъ усиліемъ вытѣснить насъ, но атака эта была сломлена нашимъ огнемъ. Въ виду этого непріятели отступилъ назадъ въ сѣверномъ направленіи, оставивъ въ нашихъ рукахъ 700 человекъ плѣнными, принадлежащими къ различнымъ полкамъ. Около полудня наша пѣхота штурмовала селеніе Контальмезонъ, но затѣмъ была вытѣснена оттуда сильной контръ-атакой. Потери непріятели за сегодняшній день должны быть весьма серьезными, такъ какъ большое число войскъ, отступая по открытой мѣстности, было разстрѣляно нашей артиллеріей, а, кромѣ того, мы обстрѣляли сильнымъ огнемъ деревню Базантенъ, когда она вся была наполнена германскими резервами».

25-го іюня къ сѣверу отъ рѣки Соммы французскія войска, несмотря на продолжающіеся дождь и туманъ, пошли штурмомъ на дер. Артекуръ и холмъ къ сѣверу отъ нея въ связи съ дѣйствіями британской арміи, которая, со своей стороны, атаковала Тронскій лѣсъ и сферу, расположенную къ юго-востоку отъ лѣса. Въ 35 минутъ французская пѣхота, благодаря энергіи, съ которой произведена была атака, захватила объекты штурма. Двѣ германскія контръ-атаки, изъ которыхъ одна направлена была съ сѣвера, а другая была днемъ направлена съ востока на холмъ, занятый французами, разбились объ ихъ огонь, причѣмъ германцы понесли въ сраженіи значительныя потери и оставили въ рукахъ французовъ 260 плѣнныхъ. Къ югу отъ Соммы въ течение дня 25-го іюня никакихъ важныхъ событій не произошло. На Верденскомъ фронтѣ происходитъ съ перерывами артиллерійскій обстрѣлъ французскихъ первыхъ и вторыхъ линій на лѣвомъ берегу Мааса и продолжается ожесточенная дѣятельность артиллеріи на участкахъ къ сѣверу отъ Сувилля, въ Фюменскомъ лѣсу и у батареи Данлу. На остальномъ протяженіи фронта велась обычная артиллерійская перестрѣлка.

26-го іюня штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ: Наступленіе доблестныхъ войскъ генерала Леша къ Нижнему Стоходу продолжается. Непрiятель отходитъ въ большомъ безпорядкѣ. Къ югу отъ желѣзной дороги Сарны—Ковель съ боемъ взяты: д. д. Гулевичи и Кашовка. Южнѣе, въ районѣ д. д. Арсеновичи—Яновка—Духче, сплошные пожары. 25-го іюня, послѣ упорныхъ боевъ войска генерала Лечицкаго заняли въ южной Галиціи важный узловый пунктъ Делатынь. Въ оставляемыхъ непріятелемъ пунктахъ захвачены склады боевыхъ припасовъ (стальныхъ щитовъ, ручныхъ гранатъ, патроновъ и проволоки). На участкѣ восточнѣе и сѣверо-восточнѣе Барановичей попрежнему очень упорные бои съ непріятелемъ, оказывающимъ отчаянное сопротивленіе.

Въ Буковинѣ, къ западу отъ Кимполунга, у д. д. Фундуль—Молдава и Вале-путна, противникъ былъ нами отброшенъ, оставивъ на мѣстѣ много труповъ. Захвачено въ плѣнъ 7 офицеровъ и 530 нижнихъ чиновъ. По произведеннымъ подсчетамъ, арміей генерала Лечицкаго за время съ 10-го по 24-ое іюня взято въ плѣнъ 674 офицера, 30.875 нижнихъ чиновъ и захвачено 18 орудій, 100 пулеметовъ и 14 зарядныхъ ящиковъ. На всемъ остальномъ фронтѣ отмѣтить нечего.

На кавказскомъ фронтѣ атаки турокъ въ ночь съ 24-го на 25-ое іюня въ районѣ къ западу отъ гор. Платаны отбиты нашимъ огнемъ. Къ западу отъ меридіана города Эрзерума наши войска овладѣли цѣлымъ рядомъ турецкихъ позицій, захвативъ при этомъ въ плѣнъ 67 офицеровъ, въ томъ числѣ 2 командировъ полковъ и командира батареи и 799 нижнихъ чиновъ (аскеровъ), при 7 пулеметахъ и 1 орудіи. За 25-ое іюня въ бояхъ къ западу отъ меридіана Эрзерума одной изъ нашихъ колоннъ захвачено въ плѣнъ 60 офицеровъ, 4 врача и 1.050 аскеровъ, а также взято много ручного оружія, патроновъ и шанцеваго инструмента.

На Черномъ морѣ непріятельской подводной лодкой, безъ всякихъ предупрежденій, потоплено госпитальное судно «Впередъ», несшее всѣ установленныя отличительные знаки. Погибло 7 человекъ, остальные были спасены.

Къ югу отъ Соммы французы, въ теченіе ночи съ 26-го на 27-ое іюня развивая свои успѣхи въ районѣ Барле, захватили линію окоповъ между этой деревней и деревушкой Мезоннетъ. Число нерапеленыхъ плѣнныхъ, взятыхъ въ этомъ участкѣ за 26-ое іюня и въ теченіе слѣдующей ночи, достигло 950 человекъ.

26-го іюня британская главная квартира во Франціи доносила: «Сраженіе сегодня сосредоточивалось главнымъ образомъ на нашемъ крайнемъ правомъ флангѣ, гдѣ нашими войсками достигнуты дальнѣйшіе значительные успѣхи. Къ востоку отъ лѣса Бернафа послѣ ожесточеннаго предварительнаго обстрѣла мы штурмовали линію траншей, завладѣли сильно укрѣпленными прикрытіями въ лѣсу, извѣстномъ подъ названіемъ де-Тронъ. Здѣсь мы захватили 31 плѣннаго и нѣсколько пулеметовъ. Французская артиллерія на нашемъ правомъ флангѣ оказала сильную поддержку нашему наступленію. Потери противника отъ совмѣстнаго англо-французскаго артиллерійскаго огня тяжки. Сильная контръ-атака, которую германцы вслѣдъ за этимъ повели густыми колоннами по открытой мѣстности на захваченныя нами позиціи, потерпѣла полную неудачу подъ огнемъ 18-фунтовыхъ и 75-миллиметровыхъ орудій.

«Прошлой ночью между Анкромъ и Соммой бой шелъ со значительно меньшимъ ожесточеніемъ, чѣмъ въ предыдущіе два дня. Близъ Овиле мы продолжали продвигаться. На другомъ участкѣ мы захватили группу укрѣпленныхъ строеній. Германцы не дѣлали дальнѣйшихъ попытокъ отбить захваченныя нами позиціи, удерживаемыя нашими войсками къ сѣверу отъ Живанши. Послѣ напряженнаго орудійнаго обстрѣла части участка, защищаемаго новозеландскими войсками, противнику въ результатѣ сильной мѣстной атаки удалось въ одномъ пунктѣ проникнуть въ наши траншеи. Послѣ получасового боя непріятель былъ оттуда выбитъ новозеландскими войсками, оставивъ въ траншеяхъ много своихъ труповъ».

Итальянскія войска штурмовали траншеи къ сѣверу отъ Монте-Кіеза и заняли перевалъ Агуэлла.

Въ долину Кампелле итальянцы заняли хребетъ Санъ-Джіовани.

Французскіе летчики бомбардировали военныя сооруженія въ Монастырѣ, лагерное расположеніе въ Петричѣ и фортъ Рупель.

27-го іюня штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что къ югу отъ Полъсъя наши войска, тѣсня непріятеля, съ боемъ продолжаютъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ переправу черезъ Стоходъ. Отступавшимъ непріятелемъ большинство переправъ было взорвано. У дер. Свидники и Ст. и Ново-Моссоръ, на лѣвомъ берегу Стохода, идетъ горячій бой. Здѣсь захвачены плѣнные германцы. Неожиданнымъ нападеніемъ между Киселиномъ и Зубильно наши войска обратили непріятеля въ бѣгство.

Войсками генерала Каледина взято съ 21-го по 25-ое іюня 341 офицеръ, 9.145 здоровыхъ нижнихъ чиновъ, 10 орудій, 48 пулеметовъ, 16 минометовъ и бомбометовъ, 7.930 винтовокъ, 62 наполненныхъ зарядныхъ ящика, 3 прожектора и склады инженернаго имущества. Эти трофеи слѣдуетъ прибавить къ трофеямъ, перечисленнымъ въ сообщеніи штаба отъ 25-го іюня (вечернее), т. е. къ 300 офицерамъ, 12.000 нижнимъ чинамъ, 45 орудіямъ и т. п.

На галиційскомъ фронтѣ артиллерійская перестрѣлка, особенно сильная на участкахъ по обоимъ берегамъ Днѣстра. На участкѣ двинскихъ позицій непріятель переходилъ въ наступленіе юго-западнѣе озера Свентень, но былъ отброшенъ и отошелъ на свои окопы. Восточнѣе Барановичей въ районѣ дѣревни Одоховщина германцы произвели вновь контръ-атаку, отбитую ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ. Летчики обѣихъ сторонъ производятъ на всемъ фронтѣ многочисленные полеты. Въ районѣ Шубинскаго канала (къ востоку отъ слиянія рѣкъ Березины и Нѣмана) нашей артилеріей сбитъ германскій аэропланъ. Летчикъ и механикъ взяты въ плѣнъ. Не менѣе 10 непріятельскихъ аэроплановъ произвели налетъ на Молодечно. Сброшено 40 бомбъ; зажженный ими складъ сѣна сгорѣлъ.

На Стоходѣ рядъ боевъ съ непріятелемъ, пытающимся задержаться на лѣвомъ берегу. Непріятель всемѣрно стремится остановить развитіе нашего наступленія. Въ районѣ дер. Ивановки, сѣвернѣе Кашовки, двѣ непріятельскія воздушныя эскадрильи сбросили до 70 бомбъ въ нашъ санитарный обозъ, ранивъ двухъ сестеръ милосердія и одного уполномоченнаго. Далѣе, на фронтѣ Вольни и Галиціи, происх. дѣла артиллерійская перестрѣлка. Непріятельская тяжелая артилерія обстрѣливала районъ Глядки—Цѣбровъ.

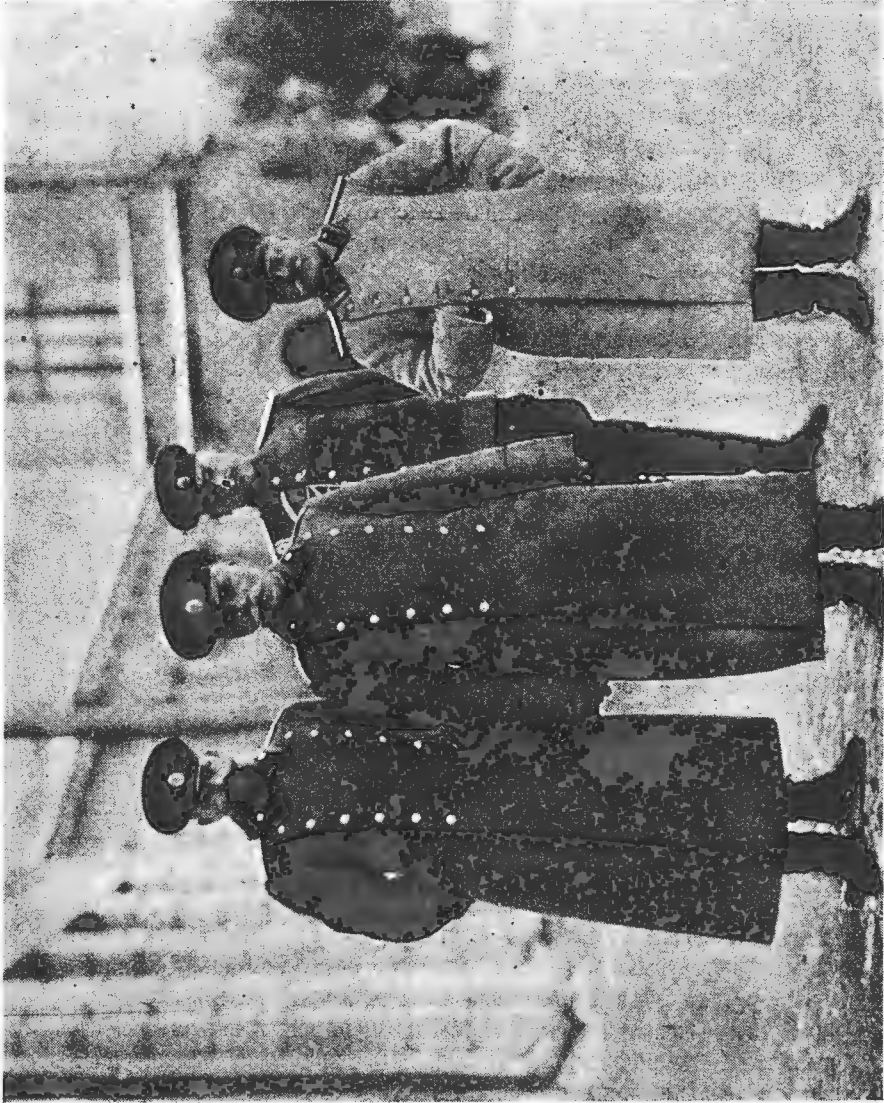
На Балтійскомъ морѣ одна изъ нашихъ подводныхъ лодокъ во время обычнаго крейсерства въ Ботническомъ заливѣ утопила большой германскій пароходъ съ грузомъ желѣзной руды.

На кавказскомъ фронтѣ къ западу отъ Платаны наши части вновь продвинулись впередъ. На гюмишханскомъ направленіи наши развѣдчики проникли за линію турецкихъ позицій и перекололи много турокъ. Къ югу отъ Понтійскаго Тавра наши части успѣшно наступали и овладѣли важнымъ переваломъ и дѣлымъ рядомъ высотъ, которыя противникъ укрѣплялъ въ теченіе продолжительнаго времени. Мѣстами турки подъ нашими натискомъ бѣжали со своихъ позицій. Значительно продвинулись впередъ части войскъ генерала Крутеня, захватившія много плѣнныхъ, орудіе, пулеметы и прочую военную добычу, причѣмъ особенно отличилась одна пѣшая часть Терскаго казачьяго полка.

27-го іюня къ сѣверу отъ Соммы день прошелъ спокойно. Къ югу отъ Соммы французы въ теченіе дня нѣсколько продвинулись въ районѣ между Біашъ и Барле, а также у окраины этого послѣдняго селенія. Въ окрестностяхъ Біаша французы заняли полевое укрѣпленіе, гдѣ еще удерживался непріятель. Французы захватили 113 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 10 офицеровъ. Къ юго-востоку отъ Біаша блестящей атакой на высоту 97, господствующую надъ рѣкою, французы заняли какъ эту высоту, которую непріятель твердо удерживалъ, такъ же и ферму Мезоннетъ, расположенную на ея вершинѣ.

Французы заняли равнымъ образомъ и лѣсокъ, расположенный къ сѣверу отъ Мезоннета, гдѣ непріятельскія части еще оказываютъ французамъ сопротивленіе въ редюитѣ, устроенномъ на лѣсной опушкѣ. Къ сѣверу отъ Вердена непріятельская артиллерія была приведена къ молчанію крайне ожесточенной бомбардировкой въ районѣ Фруадтерра, Флери и Фюменскаго лѣса.

На правомъ берегу Мааса германцы, утвердившіеся во французскихъ пере-

Штабъ Верховнаго Главнокомандующаго. Въ срединѣ—начальникъ штаба, ген.-адъют.
М. В. Алексѣевъ, налѣво отъ него—ген.-майоръ М. С. Пустовойтенко, направо—ген.-лейт.
В. Е. Борисовъ. Во второмъ ряду—шт.-ротм. гр. Капнистгъ.

довых траншеяхъ къ востоку отъ лѣсовъ Фюмень и Шенуа, отброшены контръ-атакой французовъ. Къ сѣверу отъ Фонтенеля французы заняли первую линію и вспомогательное укрѣпленіе германцевъ. Британскія войска заняли часть лѣса Тронъ и отбили нѣсколько контръ-атакъ непріятели.

Итальянскіе альпійскіе стрѣлки овладѣли большею частью долины Тофана и вершинами № 7 и 2 и сильной позиціей на Тофана.

28-го іюня сообщеніе штаба Верховнаго Главнокомандующаго гласило:

Бои въ районѣ р. Стохода продолжаются. Непрiятель, получивъ подкрѣпленіе и выдвинулъ сильную артиллерію, оказываетъ упорное сопротивленіе. На фронтѣ Бряза—Фундуль—Молдава, сѣверо-западнѣе Кимполунга, послѣ горячаго боя большія силы непріятели были нами отброшены. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ непріятель, не выдержавъ нашего штыкового удара, бѣжалъ. Непрiятельскіе аэропланы совершили налетъ на ст. Замирьс, желѣзной дороги Минскъ—Барановичи, сбросивъ 66 бомбъ.

Въ районѣ р. Стохода бои продолжаются. Непрiятель проявляетъ въ нихъ большое упорство. Вмѣстѣ съ тѣмъ непрiятельскіе аэропланы въ большомъ числѣ производятъ налеты на тылъ нашихъ войскъ, сбрасывая многочисленныя бомбы и открывая огонь изъ пулеметовъ.

На Черномъ морѣ у кавказскихъ береговъ непрiятельской подводной лодкой потопленъ нашъ транспортъ, шедшій пустымъ.

На кавказскомъ фронтѣ на байбуртскомъ направленіи въ ночь на 26 іюня наши развѣдчики проникли на высоту, занятую противникомъ, и, переколовъ его прислугу, захватили турецкій пулеметъ. Южнѣе наши части вновь взяли штурмомъ сильно укрѣпленные участки турецкихъ позицій, которыя нами закрѣпляются; за 25 іюня нами взято въ плѣнъ 30 офицеровъ и до 350 аскеровъ. На діарбекирскомъ направленіи въ районѣ равнины Гойнукъ-Ова наши передовыя части легко отразили наступленіе.

27 іюня днемъ послѣ шестой отчаянной атаки германцамъ цѣной чрезвычайно тяжелыхъ потерь удалось проникнуть въ лѣсъ Тронъ. Бой въ лѣсу продолжается. Далѣе къ западу англичане овладѣли прикрытіемъ въ Мамецкомъ лѣсу, гдѣ оборонительныя сооруженія непріятели до сихъ не поддавались усиліямъ британскихъ войскъ. Англичане продвинулись также къ востоку отъ Овиле и Лабуаселя.

Ночью съ 27 на 28 іюня, послѣ оживленнаго артиллерійскаго обстрѣла британская пѣхота вновь атаковала и штурмомъ овладѣла Контальмезономъ, захвативъ 189 раненыхъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ командира батальона и четырехъ другихъ офицеровъ. Сильная германская контръ-атака, произведенная ночью же, отбита съ тяжкими для противника потерями; теперь все селеніе находится въ рукахъ англичанъ. Далѣе къ востоку они штурмомъ овладѣли нѣсколькими линіями траншей въ Мамецкомъ лѣсу. Въ настоящее время большая часть этого лѣса находится въ англійскихъ рукахъ. Здѣсь англичане захватили одну тяжелую гаубицу, три полевыхъ орудія и 296 раненыхъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ 3 офицеровъ.

29-го іюня штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что на всемъ фронтѣ отъ рижскаго побережья до района Полъсья артиллерійская и

ружейная перестрѣлка. Непріятельскіе самолеты сбрасывали бомбы на ст. Замирье и въ гор. Несвижъ, гдѣ сожжено нѣсколько домовъ. На Стоходѣ упорные бои продолжаются. Непріятель переправился было вновь на правый берегъ рѣки у дер. Грушевки (сѣвернѣе Гулевичи), но былъ отброшенъ обратно.

27-го іюня западнѣе Гулевичи взято въ плѣнъ 24 офицера и 745 нижнихъ чиновъ австрійцевъ и германцевъ.

Наша артиллерія разогнала нѣмцевъ, пытавшихся подвезти артиллерію противъ Икскюльскаго укрѣпленія. На участкѣ ф. Черкасы (къ югу отъ м. Крево) нѣмцы подъ прикрытіемъ сильнаго артиллерійскаго огня переходили въ наступленіе, но были отброшены нашей контръ-атакой. На Стоходѣ—артиллерійскіе бои. Въ районѣ д. Кашовка непріятель пытался приблизиться къ Стоходу, но былъ отброшенъ нашимъ огнемъ.

На Балтійскомъ морѣ наши истребители во время операций въ Ботническомъ заливѣ захватили два большихъ германскихъ парохода. Одинъ изъ пароходовъ имѣлъ грузъ желѣзной руды, другой—пустой. Миноносцы привели захваченные пароходы въ наши порты.

На кавказскомъ фронтѣ къ западу отъ меридіана гор. Эрзерума наши войска значительно продвинулись впередъ, захвативъ вновь рядъ укрѣпленныхъ позицій противника. Большого успѣха достигла одна изъ нашихъ войсковыхъ частей, отличившаяся въ памятныхъ январскихъ и февральскихъ бояхъ при штурмѣ Эрзерумской крѣпости. Руководившій 28-го іюня атакой доблестный полковникъ Квартовкинъ убитъ. Плѣнные продолжаютъ прибывать, причемъ съ 19-го по 25-ое іюня на фронтѣ арміи взято въ плѣнъ 107 турецкихъ офицеровъ и 1.684 аскера, захвачено 3 орудія, 10 пулеметовъ и 4 бомбомета. По пути отступленія турокъ разбросано много оружія и боевыхъ припасовъ. Къ западу отъ Эрзерума наши войска, отбросивъ турокъ, съ боемъ вновь захватили Мамахатунъ. Непріятель при отступленіи зажегъ городъ. Нами приняты мѣры къ прекращенію пожара.

29-го іюня итальянская главная квартира сообщала: «Дабы противодѣйствовать нашему натиску въ Трентино и въ частности нашему контръ-наступленію на верхнемъ теченіи Бойто, въ долинѣ Бута, а также на Нижнемъ Изонцо, непріятель былъ вынужденъ вновь перебросить на этотъ фронтъ войска, которыя были имъ оттянуты на восточный фронтъ. Этотъ фактъ удостоверяетъ относительно третьяго корпуса (22-я и 28-я дивизіи), который былъ уже наканунѣ выступленія, а также относительно 9-й дивизіи и 187-й бригады ландштурма, которыя были возвращены съ пути на восточный фронтъ. Въ теченіе вчерашняго дня происходилъ напряженный артиллерійскій бой въ долинѣ Адидже; на Пазубіо мы заняли позиціи къ сѣверу отъ Монте-Корно, однако непріятелю стремительной контръ-атакой удалось вновь занять часть этихъ позицій. Въ этомъ бою мы взяли въ плѣнъ 34 нижнихъ чина. На плоскогорьѣ Азіаго альпійскія части успѣшно возобновили атаку на позиціи противника въ районѣ Монте-Кіеза. Въ районѣ къ сѣверу отъ Монте-Санъ-Джовани мы заняли Монте-дельи-Учелли; въ верхней части долины Ча, у Ваной, въ районѣ Тофане, непріятель пытался врасплохъ напасть на наши позиціи, взятыя 26-го іюня, но былъ отбитъ съ тяжелымъ урономъ, оставивъ

намъ 30 плѣнныхъ и одинъ пулеметь. На фронтѣ Изонцо артиллерія поддерживала энергичную дѣятельность; кромѣ того, здѣсь по временамъ происходила борьба гранатами».

30-го іюня штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ:

На Двинѣ, выше и ниже Фридрихштадта, нами было произведено нѣсколько удачныхъ поисковъ. На Стоходѣ велась артиллерійская перестрѣлка. Въ нашемъ тылу летало нѣсколько эскадрилій непріятельскихъ самолетовъ, сбрасывавшихъ бомбы и открывавшихъ стрѣльбу изъ пулеметовъ. Въ Галиціи, въ районѣ западнѣе Нижней Стрыпы, мѣстами упорные бои. Непріятель переходитъ въ энергичныя контръ-атаки. Здѣсь нами взято въ плѣнъ свыше 2.000 нижнихъ чиновъ, захвачено одно орудіе и пулеметы.

На Черномъ морѣ 28-го іюня наши миноносцы захватили въ западной части моря турецкій пароходъ «Итшихадъ» съ грузомъ керосина и ячменя и благополучно доставили его въ нашъ портъ. Другіе миноносцы 29-го іюня уничтожили у устья рѣки Мелень (къ западу) отъ гор. Эрегли одинъ грузовой пароходъ и два буксирныхъ.

На кавказскомъ фронтѣ къ западу отъ меридіана Эрзерума наступленіе нашихъ частей развивается успѣшно, мѣстами турки тщетно пытаются переходить въ контръ-атаки.

Послѣ рукопашныхъ боевъ турки сбиты нами съ высотъ восточнѣе Байбурта и наносятся въ отступленіи. Наступленіе нашихъ войскъ къ западу отъ Мамахатуна успѣшно продолжается. Послѣ ночного упорнаго боя здѣсь нами заняты рядъ высотъ. Юго-восточнѣе Мамахатуна турки пытались переходить въ наступленіе, но были отброшены. Тѣсня непріятели, наши войска заняли селенія Джебакей и Алмалы.

Англійскія войска во Франціи возвратили всю утраченную ночью съ 29-го на 30-ое іюня территорію въ лѣсу Мамецъ. На правомъ берегу Мааса германцы произвели сильный натискъ въ направленіи форта Сувилъ и захватили небольшой участокъ на пересѣченіи дорогъ изъ Флери и Во.

Германская подводная лодка обстрѣляла небольшой незащищенный англійскій портъ Сихемъ-Харборъ, причемъ была смертельно ранена женщина.

Въ районѣ Адидже итальянцы продвинулись впередъ къ сѣверу отъ долины Серра и на сѣверныхъ склонахъ Монте-Пазубіо. Непріятель, атаковавшій новыя позиціи итальянцевъ къ сѣверу отъ Мальга-Цунья, былъ отброшенъ въ безпорядкѣ.

Австрійскій крейсеръ «Новага» потопилъ въ Адриатическомъ морѣ два англійскіихъ траллера и двумъ нанесъ поврежденія.

1-го іюля сообщеніе штаба Верховнаго Главнокомандующаго гласило:

Къ сѣверу отъ озера Дрисвяты нами былъ произведенъ удачный поискъ. Въ мѣст. Полонечки (сѣверо-восточнѣе Барановичей) непріятельскими легчиками было сброшено до 70 бомбъ. Въ районѣ сѣвернѣе Нижней Липы непріятельская артиллерія развивала сильный огонь. Въ районѣ западнѣе Стрыпы австрійцы и германцы ведутъ яростныя контръ-атаки. Число взя-

тыхъ здѣсь нами плѣнныхъ и трофеевъ увеличилось до 3.200 нижнихъ чиновъ германцевъ и австрійцевъ, двухъ орудій, 19 пулеметовъ, одного бомбомета.

Юго-восточнѣ озера Нарочь въ районѣ госп. дв. Стаховцы нами были атакованы передовыя части германцевъ и обращены въ бѣгство. На лѣвомъ берегу Стохода въ районѣ д. Зарѣчья (южнѣ Стобыхлы) непріятель подъ прикрытіемъ огня артиллеріи велъ наступленіе, но былъ отброшенъ въ свои окопы. Непріятельскіе самолеты сбрасывали бомбы надъ Луцкомъ и ст. Киверцы сѣверо-восточнѣ Луцка. Въ районѣ юго-восточнѣ м. Свиножи у д. Пустомыты противникъ открывалъ ураганный огонь тяжелой и легкой артиллеріи. Въ районѣ западнѣ Стрыпы напряженіе боевъ замѣтно ослабило.

На кавказскомъ фронтѣ къ западу отъ эзерумскаго района наше наступленіе развивается весьма успѣшно, причемъ цѣлый рядъ укрѣпленныхъ турецкихъ позицій уже перешелъ въ наши руки. На нѣкоторыхъ участкахъ видны отступающія къ западу большія колонны непріятеля. Наши части энергично атакуютъ турокъ, еще пытающихся задержаться на случайныхъ позиціяхъ.

Въ районѣ ущелья Массать-Дере нашей батареей взорванъ большой турецкій складъ боевыхъ припасовъ.

Одна изъ нашихъ доблестныхъ туркестанскихъ частей, отбивъ 12 яростныхъ контръ-атакъ противника, перешла въ наступленіе и значительно продвинулась впередъ.

1-го іюля къ сѣверу отъ рѣки Эна и къ югу отъ Вилль-о-Буа огнемъ французскихъ пулеметовъ были остановлены двѣ попытки германцевъ перейти въ наступленіе. На правомъ берегу р. Мааса продолжался сильный артиллерійскій бой на Сувилльскомъ участкѣ. Въ лѣсу Шенуа происходили столкновения патрулей. На остальномъ протяженіи французскаго фронта не произошло ничего выдающагося.

На линіи расположенія британскихъ войскъ во Франціи въ теченіе всего дня 1-го іюня происходила артиллерійская перестрѣлка. Послѣ напряженнаго пѣхотнаго боя англичане не только продолжали тѣснить противника, но въ различныхъ пунктахъ весьма успѣшно продвинули впередъ свою линію.

1-го іюня генераль Хэгъ доносилъ: «Сегодня утромъ на разсвѣтѣ я атаковалъ вторую оборонительную линію непріятеля; наши войска проникли въ позиціи противника на фронтѣ протяженіемъ въ четыре мили и взяли нѣсколько сильныхъ укрѣпленныхъ пунктовъ. Продолжается ожесточенный бой».

2-го іюля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ: Ночью на 1-ое іюля нѣмцы подъ прикрытіемъ сильнаго огня приблизились къ нашимъ проволочнымъ загражденіямъ въ районѣ дер. Любаничи (на р. Сервечъ, лѣвый притокъ Нѣмана), но нашимъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ вынуждены были отойти обратно. Днемъ 1-го іюля нѣмцы открыли сильный артиллерійскій огонь по нашему расположенію къ востоку отъ мѣст. Городище (сѣверо-восточнѣ Барановичей), послѣ чего перешли въ наступленіе въ районѣ дер. Скробова, но нашимъ огнемъ были отброшены съ большими для нихъ потерями. Вслѣдъ за этимъ, продолжая свой огонь, противникъ перешелъ

въ наступленіе густыми цѣпями нѣсколько сѣвернѣе дер. Скробова, но нашимъ огнемъ также былъ отброшенъ. Оправившись, нѣмцы предприняли новое наступленіе въ районѣ той же деревни. Отразивъ непріятеля ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ, наши части, перейдя въ контръ-атаку, выдвинулись впередъ и закрѣпляются. Повторныя частичныя попытки непріятеля наступать на участокъ къ югу отъ дер. Скробовъ были также отражены огнемъ. На фронтѣ рижскихъ позицій, юго-восточнѣе Риги, нѣмцы повели наступленіе на нашъ участокъ у Франца (сѣверо-западнѣе Пулкарна), но были отбиты ружейнымъ, артиллерійскимъ огнемъ и ручными гранатами.

На кавказскомъ фронтѣ наступленіе нашихъ войскъ къ западу отъ меридіана гор. Эрзерума продолжается успѣшно. Захваченъ цѣлый рядъ новыхъ турецкихъ позицій. Наши части находятся въ 15 верстахъ отъ гор. Байбурта. Лихія пѣхотныя части, комплектуемыя кубанскими и терскими казаками и руководимыя генераломъ Крутенемъ, вновь значительно продвинулись впередъ. Бой въ районѣ къ юго-западу отъ гор. Муша, несмотря на упорное сопротивленіе турокъ, развивается для насъ успѣшно.

На эрзинджапскомъ направленіи наши части при атакѣ одной изъ высотъ южнѣе Мамахатгуна захватили въ плѣнъ 18 турецкихъ офицеровъ и около 100 аскеровъ съ пулеметомъ. Кубанцы, при преслѣдованіи турокъ, окружили часть отступавшаго 49-го пѣхотнаго турецкаго полка и послѣ короткой схватки взяли его остатки въ плѣнъ, причѣмъ былъ захваченъ командиръ полка съ адъютантомъ, 29 офицеровъ, 282 аскера, пулеметъ, полковая канцелярія и запасы патроновъ. Къ юго-западу отъ гор. Муша турки сбиты со всѣхъ своихъ сильно укрѣпленныхъ позицій. Недавно прибывшая на кавказскій фронтъ изъ Фракіи турецкая дивизія, бросивъ свои палаточные лагери, успѣшно отступаетъ частью въ долину р. Восточнаго Евфрата (Мурадъ-Чая), а частью въ направленіи на Діарбекиръ.

2-го іюля донесеніе британской главной квартиры во Франціи сообщило слѣдующія подробности о натискѣ англичанъ: «Теперь можно дать дальнѣйшія подробности о дѣйствіяхъ, начатыхъ сегодня утромъ на разсвѣтѣ. Отгнавъ непріятеля шагъ за шагомъ на вторую линію системы его укрѣпленій, наши войска дни 28-го и 29-го іюня использовали главнымъ образомъ для бомбардировки сильныхъ непріятельскихъ позицій и другихъ необходимыхъ подготовительныхъ дѣйствій съ цѣлью дальнѣйшаго наступленія. Сегодня утромъ послѣ энергичнаго артиллерійскаго обстрѣла, въ 3 часа 25 минутъ былъ начатъ штурмъ. Непріятель выбитъ изъ своихъ траншей по всему фронту атаки. Мы захватили много плѣнныхъ.

«Ожесточенное сраженіе длилось въ теченіе цѣлаго дня; въ результатѣ его мы опять увеличили наши пріобрѣтенія: теперь мы занимаемъ вторую линію позицій непріятеля отъ селенія Базантенъ-ле-Пти до селенія Лонгваль, включая оба селенія и весь Тронскій лѣсъ. Въ Тронскомъ лѣсу мы выручили отрядъ королевскаго Западно-Кентскаго полка, который былъ отрѣзанъ отъ нашихъ войскъ во время недавняго боя и, будучи окруженъ германцами, доблестно сопротивлялся въ теченіе 48 часовъ въ сѣверной части лѣса. Двѣ

отчаянные контръ-атаки непріятеля на наши новыя позиціи были совершенно сломлены нашимъ огнемъ.

«Позже въ теченіе дня послѣ ожесточенной контръ-атаки германцамъ удалось захватить назадъ селеніе Базантенъ-ле-Пти, но онъ немедленно былъ выбитъ изъ него нашей пѣхотой, и все селеніе снова оказалось въ нашихъ рукахъ».

2-го іюля были получены слѣдующія извѣстія изъ Каира о положеніи дѣлъ въ Аравіи: «Послѣ занятія Мекки 31-го мая нѣкоторые отряды гарнизона продолжали оказывать сопротивленіе въ прилегающихъ къ городу фортахъ. Великій шерифъ откладывалъ взятіе этихъ фортовъ въ надеждѣ избѣжать кровопролитія. Въ настоящее время эти форты капитулировали, причемъ сдались 28 турецкихъ офицеровъ, 950 нераненыхъ и 150 раненыхъ солдатъ. Кромѣ того, захвачено 4 орудія и большое количество военныхъ припасовъ. Со времени провозглашенія независимости арабы захватили у турокъ 10 полевыхъ орудій, 10 горныхъ орудій, 15 пулеметовъ и взяли въ плѣнъ 100 офицеровъ, 2.500 солдатъ и 150 гражданскихъ чиновъ. Въ настоящее время въ Меккѣ не осталось никакихъ слѣдовъ турецкаго владычества».

3-го іюля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ: На правомъ флангѣ рижскихъ позицій при содѣйствіи огня сухопутной артиллеріи и флота наши войска продвинулись нѣсколько впередъ въ районѣ западнѣе Кеммерна. На остальномъ фронтѣ было нѣсколько столкновеній, не повлекшихъ за собой измѣненій положеній.

На Волинѣ, въ районѣ юго-восточнѣе м. Свиноухи, непріятель въ нѣсколькихъ мѣстахъ густыми цѣпами переходилъ въ наступленіе. Энергичной контръ-атакой наши войска сбили непріятеля и продолжаютъ развивать свой успѣхъ. На нѣкоторыхъ участкахъ (Островъ—Губинъ) непріятель послѣ крайне упорнаго сопротивленія былъ опрокинутъ и, угрожаемый обходомъ съ тыла, бросился бѣжать. Получены свѣдѣнія, что однимъ изъ нашихъ полковъ захвачены одна тяжелая и одна легкая батареи непріятеля. Кромѣ того, захвачено еще нѣсколько отдѣльныхъ орудій. Общее число плѣнныхъ, взятыхъ въ этомъ бою, еще не выяснено. Пока ихъ зарегистрировано около трехъ тысячъ.

На Черномъ морѣ во время послѣдняго крейсераства однимъ изъ нашихъ миноносцевъ уничтожено 26 парусниковъ.

На кавказскомъ фронтѣ въ ночь на 3-е іюля доблестныя войска кавказской арміи ворвались въ городъ Байбуртъ, являющійся важнымъ населеннымъ узловымъ пунктомъ передового армянскаго театра. На нѣкоторыхъ участкахъ турки, поспѣшно отступая къ западу, уничтожаютъ свои склады.

Въ области Понтійскаго Тавра и въ бассейнѣ Верхняго Чороха наши войска вновь значительно продвинулись впередъ, закрѣпляя за собой взятые съ боя турецкія позиціи. Въ общемъ за эти дни доблестная кавказская армія со своими мужествомъ и храбростью выиграла рядъ боевъ въ районѣ Байбуртъ—Мамахатунъ—Мушъ.

Къ югу отъ Соммы германцы вечеромъ и въ ночь съ 2-го на 3-е іюля, воспользовавшись туманомъ, продвинулась вдоль канала и произвели энергичную атаку противъ Мезонеттъ, у деревни Біаншъ, которой имъ, благодаря вне-

запному нападенію, удалось овладѣть. Однако французы рѣшительной контръ-атакой отбили дер. Біаншъ и Мезонеттъ, а также овладѣли расположеннымъ къ сѣверу лѣскомъ, въ которомъ незначительныя части германцевъ еще оказываютъ сопротивление. Въ районѣ Шень германскій отрядъ послѣ ожесточенной бомбардировки проникъ въ траншеи первой линіи къ сѣверу отъ Шилли, но контръ-атакой былъ выбитъ оттуда. Къ сѣверу отъ р. Эна близъ Ульжъ французы внезапнымъ нападеніемъ захватили непріятельскую траншею. На правомъ берегу р. Мааса сильныя германскіе развѣдочныя отряды пытались приблизиться къ французскимъ траншеямъ въ лѣсу между рѣкой и высотой Пуавръ, но были отражены ружейнымъ огнемъ и огневой завѣсой. Въ участкѣ Флери французская пѣхота значительно продвинулась къ западу и югу отъ деревни. Русскія войска во Франціи произвели набѣгъ на германскую траншею и взяли плѣнныхъ. Въ Шампани германская атака на занятыя русскими траншеи отражена контръ-атакой.

Англійскія войска проникли въ германскую третью линію у лѣса Буаде-Форэ, гдѣ укрѣпились. Союзники овладѣли второй линіей укрѣпленій и приближаются къ третьей. Англійскія войска отразили двѣ контръ-атаки на Базантенъ-ле-Пти и захватили лѣсъ того же наименованія.

Итальянскія войска у входа въ долину Позина завладѣли сильными непріятельскими позиціями. Въ районѣ Тофане итальянскіе отряды выбили непріятеля изъ траншей близъ Кастелето и захватили 2 орудія, мортиру, 2 пулемета и 86 плѣнныхъ.

На австро-румынской границѣ австрійцами разстрѣляно 50 русскихъ плѣнныхъ за отказъ рыть траншеи на румынской границѣ.

4-го іюля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ: Верховный Главнокомандующій Государь Императоръ 3-го іюля послалъ слѣдующую телеграмму:

«Главнокомандующему. Тифлисъ. Съ радостью узналъ о переходѣ въ наступленіе и объ одержанныхъ важныхъ успѣхахъ Моими кавказскими богатырями. Передай имъ Мое горячее спасибо и Мою увѣренность въ дальнѣйшей ихъ молодецкой беззавѣтной службѣ.

«НИКОЛАЙ».

На Волыни, въ районѣ восточнѣе и юго-восточнѣе мѣст. Свиноухи, наши доблестныя войска генерала Сахарова сломили сопротивление непріятеля. Въ бояхъ въ районѣ дер. Пустомыты захвачено болѣе 1.000 плѣнныхъ германцевъ и австрійцевъ, три легкихъ и два тяжелыхъ орудія, пулеметы и много другой военной добычи. Въ этихъ бояхъ раненъ осколкомъ шрапнели въ ногу доблестный генералъ Владимиръ Драгомировъ.

Въ районѣ Нижней Липы наше успѣшное продвиженіе продолжается. Противникъ оказываетъ здѣсь упорное сопротивление. Въ бояхъ въ этомъ районѣ нашими войсками взято въ плѣнъ 226 офицеровъ и 5.872 нижнихъ чина и захвачено 24 орудія, изъ коихъ 12 тяжелыхъ, 14 пулеметовъ, нѣсколько тысячъ винтовокъ и другое имущество. Кромѣ того, здѣсь же взяты въ плѣнъ 51 офицеръ и 2.165 нижнихъ чиновъ. Общее же число плѣнныхъ и трофеевъ,

Командиръ одного изъ армейскихъ корпусовъ ген.-отъ-инфант. Н. А. Кашталинскій, награжденный орденомъ св. Георгія 3-ей степени за то, что во время операціи прорыва австрійскаго фронта съ 22-го мая по 12-е юня 1916 года, командуя N армейскимъ корпусомъ, первымъ прорвалъ непріятельскую позицію и, увлекая за собой другіе корпуса, облегчилъ ихъ работу, безостановочно гоня противника къ Луцку, и послѣ штурма луцкихъ укрѣпленій съ сѣверо-восточной и сѣверной стороны взялъ ихъ.

взятыхъ за 3-е юля въ бояхъ на Волыни, составляетъ приблизительно 317 офицеровъ, 12.637 нижнихъ чиновъ, 30 орудій, изъ коихъ 17 тяжелыхъ (10-сантиметровыхъ, 6 и 9-дюймовыхъ), большое количество пулеметовъ и много другой добычи. Въ направленіи на Кирибаба (на границѣ Трансильваніи) наши войска заняли рядъ новыхъ высотъ. Въ районѣ Риги столкновенія обѣихъ сторонъ развиваются для насъ успѣшно. Захвачена часть окоповъ против-

«истор. вѣстн.», октябрь 1916 г., т. схлvi.

II

ника. Взятъ плѣнные. Цепелинъ, появившійся надъ Ригой, сбросилъ въ разныхъ частяхъ города 13 бомбъ.

На Волыни, въ районѣ лѣваго берега Нижней Липы, наши войска продолжаютъ тѣснить непріятели. Плѣнные продолжаютъ прибывать. Съверо-западнѣе Кимполунга части нашей конницы вышли на шоссе Карлибаба—Мармарошь-Сигеть.

На кавказскомъ фронтѣ наступленіе частей праваго фланга кавказской арміи развивается. Значительнаго успѣха достигли за 3-е іюля пластуны-кубанцы колонны генерала Горностаева. Турки при слѣдномъ отступленіи изъ города Байбурта зажгли этотъ пунктъ.

Итальянскія войска продвинулись впередъ на склонахъ Соли-Бьянка, къ югу отъ Монте-Боркола и въ долину рѣки Бойта.

4-го іюля на линіи расположенія британскихъ войскъ во Франціи происходила напряженная артиллерійская перестрѣлка. Британцы продолжаютъ находить значительное количество военныхъ матеріаловъ на захваченныхъ позиціяхъ: взято 5 тяжелыхъ гаубицъ и 4 77-миллиметровыхъ орудія.

«4-го іюня въ 1 ч. 15 мин. дня,—доносила британская главная квартира въ Франціи,—наши войска достигли новаго успѣха. Мы взяли штурмомъ вторую линію германскихъ позицій на фронтѣ протяженіемъ приблизительно въ 1.400 метровъ къ сѣверу отъ Базантенъ-ле-Пти. Большое число убитыхъ на этомъ участкѣ германцевъ служить доказательствомъ сильныхъ потерь, понесенныхъ непріятеlemъ съ начала нашего наступленія. Мы расширили прорывъ непріятельскихъ позицій къ востоку отъ Лонгваля, захвативъ сильно укрѣпленный пунктъ—ферму Ватерлотъ. На нашемъ лѣвомъ флангѣ у Овильера и Лабуасселя, гдѣ рукопашныя схватки не прекращались съ 24-го іюня, мы захватили остальную часть непріятельской укрѣпленной позиціи, причемъ взяли въ плѣнъ двухъ офицеровъ и 124 солдатъ гвардіи. Въ настоящее время все селеніе находится въ нашихъ рукахъ.

«Нами захвачены слѣдующіе интересные документы, свидѣтельствующіе о тяжелыхъ потеряхъ, понесенныхъ непріятеlemъ во время настоящаго сраженія:

«1) Сообщение роты 16 Баварскаго пѣхотнаго полка 3 батальону того же полка. «На нашемъ участкѣ ожесточенный артиллерійскій обстрѣлъ изъ непріятельскихъ орудій всѣхъ калибровъ, въ томъ числѣ и 22-сантиметровыхъ. Отъ роты остались 1 офицеръ и 12 солдатъ. Требуется слѣдно подкрѣпленій для роты. Остатки роты такъ утомлены, что въ случаѣ непріятельской атаки нельзя рассчитывать на сопротивленіе нѣсколькихъ оставшихся солдатъ».

«2) Сообщение другой роты 3 батальону того же полка. «Происходитъ ожесточенная бомбардировка участка, занятаго ротой, которая совершенно утратила значеніе, какъ боевая единица. Солдаты такъ истощены, что уже скоро не будутъ годиться для боя. Если будетъ продолжаться столь ожесточенный артиллерійскій обстрѣлъ, въ скоромъ времени вся рота будетъ уничтожена. Требуется немедленно подкрѣпленія».

«3) Сообщение второго батальона третьему того же полка. «Подполковникъ Куммель приказалъ батальону присоединиться къ третьему батальону въ качествѣ мѣстнаго резерва. Остатокъ батальона въ настоящее время состоитъ изъ 3 офицеровъ, 2 унтеръ-офицеровъ и 19 нижнихъ чиновъ».

Бельгийскія войска въ Восточной Африкѣ на берегу Викторія-Нянци разсыяли непріятели.

На остальныхъ фронтахъ, кромѣ перестрѣлки и мелкихъ столкновений, не произошло ничего выдающагося.

5-го іюля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ:

Въ районѣ рижскихъ позицій велась артиллерійская перестрѣлка. Германцы пытались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вернуть утраченные окопы, но безрезультатно. Въ результатъ послѣдняго маневра войскъ генерала Сахарова на волынскомъ театрѣ, завершенаго побѣдой 3-го іюля со взятіемъ 13.000 плѣнныхъ и 30 орудій, все пространство лѣваго берега Нижней Липы нами очищено отъ непріятели, отброшеннаго за селенія Звиняче и Красовъ и за рѣку. Судя по обилію оставленнаго на путяхъ отхода имущества, отступление непріятели производилось въ большомъ безпорядкѣ. Сообщаютъ, что изъ числа 17 тяжелыхъ орудій, взятыхъ у непріятели, нѣкоторыя уже вчера дѣйствовали для обстрѣливанія его позицій на южномъ берегу Липы. Плѣнные германцы въ самыхъ разнообразныхъ формахъ одежды, что указываетъ на сборный составъ пополненій.

На кавказскомъ фронтѣ наступленіе праваго фланга кавказской арміи 4 іюля продолжалось. За 4 іюля большаго успѣха достигли наши доблестныя пластунскія части, лихо сбившія противника съ сильно укрѣпленныхъ позицій. Мѣстами пластуны дошли не только до горной снѣговой линіи, но и перевалили черезъ нее. Въ районѣ гор. Меджидь-Дагъ нами захвачены плѣнные, два пулемета и много оружія. Въ районѣ Понтійскаго Тавра мы взяли въ плѣнъ цѣликомъ турецкую роту. Во время атаки 2-го іюля подѣ Байбуртомъ нами захвачено турецкое знамя.

Наши пластуны, стремительно продвигаясь впередъ, вновь захватили въ плѣнъ 34 турецкихъ офицера и 608 аскеровъ при двухъ пулеметахъ. Дополнительно полученными свѣдѣніями установлено что турецкое знамя въ бою подѣ Байбуртомъ захвачено коннымъ ординарцемъ одного изъ кавказскихъ стрѣлковыхъ полковъ Николаемъ Брунекомъ.

5-го іюля несмотря на непрерывный дождь и густые туманы, препятствовавшіе операціямъ, англичанами были достигнуты новые важные успѣхи, включая захватъ второй линіи германскихъ укрѣпленій. Близъ Базантена англичанами охвачены сильно укрѣпленная ферма Ватерлотъ, а также послѣднія позиціи у Овиле.

6-го іюля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ:

5-го іюля 17 непріятельскихъ самолетовъ произвели налетъ на ст. Замирье (сѣверо-восточнѣ Барановичей). Сброшенными въ госпиталь и лазаретъ 28 бомбами изъ медицинскаго персонала убиты трое, ранено пять человекъ, изъ находившихся на излеченіи убито 10 и ранено 23 нижнихъ чина. Въ районѣ Стохода непріятель пытался наступать у дер. Углы и Врсановичи, но безрезультатно. Наступленіе непріятели въ районѣ деревень Звиняче—Елизаровъ (юго-восточнѣ Горохова) было нами остановлено. Разлитіе Днѣстра продолжается. Прилегающія долины залиты ручьями, вышедшими изъ береговъ; склоны вы-

соть размокли настолько, что почти недоступны. Во многихъ пунктахъ снесены мосты.

На Кавказскомъ фронтѣ въ районѣ Дживизлика наши части выбили турокъ изъ заблаговременно укрѣпленныхъ позицій и за 5-е іюля значительно продвинулись впередъ. Къ западу отъ Байбурга сибирскіе казаки, произведя контръ-атаку, изрубили и перекололи много турокъ и захватили нѣсколько сотъ плѣнныхъ. 5-го іюля мы заняли городъ Кыги (важный узловый пунктъ на путяхъ изъ Эрзинджана въ Харпуть и Эрзерумъ), гдѣ захваченъ кожевенный складъ и госпиталь съ ранеными. Дополнительно выяснено, что въ бояхъ къ юго-востоку отъ Муша, когда была разбита турецкая дивизія, вновь прибывшая въ Армению, нами захваченъ при входѣ въ Кульпинское ущелье большой интендантскій складъ. На мосульскомъ направленіи въ ночь на 4 іюля турки въ большихъ силахъ перешли у Ревандуза въ наступленіе на нашъ отрядъ, который отошелъ на новую позицію. Въ Персіи, въ районѣ Сенне, оживленная перестрѣлка съ курдами. Въ районѣ къ востоку отъ Керманшаха стычки развѣдчиковъ. Вблизи Исфагана нами разбито и разсѣяно значительное скопище враждебныхъ намъ персидскихъ кочевниковъ.

6-го іюля къ югу отъ Соммы предпринятая французами небольшая операція на югъ отъ Эстре дала намъ возможность овладѣть частью германскихъ траншей и захватить около 60 плѣнныхъ. На верденскомъ фронтѣ продолжалась бомбардировка французскихъ первыхъ и вторыхъ линій въ районѣ высоты 304. Сильная артиллерійская перестрѣлка происходила также на участкѣ Флери; пѣхотныхъ же дѣйствій не предпринималось.

Официально сообщалось о ходѣ военныхъ дѣйствій въ Италіи: «Сосредоточивъ въ Трентино около четырехъ дивизій, австрійцы оказываютъ итальянскому наступленію упорное сопротивленіе, пользуясь для этого поддержкой своей артиллеріи. Особенно сильны австрійскія контръ-атаки въ Валларчіа, на юго-востокъ отъ Роверето, гдѣ за послѣднее время большія непріятельскія силы атаквали итальянскія позиціи Цунья-Торта, но были отброшены съ тяжелыми для нихъ потерями. Въ Валларчіа итальянцамъ, продвигающимся методически на чрезвычайно пересѣченной мѣстности, удалось занять позиціи Цанои и Валлорбіа, въ восьми километрахъ отъ Роверето, второго города Трентино, господствующаго надъ четырьмя долинами: Люппіо, Адидже, Арсе и Терраньола».

7-го іюля на фронтѣ Двины мѣстами происходилъ сильный бой. На Волинѣ также во многихъ мѣстахъ велась артиллерійская перестрѣлка. Непріятельская артиллерія энергично обстрѣливала районъ деревни Звиняче (восточнѣе Горохова) и наше расположеніе далѣе на юго-востокъ, по Липѣ и Стыри.

Наступленіе праваго фланга кавказской арміи продолжалось успѣшно. Нѣкоторыя наши доблестныя части 5-го іюля продвинулись съ боемъ впередъ на 15 верстъ, захвативъ плѣнныхъ.

7-го іюля пѣту и другую сторону Соммы французская пѣхота атаковала позиціи германцевъ, причемъ достигла значительнаго успѣха. Къ сѣверу отъ Соммы французы завладѣли германскими траншеями, начиная отъ холма Гардекуръ, и значительно продвинули свою линію къ востоку отъ Гар-

декура вдоль узкоколейной желѣзной дороги Комбль—Клери. Въ этой части фронта французы до сихъ поръ взяли въ плѣнъ 400 человекъ. Къ югу отъ Соммы между Барле и Суакуромъ вся первая линія германскихъ траншей находится въ рукахъ французовъ. Въ Шампани французы проникли въ одну изъ германскихъ траншей къ сѣверо-востоку отъ Оберина и захватили плѣнныхъ. Въ

Фердинандъ I, король Румыніи.

Аргоннахъ германцы пытались произвести вчера въ 7 часовъ вечера внезапное нападеніе на нашъ небольшой выдвинутый впередъ постъ близъ Волантъ, но были отражены послѣ упорнаго боя съ примѣненіемъ ручныхъ гранатъ. На лѣвомъ берегу рѣки Мааса въ районѣ Авокура и Шатанкура продолжалась борьба съ помощью ручныхъ гранатъ на сѣверо-восточномъ склонѣ высоты 304. На правомъ берегу рѣки Мааса французы въ теченіе ночи продвинулись къ западу отъ тиомонскаго укрѣпленія. Къ югу отъ Флери сильно укрѣплен-

ный пункт был атакован и, несмотря на упорную защиту, занят французскими войсками. Во время штурма французами было взято в плен 150 нижних чинов и несколько офицеров.

7-го июля британская главная квартира во Франции доносила:

«Германская атака, начатая прошлой ночью, была направлена против новых британских позиций к востоку от Базантена. Германцы, получив сильные укрепления, повели после интенсивной бомбардировки, около 5 ч. 30 мин. вечера, наступление густыми массами. Сражение продолжалось всю ночь, приняв особенно ожесточенный характер в Дельвильском лесу. Ценою тяжелых потерь неприятелю удалось вновь захватить часть Дельвильского леса и утвердиться на северной окраине Лонтваля. Сражение на этих участках продолжается с большим ожесточением. В других местах неприятельские атаки, считая в том числе три штурма на ферму Ватерлот, благодаря нашему огню, окончились неудачей.

«К северу от Соммы продолжает разрастаться напряженное сражение около селения Лонтваля и Дельвильского леса. В обоих местах мы вновь завладели большей частью утраченной прошлой ночью территории».

В Италии опубликован декрет, приравнивающий подданных держав, союзных с неприятельскими державами, к подданным неприятельских держав.

8-го июля штаб Верховного Главнокомандующего сообщил:

Сильный огневой бой на некоторых участках фронта р. Двины продолжается. В районе р. Стыри, выше впадения в нее р. Липы, наши войска снова нанесли удар противнику. Неприятель был выбит из деревни Вербень и из укреплений южнее ее. На плечах ошеломленного противника наши части овладели переправами через Стырь. Противник отхлынул к высотам у местечка Берестечко и частью начал сдаваться в плен. В районе местечка Берестечко завязался бой. Пленных пока зарегистрировано около 50 офицеров и более 1 600 нижних чинов. В этих боях пал смертью героев храбрый командир полка полковник Татаров. В боях начала июня в районе Козина (юго-западнее Дубно) полковник Татаров совершил доблестный подвиг стремительной переправы во главе своего полка вброд по горло, под губительным огнем неприятеля, чем и обратил его в беспорядочное бегство.

Доблестная войска генерала Сахарова, преодолев все трудности переправы под сосредоточенным огнем неприятеля через болотистую долину р. Липы, 7-го июля опрокинули неприятеля, частью уже обратившегося в беспорядочное бегство. Наша артиллерия беглым огнем обстреливает отступающую колонну противника. Переправившимися через Липу частями за вчерашний день захвачено около 1.000 пленных, 10 пулеметов, 4 горных орудия, из коих 3 в запряжку. Пленные продолжают прибывать. По дополнительным данным, число пленных, взятых в боях 7-го июля при переправе через Стырь, выше устья Липы, и на левом берегу Стыри значительно больше показанного в утреннем сообщении. Пока зарегистрировано 2.817 нижних чинов, при 75 офицерах, кроме того, захвачено много пулеметов и 3 орудия.

7-го июля въ районѣ Валепутно (юго-западнѣе Кимполунга) противникъ былъ выбитъ съ одной изъ высотъ, причемъ взято въ плѣнъ 3 офицера и 155 нижнихъ чиновъ при 4 пулеметахъ.

На Кавказскомъ фронтѣ въ районѣ Дживизлика наши части вновь продвинулись впередъ, взявъ въ плѣнъ одного офицера и 63 аскера. На пути изъ Трапезунда въ Эрзинджанъ нами съ боемъ занятъ городъ Гюмишъ-Хана. Въ районѣ къ сѣверо-востоку отъ гор. Кялькитъ-Чевтлика нами захвачено въ плѣнъ 30 турецкихъ офицеровъ, одинъ врачъ и 400 аскеровъ; кромѣ того, у турокъ отбиты большіе обозы. Наступленіе противника въ районѣ восточнѣе Ревандуза было успѣшно нами отражено.

Французскія войска къ югу отъ Соммы захватили первую линію германскихъ позицій между Эстре и возвышенностью Вермандовилье. Захвачено около 2.900 плѣнныхъ, 30 пулеметовъ и т. д. На правомъ берегу Мааса французы съ боемъ продолжаютъ подвигаться впередъ. Французскіе аэропланы произвели цѣлый рядъ успѣшныхъ нападеній.

Англійскія войска у Дальвилъ и лѣса Лонгваль вновь заняли пространство въ 1.000 ярдовъ. Къ сѣверу отъ Лонгваль—Базантенъ британцы взяли плѣнныхъ и одно орудіе. Англійскіе аэропланы днемъ и ночью успѣшно сбрасывали снаряды въ различныхъ пунктахъ непріятельскаго расположенія.

Сообщеніе итальянской главной квартиры отмѣчаетъ, что итальянцы продвинулись впередъ близъ Борколы и произвели блестящую атаку въ долину Фелла.

Во Франціи обѣими палатами вотированъ законъ объ обязательной военной подготовкѣ для французской молодежи.

Въ Англіи учреждены особыя слѣдственные комиссіи по вопросу о дарданельской и месопотамской экспедиціяхъ.

9-го июля сообщеніе штаба Верховнаго Главнокомандующаго гласило: «На лѣвомъ флангѣ рижскихъ позицій бои съ нѣмцами продолжаются. Сѣверо-восточнѣе Сморгони, въ районѣ деревни Мартыши, удачнымъ ударомъ мы захватили въ ночь на 9-е июля часть непріятельскихъ позицій. Нѣмецкая тяжелая артиллерія открывала сильный огонь по участку восточнѣе Барановичей. Южнѣе р. Липы наши войска, продолжая тѣснить непріятеля, прошли черезъ мѣстечко Берестечко и продвигаются далѣе на западъ. 7-го и 8-го июля войсками генерала Сахарова взято въ плѣнъ болѣе 300 офицеровъ (въ томъ числѣ 1 генераль, 1 полковникъ) и свыше 12.000 нижнихъ чиновъ, что доводитъ общее число плѣнныхъ за время операціи съ 3-го июля до 26.000 человекъ (считая въ томъ числѣ и офицеровъ) германцевъ и австрійцевъ. Общее число взятыхъ орудіи и пулеметовъ выясняется. Въ районѣ деревень Вербень—Пляшево (на правомъ берегу Стыри, южнѣе впаденія р. Липы) нами былъ окруженъ австрійскій 13-й ландверный полкъ и весь сдался въ плѣнъ. Въ районѣ Ворохты (на пути изъ Делатыня въ Мармарошъ-Сигетъ) нами взяты вчера высоты, причемъ захвачены плѣнные и три пулемета. На томъ же направленіи, западнѣе Яремче, нами взята въ плѣнъ австрійская рота съ пулеметомъ.

На лѣвомъ флангѣ рижскихъ позицій было нѣсколько горячихъ столкновеній съ непріятелемъ. Наши части въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ворвались въ

укрѣпленія первой линіи противника. Съ обѣихъ сторонъ сильный артиллерійскій огонь. На лѣвомъ берегу Липы, въ районѣ д. Звиняче, восточнѣе Горохова наши развѣдчики предпріяли смѣлый поискъ, въ результатъ котораго была захвачена въ плѣнъ германская застава въ составѣ 1 офицера и 42 нижнихъ чиновъ.

На Кавказскомъ фронтѣ къ западу отъ Платаны (на берегу Чернаго моря) наши части выбили турокъ изъ ряда укрѣпленныхъ позицій и продвинулись на нѣсколько верстъ впередъ къ сторонѣ Фоль. Среди плѣнныхъ взяты командиръ перваго своднаго полка и организаторъ четниковъ Зиа-бей съ его знаменемъ и канцеляріей и захвачены склады ручныхъ гранатъ. При занятіи Гюмишь-Ханы (въ окрестностяхъ коего находятся заброшенные серебряные рудники) нами взяты плѣнные, два орудія и палаточный лагерь. Къ сѣверо-востоку отъ Кялькитъ-Чевтлика наши части, наступая, взяли въ плѣнъ 7 офицеровъ, 120 аскеровъ; плѣнные продолжаютъ прибывать; наканунѣ въ этомъ же районѣ захвачено два полевыхъ госпиталя 5-го турецкаго корпуса съ личнымъ персоналомъ и находящимися въ нихъ больными и ранеными, среди коихъ взяты командующій 98-го полкомъ.

Продолжая наступленіе, наши войска заняли Ардаса (20 в. с.-з. отъ Гюмишь-Ханы) и захватили въ плѣнъ 16 офицеровъ и 260 аскеровъ при 3 пулеметахъ. Въ числѣ плѣнныхъ командиръ 29-го полка.

На французскомъ фронтѣ ничего существеннаго не произошло.

Англійскія войска во Франціи, развивая наступленіе, достигли лѣса Фуру. У Лейцигскаго редута, гдѣ сраженіе продолжается безъ перерыва, германцамъ удалось проникнуть въ траншею англичанъ, но они тотчасъ же были выбиты изъ нея.

Итальянцы заняли еще нѣсколько траншей на сѣверныхъ склонахъ Монте-Майо. Атаки непріятели въ Верхней Лозинѣ итальянцами отбиты.

10-го іюля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ:

На фронтѣ рижскихъ позицій происходила усиленная артиллерійская перестрѣлка. Сѣверо-восточнѣе Сморгони, въ районѣ деревни Мартыши, нѣмцы пытались накапливаться въ окнахъ и ходахъ сообщенія съ цѣлью вернуть захваченный у нихъ наканунѣ участокъ позиціи, но подъ огнемъ нашихъ батарей отхлынули назадъ. Всѣ дальнѣйшія попытки непріятели перейти въ контръ-атаку прекращались нашимъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ.

На Стоходѣ, въ районѣ Зарѣчье—Березница, непріятели 9-го іюля въ 9 часовъ вечера атаковали, но были отбиты. 9-го іюля въ районѣ Ворохты и Тартарова (изъ Делатыня въ Мармарошь-Сигетъ) нами взято въ плѣнъ 5 офицеровъ, въ томъ числѣ командиръ батальона, 483 нижнихъ чина и захвачено 3 орудія и 4 пулемета. Въ Карнатахъ идетъ дождь со снѣгомъ.

На Кавказскомъ фронтѣ на побережьи Чернаго моря наши войска съ боя взяли городъ Фолу и продвинулись значительно впередъ южнѣе этого пункта. Нами захвачено много плѣнныхъ и зеленое священное знамя четниковъ. Въ бассейнѣ рѣки Ишимъ-Ирмака мы заняли городъ Кялькитъ-Чевтликъ. На эрзинджанскомъ направленіи наши войска перешли рѣку Западный Евфратъ въ районѣ моста Кетуръ-Керри. На мосульскомъ направленіи, восточнѣе

района Ревандуза, наши войска ведутъ бои съ большими силами турокъ. На багдадскомъ направленіи наблюдались столкновения развѣздовъ съ курдами.

Въ районѣ Муленъ-Су-Ту-Ванъ французы разсѣяли сильный развѣдочный отрядъ непріятеля. У Вердена германцы ожесточенно бомбардировали

Генераль-отъ-инфантеріи А. М. Заіончковскій, командующій русскими войсками въ Румыніи.

участки Флери и лѣса Фюмень. На правомъ берегу Мааса, въ Аргоннахъ и въ Вогезахъ французы отбили атаки непріятеля съ большими для него потерями и нѣсколько продвинулись впередъ въ районѣ Флери. Отрядъ французскихъ аэроплановъ трижды успѣшно бомбардировалъ станцію Мець-Саблонъ;

одинъ германскій аэропланъ сбитъ; французскіе аэропланы возвратились невредимыми.

На англійскомъ фронтѣ происходила артиллерійская перестрѣлка. Англійскіе летчики подбили 6 непріятельскихъ аэроплановъ.

Итальянцы закрѣпили за собою переваль Роде и взяли штурмомъ вершину Айзера. Въ Верхнемъ Пиаве итальянцы заняли другую вершину и этимъ завершили занятіе долины Чима.

12-го іюля на итальянскомъ фронтѣ на линіи Позина—Астико итальянскія войска произвели стремительную ночную атаку и заняли Монте-Чимоне. Подъ сильнымъ пулеметнымъ огнемъ итальянцы прорвали три линіи проволочныхъ загражденій между вершинами Монте-Кіеза и Монте-Кампиголетто.

12-го іюля въ теченіе всего дня по всему фронту сраженія англійской арміи продолжался ожесточенный рукопашный бой при помощи ручныхъ гранатъ. Германцы пытались съ сѣверо-востока повести пѣхотныя атаки на Позьеръ, но были отбиты артиллерійскимъ огнемъ.

На разныхъ пунктахъ бельгійскаго фронта 12-го іюля происходила артиллерійская перестрѣлка. Бомбардировка была особенно ожесточенной въ районѣ Бусинге.

13-го іюля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ:

Въ районѣ Кеммерна нѣмцы дважды послѣ артиллерійской подготовки повели наступленіе и потѣснили было наши передовыя части, но подъ нашимъ сосредоточеннымъ огнемъ были вынуждены отступать, оставивъ много убитыхъ и раненыхъ. Во время этихъ боевъ нѣмцы стрѣляли разрывными пулями и снарядами съ удушливыми газами. Въ районѣ къ сѣверо-востоку отъ Барановичей въ теченіе дня велась сильная артиллерійская стрѣльба съ обѣихъ сторонъ и столкновенія передовыхъ частей, причемъ нашимъ частямъ удалось въ нѣкоторыхъ пунктахъ нѣсколько продвинуться впередъ. На ст. Замирье шестью самолетами непріятели сброшены 32 бомбы. На ст. Погорѣльцы 11 аэропланами сброшены 71 бомба. Въ районѣ дер. Воньки къ юго-востоку отъ Барановичей въ ночь на 12-е, послѣ усиленнаго обстрѣла, рота противника переправилась черезъ рѣку Шару и подошла къ нашимъ проволочнымъ загражденіямъ, но была отбита ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ. Въ районѣ р. Слопівки (притокъ Стыри) наши войска, перейдя на лѣвый берегъ рѣки, продолжали тѣснить отступающаго противника. Противникъ понесъ большія потери. Нами взято въ плѣнъ 63 офицера, 4.000 нижнихъ чиновъ, 5 орудій, 6 пулеметовъ, 12 зарядныхъ ящиковъ и разное другое имущество. Плѣнные продолжаютъ прибывать.

На Кавказскомъ фронтѣ 12-го іюля наши доблестныя части войскъ, руководимыя генераломъ Юденичемъ, заняли съ боя городъ Эрзинджанъ, чѣмъ завершено очищеніе Арменіи отъ турокъ.

Отрядъ нашихъ судовъ на Черномъ морѣ встрѣтилъ крейсеръ «Бреслау», шедшій по направленію къ Новороссійску, и преслѣдовалъ его до наступленія ночи.

13-го іюля селеніе Позьеръ находилось уже въ рукахъ англичанъ. Къ западу отъ него англійскія территоріальныя части продолжали продви-

гаться вперед и захватили двѣ сильно укрѣпленныя трапези, взявъ при этомъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ пять офицеровъ.

Къ югу отъ р. Соммы французы овладѣли нѣмецкимъ укрѣпленіемъ, взявъ при этомъ плѣнныхъ.

Итальянцы отразили двѣ конторь-атаки на вершинахъ. Чимоне. На плоскогорьѣ Азіаго ими взято въ плѣнъ 30 австрійцевъ.

14-го іюля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что въ ночь на 13-го іюля около роты противника перешло въ наступленіе на участкѣ къ югу отъ оз. Волчино (къ сѣверу отъ оз. Мядзіоля). Наступавшіе были отброшены обратно въ свои окопы. Въ районѣ дер. Лабузы (къ юго-востоку отъ Барановичей) артиллерійская стрѣльба и столкновенія нашихъ передовыхъ частей. Партія противника человекъ въ 50—60 ночью на 13-го іюля пыталась наступать въ районѣ урочища Березное (въ 12 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ оз. Выгоновскаго), но была отбита огнемъ. Въ районѣ р. Слоновки на р. Болду ровкѣ идутъ бои за обладаніе переправами. Наши части мѣстами продвинулись впередъ. По дополнительнымъ свѣдѣніямъ, общее число плѣнныхъ, захваченныхъ въ бояхъ 12-го іюля, достигло 128 офицеровъ и 6.250 нижнихъ чиновъ, 5 орудій. Общее число взятыхъ пулеметовъ составляетъ 22.

Въ общемъ за бои 3—12-го іюля доблестныя войска генерала Сахарова взяли плѣнныхъ болѣе 34.000 офицеровъ и нижнихъ чиновъ германцевъ и австрійцевъ, 45 орудій и 71 пулеметъ.

На Кавказскомъ фронтѣ наши войска продолжали преслѣдовать отступающую турецкую армію. Въ Эрзинджанѣ нами захвачены склады боевыхъ припасовъ.

Выяснилось, что въ Санкерскомъ складѣ (Санкеръ 20 верстъ сѣвернѣе Эрзинджана) нами взято около 5.000 ручныхъ гранатъ, свыше 1.000 снарядовъ и 600 ящиковъ ружейныхъ патроновъ. Въ Хастаханѣ захваченъ госпиталь на 800 кроватей. Въ Эрзинджанѣ захвачены склады съ винтовками, револьверами, холоднымъ оружіемъ, артиллерійскими снарядами, керосиномъ и бензиномъ въ количествѣ болѣе 1.000 пудовъ. Городъ Эрзинджанъ совершенно цѣль.

На Балтійскомъ морѣ 12-го іюля въ устьѣ Финскаго залива и на южной границѣ Або-Аландскихъ шхеръ непріятельскій цеппелинъ въ 6¹/₂ час. вечера бросилъ до 15 бомбъ. Поврежденій на берегу и судахъ нѣтъ. Обстрѣлянный нашими батареями, цеппелинъ скрылся на югъ. Того же числа 8 непріятельскихъ гидроаэроплановъ атаковали нашу гидроавіаціонную станцію, сбросивъ до 1.000 бомбъ. Двумъ нашимъ гидроаэропланамъ, вступившимъ съ ними въ бой, удалось снизить одинъ непріятельскій аппаратъ, который загорѣлся.

14-го іюля въ теченіе всей ночи англійская артиллерія во Франціи проявляла значительную дѣятельность. Англичане продолжали тѣснить непріятеля въ рукопашномъ бою. Англійскія войска заняли большую часть селенія Позьеръ.

Англійскій отрядъ въ Восточной Африкѣ выбилъ изъ сильныхъ позицій на дорогѣ Нейлангенбургъ—Иринга германскій отрядъ, который поспѣшно отступилъ.

На солунскомъ фронтѣ сербы вытѣсняютъ болгаръ изъ позицій, занятыхъ ими въ предѣлахъ греческой территоріи.

Въ Шампани русскій развѣдочный отрядъ выбилъ непріятеля изъ траншей и захватилъ плѣнныхъ.

15-го іюля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ:

Въ районахъ къ сѣверо-востоку и юго-востоку отъ м. Барановичи происходила артиллерійская стрѣльба и столкновенія передовыхъ частей, въ результатѣ которыхъ наши части въ нѣкоторыхъ пунктахъ продвинулись нѣсколько впередъ. Въ районѣ р. Слоновки и Болдуровки наше продвиженіе успѣшно продолжается.

Отъ Луцка въ западномъ направленіи наши части, перейдя въ наступленіе, прорвали весь фронтъ противника и, разгромивъ врага, продвигаются впередъ. Наша конница преслѣдуетъ разбитаго противника. Въ этомъ районѣ нами захвачено 46 орудій (изъ нихъ 6 мортиръ), 6 пулеметовъ, до 50 офицеровъ (въ томъ числѣ 2 генерала и 2 командира полка) и болѣе 9.000 нижнихъ чиновъ. Въ долину р. Слоновки и Болдуровки противникъ сбить по всей линіи и преслѣдовался нашими войсками въ направленіи на Броды. Въ Бродахъ были слышны взрывы, видны пожары и наблюдался отходъ сплошныхъ колоннъ обозовъ. Въ 6 часовъ 30 минутъ утра 15-го Броды заняты нами. Число плѣнныхъ и другихъ трофеевъ еще не выяснено.

Наступленіе кавказской арміи продолжало успѣшно развиваться. Нашъ развѣздъ захватилъ въ плѣнъ на Сивасскомъ шоссе 31 турецкаго офицера.

15-го іюля на западно-европейскомъ фронтѣ французы отразили на рѣкѣ Соммѣ два сильныхъ германскихъ отряда. Ими отбиты у нѣмцевъ нѣкоторыя части въ районѣ фронта Тюмона. Англичане отбросили пятую Бранденбургскую дивизію и заняли Дельвильскій лѣсъ, при взятіи укрѣпленій въ Лонгвалѣ ими захвачены новые плѣнные.

Германскіе цеппелины совершили новый налетъ на восточный берегъ Англій и сбросили бомбы въ Юркширѣ и Ланкаширѣ.

Итальянцы, послѣ упорнаго боя, расширили свои позиціи въ Монте-Кольбриконѣ и захватили немало плѣнныхъ.

На балканскомъ фронтѣ сербскія войска прогнали болгаръ, проникнувшихъ на греческую территорію вблизи Водены.

На Евфратѣ турки обстрѣляли англійскія канонерки.

16-го іюля сообщеніе штаба Верховнаго Главнокомандующаго гласило:

Арміи генерала Брусилова, перейдя въ наступленіе, отбросили противника по всему фронту отъ желѣзной дороги Ковель—Рожище до района города Бродовъ, захвативъ этотъ послѣдній пунктъ. Войска генерала Лечицкаго лихимъ ударомъ сбили противника на станиславовскомъ направленіи къ югу отъ р. Днѣстра, захвативъ при этомъ плѣнныхъ и трофеи, число коихъ выясняется. Храбрая кавказская туземная дивизія атакой въ конномъ строю взяла Езерзаны (по дорогѣ на Тлумачъ). По дополнительнымъ свѣдѣніямъ, общее число взятыхъ за 15-го іюля плѣнныхъ достигаетъ 400 офицеровъ и 20.000 нижнихъ чиновъ. Число взятыхъ орудій 55. Кромѣ того, захвачены пулеметы и большая военная добыча, еще не подсчитанная.

На рѣкѣ Стоходѣ въ районѣ Гулевича наши части, наведя мосты, переправились на лѣвый берегъ, на которомъ и закрѣпляются. Непріятельскіе аэро-

планы появились въ районѣ Логишина и ст. Маневичи и бросали бомбы. Вдоль желѣзной дороги Ковель—Рожище наши войска продолжаютъ продвигаться. Противникъ отходить за рѣку Стоходь. На направленіи къ югу-западу отъ Луцка надъ нашимъ расположеніемъ летаетъ много непріятельскихъ аэроплановъ, бросая бомбы и обстрѣливая войска изъ пулеметовъ. Южнѣ Днѣстра, на станиславовскомъ направленіи, противникъ, преслѣдуемый нашими войсками отошелъ на заранѣе укрѣпленную позицію.

Данныя о трофеяхъ еще настолько неполны, что можно говорить только приблизительно. Пока выяснено, что войсками генерала Брусилова за 15-е и частью 16-е іюля взято плѣнныхъ 2 генерала, болѣе 651 офицеровъ и 32.000 нижнихъ чиновъ, изъ нихъ значительное число германцевъ, 91 или 114 орудій, изъ нихъ 29 тяжелыхъ. Въ томъ числѣ войсками генерала Лечицкаго взяты 21 германское тяжелое орудіе, 85 пулеметовъ. Въ это число частью вошли, частью нѣтъ взятые войсками генерала Сахарова въ трехдневныхъ бояхъ подъ Бродами 216 офицеровъ, 13.569 нижнихъ чиновъ, 9 орудій, 40 пулеметовъ, около 15.000 винтовокъ. Всего же войсками генерала Сахарова съ 3 по 15 іюля взято 940 офицеровъ, 30.152 нижнихъ чина, 49 орудій, изъ нихъ 17 тяжелыхъ, 100 пулеметовъ, 39 мино-и бомбометовъ и къ нимъ 80 ящиковъ бомбъ, 76 зарядныхъ ящиковъ, 58 пулеметныхъ двуколокъ, 6 артиллерійскихъ и инженерныхъ складовъ.

На Кавказскомъ фронтѣ наше наступленіе на сивасскомъ и харпутскомъ направленіяхъ продолжается; захвачены плѣнные. На моссульскомъ направленіи турки въ ночь на 14-го іюля произвели яростную атаку на правый флангъ нашего отряда, но были отражены нашей лихой контръ-атакой грузинскихъ стрѣлковъ и въ безпорядкѣ отступили, бросая оружіе и патроны.

16-го іюля на западно-европейскомъ фронтѣ ничего особеннаго не произошло за исключеніемъ того, что французы разсѣяли германскій развѣдочный отрядъ южнѣ Лигона и сбили три непріятельскихъ аэроплана у рѣки Соммы. Англичане отбили новыя попытки нѣмцевъ овладѣть Дельвильскимъ лѣсомъ, причѣмъ уничтожено три германскихъ полка.

17-го іюля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ:

На рѣкѣ Стоходь наши части продолжаютъ закрѣпляться на лѣвомъ берегу рѣки. На ковельскомъ и бродскомъ направленіяхъ, а также въ районѣ къ югу отъ р. Днѣстра наши войска продолжаютъ продвигаться, преслѣдуя противника.

На рѣкѣ Стоходь наши части ведутъ удачныя бои. За 16-е іюля здѣсь взято въ плѣнъ 21 офицеръ, 940 нижнихъ чиновъ и захвачено 4 пулемета.

На ковельскомъ направленіи къ югу отъ желѣзной дороги Рожище—Ковель наши части, прорвавъ фронтъ противника, продолжаютъ продвигаться. Захвачены въ плѣнъ 19 офицеровъ и 300 нижнихъ чиновъ германцевъ и взято 4 пулемета.

При наступленіи въ районѣ къ югу отъ дер. Пустомыты взято въ плѣнъ болѣе 100 германцевъ.

На Кавказскомъ фронтѣ въ районѣ къ западу отъ Гюмишь-Ханы турки дважды переходили въ наступленіе, но оба раза были нашими войсками отбиты.

На сивасскомъ и харпутскомъ направлѣніяхъ турки вновь выбиты изъ ряда укрѣпленныхъ позицій.

17-го іюля французскія войска къ сѣверо-востоку отъ Гардекуръ взяли всѣ непріятельскія траншеи на пространствѣ 300—800 метровъ вглубь, до селенія Морепа. На правомъ берегу Маасса французы отбили атаки германцевъ на позиціи къ западу отъ укрѣпленія Тюмонъ.

Англійскія войска, дѣйствуя совмѣстно съ французами, продвинулись отъ лѣса Дельвиль до рѣки Соммы, а также на востокъ отъ фермы Ватерлотъ, у лѣса Тронъ и фермы Мальдорнъ.

Итальянскимъ войскамъ удалось продвинуться въ районъ Тофана.

Экспедиціонный арабскій отрядъ, отправленный шерифомъ Мекки, завладѣлъ фортами гор. Ямбо.

18-го іюля, по свѣдѣніямъ отъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, на рѣкѣ Стоходѣ наши части съ боемъ продвигаются; захваченъ 31-й гонведный полкъ со штабомъ. Продолжаются упорные бои на ковельскомъ направлѣніи. На бродскомъ направлѣніи наши войска, преслѣдуя непріятеля, достигли рѣкѣ Граберки и Серета. Непріятель тяжелой артиллеріей обстрѣливаетъ Броды и переправы черезъ Болдуровку.

На Кавказскомъ фронтѣ на мосульскомъ направлѣніи, въ районѣ Дизы-Гяверской, нами отражено наступленіе турокъ.

На итальянскомъ фронтѣ въ долинѣ Лагарина въ ночь съ 17-го на 18-ое іюля непріятель атаковалъ итальянскія позиціи у Честіоне и Цунья, однако немедленно же былъ отбитъ. 17-го іюля непріятельская артиллерія проявляла оживленную дѣятельность на всемъ пространствѣ между Адидже и Монте-Пазубіо. Въ долинѣ Астико продолжался натискъ итальянцевъ противъ Монте-Чимоне.

Въ долинѣ Травиньола (Авизіо) непріятель, получивъ подкрѣпленія, трижды безуспѣшно атаковалъ новыя позиціи итальянцевъ въ долинѣ Дравы. Итальянская артиллерія снова обстрѣляла желѣзнодорожную станцію Силіанъ.

18-го іюля къ сѣверу отъ Соммы германцы продолжали контръ-атаки въ лѣсу Эмъ и въ направлѣніи фермы Монакю. Всѣ эти попытки потерпѣли неудачу, причѣмъ непріятель понесъ серьезныя потери. Французы удержались на завоеванныхъ позиціяхъ. На правомъ берегу рѣки Мааса продолжался ожесточенный артиллерійскій бой на участкахъ полевого укрѣпленія Тюмонъ и Флери.

Англичане на своемъ фронтѣ во Франціи укрѣпились на занятыхъ наканунѣ позиціяхъ. У Базантенъ-ле-Пти англичане въ нѣсколькихъ пунктахъ продвинули впередъ свои посты. Британскія войска въ Африкѣ заняли Додому, чѣмъ утвердились на центральной коммуникаціонной линіи германцевъ.

19-го іюля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ: Въ излучинѣ р. Стохода, въ районѣ деревень Селець, Велицкъ и Кухары, наши войска отбросили противника и съ боемъ продвинулись къ западу отъ этой линіи. На ковельскомъ и луцкомъ направлѣніяхъ всѣ контръ-атаки противника нами отбиты.

При частуплѣніи въ районѣ Чехувъ—Дубенка (5 вер. къ юго-востоку отъ

Монастержиска) наши молодецкіе полки переправились через болотистую рѣку Коропецъ по грудь въ водѣ, такъ какъ всѣ мосты были уничтожены противникомъ, и, перейдя на западный берегъ, укрѣпились на немъ. Здѣсь взято въ плѣнъ болѣе 1.000 нижнихъ чиновъ австро-германцевъ.

Въ районѣ дд. Стобыхва и Смоляры германская пѣхота стремительно атаковала наши части на западномъ берегу р. Стохода, но была отброшена молодецкими полками съ большими потерями; бой продолжается.

На Кавказскомъ фронтѣ на мосульскомъ направленіи преслѣдованіе турокъ продолжается. На сивасскомъ направленіи, къ западу отъ Эрзинджана, наши войска вновь продвинулись впередъ.

У Тиомона французы отбили двѣ ожесточенныя атаки германцевъ; неприятелю удалось проникнуть въ французскія траншеи, но онъ тотчасъ же былъ отброшенъ контръ-атакой. Къ югу отъ Тиомона французы подвинулись впередъ. Къ сѣверу отъ Соммы французы захватили сильно укрѣпленныя позиціи; къ югу отъ Соммы французы заняли неприятельскую траншею. Въ Шампани русская развѣдочная команда развѣяла германскій отрядъ. Германцамъ удалось овладѣть небольшими участками въ лѣсу на линіи Во—Шанитръ у Шенуа.

Сербскіе аванпосты на балканскомъ фронтѣ отразили болгаръ и завладѣли деревней Сборко. Сербскій королевичъ Александръ прибылъ въ Солунь.

20-го іюля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что на фронтѣ мѣстами велся ружейный и артиллерійскій огонь. Попытки небольшихъ частей противника наступать на наше расположеніе отбиты огнемъ. Неприятельскій аэропланъ бомбардировалъ шедшій близъ Усичи (на Владимиро-Волынскомъ Луцкомъ большакѣ) транспортъ съ ранеными, въ которомъ убили и вновь ранили свыше 20 человекъ, и дивизионный лазаретъ въ Усичи, гдѣ убили одного и ранили 8 санитаровъ.

На Кавказскомъ фронтѣ наше наступленіе продолжало успѣшно развиваться.

20-го іюля къ сѣверу отъ Соммы французы захватили сильно укрѣпленную позицію между лѣсомъ Гэмъ и фермой Монакю. Къ сѣверу и къ югу отъ Соммы французы отбили рядъ неприятельскихъ контръ-атакъ. У Тиомона и Флери французскія войска взяли нѣсколько германскихъ траншей и укрѣпленныхъ опорныхъ пунктовъ. Къ югу отъ Флери французы значительно продвинулись впередъ.

Англичане на своемъ фронтѣ во Франціи продолжали продвигаться въ неприятельскихъ траншеяхъ къ востоку отъ Позьеръ. Британская артиллерія при содѣйствіи авиаторовъ разрушила 7 пунктовъ для установки орудій, 6 складовъ военныхъ припасовъ и артиллерійскія позиціи въ рядѣ пунктовъ неприятельскаго фронта.

На Монте-Чимоне итальянцы отбили произведенную густыми массами атаку неприятеля. Итальянскіе легчики успѣшно бомбардировали неприятельскій заводъ для изготовленія торпедъ Уайтхеда.

У германскаго побережья озера Танганайки бельгійская канонерка зато-

пила германскую канонерку, высаживавшую войска, и разсѣяла высаженныхъ непріятельскія части.

Германскіе цеппелины совершили новый налетъ на восточное побережье Англій.

Въ Берлинѣ и Вѣнѣ опубликовано официальное сообщеніе о томъ, что въ виду создавшагося въ связи съ общимъ русскимъ наступленіемъ новаго положенія на фронтѣ нѣсколько связанныхъ между собою группъ германскихъ и австрійскихъ армій поставлены подъ верховное начальство германскаго генерала Гинденбурга.

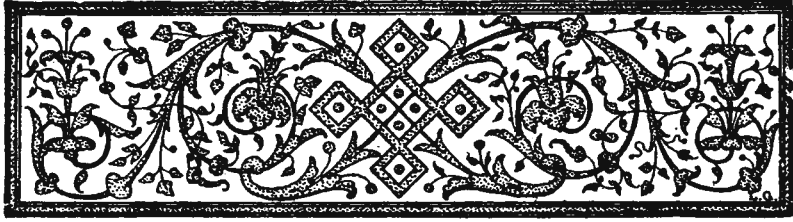
21-го іюля сообщеніе штаба Верховнаго Главнокомандующаго гласило:

Въ ночь на 20-го іюля противникъ произвелъ газовую атаку въ районѣ Сморгони по обѣимъ сторонамъ желѣзной дороги. Атака началась около часу ночи, газъ выпускался шесть разъ съ промежутками около часа между волнами, и выпускъ газа закончился около шести часовъ утра. Газы были своевременно обнаружены, и пытавшіеся наступать вслѣдъ за газовой атакой нѣмцы были встрѣчены ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ и, понеся большія потери, не выйдя даже за свои проволочныя загражденія, быстро отступили въ свои окопы.

На рѣкѣ Стоходѣ идутъ упорныя бои въ районахъ дд. Любешово и Гудевичи. Въ бояхъ на рѣкѣ Серетѣ, у Городища (20 верстъ выше Тарнополя) раненъ доблестный командиръ полка полковникъ Вороновъ. Въ районѣ Воробьевки, восточнѣ Езерны, надъ нашимъ расположеніемъ летало 9 непріятельскихъ аэроплановъ.

На Кавказскомъ фронтѣ въ харпутскомъ направленіи, въ районѣ селенія Нурика, наши части продвинулись впередъ, сбивъ противника съ укрѣпленной позиціи на правомъ берегу рѣки Евфрата (Мурадъ-Чая). На діарбекирскомъ направленіи, около Огнута (между Мушемъ и Мамахатуномъ) нами взяты стремительнымъ штыковымъ ударомъ турецкія укрѣпленія. Взято въ плѣнъ 7 офицеровъ, около 300 аскеровъ (причемъ одна рота въ полномъ составѣ) и захвачены орудіе и 3 пулемета. Наша части продолжаютъ наступленіе. Плѣнные продолжаютъ прибывать.

У ЧУЖИХЪ АЛТАРЕЙ ¹⁾.

(Романъ).

XIV.

АСЛОННЫЙ никуда не уѣхалъ. Магистерская диссертация его была утверждена,—онъ получилъ извѣстiе изъ Петербурга, а та, другая—на степень доктора классической филологiи—не шла совсѣмъ въ голову. Онъ рѣшилъ отдохнуть этотъ мѣсяцъ въ Лѣсновѣ до начала классовъ.

Въ записной книжкѣ прибавилась еще новая запись: «Къ 30-му сентября она должна быть моею»—и тутъ же подробный расчетъ: «Квартира въ три комнаты, съ передней и кухней, на полугодiе—150 рублей. Столъ—300—400. Прислуга—30—60».

У Антиповыхъ онъ бывалъ теперь почти ежедневно, тайно совѣщался подолгу съ Антониной Михайловной, и Антонина Михайловна вздыхала потомъ украдкой, поглядывая съ тревогой на Лидiю. Плитинъ больше не появлялся. Алексѣй Антипычъ сдавалъ должность въ Нѣмновѣ. Сергѣй собирался къ отъѣзду, и въ послѣднiе дни всѣмъ хотѣлось повеселить его. Часто устраивались прогулки по живописнымъ лѣсновскимъ окрестностямъ, а передъ ужиномъ шли въ городской садъ слушать музыку и смотрѣть на людей. Заслонный сначала

¹⁾ Продолженiе. «Истор. Вѣст.», т. CXLV, стр. 561.

«Истор. вѣстн.», октябрь 1916 г., т. cxlvi.

отказывался, отговариваясь боязнью «навести скуку»,—но Лидія не отступала.

— Безъ васъ все обращается въ безмыслицу или пошлость. Я безъ васъ не хочу. Вы вѣдь признаете наслажденіе жизнью. Вы говорите: «Жизнь—это пирь!» Ну, такъ вотъ, приглашаемъ васъ, мудреца, на пирь нашей жизни.

Онъ съ восхищеніемъ смотрѣлъ на нее, называлъ ее своимъ «божествомъ» и исполнялъ все, чего она требовала. И они бродили цѣлыми днями по горамъ или сидѣли до поздней ночи въ саду, и подъ звуки пошлыхъ вальсовъ и полекъ, изображавшихъ пошлую жизнь пошлыхъ людей, онъ говорилъ ей о другой—безсмертной и божественной,—о культахъ Вакха-Аполлона. И соблазнительнѣе всѣхъ любовныхъ чаръ былъ звукъ его голоса, передававшій всѣ эти мысли и образы. Лучшей аудиторіи не могъ бы пожелать для себя будущій профессоръ. Онъ и самъ увлекался своей фантазійей, и увлекалъ ее, какъ истинный соблазнитель, огнемъ своего увлеченія.

— Двѣ силы управляютъ судьбою людей,—говорилъ онъ ей въ одинъ темный вечеръ, подъ навѣсомъ каштановъ, подъ говоръ ручья:—богъ Вакхъ и богъ Аполлонъ. Это вѣчные символы мірозданія. Вакхъ—вся земная природа, міръ животворной, производительной силы. Вакхъ—творецъ человѣческой плоти. Онъ вынашиваетъ въ себѣ эту плоть, какъ мать-земля все живущее въ ней. Виноградъ—его сѣмя. Вино—его сокъ. Въ наслажденіи Вакхъ зачинаетъ въ себѣ человѣка и рождаетъ на свѣтъ его въ мукахъ рожденія. Каждый атомъ людской исходитъ отъ Вакха. Земля—его царство. И все земное блаженство даритъ онъ любимцу своему—человѣку. За счастье человѣка борется Вакхъ съ пантерами,—съ Аполлономъ борется онъ. Аполлонъ ему врагъ. Аполлонъ—это небо, молитвы, святая мечта, безсонная ночь вдохновенья, лира и музы, соловьиная трель и говоръ ручья, хохотъ русалки и монашескій обѣтъ цѣломудрія,—это все Аполлонъ. Аполлонъ—это міръ недостижимаго идеала, вѣчно мерцающій міръ недоступныхъ свѣтилъ и пророческихъ откровеній. Онъ влечетъ къ себѣ человѣка таинственной прелестью видѣній и грезъ. Тоскливо и жадно рвется къ нему человѣкъ, простираетъ безпомощно руки—рвется прочь отъ земли въ тщетномъ усиліи подняться въ бездонную высь—и виснетъ на воздухѣ, какъ праздный или безумный мечтатель, пока силы не измѣняютъ ему и не рухнетъ земное обратно на ту же родимую землю—въ общую могилу—и затлѣетъ тамъ, и сгнетъ... *Memento quia pulvis es*¹⁾!

Безнадежной горечью и глубокой тоской звучалъ въ ушахъ Лидіи его голосъ. И она понимала, что не сказки древности раз-

¹⁾ Помни, что прахъ еси!

сказываетъ онъ ей, но правдивую исторію своихъ глубокихъ морщинъ,—свои трагедіи духа, пережитыя въ уединеніи безсонныхъ ночей за рабочимъ столомъ...

Не то ли переживала она въ своемъ одиночествѣ за всѣ эти годы исканія «правды» и выхода къ правдѣ? И она вѣдь томилась не разъ въ бореніяхъ плоти и духа. И ее манили и чистыя, но далекія звѣзды, и сладострастныя, роскошныя грезы... И жажда жизни, и влеченіе къ неземному, но вѣчному... И вотъ снова она на распутьи... И ждетъ, и жадно прислушивается къ каждому его слову. И съ каждымъ словомъ онъ становится ей и понятнѣй, и ближе. Не книгой былъ онъ теперь для нея, а много продумавшимъ и много страдавшимъ и до сихъ поръ страдающимъ братомъ.

И, точно читая ея мысли, онъ продолжалъ въ подтвержденіе ей:

— Аполлонисты—вѣчные мученики. Это люди идей, пророки, распятые... Это аскеты и поэты, осмѣянные невѣждами и наглцами, или чудаки-фантазеры, дивящіе собой сытую праздность. Названія мѣняются—борьба стара, какъ міръ. Оргіи смѣняются церковными процессіями, жрецы въ вѣнкахъ изъ розъ и виноградныхъ листьевъ—попами въ рясахъ, скуфьяхъ и сутанахъ. И то же вино, та же кровь евхаристіи льется на землю, какъ жертва, вырастая изъ той же земли...

Оркестръ заигралъ что-то бравурное, похожее на марсельезу. Панъ Ольгердъ съ Сергѣемъ и Ниной устремились къ ярко освѣщенной эстрадѣ. Они остались вдвоемъ подъ густымъ навѣсомъ каштановъ съ чуть замѣтнымъ мерцаніемъ звѣздъ въ просвѣтахъ между вѣтвями, подлѣ ручья, говорившаго что-то простое и милое безъ конца и начала.

— Ручей бѣжитъ, и время бѣжитъ, невозвратное время,—меланхолически проговорилъ онъ.—И такъ бѣжитъ наша жизнь... съ невозвратнымъ «вчера» и улетающимъ «сегодня», которое сейчасъ станетъ тоже «вчера»... И только тотъ вмѣщаетъ въ себѣ «вчера» и «сегодня» и «завтра»—конецъ и начало,—кто можетъ сказать о себѣ...

Онъ выждалъ паузу и, вытянувъ руку, какъ чернокнижникъ въ моментъ заклинанія, медленно произнесъ свое «вѣщее слово»:

Ja, ich weiss, woher ich stamme:
 Ungesättig, gleich der Flamme,
 Glühe und verzehr'ich mich:
 Licht wird Alles, was ich fasse,
 Kohle—Alles, was ich lasse!
 Flamme bin ich sicherlich! ¹⁾

¹⁾ Знаю, гдѣ мое начало: ненасытный, точно пламя, я пылаю и себя самъ пожираю. Свѣтъ будетъ все, что обнимаю, пепель—все, что покидаю. Ибо суть моя истинно пламя.—Ессе Нотто Фр. Ницше.

Прозвительной силой прозвучалъ его голосъ въ ритмѣ этихъ страстныхъ созвучій. Лидія хотѣлось видѣть выраженіе его лица, но подъ каштанами было темно, и только грудь его замѣтно вздымалась и опускалась, какъ волна въ часъ прибою. И жаркій трепеть ощутительно пробѣгалъ по рукѣ, лежавшей у нея за спиной, на чугунной скамейкѣ.

— Чье это, ради Бога, скажите?!—взволнованно прошептала Лидія.

— Вы не знаете, кто о себѣ такъ говорилъ?!

— Тотъ, кто сказалъ: «Я свѣтъ міру»?...

Онъ насмѣшливо покачалъ головой.

— Такъ говорилъ одинъ мой хорошій знакомый въ Вѣнѣ. Къ сожалѣнію, и онъ не оправдалъ этой своей ипостаси: погибъ въ борьбѣ Аполлона съ пантерами Вакха.

— Я не люблю ничего нѣмецкаго, кромѣ Гёте и музыки. Но это что-то для меня совсѣмъ новое... И это жжетъ, какъ огонь...

— Да, да, это новое, совсѣмъ новое. И это жжетъ, какъ огонь, и зажигаетъ, какъ пламя.—Онъ наклонился къ ея лицу, заглянулъ близко въ глаза сверкающими молодыми глазами и съ волненіемъ горячо прошепталъ ей на ухо:

— «Ибо суть моя истинно пламя!»

Что-то невидимой искрой вспыхнуло между женщиной и мужчиной, зажглось и мгновенно потухло, оставивъ въ женщинѣ ощущение душевной связанности, сознаніе несвободы. Ей стало вдругъ тѣсно и какъ-то не по себѣ оттого, что онъ слишкомъ близко сидѣлъ возлѣ нея, такъ что волосы ея лежали у него на рукѣ. И, не зная, чѣмъ объяснить это состояніе удушливой тягости и внезапнаго отчужденія, она объясняла это впечатлѣніемъ новой поэзіи. «Не русскимъ духомъ создано это», думала Лидія. И опять вспомнилось то же мѣсто въ Евангеліи: «Я знаю, откуда пришелъ, и куда иду... и кто послѣдуетъ за Мною, тотъ не будетъ ходить во тьмѣ». Но Тотъ, Кто говоритъ эти слова, шелъ гдѣ-то тамъ, вдали, съ толпой учениковъ въ бѣлотканыхъ одеждахъ, и путь ихъ былъ узкій, тернистый и тѣсный, и не всѣмъ было можно идти. И слѣдовали за нимъ только замученные, трудившіеся, обремененные. А здѣсь все новое. И это новое трепетало въ груди, какъ молодость, какъ счастье—и какъ «ненасытное пламя». Именно такъ—какъ ненасытное пламя... «Glühe und verzehr' ich mich»... ¹⁾

Она порывисто встала, безпокойная, въ смутной и страстной тревогѣ.

— Пойдемте искать ихъ! Куда это они запропали?

У эстрады уже никого не было, но въ отдаленной аллеѣ раз-

¹⁾ Я пылаю, и себя я пожираю.

давались знакомые голоса, распѣвавшіе подъ сурдинку только что сыгранную оркестромъ балладу Шумана.

— «Обратно во Францію два гренадера—изъ русскаго плѣна брели»—замогильнымъ, унылымъ басомъ выводилъ сначала Сергѣй, а потомъ оба, съ паномъ Ольгердомъ, дружно подхватывали въ темпъ марсельезы: «Знаме-на по-бѣд-по шумать!» А Нина звучно выдѣлывала протяжный аккомпанементъ: «Та-ра-ра-ра-рамъ!»—И всѣ трое шли подъ руку.

Лидія, бросивъ Заслоннаго, помчалась за ними въ темную аллею, подкралась сзади на цыпочкахъ и скомандовала надъ самымъ ухомъ Сергѣя и пана Ольгерда:

— Тсс! Пѣть здѣсь не дозволяется. Извольте итти по домамъ!

— Ну, вотъ еще!—заворчала Нина.—Что мы дома-то будемъ дѣлать?

— Ты, вѣрно, забыла, милая,—завтра Сергѣй уѣзжаетъ. Поѣздъ въ восемь утра. Братишко коханный, надѣюсь, вы тоже будете на вокзалѣ?

— Ну, еще бы! Братишко, да чтобъ брата не проводилъ!—въ одинъ голосъ отвѣтили оба. Они очень подружились за лѣто, хоть панъ Ольгердъ былъ значительно старше Сергѣя во всѣхъ отношеніяхъ: и бѣгалъ «до лясу», и сочинялъ поэмы во вкусѣ Юльюша Словацкаго, и зналъ уже чувство отца, схоронившаго сына отъ первой «коханки».

— Коханный, слѣдой напханный!—насмѣшливо вставилъ Заслонный, выходя вмѣстѣ съ ними изъ сада.—Почему вы такъ его называете, Лидія Алексѣевна? Вамъ правится именно это слово: «Kochanу»? Есть вѣдь и другія слова для выраженія нѣжности—почему же вы выбрали именно это?

«Коханнымъ братишкой»—по примѣру какого-то героя въ романѣ Крашевскаго—юноши все лѣто величали другъ друга. Но этотъ умный, всевидящій духъ учуялъ запахъ той же электрической искры въ ласкательномъ обращеніи дѣвушки, и это непріятно раздражало его. А ей хотѣлось смѣяться, дурачиться и дразнить еще болѣе, оттого что женское электричество, освободившись отъ узъ, радовалось свободѣ.

— Потому,—сквозь смѣхъ отвѣчала она:—что звуки этого слова гармонически колеблуть волны ээира о барабанную полость моего уха. Kocham!—это звучитъ точно страстный призывъ. Moj kochanу!—это похоже на стихъ. Можно спѣть...

— Не вѣрю. Или я ошибаюсь въ васъ. Слово kochanу—слово нѣжное по смыслу, сердечное по значенію, но отнюдь не по звуку.—Только высокіе тоны, только мягкіе, ласкающіе звуки, какъ ль, нь, ч,—миленькій, большенькій, душечка—выражаютъ нѣжныя ощущенія души русскаго человѣка. Такъ говорятъ обыкновенно съ дѣтьми, и такъ любятъ говорить женщины, созданья нѣж-

ныя по существу. А *koschanu* по звуку и по слогамъ—о, а, у— есть слово умственное, среднее между высокимъ и низкимъ, квинта послѣ баса, вперемежку съ мягко звучащими *k, ch, n*. Отсюда вытекають и свойства природы, которой нравятся такіе звуки: страсть, смѣняющая равнодушіе; любовь, смѣняющая ненависть. Значить, это ваша натура?—спросилъ онъ, искусно прикрывая мучительную ревность подъ этой лекціей звуковой психологіи.

— Вѣроятно!—задорно отвѣтила Лидія.—По крайней мѣрѣ, я терпѣть не могу никакихъ уменьшительныхъ, всѣхъ этихъ «ручекъ», «головокъ» и «губокъ». Я всегда говорю: руки, голова и уста!—И она запѣла вполголоса, качаясь, какъ на качеляхъ, на двухъ растянутыхъ нотахъ: «*Moj koscha-ny! Moj koscha-ny!*» Панъ Ольгердъ, слышите? Положите мнѣ это на музыку и приходите завтра со скрипкой.

— Спойте еще, только медленнѣе. Вотъ такъ, хорошо... Совсѣмъ что-то новое. И знаете?—очень польское...

Заслонный долго стоялъ у закрытой калитки. А за калиткой слышался голосъ Лидіи и тотъ же самый напѣвъ: «*Moj koscha-ny! Moj koscha-ny!*» И его бросало въ дрожь и отъ этого голоса, и отъ этого проклятаго слова, звучавшаго какъ «любовный призывъ». Но кому же?—Этому канцеляристу въ панталонахъ *café à la crème*?—Невозможно!—Она сама смѣялась тогда надъ нимъ...

XV.

На вокзалѣ утромъ Заслонный поражалъ всѣхъ своимъ болѣзненнымъ видомъ, лихорадочно горѣвшими глазами и судорожными движеніями. Лидіи онъ сказалъ, что не спалъ всю ночь, и очень хотѣлъ бы, чтобъ она была недовольна имъ. И сказалъ это съ такимъ выраженіемъ и въ голосѣ, и въ лицѣ, какъ будто дѣло шло о томъ, что ему выбрать—броситься ли сейчасъ подъ поѣздъ, или увезти съ собой Лидію—куда ни попало, хоть въ Петербургъ... «*Aut Caesar, aut nihil!*»—мысленно твердилъ онъ. И Лидія невольно старалась держаться подальше, когда онъ шель за ней слѣдомъ своей тяжелой, неровной походкой, то и дѣло при двигаясь вплотную сутулой фигурой большого и грузнаго «ибиса». Насмѣшливое словечко Плитина все чаще вспоминалось ей и почему-то ужъ не казалось, какъ прежде, «кощунственнымъ».

До начала классовъ оставалось всего нѣсколько дней. Заслонный съ нескрываемой печалью говорилъ о своемъ отъѣздѣ и подговаривалъ всѣхъ—какъ только тронется поѣздъ—ѣхать прямо съ вокзала въ «Засады», живописное историческое имѣніе польскихъ магнатовъ, отобранное въ казну за участіе въ первомъ повстаніи.

— Верстъ восемь на лодкѣ придется грести, но сегодня воскресенье, и вашъ «коханный братишко» не откажется намъ сопутствовать... Мы будемъ чередоваться: въ одинъ конецъ онъ, въ другой—я.

— А какъ же мать? Весь день одна? Она будетъ скучать и беспокоиться.

— Заѣдемъ къ вамъ по дорогѣ, и я самъ ее попрошу.

Такъ и сдѣлали. Отправились вчетверомъ. Панъ Ольгердъ взялся быть гребцомъ и путеводителемъ и раздобыть, гдѣ слѣдуетъ, молока и яицъ,—и даже, можетъ быть, самоваръ, если окажется дома знакомый ему «господажъ»—арендаторъ фольварка.

День выдался лучше не надо, какіе бываютъ только въ августѣ, когда все вырѣло и насытилось и дышитъ тишиной и покоемъ. Пахло сжатой рожью и душистымъ медовымъ клеверомъ въ свѣжихъ стогахъ. Въ лодкѣ Заслонный сидѣлъ у руля, панъ Ольгердъ—гребцомъ. Рѣка чуть замѣтно струилась подъ веслами въ каменистомъ руслѣ, чистая и прозрачная, какъ отраженные въ ней небеса. Такая же ясная и прозрачная тишина ровной гладью лежала у всѣхъ на душѣ. Не хотѣлось ни говорить, ни думать, а только дышать и любовно смотрѣть на всѣхъ и на все. Нина пробовала запѣть какую-то пѣсенку, но такъ и не кончила.

Къ полудню они попали на самое мелкое мѣсто. Солнце жгло прямо въ голову, и грести становилось трудно. Панъ Ольгердъ попросилъ позволенія снять визитку и все время отпихивался весломъ то справа, то слѣва, пытаясь выбраться съ песчаной отмели. Заслонный предложилъ было замѣнить его, но всѣ запротестовали. Мѣняться мѣстами въ уютной лодчонкѣ съ сидѣньемъ по бортамъ и съ паненками въ бѣлыхъ нарядахъ представлялось рискованнымъ. Да и панъ Ольгердъ зналъ лучше рѣку и, чувствуя, что всѣ любятъся имъ, не замѣчалъ ни жара, ни утомленія. Сильный и стройный, съ разгорѣвшимся отъ движенія на солнцѣ лицомъ, съ пепельными завитками на вискахъ и на лбу, безъ шляпы, съ пламеннымъ взглядомъ поэта-мятежника, онъ точно забавлялся, вдохновенно играя весломъ, и невольно напоминалъ какого-то героя мифической древности. Заслонный раза два ловилъ взглядъ Лидіи на этого «героя», и мучительное предчувствіе уже терзало его.

— Знаете ли вы миѣ о Галатеѣ, Лидія Алексѣевна?—чуть внятно спросилъ онъ, когда Нина опять замурылкала, а панъ Ольгердъ, склонившись надъ самой рѣкой, черпалъ воду горстями, глоталъ и мочилъ себѣ голову.

— «И передъ нею, предъ вдохновенною свыше идеею, передъ своей Галатеею, Пигмаліонъ палъ во прахъ!»—вмѣсто отвѣта звучно продекламировала Лидія.

— Нѣтъ, есть еще и другой. Безобразный циклопъ Полифемъ влюбился въ нериду Галатею. Но и красивый пастушокъ сосѣднихъ луговъ Асіи тоже любилъ ее. Она выбрала Асія. Поли-

фемъ, возмущенный, въ гнѣвѣ бросилъ скалу въ хорошенькаго пастушка, и скала раздавила его. Тогда Галатея... Какъ вы думаете, что сдѣлала Галатея?

— Вотъ ужь, право, не знаю. Вѣроятно, ей было очень жалко его.

— Галатея бросилась въ море, Лидія Алексѣевна!—трагически произнесъ онъ, и въ глазахъ его отразилось страданіе.

— Скажите, пожалуйста! Въ море?! Но вѣдь она была nereida,—значить, она вернулась домой. Ну, а самъ Полифемъ?

— О Полифемѣ мифологія почему-то умалчиваетъ,—глухо проговорилъ онъ:—но, я думаю, ему оставалось одно: тоже броситься въ море.

Она оглянулась на него, изумленная.

— Какая грустная исторія! Съ чего это вамъ пришло въ голову?

— Развѣ вы не находите сходства этого мифа съ тѣмъ, что происходитъ теперь у насъ на глазахъ? Всѣ дѣйствующія лица здѣсь налицо,—съ вымученной улыбкой сказалъ онъ, впиваясь въ нее глазами: «Aut Caesar, aut nihil!»

Она безмятежно играла рукой въ водѣ и такъ же безмятежно отвѣтила:

— Еще не родился тотъ пастушокъ, изъ-за котораго я бы бросилась въ море!

Заслонный громко перевелъ духъ.

Точно скала съ плечъ циклопа слетѣло все мрачное и тяжелое, и тишина опять понесла ихъ на своихъ невидимыхъ крыльяхъ.

Панъ Ольгердъ съ Ниной шли впереди, указывая путь. Но Свенчъ былъ развѣянъ, часто сбивался съ дороги, оглядываясь назадъ, забывалъ объяснять значеніе разныхъ вещей въ оружейной, имена портретовъ въ картинной галереѣ, и вообще былъ замѣтно не въ духѣ.

— Усталъ!—говорилъ онъ Нинѣ.—Надо будетъ гребца здѣсь нанять на обратный путь; не то панъ Заслонный какъ разъ посадитъ насъ всѣхъ на мель или, пожалуй, еще утопитъ. Не знаю самъ почему, не довѣряю я этому пану Заслонному. Чудится мнѣ: выдаетъ онъ себя за что-то другое... И просто ненавидитъ меня. Чувствую—ненавидитъ.

— Да ну!—сочувственно протянула Нина.—Вотъ нахаль!

— Можетъ быть, оттого, что я самъ... Не скрываю: я ему врагъ! И мнѣ хочется сорвать съ него маску, только не знаю, какъ это сдѣлать.

— Каналья заморская и нахаль!—съ хохотомъ повторила Нина.—А вотъ нашей умной Лидіи нравится!

Свенчъ замолчалъ и прибавилъ шагу. Они шли вдвоемъ въ деревню разыскивать «господажа» съ ѣдой и какого-нибудь гребца.

— Чѣмъ же вы рѣшили вопросъ вашей жизни?—спросилъ Заслонный у Лидіи, когда они, осмотрѣвъ все, что было смотрѣть, присѣли отдохнуть въ старинномъ паркѣ на берегу.

— Да или Петербургъ, или школа. Дома мнѣ оставаться, все равно, невозможно. Съ ума сойдешь отъ однихъ упрековъ да жалобъ. Нинѣ все кажется, что я мѣшаю ей жить, а мать замучаетъ своей мукой. Мать вѣдь всего боится и отъ всего страдаетъ. Она собой для родителей и дѣтей своихъ жертвовала,—ну, значить, и мы должны тоже жертвовать... Такъ и идетъ эта исторія отъ Адама. До какихъ временъ—ужъ не знаю. Неужели вѣчно?! Поневолѣ скажешь по-грибоѣдовски: «нелѣпный міръ и нелѣпная его исторія!»—Прощеніе уже послано,—снова заговорила она.—Инспекторъ народныхъ училищъ въ Весьегонскѣ—мой бывший учитель. Когда-то сватался за меня—когда мнѣ не было еще шестнадцати лѣтъ, а у него, у вдовца, было трое дѣтей. Странно смотрятъ на насъ мужчины! Точно мы въ самомъ дѣлѣ какіе-то «boutons de rose», которымъ вѣку—одно только утро... «Et rose, elle a vécu ce que vivent les roses: l'espace d'un matin!»¹⁾—съ желчной складкой на губахъ прочитала Лидія.—А замужество и материнство, по-моему, то же, что воинская повинность мужчинѣ. И тамъ, и тутъ прежде всего требуется окрѣпшая здоровая воля. Чтобъ отразить врага въ минуту опасности, нужна крѣпкая грудь, широкія плечи и закаленное твердое мужество.

— Обязанность мужчины защищать женщину отъ враговъ и опасностей.

— А если врагъ въ насъ самихъ? Если хочется жить еще для себя, найти свою цѣль и призваніе, свой собственный путь?.. Иногда вотъ не понимаю сама, что я такое, чего мнѣ надо... И все чего-то жду, о чемъ-то тоскую. Не понимаю сама!—въ страстной тревогѣ говорила Лидія.

— Зато я понимаю! И, понимая, люблю!—пылко отозвался Заслонный.

— Вы понимаете, я вѣдь еще расту! Мать оттого погибла: слишкомъ рано замужъ выдали. Выдали!.. Я росла съ гнетущей мыслью объ этой долѣ... о женской долѣ... И я не подчинюсь никому. Меня замужъ «выдать» нельзя. Нѣтъ, не выдадутъ. Все, что угодно, только не это!

И, не замѣчая сама, она говорила совершенно свободно, какъ никогда и ни съ кѣмъ,—какъ будто съ другомъ истиннымъ и мудрымъ,—какъ съ вторымъ своимъ я.

Онъ такъ хотѣлъ! И онъ добился. Всего добился, чего хотѣлъ.

— Я хочу собой пожертвовать,—говорила она:—но не «родителямъ» и не «дѣтямъ»... одной только высшей жизни. Но они не

¹⁾ «И роза, она жила, какъ всѣ розы,—одно только утро».

понимають меня. Они требуютъ отъ меня другого—и увѣряють, что хотять моего «счастья». Они не знаютъ, въ чемъ мое счастье... А я знаю! Они думаютъ, что у меня нѣтъ религiи, и считаютъ это моей погибелью. Но у меня есть религiя. Я вѣрую... Я вижу, какъ все должно быть и какъ все это будетъ... Непремѣнно будетъ. Должно быть. Все новое... Все справедливое... истинное... Вѣдь каждый мигъ нашей жизни приближаетъ или удаляетъ насъ... отъ истиннаго. Мы измѣняемся—и все мѣняется вокругъ насъ... И адъ, и рай—все зависитъ отъ насъ. И стоитъ только захотѣть... Но какъ вотъ это сдѣлать,—чтобы всѣ поняли, повѣрили и захотѣли?.. Вотъ это трудная задача... А кажется такъ просто: стоитъ только повѣрить и дать общую клятву. И все измѣнится. Сразу измѣнится все—люди, воздухъ, всѣ мысли и чувства, вся жизнь...—какъ въ забытьѣ говорила она и вдругъ остановилась.—Вы не смѣтаете надо мной?

— Нѣтъ!—серьезно отвѣтилъ онъ.—Я понимаю васъ. Говорите все... Я понимаю: вы построили свой собственный мiръ. Я тоже.

Какъ это случилось, она не могла никакъ вспомнить потомъ, но онъ доказалъ ей, что только въ союзѣ съ нимъ она можетъ сдѣлаться—чѣмъ желаетъ. Только онъ можетъ дать ей свободу и силу для полнаго развитiя своей личности. Только онъ способенъ все въ ней понять и на все отозваться. И любить, и поклоняться, и жертвовать всѣмъ—даже самой этой любовью и поклоненiемъ.

И взаимнѣ для себя онъ желалъ только вѣры полной, только полнаго, безъ границъ и предѣловъ довѣрiя. И такъ увлекателенъ былъ звукъ его пламенной рѣчи, такъ чутко онъ прикасался къ ея за-вѣтнѣйшимъ струнамъ, что наконецъ она сдалась. Она соглашалась, она обѣщала повѣнчаться съ нимъ не позже 29-го сентября, когда въ Нѣмновѣ мѣняютъ квартиры.

Они сидѣли вдвоемъ въ старомъ паркѣ съ вѣковыми деревьями, на старинной чугунной, съ рѣзьбою скамьѣ подъ столѣтними вязами, гдѣ, вѣроятно, не разъ говорились такiя же пылкія рѣчи и давались такiя же невѣройтныя клятвы,—но онъ увѣрялъ, и она вѣрила клятвамъ и увѣренiямъ. Онъ далъ торжественное слово...

— Я понимаю, есть такiя организации. Я васъ уберегу. Я не коснусь до васъ, пока вы сами не пожелаете... Мы будемъ жить, какъ братъ съ сестрой. Вы будете моей невѣстой и ученицей, пока не захотите сдѣлаться женой. Мнѣ будетъ это нелегко, но я знаю себя. Да и въ исторiи были такiе примѣры: ландграфъ Тюрингенскiй и Елизавета Венгерская.

— И панъ Тодоровичъ тоже, говорятъ, такъ живетъ,—застѣнчиво подсказала Лидiя.

— Я понимаю васъ. Вотъ вамъ рука моя: даю вамъ слово.

Она съ нѣмымъ благоговѣнiемъ поцѣловала эту благородную руку. И это такое было блаженство—чувствовать близость къ себѣ

человѣка, способнаго на такую высокую жертву: подавить въ себѣ все животное, сохранить одно человѣческое,—наслаждаться вмѣстѣ только идеями, наукой, искусствомъ, общественной дѣятельностью, любить въ ней человѣка и друга, ученицу, невѣсту, но не женщину, не жену... Это уносило куда-то ввысь, надъ землею, и въ то же время казалось простымъ и естественнымъ: жить вотъ такъ, какъ сейчасъ сидятъ они рядомъ, рассказывать все откровенно другъ другу, повѣрять и учиться, какъ лучше жить и самимъ дѣлаться лучшими...

Они возвращались усталые и счастливые, не замѣчая усталости отъ чрезмѣрнаго счастья. Вплоть до разсвѣта сидѣла потомъ Лидія въ своей комнатѣ, устремивъ неподвижный взглядъ въ созерцаніе одной мысли, въ одинъ мысленный образъ. Божественный духъ въ человѣческомъ образѣ... Онъ есть! Онъ существуетъ—и имя ему: ч е л о в ѣ к ѣ!

Прозрачная ночь синеватымъ призракомъ заглядывала въ окно и точно прислушивалась и слѣдила за ней. Какой-то шорохъ послышался ей. Она очнулась, вышла потихоньку изъ комнаты, чтобы не разбудить сестру, и спустилась на дворъ. Кругомъ все спало. Она подошла къ колодцу, зачерпнула висѣвшей на цѣпочкѣ кружкой изъ полной бадьи, отпила нѣсколько глотковъ, брызнула себѣ на руки и освѣжила лицо. Спать совсѣмъ не хотѣлось. Ночь призрачно освѣщала дворъ. Звѣзды погасли, а солнца, казалось, не будетъ совсѣмъ. Какія-то неясныя тѣни бродили по неровнымъ плитамъ. Неясные шорохи слышались по угламъ въ полутьмѣ. Точно незримые духи стерегли ее тутъ. И оттого было жутко и хорошо. Странно какъ-то, по-новому хорошо. Точно все, что теперь она чувствовала, должно было сохраниться въ ней навсегда и что-то сотворить потомъ въ будущемъ... послѣ, когда-нибудь.

И вдругъ ей почудилось, что кто-то сидитъ у нихъ подъ окномъ. Она робко приблизилась—и невольно отпрянула. Панъ Ольгердъ сидѣлъ на скамейкѣ въ тѣни акацій и доцвѣтающихъ розъ, блѣдный, какъ смерть, съ провалившимися глазами.

— Скажите мнѣ, это правда?—лихорадочно зашепталъ онъ.— Вы согласились? Правда, да? Вы согласились?!

— Да!—счастливымъ вздохомъ, беззвучно отвѣтила Лидія.

— Прощайте!—прошепталъ онъ и, точно подстрѣленный, заплетаясь побрелъ къ своей лѣстницѣ.

Она вернулась къ себѣ, подошла къ столу и записала на черновой отцовскаго доклада «Господину Военному Прокурору»:

«17 августа.—Я согласилась. За эти нѣсколько минутъ чистѣйшаго блаженства, за данное мнѣ слово, да будетъ онъ благословенъ вовѣкъ. Онъ—мой творецъ. Онъ возстановилъ мою утраченную вѣру въ духовную сущность людей. Онъ заставилъ меня преклониться передъ святыней истинной человѣчности. Онъ далъ мнѣ новую

жизнь въ духѣ истины. Онъ—давно желанный и ожидаемый, онъ—Ессе Номо! И человѣкъ этотъ—мой! Нѣтъ, не хочу избитой фразы. Я не его, и онъ не мой. Мы оба—люди.

«Какъ хороша такая жизнь! Какое счастье—жить и вѣрить! И какъ я счастлива, я счастлива сегодня!»

XVI.

Поздно утромъ Петрунеля разбудила Лидію.

— Вотъ заспалась сегодня паненка! Нажечонный здавна южъ чека на панну Лидью (женихъ давно уже ждетъ)... Але цо-жъ то зробилося з паномъ Ольгердомъ,—продолжала она, помогая одѣваться паненкѣ.—Лежить себѣ въ лужкѣ,—альбо, по-русску, въ кровати,—убраный, въ сурдутѣ¹⁾, очи замкнены, не муви, не слуха, спи а спи, якъ камень. Навет и сердце не бьется. Весь дворъ тамъ собрался. За ксендзомъ ужъ послали. Всѣ дивуются. Пани Домейкова муви, же «певне з роспачу тѣн несченсливы зъядл, муви, якейсь труцизны» — навѣрно, говорить, отравы хватилъ съ отчаянія—«бо, як слыхаць, млоду паненку з фильи заренчил тѣн лысыи нѣмецъ з Неменю»...

Петрунеля клялася имъ всеми святыми, что паненка тутъ ни при чемъ, но никто ей не вѣрить.

Къ ночи, однако, панъ Ольгердъ проснулся и самъ подтвердил неосновательность сложенной «байки». Онъ просто въ послѣднее время страдалъ отчего-то безсонницей, выбился наконецъ изъ силъ и взялъ у отца дозу опиума. Но, должно быть, не остерегся, и доза оказалась сильнѣе, чѣмъ слѣдовало.

— Нѣтъ худа безъ добра. По крайней мѣрѣ отоспался теперь за всѣ дни и совсѣмъ какъ будто новорожденный: все позабылъ, ничего не помню.

Такъ отвѣчалъ панъ Ольгердъ на всѣ разспросы. Но спать безъ опія онъ почему-то больше не могъ, и лицо все блѣднѣло, глаза горѣли, какъ въ лихорадкѣ, и подъ глазами чернѣли зловѣщія ямы.

Лидія слушала всѣ эти рассказы, не придавая имъ никакого значенія. Что ей теперь панъ Ольгердъ?! Ей было самой не до сна—такъ много надо было и думать, и чувствовать, и разбираться во всемъ. И столько налетѣло вдругъ непонятныхъ противорѣчій, столько сомнѣній поднялось вдругъ со дна... Сомнѣній во всемъ: и въ недавнихъ экстазахъ своихъ, и въ томъ, кто вызывалъ въ ней эти экстазы.

Съ той самой минуты, какъ Заслонный вошелъ къ нимъ въ гостиную «женихомъ»—съ жениховскимъ подаркомъ въ видѣ про-

¹⁾ Въ сюртукѣ одѣтый.

стенкаго альбома «на будущее новоселье»,—она почувствовала, что «это—не то».

Весь этотъ день онъ проводилъ у нихъ—вплоть до поѣзда въ Нѣмновъ, гдѣ ему предстояло увидѣться съ Алексѣемъ Антипычемъ для формальнаго сообщенія о полученномъ наконецъ согласіи.

— Но вы должны дать мнѣ что-нибудь отъ себя въ доказательство,—попросилъ онъ.—Иначе вѣдь, пожалуй, вашъ отецъ не повѣритъ мнѣ.

И онъ былъ счастливъ, какъ ребенокъ, когда Лидія сняла съ руки послѣдній подарокъ отца — эмалевое кольцо въ видѣ сердца съ замкомъ, усыпаннымъ мелкими брилліантами. Кольцо пришлось ему какъ разъ на мизинецъ, и его тѣшила мысль, что не дальше какъ послѣзавтра «все мальчишки въ гимназіи будутъ дивиться на это дѣвическое колечко».

— Да съ такимъ кольцомъ на рукѣ мнѣ не поставитъ теперь ни одной единицы... Я имъ скажу: молитесь Богу за Лидію, азинусы вы этакіе!—И счастливый смѣхъ звенѣлъ въ его радостномъ голосѣ.

А затѣмъ всего больше занималъ его важный вопросъ: сколько комнатъ должно быть въ квартирѣ и какого цвѣта выбрать обивку для мебели, «чтобы было практично и не слишкомъ старообразно для молодыхъ».

Весь этотъ вечеръ имъ предоставили провести вдвоемъ. Онъ полулежалъ на диванѣ—первый разъ въ такой позѣ,—она на низенькомъ креслѣ сидѣла возлѣ него, и какъ во снѣ слышалось ей:

— Спальня у насъ будетъ общая... Вы можете быть спокойны, я никогда не бываю пьянъ и не оскорблю васъ ничѣмъ,—но долженъ же я чувствовать, что вы тутъ, что я могу поддержать вашу руку...

Это слышалось какъ будто во снѣ, но не во снѣ же хлопалъ онъ ее по плечу и не во снѣ бросалъ наотмашъ ей на колѣни свою тяжелую руку, такъ что все ея хрупкое тѣло болѣзненно вздрагивало, и краска стыда заливала лицо, когда онъ говорилъ тономъ собственника и полнаго властелина всего ея существа:

— Я не скрываюсь, я хочу имѣть дѣтей отъ васъ, но у меня желѣзная воля, и я помню, что я вамъ обѣщаль.

А ей казалось, что обѣщаніе уже было нарушено и что все навсегда—вся ея жизнь молодая, свободная—все было отнято и загублено.

Онъ держалъ свою руку съ открытой ладонью у нея на колѣняхъ въ ожиданіи, что она положитъ свою, но она сидѣла въ глубокой задумчивости, опираясь головой на руку, другой держась за ручку кресла, какъ пойманная пташка, не знающая, какъ и куда ей теперь улетѣть.

— Я хотѣлъ бы имѣть дѣтей отъ васъ,—по-мужицки просто и прямо повторилъ онъ, не замѣчая, какъ тоскливо сжималась она,

точно въ предсмертной борьбѣ, въ агоніи чего-то похожаго на безпомощную покорность насильно вынужденной или обманомъ захваченной жертвы. Она старалась превозмочь это чувство сознаниемъ своего рокового призванія—узнавать человѣка, чтобы лучше служить человѣчеству,—но чувство не исчезало... И когда онъ ушелъ поздно вечеромъ, какъ объявленный всему дому женихъ, и мать и сестра подошли къ ней съ нѣжными поцѣлуями, поздравляя ее, ей казалось—онѣ прощаются съ ней, какъ съ покойницей.

Все было кончено. Та, прежняя, сама въ себѣ нераздѣльная—той уже не было. Она обречена теперь въ жертву-служенія чему-то высшему, очень сложному, очень нужному... Но и страшному тоже очень. Всѣ ощущенія и мысли невѣсты невольно устремлялись теперь на одно томительное и, какъ судьба, неизбѣжное приближеніе къ послѣднему акту—къ принесенію жертвы и къ постиженію того, въ чемъ и какъ должна совершиться она, эта жертва.

«Совершенно какъ у солдатъ, когда сдаютъ въ рекруты и скомаандуютъ: «любъ!»—такъ теперь и со мной!»—мрачно думала Лидія.

Но молодость неизмѣнно брала свое, и рой самыхъ свѣтлыхъ и нѣжныхъ мечтаній, какъ вѣтеръ весной, развѣвалъ эти мрачныя думы и уносилъ ее въ страну новыхъ грезъ, гдѣ она будетъ властвовать и отъ нея одной, отъ ея желаній и воли будетъ зависѣть устройство этой новой страны, ея жизни.

«Я настою, чтобы у меня была отдѣльная комната, гдѣ я могу думать и дѣлать, что вздумается, принимать, кого пожелаю,—даже пана Ольгерда, даже того... И окно въ этой комнатѣ должно выходить на берегъ и лѣсъ. Больше мнѣ ничего не нужно. За это я буду нести обязанности—сначала хозяйство, домашнія работы, потомъ... ну, пожалуй, и дѣти, и ихъ воспитаніе»...

Но о дѣтяхъ—ихъ общихъ дѣтяхъ—ей непріятно было думать. Да и незачѣмъ—разъ она будетъ жить съ нимъ какъ подруга и ученица. Его пошлютъ за границу, и она будетъ готовиться, подъ его руководствомъ, къ какой-то очень значительной дѣятельности. Къ какой именно—еще трудно сказать, но внутренній голосъ часто твердитъ ей, какъ Гоголю: «Ты совершишь! ты совершишь!»

И самъ учитель, очевидно, вѣритъ тому же—иначе какъ же и объяснить всю эту удивительную исторію?!

Смѣясь и дурачась, она увеселяла мать и сестру, представляя въ лицахъ свою будущую «семейную жизнь».

— Утромъ первымъ дѣломъ съ корзинкой отправляюсь сама на рынокъ. Онъ говоритъ, что въ Вѣнѣ и все такъ: жены профессоровъ сами ходятъ на рынокъ.

— Но вѣдь ты ровнешенько ничего не смыслишь тутъ, Лидія.

— Вотъ тоже нашли премудрость! Я надѣюсь по-гречески выучиться Эврипида читать, а не то что провизію себѣ на обѣдъ поку-

пать!—Буду спрашивать всего самаго лучшаго и торговаться за каждый грошъ.

— Воображаю! И наладутъ тебѣ, матушка, разной дряннѣ.

— Верну назадъ! Денегъ не буду платить. Въ другую лавку пойду. Въ полицію буду жаловаться. Выучу ихъ, не беспокойтесь! Ну, а потомъ надѣну фартукъ—вотъ такъ!—и сама все буду показывать. Да ужъ будьте увѣрены—все сумѣю!

Антонина Михайловна смѣялась чуть не до слезъ—такъ забавна казалась ей дочь въ этой новой роли,—а потомъ начинала вздыхать—озабоченно и несмѣло.

— Но вѣдь на это, Лидушка, уйдетъ у тебя весь день. Когда же учиться-то будешь?

— Вотъ этого только я и боюсь! Ну, да тамъ увидимъ. А весело—страхъ! Рѣшительно все будетъ новое, никогда небывалое... Удивимъ мы тамъ всѣхъ...

Она вихремъ улетала отъ матери въ кухню, къ Петрунелѣ и Гришѣ, въ надеждѣ позаимствоваться кулинарными познаніями, но встрѣчала только насмѣшливыя и негодующіе возгласы.

— Але цо ж то, прошу пани, панъ Заслонный и кухарки не хотятъ держать!—возмущалась за паненку Петрунелю. И какъ ни убѣждала ее Лидія, что за границей всѣ профессорскія жены сами закупаютъ провизію, Петрунелю только презрительно покачивала головой.

— Самъ лысый, беретъ молодую—и не хочетъ кухарки! От-то! псыя крѣвь! Нех Пан Бог брони!

А Гриша прибавлялъ отъ себя недовольнымъ голосомъ:

— Ну ужъ, Лидія Алексѣевна, нехорошаго жениха вы себѣ нашли!

— Чѣмъ же, по-твоему, нехорошъ онъ, Гриша?

— Да что въ ѣмъ хорошаго-то? Голова, какъ у покойника, голая. Ходитъ ровно слѣпой—ногами шарить, быдто не знаетъ, ни то земля у него подъ ногами, ни то, что шатается. Вотъ такъ женихъ! Намеднись пытались мы хохотать съ Петрунелей, какъ онъ за вами тягается.

— Паненка будетъ его подъ ручку водить, чтобъ не шатался!

И оба дружно хохотали.

— Ничего вы оба не понимаете!—сердито говорила паненка и возвращалась къ себѣ опять омраченная, и опять ей казалось, что замужество—это именно «лобъ!»—казарма, рекрутчина, воинская повинность—и только.

XVII.

Алексѣй Антипычъ вернулся изъ Нѣмнова огорченный и озабоченный, долго совѣщался съ женой и въ тотъ же день послѣ ужина пожелалъ самъ объясниться съ дочерью.

— Какъ же это ты вдругъ передумала? Вѣдь онъ ужъ дѣлалъ лѣтомъ тебѣ предложеніе, и ты отказала. Я, признаться, порадовался тогда. Не нравится мнѣ этотъ господинъ,—не подходитъ онъ къ намъ совсѣмъ. Да и старъ онъ, по-моему, для тебя. И потомъ самое главное: ты когда-то вѣрующая, религіозная вѣдь была, а онъ вѣдь совсѣмъ безбожникъ. Слыхалъ я тутъ, какъ онъ о религіи разговариваетъ, о Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ... Что же, неужто и ты отречешься и тоже теперь...

Онъ не могъ говорить отъ волненія. Слезы катились изъ слѣпнущихъ глазъ по щекамъ, и онъ, всхлипывая, отиралъ ихъ рукой.

— И чѣмъ онъ тебя такъ прельстилъ, я понять не могу?—снова заговорилъ онъ.

— Я учиться хочу. Онъ обѣщаетъ заниматься со мной. Мы поѣдемъ съ нимъ за границу, я поступлю тамъ въ университетъ,—попробовала она успокоить отца.

— Для ученья, душа моя, замужъ не выходятъ. Ты вѣдь ужъ не маленькій ребенокъ, должна понимать. А если онъ плететъ тебѣ турусы на колесахъ, такъ это дѣло извѣстное—хочетъ тебя привлечь какъ-никакъ. Ну, а вдругъ ты спохватишься! Или другой кто встрѣтится да полюбится—что же тогда?

Тѣнь пробѣжала у нея по лицу, и сердце заныло.

— Мы обо всемъ ужъ условились. Онъ хочетъ, чтобъ я ему вѣрила, и я ему вѣрю. А если обманусь,—что же, и разойдемся.

— Вотъ нынче какъ! Еще не повѣнчались, а ужъ расходиться готовы!

— Такъ лучше. Некого будетъ винить потомъ. Лучше заранѣе обо всемъ передумать.

Алексѣй Антипычъ только печально вздохнулъ.

— Мы съ твоей матерью, когда обручались, давали обѣтъ на всю жизнь. Бракъ для насъ былъ священное таинство, прообразъ союза Христа съ церковью. А вы вотъ хотите по-нынѣшнему, какъ у животныхъ.

Лидія вспыхнула.

— Мы хотимъ именно не какъ у животныхъ, а какъ должно бы быть у людей. Мы вступаемъ въ союзъ по обоюдному соглашенію, для одной общей цѣли—разумной и полезной человѣческой жизни.

— То-есть, какъ же это? Вродѣ гражданскаго брака, что ли? Можетъ быть, и контрактъ у васъ сдѣланъ? Тогда незачѣмъ, по-моему, и вѣнчаться.

— Контрактъ нашъ не писаный. На взаимномъ довѣріи. Церковный обрядъ не поможетъ, если мы сами его нарушимъ.

— Васъ будутъ причащать изъ одной чаши. И эта чаша—тоже прообразъ всей вашей будущей жизни. Радости и печали у жены и у мужа—общія. И тяготы носить другъ за друга должны оба они безъ ропота, съ любовью и снисхожденіемъ.

— Должны!—твердо за нимъ повторила Лидія, какъ будто стояла уже подъ вѣнцомъ.

Алексѣй Антипычъ помолчалъ и промолвилъ со вздохомъ:

— Ну, какъ знаешь. Это дѣло твое. Только на насъ потомъ не пеняй. Я тебѣ выдѣлю твою часть. Сколько могъ, приготовилъ для васъ. Не взыщите, если не много. Горбомъ своимъ добывалъ, сама знаешь.—Ну, Господь съ тобой! Надѣюсь, ты обратишь его на путь истинный...

Невольная улыбка мелькнула на губахъ Лидіи: «Мнѣ ли его обращать!» Но она подавила эту улыбку и подошла къ отцу. Онъ крѣпко обнялъ и перекрестилъ ее. И она, растроганная, припала къ нему на грудь, впервые ощутивъ родного друга въ суровомъ, даже жестокомъ когда-то «деспотѣ».

И на слѣдующій день начались уже спѣшныя приготовленія къ свадьбѣ. Расчетливый и бережливый, Алексѣй Антипычъ щедро выдавалъ теперь каждое утро крупную въ ихъ быту сумму на покушку разныхъ вещей для такъ называемаго приданого. Не жалѣя себя, ѣздила Антонина Михайловна по лавкамъ и магазинамъ и въ модныя мастерскія. Появилась и швея на дому, пожилая дѣвица съ поэтическимъ именемъ—панна Ванда, присланная къ Антиповымъ самой паней Тодоровичъ, принявшей особенно къ сердцу судьбу юной русской невѣсты и «отравлявшагося съ отчаянія» пана Ольгерда.

Панъ Ольгердъ сталъ совсѣмъ своимъ человѣкомъ въ семьѣ Антиповыхъ. Онъ какъ бы тоже участвовалъ въ этомъ «выданьѣ», доставалъ вороха канцелярской бумаги для выкроекъ, выдумывалъ необыкновенныя монограммы и вензеля для мѣтки бѣлья, развлекалъ занятыхъ работою женщинъ игрою на скрипкѣ или чтеніемъ вслухъ знаменитыхъ польскихъ «утворовъ»¹⁾, а поздними вечерами, когда уходила домой панна Ванда, сопровождалъ обѣихъ сестеръ куда-нибудь на прогулку—подышать лѣснымъ воздухомъ, поискать свѣтляковъ во влажныхъ оврагахъ, послушать осенняго вѣтра въ дубравахъ или помечтать на горахъ въ яркія лунныя ночи. И о чемъ только ни мечтали они!

И мѣръ, и будущность людей, и бессознательная игра чувственныхъ ощущеній—все было тутъ, въ поэтической дымкѣ живописной природы и молодости. Но стоило только пану Ольгерду спросить: «Когда пріѣдетъ панъ Заслонный?»—и мечты сдувало, какъ осенніе листья. О чемъ же можно было невозбранно мечтать невѣстѣ, какъ не о своемъ женихѣ? Но вотъ о женихѣ-то совсѣмъ и не хотѣлось мечтать. Женихъ пріѣзжалъ по субботамъ, но привозилъ съ собою одну только тяжесть, подавляющее сознание чего-то вродѣ иноземнаго ига. Пріѣзжалъ собирать съ нея дань въ видѣ ласковыхъ словъ

¹⁾ Сочиненій.

и внимательной нѣжности. Каждый разъ почти всѣ ходили встрѣчать его на вокзалъ къ ночному поѣзду, каждый разъ ждала Лидія чего-то болѣе горячаго, нѣжнаго въ своемъ сердцѣ—и находила только одно это чувство—чужого, иноземнаго ига. Все въ немъ казалось теперь чужимъ. Никакой задушевной близости, казалось, нельзя было ощутить въ присутствіи этого человѣка.

Заслонный самъ сознавалъ непригодность свою въ какой роли, и торопиль и торопился поскорѣй «окончить дѣло». И некогда ему было нѣжничать, и утомляли его, усталого отъ уроковъ и кабинетной работы, эти «жениховскіе» пріѣзды и отъѣзды на сутки. И много было хлопотъ вообще. Квартира была уже нанята. Комната Лидіи выходила окномъ на лѣсъ и на берегъ. Мебель куплена «по случаю», у директора. Обивка изъ репса коричневая.

— А скатерть въ гостиную? Вы какую желаете?

— Право, мнѣ все равно. И зачѣмъ намъ гостиная, если не будемъ принимать никакихъ гостей?

Но онъ настаивалъ. Необходимы будутъ визиты—къ директору, къ семейнымъ учителямъ. Особенно занимали его дочка директора и ея мамаша. Съ ними были у него какіе-то счеты.

По воскресеньямъ онъ оставался обѣдать, и за столомъ тогда всѣ были точно затянuty въ казенный мундиръ. Даже Гриша на кухнѣ замѣчалъ, что «какъ этотъ лысый бѣсъ, прости Господи, въ домъ, такъ словно покойникъ у насъ». За обѣдомъ онъ почти ничего не ѣлъ. Такъ только, ради приличія, бралъ въ ротъ ложки двѣ супу, салата или картофеля. Сначала это всѣхъ смущало. «Точно духъ какой-то безплотный! Чѣмъ онъ питается?» думали всѣ, когда онъ принялъ впервые приглашеніе на обѣдъ.

— Мнѣ при немъ и ѣсть какъ-то стыдно, точно это нечеловѣческое занятіе,—признавалась потомъ даже Лидія.

Одинъ Алексѣй Антипычъ безъ стѣсненія протягивалъ свою тарелку жевѣ, со словами:

— На-ко, подлей мнѣ еще, сдѣлай милость!

Антонина Михайловна весь обѣдъ спокойно поглядывала на будущаго зятя.

— Что же это вы ничего не кушаете? Вы у насъ будете голодны. Лучше скажите, что вы любите,—можно велѣть приготовить сейчасъ.

Но онъ рассыпался въ изысканныхъ благодарностяхъ.

— Я ѣмъ все, когда голоденъ. Но человѣку умственнаго труда вредно ѣсть много. Человѣческій организмъ превращается тогда въ механическій аппаратъ для пищеварительнаго процесса или въ животное низшей породы. Человѣкъ долженъ ѣсть не для процесса ѣды, но для поддержанія равновѣсія въ своемъ организмѣ.

— Ну, это штука мудреная!—вставилъ Антиповъ, накладывая себѣ на тарелку вторичную порцію жаркаго и грибовъ въ сметанѣ.—Какъ тутъ узнаешь, когда есть равновѣсіе, когда нѣтъ!

— На все должна быть своя дисциплина. Мы можемъ незамѣтно пріучить себя питаться весь день, съ утра до ночи,—или разъ только въ день вкушать пищу, какъ было когда-то у древнихъ,—когда солнце садилось, работы кончались, и семья или родъ садились за столъ—пировать.

— Неужели вы только разъ въ день кушаете?—въ испугѣ спросила Антонина Михайловна, и жалобно посмотрѣла на дочь. «Да онъ ее съ голоду тамъ уморить!»

— Обыкновенно три раза. Утромъ пью молоко и вкушаю одно яйцо съ горчицей и одинъ ломтикъ хлѣба по способу д-ра Граама. Имѣю рецептъ отъ него самого, и въ Нѣмновѣ мнѣ пекутъ его по заказу. Въ полдень пью кофе съ бутербродами—только хлѣбъ и масло; а вечеромъ ужинъ мой состоитъ изъ элементовъ, потребныхъ для возстановленія затраченныхъ силъ. Тѣло нашъ домъ. Мы сами его созидаемъ и разрушаемъ. Зачѣмъ же я буду его разрушать, если я хочу жить съ пріятствомъ и комфортомъ!

«Ишь говорить, точно пасторъ въ нѣмецкой кирхѣ!» думалъ Антиповъ, и не удержался, сказалъ тутъ же вслухъ:

— Это, можетъ, у васъ тамъ, въ Нѣметчинѣ, такое устройство желудковъ, а у насъ недаромъ сложилась пословица: что русскому здорово, то нѣмцу смерть!

— Да Лука Ѳомичъ совѣмъ не нѣмецъ, папа. Онъ русинъ,—вступилась Лидія.

Алексѣй Лукьянычъ съ вызывающей улыбкой поглядѣлъ на нежеланнаго ему зятка.

— Душа-то, можетъ быть, отъ рожденія русская. Ну, а выучка, видать по всему, заграничная. Не нашей работы выдѣлка!

Заслонный отвѣтилъ ему съ такой же улыбкой:

— Чтobъ доказать вамъ, что душа у меня несомнѣнно русская, я вамъ приведу и другую пословицу: «сытое брюхо къ ученью глухо».

— А! Вотъ это вы вѣрно!—съ веселымъ смѣхомъ подхватилъ Алексѣй Антипычъ, старательно вытирая салфеткой длинные хохлацкіе усы, отвѣдавшіе у него и борща, и грибовъ въ сметанѣ.—Это надо ужъ правду сказать: брюхо-то набивать мы всѣ мастера, а къ ученью-то и тово... «Кто его знаетъ, можетъ, и впрямь по ученому», закончилъ онъ про себя.

Подали кофе и вафли со сбитыми сливками, и чтобы разрѣшить всѣ спорные пункты и всѣхъ примирить съ собою, Лука Ѳомичъ съ аппетитомъ принялся «вкушать» и то и другое.

— Никакъ жреть? Слава те, Господи! Бѣтъ по-нашему, вотъ те крестъ честной!—повѣрялъ Петрунелѣ свои соображенія Гриша.— Не то, право слово, думалъ—нехристь онъ: либо жидъ, либо оборотень. А на то мѣсто, гляжу, онъ и вправду такъ за обѣ щеки, знай, и уписываетъ!

Послѣ обѣда женихъ и невѣста уходили гулять куда-нибудь за городъ. И это было единственное, что ихъ сближало. Онъ снова напоминалъ ей значеніе ихъ «общаго дѣла», онъ говорилъ съ ней привычнымъ ему языкомъ, и ея благоговѣйное вниманіе ученицы вознаграждало его хоть отчасти за недостатокъ увлеченія и ласки въ невѣстѣ. Сама невѣста не переставая думала объ этихъ неизбѣжныхъ для нея ласкахъ. И страхъ, и чисто тѣлесное ощущеніе этой неизбѣжности приближали обоихъ къ какой-то фатальной развязкѣ.

«Просто не замужъ за него выхожу, а поступаю въ какой-то иностранный лицей для высшаго воспитанія,—думала Лидія.—Что жъ, интересно. Можетъ быть, совсѣмъ другой жизнь покажется, и я сама стану другая. Попробую. А если станетъ не въ мочь—никто меня не удержитъ. Я убѣгу». И воображенію ея уже представлялся рядъ всевозможныхъ способовъ и путей для этого «убѣга». А вмѣстѣ съ тѣмъ незамѣтно и вся цѣль новаго шага пріобрѣтала какъ будто значеніе упражненія всѣхъ ея силъ въ придумываніи все новыхъ и новыхъ условій для одолѣнія всякихъ преградъ къ такому неизбѣжному освобожденію—посредствомъ «убѣга». Но особенно ярко ощутила она томительное раздвоеніе своей внутренней жизни въ одинъ вечеръ, когда панъ Ольгердъ, выведившій тонкимъ перомъ на кускѣ полотна необычайно изящную, какъ алансонское кружево, монограмму, поднималъ голову, странно какъ-то взглянулъ на нее и сказалъ ей вполголоса:

— Панъ Заслонный будетъ васъ обнимать въ этой кошулѣ...¹⁾

Она загорѣлась вся какъ огнемъ, отняла у него полотно и вышла изъ комнаты.

Отъ мѣченья бѣлья пана Ольгерда съ тѣхъ поръ устранили, но «коханый братишко» сидѣлъ попрежнему у нихъ за рабочимъ столомъ и то наигрывалъ прощальные полонезы Огинскаго, то читалъ «Плачь передъ казнью» Конарскаго или «Anhelli» Словацкаго, или веснячкія пѣсенки Сырокомли. Одну онъ особенно часто любилъ напѣвать теперь въ присутствіи Лидіи:

«Приди, милая, ко мнѣ въ хату! Я буду кормить тебя пѣснями жаворонковъ. Я уберу для тебя соломенное ложе мое полевыми цвѣтами. Я угощу тебя на ночь золотыми мечтами—и сквозь дыры на крышѣ ярко будутъ горѣть небесныя звѣзды надъ нами».

«А на ноц маженье злотэ»...

«А на ночь—золотыя мечтанья».. Это надолго оставалось въ ухахъ у Лидіи—вмѣстѣ съ голосомъ пана Ольгерда, вмѣстѣ съ влюбленной заразительностью рѣчей и взглядовъ того же пана Ольгерда.

И вотъ тутъ была близость безъ тяжести, задушевность безъ стѣсненія и боязни.

¹⁾ Сорочкѣ.

И былъ одинъ такой вечеръ, темный и теплый сентябрьскій вечеръ, съ запахомъ тлѣющей розы и опавшей листьвы подѣ окнами, когда этотъ голосъ, взгляды и рѣчи и все существо пана Ольгерда стали чѣмъ-то до того милымъ и близкимъ для Лидіи, что захотѣлось только одного—подойти къ нему близко-близко, и если не поцѣловать эту милую голову, такъ хоть дотронуться до нея... нарядилась старой больной еврейкой, женой Янкеля Бройды, портного внизу, и, зная, что Свенчъ сидитъ у нихъ подѣ окнами на скамейкѣ, спустилась по лѣстницѣ, подражая старухѣ, прошла къ воротамъ, кашля и хромя, постояла впотѣмахъ у калитки, а потомъ подошла вплотную къ скамейкѣ и, стиснувъ зубы, въ какомъ-то безпамятствѣ неодолимаго влеченія, крѣпко прижалась на мгновенье къ его волосамъ—и убѣжала домой, вся трясясь, въ горячкѣ налетѣвшей бури, стыдась и не понимая сама, откуда взялась эта дикая буря. Сознаніе подсказало потомъ настоящее объясненіе мимолетной вспышки, но это сознаніе только терзало ее.

«Неужели все кончено, и никто и ничто не помѣшаетъ теперь? Неужели я свяжу свою жизнь навсегда съ Заслоннымъ? Всегда и всюду съ Заслоннымъ и больше ни съ кѣмъ?!»

И судьба точно испытывала ее, задавая все новыя и новыя задачи. Пришло нежданно письмо отъ одного изъ прежнихъ нѣмновскихъ знакомыхъ—отъ доктора Бунчукова изъ Петербурга, гдѣ онъ подробно описывалъ свою врачебную дѣятельность «на голодномъ тифѣ» въ К—ской губерніи и, какъ «старый другъ», хотѣлъ знать, что удалось ей выполнить изъ задуманныхъ плановъ. Это письмо произвело тоже пѣлую бурю. «Голодный тифъ» и дѣятельность врача среди больныхъ и голодныхъ—вотъ гдѣ была настоящая жизнь настоящей русской дѣйствительности, а совсѣмъ не въ трагедіяхъ Эврипида, и не въ удаленіи отъ людей, и не въ мебели, и не въ скатертяхъ.

А свадьба назначена была въ октябрѣ, и было уже два оглашенія въ нѣмновскомъ соборѣ. Свадьбы ихъ ждали тамъ, какъ театральнаго представленія, но они оба единодушно рѣшили не устраивать никакихъ торжествъ. Они пойдутъ вдвоемъ, какъ всегда, на прогулку, зайдутъ въ церковь, уговорившись съ священникомъ, повѣнчаются и уѣдутъ съ первымъ же поѣздомъ.

XVIII.

Оставалась какая-нибудь недѣля до свадьбы. Сундуки ужъ стояли уложенные всякимъ добромъ. Панна Ванда дошивала послѣдніе пеньюары, и на утро все надо было отправить съ товарнымъ поѣздомъ въ Нѣмновъ. Никакая сила въ мірѣ не могла бы освободить теперь Лидію отъ даннаго слова и вернуть затраченныя ей на приданое трудовыя отцовскія деньги.

«Никто и ничто!—съ отчаяніемъ думала она въ одинъ поздній вечеръ, подходя съ панной Вандой къ стариннѣйшему костелу Литвы въ толпѣ набожныхъ богомольцевъ.—Куда мнѣ уйти? Какъ мнѣ избавиться отъ этой страшной моей судьбы?» стономъ стояло въ душѣ. А народъ стоялъ на колѣняхъ и, какъ одинъ человѣкъ, пѣлъ одну и ту же молитву Помощницѣ и Покровительницѣ всѣхъ смиренныхъ и слабыхъ, всѣхъ покорныхъ и вѣрныхъ, но не тѣхъ, кто самовластно рѣшаетъ свою судьбу. И органъ заглушалъ всѣ недостойныя стоны и жалобы...

Послѣ ужина отецъ попросилъ ее почитать ему вслухъ, но она отговорила съ усталостью и послала Нину. Совершенно разбитая отъ снѣдавшей ее борьбы и раздумья, усталая отъ спѣшной работы за всѣ послѣдніе дни, она крѣпко заснула, когда среди ночи кто-то сквозь слезы пробовалъ разбудить ее:

— Отецъ умираетъ... Вставай скорѣй, Лидія!

Сквозь сонъ она слышала издалека доносившіеся стоны отца, но ей снилось что-то такое сладостно-неиспытанное, отъ чего нельзя было никакъ пробудиться. А голосъ все продолжалъ твердить ей сквозь слезы:

— Да вставай же! Какъ не стыдно тебѣ! Слышишь, отецъ умираетъ!

Она открыла глаза. Чуть свѣтало. Въ комнатѣ не было никого. Но что-то зловѣщее, какъ приближеніе смерти, носилось въ воздухѣ. Стоны и плачъ доносились изъ спальни отца. Она набросила платье и побѣжала туда. За ширмами, тамъ, на узкой солдатской постели своей, лежалъ навзничъ отецъ и медленно, вздохъ за вздохомъ, разставался съ жизнью. Мать громко читала отходную по молитвеннику. Нина плакала, стоя на колѣняхъ у его изголовья. Петрунеля всхлипывала за дверью. Гриша суетился на лѣстницѣ, встрѣчая пріѣхавшихъ докторовъ. А Лидіи казалось, что все это сонъ, отъ котораго нельзя почему-то проснуться. Всѣхъ близкихъ попросили удалиться изъ комнаты. Нужно было поскорѣй пустить кровь. Антонина Михайловна ломала руки и рыдала навзрыдъ. Лидія стояла у самой стѣны въ сырой и мрачной гостиной и, глядя въ окно на веранду и умирающій садъ, съ замираніемъ сердца прислушивалась къ тому, что совершалось за тонкой стѣною. Врачи совѣщались между собою по-латыни. И среди многихъ непонятныхъ ей словъ одно знакомое слово ударило прямо въ сердце: «Mortuus!» И все стихло. Врачи уѣхали. Все было кончено. «Я свободна!» — непроизвольно отозвалось гдѣ-то глубоко въ душѣ у Лидіи.

Заслонный, вызванный телеграммой, пріѣхалъ съ первымъ же поѣздомъ. Его встрѣтили, какъ старшаго члена семьи. Внезапное горе какъ будто тѣснѣе сблизило всѣхъ. И онъ былъ трогательно заботливъ и внимателенъ ко всему дому.

— Совѣтую не откладывать свадьбы. Послѣ девяти дней можно вполне,—отслуживъ панихиду, сказалъ священникъ Антонинъ Михайловнѣ, тотъ самый священникъ, у котораго должны были вѣнчаться они. То же самое посовѣтовалъ онъ и жениху. Но не до свадьбы было теперь осиротѣлой семьѣ. Панна Ванда, вмѣсто неоконченныхъ пеньюаровъ, торопилась шить всѣмъ траурныя платья. Сейчасъ же послѣ похоронъ Антонина Михайловна слегла въ постель,—чѣмъ кончались всегда у нея житейскія тревоженія,—Лидіи приходилось позаботиться о новой квартирѣ и новыхъ условіяхъ жизни.

Денисъ Мартынычъ помогъ Заслонному устроить семью невѣсты въ домѣ своей родственницы, неподалеку отъ Портовой, и торговался за нихъ съ этой родственницей, «какъ настоящій извозчикъ».

Дня три спустя послѣ похоронъ рѣшились прочесть «духовное завѣщаніе». Не капиталы въ движимой и недвижимой собственности оставлялъ имъ покойный, а только предсмертныя строки наболѣвшаго сердца, написанныя за часъ до кончины—«отъ разрыва сердца» по опредѣленію обоихъ врачей. На столѣ у него лежалъ этотъ недописанный имъ листокъ съ надписью наверху: «Завѣтъ моимъ дѣтямъ». Его прочли теперь всей семьей, съ благоговѣніемъ, какъ нѣчто священное.

Антонина Михайловна, глотая слезы, читала вслухъ этотъ «Завѣтъ» при Заслонномъ:

«Чувствую, что жить мнѣ недолго, и сердце болитъ о васъ, дорогія дѣти мои. Въ предчувствіи близкаго конца—яснѣе видится зло насъ окружающей жизни, и хотѣлось бы предостеречь васъ, оградить васъ отъ этого зла.

«Первое и главное зло—въ насъ самихъ, когда считаемъ себя умнѣе и лучше другихъ. Люди, кажущіеся намъ ниже насъ по уму, нерѣдко оказываются разумнѣе насъ.

«Слѣдуетъ также удаляться отъ такихъ изувѣровъ, которые, нагло отвергая все святое, служатъ демонъ тьмы, и сами, какъ воплощенные дьяволы, подобно лютымъ звѣрямъ, похищаютъ души наши въ область лжемудрованія, на вѣчную погибель. Сообщество съ подобными людьми-изувѣрами можно примѣнить къ мотыльку, который по неосторожности своей, порхая около огня, опалаетъ крылья и бываетъ уже не въ силахъ удалиться отъ этой всепожирающей стихіи. Но если мы стараемся обходить лужи грязи, чтобы не замарать своего платья, то какъ же не охранять нашу душу, чтобы не загрязнилась, не помрачилась она отъ прикосновенія проповѣдующихъ внушенное дьяволомъ, искусившимъ нѣкогда праотцевъ нашихъ Адама и Еву.

«Искушитель міра изрекъ: «Горе міру отъ соблазновъ, нужда бо есть прійти соблазномъ. Обаче горе человѣку тому имже соблазнъ приходитъ». Но Онъ же изрекъ: «Вѣруй въ Мя—живъ будешь».

И всякъ иже есть отъ истины послушаетъ гласа Моего». Не ясно ли изъ этихъ словъ Спасителя, что только сохранившій въ себѣ до конца даръ Духа Святого и непоколебимую вѣру въ Христа—только тотъ спасется. Всѣ прочіе—слуги діавола и погибнуть навѣки.

«Господи! не введи меня въ искушеніе и избави меня отъ лукаваго.

«Какое несчастье, что люди такъ легко увлекаются словами какого-нибудь надменнаго и дерзкаго глашатая, желающаго выказать свой умъ—а въ сущности безуміе— и забываютъ истину, которую Ты, милосердый Творецъ новаго міра, изрекъ черезъ апостоловъ въ св. Евангеліи»...

Антонина Михайловна въ слезахъ вышла изъ комнаты, но и оттуда было слышно, какъ горько рыдала она. Нина тоже всхлипывала отъ безотчетной жалости къ самой себѣ и ко всѣмъ.

Заслонный спокойно выслушалъ и проповѣдь, и обличеніе. Послѣднее явно относилось къ нему. Но вѣдь то же самое происходитъ теперь повсюду въ каждой русской семьѣ. Отцы и дѣти—извѣчная трагедія смѣны культа... Онъ подошелъ было къ Лидіи, сидѣвшей съ закрытыми рукой глазами, и ласково провелъ рукой по ея волосамъ.

— Ну что, мое серденько, жалко отца? Бѣдный! Какъ онъ долженъ былъ страдать за васъ съ подобными мыслями.

Она сдѣлала нетерпѣливый жестъ, какъ бы сбрасывая эту немѣстную ласку, и тихія слезы покатались у нея сквозь блѣдныя похудѣвшіе пальцы.

Лидія все время держалась отъ него въ отдаленіи, и не дальше, какъ въ это утро, онъ замѣтилъ, что Нина—бѣленькая, полненькая, съ густой бѣлокурой косою и кошачьей граціей—несравненно мягче и женственнѣе. Нина такъ довѣрчиво брала его подъ руку, когда провожали на кладбище, такъ нѣжно прижималась къ нему, подѣтски выражая надежду, что онъ не покинетъ ихъ, замѣнить отца, такъ умилительно плакала и призывала отца, когда музыканты военнаго округа играли траурный маршъ, а пѣвчіе пѣли «Святый Боже» и «Вѣчную память»,—она такъ граціозно носила свою траурную вуаль, а Лидія такъ по-мужски дѣловито распорядилась людьми и вещами,—что онъ поколебался и въ видѣ опыта полушутя предложилъ Нинѣ:

— Если сестра ваша Лидія не питаетъ ко мнѣ никакого влеченія, я желалъ бы, Нина, жениться на васъ, чтобы не разрывать съ вашимъ семействомъ. Спросите у вашей сестры, не согласится ли она помѣняться съ вами?—не безъ коварства подучилъ онъ.

И Нина не удивилась. Она привыкла все получать послѣ старшей сестры: и платья, и шляпки, и ненужныхъ поклонниковъ. А роль невѣсты, которой всѣ угождаютъ и для которой шьется «прида-

ное», теперь особенно соблазняла ее. Она сейчас же пошла къ сестрѣ, занятой разборкой бумагъ въ сосѣдней комнатѣ.

— Лидія, знаешь, Лука Ѳомичъ хочетъ жениться на мнѣ, если ты не хочешь...

Лидія долго не отвѣчала.

— А ты сама хотѣла бы пойти за него?—послышался наконецъ ея голосъ.

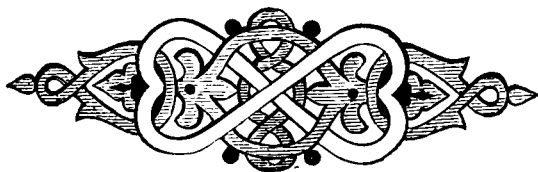
— Отчего же, если онъ хочетъ, а ты не хочешь.

— Ну, такъ и выходи, сдѣлай милость. Я не стану мѣшать.

Заслонный слышалъ отвѣтъ—и онъ торжествовалъ. Ледяной тонъ противорѣчилъ значенію словъ. Ея гордость оскорблена. Она страдаетъ и, можетъ быть, завидуетъ даже сестрѣ. Бѣдная дѣвушка! Столько достоинствъ—такая способная, чуткая, умная, но слишкомъ независимый, черствый, совсѣмъ не женскій характеръ...

В. Тимофеева-Починковская.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ О ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПРОТОІЕРЕЯ І. В. ВАСИЛЬЕВА ¹⁾.

VII

Великая княгиня Марія Николаевна и ея семья.—Княгиня Бутеръ и др.—Трагическая судьба сербской семьи Стойковичъ.—Пасха въ парижской русской церкви.

В АСТОЙ прихожанкой нашей церкви была подолгу жившая въ Парижѣ великая княгиня Марія Николаевна и вся ея семья: сыновья, дочь, принцесса Евгенія Максимиліановна, красавецъ-мужъ великой княгини, графъ Строгановъ, и дочь отъ него, тогда дѣвочка лѣтъ 3—4. Графъ былъ высокаго роста, брюнетъ съ чудными черными, очень строгими глазами и производилъ на всѣхъ большое впечатлѣніе своей воистину царской осанкой. Мы любили смотрѣть въ окно, когда подъѣзжала къ церкви великая княгиня. У нея тогда болѣли ноги, поэтому она носила широкія, почему-то зеленыя туфли и, поднимаясь по лѣстницѣ, высоко поднимала платье, захватывая и юбку, такъ что виденъ былъ большой кринолинъ. Это зрѣлище доставляло намъ истинное удовольствіе.

Великая княгиня имѣла внушительный видъ: очель высокая, скорѣе худошавая, стройная, она, не будучи тогда уже красивой, сохранила прекрасный, правильный профиль. Я ее помню тогда, когда ей было лѣтъ 45—50. Великая княгиня часто послѣ обѣдни приходила къ намъ всей семьей пить чай; мужъ ея не смѣлъ садиться въ ея присутствіи безъ ея особаго приглашенія. Насъ предупредили,

¹⁾ Продолженіе. «Истор. Вѣстн.», т. CXLV, стр. 596.

что и мы не должны садиться передъ великой княгиней, которая всегда желала насъ всѣхъ видѣть. Вотъ мы сдѣлали глубокой реверансъ и стоимъ передъ ней, — остальные всѣ сидятъ. Вдругъ великая княгиня обращается къ сидящимъ сыновьямъ и говоритъ: «Какъ хорошо! Молодые люди сидятъ, а барышни стоятъ!» Сконфуженные князья вскочили со своихъ мѣстъ и непременно захотѣли, чтобы мы заняли ихъ стулья.

Дочь великой княгини, принцесса Евгенія, очень всѣмъ нравилась своей русской красотою — круглое, румяное лицо, бѣленькая, очень привлекательная и привѣтливая. Она возбудила къ себѣ страсть горе-композитора, полусумасшедшаго Лазарева. Онъ буквально преслѣдовалъ свою пассію, писалъ ей ноты, стихи, романсы и, ожидая пріѣзда великой княгини съ чудной дочерью, которую онъ называлъ «Женя», онъ топтался нетерпѣливо на церковной паперти, тяжело вздыхая и закатывая глаза. Онъ былъ замѣченъ, и пришлось его, съ большимъ трудомъ, убрать. Лазаревъ былъ страшный пугало, съ красно-лиловымъ лицомъ, съ выпученными безумными глазами. Онъ носилъ къ намъ свои музыкальныя произведенія, которыя невозможно было разыгрывать — какая-то какофонія звуковъ и такіе интервалы, какихъ ни одна рука не могла взять. Софья его прямо выгоняла за дверь, но онъ лѣзъ въ окно. Вздумалъ онъ дать концертъ исключительно изъ своихъ произведеній; возмущенные слушатели стали стучать свистать и бросать въ маэстро всякую дрянь. Въ свою очередь, возмущенный маэстро пришелъ въ ярость, и въ публику полетѣли стулья, пюпитры, ноты; насилу удалось освободить залу и успокоить злосчастнаго композитора со своей музыкой будущаго... Пріѣхали наконецъ родные Лазарева и увезли своего неистоваго родственника.

Слѣдуетъ отмѣтить золотопромышленника, страшнаго богача Демидова, племянникъ котораго купилъ себѣ впослѣдствіи у папы титулъ князя Санъ-Донато, по названію своего большого имѣнія близъ Рима. Самодуръ-милліонеръ, до уродливости тучный, благодаря своему богатству, былъ женатъ на красавицѣ, кузинѣ Наполеона, принцессѣ Матильдѣ, въ которую самъ Наполеонъ былъ безнадежно влюбленъ и къ которой ужасно ревновала его императрица Евгенія, красавица собой, но неважнаго происхожденія. Гордая, очень умная принцесса, конечно, вышла замужъ чисто по расчету, чтобы милліонами русскаго супруга поправить свои сильно разстроенныя денежныя дѣла, а Демидовъ, будучи по происхожденію купцомъ, желалъ забраться изъ тщеславія въ высокія хоромы. Бракъ этотъ былъ очень непродолжителенъ, такъ какъ самодуръ Демидовъ вздумалъ примѣнять такой же способъ воздѣйствія въ разговорѣ съ супругой-принцессой, какъ съ любой Матрешкой, т. е. далъ волю рукамъ, оскорбивъ принцессу дѣйствіемъ. Бракъ, конечно, былъ расторгнутъ, и принцесса, какъ пострадав-

шая сторона, получила отъ мужа громадное содержаніе и денежное обезпеченіе. Черезъ нѣсколько времени Демидовъ вздумалъ вновь сойтись съ своей разведенной супругой, но она рѣшительно отклонила эту честь, хотя и принимала въ своихъ пышныхъ салонахъ своего ex-супруга. У принцессы собирались сливки общества и вообще видные общественные дѣятели; отецъ мой былъ частымъ гостемъ принцессы. Въ политическихъ бесѣдахъ кузина императора позволяла себѣ въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ осуждать императора Наполеона, и между ними отношенія прервались. У Демидова, страдавшаго подагрой, была особая карета съ очень низкой подножкой, почти у панели; его высаживали подъ руки два лакея и тащили по церковной лѣстницѣ, гдѣ наверху его сажали въ кресло и вкатывали въ церковь. Потомъ онъ совсѣмъ не могъ подниматься, такъ что лакеи сажали его на какую-то дровоноску и втаскивали наверхъ. Онъ былъ очень выгоднымъ прихожаниномъ, заказывалъ обѣдни, за которыя платилъ очень щедро, но у него былъ французь-управляющій, который приносилъ на квартиру плату за обѣдню и—не доносилъ. Отецъ ему разъ замѣтилъ, что «курочка» (такъ называли они плату) что-то хирѣетъ, а управляющій увѣрялъ, что отцу такъ кажется.

Постоянно жила въ Парижѣ княгиня Бутера, слѣпая: у нея былъ свой домъ съ церковью, въ которой отецъ для нея служилъ обѣдни. Изрѣдка пріѣзжала въ церковь герцогиня Морни, урожденная княжна Трубецкая. Ахъ, какая она была рѣдкая красавица! Черты лица прямо точеныя. Мужъ ея, министръ иностранныхъ дѣлъ, былъ незаконнымъ братомъ Наполеона и до неприличія похожъ на него, только лучше сложенъ. Герцогъ при дворѣ игралъ видную роль совѣтника и увеселителя. Герцогиня вывезла съ собой въ Парижъ свою немолодую горничную, которая обожала свою госпожу, была ея наперсницей, исполняла ея дѣла и была первой совѣтницей. Она зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы герцогиня, хотя бы время отъ времени, посѣщала свою православную церковь, и эта простая женщина берегла свою госпожу отъ соблазновъ развращеннаго двора Наполеона. У насъ Морни тоже бывала, хотя не часто. Она была очень мила въ обращеніи, безъ всякаго чванства.

Тургенева я помню мало—очень ужъ рѣдко онъ показывался. Осталось только о немъ воспоминаніе отъ его громаднаго роста, большой бороды и спутанныхъ бровей. Подолгу жилъ въ Парижѣ фельдмаршалъ князь Барятинскій со своей хорошенькой женой; онъ былъ, намѣстникомъ на Кавказѣ. Они были очень дружны съ отцомъ; князь не владѣлъ ногами, его катали въ креслѣ по улицамъ. Онъ очень любилъ показывать пожалованный ему за покореніе Кавказа фельдмаршальскій жезлъ, украшенный драгоценными камнями. Потомъ хорошо помню извѣстнаго профессора университета Шевырева съ двумя взрослыми дочерьми, изъ кото-

рыхъ одна изображала изъ себя разочарованную жизнью особу, держала голову слегка на бокъ, съ полу-томными глазами и была очень интересна. Оригинальный типъ представляли двѣ старыя дѣвицы, очень богатая, Дебольцева, которыми совершенно управлялъ вывезенный ими изъ Россіи русскій нахальный лакей, котораго онѣ очень любили. Если онѣ бывало сдѣлаютъ что-либо противъ желанія лакея, не послушаются его въ чемъ-либо, онѣ начинаютъ ихъ бранить, какъ дѣвчонокъ, угрожая, что уйдетъ отъ нихъ, бросивъ ихъ однѣхъ въ Парижѣ. Отъ этой угрозы Дебольцевы приходили въ отчаяніе, плакали, просили у лакея извиненія, умоляли его не отходить отъ нихъ. Лакей снисходилъ къ просьбамъ своихъ старыхъ барышень, заключался непродолжительный миръ со взятіемъ съ его стороны контрибуціи за безпокойство: прибавка жалованія и дорогіе подарки. Вотъ какіе человѣческіе образчики вертѣлись въ Парижѣ!

Много лѣтъ проживали въ Парижѣ богатые помѣщики С. Я ихъ тамъ помню; m-me С. была крестной матерью моей младшей сестры Любы. Отношенія этой семьи къ нашей были весьма близки. Сама С. была женщина красивая, но еврейскаго типа и имѣла кучу дѣтей всѣхъ возрастовъ, чуть ли не девять человѣкъ. Эти С. были весьма богаты, но слишкомъ долго засидѣлись въ Парижѣ, чѣмъ лишили себя правъ подданства и своихъ громаднхъ помѣстій въ Россіи, которыя были секвестрованы правительствомъ. Они стали ощущать недостатокъ въ средствахъ, долго крѣпились, но наконецъ стали хлопотать о возвращеніи въ подданство и о снятіи секвестра съ ихъ имѣній. Русское правительство отклонило всѣ эти ходатайства. Долги семьи росли, дошло до того, что русское посольство выдавало С. небольшую помощь, да и у папаша они занимали небольшія суммы безвозвратно. Наконецъ, видя свое безвыходное положеніе, они рѣшились выѣхать изъ Парижа на забытую родину, чтобы не впасть въ Парижѣ въ нищету. Собрали имъ нужную сумму, причемъ мой отецъ далъ С. займы порядочно денегъ, и они уѣхали, обязавшись отцу возратить со временемъ свой долгъ. Въ Петербургѣ, благодаря ихъ возвращенію и хлопотамъ, дѣла ихъ стали поправляться, они вернули свои помѣстья и стали въ ожиданіи полнаго окончанія своихъ дѣлъ безбѣдно жить въ Москвѣ. Когда мамаша узнала, что С. возстановила свое временно утраченное состояніе, она поѣхала къ ней въ Москву, прося уплатить свой долгъ, заключенный 15 лѣтъ тому назадъ. Мать моя была принята неблагоприятно С. болѣе чѣмъ сухо, причемъ она не безъ амбиціи заявила, что долга своего отцу она не забыла, что дѣла ея еще не кончены, и что со временемъ она расплатится съ матерью. Денегъ, однако, она никогда не вернула, хотя была вновь весьма богата...

Княгиня Терезія Трубецкая пожаловалась отцу, что мы поздно ходимъ къ обѣднѣ и торчимъ у окна, разглядывая подѣзжающихъ

къ церкви довольно безцеремонно; къ сестрѣ Лизѣ эта жалоба не относилась, она раньше княгини бывала въ церкви... Княгиня, очевидно, чувствовала на себѣ наше критическое око, это ея не радовало, да и святл. княгиня Чернышева, весьма грузно поднимавшаяся по лѣстницѣ, сохраняла на лицѣ гордое, злое выраженіе, которое, вѣроятно, предназначалось намъ. Отецъ запретилъ намъ смотрѣть въ окна во время сѣзда публики и, чтобы не было намъ соблазна, велѣлъ опускать ставни у оконъ. Хотя ставни были рѣшетчатые и можно было сквозь нихъ смотрѣть, но удовольствіе было утрачено, мы предпочли отправляться въ церковь.

Въ то время въ Парижѣ жилъ Титовъ, посолъ въ Константинополѣ, съ красавицей дочерью Нелли. Сама Титова имѣла нервный, болѣзненный тикъ, у нея ежеминутно откидывалась голова назадъ, какъ-то судорожно, на нее тяжело было смотрѣть. Единственный сынъ княгини Чернышевой влюбился въ Нелли Титову и, несмотря на протесты княгини, находившей, что Титова не достаточно знатна для сына, послѣдній все-таки на ней женился. Мать примирилась съ фактомъ, но все же относилась къ невѣсткѣ высокомерно, пренебрежительно. Отъ этого брака родился, опять-таки единственный, сынъ, а вскорѣ отецъ его скончался. Чернышева взяла вдову съ ребенкомъ къ себѣ, ревниво оберегая внука отъ вліянія его матери, и сама его воспитывала. Впослѣдствіи молодая вдова вторично вышла замужъ, и гордая свѣтлѣйшая никогда не могла ей простить, что она осмѣлилась свой высокій титулъ промѣнять на менѣе громкій.

Можно смѣло сказать, что въ то время (1850—67 г. г.) Парижъ вмѣщалъ въ себѣ всю Россію, какъ интеллигентную, трудовую, такъ и высшую, аристократическую. Не могу даже перечислить всѣхъ бывавшихъ въ то время у насъ, но не могу пройти молчаніемъ память чудной, обожавшей насъ Лизы Стойковичъ. Отецъ ея былъ большой придворный чинъ въ Сербіи, и его младшая дочь, красавица Юлія, была объявлена невѣстой сербскаго престолонаслѣдника Милоша. Она пользовалась всѣми преимуществами своего высокаго положенія, имѣла свой штатъ, разъѣзжала въ придворномъ экипажѣ. Въ Сербіи вспыхнула революція, приведшая къ паденію династіи царствовавшаго князя, и Милошъ не то бѣжалъ, не то былъ убитъ. Спасаясь отъ революціонеровъ, Стойковичъ бѣжала изъ Сербіи, боясь репрессіи народа за свою близость къ низвергнутой династіи. Само собой разумѣется, что его имущество и помѣстья были секвестрованы и разграблены, Стойковичъ отъ пережитыхъ волненій вскорѣ умеръ, а его вдова, бывшая придворная дама, съ двумя дочерьми переселилась въ Парижъ съ жалкими остатками когда-то крупнаго состоянія. Сама Стойковичъ, старая избалованная женщина, крайне несимпатичная, не могла забыть своего прежняго величія и, несмотря на скверныя житейскія обстоятельства, сохра-

нила большую гордость въ обращеніи со всѣми. Старшая дочь Елизавета, очень некрасивая, съ загнутымъ, какъ у орла, носомъ сербскаго образца, была прекрасно, университетски образована, но довольно глупа, какаѣ-то наивная, всему и всѣмъ вѣрившая. Чуткая ко всему изящному, она прекрасно понимала и преподавала музыку, хотя сама совершенно не играла; она послѣ семейныхъ несчастій поступила гувернанткой въ частный домъ и почти весь заработокъ отдавала матери, которой прямо нечего было ѣсть, но которая вмѣстѣ съ своей дочерью Юліей сохранила замашки богатыхъ людей. Проживъ остатокъ своихъ небольшихъ средствъ, мать помѣстила неудачную княжескую невѣсту въ танцевальное училище, рассчитывая, не безъ основанія, что съ красивой внѣшностью дочь должна сдѣлать себѣ красивую карьеру. Юлія была очень лѣнива да и не отличалась большими умственными силами и до смерти своей матери безпрекословно ей повиновалась. Окончивши театральное училище весьма посредственно, за свою красоту и сенсационное прошлое она была принята на французскую сцену Большой оперы танцовщицей «у воды». Красавицу увидѣлъ старый селадонъ Демидовъ и предложилъ ей полное содержаніе и прекрасно обставленную квартиру. Нравственно небрежливая мать и дочь съ радостью ухватились за выгодное предложеніе. Юлія осталась, для прикрытія факта, на сценѣ, но при всемъ томъ сохранила большой гоноръ. Лиза по глупости была убѣждена, что родныя ведутъ такую сытую, привольную жизнь на ея скудную помощь. Случайно узнавъ истину, она въ отчаяніи умоляла сестру бросить Демидова, обѣщая еще больше зарабатывать и все отдавать роднымъ. Она ихъ окружала ореоломъ мученичества за ихъ прежнія страданія. Но мученицы не пошли на новыя мученія, считая святость свою достаточно обезпеченной безъ новыхъ жертвъ. Вѣдная Лиза! Сколько разочарованій испытала она отъ обожаемыхъ ею матери и сестры! Какая это была чистая душа, преданная до самопожертвованія! Она была у насъ больше, чѣмъ родная, любимый другъ семьи, рѣдкая по настроенію, религіозная, истинная христіанка. Вскорѣ послѣ нашего отъѣзда изъ Парижа она переселилась въ Петербургъ, гдѣ и умерла 45 лѣтъ. Миръ ей вѣки!

На Пасхѣ у насъ бывала прекрасная служба ночью. Дворъ и вся церковная лѣстница бывали иллюминированы плашками (Lampions). Это были каменные плоскія чашки, налитыя саломъ, въ которыя втыкался фитиль; свѣтили онѣ хорошо, но и также хорошо чадили. Вся прилегающая къ церковной оградѣ панель, всѣ откосы оконъ—все свѣтилось. Очаровательно! Въ церкви яркое освѣщеніе; тогда еще, слава Богу, не проникъ въ храмы мертвый электрической свѣтъ, а всѣ люстры горѣли чистыми восковыми свѣчами; передъ мѣстными иконами иконостаса горѣли не фальшивыя фарфоровыя свѣчи со вставленной въ нихъ электрической свѣчкой или лампадой,

а толстыя желтыя восковыя свѣчи; въ лампадкахъ горѣло чистое оливковое масло. Пѣніе чудное, красивая тройная служба съ чтеніемъ у обѣдни Евангелія на четырехъ языкахъ: славянскомъ, русскомъ, греческомъ и латинскомъ. Все сіяло и возносилось къ Подателю всѣхъ благъ.

Въ церкви у предстоящихъ туалеты, брильянты—изумительные. Всѣ дамы декольтэ, въ предѣлахъ приличія, мужчины въ лентахъ, во фракахъ. Въ эту ночь у заутрени даже взрослые плохо стояли въ церкви: настроеніе возбужденное, осматривали, оцѣнивали наряды другъ друга и даже разговаривали во время службы между собой. Да и вообще папашѣ много приходилось бороться для искорененія скверной привычки болтать въ церкви. Забывши о святости мѣста, русскіе послѣ обѣдни разсаживались на стулья, начинались непринужденныя бесѣды вслухъ, своего рода «five o'clock», только безъ чая. Конечно, на шумъ отцу приходилось выходить изъ алтаря усмирять безтактность своихъ прихожанъ, приходилось даже съ кафедръ говорить проповѣди на тему объ уваженіи къ храму. Кое-какъ удалось ему прекратить эти неумѣстные разговоры, или они, по крайней мѣрѣ, перестали быть общими. Такъ вели себя въ храмѣ сливки, передовое сословіе православной, русской земли!

Послѣ заутрени отецъ приглашалъ всѣхъ присутствовавшихъ въ церкви къ себѣ разговляться, входныя двери квартиры оставались открытыми всю ночь, и каждый желающій, кто бы онъ ни былъ, входилъ къ намъ, какъ къ себѣ домой. Собственно говоря, разговѣніе долженъ былъ устраивать посоль, но послѣ отъѣзда любимаго князя Орлова былъ назначенъ рыжій прибалтійскій баронъ Будбергъ, не пользовавшійся популярностью среди русской колоніи. Къ тому же онъ былъ лютеранинъ, хотя и женатый на православной; въ церковь ходилъ исключительно въ официальные дни по обязанности своего положенія, а потому на устраивавшіяся у него разговѣны ходила очень небольшая кучка русскихъ,—всѣ устремлялись къ намъ. Чуть не за двѣ недѣли начинались у насъ грандіозныя приготовленія къ празднику: красили горы яицъ, готовили непременно четверговую соль, пекли куличи, дѣлали пасхи и пр. Столы ночью на Пасху накрывали въ трехъ комнатахъ, бывало до 200 человекъ, все время входящихъ, уходящихъ. Окончательно расходились около 5 часовъ утра. Многіе приходили разговляться прямо послѣ заутрени, иные—послѣ обѣдни. Мнѣ было 13 лѣтъ, когда позволено было остаться разговляться; до этихъ лѣтъ намъ не позволялось ходить къ заутренѣ, мы должны были ложиться въ обычное время. Конечно, мы не спали и смотрѣли во дворъ черезъ закрытыя ставни. Я уже не застала ни прежней пышности, ни прежняго оживленія, такъ какъ лѣтомъ этого же года отецъ мой долженъ былъ навсегда уѣхать изъ Парижа въ Петербургъ, куда его очень лестнымъ дѣйствіемъ приглашалъ оберъ-прокуроръ Св. Синода,

графъ Д. А. Толстой, впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ. Розговѣны въ этомъ послѣднемъ, 1867-мъ году были только для самыхъ близкихъ знакомыхъ; остальная масса русскихъ вынуждена была поѣхать къ русскому послу.

VIII.

Характеристика русскаго и французскаго воспитанія. — Будничная жизнь въ Парижѣ. — Нравы и обычаи. — Незнакомство французовъ съ Россіей. — Парижскіе квартиры и рынки.

Наше воспитаніе за границей сильно отличалось отъ русскаго: насъ не торопились превращать въ неудовлетворенныхъ стариковъ, до 16 лѣтъ мы въ Парижѣ съ увлеченіемъ могли играть въ куклы, а это было въ 1860—67 гг., когда даже дѣвочки въ Петербургѣ увлекались высшими вопросами, которые рѣшали съ зелеными своими кавалерами. Здѣсь чуть не трехлѣтнихъ младенцевъ тащатъ съ собой ночью на Пасху въ церковь, на соблазнъ и негодованіе взрослыхъ, потому что полусонные ребята скверно стоятъ, поровятъ свѣчей поджечь стоящаго впереди богомольца. Еще печальнѣе видѣтъ маленькихъ дѣтей въ театрахъ, ихъ набиваютъ въ ложу, какъ сельдей въ бочку; водятъ не только на балеты, но и въ оперы, всегда съ любовными сюжетами, и на драмы и пр. Все это подвито, разодѣто, кокетничаетъ съ мальчиками, а у родителей отъ избытка радости не сходитъ съ лица «блаженная» улыбка. Бѣдныя «большія» малютки! А чего только не читаютъ для самообразованія наши подростки! Одна судебная хроника газетъ чего стоитъ!

Въ театры насъ, дѣвочекъ, не водили, только въ циркъ къ фокусникамъ, а потому, когда мы переѣхали въ Петербургъ, мы оказались такими наивными, чистенькими дѣвушками, что всѣмъ нравились своей невинностью среди русскихъ «развитыхъ» сверстницъ, а потому мы брались замужъ прямо нарасхватъ: ежегодно бывала свадьба которой-либо изъ дочерей, старше 18 лѣтъ у насъ не засиживались.

Соня была большой любительницей птицъ; у нея ихъ бывало много разнообразнѣйшихъ породъ, до красивѣйшихъ колибри включительно. Она сама ходила за своей многочисленной семьей и покупала для нихъ особую птичью травку *шопшон*, которая продавалась на ручныхъ телѣжкахъ. Зная о любви Сони къ птицамъ, одинъ русскій, холостякъ Бутурлинъ, не владѣвшій ногами, уѣзжая совсѣмъ изъ Парижа, подарилъ сестрѣ своего попугая чудной красоты, бѣлаго, съ розовой подбивкой какаду. Онъ только и зналъ одно слово «кокотъ» и что-то болталъ совершенно непонятное.

Разъ въ недѣлю тотъ же добрякъ Бутурлинъ присылалъ намъ ландо на цѣлый день кататься по Булонскому лѣсу. Въ экипажъ насъ забирала сколько возможно, человѣкъ 6 дѣтей, одна на козлахъ

съ кучеромъ, гувернантка, няня съ младенцемъ,—чисто Поевъ ковчегъ, всего по парѣ, чистыхъ и нечистыхъ. Гувернантка брала на себя роль дамы изъ бо-монда и закидывала руки въ капоть экипажа, чтобы было удобнѣ сидѣть... Кучеръ насъ слегка презиралъ, мы же къ этому относились равнодушно и съ громаднымъ удовольствіемъ катались по главной аллеѣ въ хвостѣ собственныхъ экипажей съ разряженными дамами. Къ довершенію элегантности мы жевали что-нибудь вкусное...

Чудныя Елисейскія поля! Широчайшая аллея, съ одной стороны къ шоссе обсаженная деревьями, а другая сторона украшенная виллами, собственными дачами богачей, съ садами. По широкому шоссе оживленная экипажная и верховая ѣзда, такъ какъ эта аллея служить главной артеріей, ведущей въ Булонскій лѣсъ. Съ одного конца поля граничатъ съ Триумфальной аркой, на которую можно взбираться по очень узенькой спиральной лѣстницѣ. Сверху открывается прекрасный видъ на Парижъ. Елисейскія поля были сборнымъ пунктомъ элегантныхъ, богатыхъ матерей со своими дѣтьми. Родители или гувернантки разсаживались на платные желѣзные стулья вдоль панели, а дѣти играли и приглашали къ участию и другихъ дѣтей. Образовывались большіе хоробы съ разными пѣснями, и устраивались, бывало, такія интересныя игры, что взрослые прохожіе останавливались любоваться на нихъ. Каждая изъ насъ отличалась ловкостью въ какой-нибудь игрѣ: въ мячъ, въ обручи и пр. Моя специальность была прыгать *à la corde*, со всякими штуками и неумоимо, на одной ногѣ, очень быстро—«кукусъ», медленно—«масло». Посреди полей стоялъ большой каменный круглый циркъ, куда насъ иногда водили и на крышѣ котораго погибло много нашихъ мячиковъ. Катались на козахъ: въ хорошенькій дилижансъ, куда могло усѣсться 4—5 дѣтей, впрягали парами 6 или 8 козь, которыми управляла женщина, шедшая рядомъ, а дѣти фиктивно управляли, держа въ рукахъ вожжи. Ъхали шагомъ, но важно, а няни плелись сзади. Самое большое удовольствіе доставляли намъ кукольныя комедіи *guignol* (театръ). Небольшія деревянныя будки, въ которыхъ была спереди открытая сцена, даже съ декораціями. Кругомъ порядочное, огороженное канатомъ мѣсто для зрителей, со скамейками (10 сант.) и стульями (15 сант.) Насъ было много, а потому мы садились на скамейки. Очень хороши бывали представленія, напримѣръ, переѣздъ на квартиру г. Перю: вдругъ лошадь начинала бѣситься, и съ воза въ публику падали стулья, матрасы и всякія вещи кукольнаго обихода. Дѣти съ мѣстъ бросали вещи обратно, что было весьма весело. Тутъ же продавались ячменныя сахарныя палочки вершка три длиною и два пальца толщиною, на всѣ вкусы; мы ухитрялись ихъ высасывать до тончайшей колючей ниточки. Въ Тюльерійскомъ саду не такъ бывало весело, но онъ очень хорошъ, весь обсаженъ былъ дикимъ каштаномъ. Послѣднихъ

много падало, мы ходили собирать ихъ. Не знаю, къ чему они годились. Прекрасное удовольствіе доставляла также прогулкѣ въ *Jardin des plantes*—онъ жѣ и зоологическій. Садъ находился очень далеко отъ насъ, такъ что нанималась на весь день карета, и мы уѣзжали на цѣлый день туда, въ Старый Парижъ, за Сену. Этотъ садъ былъ замѣчательнъ по количеству и качеству животныхъ и птицъ, гадовъ и пресмыкающихся, которыми онъ былъ наполненъ.

Зима въ Парижѣ бывала довольно мягкая и короткая, случалось 4—5 гр. ниже нуля, но недолго, а также хотя снѣгъ и перепалъ но не лежалъ долго. Больше всего, особенно въ февралѣ-мартѣ, падало града, очень крупнаго. Вообще жѣ даже въ морозы декабря-января мы не носили теплаго платья, кромѣ шерстяныхъ платковъ, муфтъ, а на ногахъ гетры.

Мы пережили въ Парижѣ очень сильную азіатскую холеру, боялись выходить на улицу, чтобы не заразиться. Поставщики приносили припасы на домъ, оставляя ихъ на лѣстницѣ на дворѣ. Ставни квартиры во избѣжаніе жары (іюль), вызывающей жажду, были закрыты; много пить во время холеры считалось вреднымъ. Ягодъ былъ большой урожай, но ихъ ѣли только компотами, или обливали кипяткомъ до ѣды, и все же разрѣшалось только въ очень маленькомъ количествѣ. Когда отецъ возвращался домой послѣ требъ, то мѣнялъ свою одежду и потомъ уже шелъ къ семьѣ. Обезсиленный народъ прямо падалъ на улицахъ, большинство носили у носа и рта особые респираторы, чтобы не наглотаться испорченнаго воздуха. Слава Богу, ни у насъ, ни среди причта никто холерой не заразился.

Въ *Ville d'Avray*, чудной загородной мѣстности, утопавшей въ плодовыхъ садахъ, жила Огарева, страшная богачиха, некрасивая. Жила какъ-то таинственно, никуда не показываясь, такъ что мамаша, очень дружившая съ ней, исполняла ея порученія въ городѣ. Съ нея снималъ портретъ знаменитый Винтергальтеръ,—не понимаю, что въ ней было достойнаго его кисти. Лиза часто гостила у одинокой Огаревой. Однажды, когда Лиза гостила въ *Ville d'Avray*, зачѣмъ-то пріѣхала туда Софья и, уходя, какъ вторая Ева, соблазнилась чудными яблоками и, несмотря на протесты Лизы, сорвала нѣсколько штукъ. Яблоки были какого-то, особаго сорта, дорогой породы, а потому на счету у хозяевъ. На другой день Огарева замѣтила исчезновеніе яблокъ и стала объ этомъ допрашивать Лизу, очевидно, подозрѣвая ее въ кражѣ. Лиза смѣшалась, заплакала, увѣряя, что ничего не знаетъ, и, несмотря на позорное подозрѣніе, тяготившее надъ ней, не выдала своей няньки. Огарева озлилась на Лизу, отправила ее домой и больше къ себѣ не приглашала.

Однажды младшія сестры заболѣли коклюшомъ¹⁾. Надо было

¹⁾ Интересенъ былъ способъ леченія коклюша. Собирали маленькихъ слизняковъ—колимасоны—и клали ихъ въ холщевый мѣшечекъ, который обливали кипяткомъ; стекающую слизистую воду давали пить больному.

отдѣлить здоровыхъ отъ больныхъ. Одна знакомая французская семья, которая имѣла свой домъ въ St-Germain, предложила родителямъ перевести насъ туда. Предложеніе было принято съ благодарностью, и мы съ няней переѣхали туда. Домъ былъ каменный, стоялъ на довольно пустынной большой дорогѣ, а на крышѣ дома, плоской, была большая терраса. Однажды поздно вечеромъ, когда мы еще не успѣли заснуть, няня услышала шумъ въ верхнемъ этажѣ, что ломятся въ дверь, ведущую съ террасы въ комнаты, стараясь сбить замокъ. Дверь была не надежная, одностворная и требовалось бы не особенно продолжительное усиліе, чтобы ее выломать. Софья взяла половую щетку, и мы все вооружились, кто чѣмъ могъ, и двинулись гуськомъ по лѣстницѣ, ведущей къ двери, нянька впереди. Тутъ, дойдя до дверей, она стала въ нихъ стучать палкой, и мы все подняли ужасный крикъ. Услыхавъ шумъ и большое количество голосовъ, воры удрали, но мы были такъ напуганы, что ночь прошла безъ сна. Потомъ каждый вечеръ, ложась спать, мы баррикадировали дверь комодомъ и разной мебелью, но все же страшно трусили. Написали родителямъ о происшедшемъ, и мамаша велѣла намъ немедленно выѣхать обратно въ Парижъ. Мы по возвращеніи хотя и заразились коклюшомъ, зато нервы поуспокоились.

Во время карнавала (масленица) парижскія улицы превращались въ сумасшедшій домъ: почти все ходили по улицамъ въ болѣе или менѣе уродливыхъ маскахъ, со свистками, дудками и прибаутками, придирались къ прохожимъ; только тогда еще въ Парижѣ не бросались ужасными конфетти изъ глины, отъ которыхъ больно и грязно. Этотъ неприятный обычай потомъ перешелъ изъ Италіи, гдѣ конфетти дѣлались изъ какой-то грязной пасты. Въ Парижѣ тогда ничѣмъ не бросались, кромѣ шутокъ и остроумія. По улицамъ, даже аристократическимъ, двигались разнообразныя колесницы (chars), въ которыя набивались всевозможные ряженые; иногда, когда колесница бывала особо удачно украшена, публика аплодировала; особеннымъ изяществомъ всегда отличалась колесница французскихъ прачекъ. Музыка гремѣла на углахъ улицъ, гамъ и непринужденное веселье. У французовъ я не помню блинного обычая, но у насъ пеклись настоящіе русскіе блины. Въ понедѣльникъ, вторникъ, среду и четвергъ на масленицѣ происходило шествіе откормленнаго быка по заранѣ отмѣченнымъ въ программѣ праздника улицамъ. Приходилось очень рано занимать себѣ мѣста вдоль панели, такъ какъ толпа народа иначе лишала возможности что-либо видѣть. Быкъ феноменальныхъ размѣровъ, откормленный до предѣловъ возможнаго, весь убранный лентами и цвѣтами, медленно двигался среди расфранченныхъ мясниковъ, которые вели его на шелковыхъ лентахъ. Впереди и сзади этого шествія двигались разукрашенныя колесницы, иногда символическаго сюжета.

Православный храм въ Парижѣ.

вродѣ весны, лѣта, осени, зимы, а инья не безъ остроумія пытались изобразить что-либо на злобу дня. Все орало, зрители хлопали въ ладоши, а полиція совершенно не вмѣшивалась, предоставляя обывателямъ веселиться по своему усмотрѣнію. По окончаніи карнавала быка зарѣзывали, и лучшіе куски изъ его туши посылались главѣ государства, сановникамъ и именитымъ гражданамъ, за что мясники, конечно, получали солидныя благодарности.

При насъ на бульварѣ Капуциновъ открылась первая торговля русскимъ чаемъ и самоварами. Инициаторомъ этого дѣла былъ ку-

пецъ Корещенко. Мы часто ходили въ этотъ магазинъ за чаемъ. Купецъ приглашалъ насъ въ заднюю темноватую комнатку, гдѣ угощалъ чаемъ съ пти-фурами. Французы были очень заинтересованы новой машиной—самоваромъ—и неизвѣстнымъ имъ до того способомъ завариванія чая, который у нихъ принимался за лекарственную траву, очень полезную отъ простуды и для облегченія пищеваренія. Они сыпали чай въ кастрюлю съ водой и долго кипятили, выходило чуть не чернаго цвѣта пойло, которое они сами пили съ отвращеніемъ. Въ окнѣ магазина были выставлены самовары, а въ лавкѣ купецъ любезно угощалъ чаемъ, училъ пользоваться машиной, чѣмъ много способствовалъ распространенію самовара, и французы полюбили чай, стали его заваривать по-русски. Въ Парижѣ чай былъ особенно вкусенъ съ biscottes (сухарями особаго приготовления), которые только и продавались въ одной булочной.

Не буду описывать улицъ Парижа—это неспосный, однообразный трудъ, а мы, родившіяся и жившія тамъ, не обращали большого вниманія на ихъ красоту. Напримѣръ, знаменитая улица Риволи подъ арками намъ даже не нравилась. Очень широкая аристократическая улица, въ которой почти не было магазиновъ, а очень богатые барскіе особняки и отели.

При императорѣ Наполеонѣ III Парижъ содержался въ образцовой чистотѣ и порядкѣ. Чудныя, широкія панели значительно выше мостовой: во время дождя не требовалось подставлять зеленныя кадки, а водосточныя трубы проводились концами подъ панель, такъ что дождевая вода по жолобу выводилась за панель; образовывался ручей, въ проливные дожди приходилось его даже перепрыгивать. Рабочіе съ большими, особаго устройства метлами изъ тонкихъ желѣзныхъ прутьевъ гнали уличную грязь въ кучки, которыя немедленно убирались, а лужи особыми метлами гнали въ водостоки. Лѣтомъ улицы поливались бочками съ лейкой сзади или изъ резиновыхъ рукавовъ на желѣзныхъ колесикахъ, такъ что одинъ рабочій легко управлялся съ этимъ дѣломъ и двигалъ рукавъ съ мѣста на мѣсто; охватывая поливкой значительно большее пространство, чѣмъ слѣдовало. Рукава неизмѣнно текли, образуя хорошенькіе фонтанчики тамъ, гдѣ проходій этого совершенно не ожидалъ и выражалъ претензію на любезность рабочаго, обмывавшего ему обувь.

На дачу лѣтомъ мы не ѣздили, какъ и большинство парижскаго средняго класса: жизнь въ столицѣ становилась дешевле, такъ какъ разъѣзжались иностранцы по курортамъ; на воздухѣ въ іюль-августѣ было весьма жарко, но въ квартирѣ это не такъ ощущалось, потому что закрывались ставни сквозные, образовывался полусвѣтъ, и солнце не пекло. Мороженаго на улицахъ не продавалось. Большое удобство представляли для холостяковъ и маленькихъ хозяйствъ парижскіе жарильщики (rotisseurs). Это была лавка

съ постоянно настѣжъ открытой дверью и съ большимъ откиднымъ окномъ съ прилавкомъ, на которомъ лежала жареная и сырая провизія, всякая живность, дичь и непременно жаренныя яблоки; въ глубинѣ лавки большой очагъ-каминъ, всегда пылающій, и передъ нимъ вертелъ на ножкахъ съ большой, проходившей насквозь желѣзной иглой, на которую насаживалось мясо, куры и пр. для жаренья. Въ этихъ лавкахъ можно было купить любое количество жаренаго: полкурицы, кусокъ мяса и т. п., тутъ же съѣсть у приготовленныхъ столиковъ или нести домой. Можно было купить сырой матеріалъ и велѣть его тутъ же сжарить.

Французы средняго класса живутъ очень экономно, особенно берегутъ топливо. Кухни отоплялись угольями бездымными, вродѣ того, что продаетъ у насъ Смолинскій для самоваровъ, и это довольно дорого обходится; французы часто не держатъ прислуги, убираетъ и дѣлаетъ черную работу жена портъе или же бываютъ приходящія служанки, которыхъ не кормятъ. Благодаря этому укладу жизни, можно было въ Парижѣ покупать готовымъ цѣлый обѣдъ, начиная съ бульона, и только разогрѣть дома—меньше возни и обходилось дешевле. Очень у насъ въ Россіи въ былое время потѣшались надъ французомъ, покулавшимъ себѣ полъ или четверть курицы, но этотъ обычай начинаетъ входить и у насъ: покупать можно гуся на фунты, но сырого; продаютъ, правда, жареныхъ куриць, но непременно бери цѣлую. Надѣюсь, что мы дойдемъ и здѣсь до «rotisseries». У насъ вообще весьма неосновательно смѣются надъ скаредностью француза: онъ не скареденъ, а осмотрителенъ; вѣдь чиновники и вообще служащіе получаютъ очень маленькое содержаніе, особенно въ сравненіи съ тѣми окладами, которые получаютъ въ Россіи. Соответственно и пенсіи меньше, а у француза—мечта: въ старости имѣть свой уголокъ, домикъ гдѣ-нибудь подъ столицей, въ которомъ можно бы безбѣдно прожить старость; вотъ причина, почему они стараются такъ вести свою жизнь, чтобы, отложивъ денегъ, осуществить свою мечту. По-моему, эта экономія совсѣмъ не смѣшна, а весьма почтенна!

Въ тѣ времена при квартирахъ среднихъ обывателей не полагалось прачечныхъ; бѣлье все, даже мелкое, отдавалось на сторону съ помѣсячной платой. Это обходилось очень дорого, тѣмъ болѣе, что парижская прислуга не дѣлала постирушекъ и не стирала ни своего бѣлья, ни кухонныхъ салфетокъ—все отдавалось. Стирала бѣлье очень хорошо, бѣло и съ блескомъ, но, къ сожалѣнію, достигая этой бѣлизны, прачки неумѣренно употребляли жавелевую воду,—бѣлье скоро рвалось. Въ Парижѣ существовали общія прачечныя на многихъ улицахъ; эти «lavoirs» были городскими учрежденіями, входъ былъ бесплатный, и всегда имѣлась горячая вода для стирки. Въ Парижѣ бѣлье тогда не кипятили, но очень били колотушками,—не знаю, что этимъ достигалось.

Главный парижскій рынокъ, Halles Centrales, по внѣшности напоминалъ нашу Сѣнную, но былъ значительно большихъ размѣровъ. Это были большіе, крытые стекломъ корпуса съ товарами; рынокъ этотъ былъ необыкновененъ тѣмъ, что въ немъ торговали исключительно женщины. Это было ихъ полнымъ автономнымъ, царствомъ; торговки представляли изъ себя особый классъ—«дамы рынка» (*damés de la Halle*); эти особы были съ большой амбиціей и строптивымъ нравомъ, даже мужчины побаивались ихъ и благородно ретировались. Бѣда эту мадамъ чѣмъ-нибудь обидѣть! Выругаетъ такъ, что двери краснѣли и надо было скорѣе удирать, такъ какъ и другія мадамы принимали участіе въ брани, защищая свою товарку! Въ Парижѣ даже образовалась поговорка: «ругается, какъ дама съ рынка». Эти дамы имѣли свое управленіе, пользовались покровительствомъ правительства и имѣли право посылать къ императору свою депутацію для изложенія своихъ нуждъ. Въ Новый годъ Наполеонъ давалъ имъ аудіенцію, причемъ онѣ ему подносили, поздравляя, какой-либо подарокъ, большей частью—гигантскую рыбу. Говорятъ, что эти дамы нестерпимо грубо бранятся, но, по правдѣ сказать, ихъ ругань—младенческой лепетъ передъ русской руганью!

Въ мое время въ Парижѣ еще не было трамваевъ, а циркулировали омнибусы; трамваи очень безобразятъ улицы своими столбами и ужасными рельсами среди улицъ. Омнибусы были желтаго цвѣта, въ нихъ впрягалась пара крупныхъ лошадей-битюговъ, ѣхали довольно быстро; кучеръ сидѣлъ очень высоко, на уровнѣ съ имперіаломъ, куда допускались и дамы. Когда наверхъ забирались мои крупныя сестры—Соня и Надя, то былъ праздникъ кондуктора, который въ восторгѣ говорилъ: «O, les belles jambes!» Когда омнибусъ былъ полонъ, выдвигалась дощечка «полонъ» (*complet*), и больше никто сверхъ нормы не впускался; на мѣстахъ остановокъ омнибуса тогда существовали маленькіе павильоны, гдѣ сидя можно было ждать прибытія кареты и гдѣ выдавались билеты съ № для занятія мѣста въ омнибусѣ. Благодаря этому, каждый по очереди занималъ мѣсто, не было ни толкотни, ни претензій,—кто первый приходилъ, тотъ первый и отъѣзжалъ. Миѣ только одинъ разъ пришлось ѣхать въ омнибусѣ, все больше ходили пѣшкомъ или брали карету. Послѣднія, фіакры, были двухъ и четырехмѣстныя, средней опрятности, съ буржуа на козлахъ; въ Парижѣ извозчиковъ не кличутъ, какъ у насъ: ихъ берутъ или на частныхъ стоянкахъ, на углахъ, или проѣзжающему порожнему просто показываютъ два пальца кверху, и «кошѣ» подъѣзжаетъ къ вамъ. Очень удобна была тамъ такса: за проѣздъ безъ остановки (курсъ) платилось 20 су (40 копеекъ), хотя бы и надо было проѣхать весь городъ. Но, если требовалось у какого-либо пункта остановиться, это считалось на часы,—40 су; въ послѣднемъ случаѣ, чтобы нагнать свой часъ, господинъ кошѣ ѣхалъ какъ мертвый. Кошѣ большой вѣжливостью не отличались.

Внутренній видъ парижскаго православнаго храма.

IX.

Отношеніе І. В. Васильева къ Сентъ-Жерменскому предѣльцу.— Знакомство его съ Муравьевыми, Шевыревыми, Плетневыми.— Аббатъ Мордрель.— Пребываніе въ Парижѣ императора Александра II въ 1867 г.— Русскій отдѣлъ на всемірной выставкѣ.— Переводъ о. Васильева на должность предсѣдателя учебнаго комитета при Св. Синодѣ.

Что русская колонія очень любила и уважала моего отца, это еще не было удивительнымъ и не представляло ничего необычнаго: многіе заграничные священники пользовались и пользуются также

любовью своего прихода; но необычно то, что отца моего также уважало и цѣвило французское высшее общество квартала Сень-Жерменъ, куда онъ приглашался въ салоны знати. Съ французскими домами знакомство было незначительно, но у нѣкоторыхъ русскихъ были французженки-жены; онѣ, конечно, бывали у насъ съ мужьями. Графъ Муравьевъ-Амурскій, маленькій, сѣденькій, со щипанными бачками, румяный, былъ очень веселый, благодушный старикъ, котораго мы весьма любили и вели себя съ нимъ совершенно непринужденно, не считаясь съ тѣмъ, что онъ былъ очень высокопоставленнымъ лицомъ; онъ былъ у насъ своимъ человѣкомъ. Женатъ онъ былъ на толстой, видной французженкѣ очень самостоятельнаго характера, державшей своего сѣятельнаго супруга подъ башмакомъ, но все же достаточно тактичной, чтобы въ гостяхъ не слишкомъ показывать свое главенство, и въ общемъ симпатичной женщинѣ. Иначе обстояло дѣло съ извѣстнымъ профессоромъ Порошинымъ. Онъ былъ замѣчательно умнымъ, ученымъ, очень мягкаго характера человѣкомъ; страшно некрасивый, онъ женился на черезчуръ рѣшительной французженкѣ тяжелаго характера, и, судя по тому, какъ она себя держала безъ всякаго воспитанія, — должно быть, низкаго происхожденія. Она позволяла себѣ обращаться съ кроткимъ мужемъ, какъ съ лакеемъ. Бывало, сидятъ они у насъ послѣ обѣдни, надо уходить—раздается басъ Порошиной: «Victor, une voiture». — «O, ma chère, allons à pieds». Тогда она повышала голосъ, указывала на дверь и уже угрожающе рычала: «Allons vite, Victor, une voiture», и, несмотря ни на какую погоду, умный профессоръ бѣжитъ искать карету своей грозной половинѣ; улица наша тогда была глухая, — бѣднягѣ приходилось долго искать карету! Даже намъ, дѣтямъ, бывало жаль униженія славнаго человѣка какой-то простой французженкой.

Приблизительно въ концѣ 1865 года появился у насъ французскій аббатъ Мордрель; онъ былъ ума очень недалежнаго, молодой, рыжій, очень болтливый и веселый и заявилъ отцу о своемъ желаніи перейти въ православіе. Папаша сталъ его готовить къ перемѣнѣ религіи, и, чтобы его частыя посѣщенія не слишкомъ бросались въ глаза, аббатъ перемѣнилъ свою сутану на скюртукъ. Очень усердно, внимательно изучалъ онъ православіе и, когда его подготовка кончилась, отецъ задалъ ему обѣдъ, на которомъ, чтобы выпить за здоровье новаго члена нашей церкви, была откупорена единственная бутылка дорогого кипрскаго вина. Когда отецъ мой выѣхалъ изъ Парижа, Мордрель, избѣгая вліянія и недовольства своей матери и родныхъ, поѣхалъ съ папашей въ Петербургъ, гдѣ въ синодальной церкви состоялось присоединеніе аббата къ православію; изъ патера онъ естественно превратился въ «отца», сохранивъ свое имя Виктора. Въ Петербургѣ онъ поселился, обросъ длинной рыжей бородой лопатой, но, къ сожалѣнію, ни по воспи

танію, ни по настроенію своему душевному онъ совершенно не подходилъ къ типу русскаго священника. Надѣвалъ, напрімѣръ, сюртукъ, чтобы итти съ двоюроднымъ моимъ братомъ въ оперетку, любилъ слушать и разсказывать скабрзные анекдоты, отъ которыхъ двери сами собой закрывались, и рѣшительно не старался развить свои богословскія знанія, даже избѣгалъ слишкомъ серьезнаго для него общества отца и очень любилъ съ нами, дѣвцами, поболтать, попустословить. Онъ старался перенять наше парижское произношеніе, а самъ, происходя изъ-какого-то южнаго департамента, неважно произносилъ по-французски. Онъ зарабатывалъ очень много денегъ преподаваніемъ въ гимназіяхъ французскаго языка. По-русски потомъ сталъ все понимать, но ужасно говорилъ, когда желалъ объясняться по-русски. Онъ былъ прикомандированъ къ синодской церкви; однажды на Пасхѣ вздумалъ сказать проповѣдь, но употреблялъ тривіальныя иностранныя слова: «О скандаль! Не нашли Христа!» и т. п. Эти скандальныя проповѣди пришлось прекратить. На пасхальной заутренѣ, читая Евангеліе по-французски, вмѣсто «le Verbe» читалъ «la Parole», оправдываясь тѣмъ, что у него такъ написано въ книгѣ. Въ концѣ концовъ обнаружилось, что подкладка присоединенія аббата была иная, чѣмъ влеченіе къ православію; онъ мечталъ вступить въ бракъ, такъ какъ имѣлъ уже связь и дѣтей и, ходатайствуя о разрѣшеніи вступить въ бракъ, ссылался на то, что православный священникъ долженъ быть женатымъ, умышленно избѣгая говорить, что при присоединеніи къ православію онъ уже былъ священникомъ; мы признаемъ католическую церковь благодатной и всѣ таинства ея—сущими, такъ что о разрѣшеніи священнику вступить въ бракъ нельзя было и думать. Мордрель не хотѣлъ примириться со своей участью холостяка, всюду хлопоталъ, доходилъ до Синода, но, конечно, втуне. Онъ упалъ духомъ, повертѣлся лѣтъ 5—6 въ Питерѣ, уѣхалъ лѣтомъ во Францію, и больше о немъ ничего не было извѣстно. Одни говорили, что онъ вернулся въ католичество, другіе—что его іезуиты убрали. Не можетъ быть, чтобы, подготавливая аббата къ принятію православія, отецъ мой не разъяснилъ бы каноническія правила о женитбѣ священника, да еще—на любовницѣ!

Папашѣ очень хотѣлось послужить въ Россіи. Намѣстникъ Кавказа, великій князь Михаилъ Николаевичъ, звалъ отца въ Тифлисъ—занять мѣсто главнаго священника кавказской арміи. Уговаривая моего отца принять лестное предложеніе, князь Барятинскій соблазнялъ его тѣмъ, что не будетъ больше заботъ объ участи дочерей, такъ какъ всѣхъ насъ со временемъ пристроятъ въ богадѣльни! Предложеніе заманчивое! Родители мои никакъ не могли рѣшиться ѣхать въ такую даль, какъ Тифлисъ; имъ говорили, что тамъ съ непривычки трудно переносимая жара, что тамъ нѣтъ самыхъ элементарныхъ житейскихъ удобствъ, комфорта, почти

нѣтъ интеллигентнаго общества. Вопросъ о переселеніи нашемъ въ Тифлисъ оставался открытымъ, а мамаша на всякій случай стала брать уроки глаженья и плойки тонкаго бѣлья, для чего къ намъ ходила прачка. Потомъ папаша принялъ предложеніе, но не желалъ быть въ подчиненіи главнаго священника арміи и флота и предложилъ нѣкоторыя измѣненія въ положеніи о главномъ священникѣ кавказской арміи. Такъ какъ его предложенія не были приняты, то онъ отъ перемѣщенія изъ Парижа въ Тифлисъ окончательно отказался.

Въ 1865 году, въ декабрѣ родители мои, взявъ съ собою двухъ старшихъ дочерей и маленькаго сына, поѣхали въ Петербургъ и здѣсь познакомились съ профессоромъ московской духовной академіи Александромъ Львовичемъ Катанскимъ, который и посватался за мою старшую сестру Соню, и она вернулась въ Парижъ съ женихомъ; въ январѣ 1866 года состоялась ихъ свадьба въ Парижѣ, очень пышная, и затѣмъ молодые уѣхали въ Москву (въ Сергіевъ посадъ)¹⁾. И вторая сестра, Надя, 16 лѣтъ также вернулась въ Парижъ просватанной за студента петербургской духовной академіи Владимира Ивановича Левицкаго, но свадьба была отложена на годъ, до окончанія женихомъ курса, и отцу было обѣщано мѣсто заграничнаго священника для зятя въ Висбаденѣ.

Въ 1867 году оберъ-прокуроръ Св. Синода и министръ народнаго просвѣщенія графъ Димитрій Толстой очень любезнымъ письмомъ предложилъ папашѣ занять постъ предсѣдателя вновь учрежденнаго учебнаго комитета при Св. Синодѣ; въ письмѣ этомъ говорилось: «Вы желаете принести пользу, служба въ Россіи,—докажите это на дѣлѣ». Отецъ мой съ радостью принялъ лестное предложеніе и былъ первымъ лицомъ изъ бѣлаго духовенства, занявшимъ видный административный постъ въ духовномъ вѣдомствѣ. До этой поры всѣ высшія должности, особенно въ учебныхъ заведеніяхъ, занимали епископы, архимандриты и въ дѣлахъ вѣдомства имѣли доминирующее значеніе. Назрѣло время приступить къ пересмотру устава учебныхъ заведеній, ихъ реорганизаціи. Папаша въ этомъ важномъ дѣлѣ сыгралъ историческую роль. Объ этомъ—впереди.

Въ 1867 году открылась въ Парижѣ первая всемірная выставка; наплывъ иностранцевъ, особенно русскихъ, былъ громаденъ. Въ первый разъ по воцареніи Наполеона русскій царь пріѣхалъ въ Парижъ; состоялось признаніе императора французовъ за равноправнаго монарха, чего до этого времени Россія не хотѣла признать. Государь Александръ II по своему пріѣздѣ первымъ дѣломъ посѣтилъ русскую церковь вмѣстѣ съ Наполеономъ. Послѣдній—маленькаго роста, съ кривыми ногами, съ козьею бородкой-эспаньолой и слишкомъ большимъ туловищемъ—имѣлъ какой-то смѣшной,

¹⁾ См. «Воспоминанія стараго профессора» А. Л. Катанскаго.

щипанный видъ рядомъ съ нашимъ государемъ. Александръ II отличался большимъ ростомъ, прекраснымъ сложеніемъ, царственной гордой осанкой, пронизательными, умными глазами. Однажды оба государя катались въ открытой коляскѣ по Булонскому лѣсу, и какой-то злоумышленникъ (Березовскій) бросилъ въ экипажъ бомбу, къ счастью, пролетѣвшую мимо, никого не задѣвъ. Недоумѣвали, кому изъ императоровъ назначалась бомба. «Если ее бросилъ итальянецъ,—сказалъ Наполеонъ:—то это —миѣ; а если бросилъ полякъ, то—русскому царю». Оказалось—полякъ! Это гнусное покушеніе очень омрачило радостное пребываніе нашего государя въ Парижѣ. Французы были сконфужены и искренно удручены этимъ покушеніемъ. Въ нашей церкви былъ немедленно отслуженъ благодарственный молебенъ за спасеніе жизни государя; на молебенъ прибылъ самъ государь Александръ II съ великими князьями и свитой и Наполеонъ со своимъ штатомъ.

Всемирная выставка была чудная; въ первыя недѣли невозможно было на нее попасть за страшнымъ наплывомъ публики, не хватало даже входныхъ билетовъ. Когда первая волна посѣтителей отхлынула, мы очень часто туда ходили, интересуясь по преимуществу отдѣломъ машинъ, которыя всѣ были пущены въ ходъ, и тутъ же давали объясненіе машины и образчикъ производства; особенно пріятно бывало въ отдѣлѣ производства шоколада,—имъ очень щедро всѣхъ угощали. Не менѣе интересенъ былъ и отдѣлъ духовъ: били маленькіе фонтаны изъ духовъ, посѣтитель могъ подставлять свой платокъ подъ струю да еще получалъ пудры, кусочекъ мыла и т. п. Русскій отдѣлъ возбуждалъ всеобщій интересъ, но, къ сожалѣнію, былъ однимъ изъ бѣднѣйшихъ. Хотѣлось французамъ узнать, какъ и чѣмъ живутъ «русскіе медвѣди» у себя на родинѣ; отдѣлъ только и нашелъ выставить: вѣчный чай, самоваръ, черный хлѣбъ, деревянныя издѣлія, кружева, кустарныя игрушки, меды, квасы... Въ русскомъ ресторанѣ, гдѣ прислуга щеголяла въ русскомъ костюмѣ, подавались русскія кушанья. Туда ломились попробовать нашихъ кислыхъ щей, гречневой каши, пирога, крошки и проч. Увы! Успѣхъ русской кухни былъ отрицательный. Ъду называли «сочонперіе russe», икру тутъ же выплевывали, а также и квась. Много лѣтъ спустя, французы перемѣнили свое дурное мнѣніе объ икрѣ, пирогахъ и русской закускѣ, но не могли никакъ переварить ботвиньи и пр. Теперь икру вывозятъ во Францію въ большомъ количествѣ, очевидно,—любимое блюдо... На выставкѣ былъ индусскій лагерь съ черномазыми страшилищами, которые выпрашивали милостыню, и неизбѣжный цыганскій таборъ, гдѣ цыгане, сидя на цыновкахъ, занимались исканіемъ другъ у друга «этихъ» насѣкомыхъ, но, къ счастью, не продавали ихъ. Болѣе подробно говорить о выставкѣ не стоитъ; она, конечно, произвела большое впечатлѣніе, а потомъ этого рода поощренія

промышленности и ея рекламы стали часто устраиваться во всѣхъ частяхъ свѣта, исключая Южнаго полюса, и даже грандіознѣе, богаче.

Ежегодно въ день именинъ Наполеона въ Парижѣ бывала чудная иллюминація, весь Парижъ сіялъ! А фейерверки—удивительные! Въ 1867 году ввиду выставки уличныя празднества были еще грандіознѣе: фейерверкъ продолжался три часа непрерывно, и какой фейерверкъ!!! Въ этомъ 1867 году Наполеонъ пропѣлъ свою лебединую пѣснь. Надвигались событія, приведшія къ войнѣ съ Германіей, паденію Наполеона и униженію моей незабвенной дорогой родины!

Окончательно рѣшенъ нашъ отъѣздъ изъ Парижа. Мы, дѣти, рады перемѣнѣ, жить въ Петербургѣ. Особенно Надя радостно возбуждена предстоящимъ свиданіемъ съ женихомъ. Лѣто 1867 года провели у насъ молодые Катанскіе, пріѣхавшіе на всемірную выставку; они уѣхали обратно нѣсколькими недѣлями раньше нашего отъѣзда. Папаша также уѣхалъ раньше насъ и съ нимъ—весь громоздкій багажъ. Русская колонія никакъ не вѣрила и не допускала мысли, что отецъ разстанется со своимъ дѣтищемъ—русскою церковью, только шесть лѣтъ какъ отстроеною! Когда же былъ назначенъ день его отъѣзда, русскіе все же умоляли его не бросать Парижа. Конечно, все было тщетно! Послѣ обѣдни папаша сказалъ прощальное слово, во время котораго послышались такой плачь и рыданія, что отецъ самъ смутился духомъ и заплакалъ. Благодарные отцу русскіе, по подпискѣ, поднесли ему чудный наперсный крестъ изъ жемчуга и брильянтовъ въ 10 тысячъ франковъ. Крестъ торжественно подносили три посла: два бывшихъ—графъ Киселевъ и князь Орловъ, и сущій—баронъ Будбергъ. Отецъ мой своей заграничной службой сильно поднялъ ея значеніе; онъ своимъ примѣромъ показалъ, чѣмъ можетъ и долженъ быть пастыръ въ своемъ приходѣ и въ обществѣ; онъ поднялъ престижъ православія, познакомилъ съ нимъ иновѣрцевъ со всего свѣта своими литературными трудами. И отецъ былъ любимъ не только русскими, но даже и иностранцами; это очень ярко выразилось на подписномъ листѣ, гдѣ попадались среди русскихъ фамилій и французскія, и нѣмецкія, и греческія, и даже нѣкоторыхъ католическихъ прелатовъ.

«Въ день отъѣзда о. Васильева 12 (24) іюня по желѣзной дорогѣ du Nord, несмотря на отвратительную погоду, къ 4 час. дня стали собираться провожавшіе, съ посломъ во главѣ. На вокзалѣ, переполненномъ публикой, были и богатые, и убогіе, и высокопоставленные, и простые смертные; дамы въ парадныхъ платьяхъ, мужчины во фракахъ, все это представляло необыкновенное зрѣлище» ¹⁾. Папаша пережилъ сладостныя минуты при видѣ такой

¹⁾ Выписка изъ современнаго французскаго журнала.

любви, уваженія къ нему, при сознаніи своей плодотворной дѣятельности въ Парижѣ. Плакали, прощались, цѣловались... Въ французскихъ газетахъ было помѣщено описаніе отъѣзда моего отца изъ Парижа, и о томъ же корреспонденція въ русскомъ журналѣ, издающемся и по сей день, «Странникъ» за 1867 годъ. Проводивъ мужа, мать моя приступила къ окончательнымъ сборамъ, что было нелегкимъ трудомъ при громадности имущества. Много хорошихъ вещей оставили въ Парижѣ. Мы должны были ѣхать въ Россію моремъ: хотя переѣздъ продолжительнѣе, чѣмъ по желѣзной дорогѣ, зато — почти вдвое дешевле, да и съ дѣтьми, пожалуй, удобнѣе: качка на нихъ не дѣйствуетъ, прекрасный воздухъ и могутъ бѣгать и рѣзвиться почти какъ дома.

Еще за недѣлю до нашего отъѣзда наши гувернантки уже не осушали глазъ; мамаша сдѣлала имъ прощальные подарки, причемъ м-те Леду получила самоваръ, что немного облегчило ея горе. Кромѣ того, мы отдали имъ всѣ дорогія коробки изъ-подъ конфетъ, и онѣ чуть не подрались изъ-за нихъ при дѣлежѣ! Опять—все же утѣшеніе! Мы, дѣти, разставаясь съ Парижемъ, даже не плакали, — новизна интересовала; я только уронила двѣ слезы при разставаніи со своимъ котомъ. Прощай, дорогой Парижъ! Память о тебѣ сохранилась въ сердцѣ моемъ до старости. Думаю о тебѣ съ благодарностью и тоской. Иногда охватываетъ трудно сдерживаемое желаніе—увидѣть Парижъ, такъ тянетъ поклониться нашей милой церкви, гдѣ такъ хорошо когда-то молилось! Посмотрѣть бы на тотъ домъ, гдѣ протекли чудные годы дѣтства и отрочества! Мечты, мечты! Гдѣ ваша сладость!

Отецъ мой не оставилъ по себѣ никакихъ записокъ; мать же моя, пережившая своего замѣчательнаго мужа на цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ, не только сама не оставила о немъ никакихъ воспоминаній, но не сумѣла сохранить его цѣнную переписку. Конечно, официальные бумаги и письма его остались и даже теперь изданы, но письма къ нему въ Парижъ разнообразныхъ дѣятелей—исчезли! А сколько было замѣчательныхъ автографовъ! Только и уцѣлѣло письмо къ отцу моему великой княгини Маріи Николаевны и то—на половину изорванное! Все проходитъ. Какъ трава въ полѣ дѣла наши...

Протоіерей Васильевъ вышелъ изъ темной среды, испыталъ большую бѣдность, но проявилъ такую силу воли, такую энергію, такую высокую, честную и выдающуюся государственную дѣятельность, мудрость, предъ которыми нельзя не преклониться! Мы, его дѣти, всѣ—стариками, а потому мнѣ страшно захотѣлось передъ своей смертію напомнить о немъ; я считаю это своей обязанностью предъ Богомъ и имъ.

Пріѣхали мы въ Дюнкеркъ къ сроку предполагавшагося отплытія парохода, но онъ оказался еще не въ полной исправности, такъ

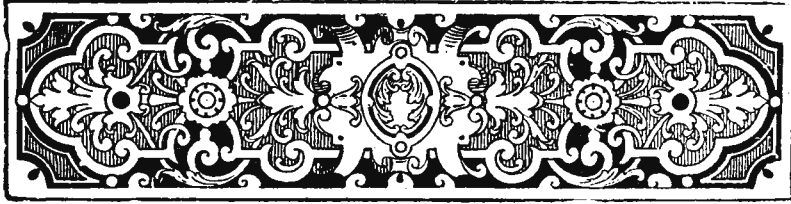
что капитанъ обязался содержать насъ всѣхъ въ гостиницѣ на свой счетъ до дня отплытія. Прожили скучно три дня въ неважной гостиницѣ и дрянномъ городишкѣ. Наконецъ судно готово. Тотъ же пароходъ, тотъ же славный капитанъ, съ которымъ мы ѣхали нѣсколько лѣтъ назадъ къ дѣдушкѣ. Сначала шли благополучно; кромѣ насъ, не было пассажировъ. Въ Сѣверномъ морѣ, на полпути къ Копенгагену погода такъ посвѣжѣла, поднялась такая буря, что мы едва не погибли. Мы, дѣти, хотя и трусили, но о возможности крушенія не думали. Богъ спасъ насъ! Около пяти часовъ утра буря стала стихать, а утро встало совершенно спокойное. Очень медленнымъ ходомъ, измученные, едва доползли до Копенгагена, гдѣ на рейдѣ простояли двое сутокъ для исправленія судовыхъ поврежденій и отдыха команды. На берегъ мы не спускались, а съ жадностью обѣдали и проспали все время. Благодаря бурѣ, стоянкѣ въ Копенгагенѣ и запозданію въ Дюнкеркѣ, мы пріѣхали въ Петербургъ на 15-я сутки по выѣздѣ изъ Парижа и плавали 12 дней.

Въ Кронштадтѣ мы пересѣли на маленькій русскій пароходъ, и насъ сразу поразило послѣ заграницы небрежное отношеніе служащихъ къ пассажирамъ, неряшливость одежды команды и особенно необыкновенно противный способъ сморканія носа у русскаго мужика! Пріѣхали на пристань у Васильевского острова, гдѣ ожидали насъ встревоженные отецъ и Надинъ женихъ, Владимиръ Ивановичъ Левицкій. Тревожиться, правда, было за что: мы вмѣсто 9 сутокъ, благодаря бурѣ въ морѣ, шли 15 дней. Сѣли въ дребезжащую карету, и—мы дома. Женихъ сестры намъ всѣмъ очень понравился, красивый собой и ума изряднаго.

Л. I. Автономова.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СТАРЫЙ ПРОТОДІАКОНЪ И ВИЛЬГЕЛЬМОВЪ ПОДАРОКЪ.

I.

ТЪ МОИХЪ рѣчей, чадынька, отдавало бы въ высокой степени поросятиной, если бы я сталъ жаловаться на судьбу: пожито, попито-поѣдено вволю,—ѣдалъ такіе деликатесы, кои и самъ Лукуллъ Лицинъевичъ, можетъ быть, только въ сонномъ видѣніи отвѣдывалъ; пригубливалъ дорогія вина, предпочитая, однако, всѣмъ руссiйское очищенное. Исколесилъ всю Русь матушку да половину Европы въ придачу. Видалъ всякіе виды; и на войнѣ за правое дѣло Богъ привелъ сразиться. Но... охо-хо-хо!... согрѣшихъ и беззаконновахъ, яко же древле гоморрянинъ: угаръ былъ! Милостивый же Господь не далъ мнѣ погибнуть до конца: продлилъ мой вѣкъ до восьмого десятка и далъ мнѣ возможность покаяться...

Такъ говаривалъ въ минуты откровенности близкимъ людямъ старый дьяконъ Маркъ Красноярскій, по прозвищу Чадынька-Угаръ, бывший во дни оны протодіакономъ въ Побѣдогромскѣ. Ужь много лѣтъ старый Маркъ живетъ отшельникомъ, совершенно замкнувшись въ себя; даже съ семейными въ иной день онъ не промолвитъ десяти словъ, а сидитъ въ своей комнатѣ, протяжно вздыхаетъ, спускаясь въ «охо-хо-хо-хо» до страшно низкой ноты, шелеститъ печатнымъ листомъ, да иногда крикнетъ такъ, что въ стѣнныхъ часахъ боевая пружина затрепещитъ и зазвенитъ, а случайному прохожему чрезъ двойныя рамы покажется, будто у него кто ухнулъ за спиной.

О. Красноярскій недаромъ казался многимъ загадкой: отрывки изъ его біографіи передавались уснащенные легендой, одобренные анекдотомъ—и то, и другое такъ перепуталось съ правдой, что трудно было разобраться; да многое происходило такъ давно, что и года ему не было, а современники и очевидцы примерли.

Говорили, что лѣтъ тридцать пять тому назадъ его феноменальнымъ голосомъ, съ обширнѣйшимъ въ три октавы діапазономъ, интересовался самъ государь; что нѣмцы переманивали его въ хористы своей оперы и, чтобы задобрить загодя, дали ему какой-то орденъ; что онъ былъ—и по массивной, протодіаконской, красивой наружности, и по колоссальнымъ голосовымъ богатствамъ безспорнѣйшимъ кандидатомъ на амвонъ любого первѣющаго собора, но... но тутъ же приводили отрывокъ изъ пародіи, якобы сочиненной самимъ Красноярскимъ, на извѣстное языковское стихотвореніе:

... Вельзевуловою силой—
Грѣховъ въ бездну погрузило
Окаянное вино...

Передавалась легенда, что о. Маркъ, тогда еще просто Чадынька-Угарь, участвуя въ войнѣ противъ турокъ, какъ древле Сампсонъ, избилъ, а частью взялъ въ плѣнъ цѣлый отрядъ головорѣзовъ-башибузуковъ. Дѣйствительно, у него видѣли сербскую серебряную медаль съ надписью: «за храбрость».

Разсказывалось и многое другое,—но уже совсѣмъ невѣроятное.

Искони велось въ Побѣдогромской епархіи, что если по какой причинѣ протодіаконъ оставлялъ соборный амвонъ, то опредѣлялся хотя и въ средній приходъ, но священникомъ; а Красноярскій, правда, получилъ вакансію въ одномъ изъ лучшихъ и многочислнѣйшихъ сель, но дьяконскую. Никто не зналъ истинной причины этой опалы, а потому опять былъ просторъ догадкамъ и предположеніямъ.

II.

Жилъ у о. Красноярскаго внукъ-сирота—отпѣтый малый, озорникъ и лѣнтяй, но способный. Въ духовномъ училищѣ Васька уже въ двухъ классахъ просидѣлъ по два года; въ третьемъ дѣло шло еще хуже,—грозило изгнаніе изъ школы. У мальчишки былъ чудесный альтъ; пѣвчіе баловали и ухаживали за нимъ, а регенты переманивали и ссорились изъ-за него.. Съ двѣнадцати лѣтъ Васька курилъ и пилъ водку, какъ старый октавистъ. Словомъ, отъ рукъ отбился. Въ позапрошлый вакатъ онъ попалъ, по усердной просьбѣ дѣда, подъ мою ферулу; мнѣ удалось вызвонить его такъ, что Васька не только сдалъ двѣ переэкзаменовки, но началъ вообще учиться и вести себя сносно. Обрадованный дѣдушка, предвидѣвшій во внука

будущую голосовую знаменитость, наградилъ меня, сверхъ договоренной платы, своимъ довѣріемъ и расположеніемъ. Я сталъ къ нему вхожъ, и въ разное время, отрывками, онъ мнѣ разсказалъ свое не совсѣмъ обычное *curriculum vitae*.

Красноярскому, когда я съ нимъ познакомился, было безъ двухъ восемьдесятъ; громадный голосъ его уже сильно дрейфилъ, но былъ еще настолько внушительнъ, что прихожане гордились своимъ опальнымъ протодиакономъ; когда онъ на Рождество или Николу выходилъ «хрустнуть» многолѣтіе, то народная волна далеко откатывалась отъ амвона: чувство какой-то жутки прямо-таки пригнетало близъ стоящихъ, казалось, что-то огромное налѣзало и окутывало со всѣхъ сторонъ... А это именно и дорого было.

Наружность о. Марка была богатырская: высокій, тучный, ширококостный, а грудной сводъ—прямо-таки цѣлый ящикъ; волнистые густые волосы и широкая, во всю грудь борода—придавали еще большую внушительность фигурѣ; крупныя черты лица, особенно разсѣдшійся, слегка малиновый мясистый носъ—вблизи могли не нравиться, но издали, особенно съ высоты амвона, были какъ на заказ—настоящія протодиаконскія.

Но, какъ на улицѣ въ чистый понедѣльникъ,—было скучно и тоскливо около него; расшевелить о. Марка удавалось съ большимъ трудомъ, и если на его обширное лицо набѣгалъ свѣтлый бликъ, то это была улыбка медвѣдя, лакомящагося медомъ; въ довершеніе аналогіи и комнату свою онъ называлъ «берлогой», куда онъ допускалъ только избранныхъ, заслужившихъ довѣріе. Многое у него было не какъ въ людяхъ.

Въ «берлогѣ», при первомъ визитѣ, прежде всего привлекло мое вниманіе нѣчто длинное, широкое, но къ одному концу нѣсколько суженное, стоявшее вдоль стѣны подъ желтымъ суконнымъ покрываломъ. Приподнявши покрывало, я увидѣлъ массивный, хорошо отполированный гробъ изъ стараго дуба; а о. Маркъ, на мой нѣмой и оторопѣлый вопросъ, спокойно пояснилъ:

— Всегда бываетъ—умреть человѣкъ, замечутся всѣ въ домѣ и главное-то, напимѣръ, гробъ, кое-какъ да еще изъ дряни сдѣлаютъ. Хоть и сказано, что «мертвіи срама не имуть», да вѣдь это сказалъ князь-язычникъ. А по-нашему-то душа все видитъ, что дѣлается около тѣла, такъ, чайтельно, больно ей не подъ масть похоронныя неурядицы. Случилось разъ мнѣ быть на похоронахъ одного священника; стали въ гробъ класть, а онъ туда не вмѣщается; ну, извѣстно, священнику въ облаченіи вдвое шире нужно домовину, а мастеръ этого не сообразилъ; пока другой сколотили—ночь пришла, а время было лѣтнее—сами судите. Исказнился я тогда... Я вонъ какой матеріальный, протуши меня: на полъ-уѣзда засмердить. Пріятно, что ли, если отъ меня рыла будутъ воротить? Вотъ я загодя припасъ себѣ помѣщеніе. И не только примѣрялся, даже снялся якобы въ

мертвомъ видѣ, благо у сына семинариста аппаратъ есть; въ фотографію такъ-то не поѣдешь позировать. А любопытно вѣдь посмотрѣть на самого себя въ похоронной обстановкѣ?

И такъ какъ я не находилъ въ этомъ ничего любопытнаго и молчалъ, то старикъ, чтобы «заинтересовать» меня, полѣзъ въ ящикъ стола и досталъ оттуда двѣ большія фотографіи—одна другой страшнѣе. На одной мой собесѣдникъ—широкій, огромный, съ закрытыми глазами, въ бѣломъ стихарѣ, съ кадиломъ въ правой и служебникомъ въ лѣвой рукѣ—возлежалъ въ томъ гробу, который я только что видѣлъ въ натурѣ; если бы не трепетаніе вѣкъ, чуть замѣтное даже на фотографіи, да не характерная, еле сдерживаемая медвѣжья улыбка, то мертвецъ былъ бы совершенный. На другой о. Маркъ сидѣлъ въ гробѣ, съ атрибутами діаконства въ рукахъ.

— Это,—пояснилъ Красноярскій,—созорничалъ сынъ: въ гробъ-то я забрался, а подушку забыли положить; такъ вотъ, пока за ней ходили, онъ, проказникъ, и спроворилъ...

Не видывалъ я еще нигдѣ столько иконъ и часовъ.

Цѣлыми десятками иконы размѣстились во всѣхъ углахъ, да «еще большой сундукъ такъ и стоитъ не разобранный»—замѣтилъ, на мое удивленіе, добродушно, но не безъ гордости о. Маркъ. Были иконы и въ серебряныхъ ризахъ—подарки купцовъ, поклонниковъ его удивительной «прорвы».

Часы—съ боемъ всѣхъ оттѣнковъ, съ кукушками разныхъ возрастовъ—были поставлены такъ, что отбивали время другъ за дружкой; начинали звонить толсто, какъ соборный колоколъ, въ «берлогѣ»—старые-престарые, дѣдовскіе, съ шипомъ и хрипомъ; за ними продолжали висѣвшіе въ коридорѣ—тоже древніе, оставшіеся отъ тестя; потомъ откликалась кукушка въ гостиной, तो ропливо отмолачивали дешевенькіе въ кухнѣ, а затѣмъ опять въ «берлогѣ» отсчитывала старая, простуженная кукушка и т. д.; вся эта буфонада заканчивалась серебристымъ звономъ столовыхъ часовъ гдѣ-то въ дальней комнаткѣ дѣвицъ, дочерей о. Марка; не менѣе десяти минутъ продолжался этотъ гвалтъ и звонъ, когда часы показывали, напримѣръ, полдень. Регулировалась вся эта коллекція по стальнымъ карманнымъ часамъ хорошей работы, съ какой-то замысловатой нѣмецкой монограммой изъ золота на верхней крышкѣ. Но объ этомъ рѣчь впереди...

За часъ, за два до обѣда (онъ никогда не ужиналъ) о. Маркъ ѣлъ что-либо сладкое или зелень какую-нибудь, дабы «испортить хоть нѣсколько аппетитъ». До самой глубокой старости онъ «страдалъ» неистовой алчбой и боялся отучнѣть до послѣдней степени безобразія.

III.

Началъ и кончилъ ученье о. Маркъ подъ свистъ классической розги. Уже въ бурсѣ у него появились зачатки того огромнаго голоса, въ зависимости отъ котораго сложилась вся его жизнь: онъ, голосъ, и спасалъ, и возносилъ, и ввергалъ его въ бездну.

Когда, бывало, матераго бурсака Красноярскаго еще только собирались съѣчь, онъ поднималъ такой неестественно-пронзительный вопль, что переполошивалъ весь бурсацкій кварталъ; подъ его нечеловѣческій рыкъ начинала голосить и ржать вся бурса; встревоженное прибѣгало начальство, но Маркъ только наддавалъ. Въ концѣ концовъ отъ розогъ онъ отбился и отбывалъ наказаніе двойными «безобѣдами», «наколѣнами» и карцерами.

Въ семинаріи съ перваго же года риторики Марка завербовали въ семинарскій хоръ, а въ философскихъ классахъ онъ, будучи архіерейскимъ пѣвчимъ, сталъ побѣдогромеской знаменитостью: Марка Чадынъку-Угара (съ этого времени за озорные подвиги и поговорку за нимъ утвердилась такая кличка) купцы нарахватъ приглашали на свадьбы «хрустнуть апостолъ»; за раннюю обѣдню, тоже съ «апостоломъ», онъ установилъ даже таксу: цѣлковый и на скорую руку, но «приличное угощеніе» въ ближайшемъ трактирѣ, такъ что за архіерейской службой онъ бывалъ всегда навеселѣ. На замѣчанія регента, что отъ него на полсобора разить водкой, Маркъ обыкновенно басилъ: «Для голоса, Василиій Филиппычъ, только три «букашки» хропнулъ... Какая важность»... Какъ ни дорожили въ хорѣ Маркомъ, но изъ-за участвовавшихъ «букашекъ» пришлось его изгнать. Изъ семинаріи вытурили еще раньше, давши дотянуть только философію.

И начались скитанія по вольному свѣту!

Гдѣ только не гремѣлъ Маркъ: и въ лаврахъ, и у Исаакія, и въ Успенскомъ соборѣ; пристраивался и въ хорахъ обѣихъ столичныхъ консерваторій въ шестидесятыхъ годахъ вскорѣ послѣ ихъ открытія, когда, по новости дѣла, наплывъ учащихся былъ не особенно великъ и нуждались въ хорошихъ октавистахъ.

Былъ Маркъ хористомъ и на сценѣ: у Старицкаго и у «батьки», то же Марка, Кропивницкаго. «Батька» полюбилъ своего тезку и занялся имъ, думая приготовить Красноярскаго для сцены, хотя бы на вторыя роли, но Маркъ не могъ одолѣть хохлацкой рѣчи, перевиралъ неимовѣрно, возбуждая до хвори хохотъ актеровъ-малороссовъ. Гопакъ же постигъ и отхватывалъ лихо: мелко, мелко мѣсилъ ногами, а когда, высоко взметнувшись, бомбой летѣлъ внизъ, то гнулись подъ его тушей половицы, дрожали стекла, ходуномъ ходила хоромина...

IV.

Какъ ни странно, по о. Маркъ въ жизни не мало пострадалъ... за патриотизмъ. Не вдаваясь въ теоріи и умствованія, онъ слѣпо вѣрилъ въ величіе и могущество Россіи, въ непобѣдимостъ русской арміи и въ сліяніе «славянскихъ ручьевъ въ русскомъ морѣ». Медлительный и ко всему равнодушный, о. Маркъ проявлялъ крайнюю экспансивность—восторгъ, или бѣшенство, смотря по ходу дѣла,—когда заходила рѣчь о родинѣ или вообще о славянахъ.

Наслушавшись въ 1875 году о неистовствахъ турокъ въ славянскихъ земляхъ, Маркъ, уже сорокалѣтній мужъ, не выдержалъ—отправился добровольцемъ и записался въ моравскій корпусъ Черняева.

Его богатырская фигура не могла не броситься въ глаза даже среди тѣхъ молодцовъ, которые слетѣлись со всѣхъ концовъ свѣта постоять за втопганныхъ въ грязь и бревномъ придавленныхъ славянъ.

На смотру замѣтилъ Марка самъ Черняевъ и приказалъ прикомандировать его къ артиллеріи.

— Этотъ дѣтина изъ любой трясины одинъ выпреть орудіе,—обронилъ Михаилъ Григорьевичъ, медленно проѣзжая по фронту и любуясь ручными мускулами Марка, которые, выпираясь наружу, натягивали далеко не узкіе рукава сербской куртки.

Для начала Марка заставили подвозить и подавать снаряды, но при первыхъ же выстрѣлахъ онъ заткнулъ уши, обязавъ голову башлыкомъ и нервно дрожавъ: это была не трусость, но его нѣжный музыкальный слухъ не выносилъ грохота артиллеріи.

Вскорѣ его перечислили въ отрядъ Петко Петровича, гдѣ онъ самъ перепросился въ команду развѣдчиковъ. Хитрый, находчивый, невозмутимый предъ опасностью, Маркъ здѣсь былъ на своемъ мѣстѣ и оказалъ много услугъ сербской арміи. Особенно онъ ненавидѣлъ башибузуковъ, о волчьей кровожадности которыхъ еще ранѣе читался изъ газетъ. Но, какъ это обыкновенно бываетъ, дѣйствительность оказалась страшнѣе всѣхъ описаній.

— О башибузучью кровь я и рукъ не хотѣлъ марать,—разсказывалъ о. Маркъ,—и старался брать ихъ живьемъ. Всѣ они были надругатели надъ мирнымъ населеніемъ, личности многихъ головорѣзовъ были извѣстны сербскимъ солдатамъ, а потому ихъ безъ проволочекъ, наказавши плетьюми, иногда съ присыпкой солью, вздерживали на первой осинѣ.

Къ этому же времени относится и эпизодъ, за который Маркъ получилъ медаль. Будучи на развѣдкѣ вдвоемъ съ однимъ черногорцемъ, усмотрѣли они партію башибузуковъ въ восемь человекъ, подъ командой девятаго, турецкаго офицера. Мѣстность пересѣкалась двумя параллельно идущими оврагами, которые черезъ версту дѣлали подъ прямымъ угломъ изломъ и сходились, образуя глубо-

кую котловину; площадка между оврагами, шириною сажень въ двѣсти, была мѣстами покрыта травой, на которую и спѣшили разбойники, чтобы подкормить своихъ голодныхъ лошадей. Отрядъ ѣхалъ безопасно, оживленно балагурия и попыхивая трубочками: урочище было далеко отъ сербскихъ войскъ, а потому опасности не предполагалось. Развѣдчики спрятались подъ откосъ и, пошептавшись, условились, что предпринять. Лишь только башибузуки миновали то мѣсто, гдѣ укрывались лазутчики, какъ Маркъ, выскочивши изъ оврага, такъ заготовалъ и завопилъ блажью во всю свою широкую глотку, что потряслись окрестности; сѣтка воробьевъ, беззаботно крившая то одно, то другое мѣсто, моментально распылилась, а башибузучьи лошади, обезумѣвъ отъ ужаса, инья взвились на дыбы, сбрасывая всадниковъ, а другія, закусивъ удила, помчались впередъ и стремглавъ слетѣли въ котловину. Черногорецъ палилъ непрерывно и изъ своей винтовки, и изъ Марковой, и изъ револьвера, а Маркъ гикалъ, оралъ... И, вѣроятно, со времени мірозданія тѣ мѣста не слыхали такого громоподобнаго рыка и вопля...

— Я не изъ смѣшливыхъ, какъ видите, а суровый черногорецъ былъ и вовсе не улыба, но на этотъ разъ нахохотались мы за всѣ прошедшіе и будущіе годы, глядя на корячившихся и ничего не понимавшихъ враговъ—повѣствовалъ о. Маркъ.—Зѣнки у нихъ сдѣлались стоячими и, казалось, ничего не видѣли; нѣкоторые подвзвизгивали не то по-собачьи, не то по-пороссячьи, а офицеръ лежалъ на спинѣ, звалъ Аллаха и бессмысленно разстрѣливалъ небо. Нашимъ призомъ было: четверо раненыхъ, двое пасмерть разбившихся (ихъ черногорецъ великодушно пристрѣлилъ) и трое здоровыхъ-невредимыхъ; двѣ лошади околѣвали подъ откосомъ, двѣ умчались, а на пяти мы благополучно добрались до бивуаковъ отряда Петко Петровича. Благополучно, если не считать пули въ моемъ правомъ плечѣ, которую мнѣ залѣпилъ офицеръ, послѣднюю револьверную, подлецъ, пулю, когда я подошелъ его вязать..

По безопасности, а также и потому, что при отрядѣ не было хорошихъ лекарей, рана Марка (онъ остался изъ молодечества въ строю) такъ разболѣлась, что ничего не оставалось дѣлать, какъ уѣхать домой. Домой!... Это звучало ироніей, потому что «лисицы имѣютъ норы, и птицы небесныя гнѣзда», а Маркъ не имѣлъ гдѣ преклонить голову.

Отлеживался онъ въ кишиневскомъ военномъ лазаретѣ.

Между тѣмъ началась Восточная война; на черняевцевъ смотрѣли косо; самъ государь относился къ Черняеву и его «авантюрѣ» крѣпко неблагосклонно. Проѣздомъ въ армію Царь-Освободитель посѣтилъ и кишиневскій госпиталь.

Ему доложили, какъ Маркъ своимъ голосомъ ошеломилъ турецкихъ головорѣзовъ. Государь улыбнулся и сказалъ:

— Выздоровливай, а вояки теперь и безъ тебя найдутся. Мельчаютъ голоса въ Россіи; такіе, какъ ты, нужны: протодіакономъ будешь...

— Радъ стараться, ваше императорское величество!—такъ грохнулъ восторженный Маркъ, что государь снова улыбнулся и что-то сказалъ по-французски свитскому генералу.

V.

Оправившись отъ раны, Маркъ добрался до Питера, гдѣ безо всякихъ хлопотъ былъ принятъ на высшій окладъ въ митрополичій хоръ. Маркъ подивился, но оказалось, что здѣсь уже было извѣстно о милостивыхъ словахъ государя. Выплывалъ вопросъ о его протодіаконствѣ.

Но самъ Маркъ испортилъ все дѣло. Справляя въ компаніи старыхъ друзей-пѣвцовъ возвращеніе, водвореніе въ хоръ, первую получку, будущія блага и, вдобавокъ, именины, Маркъ налупился до самозабвенія. Идя изъ трактира, гдѣ было пиршество, онъ наткнулся на партію турецкихъ плѣнныхъ солдатъ, мирно и лѣниво подчищавшихъ мостовую.

— А, иродово племя!—гаркнулъ онъ, вспомнивъ о видѣнныхъ въ Сербіи звѣрствахъ.—Беззащитныхъ рѣзать, распроклятая орда! Вотъ вамъ, адовы эііопы! Вотъ!...

И, хвативши по два человѣка на лапу, онъ чуть не изуродовалъ оробѣвшихъ феллаховъ.

Скандалъ вышелъ неподобный. Проспался въ полиціи. Будущность затуманилась: пришлось перекочевать въ хоръ регента-промышленника.

Вмѣстѣ съ успѣхомъ или неудачами нашего оружія мѣнялось и настроеніе Марка: то онъ ходилъ гоголемъ и громыхалъ отрывки изъ концертовъ, которыхъ зналъ множество: «Воскликнемъ Богу гласомъ радованія» или «Радуйтесь, праведніи, о Господѣ, во псалтири десятиструнѣмъ пойте ему», то минорно гудѣлъ, повѣся носъ, съ душераздирающими бемолями и діезами: «Вскую мя отринулъ еси до конца», или «Возведохъ очи мои въ горы» и ожидалъ оттуда своей любимой родинѣ помощи. Пока возилась наша армія съ Плевной, особенно долго пришлось Марку застрять на минорахъ. Но неизмѣнно въ обоихъ случаяхъ онъ напивался и частенько вдребезги, а это достигалось слоновымъ приемомъ алкоголя. Какъ ни крѣпокъ былъ Маркъ, но и онъ не выдержалъ: его стали посѣщать... видѣнія. Одно изъ нихъ оставило слѣдъ на всю жизнь и послужило поворотнымъ пунктомъ въ его карьерѣ.

Сидитъ разъ Маркъ въ своей комнатѣ за четвертной (второй въ сутки по случаю взятія Филиппополя), мурлычитъ любимыя концовки прокимновъ, выпиваетъ и закусываетъ огурчиками; отъ табаку

и спирту воздухъ густоты необычайной, хоть ломтями рѣжь. Какъ вдругъ подкатываютъ къ подъѣзду (иподъѣзда никакого не было: жилъ Маркъ подъ самой крышей)—три тройки; сани, устланныя коврами, полны веселой молодежи. Маркъ дивится. Входитъ нарядный кучеръ и съ низкимъ поклономъ приглашаетъ прокатиться до Стрѣльны; тамъ-де свои давно дожидаются. «Свои» кучеръ подчerkнулъ и, хотя ухмыльнулся, но почтительно. Вышли.

— А, это зѣло добро! Ёдемъ! Давно не былъ въ Стрѣльнѣ... Только, черти вы эдакіе, весна чернымъ-черна на дорогѣ, а вы на саняхъ...—ворчалъ Маркъ, высоко заноса ногу, чтобы усесться въ роскошныя сани.

«Черти» захихикали.

Кучеръ рабски юлилъ около саней, подсаживая пассажира подъ локоть и опраля коверъ.

— Развалитесь... Раскиньтесь... Такъ удобнѣе вамъ будетъ...—сюсюкалъ назойливо, настойчиво надъ самымъ ухомъ услужливый возница.

— «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази!» грохнуль съ чего-то Маркъ торжественный пасхальный гимнь, повертываясь на сидѣннѣ и намѣреваясь «раскинуться».

Все пропало: Маркъ сидѣлъ на перилахъ Литейнаго моста, задомъ къ Невѣ, которая—темная и холодная—съ ласковымъ рокотомъ плескалась около устоевъ... Нависла ночь... Подмигивали керосиновые фонари... Съ конца моста бѣжалъ городской...

Послѣ этого «видѣнія» Маркъ на всю жизнь далъ зарокъ не напиваться досыта и выдержалъ: больше одной бутылки въ сутки онъ не вливалъ въ себя никогда, а это для него было все равно, какъ плеснуть ковшъ воды на раскаленную каменку. Хотя не скоро, но онъ заслужилъ общее довѣріе.

VI.

Между тѣмъ перспективы прояснились. Война побѣдоносно заканчивалась. Маркъ ликовалъ и задвигалъ такіе торжественные гимны, что квартирная хозяйка, оглушенная безконечными fortissim'ами, грозилась выселить его черезъ полицію. Маркъ только по-медвѣжьи ухмылялся.

Когда все утихомирилось послѣ военной сумятицы, Д. А. Агреневъ, собираясь въ славянскія земли, укомплектовывалъ свой хоръ. Красноярскій, какъ уже побывавшій тамъ и ознакомившійся съ укладомъ жизни «братушекъ», былъ для знаменитаго пѣвца находкой «съ двумя угодьями»: какъ надежный хористъ и какъ путеводитель.

Разказы о Марка объ этомъ артистическомъ турнѣ были сколько безконечны, столько же и интересны. Но объ этомъ до другого раза.

Капелла Славянскаго, перекочевавши съ юга въ австрійскія коронныя провинціи и давши концерты во Львовѣ, Перемышлѣ, Краковѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ городахъ, добралась до Праги-Чешской. Здѣсь «славянскихъ» пѣвцовъ встрѣтили съ особеннымъ радушіемъ: слава о нихъ уже давно сюда докатилась. Для концертовъ былъ предоставленъ огромный залъ въ городской ратушѣ.

Въ одинъ изъ вечеровъ, когда «хозяинъ»¹⁾ (такъ между собой хористы называли Славянскаго) сладкимъ, слегка трепещущимъ, мягко звенящимъ, въ душу проникающимъ теноромъ жаловался на горькую долю, отъ имени многострадальной славянки, предъ тысячной толпой, исполняя незамысловатую, но за сердце хватающую старую, какъ Русь, пѣсню: «Спится мнѣ, младешенькѣ, дремлется, а Маркъ, стоя въ серединѣ задняго ряда хористовъ, съ роскошной окладистой русой бородой, въ богатомъ боярскомъ одѣяніи, на цѣлую голову выше всѣхъ, одѣвалъ многоголосый хоръ бархатомъ своей октавы, такъ что трепетали и колебались воздушныя волны,—властно и строго, какъ истый самодуръ «свекорь-батюшка», требуя: «встань, встань, ты сонливая, лѣнивая, неурядливая»,—тогда тихо отворилась боковая дверь залы, и въ дверяхъ сталъ молодой, лѣтъ двадцати, высокій военный въ нарядномъ уланскомъ мундирѣ.

Въ первыхъ рядахъ зрителей произошло легкое движеніе, но кто-то далъ внушительный знакъ, и все сразу улеглось. Слуга безшумно подкатилъ было новому посѣтителю полукресло, но тотъ повелъ отрицательно бровью, и оно исчезло. Онъ остался стоять, только остановивъ холодный, жесткій взоръ на рослыхъ пѣвцахъ-славянахъ. Маркъ инстинктивно чуть повернулъ голову и, поймавъ стеклянный взглядъ улана, пустилъ ту ноту, отъ которой по спинѣ пробѣгали мурашки, а руки самовольно дѣлали пристуны къ хлопкамъ.

Уланъ, крутнувши правой рукой короткіе, но густые усы, обѣщавшіе въ будущемъ разростись «какъ у турка», что-то шепнулъ съ деревянной улыбкой стоявшему сзади маленькому, словно игрушечному, гусару; тотъ безшумно, только мелодично тенькнувши серебряными шпорами, исчезъ, а черезъ полчаса явился и подаль улану какой-то маленькій предметъ въ футлярчикѣ.

Въ антрактѣ быстро распространилась вѣсть, что нарядный уланъ — не кто иной, какъ внукъ германскаго императора Фридрихъ-Вильгельмъ-Викторъ-Альбертъ, который, проѣздомъ на охоту

¹⁾ Старики, конечно, помнятъ, что Агреневъ-Славянскій не одинъ разъ фигурировалъ на судѣ за истязаніе малышей-пѣвчихъ, какъ хозяинъ какой-нибудь мастерской. Интересенъ психологическій фактъ: какимъ образомъ въ артистѣ уживались два противоположныхъ начала—поэзія и «плантаторскія» замашки.

въ Богемскіе лѣса, остановился въ Прагѣ на два дня, чтобы дождаться здѣсь наслѣднаго принца австрійскаго, своего ровесника, Рудольфа: соединившись-де, оба принца и цѣлая сотня такихъ же праздныхъ людей изъ «лучшихъ» фамилій съ толпой слугъ-охотниковъ отправятся тѣшить себя «благородной» забавой—безмысленнымъ истребленіемъ козъ, фазановъ и другихъ невинныхъ и ненужныхъ имъ животныхъ.

Хористы Славянскаго въ отдѣльной комнатѣ пили сладкій чай, малыши сосали леденцы, изготовленные по особому рецепту Агренева популярной московской фабрики, способствовавшей особенной чистотѣ голоса. Собственно, по словесному договору, большимъ полагался въ антрактахъ пуншъ, но скупой антрепренеръ держалъ свою капеллу на режимѣ св. Антонія.

Прибытіе на концертъ высокаго гостя не произвело никакого впечатлѣнія на хористовъ. Только одинъ—теноръ Поспѣловъ, соперникъ «хозяина»—обронилъ: «У нихъ, у нѣмцевъ, этихъ принцевъ—что грибовъ поганныхъ! У иного, слышь, и штаны-то съ заплатами, а принцъ»... Да малышъ-дискантъ пропищалъ: «Тоже на охоту собрался принецъ-то, а лѣвая рука, какъ плеть—не дѣйствуетъ; студентъ Ваня (тоже хористъ)—сейчасъ умереть!—сказывалъ...»

Маркъ съ злобнымъ фырканьемъ цѣдилъ сквозь густые усы еще болѣе густой чай, въ который только для запаха была положена ложечка рому. Красноярскій, по многимъ причинамъ, былъ сильно не въ духѣ, нервно теребилъ свой шелковый кушакъ, ворчалъ и чертыхался. Во-первыхъ, Агреневъ изъ скаредности (жалко платить за провозъ) большую часть багажа оставилъ во Львовѣ; во-вторыхъ, — этотъ ромъ: на пятнадцать молодцевъ былъ отпущенъ графинчикъ, содержимое котораго только «въ одинъ глазъ пустить»; въ-третьихъ, у него не выходилъ изъ головы стеклянный взглядъ берлинскаго улана; по ассоціаціи представленій, вспомнился Берлинскій трактатъ; свѣжая сердечная рана, которая въ одинъ годъ не успѣла даже затянута, открылась...

Трагическимъ шепотомъ, съ прорывавшимися октавными нотками, Маркъ «надѣлялъ хозяина»:

— Плюшкинъ проклятый! Іуда! Чтобъ тебя пронесло на семь вѣнцовъ съ нашего рома! Багажъ ополовинилъ въ Лембергѣ... Гардеробъ—чортъ съ нимъ: теперь тепло, я по улицѣ и безъ штановъ пройду... А самоваръ зачѣмъ оставлять, когда было ряжено, морда его цыганская, чтобы самоваръ у насъ со стола не сходилъ? Я не нѣмецъ—будь они прокляты!—изъ урыльниковъ глохтать! Такъ...

Маркъ перешелъ на извозчичій жаргонъ, потрясая десницей.

Товарищи и не думали его сдерживать: было бы хуже, только растрвили бы пуще. Они беззвучно хохотали, уткнувшись кто въ въ платокъ, кто въ рукавъ.

Но...тсс!... Вкатился, какъ шарикъ, игрушечный гусарикъ съ

аксельбантомъ и что-то лопотнулъ по-нѣмецки. Пѣвцы переглянулись. Малыши перестали причмокивать, а наскоро захрустѣли леденцами. Опять показался адъютантъ, отворивъ настежь дверь. Скорой походкой вошелъ нарядный и красивый принцъ-уланъ. Отыскавъ неморгающими глазами Марка, онъ милостиво заговорилъ. Какъ и полагается истинно-русскимъ людямъ, хористы ничего не поняли, но не только не растерялись, а собирались фыркнуть.

Тотъ попробовалъ по-французски, но съ тѣмъ же успѣхомъ. Вильгельмъ тоже не смутился, а, настоятельно желая, чтобы его все-таки поняли и оцѣнили любезность, медленно, подбирая слова, глядя то на Марка, то на адъютанта, сказалъ по-латыни:

— *Nic ursus admirabilis est!*

— *Recte, recte... admirabilis est!*—искнулъ, еле сдерживая улыбку, гусарикъ.

Маркъ понялъ, но не просіялъ отъ любезности принца.

Между тѣмъ поспѣшно, но съ важностью, подобающей лицу въ величавой древне-русской одеждѣ, вмѣстѣ съ пражскимъ бургомистромъ вошелъ «хозяинъ».

Заговорили по-французски; Славянскій переводилъ.

— Маркъ Силычъ! Его высочество въ восторгѣ отъ вашей богатырской фигуры и массивнаго голоса. Жалуется вамъ на память часы со своими инициалами и предлагаетъ поступить въ хористы придворнаго берлинскаго театра.

Вильгельмъ, улыбаясь однѣми губами, досталъ изъ карманка мундира коробочку и подалъ ее октависту.

Маркъ неуклюже поклонился, но и глазомъ не моргнулъ, словно ему частенько дѣлали предложенія принцы и подносили подарки.

— За часы благодарю его высочество, а пѣть у нѣмцевъ не желаю... Хоть золотомъ осыпъ!—буркнулъ Красноярскій.

Славянскій запнулся и вздрогнулъ, но нашелся и перевелъ:

— Мой октавистъ осчастливленъ рѣдкостнымъ вниманіемъ вашего высочества и обѣщаетъ подумать о вашемъ лестномъ предложеніи.

Вильгельмъ слегка поднялъ брови и, чуть двинувъ впередъ нижней губой, быстро повернулся по-военному на каблукахъ и вышелъ. Адъютантъ еле поспѣвалъ за нимъ рысцей.

Всѣ бросились разсматривать нѣмецкій подарокъ; такіе стальные часы тогда только что были выпущены и входили въ моду; одинъ изъ хористовъ, прежде бывшій часовщикомъ, заявилъ, что ходъ неподобный; массивная золотая монограмма изъ сплетшихся буквъ—*P. F. W.* (Принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ) украшала верхнюю крышку.

Вотъ происхожденіе легенды о нѣмецкомъ орднѣ.

Марка всѣ поздравляли, а «хозяинъ» на него набросился:

— Ты, Красноярскій, безумецъ: отказаться, да еще въ такой грубой формѣ, отъ блестящаго предложенія!! Съ тобой еще въ бѣду втюришься! Ты... да я бы...

— Дмитрій Александровичъ!—загремѣлъ Маркъ.—У меня въ головѣ не опилки, и я знаю, что дѣлаю! Ursus!.. Что-съ, чортовъ колбасникъ, за ursus? Если я ursus, то онъ—lupus! Идите, передайте ему! Вы забыли, что онъ врагъ нашего отечества! Они, анаемы, состряпали берлинскій трактатъ! Пѣ-ѣ-ть къ нимъ!! Вотъ чего не хочеть ли?! (онъ сдѣлалъ извѣстный, но малоупотребительный жестъ, отъ котораго хористы такъ и покатались со смѣху). А если вы сію же минуту—вотъ на этотъ столъ—не прикажете поставить на всю братію два литра рома, то въ слѣдующемъ отдѣленіи я пѣть не буду!—закончилъ онъ неожиданно.

— И я тоже!—поддержалъ Пospѣловъ.

— Bravo, Силычъ!—захлопали остальные, выражая солидарность.

Отъ такого финала Агреньевъ струсилъ: во второмъ отдѣленіи былъ номеръ, въ которомъ безъ Марка и Пospѣлова нельзя было обойтись.

Антрактъ и безъ того затянулся, препираться было некогда: Славянскій выбѣжалъ, чтобы распорядиться.

Маркъ еле дотянулъ время, обусловленное контрактомъ, разругался окончательно съ «жилой» Славянскимъ и на обратномъ пути застрялъ въ Харьковѣ, гдѣ недурно устроился въ капеллѣ Гордовскаго.

Но его потянуло въ родной Побѣдогромскъ; цыганская жизнь прихлебалась. Здѣсь удачно женился и, какъ остепенившійся человекъ, былъ рукоположенъ во діакона; черезъ годъ старый протодіаконъ Сѣверозападовъ, надорвавшись на «анаемѣ», ушелъ въ священники; протодіаконство безспорно предоставлено было о. Марку. Зажилъ онъ тихо-смирно, любимый побѣдогромцами, такъ безмятежно, что и рассказать нечего: гремѣлъ, получалъ подарки, обѣдалъ до отвала у купцовъ и ихъ же ругалъ за жульничество и алчность.

Смѣнялись часто архіереи, искавшіе «лучшихъ» каедръ, а о. Маркъ, какъ алмазъ, стоялъ непоколебимо добрыхъ два десятка лѣтъ на высокомъ амвонѣ побѣдогромскаго собора. Были и соблазны въ видѣ лестныхъ предложеній—перейти въ болѣе бойкіе города, гдѣ и содержанія, и почета было больше. Но даже столицы его не прельщали.

— Отъ добра добра не ищутъ; мнѣ и здѣсь хорошо,—гудѣлъ онъ, благодушно поглаживая уже серебряную роскошную бороду.

VII.

Заговорили пушки на Дальнемъ Востокѣ. Сначала рѣшительно никто «въ глубинѣ Россіи» не придавъ большого значенія начинающимся событіямъ. О возродившейся Японіи не имѣли понятія; ее считали спящей, какъ и Китай. Сочли, что дѣло ограничится экспедиціей, въ родѣ пекинской, или походомъ отряда, какъ воевывали съ «халатниками»—коканцами, бухарцами и прочей ордой.

О. Маркъ интересовался только историческими сочиненіями и журналами, а газеты настолько забросилъ, что мимо него проходили даже такія событія, какъ холера, воцаренія новыхъ королей, потасовки въ парламентахъ и пр.

Даже о вступленіи на престолъ въ 1888 году Вильгельма, своего бывшаго «благодѣтеля», онъ узналъ стороною, да и то чуть не черезъ полгода, не говоря уже о такой «мелкой сошкѣ», какъ Фердинандъ Кобургскій.

Когда, съ кѣмъ-то въ разговорѣ, о. Маркъ узналъ, что въ Германіи теперь уже царствуетъ Вильгельмъ II и Бисмарку приходитъ капуть, то онъ, какъ бы про себя, только усмѣхнувшись, буркнулъ: «А!.. Хорошо знакомы... А этому старому чорту давно бы «киселя дать, чтобы не мутилъ Европы»...

Часы, ставшіе теперь какъ-никакъ императорскимъ подаркомъ, до нѣкоторой степени реликвіей, ни на волосъ не приобрѣли большей значительности въ его глазахъ; если онъ и дорожилъ ими, то за ихъ вѣрную службу—за правильный ходъ безъ починки и чистки и какъ воспоминаніемъ о интересно проведенной поздней юности (года до самой своей женитьбы о. Маркъ называлъ «молодыми»). Возможно, что онъ проспалъ бы половину и Японской войны, если бы самъ съ амвона громогласно не читалъ манифеста и если бы не шумныя толпы мобилизованныхъ запасныхъ бородачей, наводившихъ городъ.

Въ залѣ побѣдогромскаго архіерейскаго дома Великимъ постомъ 1904 года было торжественное годичное засѣданіе мѣстнаго отдѣленія Палестинскаго общества. Служили молебень (по случаю тезоименитства владыки-хозяина), читали отчетъ; во время провѣрки комиссіей кассовой книги, чтобы нескучно было членамъ, архіерейскій хоръ художественно исполнилъ нѣсколько пѣсногѣній—все честь-честью. Послѣ засѣданія была предложена, конечно постная, но сытная закуска. Только архіерейскіе повара умѣютъ изъ ничего настряпать такъ, что и «скромная трапеза» послѣ «въ три дня не сварится».. Ради 40 мучениковъ уставъ разрѣшалъ «на елей и вино».

Были налицо губернаторъ и многіе другіе губернскіе сановники, всѣ соборяне, носившіе рясу, два-три купца съ золотыми медалями по хорошему оладышку. О. Марку вмѣстѣ съ иподіаконами досталось, по обыкновенію, сидѣть въ концѣ стола. Онъ послѣ огромной, «протодіаконской» рюмищи водки (больше одной не давали) очень увлекся рыжичками и съ поразительной быстротой оплелъ фунта въ четыре кусище пирога съ сагой и лучкомъ и нацѣвливался, какъ бы залучить къ себѣ на тарелку еще такой же кусочекъ, одиноко остававшійся на аршинномъ эллиптическаго вида блюдѣ. Онъ никогда не слушалъ, что говорятъ за официальными архіерейскими обѣдами и закусками: губернаторъ непремѣнно гдѣ-нибудь вотреть фразу: «А министръ мнѣ частно—мы, вѣдь, съ нимъ по лицу товарищи—пишеть»... А архіерей ему въ тонъ: «Въ послѣднюю мою бытность въ Питерѣ Константинъ Петровичъ мнѣ то же самое говорилъ»...

И, несмотря на выдержанность тона, видно было, что оба... Вообще, на основаніи многолѣтняго опыта не вѣрилъ старый протодіаконъ этой близости къ министрамъ и всесильному оберъ-прокурору; ибо сколько разъ случалось, что интимные друзья, ведущіе частную переписку съ министрами и партикулярные разговоры съ Побѣдоносцевымъ, чрезъ какой-нибудь годъ, «въ цвѣтѣ надежды и силы», тихохонько спускались въ Лету: одинъ «для спокойя» получалъ въ управленіе монастырекъ, а другой... О. Маркъ даже никогда не интересовался, куда школьные товарищи министровъ дѣвались, а только по исчезновеніи говорилъ: «Скоро, чай, новые бѣлые штаны пріѣдутъ... Послѣ встрѣчи ербулыземъ шампанскаго! А-яй, хо-рошій напитокъ!..»

Но на этотъ разъ онъ насторожился: шла рѣчь о нашихъ плохихъ дѣлахъ на Ялу. Бойкій викарій, бывшій офицеръ, не прерывавшій связи съ арміей, гдѣ у него были родственники, отчетливымъ шепотомъ, такъ, что всѣмъ было слышно, заканчивалъ рассказъ: «... и вотъ братъ-полковникъ мнѣ пишетъ: официально, конечно, у насъ все пока благополучно, но наша армія и все ея снаряженіе въ подметки не годятся японцамъ. Мы отступаемъ, солдатъ не удержишь—бѣгутъ»...

Старый Маркъ побагровѣлъ, словно съѣденный пирогъ у него былъ не тамъ, гдѣ ему быть полагается, а остановился поперекъ горла.

— Владыко!—заговорилъ онъ въ тотъ тонъ, которымъ начиналъ обычно всенощную.—Это клевета!

— Что? Что такое?—переспросилъ викарій растерянно.

Всѣ смутились.

Руки губернатора, съ ножомъ и вилкой, застыли въ такомъ положеніи, какъ будто онъ собирался дирижировать хоромъ.

— Я знаю русскаго солдата,—отчеканивалъ о. Маркъ:—и враки,

что онъ бѣжитъ. Тутъ что-нибудь другое... Да, враки и враки!!!— закончилъ онъ въ октаву.

Соборяне уткнулись ни живы, ни мертвы въ тарелки.

Губернаторъ, криво улыбаясь, нервно повелъ рѣчь:

— Конечно... гм... да... похвально быть высокаго мнѣнія о русской арміи, но выражать это въ такой формѣ... формѣ... э... э... э... субординація... да... и въ духовной средѣ необходима...

Архіерей, хозяинъ епархіи, поманилъ взглядомъ келейника и что-то ему шепнулъ.

Тотъ подошелъ къ о. Марку и, заикаясь, сказалъ:

— О. протодіаконъ! Васъ кто-то спрашиваетъ внизу...

Красноярскій всталъ, сдѣлалъ общій поклонъ и, гордо поднявъ львиную голову, вышелъ.

.....

Онъ отказался извиниться. Онъ не считалъ себя виноватымъ и ушелъ за штатъ. Уже черезъ годъ новый архіерей далъ ему тотъ прекрасный сельскій приходъ, гдѣ я съ нимъ познакомился. Протодіаконство ушло отъ него навѣки, о чемъ онъ, впрочемъ, и не плакалъ...

— Проживи я еще сто лѣтъ, мнѣ не забыть той ночи, той лихорадочной ночи, въ которую дошло до насъ объявленіе о мобилизаціи; съ той поры прошелъ годъ, безконечный, тяжелый годъ. Много пережито за это время, многое перемѣнилось, но та ночь какъ будто только вчера была; словно кто-то властный, сильный, пришелъ и стальнымъ раскаленнымъ штепелемъ выдавилъ на сердцѣ эту роковую дату,—часто говорить о. Маркъ, возвращаясь къ впечатлѣніямъ ночи на 18 іюля.

У о. Марка былъ единственный пріятель въ селѣ—старый, но крѣпкій отставной кавалергардскій унтеръ-офицеръ Алексѣй Михайловичъ Салугинъ, прослужившій въ полку два срока, идеальный фронтовикъ, хорошій рассказчикъ; огромный, широкоплечій, но сухой, Алексѣй Михайловичъ удивлялъ своимъ тонкимъ «дѣвичьимъ» голосомъ и младенческимъ добродушіемъ. Старики частенько сходились и вели безконечные разговоры о парадахъ, лагерной жизни, о Петроградѣ, который оба знали, какъ свое село. Любопытно было ихъ послушать: одинъ бурчалъ, какъ въ бочку, а другой звенѣлъ валдайскимъ колокольчикомъ.

Въ августѣ 11-го года село захватили большіе маневры. Зрѣлище невиданное здѣсь сроду-родовъ. Три дня въ селѣ, въ рощахъ и поляхъ кишмя-кишѣли войска—тысячъ 25—всѣхъ родовъ оружія. Бухала полевая артиллерія, трещали ружья...

У Салугина квартировалъ одинъ изъ сѣдоусыхъ полковниковъ и на вопросъ, по какому случаю въ такую глушь нагнали солдатъ и не предвидится ли войны, вздохнувъ, отвѣтилъ:

поучительная для солдата мѣстность, а что касасемо до войны, то если бы и зналъ, ничего не сказалъ бы, потому что—нельзя. А что-то есть... Что-то надвигается, и нужно быть готовымъ ко всему... Да, что-то есть...—закончилъ задумчиво старый, еще скобелевскій вояка.

По уходѣ войскъ старики—о. Маркъ и Алексѣй—долго обсуждали таинственныя слова полковника.

Салугинъ все твердилъ:

— Вотъ увидишь, отецъ: будетъ да будетъ война!..

О. Маркъ ничего не отрицалъ, и только раздумчиво качалъ головой.

А потомъ, какъ водится, совсѣмъ забыли и о полковникѣ, и о его словахъ.

17 іюля духота была смертная; о. Маркъ за занавѣской просидѣлъ весь день въ одномъ бѣльѣ; послѣ обѣда, «створивши темень» въ берлогѣ, спалъ безъ рубахи. Часовъ въ девять вечера начала съ запада «взмывать» свинцовая туча, оказавшаяся символической; дохнулъ прохладный вѣтеръ.

Старый протоіакоуъ отъ скуки пошелъ къ своему пріятелю. Салугины только-что вернулись съ поля, ужинали: бодрая старуха—жена Алексѣя; сынъ Василій—улыбающійся коренастый мужчина лѣтъ тридцати трехъ; запасный артиллеристъ, сломавшій «дѣйствительнымъ» Японскую кампанію; Николка—братъ Василія, вѣчно веселый подростокъ; Матрена—жена Василія, твердая, широкая, красивая баба и пятеро—изъ нихъ четыре мальчика—дѣтей Василія; шестая—грудная дѣвочка—спала въ зыбкѣ.

Старый кавалергардъ оставался дома—вѣялъ ворохъ ржи на сѣмена, поѣлъ раньше, а теперь, пристроившись на низенькой скамейкѣ, при свѣтѣ маленькой лампочки—туча заслонила свѣтъ заката—пришивалъ подпругу къ сѣделкѣ.

Салугины, какъ и большинство въ этомъ селѣ, жили въ достаткѣ. Послѣ жирныхъ щей съ солониной на столѣ появилась пшенная каша—кому съ коровьимъ масломъ, кому съ молокомъ; у печки закипала самоваръ-ведерникъ, для послѣужиннаго чаепитія.

Разговоръ шелъ исключительно о полевыхъ работахъ: что нынѣ сдѣлано и что неотложно завтра нужно—докосить, дожать или привезти изъ поля домой. Несочиненной идилліей вѣяло отъ этой дружной веселой семьи.

Василій шелъ «въ корню» и вель отлично хозяйство; сейчасъ онъ, энергично работая зубами, короткими фразами излагалъ планъ дальнѣйшей уборки богатаго урожая. Отецъ или одобрялъ, или вставлялъ поправки. Мать въ этотъ разговоръ не вмѣшивалась: ея область была—«печка», т. е., приготовленіе ѣды и надзоръ за дѣтворой.

Стало совсѣмъ темно; полилъ шумный дождь, съ отрывистыми громовыми ударами; при вспышкахъ молніи всѣ крестились.

— Вотъ она—небесная-то артиллерія!—замѣтилъ, ослабившись, Николка.

— Дурачекъ: грѣхъ этакъ говорить...—остановила мать.

Старуха «надарживала для случая» водку. Подъ предлогомъ— о. Маркъ—«предъ ужиномъ», а Алексѣй—«подъ дождичекъ очень пріятно»—старики сложились по четвертаку и спросили бутылку водки. Кто могъ подумать, что эта бутылка была послѣдней?

Мимо оконъ, разбрызгивая лужи, промчался кто-то верхомъ. Николка, высунувшись по поясъ изъ окна, сообщилъ:

— У старосты остановился...

Никто на это не обратилъ вниманія.

Старики вышли по второй чайной чашкѣ—остатки, основательно крякнули и плохими зубами медленно пережевывали огурецъ.

Отужинали. Василій въ ожиданіи самовара легъ на конникъ и забавлялся съ Анюрой, трехлѣтней дочуркой, которая лепетала забавный вздоръ. Отецъ тихо смѣялся. Матрена, помогая свекрови убирать со стола, любовно взглядывала на конникъ и переводила отцу изъ Анюркиной болтовни нѣкоторыя непонятныя слова.

Дождь проходилъ. О. Маркъ взялся за шляпу, но идти не хотѣлось: выпитая водка располагала къ задушевной бесѣдѣ.

— Што за вещь: у Мокевниныхъ, у Дядиныхъ, огни вздули?— говорилъ Николка.—Слышите: староста съ подогомъ по окошкамъ пошелъ! Ишь, какъ барабанить!.. Объявляетъ што-то... Сюда идетъ.

По лужѣ захлюпали сапоги.

Алексѣй Михайловичъ швырнулъ сѣделку подъ лавку. Василій съ Анюрой на рукахъ подошелъ къ окну.

— Василь Лексѣичъ,—крикнулъ староста:—мобилизація! Го-нець примчалъ... Къ шести часамъ завтра въ волость. Австріякъ, слышь, бунтуется... Поромъ-распороло бы его: коренная уборка!— закончилъ сердито староста уже на пути къ слѣдующему дому.

До того было неожиданно, что въ первыя минуты всѣ словно остоленѣли. Сердце прямо сказало, что это не пробная мобилизація, а дѣло всерьезъ.

Скоро очнулись.

— Божья воля! Правду сказалъ старый полковникъ!..—не своимъ голосомъ произнесъ Алексѣй.

— Господи-Иисусе, помилуй насъ грѣшныхъ!—взывала и крестилась мать.—Дѣти-то наши, да воля не наша... Господи-Иисусе!..

У Матрены глаза наполнились слезами, и она готова была взвыть.. Предупредила ее Анюрка:—рявкнула первая.

— Вотъ-те и просо косить,—восемь десятинъ осталось! Придется намъ съ тятей отдуваться! Братецъ, милый!..—заплакалъ Николка.

— Что же: смотрѣли смерти въ глаза подъ японцемъ, попробуемъ подъ...—началъ было храбро Василій, но, взглянувъ на косякъ своихъ ребятишекъ, отвернулся и всхлипнулъ.

Это было сигналомъ: заголосили вся дѣтвора и бабы.

— Мужайся, Вася!—сказалъ о. Маркъ:—на великое дѣло пойдешь! Чуетъ ретивое: начинается борьба непримѣрная!.. Господь васъ помилуй! Завтра приду проститься...

.....

Старый протодіаконъ не спалъ всю ночь. Въ пять часовъ утра служилъ напутственный молебень; грохотало многолѣтіе христоролюбивому воинству. У бабъ глаза были красны, но ни одного причета, ни единого вопля... «Запасъ», надежда Россіи, бодрой и говорливой толпой зашатагалъ къ волости. Сзади потянулись подводы.

IX.

Старый Маркъ обложился газетами: самъ подписался на двѣ, бралъ у священника, на барскомъ дворѣ. По ночамъ спалъ мало и тревожно. Слѣдуя принципу: *audiatur et altera pars*,—читалъ газеты разныхъ оттѣнковъ и направленій; сопоставлялъ, дѣлалъ выводы, спрашивалъ раненыхъ, уже къ сентябрю возвратившихся изъ люблинскихъ боевъ,—выходило «добро зѣло»: армія, чудная русская армія оставалась неизмѣнной: великой, непобѣдимой, вѣрной старымъ традиціямъ. Въ неудачахъ Японской кампаніи она была неповинна, тамъ нагадило «что-то другое». У стараго русскаго человѣка нѣсколько отлегло на сердцѣ.

Въ первые дни кампаніи о. Маркъ по адресу охальничавшихъ нѣмцевъ и ихъ «Вельзевулова кума—кайзера»—загибалъ побранки. Ахъ, какія побранки!

— Чтобъ подавиться ему горячимъ шрапнельнымъ стаканомъ!

— Грохнуться бы ему на борону съ аэроплана!

Вотъ одна изъ миллионныхъ подлостей войны: и откуда только бралась злоба у этого смирнаго, полнаго добродушія человѣка!

Газеты заестрѣли знакомыми съ молодости именами городовъ. Стали нашими Львовъ, Перемышль. Сіялъ о. Маркъ и трубилъ побѣдные гимны.

Но Высочайшій приказъ о ненашеніи знаковъ отличія, пожалованныхъ государями воюющихъ съ нами державъ, заставилъ его задуматься: какъ ни переворачивалъ, какъ ни кумекалъ, а выходило, что и Вильгельмовъ подарокъ—пожалованіе. Началъ съ того, что когда поѣхалъ въ городъ за жалованіемъ, то, отодравши массивную золотую монограмму, сдалъ ее въ казначейство, какъ пожертвованіе на военныя потребности.

«Все съ сотню пуль отольютъ на эту финтифлюшку для проклятыхъ нѣмцевъ», успокоительно подумалъ Красноярскій.

Началось великое отступленіе, и скоро пришлось ему совѣмъ повѣсить голову. Вернули завоеванное, отдали Варшаву, пали крѣпости...

Старикъ ушелъ совѣмъ въ себя, не тянулъ даже е-dur'ныхъ піесъ съ четырьмя дѣзами въ ключѣ, только глубоко-протяжное, жутко-тоскливое «о-хо-хо-хо» говорило о его душевныхъ терзаніяхъ.

Протодіаконница, за семейной толчеей, не читала газетъ, но по настроенію мужа всегда могла опредѣлить, въ какомъ положеніи у насъ дѣла на фронтахъ.

— Плохо, Лукерья, нашимъ солдатускамъ,—говорила она кухаркѣ:—мой старикъ всю ночь проворочался да провздыхалъ. Ужъ какъ бы чего съ нимъ не случилось: самъ съ собою все говорить: «повоюй-ка, слышь, съ голыми руками!».. Припасовъ военныхъ, видно, у насъ нехватка...

Пересталъ ходить и къ Алексѣю Михайловичу; инвалиды видѣлись только, когда нужно было написать письмо Василию, который состоялъ въ одной изъ безчисленныхъ артиллерійскихъ парковыхъ бригадъ. Служба сравнительно была безопасная, но и у нихъ частенько вырывало снарядами на излетѣ то пару лошадей, то ранило сразу полдюжины солдатъ.

Словно не замѣчалъ о. Маркъ и бѣшено поднимавшихся цѣнъ на продукты, а молча отсчитывалъ, сколько требовали, да иногда въ календарѣ кратко отмѣчалъ съ толстыми восклицательными знаками: «пшеничн. мука—Зр. 20 коп.! Спички—30 к.» И т. д. Ни разу не посѣтовалъ на отсутствіе водки, которую цѣлое полстолѣтіе «употреблялъ» каждый день.

Въ концѣ концовъ даже его нервы распатались, и онъ не могъ слушать тиканье «бѣсо-кайзерова» подарка. Сталъ думать, какъ отдѣлаться отъ часовъ. Кому-нибудь отдать? Опять на глаза попадутся. Забросить? Найдутъ. Въ одну изъ минутъ раздумья онъ, вскочивъ по-юношески, сгрѣбъ со стола часы и, что было силы, хватилъ ими объ полъ. Верхняя крышка отскочила, брызнули осколки стекла, но, словно на зло, они затикали громче. Взбѣшенный о. Маркъ притопнулъ ихъ нѣсколько разъ каблукомъ, злобно приговаривая:

— Ахъ, сатанинскій подарокъ! Вотъ крокодиловъ-то панцырь! Ихъ только Каиновой дубиной возьмешь!..

Стрѣлокъ не осталось и слѣда, погнулся мѣдный циферблатъ, но крѣпкія, нѣмецкой стали, крышки оставались невредимы.

Какъ изступленный, выбѣжалъ старикъ на дворъ, гдѣ у крыльца лежала широкая плита.

— Блаженъ, иже иметь и разобіеть адовъ даръ о камень!— зловѣще проревѣлъ онъ, подчеркивая полутоны и съ размаху ударяя исковерканными часами о гладкую плиту.

Сломались шарниры, вывалился ходъ, блеснули колесики...

На крыльцо выбѣжали встревоженные домочадцы, но онъ, потный и растрепанный, только буркнулъ:

— Слава Богу, избавился отъ антихристовъ гостинца!

Прошелъ въ свою берлогу и спокойно проспалъ болѣе полу-сутокъ.

О. Маркъ здравствуетъ до сихъ дней и, какъ всѣ русскіе люди, твердо вѣруеть въ полную побѣду надъ упорнымъ врагомъ.

Н. Нормовъ (Н. Новрускій).

ВОСПОМИНАНІЯ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ.

(Дорогимъ пермцамъ на память 1877—1878 г. г. отъ ихъ сестры милосердія.)

I.

Начало войны съ турками 1877—1878 г.г. — Отъѣздъ автора воспоминаній съ полкомъ на театръ военныхъ дѣйствій. — Въ Румыніи, въ тылу дѣйствующей арміи.

ИЗНЬ пролетѣла, здоровье разрушено, только энергія еще сильна, и духъ еще бодръ. Теперь мнѣ остается только прошлое; его я запишу, и такъ какъ я осталась совсѣмъ одна-одинешенька, и послѣ моей смерти некому будетъ меня помянуть, то, можетъ быть, читающій эти воспоминанія перекрестится и скажетъ: «Царство небесное нашей сестрѣ милосердія».

26-я пѣхотная дивизія стояла въ Гроднѣ, и мы ждали съ часу на часъ приказа погружаться въ вагоны. А я тѣмъ временемъ ежедневно посѣщала военный госпиталь и готовилась къ дѣятельности на поляхъ сраженій подъ руководствомъ шести врачей. Въ іюлѣ и началѣ августа привезены были раненые. Какъ билось мое сердце и какъ торопилась я купить хорошаго табаку, чтобъ раздать бѣднымъ раненымъ, уставшимъ отъ долгаго пути и теперь отдохавшимъ на кроватяхъ въ обширной госпитальной палатѣ! Докторъ Фишкинъ обходилъ ихъ по очереди и разспрашивалъ. Палата сіяла чистотой и опрятностью, раненые были одѣты во все чистое. Обходя вмѣстѣ съ докторомъ раненыхъ, я раздавала имъ табакъ и радостно смотрѣла на ихъ улыбающіяся отъ удоволь-

ствія лица, что сейчасъ можно будетъ затянуться хорошимъ и вкуснымъ дымкомъ. Такъ проходили дни за днями, я усердно занималась; доктора-учителя съ охотой меня учили, особенно докторъ Фишкинъ. Онъ заставлялъ меня не разъ изслѣдовать пальцемъ раны, отъ чего по всему моему тѣлу пробѣгала нервная дрожь. «Ежели вы будете бояться ранъ, я не дамъ вамъ аттестата», не разъ говаривалъ онъ, стараясь побѣдить мой ужасъ. Въ аптекѣ занимался со мною Ѳеодоръ Ивановичъ Деслеръ, старый аптекарь, бывшій въ Севастопольской кампаніи. Я присутствовала въ хирургическомъ кабинетѣ при ампутаціи и вскрытіи.

Итакъ, я кончила мою подготовку, выдержавъ экзаменъ лучше другихъ и получивъ свидѣтельство. Наша дивизія 23-го іюля была назначена къ выступленію. Отецъ мой, штабсъ-капитанъ Горюновъ, почти весь день проводилъ съ солдатами въ ротѣ, уча ихъ стрѣлять изъ только что полученныхъ ружей-берданокъ; каждому солдату, попавшему въ центръ мишени всѣми пятью пулями, онъ давалъ за каждую пулю по пятакъ. Матушка моя, я и сестра, мы его почти и не видали дома. Страшно болѣло сердце отъ мысли, что мы его такъ мало видимъ передъ отъѣздомъ на войну, а тамъ, быть можетъ, въ будущемъ и не вернется съ войны; а мы его такъ любили за его доброту и любовь къ намъ!

Всѣ мои мысли сосредоточились на томъ, чтобъ поѣхать съ нимъ вмѣстѣ; но какъ это сдѣлать? Я отправилась къ гродненской предсѣдательницѣ Краснаго Креста, т-ше Зуровой. Та меня очень любезно приняла, предложила мнѣ ѣхать въ Петербургъ въ общину и оттуда быть направленной въ дѣйствующую армію съ отрядомъ Краснаго Креста. Но это меня не удовлетворяло, и я рѣшилась ѣхать съ отцомъ и быть на самомъ мѣстѣ сраженій, не разставаясь ни на минуту съ нимъ, и къ тому же, что бы ни случилось, я находилась подъ охраной нашего полка, дамой котораго была. Но какъ сдѣлать, чтобъ ѣхать вмѣстѣ? Не долго думая, я направилась къ женѣ нашего командира полка и тутъ имъ сообщила о моемъ намѣреніи. Полковникъ Карлъ Александровичъ Шульцъ не рѣшался официально разрѣшить мнѣ поѣздку. Но было придумано неофициально провожать отца, и, собравъ все необходимое и какъ можно меньше, чтобъ не быть никому въ тягость, я была уже готова къ путешествію.

12-го августа, въ 12 часовъ дня второй эшелонъ 101-го пѣхотнаго Пермскаго полка садился въ вагоны. Дамы провожали своихъ мужей въ слезахъ. Мама моя обмирала и, заливаясь слезами, просила беречь отца, а сестра—жениха ея, полкового адъютанта С. В. Г. Отецъ, занятый посадкой солдатъ, не видалъ, что я садилась въ купе, гдѣ были уже его вещи. Музыка играла на платформѣ гродненскаго вокзала, поѣздъ медленно трогался. Еще послѣднее «прости»!... Поѣздъ былъ уже въ полномъ ходу, когда папа вошелъ въ купе. «Дорогая моя, до какой же станціи мы тебя провожаемъ?» обнимая

и цѣлуя меня, спросилъ онъ. «Папочка! я ѣду съ тобой на войну!»— «Но вѣдь тебѣ нельзя ѣхать въ военномъ поѣздѣ?» Тогда я объяснила ему, что пусть онъ не противится моему желанію, что все устроится хорошо, и, надѣвъ передникъ съ краснымъ крестомъ, я обратилась къ офицерамъ нашего эшелона, не имѣютъ ли они что-нибудь противъ того, что я ѣду съ ними и не стѣсню ли ихъ. Но всѣ любезно отвѣтили, что очень рады, что хоть одна полковая дама съ ними.

Мы въ Брестѣ. Солдаты всѣ вышли на ужинъ; офицеры—кто чай пилъ, кто прогуливался по платформѣ, Вдругъ раздались звуки скрипки и вмѣстѣ съ ней рыданіе со словами пѣсни,—то игралъ солдатъ. Его музыка потрясла всѣхъ чувствомъ горя и безнадежности, которыя выражались въ этихъ звукахъ. Слезы невольно катились по щекамъ присутствовавшихъ, а ихъ было не мало; казалось, что душа солдата уносится на родину, въ деревню, гдѣ онъ оставляетъ навѣки все родное, дорогое и горячо любимое безвозвратно; какъ будто онъ чувствовалъ, что это его послѣднее «прости» и этотъ отчаянный вопль долженъ быть услышанъ тѣми, къ кому онъ относился,—это была лебединая пѣсня. Команда «по мѣстамъ!» прервала все, и пора было: у многихъ солдатъ катились слезы, и, казалось, что они всѣ заревутъ. Но вотъ раздался трескъ, и скрипка, только что рыдавшая, разлетѣлась вдребезги при истеричномъ хохотѣ ея владѣльца. Въ грустномъ настроеніи сажались всѣ въ вагоны.

Мы мчались на югъ; солнце жгло; въ вагонахъ было душно, и мы почти на каждой станціи выходили немножко подышать свѣжимъ воздухомъ и купить какихъ-нибудь фруктовъ, чтобъ утолить мучившую насъ жажду. Особенно много было арбузовъ; очень дешево ихъ продавали на вокзалахъ. Солдаты на свои маленькія средства не отказывали себѣ въ удовольствіи полакомиться. Не обходилось безъ смѣха, когда какая-нибудь торговка подсунетъ солдату вмѣсто арбуза тыкву, которую онъ ѣстъ полнымъ ртомъ, пока ему кто-нибудь не скажетъ, что это тыква, которую надо варить, а отъ сырой можно заболѣть. И тутъ сыплются насмѣшки товарищей и шутки офицеровъ. Лично я выходила изъ вагона мало, чтобъ не стѣснять мужской персоналъ, и часто просила кого-нибудь, чтобъ мнѣ купили чего-нибудь хорошаго изъ плодовъ, которыми всѣ платформы были уставлены. Мы подѣхали къ станціи Винница; это было утромъ, около 11 часовъ. Молодой офицеръ, проходя черезъ наше купе, предложилъ мнѣ свои услуги,—не пожелаю ли я чего-нибудь купить. Я достала изъ кошелька деньги и просила, что найдеть лучшаго, чтобы онъ купилъ. Порученіе мое было исполнено. Я съ восторгомъ сортировала груши, яблоки, сливы, чтобъ угостить отца и еще кого-нибудь изъ его сослуживцевъ, ѣхавшихъ съ нами въ одномъ вагонѣ, которые въ этотъ моментъ находились всѣ на платформѣ, около вок-

зала. Вдругъ раздался глухой выстрѣлъ тутъ же въ вагонѣ и пронзительный крикъ... Я съ ужасомъ бросилась по направленію выстрѣла: молодой офицеръ, купавшій мнѣ нѣсколько минутъ тому назадъ фрукты, лежалъ между скамейками и отчаянно кричалъ. Не зная, что дѣлать, я бросилась къ окну звать на помощь. Въ вагонѣ столпились, вынесли раненаго на платформу, уложили на носилки; тутъ же нашелся и докторъ. При разспросѣ выяснилось, гдѣ и какъ онъ раненъ. Оказалось, что на сидѣньѣ былъ положенъ револьверъ, на ко-

Софія Александровна фонъ-Кенигъ (нынѣ Чирикова).

торый нечаянно сѣлъ офицеръ, и, вѣроятно, какъ-нибудь, вздернулся курокъ, отчего и послѣдовалъ выстрѣлъ въ ногу выше колѣна. Раненаго отправили въ Винницу въ госпиталь.

Путь мы продолжали по черноземной ровной полосѣ. Поля были покрыты лѣсомъ кукурузы, подсолнечниковъ и конопли гигантскихъ размѣровъ. Въ своихъ чудныхъ, нарядныхъ костюмахъ малоросски встрѣчали воинскіе поѣзда съ цвѣтами, подсолнухами и кукурузой въ рукахъ и бѣжали рядомъ, бросая ихъ въ открытые вагоны солдатамъ. Пѣсни, говоръ, смѣхъ и звуки гармоники неслись

по всему пути до поздней ночи. Въ Кишиневѣ я должна была, по желанію отца, остаться, чтобъ справиться въ мѣстномъ лазаретѣ Краснаго Креста, какимъ образомъ мнѣ пристроиться въ дѣйствующую армію. Но попытка моя была неудачна: я тамъ не получила желаемыхъ свѣдѣній. Побродивъ по городу и купивъ себѣ кое-что изъ необходимыхъ вещей, я вернулась на вокзалъ, гдѣ къ этому времени подошелъ поѣздъ 3-го эшелона нашего полка. Увидавъ меня, офицеры стали втушкѣ. «Что это значить, и какъ вы сюда попали?» забрасывали они меня вопросами, садясь за столъ обѣдать. И я во время обѣда рассказала имъ о моемъ намѣреніи пробраться въ дѣйствующую армію и подъ охраной моего отца и родного полка, въ которомъ служилъ мой мужъ, недавно умершій, послѣ смерти котораго я сама готова была лишиться себя жизни, я рѣшилась умерѣть не самоубійцей, а, ежели Провидѣнію будетъ угодно, со славой и пользой на полѣ битвы. «Ура! да здравствуетъ майорша!» раздалось вокругъ меня. Товарищи моего покойнаго мужа, поднеся мнѣ рюмку вина, выпили за мое здоровье. Въ это время въ залу вошла какая-то женщина, одѣтая вся въ черномъ, уже немолодая; подошла къ столу и попросила и ей налить рюмку вина и, поднявъ ее высоко надъ головой, произнесла какой-то стихъ, выпивъ за здоровье военной дамы. Она медленно удалилась изъ залы. Кто она была—никто изъ присутствовавшихъ не зналъ. Обѣдъ кончился. Мы въ вагонѣ и снова мчимся на югъ къ Унгенамъ... Я близка была къ цѣли: только бы очутиться за границей, только бы попасть мнѣ на поле сраженій, а тамъ доберусь до главной квартиры и преклонюсь къ стопамъ государя. «Онъ не откажетъ мнѣ въ моей просьбѣ», такъ думала я: «Онъ такой добрый!» Когда онъ посѣщалъ нашъ институтъ, мы съ ума сходили отъ радости и на площадкѣ гимнастики старались своею ловкостью заслужить его вниманіе и за чаемъ собирали въ тарелку молоко и угощали его любимую собаку, съ которой клочками обстригали на память шерсть. Онъ не разсердился. На гигантскихъ шагахъ я поднялась выше всѣхъ и задѣла нечаянно преподавательницу англичанку миссъ Вельсъ; она взвизгнула. А государь сидѣлъ съ начальницей вдали и видѣлъ всю сцену и сдѣлалъ мнѣ «браво», тихонько ударивъ нѣсколько разъ рукой объ руку. Я смутилась и, оставивъ гигантскіе шаги, скрылась въ толпѣ, боясь, чтобъ начальница не замѣтила моей неловкости и не сочла бы ея умысленной. Я не думала, что тогда мы были дѣти и къ намъ относились потому снисходительно. Что-то теперь будетъ за мой поступокъ, что я безъ разрѣшенія ѣду на театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ нельзя быть безъ разрѣшенія государя? Но что будетъ, то пусть и будетъ, я заслужу прощенье.

Я ѣхала съ третьимъ эшелономъ, мнѣ легче было, я не видѣла озабоченнаго за мою судьбу лица отца, хотя онъ и не говорилъ со мной объ этомъ. Вотъ мы и въ Унгенахъ. Всѣ стали покидать вагоны

и направляться куда-то въ поле, и я пошла въ сопровожденіи денщика. Недалеко отъ мѣста, гдѣ расположился полкъ бивуакомъ, былъ домъ офицера пограничной стражи. Я направилась туда и здѣсь нашла радушный пріемъ и отдыхъ въ семействѣ, которое состояло изъ трехъ особъ: мужа, жены и крошечнаго мальчика. На другой день папа узналъ отъ денщика, что я въ домѣ офицера пограничной стражи и что «ихъ барыня очень радушно приняли «нашу барыню» и отвели ей комнату, гдѣ она провела ночь, а теперь всѣ сидятъ въ столовой, чай пьютъ и забавляются съ маленькимъ мальчуганомъ, должно, ихъ сыномъ». Около 12-ти часовъ пришелъ ко мнѣ нашъ полковой священникъ вмѣстѣ съ отцомъ и полковымъ адъютантомъ. Я ихъ представила моимъ новымъ знакомымъ, и всѣ занялись разговоромъ о войнѣ; около часу хозяйка пригласила всѣхъ къ завтраку, который прошелъ весьма оживленно. Распростившись съ любезными хозяевами, адъютантъ и священникъ пошли къ бивуаку, а папа остался еще на крыльцѣ и обратился ко мнѣ съ совѣтомъ ѣхать впередъ въ Яссы, такъ какъ тамъ лазаретъ Краснаго Креста подъ начальствомъ Абазы и другой отдѣлъ подъ начальствомъ Друцкого-Соколицкаго—пристроиться хотя тамъ. Я не спорила и выразила свое согласіе, только просила отложить на утро мою поѣздку. Сегодня я хотѣла погулять на свободѣ съ моей новой знакомой дамочкой, и мы около 4-хъ часовъ вечера отправились осматривать вокзалъ; меня интересовало узнать, какъ опредѣляется граница одного государства отъ другого, и моя собесѣдница мнѣ все рассказывала и пожалѣла, что я скоро уѣзжаю, а то можно было бы прокатиться по границѣ. На слѣдующее утро, распростившись съ радужными хозяевами, отправилась въ Яссы. Здѣсь на станціи было очень много военныхъ въ разныхъ формахъ и въ разныхъ чинахъ; движеніе, шумъ, говоръ, бряцаніе сабель производили непріятное впечатлѣніе. Я поспѣшно вошла въ маленькую дамскую комнатку, попросила горничную принести мнѣ чего-нибудь позавтракать. Та предложила мнѣ выйти въ столовую. Пріоткрывъ двери, я заглянула туда, но тамъ была такая масса публики, что я не рѣшилась войти. Завтракъ мнѣ принесли: очень хорошій кофе и еще что-то, не помню, но уже не нашей русской кухни, что мнѣ очень не по вкусу пришлось.

Наскоро подкрѣпившись, я рѣшилась войти въ залъ, гдѣ было очень много сестеръ милосердія; всѣ въ свѣтло-сѣрыхъ платьяхъ, бѣлыхъ косынкахъ и передникахъ. Всѣ онѣ сидѣли за столами и завтракали. Офицерство наполняло залъ, любясь и ухаживая за красавицами, которыя находили большое удовольствіе въ этомъ; кофе, вино и шампанское искрилось въ бокалахъ. Я, какъ не зачисленная еще ни въ одинъ изъ отрядовъ Краснаго Креста, чувствовала себя очень неловко, тѣмъ болѣе, что мой костюмъ сестры милосердія не согласовался съ формою здѣшнихъ сестеръ милосердія: я была въ

черномъ платьѣ и бѣломъ передникѣ. У кого-то изъ начальствующихъ желѣзной дороги я спросила, какъ мнѣ увидѣть кого-нибудь изъ старшихъ? На что получила въ отвѣтъ: «Абаза и Друцкой-Сокольницкій въ Фратештахъ». На скамеечкѣ на платформѣ сидѣлъ лейбъ-медикъ Кобдаты; услыхавъ мои разспросы, онъ обернулся въ нашу сторону, а комендантъ мнѣ шепнулъ, чтобъ я обратилась къ нему, — онъ мнѣ можетъ помочь и дать совѣтъ. Лейбъ-медикъ совѣтовалъ лучше остаться до поры до времени, пока я получу разрѣшеніе, при госпиталяхъ въ тылу арміи, потому что никто, кромѣ государя, не въ правѣ разрѣшить находиться на поляхъ сраженія женщинѣ. Я очень была огорчена и встревожена, но не показала вида моего горя. Пошла посмотрѣть на Яссы. Далекъ боялась итти, но поблизости вокзала, у подѣзда стояли экипажи въ ожиданіи пассажировъ. Этими пассажирами оказались сестры милосердія. Въ сопровожденіи своихъ кавалеровъ онѣ сажались и отправлялись въ городъ по домамъ или кататься послѣ утреннихъ занятій въ госпиталяхъ. Погулявъ, я вернулась на вокзалъ, пообедала и легла въ дамской отдохнуть и подумать, какъ быть и что предпринять. Къ вечеру подошелъ воинскій поѣздъ, въ которомъ ѣхалъ нашъ эшелонъ. Я при свиданіи съ отцомъ рассказала, что здѣсь никто не можетъ дать мнѣ назначенія въ дѣйствующую армію — только одинъ государь можетъ разрѣшить. «Не тужи, дорогой отецъ, никто, какъ Богъ, а я тебя не оставлю; ты не заботься ни о чемъ; я устроюсь волѣ тебя, я это чувствую и больше никому не буду кланяться и просить, а поклонюсь государю». — «Да, но когда ты доберешься до главной квартиры? Сколько тебѣ придется перенести? Да и разрѣшить ли государь? Я радъ, что ты со мною... но выдержишь ли ты всѣ трудности похода и тѣ лишенія и безпокойства, которыя тебѣ придется перенести?» — «Милый папа, я ѣду съ тобой, буду всюду недалеко отъ тебя и въ нашемъ полку; здѣсь съ вами меня никто не обидитъ и не оскорбитъ, и ежели намъ суждено умереть, то умремъ не трусами, а геройской смертью. Я молода, здорова, примѣнюсь ко всѣмъ обстоятельствамъ и невгодамъ, буду заботиться о тебѣ и о раненыхъ, которыхъ судьба пошлетъ мнѣ. Папа! ты знаешь, что я одна изъ тѣхъ, которыя не могутъ подчиняться произволу; въ общинѣ я не понравлюсь какому-нибудь доктору или такъ называемой старшей и буду терпѣть отъ нихъ больше, чѣмъ всѣ тягости походной жизни. Я твердо стою за свою честь и послѣдую совѣту Ѳедора Ивановича Деслера, который мнѣ сказалъ: «Ежели ѣдете на войну — то только съ отцомъ и въ своемъ полку». — «Ну, представь, что государь не разрѣшитъ быть на поляхъ сраженія. Куда ты дѣнешься?» — «Прямо подъ пули пойду. Но этого не будетъ: ангельская доброта монарха нашего пойметъ мои чувства, и онъ мнѣ разрѣшитъ». — «Ну, дѣлай, какъ знаешь! Дай Богъ часъ добрый!».

II.

Фратешти.—Лазаретъ у Фратешти.—Походъ къ Дунаю.—Трудности похода.

Ночью куда-то примчались; поѣздъ остановился; въ вагонѣ темно; слышна команда. Къ окну вагона подошелъ денщикъ. «Что, Савашевичъ?» спросилъ отецъ.—«Фратешты, станція, ваше благо-родіе, выгружаютъ. Гдѣ-то изъ орудій стрѣляютъ».—«Развѣ мы уже на войнѣ?» спросила я.—«Да, мы на театрѣ военныхъ дѣйствій, это послѣдняя станція по желѣзной дорогѣ, теперь иѣшкомъ до мѣста назначенія». Съ этими словами отецъ вышелъ изъ вагона. По мѣрѣ того, какъ вагонъ пустѣлъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и темнѣлъ, потому что уносили съ собой свѣчи, освѣщая путь. Я осталась одна въ вагонѣ; полкъ ушелъ; наконецъ и я выбралась; маленькій саквояжъ взялъ денщикъ. На полѣ темно, ни зги не видно, только вддали сверкають фонари—красные, бѣлые—въ разныхъ мѣстахъ; трудно въ темнотѣ разобратся, и мы прямокомъ направились къ маленькому вокзалу; но вдругъ я поскользнулась и очутилась въ ямѣ. По счастью, у денщика были спички, и онъ освѣтилъ мѣсто моего исчезновенія. «Сударыня, вы попали въ рогную печь: здѣсь и котель вмазанъ». Онъ подаль мнѣ руку, и я выкарабкалась кое-какъ. Но, пройдя нѣсколько шаговъ, я снова остушилась и на этотъ разъ ногой попала въ котель, который былъ полонъ воды. Теперь мы стали осторожнѣе подвигаться. Съ разными препятствіями мы кое-какъ добрались до вокзала,—это была маленькая станція. Я шла въ полной увѣренности, что найду здѣсь хотя маленькую дамскую и мнѣ можно будетъ отдохнуть до разсвѣта. Я вошла—и о ужасъ! станція была полна народа. Переступая черезъ спящихъ людей, которые буквально покрывали весь полъ, я кое-какъ добралась до телеграфиста, который сидѣлъ у аппарата, и спросила его, не найдется ли гдѣ-нибудь уголка, чтобы мнѣ дожидаться разсвѣта. «Вся станція, какъ видите, биткомъ набита народомъ, и вамъ не придется отдохнуть—развѣ въ поѣздѣ Краснаго Креста». Мы вышли на платформу и пошли разыскивать бараки.

Съ разными приключеніями наконецъ-то мы добрались до баракъ, изъ которыхъ слышны были стоны раненыхъ; одинъ голосъ сильнѣе всѣхъ поразилъ меня; я въ ужасѣ остановилась: умирающій просилъ пить и звалъ къ себѣ кого-нибудь. Я прислушивалась, не услышу ли кого-нибудь, слѣшащаго къ нему на помощь; но ни разговора, ни движенія не было слышно. Тогда я спросила денщика, есть ли у него вода; на что получила благопріятный отвѣтъ. Я велѣла зажечь спичку и, вынувъ изъ саквояжа серебряный стаканъ, налила воды и немного краснаго вина, которымъ запаслась въ Яссахъ, и, приподнявъ полу брезента у того мѣста, гдѣ лежалъ трудно больной, пролѣзла внутрь, пробралась около спящихъ и, ставъ на колѣни и приподнявъ ему голову, дала напитокъ. Онъ съ жадностью пилъ, а я

обмирала отъ страха, что меня можетъ застать кто-нибудь изъ лазаретнаго персонала и я могу подвергнуться неприятностямъ. Больной, утоливъ мучившую его жажду, слабыми руками взялъ мою руку и, приблизивъ къ губамъ, поцѣловалъ. «Ангель, откуда ты явился?» Я сдѣлала ему знакъ молчанія и исчезла тѣмъ же путемъ. Дальше итти я боялась. При слабомъ свѣтѣ фонаря мы невдалекѣ увидали санитарный поѣздъ, гдѣ почивали доктора и, вѣроятно, весь санитарный персоналъ. Стучаться я не рѣшалась и вернулась на станцію. На платформѣ я сказала денщику, что я устала и хотѣла бы отдохнуть, но, вѣроятно, придется всю ночь простоять на ногахъ, опершись о стѣну вокзала. Вдругъ я увидала поднимающуюся со скамейки фигуру воина. Это былъ молодой юнкеръ, который любезно предложилъ мнѣ мѣсто на садовомъ диванчикѣ, сказавъ, что онъ уже отдохнулъ. Я не хотѣла его лишать отдыха, но онъ сказалъ, что онъ дежурный и долженъ итти. Я поблагодарила и легла, укрывшись пледомъ, подъ открытымъ небомъ.

Проснувшись, но еще не открывала пледа, прислушиваясь къ разговору, изъ котораго узнала, что разговаривалъ нашъ денщикъ съ солдатомъ нашего полка, и что полкъ нашъ близко на горѣ, около деревни Фратешти, расположился бивуакомъ. Я обрадовалась, вскочила съ дивана, — было уже свѣтло, ожидался восходъ солнца, и вотъ мы втроемъ пошли къ бивуаку. Путь былъ въ гору. На бивуакѣ еще спали. На горѣ былъ раскинутъ тоже лазаретъ Краснаго Креста уполномоченнаго Абазы или Друцкого-Сокольническаго; оба отдѣла находились около Фратешти. Изъ палатки вышла сестра милосердія, уже почтенныхъ лѣтъ; я подошла къ ней, поклонилась и просила ее пріютить меня на короткое время. Она сказала мнѣ, что у нихъ всѣ палатки переполнены больными, но что въ нѣсколькихъ шагахъ на горѣ палатка генерала, которая оставалась пустая за смертью или отсутствіемъ владѣльца ея, и вотъ въ этой палаткѣ была желѣзная кровать и матрацъ. И я расположилась въ ней съ удобствомъ. Денщикъ размыскалъ моего отца, который и не замедлилъ ко мнѣ явиться. Подоспѣлъ и самоваръ, и чай, нашлись галеты. Сестра милосердія принесла мнѣ французскую булочку, и мы съ удовольствіемъ напились чаю подъ открытымъ небомъ. Погода была чудная. Сестра въ это утро была свободна отъ службы и пригласила меня въ свою квартиру, которая была въ деревнѣ подъ горою. Тутъ на довольно большомъ дворѣ впервые увидала я громадную корову темно-сѣраго цвѣта съ теленкомъ; я хотѣла къ ней подойти, но сестра остановила меня во-время: это была самка-буйволица, очень свирѣпая, готовая на меня броситься въ защиту своего дѣтища; но мы успѣли скрыться въ домъ. Мы вошли въ комнату, покрытую циновками; кругомъ были диваны, покрытые красной матеріей, по угламъ лежали кожи съ окрашеннымъ въ розовый цвѣтъ мѣхомъ и подушки; стѣны и потолокъ по голубому фону по-

крыты были рѣзбой изъ дерева. Я разсматривала съ любопытствомъ новую невиданную восточную обстановку, пока сестры не было. Но вотъ и она явилась съ подносомъ, на которомъ было варенье въ продолговатыхъ вазочкахъ, графинъ воды, темно-коричневый кувшинчикъ и двѣ миниатюрныя чашечки. «Вы не удивляйтесь, что сласти здѣсь подаются не въ урочный часъ: хозяйка моей квартиры приготовила это угощеніе; это здѣсь обычай въ виду постоянной жары». Я взяла ложку варенья и запила водой. Послѣ этого сестра налила изъ кувшинчика кофе, свареннаго уже съ молокомъ и вмѣстѣ съ гущей; кофе былъ очень хорошъ и ароматенъ, но я его съ трудомъ пила, невольно задавъ вопросъ: почему кофе съ гущей?—«Здѣсь все такъ готовятъ этотъ напитокъ».

Попивая кофе, мы разговорились, и тутъ сестра сообщила мнѣ, что она вдова донского казацкаго полковника и, будучи совсѣмъ одинокой, рѣшилась итти на войну, чтобы быть полезной раненымъ воинамъ; но своимъ положеніемъ она недовольна: она по рангу и по лѣтамъ должна была бы занимать первое мѣсто, но тутъ ведутся интриги, и выдвигаются личности молодыя, пользующіяся фаворомъ докторовъ, и она должна подчиняться Богу знаетъ кому. «И ежели бы не святое дѣло, за которое я взялась,—давно бы отказалась. Вотъ и сейчасъ, когда придемъ къ санитарнымъ палаткамъ, я вамъ покажу возмутительный фактъ небрежности съ однимъ молодымъ офицеромъ, который привезенъ сюда съ поля сраженія съ раздробленной ногой. Ему сдѣлали ампутацію, и, благодаря нечистымъ инструментамъ, сдѣлалось зараженіе крови, и 23-лѣтній юноша обреченъ на смерть; а эта ампутація совсѣмъ не нужна была—кость могла срастись. Я вамъ его покажу, отъ вашей палатки не далеко; я въ 12 часовъ вступаю на дежурство, и мы его посѣтимъ».

Разсказъ сестры произвелъ на меня удручающее впечатлѣніе, и тутъ я окончательно рѣшилась остаться съ отцомъ, ни на шагъ не отступая отъ полка, и во что бы то ни стало вымолить у государя разрѣшеніе остаться при полку. Около 12-ти часовъ мы съ сестрой отправились къ лазаретнымъ палаткамъ. «Обратите вниманіе на палатку недалеко отъ той, которую вы занимаете; полы ея откинута, подойдемте».—Но меня не пустятъ.—«Не входите, остановитесь у входа», проговорила сестра и вошла въ палатку. На кровати лежалъ молоденькій офицеръ; лицо его было блѣдно, съ восковой желтизной, печать смерти лежала на всей его фигурѣ. Онъ умолялъ, чтобы кто-нибудь написалъ его родителямъ письмо, которое онъ продиктуетъ. Онъ обратился къ сестрѣ; она хотѣла исполнить его желаніе, но бывший тутъ фельдшеръ въ штатскомъ платьѣ не допускалъ никого, говоря, что онъ самъ будетъ писать. Увидавъ меня, юноша обратился ко мнѣ съ тою же просьбой, но фельдшеръ заявилъ, что онъ самъ напишетъ. Тутъ подошла молодая сестра милосердія, высокаго роста, довольно красивая, вмѣстѣ съ докторомъ; я не рѣшилась войти

въ палатку, не зная правилъ, могутъ ли посторонніе безъ разрѣшенія посѣщать больныхъ, хотя мнѣ страшно хотѣлось исполнить волю умирающаго, который былъ еще въ полномъ сознаніи и, можетъ быть, хотѣлъ описать всѣ мученія свои и послать послѣднее «прости» матери и отцу, а окружающіе его, боясь отвѣтственности, не допускали никого. Боже! сколько муки душевной, не говоря уже о страданіяхъ физическихъ, долженъ былъ вынести этотъ молодой человекъ! А развѣ онъ одинъ? Ихъ, можетъ быть, очень много умираютъ только потому, что всѣ торопятся, не обращая должнаго вниманія на принятую на себя обязанность сохранить жизнь каждого человека, тѣмъ болѣе воина, идущаго на брань за святое дѣло. Господи! помоги мнѣ выполнить взятое на себя рѣшеніе вырывать у смерти намѣченныя ею жертвы или, ежели этого нельзя сдѣлать, то хоть облегчить переходъ въ вѣчность! Съ 25-го на 26-ое мнѣ сказали, что молодой офицеръ скончался, и мнѣ не удалось еще разъ взглянуть на бѣднаго страдальца, въ такихъ мукахъ окончившаго свое существованіе.

Собрались всѣ на молебень, послѣ котораго надо было отправляться въ походъ. До сихъ поръ я путешествовала по желѣзной дорогѣ, но теперь приходилось призадуматься, какъ мнѣ быть безъ лошади. Пока не бѣда: я забралась въ лазаретную линейку, которыя были пусты, и часть перехода проѣхала; но, по мѣрѣ того, какъ солдаты стали ослабѣвать и ихъ надо было помѣстить въ линейки, я шла пѣшкомъ въ сопровожденіи денщика, который несъ корзиночку съ запасомъ продовольствія, купленнаго у жителей Фратешти. И вотъ привалъ здѣсь. Сѣвъ на землю я хотѣла немножко отдохнуть въ ожиданіи, когда подойдетъ 5-ая рота, которою командовалъ мой отецъ, а денщикъ приготовилъ кипятокъ для чая. Мало-по-малу около меня образовался кружокъ офицеровъ нашего полка, которые еще не знали о моемъ слѣдованіи въ дѣйствующую армію. Всѣ были удивлены, а многіе и рады, что хоть одна родная душа будетъ вблизи, когда придется быть сраженному непріятельской пулей. Мнѣ было легко, но вмѣстѣ съ симъ и жутко: а вдругъ государь узнаетъ и велитъ покинуть полкъ. Всѣ собрались вокругъ меня, закусили; кто кофе пилъ, заваренный въ мѣдномъ котелкѣ, кто чай; кто закусывалъ, чѣмъ Богъ послалъ, выпивая рюмочку коньяку или водки, заѣдая кое-какими консервами, которые доставали у маркитанта. Поотдохнувъ немного, всѣ тронулись снова; ружья, составленныя въ козла, разбирались и, вскинутыя на плечо, снова засверкали штыками на солнышкѣ стальной лентой. Молодцовато шли солдатики; но скоро зной сталъ усиливаться, а съ нимъ отъ непривычки къ такой температурѣ солдаты стали падать. Я выскочила изъ линейки. Тутъ и воды почти что не было,—едва хватало, чтобъ дать глотокъ промочить немного горло, а освѣжить лицо или голову— и думать было нечего. Ранцы, скатанныя шинели и ружья тянули своей тя-

жестью къ землѣ, а нестерпимая жара и пыль душили до потери сознанія. Пока дошли до деревни, гдѣ назначенъ былъ ночлегъ, и солдатъ не оказалось; отецъ тоже остался съ ротой позади; только я съ денщикомъ прибыла раньше, чтобъ приготовить что-нибудь подкрѣпится, но такъ и не дождалась. Утомленная переходомъ и боясь въ чужой деревнѣ, не зная, кто тамъ—турки или башибузуки, я сѣла у стога сѣна, сняла съ горѣвшихъ ногъ обувь, легла, спрятавъ ноги въ сѣно, и заснула. Долго ли я спала—не знаю, но вдругъ почувствовала боль въ лѣвой ногѣ: кто-то кусалъ мнѣ зубами большой палецъ. Я вскочила въ ужасѣ, крикнула денщика, который невдалекѣ сидѣлъ у костра въ ожиданіи своего барина и кипятилъ большой чайникъ. Узнавъ причину моего испуга, посоветовалъ надѣть сапожки и не ложиться на сѣно, такъ какъ въ сѣно часто забираются змѣи и другія животныя. Напуганная, я уже не ложилась. Ночь и хотя короткій сонъ освѣжили меня.

Къ разсвѣту деревня стала оживляться: отсталые шли съ фонарями, слышны были приказанія офицеровъ,—солдаты собирались къ своимъ частямъ. Говорили, что нѣсколько человѣкъ получили солнечные удары, у многихъ заболѣли глаза. Наконецъ и я отправилась въ деревню. Кое-какую провизію нашли: буйволовое молоко, брынзу,—это сыръ, приготовленный изъ того же молока особеннымъ способомъ. Болгарка сварила какую-то смѣсь тыквы, кизилия и какихъ-то специй, что не особенно пришлось по вкусу; но голодъ утолили жареной на металлической рѣшеткѣ бараниной. Я вышла послѣ завтрака на улицу. Солдаты пришли послѣ труднаго перехода въ нормальное состояніе, но поднимавшееся надъ горизонтомъ солнышко сулило не менѣ жаркій день. 35-верстный переходъ отъ деревни Путиной до Бригадира въ жару приводилъ меня въ ужасъ. Стали собираться; роты начали двигаться впередъ; денщики отовсюду тащили чемоданы къ повозкамъ съ офицерскимъ добромъ. Я выждала, пока пройдетъ полкъ, и забралась снова въ первую, лазаретную линейку, почти до 12 часовъ ѣхала до привала безъ препятствій, но солдаты стали ослабѣвать, и по мѣрѣ ихъ прибыванія въ линейку я должна была выйти, чтобъ не лишитъ котораго-нибудь отдыха. Я шла стороной дороги уже въ арріергардѣ, а потомъ уже въ тылу. Я обернулась, увидавъ всадника на темной лошади, съ развѣвающимися полами темно-коричневой одежды. Вскорѣ я узнала, что это нашъ полковой священникъ о. Николай Постниковъ. Батюшка тоже утомился сидѣть на лошади; поровнявшись со мной, онъ соскочилъ и, взявъ поводъ въ руки, велѣлъ слѣдовавшему за мной денщику помочь мнѣ сѣсть въ сѣдло. Но по-мужски я никогда не ѣздила и не знала сначала, что мнѣ предпринять. Но одинъ изъ офицеровъ помогъ дѣлу: подтянули покрѣпче подпругу, перекинули одно стремя черезъ спину лошади, другое под-

тянули покороче—и я съѣла по-дамски, заложивъ ногу за переднюю часть сѣдла. Я чувствовала себя въ восторгѣ! Батюшка, чтобъ облегчить хоть одного солдата, взялъ ружье и пошелъ пѣшкомъ съ ротой, а я въ сопровожденіи денщика отправилась впередъ, руководствуясь имѣвшеюся картой; вскорѣ полкъ остался позади меня. Къ 6-ти часамъ вечера я была уже въ Бригадирѣ,—это была большая деревня. Я задумала, имѣя еще много времени впереди, сварить что-нибудь, чтобъ накормить старика-отца, а также священника и кто пожелаетъ изъ господъ офицеровъ. Достали баранины, сварили супъ съ ячменными крупами; нашли у братушекъ сѣраго хлѣба—очень невкуснаго—изъ кукурузной муки, вскипятили воду на кострѣ, сдѣланномъ въ нишѣ вродѣ камина, изъ трубы котораго висѣла цѣпь съ крючкомъ, къ которой прикрѣплялся котель надъ пламенемъ, и вотъ все готовилось и жарилось. Болгарка помогала, чѣмъ могла, вертясь возлѣ меня съ нескрываемымъ любопытствомъ; задавала мнѣ разные вопросы, на которые я ей отвѣчала невпопадъ, не освоившись еще съ болгарскимъ языкомъ; только денщикъ сумѣлъ добиться толку по-своему, и мы, слава Богу, какъ могли приготовили ужинъ, радуясь, что накормимъ усталыхъ и голодныхъ господъ, а что останется—и на долю денщиковъ будетъ, которымъ съ самаго отъѣзда изъ Россіи не пришлось полизать остатковъ отъ господскаго стола. Они неохотно ѣдятъ солдатскій супъ изъ ячменной крупы съ картофелемъ, называя его супъ изъ опилокъ; любятъ горохъ, жирныя щи, гречневую кашу, а все остальное, что принесутъ изъ ротнаго котла, отдаютъ собакамъ, зная, что вкусно пообѣдаютъ послѣ господъ.

Полкъ началъ собираться въ деревню. Около ротныхъ котловъ суетятся кашевары; бѣгаетъ и мой денщикъ, стащилъ гдѣ-то старыя двери и два винныхъ боченка, устраиваетъ столъ, накрываетъ скатертью и, какъ можетъ, сервируетъ. Наконецъ поздно при закатѣ солнца денщикъ доложилъ мнѣ, что священникъ о. Николай прислалъ за лошадью. Я вышла къ солдату-псаломщику, разспросила, какъ полкъ идетъ, лучше ли, чѣмъ вчера?—«Никакъ нѣтъ, также половина по дорогѣ осталась, а батюшка, какъ отдалъ вамъ лошадь, все пѣшкомъ шель, потомъ забрался въ лазаретную линейку, да какъ стали подбирать заболѣвавшихъ, лазаретная линейка наполнилась, онъ перебрался къ конюху на козлы, такъ и добрался кое-какъ». «Зови скорѣй сюда о. Николая ужинать, да ежели пятая рота пришла, то и капитана, и кто хочетъ—всѣхъ будемъ кормить». Скоро приглашенные явились; первымъ пришелъ о. Николай и ворчалъ на меня за то, что я уѣхала. Нашъ первый ужинъ насытилъ кое-какъ голодныхъ и усталыхъ; кто ушелъ къ частямъ, кто спать—опять до утра. Завтра въ Зимницу—черезъ Дунай переправляться будутъ. Я радовалась, что, перебравшись черезъ Дунай, уже меня не выпроводятъ въ Россію и я своего добьюсь, а пока я старалась всѣми силами быть не замѣт-

ной, помогать и заботиться о нуждающихся въ помощи; но пока моя дѣятельность ограничивалась только тѣмъ, чтобъ былъ завтракъ на привалѣ да успѣть сварить что-нибудь къ ужину для отца и кого Богъ пошлетъ намъ. Утромъ послѣ чаю снова въ походъ! Утро было прекрасное. Я свободно могла ѣхать въ лазаретной линейкѣ, для отсталыхъ солдатъ были наняты повозки. Сегодня они шли весьма весело, съ пѣснями, оттого ли, что имъ легче было, или потому, что двигались къ Дунаю, къ широкой рѣкѣ, послѣ песчаной душной дороги и двухдневной нестерпимой жары. Несмотря на то, что у меня былъ зонтикъ и съ бѣлымъ пазатыльникомъ шляпа, на лицѣ трескалась кожа, и я ее снимала по частямъ. Обмываніе холодной водой не освѣжало лица, но оно еще сильнѣй горѣло. Къ четыремъ часамъ, подѣзжая къ Зимницѣ, я прикрыла лицо марлей, стыдяся черноты отъ загара и пыли, слоємъ лежавшей на мнѣ.

У моста было не мало народа, и я пробралась скорѣй въ какой-то домъ на берегу, чтобъ скрыться отъ любопытныхъ глазъ и привести себя въ порядокъ. Скоро поданъ былъ самоваръ и, заперевъ двери, чтобъ никто не вошелъ, я вымыла лицо очень теплою водою, что тотчасъ же меня освѣжило, и, приведя себя въ порядокъ, я черезъ часъ уже гуляла на берегу Дуная. Я пошла на мостъ, который былъ устроенъ на лодкахъ черезъ весь Дунай, по которымъ были положены рей и сдѣланъ изъ толстыхъ досокъ настилъ; на концахъ лодокъ сидѣли солдаты-саперы съ топорами, веревками и другимъ инструментомъ и слѣдили за исправностью моста, который весь качался, когда проѣзжали повозки и проходила масса пѣшеходовъ. Вода въ Дунаѣ была песчано-мутная, бѣлесоватая, дна нигдѣ не было видно, и производила непріятное впечатлѣніе при мысли, что въ этой гадкой водѣ такъ много погибло нашихъ бѣдныхъ воиновъ, при переправѣ раненыхъ турецкими пулями и орудійными снарядами съ противоположнаго возвышеннаго берега и, можетъ, и сейчасъ тѣла ихъ лежали на днѣ этой грязной рѣки. Глядя на ея мутныя волны, въ воображеніи невольно рисовалось, что она смѣшана съ кровью и что сомы, раки и другіе водные жители поѣдаютъ утопленниковъ. Но несмотря на это, меня тянуло выкупаться, чтобъ смыть походную грязь. Вездѣ были войска; но вотъ на противоположномъ берегу съ лѣвой стороны моста виднѣется тростникъ, и я рѣшила выбрать удобную минутку, перейти мостъ и тамъ выбрать въ тростникѣ мѣстечко, чтобъ хоть разъ окунуться въ воду, но въ этотъ день объ этомъ нечего было и думать. Нашъ полкъ собрался весь въ домъ, который былъ на берегу, и нашего полка и другихъ частей войска офицеры. Увидавъ собравшихся, я вернулась съ моста и поднялась на крыльцо дома и оттуда въ зрительныя трубы занялась разсматриваніемъ мѣстоположенія противоположнаго берега и поднимающихся по нему дорогъ: одну къ Силистріи вправо, а другую—влѣво въ сторону Рушукъ. Наше интеллигентное начальство

уже освоилось съ моимъ присутвіемъ среди войскъ, и всѣ очень любезно заботились, насколько возможно обо мнѣ, чтобы и мнѣ имѣть уголокъ отдохнуть, или забиралась въ лазаретную линейку свободную и, положивъ подъ голову подушечку, засыпала на нѣсколько часовъ, пока меня не разбудитъ неотступный денщикъ. Отца я не тревожила, а сама о немъ заботилась, чтобъ и ему былъ отдыхъ и чтобъ было чѣмъ подкрѣпиться. Не разъ приносился обѣдъ изъ ротнаго котла, и солдатскій обѣдъ съ сухарями уничтожался съ аппетитомъ; но большею частію на привалахъ папа приносилъ что-нибудь изъ консервовъ, которые имѣлись у маркитанта.

III.

Переходъ черезъ Дунай. — Встрѣча съ болгарами. — Движеніе съ полкомъ. — Представленіе цесаревичу, начальнику Рущукскаго отряда.

Сегодня мнѣ не особенно спалось, я вскочила рано: сегодня переправа черезъ Дунай. Оставивъ всѣхъ, я пошла быстро по мосту и, пройдя его, свернула въ высокій тростникъ, приблизилась къ самой водѣ и, съ поспѣшностью сбросивъ одежду, вошла въ воду и выкупалась; я не боялась глубины, потому что хорошо плавала, но не рѣшалась отдаляться отъ берега, чтобъ меня не увидали, и прежде, чѣмъ переправляющіеся достигли середины моста, я уже успѣла одѣться и поднималась по дорогѣ въ гору, останавливаясь и слѣдя за переправой черезъ мостъ. Роты шли мѣрно, мостъ не очень качался, и я, успокоившись, что переправляющимся не грозитъ опасность, пошла впередъ; поднявшись въ гору, я еще нѣсколько разъ оглянулась и пошла по дорогѣ по направленію къ Царевичу. Солнце стало припекать, ноги отяжелѣли, и я едва двигалась. Никого изъ нашего полка не было, и я не знала, на какое разстояніе я ихъ опередила. Страшно сдѣлалось; а что, если вблизи турки или башибузуки въ засадѣ, и я попадусь въ плѣнъ? Лучше сѣсть отдохнуть... И я опустилась на траву у дороги въ тѣни кустарника, ожидая, не подойдутъ ли наши; но изъ воиновъ никого не было видно. Я не на шутку стала бояться, что сбилась съ пути; но вмѣсто ожидаемаго авангарда по тому же пути подвигались повозки. Я сначала думала, что это ротныя телѣги, но ни запряжкой, ни лошадыми онѣ не походили на нихъ. Что дѣлать? Куда дѣваться? Вѣрно, обозъ турецкій... бѣжать спрятаться... Нѣтъ, лучше сидѣть невозмутимо хоть съ виду, что будетъ... Повозки все приближались, и уже ясно видно, что это турки, съ ними и женщины. Вѣрно, турки бѣгутъ отъ русскихъ войскъ; погибну—и папа не будетъ знать, куда я дѣвалась; они меня увезутъ въ сторону, убьютъ или въ плѣнъ возьмутъ. Сѣрые буйволы медленно подвигались, запряженные въ деревянные неуклюжіе ящики съ огромными колесами; ихъ погонялъ мужчина въ бѣ-

лыхъ полотняныхъ шароварахъ и бѣлой рубашкѣ, опоясанный краснымъ широкимъ поясомъ, на головѣ феска и съ боку широкой ножъ въ ножнахъ. О, ужасъ! турокъ! Женщины въ костюмѣ, похожемъ на нашъ малороссійскій, въ прозрачныхъ платочкахъ на головѣ; приближаясь ко мнѣ, женщины отдѣлились отъ телѣги и стали подходить: ихъ загорѣлыя лица и черные глаза уставились на меня, добродушно улыбаясь,—у меня отлегло на сердцѣ. За спинами на палкахъ были нанизаны громадныя кисти винограда. Болгарки остановились передо мной, прикладывая руки ко лбу и сердцу, стали подносить мнѣ виноградъ со словами: «Губови то кокона евхаристія. Кой искашь тукъ?» спрашивали онѣ меня и клали мнѣ на колѣни громадныя кисти чуднаго винограда.—«Я русская, иду на войну съ турками», и показывала на крестъ на рукавѣ. И со всего болгарскаго обоза такая масса винограда была положена вокругъ меня, что я не знала, что съ нимъ дѣлать; я благодарила, отказывалась, но это не помогало. «За ваше-го челякъ», говорили болгары. Обозъ проѣхалъ, а я сидѣла, окруженная и осыпанная виноградомъ, какъ вакханка; налюбовавшись чудными кистями, я принялась ихъ истреблять, но съѣсть все немислимо было; его, вѣроятно, ежели бы свѣситъ, то не меньше пуда было; теперь мнѣ не хотѣлось итти впередъ отъ такого роскошнаго лакомства. Надо ожидать полкъ, надо подѣлиться. Вскорѣ показался на дорогѣ верхомъ батюшка о. Николай; поровнявшись со мной, соскочилъ съ лошади и, взявъ поводъ въ руки, сѣлъ возлѣ меня. «Ну, и благодать! Откуда вамъ Богъ послалъ?» Я ему рассказала, какъ мой страхъ смѣнился радостью и какъ меня привѣтствовали болгарки. «Кушайте, батюшка, это васъ освѣжить». И батюшка съ восторгомъ пряталъ одну за другою золотисто-зеленоватыя ягоды подъ свои пыльные усы, а высосанныя кожурки сплевывалъ въ свою окладистую бороду, сѣрую отъ пыли. Я спросила его, видѣлъ ли онъ, какъ переправился полкъ и артиллерія. «Все благополучно,—отвѣчалъ о. Николай:— скоро подойдуть, подождемъ». И дѣйствительно, скоро прошелъ авангардъ; офицеры стали кланяться; на знакъ подойти ко мнѣ они приближались, и я давала имъ кисти винограда, ягоды которыхъ, поблагодаривъ, они спѣшили отправить въ ротъ. Дождалась я отца, дала и ему, сколько онъ могъ захватить, а остальное сложила въ корзинку и отдала денщику, чтобы несъ до Царевича. Итти неохота была; лазаретная линейка была пустая, я влѣзла въ нее и до самаго Царевича не выходила.

Прибѣжавшій денщикъ прервалъ охватившія меня воспоминанія; неприглядная обстановка въ Царевичѣ сжала мнѣ сердце; надо было итти пѣшкомъ или ѣхать въ лазаретной линейкѣ. «Сударыня, новый командиръ полка пріѣхалъ»,—заявилъ денщикъ.—Какъ новый! А полковникъ Шульцъ?—«Да, видно, уйдуть отъ насъ».—Ты видѣлъ новаго командира?—«Никакъ

пѣтъ! Фельдфебель сказываль, —сейчасъ будетъ молебень, гдѣ оба командира будутъ». —А баринъ гдѣ? —«Они въ ротѣ». На молебень я не пошла. Снарядивъ корзинку съ закусками, отдала денщику и, какъ только увидала лазаретную линейку, снова забралась въ нее. Съ музыкой тронулись съ парада, а тамъ и пѣсни.

На привалѣ папа подошелъ ко мнѣ; я поздравила, онъ закусилъ; кое-кто изъ офицеровъ подошелъ; выпили по рюмочкѣ коньяку. Тутъ я узнала, что наша дивизія вошла въ составъ Рущукскаго отряда и что наслѣдникъ цесаревичъ —начальникъ отряда, что у насъ новый командиръ полка, а старый хотя и провожаетъ полкъ еще, но, вѣроятно, далеко не пойдетъ. Отдыхали недолго, опять всѣ примкнули къ своимъ частямъ и двинулись по дорогѣ въ Бѣлу. Погода была чудная, мнѣ было ѣхать въ линейкѣ хорошо и свободно. Но около двухъ часовъ въ линейку забрался одинъ изъ офицеровъ, жалуюсь на жару и усталость; сѣлъ на противоположную скамейку; сначала все шло хорошо, но мало-по-малу у капитана рѣчь перешла въ глупую болтовню, и тутъ только я обратила вниманіе, что онъ ради царскаго дня поднесъ себѣ здоровую чару, а можетъ быть, и не одну. Денщикъ былъ не далеко; я ему едѣлала знакъ подойти, онъ остановилъ лошадей, и я выскочила изъ линейки и пошла пѣшкомъ. Сначала я шла бодро, хотя и очень отстала, но до Бѣлы совсѣмъ потеряла силы, голова кружилась, ноги отказывались шагать, и при входѣ въ городъ меня поддерживалъ денщикъ; едва добравшись въ первую попавшуюся болгарскую избушку, я опустилась на коверъ. Болгарки окружили меня, на голову стали класть мокрое полотно; не помню, сколько времени прошло, но когда я открыла глаза, то голова моя была свѣжа, только все тѣло болѣло, и я, выпивъ стаканъ чаю, просила, чтобы всѣ ушли, чтобы мнѣ заснуть. До утра меня никто не беспокоилъ. Проснувшись я около семи часовъ совершенно окрѣпшей; усталость прошла; я одѣлась и хотѣла пойти посмотрѣть городъ, но отецъ вошелъ въ сопровожденіи денщика. Послѣ привѣтствій мы наскоро позавтракали, и папа объявилъ мнѣ, что мнѣ необходимо ѣхать въ Дольній монастырь: наслѣдникъ цесаревичъ тамъ. «Но какъ я одна туда поѣду?» —«Что же дѣлать?» —«А вдругъ полкъ уйдетъ? Теперь только охватилъ меня ужасъ при мысли затеряться среди войскъ или сбиться съ пути и попасть къ туркамъ. Я горько заплакала. «Ну, не плачь, —цѣлуя и благословляя меня, сказалъ отецъ: —только поѣзжай скорѣй! Какъ только тебѣ удастся достигнуть квартиры наслѣдника, ты не пропадешь, тебя оставятъ гдѣ-нибудь при отдѣлѣ Краснаго Креста; найми лошадей». —Папа, а денщика? —«Денщика нельзя взять —онъ долженъ находиться при своей части. Прощай! Пусть Господь тебя хранить! Я долженъ слѣзнуть къ ротѣ». Я вышла, по дорогѣ слезы катились изъ глазъ, но на-

встрѣчу попадались офицеры мнѣ незнакомые, и стало неловко; я утерла глаза. Ко мнѣ подошелъ какой-то молодой докторъ,— его, вѣроятно, заинтересовалъ мой импровизированный костюмъ: на мнѣ было коричневое платье, бѣлый передникъ съ краснымъ крестомъ и сѣрая шляпа вмѣсто косынки. «Вы, вѣроятно, разыскиваете кого-нибудь?»—Я, докторъ, никого не разыскиваю; я только хотѣла бы найти лошадей, чтобъ попасть въ квартиру наслѣдника цесаревича.—«Это недалеко отсюда, и туда часто ѣздятъ. Вы обратитесь въ интендантство—генераль Макшеевъ это устроить».—Какъ, генераль Макшеевъ развѣ здѣсь?—«Да, вотъ его квартира».—Я съ нимъ знакома.—«Вы къ какой общинѣ принадлежите?» спросилъ докторъ. Не зная, что ему отвѣтить, я, не задумываясь, соврала ему: «Я принадлежу къ общинѣ императрицы Маріи Александровны». Докторъ поклонился и пошелъ своей дорогой, а мнѣ и въ голову не могло прійти, что этотъ докторъ былъ моимъ родственникомъ, который въ это время находился, кажется, въ Евгеніинской общинѣ, находившейся близъ города Бѣлы. Я направилась къ интендантству; но по дорогѣ мнѣ встрѣтилась крытая повозка, довольно приличная. Я рѣшилась спросить возницу, куда онъ ѣдетъ и не можетъ ли онъ свезти меня въ Дольній монастырь. Болгаринъ сказалъ, что ѣдетъ за Дольній монастырь и согласенъ взять меня. На вопросъ: сколько возьметъ?—«Една карбованци».—«Хорошо, согласна. А долго ли ѣхать?»—«Единъ часъ!» Я сѣла въ чистенькую будку, Савашевичъ положилъ мой чемоданъ, я просила кланяться отцу, — и снова слезы потекли. «Сударыня, не плачьте! Богъ не безъ милости».

Болгаринъ тронулъ. Мнѣ страшно было ѣхать; но время отъ времени попадались навстрѣчу верхомъ казаки, то кавалеристы, и я стала спокойнѣй. Болгаринъ пустился въ разговоры про войну; я его очень внимательно слушала; онъ говорилъ, что турки близко кругомъ и недалеко отъ Дольняго монастыря, называлъ мѣста ихъ расположенія. За разговоромъ я почти не замѣтила, какъ мы подъѣхали къ мѣсту, гдѣ находилась большая бѣлая палатка; невдалекѣ были и маленькія. «Тукъ младъ царь Александръ!» сказалъ болгаринъ.—Стой!—Я поспѣшно выскочила изъ повозки, болгаринъ снялъ мой чемоданъ, положилъ на краю дороги справа, получилъ отъ меня деньги и поѣхалъ.

Куда итти? Но вотъ вправо площадка. У дерева солдатъ во всемъ бѣломъ гладить утюгомъ китель; дальше вглубь нѣсколько всадниковъ въ блестящихъ мундирахъ; мнѣ навстрѣчу идетъ генераль; поклонился.—«Генераль Ванновскій, чѣмъ могу быть полезенъ?» Я ему сказала, что я вдова майора 101-го Пермскаго полка фонъ-Кенигъ, объяснила ему, что желала бы быть въ дѣйствующей арміи и прикомандированной къ лазарету 26-ой пѣхотной дивизіи, чтобъ не разставаться съ отцомъ, подъ охраной котораго хотѣла бы быть

и принести свой трудъ въ качествѣ сестры милосердія. Наслѣдникъ сидѣлъ на лошади; замѣтивъ меня, онъ обернулся и направилъ лошадь въ нашу сторону. Мы подошли къ нему. Великій князь благосклонно поклонился; на вопросъ его: «Чѣмъ могу быть полезнымъ?» генераль Ванновскій доложилъ ему мою просьбу и подалъ мои бумаги. Великій князь просмотрѣлъ ихъ и спросилъ меня: «Что влечетъ васъ на поле брани?» — Любовь къ отцу и отечеству, — отвѣчала я. Наслѣдникъ разспросилъ меня, въ какихъ лѣтахъ мой отецъ и въ какомъ полку, а затѣмъ обратился къ генералу Ванновскому со словами: «Генераль Ванновскій, потрудитесь сдѣлать все, что проситъ дама, а меня извините—я ѣду къ брату моему Владимиру Александровичу: тамъ у меня начинается бой», — поклонился и ускакалъ, сопровождаемый свитой и конвоемъ. Кто можетъ себѣ представить мое волненіе, когда я говорила съ наслѣдникомъ; я даже отъ волненія, обращаясь къ нему, забыла, что надо говорить «ваше императорское высочество»; я все время разговора съ нимъ говорила «ваше высокопревосходительство». Но на это, какъ казалось, никто не обратилъ вниманія; только потомъ, опомнившись и припоминая разговоръ, вспомнила я и это. Генераль Ванновскій, по отъѣздѣ наслѣдника, пошелъ со мной въ свою палатку, долго со мной разговаривалъ, разспрашивалъ, какъ переносить полкъ походъ, спросилъ и объ офицерахъ, идутъ ли они пѣшкомъ или на лошадяхъ. «Генераль! ни у кого изъ ротныхъ командировъ нѣтъ лошадей, всѣ идутъ пѣшкомъ, и только священникъ добылъ гдѣ-то лошадь». — «А вашъ отецъ идетъ пѣшкомъ и не очень устаетъ?» — Онъ мнѣ никогда не жаловался и никогда не отставалъ во время похода, — всѣ очень устаютъ. — «Да, надо будетъ позаботиться, чтобъ было разрѣшено офицерамъ имѣть верховыхъ лошадей». — Ваше превосходительство, — обратилась я къ нему: — полкъ уйдетъ безъ меня, и я не найду его; мнѣ надо будетъ позаботиться объ лошадяхъ, чтобъ поспѣть въ Бѣлу. — «Не безпокойтесь! Я распоряжаюсь передвиженіемъ войскъ Руцукскаго отряда; пока приготовить нужныя вамъ бумаги, вы позавтракаете. Васъ доставятъ въ тотъ же день, когда будетъ бой у пермцевъ». И онъ проводилъ меня въ большую палатку, гдѣ была столовая цесаревича; столы были накрыты, но изъ прислуги никого не было. Тогда онъ проводилъ меня въ палатку коменданта. Это былъ уже немолодой генераль или полковникъ; черезъ короткое время былъ поданъ завтракъ на серебряныхъ тарелкахъ, бутылка вина; на всей посудѣ были вензеля наслѣдника. Какъ сейчасъ помню, былъ поданъ плавъ, и я съ удовольствіемъ принялась за него, въ серебряную рюмочку комендантъ налилъ краснаго вина, послѣ—котлетки и великолѣпный кофе. Комендантъ занималъ меня разговоромъ, касающимся моего путешествія въ дѣйствующую армію.

Черезъ два часа генераль Ванновскій снова появился съ бумагами въ рукахъ; это было разрѣшеніе на пребываніе въ дѣйствующей арміи и прикомандированіе къ лазарету 26-ой пѣхотной дивизіи, а другая бумага дивизионному врачу. Я благодарила, чувствуя себя счастливой: желаніе мое исполнилось, я горѣла нетерпѣніемъ скорѣй ѣхать. «Не безпокойтесь, сейчасъ подадутъ лошадей и проводника, и вы будете доставлены къ самому полку», сказалъ генераль Ванновскій. И я сѣла снова наслаждаться кофе и печеньями. Между разговоромъ передала стихотвореніе отца, генераль обѣщаль передать наслѣднику. Я любовалась хорошенькимъ серебрянымъ кофейникомъ, изъ котораго, вѣроятно, наливали и наслѣднику цесаревичу, такъ какъ и на немъ былъ его вензель, какъ и на всемъ серебрѣ. Вскорѣ были поданы лошади. Я попрощалась, поблагодаривъ за гостепріимство. Въ дорожномъ экипажѣ, запряженномъ парой лошадей, лежалъ мой чемоданъ; на козлахъ сидѣлъ кучеръ и солдатъ-казакъ. Скоро меня довели до Бѣлы къ подъѣзду дома. «Зачѣмъ вы остановились, развѣ вы не знаете, гдѣ полкъ?»—Знаю, сударыня, но сегодня не приказано, завтра нагонимъ. Изъ окна показалось на мгновенье лицо брнета съ густыми черными усами, черными бровями и сейчасъ же исчезло. Навстрѣчу вышелъ слуга, помогъ выйти изъ экипажа; я поднялась по лѣстницѣ, на площадкѣ меня встрѣтило то самое лицо, которое выглянуло въ окно. «Валеріанъ Платоновичъ Макшеевъ».—Вдова фонъ-Кенигъ, — отвѣчала я. — «Какъ? Вы невѣстка Екатерины Кондратьевны? Которая?»—Третья. — «Какъ вы попали въ Дольній монастырь»? Я рассказала ему обо всемъ. Послѣ разговора онъ извинился и ушелъ куда-то по дѣламъ; только въ 7 часовъ вернулся къ обѣду. За нимъ пришло много чиновниковъ, которыхъ онъ мнѣ представилъ, но все, что творилось вокругъ, меня не интересовало; мнѣ хотѣлось отдохнуть, и вотъ я опять въ болгарской обширной комнатѣ уснула, усталая отъ столькихъ впечатлѣній.

IV.

Прикомандированіе къ лазарету Пермскаго полка. — Бой подъ Осковымъ — Помощь раненымъ во время сраженія. — Отправленіе ихъ съ поля битвы. — Отношенія офицеровъ и солдатъ къ сестрѣ милосердія.

На завтра послѣ чаю и завтрака подали мнѣ тѣхъ же лошадей съ казакомъ; экипажъ тронулся; это было второго сентября. Предупрежденная казакомъ, что по дорогѣ, по которой мы ѣдемъ, еще нѣтъ турокъ, но что они въ 10—15 верстахъ и съ часу на часъ ожидается сраженіе, и что мы можемъ наткнуться на турецкихъ развѣдчиковъ, хотя у насъ и разставлены пикеты, я старалась меньше и тише говорить. Около полудня мы выѣхали на пло-

щадку, окруженную лѣсомъ; на ней были собраны въ отдѣльной группѣ офицеры и всѣ начальники нашего полка. Я выскочила изъ экипажа, но, пораженная тишиной, остановилась. Ко мнѣ подошелъ нашъ старый командиръ и, привѣтствуя меня, сказалъ, что генералъ Ганъ сейчасъ благословилъ полкъ въ бой. «А папа гдѣ?» задала я вопросъ.—«Здѣсь, здѣсь всѣ офицеры!»— Ничего не замѣчая, я вошла въ середину ихъ и, обратясь къ отцу, протянула ему бумаги, полученные въ Дольнемъ Монастырѣ. Всѣ придвинулись ко мнѣ, не нарушая тишины. Отецъ поцѣловалъ меня, офицеры пожимали руку, а Карлъ Александровичъ представилъ мнѣ новаго командира полка, Виктора Борисовича Прокопе. Теперь я официально заняла свое мѣсто при полку. Старый командиръ со слезами простался со всѣми; жаль отъ души его было: я сама не могла удержать слезъ. Простившись со всѣми, онъ еще разъ подошелъ ко мнѣ, обнялъ меня и, цѣлуя руку, сказалъ: «Я сильно страдаю, разставаясь съ полкомъ,—будьте ему ангеломъ-хранителемъ!» Многие плакали, онъ отошелъ и въ томъ же экипажѣ, въ которомъ я пріѣхала, уѣхалъ. Грустно было всѣмъ, поникнувъ головами, пошли къ своимъ частямъ. Я шла тутъ же со всѣми и рассказывала имъ, какъ я была у наслѣдника.

Но вотъ въ лѣсу невозможно стало двигаться; колючій кустарникъ цѣплялся за платье, за круглую шляпу, трепалъ волосы. Солдаты то подвигались, то останавливались, отбрасывая и ломая сучья, которые загоразживали дорогу. Въ чащѣ послышалась возня,—тамъ возились съ пушками, которыя тащили въ гору по кустарнику; даже говорили, что что-то сломалось. Я еще не сознавала, что мы идемъ въ бой. По лѣсу что-то съ жужжаніемъ и шипѣніемъ летало, шелкая по деревьямъ; гдѣ-то вдали слышалось пуканіе изъ ружей.

— Савашевичъ, что это мухи летаютъ?

Мнѣ казалось, что мухи и жуки улетають въ лѣсъ, перепуганные выстрѣлами.

— Никакъ нѣтъ, сударыня, пули свистятъ и ударяются о деревья.

— Пули? развѣ?

— Такъ точно.

— Дай мнѣ сумку!

Я вошла въ лѣсъ въ сторону отъ дороги, вынула изъ сумки зеркало, гребенку, привела свою голову въ порядокъ, надѣла повязку съ краснымъ крестомъ, вынула чистый передникъ, взяла у денщика флягу съ водой, повѣсила черезъ плечо, а сумку черезъ другое. «Все ненужное спрятать куда-нибудь, хоть въ лазаретную линейку, и заботиться, чтобъ, кромѣ фляги, были бы вода и вино!» Когда онъ удалился, я опустилась на колѣни и передъ маленькой иконой Николая Чудотворца помолилась и вышла на дорогу, которая уже была свободна отъ солдатъ. По правую руку мою

очутилась батарея, по лѣвую — небольшая изъ сучьевъ изгородь вдоль дороги, которая спускалась внизъ въ лощину; на ней вправо и влѣво виднѣлись наши роты, а впереди нихъ очень большія и крутыя горы, откуда неслись пули, принятыя мною за мухъ. Эти мухи невидимо и неуловимо неслись, только какое-то легкое шипѣніе слышалось и несильное шелканье о дерево или о предметы, а вдали раздавались выстрѣлы. Все мое вниманіе приковывала глубоко и обширно разстилавшаяся лощина, на которой въ бѣлыхъ панталонахъ, припавъ къ землѣ, лежали роты. Боже мой! что они дѣлають? Вѣдь ихъ турки видять и всѣхъ перестрѣляють! Но еще пока ни одного раненаго не было. Скоро послышался грохотъ изъ непріятельскихъ орудій; недалеко отъ меня неслось что-то въ воздухѣ; черезъ секунду упало, — всѣ прилегли къ землѣ. Я съ любопытствомъ глядѣла, что будетъ, не выдавъ еще никогда орудійныхъ ядеръ и ихъ дѣйствія. Вправо отъ меня раздалась команда: «зарядить орудіе!» Раздался выстрѣлъ. Я вся вздрогнула. Обернувшись въ сторону батареи, я узнала командира 4-ой батареи полковника Саранчу. «Ну-ка, Кастырка, еще орѣшковъ! Славно!» Снова зарядили, и снова выстрѣлъ. Съ горы черезъ лощину было видно, какъ выстрѣлы изъ нашего орудія дѣлали прорывы въ массѣ турецкихъ войскъ; но они скоро снова соединились. Недалеко отъ меня было нѣсколько офицеровъ, мнѣ незнакомыхъ. Одинъ изъ нихъ подошелъ ко мнѣ и подаль мнѣ бинокль: «Не угодно ли посмотрѣть, гдѣ непріятель». По горамъ, черезъ оврагъ виднѣлись войска въ черномъ, только красноголовыя; и опять выстрѣлъ изъ нашей батареи, и изъ того мѣста, куда направленъ былъ поданный мнѣ бинокль, цѣлая масса упала красноголовыхъ. «Славно! Ну-ка, еще орѣшковъ!» командоваль батареинный командиръ. Идетъ по дорогѣ противъ меня солдатикъ, по лицу кровь струится. Я бросилась впередъ. «Раненъ, бѣдный? Покажи глазъ!» Я ополоснула водой мѣсто раны: пуля видна. «Сядь, голубчикъ, я выну; глазъ не попорченъ, будешь видѣть, она за кожей, уперлась въ кость». Принажавъ легонько кругомъ пули, я быстро правой рукой ее вынула. «На, возьми себѣ на память!» Еще размыла и, заложивъ марлей и ватой, перевязала полоской полотна. «Можешь итти?» — «Могу». — «Иди на перевязочный пунктъ, тамъ докторъ и фельдшера; скажи, чтобъ прислали сюда фельдшера Каршицу; скажи, что сестра милосердія требуетъ». Солдатъ удалился. Снова раненый пришелъ. Снова перевязала. Ты какой роты? — «Пятой», — былъ отвѣтъ. Гдѣ вашъ командиръ? «Подъ горой съ ротой!» — И этотъ пошелъ на перевязочный пунктъ. По дорогѣ никого не было видно изъ раненыхъ; поднялась правѣе къ батареѣ, чтобы видѣть лучше поле сраженія и гдѣ больше раненыхъ, и вдругъ слышу: «Жажду! умираю!» Возлѣ меня стоялъ командиръ 4-ой батареи, лицо его горѣло, онъ еле держался на

ногахъ. «Что, полковникъ?»—«Силь нѣтъ, усталъ, пить хочу».—
 «Кромѣ воды и краснаго вина, у меня ничего нѣтъ». Денщикъ
 былъ недалеко; налили стаканъ воды и вина,—онъ выпилъ. «Еще!
 Другой стаканъ—и нашъ полковникъ съ облегченіемъ вздохнулъ.
 «Женщина у меня на батарее?» проговорилъ онъ и пошелъ снова
 къ орудіямъ. Но что это? Двое солдатъ прячутся у изгороди, при-
 сѣдая къ землѣ? Моментально возлѣ нихъ... Вы что здѣсь дѣла-
 ете?— «Да боязно, сударыня, пули такъ и свистятъ!»— Вы несо-
 вѣстные трусы, вы должны итти съ оружіемъ впередъ, а вы пря-
 четесь; я женщина и не боюсь. Маршъ впередъ выносить раненыхъ!
 Тутъ только я разглядѣла, что возлѣ нихъ на землѣ лежали но-
 силки; это были два санитары; забравъ носилки, они стали быстро
 спускаться съ горы. Грохотъ изъ орудій и пальба изъ ружей ста-
 новились все сильнѣй и сильнѣй; но вотъ слышна команда; ска-
 чутъ верхомъ; ружья и пушки еще сильнѣй грохочутъ; ничего,
 кромѣ дыма, не видать. Я иду въ лощину—навстрѣчу раненые.
 Какой роты?—«Пятой».—Вашъ командиръ живъ?—«Такъ точно!
 на гору полѣзли».—Перевязываю. И этотъ идетъ къ пункту. Еще ра-
 неный и еще, всѣхъ перевязываю и задаю все тотъ же вопросъ:
 гдѣ вашъ командиръ? живъ ли?—«Живъ, на гору съ ротой полѣз-
 ли». Еще раненые. Гдѣ командиръ 5-ой роты? Живъ ли?—«А
 кто ихъ знаетъ,—живъ или убитъ».—Перевязываю. Идите на пере-
 вязочный пунктъ. Внизу много раненыхъ?—«Много».—Отчего
 не идутъ?—«Не могутъ».—Я скоро перевязала ихъ и бросилась
 въ лощину. Масса людей лежали, охали, стонали. Я при-
 нялась за работу, уже серьезную; день къ вечеру клонился. Стало
 темнѣть, какъ дѣлать перевязки? Денщикъ со мной, спички зажига-
 етъ, но онѣ тухнуть. Въ сумкѣ нашелся огарокъ свѣчи; бере-
 гая пламя, чтобъ не потухло, кое-какъ удалось остановить кровь,
 сдѣлать перевязки. Все готово: солдаты перевязаны, ихъ много,
 60 человекъ, между ними нѣтъ офицеровъ. Куда итти? Сигналь
 слышенъ былъ съ горы. Но кто играетъ? а вдругъ турки? Нѣтъ,
 это нашъ сигналь; онъ наполняетъ мою душу радостью; я чувствую,
 что папа живъ. Вотъ приближается адъютантъ, еще ординарецъ...
 Слушайте, господа, куда итти?—«Вѣдь наши на горѣ, съ горы
 былъ сигналь».—Кто-то сказалъ, что турки, пожалуй, сыграли,
 чтобъ заманить.

Сколько насъ было—я не помню, но мы всѣ впотьмахъ лѣзли
 на гору; камни катились изъ-подъ ногъ. Усталые, едва дыша, взо-
 брались на гору; страшно итти, а вдругъ турки? И вправду—но
 мертвые лежатъ. Мы зажгли спичку и обошли кругомъ. «Кто
 идетъ?»—кликнулъ часовой. Адъютантъ отвѣтилъ.—«Вотъ капи-
 танъ Шенуринъ. А вотъ и Филипповъ».—Господа! гдѣ папа?—
 «Живъ, здоровъ! поздравляемъ, ему Георгія!»—отвѣчали. Есть
 раненые на горѣ?—«Есть».—Гдѣ они?—«Вправо, на склонѣ горы».

Я подошла; тамъ лежали на землѣ 9 человекъ. Я спросила бывшаго около нихъ солдата, кто раненъ. «Да вотъ знаменщикъ; девять ранъ въ грудь, не жить ему, должно, отдасть Богу душу». Я хотѣла зажечь свѣчу, чтобъ осмотрѣть раненыхъ, но подошедшій дежурный по полку предостерегъ, что турки могутъ замѣтить огонь и начнутъ стрѣлять; мнѣ ничего не оставалось, какъ зажигать спички для осмотра ранъ, а для накладыванія повязки пользоваться слабымъ свѣтомъ нарождавшагося мѣсяца. Мнѣ очень хотѣлось осмотрѣть бѣднаго знаменщика, но безъ огня я ничего не могла сдѣлать, бесполезно было его тревожить и причинять ему еще больше страданій. На бивуакѣ темно. Только если присмотрись, видны прилегшіе къ землѣ, солдаты да часовые сторожатъ. Меня усталость одолѣла; я взяла ранецъ раненаго, положила подъ голову и прилегла. Но вотъ тихо подвигаются нѣсколько всадниковъ, лошади идутъ на моихъ бѣдныхъ раненыхъ, сейчасъ наступятъ. Я вскочила. «Кто тутъ? Ни шагу! раненыхъ истопчете!» Всадники остановились, но не отвѣчали; проѣхали и скрылись. Неужели турецкій разъѣздъ? Тихій говоръ, тревоги нѣтъ; значить — свои. Все снова успокоилось. Я опять прилегла. Холодно, заснуть не могу. Раненые спятъ, иногда стонетъ только умирающій знаменщикъ, говоритъ что-то въ забытїи; на мои заботы не обращаетъ вниманія и на вопросы не отвѣчаетъ. Дежурный офицеръ подошелъ. «Софья Александровна, да вы бы прилегли!» — Холодно, да и раненые что-нибудь будутъ просить — воды или поправить повязку. — «Эти спятъ, пусть отдыхаютъ, а этотъ ничего не попроситъ, онъ еле дышитъ, только въ груди что-то клокочетъ, не жилецъ». Офицеръ удалился, но вскорѣ снова послышались шаги, снова кто-то приблизился. Дежурный офицеръ принесъ свое пальто и покрылъ меня. Я благодарила, отказывалась. «Я дежурный, я не могу его надѣть, а вы согрѣйтесь и усните. Богъ знаетъ, можетъ съ разсвѣтомъ снова въ бой, а вамъ силы измѣнятся». Я положила голову на ранецъ и укрылась; мнѣ стало тепло. Какъ благодарна я была въ эту минуту. Провидѣнію, что я здѣсь, возлѣ дорогаго моего отца, который покрылъ себя славой: онъ взялъ позицію, его рота хорошо была обучена стрѣльбѣ. Онъ шелъ съ дальномѣромъ, скоро опредѣлялъ разстояніе, а за плечами на ремнѣ была очень большая зрительная труба. Онъ самъ былъ изобрѣтателемъ дальномѣра, которымъ всю кампанію опредѣлялъ дистанцію, и пули его роты не пропадали даромъ, а труба давала возможность видѣть до мельчайшихъ подробностей непріятельскія позиціи; это труба была широкая. Здѣсь на осковской позиціи я слѣдила за нимъ въ бинокль: когда роты лежали, онъ стоялъ, опредѣляя разстояніе, и на спинѣ его была труба, которую онъ бралъ время отъ времени. Стоявшіе со мною офицеры изъ штаба Рущукскаго отряда спрашивали, кто это съ какимъ-то инстру-

ментомъ черезъ плечо.—«Мой отецъ, командиръ пятой роты. У него большая морская зрительная труба, въ которую онъ осматриваетъ позицію и опредѣляетъ дальномѣромъ разстояніе для стрѣльбы». Да, мой отецъ былъ математикъ, поэтъ и философъ. Въ Великолуцкомъ полку, гдѣ онъ раньше служилъ, его звали «брильянтомъ». Это было какъ бы предсказаніе, и онъ получилъ за свои патріотическія сочиненія брильянтовый перстень отъ государя императора Александра III. А сегодня, дорогой, ты заслужилъ Георгія: мнѣ сказали Шенуринъ и Филипповъ. «Господа! раненые здѣсь, а гдѣ же майорша?»—раздался голосъ моего отца:—неужели она ушла въ деревню?»—Папа, я здѣсь,—сказала я, сбрасывая офицерское пальто. «Что-жь, и ранецъ вмѣсто подушки? Ну, что жь? Надо привыкать ко всему на войнѣ... Выспалась?»—Нѣтъ, я только дремала и думала о васъ и о томъ, что было вчера. «Какъ?»—на батарее была, пока не было работы, и слѣдила за всѣмъ, что дѣлалось въ лощинѣ и на горахъ на турецкой позиціи.—«Какъ такъ? Вѣдь ты не могла хорошо видѣть».—«Да у меня былъ бинокль; на батарее были офицеры изъ штаба Рушукскаго отряда и дали мнѣ бинокль. Когда я дѣлала перевязки, я имъ отдавала, а потомъ снова смотрѣла. Они тебя, папа, увидели и спрашивали, что такое у одного изъ офицеровъ странное за спиной? Я имъ сказала, что это командиръ пятой роты, у него зрительная труба очень большая, онъ осматриваетъ непріятельскія позиціи и дальномѣромъ своимъ опредѣляетъ дистанцію для стрѣльбы.—«Горюновъ?»—«Да, это мой отецъ». Я много не могла говорить, подходили раненые, я дѣлала перевязки. Гранаты летали и падали. Я думала, что наши на батарее ранены, потому что быстро бросаются на землю, а это они дѣлали, чтобъ при разрывѣ снаряда избѣгнуть пораненія.

Но разговоръ былъ прерванъ; санитары подошли за ранеными, и я должна была заняться ихъ отправкой; нѣкоторые пошли сами, другіе были поддерживаемы солдатами; умершаго знаменщика положили на носилки. Мы стали спускаться по дорожкѣ, на скатѣ которой стоялъ генералъ Малаховъ, нашъ бригадный командиръ, и командиръ полка, которые остановили насъ, обращаясь съ разспросами къ раненымъ и ко мнѣ, послѣ чего и меня стали благодарить. Командиръ полка снялъ фуражку и поцѣловалъ мнѣ руку, говоря: «Софья Александровна! Вы ангель-хранитель моего полка!» За опушкой лѣса стояли уже повозки; тутъ былъ докторъ; раненыхъ стали укладывать и отправлять въ Бѣлу; я помогала и поправляла, чтобъ имъ поудобнѣй было лежать и не причиняло боли. Когда послѣдняя повозка была уложена, докторъ снялъ фуражку, представился и, пожимая мнѣ руку, проговорилъ: «Спасибо за помощь!» На лужайкѣ стоялъ о. Николай въ эпитрахили и солдатъ-дьячекъ съ кадиломъ. Яма была готова. Подъ рядъ клали умершихъ, тихо пѣли и молились; присутствующіе отдали послѣдній долгъ.

«Миръ праху! Во вражьей сторонѣ нашли покой!» Батюшка рассказывалъ о вчерашнихъ ужасахъ, какъ онъ забрался въ лазаретную линейку, чтобъ не подвергать себя бесполезной опасности. «Хотя это и далеко было залѣсомъ, но одна турецкая пуля пробилла брезентъ и чуть меня не задѣла, — разглаживая бороду, говорилъ отецъ Николай:— да я скорѣй вылѣзъ, да самъ за дерево, такъ покойнѣй!»—Куда мы теперь пойдѣмъ?—спросила я.—«Да, говорятъ, что снова въ бой: кругомъ турки. Вчера ихъ погнали съ горъ, они и намъ зададутъ трепку». — Не дадутъ, батюшка, вчера кричали нашимъ солдатамъ: «Что, пьяницы, научились уже стрѣлять?» Вѣрно, имъ берданки не по вкусу пришлось. А знаете, батюшка, вчера, когда шли черезъ мостикъ къ ихъ деревнѣ, нашъ скверный мясникъ «Абрашка» (это былъ сынъ еврея, мясника, доставлявшаго въ полкъ мясо) закололъ на моихъ глазахъ турка, скрывшагося тамъ; онъ, бѣдный, бросилъ ружье, поднялъ руки къ небу, вскричалъ: «Аллахъ, Аллахъ!» и прежде, чѣмъ я успѣла добѣжать, Абрамка его закололъ. — «Неужели?»—«Да вотъ! Я папѣ скажу, онъ его побранитъ. — «Живодеръ, какъ есть мясникъ», продолжалъ батюшка. — Когда отправлялись на войну, я его спросила: «Абрамка, ты что будешь на войнѣ дѣлать?»—«Да ничего». — «Какъ ничего?»—«Пять-шесть турокъ убью да и домой приду». — «А ежели тебя убьютъ?»—«Ну, зачѣмъ меня убивать? Я никому ничего не сдѣлалъ». — «А турокъ что тебѣ сдѣлалъ?»—Вотъ онъ теперь и хочетъ доказать, что онъ пять-шесть убьетъ и домой уйдетъ». — «Это все нехорошо, лучше бы турка взялъ въ плѣнъ; можетъ быть, какія-нибудь свѣдѣнія получили бы о турецкихъ войскахъ».

Такъ, перебивая изъ пустого въ порожнее, мы дошли съ отцомъ Николаемъ до привала; но тутъ едва на минутку присѣли, какъ велѣно было перейти по другой дорогѣ, чтобъ не встрѣтиться съ турками, которые были отъ насъ съ лѣвой стороны въ большомъ количествѣ и отрѣзали насъ отъ Церковны. Около полудня мы безъ приключеній шли по узенькой проселочной дорогѣ; по обѣимъ сторонамъ ея стояли пожелтѣвшіе стволы кукурузы, листья ея шелестѣли отъ малѣйшаго прикосновенія. Солнце жгло; въ воздухѣ все было тихо, только по засохшей землѣ гулко раздавались шаги солдатъ, которые шли совершенно вольно. Около часу мы вышли изъ кукурузы; турокъ нигдѣ не было видно; они, вѣроятно, также тихо подвигались своей дорогой. Время отъ времени отецъ останавливался и направлялъ подозрную трубу въ сторону Церковны. Тихо расположились мы лагеремъ противъ деревни Чаркіой; влѣво отъ насъ были Церковна и Юракльеръ, а позади Бель-Вербовка. Насъ теперь послѣ осковскаго боя не пугали турки: какой-то особенный духъ увѣренности наполнялъ насъ и воодушевлялъ противъ непріятели, гнетущаго бѣдныхъ христіанъ; это не было ненависть, а какое-то стремленіе укротить и смирить жестокаго

врага и заставить его намъ покориться. Лично я не сознавала опасности и хотѣла занять квартиру въ деревнѣ, но командиръ полка убѣдилъ меня, чтобъ я ночевала въ палаткѣ отца, потому что турки могутъ напасть врасплохъ на деревню, да еще и болгарамъ не довѣряли. Я все-таки ушла на день въ деревню приготовить обѣдъ. Когда около пяти часовъ вечера вернулась изъ деревни, въ палаткѣ были уже поставлены для меня носилки изъ лазаретной линейки вмѣсто кровати съ кукурузными листьями и мнѣ объявили, что ночевать я должна на бивуакѣ. Мы сѣли обѣдать; вмѣсто стола служилъ чемоданъ, въ которомъ были тарелки и весь приборъ для двухъ особъ, кофейникъ, чайныя ложки, чашка моего покойнаго мужа и для отца стаканъ въ серебряномъ подстаканникѣ. За кофе мы разговорились объ осковскомъ сраженіи, о томъ, какъ я была на батареѣ, какъ слѣдила за нимъ въ бинокль до тѣхъ поръ, пока не полѣзли на гору, тамъ уже трудно было что-нибудь различить, такъ какъ все смѣшалось—войска, дымъ. Тогда я спустилась въ лощину перевязывать раненыхъ. «Да, Сонечка, — сказалъ папа: — я счастливо отдѣлался отъ смерти; вотъ ружье, штыкомъ котораго турокъ меня чуть не закололъ, но бывший при мнѣ унтеръ-офицеръ во время отразилъ ударъ, откинувъ турецкое ружье своимъ ружьемъ и всадивъ турку свой штыкъ и зарядъ въ животъ». — Съ этими словами онъ поднялъ ружье, которое взялъ изъ рукъ упавшаго турка. Я со слезами обняла его и благодарила Бога за то, что папа былъ чудомъ спасенъ добрымъ унтеръ-офицеромъ.

Около пяти часовъ я снова отправилась въ деревню, мнѣ интересно было ее посмотреть. Я прогулялась по улицамъ, въ избы боялась зайти, чаркѣйскія собаки лаяли и ворчали по дворамъ, боялась быть искусанной; только въ той избушкѣ, гдѣ я днемъ варила обѣдъ, была старушка-болгарка; я снова зашла къ ней, попросила ее позволить мнѣ и завтра сварить обѣдъ, на что она съ радостью согласилась. Я разспросила ее, гдѣ жители деревни. Она рассказала, что ушли, спрятались и скотъ угнали куда-то въ лѣсъ, а юнаки слѣдятъ за турками, которыхъ очень много около Церковны и Юраклера. Я вернулась къ бивуаку. Въ палаткѣ былъ папа. При моемъ появленіи поворчалъ на меня за то, что я уйду въ деревню одна. «Ты будешь до тѣхъ поръ ходить по болгарскимъ деревнямъ, пока тебя поймаютъ турки или башибузуки». — Ну, папочка, не сердитесь и не браните меня, въ деревняхъ никого нѣтъ, только въ домикѣ старая болгарка чиститъ кукурузу для своихъ, которые ушли въ лѣсъ; она эту кукурузу поджариваетъ на металлической рѣшеткѣ; кукуруза отъ жару лопается и дѣлается на видъ, какъ цвѣточки. Попробуй, какая вкусная!» Я высыпала ему большую горсть и вышла изъ палатки, мнѣ не хотѣлось сидѣть; меня интересовала окрестность, тѣмъ болѣе, что, кругомъ, какъ говорила болгарка, были турки, и мнѣ хотѣлось

видѣть движеніе регулярныхъ войскъ. Я никакого страха не чувствовала, и не боялась, думая, что красный крестъ меня и отъ плѣна можетъ защитить: вѣдь и у турокъ есть санитарный отрядъ и, вѣроятно, у нихъ тоже есть сестры милосердія. Но едва я отошла отъ своей палатки, какъ меня встрѣтили командиръ 1-ой роты князь Челобаевъ и группа солдатиковъ; у одного изъ нихъ въ рукахъ былъ окорокъ телятины. «Софья Александровна,—проговорилъ князь:—солдаты моей роты просятъ васъ взять отъ нихъ подарокъ». Я сконфузилась и отъ подарка стала отказываться въ виду того, что солдатки сами голодные и мнѣ совѣстно ихъ лишать лакомаго куска. Но князь сказалъ, чтобъ я не обижала его роты отказомъ, такъ какъ они глубоко тронуты моей самоотверженной отвагой въ бою подъ Осковымъ. Добрый и чуткій сердцемъ солдатъ, благодарю тебя за справедливую оцѣнку и первую награду, твое вниманіе и заботу о той, которая спѣшила облегчить твои страданія и сохранить тебѣ своевременною помощью жизнь! Я поблагодарила и приняла ихъ даръ съ облегченіемъ, такъ какъ они увѣряли меня, что захватили теленка, находясь въ цѣпи, и что имъ всѣмъ хватить. У командира полка былъ поварь-денщикъ, и я передала ему, чтобъ приготовилъ и чтобъ гг. офицеры полакомились. У насъ провизіи ни у кого не было; я сама покупала то курицу, то молоко, брынзу, баранину, а къ чаю грызли галеты. Деревня вся была пуста; болгары все, что могли, прятали въ лѣсу въ горахъ, боясь, чтобъ у нихъ не отняли турки или башибузуки, которые налетали на деревни, грабили и рѣзали захваченныхъ врасплохъ.

V.

Бивуакъ у Церковны.—Сраженіе при Церковнѣ.—Перевязочный пунктъ.—Докторъ Навроцкій.—Взаимныя отношенія болгаръ и турокъ.

Наши роты ежедневно выходили на аванпосты; слышалась перестрѣлка съ непріятельскими сторожевыми отрядами. Погода все время была очень хорошая. Какъ-то около полудня, возвращаясь со сторожевой службы, отецъ подошелъ къ палаткѣ, и я увидала его державшимъ за поводъ маленькую хорошенькую лошадку сѣраго цвѣта въ яблокахъ, съ англійскимъ сѣдломъ на бѣломъ чапракѣ. «Ну, Соня, вотъ тебѣ подарокъ отъ меня за Осковскій бой!» Я бросилась его благодарить. «Папочка, милый! гдѣ ты взялъ такую красавицу? Неужели у турокъ взяли?»—«Нѣтъ, не у турокъ, я ее купилъ у офицера Невскаго полка, который здѣсь недалеко расположенъ бивуакомъ; лошадка была привязана, я ее погладилъ, а ея владѣлецъ подошелъ ко мнѣ, и мы разговорились; я, между прочимъ, сказалъ ему, что хотѣлъ бы пріобрѣсти лошадь для дочери, которая здѣсь со мной. Я имъ рассказалъ,

«истор. вѣстн.», октябрь 1916 г., т. схлvi.

7

какъ ты прибыла сюда и часто съ большимъ трудомъ совершаешь походъ то пѣшкомъ, то въ лазаретной линейкѣ, и вотъ офицеръ предложилъ купить; сказалъ мнѣ цѣну—всего тридцать рублей съ сѣдломъ. Я вынула деньги, заплатила и очень доволенъ, что тебѣ не придется ходить пѣшкомъ».—«Да это, вѣрно, турецкая лошадь?»—«Нѣтъ, чистокровная болгарка. Я сяду, попробую на ней ѣхать, а послѣ ты будешь ѣздить».—Отецъ передалъ ее денщику и велѣлъ вычистить. Послѣ обѣда онъ сѣлъ на лошадь, взявъ ее по-кавалерійски, лошадка очень быстро пошла: это былъ великолѣпный иноходецъ; но ея привычекъ или выѣздки онъ не зналъ; она чего-то испугалась; пала обхватила ее за шею, и моя сивка помчалась во всю прыть на турецкое кладбище. Я съ замираніемъ сердца слѣдила; но вдругъ папа упалъ, но повода не выпустилъ изъ рукъ, и сивка остановилась. И тутъ только оказалось, что денщикъ не подтянулъ подпруги и сѣдло перевернулось. Паденіе не причинило ушибовъ, и папа вернулся со смѣхомъ, подъ шутки товарищей. Я не хотѣла садиться на лошадь, боясь упасть, и рѣшила лучше испробовать ее въ походѣ и прежде пріучить къ себѣ лаской и лакомствомъ. Денщикъ отвелъ ее къ ротной лошади. Я радовалась, что теперь не буду итти пѣшкомъ; я не мѣшала желающимъ на ней проѣхать, а сама присматривалась къ ея привычкамъ, и оказалось, что, если сидѣть прямо, она шла великолѣпно рысью безъ тряски; но стоило только пригнуться—и она ускоряла шагъ, а прилечь къ шеѣ—и она неслась въ карьеръ. При паденіи съ нея она останавливалась и вопросительно смотрѣла, какъ бы удивляясь паденію. Имя «Сивка» она знала: ее и прежде такъ звали.

8-го числа послѣ обѣда стало свѣжо, я надѣла бѣлый непромокаемый плащъ, который подарилъ мнѣ генераль Макшеевъ; на немъ были нашиты золотыя пуговицы. Я и не думала ихъ спарывать, такъ какъ другихъ не было; но онъ меня не согрѣвалъ. Командиръ полка, увидавъ меня въ этомъ нарядѣ, не дающемъ тепла, принесъ свою шубку на крымскихъ барашкахъ и заставилъ меня надѣть ее; я была озабочена, что не было у меня теплой одежды. Ночью пошелъ дождь, стало сыро и въ палаткѣ, но теплое одѣяло и непромокаемый плащъ спасли меня отъ простуды.

Около полудня 9-го сентября отецъ пришелъ въ палатку; мы сѣли завтракать, возлѣ меня стояла на землѣ чашка съ чаемъ; я нагнулась, чтобъ ее взять, но изъ нея куда-то исчезъ чай. Я смотрѣла, недоумѣвала, что бы это могло быть, и каково же было удивленіе—въ чашкѣ было отверстіе, пробитое пулей: за жужжаніемъ мухъ, которыхъ въ палаткѣ было очень много и за разговоромъ, не было слышно полета пули, которая пробила заднее полотно палатки и ударила въ чашку. Не успѣли мы прійти въ себя, какъ раздался всѣмъ знакомый шумъ отъ полета орудійнаго снаря-

да. Я выскочила изъ палатки; снарядъ упалъ среди бивуака недалеко, но, къ счастью, не разорвался. Лошади, люди, все вползлошлось. Послышалась команда генерала, командира полка: «На линію!» И черезъ нѣсколько минутъ бивуакъ опустѣлъ, только денщики метались, укладывая вещи. «Савашевичъ! давай лошадь!» Но Сивка становилась на дыбы и никонимъ образомъ не хотѣла повиноваться и послѣ каждого орудійнаго выстрѣла вся тряслась. Оставивъ палатку на рукахъ денщика, я отправилась на правый флангъ къ Юраклерскому оврагу. На пути встрѣтила раненаго офицера прапорщика Будзиловича. Бѣдный, онъ былъ очень нервный, съ трудомъ переносилъ боль; слезы катились по его блѣдному лицу; онъ не могъ пошевелить лѣвой рукой. Не долго думая, я разрѣзала рукавъ. Рана была у самаго локтя. На мое счастье подошелъ докторъ Беркманъ. Я помогала перевязывать, уговаривая раненаго не плакать и съ мужествомъ и терпѣніемъ переносить боль, и напоминала ему, что это ему маленькое наказаніе за то, что онъ пѣлъ все время товарищамъ «вѣчная память». Это его разсмѣшило, и онъ послѣ перевязки успокоился; его отправили на главный перевязочный пунктъ. Трудно описать то, что творилось, на полѣ сраженія по всей линіи отъ Церковны до Юраклера. Неслись пули, гранаты, картечь; раненыхъ едва успѣвали перевязывать. Несутъ на носилкахъ. Я и докторъ только повернулись, чтобъ итти на помощь, и—о ужасъ: летитъ ядро, и отъ носилокъ и санитаровъ ничего не осталось! Докторъ бросился въ сторону и едва не столкнулъ меня въ оврагъ. Видя его ужасъ, я ему посоветовала лучше итти на главный перевязочный пунктъ—тамъ онъ нужнѣй и больше пользы принесетъ; мы будемъ здѣсь перевязывать. Докторъ со мной согласился, и его и слѣдъ простылъ. Со мной осталась фельшеръ Карница; вдвоемъ мы работали, выбиваясь изъ силъ. Руки у насъ по локоть были въ крови; я съ лихорадочной поспѣшностью останавливала кровь и велѣла санитарамъ скорѣй относить тяжело раненыхъ, а легко раненые слѣдовали за носилками къ главному пункту. Много раненыхъ возвращалось послѣ перевязки къ своимъ частямъ,—отплатить туркамъ за свои раны. Я знала уже, что отецъ мой находится въ прикрытой батарее. Но искать свой батальонъ нечего было и думать. Сегодня я не думала ни о чемъ, кромѣ помощи этимъ несчастнымъ, чья кровь обливала землю. Объ отцѣ я только молилась: «Господи, да будетъ воля Твоя!» И эта молитва подкрѣпляла, и у меня въ душѣ разливались покой и увѣренность, что его не коснется вражья пуля. Силъ нѣтъ: я устала. Но вотъ еще раненый, еще и еще, и по всему полю грохотъ орудій, свистъ пуль, но меня это ничуть не страшитъ. Я спѣшу отъ одного къ другому, только бы скорѣй помочь и убрать ихъ съ поля, гдѣ они еще подвергаются опасности; но поле битвы такъ широко, что по всѣмъ направленіямъ не могу поспѣть, а здѣсь

хуже всего. Мнѣ казалось, что съ трехъ сторонъ идетъ стрѣльба непріятельская; да оно такъ и было: насъ турки обходили. Что будетъ, ежели они кольцомъ охватятъ? Прислушиваясь къ стрѣльбѣ, мнѣ казалось, что бой кончается; но вдругъ съ еще большей силой учащается стрѣльба, то приближаясь, то удаляясь. Надъ головой летятъ снаряды; кругомъ шипятъ, разсѣвая воздухъ, пули, и немислимо отъ нихъ укрыться или уклониться. Мое вниманіе занимало летящее надъ моею головой ядро, и я оборачивалась, чтобъ посмотреть, гдѣ оно упадетъ и что произойдетъ при его паденіи на землю, или кто бѣдный, несчастный будетъ страдать. Мы шли за освобожденіе болгаръ изъ-подъ варварскаго ига, но до сихъ поръ «братушки» не выказывали большой радости, или, лучше сказать, радущія; можетъ быть, это потому, что они освоились уже съ прибытіемъ русскихъ войскъ. Ни одного болгарина не было видно, и ни одинъ изъ нихъ не былъ къ нашимъ услугамъ ни какъ развѣдчикъ, ни какъ санитаръ, и мнѣ казалось, что они и отъ насъ скрываются, или боятся, что турки имъ будутъ вполсѣдствіи мстить. Вѣдь знали въ деревнѣ, что я на полѣ сраженія, и могли бы прийти помочь убирать раненыхъ; но ни одной души не видно было даже около деревни; а русская кровь льется, все поле усеяно людьми-страдальцами, на всю жизнь искалѣченными, а давно ли всѣ были веселы, здоровы, шли съ пѣснями съ ученія? А теперь что? Сердце изнывало отъ сожалѣнія, я страдала вмѣстѣ съ ними. А папа мой дорогой! Онъ тамъ у батареи. Князь Челюкаевъ у Юраклера... Этихъ я знаю, гдѣ они, а другіе гдѣ? Я не знаю. Они всѣ разсыпаны отъ Бегъ-Вербовки до Юраклера полукругомъ, лицомъ къ лицу съ непріателемъ. Много солдатъ чужихъ полковъ пѣхотныхъ и конныхъ, и всѣхъ ихъ жаль, и невольно взываю: «Господи, помоги! Всемогущій, сжался!»

Сумерки. Бой стихаетъ. Раненыхъ убираютъ санитары. Около Юраклера орудійные выстрѣлы рѣже, ружейные очень часты, но глуше; со стороны Вербовки чаще; бой гаснетъ. Надо идти и мнѣ на главный перевязочный пунктъ; я едва иду: мнѣ дурно. Тамъ доктора что-нибудь дадутъ, надо какъ-нибудь добрести. Но вотъ скачетъ уланъ и оповѣщаетъ, что турокъ побили, они по всей окружной линіи отступили. Вотъ группа солдатъ идетъ къ перевязочному пункту; это наши вятцы, они легко ранены. Хочу перевязать, но не могу и матеріала нѣтъ. Но мы уже близко. Огромная палатка уже натянута, много докторовъ, фельдшеровъ. Всѣ заняты, всѣ окровавлены, всѣ возятся около лежащихъ вокругъ барака. Ихъ много, очень много, но здѣсь легкія раны. Я вошла въ баракъ. Навстрѣчу мнѣ шелъ докторъ, небольшого роста, смуглый, съ черной бородкой, съ очень доброй и веселой физиономіей. «Докторъ Навроцкій! — отрекомендовался онъ: — старшій врачъ 28-ой пѣхотной дивизіи, прибыли изъ Драганова». —

«А подвижной лазаретъ 26-ой пѣхотной дивизіи гдѣ находится? спросила я.—«Еще не прибылъ; онъ въ Бѣлѣ». Мнѣ сдѣлалось досадно на нашъ лазаретъ и на доктора, который не поспѣшилъ на помощь: вѣдь два подвижныхъ лазарета, сколько они могли бы сдѣлать! И доктора, и фельдшера не устали бы такъ! Уже сдѣлалось совсѣмъ темно. Докторъ Навроцкій, узнавъ, что я себя чувствую дурно, далъ мнѣ лекарства и велѣлъ немедленно отдохнуть, потому что, благодаря мнѣ, раненые могутъ до завтра обойтись, а которыхъ еще съ поля принесутъ, они сами сдѣлаютъ перевязки. Я поплелась къ бивуаку, вдругъ вижу, что кто-то идетъ къ бивуаку, сильно хромая. «Солдатъ, ты раненъ? Отчего не пришелъ ко мнѣ на перевязку?»—«Раненъ, сестрица, но не особенно».—По голосу я узнаю полкового адъютанта. Неужели его не пощадила пуля?! «Можете итти къ палаткѣ?»—«Могу».—«Что съ вами?»—«Я счастливо отдѣлался; моей лошади пуля попала въ спину, она моментально упала; я не успѣлъ соскочить, какъ она повалилась мнѣ на ногу всей своей тяжестью, солдатики помогли мнѣ освободиться».—Подойдя къ палаткѣ, я нашла въ ней денщика, который помогъ осмотрѣть ногу. Я сейчасъ же сдѣлала компрессъ, перевязала, и нашъ адъютантъ, прихрамывая, пошелъ изъ палатки разыскивать командира полка. Благодарю тебя, Господи, что адъютантъ не раненъ—женихъ моей сестры не изувѣченъ. Полка еще не было но денщики были на бивуакѣ, готовили чай. Я немного отдохнула, хотя внутренняя боль сильно схватывала меня нѣсколько разъ въ теченіе ночи. Какъ стало немного легче, я встала, велѣла денщику вымыть передникъ и, одѣвшись во все чистое, отправилась на перевязочный пунктъ и принялась опять за работу—осматривать раненыхъ. Ихъ было такъ много, и всѣ голодные, и предстояло ихъ поить чаемъ, раздавать галеты и сахаръ; а нѣкоторыхъ приходилось собственноручно поить. Скоро и доктора стали показываться, отдохнувши подъ открытымъ небомъ. Любезный докторъ Навроцкій напоилъ меня чаемъ, и, подкрѣпившись, мы всѣ принялись за перевязки. Я работала самостоятельно. Доктора видѣли, что съ дѣломъ я знакома, но фельдшера чужого лазарета меня не хотѣли слушаться и на мое требованіе перевязочнаго матеріала не подносили его. Мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ итти съ жалобой къ доктору Навроцкому. Онъ сейчасъ же вышелъ и обратился ко всѣмъ со словами: «Всѣ приказанія майорши Кенигъ чтобъ немедленно были исполняемы, все равно, какъ бы это были мои приказанія. Фельдшера и санитары, слышали?»—«Такъ точно!» былъ отвѣтъ. Съ этого момента ни одинъ не смѣлъ чего-либо не исполнить. Но здоровье мое ухудшалось, а перевязки надо было дѣлать и помогать докторамъ при операціяхъ; я сама вынимала пули, не глубоко зашвышія. Около десяти часовъ утра и нашъ дивизионный докторъ явился съ лазаретомъ; онъ со мной раскланялся, но подойти не

посмѣлъ, потому что прочелъ въ моихъ глазахъ упрекъ. «А вы здѣсь?» спросилъ онъ меня. «Съ начала боя,—отвѣтила ему я.— И лазаретъ 28-ой дивизіи со вчерашняго дня». Сухими поклонами мы разбѣялись. Перевязки тѣмъ, которые были подъ открытымъ небомъ, мы сдѣлали и направились въ палатку, гдѣ были труднобольные.

Приближаясь къ бараку, я увидала раненаго съ расколотымъ черепомъ; мухи ему докучали, онъ лежалъ на солнцѣ; я смочила косынку и покрыла ему голову; его уже считали кандидатомъ къ отправкѣ на тотъ свѣтъ, но я, не долго думая, сейчасъ же велѣла взять осторожно носилки и внести его въ баракъ и просила его осмотрѣть; оказалось, что мозгъ былъ цѣлъ. Хирургъ, бывшій въ палаткѣ, занялся этимъ больнымъ, а три доктора и я принялись за раненаго, у котораго грудь, шея, руки всѣ были въ ранахъ, но счастію, не смертельныхъ, но мучительныхъ, и когда я ему дѣлала перевязку, онъ все время молился за меня: «Спаси тя Царица Небесная! Награди тя Христосъ! Матушка сестрица, пошли тебѣ Господь счастья», приговаривалъ солдатъ. «Успокойся, голубчикъ, поправишься, будешь здоровъ!» Но солдатъ не унимался, и все благодарилъ и молился и послѣ перевязки, стоя на колѣняхъ. Онъ былъ уже раньше раненъ при переправѣ черезъ Дунай, но поправился и снова пошелъ въ строй. Я вошла въ баракъ. Докторъ Навроцкій поздоровался со мной, освѣдомился о моемъ здоровьѣ, велѣлъ принести красного вина, въ него прибавилъ опию и заставилъ принять, уговаривая прилечь; но на это пока не было времени. Я принялась снова за перевязки. Полный баракъ былъ раненыхъ, которые лежали на соломѣ и еще не были осмотрѣны; я потребовала перевязочный матеріалъ, воду; очень тяжелыхъ я безъ хирурга не рѣшалась трогать, но послѣ осмотра перевязку сама накладывала. Вдругъ раздалось: «Турка, турка несутъ!» Съ нимъ санитары не очень церемонились. Мнѣ стало его жаль. Я на солдатъ крикнула: «Не смѣть обижать!»—«Да вѣдь турокъ, нехристь!»—«Да, но онъ человѣкъ и страдаетъ, онъ вамъ теперь не врагъ, онъ обезоруженъ. Положите его, здѣсь есть мѣсто». Всѣ въ баракѣ смолкли на мой строгій голосъ и, окинувъ взоромъ баракъ вокругъ того мѣста, гдѣ я была, теперь только я замѣтила, что была окружена массою офицеровъ 11-го драгунскаго полка, которые слѣдили за моей работой. Очередь пришла перевязывать турка, но въ баракъ внесли еще турка. Какой-то молоденькій докторъ подошелъ ко мнѣ со словами: «Вы, кажется, покровительствуете туркамъ? Куда прикажете положить его?» Меня взорвало. «Вы врачъ, а я сестра милосердія; для насъ онъ страждущій человѣкъ! Положите его здѣсь съ товарищемъ—ему будетъ веселѣй. И ежели мнѣ принесутъ раненую собаку, я и ей сдѣлаю перевязку». Докторъ сконфуженный удалился. Еще принесли турка, но уже никто не смѣлъ больше со мною

шутить. И этого сложили рядомъ; они заговорили, глядя на меня, прикладывая руки къ сердцу и ко лбу. Я поняла только: «Аллахъ. Аллахъ!» Боже Великій! Всѣ къ Тебѣ зываютъ, къ Твоему милосердію. Всѣ страдаютъ, у всѣхъ льется кровь, и всѣ ищутъ состраданія и помощи; никто не хочетъ умирать; смерть страшна, и злѣйшіе враги должны передъ ней смириться. Слава Богу, утрення работа окончена, я могу немножко отдохнуть. Докторъ Навроцкій велѣлъ принести матрацъ, далъ еще лекарства, и я легла подъ открытымъ небомъ въ тѣни барака. Санитары и фельдшера кормили обѣдомъ раненыхъ. Заснуть я не могла подъ впечатлѣніемъ всего, что мнѣ пришлось пережить и видѣть. Несмотря на весь ужасъ войны и великія страданія, нашъ солдатъ храбро шель «колотить турка»; сколько раненыхъ послѣ перевязки спѣшили опять въ строй, чтобъ отомстить за свои раны и за братушекъ, родныхъ по религіи. «Ужо погоди, зададимъ мы тебѣ трепку, насъ ты не осилишь, а тебѣ—улепетывать отъ нашихъ берданокъ и штыковъ»,—грозились солдаты. «Ишь, сколько народу искалѣчено, все поле усѣяно православными. Нехристь! и лается, проклятый: гяуръ, гяуръ! Самъ ты, песья шкура, трусь; какъ завидитъ штыкъ нашъ, такъ и начинаетъ орать: «Алла! Алла!» Какъ насадимъ на штыкъ, только руками взмахнетъ»,—ругали солдатки врага, вспоминая вчерашній бой. Одинъ драгунъ 11-го Чугуевского полка былъ раненъ въ ногу, снялъ сапогъ, вынулъ пулю, самъ перевязалъ себѣ ногу, вскочилъ на лошадь безъ сапога и снова помчался. «Куда ты? Подожди!»—«Никакъ нельзя, надо добывать турку!»—Одинъ солдатъ Пермскаго полка 1-ой роты огромнаго роста былъ раненъ въ обѣ ноги. Послѣ сдѣланной ему мною перевязки я велѣла санитарамъ его отнести на главный пунктъ, но, увидавъ маленькихъ по росту санитаровъ и окинувъ ихъ презрительнымъ взглядомъ, онъ сказалъ: «Эхъ, вы! несите сами себя, а я самъ дойду».

Послѣ трехчасоваго отдыха я почувствовала себя немного лучше, еще получивъ отъ доктора полстакана краснаго вина съ опіумомъ. Мы всѣ снова принялись за перевязки, раздачу сахара, галетъ; солдаты принесли изъ роты товарищамъ поужинать, а многіе и такъ приходили навѣстить товарищей. Уже темно было, когда окончились наши занятія; многимъ приходилось ампутировать пальцы. Одинъ солдатикъ очень трудно перенесъ вылуциваніе пальца, его трясло, какъ въ лихорадкѣ, но послѣ перевязки онъ не хотѣлъ выходить изъ строя, обѣщая турку жестоко отомстить. Болѣе опасныя операціи не дѣлались, отложены были до прибытія въ Бѣлу, гдѣ находился отдѣлъ Краснаго Креста. Подобранные турки спокойно лежали въ баракахъ. при моемъ приближеніи они привѣтливо смотрѣли на меня, что-то говорили, прикладывая по обыкновенію руку къ лицу и сердцу. Турецкія войска насъ

больше не тревожили: они всё отступили. Только 10-го сентября прислали къ намъ парламентаревъ очень рано утромъ съ просьбой разрѣшить убрать оставшихся раненыхъ и тѣла убитыхъ; наши солдаты помогали имъ погребать и не отнеслись враждебно къ мертвымъ. И вотъ эти три турка, лежавшіе въ баракѣ, были найдены уже потомъ, послѣ ухода турецкихъ санитаровъ. Я не торопилась на бивуакъ. Знала, что дорогой отецъ живъ, отъ офицеровъ и солдатъ, но что части находятся въ сторожевой службѣ на аванпостахъ. А на завтра назначена была отправка раненыхъ въ Вѣду. Я оставалась на перевязочномъ пунктѣ. 11-го сентября рано утромъ прибылъ отрядъ Краснаго Креста изъ Дольнаго Монастыря; это было кстати: у насъ перевязочнаго матеріала и медикаментовъ не было. Надо было передъ отправкой осмотрѣть раненыхъ и наново перевязать, чтобъ при такой жарѣ и перевозкѣ не произошло ухудшенія. Доктора, фельдшера, санитары суетились. Которые были готовы къ отправкѣ, тѣхъ укладывали—трудныхъ въ лазаретныя линейки, а въ повозки тѣхъ, которые были покрѣпче. Было уже около 10-ти часовъ. Потребовался матеріаль перевязочный. Присланная повозка отъ отдѣла Краснаго Креста была недалеко у барака; въ тѣни ея былъ разостланъ коврикъ, сидѣлъ мужчина и двѣ сестры милосердія. Я подошла къ нимъ и заявила, что намъ нуженъ матеріаль для перевязки и, ежели могутъ, пусть будутъ такъ добры дадутъ намъ, а также и вина для подкрѣпленія раненыхъ. Но получили отвѣтъ, что всего имѣется очень мало, и мнѣ дано было только 40 косынокъ, немного ваты и одна бутылка вина. Вотъ такъ такъ! Что же дѣлать? Мнѣ пришлось купить у нашихъ солдатъ, кто имѣлъ лишнія, рубашки и перемѣнить раненымъ, у которыхъ бѣлье было въ крови. Наши солдаты многіе обмѣняли,—дали свои чистыя, а окровавленные взяли взамѣнъ, «вымоемъ и одѣнемъ, а ты возьми чистенькую, какъ поѣдешь». Отъ бивуака было не особенно далеко. Я поспѣшила къ палаткамъ; денщикъ и чемоданы были тамъ. Я отперла одинъ изъ нихъ, достала двѣ коленкѣровыхъ юбки и разорвала ихъ полосами; нитки и иголки были и сшить не долго. Къ четыремъ часамъ въ палаткѣ оставались только турки. Доктора вышли изъ барака, а мнѣ подали складной стулъ, и я сѣла отдохнуть. Доктора собирали, обмывали и укладывали инструменты. Окончивъ, мы пили чай. Вдругъ, откуда ни возьмись, съ горъ стали спускаться болгарки и бросились къ бараку, предполагая, что тамъ никого не было, но, откинувъ полы полотна, онѣ закричали: «Тукъ има турекъ! Турекъ треба рѣзать! рѣзать турекъ!» Мы молчали и ожидали, что онѣ будутъ дѣлать. Но когда онѣ скрылись въ баракъ, мы моментально бросились за ними. Я вбѣжала первая. «Хичъ ништо!» Онѣ окаменѣлыя смотрѣли на меня, но скоро пришли въ себя. Доктора молчали. «Турекъ рѣзалъ наши томайки, наши башта,

наши мумички, юнаки; турець треба рѣзати!»—«Хичь ништо!—повторила я:—по што? Господь Иисусь Христось велѣль прощать обиды,—поднявъ руку къ небу; проговорила я:—Богъ васъ накажетъ. Гайда отсюда!»—Онѣ вышли, я сѣла снова на стулъ и недоумѣвала, откуда взялись болгары, когда деревня была пуста, и кто сообщилъ имъ, что въ палаткѣ турки. «Кокона, кто ты будешь?» обратились онѣ ко мнѣ. Я имъ показала на крестъ на рукавѣ,—передникъ былъ снятъ, я была въ черномъ кашемировомъ платьѣ и бархатной безрукавкѣ, въ круглой шляпѣ изъ батиста суроваго цвѣта и вокругъ тюль и черное страусовое перо. На вопросъ болгарокъ я не отвѣтила, будучи сильно взволнована, зато они стали меня со всѣхъ сторонъ осматривать, трогать шляпу, волосы, ощупывать матерію платья; ихъ заинтересовала моя обувь—венгерскіе сапожки привели ихъ въ восторгъ. «Кокона, кто ты? Булка за царь Николай?»—«Ни, ни, азъ булка младъ капитанъ и мумичка старъ капитанъ». Тогда онѣ обратились къ докторамъ и обращаясь къ доктору Навроцкому, сказали: «Сей твой башта, сей твой челякъ!» Тутъ доктора принялись хохотать и шутить надъ глупостью ихъ, но вотъ съ горы показались спускающіеся болгары-мужчины. «Тукъ има турець! треба рѣзати турець!»—Я опять стала убѣждать и напоминать о Богѣ. Положеніе всѣхъ было неловкое. Мнѣ необходимо было удалиться. Я попросила докторовъ не дать турець въ обиду. Докторъ Навроцкій снялъ шапку, поцѣловалъ мою руку, поблагодарилъ за самоотверженную помощь; его примѣру послѣдовали и другіе доктора, раскланялись,—и я ушла на бивуакъ. Подымаясь въ гору, я нѣсколько разъ оборачивалась къ бараку, предполагая расправу съ тремя турками; но, вѣроятно, энергичный отпоръ врачей уgomонилъ воинственный порывъ болгарь; я видѣла, какъ они потомъ бѣжали къ ручью за водой. На другой день я справилась о судьбѣ турець: они благополучно были отправлены въ Бѣлу, а затѣмъ и подвижной лазаретъ 28-ой дивизіи снялся съ пункта.

11-го сентября, въ 5-ть часовъ вечера я была на бивуакѣ. Дорогой мой отецъ былъ здоровъ. Вечеромъ мы съ нимъ бесѣдовали о всѣхъ ужасахъ, которые пережили. 1-ая рота 101-го Пермскаго полка и 4-ая батарея и я находились въ прикрытіи батареи. На правомъ флангѣ насъ такъ было мало, что только чудомъ можно считать то, что защитники юраклерскихъ позицій остались не уничтоженными. Девять таборовъ турецкихъ двигались на насъ и, ежели бы они были болѣе увѣренными, то ни одинъ человекъ не остался бы въ живыхъ: насъ искрошили бы. «Папочка! твой дальномѣръ тоже работалъ?»—«Да, я все время опредѣлялъ дистанцію и очень удачно; моя подзорная труба и дальномѣръ давали возможность видѣть непріятели по всѣмъ направленіямъ и во всѣхъ деталяхъ, и вѣрное опредѣленіе разстоянія дѣлало то, что, вѣроятно, ни одинъ за-

рядъ не пропалъ даромъ; турокъ очень много было убито. На другой день послѣ сраженія рано утромъ турки прислали своихъ санитаровъ съ бѣлымъ парламентарскимъ флагомъ, но на немъ былъ красный мѣсяцъ. «Значить, и у нихъ есть подвижной лазаретъ?»— «Не знаю навѣрное, но думаю. Наши солдатики помогали имъ хоронить, а раненыхъ турокъ мы взяли, какъ военно-плѣнныхъ и отправили на перевязочный пунктъ».—«Такъ это и были мои протеже, которыхъ сегодня болгары хотѣли зарѣзать, да я не дала. Много ли турокъ похоронили?»—«Около 900 человекъ, какъ говорятъ».—«А по счету доктора Навроцкаго раненыхъ въ нашемъ отрядѣ 600 человекъ. Я его нѣсколько разъ спрашивала, но онъ все не говорилъ; но когда были отправлены всѣ раненые, тогда онъ мнѣ сказалъ, что 600».

С. А. фонъ-Кенигъ (нынѣ Чирикова).

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СКОБЕЛЕВЪ ВЪ ТУРКЕСТАНЪ.

(1869—1877 г.)

ВОЙНА съ нѣмцами живѣе, чѣмъ когда-нибудь воскрешаетъ воспоминанія о М. Д. Скобелевѣ. Хотя въ эпоху его военной славы врагомъ Россіи была Англія, Германія же стояла въ ряду ея союзниковъ, тѣмъ не менѣе Скобелевъ уже тогда предвидѣлъ, что намъ рано или поздно придется сразиться съ ближайшимъ сосѣдомъ, и, какъ извѣстно, симпатій къ нему не питалъ; это особенно ярко выразилось въ его знаменитой рѣчи, обращенной къ студентамъ-славянамъ въ Парижѣ. Нѣмцы, ознакомившись изъ нея съ мыслями и чувствами Скобелева, видя его возрастающій талантъ и учитывая его популярность, зорко за нимъ слѣдили. Когда же ранняя Смерть его похитила, въ Берлинѣ такъ оцѣнили это событіе: «смерть Скобелева равняется потери Россіей стотысячной арміи». Слова эти приписывались Бисмарку, и надо думать, что великій нѣмецкій патріотъ не сокрушался о нашей національной утратѣ. Какъ велико было у насъ значеніе Скобелева, успѣвшаго стать народнымъ кумиромъ послѣ Балканской войны, можно судить по тому ошеломляющему впечатлѣнію, которое произвело по всей Россіи извѣстіе о его внезапной кончинѣ. Мысленно переносясь въ день 25 іюня 1882 г., мы помнимъ, что даже здѣсь, въ суетливой столицѣ, все вдругъ притихло, замерло, отодвинулись на задній планъ всѣ остальные интересы и въ теченіе нѣсколькихъ дней сосредоточивались исключительно на этомъ событіи, причемъ сразу пошелъ слухъ, что смерть Скобелева неестественная и что онъ былъ отравленъ.

Это была чисто народная молва: не было простого человѣка—извозчика, почтальона, посыльнаго, разносчика, который при одномъ упоминаніи о смерти Скобелева неизмѣнно не повторялъ бы стереотипной фразы: «умеръ сейчасъ послѣ обѣда», и на вопросъ, что это значить, таинственно пояснялъ: «отравили, конечно, развѣ мало было у него враговъ и завистниковъ». Замѣчательно, что и въ интеллигентныхъ кругахъ держалось такое же мнѣніе. Здѣсь оно выражалось даже болѣе опредѣленно: назывались лица, которыя могли участвовать въ этомъ преступленіи, направленномъ будто бы Бисмаркомъ... Этимъ же сообщникамъ Бисмарка приписывалась пропалка плана войны съ нѣмцами, разработаннаго Скобелевымъ и выкраденнаго тотчасъ послѣ смерти М. Д. изъ его имѣнія.

Какъ бы то ни было, но народный голосъ оправдывался въ томъ по крайней мѣрѣ смыслѣ, что враговъ у Скобелева было дѣйствительно много. Между ними были люди, сильные своими связями и вліяніемъ въ тогдашнемъ столичномъ обществѣ. Злословіе и интриги широко тамъ распространялись и едва не преградили Скобелеву путь къ славѣ. Талантъ его все преодолѣлъ и разбилъ, но самъ Михаилъ Дмитріевичъ не былъ равнодушенъ къ клеветамъ, коловшимъ его самолюбіе; онъ сильно волновался ими, что, вѣроятно, вліяло и на его здоровье, подрывая его раньше времени. Не всѣ враги Скобелева могутъ быть названы даже теперь, но ихъ имена ничтожны, имя же Скобелева вѣчно, и намъ кажется не лишнимъ приподнять хотя бы отчасти завѣсу тѣхъ скрытыхъ, закулисныхъ дѣйствій—мелкихъ и обычныхъ въ житейскихъ смыслѣ, но съ которыми, тѣмъ не менѣе, приходилось считаться его крупной личности.

Непріязнь къ Скобелеву зарождалась издавна, и многое можетъ быть объяснено, если мы прослѣдимъ жизнь Михаила Дмитріевича съ начала его боевой карьеры. Она началась въ Средней Азіи, гдѣ Скобелевъ, съ нѣкоторыми перерывами, провелъ 8 лѣтъ, прибывъ ротмистромъ въ 1869 г. и покинувъ край въ началѣ 1877 г. генераломъ, украшеннымъ Георгіемъ двухъ степеней.

Именно здѣсь складывались тѣ условія и отношенія, которыя впослѣдствіи, создавая Скобелеву въ извѣстныхъ сферахъ немногихъ друзей, плодили его недруговъ. Объ этой эпохѣ мы и будемъ говорить съ полной объективностью, основываясь на свѣдѣніяхъ ближайшихъ свидѣтелей нѣкоторыхъ эпизодовъ и на нашихъ собственныхъ впечатлѣніяхъ и воспоминаніяхъ.

I.

Какъ нѣкогда Кавказъ служилъ мѣстомъ, куда стремились болѣе смѣлые и отважные люди, искавшіе не только «счастья и чиновъ», но и увлекаемые жаждой военныхъ опасностей и подви-

говъ, такъ, съ умиротвореніемъ этой окраины, ее замѣнила Средняя Азія, гдѣ Россія шла съ боемъ по пути, намѣченному ей самой исторіей. Сюда же высылались и слишкомъ горячія головы для охлажденія ихъ пыла въ трудныхъ походахъ; попадали также, не всегда добровольно, молодые люди за разныя провинности, большею частью любовнаго характера; почти исключительно это были столичные жители—гвардейскіе офицеры, знакомые между собой. Вотъ здѣсь-то судьба соединила двухъ пріятелей: Скобелева, добровольно пріѣхавшаго, и высланнаго по просьбѣ матери молодого Герстенцвейга, слишкомъ увлеченнаго французской актрисой, на которой онъ собрался жениться. Герштенцвейгъ пріѣхалъ въ край раньше Скобелева, и, несмотря на то, что мѣстные военные относились вообще не очень дружелюбно къ пріѣзжимъ, видя въ нихъ только карьеристовъ, Герштенцвейгъ, живя въ Самаркандѣ, успѣлъ привлечь къ себѣ всеобщую симпатію своимъ добродушіемъ, удалью и искренними товарищескими отношеніями. Его не только любили, но и жалѣли, такъ какъ онъ, продолжая помнить свою французенку, горе разлуки съ ней заглашалъ въ винѣ...

Скобелевъ жилъ въ уѣздномъ городѣ Чиназѣ, гдѣ онъ командовалъ сотней уральцевъ. Отношенія къ нему были другія: молодой ротмистръ, блестящій офицеръ генеральнаго штаба, съ большими связями въ Петербургѣ, съ независимымъ состояніемъ мало подходилъ къ средѣ храбрыхъ, но и простыхъ мѣстныхъ военныхъ, съ которыми онъ, кажется, и не искалъ дружбы. Однако и въ кругу товарищей, прибывшихъ съ нимъ изъ столицы, искреннихъ друзей онъ тоже не считывалъ: его преимущества слишкомъ бросались въ глаза, и на почвѣ боевого и служебнаго соревнованія дѣло не обходилось безъ зависти; но съ Герштенцвейгомъ онъ былъ искреннимъ пріателемъ.

Героическая поэма средне-азиатскихъ походовъ въ то время (1869—1870 гг.) еще только развертывалась. Хотя было уже образовано генераль-губернаторство, покорена часть Бухары и взята Кауфманомъ Самаркандъ—вторая Мекка мусульманства,—но Азія далеко еще не покончила съ надеждой вернуть себѣ завоеванныя нами земли, и въ Самаркандской области шли непрерывныя волненія, вызывавшія съ нашей стороны карательныя экспедиціи. Къ покоренію Самарканда Скобелевъ не успѣлъ, занятый въ то время въ академіи генеральнаго штаба, но въ послѣдующихъ кампаніяхъ онъ участвовалъ. Въ одной изъ нихъ пришлось дѣйствовать вмѣстѣ обоимъ пріятелямъ. Экспедиція, подъ начальствомъ генерала Абрамова, кончилась, конечно, вполне успѣшно, и не въ описаніи этого похода наша задача, а въ разсказѣ нелѣпой исторіи, за ней послѣдовавшей и положившей тотъ первый камень, на которомъ впослѣдствіи образовалось цѣлое зданіе интригъ и козней противъ Скобелева.

По ходу событій генералу Абрамову пришлось послать небольшой кавалерійскій отрядъ, чтобы разсѣять бунтовавшее племя мачинцевъ. Отрядомъ командовалъ Герштенцвейгъ, и вмѣстѣ съ нимъ былъ Скобелевъ. Предполагавшихся бунтовщиковъ нагнали, усмирили, а казаки, по издревле установившемуся у нихъ обычаю, побарантовали, т. е. почистили непріятеля въ свою пользу, хотя это и каралось высшею властью.

Съ возвращеніемъ войскъ въ Самаркандъ по городу стали ходить разные неблагоприятные слухи. Говорили, что ихъ командиръ Герштенцвейгъ дрался знатно, все время былъ впереди, а Скобелевъ держался вдали и даже скрылся съ поля сраженія. Несмотря на нелѣпость разказа, онъ пришелся по сердцу людямъ, не любившимъ Скобелева (бывшаго въ это время въ Чиназѣ), и понеслась стоустая молва, что «Скобелевъ струсилъ». Однако стала циркулировать и другая версія: отыскивая бунтарей, казачій отрядъ наткнулся на племя мирныхъ кочевниковъ, и Герштенцвейгъ, будучи нетрезвъ, не разобралъ врага и полетѣлъ съ казаками въ атаку. Скобелевъ, трезвый и спокойный, замѣтивъ ошибку, старался удержать пріятеля и остановить казаковъ, но они его не послушали. Скобелевъ не захотѣлъ, конечно, участвовать въ такомъ подвигѣ и за ними не послѣдовалъ.

Допустить, чтобы разказъ въ послѣдней версіи дошелъ до командующаго войсками края, было неудобно для многихъ... Одинъ изъ ближайшихъ начальниковъ Герштенцвейга, поѣхавъ въ Ташкентъ съ донесеніемъ о результатахъ экспедиціи, умолчалъ, конечно, о неудачномъ эпизодѣ; но въ то же время, по болтливости своей, не удержался отъ разказа о «трусости» Скобелева. Говорилось это, понятно, по секрету, но секретъ сталъ скоро общимъ. Въ это время въ Ташкентѣ гувернеромъ у сына генерала Кауфмана былъ французъ Жирарде, бывший воспитатель Скобелева, боготворившій своего прежняго питомца. Возмущенный пущенными противъ Скобелева слухами, Жирарде далъ ему знать, что дѣло идетъ о его чести. Скобелевъ примчался въ Ташкентъ и вызвалъ на дуэль неосторожнаго болтуна. Дуэль хотя и состоялась, но была безрезультатной, что, конечно, не удовлетворило Скобелева. Тогда онъ потребовалъ отъ Герштенцвейга признанія, что въ дѣлѣ противъ мачинцевъ была имъ допущена ошибка, о которой его предупреждалъ Скобелевъ. Но Герштенцвейгъ отказался отъ подтвержденія этого факта, ссылаясь на состояніе своей въ то время невмѣняемости и запаматованіе всѣхъ обстоятельствъ дѣла.

Бывшіе пріятели дрались, и Герштенцвейгъ былъ раненъ. Но это не сняло со Скобелева пущенной противъ него клеветы и только еще болѣе озлобило его недруговъ. Рана въ ногу Герштенцвейга не была смертельной; однако непріязнь къ Скобелеву была такъ велика, что, когда позднѣе, чѣмъ черезъ годъ, Герштенцвейгъ умеръ отъ

чаотки, а, можетъ быть, и отъ неумѣреннаго употребленія вина, враги Скобелева упорно утверждали, что нанесенная Герштенцвейгу рана была прямой причиною смерти этого общаго любимца.

Замѣтно расположенный къ Скобелеву, генераль-губернаторъ Константинъ Петровичъ Кауфманъ (что, кстати сказать, увеличивало число скобелевскихъ завистниковъ), успѣвшій уже тогда близко узнать М. Д. и угадать въ немъ талантливаго человѣка, не вѣрилъ, конечно, въ мачинскую басню, но считалъ вреднымъ для самого Скобелева вліять своимъ начальническимъ авторитетомъ на слишкомъ обостренное общее къ нему нерасположеніе; а потому, когда Скобелевъ рѣшилъ уѣхать изъ края, отпустилъ его, рассчитывая, что время сгладитъ непріятныя впечатлѣнія всей этой исторіи и ослабитъ зависть къ нему и вражду сослуживцевъ.

Такъ кончился первый періодъ туркестанской жизни М. Д. Скобелева.

II.

Наступившее время затишья было томительно для Скобелева, боевая натура котораго не мирилась съ бездѣятельностью и пустотой столичной жизни. Онъ сталъ оживляться надеждою вновь попасть въ военную обстановку, когда былъ поднятъ генераломъ Кауфманомъ вопросъ о настоятельной необходимости похода въ Хиву.

Какъ извѣстно, двѣ наши экспедиціи въ эту страну кончились для насъ трагично: большой отрядъ изъ Астрахани, подъ начальствомъ Черкаскаго, посланный Петромъ I, хотя и дошелъ благополучно до Хивы, но былъ тамъ предательски умерщвленъ въ полномъ составѣ. Вторая попытка обуздать Хиву была предпринята уже при императорѣ Николаѣ I. Экспедиція, подъ командой Перовскаго, снаряженная изъ Оренбурга зимой 1839 г., далеко еще не доходя Хивы, кончилась гибелью почти всего отряда отъ стужи и снѣжныхъ бурановъ. Наши неудачи внушили Хивѣ увѣренность, что она непобѣдима. Съ той поры не прекращались грабежи хищниковъ: они не только разоряли подвластныхъ намъ киргизовъ, но нападали на наши владѣнія, забирая въ плѣнъ пограничныхъ русскихъ жителей и казаковъ.

Съ образованіемъ Туркестанскаго генераль-губернаторства (1867 г.) и съ утвержденіемъ здѣсь суверенитета Россіи было уже недопустимо оставлять безнаказанными дерзости Хивы. Неоднократно пытался начальникъ края образумить хана, обращаясь къ нему съ увѣщаніями и добрыми совѣтами, переходя и на угрозы, но все было напрасно: набѣги хивинцевъ не прекращались. Честь и достоинство Россіи требовали рѣшительныхъ мѣръ для обузданія Хивы, что послужило бы въ то же время предостереженіемъ и для

другихъ сопредѣльныхъ съ нами ханствъ, все еще мечтавшихъ вытѣснить насъ изъ Азіи. Доводы генерала Кауфмана были признаны вполне убѣдительными, и третій въ исторіи походъ въ Хиву былъ рѣшенъ.

О блистательномъ выполненіи этого безпримѣрнаго по трудностямъ предпріятія говорить не приходится: въ исторіи всемірныхъ походовъ онъ занялъ выдающееся мѣсто. Не въ мѣру зазнавшаяся Хива стала вассальнымъ ханствомъ Россіи съ 1873 года.

Но для разсказа объ участіи въ походѣ М. Д. Скобелева и объ инцидентѣ, приключившемся съ нимъ въ концѣ экспедиціи, необходимо остановиться на нѣкоторыхъ подробностяхъ, рисующихъ обстановку дѣла и людскихъ отношеній.

Врагъ, ничтожный по своей военной силѣ, былъ окруженъ такой грозной природой, преодолѣть которую было подѣ стать развѣ только русскимъ богатырямъ. Чтобы обезпечить копечный успѣхъ предпріятія, было рѣшено идти на Хиву съ трехъ сторонъ: отъ Оренбурга, съ Кавказа и изъ Туркестанскаго края, въ тѣхъ видахъ, что если которому-нибудь изъ отрядовъ не удастся дойти, то другіе въ этомъ успѣютъ. Войска всѣхъ трехъ округовъ были испытанныя, закаленные въ походахъ и бояхъ.

Каждый отрядъ во время марша имѣлъ своего начальника; общее же руководство и командованіе экспедиціей было возложено на генераль-адъютанта Константина Петровича фонъ-Кауфмана (Туркестанскаго). Самый многочисленный отрядъ былъ туркестанскій, на долю котораго выпали и самыя большія трудности, доводившія до трагическихъ моментовъ. Въ этомъ отрядѣ находились великій князь Николай Константиновичъ и герцогъ Евгенийъ Максимилиановичъ Лейхтенбергскій; при немъ же былъ и штабъ главной квартиры.

Скобелеву, служившему уже подѣ начальствомъ генерала Кауфмана, хотѣлось войти въ составъ этого отряда. Однако недавнія непріятности, испытанныя имъ въ Туркестанѣ, и еще свѣжая память объ умершемъ Герштенцвейгѣ не обѣщали М. Д. дружеской встрѣчи со стороны бывшихъ сослуживцевъ. Это заставило его прикомандироваться къ Кавказскому округу, войска котораго выступали двумя колоннами: изъ Красноводска подѣ командой полковника Маркозова и изъ Мангышлака подѣ начальствомъ генерала М. Ломакина. Въ послѣдней и участвовалъ Скобелевъ въ чинѣ подполковника. Красноводская колонна съ первыхъ же дней похода встрѣтила непреодолимыя препятствія, надвинутыя на нее абсолютно безводной пустыней. Несмотря на огорченіе и даже ропотъ въ отрядѣ, Маркозовъ съ благоразумной твердостью рѣшилъ вернуться, предвидя неминуемую поголовную гибель людей (это обстоятельство слѣдуетъ замѣтить, какъ имѣющее непосредственное отношеніе къ М. Д.). Отрядъ Ломакина сдѣлалъ очень трудный походъ, встрѣ-

тился и присоединился къ войскамъ Оренбургскаго округа за 250 в. до Хивы. Путь оренбуржцевъ по условіямъ мѣстности, богатой живою водой и частыми кочевьями, былъ очень удобенъ; но этому отряду приходилось часто отражать нападенія туркменъ, бродившихъ по путямъ его слѣдованія.

Благодаря всесторонне обработанному плану и стойкости и дисциплинѣ войскъ, всѣ три отряда, двигаясь съ разныхъ сторонъ, при различныхъ условіяхъ, безъ всякой возможности между собою сообщаться, дошли одновременно, въ намѣченный заранѣе срокъ къ цѣли экспедиціи и 28 мая 1873 г. были вблизи стѣнъ Хивы ¹⁾.

Предстоялъ послѣдній актъ—вступленіе войскъ въ столицу ханства.

Съ подступленіемъ къ городу обѣихъ армій вся полнота власти переходила къ генераль-адъютанту фонъ-Кауфману, не только какъ къ главнокомандующему, которому подчинялись начальники отдѣльныхъ отрядовъ, но и какъ отвѣтственному дипломату, уполномоченному государемъ вести переговоры о мирѣ на условіяхъ, какія онъ найдетъ «достойными Россійской державы». Отсюда понятно, что дѣйствія обоихъ отрядовъ должны были быть строго согласованными и отвѣчающими одной общей цѣли.

Для совмѣстнаго вступленія въ столицу войскъ обѣихъ армій, стоявшихъ на разныхъ концахъ города, необходимо было имъ войти въ связь, для чего генерала Кауфманъ отправилъ 28 мая утромъ письмо генералу Веревкину, увѣдомляя о своемъ прибытіи и предлагая выслать колонну отъ оренбургско-мангышлакскихъ войскъ къ 8-ми часамъ утра 29-го мая къ Палванъ-арыку, находившемуся въ 8 верстахъ отъ города Хивы.

Между тѣмъ, зная о прибытіи туркестанскихъ войскъ и главной квартиры, но подвижимый, быть можетъ, честолюбивой мечтой увѣнчать себя славой самостоятельнымъ занятіемъ города Хивы, генералъ Веревкинъ попытался силой овладѣть цитаделью до соединенія отрядовъ. 28 мая оренбургско-мангышлакскій отрядъ произвелъ усиленную рекогносцировку города Хивы, обратившуюся въ неудачную атаку городскихъ стѣнъ. Въ этотъ день въ отрядѣ было убитыхъ 4 (одинъ офицеръ), раненыхъ 41 (въ томъ числѣ генералъ Веревкинъ и 6 офицеровъ), контуженныхъ 9 (4 офицера) ²⁾.

Тѣмъ временемъ, пока шла эта напрасная демонстрація съ потерей людей, въ ставку главнокомандующаго явился посланецъ хивинскаго хана, его двоюродный братъ Инакъ-Иртази, уполномоченный ханомъ вести переговоры о сдачѣ столицы и о заключеніи

¹⁾ Пропуская подробности этого замѣчательнаго предпріятія, рекомендуемъ познакомиться съ книгой, сост. полков. Лобысевичемъ, «Описаніе Хивинскаго похода».

Авт.

²⁾ Макшеевъ.—По Лобысевичу—80 раненыхъ.

«истор. вѣстн.», октябрь 1916 г., т. сxlvi.

мира. Инакъ передалъ генералу Кауфману письмо Сеидъ-Мухамедъ-Рахимъ-хана, который просилъ генераль-губернатора вѣрить словамъ посла, какъ бы онъ вѣрилъ самому хану. Инакъ-Иртази заявилъ, что столица готова сдаться безъ всякихъ условій, ханъ объявлялъ себя подданнымъ Бѣлаго царя, его «нукеромъ» ¹⁾ и ходатайствовалъ въ то же время о прекращеніи военныхъ дѣйствій противъ города со стороны генерала Веревкина.

Генераль Кауфманъ объявилъ Инаку, что свои условія онъ желаетъ лично передать хану, а потому предлагаетъ Сеидъ-Мухамедъ-Рахиму выѣхать къ нему навстрѣчу на слѣдующій день къ 8 часамъ утра въ мѣстность въ 6 верстахъ отъ города. Хану разрѣшалось имѣть свиту не болѣе ста человѣкъ. При этомъ Кауфманъ предупредалъ, что если ханъ не явится, то генераль будетъ считать недѣйствительнымъ все заявленное Инакомъ и будетъ стрѣлять по городу. Инакъ ручался, что ханъ удержитъ свои войска отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій, но что іомуды-туркмены могутъ его не послушать и, пожалуй, будутъ тревожить оренбургскій отрядъ. На это заявленіе генераль Кауфманъ внушительно посовѣтовалъ заставить іомудовъ повиноваться хану; затѣмъ онъ вручилъ Инаку слѣдующее письмо для передачи генералу Веревкину:

«28-го мая 1873 г. Бивуакъ на Янги-Арыкъ, 6¹/₂ ч. вечера. Сейчасъ ханъ прислалъ ко мнѣ родственника своего для переговоровъ. Я отвѣчалъ, что завтра подойду къ городу и, если ханъ желаетъ мира, то пусть выѣдетъ самъ ко мнѣ навстрѣчу. Въ 4¹/₂ часа утра 29-го мая я выступлю; часовъ въ 8 буду въ шести верстахъ отъ Хивы; тамъ остановлюсь. Прошу ваше превосходительство съ ввѣреннымъ вамъ отрядомъ передвинуться къ Павлаиъ-Арыку, на мостъ Сира-Купрюкъ. Посланный отъ хана увѣряетъ, что іомуды не слушаются хана и воюютъ вопреки его ханской волѣ. Я разрѣшилъ хану имѣть свиту не болѣе ста человѣкъ и приму его на своей позиціи. Было бы очень хорошо, если бы ваше превосходительство успѣли къ 8 часамъ быть у моста Сира-Купрюкъ. Если изъ города противъ васъ не стрѣляютъ, то и вы до разрѣшенія вопроса о войнѣ и мирѣ также не стрѣляйте».

Около 7 часовъ Инакъ выѣхалъ въ Хиву.

III.

Главнокомандующій выступилъ съ туркестанскими войсками въ назначенный часъ и, не доходя до города шести верстъ, былъ встрѣченъ толпою конныхъ хивинцевъ. Во главѣ ихъ ѣхалъ старикъ, который при приближеніи къ генералу Кауфману обнажилъ голову и дрожащимъ отъ волненія голосомъ привѣтствовалъ его по

¹⁾ Человѣкъ, обязанный служить.

восточному обычаю цвѣтистыми фразами. То былъ дядя хивинскаго хана—Сеидъ-Эмиръ-Уль-Омаръ. На вопросъ генерала Кауфмана, гдѣ же самъ ханъ и почему онъ не выѣхалъ навстрѣчу, какъ то было условлено наканунѣ, Эмиръ-Уль-Омаръ отвѣтилъ, что вечеромъ 28-го числа ханъ выѣхалъ изъ Хивы въ сторону, гдѣ дѣйствовалъ мангышлакско-оренбургскій отрядъ, чтобы остановить сопротивленіе своихъ войскъ, сознавая невозможность бороться съ русской силой. Въ это время русскими снарядами подъ ханомъ была ранена лошадь; когда же онъ пересѣлъ на другую и хотѣлъ снова выѣхать въ свою столицу, то нашелъ городскія ворота запертыми самими жителями, опасавшимися вторженія въ нихъ русскихъ войскъ. Ханъ вынужденъ былъ уѣхать въ среду туркменъ-іомудовъ, которые его и задержали».

Между тѣмъ, отсутствіе хана и съ одной стороны военныя дѣйствія генерала Веревкина, а съ другой—приближеніе туркестанскихъ войскъ произвели въ городѣ панику, смуту и анархію. Чувствовалась необходимость власти, и часть жителей рѣшила избрать ханомъ брата его—Ата-Джанъ-Тюря, заточеннаго ханомъ въ тюрьмѣ, и выпустила его оттуда. Но партія разума и порядка, во главѣ которой стоялъ вліятельный въ народѣ Диванъ-Беги-Мать-Ніазъ вмѣстѣ съ другими главными лицами ханскаго управленія, рѣшила передать власть, до возвращенія хана, ему, Эмиръ-Уль-Омару, какъ лицу старшему послѣ хана. Увѣщанія этихъ людей подѣйствовали, и въ ночь съ 28-го на 29-ое въ столицѣ былъ водворенъ полный порядокъ и спокойствіе, ручаясь за которые онъ, Эмиръ-Уль-Омаръ, и явился къ главѣ русскаго войска ¹⁾. Въ сопровождавшей его депутаціи находился не только уважаемый народомъ Мать-Ніазъ и многіе представители почетныхъ городскихъ лицъ и купечества, но и братъ хана—Ата-Джанъ-Тюря, мимолетный глава анархической партіи, отказавшійся отъ всякой претензіи на власть.

Послѣ получасовой остановки, выслушавъ Эмиръ-Уль-Омара и нѣкоторыхъ лицъ депутаціи, генералъ Кауфманъ, въ сопровожденіи ихъ, продолжалъ путь и за двѣ версты до столицы былъ встрѣченъ колонною, высланною отъ оренбургско-мангышлакскаго отряда. Въ составъ колонны входили представители отъ войскъ Кавказскаго и Оренбургскаго округовъ, подъ начальствомъ начальника штаба отряда полк. Саранчева, выѣхавшаго вмѣсто ген. Веревкина, наканунѣ раненаго.

Не поддается описанію радость и одушевленіе, охватившія при встрѣчѣ этихъ русскихъ людей, пришедшихъ съ разныхъ концовъ къ одной желанной цѣли, претерпѣвшихъ за три мѣсяца похода столько трудовъ и лишеній, бывшихъ моментами на волосокъ отъ гибели и мучительной смерти, но оставшихся крѣпкими духомъ и

¹⁾ «Описаніе хивинскаго похода», полк. Лобысевича.

скованными рѣшимостью побѣдить. Въ счастливый часъ свиданія все тяжелое было забыто; начиная съ Кауфмана, долго служившаго въ молодости на Кавказѣ, гдѣ онъ получилъ и своего перваго Георгія, теперь съ восторгомъ встрѣтившаго родныя ему войска, всѣ братски обнимались, шумно, весело поздравляли другъ друга. По истинѣ это былъ общій праздникъ, трогательно-семейный для братьевъ-воиновъ и торжественно-внушительный для полудикихъ хивинцевъ.

На мѣстѣ встрѣчи, вблизи моста Сира-Купрюкъ, войска туркестанскаго отряда расположились бивуакомъ. Здѣсь же главнокомандующій началъ переговоры съ Эмиромъ-Уль-Омаромъ о сдачѣ столицы ханства. Генераль Кауфманъ требовалъ безусловной покорности: онъ приказалъ открыть ворота города, снять съ городскихъ стѣнъ орудія и вывезти ихъ къ Хазараспскимъ воротамъ, черезъ которыя предстояло войти русскимъ войскамъ. Жителямъ Хивы приказано было выйти къ этимъ же воротамъ. Отдавая свои приказанія, генераль Кауфманъ прибавилъ, что если они подчинятся и изъявятъ свою покорность, то ихъ никто не обидитъ, что Бѣлый Царь милостивъ и великодушенъ, и русскія войска, повинуваясь волѣ Государя, наказываютъ только тѣхъ, которые бунтуютъ, но мирныхъ людей не трогаютъ.

Представители депутаціи приняли съ безусловной покорностью всѣ требованія пачальника войскъ, и по распоряженію Эмиръ-Уль-Омара и Мать-Ніаза тотчасъ же въ городъ поскакали довѣренные люди для приведенія въ исполненіе всѣхъ приказаній главнаго начальника русской арміи.

Не было никакого повода сомнѣваться въ искренней готовности подчиниться людей, воочию видѣвшихъ русскую силу, бороться съ которой было бесполезно... Но въ это самое время, совершенно неожиданно со стороны оренбургскаго отряда раздались пушечные выстрѣлы, и изъ Хивы примчались люди съ сообщеніемъ, что русскіе снова открыли огонь по городу. Извѣстіе это произвело на войска, расположенныя на Сира-Купрюкъ, тяжелое впечатлѣніе.

Кауфманъ приказалъ Эмиръ-Уль-Омару ѣхать въ Хиву, узнать, въ чемъ дѣло, и если окажется, что населеніе открыло враждебныя дѣйствія противъ генерала Веревкина, немедленно принять самыя рѣшительныя мѣры для водворенія порядка. Одновременно онъ послалъ гонца къ генералу Веревкину съ слѣдующимъ письмомъ: «Прибывъ на позицію, я былъ встрѣченъ полковникомъ Саранчевымъ и славными войсками, подъ вашимъ начальствомъ состоящими. Къ удивленію моему, я слышу съ вашей стороны выстрѣлы. Пріѣхалъ ко мнѣ Мать-Ніазъ; онъ увѣряетъ, что батареи ваши открыли огонь противъ города. Ханъ изъ города ушелъ вчера съ іомудами. Когда обозъ отряда стянется, я полагаю съ частью отряда и съ войсками отъ васъ войти въ городъ и занять цитадель и ворота. Грабежа

не должно быть. Надѣюсь около двухъ часовъ выступить. Нужна большая осторожность, теперь даже больше, чѣмъ когда-нибудь. Я беру ваши роты, орудія и кавалерію, чтобы они были представителями Кавказскаго и Оренбургскаго округовъ. Поздравляю васъ съ побѣдою и раной. Дай Богъ скорѣе выздоровѣть» ¹⁾.

Непредвидѣнная и, какъ оказалось, не вызванная обстоятельствами стрѣльба по городу не должна была, конечно, вліять на общее дѣло; поэтому, какъ только обозный отрядъ стянулся, донесенія о настроеніи населенія получились вполнѣ удовлетворительныя и сдѣлано было распоряженіе о назначеніи частей войскъ и о порядкѣ слѣдованія ихъ для вступленія въ столицу ханства, то оно и началось въ положенное время, т. е. около двухъ часовъ 29-го мая 1873 года.

Торжественно, подъ звуки Даргинскаго марша, русскія войска вступили въ широко открытыя Хазараспскія ворота, у которыхъ ихъ ждали толпы народа и впереди всѣхъ съ непокрытой головой почтенный, престарѣлый Эмиръ-Уль-Омаръ. Всѣ городскія площади и часть боковыхъ улицъ были запружены арбами, на которыхъ было сложено разное имущество и сидѣли женщины и дѣти. Это мирные жители, напуганные утренними выстрѣлами оренбургскаго отряда, спасаясь отъ нихъ, были застигнуты на пути своего бѣгства. «На лицахъ городского населенія выражались страхъ и сомнѣніе: они опасались, что и русскіе, какъ дѣлають обыкновенно азіаты съ покоренными народами, начнутъ ихъ рѣзать и бить, сжигать и уничтожать ихъ дома и имущества. Тѣмъ большая была радость и восторгъ, когда они увидали, что русскія войска, слѣдуя стройными рядами по главной улицѣ, ведущей къ цитадели и къ ханскому дворцу, не заходятъ въ стороны, никого и ничего не трогаютъ и не обижаютъ. Сомнѣніямъ уже не было мѣста, и народъ бросался къ войскамъ и къ ногамъ лошади главнаго русскаго начальника съ радостными привѣтствіями. Особенно сильное оживленіе замѣчалось въ средѣ иранцевъ, предугадывавшихъ свое освобожденіе изъ тяжелаго рабства» ²⁾.

Лишь по прибытіи въ цитадель генераль Кауфманъ прочелъ письмо Веревкина, поданное ему джигитомъ во время спокойнаго слѣдованія войскъ по улицамъ Хивы. Въ этомъ запоздаломъ отвѣтѣ на запросъ главнокомандующаго о выстрѣлахъ по городу утромъ 29-го мая со стороны оренбургскаго отряда генераль Веревкинъ далъ такое объясненіе:

«Въ Хивѣ были двѣ партіи—мирная и враждебная. Послѣдняя ничьей власти не признаетъ и дѣлала въ городѣ всякія безчинья. Чтобы разогнать ее и имѣть хоть какую-нибудь гарантію противъ

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ «Описаніе хивинскаго похода» полк. Лобyseвича.

върломства жителей, я приказалъ овладѣть съ боя одними изъ городскихъ воротъ, что и исполнено. Войска, взявшія ворота, заняли оборонительную позицію около нихъ, гдѣ и будутъ ожидать приказанія вашего превосходительства. Всякіе грабежи мною воспрещены» ¹⁾).

Такимъ образомъ, изъ письма Веревкина, писаннаго въ часть дня, явствуетъ, что для разогнанія враждебной партіи онъ призналъ необходимымъ приказать полковнику Скобелеву штурмовать Шахъ-Абатскія ворота, забывъ о многочисленной мирной партіи, которая незаслуженно подвергалась опасности отъ разгрома города. Между тѣмъ вѣдь еще наканунѣ, 28-го мая, генераль Веревкинъ былъ предувѣдомленъ главнокомандующимъ, что онъ поведетъ переговоры о сдачѣ столицы и о мирѣ и предупредилъ начальника оренбургскаго отряда «не стрѣлять по городу, если оттуда не будутъ стрѣлять».

Сопоставляя обстоятельства дѣла и часы дня, когда раздались выстрѣлы, нельзя не прийти къ выводу, что рано утромъ 29-го мая вся обстановка была въ противорѣчій съ приводимыми въ письмѣ генерала Веревкина объясненіями: во-первыхъ, уже въ 8 часовъ утра Эмиръ-Уль-Омаръ докладывалъ главному начальнику войскъ о томъ, что по уходѣ хана поднялась паника, вызвавшая смуту, причемъ въ городѣ образовались двѣ партіи, но что партія благоумія одержала верхъ и съ вечера 28-го мая въ Хивѣ водворился полный порядокъ. Лучшимъ доказательствомъ правдивости этого донесенія служило присутствіе въ депутаціи главы мятежной партіи Ата-Джанъ-Тюра. Очевидно, что въ это время такой партіи уже не было и разгонять ее выстрѣлами не приходилось.

Вторымъ доказательствомъ, что въ городѣ царило спокойствіе съ ранняго утра 29-го мая и совершенное нежеланіе населенія бороться служило слѣдованіе отряда полковника Саранчева. «Когда рано утромъ 29-го мая колонна полковника Саранчева переходила изъ лагеря оренбургско-мангышлакскаго отряда къ каналу Пшакчи навстрѣчу и соединеніе съ туркестанскими войсками, ей пришлось двигаться при этомъ по дорогѣ, которая въ большей части своего протяженія идетъ вдоль самой городской стѣны. Отрядъ Саранчева прошелъ безъ выстрѣла, и защитники Хивы, выславъ во множествѣ на валъ городской стѣны, спокойно и съ понятнымъ любопытствомъ смотрѣли на проходившія мимо нихъ наши войска. Можно ли допустить, чтобы колонна Саранчева прошла такъ свободно и спокойно подъ стѣнами города, если бы въ средѣ его населенія была какая бы то ни было враждебная намъ партія, которая, по словамъ генерала Веревкина, дѣлала всякія безчинства и для разогнанія которой онъ призналъ необходимымъ

---

¹⁾ Тамъ же.

приказать подполковнику Скобелеву штурмовать Шахъ-Абатскія ворота» 1).

О томъ же, что Саранчевъ прошелъ весь путь безъ выстрѣла, генераль Веревкинъ зналъ. Можно привести еще фактъ въ подтвержденіе сказаннаго: «Тотчасъ же по расположеніи туркестанскаго отряда бивуакомъ на каналѣ Пшакчи, для обезпеченія лагеря съ западной стороны высланъ былъ особый отрядъ въ составѣ двухъ ротъ 2-го лин. батальона и взвода 9-фунтовыхъ орудій, подъ начальствомъ подполковника Терейковскаго, которому приказано было перевести войска по мосту Сира-Купрюкъ черезъ Палванъ-Ата и расположиться на позиціи на противоположномъ берегу канала. По ошибкѣ проводника, отрядъ Терейковскаго вышелъ почти къ самой подошвѣ городской стѣны и сталъ тамъ на позицію. Въ то время, когда въ одной верстѣ правѣе происходилъ по распоряженію генерала Веревкина штурмъ Шахъ-Абатскихъ воротъ, войска полковника Терейковскаго, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, спокойно стояли у самой непріятельской стѣны, мирно переговариваясь съ защитниками города, находившимися на валу, причемъ многіе изъ хивинцевъ спускались со стѣны и выходили къ нашему отряду съ изъявленіемъ ихъ полной покорности» 2).

Наконецъ заслуживаютъ вниманія показанія Диванъ-беги-Мать-Ніаза, данныя имъ уже послѣ занятія Хивы, о событіяхъ 29-го мая: «Съ крѣпостныхъ стѣнъ не могли открыть огня по оренбургско-мангышлакскому отряду потому, что въ городѣ никого не было, кромѣ жителей; эти же свое нежеланіе защищаться доказали, сбросивъ пушку съ Шахъ-Абатскихъ воротъ еще наканунѣ, въ присутствіи Мать-Ніаза, по требованію русскихъ» 3).

Ясно, что не было никакихъ уважительныхъ основаній для несвоевременной стрѣльбы по городу. Между тѣмъ это могло вызвать серьезныя послѣдствія: пушечная пальба грозила привлечь буйныхъ туркменъ, слѣдившихъ за всѣмъ происходившимъ, и въ то же время повліять очень невыгодно на депутатовъ, которые за минуту до выстрѣловъ выслушивали отъ представителя Бѣлаго царя обѣщаніе милостиваго и великодушнаго отношенія къ мирнымъ жителямъ.

Не входя въ оцѣнку побужденій, руководившихъ генераломъ Веревкинымъ, когда онъ приказалъ подполковнику Скобелеву штурмовать беззащитныя ворота, перейдемъ къ тому, какъ этотъ инцидентъ отозвался на Михаилѣ Дмитріевичѣ.

1) «Описаніе хив. похода» полк. Лобысевича.

2) Тамъ же.

3) «Матеріалы для ист. хив. пох. 1873. г.» г.-м. Троцкаго.

IV.

Стрѣльба по мирно настроенному городскому населенію вызвала общее порицаніе среди офицерства и комментировалась на всѣ лады. Старая неприязнь къ Скобелеву обнаружилась и въ данномъ случаѣ. Немногіе винили генерала Веревкина; большинство же приписывало это распоряженіе вліянію Скобелева, стремленію его отличиться во что бы то ни стало и схватить награду. Кауфманъ, очевидно, не могъ одобрить происшедшаго, но счастливое окончаніе похода и его блестящіе результаты не располагали главнокомандующаго къ порицанію и критикѣ отдѣльныхъ эпизодовъ и лицъ. Посѣтивъ раненаго наканунѣ Веревкина, генераль Кауфманъ не сдѣлалъ ему ни упрека, ни замѣчанія; но Михаилъ Дмитріевичъ почувствовалъ, что всегда сердечно относившійся къ нему генераль-губернаторъ на этотъ разъ имъ недоволенъ. Какъ умный человекъ, Скобелевъ понялъ, что роль, которую онъ, очевидно, не противъ своей воли сыгралъ въ этомъ эпизодѣ, могла получить трагикомическую окраску; онъ рѣшилъ этого не допустить и разсѣять невыгодное для него впечатлѣніе какимъ-нибудь выдающимся отличіемъ. Случай къ этому скоро представился, а случая стать лицомъ къ опасности Скобелевъ никогда не упускалъ.

Какъ было сказано, красноводскій отрядъ вынужденъ былъ вернуться на Кавказъ, не доходя до Хивы. Вотъ этимъ обстоятельствомъ и воспользовался Михаилъ Дмитріевичъ. Неудача Маркозова породжала, конечно, разговоры, невыгодные для начальника отряда, и сомнѣнія въ томъ, что не пройденный имъ путь дѣйствительно грозилъ гибелью для отряда. Скобелевъ вызвался охотникомъ для рекогносцировки этого таинственнаго пространства и доложилъ о своемъ намѣреніи главному начальнику экспедиціи. Въ виду важности и несомнѣннаго интереса этой не изслѣдованной части пути генераль Кауфманъ одобрилъ мысль Скобелева, далъ ему разрѣшеніе на рекогносцировку и соотвѣтствующія приказанія.

Предпріятіе было не только смѣлое, но весьма рискованное. Не говоря уже о физическихъ трудностяхъ на предстоящемъ пути, тутъ грозила опасность и встрѣчи съ туркменами, значительная масса которыхъ устремилась въ степь, именно въ этомъ направленіи, спасаясь отъ нашихъ войскъ. На каждомъ попутномъ колдцѣ Скобелевъ рисковалъ наткнуться на туркменъ—дикихъ и жестокихъ по натурѣ, а теперь еще и сильно озлобленныхъ противъ русскихъ. Несомнѣнно, участь Скобелева и сопровождавшихъ его людей была бы самая ужасная, если бы туркмены ихъ настигли. Тѣмъ значительнѣе и красивѣе была эта добровольно взятая на себя Скобелевымъ развѣдка.

Рекогносцировочная партія состояла всего изъ шести чело-
вѣкъ, считая самого Скобелева и туземцевъ-проводниковъ.

На разсвѣтъ 4-го августа партія выступила и, исполнивъ поруче-
ніе, вернулась въ Хиву 11-го августа, пройдя за это время въ
оба конца болѣе шестисотъ верстъ. Съемка и описаніе пройден-
наго пространства были представлены Скобелевымъ главному
начальнику войскъ и показали слѣдующее. Первая часть пути
(60 верстъ до Змукшира и 24 версты до колодцевъ Чагыль) про-
легла по глинистой, твердой равнинѣ; переходъ былъ удобенъ;
колодцевъ здѣсь можно было вырыть сколько угодно. Топливо и
кормъ находились въ изобиліи. Совершенно другую картину
представляли слѣдовавшія затѣмъ 229 верстъ, на протяженіи ко-
торыхъ на неравныхъ разстояніяхъ находились три пункта съ
колодцами (Кизыль-Чакрырь, Доудуръ, Нефесъ-Кули). Вся эта
мѣстность представляла громадныя затрудненія даже для шести
смѣлыхъ охотниковъ: она состояла сплошь изъ высокихъ горъ-
бархановъ, нагроможденныхъ другъ на друга. Сильныя верховья
лошади всадниковъ едва тащились на эти горы глубокихъ, сыпу-
чихъ песковъ, а вьючныя лошади падали и, скатываясь, теряли
вьюки. Движеніе здѣсь артиллеріи и тяжестей представляется не-
возможнымъ. На этомъ же пространствѣ переходъ въ 151 версту
былъ абсолютно безводный и для военного отряда немыслимый.
Отъ колодцевъ Нефесъ-Кули, куда партія, пройдя 309 верстъ, при-
шла 7-го августа, слѣдовало еще итти 40 верстъ на колодцы Орта-
Кую, не доходя до которыхъ, красноводскій отрядъ возвратился.
Но, достигнувъ Нефесъ-Кули, гдѣ видны были слѣды недавно
пасшихся стадъ, партія встрѣтила тамъ двухъ пастуховъ, которые
разсказали слѣдующее: къ колодцамъ Орта-Кую пришли іомуды,
бѣжавшіе изъ Хивинскаго оазиса отъ преслѣдованія русскихъ;
вслѣдъ за іомудами пришли и текинцы; между ними произошло
побоище, причѣмъ текинцы убили шесть іомудовъ, многихъ ра-
нили и увели одну женщину. Іомуды, въ свою очередь, завалили
колодцы и сами отошли къ Нефесъ-Кули, гдѣ ауль ихъ въ коли-
чествѣ 150 кибитокъ и стоитъ въ двухъ верстахъ отсюда. Ясно,
что незачѣмъ было итти къ заваленнымъ колодцамъ и подвер-
гаться риску встрѣтить огромныя партіи текинцевъ или іому-
довъ, одинаково намъ враждебныхъ. Это было бы безцѣльно, тѣмъ
болѣе, что главная задача была выполнена и невозможность красно-
водскому отряду преодолѣть 150 верстъ абсолютно безводнаго про-
странства, чтобы дойти до Хивы, была доказана.

Генераль-адъютантъ Кауфманъ, выслушавъ докладъ Скобе-
лева и оцѣнивая лихой подвигъ молодого подполковника, при-
зналъ его достойнымъ Георгія 4 ст. и предложилъ думѣ утвер-
дить за нимъ это право. Такая выдающаяся награда, составляю-
щая мечту каждаго военнаго, пробудила старую вражду къ Ско-

белеву, да и зависть создала ему новыхъ недруговъ. Пошли опять пересуды и рассказы, умалявшіе военное значеніе Скобелевской экспедиціи. Недруги оказались, несомнѣнно, и среди членовъ Георгіевской думы, такъ какъ она медлила произнести свое слово, откладывая засѣданіе подъ разными предлогами, но авторитетнаго рѣшенія главнокомандующаго измѣнить не рѣшилась, и желанный бѣлый крестъ украсилъ грудь будущаго «Бѣлаго генерала»...

Завистливая вражда къ Михаилу Дмитріевичу не улеглась, однако, и послѣ этого. Казалось бы, что Кавказскому округу, отъ котораго шель въ хивинскій походъ Скобелевъ, слѣдовало гордиться имъ, а между тѣмъ окружный кавказскій штабъ, разрѣшивъ Скобелеву отпускъ, котораго онъ просилъ, вслѣдъ за тѣмъ отчислилъ его отъ кавказской арміи, чего онъ не желалъ... Когда же Скобелевъ, уже флигель-адъютантомъ, вторично пріѣхалъ въ Тифлисъ и ходатайствовалъ дать ему эскадронъ въ Тверскомъ драгунскомъ полку, то и это скромное желаніе его исполнено не было—ему отказали...

У.

Послѣ хивинской экспедиціи мы опять видимъ Скобелева въ Туркестанѣ, гдѣ въ это время намѣчались признаки возможности похода.

Испытанныя тамъ непріятности, хотя и оставляли въ сердцѣ Скобелева нѣкоторую горечь, смягчались, однако, чувствомъ удовлетвореннаго честолюбія полученіемъ Георгія, а вражда завистниковъ сторицею вознаграждалась отношеніемъ къ нему Константина Петровича Кауфмана. На счастье Скобелева, Кауфманъ былъ тѣмъ рѣдкимъ вообще типомъ начальника, который не только не боялся талантливыхъ подчиненныхъ, но всѣми мѣрами выискивалъ и выдвигалъ ихъ. Онъ зналъ слабости Скобелева, но, зная и его способности, цѣнилъ его широкія военныя познанія и смѣлость его мыслей, выказывать которыя никогда ему не препятствовалъ. Здѣсь кстати сказать, какъ Кауфманъ оцѣнивалъ молодого, далеко еще тогда не оперившагося Скобелева—будущаго орла... Одинъ петербургскій сановникъ, зная, что будетъ походъ, пріѣхалъ къ Кауфману съ просьбой взять на службу въ Туркестанъ князя С. В.—на и такъ рекомендовалъ своего протеже: «Этотъ будетъ почище вашего Скобелева», на что Кауфманъ отвѣтилъ: «Не знаю, какъ проявитъ себя вашъ В—нъ, а что мой Скобелевъ себя вамъ покажетъ—за это я ручаюсь».

Въ маѣ 1875 года Скобелевъ пріѣхалъ въ Ташкентъ. Все было тихо и спокойно въ нашихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ: нѣкогда грозный хивинскій ханъ былъ теперь самымъ покорнымъ

вассаломъ, а эмиръ священной Бухары почиталъ за счастье быть благодарнѣйшимъ сосѣдомъ Бѣлаго царя. Жители присоединенныхъ къ Россіи областей, мирно развиваясь и богатѣя подъ охраной русскихъ законовъ, конечно, не согласились бы вернуться къ ханскимъ порядкамъ, когда ни имущество, ни самая жизнь каждаго подданнаго не были гарантированы.

Но рядомъ съ нашими владѣніями находилось еще независимое Кокандское ханство, правитель котораго, Худояръ-ханъ, былъ типичнымъ азіатскимъ деспотомъ—жестокимъ и корыстнымъ. Народъ его ненавидѣлъ; особенно враждебно относилось къ нему сильное и воинственное племя кипчаковъ. Однако отношеніе его къ Россіи, силу и могущество которой ханъ понималъ, было вполне корректно и даже покорно. Онъ нерѣдко слѣдовалъ совѣтамъ генераль-губернатора, увѣщавшаго его смягчать жестокое управленіе. Измѣнить азіатскую натуру хана было, конечно, невозможно, но совѣты генераль-губернатора, несомнѣнно, дѣйствовали, ибо десять лѣтъ Худояръ благополучно ханствовалъ.

Въ описываемый періодъ стали, однако, проникать слухи, что въ Кокандѣ не все благополучно, что противъ хана замышляются козни.

Генераль Кауфманъ, снабженный широкими полномочіями, дававшими ему право объявлять войну, если онъ признаетъ это нужнымъ, естественно, долженъ былъ слѣдить за настроеніемъ сосѣднихъ странъ и ихъ властителей. Чтобы точнѣе провѣрить носившіеся слухи, генераль-губернаторъ командировалъ въ Кокандъ состоявшаго при немъ чиновника по дипломатической части Вейнберга, свободно говорившаго на туземныхъ нарѣчіяхъ. Одновременно имѣлось въ виду ближе познакомиться и съ кашгарскимъ эмиромъ, бывшимъ подъ вліяніемъ англійскихъ эmissаровъ: Англія въ это время была нашимъ злѣйшимъ врагомъ, заигнотизированная мыслью, что Россія замышляетъ идти на Индію. Необходимость урегулировать наши границы съ Кашгаромъ дала гласный поводъ послать туда уполномоченнаго. Но скрытой цѣлью было изслѣдованіе настроенія страны и опредѣленіе ея военной силы. Эту задачу, требовавшую большой осторожности и наблюдательности, Кауфманъ возложилъ на полковника флигель-адъютанта Скобелева. Попутно ему же поручалось сдѣлать нѣкоторыя съемки и въ Кокандѣ. Оба наши посла выѣхали вмѣстѣ; къ нимъ былъ прикомандированъ жившій въ Ташкентѣ кокандскій «посланикъ» Мирза-Хакимъ-парваначи. Громкое это званіе до смѣшного не соответствовало ни личности, ни скромному положенію кокандскаго парваначи; но Азія любитъ декораціи. При посольствѣ слѣдовалъ родственникъ хана юноша Абду-Керимъ, бѣжавшій къ намъ отъ преслѣдованія его за участіе въ возмущеніи киргизовъ противъ Худояръ-хана; послѣдній просилъ его вер-

нуть. Свиту пословъ составляли двадцать два казака и шесть джигитовъ.

Послы выѣхали 11-го іюля и 13-го были въ столицѣ ханства. По азіатскому этикету почетнымъ гостямъ слѣдовало дать отдохнуть отъ пути, и только черезъ два дня они представились хану.

Вслѣдъ за обычными цвѣтистыми восточными завѣреніями въ уваженіи и дружбѣ былъ поданъ достарханъ (угощеніе), и затѣмъ послѣдовалъ дѣловой разговоръ. Вейнбергъ передалъ письмо генераль-губернатора, а словесно заявилъ, что генераль Кауфманъ надѣется, что ханъ проститъ Абду-Керима, какъ юношу, увлеченнаго по молодости и неопытности недобрыми людьми. Ханъ безъ колебанія уважилъ желаніе ярымъ-падишаха ¹⁾ и въ знакъ своего прощенія надѣлъ на молодого человѣка почетный халатъ. Также любезно изъявилъ ханъ свое согласіе на поѣздку Скобелева по ханству и прикомандировалъ къ нему двадцать надежныхъ джигитовъ. Но въ то же время онъ счелъ своимъ долгомъ предупредить пословъ, что ѣздить теперь небезопасно по краю, такъ какъ племянникъ хана, Назаръ-бекъ, бѣжавшій изъ Бухары, бунтуетъ противъ него среди кочевниковъ въ окрестностяхъ Оша, а другой претендентъ, Саитъ-Фунадъ-ханъ, занимается тѣмъ же въ округѣ Унгена. Худояръ выслалъ противъ обоихъ отрядъ въ четыре тысяча сарбазовъ, подъ начальствомъ муллы Исса-Ауліэ и Абдурахмана-Автобачи. Ханъ былъ, видимо, встревоженъ волненіями, однако старался увѣрить Вейнберга, а можетъ быть и себя, что эти волненія не имѣютъ ничего опаснаго ни для хана, ни для государства и не что иное, какъ обычные грабежи и разбои, свойственные кочевникамъ. При этомъ онъ выразилъ свою любовь и уваженіе къ генералу Кауфману и надежду, что, въ случаѣ затрудненій, ярымъ-падишахъ не оставитъ его своими совѣтами.

Несмотря на успокоительныя завѣренія хана, слухи становились все тревожнѣе, и событія пошли скоро усиленнымъ темпомъ. Уже 17-го іюля пришло извѣстіе, что оба предводителя ханскихъ войскъ, Исса-Ауліэ и Абдурахманъ-Автобачи, измѣнили хану и перешли на сторону мятежниковъ. 19-го іюля стало извѣстно, что старшій сынъ Худояра, Нассыръ-Эдинъ-ханъ, предался инсургентамъ и провозглашенъ ими ханомъ. Мятежники заняли города Ошъ, Наманганъ, Андижанъ, Ассакѣ. Главой и душой всего дѣла былъ смѣлый кипчакъ Абдурахманъ-Автобачи.

Въ аудіенціи, данной Вейнбергу 19-го же іюля, ханъ заявилъ послу, что Автобачи собирается объявить священную войну противъ русскихъ. Вейнбергъ не повѣрилъ хану, объясняя событія исключительно революціоннымъ движеніемъ противъ Худояра; но скоро пришлось убѣдиться въ справедливости словъ хана.

¹⁾ Полцаря—такъ величали генераль-губернатора сосѣдніе властители.

Возстаніе охватило всю страну. О поѣздкѣ Скобелева не только въ Кашгаръ, но и по Кокандскому ханству не могло быть и рѣчи. Тѣмъ не менѣе Скобелевъ не терялъ времени и, пользуясь пребываніемъ въ столицѣ, намѣчалъ планы оборонительныхъ линій города и ѣздилъ по улицамъ Коканда, наблюдая настроеніе жителей. Оно было сильно возбужденнымъ. Лавки на базарахъ закрывались; товары вывозились въ окрестные сады, подальше отъ центра; жители запасались оружіемъ. Площади и улицы кишѣли народомъ, среди котораго появлялись толпы фанатиковъ дивановъ и дервишей. На всѣхъ перекресткахъ они собирали слушателей и, сильно жестикулируя, проповѣдывали ненависть къ гаурамъ... Съ приближеніемъ Скобелева и Вейнберга рѣчи становились тише, но горячіе злобой взгляды сопровождали ихъ.

20-го іюля пришла вѣсть, что и братъ хана, правитель города Маргелана, измѣнилъ ему. Мятежники заняли городъ и двинулись къ Коканду. Было ясно, что и здѣсь въ столицѣ назрѣлъ бунтъ и малѣйшей искры будетъ достаточно для общаго пожара. Уже ходили слухи, что на миссію будетъ нападеніе. Событія становились грозными, и ханъ, уstraшенный ими, видя всюду измѣну, не рассчитывая на симпатіи народа въ столицѣ, рѣшилъ ее покинуть. Онъ сообщилъ Вейнбергу о своемъ намѣреніи и въ то же время отправилъ письмо къ генералу Кауфману, прося его помощи и отдавая себя подъ покровительство государя императора. Въ свою очередь, Вейнбергъ послалъ свое донесеніе обо всемъ происходящемъ, прося инструкціи генераль-губернатора. Но полученіе отвѣта было почти невозможно. Такъ оно и случилось: джигитъ, отправленный съ письмами въ Ташкентъ, былъ захваченъ инсургентами, письма отобраны, и самъ онъ едва спасся бѣгствомъ. Посламъ приходилось руководствоваться собственными соображеніями.

Положеніе горсти русскихъ, очутившихся въ огнѣ возстанія, было чрезвычайно серьезно. Ясно, что сила была на сторонѣ бунтовщиковъ и что роль низложеннаго ими Худояра, какъ хана, была безповоротно окончена. Но Худояръ-ханъ былъ правителемъ, признаннымъ русскимъ царемъ, и въ данный моментъ послы были обязаны таковымъ его признавать и, оставаясь при немъ, не входить ни въ какіе переговоры съ мятежниками. Въ то же время миссіи надлежало, сохраняя честь и достоинство русскаго имени, не подвергать себя риску нападенія бунтовщиковъ и сумѣть вывести благополучно весь свой составъ изъ предѣловъ ханства. Вейнбергу приходилось только просить Скобелева сдерживать себя и казаковъ при возможныхъ дерзкихъ выходкахъ со стороны фанатичныхъ мусульманъ, дабы не подать повода къ обвиненію русскихъ въ открытіи враждебныхъ дѣйствій противъ Кокандскаго ханства. Такимъ образомъ, все дѣло переходило въ

руки Скобелева; на него ложилась вся отвѣтственность, и отъ его такта, находчивости и смѣлости зависѣлъ благополучный и достойный исходъ судьбы горсти русскихъ людей.

VI.

Отъѣздъ хана былъ назначенъ на 22-е іюля. Но еще наканунѣ вечеромъ всѣ находившіеся при миссіи джигиты хана ушли, обобравъ многое изъ ея имущества. Точно также изъ личной охраны хана, считавшейся въ четыре тысячи человѣкъ, ушло больше половины, увлекая съ собою и второго сына хана, Мухамедъ-Амина. Все это не предвѣщало ничего хорошаго. Между тѣмъ въ Кокандѣ проживало много русскихъ торговыхъ людей и, озабочиваясь ихъ судьбой, Скобелевъ предложилъ желающимъ выѣхать вмѣстѣ съ миссіей. Девять человѣкъ съ прислугой воспользовались этимъ предложеніемъ. Затрудненіе для выѣзда представлялось, однако, въ добытій арбѣ подѣ имущество; вмѣсто нужныхъ семи подводъ, ихъ добыли только три, и перегруженные лошади едва двигались.

Въ день выступленія хана одинъ отрядъ мятежниковъ подѣ командой Абдурахмана подступалъ уже къ столицѣ...

Изъ дома, гдѣ жила русская миссія можно было спокойно и незамѣтно выйти черезъ ближайшія ворота, минуя центральную часть города. Но, конечно, Скобелевъ не захотѣлъ воспользоваться этой возможностью и рѣшилъ итти открыто къ дворцовой площади, на соединеніе съ ханомъ. Пришлось проходить по многимъ улицамъ и базарамъ, переполненнымъ народомъ, который стоялъ шпалерами, вооруженный батогами, палками и съ камнями въ рукахъ. Навстрѣчу миссіи шло войско хана—кавалерія и пѣхота, направлявшіяся на позицію за черту города, куда уже была выслана артиллерія.

Узкія улицы и скопленіе народа сильно затрудняли движеніе. Идя шагъ за шагомъ, послы могли наблюдать злобное выраженіе лицъ. Одинъ юзь-баши, изъ войска хана, проходя мимо русскаго конвоя, сказалъ, ехидно улыбаясь: «Проходите, проходите; мы потомъ со всѣхъ васъ снимемъ головы». Какъ успокоительно было слышать такія обѣщанія отъ одного изъ начальниковъ, который предназначался для охраны хана и его почетныхъ гостей!.. Правда, они могли сдѣлать это теперь же съ горстью русскихъ людей; однако страхъ передъ Россіей былъ таковъ, что многотысячная толпа, сильно возбужденная, не осмѣливалась открыто напасть на три десятка русскихъ, зная, какое возмездіе получить за это вся страна. Тѣмъ не менѣе были попытки вызвать инциденты; такъ, одинъ кокандецъ ударилъ хлыстомъ казака. Скобелеву, сдѣлавшему видъ, что онъ этого не замѣтилъ, стоило большого усилія удержать уральца, готоваго пустить въ ходъ обнаженную уже

пашку. Подавляя въ себѣ внутренній гнѣвъ и возмущеніе, но наружно сохраняя спокойствіе, Скобелевъ медленно ѣхалъ на своемъ красивомъ конѣ и, упорно обводя взглядомъ длинный строй устремленныхъ на него злобныхъ глазъ, невольно импонировалъ своей высокой, внушительной фигурой. Въ полномъ порядкѣ отрядъ дошелъ до площади, гдѣ и выстроился передъ ханскимъ дворцомъ.

Вскорѣ изъ воротъ выѣхалъ Худояръ. На видъ онъ былъ спокоенъ; но врядъ ли было спокойно его сердце. Развернувшіяся событія, всюду измѣна и предательство самыхъ близкихъ людей должны были подсказывать ему, что шансы на возвращеніе въ родной, покидаемый домъ очень шатки. Очевидно, такого рода чувства волновали его. Замедляя минуты тяжелой разлуки, онъ стоялъ подъ сводомъ главныхъ воротъ добрыхъ двадцать минутъ, подъ предлогомъ отдачи распоряженій...

Ханъ, направляясь къ позиціи двинувшихся войскъ, избралъ окольный путь, изъ опасенія, что если пойдетъ прямо, то народъ пойметъ, что онъ направляется къ русскимъ, и не выпуститъ его; теперь же это имѣло видъ, что ханъ, соединившись со своимъ войскомъ, дастъ сраженіе мятежникамъ. Но и въ этомъ случаѣ выступленіе его сопровождали зловѣщіе возгласы, желавшіе «счастливаго пути къ могиламъ»... Вообще настроеніе продолжало быть враждебнымъ со всѣхъ сторонъ, а до нашей границы надо было пройти 140 верстъ... Пройдя благополучно восемь верстъ, ханъ и отрядъ остановились на позиціи кокандскихъ войскъ. Тутъ было четыре тысячи пѣхоты, двѣ тысячи кавалеріи и 64 орудія. Разбили палатки и стали варить пищу. Непріятеля пока не было видно; но въ средѣ самихъ ханскихъ войскъ назрѣвало мятежное противъ него настроеніе, а противъ русскихъ—сильно враждебное и дерзкое. Такъ, во время стоянки, когда послы наблюдали прохожденіе артиллеріи, мимо нихъ проскакалъ офицеръ-артиллеристъ и съ явнымъ умысломъ свалить ихъ направилъ прямо на нихъ свою лошадь. Конечно, нельзя было оставить безъ вниманія такую выходку; Вейнбергъ и Скобелевъ отправились въ лагерь и въ присутствіи всѣхъ собравшихся начальниковъ потребовали наказанія виновнаго. Но оба благоразумно воздержались оставаться и ждать исполненія ихъ требованія... Въ это время ханъ прислалъ къ Вейнбергу Мирза-Хакима съ предложеніемъ взять изъ ханской артиллеріи орудій, сколько русскіе пожелаютъ. Находясь въ трудномъ положеніи—между буйными ханскими войсками и въ кольцѣ злобно настроеннаго населенія, озабочиваясь благополучнымъ исходомъ для отряда и не предвидя, какой оборотъ приметъ дѣло, если мятежники разобьютъ ханскія войска, миссія поблагодарила хана и по желанію Скобелева просила два орудія. Скобелевъ выбралъ два легкихъ орудія на случай личной защиты

отряда. Вейнбергъ опять умолялъ его пускать ихъ въ дѣло только въ крайности.

Противъ ожиданія, стоянка хана была непродолжительна, и, пославъ сказать, что онъ идетъ дальше, ханъ торопливо отбылъ и успѣлъ пройти нѣсколько верстъ, пока нашъ отрядъ собирался. Его задерживала нагрузка купеческаго имущества на арбы и вьючныхъ лошадей. Между тѣмъ въ войскахъ, оставшихся на позиціи, наблюдалось сильное движеніе: кавалерія, находившаяся въ шагахъ отъ отряда, собираясь въ группы, срывала значки и, вскочивъ на коней, съ дикимъ гиканьемъ неслась назадъ къ Коканду. Такъ же поступила артиллерія, бросивъ орудія на позиціи; уходила и пѣхота. Сначала трудно было рѣшить, бросились ли солдаты навстрѣчу мятежникамъ, или сами измѣнили хану и бѣжали. Оказалось послѣднее. Для отряда нашего моментъ наступилъ критическій. Скобелевъ командовалъ стать къ ружью и, ожидая нападенія, рѣшилъ не сдаваться дешево. Неизвѣстно, что бы произошло, если бы на выручку не явился къ Скобелеву бѣглый сибирскій казакъ Евграфъ, много лѣтъ проживавшій въ Кокандѣ. Онъ предупредилъ, что рѣшено уничтожить отрядъ, и убѣждалъ Скобелева, не медля ни минуты, сняться съ позиціи и ѣхать садами, довѣрясь ему, Евграфу, который и проведетъ ихъ. Дѣйствительно, только благодаря Евграфу отрядъ не заблудился въ лабиринтѣ улицъ огромнаго кишлака Гау-Хане. Итти пришлось, все время отбиваясь отъ стремительныхъ атакъ кавалеріи, которая, измѣнивъ хану, рыскала на этомъ пути. Самъ Скобелевъ неотлучно находился въ аррьергардѣ и своимъ хладнокровіемъ и распорядительностью поддерживалъ порядокъ. Нѣсколько разъ онъ спѣшивалъ казаковъ, чего азіаты страшно боятся, и тогда они отскакивали; но едва казаки сядились на коней—тѣ немедленно насѣдали. Было очень соблазнительно пустить въ ходъ орудія, чтобы проучить наглецовъ. Но Скобелевъ, связанный словомъ, даннымъ дипломату, поневолѣ сдерживалъ и себя, и казаковъ... По выходѣ изъ садовъ на поляну отрядъ попалъ подъ огонь пяти орудій, причемъ былъ убитъ джигитъ и мальчикъ изъ свиты купцовъ. Здѣсь пришлось бросить арбы съ купеческимъ имуществомъ, подъ тяжестью котораго падали лошади, совсѣмъ обезсиленные; на это надо было рѣшиться въ виду опасности, что мятежники подкатятъ всѣ орудія, оставшіяся на позиціи.

Больше часа длился этотъ томительный переходъ, и когда отрядъ присоединился къ хану, то засталъ его сидящимъ подъ краснымъ флагомъ, отстрѣливающимся отъ насѣдавшаго непріятели, причемъ у него было восемь убитыхъ и девять человекъ раненыхъ.

При дальнѣйшемъ совмѣстномъ пути съ ханомъ русскіе замѣчали, какъ таяла личная охрана Худояра: кучки въ пять-семь человекъ отставали мало-по-малу, а потомъ и вовсе исчезали. Въ

то же время наблюдалось и такое явленіе: по сторонамъ дороги, слѣдя за нашимъ движеніемъ, ѣхали на разныхъ разстояніяхъ десятки всадниковъ. Это было очень странно и объяснилось только впоследствии, что инсургенты отравили четыреста человекъ конницы при одиннадцати орудіяхъ на пересѣченіе нашего пути. Однако ханъ, хорошо зная свой хитрый народъ, перехитрилъ его: подозрѣвая возможность нападенія съ этой стороны, онъ перемѣнилъ направленіе своего пути и сдѣлавъ двадцать верстъ крюку, вышелъ на другую сторону.

Не питая никакого довѣрія ни къ свитѣ хана, ни къ сопровождавшимъ его сарбазамъ и опасаясь, что во всякій моментъ они могутъ напасть на отрядъ, Скобелевъ предпочелъ, выйдя изъ аррьергарда, идти саженьяхъ въ ста въ сторонѣ отъ хана. Такъ и шли они всю ночь безостановочно, но спокойно. Подъ утро со стороны ханскаго пути слышалась перестрѣлка и велѣдъ за тѣмъ явился посланный, прося прислать часть казаковъ для защиты хана. Но Скобелевъ не считъ возможнымъ раздѣлить горсть нашихъ людей и предложить хану самому поспѣшить подъ защиту отряда. Тогда ханъ прислалъ арбы съ женами и младшаго сына Урманъ-Бека. Нашъ отрядъ, пропустивъ эти повозки, сомкнулся въ аррьергардѣ. Довѣряя свои сокровища русскимъ, ханъ опредѣлялъ цѣну своимъ приближеннымъ...

Перестрѣлка и крики еще продолжались, но серьезнаго уже ничего не произошло. Встрѣтивъ на пути высокій песчаный барханъ, Скобелевъ командовалъ казакамъ налѣво кругомъ и вмѣстѣ съ ними поднялся на возвышеніе, чтобы показать кокандцамъ, что «бѣлыя рубахи» (лѣтняя одежда туркестанскихъ солдатъ) и офицеръ на бѣлой лошади зорко слѣдятъ за ними... Велѣдъ за тѣмъ тихимъ шагомъ, съ пѣснями они спустились и двинулись впередъ.

Люди пробыли безъ пищи тридцать шесть часовъ; изъ нихъ шесть часовъ шли съ непрерывнымъ боемъ, но шли бодро, слѣдуя примѣру своего начальника, сумѣвшаго поддержать ихъ духъ и внушить полное къ себѣ довѣріе. Купцы наши держали себя также хорошо. Кромѣ убитыхъ мальчика и джигита, никто больше не пострадалъ.

Вейнбергъ не могъ добиться отъ хана категорическаго отвѣта, перейдетъ ли онъ русскую границу, или останется въ предѣлахъ ханства? Очевидно, онъ еще надѣялся, что партія его увеличится присоединеніемъ отрядовъ попутныхъ бековъ и встрѣчавшихся на пути сельскихъ обществъ. Но не только этого не случилось, а и тѣ, что вышли съ нимъ, оставляли его...

Когда дошли до крѣпости Махрамъ, Вейнбергъ объявилъ хану миссію свою законченной: онъ былъ посланъ къ владѣтелю Коканда, котораго и не оставлялъ до прихода въ послѣднюю коканд-

скую крѣпость, а затѣмъ, сказалъ онъ, русскіе уйдутъ. Вейнбергъ спросилъ, желаетъ ли ханъ здѣсь остаться, или уйдетъ въ Россію. Худояръ отвѣчалъ, что въ Махрамѣ онъ не останется. Этимъ отвѣтомъ предрѣшалась судьба ханства...

Продолжая путь, отрядъ былъ встрѣченъ пятьюдесятью конными стрѣлками, посланными ему на подмогу. Но банды, безпокоившія отрядъ, уже отхлынули, и 24-го іюля ханъ и послы пріѣхали въ Ходжентъ. Хана, еще не развѣнчаннаго Россіей, встрѣтили въ назначенномъ ему помѣщеніи съ почетнымъ карауломъ и музыкой; довольно сочувственно отнеслись къ нему и мѣстные жители. Но ханъ искалъ покоя и уклонялся отъ пріемовъ. Пережитыя волненія на него повліяли, нравственно и физически онъ замѣтно опустился.

Не лишнимъ будетъ привести здѣсь письмо Худояръ-хана къ генераль-губернатору, посланное изъ Ходжента.

Переводъ: «6 реджеба 1292 г. (26-го іюля 1875 г.)»

«Въ послѣднемъ письмѣ моемъ я имѣлъ честь увѣдомить ваше высокопревосходительство о затруднительномъ положеніи моемъ вслѣдствіе измѣны главныхъ сановниковъ ханства. 22-го іюля я рѣшился выступить изъ столицы и ожидать мятежниковъ, приближавшихся къ Коканду, въ полѣ.

«Дорогіе мои гости, гг. Вейнбергъ и полковникъ Скобелевъ, а также Мирза-Хакимъ-перваначи, выѣхали вмѣстѣ со мной и, несмотря на нѣсколько разъ повторявшееся преслѣдованіе бунтовщиковъ и перестрѣлку, не отставали отъ меня. На подобный поступокъ способны лишь русскіе. Когда мои собственные приближенные измѣняли и бѣжали, они стойко слѣдовали за мной, и, не будь ихъ, можетъ быть, я не добрался бы до русской границы. Офицеровъ¹⁾ этихъ прислала мнѣ судьба, и я никогда не забуду услугу, оказанную мнѣ русскими людьми.

«Въ настоящее время, добравшись до Ходжента, мы проживаемъ здѣсь въ полномъ спокойствіи и благополучіи, подъ покровительствомъ великаго Бѣлаго царя.

«Имѣю полную надежду, что вы, старый другъ нашъ, не откажете намъ въ это время въ вашей помощи. Богъ милостивъ. Скоро устроитъ наше свиданіе. Ханство Кокандское и я самъ находимся въ вашей власти».

Это былъ послѣдній актъ его ханскаго самовластія.

Что касается Скобелева, то кокандскій эпизодъ былъ прелюдіей къ послѣдовавшимъ военнымъ событіямъ, сыгравшимъ видную роль въ карьерѣ Михаила Дмитріевича. Но и за это дѣло онъ былъ отмѣченъ высокой наградой: по ходатайству генерала Кауфмана, «за геройское, достойное русскаго имени поведеніе» флигель-адъ-

¹⁾ При Скобелевѣ состоялъ подп. Рудневъ.

ютанту полковнику Скобелеву пожалована золотая сабля, съ надписью: «за храбрость» ¹⁾).

Нечего и говорить, насколько усилилась зависть въ старыхъ недругахъ Скобелева и сколько еще новыхъ завистниковъ онъ приобрѣлъ.

IV.

Кокандское возстаніе встревожило всю восточную часть Туркестана, особенно же сосѣдніе съ ханствомъ уѣзды—Курамнискій и Ходжентскій. Вожаки мятежа выслали сюда эмиссаровъ съ прокламаціями о хазаватѣ, но въ то же время отправили къ Кауфману посольство, надѣясь усыпить нашу бдительность и кстаги провѣдать наши силы.

Посольство прибыло въ Ташкентъ 31-го іюля и вручило начальнику края письмо новаго хана Нассыр-Эддина—старшаго сына Худояра. Молодой ханъ, увѣдомляя генерала Кауфмана о своемъ избраніи, выражалъ надежду, что могущественный сосѣдь не лишитъ его того же дружескаго расположенія, какимъ Россія удостоивала прежняго правителя. Такія же надежды выражали и вожди переворота—Исса-Ауліэ и Абдурахманъ-Автобачи, письма которыхъ послы также представили генераль-губернатору.

Кауфманъ, какъ опытный администраторъ, изучившій азіатскую натуру, имѣя къ тому же свѣдѣнія о тайныхъ проискахъ въ средѣ нашего мусульманскаго населенія, принялъ пословъ милостиво и, бесѣдуя съ ними, сдѣлалъ видъ, что вѣритъ ихъ желаньямъ установить добрососѣдскія отношенія, но, указавъ, что лояльное поведеніе хана и его народа лучше всякихъ словъ докажетъ ихъ искренность, предупредилъ, что не потерпитъ безпорядковъ на нашей границѣ и пресѣчетъ ихъ, буде понадобится, силою. Во избѣжаніе осложненій вслѣдствіе пребыванія сверженнаго хана въ нашемъ пограничномъ Ходжентѣ, Худояру было предложено переехать въ Ташкентъ и вскорѣ пришлось отправить его съ семьей въ Оренбургъ на жительство.

Едва отпущенные послы успѣли доѣхать до своей столицы, какъ начались событія, вынудившія насъ взяться за оружіе.

Въ ночь за 7-е августа 1875 г. пришло донесеніе, что кокандцы вторглись въ наши предѣлы, заняли селеніе Абыкъ, бросились на ташкентско-ходжентскій трактъ, сожгли три станціи, зарѣзали старость и нѣсколькихъ проѣзжающихъ, а ямщиковъ забрали въ плѣнъ. Въ ту же ночь къ командиру войсками былъ вызванъ генералъ Головачевъ и, получивъ инструкціи, уже въ пять часовъ

¹⁾ Приказъ по войскамъ турк. воен. округа. «Туркестанскія Вѣдомости», 1875 г. № 51.

утра выступилъ съ четырьмя сотнями казаковъ и дивизиономъ артиллеріи къ укрѣпленію Тиляу. Утромъ же 7-го августа отправлены къ нему два стрѣлковыхъ батальона.

Это были лишь первые симптомы вѣроломства сосѣда, только что искавшаго дружескихъ отношеній. Вскорѣ обнаружилось, что поднятое Абдурахманомъ знамя пророка пробудило фанатизмъ всего Кокандскаго ханства, что столица сильно укрѣпляется и что главныя силы непріятеля сосредоточиваются на позиціи Бишъ-Арыкъ, близъ крѣпости Махрамъ.

Нельзя было ограничиваться разгромомъ и изгнаніемъ шакъ изъ нашихъ предѣловъ и оставлять безнаказанной дерзость мятежнаго сосѣда. Предупредить грозу въ Средней Азии можно, какъ доказывалъ опытъ, только быстрыми и рѣшительными мѣрами, а потому уже 9-го августа 1875 г. командующій войсками Туркестанскаго округа издалъ слѣдующій приказъ:

«Усилія мои установить мирныя сосѣдскія отношенія съ новымъ правительствомъ въ Кокандѣ, водворившимся тамъ послѣ переворота и послѣ оставленія Худояръ-ханомъ его столицы и отступленія его къ нашей границѣ въ Ходжентъ, не увѣнчались успѣхомъ. 6-го августа партія вооруженныхъ кокандцевъ осмѣлилась вторгнуться въ наши предѣлы со стороны Намангана и заняла нашъ кишлакъ Аблькъ. Кокандцы начали войну и открыли противъ насъ враждебныя дѣйствія. Такой образъ дѣйствій не можетъ быть терпимъ и не представляетъ никакой гарантіи для спокойствія въ будущемъ. Находясь вынужденнымъ этими обстоятельствами предпринять наступательное движеніе противъ Коканда, предписываю сосредоточить въ Ходжентѣ дѣйствующій отрядъ».

(Поименованы: 18 ротъ, 9 сотенъ казаковъ съ 8 ракетными станками и 3 дивизиона артиллеріи, при 20 орудіяхъ).

Сохраняя за собою главное руководство военными дѣйствіями въ предстоящемъ походѣ, генералъ Кауфманъ назначилъ начальникомъ передового отряда генералъ-лейтенанта Головачева. Въ сформированномъ полковомъ штабѣ состояли: начальникъ штаба свиты его величества генералъ-майоръ Троцкій, начальникъ артиллеріи генералъ-лейтенантъ Жариновъ, начальникъ инженеровъ генералъ-майоръ Богаевскій, отрядный интендантъ Касьяновъ, главный врачъ Суворовъ. Состоящими въ распоряженіи командующаго: полковникъ флигель-адъютантъ графъ Бергъ, полковникъ флигель-адъютантъ Скобелевъ, полковникъ Бревернъ-де-ла-Гарди, флигель-адъютантъ ротмистръ баронъ Меллеръ-Закомельскій.

Такъ начался кокандскій походъ.

Е. Толбуховъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

МОЯ БОРЬБА СЪ ИМЯБОРЦАМИ НА СВЯТОЙ ГОРѢ ¹⁾.

V.

В VI главѣ своей статьи о. Климентъ описываетъ изложеніе о. Иеронима съ игуменства въ Андреевскомъ скиту слѣдующими словами: «7 января возвратился въ скитъ архимандритъ о. Иеронимъ. Съ пріѣздомъ его такъ хитроумно подготовленный Булатовичемъ бунтъ... сталъ приближаться къ концу ускореннымъ темпомъ». Но о. Иеронимъ прибылъ въ скитъ не 7-го, а 8-го января, причемъ самъ «хитроумный Булатовичъ» первый встрѣтилъ о. Иеронима на пристани, ибо самъ собирался уѣзжать со Святой горы. Поэтому возстановимъ событія.

По прибытіи 8-го января въ скитъ послѣ полуторамѣсячнаго отсутствія о. Иеронимъ, подойдя неожиданно къ воротамъ монастыря, увидѣлъ, что встрѣчавшаяся съ нимъ братія какъ бы сторонилась отъ него и не желала подходить, какъ то раньше бывало, брать отъ него благословеніе. О. Климентъ и о. Меркурій поспѣшили доложить ему о всѣхъ происшедшихъ за его отсутствіе «бунтовщическихъ дѣйствіяхъ» «главарей комитета», какъ онъ нынѣ называетъ въ своемъ сочиненіи главныхъ имяславцевъ и проявленную ими дѣятельность, состоявшую въ чтеніи ими въ установленное время поученій изъ святыхъ отцовъ, имѣвшихъ еодержаніемъ святоотеческое ученіе о имени Божіемъ.

¹⁾ Окончаніе «Истор. Вѣст.», т. CXLV, стр. 648.

Этотъ докладъ игумену о. Климента и выраженіе непочтенія къ нему братія побудили его принять «хитроумный совѣтъ» о. Климента: немедленно же изгнать изъ скита «главарей комитета», дабы тѣмъ устрашить прочую братію и пресѣчь возможность какого-либо возмущенія. Но, умалчивая обо всемъ этомъ, о. Климентъ пишетъ такъ: «вслѣдъ за прїѣздомъ игумена былъ созванъ соборъ (12-ти старцевъ). На него пригласили главарей комитета, жившихъ въ скиту». Неосвѣдомленный читатель, конечно, можетъ подумать, что «главари комитета» были призваны въ числѣ участниковъ собора и для участія въ немъ, но на самомъ дѣлѣ они къ соборнымъ старцамъ не принадлежали и были призваны для суда и расправы, что тонко умалчиваетъ о. Климентъ. Призвали троихъ: монаха Петра, Викторина и іеромонаха Іліодора. О. Іеронимъ грозно объявилъ имъ обвиненіе въ возбужденіи противъ него братіи скита и требовалъ отъ старцевъ изгнація ихъ изъ скита, какъ бунтовщиковъ. Но обвиняемые возразили, что они не признаютъ дѣйствительности этого суда, ибо соборъ старцевъ не полонъ и на немъ недостаетъ старшаго члена ктитора архимандрита Давида. Сказавъ это, они повернулись и хотѣли выйти изъ залы засѣданія. Въ коридорахъ въ это время уже столпилась братія, услыхавъ, что Петра и Викторина съ Іліодоромъ призвали на судъ и хотятъ изгнать изъ скита. Отказъ обвиняемыхъ принять надъ собою судъ и выходъ изъ засѣданія возбуждали опасеніе, какъ бы это не повліяло на собравшуюся братію въ нежелательномъ для о. Іеронима смыслѣ, и онъ счелъ вынужденнымъ согласиться на требованіе обвиняемыхъ, и на соборъ былъ приглашенъ архимандритъ Давидъ. По приходѣ о. Давида, снова былъ прочитанъ обвинительный актъ о подстрекательствѣ къ бунту, причемъ однимъ изъ обвиненій значилось, что однажды было прочитано пророчество пророка Малахїи, въ коемъ возвѣщался гнѣвъ Божій на іереевъ, «скверновящихъ имя Господне» Молча выслушали обвиняемые обвинительный актъ, но прежде, чѣмъ они начали защищать себя, на ихъ защиту совершенно неожиданно выступилъ самый младшій изъ всѣхъ присутствовавшихъ на соборѣ, юный писарь Порфирій, по обыкновенію кроткій, несмѣлый и молчаливый, который по долгу службы присутствовалъ на соборѣ, и вотъ онъ исполнился вдругъ такого дерзновенія и ревности за славу имени Господня, что безстрашно началъ обличать самого предсѣдателя собора—игумена—въ неправомыслии о имени Господнемъ. Это неожиданное для всѣхъ выступленіе о. Порфирія, о которомъ тоже весьма умалчиваетъ о. Климентъ, поразило Іеронима и присутствовавшихъ. Свидѣтельствовалъ о. Порфирій также о хульныхъ словахъ по отношенію къ имени Господнемъ, которыя онъ слыхалъ отъ о. Меркурія. Но ни слова не находили для возраженія ни о. Іеронимъ, ни о. Меркурій, и по окончаніи рѣчи о. Порфирія воцарилось на нѣсколько минутъ тягостное мол-

чаніе. Наконецъ, оправившись отъ замѣшательства, о. Іеронимъ почувствовалъ, что ему уже не самому судить, а обороняться приходится, и тихимъ голосомъ сказалъ о. Давиду: «Я слышу, что вы меня называете еретикомъ». — «Не только называю, но и здѣсь на соборѣ утверждаю, что ты еретикъ, хулитель имени Божія», — отвѣтилъ о. Давидъ. И началось препирательство, окончившееся тѣмъ, что, выходя изъ залы засѣданія, о. Давидъ воскликнулъ: «Братія, бѣгите: вашъ игумень еретикъ. Онъ предъ всеѣмъ соборомъ отрекся отъ Іисуса». Да не подумаетъ читатель, что этими словами о. Давидъ утверждалъ, что о. Іеронимъ отрекся отъ вѣры въ Самого Господа Іисуса Христа, говоря: «отрекся отъ Іисуса»; но подразумевалось сокращенное слово «имени», о коемъ былъ споръ.

За о. Давидомъ разошлись и прочіе соборные старцы, и такимъ образомъ этотъ соборъ, созванный по предложенію о. Климента для изгнанія ему неугодныхъ лицъ изъ скита, закончился тѣмъ, что на немъ былъ совершенъ судъ надъ самимъ игуменомъ Іеронимомъ. Послѣдній почувствовалъ необходимость какимъ-нибудь образомъ облечь себя передъ братіей, для чего рѣшилъ созвать соборъ изъ старѣйшихъ иноковъ скита; іеромонаховъ, іеродіаконовъ и монаховъ, начальствующихъ на разныхъ послушаніяхъ, о коихъ зналъ, что эти лица, какъ болѣе отъ него зависящія, болѣе склонны будутъ принять его оправданія. Всего собралось не 80, какъ говоритъ о. Климентъ, а 60. Пригласили на соборъ и о. Давида, но онъ прійти не пожелалъ. Узнавъ о созывѣ собора старшей братіи, собралась къ выходу изъ залы засѣданія и вся младшая братія, и имяславцы рѣшили воспользоваться созваніемъ собора дня того, чтобы предъявить свои обвиненія противъ о. Іеронима и противъ тѣхъ лицъ, которыя позволили себѣ хульно выражаться о имени Господнемъ: отцовъ Меркурія, Климента, Савина, Макарія, Геннадія, Самона, Михаила, Симона, Павлина. Открывъ соборъ, о. Іеронимъ произнесъ рѣчь, въ которой оправдывался во взводимомъ на него обвиненіи и убѣждалъ, что онъ пребываетъ неизмѣнно прежній въ своей вѣрѣ, что все эти обвиненія на него суть лишь плодъ клеветы приверженцевъ о. Антонія Булатовича, и въ доказательство своего правосмыслия прочелъ символъ вѣры; также и о имени Господа Іисуса Христа сказалъ, что вѣруетъ, что оно свято, страшно, достопоклоняемо. Соборъ молчалъ, а сторонники о. Іеронима восклицали: «Ну, чего же вамъ еще отъ игумена надо?» Тогда выступилъ одинъ изъ старшихъ соборныхъ старцевъ и епитропъ іеромонахъ о. Сергій и сказалъ, обращаясь къ о. Іерониму: «Види, отче, вчера на соборѣ отреклись отъ Іисуса». Простецъ, о. Сергій, какъ и все простецы, не находилъ нужнымъ добавлять «отъ имени», полагая, что это само собой разумѣется, но о. Іеронимъ ухватился за это выраженіе и, относя слово «Іисусъ» къ самому Господу, сказалъ: «Скажите, отцы святые, отрекся ли я на соборѣ отъ Іисуса, или нѣтъ?»

Его приверженцы воскликнули: «Нѣтъ!» Прочіе молчали. «Для чего же вы, о. Сергій, лжете?» сказалъ затѣмъ игумень. — «А вотъ въ этомъ письмѣ что вы говорите?» сказалъ о. Сергій, вынимая изъ кармана уже извѣстное открытое письмо о. Иеронима, посланное имъ о. Антонію, распространенное по Святой горѣ пантелеймонскими нмѣборцами. Въ этомъ письмѣ о. Иеронимъ говорилъ: «Вашего ученія, выраженнаго въ сочиненіяхъ вашихъ и въ статьѣ, помѣщенной въ нашемъ журналѣ и озаглавленной: «О почитаніи имени Божія», — я отнюдь не принимаю». Но послѣдняя статья, какъ помѣщенная въ журналѣ Андреевскаго скита, хорошо была извѣстна братіи, и тотъ фактъ, что она была напечатана съ благословенія самого о. Иеронима, пропущена цензурой, прочитана и одобрена братіей и вдругъ категорически объявлялась несогласной съ вѣрованіемъ о. Иеронима, ясно подтверждалъ подозрѣнія братіи, что ея игумень кореннымъ образомъ измѣнилъ свое прежнее исконное почитаніе имени Божія. Въ дальнѣйшемъ описаніи происходившаго на этомъ соборѣ о. Климентъ позволяетъ себѣ очень грубое извращеніе истины и хочетъ придать вопросу о. Сергія характеръ невѣжественности, объясняя все недоразумѣніемъ братіи, ибо въ письмѣ якобы говорится о томъ, что игумень отрекается отъ статьи, озаглавленной: «О почитаніи имени Божія», что по своему невѣжеству братія поняла, какъ отреченіе отъ самаго почитанія имени Божія. Но о. Климентъ фантазируетъ: братія прекрасно понимала, что о. Иеронимъ отрекается отъ той самой статьи, которая съ его благословенія была напечатана нѣсколько мѣсяцевъ назадъ и выражала его тогдашнее пониманіе имени Божія, съ которымъ было согласно пониманіе всей братіи; и теперь въ отреченіи отъ этой статьи она ясно видѣла, что, перейдя на сторону о. Алексѣя Кирѣевскаго, хулившаго имя Господне, о. Иеронимъ отрекался отъ своей прежней вѣры. Совершенно умалчиваетъ о. Климентъ и о дальнѣйшемъ спорѣ за подлинность этого письма, говоря, что «доставили названное письмо и рукопись и убѣдились, что о. Сергій говоритъ неправду». Но на самомъ дѣлѣ было какъ разъ наоборотъ: соборъ убѣдился, что о. Сергій говоритъ правду, и это рѣшило участь о. Иеронима, ибо въ отвѣтъ на заявленіе о. Сергія о. Иеронимъ не нашелъ лучшаго средства для оправданія, какъ отречься отъ своего собственнаго письма и приписать его коварному измышленію Антона Булатовича. «Это самъ Антоній написалъ и распространяетъ, чтобы возмутить противъ меця братію», отвѣтилъ о. Сергію игумень. Но у о. Сергія было въ рукахъ подлинное письмо, и, указавъ на подлинную собственноручную подпись о. Иеронима, онъ сказалъ: «А это чья подпись?» Было даже предложено послать за о. Антоніемъ, чтобы личной ставкой возстановить истину. На защиту игумена выступилъ іеромонахъ о. Иеронъ и сталъ опровергать документъ; но ему снова указали на подлинную подпись о. Иеронима и подробно

разобрали содержаніе письма. Тотъ, оправдываясь тѣмъ, что по слабости зрѣнія не можетъ удостовѣриться въ подлинности подписи, просилъ послать за очками. Послали за его очками. Въ это время въ залъ вошла и младшая братія, стоявшая у дверей въ коридорѣ, и залъ наполнился. Принесли очки, рассмотрѣли—подлинность отреченія о. Иеронима отъ прежнихъ своихъ мнѣній подтвердилась. Тогда выступили противъ о. Иеронима и другіе обличители. Послушникъ Никита прочелъ записанную имъ бесѣду о имени Господнемъ, которую онъ имѣлъ съ о. Климентомъ и съ о. Иеронимомъ въ доказательство, что тѣ его убѣждали отступитъ отъ божественнаго почитанія имени Господня, и когда онъ на это не соглашался, ему угрожали всякими карами. Выступили и другіе свидѣтели, объявившіе передъ соборомъ слова и мнѣнія, которыя они слышали отъ о. Иеронима, Климента, Меркурія, и другихъ имяборцевъ, и вторичный соборъ, созванный Иеронимомъ для воздѣйствія на имяславцевъ, неожиданно превратился въ судъ надъ самими имяборцами. Стало очевиднымъ, что дальнѣйшее пребываніе о. Иеронима въ игуменствѣ немыслимо, и старѣйшій эпитропъ о. Иоасафъ спросилъ братію: «Чего же вы хотите?» на что послѣдоваль почти единогласный отвѣтъ: «Желаемъ смѣны игумена». Тогда о. Иеронимъ всталъ и сказалъ: «Отцы святые, значить, вы все согласны съ о. Петромъ и не желаете, чтобы я былъ вашимъ игуменомъ?»— «Не желаемъ»—былъ общій отвѣтъ. «Ну, дѣлайте со мной, что хотите», сказалъ о. Иеронимъ и покинулъ залъ.

Такимъ образомъ, низложеніе фактически совершилось и оставалось его только оформить. Самъ игумень готовъ былъ покориться общей братской волѣ, и если бы онъ не измѣнилъ своего перваго добраго рѣшенія, Святая гора была бы спасена отъ того опустошенія и разгрома, котораго въ концѣ концовъ добился Иеронимъ и Мисаиль ради удержанія своихъ игуменствъ. Но, увы, о. Климентъ и о. Меркурій не дали игумену исполнить своего благого намѣренія. Они уговорили вступить въ борьбу съ братіей и употребить все средства къ удержанію за собой игуменства, обнадеживая его поддержкой Пантелеймонскаго монастыря, Ватопедскаго господствующаго надъ Андреевскимъ скитомъ монастыря и посольской власти.

Поддавшись на ихъ уговоры, о. Иеронимъ вступилъ въ братоубійственную войну, окончившуюся насильственнымъ изгнаніемъ и вывозомъ въ Россію 185 братій, т. е. половины наличнаго состава, оклеветанныхъ имъ въ бунтъ и въ ересь. Борьба началась немедленно. Въ тотъ же вечеръ было послано два доноса: одинъ генеральному консулу въ Салоники, а другой въ Ватопедъ. Съ словеснымъ же доносомъ былъ посланъ монахъ Вареоломей, котораго тайно отъ братіи спустили по веревкѣ съ балкона гостиницы. Онъ въ ту же ночь успѣлъ сѣсть на отходившій пароходъ въ Салоники, гдѣ передалъ

по порученію Іеронима генеральному консулу Вѣляеву доносъ, что братія возмутилась противъ него и что положеніе въ скитѣ столь серьезно, что требуется его, консула, вмѣшательство. Точно такъ же была потребована помощь изъ Ватопеда, куда о. Іеронимъ тоже доносилъ о возмущеніи противъ него братіи скита. Онъ просилъ прислать представителей монастыря «проэетосовъ» для прінятія мѣръ строгости къ подавленію возмущенія. Вызовъ проэетосовъ для вмѣшательства по внутреннюю жизнь скита былъ сдѣланъ о. Іеронимомъ совершенно незаконно и противно скитскому уставу. Уставъ, имѣя въ виду предупрежденіе возможности грекамъ вмѣшиваться во внутреннюю жизнь скита, предусматриваетъ, чтобы представители монастыря могли пріѣхать въ скитъ лишь по приглашенію скита и то лишь по письменному приглашенію за печатію и за подписью четырехъ эпитроповъ скита. О. Іеронимъ вызвалъ ихъ тайно, и приглашеніе подписали только двое его эпитроповъ-сторонниковъ.

VI.

Въ то время, какъ о. Іеронимъ ковалъ ковы противъ своей братіи и отправлялъ доносы, чтобы добиться поддержки властей церковной и правительственной, дабы сохранить свою власть надъ иноками, «коварные», «хитроумные» «главари комитета», по выраженію о. Климента, наиболѣе убѣжденные защитники Божественнаго достоинства имени Господня, ничего подобнаго не предпринимали противъ своихъ противниковъ. Рѣшивъ смѣну о. Іеронима, братія обратила свои взоры на о. Давида, котораго рѣшила избрать на мѣсто перваго, и на о. Антонія, который находился при пристани и собирался покинуть Святую гору. Братія послала просить его не покидать ея въ эти рѣшительныя минуты и возвратиться въ скитъ, чтобы помочь ей.

Мною ужъ было упомянуто, что еще 30 декабря я прибылъ на пристань и на слѣдующій же день долженъ былъ отбыть на салоникскомъ пароходѣ, но на морѣ поднялась такая буря, которая не давала приставать пароходамъ, и такимъ образомъ я прождалъ до 9-го января, когда около захода солнца показался на горизонтѣ дымокъ парохода, шедшаго изъ Кавалы и который долженъ былъ отвезти меня въ Салоники. Но въ это самое время прибылъ изъ скита о. Константинъ и передалъ мнѣ всеобщую просьбу братіи возвратиться въ обитель и не оставлять ея въ эти трудныя минуты. Въ выданной мною распискѣ о. Іерониму во время нашего примиренія на келліи Благовѣщенія, я не отрицался возвратиться въ скитъ, «аще то угодно будетъ Господу Богу и аще съ любовію соизволятъ игумень и братія». Теперь игумень фактически былъ низложенъ, братія же съ любовію единогласно зоветъ возвратиться къ ней на помощь въ

родное гнѣздо, въ которомъ я воздалъ Господу обѣты мои при постриженіи, и я считалъ своимъ долгомъ исполнить эту просьбу тѣмъ болѣе, что я видѣлъ въ этомъ волю Божію. Господу угодно было такъ удивительно удержать меня на Святой горѣ отъ предпринятаго мною отъѣзда необычайной бурей.

Въ тотъ же вечеръ я возвратился на Карею къ большому удовольствію моего старца, настоятеля келліи Благовѣщенія о. Парфенія, съ благословенія котораго я долженъ былъ ѣхать въ Аѳины; но, узнавъ обстоятельства дѣла, и опъ сталъ противиться моему намѣренію, и на слѣдующій день, послѣ ранней литургіи, въ 9 ч. утра я отправился въ Андреевскій скитъ. У святыхъ воротъ меня встрѣтила большая часть братіи съ любовью и съ сердечными привѣтствіями и лобзаніями, и мы пошли въ паломническую гостиницу, гдѣ имѣлось просторное помѣщеніе. Братія земно кланялась, просила меня не оставить ихъ однихъ въ эти трудныя минуты, не оставить безпомощныхъ, такъ какъ стало извѣстнымъ, что о. Иеронимъ, который наканунѣ согласился было на свою смѣну, вызвалъ ватопедскихъ проэстосовъ, которые сей часъ должны пріѣхать «для усмиренія бунтовщиковъ». Я утѣшилъ братію, какъ могъ, и напомнилъ ей слова Спасителя: «Въ мѣрѣ скорбни будете, держайте, яко Азъ побѣдихъ мѣръ»¹⁾. Велѣдъ за мной пришелъ и о. Давидъ, котораго братія тоже призвала къ себѣ. Здѣсь мы впервые встрѣтились съ о. Давидомъ послѣ 23-го іюля, когда я случайно съ нимъ увидался около его келліи, ибо какъ я, такъ и онъ, мы оба вели весьма замкнутую жизнь и не общались другъ съ другомъ. Братія обратилась къ о. Давиду съ той же просьбой, какъ и ко мнѣ. Старецъ растрогался и прослезился. Въ то же почти время прибыли въ скитъ проэстосы, и ихъ принялъ о. Иеронимъ со сторонниками своими и провелъ ихъ въ парадныя комнаты скита. Прибывъ въ обитель и увидавъ св. ворота открытыми и царящее въ скиту спокойствіе, проэстосы были весьма удивлены и сказали: «Вы писали, что у васъ бунтъ, но у васъ все спокойно». Итакъ, игумень призвалъ проэстосовъ, дабы они удержали за нимъ игуменство. Но братія со вчерашняго дня считала уже о. Иеронима низложеннымъ, такъ какъ уставъ ясно предоставлялъ братіи право смѣны игумена въ случаѣ недовольства имъ, и поэтому вчерашнее единогласное заявленіе о семъ игумену было выраженіемъ воли подавляющаго большинства собора, имѣвшимъ официальный характеръ. Слѣдовательно, оставалось теперь оформить на бумагѣ то, что словесно было сдѣлано наканунѣ, и братія рѣшила идти въ соборный храмъ и созвать туда всеобщій братскій соборъ для приданія вчерашнему низложенію письменной формы и для выбора новаго игумена. Ударили въ большой колоколъ и собрались въ соборъ. Но въ то время, какъ братія собиралась въ

¹⁾ Іа. 16.

соборъ, ближайшіе сторонники о. Иеронима въ парадныхъ комнатахъ угощали прозетосовъ обѣдомъ и «прилежно вадили», какъ говоритъ Писаніе, на братію. Братскій соборъ открылся торжественнымъ молебномъ съ акаѳистомъ Сладчайшему Іисусу, послѣ котораго соборные старцы Сергій и Фортунатъ и старшій братскій духовникъ о. Пантелеймонъ предложили братіи высказаться въ томъ, желаетъ ли она оставить прежняго игумена, или желаетъ избрать новаго. Всѣ въ одинъ голосъ отвѣтили, что требуютъ смѣны о. Иеронима. Тогда были поставлены столы для подписи подъ братскимъ заявленіемъ о смѣнѣ о. Иеронима. Заголовокъ былъ составленъ мною и, по обсужденіи старшей братіей, принятъ и предложенъ къ подписи. Онъ гласилъ: «Я, нижеподписавшійся, вѣрую и исповѣдую, что имя Божіе и имя Господа Іисуса Христа свято само по себѣ, неотдѣлимо отъ Бога и есть Самъ Богъ, какъ то многіе святые Отцы исповѣдали. Хулителей и уничижителей имени Господня отметаюсь, какъ еретиковъ, и посему требую смѣны игумена Иеронима». О. Климентъ увѣряетъ, будто въ этой формулѣ заставляли принудительно подписываться и тѣхъ, которые не хотѣли. Это ложь, ибо могла ли быть рѣчь о принужденіи, когда въ самомъ скиту присутствовали монастырскія власти. Увѣряетъ также о. Климентъ, что братія не знала, подъ чѣмъ подписывается, но и это неправда, ибо предлагаемая формула не только была тщательно обсуждена въ присутствіи всей братіи и вслухъ неоднократно прочитана, но надписана на томъ самомъ листѣ, на которомъ подписывались, причемъ каждый грамотный, подходя подписываться, считалъ своимъ долгомъ сначала внимательно прочитать заголовокъ и затѣмъ свободно или подписывался, или отходилъ, если не хотѣлъ. Эта формула не предполагалась къ предъявленію греческимъ монастырскимъ властямъ, ибо мы не хотѣли вводить грековъ въ наши внутренніе богословскіе споры; для смѣны же игумена особыхъ мотивовъ не требовалось, ибо уставъ предоставлялъ право смѣны по одному неудовольствію братіи игуменомъ. Поэтому на ряду съ этой формулой была предложена и другая, и для нея поставленъ особый столъ. Эта вторая формула гласила: «Мы, нижеподписавшіеся, потерявъ любовь и довѣріе къ игумену нашему, архимандриту о. Иерониму, требуемъ его смѣны».

Изъ сказаннаго явствуетъ, что мы не собирались дѣлать судьями нашего богословскаго спора грековъ, которые по духовной жизни своей и по характеру своему совершенно для того не подходили. Къ великому сожалѣнію, монашеская жизнь среди грековъ на Святой горѣ, столь высоко нѣкогда стоявшая, нынѣ упала, въ особенности въ штатныхъ монастыряхъ, какимъ былъ Ватопедъ. Представителями монастырей избирались обыкновенно люди, отличавшіеся не подвижническою жизнію, не постомъ, не молитвою и не богословскою начитанностію, но хозяйственностію, и дѣятельностію ихъ за-

ключалась въ разѣздахъ по управленію многочисленными имѣніями монастыря. Кромѣ того, греки извѣстны своимъ коварствомъ и русофобствомъ, и поэтому они могли воспользоваться возникшимъ богословскимъ споромъ среди русскихъ, какъ оружіемъ противъ насъ же, ибо увеличеніе русскаго населенія на Аѳонѣ давно уже возбуждало тревогу грековъ и побуждало ихъ принимать мѣры къ воспрепятствованію увеличенія численности братій въ русскихъ обителяхъ. Исповѣданную формулу съ изложеніемъ истинныхъ причинъ, вынудившихъ братію Андреевскаго скита смѣнить своего игумена, мы намѣрены были представить на судъ російской церковной власти, той самой власти, которой мы нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ принесли жалобу на архіепископа Антонія Волинскаго,

. Поэтому это исповѣданіе и было послано нами при докладныхъ запискахъ въ Святѣйшій Синодъ, а также и въ константинопольское посольство. Представляя наше исповѣданіе въ Святѣйшій Синодъ, мы просили по разсмотрѣніи извѣстить насъ, правильно ли мы формулируемъ нашу вѣру во имя Божіе и въ случаѣ, если требуется исправленіе сей формулы, то исправить. Однако въ основаніе этой формулы легли выраженія, искони употреблявшіяся въ церкви по отношенію къ имени Господню, ибо о томъ, что имя Божіе свято само въ себѣ, гласитъ катехизисъ, что оно неотдѣлимо отъ Именуемаго—выражали св. отцы; слова же «имя Божіе—Самъ Богъ» есть выраженіе о. Іоанна Кронштадтскаго, столько лѣтъ допускаемое духовной цензурой.

Подписка шла очень успѣшно, братія наперерывъ подписывались подъ листами, и вскорѣ число подписей превзошло 300. Такимъ образомъ болѣе $\frac{4}{5}$ наличнаго состава скита требовала смѣны игумена, и оставалось теперь только представить этотъ списокъ въ Ватопедъ, а съ нимъ вмѣстѣ и списки подписей избирателей новаго игумена и просить объ утвержденіи послѣдняго монастыремъ. Приступили къ избранію новаго игумена, и я предложилъ назвать нѣсколько кандидатовъ и произвести закрытую баллотировку, какъ то обычно дѣлалось. Но старцы и вся братія въ одинъ голосъ возразили: «Какіе тамъ еще кандидаты, мы все просимъ о. Давида».—«Кто желаетъ о. Давида—переходи направо, кто не желаетъ—налѣво!» воскликнулъ о. Сергій, и все 300 человекъ оказались на правой сторонѣ. Гласъ народа—гласъ Божій. Выборы были сочтены совершившимися, и тотчасъ же былъ отслуженъ благодарственный Господу Богу молебень, и вся братія, поклонившись кресту, свангелію и чудотворной иконѣ Божіей Матери, подходила къ о. Давиду, дѣлала ему земной поклонъ и брала отъ него благословеніе; какъ отъ своего новаго игумена. Такъ безъ заранѣе обдуманнаго плана совершилось низложеніе одного игумена и выборъ другого. И совершилось это въ то самое время, какъ въ парад-

ныхъ комнатахъ скита о. Иеронима возсѣдали прибывшіе усмирять не существующій бунтъ проэстосы, предъ которыми о. Иеронимъ и сторонники внезапно всякія клеветы возводили. Мы же ничего этого не подозрѣвали и не позаботились принять какія-либо предупредительныя мѣры къ защитѣ себя отъ этихъ клеветъ.

Приведу еще одинъ фактъ въ защиту отъ возведеннаго на меня обвиненія въ «хитроуміи» и «коварствѣ», которыя якобы проявилъ въ афонской смутѣ. Мое неожиданное возвращеніе въ скитъ весьма неприятно поразило о. Иеронима и сторонниковъ его, которые предполагали, что я уже уѣхалъ, и поэтому о. Иеронимъ первымъ дѣломъ сталъ жаловаться проэстосамъ на меня и требовалъ, дабы прежде всего я былъ изгнанъ изъ скита, какъ лицо постороннее, ушедшее изъ скита и давшее нѣ томъ расписку. Поэтому какъ только пріѣхали проэстосы, о. Иеронимъ послалъ въ хозяйственную канцелярію къ секретарю съ требованіемъ доставить хранившуюся у него мою расписку. Но тотъ былъ нашъ сторонникъ и немедленно сообщилъ это мнѣ. Въ это время мы все были еще въ паломнической гостиницѣ, и Георгій, секретно сообщивъ о требованіи Иеронима, предложилъ мнѣ уничтожить эту расписку, дабы отнять поводъ у Иеронима, основываясь на ней, требовать моего удаленія. Я на это не согласился, хотя имѣлъ нравственное право это сдѣлать, ибо не лишенъ былъ права возвращенія, а тѣмъ болѣе когда возвратился по волѣ всей братіи, и предоставилъ о. Иерониму использовать мою расписку, какъ ему будетъ угодно.

Вслушавъ о. Иеронима, проэстосы потребовали къ себѣ на допросъ обвиняемыхъ, но братія потребовала, чтобы этотъ допросъ былъ произведенъ въ ея присутствіи, и послала къ проэстосамъ о. Пантелеймона, старшаго духовника, и о. Константина, говорившаго по-гречески, просить ихъ пожаловать въ соборъ. На это предложеніе проэстосы отвѣтили отказомъ и вторично потребовали, чтобы обвиняемые явились на допросъ къ нимъ. Братія снова послала своихъ представителей просить проэстосовъ въ соборный храмъ. Но тѣ не приходили къ братіи, а братія не шла къ нимъ. Такъ прошло въ препирательствахъ часовъ до трехъ пополудни, когда наконецъ пришли въ соборъ два проэстоса: Германъ, говорившій по-русски, и его братъ, Аркадій, заправила Ватопедскаго монастыря. Въ соборѣ проэстосъ Германъ былъ встрѣченъ братіей почтительно, съ поклонами. Онъ спросилъ: «Почему вы не хотите игумена Иеронима?» Мы ему отвѣтили: «Потому, что потеряли къ нему любовь и уваженіе». — «Но почему вы потеряли къ нему любовь и уваженіе?» спросилъ онъ насъ. Но ни предъявлять на судъ грекамъ религиозной причины недовольства игуменомъ, ни чернить его какими-либо жалобами, которыхъ, конечно, можно было бы принести не мало, мы не желали и отвѣтили, что причинъ къ этому много, но перечислять нѣтъ надобности, т. к. это и не требуется скитскимъ уставомъ,

ибо въ статьѣ 4-й ясно сказано, что достаточно одного недовольства игуменомъ, чтобы смѣнить его простымъ большинствомъ голосовъ. Прозетосъ Германъ, которому хорошо былъ извѣстенъ нашъ уставъ, ничего не могъ возразить и, убѣдившись, какъ мирно и спокойно совершается подписка, вышелъ изъ храма, сказавъ по-гречески: «Эти овечки не сумѣютъ смѣнить своего игумена». И дѣйствительно, чуждъ былъ имяславцамъ тотъ духъ коварства, систематической предумышленности и хитроумія, который приписываетъ намъ о. Климентъ. Когда о. Иеронимъ узналъ о томъ, что подъ его низложеніемъ уже собрано болѣе 300 подписей и новымъ игуменомъ избранъ такимъ же числомъ голосовъ о. Давидъ, онъ сталъ, по откровенному признанію о. Климента, слезно умолять прозетосовъ не болѣе, не менѣе, какъ о томъ, чтобы всѣ не желавшіе его—«были признаны неправославными», и не остановился передъ тѣмъ, чтобы возвести такую клевету, будто братія о имени Божіемъ говорятъ, что оно и есть самое существо Божіе, сливая имя Божіе съ существомъ Божіимъ.

Когда подписка была закончена, то мы всѣ направились къ наряднымъ комнатамъ и представили списки прозетосамъ. Тѣ сначала встрѣтили насъ горделиво и грозно! Тогда мы рассказали имъ наше недоумѣніе по поводу ихъ прибытія въ скитъ, ибо хотя мы очень рады, но мы все-таки желали бы узнать, по чьему зову они пріѣхали, т. к. по уставу они могли прибыть въ скитъ лишь по приглашенію, подписанному четырьмя епитропами, а такового имъ послано не было. Нарушеніе устава явное—и они сбавили тонъ. Они заявили, что пріѣхали потому, что о. Иеронимъ принесъ имъ жалобу, что братія ему не повинуются и бунтуютъ, и спросили, по какой причинѣ требуемъ мы смѣны о. Иеронима. Но мы имъ дали тотъ же отвѣтъ, что дали въ соборѣ Герману, что потеряли къ нему любовь и довѣріе. Тогда самъ о. Иеронимъ выступилъ противъ насъ по-гречески съ обвиненіями насъ въ ереси. Въ доказательство правильности нашего пониманія мы принесли и греческую книгу св. Симеона Новаго Богослова и, раскрывъ 62-ю главу, показали ясное свидѣтельство святого о нашей правотѣ. Прозетосы не возражали. Мы просили ихъ принять отъ насъ заявленіе о низложеніи игумена Иеронима и о выборѣ о. Давида и принять выборные списки; но они отвѣтили, что хотя они ничего не возражаютъ противъ нашего права мѣнять по желанію игуменовъ, но они не имѣютъ полномочія отъ монастыря на производство смѣны, а тѣмъ болѣе не могутъ принять нашихъ заявленій, что мы сами протестовали противъ законности ихъ прибытія въ скитъ. Поэтому они предоставляютъ намъ самимъ завтра пріѣхать въ скитъ съ бумагами и передать ихъ собору старцевъ. Разсмотрѣвъ бумаги, они нашли въ нихъ какую-то неправильность въ формѣ и сказали, что надо переписать ихъ и снова подписать, на что мы и согласились.

Такимъ образомъ, фактъ смѣны Иеронима былъ окончательно признанъ, также признана по существу и законность этой смѣны. Вотъ тогда-то и произошло то, что описываетъ о. Климентъ съ большими умолчаніями. Послѣ ужина, когда имяславцы разошлись по кельямъ, о. Иеронимъ и имяборцы, видя, что дѣло ихъ проиграно, снова пришли настаивать, колѣнопреклонно умолять проэстосовъ не соглашаться на выборы о. Давида и изгнать Антонія и сторонниковъ его, о чемъ о. Климентъ повѣствуетъ: «Иеронимъ сталъ просить принять рѣшительныя мѣры къ водворенію порядка въ скиту» «и при этомъ прослезился». Картина была трогательная. Но слезная и колѣнопреклонная просьба имяборцевъ «принять рѣшительныя мѣры», т. е. изгнать, во-первыхъ, обильную половину братіи скита вкупѣ съ ктитормъ о. Давидомъ и съ Антоніемъ Булатовичемъ, дабы удержать Иеронима на игуменствѣ, не могла быть исполнена проэстосами, въ виду категорической статьи устава, предусматривавшей право братіи большинствомъ голосовъ смѣнять своихъ игуменовъ, а поэтому о. Иеронимъ, поплакавъ, безнадежно ушелъ въ келью. Но о. Климентъ и другіе имяборцы были болѣе настойчивы, по откровенному признанію о. Климента, остались колѣнопреклонно умолять проэстосовъ объ удержаніи на игуменствѣ о. Иеронима. Единственнымъ средствомъ для этого было признаніе всей братіи, нежелавшей о. Иеронима, отступившей отъ православія... И вотъ объ этомъ умолялъ проэстосовъ о. Климентъ... Мы дивимся такому ожесточенію сердца у нашихъ бывшихъ любезныхъ собратій, нынѣ же ожесточенныхъ враговъ. Дивимся въ особенности потому, что о. Климентъ, откровенно сознаваясь въ томъ, считаетъ себя, повидимому, совершенно правымъ въ своихъ поступкахъ и даже теперь, когда скоро минетъ два года, какъ изгнанныхъ изъ Афона и удаленныхъ въ Россію за мнимое неправославіе по навѣту имяборцевъ по разбирательству ихъ православіе было признано и ихъ приняли въ церковное общеніе. Развѣ это неизвѣстно о. Клименту? Спрашивается, поступилъ ли онъ по совѣсти, что онъ прибѣгнулъ къ подстрекательству и клеветѣ... Проэстосы, склонившись на настоянія и слезныя колѣнопреклонныя мольбы ревнителей православія Климента, Софронія, Меркурія и другихъ, предложили имъ написать о семъ письменное прошеніе въ монастырь. О. Климентъ сознается, что его рукой написанъ тотъ навѣтъ и доносъ на братію съ прошеніемъ о признаніи неправославнымъ о. Давида, о. Антонія и всѣхъ единомышленныхъ съ ними и объ изгнаніи ихъ со Святой горы.

Въ ту же ночь сторонники Иеронима стали собирать подписи, для которой была предложена слѣдующая формула: «Вѣрую во святую соборную восточную католическую церковь». Этотъ заголовокъ былъ нами найденъ въ кельѣ о. Иеронима по изгнаніи его изъ скита, причемъ онъ былъ отрѣзанъ, очевидно, отъ подпи-

саннаго листа и на его мѣсто подшито прошеніе о. Климента же. Нѣкоторые братія по малодушію подписались и тутъ, и тамъ. Всѣмъ предлагалось вычеркивать свои подписи изъ подписки въ пользу о. Давида за католическую церковь о. Иеронима; такимъ образомъ истинное содержаніе прошенія о. Иеронима о признаніи неправославными исповѣдниковъ имени Господня было скрыто отъ братіи. Это подтвердили тѣ братія, которые съ военной хитростію сдѣлали видъ, что готовы подписаться за о. Иеронима, и приходили въ канцелярію, гдѣ собирали подписку, и просили дать имъ прочитать заголовокъ, но увидали тамъ только тѣ слова, что нами приведены. Такимъ образомъ, допущенный здѣсь подлогъ очевиденъ. «Жалобу,—пишетъ о. Климентъ,—мы изготовили ночью и утромъ передали ее». А вотъ и копія жалобы, черновую съ которой мы нашли при обыскѣ кельи о. Иеронима послѣ изгнанія 12 января.

«Высокопреподобнѣйшимъ отцамъ священнаго царскаго ставропигіальнаго Ватопедскаго монастыря, что на Аѳонѣ.

«Св. гора Аѳонъ. 11 января 1913 г.

«Братіи Андреевскаго русскаго скита св. ап. Андрея Первозваннаго жалоба на архимандрита Давида и его единомышленниковъ.

«Живущій на покоѣ въ нашемъ скиту бывший настоятель Кобьевскаго въ Россіи на Кавказѣ монастыря архимандритъ Давидъ подъ вліяніемъ книги «На горахъ Кавказа» впасть въ богохульную ересь. Ересь его состоитъ въ томъ, что онъ упорно утверждаетъ, что самое имя второй ипостаси Пресвятой Троицы есть Самъ Богъ по существу, что къ сему-то имени «Иисусъ» и должно обращаться, какъ къ Самому Богу, ибо, по архимандрита Давида мнѣнію и его единомышленниковъ, это самое имя «Иисусъ»—есть Самъ Богъ, что оно неотдѣлимо отъ святѣйшаго Божія существа, что оно съ существомъ Божиимъ—съ Самимъ Богомъ—едино. Архимандритъ Давидъ не только самъ коснѣеть въ этой ереси, но съ ревностію фанатика учить ей братію скита и уже многихъ увлекъ въ сіе богохульное ученіе, несмотря на то, что бессмысленность и богохульность ученія уже доказана Іоакимомъ грамотою отъ 12-го сентября 1912 г. за № 8522 и Антоніемъ, архіепископомъ волинскимъ, статьей въ «Русскомъ Инокѣ» за 1912 г. № 10, кои прилагаются при семъ. Архимандритъ Давидъ, несмотря на помянутую грамоту святѣйшаго патріарха, которая запрещаетъ чтеніе названной книги «На горахъ Кавказа», продолжаетъ совѣтовать всѣмъ читать эту книгу, какъ богоугодную и душеполезную. Такъ какъ архимандритъ Давидъ человѣкъ почти совсѣмъ безграмотный, то для успѣха пропаганды ереси онъ восхваляетъ сочиненія своего единомышленника іеросхимонаха Антонія Булатовича, въ коихъ излагается ученіе этой ереси, и совѣтуетъ читать ихъ, какъ истинное ученіе церкви. Такого дѣянія архимандрита Давида и распространяемой имъ ереси мы не можемъ терпѣть. Но его единомышленники сего

января 9-го дня самочинно, безъ разрѣшенія правящаго собора старцевъ скита, учинили незаконное соборище, оклеветали на немъ нашего высокочтимого, достолюбезнаго, высокопреподобнаго отца архимандрита, вполнѣ православнаго дикеея скита Иеронима въ неслыханной доселѣ ереси имяборства; послѣ сего приступили къ выбору и подписи, запугивая ихъ разнаго рода наказаніями, преимущественно изгнаніемъ изъ скита, влѣдствіе чего многіе по своему малодушію подписались противъ своей воли. Подъ вліяніемъ этихъ запугиваній многіе подписались, сами не зная, къ чему подписываются, ибо содержаніе бумаги не всѣмъ было извѣстно. Достоверность сего можетъ установить слѣдствіе.

«Выше сказано было, что дѣяній архимандрита Давида и распространяемой имъ ереси мы не можемъ терпѣть, ибо богохульное ученіе послѣдней можетъ заразить не только весь скитъ, но и окрестность его, а посему необходимымъ и нужнымъ является архимандрита Давида удалить изъ скита, а если возможно, то и съ Аео-на вмѣстѣ съ его единомышленниками, въ чемъ смиреннѣйше и всеусерднѣйше просимъ васъ, высокопреподобнѣйшіе отцы, ради славы Божіей и вѣчнаго спасенія душъ нашихъ, не откажите удовлетворить нашу усердную просьбу, за что Господь Богъ нашъ вознаградитъ васъ своею милостію въ сей и будущій вѣкъ.

«Вашихъ высокопреподобій нижайшіе послушники» (Иеронимъ и 70 подписей).

Эта «смиреннѣйшая и всеусерднѣйшая», «сердечная» жалоба высокопреподобнѣйшаго, достолюбезнаго и высокочтимого» Иеронима очень характерно обрисовываетъ всю дѣятельность имяборцевъ. Въ то время, какъ имяславцы съ текстами Священнаго Писанія и святыхъ отцовъ въ рукахъ обличали ересь имяборцевъ, они, имяборцы, искали защиты у предержавшихъ властей свѣтскихъ и духовныхъ и «слезно», и «сердечно», всеусерднѣйше и всемирнѣйше просили признать ихъ противниковъ-имяславцевъ не болѣе, не менѣе, какъ еретиками и изгнать со Святой горы на основаніи не подписаннаго циркуляра патріарха Іоакима, названнаго ими «грамотою», въ коемъ, между прочимъ, патріархъ догматическаго разсмотрѣнія спорнаго вопроса ни однимъ словомъ не касается, а, во-вторыхъ, на основаніи статьи въ «Русскомъ Инокѣ» архіепископа Антонія, въ коей тоже никакого догматическаго разбирательства нѣтъ, а только высказано огульное осужденіе и приравненіе мнѣній о Иларіона къ «хлыстовской» ереси. Они старались убѣдить предержавшія власти въ еретичности ученія имяславцевъ, для каковой цѣли въ корни извращали пониманіе Божества имени Божія имяславцами и влагали имъ въ уста слова, которыхъ они не говорили и не могли говорить, обожествленіе самаго имени «Исусъ» независимо отъ Именуемаго. т. е. обожествленіе самыхъ звуко-сочетаній сего имени.

При такомъ положеніи дѣла только диву даешься, что предержавшая власти вмѣсто того, чтобы грозно прикрикнуть на «достолюбезныхъ и высокочтимыхъ» «клеветниковъ» и заставить ихъ замолкнуть, самымъ серьезнымъ и усерднымъ образомъ приступили къ осуществленію «сердечной ихъ просьбы...»

VII.

День 11-го января начался съ того, что послѣ ранней обѣдни снова братія была созвана въ соборный храмъ для подписи новаго списка, составленнаго въ той формѣ, какую указали проэстосы. Когда подписка окончилась, то бумага была снова доставлена проэстосамъ. Всѣхъ подписей оказалось 302. Подъ списками же о. Иеронима было всего 70. Проэстосы теперь измѣнили тонъ; отъ вчерашняго строгаго обращенія и начальнической гордыни не осталось слѣдовъ. На низложеніе о. Иеронима они посмотрѣли, какъ на совершившійся фактъ, и поэтому о. Иеронимъ со своими сторонниками ступевались; насъ же проэстосы признали хозяевами скита. Они только потребовали отъ насъ приложить печати къ спискамъ, какъ требуется обычно принятой формой. Печать была у о. Иеронима, и онъ ея намъ не далъ. Этотъ отказъ уже фактически низложеннаго игумена, конечно, только еще больше возстановилъ противъ него братію, которая усмотрѣла въ этомъ насиліе и самоуправство.

Обѣдъ проэстосамъ былъ предложенъ уже не Иеронимомъ въ качествѣ хозяина скита, какъ наканунѣ, но нашими представителями; въ качествѣ хозяевъ за обѣдомъ по просьбѣ братства возсѣдали съ проэстосами: соборные старцы Сергій, Виталій, Фортунатъ и — по особой просьбѣ братіи — я. Послѣ обѣда проэстосы покинули скитъ. Когда они уже сажались на муловъ, появился о. Иеронимъ и его ближайшій помощникъ о. Софроній съ бумагой, оказавшейся злосчастной жалобой о. Климента. Когда о. Иеронимъ вышелъ за ворота, многимъ пришло въ голову, что можно предотвратить неизбѣжное столкновеніе, воспользовавшись выходомъ бывшаго игумена за ограду, и не впускать его больше въ скитъ. Объ этомъ сообщили мнѣ, но я, «коварный» и «хитроумный» о. Булатовичъ, не захотѣлъ воспользоваться оплошностію своего противника и удержалъ братію отъ этого шага. Увидѣвъ о. Софронія съ подозрительнымъ бумажнымъ сверткомъ въ рукѣ, братія тоже хотѣла не пустить его изъ порты къ проэстосамъ, но опять-таки я, «коварный» и хитроумный» о. Булатовичъ, снова удержалъ братію и отъ такого насилія. Полагаю, что сказанное достаточно свидѣтельствуетъ, сколь неправъ о. Климентъ въ своей передачѣ происшедшихъ въ Андреевскомъ скиту событій, которыя онъ такъ увѣренно называетъ: «мятежомъ», «бунтомъ», «возмущеніемъ».

Вслѣдъ за проѣзосами отправились въ Ватопедь и представители братіи Андреевскаго скита съ ходатайствомъ о признаніи вновь избраннаго на игуменство о. Давида. Братія убѣдила поѣхать соборныхъ старцевъ Сергія и Фортуната и, кромѣ нихъ, знающаго по-гречески о. Константина, а также и меня. Передъ заходомъ солнца мы прибыли въ обитель, и насъ приняли съ тѣми обычными почестями, какія оказывались официальнымъ представителямъ нашей обители, когда они прибывали въ монастырь. Изъ этого еще разъ видно, что монастырская власть смотрѣла на братію Андреевскаго скита не какъ на бунтовщиковъ, но какъ на братію, не вышедшую изъ нормъ закона. На слѣдующее утро былъ созванъ соборъ 12-ти старцевъ, и насъ позвали на соборъ. Послѣ обычнаго земного поклона старцамъ, издревле установленнаго, мы представили наши бумаги. Проѣзосы внимательно пересмотрѣли и пересчитали подписи, но замѣтили, что отсутствуетъ печать скита. Мы объяснили, что прежній игуменъ отказался выдать печать и что проѣзосамъ это извѣстно; единодушное же желаніе братіи имѣть своимъ игуменомъ о. Давида можетъ быть засвидѣтельствовано ими же, лично видѣвшими настроеніе братства. Тогда старцы возразили противъ открытой баллотировки и потребовали, чтобы было совершенно переизбраніе игумена, согласно нормальному уставу монастырей, проектированному патріархомъ, но не вошедшему еще въ силу. Согласно этому уставу правомъ голоса пользовались только пробывшіе въ иночествѣ не менѣе 5-ти лѣтъ на Святой горѣ, и игуменъ долженъ былъ избираться изъ числа 4-хъ кандидатовъ закрытой баллотировкой. Мы изъявили согласіе на требованіе старцевъ. О религіозномъ предметѣ спора за имя Господне вопроса не поднималось на соборѣ. Противъ изложенія нами о. Иеронима тоже не протестовали старцы, такъ что этотъ фактъ былъ признанъ совершившимся. Засѣданіе окончилось, и, благословляя насъ, старцы говорили: «Миръ вамъ, миръ вамъ, живите мирно». Насъ угостили изысканнымъ обѣдомъ, послѣ котораго секретарь со лъстивыми улыбочками принесъ запечатанный конвертъ, адресованный на имя всей братіи, и, вручая его намъ, сказалъ, что въ немъ заключается все то, что намъ словесно сказали на соборѣ, и просилъ насъ передать этотъ пакетъ всему братству скита. Намъ показался подозрительнымъ этотъ запечатанный пакетъ, и мы попросили распечатать его и прочесть, ибо въ качествѣ уполномоченныхъ братіи мы должны были точно знать, какой отвѣтъ мы веземъ имъ изъ монастыря. Но секретарь скороговоркой и съ лъстивыми ужимками сказалъ: «Не стоитъ теперь распечатывать конверта. Не беспокойтесь, тамъ сказано только то, что вы слышали отъ старцевъ на соборѣ, а именно чтобы вы выбрали игумена вновь изъ четырехъ кандидатовъ и закрытой баллотировкой. Миръ вамъ, миръ вамъ, прощайте»—и убѣжалъ. Однако мы не поддались на его лъсть и немедленно же рас-

печатали конвертъ, имѣя право полномочія отъ братіи вести переговоры съ монастыремъ, и, прочитавъ бумагу, нашли въ ней слѣдующее: 1) Низложеніе о. Іеронима признавалось совершившимся фактомъ; 2) выборы о. Давида признавались недѣйствительными и предлагалось переизбрать игумена изъ четырехъ кандидатовъ закрытой баллотировкой; согласно прошенію Іеронима, о. Антоній признавался прельстившимся книгой о. Иларіона «На горахъ Кавказа» и объявлялось, что онъ долженъ быть удаленъ изъ скита; 4) предупреждалось, что тѣ, которые «примутъ новую вѣру, проповѣдуемую о. Антоніемъ и о. Иларіономъ въ книгѣ «На горахъ Кавказа», будутъ признаны еретиками, изгнаны со Святой горы и отлучены отъ церкви». Такимъ образомъ, по свойственному грекамъ лукавству, они сдѣлали нѣчто и для одной стороны, и нѣчто для другой, и сдѣлали такъ, что дѣло не распуталось, а только еще больше запуталось. Такъ, Іеронимъ признавался смѣщеннымъ, ибо предоставлялось братіи избирать новаго игумена. Это было рѣшеніе въ нашу пользу. О. Давидъ не былъ признанъ, какъ того просилъ Іеронимъ, еретикомъ. Но о. Антоній за единомысліе съ о. Иларіономъ удалялся изъ скита и признавался проповѣдующимъ новую вѣру, якобы неправославную, почему и всѣ, которые будутъ выражать единомысліе съ этой новой вѣрой, будутъ почитаться еретиками, отлучаться отъ церкви и изгоняться со Святой горы. Вотъ это-то послѣднее опредѣленіе, сдѣланное въ угоду Іеронима и пантелеймоновскому заправилѣ Агаеодору, и дѣлало бумагу Ватопедскаго монастыря совершенно неприемлемой. Ибо на самомъ дѣлѣ, если бы мы ее приняли и я, ради успокоенія злобы враговъ, покинулъ бы скитъ, предоставивъ братіи избрать новаго игумена по правиламъ, предложеннымъ старцами Ватопеда, и при этомъ игуменомъ, несомнѣнно, былъ бы опять избранъ о. Давидъ, то закончилась ли бы этимъ смута? Отнюдь. Іерониму и ревностнымъ наперсникамъ его эта бумага давала въ руки сильнѣйшее оружіе и поводъ къ возобновленію смуты, ибо противъ всякаго новаго избранника имяславческой братіи о. Іеронимъ могъ бы снова возбуждать обвиненіе передъ Ватопедомъ въ томъ, что вновь избранный единомысленъ съ книгой о. Иларіона и съ о. Антоніемъ въ исповѣданіи Божества имени Божія и подлежитъ отлученію отъ церкви и изгнанію, какъ еретикъ со Святой горы. И слѣдовательно, во-первыхъ, о. Іеронимъ потребовалъ изгнанія тѣхъ самыхъ иноковъ, которыхъ онъ намѣревался соборнѣ изгнать изъ скита въ день своего прибытія съ мѣтохи. Такова была коварнѣйшая умиротворительная бумага грековъ... Конечно, мы немедленно отправились къ предсѣдателю собора старцевъ о. Аркадію и объявили ему, что этой бумаги мы не принимаемъ и братіи ея не передадимъ, ибо въ ней высказано совершенно несправедливое опредѣленіе о книгѣ о. Иларіона, которая издана уже третьимъ изда-

ніемъ съ дозволенія россійской духовной цензуры. Также совершенно несправедливо говорится, будто о. Антоній проповѣдуетъ какую-то новую вѣру, поэтому мы просимъ этотъ пунктъ въ бумагѣ упразднить. Что же касается желанія, чтобы о. Антоній, т. е. я, покинулъ Святую гору, то я противъ этого ничего не имѣю и готовъ исполнить желаніе старцевъ. Однако наша просьба не только не была уважена, но вызвала гнѣвъ Аркадія въ особенности, конечно, вслѣдствіе обнаруженія его лукаваго обмана¹⁾. Съ тяжелымъ чувствомъ мы покинули Ватопедъ. По дорогѣ мы встрѣтили отъ братіи посланца, который сообщилъ намъ о новыхъ проискахъ іерошимцевъ. Всю ночь они бѣгали по кельямъ тѣхъ братій, которыхъ знали, какъ менѣе убѣжденныхъ, и склоняли ихъ на сторону Иеронима,—кого подарками, кого утрашеніями, кого обѣщаніями должностей и сановъ; имѣющимъ склонность къ вину разносили графинчики, а молодыхъ послушниковъ задаривали карманными часами, причѣмъ для этого принесли съ Карен цѣлую сотню. При этомъ они хвалились, что и о. Давида, и всѣхъ его сторонниковъ они выгонятъ изъ скита, потому что Ватопедъ на ихъ сторонѣ. Такимъ образомъ смута въ монастырѣ росла съ минуты на минуту, и столкновеніе обѣихъ сторонъ дѣлалось неминуемымъ. Мучительный вопросъ: какъ быть?—томилъ душу. Если партія Иеронима возьметъ верхъ, имяборчество окончательно восторжествуетъ и на всей Святой горѣ. Наиболѣе ревностные исповѣдники православнаго исповѣданія вѣры въ Божественное достоинство имени Господня будутъ изгнаны, болѣе малодушные—подавлены и принуждены къ отреченію; такая же участь постигнетъ исповѣдниковъ имени Господня и въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ, и въ его скиту Оивайдѣ... Но гдѣ же искать защиты?.. Гдѣ искать праведнаго суда? Въ великой скорби простирался я въ сердечной молитвѣ въ эти тягостныя минуты къ Господу и къ Пречистой Его Матери и молилъ, дабы Сама Владычица вразумила меня, что дѣлать. «Что же теперь намъ дѣлать?» спросилъ я спутниковъ. «Да что же больше»—отвѣтилъ Божій протестъ и мудрецъ духовникъ и соборный старецъ Сергій:—какъ то, что дѣлаютъ греки: выгонимъ Иеронима и больше ничего». Но мнѣ не хотѣлось примѣнять этой суровой мѣры къ своему бывшему духовнику, отцу и игумену, и я надѣялся ограничиться только отнятіемъ игуменскаго посоха, печати и переводомъ его изъ игуменской кельи въ другую. Когда мы поднялись на хребетъ, то увидали, что въ скиту сторонники Иеронима съ балкона канцеляріи уже поджидаютъ насъ и смотрятъ на дорогу въ подзорныя трубки и бинокли. Это могли быть только іеронимовцы, ибо канцелярія была всецѣло на его сторонѣ. У воротъ насъ под-

¹⁾ Мы снова заявили ему и другимъ старѣйшимъ старцамъ, что мы бумагу эту не пріемлемъ.

жидала наиболѣе ревностная братія — человекъ 30—40 — и съ горечью повѣдала намъ о дерзкихъ и наглыхъ выходкахъ іеронимовцевъ, о ихъ прещеніяхъ и угрозахъ. Надо было дѣйствовать. Братія ввѣрила себя мнѣ и отъ меня ожидала рѣшенія. Медлить было невозможно, ибо съ каждой секундой промедленія положеніе могло только обостриться и усложниться и довести стороны до того, что каждая вооружилась бы, чѣмъ могла, и дѣло дошло бы до кровопролитія... Въ это мгновеніе моего раздумія вышелъ діаконь и сказалъ: «Ну, что же, батюшка, очищать?» — «Гласъ народа, гласъ Божій» сказалъ я въ себѣ, и рѣшительно отвѣтилъ: «Да, да, очищать». И съ этими словами быстро и рѣшительно двинулся прямо къ кельѣ игумена, въ которой онъ возсѣдалъ, окруженный тремя или четырьмя десятками своихъ наиболѣе ревностныхъ сторонниковъ. По пути къ намъ присоединялась и встрѣчная братія, и я успѣлъ сказать, чтобы ударили въ колоколь для созыва всей братіи въ соборъ. Какъ видите, никакихъ приготовленій или зарабѣ условленныхъ уговоровъ или плановъ, какъ то фантазируетъ о. Климентъ, не было. Мы вошли въ келью игумена, какъ то описано у о. Климента, который говоритъ, что, войдя, я повернулся къ иконамъ и помолился. Дѣйствительно, сознавая всю тяжесть предстоящаго подвига, я снова всѣмъ сердцемъ взыскалъ Божественной помощи, а затѣмъ, повернувшись къ о. Іерониму, спросилъ его трижды: согласенъ ли онъ добровольно признать свое низложеніе и выйти изъ игуменской келліи? Но о. Іеронимъ на первое мое предложеніе отвѣтилъ: «Ты не нашъ, зачѣмъ ты пришелъ сюда?» Въ отвѣтъ на это братія громовыми восклицаніями покрыла слова о. Іеронима: «Антоній нашъ, нашъ. Ты не нашъ, а Антоній нашъ». Тогда я вторично спросилъ его о томъ же. Но онъ отвѣтилъ: «Гдѣ бумага? Покажи бумагу». Но теперь не время было препираться изъ-за бумаги и пускаться въ описанія коварства грековъ и въ объясненія причинъ, почему мы этой бумаги не согласились принять и считаемъ ее недѣйствительной. Для о. Іеронима достаточнымъ должно было быть то, что изъ 375 братій 302 низложили его, и онъ долженъ былъ подчиниться волѣ братіи и оставить свои прерогативы. Я еще въ третій разъ спросилъ его, но получилъ тотъ же отвѣтъ и отказъ покинуть добровольно игуменскую келлію и передать посохъ и печать. Тогда, какъ описываетъ о. Климентъ, я повернулся, но не къ двери, какъ говоритъ онъ, но нѣсколько наискось къ иконѣ Божіей Матери. Наступилъ моментъ перейти великую грань. Плотной стѣной стояли передо мной враги имени Господня, а за ними въ глубинѣ за очень широкимъ и длиннымъ письменнымъ столомъ возсѣдалъ глава ихъ, Іеронимъ. За мной и ближе къ дверямъ стояли въ равномъ числѣ исповѣдники и защитники Божества имени Господня. Всѣ мы были безоружны, хотя относительно нѣкоторыхъ іеронимовцевъ намъ было доподлинно извѣстно, что у нихъ

имѣлись револьверы, которые они брали съ собой, когда путешествовали по горѣ ради самозащиты отъ частыхъ на Аѳонѣ разбойниковъ. Возможно было, что эти револьверы находились и сейчасъ при нихъ. Тотъ фактъ, что всѣ мы пришли къ игумену безоружными, говоритъ самъ за себя, ибо если бы мы имѣли тѣ агрессивныя мятежническія и бунтовщическія намѣренія, которыя приписываетъ намъ о. Климентъ, то неужели же мы не вооружились бы хотя палками... Всѣ замолкли и ждали словъ отъ меня. Но передо мной не Иеронимъ сидѣлъ, окруженный иноками-имяборцами, но мысленно за этимъ прообразомъ стояла предо мною неприступная позиція, которую занимало имяборчество, ополчившееся вдругъ противъ имени Господня. И дѣйствительно, крѣпка была позиція имяборцевъ. Крѣпка была клеветой, удобопріемлемостью ихъ проповѣди невѣрія во имя Господне для интеллигентствующихъ умовъ, рационалистически настроенныхъ.

Смущала меня и та мысль, что Иеронимъ мой бывший духовный отецъ и игумень, и мнѣ тѣмъ болѣе трудно было рѣшиться употребить противъ него силу, но выхода другого не было и надо было итти на приступъ на позицію имяборчества съ тѣми наличными ничтожными силами, которыя Самъ Богъ даетъ въ руки. Вотъ тѣ мысли, которыя проселись предо мной, когда я стоялъ, повернувшись къ иконѣ Божіей Матери, о чемъ упоминаетъ о. Климентъ. Итакъ, «во имя Отца и Сына и Святаго Духа — ура!»—и я сдѣлалъ движеніе по направленію къ игуменскому столу, но въ тотъ же моментъ былъ окруженъ имяборцами, причемъ два атлета, о. Іаковъ и о. Досиѳей, схватили меня обѣими руками за шею, одинъ спереди, другой сзади, и начали душить. О. Иеронимъ въ это же мгновеніе протянулся черезъ столъ и нанесъ мнѣ сильный ударъ кулакомъ въ лѣвое плечо. Братія исповѣдники сначала опѣшили и не поддерживали меня, но потомъ, увидѣвъ, что я окруженъ и что меня душатъ, бросились выручать и стали наносить удары Іакову и Досиѳею и наконецъ пересилили ихъ, освободивъ меня изъ ихъ рукъ, потащили ихъ изъ игуменской кельи. На другихъ іеронимовцевъ мое «ура» произвело ошеломляющее впечатлѣніе. Нѣкоторые, какъ, на примѣръ, Климентъ какъ бы остолбенѣли, другіе, какъ, на примѣръ, о. Меркурій и пѣвчій Николай, бросились къ окнамъ и стали разбивать ихъ, чтобы выброситься въ окно, до чего не допустила братія. Когда Іакова и Досиѳея выволокли изъ кельи, то я остался въ игуменской кельѣ одинъ передъ стѣнной имяборцевъ. Иеронимъ продолжалъ возсѣдать на своемъ игуменскомъ креслѣ, окруженный все еще густой толпой своихъ сторонниковъ. Итакъ, что же? Имяборческаѣ позиція нами не взята... И я снова съ крикомъ: «ура!» ринулся въ атаку и снова былъ встрѣченъ ударами; но снова изъ коридора подоспѣли защитники и снова выволокли тѣхъ, которые били меня, и снова опустѣла келья отъ имяславцевъ, и снова я остался одинъ.

Глава же имяборцевъ продолжалъ возсѣдать на своемъ игуменскомъ креслѣ, окруженный еще не малымъ числомъ сторонниковъ. И снова я пошелъ на «ура», и снова былъ встрѣченъ ударами, и снова выручила братія; затѣмъ двое наиболѣе сильныхъ имяславцевъ примѣнили слѣдующій способъ: бѣгомъ набрасывались на котораго-либо изъ стоявшихъ противъ меня іеронимовцевъ и, схвативъ его или за рукава, или за волосы, вытаскивали въ коридоръ и, передавъ другимъ, опять бѣгомъ возвращались тащить другого. Наконецъ, когда ряды имяборцевъ значительно опустѣли, тогда одинъ изъ братій, инокъ Маркъ, подошелъ къ о. Іерониму и сказалъ: «Что же вы, батюшка, до сихъ поръ сидите? Зачѣмъ противитесь братіи? Идите же наконецъ изъ кельи, мы васъ и пальцемъ не тронемъ». О. Іеронимъ послушался и вышелъ. И вотъ новый фактъ, который говоритъ самъ за себя. Несмотря на то, что Іеронимъ своими и словами, и дѣлами крайне возстановилъ противъ себя братію, «бунтовщики» имѣли столько рыцарскаго чувства благородства и столько благоговѣнія не къ личности самого Іеронима, а къ игуменскому его сану, что не позволили себѣ не только толкнуть Іеронима, но и какимъ-либо браннымъ словомъ его оскорбить. Но о. Клименту не удалось пройти неприкосновеннымъ, хотя и онъ вышелъ вмѣстѣ съ о. Іеронимомъ, ибо его хулы противъ имени Господня были черезчуръ велики, и поэтому ему досталось нѣсколько колотушекъ, которыя о. Климентъ преувеличивая до невѣроятія, говоритъ, что его били «смертнымъ боемъ». Если бы это было, какъ онъ говоритъ, то могъ бы онъ пройти вмѣстѣ съ о. Іеронимомъ въ Карею, отстоящую на цѣлую версту отъ скита, поѣхать на слѣдующій день въ Салоники къ генеральному консулу съ доносами... Вообще, пострадали только хулившіе передъ братіей имя Господне, другихъ, же сторонниковъ о. Іеронима, какъ, на примѣръ, о. Софронія и другихъ, пальцемъ не тронули. О. о. Досиѳей и Іаковъ пострадали за усиленную защиту о. Іеронима. Все-таки столкновение не имѣло характера ожесточеннаго и озлобленнаго и безъ оружія и происходило такъ, какъ описываетъ г. Косвинцевъ, а не такъ ужасно, какъ рисуетъ его о. Климентъ. Многое случившееся не было предвидѣно мною и происходило въ моемъ отсутствіи на площадкѣ за дверьми кельи. Если бъ я могъ видѣть драку, то, несомнѣнно, остановилъ ее. Бросался я на ура, чтобы придать братіи нужное мужество, дабы выдворить о. Іеронима изъ кельи, но бить никого не приказывалъ и самъ никому удара не нанесъ. Самъ Климентъ свидѣтельствуетъ, что я защитилъ его отъ побоевъ и даже говоритъ, что я якобы спасъ его жизнь, но это уже плодъ его горячей фантазіи, ибо жизни его опасности не угрожало. Не былъ также предвидѣнъ мной выводъ сторонниковъ Іеронима за порту, и произошло это тоже само собой. Первыхъ выведенныхъ изъ кельи игумена, о. Досиѳея и Іакова, отпустили въ ихъ кельи, а потомъ другихъ, извѣст-

ныхъ хулою на имя Господне, потащили изъ игуменской кельи прямо за порту. Когда я вышелъ изъ кельи, то было уже выведено 15 человекъ, и я увидѣлъ, что тащатъ еще двоихъ—Павлина и Фотія, и немедленно остановилъ братію и предоставилъ имъ возвратиться въ ихъ кельи. Отца Иеронима я тоже не намѣренъ былъ выводить за порту, но предполагалъ предоставить ему почетный покой въ лучшей кельи по его выбору, и когда мы вышли на дворъ, и братія спросила меня, куда вести о. Иеронима, то я сказалъ, чтобы послали за ключами отъ Успенской кельи, находившейся противъ трапезной за стѣной скита. Это была прекрасная келья съ церковью, гдѣ могъ бы въ полномъ спокойствіи и со всеми удобствами проживать жезъ-игумень со своимъ келейникомъ, причемъ мы предполагали удовлетворить его и денежно, о чемъ свидѣтельствуешь и самъ о. Климентъ. Итакъ, гдѣ же слѣды той ненависти и злобой мести Иерониму, которую мнѣ приписываетъ Климентъ? Когда я узналъ о проискахъ, которые пустилъ въ ходъ о. Иеронимъ, добываясь и отъ посольской власти, и отъ греческой церковной власти признанія меня еретикомъ и изгнанія меня съ Аѳона, я все-таки искалъ способъ сохранить о. Иеронима въ скиту, доставить ему всякій покой и всякое удобство къ духовной жизни и только считалъ необходимымъ для блага скита, чтобы онъ сложилъ съ себя власть.

Подойдя къ о. Иерониму, я спросилъ его, желаетъ ли онъ поселиться въ Успенской кельѣ. Но онъ попросилъ отпустить его «на всѣ четыре стороны». Я не смѣлъ задерживать его, дабы это не было истолковано въ смыслъ насилія, и провелъ его за ворота. Выйдя за ворота, о. Иеронимъ повернулся, перекрестился и затѣмъ, поклонившись мнѣ до земли, сказалъ: «Простите». Съ нимъ рядомъ стоялъ о. Климентъ, который сдѣлалъ то же и сказалъ: «Простите». Сдѣлалъ и я имъ земной поклонъ и попросилъ прощенія, и они пошли на Карею. Раньше удаленные изъ скита, о. Меркурій и другіе имяборцы успѣли въ это время поднять на ноги полицію и проинформировать тревогу. Они донесли, что игумена бьютъ смертнымъ боемъ и просили послать для спасенія его отъ возмущившейся и обезумѣвшей братіи солдатъ. Цѣлая рота была поднята и бѣгомъ направлена къ скиту, но каково же было удивленіе греческихъ властей, когда они увидали о. Иеронима цѣлымъ, здоровымъ и неприкосновеннымъ, спокойно шествовавшимъ на Карею въ сопровожденіи о. Климента. Подойдя къ скиту, военныя власти увидали, что тамъ царитъ уже полное спокойствіе. Наступило 4 часа пополудни, время малой вечерни, и ударили въ колоколь. Была суббота, и братія чинно, мирно, молча стекалась въ храмъ. Въ это время, какъ происходилъ бой въ игуменской кельѣ, нѣкоторые изъ братій, видя, что съ о. Иеронимомъ нѣтъ въ кельѣ нѣкоторыхъ изъ его главныхъ сподвижниковъ, о. Софронія, Аноима, Иоасафа и Владимира, бросились къ ихъ кельямъ. Но и это произошло безо всякаго мо-

его вѣдома. Эти братія позволили себѣ произвести обыскъ въ этихъ кельяхъ, но не съ корыстной цѣлью и абсолютно ничѣмъ не пользовались. У о. Софронія были отобраны кошелькъ съ десяткомъ или двумя золотыхъ, принадлежавшими скиту, ибо остались у него отъ поѣздки съ игуменомъ на мѣтоху. Золотые были представлены въ хозяйственное правленіе. Записанное г. Троицкимъ, для характеристики ложныхъ слуховъ, что будто у о. о. Владимира, Иоасафа и Анфима были отобраны при этомъ какія-то громадныя суммы, представляетъ собой совершенный вымыселъ, также и основанное на этомъ случаѣ заявленіе епископа Анатолія, сдѣланное имъ съ трибуны Государственной Думы, будто этотъ грабѣжъ¹⁾ былъ совершенъ по моему распоряженію и даже мною самимъ и что будто эти суммы по экспроприаціи ихъ были затѣмъ вывезены мною въ Россію!

Присовокуплю къ всему сказанному и то, что вице-консулъ Щербина, прибывъ въ скитъ 24-го января, лично посѣтилъ этихъ старцевъ Софронія, Анѣима, Иоасафа и Владимира и спрашивалъ ихъ, не потерпѣли ли они какого-либо насилія, или не подвергались ли они какому-либо отнятію имущества, но тѣ категорически отвѣтили, что этого съ ними учинено не было. Была отнята крупная сумма только у бывшаго настоятеля Андреевскаго подворья въ Петроградѣ, о. Досиея, того самаго, который душилъ меня за горло. Произошло это такъ: когда о. Досиея оторвали отъ меня и поволокли изъ кельи, то обнаружилось, что у него на спинѣ подвѣшенъ подножный маленькій молитвенный коврикъ. Этотъ коврикъ на спинѣ былъ болѣе чѣмъ подозрителенъ, и его отняли и вскрыли. Оказалось въ немъ процентныхъ бумагъ на 10000 р. Все это произошло безъ моего вѣдома. Деньги были переданы въ хозяйственное правленіе скита. На это отобраніе у него денегъ о. Досиеей приносилъ жалобу вице-консулу Щербинѣ, но дальнѣйшая участь его жалобы мнѣ неизвѣстна.

Насильное выдвореніе игумена изъ его кельи и добровольное его удаленіе изъ скита не имѣли характера общаго переворота и ниспроверженія всего прежняго строя скита, ибо всѣ должностныя лица и управленіе въ скиту остались нетронутыми и даже несмотря на то, что большую его часть составляли сторонники Иеронима. Всѣ прежніе эпитропы, а ихъ было четыре годовыхъ, назначенныхъ изъ числа 12-ти соборныхъ старцевъ, остались на своихъ мѣстахъ, кромѣ изгнаннаго о. Меркурія, мѣсто котораго занялъ о. Константинъ. О. Меркурій имѣлъ ключи отъ малой расходной кассы и отказался передать ихъ о. Константину; поэтому малую кассу принуждены были вскрыть, ключи же большой кассы

¹⁾ Эта клевета, замолчанная, впрочемъ, моимъ ретивымъ противникомъ о. Климентомъ, была опровергнута въ печати противникомъ моимъ, г. Троицкимъ.

продолжали оставаться у прежнихъ ключеносцевъ. Поэтому никакого опасенія за прикосновенность скитскихъ документовъ и капиталовъ быть не могло, и та клевета, которую передъ посольствомъ немедленно же возвели иеронимовцы, будто братія разграбила кассу и похитила нѣсколько сотъ тысячъ рублей, а также просьба Теронима о томъ, чтобы меня не выпускали съ Аѳона, ибо я могу вывезти съ собой всѣ эти капиталы скита, были злонамѣреннымъ вымысломъ. Когда по прибытіи архіепископа Никона братія была принуждена покинуть скитъ, то хозяйственное правленіе сдало всѣ скитскіе капиталы въ полной неприкосновенности. Итакъ, мы видимъ, что и эти факты опровергаютъ самымъ категорическимъ образомъ ту квалификацію, которую официально получили происшедшія въ скиту событія, какъ революція, или мятежь, или бунтъ. Старое хозяйственное правленіе оставалось въ силѣ впредь до законнаго избранія новаго правленія, которое произошло двѣ недѣли спустя. Произошло оно слѣдующимъ образомъ; каждый инокъ скита писалъ тайно отъ другихъ на листочкѣ 12 угодныхъ ему именъ. Затѣмъ каждый опускалъ свой листокъ въ замкнутый на ключъ ящикъ съ прорѣзью на крышкѣ, который затѣмъ въ присутствіи всѣхъ былъ открытъ, записки прочтены, и получившіе большинство голосовъ были избраны въ соборные старцы. Въ число вновь избранныхъ вошла половина бывшихъ соборныхъ старцевъ въ предшествовавшемъ году. Не представлялъ совершившійся переворотъ и чего-либо необычнаго въ аѳонской жизни, ибо междоусобія на Аѳонѣ въ монастыряхъ далеко не рѣдкость, но даже, къ сожалѣнію, заурядное явленіе. Такъ, на примѣръ, въ Иверѣ два года передъ тѣмъ порта была заперта чуть ли не въ теченіе года, и столкновеніе грековъ, подданныхъ королевства, съ греками, подданными Турецкой имперіи, было такъ остро, что не обошлось и безъ человѣческихъ жертвъ. Прежній игуменъ былъ насильственно смѣненъ и заключенъ въ кельѣ. Въ Зографскомъ болгарскомъ монастырѣ произошло за годъ передъ тѣмъ такое же насильственное низложеніе игумена и поставленіе другого, и тоже это не обошлось безъ побоищъ. То же произошло въ Ксенофѣ. Однимъ словомъ, хроника Аѳона полна этими волненіями въ обителяхъ, вызываемыми партійностью. Въ самомъ Андреевскомъ скиту было въ 1876 году насильственное низложеніе настоятеля о. Ѳеодорита. Однако право неприкосновенности обителей и самоуправленія ихъ во внутренней ихъ жизни такъ свято чтилось, что ни греческія власти не рѣшались насильно открывать святыя ворота въ монастыряхъ, когда братія во время междоусобія ихъ запирала, ни турецкое правительство; и даже экзархъ, присланный однажды патріархомъ въ обитель, въ которой происходило междоусобіе, и требовавшій, чтобы его впустили во имя патріарха, допущенъ не былъ. Такимъ образомъ, вооруженное вмѣшательство власти во внутреннюю жизнь обителей и вторженіе съ военной си-

лой въ русскіе монастыри есть первый случай въ исторіи Аѳона и священное право неприкосновенности обителей было впервые нарушено архіепископомъ Никономъ и посломъ Гирсомъ. Ничтожная потасовка въ скиту не можетъ быть приравнена кровопролитію, которое произошло въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ 3-го іюля 1913 года, когда обильно передъ тѣмъ угощенные виномъ солдаты послѣ часового обливанія монаховъ изъ пожарной кишки по командѣ: «Бей монаховъ штыками и прикладами!» бросились на безоружныхъ и беззащитныхъ иноковъ, и все мѣсто было забрызгано кровью... Имяборцы этотъ дѣйствительный ужасъ такъ ступшевываютъ, что онъ представляется ими читателю чуть ли не какъ какое-то учтливое выдвореніе. При этомъ насильниками выставляются «имябожники», а архіепископъ Никонъ восхваляется, какъ мудрый и гуманный умиротворитель Аѳона. Въ мирныхъ иноческихъ братствахъ, думалось бы, не должно быть мѣста междоусобию. Но увы! и покинувъ міръ, люди остаются людьми. Вѣрно то, что отъ людей въ пустыню убѣжать можно, но отъ страстей никуда не убѣжишь: съ ними одинаково надо бороться и въ міру, и тѣмъ болѣе въ монашествѣ.

14-го января былъ созванъ снова всеобщій братскій соборъ, и братія было предложено исполнить желаніе Ватопедскаго монастыря и переизбрать игумена, какъ то было указано монастыремъ, т. е. изъ четырехъ кандидатовъ и закрытой баллотировкой. Однако братія въ одинъ голосъ отказалась отъ выбора другихъ кандидатовъ, кромѣ о. Давида, и пришлось покориться волѣ братіи. Тогда снова были собраны подписи тѣхъ, которые желаютъ имѣть игуменовъ, и снова ихъ собралось 307. Былъ созванъ затѣмъ соборъ старцевъ скита, т. е. 12-ти соборныхъ старцевъ. Этотъ соборъ, коего половина не сочувствовала избранію о. Давида и стояла за о. Иеронима, принимая во вниманіе единодушное желаніе братіи, добровольно присоединилась по обычаю къ большинству и тоже подписалась за о. Давида. Впослѣдствіи вице-консулъ Шербина спрашивалъ о семъ старца Анеима, по принужденію ли онъ подписался подъ избраніемъ о. Давида, или безъ принужденія. Тотъ отвѣтилъ, что по установившемуся обычаю при выборѣ новаго игумена, когда опредѣлится большинство, то и меньшинство подписывается подъ списками, которые затѣмъ и представляются въ монастырь для утвержденія. 14-го же къ вечеру отправились въ Ватопедь депутаты о. Константинъ и о. Фортунатъ съ бумагой, въ которой братія просила утвердить выбраннаго ими вновь во игумены о. Давида. Греки, какъ всякая торговая нація, преклоняющаяся предъ силой, не только не встрѣтили нашихъ представителей укорами, не только не ставили намъ въ вину то, что мы, отвергнувъ ихъ соборное рѣшеніе отъ 12-го января, распорядились по-своему, но, напротивъ—выразили еще большіе знаки уваженія нашимъ представителямъ, чѣмъ раньше. Ихъ приняли ласково и на соборѣ шутя и смѣясь раз-

спрашивали, кому больше попало. Смѣялись и говорили: «Хорошее было у васъ рукоположеніе!» Они согласились утвердить о. Давида, и выразили это официально въ бумагѣ за № 15-мъ отъ 15-го января 1913 г., которая гласила, что хотя Ватопедъ и недоволенъ тѣмъ, что избраніе было сдѣлано открытой баллотировкой и безъ предварительнаго избранія четырехъ кандидатовъ, но тѣмъ не мѣнѣ признается ими правильнымъ (каноничнымъ), и посему 19-го января имѣютъ прибыть въ скитъ ватопедскіе проэсты для поставленія архимандрита Давида на игуменство. Какъ мы видимъ, ватопедскіе старцы не помянули болѣе требованія изгнать о. Антонія Булатовича за единомысліе съ книгой о. Иларіона; не упоминалось больше ими и о какихъ-либо ересеяхъ. Греки видѣли, что если поставить дѣло на эту почву, какъ того добивался Иеронимъ, то это заведетъ ихъ черезчуръ далеко и можетъ вызвать большое неудовольствіе въ Россіи, гдѣ у Ватопеда были серьезные денежные интересы, большія земельныя владѣнія въ Бессарабіи, которыми управляло наше правительство и съ которыхъ они ежегодно получали крупнѣйшія суммы. Они никакъ не могли, конечно, подозревать, что русскіе не только ничего не будутъ имѣть противъ примѣненія ими противъ русскихъ же религіознаго остракизма, но, наоборотъ, сами вызовутъ ихъ на это и сами будутъ побуждать ихъ къ тому, чтобы во исполненіе «слезной просьбы» Климента и Иеронима признать Андреевскую и Пантелеймоновскую обители неправославными и изгнать около 2 тысячъ иноковъ со Святой горы... (я говорю около двухъ тысячъ, ибо на первомъ пароходѣ «Херсонъ» было насильно вывезено 616. Затѣмъ на слѣдующихъ трехъ очередныхъ пароходахъ выѣхало добровольно еще гораздо большее число иноковъ, которые жили или въ кельяхъ, или на хуторахъ и не согласились дать требуемой подписки о непризнаніи Божества имени Господня). Если бы имяборцы не помѣшали грекамъ осуществить поставленіе во игумены о. Давида, на Аѳонѣ воцарился бы миръ, и имяборцы смирились бы и перестали бы хулить и унижать имя Господне, и Аѳонъ пребылъ бы неприкосновеннымъ, и русское населеніе на немъ не умалилось бы на половину, какъ нынѣ, и соблазна для всего міра не было бы...

16-го января Иеронимъ, узнавъ о состоявшемся рѣшеніи Ватопеда, послалъ своего наперника о. Меркурія снова слезно умолять ватопедскихъ старцевъ отложить поставленіе о. Давида хотя бы на нѣсколько дней, говоря, что этого требуетъ посольская власть, которая извѣстила о семь о. Иеронима телеграммой. Это была неправда: телеграмма, полученная о. Иеронимомъ, была не отъ посольской власти, а отъ о. Климента, который самъ признается, что немедленно же вслѣдъ за изгнаніемъ изъ скита отправился въ Солунь и тамъ донесъ въ андреевскую братію, что они мятежники, бунтовщики и еретики, что онъ и повторялъ на страницахъ «Исто-

рическаго Вѣстника», оклеветавъ еще и какъ громителей казны монастырской. Въ Солуни онъ добился командированіе на Аѳонъ вице-консула Щербины съ категорическимъ приказаніемъ посла возстановить на игуменство о. Иеронима. Поэтому, когда 18-го января наши представители Fortunatъ и Константинъ снова были посланы въ Ватопедъ, дабы привезти проэстосовъ для поставленія о. Давида на игуменство, то Ватопедъ отвѣтилъ новой бумагой, что въ виду требованія посольской власти онъ отлагаетъ поставленіе на нѣсколько дней. О происшедшихъ событіяхъ нами официально донесено за подписью соборныхъ старцевъ какъ константинопольскому посольству и салоницкому генеральному консульству, такъ и російскому Святѣйшему Синоду, причемъ высказаны и истинные религіозные мотивы, вынудившіе насъ смѣнить о. Иеронима, и приложена та исповѣдная формула, которая была принята нами 10 января 1912 г. При этомъ мы просили Святѣйшій Синодъ разсмотрѣть эту исповѣдную формулу и высказаться, правильна ли она, и если нѣтъ, то указать, какія слѣдуетъ сдѣлать поправки. Но, какъ потомъ мы узнали, это донесеніе Синоду представлено не было и исповѣдная формула разсмотрѣна тоже не была, ибо въ Синодѣ въ то время всецѣло преобладалъ архіепископъ Антоній. Онъ внушилъ Синоду, что мы еретики и что эта ересь требуетъ самаго энергичнаго искорененія, какъ то и видно въ приводимомъ ниже письмѣ его и въ принятій самыхъ рѣшительныхъ мѣръ, подъ предлогомъ, что греки якобы признають русскихъ еретиками и отымутъ отъ нихъ все обители... Итакъ, сбылось то, что говорить Писаніе: «и солга неправда себѣ», ибо не греки искали признанія русскихъ неправославными, а сами русскіе слезно молили объ этомъ и затѣмъ въ томъ же направленіи воздействовали на грековъ и посольскою, и духовною російскою властью; и не патріархъ возбудилъ дѣло объ осужденіи книги о. Иларіона, но сами аѳониты добились всякими происками двусмысленнаго и нерѣшительнаго запрещенія патріарха читать эту книгу, несмотря на то, что она была допущена въ трехъ изданіяхъ російской духовной цензурой. Это достигнутое такими окольными путями запрещеніе патріарха торжественно названо было имяборцами «грамотой»: но на самомъ дѣлѣ оно даже лишено было подписи имени патріарха,—и эта мнимая грамота была «положена во главу угла» во всемъ дальнѣйшемъ судопроизводствѣ; и, опираясь на это запрещеніе и осужденіе патріархомъ книги о. Иларіона, архіепископъ Антоній потребовалъ запрещенія ея и въ Россіи, русскіе на Аѳонѣ имяборцы-иеронимовцы потребовали признанія неправославными всехъ единомысленныхъ съ этой книгой, чего и достигли...

VIII.

20-го января вице-консулъ Щербина прибылъ на Святую гору въ сопровожденіи о. Климента. Это былъ безусый юноша съ добрымъ, повидимому, сердцемъ, но, будучи увѣренъ, что имѣеть дѣло съ «бунтовщиками», «мятежниками» и «еретиками», долженъ былъ проявить суровость. Поэтому онъ сталъ начальственно кричать на братію, даже и въ храмѣ, куда впервые и пришелъ и куда потребовалъ къ себѣ братію. Онъ тамъ заявилъ, что императорское правительство смотритъ на насъ, какъ на бунтовщиковъ, и ни въ коемъ случаѣ не соизволитъ на выборъ нами въ игумены о. Давида и требуетъ возстановленія о. Иеронима, угрожая въ случаѣ несогласія всякими карами. Мы попросили заносчиваго юношу, во-первыхъ, не кричать въ храмѣ, ибо это не приличествуетъ святому мѣсту, а затѣмъ объяснили ему, что скитъ пользуется правомъ самоуправленія, которое дано скиту его господствующимъ монастыремъ, причемъ права скита ясно выражены въ скитскомъ уставѣ. До сихъ поръ Россійская власть не вмѣшивалась въ самоуправленіе обители, и выбираемые игумены никогда не представлялись на утвержденіе посольства, и о состоявшихся смѣнахъ игуменовъ только доводилось до свѣдѣнія Россійской посольской власти и министерства внутреннихъ дѣлъ. Утверждали же игуменовъ греческія монастырскія власти. Что же касается о. Давида, то онъ былъ избранъ на основаніи статьи 4-ой устава скита, которая предоставляетъ братіи право въ случаѣ недовольства игуменомъ избирать по желанію новаго, и для того достаточнымъ признается простое большинство голосовъ. О законности такого избранія свидѣтельствуетъ и согласіе Ватопеда утвердить о. Давида, которое монастырь письменно подтвердилъ въ официальной бумагѣ подъ № 15-мъ. О. Иеронимъ былъ нами только насильно выдворенъ изъ кельи, которую онъ не желалъ уступать, невзирая на состоявшееся низложеніе его братіей. Бунта въ скиту никакого не было; ибо братія только воспользовалась своимъ законнымъ правомъ, нѣтъ такъ же и ереси, ибо то, что мы говоримъ о имени Божіемъ, что оно есть Самъ Богъ, много лѣтъ раньше насъ высказалъ о. Іоаннъ Кронштадтскій, и духовная цензура сему не противилась. То же высказывалось и у другихъ св. отцовъ.

Щербина удалился, а на слѣдующій день пришелъ съ ватопедскимъ прозосомъ Аркадіемъ. Грекъ снова измѣнилъ свое лицо и совершенно сталъ отрекаться отъ того, что Ватопедъ письменно согласился признать о. Давида. Отрекался онъ отъ этого даже тогда, когда мы показали подлинную бумагу, гласившую, что избраніе признается правильнымъ и 19-го января власти придутъ для поставленія его на игуменство. «Да, да,—сказалъ онъ:—ваше

избраніе мы признали «каноникось», т. е. «подлежащимъ наказанію», безъ всякаго стѣсненія говорилъ онъ, играя словами. «Но если вы въ этомъ смыслѣ сказали: «каноникось», тогда зачѣмъ же общались вы 19-го пріѣхать на поставленіе игумена?» спросили мы. Слово «каноникось» имѣеть два смысла, а именно: каноничный, т. е. согласный съ установленными канонами, правилами и, слѣдовательно, правильный, а иногда такъ говорятъ о томъ, что подлежитъ наказанію по установленнымъ канонамъ. Но въ бумагѣ слово «каноникось», безо всякаго сомнѣнія, означало «правильный», что подтверждаетъ и о. Климентъ, говоря, что этимъ соглашеніемъ греки сдѣлали «искусный маневръ». Но на самомъ дѣлѣ не греки сдѣлали «искусный маневръ», а о. Климентъ сдѣлалъ весьма искусный маневръ, добившись отъ грековъ того, чтобы они завѣдомо православныхъ до того и православныхъ послѣ того признали ради просьбы о. Климента въ нужное для него время неправославными, и благодаря этому искусному маневру удержалъ власть за Иеронимомъ...

Видя, что братія твердо стоитъ на своемъ правѣ и отнюдь не желаетъ поступиться имъ и отказаться отъ своего новаго игумена о. Давида, Щербина съ избыткомъ юношескаго рвенія, желая все-таки поставить на своемъ, пошелъ по тому пути, который ему указали Климентъ и Иеронимъ, и объявилъ намъ, что если мы не примемъ обратно на игуменство Иеронима, то «мы васъ предадимъ на растерзаніе грекамъ». Узнавъ о томъ, что мы послали донесенія въ посольство и въ російскій Синодъ, онъ попросилъ копию, которую ему дали, и эту копию затѣмъ передалъ въ протатъ Святой горы, чего отнюдь не имѣлъ права дѣлать, и перенесъ дѣло на религіозную почву, указавъ религіозныя причины смѣны о. Иеронима и ту, которую мы не намѣревались представлять на обсужденіе грекамъ, дабы не усложнять дѣла, но представляли въ російскій Синодъ. Такимъ образомъ, русскій дипломатъ не только толкнулъ грековъ на вмѣшательство во внутреннюю автономію русскихъ обитателей, но и во внутренніе религіозные споры. Такимъ образомъ, послѣ отказа Андреевскаго скита принять игуменство о. Иеронима само російское посольство въ лицѣ Щербины стало добиваться, чтобы греки признали Андреевскій скитъ неправославнымъ, и это домогательство протатъ съ удовольствіемъ уважилъ, и 30 января послѣдовало объявленіе кинотомъ Святой горы, что Андреевскій скитъ, какъ содержащій ложное ученіе «о Второмъ Лицѣ Святой Троицы», «признается злословнымъ», почему и «отлучается отъ церкви впредь до суда великой церкви», причемъ воспрещается прочимъ насельникамъ Святой горы имѣть всякое общеніе съ злословнымъ скитомъ. Я думаю, каждый благомыслящій человѣкъ возмутится такимъ образомъ дѣйствій нашего дипломата, который ради какихъ-то частныхъ цѣлей прибѣгъ къ тому, что самъ на-

травиль и безъ того враждебное туземное населеніе на русскихъ да еще на религіозной почвѣ. Несправедливость такого образа дѣйствія особенно рельефна, если прицѣпъ во вниманіе то, что тѣ самыя лица, которыя безъ всякаго суда и слѣдствія по предложенію нашего дипломата были признаны греками «злославными», «отлучены отъ церкви»—и не послѣ суда великой церкви, а, что совершенно необычайно, «впредь до суда великой церкви»—были, когда судъ состоялся, найдены вполнѣ православными. Послѣ того, какъ ихъ насильно вывезли въ Россію, 25 главныхъ «главарей имябожцевъ» были преданы церковному суду, который состоялся при московской синодальной конторѣ подъ предсѣдательствомъ митрополита Макарія, и на судѣ признали ихъ полное общеніе съ церковью.

Въ первый же свой приходъ въ скитъ г. Щербина отъ имени посла потребовалъ подписку о немедленномъ моемъ выѣздѣ съ Аѳона. Я на это отвѣтилъ, что подписки я никакой не дамъ, но противъ выѣзда съ Аѳона ничего не имѣю и выѣду на одномъ изъ слѣдующихъ пароходовъ.

Противъ скита были приняты Щербиной слѣдующія репрессивныя мѣры: 1) было запрещено выдавать или принимать отъ андреевской братіи на русской пароходной почтѣ какую-либо корреспонденцію, простую, денежную и заказную; 2) запрещено было пароходной конторѣ принимать или выдавать лицамъ, находившимся въ скиту, какіе-либо грузы, такъ что даже продовольственные грузы, какъ, напр., картофель и мука, выписанные изъ Одессы, гнили на пристани и не выдавались въ скитъ; 3) приказано было выдавать о. Иерониму ту денежную корреспонденцію благодѣтелей, которая адресовалась на имя всей братіи. Такимъ образомъ, установилась полная блокада скита. Началась знаменитая «осада» Андреевскаго скита, который былъ, такъ сказать, обложенъ со всѣхъ сторонъ: осада съ моря, не пропускавшая въ скитъ ни продовольствія, ни корреспонденціи, и осада съ суши, состоявшая изъ строгаго запрещенія кому-либо изъ насельниковъ Святой горы общаться съ злославнымъ скитомъ. Всеоружіе греческой церковной власти грозило преданіемъ анаѳемѣ и изгнаніемъ съ Аѳона; всеоружіе російской посольской власти грозило канонерками и выселеніемъ военной силой. Безвыходнымъ казалось положеніе осажденнаго скита, но не для тѣхъ, кто вѣровалъ истинно въ Господа Іисуса, за честь имени котораго стоялъ... Но гдѣ же было искать помощи? Взоры всѣхъ имяславцевъ обратились къ отечеству; тамъ слѣдовало выяснить всю истину создавашагося положенія, туда надо было кому-либо ѣхать и все обсказать, и выборъ всѣхъ палъ на меня. Имяборцы чувствовали, что есть единственный выходъ для осажденнаго скита, и поэтому они, до сего яростно требовавшіе изгнанія моего, теперь всячески старались не выпустить со Святой горы и по обычаю

своему для достиженія сего снова пустили въ ходъ клевету. Узнавъ черезъ своимъ развѣдчиковъ, что я долженъ ѣхать въ Россію, о. Іеронимъ донесъ о семъ г. Щербинѣ и просилъ запретить мнѣ выѣздъ подь предлогомъ, что я могу увезти съ собой капиталы скита. Я не подозрѣвалъ о сей клеветѣ. Когда же сѣлъ на пароходъ, то на него немедленно же явился и Щербина. Однако юная совѣсть не допустила его меня задержать. Узнавъ, что я ѣду въ Салоники въ генеральному консулу, онъ пропустилъ меня, пославъ ему обо мнѣ письмо. Но и тамъ меня не задержали, а, посадивъ на пароходъ, отправили въ Одессу. Каково же было мое удивленіе, когда въ Одессѣ вслѣдъ за моимъ прибытіемъ туда явилась полиція и по приказанію, телеграфически переданному изъ Константинополя, я былъ обысканъ съ ногъ до головы! Искали какихъ-то процентныхъ бумагъ и капиталовъ, но ничего, конечно, кромѣ карманныхъ денегъ на дорогу, не нашли и отпустили съ миромъ. Но въ Петроградѣ меня ожидало новое гоненіе и новыя скорби. Узнавъ о моемъ прибытіи, меня не только не пожелали выслушать въ Синодѣ, но немедленно же явился благочинный монастырей и потребовалъ чтобы я далъ подписку о немедленномъ выѣздѣ изъ столицы, куда якобы я не имѣлъ права пріѣзжать, ибо для сего слѣдовало заранѣе испросить разрѣшенія Синода... Одновременно съ гоненіемъ началась и травля меня имяборцами въ печати. Имяборческіе корреспонденты сообщали обо мнѣ всякія небылицы, російскіе писаки повторяли всякіе вымыслы, меня рисовали какимъ-то ярымъ бунтовщикомъ съ громадными кулаками (на самомъ дѣлѣ я малъ ростомъ и слабъ), говорили, что я женатъ на абиссинкѣ, о. Иларіона называли моимъ денщикомъ, когда на самомъ дѣлѣ ему 90 лѣтъ и моимъ денщикомъ онъ никакъ быть не можетъ, да и не служилъ онъ никогда, въ концѣ концовъ съ каеэдры Государственной Думы я былъ названъ епископомъ Анатоліемъ «экспроприаторомъ»....

Но «слово Божіе не вяжется» и истины не утаишь. Хотя осада Андреевскаго скита окончилась тѣмъ, что послѣ знаменитаго ураганнаго окачиванія изъ пожарной кишки архіепископъ Никонъ взялъ штурмомъ имяславцевъ Пантелеймоновскаго монастыря 3-го іюля 1913 г. и вслѣдъ за симъ 8-го іюля сдался Андреевскій скитъ и 185 иноковъ этого скита принудительно посажены и вмѣстѣ съ 485 пантелеймоновскими иноками вывезены въ Россію, а вслѣдъ за ними бѣжали съ Аэона и еще цѣлая тысяча имяславцевъ, — несмотря на все это, исповѣданіе Божества имени Господня не было побѣждено, ибо ни одного свидѣтельства Св. Писанія скольконибудь прямого и основательнаго имяборцы не могли и доселѣ не могутъ представить въ защиту своего невѣрія въ имя Божіе.

Въ концѣ концовъ, какъ я уже упомянулъ, главари имяславія, къ коимъ причисленъ и я, будучи преданы духовному суду, состоявшемуся въ Москвѣ при синодальной конторѣ подь предсѣдатель-

ствомъ митрополита Макарія, были оправданы. По разсмотрѣніи ихъ исповѣданій не было найдено въ нихъ чего-либо противнаго ученію святыхъ отцовъ, но, напротивъ, въ нихъ повторялись лишь свидѣтельства святыхъ отцовъ. Итакъ, тѣ, которые за неправославіе были подвержены остракизму со Святой горы безъ слѣдствія и суда, были по совершеніи слѣдствія и суда найдены православными, и этотъ фактъ громко осуждаетъ всѣ тѣ дѣйствія, которыя въ угоду нямборцамъ, скажемъ, въ угоду архіепископу Антонію Храповицкому, были предприняты противъ имяславцевъ. Но и доселѣ о. Климентъ съ удивительнымъ апломбомъ говоритъ о имяславцахъ, какъ о явной, несомнѣнно признанной церковной ереси. Позволю себѣ по этому поводу привести письмо свѣтила современной россійской богословской науки профессора Муретова, которое онъ написалъ ректору московской духовной академіи по поводу той самой моей книги: «Апология вѣры во имя Божіе и имя Іисусъ», которая была названа о. Иеронимомъ «салатомъ» и которую онъ требовалъ сжечь. Да проститъ меня достоуважаемый профессоръ, что я открываю его славное имя. Вотъ это письмо:

«Ваше Преосвященство

«Высококочтимѣйшій Владыко.

«Весьма внимательно и даже съ большимъ удовольствіемъ прочиталъ я присланныя вами тетради. Вѣтъ духомъ истаго монашества, древняго, подвижническаго.

«Дѣло, конечно, совѣтъ не такъ просто, какъ взглянуть на него рецензентъ книги о. Иларіона. Корнями своими вопросъ объ Іисусовой молитвѣ и имени Спасителя уходитъ къ исконной и доселѣ не рѣшенной, точнѣе — не оконченной, борьбѣ противоположностей идеализма, или, что то же, реализма и мистицизма съ одной стороны,—и номинализма—онъ же и рационализмъ и матеріализмъ—съ другой.

«Простецы изъ истыхъ подвижниковъ и не мудрствующіе лукаво или опростившіеся богословы,—какъ Игнатій Брянчаниновъ, еп. Теофанъ, о. Иванъ,—непосредственнымъ опытомъ и интуитивно постигли, какъ и ранѣе ихъ многіе отцы и подвижники постигали,—истину, до коей ученымъ книжникамъ и философамъ приходится добираться съ большими трудностями и окольными путями схоластики и сложныхъ процессовъ мышленія.

«Истое христіанство и церковь всегда стояли на почвѣ идеализма въ рѣшеніи всѣхъ возникавшихъ вопросовъ—вѣроученія и жизни. Напротивъ, псевдо- и антихристіанство и инославіе всегда держались номинализма и рационализма.

! «Грани исторіи номинализма: софисты и т. д. до Ницше. Это въ

философш,—а въ церкви: распявшіе Христа архіереи, евіонен, Арій и т. д. до Варлаама и графа Толстого.

«Грани исторіи реализма: Сократъ съ Платономъ... до Гегеля съ его правою школою и Достоевскаго—въ философіи и художественной литературѣ,—а въ церкви: Евангеліе, ап. Павелъ и т. д. до Паламы и о. Ивана.

«Идеализмъ и реализмъ лежатъ въ основѣ ученія о единосущи и троеличности Божества, о богочеловѣчествѣ Спасителя, о церкви, таинствахъ, особенно евхаристіи, иконопочитаніи и т. д.

«И я лично весь на этой сторонѣ. Рецензентъ «Рус. Инока» и апологетъ о. Иларіона говорятъ не одно и то же, а совсѣмъ противоположное. И апологетъ далеко не невѣжественъ и неразвитъ формально,—напротивъ, полное невѣжество и непониманіе дѣла на сторонѣ рецензента.

«Вамъ извѣстны, конечно, продолжительные и ожесточенные споры средневѣковья между номиналистами и реалистами, когда дѣлались и попытки къ ихъ примиренію,—но неудачныя, ибо онѣ стояли на совершенно предмету чуждой почвѣ схоластики и раціонализма.

«Въ церкви восточной споры варлаамитовъ и паламитовъ также не рѣшили вопроса научно и догматически, а только канонически на помѣстныхъ соборахъ. Но тутъ нуженъ не канонъ, а догматъ, ко-его пока нѣтъ.

«Мнѣ суждена жизнь въ эпоху подъема волны матеріалистическо-раціоналистическо-номиналистической. Но есть признаки начинающагося возрожденія идеализма-реализма-мистицизма.

«Притомъ предстоитъ всероссійскій соборъ.

«Въ виду всего этого вопросъ, поднятый аеонитами, я считаю весьма своевременнымъ для всеобщаго обсужденія. Онъ можетъ дать поводъ къ перенесенію спора объ имени Иисусъ въ общедогматическія области и вызвать попытки если не къ рѣшенію, то хотя къ уясненію исконнаго спора (надо замѣтить, что эти противоположности есть и въ искусствѣ—живописи, музыкѣ, литературѣ,—да и вообще во всемъ въ томъ или иномъ видѣ).

«Слово всякаго языка и во всякомъ видѣ, пока оно живо и произносится устно или умно, есть, конечно, отраженіе идеи, имѣетъ реальную связь съ идеей, а идея тоже реальность, имѣющая и ипостасное бытіе. Примѣръ: рус. «благо» и евр. *tewo*, греч. *τὸ ἀγαθόν* и т. д.,—это слово,—затѣмъ «идея-благо» и, наконецъ. «Благо, Богъ, тріипостасный». Также и имя «Иисусъ», евр., а рус. «Богъ спасеніе» или «Богъ-Спаситель» или «Богочеловѣкъ»,—идея Богочеловѣка и ипостась Богочеловѣка. Спаситель Богочеловѣкъ можетъ именоваться и на безчисленномъ множествѣ языковъ, живыхъ, мертвыхъ и будущихъ,—и безчисленное количество разъ—тѣлесно и духовно. И все эти безчисленные слова-имена имѣютъ свою

реальность и ипостасность, какъ въ произносящемъ субъектѣ-человѣкѣ, такъ и въ произносимомъ объектѣ-Богочеловѣкѣ. Кто бы, когда бы, какъ бы ни именовалъ Спасителя, именующій каждый разъ вступаетъ въ то или иное отношеніе реальное къ именуемому. Я хочу сказать: разъ извѣстное слово-имя соединено съ извѣстною идеею и ее отражаетъ въ себѣ, то пока эта связь есть (а она не можетъ не быть, ибо слово есть принадлежность существа разумнаго), необходимо бываетъ и реально-ипостасное отношеніе субъекта-лица, произносящаго слово, къ идеѣ, коей носителемъ является объектъ-произносимый, тоже лицо. Такимъ образомъ, субъектъ (лицо, ипостась), произносящій слово «Иисусъ» или «Богочеловѣкъ» или «Богъ Спаситель», необходимо вступаетъ въ то или иное отношеніе реальное къ идеѣ и ипостаси Богочеловѣка.

«То же надо сказать и обо всѣхъ вообще именахъ, напр., «сатана, ангелъ, угодникъ Божій» и т. д. Возьмемъ «о. Иванъ Кронштадтскій». Ранѣе отца Ивана этого имени не было,—оно дано именно ему, выражаетъ его идею и отражаетъ его личность. Быть можетъ, оно и умретъ когда-нибудь и совсѣмъ исчезнетъ изъ человѣческой рѣчи. Но пока оно живо и произносится разумными существами, оно необходимо ставить произносящаго въ то или иное отношеніе, притомъ, конечно, реально, поскольку реально произносятъ и произносили,—къ реально-сущей въ лицѣ о. Ивана идеѣ, выражаемой его именемъ,—т. е. поскольку и кто называетъ о. Ивана и самъ о. Иванъ суть реальности и ипостаси.

«Такъ—каждое имя и всякое слово.

«Затѣмъ я не вхожу въ спеціальности гносеологии и онтологіи этого вопроса. Ибо и изъ сказаннаго, думается мнѣ, видно, что глумящіеся надъ именемъ Иисусъ въ душѣ ли, устно ли, на запискахъ и т. д.—все равно вѣдь знаютъ, что выражается имя и къ кому оно относится,—слѣдовательно, необходимо глумятся и надъ Самимъ Спасителемъ. Да и не могутъ не знать, и никакими софизмами нельзя очистить этого глумленія—только покаянiемъ. Поэтому-то хула на Духа не прощается, и за всякое, даже праздное, слово человѣкъ дастъ отвѣтъ. И никто, говорящій въ Духѣ Святомъ, не говоритъ: анаема Иисусъ (вообще Иисусъ безъ всякихъ опредѣлений,—ибо съ момента, какъ *Αδύος δάρξενετο*, есть только одинъ истинно-Иисусъ-Спаситель Богочеловѣкъ) и никто не можетъ сказать: Господь Иисусъ, только Духомъ Святымъ. Глумились надъ защитниками имени Иисусъ и молитвы Иисусовой, конечно, по недомыслию, а вѣрнѣе—по отсутствію истинно-христіанскаго чувства, которое всегда можетъ указывать истиннымъ христіанамъ вѣрный путь во всѣхъ соблазнахъ и недоумѣніяхъ,—что и видимъ въ монахахъ-простецахъ.

«Вѣдь мы живемъ и движемся и существуемъ въ Богѣ Отцѣ, Сынѣ и Духѣ,—въ Богочеловѣкѣ-Спасителѣ. Не только наше вѣдѣніе

тельное бытіе, не только наша духовно-тѣлесная жизнь въ Немъ, — но въ Немъ и наши движенія, тѣлесныя и духовныя. Наша мысль есть движеніе духа, наше слово есть духовно-тѣлесное движеніе. И это движеніе можетъ ставить насъ въ болѣе тѣсное единеніе съ Богомъ, какъ бы даетъ намъ осязать Бога (Дѣян. 17, 28—27) Поэтому произносящій молитву Иисусову реально соприкасается съ Самимъ Богомъ Иисусомъ, — какъ Ѳома, осязаетъ его духовно.

«Къ сожалѣнію, не располагаю временемъ къ болѣе подробному раскрытію этого важнаго предмета».

Въ запискахъ о. Климента мы нашли одно замѣчательное видѣніе, которое онъ самъ о себѣ записалъ, бывшее ему какъ разъ въ началѣ 1912 г. и именно тогда, когда онъ только что начиналъ свою имяборческую дѣятельность. Увидѣлъ онъ однажды крестъ, у котораго одинъ уголь обожженъ. Нѣсколько дней спустя онъ увидалъ снова крестъ, въ которомъ опять-таки одинъ уголь обожженъ. Крестъ есть символъ имени Святой Троицы и имени Иисуса Христа, ибо вертикально расположенные одинъ подъ другимъ два конца креста символизируютъ: верхній—Отца, рождающаго Сына, а нижній—Сына, рождающагося отъ Отца. Горизонтальные же два конца символизируютъ Духа Святаго, отъ Отца исходящаго и съ Сыномъ пребывающаго. Сдѣлавшись орудіемъ распятія, крестъ символизируетъ спасеніе людей Спасителемъ—«Иисусомъ»—Богомъ, воплощеннымъ и распятымъ нашего ради спасенія. Итакъ, это двукратное видѣніе поврежденнаго креста, у котораго одинъ конецъ обожженъ, должно намекнуть о. Клименту, что онъ посягаетъ на имя Распятаго Бога Иисуса, отвергая Божественное достоинство и неотдѣлимость отъ Господа Иисуса Его имени. Черезъ нѣсколько дней снова увидалъ себя о. Климентъ передъ крестомъ, и на немъ увидалъ Самого Распятаго страждущаго Иисуса. Около креста стояла группа людей. Климентъ двинулся къ Распятому, но люди подняли на него руки съ камнями, дабы побить его камнями, но руки ихъ были удержаны невидимой силой Господа, страждущаго на крестѣ. Теперь спрашивается, кто распиналъ Господа Иисуса во имени Его?—Имяборцы, къ которымъ примкнуть собирался о. Климентъ. Что повелѣно Богомъ за хуленіе или глумленіе надъ именемъ Его?—Побивать камнями, какъ о томъ гласитъ слово Божіе. Но многомилостивый Господь, поношаемый и распинаемый во имени Своемъ, умилился о невѣдѣніи имяборцевъ, благодаря которому они враждуютъ противъ имени Его, и удержалъ праведное негодованіе православныхъ христіанъ, окружавшихъ его, которые готовы были побить камнями имяборцевъ на Аѳонѣ. Климентъ подошелъ безпрепятственно къ тому кресту, на которомъ онъ самъ распиналъ возлюбленнаго своего Господа, самъ того не вѣдая, ставъ на колѣни, по молился, а затѣмъ снова всталъ и пошелъ отъ креста.

Тогда снова рабы Христовы подняли на него руки съ камнями, дабы побить его по закону камнями за хуленіе имени Господня, но снова были удержаны, и о. Климентъ, подойдя къ нимъ, спросилъ ихъ: «Вы православные?» по слѣдующей верси: «Вы христіане?».— «Да, мы православные». За что же вы меня бить хотите?»—и съ тѣмъ пробудился и записалъ свое видѣніе, которое затѣмъ было найдено при обыскѣ его кельи. Итакъ, какъ видно изъ его статьи, до сихъ поръ не сознаетъ мой собратъ того, что подлежитъ онъ «побіенію камнями» за ту хулу на имя Господне и за тотъ соблазнъ, которые онъ такъ увѣренно распространяетъ, расшатывая въ православныхъ вѣру въ то, что имя Господне неотдѣлимо отъ Именуемаго и, будучи на видъ обыкновеннымъ человѣческимъ словомъ, содержитъ въ себѣ Самого Бога. По внутренней же своей сторонѣ, будучи Божественной Истиной, есть Божій мысленный Свѣтъ и Истинный Богъ.

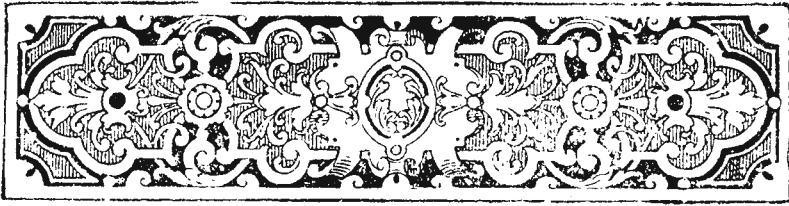
Не менѣе удивительное видѣніе было и нашему игумену о. Иерониму. Передъ самымъ своимъ выборомъ на игуменство, когда онъ не имѣлъ совершенно никакихъ шансовъ и даже не былъ избранъ кандидатомъ, онъ увидалъ во снѣ покойнаго игумена архимандрита о. Иосифа. Тотъ ему сказалъ: «Береги четвергъ», а затѣмъ подвелъ его къ окну и показалъ на море и сказалъ: «Смотри», и увидалъ о. Иеронимъ черезъ море прямую дорогу, свѣтящуюся Божественнымъ свѣтомъ. На этомъ видѣніи окончилось. Послѣ этого совершенно неожиданно младшая братія, та самая (которую онъ нынѣ изгналъ) противъ желанія старцевъ потребовала, чтобы поставили кандидатомъ также и о. Иеронима, и онъ былъ избранъ. Это произошло въ четвергъ, и о. Иеронимъ разсказалъ многимъ это удивительное видѣніе, но свѣтлый огненный путь черезъ море былъ до послѣдняго времени для всѣхъ непонятенъ. Но теперь путь этотъ дѣлается понятнымъ. Низложеніе о. Иеронима, такъ же какъ и избраніе его, произошло въ четвергъ, 10-го января. Огненный же сіяющій Божественнымъ свѣтомъ путь черезъ море есть тотъ славный путь исповѣдниковъ имени Господня, которымъ они прославили имя Господне твердостью своего исповѣданія и вѣры во имя Господне, и тѣмъ сподобились славной участи быть изгнанными и поношаемыми имени Иисусова ради... Мы смѣло приводимъ это чудное приточное видѣніе нашихъ противниковъ, умалчивая о другихъ, болѣе ясныхъ и чудныхъ знаменіяхъ, коихъ удостоились нѣкоторые имяславцы. Но мы о послѣднихъ умалчиваемъ, дабы не давать повода къ оспариванію ихъ или даже къ подозрѣнію въ вымыслѣ.

Обличая неправоту дѣйствій и мыслей имяборцевъ, я далекъ отъ того, чтобы ненавидѣть ихъ и осуждать ихъ за это. Читатель видѣлъ мое признаніе въ томъ, въ какихъ близкихъ духовныхъ и дружественныхъ отношеніяхъ до спора я состоялъ съ игуменомъ о. Иеронимомъ. Ему я обязанъ и моимъ іерейскимъ саномъ, ибо противъ

моего желанія онъ настоялъ на томъ, чтобы я его принялъ. Я его искренно любилъ и уважалъ и пользовался его взаимнымъ уваженіемъ и любовію. Въ прекрасныхъ отношеніяхъ состоялъ я и съ всечестнымъ о. Климентомъ. Но на насъ сбылись слова Господни: «не мните, яко придохъ воврещи миръ на землю, но на раздѣленіе»— «и врази челоуѣку домашніе его». Разность религіозныхъ убѣжденій не можетъ не раздѣлять людей. Однотипны поэтому были и исторіи всѣхъ прежде бывшихъ религіозныхъ споровъ за догматы церковные. Сначала торжествовала обыкновенно неправая партія, торжествовала, благодаря торжеству раціонализма надъ мистицизмомъ и проискамъ еретиковъ у властей. Такимъ образомъ, во всѣхъ подобныхъ спорахъ та сторона, которая нынѣ признана правой, сначала была признана неправой, и противъ нея нагромождались горы всякой клеветы. Противъ нихъ легко возстановлялся еретиками народъ. Св. Максима Исповѣдника, благодаря клеветамъ еретиковъ, такъ возненавидѣла простая, ничего не смыслившая въ догматахъ чернь, что когда его казнили и поволокли по улицамъ Царьграда, то его трупъ весь растерзали... Оружіемъ истинно православныхъ всегда бывала истина, свидѣтельствуемая Писаніемъ, святыми отцами. Еретики же, не находя равнаго оружія и сознавая малую убѣдительность тѣхъ текстовъ, которые приводили въ свою пользу, искали, съ одной стороны, опоры въ раціонализмъ лжеименнаго разума, а съ другой стороны—старались очернить правое ученіе клеветами на исповѣдующихъ истину. Такъ бывало искони, такъ повторялось и сейчасъ. Но Господь нашъ есть Богъ «жеже миловати и спасти». Онъ есть Тотъ, Который о себѣ сказалъ: «Азъ умерщлю и жити сотворю»—и посему мы желаемъ и надѣемся, что и наше нынѣшнее раздѣленіе возвратится вскорѣ въ единомысленный о имени Господнемъ союзъ Христовой любви въ славу и честь всесвятаго и достопоклоняемаго имени Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Аминь.

Іеросхимонахъ Антоній (Булатовичъ).

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КРУГЛОВЪ.

(Родился 5-го іюня 1852 года, умеръ 9 октября 1915 г.)

МЕРТЬ этого щедро одареннаго, разносторонняго и плодовитаго писателя прошла какъ-то незамѣтно въ повременной литературѣ. Объясняется это его исключительной независимостью взглядовъ и убѣжденій. Его не удовлетворяла ни одна партійная программа; ни одну онъ не могъ принять цѣликомъ и потому не примкнулъ ни къ одной изъ существующихъ партій. Онъ говорилъ: «Я не партійный, а русскій писатель».

Поэтому онъ и стоялъ совершенно обособленно и былъ одинокъ. Морально это обходилось очень дорого, стоило большого труда при современномъ раздѣленіи людей, когда «одинъ за всѣхъ, и всѣ за одного», и сила скоплялась лишь въ коллективной единицѣ. Одиночная же борьба требовала невѣроятнаго нервнаго напряженія. Зато наградой служила какъ независимость дѣйствій, такъ и счастье «свободнаго слова», но, разумѣется, въ предѣлахъ жизненныхъ условій. Можетъ быть, А. В. не все могъ сказать, что хотѣлъ. Зато онъ говорилъ уже только то, что думалъ и желалъ. Кругловъ былъ въ высшей степени искренній писатель. Искренняя мысль и живое чувство бьютъ ключомъ въ каждой строкѣ его письма. Горячее и нервное, какъ онъ самъ, оно неотразимо дѣйствуетъ на читателя не только въ поэзіи, но и въ прозѣ. Онъ

обладалъ въ высшей мѣрѣ тѣмъ, что называется «писательскимъ темпераментомъ». Изъ-подъ его пера не вылилось ничего противнаго его убѣжденіямъ. Онъ никогда не лгалъ и не писалъ по указкѣ, съ чѣмъ не былъ согласенъ. Это былъ безукоризненно честный писатель. Онъ могъ ошибаться, но говорилъ всегда только то, что думалъ. Его никогда не останавливало, если это было невыгодно для него, или даже вредно. Онъ говорилъ:

Я рабство мысли ненавижу,
Святою правдой дорожа,
И, только ей одной служа,
Я у врага ее увижу.
Не угождая старикамъ,
Не трепеща предъ молодежью,
Я ложь зову открыто ложью
И не потворствую грѣхамъ.

Какъ Кругловъ смотрѣлъ на свое призваніе:

Писатель, какъ бы ни была
Трудна житейская дорога,
Да будетъ мысль твоя свѣтла,
Какъ отголосокъ воли Бога.
Твое оружіе—перо;
Будь званья славнаго достоинъ:
За свѣтъ, за правду, за добро—
Сражайся смѣло, мирный воинъ!
.....

И еще:

Грезы поэта—не праздныя грезы,
Пѣсня его—не пустая забава:
Слышны въ ней смѣхъ, и укоры, и слезы,
Радость и скорбь, униженіе и слава,
Вѣра, сомнѣнье и воля народа!
Слушай поэта въ дни плача и смѣха:
Онъ, если пѣснь доступна свобода,
Сердца народнаго—чуткое эхо!

Твердое убѣжденіе въ своемъ призваніи выражено въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Не звенягъ на мнѣ вериги,
Не ношу я власяницъ;
Но сочти всѣ эти книги,
Эти тысячи страницъ:
Всѣ онѣ политы кровью,
Въ мукахъ сердца рождены,
Воспріятыя любовью—
Влагой слезъ окрещены.
Я ихъ шлю, какъ благовѣстникъ,
И въ лачуги, и въ дворцы,

И моихъ свободныхъ крестницъ
 Знають дѣти и отцы,
 Одѣянья ихъ не пышны,
 Блеска нѣтъ въ ихъ красотѣ,
 Но любовь и правда слышны
 Въ ихъ природной красотѣ.
 Эти пѣсни, эти книги,
 Эти звѣздочки во мглѣ—
 Вотъ мой послухъ и вериги,
 Вотъ мой подвигъ на землѣ!

А. В. всегда слѣдовалъ завѣтамъ нашихъ великихъ учителей слова. По поводу сорокалѣтія своей литературной дѣятельности онъ писалъ въ своемъ журналѣ «Свѣточъ и Дневникъ Писателя»:

Сорокъ лѣтъ, какъ въ путь я вышелъ,
 Помню зори свѣтлыхъ дней,
 И завѣты, что я слышала
 Отъ умолкнувшихъ вождей,
 Для меня звучать и нынѣ
 Повелѣньемъ неземнымъ,
 И до смерти, какъ святыхъ,
 Я останусь вѣренъ имъ.

А. В. дорожилъ писательскимъ званіемъ и очень высоко ставилъ его, говоря: «Меня могутъ задѣть, какъ человѣка. Какъ христіанинъ—я это прощу. Но оскорбить писателя въ себѣ—я не позволю!»

Съ какой трепетной щепетильностью относился онъ къ своему дарованію, видно изъ слѣдующихъ его словъ:

Не все равно, на что истратить сердца жаръ
 И жизнь, намъ данную отъ Бога;
 Кому отпущено, по волѣ Неба, много,
 Съ того и взыщется за этотъ щедрый даръ!
 И горе тѣмъ избранникамъ-пророкамъ,
 Съ печатью Неба на челѣ,
 Которые, потворствуя порокамъ,
 Пройдутъ соблазномъ по землѣ.
 Кто призванъ быть свѣтильникомъ,—да свѣтитъ,
 А не смущаетъ «малыхъ силъ».
 Великому—почетъ, но онъ отвѣтитъ
 За каждый грѣхъ сильнѣй другихъ!

(«Свѣточъ», 1896, мартъ).

Строгій и взыскательный къ себѣ, не только къ тому,—что онъ говорилъ, но и какъ говорилъ, Кругловъ былъ такъ же взыскателемъ и строгъ къ начинающимъ авторамъ, требуя отъ нихъ надлежащей отдѣлки своихъ произведеній. Его всегда крайне возмущало нежеланіе молодыхъ авторовъ трудиться надъ ру-

копсиями, отдѣлывать форму своихъ произведеній. Самъ онъ всегда помнилъ завѣтъ Некрасова:

Формѣ дай щедрую дань временемъ...
Чтобъ словамъ было тѣсно, а мысли просторно.

Какъ поэтъ, Кругловъ былъ очень скромный и никогда не переоцѣнивалъ себя:

Я не пророкъ, я не боець,
Я не учитель міра:
Я—Божьей милостью пѣвецъ,
Мое оружье—лира.
Я волю Господа творю:
Союза избѣгая съ ложью,
Я сердцу пѣсней говорю,
Бужу въ немъ искру Божью.

Въ 1899 г. находимъ у А. В. такое «Признаніе»:

Нѣтъ, я не измѣнилъ тебѣ, мой край родной...
Слабѣя силами, любовью не слабѣя,
Я за тебя борюсь, предъ злобой не робѣя,
И одного хочу: окончить путь земной
Со знаменемъ въ рукахъ, на полѣ честной битвы,
Шепча завѣтныя желанья и молитвы
О счастья твоёмъ—въ предсмертный, скорбный часъ,
Пока послѣдній лучъ сознанья не угасъ!
Какъ вождь, я не сзывалъ твоихъ дружинъ на бой
И, какъ пророкъ, сердца людей не жегъ глаголомъ...
Я съ музой проходилъ и по горамъ и доламъ,
Слагая пѣснь тебѣ, живя, дыша тобой!
И пѣснью вольною я, какъ боець кинжаломъ,
Разилъ твоихъ враговъ, къ забытымъ идеаламъ
Зова толпу, стремясь возстановить алтарь,
Огни котораго тебя спасали встарь,
Пускай проникла пѣснь въ немногія сердца,
Но если въ нихъ она ту искру заронила,
Что, освѣтивши тьму, ихъ правдѣ возвратила,—
Я выполнилъ завѣтъ, священный для пѣвца,
Я сдѣлалъ все, что могъ, и, уходя изъ міра,
Благословлю тебя, моя подруга-лира,
Не измѣнявшая мнѣ въ жизни никогда:
Ни въ ранней юности, ни въ поздніе года!

А. В. былъ большимъ труженикомъ. Онъ не лѣнился переписывать нѣкоторыя свои произведенія, а въ особенности стихи, по нѣскольку разъ, если они его не удовлетворяли. Всегда читалъ вновь написанное въ кругу семьи, друзей и знакомыхъ, прося дѣлать ему указанія, за которыя оставался очень признателенъ. Однажды, прописавъ всю ночь какую-то статью, утромъ при чтеніи онъ остался ею вдоволень и, не задумавшись, разорвалъ ее на мелкія части.

— Совсѣмъ не такъ надо было сказать!—промолвилъ онъ, бросая обрывки въ корзинку.

Естественно, что при такомъ отношеніи къ труду матеріальный вопросъ никогда не стоялъ у него на первомъ планѣ. Награду себѣ онъ видѣлъ въ другомъ:

Не бойся терній и креста,
Не говори: темна дорога.
О, вѣрь, что крестный путь Христа—
Награда высшая у Бога!
Сгибаясь низко подъ крестомъ,
Не омрачай души сомнѣньемъ,
Но горячо молись о томъ,
Чтобъ крестъ твой былъ тебѣ спасеньемъ.

Кругловъ—лирикъ по преимуществу. Но у него не мало и прекрасныхъ эпическихъ произведеній, также стиховъ на темы общественнаго характера, религіознаго, на злободневныя явленія жизни. У А. В. была натура бойца, но бойца-христіанина, какъ именно его и понимаетъ нашъ народъ, названный Достоевскимъ народомъ-богоносцемъ. А. В. говорить:

Нѣтъ услады безъ молитвы,
Безъ нея вся жизнь во мглѣ;
Но безъ свѣтлой; честной битвы
Нѣтъ и жизни на землѣ.
За родимыя святыни,
Дикой злобой не дыша,
Какъ и прежде,—въ битву нынѣ
Рвется пламенно душа.
И, борясь за то, что свято,
Предъ врагомъ я не кичусь:
За него я, какъ за брата,
И болѣю, и молюсь!

Свои стихи Кругловъ такъ любилъ, что говаривалъ:

— Я отдамъ всю свою прозу за мои стихи!

Писалъ А. В. вообще очень много и въ разныхъ областяхъ. Талантъ его былъ, если такъ можно выразиться, многогранный, разносторонній. И вездѣ онъ находилъ сказать что-нибудь свѣжее, оригинальное, сильное. Изъ своихъ стиховъ онъ составилъ нѣсколько сборниковъ, въ свое время очень благосклонно встрѣченныхъ критикой. Эти книги называются: «Сборникъ стихотвореній», «Любовь и Истина», «Дѣтямъ» и «Вечернія пѣсни».

Не мало его стихотвореній переложено на музыку, какъ, напримеръ: «А изъ рощи, рощи темной»—романсъ, приобрѣвшій большую популярность. Только авторъ музыки—Агренева-Славянская—почему-то нашла нужнымъ выпустить начальную строфу

изъ стихотворенія, которая собственно сразу создавала извѣстное настроеніе:

Солнце за лѣсъ закатилось,
Свѣжестью пахнуло,
Въ камышахъ подъ лаской неба
Озеро уснуло.
А изъ рощи, рощи темной, и. д.

Стихи «Да, я вижу, дитя» положены на музыку Шенкомъ; «Ты свѣжа, какъ утро мая»—Алоизомъ; «Я не пророкъ, я не боець»—Рахманиновымъ; «Всѣ давно уснули въ домъ»—Фортеромъ; «Пресвятая Богоматерь» и «Слеза»—Кузьминымъ; еще есть положенныя на музыку Ренчицкимъ, Вилламовымъ и мн. др.

Имѣя крупное значеніе въ поэзи, Кругловъ долженъ занять не менѣе почетное мѣсто и какъ беллетристъ. Его романы: «Немудреное счастье», «Свои-чужіе», «Домна-ректорша» и деревенскіе силуэты: «Господа-крестьяне» и «Потревоженные»—полны бытового и психологическаго интереса. Романъ «Мудрые и неразумные» имѣетъ еще и крупное общественное значеніе, какъ документъ современныхъ настроеній и переживаній общества.

II.

Этотъ романъ задуманъ очень широко и охватываетъ цѣлую жизненную эпопею, характеризующуюся самосознаніемъ и самоопредѣленіемъ въ русскомъ обществѣ. Тонкій наблюдатель быта, Кругловъ вышукло обрисовываетъ литературную среду въ соприкосновеніи ея съ народомъ и «капиталомъ» и отмѣчаетъ давленіе послѣдняго на свободу творчества. Чтобы избѣжать его роковой власти, герой романа литераторъ Малаховъ въ-время ушелъ въ деревню и ограничилъ жизненныя потребности, чѣмъ и спасъ свое дарованіе. Антиподомъ Малахову является его сотоварищъ Роцинъ, оставшійся въ городѣ и погубившій не только талантъ, но разрушившій и свое здоровье. Малаховыхъ авторъ называетъ мудрыми, а Роциныхъ—неразумными. Малахова ждала участь Роцина, если бы онъ также остался въ пеклѣ городскихъ условій. А Роцина ожидаетъ финалъ поэта Лавдовскаго, схватившаго чахотку, лишившую его работоспособности, почему онъ, въ ожиданіи конца, и живетъ на подаенія товарищей и редактора. Издатель Таровъ—тоже изъ типа Малаховыхъ, бросившійся безъ капитала въ идейную борьбу со зломъ которое, если его и не одолѣло, то все же сгубило.

Въ этомъ романѣ развертывается обширная картина взбаламученнаго житейскаго моря, въ которомъ разбилося не мало кораблей. Разметанные обломки ихъ носятся по мутнымъ волнамъ,

готовымъ захлестнуть и поглотить ихъ. А въ то же время со дна ихъ водныхъ глубинъ выбрасываются на поверхность такіе самородки, какъ Кіотниковъ, этотъ представитель критической народной мысли и ея чайнѣй.

Приводимая ниже цитата будетъ очень характерна для многихъ писателей, и какой горькой, выстраданной правдой дышитъ отвѣтъ Малахова Рошину, почему онъ перебрался въ деревню:

«— Вѣдь ты жилъ (въ Петербургѣ) недурно: получалъ тысячу пять, если не больше?—говорить Рошинъ.

«— Ты все о деньгахъ. Да развѣ въ этомъ жизнь? Жизни самой не было, пойми! Я писалъ о жизни, а не жилъ. И когда тутъ жить, если надо писать и писать? поставлять столько-то листовъ беллетристики, столько-то публицистики. Развѣ Рапотецкѣй живетъ? Да это какой-то живой ремингтонъ! Когда изучать жизнь? Когда читать? Писаніе, кабачки и болтовня... Каторга, а не жизнь! Я до сихъ поръ не могу забыть этихъ минутъ. Являешься домой, тебѣ говорятъ: «Разсылный пришелъ изъ редакціи».—Зачѣмъ? «Ждетъ статья». О, чортъ возьми! Дѣйствительно, нужна статья для газеты не позже, какъ черезъ два часа. О чемъ? И вотъ, хватаешь газеты, ищешь случая, факта, чтобы придратъся. Отыскалъ и катаешь. Помню, какъ я былъ радъ одному возмутительному убійству. Оно спасло меня и дало возможность накатать блестящій фельетонъ. А эти рассказы къ сроку? Голова идетъ кругомъ, въ вискахъ стучить, усталъ, сюжеты всѣ истрепаны, а надо писать. Ни вдохновенія, ни даже расположенія писать, а садись, пиши... Ну, и садись, пишешь, куришь, глотаешь кофе... Какого-то газетнаго беллетриста упрекнули за то, что онъ спуталъ имена героевъ. Это еще вздоръ. У меня было лучше: травится героиня, а хоронятъ героя. Такъ записался. Вспоминать тяжело и стыдно. Самъ себѣ противень. Бывало, начнешь большую повѣсть. Только что разойдешься—стопись! Бросай и пиши статью туда, хронику сюда, фельетонъ въ третье мѣсто. Выскочишь изъ настроенія—опять входи въ него, и только что пошло дѣло—снова стопись!.. Опять надо поставить куда-то опредѣленное количество строкъ по заказу... Фу, ты пропасть!» (23—24 стр.).

Въ этихъ суровыхъ словахъ мы находимъ также и объясненіе факта, почему современные писатели не изучаютъ быта, откололись отъ народа, который перестали даже понимать.

Круглову же въ изученіи быта помогли его лѣтнія «шатанія» по Руси и, хотя недолгая, жизнь въ деревнѣ, результатомъ чего у него явились двѣ книги: «Господа-крестьяне» и продолженіе ихъ—«Потревоженные. Въ обѣихъ воспроизведены яркіе типы пореформенныхъ мужиковъ, претерпѣвшихъ извѣстную эволюцію подъ вліяніемъ освободительныхъ идей. Понятія искривъ и вкось, онѣ дали такіе ненормальные типы, какъ Бабай, видѣвшій

независимость въ грубости и дерзости, изъ убѣжденія, что онъ теперь самъ себѣ баринъ. Эта независимость насчетъ попранія господскихъ правъ создаетъ заносчивость, и Бабай творитъ безцѣльно гадости и мерзости, граничащія съ форменнымъ хулиганствомъ. Другой мужикъ—Капитонъ—независимость направилъ къ дверямъ судейской камеры въ поискахъ какой-то особой, своей правды. Эта манія принимаетъ у него спортивный характеръ. Генеральскій Прохоръ трактуетъ независимость въ допустимости самой черной неблагодарности съ его стороны. Разсужденія его сводятся къ слѣдующему:

— Мнѣ никто не указъ! Мое добро, и развѣ я не воленъ распоряжаться имъ? Что хочу, то и дѣлаю!—говоритъ онъ, набавляя цѣну на дачу, которую ему перестроилъ и отдѣлалъ жилецъ-генераль. Прохора нимало не смущаетъ, какъ называются подобные поступки.

— Отдѣлывать была ваша воля,—говоритъ онъ.—Но домъ-то вѣдь мой. Теперь мнѣ за него больше даютъ. Зачѣмъ же мнѣ терять? Я хочу получить, чего онъ теперь стоитъ.

И Прохоръ остается убѣжденнымъ въ своей правотѣ.

Шалыганъ—это лгунъ и хвастунъ. Каждого онъ увѣряетъ, что рѣшительно все умѣетъ дѣлать и—жестоко надуваетъ довѣряющихъ ему. Безъ лганья онъ не можетъ жить. Это своего рода деревенскій Хлестаковъ.

«Умственный мужикъ» —разсуждающій крестьянинъ, стремящійся къ просвѣщенію. «На господскую ногу»—разбогатѣвшій мужикъ, виѣшне подражающій во всемъ барамъ.

Такое же виѣшнее подражаніе господамъ, но лишь въ смыслѣ одного щегольства, проявляютъ и «Деревенскія модницы», работающія исключительно для того, чтобы пріобрѣсти себѣ зонтикъ, хорошіе ботинки, шляпку и платье моднаго покроя. При отсутствіи заработка такія модницы тащатъ изъ дома и закладываютъ послѣднее, чтобы быть одѣтой не хуже подругъ. Отъ дѣвушекъ не отстаютъ и ихъ «кавалеры». Лѣтомъ, въ жару они щеголяютъ въ галошахъ, съ зонтиками, «при часахъ съ толстыми серебряными цѣпочками, распущенными по цвѣтному жилету». Самолюбіе не допускаетъ отступленія отъ общепринятой моды у деревенской молодежи: чтобы все было, какъ у всѣхъ.

На ряду съ типами отрицательными въ книгѣ фигурируютъ и положительные, среди которыхъ первое мѣсто принадлежитъ степенному, честному, трудолюбивому и хозяйственному Ермолаю, прозванному «пчелой». Онъ и вся его семья работаютъ, не покладая рукъ, и, хотя отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ, тѣмъ не менѣе Ермолай живетъ безъ пужды, все у него есть, и на все въ хозяйствѣ хватаетъ.

Въ жизни, какъ въ калейдоскопѣ, все смѣняется съ чрезвычайной быстротою. Гдѣ описанная Помяловскимъ старая бурса? Отходить уже и новая бурса Потапенка. А герои Лѣскова?.. Прошло уже, хотя недавно, и то время (воспроизведенное Кругловымъ въ романѣ «Веселія похороны»), когда семинаристы только что начали стремиться въ свѣтскія высшія учебныя заведенія. Герой романа—семинаристъ Яковъ Крестовоздвиженскій—задумалъ поступить въ медицинскую академію, въ чемъ его очень поддерживалъ одинъ пріятель, а еще болѣе—любимая дѣвушка Соня, не желавшая выйти замужъ за попа. Этимъ она возстановила противъ себя родителей Яши, мечтавшихъ о духовной карьерѣ для сына. Кромѣ того, у матери Яши была уже намѣчена другая богатая невѣста, Дуня, съ готовымъ мѣстомъ послѣ отца. Поэтому попадья повела тонкую интригу и добилась своего: сынъ женился на Дунѣ и получилъ доходный приходъ, заступивъ мѣсто тестя. Такимъ образомъ Яшѣ пришлось похоронить свои мечты о Сонѣ и академіи. А такъ какъ свадьбу справили шумно и весело, то женихъ и назвалъ ее «веселыми похоронами». Всѣ сложные перипетіи чувства и колебанія безвольнаго Яши проведены Кругловымъ съ большимъ знаніемъ психологіи и съ сохраненіемъ полной жизненной правды.

Не имѣя возможности коснуться всѣхъ беллетристическихъ произведеній А. В., остановимся въ заключеніе на лучшей его повѣсти «Домна ректорша». Содержаніе ея очень несложно: мѣщанская дѣвица Домна Никитична, претерпѣвъ въ молодости сердечную катастрофу, по благословенію духовника избрала для своей дѣятельности скромную роль квартирохозяйки для семинаристовъ и учениковъ духовнаго училища. На этомъ поприщѣ Домна стяжала себѣ уваженіе и любовь не только своихъ постояльцевъ, но и ихъ родителей, считавшихъ ее своей благодѣтельницей. Безкорыстно привязавшись къ малышамъ своей «бурсы», Домна стала для нихъ заботливой матерью, строго слѣдя какъ за исправнымъ приготовленіемъ уроковъ, такъ и за ихъ нравственностью. Она не позволяла дѣтямъ лѣниться и всегда защищала ихъ, если имъ грозила кара отъ излишней строгости педагоговъ. Старость и болѣзнь вынудили Домну распустить свою «бурсу» и продать домикъ, послѣ чего она ушла въ монастырь. Эта повѣсть, написанная съ сильнымъ подъемомъ, производитъ цѣльное и неотразимое впечатлѣніе. Безъ глубокаго душевнаго волненія нельзя читать страницы, гдѣ описывается посѣщеніе «бурсы» епископомъ Галактіономъ, котораго когда-то старуха называла попросту Герасимушкой. Такіе обыденные типы, какъ Домна, благодаря своимъ душевнымъ сокровищамъ, вырастаютъ въ мѣру истинныхъ героинь и общепользныхъ дѣятельницъ. Они не укрылись въ толпѣ отъ зоркаго глаза бытописателя и составили цѣлую серію типовъ,

разбитыхъ Кругловымъ на двѣ книжки: «Живыя души» и «Нищѣ-богачи».

Упомянемъ еще вскользь о произведеніяхъ К., заслуживающихъ вниманія: повѣсти «Побѣда», разсказахъ: «Непутевый дьяконъ», «Совѣсть проснулась», «Страшный дядя», «Старички», «Высокій гость», «Старцы Филимоновы» и еще мн. др. Также пользуются большою популярностью характеристики личностей и дѣятельности: Василия Великаго, Григорія Богослова, Николая Чудотворца и Іоанна Кронштадтскаго. Кромѣ того, А. В. составлены біографіи—подъ названіемъ «Друзья-поэты». По этнографіи Кругловъ написалъ книжки: «Вѣчевой городъ» и «Женскій Авоиъ». Духовно-нравственныя бесѣды А. В. составили книги: «Задушевныя рѣчи», «Запросы духа» и брошюру «Въ чемъ счастье?»

Статья Круглова «На службѣ ближнимъ, или на службѣ себѣ?» («Душ. Чт.», 1902 г., окт.), гдѣи однять вопросъ о дѣятельной любви иноковъ,—въ свое время вызвала чрезвычайно оживленную полемику въ высшихъ духовныхъ сферахъ. Самъ А. В. участія въ этой полемикѣ не принималъ.

Перу А. В. принадлежитъ не мало и публицистическихъ статей, разсѣянныхъ въ разныхъ органахъ печати. Педагогическія статьи Круглова, изданныя въ 2-хъ выпускахъ (М. 1897 г.), гдѣ А. В. даетъ цѣнныя указанія относительно дѣтскаго чтенія, сдѣлались настольною книгою для учителей и переведены А. Стипкомъ (Аугустиномъ) на нѣмецкій языкъ.

Абрисъ беллетристической фізіономіи Круглова не будетъ полонъ, если не коснуться его сатирическихъ произведеній подъ видомъ китайскихъ разсказовъ «На-Фу-Фу», собранныхъ въ одну книгу, называющуюся «Въ чайномъ царствѣ» и подписанную псевдонимомъ Амфилохія Устюжанскаго. Всѣхъ разсказовъ въ этой книгѣ 54. Многіе изъ нихъ поучительны и для насъ. Они касаются самыхъ разнородныхъ жизненныхъ вопросовъ, нерѣдко и жгучихъ (о подъемѣ нравственности, о народныхъ развлеченияхъ и т. д.), но читаются съ увлеченіемъ благодаря забавной формѣ и легкому стилю. Въ книгѣ трактуется и о литературѣ: «Журналисты конца вѣка», «Прочвѣтаетъ ли литература въ Китаѣ?», «Критикъ на судѣ мандарина» и др. Среди разсказовъ есть и пикантныя аллегоріи вродѣ: «Какъ мандарина Ай-Ай-Ай выслучилъ русскій мужикъ», «Философъ Подымай-Носъ» и др.

Обладая чрезвычайно живымъ воображеніемъ и богатый литературнымъ и житейскимъ опытомъ, Кругловъ въ совершенствѣ владѣлъ прекрасной, чистой русской рѣчью и блестящимъ слогомъ. У него мало паэоса, но вездѣ ключомъ бьетъ искреннее горячее чувство въ соединеніи съ художественной простотой и правдой. Его сильная настроенность и увлеченіе всегда невольно захватываютъ и читателя.

Кругловъ много писалъ для дѣтей и здѣсь стяжалъ себѣ большую извѣстность. Многіе его стихи и рассказы вошли въ разные хрестоматіи. Въ дѣтскихъ произведеніяхъ А. В. какъ бы самъ перевоплощался въ ребенка, и потому онъ въ совершенствѣ обладалъ умѣньемъ воздѣйствовать на дѣтскую психику. Въ то же время Кругловъ никогда не подлаживался подъ тонъ дѣтей. Онъ только говорилъ съ «маленькимъ народомъ» простымъ, живымъ и образнымъ языкомъ. Кто изъ дѣтей не знаетъ его прелестнаго стихотворенія «Зима»?

Снѣгъ да снѣжные узоры,
Въ полѣ—вьюги разговоры,
День—игра, снѣжки, салазки,
Вечерь—бабушкины сказки...
Вотъ она—зима!

Нѣтъ такой школьной библіотеки, въ которой не встрѣчались бы произведенія Круглова. Его повѣсть «Большакъ» выдержала 8 изданій, а «Геніальный поморъ»—9 изданій. Не менѣе популярны его «Полканъ Собакевичъ», «Котофей Котофейчъ», затѣмъ «Счастье», «Всякому гвоздю свое мѣсто», «Приключенія Мишки Топтыгина», «Приключенія Спиридоны», «Живая бумага», «Живые умы», «Иванъ Ивановичъ и компанія», «Изъ золотого дѣтства» и еще мн. др. Послѣднія двѣ повѣсти, переведенныя на французскій языкъ, изданы извѣстными фирмами Дидо и Гашета. Тысячами экземпляровъ эти книги раздавались въ награду французскимъ школьникамъ. Многія изъ перечисленныхъ книгъ, какъ и «Большакъ», выдержали по нѣскольку изданій. Лучшей похвалой дѣтскимъ книгамъ Круглова служить то, что всѣ онѣ съ интересомъ читаются и взрослыми.

III.

Въ жизни Круглова было много интересныхъ встрѣчъ и знакомствъ. Онъ зналъ Я. П. Полонскаго, Ѳ. М. Достоевскаго, Н. Г. Чернышевскаго, М. О. Микѣшина, Н. А. Некрасова, Н. Ядринцева, Гр. Градовскаго, Анненскаго, Флегонта Арсеньева, П. А. Гайдебурова, Л. Н. Трефолева, Юрьева (ред. «Р. М.»), С. Я. Надсона, А. П. Чехова, А. А. Навроцкаго (изд. «Р. Р.»), А. К. Шеллера-Михайлова, С. Н. Шубинскаго, педагога Н. Бунакова, Ѳ. Н. Лермонтова, М. В. Купріянова, Н. В. Купріянову, Н. В. Шелгунова, А. В. Прахова, В. Г. Короленка, П. В. Засодимскаго, Н. П. Вагнера (Кота-Мурлыку), Л. Е. Оболенскаго, Пальмина, Н. А. Плещеева, Д. И. Стахѣва, М. В. Васнецова, И. С. Панова, поэтовъ: Симборскаго, Садовникова, К. Фофанова, С. А. Сафонова, Х. Д. Алчевскую, Е. Сысоеву, Л. Х. Симонову, О. Н. Чюмину и еще мног. др.

А изъ лицъ духовныхъ—о. Иоанна Кронштадтскаго и архіепископа Николая Японскаго, письма котораго къ Круглову печатались въ «Свѣточѣ» въ 1911 году.

Одинъ уже этотъ далеко еще не полный перечень именъ съ достаточной ясностью говорить самъ за себя. Воспоминанія объ этихъ лицахъ печатались частію въ «Свѣточѣ», а также отдѣльными статьями въ разныхъ другихъ повременныхъ изданіяхъ.

Интересна фигура маститаго Я. П. Полонскаго, котораго Кругловъ посѣщалъ на его квартирѣ въ Петербургѣ на Бассейной улицѣ. На одномъ изъ своихъ многолюдныхъ журфиксовъ Я. П. уединился въ кабинетъ съ нѣсколькими знакомыми. Онъ говорилъ о томъ, какъ строго надо слѣдить за выработкой стиха, который надо шлифовать, какъ драгоценный камень. Ему возразили, что излишняя отдѣлка поведетъ къ дѣланности. Но поэтъ тонко провелъ грани между тѣмъ и другимъ. Для примѣра онъ прочелъ одно изъ своихъ стихотвореній, указавъ, какой коренной отдѣлкѣ оно подверглось прежде, нежели появиться въ печати. Замѣтивъ въ стихотвореніи одно неудачное выраженіе, Кругловъ, тогда еще совсѣмъ молодой писатель, осторожно указалъ на него Полонскому.

— А вы не находите, Я. П., что вотъ въ этомъ мѣстѣ можно было бы сказать вотъ этакъ? Такъ не будетъ лучше?

Онъ внесъ свою поправку.

Полонскій смолкъ, какъ бы озадаченный.

— А вѣдь вы правы,—согласился онъ послѣ минутнаго размышленія.—Совершенно правы! И какъ это я самъ не догадался? Не понимаю! А еще и старій, и опытный поэтъ... Ну, спасибо, спасибо вамъ!

Онъ тотчасъ же карандашомъ исправилъ строчку.

Кругловъ долго удивлялся тому, что Полонскій не разсердился на замѣчаніе новичка и совсѣмъ мальчика передъ собою. Съ тѣхъ поръ уваженіе къ Полонскому у А. В. возрасло еще болѣе.

Не менѣе живо воспроизведенъ и портретъ Ѳ. М. Достоевскаго, которому юный Кругловъ привезъ для прочтенія свой первый романъ.

Достоевскій накинудся на молодого человѣка и разнесъ его въ пухъ и прахъ.

— Какъ вы можете писать о такихъ вещахъ, какъ ревность, бракъ, измѣна и пр., въ которыхъ вы еще ровно ничего не понимаете!.. Ничего подобнаго не испытали!.. Вѣдь это все надо прежде самому пережить, перечувствовать, а тогда уже и изображать! У васъ же нѣтъ никакого житейскаго опыта.

— Для творчества не всегда необходимъ житейскій опытъ,—возразилъ Кругловъ:—автору нельзя же все испытать лично на себѣ самомъ.

— Ну, нельзя... Что же изъ того? Тогда нужна духовная зрѣлость... Или уже особенно мощный талантъ... А вамъ еще надо пожить на бѣломъ свѣтѣ, понаблюдать, подумать хорошенько, тогда и можно браться за подобныя темы... А такъ вашъ романъ никуда не годится... Дрянь! Разорвите его!—запальчиво закончилъ Достоевскій.—Выбросьте вонъ, сожгите!

Начинающій авторъ былъ обезкураженъ и повѣсилъ голову. Видя это, Достоевскій тотчасъ же смягчился.

— Ну, вы того... не очень огорчайтесь моими словами... Рукописи не жгите, а только ее и не печатайте... Пусть лежитъ... Потомъ сами увидите ея недостатки и спасибо мнѣ скажете... Повѣрьте, что я добра вамъ желаю.

Разстались они друзьями, и Кругловъ всю жизнь былъ благодаренъ Достоевскому за этотъ урокъ.

Н. Г. Чернышевскаго А. В. навѣстилъ, когда тотъ послѣ ссылки жилъ въ Саратовѣ. Чернышевскій встрѣтилъ гостя радушно, но нѣсколько вяло, такъ какъ былъ съ «опущенными» нервами. Сначала разговоръ плохо вязался. Но стоило коснуться литературы, какъ Чернышевскій тотчасъ же оживился, усталые глаза разгорѣлись, и онъ съ увлеченіемъ принялся развивать планы предполагаемыхъ работъ, дѣлился воспоминаніями, говорилъ о литературѣ, которую очень любилъ. Въ немъ нельзя было узнать человѣка за 70 лѣтъ, при томъ много пережившаго и испытавшаго, благодаря превратностямъ судьбы. А. В. удивлялся душевной свѣжести и ясности мысли этого человѣка, къ которому совсѣмъ не подходило названіе старика. Внутренно онъ былъ молодъ и крѣпокъ. Время летѣло незамѣтно, и Кругловъ, увлекшись интересной бесѣдой, готовъ былъ просидѣть съ Н. Г. хоть всю ночь, но надо было спѣшить съ отъѣздомъ.

Про Феофана Никандровича Лермонтова—говорить Кругловъ—хорошо выразился одинъ вологодскій профессоръ семинаріи:

— Вѣдь вотъ человѣкъ: умный, способный... могъ бы везти и «поѣздъ», а онъ взялъ да и сталъ на рельсы: сверну въ сторону локомотивъ! Ну.. и раздавили!

Да, это былъ выдающійся умъ, олицетвореніе сильной воли, упорной, желѣзной энергіи... Ф. Н. любилъ математику, увлекался ею не менѣе, чѣмъ политикой, которая все-таки перетянула къ себѣ его симпатіи. Крѣпостной человѣкъ, самъ приготовившій себя къ сдачѣ экзамена, изучившій три языка настолько, что владѣлъ ими въ совершенствѣ,—Лермонтовъ могъ бы явиться на любомъ поприщѣ выдающимся дѣятелемъ. Но увлеченіе политикой, обусловливаемое между прочимъ его сословною озлобленностью, толкнуло его на поприще агитаціи, и онъ погибъ, не сдѣлавъ ничего для того народа, изъ среды котораго вышелъ, за который скорбѣлъ всею душою, чувствуя его «вѣковое униженіе»,

По возвращеніи изъ Петербурга Кругловъ, узнавъ, что Лермонтовъ находится въ Вологдѣ, тотчасъ же полетѣлъ къ нему.

«Лермонтова я засталъ за чаемъ. Обычная милая улыбка, пріятный голосъ и глубокій вдумчивый взоръ.

«Я обрадовался и готовъ былъ кинуться къ Лермонтову на шею, забывъ всѣ разногласія во взглядахъ. Обаяніе *Θ. Н.*, какъ человѣка, было громадно.

«— Вы что же—сбѣжали?—спросилъ онъ, по обыкновенію крѣпко пожимая руку.

«— Не говорите!

«Я рассказалъ подробно о своей неудачѣ.

«— Да, для зябкаго человѣка и 10 градусовъ морозъ,—сказалъ *Θ. Н.*, улыбаясь глазами по-своему: и мягко, и иронически въ одно и то же время. И, доставая папиросу, добавилъ:—Что значить до такихъ лѣтъ подъ крылышкомъ матери да няни прожить: нѣтъ выдержки и самообладанія. Стремленіе, порывъ... и при первой же неудачѣ—упадокъ духа... Для поэта—это, можетъ быть, и ничего, а для борца—никуда не годится... Что же вы намѣрены дѣлать? Навсегда здѣсь оставаться?

«— Ни за что!

«Лермонтовъ засмѣялся.

«— Хорошо, если урокъ пойдетъ на пользу. Мужайтесь, другъ мой!

«Онъ говорилъ долго, все болѣе и болѣе воодушевляясь. Красивая, сильная, плавная рѣчь лилась волной, а взоръ становился все болѣе и болѣе вдумчивымъ.

«Я чувствовалъ нервную дрожь и невольно восхищался мощной фигурой Лермонтова. И въ то же время было грустно и жаль его. Грустно, что онъ скоро уѣдетъ, что не вернуться недавніе годы, когда такъ хорошо чувствовалось на собраніяхъ. Жаль—потому, что жизнь *Θ. Н.* легко могла завершиться роковымъ эпилогомъ. И, какъ бы подтверждая мое предчувствіе, онъ вдругъ промолвилъ тихо:

«— Вѣроятно, мы видимся въ послѣдній разъ.

«— Почему? Почему?—воскликнулъ я.

«И что-то сжало мое сердце, словно щипцами.

«— Почему?

«Грусть прозвучала въ голосѣ *Θ. Н.*, когда онъ, положивъ руку на мое плечо, проговорилъ:

«— Я уже намѣченъ...

«— Голубчикъ!—не выдерживая, заговорилъ я:—Бросьте все! Вѣдь это же миражъ! И зачѣмъ вамъ? Вы—сила... Идите прямо, открыто... Такіе работники нужны!.. Но вѣдь есть возможность...

«— Поздно!—перебилъ меня Лермонтовъ.—Теперь поздно прямо вернуться, если бы и хотѣлъ... А ренегатомъ, предателемъ, я не

буду... Но я вамъ не говорю, что я признаю нашу дорогу ложной. Нѣтъ! И дважды нѣтъ! Вы—совсѣмъ другой... И Миша правъ: вы—не нашъ... И вамъ смѣшно было бы попадать, какъ куръ во щи... Вы—поэтъ, вы—мистикъ даже... вы созданы для другой борьбы... Поѣзжайте въ Петербургъ... Но не сразу... повремените. Не говорите обо мнѣ никому, не упоминайте обо мнѣ въ письмахъ. Я чувствую: вамъ меня жалко и хорошо жалко... Спасибо! И я люблю васъ, хотя мы люди двухъ разныхъ полюсовъ.

«Онъ пожалъ мнѣ руку и добавилъ:

«— Больше ко мнѣ не заходите. Да я завтра и уѣзжаю.

«Прощаясь, мы расцѣловались.

«На другой день онъ исчезъ, и больше я его уже никогда не видѣлъ».

Когда иллюстрированный журналъ «Пчела» перешелъ отъ А. С. Героглифова къ М. О. Микѣшину, то редакторомъ сдѣлался А. В. Праховъ, съ которымъ Кругловъ и познакомился, занеся однажды ему стихи. Вскорѣ Праховъ письменно пригласилъ А. В. пріѣхать на дачу къ Микѣшину, вблизи Сергіевой пустыни...

«Кстати,—значилось въ письмѣ:—познакомитесь и съ М. О., которому очень понравились ваши стихи. Къ сожалѣнію, одно изъ нихъ—«Приговоренный»—не пропущено цензурой. Пріѣзжайте въ воскресенье—всего лучше».

«Я воспользовался приглашеніемъ,—говоритъ Кругловъ,—и въ первое же воскресенье отправился къ знаменитому художнику.

«Дача роскошная. Радужный хозяинъ встрѣтилъ меня, какъ стараго знакомаго. Мы расцѣловались.

«— Очень радъ видѣть автора прекраснаго стихотворенія, которое хотя и не пропущено, но когда-нибудь увидитъ свѣтъ... Идемъ пить чай и бесѣдовать...

«О чемъ только мы ни говорили: о балканскихъ событіяхъ (это было въ 1876 г.), о Малороссіи, о Лѣсковѣ, о Шевченкѣ, о журналистикѣ вообще и задачахъ «Пчелы». Микѣшинъ дивно читалъ стихи Шевченка, котораго «обожалъ», и увлекательно описывалъ украинскую жизнь.

«— Въ вашемъ чтеніи Шевченко совсѣмъ другой!—сказалъ я.—А переводы...

— «Развѣ можно читать Тараса въ переводѣ! Люблю его, какъ поэта... А человѣкъ... Ну, человѣку далеко до поэта... Большой талантъ, да вотъ сгубила горілка!

«Послѣ чая мы долго гуляли по саду, и опять хозяинъ читалъ наизусть Шевченка и съ восторгомъ говорилъ о романѣ Лѣскова «Соборяне».

«— А вы привезли что-нибудь по беллетристикѣ?—задалъ онъ мнѣ вопросъ.

«— Небольшую повѣстужку.

«— Давайте... Сегодня же прочту на сонъ грядущій... Скажите: вы живете исключительно литературой?»

«— Да.

«— И гдѣ-нибудь на жалованьи?»

«— Нѣтъ.

«— Значить, нуждаться приходится?»

«— Какъ вамъ сказать...

«— Ну, конечно! Ради Бога, не стѣсняйтесь. Я вамъ дамъ въ счетъ будущихъ работъ.. Не отказывайтесь... Вѣдь вы будете постоянно у насъ писать?»

«— Я радъ, если только...

«— Чего тутъ: если только! Конечно, все подойдетъ... Потому мы поговоримъ относительно постояннаго отдѣла... Да вотъ: не хотите ли вести журнальное обозрѣніе?»

Кругловъ согласился и сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ «Пчелы». Работа въ ней дала ему обезпеченіе. Но денегъ иногда приходилось ждать. То—авансъ, а то и за напечатанное—нельзя получить.

— Подождите, хлопцы, нема грошей!—говорилъ Микѣшинъ.

Онъ грустно улыбался и добавлялъ:

— Вѣрите?

Хлопцы вѣрили, но печально поникали головами.

Во время упадка журнала хлопцамъ приходилось чаще слышать: «нема грошей»,—но они не упрекали художника, ибо знали, что ему самому тяжело говорить «нема». Зато когда можно было, онъ весело встрѣчалъ насъ:

— Сегодня богаты! Гроши есть!

И голосъ другой. Шутить, рассказываетъ анекдоты.

Иногда Микѣшинъ дѣлился послѣднимъ, если видѣлъ, что у сотрудника крайняя нужда.

Заболѣла какъ-то у Круглова жена: Денегъ дома не было.

«Авансы взяты. Лечу къ художнику, прихвативъ съ собою стихи,—пишетъ А. В.

«— Стихи принеси и...

«— И денегъ надо? Нема грошей!

«— Михаилъ Осиповичъ, но вотъ какая бѣда!

«Онъ выслушалъ, задумался и промолвилъ, хлопнувъ рукой по плечу:

«— Эхъ, поэтъ! Надо васъ выручить, но у самого въ карманѣ послѣдняя радужная... Сорокъ рублей дамъ, больше—ни-ни!

«— Хотя бы двадцать пять!

«— Берите сорокъ! Стихи давайте... А много авансу?»

«— Рублей тридцать.

«— Ну, это ничего, покроете. Берегите себя!»

Аналогичный случай былъ съ другимъ писателемъ.

У того заболѣла сестра, и нечѣмъ была заплатить за квартиру.
— Сколько въ кассѣ?—освѣдомился художникъ у конторщика.

— Сто рублей съ небольшимъ.

— Дайте господину N пятьдесятъ рублей!

Микѣшину самому часто приходилось вывертываться.

Такъ какъ нѣтъ возможности останавливаться на всѣхъ лицахъ, съ которыми Круглову приходилось сталкиваться на жизненномъ пути, то ограничусь въ заключеніе еще упоминаніемъ о Н. В. Шелгуновѣ. Онъ вмѣстѣ съ Лавровымъ (авторомъ «Историческихъ писемъ») былъ высланъ на сѣверъ подъ надзоръ полиціи.

Лавровъ вскорѣ бѣжалъ изъ Кадникова, гдѣ жилъ. Шелгуновъ же находился въ Вологдѣ. Кругловъ говоритъ:

«Какъ постоянный сотрудникъ «Русскаго Слова», а затѣмъ «Дѣла», онъ пользовался громадной популярностью среди молодежи. Его статьи всегда читались на нашихъ «субботникахъ» и вызывали горячіе споры. Мнѣ Н. В. всегда казался такимъ яркимъ врагомъ поэзіи, что я не рѣшался обратиться къ нему за совѣтомъ, хотя всѣ хорошо отзывались о немъ.

«Случай столкнулъ меня съ нимъ. Въ Вологдѣ одно время существовало ремесленное училище, куда приходили работать послѣ классовъ гимназисты и ученики другихъ школъ. Училище принимало и частные заказы. Я работалъ въ переплетномъ отдѣленіи. Разъ, фальцуя книгу, я вдругъ услышалъ страшный крикъ въ столярномъ отдѣленіи. Движимый любопытствомъ, я пошелъ узнать, въ чемъ дѣло. Посреди комнаты стоялъ Николай Васильевичъ и распекалъ мастера.

«— Это нечестно!—кричалъ онъ.—Вы все равно, что украли деньги, если такъ скверно выполнили заказъ. Работа никуда не годится!

«Онъ говорилъ все рѣзче, страшно волнуясь.

«Мастеръ что-то непонятно мычалъ.

«Наконецъ Н. В. утихъ, бросилъ пять рублей на верстакъ и промолвилъ:

«— Возьмите ваши деньги!

«Онъ подчеркнулъ слово ваши.

«Мастеръ взялъ кредитку, пренебрежительно улыбаясь.

«Когда Шелгуновъ вышелъ за двери, столяръ промолвилъ вполголоса:

«— Ишь, раскричался! Точно и не вѣсть кто! Сочинитель! Поднадзорный!

«Это меня взорвало. Я заступился за Шелгунова и накинулся на мастера, начавъ его укорять.

«Я еще не кончилъ, какъ наружная дверь отворилась, и въ комнату вернулся Шелгуновъ.

«Онъ направился къ столяру и, мягко улыбаясь, протянулъ ему руку.

«— Не сердитесь, если я обидѣлъ васъ, простите... Я погорячился!

«Столяръ былъ озадаченъ, смутился и, не подавая руки, конфузливо произнесъ:

«— Помилуйте, Николай Васильевичъ... Что же... Я точно виновать... Поторопился и испакостилъ вещь... Но я поправлю... На слѣдующей же недѣлѣ я сдѣлаю новую, ей-Богу-съ!

«— Ну, и отлично! Дайте же вашу руку!—сказалъ Шелгуновъ.

«Столяръ несмѣло протянулъ свою мозолистую руку. Николай Васильевичъ пожалъ ее.

«— А вотъ и деньги-съ, началъ мастеръ.

«— Какія деньги? Оставьте ихъ у себя... Сочтемся.

«Когда Шелгуновъ ушелъ, столяръ молчалъ нѣсколько мгновений, смотря въ сторону.

«— Ну, и баринъ!—молвилъ онъ тихо.—Душа-баринъ!

«Столяръ поправилъ свою ошибку и съ этого времени не иначе отзывался о Николаѣ Васильевичѣ, какъ о золотомъ баринѣ».

IV.

Александръ Васильевичъ родился 5-го іюня 1852 года въ городѣ Великомъ Устюгѣ Вологодской губерніи, въ семьѣ смотрителя народныхъ училищъ Василя Андреевича Круглова. А. В. появился на свѣтъ восьми мѣсяцевъ и былъ слабымъ и хилымъ ребенкомъ. Опасались, что онъ даже не выживетъ.

— На горе родился!—предрекла ему повивальная бабка.

Ея слова оказались пророческими, и А. В. всю жизнь вспоминалъ ихъ.

Вскорѣ у А. В. умеръ отъ удара отецъ. Скоропостижная смерть такъ повліяла на мать А. В., Раису Александровну, что она помѣшалась.

Малютку отняли отъ груди и посадили на рожокъ.

Въ управленіе домомъ вступила старшая сестра Саши—пятнадцатилѣтняя Настя, сразу обнаружившая большія хозяйственныя способности. Ей помогала совѣтами няня Агриппина Прокопьевна (изъ крѣпостныхъ). Это была неграмотная, но очень умная отъ природы дѣвушка, пользовавшаяся въ семьѣ большимъ вліяніемъ. Этой нянѣ посвящено ея благодарнымъ «выводышемъ» въ прозѣ и стихахъ очень много теплыхъ страницъ. Въ книжкѣ «Дѣтямъ» и въ «Пережитомъ», печатавшемся въ журналѣ «Свѣточъ», помѣщены ея портреты.

Настя распродала лишнюю мебель и вещи, остальное погрузили на небольшую барку, въ которой всѣ размѣстились съ удоб-

ствомъ, и—навсегда разстались съ веселымъ-бѣлымъ двухъэтажнымъ школьнымъ домомъ, въ которомъ у Кругловыхъ была казенная квартира.

Во время продолжительнаго пути Раиса Александровна чуть было не бросила сына въ рѣку Сухону.

— Богъ отнял у меня мужа, пусть беретъ и сына!—говорила больная.

Няня едва успѣла отнять у нея малютку, которому по пріѣздѣ въ Вологду исполнилось шесть недѣль отъ роду.

Въ Вологдѣ у Кругловыхъ была большая родня, принявшая въ нихъ участіе и помогшая ихъ устроиться. Не забывалъ ихъ и крестный отецъ Саши, извѣстный полотняный фабрикантъ Илья Грибановъ, очень дружившій съ Василиемъ Андреевичемъ, котораго называлъ не иначе, какъ «ученый». Дѣйствительно, В. А. обладалъ недюжинными способностями къ математикѣ, и его работы въ этой области обратили на себя вниманіе специалистовъ. Эти способности ни въ какой мѣрѣ не передались его сыну, никогда не любившему математики.

Раиса Александровна вскорѣ поправилась, приложившись къ чудотворной иконѣ Толгской Божіей Матери, ежегодно привозимой въ Вологду. Съ тѣхъ поръ эта икона пользовалась особымъ почитаніемъ въ семьѣ Кругловыхъ.

Раисѣ Александровнѣ выхлопотали небольшую пенсію въ 23 рубля въ мѣсяцъ, и семья устроилась въ маленькой квартиркѣ.

Саша росъ общимъ баловнемъ, немало проказничалъ и бѣдокурилъ въ дѣтствѣ, что имъ и описано въ воспоминаніяхъ и «Золотыхъ годахъ», печатавшихся въ «Путеводномъ Огонькѣ». Но мальчикъ росъ добрымъ и послушнымъ, такъ какъ мать, при кротости и мягкости характера, въ воспитаніи сына проявляла строгость, взыскательность и послѣдовательность. Р. А. послѣ болѣзни совершенно отстранилась отъ домашнихъ хлопотъ и вся ушла въ религіозность, ежедневно посѣщая церковныя службы, а дома читая лишь однѣ духовныя книги. Саша росъ въ атмосферѣ благочестивой настроенности, любилъ ходить съ матерью въ храмъ и слушать ея рассказы про жизнь и страданія Иисуса Христа. Въ отрочествѣ онъ даже собирался поступить въ монастырь, но мать и няня не отпустили его. Мальчикъ съ наградой окончилъ приходское училище, послѣ котораго поступилъ въ мѣстную классическую гимназію. Окончить послѣднюю ему не удалось изъ-за веденія, вопреки запрещенію начальства, литературнаго рукописнаго журнала, называвшагося «Тѣсный Кружокъ», котораго А. В. былъ редакторомъ. По выходѣ изъ гимназіи Кругловъ занялся педагогической дѣятельностью и объѣхалъ не мало школъ, знакомясь съ постановкою учебнаго дѣла въ губерніи. Зимой этого же 1870 г. А. В. послалъ нѣсколько корреспонденцій въ

столичныя газеты, гдѣ онѣ и появились. Первая была въ «Русской Лѣтописи» за подписью «А. Бишелевскій». Затѣмъ, по настоянію родныхъ, А. В. поступилъ чиновникомъ особыхъ порученій при вологодской казенной палатѣ, но служилъ недолго. Его неудержимо влекла къ себѣ литература. Въ 1873 г. онъ покинулъ службу и отправился въ Петербургъ. Первый его рассказъ «Роковое слово» появился въ «Искрѣ» Курочкина. Это окончательно утвердило Круглова въ мысли избрать для себя литературное поприще, на которомъ и прошла вся его почти полувѣковая плодотворная дѣятельность.

Кругловъ былъ женатъ дважды. Отъ первой жены у него было двое дѣтей, умершихъ въ раннемъ младенческомъ возрастѣ. Вторая его семья осталась бездѣтною.

Послѣ дебюта въ «Русской Лѣтописи» А. В. послѣдовательно сотрудничалъ: въ «Искрѣ», «Недѣлѣ», «Пчелѣ», «Нивѣ», «Живописномъ Обзорѣннѣ», «Русской Мысли», «Русскомъ Богатствѣ», «Вѣстникѣ Европы», «Историческомъ Вѣстникѣ», «Будильникѣ», «Русской Рѣчи», «Дѣлѣ», «Наблюдателѣ», «Русскомъ Обзорѣннѣ», «Вѣстникѣ Воспитанія», «Русскомъ Словѣ», «Всемирной Иллюстраціи», «Трудѣ», «Отдыхѣ Христіанина», «Душеполезномъ Читаніи», собственномъ «Свѣточѣ и Дневникѣ писателя» и еще многихъ журналахъ и газетахъ столичныхъ и провинціальныхъ: «Новостяхъ», «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Одесскомъ Листкѣ» и мн. др. Кромѣ того, А. В. много работалъ во всѣхъ лучшихъ дѣтскихъ журналахъ: «Путеводномъ Огонькѣ», «Свѣтлячкѣ», «Газеткѣ для юношества» (Панафидиной), «Задушевномъ Словѣ», «Родникѣ», «Дѣтскомъ Читаніи», «Дѣтскомъ Отдыхѣ», «Семейныхъ Вечерахъ», «Игрушечкѣ», «Другѣ Дѣтей», «Маленькомъ Свѣточѣ» и еще мн. др. Вездѣ А. В. былъ желаннымъ гостемъ, такъ какъ пользовался особенною любовью у «маленькаго народа».

Литературныя труды Круглова составили болѣе сотни отдѣльныхъ книгъ и сборниковъ для взрослыхъ и дѣтей.

V.]]

Въ 1907 году А. В. началъ издавать свой журналъ «Дневникъ писателя», переименованный потомъ въ «Свѣточъ и Дневникъ писателя». Цѣль изданія была дать чистое, интересное чтеніе христіанской семьѣ и школѣ, такъ какъ въ программу былъ включенъ и религіозный элементъ. Это былъ единственный вполне свѣтскій журналъ съ религіознымъ направленіемъ. Другого подобнаго же свѣтскаго журнала съ такимъ направленіемъ у насъ не было. По своему исключительному характеру «Свѣточъ» заполнялъ пустое мѣсто въ литературѣ. Чистотою, интересомъ и опрятностью внутренняго содержанія этотъ журналъ долженъ былъ

привлечь къ себѣ всѣ благоразумные элементы общества, возмущенные процвѣтавшей порнографіей и пинкертоновщиной... «Свѣточъ» явился бы лучшимъ средствомъ борьбы съ ихъ растлевающимъ вліяніемъ. Ихъ мутныя волны готовы были захлестнуть все святое въ жизни, загрязнить души не только взрослыхъ, но главное—молодежи и дѣтей—этой будущей Россіи, нравственно сгноивъ ее въ самомъ корнѣ. Никакіе внѣшніе враги не могли бы причинить родинѣ большаго вреда, какъ этотъ врагъ внутренній, вооруженный тысячами всякихъ средствъ и способовъ. Противъ этого-то врага церкви и человѣчества смѣло и возсталъ А. В. Его мысль была понята и оцѣнена лишь немногими. И около него образовался кружокъ какъ подписчиковъ, такъ и безкорыстныхъ идейныхъ сотрудниковъ. Журналъ, дѣйствительно, скоро сдѣлался истиннымъ другомъ семьи и школы. Веденъ былъ «Свѣточъ» образцово. Кругловъ вложилъ въ него всю силу своего организаторскаго и литературнаго таланта.

— Я покажу, чего можно достигъ въ этомъ дѣлѣ даже безъ матеріальныхъ средствъ,—говаривалъ А. В.

И «Свѣточъ» поистинѣ былъ однимъ изъ удачнѣйшихъ произведеній Круглова. Журналъ съ интересомъ прочитывался отъ доски до доски.

Но время было неподходящее. Отрезвленіе общества наступало еще плохо. Хотя съ каждымъ годомъ кругъ подписчиковъ и возрасталъ, но все же былъ еще очень невеликъ. Доходы не покрывали расходовъ. Къ тому еще журналъ мало знали. Рекламирование же стоило слишкомъ дорого. На расширение и улучшение «Свѣточа» Кругловъ пожертвовалъ почти всѣми своими прежними сочиненіями, распродавъ ихъ разнымъ издателямъ въ полную собственность.

На 8-й (въ 1914) и послѣдній годъ изданія едва блеснула надежда на упроченіе положенія «Свѣточа», какъ начавшаяся война опрокинула всѣ расчеты и упованія Круглова и повела къ закрытію журнала. Въ послѣдней сводной книжкѣ «Свѣточа» (окт.-ноябр.-дек.) бесѣда Круглова явилась лебединой пѣсней, прозвучавшей похороннымъ мотивомъ надъ «Свѣточемъ». Въ ней старый писатель съ горечью касается причинъ смерти своего любимаго литературнаго дѣтища. () томъ же говоритъ и въ своемъ стихотвореніи, въ которомъ слышенъ стонъ сердца, истекающаго кровью:

Для торжества земного зла
И на утѣху святотатства
Мой храмъ испепеленъ до тла,
Расхищены его богатства.
И, упоенный торжествомъ,
Врагъ ждетъ, исполненный гордыни,
Чтобъ я предъ ложнымъ божествомъ
Отвергъ завѣтныя святыни.

Напрасно ждать... Къ его ногамъ
 Я не склоню родное знамя,
 Не послужу чужимъ богамъ,
 Не воскурю имъ өиміама.
 Я духомъ бодръ. Я не ропщу.
 Смиренно встрѣтивъ испытанье,
 Я въ немъ сокрытый смыслъ ищу
 И вижу Божье указанье.
 Мой храмъ разрушенъ... Но алтарь
 Воздвигну я подъ новой сѣнью,
 И буду гимны пѣть, какъ встарь,
 И звать отъ смерти къ воскресенію!

Но это былъ лишь кличъ воина, умирающаго на полѣ сраженія со знаменемъ въ рукахъ. Вскорѣ А. В. понялъ, что горизонтъ его обволокли черныя тучи, сквозь которыя уже никогда не пробиться солнечному лучу. Онъ упалъ духомъ и признавался:

Какъ я живу?—Да что сказать?
 Живу, старѣя понемногу...
 Еще дышу—и благодать,
 Еще божу—и слава Богу!
 Что могъ—я въ жизни совершилъ
 Чего не могъ—не я виною...
 Не говорю, что не грѣшилъ,
 Но я не лгалъ передъ собой.
 Усталый, раненый боецъ—
 Я жажду мира и покоя,
 И жду, когда придетъ конецъ
 Земного страднаго поста.
 Осталось мнѣ недолго ждать,
 Готовлюсь въ дальнюю дорогу...
 О чемъ могу теперь мечтать?
 Дешъ пережилъ— и слава Богу!

Силы А. В. стали замѣтно падать, и у него быстро развилось острое малокровіе. Лицо сдѣлалось мертвенно-блѣднымъ. Еще весною врачи посылали А. В. въ Крымъ или на кумысь. Но на это онъ не имѣлъ средствъ и могъ перебраться лишь въ Сергіевъ посадъ, гдѣ и поселился въ монастырской гостиницѣ. Онъ мечталъ еще здѣсь поработать, докончить начатыя произведенія.

Не лѣни сладостной и не покоя жажду,
 Не отъ борьбы хочу укрыться за порогъ:
 Я вѣренъ послуху; но, Господи, я стражду,
 Я изнемогъ!

Кругловъ до того ослабъ, что съ большимъ трудомъ могъ подниматься на лѣстницу, а на улицѣ падалъ въ обморокъ.

Предчувствіе скорога конца онъ выразилъ въ слѣдующемъ стихотвореніи:

«На грани двухъ міровъ, когда существованье
Земное близится къ концу и въ небеса
Стремится духъ,—инымъ дается познаванье
Грядущей вѣчности, и часто голоса
Звучать откуда-то, слухъ уловляетъ пѣнье
И музыку небесъ. Такъ говорила мати.
Мнѣ—юношѣ. Тогда я это откровенье

Еще не могъ душою воспринять.
Съ тѣхъ поръ прошли года. Смирилась плоть предъ духомъ.
И думамъ все роднѣй и ближе небеса...
Въ вечерней тишинѣ перѣдко чуткимъ слухомъ
Ловлю я музыку и чьи-то голоса.
И понялъ я теперь, чего не могъ понять я
Въ дни пылкой юности, въ чаду земныхъ пировъ:
Раскрыла вѣчность мнѣ безстрастныя объятія,
И я стою на грани двухъ міровъ.

Самые послѣдніе годы больной писатель жилъ почти на одну свою литературную пенсію, лишь только немного прирабатывая къ ней. Безъ этой пенсіи ему нечѣмъ было бы существовать. Лѣтомъ А. В. уже совершенно ослабѣвшими руками выбралъ изъ «Свѣточа» нѣкоторыя свои статьи для отдѣльныхъ брошюрокъ и отдалъ ихъ мѣстному книгопродавцу для изданія подъ общимъ названіемъ: «При свѣтѣ лампы».

— Вотъ когда я получаю первую плату за мои труды въ «Свѣточѣ»,—проговорилъ А. В.

Весь сентябрь Кругловъ чувствовалъ себя очень плохо и пролежалъ въ постели, съ которой ему уже не пришлось болѣе и встать. Приглашенный врачъ нашель у него острое малокровіе и переутомленіе. Въ началѣ и концѣ мѣсяца А. В. исповѣдывался и причащался, а въ Покровъ особоровался. Наканунѣ у него случился легкій ударъ, но утромъ онъ пришелъ въ себя, и хотя весь день былъ крайне слабъ, но при соборованіи молился и все время самъ держалъ свѣчу.

На слѣдующій день ему стало гораздо лучше, онъ долго бесѣдовалъ съ врачомъ и знакомой А. А. К. и даже началъ слагать стихи:

На ложѣ страданій лежу,
Измученъ, истерзанъ недугомъ...
Видѣнья столпились кругомъ,
Я думой въ прошедшемъ брожу.

4-го октября Кругловъ почувствовалъ себя настолько бодрѣе, что его перевели на диванъ, гдѣ онъ и пролежалъ цѣлый день и даже сочинилъ самъ эпитафію:

При свѣтѣ вечерней лампы,
Зажженной дрожащей рукой,
Вблизи монастырской ограды
Нашель онъ послѣдній покой.

Наканунѣ смерти А. В. просилъ знакомаго іеромонаха прійти утромъ и еще разъ причастить его. Но монахъ не пришелъ. И это былъ послѣдній день жизни А. В. Разставаясь съ землею, вечеромъ онъ выразилъ трогательную заботу объ оставшихся близкихъ. Въ полночь послѣ короткой агоніи Кругловъ какъ бы забылся сладкимъ, мирнымъ сномъ—уже сномъ смерти.

Погребеніе Круглова совершено въ Сергіевомъ посадѣ, въ оградѣ приходской церкви Рождества Христова.

Проводить А. В. собрались въ храмъ изъ литературнаго міра: профессоръ Д. И. Введенскій съ женою, А. А. Ѳедоровъ-Давыдовъ, М. А. Новоселовъ, А. А. Козлова, Н. Д. Чинковъ-Чужанинъ, И. П. Ювачевъ, поэтъ П. К. Ивановъ, поэтесса А. И. Шафранова, художникъ С. В. Беклемишевъ съ семьею; издатели: А. С. Панафидина, М. В. Ключинъ съ женою, В. С. Спиридоновъ и Н. М. Ежовъ.

Отъ Панафидиной, Ключина и Беклемишева съ Битюковымъ были возложены на гробъ роскошные фарфоровые вѣнки.

Когда зарывали могилу Круглова, то Шафранова произнесла слѣдующій прочувствованный экспромптъ:

Съ послѣднею лаской осеняго солнца,
Съ прощальной улыбкой цвѣтовъ,—
Утихли страданья уставшаго сердца
И муки не сбывшихся сновъ...
Увяли цвѣты свѣтозарнаго сада,
И лира молчить...
Огнемъ неугасной у Бога лампы
Теперь его сердце горитъ!
За то же, что лира твоя подарила
Душѣ моей сладостный сонъ,—
Прими, уходящій въ нѣмую могилу,
Послѣдній поклонъ!

Шафранова явилась какъ бы депутаткой отъ женщинъ, которымъ покойный поэтъ посвятилъ не мало стиховъ, воспѣвая какъ женскую молодежь:

Люблю я этотъ кругъ, веселый, молодой,
Науки труженицъ, и ихъ живыя рѣчи,
И если я еще не очерствѣлъ душой,
Меня спасаютъ эти встрѣчи...

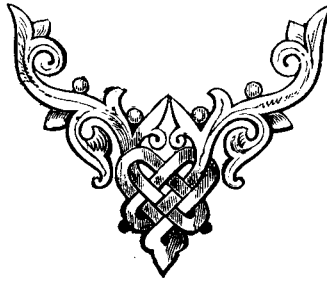
Шафранова и пришла какъ бы благодарить отъ лица женщинъ своего рыцаря-поэта, возносившаго ихъ на недосягаемый пьедесталъ и возмущавшагося низведеніемъ ихъ съ него:

«истор. вѣстн.», октябрь 1916 г., т. сxlvi.

Какъ храмъ и жертвенникъ далеки отъ таверны,
 Такъ прежняя любовь чужда той вашей скверны,
 Которую—позоръ любовію назвать!
 Мы въ годы юности любовью освѣщались,
 Какъ предъ богинею—предъ женщиной склонялись,
 А вы ея алтарь кощунственно разбили,
 Властительницу думъ—въ рабыню превратили
 Преступныхъ замысловъ и низменныхъ страстей!
 .....
 Смотрите: рушатся семейные устои,
 Раствители дѣтей наряжены въ герои...

Надъ могилою скромнаго литературнаго труженика водруженъ
 простой дубовый крестъ съ лаконической надписью: «Писатель
 Александръ Васильевичъ Кругловъ. Родился 5-го іюня 1852 г.,
 умеръ 9-го октября 1915 года».

Анна Догановичь.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ ОТЦѢ ІОАННѢ КРОНШТАДТСКОМЪ.

(Ко дню его рожденія 19 октября).

«Любай брата своего во
свѣтѣ пребываетъ».

(1 Іоанна Ію).

НОГО въ свое время говорили и писали объ отцѣ Іоаннѣ Кронштадтскомъ, много чтили его, но не мало взводили и клеветы на этого кроткаго, съ добрыми глазами и хрустально-чистой душой пастыря. Не даромъ говорится: «Чѣмъ выше башня, тѣмъ длиннѣе тѣнь». Я близко знала отца Іоанна, но въ этомъ маленькомъ очеркѣ не стану разбирать, достоинъ ли онъ былъ тѣхъ почти божескихъ почестей, которыми онъ пользовался при жизни, заслуживалъ ли онъ и тѣ нареканія, которыя, особенно въ послѣдніе годы его жизни, «черными воронами» витали около свѣтлаго его имени: я представляю каждому судить о немъ по-своему. Сама же, въ памятный для меня день 19-го октября, хочу лишь набросать нѣсколько воспоминаній о моихъ встрѣчахъ и разговорахъ съ глубокочтимымъ мною пастыремъ и то лишь въ самой обыденной, будничной обстановкѣ. Быть можетъ, скажутъ мнѣ, что личныя мои воспоминанія незначительны, что приводимыя мною слова отца Іоанна кратки и отрывочны, но, мнѣ думается, всякое слово, всякій поступокъ чловѣка, жизнь котораго служить назиданіемъ для потомства, должны быть неустанно воспоминаемы и обязательно преданы гласности.

Отецъ Іоаннъ Сергіевъ былъ законоучителемъ мужской классической гимназіи въ Кронштадтѣ въ то время, когда мужъ мой былъ тамъ директоромъ. Какъ законоучитель, отецъ Іоаннъ былъ не всегда исправенъ, но происходило это не по его винѣ. Частыя его отлучки въ Петроградъ, постоянныя требы были тому причиной. Нерѣдко пропускалъ отецъ Іоаннъ часы занятій или пріѣзжалъ усталый, не подготовленный къ уроку, который проходилъ лишь въ религиозныхъ бесѣдахъ. Тѣмъ не менѣе религиозно-нравственное вліяніе его на учениковъ было громадное. Ученики да и весь учительскій персоналъ съ директоромъ во главѣ глубоко чтили его, всегда восторженно встрѣчали, провожали, а были и случаи, что подъ благотворнымъ его вліяніемъ нѣкоторые изъ окончившихъ гимназическій курсъ уходили въ духовную академію. Нельзя не отмѣтить и того, что всѣ имѣвшіе частое общеніе съ свѣтлой личностью отца Іоанна были всегда болѣе или менѣе религиозно настроены.

Неизмѣнно два раза въ недѣлю, послѣ или передъ уроками, отецъ Іоаннъ заходилъ къ намъ пить кофе, который очень любилъ, и проводилъ это время въ самой непринужденной со мной бесѣдѣ—много шутилъ, много смѣялся. Я была молода, и всѣ разговоры и дѣйствія мои были молоды. Мнѣ доставляло несказанное удовольствіе вводить многими чтимаго за святого пастыря въ маленькія погрѣшности, что нерѣдко мнѣ и удавалось. Но и всѣ его провинности лишь ярче подчеркивали его простую, безъ всякой наружной рисовки, незаурядную личность.

Однажды, возвращаясь поздно изъ Петрограда, отецъ Іоаннъ завернулъ къ намъ «на огонекъ» наканунѣ какого-то большого праздника. У насъ были гости, и на столѣ стояла закуска и бутылка высокой марки коньяка. На дворѣ бушевала буря, и отецъ Іоаннъ, видимо, прозябъ. Въ одно мгновеніе ока я налила коньякъ въ рюмку и съ низкимъ поклономъ поднесла ее дорогому гостю. «Уйди, уйди, — отмахивался отъ меня отецъ Іоаннъ:—развѣ не знаешь, что завтра праздникъ, мнѣ надо служить раннюю обѣдню и не подобаетъ мнѣ сегодня пить коньякъ». Но я настойчиво не уходила, грозя простоять всю ночь и добиться своего. Къ огромному моему удовольствію, отецъ Іоаннъ въ концѣ концовъ все-таки взялъ рюмку, выпилъ коньякъ и, погрозивъ мнѣ пальцемъ, шутливо сказалъ: «Ты соблазнитель, тебѣ же и кара, а меня, грѣшнаго, Богъ проститъ».

Любилъ отецъ Іоаннъ англійскій кексъ, и въ дни Великаго поста я не разъ вѣроломно придвигала къ нему тарелочку съ любимымъ имъ, но скромнымъ печеньемъ, и онъ нерѣдко съѣдалъ-таки его кусочекъ.

Да, не словами и мелкими формальностями великъ былъ отецъ Іоаннъ, а чистыми помыслами, человѣколюбивыми дѣяніями, глубокой любовью и вѣрой къ Создателю своему.

Простой до-нельзя въ своей домашней жизни, любилъ, однако, отецъ Іоаннъ и пощеголять, и ставили многіе это ему въ вину, забывая Того, Кто одѣваетъ даже лиліи полевыя въ цвѣта краше парчи и багрянца.

Однажды на Рождествѣ Христовомъ пріѣхалъ къ намъ отецъ Іоаннъ въ роскошной шелковой малиновой рясѣ, изъ-подъ которой красовался темно-лазоревоый подрясникъ, застегнутый, если не ошибаюсь, настоящими самоцвѣтными камнями. Почитатели и почитательницы отца Іоанна щедро одаряли его богатѣйшими одѣянiями, какъ церковными, такъ и домашними. Богатъ былъ нарядъ, и великолѣпенъ былъ въ немъ всегда скромный отецъ Іоаннъ. Глядя на него, я вскрикнула: «Вотъ бы мнѣ одѣть вашу рясу и подрясникъ на балъ въ морской клубъ, куда собираюсь сегодня, всѣхъ бы я перещеголяла».

Не разсердился на меня за пустыя мои слова добрый отецъ Іоаннъ, а особенно добродушно и ласково, какъ только умѣлъ онъ одинъ, взглянувъ на меня, самодовольно сказалъ: «А правда, хороша моя ряса? А ты не завидууй, никогда и никому, довольствуйся тѣмъ, что имѣешь».

Сидя разъ у меня, отецъ Іоаннъ получилъ телеграмму изъ Мраморнаго дворца съ приглашеніемъ пріѣхать къ великой княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ, большой его почитательницѣ. По обыкновенію, торопливо всталъ отецъ Іоаннъ, прошелъ въ мою комнату, вымылъ руки, у зеркала тщательно пригладилъ свои волосы, а на мое шутовское предложеніе sprysнуть его духами, къ моему удовольствію, охотно согласился, сказавъ: «Смотри, чтобы духи были хороши».

Вездѣ и во всемъ та же чарующая простота, почти дѣтская непосредственность, эти вѣчные спутники истинно великихъ душъ.

Всякій разъ, когда отецъ Іоаннъ пріѣзжалъ въ гимназію, во дворѣ встрѣчала его грязная, оборванная толпа «посадскихъ», прозванная «воинствомъ отца Іоанна». Это были чернорабочіе, которыхъ отецъ Іоаннъ щедро одѣлялъ деньгами и которые, уклоняясь отъ работы, предпочитали жить подаянiями. И стала я какъ-то разъ упрекать отца Іоанна въ томъ, что онъ зря раздастъ деньги лѣнтяямъ, поощряя этимъ ихъ времяпрепровожденіе въ трактирахъ. Строго сдвинулъ отецъ Іоаннъ брови и строго сказалъ: «А кто далъ тебѣ право вмѣшиваться въ мои дѣла и дѣянiя?» А потомъ, посмотрѣвъ на меня своимъ проникновеннымъ, всегда глубоко западающимъ въ душу взглядомъ, прибавилъ: «Почемъ знать? Быть можетъ, идутъ они въ трактиръ съ горя; нѣтъ у нихъ твоихъ палатъ, быть можетъ, и семьи нѣтъ, а ты благодари Бога за то, что имѣешь, и никогда никого не осуждай—легко можешь ошибиться». Конечно, отецъ Іоаннъ продолжалъ раздавать деньги посадскимъ, но почему-то въ этотъ день, когда, по обыкновенію, они во дворѣ окружили его,

онъ сталъ разгонять ихъ, а за однимъ, болѣе назойливымъ, взявъ первую попавшуюся палку, даже погнался. Я стояла у окна и невольно улыбалась, глядя на разсерженного, обыкновенно столь незлобиваго отца Иоанна, но на душѣ было тревожно, мнѣ было уже жаль посадскихъ. Слова отца Иоанна всегда магически дѣйствовали на душу.

Однажды, послѣ принятія святаго причастія, отойдя отъ святой чаши, я сдѣлала три земныхъ поклона. Въ этотъ же день настоятель церкви, онъ же и законоучитель, мягко упрекнулъ меня за это, сказавъ, что послѣ причастія не полагается становиться на колѣни.

— Но что же дурного въ томъ, что я земно благодарила Господа, удостоившаго меня принятія святыхъ Своихъ таинъ?—протестовала я.

— Конечно, дурного тутъ нѣтъ ничего,—возразилъ батюшка:—но, думается мнѣ, нѣтъ надобности дѣлать то, что не принято, что не рекомендуется и церковью, а въ особенности вамъ, какъ женѣ директора, да еще въ гимназической церкви. Вѣдь не становитесь же вы, да и другіе, на колѣни при пѣніи «Христосъ Воскресе»,—убѣдительно докончилъ онъ.

Я подумала: «О, бѣдное созданіе человѣкъ, величающій себя царемъ земли въ своихъ вѣчныхъ оковахъ», и сказала:

— Должна вамъ признаться, батюшка, что въ торжественную минуту перваго возгласа «Христосъ Воскресе» мнѣ всегда неудержимо хочется пасть на колѣни, но, къ стыду моему, боясь сдѣлать неуютное людямъ, не дѣлаю уютное Богу, такъ какъ я глубоко убѣждена, что моя колѣнопреклонная молитва была бы услышала Небомъ.

Споръ нашъ разрѣшилъ отецъ Иоаннъ.

День Святой Пасхи. Весь въ шелку, съ дивно сверкающими самоцвѣтными камнями на дорогомъ наперсномъ крестѣ, весь праздничный, сіяющій радостью и торжествомъ, входитъ къ намъ отецъ Иоаннъ, подходитъ къ образу и при первыхъ же словахъ «Христосъ Воскресе», весь охваченный молитвеннымъ экстазомъ, низко склоняется на колѣни. Я ликовала.

Никогда не считала я отца Иоанна святымъ, какъ это дѣлали многіе, и всѣ приписываемыя ему чудеса объясняла себѣ рассказами истеричныхъ женщинъ, надъ которыми собственная сила самовнушенія творила эти чудеса. Однако я не могу умолчать о выдающемся фактѣ, случившемся въ нашей же семьѣ. Рассказывая этотъ фактъ, я должна невольно коснуться и самыхъ тяжелыхъ переживаній въ моей жизни.

Сынъ мой Евгеній, большой любимецъ отца Иоанна, заболѣлъ менингитомъ. Доктора поддерживали въ насъ надежду на выздоровленіе больного, пока параличъ не поразилъ всю лѣвую его сто-

рону. Съ этого момента мальчикъ лежалъ безъ движенія, безъ сознанія, и участь его была рѣшена, мы каждую минуту ждали печальной развязки.

Узнавъ о нашемъ горѣ, 13-го сентября, въ двѣнадцать часовъ ночи отецъ Іоаннъ пріѣхалъ къ намъ. Войдя въ комнату больного, онъ опустился передъ нимъ на колѣни и нѣсколько минутъ тихо молился, а потомъ, поцѣловавъ и осѣнивъ его большимъ крестнымъ знаменіемъ, промолвилъ: «Душа его чиста передъ Господомъ». Сказавъ эти слова, отецъ Іоаннъ тотчасъ же ушелъ, не промолвивъ намъ ни слова утѣшенія, не выразивъ и собственнаго сожалѣнія о горестномъ положеніи особенно нѣжно имъ любимаго мальчика, но, видимо, самъ онъ былъ сильно взволнованъ.

Проводивъ отца Іоанна, я поспѣшила къ сыну, но не успѣла я перешагнуть порога, какъ услышала дорогой голосъ, зовущій меня: «Мама, гдѣ ты?» Не помня себя отъ радости и изумленія, я подошла къ нему, а онъ, глядя на меня глазами, полными сознанія, проговорилъ еще: «Пить хочу, гдѣ папа?»

Выпивъ немного чаю, онъ тихо заснулъ и спокойно спалъ до утра.

Когда я рассказала все это собравшимся на другой день докторамъ, удивленію ихъ не было границъ; по ихъ словамъ, это небывалое въ медицинѣ явленіе, чтобы при менингитѣ больной, послѣ пораженія параличомъ, приходилъ въ сознаніе, и не ручались уже доктора за дальнѣйшій ходъ болѣзни.

Однако въ ночь на 14-е сентября сынъ скончался. Это было мое первое глубокое несчастье, моя первая незамѣнимая потеря, и черная, безысходная печаль, сопровождаемая упорной бессонницей, овладѣла мною. Наступилъ день 19-го октября. Мужъ по обыкновенію отправился поздравлять отца Іоанна съ днемъ его рожденія, а я, совсѣмъ обезсиленная бессонницей, отъ которой никакія медицинскія средства меня не избавляли, осталась дома. Пришелъ докторъ, я умоляла его дать мнѣ новое лекарство, но онъ лишь горестно сказалъ: «Къ сожалѣнію, я не знаю, чѣмъ помочь вамъ, будемъ рассчитывать на благодатное время».

Конечно, ему не слѣдовало говорить такъ съ больной, но я объясняю себѣ его слова лишь тѣмъ, что самъ онъ былъ человѣкомъ нервнымъ и сердечно мнѣ сочувствующимъ. Въ это время вернулся мужъ и передалъ мнѣ огромную просфору со словами: «Тебѣ посылаетъ отецъ Іоаннъ просфору, поднесенную ему монахинями какаго-то монастыря, съ пожеланіемъ скорѣйшаго тебѣ выздоровленія».

Я взяла просфору, поцѣловала ее и тутъ же почувствовала непреодолимую сонливость. Я легла, мгновенно крѣпко заснула, и съ этого дня силы мои стали быстро восстанавливаться. Никакихъ комментариевъ по поводу этихъ случаевъ я не дѣлаю, описываю лишь

факты, и неизмѣнно каждый разъ въ день 19-го октября возстановляю ихъ въ своей памяти.

Въ словахъ и поступкахъ отца Іоанна много необъяснимаго. Безспорно, онъ любилъ всю нашу семью, о чемъ не разъ говорилъ и намъ, и другимъ, что доказывалъ своими частыми посѣщеніями, но почему-то послѣ смерти сына, котораго, какъ сказано выше, онъ и самъ очень любилъ, отецъ Іоаннъ насъ не навѣстилъ. Долго уже спустя, когда мы, покинувъ Кронштадтъ, переселились въ Петроградъ, отецъ Іоаннъ снова пріѣхалъ къ намъ, но снова не проронилъ ни слова о покойномъ. Вообще отецъ Іоаннъ часто не придерживался принятаго и вводилъ въ свою жизнь много личнаго, своеобразнаго, какъ, напримѣръ, это было и съ извѣстной общей исповѣдью. Не знаю, насколько исповѣдь эта отвѣчала церковнымъ уставамъ, но была она прекрасна, торжественна, трогательна.

Я всего разъ присутствовала на общей исповѣди, но она оставила во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе. Нѣтъ, никогда не забыть мнѣ тѣхъ преображенныхъ страданіемъ и глубокимъ раскаяніемъ лицъ, громко исповѣдывающихъ свои грѣхи; казались они мнѣ дивными произведеніями великаго мастера, который въ лицѣ вдохновеннаго отца Іоанна стоялъ тутъ же, то строгій, карающій, какъ сама Немзида, то охваченный глубокимъ состраданіемъ ко всему страдающему роду человѣческому, простирающій съ мольбою къ небу руки. И рыдала вся церковь, и плакалъ отецъ Іоаннъ «за братію свою», а лицо его сіяло тогда неземной красотой: «Любяй брата своего, во свѣтѣ пребываетъ». И было жутко, умильно, и чувствовалось во святомъ храмѣ присутствіе Всепрощающаго... Вообще церковная служба отца Іоанна производила глубокое впечатлѣніе на присутствующихъ, а самъ онъ молился до самозабвенія.

Меня лично особенно очаровало въ отцѣ Іоаннѣ то, что онъ одинаково любовно относился ко всѣмъ людямъ безъ исключенія, какой бы они ни были націи, какое общественное положеніе ни занимали бы, выдѣляя лишь ихъ душевныя качества.

И возможно ли было не кланяться ему земно, не любить его всей душой?! Несомнѣнно, отецъ Іоаннъ обладалъ чѣмъ-то нездѣшнымъ, потустороннимъ. Говорятъ, «есть души, которыя рождаются раньше времени, и витаютъ онѣ по землѣ, никѣмъ не понятыя, и болѣетъ такая душа». Думается мнѣ, не была ли таковая и у отца Іоанна.

Евгенія Козеко.

У КОЛЕСА СЧАСТЬЯ.

(Памяти Маріи Гавриловны Савиной).

СПОЛНИЛАСЬ годовщина смерти чудной артистки, столько лѣтъ доставлявшей своей игрой минуты высокаго художественнаго наслажденія многимъ и многимъ любителямъ театра.

Кто изъ современниковъ не видѣлъ, не зналъ, не любилъ Савину на сценѣ?

Но едва ли многимъ изъ широкой публики, изъ тѣхъ, кто не принадлежалъ къ числу ея товарищей или друзей, довелось испытать обаяніе ея личности такъ непосредственно и ярко, какъ мнѣ, — въ моменты встрѣчъ внѣ сцены, встрѣчъ мимолетныхъ и случайныхъ, но оставившихъ неизгладимое впечатлѣніе, которымъ хочется подѣлиться теперь, когда ея уже нѣтъ между нами, со всѣми, кому она была мила.

Три раза на протяженіи двадцати пяти лѣтъ стояли мы лицомъ къ лицу и обмѣнялись бѣглыми словами. И каждый разъ хотѣлось сказать ей больше, сказать многое... Разказать о томъ вліяніи, какое она, сама того не зная, имѣла на меня въ ранней юности моей, о ея правѣ на мою особо благодарную симпатію. Но каждый разъ обстановка встрѣчи препятствовала изліяніямъ, и думалось: послѣ, потомъ когда-нибудь, еще есть время. Вѣдь она, неувядаемая, сильная, живущая полной, черезъ край бьющей жизнью, тутъ близко, въ одномъ городѣ, значить, возможно увидѣться при болѣе благопріятныхъ условіяхъ.

Какъ вдругъ смерть, такая неожиданная, оскорбляющая чувство справедливости, наложила свое veto на лелѣемое долгіе годы желаніе.

Въ моихъ воспоминаніяхъ о Н. К. Михайловскомъ («Завѣты», январь, 1913 г.) есть упоминаніе о тяготѣннн моемъ къ театру: даже первая (дѣтская) попытка писательства вылилась въ подобіе пьески, а въ старшихъ классахъ института приходилось выступать въ торжественныхъ публичныхъ спектакляхъ, на которыхъ ставились отрывки изъ Шиллера, Расина, Мольера.

Понятно, что, пріѣхавши по окончаніи института въ Петербургъ (осенью 1879 г.), семнадцатилѣтняя курсистка въ свободныя отъ науки минуты всею сердцемъ рвалась къ театру.

А въ Александринскомъ театрѣ въ то время подвизалась съ шумнымъ, все возрастающимъ успѣхомъ очаровательная молодая актриса съ огненными черными глазами и такимъ заразительнымъ молодымъ смѣхомъ, такимъ искрометнымъ юношескимъ задоромъ—Марія Гавриловна Савина.

Въ 1880 г. имя ея было на устахъ у всѣхъ. Разговаривая о ней въ гостиныхъ, подражали ея голосу, манерѣ, интонаціямъ.

Впервые довелось ея увидѣть въ какой-то пустынькой пьескѣ Виктора Крылова, въ которой она и мило кокетничала, и капризно плакала, и весело смѣялась, и гнѣвно попала ножкой. Сколько разъ ея впослѣдствіи попрекали этимъ Викторомъ Крыловымъ, забывая, что одновременно она создавала художественные образы въ пьесахъ Тургенева и Гоголя: Вѣрочка, Марья Антоновна. Второй разъ увидѣла ее въ «Дикаркѣ» Островскаго и Соловьева.

Извѣстно, что мастерская игра Савиной сдѣлала «Дикарку» казовой пьесой, нѣсколько лѣтъ подъ рядъ собиравшей переполненный театръ. И сейчасъ ея смущенно-лукавое: «А ты хотѣлъ, чтобъ въ омутъ?» съ неподражаемой мимикой бросаемое Ашметьеву-Киселевскому подъ сдержанное «браво, браво» всего театра, звучитъ въ ухахъ, какъ будто это было только вчера, и вспоминается, какъ съ каждымъ новымъ посѣщеніемъ спектаклей съ участіемъ М. Г. Савиной становилось свѣтлѣе и радостнѣе на душѣ, нѣсколько омраченной пережитыми на зарѣ жизни семейными невзгодами, и подавленная жизнерадостность начинала пробиваться сквозь оболочку меланхоліи и пессимизма, неестественныхъ въ такомъ юномъ возрастѣ. Могу сказать, пользуясь выраженіемъ Глѣба Ивановича Успенскаго, что Марія Гавриловна Савина «выпрямила» меня въ извѣстномъ отношеніи, и отсюда понятна та восторженная симпатія, съ какой я относилась къ волшебницѣ-артисткѣ, точно «живой водой» сказки брызнувшей своимъ солнечнымъ талантомъ на замершее было въ испугѣ передъ жестокими коллизіями жизни сердце.

Въ каждой новой роли старалась я увидѣть свою любимицу и, помню, чуть не плакала, когда въ «Гамлетѣ», поставленномъ артистомъ Нильскимъ въ свой бенефисъ, Офелію вмѣсто Савиной играла Дюжикова ради того, чтобы спѣть «Моего ль вы знали друга?» болѣе сильнымъ и обработаннымъ голосомъ.

«Какъ бы хорошо было встрѣтить чудную Марью Гавриловну гдѣ-нибудь внѣ сцены!» думалось не разъ, и глядь—въ томъ же 1880 г. желаніе мое исполнилось: я ее увидѣла на юбилейномъ праздникѣ извѣстнаго писателя Сергѣя Васильевича Максимова, который очень ласково относился къ молодежи вообще и ко мнѣ въ частности, встрѣчая меня у своей родственницы-костромички Е. А. Жуковой.

Въ тѣ поры въ связанныхъ тѣсной дружбой семьяхъ Сергѣя Васильевича Максимова и Ивана Федоровича Горбунова старшіе дѣти, семнадцатилѣтній гимназистъ Ваня и шестнадцатилѣтняя Таня, бредили театромъ. Поэтому главнымъ нумеромъ юбилейнаго праздника была постановка пьесы Островскаго «Правда хорошо, а счастье лучше», въ которой Ваня и Таня играли влюбленную пару. Въ большомъ залѣ женскаго училища, примыкающемъ къ квартирѣ начальницы А. Ф. Р—ской (тещи С. В. Максимова) собралось огромное разнородное общество друзей и почитателей знаменитаго «пѣвца края родимаго»,

Кто, и достигнувъ извѣстности,
Вѣренъ остался искусству и честности
Двадцать пять лѣтъ...

какъ гласилъ экспромптъ одного молодого поэта за ужиномъ. Юные артисты робѣли и волновались. Еще бы! Сама Марья Гавриловна Савина обѣщала посѣтить спектакль.

Сергѣй Васильевичъ Максимовъ, какъ всегда, благодушный, привѣтливый, пересыпающій свою рѣчь мѣткими народными словечками и выраженіями, расхаживалъ среди гостей, но видно было, что вниманіе его и Ольги Ивановны, его жены, отвлечено ожиданіемъ. Наконецъ по залу пронеслось: «Пріѣхала! Марія Гавриловна Савина пріѣхала!» И всѣ устремились ей навстрѣчу, стараясь поближе разглядѣть интересную артистку. Юбиляръ велъ ее къ предназначенному мѣсту, на ходу представляя ей тѣхъ, кого узнавалъ въ толпѣ, поглядывая поверхъ очковъ.

— Вотъ и она тоже... талантливая, учится, достигаетъ...—услышала я добродушную скороговорку Сергѣя Васильевича, схватившаго меня за руку, а столь знакомый мнѣ и милый звучный характерный голосъ произнесъ:

— Учится, гдѣ? Въ театральной школѣ?

— Нѣтъ, на Вестужевскихъ курсахъ,—отвѣтила я, впиваясь

въ нее взглядомъ. Она предположила то, что, дѣйствительно, соблазняло меня иногда.

— Вотъ какъ! Я скоро буду читать на вашемъ вечерѣ, Надежда Васильевна Стасова просила меня... Думаю прочесть письмо Татьяны... Ну, Богъ въ помощь!

Улыбка, рукопожатіе—вотъ и все. Но въ моемъ воображеніи эти нѣсколько звуковъ разрослись въ цѣлую симфонію, основнымъ мотивомъ которой было: «Богъ въ помощь», произнесенное М. Г. Савиной, и я плохо слѣдила за происходящимъ на сценѣ, видя впереди себя, въ первомъ ряду ея стройную фигуру въ серебристо-сѣромъ изящномъ нарядѣ, ея темные локоны, спускающіеся на шею по модѣ того сезона.

Марья Гавриловна оставалась недолго; ей еще надо было гдѣ-то выступать. Въ антрактѣ она поздравила юныхъ исполнителей «съ успѣхомъ» и на прощанье расцѣловала краснѣющую отъ радости Таню Горбунову.

Впослѣдствіи, когда Татьяна Ивановна Горбунова поступила на Александринскую сцену и приходилось слышать, что «соперничество Савиной мѣшаетъ развиваться ея таланту», мнѣ вспоминался поцѣлуй того вечера и думалось: мѣшаетъ, несомнѣнно, М. Г. Савина многимъ, но такъ, какъ роскошный махровый цвѣтокъ мѣшаетъ сосѣднимъ скромнымъ растеньицамъ, заслоняя ихъ помимо воли. Такимъ талантамъ, какъ Вѣра Ѳедоровна Коммиссаржевская, соперничество Савиной не помѣшало проявить себя въ полномъ блескѣ...

Первый тостъ за ужиномъ самъ юбиляръ провозгласилъ «за восходящую звѣзду русской сцены, Марью Гавриловну Савину», а когда я благодарила его за то, что представилъ меня этой звѣздѣ, онъ проговорилъ какъ-то проникновенно: «Да, да, спасибо ей, озарила мой праздникъ своимъ появленіемъ молодая королевнужка», и это выраженіе запало мнѣ въ память. Оно удивительно шло къ облику молодой артистки, когда она по-королевски привѣтливо наклоняла свою гордо посаженную голову, проходя между рядами привѣтствующихъ ее почитателей.

Прошло десять лѣтъ, и судьба снова поставила меня лицомъ къ лицу съ Марьей Гавриловной Савиной. У колеса счастья произошла эта встрѣча, на вечерѣ въ пользу Бестужевскихъ курсовъ, устроенномъ извѣстной общественной дѣятельницей О. К. Нечаевой зимою 1890 года.

Познакомившись въ вагонѣ на пути изъ Парижа съ выставки 1889 г. съ Ольгой Константиновной, я узнала о ея намѣреніи попросить Марью Гавриловну обезпечить успѣхъ нашему вечеру своимъ участіемъ.

Въ это время я была уже замужемъ, начала пробовать свои силы въ литературѣ, узнала многихъ выдающихся писателей, но

впечатлѣніе, произведенное на меня «молодой королевнушкой», оставалось свѣжимъ и яркимъ, а еще незадолго передъ тѣмъ— въ 1888 году—оно было обновлено маленькимъ эпизодомъ, о которомъ стоить упомянуть: это лишній штрихъ въ характеристикѣ М. Г. Савиной.

Въ городѣ Серпуховѣ молодежь артиллерійской бригады развлекалась любительскими спектаклями, въ которыхъ и мнѣ случалось принимать участіе. Успѣхъ небольшихъ пьесокъ, въ родѣ «Черезъ край» Тихонова и т. п., такъ окрылилъ «артистовъ», что они задумали поставить драму Потѣхина «Нищѣ духомъ». На репетиціяхъ одинъ изъ главныхъ исполнителей—пѣвецъ, спортсменъ ех-поручикъ О—кій сталъ увѣрять, что въ послѣднемъ дѣйствіи героиня пьесы Кондарева подѣваетъ цыганкѣ Шешѣ. Съ нимъ не соглашались, и для разрѣшенія спора онъ написалъ Марьѣ Гавриловнѣ Савиной, создавшей эту роль. Товарищи-офицеры подтрунивали надъ самомнѣніемъ бригаднаго «льва» и втихомолку злорадствовали, что «отвѣта нѣтъ, какъ нѣтъ». Каково же было торжество нашего Карабанова-О—скаго, когда въ самый канунъ спектакля на его имя пришла телеграмма изъ Петербурга, гласящая:

«Шеша поетъ одна

Савина».

Въ разгарѣ сезона, среди многообразныхъ своихъ занятій Марья Гавриловна нашла возможность откликнуться на такой, казалось бы, праздный вопросъ одного изъ поклонниковъ ея таланта.

Вечеръ въ пользу курсовъ «съ участіемъ М. Г. Савиной» удался на славу. Уже на лѣстницѣ, ведущей въ залъ кредитнаго общества, толпилась все прибывающая публика. Мнѣ долго не удавалось пробраться въ ту часть зала, гдѣ у лотерейнаго колеса помѣщалась Марья Гавриловна Савина, окруженная студентами-ассистентами подъ предводительствомъ популярнаго профессора А. А. Иностранцева, почти не отходившаго отъ ея стула.

Вотъ она, снова такъ близко, почти не измѣнившаяся за десять лѣтъ; только глубже, серьезнѣе взглядъ прекрасныхъ глазъ. Въ распѣтѣ красоты и славы. Теперь ей, *драматической* примдоннѣ Александринскаго театра, не такъ часто приходится радовать зрителей своимъ звонкимъ смѣхомъ, безпечнымъ весельемъ, какъ, бывало, въ амплуа *ingénue*. Въ мучительной тоскѣ, заломленные, стиснутыя руки, искаженное нѣмымъ страданіемъ лицо, глухія рыданія, смерть, какъ исходъ, какъ разрѣшеніе трагической коллизіи,—таковы въ большинствѣ главные моменты ея ролей, вызывавшіе часто отвѣтныя слезы, какъ, наприимѣръ, въ «Татьянѣ Рѣпиной» и друг.

Но сейчас она оживлена, весело разговаривает, съ легкой усмѣшкой смотритъ на ищущихъ счастья «игроковъ». Обладательница умопомрачительныхъ туалетовъ на сценѣ, здѣсь она одѣта съ изящной простотой въ закрытое платье цвѣта *viel or*, отгѣненного на груди волной тонкихъ бѣлыхъ кружевъ. Античная художественной работы брошь придерживаетъ кружева.

Въ игрѣ мнѣ никогда не везло, но, взглянувъ на Марью Гавриловну, я вдругъ подумала: «Если она возьметъ мнѣ счастливый номеръ, то исполнится мое завѣтное желаніе». Глаза наши встрѣтились, и, къ моему удивленію, точно читая мои мысли, Марья Гавриловна первая заговорила со мной, приподымая брови съ передаваемымъ выраженіемъ комическаго удивленія:

— Мнѣ кажется, что вы и всерьезъ вознамѣрились выиграть?!

Пораженная такой, хотя и немножко насмѣшливой; проницательностью, я отвѣтила:

— Да, Марья Гавриловна, вы угадали. Я никогда не выигрываю, но сегодня очень хочу, чтобы *вы* вынули для меня счастливый номеръ,—и понизивъ тонъ, чтобы услышала она одна, прибавила:— я загадала нѣчто очень важное для меня и хочу получить отвѣтъ судьбы изъ вашихъ рукъ.

— Хорошо. Сколько билетовъ?

— Четыре. Пусть вѣроятность будетъ минимальной.

— Вынимаю. Смотрите...

Нужно было видѣть игру лица, мимику прелестной артистки, когда она, точно загорѣвшись моимъ любопытствомъ, напряженно слѣдила, какъ я развертывала одну за другой вынутыя ею изъ колеса трубочки. Первый, второй, третій билетъ—пустые. Четвертый № 80.

— А-а! Выигрышь!—воскликнула Марья Гавриловна и даже вздохнула съ облегченіемъ:—видите, вотъ вамъ и «отвѣтъ судьбы». Что, довольны?

Студенты засуетились, разыскивая № 80 въ списокѣ вещей, и одинъ изъ нихъ провозгласилъ торжественно:

— Стопа серебряная гравированная. Экая вы счастливица! Это второй по цѣнности призъ послѣ серебрянаго самовара, а слѣдующій-то номеръ всего дюжина карандашей въ футлярѣ,—вотъ, не попался же!

Окружающіе разсмѣялись. Мое «счастье» уже начало привлекать любопытныхъ. Воспользовавшись минутной суматохой у столика, я шепнула Марьѣ Гавриловнѣ, поблагодаривши ее за вниманіе:

— Задумала, одобрить ли Николай Константиновичъ Михайловскій мой первый беллетристическій опытъ—рассказъ «Концертъ».

— Вотъ что! Такъ вы пишете? Славно... Я рада буду, если задуманное вами исполнится. Какъ жаль, некогда поговорить,

ждать меня уже, приходится нести службу. До свиданья, милушка, Богъ въ помощь!..— Она обернулась снова къ колесу счастья, но еще издали нѣсколько разъ кивнула мнѣ головой съ чарующей улыбкой привѣта.

Я подождала, не удастся ли отнять у нея еще минутку, чтобы напомнить ей, какъ десять лѣтъ тому назадъ она также сказала мнѣ «Богъ въ помощь» на юбилей С. В. Максимова. Но нѣтъ, подходили ея знакомые, подходилъ Н. Н. Фигнеръ съ женой, пришлось ретироваться, унося свою серебряную стопу, которая казалась мнѣ бриллантовой изъ-за приданныхъ къ ней Марьей Гавриловной ласковыхъ словъ...

Этотъ серебряный стаканъ съ тѣхъ поръ никогда со мной не разстается; побывалъ даже въ плѣну въ Карлсбадѣ два года тому назадъ. И красуются ли въ немъ чудныя розы «Ричардсонъ», какъ въ Карлсбадѣ, или стоятъ скромныя васильки и ромашки, сорванныя собственноручно въ полѣ, какъ въ настоящую минуту,— онъ неизмѣнно служитъ мнѣ вещественнымъ напоминаніемъ о миломъ, благожелательномъ человѣкѣ, незабвенной артисткѣ—Марьѣ Гавриловнѣ Савиной...

Въ «Воспоминаніяхъ о Н. К. Михайловскомъ» можно прочесть, что задуманное мною тогда и такъ живо принятое къ сердцу Марьей Гавриловной Савиной желаніе исполнилось. Когда «Концертъ» былъ напечатанъ въ журналѣ Н. К. Михайловскаго, мнѣ очень хотѣлось преподнести книжку «Русскаго Богатства» Марьѣ Гавриловнѣ, но сама я жила тогда въ Москвѣ, а писать ей и посылать по почтѣ постѣснялась. Увы! я не обладала всепобѣждающей рѣшительностью поручика О—каго.

И не мнѣ одной, какъ видно изъ тѣхъ же «Воспоминаній», вынимала Марья Гавриловна удачныя билеты изъ колеса жизненной лотереи: весною того же 1890 года одинъ молодой писатель, упоминаемый въ первомъ изъ приводимыхъ мною писемъ Н. К. Михайловскаго, на возвратномъ пути съ вечера у Николая Константиновича, гдѣ онъ читалъ свою повѣсть «На пахотѣ», рассказывалъ мнѣ не безъ волненія, что собирается къ Маріи Гавриловнѣ Савиной, которая заинтересовалась его пьесой («Рабочая Слободка», если не ошибаюсь) и общала свое содѣйствіе къ включенію ея въ репертуаръ Александринскаго театра. А уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Н. К. Михайловскій писалъ мнѣ на Кавказъ: «...Карповъ продалъ какую-то свою пьесу въ казну... и ликуетъ» и такъ далѣе.

Теперь у насъ передъ глазами успѣхи Евтихія Павловича Карпова, какъ драматурга и театральнаго дѣятеля, а начались они съ «легкой руки» Марьи Гавриловны, заинтересовавшейся пьесой еще мало извѣстнаго «молодого писателя».

— До свиданья!—сказала мнѣ М. Г. Савина у колеса счастья, но свидѣться намъ привелось только черезъ пятнадцать лѣтъ въ

печальной обстановкѣ панихиды по Антонѣ Павловичѣ Чеховѣ въ карлсбадской русской церкви.

— Савина!.. Здѣсь Савина,—послышался за мной шопоть среди собравшихся помолиться.

Я взглянула по указанному направленію и впереди направо у стѣны увидѣла Марью Гавриловну. Она была въ черномъ, очень блѣдна и усердно молилась, долго не подымалась съ колѣнъ послѣ провозглашенія «вѣчной памяти».

Лишь наканунѣ мой молодой пріятель, дьяконъ карлсбадской церкви (изъ варшавскихъ студентовъ) И. М. Строковскій восторженно рассказывалъ мнѣ, «какъ мила и доступна Марья Гавриловна Савина, какъ ласково отнеслась къ его молоденькой женѣ». Приглашалъ «всѣмъ вмѣстѣ навѣстить знаменитую артистку, которая только недавно оправилась отъ тяжкой болѣзни и въ нынѣшній пріѣздъ недовольна Карлсбадомъ».

И мнѣ она показалась очень блѣдной, похудѣвшей, какой-то грустной... И снова съ силой потянуло къ ней, неудержимо захотѣлось услышать ея голосъ. Въ церкви ее по обыкновенію окружали, но по выходѣ она, пройдя нѣсколько шаговъ по прилегающей къ русской церкви живописной дорогѣ парка, замедлила шаги, присѣла на скамью въ тѣни и задумалась. Она была одна.

О чемъ думала Марья Гавриловна, такъ скорбно сдвинувъ брови? О безвременно ли угасшемъ писателѣ, пѣвцѣ сумеречныхъ людей, или свое личное что-нибудь болью отозвалось въ сердцѣ? «Развѣ пройти мимо, не тревожа ея?.. Моментъ для разговора, о какомъ я мечтала, очевидно, не подходящій...»—мелькало въ умѣ, а съ губъ почти одновременно сорвалось ея имя,—отступать было поздно.

Назвала себя, напомнивъ ей о нашей встрѣчѣ у колеса счастья въ 1890 году.

Марья Гавриловна, видимо, что-то смутно припоминая, слегка улыбнулась и проговорила тономъ старухи Лариной въ оперѣ:

— Мы были молоды тогда...

«Вамъ ли говорить о былой молодости!—хотѣлось крикнуть ей.—Вы, вѣдь, принадлежите къ тѣмъ *grandes charmeuses*, которыя, какъ Діана де-Пуатье, Нинонъ де-Ланкло, Рекамье, до старости не утрачивали своихъ женскихъ чаръ!» Но вмѣсто того я заговорила о панихидѣ, о смерти Антона Павловича Чехова на чужбинѣ.

— Ужасно! Не дай Богъ никому такъ умереть. Когда мнѣ было худо, я этого боялась больше, чѣмъ самой смерти,—проговорила она медленно.

Еще вчера, разговаривая съ дьякономъ, я проектировала отнести ей розъ въ выигранномъ ею для меня серебряномъ стаканѣ, думала повѣдать ей о моемъ влеченіи къ ней съ юныхъ лѣтъ, припомнить разные моменты ея выступленій и бурныя оваціи,

которыми ее встрѣчали. Хотѣла рассказать, какъ однажды, не такъ давно, сбѣжала отъ встрѣчи Новаго года въ дружескомъ кружкѣ, узнавши, что въ канунъ Новаго года Марья Гавриловна играетъ Катарину въ «Укрощеніи строптивой» Шекспира. Рассчитывала захватить съ собой, чтобы ей показать, портреты знаменитаго французскаго трагика Мунэ-Сюлли въ «Гамлетѣ» и «Царѣ Эдипѣ» съ его автографическими надписями... «И въ такой бесѣдѣ о любимомъ искусствѣ, о литературѣ вновь,—думалось мнѣ,—протянется ниточка симпатіи съ ея стороны, болѣе прочная, чѣмъ та, которую я на мигъ почувствовала у колеса счастья».

И вотъ мы сидѣли рядомъ на скамьѣ въ прекрасномъ паркѣ, разговаривали, казалось бы, безъ помѣхи, а я, любясь ею и любя ее попрежнему, не находила нужнаго тона, тѣхъ словъ, которыя, какъ «Сезамъ, отворись!»—открыли бы мнѣ доступъ къ неисчерпаемымъ сокровищамъ ея богатой, сложной души.

Тогда, въ 1890 году, «среди шумнаго бала» ей передался подъемъ моего настроенія, моего молодого дерзанія, и наши сердца забились въ униссонъ. А теперь гробовая доска, придавившая большую грудь любимаго писателя, какъ будто бы и внутри насъ что-то сдавила, сжала: мое рвущееся къ ней навстрѣчу чувство не находило выхода, а она не имѣла охоты, не была въ настроеніи помочь мнѣ, подать тонъ, какъ сдѣлала это, сама обративъ вниманіе на меня у колеса счастья...

— Не стану больше ѣздить въ Карлсбадъ, надоѣло,—проговорила, поднимаясь съ мѣста, Марья Гавриловна:—невыносимо наблюдать злорадство этихъ нѣмцевъ по поводу нашихъ военныхъ неудачъ. Эта пошлая фраза ихъ: «колоссъ на глиняныхъ ногахъ», оскорбляетъ слухъ. Мнѣ, конечно, никто не посмѣетъ ея сказать,—гордо подняла она голову:—но слышишь невольно, въ газетахъ глаза мозолить, кожей просто ощущаешь, что они радуются тому, отъ чего мы умираемъ. Чехову легко ли было, да и вашъ Михайловскій, кажется, умеръ, потрясенный всѣми этими невзгодами...

Я знала изъ письма племянника Николая Константиновича, А. Г. Мягкова, что въ Петербургѣ такъ объясняли внезапную смерть Н. К. Михайловскаго и что это невѣрно, но не стала разубѣждать Марью Гавриловну.

— На Кавказъ буду ѣздить,—закончила она, прощаясь, и нервно повела плечами, какъ въ ознобѣ:—наши кавказскіе источники ничуть не хуже здѣшнихъ.

Кажется, Марья Гавриловна сдержала слово—у нея оно никогда не расходилось съ дѣломъ—и перестала посѣщать Карлсбадъ, гдѣ въ честь ея пріѣздовъ красуется памятная доска, прибитая къ скалѣ въ одной изъ живописныхъ аллей парка. Въ іюль 1914 г., застрявши въ австрійскомъ курортѣ, я порадовалась, что Марья

Гавриловна избѣгла этой неприятности, а въ прошломъ году, живя лѣтомъ въ мучительно-некультурныхъ условіяхъ Пятигорска, прочла въ мѣстной газетѣ, что «Марья Гавриловна Савина лечится въ Эссентукахъ, поправилась и на дняхъ въ компаніи друзей посѣтила кисловодскій лазаретъ для раненыхъ, гдѣ оставила крупный вкладъ на нужды лазарета, озаривши своей лаской и привѣтомъ страдальцевъ...»

«Озарила своимъ посѣщеніемъ молодая королевнушка»,—вспомнились слова Сергѣя Васильевича Максимова, сказанныя столько лѣтъ тому назадъ, и слово «молодая» не прозвучало диссонансомъ.

Всего полчаса ѣзды отдѣляло меня отъ Эссентуковъ, но мнѣ не пришло уже въ голову беспокоить Марью Гавриловну, несмотря на то, а можетъ быть именно потому, что я, какъ никогда прежде, нуждалась услышать ея сердечное «Богъ въ помощь!» «Вотъ возвращусь въ Петроградъ, и, можетъ быть, случится какъ-нибудь встрѣтиться, рассказать ей о пребываніи въ Карлсбадѣ во время войны; этимъ она заинтересуется, навѣрное», подумала я, а черезъ два мѣсяца прочла въ утренней газетѣ заключенную въ траурный ободокъ опеломляющую вѣсть: «Скончалась Марья Гавриловна Савина».

«Кончено. Никогда больше не увидимъ ее», пронизала сердце щемящая боль, и теперь еще, почти годъ спустя, не потерявшая остроты. И если тяжело мнѣ, любившей ее издали, на разстояніи, какъ принцессу Грезу, волновавшую меня въ юности,—воображаю, что должны чувствовать люди, съ ней близко, кровно связанные, съ ней работавшіе, дѣлившіе ея радости, успѣхи и неизбѣжныя горести существованія! Какую пустоту оставила среди нихъ, уйдя, эта необыкновенная женщина, эта великая артистка, гармонично сочетавшая въ своей многогранной личности—что такъ рѣдко случается—утонченную прелесть женственности съ властнымъ, сильнымъ характеромъ, съ организаторскими способностями, которымъ могъ позавидовать любой мужчина.

Мы всѣ знаемъ, что, помимо огромной артистической работы, какую она несла, Марья Гавриловна Савина, движимая своей способностью перевоплощаться, ярко переживать чужія эмоціи—не это ли, въ сущности, и есть доброта?—создала большое дѣло разумной и прочной помощи своимъ товарищамъ по сценѣ, которая была ей такъ дорога. И только тотъ, кто самъ когда-либо работалъ въ этомъ направленіи, сможетъ понять и оцѣнить, сколько энергіи, упорнаго труда, терпѣнія должна была она потратить, а главное—сколько души вложить въ свое дѣло, чтобы оно прочно стало на ноги, а не осталось мертворожденной филантропической затѣей. Какъ всякому, кто страстно увлекается любимымъ дѣломъ, ей случалось, вѣроятно, и ошибаться, и раздражать кого-либо, и на-

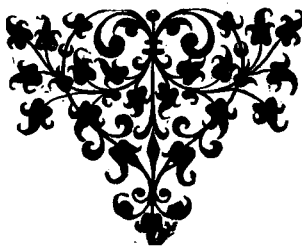
живать себѣ враговъ, но у нея зато были и друзья, преданные ей до фанатизма, до самозабвенія, что рѣдко кому выпадаетъ на долю.

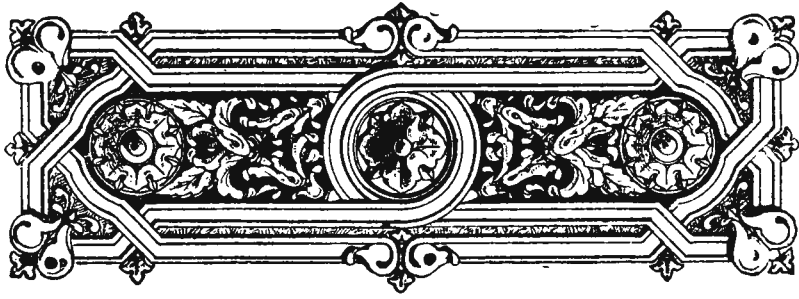
Въ послѣднія пять лѣтъ жизни Марьи Гавриловны я, увы, ни разу не видѣла ее на сценѣ. Помимо тяжелыхъ событій моей личной жизни, отвлекшихъ меня отъ театра (который я любила посѣщать вмѣстѣ съ покойнымъ мужемъ), какъ-то не тянуло смотреть ее въ пожилыхъ роляхъ, хотя я не сомнѣвалась, что и тутъ она создавала великолѣпные типы.

Но... лучезарной «молодой королевнушкой» русской сцены впервые явилась мнѣ Марья Гавриловна Савина въ моей юности и такую всегда жила въ памяти.

Такою же воскресала она передо мною и въ тотъ печальный сентябрьскій день, когда несмѣтная толпа провожала черезъ весь Петроградъ, какъ бы въ послѣднемъ триумфальномъ шествіи, ея погребальную колесницу къ мѣсту вѣчнаго упокоенія.

В. Николенино-Гильченко.

ЗАБЫТЫЙ УГОЛОКЪ ЮАННА ГРОЗНАГО.

ГОЛОКЪ Грознаго—это историческая Александрова слобода, верстахъ въ сорока отъ Троице-Сергіевой лавры.

Въ старину цари и монахи были большіе эстеты и тонкіе цѣнители красотъ природы. Александрова слобода (нынѣ захолустный городишко Александровъ) плѣняетъ красотою мѣстоположенія.

На высокомъ плато надъ обрывомъ рѣки Сѣрой возвышается городской Христорожественскій соборъ, до иллюзіи напоминающій мѣстоположеніе величественной Софіи Полоцкой надъ кручею Двины.

За рѣкою—широкій горизонтъ «государевой десятинной пашни», съ «Зорными», теперь не существующими прудами.

На гребнѣ возвышенности—обнесенная высокими каменными стѣнами съ четырьмя башнями твердыня Грознаго, его акрополь, «кровопійственный градъ», по злому, по мѣткому замѣчанію кн. Курбскаго.

Далеко тамъ-и-сямъ темнѣютъ лѣски—слѣды дремучей дубравы времянь Грознаго.

Мѣстность эта, какъ приписанная къ древнему Суздальскому Александровскому женскому монастырю, именовалась «Александровской». Славилась обиліемъ звѣрья. Великіе князья московскіе любили здѣсь охотиться. Особенно часто здѣсь бывалъ съ сыномъ великій

Общій видъ твердыни Иоанна Грознаго въ Александровой слободѣ,
пѣчь Успенскій жезскій монастырь.

Дворецъ Иоанна Грознаго съ моленными кельями и подземными тюрь-
мами, нынѣ Успенскій соборъ.

князь Василий Ивановичъ. Юный будущій царь раздѣлялъ охотничьи восторги отца, увлекаясь въ особенности «бобровыми гонами».

Въ лѣсной глуши, на высокомъ берегу рѣки Сѣрой стояло убогое село—«становище» охотниковъ. Великій князь Василий Ивановичъ перенесъ «становище» верстъ на пять дальше по рѣкѣ Сѣрой, на нынѣшнее мѣсто.

Такъ образовалось новое село, впоследствии «слобода», Александровское, гдѣ подолгу живаль великій князь, успѣвшій даже построить каменный соборъ, Покровский.

Отъ собора сохранилась предалтарная часть съ боковыми входами, теперѣ задѣланными. Желѣзные двери висѣли на массивныхъ крючьяхъ, запирались мощными засовами. Впечатлѣнія юности влекли сюда сердце Иоанново.

Время отъ времени онъ посѣщаль затерянное въ глухомъ лѣсу село съ любимую своею Анастасією.

Долгіе мѣсяцы живаль въ немъ со второю женою своею, Маріей Темрюковной.

Чѣмъ сумрачнѣе становилась душа, тѣмъ милѣе казалось сердцу царя далекое село. Съ 60-хъ годовъ онъ уже живетъ здѣсь почти безвыѣздно. Учреждаетъ грозную опричнину. Окапывается высокою «осыпью» — валомъ, окаймленнымъ глубокимъ ровомъ. По валу, въ окружности свыше версты, ставитъ рубленныя стѣны съ стрѣльницами.

Нынѣшнія каменные, съ глухими бойницами, сооруженныя при Елизаветѣ Петровнѣ, въ окружности менѣе версты.

Внутри крѣпости строитъ для себя вѣковѣчный каменный двухъ-этажный, съ низкими сводами, съ подземными тюрьмами и тайниками дворецъ—нынѣ Успенскій соборъ. Ропотъ мятущейся совѣсти заставляетъ грознаго царя думать о загробномъ возмездіи, и онъ сооружаетъ при дворцѣ особую келлію, гдѣ ищетъ забвенія въ экстазѣ молитвы.

Въ настоящее время входъ въ эту келлію изъ церкви задѣланъ; живетъ въ ней на покоѣ игуменья.

Грозному казалось недостаточно этой для всѣхъ видимой келліи. Тутъ же при дворцѣ онъ строитъ другую, потайную.

Входъ въ нее—на семнадцатой ступени съ узкой каменной лѣстницы на колокольню.

Тайная моленная Грознаго представляетъ мрачный казематъ въ сажень шириною и въ двѣ—длиною. Высота—около четырехъ аршинъ. Три маленькихъ оконца вродѣ бойницъ: два по продольной стѣнѣ и одно—прямо, съ видомъ на площадь, нынѣ задѣланное.

Изъ этого послѣдняго Грозный любовался на висѣльниковъ. Въ лѣвомъ углу келліи—небольшая русская печь.

Изъ моленной по лѣстницѣ вверхъ, неизмѣнно съ Малютою и царевичемъ, поднимался Грозный на колокольницу благовѣстить къ заутренѣ.

Съ колокольни, изъ церкви царь любилъ спускаться въ дворцовыя подземелья: «многіе сыски чинити».

Несомнѣнно, изъ апартаментовъ царя въ подземелья существовали потайные ходы въ стѣнахъ, пока не открыты.

Такіе ходы были во вкусъ времени. До сихъ поръ они открыты въ домѣ Малюты въ Москвѣ, въ Поганкиныхъ палатахъ во Псковѣ, въ замкѣ Плеттенберга въ Ригѣ, въ княжскихъ теремахъ въ Ростовѣ, въ круглой башнѣ въ Выборгѣ и др.

Покровская церковь, построенная вел. кн. Василиемъ Ивановичемъ въ 1513 году.

Троицкій соборъ, построенный Іоанномъ Грознымъ.

Огромный дворцовый подвалъ не глубокъ: на аршинъ-полтора ниже горизонта. Конструкціей повторяетъ верхній этажъ. Это—кухня царя и опричниковъ.

Поражаетъ колоссальностью размѣровъ русская печь, сложенная изъ огромныхъ кирпичей, типичныхъ повсемѣстно для Россіи XIV—XVII вѣковъ.

На печи—большой мѣдный котелъ царевны Маргариты Алексѣевны, утилизируемый монахинями.

Изъ кухни два хода.

Одинъ—рядомъ со входною дверью,—въ обширную, $15 \times 6\frac{1}{2}$ арш., мрачную, съ низкими, въ сажень, сводами, въ пять небольшихъ, въ стилѣ бойницъ, оконъ палату, обращенную на сѣверъ.

Подземная тюрьма Иоанна Грознаго подъ Успенскимъ соборомъ
въ Александровой слободѣ.

Своды перехвачены двумя желѣзными связями. Почти на треть палату загромождаеть бѣленая кирпичная печь съ пятью печурами. Топка—изъ кухни.

Палата эта—«общая трапезная» трехсотъ опричниковъ Грознаго. Самъ царь обычно не участвовалъ въ пиршествахъ, но присутствовалъ, читая за налоемъ вслухъ назидательныя поученія.

Рядомъ съ топкой—другой широкой ходъ, въ двѣнадцать полуразрушенныхъ ступеней въ подземную тюрьму.

Послѣдняя—удивительное сооруженіе.

Массивная входная створчатая дверь запиралась огромнымъ висячимъ замкомъ и толстымъ желѣзнымъ засовомъ. Въ тюрьмѣ—

Царевна Марѳа Алексѣевна.

кромѣшный мракъ: миниатюрныя оконца, съ распалубками, подъ высокими сводами, завалены снаружи. Полъ земляной. На каждомъ шагу загадки. Прежде всего, стѣны и своды—коробовые и сферическіе, выложенные сплошь изъ бѣлаго тесаного камня, поражаютъ классической тщательностью отдѣлки. Планъ подземелья чрезвычайно запутанный. Множество перегородокъ, закоулковъ, казематовъ. Въ одномъ изъ нихъ указываютъ мѣсто заточенія узниковъ. Послѣднимъ черезъ оконце спускались вода и хлѣбъ. Въ полуторааршинныхъ стѣнахъ перегородокъ много таинственныхъ дверныхъ отверстій, замурованныхъ тесанымъ камнемъ, современнымъ стройкѣ.

По монастырскимъ преданіямъ, здѣсь замурованы живьемъ подозрѣваемые въ измѣнѣ царю опричники.

Одна такая замуровка слегка повреждена. Это—слѣдъ попытки разгадать тайну подземелья, предпринятой тридцать лѣтъ назадъ какими-то пріѣзжими москвичами. Тогда игуменья, давши разрѣшеніе, поторопилась его взять обратно.

Преданіе говоритъ также о пятиверстномъ подземномъ ходѣ отсюда подъ старое Александрово село. Устроившись такимъ образомъ, Грозный почувствовалъ себя наконецъ въ безопасности. Теперь онъ началъ самую лютую, третью эпоху казней. «Измѣнническая» Москва, къ тому же выгорѣвшая въ отсутствіе царя отъ крымцевъ, больше ему была не нужна. «Не хотя терпѣть вашихъ измѣнъ,—написалъ онъ митрополиту въ Москву,—мы оставили государство». Управление послѣднимъ передалъ бывшему казанскому хану. Лишь изрѣдка на протяженіи двадцати лѣтъ посѣщалъ Грозный Москву, чаще наѣздами во время карательныхъ, съ опричниками, экспедицій въ невѣрные города: Клинь, Тверь, Торжокъ, Новгородъ. Изъ послѣдняго, между прочимъ, онъ вывезъ знаменитыя Васильевскія двери XIV в., деревянные, обложенныя мѣдными листами, расписанными золотомъ,—величайшая археологическая и художественная драгоценность «слободы». Этимъ рѣдкимъ памятникомъ Грозный украсилъ собственный, выстроенный имъ въ слободѣ Троицкій соборъ, отличающійся удивительно своеобразной архитектуры колокольнею. Возвращеніе Грознаго изъ экспедицій въ слободу представляло необычайное зрѣлище. «Измѣнниковъ», нерѣдко въ зимнюю стужу, вели за царскимъ кортежомъ пѣшкомъ, связанными и раздѣтыми донага. Множество ихъ было утоплено въ Зорныхъ прудахъ, замуровано въ подвалахъ, умучено подъ пытками.

Но слобода въ дни Грознаго была свидѣтельницей не только ужасовъ смертныхъ казней: она также созерцала блестяція посольства Швеціи, Англіи, Ватикана, Ливоніи, Польши; любовалась цвѣтомъ тогдашнихъ красавиць-невѣстъ, собранныхъ царемъ въ количествѣ двухъ тысячъ.

Купеческая дочь Марья Собакина, на которую палъ царскій выборъ, умерла черезъ двѣ недѣли.

Крѣпко былъ привязанъ Грозный къ своей твердынѣ; въ ней бы и умеръ, если бы не ужасъ 19-го ноября 1582 года, увѣковѣченный гениальной кистью Рѣпина.

Комната сыноубійства—угловая, почти квадратной формы, около пяти аршинъ въ діаметрѣ, съ однимъ небольшимъ окномъ за желѣзною рѣшеткой.

Дольше оставаться въ слободѣ было для Грознаго свыше силъ: онъ навсегда покинулъ страшное мѣсто. Дворецъ былъ обращенъ въ Успенскій соборъ, а роковая комната—въ придѣлъ Іоанна Предтечи, ангела Грознаго.

Прошло сто лѣтъ. Настала эпоха Тишайшаго. Препжній «кровопійственный градъ» былъ обращенъ въ мирную женскую обитель, при Петрѣ I—мѣсто заточенія «секретныхъ монахинь». Въ келліи подѣ Троицкой колокольной десять лѣтъ томилась въ заточеніи, больная цынгой и водянкой, сестра Петрова Маргарита (въ мірѣ Марѳа) Алексѣевна, поплатившаяся за участіе въ горделивыхъ замыслахъ умной младшей сестры Софіи. Келлія инокини Маргариты состояла изъ двухъ квадратныхъ клѣтушекъ съ проходомъ въ церковь рядомъ.

Единоутробная сестра Петра, Наталія, не долубливалась узницу и, при случаѣ, мучительно мстила за брата. Зато любовью сильнѣе смерти любила несчастную наимладшая, Θεодосія, завѣщавшая и похоронить себя по смерти рядомъ съ Маргаритой. Въ глубокомъ квадратномъ, въ одно окно склепѣ подѣ церковью Срѣтенія, времени Алексѣя Михайловича—двѣ гробницы рядомъ любящихъ сестеръ.

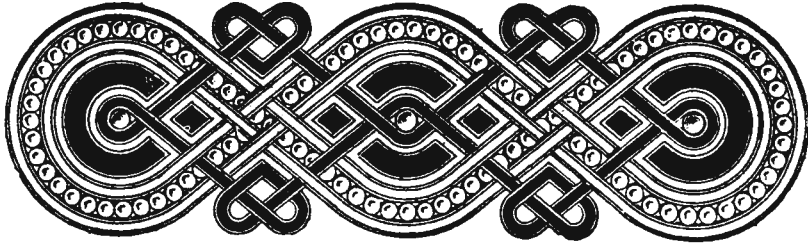
Проѣздомъ склепъ посѣтилъ покойный великій князь Сергѣй Александровичъ.

Буйно и весело стало въ слободѣ, когда поселилась въ ней, наслѣдственной своей по матери вотчинѣ, безпечная дочь Петра Елизавета. Веселому нраву царевны претили мрачныя хоромы грознаго царя. Она воздвигла себѣ новый дворецъ на Торговой сторонѣ, на горѣ противъ храма Рождества Христова, тогда деревяннаго. Любила царевна въ мужскомъ костюмѣ псовую за выпускными зайцами и соколиную охоту, въ сопровожденіи друга сердца, Шубина. Любила зимою шумныя катанья съ парнями и дѣвушками на салазкахъ съ царской горы.

Внезапная ссылка Шубина въ Сибирь и угроза Долгорукихъ заточеніемъ за неблаговидное поведеніе громомъ поразили царевну. Она облачилась въ темную одежду, покрылась черной шапочкой, стала богомольна и тиха. Императрицей Елизавета дважды посѣтила слободу. Съ тѣхъ поръ дворецъ запусѣлъ.

Знаменитая «Александрова слобода» была окончательно забыта и таковою пребываетъ до сего дня. Между тѣмъ, здѣсь, въ этомъ мрачномъ уголкѣ «кровопійственныхъ» дѣяній царя, доселѣ неразгаданнаго, временемъ пощаженъ живой музей старины. Здѣсь исторіей уготована богатая жатва для зодчаго, археолога и историка (собраніе рукописей окольничаго Лихачева). Здѣсь, наконецъ, источникъ глубокихъ, незабываемыхъ переживаній для каждаго искренняго любителя старины.

И. Сталлецкій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Русская литература XX вѣка (1890—1910). Подъ редакціей профессора С. А. Венгерова. Часть I. Томъ I—II. Выпуски I—5. Изданіе п. подпискѣ т-ва «Міръ». Москва. 1916. Стр. 409 + 205. Съ иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ.

ЕРВЫЙ томъ, какъ изображено въ «программѣ изданія», или первая «часть», какъ напечатано въ оглавленіи, называется «Переоцѣнка всѣхъ цѣнностей» и состоитъ изъ вступительной статьи профессора Венгерова «Этапы неоромантическаго движенія» и ряда статей разныхъ авторовъ (напримѣръ, Львова-Рогачевскаго, Григорія Полонскаго, профессоровъ Аничкова и Ватюшкова, В. Базарова, В. Гиппіуса, Горнфельда, А. Долинина и самого редактора) о «дѣятеляхъ періода переоцѣнки всѣхъ цѣнностей». «Дѣятели» расположены въ алфавитномъ порядкѣ: Бальмонтъ, Брюсовъ, Венгерова Зинаида, Вересаевъ, Волынской, Горькій, Гуревичъ Любовь, Добролюбовъ Александръ, Мережковскій, Минскій, Сологубъ Федоръ, Чириковъ, а также «Марксизмъ», тоже попавшій въ число «дѣятелей». Почти каждый «дѣятель» далъ о себѣ авто-біографическую замѣтку. Въ заключеніе—обширѣйшая, спеціально для порчи зрѣнія, мельчайшимъ шрифтомъ въ два столбца напечатанная библиографія по поводу каждого дѣятеля работы г. А. Фомина.

Останавливаться на статьяхъ знаменитыхъ и незнаменитыхъ авторовъ о «дѣятеляхъ» особенно не приходится. Стмѣтимъ лишь болѣе обстоятельныя и добросовѣстныя: Ватюшкова о Брюсовѣ, Горнфельда о Сологубѣ, В. Гиппіуса о Добролюбовѣ. Иныя автобіографіи самихъ писателей куда любо-

пытѣ статей о нихъ, таковы, напримѣръ, автобіографіи: г-жи Л. Гуревичъ, В. Брюсова, Мережковского и написанная г. В. Гиппюсомъ біографія А. Добролюбова. За исключеніемъ названнаго, остальное скучно и трафаретно. Зато работа самого редактора заслуживаетъ особаго вниманія.

Въ «Этапахъ» профессоръ Венгеровъ возложилъ на себя опус probandi того, что литературное движеніе 1890—1910 гг. можетъ быть опредѣлено какъ «нео-романтизмъ», что оно явилось реакціей унынію 80-хъ гг.; при этомъ данъ очеркъ, посвященный творчеству Чехова и поэзіи восьмидесятыхъ годовъ; кромѣ того, г. Венгеровъ почелъ необходимымъ посвятить особую главу вопросу о «методологическихъ принципахъ» въ новой русской литературѣ.

«Новыя теченія» изжиты: «апофеозъ босячества, декадентство, символизмъ», «половая проблема», вычуры и ломанія всяческаго рода—все это отошло уже въ область исторіи». Повѣривъ себѣ на слово (збо «мнѣ представляется», «несомнѣнно, изжиты», «это футуризмъ»—«нѣчто совсѣмъ особенное»—всѣ эти выраженія ни для кого, вѣроятно, кромѣ автора ихъ, не покажутся весьма убѣдительными), профессоръ Венгеровъ принялся писать исторію. Однако, въ томъ, что написалось, не видно ни исторіи, ни историка.

Отвергнувъ импрессионистическій методъ г. Айхенвальда и «методъ отъединенія личности отъ общества» г. Гершензона (совершенно неслыханный никогда методъ!), а также методъ «литературнаго коллективизма» (тоже, съ точки зрѣнія русскаго языка, необыкновенный «методъ!»), какъ «формальные», г. Венгеровъ выступаетъ со своимъ «методомъ»—нравственнаго «очарованія» русскаго читателя прекрасною его возлюбленною, русскою литературою.

Импрессионизмъ въ критикѣ—вещь весьма почтенная, особенно если представить себѣ такую крупную фигуру, какъ покойный И. О. Анненскій. Постоянно же смѣшивающій импрессионизмъ съ историзмомъ г. Айхенвальдъ—легкій противникъ, упорный лишь въ своихъ заблужденіяхъ.

Что касается метода г. Гершензона, то г. Венгеровъ, думается, просто недостаточно внимательно ознакомился съ брошюрой «Методъ въ исторіи литературы» (французскаго историка литературы Гюстава Лансона съ послѣсловіемъ г. Гершензона), въ коей объ этомъ предметѣ трактовано и въ коей никакого «отъединенія личности отъ общества» усмотрѣть нѣтъ возможности. Даже «методъ литературнаго коллективизма»—такимъ страннымъ наименованіемъ угодно было автору окрестить отношеніе теоретиковъ марксизма къ литературѣ—послѣдовательнѣе и логичнѣе «метода», придуманнаго профессоромъ Венгеровымъ. «Методъ» г. Венгерова—«психологія русскаго читателя». Но неужели это критерій для метода? «Присматриваясь» къ ней, величинѣ абсолютно неизвѣстной, профессоръ Венгеровъ думаетъ, что художественное произведеніе глубоко западаетъ въ душу русскаго читателя только тогда, когда «дастъ ему эмоцію нравственную, когда оно вводитъ его въ тѣ героическія настроенія, изъ которыхъ слагается психологія «дѣйствующихъ лицъ русскихъ художественныхъ произведеній». Задача историка: «выявить эту нравственную красоту», показать, «какъ въ новой русской литературѣ высоко-гармонично сочетались эстетика съ этикой». Не говоримъ о томъ, что этика подобна огню, съ нею шутить опасно: отъ этики одинъ шагъ до морали,

т. е. до самоубійства для художника и смерти художественнаго произведенія. Не говоримъ о томъ, что своимъ «методомъ» г. Венгеровъ предрѣшаетъ возможность иного методологическаго подхода къ новѣйшей русской литературѣ, что вслѣдствіе полной ея неизученности ведетъ къ жесточайшимъ ошибкамъ и снова уподобляетъ г. Венгерова г. Айхенвальду. Нѣтъ. Но что дѣлать съ тѣмъ писателемъ, который не подойдетъ подъ примѣты «очарованія»? Г. Венгеровъ, конечно, любого подведетъ. Это такъ. Ну, а если читатель-то окажется несговорчивымъ и начнетъ спорить да еще вздумаетъ писать въ редакцію, прося не смѣшивать его съ иными-прочими, протестуя противъ того, что эстетика и этика «высоко-гармонично» сочетались, вплоть до героизма, въ садическихъ романахъ Ө. Сологуба, въ сладострастныхъ извращенностяхъ В. Брюсова, въ порнографическихъ разсказахъ Анатолія Каменскаго и еще худшихъ измышленіяхъ М. Кузмина и т. д., и т. д.? Или, напримѣръ, можно ли причислить къ лику святыхъ г. Мережковскаго послѣ извѣстной исторіи съ его письмами, или г. Брюсова, заявившаго въ одномъ своемъ стихотвореніи, что онъ теперь, въ годы революціи, примазывается къ оппозиціонно настроенному русскому обществу, потому что почувствовалъ за нимъ силу; (таковъ смыслъ, на нашъ взглядъ, стихотворенія «Кинжалъ» въ сборникѣ «Вѣнокъ»)? Нѣтъ, тутъ что-то не такъ.

«Новыя теченія» профессоръ Венгеровъ опредѣляетъ, какъ «неоромантизмъ». Ученѣйшіе мужи всей Европы и Америки до сихъ поръ еще толкомъ не рѣшили, что такое просто романтизмъ, а г. Венгеровъ уже знаетъ, что такое «неоромантизмъ»! Что же такое «неоромантизмъ»? Это—«чрезвычайность». Ну, хорошо. Пусть Горькій—«чрезвычайность», Л. Андреевъ—тоже, Бальмонтъ, Вѣлый, Блокъ, Брюсовъ, В. Ивановъ, и т. д. все «чрезвычайности». Но вотъ, хоть убейте, никакъ не понять, что за романтики Вересаевъ, Бунинъ, Купринъ, Муйжель, Гусевъ-Оренбургскій, Арцыбашевъ, гр. Алексѣй Толстой, Чириковъ, Юшкевичъ и т. д.! Съ другой стороны, если Блокъ, Вѣлый, В. Ивановъ и др.—«неоромантики», то что же такое символизмъ: вѣдь они всѣ считаютъ себя символистами и ни на чемъ другомъ не помирятся. Послѣ этого понятно, почему у проф. Венгерова вырвалась такая геніальная, въ стилѣ незабвеннаго Козьмы Пруткова, фраза, что при общемъ взглядѣ на литературное движеніе послѣднихъ двадцати лѣтъ оно сначала (увы! и потомъ) представляется «чрезвычайно пестрымъ». Одолѣвъ одну десятую книгъ, указанныхъ въ библиографическомъ списокѣ, приложенномъ къ первымъ пяти выпускамъ «Русской литературы XX вѣка», читатель, увѣренный, не вынесъ бы о русской литературѣ послѣднихъ лѣтъ представленія, какъ о чемъ-то «чрезвычайно пестромъ», каковое представленіе, боимся, онъ вынесетъ изъ работы подъ редакціей г. Венгерова. А то вотъ не угодно ли! Профессоръ Венгеровъ пишетъ: русская литература XX вѣка—«неоромантизмъ»; а профессоръ Аничковъ: «нѣтъ, не неоромантизмъ «новыя вѣянія» (стр. 77, т. I). Кому же вѣрить изъ этихъ двухъ бардовъ? Кому же вѣрить и въ чемъ же состояла дѣятельность редактора громоздкаго «Левіаана», неужели только въ держаніи корректуръ? Но и по этой части неважно: опечатокъ и притомъ комическихъ не мало. Къ опечаткамъ мы относимъ и тотъ фактъ, что,

характеризуя поэзію восьмидесятих годовъ какъ «чистое искусство» съ печатью какой-то (какой?) принужденности, чего-то (чего же?) не вполне искренняго и чего-то (чего именно?) искусственнаго», профессоръ Венгеровъ позабылъ о Надсонѣ, котораго никто до сихъ поръ ни въ какой рѣшительно принужденности, неискренности и искусственности не упрекалъ.

Такъ, «куда ни взглянешь, все любви могила», все противорѣчія, все странный расчетъ на «психологію» русскаго читателя, который и не такое еще блюдо можетъ скушать.

Вслѣдствіе системы алфавитнаго порядка, въ которомъ расположены писатели, какъ ученики въ классномъ журналѣ, трудно было «выявить нравственную красоту» нашей литературы г. профессору, а для читателя это занятіе будетъ просто безцѣльнымъ. Автобіографическія замѣтки писателей, конечно, любопытны (отчего, напримѣръ, русскому читателю, стремящемуся къ «героическимъ настроеніямъ» и «нравственной красотѣ» не прочесть, что г. В. Брюсовъ въ 12—13 лѣтъ узналъ «продажную любовь» и заглянулъ въ область кафе-штановъ и «веселыхъ домовъ»?), но онѣ не могутъ замѣнять собою біографій, пускай сухихъ, голыхъ хронологическихъ датъ, но точныхъ. Исторія литературы не увеселительное заведеніе и не паноптикумъ! Достойно также сожалѣнія, что вмѣсто біографической справки о г. Волынскомъ профессоръ Венгеровъ написалъ злостный памфлетъ. Неизвѣстно также, почему въ русскую литературу XX вѣка затесался марксизмъ?

Евг. Павловъ.

С. В. Безсоновъ. Надзоръ за книгой. Опытъ систематизаціи матеріаловъ о цензурѣ въ допетровскую эпоху. Очеркъ по исторіи русскаго права. Москва. 52 стр.

Сжатая, конспективнаго характера работа Безсонова по исторіи нашего древняго, допетровскаго книжнаго законодательства представляетъ изъ себя попытку въ общихъ, краткихъ чертахъ намѣтить наиболѣе важные этапы по исторіи книги на Руси въ Московскій періодъ. Авторъ поставилъ себѣ довольно трудную, едва ли достижимую при столь малыхъ размѣрахъ, какъ предлагаемая читателямъ книга (52 стр.), задачу отыскать въ тѣхъ отдѣльныхъ законодательныхъ и процессуальныхъ актахъ духовныхъ и свѣтскихъ властей Московской Руси, которые дошли до насъ въ историко-археографическихъ памятникахъ,—зарожденіе и постепенное развитіе цензурныхъ учреждений въ допетровское время. Едва ли правъ авторъ, усматривая въ возникшей на московскомъ печатномъ дворѣ съ 1620 г. «правильнѣ» со штатомъ «справщиковъ» книгъ прочныя начала цензурныхъ учреждений въ современномъ пониманіи этого юридическаго института. Московскій печатный дворъ, какъ учрежденіе правительственное, могло бы, конечно, меньше всего нуждаться въ цензурномъ надзорѣ, и существованіе «правильни», намъ кажется, объясняется сознаніемъ московской власти въ необходимости поднять авторитетъ книги, изданной печатнымъ дворомъ, и избавить книги отъ той массы ошибокъ, которыя могли въ нихъ внести малообразованные переписчики.

Это былъ скорѣе извѣстнаго рода научный институтъ съ опредѣленнымъ цѣлями, не имѣющими характера цензурныхъ установлений. Нельзя согласиться съ авторомъ, утверждающимъ, что цензура въ своемъ окончательномъ видѣ сформировалась въ Европѣ въ 1471 году при папѣ Сикстѣ IV. Къ этому времени, пожалуй, цензура, какъ правовой институтъ, въ юридическомъ сознаниіи Европы получила болѣе опредѣленные очертанія, но никоимъ образомъ не сформировалась. Точно также временемъ свободы печати въ Англіи названъ 1662 годъ, намъ же думается, что настоящая свобода печати въ Англіи явилась скорѣе съ передачей дѣлъ о печати въ суды присяжныхъ, что случилось позднѣе на болѣе чѣмъ что лѣтъ, а именно въ 1794 г. Довольно смѣло и неудачно, на нашъ взглядъ, авторъ формулировалъ положенія, утверждая, что изъ принципа давать на выпускъ каждой книги особое разрѣшеніе вытекаютъ два послѣдствія: 1) каждое недозволенное обнародованіе составляетъ уже само по себѣ проступокъ, преслѣдуемый государствомъ, и 2) все дозволенное не нарушаетъ никакого права. Здѣсь авторъ какъ бы совершенно упустилъ изъ вида частно-правовые интересы, которые продолжаютъ существовать со всѣми юридическими послѣдствіями при наличии упомянутаго дозволенія. Въ общемъ же книга, несмотря на упомянутые недочеты, является своего рода полезнымъ справочникомъ многочисленныхъ эпизодовъ изъ исторіи книги на Руси въ допетровское время. Въ заслугу автору нужно поставить добросовѣстное знакомство съ тѣмъ фактическимъ матеріаломъ по данному вопросу, который зафиксировали наши историко-литературные памятники древней Руси. Издана книга съ внѣшней стороны хорошо и, какъ конспект-справочникъ, заслуживаетъ быть отмѣченной въ нашей бѣдной историко-юридической литературѣ.

Д. Богдановъ.

**Записки И. И. Горбачевского. Съ примѣчаніями и со вступительной статьей
Б. Е. Сыроѣчковаго. «Задруга». М. 1916. Стр. XXXIV+323. Ц. 2 р.**

Въ ряду мемуаровъ декабристовъ «Записки» И. И. Горбачевского занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ какъ по литературнымъ своимъ достоинствамъ, такъ и по точной передачѣ событій, связанныхъ съ дѣятельностью декабристовъ въ южной арміи и возмущеніемъ Черниговскаго полка подъ начальствомъ С. И. Муравьева-Апостола. Искренность, правдивость автора, принадлежавшаго къ обществу «Славянъ», точныя и мѣткія характеристики дѣйствующихъ лицъ, невольно подкупаютъ читателя въ пользу автора, выполнявшаго завѣтъ друга своего С. И. Муравьева, заботившагося незадолго до постигнутаго его катастрофы о точной передачѣ потомству свѣдѣній о событіяхъ, происходившихъ въ южной арміи въ связи съ декабрьскимъ движеніемъ. Отнесенный сененціей верховнаго суда къ первому разряду государственныхъ преступниковъ, И. И. Горбачевскій сосланъ былъ на каторжныя работы въ Сибирь и умеръ тамъ лишь въ 1868 г. «Записки» свои Горбачевскій составлялъ въ послѣдніе годы своей жизни, и этимъ объясняется отчасти объективность и продуманность ихъ изложенія, стремленіе къ анализу событій, критическое отношеніе къ дѣятель-

ности лицъ, даже бывшихъ его друзьями. Эти достоинства «Записокъ», свидѣтельствующія о недюжинныхъ литературныхъ способностяхъ Горбачевского, даютъ книгѣ въ нѣкоторыхъ ея частяхъ характеръ историческаго изслѣдованія. Подобно другу своему Д. И. Завалишину, Горбачевскій былъ убѣжденъ, что заговоръ декабристовъ имѣлъ якобы всѣ шансы на успѣхъ и что печальный финалъ его былъ слѣдствіемъ растерянности дѣйствій его вожаковъ, въ южной арміи—Пестеля и С. И. Муравьева-Апостола. Замѣчательно, однако, что даже такой освѣдомленный въ исторіи декабристовъ человекъ, какъ Горбачевскій, котораго всѣ товарищи по несчастью и ссылкѣ признавали единственно способнымъ воспроизвести на память потомству перипетіи декабрьской смуты, обнаруживаетъ иногда незнаніе нѣкоторыхъ общезвѣстныхъ фактовъ и лицъ. Такъ, даже въ 1862 г. онъ въ письмѣ къ князю Евгенію Петровичу Оболенскому, уже возвратившемуся въ Россію, говоритъ: «Ты пишешь мнѣ о Гаврилѣ Степановичѣ (Батенковѣ), но я не знаю, кто это Гавр. Степ., напиши мнѣ, что это за особа (!)». До конца жизни Горбачевскій сохранилъ ясность мысли и живой интересъ къ реформамъ, совершавшимся въ Россіи. Крестьянская реформа въ актѣ 19 февраля 1861 года не удовлетворила стараго декабриста: онъ считалъ ее половинчатой. «Что это такое—шутка или серьезная вещь? Къ чему эта постепенность, уставныя грамоты, какое-то затемненное переходное состояніе? Зачѣмъ столько формальностей, и почему крестьянамъ не предоставляютъ самимъ выработать устройство своей новой жизни, окружаютъ ихъ уставами и опекой?» На польскій и еврейскій вопросы смотрѣлъ онъ съ точки зрѣнія «малоросса»: «они,—писалъ онъ,—мутятъ мои мысли и коробятъ мое сердце». «При имени ляха,—вспоминаетъ Горбачевскій,—отецъ мой дрожалъ и эту дрожь онъ передалъ намъ, своимъ дѣтямъ, рассказывая о дѣйствіяхъ своей любезной Малороссіи... Помню слова своей матери, когда она намъ рассказывала, что хотя церкви и были свободны отъ опекуновъ, но все же по какому-то вліянію жида они ему платили и льстили, чтобы онъ съ ляхомъ не ворчали; рассказывала, какъ они прятались, чтобы тихонько отъ ляха и жида учиться русской или славянской грамотѣ и читать на славянскомъ языкѣ молитвы. Ну, сохрани Богъ, узнаетъ объ этомъ ляхъ или ксендзь, или жидъ,—бѣда, разореніе цѣлому дому. Я могъ бы томы написать подобныхъ рассказовъ моихъ стариковъ, но время ли теперь такое, чтобы мстить за старое, въ томъ ли теперь вопросъ?»

Письма Горбачевского къ старымъ сотоварищамъ по несчастью, кн. Е. П. Оболенскому и М. А. Бестужеву, напечатаны въ приложеніяхъ къ «Запискамъ» и служатъ лучшей характеристикой этого искренняго и честнаго человека, до конца жизни любившаго свое отечество и народъ.

Вступительная статья редактора изданія г. Сырѣчковскаго, къ сожалѣнію, далеко не вполне уясняетъ намъ личность Горбачевского, какъ она рисуется въ его письмахъ: почему-то она выставляетъ его «радикаломъ», чѣмъ онъ въ дѣйствительности былъ далеко не всегда въ современномъ смыслѣ этого слова. Не можемъ воздержаться отъ замѣчанія, что самый текстъ «Записокъ» Горбачевского не установленъ редакторомъ съ достаточною ясностью. По его заявленію, текстъ этотъ перепечатанъ въ томъ видѣ, какъ появился въ «Р. Архивѣ» въ 1882 г., съ цензурными сокращеніями, и подлинной рукописи «Записокъ»

въ его распоряженіи не было. Между тѣмъ, въ изданной редакціи «Записокъ» оказываются дополненія къ тексту, напечатанному въ «Р. Архивѣ» (стр. 49—50, 142—149, 146, 154—155, 156, 197, 211—123), какъ это уже указано г. Лернеромъ. Въ серьезномъ изданіи историческихъ матеріаловъ почвы для такихъ необъяснимыхъ недоразумѣній быть не должно.

Е. Шумигорскій.

Письма А. П. Чехова. Подъ редакціей М. П. Чеховой. Томъ VI. (1900—1904 г.г.). Съ иллюстраціями. Книгоиздательство писателей въ Москвѣ. Москва. 1916. Стр. X+429. Ц. 2 р. 25 к.

Настоящимъ шестымъ и послѣднимъ томомъ закончилось печатаніе писемъ Антопа Павловича Чехова. Послѣдніе четыре года жизни писателя отмѣчаются выходомъ его лучшихъ драматическихъ произведеній и все ухудшающимся состояніемъ его здоровья, которое 2 іюля 1904 года и привело къ печальной катастрофѣ. Антонъ Павловичъ всего за недѣлю до своей кончины не давалъ себѣ отчета въ состояніи своего здоровья и собирался ѣхать моремъ домой въ Ялту. 28-го іюня 1904 г. онъ въ письмѣ къ своей сестрѣ называлъ такое путешествіе «незамѣнимой прогулкой».

Въ указанное время личность А. П. Чехова привлекала вниманіе многихъ; онъ являлся какъ бы центральной и самой авторитетной фигурой нашей литературы; многочисленныя крѣпкія нити симпатій и уваженія тянулись со всѣхъ концовъ Россіи къ Антону Павловичу; у него спрашиваютъ совѣта по тому или другому вопросу, съ нимъ дѣлятся своими взглядами и молодые, начинающіе писатели, и писатели, уже достигшіе «степеней извѣстныхъ», и актеры, и провинціальныя общественныя дѣятели. И на все это Чеховъ терпѣливо отвѣчаетъ, всѣмъ интересуется, все это захватываетъ его, раздражаетъ, волнуется, радуется, заботится... Болѣзнь приковала Чехова къ Ялтѣ, откуда онъ всей душой стремится въ Москву: тамъ Художественный театръ, тамъ блестящія постановки и успѣхъ его пьесъ, тамъ, наконецъ, героиня его романа... «Я оторванъ отъ почвы, — писалъ А. П. изъ Ялты О. Л. Книпперъ: — не живу полной жизнью, не пью, хотя люблю выпить; я люблю шумъ и не слышу его, однимъ словомъ, я переживаю теперь состояніе пересаженнаго дерева, которое находится въ колебаніи: приняться ли, или начать сохнуть».

Но, несмотря на тяжелое состояніе своего здоровья, А. П. Чеховъ не переставалъ шутить, и эти неожиданныя острыя словечки, каламбуры, мѣткіе и яркіе образы, полные остроумія, полные тихаго юмора и благодушія, оставляютъ какое-то трогательное впечатлѣніе. «Купринъ женился на м-ле Давыдовой, дочери «Мира Божьяго»... «Вы немножко похожи на евреечку, очень музыкальную особу, которая ходитъ въ консерваторію и въ то же время изучаетъ, на всякій случай, тайно зубоврачебное искусство»... Увѣдомляя о своемъ здоровьѣ, А. П. пишетъ Щеглову: «Бациллы ведутъ себя прилично, не либеральничаютъ»... Шутить онъ и о предстоящей своей женитьбѣ; наприм., своей сестрѣ онъ пишетъ изъ Москвы: «Женился бы, да нѣтъ документовъ, всѣ въ Ялтѣ». И Бунину изъ Ялты о той же свадьбѣ сообщаетъ: «Жениться я раздумалъ, не желаю, но все

же, если вамъ покажется въ Ялтѣ скучно, то я, такъ и быть ужъ, пожалуй, женюсь».

Общественныя и литературныя событія этого періода нашли въ письмахъ Чехова большое отраженіе. Напримѣръ, извѣстная исторія съ выборами М. Горькаго въ академію сильно взволновала А. П., который даже обратился съ горячимъ письмомъ (отъ 25 авг. 1902 г.) къ также нынѣ покойному президенту академіи великому князю Константину Константиновичу. Вотъ это любопытное письмо: «Въ декабрѣ прошлаго года я получилъ извѣщеніе объ избраніи А. М. Пѣшкова въ почетные академики; и я не замедлилъ повидаться съ А. М. Пѣшковымъ, который тогда находился въ Крыму, первый принесъ ему извѣстіе объ избраніи и первый поздравилъ его. Затѣмъ, немного погодя, въ газетахъ было напечатано, что въ виду привлеченія Пѣшкова къ дознанію по 1035 ст. выборы признаются недѣйствительными, причѣмъ было точно указано, что это извѣщеніе исходитъ изъ академіи наукъ, а такъ какъ я состою почетнымъ академикомъ, то это извѣщеніе частью исходило и отъ меня. Я поздравлялъ сердечно и я не признавалъ выборы недѣйствительными,—такое противорѣчіе не укладывалось въ моемъ сознаніи, примирить съ нимъ свою совѣсть я не могъ и послѣ долгаго размышленія я могъ прійти только къ одному рѣшенію, крайне для меня тяжелому и прискорбному, а именно почтительнѣйше просить Ваше Императорское Высочество о сложеніи съ меня званія почетнаго академика».

Много интересныхъ и глубокихъ мыслей и сужденій о современной литературѣ и общественномъ положеніи разсыпано въ письмахъ къ Горькому, Ив. Щеглову, Потапенку, А. С. Суворину, О. Л. Книшперъ и мн. др. Чехова интересуютъ и вопросы изъ области религіи, искусства, философіи, и театрѣ, и текуція событія за границей и на родинѣ. Много цѣнныхъ наблюденій и совѣтовъ даетъ онъ актерамъ близкаго ему Художественнаго театра; мягко, благородно, въ деликатной формѣ и въ же время не отступая отъ истины, критикуетъ онъ писанія начинающихъ своихъ коллегъ, подробно разъясняетъ имъ ихъ промахи и достоинства, поощряетъ, подбадриваетъ, устраиваетъ въ редакціяхъ и, какъ о родныхъ, заботится о нихъ, лишь только замѣтитъ проблески дарованія. Любопытно письмо къ И. Л. Щеглову-Леонтьеву, которому Чеховъ по старинной дружбѣ совѣтуетъ перестроить лиру и начать снова писать именно въ томъ направленіи, которое наиболѣе соответствовало его дарованію:

«Милый Жанъ, обличенія желчь, сердитость, такъ называемая «назависимость», т. е. критика на либераловъ и новыхъ людей, это совсѣмъ не ваше амплуа. Господь послалъ вамъ доброе, нѣжное сердце, пользуйтесь же имъ, пишите мягкимъ перомъ, съ легкой душой, не думая объ обидахъ, вами понесенныхъ. Будьте объективны, взгляните на все окомъ добраго человѣка, т. е. вашимъ собственнымъ окомъ, и засядьте писать пьесу или повѣсть изъ русской жизни, не критику, а радостную пѣснь Щегла по поводу русской жизни, да и вообще нашей жизни, которая дается только одинъ разъ и тратитъ которую на обличеніе ядовитыхъ женъ и комитета нѣтъ расчета. Отнеситесь къ себѣ и къ своему дарованію, милый Жанъ, справедливо, пустите вашъ большой корабль плавать по широкому морю, не держите его въ Фонтанкѣ. Простите всѣмъ, кто обидѣлъ васъ, махните рукой и, повторяю, садитесь писать!..»

Въ письмѣ къ С. П. Дягилеву отъ 30 декабря 1902 г. А. П. дѣлится слѣдующими любопытными мыслями о современныхъ религіозныхъ исканіяхъ:

«Вы пишете, что мы говорили о серьезномъ религіозномъ движеніи въ Россіи. Мы говорили про движеніе не въ Россіи, а въ интеллигенціи. Про Россію я ничего не скажу, интеллигенція же пока только играетъ въ религію и, главнымъ образомъ, отъ нечего дѣлать. Про образованную часть нашего общества можно сказать, что она ушла отъ религіи и уходитъ отъ нея все дальше и дальше, что бы тамъ ни говорили и какія бы философско-религіозныя общества ни собирались. Хорошо это или дурно, рѣшить не берусь, скажу только, что религіозное движеніе, о которомъ вы пишете,—само по себѣ, а вся современная культура—сама по себѣ, и ставить вторую въ причинную зависимость отъ первой нельзя. Теперешняя культура,—это начало работы во имя великаго будущаго, работы, которая будетъ продолжаться, можетъ быть, еще десятки лѣтъ для того, чтобы хотя въ далекомъ будущемъ человѣчество познало истину, настоящаго Бога, т. е. не угадывало бы, не искало бы въ Достоевскомъ, а познало ясно, какъ познало, что дважды два есть четыре. Теперешняя культура это начало работы, а религіозное движеніе, о которомъ мы говорили, есть пережитокъ, уже почти конецъ того, что отжило или отживаетъ. Впрочемъ, исторія длинная, всего не напишешь въ письмѣ...»

Изъ приведеннаго читатели видятъ, насколько интересны и значительны по своему содержанію письма А. П. Чехова, какую громадную цѣну они имѣютъ для уясненія его творчества и личности, сколько новаго вносятъ они въ его біографію и пониманіе того литературнаго наслѣдства, которое оставлено имъ русской литературѣ. Кроме того, эти сборники чеховскихъ писемъ заключаютъ въ себѣ любопытный матеріалъ, отчетливо характеризующій и ту литературно-общественную атмосферу, въ которой жилъ покойный писатель и изъ которой онъ почерпалъ содержаніе для своихъ произведеній.

Въ этомъ отношеніи М. П. Чехова, сестра писателя, сдѣлала дѣло большой историко-литературной важности, собравъ воедино разбросанные по разнымъ угламъ Россіи и у разныхъ лицъ листки писемъ, сохранивъ ихъ. Во всемъ этомъ была видна любящая рука, но... въ то же время и неопытная, не литературная, ибо въ редактированіи совершенно не мало промаховъ, въ изданіи помѣщены совершенно незначительныя по своему содержанію и значенію записки, въ родѣ рестораннаго счета «съ подлинника» или сообщеній о разстройствѣ желудка. Не совсѣмъ ладно обстоитъ дѣло и съ скрытіемъ нѣкоторыхъ именъ, что является необходимымъ въ настоящее время.

Но, не взирая на эти недостатки, за изданіемъ М. П. Чеховой нужно признать, несомнѣнно, большую цѣнность, хотя бы даже въ качествѣ перваго шага на этомъ поприщѣ. Конечно, въ настоящее собраніе, несмотря на всѣ старанія составителей, вошли далеко еще не всѣ письма Чехова, т. к. многое опубликовать пока рано по разнымъ обстоятельствамъ, многое войдетъ впослѣдствіи въ дополнительные сборники, но и то, что мы имѣемъ сейчасъ въ названныхъ пяти томахъ, представляетъ собою многоцѣнный вкладъ въ біографію незабвеннаго, любимаго Антона Павловича.

Д. М—ко.

**А. В. Тищенко. Его работы. Статьи о немъ. Петроградъ, 1916.
Стр. LIV+118. Ц. 2 руб.**

Весь этотъ небольшой, заботливо изданный сборникъ посвященъ памяти оставленнаго при петроградскомъ университетѣ по кафедрѣ русской исторіи Андрея Вячеславовича Тищенко, павшаго въ бою 19 сентября 1914 г. Ранняя смерть юности въ расцвѣтѣ силъ и дарованія всегда кладетъ печать глубокой грусти о безвременной утратѣ. Андрей Вячеславовичъ Тищенко, человекъ чистый сердцемъ и духомъ, своей необычайной добротой всегда вызывалъ во всѣхъ знавшихъ его чувство неизмѣнной симпатіи и уваженія. Неудивительно поэтому, что весь этотъ томикъ обвѣянъ тихой и нѣжной грустью о покойномъ. Извѣстный историкъ профессоръ С. Θ. Платоновъ такъ пишетъ о своемъ ученикѣ: «Одинъ ученый сравнилъ профессора съ ивой, склоненной надъ потокомъ живыхъ струй, бѣгущихъ мимо подъ ея вѣтвями. Почившій А. В. Тищенко былъ одною изъ самыхъ живительныхъ струй такого рода: она любовно питала корни и освѣжала листья осѣнявшихъ ее деревь. И не столько отошедшій получилъ отъ своихъ учителей, сколько самъ далъ имъ духовной радости и бодрости. И вѣнкомъ нашихъ умиленно-благодарныхъ воспоминаній всегда будетъ увѣнчана страдальческая тѣнь положившаго душу за други своя!» «Вся прелесть, вся сущность А. В.,—говоритъ приватъ-доцентъ А. А. Спицынъ,—его чистота; кто увидитъ ближе, скажетъ: безпорочность, а я прибавилъ бы: женственность. Лицо его всегда сіяло ясностью и лаской. Появленіе его вызывало невольное и единодушное удовольствіе, улыбки и восклицанія. Передъ нимъ раскрывались всѣ сердца. Трудно найти человека, который столь же скоро могъ вызвать довѣріе и столь же прочно удержатъ его. Это общій любимецъ, общій другъ, искренній и надежный... Спи, мой безконечно милый мальчикъ, моя надежда!»

Биографическій очеркъ, посвященный А. В. Тищенко, написанъ его товарищемъ С. Н. Черновымъ съ рѣдкой задушевностью и теплотой, читается онъ съ большимъ интересомъ. Здѣсь А. В. Тищенко выступаетъ передъ нами, какъ человекъ. Значеніе покойнаго, какъ историка и археолога, обстоятельно выясняется въ живыхъ очеркахъ П. Г. Любомірова и В. В. Саханева. Остальная часть сборника занята работами А. В. Тищенко. Изъ нихъ впервые печатаются найденные въ бумагахъ покойнаго: «Торговая книга какъ историческій источникъ», «Алексѣй Петровичъ Мельгуновъ», «Къ вопросу о новомъ учебномъ матеріалѣ по русской исторіи» (рецензія на историко-культурный атласъ по русской исторіи, составл. Н. Д. Полонской). Остальныя работы были напечатаны ранѣе. Важнѣйшія изъ нихъ: «Къ исторіи Колы и Пинеги въ XVI в. Нѣсколько словъ о роли Колы въ торговлѣ русскаго сѣвера въ XVI в.» и «Отчетъ о раскопкахъ 1910 и 1911 гг. въ Новгородской губерніи».

Погибшій на порогѣ весны своей жизни А. В. Тищенко не успѣлъ написать много, но и то, что послѣ него осталось, говорить о его дарованіи.

Но, можетъ быть, истинное значеніе А. В. Тищенко не въ этомъ, и правъ академикъ А. С. Лаппо-Данилевскій, хорошо сказавшій о покойномъ: «Онъ въ теченіе кратковременной своей жизни искренней любовью къ истинѣ, добру и красотѣ уже приобщился къ жизни вѣчной!»

К.

Матеріалы къ исторіи и изученію религіозныхъ общественныхъ движеній въ Россіи. Подъ ред. Владимира Бончъ-Бруевича. Отдѣлъ: Сектанство. Выпускъ седьмой. Чемереки. Отвѣтвленіе Старога Израиля. Съ 10 портретами и фотографическими группами, 4 иносказательными изображеніями и другими снимками. Вступительная статья, замѣтки и примѣчанія Владимира Бончъ-Бруевича. Пгр. 1916. Стр. ССIV+705. Ц. 8 р.

Чемереки—религіозная секта, отвѣтвленіе секты «Старый Израиль». Основателемъ ея былъ нѣкій хлысть Катасановъ. Чемереки, какъ по сущности своего ученія, такъ и по количеству своихъ послѣдователей, вообще секта, или, вѣрнѣе, даже подсекта, незначительная, и печатать о ней книгу, да еще въ наше «безбумажное время», чуть ли не въ цѣлую тысячу страницъ, намъ думается, совсѣмъ не было надобности; изданіе г. Бончъ-Бруевича ничего бы не потеряло, а даже выиграло бы, если бы редакторъ далъ себѣ трудъ сократить его на добрыя двѣ трети. Теперь книга сильно груститъ чрезмѣрнымъ многословіемъ; отъ этого недостатка не свободна даже и собственная работа редактора—его обширная вступительная статья. Помимо многословія, здѣсь, въ качествѣ матеріаловъ, напечатаны нѣкоторые документы, не имѣющіе почти никакого значенія для исторіи секты. напримѣръ, шаблонная переписка судебныхъ и другихъ властей о врученіи повѣстокъ по сектантскому дѣлу, о розыскѣ адресовъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ и т. п. Бросается также въ глаза ненужное обиліе духовныхъ виршей сектантскаго плодovitаго пѣнты Черемхина, утомительныхъ въ своемъ однообразіи и безцвѣтности. Намъ кажется, въ печати достаточно было дать лишь незначительное число образцовъ сектантскаго творчества этого рода, наполнять же такимъ вздоромъ множество страницъ совсѣмъ не слѣдовало. Не было также надобности отводить много мѣста и для катехизаторскихъ упражненій (большую частью совершенно сумбурныхъ и во всѣхъ отношеніяхъ малограмотныхъ) сектантскаго вождя А. Г. Щетинина, оказавшагося на самомъ дѣлѣ шарлатаномъ и, вдобавокъ, какъ и многіе другіе учителя и пророки сектъ хлыстовскаго пошиба (къ которымъ принадлежать и чемереки), величайшимъ грязнымъ развратникомъ.

Г. Бончъ-Бруевичъ извѣстепъ у насъ, какъ усердный изслѣдователь русскаго религіознаго сектантства, къ которому онъ, видимо, относится сочувственно, не исключая даже такихъ чисто политическихъ сектъ нѣмецкаго производства, явно враждебныхъ русскои государственности, каковы балтизмъ и штундизмъ. Но разбираемую книгою едва ли можно настроить и читателя столь же благожелательно въ отношеніи сектантства, представленнаго здѣсь, помимо, быть можетъ, воли редактора, въ очень уже непривлекательномъ въ сущности видѣ. Вообще книга эта хотя и не можетъ умалить прежнихъ лавровъ г. Бончъ-Бруевича, добытыхъ имъ работами по сектологіи, но едва ли также способна и прибавить многое къ этимъ лаврамъ. Какъ сборникъ матеріаловъ, она, конечно, не лишена значенія, и для будущихъ историковъ религіозныхъ теченій будетъ далеко небезполезной, но только въ качествѣ матеріаловъ для специалистовъ, не больше... Къ книгѣ приложенъ указатель, облегчающій справки въ этомъ громоздкомъ изданіи.

Т. М.

П. Митрофановъ. Леопольдъ II австрійскій. Внѣшняя политика. Т. I. Часть 1. Пгр. 1916. Стр. 460. Цѣна не обозначена.

Первая часть монографіи г. Митрофанова посвящена историческому очерку внѣшней политики Австріи за первые полтора года царствованія Леопольда II. Это кратковременное царствованіе (1790—1792 г) совпало съ событіями огромной важности и поставило на разрѣшеніе австрійскаго правительства чрезвычайно трудныя и опасныя дипломатическія задачи. Достаточно вспомнить нависавшую войну съ Пруссіей, покореніе Бельгій, французскую революцію, польскій переворотъ 3 мая, чтобы убѣдиться, какъ сложно было тогдашнее политическое положеніе. И младшій братъ и преемникъ знаменитаго Иосифа II, Леопольдъ II, бывший раньше герцогомъ тосканскимъ, настолько удачно справился съ задачами своего времени, что австрійскіе историки называютъ его иногда «спасителемъ монархій». И, однако, насчетъ его личности существуютъ въ исторіографіи непримиримыя противорѣчія: одни считаютъ его талантливымъ правителемъ, другіе ничтожествомъ. Каждый дипломатъ судитъ о немъ по-своему, въ зависимости отъ того, оправдалъ ли Леопольдъ надежды, которыя возлагались на него тѣмъ или инымъ европейскимъ правительствомъ.

Авторъ пробуетъ разобраться въ этихъ противорѣчіяхъ и для этого становится, такъ сказать, на центральную, австрійскую точку зрѣнія и оцѣниваетъ Леопольда съ точки зрѣнія пользы и нужды самой Австріи. Это даетъ возможность автору набросать живой и психологически вѣрный портретъ какъ самого императора, такъ и его сотрудниковъ. Портреты эти вышли такъ выпукло, что ихъ не забудешь потомъ и не смѣшаешь съ другими лицами.

Въ противоположность дурной манерѣ нѣмецкихъ ученыхъ г. Митрофановъ не старается ради мнимой объективности совсѣмъ спрятаться отъ читателя и засушить свое изложеніе безцвѣтнымъ quasi-научнымъ языкомъ. Наоборотъ, онъ постоянно помогаетъ читателю своими сужденіями, своими наблюденіями пасть историческимъ прошлымъ и ведетъ свое изложеніе живымъ, образнымъ, почти разговорнымъ языкомъ.

Это обстоятельство и содержательность изложенія даетъ возможность смѣло рекомендовать его книгу для чтенія не только специалистамъ по исторіи, но и вообще любителямъ историческаго чтенія тѣмъ болѣе, что въ наши дни чтеніе это будетъ чрезвычайно поучительно. Читатель убѣдится, что и тогда Пруссія была уже лютымъ, хотя и тайнымъ врагомъ Россіи, что и тогда Гогенцоллерны дѣлали все возможное, чтобы создать внутреннія и внѣшнія затрудненія нашему отечеству, что и тогда въ нашей дипломатіи цариле нѣмецкое засиліе и водились столь германофильствующіе дипломаты, въ родѣ пресловутаго Алопеуса, что самъ министръ иностранныхъ дѣлъ «съ нимъ изъяснялся, какъ съ министромъ прусскимъ, котораго обманывать должно».

По обязанности рецензента, мы должны указать и дефекты этого капитальнаго изслѣдованія. Кто привыкъ читать нѣмецкія книги, тотъ не можетъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что г. Митрофановъ писалъ свою книгу подъ вліяніемъ того нѣмецкаго языка, на которомъ говорятъ нѣмцы, и это вліяніе отразилось и на русскомъ текстѣ появленіемъ словечекъ, которыхъ вы нигдѣ въ русскихъ

книгахъ не встрѣтите. Такъ, г. Митрофановъ пишетъ: «іозефинскій» вмѣсто «іосифовскій», «фридрицианская школа вмѣсто «школа фридриховская» «нудлитеть» (ничтожество), «элаборать» (трудъ, сочиненіе). Попадаются и неправильныя конструкція чисто русскихъ выраженій. Такъ, на стр. 44 авторъ называетъ Іосифа «одинець» (одинокій человѣкъ?), «Леопольдъ съ братомъ Максомъ Кельнскимъ постоянно гостились» (вмѣсто Л. и М. гостили другъ у друга) и т. п.

Впрочемъ, эти выраженія не мѣшаютъ чтенію, и мы отмѣчаемъ ихъ лишь въ интересахъ усовершенствованія книги.

А. Б.

А. Васильевъ. Курсъ исторіи среднихъ вѣковъ. М. 1915. Стр. 208. Ц. 70 к.
В. Бутенко. Курсъ новой исторіи. М. 1915. стр. 335 Ц. 1 р.

Оба учебника составлены профессорами примѣнительно къ новымъ гимназическимъ программамъ, выработаннымъ при покойномъ министрѣ Л. А. Кассо. Предназначаются они для 6-го и 7-го классовъ, когда политическая исторія Европы уже усвоена учениками и когда полагается знакомить ихъ съ европейской культурой средневѣковой и новаго времени. При вѣдѣшнемъ сходствѣ оба учебника отличаются очень различными внутренними достоинствами. Книга профессора Бутенка вполне удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, какія мы въ правѣ предъявлять къ гимназическому курсу. Она изложена послѣдовательно и выпукло. Важное подчеркнуто и выставлено на первый планъ, такъ что даже малоопытный преподаватель не встрѣтитъ тутъ никакихъ затрудненій и сумѣетъ воспользоваться для своихъ объясненій матеріаломъ, даннымъ ему въ учебникѣ. Къ сожалѣнію, нельзя сказать того же о курсѣ А. А. Васильева. Почтенный профессоръ не одолѣлъ задачи, которую взялъ на себя. Въ видѣ смягчающаго обстоятельства надо принять во вниманіе, что всего труднѣе написать учебникъ средневѣковой культуры, въ которомъ приходится объяснять мальчикамъ такія сложныя явленія, какъ феодализмъ.

Авторъ, повидимому, очень спѣшилъ и допустилъ цѣлый рядъ недосмотровъ и погрѣшностей, которые могутъ ввести въ заблужденіе не только ученика, но и преподавателя. «Рыцари должны были оставаться вѣрными своему вассалу» (стр. 116). Авторъ, очевидно, хотѣлъ сказать сюзерену, а не вассалу. «Іоаннъ Безземельный отдалъ папѣ въ ленъ свое королевство, соглашался платить ему ежегодную дань (не дань, а подать) и обязался (не обязался, а обѣщалъ) принести ему феодальную присягу. Король Англіи превратился въ папскаго вассала» (стр. 133). Что значить отдать въ ленъ?—можетъ спросить учитель. Ученикъ долженъ отвѣтить: на стр. 95 сказано, что лицо, получившее ленъ, называлось вассаломъ. Значитъ, папа, получившій ленъ отъ короля Іоанна, сталъ его вассаломъ. Какимъ же образомъ король превратился въ папскаго вассала и что вѣрно: первое или второе?

Совершенно неудовлетворительно составлена глава о парламентѣ въ Англіи. Авторъ неудачно сократилъ книгу Д. Петрушевскаго (очерки изъ исторіи англійскаго государства). Въ учебникѣ читаемъ: «полусвободные и несвободные земледѣльцы слились въ концѣ концовъ въ одну общую массу зависѣмыхъ

крестьянъ-виллановъ» (стр. 129). Не объяснено, какая разница между несвободными и полусвободными земледѣльцами, а раньше гимназистъ долженъ былъ заучить слѣдующее: общество дѣлилось на полноправную землевладѣльческую аристократію и на безправныхъ крѣпостныхъ крестьянъ-земледѣльцевъ, виллановъ или сервовъ (стр. 107). Выходитъ, что полусвободные земледѣльцы слились сами съ собой. Профессоръ Петрушевскій говоритъ: «они (члены свободной сельской общины) постепенно превращались въ барщинниковъ, все болѣе теряли свою свободу и становились на одну линію съ несвободными и полусвободными земледѣльцами, чтобы въ концѣ концовъ слиться съ ними въ одну общую массу виллановъ» (стр. 57). Повторивъ буквально нѣкоторыя выраженія Петрушевскаго, профессоръ Васильевъ не замѣтилъ самаго важнаго. Въ общую массу слились не полусвободные, а свободные. Далѣе авторъ рассказываетъ: «мѣстныя организаціи въ графствахъ, сотняхъ, селахъ, имѣвшія свое начало въ далекомъ прошломъ, также исчезли; послѣднее явленіе очень важно для дальнѣйшей исторіи Англии» (стр. 130). У Петрушевскаго: «продолжала (и это едва ли не самое важное для дальнѣйшей исторіи Англии) существовать мѣстная организація англо-саксонскаго государства, продолжали существовать сотни и графства» (стр. 63). Почему же профессоръ Васильевъ не познакомилъ раньше учениковъ съ важнымъ явленіемъ, которое не исчезло? И о какихъ мѣстныхъ организаціяхъ въ графствахъ и сотняхъ говоритъ онъ? На этотъ вопросъ едва ли въ состояніи будетъ отвѣтить преподаватель. Профессоръ Петрушевскій называетъ мѣстными организаціями графство и сотню и предварительно познакомилъ съ ними читателей. Великая хартія вольностей изложена не совсѣмъ вѣрно и невразумительно. «Несвободные вилланы (крестьяне),—говоритъ профессоръ Васильевъ,—самый низшій слой общества, были избавлены отъ взиманія въ видѣ штрафа ихъ основного капитала» (стр. 134). Оказывается, что у крѣпостныхъ былъ какой-то основной капиталъ. Едва ли даже самый знающій преподаватель пойметъ эту фразу и сумѣетъ объяснить ее ученику. Авторъ невнимательно читалъ Петрушевскаго. У Петрушевскаго сказано: и вилланъ такимъ же образомъ будетъ штрафоваться и у него останется неприкосновеннымъ его инвентарь (стр. 172). Объ основномъ капиталѣ говорится въ другомъ мѣстѣ по отношенію къ свободному человѣку.

Первый отдѣлъ, посвященный византійской культурѣ, составленъ тоже не вполне удовлетворительно, хотя А. А. Васильевъ по своей спеціальности византинистъ. Произошло это, вѣроятно, потому, что онъ занимается вообще политической исторіей, а не культурой. Противорѣчія и недосмотры имѣются и въ этомъ отдѣлѣ. На стр. 34 читаемъ: «Первая школа при церкви св. Петра обучала философіи; во главѣ ея былъ поставленъ знаменитый ученый Михаилъ Пселль. Другая школа, помѣщавшаяся въ монастырѣ св. Георгія, преподавала (не школа преподаетъ, а въ школѣ преподаютъ) главнымъ образомъ (не главнымъ образомъ, а исключительно), науки юридическія» Черезъ 10 страницъ авторъ написалъ другое: «Императоръ Константинъ Мономахъ назначилъ Пселла профессоромъ философіи въ основанную имъ юридическую академію» (стр. 44). Послѣднее невѣрно. На одной и той же страницѣ эллини-

стическая культура отдѣляется отъ эллинской и утверждается, что эллинистическая и эллинская культура одно и то же.

«Восточная часть Римской имперіи занимала весь Балканскій полуостровъ вплоть до Истра, всю Малую Азію, Верхнюю Месопотамію, Сирію, Палестину и Египетъ съ Ливіей, при чемъ въ большей части (чего?), именно въ азіатской и африканской, господствовала эллинистическая культура, явившаяся результатомъ взаимныхъ вліяній древне-греческой (эллинской) и восточныхъ, азіатскихъ культуръ, на примѣръ, культуры персидской. Это сближеніе древне-греческой культуры съ культурами древняго Востока создало эллинизмъ или эллинистическую культуру» (стр. 4). Ученикъ долженъ запомнить, что эллинизмъ то же самое, что эллинистическая культура, но эллинизмъ не то же, что эллинская культура. Что же такое эллинизмъ?

На страницѣ 10 находимъ слѣдующій курьезъ: «На Западѣ была теократія, т. е. царство Божіе на землѣ; на Востокѣ въ Византіи—цезарепапизмъ, т. е. сосредоточеніе въ рукахъ государя высшей власти надъ церковью». Едва ли авторъ хотѣлъ этимъ сказать, что въ средніе вѣка въ Римѣ уже осуществилась мечта религіозныхъ людей, установилось царство Божіе на землѣ.

Въ главѣ о государственномъ устройствѣ Византіи профессоръ Васильевъ не сообщаетъ самаго важнаго. Онъ говоритъ, что при смѣнѣ императоровъ часто происходили сильныя смуты. Но императоръ для предотвращенія возможныхъ смутъ назначалъ себя наслѣдникомъ (это невѣрно) при жизни или сына, или другое какое-либо ему близкое лицо (стр. 46). Необходимо было сказать, что византійскій императоръ считался избраннымъ сенатомъ и народомъ и что Византія допускала соправительство. Царь назначалъ не наслѣдника, а второго царя.

П. В.

Ипполитъ Тэнъ. Путешествіе по Италіи. Переводъ П. П. Перцова. Томъ II. Флоренція и Венеція. Книгоиздательство «Наука». М. 1916. Стр. 318+III. Цѣна 2 р. 75 коп.

Передъ нами послѣдній томъ классической книги Тэна, такъ поздно дождавшейся русскаго перевода, но зато перевода прекраснаго во всѣхъ отношеніяхъ. Напомнимъ читателямъ, что Тэнъ путешествовалъ по Италіи болѣе 50 лѣтъ тому назадъ (весной 1864 г.), но это нисколько ни умаляетъ интереса и значенія книги. Авторъ, если можно такъ выразиться, идеальный путешественникъ, ѣздившій внѣ времени. Въ Пизѣ онъ задается вопросомъ, почему «со времени Джотто, среди столькихъ блужданій, художнику такъ и не удалось перенести на свой холстъ крѣпкій станъ и живое тѣло». Эта же мысль волнуетъ его и въ Сиенѣ; съ этой идеей пріѣзжаетъ онъ во Флоренцію. «Въ путешествіи занимаютъ только такого рода вещи. Идешь, отдавшись своей идеѣ, и не заботишься ни о чемъ другомъ. Точно дѣлишься на двѣ равныя половины: съ одной стороны, низшее животное, своего рода необходимый слуга, дѣйствующій, какъ машина, который ѣстъ за васъ, пьетъ за васъ, ходитъ безъ вашего вѣдома, устраивается въ гостиницахъ и дилижансахъ, переноситъ, не давая вамъ почувствовать, всѣ неприятности, мелкія передраги и низ-

менныя стороны жизни, и совершаетъ все, что отъ него требуется; съ другой стороны—духъ, который стремится въ высь и изо дня въ день напрягаетъ всѣ свои силы съ пылкой, мятежной любознательностью, полной едва возникающихъ, отбрасываемыхъ и снова рождающихся идей — попытокъ попятъ чувства великихъ людей и минувшихъ эпохъ». Разумѣется, такой путешественникъ ѣздитъ не спѣша, не посѣщаетъ маленькихъ городовъ отъ поѣзда до поѣзда, а не прочь при случаѣ и сдѣлать прогулку пѣшкомъ часа на четыре. Понятно, далѣе, что онъ прибываетъ въ Италию, прекрасно ознакомившись съ ней предварительно по книгамъ. Это чтеніе продолжается онъ и во время путешествія. Благодаря этому, ему удастся съ необыкновенной силой и красочностью изобразить бурное прошлое маленькихъ итальянскихъ республикъ, когда враждующія семейства дрались на улицахъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Но главное, что привлекаетъ Тэна, это, разумѣется, живопись. Онъ очарованъ, восхищенъ ею и въ буквальномъ смыслѣ не находитъ словъ для ея описанія: «Какое жалкое орудіе—слово. Иногда тонъ атласнаго тѣла или свѣтящаяся тѣнь, лежащая на обнаженномъ плечѣ, или трепетаніе свѣта на зыблющемся шелкѣ — притягиваютъ, удерживаютъ, манятъ къ себѣ глаза цѣлую четверть часа, а въ твоёмъ распоряженіи только одна неопредѣленная фраза, чтобъ передать это». Конечно, въ этомъ великолѣпномъ описаніи картинъ и школъ живописи нынѣ кое-что устарѣло, и почтенному переводчику, можетъ быть, слѣдовало бы чаще, чѣмъ онъ это дѣлаетъ, пользоваться своимъ правомъ дѣлать дополнительныя примѣчанія. Но зато всякій, кто внимательно прочтетъ эти страницы, не можетъ не увлечься итальянской живописью и, что, пожалуй, еще важнѣй, научится, какъ надо смотрѣть картины, не останавливаясь только на тѣхъ нумерахъ, которые въ путеводителяхъ отмѣчены двумя звѣздочками. Содержаніе книги гораздо шире ея заглавія: кромѣ Флоренціи и Венеціи, особенно восхитившей Тэна, здѣсь описаны Перуджія, Ассиза, Сіена, Пиза, Болонья, Равенна, Падуя, Верона, Миланъ и сѣверныя итальянскія озера.

Образцовое выполненіе перевода отмѣчено уже въ нашей замѣткѣ. Но у книги есть еще одно значительное достоинство: она украшена прекрасно исполненными 13 фототипіями и 18 цинкографіями.

М.

Памятники, міровой литературы. Персидскіе лирики X—XV вѣковъ. Съ персидскаго перевелъ академикъ Ѳ. Коршъ. Послѣ его смерти проредактировалъ и вступительною статью снабдилъ профессоръ А. Крымскій. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1916. Стр. XXXIX+120. Ц. 1 р. 20 к.

Думается оправдаются надежды автора обстоятельной вступительной статьи, профессора Крымскаго, что «русскій читатель получилъ очень недурное общее впечатлѣніе отъ персидской лирики классическаго періода, т. е. X—XIV в.в.»

Поэзія эта обвѣяна суфійствомъ, т. е., по опредѣленію г. Крымскаго, «мусульманскимъ мистицизмомъ съ палтенстической окраской». Г. редакторъ

настоящаго труда очень кстати тутъ рекомендуетъ «широкой публикѣ» пользоваться правиломъ одного изъ издателей дивана (т. е. сборника стиховъ) Хафиза: «Встрѣчая у него прекрасное и глубоко-прочувствованное, мы имѣемъ полное право принимать его по законамъ прекраснаго и истиннаго, какія бы аллегорическія толкованія ни давали ему комментаторы».

Давъ образцы творчества Абу-Сеида (967—1049), Авиценны (980—1037), Хаканія (1106—1199), Джеляледина (1207—1273) и наиболѣе популярнаго въ Европѣ Саадія (1184—1191), Хафиза (ок. 1300—1389) и младшаго современника послѣдняго Лютфаллаха (ум. въ 1413 г.), покойный академикъ не перевелъ ничего изъ Хейяма (ок. 1040—1123). А онъ, по словамъ профессора Крымскаго, является самымъ популярнымъ изъ всѣхъ персидскихъ поэтовъ въ западномъ мірѣ. Среди англичанъ и американцевъ имѣются общества имени Хейяма. «И я», говоритъ г. Крымскій, «счелъ нужнымъ вставить въ редактируемое мною изданіе тѣ переводы изъ Хейяма, которые изготовилъ И. Н. Умновъ, общій ученикъ мой и академика Ѳ. Е. Корша».

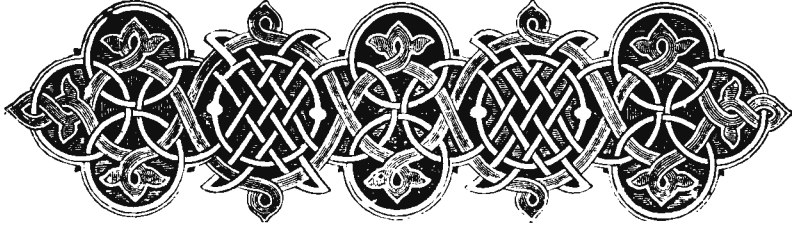
Стихи переведены въ большинствѣ случаевъ чистымъ, красивымъ безъ изысканности языкомъ, съ видимо продуманною четкостью, а подчасъ и съ волнующими читателя художественными достижениями.

Задѣваютъ читателя проникновенно выраженныя сомнѣнія восточнаго мудреца Хейяма: «Но увы, никому не извѣстно, для чего, преисполнивъ огня, мой художникъ Всевшній чудесно разукрасилъ для тлѣнья меня?» или «О, пусть Ты полонъ всепрощенья,—но въ глубинѣ ты видѣлъ все,— и я въ смущеньи, что дѣлать мнѣ?» Есть и пѣга южанина, не переступающая изящества, какъ у Хафиза (по обычному — Гафиза): «Лицо твое свѣтлѣй, чѣмъ солнце въ ясный день, а косы темнотой стыдятъ ночную тѣнь». Красивъ также подборъ усиленно-яркой формы для мысли (о вліяніи слова), какъ, напримѣръ, у Джеляледина: «Отъ слова цѣлый міръ пустыней можетъ стать, и мертвая лиса, какъ левъ, пойдетъ на рать».

А. Налымовъ.

Съ 15 августа по 15 сентября 1916 г. въ редакцію «Историческаго Вѣстника» поступили для отзыва слѣдующія книги:

Б. Лазаревскій. Любимос. Разказы. Пгр. 1916. Стр. 176. Ц. 1 р. 50 к.

Наиболѣе удаченъ разказъ «Цвинтарь» изъ захолустнаго малорусскаго быта; типъ погибающаго отъ пьянства деревенскаго артиста-регента выписанъ въ мягкихъ проникновенныхъ тонахъ; остальные дѣйствующія лица и въ частности дѣвушки снова напоминаютъ прежнихъ героинь разказовъ Б. Лазаревскаго. Содержаніе разказовъ взято изъ самой послѣдней дѣйствительности, такъ, напримѣръ, герой одного разказа напивается уже не водкой, а денатуратомъ. Книжка прочтывается съ немалымъ интересомъ.

С. Городецкій. Дальнія молліи. Разказы. Пгр. 1916. Стр. 240. Ц. 2 р.

Новый сборникъ разказовъ С. Городецкаго ничего не прибавляетъ къ сложившейся уже опредѣленной литературной репутаціи писателя; читаются разказы легко и такъ же легко забываются. Содержаніе почерпнуто изъ современной военной дѣйствительности.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. 148. Пгр. 1916. Стр. XXXI+554. Ц. 3 р.

С. Д. Бондарь. Секта меннонитовъ въ Россіи (въ связи съ исторіей нѣмецкой колонизаціи на югѣ Россіи). Очеркъ. Пгр. 1916. Стр. 202. Ц. не обозн.

Годъ войны. Обзоръ за 1915 г. (подъ редакціей А. Б.). Изданіе т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Пгр. 1916. Стр. 106. Ц. 75 к.

«Я». Великая война въ 1914 г. Очеркъ главнѣйшихъ операцій. Русскій западный фронтъ. Съ приложеніемъ 11 схемъ и замѣтки «Кавказскій фронтъ». Библиотека «Вечерняго Времени». Изданіе Б. А. Суворина. Пгр. 1916. Стр. 72. Ц. 80 к.

П. Е. Щеголевъ. Дуэль и смерть Пушкина. Исслѣдованія и матеріалы. (Складъ изданія у М. В. Пирожкова. Пгр. Ижорская, 14). Пгр. 1916. Стр. XXI+170+376. Ц. 4 р. 50 к.

Вопросы колонизаціи. Періодическій сборникъ. Подъ ред. Г. Ф. Чаркина и Н. А. Гаврилова. № 19. Пгр. 1916. Стр. 280. Ц. не обозн.

Ив. Рабиновичъ. Какъ боролись чехи съ нѣмцами за права своей народности. Пгр. 1916. Стр. 37. Ц. 50 к.

Небольшая брошюра г. Рабиновича, написанная весьма живо и толково, знакомитъ съ тяжкой и упорной борьбой чеховъ за свободу ихъ жизни. Особенно хорошо излагаетъ авторъ всѣ запутанныя взаимоотношенія чешскаго народа къ нѣмцамъ въ послѣднее столѣтіе и ясно показываетъ тѣ пути, которые намѣтила чешскій народъ для своего свободнаго самоопредѣленія, чешскія

надежды на помощь Россіи въ дѣлѣ ихъ національнаго возрожденія. Книжка очень полезна для школьных и народныхъ библиотекъ.

Н. Г. Высоцкій. Сомнительное «ученое» изданіе. (Айвазовъ М. Г. Матеріалы для изслѣдованія русскихъ мистическихъ сектъ). М. 1916. Стр. 28. Ц. не обозн.

Божидаръ. Распѣвочное единство. Редакція, предисловіе, комментарий С. Боброна. Изданіе «Центрифуга». М. 1916. Стр. 84. Ц. 1 р. 25 к.

П. Архангельскій. Погостные указы 1767 года, какъ историческій источникъ. Казань. 1916. Стр. 50. Ц. не обозначена.

Среди источниковъ русской исторіи XVIII в. видное мѣсто занимаютъ указы депутатамъ въ екатерининскія комиссіи и особенно мало еще изслѣдованные «погостные указы», которые г. Архангельскій тщательно анализируетъ со стороны ихъ формы и содержанія. Подобнаго рода работы въ мало изученной историками области обѣщаютъ много цѣннаго для правдиваго изображенія какъ настроеній сельскихъ жителей той эпохи, такъ и фактической обстановки жизни крестьянскаго сословія, въ особенности же его экономическаго положенія, его отношеній къ государству, его земскаго устройства и т. п.

М. Л. За что доюетъ сейчасъ русскій народъ. Педагогическое бюро полтавскаго губернскаго земства. Полтава. 1916. Стр. 16. Ц. 10 к.

Предназначенная для широкой народной массы, брошюра М. Л. въ общепонятной формѣ выясняетъ послѣдовательный ходъ событій и разматываетъ тотъ сложный клубокъ международныхъ отношеній, который привелъ нынѣ Россію и другія государства къ великой борьбѣ. Несмотря на небольшую объемъ, автору удалось весьма отчетливо разобраться въ сложномъ вопросѣ и въ общихъ чертахъ представить тѣ положенія, за которыя сейчасъ такъ самоотверженно борется съ врагомъ нашъ народъ.

А. Тырнова. Старая Турція и младотурки. Годъ въ Константинополь. Пгр. 1916. Стр. 180. Ц. 2 р.

М. Ю. Лермонтовъ. Бала. Съ 5 рис. Стр. 73. Ц. 6 к.—Максимъ Максимовичъ. Съ 3 рис. Стр. 23. Ц. 5 к. Дешевая библиотека кн-ва «Жизнь и Знаніе». Пгр. 1916.

С. И. Гусевъ Оренбургскій. Кахетинка. Разказъ. Съ 3 рис. Стр. 27. Ц. 8 к.—Отецъ Памфилъ. Съ 2 рис. Стр. 20. Ц. 6 к.

Дешевая библиотека кн-ва «Жизнь и Знаніе». Пгр. 1916 г.

Ю. Каменевъ. Объ А. И. Герценѣ и Н. Г. Чернышевскомъ. Кн-во «Жизнь и Знаніе». Пгр. 1916. Стр. 142. Ц. 1 р.

Скиталець. Сквозь строй! и другіе разказы. Т. I. Кн-во «Жизнь и Знаніе». Пгр. 1916. Стр. 275. Ц. 1 р. 50 к.

Это книга о людяхъ, прошедшихъ «сквозь строй» жизни; болѣе сильные и крѣпкіе, какъ Гаврила Петровичъ («Сквозь строй»), или октавистъ Захарычъ («Октава»), сумѣли болѣе или мѣнѣе невредимыми пройти «сквозь строй»; другіе же, какъ композиторъ Органовъ («Композиторъ») или пѣвчій Урбановъ («Рапнянн обѣдня»), несмотря на свои таланты, безвозвратно погибли, забытые и уничтоженные жестокой дѣйствительностью. Читателя подкупаетъ искренности и горячее сердечное отношеніе автора къ своимъ несчастнымъ героямъ. Особенно хорошъ разказъ «Рапнянн обѣдня», производящій глубокое впечатлѣніе. Весь сборникъ разказовъ Скитальца прочтывается съ громаднымъ интересомъ.

Ник. Олигеръ. Опасные люди. Т. VII. Кн-во «Жизнь и Знаніе». Пгр. 1916. Стр. 315. Ц. 1 р. 50 к.

Ө. Шмитъ, проф. харьковскаго университета. Законы исторіи. Введеніе къ курсу всеобщей исторіи искусствъ. Вып. I. Введеніе.—Искусство Египта.—Искусство Месопотаміи.—Искусство критико-микенское. Харьковъ. 1916. Стр. VI+196. Ц. 2 р.

Проф. Д. В. Цвѣтаевъ. Къ исторіи смутнаго времени. Собраніе документовъ. Вып. 1. М. 1916. Стр. 40. Ц. 50 к.

С. Ауслендеръ. Сердце война. Разказы. Пгр. 1916. Стр. 396. Ц. 2 р. 60 к.

Молодая Русь. Студенческой сборникъ. Пгр. 1916. Стр. 260. Ц. 2 р. 60 к. Вся чистая прибыль пойдетъ: 50 проц. въ пользу Комитета Императрицы Александры Феодоровны по оказанію помощи больнымъ и раненымъ русскимъ воинамъ и 50 проц. въ пользу лазарета при Императорскомъ петроградскомъ университетѣ.

Въ сборникѣ, кромѣ студентовъ и куренстокъ, приняли участіе солисты Его Величества В. В. Андреевъ, В. П. Буренингъ, А. А. Бурнакинъ, помѣстившіи здѣсь свою извѣстную лекцію «О русской красотѣ», А. А. Ветуховъ, проф. П. Е. Казанскій, проф. П. И. Ковалевскій, В. В. Розановъ и др. Книга открывается краткимъ, но бодрящимъ призывомъ «Къ студентамъ», написаннымъ В. В. Розановымъ.

Свящ. Феодоръ Кругловъ. Жизнь, чуда и слава св. великомученика Георгія Побѣдоносца и памятники его имени. Пгр. 1915. Стр. 128. Ц. 50 к.—Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай Александровичъ въ Гельсингфорсѣ, 25-го февраля 1915 г. Съ портретомъ Государя Императора и видами города Гельсингфорса. Пгр. 1915. Стр. 32. Ц. 50 к.

Тепло и сердечно составленная первая брошюра вытекла изъ бесѣдъ пастьера съ воинскими чинами о св. великомученикѣ, память котораго особенно дорога въ переживаемое нами тяжелое время. Вторая книжка, описывающая знаменательное событіе въ жизни Финляндіи, украшена многими видами Гельсингфорса и издана не только весьма опрятно, но и изящно.

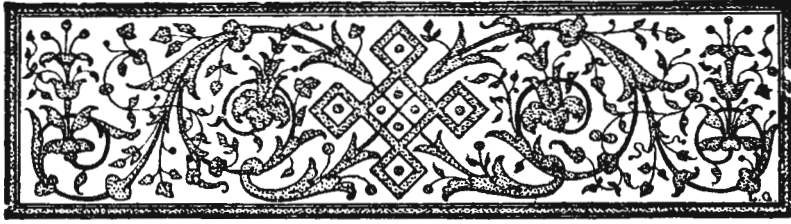
Бѣлгородскій, А., преподаватель пгр. 1-й гимназіи. Ученическія экскурсіи. (Краткій историческій очеркъ, значеніе и организація ихъ). Изд. 2-е. Пгр. Изданіе Н. П. Карбасникова. 1916. Стр. 91. Ц. 50 к.

Брошюра, посвященная животрепещущему нынѣ въ школьной жизни вопросу, заслуживаетъ вниманія своимъ яснымъ и практичнымъ изложеніемъ, почему и одобрена въ первомъ изданіи учебнымъ комитетомъ при Св. Синодѣ и Министерствѣ Народн. Провѣщенія, а также главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній.

Инженеръ Н. І. Маленинъ. Зданіе главнаго гидрографическаго управленія (Пояснительная записка и чертежи). Пгр. 1916. Стр. 16. Цѣна не обозн. (Отдѣльный оттискъ изъ журнала «Зодчій» за 1916 г.).

Памятники міровой литературы. Античные писатели. Театръ Еврипида. Переводъ съ введеніями и послѣсловіями И. О. Анненскаго, подъ редакціей и съ комментариемъ Ф. Ф. Зѣлинскаго. Томъ первый. I. Алкеста. II. Андромаха. III. Вакханки. IV. Гекуба. М. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. 1916. Стр. XV+407. Цѣна 3 р. 50 к.

НОВОСТИ ИСТОРИИ.

Переписка великаго князя Николая Николаевича Старшаго съ императоромъ Александромъ II. — Прогрессивный подоходный налогъ и паденіе Сперанскаго. — Патриархальный министр.

ВЪ «ВѢСТНИКЪ» императорскаго общества ревнителей исторіи» напечатана часть переписки императора Александра II съ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ Старшимъ, относящейся къ концу 1876 г. и началу 1877 года, предъ началомъ русско-турецкой войны. Назначенный главнокомандующимъ арміи, собранной на югъ Россіи, великій князь занятый въ Кишиневѣ приведеніемъ войскъ на военное положеніе, сообщалъ державному своему брату о результатахъ своихъ трудовъ; императоръ Александръ II, съ своей стороны, освѣдомлялъ великаго князя о теченіи дипломатическихъ переговоровъ съ европейскими державами о нейтралитетѣ ихъ на время войны Россіи съ Турціей и о текущихъ вопросахъ русской жизни. Переписка эта, даже въ небольшой напечатанной ея части, несомнѣнно, имѣетъ немаловажное значеніе для историческаго освѣщенія послѣднихъ лѣтъ правленія Царя-Освободителя и его отношенія къ важнымъ государственнымъ задачамъ, внѣшнимъ и внутреннимъ, именно въ это время выжидавшимся по общему ходу исторіи. Общее впечатлѣніе, остающееся у читателя отъ знакомства съ этой перепиской, свидѣтельствуетъ, что престарѣлый императоръ, горячо любившій Россію, не могъ отнестись къ этимъ задачамъ вполне опредѣленнымъ образомъ, выработавъ себѣ ясную программу дѣйствій съ рѣшимостью провести ее до конца, тѣмъ болѣе, что государь связанъ былъ еще политическими традиціями, унаслѣдованными имъ отъ

своего родителя, императора Николая I. Въ моментъ начала войны съ турками государь долженъ былъ писать своему брату-главнокомандующему: «Грустно думать, что тѣ двѣ державы, на которыя мы были въ правѣ всего болѣе рассчитывать, всего менѣе поддержали насъ во время конференцій, а именно Австрія и Германія. Напротивъ того, Салисбюри (англійскій уполномоченный) дѣйствовалъ самымъ благороднымъ образомъ». Милолюбивый царь желалъ избѣжать войны, а его традиціонные «союзники» старались сдѣлать ее неотвратимой, чтобы воспользоваться ея плодами и ослабить Россію. «Грустно,—отвѣчалъ державному своему брату великій князь-главнокомандующій:—что Германія такъ мало высказываетъ намъ сочувствія; неужели она забыла то, что тобою было сдѣлано для нея въ 1870 и 1871 годахъ?» Императоръ Александръ къ глубокому сердечному своему разочарованію успѣлъ, однако, убѣдиться въ двойственной, обманчивой политикѣ по отношенію къ Россіи его столь любимого имъ дяди, маститаго германскаго императора Вильгельма I, руководимаго Бисмаркомъ. Какъ разъ въ это время императоръ Александръ послалъ юнаго сына великаго князя-главнокомандующаго, Николая Николаевича Младшаго (нынѣ прославленнаго героя войны съ нѣмцами, намѣстника Кавказа) въ Берлинъ, чтобы привѣтствовать Вильгельма съ 80-лѣтіемъ со дня рожденія, и писалъ по этому поводу августѣйшему главнокомандующему: «Не сѣтуй на меня, что я отправилъ сегодня утромъ (8 марта 1877 г.) твоего Николашу въ Берлинъ для поздравленія императора съ его 80-лѣтнимъ днемъ рожденія, но мнѣ рѣшительно некого было послать въ настоящую минуту, и нельзя было этого не сдѣлать, такъ какъ и австрійцы посылають туда одного изъ эрцгерцоговъ. Я придалъ ему Тотлебена и его же Ласковскаго и увѣренъ, что онъ произведетъ на всѣхъ самое лучшее впечатлѣніе своею скромностію и тактомъ. Прощаясь съ нимъ, я ему сказалъ, чтобы онъ воздерживался отъ всякихъ политическихъ разговоровъ. На это онъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ такъ и намѣренъ былъ дѣлать, и присовокупилъ: «а если меня будутъ спрашивать про духъ нашей дѣйствующей арміи, могу ли я отвѣчать, что армія въ политику не вмѣшивается, и думаетъ только объ исполненіи того, что будетъ ей приказано?» Да, отвѣчалъ я и обнялъ его сердечно. Подобныя благородныя чувства о военномъ дѣлѣ, вѣрно, порадуютъ тебя столько же, сколько и меня, и вполне надѣюсь, что и всѣ прочіе смотрятъ тѣмъ же образомъ на свои обязанности».

Въ прошлой своей статьѣ («Новости исторіи», «Истор. Вѣстникъ», сентябрь) мы отмѣтили уже, что Вильгельмъ I пользовался своимъ вліяніемъ на царственнаго своего племянника, чтобы удержать его на пути преобразованій, необходимыхъ для развитія внутренней жизни Россіи: этимъ нѣмцы надѣялись ослабить мощь Россіи и создать благопріятную почву для развитія въ ней дѣятельности революціонныхъ партій. Несомнѣнно, что и въ данное время внушенія въ этомъ смыслѣ со стороны нѣмцевъ не ослабѣвали, если судить по ожидавшемуся въ Берлинѣ вопросу: каковъ духъ дѣйствующей арміи? 10 марта государь писалъ брату: «Физически мы здоровы, но, признаюсь, не въ веселомъ расположеніи духа. Ко всему этому присоединяются заботы о революціонной пропагандѣ. Зараза эта, къ несчастію, распространилась по всей Россіи, какъ дѣло, которое теперь судится въ Сенатѣ, то доказываетъ. Необходимо сообра-

зить мѣры для огражденія здоровыхъ элементовъ, для чего хочу на будущей недѣлѣ собрать совѣтъ министровъ». Великій князь почти въ каждомъ письмѣ успокаивалъ государя относительно духа арміи. Такъ, 13 марта 1877 года онъ писалъ: «Слѣшу тебѣ передать, какъ я былъ доволенъ всѣми войсками, которыя я до сихъ поръ видѣлъ. Могу смѣло сказать, что нашелъ ихъ по истинѣ въ блестящемъ состояніи во всѣхъ отношеніяхъ. Видъ ихъ молодецкій, бодрый, сытый, здоровый и довольный. Всѣ проникнуты самымъ лучшимъ духомъ и горять нетерпѣніемъ сразиться съ врагомъ. Одѣты всѣ не только хорошо, но и щегольски. Офицеры и нижніе чины отвѣчали съ восторгомъ на переданное мною привѣтствіе отъ твоего имени. Неумолкаемое, чудное, потрясающее русское ура было отвѣтомъ и выраженіемъ готовности положить свою голову за Царя и Отечество. Слезы невольно навертывались при этомъ чудномъ зрѣлищѣ».

Побѣдоносная война съ турками, какъ извѣстно, закончилась для Россіи, вслѣдствіе интригъ Австріи и Германіи и слабости нашей дипломатіи, унижительнымъ для русскаго достоинства Берлинскимъ конгрессомъ и новымъ взрывомъ революціонныхъ преступленій, завершившихся злодѣяніемъ 1 марта 1881 года. Роль германскаго правительства въ этихъ печальныхъ событіяхъ уясняется все болѣе и болѣе...

Недавно принятый нашими законодательными палатами подоходный налогъ имѣетъ вѣковую исторію съ трагическимъ финаломъ для его инициатора, Сперанскаго, впервые предложившаго его императору Александру I. Проф. А. В. Васильевъ («Голосъ Минувшаго») въ статьѣ своей: «Прогрессивный подоходный налогъ 1812 г. и паденіе Сперанскаго» весьма доказательно устанавливаетъ причинную связь ссылки Сперанскаго съ изданіемъ, по его почину, манифеста 11 февраля 1812 года «о погашеніи государственныхъ долговъ». Манифестомъ этимъ, какъ извѣстно, введенъ былъ новый временный сборъ съ помѣщичьихъ доходовъ на началахъ добровольнаго показанія владѣльца о полученномъ имъ дѣйствительномъ доводѣ и прогрессивности: доходы менѣе 500 р. были изъяты отъ налога; съ доходовъ отъ 500 р. до 2.000 р. взимался 1⁰/₂; далѣе оклады прогрессивно возрастали, *доходя при доходахъ свыше 18.000 р. до 10⁰/₂*; проживавшіе за границей должны были платить вдвое. Хотя налогъ этотъ и вызванъ былъ печальнымъ положеніемъ русскихъ финансовъ въ то время, когда шла война съ Турціей и съ минуты на минуту ожидали разрыва съ Наполеономъ, но дворянство встрѣтило его съ ропотомъ, въ особенности высшіе, болѣе состоятельные его слои, наиболѣе подвергавшіеся тягостямъ этого обложенія. Понятенъ былъ взрывъ негодованія высшаго общества, обрушившійся на голову поповича Сперанскаго и заставившій Александра I подумать объ удаленіи своего любимца изъ столицы. Въ нѣмецкой своей автобіографіи, доселѣ не вполне изданной, самъ Сперанскій своему участію въ установленіи прогрессивнаго подоходнаго налога приписывалъ постигшую его немилость и паденіе. «Существенныя преобразованія и особенно *преобразованія финансовыя* вездѣ влекутъ за собою важное неудобство: прикосновеніе къ частнымъ интересамъ. Людей и интересы ихъ никогда нельзя затрагивать безнаказанно... Безъ связей и родства, безъ опоры, безъ состоянія, *ipse suae fortunae auctor* (самъ создатель своего благосостоянія), знакомый притомъ болѣе съ дѣлами,

чѣмъ съ людьми, онъ вступилъ въ бой одинъ. Можно ли было ему не пасть?» «Если въ наши дни,—говоритъ проф. Васильевъ,—введеніе начала прогрессивности въ обложеніе изображалось представителями богатыхъ классовъ идеею, почерпнутою изъ ученія пѣмецкой социаль-демократіи, то тогда оно рисовалось, конечно, злостнымъ исчадіемъ французской революціи. Поэтому а priori можно предположить, что манифестъ 11 февраля не могъ не озлобить противъ Сперанскаго тѣ круги, которые боялись вліянія перваго министра-поповича». Мѣсяць спустя Сперанскій, удаленный отъ службы, былъ высланъ, 17 марта, съ фельдгеремъ въ Нижній Новгородъ, а затѣмъ въ Пермь подъ надзоръ полиціи.

«Говоря о паденіи Сперанскаго, его единственный до сихъ поръ биографъ, баронъ Корфъ, сравниваетъ исторію паденія Сперанскаго съ таинственной исторіей Желѣзной Маски. Карамзинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ пишетъ: «исторія Сперанскаго для насъ тайна, публика ничего не знаетъ». То, что было тайною для современника событій 1812 г., что оставалось тайной въ 1861 г., когда баронъ Корфъ писалъ свою біографію, то и теперь еще остается неяснымъ, и взгляды на причины паденія Сперанскаго до сихъ поръ весьма разнообразны. Поддался ли Александръ чувству личнаго раздраженія подъ вліяніемъ доносовъ о неосторожныхъ выраженіяхъ Сперанскаго (*notre Vauban—notre veau blanc*), или желалъ дать «жертву для успокоенія встревоженныхъ умовъ», какъ думаетъ великій князь Николай Михайловичъ? Многое (и больше всего отношеніе Александра къ Сперанскому послѣ 1816 г.) говоритъ за второе. Но тогда является вопросъ, кто были эти встревоженные умы, и чѣмъ въ особенности они были встревожены? Великій князь Николай Михайловичъ своего мнѣнія по этому поводу не высказываетъ. Что касается Шильдера, то онъ объясняетъ недовольство высшаго класса его патріотизмомъ. «Высшій классъ былъ раздраженъ сближеніемъ съ Наполеономъ и вообще политическими слѣдствіями Тильзитскаго мира. Зато, по мнѣнію Шильдера, купечество и чиновничество руководились въ своей враждебности къ Сперанскому своекорыстными побужденіями. «Купечество,—пишетъ Шильдеръ,—страдало отъ запретительной системы, упадка курса и дурного управленія финансами». Иного мнѣнія держится проф. Н. Н. Ойрсовъ, указывающій на то, что много лѣтъ спустя русское купечество съ восторгомъ вспоминало манифестъ 19 дек. 1810 г. о сокращеніи привоза иностранныхъ товаровъ ради уменьшенія непомѣрной роскоши и въ интересахъ «внутренняго труда и промышленности». Все оживилось тогда внутри государства, и вездѣ водворилась дѣятельность. Что касается чиновничества, то, конечно, оно было раздражено указомъ объ экзаменахъ, но недовольство чиновничества не могло имѣть того значенія, которое имѣло недовольство дворянства и въ особенности его высшаго придворнаго и наиболѣе богатаго слоя. Здѣсь негодованіе возбуждалось и опасеніями за будущее (отъ «защитника вольности, гонителя рабства» нельзя было не ждать мѣръ, направленныхъ противъ крѣпостнаго состоянія), и интересами кошелька, затронутого фискальными мѣрами Сперанскаго, въ настоящемъ. Что именно здѣсь скопилось вражда противъ Сперанскаго, объ этомъ свидѣтельствуетъ опубликованное великимъ княземъ Николаемъ Михайловичемъ донесеніе австрійскаго по-

вѣреннаго въ дѣлахъ Сень-Жюльена о паденіи Сперанскаго. Сень-Жюльень приводитъ три версіи о причинахъ ссылки, по двѣ изъ нихъ (государственная измѣна, заговоръ Магницкаго противъ жизни императора) опровергнуты исторіей, и остается лишь третья: Сперанскій палъ, какъ жертва недовольства дворянства (*victime du mecontentement général de la noblesse, jalousee de ses droits*). Думается, что именно манифестъ 11 февр. 1812 г. о прогрессивномъ подоходномъ сборѣ съ помѣщичьихъ имѣній довель до бѣлаго каленія ненависть дворянства, и эта ненависть заставила Александра принести ей въ жертву Сперанскаго. Сперанскій какъ бы предчувствовалъ случившееся, еще приступая къ финансовымъ реформамъ. Въ введеніи въ планъ финансовъ онъ пророчески пишетъ: «Всякая система финансовъ поддерживается множествомъ страстей, частныхъ видовъ и привычекъ, и, слѣдовательно, всякое преобразование, всякій переходъ отъ смѣшенія къ порядку воздвигаетъ тучу страстей и своекорыстія. Сколько разъ сіи призракы, устрашая правительство ропотомъ, слухами или злословіемъ, отвращали вниманіе его отъ самыхъ спасительныхъ видовъ къ благу ихъ отечества!»

Разумѣется, дворянство не могъ успокоить въ его опасеніяхъ ни «временный» характеръ налога, ни «добровольныя показанія» владѣльцевъ о своихъ доходахъ: «временная» мѣра легко могла обратиться въ постоянную, а «добровольныя показанія»—въ строгій правительственный учетъ съ уголовной отвѣтственностію за «сокрытіе доходовъ». Тѣсную связь ссылки Сперанскаго съ изданіемъ временнаго закона о налогѣ съ помѣщичьихъ имѣній подтверждаетъ опубликованный проф. Васильевымъ журналъ засѣданія Государственнаго Совѣта 18 марта, т. е. на другой день ссылки ненавистнаго выскочки. Уже въ этомъ засѣданіи разсуждали о пользѣ изданія новаго манифеста «для успокоенія народнаго въ прекращеніи съ будущаго года части налоговъ, установленныхъ манифестомъ 11 февраля». Хотя большинство и отклонило эти разсужденія, потому что «изданіе новаго манифеста означало бы непостоянство правительства и возродитъ общее недовѣріе къ мѣрамъ, имъ пріемлемымъ», но участь закона о подоходномъ налогѣ была предрѣшена: онъ продержался только семь лѣтъ, постепенно падая въ своемъ значеніи. Въ «Запискахъ» Свербеева, который также говоритъ, что «дворянство озлобилось на Сперанскаго за то, что онъ ввелъ у насъ *incometax*, т. е. плату десятой части доходовъ за вычетомъ однихъ только казенныхъ долговъ», разсказывается, какъ безцеремонно скрывались доходы, какъ дворяне учили другихъ обманывать казну. При такой нравственной атмосферѣ налогъ, основанный на доброй вѣрѣ и чести, при отсутствіи всякой повѣрки показаній не могъ дать большихъ суммъ. На 1813 г. поступленіе его ожидалось въ суммѣ 5 милл. р., затѣмъ оно падаетъ постепенно до 3,3 милл. и даже до 2 милл. рублей. Въ концѣ концовъ, указомъ отъ 12 декабря 1819 г. налогъ былъ отмѣненъ въ надеждѣ, что его отмѣна «послужитъ къ приращенію общаго довольства и изобилія и къ умноженію богатствъ государственныхъ». Такъ кончилась эта попытка привлечь къ равной обязанности въ уплатѣ государственныхъ налоговъ «всѣ состоянія по мѣрѣ ихъ достоянія».

Личность другого русскаго министра, но съ другимъ значеніемъ, жившаго

въ концѣ XIX вѣка и стоявшаго во главѣ русскаго просвѣщенія, графа И. Д. Делянова, ярко живописуетъ въ «Голосѣ Минувшаго» нѣкто Г. Ам. въ статьѣ «Патріархальный министр». По его описанію, это былъ человѣкъ безъ убѣжденій или какихъ-либо государственныхъ задачъ, болѣе всего думавшій только о томъ, чтобы подольше остаться на своемъ министерскомъ креслѣ и ради этого на все смотрѣвшій сквозь пальцы. И. Д. Делянова называли ловкимъ царедворцемъ. Онъ такимъ дѣйствительно и былъ. Достигнувъ степеней извѣстныхъ, высокаго служебнаго положенія, онъ съ необыкновеннымъ умѣніемъ и ловкостію лавировалъ между всевозможными теченіями, стараясь лишь объ одномъ—остаться до конца дней на своемъ посту. Ему не разъ давали понять, что онъ засидѣлся на министерскомъ креслѣ, но il faisait le sourd. Однажды ему былъ прямо поставленъ вопросъ объ отставкѣ. «У васъ, И. Д., очень утомленный видъ, вамъ слѣдовало бы отдохнуть».—«Да, я намѣренъ просить двухмѣсячный отпускъ», былъ наивно-лукавый отвѣтъ министра. И старика рѣшили не трогать.

«И. Д. хотя и не былъ творцомъ классической системы образованія у насъ юношества, проводилъ ее въ жизнь какъ попечитель учебнаго округа, товарищъ министра и министръ народнаго просвѣщенія. Но былъ ли онъ самъ убѣжденнымъ классикомъ, вѣрилъ ли въ классицизмъ, какъ панацею нашихъ социальныхъ бѣдъ, надѣясь на то, что достигая въ классической школѣ зрѣлости наша молодежь сплошь станетъ консервативной, что классицизмъ въ корнѣ убьетъ либеральныя теченія нашей интеллигенціи?

«Однажды, болтая съ пріѣзжимъ профессоромъ въ своемъ кабинетѣ, И. Д. (это было въ послѣдніе годы его жизни, когда и въ сферахъ начали разочаровываться въ спасительномъ значеніи классицизма, когда обратили особенное вниманіе на развитіе отечественной промышленности и стали учреждать политехникумы и среднія коммерческія училища) совершенно неожиданно для своего собесѣдника вдругъ замѣчаетъ: «Да, пора уже покончить съ классическимъ мракобѣсіемъ».—Собесѣдникъ, отлично зная, какъ И. Д. распинался за классицизмъ, какими мѣрами онъ его вводилъ въ средне-учебныя заведенія, не удержался отъ выраженія своего изумленія такому радикальному повороту во взглядахъ министра. «Но вѣдь вы, ваше сіятельство, всегда были защитникомъ классической системы образованія!»—«А что же я могъ дѣлать? Вѣдь Катковъ меня ругалъ, онъ чуть меня не побилъ».

«То же самое нужно сказать и въ отношеніи университетскаго устава 1884 г., на десятки лѣтъ принизившаго научный характеръ нашихъ университетовъ системой назначенія профессоровъ съ малымъ (или даже лишеннымъ всякаго) научнымъ цензомъ, но затѣмъ не отравленныхъ хмелемъ либеральныхъ идей, и системой гонорара, едва не сдѣлавшей университеты лавками для мелочной торговли. Для полученія профессуры нужно было по примѣру далекаго прошлаго ѣздить «въ орду» за ярлыкомъ и, какъ говорили злые языки, представлять не ученые работы и отзывы о нихъ специалистовъ, а подносить ясакъ кому слѣдовало. Быть можетъ, эти слухи, какъ извѣстіе о смерти Марка Твена, и были нѣсколько преувеличены, но пищу имъ давали «ни съ чѣмъ не сообразныя» назначенія профессоровъ. Каѳедру получали иногда лица, весь научный

багажъ которыхъ можно было расположить въ орѣховой скорлупѣ, да и въ ней оставалось еще много пустаго мѣста.

«И. Д., конечно, не былъ творцомъ устава 84 года. Правда, онъ провелъ его, несмотря на оппозицію въ Государственномъ Совѣтѣ, большинство котораго высказалось противъ устава. Я даже склоненъ думать, что въ дѣйствительности, въ глубинѣ своего сознанія, онъ былъ противъ устава, который проводилъ. Уставъ 84 г. сваливалъ отвѣтственность за правильный ходъ университетской жизни съ университетовъ на мѣинистерство и, конечно, въ первую голову на министра. Теперь, въ случаѣ нарушенія порядка въ университетахъ, нельзя было сваливать вины на университетскую автономію, которую совершенно упразднилъ новый университетскій уставъ. При назначеніи профессоровъ теперь недостаточно было подписать представленіе университетскаго совѣта о состоявшемся выборѣ на кафедрѣ, приходилось принимать и выслушивать просьбы аспирантовъ на кафедры, отвѣчать на безчисленныя просьбы патроновъ и наипаче патронессъ, ходатайствовавшихъ за «способныхъ» молодыхъ людей и «пожилыхъ» прекрасныхъ семьяниновъ», разслѣдовать жалобы новоназначенныхъ на неправильное распредѣленіе лекцій (читай гонорара), входить въ постоянныя сношенія и давать объясненія жандармскому управленію, министерству внутреннихъ дѣлъ, улаживать конфликты попечителей и ректоровъ университетовъ и т. д. А И. Д. болѣе всего на свѣтѣ любилъ покой и хотѣлъ, чтобы «у него» было все чисто, тихо и гладко. Для него «неотвѣтственность» министра была гораздо выгоднѣе отвѣтственности.

«Пріѣзжаетъ однажды И. Д. въ провинціальный университетъ и спрашиваетъ ректора, какъ ведутъ себя студенты. Ректоръ отвѣчаетъ, что послѣднее время студенческихъ безпорядковъ не было: «Ну, вотъ видите. Всѣ ругаютъ новый университетскій уставъ, а нѣтъ худа безъ добра».

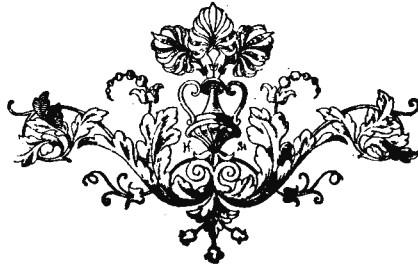
«Разговаривая однажды съ однимъ изъ профессоровъ по поводу составленныхъ въ министерствѣ программъ для приготовленія къ экзаменамъ въ государственныхъ испытательныхъ комиссіяхъ (тоже одинъ изъ мертворожденныхъ плодовъ—а по свидѣтельству одного уважаемаго юриста мертворожденные не наследуютъ—устава 84 г.), И. Д. сталъ ему хвалить достоинства этой программы. «Вотъ теперь въ преподаваніи будетъ внесенъ порядокъ. А то, когда я учился въ московскомъ университетѣ, Погодинъ доказывалъ намъ, что Русь отъ варяговъ, а въ сосѣдней аудиторіи дуракъ Лешковъ утверждалъ, что это вздоръ. А теперь этого не будетъ, въ программѣ—отъ варяговъ, стало быть, отъ варяговъ». Впрочемъ, при извѣстной хитрости и лукавствѣ И. Д. его слова вообще нужно было понимать *cum grano salis*....

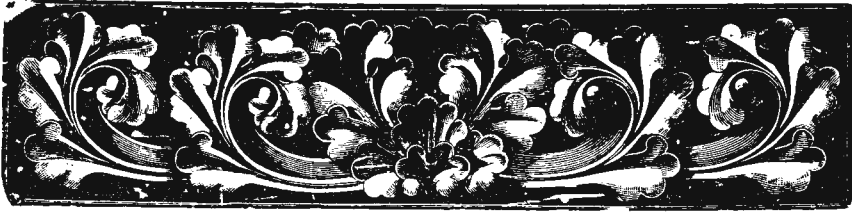
«Для меня И. Д. Деляновъ интересенъ, какъ дореформенный типъ патріархальнаго правителя, съ своими своеобразными приѣмами управленія перешедшаго въ обновленную Русь. Смѣтливый, ловкій, находчивый, безпринципный, онъ сумѣлъ десятки лѣтъ держаться на высокихъ постахъ, ловко лавируя между Сциллами и Харибдами всевозможныхъ политическихъ и общественныхъ теченій; впрочемъ, за послѣдними онъ шелъ тогда, когда они получали признаніе въ сферахъ, и примыкалъ къ нимъ очень осторожно, бросая постоянно лоть изъ боязни съѣсть на мель. По натурѣ онъ былъ консерваторомъ, хотя весь его

консерватизмъ состоялъ только въ обереганіи своего покоя и защитѣ своего положенія правящаго сановника. Министромъ народнаго просвѣщенія онъ былъ по недоразумѣнію, такъ какъ къ вопросамъ просвѣщенія относился совершенно равнодушно: онъ дорожилъ *постомъ* министерскимъ, и для него было безразлично, во главѣ какого бы министерства ни стоять. Но зато, усѣвшись на своемъ министерскомъ креслѣ, онъ сидѣлъ на немъ такъ прочно, что только непреоборимая ни для кого смерть могла снять его съ насиженнаго мѣста.

Эта желчная характеристика И. Д. Делянова, надо признаться, есть въ то же время характеристика многихъ сановниковъ второй половины XIX вѣка, которые воспитались при единоличнѣмъ режимѣ, когда какія бы то ни было «идеи» и «убѣжденія» не терпѣлись въ благомыслящихъ чиновникахъ и даже сановникахъ, ибо они должны были только творить волю начальства, какъ бы измѣнчива она ни была. Люди привыкли быть безличными и это свое безличіе проявляли на отвѣтственныхъ постахъ, стараясь лишь угадать теченіе начальственной мысли. Въ этой школѣ «прохожденія службы» лицамъ, а не дѣлу могли ли у насъ, въ Россіи, выработаться государственные люди типа Сперанскаго или братьевъ Милютиныхъ? Этимъ и объясняются лицемѣрные жалобы на то, что «у насъ людей нѣтъ», когда въ нихъ въ чрезвычайные моменты государственной жизни и строительства сказывалась неотложная надобность...

Е. Шумигорскій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ТАРИННЫЙ нѣмецкій учебникъ шпіонства. — Извѣстный французскій ученый Лебонъ въ предисловіи къ послѣднему изданію своей книги «Lois psychologiques de l'évolution des peuples» утверждаетъ, что душа каждаго народа, слагающаяся изъ воздѣйствія на него расы и среды и всѣхъ переживаній его прежнихъ поколѣній, есть величина постоянная, почти неизмѣняемая. Чтобы видоизмѣнить народную душу, нуженъ цѣлый рядъ перекрестныхъ браковъ двухъ народовъ, по возможности близкихъ по физическому и духовному складу, да и это средство дѣйствуетъ не навѣрно.

Изученіе психологическихъ особенностей нѣмецкаго народа какъ нельзя болѣе подтверждаетъ это положеніе. До сихъ поръ нѣмцы представлялись намъ народомъ трудолюбивымъ, отличавшимся честностью и вѣрностью, той «тевтонской вѣрностью», о которой нѣмцы протрубили всѣмъ уши. Война показала, что такими они только представлялись или сами воображали себя. На самомъ же дѣлѣ характерными ихъ чертами проступили грубость, часто жестокость, склонность къ обману, предательство и ничѣмъ непоколебимый эгоизмъ. Изумленные такимъ превращеніемъ, народы всего міра думали сначала, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ искаженіемъ основнаго нѣмецкаго типа, что поколѣніе, заслужившее справедливое названіе гунновъ, было создано кровожаднымъ Бисмаркомъ и во всякомъ случаѣ всѣ эти антипатичныя черты—явленіе временное, наносное.

Однако, по мѣрѣ того, какъ ученые раскапываютъ въ библіотекахъ и архивахъ старую нѣмецкую литературу, совсѣмъ заслоненную было отъ глазъ изслѣдователей плеядой крупныхъ нѣмецкихъ поэтовъ, тѣмъ болѣе скапливается доказательствъ, что перечисленные выше психическія черты давно уже и очень прочно слились съ нѣмецкой душой, что онѣ-то именно и составляютъ характерную особенность нѣмцевъ.

Недавно французскому критику Визева удалось отыскать в парижской национальной библиотекѣ небольшой томикъ, написанный, правда, на французскомъ языкѣ, но нѣмцемъ—тѣмъ барономъ Вюстомъ. Хотя на обложкѣ значится, что томикъ напечатанъ въ Гаагѣ, но, по всей вѣроятности, онъ появился въ Парижѣ, гдѣ типографіи часто обозначали мѣстомъ печатанія какой-нибудь заграничный городъ, во избѣжаніе могущихъ возникнуть неприятностей съ администраціей. Томикъ этотъ появился въ 1768 году и носить заглавіе: «L'art militaire du partisan». По обычаю того времени, произведение барона Вюста посвящено принцу Конде, на службѣ котораго баронъ, повидимому, находился. По содержанию своему произведение Вюста чрезвычайно типично для нѣмца: это систематическое руководство для шпионовъ, или «партизановъ», какъ онъ выражается. Если не знать, что это писано полтора ста слишкомъ лѣтъ тому назадъ, то можно подумать, что это писалъ какой-нибудь современный соплеменникъ автора. До такой степени приемы теперешнихъ бошей похожи на то, что совѣтуетъ дѣлать баронъ.

«Партизанъ» для него не болѣе, какъ начальникъ шайки, нанятой на время войны какимъ-либо генераломъ съ двойной цѣлью: выслѣживать движеніе непріятели и наносить ему возможный вредъ. За образецъ такого «патризана» авторъ шпионскаго руководства считаетъ «нынѣ царствующаго короля прусскаго, который соединяетъ въ себѣ всѣ качества ловкаго партизана». Далѣе на двухстахъ страницахъ идутъ наставленія, какъ надо злоупотреблять довѣріемъ и простодушіемъ непріятели, причемъ достопочтенный баронъ рекомендуетъ генералу, одержавшему побѣду, «не щадить совершенно побѣжденныхъ и не забавляться тѣмъ, чтобы брать противника въ плѣнъ», а тѣмъ болѣе не взыаливать на себя обузу сохранять непріятельскіе госпитали. Истребляя безъ сожалѣнія все, что можетъ его стѣнять, побѣдоносный генераль, наоборотъ, долженъ поручать своимъ «партизанамъ» какъ можно чаще добывать ему заложниковъ, за освобожденіе которыхъ потомъ можно было бы получить хорошій выкупъ. Рекомендуются Вюстомъ налагать контрибуціи и на цѣлыя мѣстности, отъ которыхъ можно поживиться. «Послѣ того, какъ партизанъ получить отъ своего генерала указаніе мѣсть и непріятельскихъ городовъ, въ которыхъ онъ хочетъ получить контрибуцію,—пишетъ этотъ профессоръ шпионства,—онъ долженъ разузнать о мѣстѣ пребыванія различныхъ принцевъ или вельможъ въ этихъ мѣстахъ, въ особенности тѣхъ, которые богаты или очень привязаны къ своей родинѣ. Послѣ этого онъ долженъ постараться захватить ихъ въ качествѣ заложниковъ. Если ему это удастся, онъ окажетъ своему генералу весьма важную услугу, потому что въ послѣдствіи этими заложниками можно будетъ воспользоваться для выкупа или обмѣна плѣнныхъ».

Баронъ Вюстъ не останавливается на грабежѣ мирнаго населенія и разбояхъ своей шайки. «Партизанъ,—говоритъ онъ,—не можетъ обращать вниманіе на подобныя пустяки (de pareilles bagatelles) и самое для него благоразумное, чтобы не ослаблять любви къ себѣ своихъ солдатъ, дѣлать видъ, что онъ этого не замѣчаетъ».

Жестокость и явно насильственные дѣйствія занимаютъ второе мѣсто въ арсеналѣ тѣхъ средствъ, которыми партизанъ долженъ бороться съ врагами.

На первомъ планѣ у него ложь и хитрость въ соединеніи съ самоувѣренной наглостью—этой характерной чертой прусскаго офицера и нашего времени. Рекомендуются, напримѣръ, пересодѣвать своихъ солдатъ въ форму непріятельскихъ войскъ и завлекать непріятели въ ловушку, дѣлая видъ, что хочешь сдать-ся. «Партизанъ можетъ также писать подложные приказы своимъ офицерамъ,—поучаетъ авторъ руководства,—съ предписаніемъ явиться тогда-то и въ такое-то мѣсто, и отправлять эти приказы по такой дорогѣ, гдѣ они неминуемо попадутъ въ руки непріятельскихъ патрулей. Что касается лицъ, которымъ можно давать подобныя порученія, то нужно выбирать людей или вполне преданныхъ, или очень глупыхъ».

Но главная задача партизана состоитъ въ томъ, чтобы организовать и пустить въ ходъ цѣлую стаю шпионовъ. Прежде, чѣмъ приняться за эту организацию, партизанъ самъ долженъ пройти предварительную школу шпионства. «Военному министру,—пишетъ Вюсть,—не худо будетъ сначала отправить партизана въ секретную поѣздку, если нужно, подъ чужимъ именемъ, въ тѣ мѣста, которые потомъ сдѣлаются театромъ войны. Во время этого путешествія, мѣсяца по крайней мѣрѣ за три до войны, партизанъ долженъ завести знакомства, которые ему могутъ быть полезны, какъ среди дворянства, такъ и между буржуазіей. Надо попробовать войти съ кѣмъ можно въ дружбу и завести тамъ своихъ корреспондентовъ. Послѣ этого партизанъ долженъ разузнать черезъ этихъ друзей о богатыхъ людяхъ и крупныхъ коммерсантахъ, у которыхъ есть большой запасъ зерна и фуража, которыми потомъ можно воспользоваться. Заведя друзей и сообразивъ, кто къ чему способенъ, партизанъ долженъ распредѣлить между ними, кому что дѣлать, и внушать имъ, чтобы они хорошо слѣдили за тѣмъ, что говорится и дѣлается у непріятели».

Впослѣдствіи, когда вспыхнетъ война, партизанъ не долженъ колебаться стать самому шпиономъ въ дѣлахъ, требующихъ особой тонкости. При помощи своихъ корреспондентовъ онъ долженъ пользоваться слабостями непріятельскихъ генераловъ, напримѣръ, ихъ страстью къ вину или склонностью къ прекрасному полу. «Представительницъ прекраснаго пола,—пишетъ Вюсть,—партизанъ долженъ пристраивать къ вражескимъ адъютантамъ, офицерамъ генеральнаго штаба и даже къ бургомистрамъ. Въ особенности надо стараться подкупать офицеровъ деньгами и черезъ нихъ узнавать, какіе приказы получены изъ главной квартиры. Партизанъ долженъ стараться по возможности подкупать слугъ генерала, въ особенности главнокомандующаго и штабныхъ генераловъ».

Но арсеналъ подлости и лжи на этомъ еще не кончается. «Надо подъ видомъ дезертировъ (недовольныхъ) посылать въ разныя мѣста непріятельской территории людей, которые служатъ партизану. Эти агенты должны поступать въ непріятельскіе полки или же на службу лакеями къ командирамъ отдѣльных частей или штабнымъ офицерамъ. Посредствомъ этихъ людей партизанъ будетъ получать вѣрныя свѣдѣнія, соотвѣтственно которымъ и будутъ направляться его дѣйствія».

Но для нѣмецкаго профессора шпионства и этого мало. Онъ рекомендуетъ, такъ сказать, двухъэтажную систему шпионства; за извѣстными другъ другу шпионами должны слѣдить другіе, которые неизвѣстны ни имъ, ни другъ другу.

Выписки подобнаго содержания можно было бы продолжить на цѣлый печатный листъ, но и этого довольно: самый скептическій читатель убѣдится, что нѣмецкая психологія нисколько не измѣнилась на протяженіи полутора вѣка, несмотря ни на какую нѣмецкую Kultur.

Не измѣнился и ихъ способъ веденія войны. Вотъ что писалъ Вальтеръ-Скоттъ вскорѣ послѣ вступленія нѣмцевъ въ предѣлы Франціи, разбитой при Ватерлоо: «Разграбленіе и развалины, которыя всюду оставляютъ за собой нѣмецкія войска, дѣлаютъ несноснымъ присутствіе этихъ войскъ на французской территоріи. Почти всѣ замки, гдѣ квартировали эти войска, разграблены и разрушены самымъ позорнымъ образомъ. Въ великолѣпномъ замкѣ Монморанси пышные залы, богато украшенныя рѣзьбой и позолотой, превращены въ казармы для гусарь—самыхъ грязныхъ и дикихъ, какихъ только мнѣ приходилось видѣть. Когда я вошелъ туда, я засталъ какую-то нѣмецкую мегеру, которая варила что-то въ котелкѣ на кострѣ изъ обломковъ великолѣпной старинной рамы. Сама картина, которая была вставлена въ эту раму, вѣроятно, уже отправлена въ какой-нибудь нѣмецкій музей».

Такъ говоритъ англичанинъ, тогдашній союзникъ пруссаковъ въ борьбѣ противъ Наполеона.

А вотъ свидѣтельство француза, также современника войнъ Наполеона:

«Врагъ,—пишетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» графъ Бенъо,—оставляетъ за собой повсюду слѣды варварства, небывалаго еще въ современныхъ войнахъ. Въ особенности въ этомъ повинны прусскія войска. Я слѣдовалъ за побѣдоносной императорской арміей послѣ сраженія подъ Іеной, и хотя императоръ и вызывалъ большое волненіе своими бюллетенями, въ которыхъ отражалось его личное раздраженіе противъ прусскаго королевскаго дома, однако наши солдаты никогда не злоупотребляли правомъ сильнаго противъ беззащитнаго населенія. Побѣда не дѣлаетъ француза дикимъ и свирѣпымъ: наоборотъ, она развиваетъ въ немъ склонность къ кротости и веселому настроенію».

Если сопоставить это свидѣтельство съ разсказами о чисто рыцарскихъ отношеніяхъ русскихъ и французскихъ войскъ подъ Севастополемъ, то надо будетъ признать, что психическіе типы нѣмца и француза не измѣнились за послѣдніе полтора вѣка и «бошь» такъ и остался бошемъ со всей неприглядностью своего нравственнаго облика, временно затушеванной было пресловутой «Kultur».

— Политическая жизнь Китайской республики.—За послѣднее время въ Китаѣ какъ будто опять назрѣваютъ событія, за которыми европейцамъ придется слѣдить самымъ внимательнымъ образомъ и которыя, по географическому положенію Китая, разумѣется, прежде всего коснутся насъ. А между тѣмъ, много ли мы знаемъ о томъ, что дѣлалось за послѣднее время въ Небесной имперіи, превратившейся четыре года тому назадъ въ Срединную республику? Кто представляетъ себѣ болѣе или менѣе отчетливо политическую эволюцію Китая нашего времени? Мы довольствуемся объ этомъ самыми смутными представленіями.

Вотъ почему статья о Китаѣ, помѣщенная въ журналъ «Le Correspondant», заслуживаетъ полнаго вниманія съ нашей стороны. Статья написана знато-

комъ Китая Раулемъ де-Вовромъ, служившимъ одно время во французскихъ владѣніяхъ въ Тонкинѣ, лично наблюдавшимъ всѣ перипетіи китайской революціи и водившимъ знакомство со многими лицами, о которыхъ онъ говорить.

Революціонное движеніе, вспыхнувшее въ Китаѣ, является въ изображеніи европейцевъ обыкновенно сильно преувеличеннымъ. Начато оно было небольшими шайками революціонеровъ, ютившихся въ лѣсистыхъ, трудно доступныхъ мѣстностяхъ на границѣ Китая и Тонкина и скрывавшихся среди мѣстнаго населенія подъ видомъ кули и ремесленниковъ. Вооруженные револьверами Маузера, они время отъ времени дѣлали нападенія на разные китайскіе города. Нѣкоторые изъ нихъ иногда брали, несмотря на защищавшіе ихъ укрѣпленія и гарнизонъ, но дѣлалось это исключительно путемъ подкупа, а никакъ не вооруженной силой. Достаточно было какому-нибудь энергичному мандарину собрать отрядъ сотни въ двѣ-три, и наемники кантонскаго революціоннаго комитета бросали все и убѣгали на тонкинскую территорію, находящуюся подъ французскимъ протекторатомъ. Если въ концѣ концовъ революціонерамъ и удалось свергнуть богдыхана, то только потому, что Манчжурская династія потеряла въ странѣ всякую популярность, выродилась въ рядъ безвольныхъ, пассивныхъ богдыхановъ, которые сами не могли удержать за собою свой колеблющійся, подгнившій тронъ. Народное броженіе наиболее энергичной части населенія и пассивное равнодушіе другой кончилось тѣмъ, что императоръ Си-Хуангъ-Тонгъ, давъ странѣ конституцію, отрекся отъ престола 31 января 1912 г., и на мѣстѣ Китайской монархіи явилась Китайская республика, съ временнымъ, назначеннымъ дворомъ президентомъ во главѣ. Отодвигая свое начало нѣсколько назадъ, новая республика считаетъ днемъ своего появленія 1 января 1912 г. и съ этого времени ведетъ новое григоріанское лѣтосчисленіе. Препжній годъ, заимствованный у японцевъ и отстающій отъ нашего на мѣсяць, оставленъ только въ религіозной области.

Въ самомъ началѣ существованія новой республики въ разныхъ областяхъ Китая были выбраны три президента: въ Вау-Чангѣ выбрали стараго вождя революціонеровъ Ли-Янгъ-Хонга, Нанкинъ провозгласилъ президентомъ Сунъ-Ятъ-Сена, а придворные круги назначили президентомъ Юанъ-Ши-Кая.

Юанъ-Ши-Кай, пользовавшійся популярностью въ арміи и, что самое главное, державшій въ своихъ рукахъ ключъ отъ государственнаго казначейства, вызвалъ обоихъ провинціальныхъ президентовъ къ себѣ въ Пекинъ и очень ловко вошелъ съ ними въ соглашеніе. Первымъ отказался въ его пользу Ли-Янгъ-Хонгъ, согласившійся стать лишь вице-президентомъ. Его примѣру послѣдовалъ и второй претендентъ на президентскій постъ, сначала было вызвавшій на югъ беспорядки, направленные противъ Юанъ-Ши-Кая. Но старый царедворецъ сумѣлъ обойти и его. Пріѣхавъ въ Пекинъ, Сунъ-Ятъ-Сенъ былъ принятъ съ необыкновенными почестями и уѣхалъ отсюда главнымъ директоромъ китайскихъ желѣзныхъ дорогъ. Онъ, впрочемъ, вскорѣ утратилъ всякую популярность, благодаря своему фантастическому проекту покрыть весь Китай сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Удачнѣе дѣйствовалъ вполсѣдствіи Ли-Янгъ-Хонгъ, заботившійся о насажденіи въ странѣ образованія и энергично преслѣдовавшій

взяточничество, въѣвшееся въ китайское чиновничество. Реформисты, однако, обвиняли его въ реакціонныхъ тенденціяхъ.

Временнымъ президентомъ остался одинъ Юань-Ши-Кай.

Вслѣдъ за вопросомъ о президентѣ возникъ вопросъ о томъ, гдѣ будетъ столица новой республики. Желая избѣгнуть императорскихъ традицій, связанныхъ съ Пекиномъ, многіе настаивали на перенесеніи столицы на югъ, въ Нанкинъ, но съверъ одолѣлъ, и столица осталась въ Пекинѣ.

19 марта 1912 г. временный президентъ составилъ новое республиканское министерство изъ 11 членовъ. Пять министровъ представляли сѣверныя провинціи, пять южныя, одиннадцатымъ былъ предсѣдатель совѣта министровъ Тангъ-Чоу-И, самый энергичный и подвижной человекъ во всемъ Китаѣ.

Это министерство выработало новую конституцію взамѣнъ той, которая была дана дворомъ. Были учреждены сенатъ и палата народныхъ представителей. Въ ожиданіи того времени, когда они будутъ избраны, была учреждена временная палата изъ 131 члена, взятыхъ изъ прежняго, учрежденнаго еще въ 1910 г. сената.

На Юань-Ши-Кая выпала трудная задача: успокоить взбаламученную революціей страну и пополнить опустѣвшее государственное казначейство. Съ этой цѣлью онъ рѣшилъ прежде всего заключить внѣшній заемъ. Образовался консорціумъ банковъ Англій, Франціи, Германіи, Россіи и Бельгіи. Соединенные Штаты, сначала было вошедшіе въ консорціумъ, вскорѣ предоставили реализацію всего займа одной Европѣ. Послѣ долгихъ переговоровъ Китай получилъ 630 мил. франковъ подъ обезпеченіе пошлиной на соль.

Несмотря на удачный заемъ, внутреннее положеніе страны было очень трудное. Народное собраніе вмѣсто организаторской дѣятельности только создавало президенту всякія затрудненія. Беспорядокъ въ странѣ дошелъ до того, что даже китайскія женщины, столько вѣковъ бывшія въ полномъ рабствѣ, тоже приняли участіе въ волненіяхъ и заявили о своемъ правѣ на обсужденіе государственныхъ дѣлъ. Дѣло приняло такой оборотъ, что Юань-Ши-Кай долженъ былъ съ бригадою войскъ выступить лично противъ мятежниковъ, шедшихъ съ юга на Пекинъ. Вездѣ происходили грабежи, и нельзя было ручаться за безопасность кого бы то ни было.

Республиканское министерство оказалось далеко не на высотѣ своей задачи, и въ засѣданіи рѣдко бывало больше пяти министровъ. Вся тяжесть управленія легла исключительно на одного Юань-Ши-Кая.

Выборы въ палату и сенатъ начались въ декабрѣ 1912 г. и закончились въ февралѣ слѣдующаго года. Избирательное право, конечно, не было въ Китаѣ всеобщимъ, а съ нѣкоторыми ограниченіями: избирателями могли быть только лица, платившія 2 піастра въ годъ налога или имѣвшія собственность въ 500 піастровъ. Требовалось, кромѣ того, отъ кандидатовъ первоначальное образованіе. Выборы были двухстепенные: сначала каждая провинція избирала курію избирателей, а они уже выбирали изъ своей среды членовъ сената и палаты. Каждая провинція выбирала по 10 сенаторовъ и по 1 депутату на 800 тысячъ жителей. Такимъ образомъ, сенатъ насчитывалъ около трехсотъ членовъ

а палата народных представителей 623. Нечего и говорить, что выборы прошли при множествѣ всякихъ злоупотребленій и подкуповъ.

Обѣ палаты открылись 8 апрѣля 1913 г. Президентъ сказалъ горячую рѣчь, не надолго, впрочемъ, подогрѣвшую усердіе депутатовъ. Не привыкнувъ къ государственнымъ дѣламъ, не имѣя, наконецъ, навыковъ въ парламентской жизни, обѣ палаты относились къ дѣлу съ точки зрѣнія или своихъ личныхъ, или въ лучшемъ случаѣ чисто мѣстныхъ интересовъ. Мало-по-малу китайскій парламентъ сталъ проявлять такой абсентеизмъ, что пристава должны были сгонять депутатовъ на засѣданія чуть не силой.

Между тѣмъ на югѣ, въ безпокойныхъ мѣстахъ около Кантона, вспыхнуло новое возстаніе, за кулисами котораго сталъ старый революціонеръ и соперникъ Юань-Ши-Кая Сунь-Ять-Сень. Президенту удалось съ трудомъ подавить мятежь. Сунь-Ять-Сень долженъ былъ отказаться отъ должности главнаго директора желѣзныхъ дорогъ въ Китаѣ и бѣжать въ Японію, гдѣ организовалъ новое революціонное общество, дѣйствовавшее противъ Юань-Ши-Кая. Около сотни сенаторовъ и болѣе 300 депутатовъ оказались замѣшанными въ это революціонное движеніе, и Юань-Ши-Кай безъ всякихъ церемоній изгналъ ихъ изъ парламента. На ихъ мѣсто были выбраны новыя лица, но и эти были отправлены президентомъ обратно.

Въ ноябрѣ Юань-Ши-Кай задумалъ новый пересмотръ конституціи и назначилъ для этого соединенное засѣданіе сената и палаты депутатовъ. Однако изъ 500 членовъ обѣихъ палатъ едва можно было собрать челоуѣкъ 90. Пересмотръ конституціи такъ и не состоялся, и Юань-Ши-Кай распустилъ палату народныхъ представителей, а затѣмъ созвалъ особый національный совѣтъ изъ 71 члена, въ который были выбраны лица по указанію президента и провинціальныхъ чиновниковъ.

Этотъ національный совѣтъ и выработалъ новую конституцію. Самъ онъ потомъ превратился въ административную коллегію, члены которой стали считаться высшими сановниками государства. Министры были упразднены и замѣнены начальниками отдѣльныхъ департаментовъ. Въ іюнѣ 1914 г. сенатъ въ послѣдній разъ собрался на засѣданіе. Предсѣдатель его Ли-Янгъ-Хонгъ констатировалъ полный неуспѣхъ въ Китаѣ введеннаго было парламентскаго строя и распустилъ собраніе. Послѣднимъ актомъ этого сената было назначеніе Юань-Ши-Кая пожизненнымъ президентомъ Китайской республики.

Переворотъ, совершенный президентомъ, вызвалъ сильныя на него нареканія, главнымъ образомъ со стороны европейцевъ, плохо понимавшихъ условія китайской жизни. Китай никогда не былъ революціонной страной, и государственнымъ дѣлами интересовались лишь мандарины да чиновники. Народъ же представлялъ собою лишь косную массу обывателей. Если революція и удалась, то исключительно потому, что народъ ненавидѣлъ Манчжурскую династію, а никакъ не вслѣдствіе стремленія массы къ республиканскому строю.

Юань-Ши-Кай, прекрасно понимавшій народное настроеніе, предложилъ было въ самомъ началѣ своего президентства произвести плебисцитъ по вопросу о формѣ правленія, но партія реформистовъ воспротивилась этой затѣѣ всѣми силами. Впослѣдствіи, забравъ въ свои руки власть и задумавъ возстановить

монархію, Юань-Ши-Кай въ сущности отвѣтилъ этимъ на желаніе всей страны и спасъ Китай отъ анархіи и распада.

Съ середины іюля 1914 г. Юань-Ши-Кай открыто приготовился стать императоромъ. Отрекшійся отъ престола императоръ Си-Хуангъ-Тонгъ, проживавшій въ одномъ ихъ пекинскихъ дворцовъ, потерялъ всякое политическое значеніе, но сохранилъ за собой религіозное значеніе, какъ верховный жрецъ, и продолжалъ носить титулъ «Сына Неба». Назначивъ сверженному императору хорошую репуту и пообѣщавъ выдать за него замужъ одну изъ своихъ дочерей, Юань-Ши-Кай безъ труда уговорилъ Си-Хуангъ-Тонга отречься въ его пользу отъ своихъ религіозныхъ прерогативъ.

Загѣмъ была произведена анкета около двухъ тысячъ городовъ, которые все высказались за передачу короны Юань-Ши-Каю. Дѣло, разумѣется, не обошлось безъ происковъ и подкуповъ. Наслѣдникомъ престола предполагалось объявить сына Юань-Ши-Кая Юань-Ко-Тинга, человека интеллигентнаго, своими дипломатическими способностями превосходившаго, говорятъ, даже отца.

Люди, знающіе закулисную сторону дѣла, утверждаютъ, что совѣтъ объявить себя императоромъ Юань-Ши-Кай получилъ отъ Германіи, которая съ 1898 г. стала поемногу подбирать Китай къ своимъ рукамъ. Прежде всего нѣмцы насильственно огняли у Китая область Тзинь-Тзао въ 552 кв. километра, съ населеніемъ въ 170 тысячъ человекъ. Тамъ они быстро оборудовали Кіао-Чао и задумали сдѣлать изъ него портъ для Пекина, а впослѣдствіи соединить этотъ городъ желѣзной дорогой съ китайской столицей и далѣе черезъ Кяхту съ Сибирской магистралію, войдя такимъ образомъ въ прямое сообщеніе съ Москвою. Но это гигантское предпріятіе такъ и осталось въ области проектовъ. А пока что нѣмцы—инженеры, военные, пасторы, коммерсанты—дружно повели свою пропаганду среди китайцевъ и наводнили даже самые глухія китайскія деревеньки дешевенькими портретами своего кайзера, который въ концѣ концовъ сталъ представляться китайцамъ какимъ-то верховнымъ повелителемъ всехъ европейскихъ монарховъ.

Когда японцы въ 1914 г. взяли Тзинь-Тзао, Вильгельмъ отправилъ въ Китай въ качествѣ агитатора нѣкогого Гинтца, долго жившаго въ этой странѣ и имѣющаго тамъ большія связи. Гинтцъ добрался до Китая въ трюмѣ какого-то нейтральнаго парохода и немедленно началъ дѣйствовать.

По совѣту этого агитатора Юань-Ши-Кай, несомнѣнно, питавшій вмѣстѣ съ окружавшими его сановниками самыя германофильскія чувства, потребовалъ очищенія зоны, въ которой находились японскія войска, а также немедленнаго возвращенія Тзинь-Тзао Китаю. Японія, прекрасно понимая, что послѣ войны нѣмцы опять хлынутъ въ Китай и могутъ получить эту область вторично, отказала, и дѣло едва не дошло до войны.

Послѣ отступленія русскихъ войскъ отъ Варшавы нѣмцы снова сдѣлали попытку втянуть Китай въ войну, распуская слухъ, что Россія чуть не на колѣняхъ проситъ мира у Вильгельма, но онъ ей въ этомъ отказываетъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣмцы всячески старались создать осложненія между китайцами и французами и на границѣ Тонкина. Тамъ появились цѣлыя шайки вооруженныхъ грабителей, противъ которыхъ французы вынуждены были вы-

слать цѣлый отрядъ въ двѣ тысячи человекъ подъ командой полковника Фрекинсона. Пираты были разбиты и присмирѣли.

Очень скоро раскрылось, откуда шло къ пиратамъ оружiе и снаряженiе. Въ Шанхаѣ полиція напала на цѣлый нѣмецкiй заговоръ, имѣвшiй цѣлью нападенiе на Индiю и Кюхинхину. Оказалось, что германцы зафрахтовали три парохода, которые подъ японскимъ флагомъ должны были доставить заговорщикамъ все необходимое. На одномъ пароходѣ нашли восемь тысячъ ружей Маузера и четыре милліона патроновъ. На другомъ было погружено пятнадцать тысячъ ружей и семь милліоновъ патроновъ. Къ счастью, пароходы эти попали въ руки не дремавшихъ союзниковъ.

Нѣмцы поняли, что въ настоящее время нѣтъ возможности бросить Китай на японцевъ и ихъ европейскихъ союзниковъ и со свойственной имъ настойчивостью принялись готовить эту страну для будущей мести за побѣжденную Германiю. Пользуясь огромнымъ влiянiемъ на одного изъ ближайшихъ помощниковъ Юань-Ши-Кая, бывшаго посла въ Берлинѣ Ю-Тчанга, рьянаго германофила, нѣмцы предложили китайскому правительству ввести немедленно всеобщую воинскую повинность, пока въ трехъ наиболѣе густо населенныхъ провинцiяхъ, по предположенiямъ этимъ не дали осуществиться союзники. Такъ какъ для Германiи было необходимо, чтобы китайское правительство было устойчиво, то нѣмцы стали настойчиво совѣтовать Юань-Ши-Кая окончательно захватить власть въ свои руки и объявить себя императоромъ. Что нѣмцы не теряютъ надежды прибрать Китай къ рукамъ, объ этомъ свидѣтельствуется тотъ фактъ, что плѣнные нѣмецкiе офицеры во Францiи усердно занимаются изученiемъ языка мандариновъ.

Старый германофилъ пошелъ на эту удочку, и было уже заранѣе объявлено, что 1 января 1916 г. онъ вступаетъ на тронъ подъ именемъ Хонгъ-Хиенга. Въ ожиданiи этого Юань-Ши-Кай старался создать вокругъ себя новую китайскую аристократiю, которая должна была придать блескъ его царствованiю. Въмѣсто прежняго китайскаго флага новая династiя ввела особый желтый штандартъ съ голубой звѣздой по срединѣ.

Въ оправданiе своихъ дѣйствiй этотъ китайскiй подражатель Луи-Наполеона также ссылаясь на волю народа: «Я былъ бы предателемъ,—объявилъ онъ въ своемъ манифестѣ:—если бы я навязалъ народу республиканскiй режимъ. Такъ какъ китайскiй народъ требуетъ возстановленiя монархiи, то было бы преступленiемъ сохранять ему республику».

Въ виду такого оборота дѣла, явно руководимаго германцами, противъ Юань-Ши-Кая и его германофильскаго правительства были найдены весьма дѣйствительныя средства. Старый соперникъ честолюбиваго президента Сунъ-Ять-Сенъ, проживавшiй въ Токіо, снова выступилъ на сцену и сталъ изъ Японiи руководить дѣйствiями своихъ приверженцевъ. По его знаку, революціонеры бросились на Шанхай, Гонгконгъ и нѣкоторые другіе города. Правой рукой стараго революціонера былъ нѣкiй Тзанъ-Ао, бывшiй военный губернаторъ пограничной съ Тонкиномъ области Юннанъ. Ловкiй и отчаянный, Тзанъ-Ао принадлежалъ къ тому типу политическихъ апашей, какимъ въ Турцiи явился пресловутый Энверъ-паша. Не долго думая, онъ перебрался изъ Японiи въ

Юннань, организовалъ возстаніе противъ Юань-Ши-Кая и отпривилъ ему ультиматумъ, въ которомъ требовалъ, чтобы онъ отказался отъ мысли возстановить имперію. Хотя его армія состояла не болѣе, какъ изъ 20 тысячъ человекъ, однако Тзань-Ао одержалъ верхъ въ стычкахъ съ регулярными китайскими войсками и двинулся прямо на Пекинъ. Но тутъ военное счастье ему измѣнилось, онъ былъ разбитъ отрядомъ маршала Лонгъ-Чи-Кванга, и войска его разсыпались.

Однако революціонеры не оставили своего противодѣйствія честолюбивымъ планамъ Юань-Ши-Кая. Они составили и передали прессѣ манифестъ отъ имени двухсотъ милліоновъ китайцевъ, будто бы протестовавшихъ противъ возстановленія имперіи, и стали дѣйствовать терроромъ. Въ одинъ прекрасный день въ самомъ дворцѣ президента была найдена бомба. Не чувствуя себя въ безопасности, Юань-Ши-Кай сталъ отступать и объявилъ, что возстановленіе монархіи откладывается на неопредѣленное время. Въ Китаѣ уважаютъ только силу, и колебанія президента заставили отшатнуться отъ него прежде всего его ближайшихъ клеветовъ, имѣвшихъ честолюбивые виды на будущее.

Вскорѣ репутація Юань-Ши-Кая сильно покачнулася и въ народной массѣ. По случаю коронованія новаго микадо президентъ отпривилъ въ Японію съ поздравленіемъ специальное посольство во главѣ съ министромъ земледѣлія Чоу-Ше-Тзи. Враждебная Юань-Ши-Кая пресса не преминула воспользоваться этимъ случаемъ, и въ народѣ пошли слухи, что президентъ съ цѣлью склонить на свою сторону Японію и подавить направлявшееся оттуда революціонное движеніе, предлагаетъ японцамъ обширныя уступки китайской территоріи. Начались волненія, и о возстановленіи монархіи нечего было и думать, а тутъ смерть оказалась за плечами, и Юань-Ши-Кая не стало.

Но не прекратились и теперь интриги нѣмцевъ, которымъ онъ такъ покровительствовалъ. Нѣтъ сомнѣнія, что по окончаніи великой войны Германіи нельзя будетъ содержать прежній кадръ офицеровъ, и она отпривитъ своихъ ландскнехтовъ, которые и займутся военной реорганизаціей Китая. На него именно нѣмцы возложатъ задачу отомстить европейцамъ за пораженіе Германіи, и за нимъ именно надлежитъ теперь смотрѣть со всею пристальностью и вниманіемъ.

— Нѣмцы о войнѣ на истощеніе.— Не безъ основанія считая Англію самымъ страшнымъ изъ своихъ многочисленныхъ враговъ, нѣмцы на разные голоса обвиняютъ англичанъ въ звѣрской безпощадности, въ замариваніи голодомъ не только нѣмцевъ-мужчинъ, но и ихъ женщинъ и дѣтей. Нѣмецкіе публицисты не жалѣютъ чернилъ, доказывая, что Англія не имѣла никакого права закрывать «свободу морей» и устанавливать полную блокаду Германіи.

Не говоря уже о томъ, что нѣмцамъ совершенно не къ лицу разсуждать о какомъ-то «правѣ» послѣ всего, что они надѣлали въ занятыхъ ими областяхъ, германцы сами были не прочь примѣнить въ эту войну замариваніе голодомъ, для чего и выработали систему подводной войны противъ Англіи. На этотъ разъ замариваніе противника голодомъ имъ не удалось, зато при взятіи Парижа въ 1870 году это средство, примѣненное Бисмаркомъ противъ французовъ, принесло желательные плоды. Въ августовской книжкѣ «The Fortnightly Review» нахо-

димъ интересную статью Арчибалда Герда о томъ, что приходилось испытывать французамъ во время четырехмѣсячной осады Парижа нѣмцами. Статья Герда написана по рассказамъ бывшаго американскаго посланника при дворѣ Наполеона III Уошберна, который не пожелалъ покинуть Парижъ и вмѣстѣ съ его обитателями пережилъ всѣ ужасы осады.

Ворота Парижа, въ которомъ въ это время собралось болѣе двухъ милліоновъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, затворились въ воскресенье 18 сентября. Всякое сообщеніе съ міромъ сразу прекратилось: не было ни писемъ, ни газетъ, ни новостей. Бисмаркъ, комфортабельно устроившись въ это время въ Версалѣ, не позволялъ даже посламъ нейтральныхъ державъ отправлять какіе бы то ни было пакеты въ Парижъ: всѣ ихъ нужно было вскрывать и отдавать на прочтеніе нѣмцамъ. Несмотря на протесты, это правило было смягчено только для американскаго посла, да и то потому, что онъ принялъ на себя защиту многочисленныхъ нѣмцевъ, застрявшихъ во французской столицѣ.

Обложивъ Парижъ, нѣмцы разсчитывали взять его исключительно голодомъ, и германская артиллерія долго хранила молчаніе, къ великому неудовольствію Бисмарка, которому хотѣлось стереть городъ съ лица земли. Наконецъ ему удалось добиться приказа о бомбардировкѣ, и нѣмцы методически принялись разрушать парижскія церкви, госпитали, частные дома.

Бисмаркъ въ это время по цѣлымъ днямъ лежалъ въ постели, желая «равномѣрно сохранять теплоту». Никакія представленія о голодающемъ въ Парижѣ населеніи его не трогали, вырывая лишь замѣчаніе, что «и населеніе должно терпѣть отъ войны, чтобы скорѣе пріобрѣсти расположеніе къ миру».

Въ ожиданіи предстоящей сдачи Парижа было сдѣлано къ-то предложеніе о необходимости заранѣе подвезти изъ Германіи нѣсколько вагоновъ съ продовольствіемъ для изголодавшагося населенія французской столицы послѣ ея капитуляціи. Но Бисмаркъ горячо возсталъ противъ этого предложенія, увѣряя, что французы, узнавъ о близости провіанта, нарочно употребятъ всѣ усилія, чтобы съѣсть въ городѣ все до послѣдняго зерна, и тѣмъ задержать сдачу Парижа. Онъ грозилъ выйти въ отставку, если его не послушаютъ, и предложеніе о подвозѣ провіанта было отклонено.

Пока Бисмаркъ задавалъ въ Версалѣ сытныя обѣды, бѣдствія Парижа все увеличивались. Мясо давно уже все вышло, мука была на исходѣ. Выдавали на человѣка всего 75 граммовъ пшеницы, 15 граммовъ рису или гороху, 20 граммовъ овса, 30 граммовъ рубленной соломы и 30 граммовъ отрубей. Были убиты и съѣдены даже животныя изъ зоологическаго сада. Ъли собакъ, кошекъ, мышей, крысъ. Кошка или небольшая собака продавались по двадцати франковъ, крыса стоила отъ трехъ до четырехъ франковъ. Фунтъ медвѣжьяго мяса нельзя было достать дешевле двадцати франковъ, фунтъ волчьего мяса дошелъ до восьми франковъ. Зелени невозможно было купить ни за какія деньги, а масло дошло до шестидесяти франковъ за фунтъ.

Неудивительно, что при такихъ условіяхъ смертность была огромная, особенно среди стариковъ и дѣтей. Молоко продавалось по два франка за литръ, но оно на три четверти разбавлялось водой.

Къ этому скоро присоединились еще страданія отъ холода: зима 1870 года

была довольно суровая. Запасы угля изсякли очень скоро, дровъ не было, и население бросало въ каминныя первыя попавшіяся вещи, чтобы хоть немного обогрѣться.

Наступило Рождество. «Никогда не было болѣе печальнаго праздника въ этомъ городѣ,—замѣчаетъ Уошбернъ.—Холодъ, голодъ, отчаяніе и страданіе свили себѣ прочное гнѣздо въ Парижѣ».

Напрасно для облегченія борьбы съ холодомъ срубили великолѣпныя деревья, украшавшія парижскія улицы. Ихъ хватило не надолго. Для питанія оставалась одна только конина, да и ту выдавали маленькими порціями: клячи омнибусовъ, рысаки, рабочія лошади—все шло къ мяснику. О говядинѣ, баранинѣ—никто ужъ и не помнилъ. Оставалось еще немного птицы, но она стоила огромныхъ денегъ.

Черезъ двѣ недѣли положеніе стало еще хуже. «На каждого взрослога человѣка,—пишетъ Уошбернъ,—правительство выдавало $\frac{3}{8}$ фунта въ день, а дѣтямъ половину. Хлѣбъ былъ ужаснаго качества—черный, тяжелый, какое-то тѣсто изъ муки, овса, гороха и рису. Мой поваръ далъ мнѣ въ руки кусокъ такого хлѣба, я думалъ, что это свинець».

Такое было положеніе Парижа. Несмотря на протестъ нейтральныхъ дипломатовъ противъ внезапнаго открытія бомбардировки, пруссаки продолжали непрерывно громить несчастный городъ. Просили выпустить изъ Парижа крестьянъ, случайно оставшихся въ столицѣ,—Бисмаркъ отказалъ наотрѣзъ: было прямо заявлено, что тѣмъ больше страданій, тѣмъ полнѣе будетъ побѣда.

Такъ поступали съ своими врагами нѣмцы, которые теперь смѣютъ обвинять въ негуманности англичанъ, поставившихъ ихъ въ такое же положеніе.

Но, можетъ быть, нѣмцы съ того времени перемѣнили свои воззрѣнія на систему замариванія противника голодомъ, перемѣнили хотя бы только въ теоріи?

Въ отвѣтъ на такой вопросъ Гердъ указываетъ, что въ самомъ началѣ войны германскій генеральный штабъ издалъ обязательное для нѣмецкихъ войскъ руководство о веденіи войны на сушѣ. Вотъ что, между прочимъ, говорится въ этой книгѣ:

«Такъ какъ направленіе мысли за послѣднее столѣтіе создавалось главнымъ образомъ соображеніями гуманнаго характера, которыя нерѣдко вырождались въ сентиментальность, то не было недостатка въ стремленіи установить такіе обычаи войны, которые находятся въ противорѣчій съ самой природой войны и ея цѣлями. Такія же попытки будутъ, безъ сомнѣнія, дѣлаться и впредь, тѣмъ болѣе, что поднятая уже агитація нашла себѣ нѣкоторое моральное признаніе въ постановленіяхъ женеvской конвенціи и гаагскихъ конференціяхъ». Смыслъ этого мѣста совершенно ясенъ: никакія ограниченія, принятія во имя гуманности, сожалѣнія къ чужому страданію во время войны не дѣйствительны, ибо мѣшаютъ достиженію поставленныхъ цѣлей. И наоборотъ, допустимо рѣшительно всякое звѣрство, какъ согласное съ природой войны, разъ это звѣрство помогаетъ достиженію намѣченныхъ цѣлей. Проповѣдуя такое полное отреченіе отъ гуманности и возвращеніе ко временамъ гунновъ и монголовъ, нѣмцы забыли только одно: что прогрессъ въ томъ-то и состоитъ, чтобы ограничивать,

по возможности, всякое зло и заставить его проявляться не въ звѣрствѣ, а въ болѣе близкихъ къ человѣку формахъ.

Далѣе Гердъ дѣлаетъ выписку, касающуюся уже дѣятельности флота противъ непріятели. Выписка взята изъ появившейся въ 1913 г. книги нѣкоего Шрамма, который со свойственной нѣмцамъ любовью къ пышнымъ титуламъ величаетъ себя на обложкѣ: «Тайный совѣтникъ по адмиралтейству и первый совѣтникъ императорскаго морскаго департамента». И вотъ этотъ-то, очевидно, вполне компетентный въ затронутомъ вопросѣ совѣтникъ пишетъ слѣдующее:

«Въ морской, какъ и въ сухопутной войнѣ, прямыя и косвенныя приемы должны примѣняться параллельно. Косвенныя приемы въ морской войнѣ должны быть направлены противъ экономическихъ основъ враждебнаго государства. Ихъ цѣль—заставить страдать отъ послѣдствій войны все населеніе и такимъ образомъ сломить силу сопротивленія враждебнаго государства и тѣмъ самымъ ускорить миръ».

Англичане прекрасно воспользовались этимъ поученіемъ германскаго совѣтника и дѣйствуютъ именно такъ, какъ онъ считаетъ умнымъ и справедливымъ. Чего же обижаются нѣмцы? Жаль, что у нихъ нѣтъ русской поговорки: «Что поѣешь, то и пожнешь».

— Чеховъ въ оцѣнкѣ американскаго критика.—Съ самаго начала войны извѣстный американскій профессоръ Мюнстербергъ, о которомъ намъ уже приходилось упоминать на страницахъ «Историческаго Вѣстника», повелъ правильную кампанію противъ Россіи, доказывая, что наша страна «культурна еще въ Азіи». Однако, наученные дѣйствительностью, американцы не особенно склонны принимать безъ критики утвержденіе нѣмецкаго профессора и время отъ времени сами дѣлаютъ попытки разобраться въ русской жизни и выяснитъ себѣ вопросъ, дѣйствительно ли русская жизнь «культурна еще въ Азіи» и дѣйствительно ли восточный элементъ, если онъ въ ней есть, такъ ужасенъ, какъ это стараются представить германо-американцы.

Одну изъ такихъ попытокъ дѣлаетъ критикъ наиболѣе серьезнаго и вліятельнаго журнала «The North American Review» въ статьѣ, посвященной разбору драматическихъ сочиненій Чехова.

Критика прежде всего поражаетъ простота самой фабулы этихъ произведеній въ сравненіи, на примѣръ, съ такими громоздкими драмами, какъ пьесы Ибсена. Техника дѣла у Чехова совершенно другая, чѣмъ у большинства англійскихъ и американскихъ писателей. Тутъ нѣтъ ни завязки, ни главной интриги, ни побочной интриги, благодаря чему у англійскихъ и американскихъ авторовъ большинство дѣйствующихъ лицъ почти не сходятъ со сцены. У Чехова почти нѣтъ дѣйствія, и его «Вишневый Садъ» былъ бы совершенно непонятенъ американцамъ, для которыхъ та пьеса хороша, которую можно показать безъ словъ на кинематографической лентѣ. Сцена продажи съ молотка Вишневаго Сада, которая у Чехова проходитъ за кулисами, у американскаго драматурга составила бы центръ всей пьесы и вышла бы людной и шумной.

Второе, что поражаетъ въ пьесахъ Чехова американскаго критика, это отсутствіе въ дѣйствующихъ лицахъ силы сопротивленія обстоятельствамъ,

та пассивная покорность судьбѣ, съ какой бывшіе владѣльцы Вишневаго Сада отдають другому свое родовое гнѣздо, не дѣлая никакихъ попытокъ предотвратить надвигающуюся бѣду. Совершенно не по-американски построены у Чехова и отношенія, въ которыя становятся Раневскіе и Лопахинь. Лопахинь—пріобрѣтатель, дѣлецъ, и съ американской точки зрѣнія онъ долженъ былъ бы стараться лишь объ одномъ—какъ бы поскорѣе сдѣлать выгодное дѣло и завладѣть Вишневымъ Садамъ. А между тѣмъ у Чехова Лопахинь входитъ въ интересы прежнихъ владѣльцевъ, даетъ имъ совѣты, какъ выйти изъ ихъ тяжелаго положенія, и не его вина, если Раневскіе не слѣдуютъ его совѣту, а предпочитаютъ покорно ждать, пока развязка не наступитъ сама собой.

Далѣе особенность чеховскихъ пьесъ, по сравненію съ пьесами американскими, заключается въ самомъ построеніи діалога.

Американскій авторъ заставилъ бы своихъ дѣйствующихъ лицъ говорить лишь то, что безусловно необходимо для развитія дѣйствія. Онъ сталъ бы наблюдать величайшую экономію въ словахъ и выбралъ бы самыя нужныя, самыя яркія для характеристики героевъ пьесы. У Чехова, наоборотъ, дѣйствующія лица ведутъ расплывчатые разговоры, нерѣдко совершенно не относящіяся къ дѣлу, отвлекаются въ сторону, часто отвѣчаютъ словно безъ участія сознанія, чисто рефлекторно, или, наоборотъ, постоянно возвращаются къ мыслямъ, которыя стали для нихъ своего рода *idées fixes*. Такая манера письма затягиваетъ ходъ дѣйствія, лишаетъ пьесу напряженности драматическаго интереса, но зато даетъ впечатлѣніе жизненной правды.

Авторъ вмѣстѣ съ американскимъ ученымъ Макдоуэллемъ видитъ въ этихъ русскихъ пьесахъ какое-то внутреннее сходство съ индійскими драмами Калидасы. «И тутъ и тамъ,—говоритъ профессоръ Макдоуэлль,—утонченность чувствованій въ соединеніи съ извѣстнымъ недостаткомъ дѣйствія дѣлають ихъ неспособными произвести сильное впечатлѣніе на зрителей». Но русскій авторъ и не гонится за этими сильными впечатлѣніями. Наоборотъ, у него такъ называемые театральные эффекты смягчены, и Константинъ въ «Чайкѣ» застрѣливается за кулисами, хотя Чеховъ не боится правды изображенія и заставляетъ своего «Дядю Ваню» совершить самоубійство на вашихъ глазахъ.

«Чехова упрекають въ томъ,—говоритъ статья,—что онъ не могъ отрѣшиться отъ своей манеры полутоновъ. Полутѣнь, которая лишаетъ его пьесы яркости, была заброшена кѣмъ-то большимъ, чѣмъ онъ,—самимъ Духомъ Востока. Мы лично чувствуемъ большую склонность къ этой манерѣ полутоновъ. Для насъ это залогъ будущей великой русской литературы, которая одна во всемъ мірѣ поддерживаетъ равновѣсіе между литературой Востока и Запада».

— Къ характеристикѣ Вильгельма.—Заинтересовавшись лично стью кайзера Вильгельма и отношеніемъ къ нему командующихъ классовъ германскаго общества, одинъ нейтральный дипломатъ цѣлый рядъ лѣтъ собиралъ отзывы о немъ дипломатовъ, интеллигентовъ, «капитановъ промышленности» и вообще людей, имѣвшихъ случаи наблюдать этого роковаго для нѣмцевъ челоуѣка. Результаты этихъ наблюденій вылились у дипломата въ цѣлую характеристику Вильгельма, которую авторъ и напечаталъ въ августовской книжкѣ «*Cornhill Magazine*».

Императоръ Вильгельмъ. по словамъ нашего дипломата, не принадлежитъ къ числу крайнихъ поклонниковъ милитаризма и войны: главою военной партіи въ Германіи является не онъ, а его старшій сынъ, неудачный герой Вердена. Самъ же императоръ стоялъ всегда во главѣ движенія, формула котораго выражается словами: «Deutschland über Alles», т. е. мечталъ объ установленіи міровой нѣмецкой гегемоніи въ торговлѣ, политикѣ и военномъ дѣлѣ. Онъ не отличается возвышенными нравственными понятіями и не брезгаетъ никакими средствами для достиженія своихъ цѣлей. Уже послѣ начала войны авторъ характеристики бесѣдовалъ о кайзерѣ съ однимъ изъ выдающихся американцевъ, передъ которыми такъ заискивали нѣмецкіе правящіе круги, и этотъ американецъ не могъ вспомнить о кайзерѣ безъ негодованія, повторяя: «Онъ обманулъ меня. Онъ все налагалъ мнѣ»

Разница между главаремъ военной партіи и кайзеромъ такая же, какъ между разбойникомъ и воромъ. Оба хотятъ захватить чужое, но одинъ предпочитаетъ сразу пустить въ ходъ силу и захватить то, что ему нужно, другой норовитъ наоборотъ, сначала захватить чужую вещь, а силу пускаетъ въ ходъ лишь въ случаѣ крайней необходимости, когда приходится плохо самому. Такъ, Вильгельму удалось захватить въ Китаѣ Тзинь-Тзао, но Агадирь выскользнулъ у него изъ рукъ, ибо его наскока никто не испугался, и моментъ для войны былъ нѣмцамъ неудобенъ.

Автору статьи много разъ приходилось бесѣдовать о нѣмецкой міровой политикѣ съ заправилами нѣмецкихъ крупныхъ промышленныхъ предприятий. Обладая болѣе широкими понятіями, чѣмъ юнкерскіе круги нѣмецкаго общества, зная хорошо заграничную жизнь и настроенія, они не менѣе императора работали надъ осуществленіемъ идеи мірового владычества Германіи, но рѣшительно расходились въ выборѣ средствъ для преслѣдованія своихъ цѣлей.

— По правдѣ сказать—сознался автору статьи одинъ изъ видныхъ нѣмецкихъ коммерсантовъ послѣ инцидента въ Марокко:—я очень радъ такому исходу дѣла, хотя онъ и унизителенъ для Германіи. Нельзя вѣчно размахивать горящимъ факеломъ надъ пороховымъ погребомъ Европы. Мы уже добились огромныхъ успѣховъ путемъ мирнаго проникновенія. Если мы проиграемъ войну, чего, впрочемъ, не можетъ быть, то Германія навсегда потеряетъ случай торговаго завоеванія міра, того завоеванія, которое она уже совершила за послѣднія двадцать лѣтъ своего существованія и которымъ она будетъ пользоваться, но только до тѣхъ поръ, пока будетъ поддерживаться миръ. Вотъ почему я глубоко скорблю, что у насъ такой... что у насъ нѣтъ болѣе устойчиваго и здраваго правительства,—поправился этотъ «капитанъ промышленности».

Любопытенъ, между прочимъ, разговоръ, который авторъ статьи имѣлъ съ пресловутымъ «другомъ Вильгельма», директоромъ Гамбургско-Американскаго общества Баллиномъ. Разговоръ этотъ происходилъ на верандѣ гостиницы въ Гонгконгѣ, гдѣ случайно встрѣтились оба собесѣдника, уже раньше знакомые между собой.

— Какъ идетъ германская торговля на Востокѣ?—спросилъ дипломатъ, закуривая сигару.

— О, колоссально! Выше всѣхъ моихъ ожиданій! Посмотрите,—продол-

жалъ Баллинъ, развертывая передъ собесѣдникомъ «Ежедневные отчеты» американскаго консула въ Гонгконгѣ.

Цифры, дѣйствительны, показывали огромный ввозъ Германіи.

— Почти 60% всей здѣшней торговли уже въ рукахъ нѣмцевъ,—заговорилъ снова Баллинъ.—А на будущій годъ мы надѣемся, что эта цифра возрастетъ еще болѣе. Взгляните сюда, на заливъ. Какимъ образомъ, по вашему мнѣнію, Германія овладѣетъ міровой торговлей? Посмотрите сюда, и вы сами увидите отвѣтъ.

Дипломатъ взглянулъ туда, куда указывалъ нѣмецкій пароходчикъ. На потемнѣвшемъ уже заливѣ виднѣлись контуры четырехтрубнаго англійскаго крейсера и множество пароходовъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ анскихъ. Отвѣтъ, какъ будто, складывался въ пользу Англій, а не Германіи.

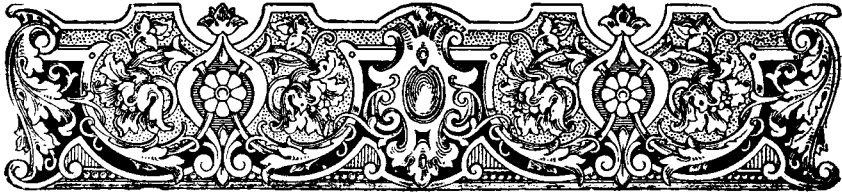
— Вы посмотрите вотъ сюда, на эту массу многоэтажныхъ зданій,—продолжалъ Баллинъ, указывая рукой на европейскій кварталъ Гонгконга.—Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ еще свѣтится огонь, въ другихъ уже темно. Тѣ, гдѣ нѣтъ огня, принадлежатъ англичанамъ. Англичане теперь уже давно въ своемъ Cricket Club,—взгляните, какъ онъ сіяетъ огнями. А нѣмцы будутъ сидѣть за дѣлами до десяти часовъ, а если понадобится, то и до двѣнадцати ночи. Мы, нѣмцы, покоряемъ міръ своей работоспособностью. Мы работаемъ и работаемъ неутомимо,—заключилъ онъ, слегка ударяя ладонями по локотникамъ своего кресла.

Разговоръ перешелъ, естественно, въ дальнѣйшемъ на Weltpolitik, которую съ такимъ упорствомъ проводилъ Вильгельмъ.

Упомянутое объ этой политикѣ, видимо, раздражило Баллина.

— Насъ, какъ будто нарочно, хотятъ поссорить то съ однимъ, то съ другимъ народомъ. Если бы мы могли сосредоточить всю энергію только на промышленномъ и коммерческомъ завоеваніи міра, то дѣло пошло бы гораздо скорѣе и успѣшнѣе. А проиграй мы войну, Германіи никогда не вернуть своего положенія.

Случалось автору статьи бесѣдовать и съ представителями среднихъ классовъ нѣмецкаго общества, и всѣ они, насквозь пропитанные формулой: «Deutschland über Alles», высказывали гораздо болѣе здраваго смысла и практичности въ достиженіи своихъ цѣлей, чѣмъ руководящій классъ, прусскіе юнкера. Тутъ при первомъ же взглядѣ бросались въ глаза тщеславіе, наглость, невѣроятное самомнѣніе, цинизмъ,—словомъ, всѣ тѣ роковыя для правителей качества, которыя и вызвали войну Германіи противъ всей Европы—этотъ, по мѣткому выраженію статьи, бумерангъ, пущенный во враговъ, но ударившій самихъ нѣмцевъ.

С М Ъ С Ъ.

ЛЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ московской консерваторіи. 1-го сентября исполнилось 50-лѣтіе со дня основанія московской консерваторіи. 50 лѣтъ тому назадъ, 1-го сентября 1866 года, состоялось въ торжественной обстановкѣ открытіе московской консерваторіи и. р. м. о. Открытіе ознаменовалось музыкальнымъ исполненіемъ, и первыми звуками, раздавшимися у колыбели консерваторіи, было гениальное произведеніе родоначальника русской школы—увертюра «Русланъ и Людмила», сыгранная на ф.-п. П. И. Чайковскимъ. Этимъ какъ бы предсказывалось направленіе дѣятельности новаго расадника музыкальнаго просвѣщенія. Пышный же расцвѣтъ русской музыки раскрылъ и иностранцамъ—равно нашимъ друзьямъ и нашимъ врагамъ—мощь и духовное богатство русскаго гениа. Московская консерваторія—дѣтище Николая Григорьевича Рубинштейна, который и былъ ея первымъ директоромъ. Н. Г. былъ громадный артистъ, одинъ изъ самыхъ выдающихся пианистовъ и дирижеровъ своего времени, и вмѣстѣ съ тѣмъ общественный дѣятель, до самоотверженности преданный Москвѣ. Никакія выгодныя предложенія, никакіе соблазны міровой славы не могли оторвать его отъ идеи всей его жизни: служенія искусству и въ искусствѣ—родинѣ. Н. Г. первоначально открылъ (въ 1860 году) музыкальные классы, которые посѣщали въ первый разъ 50 учащихся, причѣмъ приходъ выразился всего въ суммѣ 35 руб. Слѣдующая таблица даетъ наглядно картину роста консерваторіи:

въ 1866 г.—150 уч.,	приходъ 13,225 р.
» 1876 »—243 »	» 31,860 р.
» 1886 »—344 »	» 56,550 »
» 1896 »—442 »	» 68,600 »
» 1906 »—608 »	» 94,750 »
» 1916 »—1.124 »	» 170.300 »

Въ 1878 г. былъ утвержденъ уставъ, которымъ консерваторія официально была признана высшимъ учебнымъ заведеніемъ, въ 1906 г. консерваторіи дарована автономія. Первымъ выборнымъ директоромъ былъ М. М. Ипполитовъ-Ивановъ, который съ тѣхъ поръ неизмѣнно переизбирался художественнымъ совѣтомъ и состоитъ директоромъ и въ настоящее время. Въ 1899 году консерваторія перешла въ новое, специальное построенное, благодаря энергіи В. И. Сафонова, тогдашняго директора, зданіе. Въ составѣ преподавателей консерваторіи всегда, какъ и теперь, были выдающіяся артистическія силы. Такъ, изъ бывшихъ профессоровъ можно назвать В. И. Сафонова, Ф. Бузони. Пабста, Гржимали, П. И. Чайковскаго, С. Танѣва (одно время былъ директоромъ), Эверарди, Фитценгагена, Клиндворта, прот. Разумовскаго (создателя исторіи церковнаго пѣнія) и многихъ другихъ. Преподавателями научныхъ предметовъ тоже всегда были самые выдающіеся педагоги Москвы, какъ А. И. Кирпичниковъ, А. Е. Грузинскій и др. Всего московская консерваторія выпустила до 1,000 свободныхъ художниковъ, въ томъ числѣ: С. И. Танѣва (первый получившій при окончаніи золотую медаль въ 1875 году), А. Н. Скрябина, С. В. Рахманинова, Ляпунова, С. Н. Василенка, Р. Д. Гліера (директоръ кіевской консерваторіи), Кастаньскаго (директоръ синодальнаго училища), Н. Метнера, Нежданову, Петрову-Званцеву, В. Р. Петрова, Барцевича (директоръ варшавскаго музыкальнаго института), Котека, Печникова, Юс. Левина, А. Брандукова (директоръ филармоніи), А. Зилоти, А. Корещенка. К. Игумнова, А. Гольденвейзера, В. И. Скрябину, А. П. Островскую, Ф. Кенеманъ, Кишпъ, А. Гедике, А. Могилевскаго, Н. Орлова, Добровейна, А. Арсеньева, Н. Голованова, Бълоусова, Подгорнаго и мн. др. Общественное сочувствіе консерваторіи выражалось, между прочимъ, и въ пожертвованіяхъ крупныхъ суммъ. Такъ, г. Солодовниковъ далъ на нужды и стипендіи консерваторіи 200,000 р., отъ А. Задонской поступило 70,000 р., отъ С. М. Третьякова—60,000 руб., г. Маслова—10,000 руб. и т. д. 31-го августа, наканунѣ юбилея московской консерваторіи, были совершены заупокойное богослуженіе и панихида по основателю консерваторіи Н. Г. Рубинштейнѣ въ Троицкомъ соборѣ Данилова монастыря. Заупокойное богослуженіе совершалъ профессоръ богословія консерваторіи настоятель Казанскаго собора протоіерей В. М. Металловъ въ сослуженіи съ монастырскимъ духовенствомъ при пѣніи хора синодальныхъ пѣвчихъ. Во время литургіи протоіерей Металловъ произнесъ посвященное памяти покойнаго композитора слово. Среди присутствовавшихъ въ церкви на заупокойномъ богослуженіи находились сестра покойнаго композитора Софья Григорьевна Рубинштейнъ, представители московскаго городского общественнаго управления—членъ городской управы г. Пузыревскій и гласный думы Н. А. Шаминъ, директоръ московской консерваторіи Ипполитовъ-Ивановъ, представитель дирекціи императорскаго русскаго музыкальнаго общества баронъ фонъ-Нолькенъ, инспекторъ консерваторіи—К. Н. Игумновъ, У. А. Мазетти, А. И. Барцаль, Д. Н. Вейсъ, П. Н. Страховъ, Л. Э. Конюсъ, О. Н. Карташева, А. В. Секарь-Рожанскій, секретарь московскаго отдѣленія императорскаго русскаго музыкальнаго о-ва Н. Т. Жегинъ, артистъ Большаго театра г. Успенскій, В. Н. Курдюмовъ и др. почитатели памяти по-

койнаго, среди которыхъ было много молодежи. По окончаніи богослуженія въ церкви духовенство вышло къ находящейся близъ алтаря Троицкаго собора могилѣ покойнаго композитора для совершенія литіи. Могила покойнаго была убрана вдоль чугунной рѣшетки сплошной гирляндой зелени, а у подножія мраморнаго памятника находились только что возложенные 3 лавровыхъ вѣнка съ пальмовыми вѣтвями. На вѣнкахъ надписи: «Отъ московскаго городского общественнаго управленія—Н. Г. Рубинштейну», «Незабвенной памяти основателя московской консерваторіи Н. Г. Рубинштейна—дирекція московскаго отдѣленія императорскаго русскаго музыкальнаго общества» и «Отъ художественнаго совѣта московской консерваторіи—незабвенному основателю Н. Г. Рубинштейну».

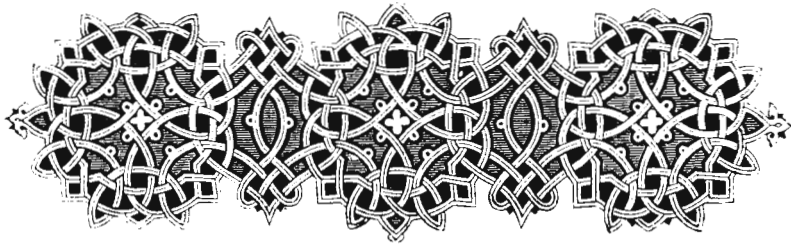
40-лѣтіе литературной дѣятельности В. Я. Лучинскаго. 11-го августа исполнилось 40 лѣтъ литературной дѣятельности завѣдующаго редакціей «Одесскаго Листка» Василя Яковлевича Лучинскаго. Газетную работу В. Я. началъ въ Николаевѣ, гдѣ состоялъ преподавателемъ въ морскихъ юнкерскихъ классахъ. Въ николаевской прессѣ В. Я. сотрудничалъ вмѣстѣ съ николаевскимъ гор. головой В. А. Даценкомъ, нынѣ покойнымъ, и, кромѣ того, корреспондировалъ въ столичныя газеты «Молву», «Страну», «Голось». Корреспондировалъ и въ «Одесскій Листокъ». Корреспонденціи молодого тогда Лучинскаго обратили на себя вниманіе редакціи, и основатель газеты В. В. Навроцкій пригласилъ В. Я. на отвѣтственную и тяжелую должность секретаря редакціи. Вмѣстѣ съ А. С. Попандопуло и Барономъ Иксомъ, а затѣмъ В. М. Дорошевичемъ В. Я. Лучинскій составлялъ главное ядро редакціи. В. Я. отдалъ газетѣ лучшіе годы жизни, много энергіи и силъ. Былъ перерывъ въ нѣсколько лѣтъ. Годы перерыва сотрудничества въ «Одесскомъ Лист.» В. Я. посвятилъ на организацию и редактированіе въ Кишиневѣ «Бессарабскаго Вѣстника» при издателѣ Соколовѣ, состоявшемъ управляющимъ акцизными сборами. Много лѣтъ В. Я. помѣщалъ въ «Одесскомъ Листкѣ» красивые фельетоны. Незлобивый, добрый, отзывчивый, онъ имѣетъ среди журналистовъ только друзей.

Юбилей П. Г. Бывалькевича. 1-го сентября исполнилось 25 лѣтъ редакторской работы П. Г. Бывалькевича. Сотрудничать въ газетахъ онъ началъ еще при Гиляровѣ-Платоновѣ, въ его «Современныхъ Извѣстіяхъ», а также въ «Виленскомъ Вѣстникѣ». Будучи преподавателемъ учительской семинаріи, затѣмъ учительскаго института и мужской гимназіи въ Вильнѣ, помѣщалъ педагогическія и этнографическія статьи въ журналахъ «Начальный Учитель», «Вѣстникъ Этнографіи» (въ Москвѣ) и въ то же время, интересуясь общественною жизнью, корреспондировалъ въ «Новое Время» и др. газеты. Съ 1891 по 1904 г. былъ редакторомъ-издателемъ «Виленскаго Вѣстника», получивъ право издавать его безъ предварительной цензуры. Во время его редактированія газета носила опредѣленную русскую фizioномію, отстаивая русскіе интересы въ краѣ. Въ то же время П. Г. занимался широкою общественною дѣятельностью. Открылъ первую въ Вильнѣ и въ Западномъ краѣ русскую типографію «Русскій Починъ» на товарищескихъ началахъ, былъ дѣятельнымъ организаторомъ русскаго клуба, потребительнаго общества и т. д. Онъ проводилъ идею, что русскимъ надо крѣпче стоять на культурной и экономической почвѣ. Съ

1906 года П. Г. редактировалъ журналъ «Украины Россіи», который издавался кружкомъ русскихъ людей, въ числѣ которыхъ находились покойные профессора Н. Д. Сергѣевскій, А. С. Будиловичъ, П. А. Кулаковскій, А. М. Золотаревъ, нынѣ здравствующіе В. Θ. Дейтрихъ, М. М. Бородинъ и др. Направление журнала «Украины Россіи» памятно многимъ. Онъ велъ спокойную, серьезную борьбу съ сепаратистскими стремленіями инородцевъ, проявившимися въ 1905 году, особенно съ прибалтійскими нѣмцами. Интересуясь общественною жизнью, П. Г. состоитъ членомъ многихъ обществъ, товарищемъ предсѣдателя Западно-Русскаго общества и въ настоящее время, когда часть Западнаго края въ рукахъ нѣмцевъ и оттуда направились внутрь Россіи бѣженцы, состоитъ редакторомъ журнала «Вѣстникъ всероссійскаго общества попеченія о бѣженцахъ» и однимъ изъ редакторовъ газеты «Новые Дни».

Выставка войны и трофеевъ. По закрытіи выставки войны и трофеевъ, устроенной минувшимъ лѣтомъ императорскимъ обществомъ ревнителѣй исторіи и прошедшей съ выдающимся успѣхомъ—матеріальнымъ и духовнымъ—было приступлено, согласно постановленію общаго собранія общества отъ 30-го сентября 1915 года къ сбору матеріаловъ для устройства постоянного въ Петроградѣ музея великой войны при императорскомъ обществѣ ревнителѣй исторіи. Въ настоящее время количество поступившихъ въ музей предметовъ дѣлаетъ возможнымъ и даже обязательнымъ предоставить собранные матеріалы общему обозрѣнію, и съ этой цѣлью совѣтъ общества снялъ съ 1-го іюля 1916 года домъ-особнякъ въ Петроградѣ по 12-й линіи В. О. № 47, гдѣ и будетъ помѣщаться музей, а также будутъ отнынѣ происходить общія собранія и доклады общества. Этотъ музей явится первымъ по времени учрежденія музеемъ войны, и въ его успѣхъ естественно заинтересованъ каждый членъ нашего общества. Поэтому представляется крайне желательнымъ сильное участіе—духовное и матеріальное—каждаго члена общества въ его устройствѣ и оборудованіи, тѣмъ болѣе, что для столь важнаго и большого предпріятія въ распоряженіи совѣта общества имѣются лишь ограниченныя средства. Для достиженія наибольшей полноты и успѣха музея совѣтъ обращается съ покорнѣйшею просьбою не отказать пожертвовать въ музей всякаго рода предметы, документы, фотографіи, рисунки, печатныя произведенія и проч., связанныя съ войною, или внести на оборудованіе музея денежное пожертвованіе въ любомъ размѣрѣ. Всю корреспонденцію и пожертвованія надлежитъ направлять по адресу М. К. Соколовскаго: Петроградъ, В. О., 10 линія, 23, телеф. 183—46.

НЕКРОЛОГИ.

БАКЛУНДЪ, О. А., академикъ. Въ Пулковѣ 19-го августа скоростижно скончался директоръ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, ординарный академикъ Оскаръ Андреевичъ Баклундъ. О. А. родился 16-го апрѣля 1846 г. въ Швеци. Окончивъ упсальскій университетъ, онъ сталъ заниматься астрономіей. Въ 1873 г. покойный былъ назначенъ ассистентомъ при обсерваторіи въ Стокгольмѣ. По защитѣ диссертациі онъ былъ назначенъ доцентомъ астрономіи въ упсальскомъ университетѣ. Въ 1876 г. О. А. былъ приглашенъ въ Дерптъ на мѣсто астронома-наблюдателя, въ 1879 г. на должность адъюнкта-астронома пулковской обсерваторіи. Въ 1883 г. О. А. былъ избранъ въ ординарные академики академіи наукъ, а въ 1895 г. онъ былъ назначенъ директоромъ пулковской обсерваторіи. Покойный принималъ дѣятельное участіе въ разныхъ научныхъ учрежденіяхъ и комиссіяхъ и имѣлъ почетныя званія многихъ

иностранныхъ университетовъ и ученыхъ обществъ. Перу покойнаго принадлежить рядъ научныхъ трудовъ. Главные изъ нихъ относятся къ теоріи движенія кометы Энке. Академія наукъ постановила называть въ своихъ изданіяхъ эту комету «Энке-Баклундъ». (Некрологъ его: «Рѣчь», 1916, № 226).

† **Балицкій, С. Б.** Скончался 30-го августа отъ сердечной болѣзни извѣстный польскій политикъ и публицистъ Сигизмундъ Балицкій. С. Б. родился въ 1858 г. Онъ окончилъ юридическій факультетъ въ Петроградѣ. Уѣхавъ послѣ политическаго процесса за границу, Балицкій жилъ въ Женевѣ, Мюнхенѣ и Краковѣ и возвратился въ Варшаву лишь въ 1905 г., получивъ амнистію. Еще въ 1885 г. С. Б. началъ издавать «Przegląd Spoleczny» и писалъ въ журналѣ «Głos» («Голосъ»), издававшемся въ Варшавѣ Поплавскимъ и Потоцкимъ. Въ 1896 г.

Онъ основаль вмѣстѣ съ Дмовскимъ и Поплавскимъ «Przegląd Wiroch Polski». Съ 1906 г. Валицкій сталъ редакторомъ ежемѣсячника «Przegląd Narodowy» въ Варшавѣ и сотрудничалъ въ газетѣ «Gazeta Warszawska». С. Б. Валицкій былъ извѣстенъ какъ ученый социологъ. Онъ состоялъ между прочимъ членомъ международного социологическаго института въ Парижѣ и докторомъ правъ швейцарскаго университета. Ему принадлежать три большія научныя работы: «Parlamentarysm», «Psychologia społeczna» и «Egoism narodowy». С. Б. въ послѣднее время сотрудничалъ въ еженедѣльникѣ «Sprawa Polzka» въ Петроградѣ. С. Б. былъ однимъ изъ основателей национально-демократической партіи и членомъ «Народнаго Комитета». (Некрологъ его: «Рѣчь», 1916. № 239)

† **Борисовъ, П. Я., профессоръ.** 7-го августа скончался на хуторѣ Борисово подъ Аккерманомъ профессоръ новороссійскаго университета профессоръ П. Я. Борисовъ. Покойный родился въ 1864 г. По окончаніи въ 1889 г. военно-медицинской академіи онъ былъ оставленъ при академіи, гдѣ и занимался подъ руководствомъ профессора Тарханова. Въ 1892 г. защитилъ диссертацию на доктора медицины «Зимовинъ пепсинна и законы его перехода въ дѣятельный пепсинъ». Получивъ заграничную командировку, онъ занимался у профессора Баумана въ Фрейбургѣ. По возвращеніи изъ-за границы работалъ подъ руководствомъ извѣстнаго физиолога И. П. Павлова. Въ 1895 г. былъ зачисленъ приватъ-доцентомъ по кафедрѣ фармакологіи и допущенъ къ чтенію лекцій. Въ 1902 г. былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ новороссійскаго университета, а въ 1904 г. ординарнымъ. Въ 1912 г. оставленъ на службѣ въ новороссійскомъ университетѣ срокомъ на 5 лѣтъ по выслугѣ имъ 25 лѣтъ по учебной части. Съ начала военныхъ дѣйствій, когда обнаружился въ Россіи лекарственный голодъ, при университетѣ была учреждена коммисія изъ профессоровъ подъ предсѣдательствомъ П. Я., и въ этой коммисіи покойный принималъ большое участіе. Весьма цѣнны его изслѣдованія одесскихъ лимановъ и лечебныхъ свойствъ соленыхъ и грязевыхъ ваннъ. Одинъ изъ его лучшихъ научныхъ трудовъ озаглавленъ: «Объ основныхъ положеніяхъ лимано-терапии. О дѣйствіи соленыхъ и грязевыхъ ваннъ». Затѣмъ имъ было сдѣлано изслѣдованіе воды Куяльницкаго лимана, ея свойствъ и указано ея бальнеологическое значеніе. Число его ученыхъ трудовъ по различнымъ вопросамъ свыше 40. («Одесскій Листокъ», 1916, № 215)

† **Жуковскій, В. В.** 30-го августа скончался фактический руководитель совѣта съѣздовъ представителей промышленности и торговли, товарищъ предсѣдателя центральнаго военно-промышленнаго комитета и предсѣдатель финансовой коммисіи Владиславъ Владиславовичъ Жуковскій. Покойный родился въ 1880 г. въ родовомъ имѣніи Богдановка на Волыни. По окончаніи физико-математическаго факультета варшавскаго университета онъ поступилъ въ петроградскій горный институтъ, который и окончилъ въ 1886 г. Еще будучи студентомъ, В. В. сталъ заниматься литературной и политической дѣятельностью, участвуя въ польскомъ обществѣ того времени «Лютня» и въ клубѣ, предсѣдателемъ котораго въ то время состоялъ В. Д. Спасовичъ. По окончаніи горнаго института В. В. принялъ близкое участіе въ издававшейся тогда въ Петроградѣ польской газетѣ «Край», завѣдуя въ ней экономическимъ отдѣломъ. Въ польской литературѣ онъ

извѣстенъ подъ псевдонимомъ «Скарабеусъ». Его перу принадлежать пользующіеся большою извѣстностью въ экономической литературѣ солидные труды: «Торговый балансъ царства Польскаго» и «Участіе царства Польскаго въ государственныхъ доходахъ и расходахъ». Въ бытность членомъ Государственной Думы В. В. написалъ цѣнный трудъ «Конституціонный бюджетъ». Кроме того, покойнымъ былъ помѣщенъ рядъ статей по финансовымъ вопросамъ, о горнозаводской промышленности и т. д. въ специальныхъ изданіяхъ и въ общей прессѣ. Участіе В. В. въ промышленной дѣятельности началось въ 1892 г., когда онъ былъ избранъ однимъ изъ директоровъ Брянскаго завода. Въ послѣднее время В. В. состоялъ директоромъ Азовско-Донскаго банка, предсѣдателемъ петроградскаго страхового общества, членомъ правленія общества подъѣздныхъ путей. Затѣмъ въ теченіе 20 лѣтъ онъ состоялъ безсмѣннымъ представителемъ въ Петроградѣ отъ горнопромышленниковъ царства Польскаго; являлся организаторомъ совѣта съѣздовъ представителей промышленности и торговли, фактическимъ руководителемъ котораго онъ состоялъ послѣ смерти Н. С. Авдакова. Видную роль покойный игралъ также и въ польскомъ обществѣ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1916, № 14543).

† **Ольхинъ, С. А.** Въ селѣ Александровкѣ скончался 10-го сентября членъ совѣта министра финансовъ, извѣстный общественный дѣятель Сергѣй Александровичъ Ольхинъ. Онъ принималъ живѣйшее участіе въ земской жизни Петроградской губерніи, съ 1871 г. по 1883 г. былъ членомъ петроградской уѣздной земской управы и въ качествѣ гласнаго горячо ратовалъ за распространеніе грамотности и сельскохозяйственныхъ знаній въ крестьянской средѣ, а также за санитарное благоустройство уѣзда и губерніи. Еще будучи лицеемъ-питомцемъ Александровскаго лицея, онъ началъ трудиться на пользу народнаго просвѣщенія. Въ 60-хъ годахъ принялъ участіе въ образованіи особаго кружка лицеевцевъ, который открылъ третью воскресную школу на Выборгской Сторонѣ, вечерніе классы на Петроградской и народную библіотеку на Гороховой. Когда въ 1861 г. возникъ совѣтъ воскресныхъ школъ въ Петроградѣ, С. А. былъ первымъ секретаремъ совѣта. Съ тѣхъ поръ покойный былъ другомъ школы и убѣжденнымъ поборникомъ широкаго просвѣщенія народныхъ массъ. Онъ былъ, кроме того, образцовымъ сельскимъ хозяиномъ. Служебная дѣятельность покойнаго протекала по преимуществу въ финансовомъ вѣдомствѣ. Онъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ М. Х. Рейтернѣ, въ концѣ 70-хъ годовъ управлялъ дѣлами податной комиссіи, труды которой были изданы въ 60 томахъ убористой печати. С. А. помогалъ А. П. Заблоцкому-Десятовскому въ составленіи книги «Финансовое устройство и финансы Пруссіи», съ 1884 г. былъ членомъ совѣта министра финансовъ. Покойный много поработалъ надъ вопросами податнаго обложенія, по составленію устава о пошлинахъ, о сборахъ съ наслѣдствъ, торговой промышленности и о 5% сборѣ съ движимыхъ капиталовъ и процентныхъ бумагъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1916, № 14555).

† **Рыбаковъ, К. Н.** 8-го сентября въ Москвѣ скончался заслуженный артистъ Малаго театра Константинъ Николаевичъ Рыбаковъ. Сынъ знаменитаго провинціального трагика Н. Х. Рыбакова, К. Н. родился 29-го фев-

раля 1856 года. Учился К. Н. въ харьковской гимназіи, но курса изъ-за увлеченія сценой не кончилъ и совсѣмъ молодымъ началъ выступать на сценѣ, сначала какъ любитель въ Курскѣ, а затѣмъ во Владикавказѣ, Ростовѣ-на-Дону и Орлѣ уже какъ профессиональ. Первые сезоны К. Н. служилъ съ отцомъ. Съ нимъ онъ служилъ, между прочимъ, въ Москвѣ, въ народномъ домѣ на Солянкѣ, въ антрепризѣ Танѣева и Урусова, затѣмъ въ Старой Руссѣ. Послѣ смерти отца К. Н. служилъ въ Астрахани (антреприза В. И. Костровскаго), Киевѣ (антреприза І. Я. Сѣтова), Саратовѣ и Казани (антреприза В. И. Костровскаго). Въ 1880 году К. Н. поступилъ на сцену Императорскаго московскаго Малаго театра на «разовыя» и, между прочимъ, съ большимъ успѣхомъ игралъ Ваньку-ключника въ пьесѣ Антропова того же названія. 1-го августа 1881 года К. Н. дали въ Маломъ театрѣ жалованье въ суммѣ 1,140 рублей, полубенефисъ и 15 рублей разовыхъ. Занимая амплуа любовника, К. Н. игралъ, главнымъ образомъ, бытovyя роли. Начиная съ сезона 1885—1886 года, К. Н. переходитъ на «пожилыя» роли, играя съ большимъ успѣхомъ въ «Арказановыхъ», въ «Послѣдней волѣ» и т. д. Со смертью В. А. Максеева К. Н. перешелъ на характерныя роли и игралъ, напримѣръ, городничаго въ «Ревизорѣ», а послѣ смерти А. П. Ленскаго—и Фамусова. К. Н. никогда не отказывался отъ ролей. Въ рѣдкомъ спектаклѣ онъ былъ свободенъ. Для дѣла онъ часто жертвовалъ ролями, выбирая даже въ свои бенефисы не центральную роль. Такъ, въ «Закатѣ» въ день бенефиса К. Н. одну изъ лучшихъ ролей игралъ покойный А. П. Ленскій. Изъ шекспировскаго репертуара К. Н. выступалъ въ роляхъ: Антонія («Антоній и Клеопатра»), Мэгдофа («Макбетъ»), Цимбелина («Имогена»), короля Генриха VIII, Пэджа («Виндзорскія проказницы») и другихъ. Очень много ролей К. Н. игралъ въ пьесахъ Островскаго. К. Н. участвовалъ почти во всѣхъ пьесахъ князя А. И. Сумбатова. Онъ первый игралъ Джентльмена, Отарь-бека («Измѣна»), Олтина («Старый Закаль»). Въ послѣдній разъ К. Н. появился на подмосткахъ Малаго театра 1-го мая 1916 года въ роли Звѣздинцева въ «Плодахъ просвѣщенія», въ которой онъ игралъ со дня первой постановки, т.-е. почти 25 лѣтъ. (Некрологъ его: Бюллетень «Русскаго Слова» отъ 9-го сентября 1916 г.).

† **Спасскій, А. А., профессоръ.** Скончался и похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ Троице-Сергіевой лавры профессоръ московской духовной академіи по кафедрѣ общей церковной исторіи, докторъ богословія Анатолій Алексѣевичъ Спасскій. Покойный былъ уроженецъ Вологодской губ. (сынъ священника села Подкубетнаго) и въ вологодской же семинаріи получилъ среднее образованіе, завершать которое на казенный счетъ командированъ былъ въ московскую духовную академію, гдѣ прослушалъ курсъ В. О. Ключевскаго, Е. Е. Голубинскаго, А. П. Лебедева и считался ихъ способнѣйшимъ ученикомъ. Приглашенъ онъ былъ сначала на кафедру новой гражданской исторіи. Эта кафедра была лишь временнымъ этапомъ его ученой карьеры; на ней онъ пробылъ очень недолгое время, но результатомъ его занятій этимъ предметомъ были изданныя имъ впоследствии «Общедоступныя лекціи по исторіи средневѣковья». Издавая свои академическія лекціи, покойный А. А. пожелалъ скрыть свое имя подъ псевдонимомъ Сотерскаго. Послѣ перехода

проф. А. П. Лебедева съ кафедры общей церковной исторіи въ московскій университетъ А. А. занялъ кафедру своего учителя и оставался на ней до конца своей службы. Кромѣ магистерской диссертаци «Историческая судьба сочиненій Аполлинарія Лаодикійскаго, съ краткимъ предварительнымъ очеркомъ его жизни», удостоившейся блестящаго отзыва такого знатока предмета и строгаго цѣнителя, какъ покойный профессоръ А. П. Лебедевъ, и доставившей автору академическую кафедру, и обширной докторской диссертаци «Исторія догматическихъ движеній въ эпоху вселенскихъ соборовъ (въ связи съ философскими учениями того времени). Т. I. Исторія ученія о Св. Троицѣ», перу покойнаго принадлежатъ еще: книга «Эллинизмъ и христіанство», удостоенная въ свое время нѣсколькихъ премій, и цѣлый рядъ отдѣльныхъ журнальныхъ статей и разнаго рода критическихъ замѣтокъ по предмету своей специальности. Свои ученые статьи и замѣтки А. А. помѣщала большею частью въ академическомъ журналѣ «Богословскій Вѣстникъ», редакторомъ котораго состоялъ въ теченіе многихъ лѣтъ. (Некрологъ его: «Петроградскія Вѣдомости», 1916, № 171.)

† Фругъ, С. Г. Въ Одессѣ 7-го сентября скончался извѣстный поэтъ Семень Григорьевичъ Фругъ. Покойный писатель родился въ 1860 г. въ еврейской земледѣльческой колоніи Вобровый Куть въ Херсонской губерніи, гдѣ и получилъ образованіе въ колониальной школѣ. Первое стихотвореніе С. Г. написалъ въ 1879 году, стихотвореніе это было помѣщено въ журналѣ «Разсвѣтъ». Въ 1881 г. С. Г. перѣхалъ въ Петроградъ. За неимѣніемъ правожительства, ему пришлось жить въ качествѣ лакея у прис. пов. Варшавскаго. Въ Петроградѣ онъ сталъ постояннымъ сотрудникомъ журналовъ: «Разсвѣтъ», «Восходъ» и «Русскій Еврей». Въ 1885 г. вышелъ первый сборникъ его стихотвореній. Полное же собраніе сочиненій вышло нѣсколько позднѣе. Въ 1912 г. въ Одессѣ полное собраніе сочиненій С. Г. Фруга вышло 6-мъ изданіемъ. С. Г. писалъ стихи также на разговорно-еврейскомъ языкѣ. Въ послѣдній же годъ С. Г. сталъ писать и на древне-еврейскомъ. Здоровье С. Г. давно уже внушало безпокойство. Петроградскій климатъ и тяжелый образъ жизни разстроили здоровье С. Г., лѣтъ 9 тому назадъ онъ окончательно покинулъ Петроградъ и поселился въ Одессѣ. Тамъ ему пришлось перенести тяжелую операцію. Послѣдніе годы, благодаря болѣзни, онъ мало писалъ, а послѣднія 5—6 лѣтъ почти не вставалъ съ постели. Все же за это время онъ помѣстилъ нѣсколько стихотвореній въ «Еврейской Жизни», въ «Новомъ Пути», также перевелъ книгу Бялика и Равницкаго «Агады и сказанія». (Некрологъ его: «Биржевыя Вѣдомости», 1916, № 15789).

ЗАБѢТКИ И ПОПРАВКИ:

Въ сентябрьской книжкѣ «Истор. Вѣстника», въ романѣ В. В. Тимошеевой-Починковской вкрались опечатки. На стр. 584, строка 14 напечатано: «пріятная манера», — должно быть: «пренепріятная манера», и на стр. 592, строка 14. напечатано «родъ» вмѣсто «ротъ».

цѣлый планъ. Этимъ между нами воздвигалась непреодолимая преграда.

Къ счастью, бѣдная Дениза призвала на помощь всю свою гордость и сидѣла молча, не плача и не протестуя. Она глядѣла въ окно, лишь только я дѣлалъ видъ, что заснулъ, и не спускала глазъ съ матери, когда я сидѣлъ прямо. Можетъ быть, эти издѣвательства не дѣйствовали на нее такъ сильно, какъ я предполагалъ, но я думалъ, что все-таки она больше не допуститъ этого, по крайней мѣрѣ сегодня.

Она слышала, какъ я боролся за нее, и не сказала со мной ни одного слова.

Мы ѣхали по красивой, уже зеленѣвшей долинкѣ, черезъ пустынные ущелья, гдѣ на верхушкахъ скалъ еще лежалъ зимній снѣгъ, на солнечномъ припекѣ и въ объятіяхъ ледяного вѣтра съ горъ. Но на все это мы едва обращали вниманіе. Наши мысли были прикованы къ внутренности нашего экипажа, гдѣ маркиза сидѣла улыбаясь, а мы хранили угрюмое молчаніе.

Около полудня мы остановились высоко въ горахъ у какой-то деревенской гостиницы. Надо было отдохнуть и подкрѣпить свои силы. Мѣстность была довольно дикая: горы ярусами громоздились другъ на друга, и книзу шель крутой спускъ. Но духъ времени достигъ и этого затеряннаго въ мірѣ уголка. Едва мы успѣли съѣсть кусокъ хлѣба, явился синдикъ и потребовалъ наши бумаги. Выбора не было, маркиза сошла за мою мать, а Дениза за сестру. Пока синдикъ, на котораго моя командировка произвела сильное впечатлѣніе, стоялъ и поклонивался, стараясь узнать отъ меня какія-нибудь новости, передъ воротами гостиницы остановилась лошадь, и я услышалъ чей-то мужской голосъ. Прошла минута, и въ комнату, довольно приличную и чистую, въ которой мы сидѣли, вошелъ баронъ Жеоль.

Увидѣвъ дамъ, онъ снялъ шляпу.

— Вы рано уѣхали,—заговорилъ онъ съ невеселой улыбкой, узнавъ меня.—Я долго ждалъ васъ у восточныхъ воротъ, но вы не пріѣхали.

Я покраснѣлъ и разсыпался въ тысячахъ извиненій. Сказать по правдѣ, я совсѣмъ забылъ о немъ и ни разу не вспомнилъ о томъ, что уговорился встрѣтиться съ нимъ у городскихъ воротъ.

— Вы не верхомъ?—спросилъ онъ, какъ-то странно поглядывая на моихъ спутницъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я.

Больше я ничего не могъ прибавить. Синдикъ все еще стоялъ, поглядывая на меня съ улыбкой,—и вдругъ передо мной открылась бездна, на краю которой я стоялъ.

— Вы встрѣтили знакомыхъ?—продолжалъ спрашивать баронъ, поглядывая на маркизу.

— Да, да,—пробормоталъ я.

Правила вѣжливости требовали, чтобы я представилъ его дамамъ, но я не рѣшался этого сдѣлать. Въ концѣ концовъ онъ, кажется, понялъ мое положеніе и удалился вмѣстѣ съ синдикомъ.

Едва они переступили порогъ, маркиза напустилась на меня съ величайшимъ гнѣвомъ.

— Глупый человѣкъ,—заговорила она безъ всякихъ церемоній:—почему вы не представили его? Неужели вы не понимаете, что такимъ путемъ вы можете возбудить подозрѣніе и погубить насъ? И ребенокъ понялъ бы, что вы что-то скрываете. Если бъ вы сразу представили его мнѣ, какъ вашей матери...

— То?

— То онъ ушелъ бы отсюда вполнѣ удовлетвореннымъ.

— Сомнѣваюсь въ этомъ и имѣю къ тому достаточныя причины,—насмѣшливо замѣтилъ я.—Еще вчера я въ разговорѣ сказалъ ему, что у меня нѣтъ ни матери, ни сестры.

Въ этомъ для меня было маленькое мщеніе. Маркиза, то блѣднѣя, то краснѣя, ходила по комнатѣ. Потомъ, сжавъ крѣпко губы, она сѣла и опустила взоръ на столъ.

— Кто это такой? Что вы знаете о немъ?—спросила она.

— Онъ изъ обѣднѣвшихъ дворянъ и ревностный протестантъ.

Маркиза молча закусила губы...

— Кто могъ предвидѣть такую случайность! Какъ вы думаете, догадывается онъ о чемъ-нибудь, или нѣтъ?

— Безъ сомнѣнія, догадывается. Прежде всего я оставилъ его одного сегодня утромъ, нарушивъ тѣмъ обѣщаніе ѣхать вмѣстѣ. Затѣмъ, если онъ узнаетъ, что я ѣду съ матерью и сестрой, которыхъ вчера еще у меня не было...

Маркиза подняла на меня глаза, какъ бы желая поразить меня своимъ взоромъ.

— Что же вы намѣрены дѣлать?—воскликнула она.

— Это ужъ пусть укажетъ мнѣ моя мать,—равнодушно отвѣчалъ я, принимаясь за сыръ.—Она вѣдь привыкла всѣмъ распоряжаться.

Маркиза поблѣднѣла отъ гнѣва, а, можетъ быть, и отъ тревоги, а я внутренно торжествовалъ и смѣялся. Но сердись—не сердись, а приходилось отложить свою гордость.

— Что же вы посоветуете предпринять?—спросила она наконецъ.

— Я вижу только одно средство, и мы должны пустить его въ ходъ, не стѣсняясь ничѣмъ.

Она была согласна на все. Но легко было совѣтовать и трудно было осуществить совѣтъ. Черезъ нѣсколько минутъ я прекрасно понялъ это. Выйдя на дворъ, чтобы посмотрѣть, готовъ ли нашъ экипажъ, я лицомъ къ лицу встрѣтился съ барономъ де-Жеоломъ.

— Вы уже отправляетесь?—спросилъ онъ.

— Позвольте поздравить васъ,—продолжалъ онъ съ какой-то неприятной улыбкой.

— Съ чѣмъ?

— Какъ съ чѣмъ? Вы нашли себѣ семью,—не безъ горечи отвѣчалъ онъ.—Найти себѣ въ теченіе двадцати четырехъ часовъ мать и сестру—это вѣдь настоящее счастье. Но позвольте дать вамъ одинъ совѣтъ.

— Пожалуйста,—холодно согласился я.

— Вы такъ счастливы на открытія... Если слѣдующій разъ вы столкнетесь съ Фроманомъ, съ этимъ подстрекателемъ изъ Нима, разбѣзжающимъ подъ видомъ монаха-капуцина, то, пожалуйста, не записывайте его къ себѣ въ родственники. Вотъ и весь мой совѣтъ.

Все это онъ проговорилъ съ видимымъ раздраженіемъ.

— Я совершенно не знакомъ съ этимъ Фроманомъ,—холодно возразилъ я.

— И не знакомьтесь.

Я пожалъ плечами. Онъ хотѣлъ было что-то прибавить, но въ эту минуту вошли мои спутницы. Когда онѣ усѣлись въ экипажъ, я вскочилъ на сидѣніе сзади, и мы двинулись въ путь.

Подъемъ въ гору былъ довольно крутъ. Ъхать было утомительно, и мы, поднявшись немного, разъ двадцать останавливали лошадей, чтобы дать имъ передохнуть. Разъ двадцать оглядывался я назадъ, на сѣрый постоялый дворъ, лежавшій подъ нашими ногами на сѣромъ уныломъ плато. И каждый разъ мой взоръ встрѣчалъ барона, который неподвижно стоялъ у дверей домика и, видимо, пристально слѣдилъ за нами глазами.

Мнѣ дѣлалось жутко.

V.

Фроманъ изъ Нима.

Встрѣча съ барономъ не способствовала ни подъему духа, ни успокоенію за тѣ опасности, которыя я предвидѣлъ, когда намъ придется ѣхать по болѣе населеннымъ мѣстностямъ. Тамъ не такъ-то легко было устранить подозрѣнія, если они зародятся. Конечно, де-Жеоль не выдастъ меня, и, можетъ быть, у него для этого были свои причины, но я не могъ примириться съ тѣмъ, что сзади насъ находится этотъ тощій человекъ—само олицетвореніе религіознаго фанатизма, искавшаго только случая отомстить за старинныя обиды.

Голые склоны и отвѣсныя скалы, поднимавшіяся надъ нами все чаще и чаще по мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ,

обуреваемая вѣтромъ ущелья, по которымъ лошади едва могли тащить пустой экипажъ, меланхолическія снѣжныя поля, разстилавшіяся направо и налево отъ насъ,—все это усугубляло тяжелое впечатлѣніе, которое произвело на меня все это путешествіе. Мнѣ хотѣлось какъ-нибудь освободиться отъ него, хотѣлось солнечнаго блеска, хотѣлось, чтобы эти склоны были покрыты оливковыми деревьями и тянулись до самаго моря.

Впрочемъ, во всемъ этомъ была и своя хорошая сторона: маркизъ де-Сентъ-Алэ пришлось умѣрить нѣсколько свой тонъ и свое торжество, которое она собиралась было проявить надо мной. Теперь она держалась тихо и, сидя въ экипажѣ или идя возлѣ него, когда приходилось дѣлать крутые повороты, она оставляла меня въ покоѣ. Отъ меня не укрылось, что чѣмъ дальше мы уѣзжали отъ этого барона, тѣмъ сильнѣе возрастало ея безпокойство: она начинала внимательно осматривать дорогу и переставала смотрѣть на меня.

Это предоставляло мнѣ возможность устремлять свои взоры туда, куда я хотѣлъ. До сихъ поръ живо помню, какъ мы ѣхали около горы Эгуаль. Утомленная крайнимъ напряженіемъ за послѣдніе дни, Дениза заснула въ углу экипажа. Отъ мѣрнаго покачиванія кузова капюшонъ мало-по-малу спалъ съ ея лица. На ея щекахъ игралъ румянецъ, словно она и во снѣ чувствовала, что я смотрю на нее.

— Дениза, Дениза,—повторялъ я про себя и чувствовалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ, несмотря ни на что: ни на холмъ, ни на утомительную дорогу, ни на присутствіе маркизы, ни на встрѣчу съ барономъ. И вдругъ раздался голосъ маркизы, сразу спустившій меня на землю:

— Это онъ?

Я обернулся къ ней. Къ счастью, она смотрѣла не на меня, а на дорогу, по которой мы только что проѣхали. Экипажъ нашъ вдругъ остановился—потому ли, что она приказала остановиться, или потому, что это сдѣлалъ кучеръ по собственной волѣ. Остановились мы какъ разъ въ ущельѣ, гдѣ скалы нависали надъ нами съ обѣихъ сторонъ.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ я съ удивленіемъ.

Она не отвѣчала, но среди горной тишины слышно было, какъ кто-то насвистывалъ арію. Арія была: «О, Ричардъ, о мой король!» Въ этомъ горномъ безмолвіи она звучала рѣзко и отчетливо и производила сильное дѣйствіе. Я тоже смотрѣлъ на дорогу и скоро замѣтилъ сзади насъ человѣка, который шелъ, беззаботно посвистывая. Онъ былъ высокаго роста и крѣпкаго сложенія и носилъ грубые сапоги и такой же грубый плащъ. Но, несмотря на это, онъ все-таки былъ непохожъ на деревенскаго жителя.

— Вы идете въ Ганжъ?—безъ всякихъ предварительныхъ обращеній закричала ему маркиза.

— Да, сударыня,—спокойно отвѣчалъ онъ, подходя и кланяясь.

— Мы можемъ взять васъ съ собой.

— Тысячу разъ благодарю васъ,—отвѣчалъ онъ, блеснувъ глазами.—Вы очень добры. Если только этотъ господинъ не имѣетъ ничего противъ?

И онъ посмотрѣлъ на меня, не стараясь даже скрыть своей улыбки.

— О, конечно, онъ ничего не имѣетъ,—отвѣчала за меня маркиза съ отгѣнкомъ презрѣнія.

Какъ ни былъ я удивленъ этой встрѣчей, но она открыла мнѣ глаза. Она, очевидно, была подготовлена заранѣе, и я не могъ болѣе переносить такого положенія.

— Позвольте, маркиза. Я вѣдь не знаю, кто этотъ господинъ.

Маркиза молча усѣлась опять на свое мѣсто, а незнакомецъ подошелъ съ ея стороны къ каретѣ и заглянулъ внутрь. Его широкое и грубоватое лицо выражало большую силу и было не лишено пріятности. Глаза его были быстры и блестящи, подвижныя губы не переставали улыбаться. Рука, которой онъ взялся за дверцу кареты, была огромна.

— Пустяки,—промолвила наконецъ маркиза, бросая на меня сердитый взоръ.—Пожалуйста, садитесь, прибавила она, обращаясь къ незнакомцу.

— Позвольте,—возразилъ я, приподнимаясь.—Велите остановиться. Подождите, пока я не...

— Эта моя карета, —съ яростью перебила меня маркиза.

— Совершенно вѣрно.

— Въ такомъ случаѣ, чего же вы хотите?

— Я хочу выйти изъ нея прежде, чѣмъ этотъ господинъ займетъ въ ней мѣсто.

Съ минуту мы молча смотрѣли другъ на друга. Видя мою рѣшимость, она стала спускать тонъ.

— Почему вы хотите выйти?—спросила она, быстро дыша.—Неужели только потому, что онъ хочетъ сѣсть съ нами?

— Потому что я не вижу никакихъ причинъ приглашать къ себѣ въ экипажъ человѣка, котораго мы не знаемъ. Мало ли кѣмъ можетъ быть этотъ господинъ...

— Я знаю его,—отрѣзала маркиза.—Довольно съ васъ этого?

— Пусть онъ назоветъ себя.

До сихъ поръ незнакомецъ стоялъ молча, не принимая никакого участія въ спорѣ, и только съ улыбкой посматривалъ на насъ. Но тутъ онъ вступился.

— Съ удовольствіемъ. Меня зовутъ Алибанъ, я адвокатъ изъ Монтобана, и недѣлю тому назадъ у меня еще было хорошее состояніе....

— Неправда,—рѣзко перебилъ я вамъ его.—Я не вѣрю. Вы не Алибанъ изъ Монтобана, а Фроманъ изъ Нима.

Онъ стоялъ спиной къ заходящему солнцу, и его лицо было въ тѣни. Поэтому я не могъ видѣть, какъ подѣйствовали на него мои слова. Прошло нѣсколько секундъ прежде, чѣмъ онъ собрался мнѣ отвѣтить. Но заговорилъ онъ совершенно спокойно, съ большимъ тщеславіемъ, чѣмъ безпокойствомъ.

— Ну, а если бы и такъ? Что же изъ этого?

— Если вы дѣйствительно Фроманъ,—рѣшительно заявилъ я, помѣрившись съ нимъ глазами:—то я отказываюсь ѣхать вмѣстѣ съ вами.

— Слѣдовательно, маркиза, которой принадлежитъ эта карета, не можетъ ѣхать со мной?

— Не можетъ, пока она ѣдетъ со мной,—съ раздраженіемъ отвѣчалъ я.

Онъ нахмурился, но сейчасъ же напустилъ на себя прежній беззаботный видъ.

— А почему бы и не ѣхать со мной? Развѣ я недостаточно хорошъ, чтобы составить вамъ компанію?

— Дѣло не въ томъ, хороши вы или нѣтъ,—рѣзко сказалъ я:—а въ паспортѣ. Я не желаю ѣхать съ вами потому, что я имѣю порученіе отъ теперешняго правительства, и знаю, что вы дѣйствуете противъ этого правительства. Я солгалъ ради маркизы и ея дочери, ибо надо было спасти женщинъ, но я не хочу лгать за васъ и служить вамъ ширмой. Поняли?

— Вполнѣ,—медленно промолвилъ онъ.—Я служу королю. Позвольте узнать, кому вы служите?

Я промолчалъ.

— Отъ кого же вы имѣете вашу командировку?

Я взбѣсился отъ этихъ вопросовъ, но продолжалъ молчать.

— Послушайте, виконтъ,—вдругъ заговорилъ онъ совершенно другимъ тономъ:—будьте самимъ собою. Я Фроманъ, вы угадали. Я бѣглець и, если бѣ мое имя обнаружилось за какую-нибудь милю отсюда въ Вилльрогѣ, я былъ бы повѣшенъ. То же самое случилось бы и въ Ганжѣ. Я въ вашей власти и прошу меня пріютить. Позвольте мнѣ проѣхать черезъ Ганжъ въ качествѣ одного изъ вашихъ спутниковъ, я постараюсь извернуться самъ.

Отказать оказалось такъ трудно, что я не ожидалъ. Принявъ твердое рѣшеніе нѣсколько минутъ тому назадъ, я теперь колебался и колебался самымъ жалкимъ образомъ. Я чувствовалъ, что мое лицо горитъ, что маркиза не спускаетъ съ меня горящихъ глазъ, словно хочетъ испелить меня своимъ взоромъ,—и я уже почти соглашался. Но, повернувшись быстро отъ нея въ сторону, я дотронулся рукой до кармана, гдѣ лежалъ пакетъ съ моей командировкой, и это прикосновеніе сразу произвело переворотъ въ моихъ чувствахъ. Я опять увидѣлъ вещи въ ихъ прежнемъ свѣтѣ и—хорошо, или дурно—возмутился тѣмъ, что я только что сдѣлалъ.

— Нѣтъ,—съ гнѣвомъ воскликнулъ я.—Не желаю! Не желаю этого!

— Вы трусъ,—страстно закричала маркиза.

Она вскочила со своего мѣста, какъ будто желая ударить меня, но вдругъ, дрожа, опустилась опять на свое мѣсто.

— Можетъ быть,—сказалъ я.—Но я не желаю ѣхать вмѣстѣ.

— Почему? Почему?—кричала она.

— Потому, что я ѣду по порученію правительства и пользоваться своимъ положеніемъ для того, чтобы прикрывать г. Фромана, значило бы сдѣлать то, чего не сдѣлалъ бы онъ самъ. Вотъ и все.

Фроманъ вмѣсто возраженія только пожалъ плечами. Зато маркиза была въ неистовствѣ.

— Донъ-Кихоть!—кричала она.—Вы несносны. Но за это вы поплатитесь. Да, поплатитесь—повторяла она гнѣвно.

— Пожалуйста, маркиза, прошу васъ не угрожать мнѣ,—возразилъ я.—Если бы я даже и хотѣлъ посадить къ намъ г. Фромана, то все равно я не могъ бы этого сдѣлать. Вы забываете, что баронъ де-Жеоль сзади насъ всего какую-нибудь милю и тоже ѣдетъ въ Нимъ. Онъ можетъ показаться каждую минуту, и если окажется, что я отыскалъ себѣ еще и брата и что семья моя все увеличивается, то едва ли онъ отнесется къ этому равнодушно.

Но мои слова, которымъ она не могла отказать въ основательности, не произвели на нее никакого дѣйствія.

— Вы несносны,—кричала она.—Пустите меня, пустите меня!

Послѣднія слова относились къ Фроману. Я не противорѣчилъ ей. Оба они отошли на нѣсколько шаговъ и о чемъ-то быстро говорили. Я слѣдилъ за ними глазами. Теперь Фроманъ представлялся мнѣ какимъ-то оторваннымъ отъ всѣхъ, затеряннымъ въ этой печальной мѣстности, одинокимъ среди опасностей—и я начиналъ чувствовать нѣкоторое угрызение совѣсти. Черезъ секунду я, быть можетъ, уже раскаялся бы въ своемъ отношеніи къ нему, но вдругъ кто-то тронулъ меня за рукавъ: обернувшись, я увидѣлъ восхищенное и вмѣстѣ съ тѣмъ любопытное лицо Денизы.

— Сударь...—заговорила было она, но я схватилъ ея руки и съ жаромъ поцѣловалъ ихъ.

— Не надо, не надо,—прошептала она, покраснѣвъ до корня волосъ.—Я хочу предостеречь васъ, хочу просить васъ...

— А я хочу благодарить васъ,—прошептала я такъ же тихо.

— Я хочу просить васъ быть осторожнѣе,—продолжала она, сердито покачивая головой, какъ бы желая тѣмъ самымъ заставить меня замолчать.—Слушайте! Для васъ готовится западня... Моя мать не желаетъ вамъ зла, хотя она и очень сердита на васъ. Но этотъ человѣкъ—отчаянный, а мы теперь въ самомъ узкомъ мѣстѣ. Берегитесь.

— Не бойтесь!—успокоилъ я ее.

— Нѣтъ, я очень боюсь.

Когда маркиза вернулась къ экипажу и усѣлась на свое мѣсто, я чувствовалъ себя совершенно другимъ человѣкомъ, и это, должно быть, отражалось на моемъ лицѣ: маркиза бросила на меня подозрительный, полный ненависти взглядъ и потомъ пристально уставилась на дочь.

Фроманъ подошелъ къ дверцѣ экипажа, захлопнулъ ее и, приподнявъ свою шляпу, сказалъ:

— Если бы собака подошла къ моей двери такъ, какъ я сегодня подошелъ къ вамъ, виконтъ, то я впустилъ бы ее въ домъ.

— На моемъ мѣстѣ вы поступили бы такъ же, какъ я.

— Ну, нѣтъ,—твердо возразилъ онъ:—я бы ее впустилъ. Впрочемъ, когда мы встрѣтимся съ вами въ Нимѣ, я еще не теряю надежды убѣдить васъ.

— Въ чемъ это?—холодно спросилъ я.

— Въ томъ, что нужно имѣть хоть маленькую вѣру,—пояснилъ онъ.—Вѣру во что-нибудь и иногда рисковалъ ради этого «что-нибудь». Я здѣсь стою,—продолжалъ онъ, дѣлая жестъ, которому нельзя было отказать въ величавости,—одинокій и бездомный и не знаю, гдѣ мнѣ придется завтра провести ночь. А почему? Потому, что я единственный человѣкъ во Франціи, не утратившій вѣры! Потому, что я одинъ еще во что-то вѣрю. Потому, что я одинъ вѣрю въ себя. Неужели вы думаете,—продолжалъ онъ съ возрастающимъ гнѣвомъ, что насъ, дворянъ, можно выгнать съ мѣстъ, если только мы вѣримъ въ себя? Никогда! Неужели можно искоренить церковь, если вы вѣрите въ нее? Никогда! Но вы не вѣрите ни во что, вы не уважаете ничего—и, стало быть, вы осуждены. Да, осуждены. Ибо даже у людей, съ которыми вы связали себя, есть вѣра въ ихъ теоріи, въ ихъ философію, въ ихъ реформы, должныствующія возродить весь міръ. А вы, вы не вѣрите ни во что. И вы погибнете за нихъ!

Съ угрожающимъ жестомъ онъ махнулъ рукой, и прежде, чѣмъ я успѣлъ ему отвѣтить, карета тронулась, и онъ остался позади насъ. Въмѣсто его лица въ окно кареты глянулъ сѣрый, унылый горный видъ. Начинало темнѣть, а до Вилльрога было еще съ милю. Я былъ радъ, что мы наконецъ тронулись и освободились отъ Фромана.

Теперь я понимаю, почему Фромана прозвали «зачинщикомъ изъ Нима». Отъ него такъ и вѣяло горячимъ дыханіемъ южнаго города, въ его голосѣ слышалась страстность извѣстныхъ на весь міръ спорщиковъ. Съ тяжелымъ чувствомъ я продолжалъ вдумываться въ его слова и вспоминалъ то, что по этому поводу говорили отецъ Бенедиктъ и баронъ де-Жеоль. Пока карета плелась впередъ, подпрыгивая отъ толчковъ дороги, я думалъ, забив-

шись въ уголь. Наконецъ стало совсѣмъ темно, и мы оставились на улицѣ деревни.

Я хотѣлъ помочь маркизѣ выйти изъ экипажа и предложилъ ей руку.

— Нѣтъ, нѣтъ!—воскликнула она, отстраняясь отъ меня съ ужасомъ:—я не хочу даже дотрагиваться до васъ.

Она, видимо, намѣревалась удалиться отъ меня и оставить ужинать меня одного. Но въ деревенской гостиницѣ нашлась всего одна комната для прїѣзжающихъ и кухня. Въ комнатѣ былъ большой альковъ, занавѣшенный темною занавѣской, гдѣ дамы могли уснуть, но гдѣ онѣ не могли, конечно, ужинать. Гостиница была одна изъ самыхъ худшихъ, какую мнѣ только приходилось встрѣчать. Отъ грязной служанки несло хлѣвомъ, вмѣсто посѣтителей—три какіе-то мужика. Окна были безъ стеколъ, полъ земляной. Маркиза, привыкшая къ дорожнымъ неудобствамъ и поддерживаемая своимъ гнѣвомъ, отнеслась ко всему этому съ пренебреженіемъ большой барыни. Но Дениза, только что покинувшая свою монастырскую школу, широко открывала глаза, слыша ихъ крики и ругательства, и, блѣдная и испуганная, ежидась на своемъ креслѣ.

Сначала мнѣ показалось, что маркиза не обращаетъ на нихъ вниманія, но скоро я замѣтилъ, что ошибаюсь. Послѣ ужина, когда шумъ особенно усилился, она подошла ко мнѣ и, вложивъ въ свой тонъ весь свой гнѣвъ и презрѣніе, которые наружно должна была подавлять, крикнула мнѣ на ухо, что мы должны ѣхать какъ можно раньше.

— На разсвѣтѣ, и даже раньше!—прохрипѣла она съ яростью.— Это ужасно, ужасно! Эта комната убиваетъ меня! Я бы поѣхала и сейчасъ, несмотря ни на темноту, ни на холодъ...

— Я поговорю съ ними, — перебилъ я и направился къ столу.

Она схватила меня за рукавъ и ущипнула до того, что я чуть не вскрикнулъ.

— Безумный человѣкъ!—быстро заговорила она.— Неужели вы хотите погубить насъ всѣхъ! Одно слово—и мы будемъ открыты! Нѣтъ, нѣтъ! На разсвѣтѣ мы уѣдемъ. Спать мы не будемъ; какъ только станетъ разсвѣтать, мы поѣдемъ.

Я, конечно, согласился съ нею. Подойдя къ кучеру, который занялъ наше мѣсто за столомъ, она шепнула ему на ухо нѣсколько словъ и направилась къ алькову, куда уже спряталась было мадемуазель. Къ несчастію, ея движеніе привлекло къ себѣ вниманіе пьяныхъ мужлановъ за столомъ, и одинъ изъ нихъ, поднявшись съ мѣста, перехватилъ ее на дорогѣ.

— Тость! Тость!—закричалъ онъ, громко икая. И, едва передвигая ноги, онъ ей соваль стаканъ вина.—Тость! Каждый мужчина

во Франціи, каждая женщина, каждый ребенокъ—всѣ должны пить, а иначе—чортъ ихъ всѣхъ побори! А вотъ и трехцвѣтный бантъ. Долой мадамъ Вето! За трехцвѣтный бантъ! Пейте!

Пьяный грубіянь соваль ей стаканъ прямо въ лицо, а его товарищи орали:

— Пейте! Пейте! Да здравствуетъ трехцвѣтный бантъ! Долой мадамъ Вето!

Это было уже слишкомъ. Я вскочилъ на ноги и бросился на негодаевъ. Но маркиза, изумительно сохранявшая присутствіе духа, остановила меня взглядомъ.

— Нѣтъ,—крикнула она, гордо поднимая голову:—питья не буду.

— Ага! Аристократы!—съ подлымъ смѣхомъ завопилъ онъ.— Пейте, не то мы вамъ....

— Я пить не буду!—отвѣчала маркиза, храбро глядя на него. Когда баронъ де-Жеоль будетъ здѣсь, вамъ придется дать ему отвѣтъ.

Лицо пьяницы вдругъ вытянулось.

— Вы знаете барона де-Жеоля?—спросилъ онъ совсѣмъ другимъ тономъ.

— Я разсталась съ нимъ въ сосѣдней деревнѣ и жду его сюда къ вечеру,—холодно отвѣчала маркиза.—Совѣтую вамъ самому пить при вашихъ тостахъ, а другихъ оставить въ покоѣ. Баронъ не такой человѣкъ, чтобы спускать обиду.

Чтобы скрыть свое смущеніе, нахаль пожалъ плечами.

— Если вы изъ числа его знакомыхъ,—пробормоталъ онъ, пробираясь обратно къ столу:—то, конечно, все обойдется благополучно. Онъ добрый человѣкъ и никого не обижаетъ. Если вы не аристократка...

— Я такая же аристократка, какъ и баронъ де-Жеоль.

Съ этими словами маркиза повернулась къ нему спиной и пошла къ алькову.

Три пьяницы старались не шумѣть болѣе: маркиза правильно сообразила, что въ этихъ мѣстахъ баронъ пользуется большимъ уваженіемъ. Закутавшись въ плащи, они улеглись на полу спать. Мнѣ пришлось сдѣлать то же самое, и ночь прошла гораздо спокойнѣе, чѣмъ я ожидалъ.

Сначала я долго не могъ уснуть, потомъ мало-по-малу я впалъ въ тяжелую дремоту. Отъ дурного воздуха въ комнатѣ мнѣ безпрестанно снились сны, одинъ другого неприятнѣе. Вдругъ мнѣ показалось, что кто-то наклонился надо мной, и я вдругъ проснулся. Стояла еще ночь, и все было тихо. Красные уголья въ каминѣ едва-едва освѣщали комнату. Поднявшись съ пола, я увидѣлъ маркизу, которая стояла около меня, показывая рукой на захрапывающихъ на полу мужчинъ.

— Тише!—прошептала она, прикладывая руку къ губамъ.—

Уже било пять часовъ. Жюль запрягаетъ лошадей. Я уже расплатилась съ хозяйкой гостиницы, и черезъ пять минутъ мы можемъ ѣхать.

— Но солнце взойдетъ еще черезъ часъ-два,—замѣтилъ я. Мнѣ хотѣлось чѣмъ-нибудь отомстить ей.

— Вы хотите заставить насъ испытать еще разъ то, что было?—спросила она разсерженно.—Вы хотите задержать насъ, пока дѣйствительно не пріѣдетъ баронъ де-Жеоль?

— Въ такомъ случаѣ, я готовъ,—отвѣчалъ я.

Не теряя времени, она скрылась за занавѣской, и я слышалъ, какъ онѣ шептались. Я надѣлъ свои сапоги и, порядочно продрогнувъ въ холодной комнатѣ, на минуту подошелъ къ камину и сталъ мѣшать угли носкомъ сапога. Потомъ я взялъ свою шпагу и приготовился къ отъѣзду.

Черезъ нѣсколько минутъ маркиза опять появилась около меня. При слабомъ свѣтѣ камина я замѣтилъ, что на ея лицѣ лежитъ отпечатокъ нетерпѣнія.

— Неужели онъ еще не готовъ?—шептала она.—Онъ будетъ копаться цѣлый день. Пойдите и поторопите его! Вдругъ явится Жеоль? Идите, поторопите его!

Такая торопливость была, конечно, ни къ чему: нельзя было и предполагать, чтобы баронъ пріѣхалъ въ такой часъ; но, сообразивъ, что нервы маркизы наконецъ не выдержали, я, осторожно ступая по полу, двинулся къ двери. Откинувъ задвижку, я очутился наружи и притворилъ за собой дверь. Холодный предразсвѣтный вѣтеръ съ мелкимъ снѣгомъ ударилъ мнѣ прямо въ лицо. Дрожь пробѣжала у меня по спинѣ. На востокъ чуть-чуть брезжило, кругомъ же все еще тонуло во мракѣ. Насколько я могъ сообразить, было около полуночи.

Не обращая вниманія на маркизу, я, поеживаясь отъ холода, направился къ двери конюшни—низенькой лачуги, стоявшей рядомъ съ домомъ среди цѣлаго моря грязи. Она была заперта, но въ ея окнѣ, выходящемъ въ противоположную отъ дома сторону, свѣтился тусклый желтый огонекъ, показывавшій, гдѣ дѣйствовалъ Жюль. Я отворилъ дверь и окликнулъ его. Онъ не отвѣчалъ, и мнѣ пришлось итти къ нему самому, пробираясь мимо грязныхъ, несчастныхъ лошадей. Наконецъ я добрался до нашихъ лошадей, которыя стояли рядомъ въ самомъ концѣ конюшни. Около нихъ на крючкѣ висѣлъ фонарь.

Не видя Жюля, я остановился, разыскивая его глазами. Вдругъ что-то черное хлестнуло меня прямо въ лицо. Я не могъ уже видѣть и тщетно старался освободиться отъ наброшеннаго на меня плаща. Кто-то желѣзными тисками схватилъ меня за руки и пригнулъ ихъ къ бокамъ. Пораженный неожиданностью, я хотѣлъ закричать, но тяжелый плащъ душилъ меня. Наконецъ, послѣ

отчаянной борьбы мнѣ удалось испустить полузадушенный крикъ. Въ эту минуту чьи-то руки—не тѣ, которыя схватили меня сначала, окончательно замкнули мнѣ ротъ плащомъ. Я чувствовалъ, какъ эти руки быстро обшарили меня. Такъ какъ я продолжалъ оказывать сопротивленіе, то человѣкъ, державшій меня, далъ мнѣ подножку, и мы вмѣстѣ упали на полъ.

Къ счастью, я упалъ на какую-то подстилку. Тѣмъ не менѣе и при этомъ условіи я порядочно ушибся. Плащъ угрожалъ совершенно удушить меня, и нѣсколько минутъ я лежалъ безъ всякаго движенія. Воспользовавшись моимъ полубморочнымъ состояніемъ, негодяи крѣпко связали мнѣ руки и ноги. Потомъ они перенесли меня въ сторонку и бросили на что-то мягкое, очевидно, на сѣно: я слышалъ его запахъ. Тутъ я почувствовалъ, что на меня набрасываютъ сѣно охапку за охапкой. Я дѣлалъ отчаянныя усилія, чтобы закричать, но обернутый раза два или три вокругъ моей головы плащъ заглушалъ всякій звукъ, и я едва могъ издать чуть-чуть слышный сдавленный звукъ.

VI.

Жалкое положеніе.

Я не боролся болѣе. Отъ усилій, которыя я дѣлалъ, чтобы вырваться отъ нападающихъ, а потомъ чтобы какъ-нибудь закричать, у меня сдѣлался приливъ крови къ головѣ. Я былъ совершенно истощенъ и лежалъ неподвижно, стараясь захватить легкими какъ можно больше воздуха. Сердце билось такъ, что, казалось, сейчасъ разорвется. Я легко могъ задохнуться и сознавалъ это, но страхъ передъ такой участью невольно заставлялъ меня напрягать всѣ силы, дѣлать все возможное, чтобы получить хоть немного воздуха.

Мнѣ было жарко, какъ въ огнѣ, и я весь обливался потомъ. Съ величайшими усиліями мнѣ удалось повернуться на бокъ, и дышать стало свободнѣе. Все же мое положеніе было ужасно. Я былъ совершенно безпомощенъ. Къ тому же не успѣли затихнуть прежнія страданія, какъ начались новыя: веревки, которыми были связаны мои руки, стали впиваться мнѣ въ тѣло, а рукоятка шпаги немилосердно давила мнѣ бокъ. Плечи и спина болѣли немилосердно. И я чувствовалъ себя обреченнымъ на медленную смерть, тогда какъ одинъ крикъ, одинъ только крикъ, если бъ я могъ это сдѣлать, избавилъ бы меня отъ этого ужаса.

Отъ этой мысли я сходилъ съ ума. Вдругъ мнѣ послышалось, что около меня раздался какой-то слабый звукъ, какъ будто кто-то тихо шелъ по конюшнѣ. Я потерялъ всякое самообладаніе и сталъ опять биться, глухо стоная. Но эта вспышка только ухудшила

мое положеніе. Никто не услышалъ меня. Или, можетъ быть, я самъ оглохъ отъ сильнаго прилива крови къ головѣ. Я опять впалъ въ отчаяніе и лежалъ въ полуобморочномъ состояніи, неспособный ни думать, ни составить какой-нибудь планъ спасенія.

Я лежалъ довольно долго, пока не привелъ меня въ чувство какой-то глухой шумъ. Вдругъ я почувствовалъ въ ногѣ рѣзкую боль и вскрикнулъ. Хотя плащъ и набросанное на меня сѣно и заглушали звукъ моего голоса, но мнѣ показалось, что я тоже услышалъ чей-то крикъ. Потомъ опять водворилось безмолвіе.

Я подумалъ, что все это мнѣ представилось во снѣ—и боль, и крикъ. Но нѣтъ: сѣно надо мной зашевелилось, тяжесть его стала на мнѣ уменьшаться, я услышалъ чьи-то голоса и понялъ, что я спасенъ. Черезъ минуту блеснулъ слабый свѣтъ, меня схватили и среди шума и криковъ куда-то потащили. Плащъ былъ сорванъ съ моей головы: кругомъ меня стояло съ полдюжины изумленныхъ фізіономій, уставившихся на меня глазами.

— Боже мой! Да это тотъ самый баринъ, который долженъ былъ отправиться сегодня утромъ!—закричала какая-то женщина, всплескивая руками.

То была хозяйка гостиницы.

Въ горлѣ у меня пересохло, губы распухли, но я все-таки собралъ всѣ силы и сказалъ, чтобы меня скорѣе развязали.

Испуская возгласы удивленія, хозяйка принялась за дѣло. Такъ какъ все тѣло мое онѣмѣло и я совершенно не могъ двигаться, то меня подняли на руки и понесли къ дверямъ конюшни. Здѣсь меня посадили на стулъ и дали глотокъ воды. Вода и холодный воздухъ возстановили мои силы, и я могъ подняться на ноги. Меня, конечно, засыпали вопросами, но у меня голова шла кругомъ, и еще долго не могъ я окончательно прійти въ себя.

Въ окружавшей меня толпѣ явилось какое-то новое лицо, повидимому, весьма важное. Растолкавъ крестьянъ и конюховъ, онъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ:

— Что тутъ такое? Какъ вы попали въ конюшню?

За меня отвѣчала хозяйка гостиницы, что одинъ изъ работниковъ, желая взять сѣна, вилами прокололъ мнѣ ногу и что такимъ образомъ я былъ найденъ.

— Но кто это такой?—повелительно спросилъ вновь прибывшій.

То былъ высокій, сухощавый человѣкъ съ неприятнымъ выраженіемъ лица и подозрительными глазами.

— Я виконтъ де-Со,—отвѣчалъ я.

— Э!—односложно отозвался онъ.—Какимъ же образомъ попали вы въ конюшню?

— Я сдѣлался жертвой грабежа,—пробормоталъ я.

— Грабежа?—переспросилъ онъ съ усмѣшкой.—Въ нашей общинѣ нѣтъ грабителей, сударь!

— И тѣмъ не менѣ меня ограбили,—повторилъ я.

Вмѣсто отвѣта онъ вдругъ запустилъ безъ всякой церемоніи руку въ мои карманы и вынулъ оттуда кошелекъ. Онъ высоко поднялъ его, чтобы всѣ могли его видѣть.

— Ограбили?—насмѣшливо сказалъ онъ.—Не думаю!

Я съ удивленіемъ увидѣлъ свой кошелекъ. Потомъ, механически опуская въ карманъ то одну руку, то другую, я вынималъ оттуда одну вещь за другой. Онъ былъ правъ: грабежа не было. Табакерка, платокъ, часы, ножъ, маленькое зеркало, записная книжка—все это было цѣло.

— Теперь я припоминаю,—неожиданно вмѣшалась хозяйка.— Въ домѣ осталась еще пара сѣдельныхъ мѣшковъ, которые должны принадлежать этому господину.

— Да, это мои мѣшки,—вскричалъ я.—А гдѣ же дамы, которые были со мной?

— Онѣ уѣхали часа три тому назадъ,—отвѣчала хозяйка, съ удивленіемъ взглядывая на меня.—Я готова была поклясться, что и вы уѣхали вмѣстѣ съ ними. Но едва разсвѣтало, было еще темно, и я, вѣроятно, ошиблась.

Я вспомнилъ все, что со мной произошло, и страшная мысль, словно кинжаломъ, ударила меня въ сердце. Я быстро сунулъ руку въ мой внутренній карманъ и вывернулъ его: онъ былъ пустъ.

Командировка, служившая мнѣ охраной, исчезла!

Я испустилъ крикъ ярости и бросилъ вокругъ дикій взглядъ.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ сухой человѣкъ, встрѣчаясь со мною взглядомъ.

— Мои бумаги исчезли!—кричалъ я, скрежеща зубами. Мнѣ теперь все было ясно. У меня украли мои бумаги!

— Въ самомъ дѣлѣ?—недовѣрчиво сказалъ онъ.—Это надо еще доказать.

Я снова вывернулъ карманъ.

— Нѣтъ, не то,—въ томъ же тонѣ отвѣчалъ онъ.—Я вижу, что ихъ здѣсь нѣтъ. Но вѣдь вопросъ въ томъ, были ли онѣ здѣсь?

— Говорятъ же вамъ, что ихъ у меня украли!—въ бѣшенствѣ закричалъ я.

— Я говорю, что это еще надо доказать,—твердилъ онъ свое.— А пока вы этого не докажете, я не выпущу васъ отсюда. Вотъ и все.

— Кто вы такой?—съ негодованіемъ заговорилъ я:—позвольте узнать, по какому праву вы спрашиваете у меня бумаги?

— Я предсѣдатель здѣшняго комитета.

— Стало быть, вы предполагаете, что я самъ себя связалъ руки и старался задушить самъ себя подъ сѣномъ? И это я дѣлалъ нарочно, чтобы проскочить черезъ вашу жалкую деревушку?

— Я ничего не предполагаю,—холодно отвѣчалъ онъ.—Но

здѣсь пролегаетъ дорога въ Туринь, гдѣ, какъ говорятъ, графъ д'Артуа собираетъ недовольныхъ, и въ Нимъ, гдѣ красной кокардой прикрываются разные бездѣльники. Безъ бумагъ никто не можетъ пройти здѣсь.

— Что же вы будете дѣлать со мной?—спросилъ я, видя, что окружавшее насъ мужичье считаетъ его по крайней мѣрѣ Соломономъ.

— Я задержу васъ, пока вы не достанете бумагъ.

— Но вѣдѣ это не такъ-то легко сдѣлать. Кто меня можетъ знать здѣсь?

Онъ пожалъ плечами.

— Вы не можете уѣхать отсюда безъ бумагъ. Вотъ и все,— упрямо повторилъ онъ.

Напрасно я старался растолковать ему все, что со мной случилось. Напрасно я увѣрялъ, что знаю, кто укралъ мои бумаги. Последнее заявленіе только ухудшило дѣло.

— Вотъ какъ!—насмѣшливо замѣтилъ онъ.—Кто же это такой?

— Мошенникъ Фроманъ! Фроманъ изъ Нима!

— Его нѣтъ въ нашей округѣ.

— Я видѣлъ его вчера самъ.

— Это усложняетъ дѣло,—съ насмѣшливой улыбкой замѣтилъ предсѣдатель комитета:—и теперь-то мы уже ни въ коемъ случаѣ не можемъ отпустить васъ.

Холодъ пронизывалъ меня до мозга костей, и я вошелъ въ грязную гостиницу. Усѣвшись около очага, чтобы обдумать свое положеніе, я убѣдился, что меня караулятъ два парня. Не говоря ни слова, я вышелъ изъ двери и сталъ въ отчаяніи глядѣть на дорогу—и тотчасъ же около меня, словно по волшебству, выросли двое другихъ. Словомъ, куда бы я ни повернулся, сейчасъ же около меня кто-нибудь оказывался. Я увѣренъ, что если бы я вздумалъ пойти подальше, они схватили бы меня за руки и грубо велѣли бы итти назадъ.

Все это увеличивало мое раздраженіе. Временами мнѣ казалось, что я схожу съ ума. Вышученный маркизой де-Сентъ-Алэ и ограбленный Фроманомъ, который, вѣроятно, занялъ мое мѣсто и катилъ теперь спокойно съ моей командировкой въ карманѣ, я ходилъ взадъ и впередъ по дорогѣ, испытывая лихорадку отъ злобы и огорченія и проклиная по очереди неблагодарность маркизы, собственную безпечность, глупость этихъ мужлановъ, а больше всего безпомощность, на которую я былъ осужденъ.

Прошло еще дня два-три. То морозило, то наступала оттепель, дурная погода чередовалась съ хорошей, а я все еще сидѣлъ арестованнымъ въ этой жалкой деревушкѣ. Грязная гостиница, куда я прятался въ холодные часы, грязная дорога, шедшая около нея, рядъ низенькихъ хибарокъ, называемыхъ деревней,—все это смер-

тельно надоѣло мнѣ. Куда бы я ни пошелъ, это дурачье слѣдило за каждымъ моимъ шагомъ, словно это доставляло имъ громадное удовольствіе.

Я оставилъ свою лошадь въ Мило, гдѣ хозяинъ вызвался доставить ее дня черезъ два въ Ганжъ. Я ждалъ ее ежеминутно, и вся моя надежда заключалась въ томъ, что проводникъ лошади удостовѣритъ мою личность,—вѣдь въ Мило человекъ пятьдесятъ видѣли бумагу о моей командировкѣ или, по крайней мѣрѣ, слышали, какъ ее читали. Но лошади, какъ нарочно, не было и не было. Не было никого и изъ Мило.

Я начиналъ падать духомъ. Снестись съ Кагоромъ было очень затруднительно, а въ Нимъ, гдѣ могли удостовѣрить мою личность, меня не отпустить этотъ нелѣпный комитетъ: всѣ мои просьбы объ этомъ были напрасны.

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчалъ предсѣдатель комитета, едва я успѣлъ заикнуться объ этомъ. — Скоро, вѣроятно, появится кто-нибудь, кто можетъ удостовѣрить вашу личность, а пока запаситесь терпѣніемъ.

— Г. виконта, конечно, знаютъ многіе,—въ свою очередь, твердила хозяйка гостиницы, глядя на меня со сложенными на животѣ руками.

— Конечно, конечно,—вторила ей толпа, взирая на меня съ большимъ удовольствіемъ, какъ на нѣчто такое, что составляетъ предметъ ихъ славы.

Ихъ глупая снисходительность приводила меня въ бѣшенство, но что было въ этомъ толку?

— Въ концѣ концовъ, вѣдь вамъ здѣсь очень недурно — говорилъ кто-нибудь изъ членовъ комитета, пожимая плечами.—Очень, очень недурно.

— Гораздо лучше, чѣмъ подъ сѣномъ,—неизмѣнно подавалъ ему реплику человекъ, проколовшій мнѣ ногу вилами.

За этой шуткой обычно слѣдовалъ взрывъ смѣха и новое увѣщаніе—запаситесь терпѣніемъ. Послѣ этого комитетъ откланивался и подъ предводительствомъ хозяйки шелъ въ гостиницу.

Иногда, впрочемъ, бесѣды принимали въ кухнѣ болѣе опасный оборотъ. Сначала одинъ, потомъ другой начинали припоминать рассказы о разныхъ драгонадахъ, рассказы, въ которыхъ кровь лилась рѣкой и совершались всякіе ужасы, а мужчины и женщины съ горя мужественно встрѣчали самое худшее, что только могли придумать короли.

— И послѣ этого вы думаете, что намъ нѣтъ ни до чего дѣла?—обыкновенно спрашивалъ меня рассказчикъ съ разгорѣвшимися глазами.—Неужели вы думаете, что теперь, когда черезъ столько лѣтъ власть уже въ нашихъ рукахъ, а наши мучители бѣгутъ, неужели вы думаете, что мы будемъ слушать и смотрѣть, какъ они

опять примутся за то же? Гдѣ теперь все эти епископы и военачальники? Гдѣ земли, которыя они украли у насъ? Гдѣ десятины, которыя они кровавыми наказаніями брали съ насъ? Все это отнято у нихъ! И послѣ этого вы думаете, что на насъ опять наложатъ прежнее иго! Нѣтъ, этого не будетъ.

— Но никто объ этомъ и не говорить,—мягко возражалъ я.

— Именно въ этомъ-то весь и вопросъ,—слѣдоваль сердитый отвѣтъ.—Объ этомъ только и мечтають и въ Нимѣ, и въ Монтобанѣ, въ Авиньонѣ, и въ Арлѣ. Мы, жители горъ, часто видимъ, какъ тучи собираются на равнинѣ, и насъ не проведешь.

Я слушалъ и диву давался, начиная убѣждаться, что одно и то же слово въ устахъ разныхъ людей имѣетъ совершенно разное значеніе и что мирный рабочій съ сѣвера становился кровожаднымъ бунтовщикомъ на югѣ. Пригвожденный къ этому проклятому мѣсту, я не находилъ въ этомъ ничего успокоительнаго.

Прошло уже около двухъ недѣль. Хозяйка гостиницы была чрезвычайно довольна моимъ пребываніемъ: я платилъ хорошо, а приѣзжихъ было мало. Я сдѣлался предметомъ гордости всего комитета, какъ наглядное доказательство его могущества и важнаго значенія ихъ деревушки.

Нелѣпость моего положенія дѣлалась невыносимой, и я рѣшилъ бѣжать, во что бы то ни стало. Меня удерживало только соображеніе, что у меня нѣтъ лошади и что въ Ганжѣ я навѣрно буду задержанъ. Но теперь я былъ не въ силахъ оставаться въ этомъ положеніи и, взвѣсивъ все шансы, рѣшилъ бѣжать какъ-нибудь вечеромъ послѣ заката солнца и направиться прямо въ Мило. Комитетъ, очевидно, бросится догонять меня въ Нимъ, куда, какъ имъ извѣстно, я и ѣхалъ. Если же часть ихъ и направится по дорогѣ въ Мило, то у меня все-таки есть шансы спастись отъ нихъ въ темнотѣ.

Я рассчитывалъ достигъ Мило на разсвѣтѣ и здѣсь добыть лошадь и застисъ удостовѣреніемъ, съ которымъ можно было бы проѣхать въ Нимъ по другой дорогѣ.

Этотъ планъ казался исполнимымъ, и въ этотъ же вечеръ судьба оказалась благосклонной ко мнѣ. Человѣкъ, сторожившій меня, опрокинулъ себѣ на ноги котель съ кипяткомъ и, забывъ обо мнѣ и своей обязанности, выскочилъ вонъ и со стономъ направился къ себѣ домой. Черезъ нѣсколько минутъ хозяйку гостиницы позвали къ сосѣдкѣ, и я остался одинъ.

Я зналъ, что нельзя терять ни одной минуты. Поэтому я быстро надѣлъ плащъ, взялъ свои пистолеты съ полки, гдѣ они были положены, сунулъ въ карманъ хлѣба и незамѣтно вышелъ черезъ заднюю дверь. Здѣсь была собачья конура, но собака знала меня и только завилала хвостомъ. Прижимаясь къ стѣнѣ дома, я минуты черезъ двѣ былъ уже на дорогѣ въ Мило.

Ночь уже спустилась, но темнота была не особенно сильна. Пристально всматриваясь передъ собой, я двинулся, съ безпокойствомъ прислушиваясь, не будетъ ли за мной погони. Черезъ нѣсколько минутъ я былъ весь во власти этого безпокойства. Потомъ, когда скрылся позади послѣдній мигающій огонекъ деревни, а впереди царила ночь и глубокое безмолвіе горъ, меня охватило чувство одиночества и тоски. Дениза была въ Нимѣ, а я шель отъ нея въ противоположную сторону.

Подталкиваемый этой мыслью, я лихорадочно слѣшилъ впередъ и прошель, вѣроятно, съ милю, какъ вдругъ мнѣ послышался стукъ копытъ о камни. Звукъ шель спереди. Я отошелъ на край дороги и притаился, чтобы пропустить всадника. Мнѣ казалось, что я различаю стукъ подковъ трехъ лошадей, но, когда всадники приблизились, я увидѣлъ только двѣ темныя фигуры.

Вѣроятно, желая рассмотреть ихъ получше, я слишкомъ выставлялся впередъ. Во всякомъ случаѣ, я не принялъ въ расчетъ лошадей. Одна изъ нихъ, проходя совѣмъ близко отъ меня, испугалась и кинулась въ сторону, такъ что всадникъ едва не вылетѣлъ изъ сѣдла. Быстро оправившись, онъ направилъ лошадь прямо на меня. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать: двигаться было нельзя, ибо это значило бы выдать свое присутствіе, но и оставаться тутъ было тоже нельзя, ибо черезъ минуту всадникъ неминуемо замѣтитъ мою фигуру. И онъ дѣйствительно увидалъ меня.

— Эй! Кто здѣсь?—закричалъ онъ.—Говори, иначе...

Но я уже схватилъ его лошадь за узду. Сердце у меня билось такъ, словно хотѣло выскочить.

— Баронъ де-Жеоль!—воскликнулъ я.

— Назадъ!—закричалъ онъ, стараясь разглядѣть меня и, очевидно, не узнавая меня по голосу.—Кто тутъ?

— Я, виконтъ де-Со,—весело отвѣчалъ я.

— Вотъ какъ! А я думалъ, что вы уже въ Нимѣ!—воскликнулъ онъ съ величайшимъ изумленіемъ.—Вѣдь прошло уже десять дней! Ваша лошадь съ нами.

— Моя лошадь? Да неужели?

— Да, вашъ пріятель ведетъ ее изъ Мило. Но гдѣ же вы были все это время?—продолжалъ онъ подозрительно.

— Я потерялъ мой паспортъ, или, вѣрнѣе, у меня его укралъ Фроманъ.

Баронъ де-Жеоль свистнулъ.

— И въ Вилльрогѣ меня арестовали,—продолжалъ я.—Съ тѣхъ поръ я и оставался здѣсь.

— А,—сухо промолвилъ онъ.—Вотъ что значить ѣздить въ дурной компаніи. А теперь вы, должно быть...

— Бѣгу,—перебилъ я его.—Но вы... Я полагалъ, что вы проѣхали уже давнымъ-давно...

— Меня задержали. Совѣтую вамъ сѣсть на лошадь и ѣхать вмѣстѣ со мной.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ,—весело отвѣчала я.—Вы будете любезны удостовѣрить, кто я.

— Я? Конечно, нѣтъ,—отвѣчалъ онъ.—Я васъ не знаю. Мнѣ известно о васъ только то, что вы мнѣ сами сообщили.

Сердце у меня оборвалось, и съ минуту я молча смотрѣлъ на него въ темнотѣ. Вдругъ изъ темноты раздался чей-то голосъ:

— Не бойтесь, г. виконтъ, я поручусь за васъ.

Я вздрогнулъ.

— Кто это говорить?

— Это я, Бютонъ,—послышался отвѣтъ.— Я веду вашу лошадь.

То былъ дѣйствительно членъ нашего комитета, капитанъ Бютонъ.

Этотъ эпизодъ положилъ конецъ моимъ затрудненіямъ. Когда черезъ десять минутъ мы вернулись въ деревушку, комитетъ, напуганный полномочіями Бютона, сразу сдался на его завѣренія и не дѣлалъ уже никакихъ препятствій къ моему отъѣзду.

Черезъ полсутокъ мы втроемъ—весьма странное сообщество—проѣхали уже черезъ Сюмень. Ночевали мы уже въ Совѣ и, оставивъ позади себя горную область съ ея холодомъ и снѣгомъ, стали спускаться по залитому солнцемъ западному склону долины Роны. Цѣлый день мы ѣхали среди полей, луговъ и оливковыхъ роцъ, въ насыщенномъ ароматомъ воздухѣ. Бѣлая пыль, бѣлыя скалы свидѣтельствовали, что мы находимся уже на югѣ. Еще до захода солнца вдаль показался Нимъ, и мы ознаменовали окончаніе нашего путешествія громкими криками.

VII.

Въ Нимѣ.

Легко понять, что я глядѣлъ на этотъ городъ съ чувствами, не совсѣмъ обыкновенными. Я такъ много слышалъ о немъ еще въ Вилльрогѣ, что для меня было ясно, что именно здѣсь, а не на сѣверѣ рѣшается судьба націи,—здѣсь, въ устьяхъ Роны, среди оливковыхъ роцъ, а не въ Парижѣ, гдѣ Лафайеттъ и Мирабо изъ страха передъ толпой сегодня дѣлали шагъ впередъ къ королю, а завтра опять назадъ къ толпѣ. Не тамъ, среди хлѣбныхъ полей и сочныхъ пастбищъ, а здѣсь, среди этой южной мѣловой пыли, будутъ оставлены эти гибельныя конвульсіи.

Я долго и съ любопытствомъ смотрѣлъ на городъ, отъ котораго ждали такъ много. Смотрѣлъ на длинный рядъ плоскихъ крышъ и бѣлыхъ домовъ, которые понемногу спускались по послѣднимъ

отрогамъ Севеннъ къ равнинѣ рѣки Роны. Къ сѣверу отъ него, на самой его окраинѣ высились три небольшихъ холма. Средній изъ нихъ былъ увѣнчанъ башней, а тотъ, который стоялъ на западной сторонѣ, отбрасывалъ отъ себя длинную тѣнь, почти доходившую до самой рѣки. И на этихъ холмахъ, и на вившейся передъ нами дорогѣ, и на уже зазеленѣвшей равнинѣ, и въ большихъ заводахъ, тамъ и сямъ виднѣвшихся въ предмѣстьѣ,—вездѣ было множество народа, ходившаго туда и обратно, въ одиночку и группами: одни сидѣли ради собственнаго удовольствія подъ городскими стѣнами и ничего не дѣлали, другіе озабоченно спѣшили по своимъ дѣламъ.

Насколько я могъ замѣтить, всѣ носили какой-нибудь отличительный знакъ: у многихъ были трехцвѣтныя ленты, у большинства же красныя,—красныя банты, красныя кокарды—эмблемы, при видѣ которыхъ лица моихъ спутниковъ становились все мрачнѣе. Не понравилась имъ и другая особенность этого мѣста: колокольный звонъ, призывавшій къ вечерней службѣ, хотя этотъ звонъ звучалъ въ вечернемъ воздухѣ очень красиво. Оба мои спутника невольно нахмурились и быстрѣе двинулись впередъ. Я какъ-то незамѣтно отсталъ отъ нихъ. Когда мы поѣхали по городскимъ улицамъ, сильное движеніе и любопытство, съ которымъ я осматривался кругомъ, отдалили меня отъ нихъ еще болѣе. Потомъ попалась навстрѣчу цѣлая вереница повозокъ, пересѣкъ дорогу отрядъ національной гвардіи—и я оказался одинъ, шагахъ въ ста отъ моихъ спутниковъ.

Я, впрочемъ, не жалѣлъ объ этомъ: волнующаяся толпа, постоянно мѣняющіяся лица, южный говоръ, движущіяся линіи солдатъ, крестьяне, женщины—все это привлекало мое вниманіе. Особенно я былъ доволенъ своимъ одиночествомъ, когда вдругъ со мной произошло то, чего я никакъ не предполагалъ въ Нимѣ. Проѣзжая мимо какого-то окна съ рѣшеткой, я случайно поднялъ на него свой разсѣянный взглядъ— и въ то же мгновеніе чья-то бѣлая ручка махнула мнѣ изъ него въ знакъ привѣта платкомъ. Пока я натянулъ поводья и остановилъ лошадь, платокъ исчезъ, и на кнѣ уже никого не было. Съ этой минуты мысль о Денизѣ не покидала меня болѣе.

Вокругъ меня не было никого другого, къ кому могъ бы относиться этотъ привѣтъ. Но я не смѣлъ вѣрить, что мнѣ удалось опять найти Денизу!

Я еще разъ не безъ колебанія обернулся къ окну, и опять кто-то махнулъ мнѣ платкомъ. На этотъ разъ было несомнѣнно, что привѣтствіе относится именно ко мнѣ. Я пустилъ свою лошадь черезъ толпу, подѣхалъ къ крыльцу дома и бросилъ поводья какому-то малому, который стоялъ возлѣ. У меня не хватило духа спросить его, кто живетъ въ этомъ домѣ, и я, ограничившись лишь бѣглымъ

взглядомъ на скучныя бѣлыя стѣны и длинный рядъ оконъ съ рѣшетками, постучалъ въ дверь.

Дверь открылась въ ту же минуту, и появился слуга. Я не подумалъ заранѣе, что мнѣ сказать ему, и довольно глупо смотрѣлъ на него молча. Потомъ наудачу я спросилъ, принимаетъ ли хозяйка дома.

Онъ вѣжливо отвѣтилъ, что принимаетъ, и распахнулъ передо мной двери.

Конфузаясь и удивляясь всему происходящему, я вошелъ. Лакей повелъ меня по довольно обширной залѣ, выложенной чернымъ и бѣлымъ мраморомъ. Потомъ пришлось подниматься вверхъ по лѣстницѣ. Все, что попадалось на глаза, начиная отъ ливреи лакея до лѣпныхъ потолковъ, носило печать утонченности и изящества. Въ залѣ въ кадкахъ стояли апельсиныя деревья, стѣны были украшены античными фрагментами. Все это я замѣтилъ мимоходомъ. Разглядывать было некогда—черезъ минуту я уже былъ наверху лѣстницы, и лакей, отворивъ дверь, посторонился и далъ мнѣ дорогу.

Я вошелъ въ залъ съ сіяющими глазами, рассчитывая, что здѣсь меня встрѣтитъ дѣвушка, которую я такъ любилъ. Но вмѣсто нея мнѣ навстрѣчу поднялась какая-то незнакомая дама, сидѣвшая у выступа окна. То была высокая, серьезная и очень красивая дама. Она впилась въ меня глазами, слегка зарумянившись своимъ оливковаго цвѣта лицомъ.

Видя передъ собой незнакомку, я забормоталъ что-то, извиняясь за мое вторженіе.

— Пожалуйста,—промолвила она, улыбаясь.—Васъ ждали, и ужинъ для васъ накрытъ. Если позволите, то Жервье отведетъ васъ въ комнату, гдѣ можно будетъ почиститься отъ дорожной пыли.

— Позвольте, мадамъ,—въ смущеніи забормоталъ я:—боюсь, что я слишкомъ безцеремоненъ...

Она, улыбаясь, покачала головой.

— Пожалуйста,—промолвила она, показывая рукой на дверь.

— Но какъ же быть съ моей лошадюю?—проговорилъ я въ смущеніи.—Я оставилъ ее на улицѣ.

— О, объ ней позаботятся. Не угодно ли?

И слегка повелительнымъ жестомъ она опять указала мнѣ на дверь.

Удивленіе мое продолжало увеличиваться. Человѣкъ, который привелъ меня сюда, повелъ меня дальше по широкому свѣтлому коридору въ мою комнату, гдѣ я нашелъ все необходимое для того, чтобы привести туалетъ въ порядокъ. Онъ снялъ съ меня плащъ и шляпу и ждалъ дальнѣйшихъ моихъ приказаній. Видно было, что это былъ вымуштрованный малый.

Оправившись немного отъ изумленія, я хотѣлъ было пораз-

спросить его, но онъ извинился и сослался на то, что всѣ объясненія мнѣ дастъ сама мадамъ.

— Мадамъ?—спросилъ я, рассчитывая, что онъ пополнить пробѣлъ и назоветъ фамилію.

— Такъ точно, сударь, всѣ свѣдѣнія вамъ дастъ мадамъ,—отвѣчалъ онъ безъ малѣйшаго признака улыбки.

Потомъ, видя что я уже готовъ, онъ повелъ меня обратно, но не въ ту комнату, гдѣ я былъ раньше, а въ другую.

Я вошелъ въ нее, словно человѣкъ, который видитъ все это во снѣ. Я надѣялся, по крайней мѣрѣ, что теперь загадка должна наконецъ разъясниться, но не тутъ-то было.

Комната была довольно велика, съ паркетными полами и тремя узкими, но высокими окнами. Одно изъ нихъ было полуоткрыто, и съ улицы въ него доносился шумъ толпы. На небольшомъ каминѣ съ мраморными колонками горѣлъ небольшой огонь. Въ одномъ углу виднѣлись клавикорды и арфа. Ближе къ огню стоялъ круглый столъ, красиво сервированный для ужина. На немъ въ старинныхъ серебряныхъ подсвѣчникахъ было зажжено нѣсколько свѣчей. Около стола стояла та самая дама, которую я уже видѣлъ.

— Не озябли ли вы?—спросила она, двинувшись ко мнѣ навстрѣчу.

— Нѣтъ, сударыня.

— Въ такомъ случаѣ садитесь за столъ.

Я сѣлъ, гдѣ она мнѣ указала, и съ удивленіемъ замѣтилъ, что приборы были накрыты только для насъ двоихъ. Она, очевидно, замѣтила мой изумленный взглядъ и слегка покраснѣла. Губы ея задрожали, какъ бы отъ усилія сдержать невольную улыбку. Тѣмъ не менѣе она не сказала ни слова. Всякая мысль, которая могла бы быть оскорбительной для нея, какъ-то невольно исключалась благородствомъ ея манеръ, богатствомъ, которое ее окружало, и той почтительностью, съ которою обращался къ ней слуга.

— Сколько вы проѣхали сегодня?—спросила она, разламывая хлѣбъ пальцами, въ которыхъ невольно сказывалась какая-то нервность.

— Отъ самаго Сова,—отвѣчалъ я.

— А! А куда вы предполагаете ѣхать дальше?

— Никуда.

— Очень рада слышать это,—промолвила она съ очаровательной улыбкой.—У васъ нѣтъ никого знакомыхъ въ Нимъ?

— Не было, но теперь есть.

Она безъ церемоніи посмотрѣла мнѣ прямо въ глаза.

— Чтобы вы могли чувствовать себя еще болѣе, какъ дома,—проговорила она:—я скажу вамъ теперь свое имя. Вашего я не спрашиваю.

— Какъ! Развѣ вы его не знаете?

— Нѣтъ,—со смѣхомъ отвѣчала она.

Когда она смѣялась, я замѣтилъ, что она гораздо моложе, чѣмъ я предполагалъ.

— Конечно, вы можете сами сказать мнѣ ваше имя, если вамъ кажется это нужнымъ.

— Въ такомъ случаѣ, сударыня, позвольте представиться: маркизь де-Со изъ Кагора, къ вашимъ услугамъ.

Она замерла въ своей позѣ и устремила на меня взоръ въ неподдѣльномъ изумленіи. Мнѣ показалось, что въ ея глазахъ мелькнуло что-то въ родѣ ужаса.

— Маркизь Со изъ Кагора?—переспросила она.

— Да, сударыня. Боюсь, что меня здѣсь приняли за кого-то другого,—добавилъ я, видя ея испугъ.

— О, нѣтъ!—отвѣчала она.

Какъ будто для того, чтобы дать выходъ охватившимъ ее чувствамъ, она принялась смѣяться и хлопать въ ладоши.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Тутъ нѣтъ ошибки!—весело вскричала она.— Напротивъ! Теперь, когда я знаю, кто вы, я хочу предложить тостъ за васъ! Альфонсъ! Налейте стаканъ г. виконта и оставьте насъ вдвоемъ! Теперь,—продолжала она, когда слуга вышелъ,—вы должны выпить со мной по-англійски за здоровье...

Она внезапно смолкла и лукаво смотрѣла на меня.

— Я весь вниманіе,—сказалъ я, кланяясь.

— За здоровье прекрасной Денизы!

Теперь была моя очередь изображать изъ себя изумленіе и смущеніе. Но она только смѣялась и, хлопая руками, съ дѣтскимъ увлеченіемъ кричала:

— Вы должны пить, сударь. Должны пить.

Краснѣя подъ ея взглядами, я храбро осушилъ свой стаканъ.

— Прекрасно,—промолвила она, когда я поставилъ свой стаканъ на столъ.—Теперь я могу сказать вамъ изъ самаго достовѣрнаго источника, что тамъ не падаютъ духомъ.

— Почему же вы знаете эти достовѣрные источники?—спросилъ я.

— Ахъ, почему я знаю?—спросила она наивно.—Вотъ въ этомъ-то и весь вопросъ.

Однако она такъ и не отвѣтила мнѣ на вопросъ. Было замѣтно, что съ этого момента она взяла со мной совершенно другой тонъ. Бросивъ излишнюю сдержанность, она бомбардировала меня веселыми шутками, противъ которыхъ я защищался, какъ могъ. Эта дуэль съ такимъ противникомъ была не лишена пикантности. Эти нападенія становились тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе приходилось касаться моихъ отношеній къ Денизѣ, и я былъ очень радъ, когда часы пробили восемь, и это обстоятельство заставило ее смолкнуть.

При этомъ ея лицо сдѣлалось почти мрачнымъ, она вздохнула и сидѣла уныло, глядя передъ собой безъ опредѣленной цѣли. Я спросилъ, не почувствовала ли она себя худо.

— Я хочу сдѣлать вамъ испытаніе,—отвѣчала она.

— Вы хотите, чтобы я что-нибудь сдѣлалъ?

— Я хочу, чтобы вы проводили меня въ одно мѣсто.

— Готовъ вамъ сопутствовать,—весело отвѣчалъ я, поднимаясь.—

Я былъ бы трусомъ, если бы не сдѣлалъ этого. Но, кажется, сударыня, вы хотѣли сообщить мнѣ ваше имя?

— Меня зовутъ madame Катина,—отвѣчала она.

Не знаю, что показалось ей въ моихъ глазахъ, но она поспѣшила прибавить, густо покраснѣвъ:

— Я вдова, а остальное васъ не касается.

— Слушаю-сь.

— Я буду ждать васъ въ залѣ,—продолжала она спокойно.

Я отворилъ дверь, и она вышла. Совершенно сбитый съ толку этимъ приключеніемъ, я съ минуту походилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ тоже пошелъ внизъ. При свѣтѣ лампы, слабо освѣщавшей залу, я увидѣлъ ее, стоящую около лѣстницы. На голову ея была накинута черная мантилья, а на ней самой былъ наброшенъ темнаго цвѣта плащъ. Слуга, который ввелъ меня въ домъ, молча подалъ мнѣ шляпу и плащъ. Не говоря ни слова, таинственная незнакомка повела меня по длинному коридору.

Въ концѣ этого коридора за дверью мелькалъ какой-то свѣтъ. Онъ упалъ мнѣ прямо на шляпу, которую я только что хотѣлъ надѣть. Каково же было мое удивленіе, когда вмѣсто трехцвѣтной кокарды, которую я носилъ, на ней оказалась красная!

Незнакомка слышала, что я остановился, и, обернувшись, за-мѣтила мое изумленіе. Она быстро взяла меня подъ руку и шепотомъ проговорила:

— Только на одинъ часъ, только на часъ. Дайте мнѣ вашу руку.

Взволнованный,—я начиналъ предчувствовать осложненіе и опасность,—я надѣлъ шляпу и предложилъ ей свою руку. Черезъ минуту мы уже стояли въ какомъ-то темномъ узкомъ переулкѣ между двумя высокими стѣнами. Она сразу повернула налево, и мы молча прошли шаговъ сто или полтора, пока не очутились около низкой двери, сквозь которую былъ виденъ свѣтъ. Незнакомка, слегка налегая мнѣ на руку, указывала путь. Мы переступили черезъ порогъ и очутились въ узкомъ вестибюлѣ. Черезъ нѣсколько шаговъ, къ величайшему моему удивленію, мы оказались въ церкви, переполненной безмолвными богомольцами.

Моя спутница приложила къ губамъ палецъ въ знакъ необходимости соблюдать молчаніе и повела меня вдоль темнаго бокового притвора, пока мы не нашли свободнаго мѣста у одной изъ колоннъ.

Она сдѣлала мнѣ знакъ, чтобы я сталъ около колонны, а сама опустилась на колѣни.

Получивъ наконецъ возможность осмотрѣться свободно, я оглядывался вокругъ себя, словно человѣкъ, который видитъ все это во снѣ. Средина церкви, слабо освѣщенная, дѣлалась еще темнѣе отъ множества темныхъ плащей и накидокъ колѣнопреклоненной толпы, которая становилась все гуще и гуще. Мужчины стояли по большей части возлѣ колоннъ или сзади, откуда время отъ времени доносился какой-то тихій гулъ—единственный звукъ, нарушавшій это тяжелое молчаніе. Красная лампада, горѣвшая передъ алтаремъ, бросала слабый отблескъ на эту черную массу, и темнота дѣлалась отъ этого какъ будто еще гуще.

Тишина, царившая въ церкви, подавляла меня. Толпа и обширное пространство, наполненное мракомъ, начинали дѣйствовать на нервы. Самъ не знаю отчего, мое сердце билось все сильнѣе и сильнѣе. Наконецъ, когда чувство угнетенія стало невыносимымъ, изъ алтаря послышались меланхолическіе знакомые звуки «*Miserere, Domine!*»!

Было что-то особенно торжественное въ этихъ звукахъ, когда они, то поднимаясь, то опускаясь въ тишинѣ, перелетали черезъ молящихся, потрясая всѣ сердца. Глаза невольно заволакивались слезами; казалось, чья-то рука сжимала горло, головы даже у сильныхъ людей никли, а руки дрожали.

Пѣніе наконецъ смолкло. Псаломъ замеръ. Среди темноты вдругъ въ одномъ мѣстѣ вспыхнулъ яркій свѣтъ. Показалось худое, блѣдное лицо съ горящими глазами, смотрѣвшими не на молящихся, а въ пространство, выше ихъ, туда, гдѣ смутно виднѣлись на аркахъ свода рѣзныя изображенія святыхъ.

Раздалась проповѣдь.

Сначала тихо и монотонно проповѣдникъ заговорилъ о неизвѣданныхъ путяхъ Господнихъ, о вѣчности прошлаго и мимолетности настоящаго, о всемогуществѣ Божиѣмъ, передъ которымъ ничто и время, и пространство. Потомъ, постепенно усиливая голосъ, онъ перешелъ къ церкви, орудію Божию на землѣ, къ дѣлу, которое она дѣлала въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ. Онъ призывалъ молящихся крѣпко держаться церкви, стоять за нее.

Не успѣлъ проповѣдникъ произнести послѣднія слова, какъ свѣтъ около него потухъ, и безгласная масса снова погрузилась въ темноту. Толпа была охвачена волненіемъ. Мужчины переставляли ноги съ какимъ-то страннымъ шумомъ, который, сгущаясь подъ сводами, напоминалъ легкій громъ. Женщины рыдали, вскрикивали и громко молились. Священникъ, стоя у алтаря, благословлялъ богомольцевъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

Я едва пришелъ въ себя отъ всего испытаннаго, когда моя спутница дотронулась до моей руки и, сдѣлавъ знакъ, чтобы я шелъ

за ней, быстро поднялась съ своего мѣста и пошла впередъ. Ночной воздухъ пахнулъ намъ въ лицо свѣжестью. Черезъ нѣсколько минутъ мы были уже дома передъ освѣщеннымъ салономъ, гдѣ я впервые встрѣтился съ m-me Катиню.

Прежде, чѣмъ я успѣлъ сообразить, что она собирается дѣлать, она быстро повернулась ко мнѣ и обѣими руками схватила мою руку. Слезы градомъ катились по ея щекамъ.

— Кто со Мной?—вскричала она, повторяя слова проповѣди. И, закрывъ лицо руками, она такъ же быстро отвернулась отъ меня.

Я стоялъ въ полномъ смущеніи: видъ этой плачущей женщины произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе. Нѣсколько минутъ я не могъ говорить.

— Сударыня,—нетвердо началъ я наконецъ:—вы были такъ любезны по отношенію ко мнѣ, и я страшно сожалѣю, что не могу васъ отблагодарить за это.

— Не говорите этого!—воскликнула она, прерывая меня.— Не говорите!

Она положила опять свои стиснутыя руки мнѣ на плечо и сквозь слезы пристально посмотрѣла на меня.

— Простите меня,—скромно проговорила она.—Я неправильно принялась за дѣло. Я чувствую слишкомъ сильно и спрашиваю слишкомъ быстро. Но вы не измѣните своему достоинству? Не измѣните?

— Однако на меня возложено порученіе отъ комитета,—заметилъ я.

— Откажитесь отъ него

— Но это не уничтожитъ моихъ отношеній къ комитету.

— Кто со Мной! Кто со Мной!—мягко повторяла она.

Я глубоко вздохнулъ. Въ тишинѣ комнаты слышно было, какъ потрескивалъ уголь въ каминѣ и тикали часы.

— За Бога и короля!—твердо промолвила незнакомка, глядя на меня сверкающими глазами.

— Что я могу сдѣлать для васъ, если бъ даже у меня и были развязаны руки!—почти грубо вскричалъ я.—Чѣмъ я могу вамъ помочь?

— Всѣмъ! Всѣмъ! Съ вами однимъ мужчиной будетъ больше!—вскричала она.—Одинъ лишній мужчина въ борьбѣ за право! Слушайте! Вы еще не знаете, что происходитъ, не знаете, какія притѣсненія мы переживаемъ...

Вдругъ она остановилась и, глядя на меня, стала прислушиваться. На ея лицѣ мелькнуло какое-то новое выраженіе. Дверь была открыта, и снизу доносился мужской голосъ, говорившій внизу. Потомъ слышно было, какъ кто-то быстрыми шагами прошелъ по залѣ и затопалъ по лѣстницѣ.

Моя незнакомка, видимо, была поражена удивленіемъ и съ широко раскрытыми глазами продолжала прислушиваться къ

приблизившимся шагамъ. Въ самую послѣднюю минуту она сдѣлала мнѣ знакъ молчать, быстро бросилась къ двери и вышла, притворивъ ее за собой.

Я былъ убѣжденъ, что мужчина уже достигъ двери: я слышалъ, какъ у него вырвалось восклицаніе, когда она внезапно появилась предъ нимъ. Потомъ онъ что-то сказалъ ей, но такъ тихо, что я не могъ разобрать, что именно. Не могъ я разобрать и ея отвѣта, но послѣднія ихъ слова слышалъ довольно явственно:

— Итакъ, вы не желаете открыть двери?

— Эту—нѣтъ,—храбро отвѣчала она.—Вы можете видѣться со мной и въ другой комнатѣ.

Наступило молчаніе. Я могъ слышать, какъ они дышатъ. Меня ударило въ жаръ.

— О, это несносно!—вскричалъ онъ опять.—Неужели вы поставили себѣ цѣлью принимать у себя любого незнакомца, которому случится пріѣхать въ городъ? И вы занимаетесь съ ними, даете имъ ужины въ то самое время, когда у меня сердце разрывается на части. Я хочу туда войти.

— Вы не войдете!—съ негодованіемъ вскричала она.

Мнѣ показалось однако, что это негодованіе было дѣланымъ, что въ ея голосѣ слышался скорѣе смѣхъ.

— Довольно и того, что вы оскорбляете меня,—гордо промолвила она.—Но если вы осмѣлитесь коснуться меня или оскорбить его...

— Его!—свирѣпо вскричалъ голосъ.—Я говорю вамъ, что я уже слишкомъ долго терпѣлъ и...

Прежде, чѣмъ онъ успѣлъ сказать еще слово, я былъ уже у двери, быстро распахнулъ ее и очутился лицомъ къ лицу съ незнакомцемъ. Хозяйка, плача и смѣясь въ одно и то же время, быстро бросилась назадъ, мы же въ удивленіи смотрѣли другъ на друга.

Мужчина былъ не кто иной, какъ Луи де-Сентъ-Алэ.

VIII.

Розыски.

Я не видался съ Луи со времени дуэли въ Кагорѣ, когда, разставаясь съ нимъ у собора, я отказался пожать ему руку. Тогда я былъ страшно сердить на него. Съ теченіемъ времени и нагроможденіемъ событій чувство это значительно смягчилось. Теперь я былъ радъ, что встрѣтилъ его, что онъ живъ и здоровъ, и былъ совершенно далекъ отъ мысли возобновлять старые счеты. Поэтому я протянулъ ему руку и со смѣхомъ сказалъ:

— Незнакомецъ предъ вами, сударь. Я искалъ васъ и очень радъ, что наконецъ нашель.

Онъ съ минуту смотрѣлъ на меня съ величайшимъ изумленіемъ. Потомъ вдругъ съ былой любовью прежнихъ лѣтъ схватилъ мою руку.

— Адрианъ! Неужели это ты?—взволнованно заговорилъ онъ.

— Я самый.

— И здѣсь!

— Да, здѣсь! А что?

Къ изумленію моему, онъ вдругъ выпустилъ мою руку. Лицо его приняло какое-то другое выраженіе, онъ весь измѣнился, какъ мѣняется домъ, когда закроютъ ставни.

— Очень жаль,—медленно произнесъ онъ.—Зачѣмъ вы здѣсь, сударь?—продолжалъ онъ съ замѣтнымъ гнѣвомъ.

— Какъ зачѣмъ я здѣсь?

— Да, зачѣмъ?—сердито переспросилъ онъ.—Неужели вы явились для того, чтобы смущать насъ? Неужели вы не понимаете, какое зло причиняете своимъ присутствіемъ?

— Я знаю, по крайней мѣрѣ, что я ищю одного хорошаго,—возразилъ я, изумленный такой неожиданной и безпричинной переимѣной тона.—Я не дѣлалъ изъ этого никакой тайны. Едва ли кто подвергался такому дурному обращенію, какъ я со стороны вашей семьи. Вашъ тонъ заставляетъ меня теперь сказать вамъ это. Но когда я увижу завтра маркизу, то я скажу, что, несмотря на все это, я не измѣню своихъ намѣреній.

— Вы не увидите ее.

— Увижу.

— Нѣтъ, не увидите,—продолжалъ онъ стоять на своемъ.

Прежде, чѣмъ я успѣлъ возразить, въ споръ вмѣшалась наша хозяйка.

— Довольно, довольно!—вскричала она голосомъ, въ которомъ слышалась печаль.—Мнѣ казалось, что вы были друзьями. А теперь, когда судьба снова свела васъ вмѣстѣ...

— Лучше бы этого не было!—воскликнулъ Луи, опуская руки, какъ человѣкъ, охваченный отчаяніемъ.

И онъ принялся ходить по комнатѣ изъ угла въ уголъ.

Мадамъ Катина молча смотрѣла на него.

— Кажется, вы прежде никогда не говорили со мной такимъ тономъ,—замѣтила она съ упрекомъ.—Если это только потому, что вы застаете виконта у меня,—продолжала она спокойно, поблескивая на него глазами:—то эта причина не достойна ни васъ, ни насъ обоихъ: вы оскорбляете и меня, и вашего друга.

— Боже сохрани!—воскликнулъ Луи.

— Это еще не все,—продолжала она гордо, поднимаясь съ мѣста.—Еще въ теченіе недѣли этотъ домъ будетъ моимъ, и только послѣ этого онъ перейдетъ къ вамъ. Мнѣ придется хорошенько подумать объ этомъ сегодня ночью. Можетъ быть, ласковое слово

съ вашей стороны будетъ тогда такой же рѣдкостью, какъ теперь грубое.

Онъ не выдержалъ этого упрека, бросился передъ ней на колѣни и сталъ цѣловать ей руки.

— Простите меня!—страстно кричалъ онъ, не замѣчая совершенно моего присутствія.—Я очень несчастенъ. Вы мое единственное утѣшеніе, моя единственная отрада. Съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ его, я самъ не знаю, что я говорю. Простите меня!

— Хорошо,—поспѣшно согласилась она.—Встаньте.

Она украдкой смахнула слезу и посмотрѣла на меня, сконфуженная, но счастливая.

— Я прощаю васъ, но должна сказать, что я не понимаю васъ. Прежде вы съ такой любовью говорили о виконтѣ де-Со, о вашей сестрѣ и о многомъ другомъ. Теперь виконтъ здѣсь, а вы говорите, что вы несчастны...

— Да, мнѣ не везетъ,—пробормоталъ онъ, бросая бѣглый взглядъ на меня.

Я пожалъ плечами и заговорилъ гордо:

— Пусть будетъ по-вашему. Но если я потерялъ друга, отсюда не слѣдуетъ, что я потерялъ невѣсту. Я пріѣхалъ въ Нимъ просить руки мадемуазель де-Сентъ-Алэ и не уѣду отсюда, пока не добьюсь своего.

— Но это чистое безуміе,—промолвилъ онъ, вздыхая.

— Почему?

— Потому что это рѣшительно невозможно!—пробормоталъ онъ.—Потому что маркизы нѣтъ въ Нимѣ, по крайней мѣрѣ для васъ.

— Неправда, она въ Нимѣ.

— Вамъ придется разыскивать ее.

— Перестанемъ говорить о такихъ дѣтскихъ вещахъ!—воскликнулъ я.—Неужели вы думаете, что въ первой попавшейся гостиницѣ мнѣ не дадутъ ея адреса.

— Этого вы не получите ни въ одной гостиницѣ.

Мы остановились другъ передъ другомъ. Мадамъ Катино наблюдала за нами сбоку. Очевидно, событія послѣднихъ мѣсяцевъ ожесточили маркизу де-Сентъ-Алэ и не прошли даромъ для Луи. Можно было подумать, что предо мною теперь стоялъ не Луи, а его старшій братъ, маркизь. Разница была та, что за вызывающими рѣчами Луи проглядывалъ его прежній обликъ, полный сомнѣнія и сожалѣнія.

Я попробовалъ сыграть на этой струнѣ.

— Послушайте, графъ,—заговорилъ я, съ трудомъ подавляя свой гнѣвъ.—Я знаю, что вы говорите это серьезно. Мы оба напрасно горячимся. Было время, когда мы умѣли понимать другъ друга, и вы были не прочь имѣть меня своимъ зятемъ. Неужели, благодаря этимъ несчастнымъ распрямъ...

— Распрямя!—закричалъ онъ, рѣзко прерывая меня.—Домъ моей матери теперь пусть, какъ раковина улитки. Домъ моего брата въ Сентъ-Алэ обращенъ въ кучу пепла, а вы говорите о распряхъ!

— Хорошо, назовите это другимъ словомъ.

— Позвольте,—быстро вмѣшалась мадамъ Катино:—извините, графъ, вы знаете, какъ мы нуждаемся въ союзникахъ. Виконтъ—дворянинъ, человѣкъ умный и вѣрующій. Ему нужно еще капельку, самую капельку—продолжала она, слабо улыбаясь:—чтобы прійти къ окончательному убѣжденію. И если рука вашей сестры будетъ этой капелькой...

— Онъ не получитъ ея,—угрюмо промолвилъ онъ, глядя куда-то въ сторону.

— Однако всего недѣлю тому назадъ вы говорили мнѣ...—начала было хозяйка, видимо, встревоженная.

— То было недѣлю тому назадъ,—пробормоталъ Луи.—А теперь я могу сказать только одно: очень жаль, что мы встрѣтились здѣсь съ вами, и я совѣтую вамъ вернуться обратно. Ничего хорошаго не ожидаетъ васъ здѣсь. Наоборотъ, вы можете сдѣлать и другимъ, и себѣ большой вредъ. Того, на что вы рассчитываете, вы не добьетесь никоимъ образомъ.

— Это мы еще увидимъ,—упрямо возразилъ я, разгорячившись, въ свою очередь.—Начать съ того, что, по вашимъ словамъ, мнѣ не найти мадемуазель де-Сентъ-Алэ. А вотъ нарочно не уйду отсюда до тѣхъ поръ, пока не уйдете и вы, и тогда отправлюсь слѣдомъ за вами.

— Вы этого не сдѣлаете!—воскликнулъ онъ.

— Будьте увѣрены, что сдѣлаю,—вызывающе отвѣчалъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ, г. де-Со—съ достоинствомъ вмѣшалась мадамъ Каитно.—Вы этого не сдѣлаете. Я увѣрена, что этого не будетъ. Это значило бы употребить въ зло мое гостепримство.

— Вы запрещаете?

— Да,—твердо сказала она.

— Я не могу,—возразилъ я.—Но...

— Безъ всякихъ «но». Пусть хотя теперь настанетъ перемиріе. Если между вами суждено разгорѣться войнѣ, то пусть она начнется не здѣсь. Мнѣ кажется, будетъ лучше, если вы удалитесь первымъ,—продолжала она, бросая на меня умоляющій взоръ.

Я, въ свою очередь, взглянулъ на Луи. Онъ отвернулся въ сторону и сдѣлалъ видъ, что не видитъ меня. Это окончательно добило меня. Возражать хозяйкѣ, разъ она говорила въ такомъ тонѣ, было нельзя. Оставаться въ ея домѣ противъ ея воли было также невозможно. Поэтому я молча сдѣлалъ поклонъ и взялъ свой плащъ и шляпу, лежавшіе на стулѣ.

— Я очень сожалѣю,—промолвила хозяйка, протягивая мнѣ руку.

Я поднесъ ее къ своимъ губамъ.

— Завтра, въ двѣнадцать, здѣсь,—прошептала она.

Я скорѣе угадалъ, чѣмъ услышалъ эти слова: такъ тихо она ихъ сказала. Но ея глаза дополняли недостатокъ звуковъ, и я по-нялъ ее.

Бросивъ сердитый взглядъ на Луи, который продолжалъ стоять ко мнѣ спиной, я вышелъ.

Слуга, который встрѣтилъ меня, проводилъ меня до двери.

— Вы найдете свою лошадь въ «Луврѣ», сударь,—сказалъ онъ.

Я поблагодарилъ его и, не думая, куда я иду, пошелъ вдоль улицы, погрузившись въ свои мысли. Я шелъ, пока не наткнулся на какого-то человѣка. Это отрезвило меня, и я принялся осматриваться.

Я пробылъ въ домѣ мадамъ Катино и, стало быть, въ Нимѣ не болѣе трехъ часовъ. За это время пришлось пережить столько, что мнѣ какъ-то казалось странно, что улицы города были мнѣ незнакомы и что я иду по нимъ одинъ-одинешенекъ, не зная, куда направить мои шаги. Было около девяти часовъ вечера, и рѣдкіе качавшіеся фонари на перекресткахъ разливали тусклый свѣтъ. Однако на улицахъ былъ еще народъ. Нѣкоторые стояли, другіе—и такихъ было большинство—спѣшили по одному и тому же направленію, женщины,—закутавъ свои головы въ накидки, мужчины, накинувъ на спину плащи.

Надо было отыскать гдѣ-нибудь себѣ ночлегъ. Чувствуя, что необходимо избавиться отъ неотступно преслѣдовавшей меня мысли—объяснить себѣ поведеніе Луи, я остановилъ какого-то человѣка, который шелъ въ сторонѣ отъ потока, и спросилъ у него дорогу въ Лувръ. Отъ него я узналъ не только дорогу въ гостиницу, но и причину поздняго движенія горожанъ.

— У насъ былъ крестный ходъ,—сказалъ онъ, взглянувъ на мою кокарду, и, повернувшись, пошелъ дальше своей дорогой.

Я вспомнилъ, что на моей шляпѣ красная кокарда, и остановился, чтобы снять ее. Когда я пошелъ дальше, за мной быстро двинулся какой-то человѣкъ. Поровнявшись со мной, онъ сунулъ мнѣ въ руку какую-то бумагу и исчезъ прежде, чѣмъ я успѣлъ заговорить съ нимъ. Это приключеніе и уличное движеніе, не прекратившееся, несмотря на поздній часъ, нѣсколько разсѣяли мои мысли, и я нисколько не удивился, когда въ гостиницѣ мнѣ сказали, что всѣ комнаты заняты.

— Но здѣсь моя лошадь,—заявилъ я, думая, что хозяинъ, видя, что я пришелъ пѣшкомъ, не особенно довѣряетъ моему кошельку.

— Совершенно вѣрно, сударь. Если вамъ угодно, то мы можемъ положить васъ въ столовой—вѣжливо сказалъ онъ.—И въ другихъ мѣстахъ вы не устроитесь удобнѣе. Теперь у насъ словно ярмарка. Весь городъ переполненъ пріѣзжими. Да и этого добра не мало,—

прибавилъ онъ съ неудовольствіемъ, показывая на бумагу, которую я держалъ въ рукѣ.

Я взглянулъ на нее и увидѣлъ, что это былъ манифестъ, въ заглавіи котораго стояло: «Святотатство! Св. Марія плачетъ».

— Это всунули мнѣ въ руку нѣсколько минутъ тому назадъ.

— Очевидно. Однажды утромъ мы проснулись и увидали, что всѣ стѣны бѣлѣли отъ этого манифеста. А на другой день они были разбросаны по всѣмъ улицамъ.

— Не знаете ли вы,—заговорилъ я, видя, что онъ уже поужиналъ и былъ теперь не прочь поболтать,—не знаете ли вы, гдѣ здѣсь живетъ маркизь де-Сентъ-Алэ?

— Нѣтъ, сударь, не знаю. Не знаю этого господина.

— Онъ живетъ здѣсь вмѣстѣ съ своей семьей.

— Кого только теперь нѣтъ здѣсь!—отвѣчалъ онъ, пожимая плечами.

Потомъ, понизивъ тонъ, онъ спросилъ:

— Онъ изъ красныхъ, или иной какой?

— Красный,—наобумъ сказалъ я.

— А, тутъ были три или четыре человѣка, которые постоянно носились между нашимъ Фроманомъ, Тюрэномъ и Монпелье. Говорили, что нашъ мэръ давно бы долженъ былъ арестовать ихъ, если бы онъ захотѣлъ исполнить свою обязанность. Но онъ тоже красный, какъ и многіе изъ членовъ нашего муниципалитета.. Можетъ быть, господинъ, котораго вы разыскиваете, былъ однимъ изъ нихъ?

— Очень можетъ быть,—сказалъ я.—Стало быть, Фроманъ здѣсь?

— Вы изволите его знать?

— Да, немного.

— Можетъ быть, онъ здѣсь, а можетъ быть—и нѣтъ,—продолжалъ хозяинъ, покачивая головой.—Трудно сказать.

— Развѣ онъ здѣсь не живетъ?

— Онъ живетъ здѣсь. Около Австрійскихъ воротъ, недалеко отъ монастыря капуциновъ, у старой стѣны. Но...

Онъ осмотрѣлся кругомъ и продолжалъ таинственно:

— Онъ теперь бываетъ тамъ, гдѣ прежде никогда не бывалъ. У него есть еще домъ въ амфитеатрѣ и есть домъ въ городѣ. Говорятъ, что и монастырь-то капуцинскій тоже его домъ. Если вы отправитесь въ трактиръ «Св. Дѣвы» и тамъ спросите о немъ, то отъ этого вы ничего не потеряете.

Все это онъ проговорилъ съ многочисленными подмигиваніями и потряхиваніями головой. Потомъ, сообразивъ вдругъ, что онъ сказалъ ужъ слишкомъ много, онъ сразу поднялся и ушелъ.

Мнѣ удалось узнать, что барону де-Жеолу и Бютону также не удалось достать здѣсь комнаты, и они отправились въ гостиницу «Экю». Я, впрочемъ, не жалѣлъ, что нѣкоторое время буду

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время“

Петроградъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ на-Д.

Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинныхъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжныя шкафы Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ СЕНТЯБРѢ 1916 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 9-й.

Богословіе.

АСТАФЬЕВЪ, Святая плащаница Христа. 1916 г. Ц. 75 коп.	СОКОЛОВЪ, В. Апостоль Павель. П. 1916 г. Ц. 20 коп.
— Явленіе Христа народу. 1916 г. Ц. 50 коп.	— Мысль и догматъ. П. 1916 г. Цѣна 15 коп.
БАРАЦЪ, Г. Источники слова о законѣ и благодати и евангелистской пѣсни К. 1916 г. Ц. 75 коп.	ФЛАЙШГАНСЪ, В. Янъ Гусъ. М. 1916 г. Ц. 2 руб. 75 коп.
ВОНДАРЬ, С. Секта меннонитовъ въ Россіи. П. 1916 г. Ц. 2 руб. 20 коп.	ХОЛОПОВЪ, И. Идеологія церковной реформы. К. 1916 г. Ц. 20 коп.
ЗЪНЬКОВСКІЙ, В. Россія и православіе. К. Ц. 75 коп.	— Христіанство и философія исторіи. П. 1916 г. Ц. 40 коп.

Философія, психологія, логика.

ЛОМАКИНЪ, И. Мудрость Іоговъ М. 1916 г. Ц. 65 коп.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

ЧТО ЧИТАТЬ и ЧТО ПѢТЬ? Сборн. 1916 г. Ц. 1 руб. | ШЕГОЛЕВЪ, П. Дуэль и смерть Пушкина. П. 1916 г. Ц. 4 руб. 50 коп.

Беллетристика, поэзія, драматическія сочиненія.

БЕБУТОВА, книг. Змѣя. Романъ. П. 1916 г. Ц. 2 руб. 50 коп.	ДЕ-РОШЕФОРЪ, графъ. Искорки войны. П. 1916 г. Ц. 1 руб.
ГОРОДЕНКІЙ, С. Дальнія молніи. Разказы. 1916 г. Ц. 2 руб.	ДМИТРИЕВА, В. Повѣсти и разказы. Т. III. 1916 г. Ц. 1 руб. 25 коп.
ГЮПСМАНЪ, Изъ бездны къ небу. Романъ въ 2-хъ томахъ. М. 1916 г. Ц. 2 р. 50 к.	ЖУЛАВСКІЙ, Г. Изъ дома отцовъ. М. 1916 г. Ц. 1 руб. 25 коп.

«ИСТОР. ВѢСТН.», ОКТЯБРЬ 1916 г., т. СXLVI.

1/18

- ЗАЙЦЕВЪ, Г. Земная печаль. Разск. М. 1916 г. Ц. 1 руб. 50 коп.
 ЛЕНСКИЙ, В. Бѣлыя крылья. Т. I, II. Ц. по 1 руб. 50 коп.
 ЛОККЪ, УИЛЬЯМЪ ДЖ. Бѣлый голубь. Романъ. М. 1916 г. Ц. 2 руб.
 — У голубого озера. Романъ. М. 1916 г. Ц. 1 руб. 50 коп.
 — Слава за любовь. 1916 г. Ц. 2 руб.
 ЛОНДОНЪ, Дж. Смирительная рубашка. Романъ. П. 1916 г. Ц. 2 руб. 25 коп.
 ОСЕННЯЯ АНТОЛОГІЯ. Стихи. 1916 г. Ц. 1 руб.
 ПОЛЯНЬКІЙ, А. Избранныя сочиненія. М. 1916 г. Ц. 2 руб.
 ПРЕВО, МАРСЕЛЬ. Подпрапорщикъ Бенуа. Романъ. 1916 г. Ц. 1 руб. 50 коп.
 РОСЛАВЛЕВЪ, А. Человѣкъ за печатью. Романъ. П. 1916 г. Ц. 2 руб. 50 коп.
 СКИТАЛЕЦЪ. Сквозь строй. П. 1916 г. Ц. 1 руб. 50 коп.
 СЛЕЗКИНЪ, Ю. Повѣсти о странностяхъ любви. 1916 г. Ц. 1 руб. 50 коп.
 СТРЪЛЕЦЪ. Сборникъ II. П. 1916 г. Ц. 2 руб. 50 коп.
 ТЕФФИ. Жизнь-бытье. П. 1916 г. Ц. 15 к.
 ТИМКОВСКИЙ, Н. Женяхъ. разск. М. 1916 г. Ц. 1 руб. 50 коп.
 ТОЛСТОЙ, А., графъ. Орлеанъ. Разск. 1916 г. Ц. 50 коп.
 ТОНКОНОГОВЪ, И. Эпизодъ войны. П. 1916 г. Ц. 1 руб. 25 коп.

Исторія, біографія и археологія.

- ВИТТЕРЪ, Р., проф. Исторія Греціи въ классическую эпоху IX—IV вв. до Р. Х. М. Ц. 3 руб.
 ГЕССЕНЪ, Ю. Исторія еврейскаго народа въ Россіи. Т. I съ иллюстрац. и картами. 1916 г. Ц. 4 руб.
 КЛОЧКОВЪ, М., проф. Очерки правит. дѣятел. времени Павла I. 1916 г. Ц. 4 р.
 ЛИБРОВИЧЪ, С. На книжномъ посту. Воспоминанія, записки и документы. 1916 г. Ц. 2 руб. 75 коп.
 РОНЧЕВСКИЙ, К. Римскія триумфальныя арки. М. 1916 г. Ц. 2 руб. 50 коп.
 ЦИБАРТЪ, Э. Культурная жизнь древне-греческихъ городовъ М. 1916 г. Ц. 1 руб. 40 коп.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

- БОРОДАЕВСКИЙ, С. Война, сельское хозяйство и будущіе торговые договоры. 1916 г. Ц. 50 коп.
 БУРЦЕВЪ, В. О войнѣ. М. 1916 г. Ц. 55 коп.
 ЕЖЕГОДНИКЪ газеты «Рѣчь» на 1915 г. Ц. 2 руб.
 ЖИЛИНЪ, А. Учебникъ государственнаго права. Ч. I. 1916 г. Ц. 3 руб. 25 коп.
 КИСТЯКОВСКИЙ, Б. Соціальныя науки и право. М. 1916 г. Ц. 5 руб.
 КУЗНЕЦОВЪ, Н. Систематическій сводъ указовъ Правит. Сената. Т. XII. 1915 г. В. 1916 г. Ц. 5 руб. 50 коп.
 ЛАЗЕРСОНЪ, М. Докматика и политика въ германскомъ государствѣдѣніи. М. 1916 г. Ц. 50 коп.
 ЛЕВИНЪ, М. Главнѣйшіе акты и распоряженія правительства по дѣламъ о воинской повинности за годы войны. Е. 1916 г. Ц. 1 руб.
 МАЙСКИЙ, В. Марксизмъ и вопросы войны и мира. В. I. М. 1916 г. Ц. 70 коп.
 МОНЧАЛОВСКИЙ, О. Подожженіе и нужды Галицкой Руси. М. 1916 г. Ц. 80 к.
 НЕ СМУЩАЙТЕСЯ. Къ вопросу о свободѣ воли. 1916 г. Ц. 80 коп.
 «ОТКЛИКИ». № 4. Война и правительство. Ц. 20 коп.
 ПОССЕ, В. Основы кооперативнаго движенія. П. 1916 г. Ц. 40 коп.
 РАБИНОВИЧЪ. Какъ боролись чехи съ нѣмцами. П. 1916 г. Ц. 50 коп.
 «Я». Великая война въ 1914 году. 1916 г. Ц. 80 коп.

Искусство.

- ЛУКОМСКИЙ, Г. Типичныя церкви Костромской губ. 1916 г. Ц. 2 руб. 75 коп.

Естествознаніе и математика.

- ИГНАТЬЕВЪ, Е. Въ безконечности вселенной. 1916 г. Ц. 1 руб. 25 коп.

Торговля промышленность. Счетоводство.

- ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ міръ Россіи, годъ войны. 1916 г. Ц. 25 руб.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

- БОГДАНОВЪ, Н. Внутренній заемъ подвижнаго состава и очередныя задачи желѣзнодорожнаго хозяйства. Н. 1916 г. Ц. 40 коп.
 ЕВДОКИМОВЪ, В. Фотографическія забавы. 1916 г. Ц. 1 руб. 25 коп.
 ЛЫСИНЪ, В. Керамиковыя каналывающія трубы производства. К. 1916 г. Ц. 2 руб. 50 коп.
 МАКСИМОВЪ, В. Крестьянское огнестойкое строительство. Вып. 3-й—«Кирпичная изба». 1916 г. Ц. 1 руб.
 РАДИВАНОВСКИЙ, В. Строительное искусство. 1916 г. Ц. 6 руб. 80 коп.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

ВИЛЛЕРСЪ. Гигиена женской красоты. П. 1916 г. Ц. 60 коп. ВОЛЬФЪ, А. Учебникъ половыхъ болѣзней. П. 1916 г. Ц. 6 руб. ДОББЕРТЪ, Ф., д-ръ. Курсъ гинекологіи. 1916 г. Ц. 1 руб. 60 коп.	ИВАНОВЪ, В., проф. Война, народное здоровье и венерическія болѣзни. 1916 г. Ц. 25 коп. МАЦЪЕВСКІЙ, К., д-ръ. Отношеніе влагалитнаго чревосвѣщенія къ брюшно-стѣночному. П. 1916 г. Ц. 75 коп.
---	--

Военное и морское дѣло.

КОРИЦЪ, І., шт.-нап. Удушливые газы и борьба съ ними. М. 1916 г. Ц. 50 коп.	ТЕХНИКА И ВОЙНА. Очерки современ. военной техники. П. 1916 г. Ц. 2 р. 50 к.
---	---

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

БОРГМАНЪ, А. Учебная книга по Русской исторіи. Ч. I, до Иоанна IV. П. 1916 г. Ц. 90 коп. ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ КАЛЕНДАРЬ для	преподавателей на 1916—17 г.г. П. Ц. въ переплетѣ 70 коп. ПЕНЮЖКЕВИЧЪ, К. Уставъ, правила, программы и распоряд. по гимназ. вѣдом. мин. нар. проsv. П. 1916 г. Ц. 1 р. 75 к.
--	---

Спортъ, охота, игры.

ЖУКОВЪ, И. Русскій скаутизмъ. 1916 г. Ц. 35 коп.

Справочныя книги.

ГОРБУНОВЪ, А. Карманный ножикъ. П. 1916 г. Ц. 35 коп. — Таблицы взаимоотношенія русскихъ	метрическихъ и англійскихъ мѣръ вѣса, длины. О. 1916 г. Ц. 50 коп. ЮДКО. Карманный путеводитель по Петрограду. 1916 г. Ц. 80 коп.
---	--

Объявленія.

ПРОДАЕТСЯ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
 НОВАЯ КНИГА
А. И. ФАРЕСОВА
„НАРОДЪ БЕЗЪ ВОДКИ“
 Цѣна 1 р. 50 к.

¹/₄18*

Вышла въ свѣтъ и продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ
 новая книга:

ПРОЛОГЪ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

Материалы изъ архива

графа С. Ю. Витте

съ предисловіемъ и подъ редакціей Б. Б. ГЛИНСКАГО.

Цѣна 3 рубля.

Съ требованіями обращаться въ Акціонерное Общество «Брок аузъ-Ефронъ»

Петроградъ, Прачешный пер., 6.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1916—17 (второй годъ изданія)
 на журналъ музыкальнаго искусства

МУЗЫКАЛЬНЫЙ СОВРЕМЕННОКЪ

издающійся подъ редакціей А. Н. Римскаго-Корсакова, при ближайшемъ участіи Ю. Л. Вейсбергъ, Игоря Глѣбова, В. Г. Каратыгина, проф. И. И. Лапина, А. В. Оссовскаго, П. П. Сувчинскаго и Ю. Д. Энгеля.

„МУЗЫКАЛЬНЫЙ СОВРЕМЕННОКЪ“ выходитъ въ видѣ: а) журнала „МУЗЫКАЛЬНАГО СОВРЕМЕННОКА“ (размѣромъ отъ 5 до 6 листовъ), выпускаемыхъ 8 разъ въ году (съ сентября по апрѣль) и иллюстрируемыхъ нотными примѣрами и художественными репродукціями (эскизы декораций, костюмовъ, портреты музыкальныхъ дѣятелей, художественныя карикатуры и т. д.), и б) Хроники „Музыкальнаго Современника“, выходящей отъ 2-хъ до 4-хъ разъ въ мѣсяцъ и состоящей изъ справочнаго отдѣла и рецензій, мелкихъ статей, замѣтокъ и пр.

Трѣмъ книгамъ предстоящаго года редація предполагаетъ придать характеръ специальныхъ выпусковъ, связанныхъ — въ каждомъ случаѣ — внутреннимъ единствомъ основной темы.

Эти выпуски будутъ посвящены: 1) Жизни и творчеству М. П. Мусоргскаго; 2) Русской церковной музыкѣ и 3) Оперѣ и русскому оперному творчеству.

Съ первой книжки будетъ продолжена печатаніемъ переписка М. А. Балакирева и Н. А. Римскаго-Корсакова, съ примѣчаніями проф. С. М. Ляпунова.

Подписная цѣна на годъ 15 р. (за границу — 25 р.). При подпискѣ въ конторѣ журнала допускается расрочка: при подпискѣ — 6 р., 1-го декабря — 5 р. и 1-го февраля — 4 р. Подписной годъ считается съ сентября.

Лица, подписавшіяся на журналъ послѣ 15 сентября, будутъ получать „Хронику“ лишь съ очереднаго выпуска.

Подробный проспектъ съ програм. жур., спискомъ сотрудниковъ и размѣрени статей высылается по перв. треб. безпл.

Адресъ Редакціи и Главной Конторы: Петроградъ, Свѣчной пер., 2, кв. 12. Тел. 643—07.
 Отдѣленіе конторы — въ Москвѣ: Лзонтъевскій пер., д. 5, кв. 3. Тел. 3-73—01.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петроградѣ, при книжномъ магазинѣ Т-ва „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Подробныя свѣдѣнія о подпискѣ на 1915 г. см. впереди текста.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя **Бориса Борисовича Глинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

За перемѣну адреса съ городского на иногородный подписчики уплачиваютъ 1 р., въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный и иногороднаго на городскій) 25 коп.

Издатели: наслѣдники А. С. Суворина

въ лицѣ Б. Б. Глинскаго.

Редакторъ Б. Б. Глинскій.

Тарифъ на объявленія: впереди текста за страницу 80 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 45 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 25 р.; позади текста за страницу 60 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 35 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 20 р.

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

НОЯБРЬ 1916 г.

СТРАН:

Историческая лѣтопись . . . . . III—XXXII

Иллюстраціи: 1) Румынскій престолонаслѣдникъ принцъ Кароль.—
2) Генераль Авереску, командующій румынскими войсками.—3) Румын-
скій премьеръ-министръ г. Братіано.—4) Герой войны ген.-лейт. Вла-
димиръ Петровичъ Мамонтовъ.—5) Вице-адмираль Александръ Василье-
вичъ Колчакъ, командующій Черноморскимъ флотомъ.

- I. У чужихъ алтарей. Романъ. XIX—XXV. (Продолженіе).
В. В. Тимоосевой-Починковской 273
- II. Воспоминанія о жизни и дѣятельности протоіеря І. В. Ва-
сильева. X—XII. (Окончаніе). **Л. І. Автономовой**. 299
- III. Страшный домъ. Разсказъ изъ сѣверной старины. **А. А. Ду-
нина**. 318
- IV. Воспоминанія сестры милосердія. (Дорогимъ пермцамъ на
память о 1877—1878 г.г. отъ ихъ сестры милосердія). VI—XI.
(Продолженіе). **С. А. фонъ-Кенигъ (нынѣ Чириковой)**. 339
- V. Скобелевъ въ Туркестанѣ. (1869—1877 гг.). VIII—XV. (Про-
долженіе). **Е. Толбухова**. 369
- VI. Изъ семейной хроники. **А. Бибиковой**. 404
Иллюстрація: Михаилъ Никитичъ Муравьевъ.
- VII. Памяти Ю. Э. Самарина. **К. Я. Грота**. 427
- VIII. Академикъ Никодимъ Павловичъ Кондаковъ. (Къ пятиде-
сятилѣтію его ученой дѣятельности). **А. Бѣлова**. 454
Иллюстрація: Никодимъ Павловичъ Кондаковъ.
- IX. Памяти В. И. Семевского. (Изъ воспоминаній). **Б. Б. Глин-
скаго**. 463
Иллюстрація: Василій Ивановичъ Семевскій.
- X. Военно-Сухумская дорога. I—VI. **А. Мощанскаго**. 474
Иллюстраціи: 1) Кубань у ст. Красногорской.—2) Селеніе Георгіевское-
Осетинское.—3) Шоанинская скала, Хумарянское укрѣпленіе и Георгіев-
скій поселокъ.—4) Хумарянская церковь до реставраціи.—5) Сентинскій
женскій монастырь.—6) Сентинская церковь.

(См. слѣд. стран.).

ХІ. Критика и библиографія 499

1) Проф. М. В. Ключковъ. Очерки правительственной дѣятельности времени Павла I. Петроградъ. 1916. Е. Шумигорскаго.—2) Вязьмы. Изданіе «Русской усадьбы». Выпускъ первый. Градъ Святого Петра. 1916. Б. Модзалевскаго.—3) Архангельскій, А. С., проф. Введеніе въ исторію русской литературы. Томъ первый. Исторія литературы, какъ наука. Очеркъ научныхъ изученій въ области исторіи русской литературы. Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Петроградъ. 1916. А. Вознесенскаго.—4) И. И. Замотинъ, профессоръ императорскаго варшавскаго университета. Сороковые и шестидесятыя годы. Очерки по исторіи русской литературы XIX столѣтія. Второе, просмотрѣнное и дополненное изданіе. Пгр. М. 1916. М—о.—5) Пушкинъ. Историко-литературный сборникъ подъ редакціей профессора С. А. Венгерова. II. Петроградъ. 1916. в. кн.—6) Священная книга Тота. Великіе Арканы Таро. Абсолютныя начала синтетической философіи эзотеризма. Опытъ комментарія Влад. Шмакова, инженера путей сообщенія. Москва. МСМХVI. С. л—на.—7) Я. Штахъ. Очерки изъ исторіи и современной жизни южно-русскихъ колонистовъ. М. 1916. п. л—ова.—8) Ученыя записки императорскаго московскаго университета. Отдѣлъ юридическій. В. 45. М. 1916. А. Налимова.—9) Старая Турція и младотурки. Годъ въ Константинополѣ. Ариадны Тырковой. Петроградъ. 1916.—Б. Гурьева.—10) Д. И. Семязъ. Сербская Голгова. Москва. 1916. Андрея Сиротинина.

ХІІ. Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника» 516

ХІІІ. Новости исторіи. Е. С. Шумигорскаго. 519

ХІV. Заграничныя историческія новости и мелочи. 534

1) Къ исторіи единенія православной и англиканской церквей.—2) Съ того берега.—3) Изъ воспомнаній о Гюго.—4) Причуды писателей.—5) Три недѣли подъ русскимъ владычествомъ.

ХV. Смѣсь 547

1) Присужденіе наградъ графа Уварова.—2) Новые академики.—3) 40-лѣтіе литературной дѣятельности К. А. Максимова.—4) Двѣ архивныя загадки изъ эпохи кодификаціи русскаго права при императорѣ Николаѣ I.—5) Арачьевская премія.—6) Премія имени М. Н. Герсегонова.

ХVІ. Некрологи 552

1) Волкова, М. М.—2) Ивановъ, Д. И.—3) Лебедевъ, К. В.—4) Русскихъ, Н. А.—5) Шавловскій, И. Э., профессоръ.

Приложенія: 1) Портретъ протоіерея парижской посольской церкви о. Иосифа Васильевича Васильева.—2) Красная кокарда. Историческій романъ Станлея Веймана. Переводъ съ англійскаго А. Б. Михайлова. Часть вторая. IX—XII. (Продолженіе).

При этомъ № 11 журнала «Историческій Вѣстникъ» разсылается городскимъ и иногороднымъ подписчикамъ проспектъ о подпискѣ на 1917 г. на историческій журналъ «Наша Старина».

О ПОДПИСКѢ

на

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

въ 1917 году.

(ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ).

«ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ» будетъ издаваться въ 1917 г на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія тридцать семь лѣтъ (1880—1916 г.).

Въ виду значительнаго повышенія цѣны на бумагу и удорожаніе типографскихъ работъ, подписная цѣна на «ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ» въ 1917 г. повышается еще на 3 р. Такимъ образомъ подписная цѣна за 12 книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) **четырнадцать рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.**

Главная контора «ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА» въ Петроградѣ при книжномъ магазинѣ «Новаго Времени», Невскій пр., д. № 40. Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ магазина «Новаго Времени».

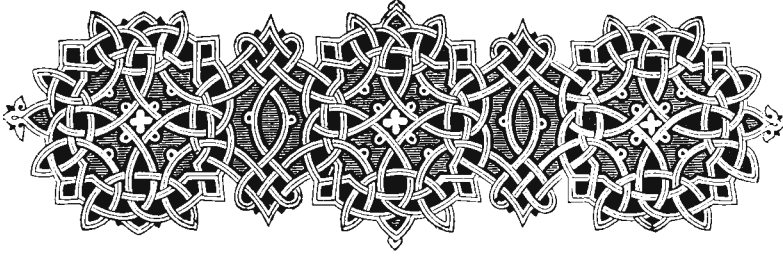

Протоіерей Парижской Посольской церкви
О. ІОСИФЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ВАСИЛЬЕВЪ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ВАДЦАТЬ перваго іюля на западно-европейскомъ театрѣ войны положеніе дѣль было таково: наступленіе французовъ у Вердена привело къ выдающимся результатамъ. Французы заняли сильно укрѣпленный германцами Флери и отбросили непріятеля до выхода изъ лѣса Кайеттъ. Путемъ цѣлага ряда атакъ французы отбили у германцевъ всѣ траншеи между Тиомономъ и Флери. Въ результатъ сильной атаки въ районѣ Шенуа французы заняли большую часть пространства, потеряннаго третьяго дня. Французскими летчиками четыре летательныхъ аппарата сбиты и два другихъ серьезно повреждены.

Въ теченіе всей ночи съ 21-го по 22-е іюля продолжались ожесточенныя германскія контръ-атаки; германцамъ снова удалось утвердиться въ южной части Флери.

Англичане на своемъ фронтѣ во Франціи закрѣпляютъ территорію, пріобрѣтенную наканунѣ. Англійскія войска продвинулись впередъ на сѣверъ отъ Базантенъ-ле-Пти. Англійскіе летчики сбили два непріятельскихъ аппарата.

На итальянскомъ фронтѣ въ районѣ Верхней Позины итальянцы отразили атаки непріятеля. Въ долину Травенандесъ итальянскія войска снова продвинулись впередъ.

Бельгійскія колоніальныя войска заняли Кигому и Удиджи, важнѣйшій германскій портъ на озерѣ Танганайка.

Германскіе цеппелины сбросили надъ восточными графствами Англии 80 бомбъ. Германская подводная лодка потопила въ Сѣверномъ морѣ англійскіе траллеры «Smilingmorn» и «Twiddler». Потоплены британскій пароходъ

«Britanic» и парусное судно «Margueret Sutton». Германской подводной лодкой потопленъ голландскій пароходъ «Zeeland».

22-го августа штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ: На р. Стоходѣ въ районѣ Любешова наши части, переправившіяся на лѣвый берегъ, заняли рядъ высотъ и на нихъ укрѣпились. На р. Ставокъ (лѣвый притокъ Стохода) наши части съ боемъ подошли къ самой рѣкѣ, причѣмъ изъ-за деревни Рудка-Миринская загорѣлся ожесточенный бой, доходившій до штыкового боя на улицахъ. Деревня нѣсколько разъ переходила изъ рукъ въ руки и въ концѣ концовъ осталась за нами. Всѣ попытки противника выбить насъ изъ этой деревни окончились для него неудачей. Противникъ отброшенъ за р. Ставокъ, причѣмъ нами взято въ плѣнъ около 600 германцевъ и захвачено 12 пулеметовъ. Въ районѣ Корытница наступленіе противника отбито было нашимъ огнемъ.

На остальномъ фронтѣ происходила обычная перестрѣлка.

Около Рудки-Миринской, образовавшей исходящій уголъ на позиціи на р. Ставокъ, всю ночь шелъ ожесточенный бой. Противникъ, охвативъ эту деревню съ трехъ сторонъ, велъ непрерывныя контръ-атаки. Нѣсколько атакъ было отбито, но около трехъ часовъ ночи мы вынуждены были очистить деревню и отошли на 400—600 шаговъ восточнѣе. Южнѣе Бродовъ на линіи рр. Граберка и Сереть въ войскахъ генерала Сахарова идетъ горячій бой, нами взято 1.300 плѣнныхъ.

Англійская подводная лодка проникла въ проливы и бомбардировала предмѣстье Константинополя и городъ Пендикъ. Британскія войска нѣсколько продвинѣлись на западъ отъ Позьера.

Французы сокрушили всѣ усилія противника и вторично завладѣли укрѣпленіемъ Тиомонъ.

Возстаніе въ Албаніи произвело сильную тревогу въ Болгаріи. Банды, скрывающіяся въ горахъ, нападаютъ на обозы и угрожаютъ войскамъ. Часть греческихъ пограничныхъ постовъ въ районѣ Флорины занята болгарами.

Германцы захватили нѣсколько шведскихъ пароходовъ, нѣкоторые же потоплены германскими подводными лодками. Вслѣдствіе этого прекращены рейсы шведскихъ пароходовъ въ Раумо.

23-го августа, согласно свѣдѣніямъ отъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, всѣ контръ-атаки непріятели въ районѣ Пеняки—Чистопады были нами отбиты, наши войска утвердились на занятомъ участкѣ. Въ районѣ р. Вѣлый Черемошъ къ юго-западу отъ Кутты противникъ нѣсколько потѣснилъ наши небольшіе пѣхотные отряды. Бои на рр. Граберкѣ и Серетѣ къ югу отъ Бродовъ развиваются для насъ успѣшно. Наши части овладѣли еще деревнями. 9 контръ-атакъ противника отбито, захвачено въ плѣнъ 1.200 человекъ.

На Кавказскомъ фронтѣ къ западу отъ Кялькитъ-Чифтликскаго района наши части вновь продвинулись впередъ.

23-го іюля на правомъ берегу Мааса непріятель не дѣлалъ новыхъ попытокъ атакъ на участкѣ Тиомонъ. Французы укрѣпили завоеванныя позиціи непосредственно къ западу отъ дороги Тиомонъ—Флери и въ деревнѣ Флери, въ которой французы удерживали за собою всю южную часть. Послѣ оже-

сточенной бомбардировки, продолжавшейся весь день 23-го іюля, германцы направили на французовъ двѣ сильныя атаки въ лѣсу Во—Шапитръ. Одна изъ этихъ атакъ была отбита огнемъ французскихъ войскъ и не могла достигнуть ихъ линій. Во время второй атаки непріятель проникъ въ нѣкоторые элементы французскихъ траншей, но былъ тотчасъ же оттуда выбитъ контръ-атакой. Линія французскаго фронта остается неприкосновенной. На остальномъ протяженіи французскаго фронта шла обычная артиллерійская перестрѣлка.

23-го іюля бельгійскія батареи всѣхъ калибровъ открыли съ успѣхомъ разрушительный огонь по германскимъ оборонительнымъ работамъ въ районѣ Диксмюда. Непріятель отвѣчалъ слабо.

23-го іюля къ сѣверу отъ Позера ночью англичане произвели атаку мѣстнаго значенія, въ которой приняли участіе австралійскія войска и заново сформированныя части; атака удалась вполнѣ. Англичане заняли главныя траншеи второй германской линіи укрѣпленій на фронтѣ болѣе 2.000 ярдовъ и захватили нѣсколько сотъ плѣнныхъ. Повторныя контръ-атаки противника были отбиты съ тяжелымъ для него урономъ. На остальномъ фронтѣ англійской арміи, за исключеніемъ минной борьбы близъ Суше, не произошло ничего существеннаго.

24-го іюля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ: Къ югу отъ Бродовъ, на рр. Граберкѣ и Серетѣ, весь день шли упорные бои изъ-за деревень и высотъ на лѣвомъ берегу. Противникъ оказывалъ упорное сопротивленіе и нѣсколько разъ переходилъ въ контръ-атаки. Въ деревняхъ, на улицахъ, шелъ ожесточенный бой и приходилось выбивать противника изъ отдѣльныхъ зданій. Однако наступленіе наше увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Всѣ контръ-атаки были отбиты, и упорство противника сломлено. Наши войска заняли деревни Звыжинъ, Ратище, Чистопады, Мендзигуры, Гнидаву и Заложце и весь гребень высотъ между ними. Въ этихъ бояхъ взято въ плѣнъ 95 офицеровъ и болѣе 3.000 нижнихъ чиновъ. Въ районѣ Дора, Яремче, Яблоница (на р. Прутѣ, къ югу отъ Делатыня) противникъ переходилъ въ наступленіе, остановленное нашимъ огнемъ. На рр. Граберкѣ и Серетѣ противникъ ведетъ сильный артиллерійскій огонь по вновь занятому нами району.

По дополнительнымъ свѣдѣніямъ, выяснилось, что общее число плѣнныхъ за 22-е и 23-е іюля составляетъ всего 140 офицеровъ (въ томъ числѣ 1 командиръ полка) и болѣе 5.500 нижнихъ чиновъ, такъ какъ плѣнные продолжаютъ прибывать. Кромѣ того, захвачены пулеметы и бомбометы.

На кавказскомъ фронтѣ въ бассейнѣ р. Кялькитъ-Чай наши войска овладѣли новыми позиціями противника, укрѣпленными мѣстами въ пять ярусовъ, и захватили въ плѣнъ 7 офицеровъ, въ томъ числѣ командира 52-го полка, 108 аскеровъ, 4 пулемета и много оружія. Контръ-атаки противника всюду отбиты. Западнѣе Эрзинджана мы овладѣли двумя рядами окоповъ, захвативъ 4 офицеровъ, 50 аскеровъ и два пулемета; противникъ понесъ большія потеріи. Въ районѣ къ западу отъ с. Огнота мы, продвинувшись на нѣсколько верстъ впередъ, овладѣли двумя высотами. Въ мушко-битлисскомъ районѣ противникъ перешелъ въ наступленіе, которое сдерживается нашими войсками.

На Черномъ морѣ наши миноносцы въ Керасундѣ уничтожили 42 фелюги, въ Самсунѣ обстрѣляли фелюги и склады. 22-го іюля у Батума была обнаружена непріятельская подводная лодка.

Французы продвинулись въ германскихъ траншеяхъ къ юго-западу отъ Эстре. Турки начали наступленіе противъ англичанъ близъ Ромонна къ востоку отъ Портъ-Саида.

Итальянцы расширили свои позиціи на Монте-Чимоне. Итальянская подводная лодка потопила въ Адриатическомъ морѣ австрійскій контръ-миноносець.

25-го іюля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго оповѣстилъ: Эскадра изъ семи непріятельскихъ аэроплановъ бомбардировала и обстрѣливала нѣсколько пунктовъ въ районѣ восточнѣе р. Стохода, произведя незначительныя поврежденія. На р. Стоходѣ противникъ мѣстами переходилъ въ наступленіе, всюду отбитое. Наше продвиженіе въ районѣ рр. Граберки и Серета продолжается. Наши части овладѣли сильно укрѣпленной позиціей противника въ районѣ деревень Звыжинъ, Тростянецъ и Реніувъ. Въ лѣсахъ этого района происходили горячія штыковыя схватки. Противникъ переходилъ въ контръ-атаки. Бои происходятъ въ тяжелыхъ условіяхъ вслѣдствіе непрерывнаго дождя, отъ котораго сильно размокла почва. На р. Коропецъ противникъ произвелъ нѣсколько энергичныхъ атакъ въ районѣ Велеснювъ. Всѣ атаки были отражены съ громадными для противника потерями. На р. Черный Черемошь къ югу отъ Ворохты противникъ нѣсколько потѣснилъ наше конное сторожевое охраненіе.

На р. Стоходѣ въ районѣ Зарѣчья наши части стремительнымъ ударомъ безъ выстрѣла выбили противника изъ части его окоповъ и заняли ихъ, взявъ при этомъ въ плѣнъ 12 офицеровъ и около 200 нижнихъ чиновъ и 1 пулеметь. На р. Серетѣ, на занятомъ участкѣ, за день успѣхъ нашъ нѣсколько развился въ сѣверной части. Здѣсь особенно отличились своимъ порывомъ воронежскія дружины ополченія, увлеченныя общимъ подъемомъ ударившихъ на непріятеля войскъ. За 24-е іюля въ этомъ районѣ нами взято плѣнныхъ 13 офицеровъ и до 2.000 нижнихъ чиновъ, изъ коихъ часть германцевъ, 2 гаубицы и нѣсколько пулеметовъ. Вой носилъ крайне ожесточенный характеръ поступаетъ масса раненыхъ австро-германцевъ.

На Кавказскомъ фронтѣ въ районѣ Кялькитъ-Чифтлика и Эрзинджана наши войска вновь продвинулись на нѣсколько верстъ впередъ. Къ сѣверу отъ рѣки Мурадъ-Чая турки весь день вели наступленіе, отбиваемое нашими войсками. Въ мушскомъ районѣ турки продолжали вести упорныя атаки и вынудили насъ нѣсколько отойти къ сѣверу. Въ битлискомъ районѣ большія силы турокъ, при поддержкѣ курдовъ, вели упорное наступленіе, которое успѣшно отражается нашимъ огнемъ, гранатами и контръ-атаками. Подъ напоромъ турокъ нашъ отрядъ въ Персіи отошелъ въ районъ восточнѣе Керманшаха.

На французскомъ фронтѣ, послѣ ожесточенной артиллерійской подготовки германцы предприняли рядъ атакъ у Тюмона и въ лѣсу Во-Шапитръ, но всюду были отбиты. Французскіе летчики въ рядѣ воздушныхъ столкно-

веній сбили шесть непріятельскихъ аппаратовъ и три аппарата повредили и заставили снизиться; уничтожены два германскихъ привязныхъ шара.

Англичане на своемъ фронтѣ во Франціи, между рѣками Анкръ и Соммой, нѣсколько продвинулись впередъ. Къ востоку отъ Позьера англичане продвинулись въ направленіи Мартенклоуикъ. Къ сѣверо-западу отъ Позьера германцы произвели атаку съ примѣненіемъ струй горячей жидкости и заставили англичанъ временно отступить, но вслѣдъ за тѣмъ англичане отбили у непріятели все занятое имъ пространство. Англійская артиллерія при содѣйствіи аэроплановъ разрушила нѣсколько артиллерійскихъ позицій непріятели.

Итальянцы отбили рядъ ожесточенныхъ атакъ непріятели. Итальянская артиллерія уничтожила непріятельское лагерное расположеніе близъ Райбля.

Въ Средиземномъ морѣ потопленъ миной англійскій вспомогательный минный тралиеръ «Gladston».

26-го іюля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ: На р. Серетѣ наши войска успѣшно продвигаются, закрѣпляясь на занятыхъ рубежахъ. Въ этомъ районѣ въ бояхъ съ 22-го по 24-е іюля общее число плѣнныхъ составляетъ 166 офицеровъ и 8.415 нижнихъ чиновъ, захвачено всего 4 орудія, 19 пулеметовъ, 11 бомбометовъ и минометовъ и много другого войскового имущества.

Къ югу отъ Днѣстра наши части, перейдя въ наступленіе на фронтѣ около 25 верстъ въ направленіи на Тысьменицу, ворвались въ окопы противника и преслѣдовали его съ боемъ. Неудержимымъ натискомъ нашихъ молодецкихъ войскъ противникъ былъ отброшенъ по всему фронту, причемъ мы овладѣли городомъ Тлумачемъ, райономъ восточнѣе его до Днѣстра и гребнемъ высотъ къ юго-западу до желѣзной дороги Коломыя—Станиславовъ. Атака наша была подготовлена артиллерійской стрѣльбой химическими снарядами по батареямъ противника, причемъ артиллерія его, подавленная нашими газами, прекращала огонь и бросала орудія. Конница преслѣдуетъ отхлынувшаго въ беспорядкѣ противника. Въ этихъ бояхъ одной изъ нашихъ славныхъ дивизій захвачено въ плѣнъ 2.000 германцевъ, взято нѣсколько тяжелыхъ орудій и много пулеметовъ. Плѣнные продолжаютъ прибывать большими партіями, но общее число ихъ еще не выяснено. Такимъ образомъ, славными войсками генерала Лечицкаго вновь достигнутъ крупный успѣхъ.

Къ югу отъ Днѣстра достигнутый нашими войсками успѣхъ продолжаетъ развиваться. Преслѣдуя противника, наши молодецкія части съ боя взяли городъ Нижніувъ, деревни Братышувъ, Палахиче, Надожнаро, Чарнолазцо, Крживотула-Нове и мѣстечко Отыня, подойдя, такимъ образомъ, на лѣвомъ флангѣ занятаго района частью къ р. Воронѣ, на которой расположенъ городъ Тысьменица. Передъ отходомъ противника въ нѣкоторыхъ пунктахъ были слышны взрывы. Повидимому, взрывались мосты и склады. Число захваченныхъ плѣнныхъ и трофеевъ выясняется и будетъ сообщено дополнительно. Захваченный нами районъ составляетъ площадь около 160 кв. верстъ.

На фронтахъ Соммы и Мааса французы продолжаютъ сохранять инициативу, продвигаясь впередъ. Къ сѣверу отъ Соммы французы овладѣли линіей гер-

манскихъ траншей; на правомъ берегу Мааса французы продвинулись къ югу отъ Тюмонскаго укрѣпленія.

Нѣмцы произвели рядъ атакъ на фронтъ отъ Флери до Тюмона; имъ удалось задержаться въ тюмонскихъ укрѣпленіяхъ.

Къ сѣверу отъ Позьера англичане отбили рядъ яростныхъ атакъ непріятели, проникшаго въ англійскіе окопы, и выбили его изъ своихъ окоповъ.

Итальянскіе миноносцы произвели демонстративныя операціи между Дуинномъ и Мирамаромъ. Въ районѣ Тофана итальянскія войска захватили сильно укрѣпленныя позиціи. На участкѣ Монфальконе итальянская пѣхота овладѣла нѣсколькими линіями непріятельскихъ траншей; итальянцы овладѣли здѣсь почти всей высотой «85».

На правомъ берегу Думницы болгары вынуждены были отступить въ результатѣ боя съ сербами и французами.

Въ Египтѣ англичане продолжаютъ преслѣдовать отступающихъ турокъ и уже миновали бассейнъ Катія-Умайша; взято въ плѣнъ свыше 3.000 человѣкъ.

27-го іюля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго оповѣстилъ, что къ востоку отъ Свиноухи наши войска короткимъ наступленіемъ овладѣли частью окоповъ, захвативъ при этомъ въ плѣнъ 13 офицеровъ и около 600 нижнихъ чиновъ. На р. Коропекъ наши войска, переправившись на правый берегъ, отгѣснили противника и захватили рядъ высотъ до моста на Дитѣстрѣ на желѣзной дорогѣ Нижніувъ—Монастержиска. Войска генерала Лечицкаго, преслѣдуя непріятели, достигли р. Тлумача и 26-го іюля овладѣли городомъ Тысьменицей, гребнемъ высотъ и правымъ берегомъ р. Вороны. Въ районѣ города Тысьменицы наши передовыя части продвинулись на западъ въ направленіи къ Станиславу. За [25-е іюля взято въ плѣнъ 88 офицеровъ, 7.400 нижнихъ чиновъ и захвачено 5 орудій, 63 пулемета.

Въ районѣ Кэги на Кавказскомъ фронтѣ наши войска сбили противника съ позицій и заняли селеніе Хогосъ. Продолжаются упорные бои въ мушкобитлиссскомъ, ванско-урмійскомъ и сениэскомъ районахъ, а также и между Керманшахомъ и Хамаданомъ.

27-го іюля на другихъ фронтахъ положеніе дѣлъ сводилось къ слѣдующему: къ сѣверу отъ Соммы французы захватили небольшой лѣсъ и сильно укрѣпленную непріятельскую траншею; на фронтѣ Тюмонъ—Флери французы вновь заняли всѣ части траншей, въ которыхъ непріятель задержался наканунѣ, и тюмонское укрѣпленіе; на фронтѣ Во-Шапитръ—Шенуа французы заняли линію, а въ нѣкоторыхъ пунктахъ двѣ линіи траншей непріятели. При дальнѣйшихъ атакахъ германцамъ удалось занять къ сѣверу отъ Соммы одну изъ французскихъ траншей, большая часть которой была снова отбита французами.

Англійскія войска нѣсколько продвинулись впередъ къ востоку отъ Тронскаго лѣса; у Рокленкура англичане ворвались въ германскія линіи и взорвали нѣсколько прикрытій; къ юго-западу отъ Гильмона англичане продвинули свои линіи впередъ на 400 ярдовъ; къ сѣверо-западу отъ Позьера непріятелю удалось захватить около 50 ярдовъ англійскихъ траншей.

Итальянцы овладѣли горою Саботино и Санъ-Микеле; взято свыше 3.000

плѣнныхъ. 27-го іюля было получено извѣстіе о громадной побѣдѣ итальянцевъ. Послѣ долгой и упорной борьбы утромъ итальянцы взяли городъ Горицу. Согласно донесенію итальянской главной квартиры, «27-го іюля утромъ, послѣ сильной артиллерійской подготовки въ районѣ Горицы, наша пѣхота завершила захватъ высотъ, расположенныхъ къ западу отъ города, принудивъ къ отступленію остатки непріятельскихъ отрядовъ. Въ захваченныхъ траншеяхъ и блиндажахъ мы нашли множество непріятельскихъ труповъ. Окончательно разбитый противникъ оставилъ большое количество оружія и военного снаряженія. Съ наступленіемъ ночи отряды Казанлійской и Па-

Румынскій престолонаслѣдникъ принцъ Кароль.

війской бригадѣ переправились черезъ Изонцо и укрѣпились на лѣвомъ берегу. Немедленно же кавалерійскій отрядъ и берсальеры-велосипедисты были отправлены преслѣдовать непріятеля на этой сторонѣ рѣки. Тѣмъ временемъ наши инженерныя войска перебрасывали новые мосты черезъ рѣки и возстановляли тѣ, которые были повреждены непріятелемъ. На Карсо наши войска отразили нѣсколько непріятельскихъ контръ-атакъ, предпринятыхъ непріятелемъ противъ вершины Монте-Санъ-Микеле, и захватили новыя траншеи въ окрестностяхъ селенія Санъ-Мартино. До настоящаго времени мы захватили около 10.000 плѣнныхъ, причемъ новые плѣнные продолжаютъ прибывать».

Германскіе цеппелины совершили налетъ на восточное побережье Англии и юго-восточное побережье Шотландіи. Британскіе морскіе аэропланы совершили налетъ на склады бензина и бараки въ Мюльгеймѣ.

28-го іюля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомлялъ о томъ, что на желѣзной дорогѣ Монастержиска—Нижніувъ наши части нѣсколько продвинулись къ западу, переправившись мѣстами черезъ Золотую Липу. Въ районѣ Тысьменицы наши войска, преслѣдуя непріятеля, заняли правый берегъ р. Быстрицы на линіи Надворна—Станиславовъ; захвачена узловая желѣзнодорожная станція Хрыплинь. На р. Серетѣ впереди деревень Нептерпинце и Носовце идетъ упорный бой. Нами взято 20 офицеровъ и 1.300 нижнихъ чиновъ.

На Кавказскомъ фронтѣ атаки турокъ къ западу отъ Гюмишханѣ были нами успѣшно отбиты.

Къ сѣверу отъ Соммы французы захватили траншею, въ которой непріятель задержался наканунѣ. У лѣса Эмъ французы съ сильнымъ боемъ продвигаются впередъ.

Англичане на своемъ фронтѣ во Франціи продвинулись впередъ къ сѣверу отъ Позьера. Англійскіе аэропланы успѣшно бомбардировали ангары цеппелиновъ около Брюсселя. Восточное побережье Англіи вновь подверглось налету германскихъ цеппелиновъ. Къ сѣверо-западу отъ Позьера англичане продвинули свои линіи на 200 ярдовъ впередъ по фронту въ 600 ярдовъ. Совмѣстной бомбардировкой англійской артиллеріи и аэроплановъ уничтожено нѣсколько германскихъ орудій и взорвано нѣсколько складовъ взрывчатыхъ веществъ.

Въ Египтѣ англичане продолжаютъ преслѣдовать отступающаго непріятеля и отбросили турокъ къ сѣверу и западу.

Германскими подводными лодками потоплены британскіе пароходы «Newburn» и «Crident». Въ Ботническомъ заливѣ германская подводная лодка потопила шведскую шхуну.

29-го іюля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что наши войска заняли Станиславовъ. На р. Серетѣ наши войска заставили противника отойти къ укрѣпленной позиціи Глядки—Воробьевка—Цебровъ. Наши войска сбили противника съ укрѣпленныхъ позицій и окончательно заняли Монастержиску. Въ районѣ устья Золотой Липы войсками генерала Щербачева одержанъ крупный успѣхъ: заняты деревни Усть-Зеліоне и Менджигорже.

Наши части, подошедшія къ лѣвому берегу Золотой Липы, овладѣли съ боя деревней Лазарувка: германскій полкъ, переправившійся черезъ Золотую Липу у деревни Задарувъ, былъ отброшенъ съ громадными потерями. Наши конныя части, переправившись черезъ устье Золотой Липы, атаковали и преслѣдовали противника до лѣваго берега р. Днѣстра. Здѣсь взято около 5.000 плѣнныхъ.

На Кавказскомъ фронтѣ въ прибрежномъ районѣ къ востоку отъ Керасунда наши части заняли м. Эллеу. Къ юго-востоку отъ Ванскаго озера, къ сѣверу отъ Саккиза (въ Персіи) и въ районѣ Бокана наши войска значительно потѣснили противника къ западу.

Въ Персіи наши войска подъ напоромъ турокъ отошли отъ Хамадана.

Въ районѣ Горіцы итальянскія войска продолжали переправляться черезъ р. Изонцо по исправленному ими мосту. На Карсо итальянцы прорвали

сильно укрѣпленные траншеи противника и заняли Боскини. Непріятельскіе аэропланы сбрасывали бомбы надъ Венеціей и нанесли нѣкоторыя поврежденія. Убито два человѣка.

Британцы захватили въ Египтѣ въ плѣнъ 425 турецкихъ офицеровъ и 9.598 нижнихъ чиновъ.

Союзныя войска на балканскомъ фронтѣ заняли Дойранскій вокзалъ и высоту 227 къ югу отъ Дойрана. Сербскія войска заняли Флорину. Въ виду назначенія генерала Саррайля командующимъ всѣми союзными войсками на солунскомъ фронтѣ командующимъ французскими дивизіями назначенъ генералъ Кордонье.

30-го іюля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго оповѣстилъ о слѣдующемъ: передъ настойчивыми семинедѣльными усиліями войскъ генераловъ Щербачева и Сахарова пали селенія Глядки, Воробьевка, Цебровъ, Езерна, Покропивна, Козловъ, укрѣпленный Бурканувскій лѣсъ и вся линія р. Стрышы. Доблестныя войска генерала Лечицкаго заняли Надворную и деревню Фитковъ и перешли р. Быстрицу-Солотвинскую. На бучачскомъ направленіи наши части овладѣли деревнями Слобудка-Гурна и Фольварки. Мы овладѣли линіей желѣзной дороги Монастержиска—Вычурки и участкомъ между Золотой Липой и Хорожанкой.

На кавказскомъ фронтѣ наступленіе турокъ къ западу отъ Гюмишханѣ отбито нашимъ огнемъ. У захваченныхъ аскеровъ обнаружены патроны съ подпильными концами. Въ Персіи, въ районѣ Бокана, наши части преслѣдуютъ турокъ, отступающихъ къ Саккизу.

30-го іюля итальянская главная квартира доносила о новыхъ успѣхахъ своей арміи: итальянцы захватили всѣ укрѣпленныя неприяТЕЛЬскія линіи на Карсо, заняли Рубіа и Санъ-Мартино и все плоскогорье Добердо; взято множество плѣнныхъ и различной военной добычи. Итальянскіе крейсера проникли въ портъ Дураццо и взорвали австрійскій пароходъ.

Британскія войска къ сѣверу отъ Базантень-ле-Пти вновь продвинулись впередъ и захватили участокъ траншей и отразили атаки противника на эти траншеи.

Французскія войска къ сѣверу отъ Соммы захватили нѣсколько германскихъ траншей. Сѣвернѣе лѣса Эмъ французами захвачены укрѣпленная неприяТЕЛЕМЪ каменоломня и двѣ роши.

На правомъ берегу Мааса французы продвинулись впередъ къ югу отъ укрѣпленія Тюмонъ и отразили германскія атаки противъ Флери и позицій къ сѣверо-западу.

Подъ натискомъ британской пѣхоты турки въ Египтѣ отступили. Контръатаки отбиты. «Наша кавалерія,—доносилъ 30-го іюля главнокомандующій британскими войсками въ Египтѣ,—гѣснить турецкій аррьергардъ по направленію къ Ходельгиша. Къ сѣверу отъ Бирь-эль-Абда наши войска въ теченіе всего дня проявили усиленную дѣятельность, во многихъ пунктахъ фронта безпокоя неприяТЕЛЯ. Согласно донесеніямъ, потери неприяТЕЛЯ весьма серьезны. Передъ неприяТЕЛЬСКОЙ позиціей у Бирь-эль-Абда лежитъ зна-

чительное количество труповъ. Турецкіе патрули непрерывно заняты подбираниѣмъ своихъ убитыхъ».

31-го іюля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщалъ: нашей конницей взяты городъ Маріамполь. На Верхнемъ Серетѣ войска генерала Сахарова сбили противника съ ряда позицій и достигли линіи деревень Звыженъ, Олеювъ, Бзовица-Бялковце. Прорывъ на р. Стрыгѣ заставилъ противника покинуть сильно укрѣпленныя позиціи. Наши войска захватили Езерну и переправляются на правый берегъ. Нами захваченъ городъ Подгайцы.

Противникъ нами отброшенъ на лѣвый берегъ р. Быстрицы Солотвинской, причѣмъ взято въ плѣнъ 12 офицеровъ и 1.000 нижнихъ чиновъ. Въ районѣ Лѣсистыхъ Карпатъ продолжается наше продвиженіе у Ворохты, Магуры и Яблоницы. Попытки наступленія противника отбиты.

На Кавказскомъ фронтѣ на западномъ берегу Ванскаго озера, въ районѣ Тадвана нашей контръ-атакой турки отброшены къ югу.

На правомъ берегу Мааса французы продвинулись къ югу отъ Флери. Къ сѣверу отъ Соммы французскія войска перешли къ атакѣ третьей линіи германскихъ позицій къ востоку отъ Одрекюра до Соммы.

Итальянскія войска на Карсо пересѣкли долину и на разсвѣтѣ заняли Ошпакіаселла, причѣмъ взяли 270 плѣнныхъ и захватили 3 орудія. Австрійцы съ окружающихъ высотъ обстрѣливаютъ Горицу.

Появившіеся надъ Дувромъ два непріятельскихъ гидроплана, сбросившіе 4 бомбы, были отогнаны англійскими аэропланами. Ранены 1 офицеръ и 6 нижнихъ чиновъ. Британскими войсками отбита пѣхотная атака непріятели на траншеи къ сѣверу отъ Позьера.

1-го августа штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что на сѣверо-западъ отъ Днѣстра послѣ упорнаго боя взята деревня Тустобабы. Наши войска подошли къ лѣвому берегу р. Пеніувъ и къ р. Золотой Липѣ, переправившись на западный берегъ. Въ районѣ Серета одинъ изъ нашихъ молодецкихъ полковъ, переправившись черезъ р. Лухъ вбродъ, выбилъ противника изъ ряда окоповъ. Атака непріятели на западномъ берегу Стохода была нами успѣшно отброшена. Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ частичное наступленіе противника вездѣ нами отбито.

На Кавказскомъ фронтѣ нанна флотилія на Ванскомъ озерѣ обстрѣляла позиціи противника на юго-западномъ берегу озера и вынудила его отступить. Въ Персіи, къ сѣверу отъ Саккиза, наши войска овладѣли частью турецкихъ позицій. Къ сѣверу отъ Хамадана наступленіе турокъ продолжается. Наши броневые автомобили 28-го іюля, дѣйствуя въ районѣ этого города, нанесли большія потери врагу.

Французы значительно расширили свои позиціи близъ Эстре, занявъ нѣсколько частей непріятельскихъ траншей. Французы продвинулись впередъ на склонахъ высоты 109 и у Морепа.

Англичане на всемъ фронтѣ во Франціи продвинулись впередъ и заняли рядъ непріятельскихъ траншей у Базантенъ-ле-Пти. Къ сѣверо-западу отъ Позьера англичане продвинулись на 300—400 ярдовъ по фронту протяженіемъ до одной мили.

На участкѣ Монфальконе итальянцы овладѣли высотой «121» и Дебелли. На сѣверной части Карсо итальянцы захватили позиціи на горѣ Надлоджемъ и взяли 1.565 плѣнныхъ. На горной дорогѣ къ Подгорицѣ итальянцы заняли высоту 174. Итальянскій король въ приказѣ по арміи поздравилъ итальянскихъ солдатъ съ успѣхомъ и отъ имени отечества выразилъ имъ любовь и признательность.

Въ Каирѣ англичане выбили турокъ изъ ряда позицій Каха; Огратина и Биръ-эль-Абдъ и взяли 3.534 плѣнныхъ. Въ Восточной Африкѣ германцы понесли пораженіе подъ Мотамондо-Чунго и преслѣдуются британскими войсками.

2-го августа сообщеніе штаба Верховнаго Главнокомандующаго гласило: Наше продвиженіе на западъ въ районѣ Верхней Стрыпы продолжается. На

Генераль Авереску, командующій румынскими войсками.

р.р. Золотой Липѣ и Быстрицѣ-Солотвинской наши войска успѣшно переправляются на западный берегъ. На р. Золотой Липѣ переправа нашихъ войскъ продолжается подъ огнемъ противника, который мѣстами препятствуетъ устройству мостовъ, обстрѣливая наши работы огнемъ тяжелой артиллеріи и пулеметами. Здѣсь нами взято плѣнныхъ 7 офицеровъ, 413 нижнихъ нихъ чиновъ и 3 пулемета. На истокахъ р. Прута, въ Лѣсистыхъ Карпатахъ, противникъ подъ нашимъ давленіемъ очистилъ Яблоницу, которая нами занята. Къ югу отъ этого пункта нами вновь заняты Ворохта и Арджелюсъ (на р. Прутѣ), причѣмъ здѣсь взято въ плѣнъ 32 офицера и 1.006 нижнихъ чиновъ. Наше наступленіе продолжается.

На Кавказскомъ фронтѣ наше наступленіе въ районѣ города Саккиза (въ Персіи) закончилось овладѣніемъ очень сильной турецкой позиціей вблизи

этого города. Непритель, преслѣдуемый нашей конницей, поспѣшно отступаетъ на югъ.

На Балтійскомъ морѣ утромъ 1-го августа нашими летчиками, лейтенантомъ Дитерихсомъ и мичманомъ Прокофьевымъ совершень на двухъ гидроаэропланахъ лихой налетъ на непрительскую авіаціонную станцію у озера Ангернъ, въ Курляндіи. Несмотря на обстрѣлъ противоаэропланныхъ батарей и контръ-атаку семи германскихъ аэроплановъ, наши летчики не только удачно сбросили по непрительскимъ ангарамъ бомбы, но смѣло приняли неравный бой, длившійся болѣе часа. Множество пуль пробило, къ счастью, нежизненные части нашихъ аэроплановъ, и въ результатъ боя одинъ изъ непрительскихъ аппаратовъ былъ сбитъ, перевернулся въ воздухѣ и, объятый дымомъ, упалъ. Наши летчики благополучно вернулись къ своей базѣ.

На французскомъ фронтѣ не произошло ничего существеннаго. Непрительскіе аэропланы сбрасывали бомбы въ Реймсъ; разрушень гражданскій госпиталь и благотворительная аптека. На англійскомъ фронтѣ во Франціи положеніе оставалось безъ перемѣнъ.

Итальянцы продолжали тѣснить непрителя на Карсо и прорвали еще одну линію непрительскихъ окоповъ.

У береговъ Голландіи затонулъ англійскій контръ-миноносець «Lassou». Германской подводной лодкой сожженъ шведскій баркъ съ грузомъ лѣса. Другую шхуну подводная лодка принудила выбросить весь грузъ лѣса въ воду. Вблизи Мальме германскій траллеръ захватилъ груженную просомъ шведскую шхуну.

3-го августа сообщеніе штаба Верховнаго Главнокомандующаго гласило: На р. Золотой Липѣ, въ районѣ къ югу отъ Бржежанъ, наши части въ нѣсколькихъ мѣстахъ заняли западный берегъ рѣки. Противникъ переходитъ въ контръ-атаки, задерживая наше дальнѣйшее наступленіе. Въ районѣ между устьемъ Золотой Липы и Днѣстромъ наши войска съ боемъ продвигаются впередъ, противникъ оказываетъ здѣсь отчаянное сопротивленіе. На р. Быстрицѣ нами заняты мѣстечко Золотвина и деревня Манява (къ юго-западу отъ Золотвины). На делатынскомъ и ворохтскомъ направленіяхъ противникъ подъ нашимъ давленіемъ отходитъ къ западу. Нашими войсками захваченъ рядъ высотъ къ западу отъ Ворохты и Арджелюза. На кирлибабскомъ направленіи, въ районѣ горы Капулъ, попытки противника переходить въ наступленіе отбиты огнемъ.

По полученнымъ окончательнымъ подсчетамъ, количество трофеевъ, взятыхъ войсками генерала Брусилова съ 22-го мая по 30-е іюля за время операціи овладѣнія зимнею укрѣпленною австро-германскою линіею отъ р. Припяти до румынской границы, опредѣляется слѣдующимъ числомъ: взято въ плѣнъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ (считая строевыхъ, нестроевыхъ, обозныхъ, санитаровъ и пр.), орудій, пулеметовъ: войсками генераловъ: Каледина—2.384 офицера, 107.225 нижнихъ чиновъ, 147 орудій, 459 пулеметовъ и 146 бомбометовъ и минометовъ; Лечицкаго—2.139 офицеровъ, 100.578 нижнихъ чиновъ, 127 орудій, 424 пулемета, 44 бомбомета и миномета, 35 зарядныхъ ящиковъ; Сахарова—1.967 офицеровъ, 87.248 нижнихъ чиновъ, 76 ору-

дій, 232 пулемета, 119 бомбометовъ и минометовъ, 128 зарядныхъ ящиковъ; Щербачева—1.267 офицеровъ, 55.794 нижнихъ чина, 55 орудій, 211 пулеметовъ, 29 бомбометовъ и минометовъ и 129 зарядныхъ ящиковъ. Итого: 7.757 офицеровъ, 350.845 нижнихъ чиновъ, 405 орудій, 1.326 пулеметовъ, 338 бомбометовъ и минометовъ и 292 зарядныхъ ящика. Кромѣ того, захвачено много винтовокъ, 30 верстъ узкоколейной желѣзной дороги, телефонное имущество и нѣсколько складовъ огнестрѣльныхъ припасовъ и инженернаго матеріала.

На кавказскомъ фронтѣ наступленіе частей противника къ западу отъ района Кала-Пасова (въ Персіи, къ юго-западу отъ Урмійскаго озера) нами отражено.

На западно-европейскомъ фронтахъ, по свѣдѣніямъ отъ 3-го августа, положеніе дѣлъ было таково: близъ р. Эна германцы проникли въ небольшой выступъ французскихъ линій, но были выбиты немедленно энергичной контръ-атакой. На правомъ берегу Мааса французы захватили часть непріятельскихъ траншей, протяженіемъ въ 300 метровъ и на 100 метровъ въ глубину. На сѣверо-западѣ отъ Позбера англичане заняли почти всѣ траншеи, въ которыхъ наканунѣ удалось утвердиться непріятелю. Англійскій король пробылъ въ теченіе недѣли на британскомъ фронтѣ во Франціи.

Итальянцамъ вновь удалось продвинуться на Карсо и къ востоку отъ Горицы; ими взято много плѣнныхъ.

На балканскомъ фронтѣ союзники заняли два селенія у подножья Белешскихъ горъ.

4-го августа штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ: на фронтѣ велась артиллерійская и ружейная перестрѣлка. Противникъ мѣстами переходилъ въ контръ-атаки, отбитыя нашимъ огнемъ. Надъ райономъ Кеммерна (западнѣе Риги) пролетѣлъ цеппелинь, сбросившій бомбы.

По дополнительно полученнымъ свѣдѣніямъ, войсками генерала Безобразова за время послѣдней операціи взято въ плѣнъ 198 офицеровъ, 7.308 нижнихъ чиновъ, 29 легкихъ и 17 тяжелыхъ орудій, 70 пулеметовъ, 29 бомбометовъ и болѣе 14.000 снарядовъ. Эти цифры слѣдуетъ прибавить къ цифрамъ, помѣщеннымъ въ утреннемъ сообщеніи 3-го августа.

Итальянскимъ пѣхотнымъ частямъ удалось занять непріятельскія траншеи на склонахъ Монте-Печинка, а также близъ Санта-Катерина и Санъ-Марко.

Французскія войска въ связи съ британской арміей охватили всю линію германскихъ траншей на фронтѣ 1.500 метровъ и достигли нѣкоторыхъ пунктовъ дороги Гильемонъ—Морепа. Всѣ позиціи непріятеля къ востоку отъ дороги Морепа—Клери были также заняты французской пѣхотой. Къ югу отъ Соммы французы овладѣли системой германскихъ сильно укрѣпленныхъ траншей на фронтѣ протяженіемъ въ 1.200 метровъ.

На Балканахъ союзники заняли рядъ укрѣпленій и деревню Долджели.

5-го августа штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что наступленіе непріятеля къ западу отъ Подгайцы было отбито нами съ громадными потерями. На р. Быстрицъ-Солотвинской нами занятъ городъ Ли-сець-Старый на западномъ берегу рѣки. Наступленіе турокъ къ западу отъ

Вансаго озера нами отбито. Отрядъ нашихъ гидроаэроплановъ Балтійскаго моря совершилъ удачный налетъ на непріятельскую авіостанцію у озера Ангернъ и сбросилъ бомбы, вызвавъ пожаръ. Летчики благополучно вернулись. Въ Персіи въ районѣ Кала-Пассова происходятъ столкновения съ значительными отрядами турокъ.

На другихъ фронтахъ къ 5 августа военныя операціи сводились къ слѣдующему: итальянскія войска отбили атаку на Карсо, захвативъ 100 плѣнныхъ. Непріятельскіе гидропланы сбрасывали бомбы надъ Венеціей и лагуной Градо, причинивъ незначительныя матеріальныя поврежденія.

Французы выбили непріятели изъ остававшейся въ его рукахъ части селенія Флери и продвинулись впередъ на пространствѣ между Тіомономъ и Флери.

Близъ Гильмона англичане на своемъ фронтѣ во Франціи завладѣли непріятельской траншеей на протяженіи 300 ярдовъ. Къ западу отъ Вими англичане взорвали мину и заняли образовавшуюся воронку. Повторныя контръ-наступленія германцевъ на широкомъ фронтѣ англичанами отбиты съ большими потерями для непріятели, и англичане заняли у Позьера около 100 ярдовъ германскихъ траншей. Въ Африкѣ англичане значительно продвинулись впередъ и заняли рядъ имѣющихъ большое стратегическое значеніе пунктовъ.

6-го августа сообщеніе штаба Верховнаго Главнокомандующаго гласило: въ 8 часовъ вечера 5-го августа, послѣ артиллерійскаго обстрѣливанія противникъ атаковалъ насъ у деревни Звиняче (15 верстъ къ юго-востоку отъ Свинюхи), но былъ отбитъ. Въ районѣ озера Нобель наши части овладѣли частью непріятельской позиціи къ западу отъ озера. Въ районѣ деревни Червище (на р. Стоходѣ) наши войска послѣ упорнаго боя прорвали позицію противника и овладѣли деревней Тобола, господскимъ дворомъ Червище и винокуреннымъ заводомъ, значительно продвинувшись впередъ. Плѣнныхъ зарегистрировано 2 офицера и 220 нижнихъ чиновъ. Въ районѣ мѣстечка Сокуль сброшено съ аэроплана противника болѣе 70 бомбъ.

На Кавказскомъ фронтѣ на кирлибабскомъ направленіи противникъ, перейдя въ наступленіе превосходными силами, нѣсколько потѣснилъ наши передовыя части. На фронтѣ между Сивасскимъ и Кемахскимъ шоссе наши части сильно потѣснили противника. На діарбекирскомъ направленіи завязались горячіе бои.

Генераль Жилинскій посѣтилъ русскій участокъ на французскомъ фронтѣ и передалъ георгіевскіе кресты и медали. Къ сѣверу отъ Соммы французскія войска захватили значительную часть селенія Морепа. Энергичныя атаки германцевъ къ сѣверу отъ Морепа до Флери отбиты за исключеніемъ одного пункта, гдѣ германцы проникли въ небольшую часть траншей. На правомъ берегу Мааса французы вытѣснили непріятели изъ двухъ укрѣпленныхъ редутовъ къ сѣверо-западу отъ тіомонскаго укрѣпленія. На правомъ берегу Мааса французы завладѣли группой разрушенныхъ домовъ и занимаютъ все селеніе Флери.

Британскія войска отъ Позьера до Соммы захватили нѣсколько укрѣпленныхъ германскихъ позицій по направленію къ Генши и Гильемону.

Британскія войска разбили у Каджіи въ Египтѣ турецкія войска. Турки потеряли плѣнными 3.920 человекъ, общая же цифра потерь исчисляется приблизительно въ 9.000 человекъ. Бельгійскія войска въ Восточной Африкѣ, нанеся непріятелю пять поражений, заняли Сантъ-Микаэль и соединились съ англійскими войсками.

Англійскія развѣдочныя эскадры и 4 другихъ военныхъ судна констатировали усиленную дѣятельность непріятеля въ Сѣверномъ морѣ въ теченіе 6-го августа. Германскій океанскій флотъ вышелъ въ море, но, узнавъ отъ своихъ развѣдчиковъ, что въ морѣ находятся значительныя англійскія силы, непріятель уклонился отъ боя и вернулся въ свой портъ. Во время розы-

Румынскій премьеръ-министръ г. Братіано.

сковъ непріятеля англичане потеряли 2 легкихъ крейсера, атакованныхъ подводными лодками. Изъ нихъ крейсеръ «Nottingham» находился подъ командой капитана Миллера, а крейсеръ «Falmouth» — капитана Эдварса. Всѣ офицеры съ «Nottingham» спасены; не досчитываются 38 человекъ экипажа. На крейсерѣ «Falmouth» спасены всѣ офицеры и экипажъ; одинъ изъ кочегаровъ этого крейсера скончался отъ полученныхъ ранъ. Одна изъ непріятельскихъ подводныхъ лодокъ уничтожена, другая протаранена и, по всей вѣроятности, затонула. Германское донесеніе, которое утверждаетъ, что потопленъ одинъ британскій контръ-миноносець и поврежденъ броненосецъ, лишено основанія.

7-го августа, согласно свѣдѣніямъ отъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, къ западу отъ озера Нобель атаки германцевъ отбиты съ большими для нихъ потерями. На р. Стоходѣ наши войска овладѣли господскимъ дворомъ

Червише и нѣсколькими высотами. Деревня Тобола переходила изъ рукъ въ руки и осталась за нами. На коромезскомъ направленіи наши войска отбросили противника съ высотъ западнѣ Яблоницы и Вороненки. На р. Бѣлый Черемошъ наши части, сбивъ противника, продвинулись въ направленіи на Ферескулъ.

На Кавказскомъ фронтѣ въ кирлибабскомъ направленіи атаки противника на занятія нами высоты отбиты. На діарбекирскомъ направленіи наши доблестныя войска преодолеваютъ высокій и трудно-доступный хребетъ къ западу отъ Бингель-Дагъ. Западнѣ озера Нозыкгель наши части сбили турокъ съ перевала у селенія Каджыхъ и захватили плѣнныхъ. Къ юго-западу отъ Урмійскаго озера идутъ бои въ районѣ Ушнуэ.

На французскомъ фронтѣ германцы проявили ночью усиленную дѣятельность на правомъ берегу Мааса; однако попытка овладѣть деревней Флери не удалась, и всѣ ихъ атаки были отбиты; успѣшно была отбита также огневой завѣсой французовъ и ожесточенная атака германцевъ къ сѣверо-западу отъ Тюмона.

Въ различныхъ мѣстахъ англійскаго фронта успѣшно дѣйствовалъ англійскій флотъ, много способствуя своею бомбардировкою операціямъ сухопутныхъ войскъ. Англійскія войска достигли подходовъ къ Гильемону, а также еще продвинулись къ сѣверо-востоку отъ Поззера. Англійскіе аэропланы произвели успѣшную атаку на склады боевыхъ припасовъ у Лихтервелье.

На итальянскомъ фронтѣ происходили артиллерійскіе бои. На Карсо австрійцы двинулись въ атаку на лѣвое крыло итальянскихъ позицій, но были немедленно отбиты.

5-го августа войска союзниковъ въ Солуни по всему фронту вошли въ тѣсное соприкосновеніе съ германскими и болгарскими войсками. 5-го и 6-го августа въ разныхъ пунктахъ фронта происходили боевыя столкновенія. Болгарскій посланникъ въ Аѣинахъ официально сообщилъ Заимису, что Болгарія, возобновивъ наступленіе, заняла со стратегической цѣлью различные пункты греческой Македоніи.

8-го августа штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что на р. Стоходѣ наши войска еще продвинулись на нѣкоторыхъ участкахъ; за 5-е и 6-е августа взято 16 офицеровъ, свыше 1.350 нижнихъ чиновъ, одно орудіе, 18 пулеметовъ и т. п.

На Кавказскомъ фронтѣ на куттскомъ направленіи нами заняты деревни Ферескулъ и Яблоница и нѣсколько высотъ. Бои на діарбекирскомъ направленіи развиваются благопріятно для насъ. Мы овладѣли цѣлымъ рядомъ высотъ и захватили много плѣнныхъ.

На фронтахъ нашихъ союзниковъ, по свѣдѣніямъ отъ 8-го августа, военныя дѣйствія сводились къ слѣдующему: французы заняли сильно укрѣпленный непріателемъ лѣсъ между Гильекономъ и Морепа и захватили шесть непріятельскихъ 77-миллиметровыхъ орудій.

Въ теченіе ночи съ 8-го на 9-е августа на фронтѣ Соммы происходили сильныя артиллерійскіе бои. На правомъ берегу р. Мааса германцы произвели

къ концу дня сильную атаку противъ деревни Флери, во время которой примѣняли воспламеняющіяся жидкости. Атака была тотчасъ же остановлена огневой завѣсой, причемъ непріятель понесъ серьезныя потери.

Англичане овладѣли холмомъ, господствующимъ надъ Долдзели, и заняли рядъ болгарскихъ позицій. Южнѣ Долдзели англійскія войска утвердились на линіи къ западу и къ сѣверу отъ Бекерли. На своемъ фронтѣ во Франціи англичане заняли новую часть траншей къ сѣверу отъ Базантенъ-ле-Пти. На пространствѣ отъ лѣса Фуру до пункта своего соприкосновенія съ французами англичане на протяженіи болѣе двухъ миль продвинули впередъ свою линію на 200—600 ярдовъ. Точно также англичане продвинулись впередъ и заняли рядъ непріятельскихъ траншей между лѣсомъ Фуруро и дорогой Альбертъ—Беломъ, у фермы Мукэ и между Авильеръ и Тепвалемъ.

На солунскомъ фронтѣ сербы захватили передовыя укрѣпленія Каймакъ-Калэ.

8-го августа было сообщено о дѣйствіяхъ англо-французской арміи на Ближнемъ Востокѣ: «Днемъ 7-го августа союзныя войска въ Солуши перешли въ наступленіе по всему фронту. Правое крыло англо-французской арміи перешло черезъ р. Струму и атаковало непріятеля на фронтѣ Канакли—Каландра—Топалова, къ сѣверо-западу отъ Сереса. Союзныя войска находятся въ соприкосновеніи съ защищаемой непріятелемъ сильной позиціей у Баракли, въ 8 километрахъ къ юго-западу отъ Демиръ-Гиссара. Въ центрѣ происходятъ ожесточенныя дѣйствія артиллеріи на южныхъ склонахъ горъ Велешъ и на обоихъ берегахъ Вардара. Въ районѣ отъ Доиранскаго озера до Вардара союзники укрѣпились на позиціяхъ, занятыхъ въ предшествующіе дни. На лѣвомъ крылѣ въ гористой мѣстности между Црнои и Могленицей сербскія войска заняли передовыя болгарскія траншеи на высотахъ Кикурузъ и захватили первые уступы Каймакчалара. На крайнемъ лѣвомъ флангѣ сербскія войска, нанеся тяжкія потери болгарамъ, наступавшимъ отъ Флорины въ сторону Баницы, принуждены были покинуть послѣднюю мѣстность и укрѣпиться на высотахъ, расположенныхъ къ востоку отъ нея. Бой продолжается».

9-го августа штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣщалъ о томъ, что на Кавказскомъ фронтѣ на джарбекирскомъ направленіи мы овладѣли значительной территоріей противника къ западу отъ Ванскаго озера и захватили въ плѣнъ роту 17 полка. Западнѣ Восточнаго Евфрата нами захвачено въ плѣнъ 10 офицеровъ, 1 врачъ, 215 аскеровъ и взяты 4 пулемета и 3 легкихъ орудія. Въ Персіи, въ районѣ Ушнуэ мы опрокинули турецкую конницу. Къ западу отъ Кала-Пассова мы отбросили противника.

Къ сѣверу отъ Соммы французы продвинулись впередъ въ окрестностяхъ Клерзъ и захватили два 77-миллиметровыхъ орудія. Къ югу отъ Соммы французы заняли часть непріятельскихъ траншей къ юго-западу отъ Эстрэ и къ востоку отъ Суакура. На фронтѣ во Франціи англійская артиллерія нанесла сильныя поврежденія германскимъ траншеямъ и вызвала пожаръ въ одной изъ непріятельскихъ батарей.

Болгары спѣшно начали эвакуировать Монастырь.

ц*

Траулеръ «Endymion» былъ атакованъ у Флемборо цепелиномъ «L 21», но, перерѣзавъ сѣти, успѣлъ уйти.

Британскія войска въ Восточной Африкѣ заняли переправы черезъ р. Вами. Бурскій генераль Ванъ-Девентеръ, наступая отъ Мпапуа къ востоку, нанесъ большія потери германцамъ и приближается къ Килосса.

10-го августа, по свѣдѣніямъ отъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, газовая атака противника, произведенная къ югу отъ Крево въ ночь на 9-е августа, отбита съ большими для противника потерями. Наступленіе противника къ югу отъ Бродовъ всюду отбито нашимъ огнемъ. Мы овладѣли двумя высотами къ сѣверу и къ югу отъ горы Коверла на границѣ Венгріи, на истокахъ р. Прута, къ юго-западу отъ Адзелюса.

На кавказскомъ фронтѣ турки, перешедшіе въ наступленіе на фронтѣ мѣстечко Эллеу—селеніе Шади-Маденъ, отброшены на свои позиціи при содѣйствіи нашего флота. Къ западу отъ Ванскаго озера наше наступленіе развивается успѣшно.

На французскомъ фронтѣ на обоихъ берегахъ Соммы и подъ Верденомъ происходили артиллерійскіе бои. Въ лѣсу Во-Шапитръ и въ Вогезахъ французы отразили ручными гранатами атаки непріятеля. Къ югу отъ Эстрэ и къ западу отъ Суакюра германцы утвердились въ пѣкоторыхъ пунктахъ потерянныхъ ими ранѣ траншей.

Англичане на фронтѣ во Франціи снова значительно продвинулись впередъ близъ Позьера, на фронтѣ протяженіемъ въ полмили. Между Мартенюижъ и Базантенъ англичане овладѣли ста ярдами непріятельскихъ траншей. У Лейпцигскаго редута англичанамъ удалось расширить свои позиціи.

На солунскомъ фронтѣ войска союзниковъ заняли линію высотъ около Лумницы. Сербская армія продолжала продвигаться впередъ въ горномъ районѣ между Црной и Могленицей. Въ Солунь прибыли и благополучно высадились итальянскія войска, предназначенныя для участія въ операціяхъ союзниковъ.

Англійская подводная лодка «E 23» потопила въ Сѣверномъ морѣ германскій броненосецъ типа «Nassau».

Въ Египтѣ за послѣднюю недѣлю результаты военныхъ операцій англичанъ выразились въ томъ, что турецкія войска, въ числѣ 18.000, заняли сильную позицію противъ Суэцкаго канала, съ цѣлью помѣшать вмѣшательству англичанъ, препятствующихъ перевозкѣ турецкихъ войскъ противъ арабовъ. Англійская армія разбила турокъ и, преслѣдуя ихъ въ пустынь на протяженіи болѣе 25 верстъ, нанесла имъ потери до 9.000 человекъ, въ числѣ которыхъ 3.920 плѣнныхъ, много орудій и военной добычи.

11-го августа штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ о взятіи нашими доблестными войсками города Муша, причемъ было забрано много плѣнныхъ. Наступленіе непріятеля у Тоболы на западномъ берегу Стохода отбито. На моссульскомъ направленіи нашими войсками у селенія Ранта разгромлена четвертая турецкая дивизія. Окруженные два полка взяты въ плѣнъ; захвачены 3 орудія и 3 пулемета.

Г е р о й в о й н ы

ген.-лейт. Владимиръ Петровичъ Мамонтовъ, 50 лѣтъ, убитъ 28-го августа с. г. осколкомъ непріятельскаго снаряда. Съ начала войны командовалъ бригадой, а затѣмъ состоялъ инспекторомъ артиллеріи арміи, осаждавшей крѣпость Перемышль. За осаду крѣпости и отраженіе грандіозной вылазки непріятели В. П. произведенъ въ ген.-лейт. и награжденъ орденомъ св. Владимира 2 ст. съ мечами. Похороненъ на братскомъ кладбищѣ въ Москвѣ 7-го сентября.

Блестящая атака французских войск между Флери и Тюмоном позволила французам замѣтно продвинуться впередъ.

Итальянцы въ районѣ Тофана взяли сильныя непріятельскія позиціи на западныхъ склонахъ и нанесли непріятелю тяжелыя потери.

Двѣ атаки противника на британскія траншеи у Тиепваля отбиты. Непріятельскій цеппелинъ совершилъ полетъ надъ восточнымъ побережьемъ Англии и сбросилъ нѣсколько бомбъ.

На солунскомъ фронтѣ непріятель укрѣпляется на лѣвомъ берегу р. Струмы. Греки оставили Кавалу. Населеніе бѣжитъ на островъ Тазосъ. Болгары заняли форты, изъ которыхъ греки не успѣли вывезти орудіе и боевыя припасы. Греческія войска въ нѣкоторыхъ пунктахъ оказали сопротивление болгарамъ при ихъ наступленіи по греческой территоріи.

12-го августа штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ: вечеромъ 10-го августа въ районѣ деревни Сабилки (сѣвернѣе желѣзной дороги Лида—Молодечно) нѣмцы пустили облако ядовитыхъ газовъ. Около полуночи на 11-го августа въ районѣ къ югу отъ Цирина противникъ послѣ сильнаго артиллерійскаго огня повелъ наступленіе на наши окопы. Наступленіе отбито нашими заставами. На ковельскомъ направленіи въ районѣ деревни Велицкъ противникъ пытался переходить въ наступленіе, но былъ отбитъ.

На Кавказскомъ фронтѣ наше наступленіе къ западу отъ Ванскаго озера продолжается. На моссульскомъ направленіи мы преслѣдуемъ остатки разгромленной нами турецкой дивизіи.

Къ сѣверу отъ Соммы французскія войска захватили Морепа, закрѣпили его за собой, выдвинули свою линію на фронтъ въ 2 километра на двѣсти метровъ впередъ. Рядъ ожесточенныхъ контръ-атакъ германцевъ, предпринятыхъ ими въ различныхъ пунктахъ фронта, отбитъ французами съ большими потерями для непріятеля.

Итальянскія войска овладѣли новыми позиціями въ горной мѣстности Альпъ-Фасса. Къ югу отъ Чима-Чече итальянцы заняли пунктъ «2354», захватили непріятельскія траншеи вдоль склоновъ горы Коріолю и отбили контръ-атаку противника.

Британскія войска во Франціи къ югу отъ Тиепваля продвинулись еще на 300 ярдовъ впередъ. Нѣсколько цеппелиновъ пролетѣло надъ восточнымъ и юго-восточнымъ берегами Англии, сбросивъ кое-гдѣ снаряды.

13-го августа штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ: въ Карпатахъ, къ западу отъ Надворной наши передовыя части, сбивъ противника, заняли деревню Гута и достигли верховья р. Быстрицы и Быстрицы Надворжанской въ районѣ Рафаилова.

На Кавказскомъ фронтѣ на линіи отъ города Кыги до Ванскаго озера упорные бои продолжаются. Наши части, занявъ городъ Мушь, проникли къ хребту Куртикъ-Дагу, гдѣ захватили плѣнныхъ. На моссульскомъ направленіи мы преслѣдуемъ остатки четвертой турецкой дивизіи.

Русскія войска прибыли въ Салоники и поступили въ составъ союзной арміи (англичане, итальянцы, сербы и французы) французскаго генерала

Сарраиля. Такимъ образомъ, развитіе союзническихъ силъ идетъ настойчиво и непрерывно на всѣхъ театрахъ.

Итальянскія войска продвинулись впередъ на склонахъ горы Коріоль.

Атака германцевъ на французскія позиціи у Круа-Сенъ-Жанъ была отбита огнемъ французскихъ войскъ. Британскія войска отбили атаку нѣмцевъ на траншеи къ западу отъ Генши.

Британскія войска на солунскомъ фронтѣ разрушили три моста къ сѣверу отъ Несхори, между Паса-Копрусу и Кучукомъ. Сербскія войска значительно продвинулись впередъ въ районѣ Кукуриза и отбили атаку болгаръ къ сѣверо-западу отъ озера Острово.

14-го августа сообщеніе штаба Верховнаго Главнокомандующаго гласило: въ районѣ мызы Шмарденъ молодецкія части латышскихъ батальоновъ, прорѣзавъ въ двухъ мѣстахъ первую полосу загражденій противника и заложивъ между вырѣзанными проходами 2 якоря, съ помощью ворота вырвали загражденіе со всѣми кольями на протяженіи 30 шаговъ. Противникъ открылъ по латышамъ безрезультатный огонь. Въ районѣ озера Дрисвяты надъ нашимъ расположеніемъ летали непріятельскіе самолеты, сбрасывавшіе бомбы, причѣмъ убитъ при исполненіи своихъ пастырскихъ обязанностей священникъ Іоакимъ Сѣдлецкій. На р. Стоходѣ въ районѣ деревни Тоболы противникъ велъ сильный артиллерійскій огонь по нашимъ переправамъ. При этомъ убитъ доблестный командиръ полка полковникъ Зыковъ. Въ Карпатахъ, въ районѣ горы Коверла, наши войска, выбивъ противника съ позиціи на высотѣ 1.129 (5 верстъ къ сѣверо-востоку отъ горы Коверла), овладѣли этой высотой, захвативъ здѣсь 3 офицеровъ и 146 нижнихъ чиновъ плѣнными и 4 пулемета. Продвиженіе наше продолжается.

На Кавказскомъ фронтѣ на діарбекирскомъ направленіи упорные бои продолжаются. Наши колонны достигли р. Маола-Дараси, впадающей въ р. Евфратъ восточнѣ селенія Нурикъ.

На Черномъ морѣ на разсвѣтъ 12-го августа былъ произведенъ налетъ нашихъ гидроаэроплановъ на Варну, сбросившихъ бомбы въ портовый сооруженія, гавань и противозаэропланныя батареи. Видны были попаданія бомбъ въ судно, стоявшее въ гавани, вызвавшія пожаръ на немъ, и въ мастерскія.

Италія черезъ посредство Швейцаріи заявила 14-го августа о вступленіи съ слѣдующаго дня (15-го августа) въ войну съ Германіей.

На фронтѣ Соммы происходила сильная артиллерійская перестрѣлка. Въ Шампани германцамъ удалось проникнуть въ французскія траншеи, но они сейчасъ же были выбиты французскою контръ-атакой. У тиомонскаго укрѣпленія французами отбитъ рядъ ожесточенныхъ атакъ непріятеля. Французскіе летчики сбили нѣсколько германскихъ аппаратовъ.

Англичане на своемъ фронтѣ во Франціи вновь продвинулись впередъ. У селенія Тіешваль и къ югу отъ дороги Бетюнъ—Лабассе англичане отбили съ громадными потерями для непріятеля ожесточенныя атаки германцевъ. Подъ Уши англичане взорвали двѣ мины и заняли образовавшіяся воронки. Англійскіе аэропланы произвели рядъ успѣшныхъ нападеній на непріятельскія батареи.

Въ Сѣверномъ морѣ непріятельской подводной лодкой потопленъ англійскій небольшой вспомогательный крейсеръ «Duke of Aidanu».

Итальянцы продвинулись впередъ въ Фасскихъ Альпахъ и вдоль склоновъ Тофана и захватили сильно укрѣпленную непріятельскую траншею у Фарсела-деи-Кастрати.

На солунскомъ фронтѣ всѣ атаки непріятеля отбиты съ большими для него потерями; сербы успѣшно сдерживаютъ продолжающіяся усилія болгаръ и мѣстами продвинулись впередъ.

15-го августа штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ: въ районѣ къ сѣверу отъ озера Колдычева 13-го августа непріятельскія цѣпи пытались наступать, но, обстрѣлянные нашей артиллеріей, вернулись въ свои окопы. На р. Шарфъ, южнѣе желѣзной дороги Барановичи—Лунинецъ, нѣмцы силами до двухъ батальоновъ повели наступленіе на наши передовыя части, занимающія окопы на западномъ берегу рѣки, но были отбиты. На р. Стоходфъ, южнѣе мѣстечка Стобыхва, нашими развѣдчиками была окружена австрійская застава и часть ея захвачена въ плѣнъ. Въ районѣ Днѣстра, къ сѣверу отъ Маріамполя, наши войска съ боя овладѣли рощею къ востоку отъ деревни Делеювъ, гдѣ и закрѣпились; при этомъ взято 1 офицеръ и 37 нижнихъ чиновъ плѣнными и 2 пулемета.

На Кавказскомъ фронтѣ отъ Кыги до Ванскаго озера бои продолжаются. Наши части, выбивъ турокъ изъ окоповъ на лѣвомъ берегу р. Масла-Дараси (впадающей въ р. Евфратъ у селенія Нурика), перешли на ея западный берегъ. Къ сѣверу отъ Битлиса нашей контръ-атакой противникъ отброшенъ къ югу, причемъ нами взято въ плѣнъ 11 офицеровъ и 200 аскеровъ при 3 пулеметахъ. На моссульскомъ направленіи мы тѣснимъ турокъ въ районахъ Нери и Саккиза.

15-го августа было получено радостное извѣстіе о долгожданномъ присоединеніи къ намъ еще одного союзника—Румыніи, объявившей войну Германіи, Австро-Венгріи и ихъ союзникамъ. Изъ Вѣны сообщили, что румынскій посланникъ прибылъ 14-го августа въ министерство иностранныхъ дѣлъ и передалъ ноту, въ которой сообщалось, что съ 14-го августа, съ 9 часовъ вечера, Румынія считаетъ себя въ состояніи войны съ Австро-Венгріей. Въ отвѣтъ на объявленіе Румыніей войны Австро-Венгріи Германія объявила войну Румыніи.

17-го августа, по извѣстіямъ отъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, къ сѣверу отъ Двинска въ воздушномъ бою нашимъ аппаратомъ сбитъ германскій фоккеръ, упавшій въ расположеніе противника. На р. Верхнемъ Серетѣ отбиты попытки противника наступать. На р. Быстрицѣ отражено наступленіе противника. Въ Карпатахъ къ западу отъ Надворной наши войска овладѣли деревней Рафаиловъ (на Быстрицѣ) и пограничной съ Венгріей горой Пантеръ; здѣсь наши передовыя части достигли венгерской границы на фронтѣ 25—30 верстъ.

На Кавказскомъ фронтѣ къ югу отъ озера Нимрудъ-Гель турки, подъ нашимъ натискомъ, отступили на позицію по высотамъ у входа въ Битлисское

ущелье. На моссульскомъ направленіи, въ районѣ Нери, противникъ, преслѣдуемый нами, разсѣялся, оставляя въ нашихъ рукахъ плѣнныхъ.

Въ Лотарингіи атака германцевъ противъ лѣса Парруа отражена. Англичане на фронтѣ во Франціи нѣсколько продвинули свою линію у Мартенпюижъ.

17-го августа главная румынская квартира доносила: «На сѣверномъ и сѣверо-западномъ фронтѣ наступленіе нашихъ войскъ успѣшно продолжается»

Вице-адмиралъ Александръ Васильевичъ Колчакъ, командующій Черноморскимъ флотомъ.

во всѣхъ направленіяхъ. Мы заняли Валеа-Тарланжеи (Татрангъ), Сутуль-Ноу и Дарстихъ около Брашова (Кронштадта), а также значительный промышленный центръ Петрошени (долина Жіу). Наши потери весьма незначительны. Южный фронтъ: австро-венгерскія суда бомбардировали Зимнеца. Въ ночь съ 15-го на 16-е августа цеппелинъ и аэропланъ сбросили бомбы надъ Бухарестомъ, не причинивъ вреда». По австрійскому сообщенію, румыны заняли

Петрошени, Кронштадтъ и Кезди-Васаргели. Турція объявила войну Румыніи.

Данія заявила о своемъ нейтралитетѣ въ войнѣ между Австро-Венгріей и Румыніей.

На балканскомъ фронтѣ союзныя войска разрушили авіаціонный паркъ непріятели въ Мрзей; продвиженіе союзныхъ войскъ въ направленіи Лумницы продолжается; сербская армія отразила рядъ сильныхъ атакъ на высоту 1506.

15-го августа на фронтѣ Соммы происходилъ артиллерійскій огонь въ районѣ Эстрэ, Беллуа-Сантеръ и Лигона. Германская атака на французскія позиціи къ востоку отъ Флери не имѣла успѣха. Англичане продвинулись къ востоку отъ Дельвилля.

Къ востоку отъ Црны сербы значительно продвинулись впередъ къ Вѣтреннику. Болгары заняли различные населенные пункты къ западу отъ Кавалы, покинутые греками.

На итальянскомъ фронтѣ, кромѣ мелкихъ стычекъ, атакъ съ удушливымъ газомъ, отбитыхъ итальянцами, и артиллерійскихъ боевъ, не произошло ничего выдающагося.

16-го августа, согласно свѣдѣніямъ отъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, на р. Стоходѣ противникъ повелъ атаку на наши позиціи на западномъ берегу рѣки въ районѣ Тоболы—Геленинъ, но былъ отбитъ. Въ теченіе дня по этому району противникомъ выпущено болѣе 2.000 снарядовъ съ удушливыми газами. Къ юго-востоку отъ Смоляры противникомъ были атакваны наши части, расположенныя на островахъ, но атака успѣха не имѣла.

На Кавказскомъ фронтѣ отъ Кыги до западнаго берега Ванскаго озера, сбивая противника съ позиціи, наши войска продвинулись у Огнота, гдѣ нами захвачено въ плѣнъ 283 нижнихъ чина. Произведенная турками къ западу отъ Огнота атака отбита съ большими для нихъ потерями; передъ фронтомъ одного изъ нашихъ батальоновъ осталось до 400 убитыхъ. Къ западу отъ мушкаго района, на берегу р. Евфрата, при преслѣдованіи противника, нами захвачено нѣсколько десятковъ плѣнныхъ. Къ югу отъ озера Нимрудъ-Гель, отразивъ атаки противника, мы взяли въ плѣнъ 5 офицеровъ и 186 нижнихъ чиновъ.

Англичане продвинулись впередъ къ востоку отъ Тіепвала.

На балканскомъ театрѣ въ районѣ Баница—Острово непріятелискія атаки сербами отражены. Къ западу отъ Вардара союзныя войска продвинулись впередъ по направленію къ Лумницѣ.

Русскія войска, перешедшія на румынскую территорію, встрѣчаютъ въ Румыніи восторженный пріемъ. Во всей Румыніи объявлено военное положеніе. Румынскія войска начали продвиженіе по австрійской территоріи.

16-го августа появилось первое официальное сообщеніе румынской главной квартиры: «Общая мобилизація арміи, начатая въ ночь съ 14-го на 15-го августа, протекаетъ нормально. Объявленіе войны противъ Австро-Венгріи было вручено въ Вѣнѣ 15-го августа, въ 9 часовъ вечера. Въ ночь съ 14-го на 15-е августа румынскія войска атаквали австро-венгерскую границу.

Союзныя императорскія російскія войска начали проходить черезъ Добруджу и были встрѣчены населеніемъ съ энтузіазмомъ. Боевыя единицы русскаго флота прибыли въ Костанцу, гдѣ они содѣйствуютъ оборонѣ побережья Чернаго моря. Австро-венгерскія военныя суда, а также батареи обстрѣливали города Віорчорова, Турнъ-Северинъ и Журжево».

18-го августа сообщеніе штаба Верховнаго Главнокомандующаго гласило: на западномъ берегу р. Стохода утромъ 17-го августа, послѣ короткой артиллерійской подготовки, противникъ атаковалъ наши позиціи на участкѣ сѣвернѣе деревни Геленинъ. Атаки отбиты съ большими для противника потерями. На ковельскомъ направленіи въ районѣ деревни Велицкъ два аэроплана противника атаковали одинъ изъ нашихъ аппаратовъ, который былъ сбитъ и упалъ въ нашемъ расположеніи; доблестные летчики подпоручикъ Тихомировъ и наблюдатель поручикъ Данилевичъ погибли.

На Кавказскомъ фронтѣ атаки турокъ къ западу отъ Гюмишханскаго района отбиты нами съ большими потерями для врага, оставившаго передъ нашими позиціями много труповъ. На діарбекирскомъ направленіи наше продвиженіе продолжается. На Ванскомъ озерѣ наше судно удачно обстрѣляло бивакъ турокъ у селенія Туха.

Къ югу отъ Соммы французы продвинулись къ югу отъ Эстрэ и юго-западу отъ лѣса Суакуръ. Румынскія войска заняли Тогануль, Векіу, Брашовъ, Чикъ-Менашагъ, Чикъ-Середу и гору Педеглаве; взято въ плѣнъ 1.800 австрійцевъ. Австрійцы, перешедшіе румынскую границу у Базарчика, отступили. Непрительскія атаки въ долинахъ Позины и Астико итальянцами отбиты.

18-го августа были получены извѣстія о новыхъ успѣхахъ союзныхъ войскъ въ германской Восточной Африкѣ: «Германцы продолжаютъ отступать по двумъ направленіямъ: въ сторону Даръ-эсъ-Салама и вглубь страны, къ Тоборѣ; однако къ тѣмъ же мѣстамъ направляются съ различныхъ сторонъ британскіе и бельгійскіе отряды. Англичане заняли Мрогоро на центральной желѣзнодорожной линіи, въ 100 миляхъ отъ Даръ-эсъ-Салама».

18-го августа штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ: во время обхода позиціи у деревни Лабузы (къ юго-востоку отъ Барановичей) убитъ пулей въ голову командующій дивизіей генералъ-майоръ Никитинъ. Южнѣе Выгоновскаго озера на Огинскомъ каналѣ нашей артиллеріей подбитъ непрительскій аппаратъ, который послѣ спуска между нашей и нѣмецкой позиціей былъ обстрѣлянъ и сгорѣлъ. На владимиръ-волинскомъ направленіи въ районѣ Локачи—Свинюхи идутъ упорные бои, противникъ производитъ яростныя атаки. Въ районѣ къ западу отъ Н. Олексинецъ также идетъ бой. Въ этомъ же районѣ во время боя надъ нашимъ расположеніемъ непрительскіе самолеты производили непрерывную развѣдку. Нашъ летчикъ хорунжій Филипповъ съ наблюдателемъ подпоручикомъ Хризосколео атаковалъ непрительскій аппаратъ, который, скользнувъ на крыло и повернувшись на носъ, круто пошелъ внизъ. На галичскомъ направленіи, въ районѣ р. Горожанки идетъ упорный бой. Въ Карпатахъ въ районѣ горы Томнатикъ наши войска овладѣли цѣлымъ рядомъ высотъ. Въ районѣ Дорна-Ватра мы нѣсколько продвинулись къ западу. Всего за день 18-го августа въ районахъ

происходящихъ боевъ взято въ плѣнъ 289 офицеровъ, 15.501 нижній чинъ, изъ нихъ 2.400 германцевъ, 6 орудій, 55 пулеметовъ и 7 бомбометовъ.

На Кавказскомъ фронтѣ къ западу отъ районовъ Гюмишь-Хана и Эрдзинджана турки переходили въ наступленіе, которое нами всюду отбито. Также остановлено наступленіе противника и къ западу отъ Огнотскаго района. Во время наступленія четыре турецкихъ полка прорвали фронтъ одного изъ нашихъ туркестанскихъ полковъ и прошли черезъ позицію нашей артиллеріи. Доблестный туркестанскій полкъ немедленной штыковой контръ-атакой отбросилъ врага къ западу и вновь занялъ всю утраченную позицію, вернувъ при этомъ свою артиллерию, которая тотчасъ же открыла огонь по туркамъ. Непріятель понесъ большія потери. Въ районѣ Огнота мы захватили плѣнныхъ и 3 пулемета. Къ сѣверу отъ р. Евфрата наши части овладѣли сел. Чермукомъ, а затѣмъ повели наступленіе на высоты юго-западнѣе этого селенія. Здѣсь турки были сброшены нашимъ штыковымъ ударомъ въ оврагъ и въ дикомъ безпорядкѣ бѣжали.

На англійскомъ фронтѣ во Франціи германцамъ послѣ пятой атаки удалось проникнуть въ двѣ изъ выдвинутыхъ траншей. Германцамъ удалось занять нѣкоторые пункты у Эстрэ.

Австрійскія атаки на фронтѣ Изонцо отражены. Въ Албаніи итальянцы заняли Тепелени.

Союзный морской отрядъ въ составѣ свыше 45 боевыхъ единицъ при 7 транспортахъ подъ командой французскаго адмирала крейсируетъ въ водахъ Пирея и Фалера; большой крейсеръ, прорвавъ сѣти у арсенала, вошелъ въ Кератоини, а за нимъ прослѣдовали другія суда. Румыны заняли гору Аліонъ и городъ Брашево, гдѣ захватили большіе запасы.

20-го августа штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ: на участкѣ къ юго-западу отъ деревни Тобола, на р. Стоходѣ, противникъ переходилъ въ наступленіе, но былъ отброшенъ огнемъ нашей пѣхоты. На владимирь-волинскомъ направленіи въ районѣ Шельвова и Корытниці упорные бои продолжаются. На золочовскомъ и галичскомъ направленіяхъ наши войска съ боемъ продвинулись и овладѣли нѣсколькими позиціями противника, заставивъ его отступить къ западу. Противникъ упорно обороняется, переходя въ контръ-атаки, повсюду нами отбитыя. На коросмесзскомъ направленіи мы овладѣли нѣсколькими высотами къ югу отъ Вороненки.

На Кавказскомъ фронтѣ наступленіе турокъ къ западу отъ Гюмишь-Ханы остановлено нашимъ огнемъ и штыковымъ ударомъ. Противникъ, понесъ большія потери, отхлынулъ назадъ. Къ западу отъ Кялькитъ-Чифтлика нами захвачено въ плѣнъ 8 турецкихъ офицеровъ и 205 аскеровъ. Передъ однимъ изъ полковыхъ участковъ турки послѣ не удавшейся атаки оставили нѣсколько сотъ труповъ. Въ бою въ районѣ селенія Чермука были захвачены плѣнные и взято одно орудіе и 28 ящиковъ со снарядами. На моссульскомъ направленіи мы тѣснимъ противника въ районѣ Саккиза.

На французскомъ и бельгійскомъ фронтахъ не произошло ничего существеннаго. На англійскомъ фронтѣ во Франціи обѣ стороны проявляли болѣе энергичную дѣятельность. Нѣсколько непріятельскихъ дирижаблей

атаковали восточное побережье Англии. Неприятель произвел атаку по всей линии Добруджи, причем к югу от Базарджика он отбит. Неприятельские гидропланы бомбардировали Констанцу. Неприятельские аэропланы бомбардировали Портъ-Саидъ.

Державы согласія заявили греческому королю Константину, что будутъ считать его лично отвѣтственнымъ, если генераль Саррайль встрѣтитъ препятствія со стороны Греции.

21-го августа на нашемъ фронтѣ въ рижскомъ районѣ германцы атаквали наши латышскіе батальоны, которые, перейдя въ контръ-атаку, отбросили противника, нанеся ему значительныя потери. На золочовскомъ и галичскомъ направленіяхъ бои продолжаются. Здѣсь въ этихъ бояхъ убитъ доблестный полковникъ Гильсомъ и въ передовомъ пѣхотномъ окопѣ тяжело раненъ командиръ мортирной батареи доблестный полковникъ Ческановъ. Къ югу отъ Рафаилова, въ районѣ горы Капуль, а также въ районѣ Дорна-Ватра наши войска сбили противника съ укрѣпленныхъ позицій и овладѣли нѣсколькими высотами. Контръ-атаки противника съ цѣлью захватить обратно утеряныя позиціи были отбиты огнемъ, причемъ нами взято 300 плѣнныхъ.

На Кавказскомъ фронтѣ упорные бои въ районѣ селенія Отнога продолжаются. Подъ нашимъ натискомъ противникъ мѣстами бѣжитъ. Атаки турокъ въ районѣ селенія Чермука отбиты нашимъ огнемъ; въ бою у этого селенія нами было захвачено еще одно орудіе.

Къ сѣверу отъ Соммы французы блестящей атакой продвинулись на фронтѣ около 6 километровъ, занявъ германскія позиціи, въ томъ числѣ селенія Форэ и Клери. Въ этомъ дѣлѣ взято въ плѣнъ свыше 2.000 нераненыхъ германцевъ, 12 орудій и 50 пулеметовъ. На правомъ берегу Мааса французы предприняли нѣсколько успѣшныхъ атакъ.

Послѣднее нападеніе на Англию, совершенное 13-ю цеппелинами, было самымъ серьезнымъ изъ произведенныхъ до сихъ поръ; главнымъ райономъ атаки были восточныя графства, причемъ цѣлью налета были Лондонъ и нѣкоторые промышленные центры Средней Англии.

Союзнымъ флотомъ захвачены въ греческихъ водахъ 5 греческихъ судовъ; союзный флотъ состоитъ изъ 68 судовъ. Въ Афинахъ союзники захватили радиотелеграфъ и арсеналь. Державы согласія вручили Заимису ноту, требующую установленія надзора за почтой и телеграфомъ, высылки агентовъ неприятельскихъ странъ и наказанія греческихъ подданныхъ, уличенныхъ въ шпіонствѣ. Греція приняла всѣ требованія державъ согласія.

Въ Сѣверномъ морѣ потопленъ германской подводной лодкой датскій пароходъ.

22-го августа сообщеніе штаба Верховнаго Главнокомандующаго гласило: къ юго-востоку отъ Барановичей, въ районѣ деревень Дарево, Лабузы, Нагорная и Роши, что къ югу отъ фольварка Березовка, съ полуночи до 7 часовъ утра 21-го августа противникъ произвелъ газовую атаку, причемъ на нѣкоторыхъ участкахъ волны ядовитаго газа повторялись до 4 разъ. Всѣ атаки противника, слѣдовавшія за выпускомъ газовъ, отбиты, и съ большими для противника потерями. На владимиръ-волинскомъ направленіи, въ районѣ

Шельвовъ—Корытница и въ районѣ Верхняго Серета упорные бои продолжаются. Въ районѣ Бржежаны наши войска переправилась съ боемъ черезъ р. Ценіовку (западный притокъ Золотой Липы) и овладѣли позиціей противника, захвативъ при этомъ въ плѣнъ 80 офицеровъ, 2.641 нижняго чина и 6 пулеметовъ. Въ районѣ Лѣсистыхъ Карпатъ наши войска, захвативъ цѣлый рядъ высотъ, продвигаются къ венгерской границѣ.

За 18—21-е августа число плѣнныхъ, взятыхъ войсками генерала Брусилова, показывается 385 офицеровъ, 19.020 нижнихъ чиновъ (отмѣчается сдача германскихъ 11 офицеровъ и 1.300 нижнихъ чиновъ), 12 орудій, 75 пулеметовъ и 7 бомбометовъ.

На Кавказскомъ фронтѣ къ югу отъ р. Эллеу наши части продвинулись впередъ. Наше наступленіе въ Огнотскомъ районѣ продолжается. Нами захвачено въ плѣнъ 10 турецкихъ офицеровъ и 538 нижнихъ чиновъ. Англійскіе броневые автомобили имѣли сильную перестрѣлку съ курдами къ юго-западу отъ озера Нимрудъ-Гель (западнѣе Ванскаго озера).

Къ 22-му августа на западно-европейскомъ фронтѣ положеніе дѣлъ было таково: къ сѣверу отъ Соммы франко-англійскія войска значительно продвинулись впередъ и заняли кряжъ, находящійся у лѣса Маррьеръ. Контръатаки германцевъ къ югу отъ Комбля отбиты. На фронтѣ Барле-Дюнкуръ французы взяли первую линію непріятельскихъ траншей и заняли селеніе Суайекуръ. Отъ Вермандовиллера до Шельи французы заняли на пространствѣ болѣе 4 километровъ всю первую линію германскаго фронта, захватили селеніе Шельи и взяли до 3.000 плѣнныхъ. На правомъ берегу Мааса французы также продвинулись впередъ приблизительно на 100 метровъ. Англичане на своемъ фронтѣ во Франціи заняли непріятельскія укрѣпленія на фронтѣ въ 3.000 ярдовъ, глубиною въ 800 ярдовъ.

Итальянцы на Кауриолѣ отбили рядъ атакъ непріятели съ большими для него потерями. Въ Албаніи итальянскія войска заняли Гризаръ и гору Гридискъ.

Англійскіе морскіе аэропланы успѣшно обстрѣляли непріятельскія судостроительныя верфи въ Антверпенѣ и непріятельскій аэродромъ у Жистелля.

На румынскомъ фронтѣ отражены 10 штурмовъ на предместное укрѣпленіе Туртукая.

Главный городъ германскихъ восточно-африканскихъ владѣній Даръ-аъ-Салама сдался.

23-го августа штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ что на владимирь-волинскомъ направленіи, въ районѣ Верхняго Серета, въ бояхъ съ 18—20-е августа захвачено плѣнными 115 офицеровъ, 4.514 нижнихъ чиновъ, 6 орудій, 35 пулеметовъ и 4 миномета. Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ продвиженіе нашихъ войскъ продолжается, причемъ нами вновь взято съ боя нѣсколько высотъ. Въ Добруджѣ 22-го августа произошло первое столкновеніе нашихъ конныхъ частей съ болгарской конницей, нами изрубленъ болгарскій разъѣздъ и взятъ въ плѣнъ одинъ офицеръ.

На Кавказскомъ фронтѣ ночныя наступательныя попытки турокъ въ районѣ къ западу отъ Эрдзинжана отражены огнемъ и ручными гранатами. Въ рай-

онѣ къ западу отъ Огнота упорные бои продолжаются. Поспѣшно отступавшія турецкія войска зажгли устроенный на позиціи складъ боевыхъ припасовъ. Въ Персіи, въ районѣ къ юго-западу отъ города Саккиза, мы тѣснимъ противника.

23-го августа на фронтѣ р. Соммы французскія войска, несмотря на дурную погоду, продолжали въ теченіе дня продвигаться и одержали важные успѣхи. Къ сѣверу отъ рѣки послѣ ряда блестящихъ боевъ, въ которыхъ французскія войска съ непреодолимою силой продвигались впередъ, они замѣтно выдвинули свои линіи въ районѣ къ востоку отъ Ле-Форэ. Французы достигли западной окраины лѣса Андерлю, взяли штурмомъ ферму Опиталь и лѣсъ Ренеть, и захватили часть лѣса Марриеръ и заняли къ сѣверо-востоку отъ Клери крайнюю оконечность гребня, пересѣкающаго дорогу Бушавенъ-Клери. Французы точно также соединили свои позиціи къ сѣверу отъ рѣки съ такими на южномъ берегу, захвативъ деревню Омьекуръ, которая теперь цѣликомъ въ нашихъ рукахъ. Среди военной добычи, взятой французами съ 21-го августа, въ одномъ только сѣверномъ участкѣ можно назвать пока 32 орудія, въ томъ числѣ 24 тяжелыхъ, 2 бомбомета, 2 траншейныхъ орудія, большой складъ 150-миллиметровыхъ снарядовъ, привязной воздушный шаръ и большое количество пулеметовъ. Къ югу отъ р. Соммы сраженіе продолжалось весь день съ выдающимся ожесточеніемъ. Непріятель на многіе пункты французскаго новаго фронта неоднократно направлялъ контръ-атаки густыми массами, особенно къ юго-западу отъ Барле и къ юго-востоку и югу отъ Беллуа. Несмотря на повторныя усилія непріятели, французы удержали свои линіи и нанесли противнику кровавыя потери. Между Вермандовиллеромъ и Шильи французы взяли выступъ и рядъ островковъ, которые еще удерживались непріятеlemъ. Къ востоку отъ Суайекуръ атака французскихъ войскъ дала имъ возможность взять линію германскихъ траншей и достигнуть сѣверо-западной и южной окраинъ парка Денъекуръ. Общее число плѣнныхъ, взятыхъ къ югу отъ Соммы, достигаетъ теперь 4.047 человекъ, изъ которыхъ 55 офицеровъ. Въ томъ же южномъ участкѣ 4 тяжелыхъ орудія и около сотни пулеметовъ попали въ руки французовъ. На всемъ протяженіи французскаго фронта на Соммѣ (къ сѣверу и югу отъ рѣки) число сосчитанныхъ плѣнныхъ съ 21-го августа достигаетъ 6.650 человекъ, а орудій взято 36, въ томъ числѣ 28 тяжелыхъ. На различныхъ пунктахъ остальнаго фронта шла съ перерывами артиллерійская перестрѣлка, достигшая особаго напряженія къ востоку отъ Мааса, въ участкѣ Флери—Шенуа.

23-го августа британская главная квартира во Франціи доносила: «Въ теченіе ночи мы развили нашъ успѣхъ въ окрестностяхъ Гильемона. Наши войска, несмотря на упорное сопротивленіе непріятели и проливной дождь, продвинулись впередъ приблизительно на 1.200 метровъ къ востоку отъ деревни Гильемонъ и укрѣпились въ лѣсу Лэзъ. Далѣе къ югу общая система непріятельскихъ укрѣпленій вокругъ Фальфемона послѣ упорнаго боя перешла въ наши руки на фронтѣ протяженіемъ приблизительно въ 900 метровъ. Событія съ 20-го августа можно резюмировать захватомъ нами второй линіи непріятельской обороны, идущей отъ фермы Мукэ до пункта нашего соеди-

ненія съ французами. Продолжается захватъ плѣнныхъ. Общее число ихъ съ 21-го августа превышаетъ 1.000 человекъ. Вой вокругъ Генши продолжается».

Германо-болгарскія войска въ районѣ Туртукай атаковали румынскія войска.

24-го августа штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ: на галичскомъ направленіи въ районѣ рѣчки Нижней Городенки (лѣвый притокъ Днѣстра) наши войска овладѣли укрѣпленной позиціей противника и отбросили его къ сѣверо-западу. Пока число взятыхъ здѣсь въ плѣнъ составляетъ 4.500, изъ нихъ около 2.000 германцевъ. Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ движеніе наше продолжается. Наши войска захватили рядъ высотъ, отбивъ затѣмъ нѣсколько повторныхъ контръ-атакъ противника.

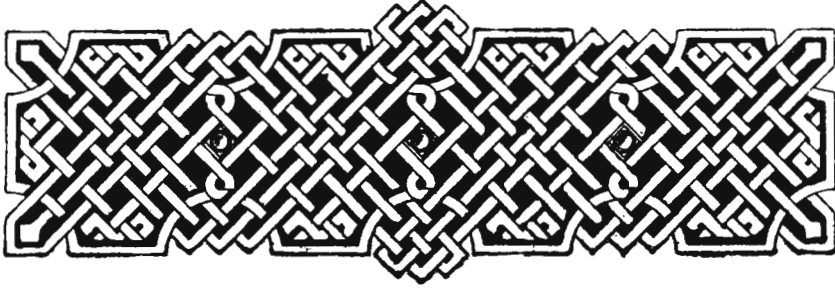
На Кавказскомъ фронтѣ въ районѣ Огнота наши части продвигаются, нанося врагу большія потери. Въ районѣ къ западу отъ Огнота нами найдены трупы нашихъ солдатъ, страшно изуродованные турками. Къ западу отъ Ванскаго озера англійскіе броневики выбили турокъ изъ деревень, расположенныхъ въ районѣ Чухурь-Норшена.

Къ югу отъ Соммы французскія войска успѣшно возобновили наступленіе и заняли нѣсколько германскихъ траншей. Французы захватили большую часть деревни Бернивъ-Сантерръ и значительно продвинули свои части. Между Вермандовиллеромъ и Шильи французы продвинулись до дороги, соединяющей Вермандовиллеръ и Эстэ; южнѣе французы продвинули свою первую линію до желѣзной дороги Шонъ—Руа. Взято много плѣнныхъ. На правомъ берегу Мааса французы атаковали укрѣпленія германцевъ у лѣса Во-Шапитръ и взяли всю первую линію траншей. Англичане на своемъ фронтѣ во Франціи заняли весь лѣсъ Лэзъ.

Въ долинѣ Бойте итальянскія войска продвинулись на западный склонъ Пуанта-дель-Фораме.

Румынскія войска очистили Туртукай. На сѣверномъ и сѣверо-западномъ фронтахъ румыны заняли мѣстечки Дитро, Дьердь-О-Дитро и Оршову. Непріятельскіе аэропланы и дирижабли сбрасывали бомбы надъ Бухарестомъ и другими румынскими городами.

У ЧУЖИХЪ АЛТАРЕЙ¹⁾.

(Романъ).

—
XIX.

ВЪ КОНЦУ недѣли начался переѣздъ. Денщикъ Григорій, изъ бывшихъ крѣпостныхъ Антонины Михайловны, распоряжался всей перевозкой и заливался слезами при одной мысли, что служить «въ послѣдній разокъ» своей «матушкѣ крестной».

— Изъ одной почѣсть деревни вѣдь мы. Гдѣ наша, тамъ и ихняя вотчина прежде была. Землю у нихъ по сю пору въ аренду сымаемъ. Мальчонкой совсѣмъ въ денщики-то къ покойному барину поступилъ. Крутенекъ покойникъ-то былъ, не тѣмъ будь помянуть,—терпѣть всѣмъ приходилось; ну а что матушка крестна, что барышни обѣ—правду надо сказать—берегли. Никакой обиды отъ нихъ не видалъ, думаль—туть и вѣкъ доживу!—повѣрялъ онъ кручину свою Петрунелѣ, горевавшей съ нимъ вмѣстѣ, что приходится уходить «ни стонд, ни зовонд»—ни съ того, ни съ сего.

Мебель ужъ увезли. Оставались только кровати и сундуки. Заслонный сидѣль въ пальто и калошахъ на ящикѣ съ кухонной посудой и озабоченно думаль. Пустыя, мрачныя комнаты и въ нихъ—три одинокія женщины. Одна совсѣмъ больная, двѣ—

¹⁾ Продолженіе. «Истор. Вѣстн.», т. СXLVI, стр. 1.
«Истор. ввстн.», ноябрь 1916 г., т. СXLVI.

совсѣмъ незнакомыя съ жизнью,—какъ онѣ будутъ жить? Бракъ и семейная жизнь начинали пугать его.

Было уже поздно, пора уходить—иначе онъ опять опоздаетъ на поѣздъ, какъ опоздалъ вчера и третьяго дня. Но какъ-то совѣстно было уѣхать отъ нихъ, отъ этихъ несчастныхъ женщинъ...

Лидія сидѣла въ углу на своемъ чемоданчикѣ съ книгами, похудѣвшая и еще болѣе блѣдная въ этомъ монашескомъ черномъ платьѣ. Закрывъ рукою лицо, она думала свою отдѣльную отъ него, затаенную думу.

Жалость и состраданіе овладѣли имъ. Онъ всталъ и подошелъ къ ней.

— Ну, серданько, расскажите же мнѣ, какіе вихри пронеслись опять черезъ вашу головоньку?—Онъ снова хотѣлъ приласкать ея волосы,—она молча отвела его руку и подняла на него угрюмый, сосредоточенный взглядъ, въ которомъ было что-то похожее и на дѣтскую жалобу, и на безпомощное страданіе.

— Да, да, я вижу. Были и вихри, и дѣмоны. И вы не хотите сказать?

Онъ стоялъ передъ ней, высокій и плотный—«весь плоть!»—думалось ей—и какъ стѣна загоразживалъ отъ нея свѣтъ единственной свѣчки, горѣвшей на сундукѣ, а можетъ-быть и весь свѣтъ ея жизни.

— Я не только хочу, я обязана вамъ сказать. Но я не могу говорить, когда вы такъ стоите передо мной.

— Ну, хорошо, я сяду.—И онъ, встревоженный, смотрѣлъ на нее, выжидая.

— Но вы въ тепломъ пальто,—вы можете потомъ простудиться. И вѣдь вы опять опоздаете. Не лучше ли до слѣдующаго раза?

— Нѣтъ, нѣтъ, прошу васъ! Говорите теперь же, сейчасъ. Я долженъ знать.

— Да, вы должны.

И, облокотившись на колѣни, въ своей любимой позѣ—сжимая голову руками, она спѣшила высказать ему все, что онъ долженъ былъ знать,—все, о чемъ думала въ одиночку, всѣ тревоги и сомнѣнья свои. И, наконецъ, это письмо. Она дала ему прочесть самому письму доктора Бунчукова.

Онъ долго теръ себѣ лобъ, стараясь овладѣть собой и привести въ порядокъ какъ ураганомъ взметенныя мысли.

— Что же вы отвѣчали ему?—съ загадочной усмѣшкой спросилъ онъ.

— Что выхожу за васъ замужъ, а люблю его!—сверкнувъ глазами, смѣло отвѣчала она, и тутъ же прибавила съ горькой ироніей: —Но онъ, по счастью, не повѣрилъ. Онъ вѣдь знаетъ меня давно и, какъ врачъ, все объясняетъ разстроенными нервами. Если бъ онъ пріѣхалъ, я бы его сейчасъ же возненави-

дѣла!—Ну, вотъ и рѣшайте теперь, что я такое! Можно ли возлагать на меня какія-нибудь надежды.... Рѣшайте вы, потому что я ужь измучилась! Я совсѣмъ ничего тутъ понять не могу. Хочу работать съ Бунчуковымъ среди больныхъ и голодныхъ. Хочу учить деревенскихъ ребятъ въ душевной избѣ. И всѣ эти «упоенья» ваши—идеи, искусства—всего этого тоже хочу. И ни отъ чего не желаю отказываться. Хочу жить самой высшей, утонченной жизнью—и самой простой, вотъ какъ букашка на солнцѣ или трава. И любить хочу все и всѣхъ безъ запрету. Непремѣнно чтобъ безъ запрета! Не признаю никакихъ запретовъ!—говорила она и вся трепетала, и лицо пылало, какъ зарево, а въ глазахъ метались опять голубые огни. Давно не видалъ онъ этихъ огней.

— Ну, что же это? Скажите, что это такое во мнѣ?—изнемогающимъ голосомъ говорила она.—Я хочу знать, въ чемъ же будетъ цѣль нашей жизни? Въ чемъ ваша цѣль, говорите!

Но онъ молчалъ, суровый и непреклонный, пораженный такимъ неожиданнымъ взрывомъ.

— Мнѣ кажется,—съ разстановками началъ онъ, стараясь владѣть собой, хотъ все бушевало внутри:—мнѣ кажется, главная причина всѣхъ этихъ взрывовъ—ваша русская природа, русская жизнь вообще и... дикая ваша русская распущенность. Всѣ вы—цыгане по самой натурѣ. Ни осѣдлой жизни, ни упорядоченнаго строя не выносятъ такіа природы. Ихъ отовсюду тянетъ «на волю». Но гдѣ и въ чемъ эта воля—они и сами не знаютъ. Имъ нуженъ лѣсъ, и имъ нужна степь. Или то и другое попеременно. Первобытный инстинктъ дикарей! А что касается лично васъ,—въ напряженномъ раздумьи продолжалъ онъ,—я готовъ согласиться, пожалуй, съ мнѣніемъ вашего доктора: прежде, чѣмъ рѣшать вопросы о цѣляхъ жизни, вамъ надо нажать себѣ тѣла. Можетъ быть, цѣль тогда и сама откроется вамъ.

— Да, да, вѣроятно!—съ горькой усмѣшкой повторяла она за нимъ, вся поникая отъ этихъ приговоровъ своей «дикой русской природѣ», какъ никнетъ тростникъ въ непогоду подъ ударами холоднаго вѣтра.

Онъ внимательно, подозрительными глазами всматривался въ «тощенькую фигурку» въ позѣ забитой судьбою сиротки и, чувствуя себя властелиномъ этой судьбы, невольно смягчался и думалъ: «Ее надо будетъ хорошенько поить молокомъ и посытнѣе кормить сдобными булками. Откормлю—черезъ годъ сама себя не узнаетъ».

И, точно угадывая, что онъ думаетъ теперь про нее, она подняла голову и задумчиво проговорила, вставая:

— А я думаю, тутъ совершенно другое! Я думаю, тутъ... какъ въ пушкинскомъ «Эхо»—

«На всякій звукъ—
Твой откликъ въ воздухѣ пустомъ...
...Тебѣ жъ нѣтъ отзыва»...

— «Нѣтъ отзыва», и свѣчка сейчасъ потухнетъ! Идите, пора вамъ, я посвячу.

Она взяла подсвѣчникъ и пошла впереди, съ трудомъ пробираясь между ящиками и сундуками.

— Вы слишкомъ долго жили однимъ воображеніемъ, въ нашемъ внутреннемъ мірѣ, безъ надлежащаго питанія всего организма,—говорилъ онъ, идя за нею.—Вамъ нужно заняться гимнастикой. Посмотрите теперь на себя—вѣдь вы вся горите, а мускуловъ совсѣмъ нѣтъ. Васъ надо будетъ хорошенько кормить,—такъ, сердэнько, право, такъ! А всѣ эти мысли и взрывы ваши, все, что нашенчуютъ вамъ ваши дѣмоны—я прошу васъ записывать, непременно записывать и дать мнѣ потомъ прочитать. Общайте мнѣ это!—нѣжнымъ голосомъ говорилъ онъ ей, и нѣжно смотрѣли на нее его суровые и ясные глаза. И она взяла его руку, прижалась къ ней на секунду щекой и, какъ дитя, покорно отвѣтила:

— Обѣщаю.

XX.

Квартира, принесанная Денисомъ Мартынычемъ на окраинѣ города, встрѣтила очень привѣтливо новыхъ жильцовъ. Солнце заливало ее. Подъ окнами былъ большой палисадникъ, а за плетнемъ его—чудесная аллея тополей и каштановъ вела съ двухъ сторонъ—къ центру городской жизни и въ лѣсъ, къ полямъ и рѣкѣ. Заслонный посоветовалъ взять инструментъ, и Лидія возобновила давно оставленное занятіе музыкой. Скучать и тосковать было некогда.

Денисъ Мартынычъ явился къ нимъ въ первый же вечеръ и сразу занялъ положеніе ближайшаго совѣтника и друга семьи. Со свойственной ему изобрѣтательностью въ умѣнѣ «ставить жизнь на надлежащіе рельсы» онъ сейчасъ же придумалъ новое дѣло. Въ «Лѣсновскомъ Голосѣ» печаталось объявленіе пріѣзжаго изъ-за границы закройщика-чеха съ новой методой, и у Антиповыхъ, по совѣту Дениса Мартыныча, составила въ складчину маленькая школа кройки. Гандзя тоже приходила сюда учиться у чеха. А раза два въ мѣсяцъ пріѣзжалъ Лука Өмичъ и по цѣлымъ вечерамъ читалъ вмѣстѣ съ Лидіей своихъ Эсхиловъ, Софокловъ и Эврипидовъ.

Въ одинъ изъ пріѣздовъ онъ принесъ ей въ подарокъ—для нихъ альбома—цѣлую коллекцію фотографическихъ снимковъ съ галерей Лувра и Ватикана, Милана и Дрездена, и цѣлый день съ увлеченіемъ разяснялъ великое значеніе знаменитыхъ твореній античнаго генія:

— Всѣ акты жизни являлись тогда священными. И всѣ эти акты преображали они въ красоту естества и уподобленія. Душа уподоблялась золотой арфѣ. Душа звучала въ одномъ ритмѣ съ окружающею ихъ родною природой. Это и составляло гармонию. Отсюда и возникали искусства, какъ гармоничныя подражанія. Безсмертный моментъ живого потока мыслей и чувствъ запечатлѣвался навѣки въ этихъ статуяхъ, гимнахъ, въ драмѣ, трагедіи, а диссонансы—въ сатирахъ. Сладкое чувство любви порождало музыку нѣги, лиризмъ. Наслажденій любви не стыдились тогда. Наслажденія вѣдь ниспосылаются намъ богами, какъ цвѣты полей и луговъ, какъ украшеніе живущаго. Когда-нибудь мы съ вами увидимъ все это тамъ, на ихъ природныхъ мѣстахъ, а теперь вотъ любуйтѣсь и поучайтесь по этимъ остаткамъ...

Тутъ было все, что удалось ему найти въ Лѣсновѣ у единственнаго въ городѣ итальянца, державшаго ларекъ въ проходѣ подъ воротами, и у котораго никто никогда ничего не покупалъ, кромѣ коралловыхъ бусъ и брошекъ изъ лавы Везувія.

Тутъ былъ и юный Вакхъ, въ пьяномъ экстазѣ и въ виноградномъ вѣнкѣ, верхомъ на пантерѣ. И вдохновенно задумчивый Аполлонъ. И роскошная, какъ будто соками жизни насыщенная, воспламенительная и всеобѣдная Афродита. И цѣломудренная, холодомъ вѣющая, съ гордыми устами, сестра солнечнаго Феба, съ стройными ногами богиня-охотница, луной увѣчанная Артемида. Тутъ были музы и сатиры, и нимфы, и цѣлые, какъ бы застывшіе въ мраморѣ миѣы, окаменѣлые образы живыхъ страстей и страданія: Лаокоонъ и Нюбея, Ифигенія съ ланью и Амуръ и Психея въ любовномъ объятіи. И Аріадна, покинутая Тезеємъ и превращенная богомъ страсти въ вакханку. И нѣжная, стыдливая Дафнисъ съ преслѣдующимъ ее разгнѣваннымъ Аполлономъ, такъ хорошо воспѣтая русскимъ поэтомъ:

«Какъ отъ косматаго сатира иль кентавра,
Отъ свѣтозарнаго бѣжала ты тогда,—
Пока не облеклась въ недвижный образъ лавра,
Какъ въ ризу чистую чистѣйшаго стыда»...

Этотъ миѣо особенно нравился Лидіи, и она долго не выпускала изъ рукъ фотографіи.

— Повѣсьте это у себя надъ кроватью, это похоже на васъ,—сказалъ онъ съ улыбкой.—А я себѣ возьму тутъ другую.

Античныя, строгія и одухотворенныя формы, образы чистаго и высокаго вдохновенія плѣняли всего болѣе Лидію. Но были тутъ и другія—слишкомъ тѣлесныя, на которыя неловко было смотрѣть дѣвушкамъ, стоя рядомъ съ мужчиной. А между тѣмъ что-то говорило ей, что вся цѣль этой лекціи съ фотографіями

была желаніемъ его побѣдить въ ней именно эту неловкость стыдливости и вызвать ощущенія чувственности.

Одну изъ такихъ фотографій—Венеру Торвальдсена—Лука Омичъ рѣшилъ унести обратно, не показавъ даже невѣсть.

— Эта красота не для женщинъ,—пояснилъ онъ. А самъ глядѣлъ на нее, и мутная тѣнь безпокойно бродила у него по лицу и заволакивала глаза.—А вотъ «Гетевская Гретхенъ въ скульптурѣ»—это по вашей части!—указалъ онъ ей на другую, съ современнымъ мотивомъ.

Полный безпорядокъ въ убогой горенкѣ: сломанная прялка, опрокинутый стулъ, пустая клѣтка съ открытой дверцей и полураздѣтая дѣвушка съ босыми ногами—одной рукой держитъ спадающее платье, другой—въ отчаяннѣ закрыла глаза.

— Что-то случилось съ ней, бѣдной?!—вырвалось простодушно у Лидіи.

— *Что* случилось—можно легко угадать,—съ улыбкой замѣтилъ онъ. И Лидіи снова стало неловко отъ этой жестокой улыбки мужчины и побѣдителя.

Душно было стоять тутъ вдвоемъ у стола съ фотографіями, и душно оставаться потомъ наединѣ съ новыми чувствами, мыслями, образами. Отъ этихъ образовъ, особенно отъ новѣйшихъ изъ нихъ—всѣхъ этихъ Тиковъ и Даннекеровъ, Торвальдсеновъ и Канова,—какъ отъ всѣхъ толкованій ея жениха и учителя, оставалось надолго потомъ ядовитое, какъ угаръ, отравленіе углекислыми газами. То самое, что испытывала она въ саду, когда онъ читалъ современное «Ессе Ното», или когда «коханный братишка» мѣтилъ ея рубашки, воображая ее въ объятіяхъ «мужа»... Мысли невольнo обращались опять на «тѣлесное», но все освѣщалось теперь по другому, и новый культъ боролся въ ней съ старымъ, вѣчное—съ переходнымъ, правда—съ изощреніями чужихъ вкусовъ и вымысловъ.

Но самое понятіе о томъ, что было тутъ вѣчнаго, что нѣтъ—еще не возникало въ душѣ. А вся эссенція этихъ красотъ и экстазовъ, какъ ядовитый сокъ мертвечины, какъ вытяжка изъ трупа, носила въ себѣ уже источникъ смерти и разрушенія. Какъ будто земля, лишленная сознанія Живого и Вѣчнаго Бога, вновь порождала изъ нѣдръ своихъ змѣя,—но Аполлона ужъ не было, чтобы сразиться и убить его, а Христосъ еще не воплощался для вторичнаго богоявленія міру.

— Богъ есть мое самосознаніе. Все только въ насъ. Внѣ насъ—пустыня.. Жизнь сама себѣ цѣль, и человекъ самъ себѣ богъ...

Такъ говорилъ онъ, ея соблазнитель, и она внимала ему, какъ богу, потому что онъ соблазнилъ ее.

— «Придетъ пора, когда и Зевсъ надменный унижится... Такъ пусть теперь сидитъ онъ, надѣясь на свой разящій громъ, грозя

своимъ пылающимъ перуномъ,—онъ этимъ не спасется отъ бѣды ¹⁾, отъ страшнаго, позорнаго паденья—читалъ онъ ей наизусть, и удивительныя перемѣны совершались у него на лицѣ. Странанье, гордыня великаго духа, неукротимый бунтъ, гнѣвъ и презрѣніе въ раздвинутыхъ губахъ, и точно внутреннимъ огнемъ на нихъ пылающіе стѣны:

— «Я не отдамъ своей ужасной казни за счастье быть у Зевса на послышкахъ... И чтобъ того, кто мнѣ такъ ненавистенъ, какъ женщина, поднявши къ небу руки, сталъ умолять спасти меня отъ казни—да никогда!»...

Вотъ гдѣ были его неодолимыя чары и ея обольщеніе. Огнемъ такихъ рѣчей, музыкой звучнаго голоса, мимикой выразительныхъ жестовъ онъ побѣждалъ и женщину, и ученицу. Она пылала, какъ на жертвенномъ кострѣ, и онъ могъ сдѣлать съ ней все въ такія минуты. Ей самой хотѣлось тогда, чтобы скорѣй наступали праздники и канунъ Новаго года, когда онъ увезетъ ее съ собой въ Нѣмновъ. Но искушитель уѣзжалъ, альбомъ съ фотографіями прятался въ ящикъ—и голоса новыхъ дней пробуждались опять въ молодомъ, тоже новомъ сознаніи. Свѣтлая мысль, какъ утренняя заря послѣ лунной ночи, развѣвала волшебные призраки. И само собой появлялось сомнѣніе: да въ чемъ тутъ «прекрасное» и что тутъ «божественно»—въ этихъ торсахъ, вискахъ и рукахъ, въ этихъ бедрахъ «какъ древнія амфоры», въ этихъ персяхъ «какъ виноградная гроздь»,—въ этихъ линіяхъ, въ этихъ изгибахъ,—что, какъ не утѣха для глазъ, тѣлесное наслажденіе тѣломъ—и только?! И вся эта воспѣтая и до сихъ поръ воспѣваемая «красота»—что, какъ не размалеванный деревянный чурбанъ въ пышной царственной мантии, съ почетной стражей вокругъ для охраны «престижа»... чувственныхъ благъ?!

Они *являлись*, эти олицетворенія «благъ», они были показаны міру, но не перестроили міръ. И никого не спасли. И многихъ сгубили...

Вотъ эта «самая любимая» Книдская Афродита—*Venus Callorigia*,—исцѣлованная милліонами устъ, что дала она человечеству?

— Стыдно сказать по-русски... Сонмы тайныхъ желаній и сонмы тайныхъ грѣховъ...

XXI.

Незадолго до святокъ Заслонный неожиданно пріѣхалъ прямо съ вокзала къ Антиповымъ, когда всѣ сидѣли еще за работой, заканчивая курсъ кройки. Только что выпалъ первый снѣгъ, и все кругомъ было бѣлое—и улицы, и деревья. Онъ нарочно не

¹⁾ «Прометей» Эсхила, въ перев. М. Михайлова.

отпустилъ извозчика и предложилъ Лидіи прокатиться. Она въ этотъ день особенно много работала и обрадовалась его предложению.

— Поѣзжай, куда знаешь,—сказалъ Заслонный возницѣ,—только чтобы дорога была хорошая, и вези хорошо.

Сани неслись какъ стрѣла. Все летѣло мимо: темныя, безлюдныя улицы, съ наглухо закрытыми ставнями у какихъ-то зловѣщихъ построекъ, похожихъ на притоны всевозможныхъ «утѣхъ» и всевозможныхъ страданій,—ярко освѣщенныя лавки съ грошевымъ товаромъ,—сверкающій огнями домъ губернатора съ будкой и часовымъ подъ ружьемъ,—пустынная каедральная площадь съ языческой башней вмѣсто колокольни,—таинственный садъ у подножья засыпанной снѣгомъ горы,—и волчьи глаза послѣднихъ городскихъ фонарей, и бѣлоснѣжное пушистое поле. Молодой мѣсяцъ нѣжно сіялъ въ вышинѣ надъ ровною бѣлою гладью, сверкалъ серебромъ на крестахъ церквей и, какъ живое лицо спящаго сфинкса, загадочно освѣщала бѣлоснѣжный фасадъ загороднаго костела.

— Das Leben ist wahres Gaukelspiel! — смѣясь молодымъ смѣхомъ, повторилъ Заслонный, когда сани вынесли ихъ за городскую черту. И, крѣпко прижавъ къ себѣ Лидію, онъ впервые поцѣловалъ ея какъ мраморъ на морозѣ холодную щеку.—Я думаю, что мы будемъ счастливы съ вами, сердѣнько. Только бы все оставалось вотъ такъ, какъ теперь, я больше ничего не желаю. Когда я съ вами тутъ, подлѣ васъ, я вѣрю во все. А тамъ, одинъ у себя, я иногда сомнѣваюсь. У меня тяжелый характеръ, я знаю, но сегодня, сейчасъ... вѣрю во все! Вѣдь не во снѣ же вотъ я цѣлую васъ...

И онъ опять цѣловалъ ея холодное, какъ мраморъ, но не какъ мраморъ упругое, молодое лицо, и грѣлъ ея руки въ своихъ, покрывая ихъ жаркими поцѣлуями. И ей это было пріятно. И она думала: «Это мой будущій мужъ, мы будемъ съ нимъ счастливы!»

Лѣсная дорога сказочной колоннадой уносила куда-то въ волшебныя дали. Сосны и ели превращались въ чудесныя статуи изъ чеканнаго серебра и, какъ свадебный поѣздъ, неслись вслѣдъ за ними и тоже какъ будто шептали: «Они будутъ... будутъ... счастливы... будутъ».

Вернувшись домой, она долго играла ему любимаго его Шуберта. Онъ сидѣлъ въ тѣни на диванѣ, она играла «Der Wanderer» (Странникъ), и онъ все просилъ: «Пожалуйста, еще одинъ разъ! Вы не повѣрите, до чего мнѣ теперь хорошо у васъ! — твердилъ онъ съ счастливой улыбкой. — Какъ въ сущности мало надобно человѣку!.. Вѣдь вотъ я плаваю, какъ въ туманѣ, я ни о чемъ не думаю, я испытываю блаженство неизреченное... И я... ощущаю гармонію!»

Онъ просидѣлъ у нихъ до утра, и «если бь могъ—никогда не ушелъ бы»... И это былъ счастливѣйшій вечеръ ихъ общей жизни—единственный вечеръ. Нѣсколько дней спустя, когда начались уже рождественскія вакаціи и онъ снова поселился у Дениса Мартыныча, въ первый же день, какъ пришелъ онъ къ Антиповымъ и Лидія не сразу вышла къ нему, онъ готовъ былъ порвать навсегда.

У Лидіи былъ бесплатный урокъ русскаго языка съ бѣдной еврейкой, и ей хотѣлось выдержать его до конца именно потому, что онъ былъ бесплатный. Но женихъ встрѣтилъ ее саркастическимъ замѣчаніемъ о «неудобствѣ имѣть жену съ гражданскими добродѣтелями и слишкомъ повышеннымъ чувствомъ личности».

— Я предпочелъ бы, пожалуй, совсѣмъ простую, лишь бы она была всегда готова для встрѣчи со мной.—И онъ ушелъ доживать вечеръ въ театрѣ.

— И вообще вся эта жизнь для другихъ,—говорилъ онъ на слѣдующій день:—всѣ эти жертвы и самоотреченія—просто нелѣпость, ни къ чему не ведутъ и ничего не достигаютъ. Гимназія омерзѣла мнѣ. Мнѣ жаль своихъ силъ на эту мерзость запусчннн. Это какой-то скотный дворъ для свиней. Они рождены, чтобы хлюпать въ навозѣ. Ихъ нельзя пробудить къ сознательной жизни. Для нихъ не существуетъ жажды живой науки, познанія,—не существуетъ научной истины. Ихъ не слѣдуетъ дѣлать людьми. Это чандалы, Санчо-Пансы. Это Калибаны. Ихъ надо держать въ уздѣ и шпорить, какъ лѣнливыхъ ословъ...

Она слушала и внутренне сжималась, какъ чувствительное растеніе, израненное небрежной рукой. Но онъ не замѣчалъ ничего внѣ имъ переживаемыхъ терзаній.

Онъ говорилъ, что этотъ смрадъ его нѣмновской жизни до того одуряетъ его, что у него пропадаетъ охота для кабинетной работы. Онъ долженъ бѣжать оттуда и ѣхать въ Берлинъ, готовиться къ каедрѣ и сдавать работу на ученую степень. У него возобновились сношенія съ Поярковымъ, и тотъ вызываетъ его къ себѣ въ Петербургъ. Все это означало, что свадьбу надо отложить, хоть были разсланы уже извѣщенія и получались поздравленія жениху и невѣстѣ отъ родныхъ и знакомыхъ.

— Мы уже связаны,—сказалъ онъ со вздохомъ.—Я не могу уѣхать, не зная, какъ вы смотрите на это.

— Вы давно знаете, какъ я смотрю на это! Поступайте, какъ для васъ лучше.

Онъ уходилъ, спокойный за свою свободу, а она, не вставая, сидѣла весь вечеръ одна, обдумывая, угадывая и припоминая, и ясно понимая, что все разлеталось опять, какъ карточный домикъ, отъ одного дуновенія дѣйствительной жизни, и все надо строить новое—и строить самой, безъ чужой помощи и чужого

участія. И отъ дивана въ гостиной она переходила къ себѣ за ширмы, записывала потомъ до утра все пережитое за день—какъ онъ просилъ и какъ сама она теперь приучила себя. Это записыванье незамѣтно обращалось въ неизсякаемый источникъ всяческой жизни. И онъ былъ всегда тутъ при ней, правдивый и неизмѣнный, Она научалась съ нимъ познавать себя и все окружающее. Но одна мысль о томъ, что надо будетъ показать ему это записанное, уже лишала ее свободы и отнимала всякую искренность. Она рѣшила «ни за что не показывать».

XXII.

На второй день праздниковъ, по настоятельному желанію Луки Ѳомича, Лидія поѣхала съ нимъ въ театръ. Приглашенная на гастроли оперная труппа, съ начинающей, знаменитой впоследствии, молодой примадонной, давала въ первый разъ «Корнарины».

Лидія обновила черное визитное платье, но лицо и фигура дѣвушки совѣмъ не подходили ни къ дорогому фаяу, ни къ тонкимъ дорогимъ кружевамъ. «И зачѣмъ это только на меня все напутали! Только тягость одна!»—какъ будто говорило ея блѣдное, усталое, безжизненное лицо.

— Здоровы ли вы, сердэнько?—съ тревогой спросилъ Лука Ѳомичъ, когда кончилась увертюра.

— Голова немного болитъ,—отвѣтила она, наводя бинокль на эффектную примадонну съ великолѣпнымъ голосомъ и еще болѣе великолѣпными плечами. Она замѣтила, что и Лука Ѳомичъ не отводитъ бинокля отъ роскошнаго бюста пѣвицы.

— Какія у нея должны быть широкія и мягкія объятія!—сказалъ онъ въ послѣднемъ антрактѣ.—Я только для васъ дѣлаю исключеніе,—неожиданно вставилъ онъ, помолчавъ:—Въ бракѣ мы всѣ ищемъ комфорта. И вотъ такая, какъ тамъ на сценѣ, больше подходитъ для комфорта.

Лидія внутренно вздрогнула. Оркестръ заигралъ какую-то интермедію, и легче было сказать:

— Вы, значить, обманулись, когда увѣряли...

— Не обманулся, нѣтъ! Я люблю вашу душу, вашъ геній, голубой огонь вашихъ глазъ...

— И обманули, обѣщая!—не слушая, договорила она.

— Я обѣщаль вамъ, какъ ребенку, который не знаетъ самъ, чего онъ хочетъ и что его ждетъ. Я рассчитывалъ, что все устроится само собою: темнота, наша близость...

Вся кровь бросилась ей въ лицо и больно застучала въ вискахъ. Она кусала губы, не отнимая бинокля отъ глазъ и дѣлая видъ, что разсматриваетъ публику въ ложахъ.

— А вы не рассчитывали, что, встрѣтивъ обманъ, я сейчасъ бы ушла?

— Именно этого я боялся всегда. Я чувствую, что мнѣ съ вами не справиться. У васъ очень сильный характеръ, Лидія Алексѣвна.

— У меня очень сильное чувство правды, это вѣрно. И такая же сильная ненависть... ко всякимъ обманамъ. Во всѣхъ проявленіяхъ...

— Тес!—раздалось у нихъ за спиной вслѣдъ за поднятой палочкой дирижера.

Они уѣхали, не досидѣвъ до конца, занятые только собой и безучастные ко всему остальному.

Антонина Михайловна одна ждала ихъ за самоваромъ. Нина была на вечерѣ въ гостяхъ. Весь столъ былъ уставленъ закусками. Жестянки съ омарами и анчоусами, ломтики сыра и ростбифа—на новыхъ фарфоровыхъ тарелочкахъ, груши и виноградъ—въ новой хрустальной вазѣ—Лука Ѳомичъ всему подводилъ цифровые итоги, и невольно смущался такимъ расточительнымъ гостепрѣимствомъ именно въ ту минуту, когда у него, по какимъ-то непостижимымъ причинамъ, совершенно пропала «внутренняя потребность жентиться».

Лидія ушла къ себѣ переодѣнуть платье и долго не выходила. Антонинѣ Михайловнѣ хотѣлось въ постель, и она зѣвала.

— Что же ты не идешь?—окликнула она дочь.—Лука Ѳомичъ собирается уходить.

— Сердэнко, можетъ-быть, вы устали, и мнѣ лучше уйти?—спросилъ онъ, подходя къ дверямъ въ комнату обѣихъ сестеръ.

— Я сейчасъ выйду!—раздалось изъ-за ширмъ. Лампа бросала тѣнь отъ ея фигуры, склоненной надъ столомъ.

— Ну, вы сидите, сколько хотите, а меня ужъ пожалуйста извините, я пойду лягу,—сказала имъ Антонина Михайловна, проходя въ свою спальню съ новой книжкой «на сонъ грядущій».

Лука Ѳомичъ заглянулъ за ширмы. Лидія что-то торопливо дописывала.

— Покажите же мнѣ, что вы тутъ пишете!—Онъ хотѣлъ взять мелко исписанный листокъ,—она въ испугѣ отвела его руку, спрятала листокъ въ ящикъ стола и замкнула на ключъ.

— Вы не хотите мнѣ показать? Вы отъ меня что-то скрываете? Но какъ же тогда можемъ мы съ вами сойтись? Я не признаю брака безъ обоюдной откровенности. Я васъ предупреждалъ объ этомъ. Семейная жизнь безъ вѣры и огня не можетъ удовлетворить меня. Мы не можемъ съ вами сойтись. Я дѣлалъ опытъ... послѣдній мой опытъ!

— Не можемъ, да, не можемъ. Я это угадала давно. Вы на меня смотрѣли какъ на «опытъ»! Вы создавали формулу, опредѣляли

схему: на что, когда и для чего потребна женщина мужчинѣ... Вамъ нуженъ «комфортъ». Мужчинѣ надо женскія улыбки, ласки, «умненькое личико»—когда она слушаетъ и понимаетъ васъ... Мужчинѣ нуженъ «комфортъ», то-есть хозяйство и постель, — не такъ ли? И послѣ этого удивляются, отчего заводятся нигилистки!

Она была внѣ себя и не помнила сама, что она говорила.

— Покажите мнѣ, что вы пишете! Я долженъ знать. Я желаю обладать не только вашимъ тѣломъ, но и душой. Я хочу знать ваши чувства и мысли—или мы должны разойтись!

— Мои мысли вы знаете, я ихъ высказала сейчасъ. А обладать моею душой?—никто не будетъ обладать моею душой!

— Тогда прощайте, между нами все кончено!

— Прощайте!—глухо отвѣтила Лидія, и сейчасъ же, не отдавая себѣ отчета, повинувшись только чувству сожалѣнія объ этомъ неизбѣжномъ для нихъ обоихъ разрывѣ, она бросилась вслѣдъ за нимъ. Но тяжелая дверь на блокъ уже съ шумомъ захлопнулась.—Лука Ѳомичъ!—въ самозабвеніи позвала она.

— Лука Ѳомичъ!—отчаяннымъ призывомъ утопающаго донеслось до него. Онъ вернулся и съ радостно сверкающими глазами, задыхаясь отъ волненія, сбросилъ на полъ тяжелую шубу, поднялъ Лидію, какъ маленькаго ребенка, и, осыпая поцѣлуйми, внесъ опять въ комнату.

— Сердэнъко, нещечко, Дафночка моя миленькая... Моя Артемись, моя богиня!—въ лихорадочномъ упоеніи безъ конца повторялъ онъ, стараясь прочесть такое же упоеніе у нея на, лицѣ. Но упоенія не было. Былъ только дѣвственный стыдъ и что-то вродѣ самоотреченія жертвы, жизнь свою полагающей за нѣчто самой еще непонятное, но безъ чего никакъ нельзя обойтись въ немономъ женскомъ обликѣ любви и страданія.

Она слышала этотъ лепетъ смѣшно влюбленнаго человѣка, видѣла близко искаженное грубой страстью лицо отвратительнаго сатира и жмурилась, чтобы не видѣть этого отталкивающаго лица.

— Скажите, отчего вы такъ холодны, такъ спокойны, когда я теперь весь горю? Развѣ вы не женщина, Лидія? Или у меня есть соперникъ? Скажите,—есть кто-нибудь тутъ у васъ?—въ безпамятствѣ спрашивалъ онъ, а она рвалась изъ его судорожныхъ объятій и трепетнымъ голосомъ просила только: «Пустите... Пустите меня!»

Онъ выпустилъ и молча, растерянный, смотрѣлъ на нее, теряясь въ догадкахъ.

Она отбѣжала и—на другомъ концѣ комнаты—съ застѣнчивой улыбкой пыталась успокоить его:

— Вы вѣдь сами назвали сейчасъ меня Дафной... Ну, вотъ, должно быть, это и есть то самое... Я—эта самая Дафна!..—И, не выдержавъ болѣе, залилась нервнымъ, истерическимъ смѣхомъ, сама не понимая, надъ чѣмъ смѣется она: надъ собою въ этомъ об-

разѣ «миленькой Дафночки»,—или надъ тѣмъ, какъ счастливо эта Дафночка «укрылась» отъ преслѣдующаго ее—не бога, нѣтъ—отъ непріятнаго и страшнаго сатира, съ воспаленнымъ, старообразнымъ лицомъ, съ опьянѣлымъ голосомъ и грубо-животными тѣлодвиженіями.

— Вы для меня непостижимая загадка!—сказалъ онъ ей на прощанье.

Кусая губы, чтобы сдержать вновь подступающій смѣхъ, съ играющей улыбкой на лицѣ, она заперла за нимъ дверь, вернулась къ себѣ, зарылась лицомъ въ подушки—и тотъ же неодолимый смѣхъ долго еще потрясалъ ея хрупкое тѣло,—тотъ спасительный смѣхъ, которымъ чистая и независимая душа ограждается отъ всего несроднаго ей. Но за смѣхомъ таилось и нѣчто другое, отъ чего было тѣсно въ груди и слезы подступали къ самому горлу.

XXIII.

Антонина Михайловна не смыкала глазъ во всю ночь. Не помогала и книжка «на сонъ грядущій». Развернутая страница была все время передъ глазами, а ухо безпокойно прислушивалось къ тому, что происходитъ въ гостиной. До слуха ея долетѣла фраза объ «опытѣ», и по звукамъ ихъ голосовъ она угадывала, что «тутъ дѣло не ладно». Про себя она давно ужъ составила опредѣленное мнѣніе «объ этомъ Лукѣ».

«Просто самый обыкновенный мерзавецъ, по-моему,—разсуждала она на досугѣ.—Оттого и облысѣлъ прежде времени. Некому только теперь насъ защитить,—умеръ защитникъ-то нашъ—вотъ и пользуются ученые негодяи. Недаромъ сердце его, голубчика, тогда чуяло. Не любилъ онъ этого Луку. Безъ Бога начали, безъ Бога и обойтись хотятъ. Придумалъ тоже: вѣнчаться украдкой! Точно уроды какіе-то. Нѣтъ, извините, моя дочь не уродъ. Пусть поглядятъ да позавидуютъ вамъ. Многіе пожалѣютъ, что не на нашемъ мѣстѣ будутъ стоять. Вотъ потомъ, когда повѣнчаетесь,—живите, какъ знаете, ваше дѣло. А пока она носить имя отца и мое, все должно дѣлаться такъ, какъ у насъ, у русскихъ, у православныхъ людей въ обычаѣ. У насъ «опытовъ» дѣлать не принято. Да-съ, не принято. Для этого, знаете, есть такіе «дома», а не порядочныя семейства».

И бѣдная Антонина Михайловна ворочалась съ боку на бокъ отъ всѣхъ этихъ мыслей. Тяготилъ ее также и долгъ Лукѣ Оомпчу. «Навязалъ тогда самъ—все выспрашивалъ да высматривалъ—заяла тогда сотню. Долги были въ Нѣмновѣ, въ магазинахъ еврейскихъ. Потихоньку отъ мужа и Лидіи попросила его уплатить. А теперь вотъ и отдавать не изъ чего. Пенсіи едва хватаетъ на житье. Билеты всѣ дѣтскіе, именные, за нихъ отчетъ отдавать придется».

И то вотъ Клементьевъ грозить, что опечатаеть все и опеку наложить. Тоже шельма порядочный, даромъ что полицеймейстеръ. Въмѣстѣ ребятами въ жмурки когда-то играли—а теперь, не угодно ли, вынь да положи ему тысячу въ долгъ! Придется отдать хоть свою послѣднюю. Иначе вѣдь покою не дастъ. Лидію подъ надзоромъ будетъ держать, если свадьба разстроится. Самъ мнѣ сказалъ. Явно взятки ждетъ. Всему городу долженъ. У всѣхъ такимъ же манеромъ вытягиваетъ»...

Она вздохала, прислушиваясь къ хлопнувшей двери въ передней.

«Ушелъ! А Лидія не то плачетъ, не то смѣется... Кандалы! Кандалы для нея этотъ бракъ. Развѣ не вижу я? Все вижу—да что же тутъ сдѣлаешь! И еще боится—иродь-то этотъ. Думаетъ—свяжемъ его по рукамъ и ногамъ. Никого никогда мы не связывали. Жертвовали всегда всѣмъ и для всѣхъ. А изъ насъ всегда сокъ выжимали»...

На разсвѣтѣ вернулась отъ Клементьевыхъ Нина. У полицеймейстера была великолѣпная елка для взрослыхъ и подростающихъ его дочерей. Какъ всегда, было много народу. Музыка, танцы, *re-tits-jeux*. За ней ухаживали. Увѣряли, что трауръ ей очень къ лицу. И ей тоже не спалось вплоть до утра. Мелодіи звучали въ ушахъ. Хотѣлось подобрать ихъ сейчасъ на роялѣ, и она ждала съ нетерпѣніемъ, когда начнутъ всѣ вставать и можно будетъ заняться музыкой.

Къ обѣду ждали, по обыкновенію, Луку Ѳомича, но вмѣсто него прибѣжалъ впопыхахъ Стефановичъ.

— Казусъ тутъ вышелъ у насъ, изволите видѣть!—взбудараженно началъ онъ, разоблачаясь у вѣшалки.—Фельетонъ мой цензоръ не пропустилъ. Біографія Дидро, изволите видѣть, революціей пахнетъ. А я, дескать, конспирацію подвожу. Ну-съ, и все такое... Нумеръ задержанъ. Надо хоть чѣмъ-нибудь заполнить столбцы. Вотъ и придумали мы съ Кавалье... Вспомнилъ я, что вѣдь Лидія Алексѣевна у насъ «англичанка» и слогомъ владѣетъ. А вотъ тутъ, въ американскомъ журналѣ, какъ разъ статья по ней—послѣдній разсказъ Чарльза Диккенса.—Такъ вотъ, не желаете ли теперь позаняться?—обратился онъ къ Лидіи.—Двѣсти строкъ нужно намъ обязательно къ завтраму. Для перваго раза, пожалуй, трудненько покажется,—придется, можетъ быть, цѣлую ночь покорпѣть.

— Не бѣда, покорплю, только бы толкъ какой-нибудь вышелъ!—проговорила Лидія, жадными глазами пробѣгая отмѣченные ей краснымъ карандашомъ столбцы «All the Year Round», и внутренно уже ликовала: «Неужели, неужели... свобода?!»

За переводомъ Денисъ Мартынычъ обѣщалъ прислать утромъ Лейбу.

— Только принимайтесь сейчас же и не давайте мѣшать никому. Даже если Лука Ѳомичъ припожалуетъ—не пускайте. До завтра подождетъ. Да онъ сегодня едва ли придетъ. «Шафера» выписаль для себя изъ Нѣмнова,—съ удареніемъ вставиль онъ.— Преподаватель тамъ новый. Чехъ, что ли, изъ Праги. Пошли теперь городъ вмѣстѣ смотрѣть, а вечеромъ въ театръ собираются,—какъ бы мимоходомъ сообщилъ онъ, но брови многозначительно поднимались, и руки и губы почему-то дрожали, когда онъ, прощаясь съ Лидіей, съ нѣмымъ обожаніемъ смотрѣлъ на нее.

Себя не помня отъ счастья, Лидія наскоро пообѣдала и сейчас же потомъ принялась за работу.

«Авось, дастъ Богъ, обойдемся и безъ Луки!—думала Антонина Михайловна, съ умиленіемъ глядя на Дениса Мартыныча, и по старинному обычаю назвала его «благодѣтелемъ».

Поклонникъ Дидро, какъ ужаленный, запрыгаль по комнатѣ въ ожесточенномъ негодованіи на такое «неприличное» слово. Антонинѣ Михайловнѣ пришлось выслушать цѣлую проповѣдь изъ «Декларации правъ»—о правѣ каждаго человѣка на трудъ и на заработокъ. И въ благодарность «обоимъ Денисамъ» она ходила потомъ на цыпочкахъ цѣлый день—изъ уваженья къ «труду» и «заработку» за ширмами.

— Вѣдь вотъ самоучкой изучила аглицкій языкъ, а теперь можетъ деньги на немъ зарабатывать!—хвасталась она въ кухнѣ, запрещая гремѣть посудой и ходить черезъ комнату барышни.

Лидія проработала ночь напролетъ, и къ назначенному часу переводъ сданъ былъ съ рукъ на руки Лейбѣ. Радостное возбужденіе не покидало ея весь день. «Первый трудъ! Первый заработокъ! И въ случаѣ удачи—цѣлый рядъ еще новыхъ другихъ... Совсѣмъ новая жизнь впереди!» Тянуло на воздухъ, погулять, покататься—и нельзя было никуда уйти въ ожиданіи возвѣщенныхъ визитовъ. Женихъ придетъ съ шаферомъ, а свадьба снова отложена—до весны... Она рѣшила прилечь и подумать, хорошенько подумать теперь обо всемъ, обо всемъ...

Въ сумеркахъ все было мирно и тихо у нихъ. Антонина Михайловна спокойно отсыпалась за бессонную ночь. Нина сидѣла одна за роялемъ и, припоминая вчерашнюю музыку, потихоньку наигрывала по слуху новый вальсъ. «Tentation», воображая, что она тоже невѣста одного изъ гостей на вчерашней елкѣ—смуглаго брюнета въ драгунскомъ мундирѣ, съ смѣющимися глазами и манерами «побѣдителя». Рѣзкій звонокъ развѣялъ эти мечты. Она хотѣла убѣжать, но Лука Ѳомичъ входилъ уже въ комнату и представлялъ ее чужому гостю, какъ близкую родственницу.

— Вы пріѣдете къ намъ гостить и будете у насъ за хозяйку, не правда ли, Ниночка?—ласково шутилъ онъ.—Лидія, кажется, вѣдь, не любитъ хозяйничать?

— Лидія не любить. А я очень люблю, да мнѣ не даютъ. Я буду чай у васъ разливать, хорошо?—кокетливо говорила она, поглядывая украдкой на новаго гостя.

«Не жениться ли мнѣ въ самомъ дѣлѣ на Пинѣ?—опять подумалъ Заслонный.—Тутъ безъ всякихъ загадокъ, все ясно и просто». Но въ комнату входила уже Антонина Михайловна вмѣстѣ съ Лидіей, и сразу стало понятно, что ни на комъ, кромѣ Лидіи, ему жениться нельзя. «Aut Caesar, aut nihil!»

— Зеновій Домниковичъ Одрынецъ, мой университетскій товарищъ и будущій шаферъ,—представилъ его Лука Ѳомичъ.

Такой же высокій и плотный, но съ густой шевелюрой, безъ бороды, съ закрученными по-венгерски усами, онъ казался гораздо моложе Заслоннаго. Говорилъ онъ какою-то смѣсью славянскихъ нарѣчій, съ очень сильнымъ акцентомъ, чопорно извиняясь, что является не во фракѣ и въ столь необычное для визитовъ время—за часъ до спектакля.

Лука Ѳомичъ тутъ же за всѣхъ общалъ ему «полную индульгенцію», а самъ подошелъ къ Антонинѣ Михайловнѣ сообщить ей «пріятную новость». Онъ получилъ извѣщеніе отъ Пояркова о своемъ назначеніи, и лѣтомъ, сейчасъ же послѣ экзаменовъ, перѣзжаетъ въ Москву.

Лидія все время чувствовала на себѣ напряженно-внимательный взглядъ прозрачныхъ, какъ вода, но ничего не отражающихъ глазъ будущаго шафера, угадывала, что его привели «на смотрины» и что смотрины не въ ея пользу. И эти глаза замораживали ее.

— Поправился вамъ нашъ Лѣсновъ?—пыталась она разговаривать его, чтобъ освободиться отъ этого взгляда. Но въ отвѣтъ слышались такіе же леденящіе звуки:

— О, да! Тутъ найвесельше, нежелъ въ Пѣменю.

— А въ Россіи вы не скучаете?

— Въ Пѣменю нѣтъ часа до скуки.

И какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ Заслонный принялся рассказывать о необычайныхъ успѣхахъ своего молодого пріятели на нѣмновскихъ балахъ и пирушкахъ, назвалъ его «сердцеѣдомъ» и прочилъ блестящую будущность въ роли своего замѣстителя.

— Зеновій Домниковичъ помѣщается у меня,—сообщилъ онъ передъ самымъ уходомъ.—Вы, Лидія Алексѣевна, ничего не имѣете противъ того, чтобы Зеновій Домниковичъ помѣщался пока въ вашей комнатѣ?

Лидія вспыхнула. Вся тонкая паутина ихъ отношеній,—весь этотъ хитротканый узоръ изъ пламенныхъ увѣреній и возвышенныхъ словъ—свернулась вдругъ въ жалкій, грубый комокъ, достойный только одного—смахнуть его пыльной тряпкой.

— Какъ это въ *моей* комнатѣ?—подчеркнула она.—Моя комната здѣсь. Вы хотите сказать—въ квартирѣ, нанятой вами въ виду

нашей свадьбы? Конечно, ничего не имѣю... Если даже Зеновій Доминиковичъ останется въ ней навсегда. Вамъ будетъ удобнѣе и... дешевле,—чуть слышно договорила она.

Одрынецъ сдѣлалъ испуганно-умоляющій жестъ, сложивъ ладони и поднявъ глаза къ небу—на иезуитскій манеръ, а Лука Ѳомичъ дипломатично пробормоталъ съ церемоннымъ поклономъ:

— Ну, пусть будетъ такъ, какъ вы говорите. Чего женщина хочетъ, того, говорятъ, и самъ Богъ желаетъ.—И всю дорогу оба шли молча вплоть до театра.

— Едва ли придется вамъ быть моимъ шаферомъ!—сказалъ по-нѣмецки Заслонный, когда они были уже на подъѣздѣ.

— И едва ли вамъ когда-нибудь придется пожалѣть объ этомъ!—лаконически отвѣтилъ Одрынецъ.

Заслонный не отзывался. Но спектакль для него былъ испорченъ. И даже та самая пѣвица, съ широкими и мягкими объятіями круглыхъ, какъ у греческой богини, рукъ, не могла развѣять ощущенія какой-то непоправимой утраты, пустоты и опустошенія.

Утромъ онъ заходилъ еще разъ къ Антиповымъ, желая убѣдиться въ предчувствіи «конца», но Лидія не выходила.

— У мамыши всю ночь сегодня былъ жаръ, она бредила. Лидія всю ночь не спала, недавно только заснула,—съ растеряннымъ видомъ сообщала Нина.

И онъ такъ и уѣхалъ съ своимъ тяжелымъ предчувствіемъ.

XXIV.

На масляной, въ Нѣмновѣ, Заслонный получилъ записку отъ Антонины Михайловны, приглашавшей его къ себѣ «по очень важному дѣлу». Остановилась она у знакомыхъ и привезла ему письмо отъ Лидіи и билетъ выигрешнаго займа въ уплату своего долга.

— Этотъ билетъ принадлежитъ Лидіи. Покойный отецъ подарилъ ей «на счастье» въ день вашей помолвки. Долгъ мой—вы знаете—сдѣланъ безъ ея вѣдома. Теперь, когда вы расходитесь, пришлось ей сказать. Ну, и вы сами понимаете—иначе она не могла поступить.

Онъ лепеталъ ей въ отвѣтъ что-то несвязное въ свое оправданіе, онъ говорилъ, что «не разрываетъ совсѣмъ», что принимаетъ этотъ билетъ «на ихъ общее счастье» и никогда не продастъ его, а мысленно тутъ же высчитывалъ, сколько процентовъ дастъ ему этотъ билетъ въ теченіе пяти, десяти, пятнадцати лѣтъ...

Въ знакъ примиренія—и не безъ скрытаго желанія вызвать сожалѣніе объ утраченномъ—Лука Ѳомичъ попросилъ посѣтить его «холостое жилище»—и Антонина Михайловна побывала тамъ, гдѣ должна была жить ея Лидія.

Квартира въ новоотстроенномъ домѣ на набережной, въ бельэтажѣ. Широкая, свѣтлая лѣстница, электрическіе звонки. Высокія, большія комнаты, почти пустыя и очень холодныя. Въ комнатахъ все строго прилично, аккуратно, въ чинномъ порядкѣ—столы и стулья, и лощеный паркетъ съ дешевенькими ковриками для ногъ, и высокіе потолки съ лѣпными фигурами, и столовая съ новой посудой въ новомъ буфетѣ, и хорошо обставленный кабинетъ съ массой книгъ по стѣнамъ. Но сердце почему-то тоскливо сжималось у Антонины Михайловны въ этихъ высокіхъ стѣнахъ съ не просохшею шпукатуркой, съ большими высокими окнами на песчаный пустырь. Пустотой и стужей ничѣмъ живымъ не заполненной жизни вѣяло отъ этого холостого жилища. Особенно послѣ того, какъ она заглянула въ спальню, гдѣ близко рядомъ стояли двѣ одинаковыя кровати. Одна—ничѣмъ не прикрытая, безъ подушекъ—какъ будто ждала ея Лидію. А въ крошечной каморочкѣ за стѣной—съ окномъ на лѣсистыя горы—стоялъ простенькій умывальникъ, будуарное кресло и письменный женскій столикъ—все, что предназначалось для Лидіи.

— Вы видите, все приготовлено, и все ждетъ хозяйку!—говорилъ онъ, всюду вода ее за собой.

«И не дождется! Слава Богу, никогда не дождется!» думала Антонина Михайловна, уѣзжая изъ Нѣмнова и вспоминая, какъ онъ гоголемъ расхаживалъ по всѣмъ комнатамъ, хвастаясь и квартирой, и тѣмъ, какъ она досталась ему «чуть не задаромъ».

— Домъ вѣдь отстроенъ подъ городской банкъ. Квартира мнѣ сдана за безцѣнокъ до будущей осени—ради одного отопленія. Топлю самъ. Много тепла не люблю, да и вредно,—но вы посмотрите, какой просторъ, какіе потолки... И звонки вездѣ электрическіе. Мебель тоже досталась по случаю. Директорша замужъ дочь выдаетъ, обстановку мѣняетъ... Только кровати пришлось купить новыя. Но это ничего. Я надѣюсь продать ихъ по той же цѣнѣ. Зеновій Доминиковичъ покупаетъ. Это вѣдь за него директорская дочка замужъ выходитъ,—съ таинственной улыбкой пояснилъ онъ.—За меня имъ очень хотѣлось отдать, да не удалось.—И, пройдя черезъ кухню, не забывъ заглянуть въ кастрюли и сковороды—все ли тамъ на лицо, что отпущено «услужавоющей».

«Услужавоющая», здоровенная, рослая эстонка изъ-подъ Митавы, въ нѣмецкомъ чепцѣ и передникѣ, встрѣчала и провожала ихъ безконечными книксенами, раболѣпно прикладываясь къ плечу и величая его все время «каспадыномъ прухфессуромъ». И онъ улыбался ей съ ласковой снисходительностью, не замѣчая ни пронизывавоющей до самыхъ костей стужи своей пустой квартиры, ни пустоты своей обездушенной жизни.

«А каморку-то онъ ей приготовилъ! Точно карцеръ!—съ негодованіемъ вспоминала она.—Еще, чего добраго, сталь бы держать

подъ замкомъ. Бывали же прежде такіе идолы-супостаты... Рауль Синяя Борода»...

«Нѣтъ, слава Богу, слава Богу!»—сидя одна въ вагонѣ, всю дорогу твердила, крестясь, утѣшенная за себя и за дочь Антонина Михайловна.

Лука Ѳомичъ тоже утѣшался по-своему. Оставшись одинъ, долго ходилъ по всѣмъ комнатамъ, пересчиталъ новокупленное столовое серебро, осмотрѣлъ еще разъ въ подробности полученный въ уплату долга выигрышный билетъ, продѣлалъ нѣсколько упражненій съ гирями, заперся на ключъ, долго и вдумчиво перечитывалъ письмо Лидіи и съ разглаженными морщинами усѣлся отвѣчать на это письмо:

«Милостивѣйшая Государыня Лидія Алексѣевна. Въ присланномъ мнѣ съ матушкой вашей Антониной Михайловной письмѣ вашемъ вы формально отказываетесь отъ брака,—говорите, что не чувствуете потребности измѣнять свой внутренній міръ, не хотите быть женой,—хотѣли только употребить меня, какъ средство для развитія вашей личности,—что мнѣ, мужчинѣ, нужна только женственность, а у васъ, у женщины, ея вовсе нѣтъ. И все это написано рѣшительно, твердо. Читая, думаешь, что это говорить не женщина, но и не мужчина, что эта рѣчь—выраженіе внутренняго процесса, имѣющаго произвести существо рода средняго—rodzaju niżakiego, какъ говорятъ наши братья,—и еще небывалое. И тобой овладѣваетъ двоякое чувство: радости и боязни. Радуюсь, что человѣчество вступаетъ въ новый фазисъ развитія, котораго пчелы достигли,—будутъ самки, самцы и рабочія,—новый просторъ! Но сейчасъ же находить и страхъ, что еще хуже будетъ, чѣмъ теперь, что человѣчество вернется назадъ, къ старому варварству. И надъ этими чувствами носится, какъ зловѣщій духъ, одна мысль: что существа rodzaju niżakiego вовсе не будетъ, что это только противоестественное стремленіе вообще, и если осуществится нѣчто подобное—будетъ только уродство. И вдругъ ты останавливаешься. Ты замѣчаешь, что этотъ зловѣщій духъ сталъ уже отцомъ. Благословеніе Божіе совершилось. Радость и боязнь успѣли народить ему: мальчикъ и дѣвочка шевелятся въ твоёмъ сердцѣ; они растутъ, растутъ мгновеніями, весь твой организмъ становится для нихъ малъ, невмѣстителенъ. Имя имъ—ужасъ и жалость. Ты видѣлъ трагедію—и вотъ уже перипетія. Тебѣ страшно и жалко героя. Ты страшнись, что этотъ процессъ обратится въ ничто. Тебѣ жалко, что опять говорить съ тобой женщина... Гдѣ? Въ postscriptum! («Пріѣзжайте, когда захотите—мы вѣдь можемъ оставаться друзьями») Но едва ты успѣлъ дочитать, какъ ужъ улыбка скользнула у тебя на устахъ. Тебѣ ясно, что это женщина, но что такъ и должно быть тутъ женщиной.—Хо-

рошо. Отложимъ наше дѣло на неопредѣленное, даже самое неопредѣленное время. Вы свободны. Я тоже. Но—вы знаете, что я лгать не стану—я видѣлъ въ васъ единственную мнѣ близкую женщину, хоть нѣсколько меня понимающую, и хотѣлъ бы сохранить ее навсегда. Вашъ искренній другъ Л. З.»

На ужинъ онъ заказалъ себѣ овсяный кисель съ черносливомъ, а на сонъ грядущій нѣсколько разъ подъ рядъ прочиталъ элегію Архилоха о несокрушимости истинно мудраго духа подъ ударомъ судьбы:

«О сердце, сердце мое печальное! Крѣпись и не поддавайся врагу! На тѣхъ, кто тебя ненавидитъ, смѣло смотри. Не выражай восторга, если одержишь побѣду, и не кручинься, если понесешь поражение И помни всегда—измѣнчива судьба человѣка...¹⁾»

Случалось потомъ—и не разъ—онъ удрученно вздыхалъ, когда память слишкомъ ярко вызывала ему образъ Лидіи и все пережитое съ ней, когда безсильная ярость неудовлетворенныхъ страстей смѣнялась неодолимой тоской и сожалѣніемъ объ утраченномъ. Тогда, какъ истинный древній мудрецъ, онъ доставалъ изъ книжнаго шкапа «одного изъ любимѣйшихъ» и съ чувствомъ прочитывалъ язвительный ямб дочерямъ Ликамба, а потомъ подходилъ къ другому шкапу, пересчитывалъ свои накопленные фонды, мысленно подводилъ цифровые итоги—и снова обрѣталъ утраченное равновѣсіе.

XXV.

Лѣтомъ, проѣздомъ въ Москву на новое назначеніе, Лука Өмичъ остановился ненадолго въ Лѣсновѣ, чтобы побывать у Антиповыхъ и убѣдиться своими глазами въ «народженіи зловѣщаго духа», сулящаго возвратъ къ старому варварству.

Осторожный и предусмотрительный, какъ всегда, онъ зашелъ сначала въ редакцію повидаться съ Денисомъ Мартынычемъ. День былъ редакціонный, и часъ онъ выбралъ самый удобный—когда сторожъ только что подалъ чай въ кабинетъ секретаря и редактора. Узнавъ его голосъ, Денисъ Мартынычъ сейчасъ же вышелъ къ нему.

— Лука Өмичъ! Нежданно-негаданно. Милости просимъ... И какъ разъ тутъ васъ ожидаетъ тоже сюрпризъ.

Въ уютномъ небольшомъ кабинетѣ, на широкой оттоманкѣ въ углу, сидѣлъ самъ редакторъ «Лѣсновскаго Голоса», Вадимъ Вадимовичъ Кавалье. Высокій, черноволосый, худой, съ чахоточнымъ румянцемъ давно небритыхъ щекъ и лихорадочнымъ, сухимъ блескомъ въ добрыхъ сѣрыхъ глазахъ, съ серебрянымъ Георгіемъ въ петлицѣ на впалой, какъ яма, груди, онъ поминутно закуривалъ потухавшія у него папиросы и глухимъ, надтреснутымъ голосомъ

¹⁾ Великіе греческіе писатели Г. В. Штолля, въ перев. П. О. Морозова.

съ жаромъ излагалъ содержаніе руководящаго обзора иностранныхъ событій по только что полученнымъ телеграммамъ съ театра франко-прусской войны. А за отдѣльнымъ столомъ въ сторонѣ отъ нихъ—работала Лидія.

— Знакомы? Рекомендуемъ: помощница секретаря и фельдтонная переводчица.

Лидія, улыбаясь, поднялась навстрѣчу бывшему жениху и учителю. Онъ не сразу узналъ ее—такъ измѣнилось въ ней все, начиная съ костюма и кончая наружностью. Лицо поражало выраженіемъ жаркой страстности отъ избытка кипучей внутренней жизни; въ словахъ и движеніяхъ появилась небывалая прежде увѣренность—точно, какъ мысли его, росла и она безъ него «мгновеніями»... «Визитныя» платья свои она перешла теперь на удобныя и простыя одежды, не мѣшающія ни ходить, ни работать. Она нашла себѣ постоянную работу въ «Лѣсновскомъ Голосѣ».

— Въ первое время, какъ узнали, что свадьба ваша разстроилась и Лидія Алексѣевна сидитъ тутъ у насъ и строчитъ фельетоны, даже подписчиковъ городскихъ прибавилось. Приходили подписываться только, чтобы взглянуть на нее,—смѣясь добродушнымъ смѣхомъ, рассказывалъ Кавалье, пока Лидія объяснялась въ передней съ посланнымъ изъ типографіи.—Долженъ сознаться, не сразу и я поддался этому женскому натиску. Все какъ-то нѣ вѣрилось и пугало. Привыкли мы, знаете, смотрѣть такъ на женщину... Однако нѣтъ, пришлось согласиться съ Денисомъ Мартынычемъ: работаетъ по-настоящему, совсѣмъ какъ мужчина...

— Лидія Алексѣевна можетъ обидѣться за такое сравненіе. Есть тоже всякаго нашего брата. Сказать лучше: *порядочная* въ работѣ, вѣрнѣе будетъ,—добавилъ отъ себя Денисъ Мартынычъ, самодовольно поглаживая бороду и не безъ ехидства поглядывая при этомъ на Заслоннаго, какъ будто напоминая ему: «говорилъ вѣдь не разъ: нельзя свататься къ такой дѣвушкѣ, когда картофель считаешь и сахаръ запираешь на ключъ!»

Заслонный дождался Лидіи, и они вмѣстѣ вышли на улицу.

«Настоящая Артемида-охотница!—думалъ онъ, глядя, какъ она вихремъ несется впередъ съ биткомъ набитымъ портфелемъ подъ мышкой.—Недостаетъ только колчана за плечами. Но зачѣмъ ей колчанъ, когда сама она превратилась въ колчанъ, каждую минуту готовая летѣть, какъ стрѣла, къ намѣченной цѣли? А чья рука спускаетъ стрѣлу и къмъ намѣченны эти цѣли—едва ли теперь сознаетъ она. И кто рѣшитъ, за кѣмъ останется побѣда? И Вакхъ, и Аполлонъ оба вѣдь сильные боги»...

— Скажите, откуда у васъ такой неистощимый запасъ энергіи?—говорилъ онъ ей въ послѣдній вечеръ передъ отъѣздомъ, когда они, по старой памяти, сидѣли вдвоемъ на той же скамейкѣ въ саду у ручья, подъ каштанами.—Такая худенькая, хрупкая съ виду...

- И вся изъ желѣза внутри,—смѣясь досказала она.
- И вся горитъ какъ пожаръ!
- Желѣзо вѣдь, кажется, не горитъ,—желѣзо только раскаляется.
- И притягиваетъ. Недаромъ Стефановичъ зоветъ васъ магнитомъ. Они все поголовно теперь въ васъ влюблены.
- Кто жъ эти все?
- Денисъ Мартынычъ, и Кавалье, и сторожъ Степанъ, и даже этотъ вашъ Лейба. Все до одинаго!

Она смѣялась жизнерадостнымъ смѣхомъ. Она была счастлива, тогда какъ самъ онъ...

— Неужели вы не страдаете оттого, что мы разошлись? Вѣдь разстроенная свадьба всегда ложится укоромъ на дѣвушку...

— Ну, знаете, объ этомъ вамъ слѣдовало бы раньше подумать!— строго остановила Лидія.— За поступки и чувства мои я въ оправданіяхъ не нуждаюсь, а укоромъ чужихъ не боюсь.

— Поѣдемте вмѣстѣ въ Москву. Я помогу вамъ устроиться и найти болѣе осмысленную работу, чѣмъ эти переводные фельетоны въ «Лѣсновскомъ Голосѣ».

Она покачала головой въ знакъ отказа.

— Кто хочетъ полной самостоятельности, тотъ не долженъ принимать чужей помощи. Тѣ же цѣпи. Не теперь, такъ въ будущемъ. Я хочу быть свободна отъ всякихъ долговыхъ обязательствъ.

Онъ предложилъ возвратитъ ей билетъ—она опять отказалась.

— Я берегла его, какъ подарокъ отца. Сама я не признаю ни процентовъ, ни выигрышей. Деньги надо добывать трудомъ, а не выигрышами.

«Вотъ она, новая женщина или существо нѣкаго рода!»— думалъ Заслонный, слушая этотъ смѣлый, увѣренный голосъ, глядя въ это жаркое, оживленное страстью лицо. И онъ не могъ не сознать, что тутъ была новая прелесть, новый захватъ,—не «уродство», какъ прежде казалось ему, а нѣчто вполне неизбѣжное при извѣстныхъ условіяхъ новаго быта, какъ вспомогательная грань, проведенная жизнью для ей только вѣдомыхъ и ею поставленныхъ цѣлей.

— У васъ очень сильный характеръ!—опять повторилъ онъ, чувствуя себя не то что побѣжденнымъ—онъ былъ слишкомъ гордъ, чтобы когда-нибудь сознаться въ ошибкѣ или пораженіи,—нѣтъ, онъ сознавалъ себя ненужнымъ, и это терзало его хуже всякаго пораженія. И этого терзанія нельзя было ничѣмъ отразить. За него нельзя было мстить. Только теперь впервые усомнился онъ въ могуществѣ своихъ вѣщихъ словъ: «Kohle—Alles, was ich lasse» (пепель—все, что покидаю)... Онъ оставлялъ ее—и ничто не напоминало въ ней испепеленные уголья. Какъ разъ обратно... Онъ уѣзжалъ—она оставалась тутъ съ «очень сильнымъ характеромъ»

и съ пожаромъ внутри, съ соблазнами новаго культа, съ утратой тѣхъ святыхъ волненій—безъ ощущенія голода и плоти—предъ чистымъ образомъ Того, Кто нѣкогда сказалъ: «Я свѣтъ міру... Вѣрующій въ Меня не узнаетъ жажды вѣкъ»...

— Христіанство, пожалуй, слѣдовало бы оставить для женщинъ. Это—тотъ же предохранительный поясъ феодальныхъ временъ,—цинически разсуждалъ онъ наединѣ съ собой.

А теперь самъ онъ пробудилъ ее къ наслажденіямъ жизнью во имя самой жизни—и новый міръ овладѣвалъ ея проснувшейся душою, и въ этомъ мірѣ—

«Было лишь прекрасное священо,
Наслажденія не стыдился богъ»...

Такъ думалъ наединѣ съ собою Заслонный. И онъ не заблуждался. Со всѣхъ сторонъ ученицу его обступали теперь прекрасные, таинственные боги, какъ символы порождаемыхъ душою желаній. И всѣхъ ближе къ этой душѣ стоялъ самый желанный изъ нихъ—стройный юноша въ пепельно-свѣтлыхъ кудряхъ, съ глазами поэта-любленнаго—воплощенный Эротъ. И душа, какъ разбуженная любовью Психея, замирала въ томлени сладостныхъ грезъ въ нѣжныхъ оковахъ юнаго бога, хоть этотъ «богъ»—увы!—служилъ писцомъ въ губернаторской канцеляріи, носилъ перчатки только по праздникамъ и щеголялъ въ панталонахъ *café à la crème*...

«Прекрасное» являлось въ непрекрасномъ видѣ—въ этомъ и было отмщеніе. Но не Заслонный мстилъ. Бѣднякъ съ поэтической пѣсней въ душѣ и съ намозоленными въ чернилахъ руками, побѣжденный, но не смирившійся духомъ повстанецъ—вотъ кто мстилъ униженіемъ русской дѣвушкѣ за свое униженное отечество. Само отечество это мстило соблазнами своихъ впечатлѣній... И некуда было уйти ей теперь отъ этихъ соблазновъ.

На лѣсистыхъ холмахъ, испещренныхъ цвѣтами, соблазнялъ необъятный просторъ и влекущія неизвѣданнымъ дали. На горахъ дышалось легко, и такъ сладко бывало мечтать о Богѣ и жизни, объ этихъ мучительныхъ, тревожно-волнующихъ зовахъ жизни... На горахъ все казалось возможнымъ. На горахъ повторялся старый, какъ міръ, соблазнъ коварнаго искусителя:—Вкуси плода отъ древа познанія, и узнаешь, что все въ твоей власти: и страсти, и муки, и свобода отъ нихъ. Узнаешь жалкую долю смертныхъ: изъ земли они взяты и въ землю вернуться. Ихъ время—мигъ въ исчисленіяхъ вѣчности. Только смѣлая мысль роднитъ дѣтей земли съ небесами. Познавай—и постигнешь всѣ замыслы создавшей васъ Воли, всѣ мудренныя плетенья вашихъ цѣпей. Мысль научить рвать эти путы. Мысль раздвинетъ земные предѣлы и выраститъ крылья, и укажетъ иные міры, свободныя и лучшія существованія. Научить ненасытно желать вѣчно новаго. И желанія будутъ жечь, какъ огонь, и вос-

пламять все желанное... Познавай и вкуси—и создашь себя новый мир. И будешь в нем царствовать. И узнаешь, что значит иметь свою волю, свое собственное хотенье, свое отдельное бытие.—Так было там наверху. А внизу, под зелеными склонами горь, как в заколдованной дремѣ, лежало живое сказанье о томъ, что тутъ нѣкогда было на протяженіи вѣковъ. И хотѣлось смотрѣть безъ конца на это чарующее сказанье. Отъ долгихъ созерцаній разступались какъ будто стѣны и своды этихъ гордыхъ костеловъ. На алтаряхъ языческихъ капищъ, закоптѣлыхъ отъ дыма безчисленныхъ жертвъ, сожженныхъ во славу Перкуна, вновь зажигались святые огни, и жрицы вѣчнаго «зничя», въ вѣнкахъ изъ бѣлой ромашки, красныхъ маковъ, желтой дзѣванны и голубыхъ васильковъ, вновь распѣвали свои священные гимны... Съ башни на площади вновь говорили къ народу жрецы... Все оживало, и все рассказывало о томъ, что любило... И, какъ огонь непогасимаго «зничя», отъ поколѣнія къ поколѣнію передавалось это любимое въ пѣсняхъ и въ музыкѣ, въ обрядахъ и настроеніяхъ,—передавалось на память, на жалость, въ отраду и поученіе для своихъ, въ осужденіе и соблазнъ для чужихъ, незваныхъ, непрощенныхъ. Любовью создавалось здѣсь все: смолистый тополь—и высокій, какъ тополь, костель; ароматы осеннихъ травъ въ воздухѣ отъ лѣсовъ и полей—и пучки мяты, тмина и руты, принесенные набожно въ жертву на костельныя плиты; засушенные съ молитвой цвѣты и расшитыя ленты у статуи святыхъ,—и напѣвы у алтарей, какъ будто вытянутые изъ самаго сердца, раскаленные въ немъ призывы мольбы и надежды, страданіе, гнѣвъ и тоска, и хмельное веселье въ балладахъ и полонезахъ Шопена—все здѣсь дышало любовью и вызывало любовь.— На горахъ соблазнялъ искушитель, а у подножія ихъ—искушеніе. И выходъ казался одинъ—«уйти черезъ трупъ»... и матери, и... «коханка».

Вечеромъ въ день отъѣзда Заслоннаго всѣ столпились вокругъ него съ пожеланіемъ всякихъ благъ и напутствій, а самъ онъ съ трудомъ держался на ногахъ отъ напряженнаго усилія скрыть внутреннюю бурю. Передъ мысленнымъ взоромъ его неотступно стояла послѣдняя сцена въ этой самой передней, когда Лидія звала его вернуться... И все, что было потомъ въ фатальную ночь ихъ разрыва... Внезапно постарѣвшее лицо его измождено было теперь глубокой тоской и страданіемъ, глаза дико блуждали вокругъ, и, самъ не помня, что говорить, онъ только судорожно сжималъ, не выпуская, руку Лидіи. Сочувственная жалость къ нему охватила дѣвушку. Ей захотѣлось какъ-нибудь утѣшить его. Она набросила легкій шарфъ на голову и вышла съ нимъ вмѣстѣ на тѣнистую улицу.

Надѣво глухо шумѣлъ душный городъ. Направо вдалькъ вилась, какъ лента, по пригорку кирпичная ограда лютеранскаго кладбища—любимое мѣсто ихъ прежнихъ прогулокъ. И безотчетно они направились оба туда, гдѣ прежде вмѣстѣ создали и храмъ, и культъ эфемернаго «личнаго счастья». Вечернее небо закутано было сплошь облаками. Только справа на горизонтѣ поднимался блѣдный кружокъ луны надъ синеватою далью. Они вошли въ широко раскрытыя кладбищенскія ворота, и «отжившее» охватило ихъ грустной, элегической былью. Все тутъ было попрежнему. Тѣ же аллеи душистыхъ сосенъ и тополей, та же бѣлая, строгая лютеранская церковь—всегда замкнутая, молчаливая, какъ навѣкъ замолчавшіе люди вокругъ ея стѣнъ. Такъ же пахло цвѣтами на заботливо убранныхъ здѣсь могилахъ. Та же спокойная, безгласная тишина царила на землѣ и на небѣ. И тотъ же самый видъ открывался черезъ ограду на лѣсъ и убѣгающую куда-то далеко извилистую дорогу. Этотъ видъ служилъ когда-то эмблемой для нихъ. Онъ напоминалъ объ истинномъ назначеніи человѣческой жизни: сквозь лѣсъ—впередъ, къ свѣтозарнымъ цвѣтущимъ вершинамъ. Этотъ видъ вызвалъ теперь другое—и разное—у обонхъ.

— Тяжело какъ-то мнѣ здѣсь теперь!—со вздохомъ вырвалось у Заслоннаго.—Я чувствую, надолго, если не навсегда, потухла во мнѣ эта внезапно вспыхнувшая искра...—устало договорилъ онъ.

А въ ней этотъ голосъ и эти слова будили нетерпѣливо-мятежный призывъ новой жизни съ другимъ, живымъ и близкимъ ей человѣкомъ. И радость поднимала ей грудь отъ ожиданія этой новой близости.

— Такъ, значитъ, предѣлъ всему?—уныло прошептала Заслонная, когда они снова подошли къ дому.

— Предѣлъ!—отвѣтила она со смущенной улыбкой вмѣсто всякаго утѣшенія.

Онъ взялъ ея руку и надолго припалъ къ ней лихорадочно запекшимися губами.

— Еще разъ,—шептала онъ между жаркими поцѣлуями,—еще разъ я испытываю гармонію!..

— Не прогоняйте жизни... Любите жизнь... Жизнь всегда упоительная гармонія!—страстно шептала она въ отвѣтъ, сама упоенная жгучей до страсти любовью къ этой «упоительной» жизни.

Онъ поднялъ голову и блеснувшими глазами посмотрѣлъ на нее, радостно улыбающуюся и какъ бы что-то обѣщающую ему.

— Я буду вамъ писать. Я напишу, какъ только устроюсь тамъ. Я не прощаюсь, я говорю: до свиданія!..

Онъ отошелъ бодрый и обнадеженный. Она со спокойной совѣстью захлопнула калитку. А въ открытыя настежь окна гостивой

неслись ей навстрѣчу мелодическіе звуки рояля и скрипки. Это панъ Ольгердъ съ Ниной разучивали балладу Шопена.

«Кружево вяжется петля за петлей, и жизнь плететъ свой узоръ, пока мы живемъ»—красивой музыкой звучало въ душѣ у Лидіи.

Изъ Москвы разъ пришло извѣстіе, нацарапанное, повидимому, съ трудомъ:

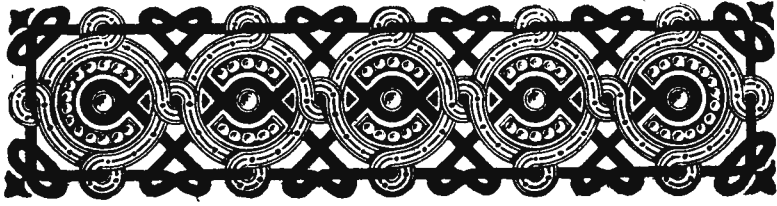
«Послѣ предлиннаго перерыва беру опять перо въ руки, но только для того, чтобы сказать вамъ, что я опасно боленъ—воспаленіе легкаго и праваго плеча. Можетъ быть, больше не увидимся. Прощайте. Карточку прошу.—Л. Заслонный».

Но Лидіи уже не было въ Лѣсновѣ, и письмо это не скоро дошло до нея.

В. Тимофеева-Починковская.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ О ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПРОТОІЕРЕЯ І. В. ВАСИЛЬЕВА ¹⁾

Х.

Новыя условія жизни о. Васильева въ Петербургѣ.—Характеръ служебной дѣятельности по званію предсѣдателя учебнаго комитета. — Общественно-церковная дѣятельность. — И. Л. Янышевъ, А. С. Будиловичъ. — Великая княгиня Елена Павловна.—Появленіе лорда Редтока.

АША казенная квартира помѣщалась на Литейной, противъ департамента удѣловъ, въ церковь котораго мы всегда ходили. Такъ какъ наша семья была очень большая, то для насъ соединили въ верхнемъ этажѣ дома двѣ квартиры въ одну, образовалось 12 обширныхъ комнатъ, но было чрезвычайно высоко подниматься по лѣстницѣ, 84 ступени, лифтовъ же тогда еще не существовало.

До чего простиралась любезность и внимательность къ отцу его друзей, свидѣтельствуешь тотъ фактъ, что жена шефа жандармовъ, графиня Е. Шувалова, пріѣхала посмотреть, хорошо ли устроился папаша на новой квартирѣ, и, найдя, что мебели мало; прислала чудную обстановку для гостиной, крытую малиновымъ штофомъ. Не мудрено, что не хватило мебели: въ Парижѣ была одна большая зала, а здѣсь—двѣ, по три окна.

¹⁾ Окончаніе, «Истор. Вѣстн.» т. СXLVI стр. 27.

Новая для отца дѣятельность, весьма отвѣтственная, требовала большого умственного напряженія: приходилось прочитывать для одобренія къ употребленію въ школахъ массу новыхъ учебниковъ примѣнительно къ вводимой новой программѣ, да еще, кромѣ того, магистерскія и докторскія диссертациі для присужденія имъ премій. Само собой разумѣется, что предсѣдатель имѣлъ прекрасныхъ помощниковъ въ лицѣ членовъ духовнаго комитета, избравшихся отцомъ среди видныхъ столичныхъ протоіереевъ, профессоровъ, чиновниковъ; кромѣ членовъ комитета, существовали еще члены-ревизоры, на обязанности которыхъ лежалъ періодическій объѣздъ духовно-учебныхъ заведеній, каждый по своему району, для ревизіи какъ учебно-воспитательной, такъ и хозяйственной частей. Въ виду обширнаго плана преобразования и новыхъ задачъ, положенныхъ въ его основаніе, часто возникали неотложные вопросы, для скорѣйшаго рѣшенія которыхъ приходилось, кромѣ двухъ еженедѣльныхъ засѣданій комитета, еще созывать экстренныя у насъ на квартирѣ. Я, конечно, не компетентна судить, хороша ли, дурна ли была реформа духовныхъ заведеній 1867-года, знаю только, что мой отецъ вложилъ всѣ свои силы и разумѣніе въ это дѣло и что онъ 15 лѣтъ трудился на этомъ поприщѣ и былъ правой рукой оберъ-прокурора и министра внутреннихъ дѣлъ графа Дм. Толстого.

Первымъ ректоромъ петербургской духовной академіи, по введеніи новаго устава, былъ избранъ, вмѣсто монаха, протоіерей посольской церкви въ Копенгагенѣ Іоаннъ Леонтьевичъ Янышевъ, мужъ моей младшей сестры Александры. Янышевъ, калужскій уроженецъ, былъ весьма умный, деликатный, воспитанный человѣкъ. Въ первые годы своей службы онъ съ трудомъ справлялся съ ректурой, потому что на совѣтахъ нѣкоторые изъ профессоровъ позволяли себѣ относительно него рѣзкія, грубыя выходки. Иванъ Леонтьевичъ въ подобныхъ случаяхъ пріѣзжалъ, взволнованный, обезкураженный къ отцу, говоря: «Все брошу, уѣду псаломщикомъ въ Висбаденъ»¹⁾. Приходилось бѣднаго о. ректора успокаивать, пріободрять, онъ уѣзжалъ домой умиротвореннымъ... до слѣдующаго случая. Впослѣдствіи, когда сослуживцы оцѣнили умъ и деликатность своего ректора, они его полюбили, и взаимныя отношенія были наилучшія, основанныя на довѣрїи и полномъ уваженіи. Когда Янышевъ, будучи назначенъ духовникомъ всей императорской фамиліи и законоучителемъ августѣйшихъ дѣтей, оставилъ духовную академію, то о немъ сохранилась память, какъ объ одномъ изъ лучшихъ ректоровъ, когда-либо управлявшихъ ею. Иванъ Леонтьевичъ свыше 20 лѣтъ былъ

¹⁾ Онъ былъ священникомъ въ Висбаденѣ и любилъ вспоминать о своей жизни тамъ.

протопресвитеромъ придворнаго духовенства, но подь конецъ своей жизни ослѣпъ. До конца дней своихъ онъ неизмѣнно пользовался любовью и благоволеніемъ всей царской семьи, которой имѣлъ счастье служить лично 55 лѣтъ. Умеръ онъ шесть лѣтъ назадъ 84 лѣтъ. Жена Янышева, тетя Саша, почти совсѣмъ глухая съ молодости, была очень добрая, но, къ сожалѣнію, не имѣла нисколько такта и, пользуясь высокимъ положеніемъ своего мужа, безнаказанно позволяла себѣ всѣмъ говорить «правду» въ глаза, чѣмъ многихъ обижала и за что ей сильно попадало отъ моей матери. Тетя пользовалась большимъ авторитетомъ у своего мужа, въ разговорѣ послѣдняго часто слышалось: «Сашенька, Сашенька сказала». И берегла же Сашенька своего супруга, прямо уподоблялась курицѣ со своимъ цыпленкомъ! Безъ ея соизволенія никто не могъ попасть къ Іоанну Леонтьевичу, и эта строгая охрана и опека очень нравились Янышеву. Тетя умерла за 10 лѣтъ до своего мужа, который долго тосковалъ по ней. Дочь Янышевыхъ Александра, болѣзненная, длинная, некрасивая, но славная дѣвушка съ голубыми мечтательными глазами и почти бѣлыми волосами, была замужемъ за священникомъ М. П. Альбовымъ, профессоромъ богословія въ Лѣсномъ институтѣ, и умерла 25-ти лѣтъ. Сынъ Івана Леонтьевича Леонидъ, гражданскій инженеръ, всю жизнь хворалъ сухоткой спиннаго мозга, умеръ, оставивъ бездѣтную вдову Екатерину Петровну, рожденную Боначичъ (родная сестра извѣстнаго тенора московской оперы). Она посвятила свою жизнь, послѣ смерти мужа и свекра, уходу за больными въ Марео-Маріинской обители въ Москвѣ.

Папаша былъ, какъ я сказала, либеральнаго направленія и давалъ ходъ почти исключительно бѣлому духовенству; монахи его за это не долюбивали, но сохраняли внѣшнее приличіе: неизмѣнно заѣзжали къ нему съ визитомъ въ большіе праздники, а также и всѣ члены Синода; послѣдніе все же не пустили быть отца членомъ Синода: «ты насъ къ себѣ не пускаешь, мы тебя къ намъ не пустимъ». Митрополитъ Исидоръ, очень умный человекъ, цѣнилъ и уважалъ моего отца; какъ бы то ни было, вѣдь безъ соизволенія митрополита отецъ мой не могъ бы быть назначенъ предсѣдателемъ учебнаго комитета при св. Синодѣ. Владыка очень любилъ благодушно посмѣиваться надъ тѣмъ, что папаша продолжалъ по-заграничному стричь бороду и волосы: «Что это у васъ, о. протоіерей, волосы больно коротки?» — «Что дѣлать, ваше высокопреосвященство, не растутъ». — Отецъ мой въ особенности старался облагородить нравы въ среднихъ духовныхъ заведеніяхъ и о религіозномъ воспитаніи школьникоу. Съ мнѣніемъ отца всѣ считались; даже высшіе іерархи, случалось, пріѣзжали къ нему за совѣтами, зная его близость къ оберъ-прокурору графу Толстому. Когда 15 лѣтъ спустя графъ Толстой переведенъ

былъ изъ оберъ-прокуроровъ на постъ министра внутреннихъ дѣлъ и вступилъ въ должность оберъ-прокурора К. П. Побѣдоносцевъ, папаша говорилъ, что его взгляды діаметрально-противоположны взглядамъ Константина Петровича и что онъ не сможетъ служить съ новымъ оберъ-прокуроромъ. Особенно раздражало моего отца, что Побѣдоносцеву всегда было некогда и онъ страшно задерживалъ дѣла и притомъ цинично относился къ духовенству. Смерть моего отца рѣшила этотъ тяжелый вопросъ.

Отецъ мой въ Петербургѣ былъ избранъ первымъ предсѣдателемъ общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви. Много труда положилъ онъ на укрѣпленіе существованія этого общества и много хлопотъ ему стоило добиться разрѣшенія членамъ общества вести религіозныя бесѣды въ Солянномъ Городкѣ. Дѣятельнымъ, энергичнымъ сотрудникомъ отца былъ основатель общества, очень извѣстный въ свое время священникъ Казанскаго собора, о. Михаилъ Ильичъ Соколовъ. Маленькій, худой, но горѣвшій внутреннимъ огнемъ, прекрасный администраторъ и истинный христіанинъ, онъ по смерти моего отца былъ избранъ предсѣдателемъ общества; при немъ была построена на пожертвованія церковъ общества на Стремянной улицѣ съ большимъ заломъ для бесѣды. Кромѣ того, папаша былъ членомъ общества любителей просвѣщенія, въ которомъ много трудился въ дѣлѣ присоединенія старо-католиковъ къ православію; но, замѣтивъ, что дѣло это не подвигается впередъ, рекомендовалъ членамъ общества умѣрить свое рвеніе въ этомъ направленіи и лучше заняться просвѣщеніемъ русскаго народа. Члены съ этимъ взглядомъ моего отца не согласились, и онъ вышелъ изъ общества. Мнѣніе отца подтвердилось: прошло съ тѣхъ поръ болѣе 40 лѣтъ, а старо-католики все топчутся на одномъ мѣстѣ!

Кромѣ этого, отецъ велъ внѣбогослужебныя бесѣды, какъ рядовой священникъ, по преимуществу въ Сергіевскомъ соборѣ на Литейномъ проспектѣ.

Интенсивный трудъ папаши требовалъ время отъ времени отдыха. Онъ очень любилъ музыку и пѣніе; ему на концерты присылались даровые билеты. Помню, какъ я съ отцомъ поѣхала на концертъ знаменитаго шведскаго соловья Нильсенъ, которую многіе считали соперницей Патти. Соперницей, по-моему, она быть не могла: Патти была рѣдкимъ феноменомъ; никто до сихъ поръ не можетъ даже сравниться съ нею по силѣ звука, обширности и обработанности ея чуднаго, металлическаго голоса. У Нильсенъ все же былъ прекрасный голосъ сопрано, хорошо обработанное, а главное—пѣла она съ большой душой и приводила слушателей въ восторгъ. Она пользовалась большимъ успѣхомъ и любовью меломановъ и намъ съ отцомъ очень понравилась. Для отдыха же папаша очень любилъ перекинуть въ карты по «маленькой» съ

Инышевымъ, сперва—въ преферансъ, потомъ—въ винтъ. Обычнымъ партнеромъ былъ также баронъ Бюлеръ, женатый на богатыхъ Ростовцевой, которой мать не дала капитала въ руки, но обязалась содержать молодыхъ. Она съ трудомъ согласилась на бракъ дочери съ Бюлеромъ, потому что онъ ничего не имѣлъ и не занималъ виднаго положенія, и то съ условіемъ, что у молодой четы не будетъ дѣтей! Дѣло въ томъ, что дочь ея была чудно сложена и обладала прекрасной, рѣдкой, тонкой таліей, а дѣти—портятъ талію! Влюбленный баронъ на это странное условіе согласился, и первый супружескій годъ ничѣмъ не омрачилъ счастья молодой четы. На второй или третій годъ—о, ужасъ!—молодая баронесса оказалась въ «ожиданіи». Эта непозволительная дерзость взбѣсила Ростовцеву; она прекратила всякія сношенія съ дочерью и, несмотря на заступничество моего отца за молодыхъ преступниковъ, Ростовцева лишила ихъ содержанія. Бѣднымъ Бюлеръ жилось очень тяжело. Родился сынъ.

Много лѣтъ спустя мать примирилась съ ними, но съ условіемъ, что больше дѣтей не будетъ, и, умирая, оставила дочери крупный капиталъ, но тогда уже было поздно обзаводиться дѣтьми. Этотъ баронъ Бюлеръ, еще парижскій знакомый, былъ у насъ своимъ человѣкомъ и очень любилъ играть съ отцомъ въ преферансъ, несмотря на то, что однимъ изъ его постоянныхъ партнеровъ бывалъ жившій у насъ племянникъ отца, чиновникъ контроля, почти всегда навеселѣ, чтобы не выразиться рѣзче. Этотъ милый молодой человѣкъ сидѣлъ совершенно плоско на стулѣ, а ноги протягивалъ подъ весь столъ, касаясь пятокъ чопорнаго барона, а этотъ послѣдній только выпячивалъ свои рачьи глаза и вздрагивалъ, когда пріятный партнеръ бьетъ, бывало, его карту и зычно кричитъ: «Баронъ! Одной поменьше!»

Частымъ гостемъ былъ у насъ извѣстный славистъ Антонъ Семеновичъ Будиловичъ, впоследствии ректоръ юрьевскаго университета, гдѣ явился яркимъ поборникомъ всего русскаго, старавшимся освободить университетъ отъ полонившаго его германизма. Внѣшность Будиловича не отличалась красотой: неуклюжій какой-то да, кромѣ того, сильно пришепетывалъ и скрадывалъ буквы въ рѣчи: говорилъ «Лизветъ Осиповна», но уменъ и интересенъ былъ на диво! Дѣвицы въ него влюблялись, несмотря на его внѣшность. Искреннѣйшій былъ славянофилъ, но безъ крайностей. Славилась въ то время и пользовалась большимъ почетомъ въ обществѣ извѣстная благотворительница Потемкина. Это была преданнѣйшая душа на пользу нуждающихся и обремененныхъ, никого не отпускала отъ себя безъ той или иной помощи. Ее, конечно, страшно эксплуатировали, но она этимъ не смущалась, за всѣхъ хлопотала, многихъ спасла изъ безвыходнаго, казалось бы, положенія. За свою выдающуюся человѣколюбивую дѣятельность

была Потемкина лично извѣстна государю Александру II, очень ее уважавшему и даже лично у нея бывавшему. Мой отецъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ Потемкиной и часто посылалъ къ ней со своей рекомендаціей просителей: его просьбы она всегда исполняла.

Большимъ престижемъ и значеніемъ пользовалась великая княгиня Елена Павловна. Въ ея салонахъ, куда черезъ знаменитую Эдиту Радень, одну изъ умнѣйшихъ женщинъ того времени, часто бывалъ приглашаемъ папаша, собирались сливки умственной тогдашней жизни. Сама великая княгиня была весьма умная, пріятливая, привлекательная въ обращеніи особа, пользовалась любовью государя императора, часто посѣщавшаго ее. На пріемахъ великой княгини неизмѣнно присутствовалъ и извѣстный В. К. Саблеръ, тогда еще только товарищъ оберъ-прокурора.

На петербургскомъ небосклонѣ появился сектантъ, лордъ Редстокъ, которому великосвѣтскіе салоны широко открывали свои двери. Умный, ловкій, благовоспитанный человекъ, онъ проповѣдывалъ, что человекъ можетъ и долженъ спастись данными ему внутренними силами безъ помощи церковной благодати, отвергалъ священство и т. п. Теорія эта была не нова, представляла собой слегка измѣненную протестантскую доктрину, но лордъ былъ хорошимъ ораторомъ, главное же—иностранинцемъ, а потому его пропаганда пользовалась большимъ успѣхомъ въ Петербургѣ. Лорда рвали на части, приглашали на бесѣды, упивались его рѣчами. Шумный успѣхъ этой пропаганды заставилъ моего отца открыть, какъ противовѣсь лорду, свои собесѣдованія въ салонахъ княгини Шаховской; эти бесѣды также привлекали большое число слушателей и многихъ отвлекали отъ увлеченія англичаниномъ. Онѣ велись отцомъ много лѣтъ по просьбѣ его духовныхъ дѣтей, даже тогда, когда Редстокъ исчезъ изъ Петербурга.

XI.

Семейныя дѣла. — Петербургскій бытъ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія. — С. И. Миропольскій и П. О. Ефремовъ. — Протоіерей В. П. Палисадовъ. — А. И. Поповицкій. — Бракъ Л. I. Васильевой. —

Въ Петербургѣ укладъ нашей жизни былъ совершенно иной, чѣмъ въ Парижѣ. Не говоря объ окружающемъ насъ обществѣ, матеріальныя средства родителей были значительно меньше, а условія жизни—много дороже. Сначала отецъ мой получалъ 2.500—3.000 руб. въ годъ, и только года два спустя ему дали содержаніе примѣнительно къ директору департамента, т. е. 6.000 руб. въ годъ. Впрочемъ, я знаю, что папаша матеріальныхъ преимуществъ не искалъ, а желалъ послужить и въ Россіи на пользу отечеству и

никогда не хотѣлъ всю жизнь прожить вдали отъ любимой родины. Въ Петербургѣ пришлось держать 5 человѣкъ прислуги: кухарку, прачку, горничную, лакея, посыльнаго, такъ какъ прислуга здѣсь оказалась лѣнивая, нерадивая. Въ Парижѣ ту же работу исполняли двѣ дѣвушки, тутъ потребовалось больше, чѣмъ вдвое, а дѣло шло значительно хуже. Вѣдь въ Парижѣ кухарка, кромѣ своего прямого дѣла, убирала еще извѣстное количество комнатъ, должна была къ обѣду перемѣнить платье, надѣть бѣлый передникъ и чепчикъ, чтобы подавать за столомъ, и еще въ двухъ большихъ комнатахъ два раза въ недѣлю натирать полы, для чего на ногу надѣвала особую щетку: здѣсь три полотера цѣлый день возились съ 5 комнатами... Несмотря на сравнительную дешевизну припасовъ, матери моей съ большимъ трудомъ удавалось свести концы съ концами! Было большое знакомство и обширное, очень состоятельное родство, задававшее приемы, такъ что и моимъ родителямъ приходилось раза 3—4 въ годъ дѣлать вечера съ танцами, а каждое воскресенье собиралось человѣкъ 10 молодежи. Этотъ открытый образъ жизни стоилъ дорого, но намъ было очень весело. Вся бѣда въ томъ, что въ Петербургѣ слишкомъ гостеприимны: ужины, всякое угощеніе! Я помню, что по переѣздѣ моемъ въ Ниццу послѣ замужества я была приглашена на большой вечеръ къ состоятельнымъ французамъ. Народу было много и весьма нарядная публика. Играли на роялѣ, пѣли, читали вслухъ, много разговаривали отъ 8 до 12 часъ вечера безъ всякаго угощенія; впрочемъ, въ 11 ч. подали на подносахъ стаканы вина съ водой и по 2 бисквитика. Тѣмъ не менѣе я провела одинъ изъ пріятнѣйшихъ вечеровъ въ своей жизни и безъ ужина. Очень много у насъ ѣдятъ! Особенной пышностью отличались вечера у моего дяди, мужа одной изъ сестеръ матери, Павла Алексѣевича Матвѣевского; они обладали большими средствами,—дядя былъ сперва священникомъ, потомъ настоятелемъ Смоленскаго кладбища, почва тучная... П. А. Матвѣевскій былъ небезызвѣстнымъ духовнымъ писателемъ: его «Евангельская исторія» считается капитальнымъ трудомъ. Мы такъ засиживались у Матвѣевскихъ, что Николаевскій мостъ, черезъ который надо было переѣзжать, оказывался разведеннымъ и мы должны были сидѣть въ каретѣ, въ ожиданіи его наводки, и домой возвращались чуть не въ 6 час. утра! Для эффекта тогда было принято даже на большихъ ужинахъ подавать сладкимъ блюдомъ какое-либо желе, въ пустую середину котораго вставлялась стеариновая зажженная свѣча.

Вскорѣ по переѣздѣ въ Петербургъ сестра Надя вышла замужъ и уѣхала со своимъ мужемъ-священникомъ въ Ниццу. Для насъ была взята учительница-гувернантка изъ Николаевскаго сиротскаго института Марія Аванасьевна К**. Признаться, тогдашнее воспитаніе сиротъ оставляло желать лучшаго! К** была образована,

конечно, съ французскаго класса, но со сквернымъ произношеніемъ, хорошая музыкантша со своимъ роялемъ, который ей позволили поставить въ своей комнатѣ. Къ сожалѣнію, бѣдная сирота страшно румянилась, не могла равнодушно видѣть мужчинъ, поводила красивыми глазами, привлекая къ себѣ молодежь. Бывало, засядутъ они у нея въ комнатѣ, а оттуда доносятся звуки зажига- тельныхъ романсовъ цыганскаго пошиба; пѣла она хорошо. Это воспитаніе приводило въ изумленіе моихъ родителей послѣ французскаго. Да еще взятая въ домъ для преподаванія намъ русскаго языка учительница задалась цѣлью усовершенствоваться во французскомъ, говорила съ нами исключительно на этомъ языкѣ! К** прожила у насъ съ грѣхомъ пополамъ два года; послѣ нея еще двѣ были, но все съ такими претензіями, что родители рѣшили больше гувернантокъ въ домъ не брать! Давали 30 руб. въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ, это считалось небольшимъ содержаніемъ. И вспомнили мы нашихъ образованныхъ, не хуже здѣшнихъ, скромныхъ французскихъ 50-франковыхъ гувернантокъ... Временами жила у насъ кровная парижанка, старая знакомая, m-me Valdora Dusseuil, занимавшаяся здѣсь уроками французскаго языка; когда ихъ у нея не бывало, то родители мои давали ей изъ состраданія столъ и домъ взамѣнъ уроковъ съ нами. Образованія была университетскаго, но страшный эстетъ! Все и вся оцѣнивала только съ этой точки зрѣнія и особенно преклонялась предъ красотой женскаго тѣла! Она вздумала заняться эстетическимъ развитіемъ нашего лакея, для чего безъ церемоніи ходила передъ нимъ въ изящныхъ панталончикахъ! Лакей пожаловался моей матери, что «Вальдору соблазняетъ его». На замѣчаніе 50-лѣтней соблазнительницѣ о недовольствѣ лакея она воздѣла руки къ небу и трагически воскликнула: «O l'animal! La femme est si plastique!» Ее попросили не заниматься пластикой!

Мы съ собой привезли свою няню Софью изъ Парижа и первое время изводили ее на прогулкахъ вопросомъ: «Это, няня, идетъ мужчина или женщина?»—Нянька сердито отвѣчала: «Видишь борода, стало быть—мужчина».—«А извозчикъ—женщина!» Дѣло въ томъ, что простой народъ тогда носилъ кафтаны, поддевки, и извозчики—также, мы считали ихъ одежду за юбки...

Нравы уличные были тогда весьма беззастѣнчивые; на улицахъ, не стѣсняясь, разсаживались для удовлетворенія своихъ немалыхъ нуждъ тутъ же на глазахъ прохожихъ, и не только дѣти, но и взрослые! Пьяныхъ было изобиліе; они отдыхали, растянувшись во весь ростъ на тротуарахъ, такъ что обыватель долженъ былъ обходить ихъ, и только особенно буйныхъ, ругательства которыхъ превышали мѣру всякаго терпѣнія, будочникъ взваливалъ къ себѣ на спину и тащилъ въ часть! А драки этой пьяной братіи!

Петербургъ намъ понравился, особенно Невскій и Литейный, хотя они были гораздо хуже, чѣмъ теперь; на Литейномъ было еще не мало деревянныхъ домовъ, а Невскій уродовался отвратительнымъ Пассажемъ и такимъ же Гостинымъ дворомъ со скверными, полутемными лавочками, гдѣ за каждую вещь заламывали тройныя цѣны и приходилось торговаться до потери голоса. Все это было для насъ совершенно ново. Освѣщеніе улицъ было скверное; въ центральныхъ частяхъ—газовое, въ недостаточномъ количествѣ, въ другихъ частяхъ—чадилъ отвратительный тусклый керосинъ въ дешевыхъ лампахъ, вставленныхъ въ деревянные, почему-то всегда кривые фонари. О керосинѣ тогда въ Парижѣ не имѣли понятія, такъ что пришлось въ Петербургѣ дорогія севрскія лампы (carcelles) передѣлывать на керосинъ: не оказалось ламповаго масла, или, лучше сказать,—оно оказалось какой-то смѣсью, и лампы не горѣли. На углу Гостиного двора у Публичной библиотеки, по обѣимъ сторонамъ проходовъ, стояли большіе столы и продавались очень вкусныя булки-сайки, ихъ ухитрялись продавать всегда горячими; мальчуганы тутъ же шныряли съ самоварами на плечахъ, укутанныхъ въ матрасы, продавая горячей сбитень. На улицахъ, даже центральныхъ, кромѣ Невскаго, стояли открытыя лари, гдѣ продавались: немного ржавая паюсная икра, рубецъ, куриныя яйца и прочая снѣдь. За десять копеекъ торговецъ разрѣзалъ вдоль получерствую французскую булку, и въ середину клалъ порядочный ломтикъ икры; это было вкусно, но вспоминать теперь—противно, а мать наша имѣла прямо болѣзненную потребность покупать себѣ на этихъ ларяхъ куриныя яйца съ запахомъ и тутъ же на улицѣ ихъ съѣдала! Особенно поразили насъ извозчики! Дрожки были на высокихъ висящихъ рессорахъ, фордека не было, сидѣніе такое узенькое, что вдвоемъ было очень скверно помѣщаться; когда, бывало, ѣхали отецъ съ матерью, они могли сидѣть только на половинкахъ, да еще папаша норовилъ занять наивыгоднѣйшее положеніе; это была пытка, и трясло ужасно. Мать моя до конца жизни не могла привыкнуть къ этимъ страннымъ экипажамъ; чтобы не вывалиться изъ него, она судорожно просовывала палецъ за кушакъ извозчика и при частыхъ ухабахъ кричала, вызывая болѣе или менѣе остроумныя замѣчанія извозчика, съ которымъ она входила въ неприятныя объясненія: «Какъ смѣешь, дуракъ, разговаривать! Не понимаешь, генеральшу (sic!) везешь!»—«А мнѣ все едино, что генеральша, что куфарочка».

Два года спустя по переѣздѣ въ Питеръ, моя старшая 18-лѣтняя сестра Лиза вышла замужъ за начальника отдѣленія въ канцеляріи оберъ-прокурора Павла Абрамовича Аннина, впоследствии виднаго чиновника, очень цѣнимаго въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Карьера его была очень скорая; недавно онъ умеръ членомъ совѣта министра, тайнымъ совѣтникомъ. Человѣкъ

онъ былъ чрезвычайно честный, знатокъ своего дѣла, одинъ изъ сподвижниковъ министра Толстого, впоследствии и Делянова.

Отецъ мой, да почти и всѣ братья его—совершенно не пили вина; между тѣмъ большинство его племянниковъ были страшными алкоголиками, при этомъ замѣчательно умныя головы, прекрасно кончившіе высшія духовныя заведенія и съ хорошими чиновничьими положеніями! Одного изъ нихъ, В. П. Васильева, особенно жаль. Онъ былъ большой знатокъ раскола, такъ что его часто приглашали въ канцелярію оберъ-прокурора для полученія отъ него свѣдѣній по этому вопросу; прекрасно служилъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, но такъ пилъ, что пришлось бросить удачно начатую карьеру и переселиться въ Орель, гдѣ и умеръ.

Правду сказать, послѣ изысканнаго, благовоспитаннаго парижскаго общества, мы сразу попали въ совершенно иной кругъ; первое время среда наша показалась намъ ужасной! Мы никакъ не могли свыкнуться съ ужасными манерами и черезчуръ образными выраженіями нашего духовнаго юношества; говорили они витѣвато, иногда даже непонятно; потомъ, конечно, немного привыкли и даже полюбили своихъ кузеновъ: очень ужъ были они умны и интересны въ трезвомъ состояніи!

Часто бывалъ у насъ учитель петербургской духовной семинаріи, Сергѣй Иринеевичъ Миропольскій. Некрасивый собой, черный, съ узенькими умными глазами, съ кривыми ногами, это была обворожительная личность въ обществѣ. Будучи хохломъ, онъ странно произносилъ слова, но былъ замѣчательно умный, живой, любитель музыки; самъ игралъ посредственно на плохой скрипкѣ «Элегію» Эрнста и малороссійскія пѣсни, приносилъ ноты, такъ что и мы всѣ пѣли эти разныя «Вітрі віють» и проч. Въ виду его дарованій отецъ мой взялъ его къ себѣ въ комитетъ членомъ-реvisorомъ, а умеръ Миропольскій вице-директоромъ канцеляріи оберъ-прокурора.

Жилъ у насъ учившійся въ медицинской академіи одинъ рѣдкій экземпляръ совершенно не пьющаго племянника моего отца—П. Ѳ. Ефремовъ. Приходилъ изъ академіи и выводилъ мою мать изъ себя тѣмъ, что, не смѣнивъ одежды, не вымывъ рукъ, съ отвратительнымъ трупнымъ запахомъ прямо садился обѣдать! Однажды, направляясь въ академію, онъ быстро прошелъ мимо гулявшаго государя Александра II, не снявъ шапки. Государь его остановилъ и грозно спросилъ: «Ты знаешь, кто я?» Ефремовъ снялъ шапку и сказалъ: «Знаю, ваше величество». Этотъ отвѣтъ возмутилъ государя. Онъ повернулся къ свитѣ и сказалъ: «Взять его!» И повели раба Божія въ третье отдѣленіе передъ грозныя очи временщика шефа жандармовъ графа П. Шувалова. Отецъ мой былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ графомъ, объяснилъ дѣло, и Ефремова, продержавъ два дня, выпустили. При разслѣдованіи оказалось, что Ефремовъ

опоздалъ на лекцію, очень торопился и не обращалъ вниманія на встрѣчныхъ, и только тогда узналъ государя, когда его величество остановилъ его.

Какъ жаль и до сихъ поръ тягостно вспоминать о разбитой жизни любимѣйшаго нашего дяди, протоіерея В. П. Палисадова, женатаго на старшей сестрѣ нашей матери. Сначала онъ былъ учителемъ семинаріи, священникомъ въ разныхъ заграничныхъ мѣстахъ (Берлинѣ и Парижѣ), профессоромъ богословія въ петербургскомъ университетѣ и т. д. Это былъ умнѣйшій, интереснѣйшій человѣкъ, любившій весело поболтать. Красавецъ еврейскаго типа, хотя родомъ костромичъ, онъ, къ сожалѣнію, не умѣлъ сдерживать своего языка и вслухъ высказывалъ мысли и сужденія о людяхъ высокопоставленныхъ, иногда черезчуръ рѣзкія; въ проповѣдяхъ позволялъ себѣ всенародно обличать начальствующихъ лицъ, называя ихъ прямо поименно, и, бывало, замѣтивъ среди слушающихъ лицо, поведеніе котораго имъ не одобрялось, обращался къ нему съ обличеніями. Вслѣдствіе этой крайней невосдержанности на языкъ, онъ нажилъ себѣ много враговъ, смѣщался съ одного мѣста на другое, и подь конецъ—изъ настоятеля петербургскаго Петропавловскаго крѣпостного собора попалъ рядовымъ священникомъ въ Исаакіевскій соборъ. Эти неудачи въ жизни такъ на него повліяли, что его наклонность къ вину превратилась въ страсть, и онъ умеръ въ одиночествѣ, всѣми забытый. О немъ рассказывали, какъ въ бытность его въ Парижѣ, плохо зная языкъ, онъ обратился въ аптеку съ просьбой отпустить ему *purge-toire* (чистилище), на что остроумный французъ отвѣтилъ, что зтемъ можетъ распорядиться только аббатъ. Оказалось, что Палисадову требуется *purge* (слабительное).

Кто въ наше время не зналъ почтеннаго Александра Ивановича Поповицкаго? Веселый, жизнерадостный, всегда смѣющійся, онъ имѣлъ слегка легкомысленный видъ и всюду съ собой вносилъ пріятное оживленіе. Его у насъ всѣ очень любили, это былъ другъ нашего дома. Молодымъ человѣкомъ онъ жилъ гувернеромъ у секретаря русскаго посольства въ Парижѣ князя Куракина и былъ нѣкоторое время псаломщикомъ при парижской церкви. Я его помню уже не первой молодости, сѣдоватаго, всегда въ красненькихъ галстукахъ. Онъ пріятно пѣлъ шансонетки подь аккомпанементъ рояля, на злобу дня, а иногда и собственнаго сочиненія, въ которыхъ особенно ѣдко попадало митрополиту Исидору, нелюбимому Поповицкимъ за придирки къ издававшемуся имъ журналу: платилъ штрафы и получалъ предостереженія.

Его журналъ «Современный Листокъ» издавался безъ предварительной цензуры, былъ весьма либеральнаго направленія, вполне совпадавшаго съ тогдашними взглядами духовенства, поэтому

журналь расходился въ большомъ количествѣ экземпляровъ и приносилъ издателю чистаго дохода 20.000 рубъ въ годъ! Особенно на шумѣла печатавшаяся въ немъ полемика между двумя противными лагерями священниковъ—ретроградовъ и либераловъ. Послѣдніе ратовали за необходимость стричь волосы и усы, носить скюртки, какъ за границей. Само собой, что, доказывая климатическую, санитарную и общественную необходимость этой странной претензіи, духовные отцы приводили въ доказательство одни и тѣ же тексты изъ Св. Писанія, подходившіе къ тому и другому лагерю!! Кромѣ того, священники требовали разрѣшенія посѣщать всѣ театры, чтобы имѣть возможность вліять на вкусъ публики (sic!), при этомъ находили невозможнымъ ходить на зрѣлища въ рясахъ. Почему? Если дѣло дурное, то и скюртку не поможетъ превратить его въ хорошее, и наоборотъ! Конечно, эта шумная полемика окончилась ничѣмъ, кромѣ неприятнаго чувства—неудовлетворительнаго духовнаго состоянія нашихъ батюшекъ. Александръ Ивановичъ все же, въ концѣ концовъ, такъ разлиберальничался, что его газету Синодъ закрылъ. Послѣ усиленныхъ хлопотъ ему было разрѣшено выпускать новую газету—«Церковно-Общественный Вѣстникъ», но съ предварительной цензурой; подписка поэтому сократилась на половину, чему немало способствовало и то, что петербургская духовная академія, въ свою очередь, стала также издавать свою духовную еженедѣльную газету и окончательно подорвала дѣло Поповицкаго. Газетку ему пришлось прекратить, и сталъ онъ издавать «Паломникъ», совершенно противоположнаго прежнему направленія. Потомъ Поповицкій свое изданіе продалъ издателю Сойкину и остался редакторомъ своего же журнала.

Старшій братъ моей матери, протоіерей Иванъ Еюимовичъ Флеровъ, священникъ крѣпостнаго Петропавловскаго собора, былъ человѣкъ несомнѣнно умный, но излишне болтливый, выдумывалъ анекдоты, надъ которыми самъ самодовольно смѣялся. Два разсказа были недурны. Везуть въ дешевой каретѣ невѣсту въ церковь. Какъ только на пути встрѣчается церковь, лошади останавливаются и никакими понуканіями нельзя заставить ихъ двинуться дальше. Сидѣвшій съ невѣстой въ каретѣ діаконъ догадался, въ чемъ дѣло, высунулся въ окно и пробасилъ: «и сотвори ей вѣчную память». При послѣднемъ словѣ лошади моментально двинулись, но очень медленно. Оказалось, что лошади—изъ бюро похоронныхъ процессій, а такъ какъ невѣсту везли въ дальній приходъ жениха, то «вѣчную память» пришлось ей возгласить пять разъ! Или: ѣдутъ на вечеръ въ каретѣ, дно послѣдней проваливается и сидѣвшія въ ней бѣгутъ по улицѣ въ каретѣ! Пока оставили лошадей, дѣвицы успѣли потерять свои бальныя туфли и оказались въ совершенно рваныхъ чулкахъ!

Черезъ три года послѣ нашего переселенія сюда, отецъ мой купилъ себѣ двухъ этажный деревянный домъ въ Гатчинѣ съ большимъ дворомъ и садомъ съ ягодами и сливами, и мы стали каждое лѣто переѣзжать на дачу въ Гатчину. Люди прежняго времени въ частной жизни отличались простотой и, несмотря на видное общественное положеніе, не напускали на себя неумѣстной важности; любили шутки, болтовню, непринужденное веселье. Мой отецъ и И. Л. Янышевъ, да и другіе, очень любили играть съ нами лѣтомъ въ крокетъ; въ партіи иногда участвовало до 10 человекъ. Нашъ дворъ былъ мощенъ булыжникомъ, а потому представлялъ много препятствій для правильного катанія шара, но это считалось еще интереснѣе; мы не стѣснялись отсылать шары нашихъ протоіереевъ въ конецъ большого двора, куда они за ними бѣгали. Бывало смѣшно, когда папаша или Янышевъ, чувствуя проигрышъ своей партіи, начинали слегка мошенничать, ихъ уличали, и все кончалось благодушнымъ смѣхомъ! Иванъ Леонтьевичъ въ то время былъ ректоромъ духовной академіи, профессоромъ нравственнаго богословія, былъ духовникомъ цесаревны Маріи Ѳеодоровны.

Въ 1868 г. мы познакомились со студентомъ петербургской духовной академіи Александромъ Аванасьевичемъ Автономовымъ. Когда онъ черезъ три года окончилъ курсъ магистрантомъ, мнѣ исполнилось 18 лѣтъ, и въ 1871 году состоялась моя свадьба съ нимъ. Мужъ мой вскорѣ получилъ мѣсто старшаго столоначальника въ кредитной канцеляріи министерства финансовъ, но чиновничья служба ему не нравилась, черезъ три года онъ принялъ санъ священника, и мы уѣхали въ Ниццу къ богачу Дервизу, гдѣ мой мужъ назначенъ былъ настоятелемъ его домовою церкви.

Сынокъ мой не перенесъ путешествія и умеръ на третій день по приѣздѣ въ Ниццу отъ дѣтской холеры.

XII.

Обстановка жизни Автономовыхъ за границей и П. Г. фонъ-Дервизъ.—Происхожденіе его состоянія.—Жизнь въ Ниццѣ и Лугано.—Возвращеніе Автономовыхъ въ Россію.—Болѣзнь и кончина о. I. В. Васильева въ 1881 г.

Фонъ-Дервизъ, Павелъ Григорьевичъ, отпуская своему причту 2.000 франковъ на наемъ квартиры на сезонъ сентябрь—май. За эти деньги мы съ псаломщикомъ нанимали прекрасную изъ 6 комнатъ квартиру, съ полной нарядной обстановкой и бѣльемъ; окна нашей квартиры выходили въ садъ, обсаженный чудными розами. Почти каждый вечеръ подъ окна приходили бродячіе пѣвцы, по два-три человекъ, и подъ аккомпанементъ оригинальныхъ мандолинъ задавали намъ вечерніе концерты. Новость ли на насъ вліяла, луна ли, или, быть можетъ, чудная, душистая,

теплая ночь, но мы, всѣ жильцы дома, высыпали на свои балконы и приходили въ восторгъ отъ пѣнія, правда, иногда прекраснаго, кричали: «bis!» и щедро одаряли артистовъ. Домъ нашъ весь былъ занятъ иностранцами, по преимуществу—англичанами. Мужъ мой сначала очень понравился Деврвизу, и послѣдній просилъ его давать своимъ тремъ дѣтямъ уроки Закона Божія и русскаго языка. У Деврвиза было два сына, Сергѣй и Павелъ, и дочь Варвара, умершая 17 лѣтъ. За уроки платилъ скредно—6 франковъ часъ (1 р. 50 к.). Деврвизъ, маленькаго роста, съ большой полусѣдой бородой, производилъ собою не особенно пріятное впечатлѣніе, благодаря своей излишней нервности: мигаль глазами, движенія—порывистыя, судорожныя. Человѣкъ былъ очень умный, просвѣщенный, но крайне тяжелаго, прямо невозможнаго характера! Капризный, взбалмошный; всѣ домашніе, не исключая жены, трепетали передъ нимъ! Онъ былъ прекрасный музыкантъ, игралъ съ такой душой, что, слушая его игру, нельзя было бы подумать, что артистъ—злой, безчувственный человѣкъ! Жена его, Варвара Николаевна, никакой роли въ семьѣ не играла; ее вполнѣ замѣняла въ этомъ графиня Келлеръ, крашенная, весьма умная особа, которая учила хозяйку дома свѣтскимъ пріемамъ, занимала и принимала гостей въ «дни» Варвары Николаевны. На этихъ «дняхъ» почти никого не было: русская колонія избѣгала знакомства съ ними, потому что чета Деврвизъ была совершенно лишена такта, они старались давить своимъ богатствомъ, пускать пылъ въ глаза. А потому у Деврвизовъ болѣе всего встрѣчались путешественники, осматривавшіе его богатое помѣстье итальянцы, французы и разнаго наименованія прихлебатели. Кто же былъ Деврвизъ? Небольшой чинъ министерства путей сообщенія въ желѣзнодорожномъ отдѣлѣ, онъ пользовался особой любовью и покровительствомъ своего министра Чевкина. То было время горячки желѣзнодорожнаго строительства, торжество концессионнаго начала. Въ министерство явился извѣстный богачъ Меккъ и, зная отношенія Деврвиза къ Чевкину, обратился къ нему съ просьбой поддержать его ходатайство на полученіе концессіи и узнать у министра, какой желѣзнодорожный путь является наивыгоднѣйшимъ къ эксплуатаціи, обѣщая молодому чиновнику золотыя горы за содѣйствіе. Чевкинъ показалъ своему любимцу тайную карту, на которой краснымъ карандашомъ очерченъ былъ Московско-Рязанскій трактъ, какъ транзитный путь, по которому возилъ хлѣбъ во внутреннія губерніи. Въ благодарность за доставленное свѣдѣніе Меккъ взялъ къ себѣ компаньономъ Деврвиза, хотя не имѣвшаго никакихъ средствъ, но близость котораго къ Чевкину стоила милліоновъ. На постройкѣ этой желѣзной дороги компаньоны нажили колоссальныя состоянія, тѣмъ болѣе, что Меккъ, вопреки закону, не пустилъ акціи въ продажу, а раздѣлил ихъ между своими помощниками. Говорили, что на долю Деврвиза

пришлось 30 милліоновъ. На видномъ мѣстѣ своего кабинета Павелъ Григорьевичъ повѣсилъ портретъ своего «благодѣтеля», какъ онъ называлъ Чевкина, увѣряя при этомъ, что министръ былъ честнѣйшимъ человѣкомъ; онъ ничего себѣ не нажилъ, а давалъ другимъ, что, несомнѣнно, является особымъ родомъ честности! Все, что я здѣсь рассказала, слышала отъ своего мужа, которому самъ Дервизъ все это говорилъ да и многое другое, что я, по общественнымъ условіямъ, не считаю удобнымъ предавать гласности. Женатъ Дервизъ былъ на дочери эконома гатчинскаго сиротскаго института, В. Н. Тиць. Отношеніе къ нему русскихъ очень раздражало Дервиза, ему едва кланялись, называли «рагвечи», такъ что онъ пересталъ ѣздить въ приходскую ниццскую церковь и сталъ хлопотать о разрѣшеніи имѣть свою домовую церковь. Эти хлопоты, благодаря моему отцу, увѣнчались успѣхомъ, хотя по нашимъ церковнымъ правиламъ не разрѣшается частнымъ лицамъ за границей, кромѣ очень высокопоставленныхъ, имѣть домашнія церкви въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ есть приходская православная; причина этой весьма разумной мѣры заключается въ томъ, что частное лицо по тѣмъ или инымъ соображеніямъ можетъ продать свой домъ инославному лицу, между тѣмъ— гдѣ стоялъ престоль, не полагается больше никогда уже быть жилью; это условіе рискуеть не быть соблюденнымъ. Такъ и случилось: когда Дервизъ умеръ, его семья переселилась въ Россію, ниццское имѣніе было куплено, кажется, англичанами, какъ юбилейный подарокъ королевѣ Викторіи, а во второмъ—въ Лугано—иностранцы устроили Sanatorium.

Сестра повела меня познакомиться съ В. Н. Дервизъ. Роскошь, которую я увидала, превзошла мои самыя смѣлыя ожиданія! Замокъ Вальрозъ стоялъ на довольно высокой горѣ, подниматься къ нему можно было чудной боковой аллеей или большой экипажной дорогой, идущей спиралью. Всѣ стѣны замка были покрыты ползучими бѣлыми и красными розами, а за замкомъ—оливковая роща; площадь передъ домомъ, съ роскошными пальмами, имѣла чудный видъ на Ниццу. Большіе пруды съ черными лебедями, по дорожкамъ сада ходили павлины. Весь паркъ изъ апельсинныхъ деревьевъ, цвѣтшихъ два раза въ годъ, которые распространяли чудный, прямо опьяняющій ароматъ! Апельсины росли очень крупныя, сладкія, но толстокожія, не такія сочныя, какъ мессинскія. Много ѣли мы ихъ; отъ тяжести плодовъ вѣтки пригибались, и много апельсиновъ лежало на травѣ. Вообще же плоды, растущіе въ Ниццѣ, нехороши, сухіе и жесткіе. Хороши были привозныя изъ Африки ананасы по 5 франковъ штука, очень крупныя. Само собой, что внутренняя обстановка замка вполнѣ соответствовала внѣшнему великолѣпію. Церковь помѣщалась въ нижнемъ этажѣ, была чудная по красотѣ, вся изъ темнаго рѣзнаго дуба. Это дерево рѣдко

и дорого въ Ниццѣ, именно по этой причинѣ и стѣны, и потолокъ были отдѣланы дубомъ подѣ стиль вывезеннаго изъ Россіи иконостаса. Утварь церковная, облаченія—прямо царскія. Въ церкви пѣлъ собственный прекрасный хоръ изъ 10 человѣкъ чеховъ, принадлежавшихъ къ парижскому пѣвческому обществу, подѣ управленіемъ Кучера (впослѣдствіи помощника капельмейстера Направника въ русской оперѣ). Громадная концертная бѣлая зала съ эстрадой на 50 чел. музыкантовъ. Оркестръ былъ смѣшанный, духовой и струнный; въ немъ участвовали замѣчательные солисты, и вообще эти концерты, два раза въ недѣлю, съ серьезной симфонической программой, привлекали массу публики даже изъ окрестностей Ниццы; бывали любители, пріѣзжавшіе изъ Парижа! Чудный былъ зимній садъ, и это въ такомъ климатѣ, какъ Ницца, гдѣ круглый годъ на воздухѣ растутъ розы! Елку Дервизъ дѣлалъ сногшибательную! На самой верхушкѣ славолубивый хозяинъ придѣлывалъ французское знамя съ надписью золотыми буквами: «20.000 франковъ на бѣдныхъ гор. Ниццы». Ужъ и ухаживали французы за меценатомъ, все же деньги не даромъ пропадали! Въ комнатахъ стѣны, мебель—обитыя парчей и вся обстановка—соотвѣтственная! Никогда больше, даже осматривая дворцы, я такой роскоши и богатства, какъ у Дервизовъ, не видала!..

Въ маѣ мѣсяцѣ мы переѣхали на лѣтнее пребываніе въ имѣніе Дервиза Тревано, близъ Лугано, въ итальянской Швейцаріи. Помѣстье находилось довольно далеко отъ города, подѣ гору, туда шли часъ, а оттуда—два. Природа въ тѣхъ мѣстахъ—чудная! Въ Тревано паркъ раскинулся на нѣсколькихъ десятинахъ; была особая теплица съ согрѣвающимся бассейномъ для водяного растенія Викторія Регія, розовые цвѣты которой достигаютъ феноменальныхъ размѣровъ и—на третій день увядаютъ. Вотъ для этихъ трехъ дней и тратилось много тысячъ! Въ концѣ парка—большая ферма, молоко не знали, куда дѣвать; это не мѣшало самому Дервизу назначить намъ плату по 10 су литръ. Также большой огородъ съ парниками, росли дыни и всякіе овощи; съ насъ также приноравливались брать за каждую морковь, плату; я нашла, что лучше мнѣ отдавать свои деньги бѣдной торговкѣ, чѣмъ богатому Дервизу, и все покупала въ городѣ, куда моя кухарка отправлялась ежедневно. Къ дому Дервиза въ глубинѣ парка вела широкая аллея, обсаженная рододендронами, и было обиліе бѣлой душистой акаціи, изъ цвѣтовъ которой тамъ дѣлаютъ вкусныя оладьи. Церковь вся изъ полированнаго оливковаго дерева. Надо замѣтить, что Дервизъ изъ тщеславія употреблялъ для своихъ церквей тотъ матеріалъ, который въ данной мѣстности не имѣлся и стоило дорого выписывать его. Утварь церковная вся отъ Овчинникова, серебряная и золотая съ эмалью. Выносное евангеліе было такой тяжести, что трудно бывало даже приподнять его и почти нельзя

было имъ пользоваться. Всей роскоши не опишешь: это единственная область, гдѣ за деньги все купишь; ну, и благо имѣющимъ!

Въ паркѣ Тревано была аллея, вся покрытая плетеной бесѣдкой, по которой вился виноградъ Изабелла; порядочно мы его тайно поѣдали! Вообще по склонамъ горъ были плантаціи винограда. У Дервиза его было громадное количество, изъ него выдѣлывали вино, винодѣльня помѣщалась подъ нашимъ домомъ, и мы ходили смотрѣть, какъ въ большіе чаны накладывали виноградъ, а рабочіе босикомъ топтали его ногами, выжимая такимъ способомъ изъ него сокъ. Вино выходило плохое, отдавалось прислугѣ.

18-го сентября у насъ родилась дочь Лидія, и черезъ двѣ недѣли мы выѣхали изъ Лугано на зимнее пребываніе въ Ниццу.

Я бы съ радостью поселилась на всю жизнь въ Ниццѣ, но моему мужу не нравился климатъ съ его довольно рѣзкими переходами отъ жары къ свѣжести; въ квартирѣ бывало свѣжо, когда на улицѣ случалось 2—3 градуса тепла, но у насъ была кафельная печь, которую топили оливковыми дровами. Мужъ мой не могъ равнодушно смотрѣть, какъ бросали въ печь красивыя оливковыя полѣнья, и все отбиралъ и пряталъ лучшія, къ великому изумленію прислуги, спрашивавшей: на что же нужна эта дрянь?! Не нравилось моему мужу, что нѣтъ зимы, а главное—сеledокъ; онѣ тамъ тогда были рѣдкостью. Левицкій выписалъ себѣ боченокъ и подѣлился съ нами. Чудное небо, ароматы цвѣтовъ, тепло—и сеledка!!! У русскаго человѣка чрезмѣрное вниманіе обращено на желудокъ и его отправленія, наша прозорливость приводила французовъ въ изумленіе. Когда я отправилась однажды купить ветчины, колбасникъ рѣзалъ ее очень тонкими ломтиками и при каждомъ спрашивалъ: «basta?» (довольно?). Я все говорила: «еще». Когда дошло до фунта (1 руб.), онъ почтительно спросилъ: «вѣрно, у васъ большой пріемъ?»—и счелъ за милую шутку, когда я сказала, что этотъ фунтъ на пять человѣкъ. Мужъ мой презиралъ живущихъ подъ нами французовъ за то, что они за завтракомъ съѣдали по тоненькому ломтику холодной баранины и запивали небольшой чашкой кофе съ молокомъ! На вопросъ, поставленный одному русскому, вернувшемуся изъ поѣздки за границу, какъ ему тамъ понравилось, послѣдовалъ отвѣтъ съ искреннимъ негодованіемъ: «Голодно»...

На третій годъ нашего пребыванія въ Ниццѣ отношенія моего мужа съ Дервизомъ такъ обострились, что взаимное положеніе стало невыносимымъ, и намъ пришлось въ іюль изъ Лугано вернуться въ Россію. Ъхали черезъ Вѣну, благополучно. Что за красота—австрійскій Тироль! Что ни поворотъ поѣзда—новыя чудеса природы; дико, жутко: съ одной стороны горы, съ другой—крутые обрывы, въ глубинѣ которыхъ подъ нами зеленыя долины съ деревеньками; желѣзная дорога спускается съ горы кругами, такъ что мы видѣли заранѣе тотъ путь, который пройдемъ, и тотъ туннель,

через который проѣдемъ. Даже порой страшно было смотрѣть на развертывающуюся передъ нами панораму.

Вѣна намъ не понравилась. А вотъ и Граница, первая селедка, снисходительная таможня, и мы вновь—въ Россіи и навсегда. Грустно было на душѣ отъ оборвавшейся такъ скоро симпатичной заграничной службы!

Послѣ большихъ хлопотъ моему отцу удалось пристроить мужа моего законоучителемъ и настоятелемъ церкви гатчинскаго сиротскаго института. Началась обычная въ Россіи обывательская жизнь.

Опустимъ занавѣсъ!...

Приблизительно за два года до своей смерти, вслѣдствіе переутомленія, отецъ мой захворалъ менингитомъ и совершенно оглохъ. Лечилъ папашу его большой другъ, С. П. Боткинъ. Графиня Шувалова пожелала прислать своего постоянного доктора, профессора Здекауера, для осмотра больного. Нѣмчура, пользовавшійся въ Петербургѣ большою славой искуснаго врача, весьма добросовѣстно и тупо-важно выстукалъ больного и счелъ нужнымъ почему-то прочитать длинную лекцію предстоящимъ у постели родственникамъ о человѣческомъ организмѣ съ указаніемъ топографіи органовъ, ихъ функцій, и заявилъ, что менингита у больного нѣтъ, есть серьезная болѣзнь ушей, требующая specialнаго осмотра. Когда пришелъ С. П. Боткинъ и прочиталъ оставленное ему Здекауеромъ письмо съ изложеніемъ его мнѣнія, онъ засмѣялся и сказалъ, что для него менингитъ—яшень, а что глухота происходитъ отъ головного процесса.

Несмотря на плохія предзнаменованія, отецъ мой поправился. Профессоръ Боткинъ, плотный, маленькаго роста, въ золотыхъ очкахъ, съ плохой растительностью на лицѣ, былъ очаровательнымъ человѣкомъ въ обращеніи съ пациентомъ и окружающими его лицами. Спокойный, веселый, а главное, несмотря на свое профессорство и міровую извѣстность, замѣчательно простой въ обхожденіи, онъ никого не пугалъ собой, и всѣ его очень любили и довѣряли ему беззавѣтно. Когда отецъ мой поправился, то Боткинъ самъ первый заявилъ, что никакого вознагражденія за свой трудъ не желаетъ и не возьметъ въ какомъ бы то ни было видѣ, что для него лучшая награда—выздоровленіе дорогого о. Іосифа. Отецъ попросилъ разрѣшенія поднести ему икону въ благодарную память. Боткинъ согласился съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы икона не имѣла никакой денежной цѣны, иначе не возьметъ! Пришлось подчиниться, и папаша подарилъ профессору маленькую икону безъ цѣны. Отецъ взялъ шестимѣсячный отпускъ послѣ болѣзни, уѣхалъ въ Италію, оттуда на нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижъ, послѣ чего вернулся къ своей любимой дѣятельности; но надо сказать, что послѣ менингита у него измѣнилось выраженіе лица

и ослабѣла память. Черезъ два года, 24-го декабря 1881 года, отца поразилъ мозговой ударъ; проболѣвъ три дня у меня на квартирѣ въ Гатчинѣ, онъ скончался 27-го декабря. Смерть его своей неожиданностью произвела ошеломляющее впечатлѣніе: онъ былъ еще полонъ силъ и энергіи, и было ему всего 61 годъ. Тѣло перевезли въ Александро-Невскую лавру, отпѣваніе совершали три митрополита, всѣ члены Св. Синода и сонмище духовенства. 35 лѣтъ о. Іосифъ Васильевъ вѣрой и правдой служилъ своему отечеству, но все проходитъ!.. Особенно скоро забываютъ различныхъ дѣятелей... Кто теперь помнитъ объ о. Іосифѣ Васильевичѣ?.. Радуюсь тому, что самъ отецъ поставилъ себѣ памятникъ, который изъ вѣка въ вѣкъ будетъ напоминать о немъ: это—парижская русская церковь, и что я еще въ силахъ была напомнить обществу о немъ. Вышла въ свѣтъ «Переписка» отца съ оберъ-прокурорами Св. Синода, изданіе Бродскаго: вотъ и все, что появилось объ отцѣ за 35-лѣтіе со дня его смерти, если не считать маленькой брошюры, изданной въ 80-хъ годахъ извѣстнымъ генераломъ Богдановичемъ. Что дѣла наши на землѣ! Какъ трава въ полѣ, попалило солнце—и исчезло! Сколько общественныхъ дѣятелей были обязаны о. Іосифу своей карьерой! Сколько слезъ онъ утеръ и сколько спасъ отъ бѣды и отчаянія!.. Читая «Переписку» отца, сердце невольно сжимается! Ему приходилось выклянчивать себѣ прибавку къ содержанию, 1.000 рублей въ годъ, чтобы сравняться съ окладомъ, получаемымъ лондонскимъ и берлинскимъ священниками! Ему приходилось изъ своихъ средствъ покрывать дефициты по изданію «L'Union Chretienne», имѣвшей такое важное церковное значеніе за границей, двѣ трети подписчиковъ были иностранцы, даже немало изъ католическаго духовенства, и наконецъ—получить пособіе 1.200 франковъ въ годъ на журналъ! Нѣтъ пророка въ отечествѣ своемъ! А сколько приходилось ему просить, убѣждать, хлопотать о постройкѣ церкви: дѣло тянулось съ 1849 по 1859 годъ!

Эти записки только слабо очертили свѣтлую личность, которой я имѣла счастье быть дочерью, и написаны въ благодарную память объ отцѣ моемъ.

Л. Автономова.

29-го іюля 1915 года.

СТРАШНЫЙ ДОМЪ.

Разсказъ изъ сѣверной старины.

I.

ИСТОРИЯ, извѣстная по полицейскому архиву подъ именемъ «дѣла о глумленіи нечистой силы въ домѣ купца Смородинова»¹⁾, имѣла мѣсто въ Вологдѣ, въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія..

Въ этомъ древнемъ городѣ нашего сѣвера окраинная мѣстность, протянувшаяся вдоль лѣваго берега Вологды и состоявшая изъ сѣти немощеныхъ, съ подгнившими деревянными тротуарами, глухихъ и кривыхъ улицъ и переулковъ, не оживленныхъ и скучныхъ, какъ бы дремлющихъ, въ какое бы время года вы ни заглянули сюда—весной или лѣтомъ, носитъ общее названіе Фрязинова, удержавшееся за ней съ времянь царствованія Іоанна Васильевича III, сына Василія Темнаго, когда Фрязинова считалась дворцовой слободой и отстояла отъ Вологды въ двухъ-трехъ верстахъ. Въ числѣ другихъ вотчинъ царь подарилъ эту слободу итальянцу Фрязину, принявшему православіе и вступившему въ русскую службу, по имени котораго она и получила свое названіе.

Фрязинъ, служившій въ посольскомъ приказѣ, только разъ, по своей инициативѣ, побывалъ въ пожалованной вотчинѣ, осмо-

¹⁾ Для развитія фабулы настоящаго разсказа матеріалами послужили не только указанное подлинное дѣло, но и преданія мѣстныхъ старожиловъ. А. Д.

трѣль ее, и она ему не понравилась. Впослѣдствіи, отправленный посломъ въ Римъ къ низложенному и изгнанному турками изъ своей имперіи византійскому царевичу Ѳомѣ Палеологу, Фрязинъ высваталъ Иоанну III въ жены дочь Палеолога Софью, но при этомъ проявилъ недопустимое для царскаго посла и свата двуличіе, выразившееся въ томъ, что онъ скрылъ отъ ухаживавшей за нимъ римской куріи свой переходъ въ православіе, а затѣмъ, давъ іезуитамъ недвусмысленное обѣщаніе поддерживать въ Московіи насажденіе католицизма, принялъ отъ нихъ взятки, за что и подвергся опалѣ и вскорѣ же послѣ царской свадьбы былъ въ оковахъ сосланъ въ Коломну, откуда его перевели въ Вологду, указавъ жить безвыѣздно въ Фрязиновѣ, гдѣ онъ и умеръ.

Въ эпоху Иоанна Васильевича IV Грознаго Фрязинова представляла крупный торговый центръ. Вологда тогда служила транзитнымъ пунктомъ для товарообмѣна Московіи съ западомъ черезъ Холмогоры и Архангельскъ, куда въ навигацію товары шли по рѣкамъ Вологдѣ, Сухонѣ и далѣе по Сѣверной Двинѣ въ Бѣлое море и обратно,—и въ Фрязиновѣ были сосредоточены товарные склады и конторы («дворы») русскихъ и иностранныхъ купцовъ, жили пристава, стрѣльцы, бояре, торговые гости—нѣмцы, англичане, голландцы, шведы, норвежцы,—и жизнь здѣсь кипѣла ключомъ.

Вотъ вкратцѣ историческое прошлое Фрязиновой, имѣющее отношеніе къ нашему разсказу.

Постепенно Фрязинова слилась съ городомъ (это сліяніе, по-видимому, произошло въ срединѣ XVIII столѣтія, такъ какъ имѣются лубочныя картинки 1780 года, на которыхъ Фрязинова изображена слитно съ городомъ), а въ 20-хъ годахъ изъ шумной торговой слободы, какой была въ эпоху Грознаго, превратилась въ обыкновенную глухую окраину губернскаго города съ специфическимъ мѣщанскимъ колоритомъ, съ старинными домами, обширными садами и огородами; отъ прежней торговой славы сохранились лишь древній храмъ, не разъ реставрированный, да пустыри съ руинами тоже древнихъ, когда-то стоявшихъ здѣсь боярскихъ хоромъ.

Одинъ изъ такихъ пустырей на краю Фрязиновой, у самаго поля облюбовалъ купецъ Николай Петровичъ Смородиновъ и вмѣстѣ съ руинами пригорговалъ по четвертаку за квадратную сажень. Пустырь упирался въ обрывистый берегъ рѣки, и съ обрыва, какъ въ панорамѣ, развертывались роскошные виды на городъ, окрестныя селенья, поля, лѣса и рѣчныя серебристыя дали, особенно въ вѣшнее половодье, когда затоплялись луга праваго берега,

Прельщенный живописнымъ видомъ мѣстности, Смородиновъ пожелалъ построить здѣсь домъ.

— Глухое мѣсто-то выбралъ, Николай Петровичъ,—говорили ему знакомые и родня.—И въ отдаленности, и на пустописьѣ.

— Хоть и глухое, да красивое,—отвѣчалъ Смородиновъ, улыбаясь въ густую окладистую бороду.—А что глухо, такъ мы, чай, тоже не безъ опаски живемъ: псы-то у насъ зубасты... А ежели и въ отдаленности, такъ кони-то на что? Не на поглядѣнье ихъ держимъ.

Купленные Смородиновымъ руины представляли не то остатки жилого дома, не то—тюрьмы; вообще трудно было сказать, чѣмъ могло быть зданіе прежде и кто былъ его первоначальный строитель, тѣмъ болѣе, что крыша, балки, стропила, полы, накатъ, рамы,—все давно было или разрушено безпощаднымъ временемъ, или же порастаскано мѣстными жителями, причемъ даже не уцѣлѣли и желѣзныя рѣшетки, отъ которыхъ въ окнахъ торчали обрубленные, глубоко заложеныя въ стѣны концы; остались лишь однѣ голыя, потемнѣвшія отъ времени стѣны толщиной въ два съ половиною аршина, спускавшіяся глубоко землю, съ которыми фрязиновскіе хищники ничего не могли подѣлать и только слегка поразобрали въ нихъ сверху кирпичи, отчего онѣ приняли такой видъ, какъ будто кто-то долго-долго грызъ ихъ острыми, желѣзными зубами, но не могъ одолѣть и бросилъ.

Руины, окруженныя вѣковыми липами, издали напоминали разрушенный и заброшенный кладбищенскій мавзолей. Въ лунныя ночи, когда по стѣнамъ скользили тѣни, бросаемаыя деревьями, или осенью, когда въ ихъ щеляхъ жалобно завывалъ вѣтеръ,—руины выглядѣли совсѣмъ нехорошо, и мѣстные жители, исполненные суевѣрнаго ужаса, обходили ихъ за версту кругомъ. Рассказывали, что по ночамъ въ стѣнахъ кто-то стонетъ, плачетъ, находились люди, которые утверждали, что они собственными глазами видѣли человѣка, ходившаго по развалинамъ въ глухую полночь.

Впрочемъ, объ этихъ слухахъ было извѣстно и Смородинову: его предупреждали, а молодая жена, Дарья Никитична, съ которой онъ жилъ всего третій годъ, положительно не давала ему покою.

— Также нашель мѣсто строиться!—ворчала она.—Ты хоть бы послушалъ, что добрые-то люди говорятъ... страсть и сказать!

— Пустое!—возразилъ онъ, стараясь успокоить жену.—Бабы сплетни... больше ничего и быть не можетъ. Позовемъ отца Акинфа, отслужимъ молебенъ—и дѣло свято... чего еще? А этой чепухѣ, пожалуйста, Даша, не вѣрь.

Николай Петровичъ въ купеческой средѣ считался «новымъ», образованнымъ человѣкомъ, и ни чертей, ни разныхъ тамъ предразсудковъ, въ какіе въ то время вѣрили въ купеческихъ семьяхъ, совсѣмъ не допускалъ и, что называется, въ грошъ ихъ не ста-

виль; но Дарья Никитична, вышедшая изъ «крѣпкой» старорукуческой семьи, гдѣ жили еще чуть ли не по «Домострою», не раздѣляла вольнодумныхъ взглядовъ мужа.

— Какъ не вѣрить? не понимаю...—загорячилась она.—Ты самъ посуди: люди насъ съ тобой, я думаю, не глупѣе, а вѣрятъ. Вотъ ты позовешь протопопа, будешь святить закладку, а отъ кого?—отъ нечисти.

— Молебствованіе особъ статья. Такъ ужъ оно заведено изстари. Всякое дѣло велѣно начинать съ молитвой.

Разумѣется, дѣло женское: развѣ сговоришь съ «самимъ»?

Смородиновъ разобралъ стѣны, вычистилъ кирпичъ, приготовилъ его въ кладку для новаго дома; подошло время бутить, т. е. выводить бутъ подъ фундаментъ, который еще не былъ выломанъ.

— А бутить не надо,—посоветовалъ подрядчикъ.—Бутъ старый крѣпокъ, незачѣмъ его и тревожить. Фундаментъ только оправимъ, да по старому буту и выведемъ новыя стѣны. Такъ оно и по плану, и по масштабу выходитъ въ самый акурать. Крѣпче крѣпкаго будетъ.

Такъ и положили: ставить новый домъ на старый бутъ, линіи котораго вполнѣ совпадали съ планомъ постройки.

— А какъ же быть съ подваломъ?—спросилъ Смородиновъ.—Надо бы открыть его...

— Прежде надо ходъ отыскать,—отвѣтилъ подрядчикъ.— Ходу-то въ него, вишь, нѣту...

Подвалъ шелъ подо всѣмъ домомъ и даже подъ частью двора, прикрытый толстыми каменными сводами; по своду стучали молотками, ломами,—явственно слышался гулъ, какой могъ исходить только изъ пустого пространства; но входа въ него, сколько ни бились, найти не могли.

— Какъ же въ него ходили-то?—удивлялся Николай Петровичъ.—Долженъ же быть ходъ...

— А ужъ какъ ходили—извѣстно прежнимъ хозяевамъ да Богу,—уклончиво отвѣтилъ подрядчикъ.—Видно, не простые люди были... спрятали ходъ-то. Я такъ мекаю, что потайной ходъ былъ... можетъ быть, гдѣ-нибудь тутъ, на дворѣ, а, быть можетъ, и въ другомъ мѣстѣ... Да, съ мозгами люди были... попробуй, отыщи его,—не шутка!

— Что жъ дѣлать?

— Да ломать надоть... сводъ пробивать.

Сводъ оказался толщиною въ сажень, съ толстенными желѣзными связями, проходившими, какъ корни огромнаго дерева, по всѣмъ направлѣніямъ, и каменщики пробивали, пробивали его, насилу пробили. Въ образовавшуюся пробоину спустили веревку съ гирей. Гиря глухо ударилась и сѣла на полу подземелья. Смѣрили веревку: отъ крыши свода до полу—пять аршинъ безъ вершка.

«истор. вѣстн.», ноябрь 1916 г., т. сxlvi.

— Низковато,—покачалъ головой подрядчикъ. — Свободнаго мѣста промежь своду и полу выходитъ всего пятнадцать верховъ. Гм... Ежели спустимся—надо ползкомъ ползти.

— Спускай, что ли,—предложилъ Смородиновъ:—надо же осмотрѣть,—что за подваль...

— Годи малость!—сурово остановилъ его подрядчикъ.—Пусть немного пообвѣтрѣеть, гнилой воздухъ наружу повытянеть. А то этакъ же было... спустили мы лонисъ ¹⁾ парня въ яму, когда въ Устюгѣ работали, а онь возьми да и задохнись. Н-да... такъ мертвякомъ и вытащили.

Скважину въ сводѣ разворотили въширь и вдоль на четыре квадратныхъ аршина, а кругомъ ея, чтобы изъ подвала лучше тяга была, разложили костеръ, который горѣлъ день и ночь, и лишь на вторыя сутки спустили въ подваль двухъ каменщиковъ.

На сводахъ собралась вся артель.

— Ну, что, молодцы?—окликнулъ ихъ Смородиновъ, лежа на животѣ и просунувъ голову въ скважину.—Стали на ноги?

— Стали.

— Видать что, ай нѣтъ?

— Ничего не видать. Духъ тяжелой... дышать трудно...

— Пройди скрозь!—громовымъ голосомъ крикнулъ имъ подрядчикъ. И со смѣхомъ прибавилъ:— Да смотри, паря, хорошенько свѣти фонаремъ: нѣтъ ли кладу!

Смородиновъ и подрядчикъ затихли, осторожно прислушиваясь къ неясному шороху, долетавшему снизу изъ темной дыры, гдѣ копошились рабочіе.

Не прошло и пяти минутъ, какъ изъ подвала раздались отчаянные крики:

— Осподи Сусе! Ра-туй-те!

— Ой, ба-атюш-кии, свѣ-тты!

— Та-ашши-тте, ради Истин-на-го!

Обоихъ рабочихъ немедленно подняли воротомъ.

На нихъ лица не было оба: дрожали, какъ въ лихорадкѣ. Бросая кругомъ испуганные взгляды, они рассказали, что нашли въ подвалѣ прикованные на цѣпяхъ человѣческіе костяки (скелеты).

— У одного костяка цѣпь кругъ бедра окована, а у другихъ— и по рукамъ, и по ногамъ цѣпи...

— Много ихъ... и всё въ цѣпяхъ.

Смородиновъ струхнулъ: какъ никакъ, а дѣло плохо; пожалуй, хоть вовсе отступайся отъ земли, да и отъ постройки... Ну, какъ тутъ жить, въ такомъ домѣ, когда подъ нимъ костяки на цѣпяхъ сидятъ? Кто они? и что тамъ было, въ этомъ подвалѣ?.. Конечно, когда подъ домомъ кладбище, это, можно сказать, пропащее

¹⁾ Лонисъ (мѣстное нарѣчіе)—въ прошлое лѣто, въ прошлый годъ.

дѣло: хотъ завязывай глаза и бѣги; но вѣдь костяки можно удалить, похоронить, а ежели умненько сдѣлать, то объ этомъ никто и знать не будетъ.

Но когда онъ заговорилъ по этому поводу съ подрядчикомъ, хитрый костромичъ отъ него—и руками, и ногами: и слушать не хочетъ.

— Помилуй!—возмутился подрядчикъ:—да развѣ это такое дѣло, чтобы его, скажемъ, можно такъ просто устроить? Вѣдь не дрова березовыя, а костяки... Господь ихъ вѣдаетъ—чьи они... А отвѣтъ за нихъ держи... Тронь-ка ты ихъ, такъ приказные и тебя, и меня—обоихъ затаскаютъ по судамъ. Первымъ дѣломъ спросятъ: какъ вы смѣли трогать упокойниковъ безъ разрѣшенія начальства, а? Ну-ка, поговори съ ними, коли гораздъ. Ощиплютъ, какъ рябчика... безъ рубахи уйдешь отъ нихъ... Нѣтъ ужъ, хотъ озолоти, а на такое дѣло я не согласенъ.

Смородиновъ, конечно, раскусилъ, куда онъ гнулъ,—дѣло извѣстное: надо было раскошелиться, «подмазать колеса».

Накинулъ онъ подрядчику сверхъ ряды сотню рублей, да артели поставилъ пять ведеръ водки,—и все устроилось, какъ по писаному.

Каменщики, разбившись на очереди, по пяти человѣкъ, спустились въ подвалъ, расклепали цѣпи, собрали и вытащили костяки изъ подвала, ночью отвезли ихъ по рѣкѣ верстъ за пять ниже Фрязинова и безъ отпѣванія (изъ опасенія тѣхъ же приказныхъ) спустили въ воду.

И только послѣ этого Николай Петровичъ вздохнулъ свободнѣе...

О страшной находкѣ отъ жены онъ утаилъ, а подрядчику и рабочимъ крѣпко-накрѣпко наказалъ, чтобы никому не болтали, и постройка пошла своимъ чередомъ.

Нужно еще сказать, что входа въ подвалъ такъ и не нашли, а пробитое въ сводахъ отверстіе заложили кирпичами.

II.

Въ старые годы купеческіе дома строились не такъ слѣшно, какъ нынѣ: старались, чтобы домъ былъ настоящій, прочный, чтобы его хватило на долгіе вѣки—и внукамъ, и правнукамъ, и болѣе отдаленнымъ поколѣніямъ; а на слѣшность постройки, какъ и на красоту стилия не очень-то обращали вниманіе. Дома, правда, выходили не очень казистые, но на рѣдкость крѣпкіе, не такіе, какъ нынѣшніе: не успѣютъ его выстроить, а онъ, глядя, ужъ и валится на бокъ.

Смородиновскій домъ, по нынѣшней скороспѣлой стройкѣ, можно было бы выстроить въ одно лѣто, а онъ поспѣлъ лишь вчернѣ

черезъ два года, да на отдѣлку да на просушку ушло съ годъ времени, и только черезъ три года перешелъ въ него хозяинъ на житье.

Отслужили, по обычаю, молебень, справили шумное новоселье, попирали еще похмельную недѣлку и зажили на славу, ожидая впереди жить еще лучше.

Дѣла Смородинова и въ самомъ дѣлѣ шли блестяще: торговалъ онъ мукой и хлѣбными товарами очень бойко, съ хорошей прибылью; съ женой жили дружно, душа въ душу, и растили дѣтокъ; вообще смородиновская семья считалась въ городѣ примѣрной, тихой семьей, «очесливой», какъ въ то время выражались въ старинныхъ купеческихъ семьяхъ.

Но, говорятъ, бѣда не по міру ходить, а по людямъ; пришла она—и совершенно неожиданно—и въ семью Смородиновыхъ.

Случилось это дня за три до зимняго Николая.

Быль ясный морозный, тихій вечеръ. Тишина изрѣдка нарушалась лаемъ собакъ, да торопливыми шагами рѣдкихъ прохожихъ, спасавшихся отъ сорокаградуснаго мороза. Глубокій снѣгъ лежалъ по всей Фрязиновой чистой, пушистой пеленой, сверкавшей алмазами. На небѣ горѣли мириады звѣздъ.

Въ народѣ существуетъ повѣрье, что въ такіе ясные и тихіе вечера ходитъ по Руси на своей недѣлѣ святой угодникъ Божій Никола, постукиваетъ подождкомъ ¹⁾ и куетъ по рѣкамъ и озерамъ ледяные мосты.

Николай Петровичъ обыкновенно приѣзжалъ домой изъ лавки по зимамъ въ половинѣ седьмого, а лѣтомъ—въ семь, такъ какъ мучные торговцы запирались раньше другихъ; но въ этотъ вечеръ онъ приѣхалъ домой нѣсколько раньше обыкновеннаго времени.

— А что, Даша, не заѣзжалъ господинъ?

— Никто не былъ,—отвѣтила Дарья Никитична.—Какой господинъ?

— Да я и самъ не знаю... заходилъ въ лавку, а меня не было... Обѣщалъ вечеромъ заѣхать. Сказывали молодцы: чудной какой-то... одѣтъ въ бархатный кафтанъ съ позументомъ, съ боку сабля болтается, а за поясомъ—пистолеты... Актеръ не актеръ, а шутъ его знаетъ—кто онъ такой... Изъ себя, говорятъ, важный... и пожилой ужъ... Пробовали было допытываться по лавкамъ, не знаетъ ли кто? Да нѣтъ... «Не знаемъ,—говорятъ—и не видали никогда». Видно, приѣзжій...

— Ужъ же мазурикъ ли?—всполошилась Дарья Никитишна.—Храни Богъ!

— Ну, какой мазурикъ!—разсмѣялся Николай Петровичъ.—Не похоже...

¹⁾ Подождокъ—палка, съ которой ходятъ странники.

Потолковали; долго просидѣли за чаемъ, поджидая посуленого гостя, но такъ и не дождались, поужинали и легли спать.

Дарья Никитична скоро заснула и спала, какъ убитая. Но Николаю Петровичу не спалось; онъ ворочался съ боку на бокъ, зѣвалъ, кряхтѣлъ, стараясь думать о своемъ дѣтствѣ, такъ какъ подъ вліяніемъ этихъ сладкихъ воспоминаній, бѣжавшихъ въ его мозгу весело и привольно, какъ рѣка въ зеленыхъ берегахъ, онъ всегда скоро засыпалъ; но воспоминанія дѣтства разсѣивались, уступая мѣсто самымъ скучнымъ предметамъ, о которыхъ не хотѣлось думать.

Въ домѣ стояла жуткая тишина зимней ночи, заглядывавшей въ заузоренныя морозомъ окна бѣлесыми, мертвыми очами; было слышно, какъ въ столовой тикалъ маятникъ стѣнныхъ часовъ.

Часы съ хрипомъ и шипомъ медленно пробили полночь.

«Двѣнадцать», тоскливо прошепталъ Николай Петровичъ. А завтра надо въ пять вставать, отпирать лавку... Въ это время онъ всегда спалъ завиднымъ сномъ здороваго человѣка, досыта наработавшагося за день; но въ эту ночь что-то мѣшало, не давало возможности заснуть, и это удивило, даже испугало.

Онъ уже подумывалъ, не разбудить ли жену,—такъ скучно бодрствовать одному въ этой мертвящей тишинѣ,—какъ вдругъ услышалъ глухой стукъ какъ бы отворяемой двери, исходившій изъ прихожей. Онъ приподнялся, сѣлъ на постели и насторожился. Не было сомнѣнія: въ домъ кто-то вошелъ. «Воры... Но почему же не лаютъ собаки? Не потревожить ли молодцовъ?»

Въ «молодцовской»—такъ назывался флигель на дворѣ, въ которомъ жили приказчики, ихъ подручные мальчишки,—помѣщался сигнальный звонокъ, отъ котораго проволока была проведена въ спальню; конецъ проволоки съ ручкой висѣлъ надъ кроватью. Стоить только дернуть за ручку—и молодцы сейчасъ же прибѣгутъ на помощь хозяину. Хотя въ тѣ времена въ Вологдѣ было «тихо», но, случалось, когда «пошаливали»—грабили и рѣзали людей даже въ домахъ, и мѣра предосторожности, принятая Смородиновымъ на случай нападенія разбойниковъ, была не лишней, въ особенности для такого глухого мѣста, какъ Фрязинова.

Черезъ сосѣднюю комнату, служившую конторой и кабинетомъ, кто-то шелъ, направляясь прямо въ спальню, и шелъ не крадучись, не такъ, какъ ходятъ громилы, а свободно, какъ гость или свой человѣкъ, который увѣренъ, что тутъ нечего стѣсняться, хотя бы и ночью. Явственно было слышно легкое постукиваніе каблучковъ и металлическое бряцанье. «Саблей звенить, кабыть военный,—съ удивленіемъ подумалъ Смородинъ.—Господи, помилуй!» Дверь тихо распахнулась.

Николай Петровичъ взглянулъ и—весь обомлѣлъ отъ ужаса, и о ручкѣ отъ звонка забылъ.

На порогѣ спальни стоялъ точь-въ-точь тотъ самый господинъ, который, по описанію молодцевъ, былъ въ лавкѣ; въ томъ же кафтанѣ и съ тѣмъ же оружіемъ, въ высокой собольей шапкѣ съ краснымъ, какъ огонь, бархатнымъ шлыкомъ и въ желтыхъ сафьянныхъ сапогахъ, расшитыхъ шелкомъ и жемчугами. Свѣтъ отъ лампы падалъ на его лицо... Онъ, какъ и рассказывали молодцы, былъ уже человѣкъ пожилой и важный. Черные, перевитые серебряными нитями усы спускались, по-польски или ко-казацки, книзу, къ гладко выбритому подбородку и придавали ему видъ лихого рубаки; каріе глаза смотрѣли изъ-подъ нахмуренныхъ густыхъ бровей твердо и прямо, упорно сверля трепещущую фигуру Николая Петровича.

Незнакомецъ поднялъ руку, погрозилъ ему указательнымъ перстомъ и, бормоча какія-то непонятныя слова, исчезъ изъ глазъ, словно растаявъ въ теплой атмосферѣ спальни.

Все это произошло чрезвычайно быстро, можно сказать—въ одно мгновеніе.

Николай Петровичъ съ безумнымъ крикомъ замертво повалился на постель, разбудивъ и страшно перепугавъ Дарью Никитичну.

Когда онъ очнулся, то сказалъ женѣ, что ему «показалось, будто кто-то вошелъ въ спальню», и онъ такъ испугался, что совершенно не помнитъ, было ли это видѣніе во снѣ, или на яву.

Чтобы не пугать, не разстраивать жены, не нанести на свой домъ нехорошей славы, онъ и тутъ ни однимъ словомъ не обмолвился ни о визитѣ таинственнаго незнакомца, ни о костякахъ, найденныхъ въ подвалѣ и спущенныхъ въ рѣку.

Однако потрясеніе было такъ сильно, что крѣпкій организмъ Николая Петровича не выдержалъ его: онъ слегъ и съ недѣлю провалялся въ постели. Его вспрыскивали и поили крещенской водой; привозили къ нему изъ села Кубенскаго знахарку, которая отчитывала больного отъ «дурного глаза»; въ домѣ отслужили молебенъ и окропили святой водой всѣ комнаты, всѣ углы; а затѣмъ супруги съѣздили въ Кіевъ и помолились печерскимъ угодникамъ.

Послѣ этого привидѣніе больше не появлялось, хотя Николай Петровичъ ни на одинъ день не забывалъ о немъ.

III.

Прошелъ годъ. Опять стояли суровые никольскіе морозы, и святитель, постукивая подошгомъ, въ образѣ старичка-странника ходилъ вдоль и поперекъ святой Руси и коваль-строилъ ледяные мосты.

Недалеко отъ Фрязиновой, за городомъ, въ мѣстности, лежащей параллельно архангельскому тракту, находился ипподромъ, от-

веденный городомъ для купеческаго общества. Купцы пользовались имъ исключительно въ зимній сезонъ, въ праздничные и воскресные дни. Никакихъ рекламъ о бѣгахъ, какія лошади побѣгутъ и на какую дистанцію, какъ практикуется нынѣ, тогда и въ поминѣ не было; не было также и заранѣе установленныхъ призовъ; но, случалось, хотя и очень рѣдко, иногда купцы «бились объ закладъ», т. е. ставили пари небольшія—въ пять-десять рублей, а то просто—угощенье въ трактирѣ. Вообще купцы съѣзжались на бѣга не для денежнаго азарта, не для «интереса», а для удовольствія, чтобы «провести время», себя показать и другихъ посмотреть.

Николай Петровичъ еще по веснѣ купилъ рысака и усердно посѣщалъ ипподромъ. «Безцѣнный», чистокровный орловецъ, за котораго онъ заплатилъ пятьсотъ рублей, деньги по-тогдашнему времени большія, вполне оправдывалъ свою кличку: онъ обгонялъ лучшихъ рысаковъ, былъ въ ходу необыкновенно красивъ, а въ обращеніи съ хозяиномъ ли, съ кучеромъ ли—ласковъ и покорень; на кличку онъ отвѣчалъ ржаньемъ и бѣгалъ за хозяиномъ по двору, какъ собака.

Обо всѣхъ этихъ статьяхъ коня Смородиновъ впоследствии, между прочимъ, рассказывалъ на официальномъ слѣдствіи.

Онъ такъ пристрастился къ бѣгамъ, что въ праздники или воскресенья послѣ обѣдни, заѣхавъ изъ церкви на минутку домой, чтобы вышить на скорую руку рюмку анисовой водки и перехватить кусокъ румяной кулебяки, приказывалъ закладывать «Безцѣннаго» въ бѣговыя санки, садился рядомъ съ кучеромъ и соколомъ мчался на кругъ. Здѣсь онъ отпускалъ кучера, а самъ, пока на небѣ не загорались звѣзды, вихремъ носился по кругу, обгоняя заводскихъ коней и вздымая тучи морозно-алмазно-снѣжной пыли. Къ сумеркамъ, когда кругъ мало-по-малу начиналъ рѣдѣть, Николай Петровичъ, радостно возбужденный, съ пылающимъ лицомъ, горячо дыша всей грудью, садилъ съ собой рядомъ кучера, шагомъ отъѣзжалъ къ дому и, уже въѣхавъ въ городъ, пускалъ «Безцѣннаго» полной рысью.

Такъ было и въ это воскресенье.

Смеркалось, когда Смородиновъ, крѣпко натягивая вожжи, подъѣзжалъ къ Фрязиновой.

Недалеко отъ его дома дорога, шедшая по берегу рѣки, круто загибала и крайемъ вплотную подходила къ обрыву, огражденному деревянной, избитой экипажами тумбочкой, чтобы проѣзжавшіе здѣсь сами не сорвались на раскатѣ и не опрокинулись въ рѣку. Это мѣсто онъ всегда отъѣзжалъ шагомъ и уже приготовился сдержатъ бѣгъ горячаго рысака, какъ вдругъ, почти у самаго раската, словно изъ земли выросъ, появился страшный незнакомецъ въ бархатномъ кафтанѣ съ позументомъ и въ собольей шапкѣ

съ краснымъ, какъ огонь, бархатнымъ шлыкомъ. Онъ поднялъ руки, загораживая дорогу коню, и гикнулъ. Смородиновъ, выпустивъ вожжи, закричалъ дикимъ, не своимъ голосомъ, рысакъ захрапѣлъ и шарахнулся съ обрыва прямо въ рѣку, увлекая за собой въ бездну и сѣдоковъ, которые на лету вывалились изъ саней и, лишь благодаря глубокому и мягкому снѣжному покрову, отдѣлались при паденіи легкими ушибами; затѣмъ, вдребезги разбивъ сани, въ одиѣхъ измочаленныхъ оглобляхъ, сорванныхъ съ завертокъ, въ порванной сбруѣ, рысакъ ушелъ по рѣкѣ верстъ за десять отъ города за село Турундаево, гдѣ его и нашли уже на другой день, на льду. Онъ дрожалъ и такъ одичалъ, что никого не подпускалъ къ себѣ близко, кусался и билъ задними ногами; четверо мужиковъ съ большимъ трудомъ овладѣли «Безцѣннымъ», накинувъ на него арканъ, на которомъ и привели его на хозяйскую конюшню.

Смородиновъ, потерявшій сознание не столько отъ паденія съ высокаго обрыва, сколько отъ страха, лежалъ пластомъ.

Когда онъ пришелъ въ себя и увидѣлъ у постели жену, то первымъ его словомъ былъ тревожный вопросъ.

— Все ли благополучно въ домѣ?

— Все, слава Богу, благополучно,—отвѣтила жена.—Вотъ только съ тобой бѣда... А что?

— Да, такъ... Вотъ что: собирайся-ка, да пойдѣмъ къ тестю.

— Къ батюшкѣ? Зачѣмъ?—спросила изумленная Дарья Никитична.—Что ты, Богъ съ тобой, куда ты пойдѣшь... весь избитый?..

— Да боюсь я, кабы онъ опять не пришелъ ночью,—тихо и загадочно молвилъ Николай Петровичъ, обливаясь холоднымъ потомъ.—Дѣтокъ не повредилъ бы...

Онъ думалъ о привидѣніи.

Нужно замѣтить, что съ момента перваго появленія призрака въ полночь истекалъ ровно годъ.

Дарья Никитична слушала мужа съ нескрываемымъ испугомъ.

— Да кто же это онъ-то?—робко спросила она, подумавъ:—ужь не бредить ли онъ?

И вотъ тутъ-то Николай Петровичъ впервые посвятилъ ее въ страшную тайну дома и, уже ничего не утаивая отъ нея, рассказывалъ и о костякахъ, и о томъ, какъ ихъ безъ молитвы спустили въ рѣку, и какъ ночью приходилъ въ спальню тотъ незнакомецъ, который освѣдомился о немъ въ лавкѣ у молодцовъ, и, наконецъ, какъ онъ, неожиданно появившись на дорогѣ, вспугнулъ коня.

— Истинно, чудомъ спаслись,—замѣтилъ Николай Петровичъ.—А вѣрная смерть,—если бъ ударились объ ледъ или сани.

IV.

Въ эту же ночь на семейномъ совѣтѣ у тестя, куда перебрались Смородиновы, оставивъ домъ при обитателяхъ молодцовской, было рѣшено подыскать покупателя на домъ или сдать его внаймы, а во избѣжаніе толковъ, почему Смородиновы бросили домъ и переѣхали къ тестю, распустили слухъ, что въ домѣ сѣли наматы и полы, и надо ихъ ремонтировать, а также оклеить стѣны новыми шпалерами (обоями). Все это и въ самомъ дѣлѣ могло показаться правдоподобнымъ, тѣмъ болѣе, что о появленіи въ смородиновскомъ домѣ призрака въ городѣ, повидимому, никто не зналъ; не видалъ его на обрывѣ и кучеръ, что очень удивляло Николая Петровича.

— Когда мы подъѣзжали къ обрыву,—разсказывалъ кучеръ:— «Безцѣнный» взвился на дыбы, словно испугался чего... мы и мигнуть не успѣли, какъ онъ сорвался въ рѣку. Чего испугался,—Богъ знаетъ... Ну, хоть бы встрѣча какая была, что ли, а то и встрѣчи никакой не было... и конь смиренный... Знать, что-нибудь попричилось...

Впослѣдствіи то же самое онъ показалъ и на официальном допросѣ.

Но событія развертывались съ поразительной быстротой, и Смородиновъ былъ не въ силахъ предупредить ихъ.

Въ полночь сторожъ церкви св. Андрея Первозваннаго въ Фрязиновой, отбивая часы, услышалъ вопли и крики о помощи, а затѣмъ увидѣлъ людей, бѣжавшихъ по снѣгу босыми, въ одномъ ночномъ бѣльѣ, безъ шапокъ.

На окрикъ сторожа люди остановились и оказались служащими Смородинова, Крыловымъ и Бородинымъ..

Слѣдомъ за ними, взывая о помощи, бѣжали и остальные обитатели молодцовской: старшій приказчикъ, двое подручныхъ и два мальчика-подростка,—всѣ разутые и раздѣтые.

Видъ ихъ былъ ужасенъ; на троихъ рубахи были порваны, а тѣло покрыто синяками.

— Кто жъ васъ изобидѣлъ?—допытывался сторожъ, пріютившій бѣглецовъ, чтобы они не «застыли» на морозѣ, въ своей сторожкѣ.

— А невѣдомо кто,—отвѣчали бѣглецы, не успѣвшіе еще оправиться отъ страху.

— А только не человѣкъ... кабы человѣкъ былъ,—не побѣжали бы отъ него столько людей...

Первоначальныя показанія, данныя потерпѣвшими кварталному Сѣдунову, рисуютъ такую картину нападенія.

Молодцовскій флигель, примыкавшій къ дому и соединявшійся съ нимъ крытымъ переходомъ, состоялъ изъ трехъ комнатъ, кухни

и сѣней съ чуланомъ. Въ одной комнатѣ спалъ старшій приказчикъ Демичевъ, вдовый старикъ, въ другой—два холостыхъ приказчика, а въ третьей—двое подручныхъ и мальчики; въ кухнѣ спала на печи стряпка. Ложились рано: въ девять часовъ молодцовская уже спала, а двери въ сѣняхъ и на переходѣ запирали на засовы.

Въ эту ночь легли около девяти, но никому не спалось: долго говорили и терялись въ догадкахъ, почему уѣхали изъ дому хозяева; а потомъ, хотя и замолкли, но не спали. Демичеву показалось, что къ его кровати кто-то подошелъ; онъ хотѣлъ спросить: кто тутъ?—потому что въ комнатѣ было темно,—какъ его схватили, «какъ перышко», двѣ могучихъ руки и, порвавъ рубаху, съ силой вышвырнули черезъ двери прямо въ комнату, гдѣ лежали подручные и мальчики. Демичевъ испугался, закричалъ. И тотчасъ же всѣ вскочили съ постели и закричали. Хотя было темно, но всѣ, не исключая и Демичева, замѣтили, что по всѣмъ комнатамъ прошелъ, легко ступая, высокій человѣкъ и «всѣхъ по ряду», уже вскочившихъ съ постелей, хваталъ и швырялъ на полъ, отчего всѣ съ криками стали выбѣгать на дворъ, а оттуда на улицу.

Страшный ночной посѣтитель, по словамъ пострадавшихъ, выгнавъ ихъ, самъ остался во флигелѣ.

Флигель и домъ Смородинова были немедленно оцѣплены и тщательно осмотрѣны полиціей въ присутствіи понятыхъ людей и экстренно вызваннаго изъ города хозяина; но, какъ гласитъ протоколъ осмотра, «указаннаго злодѣя найдено не было, и куда онъ скрылся,—неизвѣстно».

При обыскѣ нашли стряпку, которая, обезумѣвъ отъ страха, залѣзла на сѣноваль и зарылась въ сѣно.

Эта стряпка и вывела наружу страшную тайну смородиновскаго дома, которую такъ старался скрыть ото всѣхъ его хозяинъ.

— Когда каменщики домъ клали, —показала она квартальному:— такъ еще тогда вырыли изъ подвала человѣческіе костяки, побольше десятка, погрузили ихъ на лодку и утопили въ рѣкѣ, а въ какомъ мѣстѣ,—того не знаю. А слышала я объ этомъ отъ ребятъ отъ каменщиковыхъ, которые ко мнѣ на кухню захаживали. А еще тоже слышала отъ нихъ же, что тѣ костяки не отмолены, оттого и по дому по ночамъ бродятъ, да отъ нихъ же и хозяева сбѣжали въ тестевъ домъ.

Возможно, показаніямъ стряпки, можетъ быть, никто не придалъ бы дѣловаго значенія—мало ли что наболтаетъ глупая баба!—но неожиданный отѣздъ семьи Смородинова изъ дома къ тестю именно въ эту ночь, когда на оставшихся во флигелѣ служащихъ было произведено необычайное нападеніе какимъ-то страннымъ, по ихъ описанію, человѣкомъ, не похожимъ ни на разбойника, ни на вора, а также слухи о таинственныхъ призракахъ въ руинахъ,

давно ходившіе и ранѣе по городу, до постройки смородиновскаго дома,—все это, въ общемъ, произвело сильное впечатлѣніе.

Власти принялись за Смородинова, разыскали и потянули къ допросу подрядчика и его артель.

Всѣ допрашиваемые чистосердечно показали обо всемъ, что уже намъ извѣстно; скрывать было невозможно, да и бесполезно.

Въ концѣ концовъ дѣло «о глумленіи нечистой силы» направили на заключеніе владыки съ запросомъ: «умѣстенъ ли поступокъ купца Смородинова, допустившаго погребеніе безъ установленнаго церковнаго обряда костей неизвѣстныхъ мертвецовъ, найденныхъ въ подвалѣ купленныхъ означеннымъ купцомъ каменныхъ развалинъ, оставшихся отъ дома неизвѣстнаго владѣльца, жившаго тутъ въ давнія времена, и допустимо ли погребеніе ихъ въ рѣкѣ, а не въ землѣ, какъ о томъ святой церковью установлено?»

Консисторія, по резолюціи владыки, усмотрѣвшаго въ поступкѣ Смородинова неумышленное кощунство, наложило на него эпитемью.

V.

Послѣ описанныхъ событій, ставшихъ, конечно, достояніемъ молвы всего города, на домъ Смородинова, какъ черная туча, легла «дурная слава», превратившая его въ завѣдомое обиталище нечистой силы, отъ которой, какъ извѣстно, всѣ доброе люди бѣгутъ прочь да дальше. Ни покупателей на домъ, ни квартирантовъ, разумѣется, не находилось, и Смородиновъ уже собирался пожертвовать домъ на церковь, какъ случай неожиданно выручилъ его.

Въ городъ прибылъ изъ Петербурга ссыльный докторъ Яблочкинъ. Красавецъ, весельчакъ, чудакъ, какихъ мало, любитель поиграть въ карты, докторъ скоро сдѣлался въ обществѣ и, въ частности, въ богатыхъ купеческихъ семьяхъ своимъ человѣкомъ и въ какой-нибудь мѣсяцъ отбилъ у мѣстныхъ эскулаповъ всю ихъ практику. Барыни были отъ него просто безъ ума. Только и было слышно: «Милый докторъ! Душка докторъ!»

Докторъ былъ холостъ и попервоначалу поселился въ маленькой квартиркѣ; но, когда надумалъ жениться, его квартира для семейной жизни показалась ему маловата. Сошелся онъ съ дѣвушкой не изъ купеческой семьи, какъ всѣ разсчитывали по нѣкоторымъ его симпатіямъ, а съ французенкой, служившей гувернанткой въ родовитомъ дворянскомъ домѣ. Невѣста имѣла деньги, да и у самого доктора тоже были деньги, и порядочныя. Молодые люди подумали-подумали и разсчитали, что, пожалуй, не стоитъ таскаться по квартирамъ, а лучше купить свой домикъ, зажить по-настоящему, своимъ хозяйствомъ, тѣмъ болѣе, что въ городѣ продавалось нѣсколько домовъ, и недорого. А тутъ какъ разъ и подвернулся Смородиновъ съ своимъ прославленнымъ домомъ.

Докторъ осмотрѣлъ домъ и нашель его подходящимъ для себя и по цѣнѣ, и по удобствамъ. Домъ новый, просторный, большой дворъ со службами, огородъ, рѣка подь бокомъ: можно купаться, можно и рыбу половить; но больше всего его прельщала, какъ и самого Смородинова, красота мѣстности.

— А почему сами не живете?—спросилъ докторъ.

Смородиновъ смутился: сказать правду—покупателя потерять, а не сказать — все одно, отъ другихъ узнаеть, и выйдетъ обманъ; такъ ужъ лучше сказать.

Онъ откровенно разсказаль, что побуждаеть его продать домъ.

— Ни за что не разстался бы, да нужда заставляеть,—заклучилъ онъ свой разсказъ.

— Только это?!—изумился докторъ и расхохотался:—Ахъ вы, Николай Петровичъ.—Онъ фамильярно потрепаль его по плечу.—И вы вѣрите въ привидѣнія? Ерунда, батенька... ничего этого нѣтъ, и существуетъ лишь въ вашемъ воображеніи. Больные нервы,—понимаете? Вамъ надо полечиться... и лѣтомъ почаще купаться.

— Что вы, докторъ!—полуобидчиво, полусмѣясь возразилъ Николай Петровичъ: нервы у меня, слава Богу, что веревки.. Я и вся наша порода смородиновская—мы и понятія не имѣемъ объ этой барской болѣзни...

— Мало ли что! бываетъ...

— Но, позвольте... пусть будетъ по-вашему: у меня больные нервы, и все происходитъ отъ моего воображенія. Но остальные-то какъ же? Пятеро служащихъ, двое мальчиковъ, стряпка,—неужели и у нихъ нервы?

Настала очередь смутиться и для доктора.

— Это явленіе въ медицинѣ называется массовымъ психозомъ. Понимаете: нервы и душевныя болѣзни переходять отъ одного субъекта къ другимъ, иногда—сразу къ нѣсколькимъ лицамъ, живущимъ вмѣстѣ. Какъ оспа...

Докторъ сыпаль-сыпаль ученостью, а Смородиновъ слушалъ его и недовѣрчиво улыбался; если бъ докторъ сказаль объ этомъ раньше, до покупки этихъ чортовыхъ развалинъ, онъ бы во всемъ согласился съ нимъ, но теперь...

Когда докторъ замолчалъ, Смородиновъ снова завель рѣчь о продажѣ дома.

— Вотъ докторъ... кажется, я все вамъ сказаль, ничего не утаилъ. Хотите,—покупайте, не хотите—не надо; дѣло ваше, и все на виду.

Они тутъ же ударили по рукамъ, и домъ остался за докторомъ.

Когда вѣсть объ этой сдѣлкѣ облетѣла городъ,—а она облетѣла его въ двадцать четыре часа,—всѣ ахнули, предсказывая, что «докторовы денежки плакали», и «нечистая сила и доктора выставить изъ Фрязиновой, какъ выставила Смородинова, бросившаго деньги на вѣтеръ».

VI.

Докторъ Яблоковъ съ молодой женой вошли въ смородиновскій домъ прямо изъ-подъ вѣнца, на Красной Горкѣ, т. е. мѣсяца черезъ четыре послѣ разгрома молодцовскаго флигеля.

Доктору пришлось справлять сразу и новоселье, и брачный пиръ.

Первый же шагъ вступленія новобрачныхъ въ домъ омрачился дурнымъ предзнаменованіемъ.

Когда кортежъ подъѣхалъ къ дому, среди безоблачнаго, совершенно тихаго солнечнаго дня закрутилъ вихрь, слѣпя поѣзжанамъ очи и срывая съ нихъ шляпы и картузы.

— Ишь, какъ крутить!—говорили въ толпѣ, собравшейся передъ домомъ поглазѣть на докторскую свадьбу.—Ну, это не къ добру...

— Смотри, кабы и доктора не закрутилъ.

— Ну, его не закрутить: ученый... средство, говорятъ, знаетъ, не то, что мы.

— Да будь хоть ученый-разученый... онъ, братъ, не разбираетъ...

Свадьба, какъ и ожидали, вышла не изъ веселыхъ. Мрачная репутація дома шла какъ бы впереди докторской инициативы и на все накладывала свой отпечатокъ, о чемъ докторъ, предчувствовавшій несчаствіе, впоследствии самъ рассказывалъ; она, казалось, скрывала свой угрюмой ликъ въ стѣнахъ, въ складкахъ дверныхъ портьеръ и оконныхъ занавѣсей, въ коридорахъ, сѣнникахъ, всюду, куда бы ни падали пытливые взоры гостей, и это впечатлѣніе ея тайнаго присутствія въ домѣ не умаляли ни яркое освѣщеніе, ни многолюдство и оживленный говоръ и смѣхъ гостей.

Оно передалось и невѣстѣ: она была задумчива и грустна.

— Что съ тобой, моя радость?—тихонько спросилъ ее мужъ.

— Знаешь, мой другъ,—отвѣтила она по-французски:—этотъ домъ, дѣйствительно, мраченъ. Неужели правда, что о немъ говорятъ?

— Не думаю... Ерунда!—усмѣхнулся докторъ.—Но что это такое?...—вскричалъ онъ, поспѣшно вставая съ мѣста и покидая жену.—Ахъ, Боже мой!

Рядомъ, въ маленькой комнаткѣ, превращенной въ буфетную, вдругъ что-то со страшной силой грохнулось на полъ, рассыпалось, разбилось на тысячи мелкихъ, звенящихъ кусочковъ и гуломъ разошлось по всему дому.

— Ахъ, Боже мой, что это такое?—повторилъ докторъ, съ озабоченнымъ видомъ направляясь въ буфетную.

Среди гостей раздались испуганныя восклицанія, ахи, охи, и всѣ гурьбой, толкая и тѣсня другъ друга, съ любопытствомъ и тревогой устремились въ буфетную.

Маленькая комнатка представляла картину неистоваго погрома.

Скатерть съ батареями бутылокъ, со стопками всякой посуды и закусокъ была сорвана со стола; на полу валялись осколки стекла, фарфора, фаянса, безформенныя массы пащетовъ, и по всеъмъ направлѣнїямъ, протекая въ сосѣднія комнаты, струились мутныя потоки вина.

Докторъ опомнился однимъ изъ первыхъ.

— Вотъ такъ разъ!—воскликнулъ онъ съ натянутой улыбкой, ероща волосы и дѣлая невѣроятныя усилія держаться спокойнѣе, хотя былъ—это все замѣтили—мертвенно блѣдень.—Все въ лоскъ... Придется посылать за виномъ, посудой, закуской.... И нужно же было случиться несчастью въ такой день! Вотъ скандалъ...

Однако,—какъ это ни странно,—онъ не спросилъ, даже не заикнулся, кто могъ быть виновникомъ этого несчастья; но объ этомъ вспомнили уже послѣ.

Гости же, наоборотъ, на все лады старались такъ или иначе выяснитъ причину, вызвавшую разгромъ, ея виновника, оставившаго ихъ безъ вина и безъ закусокъ, даже безъ посуды. Одно было несомнѣнно: въ буфетной, имѣвшей выходъ въ столовую, во время катастрофы никого не было: ни прислуги,—вся прислуга находилась или на кухнѣ или въ молодцовской,—ни гостей. Дальше этого факта все представлялось необъяснимымъ, страннымъ, и кто-то уже произнесъ страшное слово: «Это—онъ».

Докторъ, сконфуженный, какъ бы чувствуя себя виноватымъ передъ гостями, избѣгая встрѣчаться съ ихъ сочувственно-любопытными или огорченными взглядами, направился въ молодцовскую, чтобы отправить кучера въ городъ за покупками, и на переходѣ лицомъ къ лицу встрѣтился съ бѣжавшимъ поваромъ.

— Ты что?—спросилъ докторъ, останавливаясь, но, взглянувъ на повара, имѣвшаго такой видъ, словно онъ получилъ хорошаго тумака и спасался отъ новыхъ побоевъ, понялъ, что произошла какая-то новая непрїятность.—Что-нибудь случилось?

— Не виновать, истинный Богъ, не виновать!—испуганно бормоталъ поваръ, стараясь оправдаться передъ докторомъ въ чемъ-то такомъ, что, повидимому, было выше его пониманія.—Только что я вышелъ въ сѣни, а онъ ка-акъ за-ре-митъ!... да по всей-то кухнѣ! Я заглянулъ съ порога и—ужаснулся: сковороды летятъ, щетка летитъ... а плитку водой заливаетъ... Я захлопнулъ дверь, да бѣжать...

— Кто жъ тамъ?

— Да никого нѣту... онъ, значитъ...

— Что за чепуха! Да ты не пьянь?—усмѣхнулся докторъ.

— Никакъ нѣтъ. Маковой росинки во рту не было. Такая спѣшка... до питья ли тутъ.

Докторъ и такъ видѣлъ, что поваръ совершенно трезвъ.

— Пойдемъ!—приказаль онъ и рѣшительно направился къ кухнѣ.

Приблизившись къ дверямъ и затаивъ дыханіе, они постояли и прислушались.

— Огонь горить?—тихонько спросилъ докторъ.

— Горить.

Докторъ взялся за скобку и сразу распахнулъ дверь.

— Гдѣ жъ тутъ огонь?—съ досадою произнесъ докторъ.—Темно, какъ въ могилѣ.

— Ну, значить, онъ потушилъ,—испуганно прошепталъ поваръ, отступая вглубь сѣней.—Пойдемте-ка, баринъ, отсюда...

— Ерунда!—сердито бросилъ докторъ и, перешагнувъ черезъ порогъ, оставилъ повара въ сѣняхъ.

Но едва онъ ступилъ въ кухню, какъ въ него полетѣли посуда, ведро, вѣникъ.

— Стой! Куда ты?!—закричалъ докторъ, выбѣжавъ въ сѣни и останавливая обезумѣвшаго отъ страха повара, стремившагося убѣжать.—Кричи людей! Это, видно, чьи-нибудь штуки... надо будетъ хорошенько проучить негодяя...

На крикъ повара изъ смежныхъ съ кухней комнатъ прибѣжали кучеръ, стряпка и лакей.

Взяли фонарь и вошли въ кухню.

Осмотрѣли все, всѣ углы, даже заглянули въ подполье и подпечье: нигдѣ ни души.

Изумленный докторъ, повергнутый въ полнѣйшее недоумѣніе, и его трепещущіе спутники уже направились къ выходу, какъ фонарь погасъ и впотѣмахъ началась такая канонада, что всѣ, не исключая и доктора, опрометью выскочили въ сѣни. Вслѣдъ имъ летѣли полѣнья, однимъ изъ которыхъ больно ушибло кучера, ведра, кастрюли и другіе предметы.

Люди выбѣжали на улицу; не смѣя вернуться на дворъ, они испуганно и нерѣшительно остановились у воротъ.

Докторъ торопливо прошелъ въ домъ.

Но еще до его прихода во всѣхъ комнатахъ сразу потухли свѣчи на столахъ, въ люстрахъ и бра, и одновременно же, какъ и въ кухнѣ, въ потемкахъ швыряло и посуду, и мебель. Кто-то попробовалъ зажечь свѣчи, но онѣ сейчасъ же потухали. Среди гостей началась неопиcуемая паника. Женщины, истерически рыдая, выбѣгали на улицы въ однихъ платьяхъ; нѣкоторые изъ гостей такъ растерялись, что, не найдя выхода, выскакивали въ окна. Кто-то крикнулъ, что его душатъ, и паника усилилась еще болѣе.

Докторъ нашель жену въ гостиной въ глубокомъ обморокѣ и на рукахъ вынесъ ее на улицу.

Большинство гостей разошлись или разѣхались по своимъ домамъ, но кое-кто посмѣлѣе остались на улицѣ передъ домомъ, прислушиваясь къ происходившей тамъ вознѣ, которая продолжалась спустя полчаса послѣ того, когда всѣ люди вышли изъ дома.

Вѣсть, что нечистый въ смородиновскомъ домѣ разогналъ докторскую свадьбу, съ быстротой молніи полетѣла по городу, и во Фрязинову со всѣхъ сторонъ спѣшили любопытные.

Очень скоро передъ домомъ собралась огромная толпа.

Прибылъ полицеймистеръ съ ассистентами и вошли въ домъ.

Въ комнатахъ все оказалось—какъ Мамай воевалъ: мебель опрокинута, посуда перебита, въ двухъ окнахъ разбиты стекла.

Въ кухнѣ—такой же кавардакъ.

По поводу этого необыкновеннаго происшествія при губернскомъ правленіи состоялась комиссія, которой были допрошены докторъ, его люди и нѣкоторые изъ гостей.

Комиссія признала, что встрѣчается съ неизвѣстнымъ и ничѣмъ необъяснимымъ явленіемъ; нѣкоторые изъ членовъ комиссіи, соглашаясь съ мнѣніемъ доктора Яблокова, между прочимъ, высказались, что «въ дѣло, очевидно, замѣшанъ магнетизмъ»; полицеймистеръ же заявилъ, что «тутъ не магнетизмъ, а чертовщина», и сослался на аналогичные случаи, уже наблюдавшіеся въ практикѣ.

Комиссія потолковала-потолковала и разошлась, а смородиновскій домъ, какъ зачумленный, снова опустѣлъ.

Смородиновъ самъ пришелъ къ доктору и возвратилъ ему задаточныя деньги.

— Я васъ предупреждалъ, докторъ,—сказалъ онъ:—что въ моемъ домѣ жить нельзя,—вы не повѣрили... Вотъ вамъ и научныя объясненія. Не все можетъ объяснить и наука.

Докторъ принялъ деньги и проглотилъ горькую пилюлю.

VII.

Но исторія смородиновскаго дома на этомъ не остановилась.

Смородиновъ—какъ и ранѣе уже собирался сдѣлать—пожертвовалъ злополучный домъ на церковь, на поминъ души «неизвѣстныхъ людей, преставившихся въ узахъ и погребенныхъ безъ отпѣванія». Церковный причтъ принялъ даръ, но съ оговоркой, что церковь будетъ поминать ихъ по установленной утренней молитвѣ объ усопшихъ.

Домъ освятили. Густые клубы синяго ладоннаго куренія, золотая въ солнечныхъ лучахъ, наполнили комнаты подпавшаго подъ власть таинственной силы дома, наводившаго ужасъ на людей. Голосъ священника, громко читавшаго молитву, звучалъ твердой увѣренностью.

— Господи, воздвигни силу Твою и прииди, во еже спасти ны. Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его, и да бѣжатъ отъ лица Его ненавидящіе Его. Яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ!

О состоявшемся освященіи дома было объявлено по городу, и ктиторъ сталъ сдавать его въ аренду.

Въ это время въ казармѣ мѣстнаго гарнизона произошелъ пожаръ, и часть ея сильно обгорѣла. Нужно было, пока обгорѣвшую казарму отремонтируютъ, подыскать временное помѣщеніе для двухъ ротъ; но такихъ большихъ помѣщеній въ городѣ не находилось; тогда рѣшили нанять два или три дома и, между прочимъ, остановились на смородиновскомъ домѣ, который сдавался внаймы очень дешево и оказался, при небольшой внутренней передѣлкѣ, подходящимъ для казармы, если не считать одного неудобства: его прошлой репутаціи. Но ротный командиръ, капитанъ Ульрихъ, нѣкогда служившій въ одномъ изъ знаменитыхъ гатчинскихъ батальоновъ, созданныхъ и вымуштрованныхъ Павломъ I, былъ человѣкъ не изъ трусливаго десятка. Когда ему сказали, что въ домѣ «глумится нечистый», онъ добродушно разсмѣялся.

— О, шортъ! Русска шортъ! О, я ему буду показывать, гдѣ ракъ зима живетъ ¹⁾.

Роту размѣстили, устроивъ въ домѣ и молодцовской солдатскія нары. Прежняя домашняя кухня превратилась въ ротную кухню съ котлами для варки щей и каши и большой русской печью для выпечки хлѣба.

Сначала какъ будто все шло, какъ и быть слѣдуетъ; но недѣли черезъ двѣ послѣ занятія дома солдатами повторились точь-въ-точь тѣ же самыя явленія, какія наблюдались на докторской свадьбѣ: солдатскія вещи перелетали по казармѣ съ мѣста на мѣсто, «порхали, какъ куропатки». Старые солдаты, выдавшіе на своемъ вѣку всякіе виды, и тѣ струсили,—нечистая сила не то, что врагъ «внѣшній» или «внутренній»: съ нимъ не справишься... Они, крестясь и читая молитвы, ставили порхавшіе предметы на свое мѣсто, докладывали о необыкновенномъ явленіи своему ближайшему начальству, а это послѣднее—капитану Ульриху.

Но капитанъ только посмѣивался.

— Этта онъ палуется. Вы пейте (бейте) его нагайка.

И солдаты, буквально исполняя приказанія браваго капитана, хлестали нагайкой по пустому пространству.

Но и нагайка не помогала, и въ ротѣ начался ропоть.

Конецъ всему положилъ... кашный бунтъ.

Въ полдень предъ самымъ обѣдомъ кашеваръ прибѣжалъ въ казарму и, трясясь отъ страха, объявилъ:

— Братцы, каша ушла!

¹⁾ Русская пословица: знаемъ мы (или: я покажу), гдѣ раки зимуютъ.
«истор. вѣстн.», ноябрь 1916 г., т. схлvi.

— Какъ ушла?

Пошли на кухню.

Дѣйствительно, крутая гречневая каша, какъ была въ котлѣ, такъ и вышла изъ него на полъ— «чулкомъ вылупилась».

Солдаты категорически потребовали отъ фельдфебеля, чтобы ихъ немедленно перевели куда-нибудь въ другое мѣсто, такъ какъ «въ этомъ домѣ оставаться боязно и нѣтъ никакой возможности».

Такое требованіе по воинскому артикулу было равносильно форменному бунту.

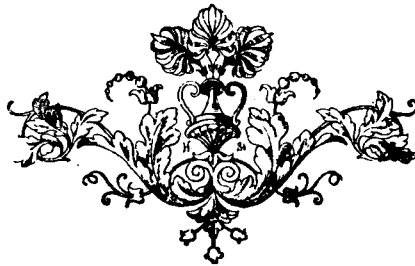
Доложили батальонному командиру. Какъ коренной русакъ, онъ взглянулъ на дѣло иначе... Что жъ?—разсудилъ онъ:—вѣдь и тѣ люди, которые раньше тамъ жили, говорятъ то же самое, что и солдаты, да и самъ онъ, конечно, ни за какія блага не сталъ бы жить въ такомъ домѣ,—такъ чего же обвинять солдатъ?

И роту въ тотъ же день вывели и размѣстили на постой по обывательскимъ квартирамъ.

Послѣ вывода солдатъ домъ, флигель и всѣ надворныя постройки были сломаны до основанія и разобранный и вычищенный кирпичъ ктиторъ назначилъ въ продажу; но—таково было предубѣжденіе противъ ужаснаго дома—и кирпичъ, боясь несчастія, покупали неохотно, и его кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, распродали, мелкими партіями, для кладки печей и небольшихъ холодныхъ построекъ. Затѣмъ все мѣсто, съ сводами таинственного подвала, засыпали землей, запахали и заняли подъ огороды.

Мѣсто это въ настоящее время лежитъ гдѣ-то въ серединѣ Фрязиновой; но застроено ли оно, или нѣтъ, неизвѣстно.

А. Дунинъ.

ВОСПОМИНАНІЯ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ ¹⁾.

(Дорогимъ пермцамъ на память о 1877—1878 г. г.).

VI.

Деревня Чаркіой.—Награжденіе сестры милосердія наслѣдникомъ цесаревичемъ.—
Побѣдка въ Бѣлую и Тырновъ.—Болгарская баня.

ВЪНАДЦАТАГО сентября, взявъ съ собой денщика, я отправилась въ деревню Чаркіой. Уже собрались жители, и я выбрала себѣ квартиру, откуда былъ виденъ бивуакъ, и занялась несложнымъ хозяйствомъ по приготовленію обѣда изъ скудной провизіи; но ночевать боялась и уходила на ночь въ палатку къ отцу. Съ полкомъ я себя чувствовала, какъ въ родной семьѣ; офицеры, начиная съ командира полка, который относился ко мнѣ, какъ къ дочери, относились ко мнѣ со вниманіемъ и предупредительностью, а солдаты—о нихъ и говорить нечего—то дикихъ яблоковъ принесутъ изъ лѣса, то кизилю. За это я имъ давала понемногу денегъ. Командиръ полка въ одинъ прекрасный день, 15-го или 16-го сентября, подошелъ ко мнѣ съ газетой въ рукахъ и сталъ читать и переводить со шведскаго на русскій языкъ бой подъ Осиковымъ, въ которомъ участвовалъ нашъ полкъ 2-го сентября, и также о моемъ безстрашии и самоотверженіи; въ этой статьѣ называли меня русской героиней. Викторъ Борисовичъ добавилъ: «Жанна д'Аркъ!» Я смутилась немного этимъ сравненіемъ и отошла къ своей палаткѣ, гдѣ отецъ разбиралъ письма. Когда полковникъ Прокопе

¹⁾ Продолженіе «Истор. Вѣстн.», т. CXLVI, стр. 70.

окончилъ читать газету, то сложилъ ее очень аккуратно и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, съ поклономъ подаль ее мнѣ и просилъ сохранить на память. Я была ему очень благодарна за вниманіе. На чаркѣйской позиціи послѣ боя недолго пробыли, всего недѣлю; получился приказъ итти на Вадицу. Денщикъ подвелъ ко мнѣ мою лошадку. Сегодня я ее погладила, угостила, чѣмъ могла. Одно стремя было подтянуто, и я сѣла бокомъ на сѣдло, ѣхать я не боялась на этой дикаркѣ: она относилась ко мнѣ благосклонно. Но сѣдло было очень неудобное и опасное, каждую минуту я рисковала упасть; правой ногой нѣ за что было держаться, я должна была удерживать равновѣсіе, едва опираясь на лѣвое стремя. Но лошадь имѣла чудный аллюръ и ежели бы дамское сѣдло, а не англійское гладкое, то я была бы въ безопасности. Проѣхали мы недалеко по очень живописному ущелью и скоро остановились недалеко отъ деревни Вадица. Здѣсь нашъ полкъ очень бѣдствовалъ; грязь непролазная, шагу нельзя было сдѣлать: одну ногу вытащишь и едва кое-какъ очистишь отъ глины, какъ другая прилипнетъ, и нѣтъ силъ высвободить ее, и снова надо очистить чуть не отъ пуда грязи. Въ палаткѣ холодно, полотно намокло, дождь разсыпается барабанной трелью по натянувшемуся брезенту. Ночь. Въ палаткахъ огни потухли, костры залило водой. Папа уже спалъ. Мнѣ было его очень жаль; я взяла свое непромокаемое пальто и тихонько покрыла его, чтобъ его не промочило каплями. Мнѣ не заснуть; вѣтеръ треплетъ палатку и не одну мою, а всѣ. Я утомилась, меня начало клонить ко сну. Вдругъ порывъ вѣтра—и нашу палатку сорвало. Холодный вѣтеръ и вода, какъ изъ ушата, хлынула на меня. Денщикъ былъ недалеко, и мнѣ пришлось его позвать. На мой призывъ отозвался голосъ командира полка, который тоже, вѣроятно, не спалъ, и вотъ съ помощью нѣсколькихъ человекъ солдатъ и денщиковъ палатку привели въ порядокъ, но съ большимъ трудомъ: колышки не держались въ размякшей глинѣ. Вскорѣ по всему бивуаку слышны были голоса и возня привоившихъ въ порядокъ палатки. Насилу дождались утра. Папа, проснувшись, поворчалъ на меня за то, что накрыла его своимъ плащомъ, но на его воркотню я мало обращала вниманія; меня утѣшало то, что онъ остался сухъ. Около 12 часовъ зашелъ навѣстить насъ командиръ полка. Мы его угощали кофе; разговоръ шель о погодѣ, надѣлавшей всѣмъ столько неприятностей въ прошедшую ночь, и горевали о томъ, что придется сидѣть въ грязи, ежели погода не переменится, и еще того хуже, ежели придется въ походъ. Съѣстныхъ припасовъ и за деньги достать негдѣ было. Вскорѣ стали заболѣвать солдаты и офицеры. Лечение было затруднительно; обогрѣться и обсушиться не было возможности: мокрая земля, сырое топливо не давало и отъ костровъ тепла.

Такъ прошла недѣля. Намъ объявили, что идемъ обратно въ Чаркѣй. Я обрадовалась: у меня была тамъ квартира. Бѣдные

солдатѣ еле тащили ноги, по пуду грязи прилипало къ сапогамъ, которую и отрясти съ трудомъ можно было. Я забралась въ лазаретную линейку, а лошадь велѣла отвести къ отцу. Дорога была невозможная: всѣ повозки тонули въ липкой глинѣ, такъ что приходилось къ застрявшимъ припрягать лошадей и съ помощью солдатъ едва вытаскивали изъ грязи. Обода колесъ были облѣплены на поларшина слоемъ глины. Еле добрались къ вечеру въ Чаркѣю. Я вышла изъ линейки, сѣла на свою лошадку и отправилась въ деревню занять свою прежнюю квартиру. Тутъ встрѣтила полкового адъютанта, ѣхавшаго къ командиру полка. Поровнявшись съ своей бывшей квартирой, я никакъ не могла справиться съ заупрямившейся лошадкой, не хотѣвшей свернуть въ ворота. Долго билась я съ ней, но ничего не могла сдѣлать; такъ и должна была слѣдовать за адъютантомъ. Слезы досады и огорченія выступили изъ глазъ, и я ихъ уже не могла удержать. Навстрѣчу намъ ѣхалъ цѣлый эскадронъ рижскихъ драгунъ, которые съ удивленіемъ озирались съ своихъ захудалыхъ коней на всю эту сцену. Но, къ счастью, за проѣхавшимъ эскадрономъ у воротъ своей квартиры стоялъ командиръ полка; увидавъ меня: онъ быстро подошелъ и, видя мои слезы и веселое лицо адъютанта, спросилъ:—«Софья Александровна! вы плачете? Кто васъ обидѣлъ? Поручикъ, вы?»—«Полковникъ,—отвѣчалъ адъютантъ:—Софья Александровна хотѣла остановить лошадь и не могла съ ней справиться, она стала рядомъ съ моей; и майорша поэтому плачетъ».—«А вы ей не помогли?» съ этими словами онъ снялъ меня съ сѣдла и предложилъ войти къ нему въ квартиру, гдѣ былъ уже накрытъ столъ къ обѣду.—«Не плачьте, Софья Александровна, расскажите, чѣмъ васъ огорчилъ адъютантъ?» Я ему рассказала, какъ я не могла справиться съ лошадей у воротъ моей квартиры, а адъютантъ, желая прокатиться съ амазонкой по деревнѣ, смѣясь, сталъ отъѣзжать на средину улицы, и моя лошадь повернула за нимъ, и мы врѣзались въ эскадронъ проѣзжавшихъ драгунъ, которые съ удивленіемъ на насъ смотрѣли. «Успокойтесь! Сейчасъ адъютантъ придетъ». Черезъ полчаса адъютантъ вернулся. Викторъ Борисовичъ принялъ рапортъ. Затѣмъ спросилъ его: «Вы исполнили мое приказаніе?»—«Такъ точно, полковникъ!»—отвѣтилъ онъ.—«Софья Александровна! что хотите: возвысить его—я возвышу, или унижить—унижу?» Вопросъ былъ поставленъ. На него я должна была дать отвѣтъ, который могъ окончиться ничѣмъ, но могъ и дурно повліять на карьеру жениха моей сестры.—«Полковникъ, пусть онъ останется тѣмъ, что онъ есть,—отвѣчала я:—я ему прощаю». Полковникъ повернулся ко мнѣ, взялъ меня за руку, поцѣловалъ и сказалъ: «Благодарю!» Адъютантъ извинился, и мы сѣли за столъ, на которомъ уже стояла ваза. Мнѣ предложена была роль хозяйки. За обѣдомъ Викторъ Борисовичъ налилъ въ рюмки вина со словами: «За здоровье ангела-хранителя моего полка!»

Второй гость былъ за благополучное примиреніе, третій за здоровье отца-командира. И правда, Викторъ Борисовичъ относился ко мнѣ отечески и, кромѣ того, съ глубокимъ уваженіемъ.

Я занимала домикъ-особнякъ въ обширномъ огородѣ; комната была чистенькая, для меня и отца достаточно было мѣста. Довольно теплая маленькая печка, сдѣланная изъ глины, смѣшанной съ мякиной; чтобъ не давала трещины, согрѣвала достаточно. Въ первой комнатѣ былъ каминъ, гдѣ денщикъ варилъ обѣдъ, къ которому ежедневно приходилъ священникъ о. Николай. Которое число было, я не помню, но вошелъ денщикъ съ докладомъ. «Сударыня! начальникъ штаба изволили прійти, желаютъ васъ видѣть!» Папы не было дома. Я, не думая, что ко мнѣ, сказала денщику: «Скажи полковнику, что капитана нѣтъ дома». — «Они желаютъ васъ видѣть». — «Проси!» Полковникъ Юнаковъ появился съ маленькимъ мѣшечкомъ въ рукахъ. «Честь имѣю кланяться и привѣтствовать васъ съ царскою милостью, уважаемая Софья Александровна!» Я смотрѣла на него, недоумѣвая. «Его императорское высочество наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ изъ собственныхъ его высочества суммъ велѣлъ вамъ выдать денежную награду». И съ этими словами онъ подалъ мнѣ мѣшечекъ съ золотыми. Я рада была вниманію его высочества, но была вмѣстѣ съ этимъ сильно огорчена тѣмъ, что меня представили къ денежной наградѣ. — «Развѣ я за деньги посвятила свой трудъ отечеству? Кто представилъ меня къ деньгамъ?» — «Не волнуйтесь, Софья Александровна, мы знаемъ, что на деньги вы свой трудъ не цѣните, но мы представили васъ, предполагая, что вамъ полезна въ походѣ эта награда». Что было дѣлать? Когда папа вернулся со службы, я ему сообщила о царской милости. Отецъ посоветовалъ мнѣ ѣхать въ Дольній Монастырь къ наслѣднику цесаревичу поблагодарить его.

18-го сентября я отправилась верхомъ въ Бѣлу въ сопровожденіи денщика. Погода въ этотъ день была прекрасная. Я ѣхала съ удовольствіемъ. Мечтала о поѣздкѣ въ Дольній Монастырь. Приѣхавъ въ Бѣлу, я почувствовала сильную усталость, голова кружилась; всю ночь я ни на минуту не заснула. Утромъ сдѣлалось совсѣмъ нехорошо; въ Дольній Монастырь нельзя было ѣхать, чтобы не заболѣть окончательно. Денщикъ пришелъ за приказаніемъ. Я велѣла ему осѣдлать лошадь и объявила, что возвращаюсь домой въ Чаркію. Едва добралась я до нашей стоянки. Пролежала я очень долго; послѣ выздоровленія не разъ шутили, что искали во время разѣздовъ въ горахъ мраморъ, чтобъ вытесать мнѣ памятникъ въ случаѣ смерти. Черезъ двѣ недѣли только оправилась я; но мнѣ надо было думать о теплой одеждѣ и во время поѣздки одного изъ нашихъ офицеровъ въ Тырново папа отпустилъ и меня. Мы наняли «братушку» съ повозкой и парой лошадей и выѣхали изъ Чаркію. Около 10 или 11 часовъ намъ пришлось ѣхать по

хребту очень длиннаго вала; съ лѣвой стороны его открывалась долина, покрытая зеленью, по ней серебрилась вдали рѣка Янтра; на лугу паслись овцы громаднымъ стадомъ, бѣлыя, какъ снѣгъ. Солнце освѣщало своими ярко-блѣдными лучами на далекое пространство, и я залюбовалась на прекрасную картину. Глазъ отдыхалъ, а мысль уносилась въ пространство, и въ душѣ ощущалась свобода, послѣ вѣчныхъ горъ и лѣсовъ, которые окружали насъ кругомъ на чаркіоскихъ позиціяхъ. Но вотъ стадо овецъ заволновалось, столпилось въ кучу. Не находя причины ихъ волненія, я подняла глаза къ небу и на голубомъ его фонѣ увидала большую стаю плавающихъ въ воздухѣ громадныхъ бѣлыхъ птицъ. «Братушекъ, какія это птицы?» И болгаринъ объяснилъ намъ всю картину. Это были орлы, которые носились надъ стадомъ овецъ, выглядывая добычу и обучая молодыхъ. Мы слѣдили за кругообразными движеніями пернатыхъ царей, которые все ниже и ниже спираллообразно описывали круги, и вдругъ одинъ изъ нихъ бросился внизъ въ средину стада овецъ, и черезъ нѣсколько минутъ борьба орелъ взлетѣлъ медленно, унося съ собою ягненка, и скоро все стадо орловъ куда-то скрылось. Болгаринъ объяснилъ, что они скрылись въ горахъ. Нѣсколько минутъ передъ этимъ очаровательная картина, навѣвавшая на мою душу покой и отдыхъ, теперь смѣнилась въ грусть и дала другое направленіе мысли. Все происшедшее представилось мнѣ въ иномъ свѣтѣ. Наша жизнь, молодость, любовь, надежда на счастье—и не замѣчаемъ, какъ злой рокъ готовитъ намъ неожиданно минутную борьбу, а затѣмъ смерть уносить съ собой наши радужныя мечты о счастья.

Къ вечеру мы подѣзжали къ Тырнову. Узкія улицы съ трудомъ позволяли проѣхать, чтобъ не задѣть кого-нибудь изъ пѣшеходовъ; высокіе дома дѣлали ихъ темными, а выдающіеся балконы какъ навѣсы закрывали намъ даль. Офицеры разныхъ полковъ пѣхоты и кавалеріи бряцали саблями, переходя изъ лавки въ лавку. Болгаринъ подѣхалъ къ гостиницѣ. Болгарка отвела комнату, подала самоваръ и кое-какую закуску. Несмотря на то, что гостиница была полна народомъ, шуму не было, и я, заперевъ свою комнату на замокъ, улеглась и скоро заснула. Утромъ послѣ чаю я попросила болгарку пойти со мной въ лавку для покупокъ. Купила бѣлаго мѣху ангорскихъ барановъ на маленькую шубку-дужегрѣйку, кое-что изъ вещей и матеріала, необходимаго для предстоящей холодной осени, для себя, а также черный мѣхъ, чтобъ подшить походный мундиръ отцу, кофе, сахаръ, чай и т. д. Я все снесла въ гостиницу и просила болгарку пройти со мной по городу, но она отказалась за неимѣніемъ времени, такъ какъ сегодня у нихъ топится баня—не пожелаю ли я? Предложеніе было мною принято, и около двухъ она за мной пришла. Мы вошли въ большую комнату, посреди которой устроены полки, вродѣ стола въ нѣсколько яру-

совъ, почти подъ потолокъ; на нихъ сидѣли и лежали въ разныхъ позахъ красивыя молодыя женщины, отдохавшія послѣ мытья, завернутыя въ бѣлыя косматыя простыни. На рукахъ у нѣкоторыхъ были золотыя браслеты, и онѣ лакомились разными восточными сластями. Вся ихъ наружность давала возможность предполагать въ нихъ дамъ лучшаго общества, гражданокъ города, въ чемъ я и не ошиблась, такъ какъ моя спутница называла ихъ и давала объясненія о ихъ положеніи. Мы вошли въ отдѣленіе, гдѣ мылись. Это была громадная комната, вся изъ бѣлаго мрамора; полъ, стѣны, въ которыхъ были неглубокія ниши, въ которыхъ вдѣланы скамейки и бронзовые краны, подъ ними раковины для воды. По срединѣ огромный бассейнъ, наполненный водой. Ко мнѣ подошла парильщица, обвязанная передникомъ, и предложила меня вымыть. Ни въ одной изъ нашихъ бань не было такой роскоши, да и не доставляло столько удовольствія мытье. Великолѣпное ароматное мыло и на рукахъ парильщицы надѣтыя особенныя перчатки ласкали, разминали и очищали тѣло, доводя его до безукоризненной чистоты; верхній слой кожи скатывался и все тѣло дѣлалось гладкое, какъ атласъ. Процедура мытья продолжалась болѣе часу. Затѣмъ меня отправили въ бассейнъ, гдѣ было довольно глубоко и можно было плавать; вода не была холодна, имѣла температуру лѣтней; теплота въ банѣ была пріятная; стѣны и полъ были теплые, обогрѣвались паромъ или были трубы проведены. Мнѣ объясняла парильщица, но, мало знакомая съ языкомъ, я многое изъ разговора не понимала. Меня тоже угощали шербетомъ. И, вполне освѣжившись, я предложила заплатить, но съ меня ничего не взяли, только на другой день хозяйка гостиницы подала мнѣ счетъ, не особенно большой. Тырново мнѣ не пришлось осмотрѣть, потому что не съ кѣмъ было. На утро мой спутникъ, поручикъ Красовскій, пропадавшій гдѣ-то въ теченіе двухъ дней, явился рано утромъ и объявилъ, что ему надо возвращаться, — онъ всѣ дѣла справилъ, и около 9 часовъ мы покинули болгарскую столицу. Снова спускались съ горъ по узенькимъ улицамъ, боясь раздавить кого-нибудь.

VII.

Лишенія солдатской жизни.—Жизнь въ Чаркію.—Движеніе на Елену.—Отношеніе болгаръ къ русскимъ.

Въ Чаркію я принялась за работу. Позвала ротнаго портного, велѣла подшить овчинками отцу мундиръ, а себѣ наскоро сшила шубку и шапочку, черную бархатную, оторочивъ ее бѣлымъ мѣхомъ. Теперь мнѣ было тепло. Какъ-то разъ, когда я пробиралась по чаркіюскимъ огородамъ, меня встрѣтилъ поручикъ Филипповъ со словами: «Софья Александровна, я едва васъ узналъ! Вишь, какая вы нарядная! Какъ въ Петербургѣ. А мы совсѣмъ загрязнились и обтрепа-

лись, не лучше солдатъ выглядимъ. Хотя бѣ куда-нибудь въ городъ попасть; да все равно толку не будетъ—портныхъ нѣтъ. Жаль, что Берку портного не взяли съ собой.—«Напрасно г.г. военныхъ не учатъ шить. Вѣдь вы теперь ничего не дѣлаете и могли бы привести себя въ порядокъ». Да, дѣйствительно, нашъ эlegantный, чистенькій полкъ былъ неузнаваемъ! Бѣднымъ денщикамъ много трудовъ было сушить мокрыя пальто, порывѣвшія отъ дождя и грязи; выцвѣтшія кеи имѣли желтовато-зеленоватый цвѣтъ; красныя околыши, петлицы, воротники и канты—черно-сѣро-красныя. А про бѣдныхъ солдатъ, ежедневно рывшихъ ложементы и различныя укрѣпленія въ размокшей и липкой грязи, и говорить нечего. Но солдатикъ не унывалъ, а только ворчалъ, что имъ приходится мѣсить грязь то изъ Чаркiою въ Вадицу, изъ Вадицы снова въ Чаркiою, то въ Каправицу и опять въ Чаркiою. Иногда имъ приходилось разгонять башибузуковъ, которые заводили перестрѣлку съ нашими аванпостами. А тутъ еще развлеченіе: въ одной деревнѣ жители стали въ нашихъ солдатъ стрѣлять. Не долго думая, выведенное изъ терпѣнія начальство отдало приказъ: «Ранцы долой и сжечь деревню!» Только вернувшись съ пожара, шли рассказы, какъ жгли «проклятыя лачужки». Однажды пришелъ фельдфебель къ отцу съ рапортомъ; остановился отъ него въ нѣсколькихъ шагахъ, подаль ему какую-то бумагу и, пока отецъ читалъ, онъ недоумѣвая смотрѣлъ на меня, забившуюся въ уголъ и горько плачущую, подошелъ ко мнѣ тихонько съ вопросомъ: «Сударыня, о чемъ вы плачете?»—«Дирша, я плачу потому, что мнѣ очень хочется чернаго хлѣба, мнѣ до тошноты надоѣли кукурузныя мясы».—«Не плачьте, сударыня, я весь полкъ, обойду, можетъ быть, найду гдѣ-нибудь». И дѣйствительно, добрый солдатикъ отыскалъ гдѣ-то въ нестроевой ротѣ хлѣба. Я ему дала серебряный рубль, но онъ упорно не хотѣлъ брать. «Возьми деньги и отдай тому, у кого ты взялъ хлѣбъ; за эти деньги купите кожи и почините сапоги; а ежели не возьмешь, я не возьму хлѣбъ—неси его обратно». Солдату ничего не оставалось, какъ взять деньги. Скоро начала сказываться нужда въ подметкахъ. Какъ-то доложилъ мнѣ денщикъ, что пришелъ солдатъ, еврей. «Что ему надо? Вѣдь ты знаешь, что ротнаго нѣтъ дома».—«Да онъ къ вашей милости».—Я вышла: «Ты что, Абрамка?»—«Я узе къ вамъ съ просьбой». И онъ сталъ просить дать ему одинъ рубль «На что тебѣ деньги?»—«Барыня, пожалуйста дайте, я вамъ заслужу; у меня совсѣмъ подошвы сносились. Я все мясо доставляю въ роту, все надо ходить».—Опустивъ глаза на его обувь, которая дѣйствительно была въ жалкомъ видѣ, я дала ему одинъ рубль. Черезъ нѣсколько времени снова пришелъ солдатикъ съ просьбой дать ему немного денегъ на рубашку, такъ какъ его рубаха обгорѣла у костра. «А сколько тебѣ?»—«Да сколько пожалуете».—«Ну, подожди, я сейчасъ приду». Я вошла въ комнату: отецъ писалъ. «Папа, скажите

мнѣ, правда ли, что солдаты нашей роты совершенно обносились?»—
«А что?»—«Да жалуются многіе: кто безъ сапогъ, кто безъ рубахъ». —
«Да, не всё, но нѣкоторые въ жалкомъ видѣ». —«Бѣдные! развѣ имъ
не дадутъ, которымъ нужно, бѣлья?»—«У нихъ у всѣхъ все было,
но, вѣроятно, нуждаются; мнѣ ничего не говорятъ». Онъ снова взялъ
карандашъ въ руки и началъ писать. Я вышла и дала солдату на
рубашку, сказавъ денщику, чтобъ онъ справился о покупкѣ.
«Сударыня, пока вы были у себя, онъ мнѣ разказалъ, что, когда
отправляли раненыхъ, онъ отдалъ свою рубашку чистую и новую,
а взаменъ полотняной получилъ старую ситцевую, она вся рас-
ползлась». —«А теперь онъ гдѣ возьметъ?»—«Да купить у товарища,
у кого есть, а то у болгарина».

Меня сильно утомляла однообразная жизнь въ Чаркію; я цѣ-
лыми днями сидѣла въ своей избушкѣ; только о. Николай, который
приходилъ ежедневно къ намъ обѣдать, кое-что разказывалъ.
Офицеры по вечерамъ собирались другъ у друга, играли въ карты
или читали запоздалыя газеты. Однажды папа вошелъ около 10-ти
часовъ вечера со смѣхомъ. На мой вопросъ онъ разказалъ мнѣ,
какъ на него и на полкового адъютанта напали собаки и едва не ис-
кусали ихъ, они едва отбились. Спросивъ у меня перо и чернила,
онъ присѣлъ къ столу и сталъ писать. Окончивъ свое занятіе, обра-
тился ко мнѣ, протягивая листокъ почтовой бумаги со словами:
«Завтра передай адъютанту!» Взглянувъ на листокъ, я стала читать
стихотвореніе, посвященное полковому адъютанту, которое я помѣ-
щаю здѣсь.

РАЗСКАЗЪ ХРАБРАГО ОФИЦЕРА.

Ты, братецъ мой, хоть и не глупъ, да трусь.
А мы-то видывали виды!
Хотя, сказать могу, собакъ я не боюсь,
Но здѣсь онъ похуже, чѣмъ среди Тавриды.
Вообразите вы: иду по огородамъ
Въ проклятой здѣсь деревнѣ Чаркіой,
Встрѣчаюсь вдругъ собакъ я съ цѣлымъ взводомъ.
Клянусь въ томъ саблюю моею,
Которой, впрочемъ, тутъ при мнѣ не было.
Хотѣлъ товарищу я храбрость показать;
Гляжу, а сквозь плетень суетъ собака рыло.
Ахъ! какъ бы вамъ спокойнѣй разказать!
Я тотчасъ поднялъ крикъ на всю деревню.
Она, злодѣй, разинувъ пасть свою,
Накинулась съ такимъ азартомъ гнѣвнымъ,
Что я въ отчаяньи, какъ будто бы въ бою,
Хотѣлъ ногой ее толкнуть.
Она же, дрянъ,хватила вдругъ зубами
За мой сапогъ. Ахъ, дайте мнѣ вздохнуть!
И завязалась свалка между нами;
Она къ себѣ тащить, а я все упирался.

Товарищъ же, вдали на улицѣ стоя
И глядя на меня, самъ со смѣху катался
Надъ тѣмъ, какъ храбро дрался я.
Ну, кто же ожидать тутъ могъ,
Что песъ съ своей собачьею отвагой
Стянулъ-таки съ меня сапогъ.
Ну, жаль, что не былъ я со шпагой!
Ужъ какъ я ни возился съ ней,
Какъ храбро я ни защищался,
А только—ей-же-ей!—
Едва собакамъ я на ужинъ не достался!
Такъ, вотъ какъ было дѣло. Въ томъ клянусь.
Я славнымъ именемъ Ѧмиды.
Ты, братецъ, мой, хотъ и не глупъ, да трусь,
А мы-то видывали виды

На завтра адъютантъ пожаловалъ ко мнѣ очень веселый, такъ какъ получилъ письмо изъ Гродны отъ невѣсты, посвятивъ и меня въ его содержаніе. «Вамъ сегодня везетъ», подавая ему листъ, проговорила я. Онъ схватилъ его и быстро сложилъ, опустивъ въ карманъ. Говорятъ, что вечеромъ по поводу этого стишка много было смѣху. Но на завтра досталось и автору, выѣхавшему къ сторожевымъ постамъ на моей сивкѣ. Собаки цѣлымъ стадомъ окружили папу, стали хватать за ноги лошадь и его, такъ что пришлось изъ револьвера ранить одну, тогда только онѣ отстали. Но замѣчательно то, что за всю нашу бытность въ Болгаріи ни разу не случилось ни видѣть, ни слышать, чтобъ были бѣшенныя собаки, несмотря на нестерпимую жару; говорятъ, что тамъ съ ними очень хорошо обращаются и любятъ ихъ кормить. Мнѣ хотѣлось привезти въ Россію щенка, но никоимъ образомъ поймать нельзя было: до того онѣ дики; только ночью выходили подбирать крошки или остатки около жилищъ; днемъ въ деревнѣ мнѣ не удалось видѣть ни одной.

Скучно было въ Чаркіюѣ. Будучи свободной, я могла бы сдѣлать верхомъ прогулку, но папа строго запретилъ мнѣ отлучаться отъ полка, такъ какъ турки недалеко отъ насъ и я легко могу попасть въ плѣнъ или быть убитой, а ѣхать съ частью, которая отправлялась на сторожевую службу, я считала неудобнымъ и должна была сидѣть въ своей избушкѣ безвыходно; такъ продолжалось до 22 ноября.

Вечеромъ, совсѣмъ было темно, когда прибѣжалъ денщикъ извѣстить меня, что сейчасъ въ походъ на выручку нашимъ, но никто не зналъ, куда. Ночь была, что называется, черная: ни малѣйшаго просвѣта. Денщикъ и солдатикъ понесли чемоданы къ офицерскимъ повозкамъ. Подали мнѣ лошадь. Болгары и болгарки моей квартиры стояли у выхода и прощались со мной. Куда мы идемъ? Такъ темно. «Гайда на Елену. Тамъ има турекъ, много турекъ!» Я сѣла на лошадь, но не могла и шагу сдѣлать отъ темноты; небольшой фонарикъ

съ огаркомъ свѣчи помочь мнѣ съ помощью солдата добраться до лазаретной линейки. Лошадь я отправила съ солдатомъ къ отцу. Устроившись въ линейкѣ, которая ѣхала за вторымъ батальономъ, я прислушивалась къ тихому разговору въ непроглядной тьмѣ. Солдаты шлепали сапогами по грязи, едва вытаскивая ноги, впереди гдѣ-то болтался единственный фонарь. «Куда же мы идемъ, не зная дорогъ въ такой темнотѣ?» спрашивала я солдатъ.—«Не могу знать—отвѣчали они:—только впереди ведетъ болгаринъ съ фонаремъ; приказано идти какъ можно тише; говорятъ, что турки очень близко въ большомъ количествѣ. Эхъ, кабы они знали, что мы едва полземъ по этой грязи, дали бы намъ трепку! А имъ-то вѣдь также идти надо, тоже, небось, ногъ не вытащить. А вотъ коли въ засаду попадемъ, тогда безъ пользы пропадешь. «Не знаю, долго ли мы ѣхали, но вдругъ получился сильный толчокъ въ повозку и она быстро остановилась,—что-то случилось. «Стой! стой! огня!» У меня былъ фонарикъ. Я сильно ударила въ брезентъ съ правой стороны, который распоролся по шву, и я съ фонаремъ высунула руки и голову наружу. Освѣщенная картина была ужасна: линейка была запряжена четверкой лошадей; двѣ правыхъ лошади висѣли на постромкахъ, только спины и головы были видны изъ воды. Линейка и двѣ лѣвыхъ лошади были на мосту. Солдаты суетились распрягать, но усилія ихъ были напрасны. Сообразивъ въ одно мгновеніе, я крикнула: «Топоръ и ножъ! обрѣзай постромки!» Это моментально было сдѣлано. Лошадей не задавили, но, падая одна за другой, зацѣпилась вторая за шлею; тогда солдаты взобрались имъ на спины, обрѣзали шлеи, и лошади невредимо вышли изъ грязной рѣчки на противоположный берегъ. Линейка задержалась на мосту, благодаря тому, что концомъ правой оси зацѣпилась за каменный столбикъ; тѣмъ только и спаслись отъ крушенія. Съ помощью солдатъ, запасной сбруи и моего фонаря все было приведено въ порядокъ. Я радовалась, что бѣдныя лошадки остались живы и здоровы.

Дальнѣйшій путь прошелъ безъ приключеній; но двигались очень медленно и къ разсвѣту едва добрались до деревни Кадыкой. Я посылала солдата къ отцу сказать ему, чтобъ пришелъ ко мнѣ на чай и заснуть хоть немного. Въ корзиночкѣ, привязанной къ сѣдлу, у меня всегда было что-нибудь запасено, и на этотъ разъ былъ болгарскій хлѣбецъ, сыръ и кусокъ жареной баранины, которые я захватила, такъ какъ мы вечеромъ не успѣли поужинать. Костры уже горѣли, и денщикъ приготовилъ въ мѣдномъ чайникѣ воду, а въ маленькій мельхиоровый чайничекъ засыпалъ чай, и мы немного подкрѣпились и погрѣлись чайкомъ. «Папа, прилягъ немножко, отдохни въ линейкѣ», говорила я. И бѣдный старикъ вошелъ въ линейку и протянулся на носилкахъ. Солдаты, сидя у костровъ, ѣли сухари, размачивая въ манеркахъ, налитыхъ водой, и совсѣмъ не хотѣли спать; они шутили, смѣялись, что перехитрили русскіе

турокъ. Турки спятъ, думаютъ, что мы въ Чаркіой, а мы въ такую-то ночь да въ другой деревнѣ очутились. Эхъ! кабы нарвался гдѣ; погрѣлись бы здорово. Утромъ отправились снова мѣсить болгарскую глину. Но вотъ слышна перестрѣлка, гдѣ-то съ правой стороны бой. Полкъ оживился; куда дѣвалась усталость, и голодь забыли. Но вотъ рѣка, моста нѣтъ: надо лѣзть въ воду. Линейка остановилась. Я хотѣла выйти, но денщикъ посовѣтоваль не выходить, такъ какъ полкъ пошелъ вбродъ. Папа переѣхаль верхомъ на сивкѣ. Перебравшись, мы поднялись на другой берегъ и думали, что намъ прикажутъ итти въ бой, но среди деревни ружья составили въ козлы и солдатамъ объявили приваль.

Отдохнувъ вмѣсто сраженія, мы продолжали нашъ походъ. Поздно пришли мы въ деревню, совершенно пустую; ни одного болгарина не было видно. Всѣ до нельзя устали и голодные размѣстились, кто гдѣ попало. На мою долю выпала изба, безъ оконъ, безъ дверей, и я легла на верандѣ на сѣнѣ, раздобытомъ денщикомъ, сказавъ ему, чтобъ снесъ закусить ротному остатокъ бараньяго жаркого и не смѣлъ говорить, что у меня ничего почти нѣтъ и я легла безъ чаю. Мнѣ страшно дѣлалось, что завтра всѣ будемъ голодать; въ запасѣ у меня еще былъ кусокъ сыру. Я уже стала засыпать, какъ вдругъ возлѣ меня раздалось злобное ворчанье и—о, ужасъ!—въ трехъ шагахъ отъ меня оскалившись большая собака, готовая броситься на меня; я боялась пошевелиться. Оглядѣвшись, я увидѣла разставленныя вдоль стѣны тыквы. Вскочивъ, я схватила одну изъ нихъ и швырнула въ собаку, она немножко отскочила, но затѣмъ съ большей яростью бросилась къ верандѣ, чтобъ вскочить на ступеньки. Я начала швырять въ нее тыквы, которыхъ было много. Лай собаки разбудилъ священника; тотъ подоспѣлъ ко мнѣ на помощь. Собаку прогнали, и она скрылась. Всю ночь я не могла глазъ сомкнуть, только когда стало свѣтать, я заснула. Около шести часовъ священникъ о. Николай былъ уже на ногахъ и рассказываль о сдѣланной на меня атакѣ собакой, которую я отразила тыквами. Оказалось, что недалеко былъ сѣнной амбаръ, куда съ вечера забрались на ночлегъ солдаты, и тамъ были щенятки, спавшія въ сѣнѣ. Мать всю ночь бродила около сарая, а утромъ куда-то скрылась. Не долго думая, я отправилась въ сарай, чтобъ взять щенка, которые были уже порядочные, но они подняли такой визгъ и лай, что вскорѣ и ихъ мамаша прибѣжала къ нимъ на выручку, а мнѣ пришлось спастись бѣгствомъ. Солдатики хотѣли было ее убить, но я имъ строго запретила: «Нельзя, ребята, ее бить: она своихъ дѣтей защищаетъ». Сунулся денщикъ, хотѣвшій доставить мнѣ удовольствіе, но и тотъ долженъ былъ отступить: собака ожесточенно отразила его. Я велѣла оставить ихъ въ покоѣ, разсудивъ, что въ походѣ мнѣ будетъ очень трудно возиться съ собачкой, которая еще требовала материнскаго ухода,

а намъ сейчасъ и самимъ нечего было ѣсть. Солдаты бѣдные были голодны. Но при выходѣ изъ деревни Черметъ у самой дороги открылись двери въ одной избушкѣ, за которыми стоялъ болгаринъ, и на откинутой доскѣ лежали маленькіе хлѣбы. Желая прійти на помощь солдатамъ, я выскочила изъ линейки и стала просить болгарина дать солдатамъ хлѣба; но на мою просьбу онъ отвѣтилъ отказомъ. Я разсердилась не на шутку. «Ахъ, вы, негодные! Солдатъ идетъ два дня голодный выручать и спасать васъ отъ турка, а вы не можете дать ему хоть немножко закусить? Когда мы уйдемъ изъ вашей деревни, дай Богъ, чтобъ турокъ пришелъ бы и порѣзалъ васъ всѣхъ: нашъ полкъ не будетъ васъ защищать». Съ этими словами я протянула ему золотой, говоря: «Дай ляпы на солдатъ». Моя угроза и золотой смягчили жаднаго болгарина. Я взяла себѣ два хлѣба, а на остальные деньги велѣла дать солдатамъ по хлѣбцу; но на всѣ ли деньги дано было, я провѣрить не могла, а велѣла денщику оставаться до тѣхъ поръ, пока весь хлѣбъ не разберутъ. Я видѣла, что въ лавочку заходили идущіе мимо, и имъ давали хлѣбъ; многіе, проходя мимо линейки, благодарили. Когда денщикъ догналъ меня, то доложилъ, что все, что у болгарина было хлѣба, солдаты разобрали. Я потребовала и свою корзинку, взяла оттуда сыръ и ножъ, начала рѣзать на порціи; зная, что у многихъ офицеровъ ничего нѣтъ, предлагала желающимъ по кусочку хлѣба съ сыромъ въ видѣ бутерброда, только безъ масла и водки, а денщику велѣла и папѣ дать хлѣбецъ въ карманъ, чтобъ закусилъ походомъ. Погода въ этотъ день была хорошая. Шли очень весело. Но вотъ вправо показалась деревенька; здѣсь былъ привалъ. Но, по счастью, въ деревнѣ никого не было, она была покинута. Солдаты бросились туда поискать что-нибудь поѣсть. Говорятъ, что подкрѣпились кое-чѣмъ. Но когда тронулись дальше, то оказались ослабѣвшіе солдаты; нѣсколько человѣкъ лежало вдоль дороги. Я одного осмотрѣла сама,—оказалось, что это былъ чужого полка; кое-гдѣ были и наши. Я думала, что они отъ голода ослабѣли, но къ голодной слабости прибавилась и винная слабость: въ деревнѣ они нашли въ подвалахъ бочки съ винограднымъ виномъ и полакомились. Но такъ какъ вино было еще молодое, то на всѣхъ не имѣло вліянія, только нѣкоторые попадали.

VIII.

Сраженіе при Еленѣ.—Недоразумѣніе между солдатами и сестрой милосердія.—
Перевозка на мѣстѣ боя.—Послѣ боя на бивуакѣ.—Стоянка въ Златарицѣ.

Ружейная и орудійная перестрѣлка все время шла во время похода, мы къ ней привыкли и почти не обращали на нее особеннаго вниманія. Но тутъ звукъ ея сталъ ярче и отчетливѣй. Послышалась команда. Нашъ генераль Малаховъ появился въ сопровожденіи

адъютанта и офицеровъ, и части стали раздѣлять; значить—дѣло. Собравъ все необходимое для перевязки, я пошла на дѣло, на которое себя посвятила. Не замедлило оно,—поле стало покрываться ранеными. Нашъ фельдшеръ Карпица, заболѣвшій ревматизмомъ, едва могъ ходить и, несмотря на собственные страданія, ползалъ отъ одного раненаго къ другому, помогая мнѣ или перевязывая самостоятельно. Проѣзжавшіе драгуны съ любопытствомъ глядѣли на меня и на мою работу на самомъ мѣстѣ боя. Я такъ освоилась съ пулями, гранатами и картечью, что уже ни малѣйшаго вниманія не обращала на нихъ; все вниманіе мое сосредоточивалось только на падавшихъ отъ ранъ или контузій, которой подвергся и нашъ майоръ Врачанскій, упавшій на моихъ глазахъ въ числѣ нѣсколькихъ солдатъ. Я подошла къ раненому; кеги съ головы слетѣло, и волосы были въ крови. Смочивъ водою мѣсто ушиба, я замѣтила ссадину. Сдѣлавъ компрессъ и обвязавъ голову косынкой, отправила его къ докторамъ на перевязочный пунктъ. Въ этомъ мѣстѣ ударились граната въ дерево, раздробила его и, разорвавшись, поразила осколками сразу нѣсколько человѣкъ. Пока я ихъ перевязывала, ко мнѣ подѣхалъ ординарецъ командира полка, поручикъ Краузе, сказавъ, что командиръ полка велѣлъ мнѣ удалиться съ этого мѣста, такъ какъ сюда сосредоточенъ турецкій огонь. Я махнула рукой, продолжая свою работу. Бой сталъ стихать, мы подбирали раненыхъ. Поручикъ Краузе была верхомъ. Уже начало смеркаться. Къ счастью, денщикъ нашъ былъ недалеко съ моею лошадыю и, сѣвъ на лошадь, я пустила его къ отцу. И мы втроемъ, Краузе съ фельдшеромъ и я, стали объѣзжать поле. Изъ ущелья мы собирались уже выѣхать, какъ вдругъ взводъ солдатъ окружилъ меня съ ружьями, которые опустили на лѣвую руку; сомкнулись вокругъ меня, говоря, что я турчанка и меня надо въ плѣнъ. Я остановилась и заинтересованная, ни слова не отвѣчала, не зная еще, выводить ли ихъ изъ заблужденія, или ждать, что будетъ дальше. Я улыбнулась. Ординарецъ Краузе, немного отставшій, не спѣшилъ, разговаривая съ фельдшеромъ, не предполагая чего-либо дурного. «Чего же молчишь? ничего не отвѣчаешь?» проговорилъ бывший при этой части солдатъ, унтеръ-офицеръ. Я смотрѣла на него и на остальныхъ, и они меня осматривали. Ружья смыкались. Я умышленно молчала. «Да чего думать, ребята, надо вести къ начальству!» Но такъ какъ солдаты были чужого полка и не знали меня, то они и вправду могли бы меня завести куда-нибудь. «Ребята—обратилась я къ нимъ:—если вы будете заирать въ плѣнъ лицъ санитарнаго отряда, то на завтра будетъ бой и некому будетъ дѣлать вамъ перевязки. Подумайте, что вы хотите дѣлать?»—«Да что? тамъ начальство разберетъ», отвѣчали. Но унтеръ не зналъ, на что рѣшиться, стоялъ въ недоумѣніи. Я тронула лошадь. «Никакъ нѣтъ! нельзя! пойдѣмъ къ батальонному!» Дѣлать было нечего. Оглянувшись, я крикнула:

«Александръ Ивановичъ! поторопитесь!» Поручикъ сталъ подъѣзжать. Увидавъ офицера, они подняли ружья, но не разступались. «Въ чемъ дѣло?» спросилъ поручикъ Краузе, видя меня окруженной солдатами и не предполагая ничего дурного. «Посмотрите, какая дерзость! эта кучка солдатъ, вѣроятно страдаетъ куриной слѣпотой, что не видитъ на моемъ рукавѣ перевязку съ краснымъ крестомъ и хочетъ взять меня въ плѣнъ». — «Разомкнись! — скомандовалъ поручикъ. — Вы какого полка?» Цѣпь разомкнулась, а онъ остановилъ лошадь рядомъ съ моей. Тутъ подошелъ и фельдшеръ Карпица. «Вы что здѣсь дѣлаете? Гдѣ ваша часть? Вы почему отстали?» Солдаты, видимо, трусили. «Ступайте своей дорогой къ полку! Завтра будетъ донесено вашему командиру». Эта задержка была причиной, что мы потеряли направленіе, по которому двигался нашъ полкъ. Передъ нами открылась поляна, и у подножія двухъ деревьевъ лежалъ человѣкъ. Мы повернули лошадей по направленію къ нему. Надо было проѣхать около 50-ти сажень, какъ мнѣ тогда казалось. Но вотъ раздался выстрѣлъ, и пуля просвистала около моего уха. Не было никакого сомнѣнія—это былъ раненый турокъ, который, предполагая непріятеля, не хотѣлъ сдаться намъ. На мой вопросъ: «Что дѣлать?» Поручикъ Краузе сказалъ: «Вернуться. Я бы его застрѣлилъ, но прежде, чѣмъ мы подъедемъ, онъ насъ тронхъ погубить, а мой револьверъ на 25 шаговъ всего». Такъ мы вернулись. Передъ нами открылась одинокая огромная гора, за нею слышались выстрѣлы, и мы направились къ ней, предполагая, что наши преслѣдуютъ турокъ за горой. Но вотъ предъ нами рѣчка. Мы остановились и не знали, что дѣлать и гдѣ перейти ее вбродъ. Уже темно, пуститься въ рѣку страшно. «Карпица, осмотри берегъ: можетъ быть, есть слѣды». Пока онъ ходилъ осматривать, на другомъ берегу стали показываться огни. Мы стали присматриваться къ движенію людей, предполагая, что это наши; костры разгорѣлись, и съ ужасомъ мы стали различать красныя головы, несомнѣнно, турки. Что дѣлать и куда направиться? Затаивъ дыханіе, мы слѣдили за тѣмъ, что дѣлалось на противоположномъ берегу. Но вдругъ позади насъ въ довольно отдаленномъ разстояніи раздалось: «Рады стараться, ваше высокоблагородіе!» Привидѣніе спасло насъ отъ страшной опасности. Мѣсто, гдѣ мы были, было совершенно открыто; турки среди костровъ не могли видѣть насъ въ окружавшей насъ темнотѣ, но намъ надо было быть очень осторожными, чтобъ не выдать себя. Малѣйшій шорохъ или ударъ копыта о камень—и мы пропали бы! Тихонько повернувъ лошадей и велѣвъ фельдшеру итти съ нами, мы старались ѣхать по травѣ, чтобы не слышно было шаговъ лошади. Моя болгарка не слушалась меня; я перестала ею управлять, и она скоро вывела насъ на дорожку, шедшую черезъ мелкій лѣсокъ, и пустилась скорымъ шагомъ по каменистой дорожкѣ. Поручикъ Краузе не отставалъ, только отставшій фельдшеръ сталъ

кричать во все горло. Я хотѣла вернуться, но Краузе успокоилъ меня, говоря, что разъ солдатъ вышелъ на дорогу, то онъ дойдетъ. Моя милая лошадка привела насъ къ полку.

У насъ тоже были разложены костры, около которыхъ кружились солдаты. Увидавъ насъ, они обрадовались, сообщивъ намъ, что всѣ очень беспокоились, что барыня пропала, офицера и фельдшера нѣтъ.—«Я и офицеръ здѣсь, а кто-нибудь изъ васъ пойдите по дорожкѣ навстрѣчу Карпицѣ, вы его скоро найдете».—«У насъ костры видны далеко: самъ подойдетъ», отвѣчали весело солдатки.—«Проводите меня къ 5-ой ротѣ!»—«Я! я!»—послышались голоса, —пожалуйте!» По пути слышались голоса: «Наша барыня наплась! Слава Богу!»—«А что? развѣ вамъ жаль было меня?»—«Какъ не жаль. Мы думали, къ туркамъ попались».—«Я близко была, скажу вамъ, что они за лѣскомъ, у самой рѣчки костры разжигаютъ и цѣпь разводять».—«Боже мой!»—раздался голосъ командира полка—Софья Александровна, гдѣ вы пропадали? Мы думали, что вы убиты или въ плѣнъ попали».—«Жива и здорова, благодаря Бога! Чуть турокъ мнѣ носъ не отстрѣлилъ, а вашему ординарцу ухо за то, что его хотѣла перевязать. А поручикъ Краузе чуть не сдалъ меня въ плѣнъ туркамъ, доведя до самой рѣчки», пошутила я.—«Никакъ нѣтъ, г. полковникъ! Сестра милосердія хотѣла отдать меня туркамъ, чтобъ посадили на колъ за ея свободу; ежели бы мы прошли рѣку вбродъ, то и были бы у нихъ въ рукахъ, они недалеко, съ полверсты отъ нашего бивуака». Отецъ со слезами обнялъ меня, радуясь моему возвращенію. Меня провели въ самую ближайшую избушку въ деревнѣ Златарицѣ, гдѣ уже хозяйничалъ нашъ полкъ, несмотря на то, что была уже ночь. Итакъ, сегодня въ первый разъ за мою бытность въ Болгаріи грозила мнѣ опасность отъ солдатъ чужихъ, хотя и русскихъ, но не знавшихъ меня, и ежели бы не было при мнѣ офицера нашего полка—быть застрѣленной туркомъ и попасть среди ночи въ турецкій бивуакъ. Объ этомъ я отцу не говорила, чтобъ онъ не беспокоился, но командиру полка было все извѣстно отъ ординарца.

25-го, около 10 часовъ утра полковникъ Прокопе прислалъ своего денщика съ просьбой прійти къ нему. Войдя на маленькій дворикъ около дома, гдѣ была его квартира, я увидала группу людей, окружавшихъ стоявшія на землѣ носилки. Навстрѣчу шелъ ко мнѣ полковникъ; протягивая руку, онъ извинился, что меня побезпокоилъ. «Не извиняйтесь, Викторъ Борисовичъ! Я хоть и добровольца, но подчиняюсь вашимъ приказаніямъ по исполненію принятыхъ мною на себя обязанностей сестры милосердія 101-го пѣхотнаго полка».—«Да, но вы вчера меня не послушались и не сошли съ позиціи».—«Совершенно вѣрно, полковникъ! Но тогда я уже не могла бы быть ангеломъ-хранителемъ вашего полка, добрымъ геніемъ, какъ вы меня называете, а геній страха не знаетъ, и мое отступленіе съ самаго опаснаго пункта могло показаться трусостью, а во

мнѣ ея не можетъ быть. Жанна д'Аркъ шла впереди!» Этой фразой разговоръ оборвался, онъ вспомнилъ сказанное на чаркѣйской позиціи.—«Я послалъ просить васъ осмотрѣть раненаго». И мы подошли къ группѣ. Окружавшіе разступились, раскланиваясь. На носилкахъ лежалъ громаднаго роста турокъ, блѣдный, какъ мертвецъ; на неподвижномъ лицѣ лежалъ отпечатокъ страшныхъ страданій. Мнѣ его стало жаль. Открывъ сумку съ перевязочнымъ матеріаломъ, я велѣла снять съ него покрывавшее его пальто. Изъ сапога сочилась кровь. Не долго думая, я взяла ножикъ, острый, какъ бритва, и разрѣзала все голенище. Сапогъ былъ полонъ запекшейся крови: ниже колѣна была рана съ раздробленіемъ кости. «Позовите скорѣе доктора! Лубки, гипсъ, вату и бинты! Гдѣ вы его взяли?» спросила я. Солдаты объяснили, что его нашли на большомъ лугу около деревьевъ. «Такъ это тотъ, который стрѣлялъ вчера въ меня, когда я обходила поле сраженія. Жаль, что ему нельзя понять меня».—«Здѣсь есть драгоманъ, онъ будетъ переводить, говорите», сказалъ полковникъ. И ко мнѣ подошелъ какой-то молодой человѣкъ.—«Скажите, что эфенди былъ бы вчера перевязанъ и убранъ съ поля подъ крышу дома и не страдалъ бы такъ, и не потерялъ бы столько крови. Зачѣмъ онъ стрѣлялъ, когда я къ нему ѣхала верхомъ?» Драгоманъ заговорилъ съ турецкимъ офицеромъ на его родномъ нарѣчій. Тотъ открылъ глаза и обвелъ ими окружающихъ, остановилъ взоръ на мнѣ и сказалъ что-то по-турецки. Драгоманъ перевелъ: «Онъ не думалъ, что помощь ему будетъ: онъ думалъ, что врагъ идетъ взять его въ плѣнъ».—«Но вы все равно въ плѣну; только вы не страдали бы такъ долго».—«Я ожидалъ, что ко мнѣ придутъ мои товарищи, но вмѣсто нихъ—русскій офицеръ и дама».—Я показала ему на крестъ на моемъ рукавѣ и сказала, что я сестра милосердія. Тутъ и докторъ подошелъ съ фельдшеромъ; у командира былъ самоваръ готовъ, достали теплой воды, съ трудомъ освободили ногу отъ сапога и обмыли отъ крови. Я все время слѣдила за тѣмъ, чтобы не причинить ему страданій. Когда перевязка была окончена, и нашъ эфенди почувствовалъ облегченіе, тогда только, прикладывая руку ко лбу, къ сердцу, воззвалъ: «Аллахъ, Аллахъ!» Я вернулась въ свою избушку, гдѣ нашла цѣлый складъ приношеній отъ дорогихъ пермцевъ: здѣсь лежалъ кусокъ свинины, круглая большая корзина миндаю, громадный кувшинъ краснаго винограднаго вина, сушеная слива и другія ягоды. «Кто принесъ все это? чье это?» спросила я у денщика.—«Солдатики, сударыня; просили вамъ доложить, что это для васъ, вы вѣдь также ничего не имѣли. Покушайте!»—«Спасибо имъ! А ты знаешь, кто принесъ? Скажи, чтобъ пришли ко мнѣ».—«Слушаю».—«Савашевичъ! достань пожалуйста гдѣ-нибудь корицы и гвоздики».—«Постараюсь». Я принялась разбирать мое хозяйство. «А гдѣ же они свинину взяли?— снова обратилась я къ денщику:—вѣдь турки свинины не ѣдятъ».—

«Да вчера вечеромъ послѣ бою, какъ пришли въ деревню, такъ она оказалась пустою, никого не было, только нѣсколько свиней съ поросятами гуляли, такъ ихъ и переловили да сегодня варятъ, жарятъ. Свиныи-то, пожалуй, и не турецкія, да гдѣ солдату разбирать, чьи свиньи, коли жрать хочется? Съ самаго Чаркіоя, поди, горячей пищи не видали, только сухари съ водой грызли, да и тѣхъ нѣтъ». — «А что ты намъ сварить?» спросила я. — «Да вотъ въ корзинкѣ есть рисъ да кусокъ баранины—давеча достала въ деревнѣ, такъ сжарю съ рисомъ, будетъ всё». — «Ну, ладно. Тогда свари свинину завтра къ обѣду». А сама отправилась осматривать избушку; но это не все: былъ рядомъ еще домъ изъ двухъ комнатъ и кладовая. Здѣсь я нашла немного пшеничной муки, немного капусты, довольно порядочный мѣдный котелъ, кофейникъ, мѣдное вылуженное блюдо или чашку, скорѣе похожую на большую тарелку, гдѣ десятирьмъ можно было ѣсть, и громадный ятаганъ. Позвала денщика и велѣла взять, кромѣ ятагана, эту посуду, вычистить и вымыть, выварить и завтра варить щи въ мѣдномъ котлѣ. Въ часъ обѣда былъ готовъ.

Ожидая отца и священника, я вспомнила, что оставила найденный ятаганъ въ другой избѣ. Я отправилась за нимъ и смѣло вошла. Но каково было мое удивленіе, когда нашла домъ не пустой, а вдоль стѣнъ на соломѣ спящихъ нашихъ офицеровъ, отца, полкового адъютанта, поручика Краузе и батюшку о. Николая. Оглянувшись, не долго думая, я вошла въ кладовую, взяла ятаганъ въ руки и тутъ же лежавшую новенькую феску, которую надѣла на голову и, чтобъ самой не будить каждаго крѣпко спящаго, войдя снова въ комнату, я ударила ятаганомъ обо-что-то и крикнула: «Господа! турки!» Первый сорвался адъютантъ со словами: «Чортъ возьми! гдѣ?» А сама скорѣй за дверь. Войдя въ свою избушку, какъ ни въ чемъ не бывало, велѣла денщику итти звать господъ обѣдать. «Да не знаю, гдѣ найду я господъ». — «Поди въ хату, гдѣ мы брали посуду; я видѣла, что туда они шли—нашъ баринъ и батюшка, да зови всѣхъ, кого найдешь». Денщикъ скоро вернулся и рассказалъ, что тамъ всѣ испугавшись, говорятъ, что въ ихъ комнатѣ былъ турокъ, самъ адъютантъ его видѣлъ съ ятаганомъ, ищутъ его во всѣхъ углахъ и на чердакѣ и удивляются, куда онъ дѣлся. Черезъ четверть часа вся компанія явилась. Первый вошелъ папа, отецъ Николай и другіе. Когда всѣ поздоровались, папа обратился ко мнѣ: «Вообрази, Соня, этотъ пустомеля Гродзицкій чепуху городить, увѣряетъ, что въ сосѣдней избушкѣ, гдѣ мы всѣ легли отдыхать въ ожиданіи обѣда, былъ турокъ,—самъ онъ видѣлъ,—съ феской на головѣ и кривой саблей въ рукѣ, даже звукъ слышалъ отъ сабли». Я едва удержалась, чтобы не смѣяться, и, сдѣлавъ серьезное лицо. выслушивала, какъ всѣ рассказывали, какое впечатлѣніе произвелъ на нихъ адъютантъ и какъ они всѣ углы осмотрѣли и нигдѣ ни-

кого ни нашли. Поручикъ Краузе, сдерживая смѣхъ, сказалъ, что адъютантъ подверженъ припадкамъ галлюцинацій, онъ это хорошо знаетъ, такъ какъ они жили вмѣстѣ, а тутъ, вѣроятно, хлебнулъ ракин или вина болгарскаго, вотъ ему и приснился вмѣсто чорта турокъ, который схватилъ его за бороду и хотѣлъ перерѣзать горло. Смѣху и шуткамъ не было конца. Моя шутка осталась до сихъ поръ никому неизвѣстной, теперь о ней сама пишу съ улыбкой и думаю, какъ бы мнѣ досталось отъ его невѣсты за испугъ, который я ему причинила и за то, что товарищи шутили. Хотя мы и пользовались послѣ двухдневнаго похода и боя нѣкоторымъ отдыхомъ, но турки были близко и могли каждую минуту напасть, такъ какъ слышалась сильная перестрѣлка. Но все обошлось благополучно.

26-го я на краю деревни въ своей избушкѣ велѣла денщику пристроить вчера найденный котелокъ для варки обѣда. Работа шла во всемъ разгарѣ, обѣдъ уже былъ готовъ, какъ вдругъ раздался орудейный выстрѣлъ, и граната грохнулась гдѣ-то очень близко. Поднялась тревога. Весь полкъ снялся. Мнѣ приказано было занять квартиру среди деревни и ждать приказаній. Денщику я приказала обѣдъ не трогать, пока меня не уведомятъ. Часа два прошло. Выстрѣловъ не было слышно. И снова всѣ вернулись въ деревню, гдѣ теперь полкъ стоялъ бивуакомъ. Папа вернулся и, обращаясь ко мнѣ, попросилъ обѣдать. Но каково было мое неудовольствіе и всѣхъ ожидавшихъ сытнаго обѣда, когда денщикъ рассказалъ, какъ отецъ Николай, придя на мѣсто, гдѣ варился обѣдъ, объявилъ денщику, что полкъ ушелъ, велѣно всѣмъ сниматься и г. г. офицеры не будутъ обѣдать, приказалъ себѣ налить шей, поѣлъ свинины, а денщикамъ все съѣсть и котелокъ вымыть. «Ахъ, ты, негодяй! а ты былъ у барыни и спросилъ ея приказаній?» — «Никакъ нѣтъ!» Тутъ стали приходять приглашенные къ обѣду, и каково было разочарованіе, когда выслушали повтореніе разказа. Никто изъ прибывшихъ не составилъ исключенія, чтобъ не сдѣлать выговора денщикамъ и не выругать заочно, а при встрѣчѣ и лично батюшку за вмѣшательство въ дѣла, его не касающіяся.

Перенеся весь мой скарбъ въ избу среди деревни, я уже спокойно могла сидѣть дома, грѣясь у огромнаго камина. Не разъ приходившій къ намъ вечеромъ Викторъ Борисовичъ заставлялъ меня сидящей на низенькомъ болгарскомъ столикѣ передъ огнемъ съ большимъ мѣднымъ чайникомъ, въ которомъ я варила имъ изъ болгарскаго краснаго вина, которое охотно продавали болгары цѣлыми кувшинами по 25 коп., глинтвейнъ въ темной большой комнатѣ, освѣщенной только пламенемъ камина, въ которомъ я поправляла дрова длинной палкой. Однажды онъ вошелъ неожиданно, безъ доклада денщика. Я тогда обернулась, когда раздался его голосъ: «Какая чудная картина! Вы какъ цыганка-ворожея, мѣшая въ тиглѣ и кострѣ, вопрошаете таинственныя силы о судьбѣ вашихъ

товарищей, а въ томъ числѣ и о моей судьбѣ. Надѣюсь, что предвѣщанія благополучны для всѣхъ?»—«Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось приподнять завѣсу и заглянуть въ будущее, но для меня это немислимо; я незнакома съ наукой индійскихъ мудрецовъ. Но по тому спокойствію въ моей душѣ я могу предположить, что ни вамъ и никому изъ полка не грозитъ опасность; мы вступили побѣдоносно и окончимъ побѣдой», сказала я.—«Дай Богъ! и я надѣюсь, ангель хранитель моего полка, не покидайте полкъ; пока вы среди насъ, я чувствую и увѣренъ, что счастье намъ будетъ сопутствовать».—«Полковникъ! я еще не думала покинуть полкъ».—«Да, но вашъ отецъ очень былъ опечаленъ долгимъ вашимъ отсутствіемъ 24-го въ позднюю ночь на полѣ сраженія; я видѣлъ на его блѣдномъ лицѣ страшную тревогу и страданіе. Я самъ былъ въ отчаяніи. Вашего отца страшно это потрясло, и онъ только и говорить, что вамъ пора уѣхать».—«Нѣтъ, полковникъ, этого не будетъ! Пока отецъ мой съ полкомъ, и я останусь въ полку и не покину отца одного; что бы ни случилось со мной, я все перенесу. Но я увѣрена, что Провидѣніе, сохранитъ насъ всѣхъ».—Послышавшіеся голоса у входа прервали нашъ разговоръ. Отецъ въ сопровожденіи товарищей вошелъ, и денщикъ внесъ двѣ свѣчи, вставленныя въ надрѣзанныя тыквы вмѣсто подсвѣчниковъ. Разговоръ сдѣлался общимъ. На столѣ, накрытомъ скатертью, появились стаканы и самоваръ, который притащили изъ квартиры командира полка. Долго шла бесѣда за чаемъ и глинтвейномъ; къ ужину денщикъ подтянулся и прилично накормилъ. «Господа!—поднимаясь со скамьи, укрѣпленной на боченкахъ, проговорилъ полковникъ Прокопе:—пора по своимъ мѣстамъ, и сестрѣ милосердія пора на отдыхъ; турки у насъ подъ самымъ носомъ; что они завтра намѣрены предпринять, намъ неизвѣстно, но нужно быть на-сторожѣ. А вы, Александръ Кузьмичъ, не безпокойтесь больше о судьбѣ вашей дочери, она больше не отстанетъ отъ полка и не она виновата, а солдаты, окружившіе ее съ ружьями и хотѣвшіе взять въ плѣнъ, задержались, и вотъ почему всѣ трое потеряли направленіе полка и заблудились. Я уже сообщилъ объ этомъ ихъ командиру полковнику Красовскому».

IX.

Жизнь на позиціи.—Извѣстіе о паденіи Плевны.—Перемѣна полкового командира.—Прощаніе съ нимъ полка.

Хотя нашъ полкъ стоялъ въ деревнѣ Златарицѣ, повидимому, совершенно спокойно, но это только такъ казалось мнѣ, на самомъ же дѣлѣ отдѣльныя части дѣлали вылазки, лазили по горамъ, высматривали непріятели, который былъ очень близко и работалъ тоже, укрѣпляя занятыя имъ позиціи. Деревня не представляла

ничего особеннаго въ архитектурномъ отношеніи, но она была расположена въ очень живописной мѣстности. Это было обширное ущелье, среди котораго протекала рѣка Златаричка. На одномъ ея берегу шла дорога, вдоль которой расположились домики лицомъ къ рѣкѣ, а по другую сторону огромныя горы, покрытыя лѣсомъ, въ которыхъ скрывался турокъ и на которыхъ въ зрительную трубу видно было, какъ они то въ одномъ, то другомъ мѣстѣ своихъ позицій рылись, какъ кроты въ землѣ, дѣлая ложементы. Отецъ часто подзывалъ меня, передавая трубу, указывая мѣста ихъ работъ. Влѣво и вправо открывался видъ на отдаленныя горы, вершины которыхъ были покрыты снѣгомъ. Однажды, прогуливаясь съ командиромъ полка, онъ обратилъ мое вниманіе на эти бѣлыя вершины, которыя при заходѣ солнца покрылись розовой дымкой. Картина была чудная. Казалось, лѣсъ своею бархатной бахромою окаймлялъ розовое облако, легкое, какъ газъ, а огромныя деревья какъ будто были укрѣплены на немъ, на фонѣ голубого неба. Эта картина была достойна кисти великаго художника, но ни одинъ изъ нихъ не могъ бы передать на полотнѣ величіе, очарованіе, блескъ и красоту ея, когда природа снѣжныя горы одѣваетъ въ розовый газъ. Я моимъ несмѣлымъ перомъ не берусь передать. «Alpen Röhre,—произнесъ Викторъ Борисовичъ:—только въ Альпахъ можно видѣть подобныя картины». Но вотъ картина скоро измѣнилась: снѣгъ перемѣнилъ цвѣтъ въ голубой, потухъ золотистый отблескъ, и сѣрыя сумерки стали заволакивать, а изъ вида терялись контуры. Не разъ еще гуляли мы при заходѣ солнца, но чудная картина не повторялась больше.

Бивуакъ полка былъ среди деревни вдоль берега рѣки; здѣсь близъ воды у солдатъ вмазаны котлы въ выкопанныя ямки, подъ ними огонь. Они варятъ себѣ кушанья; ружья составлены въ пирамидальныя кучки штыками вверхъ; другіе солдаты, лежа у огня, грѣются и рассказываютъ, какъ ночью пробирались «турку накрыть врасплохъ, уже близехонько подобрался, да песь проклятый помѣшалъ».—«Какъ песь?»—«Да такъ! У турокъ на посту была собака; какъ услышала, али снюхала, что русскимъ духомъ пахнетъ, давай лаять да и турокъ подняла. Самимъ жутко стало. Тихохонько пробрались назадъ».—«Эхъ, черти! да што жъ что собака залаяла? А вы бы и опомниться имъ не дали да въ штыки!»—«Оно и хотѣлось, да приказа не было: офицеръ былъ съ нами». По обыкновенію я сидѣла въ своей избушкѣ передъ каминомъ, мѣшая головешки и подкладывая дрова въ ожиданіи отца, который былъ на службѣ или гдѣ-нибудь въ обществѣ офицеровъ; только денщикъ хлопоталъ о самоварѣ и ужинѣ. Такъ было и 29-го ноября. Но въ этотъ вечеръ, принеши дрова, и денщикъ исчезъ. Была кругомъ меня тишина, и, углубившись въ думы, я не слыхала ничьихъ шаговъ. Но вдругъ дверь порывисто отворилась, и полковой адъютантъ,

поскользнувшись, растянулся во всю длину своей тонкой фигуры... «Ура! Плевна пала!—вскочивъ на ноги, повторялъ адъютантъ:— ура! Плевна пала!» Не довѣряя ему, я со смѣхомъ отвѣчала: «Вижу лично, что вы изображаете Османа!»—«Ура! Плевна пала!» Съ этими словами онъ отворилъ дверь. «Развѣ вы не слышите, что музыка играетъ гимнъ?» Дѣйствительно, полковой хоръ музыкантовъ исполнялъ «Боже, Царя храни!» и громовое «ура!» несло къ рѣкѣ, въ ущелья, а эхо повторяло его въ отдаленіи. Сердце мое билось отъ радости. Я ничего не могла говорить отъ восторга, только вырвалось у меня: «Съ нами Богъ!» Но вотъ еще бѣгутъ вѣстники великой радости; вотъ и отецъ: «Сонечка, поздравляю: Плевна наша, конецъ войнѣ! Командиръ пришелъ въ нашъ батальонъ, принесъ намъ эту радостную вѣсть; сейчасъ онъ сюда придетъ». Полковникъ не замедлил явиться.—«Ну, героиня! Плевну взяли. Ура!» Снова всеъ подхватили на бивуакѣ, и снова понеслось «ура» по ущелью, благодаря водѣ и тишинѣ ночной. Музыка еще играла гимнъ. Долго-долго за полночь никто отъ радости не могъ утомиться. Я просила остаться на радостяхъ, но никто не остался; всеъ пошли къ частямъ, боясь, чтобъ турки, пользуясь всеобщимъ восторгомъ, не напали бы врасплохъ. Когда всеъ ушли, папа взялъ подзорную трубу и направилъ на турецкую позицію, гдѣ всегда виднѣлись огни, теперь ихъ не было. Наскоро выпивъ чай и перекусивъ немного, надѣвъ черезъ плечо подзорную трубу, онъ вышелъ и не возвращался до разсвѣта.

Утромъ за чаемъ онъ мнѣ сообщилъ, что нашъ полкъ слѣдилъ за турками, которые такъ были напуганы съ вечера нашимъ «ура» и музыкой, что всю ночь костровъ не зажигали и ожидали, что мы пойдемъ на нихъ атакой, и приготовились дать намъ отпоръ. Наши солдаты-развѣдчики успѣли собрать болѣе подробныя свѣдѣнія и донесли, что турокъ не видать на позиціи. Скоро нашлись смѣльчаки, которые дошли до бивуака турецкаго отряда и донесли, что турки оставили его и, вѣроятно, изъ страха, что на нихъ нападѣмъ, или и до нихъ дошли вѣсти, что Плевна сдалась, и они ушли поспѣшно. Мѣсто изслѣдовали и тогда, собравшись нѣсколько человекъ, предприняли поѣздку въ горы; присоединилась и я, папа былъ тоже съ нами. Мы поднялись на большую гору, она была со стороны нашего бивуака покрыта густымъ лѣсомъ, который переплетался кустарникомъ, гдѣ турокъ великолѣпно могъ скрываться отъ насъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наблюдать за нами, такъ какъ находился на сильно возвышенномъ мѣстѣ. Здѣсь во многихъ мѣстахъ были вырыты канавки, въ стѣнѣ которой были прорѣзы къ нашей сторонѣ, такъ что, засѣвъ въ канавкахъ, они безопасно могли черезъ прорѣзы стрѣлять подходившаго непріятели. Наконецъ мы очутились на полянѣ, совершенно почти открытой; на ней видны были мѣста налатокъ, шалашей изъ кукурузной соломы; кое-гдѣ валя-

лись остатки рваной одежды, битой посуды. Интереснаго ничего не было, кромѣ прогулки.

Но вотъ въ первыхъ числахъ декабря во время прогулки по берегу Златарички нашъ командиръ полка объявилъ мнѣ, что онъ на дняхъ покидаетъ нашъ полкъ, такъ какъ по волѣ государя императора онъ назначается командиромъ Финскаго стрѣлковаго батальона. «Софья Александровна! я еще изъ Чаркїоя писалъ женѣ, чтобъ она выслала вамъ шубку и всю теплую одежду. Теперь при переходѣ Балканъ она вамъ необходима, но до сихъ поръ еще ничего не получено, и я очень сожалѣю, что, благодаря систовскимъ порядкамъ, вамъ придется мерзнуть». — «Викторъ Борисовичъ! напрасно вы беспокоили вашу супругу высылкой вещей, которыя обременяютъ меня во время похода». — «Но вы все-таки ее должны получить, объ этомъ скажу, чтобъ дивизионный адъютантъ позаботился, потому что посылки высылаются въ штабъ дивизіи. Затѣмъ я сожалѣю очень вашего отца, ему слѣдовало бы получить чинъ, но его почему-то представили къ ордену; я долго спорилъ съ генераломъ объ этомъ и ежели бы я оставался, то слѣдующая награда была бы производство». — «И это правильно было бы, Викторъ Борисовичъ, потому что отецъ мой образованный и со специальной военной подготовкой, онъ готовился въ академію генеральнаго штаба, онъ работалъ и дни, и ночи, но, какъ всегда и вездѣ, интриги играютъ видную роль; отцу моему нуженъ хлѣбъ, а не украшенія. Украшенія хороши человѣку одинокому или имѣющему средства большія. Мой отецъ въ послѣднемъ чинѣ со старшинствомъ. Вѣдь не въ Пермскомъ полку онъ началъ свою службу; онъ во время Севастопольской войны былъ уже на службѣ въ Великолуцкомъ полку, переведенъ былъ въ Ново-Ингерманландскій полкъ, участвовалъ въ усмирении польскаго мятежа. Вездѣ онъ шелъ въ умственномъ развитіи впереди, а не тянулся за другими. А здѣсь его осаживаютъ потому, что онъ сѣлъ на шею, какъ они выражаются. Но это участь всѣхъ, и тѣ, которые интригуютъ, вѣдь тоже не дѣти Пермскаго полка, а тоже сѣвшіе на шею другимъ. За Осиково отецъ долженъ былъ бы быть представленъ къ Георгіевскому кресту; этотъ крестъ хочется получить командиру батальона, а офицеры при мнѣ поздравляли отца за Осиковскій бой съ Георгіемъ, а наслѣдникъ цесаревичъ въ Бѣлѣ сказалъ генералу Макшееву: «Отецъ герой и героиня дочь». Я думаю, былъ онъ удивленъ непредставленіемъ къ Георгію героя, взявшаго Осиковскую позицію». «Да, Софья Александровна, въ то время я самъ думалъ такъ же; но я слишкомъ короткій срокъ командовалъ полкомъ, всего только нѣсколько дней, и спорить на первыхъ порахъ съ начальствомъ не хотѣлъ; но со временемъ эта ошибка могла бы быть заглажена». — «Но судьбѣ не угодно; вы уходите отъ насъ, дорогой Викторъ Борисовичъ, и насъ окутываютъ сѣренькіе будни, я теряю энергію. Съ отъездомъ вашимъ полкъ теряетъ свой

блескъ, какъ та чудная картина, которой мы любовались нѣсколько дней тому назадъ». «Софія Александровна, вы поэтъ». — «Нѣтъ, полковникъ, я дочь поэта. Но мнѣ почему-то это чудное видѣнье или картина изобразила блескъ, красоту и славу нашего полка, и вотъ она съ уходомъ вашимъ будетъ сѣренькимъ буднемъ». — «Вы придаете мнѣ слишкомъ много». — «Нѣтъ, полковникъ, я ничего не придаю. Я одарена предчувствіемъ. Этому примѣровъ въ моей жизни много было. Скажите, Викторъ Борисовичъ, кто назначенъ командиромъ нашего полка?» — «Пока прибудеть новый командиръ на мое мѣсто, временно будетъ командовать полкомъ, какъ старшій штабъ-офицеръ, майоръ Бородинъ, а вашъ отецъ командовать третьимъ батальономъ; это будетъ преддверіе къ полученію чина майора. Я въ своемъ послѣднемъ приказѣ сдѣлалъ это распоряженіе». Долго еще мы ходили по берегу рѣки. Викторъ Борисовичъ продолжалъ прогуливаться въ глубокой задумчивости; видно было, что онъ съ грустью разставался съ полкомъ, къ которому привязался всей душой. Поравнявшись съ моей квартирой, онъ раскланялся.

Мнѣ хотѣлось чѣмъ-нибудь отмѣтить день разлуки, и я задумала соединить въ общество г.г. офицеровъ въ моей квартирѣ. Насколько возможно было лучше устроить, я старалась всѣми силами. Столъ былъ устроенъ на доскахъ, положенныхъ на боченкахъ и покрытыхъ бѣлымъ полотномъ, которое предоставили въ мое распоряженіе болгарки. Денщики тащили отъ своихъ господъ посуду, какая у кого была. Даже нѣсколько бутылокъ шампанскаго раздобыли въ ближайшемъ городкѣ, куда былъ посланъ денщикъ полкового адъютанта. Каминъ и нѣсколько свѣчей, вставленныхъ въ тыквы, освѣщали сѣрмя стѣны болгарской мазанки. Когда всѣ собрались, прибылъ и командиръ въ сопровожденіи адъютанта. Викторъ Борисовичъ былъ глубоко тронутъ и удивленъ. Когда всѣ сѣли по мѣстамъ, я извинилась и просила не взыскивать съ меня, я все, что въ силахъ была сдѣлать въ этой глуши, все предприняла для того, чтобъ еще разъ видѣть нашего дорогого командира среди насъ. Вино было налито, и Викторъ Борисовичъ поднялъ тостъ «за государя императора и наслѣдника цесаревича, въ отрядѣ котораго полкъ покрылъ себя славой!» а второй «за здоровье нашего боевого товарища и сестру милосердія Софію Александровну!» Слезы покатались у меня изъ глазъ. Онъ подошелъ ко мнѣ, поцѣловалъ руку, а я, обнявъ его голову, поцѣловала въ лобъ; слезы и у него покатались по щекамъ. Затѣмъ всѣ сѣли за ужинъ. Денщики бѣгали и суетились. Тосты слѣдовали одинъ за другимъ. Послѣ ужина съ грустью всѣ разошлись, рѣшивъ на завтра провожать полковника такъ далеко, насколько возможно было. Опасаться турокъ нечего было: ихъ и духъ простылъ. На завтра довольно рано онъ еще зашелъ ко мнѣ въ походной формѣ. Всѣ офицеры были верхами. Подвели и мою болгарку «Сивку», и, окруживъ Виктора Борисовича, около восьми

версть проѣхали съ нимъ. Подъѣзжая къ деревнѣ, онъ сошелъ съ лошади и снова простился со всѣми провожавшими его и затѣмъ, вскочивъ на лошадь, сѣрую въ яблокахъ, на которой онъ ѣздилъ все время и которую теперь взялъ съ собой, не слѣша сталъ удаляться. Офицеры, сѣвъ на лошадей, стояли на дорогѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не скрылся изъ виду. Почти никто не проронилъ ни слова, на сердце каждаго изъ насъ легла грусть, какъ послѣ потери родного. И теперь, когда я вспоминаю объ этомъ, становится очень грустно за то, что на неоднократное приглашеніе я не могла повидать его въ Петербургѣ: такъ складывались обстоятельства; но переписывались мы часто до самой его смерти, и когда его бывшій адъютантъ, нынѣ генераль, въ 1908 году гостилъ у меня въ имѣніи Новгородской губерніи, какъ-то выпалъ день, въ который мы объ немъ много говорили и стоворились поѣхать въ Петербургъ вмѣстѣ, но въ тотъ же день, получивъ газеты, прочли въ скорбномъ листкѣ о его кончинѣ. Въ концѣ очерка моей бытности въ Болгаріи я нѣкоторыя письма его приложу въ доказательство того, какъ онъ любилъ нашъ полкъ, несмотря на то, что онъ такъ мало имъ командовалъ. Вѣчная память тебѣ, дорогой отецъ полка!

X.

Походъ въ Елену.—Избиеніе турками полка князя Святополкъ-Мирскаго.—Бесѣда съ турками.—Стоянка въ Еленѣ.—Приготовленія къ переходу черезъ Балканы.—Переходъ черезъ горы.

Наша стоянка въ Златарицѣ окончилась. Намъ приказано было отправиться въ Елену. Чѣмъ выше мы поднимались въ горы, тѣмъ становилось холоднѣе, и скоро мы очутились въ полосѣ снѣга и мороза. Елена была, вѣроятно, когда-то очень хорошенъкое мѣстечко или село; было много каменныхъ домовъ, которые теперь выглядывали непривѣтливо, только стѣны оставались не разрушенными, тогда какъ окна, двери, крыши были уничтожены огнемъ. Огромное зданіе училища и общественной библіотеки печально красовалось обнаженными стѣнами, внутри все было опустошено варварской рукой турка. Выбравъ себѣ въ одномъ уцѣлѣвшемъ домѣ комнату, я съ ужасомъ увидала на стѣнахъ кровь и на вопросъ, обращенный мною къ хозяину, онъ разсказалъ намъ страшную исторію, слѣды которой остались. Онъ говорилъ, что это турки рѣзали русскихъ, которыхъ захватывали врасплохъ спящими, ночью подожгли городъ, а затѣмъ бросились въ дома, гдѣ жили офицеры и солдаты, всѣхъ перекололи и что немного спаслось людей изъ полка Святополкъ-Мирскаго. Но какъ могло это случиться? «Былъ праздникъ полковой; всѣ кутили, и музыка играла. Затѣмъ въ 12 часовъ всѣ заснули. И тогда тихонько подошли турки. Ихъ привелъ какой-нибудь измѣнникъ, или они кого-нибудь подослали изъ своихъ,

которые здѣсь жили до войны, и, высмотрѣвъ все, онъ провель турецкія войска въ городъ. Ни одного дома нѣтъ, который бы не былъ въ русской крови, и имъ убѣжать нельзя было: на улицахъ и во всѣхъ закоулкахъ было свѣтло, и тѣ, которые выскочили, были убиты турками, наполнявшими улицы и двери. И болгары не избѣгли смерти, и ихъ много погубло. Не могу, конечно, сказать—въ отместку ли за Плевну была такая расправа коварная, или за тѣ пораженія, которыя наносили имъ пермцы на своемъ пути, но только все это было ужасно, что здѣсь творилось. Я заходила къ болгарамъ, и многіе повторяли одно и то же.

Полкъ ушелъ на маренскую позицію, только штабъ полка остался въ Еленѣ, тутъ же была и моя квартира въ маленькой избушкѣ вмѣстѣ съ молоденькой хозяйкой, которая мнѣ прислуживала. Меня отецъ не взялъ съ собой потому, что на маренской позиціи жили всѣ офицеры въ шалашахъ и было до того холодно, что едва переносили стужу, какъ солдаты, такъ и офицеры. Я не разъ ѣздила на маренскую позицію повидать отца и справиться о его здоровьи въ сопровожденіи поручика Краузе, который несъ службу при штабѣ полка и отправлялся за распоряженіями къ командующему полкомъ майору Бородину. Но наше пребываніе тамъ ограничивалось нѣсколькими минутами. Въ шалаша я никогда не входила, но снаружи это была огромная крыша, покрытая цѣлыми деревьями хвои сверху донизу, подъ которой помѣщался весь офицерскій составъ полка. Но вотъ однажды папа прислалъ сказать мнѣ, чтобъ я пріѣхала на маренскую позицію, такъ какъ въ этотъ день у нихъ будутъ турецкіе парламентары-офицеры. Вечеръ былъ очень морозный. Майоръ Шемякинъ, поручикъ Краузе и я отправились на маренскую позицію. Подъѣхавъ къ бараку, денщики открыли входъ, пропустивъ насъ внутрь шалаша. Я сдѣлала знакъ, пока я не осматрюсь, чтобъ не докладывали о моемъ присутствіи. Отъ самой двери выкопанъ былъ ровикъ, шириною около двухъ аршинъ, боковыя стороны—вышиною около аршина; въ противоположной сторонѣ отъ входа была въ концѣ ровика сдѣлана печь, сводъ которой соединялъ его стороны. По обѣ стороны лежали тюфяки и подушки, аккуратно убранныя. Съ правой стороны недалеко отъ печки совсѣмъ не было ничего. Тамъ стояло что-то въ родѣ столика, покрытаго зеленымъ сукномъ, за которымъ сидѣло нѣсколько офицеровъ и одинъ изъ турокъ и играли въ карты, а другой—ко входу спиной за стульями играющихъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи былъ отецъ, которому доложили о моемъ пріѣздѣ. Онъ вышелъ ко мнѣ навстрѣчу. Послѣ привѣтствій мы немного подвинулись впередъ. «Хочешь я представлю тебѣ турокъ?»—«Нѣтъ, папа! Я по-турецки не умѣю, а онъ по-русски; какъ мы будемъ глупо глядѣть другъ на друга».—«Не думай, что вы не разговоритесь: онъ хорошо говоритъ по-французски». Мы подошли ближе.

Замѣтивъ меня, майоръ Бородинъ, игравшій въ карты, поднялся, и другіе приблизились ко мнѣ, и турки тоже стояли и съ любопытствомъ оглядывали меня съ ногъ до головы. Черезъ плечо моей шубки былъ револьверъ, а въ правой рукѣ хлыстикъ, на головѣ черная бархатная шапочка съ опушкой бѣлаго мѣха и такой же воротничекъ. Въ этотъ вечеръ мнѣ особенно хотѣлось быть элегантной дамой, чтобы показать туркамъ, насколько мы, женщины въ Россіи, стоимъ выше ихъ женъ, которыхъ они кутають, какъ мумій, въ бѣлые платки и плащи, закрывая ихъ красоту или уродство отъ глазъ постороннихъ. Они во всѣ глаза смотрѣли, какъ со мной раскланивались. Я слѣдила за впечатлѣніемъ, произведеннымъ на нихъ. Но Бородинъ спросилъ меня, не позволю ли я ему представить турецкихъ офицеровъ. Я кивнула головой, и майоръ съ граціей, на которую не былъ способенъ, благодаря своей неуклюжей фигурѣ, взявъ турокъ за руки и направилъ ко мнѣ. «Позвольте представить эфенди», и онъ назвалъ ихъ фамиліи или имена. Я протянула имъ руку. Въ это время отецъ проговорилъ: «*Ma fille, madame von Këinig!*» Турокъ приложилъ правую руку къ сердцу, а лѣвую въ карманъ и вытащилъ изъ него два яблока, которыя протянулъ мнѣ. Меня его любезность взорвала. Не желая его обидѣть, я взяла яблоки, но, обернувшись къ денщику, разносившему чай, отдала ему, говоря: На, съѣшь вмѣсто меня: только прежде вымой!»—«Покорнѣйше благодарю», отвѣтилъ тотъ. На лицѣ турка отразилось неудовольствіе. Мнѣ подали складной стулъ. Я сѣла. Полковой адъютантъ, поручикъ Краузе, поручикъ Красовскій и др. размѣстились вокругъ меня, остался тоже и Парисъ, поднесшій мнѣ яблоки. Онъ пустился въ расспросы, почему я среди войскъ нахожусь. Я ему объяснила мотивъ моего присутствія на поляхъ сраженій и мою дѣятельность на полѣ битвы. «А нашихъ турокъ вы велите убивать?»—«Когда они стрѣляютъ въ нашихъ солдатъ, то и наши солдаты ихъ не щадятъ, но съ ранеными мы обходимся челоуѣколюбиво и одинаково и имъ подаемъ медицинскую помощь и отправляемъ, какъ плѣнныхъ, въ Россію. А съ нашими русскими солдатами что турки дѣлаютъ?»—спросила я—убиваютъ, на колѣ сажаютъ, языки, уши, носъ отрѣзаютъ, убиваютъ женщинъ, дѣтей и стариковъ. Жгутъ деревни и города... Зачѣмъ такая жестокость? Ежели бы вы этого не дѣлали, и русскія войска не пришли бы въ Балканы. А теперь въ Еленѣ вы такъ коварно среди ночи сколько людей погубили. И не ждите пощады отъ нашихъ солдатъ. Русскій воюетъ въ виду непріятеля, а теперь, ежели ему придется васъ врасплохъ застать, то и вамъ пощады не будетъ». Турокъ забылъ свой стаканъ чаю и смотрѣлъ на меня удивленно. А папа сдѣлалъ мнѣ знакъ. Я подошла къ нему. «Пора уѣзжать».—«Папа, да мнѣ хочется турка побранить».—«Ну, довольно. Эти дикари развѣ тебя поймутъ или послушаютъ. Сейчасъ

же снова примутся за свое, какъ только представится къ тому случай».

Морозъ былъ очень сильный, около 30°, какъ мнѣ казалось; провѣрить не было возможности, такъ какъ у меня не было градусника. Въ Еленѣ изъ разоренной бібліотеки очень много книгъ мнѣ приносили, между которыми было много сочиненій русскихъ писателей, переведенныхъ на болгарскій языкъ; много историческихъ, начиная съ древней исторіи, всеобщей; учебниковъ нѣмецкихъ, французскихъ. Нельзя было и подумать, чтобъ въ этомъ мѣстечкѣ занимались наукой, а не одними только виноградниками. Я изъ любопытства стала читать переводы Пушкина, Лермонтова и скоро научилась хорошо читать и понимать по-болгарски. И всѣ эти книги взяла съ собой.

25-го декабря не обошлось безъ того, чтобъ турки не попробовали въ праздникъ снова насъ побезпокоить. Раздались опять выстрѣлы со стороны маренской позиціи. Въ Елену дали знать. Верхомъ помчалась я, со мной и докторъ. Меня уговаривали вернуться на основаніи того, что свѣтъ очень глубокій и день былъ очень морозный, но я съ ними спорила и не соглашалась, такъ какъ третій батальонъ, которымъ командовалъ мой отецъ, находился на Дубовой горѣ въ прикрытіи артиллеріи, и я боялась, что пермцы вступятъ въ бой. Но по дорогѣ намъ встрѣтились повозки, на которыхъ сидѣли и лежали раненые солдаты Вятскаго полка. Перевязки наскоро были сдѣланы ротными фельдшерами, и ихъ спѣшили доставить въ Елену до захода солнца, которое все-таки немножко согрѣвало. Мы ихъ уложили и размѣстили поудобнѣй и мнѣ поручили сопровождать къ подвижному лазарету, который находился въ Еленѣ. Доктора поѣхали на позицію. Видя невозможность быть на полѣ сраженія, я покорила необходимости вернуться. Но душа у меня была въ тревогѣ; я была очень раздражительна и сердилась на солдатъ, которые ежеминутно отворяли двери въ комнату, куда были положены раненые, дѣлая сквознякъ и напуская холоду на озябшихъ и ослабѣвшихъ раненыхъ, которыхъ надо было осматривать и перевязывать, такъ что я должна была строго потребовать немедленно выйти вонъ всѣхъ любопытныхъ, приказавъ имъ лучше позаботиться, чтобъ былъ кипятокъ, чтобы обогрѣть раненыхъ и покормить ихъ, такъ какъ они съ утра ничего не ѣли. Но мое требованіе осталось безъ послѣдствія. Перевязавъ всѣхъ и поручивъ ихъ надзору фельдшеровъ, сама отправилась къ офицеру, завѣдывающему нестроевой ротой, чтобъ солдатамъ дали чаю или чего-нибудь теплаго, или хоть по куску хлѣба. Но все было безрезультатно, и я уже отправилась жаловаться въ штабъ полка, но встрѣтившійся мнѣ завѣдывающій хозяйствомъ майоръ Шемякинъ посовѣтовалъ мнѣ вернуться, говоря, что немедленно будетъ присланъ чай и сахаръ и приготовленъ кипятокъ. Дѣйствительно, вскорѣ было все прислано.

Я ихъ одѣлила всѣхъ по два куска сахаромъ, тутъ же и хлѣбъ подоспѣли принести, и бѣдные солдаты немножко подкрѣпились и обогрѣлись, пока варился имъ ужинъ. Все это произошло потому, что никто не ожидалъ въ Еленѣ привоза чужихъ солдатъ, и на нихъ не было ничего отпущено. Съ позиціи пріѣхали доктора съ остальными ранеными и извѣстили меня, что дѣло кончилось и пермцы въ бой не вступили.

Нашъ полкъ вскорѣ пришелъ въ Елену, здѣсь и размѣстились всѣ. Какъ-то вечеромъ съ отцомъ пришли его товарищи навѣстить меня и отъ нечего дѣлать принялись играть въ карты. Здѣсь же былъ и отецъ Николай, ходившій по комнатѣ съ моимъ отцомъ. Игра было довольно крупная. Проигрывали и выигрывали, шутили, смѣялись, спорили, такъ шло время незамѣтно до ужина. Столъ надо было освободить. Играющіе окончили игру и стали разсчитываться, а около завѣдующаго хозяйствомъ образовалась порядочная золотая кучка, которую онъ собирался убрать въ кошелекъ. Но вдругъ отецъ Николай подошелъ. «Господа, не пожертвуете ли что-нибудь на благочиніе»? Сидя недалеко, я замѣтила въ кучкѣ золота мѣдный турецкій галаганъ (на нашъ деньги пятакъ) и съ быстротою откинула его на середину стола со словами: «Вотъ, батюшка!» Но батюшка не ожидалъ подобной жертвы и, сказавъ: «Не всякое даваніе благо», швырнулъ пятакъ на полъ. «Ну, тогда и большаго не получите», отвѣтилъ завѣдующій хозяйствомъ и опустил все въ карманъ. Смѣху и шуткамъ не было конца во весь ужинъ, но нашъ милый батя долго на меня сердился. Однажды онъ пришелъ ко мнѣ и сдѣлалъ мнѣ выговоръ, а такъ какъ я въ это время колола сахаръ, о. Николай принялся меня учить колоть на рукѣ, чего я не сумѣла, и попросила его не мѣшать мнѣ, такъ какъ я это лучше его сдѣлаю. Батя снова на меня разсердился и, вскочивъ съ мѣста во весь свой высокій ростъ, стукнулся о перекладину потолка головой и, ни слова не говоря, схватилъ камилавку и былъ таковъ. Съ тѣхъ поръ и дружбѣ нашей многолѣтней конецъ насталъ, несмотря на то, что я еще совсѣмъ маленькая была, какъ онъ меня зналъ и былъ въ большой дружбѣ съ моимъ родителями. На завтра я получила отъ папы строгій выговоръ за шутку съ батюшкой. «Онъ и голову по твоей милости разбилъ!»—«Ну, это ерунда!»—и рассказала отцу все, какъ было, и просила его ничего не предпринимать къ нашему примиренію.

Въ первыхъ числахъ января отдали приказъ готовиться въ походъ черезъ Балканы. Изъ Елены мы вышли обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ. Я, по обыкновенію, впереди авангарда верхомъ въ сопровожденіи денщика съ корзинкой за плечами, въ которой находилась необходимая закуска на привалахъ. Итти было очень трудно; подымались все въ гору по глубокому снѣгу. Но я почти не обращала вниманія на трудный путь. Меня интересовалъ моментъ, когда я достигну самой возвышенной точки привала

через Твардицкій проходъ. Желаніе это было не у меня одной; отъ полка отдѣлилось еще нѣсколько человѣкъ; я дала имъ поровняться со мной и спросила, что они такъ торопятся? Они отвѣтили, что хотятъ быть первыми.—«А развѣ далеко?»—«Какъ доберемся до вершины этого подъема, тогда будемъ уже спускаться по ту сторону». Мнѣ только этого и надо было, чтобъ знать, гдѣ точка перевала. Зная хорошо, что мой иноходецъ опередитъ нашихъ русскихъ лошадей, уловивъ моментъ, ударивъ лошадку, я достигла вершины и выстрѣлила изъ револьвера, желая дать знать, что я на хребтѣ Балканъ. Подоспѣвшіе прокричали «ура!» Но какъ я ни желала немножко развеселить усталость окружавшихъ меня, но желаніе мое не достигло цѣли. Только тотъ можетъ представить себѣ страшный трудъ, кому хоть разъ пришлось побывать въ суровую зиму въ горахъ, занесенныхъ снѣгомъ. Сердитый вѣтеръ хлопьями несъ снѣгъ, залѣпляя глаза, забираясь въ рукава, за воротники, подъ башлыки. Солдаты шли, понуря головы, прижавъ къ груди ружья и засунувъ руки въ рукава. На ногахъ ихъ обувь была невозможная: у кого подошва отстала, была подвязана веревочкой; у другого хотя и были заплатки, но изъ коровьей не обработанной кожи, шерстью поверхъ, а у другихъ развалившіяся головки сапогъ были завернуты въ воловью кожу. Шинели оборваны или въ заплаткахъ. Страшно было подумать, какъ имъ было холодно. Но, кромѣ холода, надо было еще помогать то поднимать въ гору орудія, то спускать ихъ съ горы. Тутъ брались веревки, обводили ихъ вокругъ дерева и привязывали къ лафетамъ и, отпуская потихоньку, спускали съ горъ пушки. А орудійные снаряды были розданы солдатамъ: они несли ихъ въ рукахъ со страхомъ, чтобъ не оступиться и не упасть или какъ-нибудь не ударить о камень снарядъ. То вдругъ горы покрыты льдомъ,—и надо было садиться и спускаться на природныхъ салазкахъ, держать ружья и снарядъ.

Но вотъ дорога преграждается; итти нельзя. Что такое? Громадныя деревья поперекъ дороги, сваленныя при отступленіи турокъ. Ни конница, ни орудія, ни обозъ, ничто не можетъ перебраться. Всѣ ожидаютъ, когда наши бѣдные пермцы раскопаютъ, разберутъ и очистятъ. Всѣ ждуть, столпившись: здѣсь и кавалеристы, и пѣхотинцы, и артиллеристы, всѣ мерзнутъ, ждуть. Я верхомъ сажу на своей Сивкѣ бокомъ, прижавъ ноги къ ея теплomu лѣвому боку. На мнѣ только шапочка и башлыкъ и коротенькая шубка, только до сѣдла длины, и бѣлый офицерскій плащъ съ погонами. И мнѣ не очень холодно, но и не тепло. Я бы объѣхала, но не знаю дороги. Вправо гора. Оглядываю, какъ выйти изъ этой возни и толпы. Возлѣ меня денщикъ, полковой адъютантъ, дѣлопроизводитель и другіе на лошадахъ. Мнѣ отдають честь драгуны. Я отвѣчаю повоенному подъ козырекъ. Но, отвѣхавъ немного, они останавливаются и съ недоумѣніемъ осматривають меня, говоря: «Женщина!»—

«Нѣтъ, офицеръ!»—«Да я тебѣ говорю—женщина!» Спрашиваютъ пермцевъ: «Кто это?» Отвѣчаютъ: «Наша барыня!» И снова встрѣча, и снова козыряютъ, и всѣ останавливаются и предлагаютъ вопросъ: «Кто?!»—«Наша барыня». Я улыбаюсь. Откуда-то появился болгаринъ. И вотъ мы приступили къ нему, чтобъ онъ провелъ въ ближайшую деревню или впередъ на дорогу. Тотъ согласился и повелъ насъ троихъ на гору. Моя лошадь ловко поднялась на гору, покрытую вся льдомъ, а мѣстами довольно глубокимъ снѣгомъ. Горушка была не очень высока, но очень крутая, и я уже хотѣла сойти, но болгаринъ уговорилъ меня остаться верхомъ. И дѣйствительно, лошадь спустилась и съ горы замѣчательно ловко. Скоро всѣ выѣхали на горную тропинку, которая только извѣстна была болгарину. Но вотъ тропинка уперлась съ лѣвой стороны въ подножіе громадной горы, а вправо оврагъ треугольникомъ, уголь котораго упирался въ томъ мѣстѣ, гдѣ оканчивалась тропинка. И въ этомъ мѣстѣ только пѣшеходу можно было лѣвой ногой упереться, осторожно перенести правую на другой берегъ, но, поскользнувшись, можно было погибнуть. На днѣ оврага былъ родникъ, въ этомъ узкомъ мѣстѣ сверху прикрытый снѣгомъ; только слышенъ былъ глухой шумъ воды сильно бьющаго источника. Я хотѣла сойти съ лошади, но болгаринъ остановилъ меня, говоря, что лошадь лучше пройдетъ. Онъ осмотрѣлъ ея ноги, велѣлъ опустить поводъ и что-то ей сказалъ. Лошадь сдѣлала прыжокъ, и я благополучно очутилась на другомъ берегу оврага. Братушка тоже перешелъ, помогъ и денщику. Но адъютантъ, видя мой благополучный прыжокъ, послѣдовалъ за нами. Сойдя съ лошади и держа ее за поводъ, самъ перепрыгнулъ, но лошадь, которую онъ держалъ за поводъ, сдѣлавъ скачокъ, передними ногами уперлась о противоположный берегъ, а задними стала скользить по склону оврага въ пропасть. Неминуемая гибель грозила лошади и адъютанту, такъ какъ онъ держалъ поводъ, не опуская его. Но болгаринъ и тутъ подоспѣлъ на помощь. Наскоро развязавъ свой длинный шарфъ, закинулъ за сѣдло и съ помощью денщика, что было силы, подтянули его, и лошадь была спасена. Но когда опасность прошла, мои нервы не выдержали. Когда я открыла глаза, то окружающіе возились около меня, обтирая снѣгомъ и стараясь открыть ротъ, чтобъ влить вина. «Почему я на снѣгу?» очнувшись, спросила я. «Вы упали съ лошади, потерявъ сознание». Тутъ я вспомнила всю ужасную картину и съ трудомъ удержалась отъ слезъ.

Выбравшись на дорогу, по которой слѣдовалъ полкъ, мы вскорѣ дождались своихъ и продолжали путь, то поднимаясь, то опускаясь по скалистымъ горамъ, въ которыхъ у турокъ сдѣланы были въ родѣ башни укрѣпленія на страшной высотѣ, куда у нихъ втаскивались орудія, и ежели бы намъ пришлось въ виду ихъ проходить, то, стрѣляя, они перебили бы насъ всѣхъ. Но они сами до на-

шего прихода ушли и не рискнули столкнуться снова съ войсками нашего отряда. Осиково, Церковна и Златарица имъ показали, что 101-й пѣхотный Пермскій полкъ лихо бьетъ непріятеля. Теперь и я не удивляюсь, видя переходъ черезъ Балканы. Чего можетъ достигнуть здоровый, сильный и развитой умственно русскій солдатъ, воодушевленный своими начальниками, любовью къ царю и отечеству! Ни трусости, ни унынія, ни ропота мнѣ ни разу не пришлось слышать изъ устъ нашего солдата. Всѣ шли и работали весело и дружно, подчасъ испытывая голодъ и холодъ; только ругали турка, а иногда и удивлялись, какъ онъ пушки втаскиваетъ на такія кручи, и любопытство ихъ влекло самихъ забраться по-смотреть. Карабкались на отвѣсныя скалы, а потомъ рассказывали, что и по ту сторону скалы есть подъемы, и что орудія турки на рукахъ втаскивали. Безсмертная слава Альпійскаго орла не увядаетъ, и въ 1878 году русскій солдатъ—орелъ облетѣлъ Балканскій хребетъ.

Наконецъ, устранивъ загражденія, сдѣланныя турками, пермцы двинулись впередъ. Дорогу, страшно опасную, надо было исправлять, расширять, дѣлать валики на краяхъ ея; надъ обрывами, глубиной мѣстами сажень 70, дорога была въ скалахъ высѣчена и до того узкая, что орудіе или ящикъ съ орудійными снарядами или другія повозки полетятъ съ лошадыми и людьми въ пропасть при малѣйшей оплошности. Края надъ пропастями надо было огораживать, укладывать камни или валить деревья, или отъ скалъ отбивать кирками куски, чтобъ ее расширить, а отдѣленный кусокъ своротить на край обрыва и потомъ поддерживаемыя солдатами тяжести провезти хотя съ опасностью. Однажды, проѣзжая верхомъ, моя лошадь споткнулась, и, выбитая изъ сѣдла, я упала надъ самымъ обрывомъ, и счастье, что Сивка не испугалась. Остановившись, смотрѣла на меня съ укоромъ. Осторожно подошли ѣхавшіе невдалекѣ, взявъ поводъ изъ моихъ рукъ, который я не выпустила при паденіи. Я не смѣла отъ страха пошевелинуться, чтобъ не скатиться въ пропасть. Лошадь осторожно отвели въ правую сторону, и съ помощью подавшихъ мнѣ руки я избѣгла смерти. Вотъ до чего мѣстами была узка дорога, а я ѣхала по срединѣ. Мѣстами дорога пролежала между отвѣсной скалой съ правой стороны, а съ лѣвой стороны стоялъ громадной высоты каменный столбъ, какъ бы ворота, къ которымъ недоставало только двери. Вотъ и Твардица. Погода солнечная, на воздухѣ хорошо: Саперные офицеры куда-то собираются; въ ящикахъ солдаты несутъ небольшіе, цилиндрической формы снаряды. «Папа! пойдѣмъ посмотреть, что тамъ дѣлаютъ?» И отецъ пошелъ со мной. Послѣ поклоновъ и представленій и мое любопытство было удовлетворено. Цилиндры были начинены динамитомъ; ящики неслись къ скаламъ, чтобъ взорвать ихъ. Шли недалеко, и вотъ офицеръ-саперъ съ объясненіями

и указаніями, какъ обращаться со снарядомъ, предложилъ мнѣ сдѣлать пробу, указавъ углубленіе въ скалѣ. Я собственноручно положила въ указанное мѣсто снарядъ. «М-ше, теперь отойдите сюда». И онъ указалъ мѣсто, гдѣ спрятаться послѣ того, какъ будетъ зажженъ фитиль. Я все исполнила. Мы быстро спрятались, но фитиль сторѣлъ, и взрыва не послѣдовало. Тогда взяли другой снарядъ. Я сама безъ указаній уже подожгла фитиль, и мы быстро скрылись за закругленіемъ скалы. Черезъ нѣсколько времени раздался, какъ орудійный выстрѣлъ, и съ грохотомъ оторвало кусокъ скалы. Солдатики стали разбивать его на части, чтобъ легче было очистить мѣсто, на которое онъ упалъ. Мы пошли дальше, и снова я положила снарядъ, и снова оторвало кусокъ скалы. Пока солдаты очищали мѣсто отъ оторванныхъ глыбъ, отецъ разговаривалъ съ офицеромъ о производимыхъ работахъ по очисткѣ пути.

ХІ.

Сливно.—Пріемъ мѣстныхъ дамъ.—Георгіевскій кавалеръ.—Дома и сады въ Сливнѣ.—Честность болгаръ.—Турецкая фабрика.

Въ виду того, что стало дѣлаться тепло, намъ велѣно было спѣшить въ Сливно. Только одинъ батальонъ остался въ Твардицѣ въ помощь спускающейся артиллеріи и обозу. Штабъ полка уже занялъ квартиру недалеко отъ Твардицкаго прохода у богатаго гражданина города Сливна, по имени Хаджи-Дмитраки. Тутъ же и у меня рядомъ, въ сосѣднемъ домѣ, была хорошенькая комнатка, которую съ охотой предоставили мнѣ гостепріимные хозяева. Въ Сливнѣ было тепло. Улицы почти что сухія; дворы чистенькіе, выложенные гранитными плитами. У домовъ были веранды, выходящія на эти дворы, надъ которыми были устроены вродѣ навѣсовъ, сложенныхъ изъ деревянныхъ брусевъ, укрѣпленныхъ на деревянныхъ столбахъ, около которыхъ непосредственно росли виноградныя лозы толщиною въ два и болѣе вершка и подымались своими длинными сучьями вверхъ, разстилаясь по клѣтчатой рѣшеткѣ, образуя лѣтомъ зеленую крышу надъ бѣлымъ гранитнымъ поломъ двора, примыкающаго къ верандѣ дома. Денщики устроили на верандѣ нашъ русскій столъ, и мы сидѣли за нимъ и обѣдали, а полковая музыка играла на дворѣ. Къ намъ то и дѣло подходили унтеръ-офицеры съ рапортомъ командующему полкомъ. Прибывали съ Балканъ съ отмороженными пальцами, носомъ или ушами. У меня не было для этого гусянаго сала, которое обыкновенно въ этихъ случаяхъ употребляется, но любезная хозяйка, жена Хаджи-Дмитраки, дала мнѣ бутылки съ какимъ-то жидкимъ масломъ, и я смазывала отмороженныя части, отправляя пострадавшихъ въ

подвижной лазаретъ 26-ой пѣхотной дивизіи, который уже располагался въ городѣ. Не вѣрилось, сидя въ Сливнѣ, что нѣсколько верстѣ въ Балканы, и тамъ—морозъ, а здѣсь мы сидимъ подъ открытымъ небомъ, грѣясь на солнцѣ, а оставшіеся въ Твардицѣ мерзли отъ вѣтра и мороза, едва согрѣваясь отъ костровъ или у пожараща, которыя были очень часты въ Твардицѣ, куда во множествѣ прибывали болгары, бѣжавшіе изъ своихъ деревень, опустошаемыхъ турками, тѣсясь въ Твардицѣ, подъ защиту къ нашимъ солдатамъ, и здѣсь ютились, за недостаткомъ помѣщеній, по сараямъ и около стѣнъ. Чтобы обогрѣться, разводили костры, которые были причиной пожаровъ. Нашимъ солдатамъ надо было тушить пожары, чтобъ сохранить для войскъ жилища при переходѣ черезъ Балканы и самимъ имѣть мѣсто отдыха отъ трудовъ.

Но вотъ еще надвинулось горе на бѣдный пермскій батальонъ. Хлынула съ горъ потоками вода, и небольшая рѣчонка, которую мы перешли безъ труда по дорогѣ въ Сливно, наполнилась водою и, перерѣзавъ дорогу изъ Твардицы въ Сливно, несла воды съ страшною быстротою, сдѣлавшись глубокой, такъ что ни проѣхать, ни пройти нельзя было и думать. Но пермскій солдатъ, подъ руководствомъ саперовъ, и эту бѣду осилилъ, натаскалъ камней, нарубилъ деревьевъ, разобралъ въ Твардицѣ турецкую мечеть, все притащилъ на своей спинѣ къ бурному потоку, и меньше чѣмъ въ недѣлю мостъ былъ готовъ. Но эта работа не легко далась имъ. Холодъ, голодъ, вода, въ которой приходилось работать, породили пятнистый тифъ, лихорадку, ревматизмъ, цынгу. Подвижной лазаретъ сталъ наполняться больными. Многіе солдаты разстались съ жизнью, а отъ нихъ, заразившись тифомъ, и докторъ Родосскій, едва пріѣхавшій съ женой въ Сливно, черезъ девять дней покончилъ всѣ расчеты съ жизнью, оставивъ бѣдную вдову за Балканами, безутѣшно убивавшуюся по горячо любимомъ мужѣ; она готова была лишиться себя жизни. Единственной русской была я, и мнѣ приходилось ежедневно навѣщать и утѣшать ее. Я ѣздила верхомъ за городъ на перевязки смертельно раненыхъ турками болгаръ. Узнавъ о моемъ пребываніи, именитые сливенскіе гражданки стали дѣлать мнѣ визиты по праздникамъ. Приходилось и мнѣ отвѣчать. Всюду радушно принятая, я задумала и ихъ всѣхъ пригласить къ себѣ вечеромъ на чай. И въ одно воскресенье собрался у меня большой кружокъ сливенскихъ дамъ. Въ пріемѣ ихъ мнѣ помогала жена Хаджи-Дмитраки, Катерина, съ которой мы приняли ихъ въ большой бѣлой залѣ. Скоро присоединились къ дамскому обществу мой отецъ, хозяинъ дома, нѣсколько болгаръ и нѣсколько офицеровъ изъ штаба полка. Командующій полкомъ велѣлъ, чтобъ на верандѣ играла полковая музыка, что еще больше привлекло полковой молодежи, и у насъ устроились танцы. Во время кадрили мой кавалеръ, совсѣмъ еще молоденькій, только что произведенный офицерикъ,

подошелъ ко мнѣ съ поклономъ; на груди у него былъ георгіевскій крестъ, и я его поздравила съ наградой. «Софья Александровна, я вамъ обязанъ за эту награду». — «Вы ошибаетесь, я не представляла и не раздавала наградъ», со смѣхомъ отвѣчала я. — «Совершенно вѣрно, но вы, вѣроятно, помните, когда на Осиковской позиціи подъ пулями и гранатами неустрашимо распекали санитаровъ за трусость, сказавъ: «я женщина и не боюсь, а вы должны съ оружіемъ въ рукахъ итти впередъ, а вы прячетесь, какъ послѣдніе трусы»; мы двое, слыша ваши слова, забыли весь ужасъ, охватившій насъ, бросились впередъ и отчаянно дрались. Мы тогда были юнкерами, теперь мы произведены и имѣемъ георгіевскіе кресты». Въ эту минуту я чувствовала себя счастливѣйшей женщиной въ мірѣ, что эти два молоденькихъ офицера, воодушевленные мною, остались живы и заслужили чины и орденъ. Танцы продолжались, а я подошла къ группѣ болгаръ, окружившихъ моего отца; мнѣ интересно было послушать, о чемъ шла бесѣда; толковали о политикѣ, о войнѣ, о звѣрствахъ турокъ, о паденіи Плевны, съ благодарностью произносили имя императора Александра II и великаго князя Николая Николаевича. Наконецъ они обратились къ моему отцу съ просьбой написать черновикъ прошенія на имя государя, чтобъ Болгарію по обѣ стороны Балканъ не раздѣлили и чтобъ дали имъ царемъ русскаго великаго князя. Вечеръ былъ очень интересный, молодежь танцевала съ увлеченіемъ, особенно пермцы, не ожидавшіе провести вечеръ въ обществѣ дамъ. Далеко за полночь, всѣ довольные разошлись по домамъ.

Въ хорошую погоду я въ обществѣ болгарокъ гуляла по городу, осматривала покинутые турками ихъ роскошные по внутреннему убранству дома, такъ называемые кунакъ. Сады, окруженные высокими стѣнками, красиво разсаженныя растенія, перезимовавшія, красовались своею бархатною зеленью наподобіе миртовыхъ хорошенькими кустиками на рабаткахъ вдоль дорожекъ, кусты розъ, еще не распустившихъ листья, красивыя деревянныя рѣшетки надъ мраморными площадками съ вьющимися по нимъ виноградными лозами и тутъ же изъ бѣлаго мрамора стоящія плиты, изъ которыхъ вытекала черезъ вставленныя въ мраморъ трубочки, падая въ мраморную чашу; вода, выходя изъ нея черезъ желобокъ и падая внизъ на землю, разбѣгалась по небольшимъ канавкамъ вокругъ работокъ и клумбъ, питая влагою безостановочно въ сухое время почву, на которой была масса различныхъ растеній, еще безъ листьевъ, но уже развертывавшихъ почки. Какъ хорошо и какъ уютно было лѣтомъ въ зной, когда все покрывалось роскошною зеленью и цвѣтами! Мы входили черезъ широкія створчатыя двери, предъ нами шла роскошная лѣстница въ верхній этажъ изъ мрамора, съ бронзовыми перилами. Но прежде, чѣмъ подняться, мы заглянули въ нижнія помѣщенія направо

и налѣво, тутъ были кадки съ громадными олеандрами и другими растеніями, которыми, вѣроятно, украшали домъ или садъ во время пребыванія владѣльца. Поднялись по лѣстницѣ, здѣсь комната съ рѣзными куполообразными потолками: рѣзба такъ хороша была, что поражала своею легкостью и тонкостью; какъ кремовое кружево, лежала она на лазоревомъ фонѣ купола. Стѣны тоже украшены рѣзбой или живописью, изображавшею цвѣты или фрукты, а вдоль стѣнъ вокругъ комнатъ тянулись широкіе диваны, покрытые толстой шелковой матеріей. По угламъ лежали подушки, на полу циновки, вездѣ было чисто. Нѣкоторыя комнаты имѣли окна безъ простѣнковъ, во всю стѣну, задернутыя легкими занавѣсками. И, несмотря на то, что никого изъ обитателей не было, но ничего не было поломано или разбито и разграблено. «Чей это домъ?» спросила я Катерину. — «Кокона, сей кунакъ за нашу N.» — «Кто его караулитъ?» — «Никто» — былъ отвѣтъ.

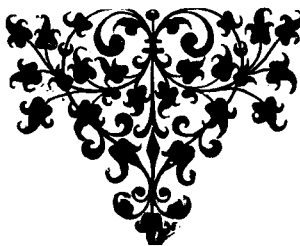
Дальше я не предлагала вопросовъ: я сразу поняла, какъ болгары честны и какъ они уважаютъ право собственности; несмотря на непримиримую вражду къ туркамъ, не покушаются тронуть даже покинутое врагомъ имущество. Я сама убѣдилась въ ихъ честности. Когда они входятъ въ чей-нибудь домъ или даже въ свой, они никогда не входятъ обутые, а оставляютъ свою обувь за порогомъ, даже на улицѣ, а иногда и одежду. Мимо идущій никогда даже изъ любопытства не прикоснется къ ней; владѣлецъ выходитъ и надѣваетъ свои сапоги или сандаліи и беретъ свои вещи, увѣренный, что ихъ никто не тронулъ. Какъ хороши въ этомъ отношеніи братушки! Про всѣхъ ли это можно сказать?

Сегодня въ обществѣ пермцевъ я была на турецкой фабрикѣ. Здѣсь было много сукна, заготовленнаго для турецкой арміи, оно досталось нашимъ полкамъ, въ немъ такъ нуждались оборванные солдатики, и наши полковые портные принялись приводить въ порядокъ шинели, сюртуки и шапки. Пройдя мастерскую, мы нашли ткацкіе станки въ полномъ порядкѣ; на нихъ была натянута основа, на челнокахъ намотана шерсть; тутъ же были и болгары, знакомые съ устройствомъ. Я просила мнѣ показать, какъ работать. Механизмъ привели въ движеніе, и челнокъ забѣгалъ между основой, продолжая начатую турками работу солдатскаго сѣраго сукна. Были и одѣяла изъ бѣлой шерсти, съ красными каймами; одно изъ нихъ досталось моему отцу, и онъ принесъ мнѣ его въ подарокъ. Съ тѣхъ поръ я съ нимъ не расстаюсь; оно ужъ очень старенькое, но я имъ укрываюсь, несмотря на то, что имѣю много красивыхъ и дорогихъ; память прошлаго и привычка сильнѣе красоты. Послѣ осмотра фабрики съ ея огромными залами, занятыми машинами, намъ сказали, что въ горахъ есть резервуаръ, въ которомъ сработанное

сукно мочать. И вотъ въ одинъ прекрасный день мы отправились туда въ сопровожденіи болгарина. Въ одномъ изъ ущельевъ мы подошли къ огромному четырехугольному углубленію; стѣны и полъ его выложены бѣлымъ мраморомъ и наполнены водой до половины; сюда привозятъ готовое сукно и опускаютъ въ воду, и здѣсь оно остается нѣкоторое время, пока не уплотнится; затѣмъ въ хорошую сухую погоду здѣсь же его просушиваютъ, и послѣ окончательной обработки въ каткахъ оно идетъ въ дѣло.

С. А. фонъ-Кенигъ (нынѣ Чирикова).

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

СКОБЕЛЕВЪ ВЪ ТУРКЕСТАНЪ ¹⁾.

VIII.

АКЪ ни желательно было немедленное выступленіе, но снаряженіе транспортовъ и распоряженія по устройству тыла задерживали маршъ колоннъ, и только 18 августа главные силы сосредоточились въ Ходжентъ. Между тѣмъ въ теченіе этого времени передовой отрядъ Головачева и гарнизонъ мѣстныхъ ходжентскихъ войскъ выбивали вторгнувшихся кокандцевъ, которые, разбившись на отдѣльные отряды, дѣйствовали въ разныхъ пунктахъ. Первый натискъ шеститысячнаго скопища былъ отраженъ съ огромнымъ для непріятеля урономъ генераломъ Головачевымъ подъ Тиляу. Остатокъ ихъ пытался еще разъ сразиться и, собравшись послѣ бѣгства бандой до 800 человѣкъ, былъ встрѣченъ полк. Елгаштинимъ съ сибирскими казаками и начисто уничтоженъ. Одновременно большой опасности подвергался Ходжентъ, на который надвинулись съ трехъ сторонъ до 25 тысячъ кокандцевъ. Въ Ходжентъ въ это время было батальонъ и двѣ роты пѣхоты, уѣздная команда, сотня казаковъ и батарея артиллеріи. Одна часть этихъ войскъ, подъ начальствомъ полковника Савримо-вича, отразила нападеніе непріятеля и прогнала его за сады къ кокандской дорогѣ. Другой отрядъ нанесъ поражение 10-тысячному скопищу изъ Сакмара. Наконецъ взводъ уѣздной команды залпомъ на бѣгу и дружнымъ ударомъ въ штыки прогналъ коканд-

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор., Вѣстн.», т. СХСѢІ, стр. 107.

цевъ, занявшихъ уже Наусскія ворота. Вслѣдъ за тѣмъ была организована дальнѣйшая оборона города и цитадели и стали подходить войска, посланныя Кауфманомъ.

Какъ ни велики были потери кокандцевъ, но не всѣ полегли или успѣли спастись въ предѣлы ханства; оставшіеся раскинулись по окрестностямъ. Кауфманъ распорядился образовать нѣсколько рекогносцировочныхъ партій для преслѣдованія этихъ шаекъ и для ознакомленія съ настроеніемъ населенія, взбудораженнаго вторженіемъ непріятели. Однимъ изъ такихъ легучихъ отрядовъ командовалъ Скобелевъ и сразу выдвинулся молодецкими дѣлами. Выступивъ изъ Ташкента съ тремя сотнями казаковъ и ракетнымъ взводомъ, онъ обошелъ всю сѣверо-восточную часть Кураминскаго уѣзда и въ теченіе двухъ дней сдѣлалъ 175 верстъ, изъ которыхъ 50 верстъ очень трудной, горной дороги. Люди этого отряда были бодры и веселы, и ни одна лошадь не пострадала. Такими они представились командующему войсками. Жители всей обойденной части уѣзда не проявляли никакого сочувствія къ кокандцамъ, занимались спокойно полевыми работами и настолько довѣрчиво относились къ русской власти, что указывали отряду мѣста, гдѣ можно было достигнуть шайки. Скобелевъ сдѣлалъ нѣсколько такихъ набѣговъ, выступая всякій разъ въ 3 часа ночи и неутомимо преслѣдуя и прогоняя непріятели. На пути его лежало селеніе Сакмаръ, гдѣ было значительное скопище кокандцевъ и куда, въ подмогу Скобелеву, былъ посланъ графъ Борхъ съ отрядомъ. Но, не дожидаясь помощи, Скобелевъ съ двумя сотнями оренбуржцевъ и ракетнымъ дивизиономъ разнесъ всю шайку, причемъ въ атакѣ ея одинъ казакъ былъ раненъ пашкой въ руку. Очистивъ такимъ набѣгомъ весь пройденный путь и оставивъ небольшой наблюдательный постъ въ Сакмарѣ, Михаилъ Дмитріевичъ пришелъ въ Ходжентъ на соединеніе съ главными силами.

Образованіе рекогносцировочныхъ отрядовъ служило какъ бы экзаменомъ для ихъ начальниковъ, и дѣйствія Скобелева заслужили ему назначеніе командовать кавалеріей отряда... Это видное отличіе Скобелева разочаровало многихъ, мечтавшихъ его получить, и, умноживъ списокъ недруговъ М-ла Д-ча, создало еще ему непримиримаго врага въ лицѣ полковника N., который, будучи нѣсколько старше его, мнилъ себя несомнѣннымъ кандидатомъ на этотъ постъ. Принадлежа къ высшему петербургскому обществу, N., затаивъ злобу, воспользовался впослѣдствіи своими большими связями въ столицѣ и, распуская тамъ о Скобелевѣ неблагоприятныя (и лживыя — прибавимъ мы) слухи, не мало навредилъ ему, какъ будетъ видно изъ послѣдующаго.

Первымъ и рѣшающимъ дѣломъ кокандскаго похода былъ бой подъ Махрамомъ.

Хотя мы привыкли къ побѣдамъ въ Средней Азiи, гдѣ военный строй европейскихъ государствъ имѣеть всѣ преимущества надъ сильными своимъ фанатизмомъ, но слабо организованными массами, но никогда еще торжество здѣсь русскаго оружія не обнаруживалось такъ рельефно, какъ въ сраженіи подъ Махрамомъ, которое однимъ ударомъ передало все ханство во власть Россіи. Побѣда здѣсь была молніеносной, между тѣмъ какъ непріятель именно тутъ рассчитывалъ погубить насъ.

Нужно отдать справедливость врагу, что планъ его былъ недурно построенъ, а 50 тысячъ людей, состоявшихъ изъ регулярныхъ кокандскихъ войскъ и воинственныхъ кипчаковъ и каракиргизовъ, подъ предводительствомъ самого Абдурахмана-Автомачи, были силой внушительной.

Крѣпость Махрамъ представляла большія выгоды въ топографическомъ отношеніи. Долина рѣки Сыръ-Дарьи тутъ суживается горами, близко подходящими къ рѣкѣ, и такимъ образомъ мѣстность у Махрама образуетъ какъ бы ворота, ведущія изъ Ходжента въ Кокандское ханство. Позиція передъ Махрамомъ, сильно укрѣпленная, представляла продолженіе фасовъ крѣпости. Какъ въ самой крѣпости, такъ и на позиціи было поставлено 40 орудій. Низменная мѣстность передъ Махрамомъ была затоплена и превращена въ глубокое болото, трудно проходимое для войскъ съ артиллеріей. Всѣ предгорья до самой позиціи были заняты густыми массами непріятельской конницы. Кокандцы рассчитывали, что затопленная мѣстность затруднитъ наступленіе, а въ это время изъ крѣпости и съ позиціи войска наши подвергнутся огню артиллеріи изъ 40 орудій; кавалерію же рѣшено было тѣснить съ фланга и затоптать наши девять сотенъ тысячами наѣздниковъ-кипчаковъ. Но замыслы кокандцевъ были разрушены.

«20-го августа генераль-адъютантъ Кауфманъ двинулся изъ Ходжента на Махрамъ налегкѣ. Отрядъ его состоялъ изъ 16 ротъ, 9 сотенъ съ 8 ракетными станками и 20 орудій, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Головачева; кавалеріей командовалъ флигель-адъютантъ полковникъ Скобелевъ. Въ первый день отрядъ прошелъ половину пути (отъ Ходжента до Махрама 45 верстъ) и остановился на кокандской границѣ. Непріятель нигдѣ не показывался. 21-го августа, продолжая движеніе, отрядъ долженъ былъ перестроиться въ боевой порядокъ, чтобы отражать огнестрѣльнымъ оружіемъ нападеніе непріятельской конницы, и остановился на ночлегъ у селенія Каракчикумъ, вблизи Махрама.

«22-го августа Кауфманъ атаковалъ махрамскую позицію, но не съ фронта, а обходомъ съ лѣваго фланга и съ тыла. Войска выступили съ ночлега въ 5 часовъ утра и двинулись въ юго-запад-

номъ направленіи отъ с. Каракчикумъ. Кавалерія слѣдовалаправлѣ пѣхоты. Непріятельская конница, силою свыше 15 тысячъ человѣкъ, окружала наши войска справа, съ тыла и слѣва; но орудійные выстрѣлы и ракеты держали ее въ отдаленіи. Когда войска прошли такимъ образомъ непріятельскую позицію, Кауфманъ круто повернулъ ихъ налѣво и двинулъ передовыя части пѣхоты во флангъ, а кавалерію въ тылъ позиціи. Непріятель открылъ по нимъ, на разстояніи двухъ верстъ, канонаду изъ 10 орудій, собранныхъ во фланговомъ окопѣ махрамской позиціи. Когда войска миновали совершенно фронтъ непріятельскаго расположенія и находились противъ фланга его позиціи, генераль-адъютантъ Кауфманъ перемѣнилъ фронтъ пѣхоты на четверть круга налѣво и выдвинулъ на линію 12 орудій, обстрѣлялъ непріятельскую позицію и поручилъ генераль-лейтенанту Головачеву взять артиллерию и 2 стрѣлковыхъ батальона и итти въ атаку. Генераль Головачевъ два раза еще останавливалъ атакующія части для обстрѣливанія непріятели артиллерійскимъ огнемъ. Съ послѣдней позиціи, въ ста саженьяхъ отъ непріятельскихъ окоповъ, батальоны перестроились въ ротныя колонны въ двѣ линіи и пошли въ атаку. Въ четверть часа непріятельскія укрѣпленія съ 2 орудіями были взяты, а непріятель прогнанъ, перерубленъ и переколотъ. Вслѣдъ за этимъ 1-й стрѣлковый батальонъ направился къ крѣпости общюю колонною, прикрываясь густою цѣлью стрѣлковъ, прошелъ фланговымъ движеніемъ вдоль южнаго и восточнаго фасовъ крѣпости, бросился черезъ мостъ къ ея воротамъ, выломалъ ихъ, ворвался въ крѣпость и занялъ ее, захвативъ 16 орудій и множество оружія, пороху, снарядовъ и съѣстныхъ припасовъ. Непріятель бѣжалъ къ рѣкѣ и, поражаемый выстрѣлами изъ берданокъ съ близкой дистанціи, понесъ громадныя потери.

«Кавалерія, находясь передъ началомъ атаки на правомъ флангѣ боевого расположенія войскъ, конно-артиллерійскимъ дивизиономъ помогла подготовкѣ атаки непріятельской позиціи, а ракетная батарея, безъ непосредственнаго прикрытія, отразила натискъ непріятельской конницы справа. Затѣмъ полковникъ Скобелевъ съ двумя сотнями казаковъ, за которыми приказалъ слѣдовать еще тремъ сотнямъ и дивизиону ракетной батареи, направился къ махрамскимъ садамъ и, замѣтивъ, что впереди, вдоль берега Сыръ-Дарьи, отступаютъ съ позиціи значительныя массы непріятельской пѣхоты и конницы (свыше 6 т.), стремительно, безъ выстрѣла, атаковалъ ихъ во флангъ, отбилъ два орудія и гналъ непріятели по кокандской дорогѣ на протяженіи болѣе 10 верстъ. Въ 3 часа пополудни, вслѣдствіе утомленія казаковъ, полковникъ Скобелевъ прекратилъ преслѣдованіе и возвратился къ Махраму»¹⁾.

¹⁾ Макшеевъ, стр. 333.

Лихой натискъ нашей кавалеріи былъ самымъ блестящимъ дѣломъ ея въ Средней Азіи. Дѣло подѣ Махрамомъ обошлось намъ въ 6 человекъ убитыми и 8 ранеными. Среди нихъ убитымъ былъ штабъ-офицеръ Хорошкинъ и легко раненъ Скобелевъ. Непріятель понесъ огромную потерю въ людяхъ, не считая орудій и множества военныхъ и продовольственныхъ запасовъ. Абдурахманъ бѣжалъ въ Маргеланъ.

О боѣ этомъ генералъ Кауфманъ послалъ государю слѣдующую телеграмму: «Богъ благословилъ наше оружіе; непріятель на голову разбитъ. Войска вашего императорскаго величества вели себя славно, молодецки. Дѣло сдѣлано чисто».

Послѣдняя фраза многимъ не нравилась, но государь понялъ ея строго военный смыслъ и въ отвѣтъ на побѣду наградилъ генерала Кауфмана шпагой, алмазами украшенной, съ надписью: «За пораженіе кокандцевъ 22-го августа 1875 г.», и удостоилъ телеграммой: «Съ душевнымъ удовольствіемъ прочелъ я телеграмму о славномъ боѣ 22-го августа. Спасибо тебѣ и всѣмъ твоимъ подчиненнымъ за новые подвиги, которыми вы себя ознаменовали. Буду съ нетерпѣніемъ ждать подробнаго донесенія и представленія отличившихся».

Въ первую очередь этихъ отличившихся были поставлены Кауфманомъ: генералъ Головачевъ, получившій Бѣлаго Орла, и полковникъ Скобелевъ, произведенный въ генералы, съ зачисленіемъ въ свиту.

Простоявъ бивуакомъ у Махрама три дня, дѣйствующій отрядъ, въ томъ же составѣ, выступилъ къ Коканду. Движеніе его въ столицѣ уподобилось торжественному шествію: на протяженіи 80 верстъ между Махрамомъ и Кокандомъ жители всѣхъ селеній наперерывъ одни передъ другими высылали депутаціи съ хлѣбомъ-солью и съ выраженіемъ покорности. Въ полдень 29-го августа войска заняли столицу безъ всякаго сопротивленія. Ханъ Насырь-Эдинъ выѣхалъ навстрѣчу генералу Кауфману и, повергая себя и свою столицу къ стопамъ Бѣлаго царя, молилъ о пощадѣ и прощеніи.

IX.

Разгромъ крѣпости, считавшейся надежнѣйшимъ оплотомъ противъ движенія русскихъ вглубь страны, полное пораженіе регулярной арміи и отнятіе всѣхъ орудій, уничтожая военную силу ханства, рушило и все его политическое значеніе.

Осѣдлое населеніе, трудолюбивое и вполне мирное, принимавшее участіе въ смутѣ и войнѣ лишь подѣ давленіемъ кипчаковъ, не только смирилось, но и черезъ своихъ старшинъ, кази-киляновъ, аминовъ и др., встрѣчавшихъ генерала Кауфмана, выражало

ему благодарность за то, что онъ избавлялъ ихъ отъ «разбойниковъ», т.-е. кипчаковъ, всегда тѣснившихъ мирныхъ жителей.

Но кипчаки, считавшіе себя господствующимъ племенемъ, хотя и понесли сильный уронъ подъ Махрамомъ, побѣжденными себя не признавали и съ повинной не являлись.

Отсюда начинается новый фазисъ кокандской экспедиціи— усмиреніе буйныхъ кочевниковъ, не подчинявшихся и ханской власти.

Во время отдыха войскъ подъ Кокандомъ пришло извѣстіе изъ Маргелана, что Автобачи собираетъ тамъ свою разстроенную рать. Кауфманъ выступилъ туда съ отрядомъ 5-го сентября и, пройдя 76 верстъ, пришелъ къ Маргелану 8-го числа. Но Абдурахманъ отступилъ съ 5 тысячами войска и 4 орудіями къ Ассакѣ и Ушу. Въ тотъ же вечеръ для преслѣдованія его былъ высланъ отрядъ подъ начальствомъ полковника Скобелева, изъ 6 сотенъ, ракетной батареи, дивизиона конныхъ орудій и 2-хъ ротъ, посаженныхъ на арбы. Лихо повелъ дѣло Скобелевъ. Съ 9 часовъ вечера 8-го сентября до 7 часовъ утра 9-го числа, т. е. въ продолженіе 10 часовъ, съ двумя остановками по 10 минутъ, казаки сдѣлали 68 верстъ до Минь-Тюбе, настигли и поразили хвостъ скопища Автобачи; а 10-го числа съ полуночи, продолжая преслѣдованіе, подобрали три орудія, брошенныя Автобачи, и въ 9 часовъ утра заняли городъ Ушъ. Послѣ стычки подъ Минь-Тюбе отступление Автобачи приняло характеръ совершеннаго бѣгства. Изъ пятитысячнаго войска при немъ осталось только около 400 джигитовъ и 4 орудія; а 10-го числа, преслѣдуемый по пятамъ, онъ бросилъ орудія и менѣе чѣмъ съ сотнею джигитовъ достигъ селенія Карасу (между Андижаномъ и Узгентомъ). 11-го сентября Скобелевъ снялся съ позиціи около Уша и 13-го вернулся въ Маргеланъ.

Когда Автобачи ушелъ изъ Маргелана, къ Кауфману явилась депутація отъ этого города съ заявленіемъ поздней покорности. Кауфманъ принялъ ее сурово. Маргеланцамъ было извѣстно воззваніе командующаго войсками, предупреждавшее жителей ханства о примѣрной карѣ того города, который приметъ скинше Абдурахмана. Несмотря на это, именно изъ Маргелана началось возстаніе; городъ этотъ сочувствовалъ Автобачи и принималъ его вопреки предупрежденія, а потому на городъ была наложена контрибуція.

Между тѣмъ, получая со всѣхъ сторонъ ханства успокоительныя извѣстія, ген. Кауфманъ пригласилъ къ себѣ хана Нассыр-Эдина для заключенія съ нимъ мирнаго договора. По этому договору, подписанному 23 сентября, вся сѣверная часть кокандской территоріи, по правую сторону Сыръ-Дарьи, бывшее Наманганское бекство, отходила къ русскимъ владѣніямъ. Въ тотъ же день дѣйствующій отрядъ туда направился. Съ занятіемъ На-

мангана достигался важный, осязательный результатъ экспедиціи: граница наша съ ханствомъ выдвигались почти на 200 верстъ и отстояла теперь всего въ 70 верстахъ отъ столицы. Приобрѣтеніе этой территоріи ставило насъ на порогѣ земель, занятыхъ безпокойнымъ кипчакскимъ населеніемъ, что, вмѣстѣ съ устройствомъ въ Наманганѣ укрѣпленія съ сильнымъ гарнизономъ, открывало намъ несомнѣнное вліяніе на дѣла ханства. Въ предвидѣніи будущихъ событій Наманганскій округъ являлся важнымъ передовымъ пунктомъ, и на завидную долю получить въ немъ начальствованіе было много претендентовъ...

Но, очевидно, Кауфманъ уже намѣтилъ свой выборъ. На маршѣ къ Намангану, остановясь бивуакомъ на правомъ берегу Дарьи, у переправы Минь-Булакъ, 25 сентября 1875 г. командующій войсками издалъ такой приказъ: «Впредь до высочайшаго соизволенія, земли праваго берега Сыръ-Дарьи, отъ границы нашей противъ урочища Обхурека до рѣки Нарына, входившія до сего въ составъ владѣній кокандскаго хана, переходятъ въ русское управленіе. Начальникомъ этого управленія въ Наманганскомъ краѣ, а также и войскъ, въ немъ оставляемыхъ, назначается флигель-адъютантъ полковникъ Скобелевъ».

Полнота вручаемой Михаилу Дмитриевичу широкой и самостоятельной власти доказывала, конечно, полное къ нему довѣріе генераль-губернатора. Зато назначеніе Скобелева, не занимавшаго до той поры никакого административнаго поста, уязвило самолюбіе многихъ болѣе старыхъ, имѣвшихъ уже служебный опытъ и, конечно, значительно расширило кадры его завистниковъ и враговъ... Но Кауфману нуженъ былъ на этой передовой позиціи смѣлый и рѣшительный военный, человѣкъ наблюдательный, вѣрно оцѣнивающій событія и въ то же время раздѣляющій взглядъ самого начальника края на систему управленія, положенную имъ въ основу политики, примѣняемой къ народамъ Средней Азіи. Все это онъ нашель въ Скобелевѣ.

Какова была эта политика, ясно опредѣлилось въ короткой рѣчи Кауфмана къ представителямъ народа, явившимся къ нему въ Наманганѣ. Благодаря собравшимся и увѣщевая ихъ жить по закону, генераль-адъютантъ Кауфманъ сказалъ: «Русскій законъ требуетъ, чтобы каждый жилъ мирно, по совѣсти, молился, работалъ и богатѣлъ. Пусть каждый изъ васъ живетъ такъ, какъ того требуетъ законъ, и молится Богу такъ, какъ его научили отцы. Богъ единъ; и русскіе, и мусульмане всѣ молятся одному Богу; и русскій законъ не насилуетъ ничьей совѣсти, не требуетъ, чтобы молились Богу такъ, а не иначе. Онъ требуетъ только доброй, справедливой жизни» ¹⁾.

¹⁾ «Турк. Вѣд.» 1875 г. № 40.

По переправѣ всего отряда русское «ура», провозглашенное за здравіе государя императора, впервые огласило земли Намангана. Затѣмъ генераль-адъютантъ Кауфманъ обратился къ толпившимся кругомъ него войскамъ съ слѣдующими словами: «Перекрестись, ребята! Мы теперь уже на своей землѣ и дай Богъ, чтобы и здѣсь прошла о насъ изъ конца въ конецъ добрая слава»¹⁾.

Вскорѣ по прибытіи отряда въ Наманганъ пришло извѣстіе, что въ восточной части ханства снова поднялась кипчаки и опять проявился неуловимый Абдурахманъ. Послѣ разгрома его скопища Скобелевымъ слухи объ Автобачи временно смолкли. Одни говорили, что онъ нашелъ убѣжище въ Кашгарѣ, другіе увѣряли, что онъ ушелъ въ Мекку, въ одеждѣ нищенствующаго монаха (диваны). Но, очевидно, слухи были пущены, чтобы отвлечь отъ агитатора наше вниманіе, такъ какъ оказалось, что онъ скрывался въ окрестностяхъ Андижана. Городъ этотъ надо считать столицей кипчаковъ, самаго воинственнаго племени въ Средней Азіи, и всѣ окрестныя мѣстности сплошь населены этимъ народомъ.

Какъ только стало извѣстно, что мы выведемъ наши войска изъ ханства и займемъ лишь правый берегъ Сыръ-Дарьи, какъ приверженцы Автобачи начали группироваться вокругъ него. Кипчаки сильнаго рода кучай первые объявили, что они никогда не выдадутъ своего сородича и будутъ крѣпко за него стоять. Жители Андижана также стали на его сторону. Отсюда Автобачи разослалъ во всѣ окрестные города и селенія воззванія къ новому газавату. Тысячи приверженцевъ стали собираться къ популярному вождю, принося клятву защищаться до послѣднихъ силъ и не отступать, несмотря ни на какія потери. Тѣ немногіе изъ старѣйшинъ города, что ему не сочувствовали, скрылись, и Автобачи приказалъ разграбить ихъ дома. Вскорѣ въ Андижанѣ, ставшемъ мѣстомъ сборища, скопилось 70 тысячъ вооруженныхъ людей.

Андижанъ не имѣлъ прочной оборонительной стѣны, съ башнями и бойницами; какія устроены въ другихъ укрѣпленныхъ средне-азиатскихъ городахъ, а потому собравшіеся въ Андижанѣ кипчаки рѣшили баррикадировать улицы, въ окрестностяхъ города устраивать засады и приводить въ оборонительное положеніе всѣ сакли (дома) и мечети на предполагаемыхъ путяхъ наступленія русскихъ. Всѣмъ дѣломъ руководилъ Автобачи, и встрѣча готовилась не шуточная, принимая въ соображеніе 70 тысячъ защитниковъ. Кромѣ того, Абдурахманъ, недовольный ханомъ Нассырь-Эдиномъ, искавшимъ милости и покровительства Россіи, объявилъ его низложеннымъ и выдвинулъ на ханскій престолъ Пулатъ-бека

¹⁾ Тамъ же.

молодого и энергичнаго кара-киргиза, родственника раньше сверженнаго Худояра. Пулатъ привелъ въ Андижанъ 15 тысячъ своихъ всадниковъ, которые должны были дѣйствовать заодно.

Кипчакское возстаніе въ Андижанѣ, грозившее разлиться по всему ханству, необходимо было подавить въ самомъ началѣ. Нападеніе въ Маргеланъ указывало, что кипчаки не задумаются напасть и на столицу, гдѣ Нассыр-Эдинъ могъ собрать только самое незначительное войско. Дѣло легко могло принять крайне неблагопріятный оборотъ для хана, особенно въ виду популярности между кара-киргизами и кипчаками его соперника—Пулатъ-бека.

Въ виду всего этого генераль-адъютантъ Кауфманъ рѣшилъ немедленно двинуть къ Андижану отрядъ изъ 5¹/₂ ротъ пѣхоты, 3¹/₂ сотенъ казаковъ, 8 орудій конныхъ и ракетнаго дивизіона. Начальствованіе отрядомъ поручено свиты его величества генераль-майору Троцкому. Отрядъ состоялъ изъ 1.400 человекъ; продовольствіе было взято на 8 дней. Пѣхота была посажена на арбы, и 28-го сентября войска направились къ Андижану.

На первыхъ верстахъ отъ Намангана жители попутныхъ кишлаковъ встрѣчали нашъ отрядъ сочувственно и на бивуакахъ доставляли все необходимое. Но чѣмъ ближе мы подвигались къ Андижану, углубляясь въ среду кипчакскихъ поселеній, тѣмъ рѣже были встрѣчи. Густо населенная, сплошь покрытая садами и посѣвами джугары мѣстность казалась вымершею. Но жители не ушли, а только скрывались въ чащѣ садовъ и въ густой зелени джугары. На джигитовъ, которые посылались съ донесеніями отъ Скобелева, шедшаго въ авангардѣ, сыпались выстрѣлы. Враждебность населенія била въ глаза и требовала большой осмотрительности въ нашихъ дѣйствіяхъ.

29-го сентября отрядъ остановился въ 6 верстахъ отъ Андижана. Вопросъ объ удобномъ и безопасномъ расположеніи вагенбурга, гдѣ было до 300 колесныхъ повозокъ, представлялъ первостепенную важность въ виду предстоящаго штурма. Съ трудомъ нашли свободное пространство, куда не прилегали сады и сакли.

На слѣдующій день генераль Троцкій поручилъ полковнику Скобелеву произвести рекогносцировку окрестностей города для опредѣленія путей, ведущихъ къ центральному базару (ригистану)—главному пункту, на который предположено было направить нашъ ударъ. Для выполненія этой задачи Скобелеву былъ данъ отрядъ въ 150 казаковъ и ракетный дивизіонъ. Во время движенія ихъ толпы коннаго непріятеля насккивали со всѣхъ сторонъ; приходилось отбрасывать ихъ ракетами и огнемъ цѣпи казаковъ. Въ одномъ узкомъ мѣстѣ дороги отрядъ былъ встрѣченъ фальконетнымъ залпомъ на разстояніи не болѣе 75 шаговъ. Подойдя къ самому городу и достигнувъ курганчи, занятой непріятелемъ, Скобелевъ высмотрѣлъ и опредѣлилъ направленіе главной базарной

улицы, затѣмъ, перестрѣливаясь съ непріателемъ, отошелъ нѣсколько назадъ, выжидая условленнаго прибытія генерала Троцкаго.

Въ 6 часовъ утра 1-го октября, оставивъ вагенбургъ на мѣстѣ, подъ охраной одной роты, 2 орудій и 2 ракетныхъ станковъ, генералъ Троцкій двинулъ войска на штурмъ тремя колоннами, изъ которыхъ передовой командовалъ полковникъ Скобелевъ.

Войска не прошли и версты, какъ сзади раздались орудійные выстрѣлы. Это наши стрѣляли по конницѣ Пулатъ-бека, напавшей на вагенбургъ. Видно было, какъ огромныя массы кинулись къ обозу; но черезъ минуту все скрылось за густою зеленью садовъ ближняго кишлака...

Между тѣмъ дорога, ведущая въ городъ, оказалась затопленною. Еще наканунѣ, когда Скобелевъ тамъ шель, онъ встрѣтилъ одинъ неглубокій арыкъ, а теперь по равнинѣ протекало уже 7 глубокихъ ручьевъ. Утро было холодное; рѣзкій вѣтеръ несся съ горъ, покрытыхъ снѣгомъ, а людямъ приходилось итти по поясъ въ водѣ. Это первое препятствіе Автобачи успѣлъ подготовить намъ въ одну ночь.

Едва штурмующія колонны втянулись въ лабиринтъ узкихъ и кривыхъ улицъ, какъ на каждомъ шагу имъ встрѣчались баррикады, столь хорошо оборудованныя, что нѣкоторыя изъ нихъ приходилось разбивать орудійнымъ огнемъ. Пули отовсюду сыпались градомъ. Раскидывая баррикады, солдаты встрѣчались лицомъ къ лицу съ непріателемъ и вступали въ рукопашныя схватки. Лишь только преодолѣвалось препятствіе впереди, какъ врагъ опять строилъ завалы въ тылу, стрѣлая оттуда. Съ крышъ домовъ, скрытыхъ садами, съ заборовъ, тянувшихся съ обѣихъ сторонъ улицъ, съ деревьевъ, унизанныхъ кипчаками, летѣли выстрѣлы, камни, дротики.

Въ такихъ-то условіяхъ, не дрогнувъ, 900 русскихъ штыковъ отражали многотысячнаго врага и шли впередъ, къ указанной цѣли. Колонна Скобелева первой достигла этой цѣли—ригистана, площади передъ дворцомъ, назначенной сборнымъ пунктомъ для штурмующихъ.

Одинъ изъ моментовъ этого штурма обрисованъ въ рапортѣ генерала Троцкаго къ командующему войсками, дѣйствующими въ Кокандскомъ ханствѣ:

«...Скобелевъ приказалъ трубить наступленіе. Пороховой дымъ впереди 1-й штурмовой колонны, на мѣстности, пересѣченной саклями, высокими стѣнками и садами, былъ такъ густъ, что казаки, двинувшись впередъ подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, совершенно неожиданно очутились передъ мостомъ, за которымъ, шагахъ въ 10 отъ головы колонны, виденъ былъ высокій заваль, вооруженный орудіемъ. Казаки съ крикомъ «ура» бросились черезъ мостъ, на штыкахъ овладѣли заваломъ, перекололи защитни-

ковъ его и ворвались въ городъ. Первымъ вскочилъ на заваль со своими охотниками 2-го Турккестанскаго стрѣлковаго батальона подпоручикъ Нуджевскій. За охотниками верхомъ на конѣ пронесся черезъ заваль флигель-адъютантъ полковникъ Скобелевъ, который тотчасъ же остановилъ колонну; нужно было разобрать заваль и ввести въ улицу орудіе. Эта трудная работа лихо была исполнена казаками и саперами, подъ огнемъ съ другого завала, бывшаго впереди шагахъ въ 60, по прямому направленію къ базару. Завязался затѣмъ ожесточенный бой на улицахъ, въ сакляхъ, около мечети и на дворахъ; непріятель пользовался каждымъ закрытіемъ, стрѣлялъ изъ-за стѣнокъ, съ крышъ, съ деревьевъ. Между тѣмъ удалось перевезти орудіе черезъ заваль, и флигель-адъютантъ Скобелевъ снова затрубилъ наступленіе. Казаки овладѣли еще тремя завалами, впрочемъ, менѣе сильно обороняемыми, чѣмъ первый, и, выйдя къ базару, наткнулись на большой заваль изъ двухъ рядовъ арбъ, забранныхъ толстыми брусьями, за которыми стояли толпы непріятеля. Флигель-адъютантъ полковникъ Скобелевъ, чтобы избѣгнуть лишннихъ потерь, остановилъ молодецкій натискъ ввѣренной ему колонны и, вызвавъ впередъ орудіе капитана Ермолова, приказалъ ему разбить заваль, чтобы тѣмъ облегчить штурмъ его»¹⁾.

Всѣмъ тремъ колоннамъ выпала одинаковая доля препятствій, одинаково геройски выполненная: отбиваясь, люди подбирали и несли съ собою раненыхъ и убитыхъ, чтобы не давать ихъ на издѣвательство азіатамъ... Когда всѣ колонны стянулись на ригистанъ, то изъ дворца и прилегающихъ домовъ понеслись перекрестные выстрѣлы. Здѣсь ранены два офицера и убиты два унтеръ-офицера, оба георгіевскіе кавалеры. Въ отместку врагу его выбивали штыками и больше 100 человекъ уложили въ домахъ и на дворцовомъ дворѣ.

Штурмъ былъ геройскій, но оставаться тутъ было невозможно; приходилось уходить. Давъ получасовой отдыхъ, генераль Троцкій двинулъ войска въ обратный путь, теперь одной общей колонной. Впереди опять шелъ Скобелевъ.

Пока шла перестрѣлка на ригистанѣ, на пройденныхъ отрядомъ улицахъ вновь устраивались только что разбросанныя баррикады, и за ними собирались толпы защитниковъ города. Снова пришлось брать штурмомъ препятствія. Опять какъ градъ сыпались пули на колонну, едва только она втянулась въ узкую улицу, ведущую отъ базара. Кипчаки стрѣляли почти въ упоръ; по временамъ летѣли камни; иногда врывался въ самую колонну какой-нибудь фанатикъ съ тяжелымъ батикомъ въ рукахъ. Цѣль стрѣлковъ, разсыпанная по обѣимъ сторонамъ колонны, отвѣчала мѣт-

¹⁾ «Турк. Вѣд.» 1876 г., № 45.

«истор. ввстн.», ноябрь 1916 г., сXLVI.

кими выстрѣлами, заглядывала въ сакли и сады, выбивая засѣвшихъ тамъ кипчаковъ. Тутъ у насъ былъ раненъ еще офицеръ. Особенно упорное сопротивленіе оказалъ непріятель, засѣвшій въ недостроенной мечети, за баррикадою въ 6 рядовъ арбъ, откуда ихъ выбили сибирскіе казаки.

Между тѣмъ арріергарду былъ отданъ приказъ зажгаты все на пути; запылала сакли, навѣсы, лавки, склады риса и т. д. Густая туча дыма подвигалась вслѣдъ за отрядомъ, но и густая туча врага насѣдала на русскихъ воиновъ. Взяли штурмомъ послѣднюю баррикаду у моста при вѣздѣ въ городъ и, пройдя въ бродъ глубокіе арыки и разливы на равнинѣ, утомленные, достигли въ два часа дня мѣста лагеря.

Вокругъ вагенбурга все еще крутились всадники Пулатъ-бека, нападавшіе во все время штурма. Но карре изъ повозокъ, съ горстью защитниковъ, едва замѣтныхъ изъ-за сдвинутыхъ арбъ, казавшееся такой легкой добычей, не только не допустило врага къ нимъ ворваться, но не позволило и близко подойти.

Наши потери въ этомъ дѣлѣ были велики, съ точки зрѣнія генерала Кауфмана, дорожившаго жизнью солдата. Два-три убитыхъ противъ тысячъ азіатовъ считалось имъ большимъ процентомъ. Въ андижанскомъ же штурмѣ мы потеряли 8 убитыми да трехъ умершими отъ ранъ. Ранены 35 нижнихъ чиновъ, 5 офицеровъ и 5 джигитовъ.

Придя на позицію, отрядъ схоронилъ товарищей. Вырыли общую могилу, густо уложили ея дно свѣжей зеленью; рядкомъ положили обернутые въ чистые маты холодныя тѣла людей, еще такъ недавно полныхъ жизни и здоровья; пропѣли молитвы, какъ умѣли, засыпали землей и утоптали это мѣсто, чтобы скрыть отъ непріятеля самый слѣдъ могилы. Братская могила на вражеской азіатской землѣ остается безъ креста... Жуткое было чувство у всѣхъ на душѣ... Только сдѣлали замѣтку, лишь намъ понятную, въ надеждѣ, что рано или поздно будетъ Россія здѣсь и могила тогда освятится крестомъ.

Отходъ, непривычный для туркестанскихъ войскъ, надо было поправить. Придя къ бивуаку и давъ 2 часа отдыха солдатамъ, генераль Троцкій командировалъ отрядъ изъ 5 конныхъ орудій и 2 казацкихъ сотенъ, подъ начальствомъ неутомимаго Скобелева, для бомбардировки Андижана и для препятствованія тушенію пожаровъ. Орудія выпустили 14 мѣткихъ снарядовъ и не только поддержали прежнія пожарища, но произвели нѣсколько новыхъ. На слѣдующій день Скобелевъ опять громилъ городъ, а затѣмъ генераль Троцкій, считая Андижанъ достаточно наказаннымъ, двинулся со всѣмъ отрядомъ въ обратный путь къ Намангану 3-го октября.

X.

Но врагъ былъ упоренъ и борьбу не кончилъ. Снова пришлось намъ итти по кипчакскимъ селеніямъ. Въ стѣнахъ садовъ, прилегающихъ къ дорогѣ, были продѣланы бойницы; въ кишлакахъ, на улицахъ, базарахъ, людей не было видно, но они караулили насъ, скрываясь за высокой зеленью еще не снятой джугары, въ гущѣ садовъ, въ сухихъ арыкахъ, на вышкахъ домовъ. Прикрываясь стрѣлковой цѣпью, мы двигались съ боемъ 8 часовъ, пройдя всего 7 верстъ въ этихъ условіяхъ. Непріятель былъ трудно уловимъ въ ловко устроенныхъ имъ засадахъ, зато на открытыхъ пространствахъ дѣло шло иначе. Когда значительныя массы непріятели показались со стороны Андижана, генераль Троцкій приказалъ Скобелеву воспользоваться первымъ удобнымъ мѣстомъ и атаковать врага. Такое именно мѣсто—открытое сжатое поле—представилось у кишлака Мирь-Абадъ (кстати—родина Автобачи). Но, чтобы приблизиться къ полю, надо были итти черезъ кишлакъ по тѣсной улицѣ, обрамленной съ одной стороны стѣнами садовъ, а съ другой—глубокимъ, но узкимъ арыкомъ, за которымъ возвышались стѣны построекъ съ пробитыми въ нихъ бойницами. Когда отрядъ втянулся въ улицу, кипчаки, съ своей стороны, сочли моментъ и мѣстность удобными для нападенія. Толпы ихъ, гикавшія вдалекѣ, стали стягиваться къ нашему арріергарду, а отдѣльные смѣльчаки подѣзжали шаговъ на сто къ нашей цѣпи.

Когда отрядъ частью уже прошелъ дефиле, Скобелевъ съ 4-ю сотнею сибирскихъ казаковъ Машина атаковалъ непріятеля. Казаки врубались въ насѣдавшую толпу, и началась рукопашная схватка. На подмогу къ охваченнымъ со всѣхъ сторонъ храбрецамъ подоспѣла рота линейнаго батальона и удачными залпами укладывала врага; разстроенный, онъ отхлынулъ, не стараясь даже подбирать тѣла убитыхъ и раненыхъ. Въ этомъ лихомъ казацкомъ дѣлѣ у насъ убитъ одинъ и 10 ранено. Потери непріятели были огромны. Въ числѣ убитыхъ находился одинъ изъ важныхъ предводителей, судя по превосходной лошади и богатому оружію, отдѣланному серебромъ и бирюзой.

Въ слѣдующій день, 4-го октября, отряду пришлось итти по мѣстности, еще болѣе пересѣченной и закрытой стѣнами садовъ. Здѣсь опять были засады и опять схватки съ непріятеlemъ. Въ атакѣ на кишлакъ Мулласы, гдѣ засѣли кипчаки, Скобелевъ съ полувзводомъ стрѣлковой роты ворвался во дворъ караванъ-сарая, перекололъ и потопилъ въ Дарьѣ не одну сотню враговъ. Наши потери—1 убитый и 3 раненыхъ. Такимъ образомъ, въ два дня мы потеряли 2 убитыми и 13 ранеными (2 офицера).

Надо было покончить съ безпокойнымъ движеніемъ нашего отряда

и принять мѣры, чтобы ночью, когда непріятель не будетъ ожидать нападенія, нагрянуть на него врасплохъ и уничтожить его окончательно. Мысль эта подана была Скобелевымъ, и, конечно, онъ же былъ поставленъ во главѣ предпріятія. Надо было держать этотъ планъ въ строжайшей тайнѣ, отчего и могъ зависѣть успѣхъ дѣла. Части, назначенныя на набѣгъ, были заранѣе поставлены въ томъ концѣ бивуака, откуда онѣ должны были выступить. Только немногія начальствующія лица въ лагерѣ знали о задуманномъ дѣлѣ. Дѣйствующими лицами, кромѣ Скобелева, былъ полковникъ Меллеръ-Закомельскій и сотникъ Машинъ.

Въ 2 часа ночи, когда весь лагерь спалъ глубокимъ сномъ, осторожно, безъ малѣйшаго шума двинулся Скобелевскій отрядъ и вступилъ въ киплакъ, накануне сожженный. Здѣсь оказался непріятельскій пикетъ, спокойно спавшій... Лошади были привязаны къ деревьямъ. Ударить и уничтожить пикетъ было дѣло одного мгновенія. Только одинъ успѣлъ проснуться и, вскочивъ на лошадь, понесся во весь опоръ къ широкой полянѣ, гдѣ, очевидно, были главныя силы непріятеля. Казаки кинулись за нимъ. При свѣтѣ луны, которая, кажется, нигдѣ не горитъ такъ ярко, какъ на Востокѣ, можно было разсмотрѣть спящій глубокимъ сномъ непріятельскій станъ. Значки были воткнуты въ землю, сабли, фальконеты, ружья, батики, халаты и чалмы—все лежало возлѣ спавшихъ людей.

Паника, которую произвела вихремъ налетѣвшая сотня Машина, шедшая впереди отряда Скобелева, была неопишима. Ошеломленный непріятель не думалъ защищаться и, бросая значки, оружіе, даже одежду, искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Многіе безоружные наталкивались на казаковъ; спасаясь отъ нихъ, бѣжали въ другую сторону и, попадая въ глубокой арыкъ съ отвѣсными берегами, гибли въ водѣ. Огромныя толпы очутились передъ ротой Меллера-Закомельскаго и почти всѣ полегли подъ штыками солдатъ... Пораженіе было полное; это была отмстка за Андижанъ...

А въ нашемъ лагерѣ все было тихо, всѣ спали; только генералъ Троцкій съ тревогой и нетерпѣніемъ ждалъ извѣстій. На разсвѣтѣ слышались вдали пѣсни. Это возвращался молодецкій отрядъ. Впереди ѣхала лихая сотня Машина съ 19 вражьими значками. На мѣстѣ битвы подобрано 200 ружей и фальконетовъ, множество пикъ, сабель и батиковъ; многое осталось не подобраннымъ. Разбитое скопище было болѣе 2 тысячъ человекъ, изъ которыхъ очень немногіе успѣли спастись въ Андижанъ. Вѣсть о пораженіи быстро разнеслась; хотя отрядъ шелъ и 5-го октября по кипчакскимъ селамъ, непріятель уже не показывался.

Между тѣмъ генералъ Кауфманъ, встревоженный отсутствіемъ извѣстій за все время, такъ какъ джигитовъ кипчаки убивали или задерживали, выступилъ на подмогу съ 6 ротами, 3¹/₂ сотнями

и 8 орудіями. Утромъ 5-го октября отряды встрѣтились и послѣ дневного отдыха, перейдя въ бродъ Кара-Дарью, направились къ Намангану. Жители попутныхъ селеній, зная о постигшей ихъ сородичей бѣдѣ, выходили навстрѣчу, съ покорностью прося пощады. Генераль Кауфманъ, видя ихъ раскаяніе, объявилъ имъ прощеніе, и на этотъ разъ ни одинъ кишлакъ не былъ сожженъ, но онъ предупредилъ населеніе, что страшная кара не минуетъ ихъ, если они будутъ дѣйствовать заодно съ андижанцами.

За Андижанскую побѣду Скобелевъ награжденъ Георгіемъ 3 ст.

Между тѣмъ, какъ и надо было ожидать, волна кипчакскихъ смуть вновь докатилась до Коканда. Народъ раздѣлился на партіи. Одни хотѣли призвать Пулатъ-бека, другіе стояли за Султанъ-Мурата—дядю Нассыр-Эдина. Этотъ же слабохарактерный и ничтожный правитель не могъ дать никакого отпора, и, когда 9-го октября мятежники напали на его дворець, онъ не нашелъ другого способа спасенія, какъ бѣжать къ намъ и 10-го октября былъ уже въ Ходжентѣ...

Туркестанскому генераль-губернатору было ясно, что оставлять независимымъ такое хаотическое государство все равно, что создавать вторую Хиву, съ той только разницей, что Хива была удалена отъ насъ на тысячи верстъ, а Кокандъ непосредственно соприкасался съ нами. Но тогдашнему Петербургу это ясно не было. Кауфманъ рѣшилъ туда ѣхать и лично представить свои соображенія по этому вопросу.

16-го октября генераль-адъютантъ Кауфманъ выѣхалъ изъ Намангана, оставивъ начальникомъ вновь образованнаго Наманганскаго отдѣла и войскъ, въ немъ расположенныхъ, свиты его величества генерала-майора Скобелева.

Только что произведенный въ генералы, 30-лѣтній Скобелевъ съ назначеніемъ его на самостоятельный постъ достигалъ всего, о чемъ въ то время могъ мечтать: служебное его честолюбіе удовлетворялось вполнѣ предоставленной ему властью, а боевая его натура предвкушала новыя военныя отличія.

Первой задачей, поставленной Скобелеву Кауфманомъ, было приведеніе къ покорности непокойныхъ кипчаковъ. Михаилу Дмитриевичу представлялась особенно заманчивой именно эта его независимость въ военныхъ дѣйствіяхъ, отвѣтственность за которую ложилась уже всецѣло на него и отчетъ въ которыхъ онъ отдавалъ только Кауфману.

И съ будущимъ непріателемъ онъ считалъ достойнымъ помѣряться силами: то былъ не осѣдлый, частью мирный, частью изнѣженный азіатъ, но очень воинственный, свободолюбивый полукочевникъ, плохо организованный, но многочисленный, смѣлый

и упорный. Укрощать такого врага, дѣйствовать противъ котораго Скобелеву была дана полная свобода, согласовалось какъ нельзя болѣе съ характеромъ Михаила Дмитріевича.

Не могло молчать въ немъ и чувство удовлетвореннаго торжества надъ явными и тайными его недоброжелателями, еще недавно коловшими его самолюбіе, а теперь, хотя и съ затаенной завистью искавшими его благорасположенія, чтобы остаться въ вѣрнномъ ему отрядѣ, гдѣ предполагались частыя экспедиціи, а съ ними награды и повышенія. Скобелевъ не вѣрилъ, конечно, въ ихъ притворную дружбу; еще менѣе нуждался онъ въ помощи этихъ «пріятелей» на полѣ брани, ибо талантливыхъ между ними не было, — и тѣмъ не менѣе онъ допустилъ ихъ въ свой лагерь. Руководствовался ли онъ показнымъ великодушіемъ, отплачивая добромъ за зло, или, какъ многіе предполагали, разсчитывалъ, что господа эти, послывшіе въ столицу разныя о немъ сплетни, устыдятся ихъ продолжать и даже постараются разсѣять неблаговидныя о немъ слухи, сложившіеся ихъ же стараніями. Есть основаніе думать, что, соображаясь съ этимъ, Михаилъ Дмитріевичъ приблизилъ къ себѣ трехъ титулованныхъ лицъ, имѣвшихъ сильныя связи въ высшихъ столичныхъ сферахъ. Но именно этотъ сплоченный триумvirатъ подстроилъ, какъ видно будетъ въ концѣ, очень злую противъ него интригу.

Генераль-адъютантъ Кауфманъ, отбывая изъ Намангана 16-го октября, оставлялъ въ распоряженіи Скобелева: 14 ротъ пѣхоты (съ саперными командами), 5¹/₂ сотенъ казаковъ, 4 ракетныхъ станка и 18 орудій. Вскорѣ онъ усилилъ его еще 2 ротами, 2 сотнями и 2 орудіями. По масштабу современныхъ армій, отрядъ этотъ кажется ничтожнымъ, но по отношенію къ вооруженнымъ силамъ того времени онъ составлялъ не менѣе 10% всѣхъ войскъ Туркестанскаго края.

Наманганскій отдѣлъ, вѣренный управленію Скобелева, съ городами и поселками по рѣкамъ Нарыну и Кара-Дарьѣ, былъ весь сплошь и очень густо населенъ кипчаками. У подножія горъ и въ самыхъ горахъ, обрамляющихъ съ сѣвера Сыръ-Дарьинскую долину, преобладаютъ кара-киргизы, по воинственному духу ничѣмъ не отличающіеся отъ кипчаковъ, съ которыми связываетъ ихъ еще и племенное родство. Такимъ образомъ, какъ по географическому положенію, такъ и по составу населенія новый край обѣщаль быть очагомъ постоянныхъ волненій, требовавшихъ бдительнаго вниманія Скобелева. Самый же городъ Наманганъ, ставшій теперь нашимъ передовымъ укрѣпленнымъ пунктомъ, лежалъ въ центрѣ этого осинаго гнѣзда, что указывало на важность его стратегическаго положенія.

Въ самые первые дни начальствованія Скобелева въ городѣ и ближайшихъ окрестностяхъ все было спокойно, наружно по крайней мѣрѣ. Но продолжалось это недолго. Начали ходить слухи, что въ разныхъ пунктахъ отдѣла стали показываться агитаторы, посланные Абдурахманомъ для возбужденія религіознаго фанатизма въ народѣ и для призыва людей «воителей за вѣру». Такъ, бывший наманганскій бекъ Батырь, неоднократно спасавшійся отъ нашихъ войскъ, появился теперь въ большомъ селеніи Яны-Тюря и прочелъ воззваніе Автобачи, гдѣ говорилось, что русскій отрядъ погибъ въ Андижанѣ, что теперь остается только уничтожить небольшія силы, оставленныя въ Наманганѣ, и что, послѣ ухода оттуда Кауфмана, это легко исполнить. Ту же небылицу распространялъ онъ и въ городѣ Тюря-Курганѣ (въ 20 верстахъ отъ Намангана). Легковѣрные азіаты, увлекаемые пламенными рѣчами агитатора, бросали жилища и семьи и уходили въ намѣченные для сборищъ пункты. Вскорѣ на наманганскихъ базарахъ разнеслись извѣстія, что Батырь собралъ несмѣтныя силы и угрожаетъ Намангану. Поддаваясь слухамъ съ базаровъ, хотя и играющихъ роль политическихъ клубовъ въ Азій, не подобало, конечно, но не слѣдовало и оставлять ихъ безъ вниманія, а потому Скобелевъ предпринялъ лично рекогносцировку къ Тюря-Кургану, гдѣ дѣйствительно оказались большія скопища кипчаковъ, причемъ въ окрестныхъ жителяхъ замѣчалось сильное возбужденіе.

XI.

Въ борьбѣ съ азіатами въ Туркестанскомъ краѣ издавна нами примѣнялась система быстроты натиска, которую Скобелевъ, конечно, усвоилъ въ высокой степени и уже 23 октября рано утромъ выступилъ съ частью своихъ войскъ къ Тюря-Кургану, гдѣ, однако, и непріятель успѣлъ подготовиться къ встрѣчѣ русскихъ. Предполагая, что нашъ отрядъ пойдетъ по главной дорогѣ, кипчаки затопили всю мѣстность, изрыли ее глубокими ямами и рвами, городскія улицы основательно забаррикадировали, въ садовыхъ стѣнахъ пробили бойницы и т. д. Высоты, окружающія городъ, заняли тысячи вооруженныхъ всадниковъ, чтобы ринуться на отрядъ, лишь только онъ вступитъ на большую дорогу. Но Скобелевъ обманулъ ожиданія непріятели: по дорогѣ онъ не пошелъ, а направился къ высотамъ, чтобы сбить съ нихъ конницу, очистить себѣ пути именно отсюда для атаки города.

Двинутые на высоты семирѣченскіе казаки были встрѣчены залпами; но вслѣдъ за ними шла рота стрѣлковъ и два орудія. Залпъ стрѣлковъ и выстрѣлы орудій быстро разстроили конныя массы непріятели; онъ дрогнулъ и заметался. Скобелевъ, устройвъ вагенбургъ подъ защитой 2-й роты стрѣлковаго батальона, съ осталь-

ными силами повелъ атаку; тѣсня толпы кипчаковъ и поражая ихъ огнемъ орудій и сбивая ихъ съ высотъ, дошелъ до оврага Кара-Су. Здѣсь артиллерія, подъ командой капитана Ермолова, вынеслась впередъ и мѣткими выстрѣлами подняла пожары въ разныхъ частяхъ города, что послужило сигналомъ къ штурму. Непосредственно за штурмовой колонной слѣдовалъ самъ начальникъ отряда со вторымъ взводомъ стрѣлковой роты и казачьями сотнями. Широкая улица со стороны Кара-Су дозволила втянуть въ городъ не только пѣхотныя части, но и казачьи сотни. Съ громкимъ «ура» бросились стрѣлки по улицѣ, ведущей къ цитадели, раскидывая завалы, сбивая толпы жителей, пытавшихся за ними обороняться. Устоять противъ стремительнаго натиска было врагу не подъ силу, и онъ бросился въ безпорядочное бѣгство, тѣснимый къ оврагу. Продолжая боевое движеніе, колонны дошли до цитадели, гдѣ уже штыками вытѣснили кичаковъ, занимавшихъ площадь, отбрасывая и этихъ къ Кара-Су; но и за оврагомъ ихъ настигала картечь орудій капитана Ермолова.

Площадь передъ цитаделью была очищена, и отрядъ остановился для передышки; дѣло, однако, еще не кончилось: врагъ былъ смѣлъ и многочисленъ и, сбитый съ главнаго пути, появлялся новыми толпами въ другихъ пунктахъ. Пришлось цѣпью стрѣлковъ занять крыши домовъ, окружавшихъ площадь, и оттуда вести перестрѣлку съ непріателемъ, засѣвшимъ на крышахъ дальнихъ строеній и на деревьяхъ садовъ. Выбивать его, хорошо прикрытаго и замѣтнаго только по дымкамъ выстрѣловъ, было весьма трудно; онъ же отлично видѣлъ наше расположеніе и, поддерживая перестрѣлку, выжидалъ минуты, когда отрядъ двинется дальше, чтобы всей массой напасть на арріергардъ. Лишь только отрядъ, послѣ короткаго отдыха, втянулся въ узкія улицы, какъ пули посыпались со всѣхъ сторонъ. Въ арріергардѣ шла та же 1-ая рота, которая штурмовала Курганъ. Медленно, безпрестанно останавливаясь, сохраняя полный порядокъ и хладнокровіе, стрѣлки мѣткими выстрѣлами держали нападающихъ въ почтительномъ отдаленіи. Не видя возможности подойти къ арріергарду изъ-за губительнаго огня, кипчаки прибѣгли къ уловкѣ: они стали катать передъ собой нагруженныя арбы и, прикрываясь ими, какъ мантилетами, пытались приблизиться. Но выстрѣлы орудій разнесли и эти прикрытія. Восемь разъ останавливалась рота, отражая насѣдавшаго непріателя.

Скобелевъ въ донесеніи своемъ отзывается съ особенной похвалой о командирѣ 2-го стрѣлковаго батальона полковникѣ Андросовѣ, о поручикахъ баронѣ фонъ-дербъ Бриггенѣ и Шлихтингѣ и о прапорщикѣ Линевицѣ (не знаменитый ли впослѣдствіи сибирскій вождь?).

Авангардъ двигался также все время съ боемъ.

Было уже поздно, и Скобелевъ остановилъ отрядъ для ночлега.

Когда вагенбургъ, выдержавшій стойко нѣсколько атакъ кипчакъ, пошелъ на соединеніе съ отрядомъ и ему пришлось итти черезъ городъ мимо базара и цитадели, то сопротивленія онъ нигдѣ не встрѣтилъ: городъ былъ мертвенно пустъ, и даже пожаръ никто не тушилъ.

На слѣдующій день, 24-го октября, генераль Скобелевъ прибылъ въ Чустъ, гдѣ отряду была дана дневка.

XII.

Послѣдующія событія заставляютъ предполагать, что сосредоточеніе скопища въ Тюря-Курганѣ служило для отвлеченія Скобелева отъ главнаго задуманнаго непріателемъ плана выбить насъ изъ Намангана, гдѣ нами возводились въ это время укрѣпленія цитадели. Хотя постройки настолько подвинулись, что цитадель могла бы въ крайнемъ случаѣ отразить нападеніе, тѣмъ не менѣе работы дѣятельно продолжались, и тысячи мародеровъ охотно являлись на щедро оплачиваемый трудъ. Однако 23-го октября, въ день штурма Тюря-Кургана, рабочихъ явилось не больше 80 человекъ, а въ городѣ замѣчалось глухое броженіе: на базарахъ, близъ цитадели, встрѣчались вооруженные люди, на улицахъ слышался стукъ китней и топоровъ—жители устраивали завалы... Къ вечеру стало извѣстно, что въ Наманганъ прибылъ Батырь-Тюря и, пользуясь отсутствіемъ Скобелева, рассказалъ, что не только отрядъ Скобелева уничтоженъ, но что и самъ онъ убитъ. Ночь, однако, прошла спокойно, но 24-го октября, въ 9 часовъ утра, горнисть, находившійся при рабочихъ на эспланадѣ у базара, неожиданно заигралъ тревогу. Вслѣдъ за тѣмъ раздались первые выстрѣлы съ базара и изъ ближайшихъ сакель. Гарнизонъ цитадели тотчасъ же сталъ въ ружье. Черезъ минуту выстрѣлы посыпались отовсюду кругомъ еще не оконченной эспланады. Тысячъ пять вооруженныхъ наманганцевъ осадили цитадель съ трехъ сторонъ, и только четвертая, ведущая къ лагерю, осталась свободной; но на лагерь бросился самъ Тюря-Батырь съ кипчаками.

Послѣ двухчасоваго малоуспѣшнаго обстрѣливанія крѣпостной ограды и верковъ загудѣла боевая труба, и массы пѣшаго непріателя съ гикомъ ринулись на штурмъ. Но ихъ уже тамъ ожидали и на разстояніи 70—100 шаговъ картечью встрѣтили эти сплошныя толпы людей, которыя и отхлынули, устлавъ буквально всю эспланаду трупами. Пользуясь временнымъ замѣшательствомъ врага, гарнизонъ подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ усилилъ оборонительную линію провіантомъ и сапными мѣшками. Работами руководилъ капитанъ Воронежъ, въ чемъ ему помогали туземцы-индусы и сарты, бывшіе въ цитадели.

Отбивъ первое энергичное нападеніе, комендантъ крѣпости полковникъ Гарновскій направилъ со стороны базара нѣсколько удачныхъ вылазокъ и, чтобы увеличить эспланаду, приказалъ ломать не разрушенныя еще зданія. Первая вылазка произведена саперами подъ командой штабсъ-капитана Церпицкаго (впослѣдствіи героя японской войны). Саперы, выбивая изъ сакель засѣвшего въ нихъ непріятеля, ломая и разрушая все на ходу и увлекаясь успѣхомъ, ушли такъ далеко, что «ура» ихъ едва слышалось. На поддержку ихъ была отправлена другая вылазка, подъ начальствомъ артиллерійскаго прапорщика Янца. Оба отряда выполнили свое дѣло: непріятель выбитъ, строенія уничтожены, и эспланада расширена.

Одновременно съ нападеніемъ на цитадель самъ Батырь съ кипчаками устремился на лагерь, бывший въ вѣдѣніи помощника Скобелева, полковника барона Меллера-Закомельскаго. Но тутъ былъ данъ Батырю внушительный отпоръ, и онъ поспѣшилъ убраться, а Меллеръ, не теряя времени, принялся за разработку сообщенія лагеря съ цитаделью и, разрушая сакли, стѣны садовъ и все препятствующее, образовалъ широкій путь къ крѣпости.

Послѣ такого начала врагъ не возобновлялъ въ этотъ день открытаго нападенія, но перестрѣлку велъ до вечера и по улицамъ усиленно строилъ завалы. Въ тотъ же день жители города работали надъ отводомъ арыковъ, снабжавшихъ водою цитадель, и на узлѣ этихъ арыковъ строили крѣпкую позицію. Отводъ воды изъ крѣпости грозилъ бы, конечно, бѣдой для гарнизона, но возможность подобной угрозы предвидѣлась еще генераломъ Кауфманомъ, который во время своего пребыванія въ Наманганѣ приказалъ вырыть нѣсколько глубокихъ прудовъ въ цитадели и тогда же распорядился наполнить ихъ водою. Своевременная предусмотрительность обезпечивала теперь на долгое время крѣпость водой, разрушая и хитрый планъ непріятеля.

Такъ шло дѣло въ отсутствіе Скобелева, бывшего въ Чустѣ, за 35 верстъ отъ Намангана. При первыхъ же признакахъ волненія ему послано было экстренное извѣщеніе, полученное имъ 25 октября, въ 12 часовъ ночи. Ровно черезъ полчаса онъ съ отрядомъ уже выступалъ форсированнымъ маршемъ къ Намангану, въ цитадель котораго и вступилъ въ часъ дня 26-го октября. Въ тотъ же день, въ три часа, Скобелевъ лично произвелъ рекогносцировку вылазкой въ сторону непріятельской позиціи на узлѣ арыковъ Сай-Буи. Позиція, удачно выбранная и искусно укрѣпленная, была почти неприступна, и собранныя здѣсь главныя силы, до 10 тысячъ вооруженныхъ людей, подъ начальствомъ Батыря-Тюря и Музалевы-ишана, очевидно, приготовились упорно защищаться.

Но и Скобелевъ рѣшилъ именно здѣсь начисто разгромить непріятеля. Чтобы сосредоточить въ одномъ пунктѣ возможно большее количество врага, онъ распорядился произвести того же

26-го октября вылазку изъ цитадели, поддержанную двумя ротами и орудіемъ изъ лагеря Меллера-Закомельскаго. Вылазка достигла цѣли. Непріятель, вытѣсненный изъ городскихъ заваловъ и закрытій, бѣжалъ къ позиціи Сай-Буй, къ чему и стремился Скобелевъ, чтобы разомъ покончить дѣло.

Въ 9 часовъ утра 27-го октября началась изъ цитадели и съ пункта, избраннаго Скобелевымъ, сильная канонада по Сай-Буйской позиціи и шла непрерывно въ теченіе двухъ часовъ. Мѣтко направленные выстрѣлы гранатъ производили ураганное опустошеніе въ густыхъ толпахъ кипчаковъ. Видно было, какъ началось беспорядочное, паническое бѣгство конныхъ и пѣшихъ враговъ изъ заваловъ и баррикадъ. Впечатлѣніе ужаса было такъ сильно, что даже толпы въ тысячъ пять человѣкъ, обскакавшія нашъ отрядъ съ тыла, остановились, точно загипнотизированныя страшнымъ зрѣлищемъ. «Артиллерія, направляемая гвардіи капитаномъ Ермоловымъ, дѣйствовала (какъ доносили Скобелевъ) выше всякихъ похвалъ. Вся честь дѣла 27-го октября принадлежитъ ей».

Это стало ясно, когда пошли на штурмъ города: онъ былъ взятъ почти безъ боя.

Потери непріятеля были таковы, что, какъ говорили въ Ходжентѣ, раненыхъ и убитыхъ не убрать было и въ двѣ недѣли. Наши потери за три дня состояли изъ 6 убитыхъ нижнихъ чиновъ, изъ 36 раненыхъ и 13 контуженныхъ. Ранено также четыре офицера: Ѳедоровъ — тяжело; менѣе тяжело — Поповъ, Машлыкинъ и Борисовъ.

За вѣроломство Наманганъ былъ чувствительно наказанъ: значительная часть города, гдѣ засѣлъ и укрѣпился непріятель, была отведена подъ русскій городъ, и въ уцѣлѣвшихъ тамъ каменныхъ зданіяхъ размѣщены войска.

Послѣ разгрома Намангана всѣ окрестные кишлаки поспѣшили прислать къ начальнику отдѣла своихъ аминовъ и другихъ почетныхъ лицъ съ изъявленіемъ полной покорности. Болѣе двухъ тысячъ человѣкъ явилось на другой день, умоляя о прощеніи. Но вожди ихъ не образумились: Батырь-Тюря, Султанъ-Понсамъ, Худояръ-Мирза и др., бѣжавшіе за Нарынъ и Кара-Дарью, продолжали агитацію, собирали новыя полчища и вскорѣ дали Скобелеву случай еще разъ проучить ихъ.

ХІІІ.

11-го ноября получились свѣдѣнія, что на лѣвомъ берегу Сыръ-Дарьи, въ городѣ Балыкчи собралось 20 тысячъ кипчаковъ, подъ начальствомъ Вали-Хана-Тюря; что, кромѣ этихъ главныхъ силъ, въ разныхъ пунктахъ разставлены отряды въ 4, 3, 2 тысячи, при орудіяхъ, имѣя каждый отдѣльнаго начальника, которые полу-

чили приказаніе въ извѣстный моментъ стягиваться къ Намангану. Не имѣлось точныхъ указаній, собирается ли непріятель ждать нашего наступленія на Балыкчи, или самъ пойдетъ всѣми силами на Наманганъ; но ясно было, что такія скопища грозили вновь поднять волненіе въ едва успокоившемся Наманганѣ.

Городъ Балыкчи сдѣлался въ послѣднее время важнымъ опорнымъ пунктомъ для военныхъ дѣйствій противъ нашего наманганскаго отряда. Находясь въ 20 верстахъ отъ Намангана, при слияніи рѣкъ Нарына и Кара-Дарьи, онъ былъ защищенъ тремя глубокими бродами черезъ рукава обѣихъ рѣкъ; только у самаго берега Кара-Дарьи былъ мостъ, охраняемый отрядами конницы и пѣхоты. Мѣстность, подступающая къ городу, на большомъ пространствѣ была затоплена. Препятствія эти кипчаки считали неодолимыми и надѣялись въ случаѣ нашей попытки ихъ одолѣть поражать насъ орудійнымъ огнемъ при переправѣ. Улицы города, по своему обыкновенію, они умѣло забаррикадировали, пробили бойницы въ стѣнахъ и зданіяхъ и т. д. Защиту же города поручили вновь восстановленному, регулярному отряду сарбазовъ. Въ городѣ находились огромные склады пороха, оружія, фуража и продовольственныхъ запасовъ. При главныхъ силахъ находился самъ Абдурахманъ-Автобачи.

Необходимость дѣйствовать рѣшительно была очевидна: при этомъ надо было поразить непріятеля полной неожиданностью и быстротой, въ виду чего наступленіе было назначено на 11-е же ноября.

Налегкъ, безъ обоза и кухонь, отрядъ изъ 4 ротъ пѣхоты, 1 роты стрѣлковъ, 4¹/₂ сотенъ казаковъ, 6 орудій, 4 ракетныхъ станковъ и команды саперъ съ инструментами выступилъ въ 9 часовъ въ ненастную осеннюю погоду и въ 11 часовъ ночи, при непроглядной тьмѣ, подошелъ къ первому броду. На противоположной сторонѣ Нарына и Кара-Дарьи свѣтилось зарево многочисленныхъ костровъ; но въ непріятельскомъ лагерѣ не замѣчалось ни малѣйшаго движенія; очевидно, кипчаки не подозрѣвали, что мы такъ быстро соберемся... Въ полномъ порядкѣ, соблюдая мертвую тишину, войска начали переходъ въ ледяной водѣ Нарына. Пѣхотныя части перевозились при помощи артиллеріи и казаковъ. Переправа шла такъ осторожно, что, когда авангардъ одолѣлъ уже всѣ три рукава, въ станѣ враговъ никто не шелохнулся... Въ 6 часовъ утра 12-го ноября 3 роты, 4 орудія, 2 сотни, подъ начальствомъ полковника Меллера-Закомельскаго, подошли къ затопленной мѣстности. Было еще темно. Затрудненіе предстояло въ переправѣ орудій. Но для туркестанскаго солдата затрудненій не существовало: запряглись люди и бодро и весело вывезли орудія на твердую почву. Непріятель продолжалъ покоиться сномъ, и только когда передовой отрядъ подходилъ къ мосту, въ непріятельскомъ лагерѣ поднялась тревога,

и оттуда открылся фальконетный огонь. Но Меллеръ, торопясь использовать послѣднія минуты темноты, чтобы дойти до моста, не обнаруживая нашего расположенія, на выстрѣлы не отвѣчалъ, продолжая двигаться. Мостовая настилка оказалась разобранной, но двѣ роты, подъ командой поручика Бѣлова, ползкомъ, по тонкимъ перекладинамъ, перебрались на лѣвый берегъ рѣки и, стремительно бросившись, выбили непріятели изъ ближайшихъ садовъ и со стѣнъ ихъ.

Скобелевъ, заслышавъ выстрѣлы авангарда, подъѣхалъ къ мѣсту начавшагося боя и остановилъ дальнѣйшее наступленіе 4-й роты, успѣвшей уже овладѣть заваломъ и лагеремъ впереди города; рота была нужна для прикрытія наступленія остальныхъ войскъ, не успѣвшихъ еще перейти бродовъ Кара-Дарьи и теперь уже видимыхъ непріятели. Прикрытіе было нужно и для саперъ, наводившихъ мостъ. Уже совсѣмъ разсвѣло, когда весь отрядъ сосредоточился на лѣвомъ берегу Кара-Дарьи и какъ бы вдругъ выросъ въ стройныхъ рядахъ передъ ошеломленнымъ непріятели. Не давая имъ опомниться, тотчасъ же открыли канонаду по городу, направляя выстрѣлы въ сторону урды и базара. Несмотря на губительное дѣйствіе нашей артиллеріи, непріятели усиливаютъ стрѣльбу. Неистовые крики, бой барабановъ и оглушительные звуки трубъ—все доказывало, что кипчаки собирались отстоять городъ.

Чтобы избѣжать лишнхъ потерь, Скобелевъ рѣшилъ не вводить въ городъ значительнаго числа войскъ и на штурмъ были назначены: 2-я рота 2-го лин. батальона и 2-ой взводъ спѣшенныхъ конныхъ стрѣлковъ. Кавалерія, подъ начальствомъ войскового старшины Смирнова, была направлена вправо отъ брода на Шараканскую дорогу, съ приказомъ рубить непріятели, когда онъ будетъ выбитъ изъ города. Три роты пѣхоты и 6 орудій оставлены въ резервѣ подъ начальствомъ полковника Меллера-Закомельскаго.

Въ 8 часовъ утра Скобелевъ лично повелъ штурмующія части. Быстро овладѣвъ входомъ въ главную улицу и базаромъ, колонна выбила непріятели изъ урды и направилась влѣво по улицѣ, загроможденной арбами и буквально набитой непріятели. Въ отвѣтъ на залпъ изъ-за баррикады колонна безъ выстрѣла бросилась къ заваламъ и, раздвигая ихъ, обрушилась штыками на живую людскую стѣну... Двѣ-три минуты шла горячая рукопашная схватка. По трупамъ людей и лошадей, заколотыхъ штыками, колонна проложила себѣ дорогу по улицѣ, куда, отстрѣливаясь, началъ отступать непріятели. Вытребовавъ роту изъ резерва, Скобелевъ снова двинулся и, какъ стихійный ураганъ, переносясь изъ улицы въ улицу, ломая и разрушая препятствія, поражая штыками ихъ защитниковъ, выбивая засѣвшихъ въ садахъ и сакляхъ, дошелъ до крайнихъ построекъ города. Отсюда штурмующіе открыли огонь

по спасавшемуся бѣгствомъ непріятелю. Между тѣмъ казаки уже поджидали бѣгущихъ на Шараханской дорогѣ и, врѣзавшись въ толпы бѣжавшихъ, рубили ихъ.

Благодаря удачно выполненной ночной операціи и стремительности нападенія, дѣло быстро было закончено, при незначительныхъ съ нашей стороны потеряхъ: убитыхъ—1, раненыхъ—8 и контуженныхъ 2 нижнихъ чиновъ.

Впереди штурмовой колонны, по свидѣтельству Скобелева, шли капитанъ Аверьяновъ и гвардіи штабсъ-капитанъ Боголюбовъ.

По свѣдѣніямъ туземцевъ, непріятель потерялъ убитыми болѣе 2 тысячъ человекъ. У базара, гдѣ стрѣлки работали штыками, лежало болѣе 200 труповъ. Въ числѣ убитыхъ оказался Вали-Ханъ-Тюря.

Было взято множество трофеевъ, въ видѣ знаменъ, бунчуковъ, значковъ, трубъ, барабановъ и т. д. Тутъ же былъ бѣлый бунчукъ Вали-Хана. Огнестрѣльнаго и холоднаго оружія захвачено такъ много, что Скобелевъ приказалъ ломать и бросать въ огонь. Оставлены непріателемъ и 150 арбъ съ имуществомъ и до 10 тысячъ скота, въ томъ числѣ много лошадей. Что можно было перевезти, отправлено въ Наманганъ. Остальное, какъ большіе запасы лепешекъ, клевера, ячменя, муки и т. д.—было сожжено. Часть города Балыкчи, прилегающая къ рѣкѣ, уничтожена. Въ 9 часовъ вечера 12-го ноября отрядъ вернулъся въ Наманганъ.

XIV.

Несмотря на рядъ тяжелыхъ пораженій, сопровождавшихся еще и репрессіями, рѣдко нами примѣнявшимися, какъ пожараща городовъ и селеній и разоренія имуществъ, народъ кипчакскій не сдавался, и вожди ихъ не приносили повинной. Послѣ каждой крупной побѣды Скобелева разгромленные кипчакскія полчища группировались въ отдѣльныя шайки и, всюду рыская, затрудняли наши сообщенія съ Ходжентомъ, нападали на почту, на джигитовъ, посылавшихся съ донесеніями, грабили проѣзжихъ и купеческіе караваны и осмѣливались даже на болѣе дерзкія попытки. Такъ, на примѣръ, полковникъ Пичугинъ, прикрывавшій отрядомъ изъ 2 ротъ и 2 сотенъ казенный артиллерійскій транспортъ, направленный изъ Ташкента въ Наманганъ, имѣлъ во время слѣдованія нѣсколько перестрѣлокъ съ этими бродячими шайками. Доведя благополучно казенную кладь, отрядъ Пичугина на возвратномъ пути подвергся нападенію въ ущельѣ, гдѣ онъ уложилъ съ десятокъ дерзкихъ смѣльчаковъ. Все это вызывало необходимость посылать летучіе отряды, ставить пикеты для охраны сообщеній и т. д. Даже послѣ разгрома Балыкчи полковникъ Пичугинъ, назначенный охранять сообщеніе Намангана съ Ходжентомъ, на переправѣ черезъ Сыръ-

Дарью вынужденъ былъ выступить съ отрядомъ въ 1½ роты и сотню казаковъ противъ непріятельской шайки, утвердившейся въ кишлакѣ Амабъ, разгромилъ ее и до основанія срылъ кишлакъ, но потерялъ при этомъ 3-хъ убитыми и 11 ранеными.

Таковыми мѣрами и слишкомъ дорогой цѣной мы могли держать въ нѣкоторомъ повиновеніи жителей нашего праваго берега Сыръ-Дарьи, далеко не достигая, однако, ни спокойствія, ни умиротворенія; на лѣвомъ же берегу Дарьи, въ самомъ ханствѣ Кокандскомъ, съ дѣлами котораго мы были теперь тѣсно связаны, продолжалось фанатическое движеніе, отзывавшееся неблагоприятно даже въ верховьяхъ нашего Заравшанскаго округа, и могло принять еще болѣе широкіе размѣры. Между тѣмъ кокандскій ханъ Нассыр-Эдинъ не могъ оказать русской власти никакого содѣйствія для возстановленія порядка въ своихъ владѣніяхъ. Не имѣя ни войска, ни опытныхъ совѣтчиковъ и будучи, наконецъ, самъ безъ воли и энергіи, онъ могъ только пассивно относиться къ событіямъ и при малѣйшей личной опасности бѣжалъ къ намъ въ Ходжентъ, гдѣ и пребывалъ почти безвыѣздно. Въ ханствѣ же всѣмъ распоряжались кипчакъ Абдурахманъ и кара-киргизъ Пулатъ-бекъ, провозгласившій себя ханомъ. Оба находились въ Маргеланѣ, куда и приказали доставлять подати со всѣхъ бекствъ. Осѣдлое населеніе, ненавидѣвшее кипчаковъ, страдало отъ отсутствія сильной законной власти и въ поискахъ за таковой дѣлилось на партіи, вносило еще и междоусобицу.

Ясно, что при такомъ положеніи дѣлъ намъ было необходимо сломить въ самомъ корнѣ ту силу, что производила и поддерживала анархію и представителями которой являлись, главнымъ образомъ, кипчаки. Чтобы нанести имъ рѣшительный ударъ, генераль-адмиралъ Кауфманъ еще до своего отъѣзда изъ Намангана предписалъ Скобелеву выступить въ концѣ декабря съ отрядомъ въ центръ кипчакскаго населенія, въ мѣстность междурѣчья (Икесу-арысы—между рѣками Нарыномъ и Кара-Дарьей) и разбить ихъ тамъ именно въ такое время, когда кочевники съ семействами и имуществомъ остаются на зимовкахъ въ долинѣ и не могутъ уже спастись въ горахъ, заваленныхъ снѣгомъ.

Скобелевъ сталъ собираться въ походъ, но кипчаки, провѣдавъ, о готовящейся экспедиціи, покинули свои кишлаки и потянулись отовсюду къ Андижану, надѣясь безопаснѣе укрыться въ этомъ городѣ, чѣмъ въ открытыхъ и не защищенныхъ селеніяхъ. Въ началѣ декабря и самъ Автобачи переѣхалъ въ Андижанъ и немедленно занялся укрѣпленіемъ города, какъ опорнаго пункта для новыхъ военныхъ противъ насъ дѣйствій. Тамъ господствовало большое одушевленіе. Слѣдуетъ помнить, что послѣ нашего отступленія отъ Андижана 1-го октября городъ этотъ быстро принялъ воинственную фizioномію и набрался смѣлости, считая наше первое

андижанское дѣло за неудачу. Теперь же Абдурахманъ собирался, очевидно, дать намъ тутъ генеральное сраженіе, съ полной надеждой на побѣду, такъ какъ никогда еще силы его не были столь значительны: 20 тысячъ вооруженныхъ жителей, 10 тысячъ конницы и 5 тысячъ сарбазовъ, т. е. регулярнаго войска, имъ же нѣкогда распущеннаго, а теперь вновь возстановленнаго.

Между тѣмъ Андижанъ не входилъ въ составъ Наманганскаго отдѣла и находился въ предѣлахъ все еще независимаго Кокандскаго ханства, слѣдовательно, Скобелевъ не имѣлъ права туда вторгаться безъ разрѣшенія на то главнаго начальника края. Но разрѣшеніе это онъ своевременно получилъ.

25-го декабря 1875 г. генераль Скобелевъ выступилъ изъ Намангана съ отрядомъ въ 2.800 человекъ. По туркестанскому масштабу отрядъ былъ очень значителенъ, но и громада непріятели была внушительна. Въ виду зимняго времени люди были снабжены теплою одеждою и войлочными кибитками; провіантъ и фуражъ были взяты въ ограниченномъ количествѣ, такъ какъ Скобелевъ рассчитывалъ довольствоваться войска реквизиціей. Въ отрядѣ слѣдовали артиллерійскій и инженерный парки, подвижной лазаретъ и пр. Обозъ состоялъ изъ 500 арбъ, поднимавшихъ каждая до 25 пудовъ.

Переправясь черезъ Нарынъ и слѣдуя вверхъ по правому берегу Кара-Дарьи, Скобелевъ распорядился сжигать на всемъ пути особыми колоннами всѣ кипчакскія поселенія, брошенные жителями, стремившимися соединиться съ Автобачи.

Новый годъ засталъ войска уже на лѣвомъ берегу Дарьи, и 1-е января было встрѣчено въ большомъ кипчакскомъ кишпакѣ Байтокѣ. 3-го января 1876 года весь отрядъ сосредоточился около Миръ-Рабата, въ 5 верстахъ отъ Андижана.

Отсюда начался послѣдній актъ кипчакской драмы, описаніе котораго предоставляемъ самому Скобелеву, въ его образныхъ донесеніяхъ, гдѣ, лично ступевываясь, онъ отдаетъ должное всѣмъ участникамъ экспедиціи.

Телеграфныя донесенія Скобелева временно исправляющему должность генераль-губернатора генераль-лейтенанту Колпаковскому сообщали слѣдующее:

11-го января 1876 года. «Многочисленныя непріятельскія скопища со всего ханства, съ Автобачи во главѣ, сосредоточились въ Андижанѣ, жители котораго рѣшились отчаянно защищаться. Андижанъ сталъ главнымъ оплотомъ партіи войны въ ханствѣ. 4-го января произведена рекогносцировка сѣверной и восточной окраинъ города, указавшая выгодную артиллерійскую позицію у Акъ-Чакмака. Рекогносцировка встрѣчена сильнымъ огнемъ. 6-го числа произведена рекогносцировка южной окраины, притянувшая къ Аугумбеку вниманіе и силы непріятели. 7-го отрядъ переведенъ съ Мусульманъ-Кула на высоты Акъ-Чакмакъ. Избѣгая

до крайности кровопролитія, въ городъ послано два предложенія сдаться. Второй посланный зарѣзанъ. 8-го утромъ взять штурмомъ пригородный кишлакъ Ескильдикъ, чѣмъ обезпечена для всей артиллеріи позиція, съ которой разгромленъ городъ 500 снарядовъ, а въ 12 часовъ двинуты въ городъ штурмовыя колонны: полковника Пичугина, ротмистра Меллера-Закомельскаго и капитана Ионова, подъ общимъ начальствомъ полковника Меллера-Закомельскаго, и резервныя—подъ моимъ. Колонны, направленныя на командующую высоту въ центрѣ города Гуль-Тюбе, штурмовали городскую стѣну и завалы. Овладѣвъ высотой, на ней тотчасъ устроена штабъ-капитаномъ Церпицкимъ батарея, съ которой артиллерія продолжала громить городъ до слѣдующаго утра, а пѣхота заняла у подошвы высоты оборонительную позицію, на случай продолженія боя. Колонны, двинутыя 9-го января, уже не встрѣтили сопротивленія. Городъ нашъ. Потеря наша 2 убитыхъ; одинъ офицеръ и 6 нижнихъ чиновъ раненыхъ. Потери непріятели громадны. Не угадавъ фронта атаки и спѣша къ нему 8-го числа утромъ густыми массами, непріятель приведенъ въ панику дѣйствіями нашей артиллеріи, поэтому сильная наружная ограда и приведенный въ крѣпкое оборонительное состояніе городъ взять съ столь малымъ урономъ.

«Честь дѣла принадлежитъ артиллеріи. Скопища (партія войны за вѣру) и жители бѣжали въ Ассакѣ. Впечатлѣніе, произведенное на ханство, огромное.

«10-го января перешелъ во дворецъ Ханъ-Заде. Ожидаю приказаній въ Андижанѣ. Направляю полковника Меллера-Закомельскаго въ Наманганъ; будетъ ждть отвѣта. Окрестныя кишлаки проявили покорность; жители города начинаютъ возвращаться. Генераль-майоръ Скобелевъ» ¹⁾).

Телеграмма Скобелева Колпаковскому 25-го января 1876 года:

«Приказаніе вашего превосходительства отъ 15-го января въ точности исполнилъ. Со времени взятія Андижана стали приходить извѣстія о наступательныхъ дѣйствіяхъ Автобачи. 13-го января произвелъ частью кавалеріи и конными стрѣлками рекогносцировку по ассакинской дорогѣ. Въ кишлакъ Аргутъ-багъ обнаруженъ пикетъ. Изрублено десять. 18-го получилъ извѣстіе, что Автобачи съ 15 тысячами стоитъ въ 10 верстахъ отъ Андижана; подготовилъ возстаніе городовъ, готовится напасть на насъ. Двинулся съ 2 ротами, 5 сотнями, 4 конными орудіями, ракетной батареей по ассакинской дорогѣ. Непріятель обнаруженъ близъ Ассакѣ; по слѣдамъ вошли въ городъ. Убѣдившись, что мостъ черезъ сай уничтоженъ, обстрѣлявъ артиллеріею городъ и высоты восточнѣе города, сильно занятая непріятеlemъ, отрядъ перешелъ сай въ бродъ 1¹/₂ версты выше города и атаковалъ крутыя высоты. Конно-

¹⁾ «Туркестанскія Вѣдомости» 1876 г., № 3.

«Истор. вѣстн.», ноябрь 1916 г., т. сXLVI.

стрѣлковый дивизионъ флигель-адъютанта ротмистра барона Меллера-Закомельскаго овладѣлъ ими подъ сильнымъ огнемъ непріятеля и отбросилъ его отъ гребня. Подъ прикрытіемъ конныхъ стрѣлковъ казаки втащили артиллерію, затѣмъ на высоты взошла вся кавалерія и обѣ роты подъ начальствомъ капитана Іонова, молодецки поспѣвшія. Плато къ востоку отъ маргеланской дороги было занято густыми массами коннаго и пѣшаго непріятеля. Конные стрѣлки отбили нападеніе на лѣвый флангъ; непріятель, обстрѣлянный артиллеріей, атакованъ кавалеріей. Опрокинувъ густыя массы конницы, я, отбивъ вторую попытку противъ лѣваго фланга, преслѣдовалъ по маргеланской дорогѣ. Въ 4-хъ верстахъ открылась изъ-за садовъ колонна 800 сарбазовъ. Атакованная оренбургскою Авдѣева, семирѣченскою барона Штакельберга сотнями, изрублена. Преслѣдованіе остановлено за Ніазъ-Батыремъ, въ 9 верстахъ. Вернулись въ Ассаке, заняли городъ безъ боя; ночевали въ урдѣ. Жители бѣжали. Потери ранеными 9 нижнихъ чиновъ, 1 джигитъ. Потеря непріятеля очень значительна. На мѣстѣ оставлено 400 тѣлъ. Сверхъ выше названныхъ офицеровъ, назову отличившихся: капитановъ Ермолова и Куропаткина, штабъ-капитановъ: Боголюбова, Церпицкаго, Маслова.

«Впечатлѣніе ассакинской побѣды громадно. На слѣдующій день явились депутаціи съ аманомъ (просьбою о пощадѣ) изъ Шарихана и изъ окрестностей. Вернулся въ Андижанъ 19-го вечеромъ. Автобачи прислалъ своихъ довѣренныхъ съ переговорами о сдачѣ. Вчера, 24-го января, послѣ личнаго свиданія со мной въ Гунду-Кишлакѣ, въ 8 верстахъ отъ Андижана, Абдурахманъ-Автобачи сдался, повергая себя милосердію государя императора. Съ Автобачи сдались главные предводители: Батырь-Тюря, Исфандіаръ-Хали-Куль-парманачи, Кази-бекъ-ишанъ-агаси, Наръ-Мухамедъ-дишха и др., въ числѣ всего 26 человекъ и 400 вооруженныхъ джигитовъ.

«Считаю необходимымъ пребываніе въ Андижанѣ нѣкоторое время для полнаго развитія пріобрѣтенныхъ успѣховъ. Пулатъ-бекъ прислалъ уже довѣренныхъ для переговоровъ. Андижанъ вноситъ контрибуцію; внесено уже 33 тысячи и исправно исполняется все, нужное для войска. По полученнымъ отъ 23-го января извѣстіямъ, въ Наманганскомъ отдѣлѣ все спокойно».

«Генераль-майоръ Скобелевъ» ¹⁾.

Двумя этими побѣдами заканчивалась 4-мѣсячная непрерывная борьба и блистательно выполнялась задача смирить кипчаковъ, возложенная на Скобелева генераль-адъютантомъ Кауфманомъ. Суть побѣды заключалась въ покореніи воли Абдурахмана-

¹⁾ Тамъ же.

Автобачи, этого туркестанскаго Шамиля, вдохновенные призывы котораго фанатизировали народныя массы, шедшія за нимъ, какъ за пророкомъ...

Сдаваясь Скобелеву, гордый кипчакскій вождь написалъ въ то же время интересное письмо начальнику края, которое приводимъ:

«Чувствуя свое безсиліе противъ храбрыхъ и непобѣдимыхъ воиновъ Бѣлаго царя, равно желая прекратить бѣдствія войны, разоряющей мое отечество, я сдался генералу Скобелеву, надѣясь на милосердіе могущественнаго во всемъ мірѣ Бѣлаго Царя. При этомъ, съ полною надеждою обращаюсь къ вамъ, какъ доброму покровителю края, что вы меня не пустите на несчастный путь. Обѣщанію, данному генераломъ Скобелевымъ, я вѣрю и надѣюсь, что вы не оставите обратить на это милостивое ваше вниманіе».

Какъ донесенія Скобелева, такъ и письмо Абдурахмана передавались по телеграфу въ Петербургъ генералу-адъютанту Кауфману, который докладывалъ ихъ государю. На нихъ получился отвѣтъ на имя исправлявшаго должность генераль-губернатора, генераль-лейтенанта Колпаковскаго:

«По докладу государю императору дѣла подъ Ассаке и сдачи Автобачи его величество изволилъ остаться очень доволенъ; передайте большое спасибо генералу Скобелеву и славному отряду. Ожидаю представленій за всѣ послѣднія дѣла. Абдурахмана-Автобачи съ семействомъ, какое выберетъ ¹⁾, и съ движимымъ имуществомъ отправить, когда будетъ возможно, изъ Ташкента въ Россію, гдѣ по волѣ государя будетъ жить покойно».

«Кауфманъ».

Вслѣдъ за этими событіями началась явная реакція въ сторону мира, котораго давно ждало осѣдлое населеніе, ненавидѣвшее кипчаковъ. Но какъ послѣ сильной бури въ взбаламученномъ морѣ долго еще бьются волны, не приходя въ спокойное состояніе, такъ и взбунтовавшія страну фанатическія банды оставили еще слѣды. Сошелъ съ политической сцены Абдурахманъ; но узурпаторъ Пулатъ-бекъ былъ еще на свободѣ и могъ снова надѣлать хлопотъ. Правда, значеніе его сильно поколебалось со сдачей Автобачи, и Пулатъ, злоствуя на него за покорность Россіи, отмстилъ ему, зарѣзавъ трехъ его братьевъ.

Проявлялись и другіе авантюристы. Такъ, нѣкій Абдула-бекъ, претендентъ на ханскій престолъ, подошелъ съ шайкой своихъ приверженцовъ къ Коканду, жители котораго, однако, прогнали его, не желая непрощеннаго господства кара-киргиза.

¹⁾ У Абдурахмана было три семьи.

Населеніе, измученное неурядицами, разоряемое поборами, терроризированное кровожаднымъ Пулатъ-бекомъ, жаждало сильной, но и справедливой власти; законный же ея представитель ханъ Нассыръ-Эдинъ былъ олицетвореніемъ лишь слабости и ничтожества. Въ силу всего этого въ странѣ образовалась огромная партія, видѣвшая спасеніе только въ Россіи и жаждавшая присоединенія къ ней ханства, просить о чемъ уже пріѣзжали въ Ташкентъ выборныя отъ народа почетныя лица.

Но существовала, конечно, и другая партія, желавшая сохранить самостоятельность своей страны подъ ханскимъ управленіемъ. Къ ней принадлежали какъ фанатическое духовенство, такъ и придворные честолюбцы, игравшіе роль при ханскомъ режимѣ и понимавшіе, что при русскомъ управленіи утратится ихъ значеніе.

Какъ ни былъ ничтоженъ Нассыръ-Эдинъ, онъ еще носилъ свой титулъ, и партія рѣшила использовать это обстоятельство. Она отправила депутатовъ въ Махрамъ, гдѣ въ это время ханъ жилъ подъ нашей охраной, и убѣдила его вернуться въ столицу, обѣщая не только личную его безопасность, но и поддержку въ утвержденіи его власти. Нассыръ-Эдинъ поддался увѣреніямъ и 30-го января въѣхалъ въ Кокандъ при торжественной обстановкѣ, ловко подготовленной партіей. Было очевидно, что власть безвольнаго хана будетъ только номинальной, а править страной станутъ честолюбцы, подъ вліяніе которыхъ онъ успѣлъ подпасть.

Таково было политическое положеніе страны, о чемъ былъ хорошо освѣдомленъ Скобелевъ, съ нетерпѣніемъ ждавшій рѣшенія изъ Петербурга. Чтобы быть ближе къ извѣстіямъ оттуда, онъ уѣхалъ въ Наманганъ, сдавъ начальствованіе надъ экспедиціоннымъ отрядомъ въ Андижанѣ помощнику своему полковнику Меллеру-Закомельскому, приказавъ ему, въ случаѣ движенія Пулатъ-бека изъ Маргелана, выслать авангардъ въ Ассакѣ.

Вскорѣ получились свѣдѣнія, что Пулатъ-бекъ съ пятью тысячами конницы при пяти орудіяхъ направился изъ Маргелана въ Учъ-Курганъ. Немедленно былъ высланъ отрядъ подъ командой ротмистра флигель-адъютанта барона Меллера-Закомельскаго, который разбилъ и разсѣялъ банду, отнялъ орудія и 28-го января занялъ Учъ-Курганъ. Но самъ Пулатъ-бекъ ускользнулъ и бѣжалъ въ Каратыгинскія горы.

XV.

Судьба ханства наконецъ была рѣшена. 5-го февраля 1876 г. генераль-лейтенантъ Колпаковскій получилъ изъ Петербурга отъ Кауфмана телеграмму: «Снисходя къ общему желанію кокандскаго народа принять подданство Россіи, а также не видя возможности другимъ способомъ успокоить населеніе, государь императоръ

высочайше повелѣлъ соизволилъ нынѣ же принять ханство въ подданство его величества, переименовавъ его въ Ферганскую область. Начальникомъ этой области его величеству благоугодно было назначить свиты своей генераль-майора Скобелева».

Рѣшеніе это, давно желанное, несказанно обрадовало русское населеніе края и въ столицѣ его, Ташкентѣ, вызвало всеобщее ликование. Но для многихъ радость эта омрачилась заключительной фразой телеграммы о назначеніи Скобелева. Хотя оно было совершенно естественно, вытекая изъ недавнихъ заслугъ Михаила Дмитриевича, тѣмъ не менѣе новое его повышеніе создало ему и новыхъ враговъ изъ имѣвшихъ преимущество передъ нимъ по старшинству и опыту въ управленіи. Весь Ташкентъ только и говорилъ объ этомъ назначеніи: у каждаго недовольнаго были друзья и родственники, и легко себѣ представить, сколько толковъ и шума поднялось въ взбудораженномъ муравейникѣ. Недруги Скобелева старались, конечно, чернить его: въ его донесеніяхъ усматривали преувеличеніе силъ противника; обвиняли Скобелева въ жестокости, съ которой онъ сжигалъ жилища и уничтожалъ имущество населенія, примѣняя карательную систему, не практиковавшуюся въ туркестанскихъ походахъ. Обвинители, конечно, закрывали глаза на то, что борьба съ непокойными кочевниками разнилась отъ военныхъ пріемовъ противъ осѣдлыхъ народовъ, имѣвшихъ регулярныя арміи, поражение которыхъ и полагало конецъ кампаніи. Вообще обвиненія на Скобелева сыпались безъ мѣры и дошли до своего апогея послѣ слѣдующаго событія.

Высочайшимъ повелѣніемъ о присоединеніи ханства вызывалось незамедлительное занятіе войсками Коканда. Генераль Кауфманъ, еще до своего отъѣзда въ Петербургъ (5-го декабря 1875 г.), увѣренный въ успѣхѣ своихъ представленій высшему правительству, далъ подробную инструкцію въ Ташкентѣ и намѣтилъ всѣ воинскія части, которыя должны были занять страну, лишь только получитъ о томъ телеграмма, приказавъ своевременно сосредоточить ихъ въ Ходжентѣ. Врядъ ли данныя указанія въ точности были выполнены, ибо когда пришла телеграмма 5-го февраля, то хотя штабные тотчасъ надѣли походную форму и красовались въ ней на улицахъ Ташкента и въ театрѣ, но съ выступленіемъ не торопились... Между тѣмъ Скобелевъ, увѣдомленный изъ Петербурга о своемъ назначеніи и учитывая всѣ смутныя политическія обстоятельства въ странѣ, времени не терялъ. Онъ заранѣе выполнилъ данныя ему инструкціи, у него все было готово для немедленнаго занятія ханства. Онъ его и занялъ... Въ Ташкентѣ къ генералу Колпаковскому донесеніе Скобелева пришло 8-го февраля:

«Имѣю честь почтительнѣйше донести вашему превосходительству объ образованіи двухъ отрядовъ, согласно волѣ гене-

раль-адъютанта Кауфмана о движеніи къ Коканду. Въ 16 верстахъ отъ Коканда узналъ, что ханъ выѣзжаетъ ко мнѣ навстрѣчу. Свиданіе произошло въ кишлакѣ Якъ-Мулла. Бывшій ханъ, пораженный нашимъ неожиданнымъ появленіемъ, повиновался объявленной ему волѣ государя императора и вчера доставилъ изъ Коканда 29 орудій; остальные во власти войскъ въ Кокандѣ. При движеніи отряда жителямъ кишлаковъ объявлялось о принятіи ихъ въ подданство великаго государя. Въ кишлакѣ Бульбы пришли ночью. Улицы были освѣщены кострами; народъ повсемѣстно ликуетъ, узнавъ о присоединеніи къ Россіи. Вчера заняты ворота Нау-Бухара оренбургскою сотнею, полуротою конныхъ стрѣлковъ, 2 ракетными станками. 8-го февраля, въ 11 часовъ утра вступилъ въ Кокандъ съ отрядомъ изъ 4-хъ ротъ пѣхоты, 4-хъ сотенъ казаковъ, роты конныхъ стрѣлковъ, ракетной батареи и 6 орудій. Занявъ урду (дворецъ вмѣстѣ съ цитаделью), укрѣпился и принялъ всѣ военныя мѣры къ обезпеченію противъ возможныхъ случайностей. Комендантомъ Коканда назначилъ полковника барона Меллера-Закомельскаго, начальникомъ города майора Ястржембскаго. Населеніе Коканда встрѣчало на улицахъ съ меньшимъ выраженіемъ радости по случаю присоединенія. Приписываю такое настроеніе сближенію Нассыр-Эдина съ сторонниками газавата, выразившемуся приглашеніемъ на службу людей наиболѣе враждебныхъ Россіи, какъ-то: Абдуль-Гафаръ-бека, Абдуль-Мумына, скрывшагося въ Кокандѣ и мн. др. менѣе вліятельныхъ; сборомъ сарбазовъ, несомнѣнно, враждебныхъ русской власти, хотя, можетъ быть, и необходимымъ для эксъ-хана. Завтра отправлю хана въ Махрамъ; туда же будетъ отправленъ и Автобачи; они будутъ сданы коменданту Махрама, майору Родзянко. Батырь-тюря и сегодня схваченный въ Кокандѣ Абдуль-Мумынь—арестованы. Считаю опасенія мои относительно возможности враждебныхъ дѣйствій Нассыр-Эдина, если бы на то дано ему было время, основательными, несмотря на весьма вліятельную, многочисленную партію, сочувствующую присоединенію.

«Кавалерійскій отрядъ, подъ командой полковника Меллера-Закомельскаго, изъ Андижана, присоединился ко мнѣ вчера, пройдя 140 верстъ въ 31 часъ. Объявленіе о присоединеніи къ Россіи Ассаке и Маргелана принималось народомъ восторженно. Жители Маргелана просили отрядъ войти въ городъ, что и было исполнено; улицы города и базаръ были иллюминированы. По дорогѣ жители кишлаковъ встрѣчали радостно; вездѣ достарханъ.

«Не менѣе замѣчательно движеніе № 2 подвижнаго артиллерійскаго взвода поручика Шобалова, прошедшаго на соединеніе съ моимъ отрядомъ 100 верстъ въ сутки. Пѣхота наманганскаго отряда, подъ командою подпоручика Комарова, выступивъ изъ Киргизл.-Кургана въ 9 часовъ утра 6-го февраля, задержанная пере-

правою черезъ Дарью у Сары-Су 8 часовъ, прошла 50 верстъ и прибыла въ Боульды въ тотъ же день въ первомъ часу ночи.

«Акь-Джарскій отрядъ сейчасъ пришелъ. 5 ротъ андижанскаго отряда жду съ часу на часъ. Въ Ферганской области все спокойно».

«Генераль-м. Скобелевъ» 1).

Громъ съ безоблачнаго неба произвелъ бы меньше волненія, чѣмъ донесеніе Скобелева... Не поддается описанію поднявшійся въ извѣстной части общества взрывъ негодованія противъ Михаила Дмитриевича: возмущалась публика, намѣченная въ походъ и втайнѣ мечтавшая о возможныхъ въ Кокандѣ волненіяхъ и вслѣдъ за ними усмиреніяхъ, соединенныхъ съ полученіемъ награды. Злобствовали и выше стоявшіе, самолюбіе которыхъ было болѣзненно уязвлено Скобелевымъ, предвосхитившимъ главную роль въ этомъ историческомъ событіи. Всѣ его враги—прежніе и новыя, мелкіе и крупныя—объединились и кричали, что онъ подлежитъ суду за дерзкое самовольство, за превышеніе власти и т. д. Смѣшно сказать, но раздавались грозные голоса, говорившіе, что преступленіе Скобелева карается смертною казнью...

Сдержанный Колпаковскій не выражалъ ни порицанія, ни неудовольствія и ограничился выпускомъ объявленія о занятіи Коканда войсками генерала Скобелева. Ему же, какъ временному представителю высшей власти въ краѣ, оставалось лишь констатировать фактъ присоединенія ханства къ Россіи, въ силу высочайшаго повелѣнія.

Запоздалое выступленіе войскъ изъ Ташкента началось того же 8-го февраля, а 15-го весь отрядъ выстроился подъ стѣнами столицы Коканда, въ ожиданіи прибытія генерала Колпаковскаго. Здѣсь Скобелевъ подготовилъ подобающую ему встрѣчу, ожидая его со всѣмъ своимъ штабомъ, съ почетнымъ карауломъ и съ депутациями отъ столицы и всѣхъ городовъ ханства. Бравый видъ войскъ, блескъ офицерскихъ мундировъ, яркія одежды туземцевъ въ зеленыхъ и бѣлыхъ чалмахъ,—все подъ чудеснымъ весеннимъ солнцемъ являло своеобразную эффектную картину.

Встрѣченный музыкой, генераль Колпаковскій принялъ рапортъ и, обойдя войска, подошелъ къ депутатскимъ группамъ: онъ объявилъ (черезъ переводчика), что государь принимаетъ кокандцевъ, какъ новыхъ подданныхъ, въ общую семью, общаая милость, равноправіе и правосудіе, если они будутъ покорны его волѣ. Затѣмъ, надеясь, что они спокойно вернуться къ мирнымъ занятіямъ, генераль просилъ всѣхъ молиться за Бѣлаго Царя. Жители и депутаты, внимательно выслушавъ переведенную имъ рѣчь, приклады-

1) Тамъ же, № 7.

вали руки ко лбу и сердцу, выражая этимъ покорность и любовь, отвѣчали: «Такъ велитъ Богъ. Великъ Аллахъ».

Окруженный штабомъ, въ сопровожденіи почетнаго конвоя изъ казачьихъ сотенъ, при пушечной пальбѣ генераль Колпаковскій вѣхалъ въ столицу.

На дворцовой площади были выстроены скобелевскія войска, занявшія Кокандъ 5-го февраля; тутъ же стояла колонія русскихъ съ хлѣбомъ-солью, представители города съ достраханомъ, а кругомъ толпились тысячи туземцевъ—пѣшихъ и конныхъ. Колпаковскій произвелъ парадъ войскамъ, благодарилъ ихъ за доблестную службу и, поздравивъ ихъ и русскую колонію, провозгласилъ ура государю императору. Громовое отвѣтное ура разнеслось на далекое пространство и, соединенное съ русскимъ гимномъ и пушечными выстрѣлами, завершило официальное торжество присоединенія богатой новой области къ составу Россійской имперіи.

Отпраздновать это историческое событіе Михаилъ Дмитриевичъ пригласилъ всѣхъ прибывшихъ къ себѣ на пиръ. Не было недостатка въ широкомъ гостепріимствѣ хозяина, а своеобразная восточная прелесть дворцовыхъ палатъ, гдѣ онъ жилъ, музыка и иллюминація—все придавало празднику блескъ и красоту. За обѣдомъ провозглашались тосты, составлялись депеши въ Петербургъ и Москву, велись шумныя, оживленные бесѣды.

Войскамъ и депутатамъ было устроено угощеніе, и народъ, видимо, былъ доволенъ.

Казалось, пора было уলেখся недоброжелательству къ Скобелеву; но нѣтъ, недруги Михаила Дмитриевича затаили обиду. Съ возвращеніемъ въ край генераль-адъютанта Кауфмана была сдѣлана попытка дискредитировать въ его глазахъ Скобелева, и однимъ лицомъ была принесена на него жалоба за своевольное взятіе Коканда. Константинъ Петровичъ, по своему обыкновенію, давая право всѣмъ высказываться, выслушалъ внимательно докладчика и такъ ему отвѣтилъ: «Скобелевъ одновременно съ вами получилъ мою телеграмму и, какъ знакомый съ положеніемъ дѣлъ въ краѣ, тотчасъ же поторопился исполнить планъ сосредоточенія войскъ подъ Кокандомъ, предполагая, вѣроятно, что и вы не станете терять времени. Я былъ правъ, посылая телеграмму въ Ташкентъ и къ Скобелеву; этимъ я обезпечивалъ успѣхъ дѣла. Если бы вы, придя десятью днями позже, встрѣтили сопротивление въ Кокандѣ, вамъ пришлось бы вести осаду, терять людей и пр. и Богъ знаетъ, чѣмъ бы это кончилось; а Скобелевъ понялъ, въ чемъ дѣло, занялъ Кокандъ безъ потери одного человѣка и сдѣлалъ хорошо. Да вы объяснились съ нимъ?» — «Нѣтъ, — отвѣтилъ Н:—я былъ съ нимъ очень любезенъ». — «Ну, такъ зачѣмъ же вы мнѣ жалуетесь? Вы бы

лучше съ нимъ объяснились, и дѣло было бы вамъ ясно, что вы опоздали, а не онъ упредилъ васъ»¹⁾).

Кауфманъ умѣлъ говорить просто, но и внушительно, чѣмъ и отбилъ охоту у многихъ, собиравшихся приписать ему подобныя жалобы на Скобелева.

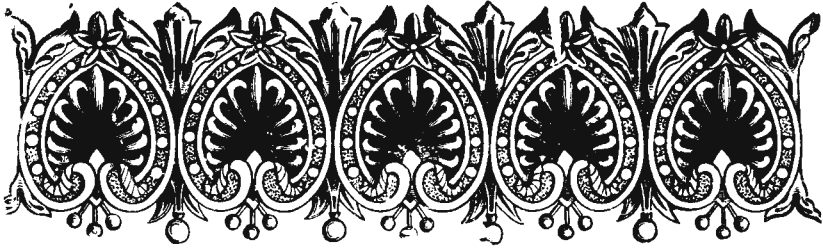
Одного неожиданнаго врага обезоружилъ самъ Мих. Д-чъ. Правителемъ канцеляріи генераль-губернатора былъ въ это время генераль Гомзинъ, человѣкъ очень честный, усердный служака, но ума не широкаго, образованія не блестящаго и въ общемъ близко подходившій къ типу «бурбона». Онъ кичился своимъ положеніемъ, такъ какъ должность правителя канцеляріи была видная и черезъ нее проходили всѣ назначенія. Скобелевъ былъ назначенъ безъ всякаго участія Гомзина, чѣмъ генераль былъ недоволенъ. Фрондируя и поддаваясь господствовавшему антискобелевскому настроенію, Гомзинъ тоже попробовалъ протестовать и на докладѣ у генераль-губернатора сказалъ Кауфману: «Не рискованно ли было, ваше высокопревосходительство, назначать на отвѣтственный административный постъ слишкомъ ретиваго кавалериста?» На эту выходку Кауфманъ отвѣтилъ: «А вотъ, Андрей Ивановичъ, сдѣлаемъ опытъ, авось этотъ кавалеристъ насъ не осрамить». Когда Скобелевъ пріѣхалъ въ Ташкентъ, ему, конечно, сталъ извѣстенъ выпадъ Гомзина. Въ порядкѣ службы губернаторы являлись къ правителю канцеляріи. Всѣ, кто зналъ Михаила Дмитриѣвича, помнятъ, конечно, его блестящую внѣшность, и вотъ онъ явился къ Гомзину во всей красѣ. Гомзинъ принялъ его холодно и даже высокомерно, но Скобелевъ не смутился. Почтительно поклонившись, онъ отрекомендовался: «Ваше превосходительство видите передъ собой новичка въ гражданской службѣ, у котораго нѣтъ ни знаній, ни опыта; ему нуженъ руководитель, и онъ пришелъ искать его въ лицѣ вашего превосходительства»... На минуту Гомзинъ оторопѣлъ, но самообольщеніе взяло верхъ, и, не понявъ тонкой ироніи, генераль просіялъ, любезно протянулъ руку и обѣщаль свое руководство. Безсмертная истина оправдалась: лесть и на этотъ разъ нашла уголокъ въ человѣческомъ сердцѣ и быстро измѣнила мнѣніе Гомзина: съ той поры онъ сталъ защитникомъ Скобелева.

Е. Толбуховъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

---

¹⁾ Подлинное письмо Кауфмана къ ген. Троцкому. Семейный архивъ П. М. Кауфмана-Туркестанскаго.

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ.

I.

ОМЪ бабушки Софьи Никитичны Бибиковой былъ настоящимъ музеемъ, и особая прелесть этого музея была въ томъ, что у него была душа, что всѣ эти картины и миниатюры, старинная тяжелая мебель и огромные книжные шкапы, мраморный бюстъ прадѣда въ большой двухъ-свѣтной залѣ, все это жило, все было полно воспоминаній. Каждая вещь имѣла свою исторію и сохраняла въ себѣ тепло семейной обстановки, печать привычекъ, вкусовъ, мыслей своихъ обладателей. Это все были живые свидѣтели прошлаго, блестящаго и трагическаго, прошлаго въ шитыхъ мундирахъ и арестантской шинели, свидѣтели, связывавшіе его съ настоящимъ и неразрывно съ самой бабушкой.

Какъ-то пришлось мнѣ встрѣтиться съ извѣстнымъ московскимъ коллекціонеромъ П. И. Щукинымъ которому удалось приобрести въ числѣ нѣсколькихъ цѣнныхъ миниатуръ работы Вермеля портреты прадѣда и самой бабушки Софьи Никитичны. Не могу передать, какъ мнѣ стало непріятно, просто оскорбительно и больно за эти миниатюры. Мой собесѣдникъ былъ милый, образованный человѣкъ, безспорный цѣнитель и знатокъ искусства, но, представивъ себѣ эти миниатюры вставленными въ особыя витрины и вспомнивъ, какъ онѣ висѣли въ бабушкиномъ кабинетѣ среди другихъ сувенировъ, мнѣ стало жаль ихъ, какъ было бы жаль самое бабушку, если бы ей пришлось попасть въ богадѣльню.

Щукинъ сохранилъ миниатюры для публики и искусства, но онъ вынулъ изъ нихъ душу. Съ какимъ умѣньемъ и любовью ни былъ бы составленъ музей,—это всегда кладбище. Но бабушкинъ музей жилъ, и главной артеріей его жизни была сама Софья Никитична. Бабушка была москвичка и любила Москву, ту Москву, въ которой она прожила всю свою жизнь, съ которой ее связывала многочисленная родня, ту старую, милую, всегда немного фрондировавшую Москву, Москву стараго англійскаго клуба, барскихъ особняковъ и стараго дворянства, ревниво берегшаго родовыя и семейныя связи и преданія, свысока и насмѣшливо говорившаго о чиновномъ и придворномъ Петроградѣ, Москву, сосредоточенную въ невозможныхъ кривыхъ переулкахъ и теперь навсегда исчезнувшую. Когда мой отецъ вспоминалъ старыя дома, вѣрнѣе, усадьбу на Малой Дмитріевкѣ, онъ говорилъ: «Садъ у насъ былъ съ оранжереей и огородомъ, напротивъ Лодыженскіе жили, а у Сушковыхъ домъ на углу былъ».

Бабушка была дочерью декабриста Никиты Михайловича Муравьева, родилась въ Сибири, на Петровскомъ заводѣ и до тринадцати лѣтъ, т. е. до самой смерти отца, прожила съ нимъ въ ссылкѣ. Изображая декабристовъ, какъ какихъ-то веселыхъ, взбалмошныхъ молодыхъ офицеровъ, по крайней молодости своей увлекшихся красивой и модной идеей и радостно и шумно играющихъ въ страшныхъ заговорщиковъ, г. Мережковскій описываетъ и Никиту Михайловича Муравьева какъ ученаго чиновника, съ любовью пишущаго свой проектъ конституціи, лишеннаго увлеченія и вѣры, идущаго на такое дѣло, какъ вооруженное возстаніе, только потому, что такъ выходитъ по его книгамъ, но *«avant de se mêler d'écrire l'histoire, il faut apprendre à lire la vérité»*, сказалъ Тьеръ.

Никита Муравьевъ, фактическій глава, вдохновитель и основатель сначала «союза истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества», а позже «Сѣвернаго союза», авторъ первой «конституціи Россійскаго государства», былъ, правда, человѣкомъ очень образованнымъ, любившимъ и увлекавшимся наукой, но книга не была для него сухой матеріей: она была его жизнью, изъ нея онъ почерпнулъ тотъ идеалъ, которымъ жилъ, которому не боялся служить на дѣлѣ, а не на однихъ словахъ, котораго не потерялъ за девятнадцать лѣтъ каторги и ссылки и за который тамъ же въ ссылкѣ и умеръ. Не увлекающееся воображеніе, восторженность и горячія рѣчи привлекли Никиту Михайловича въ кружокъ блестящей свѣтской, по большей части богатой молодежи, которую давилъ окружающій мракъ, не смогшей равнодушно пройти мимо столькихъ страданій и положившей душу свою за други своя. Но, съ другой стороны, и не холодныя выкладки, и не логическія разсужденія привели его въ «Сѣверный союзъ», это былъ естественный результатъ

и семейной обстановки, и разговоръ людей, среди которыхъ онъ выросъ. Онъ не могъ иначе думать, не могъ иначе говорить, и какъ честный и благородный человѣкъ не могъ бороться за то, что считалъ своимъ долгомъ и единой правдой. Никита Михайловичъ родился и выросъ въ семьѣ, гдѣ Карамзинъ, Жуковский, И. П. Тургеневъ были лучшими друзьями и постоянными посѣтителями. Не могъ не оказать большого вліянія на него и отецъ его, Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, ученый, страстный библиофилъ, поэтъ и царедворецъ, впоследствии государственный дѣятель, онъ былъ призванъ императорицей Екатериной состоять кавалеромъ, какъ тогда говорили, при великихъ князьяхъ Александрѣ и Константинѣ Павловичахъ, т. е. читалъ имъ «Наставленія въ російскомъ языкѣ, въ нравственности и словесности». Для своихъ воспитанниковъ онъ написалъ «Краткое начертаніе російской исторіи», являющееся первой книгой въ этомъ направленіи, про которую современная критика писала, это она «написана перомъ ученаго, политика и философа». Перу Михаила Никитича принадлежать многіе труды по отечественной исторіи и географіи; что же касается его философіи, то это была философія Руссо, передъ которой онъ преклонялся, которой увлекался, воспѣвая ее и въ прозѣ, и въ стихахъ, изданныхъ Жуковскимъ уже послѣ его смерти. Еще императрицей Екатериной онъ былъ пожалованъ сенаторомъ, что въ то время имѣло не только почетное, но и государственное значеніе. Правда, эта философія Руссо, заставившая почтеннаго сенатора отпустить на волю своихъ крѣпостныхъ, не помѣшала ему быть государственнымъ дѣятелемъ, товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, веселымъ и милымъ свѣтскимъ человѣкомъ; но та же философія, пересаженная въ душу сына, привела послѣдняго къ каторгѣ и ссылкѣ. Различныя поколѣнія воспринимали ее различно. Михаилъ Никитичъ за свои труды по русской исторіи и географіи былъ избранъ членомъ императорской академіи наукъ и разныхъ другихъ ученыхъ обществъ и назначенъ попечителемъ московскаго университета. Профессора относились къ нему съ уваженіемъ и большой любовью, что видно изъ предисловія къ посмертному изданію его сочиненій. Михаилъ Никитичъ, женившись на Екатеринѣ Ѳеодоровнѣ Колокольцовой, наслѣдницѣ огромныхъ имѣній въ разныхъ губерніяхъ и миллионнаго состоянія, всецѣло отдался своей любви къ книгамъ и искусству. Онъ и всегда очень любилъ живопись и постоянно посѣщалъ студии художниковъ, но послѣ женитьбы онъ могъ помогать имъ и матеріально, что дѣлалъ въ широкихъ размѣрахъ. Собранную имъ великолѣпную и обширную библіотеку онъ послѣ смерти своей завѣщалъ московскому университету.

Съ женой Михаилъ Никитичъ жилъ любовно и дружно; ихъ большой домъ на Караванной улицѣ былъ всегда открытъ для дру-

зей и родственниковъ, которые по тогдашнему обычаю, прїѣзжая изъ провинціи, иногда цѣлыми семьями подолгу жили у гостепріимной и безконечно доброй Екатерины Ѳедоровны. По воскресеньямъ у нихъ бывали семейные обѣды, и случалось, что за столъ садилось человѣкъ семьдесятъ. Тутъ были и военные генералы, и сенаторы, и безусая молодежь, блестящіе кавалергарды и скромные провинціалы, и все это были родственники, близкіе и дальніе. Былъ тутъ и старикъ Николай Муравьевъ, заслуженный генералъ, основатель школы колонновожатыхъ, т. е. нынѣшней академіи генеральнаго штаба. Государь не долюбивалъ его за то, что онъ у себя въ имѣніи устроилъ не только школу грамотности для своихъ крѣпостныхъ, но обучалъ ихъ ремесламъ и всячески старался облегчить жизнь. Былъ тутъ и сынъ его, Николай Николаевичъ, получившій наименованіе Карскаго, впоследствии намѣстникъ Кавказа, который восемнадцати лѣтъ читалъ уже блестящія лекціи въ школѣ колонновожатыхъ. Такъ какъ семья Николая Муравьева была очень небогата, то онъ самъ занимался и подготовлялъ въ учебныя заведенія своихъ братьевъ: Андрея, довольно извѣстнаго путешественника по святымъ мѣстамъ и духовнаго писателя, и Михаила, получившаго потомъ титулъ графа.

Про старика Муравьева рассказывали слѣдующій бывшій съ нимъ случай. Учился онъ въ дерптскомъ университетѣ. Среди студентовъ былъ одинъ, служившій мишенью и предметомъ всевозможныхъ насмѣшекъ и продѣлокъ со стороны товарищей. Однажды Муравьевъ особенно жестоко и оскорбительно подшутилъ надъ нимъ, и обиженный поклялся, что никогда этого не забудетъ и жестоко отомстить. И вотъ много лѣтъ спустя, во время одного похода, когда Муравьевъ, уже начальникомъ штаба нашей арміи, сидѣлъ какъ-то ночью у себя въ палаткѣ и писалъ диспозиціи, пола палатки распахнулась и вошелъ студентъ дерптскаго университета, одѣтый въ форменную тогда студенческую венгерку. Муравьевъ тотчасъ же узналъ своего когда-то столь жестоко оскорбленнаго имъ товарища. Думая, что тотъ пришелъ просить у него защиты и покровительства, онъ заговорилъ съ нимъ, удивляясь только, что послѣ столькихъ лѣтъ онъ нисколько не измѣнился, оставаясь все такимъ же молодымъ. Но вмѣсто мирной бесѣды посѣтитель напомнилъ Муравьеву его жестокую обиду и свою клятву и сказалъ, что пришелъ объявить ему, что жена его, которую онъ такъ любилъ, въ эту самую минуту умираетъ въ жестокихъ мученіяхъ. Взбѣшенный и отчасти испуганный, Муравьевъ выстрѣлилъ въ непрошеннаго посѣтителя. На шумъ сбѣжались люди. Палатка была прострѣлена, но ни студента, ни даже слѣдовъ его никакъ и нигдѣ не могли найти. Какъ могъ онъ, никѣмъ не замѣченный, пробраться въ середину лагеря, въ палатку Мура-

вѣва и затѣмъ такъ же не замѣченнымъ скрыться,—неизвѣстно. Самъ Муравьевъ всегда твердо вѣрилъ, что это былъ вѣщій призракъ, тѣмъ болѣе, что жестокое предсказаніе исполнилось. Жена его дѣйствительно скончалась въ отсутствіе мужа въ страшныхъ мученіяхъ: ее по ошибкѣ похоронили живою.

II.

Особенно частымъ гостемъ бывалъ въ домѣ Муравьевыхъ Иванъ Матвѣичъ Муравьевъ-Апостоль, большой другъ Михаила Никитича. Блестящій собесѣдникъ, умный, образованный, говорившій на нѣсколькихъ языкахъ, любившій и понимавшій музыку, Иванъ Матвѣичъ былъ въ то же время большимъ эгоистомъ и большимъ гастрономомъ. Въ качествѣ русскаго посла въ Испаніи онъ долго жилъ за границей, и дѣти его воспитывались въ Парижѣ, гдѣ двое старшихъ сыновей, Сергѣй и Матвѣй, учились сначала въ лицей S.-Louis, а потомъ въ политехникумѣ. Проживъ, вѣрнѣе пробѣвъ, все свое состояніе, Иванъ Матвѣичъ поселился въ оставшемся у жены его небольшомъ имѣніи въ 500 душъ въ Малороссіи, куда взялъ съ собой своего метрдотеля-испанца, котораго всюду возилъ съ собой и съ которымъ никогда не разставался.

Сергѣй и Матвѣй Ивановичи Муравьевы-Апостолы, вернувшись изъ-за границы, поступили въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ. Отецъ ихъ послѣ смерти первой жены вторично женился на Грушецкой и былъ не только равнодушенъ, но прямо-таки не любилъ дѣтей своихъ отъ перваго брака и былъ часто къ нимъ несправедливъ. Но старшій братъ, Сергѣй, благодаря своему уму и прекрасному сердцу имѣвшій вліяніе не только на братьевъ и сестеръ своихъ, но и на отца, улаживалъ всегда раздоры въ семьѣ, гдѣ его все обожали и называли «notre génie bienfaisant». Старшая дочь Ивана Матвѣича была за графомъ Ожаровскимъ, вторая, Екатерина Ивановна, очень красивая собой, была сдѣлана фрейлиной, принята при дворѣ и потомъ вышла замужъ за Иларіона Михайловича Бибилова; старшій сынъ ихъ, Михаилъ, впоследствии женился на дочери Никиты Михайловича Муравьева, бабушкѣ Софѣ Никитишнѣ.

Оба брата, Сергѣй и Матвѣй, дѣлали походъ четырнадцатаго года вмѣстѣ съ Семеновскимъ полкомъ. Имъ приходилось очень плохо, потому что отецъ не посылалъ имъ ни гроша. Особенно трудно приходилось Матвѣю Ивановичу, который не былъ еще офицеромъ, а только подпрапорщикомъ и не получалъ жалованья. Подъ Кульмомъ онъ былъ тяжело раненъ и оставленъ на излеченіе въ домѣ богатаго бюргера, который очень заботливо ухаживалъ за нимъ и за другимъ раненымъ офицеромъ-казакомъ. Этотъ казакъ

былъ настоящимъ первобытнымъ сыномъ донскихъ степей. Онъ удивлялъ хозяевъ своими сапогами, въ каблукахъ которыхъ придѣлана была особая механика, наигрывающая мелодію, когда онъ ходилъ. Послѣ обѣда онъ благодарилъ хозяина, цѣлуя его въ обѣ щеки, и сконфуженную хозяйку прямо въ декольтѣ, которое тогда всѣ носили. Вступивъ въ Парижъ вмѣстѣ съ русскими войсками, Матвѣй Ивановичъ пошелъ навѣстить своего бывшего профессора изъ политехникума, который встрѣтилъ его очень радушно и все не могъ прійти въ себя отъ изумленія, что русскіе варвары никого не рѣжутъ и не грабятъ. Онъ показывалъ ему при этомъ ружье и пистолеты, приготовленные имъ для своей защиты. Матвѣй Ивановичъ боготворилъ брата, гордился имъ и бывало сердился, когда Сергѣй, не любившій показывать свой блестящій умъ, держался въ обществѣ въ сторонѣ и молчалъ. Сергѣй Ивановичъ имѣлъ на брата огромное вліяніе и онъ же увлекъ его въ тайное общество, въ чемъ самъ сознается и проситъ прощенья у отца и брата въ своемъ предсмертномъ письмѣ. Въ этомъ случаѣ Мережковскій тоже нѣсколько ошибся, когда въ своей книгѣ «Александръ I» писалъ какъ разъ обратное.

Матвѣй Ивановичъ вышелъ изъ Семеновскаго полка еще до исторіи 1820 года, за которую Сергѣй Ивановичъ былъ переведенъ въ Бобруйскъ. Онъ былъ адъютантомъ князя Репнина въ Кіевѣ, когда на одномъ обѣдѣ въ то время, какъ стали пить здоровье государя, отказался присоединиться къ тосту и, не притрогиваясь, вылилъ на полъ содержимое своего бокала. Исторію удалось замѣть, но Матвѣю Ивановичу пришлось выйти въ отставку. Въ сраженіи подъ Бѣлою Церковью онъ участвовалъ уже въ штатскомъ платьѣ и вмѣстѣ съ братомъ Сергѣемъ Ивановичемъ былъ схваченъ съ оружіемъ въ рукахъ, за что жестоко и поплатился. Младшій братъ Инполитъ, узнавъ о неудачномъ концѣ сраженія и о томъ, что старшій братъ Сергѣй тяжело раненъ, тутъ же выстрѣломъ покончилъ съ собой. Старикъ Муравьевъ-Апостолъ потерялъ сразу всѣхъ трехъ сыновей и ему самому было приказано выѣхать за границу. Матвѣй Ивановичъ былъ отвезенъ въ фортъ «Славу», откуда потомъ съ фельдъегеремъ его повезли въ Петропавловскую крѣпость на допросъ. Везли на простой ямщицкой тройкѣ. Подъѣзжая къ Петербургу, подвязали колокольчикъ, затянули кузовъ кибитки простой рогожей и въ такомъ видѣ повезли по Невскому проспекту въ крѣпость. Передъ этимъ фельдъегерь умолялъ Матвѣя Ивановича не губить его и не выглядывать изъ-за рогожи, пока поѣдутъ черезъ городъ, что тотъ и исполнилъ, какъ это ни было трудно. Долго пришлось ему сидѣть въ одиночной сырой камерѣ Алексѣевского рavelина, а потомъ нѣсколько лѣтъ въ Свеаборгѣ. Свиданья разрѣшались съ трудомъ, да и родныхъ никого у него въ то время въ Петроградѣ не было, кромѣ

сестры Екатерины Ивановны Бибиковой, которой къ нему не допустили. На прогулку водили очень рѣдко, да и то въ сопровожде- нии вооруженнаго конвоя и съ завязанными глазами. Всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ какая-то таинственная, незримая лич- ность накидывала заключенному мѣшокъ на голову, который снимался лишь по приходѣ на мѣсто. На обратномъ пути повто- рялась та же исторія. Какъ ни старался Матвѣй Ивановичъ увидѣть, кто продѣлывалъ эту процедуру, но она происходила такъ быстро, что ему не удавалось. Въ садикѣ Алексѣевского рavelина сто- рожъ показывалъ ему могилу такъ трагически погибшей княжны Таракановой. Чтобы имѣть хоть какое-нибудь движеніе, заключен- ный выпросилъ себѣ щетку и кусокъ воску и каждый день усердно натиралъ полъ своей камеры, доведя его до такого совершенства, что онъ сталъ гладокъ, какъ зеркало, и входившіе къ нему тюрем- щики и комендантъ скользили и падали, что доставляло ему много радости. Изъ крѣпости Матвѣя Ивановича повезли не въ острогъ къ товарищамъ, а въ далекую Якутскую область, гдѣ поселили въ юртѣ, въ которой онъ жилъ совершенно одиноко около трехъ лѣтъ. Лишь разъ въ мѣсяцъ казакъ привозилъ ему мясо и хлѣбъ. Впро- чемъ, его однажды навѣстила ученая экспедиція, отыскивавшая магнитный полюсъ. Впослѣдствіи на поселеніи онъ женился на дочери мѣстнаго мелкаго, бѣднаго чиновника. Не имѣя дѣтей, онъ удочерилъ двухъ дѣвочекъ-сиротокъ; одна изъ нихъ потомъ уже подъ конецъ его жизни настолько завладѣла имъ, что онъ безъ нея не смѣлъ ступить и шагу, а она обирала его. Такъ какъ Матвѣй Ивановичъ былъ послѣднимъ въ родѣ, то фамилія его перешла, благодаря проискамъ его воспитанницы, къ младшей линіи его внучатныхъ племянниковъ. Хотя манифестомъ государя Александра Второго и было разрѣшено ему вернуться и жить въ Европейской Россіи, но въѣздъ въ столицы былъ запрещенъ, такъ что дѣдушка Михаилъ Иларіоновичъ Бибиловъ, его родной племянникъ, бралъ его на поруки и ѣздилъ просить за него мо- сковскаго генераль-губернатора Закревскаго каждый разъ, что ему надо было по дѣламъ пріѣзжать въ Москву. Во свои пріѣзды онъ всегда останавливался у своего племянника, дѣдушки Миха- ила Иларіоновича, и у бабушки Софьи Никитишны. Когда же на- конецъ получилъ право жительства въ столицѣ, то окончательно поселился у нихъ. Стальной организмъ и стальные нервы Матвѣя Ивановича выдержали всѣ нравственныя потрясенія, голодовку, годы полнаго одиночества въ сибирской тайгѣ, и до глубокой старо- сти онъ былъ очень бодръ, много ходилъ и обладалъ завиднымъ аппетитомъ. Говорили про него, что къ старости онъ сдѣлался боль- шимъ эгоистомъ, но я думаю, что слишкомъ много было у него тяжелаго и страшнаго въ прошломъ, о которомъ онъ не любилъ вспоминать. Говорилъ онъ съ удовольствіемъ о походахъ двѣнад-

Михаилъ Никитичъ Муравьевъ
 тайный советникъ, бывшаго
 нареднаго прокурора при
 Императорской Академіи
 Наукъ, Соискателя
 3-го класса кавалера и гур.
 и въ томъ разрядѣ числится
 Родился въ 1797 году

Михаилъ Никитичъ Муравьевъ
 тайный советникъ, бывшаго
 нареднаго прокурора при
 Императорской Академіи
 Наукъ, Соискателя
 3-го класса кавалера и гур.
 и въ томъ разрядѣ числится
 Родился въ 1797 году

Михаилъ Никитичъ Муравьевъ.

цатаго и четырнадцатаго годовъ, о своей жизни въ Парижѣ, когда онъ учился въ колледжѣ St.-Louis. Отлично помнилъ коронацію Наполеона I и рассказывалъ о сказочной роскоши и блескѣ мундировъ и каретъ коронаціоннаго шествія, на которое онъ смотрѣлъ, вскарабкавшись на фонарный столбъ. О дѣятельности тайнаго общества, о возстаніи и жизни въ Сибири онъ говорилъ очень неохотно. Но впечатлѣнія дѣтства и молодости, самыя для него радостныя, онъ сохранилъ въ памяти лучше всѣхъ. Когда, уже разбитый параличомъ, въ полубезжизненной сонливости, онъ бывало дремалъ въ своихъ вольтеровскихъ креслахъ и его спрашивали: «Матвѣй Ивановичъ, спустить шторы, вамъ солнце мѣшаетъ?»—старикъ вздрагивалъ, открывалъ глаза и бормоталъ: «Главномандующій не приказалъ». На коронацію императора Александра III его принесли уже совсѣмъ больного въ креслѣ, и, когда государь подошелъ къ нему со словами ласки и участія, старикъ растрогался, заплакалъ и опустился передъ царемъ на колѣни. Бабушка и многіе въ семьѣ осуждали его за эту слабость, но гдѣ разбитому, больному старику было думать о силѣ характера. Умеръ онъ въ 1884 году на девяносто третьемъ году жизни.

III.

Въ 1807 году скончался Михаилъ Никитичъ Муравьевъ. Жена его Екатерина Θεодоровна бросила свѣтскую жизнь и большую часть времени стала проводить на своей дачѣ на Каменномъ острову. Дача эта еще недавно принадлежала купцу Утину. Здѣсь навѣщали ее друзья и между прочимъ довольно часто бывшій воспитанникъ ея мужа, государь Александръ Павловичъ. Тутъ она, продолжая дѣло мужа, занялась тщательно образованіемъ и воспитаніемъ своихъ двухъ сыновей, Никиты и Александра, которыхъ безгранично обожала и ни за что не соглашалась отпустить на военную службу. Никита Михайловичъ, кромѣ иностранныхъ, въ совершенствѣ владѣлъ латинскимъ и древнегреческимъ языкомъ, читая классиковъ въ подлинникъ совершенно свободно. Онъ увлекался исторіей, философіей и математикой. Еще во время Отечественной войны онъ убѣжалъ потихоньку изъ дома и отправился въ Москву, чтобы вступить въ ряды ея защитниковъ. Но этотъ побѣгъ едва не кончился для него весьма печально. Бродя пѣшкомъ въ окрестностяхъ Москвы, онъ былъ схваченъ и обысканъ казачьимъ разъѣздомъ. На немъ нашли географическую карту и путевыя записки на французскомъ языкѣ. Этого было вполне достаточно, чтобы принять его за шпиона, и съ нимъ собирались уже покончить, когда проѣзжавшій мимо профессоръ московскаго университета, часто бывавшій въ домѣ его отца, узналъ его и спасъ. Но

уже походъ 1814 года Никита Михайловичъ, которому было въ то время всего семнадцать лѣтъ, дѣлалъ колонновожатымъ офицеромъ и изъ Парижа обратно шелъ съ гвардейскомъ корпусомъ. Объ этомъ походѣ онъ составилъ записку съ чертежами и планомъ, представляющую интересъ въ военномъ отношеніи и хранящуюся въ настоящее время у моего отца. Послѣ вступленія русскихъ войскъ въ Парижъ молодежь, чтобы вознаградить себя за трудности длиннаго похода, бросилась веселиться и кутить. Но Никита Михайловичъ, нанявъ себѣ тихую комнату, читалъ и занимался цѣлыми днями, ходилъ слушать лекціи въ парижскій университетъ и всѣ свои деньги тратилъ на покупку книгъ. Вернувшись въ Россію, онъ еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ женился по любви на молодой красавицѣ графинѣ Александрѣ Григорьевнѣ Чернышевой.

Четырнадцатое декабря жестокимъ ударомъ поразило семью Муравьевыхъ. Семь членовъ ея было арестовано: Никита Михайловичъ и младшій братъ его Александръ, корнетъ Кавалергардскаго полка, Сергѣй, Матвѣй и Ипполитъ Сергѣевичи Муравьевы-Апостолы, Артамонъ Захаровичъ Муравьевъ и Александръ Николаевичъ Муравьевъ. Началось слѣдствіе. Ипполитъ Ивановичъ застрѣлился еще подъ Бѣлой Церковью, Сергѣй Ивановичъ былъ повѣшенъ, Никита Михайловичъ приговоренъ къ повѣшенію, но въ послѣднюю минуту помилованъ и сосланъ на каторжныя работы, гдѣ и умеръ, Артамонъ Захаровичъ тоже скончался въ Сибири, томъ же умеръ Александръ Михайловичъ. Изъ ссылки вернулись только Матвѣй Ивановичъ да Александръ Николаевичъ. Несчастливая Екатерина Теодоровна Муравьева сразу потеряла обоихъ сыновей. Она чуть съ ума не сошла отъ горя и цѣлые дни и ночи молилась. Отъ долгаго стоянія на колѣняхъ у нея на нихъ образовались мозоли, такъ что она не могла ходить и совершенно ослѣпла отъ слезъ. Прабабка Александра Григорьевна Муравьева, рожденная Чернышева, потеряла не только мужа, котораго обожала, но и единственнаго любимаго брата своего графа Захара Григорьевича Чернышева, участвовавшаго также въ возстаніи и сосланнаго въ Сибирь. Александра Григорьевна рѣшила ѣхать за мужемъ, хотя сердце ея разрывалось при мысли о разлукѣ съ дѣтьми, которыхъ было трое и младшему всего нѣсколько мѣсяцевъ. Но, оставивъ ихъ на попеченіи свекрови, она отправилась за мужемъ. Волконская, Трубецкая и Муравьева первыя отправились за мужьями въ ссылку. Насколько къ декабристамъ всѣ, даже начальство, начиная съ фельдъегерей и кончая губернаторами, относились сочувственно, настолько всѣ ужасались, ставили всевозможныя препятствія женамъ ихъ въ ихъ безумномъ, какъ всѣ находили, предпріятіи. Волконская и Трубецкая вдвоемъ пріѣхали на Нерчинскіе рудники, Александра Григорьевна одна и первая добралась въ Читинскій острогъ. Ей

первой пришлось вынести на себя всю тяжесть и невзгоды не только матеріальныя, но и происходившія какъ отъ не опредѣлившагося положенія самихъ ссыльныхъ, такъ и отъ не выясненнаго отношенія къ нимъ начальства. Во-первыхъ, надо помнить, что въ то время Чита не была даже городомъ. Это было небольшое, заброшенное селеніе, насчитывавшее едва триста душъ жителей, темныхъ и бѣдныхъ, едва добывавшихъ скуднымъ хлѣбопашествомъ себя хлѣбъ насущный. Для прибывшихъ ссыльныхъ декабристовъ было построено три каземата. Ихъ трудами засыпались ямы, рылись канавы и проводились дороги и мосты. Жены же ихъ, стараясь устроиться получше, отстраивали и покупали дома, такъ что подъ конецъ пребыванія декабристовъ Чита приняла мало-по-малу чистенькій и приглядный видъ, а главная улица стала носить названіе Дамской. Александра Григорьевна первая купила домъ и приспособила его къ жизни.

Многіе декабристы были заброшены богатыми и знатными родственниками своими, старавшимися позабыть компрометирующее и опасное родство, а потому они терпѣли большую нужду, особенно въ первое время. Не такъ было съ Никитой и Александромъ Муравьевыми. Мать ихъ Екатерина Федоровна послѣ отъѣзда невѣстки переѣхала съ тремя внучатами въ Москву въ приготовленный для нея заранѣе Жуковскимъ домъ и отсюда, пользуясь всякими представлявшимися случаями, посылала сыновьямъ деньги. Такъ какъ черезъ третье отдѣленіе можно было посылать только ограниченныя суммы, то Екатерина Федоровна пользовалась всяческими оказіями. Конечно, многое пропадало, но все же сыновья ея получали около сорока тысячъ въ годъ. Благодаря хлопотамъ жены и матери, Никитѣ Михайловичу удалось получить въ Сибири почти всю свою богатую библіотеку, такъ что онъ могъ читать своимъ товарищамъ по заключенію интересныя и блестящія лекціи по исторіи и военному искусству. Къ бабушкѣ Софьѣ Никитишнѣ еще пріѣзжалъ иногда бывший сибирскій купецъ-милліонеръ, потомъ разорившійся,—Кузнецовъ. Онъ былъ одинъ изъ посредниковъ по передачѣ денегъ Никитѣ Михайловичу, и при этомъ единственнымъ честнымъ посредникомъ. Бабушка встрѣчала его радостно и съ почтеніемъ, а онъ для этихъ посѣщеній одѣвалъ парадныя клѣтчатыя брюки въ обтяжку, огромный шелковый галстукъ бабочкой, крахмальные воротнички, подпиравшіе подбородокъ, завивалъ кокъ на головѣ и былъ очень похожъ на Далматова въ «Свадьбѣ Кречинскаго». Благодаря получаемымъ деньгамъ, Александра Григорьевна могла устроиться довольно сносно и очень много помогать другимъ. Не только для мужа, но и для остальныхъ заключенныхъ она являлась истиннымъ провидѣніемъ «Ея красота внѣшняя,—пишетъ баронъ Розенъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—равнялась ея красота душевной;

она была нашимъ ангеломъ хранителемъ». Въ другихъ запискахъ ее называютъ «незабвенной и праведной». И дѣйствительно, много кротости, любви и вмѣстѣ съ тѣмъ твердости выказала эта молодая двадцатичетырехлѣтняя женщина. Придя въ первый разъ на свиданье съ мужемъ, она нашла его въ кандалахъ, въ душной, тѣсной каморкѣ, совсѣмъ больного. Кромѣ того, и видѣться она могла съ нимъ не больше часа въ день и то лишь два раза въ недѣлю и въ присутствіи дежурнаго офицера. Удавалось ей видѣть въ свое окно, какъ мимо вели на работу закованныхъ въ кандалы мужа и брата. Всегда веселая и спокойная на свиданьяхъ своихъ съ мужемъ, она въ одиночествѣ своемъ жестоко мучилась и тосковала по оставленнымъ въ Россіи дѣтямъ. Несчастливая мать не обманывалась въ своихъ горестныхъ предчувствіяхъ; черезъ годъ послѣ ея отъѣзда умеръ ея единственный сынъ, а дочери вдали отъ матери, лишенныя ея заботъ, обѣ тяжело заболѣли. Одна умерла совсѣмъ юной, другая не вынесла тяжелаго горя, висѣвшаго мрачнымъ покровомъ надъ осиротѣвшимъ домомъ, почти монашескаго затворничества съ ослѣпшей, убитой горемъ бабкой, тоски и постоянного ожиданія свиданія съ любимой матерью и сошла съ ума.

Никогда ни единымъ словомъ не проговорила Александра Григорьевна мужу о своемъ горѣ. Три года въ Читинскомъ острогѣ строго соблюдались правила затрудненныхъ свиданій женъ декабристовъ съ мужьями. Правила эти были ослаблены только передъ переходомъ заключенныхъ въ Петровскій заводъ. Но недолго пользовалась Александра Григорьевна тѣмъ правомъ, для котораго принесла столько жертвъ. Печальный случай, имѣвшій мѣсто на одномъ изъ ея свиданій съ мужемъ, подорвалъ ея здоровье и силы. Чтобы чаще видѣть мужей своихъ, дамы во время прогулокъ заключенныхъ подходили къ частоколу, окружавшему острогъ, и простаивали тамъ по нѣскольکو часовъ съ тѣмъ, чтобы перекинуться съ ними хоть нѣсколькими словами. Въ одно изъ такихъ свиданій пьяный дежурный офицеръ, нѣкто Дубининъ, набросился на Александру Григорьевну, сталъ ругаться самыми грубыми, площадными словами и такъ толкнулъ, что она упала. Молодая женщина была беременна и преждевременно произвела на свѣтъ ребенка, который очень скоро и умеръ. Когда въ острогѣ узналось это происшествіе, то возмущенные узники стали упрекать офицера; тотъ спяну, рѣшивъ, что это бунтъ, приказалъ караулу сомкнуть штыки. На шумъ прибѣжалъ плацъ-адъютантъ, племянникъ отсутствовавшаго коменданта Лепарскаго, и кое-какъ увелъ разбушевавшаго офицера. Послѣ этого случая Александра Григорьевна стала слабѣть, а нездоровая, низкая и сырая мѣстность, гдѣ былъ построенъ Петровскій заводъ, постоянная ходьба въ острогъ во всякую погоду и часто, за неимѣніемъ возможности, недостаточно теплая одежда,

заботы и тревоги, все это подорвало ея силы окончательно, и она скончалась въ 1832 году, оставивъ мужу четырехлѣтнюю дочь—бабушку Софью Никитишну. Смерть Александры Григорьевны была тяжелой потерей для всѣхъ. Она больше всѣхъ заботилась и помогала своимъ товарищамъ по несчастью. «Кошелекъ ея былъ открытъ для всѣхъ», вспоминаетъ Якушкинъ. Ей принадлежала мысль построить больницу, и она же выписала изъ Москвы аптеку и хирургическіе инструменты. Хоронили Александру Григорьевну въ Читѣ въ деревянномъ гробу работы Н. А. Бестужева, поставленномъ въ другой свинцовый гробъ работы того же Бестужева. Чтобы почтить память дорогой всѣмъ покойницы, декабристы на ея могилѣ соорудили неугасимую лампаду.

VI.

Совершенно убитый тяжелымъ горемъ, прадѣдъ Никита Михайловичъ искалъ утѣшенія въ вѣрѣ и молитвѣ. Если раньше у него былъ серьезный характеръ, то теперь онъ сталъ нелюдимъ, молчаливъ, еще больше замкнулся въ себя, цѣлые дни проводя за книгами. Декабристы, переходя на поселеніе, получали по пятнадцати десятинъ земли, и многіе съ увлеченіемъ занялись земледѣліемъ, разводя неизвѣстные дотолѣ Сибири овощи, фрукты и даже лошадей и овецъ улучшенной породы. Въ послѣдней отрасли особенно удачно хозяйничалъ Н. А. Бестужевъ, мастеръ на всѣ руки. Еще въ острогѣ онъ умудрился, не имѣя никакихъ инструментовъ, смастерить прекрасные часы, которые подарилъ А. Г. Муравьевой, въ послѣдствіи долго хранившіеся у бабушки Софьи Никитишны. Чтобы успѣшнѣе пасти своихъ овецъ, Бестужевъ построилъ себѣ на лугахъ хижинку и гонялъ свое стадо, не разставаясь въ то же время съ книжкой Тацита на латинскомъ языкѣ. Никита Михайловичъ былъ поселенъ въ мѣстечкѣ Урикѣ, недалеко отъ Читы, и тоже занимался огородничествомъ, разводя съ большимъ успѣхомъ дыни и арбузы. Съ нимъ, кромѣ дочери, жилъ братъ Александръ Михайловичъ, который, благодаря тому, что былъ «младшей категоріи», гораздо раньше долженъ былъ уѣхать на поселеніе изъ острога, но выхлопоталъ разрѣшеніе остаться въ немъ со старшимъ братомъ до окончанія его срока и жить съ нимъ. Въ домѣ была еще нѣмка, гувернантка бабушки, Каролина Карловна, присланная ей ея бабкой послѣ смерти матери. Екатерина Ѳедоровна не имѣла большой возможности выбирать; мало кто рѣшился бы въ то время ѣхать изъ Москвы въ Сибирь, и нѣмка оказалась отвратительнымъ существомъ, такъ что бѣдной бабушкѣ пришлось много отъ нея вынести. Приѣхавъ въ Сибирь, эта особа влюбилась въ Никиту Михайловича и всячески старалась привлечь его вниманіе, надѣясь, что онъ въ концѣ концовъ на ней женится. Но тотъ даже не

замѣчалъ ни ея, ни ея продѣлокъ, всецѣло поглощенный своимъ горемъ, и она всю досаду и злобу за свои неудачи вымещала на бабушкѣ. Она ее всячески преслѣдовала, щипала и тиранила. У бабушки Софьи Никитишны были чудные, густые и длинные волосы, и любимымъ занятіемъ этой отвратительной женщины было, причесывая ее по утрамъ, систематически каждый день вырывать по пряди волосъ. Но бабушка, которой было всего девять лѣтъ, потихоньку плакала, скрывая свои мученья отъ отца. Она такъ любила его, что не хотѣла увеличивать его горя, прибавляя новыя заботы. Эту любовь къ отцу она сохранила на всю жизнь, съ глубокимъ уваженіемъ и нѣжностью относясь къ его памяти и ко всему, что его касалось. Никита Михайловичъ самъ занимался образованіемъ дочери и передалъ ей и свою страсть къ книгамъ, и свою глубокую вѣру и религіозность. Онъ умеръ, когда бабушкѣ было всего тринадцать лѣтъ. Согласно приказу императора Николая, дѣти декабристовъ приписывались къ мѣщанскому сословію. Какъ дѣти государственныхъ преступниковъ, они лишались фамиліи своихъ отцовъ, вмѣсто нея нося фамиліи, передѣланныя изъ преступнаго имени отца, теряя въ то же время всѣ права и преимущества. Кромѣ того, по смерти родителей дѣти подлежали отдачѣ въ казенныя учебныя заведенія. То же случилось и съ бабушкой. Когда скончался Никита Михайловичъ, гувернантка ея, жившая и воспитывавшая ее со смерти матери, отравилась, и бабушка осталась совершенно одна. А между тѣмъ, согласно волѣ государя, ее надо было везти немедленно въ институтъ въ Москву. И вотъ, убитая горемъ, неожиданно выброшенная изъ колеи привычной семейной обстановки, тринадцатилѣтняя бабушка помчалась навстрѣчу новой жизни въ сопровожденіи своей няни и съ фельдъегеремъ на козлахъ брички. Примчались они къ московской заставѣ вечеромъ. При помощи большой суммы денегъ роднымъ удалось подкупить караулъ у заставы и фельдъегеря, который согласился привезти Софью Никитишну въ домъ ея бабки, гдѣ она провела ночь среди родныхъ. Передъ разсвѣтомъ фельдъегерь отвезъ ее обратно за заставу и тогда уже шлагбаумъ поднялся, чтобы пропустить дѣвицу мѣщанскаго званія Софью Никитишну. Подъ этой фамиліей бабушка была записана въ Екатерининскій институтъ, куда и была отвезена все въ той же бричкѣ и тѣмъ же фельдъегеремъ. Такая рѣзкая перемѣна всего жизненнаго уклада, недавняя смерть обожаемаго отца, полное одиночество не могли не повліять на бабушку, и она сильно затосковала. Бабка ея Екатерина Ѳедоровна и тетки по матери, пользуясь сильными связями своими при дворѣ и опасаясь за ея здоровье, стали хлопотать о разрѣшеніи увезти ее за границу, что имъ и удалось.

Бабушка долго жила со своей теткой гр. Чернышевой-Кругликовой въ Италіи, а потомъ въ Висбаденѣ, гдѣ тетка ея скончалась и была похоронена. Послѣ смерти бабки Софья Никитишна осталась

на попеченіи своихъ тетокъ со стороны матери и очень ихъ любила. У графа Григорія Ивановича Чернышева, кромѣ старшей дочери Александры Григорьевны, бывшей замужемъ за Никитой Михайловичемъ Муравьевымъ, было еще пять дочерей. Всѣ онѣ были красивы, всѣ славились своей эксцентричностью и всѣ были замужемъ. Вторая его дочь, Софья, была за Кругликовымъ. Такъ какъ единственный сынъ и наслѣдникъ огромнаго майоратнаго имѣнья и послѣдній въ родѣ былъ лишень всѣхъ правъ состоянія, находясь въ разрядѣ государственныхъ преступниковъ, то Софья Григорьевна принесла мужу въ приданое и имѣнье и фамилію, откуда и пошли графы Чернышевы-Кругликовы. Третья дочь, Елизавета Григорьевна, была за московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства Григоріемъ Дмитриевичемъ Чертковымъ, очень умнымъ и образованнымъ человѣкомъ, нумизматомъ, приобрѣвшимъ извѣстность описаніемъ древне-русскихъ монетъ, но почти такимъ же оригиналомъ, какъ и его жена. Онъ былъ большимъ библіофиломъ и, обладая огромной библіотекой, проводилъ въ нея цѣлые дни и ночи, устраивая въ ней себѣ спальню и кабинетъ. Впрочемъ, для спальни у него опредѣленнаго мѣста не было, и онъ кочевалъ по всему дому, иногда даже устраивая себѣ ночлегъ въ огромной залѣ своего дома на Мясницкой. Въ такихъ случаяхъ ставились ширмы, и за ними Чертковъ совершалъ свой туалетъ и инья надобности, не стѣняясь посѣтителей. Жена его одѣвалась неизмѣнно въ какой-то черный гладкій балахонъ вродѣ рясы, носила на головѣ турецкую феску, и ея комната была полна попугаями, которыхъ она кормила орѣхами. Она была очень добрая женщина, но по-своему. Заботясь обо всѣхъ, даже о незаконной дочери своего мужа, которую воспитывала со своими дѣтьми, она о послѣднихъ совершенно забывала. Ихъ единственный сынъ Григорій Александровичъ Чертковъ пользовался колоссальнымъ успѣхомъ у дамъ и любилъ вытворять всевозможныя шутки, что тогда въ Москвѣ сходило съ рукъ. Надъ такими шалунами смѣялись и даже поощряли. Такъ, онъ однажды побился о закладъ съ товарищами, что въ Большомъ театрѣ во время представленія пробѣжитъ по борту ложъ перваго яруса. И дѣйствительно, во время какого-то параднаго спектакля въ присутствіи грознаго генераль-губернатора Закревскаго, нарядной публики и дамъ изъ крайней ложки выскочила стройная фигура въ обтянутомъ до послѣдней степени трико огненнаго цвѣта и, ловко лавируя среди испуганныхъ зрителей, пошла вдоль борта ложъ. За ней устеремилась переполошившаяся театральная полиція, тоже перебѣгая изъ ложки въ ложу въ надеждѣ поймать проказника и лишь увеличивая переполохъ. Впослѣдствіи, будучи адъютантомъ при московскомъ генераль-губернаторѣ, въ отместку за его строгость и придиричивость Чертковъ перебилъ камнями стекла въ окнахъ его дома. Но подобныя проказы не помѣшали ему на всѣхъ занимаемыхъ имъ впослѣд-

ствіи должностяхъ выказывать строгую добросовѣстность и усердіе и заслужить всеобщее уваженіе, хотя, уже будучи отцомъ семейства и при томъ прекраснымъ, онъ все же не могъ отказать себѣ въ удовольствіи подшутить надъ кѣмъ-нибудь. Въ домѣ у него жила пожилая англичанка очень чопорная, и церемонная, и вотъ, ее-то онъ и избралъ предметомъ, вѣрнѣе жертвой своей шутки. Прокравшись вечеромъ въ ея комнату, онъ насыпалъ въ одну необходимую ночную принадлежность какого-то порошку, страшно шипѣвшаго и пускавшаго паръ при соприкосновеніи съ жидкостями, самъ же спрятался въ платяной шкапъ для наблюденій. Онъ пресмѣшно рассказывалъ, какъ у англичанки было несмѣтное количество юбокъ и строгая методичность и неторопливость въ движеніяхъ. Когда поднялось шипѣніе и паръ, англичанка, какъ сумасшедшая, не успѣвъ привести въ порядокъ свой туалетъ, бросилась къ женѣ Григорія Александровича, увѣряя, что въ нее вселился чортъ. Насилу ее успокоили. Но никогда въ царской охотѣ еще было того порядка, какъ тогда, когда начальникомъ ея былъ Чертковъ. Вступая въ исполненіе своей службы, онъ собралъ своихъ подчиненныхъ и сказалъ имъ, что увеличиваетъ имъ жалованье (чуть ли не втрое), но строго будетъ преслѣдовать воровство. Служащіе были этимъ недовольны. Очевидно, воровство, процвѣтавшее въ широкихъ размѣрахъ въ то время въ придворной части, было выгоднѣе всякихъ прибавокъ. Но Чертковъ строго слѣдилъ, чтобы разъ отданное приказаніе исполнялось, и при немъ хищенія достигли своего минимума.

Вѣра Григорьевна Чернышева была за графомъ Паленомъ. Наталья Григорьевна за Николаемъ Николаевичемъ Муравьевымъ-Карскимъ и младшая, Надежда Григорьевна, за княземъ Долгорукимъ. Отецъ ихъ, графъ Григорій Ивановичъ Чернышевъ, былъ большимъ чудакомъ и мотомъ, но все же не успѣлъ спустить всего огромнаго своего состоянія. У него имѣнья были чуть ли не во всѣхъ губерніяхъ. Отецъ его, Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, фельдмаршалъ по флоту, приходился роднымъ братомъ Захару Григорьевичу, другу и постоянному посѣтителю небольшого двора цесаревны Екатерины Алексѣевны. Въ своихъ запискахъ государыня говоритъ, что Захаръ Чернышевъ былъ первымъ мужчиной, ухаживавшимъ за ней. Кажется, онъ имѣлъ счастье понравиться, потому что между нимъ и цесаревной завязалась оживленная переписка съ помощью такъ называемыхъ девизовъ, которые передавала фрейлина княжна Гагарина. Но всему этому былъ скоро положенъ конецъ. Чернышевъ былъ посаженъ подъ стражу въ «увеселительную дачу», составлявшую собственность императрицы Елизаветы Петровны, гдѣ и просидѣлъ два мѣсяца на хлѣбѣ и водѣ, а потомъ переведенъ въ армію. Впослѣдствіи онъ былъ генералъ-губернаторомъ Бѣлоруссіи, фельдмаршаломъ, президентомъ воен-

ной коллегин и наконецъ генераль-губернаторомъ, или, по тогдашнему, намѣстникомъ, Москвы, которой и подарилъ нынѣшній генераль-губернаторскій домъ.

Всѣ Чернышевы отличались независимостью, простотой, презрѣніемъ къ условностямъ большого свѣта, любили искусства, не боялись говорить правду сильнымъ міра и были большими чудаками. Къ фавориту Николая Павловича, свѣтлѣйшему князю Чернышеву, относились съ презрѣніемъ и говорили даже, что онъ изъ крѣпостныхъ, хотя послѣднее ничѣмъ и нельзя было доказать. Во время суда надъ декабристами князь, бывшій членомъ комиссіи, обратился къ молодому Захару Чернышеву со словами: «mon cousin». «Votre cousin, monsieur? Jamais»—съ живостью отвѣтилъ тотъ. Когда въ одинъ изъ прїѣздовъ государя въ Москву князь явился было на правахъ родственника въ домъ Чернышевыхъ, его не приняли, хотя въ то время подобный поступокъ въ отношеніи всесильнаго военнаго министра и любимца государя могъ повлечь за собой большія неприятели.

Дочери графа Григорія Чернышева отличались большой удачливостью. Рассказывали про нихъ, что на балу, который московское дворянство давало въ честь прїѣзда государя, двѣ изъ нихъ появились, натягивая вмѣсто перчатокъ бѣлые шелковые чулки и обмахиваясь рожкомъ для надѣванія туфель вмѣсто вѣера. Одна изъ нихъ, кажется, Наталья Григорьевна прїѣхала на балъ въ Зимній дворецъ въ валенкахъ, говоря, что тамъ полы холодные, и увѣряла государыню, что она терпѣть не можетъ придворныхъ баловъ, потому что на нихъ всегда убійственно-скучно. Разсѣянность этой тетки моей бабушки была положительно необычайна. Какъ вся родня бабушки, да и сама бабушка Софья Никитишна, Наталья Григорьевна была помѣшана на простотѣ и очень мало придавала значенія нарядамъ, одѣваясь очень просто, почти бѣдно. Правда, что въ такой скромности и простотѣ таилось большая доля гордости и презрѣнія ко всему, твердая увѣренность въ своей барственности и превосходствѣ, не нуждающемся во внѣшней поддержкѣ роскоши и обстановки. Поистинѣ униженіе паче гордости. Такъ вотъ Наталья Григорьевна, выйдя изъ своего дворца въ бытность мужа кавказскимъ намѣстникомъ, отправилась гулять и, какъ это съ нею иногда случалось, не замѣтила, какъ потеряла свою шубу. Когда она съ прогулки вернулась домой, смѣнившійся въ ея отсутствіе часовой не сталъ пускать ее, говоря: «Ступай, матушка, бѣдныхъ отсюда пускать не велѣно». Тщетно увѣряла его Наталья Григорьевна, что онъ долженъ пустить ее, что она всегда ходитъ именно съ этого подѣзда, но такъ какъ она забывала сказать солдату, кто она, то тотъ ее упорно не пропускалъ, и неизвѣстно, чѣмъ бы это все кончилось, если бы адъютантъ, увидя эту сцену изъ окна, не послѣшилъ на помощь. По улицамъ Москвы можно было встрѣтить

иногда довольно необычайное шествіе: впереди Наталья Григорьевна, за ней какая-нибудь лохматая, несчастная собака (она очень любила ихъ и если встрѣчала на улицѣ брошенныхъ и бродячихъ псовъ, то всѣхъ подбирала), а позади собаки два здоровенныхъ лакея въ ливреяхъ со множествомъ перелинокъ и съ предлинными кнутами, чтобы отгонять докучныхъ людей и собакъ. Помню въ своихъ семейныхъ альбомахъ, въ толстыхъ, тисненыхъ кожаныхъ переплетахъ съ массивными застежками, похожихъ на молитвенники, портреты «бабушки Натальи Григорьевны», какъ называлъ ее мой отецъ, котораго она очень любила. Небольшая, худощавая старушка въ чепцѣ съ широкими лентами, всегда подбоченившись и съ неизмѣнной папиросой въ рукѣ. Она была страстной курильщицей, изъ-за чего съ ней разъ случилась довольно комичная исторія; рассказывалъ ее отецъ мой, бывший ея свидѣтелемъ. Наталья Григорьевна и бабушка, обѣ очень набожныя, собрались слушать торжественную обѣдню, которую служилъ въ своей домово́й церкви очень тогда популярный викарный архіерей Леонидъ. Наталья Григорьевна съ самаго начала стала проявлять даже для нея необычайную разсѣянность. Садясь въ карету, она, желая прочесть кучеру наставленіе о томъ, какъ ѣхать, вдругъ забыла, какъ его зовутъ, и обратилась къ нему съ вопросомъ: «Кузьма, а Кузьма, да какъ же тебя зовутъ?!» Получивъ отвѣтъ и прочитавъ наставленіе, поѣхали. Въ церкви и Наталья Григорьевна, и бабушка углубились въ свои молитвенники, какъ вдругъ Наталья Григорьевна вспомнила, что давно уже не курила, и, вытащивъ изъ кармана портсигаръ, преспокойно закурила папироску у одного изъ паникадилъ. Бабушка Софья Никитишна въ ужасѣ. Наталья Григорьевна напоминаетъ, что она въ церкви и что курить поэтому нельзя. Она соглашается и, уже нѣсколько взволнованная происшедшимъ, тушитъ свою папироску о затылокъ стоявшаго передъ ней лысаго господина, котораго принимала за колонну. Кажется, въ тотъ день бѣдной бабушкѣ не удалось дослушать обѣдню. Наталья Григорьевна очень любила бабушку и ея дѣтей, особенно же отца моего, который былъ очень подвижной и шаловливый мальчикъ. Она же по своей живости увлекалась въ своихъ играхъ съ нимъ до того, что черезъ окна вылѣзала за нимъ на выступъ крыши нижняго этажа, и тамъ они продолжали бѣгать другъ за другомъ въ назиданіе прохожимъ. И это когда ей было уже около семидесяти лѣтъ!

V.

Бабушка Софья Никитишна вышла замужъ за своего дальняго родственника Михаила Иларіоновича Бибикова. Отецъ его, Иларіонъ Михайловичъ, хотя и не участвовалъ въ декабрьскомъ возстаніи и не былъ членомъ никакихъ обществъ, все же постра-

далъ четырнадцатаго декабря. Прадѣдъ былъ очень хорошо образованнымъ чловѣкомъ, окончивъ дерптскій университетъ. Потомъ онъ поступилъ въ Александрійскій гусарскій полкъ, но во время отечественной войны перешелъ въ отрядъ извѣстнаго партизана Фигнера, женатаго на его сестрѣ, Вѣрѣ Михайловнѣ Бибиковой. Съ отрядомъ Фигнера онъ продѣлалъ весь походъ. Подъ Дессау Фигнеръ, у котораго въ отрядѣ появилось много итальянцевъ, баварцевъ и вообще всякаго бродячаго люда, отставшаго отъ великой арміи и присоединившагося къ русскимъ, распущеннаго и не дисциплинированнаго, благодаря плохой развѣдочной и сторожевой службѣ, былъ окруженъ непріателемъ и прижатъ къ рѣкѣ. Вѣроятно, Фигнеръ въ ней и утонулъ, потому что лошадь его, уже безъ сѣдока, выплыла на другой берегъ. Прадѣдъ, который совершенно не умѣлъ плавать, благополучно переправился черезъ рѣку, держась за хвостъ своей лошади. Такъ какъ въ то время между частями войскъ не было той связи, какъ теперь, то онъ не могъ узнать, гдѣ находился его полкъ, и совершенно потерялся. Его взялъ къ себѣ адъютантъ князь Волконскій, начальникъ штаба государя. Съ нимъ прадѣдъ былъ въ Парижѣ, сдѣлалъ обратный походъ и въ концѣ концовъ попалъ на Вѣнскій конгрессъ. Будучи очень образованнымъ чловѣкомъ, онъ писалъ и составлялъ для князя различныя бумаги. Онѣ часто попадали въ руки государя, и Александръ Павловичъ нашелъ ихъ столь содержательными и хорошо написанными, что захотѣлъ узнать, кто ихъ авторъ, а узнавъ, пожаловалъ Иларіона Михайловича своимъ флигель-адъютантомъ. Тогда флигель-адъютантовъ было всего двѣнадцать чловѣкъ, и попасть въ число ихъ было большою честью и очень трудно. Причисленный къ лейбъ-гвардіи Гусарскому полку, полковникъ свиты государя, прадѣдъ былъ на порогѣ блестящей карьеры. Онъ былъ женатъ на Екатеринѣ Ивановнѣ Муравьевой-Апостоль, сестрѣ декабристовъ Сергѣя и Матвѣя Ивановичей. Когда разразился бунтъ, прадѣдъ вышелъ къ Гвардейскому экипажу; уговаривая солдатъ разойтись. Тѣ приняли его въ палаши. Видя это, Рылѣевъ и нѣкоторые другіе офицеры, знавшіе его, какъ зятя Муравьевыхъ-Апостоловъ и встрѣчавшіе его у нихъ, закричали солдатамъ: «Стойте, братцы, это нашъ!» Въ безпамятствѣ удалось имъ спасти Иларіона Михайловича и, накрывъ его солдатской шинелью, чтобы не видно было вензелей на эполетахъ, отнесли его во дворъ Семеновскихъ казармъ. Но нашлись добрые люди, донесшіе обо всемъ государю. Слова: «онъ изъ нашихъ», погубили прадѣда. Николай Павловичъ снялъ съ него вензеля и всю жизнь не давалъ ему ходу по службѣ, мытаря его губернаторомъ то калужскимъ, то саратовскимъ. Такъ какъ у прадѣда состоянія не было никакого, но была огромная семья, то ему приходилось очень плохо. Къ концу царствованія Николая Павловича прадѣдъ былъ самымъ старымъ генералъ-майоромъ во

всей русской арміи. Только съ воцареніемъ Александра Второго, когда декабристы были прощены, снята была опала и съ прадѣда. Его произвели въ генераль-лейтенанты, потомъ назначили сенаторомъ. Какъ и большинство его современниковъ, Иларіонъ Михайловичъ былъ очень образованнымъ человѣкомъ и отлично зналъ древніе языки. Когда онъ заболѣлъ и былъ при смерти, созвали консиліумъ, и врачи, чтобы больной не узналъ о своемъ безнадежномъ положеніи, говорили между собою по-латыни. Тогда больной, открывъ глаза, сказалъ имъ, что его приводитъ въ отчаяніе не безнадежность его состоянія, а тѣ ошибки, которыя они дѣлають, разговаривая по-латыни. Дѣдушка Михаилъ Иларіоновичъ былъ старшимъ сыномъ. Служилъ онъ сначала въ Петербургскомъ уланскомъ полку, а потомъ, чтобы быть ближе къ дядѣ Матвѣю Ивановичу Муравьеву-Апостолу и возстановить съ нимъ хоть какую-нибудь связь, устроился адъютантомъ къ генераль-губернатору Сибири, графу Строганову. Въ Сибири онъ впервые и познакомился съ бабушкой. Теперь, когда возникло столько легендъ по поводу разныхъ таинственныхъ ссыльныхъ старцевъ, особенно же Ѳедора Кузьмича, я позволю себѣ привести рассказъ дѣда и Матвѣя Ивановича, которые оба, въ свою очередь, слышали его отъ одного ссыльнаго поселенца. Этотъ поселенецъ былъ слесаремъ Зимняго дворца и на каторгу попалъ потому, что, напившись, толкнулъ жену, надоѣвшую ему своими упреками. А такъ какъ онъ былъ огромной силы, то спяну не разсчитавъ удара и толкнулъ такъ, что жена умерла. Его осудили на каторжную работу, били кнутомъ и рвали ноздри. Самъ онъ считалъ, что пострадалъ заслуженно, по грѣхамъ. Отбывъ срокъ каторги, онъ женился и открылъ постоянный дворъ, гоняя тройки по большому тракту. Его всѣ знали и всѣ, даже начальство уважали. Вотъ что онъ рассказывалъ: «Прискакала разъ ко мнѣ на дворъ тройка съ фельдъегеремъ. Вижу, изъ кибитки выходитъ высокаго роста человѣкъ въ шинели и не простой, видно, какъ съ нимъ фельдъегерь почтительно обращается. Входитъ онъ въ горницу, и обомлѣлъ я совсѣмъ: «Батюшки! Да вѣдь это самъ великій князь Константинъ Павловичъ! Вѣдь зналъ я его хорошо, сколько разъ ходилъ къ нему работать». Мнѣ довелось слышать, что въ то самое время, къ которому относится рассказъ слесаря, въ Петроградѣ былъ арестованъ офицеръ, поразительно похожій на великаго князя, и сосланъ, за самое ли сходство, или за мощенничество, которыя онъ могъ дѣлать благодаря этому сходству,—неизвѣстно. Можетъ быть, это и былъ видѣнный слесаремъ незнакомецъ.

Вотъ какъ возникаютъ легенды.

Послѣ свадьбы дѣдушка Михаилъ Иларіоновичъ вышелъ въ отставку и поселился съ женой своей въ Москвѣ. Купили они домъ фонъ-Визина на Малой Дмитріевкѣ. Домъ этотъ съ садомъ, прудомъ, оранжереей, конюшнями, даже огородомъ и амбарами, былъ до-

вольно обширной усадьбой, кишѣвшей многочисленной дворней. Каждый имѣлъ свою строго разграниченную специальность, и всѣ ничего не дѣлали. Былъ тутъ поварь, по специальности кондитеръ, ученикъ знаменитаго въ то время француза Трамбле; онъ готовилъ изумительное пирожное и конфеты, но уже до другихъ кушаній не дотрагивался. Былъ часовщикъ, заводившій каждый день всѣ часы въ домѣ. Былъ ламповщикъ, на обязанности котораго лежало зажигать лампы, потому что бабушка до самой смерти своей ни разу не зажгла, да и не сумѣла бы зажечь ни одной лампы. Пѣшкомъ она тоже никогда не ходила и когда изрѣдка представлялась необходимость перейти пѣшкомъ улицу, то бабушка была въ сильномъ волненіи и крестилась, какъ передъ опаснымъ путешествіемъ. Въ этой же усадьбѣ, но въ отдаленномъ двухъэтажномъ флигелѣ жила Екатерина Никитична Муравьева, сумасшедшая сестра бабушки, окруженная массой мамокъ, сидѣлокъ, разныхъ вдовицъ и приживалокъ. У нея былъ свой штатъ прислуги и свой отдѣльный выѣздъ. Возили ее по Москвѣ въ огромной четырехмѣстной каретѣ, запряженной въ уносъ, съ фореиторомъ. Въ то время уже такъ ѣздили только она, старая графиня Бобринская, да возили икону Иверской Божіей Матери. Случалось часто, что, завидѣвъ странный возокъ Екатерины Никитишны, прохожіе снимали шапки и крестились. Этотъ флигель со своимъ страннымъ женскимъ царствомъ, съ тяжелой старинной мебелью, на которой неподвижно по цѣлымъ часамъ просиживала Екатерина Никитична, погруженная въ свои страшныя, печальныя мысли, былъ вѣчнымъ грустнымъ и тяжелымъ воспоминаньемъ прошлаго.

Да и самый домъ былъ не совсѣмъ обыкновеннымъ. Про строившаго его фонъ-Визина говорили, что онъ былъ мастеромъ одной изъ масонскихъ ложъ и домъ свой предназначалъ для какихъ-то масонскихъ обрядовъ или собраній, почему и построилъ его особенно. Почти весь домъ былъ занятъ огромной двухсвѣтной залой, имѣвшей видъ храма прямоугольной формы. Въ одномъ концѣ къ ней примыкали кабинетъ и гостиная полукругомъ, такъ что весь домъ имѣлъ форму корабля. При этомъ особенность самой стройки была въ томъ, что гигантскія бревна были поставлены стоймя. Въ этотъ старинный и странный домъ бабушки вносила столько воспоминаній прошлаго, столько духа «не отъ міра сего», такъ молчаливо и таинственно, точно скрывая въ себѣ невысказанныя исторіи, стояли огромные шкапы съ книгами и тяжелая мебель, что весь домъ представлялся мнѣ какимъ-то храмомъ, гдѣ царилъ культъ какого-то прекраснаго и далекаго бога, культъ воспоминаній. И въ самомъ дѣлѣ, каждая вещь была съ нимъ связана. Старинное кресло, на которомъ въ Сибири умеръ прадѣдъ Никита Михайловичъ; рабочий столикъ въ видѣ жертвенника, старинный массивный и тяжелый, подарокъ прадѣда женѣ; всевозможные часы, портреты, миниа-

тюры, изображавшіе разныхъ прабабокъ и кузеновъ. Важны были не имена Левицкаго, Тропинина, Изабэ, Соколова, а исторія жизней изображенныхъ лицъ.

Какъ все это благоговѣнно показывалось и смотрѣлось! Это все были страницы жизни, и при этомъ въ разсказахъ и воспоминаніяхъ проходили, какъ китайскія тѣни на экранѣ, фигуры декабристовъ Волконскаго, Трубецкаго, Свистунова, Оболенскаго, Поджіо, барона Розена, Сутгофа, Якушкина и многихъ другихъ, вернувшихся изъ Сибири и собиравшихся у бабушки въ домѣ по пятницамъ. Львиная голова А. П. Ермолова, характерная фигура Николая Николаевича Муравьева-Карскаго, Закревскаго, tante Nathalie, tante Lise и многихъ, многихъ другихъ.

И среди всего этого прошлаго бабушка Софья Никитишна, въ своемъ неизмѣнномъ черномъ, простомъ платьѣ, съ крупными морщинами на характерномъ лицѣ, съ бѣлыми, какъ серебро, волосами. Несмотря на скромное, почти бѣдное платье, отъ нея вѣяло такимъ благородствомъ, такой истинной барственностью, которая невольно всѣми чувствовалась. На всю ея жизнь и на характеръ неизгладимый отпечатокъ наложилась ея жизнь съ отцомъ, все, что она видѣла и слышала въ дѣтствѣ. Бабушка не только любила своего отца, она его просто боготворила и свято чтала его память и все, что онъ успѣлъ передать ей изъ своихъ знаній. Передалъ онъ своей дочери и свою глубокую, непоколебимую вѣру. Бабушка вѣрила просто, искренно и крѣпко, вѣрила безъ критики, не мудрствуя, какъ вѣрять простой народъ; она строго соблюдала посты, истово посѣщала всѣ службы, выстаивая иногда въ Великомъ посту на ногахъ по нѣскольку часовъ кряду. Онъ была глубоко и искренно равнодушна къ блеску, свѣту и почестямъ и ни за что не захотѣла записать сыновей своихъ въ пажескій корпусъ. вмѣстѣ съ тѣмъ Софья Никитишна не могла не унаслѣдовать много семейныхъ чертъ со стороны Чернышевыхъ, и получилось много странностей. Жила бабушка совершенно въ сторонѣ отъ дѣйствительной, практической жизни, живо интересуясь лишь литературой, политикой и искусствомъ. Она прекрасно знала всю Италію, Францію, Швейцарію, которыя извѣздила вдоль и поперекъ, но совершенно не знала географіи собственнаго дома и однажды, не желая доставлять прислугѣ лишней хлопотъ, рѣшила вернуться къ себѣ черезъ черный ходъ, заблудилась и кончила тѣмъ, что попала въ комнату камердинера и переполошила весь домъ. Вообще эта скромность, это желаніе оставаться какъ можно незамѣтной, одѣться какъ можно проще, эта боязнь помѣшать, дать людямъ лишнюю работу—характерная черта чернышевской семьи, часто приводившая къ большимъ курьезамъ и какъ разъ обратнымъ результатамъ.

Дѣдушка жилъ своей жизнью. Большую часть времени онъ проводилъ въ англійскомъ клубѣ, гдѣ былъ старшиною, и имѣлъ

довольно много хлопотъ съ огромнымъ и запутаннымъ наслѣдствомъ жены.

Бабушка Софья Никитична пережила много горя въ своей жизни, схоронила одного за другимъ всѣхъ, кто болѣе всего были ей дороги, и единственнымъ утѣшеніемъ ея была вѣра. Еще совсѣмъ молодою она видѣла вѣщій сонъ. Явилась ей Божія Матерь съ Младенцемъ на рукахъ въ клубахъ кадилаго дыма. Христосъ нагнулся и поцѣловалъ ея сына Сергѣя и дочь и сказалъ ей: «Не бойся, не страшись, терпи и жди». Черезъ нѣсколько лѣтъ умерла ея шестнадцатилѣтняя единственная дочь, а еще черезъ нѣсколько лѣтъ скончался на двадцать второмъ году жизни ея младшій и любимый сынъ Сергѣй. Бабушка надѣла трауръ, котораго уже никогда больше не снимала, терпѣла и ждала. Ждала она смерти, ждала радостно, безъ страха, но съ твердой надеждой, что тамъ, за дверями гроба, она встрѣтитъ всѣхъ, кого любила. И она дождалась прекрасной смерти. Въ тотъ годъ, какъ и всегда, Софья Никитична весь Великій постъ почти ничего не ѣла и цѣлыми часами простаивала въ церкви, оченъ устала и чувствовала слабость; но на Страстной говѣла и причащалась, а на второй день Свѣтлаго праздника, вернувшись изъ церкви, почувствовала себя дурно, схватилась за сердце и упала мертвой. На простомъ мраморномъ памятникѣ на ея могилѣ стоятъ слова Спасителя: «Приидите ко Мнѣ все страждущіе и обременные, и Я упокою васъ».

А. Бибилова.

ПАМЯТИ Ю. Θ. САМАРИНА.

I.

**Какъ друзья и сподвижники Юрія Федоровича Самарина почтили его память
вслѣдъ за его кончиной.**

ВЕЗВРЕМЕННАЯ кончина въ 1876 году на чужбинѣ (въ Берлинѣ) на пятьдесятъ восьмомъ году жизни Юрія Федоровича Самарина ¹⁾, этого замѣчательнаго русскаго дѣятеля и мыслителя, по выраженію Кавелина, — одного «изъ стаи орловъ, вынесшихъ на своихъ плечахъ Россію изъ одного періода въ новый», — какъ громомъ поразила русское общество въ лицѣ его высшей интеллигенціи и въ особенности многочисленные круги его почитателей и единомышленниковъ въ Петроградѣ и Москвѣ. Юрія Федоровича глубоко почитали, высоко цѣнили и любили не только его идейные соратники въ лагерѣ славянофиловъ; имъ въ этомъ не уступали и главные представители иныхъ теченій политической мысли, именно такъ называемаго западнаго направленія, ибо всѣхъ этихъ лучшихъ людей тогдашней Россіи объединяли и сплачивали, при всей разности ихъ взглядовъ, великія задачи обновленія и коренныхъ реформъ царствованія Александра II. Высокія свойства ума и души Ю. Θ., его безавѣтный патріотизмъ и горячее народолюбіе,

¹⁾ Нѣкоторыя новыя подробности о послѣднихъ дняхъ, болѣзни и кончинѣ (19 марта) Ю. Θ. Самарина см. въ концѣ настоящей статьи, въ воспоминаніяхъ Н. Я. Грота и въ двухъ письмахъ изъ Берлина.

неподкупность и честность его правилъ и убѣжденій, благородство и прямота его характера, высоко-нравственная, христіанская чистота его духовнаго существа привлекали къ нему всѣхъ честныхъ и преданныхъ благу родины дѣятелей, и мы видимъ въ кругу его близкихъ друзей и сотрудниковъ людей далеко не одинаковыхъ воззрѣній въ вопросахъ государственной и народной жизни.

Память его въ дни послѣ его кончины была благоговѣнно почтена русской печатью самыхъ различныхъ направлений, и оцѣнка его огромныхъ заслугъ вышла довольно разносторонней въ публицистикѣ того момента.

Нельзя не вспомнить здѣсь и объ особо вышедшей тогда книжкѣ, изданной славянскимъ комитетомъ «Въ память Юрія Ѳеодоровича Самарина. Рѣчи, произнесенныя въ Петербургѣ и въ Москвѣ по поводу его кончины» (съ портретомъ, Спб., 1876 г.)¹⁾, гдѣ помѣщенъ рядъ интересныхъ рѣчей и характеристикъ Самарина, принадлежащихъ виднымъ ученымъ и публицистамъ—В. И. Ламанскому, М. О. Кояловичу, А. Н. Попову, М. И. Каринскому, князю А. И. Васильчикову, проф. А. Д. Градовскому и Григ. К. Градовскому. а также такимъ пастырямъ церкви, какъ Янышевъ, Горчаковъ, а въ Москвѣ—протоіереи Нечаевъ и Ключаревъ.

Здѣсь я не собираюсь останавливаться на имѣющейся въ русской литературѣ оцѣнкѣ замѣчательной личности и великихъ заслугъ передъ родиной Ю. Ѳ. Самарина. Многое въ этомъ отношеніи уже сдѣлано, но, думается,—еще больше остается сдѣлать, ибо исполнѣ достойное этого славнаго дѣятеля реформъ прошлаго вѣка жизнеописаніе еще впереди.

Я остановлюсь лишь на одномъ современномъ его смерти эпизодѣ, на томъ, какъ горестная вѣсть о его кончинѣ болѣзненно отозвалась въ тѣсномъ кружкѣ его лучшихъ друзей и сподвижниковъ (объ этомъ свидѣлствуютъ ихъ письма), и какъ послѣдніе послѣжили почтить и увѣковѣчить полезнымъ просвѣтительнымъ дѣломъ свѣтлую о немъ память. Я разумѣю учрежденіе ими на собранный въ ихъ кругу капиталъ ученой преміи при московскомъ университетѣ.

Въ бумагахъ покойнаго моего дяди, статсъ-секретаря К. К. Грота, игравшаго организационную роль въ этомъ предпріятіи, сохранилась интересная переписка по этому поводу съ другими членами этого дружескаго кружка, а также бумаги, касающіяся этого дѣла, и обнародованіе наиболѣе интереснаго изъ этого матеріала можетъ освѣтить новыми чертами и подробностями соотвѣтственную страницу русской культурной жизни, какъ и свѣтлые образы ея видныхъ дѣятелей—самого Самарина и его соратниковъ.

¹⁾ Подъ редакціей Я. К. Грота, съ предисловіемъ Т. И. Филиппова.

Я представляю этот материал, комментируя его, где нужно, в хронологическом порядке, чтобы нагляднее изобразить несложную историю всего дела, задуманного друзьями почившего.

Къ поясненію той особой роли и горячаго участія, которыя выпали на долю К. К. Грота въ этомъ случаѣ, не мѣшаетъ вспомнить о роли послѣдняго въ прохожденіи Самаринымъ его общественно-государственнаго поприща. Позволю себѣ воспользоваться для этого маленькой выдержкой изъ только что изданныхъ «Мемуаровъ» П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго объ эпохѣ освобожденія крестьянъ, гдѣ, характеризуя дѣятельность К. К. Грота, какъ самарскаго губернатора (въ 1850-хъ годахъ), авторъ пишетъ: «К. К. Гротъ обратилъ все свое вниманіе на благоустройство сельскаго населенія губерніи и съ беззавѣтной преданностью задуманному Царемъ-Освободителемъ великому дѣлу освобожденія крестьянъ сдѣлался едва ли не лучшимъ исполнителемъ царской воли изъ всѣхъ губернаторовъ имперіи. Для внимательнаго изученія дѣла онъ (во время своихъ объѣздовъ губерніи) сблизился съ однимъ изъ лучшихъ публицистовъ по крестьянскому вопросу, Ю. О. Самаринымъ, крупнымъ дворяниномъ-помѣщикомъ ввѣренной ему губерніи, посланнымъ по кознямъ враговъ освобожденія крестьянъ въ Самару (въ свое имѣніе) и отданнымъ тамъ подъ надзоръ губернатора. При своемъ рѣдкомъ талантѣ оцѣнивать способности и качества тѣхъ людей, съ которыми онъ имѣлъ дѣло, К. К. Гротъ быстро оцѣнилъ высокую личность Самарина и, назначивъ его членомъ отъ правительства въ организуемый дворянскій комитетъ, принялъ подъ свое энергическое покровительство творческую дѣятельность Самарина по разрѣшенію вопроса о надлежащемъ устройствѣ аграрныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами при ихъ освобожденіи»¹⁾.

Это воспоминаніе бросаетъ достаточный свѣтъ на близкія отношенія обоихъ дѣятелей, до конца оставшіяся неизмѣнно дружественными, полными взаимнаго довѣрія и уваженія.

На первомъ мѣстѣ приведемъ два письма, писанныя по случаю кончины Самарина двумя виднѣйшими его сподвижниками на литературномъ и государственномъ поприщахъ по подготовкѣ и разработкѣ крестьянской и другихъ реформъ эпохи Александра II, К. Д. Кавелинымъ и кн. В. А. Черкасскимъ. Письмецо Кавелина адресовано къ К. К. Гроту черезъ нѣсколько дней по полученіи печальнаго извѣстія и, видимо, вызвано приглашеніемъ на совѣщаніе друзей по случаю этого событія. Письмо же кн. Черкасскаго къ Кавелину писано нѣсколько позже, въ началѣ іюля²⁾,

¹⁾ «Мемуары» (Эпоха освобожденія крестьянъ), т. IV. Пгр. 1916, стр. 138—139.

²⁾ Нарушая нѣсколько хронологію, мы помѣщаемъ его впереди, въ виду его значенія.

и представляет цѣлый интересный трактатъ по одному изъ вопросовъ крестьянской реформы (объ общинномъ и личномъ владѣннн землей), въ которомъ отъѣняются взгляды на него самого князя Черкаскаго, Самарина, Кавелина, а также нѣкоторыхъ выдающихся другихъ членовъ редакціонныхъ комиссій. Для людей, интересующихся этимъ вопросомъ, письмо это заслуживаетъ особаго вниманія, такъ какъ мысли князя Черкаскаго не потеряли своего значенія и въ наши дни, когда этотъ коренной вопросъ народнаго быта опять сталъ на очереди.

Кавелинъ—Гроту, 24 марта 1876 г.

«У меня гриппъ въ полномъ цвѣту, дорогой Константинъ Карловичъ. Съ понедѣльника окончательно не выхожу никуда. Сегодня немного полегче. О выѣздѣ завтра и думать нечего, особливо ввечеру и по такой погодѣ.

«Итакъ, вы пропѣли Самарину «вѣчная память!» Меня эта смерть обухомъ ударила по головѣ, такъ что не могу порядкомъ прійти въ себя. Въ послѣднее время мы очень сблизились, и я узналъ его короче. Психологическій споръ насъ сдружилъ, а о сторонахъ щекотливыхъ обоюдно въ нашихъ коренныхъ убѣжденіяхъ мы не заикались. Это было тѣмъ легче, что на девяти десятыхъ другихъ вопросовъ, особенно русскихъ и русской оцѣнки европейскихъ событій мы съ нимъ сходились въ мнѣніяхъ чрезвычайно близко. Теперь, по разнымъ моимъ философскимъ работамъ мнѣ не съ кѣмъ посоветоваться, что такъ важно! Такого тонкаго, проникательнаго противника дорого имѣть, когда пишешь не для прославленія своего имени, а для разъясненія вопроса.

«Сегодня отправилъ коротенькій *curriculum vitae* Самарина въ апрѣльскую книжку «Вѣстника»¹⁾ и выговорилъ себѣ отписки для его родныхъ и друзей. Уменьшается наше число, рѣдѣетъ изъ года въ годъ стая орловъ, вынесшихъ на своихъ плечахъ Россію изъ одного періода въ новый, который увидятъ потомки! Мы, какъ Моисей, умремъ въ пустынѣ! Но пока свои были живы, все еще какъ-то себя обманывали. А вотъ какъ стали открываться могила за могилой, и такіе люди, какъ Н. Милютинъ²⁾, Самаринъ, насъ оставляютъ, — становится очень уныло и тоскливо.

«Обнимаю васъ отъ всей души. Вашъ К. Кавелинъ».

¹⁾ «Вѣстникъ Европы».

²⁾ Н. А. Милютинъ скончался 26-го января 1872 года; князь Черкасскій скончался 19-го февраля 1878 г. Самъ Кавелинъ прожилъ послѣ Самарина еще почти десять лѣтъ и умеръ 3-го мая 1885 г.

Князь Черкасскій—Кавелину. Юня 12 дня 1876 г., село Васильевское, Веневского уѣзда.

«Не могу выразить вамъ, любезнѣйшій Константинъ Дмитріевичъ, сколько мнѣ отрадно было встрѣтиться съ вами на дняхъ въ Москвѣ и притомъ встрѣтиться съ вами въ одной общей мысли и общей цѣли. Конечно, послѣднее было въ настоящемъ случаѣ естественно и неизбѣжно. Ни вы, ни я ни одну минуту не сомнѣвались въ полномъ согласіи нашего сочувствія къ незабвенному Самарину. Не его имя и не его память могли насъ раздѣлить. Имъ, напротивъ, суждено, повидимому, къ великому для нашего общества счастію, сблизить многихъ, считавшихся почему-либо разрозненными, и послужить первымъ прочнымъ цементомъ для сплоченія разсыпавшейся—увы!—въ конецъ углой хранины русской мысли. Но не горько ли думать, что послѣ цѣлаго непрерывнаго, полувѣкового серьезнаго развитія, котораго наше поколѣніе было и свидѣтелемъ, и посильнымъ участникомъ,—развитія, начавшагося на новыхъ началахъ послѣ печальной катастрофы, увѣнчавшей по внѣшности славную, по существу же глубоко безхарактерную жизнь Александра Перваго, и ведущаго, повидимому, къ дѣйствительному возрожденію національной жизни, достаточно было небольшой сиверки, слабо и вяло дувшей въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, чтобъ утомленное общество разомъ забыло и потеряло всѣ свои идеалы, распалось въ конецъ и отдало себя въ плѣнъ и всякому безъ разбора встрѣчному ученію, и всякому грубому искушенію и соблазну. Не стало никакой твердой доктрины, никакого центра, никакой вѣры ни въ общія начала, ни даже въ людей. Всѣ какъ бы одичали—другъ друга чуждаются, другъ друга подозрѣваютъ; и развѣ лишь одинъ гробъ, одно никѣмъ не оспариваемое внѣшнее безсиліе человѣческаго праха въ силахъ примирить, хотя на минуту, эти ненависти и подозрѣнія, усыпить зависть, разбудить и привлечь къ себѣ таившіяся подъ густо наросшею корою невольныхъ сочувствія и зародыши единомыслія и возбудить вновь нѣкоторые признаки жизни тамъ, гдѣ она, повидимому, какъ бы замерла и распростилась съ обществомъ. Вотъ почему, дражайшій Константинъ Дмитріевичъ, мнѣ, послѣ долгой умственной разлуки и отчужденія, было особенно пріятно встрѣтиться съ вами въ Москвѣ въ одной общей мысли и общемъ дѣлѣ, какъ бы ни было это дѣло само въ себѣ мало и какъ бы ни носило оно чисто личный для обоихъ насъ характеръ. Мы живемъ съ вами оба въ скромныхъ, но далеко разобщенныхъ другъ отъ друга сферахъ, гдѣ рѣдко приходится сталкиваться. Думаю, что, поговоря долго и вполне откровенно, мы найдемъ не мало точекъ разногласія въ обоюдныхъ нашихъ мысляхъ и убѣжденіяхъ. Увѣренъ, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ суще-

ственномъ и для Россіи практически важномъ мы едва ли разойдемся.

«Убѣждаюсь въ этомъ еще болѣе изъ чтенія такъ обязательно вами мнѣ сообщенной статьи вашей объ общинномъ владѣніи. Я прочелъ ее, не скажу—съ особеннымъ удовольствіемъ, но съ увлеченіемъ. Познакомившись съ нею, я вынесъ изъ чтенія ея самое непреложное убѣжденіе, что покойный Юрій Ѳедоровичъ охотно подписалъ бы подъ нее свое имя,—такъ полно соотвѣтствіе не только общаго ея характера и содержанія, но и мелкихъ подробностей ея разработки съ выражавшимися имъ мнѣ и не мнѣ одному убѣжденіями его и взглядами на этотъ предметъ. Желая дополнить это удостовѣреніе мое другимъ, конечно, менѣе драгоценнымъ для васъ, свидѣтельствомъ о томъ, что за исключеніемъ одного—на мой взглядъ, впрочемъ, второстепеннаго пункта, и я безусловно раздѣляю все вами такъ хорошо, такъ ясно и такъ убѣдительно высказанное, и душевно желаю вашей мысли полнѣйшаго торжества.

«Мое разномысліе касается лишь одного изъ частныхъ практическихъ заключеній, вами изложенныхъ на страницѣ 59-ой. «Запрещены будутъ, говорите вы, и въ предѣлахъ общинной собственности, продажа участковъ и выдѣленіе ихъ на вотчинномъ правѣ».

«Изданія такого закона Юрій Ѳедоровичъ никогда, конечно, не сталъ бы оспаривать, точно такъ же, какъ во время редакціонныхъ комиссій онъ не сочувствовалъ правилу о разрѣшеніи общинѣ большинствомъ двухъ третей голосовъ дробить свою землю на наслѣдственные участки. Согласился онъ на введеніе этого правила въ «Положеніе» и не возражалъ на него собственно лишь потому, что убѣдился изъ моихъ доводовъ и изъ всего тогдашняго положенія дѣлъ, что безъ этой оговорки, безъ допущенія новымъ закономъ прямого, бытового исхода изъ общиннаго владѣнія въ тѣхъ случаяхъ, когда оно оказалось бы слишкомъ стѣснительнымъ для отдѣльныхъ лицъ, было невозможно и немислимо ввести въ положеніе само общинное владѣніе, какъ общее правило, и, слѣдовательно, сохранить для будущаго развитія это завѣщанное намъ нашимъ прошлымъ историческое начало и основаніе крестьянскаго дѣла. А вы помните, конечно (хотя этого рода впечатлѣнія подчасъ весьма скоро испаряются), что въ то время, въ 1859—61 годахъ, общинное начало въ общественномъ (литературномъ и правительственномъ) мнѣніи состояло не въ авантажѣ, и нужны были нѣкоторыя твердость и умѣніе, чтобъ не потерпѣть съ нимъ крушенія въ проектѣ органическаго закона. Убѣждался Юрій Ѳедоровичъ и рядомъ другихъ соображеній, въ чемъ помогала мнѣ, конечно, его глубокая вѣра въ несомнѣнную у насъ живучесть начала общиннаго владѣнія. Я постоянно ставилъ ему

слѣдующую дилемму, на мой взглядъ и донинѣ не только не утратившую своей силы, но даже наоборотъ—въ пятнадцатилѣтнемъ опытѣ нашедшую себѣ весьма полное и весьма твердое оправданіе: или общинное землевладѣніе въ Россіи есть дѣйствительно коренное, историческое начало крестьянскаго быта, не подверженное случайнымъ, мимоходнымъ вліяніямъ минутныхъ воззрѣній и страстей, и въ такомъ случаѣ народъ самъ дорожитъ имъ и соблюдетъ его для будущихъ поколѣній, какъ соблюлъ онъ его до сей минуты; или эта форма землевладѣнія есть сама лишь случайный наростъ, какъ утверждаетъ Чичеринъ, либо—какъ говорятъ другіе—преходящая лишь и отживающая уже историческая форма,—въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ закрѣплять ее новымъ закономъ навѣки, и благоразуміе всего предоставить народному почину дѣло высвобожденія народа изъ этой архаической формы, по мѣрѣ ощущенія имъ самимъ дѣйствительной въ томъ потребности. Самаринъ, опять повторяю, не сочувствовалъ такому искушенію, официально предлагаемому закономъ народу; но онъ не могъ оспаривать и того, что одинъ лишь народъ въ состояніи успѣшно разрѣшить коренной вопросъ, лежащій въ основаніи его быта, и что вопросъ этотъ останется неразрѣшеннымъ и неразрѣшимымъ до тѣхъ поръ, покуда законъ ясно и положительно не установитъ его и не предоставитъ его дѣйствительному народному разрѣшенію.

«Въ силу этихъ соображеній и состоялось соглашеніе наше.

«Милютинъ стоялъ безусловно на одной почвѣ со мною. Ростовцевъ былъ вообще склоненъ отвезти широкій просторъ самостоятельности крестьянскаго общества. Соловьевъ, хотя и западникъ и рѣшительный сторонникъ участковаго владѣнія, охотно удовольствовался предложеннымъ мною среднимъ терминомъ. Домонтовичъ—также, хотя ближе склонялся къ ученію о пользѣ общиннаго владѣнія. Семеновъ былъ одного со мною мнѣнія ¹⁾. Такимъ образомъ прошло все дѣло; и для всѣхъ насъ, конечно, отрадно видѣть теперь, что это дѣло выдержало первыя испытанія исторіи и заслужило доброе о себѣ слово.

¹⁾ Съ этими свидѣтельствами въ полной мѣрѣ совпадаетъ изложеніе этого момента въ совѣщаніяхъ и преніяхъ членовъ редакціонныхъ комиссій въ только что изданныхъ «Мемуарахъ» П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго, котораго здѣсь имѣетъ въ виду кн. Черкасскій. Рассказывая, какъ сложилось общее мнѣніе и рѣшеніе по этому вопросу, и характеризовавъ отношеніе къ дѣлу Н. А. Милютина и Заблоцкаго-Десятовскаго, признавшихъ необходимость сохраненія въ то время общиннаго землевладѣнія, несмотря на свое глубокое сочувствіе развитію личной собственности и успѣхамъ хуторскаго хозяйства, а также председателя комиссій Я. И. Ростовцова, который находилъ, что такой историческій переворотъ въ народномъ быту не можетъ быть рѣшенъ теоріей, а лишь исторіей, т.-е. временемъ и его требованиями, П. П. Семеновъ такъ формулировалъ вкратцѣ точки зрѣнія кн. Черкаскаго и Самарина: «Князь Черкасскій, представлявшій въ нашей средѣ самое счастливое соединеніе государ-

«Но это именно и заставляет меня дорожить добытыми результатами и не соглашаться на преждевременное перерѣшеніе вопросовъ. Буду говорить вамъ съ полною откровенностью, которая, думаю, убѣдитъ васъ въ томъ, что въ настоящемъ разномысліи руководить мною не слѣпое упорство или самолюбіе, но твердое и, какъ мнѣ кажется, разумное убѣжденіе.

«Скажу вамъ прежде все, что въ былое время я былъ въ теоріи рѣшительнымъ сторонникомъ исключительно личнаго или участковаго владѣнія и питалъ увѣренность, что, когда обѣ формы землевладѣнія—участковая и общинная—столкнутся на практикѣ, въ жизни, на началѣ довольно полной равноправности, первая не въ весьма продолжительномъ времени поборетъ вторую, и народъ самъ добровольно откажется отъ общиннаго владѣнія. Затѣмъ я не желалъ вмѣшательства въ это дѣло самого законодательства и полагалъ необходимымъ предложить обѣимъ формамъ землевладѣнія, въ самой жизни то, что англичане называютъ *a fair trial*, т.-е. случай честно другъ съ другомъ помѣриться, полный, честный, практическій опытъ... Дальнѣйшее размышленіе, ближайшее изученіе того же вопроса въ Западной Европѣ и пройденный нами самими пятнадцатилѣтній опытъ постепенно приводятъ и привели меня лично къ другому рода размышленію: я почти (замѣтите слово *почти*) убѣдился въ томъ, что сохранившаяся у насъ форма общиннаго землевладѣнія дѣйствительно съ одной стороны соответствуетъ особенному складу нашего народнаго духа и цѣлой совокупности климатическихъ и почвенныхъ условій нашей страны, а съ другой—образуетъ дѣйствительный, полезный противовѣсъ слишкомъ всегда эгоистическому направленію и дѣйствию личной поземельной собственности, предоставленной исключительно развитію въ обществѣ, а потому представляетъ важный и драгоцѣнный факторъ въ жизни общества, на ряду и наравнѣ съ началомъ личной собственности. Словомъ, насъ съ вами раздѣляетъ въ этомъ дѣлѣ лишь самая тонкая и зыбкая, но отчасти и существенная перегородка: я *почти убѣжденъ* въ томъ, что для васъ составляетъ предметъ давнишней и непреложной *вѣры*. Отсюда и дальнѣйшее различіе во взглядѣ: для васъ

ственнаго ума съ чрезвычайно основательнымъ знаніемъ крестьянскаго быта и народныхъ нуждъ и возрѣній, будучи убѣжденъ, что общинное землепользованіе впоследствии уступить мѣсто личному, стоялъ на томъ, чтобы переходъ этотъ совершился безъ всякаго насилія, по сознанію самого народа. Наконецъ, самый глубокой мыслитель въ нашей средѣ и самый горячій изъ русскихъ патриотовъ, Ю. О. Самаринъ, какъ славянофилъ, стоялъ безусловно за общинное землепользованіе, какъ за форму, самостоятельно выработанную русскимъ народомъ, хотя при этомъ вовсе не желалъ искусственнаго ея распространенія и даже охраненія, будучи увѣренъ, что русскій народъ будетъ самъ упорно сохранять общинную форму до тѣхъ поръ, пока не придетъ къ убѣжденію въ полезности для него перехода къ личной собственности». («Мемуары», т. III, стр. 230—232).

К. Г.

вопросъ объ общинномъ землевладѣніи есть дѣло безусловной и непреложной вѣры; поэтому вы (какъ бы охотно сдѣлалъ и Юрій Федоровичъ) требуете немедленнаго возведенія этого члена вашей мысли въ догматъ, на всеобщее ему поклоненіе; требуете закона, который, признавъ непогрѣшимость вашего убѣжденія, не только разрѣшилъ бы крестьянамъ переходить отъ участковаго владѣнія къ общинному, по собственному усмотрѣнію, но еще и даже прямо воспретилъ бы имъ впредь обратный переходъ отъ общины къ землевладѣнію участковому. Менѣе, чѣмъ вы, убѣжденный, находящійся какъ бы еще на полудорогѣ неопитъ, да и вообще мало по существу своему склонный къ доктринерскому догматизму, въ какую бы сторону ни билъ бы этотъ догматизмъ, я позволяю себѣ удовольствоваться болѣе скромнымъ требованіемъ, которое я считаю и болѣе въ настоящее время удобоисполнимымъ.

«Я совершенно соглашаюсь на полное и немедленное разрѣшеніе крестьянамъ, всюду, гдѣ бы они ни пожелали, по собственному усмотрѣнію переходить отъ участковаго землевладѣнія къ общинѣ; но желалъ бы и желаю равномернаго сохраненія за ними права удержать и участковую форму, гдѣ она уже установилась, и переходить къ ней отъ общины вездѣ и каждый разъ, когда они этого потребуютъ, съ соблюденіемъ при этомъ большинства двухъ третей голосовъ. Не стану возражать, если бы понадобились даже и другія какія-либо гарантіи для обезпеченія полной обдуманности и сознательности подобнаго рѣшенія, хотя бы, напримѣръ, двукратнаго однообразнаго приговора, на годовомъ разстояніи времени другъ отъ друга обоихъ приговоровъ.

«Вы видите, что я ничего не желаю вырвать у народа путемъ обмана или увлеченія; я желаю лишь сохраненія за нимъ полной свободы самоопредѣленія въ сферѣ отношеній, которая ему одному вполне доступна и вполне непосредственно понятна.

«И, сдается мнѣ, въ этомъ дѣлѣ начало общиннаго владѣнія едва ли подвергается какому-либо дѣйствительному риску, при соблюденіи, конечно, одного предварительнаго условія, а именно—предварительнаго и немедленнаго преобразованія нашей отвратительной и безсовѣстной системы прямыхъ налоговъ, въ принципѣ гласно осужденной и самимъ правительствомъ. Самый опасный, самый критическій моментъ, къ счастью, благополучно уже пережить общиннымъ землевладѣніемъ; это—истекшій пятнадцатилѣтній періодъ. Крестьяне, въ огромномъ большинствѣ, или, лучше сказать—вся масса крестьянскаго сословія, за незначительными лишь изъятіями, осталась при общинномъ владѣніи, невзирая на тягость круговой поруки, при крайней неравномѣрности податнаго обложенія и при сравнительно низшей, чѣмъ теперь, цѣнѣ надѣльной земли. Теперь цѣнность эта возросла, выкупная ссуда въ большей части мѣстностей стала ниже продажной цѣнности

земли, и если совершится податная реформа, уже давно созрѣвшая, обѣщанная и достаточно нынѣ подготовленная, если вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ хоть немного понижены выкупные платежи въ худшихъ мѣстностяхъ, что имѣлось въ виду еще при изданіи «Положенія», то этимъ самымъ будутъ уменьшены неудобства круговой поруки и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ значительно ослаблено искушеніе перехода къ участковому владѣнію, во избѣжаніе круговой поруки. Нѣтъ причины полагать, чтобъ крестьяне, твердо стоявшіе на общемъ владѣніи, вопреки всѣмъ сопряженнымъ съ нимъ податнымъ тягостямъ, станутъ отказываться отъ него тогда, когда эти тягости въ значительной мѣрѣ облегчатся, развѣ лишь приписать обнаруженную ими до сихъ поръ стойкость малому знакомству съ податными льготами, сопряженными съ участковымъ владѣніемъ, о разъясненіи имъ которыхъ, какъ извѣстно, администрація вообще мало заботилась.

«Я полагаю, что источникъ этого явленія, какъ сказано выше, другой, болѣе глубокой. Тѣмъ не менѣе предметъ такъ важенъ, вопросъ такъ тѣменъ еще для общества, что я смѣю считать опытъ не вполне исчерпаннымъ и требующимъ дальнѣйшаго, самаго добросовѣстнаго примѣненія и изслѣдованія. Къ тому же повторю и нынѣ: можете ли вы имѣть хоть малѣйшую надежду даже и теперь провести свое вѣроученіе о землевладѣніи въ той строгой, радикальной формѣ, которую вы предлагаете? Не думаю. Полагаю наоборотъ, что единственное средство и въ настоящее время отстоять общинное владѣніе, не противъ одного министерства финансовъ, которымъ, какъ вамъ извѣстно, уже внесено въ Государственный Совѣтъ представленіе отъ 4-го октября 1874 г. за № 12617 о разрѣшеніи крестьянамъ отмѣнять оное и замѣнять участковымъ владѣніемъ въ силу простого большинства голосовъ, но еще и противъ цѣлой весьма сильной у насъ экономической школы,—это—стать не на одну лишь нѣсколько тѣсную почву доктрины, но главнымъ образомъ на широкую, крѣпкую почву существующаго историческаго бытового факта. Защищайте этотъ фактъ передъ правительствомъ, не какъ теорію, болѣе или менѣе вѣрную и остроумную, но во всякомъ случаѣ подлежащую оспариванію, но какъ фактъ первостепенной бытовой важности, съ которымъ нельзя обращаться легкомысленно, котораго нельзя отмѣнить произвольно, который не есть дѣло личнаго вкуса, но дѣло народной исторіи, который требуетъ еще продолжительнаго изслѣдованія и испытанія и который можетъ быть отвергнутъ закономъ лишь тогда, когда продолжительный и несомнѣнный опытъ докажетъ воочію, что обычай, на которомъ онъ основывается, утратилъ свое значеніе въ мнѣніи самого народа. А для этого—необходимо дальнѣйшее продолженіе опыта, начатаго по инициативѣ редакціонныхъ комиссій съ тѣмъ, чтобы онъ обставленъ былъ всѣми

условіями полнѣйшаго безпристрастія; въ другихъ словахъ—необходима возможно скорѣйшая отмѣна специфическихъ тягостей круговой поруки, сопряженныхъ съ общимъ владѣніемъ и коренящихся въ страшной неуравнительности податной системы, т.-е. необходимо немедленное преобразование этой системы ¹⁾).

«Вотъ, на мой взглядъ, та общая цѣль, къ которой теперь должно стремиться все русское общество съ полною готовностью принести еще разъ всѣ жертвы, какія могли бы потребоваться, какъ это было уже въ 1861 году. Вотъ тотъ лозунгъ и то знамя, около котораго слѣдуетъ вновь всѣмъ собираться. Одно лишь его успѣшное разрѣшеніе можетъ открыть путь къ дальнѣйшимъ гражданскимъ успѣхамъ...

«Пересматриваю листки своего письма и вижу, что дошелъ уже до шестого. Не пора ли кончить?.. Остается извиниться передъ вами, что такъ немилосердно употребилъ во зло ваше терпѣніе, и еще разъ напомнить, что вы сами виновникъ претерпѣваемой вами скуки: вольно жъ вамъ было написать такую увлекательную статью, да еще дать ее мнѣ....

«Полагая, что вы интересуетесь дальнѣйшими судьбами программы на самаринскую премію, посылаю вамъ копію ея въ томъ видѣ, въ какомъ она исправлена мною. Въ этомъ видѣ я препроводилъ ее обратно изъ деревни въ Москву Аксакову и Дмитрію Оедоровичу, давъ имъ неограниченное отъ себя полномочіе на исправленіе и измѣненіе съ тѣмъ только, чтобъ они прямо отъ себя доставили ее Гроту ²⁾ въ окончательной формѣ.

«Простите. Будьте здоровы; и вѣрьте искреннѣйшей моей дружбѣ и уваженію и не менѣе искреннему желанію свидѣться съ вами когда-нибудь въ Петербургѣ ли, въ Москвѣ ли.

«Кн. Влад. Черкасскій».

«Р. С. Кончилъ письмо и стою въ раздумьи—куда адресовать его? Я забылъ спросить у васъ о томъ... Придется поступить неудачу».

Послѣ этого письма, котораго и начало и конецъ заключаютъ въ себѣ упоминаніе о задуманномъ друзьями Самарина увѣковѣченіи его памяти, я перехожу къ документамъ, прямо относящимся къ этому благому дѣлу, предпринятому непосредственно подъ живымъ впечатлѣніемъ потери друга и съ любовью и энергіею быстро доведенному до конца.

---

¹⁾ См. ниже письмо кн. Черкасаго къ К. К. Гроту и другое къ нему же, помѣщенное въ «Русскомъ Архивѣ», 1907 г., кн. 1. К. Г.

²⁾ Константину Карловичу.

9-го апрѣля 1876 года (т.-е. черезъ десять дней послѣ похоронъ ¹⁾ въ Петроградѣ собрались къ обѣду у К. К. Грота: М. Н. Анненковъ, кн. А. И. Васильчиковъ, К. И. Домонтовичъ, С. М. Жуковский, А. П. Заблоцкий-Десятовскій, К. Д. Кавелинъ, М. Н. Любоцинскій, кн. Д. А. Оболенскій, А. Н. Поповъ, П. П. Семеновъ и Я. А. Соловьевъ побесѣдовать о горькой потерѣ, понесенной ими всѣми со смертью Ю. О. Самарина (19-го марта 1876 г.), и обсудить тотъ путь, которымъ было бы лучше почтить и увѣковѣчить память этого замѣчательнаго и незабвеннаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка. Тутъ же было рѣшено установить въ его память премію за лучшее сочиненіе по крестьянскому и земскому дѣлу и для этого собрать капиталъ до 10.000 рублей съ тѣмъ, чтобы онъ оставался на вѣчныя времена неприкосновеннымъ, а проценты употреблялись на выдачу премій. Немедленно была открыта съ этой цѣлью подписка между наличными его друзьями, которая затѣмъ продолжалась преимущественно въ Москвѣ и Петербургѣ, и собрано свыше десяти тысячъ рублей ²⁾.

Помимо главныхъ основаній учрежденія преміи, которыя предварительно были обсужены тѣми же петербургскими друзьями Самарина, предстояло рѣшить главный вопросъ объ ученомъ учрежденіи, которому ввѣрить это дѣло. Необходимо было привлечь къ обсужденію этого вопроса и всего предпріятія Москву, т.-е. московскихъ близкихъ друзей и почитателей Ю. О. И вотъ уже въ половинѣ апрѣля состоялось въ Москвѣ совѣщаніе этихъ послѣднихъ. Сохранилась собственноручная записка Дм. О. Самарина о результатахъ его, помѣченная 17-мъ апрѣля 1876 г. Она начинается такъ: «На совѣщаніи, происходившемъ между кн. В. А. Черкасскимъ, кн. Ал. Ал. Щербатовымъ, И. С. Аксаковымъ и Д. О. Самаринимъ о способѣ осуществленія возникшей въ Петербургѣ между друзьями покойнаго Юрія Федоровича Самарина и почитателями его общественной дѣятельности мысли объ учрежденіи преміи въ память оказанныхъ имъ заслугъ, выражено слѣдующее мнѣніе». Затѣмъ слѣдуютъ пять пунктовъ, излагающихъ общія основанія, размѣры и сроки выдачи премій, предполагаемыя темы по «земскому и крестьянскому дѣлу» и, наконецъ, предполо-

¹⁾ Самаринъ похороненъ въ Москвѣ 30-го марта.

²⁾ Такъ гласитъ собственноручная записка К. К. Грота, приложенная къ бумагамъ и письмамъ. Къ бумагамъ приложенъ и подписной листъ на премію съ пожертвованіями петербуржцевъ, друзей и почитателей Самарина, изъ которыхъ самые крупныя взносы по нѣсколько сотъ рублей сдѣлали: вел. кн. Екатерина Михайловна (300 р.), кн. А. И. Васильчиковъ (500 р.), К. К. Гротъ (500 р.), В. А. Кокорева (300 р.); 150 р. Е. Ламанскій, а по 100 руб. Анненковъ, Домонтовичъ, Жуковский, Любоцинскій, кн. Оболенскій, П. П. Семеновъ, Стояновскій, Е. Раденъ, Фундуклей, О. Корниловъ, А. Абаза, Д. Милютинъ, Жгуттовскій, Трубниковъ, П. и Арапетовъ.

женія о наиболѣе подходящемъ ученоемъ учрежденіи для присужденія премій и назначенія темъ и о передачѣ ему капитала. Въ этомъ вопросѣ московская записка склоняется въ пользу одного изъ столичныхъ университетовъ (т.-е. собственно—юридическаго факультета) «съ участіемъ одного члена отъ мѣстнаго губернскаго земскаго собранія и одного отъ мѣстной городской думы, по выбору ихъ самихъ».

Такъ какъ предположенія петербургскихъ инициаторовъ нѣсколько расходились съ мнѣніемъ москвичей,—Петербургъ, напримеръ, имѣлъ въ виду между прочимъ императорское географическое общество,—то надо было какъ-нибудь сообща стовориться и согласить разныя мнѣнія. Для этого былъ избранъ К. Д. Кавелинъ (тоже вѣдь ранѣе москвичъ) и ему было поручено побывать въ Москвѣ, прійти къ соглашенію съ москвичами и представить на ихъ одобреніе составленные въ Петербургѣ проекты правилъ о преміи и программы сочиненій ¹⁾.

Повидимому, петербуржцы опасались нѣкоторыхъ трений и несговорчивости своеобразной и всегда нѣсколько оппозиціонной къ Петербургу и ревнивой Москвы. Но эти опасенія оказались напрасными (память Самарина сблизила и сдружила всѣхъ), какъ это видно изъ отчета Кавелина о своей миссіи въ нижеслѣдующемъ письмѣ его къ К. К. Гроту:

«18-го мая 1876 г., Москва, Тверская, Мамонтова (Лоскутная) гостиница.

«Дорогой другъ Константинъ Карловичъ!

«Вчера, по программѣ, составленной въ Петербургѣ, я видѣлся въ первый же день пріѣзда сюда съ Аксаковымъ, кн. Щербатовымъ, кн. Черкасскимъ и Д. Э. Самаринимъ у послѣдняго, къ которому мнѣ назначено было пріѣхать. Свиданіе было какъ нельзя болѣе дружеское: ни малѣйшей тѣни предвзятыхъ мыслей, ничего, похожего на антагонизмъ между Москвою и Петербургомъ, я не видалъ. Мы сошлись, толковали и разошлись въ полнѣйшемъ единодушіи, и всему тому, что было рѣшено на нашемъ совѣщаніи и о чемъ я пишу ниже, я лично со своей стороны изъявилъ полное согласіе, заявивъ, конечно, что не уполномоченъ говорить отъ имени петербургскихъ друзей.

«Начали мы съ главнаго и самаго деликатнаго пункта разномыслія. Московскіе друзья вполне признали, что *въ настоящую минуту* географическое общество есть тотъ центръ, въ которомъ преимущественно сосредоточены силы, способныя наилучшимъ образомъ обсудить сочиненія на самаринскую премію. Но такъ какъ у насъ умственные и научные центры мѣняются и не имѣютъ пока

¹⁾ Онѣ были составлены Заблоцкимъ и Домонтовичемъ.

исторической устойчивости, то было бы, по мнѣнію московскихъ друзей, неосторожно увѣковѣчить однажды навсегда за географическимъ обществомъ привилегію присужденія самаринскихъ премій. Поэтому князь Черкасскій предложилъ комбинацію, которая, съ моею поправкой, была всѣми нами принята единогласно. Мы рѣшили, что въ первые три раза право присужденія премій будетъ принадлежать географическому обществу; затѣмъ московское губернское земское собраніе будетъ опредѣлять на каждые три слѣдующіе срока присужденія премии, какое изъ ученыхъ обществъ или учрежденій будетъ пользоваться этимъ правомъ или этой привилегіей. Князь Черкасскій думалъ предоставить избраніе общества или учрежденія московской городской думѣ; но, по моему замѣчанію, поддержанному Д. Θ. Самаринымъ, оказалось болѣе сообразнымъ съ самымъ свойствомъ темъ возложить это на земское собраніе. Главное достоинство этой комбинаціи состоитъ въ томъ, что она, открывая возможность перемѣнить мѣсто, присуждающее преміи, если бь оно оказалось въслѣдствіи ниже своей задачи (какъ случилось съ московскимъ университетомъ, процвѣтавшимъ въ сороковыхъ годахъ и потомъ упавшимъ ниже петербургскаго), въ то же время даетъ справедливое удовлетвореніе москвичамъ, которые имѣютъ полное право желать, чтобы участіе въ распоряженіи преміями, учреждаемыми въ память Ю. Θ. Самарина, москвича по преимуществу, не было у нихъ совершенно отнято. Въ той формѣ, какъ вопросъ порѣшенъ между нами, соглашены, мнѣ кажется, всѣ интересы, т. е. и самаго дѣла и личные, и я бы думалъ, что на этой комбинаціи можно бы остановиться ¹⁾.

«Всѣ прочія измѣненія составленныхъ въ Петербургѣ правилъ по преміи второстепенны. Они приложены при этомъ письмѣ.

«Программа сочиненій тоже принята безъ возраженій. Нѣкоторыя частныя замѣчанія, касающіяся собственно редакціи, вызвались написать и доставить вамъ князь Черкасскій ²⁾.

«При совѣщаніяхъ Д. Θ. Самаринъ заявилъ, что пять тысячъ рублей уже собраны въ Москвѣ, да двѣ тысячи рублей соберется навѣрное еще, не считая ихъ братьевъ, которые внесутъ вкладъ и отъ себя. Мнѣ показалось при этомъ, что имъ хочется довести премію до двухъ тысячъ рублей, при присужденіи черезъ три года. По крайней мѣрѣ, во всѣхъ совѣщаніяхъ шла рѣчь объ этомъ срокѣ.

«Я опасался, исполняя порученіе нашего кружка, наткнуться на московскій партикуляризмъ, на московскія предубѣжденія

¹⁾ Однакожь, какъ извѣстно, остановились въ концѣ концовъ на московскомъ университетѣ. К. Г.

²⁾ См. выше конецъ письма князя Черкасскаго къ Кавелину, а также ниже помѣщаемое его же письмо къ К. К. Гроту.

противъ Петербурга; но, повторяю, ни тѣни чего-либо подобнаго не было. Къ крайнему моему удивленію, Аксаковъ заявилъ, что въ настоящую минуту не Москва, а Петербургъ есть центръ русскаго умственнаго движенія. Это даетъ вамъ понятіе о тонѣ нашихъ совѣщаній. Что затѣмъ москвичамъ желательно навсегда связать имя Самарина съ Москвою,—это не только естественно, но законно и справедливо, и это, мнѣ кажется, должно быть имъ уступлено безспорно.

«Не знаю, будете ли вы довольны мною, но я остался постановленнымъ вполне доволенъ. У насъ не происходило ничего подобнаго торгу и переторжкѣ, а обсуждалось дѣло безпристрастно, какъ подобаетъ разумнымъ и порядочнымъ людямъ.

«Затѣмъ обнимаю васъ крѣпко отъ всей души, лобызаю будущаго именинника лобзаніемъ именинника же.

«Весь вашъ К. Кавелинъ».

«Р. S. Вчера, т. е. 18-го мая, Станкевичъ мнѣ сообщилъ, что подписка на самаринскую премію собирается московскими друзьями покойнаго до того скромно, безъ рекламъ, что многіе о ней не знаютъ и узнаютъ лишь случайно. Другимъ, очевидно, не хочется, чтобъ на подписку падала малѣйшая тѣнь нравственнаго принужденія, и они щепетильно строго проводятъ эту мысль.

«Здѣсь единогласные отзывы всѣхъ о Самаринѣ очень удивили и поразили москвичей. Этого никто не ожидалъ. Родные Ю. Э. этимъ тронуты и утѣшены. Мать не понимаетъ, за что такъ превозносятся ея сына...»

Изъ послѣдующей переписки по тому же поводу заслуживаетъ вниманія письмо князя Черкаскаго къ К. К. Гроту, писанное въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, черезъ три дня послѣ приведеннаго выше его же письма къ К. Д. Кавелину. Оно касается также другой темы, именно очереднаго тогда государственнаго вопроса (податнаго), и отъ этого интересъ его только повышается. Вотъ оно:

«Юля 15 дня 1876 г. Село Васильевское Веневскаго уѣзда.

«Вотъ уже нѣсколько времени собираюсь, многоуважаемый Константинъ Карловичъ, донести вамъ, что я переданную намъ К. Д. Кавелинымъ программу сочиненій на премію имени покойнаго Самарина окончательно пересмотрѣлъ, по крайнему разумнѣю дополнилъ и даже нѣсколько передѣлалъ, согласно общимъ замѣчаніямъ, сдѣланнымъ въ Москвѣ. Я тогда же отправилъ ее отсюда въ Москву, къ Дмитрію Ѳедоровичу и Аксакову, предоставивъ имъ, если они найдутъ нужнымъ ввести еще какія-либо измѣненія, сдѣлать это съ тѣмъ, однако, чтобъ они ко мнѣ уже болѣе не возвращали ее, а препроводили бы уже прямо къ вамъ. Надѣюсь,

что такимъ образомъ общая цѣль наша будетъ достигнута возможно удовлетворительно. Что касается до учрежденія, которому можетъ быть предоставлена выдача премій, то Кавелинъ, вѣроятно, уже давно увѣдомилъ васъ о послѣдовавшихъ въ Москвѣ предложеніяхъ, которыя, въ сущности, удовлетворяютъ замѣчанія, у васъ сдѣланныя, и будутъ, быть можетъ, приняты вами. Поэтому я болѣе не возвращаюсь къ этому предмету. Подписка идетъ, повидимому, въ Москвѣ успѣшно. Но я до сихъ поръ не могу еще утѣшиться насчетъ несчастнаго событія, подавшаго ей поводъ. Взрывъ сочувственной скорби, привѣтствовавшій по всей Россіи возвратившіеся домой смертные останки Самарина, конечно, представляетъ явленіе не обыденное и дѣлающее нашему общественному сознанію честь; но для насъ, кто зналъ его коротко и для кого постоянный обмѣнъ мыслей съ нимъ сдѣлался какъ бы привычкою и насущною потребностію, это—утѣшеніе далеко не полное. Боюсь, не умеръ ли онъ именно въ то время, когда Россія болѣе всего нуждалась въ немъ...

«Гдѣ вы теперь обрѣтаетесь—въ Петербургѣ или гдѣ-нибудь на водахъ? Пишу къ вамъ наудачу, а между тѣмъ полагаю, что вы, вѣрно, куда-нибудь уже укрылись или вскорѣ укроетесь отъ лѣтней жары. Здѣсь стояла у насъ одно время погода нестерпимая, до 35 градусовъ и болѣе; засуха угрожала новыми бѣдствіями; но на дняхъ похолодѣло, а вчера дождались мы благодатнаго дождечка, который на время разсѣялъ наши страхи. А каждая лѣтняя невзгода и ужасъ, наводимый ею на крестьянъ, вопреки ихъ многотерпливой практической философіи, поневолѣ напоминаетъ намъ, провинціаламъ, что за Петербургомъ уже нѣсколько лѣтъ числится передъ Россіею старый долгъ, которымъ пора бы расплатиться. Вы угадываете, конечно, что я говорю о податной реформѣ. Право, это было бы Россіи полезнѣе всѣхъ никому непонятныхъ союзовъ трехъ императоровъ, изъ коихъ двое, повидимому, такъ настойчиво и согласно надуваютъ третьяго. Лично я съ податной реформой много потеряю; но правительство потеряетъ гораздо болѣе, если не произведетъ ее своевременно. Народу сталъ не подъ силу грузъ старыхъ податей, и онъ изнемогаетъ подъ нимъ. Въ былое время крѣпостное право и помѣщичья власть еще кое-какъ, до извѣстной степени, выравнивали непосильное бремя и силою произвола своего устраняли неудобства законнаго обложенія. Съ тѣхъ поръ подати возросли еще болѣе и взыскиваются строже; а министерство финансовъ, спѣшно подбирая яйца, перестало вовсе думать о носящей ихъ курицѣ. Право, хотъ бы вы еще разъ напомнили объ этомъ дѣлѣ—великому князю ¹⁾, Рейтерну, Абазѣ. На ихъ душѣ грѣхъ...

«Простите. Надѣюсь лѣтомъ побывать на нѣсколько дней въ Петербургѣ. Хочется повидаться съ Эдитою Ѳедоровною Раденъ и по-

¹⁾ В. К. Константину Николаевичу.

смотрять тѣхъ изъ старыхъ друзей, кто не отчалитъ за границу. Въ какое время вы будете на невскихъ берегахъ?.. Итакъ, быть можетъ, до свиданія.

«Душевно преданный кн. В. Черкасскій»¹⁾.

Въ концѣ того же 1876 года нѣсколько измѣненный москвичами проектъ²⁾ положенія о самаринскихъ преміяхъ съ программой сочиненій былъ переданъ К. К. Гротомъ на просмотръ А. П. Заблоцкому-Десятовскому, П. П. Семенову и К. Д. Кавелину, дабы они разсмотрѣли ихъ еще и изложили свои замѣчанія. Эти замѣчанія (двухъ послѣднихъ) и имѣются въ бумагахъ. Какъ видно изъ приложеннаго еще къ дѣлу письма А. Д. Градовскаго (къ К. К. Гроту), отъ него также было затребовано мнѣніе, и имъ тоже была предложена поправка. Послѣ такой разносторонней и компетентной критики и разработки всѣхъ подробностей учрежденія премій окончательно выработанное положеніе съ программой было представлено на утвержденіе съ испрошеніемъ высочайшаго соизволенія министру графу Д. С. Толстому 18-го января 1877 года, а 16-го мая послѣдовало такое соизволеніе, о коемъ 19-го графъ Толстой увѣдомилъ К. К. Грота слѣдующимъ письмомъ:

«Милостивый государь Константинъ Карловичъ,

«Государь императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему, въ 16-й день текущаго мая высочайше соизволилъ какъ на учрежденіе при московскомъ университетѣ, на счетъ процентовъ отъ капитала въ десять тысячъ рублей, собраннаго между нѣкоторыми лицами, денежныхъ премій имени покойнаго Ю. О. Самарина за сочиненія, касающіяся крестьянскаго и земскаго дѣла въ Россіи, такъ и на предоставленіе мнѣ права утвердить положеніе о преміяхъ и программу для сочиненій, допускаемыхъ къ соисканію премій Самарина. Въ такомъ высочайшемъ повелѣніи, доведенномъ мною до свѣдѣнія Правительствующаго Сената и сообщенномъ гг. министрамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, а также попечителю московскаго учебнаго округа для зависящихъ съ ихъ стороны распоряженій, имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство и препроводить при семь копій съ утвержденнаго мною сего числа

¹⁾ Это письмо вызвало сочувственный откликъ К. К. Грота, приглашавшаго, очевидно, Черкаскаго къ участию въ подготовкѣ занимавшей его реформы. Отвѣтное письмо князя Черкаскаго было уже напечатано мною въ «Русскомъ Архивѣ» 1907 г., кн. 1. Въ немъ онъ писалъ: «Никто болѣе меня не сочувствуетъ мысли о преобразованіи нашей податной системы и не радуется тому, что хотя одинъ изъ людей, стоящихъ близко къ правительству, интересуется имъ и искренно готовъ помочь дѣлу».

²⁾ Собственно было выработано, повидимому, два проекта—Заблоцкимъ-Десятовскимъ и Домонтовичемъ.

положенія о преміяхъ и программы для сочиненій, допускаемыхъ къ соисканію премій Самарина.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, сдѣлать распоряженіе о передачѣ вышеозначеннаго капитала въ вѣдѣніе правленія московскаго университета.

«Примите, милостивый государь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

«Графъ Дмитрій Толстой».

Разсказываемый нами здѣсь, отчасти устами самихъ дѣйствующихъ лицъ, эпизодъ нашей общественной и культурной жизни изъ славной эпохи реформъ свидѣтельствуетъ лишній разъ о томъ, какъ память великихъ людей и талантовъ, притомъ горячихъ патриотовъ, въ состояніи сплачивать и связывать для общаго дѣла людей, неповѣдующихъ часто весьма различныя ученія, міровоззрѣнія и убѣжденія, но одушевленныхъ горячей и дѣятельной любовью къ родинѣ и стремленіемъ самоотверженно работать на ея пользу. Этотъ эпизодъ съ его именами въ связи съ минувшей сорокалѣтней годовщиной кончины Ю. Э. Самарина невольно заставляетъ насъ сравнить настоящее время съ той уже отдаленной эпохой и съ грустью сознаться, что въ смыслѣ богатства государственныхъ и общественныхъ талантовъ и силъ это сравненіе далеко не въ пользу нашего времени; что—имѣй мы теперь въ своей средѣ Самариныхъ, Милютиныхъ, князей Черкасскихъ, Аксаковыхъ и прочихъ ихъ выдающихся сподвижниковъ въ тогдашней преобразовательной и созидательной работѣ, намъ, безъ сомнѣнія, было бы легче справиться съ великими и трудными задачами и вопросами, такъ неожиданно и повелительно поставленными передъ нами современными историческими событіями, этою страшною и небывалою міровою войною...

II.

О послѣднихъ дняхъ жизни Ю. Э. Самарина.

Воспоминанія Н. Я. Грота ¹⁾.

1.

Въ бумагахъ моего покойнаго брата, профессора Н. Я. Грота, имѣется не опубликованная до сихъ поръ рукопись его воспоминаній о знакомствѣ его съ Ю. Э. Самаринымъ въ Берлинѣ въ годъ кончины послѣдняго. Они были имъ набросаны подѣ свѣ-

¹⁾ Н. Я. Гротъ, тогда только что кончившій петроградскій университетъ и уже приглашенный въ нѣжинскій историко-филологическій институтъ княземъ Безбородко на кафедру философіи, былъ командированъ на годъ съ ученой цѣлью за границу и проводилъ зиму 1875—76 гг. въ Берлинѣ.

жимъ впечатлѣніемъ тяжелой потери. Пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы подѣлиться ими съ русскими читателями.

Въ началѣ января мѣсяца новаго стиля (1876 г.) я, живя въ Берлинѣ, получилъ письмо отъ дяди моего К. К. Грота, извѣщавшее меня о будущемъ приѣздѣ Ю. Э. Самарина въ Берлинъ; дядя предлагалъ мнѣ посѣтить Ю. Э., предупрежденнаго о моемъ жителствѣ въ столицѣ Германіи. Не будучи ранѣе лично знакомъ съ Ю. Э., но уважая его имя, какъ общественнаго дѣятеля, ученаго и публициста, я послѣшилъ отправиться въ «British Hôtel», гдѣ онъ долженъ былъ остановиться. Въ четвертомъ этажѣ, въ отдаленномъ концѣ одного изъ коридоровъ, я со смущеніемъ молодого, начинающаго общественную жизнь и ученую карьеру человѣка, имѣющаго предстать предъ человѣкомъ, уже европейски извѣстнымъ, такъ сказать, историческимъ, постучался въ дверь тридцать восьмого номера и получилъ въ отвѣтъ громкое «herein». Я представился Ю. Э., и уже черезъ двѣ минуты чувствовалъ себя, какъ дома, — такъ привѣтлива и радушна была встрѣча, сдѣланная мнѣ Ю. Э. Самаринимъ. Сидя на диванѣ противъ Ю. Э., расположившагося въ креслѣ задомъ къ свѣту, я скоро забылъ всякую робость и увлекся живой, интересной бесѣдой съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ. Начавъ съ лекцій и университета, мы перешли къ профессорамъ философіи, потомъ къ самой философіи, затѣмъ къ различнымъ вопросамъ дня, говорили о Бисмаркѣ, о Герцеговинѣ, о засѣданіяхъ парламента и такъ увлеклись, что не замѣтили, какъ прошло два съ половиной часа. Я обѣдалъ въ этотъ день вмѣсто двухъ часовъ въ три съ половиной и, расставаясь съ Ю. Э., получилъ любезное приглашеніе бывать у него, когда хочу. «Я весь день дома и всегда буду вамъ радъ», говорилъ Ю. Э., «только съ четырехъ до шести часовъ я сначала обѣдаю, а потомъ читаю корректуру». Потомъ Ю. Э. спросилъ у меня мой адресъ и, несмотря на мой протестъ, черезъ два дня посѣтилъ меня въ Georgenstrasse, 16, гдѣ я жилъ всѣ четыре мѣсяца моей берлинской жизни. Когда, забывъ этажъ, въ которомъ живетъ Ю. Э., я замѣтилъ ему, что я живу очень высоко, чтобы онъ не трудился меня отыскивать, Ю. Э. не безъ юмора замѣтилъ: «Ну, вѣрно, вы живете не выше меня!» Послѣ этого мы часто видѣлись съ Ю. Э. то у него въ «British Hôtel», то у меня въ Georgenstrasse, то въ русской посольской церкви, то на русскихъ средахъ у А. А. Куманина¹⁾, нашего агента министерства финансовъ въ Берлинѣ.

Въ эти встрѣчи я не только успѣлъ укрѣпить въ себѣ глубокое уваженіе къ уму и знаніямъ Ю. Э., но и отъ души полюбилъ его скромную и привѣтливую личность. Онъ просидѣлъ у меня нѣ-

¹⁾ Скончался этимъ лѣтомъ въ Москвѣ.

сколько вечеровъ за шахматной игрой и стаканомъ русскаго чая. Мы играли тихо, сосредоточенно, и Ю. Э. только изрѣдка прерывалъ игру какимъ-нибудь замѣчаніемъ въ родѣ того, что «я очень самолюбивъ, смотрите, чтобы мы не поссорились за игрой»; но, играя довольно ровно и чередуясь въ проигрышѣ, мы не имѣли случая быть недовольны другъ другомъ, и Ю. Э. уходилъ отъ меня въ самомъ веселомъ расположеніи духа, припоминая свои и мои ошибки и анализируя причину того или другого исхода игры. У него мы обыкновенно вели продолжительныя бесѣды, все чаще и всего болѣе о философіи и о теперешнемъ состояніи Германіи. Говоря о философіи, Ю. Э. былъ очень сдержанъ и скромно сознавалъ, что мало изучалъ успѣхи ея въ послѣднее десятилѣтіе, почти исключительно разспрашивалъ меня о Гартманѣ, о Вундтѣ, объ англійской индуктивной психологіи и т. д., только изрѣдка вставляя свои собственные замѣчанія о нѣкоторыхъ общихъ вопросахъ, преимущественно исходя изъ началъ нравственности и религіи. Когда рѣчь шла о Германіи, наши роли мѣнялись: Ю. Э. говорилъ съ одушевленіемъ, съ полнымъ знаніемъ дѣла и увѣренностью, а я только слушалъ и только время отъ времени сообщалъ ему тѣ новости, близко касавшіяся разговора, которыя я только что вычиталъ въ газетахъ, или узналъ какимъ-нибудь другимъ путемъ. Ю. Э. съ негодованіемъ говорилъ о нѣмецкомъ безвѣрїи и объ увеличивающейся годъ отъ году распущенности въ германскихъ нравахъ; съ сожалѣніемъ высказывался о печальномъ экономическомъ положеніи Германіи и съ интересомъ слушалъ свѣдѣнія, которыя я черпалъ изъ частныхъ сношеній съ нѣмцами. Никогда не забуду, какъ его однажды поразилъ мой рассказъ о томъ, что извѣстная берлинская «Freie religiöse Gemeinde» думаетъ переименовать себя въ «Religionsfreie Gemeinde...» Но мы не всегда только мирно обсуждали съ Ю. Э. интересовавшіе его вопросы. Часто между нами возникали разногласія и споры, преимущественно о христіанскихъ догматахъ и часто объ университетскомъ уставѣ. Ю. Э., какъ извѣстно, былъ не только глубоко вѣрующимъ христіаниномъ, но и истинно-православнымъ членомъ русской церкви. Каждое кѣмъ-либо высказанное сомнѣніе, затрагивающее то или другое изъ положеній, составляющихъ основу греко-православнаго вѣроисповѣданія, вызывало съ его стороны возраженіе и приводило къ спорамъ. Что же касается университетскаго вопроса, то Ю. Э., бывъ не разъ свидѣтелемъ интригъ и безпорядковъ въ средѣ профессоровъ нашихъ русскихъ университетовъ, сомнѣвался въ безусловномъ преимуществѣ автономіи. По поводу этого мы не разъ горячо разсуждали, но Ю. Э., уступчивый въ тѣхъ вопросахъ, гдѣ мнѣніе его еще не установилось и гдѣ онъ еще искалъ правды, всегда соглашался съ тѣми доводами, противъ которыхъ нельзя ничего сказать, и не разъ говорилъ мнѣ: «Вы правы! автономію трудно замѣнить чѣмъ-

нибудь лучшимъ, хотя и она имѣетъ, несомнѣнно, свои дурныя стороны».

Изъ всѣхъ нашихъ разговоровъ я могъ вынести только самое отрадное впечатлѣніе. Ю. Э. былъ умнымъ и въ высокой степени полезнымъ собесѣдникомъ, уважалъ чужое мнѣніе и отстаивалъ твердо свои окончательно установившіяся убѣжденія, никогда не пропуская случая выработать себѣ новые взгляды по поводу вопросовъ, недостаточно продуманныхъ имъ. Онъ вездѣ и всегда учился, и если самъ любилъ говорить, то только потому, что этимъ лучше уяснялъ свои мысли себѣ и своимъ слушателямъ. Какъ онъ стремился учиться даже въ свои пятьдесятъ восемь лѣтъ, видно изъ того, что онъ намѣревался слушать лекціи историка Зибеля въ университетѣ, и очень былъ огорченъ, когда узналъ, что Зибель болѣе не читаетъ въ Берлинѣ. Въ концѣ января я былъ боленъ, и тутъ я узналъ, что Ю. Э. не только замѣчательный мыслитель и ученый, и общественный дѣятель, но и добрый и участливый къ ближнему человекъ.

Въ продолженіе двухъ недѣль онъ посѣтилъ меня разъ пять, давая совѣты, какъ лечиться, и самъ въ подробностяхъ разсказалъ мнѣ нѣсколько болѣзненныхъ случаевъ, бывшихъ съ нимъ; между прочимъ, подробно сообщилъ мнѣ исторію своего паденія на пароходѣ и почти двухмѣсячныхъ страданій послѣ того. Однажды онъ обратился ко мнѣ со словами: «Вотъ вы психологъ, объясните мнѣ, что значатъ странные нервныя припадки, иногда бывающіе со мною. Хожу я по комнатѣ—вдругъ не могу болѣе сдѣлать ни шагу. Всѣ мои движенія парализованы: я даже не могу ничего сказать, а мысль въ это время работаетъ съ усиленной энергіей. Масса впечатлѣній, воспоминаній, забытыхъ фактовъ жизни, какъ молніи, проносятся въ моемъ умѣ безъ внутренней связи, въ простой хронологической послѣдовательности. Поневолѣ подумаешь, что въ нашемъ мозгу какой-то складъ всѣхъ пережитыхъ впечатлѣній, сортирующихся въ немъ въ порядкѣ возникновенія и всегда только въ этомъ порядкѣ и вспоминающихся. Вотъ я теперь читаю дневникъ Герцена, и живо переживаю снова тѣ годы московской жизни, когда я былъ съ нимъ знакомъ и вращался въ вымершемъ уже теперь кружкѣ людей умныхъ и талантливыхъ. Что жъ бы вы думали? читая эти записки, вспоминаешь такія мелочи жизни, которыя давно уже забыты и которыя даже въ то время прошли почти незамѣченными, какъ будто къ нѣкоторымъ воспоминаніямъ и можно только прійти и неизбѣжно приходишь черезъ рядъ другихъ промежуточныхъ фактовъ, внѣ которыхъ эти мелочи какъ бы и не существуютъ въ нашемъ сознаніи!..»

Много такихъ психологическихъ замѣчаній дѣлалъ Ю. Э. въ нашихъ частыхъ разговорахъ, и я объ одномъ только жалѣю, что въ то время не записывалъ его словъ, не предполагая, что его такъ

скоро не станеть и что то, что онъ говорилъ въ Берлинѣ, будетъ послѣднимъ его словомъ...

Узнавъ отъ меня о собраніяхъ русской занимающейся молодежи по средамъ у А. А. Куманина, Ю. Э. Самаринъ выразилъ живѣйшую радость. «Какъ это пріятно,—говорилъ онъ:—ужасно грустно быть совсѣмъ лишеннымъ общества соотечественниковъ на чужой сторонѣ, а я же къ тому такъ люблю молодежь. Отъ нея всегда научишься чему-нибудь новому. Всякое время имѣеть свои идеалы, и слѣдить за перемѣной этихъ идеаловъ, группировать различія и общія черты въ направленіи различныхъ поколѣній въ высшей степени интересно и назидательно», и вотъ въ слѣдующую же среду Ю. Э. явился къ Куманину. Среды наши сдѣлались еще интереснѣе. Въ нихъ принимали участіе большей частью молодые кандидаты русскихъ университетовъ, готовящіеся къ каѳедрамъ¹⁾; среди насъ были юристы, историки, физики, химики—петербуржцы, москвичи, харьковцы, кіевляне, дерптцы. Затѣвались споры о вопросахъ научныхъ вообще, философскихъ, о политикѣ и т. д., и Ю. Э. принималъ живое участіе въ этихъ преніяхъ. Къ несчастью, нашъ радушный хозяинъ былъ боленъ въ продолженіе всего февраля, и среды должны были внезапно прекратиться къ немалому нашему сожалѣнію.

Послѣдній разъ я былъ у Ю. Э. 17-го февраля нашего стilia²⁾ утромъ въ день моего отъѣзда въ Петербургъ, ровно два мѣсяца послѣ перваго моего визита къ нему. Ю. Э. былъ, какъ и прежде, разговорчивъ и привѣтливъ. Онъ говорилъ мнѣ о своихъ планахъ, выражалъ опасеніе, что долженъ будетъ оставить Берлинъ ранѣе окончанія печатанія своихъ «Окраинъ», причѣмъ жаловался на медленность, съ которой фирма Бэръ и Бокъ снабжаетъ его корректурными листами. «Черезъ двѣ недѣли въ понедѣльникъ—говорилъ онъ—я поѣду въ Парижъ, а затѣмъ опять вернусь въ Берлинъ и отсюда поѣду въ Петербургъ». Онъ хотѣлъ мнѣ дать письмо съ поздравленіемъ къ друзьямъ и товарищамъ, съ которыми онъ привыкъ праздновать 19-ое февраля; но, узнавъ, что я буду въ Петербургѣ только 19-го вечеромъ, онъ рѣшилъ лучше послать имъ телеграмму. Въ часъ дня я простился съ Ю. Э., просидѣвъ у него съ одиннадцати. Когда я уходилъ, Ю. Э. замѣтилъ, что у меня на шеѣ очень тонкій шарфъ. «А вы смотрите, не простудитесь, вы только что были больны, и вамъ въ дорогѣ надо особенно беречься,—сказалъ онъ мнѣ.—Знаете что,—продолжалъ онъ черезъ минуту,—у меня есть отличный толстый шарфъ, который я только разъ надѣвалъ въ переѣздъ изъ Петербурга въ Берлинъ; мнѣ онъ теперь не

¹⁾ Вмѣстѣ съ братомъ работали тогда въ Берлинѣ: Г. Э. Зенгеръ, П. А. Зилловъ, Х. С. Головинъ, Мацонъ и друг. К. Г.

²⁾ Т. е. за мѣсяць до кончины его.

нуженъ, я не такъ скоро поѣду въ Россію, да и, вѣроятно, въ болѣе теплое время,—возьмите его: онъ вамъ отлично послужитъ въ дорогѣ». Я благодарилъ Ю. Э., но совѣстился принять отъ него ничѣмъ не заслуженный подарокъ. «Какъ же я вамъ возвращу его?»—сказалъ я.—«Да онъ мнѣ не нуженъ,—отвѣчалъ онъ,—къ тому же у меня есть другой, старый. Примите его отъ меня совсѣмъ въ память нашего берлинскаго знакомства». На подобное предложеніе я могъ только отвѣтить признательнымъ исполненіемъ просьбы Ю. Э. Я тутъ же надѣлъ шарфъ и, еще разъ поблагодаривъ заботливаго Ю. Э., простился съ нимъ, оказалось, навсегда.

Отъ нашего кратковременнаго знакомства вещественнымъ знакомъ остался у меня только этотъ сѣрый, клѣтчатый фуляръ Ю. Э., но въ душѣ моей оно оставило цѣлый рядъ свѣтлыхъ, чистыхъ, неизгладимыхъ воспоминаній о личности покойнаго и самыхъ живыхъ и теплыхъ чувствъ признательности къ его участию во мнѣ и впечатлѣній о той пользѣ, которую онъ, несомнѣнно, принесъ мнѣ своими долгими бесѣдами и всѣмъ обаяніемъ своей замѣчательной нравственной индивидуальности.

Ю. Э., какъ единодушно отзывались о немъ всѣ его знавшіе, принадлежалъ къ числу цѣльныхъ натуръ, рѣдкихъ не только въ Россіи, но и въ человѣчествѣ вообще. Изъ сношеній съ нимъ видно было, что онъ «живетъ, какъ хочетъ жить», а это рѣдкому удается. Его энергія не тратилась на мелкую борьбу съ ежеминутными дилеммами, которыя становятся на пути людей, привыкшихъ раздѣлять слово и дѣло. Онъ не имѣлъ страстей, такъ сказать, физическихъ, подавляющихъ и унижающихъ духъ человѣка. Вся его энергія, вся его страсть были направлены въ одну сторону—къ выработкѣ убѣжденій и взглядовъ какъ въ себѣ, такъ и въ окружающихъ. Его голова исполняла вѣчную гигантскую работу упорной выработки самыхъ законченныхъ выводовъ изъ всей суммы крупныхъ и мелкихъ наблюденій и опытовъ дня. Онъ не пропускалъ безъ анализа ни одной мысли, пришедшей въ голову ему самому, услышанной отъ другого или гдѣ-нибудь вычитанной. Онъ всегда и отовсюду собиралъ матеріалы, чтобы воздвигать безпрерывно и терпѣливо свое умственное зданіе, и не складывалъ этого матеріала въ беспорядкѣ, чтобы только когда-нибудь воспользоваться имъ, а тотчасъ систематизировалъ его и пускалъ въ дѣло, и только тогда брался за новый матеріалъ. Оттого и нельзя было не удивляться силѣ и разносторонности его убѣжденій и взглядовъ, а главное стройности его духовнаго существа, цѣльности и гармоніи послѣдняго.

Но, будучи замѣчательнымъ человѣкомъ мысли и дѣла, онъ оставался вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкомъ сердца, всегда горѣвшаго участіемъ къ ближнему. Онъ былъ скромнень и громко исповѣдывалъ свои недостатки. «Я всегда сознавалъ,—сказалъ онъ мнѣ однажды,—какъ

много времени я потерялъ и какъ мало сдѣлалъ въ сравненіи съ тѣмъ, что хотѣлъ сдѣлать. Я долго не умѣлъ работать, много потратилъ времени на пріобрѣтеніе этой привычки; а когда пріобрѣлъ ее, было поздно начинать многое, что бы я началъ, если бы смолоду зналъ, какъ распоряжаться своими силами». Скромное понятіе о себѣ имѣло слѣдствіемъ его терпимость къ чужимъ мнѣніямъ, его простое и ровное обращеніе со всѣми людьми, высоко и низко стоящими, старыми и молодыми, болѣе или менѣе развитыми и умными. Но рядомъ съ простотой нельзя не цѣнить и замѣчательную доброту его и теплую участливость, не разъ испытанную людьми, его окружавшими и заставлявшую не только глубоко уважать его, какъ ученаго дѣятеля, но и искренно любить его, какъ человѣка. А любить и уважать въ одной и той же превосходной степени можно только человѣка изъ ряду вонъ выходящаго, какимъ и былъ по всеобщему признанію покойный Ю. О. Самаринъ.

Ник. Гротъ.

Апрѣля 3-го 76 г.

2.

Два письма о кончинѣ Самарина.

Кромѣ этихъ написанныхъ подъ живымъ впечатлѣніемъ неожиданной кончины Ю. О. Самарина воспоминаній, въ бумагахъ дяди К. К. Грота имѣются два письма къ нему, заключающихъ въ себѣ нѣкоторыя подробности о предсмертной болѣзни и кончинѣ Юрія Федоровича. Первое—отъ книжнаго корреспондента К. К. Грота, О. Мюльбрехта, а второе—отъ матери моей Н. П. Гротъ, посѣтившей вмѣстѣ съ покойнымъ братомъ моимъ, авторомъ воспоминаній, Берлинъ въ ту же весну въ маѣ мѣсяцѣ. Для будущаго біографа Ю. О. Самарина всякая подробность о немъ, записанная по свѣжимъ слѣдамъ, имѣетъ значеніе, и русскій читатель быть можетъ, не безъ интереса прочтетъ о томъ, въ какихъ трагически-безотраднѣхъ условіяхъ на чужбинѣ, въ германскихъ рукахъ, скончался великій русскій гражданинъ.

«Берлинъ, подъ Липами, 64, 17-го апрѣля 1876 г. ¹⁾».

«Высокоцитимый господинъ Гротъ,

«По полученіи вашего письма я немедленно отправился къ книгопродавцу Боку, чтобы освѣдомиться о послѣднихъ дняхъ г. Самарина. Внезапная смерть этого заслуженнаго человѣка возбудила и здѣсь общее вниманіе, и всѣ газеты писали о томъ, но, къ сожалѣнію, ничего достовѣрнаго и подробнаго, что бы заслуживало быть вамъ сообщеннымъ.

¹⁾ Приводимъ письмо это въ русскомъ переводѣ.

«Старикъ Бокъ, съ которымъ Самаринъ былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ, умеръ уже три году тому назадъ, а сынъ его тоже годъ спустя, и теперь у дѣла стоятъ чужіе люди (управляющій), не питающіе уже того теплаго интереса къ покойному, какое было къ нему у семьи Бока. Поэтому тамъ я не узналъ ничего сколько-нибудь важнаго о послѣднихъ дняхъ Самарина: тамъ знали о томъ немного и не могли мнѣ даже сказать, кто оперировалъ Самарина. Вотъ что я слышалъ:

«Самаринъ въ половинѣ марта приблизительно вернулся изъ краткой экскурсіи въ Парижъ, гдѣ онъ пробылъ дня два. Онъ недавно передъ тѣмъ съ цѣлью похудѣть прошелъ курсъ леченія Бантинга (Banting-Kur), послѣдствіемъ чего было образованіе подъ рукой (или собственно на рукѣ) опухоли еще въ Россіи. Онъ собирался въ Берлинъ дать себя оперировать, чтѣ, вѣроятно, и произошло 28-го или 21-го марта¹⁾. Докторъ не позволилъ ему выходить изъ дому; однакоже онъ посѣтилъ книготорговлю Бэра (въ послѣдній разъ) 23-го, чтобы переговорить о своемъ новомъ изданіи. Онъ имѣлъ очень измѣнившійся къ худшему видъ, жаловался на боли и на невозможность дѣйствовать оперированной рукой вслѣдствіе сильной опухоли. Между 20 и 25 числами онъ былъ на двухъ обѣдахъ: у г. Арапова и у правительственнаго совѣтника Дитерици. Съ послѣднимъ (сыномъ знаменитаго прусскаго статистика сороковыхъ годовъ), недавно издавшимъ трудъ по исторіи податной реформы въ Пруссіи, Самаринъ подробно бесѣдовалъ о предстоявшей въ Россіи податной реформѣ.

«Эти различныя тѣлесныя и умственныя напряженія послѣ операціи могли ухудшить его состояніе; рана открылась, и дошло до того, что Самаринъ 25-го марта отправился въ лечебницу (maison de Santé) въ Шёнебергъ близъ Берлина, гдѣ его приняли какъ уже приговореннаго—такъ далеко зашло истощеніе; къ этому присоединился, наконецъ, и антоновъ огонь, и 31-го марта Самарина не стало.

«Вы, однакоже, ошибаетесь, полагая, что онъ оставался одинокъ и безпомощенъ. Г-нъ Куманинъ и другіе господа изъ здѣшняго русскаго посольства нерѣдко навѣщали Самарина въ эту пору²⁾ и знали о его состояніи. Я встрѣтилъ г. Куманина тотчасъ послѣ кончины Самарина, и онъ мнѣ подробно разсказалъ исторію болѣзни. Такъ какъ съ той поры отдѣльныя даты и подробности забылись, я вчера отправился къ г. Куманину, чтобы еще разъ получить съ него точныя свѣдѣнія. Онъ тотчасъ же любезно вызвался самъ написать вамъ, и такъ какъ онъ, конечно, лучше моего исполнитъ

---

¹⁾ Другимъ письмомъ (Н. П. Гротъ) эта версія опровергается: по наведеннымъ въ гостиницѣ справкамъ, операція была сдѣлана въ Парижѣ. К. Г.

²⁾ Этому противорѣчатъ показанія, данныя въ гостиницѣ (см. слѣдующее письмо). К. Г.

эту задачу, то ужъ не стану передавать вамъ содержаніе нашей бесѣды: онъ на этихъ дняхъ напишетъ вамъ подробнѣе. ¹⁾

«Въ книжномъ магазинѣ Бэра узналъ я еще, что придворный фотографъ Шнебели изготовилъ фотографическій снимокъ, изображающій изукрашенную (т. е. растеніями) русскую посольскую церковь съ открытымъ гробомъ посрединѣ (портретъ покойнаго очень удался) въ томъ видѣ, какъ все было приготовлено для торжественнаго отпѣванія. Этотъ снимокъ книготорговля Бэра въ тридцати экземплярахъ послала въ Москву семейству Самариныхъ; оттуда вы, навѣрное, можете получить экземпляръ. Вамъ, конечно, извѣстно, что оба брата покойнаго, одинъ изъ Москвы, другой изъ Парижа, были вызваны телеграммами и присутствовали на похоронныхъ церемоніяхъ въ посольствѣ.

«Я надѣюсь, что то небольшое, что я могъ вамъ сообщить, въ связи съ прочими извѣстіями, которыя дойдутъ до васъ изъ другого источника, доставитъ вамъ желанное разъясненіе всѣхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ это вызывающее глубокое сожалѣніе несчастіе.

«Мнѣ пріятно было вновь имѣть честь доказать вамъ, что я во всѣхъ отношеніяхъ готовъ всегда быть вамъ полезнымъ.

«Съ высокимъ почитаніемъ О т т о М ю л ь б р е х т ь».

«Берлинъ 17-го (29-го) 1876 года.

«Доѣхавъ сюда благополучно сегодня въ шесть часовъ утра, дорогой Константинъ Карловичъ, мы остановились въ «British Hôtel», гдѣ Коля ²⁾ занялъ вверху маленькую комнату рядомъ съ тѣми, которыя обиталъ Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ. Тотчасъ послѣ разборки пошли мы съ Колей въ эти памятные для него комнаты, гдѣ очень симпатичная горничная убирала этотъ номеръ. Оказывается, что Юрію Ѳедоровичу дѣлали операцію вовсе не здѣсь, а въ Парижѣ, и онъ послѣ операціи тотчасъ же пустился въ путь. Приѣхавъ сюда въ воскресенье, онъ вскорѣ позвалъ дѣвушку и просилъ ея принести льду и сдѣлать ему холодный компрессъ. Она испугалась, увидѣвъ разрѣзъ на рукѣ въ вершокъ, хотя не было ни опухоли, ни большой красноты, ни боли, а только шла кровь, и Юрій Ѳедоровичъ при этомъ былъ веселъ, выходилъ и бѣгомъ взбѣгалъ на свою лѣстницу. Но на третій день дѣвушка замѣтила ему, что опухоль увеличилась и краснота тоже, и хорошо ли прикладывать ледяную воду. Онъ отвѣчалъ, что доктора такъ велѣли, а на вопросъ ея, зачѣмъ онъ сдѣлалъ операцію, что прежде онъ вовсе не жаловался на руку, — онъ отвѣчалъ, что въ Парижѣ доктора нашли нужнымъ сдѣлать разрѣзъ. На четвертый день дѣвушка увидѣла, что опухоль побагро-

¹⁾ Этого письма нѣтъ въ бумагахъ К. К. Грота. К. Г.

²⁾ Т. е. Ник. Як. Гротъ.

вѣла и даже посинѣла, и стала опять спрашивать Юрія Эедоровича, ужь продолжать ли холодные компрессы, но онъ все продолжалъ, и рана начала гноиться. Между тѣмъ, онъ все выѣзжалъ и даже къ доктору ѣздилъ самъ, только разъ всего передъ переселеніемъ его въ больницу его здѣсь посѣтилъ докторъ. Это былъ, по словамъ дѣвушки, еврей, весьма несимпатичный и грубый человѣкъ. Хозяинъ не знаетъ его и говоритъ, что это, вѣроятно, былъ посольскій докторъ. Онъ-то, кажется, и посовѣтовалъ ему отправиться въ больницу, въ Шёнебергъ, миляхъ въ двухъ отъ города—по словамъ дѣвушки, которая увѣряетъ, что это самая гадкая здѣсь больница, и народъ даже ея боится: у него сложилось повѣрье, что кто попадетъ въ Шёнебергъ, тотъ оттуда не выйдетъ,—такъ дурень тамъ ухоть... Ровно черезъ недѣлю по пріѣздѣ, въ субботу, Самаринъ самъ забралъ свои вещи и отправился туда. Онъ былъ уже очень слабъ и шатался, но все на ногахъ, и ясность и терпѣніе не покидали его. Дѣвушка со слезами говоритъ о его добротѣ и сердечности со всѣми, все повторяя: «Ach, dass war ja ein feiner Mann!» Хозяинъ умолялъ его остаться, предлагалъ ему послать за лучшими докторами, но онъ, видимо,—говоритъ хозяинъ,—былъ подъ вліяніемъ нашего посольства, куда онъ, вѣроятно, все ѣздилъ, но откуда его никто не навѣстилъ. Въ больницу онъ поступилъ подъ чужимъ нѣмецкимъ именемъ¹⁾, и когда къ нашему священнику пришли сказать изъ больницы, что умираетъ г. Rashek (?) или что-то въ этомъ родѣ, объяснивъ, что это Самаринъ, и что его просятъ причастить, то священникъ сказалъ: «А вотъ я прежде отдохну, что за спѣхъ!» Когда же онъ, «отдохнувши», пріѣхалъ, то Самаринъ уже скончался... Тогда священникъ отговаривался тѣмъ, что я, дескать, такой фамиліи вовсе не знаю, почему я зналъ, что это Самаринъ, хотя ему положительно было написано настоящее имя Самарина. Да кто бы и ни былъ—хорошъ взгляды!

«Всѣ эти подробности сообщаю вамъ, зная, что онѣ васъ интересуютъ... Здѣсь говорятъ о Ю. Э. съ соболѣзнованіемъ и уваженіемъ и жалѣютъ, какъ онъ не обратился къ здѣшнему факультету лучшихъ докторовъ, а поѣхалъ умирать «къ жидамъ», какъ выразился здѣшній хозяинъ...

«Вашъ Н. Гротъ».

Намъ не случилось читать въ статьяхъ о Самаринѣ подробностей о его болѣзни и кончинѣ, которыя, можетъ быть, полнѣе и лучше извѣстны въ семьѣ Самариныхъ. Желательно, чтобъ на основаніи всѣхъ данныхъ обстоятельства печальнаго и роковаго конца Ю. Э. Самарина были выяснены и рассказаны для потомства.

К. Я. Гротъ.

¹⁾ Вѣроятно, иначе русскаго не соглашались принять? К. Г.

АКАДЕМИКЪ НИКОДИМЪ ПАВЛОВИЧЪ КОНДАКОВЪ.

(Къ пятидесятилѣтію его ученой дѣятельности).

ОЛВѢКА прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ издававшемся въ 60-хъ годахъ обществомъ древне-русскаго искусства въ Москвѣ «Сборникъ» стали появляться статьи, подписанныя никому тогда неизвѣстнымъ именемъ: Н. Кондаковъ. О молодомъ ученомъ въ Москвѣ знали только, что онъ вышелъ изъ низшихъ слоевъ народа, что онъ окончилъ московскій университетъ и состоялъ ученикомъ Ѳ. И. Булаева. А небольшія работы по вопросамъ искусства, уже опубликованныя авторомъ, прибавляли къ этимъ свѣдѣніямъ еще и свидѣтельство о томъ, что на научное поприще вышелъ человѣкъ съ запасомъ недюжинныхъ силъ, настоящій самородокъ, обѣщающій развернуться въ крупную научную величину.

И обѣщаніямъ этимъ суждено было исполниться въ полной мѣрѣ: черезъ пятьдесятъ лѣтъ имя академика Никодима Павловича Кондакова нынѣ горитъ яркою звѣздой первой величины на міровомъ научномъ небосклонѣ; его знаетъ и чувствуетъ съ полувѣковымъ юбилеемъ ученой дѣятельности не только Россія, но и весь ученый міръ.

Пятьдесятъ долгихъ лѣтъ проработалъ Н. П. Кондаковъ въ облюбованной имъ области исторіи искусства и художественной археологіи и успѣлъ оставить въ этой отрасли знанія неизгладимый слѣдъ, давъ цѣлый рядъ капитальнѣйшихъ трудовъ, внесшихъ въ науку новые взгляды, свѣжія мысли и создавшихъ особую «кондаковскую» школу изслѣдователей, за которой пошли и западные

Никодимъ Павловичъ Кондаковъ.

ученые. Онъ личнымъ своимъ примѣромъ показалъ намъ, на что способенъ русскій человѣкъ, если имѣются въ наличіи хоть мало-мальски благопріятныя для его развитія условія.

Никодимъ Павловичъ Кондаковъ родился въ 1844 г. въ Новооскольскомъ уѣздѣ Курской губерніи въ семьѣ крѣпостного человѣка. По окончаніи приходскаго училища онъ поступилъ въ одну изъ московскихъ гимназій, а оттуда въ 1861 г. въ московскій университетъ. Молодость и нравственное формированіе будущаго ученаго пришлось какъ разъ въ эпоху, незабвенную въ исторіи русской культуры. Недавнее паденіе крѣпостного права, великія реформы, обновленіе всей нашей общественности вдохнули въ русскую жизнь невиданную дотолѣ энергію, подняли нравственныя силы какъ общества, такъ и отдѣльнаго человѣка, и эта струя энергій и чистаго воздуха коснулась не только людей практическаго дѣла, но и людей науки. Изъ многочисленныхъ записокъ и воспоминаній такъ называемыхъ «людей шестидесятыхъ годовъ» мы знаемъ, какова была атмосфера тогдашняго московскаго университета. То была эпоха благороднаго, романтическаго стремленія къ знанію, къ свѣту, къ истинѣ безъ всякихъ заднихъ мыслей о томъ, дастъ ли это знаніе впослѣдствіи кусокъ хлѣба, или нѣтъ. Тогдашняя наука не была какимъ-то кабинетнымъ, оторваннымъ отъ жизни ремесломъ. Наука, искусство, новыя вѣянія и чаянія въ общественной жизни—все это какъ-то удивительно переплелось между собою въ русской жизни, а въ средѣ интеллигенціи создало даже особый типъ «шестидесятника». Оздоровленная жизнь оздоровила и научную почву, и одинъ за другимъ на ней стали появляться Буслаевъ, Соловьевъ, Тихонравовъ, позднѣе Ключевскій и другіе.

Пребываніе въ этой горней атмосферѣ какъ нельзя лучше соотвѣтствовало нравственному облику будущаго академика и оставило на немъ слѣдъ на всю жизнь: богатыя силы Н. П. Кондакова распустились на той же самой почвѣ, на какой явились и его всѣмъ извѣстныя товарищи и сподвижники по Одессѣ: Ковалевскій и Мечниковъ.

По окончаніи курса въ московскомъ университетѣ Н. П. Кондаковъ нѣкоторое время преподавалъ русскій языкъ и литературу въ московской второй гимназій и въ Александровскомъ военномъ училищѣ. Но отъ преподавательской дѣятельности его тянуло къ изслѣдованію вопросовъ искусства, и въ самомъ началѣ 70-хъ годовъ онъ перешелъ, въ качествѣ приватъ-доцента по кафедрѣ исторіи и искусства, въ новороссійскій университетъ, гдѣ оставался пѣлыхъ 17 лѣтъ, до перехода въ Петроградъ, сначала въ университетъ, а потомъ въ академію наукъ. Съ этого же времени начинается и неутомимая дѣятельность П. Н. въ той области знанія, которую онъ самъ для себя отмежевалъ.

Трудная въ то время была эта область. Предстояло не только

дать конкретное содержаніе этой наукѣ, собрать для нея фактичскій матеріалъ, но установить и самыя методы изслѣдованія. До появленія въ этой области работъ Н. П. Кондакова изслѣдователи искусства, также какъ и изслѣдователи литературы, ограничивались большею частью эстетическими описаніями и разсужденіями о такъ называемыхъ «классическихъ» произведеніяхъ художественнаго гения. Не хотѣли знать того, что это «классическое» произведеніе не рождается въ свѣтъ вдругъ, само собою, безъ связи съ предшествующимъ искусствомъ и его техникой, хотя бы и примитивной. Не хотѣли знать, что каждое произведеніе имѣетъ длинный рядъ предшественниковъ, оказавшихъ на него вліяніе, но незамѣтныхъ невооруженному изслѣдованіемъ глазу. Словомъ, упускали изъ виду, что и въ исторіи искусства мы имѣемъ дѣло все съ тѣмъ же эволюціоннымъ процессомъ.

Надо было и въ эту область историческаго изслѣдованія перенести сравнительно-историческій методъ, который далъ такіе богатые результаты въ умѣлыхъ рукахъ Ѳ. И. Буслаева. Задачу эту взялъ на себя Н. П. Кондаковъ и блистательно показалъ въ своихъ трудахъ на практикѣ, какъ надо пользоваться въ разработкѣ вопросовъ исторіи искусства сравнительно-историческимъ методомъ. Въ методологическомъ смыслѣ его труды, по словамъ специалистовъ этого дѣла, являются лучшей школой для изслѣдователя, и не даромъ извѣстный французскій византинистъ Шарль Диль писалъ, что методъ Кондакова есть «истинно научный и плодотворный».

Но, помимо метода, надо было дать и самыя матеріалы для научной разработки. И, какъ древній аргонавтъ, П. Н. лично пускается въ цѣлый рядъ путешествій для разыскванія этого матеріала, не жалѣя ни средствъ, ни трудовъ, ни себя самого. Въ Россіи нѣтъ, кажется, уголка, гдѣ бы сохранилась милая его сердцу старина и гдѣ бы онъ не побывалъ ради ея изученія. Сѣверъ съ его остатками сѣдой старины, средняя Россія съ памятниками московскаго періода, кievская Русь съ ея курганами, помнящими еще скифовъ, наконецъ Кавказъ съ его памятниками ранняго христіанства—все это привлекаетъ къ себѣ Н. П.

Да и на западѣ Европы едва ли найдется музей или мѣстность, интересная для историка искусства, которые не были бы не только посѣщены, но и изучены Н. П. Онъ прекрасно знаетъ страны Балканскаго полуострова, Турцію, въ особенности Константинополь, подолгу живалъ въ Греціи и Италіи, извѣздилъ вдоль и поперекъ всю Западную Европу, изучая ея художественныя сокровищницы, и не разъ предпринималъ путешествія въ такія мѣста, куда путешественники рѣдко когда рискуютъ заглядывать. Такъ, все съ тою же цѣлью извлеченія на свѣтъ Божій нужнаго матеріала Н. П. ѣздилъ на Синайскій полуостровъ, въ монастыри Аѳонской горы, на острова греческаго Архипелага, наконецъ въ Сирію и Палестину.

Всѣ эти путешествія, неизбежно сопряженныя съ значительными неудобствами, дали русской наукѣ огромный матеріалъ и сдѣлали то, что въ настоящее время нельзя или, по крайней мѣрѣ, рискованно писать какую-либо работу по исторіи искусства, особенно русско-итало-византійскаго, не посоветовавшись предварительно съ Н. П. Кондаковымъ.

Къ чему ведетъ отсутствіе такой предосторожности, показываетъ слѣдующій случай. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ императорскомъ обществѣ любителей древней письменности былъ прочитанъ рефератъ по поводу книги одного нѣмецкаго ученаго, которая произвела большой шумъ въ ученое мірѣ и нѣмецкой критикой была провозглашена, какъ «Eroschamachendes Werk». Дѣло шло о фрескѣ одной изъ римскихъ катакомбъ, дошедшей до насъ въ полуразрушенномъ состояніи. Авторъ нашумѣвшей и роскошно изданной книги доказывалъ, въ какомъ вѣкѣ и при какихъ обстоятельствахъ пострадала фреска, и предлагалъ проектъ ея реставраціи. По обыкновенію свое предположеніе онъ потомъ принималъ за фактъ и дѣлалъ отсюда разные выводы, будто бы обогащавшіе науку.

Когда слово дошло до Н. П. Кондакова, онъ съ обычной неторопливостью и авторитетомъ рѣчи разсказалъ, что фреска была цѣла еще въ семидесятыхъ годахъ XIX вѣка, что онъ лично самъ ее видѣлъ и зарисовалъ ее, что пострадала она отъ наводненія рѣки Тибра, а вовсе не отъ нашествія какихъ-то варваровъ, какъ доказывалъ нѣмецкій ученый, и что всѣ его выводы сплошной вздоръ.

Прославленная нѣмцами книга была поражена на смерть.

Съ переходомъ Н. П. на профессорскую кафедру въ Одессу одинъ за другимъ начинаютъ появляться его капитальные труды: въ 1873 г. выходитъ его работа о древней архитектурѣ Грузіи, потомъ онъ печатаетъ изслѣдованіе о миниатюрахъ греческой рукописной псалтыри изъ собранія А. И. Хлудова въ Москвѣ. Въ 1880 г., какъ результатъ его пребыванія въ Константинополѣ, появляется его книга «Мозаики мечети Кахрие Джамиса въ Константинополѣ». Черезъ годъ выходитъ «Путешествіе на Синай. Древности Синайскаго монастыря». Въ 1887 г. Н. П. издаетъ работу, опять посвященную византійскому искусству: «Византійскія церкви и памятники въ Константинополѣ». Черезъ три года выходитъ его «Опись памятниковъ древности въ храмахъ и монастыряхъ Грузіи». Съ 1889 г. Н. П. Кондаковъ совместно съ покойнымъ гр. И. И. Толстымъ издаетъ «Русскія древности въ памятникахъ быта» въ 6 выпускахъ. Въ 1892 г. онъ издаетъ свой капитальнѣйшій трудъ «Византійскія эмали. Собраніе А. В. Звенигородскаго. Исторія византійской эмали» Этотъ трудъ вышелъ въ роскошномъ изданіи разомъ на трехъ языкахъ: русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ и, несмотря на дороговизну, разошелся безъ остатка, такъ что теперь можно получить его лишь антикварнымъ путемъ за дорогую цѣну.

Что касается самой коллекціи г. Звенигородскаго, надъ которой работаль Н. П., то, какъ и многія русскія коллекціи,—вспомнимъ хотя бы бібліотеку извѣстнаго сибирскаго бібліомана Юдина съ ея коллекціей книгъ, относящихся къ Сибири,—эта коллекція продана въ Америку и въ настоящее время находится въ рукахъ милліардера Моргана.

Черезъ шесть лѣтъ Н. П. возвращается къ вопросамъ эволюціи византійскаго искусства на русской почвѣ и печатаетъ большой томъ со множествомъ снимковъ «Русскіе клады. Изслѣдованіе древностей великаго княжескаго періода», гдѣ рѣчь идетъ главнымъ образомъ о русскомъ ювелирномъ искусствѣ въ древности.

Въ 1902 году число ученыхъ трудовъ Н. П. увеличивается «Памятниками христіанскаго искусства на Аеонѣ». Потомъ слѣдуетъ описаніе двухъ совершенныхъ имъ путешествій: 1) «Археологическое путешествіе по Сиріи и Палестинѣ» (1904 г.) и «Македонія. Археологическое путешествіе» (1909 г.). Любопытно между прочимъ, что въ этомъ послѣднемъ сочиненіи нашъ академикъ, на основаніи показаній памятниковъ старины, считаетъ Македонію страной сербской, а не болгарской культуры.

Съ начала 900 годовъ научная дѣятельность Никодима Павловича получаетъ нѣсколько иное направленіе. Его вниманіе привлекаютъ къ себѣ вопросы церковнаго искусства, въ частности иконописанія, особенно у насъ въ Россіи. Религіозная живопись, принятая нами отъ византійцевъ, съ теченіемъ вѣковъ спустилась у насъ до уровня простаго кустарнаго ремесла, на которомъ специализировались знаменитые съ этой стороны слободы Метера и Холуй Владимірской губерніи. Не получавшіе никакого художественнаго образованія, не встрѣчавшіе ни откуда поддержки, эти мастера, или, какъ ихъ называетъ народъ, «владимірскіе богомазы», мало-помалу исказили художественныя формы греческихъ образцовъ иконъ или «подлинниковъ» до полнаго художественнаго безвкусія и безобразія. Стоитъ только посмотреть на иконы и въ особенности на стѣнныя росписи нашихъ сельскихъ храмовъ, чтобы понять степень паденія у насъ религіознаго, самаго важнаго въ жизни народа искусства.

Человѣкъ тонкаго вкуса, глубокой знатокъ церковнаго искусства не только у насъ, но и на Западѣ, Н. П. Кондаковъ не могъ не прийти на помощь этой захирѣвшей у насъ отрасли искусства. Когда, по инициативѣ С. Д. Шереметева, возникъ высочайше утвержденный комитетъ попечительства о русской иконописи, онъ сталъ въ немъ первымъ управляющимъ дѣлами и началъ энергично работать надъ поднятіемъ русскаго иконописанія. Работа эта шла въ двухъ направленіяхъ: съ одной стороны, въ самыхъ гнѣздахъ «владимірскихъ богомазовъ» стали появляться открываемыя комитетомъ школы рисованія, въ которыхъ будущіе «богомазы», перенимавшіе до сихъ

поръ пріемы и традиціи иконописи отъ старшихъ, столь же невѣжественныхъ мастеровъ, могли получать достаточное для нихъ художественное образованіе съ придачею нѣкоторыхъ свѣдѣній, необходимыхъ для ихъ работъ, а съ другой—самъ Никодимъ Павловичъ рѣшилъ оказать воздѣйствіе на нашихъ художниковъ и съ этою цѣлью собрать лучшіе образцы русскаго иконописанія. Плодомъ этихъ занятій явились: 1) великолѣпно изданный альбомъ изображеній Бога-Слова подъ названіемъ: «Лицевой иконописный подлинникъ. Иконографія Господа и Бога нашего Иисуса Христа» и 2) «Иконографія Богоматери»—громадное изслѣдованіе объ изображеніяхъ Св. Дѣвы въ искусствѣ древне-христіанскомъ, византійскомъ, эпохи возрожденія и русскомъ. Пока вышли только два первые тома этого труда.

Таковы главнѣйшіе труды Н. П., которые въ наукѣ о византійскомъ и древне-русскомъ искусствѣ являются такими же краеугольными камнями, какими были въ области изученія народной словесности труды его учителя Ѳ. И. Буслаева: ни одному историку въ мірѣ, разъ онъ заговорилъ о древне-русскомъ или византійскомъ художествѣ, миновать Н. П. Кондакова нельзя.

Потребовалось бы слишкомъ много мѣста, чтобы перечислить здѣсь все, что вышло изъ-подъ пера маститаго ученаго за его долгую и плодovitую дѣятельность. Отмѣтимъ здѣсь еще одно практическое дѣло, связанное съ именемъ Никодима Павловича. Вскорѣ послѣ переѣзда въ Одессу ему пришлось принять участіе въ дѣлахъ такъ называемой одесской рисовальной школы, содержавшейся кружкомъ мѣстныхъ любителей изящныхъ искусствъ. Ко времени появленія Н. П. школа была въ рукахъ иностранцевъ—итальянцевъ и нѣмцевъ, совершенно отставшихъ отъ современнаго искусства и руководившихся въ своей педагогической дѣятельности традиціями временъ очаковскихъ и покоренія Крыма. Н. П. задумалъ очистить воздухъ въ этомъ затхломъ уголкѣ, поставить дѣло преподаванія на научную почву, поднять школу на надлежащую высоту. Разумѣется, какъ всякій новаторъ, Н. П. возбудилъ противъ себя все отсталое и рутинное, ринувшееся противъ него въ борьбу. Однако независимый ученый, поставившій себѣ девизомъ служить дѣлу, а не лицамъ, проявилъ такую энергію, а подчасъ, когда этого требовало дѣло, и такую непреклонную крутость характера, что побѣда осталась за нимъ, и одесское рисовальное училище превратилось въ рассадникъ художественнаго образованія на югѣ Россіи.

Тотъ, кто прочтетъ настоящую бѣглую юбилейную статью, можетъ, пожалуй, вообразить, что въ лицѣ Н. П. Кондакова читатель имѣетъ дѣло съ ученымъ специалистомъ, однимъ изъ тѣхъ ученыхъ, которые живутъ очень ограниченнымъ кругомъ интересовъ и послѣ двухъ-трехъ словъ разговора неизбѣжно сворачи-

вають бесѣду на вопросы своей специальности, но тѣ, кто имѣетъ честь и великое удовольствіе быть въ числѣ его личныхъ знакомыхъ, знаютъ, что нѣтъ ничего ошибочнѣе такого представленія. Если не знать Н. П. лично и встрѣтиться съ нимъ гдѣ-нибудь на нейтральной почвѣ, то можно провести въ увлекательной бесѣдѣ съ нимъ нѣсколько часовъ и такъ и не догадаться, что передъ вами крупнѣйшій ученый специалистъ: такъ широка и разнообразна его начитанность, такъ обширенъ кругъ его интересовъ и волнующихъ его жизненныхъ явленій, такъ много въ немъ ума холодныхъ наблюдений. Это разнообразіе интересовъ и живость ума дѣлаютъ изъ него центръ, вокругъ котораго нерѣдко сходятся люди самыхъ различныхъ положеній и профессій и всякій находитъ въ немъ то, что ищетъ: профессора-руководителя, умнаго, много издавашаго себя-сѣдника, человѣка, всегда готоваго откликнуться на все полезное и хорошее.

Едва ли не самой характерной чертой всякаго крупнаго таланта надо считать неподдающуюся дѣйствию времени душевную свѣжесть, ту чуткую отзывчивость къ вопросамъ, которые выдвигаетъ бушующая кругомъ жизнь. Черта эта ярко и выпукло сказывается въ Никодимѣ Павловичѣ. Несмотря на свои 73 года и слабое здоровье, онъ, какъ и въ прежніе, молодые годы полонъ интереса къ событіямъ и къ людямъ, участвуетъ въ безчисленномъ множествѣ разныхъ обществъ и кружковъ и попрежнему готовъ бороться за дѣло, которое онъ считаетъ правымъ. За примѣрами ходить не надо далеко. 11 октября, въ день своего юбилея, сырой и холодный, одинъ изъ тѣхъ, про которые говорятъ, что въ нихъ хорошій хозяинъ и собаку не выгонитъ, старый академикъ счелъ своимъ долгомъ отправиться въ Новгородъ защищать археологическую достопримѣчательность земли русской, церковь Спаса Нередицы, отъ угрожающаго ей со стороны желѣзной дороги разрушенія или, по крайней мѣрѣ, изуродованія.

Въ жестокіе, безумные дни пришелся юбилей нашего маститаго ученаго: отъ моря пролитой крови ползутъ по лицу земли ядовитые, все разлагающіе туманы, отъ которыхъ искажаются и уродуются всѣ очертанія жизни. Сама наука, которой, какъ вѣрный рыцарь, пятьдесятъ лѣтъ прослужилъ юбиляръ, мѣняется теперь свое назначеніе и становится однимъ изъ средствъ для карьеры и наживы.

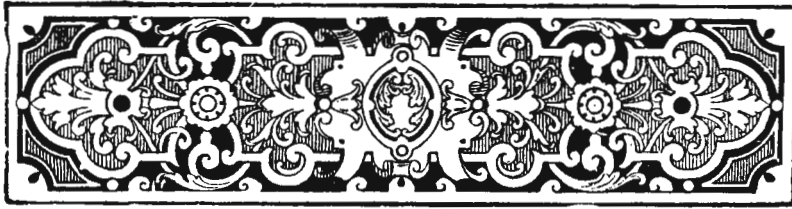
Тѣмъ необходимѣе, быть можетъ, въ такую минуту этотъ юбилей для русскаго общества. Онъ напомнитъ ему о томъ, о чемъ какъ будто забыли, удостовѣритъ наличность того, о чемъ только предполагали. Русское общество знаетъ теперь, что въ его средѣ есть еще люди, съ честью и достоинствомъ несущіе лучшіе завѣты прошлаго, люди высокаго нравственнаго роста и силы, создающіе вокругъ

себя иной, чѣмъ теперь, нравственный климатъ. А ужъ отъ одного такого сознанія дѣлается легче жить и надѣяться.

Поблагодаримъ же Никодима Павловича за все то, что онъ сдѣлалъ для русской науки и, стало быть, для самого русскаго общества, и пожелаемъ ему еще долгаго и благополучнаго пребыванія среди насъ. Редакція «Историческаго Вѣстника» 11 октября, въ самый юбилейный день почтеннаго ученаго, привѣтствовала его поздравительной телеграммой съ пожеланіями маститому юбиляру еще долгихъ лѣтъ жизни на пользу русской науки и для славы русской земли.

А. Бѣловъ.

ПАМЯТИ В. И. СЕМЕВСКАГО.

(Изъ воспоминаній).

БОЛЬШИНСТВА людей къ старости лучшими воспоминаніями являются воспоминанія о годахъ дѣтства, юности и молодости, когда все встрѣчавшееся на томъ раннемъ жизненномъ пути обрисовывается въ свѣтлой окраскѣ, осѣненнымъ мягкими и теплыми лучами. Поэтому и память о тѣхъ, съ кѣмъ такъ или иначе связываются разные моменты изъ того далекаго прошлаго, бываетъ особенно дорога и полна лучшихъ чувствъ и переживаній. Въ данномъ случаѣ авторъ настоящаго очерка съ особенной теплотою и любовью вспоминаетъ свои университетскіе годы первой половины 80-хъ годовъ, когда въ стѣнахъ бывшихъ петровскихъ 12 коллегій пришлось встрѣтиться лицомъ къ лицу со многими представителями тогдашняго ученаго міра и стать къ нѣкоторымъ изъ нихъ въ то или иное приближеніе. Къ числу этихъ представителей науки я отношу и скончавшагося 21-го сентября с. г. Василія Ивановича Семевского, необязательный курсъ котораго по исторіи крестьянскаго вопроса въ Россіи мнѣ пришлось слушать въ 1882—83 академическомъ году. Хотя тогдашній историко-филологическій факультетъ, на которомъ я числился, былъ представленъ многими извѣстными именами, но имя молодого магистра русской исторіи Семевского имѣло въ нашихъ глазахъ особое значеніе. Съ нимъ связывалось представленіе о горячемъ протестѣ противъ всякаго насилія, представленіе о политической борьбѣ, связывался призывъ къ отдачѣ своихъ силъ на защиту обиженныхъ и обойден-

ныхъ судьбою. Намъ было извѣстно, что допущеніе Семевского къ чтенію лекцій не обошлось безъ оппозиціи со стороны консервативныхъ элементовъ факультета и гр. И. Д. Делянова и такіе представители исторической науки, какъ Е. Е. Замысловскій, К. Бестужевъ-Рюминъ и нѣкоторые другіе, въ свое время употребили всѣ свои вліятельныя силы къ тому, чтобы молодому ученому, которому московскій университетъ только что даровалъ званіе магистра за его трудъ по изслѣдованію исторіи крестьянъ въ царствованіе Екатерины II, не дано было перешагнуть порогъ въ одну изъ университетскихъ аудиторій, гдѣ бы онъ могъ создать себѣ кадръ поклонниковъ и учениковъ. Такимъ образомъ, непріязненные дѣйствія противъ Семевского принесли обычный въ русской жизни результатъ: ему, такъ сказать, авансомъ было обеспечено сочувствіе молодежи, а отсюда и переполненіе его аудиторіи, въ которую стремились не только студенты-филологи, но и прочихъ факультетовъ, жаждавшіе послушать вольнаго слова о былыхъ бѣдствіяхъ народа, о его притѣснителяхъ, его защитникахъ. И дѣйствительно, V аудиторія, гдѣ читалъ свой неофіціальнй курсъ В. И. Семевскій, всегда была переполнена слушателями, изъ которыхъ впослѣдствіи многіе стали его поклонниками, учениками и просто добрыми знакомыми, коимъ онъ въ той или иной формѣ оказалъ дружеское участіе и поддержку на избранномъ ими научно-литературномъ пути. Въ числѣ послѣднихъ оказался и авторъ настоящихъ воспоминаній, получившій во второй половинѣ 80-хъ годовъ доступъ въ домъ В. И. Семевского совмѣстно съ нѣкоторыми другими товарищами, чувствовавшими тяготѣніе къ литературѣ и наукѣ и живо интересовавшимися «проклятыми вопросами» тогдашней современности.

Когда мнѣ пришлось прочесть въ № 8 «Русской Мысли» за текущій годъ статью А. А. Корнилова о юности Ѳ. Ольденбурга, моего товарища-однокурсника, передо мною съ особенной рельефностью возстали картины изъ кружковой жизни студенчества 80-хъ годовъ, и вспомнились многіе изъ тѣхъ товарищей, съ которыми впослѣдствіи наши дороги разошлись, но которыхъ приходилось встрѣчать и въ аудиторіи, гдѣ читалъ Семевскій, и по вторникамъ на его журфиксахъ на 2-й линіи Васильевского острова, гдѣ онъ жилъ въ семействѣ покойнаго В. И. Водовозова. Славные то были годы, славное невозвратное время!.. Много воды утекло съ тѣхъ поръ. Многихъ уже нѣтъ въ наличіи жизни, много кануло въ воду чаяній, надеждъ и упованій и, покорные общему закону, большинство изъ насъ перемѣнилось и оказалось на разныхъ плоскостяхъ отечественной жизни. Неизмѣннымъ остался лишь тотъ, которому мы внимали въ V аудиторіи, и на поучительные и вмѣстѣ съ тѣмъ веселые журфиксы къ которому мы собирались. Я лично уже давно потерялъ связь съ В. И. Семевскимъ, но, поскольку мнѣ пришлось ознакомиться съ посвященными ему некрологами и воспо-

минаніями о немъ, онъ въ обрисовкѣ авторовъ этихъ некрологовъ и воспоминаній оказывался все тѣмъ же, хотя и доброжелательнымъ и ласковымъ къ молодежи, но все же строгимъ подвижникомъ науки, какимъ я впервые узналъ его почти 35 лѣтъ тому назадъ.

Да, Семевскій, лекторъ по русской исторіи, казался по своему внѣшнему виду человѣкомъ замкнутымъ, строгимъ и нѣсколько угрюмымъ, но въ такомъ образѣ онъ рисовался лишь для стороннихъ, для ближнихъ же, добрыхъ знакомыхъ или единомышленниковъ онъ являлся человѣкомъ очень доступнымъ, ласковымъ, доброжелательнымъ, веселымъ и готовымъ на всяческое содѣйствіе и одолженіе, но именно для этихъ категорій лицъ, передъ которыми онъ не считалъ нужнымъ уходить въ свою ученую скорлупу и облекаться покровомъ холода и недоступности. Вотъ почему на его журфиксахъ, куда допускались люди съ большимъ разборомъ, онъ являлся настоящимъ центромъ, къ которому притягивалось все то, что встрѣчало съ его стороны сочувствіе или одобреніе. Поэтому далеко не всѣ, кто наполняли его аудиторію, оказывались и гостями въ его домѣ.

На своихъ лекціяхъ онъ являлся глашатаемъ новыхъ лозунговъ въ наукѣ, стремясь всѣми доступными ему силами сблизить эту науку съ жизнью, сдѣлать ее рычагомъ прогрессивнаго развитія человѣчества, демократизировать и поставить на послуги той меньшей братіи, которая въ процессѣ исторіи оказывалась въ порабощеніи и отданною во власть произвола и внѣшней силы. Ту сумму идей, которую онъ вложилъ въ свой магистерскій трудъ «Крестьянство въ царствованіе Екатерины II» (т. I), вышедшій въ печать въ 1887 году, онъ популяризировалъ и съ кафедръ, рисуя передъ своими слушателями печальное положеніе нашего крестьянства въ дореформенный періодъ и между словъ, но въ совершенно легальной формѣ намекая на то, что и реформа не дала полного счастья и удовлетворенія тѣмъ, кто столѣтіями тянулся къ солнцу свободы и правды на землѣ. Конечно, такая проповѣдь должнымъ образомъ оцѣнивалась блюстителями казенныхъ идейныхъ началъ 80-хъ годовъ, почему лекторству и проповѣдничеству В. И. Семевского скоро былъ положенъ конецъ, и онъ остался снова за порогомъ университета, гдѣ на короткое время одного академическаго года ему улыбнулось счастье.

Но это печальное событіе—университетскаго изгнанничества—не порвало его связи съ тѣми, кому въ большей или меньшей степени запали въ душу его слова и рѣчи. Его научно-общественная ситуація даже въ тотъ короткій періодъ вполнѣ упрочилась и облеклась въ опредѣленную форму тяготѣнія къ нему молодежи; хотя въ количественномъ отношеніи и значительно ослабленная, волна этой молодежи, перекативъ черезъ порогъ университета, направилась въ его квартиру, и тутъ въ опредѣленные часы всѣ, искавшіе его научнаго совѣта, указанія и руководства, находили у него доступъ.

На 2-й линіи Васильевскаго острова образовались такимъ образомъ, своего рода оригинальные неофициальные семинаріи по занятіямъ новѣйшей русской исторіей, доступъ къ которой тормозился въ зданіи университета. Здѣсь Е. Е. Замысловскій по преимуществу старался держать своихъ слушателей въ рамкахъ изученія судебъ русскаго народа не дальше періода XV—XVII вв., считая изученіе позднѣйшаго времени еще недостаточно подготовленнымъ въ научномъ отношеніи опубликованными источниками. Семевскій же увлекалъ молодежь именно въ это послѣднее время, считая его, это время, преддверіемъ современности, на службу которой долженъ готовить себя каждый гражданинъ, желающій быть активно-полезнымъ своему народу и сознающимъ свои гражданскія обязанности предъ воспитавшимъ его народомъ, давшимъ ему средства для своего духовнаго развитія и матеріальнаго обезпеченія. Такимъ образомъ получалась опредѣленная разсортировка научно-литературныхъ силъ, изъ которыхъ однѣ пребывали вѣрными официальнымъ аудиторіямъ, а другія устремлялись къ новымъ далямъ, гдѣ наука и политика тѣсно смежались, составляя какъ бы одно цѣлое, но гдѣ наука до нѣкоторой степени являлась какъ бы на послугахъ политики, имѣвшей конечной цѣлью борьбу за счастье и благо угнетенныхъ массъ и заступничество за тѣхъ, кто стоялъ на стражѣ этого счастья и блага.

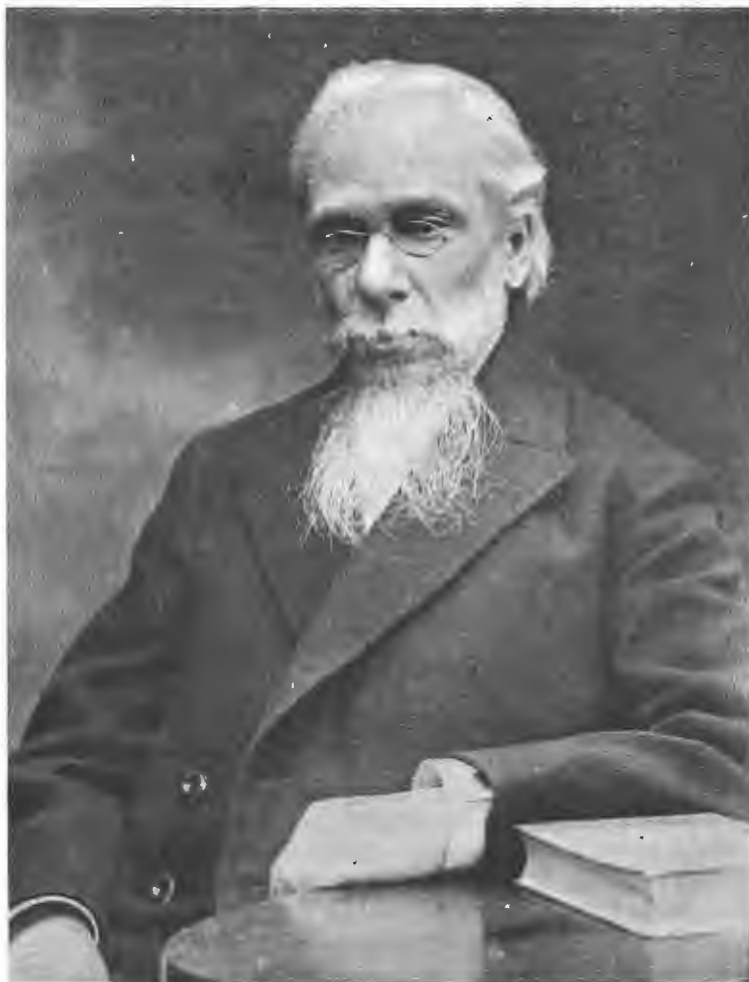
Перевѣсь въ этой разсортировкѣ оказывался, само собою, за официальными руководителями научными занятіями молодежи, но и Семевскому удавалось сохранить при себѣ вѣрныхъ адептовъ, которые, если не официально, то по существу оставались подъ воздѣйствіемъ началъ, почерпнутыхъ изъ лекцій и бесѣдъ съ своимъ старшимъ другомъ и руководителемъ. Но и опять-таки не всѣ, кто пользовался его научнымъ руководствомъ, получали доступъ на его интимные вечера. Въ этомъ отношеніи происходилъ тоже своего рода процессъ разслоенія; одни сохраняли съ нимъ лишь официальные отношенія, другіе же, по разнымъ обстоятельствамъ, въ коихъ извѣстную роль игралъ нынѣшній писатель-публицистъ В. В. Водозовъ, бывшій тогда студентомъ университета, получали право доступа на вечера Е. Н. Водозовой и В. И. Семевскаго¹⁾, о которыхъ я упоминалъ выше.

По счастью, и мнѣ пришлось попасть въ домъ Водозовой-Семевскаго и впервые встрѣтиться тутъ съ видными представителями передовой русской литературы, по преимуществу выпедшими изъ

---

¹⁾ Во второй половинѣ 80-хъ годахъ В. И. Семевскій женился на Елизаветѣ Николаевнѣ Водозовой, вдовѣ извѣстнаго педагога и писателя Вас. Ив. Водозова, писательницѣ и авторѣ популярныхъ книгъ «Жизнь европейскихъ народовъ». Этотъ брачный союзъ и далъ наименованіе журфиксамъ на 2-й линіи Вас. острова журфиксовъ Семевскаго-Водозовыхъ.

нѣдръ былой редакціи «Отечественныхъ Записокъ», какъ-то: съ Н. К. Михайловскимъ, А. М. Скабичевскимъ, С. Н. Южаковымъ, В. Лесевичемъ, П. В. Засодимскимъ, Н. М. Ядринцевымъ, Г. Н. Потанинымъ и др.; изъ болѣе молодыхъ литераторовъ тутъ появлялись С. А. Вен-

Василій Ивановичъ Семевскій.

геровъ, Л. Слонимскій, Е. П. Карповъ, Н. М. Минскій и, наконецъ, изъ начинающихъ писателей вечера начали посѣщать Мережковскій, только что женившійся на З. Н. Гиппиусъ, тогда еще, кажется, не успѣвшей заявить себя чѣмъ-либо въ литературѣ, но обращающей на себя вниманіе своей эксцентричностью и забавными, почти дѣтскими

выходками. Проходила передъ глазами цѣлая галлерей людей, такъ или иначе имѣвшихъ соприкосновеніе или съ литературой и разными передовыми редакціями, или по своей политической дѣятельности являвшихся единомышленными хозяевамъ и гостямъ. Эти журфиксы давали молодежи, съ одной стороны, возможность приобщиться къ интересамъ литературы и политики, проникаться ея злободневными интересами, а съ другой стороны—отводить души въ веселіи, въ коемъ непосредственное участіе принималъ и хозяинъ дома и тѣ изъ его гостей, которыхъ окружала извѣстность и общественная популярность. Я не помню ни одного тогдашняго вечера, который бы послѣ ужина не заканчивался танцами. Н. К. Михайловскій подъ аплодисменты публики лихо откалывалъ мазурку, В. И. Семевскій—безпрерывно кружился въ вихрѣ вальса, и даже тяжелый на подъемъ, полусонный Скабичевскій выходилъ изъ своего квіетическаго состоянія и принималъ участіе въ кадрилияхъ. Было шумно, весело, и уходившіе гости сохраняли чувство признательности къ радушнымъ хозяевамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ получали изъ споровъ и бесѣдъ извѣстный умственный багажъ, который для многихъ изъ нихъ, вѣроятно, легъ въ основаніе ихъ послѣдующей общественной дѣятельности.

Не будучи ученикомъ В. И. Семевского, я, однако, былъ именно имъ однимъ изъ первыхъ привѣтствованъ на литературномъ поприщѣ, на которомъ я выступилъ въ 1887 году. Правда, Вас. Ив. былъ не особенно доволенъ, какъ представитель лѣваго крыла нашей литературы, что я началъ работать въ «суворинскомъ изданіи», но т. к. моя первая работа имѣла историческую тему—о Лагарпѣ—то, во имя этого своего рода историзма, онъ допускалъ по отношенію меня извѣстную снисходительность. Ему не нравилось только, что я допускаю въ своемъ писаніи вольность—передѣлку архивнаго матеріала въ форму діалоговъ.

— Я всегда и съ братомъ¹⁾ сражался, зачѣмъ онъ портитъ источники и гоняется за популяризацией. Это дѣло беллетристовъ, а въ изслѣдованіяхъ необходимо держаться строгаго метода изложенія. Источникъ долженъ быть приведенъ полностью, въ подлинникѣ, безъ всякихъ со стороны автора личныхъ усмотрѣній и передѣлокъ. За читателемъ нечего гоняться. Къ наукѣ надо относиться бережно и не дѣлать ее предметомъ уличнаго любопытства.

Одобрѣя и мои слѣдующія работы въ «Историческомъ Вѣстникѣ», В. И. Семевскій неоднократно заявлялъ мнѣ, что онъ радуется, что онъ первый предугадалъ во мнѣ литературныя способности,

---

¹⁾ Старшій братъ его—Михаилъ Ивановичъ Семевскій, редакторъ-издатель «Русской Старины» и авторъ нѣкоторыхъ изслѣдованій по русской исторіи, какъ, наприм., «Царица Прасковья», «Фрейлина Гамильтонъ» и др. и издатель многихъ новыхъ источниковъ по исторіи Россіи XVII—XVIII вв.

но вмѣстѣ съ тѣмъ отъ времени до времени считалъ долгомъ читать мнѣ нотаціи и пушить меня, когда встрѣчалъ въ моихъ писаніяхъ не совсѣмъ согласное съ тѣмъ, чему онъ поклонялся. Такъ, мнѣ особенно досталось отъ него, когда я въ одной изъ своихъ рецензій подшутилъ надъ Михайловскимъ за то, что онъ, полемизируя съ Л. Слонимскимъ, въ своей критической статьѣ проводилъ параллель между собою и Моцартомъ, а бѣднаго Слонимскаго низводилъ на роль ограниченнаго Сальери.

— Цомилуйте, развѣ можно въ наше время относиться такъ непочтительно къ главѣ русской литературы. Вѣдь послѣ Бѣлинскаго, Чернышевскаго и Добролюбова онъ—вождь нашей журналистики и литературы, и начинающему писателю, какъ вы, не подobaетъ такъ третировать властителя современныхъ думъ...

— Согласитесь, однако, что уподобленіе себя Моцарту, а Слонимскаго—Сальери—смѣшно.

— Конечно, жалко, что Ник. Конст. никому не показалъ этого своего отвѣта Слонимскому. Онъ призналъ бы неловкость оборота рѣчи, но все-таки изъ-за этого нельзя ставить ему упреки, какъ дѣлаете вы.

Когда появилось двухтомное изслѣдованіе Семевского «Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка», представленное имъ въ московскій университетъ для полученія имъ степени доктора русской исторіи, я посвятилъ этой его работѣ обширную рецензію, напечатанную въ «Запискахъ Вольно-Экономическаго Общества», которую закончилъ слѣдующими словами: «... позволимъ себѣ замѣтить, что мы не считаемъ его трудъ вполне законченнымъ, если онъ только не пожелаетъ остановиться на полпути. Онъ далъ намъ уже «Исторію крестьянъ при Екатеринѣ II», «Исторію крестьянскаго вопроса въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка», въ настоящее время онъ долженъ приступить къ изслѣдованію этого вопроса въ освободительную эпоху Александра II. Только тогда всѣ звенья крестьянскаго вопроса будутъ собраны во-едино, картина государственнаго роста и развитія общественнаго самосознанія за послѣднія два столѣтія достигнетъ своего полнаго изображенія, и мы будемъ имѣть величественный памятникъ, который, напоминая о прошломъ и о завѣтахъ славныхъ покойниковъ, потрудившихся на пользу родной земли, вмѣстѣ съ тѣмъ послужитъ полезнымъ руководствомъ въ настоящемъ и предостереженіемъ будущему».

Рецензія эта, написанная въ дружескомъ, любовномъ тонѣ, понятно, была оцѣнена Семевскимъ съ чувствомъ признательности, и онъ прислалъ мнѣ по сему предмету длинное письмо, гдѣ говорилъ, что пріятно работать въ условіяхъ, когда читатели, критики и рецензенты понимаютъ замыслы автора и правильно истолковываютъ его намѣренія и оцѣниваютъ понесенный имъ трудъ.

Въ 1890 году, когда я приступилъ къ изданію «Сѣвернаго Вѣстника», ставъ тѣмъ самымъ на дорогѣ Михайловскому и К^о, стремившимся также къ этому приобрѣтенію, отношеніе ко мнѣ Семевского значительно охладѣло. Я, вербуя сотрудниковъ, поѣхалъ къ одному изъ первыхъ къ Вас. Ив., прося у него поддержки тому начинанію, около котораго сгруппировались нѣкоторые его слушатели по университету и гости его журфиксовъ. Но Вас. Ив. встрѣтилъ мое обращеніе недружелюбно, пророчески предсказалъ мнѣ провалъ и заявилъ, что ни онъ и никто изъ его единомышленниковъ никоимъ образомъ не могутъ войти въ дѣло, гдѣ виднымъ участникомъ является А. Волинскій (Флексеръ), только что незадолго передъ тѣмъ оскорбившій В. Лесевича въ какой-то своей философской замѣткѣ и тѣмъ самымъ побудившій и самого Лесевича, и С. Южакова выйти изъ журнала А. Евреиновой. Семевскій указалъ, что было бы гораздо справедливѣе, если бы мы, тогдашняя молодежь, приобрѣвшая «Сѣверный Вѣстникъ», отошли въ сторону, предоставивъ журнальное руководство Михайловскому, а сами приняли бы на себя заботу, чтобы ветеранъ «Отечественныхъ Записокъ» и его сотоварищи могли работать на журнальной нивѣ въ полномъ спокойствіи за матеріальный завтрашній день. Соглашеніе такимъ образомъ не состоялось, журнальная антреприза моя, какъ я о томъ неоднократно говорилъ въ «Ист. Вѣст.», потерѣла фіаско, но все же при встрѣчахъ съ В. И. Семевскимъ, особенно на журфиксахъ у А. М. Скабичевского, между нами не было чего-либо недружелюбнаго. Полный разрывъ состоялся лишь въ 1895 году, когда я напечаталъ рѣзкую полемическую библиографическую замѣтку по поводу журнала «Историческое Обзорѣніе», гдѣ были помѣщены «программы домашняго чтенія», составленныя кружкомъ писателей и ученыхъ во главѣ съ В. И. Семевскимъ и Н. И. Карѣвымъ. Эта рѣзкая рецензія была предрѣшена на дачѣ въ Лѣсномъ у издательницы «Міра Божьяго» А. А. Давыдовой по соглашенію между мною и А. И. Богдановичемъ. Послѣдній долженъ былъ на страницахъ журнала Давыдовой раздѣлать эти программы спокойно, т. к. Давыдова не находила возможнымъ, по соображеніямъ личныхъ связей, допускать рѣзкости въ полемикѣ противъ тѣхъ, кто такъ или иначе имѣлъ нѣкоторое прикосновеніе къ «Русскому Богатству» и Михайловскому. На мою же долю выпало нанести программамъ болѣе оглушительный ударъ, что я и выполнилъ, пожавъ отсюда всѣ послѣдствія разрыва какъ съ Семевскимъ, Карѣвымъ, такъ и съ другими, группировавшимися около нихъ. Послѣ этого маленькаго литературнаго эпизода мое знакомство съ В. И. Семевскимъ совершенно прекратилось, и я съ нимъ уже болѣе нигдѣ не встрѣчался, и онъ со мной при встрѣчахъ не раскланивался. Нѣкоторые другіе, которыхъ я въ своей рецензіи также задѣлъ, отнеслись къ полемикѣ съ ними болѣе мягко, но Семевскій, очевидно, не могъ спокойно переварить моего

выпада по адресу его и наиболѣе близкихъ ему людей и вычеркнулъ меня изъ числа лицъ, ему знакомыхъ и имъ благопріятствуемыхъ. Что касается меня лично, то я всегда сохранилъ къ литературному покровителю моихъ первыхъ журнальныхъ шаговъ чувство глубокой признательности и уваженія, такъ что, когда появился въ 1898 году его новый обширный трудъ: «Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ» (2 тома), я далъ объ авторѣ этого труда и о самомъ трудѣ лестный отзывъ на страницахъ журнала Шубинскаго.

На протяженіи настоящихъ воспоминаній о В. И. Семевскомъ я отмѣтилъ три его фундаментальныхъ работы: о крестьянахъ въ царствованіе Екатерины II, о крестьянскомъ вопросѣ въ Россіи и о рабочихъ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. Всѣ эти три работы являются главнѣйшими изслѣдованіями Семевского въ области народной жизни, тутъ онъ далъ очень цѣнныя мозаичныя картины изъ исторіи Россіи XVIII и XIX вв., обнаруживая въ своихъ трудахъ удивительную кропотливость, тщательность обработки громаднаго архивнаго матеріала и строго научные методы изслѣдованія, что все вмѣстѣ взятое позволяетъ причислить его къ разряду выдающихся изслѣдователей русской исторіи. Его работы вполнѣ исчерпываютъ вопросы, въ нихъ обслѣдованные, и врядъ ли потребуютъ въ дальнѣйшемъ какихъ-либо коренныхъ видоизмѣненій или поправокъ; онѣ являются единственными въ своемъ родѣ, и всякій интересующійся судьбами русскаго рабочаго народа не найдетъ въ нашей литературѣ другого такого источника, гдѣ бы онъ могъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, почерпнуть тѣ свѣдѣнія, которыя собралъ В. И. Семевскій. Нельзя сказать, чтобы на этихъ его работахъ лежала печать таланта: таковою покойный историкъ не выдѣлялся; но научная добросовѣстность, объективность, тщательность въ подборѣ матеріала поражаютъ читателей, и недаромъ московскій университетъ съ такимъ представителемъ русской исторической науки, какъ В. О. Ключевскій, во главѣ, находилъ возможнымъ награждать его учеными степенями—магистерскою и докторскою.

Если въ перечисленныхъ работахъ мы видимъ въ лицѣ Семевского изслѣдователя глубинъ народной жизни, то въ тѣсную же связь съ названными книгами могутъ быть поставлены и послѣдующія двѣ его крупнѣйшія работы изъ исторіи духовной жизни русской интеллигенціи, той интеллигенціи, которая рвалась всѣми помыслами навстрѣчу запросамъ народа и изыскивала пути для болѣе благополучнаго существованія этого народа, кто болѣлъ соціально-политическими недугами Россіи и намѣчалъ для нея новые пути жизни. Изслѣдованія эти, «Политическія и общественныя идеи декабристовъ» и о петрашевцахъ—т. е. о такихъ группахъ нашей интеллигенціи, гдѣ наиболѣе опредѣленно ставился вопросъ о необходимости для Россіи, въ области государственнаго и соціаль-

наго строя, стать на исторически выработанный путь западных народов. Такимъ образомъ, если на основаніи первой группы работъ В. И. Семевского мы можемъ присвоить ему наименованіе изслѣдователя народной рабочей жизни, то послѣднія двѣ работы отводятъ ему мѣсто въ нашей литературѣ, какъ изслѣдователю духовныхъ запросовъ трудовой русской интеллигенціи. По своему идейному содержанію, тенденціямъ и замысламъ всѣ эти работы стоятъ въ непосредственной и неразрывной связи другъ съ другомъ и представляютъ собою развитие однѣхъ и тѣхъ же политическихъ и социальныхъ доктринъ, почерпнутыхъ авторомъ ихъ изъ глубинъ 60-хъ и 70-хъ годовъ, коихъ правовѣрнымъ послѣдователемъ, нѣсколько прямолинейнымъ и фанатичнымъ, являлся сошедшій нынѣ съ житейской сцены видный представитель русской исторической науки.

Характеризуя В. И. Семевского, какъ представителя извѣстныхъ доктринъ, П. Милюковъ («Рѣчь», № 261) такъ мѣтко опредѣляетъ его общественно-политическую ситуацію:

«Семевскій былъ «учителемъ» въ старинномъ смыслѣ слова. То, чему онъ училъ, не было только наукой въ тѣсномъ смыслѣ слова. Это была система жизни, если угодно религія. И кругомъ учителя долгіе годы, десятки лѣтъ собирались ученики и ученицы, знакомившіеся при его содѣйствіи со всѣмъ тѣмъ важнѣйшимъ матеріаломъ русской исторіи, который могъ помочь выработкѣ общественнаго и политическаго міросозерцанія.

«В. И. Семевскій былъ народникъ и предметомъ культа его и его учениковъ былъ народъ, русскій народъ. Идея народничества послѣ своего революціоннаго фазиса семидесятыхъ годовъ, послѣ цѣлага ряда первоначальныхъ изученій народной жизни, вѣры, быта, экономическихъ основъ, послѣ яркаго расцвѣта народнической беллетристики, открывшей народъ слишкомъ рано для послѣдующихъ поколѣній, а потому наказанной несправедливымъ забвеніемъ,—эта идея нѣсколько потускнѣла и спряталась послѣ встрѣчи съ самой новѣйшей европейской новинкой, идеей безземельнаго рабочаго «пролетаріата». Но по самому существу русской жизни, по характеру нашей социальнo-экономической структуры, она не могла умереть. Она эволюционировала въ тѣсномъ кружкѣ, на который, по контрасту съ психологіей и моралью слѣдующаго, болѣе молодого поколѣнія, легъ налетъ чего-то аскетическаго и сектантскаго. Семевскій принадлежалъ къ этому кружку. вмѣстѣ съ нимъ онъ замкнулся, вмѣстѣ съ нимъ боролся противъ пестроты послѣдующихъ вѣяній, строго примѣряя свой испытанный критерій всякой новизнѣ и становясь все болѣе и болѣе разборчивымъ и исключительнымъ. Молодежь ушла къ другимъ вождамъ, но ушла не вся. Около бережно поддерживаемаго стараго огонька собирались немногіе. Но эти немногіе были отборные люди, и они сообщили

обновленный смысл старой религии, снова собрали вѣрныхъ. В. И. Семевскій долженъ былъ съ особымъ чувствомъ слѣдить за этимъ возрожденіемъ любимой мысли. Говорю: «долженъ былъ», потому что за послѣдніе годы я не могъ слѣдить внимательно за настроеніями Семевского. Только встрѣчая его по временамъ, посѣдѣвшаго и постарѣвшаго, угрюмаго и замкнутаго въ себѣ, но упорно несущаго въ себѣ идею, я не могъ не чувствовать, что здѣсь теплится искра, которая когда-нибудь снова загорится яркимъ пламенемъ».

Но этому пламени не суждено было разгорѣться. Упорная работа, горѣніе дорогимъ ему пламенемъ, большіе годы (68 лѣтъ) положили конецъ его трудовой и общественной жизни. Придя 21-го сентября на обычныя свои занятія въ академію наукъ, В. И. Семевскій скоропостижно скончался, скончался въ той научно-книжной обстановкѣ, которая была всю жизнь такъ ему дорога и съ которой такъ тѣсно связана была его многотрудная жизнь.

Б. Глинскій.

ВОЕННО-СУХУМСКАЯ ДОРОГА.

I.

Отъ Невинномысской до Баталпашинска.

Телеграмма г. Вараввы въ «Русск. Вѣдом.» о трудностяхъ и опасностяхъ В.-Сухумской дороги.—Выѣздъ изъ Невинномысской.—Нахальство ямщиковъ.—Ямщикъ Титъ считаетъ насъ грабителями.

ИВНОЙ, очаровательной сказкой промелькнули предомной красоты Кавказа, когда я совершилъ по нему свое первое путешествіе. Я прошелъ тогда Военно-Грузинскую и Военно-Осетинскую дороги, осмотрѣлъ Гори и Уплись-Цихе, побывалъ въ Боржомѣ ¹⁾. И мнѣ казалось, что хотя красоты Кавказа по своему разнообразію неисчерпаемы, но едва ли есть мѣстности очаровательнѣе Дарьяла, Кассары, Цейдона и множества другихъ уголковъ, соперничающихъ между собой то мрачными красотами Дантова ада; то роскошью субтропическихъ садовъ; то пустынныхъ и торжественно-молчаливыхъ, то полныхъ жизни и шума; то сверкающихъ на солнцѣ, какъ «грань алмаза» или отшлифованное серебро, то переливающихся поразительнымъ разнообразіемъ освѣщенія, красокъ и узоровъ.

И вотъ я снова на Кавказѣ, гонимый сюда непреодолимой жадностью все къ новымъ и новымъ картинамъ чуднаго края.

¹⁾ О путешествіи по В.-Грузинской дорогѣ см. мою статью «Пѣшкомъ по Кавказу» въ №№ 1—3 «Историч. Вѣстника» за 1911 г., а изъ путешествія по В.-Осетинской дорогѣ напечатанъ небольшой очеркъ: «Экспедиція къ Цейскому леднику» въ № 7 «Юной Россіи» за 1911 г.

Пусть эти картины будут не так грандіозны и красивы, как видѣнныя въ первое путешествіе,—лишь бы онѣ были новы, свѣжи и непохожи на прежнія, лишь бы давали возможность душѣ потонуть въ ихъ калейдоскопической смѣнѣ, въ ихъ сказочно-феерическомъ разнообразіи. Но мы ошиблись: дѣйствительность превзошла наши самыя дерзкія ожиданія, и въ теченіе нѣсколькихъ дней передъ нашими глазами развѣртывались такія чудныя картины, передъ которыми совершенно поблекли наши впечатлѣнія отъ красотъ Военно-Грузинской и Военно-Осетинской дорогъ.

На этотъ разъ наша небольшая группа, состоявшая изъ трехъ мужчинъ и двухъ дамъ, выбрала для своей экскурсіи Военно-Сухумскую дорогу.

Нужно признаться, что рѣшеніе это было принято не сразу, а послѣ нѣкоторыхъ колебаній, вызванныхъ только что передъ тѣмъ напечатанной въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» неосторожной телеграммой предсѣдателя московскаго общества естествоиспытателей г. Вараввы. Въ твердыхъ и рѣшительныхъ выраженіяхъ, по телеграфу, онъ спѣшилъ повѣдать *urbi et orbi*, что во главѣ своей экспедиціи онъ, слава Богу, благополучно добрался до Сухума, но считаетъ своимъ долгомъ предупредить туристовъ, что инженерная тропа чрезъ Клухорскій переваль совершенно заброшена, и путешествіе по ней сопряжено не только съ чрезвычайными трудностями, но даже и съ серьезными опасностями для жизни.

Прочитавъ это сообщеніе, мы нѣсколько призадумались. «Чрезвычайныя трудности» насъ не пугали; но рисковать жизнью намъ не хотѣлось. Какъ же быть? Избрать другой маршрутъ? Но изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ маршрутовъ ни одинъ не представлялъ для насъ столько заманчиваго, какъ путь чрезъ Клухорскій переваль на Сухумъ. Здѣсь и рѣчныя долины, и горныя ущелья, и снѣговыя вершины, и субтропическая флора, и, наконецъ, море. Въ концѣ концовъ восторжествовалъ силлогизмъ, свойственный здоровымъ и рѣшительнымъ людямъ: ужъ если г. Варавва прошелъ (а ему, кажется, за 70), то мы, 45-лѣтніе люди, конечно, пройдемъ. Правда, при насъ еще двѣ барыни—существа слабыя и къ трудностямъ горныхъ тропинокъ и кручъ не вполне приспособленныя. Но мы рѣшили, что стоитъ имъ только вмѣсто юбокъ надѣть шаровары,—и дефекты женской организаціи будутъ до нѣкоторой степени исправлены. Пришла на память и извѣстная г-жа Преображенская, которая не одинъ разъ поднималась на вершину Казбека: такъ почему жъ бы нашимъ барынямъ не подняться на Клухорскій переваль?

Утромъ 30-го іюля мы собрались на ст. Невинномысской (на мѣстѣ ее называютъ Невинкой)—начальномъ пунктѣ нашего

пути. Утомленные довольно большим переѣздомъ по желѣзной дорогѣ, мы были очень рады немного отдохнуть на постояломъ дворѣ какой-то хохлушки, которой заказали обѣдъ. Хохлушка оказалась интереснымъ существомъ, обладающимъ удивительной способностью необыкновенно быстро мѣнять и выраженіе лица, и тонъ рѣчи. Съ нами она была, конечно, чрезвычайно любезна и привѣтлива. Думаешь: вотъ добрѣйшая женщина, и какое у нея милое, ласковое, хорошее лицо. И вдругъ, безъ малѣйшаго перехода и постепенности вмѣсто лица—свирѣпая рожа настоящей вѣдьмы, съ злыми, сверкающими глазами и перекосившимся отъ злобы ртомъ, изъ котораго брызжетъ слюна и градомъ сыплются самыя отборныя ругательства. Эта неожиданная метаморфоза такъ ошеломляетъ, что нѣсколько мгновений рѣшительно не понимаешь, въ чемъ дѣло. Оказывается, на глаза нашей хозяйкѣ подвернулся кто-нибудь изъ ея дѣтей или прислуги, которыхъ она не можетъ видѣть равнодушно: непременно разсвирѣпѣетъ и выругается. Тѣ, конечно, спѣшатъ скрыться, и вся фигура хозяйки моментально преобразается: опять улыбка, ласковая рѣчь и привѣтливый взглядъ.

Такъ какъ дорога отъ «Невинки» до Баталпашинска и даже нѣсколько далѣе не представляетъ большого интереса, то мѣрять ее шагами не стоитъ. Нужно было, слѣдовательно, подумать о лошадяхъ. Во время обѣда «на сей предметъ» явился къ нашимъ услугамъ мѣстный фургонщикъ Петръ—умный, плутоватый мужикъ, прикидывающійся добренькимъ простакомъ. Въ какую-нибудь четверть часа онъ сумѣлъ навязать намъ вмѣсто одного фургона—два, и не до Баталпашинска, какъ мы хотѣли, а до Теберды, гдѣ онъ рассчитывалъ имѣть обратныхъ пассажировъ изъ тамошнихъ дачниковъ и «курсовыхъ». Однако, на случай, если бы въ живописныхъ мѣстахъ намъ захотѣлось итти пѣшкомъ, мы выговорили право держать при себѣ лошадей четыре дня.

Ударили съ Петромъ по рукамъ, вышили винца и велѣли поскорѣе закладывать лошадей.

— Въ одинъ моментъ,—засуетился довольный Петръ:—хвосты подвяжу—и готово....

Черезъ полчаса къ крыльцу постоялаго двора подкатили два огромныхъ Ноевыхъ ковчега, немилосердно громыхающихъ колесами, желѣзными цѣпами и подвѣшенными внизу бадейками. Какъ мы ни разсовывали свой небольшой багажъ, все-таки оказалось, что одного ковчега намъ было бы за глаза довольно. Потомъ мы встрѣчали фургоны, въ которыхъ сидѣло по 7—8 чловѣкъ, а багажъ былъ и внутри, и сверху, и сзади. А у насъ въ одномъ фургонѣ помѣстились двѣ барыни, а въ другомъ—трое мужчинъ—и только. Багажъ же зарылся куда-то въ сѣно, такъ что его и не видно.

— Ну, съ Богомъ, трогай,—сказалъ Петръ своимъ ямщикамъ:— да смотри, не зѣвай, поглядывай въ оба. А то позавчера у насъ одного фургонщика ограбили.

— Какъ же такъ?

— Да очень просто. Двое проѣзжающихъ наняли фургонъ, отѣхали отъ Невинки версть 10; видятъ, что ямщикъ задремалъ, они, значить, его съ козель долой, стегнули по лошадямъ, да и поминай, какъ звали.

Вечеромъ мы поняли смыслъ этого напутствія, а теперь пропустили его мимо ушей.

Отѣхали 2—3 версты и остановились. Въ чемъ дѣло? Глядимъ, въ «дамскій» фургонъ лѣзетъ старый-престарый татаринъ-ногаецъ. Хотѣлось спросить: зачѣмъ и на какомъ основаніи? Хотѣлось протестовать противъ безцеремоннаго распоряженія нашимъ просторомъ и удобствами. Но татаринъ былъ такъ старъ, а на душѣ у насъ было такъ хорошо, что послѣ минутнаго колебанія рѣшили на этотъ разъ промолчать: пусть ямщики получаютъ лишній двугривенный.

Черезъ нѣсколько верстъ въ какомъ-то селеніи новая остановка. Проходитъ минутъ пять, и въ тотъ же дамскій фургонъ ямщики сажаютъ, никого не спросивъ, пару бабъ съ тройкой ребятишекъ. Бабы что-то визгливо кричатъ, а ребятишки, всѣ трое, ревуть, «какъ за языкъ повѣшанные». Тогда мы соображаемъ, что если и на этотъ разъ смолчимъ, то скоро въ нашихъ фургонахъ негдѣ будетъ повернуться. Да и ребячій концертъ вовсе не входитъ въ нашу программу.

— Эй, тетки, вылазьте вонъ!—требуемъ мы.

— Родимые, голубчики, золотые! (это—къ намъ, мужчинамъ). Красавицы! (къ барышнямъ).

— Вылазьте, говорятъ вамъ!..

Нечего дѣлать, вылѣзли.

Поѣхали дальше. Дорога степная, уныло однообразная и совсѣмъ не живописная. И все-таки трудно представить, какъ хорошо чувствуется, когда очутишься на этомъ широкомъ «лонѣ природы», вдали отъ суеты, неприятностей и заботъ обыденной жизни. Все это отодвинулось куда-то назадъ, въ мутную, непроглядную даль тусклаго сѣвера. Кругомъ —необъятный степной просторъ; надъ головой—темная, необыкновенно красивая синева небеснаго свода, а впереди—подернутая туманной дымкой зубчатая стѣна горныхъ великановъ. Милліоны невидимыхъ въ травѣ кузнечиковъ наполняютъ воздухъ своимъ звонкимъ стрекотаніемъ. И кажется, все кругомъ кишитъ несмѣтнымъ количествомъ таинственныхъ существъ, въ жизни которыхъ совершается что-то необыкновенно-радостное, полное веселаго возбужденія и любви, неудержимо рвущейся наружу въ звонкой, оглушительной пѣснѣ...

Въ сумеркахъ подъѣхали къ татарской деревнѣ «Бѣлая Мечётка» — резиденціи нашего спутника-ногайца. Ямщики очень настойчиво хотѣли остановиться здѣсь на ночлегъ, такъ какъ, будто бы, въ наступившей темнотѣ ѣхать небезопасно: на каждомъ шагѣ — рытвины, канавы, промоины; да и недобрые люди пошаливаютъ: вотъ позавчера фургонщика ограбили...

Мы не менѣе настойчиво потребовали, чтобы они ѣхали дальше, до Баталпашинска; тамъ въ гостиницѣ можно заночевать гораздо удобнѣе, чѣмъ въ грязной и тѣсной татарской избѣ.

Ямщики согласились, но крайне неохотно и казались чѣмъ-то обезпеченными.

Пока татаринъ вылѣзалъ изъ фургона и собиралъ свои пожитки, нашъ ямщикъ Тить воспользовался остановкой, соскочилъ съ козелъ и быстро сталъ подбирать что-то съ земли въ подолъ своей рубахи.

— Тить, ты что тамъ дѣлаешь? — спрашиваемъ мы.

Молчить.

— Тить, что ты собираешь?

Молчить. Молча лѣзетъ на козлы и осторожно высыпаетъ изъ подола рядомъ съ собой съ десятокъ довольно крупныхъ камней.

Ну, теперь намъ все понятно: Тить вооружился противъ насъ на случай, если бы мы захотѣли его ограбить. Позавчерашній случай и хозяйское «гляди въ оба» у него изъ головы не выходятъ, а наше настойчивое желаніе ѣхать въ темнотѣ ему показалось подозрительнымъ.

— Тить, у тебя десятокъ голышей, а у насъ по парѣ шестизарядныхъ револьверовъ. Ну-ка, кто кого? — говоримъ мы ему и неудержимо хохочемъ.

Тить виновато и глупо ухмыляется и выбрасываетъ камни на землю.

Всю дорогу до Теберды мы донимали его этими камнями, но Тить окончательно успокоился на нашъ счетъ и беззаботно спалъ на козлахъ.

II.

Отъ Баталпашинска до Хумары.

Опять нахальство ямщиковъ. — Кубань и отлагаемая ею террасы. — Дорожные рассказы о трагической гибели лѣниваго быка и о лѣнивомъ Пахомѣ. — Селеніе Красногорка и «Мышиная тропа».

Поздно вечеромъ мы добрались до Баталпашинска или, какъ его называютъ сокращенно-уменьшительнымъ именемъ, — до Пашинки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, дѣйствительно, пришлось переѣзжать черезъ какіе-то ручьи, спускаться въ овраги, подни-

маться съ сильнымъ креномъ на косогоры. Тьма была непроглядная. Но все обошлось благополучно, такъ какъ лошади отлично знаютъ дорогу.

Утромъ передъ самымъ отъѣздомъ, когда ужъ и лошади были готовы, ямщики намъ объявляютъ, что всѣ наши вещи сложены въ одинъ фургоны, а въ другомъ поѣдутъ монахини изъ Сентинскаго монастыря, съ которыми они успѣли договориться и даже дать имъ задатокъ.

— А мы какъ же поѣдемъ? всѣ въ одномъ фургоны?

— Да вѣдь вы хотѣли отъ Пашинки итти пѣшкомъ.

— Вамъ нѣтъ дѣла до того, что мы хотѣли. Фургоны наняты

Кубань у ст. Красногорской.

нами для себя, и вы не можете распоряжаться ими безъ нашего согласія. Монахини съ нами не поѣдутъ.

— Да вѣдь мы имъ и задатокъ ужъ дали. Какъ же намъ-то быть?

— Попросите задатокъ назадъ, а не отдадутъ,—пеняйте на свою глупость и нахальство.

Ворча и ругаясь, пошли ямщики за задаткомъ, но вернулись безъ него.

Намъ приходилось имѣть дѣло съ грузинами, осетинами, карачаевцами, курдами. При всей своей некультурности, они положительно удивляли насъ своей честностью, заботливымъ и внимательнымъ отношеніемъ къ намъ, какимъ-то прирожденнымъ благородствомъ и достоинствомъ. А эти російскіе выходцы, люди

бывалые, одѣтые въ суконные пиджаки и грамотные,—какъ они плутоваты, нахальны и грубы! какъ мало у нихъ порядочности и хорошаго, достойнаго уваженія самолюбія!..

Было уже не рано, когда мы, окончивши препирательства съ ямщиками, выѣхали изъ Баталпашинска. Мѣстность попрежнему представляетъ мало интереснаго. Но степь понемногу уже утрачиваетъ свою ровную, гладкую поверхность. На ней появляются холмы, замѣтно повышающіеся по направленію къ югу и тамъ, на горизонтѣ, превращающіеся въ стройный рядъ горныхъ великановъ. Эта зубчатая стѣна приковываетъ къ себѣ все наше вниманіе. Скорѣй бы туда, въ глухія дебри, къ головокружительнымъ кручамъ и обрывамъ, къ грозно-величественнымъ скаламъ и утесамъ, къ шумнымъ водопадамъ и бурнымъ рѣкамъ-каскадамъ!.. Скорѣй бы туда, гдѣ душа такъ страстно и самозабвенно отдается природѣ, тонетъ въ ней, переполняется ею! Скорѣй бы къ этимъ горнымъ великанамъ, которые такъ гордо и смѣло смотрятъ въ самое небо, кутаются въ облака или пронзаютъ собою могучія тучи...

Сбоку у самой дороги шумитъ мутная, глинисто-желтая Кубань. Медленно и незамѣтно, но упорно и безостановочно совершаетъ она свою гигантскую работу по углубленію русла и отложенію съ обѣихъ сторонъ широкихъ террасъ, которыми, какъ исполинскими ступенями, долина спускается къ рѣкѣ. Работа производится тщательно, «на совѣсть», и террасы получаются съ совершенно правильной горизонтальной поверхностью, какъ будто онѣ выровнены по ватерпасу. Пройдетъ нѣсколько сотенъ, быть можетъ, тысячъ лѣтъ,—и въ самомъ низу у воды появится новая терраса. Основаніе ея уже заложено, и по мѣстамъ оно видно совершенно ясно. Дѣло только за временемъ и матеріаломъ; но того и другого у рѣки достаточно.

Полной грудью вдыхаемъ мы чистый степной воздухъ, жадными глазами всматриваемся въ поднимающуюся на югѣ горную цѣпь, всѣмъ существомъ отдаемся тому блаженному состоянію, когда у человѣка нѣтъ ни заботъ, ни обязанностей, ни тревогъ за завтрашній день, когда на душѣ у него такъ же тихо, свѣтло и спокойно, какъ въ этой рѣчной долині, покрытой зеленью и ярко освѣщенной солнцемъ. То молчимъ, отдаваясь смутнымъ и безотчетнымъ внутреннимъ переживаніямъ, то обмѣниваемся случайными дорожными впечатлѣніями. Вотъ навстрѣчу, тягуче и тоскливо скрипя колесами, медленно движется обозъ съ сѣномъ. Въ огромныя высокія телѣги запряжено по парѣ огромныхъ быковъ. Низко опустивъ головы и тупо смотря въ землю, лѣниво шагаютъ быки. Еле-еле переставляютъ они свои толстыя, короткія ноги, и кажется, вотъ-вотъ совсѣмъ остановятся и навѣкъ замрутъ въ неподвижной позѣ. Но окрикъ погонщика и хлопанье

кнута заставляють ихъ шагать дальше. Трудно найти болѣе яркую эмблему для нагляднаго изображенія постылаго подневольнаго труда съ его тупой лѣнью и мертвящей скукой, отъ которой можно сойти съ ума или наложить на себя руки.

— А какъ бы вы думали?— замѣтилъ по этому поводу одинъ изъ моихъ спутниковъ:— вѣдь такіе случаи самоубійства дѣйствительно бывають, и не только среди людей (объ этомъ-то мы всѣ знаемъ), а даже среди вотъ этихъ же самыхъ быковъ. У моего отца, помню, былъ здоровенный и чрезвычайно сильный быкъ, но лѣнивый и неподвижный сверхъ всякой мѣры даже для быка. Нужно, бывало, запрягать его въ плугъ, а онъ лежитъ себѣ среди двора или въ полѣ, и ни съ мѣста. Его бьютъ палками, толкають колыями, стегаютъ кнутомъ, кричатъ, ругаются, выходятъ изъ себя, а онъ хоть бы промычалъ, капалья. Наконецъ одинъ работникъ придумалъ средство поднимать быка на ноги: онъ взялъ пучокъ соломы, подложилъ ему подъ бокъ и зажегъ. Быкъ вскочилъ и заревѣлъ. Въ другой разъ съ нимъ продѣлали то же самое. А потомъ достаточно было только показать быку пучокъ соломы, не зажигая ея, какъ онъ вскакивалъ, съ ревомъ шарахался въ сторону, но затѣмъ останавливался, покорно подставлялъ свою шею подъ ярмо и цѣлый день таскалъ за собой тяжелый плугъ. Вся эта процедура ужасно смѣшила насъ, но быку такая натужная жизнь, должно быть, была невтерпежъ. Однажды при видѣ пучка соломы онъ такъ метнулся въ сторону, что дочмался до рѣки, сорвался на бѣгу съ крутого берега въ воду и утонулъ.

— Да, — согласились мы: — исторія поучительная, хотя еще вопросъ: было ли въ данномъ случаѣ преднамѣренное самоубійство, или несчастная случайность, вызванная паническимъ ужасомъ быка передъ пучкомъ соломы?

Разсказчикъ ничего на это не возразилъ, но, помолчавъ немного, продолжалъ:

— Кстати, о лѣни. Бывають, знаете ли, люди, куда лѣнивѣе того быка, о которомъ я говорилъ.

— Ну, конечно, кто объ этомъ будетъ спорить? Обломовыхъ у насъ непочатый уголь.

— Да я не о такихъ людяхъ, которымъ самой судьбой предназначено всю жизнь проваляться на диванѣ,—эти намъ не въ диковинку,—а о людяхъ труда, рабочихъ. И имъ, конечно, свойственно лѣниться, но еще болѣе свойственно работать. А вѣдь я зналъ одного такого субъекта, который нанялся къ моему отцу въ работники, и ни черта не дѣлалъ,—только лѣнился. Бывало ему говорятъ:

— Пахомъ! иди пахать.

А онъ:

— Сичась, только картошки накопию.

Проходитъ это «сичась», продолжающееся добрыхъ полтора часа; его опять посылають на пахоту, а онъ снова:

— Сичась, вотъ только картошки сварю.

Черезъ часъ или полтора ему кричать:

— Пахомъ! да когда жъ ты, лѣшій, пахать будешь?

— Сичась, сичась, вотъ только картошки поѣмъ.

Послѣ ѣды Пахомъ лѣзетъ на печь, ложится на брюхо и засыпаетъ.

— Пахомъ! а пахать? развѣ не поѣдешь?

Пахомъ еле продираетъ глаза и начинаетъ стонать.

Селеніе Георгіевское-Осетинское.

— Ой, не могу! ой, тошнехонько! такъ все нутро и разворачивается.

Это значить—картошкой объѣлся. И такъ изо-дня-въ-день.

— Вотъ бы кому пучокъ соломы подѣ бокъ,—замѣчаемъ мы.

— Да,—соглашается рассказчикъ:—но только что предъ тѣмъ произошла исторія съ быкомъ, и ее не рѣшили повторить на челоуѣкѣ. Пахома просто-напросто разсчитали.

Было уже далеко за полдень, когда мы проѣхали раскинувшееся на берегу Кубани селеніе Красногорку. Это названіе сначала вызвало въ нашей памяти по ассоціаціи русскую «красную горку» съ ея свадебными пирами. Но, всмотрѣвшись въ берега рѣки и окаймляющія ее невысокія горы, мы тотчасъ же поняли, что кубанская Красногорка не имѣетъ ничего общаго съ русской

»Красной Горкой». Давнымъ-давно, тысячи лѣтъ назадъ, ложе Кубани было значительно выше, чѣмъ теперь, и ея бурныя воды омывали склоны сосѣднихъ горъ. Мягкія породы уносились теченіемъ и шли на постройку террасъ, а твердыя, съ богатымъ содержаніемъ розоватаго алебастра и темно-коричневаго марганца-обнажились и придали склонамъ рѣчной долины красноватый цвѣтъ. Отсюда, несомнѣнно, и названіе «Красногорка».

Между тѣмъ, мѣстность принимаетъ все болѣе и болѣе гористый характеръ. Довольно высокіе и крутые склоны долины изрѣ-

Шоанинская скала, Хумаринское укрѣпленіе и Георгіевскій поселокъ.

заны глубокими ущельями. Ихъ скалы и утесы лишены почти всякой растительности, и только съ сѣверной стороны, гдѣ весною долше держится снѣгъ и влага, кое-гдѣ виднѣются низкорослыя кустарники и травы.

Дорога идетъ по правому берегу Кубани, иногда довольно высоко надъ водой. Она жметя къ горнымъ утесамъ, пробирается по ихъ карнизамъ, извивается узкой лентой надъ обрывами и въ одномъ самомъ узкомъ мѣстѣ называется даже «мышинной тропой». Но наши фургоны, запряженные тройками лошадей, свободно проѣхали по этой «тропѣ».

III.

Х у м а р а.

Почевка въ Георгіевскомъ-Осетинскомъ.—Хумаринское укрѣпленіе.—Хумаринскій храмъ и историческая справка о немъ.—Восхожденіе на гору Шоана и осмотръ Хумаринскаго храма.

Къ вечеру, сдѣлавъ всего 45 верстъ за весь день, мы добрались до селенія Георгіевскаго-Осетинскаго и, переѣхавъ мостъ, остановились на ночлегъ въ каменномъ просторномъ домѣ на самомъ берегу Кубани. Только вчера, даже сегодня днемъ, мы видѣли ея спокойное теченіе по ровному и широкому степному руслу. А теперь, сдавленная скалистыми берегами, она бѣшено мчится, кипитъ и волнуется. Шумъ бурной рѣки врывается въ открытое окно, а передъ глазами, совсѣмъ близко—давно желанныя горы. Еще два дня назадъ мы видѣли ихъ на горизонтѣ, и только теперь стоимъ у подножія ихъ. Съ завтрашняго дня мы уже не сядемъ болѣе въ свои противные фургоны, въ которыхъ можно только дремать и клевать носомъ, а будемъ итти и итти, не отрывая глазъ отъ дивныхъ горныхъ картинъ и прислушиваясь къ шуму горныхъ потоковъ. Что-то таинственное и важное, но еще непонятное улавливаетъ ухо въ этомъ грохотѣ водъ, стремительно несущихся среди угрюмыхъ скалъ и безмолвныхъ, спокойно-величавыхъ горныхъ великановъ.

Но не одними горными красотами богатъ Кавказъ, и не онѣ только насъ интересуютъ. Трудно указать край, гдѣ было бы столько историческихъ памятниковъ, древнихъ развалинъ и «преданій старины глубокой». Есть они и въ мѣстѣ нашего ночлега. Еще вечеромъ, подѣзжая къ селенію, мы обратили вниманіе на небольшую группу бѣленькихъ домиковъ, обнесенныхъ кругомъ довольно высокой стѣной, а на другой сторонѣ рѣки, за селеніемъ на высокой и голой скалѣ—небольшую церковь.

— Что это такое?—спрашиваемъ мы ямщиковъ.

— Это—Хумаринское укрѣпленіе, а тамъ на горѣ—Хумаринскій или Георгіевскій мужской монастырь.

Первое, впрочемъ, не представляетъ интереса, такъ какъ построено сравнительно недавно и въ настоящее время служитъ резиденціей пристава, завѣдующаго Большимъ и Малымъ Карачаемъ: такъ называется мѣстность, населенная татарскимъ племенемъ — карачаевцами и представляющая треугольникъ, образуемый водораздѣлами кубанско-кумскимъ, тебердо-зеленчукскимъ и главнымъ хребтомъ. Но хумаринскій храмъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія, какъ памятникъ глубокой старины.

Въ 1829 году итальянскій архитекторъ Бернадацци осматривалъ этотъ храмъ. «Я увидѣлъ, — говоритъ онъ, — строеніе, возведенное по всѣмъ правиламъ искусства и очень прочное, своды котораго сдѣланы цѣликомъ изъ тесанныхъ камней, а всѣ арки — изъ превосходнаго кирпича». Архитектурный стиль храма, несомнѣнно, византійскій; сооруженіе же его, по мнѣнію Бернадацци, относится ко времени Юстиніана Великаго (527 — 565 г.г.). И въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго. Весьма возможно, что Юстиніанъ, возстановивъ христіанство въ Абхазіи, устроивъ величественный храмъ въ Пицундѣ, создавъ множество святилищъ по черноморскому побережью (между прочимъ, въ древнемъ Севастополисѣ — нынѣшнемъ Сухумѣ), обратилъ вниманіе и на Хумару, которая была хорошо ему извѣстна, такъ какъ здѣсь проходили и жили византійцы. По преданіямъ, здѣсь былъ однажды Левъ Исаврянинъ. Сюда ссылались византійскіе преступники. И вообще, Хумара, благодаря своему выгодному положенію на равнинѣ, у воротъ въ современный Карачай, запирающихъ доступъ къ переваламъ, была однимъ изъ крупныхъ населенныхъ пунктовъ въ верхнемъ теченіи Кубани.

Но если даже и не углубляться въ такую отдаленную старину, все же несомнѣнно, что постройка церкви въ строго выдержанномъ византійскомъ стилѣ должна быть отнесена не позже, какъ къ X—XI вѣку, когда вся прилегающая къ Хумарѣ мѣстность была населена не магометанами-карачаевцами, а христіанами, находившимися подъ непосредственнымъ вліяніемъ греческихъ миссіонеровъ. Великое переселеніе народовъ смело здѣсь христіанство и уничтожило храмы. Изъ нихъ сохранились лишь наиболѣе прочныя, вродѣ хумаринскаго. Страна же подпала подъ власть сначала хозаръ, затѣмъ половцевъ и, наконецъ, въ XIII в. монголо-татаръ, принявшихъ магометанство въ XIV в. и заповѣдавшихъ распространеніе его огнемъ и мечомъ. Потомки этихъ фанатиковъ, нынѣшніе карачаевцы, сдѣлались мирными пастухами и хлѣбопашцами, отлично уживающимися съ чуждыми имъ по вѣрѣ и національности русскими.

Въ началѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія хумаринскій храмъ былъ реставрированъ, и въ построенныхъ около него деревянныхъ кельяхъ поселилось нѣсколько монаховъ. Такъ возникъ нынѣшній Георгіевскій скитъ.

Утромъ мы отправились въ эту древнюю церковь. Былъ праздникъ, и съ вершины горы Шоана, къ скаламъ которой какъ будто приросъ скитъ, раздавался колокольный благовѣстъ къ обѣднѣ. Сначала, у подошвы горы подъемъ не представляетъ большой крутизны, и потому итти было легко. Но послѣдняя, верхняя треть горы обрывиста и крута. Съ усиліями, еле переводя духъ, мы взшли на скалу, послужившую непоколебимымъ фундамен-

томъ для многовѣковой церкви. Надъ нею высится еще скала, которая собственно и составляетъ вершину горы Шоана. Къ этой-то скалѣ и прижалась маленькая хумаринская церковь, изъ которой теперь доносились звуки богослужебнаго пѣнія. Мы было направились внутрь, но, обойдя храмъ кругомъ, очутились на узенькой площадкѣ передъ нимъ, обращенной къ Кубани. У нашихъ ногъ зіялъ крутой глубокой обрывъ. Далеко внизу сверкала рѣка. Маленькіе, игрушечные домики селенія разметались въ беспорядкѣ на ея берегу. Вправо и влѣво въ синюю даль уходила рѣчная долина. Кругомъ толпились скалы и утесы, то совершенно обнаженные и дикіе, то густо покрытые лѣсомъ. И вдали, изъ-за этихъ скалъ грозно и величественно поднимались къ небу гиганты, въ морщинахъ которыхъ кое-гдѣ сверкало серебро никогда не тающего снѣга.

По крутымъ лѣсенкамъ и узкимъ коридорамъ деревянной пристройки мы вошли въ церковь, бѣдную, убогую и тѣсную, но освященную еще тѣми молитвами, которыя возносились въ ней почти тысячу лѣтъ назадъ. Для славы такихъ церквей, мнѣ кажется, не нужны ни чудеса, ни мощи: онѣ сами—чудо и нетлѣнные мощи, способныя вызвать въ душѣ человѣка самыя чистыя и святыя восторги.

На клиросѣ пѣли два или три монаха, а среди церкви усердно молилась старушка. И въ этой тѣснотѣ, скудости и малолюдѣ, въ этомъ тихомъ безыскусственномъ пѣніи старческихъ голосовъ было что-то трогательное, захватывающее и скорбное...

IV.

Отъ Хумары до Сентинскаго монастыря.

Начало Тебердинскаго ущелья и красавица Теберда.—Обѣдъ на берегу рѣки.—Встрѣча съ тебердинскими дачниками и разговоръ объ опасностяхъ пути черезъ Клухоръ.—Неожиданная и странная встрѣча съ человѣкомъ, котораго лично не знали, но о которомъ только что говорили.

Полюбовавшись еще разъ на дивную картину, открывающуюся съ Шоанинской скалы, мы спустились внизъ и отправились въ дальнѣйшій путь.

Въ 3—4 верстахъ отъ Георгіевскаго-Осетинскаго Кубанская долина свернула влѣво, и мы очутились въ Тебердинскомъ ущельѣ. Теперь съ боку нашей дороги шумѣла не мутно-желтая Кубань, а кристально-прозрачная Теберда ¹⁾. Темно-лазурное южное небо, нѣжная синева дѣвственно-чистаго горнаго льда и свѣжая зелень прибрежной растительности перемѣшались между собою въ ка-

¹⁾ Притокъ Кубани, берущій начало изъ питаемаго ледниками Клухора Тебердинскаго овера.

Хумаршкская церковь до реставрації.

Сентинський женський монастирь.

кой-то необыкновенной комбинаціи и окрасили воду Теберды въ непередаваемый кистью изумрудный цвѣтъ. Каскады и брызги ея, пронизываемыя яркими солнечными лучами, сверкають и переливаются въ какой-то волшебной игрѣ цвѣтовъ и красокъ. Безжизненно-унылыя скалы Кубанской долины остались позади, и теперь по обѣимъ сторонамъ нашей дороги высятся живописныя горы, покрытыя сочной и разнообразной растительностью. При каждомъ изгибѣ рѣки, при каждомъ поворотѣ дороги передъ глазами открываются все новыя и новыя картины, очаровывающія своими красотами и разнообразіемъ. Какъ будто невидимый чародѣй развертываетъ передъ глазами путника безконечную ленту волшебной панорамы.

Медленно шагаемъ мы впередъ, лѣнливо тащатся за нами наши фургоны, погромыхая желѣзными цѣпями и бадейками. Въ 10—12 верстахъ отъ Осетинскаго, на зеленой полянкѣ въ излучинѣ изумрудной Теберды, мы устраиваемъ привалъ. Набрать хворосту, развести огонь и вскипятить въ дорожномъ чайникѣ воду—на все это требуется только полчаса. Сыръ, яйца и хлѣбъ, приправленные здоровой усталостью.—что можетъ быть лучше и вкуснѣе этого обѣда, особенно если столовой служить такое роскошное помѣщеніе, какъ Тебердинское ущелье, и если обѣдъ проходить подъ музыку и пляску голубоглазой красавицы—Теберды!..

Должно быть, выбранное нами мѣстечко было дѣйствительно красиво, такъ какъ немного спустя сюда же свернулъ еще одинъ фургонъ, ѣхавшій изъ тебердинскихъ дачъ. Изъ него выспало цѣлое населеніе: три барышни, два студента и одинъ солидный господинъ въ очкахъ. Въ дорогѣ знакомства завязываются быстро, и черезъ нѣсколько минутъ мы уже сидѣли всѣ вмѣстѣ, обмѣниваясь услугами, свѣдѣніями и впечатлѣніями. Насъ интересовалъ манящій и пугающій Клухоръ съ его вѣчными снѣгами, сказочнымъ озеромъ на самомъ перевалѣ, съ отвѣсными кручами и обрывами и со множествомъ трудностей, которыя приходится преодолевать путешественнику.

— Идите, смѣло идите,—говорили намъ наши новые знакомые.—Будетъ трудно, особенно барынямъ; но красоты перевала заставятъ васъ забыть трудности пути.

— А опасности?

— Никакихъ. Будьте только осторожны да возьмите хорошихъ, надежныхъ проводниковъ. Особенно рекомендуемъ Хаджи-Измаила: опытный, честный и услужливый проводникъ.

— Все это такъ. Но вотъ Варавва въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»...

— Э, васъ напугалъ Варавва... Но не забывайте, что это—древній старецъ, хотя еще и бодрый. Въ его годы такія горныя дебри, какъ Клухорскій перевалъ или Клычская тропа, дѣйстви-

тельно, крайне трудны и, можетъ быть, даже не безопасны. Къ тому же и погода ему не благопріятствовала: на самомъ перевалѣ его засталъ сильный дождь, а при такихъ условіяхъ путешествіе вдвойнѣ тяжело и непріятно. Теперь дождей тамъ быть не должно,— время для нихъ уже прошло,—и вамъ, стало быть, бояться нечего... Вотъ только сванеты...

— А что именно?

— Да, говорятъ, пошаливаютъ. Случается, грабятъ, угоняютъ лошадей. Недавно была даже перестрѣлка между сванетами и какимъ-то студентомъ со стражникомъ. А у васъ оружіе есть?

Сентинская церковь.

— Никакого.

— Это ладно: безопаснѣе.

— Странно: мы привыкли думать, что вооруженному безопаснѣе, чѣмъ безоружному, а не наоборотъ.

— На этотъ разъ ошибаетесь. Дѣло, видите ли, въ томъ, что если сванеты замѣтятъ у васъ какое-нибудь оружіе, то откроютъ ружейную стрѣльбу изъ-за скаль, перебьютъ васъ и мертвыхъ ограбятъ. Въ безоружныхъ же имъ стрѣлять нѣтъ надобности: они подойдутъ, возьмутъ лошадей, оберутъ васъ до нитки и отпустятъ на всѣ четыре стороны живехонькими.

— А—а, вотъ это хорошо. Теперь вы пасъ совсѣмъ успокоили, и мы смѣло пойдѣмъ на Клухоръ.

— Счастливаго пути!..

Мы разстались.

Ущелье дѣлается все красивѣе и живописнѣе, каскады Теберды— все шумнѣе и граціознѣе. А между тѣмъ на душѣ у меня не ладно: изъ головы не выходитъ полшутливый, полусерьезный разговоръ о сванетахъ; припомнилась прочитанная гдѣ-то газетная статья г. Елпатьевского объ его переходѣ черезъ Клухоръ, и, по странному капризу психики, фиксирующей иногда совершенно ничтожныя мелочи, въ памяти воскресло даже имя его проводника— Алима Семенова, напугавшаго г. Елпатьевского и его спутниковъ тѣми же сванетами и заставившаго ихъ сдѣлать 50-верстный дневной переходъ по труднымъ горнымъ тропинкамъ. Объ этомъ завязывается между нами общій разговоръ.

Сзади послышался конскій топотъ, и съ нами поровнялся всадникъ въ буркѣ и широкополой шляпѣ.

— Здравствуйте!—обратился онъ къ намъ, кивнувъ головой.

— Здорово!

— Куда идете? въ Теберду?

— Нѣтъ, дальше: на Клухоръ и въ Сухумъ.

— Значить, проводникъ понадобится?

— Да, непременно.

— Въ такомъ случаѣ—къ вашимъ услугамъ. Когда придете въ Теберду, спросите Алима Семенова. Меня тамъ всякій знаетъ. А въ цѣнѣ сойдемся.

— Ладно, ладно,—отвѣчаемъ мы, удивленные этой странной и неожиданной встрѣчей съ человѣкомъ, котораго никогда лично не знали, но о которомъ только-что говорили. А сами думаемъ: нѣтъ, братъ, шалишь! кого угодно возьмемъ въ проводники, но только не тебя, такъ какъ 50-верстныхъ переходовъ мы ни въ какомъ случаѣ дѣлать не намѣрены.

V.

Сентинскій женскій монастырь.

Остановка въ монастырской гостиницѣ. — Характеръ мѣстности.—Поразительная исторія развитія монастыря за послѣднія 20 лѣтъ.—Древняя сентинская церковь на горѣ. — Монахини-кровельщицы.—У создательницы монастыря игуменія Райса.

Часа въ 4 вечера на одномъ изъ поворотовъ дороги передъ нами мелькнула группа бѣлыхъ каменныхъ зданій и многоглавыхъ церквей, красиво расположенныхъ среди зелени и скалъ на высококомъ берегу Теберды, а внизу, у самой рѣки—жалкая деревушка съ низенькими лачужками. Это—ауль Сенты и Сентинскій жен-

скій монастырь. Десятка полтора грязныхъ и оборванныхъ, но очень красивыхъ ребятишекъ выбѣжали изъ аула къ намъ навстрѣчу, но тотчасъ чего-то испугались, и одни изъ нихъ бросились въ избы, а другіе къ рѣкѣ, засѣли по шею въ воду и посматривали оттуда на насъ своими черными, испуганно-любопытными глазенками. Но стоило мнѣ вынуть изъ кармана горсть карамелекъ и показать ихъ дѣтямъ, какъ въ мигъ всѣ были около меня, расхватили конфеты и снова разбѣжались.

Для ночлега было еще рановато. Но такъ какъ до ближайшаго селенія—Теберды—оставалось не менѣе 10 верстъ, да и ночевать тамъ не совсѣмъ удобно, то мы рѣшили остановиться до утра въ монастырской гостиницѣ. Къ тому же насъ интересовала древняя сентинская церковь, ровесница хумаринской по времени сооруженія и сестра ея по архитектурному стилю.

Монахини приняли насъ очень радушно, и скоро на столикѣ у гостиницы передъ нами появился кипящій самоваръ, яйца, молоко.

Сидя за этимъ столикомъ, мы невольно залюбовались открывавшейся передъ нами картиной. Нужно признаться, что какъ у первоначальныхъ основателей монастыря, такъ и у его возобновительницъ, несомнѣнно, было очень много того особеннаго, специфическаго чувства природы, которое помогло имъ выбрать для молитвеннаго уединенія мѣсто, наиболѣе соответствующее самымъ разнообразнымъ религіознымъ запросамъ души. Есть здѣсь мрачныя ущелья и дикія скалы, гдѣ можно только бить себя въ грудь и проклинать свое недостоинство предъ Богомъ. И намъ, дѣйствительно, на днѣ одного такого ущелья, въ лѣсной глуши, показывали остатки каменнаго столба, на которомъ когда-то совершалъ свой аскетическій подвигъ невѣдомый столпникъ. Но есть и чудныя по красотѣ уголки, покрытыя сочной и густой растительностью, съ очаровательными видами на ближнія и дальнія горы, на окрестныя ущелья и долины, на рѣку и селеніе—на Божій міръ въ его безконечномъ разнообразіи и немеркнувшей красѣ, предъ которыми во всякой, даже перерелигіозной душѣ непремѣнно шевельнется чувство религіознаго восторга и умиленія. Въ общемъ же природа зоветъ здѣсь къ тому святому труду надъ культурой ея первобытныхъ даровъ и формъ, котораго требуетъ нормальное и разумное религіозное настроеніе. Стоитъ человѣку отдаться удовлетворенію этой религіозно-трудовой потребности,—и онъ сдѣлаетъ чудеса.

Осматривая монастырь и знакомясь съ исторіей его реставраціи, начало которой относится къ 1891—1892 году, мы были поражены тѣмъ, что удалось сдѣлать слабымъ и необразованнымъ женщинамъ за какія-нибудь 20 лѣтъ.

Въ началѣ 1891 г. здѣсь было только 4 сестры. Онѣ собствен-

ными руками очистили отъ мусора и навоза древнюю церковь на горѣ, служившую сентинцамъ хлѣвомъ для загона скота на ночь. Онѣ сами построили себѣ каменную келью у подножія горы. Для прокорма своего рабочаго скота—слѣпой лошади и одной коровы—имъ приходилось доставать кормъ за 30—40 верстъ, такъ какъ вся казенная земля у аула была заарендована сентинцами, относившимися къ сестрамъ враждебно и не дававшими имъ ни одного клокка сѣна или соломы. Впослѣдствіи же, когда аренда перешла къ монастырю, сестры иногда были вынуждены вступать съ сентинцами въ рукопашныя схватки, чтобы оградить воздѣланные ими клочки земли отъ потравъ и вытаптыванія скотомъ аульныхъ жителей.

Къ 1895 году число здѣшнихъ насельницъ возросло до 70, и всѣ онѣ несли почти невѣроятные труды. Имъ приходилось бурить и рвать динамитомъ камни, прокладывать дороги, сооружать изъ камня зданія, устраивать мосты, дѣлать кирпичи и класть печи, рубить въ страшныхъ пропастяхъ брусья и самимъ втаскивать на темя высокой, малодоступной горы строительные матеріалы, необходимые для возстановленія находящейся тамъ древней, многовѣковой церкви (построена одновременно съ хумаринскимъ храмомъ—не позже X—XI в.в.).

Къ сожалѣнію, личныя особенности первой настоятельницы монастыря Екатерины, ея постоянная война съ сентинцами и не въ мѣру властное отношеніе къ сестрамъ едва не погубили все дѣло. Недовольныя своей настоятельницей, сестры стали уходить изъ обители, и когда въ управленіе ею, въ концѣ 1900 г., вступила нынѣшняя игуменія Раиса, то она застала здѣсь только 7 сестеръ, 3 полуразвалившихся домика, кое-какъ реставрированный нагорный храмъ, убогую церковь-избу внизу, начатый, но брошенный постройкой двухъэтажный каменный корпусъ, 1 р. 43 коп. наличныхъ денегъ и долгъ въ 700 рублей.

Прошло только 10 лѣтъ, и теперь въ монастырѣ до 300 сестеръ, трудами которыхъ создается большое культурное дѣло. За это короткое время безукоризненно и съ большимъ вкусомъ реставрирована древняя нагорная церковь—замѣчательный памятникъ византійскаго зодчества X—XI в.в.; построены два большихъ каменныхъ храма съ кельями для настоятельницы и сестеръ, просторная гостиница, домикъ для священника, лавочка и множество хозяйственныхъ службъ. За это же время созданы церковно-приходскія школа и аптека, которыми бесплатно пользуются всѣ окрестные жители безъ различія національности и вѣроисповѣданія. Каждый хоть немного пригодный для культуры клочокъ земли очищенъ отъ камня и обращенъ подъ пашню или огородъ. Въ самомъ монастырѣ, у церкви разбитъ хорошенькій цвѣтникъ изъ дешевенькихъ и скромныхъ, но со вкусомъ подобранныхъ цвѣ-

товъ. Ходишь по монастырю и на каждомъ шагу видишь въ немъ образцовый порядокъ, строгую хозяйственность и—что всего дороже—какую-то особенную, трогательную любовь къ этому уголку Тебердинскаго ущелья и нѣжную, чисто женскую заботливость о немъ. Въ церквахъ и въ домикахъ, на дорожкахъ, тропинкахъ и мостикахъ, въ цвѣтникахъ и огородахъ—вездѣ опрятно, чисто и вмѣстѣ съ тѣмъ скромно. Все въ мѣру, ничего лишняго, ничего показнаго и бьющаго на внѣшній эффектъ. Смотришь на эту новенькую обитель, сіяющую на солнцѣ своими бѣлыми зданіями вперемежку съ зеленью деревьевъ, и съ трудомъ вѣришь, что все это, въ сущности, создано въ 10 лѣтъ умомъ, энергіей и замѣчательнымъ тактомъ только одной простой женщины—игуменни Раисы.

Мы выразили желаніе подняться на гору и осмотрѣть древнюю церковь. Тотчасъ же къ намъ была прикомандирована сестра Павлина, которая и повела насъ туда. Узенькая, тщательно очищенная отъ камней тропинка извивается змѣйкой по крутому склону горы. Въ верхней части ея она идетъ среди густой растительности, подъ навѣсомъ тѣнистыхъ деревьевъ, и здѣсь кое-гдѣ поставлены скамейки, на которыхъ можно присѣсть и отдохнуть. Минуть черезъ 40 мы были на вершинѣ. Изъ маленькаго деревяннаго домика съ террасой, окруженнаго плющемъ, цвѣтами и зеленью овощей, торопливо выбѣжала сестра Леонида, исполняющая здѣсь обязанности церковнаго сторожа, и повела насъ въ храмъ. Мы вошли и тотчасъ же остановились, удивленные изяществомъ этого небольшого зданія. Выдержанность византийскаго стиля, легкость арокъ и сводовъ, безукоризненная пропорціональность частей и стройная гармонія цѣлага говорятъ о большомъ архитектурномъ вкусѣ и умѣньѣ неизвѣстнаго строителя.

На стѣнахъ, сводахъ и оконныхъ нишахъ видны остатки древней фресковой живописи. Въ высшей степени замѣчательно, что часть фресковаго орнамента, сфотографированнаго въ 1883 году покойнымъ Е. Д. Фелицынымъ, извѣстнымъ изслѣдователемъ и знатокомъ кавказскихъ древностей, оказалась имѣющею поразительное сходство съ орнаментами, имѣющимися надъ 8 главными (боковыми) колоннами храма св. Софіи въ Константинополѣ, сооруженнаго, какъ извѣстно, въ царствованіе Юстиніана Великаго.

Рядомъ съ церковью, у сѣверо-западной стороны ея, имѣется небольшой, кубической формы, наземный могильникъ, сложенный изъ большихъ тесаныхъ камней. Въ немъ на полкахъ покоятся кости и черепа, а въ особомъ стеклянномъ ящичкѣ—даже волосы невѣдомыхъ людей, когда-то обитавшихъ здѣсь.

Обратно въ монастырь мы спустились по хорошей широкой дорогѣ, для устройства которой сестрамъ-монахинямъ пришлось рвать скалы динамитомъ. Дорога вьется по глубокому, заросшему лѣсомъ ущелью, поражающему своей угрюмой красотой. Я взо-

шелъ на одну изъ придорожныхъ скалъ и, къ немалому своему изумленію, прочелъ здѣсь, у себя подъ ногами, имя Гапона, начертанное крупными буквами на ровной и плоской плитѣ. Тотъ ли это Гапонъ, который приобрѣлъ такую печальную извѣстность своимъ участіемъ въ русской революціи? Если тотъ, то нужно признаться, что онъ удачно выбралъ это дикое мѣсто для своего мрачнаго имени.

По пути въ гостиницу мы обратили невольное вниманіе на нѣсколькихъ сестеръ-монахинь, которыя, сидя на стропилахъ только что возведеннаго каменнаго зданія, крыли его желѣзомъ, какъ самые опытные кровельщики. Въ этомъ трудолюбіи монахинь, не останавливающихся ни передъ какою работою, и кроется самый прочный залогъ дальнѣйшаго процвѣтанія монастыря.

Утромъ, передъ отъѣздомъ, мы отправились къ игуменіи, чтобы поблагодарить ее за радушный пріемъ, и особенно—чтобы лично познакомиться съ этой удивительной женщиной. Къ намъ вышла бодрая и свѣжая старушка лѣтъ 60-ти и положительно очаровала своей простой, сердечной любезностью. Разговоръ зашелъ, конечно, о монастырѣ, и было видно, что матушка игуменія только и живетъ его интересами. Дальнія поѣздки, непріятныя хлопоты, сборъ пожертвованій, просьбы у вліятельныхъ лицъ, постоянный надзоръ за большимъ и сложнымъ хозяйствомъ и, наконецъ, истинно-материнскія заботы объ огромной семьѣ въ 300 человекъ,—все это лежитъ на слабыхъ сторбленныхъ плечахъ старенькой женщины, всю жизнь свою (свыше 50 лѣтъ) проведеншей въ монастырской кельѣ.

Съ множествомъ добрыхъ пожеланій и съ неподдѣльнымъ радушіемъ проводила насъ игуменія внизъ по большой лѣстницѣ и дальше по улицѣ, за церковную ограду.

VI.

Отъ Сентовъ до тебердинскихъ дачъ.

Прелести бродяжнической жизни.—Красоты Тебердинскаго ущелья.—Тебердинскія дачи.—Наемъ проводника черезъ Клухорскій переваль.

Странное чувство охватываетъ человѣка, когда онъ вдали отъ дома и въ незнакомой странѣ бредетъ изо-дня-въ-день, все дальше и дальше, бредетъ только для того, чтобы быть какъ можно ближе къ природѣ, жить ея жизнью, дышать воздухомъ ея полей, горъ и лѣсовъ. Нѣтъ передъ глазами тѣсныхъ городскихъ улицъ и неуклюжихъ ящиковъ, въ которыхъ живутъ люди; нѣтъ надоѣвшей домашней обстановки, нѣтъ книгъ и газетъ, нѣтъ противной

обыденщины съ ея сутолкой и множествомъ стѣснительныхъ условностей; нѣтъ такъ называемаго «комфорта» и «удобствъ», которыми культурный человѣкъ отгородилъ себя отъ природы и тѣмъ изуродовалъ свою жизнь. Ничего этого нѣтъ; все это сброшено съ плечъ и оставлено далеко назади, ненужный, излишній хламъ. Свободно дышитъ грудь, ровно, спокойно и сильно бьется въ ней сердце. На душѣ легко и беззаботно.

Впереди узенькой лентой змѣится дорога, то скрываясь за поворотами, то вновь выбѣгая красивымъ зигзагомъ. Ущелье то расширяется въ просторную и свѣтлую долину, то суживается въ тѣсную горную трещину. Вотъ, кажется, оно совсѣмъ закрылось, и дальше итти некуда. Но нѣтъ, въ причудливомъ горномъ лабиринтѣ оказалась новая трещина, въ которую, осторожно извиваясь и чуть-чуть лѣпясь по скалистому карнизу, заползаетъ наша дорога. Горные склоны дѣлаются все выше и выше. Грозно хмурятся обступившіе ущелье гиганты. Изборожденные глубокими морщинами и покрытые густою щетиною—лѣсомъ, они напоминаютъ миѣическихъ титановъ, оцѣпенѣвшихъ въ вѣчной неподвижности, но еще живыхъ, грозныхъ и величественныхъ. Голубой небесный сводъ окутываетъ ихъ вершины и окрашиваетъ въ нѣжно-прозрачную синеву. Жгучее южное солнце то заливаетъ все ущелье своимъ яркимъ, ослѣпительнымъ свѣтомъ, то врывается въ него узкимъ разноцвѣтнымъ лучомъ. Какъ гигантская кисть невѣдомаго художника, онъ тихо скользитъ по горнымъ скаламъ, лѣсамъ и впадинамъ, разрисовывая ихъ въ неподражаемые цвѣта и оттѣнки.

Торжественно тихо, какъ въ храмѣ, и только рокотъ горнаго потока иногда врывается въ эту тишину, какъ восторженный гимнъ величію и красотѣ этого храма, полнаго глубокаго смысла и таинственности.

Чѣмъ ближе къ селенію Тебердѣ, тѣмъ ниже и ниже къ дорогѣ спускаются съ горныхъ кручъ сосны,—сначала одинокія и чахлая, потомъ небольшими купами и сочныя. Ихъ смолистый ароматъ, еще очень слабый и тонкій, иногда доносится съ горъ вмѣстѣ съ теплымъ дыханіемъ вѣтра. По обѣ стороны пути тянутся пастбища и покосы. Ихъ темная зелень пестрѣетъ множествомъ разнообразныхъ цвѣтовъ. Мы идемъ по травѣ, какъ по мягкому ковру, и при каждомъ шагѣ изъ-подъ нашихъ ногъ тысячами красноватыхъ брызгъ разлетаются въ стороны безчисленные кузнечики.

Вотъ тяжелая, темная туча, съ трудомъ переваливъ черезъ горную цѣпь, опустилась въ нашу долину. Влеснула молнія, и съ глухимъ рокотомъ, перекаtywаясь по ущельямъ, загремѣлъ громъ. Крупныя капли дождя зашумѣли въ придорожныхъ деревьяхъ и въ травѣ. Яркіе лучи еще не закрытаго тучей солнца

засверкали въ нихъ, какъ алмазы, и черезъ Теберду съ одной стороны ущелья на другую перекинулась семицвѣтная арка радуги. Трудно создать воображеніемъ всю роскошь получившейся картины. Мы стояли передъ ней, какъ зачарованные, и совершенно не замѣтили, какъ промокли насквозь. Дождь, впрочемъ, скоро пересталъ, и черезъ полчаса мы опять были сухи.

Въ Тебердинскій аулъ мы зашли только закусить и черезъ часъ отправились дальше, на тебердинскія дачи, расположенныя въ 12 верстахъ отъ аула.

Ущелье съ каждымъ шагомъ дѣлается все живописнѣе. Густой лѣсъ покрываетъ его склоны. На самомъ низу, у рѣки и дороги, замелькала бѣлоствольная береза, а немного повыше щетинятся сосны. По зеленымъ лужайкамъ бѣгутъ ручейки, сверкая и переливаясь на солнцѣ своими серебристыми струйками. Они то шаловливо прячутся въ травѣ, то вновь выбѣгаютъ къ самой дорогѣ и весело журчатъ свою тихую пѣсенку. Зачерпнешь въ стаканъ этой серебристой влаги, прильнешь къ ней жадными, пересохшими губами и чувствуешь, какъ съ каждымъ глоткомъ исчезаетъ усталость, бодрость и свѣжесть разливается по тѣлу, и вновь идешь, забывъ все въ мірѣ, кромѣ стоящей передъ глазами картины. Хотѣлось бы знать, есть ли что-нибудь лучше на свѣтѣ, чѣмъ это пѣшеходное странствованіе по горнымъ ущельямъ?

Двѣнадцать верстъ прошли незамѣтно. Могучій хвойный лѣсъ совсѣмъ спустился съ горъ, и мы идемъ въ его прохладной тѣни. Мѣстность сильно напоминаетъ живописныя ущелья Боржома. Вотъ спереди и по бокамъ дороги замелькали какіе-то домики. Это—тебердинскія дачи. Онѣ прячутся въ густой зелени огромныхъ деревьевъ и будятъ въ воображеніи полузабытыя сказки о лѣсныхъ избушкахъ, которыя неудержимо влекутъ къ себѣ своимъ уютомъ и таинственностью. Вотъ небольшое озеро Кель-Тала, въ прозрачно-зеркальную воду котораго задумчиво смотрятся прибрежныя сосны. А вдали изъ-за верхушекъ лѣсныхъ великановъ сверкаетъ на солнцѣ серебро вѣчныхъ снѣговъ горы Аманъ-аузъ. Тамъ — переваль черезъ главный Кавказскій хребетъ; тамъ — дивное Тебердинское озеро; тамъ — грозная и дикая прелесть Клухора—предметъ нашихъ двухлѣтнихъ мечтаній...

Какъ извѣстно, Тебердинскія дачи—это русскій Давосъ, превосходная климатическая станція для легочныхъ больныхъ. Высота мѣстности подъ уровнемъ моря (4200 ф.), чистота воздуха, умѣренная температура, сравнительно небольшое количество осадковъ, незначительность барометрическихъ колебаній, благоприятное направленіе вѣтровъ (лѣтомъ—сѣверный и сѣверо-восточный, а въ остальное время года—южный и юго-западный) и обиліе

хвойнаго лѣса,—все это дѣлаетъ Теберду очень здоровой мѣстностью. Красоты же природы, сравнительная дешевизна жизни (комната 15—40 руб., полное продовольствіе: 30—40 руб. въ мѣсяцъ) и—главное—полное отсутствіе тѣхъ стѣснительныхъ неудобствъ, которыя такъ присущи моднымъ курортамъ, привлекаютъ сюда каждый годъ нѣсколько сотъ больныхъ и дачниковъ. Къ сожалѣнію, казна ничего не дѣлаетъ для того, чтобы обезпечить тебердинскимъ дачникамъ и «курсовымъ» хотя бы минимумъ удобствъ, безъ которыхъ трудно обойтись культурному человѣку вообще и больному—въ особенности. Такъ, для больныхъ нѣтъ санаторія, и они живутъ на квартирахъ у карачаевцевъ. Врачей пріѣзжаетъ достаточно, но аптеки—ни одной, и за лекарствомъ извольте посылать въ Баталпашинскъ, за 95 верстъ. Нѣтъ даже почтово-телеграфнаго отдѣленія, и единственный почтовый ящикъ установленъ на углу какой-то лавочки частнымъ предпринимателемъ, взимающимъ съ своихъ кліентовъ за доставку корреспонденціи къ нимъ на домъ и отъ нихъ—въ Баталпашинскъ особую плату.

Впереди для насъ—тяжелый и длинный путь. На протяженіи цѣлыхъ 75 верстъ мы найдемъ лишь одно жилье—ветеринарную будку у самаго перевала. Необходимы проводники, вьючныя лошади и провізія на 2—3 дня. Весь вечеръ и утро слѣдующаго дня мы посвящаемъ на приготовленія къ этому переходу. Особенно много хлопотъ и затрудненій съ наймомъ проводниковъ. Одни, о которыхъ намъ удалось собрать благопріятныя свѣдѣнія, куда-то уѣхали и еще не возвратились, другіе не внушаютъ довѣрія, а третьи заламываютъ неимовѣрныя цѣны. И рѣшительно всѣ говорятъ о сванетахъ, объ ихъ грабежахъ и дерзкихъ нападеніяхъ на путешественниковъ. Рассказываютъ даже о перестрѣлкѣ, во время которой какой-то студентъ былъ убитъ и сброшенъ въ глубокую пропасть. «И теперь тамъ лежитъ,—никакъ не достанешь»,—добавляютъ рассказчики для пущей убѣдительности.

Мы обезкуражены и не знаемъ, что дѣлать. Какъ вдругъ передъ нами появляется красивый, молодой карачаевецъ съ умнымъ открытымъ лицомъ и предлагаетъ свои услуги.

— Какъ твое имя?—спрашиваемъ мы его.

— Измаиль.

— Хаджи-Измаиль?

— Да.

— Прекрасно. Мы о тебѣ уже слышали, какъ о честномъ и опытномъ проводникѣ. Съ тобой мы, вѣроятно, сойдемся.

Меньше, чѣмъ въ пять минутъ, переговоры, дѣйствительно были окончены. За 55 руб. Измаиль долженъ былъ дать намъ

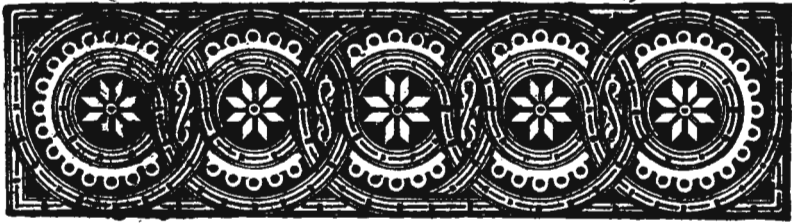
до Генсвижа (75 верстъ) двѣ вьючныхъ лошади, одну верховую и двухъ проводниковъ (въ томъ числѣ—себя). До ветеринарной будки лошади должны быть запряжены въ линейку, на которой поѣдутъ наши дамы съ вещами. Грузъ вьючной лошади не долженъ превышать трехъ пудовъ.

Ударили по рукамъ, взяли съ Измаила задатокъ и поручили ему купить въ дорогу хлѣба, баранины и мѣшки для провизіи.

А. Мощанскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Проф. М. В. Ключковъ. Очерки правительственной дѣятельности времени Павла I. Петроградъ. 1916. Стр. 620. Ц. 4 р.

НИГА проф. М. В. Ключкова представляет собою любопытную попытку реабилитации правительственной дѣятельности императора Павла. Изучая документы павловскаго царствованія, авторъ пришелъ къ убѣжденію, что «въ исторической литературѣ время Павла освѣщено односторонне» и что «въ основу этого освѣщенія положены по преимуществу мемуары, матеріалъ противорѣчивый и пристрастный», тогда какъ «въ мѣропріятіяхъ императора Павла авторъ замѣтилъ извѣстнаго рода (sic) систему, которая имъ, при участіи многихъ видныхъ сановниковъ проводилась въ жизнь болѣе или менѣе планомѣрно, несмотря на нѣкоторыя (sic) вспышки гнѣва и измѣнчивость настроенія Павла, отражавшіяся на судьбѣ отдѣльныхъ лицъ, но не мѣнявшія общаго теченія дѣлъ и порядка». «Подлинныя бумаги» царствованія Павла положены проф. Ключковымъ въ основу его изслѣдованія. «Конечно,—прибавляетъ

онъ,—я пользовался и другими матеріалами, напр., письмами современниковъ и мемуарами, но эти послѣдніе имѣли для меня лишь второстепенное значеніе».

Этими словами автора опредѣляется значеніе исторической его экскурсіи въ область изученія четырехлѣтняго царствованія императора Павла и самый характеръ его работы. «Бумаги» и «мѣропріятія», взятыя сами по себѣ, безъ отношенія къ жизни народа, поскольку она отразилась въ письмахъ современниковъ и въ ихъ мемуарахъ, являются предметомъ по преимуществу юри-

дического, а не исторического изслѣдованія. Между тѣмъ, правовыя и юридическія нормы, разсматриваемыя внѣ ихъ исторической обстановки, какъ это дѣлаетъ г. Ключковъ, лишаются единственнаго вѣрнаго критерія для ихъ оцѣнки и являются въ книгѣ проф. Ключкова не въ томъ значеніи, въ какомъ они дѣйствительно были. Коренная методологическая ошибка проф. Ключкова, положенная имъ въ основу своего труда, и заключается въ томъ, что онъ отрѣшился въ немъ отъ исторической жизни и забылъ о ней, окруживъ себя ворохами «бумагъ», въ которыхъ онъ искалъ подтвержденія тѣхъ или другихъ предвзятыхъ своихъ взглядовъ. Отсюда и маленькая разница въ оцѣнкѣ правительственной дѣятельности и «извѣстнаго рода системы» императора Павла, замѣчаемая въ показаніяхъ автора и современниковъ павловской эпохи, отсюда и крайнее недоувѣріе г. Ключкова къ «мемуаристамъ» этой эпохи, отражавшимъ жизненные послѣдствія «извѣстнаго рода системы». Одинъ изъ этихъ «мемуаристовъ», изъ самыхъ безпристрастныхъ, извѣстный Н. И. Гречъ, какъ бы предвидя выступленіе проф. Ключкова въ роли защитника «мѣропріятій» императора Павла, писалъ слѣдующее: «Ужасное время! Я былъ тогда ребенкомъ, въ томъ возрастѣ, когда все кажется намъ въ розовомъ свѣтѣ, когда живешь годы, о которыхъ потомъ вспоминаешь съ сожалѣніемъ, что они прошли; я не могу теперь, въ старости, вспоминать безъ страха и злобы о тогдашнемъ времени, когда самый чистый и благородный человѣкъ подвергался ежедневно, безъ всякой вины, лишенію чести, жизни, даже тѣлесному наказанію, когда владычествовали злодѣи и мерзавцы, и всякій кварталный былъ тираномъ своего округа. Хорошо теперь заочно хвалить времена императора Павла! Пожили бы при немъ, такъ вспомнили бы!»

Главная часть книги проф. Ключкова посвящена организаціи и дѣятельности высшихъ органовъ управленія: совѣта его величества, Правительствующаго Сената, Синода, военной коллегіи, адмиралтейской, иностранныхъ дѣлъ, бергъ-коллегіи, мануфактуръ-коллегіи, коммерцъ-коллегіи, камеръ-коллегіи, государственнаго казначейства и департамента удѣловъ. Немало мѣста отведено также мѣропріятіямъ Павла I въ области мѣстнаго управленія и сословной его политики. Вновь разработаны авторомъ отдѣлы о древней дѣятельности Сената и жалобъ на него, о новой организаціи коммерцъ-коллегіи 1800 года, а также о мѣропріятіяхъ императора, связанныхъ съ мѣстнымъ управленіемъ. Въ этихъ рамкахъ, заключающихъ въ себѣ цѣлый бумажный потокъ указовъ, уставовъ, инструкцій и т. д., а также подробныхъ регламентацій даже чисто канцелярской дѣятельности этихъ учреждений въ царствованіе императора Павла, трудъ проф. Ключкова заслуживаетъ вниманія для историка русскаго права, хотя и нуждается въ нѣкоторыхъ существенныхъ оговоркахъ. Увлекаемая машинной «планомѣрностію» организаціи учреждений, проф. Ключковъ мало обращаетъ вниманія на приложеніе ихъ дѣятельности къ практической жизни, останавливаясь преимущественно лишь на тѣхъ случаяхъ, которые такъ или иначе говорятъ въ пользу его взглядовъ. Любопытно при этомъ характерное для труда проф. Ключкова отсутствіе свѣдѣній о существованіи и дѣятельности весьма важнаго въ царствованіе Павла учреждения—тайной экспедиціи, фактически (не по «бумагамъ», конечно) стоявшей превыше

всѣхъ учреждений въ Россіи, хотя объясненіе этому существенному умолчанію г. Ключкова мы находимъ въ общемъ его взглядѣ, что не слѣдуетъ интересоваться «судьбою отдѣльныхъ лицъ, что не измѣняло общаго теченія дѣлъ и порядка». Между тѣмъ, судьба этихъ «отдѣльныхъ лицъ», поступившихъ въ вѣдѣніе тайной экспедиціи, интересна какъ обратная сторона планоустроенности «извѣстнаго рода системы» Павла Петровича, при которомъ тайная экспедиція держала въ страхѣ всю Россію, а блюстителя законности, генераль-прокурора, высшаго ея начальника, превращала, по отзыву современниковъ, въ «генераль-инквизитора», отбрасывая свою зловѣщую тѣнь на всю «извѣстнаго рода систему» и ея учрежденія, высшія и низшія. Мы догадываемся, впрочемъ, что напечатанные въ приложеніи къ книгѣ г. Ключкова «Отзывы объ имп. Павлѣ» (стр. 603—604), принадлежавшіе лицамъ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній и сами по себѣ непристойные (антихристъ, дьяволъ, дуракъ и т. д.), заимствованы именно изъ дѣлъ тайной экспедиціи и что давши эти отзывы невольные «мемуаристы» не заслуживали вниманія проф. Ключкова, какъ «отдѣльные лица», не возвысившіяся до пониманія «планоустроенности» созданныхъ учреждений. Насколько намъ помнится, въ ряду этихъ отзывовъ пропущено г. Ключковымъ чрезвычайно характерное наименованіе Павла раскольниками «царемъ Развѣемъ», тоже мало согласующееся съ понятіемъ о «планоустроенности». Неполнота архивныхъ розысканій проф. Ключкова въ предѣлахъ поставленной имъ темы, а отсюда и нѣкоторая односторонность сдѣланныхъ имъ заключеній, видны тоже изъ того, что матеріалы, изученные имъ въ государственномъ и сенатскомъ архивахъ, не дополнены крайне важными для изученія правительственной дѣятельности Павла дѣлами статей-секретарей Павла: Тропинскаго, Неплюева, Нелединскаго и др., хранящимися въ Москвѣ, въ Троицкой башнѣ въ дѣлахъ министерства двора. Возможно, что проф. Ключковъ далъ бы тогда иную оцѣнку многимъ «мѣропріятіямъ» несчастнаго государя, составляющимъ часть бумажныхъ имъ изученныхъ вороховъ. Объ этомъ позволяетъ намъ догадываться единственное мѣсто въ трудѣ проф. Ключкова, изложенное имъ не столько юридически, сколько исторически—«О манифестѣ 5 апрѣля 1797 г. о трехдневной барщинѣ» (528—569) и заслуживающее особаго вниманія историковъ. Манифестъ этотъ, озаглавленный въ Полномъ Собраніи Законовъ: «О трехдневной работѣ помѣщичьихъ крестьянъ въ пользу помѣщиковъ и о непринужденіи къ работамъ въ дни воскресные», въ дѣйствительности, какъ уясняетъ это проф. Ключковъ, вовсе не заключалъ въ себѣ никакой законодательной нормы барщиннаго труда, а лишь «излагалъ настойчивый совѣтъ государя, его желаніе, чтобы помѣщики поступали съ крестьянами умѣренно и осмотрительно». Эта неопредѣленность выраженія, совершенно недопустимая въ такомъ законодательномъ актѣ, какъ манифестъ, повела ко многимъ недоразумѣніямъ въ судебной и бытовой практикѣ павловскаго времени и ярко иллюстрируетъ ту «планоустроенность» павловскаго управленія въ самыхъ важныхъ вопросахъ государственной жизни, которой такъ восхищается проф. Ключковъ. Напомнимъ, что манифестъ этотъ изданъ былъ тотчасъ послѣ подавленія крестьянскихъ волненій 1796—1797 года, имѣвшихъ

признаки новой пугачевщины. И что же было слѣдствіемъ манифеста? «Резолюціи Павла и высочайшія повелѣнія относительно крестьянскихъ жалобъ,—говоритъ авторъ,—не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Павелъ I былъ увѣренъ, что манифестомъ 5 апрѣля установлены дни для крестьянскихъ работъ, раздѣлена недѣля поровну между помѣщикомъ и крестьяниномъ, короче говоря, манифестомъ введена трехдневная барщина... Но совсѣмъ другого пониманія держался Сенатъ... Въ сенатскомъ указѣ мысль манифеста передана словами, «чтобы помѣщики не принуждали крестьянъ къ работамъ по воскреснымъ днямъ», и только: объ установленіи трехдневной барщины не говорится ни слова». Въ этомъ смыслѣ опубликовали манифестъ и по всей Россіи. Можно представить путаницу, происшедшую въ законодательной практикѣ по одному изъ самыхъ животрепещущихъ вопросовъ управленія. Яркіе примѣры ея и даетъ проф. Ключковъ въ своей книгѣ. Любопытно прослѣдить, кѣмъ именно написанъ черновикъ манифеста 5 апрѣля 1797 года: лицомъ, неопытнымъ въ законодательной техникѣ, или, быть можетъ, слишкомъ опытнымъ радѣтелемъ помѣщичьихъ интересовъ (а такимъ именно и былъ генералъ-прокуроръ кн. Куракинъ), умышленно неясно. Отвѣтъ на тотъ вопросъ проф. Ключковъ могъ бы, вѣроятно, найти въ архивѣ московской Троицкой башни.

Изъ этого яркаго примѣра можно видѣть, на какомъ иногда хрупкомъ основаніи строилась «законность» при императорѣ Павлѣ, а подобныхъ примѣровъ въ законодательной, административной и даже бытовой практикѣ императора Павла было много: извѣстна карикатура на него съ надписями—«ordre, contre-ordre, desordre» Г. Ключковъ на основаніи матеріаловъ сенатскаго и государственнаго архивовъ могъ бы еще дать намъ характеристику, хотя одностороннюю и неполную, Павла, какъ законодателя, но онъ рисуетъ намъ Павла какъ человѣка, «вполнѣ умнаго, съ высокими и разумно обоснованными принципами». «Извѣстнаго рода система» государя, убѣжденнаго теократа, заключалась въ полномъ подчиненіи его не уравновѣшенной и измѣнчивой волѣ всей русской жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ,—волѣ, которая сама по себѣ являлась закономъ для всѣхъ и предъ которой отступали и законность, и соображенія здраваго смысла. Самъ г. Ключковъ признаетъ, когда ему нужно извинить своего героя, что «Павелъ былъ человѣкъ минуты и настроенія», что «обычно (sic) Павелъ считалъ себя правымъ и въ раздраженіи набрасывался на всякаго, не слѣдя за своими словами и жестами...., его дѣйствія были хотя искренни и чистосердечны (sic), но тягостны, а иногда и оскорбительны для многихъ» (стр. 136—137). Для этого несдержаннаго, увлекавшагося своей безответственностію человѣка законность не была препоной во многихъ дѣлахъ, не отвѣчавшихъ достоинству правителя. Примѣры такихъ дѣлъ собраны отчасти и г. Ключковымъ, но они какъ-то проходятъ мимо его умственнаго взора, потому что носятъ на себѣ яркіе признаки «мемуарнаго» характера, а «мемуаристовъ» проф. Ключковъ чуждается. Но, помимо ихъ, онъ самъ указываетъ бумажныя дѣла, изъ которыхъ видно, что Павелъ безъ суда, по простымъ донесеніямъ и доносамъ приказывалъ наказывать нещадно кнутомъ, вѣрзывать ноздри и ссылатъ на каторгу людей, виновныхъ лишь въ нарушеніи порядка и буйствѣ.

Указы Павла о мелочной опеке надъ частной жизнью подданныхъ, о стѣсненіи печати и подавленіи общественной жизни г. Ключковъ регистрируетъ безъ всякихъ комментариевъ «обоснованныхъ принциповъ государя». Многія изъ распоряженій и дѣйствій императора Павла были до того мало обоснованы, что современники приписывали ихъ происхождение атмосферическимъ вліяніямъ: замѣтили, что расположеніе духа императора зависѣло отъ направленія вѣтра—съ сѣвера или юга: отсюда поговорка: «откуда вѣтеръ повѣетъ». Въ дневникѣ кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго за царствованіе Павла отмѣнены поэтому день за днемъ показанія барометра...

Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ *pro domo sua*. Среди изслѣдователей эпохи Павла I проф. Ключковъ отводитъ мнѣ, въ изложеніи обзорнія литературѣ о Павлѣ, позицію, «примирительную» между хвалителями и порицателями несчастнаго государя, упоминая, впрочемъ, что я мало касался правительственной дѣятельности императора Павла. Дѣйствительно, я не дѣлалъ ея предметомъ специальныхъ своихъ трудовъ, полагая въ свое время, что выясненіе личности Павла, факты изъ его біографіи, должны предшествовать изученію его дѣятельности, какъ правителя. Съ горестію долженъ, однако, сознаться, что мои труды, очевидно, не достигли своей цѣли, если новѣйшіе изслѣдователи павловской эпохи, какъ проф. Ключковъ, въ самыхъ слабостяхъ Павла, какъ человѣка, и невыгодахъ его высокаго положенія, по собственному признанію Павла, «связаннаго съ неудобствами человѣчества», видятъ проявленія «высокихъ, разумно-обоснованныхъ принциповъ». Надо, впрочемъ, надѣяться, что дальнѣйшія занятія проф. Ключкова по избранной имъ темѣ и углубленіе въ нѣдра научной работы внесутъ въ его изслѣдованія ббольшую дозу анализа и безпристрастія. Тогда получатъ свою цѣну и его незаурядныя архивныя способности и знанія.

Е. Шумигорскій.

Вязёмы. Изданіе «Русскія усадьбы». Выпускъ первый. Градъ Святого Петра. 1916. 8°. Стр. V+265+35. Цѣна 10 р.

Еще въ 1912 году вышелъ второй выпускъ предпринятаго графомъ П. С. Шереметевымъ изданія, посвященнаго описанію «русскихъ усадебъ», заключавшій въ себѣ описаніе подмосковнаго села князей Голицыныхъ—Петровскаго. Тогда графъ П. С. Шереметевъ въ своемъ предисловіи сообщалъ, что изданіе «Русскія усадьбы» было задумано въ 1901 г. и что «цѣль его—представить описаніе усадебъ главнымъ образомъ коренной Россіи, любопытныхъ въ отношеніи художественномъ, историческомъ и бытовомъ». Съ тѣхъ поръ, т.-е. съ выхода указаннаго второго выпуска серіи, задачи предпріятія вырисовались для издателя яснѣе: описывая старыя русскія усадьбы, ему «хотѣлось не только извлечь то или иное любопытное изъ усадебной старины, но, въ уваженіе самыхъ мѣсть, представить возможно полнѣе исторію и описаніе тѣхъ изъ нихъ, кои, по тѣмъ или инымъ основаніямъ, того заслуживаютъ. Удѣлѣвшія средоточія нашего прошлаго быта, заключающаго въ себѣ далеко не одно темное, пережили многое и дышатъ еще прошлымъ своимъ чарую-

щимъ благоуханіемъ. Помимо того, многія старыя и новыя усадьбы наши важны и теперь, какъ разсадники образованности, и заслуживаютъ въ этомъ отношеніи бережнаго вниманія не только самихъ владѣльцевъ, но и общества, и государства» (стр. III). «Сколько выйдеть выпусковъ, — говоритъ далѣ издатель:—и въ какомъ порядкѣ поведется изданіе, сказать трудно. Одно можно сказать, что главное вниманіе будетъ обращено на коренную Россію и на тѣ изъ усадебъ, что лучше другихъ сохранили память прошлаго и полнѣе жить въ настоящемъ» (стр. V). Далѣ изъ предисловія узнаемъ, что вышедшій въ 1912 г. выпускъ серіи уже разошелся, и что въ настоящее время печатается новый, третій выпускъ, съ описаніемъ Льгова.

Что касается разсматриваемаго перваго выпуска серіи, то онъ посвященъ составленнымъ графомъ П. С. Шереметевымъ исторіи и описанію села Вязѣмъ—древней вотчины Бориса Годунова, а затѣмъ князей Голицыныхъ,—именно той вѣтви ихъ, которая дала намъ воспитателя царевича Петра—боярина князя Бориса Алексѣевича, просвѣщеннаго князя Бориса Владимировича, генераль-лейтенанта, умершаго отъ ранъ, полученныхъ подъ Бородинымъ, и брата его—столь извѣстнаго вельможи князя Дмитрія Владимировича, многолѣтнаго московскаго генераль-губернатора. Умѣло группируя тщательно подобранныя историческія данныя о Вязѣмахъ, то и дѣло упоминающихся въ лѣтописяхъ отечественной исторіи, авторъ даетъ подробный очеркъ села въ связи съ біографіями его владѣльцевъ, особенно подробно останавливаясь на жизнеописаніи упомянутаго князя Б. В. Голицына (стр. 101—179), личности достопамятной и вполне заслуживающей удѣленнаго ему авторомъ вниманія. Особая, шестая глава посвящена краткому очерку исторіи вязѣмской церкви и описанію ея достопримѣчательностей, а послѣдняя, седьмая,—содержитъ краткую біографію князя Д. В. Голицына, свѣдѣнія о дальнѣйшемъ переходѣ Вязѣмъ къ князьямъ Б. Д. и Д. Б. Голицынымъ, описаніе дома въ Вязѣмахъ и замѣтку о нихъ графа С. Д. Шереметева. Въ приложеніяхъ къ книгѣ дано нѣсколько цѣнныхъ историческихъ документовъ, касающихся Вязѣмъ и извлеченныхъ издателемъ изъ московскаго архива министерства юстиціи и изъ вязѣмской бібліотеки (выдержки изъ журнала за 1812 годъ князя Б. В. Голицына), а также краткое описаніе вязѣмскаго архива; изъ описанія этого, какъ справедливо замѣчаетъ въ предисловіи самъ авторъ, «можно видѣть, сколько еще остается здѣсь драгоцѣннаго и нетронутаго»,—почему нельзя не пожалѣть, что, съ одной стороны, опись архива составлена очень кратко и лишь дразнить любопытнаго читателя, а съ другой,—что самый архивъ еще не использованъ въ достаточной степени нашими историками; наконецъ, данъ перечень литературныхъ произведеній князя Б. В. Голицына и, какъ образчикъ ихъ,—его юношескій опытъ на французскомъ языкѣ, а также подробный азбучный указатель къ книгѣ.

Изданіе съ внѣшней стороны чрезвычайно привлекательно и нарядно безъ вычуровъ, богато иллюстрировано прекрасными снимками съ интереснѣйшихъ портретовъ, зданій, предметовъ обихода, иконъ, видовъ мѣстностей и т. под. Отмѣтимъ также, что самъ авторъ проявляетъ себя талантливымъ художникомъ въ нѣсколькихъ рисункахъ, воспроизведенныхъ въ книгѣ: видно,

что онъ чувствуетъ прелесть русской деревни, красоту ея тихихъ далей, задумчивость ея лѣсовъ и полей. Этими чувствами проникнуть и весь его почтенный трудъ, продолженія котораго нельзя не пожелать, съ увѣренностью предсказывая ему несомнѣнный и вполне заслуженный успѣхъ.

В. Модзалевскій.

Архангельскій, А. С., проф. Введеніе въ исторію русской литературы. Томъ первый. Исторія литературы, какъ наука. Очеркъ научныхъ изученій въ области исторіи русской литературы. Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Петроградъ. 1916. Стр. VII+701. Цѣна 5 руб.

Обширное изслѣдованіе проф. А. С. Архангельскаго должно занять почетное мѣсто въ исторіографіи русской литературы. Оно рассчитано на три большихъ тома. Покуда вышелъ лишь первый, начальныя страницы котораго были напечатаны еще въ 1908 году въ «Ученыхъ Запискахъ» казанскаго университета. Остальные два тома, какъ значится на обложкѣ, «оканчиваются печатаніемъ». Содержаніе перваго посвящено обзору изученій исторіи литературы, какъ науки, а также исторіи собиранія и изученія произведеній русской народной словесности и распадается на двѣ большія части. Первая носитъ названіе «Исторія литературы, какъ наука». Здѣсь авторъ сначала сообщаетъ нѣкоторыя теоретическія свѣдѣнія о литературѣ, а затѣмъ даетъ обстоятельный очеркъ постепеннаго развитія исторіи литературы, какъ науки, преимущественно на Западѣ. Этотъ отдѣлъ начинается съ исторіи филологическихъ занятій въ средѣ александрійскихъ ученыхъ и заканчивается изложеніемъ методологическихъ взглядовъ Сентъ-Бева, Тэна, Геннекена, Брюнетьера и др. Вторая часть содержитъ очеркъ научныхъ изученій въ области исторіи русской литературы въ хронологическомъ порядкѣ съ древнѣйшихъ временъ и до настоящей поры. Сюда вошли всѣ представители историко-литературной науки, какъ самыя крупныя, такъ и второстепенныя, теперь почти или забытыя, или сохранившіе лишь историческій интересъ. Обзоръ первыхъ опытовъ историко-литературныхъ изученій, падающій на XVIII вѣкъ, а также предыдущее время, занимаетъ всего нѣсколько страницъ (125—167), что, впрочемъ, и понятно, такъ какъ въ это время можно отмѣтить лишь робкія попытки разобраться въ литературномъ матеріалѣ. Остальная часть книги (стр. 167—690) посвящена перечню трудовъ по исторіи русской литературы, какъ науки, и изслѣдованій по народной словесности, а отчасти и русскому языку, принадлежащихъ ученымъ прошлаго и нынѣшняго столѣтія. При этомъ важно отмѣтить то, что характеристика cadaго сочиненія, каждой книги сдѣлана подлинными ея словами и цитатами. Кромѣ того, авторъ даетъ общіе очерки движенія историко-литературныхъ изученій въ отдѣльныя, наиболѣе выдающіеся моменты разсматриваемаго времени; таковы краткія характеристики первыхъ десятилѣтій XIX столѣтія, сороковыхъ годовъ, конца прошлаго вѣка и т. д. Вотъ въ общихъ чертахъ содержаніе перваго тома обширнаго труда проф. Архангельскаго.

Опредѣляя положеніе этого изслѣдованія въ историко-литературной наукѣ, намъ думается, нужно сказать слѣдующее. По формѣ разбираемое из-

слѣдованіе нѣсколько походитъ на капитальный трудъ ак. Иконникова «Опытъ русской исторіографіи». По содержанію своему оно примыкаетъ къ трудамъ ак. Пыпина «Исторія русской этнографіи», проф. Лободы «Русскій богатырскій эпосъ», Савченка «Русская народная сказка» и др. Но книга проф. Архангельскаго болѣе широко захватываетъ изслѣдуемый вопросъ. Въ ней отмѣчены такого рода изслѣдованія и труды, которые въ перечисленныхъ книгахъ или совсѣмъ не упоминаются, или же затрагиваются вскользь. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи книга проф. Архангельскаго значительно дополняетъ названныя изслѣдованія. Кромѣ того, въ ней есть, какъ было уже отмѣчено, подробный обзоръ исторіи теоретическихъ изученій литературы, что еще болѣе расширяетъ область литературной исторіографіи по сравненію съ указанными выше трудами.

Отмѣчая столь важное значеніе книги проф. Архангельскаго, нельзя, однако, обойти молчаніемъ и нѣкоторые недочеты ея, какъ въ общемъ содержаніи, такъ и въ отдѣльныхъ частяхъ. Прежде всего, намъ кажется неясной «самостоятельность» первой части книги, въ которой авторъ даетъ исторію изученія литературы, какъ науки, на Западѣ. Эта часть стоитъ особнякомъ и не связана съ дальнѣйшимъ изложеніемъ. Впрочемъ, можетъ быть, въ послѣдующихъ томахъ эта связь будетъ восстановлена. Далѣе, очеркъ исторіи изученія произведеній народной словесности у автора расположенъ приблизительно въ хронологическомъ порядкѣ. Противъ такого распредѣленія матеріала для XVIII и начала XIX ст. возразить ничего нельзя. Но для періода времени съ 40-хъ годовъ и далѣе — такой порядокъ изложенія едва ли наученъ во всѣхъ отношеніяхъ. Болѣе подходящимъ въ этомъ случаѣ было бы расположеніе соответственнаго матеріала по школамъ: мифологической, исторической, заимствованій, ново-исторической и т. д. Наконецъ, авторъ слишкомъ кратко останавливается на изложеніи мнѣній иностранныхъ ученыхъ, взгляды которыхъ послужили исходнымъ пунктомъ для русскихъ изслѣдователей — представителей различныхъ направленій изученія народной словесности.

Изъ частныхъ недочетовъ отмѣтимъ слѣдующіе. Излагая теоретическія возрѣнія такъ называемыхъ «псевдоклассиковъ» XVII ст., проф. Архангельскій всецѣло стоитъ на точкѣ зрѣнія нѣмецкой критики, которая, начиная съ Лессинга, неуклонно проводила взглядъ на это блестящее направленіе французской литературы, какъ на ложное явленіе въ литературной жизни. Съ легкой руки нѣмецкой критики такое же мнѣніе раздѣляла и теперь правовѣрно исповѣдуетъ и русская критическая мысль. Но изученіе французской литературы о классицизмѣ открываетъ совершенно инныя перспективы. Особено полезно въ этомъ отношеніи знакомство съ трудами Кранца, Роберта, Лансона, Дешанелля, Фагэ, Морилло, Брюнетьера и др., въ которыхъ проводится совершенно противоположное мнѣніе. Небезынтересны для этого же и очерки Страхова, проф. Батюшкова, Шахова и гр. де-ля-Барта.

Далѣе, говоря объ извѣстномъ библиографическомъ трудѣ «Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ», авторъ приводитъ два мнѣнія о принадлежности его или Сильвестру Медвѣдеву (взглядъ, установившійся со временъ Ундольскаго), или Епифанію Славинецкому (мнѣніе ак. Соболевскаго). Не упомянуть взглядъ С. Браиловскаго («Рус. Фил. Вѣст.» 1896 г., т. 36, стр. 224—231. «Кто же

былъ первый русскій библиографъ?), который считаетъ отцомъ славяно-русской библиографіи чудовскаго инока Евѣимія.

Есть нѣсколько еще и другихъ недосмотровъ, которые, какъ и только что перечисленные, не уменьшаютъ того важнаго значенія, какое имѣетъ трудъ проф. Архангельскаго для исторіографіи русской литературы.

Внѣшняя сторона изданія удовлетворительна, но цѣна книги «военная».

А. Вознесенскій.

И. И. Замотинъ, профессоръ императорскаго варшавскаго университета. Сороковые и шестидесятые годы. Очерки по исторіи русской литературы XIX столѣтія. Второе, просмотрѣнное и дополненное изданіе г-ва М. О. Вольфа. Пгр. М. 1916. Стр. II+435. Ц. 2 р.

«Золотой вѣкъ» русской литературы нашелъ въ лицѣ проф. Замотина своего добросовѣстнаго и вдумчиваго лѣтописца. Авторъ, до того блестяще заявившій о своемъ историко-литературномъ дарованіи солидными работами о романтизмѣ 20—30 годовъ прошлаго вѣка, въ настоящей своей работѣ, являющейся продолженіемъ предыдущихъ, приступаетъ къ разсмотрѣнію 40—60 годовъ. Опредѣливъ главныя темы литературы этой эпохи и выяснивъ ея историческое положеніе въ общемъ ходѣ тогдашняго литературнаго развитія, г. Замотинъ особенно подчеркиваетъ, что итоги этого періода художественной литературы замѣчательны еще и тѣмъ, что ею не только подняты отдѣльные вопросы (о крѣпостномъ правѣ, женскій и мн. др.), но также даны образцы и стройныхъ, законченныхъ міросозерцаній, до такой степени глубокихъ и всеобъемлющихъ, что, охватывая въ цѣломъ всю русскую жизнь, они въ то же время рѣшаютъ общечеловѣческія проблемы; таковы міросозерцанія Достоевскаго и Л. Толстого; для послѣднихъ десятилѣтій вѣка, кромѣ того, характерно и міросозерцаніе Чехова, которое хотя и складывается изъ отдѣльныхъ миниатюръ, но отличается и ясностью, и цѣльностью.

Выяснивъ затѣмъ весьма подробно, разносторонне и исчерпывающе сложную картину политическихъ, общественныхъ и литературныхъ направленій 40-хъ годовъ, проф. Замотинъ въ дальнѣйшемъ своемъ повѣствованіи характеризуетъ художественный реализмъ этой эпохи и приводитъ разборъ произведеній Тургенева, Герцена, Гончарова, Достоевскаго, Островскаго. Подойдя къ эпохѣ великихъ реформъ, авторъ даетъ картину общественно-литературныхъ настроеній и направленій этихъ бурныхъ годовъ, анализируетъ новые пути, на которые ступила русская интеллигенція и литература, и тщательно останавливается на разборѣ творчества Толстого. Авторъ не ограничивается разсмотрѣніемъ художественныхъ произведеній только общепризнанныхъ корифеевъ, въ родѣ Тургенева или Толстого, но также попутно отмѣчаетъ и все сдѣланное многочисленными представителями тогдашней литературы, принадлежащими къ дѣи мпогое той эпохи. Заканчивается работа проф. Замотина главами, посвященными публицистической беллетристикѣ 60—70 годовъ и народнической литературѣ того времени.

По сравненію съ первымъ изданіемъ новое изданіе отличается тѣмъ, что
«истор. вѣстн.», ноябрь 1916 г., с. 161.

значительно расширены главы о *Θ. М. Достоевском*, *Л. Н. Толстом* и народной литературѣ; кромѣ того, дополненъ обзоръ критики объ *А. Н. Островском* и совсѣмъ выпущена первая глава, носившая критико-библиографическій характеръ. Къ книгѣ приложенъ библиографическій перечень сочиненій, цитируемыхъ въ настоящихъ очеркахъ.

Въ первомъ изданіи настоящая работа проф. *Замотина* ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія была признана заслуживающей вниманія при пополненіи ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

М—о.

Пушкинисть. Историко-литературный сборникъ подь редакціей профессора С. А. Венгерова. II. Петроградъ. 1916. Стр. 292. Ц. 1 р. 75 к.

Во второй выпускъ настоящаго сборника вошли четыре статьи участниковъ Пушкинскаго семинарія при петроградскомъ университетѣ. Обширная и очень интересная статья г. *Бориса Энгельгардта* «Историзмъ Пушкина. Къ вопросу о характерѣ пушкинскаго объективизма»; статья г. *А. А. Тамашева* «Опытъ анализа осеннихъ мотивовъ въ творествѣ Пушкина»; статья г. *Александра Попова* «Пушкинъ и французская юмористическая поэзія XVIII вѣка»; и статья г. *Юліана Оксмана* «Программа драмы *А. С. Пушкина* о паписѣ *Іоаннѣ*. Къ исторіи недовершеннаго романа».

Работа г. *Б. Энгельгардта* касается вопроса о причинахъ объективизма Пушкина. Основу его авторъ находитъ въ историческомъ міровоззрѣніи поэта, которое дало ему «уваженіе къ быту, къ повседневности, ибо это и есть та жизнь, въ которой выковываются наиболѣе устойчивыя цѣнности культуры». Попытка намѣтить «основныя формы историческаго мышленія поэта и опредѣлить ихъ вліянія на его творчество и поведеніе»—вотъ задача очерка. Самая тема не нова: много мыслей по этому поводу можно встрѣтить въ статьяхъ, писанныхъ 50 слишкомъ лѣтъ назадъ *Аполлономъ Григорьевымъ*. Но пріятно отмѣтить, что старыя смѣлыя мысли, зачастую разбросанно высказанныя, собраны и систематизированы наконецъ, что появляются изслѣдователи, идущіе вѣрною дорогою.

Въ статьѣ г. *А. Попова* разобраны отношенія Пушкина къ французской легкой поэзіи XVIII вѣка въ лицѣ *Жана-Батиста Руссо*, *Грессе* и къ поэзіи альманаховъ (*Понсъ де-Верденъ*). Авторъ приходитъ къ заключенію, что поэтъ «сталкивался» съ названными французами «не въ минуты созданія обезсмертившихъ его произведеній, а скорѣе въ часы отдыха, въ часы забавъ и развлеченій».

Образцовой, въ смыслѣ умѣлаго использованія незначительнаго пушкинскаго отрывка (на французскомъ языкѣ), заключающаго схематическій набросокъ сюжета драмы о паписѣ *Іоаннѣ*, является замѣтка г. *Ю. Оксмана*, изложенная, къ сожалѣнію, нѣсколько тяжелымъ языкомъ.

Лѣтопись Пушкинскаго семинарія, въ той ея части, гдѣ помѣщены списки участницъ и участниковъ, смѣло могла бы отсутствовать совершенно.

Вл. Кя.

Священная книга Тота. Великіе Арканы Таро. Абсолютныя начала синтетической философіи эзотеризма. Опытъ комментарія Влад. Шмакова, инженера путей сообщенія. Москва. МСМХVI. Стр. 510. Ц. 10 р.

Тоть—древне-египетское божество Луны, времени, премудрости и культуры, «протоколисть страшнаго суда»; онъ отождествляется съ Гермесомъ Тризмегистомъ (трижды величайшимъ), вымышленнымъ авторомъ теософскаго ученія, излагаемаго въ нѣкоторыхъ книгахъ и отрывкахъ египетско-греческаго происхожденія¹⁾.

Священная книга Тота есть собраніе 78 аркановъ, которые издревле сохранились и дошли къ намъ въ видѣ 78 символическихъ изображеній. Относясь одновременно ко всѣмъ областямъ мысли и произведеній духа человѣческаго, арканы уже въ сѣдой древности были запечатлѣны самымъ различнымъ образомъ. Наиболѣе доступными познанію являются традиціонныя символическія изображенія, которыя въ древнемъ Египтѣ были высѣчены на стѣнахъ храмовъ и съ разрушеніемъ Египта пережили его, будучи изображены на монетахъ, папирусахъ и таблицахъ и, наконецъ, въ причудливыхъ символикахъ средневѣковой мистики, вплоть до общеизвѣстнаго цыганскаго таро нашихъ дней. Изслѣдованіе г. Шмакова имѣетъ своей цѣлью изученіе первыхъ двухъ частей книги Тота—Великихъ Аркановъ, гласящихъ о Богѣ и Человѣкѣ.

Трудъ этотъ начинается красивымъ эпитафомъ: «О Египеть, Египеть, придетъ день, когда отъ твоей религіи останется только сказка, сказка невѣроятная для твоихъ потомковъ; сохранятся лишь нѣсколько словъ, начертанныхъ на камнѣ, передающихъ память о твоихъ великихъ дѣяніяхъ». Въ такихъ на рѣдкость точныхъ и рѣшительныхъ выраженіяхъ въ глубокой древности сказано было самимъ Гермесомъ Тризмегистомъ (онъ же Тотъ) «великое пророческое слово» о грядущихъ судьбахъ египетскаго народа и его таинственной религіи.

И исполненіе столь грустнаго для великаго народа пророчества началось тоже еще въ далекой же древности—около двадцати пяти вѣковъ тому назадъ. «Уже съ нашествіемъ Камбиза,—говоритъ г. Шмаковъ,—великолѣпіе Египта отошло въ область преданія». Персидскій завоеватель первый нанесъ страшный ударъ и египетскому народу, и его религіи, всюду истребляя египетскіе памятники, эти «вѣковыя творенія генія египетскаго». Послѣ такой сокрушительной работы полчищъ Камбиза—«во всей долинѣ Нила не осталось ни одного храма, ни одного памятника, котораго не коснулась бы рука этого непреклоннаго исполнителя воли судьбы». Но съ гибелью «дѣяній рукъ человѣческихъ» на этотъ разъ не погибъ еще «духъ древнихъ іерофантовъ»: онъ продолжалъ жить, таясь въ недоступныхъ убѣжищахъ. Съ воцареніемъ просвѣщенныхъ Птоломеевъ Египеть еще разъ развернулъ свою древнюю мощь, и чудо свѣта—Александрійскій маякъ, какъ издревле сфинксъ, сталъ

¹⁾ У насъ имѣются прекрасныя изслѣдованія о богѣ Тотѣ (диссертация проф. Б. А. Тураева (1898 г.) и о Гермесѣ проф. Ф. Ф. Зѣлинскаго (въ III т. его сборника «Изъ жизни идей». Пгр. 1912).

эблемою страны вѣчнаго стремленія, блестящимъ свѣтомъ озарявшей весь міръ на пути столькихъ столѣтій. Но пришелъ опять часъ—фанатикъ-епископъ Теофанъ, а за нимъ еще болѣе фанатичный «апостолъ» ислама Омаръ сожгли всѣ драгоцѣннѣйшія для человѣчества «сотни тысячъ папирусовъ, повѣствовавшія о минувшей жизни людей, ихъ стремленіяхъ, ихъ знаніяхъ и ихъ открытіяхъ». Свѣтившій тысячелѣтія свѣтъ изъ древней священной страны померкъ: Египетъ, его всемірная слава, его величіе и знаніе безмѣрное погрузились въ область забвенія, ушли туда, откуда ужъ нѣтъ возврата»,— и древнее, полное глубокаго смысла пророчество въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ исполнилось съ поразительною точностію. Но только въ нѣкоторыхъ, а далеко не во всѣхъ. И, прежде всего, отъ древне-египетской религіи въ наши дни остается не только «одна сказка, непонятная сказка», но нѣчто гораздо болѣе глубокое и цѣнное—въ видѣ хотя бы того извѣстнаго всѣмъ древнимъ религіямъ «великаго памятника», которому посвященъ лежащій предъ нами «теософическій» трудъ московскаго инженера-путейца.

Г. Шамаковъ совѣмъ еще молодой авторъ. Названный выше трудъ его, кажется, первый его опытъ крупной литературной работы. Но этотъ «первый литературный блинъ» молодого писателя, вопреки пословицъ, совѣмъ, можно сказать, вышелъ не комомъ. Книга г. Шамакова, напротивъ, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что нашъ авторъ, несмотря на свою молодость, обладаетъ обширною начитанностію и большою литературностію. Стремясь по возможности дать энциклопедію мистицизма, онъ цитируетъ и разбираетъ здѣсь болѣе полуторы тысячи авторовъ разныхъ эпохъ и народовъ; въ частности же касается съ разныхъ сторонъ и еврейской Кабаллы, причемъ всѣ ея главнѣйшія доктрины приводятся у него въ буквальныхъ переводахъ съ точными ссылками на подлинникъ.

Это уже одно, само по себѣ, является доказательствомъ какъ начитанности нашего автора въ богатой мистической міровой литературѣ, такъ и необыкновенной его трудоспособности, а также рѣдкой любознательности и о горячей любви къ тому вопросу, которому посвященъ его трудъ. Къ этому мы должны еще прибавить, что своими многочисленными источниками и прочими матеріалами г. Шамаковъ пользуется какъ опытный литераторъ, съ большимъ мастерствомъ; они, видимо, не подавляютъ его, какъ какого-нибудь новичка, своею массою. Онъ всему болѣе или менѣе удачно находитъ свое мѣсто въ книгѣ, не впадая ни въ напрасное многословіе, ни въ повторенія, почти неизбѣжныя въ подобныхъ громоздкихъ и отвѣтственныхъ трудахъ, особенно у молодыхъ писателей. Среди многочисленныхъ цитатъ—въ книгѣ не мало весьма интересныхъ, блестящихъ несравненною глубиною и свѣжестью мысли.

Языкъ книги—хорошій, сочный русскій языкъ, которымъ нашъ авторъ, сынъ большого мастера русскаго слова, недавно скончавшагося талантливаго московскаго адвоката и писателя А. С. Шамакова, владѣетъ, повидимому, очень хорошо. Общій тонъ книги—вполнѣ соответствуетъ серьезности и важности ея темы: онъ строго научно выдержанъ и объективенъ, какъ это и добавляетъ въ такомъ солидномъ сочиненіи; нѣкоторымъ недостаткомъ книги,

на нашъ взглядъ, является развѣ только чрезмѣрный излишекъ мѣстами авторскаго лиризма, но это именно только мѣстами.

По всѣмъ изложеннымъ выше даннымъ, мы, совсѣмъ не опасаясь прослыть плохимъ пророкомъ, рѣшаемся прямо предсказать нашему автору «большую» будущность въ роли историка и изслѣдователя религіозно-міровыхъ тайнъ и откровеній. Теперь же мы можемъ только горячо привѣтствовать появленіе въ нашей литературѣ его книги, которая должна занять, и несомнѣнно, намъ кажется, займетъ въ русской литературѣ почетное мѣсто, вполне ею заслуженное.

С. Д-въ.

Я. Штахъ. Очерки изъ исторіи и современной жизни южно-русскихъ колонистовъ. М. 1916. Стр. 266. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Подъ такимъ замаскированнымъ заглавіемъ появился трудъ нѣкоего Я. Штаха «о нѣмецкой» колонизаціи юга Россіи. Какъ извѣстно, у насъ на югѣ существуютъ и болгарскія, и греческія, и турецкія колоніи, но о нихъ г. Штахъ не говоритъ ни слова,—вся его книжка представляетъ диѳирамбъ нѣмецкой колонизаціи, почему и можно признать заглавіе книжки замаскированнымъ. Съ какою цѣлью и какою организаціею издана эта книжка—догадаться не трудно. Разсчитывать на распространеніе и большой кругъ читателей она не можетъ, а потому можно сказать съ большой увѣренностью, что книжка издана на спеціальныя средства и съ спеціальными цѣлями. Мы приведемъ полностью краткое предисловіе и нѣсколько строкъ изъ послѣсловія автора, чтобы этими двумя аккордами выяснить всю ту гамму настроеній и намѣреній, съ которыми издавали указанный трудъ. Въ предисловіи находимъ: «Ни критики, ни полемики мы не хотѣли писать, а лишь нарисовать наглядную и соотвѣтствующую фактамъ картину, дабы она впечатлѣлась въ душахъ всѣхъ русскихъ людей, любящихъ свою родину и желающихъ всесторонне познаться съ нею». Оставляемъ выраженія: «писать полемику», «впечатлѣться въ душахъ», на грамотности автора и перейдемъ къ заключенію. Несмотря на торжественное обѣщаніе «не писать полемики», г. Штахъ болѣе чѣмъ опредѣленно указываетъ, для какихъ цѣлей имъ составлены «очерки». «Приведенные въ этой книгѣ факты изъ жизни той части русско-поданныхъ гражданъ, которые по привычкѣ называются колонистами, показываютъ, что истерическіе вопли нѣкоторой части печати объ ихъ скрытой или явной нелояльности по отношенію къ русскому государству не имѣютъ подъ собою достаточныхъ основаній», и дальше: «изъ Германіи значительная часть предковъ колонистовъ ушла потому, что она не давала имъ то, что отнимаетъ отъ нихъ Россія на основаніи законовъ, изданныхъ во время настоящей войны». Изъ приведенныхъ двухъ выписокъ вполне выясняется цѣль «очерковъ». Надо «приведенными фактами» убѣдить «русскихъ людей, любящихъ свою родину», что нѣмецкіе колонисты «лояльны» и что они теперь кровно обижены и имъ слѣдуетъ вернуть все то, что «отняла Россія на основаніи законовъ, изданныхъ во время войны». Напрасно г. Штахъ помѣстилъ въ книжкѣ предисловіе и послѣсловіе; не будь ихъ, можно бы было

смотрѣть на его трудъ, какъ на матеріалъ, хотя односторонній и съ намѣренно невѣрнымъ освѣщеніемъ, по нѣмецкой колонизаціи. Эти же приписки заставляютъ сразу отнестись къ очеркамъ, какъ къ полемическому труду, исходящему изъ хорошо извѣстныхъ источниковъ.

Какіе же факты приводитъ г. Штахъ, чтобы убѣдить «любящихъ свою родину» въ лояльности нѣмецкихъ колонистовъ. Разсматривая причины, заставившія нѣмцевъ переселиться въ Россію, г. Штахъ устанавливаетъ, что этими причинами были: вѣроисповѣдныя притѣсненія въ Германіи, нищета и недостатокъ земли. Что же они находили въ Россіи? 1) пособіе на переселеніе, 2) право имѣть свободное отправленіе вѣры по ихъ обрядамъ безпрепятственно, строить церкви, имѣть пасторовъ и имѣть крѣпостныхъ изъ магометанъ, 3) никакихъ податей не платить и службъ не служить въ теченіе 30 лѣтъ. 4) безпроцентное пособіе инструментами, припасами, матеріалами и деньгами съ уплатою черезъ 10 лѣтъ, 5) свободную внутреннюю юрисдикцію, 6) личное освобожденіе отъ всякихъ службъ и повинностей, въ томъ числѣ и воинской и т. д. (манифестъ 22 іюля 1763 г.). Каждой семьѣ колонистовъ отводилось по 30 десятинъ земли, а меннонитамъ при Павлѣ I по 65 десятинъ. Въ дальнѣйшемъ колонисты всегда пользовались у правительства всякими льготами, пособіями, отсрочками платежей и т. п. Казалось бы, что за все полученное отъ Россіи они должны были проявить не только «лояльность», но и преданность, какъ коренные жители страны, которые, къ слову сказать, не имѣли и четвертой части тѣхъ льготъ и преимуществъ, какія имѣли они, эти «выходцы». Въ чемъ же проявлялась эта пресловутая «лояльность» въ оборонѣ страны? До введенія общей воинской повинности въ 1874 г. они были освобождены отъ службы и могли служить только добровольцами. По словамъ г. Штаха, въ войну 1812 г. они «не рѣшались поступить добровольцами», т. е. «совершенно не знали русскаго языка», это послѣ 40—50 лѣтъ жизни въ Россіи! Въ войну 1828 года колонисты обязаны были подводной повинностью, причемъ за лошадь съ подводой имъ казна платила 103 руб., и это по тогдашнимъ цѣнамъ. Въ Крымскую войну колонисты устроили нѣсколько лазаретовъ, и надо прочесть тѣ строки книги г. Штаха, гдѣ онъ съ умиленіемъ и восторгомъ описываетъ, какъ «меннонитки взяли на себя святую обязанность сестеръ милосердія, помѣщали раненыхъ въ чистенькомъ домикѣ, клали на мягкія постели, часто въ бѣльѣ хозяина» и т. д. «Не было ли это настоящимъ патриотизмомъ и благодарностью, добровольной жертвой!» восклицаетъ г. Штахъ и тутъ же приводитъ длиннѣйшій списокъ наградъ за «эти благодарственные, добровольныя жертвы» въ видѣ медалей золотыхъ и серебряныхъ, золотыхъ часовъ въ 150, 100 и 80 руб. и т. п. Опускаемъ сентиментальныя описанія участія нѣмцевъ-колонистовъ въ войнахъ 1877—1878 г. г. и въ японской и перейдемъ къ нынѣшней войнѣ, которая, казалось бы, должна была дать много матеріала для паеоса г. Штаха, но, увы, кромѣ ссылки на брошюрку проф. К. Э. Линдемана о пожертвованіяхъ и открытыя лазаретахъ въ колоніяхъ, г. Штахъ не собралъ никакого матеріала для возвеличенія «лояльности» своихъ сородичей. Зато какая нѣмецкая скрупулезность свѣдѣній,—гдѣ и сколько жертвовано, напр., «въ колоніи Бальцеръ изъ 11 кружекъ 172 руб. 40 коп.», или «3476 подводъ Гальштадтской во-

лости сдѣлали 43. 400 верстъ пути, подвозя запасныхъ къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ», высчитана каждая верста и копейка для того, чтобы, поставить ихъ въ счетъ патриотизма и лояльности и склонить «впечатлѣнныя русскія души» къ умиленію передъ этими жертвами бѣдныхъ угнетенныхъ колонистовъ, у которыхъ Россія что-то отнимаетъ по законамъ военнаго времени. Эту часть г. Штахъ заканчиваетъ такой тирадой (стр. 97): «...что благодаря колонисту русская работоспособность одержитъ наконецъ полную побѣду надъ внѣшними и внутренними врагами. Если государство захочетъ достигнуть полной побѣды, то оно можетъ это сдѣлать только съ помощью трудолюбиваго и работоспособнаго населенія, а къ такимъ людямъ принадлежитъ прежде всего нѣмецкій колонистъ». Однимъ словомъ, все спасеніе только въ нѣмцахъ, и они прежде всего трудолюбивое и трудоспособное населеніе. Не правда ли, что за этими словами мы видимъ знакомый намъ девизъ «Deutschland über Alles».

Остальная часть книги посвящена опять-таки восхваленію нѣмцевъ-колонистовъ на всѣ виды и лады: и въ земледѣліи, и въ школьномъ (своемъ нѣмецкомъ) дѣлѣ, и въ торговлѣ, и въ вѣрѣ. Приводятся подробныя біографіи разныхъ мельниковъ, пасторовъ, школьныхъ учителей, кто, что и какъ сажилъ и сѣялъ, какія отъ кого получилъ награды и т. п., и въ концѣ книги описаніе цѣлаго ряда отдѣльных колоній.

Вся книга разсчитана на защиту, впрочемъ, довольно аляповатую по своей тенденціозности, нѣмецкой колонизаціи и никакого отношенія къ колонизаціи юга Россіи не имѣетъ, т. к. не обрисовываетъ этой колонизаціи въ широкомъ историческомъ объемѣ, ни выясняетъ ея экономической цѣлесообразности и культурнаго значенія. Эту книгу будутъ читать охотно въ Берлинѣ, Лейпцигѣ и другихъ нѣмецкихъ городахъ, но не въ Россіи. П. Л-овъ.

Ученыя записки императорскаго московскаго университета. Отдѣлъ юридической. Вып. 45. М. 1916. Стр. 70—144. Ц. 1 р. 15 к.

Въ началѣ 45-го выпуска «Записокъ» помѣщены статьи: «Г. Я. Закъ. Шантажъ и вымогательство въ ихъ взаимоотношеніи. Профессиональная тайна и уголовное право». Профессоръ С. Познышевъ поясняетъ отъ себя: «Въ бумагахъ, предоставленныхъ въ мое распоряженіе женой безвременно скончавшагося ученика моего Г. Я. Зака, я нашелъ двѣ составившія настоящую книгу работы. И та, и другая работы представляютъ, по моему убѣжденію, несомнѣнный научный интерес и посвящены вопросамъ, мало разработаннымъ въ русской литературѣ». Далѣе въ «Запискахъ» находимъ очеркъ Н. Н. Пчелина на тему, во всякомъ случаѣ любопытную для многихъ: «Екатерининская коммиссія «О сочиненіи проекта новаго уложенія» и современное русское законодательство». «Работа въ томъ видѣ, какъ она печатается здѣсь, по словамъ г. Пчелина, является сокращеніемъ болѣе обширной, поданной мною для соисканія золотой медали». По мнѣнію самого автора, польза ея опубликованія въ томъ, что г. Пчелинъ пересматриваетъ вопросъ съ новой точки зрѣнія.—«Я стремился выяснитъ, каковы были понятія народа, разныхъ его слоевъ-классовъ, на право; чего народъ хотѣлъ достигнуть и чего добился въ этой борьбѣ. Я ду-

малъ показать, какъ сознание законности жило въ русскомъ народѣ, какъ оныя пытались ее осуществить и какъ сложившіяся соотношенія силъ дали въ результатъ—безправіе». Довольно туманно, впрочемъ, развиваетъ г. Пчелинъ эту основную мысль въ сыроватомъ и тяжкомъ изложеніи. Словно невылазно суетится оны въ толкованіи сословія и сословности. И то будто путается въ доводахъ на ладъ—экономическаго матеріализма, то какъ бы ударяется въ особый фатализмъ, хотя и отъ прогресса. Но должно согласиться съ г. Пчелинымъ, когда оны заявляетъ: «Пользу вижу отъ опубликованія и въ томъ, что систематизирую груды сырого матеріала—наказовъ и отчетовъ засѣданій Уложенной комиссіи и этимъ облегчаю пользование сборниками историческаго общества для новыхъ изслѣдователей екатерининской эпохи».

А. Налымовъ.

Старая Турція и младотурки. Годъ въ Константинополѣ. Ариадны Тырковой. Петроградъ. 1916. Ц. 2 р.

Заглавіе, данное авторомъ своему труду «Старая Турція и младотурки», обнадеживаетъ читателя получить обширный матеріалъ о двухъ послѣднихъ важнѣйшихъ періодахъ исторической жизни Турціи до сверженія султана Абдуль-Гамида и конституціоннаго періода и послѣ.

Однако въ настоящей книгѣ почти ничего не говорится о старой Турціи, а что касается новой или молодой Турціи, то описаніе ея представляетъ собою рядъ разнообразныхъ корреспонденцій о Турціи, написанныхъ подъ тѣмъ или другимъ случайнымъ впечатлѣніемъ и потому не могущихъ дать читателю хотя сколько-нибудь связную картину, что представляетъ собою современная Турція. Поэтому настоящей книгѣ соотвѣтствовало бы лишь второе, напечатанное болѣе мелкимъ шрифтомъ на ней заглавіе: «Годъ въ Константинополѣ», и только. Кромѣ того, можно привѣтствовать выпускъ отдѣльнымъ изданіемъ напечатанныхъ первоначально въ газетѣ въ видѣ отдѣльныхъ фельетоновъ историческаго разсказа, романа или представляющихъ одно цѣлое нѣсколькихъ корреспонденцій, такъ какъ при выпускѣ ихъ отдѣльнымъ изданіемъ получается болѣе цѣльное впечатлѣніе, чѣмъ при чтеніи въ различныхъ нумерахъ газетъ, но для насъ являются непонятными основанія автора книги выпускать отдѣльной книгой не имѣющія характера цѣлаго свои корреспонденціи. Правда, г-жа Тыркова предупреждаетъ въ предисловіи: «Въ настоящей книгѣ я собрала по возможности, переработавъ ихъ, корреспонденціи, которыя, за подписью А. Вергежскій, печатались въ газетѣ «Рѣчь» и въ нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ. Я не дополняла ихъ книжными свѣдѣніями о современной Турціи. Это непосредственныя наблюденія и замѣтки, сдѣланныя подчасъ очень бѣгло, но всегда съ натуры или изъ первоисточника», но затѣмъ г-жа Тыркова довольно смѣло заявляетъ, что она думаетъ, что данная ея книга можетъ «облегчить пониманіе вообще мало изученной Турціи». Однако, даже для лица, специально занимающагося изученіемъ вопросовъ исторіи и жизни Востока, никакого пониманія Турціи настоящая книга совершенно не даетъ и, понятно, такой

трудъ долженъ произвести лишь сумбурное впечатлѣніе на того, кто Турціи вовсе не знаетъ. Наконецъ, если ужъ авторъ книги касается «младотуроковъ», то какимъ образомъ, хотя и въ отрывочной характеристикѣ различныхъ ихъ представителей, совершенно опущена фигура главнѣйшаго дѣятеля современной молодой Турціи Энвера-паши, что составляетъ значительный пробѣлъ даннаго описанія.

Въ общемъ брать на себя смѣлость рекомендовать данный трудъ читателямъ для облегченія пониманія Турціи, чего желаетъ достигнуть авторъ, едва ли кто изъ знакомыхъ съ даннымъ вопросомъ возьмется.

В. Гурьевъ.

Д. И. Семизъ. Сербская Голгова. Москва. 1916. Стр. 71. Ц. 50 к.

Д. И. Семизъ—офицеръ сербской арміи. Онъ былъ участникомъ знаменитаго сербскаго отступленія 1914 года, когда никѣмъ не побѣжденные балканскіе соколы, уступая превосходству силъ противника, должны были покинуть родину и черезъ Балканскія горы, то спускаясь въ долину и утопая въ грязи, то подымаясь на горныя кручи и по колѣно въ снѣгу, пробирались къ Адриатикѣ, чтобы теперь появиться въ Солуни мстителеми за поруганную и залитую кровью отчизну. Эту «сербскую Голгову» описалъ г. Семизъ въ своей маленькой книжечкѣ. Не много въ ней словъ, но много сжатой, затаенной и сильной боли, готовой, какъ пружина, раздаться и ударить во врага. Нѣкоторыя картины исполнены мрачной и суровой трогательности. Такова послѣдняя ночь, проведенная сербскими юнаками на Коссовомъ полѣ, гдѣ свыше 500 лѣтъ тому назадъ погибло сербское царство Лазаря, гдѣ въ 1912 году такъ счастливо, казалось, возродилась къ свободной жизни поработенная турками Старая Сербія. Три года прошло, и снова роковая нависла надъ сербами судьба. Тиха и беззвучна была ночь; тихо догорали костры. И вдругъ среди этой тишины раздалась пѣсня. Это пѣлъ извѣстный сербскій писатель и критикъ, а теперь солдатъ, пѣсню: «Прощай, о Сербія дорогая, прощай, наша земля родная». Весь лагерь замолкъ и въ волненіи слушалъ эти знакомыя и теперь такія вѣскія, такія роковыя слова. А на другой день, чуть занялась заря, уже затрубили сборъ,—и покинули сербы родину, унося ее съ собою въ сердца. Картины этого отступленія, нарисованныя г. Семизомъ, тяжелое производятъ впечатлѣніе, но не подавляющее: ибо слышна въ нихъ сила не сдавагося и не побѣжденнаго сербскаго духа.

Къ сожалѣнію, авторъ въ концѣ своей книжечки, будучи сербомъ, начинаетъ говорить отъ русскаго имени. Это совершенно излишне. Книжечка издана недавно образовавшимся въ Москвѣ сербско-хорватскимъ обществомъ имени Юрія Крижанича. Весь доходъ съ нея предназначенъ на благотворительныя цѣли—въ пользу сиротъ, оставшихся отъ сербскихъ воиновъ. Намъ, русскимъ, слѣдуетъ знать трагедію сербскаго народа, и въ этомъ смыслѣ книжечка г. Семиза не бесполезна.

Андрей Сиротиничъ.

Съ 15 сѣнтября по 15 октября 1916 г. въ редакцію «Историческаго
Вѣстника» поступили для отзыва слѣдующія книги:

А. А. Со—вичъ. Бояновы пѣсни славянамъ. Из-во «Денница». М. 1916. Стр. 62. Ц. 60 к.

Н. И. Теодоровичъ. Исторія Саратовскаго Маріинскаго института благородныхъ дѣвицъ 1854—1916. Саратовъ 1916. Стр. 254. Ц. 1 р. 80 к.

А. Измайловъ. Чеховъ. 1860—1904. Жизнь.—Личность.—Творчество. Біографическій набросокъ. М. 1916. Стр. VIII+592. Ц. 2 р. 50 к.

Отчетъ состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ Его Имп. Выс. Великаго князя Михаила Александровича строительнаго комитета по сооруженію въ Петроградѣ храма-памятника трехсотлѣтія царствованія Дома Романовыхъ на 1-е января 1916 года. Пг. 1916. Стр. 57. Ц. не обозн.

Славянскія Извѣстія. 1916. Книжка первая. Изданіе Петроградскаго Славянскаго Благотворительнаго общества. Пг. 1916. Стр. 81. Ц. 50 к.

Ю. Гессенъ. Исторія еврейскаго народа въ Россіи. Въ двухъ томахъ. Т. I. Съ иллюстраціями и картами. Пг. 1916. Стр. 472+VI. Ц. 4 р.

Вл. Вальденбергъ. Древнерусскія ученія о предѣлахъ царской власти. Очерки русской политической литературы отъ Владимира Святого до конца XVII вѣка. Пг. 1916. Стр. IX—463. Ц. 3 р.

А. П. Коптяевъ. А. Н. Скрябинъ. Характеристика. Съ приложеніемъ 60 нотныхъ примѣровъ, пяти факсимиле и

портрета композитора. Пг. 1916. Стр. 88. Ц. 1 р. 60 к.

И. А. Аксеновъ. Елизаветинцы. Вып. I. Кн-во «Центрифуга». М. 1916. Стр. 299. Ц. 4 р.

Б. Лазаревскій. Семья. Разказы. Изданіе 2-е. Пг. 1916. Стр. 225. Ц. 1 р. 80 к.

Мих. Глаголевъ. Законъ Божій. Первый годъ обученія. Учебникъ съ 52 рисунками. Пг. 1916. Стр. 70. Ц. 45 к.

В. Александровичъ. Языкъ врага. Обязательное изученіе нѣмецкаго языка въ русской средней школѣ. «Русское Издательство». Пг. 1916. Стр. 18. Ц. 25 к.

Ольга Петрова. Стихотворенія. Кіевъ. 1914. Стр. 200—VII. Ц. 1 р. 25 к.

С. Мельгуновъ. О современныхъ литературныхъ нравахъ. М. 1916. Стр. 71. Ц. 60 к.

Временникъ. Изданіе сѣвернаго кружка любителей изящныхъ искусствъ. Вологда. 1916. Стр. 122. Ц.

С. Р. Языковъ. Къ вопросу объ архивномъ законодательствѣ. (Докладъ, читанный въ Имп. Об-вѣ Ревн. ист.) Пг. 1916. Стр. 16. Ц. не обозн.

Ил. Беневитскій. Враги. Драматическія сцены въ 4 дѣйствіяхъ изъ времени войны 1914 года. Казань. 1916. Стр. 32. Ц. не обозн.

Новая пьеса о нынѣшней войнѣ, какъ и множество предыдущихъ пьесъ на ту же тему, мало интересна, несмотря даже на то, что авторъ, въ погонѣ за театральными эффектами, въ 3 актѣ

перенесъ дѣйствіе въ «полковую канцелярію въ маленькой деревушкѣ въ районѣ военныхъ дѣйствій на прусской границѣ». Персонажи пьесы, и шпионъ-нѣмецъ, опозорившій дочь русскаго генерала, и ея женихъ добродѣтельный поручикъ Аргульскій, и самъ генералъ — вымученны, безжизненны, блѣдны. Не лишены юмора нѣкоторыя сценки (д. 3, явл. 1), есть нѣсколько «выигрышныхъ» въ актерскомъ смыслѣ мѣсть въ роли Лизы. Въ общемъ пьеса неинтересна.

Андрей Семеновъ-Тянь-Шанскій. Академикъ князь Борисъ Борисовичъ Голицынъ. Биографія. очеркъ. Пг. 1916. Съ портр. Стр. 39.

Тепло, задушевно и интересно написанный некрологъ почившаго крупнаго ученаго. Брошюра представляетъ оттискъ изъ 8-й книжки «Морского Сборника» за текущій годъ.

Игн. Стеллецкій. Лѣтописные варяжскіе пещера и кладъ. М. 1916. Стр. 261—276. Ц. не обозн.

Авторъ, посѣтившій, по его словамъ, всѣ кievскіе подземные уюлки, останавливается на знаменитой варяжской пещерѣ, издавшей въ своихъ мрачныхъ нѣдрахъ Аскольда, Олега, Иларіона, Антонія, Θεодосія и др. Г. Стеллецкій правильно указываетъ на необходимость археологическаго изслѣдованія этого интереснаго памятника, которымъ до сихъ поръ занимались теоретически кабинетные ученые. Брошюра представляетъ оттискъ изъ «Сборника въ честь графини П. С. Уваровой», о содержаніи котораго будетъ подробно сказано въ нашемъ журналѣ.

Сибирскій пересмѣшникъ. Литературно-художественный и общественно-сатирический повременникъ. № 12. Иркутскъ. 1916. Стр. 70. Ц. не обоз.

Этотъ провинціальный сборникъ поражаетъ своими претензіями, малой литературностью, мелкими сплетнями о различныхъ мѣстныхъ дѣятеляхъ и большимъ стремленіемъ къ саморекламѣ; особенно отличается въ этомъ отношеніи сама редакторша г-жа Д. Стожъ.

Проф. Джорджо Дель-Веккю. Моральныя причины нашей войны. Авторизованный переводъ съ 3-го итальянскаго изданія. Кн-во «Задруга». М. 1916. Стр. 32. Ц. 45 к.

Настоящая брошюра написана крупнымъ представителемъ современной итальянской юридической науки и получила распространеніе, какъ въ Италіи, такъ и у всѣхъ нашихъ союзниковъ. Появленіе ея нынѣ въ русскомъ пере-

водѣ весьма своевременно. Несомнѣнно, что убѣдительный голосъ итальянскаго ученаго найдеть искреннее сочувствіе въ русскомъ обществѣ.

Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга 21-я. М. 1916. Стр. XXVIII+592. Ц. 4 р.

Переселеніе и землеустройство за Ураломъ въ 1915 году. (Отчетъ о работахъ переселенческаго управленія за 1915 г.). Пг. 1916. Стр. IX+398. Ц. не обозн.

Прошлый 1915 годъ далъ ясное доказательство цѣнности нашего колонизаціоннаго дѣла въ общегосударственномъ отношеніи, выяснивъ, между прочимъ, особое важное значеніе Азіатской Россіи въ дѣлѣ обезпеченія народнаго продовольствія и снабженія армій. Поэтому отчетъ о работахъ переселенческаго управленія за этотъ годъ представляетъ немалый интересъ. Послѣ общаго обзора переселенія и землеустройства за Ураломъ въ 1915 г. книга содержитъ въ себѣ слѣдующее: движеніе переселенцевъ и бѣженцевъ и работа переселенческихъ пунктовъ по линиямъ жел. дорогъ, устройство новоселовъ, подготовка колонизаціоннаго фонда и его культурно-промышленное использование, работы военно-плѣнныхъ, землеустроительныя работы, колонизація пограничныхъ мѣстностей и проч. Книга снабжена множествомъ иллюстрацій, показательными таблицами и картами.

Русскій биографическій словарь, издаваемый Имп. Рус. Истор. обществомъ. Жабокритскій — Зяловскій. Пг. 1916. Стр. 588. Ц. 5 р.

Акад. А. И. Соболевскій. Русскія фрески въ Старой Польшѣ. (Съ 3-мя фототипическими таблицами.) Моск. о-во по изслѣдованію памятниковъ древности имени А. И. Успенскаго при Имп. Москов. археологическомъ институтѣ имени имп. Николая II. М. 1916. Стр. 6. Ц. 75 к.

Брошюра академика А. И. Соболевскаго знакомитъ съ фресками люблинскаго тюремнаго костела и каплицы (часовни) каедральнаго собора при краковскомъ королевскомъ замкѣ, относящимися къ концу XIV и XV в.в., когда русское культурное вліяніе было сильно въ польскихъ областяхъ; къ брошюрѣ приложены три снимка съ фресокъ, сдѣланные краковскимъ ученымъ Ф. Коперой.

Толстовскій музей въ Петроградѣ за 1913—1916 годы. Пг. 1916. Стр. 57. Ц. не обозн.

Я. И. Перельманъ. Веселыя задачи. 101 головоломка для юныхъ математиковъ. Съ 112 рис. Пг. 1916. Стр. 153. Ц. 1 р. 50 к.

Книжка г. Перельмана, автора «Занимательной физики», заключаетъ въ себѣ много разнообразнаго и интереснаго матеріала изъ «царства смекалки», изощряющаго находчивость и сообразительность. Кромѣ остроумныхъ математическихъ головоломокъ, помѣщено здѣсь также немало задачъ и изъ области физики, космографіи, логики. Безъ сомнѣнія, книга эта должна встрѣтиться очень одобрительно русской учащейся молодежи, которая найдетъ здѣсь цѣнный матеріалъ для полезной и пріятной уметвенной гимнастики.

Проф. Н. Н. Эйрсовъ. Условія, при которыхъ началась Семилѣтняя война. Моск. о-во по изслѣдованію памятниковъ древности имени А. И. Успенскаго при Имп. Моск. археолог. институтѣ. М. 1916. Стр. 20. Ц. 60 к.

Проф. Н. Н. Эйрсовъ. Петръ I Великій, московскій царь и императоръ всероссійскій. (Личная характеристика.) М. 1916. Стр. 27. Ц. не обоз.

Популярная брошюра проф. Эйр-

сова о семилѣтней войнѣ съ нѣмцами какъ нельзя болѣе своевременна и наводитъ на размышленія и сравненія условій, при которыхъ началась война съ нѣмцами въ первой половинѣ XVIII в. и протекаетъ нынѣшняя. Въ другой книгѣ тотъ же авторъ пытается нарисовать портретъ Петра Великаго и выяснитъ многія любопытныя черты его личной психологіи, до сихъ поръ тускло освѣщенныя историками. Издана книжка весьма изящно и украшена многочисленными портретами со старинныхъ гравюръ.

И. С. Симоновъ. Памяти Всеволода Порфирьевича Каховскаго. Къ двадцатипятилѣтію со дня смерти 1891—1/vi—1916. Пг. 1916. Стр. 81. Ц. 60 к.

Брошюра содержитъ характеристику извѣстнаго дѣятеля военно-педагогическаго міра, В. П. Каховскаго, благодаря стараніямъ котораго были устроены въ Россіи народныя чтенія и получили такое широкое значеніе педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній. Какъ и во всѣхъ своихъ работахъ, такъ и въ настоящей г. Симоновъ умѣло привлекаетъ интересный архивный матеріалъ.

НОВОСТИ ИСТОРИИ.

(Дуэль и смерть Пушкина).

ВСТОЯТЕЛЬСТВА трагической смерти, Пушкина всегда привлекали особое внимание современников и потомства. Уяснение условий, приведших къ гибели великаго русскаго поэта въ самомъ расцвѣтѣ его генія, возбуждало не одинъ біографическій, но и общественный интерес; однако этому уясненію долгое время мѣшала интимный характеръ семейной жизни Пушкина, вынужденнаго защищать свою супружескую честь съ оружіемъ въ рукахъ, а также интересы многихъ лицъ, имѣвшихъ отношеніе къ роковой дуэли поэта съ молодымъ кавалергардскимъ офицеромъ, Дантесомъ-Геккереномъ. Пока живы были эти лица, гласное обсужденіе многихъ вопросовъ, связанныхъ съ дуэлью, было невозможно; мало того, житейскія соображенія друзей Пушкинской семьи вынудили ихъ сознательно представлять исторію послѣднихъ дней жизни поэта не всегда въ томъ видѣ, какъ они въ дѣйствительности происходили. Вслѣдствіе этого создалась, такъ сказать, официальная версія о смерти Пушкина, донныѣ господствовавшая въ нашей литературѣ. Дуэли Пушкина былъ приданъ исключительно романической характеръ—наглое, назойливое ухаживаніе Дантеса за женой поэта, Натальей Николаевной, и полученіе Пушкинымъ анонимныхъ дипломовъ на званіе члена общества роконосцевъ, переполнившее чашу терпѣнія оскорбленнаго мужа. Біографы Пушкина, разбираясь въ этой версіи, занимались преимущественно вопросомъ, насколько въ создавшемся положеніи, сдѣлавшемся нестерпимымъ для Пушкина, была виновата жена поэта или его собственная воля и бурный, африканскій темпераментъ. Дѣло такимъ образомъ сводилось къ обычной въ частномъ быту исторіи обманутаго или ревниваго мужа, пріобрѣтало личный

характеръ, внѣ связи съ общественнымъ значеніемъ Пушкина, какъ вождя молодой Россіи, которое въ большой или меньшей степени придавало ему даже правительство и иностранцы. Внѣ этой связи многое въ исторіи дуэли Пушкина оставалось загадочнымъ и непонятнымъ, ибо то, что было возможно и удобно для «коллежскаго секретаря» и «камеръ-юнкера» Пушкина, оказывалось совершенно несообразнымъ ни съ чьей точки зрѣнія для челоѵка, представлявшаго крупную и дотолѣ еще невиданную общественную силу. При этомъ освѣщеніи дуэль Пушкина пріобрѣтаетъ историческое значеніе, а самая личность поэта, страдалчески закончившаго свою жизнь и дѣятельность, вызываетъ еще большее сочувствіе. Начало такому историческому изученію послѣднихъ дней жизни Пушкина, на основаніи новыхъ, весьма важныхъ документовъ, полагаетъ только что вышедшая книга П. Е. Щеголева: «Дуэль и смерть Пушкина. Изслѣдованіе и матеріалы».

Книга П. Е. Щеголева представляетъ собою отдѣльный оттискъ изъ изданія академіи наукъ «Пушкинъ и его современники» (вып. XXV—XXVII) и состоитъ изъ двухъ частей: 1) собственно «Изслѣдованія» (1—170 стр.) и 2) «Матеріаловъ» къ нему (1—350). Въ «Изслѣдованіи» авторъ излагаетъ романтическую исторію дуэли, подвергая тщательному разбору общепринятую ея версію, а также степень участія въ трагическомъ концѣ поэта отдѣльныхъ лицъ, на основаніи вновь найденныхъ документовъ изъ архивовъ барона Геккерена-Дантеса, Н. И. Тургенева и герцога Мекленбургъ-Стрелицкаго. Работа эта сдѣлана г. Щеголевымъ съ должною тщательностію и осторожностію, но, замкнувшись въ этихъ предѣлахъ, авторъ не нарисовалъ фона для представляемой имъ картины, т. е. общаго положенія Пушкина и его дѣлъ въ описываемое время, а также его отношеній къ правительству и обществу, ограничиваясь лишь кое-гдѣ попутными указаніями. Вслѣдствіе этого не использованы въ должной степени въ его «Изслѣдованіи» матеріалы второй части его книги, представляющіе для пониманія общественнаго положенія Пушкина и исторіи послѣднихъ дней его жизни чрезвычайный историческій и біографическій интересъ. На нихъ-то мы и обратимъ преимущественно вниманіе читателей. Но прежде того остановимся на выводахъ П. Е. Щеголева, сдѣланныхъ имъ въ своемъ «Изслѣдованіи» о романтической сторонѣ Пушкинской дуэли.

Подобно другимъ біографамъ Пушкина, и г. Щеголевъ внимательно останавливается на изученіи личности жены его Натальи Николаевны, урожденной Гончаровой, и характеръ ея отношеній къ Дантесу-Геккерену. Приведа единогласныя свидѣтельства современниковъ о красотѣ Натальи Николаевны, ея успѣхѣ при дворѣ и въ свѣтѣ, авторъ спрашиваетъ: «Но кто же, наконецъ, она, эта поразительная красавица? Какую душу облекла прелестная внѣшность?... Всѣ современныя свидѣтельства о Натальѣ Николаевнѣ Пушкиной говорятъ только о ея изумительной красотѣ и ни о чемъ больше: они молчатъ о ея сердцѣ, ея душѣ, ея умѣ, ея вкусѣ. Перечитайте письма князя Вяземскаго къ А. И. Тургеневу, наполняющія огромные томы «Остафьевскаго архива»: вы найдете въ нихъ множество сообщеній о красавицахъ, которыми всегда интересовался Вяземскій, почти всякое сообщеніе даетъ одну-другую подробность къ характеристикѣ духовной личности, почти о каждой красавицѣ—Аврорѣ Мусиной-Пушкиной,

А. В. Кирѣевой, Долли Фикельмонъ, и т. д. изъ этихъ писемъ вы узнаете что-нибудь. Но сообщенія о Пушкиной, крайне немногочисленныя, говорятъ только о ея большихъ успѣхахъ. Во всѣхъ свидѣтельствахъ о ней—не только кн. Вяземскаго, но и другихъ—не приведено ни одной ея фразы, не упомянуто ни объ одномъ ея дѣйстви, поступкѣ. Точно она—лицо безъ рѣчей въ драмѣ, и вся ея роль сводится только къ блистанію и затмеванію всѣхъ своей красотой. Въ этомъ молчаніи современниковъ нѣтъ ничего загадочнаго: молчать, потому что нечего было сказать, нечего было отмѣтить»... «Писемъ Пушкина къ ней довольно много, и ни въ одномъ изъ нихъ Пушкинъ не подѣлился съ ней ни однимъ своимъ литературнымъ замысломъ. Если онъ и пишетъ о своемъ творествѣ, такъ только съ точки зрѣнія количественной, матеріальной, какую выгоду принесетъ ему то или другое произведеніе! Необходимость творчества оправдывается въ письмахъ матеріальными потребностями. О своей творческой, художественной дѣятельности Пушкинъ могъ говорить съ своими друзьями—кн. Вяземскимъ, Жуковскимъ, съ А. О. Смирновой, съ Е. М. Хитрово, съ дипломатами, но съ женой ему нечего было говорить объ этой важнѣйшей сторонѣ его жизни: ей было это безразлично или непонятно. Только непонятливостію Натальи Николаевны или ея нечувствительностію къ литературѣ можно объяснить рѣшительное отсутствіе какихъ-либо замѣтокъ литературнаго характера въ письмахъ къ ней Пушкина... Обстановка дѣтства и дѣвичьихъ лѣтъ Н. Н. Пушкиной отнюдь не содѣйствовала пополненію образовательныхъ пробѣловъ. Знакомства и интересы—затхлаго, провинціального разбора. «Какъ я не люблю,—писалъ Пушкинъ,—все, что пахнетъ московской барышней, все, что не *comme il faut*, все, что *vulgaire*». Значитъ, московская барышня, какой и была дѣвица Наталья Гончарова,— не *comme il faut*, *vulgaire*.

«Если изъ писемъ Пушкина къ женѣ устранить сообщенія фактическаго, бытового характера, затѣмъ многочисленныя фразы, выражающія его нѣжную заботливость о здоровьѣ и матеріальномъ положеніи жены и семьи, и по содержанію остающагося матеріала попытаться освѣтить духовную жизнь Н. Н. Пушкиной, то придется свести эту жизнь къ весьма узкимъ границамъ въ области любовнаго чувства на низшей стадіи развитія, къ переживаніямъ, вызваннымъ проявленіями обожанія ея красоты со стороны ея безчисленныхъ свѣтскихъ почитателей. При чтеніи писемъ Пушкина, съ перваго до послѣдняго, ощущаешь атмосферу пошлаго ухаживанія. Воздухомъ этой атмосферы, раздражавшей поэта, дышала и жила его жена. При скудости духовной природы главное содержаніе внутренней жизни Натальи Николаевны давалъ свѣтско-любовный романтизмъ. Пушкинъ безпрестанно упрекаетъ жену и предостерегаетъ ее отъ кокетничанья, а она все время дѣлится съ нимъ своими успѣхами въ дѣлѣ кокетства и безпрестанно подозрѣваетъ Пушкина въ измѣнахъ и ревнуетъ его. И упреки въ кокетствѣ, и изъявленія ревности — неизбѣжный и досадный элементъ переписки Пушкиныхъ.

«Покидая жену, Пушкинъ всегда пребывалъ за нее въ безпокойствѣ—не только по обыкновеннымъ основаніямъ (быть можетъ, больна; быть можетъ, матеріальныя дѣла плохи), но и по болѣе глубокимъ: не сдѣлала ли она какого-либо ложнаго шага, роняющаго ее и его въ общемъ уваженіи. А ложные шаги

она дѣлала—и нерѣдко: то въ отсутствіе Пушкина дружится съ графинями, съ которыми неловко было кланяться при публикѣ, то принимаетъ человѣка, который ни разу не былъ въ домѣ при Пушкинѣ, то принимаетъ приглашеніе на балъ въ домъ, гдѣ хозяйка позволяетъ себѣ невниманіе и неуваженіе. Еще сильнѣе волновало и беспокоило Пушкина опасеніе, какъ бы его жена не зашла далеко въ своемъ кокетствѣ. «Ты виновата кругомъ... кокетничаешь со всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ»... «Смотри, женка, того и гляди, избалуешься безъ меня, забудешь меня, искокетничаешься»... «Не страшай меня, женка, не говори, что ты искокетничалась»... «Не кокетничай съ Соболевскимъ»... «Не страшай меня, не кокетничай съ царемъ, ни съ женихомъ княжны Любы»... Такими фразами пестрятъ письма Пушкина. Одинъ разъ онъ подробно изложилъ свой взглядъ на кокетство: «Ты, кажется, не путемъ искокетничалась. Смотри: не даромъ кокетство не въ модѣ и считается признакомъ дурного тона. Въ немъ толку мало (sic). Ты радуешься, что за тобою, какъ за сучкою, бѣгаютъ кобели, поднявъ хвостъ трубочкой и понюхивая тебѣ....; есть чему радоваться. Не только тебѣ, но и Прасковѣ Петровнѣ легко за собою приучить бѣгать холостыхъ шаромыжниковъ: стоить разгласить, что я-де большая охотница. Вотъ вся тайна кокетства. Было бы корыто, а свињи будутъ. Къ чему тебѣ принимать мужчинъ, которые за тобою ухаживаютъ? не знаешь, на кого нападешь. Прочти басню А. Измайлова о Ѡмѣ и Кузьмѣ. Ѡма накормилъ Кузьму икрой и селедкой. Кузьма сталъ просить пить, а Ѡма не далъ. Кузьма и прибилъ Ѡму, какъ каналью. Изъ этого поэтъ выводитъ слѣдующее нравоученіе: красавицы, не кормите селедкой, если не хотите пить давать; не то можете наскочить на Кузьму!»

Такія письма могъ писать своей женѣ лишь мужъ, не только не увѣренный въ ея любви къ нему, но и не питавшій уваженія къ ея характеру и міросозерцанію. Въ дѣйствительности между супругами не было ничего общаго. Н. Н. Пушкина всецѣло, мыслями и чувствами, принадлежала свѣтскому кругу общества и, давъ мужу четырехъ дѣтей, находила отраду и успокоеніе отъ семейныхъ заботъ лишь въ свѣтскихъ развлеченіяхъ. Она не понимала и не цѣнила значенія геніальнаго своего мужа: *homme des lettres* въ то время ничего не стоилъ въ свѣтскомъ обществѣ, сужденіемъ котораго дорожила Наталья Николаевна; для нея важнѣе было его званіе камеръ-юнкера, дарованное Пушкину исключительно съ цѣлю дать возможность его женѣ бывать на придворныхъ собраніяхъ. Упроченію свѣтскихъ наклонностей Натальи Николаевны содѣйствовало вліяніе на нее ея тетки, фрейлины Загряжской, замѣнявшей ей мѣсто матери, и жены кавалергардскаго полковника, побочной дочери графа Строганова, Идалии Полетика, ненавидѣвшей почему-то Пушкина и тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ игравшей роль близкой подруги его жены. Къ сожалѣнію, П. Е. Щеголевъ не могъ воспользоваться для своего «Исслѣдованія» письмами Н. Н. Пушкиной къ мужу, хранящимися въ запечатанныхъ конвертахъ, впрѣдь до истеченія установленнаго срока, въ московскомъ Румянцовскомъ музеѣ, но можно сказать съ увѣренностію, что въ интимномъ дружескомъ кругу Н. Н. Пушкиной ревнивый ея мужъ не пользовался сочувствіемъ, и въ этомъ кругу его мысли о поведеніи Натальи Николаевны встрѣчались съ осужденіемъ и насмѣшкой. Флиртъ въ то время былъ не только удовольствіемъ, но и свѣтской обязанностью для молодой женщины. «Рукопожатія, обниманіе, поцѣлуи, — по словамъ

современника, кн. Трубецкого, — въ наше время были вещи обыкновенныя». «Ужъ очень такіе нравы, — замѣчаетъ г. Щеголевъ, — не подходятъ къ современнымъ, но вѣдь событія, о которыхъ рассказываетъ кн. Трубецкой, происходили 80 лѣтъ тому назадъ, и нравы были иные». Объ этомъ, между прочимъ, говоритъ и дневникъ друга и пріятеля Пушкина, А. Н. Вульфа: «въ немъ — цѣлое откровеніе для исторіи чувства и чувственности въ Россіи 1820—1830 гг. Самое обращеніе съ женщинами и дѣвушками — такое, какое намъ трудно себѣ представить». Самъ Пушкинъ былъ далеко не свободенъ отъ упрековъ въ этомъ отношеніи. Лучшій другъ Пушкина въ великосвѣтскомъ обществѣ, Е. М. Хитрово, дочь фельдмаршала Кутузова, извѣстна была легкомысліемъ своего поведенія, и ея побочное потомство донинѣ занимаетъ выдающееся положеніе въ русскомъ аристократическомъ кругу, какъ и многіе другіе плоды незаконныхъ связей того времени. Такія вѣрныя и серьезныя жены, какъ Е. А. Карамзина и кн. В. Ф. Вяземская, на петербургскомъ небосклонѣ считались единицами и не входили въ интимный кружокъ m-me Пушкиной. Возмущеніе мужа флиртомъ, не выходящимъ изъ извѣстныхъ предѣловъ, не затрагивало поэтому нравственнаго чувства Н. Н. Пушкиной и даже должно было казаться ей посягательствомъ на ея права и обязанности, какъ свѣтской женщины и признанной красавицы. Встрѣтить «Кузьму», поиграть съ огнемъ и въ то же время не потерять уваженія свѣта — было для молодой женщины особаго рода спортомъ, и опасность его только умножала удовольствіе.

Пушкинъ, какъ «умнѣйшій человекъ въ Россіи», по признанію самого императора Николая, ревниво охранявшій свое достоинство и какъ человекъ, и какъ поэтъ, долженъ былъ понимать опасность своего положенія въ Петербургѣ при такой обстановкѣ. Тотчасъ послѣ своей женитьбы, въ 1831 году онъ мечтаетъ уже сохранить свою нравственную независимость отъ правительственныхъ милостей и цензуръ, а также сбереечь свое семейное спокойствіе — удаленіемъ изъ столицы въ глушь, въ деревню, или поѣздкой за границу. Но не тутъ-то было. Вождя молодой, зарождающейся Россіи нельзя было выпускать изъ-подъ негласнаго полицейскаго надзора, а жена его, милостиво принятая при дворѣ, только что вкусившая успѣховъ свѣта, столь отвѣчавшихъ ея характеру и міросозерцанію, вовсе не желала хоронить свою молодость и красоту въ псковской или нижегородской деревнѣ. Фрейлинѣ Загряжской, теткѣ и руководительницѣ молодой Пушкиной при первыхъ шагахъ ея въ свѣтъ, стремленіе мужа ея покинуть Петербургъ должно было казаться дикимъ и безумнымъ въ виду благосклоннаго отношенія двора къ нему и его женѣ. Того же мнѣнія были всѣ родные и друзья Пушкина.

Особенное значеніе имѣло для Пушкина отношеніе къ его настроенію ближайшаго его друга и покровителя, Жуковскаго, всегда заботливо относившагося къ судьбѣ поэта. «Подъ его вліяніемъ, по его совѣтамъ, — говоритъ г. Щеголевъ, — Пушкинъ сталъ искать разрѣшенія житейскихъ задачъ и затрудненій около двора и отъ государя. Пушкинъ долженъ былъ получить службу, добыть матеріальную поддержку. Жуковскій (въ то время воспитатель наслѣдника) всячески облегчалъ сношенія съ государемъ; конечно, при его содѣйствіи было

устроено и личное общеніе поэта съ государемъ въ допустимой этикетомъ мѣрѣ. Жуковскій былъ инициаторомъ царскихъ милостей и царскаго расположенія. Онъ докладывалъ государю о Пушкинѣ и говорилъ Пушкину о государѣ. «Царь со мною очень милостивъ и любезенъ», писалъ поэтъ П. А. Плетневу. — «Царь взялъ меня въ службу, но не въ канцелярскую или придворную, или военную, — нѣтъ, онъ далъ мнѣ жалованье, открылъ мнѣ архивы съ тѣмъ, чтобы я рылся тамъ и ничего не дѣлалъ. Это очень мило съ его стороны, не правда ли? Онъ сказалъ: «Puisqu'il est marié et qu'il n'est pas riche, il faut faire sa marmite». Ей-Богу, онъ очень со мною милъ». Эти милости, это благоволеніе, подкрѣпленныя личнымъ общеніемъ съ государемъ, обязали Пушкина навсегда чувствомъ благодарности, и росту, укрѣпленію этого чувства какъ нельзя болѣе содѣйствовалъ Жуковскій. Впослѣдствіи боязнь оказаться неблагодарнымъ не разъ сковывала стремленіе Пушкина разорвать тягостныя обязательства. «Я не хочу, чтобы меня могли подозрѣвать въ неблагодарности: это хуже либерализма» — писалъ однажды Пушкинъ. Но Жуковскій мощно влиялъ и на политическое міросозерцаніе Пушкина. Если на одинъ моментъ воспользоваться привычными теперь терминами, то придется сказать, что въ 1831 году убѣжденія Пушкина достигали зенита своей правизны: послѣ 1831 года они подвергались колебаніямъ, но всегда влѣво.... Читатели и почитатели Пушкина, которымъ неизвѣстна была внутренняя его жизнь, судили несправедливо и грубо, дѣлая выводы изъ фактовъ внѣшней его жизни, узнавая о назначеніи его въ службу, о близости его ко двору. Близость, конечно, мнимая: Пушкинъ былъ близокъ къ Жуковскому и только по Жуковскому — ко двору... «Мнѣ досадно, — писалъ одинъ изъ почитателей Пушкина: — что ты хвалишь Пушкина за послѣднія его вирши. Онъ мнѣ такъ огадился, какъ человекъ, что я потерялъ къ нему уваженіе даже какъ къ поэту. Ибо одно съ другимъ неразлучно. Я не говорю о Пушкинѣ, творцѣ «Годунова» и проч.: то былъ другой Пушкинъ, то былъ поэтъ, подававшій великія надежды и старавшійся ихъ оправдать. Теперешній же Пушкинъ есть человекъ, остановившійся на половинѣ своего поприща и который вмѣсто того, чтобы смотрѣть прямо въ лицо для принесенія имъ въ жертву Аполлону, оглядывается по сторонамъ и ищетъ другихъ божествъ своего дара. Упалъ Пушкинъ, и, признаюся, мнѣ весьма жаль этого. О, честолюбіе и златолюбіе!»... Пушкинъ, конечно, не могъ успокоиться на безропотномъ подчиненіи, онъ пробовалъ протестовать... Жуковскій и погашалъ протестъ призывомъ къ чувству благодарности. Пушкинъ уходилъ въ себя, замыкался и долженъ былъ тщательно заботиться въ процессѣ творчества о сокрытіи слѣдовъ своей критической мысли. Въ «Мѣдномомъ Всадникѣ» онъ такъ тщательно укрылъ свою политическую мысль, что только «путемъ внимательнѣйшаго анализа ее начинаютъ обнаруживать поединѣйшіе изслѣдователи».

Г. Щеголевъ почему-то обходитъ молчаніемъ въ «Изслѣдованіи» тотъ весьма важный для самочувствія Пушкина фактъ, что объявленная ему въ видѣ особой милости высочайшая цензура для его сочиненій обратилась уже въ это время въ рукахъ шефа жандармовъ, графа А. Х. Бенкендорфа, въ особаго рода прессъ для творческой дѣятельности и ставила его даже ниже писателей, проходившихъ

чрезъ обычныя цензурныя врата; мало того, Бенкендорфъ любезно требовалъ отъ поэта, чтобы онъ не смѣлъ читать новыхъ своихъ произведеній въ рукописи даже ближайшимъ своимъ друзьямъ прежде, чѣмъ произведенія эти не будутъ представлены чрезъ него, Бенкендорфа, на высочайшее воззрѣніе. Въ видѣ особаго вниманія къ Пушкину, къ нему примѣнялась и высшая мѣра полицейскаго надзора: онъ не смѣлъ и выѣхать изъ Петербурга, не сообщивъ о томъ Бенкендорфу. Объ истинныхъ своихъ чувствахъ къ Пушкину знаменитый шефъ жандармовъ засвидѣтельствовалъ барону А. А. Дельвигу въ томъ же 1831 году, грозя отправить его въ Сибирь вмѣстѣ съ его друзьями: кн. Вяземскимъ и Пушкинымъ... Пушкинъ не могъ не чувствовать всей фальши своего положенія предъ лицомъ Бенкендорфа, всемогущаго наперсника императора, а въ Россіи кто могъ знать объ этихъ невзгодахъ ея гениальнаго пѣвца? Самъ Жуковскій вынужденъ былъ молчать, чтобы не усложнять еще болѣе отношеній, дѣлавшихся нестерпимыми...

«Съ годами становилось все тяжелѣе и тяжелѣе,—говоритъ П. Е. Щеголевъ.—Разноцвѣтныя нити зависимости переплелись въ клубокъ. Уже трудно было разобрать, что отъ чего, съ чего надо начать перемѣну жизни: бросить ли службу, скрыться отъ государевыхъ милостей, вырвать жену и себя изъ свѣтской суеты, раздоставъ деньги, раздѣлаться съ долгами?.. Въ 1834 году Пушкинъ яснымъ окомъ взглянулъ на свою жизнь и рѣшился на рѣзкую перемѣну всего строя жизни, но тутъ же былъ остановленъ Жуковскимъ, который просто накричалъ на него». Такъ пишетъ г. Щеголевъ въ своемъ «Исслѣдованіи», но въ «Матеріалахъ» онъ печатаетъ драгоцѣнное для біографіи Пушкина и самого Жуковскаго черновое письмо Жуковскаго къ Бенкендорфу, правда, написанное уже послѣ смерти поэта, но показывающее, что Жуковскому не была чужда горькая судьба поэта и его затаенныя мысли. Поздно, чрезчуръ поздно вырвался этотъ «крикъ» благороднаго, но мечтательнаго друга поэта, и даже неизвѣстно, услышалъ ли его Бенкендорфъ. «Я перечиталъ,—писалъ Жуковскій всемогущему шефу жандармовъ,—всѣ письма, имъ (т. е. Пушкинымъ) отъ вашего сіятельства полученныя; во всѣхъ ихъ, долженъ сказать, выражается благое намѣреніе. Но сердце мое сжималось при этомъ чтеніи. Во всѣ эти двѣнадцать лѣтъ, прошедшія съ той минуты, въ которую государь такъ великодушно его присвоилъ, его положеніе не перемѣнилось: онъ все былъ какъ буйный мальчикъ, которому страшишься дать волю,—подъ строгимъ, мучительнымъ надзоромъ. Всѣ формы этого надзора были благородны, ибо отъ васъ оно не могло быть иначе. Но надзоръ все надзоръ. Годы проходили. Пушкинъ созрѣвалъ; умъ его остепенялся. А прежнее противъ него предубѣжденіе, не замѣчая внутренней нравственной перемѣны его, было то же и то же. Онъ написалъ «Годунова», «Полтаву», свои оды «Къ клеветникамъ Россіи», «На взятіе Варшавы», т. е. все свое лучшее, принадлежащее нынѣшнему царствованію, а въ сужденіи о немъ все указывали на его оду «Къ свадьбѣ», «Кинжалъ», написанный въ 1820 году, и въ 36-лѣтнемъ Пушкинѣ видѣли все 22-лѣтняго. Ссылаюсь на васъ самихъ, такое положеніе могло ли не быть огорчительнымъ? Къ несчастію, оно и не могло быть иначе. Вы на своемъ мѣстѣ не могли слѣдовать за тѣмъ, что дѣлалось внутри души его (sic). Но подумайте сами, каково было бы вамъ, когда бы вы въ зрѣлыхъ годахъ обре-

менены были бы такою сѣтью, видѣли каждый шагъ вашъ истолкованнымъ предубѣжденіемъ, не имѣли возможности произвольно перемѣнить мѣсто безъ навлеченія на себя (выговора) подозрѣнія или укора? Въ вашихъ письмахъ нахожу выговоры за то, что Пушкинъ поѣхалъ въ Москву, что Пушкинъ поѣхалъ въ Арзрумъ. Но какое же это преступленіе? Пушкинъ хотѣлъ поѣхать въ деревню на лѣто, чтобы заняться на покой литературой, ему было отказано въ томъ подъ тѣмъ видомъ, что онъ служилъ, а дѣйствительно потому, что не вѣрили (чтобы онъ). Но въ чемъ же была его служба? Въ томъ единственно, что онъ былъ причисленъ къ иностранной коллегіи. Какое могло быть ему дѣло до иностранной коллегіи? Его служба была его перо, его Петръ Великій, его поэмы, его произведенія, коими бы ознаменовалось нынѣшнее славное время. Для такой службы нужно свободное уединеніе. Какое спокойствіе могъ онъ имѣть съ своею пылкою, огорченною душою, съ своими стѣсненными домашними обстоятельствами, посреди того свѣта, къ которому былъ прикованъ необходимостію, гдѣ все тревожило его суетность, гдѣ было столько раздражительнаго для его самолюбія, гдѣ наконецъ тысячи презрительныхъ сплетней, изъ сѣти которыхъ не имѣлъ онъ возможности выбраться, погубили его. Государь императоръ назвалъ себя его цензоромъ. Милость великая, особенно драгоцѣнная потому, что въ ней обнаруживалось все личное благоволеніе къ нему государя. Но, скажу откровенно, эта милость поставила Пушкина въ самое затруднительное положеніе. Легко ли было ему беспокоить государя всякою мелочью, написанною имъ для помѣщенія въ какомъ-либо журналѣ? На многое, замѣченное государемъ, не имѣлъ онъ возможности дѣлать объясненій; до того ли государю, чтобы выслушивать ихъ? И могъ ли рѣшиться на это Пушкинъ? А если какіе-либо мелкіе стихи его появились напечатанными въ альманахѣ (разумѣется, съ вѣдома цензуры), это ставилось ему въ вину, въ этомъ видѣлись непослушаніе и буйство, и ваше сіятельство дѣлали ему гласные или письменные выговоры, а вина его состояла или въ томъ, что онъ съ такою мелочью не счелъ нужнымъ итти къ государю и отдавалъ ее просто на судъ общей для всѣхъ цензуры, или въ томъ, что стихи его, ходившіе по рукамъ въ рукописи, были напечатаны безъ его вѣдома, но также съ одобреніемъ цензуры, какъ то случилось съ этими несчастными стихами къ Лукуллу, за которые не одни вы, но и всѣ друзья его жестоко ему упрекали... Наконецъ, въ одномъ изъ писемъ вашего сіятельства нахожу выговоръ за то, что Пушкинъ въ нѣкоторыхъ обществахъ читалъ свою трагедію прежде, нежели она была одобрена. Да что же это за преступленіе? Кто изъ писателей не сообщаетъ своимъ друзьямъ своихъ произведеній для того, чтобы слышать ихъ критику? Неужели же онъ долженъ до тѣхъ поръ, пока его произведеніе еще не позволено официально, самъ считать его не дозволеннымъ? Чтеніе ближнимъ есть одно изъ величайшихъ наслажденій для писателя. Всѣ позволяли себѣ его, оно есть дѣло семейное, то же, что разговоръ, что переписка. Запрещать его то же, что запрещать мыслить (думать про себя, дышать) и прочее. Такого рода запрещенія вредны потому именно, что они бесполезны, раздражительны и никогда исполнены быть не могутъ».

Стараясь затѣмъ убѣдить Бенкендорфа въ лояльности политическихъ взглядовъ умершаго своего друга примѣнительно къ господствовавшему въ то

время Николаевскому режиму, Жуковский снова обращается къ характеристикѣ отношеній Бенкендорфа къ поэту. «Пушкинъ мужаль зрѣлымъ умомъ и поэтическимъ дарованіемъ, несмотря на раздражительную тягость своего положенія, которому не могъ онъ конца предвидѣть... Ваше сіятельство не могли замѣтить этого угнетающаго чувства, которое грызло и портило жизнь его. Вы дѣлали изрѣдка свои выговоры съ благимъ намѣреніемъ и забывали о нихъ, переходя къ другимъ важнѣйшимъ вашимъ занятіямъ, которыя не могли дать вамъ никакой свободы, чтобы заняться Пушкинымъ. А эти выговоры, для васъ столь мелкіе, опредѣляли цѣлую жизнь его: ему нельзя было тронуться съ мѣста свободно, онъ лишень былъ наслажденія видѣть Европу, ему нельзя было своимъ друзьямъ и своему избранному обществу читать свои сочиненія, въ каждахъ стихахъ его, напечатанныхъ не имъ, а издателемъ альманаха съ дозволенія цензуры, было видно возмущеніе. Позвольте сказать искренно. Государь хотѣлъ своимъ особеннымъ покровительствомъ остепенить Пушкина и въ то же время дать его гению полное его развитіе, а вы изъ сего покровительства сдѣлали надзоръ, который всегда притѣснителенъ, какъ бы, впрочемъ, ни былъ онъ кротокъ и благороденъ (какъ все, что отъ васъ истекаетъ)».

Есть данныя думать, что эти мысли Жуковского, набросанныя имъ подъ живымъ впечатлѣніемъ безвременной кончины великаго русскаго поэта, не были имъ сообщены Бенкендорфу, по совѣту друзей Пушкина. Но въ этихъ негодующихъ строкахъ, обращенныхъ къ всемогущему наперснику императора Николая, обнаруживается душевная драма Жуковского, стремившагося идеализировать николаевскій режимъ въ умѣ погибшаго своего друга, примирить его съ нимъ и тѣмъ неволью подводившаго его подъ гнетъ и удары начальника тайной полиціи. Идеологія николаевскаго режима, которою долгое время проникнуть былъ нѣжный пѣвецъ-романтикъ, со смертію Пушкина получила жестокой ущербъ, связанный отчасти съ угрызеніями совѣсти. «Отеческія заботы Бенкендорфа,—пишетъ г. Щеголевъ,—грызли и портили жизнь Пушкина, но Жуковский не могъ не видѣть, что Бенкендорфъ былъ лишь исполнителемъ воли Николая Павловича. Жуковский сознавалъ, но, быть можетъ, не имѣлъ силъ признаться въ томъ, что, будь Николай Павловичъ дѣйствительно расположенъ къ Пушкину, такимъ отеческимъ заботамъ не было бы мѣста». Въ сущности графъ Бенкендорфъ при Николаѣ исполнялъ иногда тѣ же обязанности, которыя несъ при Александрѣ I Аракчеевъ: онъ отъ своего лица проводилъ въ жизнь тѣ мѣропріятія, которыя, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, не должны были исходить отъ лица самого государя. Этимъ объясняется, между прочимъ, всемогущество Бенкендорфа при Николаѣ: по свидѣтельству графа Блудова, «государю можно было жаловаться на всѣхъ, даже на самого государя, но не на графа Бенкендорфа». Жуковский, близкій человѣкъ ко двору, не могъ не знать этого, и этимъ объясняется раболѣпство стили негодующаго обращенія его къ Бенкендорфу, выраженія его о «кротости» и «благородствѣ» полицейскихъ пріемовъ шефа жандармовъ по отношенію къ великому, но несчастному поэту.

Безъ сомнѣнія, внѣшній, полицейскій гнетъ, который давилъ Пушкина въ послѣдніе годы его жизни и былъ главнымъ предметомъ позднихъ сожалѣній Жуковского, — далеко не исчерпывалъ трагизма положенія Пушкина: онъ

яснымъ своимъ умомъ долженъ былъ постигнуть фальшь идеологіи своего друга, поставившей его въ ложное положеніе къ правительству и обществу и давшей его поэтической и литературной дѣятельности не то лучезарное направленіе, о которомъ мечталъ онъ съ юности. Лучше, чѣмъ кто-либо, сознавалъ онъ неестественное, хотя бы виѣшнее, отдаленіе свое отъ чаяній и ожиданій молодой Россіи, которая, несмотря ни на что, продолжала считать его своимъ духовнымъ вождемъ и истолкователемъ, и столь же неестественное сближеніе съ общественными кругами, гдѣ въ глубинѣ души считали его демагогомъ и отверженцемъ. Не Жуковскому могъ онъ передавать эти волновавшія его мрачныя мысли. Пушкинъ, конечно, гораздо ранѣе, чѣмъ другъ его, постигъ истинныя отношенія къ нему правительства; постигало ихъ и аристократическое общество, всегда чуткое къ малѣйшимъ дуновеніямъ сверху и отражавшее ихъ въ своихъ вѣжливыхъ, но глухо-враждебныхъ чувствахъ къ поэту, носившему званіе камеръ-юнкера по милости свѣтскихъ успѣховъ своей жены. И, между тѣмъ, именно къ этому бездушному враждебному обществу принадлежала всей душой своей любимая имъ, но пустая женщина, не понимавшая ни гениальнаго своего супруга, ни исторической роли, выпавшей ей на долю къ ея безславію. Пушкинъ долженъ былъ чувствовать постоянно, что враги его именно въ лицѣ Наталіи Николаевны могутъ нанести самую глубокую рану его мятущейся душѣ.

Пушкинъ хотѣлъ бѣжать изъ Петербурга, разорвать съ обществомъ, которое его окружало, съ милостями и надзоромъ правительства, чтобы избѣжать надвигавшейся на него катастрофы и найти душевный миръ и спокойствіе въ глуши деревни. Этого ему не хотѣлъ позволить Бенкендорфъ, не хотѣла позволить и Наталія Николаевна, костюмы и брильянты которой оплачивались ея теткой, фрейлиной Загряжской... Откуда брада эта самоотверженная тетушка средства для этого, неизвѣстно, но вліянія родныхъ на жену боялся Пушкинъ еще въ 1830 г. Тогда онъ писалъ Плетневу: «Все, что ты говоришь о свѣтѣ, справедливо; тѣмъ справедливѣе опасенія мои, чтобы тетушка да бабушка да сестрицы не стали кружить голову молодой жены моей пустяками». Опасенія Пушкина сбылись. Въ Петербургъ пріѣхали и поселились въ домѣ Пушкина сестры его жены: Азинька и Коко. Изъ нихъ Александра, некрасивая, но умная дѣвушка, занялась домашнимъ хозяйствомъ и надзоромъ за дѣтской; по рассказамъ, она была восторженной почитательницей своего зятя-поэта и даже была въ него влюблена, но Екатерина Николаевна, пожалованная фрейлиной, была предана удовольствіямъ свѣта не менѣе своей сестры, Пушкиной, и выѣзжала вмѣстѣ съ нею. Разумѣется, эти сестры не могли сочувствовать стремленію поэта покинуть Петербургъ! Въ 1835. Пушкина отвергла даже предложеніе мужа поѣхать въ Болдино, нижегородскую его деревню. Сестра Пушкина такъ сообщала объ этомъ своему мужу: «Пушкины не ѣдутъ больше въ Нижній, какъ предполагалъ monsieur, потому что madame объ этомъ и слышать не хочетъ». Наталія Николаевна оставалась въ Петербургѣ, какъ бы нарочно ожидая того «Кузьмы», появленіе котораго уже давно тоскливо предугадывалъ ея мужъ. «Кузьма» этотъ дѣйствительно и явился въ лицѣ французскаго выходца, барона Жоржа Дантеса-Геккерена...

Г. Щеголевъ впервые воспользовался документами изъ семейнаго архива бароновъ Геккереновъ и возстановилъ, благодаря этому, интимныя обстоятельства въ жизни Жоржа Дантеса-Геккерена, бывшія доселѣ предметомъ темныхъ сказаній. Какъ всегда, о нихъ молчали потому, что о томъ выгодно было молчать. Жоржъ Дантесъ, изъ обѣднѣвшаго рода эльзасскихъ бароновъ, явился въ Россію «для ловли счастья и чиновъ» въ концѣ 1833 г. при самыхъ благопріятныхъ для себя обстоятельствахъ. У него были родственныя связи съ прусскою и даже русской аристократіей и привезъ онъ съ собою рекомендательное письмо любимаго брата императрицы Александры Ѳеодоровны, принца Вильгельма Прусскаго, будущаго германскаго императора; кромѣ того, онъ имѣлъ лестную для петербургскаго двора репутацію легитимиста, пострадавшаго въ бытность свою въ Сентъ-Сирской военной школѣ за вѣрность герцогинѣ Беррійской, преслѣдуемой Орлеанами. Красивый 22-лѣтній французъ, живой остроумный *causeur*, но легкомысленный и пустой служака, былъ тотчасъ же взысканъ милостию императора Николая, назначившаго его въ Кавалергардскій полкъ корнетомъ. Въ лучахъ этой милости увидѣло его въ своей средѣ и высшее петербургское общество, не замедлившее открыть юному искателю счастья свои двери. Вдобавокъ этотъ баловень фортуны усыновленъ былъ послѣ появленія своего въ Петербургѣ голландскимъ посланникомъ барономъ Геккереномъ, нѣжно полюбившимъ молодого корнета, какъ говорили современники, по бугрскимъ своимъ склонностямъ. Успѣхъ Дантеса-Геккерена, подобно грибоѣдовскому «французику изъ Бордо», нашедшему въ Россіи вторую свою родину, завершёнъ былъ петербургскими дамами изъ общества, среди которыхъ нѣсколько нахальная, беззабѣдчивая манера обращенія Дантеса встрѣтила поощреніе. Признанная красавица, ровесница Дантесу по лѣтамъ, Наталья Николаевна Пушкина въ особенности подверглась любезнымъ атакамъ опаснаго сердцаѣда, хотя къ нему не скрывала своего влеченія сестра ея, дѣвица, Екатерина Николаевна. Сезонъ 1835—1836 г. протекалъ среди баловъ, пикниковъ и др. развлеченій, и Пушкинъ былъ самъ свидѣтелемъ свѣтскихъ успѣховъ Дантеса и ухаживаній его за своей женой. Изъ данныхъ, собранныхъ г. Щеголевымъ, видно, что жена Пушкина не оставалась нечувствительна ко вниманію новаго льва сезона и что, по обычаю того времени, игра во флиртъ поощрялась ею настолько, что объ этомъ въ свѣтѣ заговорили. Свѣтская среда, вся враждебная поэту, содѣйствовала этому сближенію, подруга Натальи Николаевны, Идалія Полетика, жена кавалергардскаго полковника, въ особенности. Пошли слухи и сплетни... Свершалось то, чего такъ боялся Пушкинъ: пустая, но жизнерадостная женщина не стѣснялась при общемъ злорадствѣ принимать ухаживаніе не менѣе пустого, нахальнаго француза, быть можетъ, серьезно увлекавшагося своимъ чувствомъ. Замѣчательно, что ни друзья, ни родные Натальи Николаевны не воздерживали ея отъ опасной игры съ «Кузьмой», даже тетка ея, Загряжская, даже другъ Пушкина, Е. М. Хитрово. Лишь друзья поэта, Вяземскіе, выразили свое отвращеніе къ этому флирту. «Н. Н. Пушкина бывала у нихъ очень часто и всякій разъ, какъ она пріѣзжала, являлся и Геккеренъ, про котораго уже знали, да и самъ онъ не скрывалъ, что Пушкина ему очень нравится. Сберегая честь своего дома, княгиня-

мать напрямикъ объявила французу, что она проситъ его свои ухаживанія за женою Пушкина производить гдѣ-нибудь въ другомъ домѣ. Черезъ нѣсколько времени онъ опять пріѣзжаетъ вечеромъ и не отходитъ отъ Натальи Николаевны. Тогда княгиня сказала ему, что ей остается одно: приказать швейцару, какъ скоро у ихъ подъѣзда будетъ стоять нѣсколько каретъ, не принимать г. Геккерена. Послѣ этого онъ прекратилъ свои посѣщенія, и свиданія его съ Пушкиной происходили у Карамзиныхъ». Объ ухаживаніяхъ Дантеса сама Н. Н. Пушкина рассказывала мужу, быть можетъ, изъ женскаго лукавства, чтобы смягчить ихъ характеръ, лишить ихъ какого бы то ни было серьезнаго значенія. Но не ей можно было обмануть этого чуткаго сердцеѣдца съ пламеннымъ сердцемъ и умомъ... Но, чтобы не быть предметомъ смѣха, онъ ждалъ лишь какого-либо внѣшняго факта, который далъ бы ему законный поводъ вступиться за честь свою и своей семьи.

Что же дѣлалъ въ это время Бенкендорфъ, «отечески» опекавшій Пушкина, и его благосостояніе? Самъ императоръ Николай Павловичъ, говоря о Дантесѣ и Пушкинѣ, послѣ ихъ дуэли писалъ: «Давно ожидать должно было, что дуэлью кончится ихъ неловкое положеніе». Зимой 1836—1837 г. на одномъ изъ бывшихъ вечеровъ графъ В. Ѳ. Адлербергъ увидѣлъ, какъ стоявшій позади Пушкина молодой князь П. В. Долгорукій кому-то указывалъ на Дантеса и при этомъ поднималъ пальцы, растопыривая ихъ рогами... Находясь въ постоянныхъ дружескихъ сношеніяхъ съ Жуковскимъ, восхищаясь дарованіемъ Пушкина, онъ тревожился мыслию о семь послѣднемъ. Ему вспомнилось, что кавалергардъ Дантесъ какъ-то выражалъ желаніе проѣхать на Кавказъ и подраться съ горцами. Графъ Адлербергъ поѣхалъ къ великому князю Михаилу Павловичу, который былъ тогда главнокомандующимъ гвардейскимъ корпусомъ, и, сообщивъ ему свои опасенія, говорилъ, что слѣдовало бы хотя на время удалить Дантеса изъ Петербурга. Но остроумный французъ-красавецъ пользовался большимъ успѣхомъ въ обществѣ; его считали тамъ украшеніемъ баловъ. Онъ подкупалъ и своимъ острословіемъ, до котораго великій князь былъ большой охотникъ, и мѣру, предложенную графомъ Адлербергомъ, не успѣли привести въ исполненіе. Бенкендорфу болѣе, чѣмъ кому-либо, должны были, какъ начальнику тайной полиціи, быть извѣстны событія, назрѣвавшія въ жизни Пушкина... Но Бенкендорфъ не вмѣшивался ни во что, онъ предоставлялъ событія ихъ естественному ходу, хотя одного его слова было достаточно для того, чтобы повліять на заносчиваго француза и его пріемнаго отца, барона Геккерена, давняго знакомца Бенкендорфа. Какъ видно изъ «Исслѣдованія» г. Щеголева, баронъ Геккеренъ во всей исторіи Дантеса съ Пушкиной игралъ роль не «сводника», какъ заявлялъ самъ Пушкинъ, а попустителя. Темнѣе кажется роль тетки Пушкиной, фрейлины Загряжской. Между тѣмъ, по словамъ сестры Пушкина, «Загряжская бывала всякій день въ домѣ Пушкиныхъ, дѣлала изъ Натальи Николаевны все, что хотѣла, имѣла большое вліяніе на Пушкина». Самъ Дантесъ, конечно, едва ли подозрѣвалъ, что былъ слѣпымъ орудіемъ ожесточенныхъ враговъ великаго поэта. Интрига велась опытной рукой, вѣхи ея были опредѣлены заранѣе, нужно было ждать катастрофы.

Всѣ извѣстія о Пушкинѣ 1836 года рисуютъ его какъ человѣка нервнаго,

раздражительнаго, подавленнаго тяжелой мыслию. Онъ похожъ былъ на загнаннаго облавой звѣря. Вѣроятно, онъ предвидѣлъ уже, что ему не устоять въ неравной борьбѣ съ темными силами, его окружавшими, что ему остается только пасть съ честью. И думается, что многія его дѣйствія, поражающія видимою своею непослѣдовательностію и порывистостію, были лишь слѣдствіемъ глубоко обдуманнаго плана—покончить наконецъ счеты съ жизнію, которая сдѣлалась для него невыносима, такъ или иначе выйти изъ заколдованнаго круга обязательныхъ отношеній и свѣтской паутины. Какъ загнанный облавой звѣрь, Пушкинъ нетерпѣливо ждалъ удара охотниковъ и, получивъ 4 ноября наконецъ его въ видѣ анонимныхъ писемъ съ дипломомъ на званіе роконосца, страстно схватился за нихъ, видя въ нихъ поводъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Послѣдовалъ вызовъ Дантеса на дуэль, переговоры съ секундантами. Интересно отмѣтить, что Геккеренъ, отецъ и сынъ, видимо, растерялись при этомъ шагѣ Пушкина. Они рѣшили уклониться отъ скандала сватовствомъ Дантеса на сестрѣ Н. Н. Пушкиной, Екатеринѣ Николаевнѣ Гончаровой, влюбленной въ красавца-француза, чтобы отвести глаза обществу. «Случилось,—сообщалъ иронически Пушкинъ въ письмѣ къ своему «опекуну», графу Бенкендорфу:—что въ продолженіе двухъ недѣль г. Дантесъ влюбился въ мою свояченицу, Гончарову, и просилъ у нея руки. Молва меня предупредила, и я просилъ передать г. д'Аршіаку, секунданту Дантеса, что я отказываюсь отъ своего вызова». Этотъ результатъ былъ слѣдствіемъ долгихъ усилій секундантовъ и Жуковского, къ посредничеству котораго прибѣгла фрейлина Загряжская; но, давая свое согласіе на бракъ Дантеса съ Ек. Н. Гончаровой, Пушкинъ объявилъ секундантамъ, что «никогда между домомъ Пушкина и домомъ Дантеса ничего общаго быть не можетъ». Бракосочетаніе совершено было 10 января 1837 года. Самъ Пушкинъ на свадьбѣ не былъ, прислалъ только свою жену, а когда Дантесъ прѣѣхалъ со свадебнымъ визитомъ къ Пушкину, то не былъ имъ принятъ. Свое поведеніе впоследствии онъ объяснилъ въ письмѣ къ Геккерену-отцу: «я заставилъ вашего сына играть столь жалкую роль, что моя жена, удивленная такою низостію и плоскостію его, не могла воздержаться отъ смѣха и ощущеніе, которое бы могла она имѣть къ этой сильной и высокой страсти, погасло въ самомъ холодномъ презрѣніи и заслуженномъ отвращеніи».

Увы, если дѣйствительно были таковы чувства Натальи Николаевны, то лишь въ первый моментъ сватовства Дантеса къ ея сестрѣ. Въ свѣтъ ей разъяснили, что сватовство Дантеса былъ актомъ его самопожертвованія для спасенія ея репутаціи: такъ думали даже у Карамзиныхъ. Дантесъ и Пушкина продолжали встрѣчаться у знакомыхъ и у Е. И. Загряжской, и, подъ прикрытіемъ родственныхъ отношеній, домогательства Дантеса сдѣлались настойчивѣе и опредѣленнѣе. Забыты были только что пережитыя волненія и опасенія, забытъ былъ «бѣдный Пушкинъ» и якобы африканская его ревность. Не прошло и десяти дней послѣ свадьбы Дантеса, какъ онъ письмомъ вымолилъ свиданіе у Натальи Николаевны для переговоровъ о нѣкоторыхъ важныхъ вопросахъ, завѣряя, что прибѣгаетъ къ ней единственно, какъ къ сестрѣ его жены, и что ничѣмъ не оскорбитъ ея достоинство и чистоту. Для свиданія Идалія Полетика предоставила свою квартиру въ кавалергардскихъ казармахъ въ свое отсутствіе. Позднѣе Наталья Николаевна признавалась, что это былъ единственный ея проступокъ,

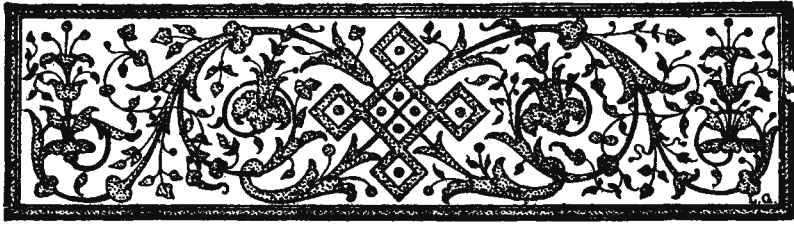
вызванный «неопытноію на почвѣ состраданія». Когда на другой день Пушкинъ извѣщенъ былъ объ этомъ свиданіи анонимными письмами и потребовалъ у жены объясненій, «она (по разсказу дочери) не только не отперлась, но съ присутіемъ ей прямодушнѣмъ повѣдала ему смыслъ полученнаго посланія, причины, повліявшія на ея согласіе, и созналась, что свиданіе ея не имѣло того значенія, которое она предполагала, а было лишь хитростію влюбленнаго человѣка. Этого открытія было достаточно, чтобы возмутить ее до глубины души, и тотчасъ же, прервавъ бесѣду, своей таинственностію одинаково оскорбляющую и мужа, и сестру, она твердо заявила Геккерену, что «останется навѣкъ глуха къ его мольбамъ и заклинаніямъ, и что это первое, его угрозами вынужденное свиданіе непреклонно ея волею станеть и послѣднимъ». Насколько этому объясненію жены повѣрилъ Пушкинъ и насколько повѣритъ ему потомство, сказать трудно, но чаша терпѣнія Пушкина переполнилась: онъ жаждалъ поединка и, чтобы легче и скорѣе достигнуть цѣли, написалъ старому Геккерену страшно оскорбительное письмо, гдѣ не щадилъ ни его самого, ни его пріемнаго сына. Жребій былъ брошенъ...

Вслѣдъ за выходомъ книги П. Е. Щеголева появились въ періодической печати критическія статьи, въ основу которыхъ положенъ былъ вопросъ о степени виновности Натальи Николаевны въ печальномъ концѣ Пушкина. Намъ кажется что это вопросъ праздный. Пустая, ограниченная женщина была родственной натурой для Жоржа Дантеса, и не ея вина, что ее тянуло скорѣе къ Жоржу, чѣмъ къ Пушкину. Вопросъ не въ томъ, до какихъ предѣловъ дошла или могла дойти ея склонность къ увлекательному французу, этому «Кузьмѣ» ея жизни, а въ томъ, что ея поведеніе совершенно не соотвѣтствовало ея положенію, какъ жены «умнѣйшаго человѣка» въ Россіи и матери четверыхъ его дѣтей. Не виноватъ былъ и Пушкинъ, надѣлившій ее въ своемъ воображеніи тьмою своихъ чудныхъ «пушкинскихъ» качествъ, не виноваты были и тѣ мегеры, которыя сводничали Дантесу и жаждали паденія Натальи Николаевны: это было въ нравахъ эпохи. Положеніе дѣлъ обрисовано было слѣдующимъ образомъ въ письмѣ къ П. А. Вяземскаго, охранявшаго послѣ смерти своего друга честь его семьи: «Молодой Геккеренъ продолжалъ, въ присутствіи своей жены, подчеркивать свою страсть къ г-жѣ Пушкиной. Городскія сплетни возобновились, и оскорбительное вниманіе общества обратилось съ удвоенной силой на дѣйствующихъ лицъ драмы, происходившей на его глазахъ. Положеніе Пушкина сдѣлалось еще мучительнѣе: онъ сталъ озабоченнымъ, взволнованнымъ, на него тяжело было смотрѣть. Но отношенія къ женѣ отъ того не пострадали. Онъ сдѣлался еще предупредительнѣе, еще нѣжнѣе къ ней. Его чувства, въ искренности которыхъ невозможно было сомнѣваться, вѣроятно, закрыли глаза его жены на положеніе вещей и его послѣдствія. *Она должна была бы удалиться отъ свѣта и потребовать того же отъ мужа*». Не этого ли ждалъ отъ нея до послѣдней минуты своей жизни, не этого ли добивался цѣною жизни замороженный ею поэтъ? И какъ она заплатила ему свой долгъ? Черезъ три мѣсяца послѣ его трагической кончины, поразившей всю грамотную Россію, она, собираясь поѣхать на могилу мужа въ Святогорскій монастырь, извѣщала П. А. Осипову о своемъ намѣреніи «отдать послѣдній долгъ *бѣдному Пушкину!*» Можно ли «винить *этого* умъ, *это* сердце?

Клевета ожесточенныхъ и безстыдныхъ враговъ преслѣдовала Пушкина при жизни. А предсмертныя его минуты были сплошь фальсифицированы усиліями его друзей—и какихъ еще: Жуковского, кн. Вяземскаго! Мы отсылаемъ читателей къ книгѣ г. Щеголева, чтобы они могли убѣдиться, какъ Жуковскій сочинялъ существующую донинѣ версію о предсмертныхъ минутахъ Пушкина. Въ своемъ стремленіи обезпечить за семьей Пушкина милость государя Жуковскій старался изобразить смерть Пушкина, какъ идеаль христіанской кончины преданнаго царю челоѣка. Съ этою цѣлью написана была имъ статья «Послѣднія минуты Пушкина», о которой Плетневъ писалъ Гроту: «Я былъ свидѣтелемъ этихъ послѣднихъ минутъ поэта. Нѣсколько дней онѣ были въ порядкѣ и ясности у меня на сердцѣ. *Когда я прочиталъ Жуковского, я пораженъ былъ сбивчивостью и неточностью его разсказа.* Тогда-то я подумалъ въ первый разъ: такъ вотъ что значить наша исторія... Я тогда же могъ бы хотѣть для себя сдѣлать переѣны въ этой статьѣ. Но время ушло. У меня самого потемнѣло и сбилось въ головѣ все, казавшееся окрѣпшимъ навѣки». Г. Щеголевъ на основаніи подлинныхъ рукописей Жуковского возстановляетъ весь процессъ сознательной работы его по извращенію и прикрашенію предсмертныхъ минутъ Пушкина въ желаемомъ имъ смыслѣ. Чтобы подвигнуть государя на милости, Жуковскій не остановился даже предъ сочиненіемъ фразъ, которыя онѣ влягалъ въ уста умирающему. Въ первоначальной редакціи, напр., было разсказано, что Пушкинъ только махнулъ рукою, когда Жуковскій съ нимъ прощался, а въ позднѣйшихъ эти строки были замѣнены рядомъ вставокъ, въ результатъ которыхъ Пушкинъ будто бы произнесъ: «Скажи государю, что мнѣ жалъ умирать; былъ бы весь его. Скажи, что я ему желаю долгаго, долгаго царствованія—что я желаю ему счастья въ его сынѣ, въ его Россіи». И дѣйствительно, лишь настойчивому ходатайству Жуковского обязана была семья Пушкина обезпеченіемъ своей судьбы, потому что государь не вѣрилъ христіанскимъ чувствамъ умершаго, не вѣрилъ въ искренность политическихъ его взглядовъ. А Жуковскій, говорить г. Щеголевъ, «несмотря на цѣлый рядъ личныхъ непріятностей, несмотря на довольно категорическое выраженіе истинныхъ чувствъ государя, продолжалъ твердить о томъ, что «государь постигнулъ потерю Пушкина, какъ личный благотворитель и создатель своего поэта, какъ представитель своего народа, какъ образецъ и блюститель народной нравственности». Но даже Жуковскій возмущался, когда ему поручено было разобрать бумаги и переписку Пушкина совмѣстно съ жандармскимъ офицеромъ, по докладу графа Бенкендорфа, и когда тотъ же Бенкендорфъ заподозрѣлъ его и князя Вяземскаго, какъ друзей Пушкина, въ подготовкѣ демагогическихъ демонстрацій и возбужденій толпы во время отпѣванія тѣла Пушкина. Какъ финаль дѣятельности Бенкендорфа, явился наконецъ скрытый увозъ останковъ Пушкина жандармомъ въ сопровожденіи А. И. Тургенева въ Святогорскій Псковскій монастырь для погребенія.

Пушкинъ погибъ—однимъ опаснымъ челоѣкомъ для графа Бенкендорфа въ Россіи стало меньше. Дантесъ, какъ мавръ, сдѣлавшій свое дѣло, былъ безъ дальнѣйшихъ разговоровъ высланъ за границу, и за нимъ преслѣдовала «за legi-time», какъ называлъ ее самъ Дантесъ, Екатерина Николаевна.

Е. Шумигорскій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

В ИСТОРИИ единенія православной и англиканской церкви.—Въ журналѣ «Le Correspondent» находимъ анонимную статью, дающую сжатый историческій очеркъ попытокъ къ единенію церквей обоихъ союзниковъ.

Стремленіе къ такому сближенію началось въ средѣ протестантовъ уже давно: его искали уже современники самой реформации.

Едва отдѣлившись отъ Рима, англійскіе протестанты рѣшили искать сближенія съ православной католической церковью, какъ это видно изъ переписки архіепископа кентерберійскаго Томаса Кранмера съ архіепископомъ кельнскимъ Германомъ фонъ-Вудомъ.

Туда же были направлены взоры и чаянія и нѣмцевъ.

Меланхтонъ первый вошелъ въ сношенія съ православнымъ іерархомъ и въ 1558 г. при посредствѣ діакона Димитрія Мизійскаго, бывшаго въ то время въ Германіи, завязалъ переписку съ константинопольскимъ патриархомъ Юсифомъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ въ Константинополь къ патриарху Іереміи явилось цѣлое посольство отъ протестантскихъ тюбингенскихъ богослововъ во главѣ съ докторами теологіи Яковомъ Андреасомъ и Мартиномъ Крузіусомъ. Эти первыя попытки единенія не привели, однако, къ практическимъ результатамъ. Дѣло пошло оживленіе, когда въ слѣдующемъ столѣтіи (въ 1621 г.) константинопольскій патриаршій престолъ занялъ знаменитый Кириллъ Лукарисъ, воспитывавшійся въ Германіи и сочувствовавшій протестантской доктринѣ. Онъ самъ завязалъ переговоры съ кальвинистами по вопросу о присоединеніи ихъ къ православной церкви, вошелъ въ переписку съ извѣст-

нымъ англійскимъ архіепископомъ Лодомъ и послалъ въ подарокъ Карлу I знаменитую Александрійскую библію. Въ 1629 г. онъ обнародовалъ исповѣданіе вѣры, въ которомъ были уже чисто кальвинистскія тенденціи. Эти новшества, которымъ покровительствовалъ Лукарисъ, сопровождались изложеніемъ православнаго вѣроученія, одобреннымъ патріархами константинопольскимъ, александрійскимъ и антиохійскимъ, и перечнемъ тѣхъ различій, которыя существуютъ между православной церковью и приверженцами реформации. Это изложеніе впоследствии въ 1672 г. было принято собравшимся въ Иерусалимѣ синодомъ.

Въ 1716 году православный епископъ Арсеній прибылъ изъ Египта въ Лондонъ просить помощи для своихъ угнетенныхъ братьевъ въ Александріи. Нѣсколько англійскихъ епископовъ изъ числа такъ называемыхъ «*поп jugors*», т. е. тѣхъ епископовъ, которые отказались присягнуть послѣ революціи 1688 г. Вильгельму Оранскому и его женѣ Маріи, настолько были увлечены идеей сближенія съ православной церковью, что усвоили себѣ и ввели въ богослужебную практику многіе обряды православнаго богослуженія. Пріѣздъ архіепископа Арсенія показался имъ провиденціальнымъ. Безъ всякихъ колебаній они составили проектъ условій, на которыхъ они согласны присоединиться къ православной церкви, и передали ихъ архіепископу Арсенію. Послѣдній изъ Англійи двинулся въ Россію и посвятилъ въ это дѣло Петра Великаго, который энергично принялся хлопотать и послалъ эти условія протосинкеллу александрійскаго патріарха Іакову для того, чтобы тотъ сообщилъ ихъ всѣмъ остальнымъ патріархамъ.

8 октября 1717 г. англійскіе епископы вошли съ царемъ въ непосредственную переписку, благодаря его за содѣйствіе задуманному ими дѣлу соединенія церквей.

9 декабря 1722 г. архіепископъ Арсеній писалъ въ Англію, что царя нѣтъ въ Москвѣ, но что по возвращеніи въ столицу онъ обѣщалъ сообщить ему отвѣтъ восточныхъ патріарховъ. Черезъ нѣсколько времени Арсеній пишетъ, что Петръ желалъ бы видѣть лично двухъ делегатовъ отъ англійскихъ епископовъ. Пріѣздъ англійскихъ епископовъ въ Россію не состоялся, и о дальнѣйшей ихъ перепискѣ съ Петромъ Великимъ мы имѣемъ лишь отрывочныя данныя. Такъ, въ юлѣ 1724 г. англійскіе богословы снова шлютъ благодарственное посланіе не только царю, но и канцлеру гр. Головкину, также близко принимавшему къ сердцу хлопоты о присоединеніи англиканской церкви къ православной. Смерть Петра Великаго положила конецъ всѣмъ надеждамъ и похоронила, подобно многому другому, и это широко задуманное дѣло. Разговоры о соединеніи церквей смолкли на цѣлое столѣтіе.

Старинное движеніе вновь обнаружилось лишь въ 1833 г., послѣ ряда проповѣдей въ оксфордской церкви Св. Маріи знаменитаго въ то время проповѣдника Джона Кебля, который вызвалъ цѣлое такъ называемое «оксфордское» движеніе. Результатомъ этого было прибытіе въ 1841 г. въ Россію англійскаго богослова Пальмера, который доказывалъ, что Россія и Англія исповѣдуютъ одну и ту же вѣру, и требовалъ, чтобы его допустили къ причащенію по православному обряду.

Труды и хлопоты Пальмера не пропали даромъ, и въ февралѣ 1872 г. была заложена первая англиканская церковь въ Греціи. Въ церемоніи ея закладки принималъ участіе и греческій епископъ, окропившій церковь св. водой. Нѣсколько позже пріѣзжали въ Англію архіепископы острововъ Корфу и Кипра и, въ свою очередь, присутствовали на англиканскомъ богослуженіи и благословляли молящихся.

Но наиболѣе рѣшительный шагъ сдѣлали въ Англіи такъ называемыя «конвокаціи». Эти «конвокаціи», какъ извѣстно, созываются архіепископами іоркскимъ и кентерберійскимъ и состоятъ изъ высшихъ духовныхъ лицъ англиканской церкви. Обѣ эти «конвокаціи», іоркская и кентерберійская, созываются на время сессіи парламента и, какъ и парламентъ, раздѣляются на нижнюю и верхнюю палату. Въ 1859 г. эти конвокаціи назначили особую комиссію, которой поручено было выработать «правила такого общенія между обоими вѣроисповѣданіями, которыя позволяли бы духовенству и мірянамъ каждаго принимать участіе въ богослуженіи и таинствахъ каждой, не подвергаясь отлученію отъ своей церкви».

Въ отвѣтъ на это константинопольскій патріархъ издалъ распоряженіе, чтобы подчиненное ему духовенство совершало, въ случаѣ надобности, отпѣваніе членовъ англиканской церкви по православному обряду и хоронило ихъ на православныхъ кладбищахъ.

Съ этого времени отношенія между обѣими церквями стали особенно тѣсными. Это обстоятельство вызвало въ Англіи образованіе въ 1864 г. особаго «общества единенія съ восточной церковью» (Eastern Church Association), въ которомъ особенно выдавались докторъ богословія Джонъ Мэсонъ и Генри Лиддонъ со стороны англиканской церкви и настоятель русской посольской церкви въ Лондонѣ протоіерей Поповъ съ православной. Общество, это первоначально развившее было сильную пропаганду въ пользу единенія обѣихъ церквей, стало, со смертію своихъ главныхъ дѣятелей, глхнуть и въ 90 годамъ прошлаго столѣтія почти совсѣмъ замерло.

Однако преслѣдуемая имъ идея продолжала волновать умы, и въ 1906 г. въ Лондонѣ основалось новое общество «единенія англиканской и восточной православной церквей» (The Anglican and Eastern-Orthodox Churches Union). Число членовъ этого общества очень быстро поднялось до 3000 человекъ. Были открыты отдѣленія общества въ Россіи, С.-А. Соединенныхъ Штатахъ и въ Японіи. Наконецъ, въ январѣ 1912 г. съ благословенія Святѣйшаго Синода было открыто подобное же общество и въ Россіи. Въ виду такого оборота дѣла оба англійскіе общества, поставившихъ себѣ цѣлью сближеніе церквей, слились въ одно и образовали дѣйствующее и въ настоящее время—Anglican and Eastern Orthodox Churches Union.

Во главѣ этого общества съ русской стороны сталъ преосвященный Ага-еангелъ, архіепископъ литовскій и виленскій, а съ англійской—епископъ англиканской церкви въ Иерусалимѣ Попэмъ Блайтъ.

Въ 1908 г. въ ламбетскомъ архіепископскомъ дворцѣ состоялось совѣщаніе епископовъ англиканской церкви, на которомъ между прочимъ было постановлено, чтобы въ случаѣ крайней надобности лица, принадлежащія къ право-

славной церкви, могли крестить своих дѣтей и вообще обращаться за исполненіемъ требъ къ англиканскому священнику. Далѣе, рѣшено было предоста- вить, въ случаѣ надобности, во всѣхъ частяхъ свѣта англиканскія церкви для совершенія въ нихъ требъ и отпѣваній по православному обряду и православ- нымъ духовенствомъ.

Особенно пригодилося это постановленіе для С.-А. Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ довольно много православныхъ переселенцевъ, но мало православныхъ церквей. Для пропаганды идеи единенія основано было особое отдѣленіе обще- ства въ Соединенныхъ Штатахъ, во главѣ котораго сталъ епископъ нью-гамп- ширскій Паркеръ и настоятель православной церкви въ Нью-Йоркѣ о. Тур- цевичъ. Отдѣленіе это дѣлится на 8 «департаментовъ», охватывающихъ, кромѣ территории Штатовъ, еще Аляску, Гавайскіе и Филиппинскіе острова.

Въ Японіи въ пользу той же идеи единенія церквей въ союзъ съ англійскимъ обществомъ работаетъ основанное въ 1909 г. японское общество Nippon Sei Ko Kwai. Это общество обязано своимъ возникновеніемъ архіепископу Нико- лаю токійскому и англиканскому епископу изъ японцевъ Мцкиму. Въ этомъ обществѣ принимаютъ участіе главнымъ образомъ православные японцы и японцы англиканскаго вѣроисповѣданія.

Мы опускаемъ здѣсь подробности возникновенія и развитія въ Россіи ана- логичнаго общества, имѣющаго цѣлью привести обѣ церкви къ единенію, и от- мѣтимъ лишь главнѣйшіе моменты его исторіи.

Начало обществу было положено прибытіемъ въ 1910 г. въ Россію секретаря Anglican and Eastern Orthodox Churches Union отца Файнъ-Клинтонъ, который пожелалъ принять участіе въ перенесеніи мощей св. Евфросиніи Полоцкой.

Мысль о необходимости создать общество церковнаго единенія съ англи- чанами встрѣтила особое сочувствіе со стороны бывшаго въ то время сино- дальнымъ оберъ-прокуроромъ В. К. Десятовскаго-Саблера. Въ 1912 г. уставъ новаго общества былъ утвержденъ Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ, и нынѣ въ его составѣ мы встрѣчаемъ не только высшихъ нашихъ іерарховъ, но и чуть не весь верхній слой русскаго общества.

Возникшее въ Россіи движеніе не замедлило отозваться и въ Англій. 4 іюля 1912 г. окофордскій епископъ представилъ кентерберійской конвокаціи докладъ, въ которомъ указывалъ на необходимость приступить къ болѣе подробному изученію богослужебной практики русскаго церкви, и послѣ всесторонняго обсужденія доклада выраженное въ немъ пожеланіе было принято конвокаціей единогласно. Изученіе это уже началось въ Англій, и, когда не такъ давно Россію посѣтилъ англиканскій епископъ Гербертъ Вэри, онъ, между прочимъ, при- нималъ участіе въ освященіи совмѣстно съ православнымъ священникомъ участка земли. По окончаніи молебствія епископъ Вэри, взявъ у священника кадило, двинулся вокругъ новаго кладбища съ пѣніемъ англиканскаго гимна: «O God, our help in ages past».

Тотъ же епископъ Вэри былъ командированъ примасомъ англійской церкви архіепископомъ кентерберійскимъ для принесенія поздравленія митрополиту Питириму, у котораго встрѣтилъ самый сердечный пріемъ.

Такъ, хотя и медленно, идея церковнаго единенія обоихъ союзниковъ прокладываетъ себѣ путь къ практическому осуществленію.

— Съ того берега.— Въ прошломъ году въ Стокгольмѣ вышла книга извѣстнаго изслѣдователя Тибета и Центральной Азіи Свена-Гедина, посвященная войнѣ Германіи съ Англійей и Франціей. Въ февралѣ 1915 г. нѣмцы привезли Свена-Гедина на русскій фронтъ, и результатомъ его наблюденій надъ восточнымъ фронтомъ явилась его вторая книга «Война съ Россіей» («Kriget mot Ryssland», Stockholm, 1916 г.),

Точка зрѣнія и симпатіи этого писателя прекрасно извѣстны русской публикѣ по его алармистскимъ статьямъ въ шведскихъ газетахъ. Передъ нами рьяный германофилъ и ненавистникъ Россіи. Онъ изо всѣхъ силъ старается хвалить все германское и съ такимъ же рвеніемъ хулить все русское. Не упуская изъ вида такой точки зрѣнія, тѣмъ интереснѣе, можетъ быть, познакомиться съ его наблюденіями и приключеніями.

Отправляясь на русскій фронтъ въ тотъ трагическій для насъ періодъ, когда армія наша оказалась почти безоружной противъ врага, Свенъ-Гединъ проѣхалъ Берлинъ и много провинціальныхъ прусскихъ городовъ. Настроеніе вездѣ кажется ему спокойнымъ и увѣреннымъ. «Послѣ семи мѣсяцевъ войны нѣмцы одолѣли всѣ трудности», замѣчаетъ онъ.

Въ небольшомъ прусскомъ городкѣ его ведутъ къ Гинденбургу, и шведскій публицистъ не жалѣетъ красокъ, чтобы превознести этого «военнаго гения», репутація котораго, повидимому, не соответствуетъ его дѣйствительнымъ заслугамъ. «Онъ покоряетъ васъ и въ то же время импонируетъ вамъ,—пишетъ Свенъ-Гединъ.—Сильный и широко сложенный, съ высокимъ лбомъ и сѣрыми пронизательными глазами, онъ отличается необыкновенной красотой».

О вкусахъ, конечно, не спорять, но, судя по портретамъ, прославленный нѣмецкій генералиссимусъ производитъ впечатлѣніе не красоты, а обычной казарменной грубости. Сдѣлавшись въ германской ставкѣ своимъ человѣкомъ, Свенъ-Гединъ получаетъ приглашеніе къ обѣду у министра бывшихъ германскихъ колоній, Зольфа, родомъ голландца, кажется, единственнаго изъ «заморскихъ» германскихъ администраторовъ оставившаго по себѣ хорошую память. Другой разъ онъ встрѣчается за обѣдомъ съ принцемъ Іоахимомъ, и эта встрѣча приводитъ его въ восторженное настроеніе.

Но наиболѣе неизгладимое впечатлѣніе оставляетъ въ авторѣ обѣду у Гинденбурга, который на этотъ разъ показался ему «настоящимъ германцемъ изъ Тевтобургскаго лѣса». Обѣдъ этотъ былъ такъ обилень, что вліяніе англійской блокады, по словамъ шведскаго германофила, совершенно не чувствовалось.

Послѣ ужина, оживленнаго разговорами на разныя темы, главнымъ образомъ о «вѣроломномъ союзникѣ» (т. е. только что выступившей тогда Италіи), фельдмаршалъ пригласилъ всѣхъ своихъ гостей въ курительную комнату «выпить кружку пива». Самъ онъ, впрочемъ, пилъ воду съ лимоннымъ сокомъ и, усѣвшись комфортабельно въ кресло, пустился рассказывать изъ воспоминаній своей юности о франко-прусской войнѣ и коронованіи германскаго императора Вильгельма I въ Версалѣ, на которомъ онъ лично присутствовалъ.

Прямо съ обѣда Свена-Гедина повели на центральную телеграфную станцію.

Она соединена проволокою съ самыми отдаленными нѣмецкими окопами. Одно отдѣленіе работаетъ на армію Линзингена, стоявшаго въ то время въ венгерскомъ городѣ Мункачъ, другое на 10-ю армію.

Гинденбургъ, какъ оказывается, съ 1911 г. находился въ отставкѣ и жилъ въ Ганноверѣ, занимаясь изученіемъ военной исторіи. Съ началомъ войны Вильгельмъ снова призвалъ его въ армію. Жизнь, которую онъ ведетъ въ главной квартирѣ, будто бы ничѣмъ не отличается отъ той, которую онъ велъ въ Ганноверѣ: встаетъ въ 6 часовъ утра, завтракаетъ и до 11 часовъ работаетъ. Потомъ идетъ гулять и въ часъ обѣдаетъ. До четырехъ часовъ онъ спитъ, вечеромъ у него всегда гости, съ которыми онъ беззаботно болтаетъ о разныхъ разностяхъ. Неудачи на него не дѣйствуютъ, и онъ всегда остается ровнымъ и спокойнымъ. Однако не менѣе спокойнымъ и увѣренными остаются и русскіе, тѣ плѣнные, которыхъ приходилось встрѣчать Свену-Гедину.

— Почему вы затѣяли войну съ Германіей?—спросилъ онъ одного изъ нихъ.

— Потому, что мы не позволили Австріи захватить Сербію.

— Это васъ вѣдь не касается.

— Нѣтъ, касается,—энергично отвѣчалъ солдатъ.—Сербы такіе же славяне, какъ и мы.

Въ другой разъ Гединъ вступилъ въ разговоръ съ плѣннымъ подросткомъ и спросилъ его, кто, по его мнѣнію, останется побѣдителемъ.

— Разумѣется, мы,—отвѣчалъ плѣнный.

При всей ненависти къ Россіи Свенъ-Гединъ принужденъ признать, что русскіе солдаты лучше одѣты и снаряжены на зиму, чѣмъ германскіе: у нихъ толстыя шинели, мѣховыя шапки и прекрасные сапоги. Розказни о недостаткѣ одежды въ русской арміи оказались легендой.

Легендой же оказались и распускавшіеся нѣмцами и австрійцами розказы о русскихъ грабежахъ.

«Мы съ болью въ сердцѣ узнали изъ шведскихъ газетъ,—пишетъ Свенъ-Гединъ,—что русскіе увезли съ собою въ петербургскій Эрмитажъ всѣ сокровища львовскаго музея. Я отправился къ директору этого музея и узналъ, что дѣло вовсе не такъ плохо. Архивы города остались въ полной сохранности. Мой чичероне объяснилъ мнѣ, что ставропигіальный институтъ, будучи русскимъ, добровольно отдалъ свои коллекціи русскимъ, которые и перевезли ихъ въ Кіевъ. Много мнѣ рассказывали о грабежѣ частныхъ домовъ. Я не настаиваю на нихъ, ибо не провѣрялъ ихъ, но расскажу лишь слѣдующій анекдотъ.

«Нѣсколько лѣтъ тому назадъ бывший австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ гр. Голуховскій познакомился на водахъ въ Киссингенѣ съ русскимъ генераломъ и пригласилъ его въ свой великолѣпный дворецъ во Львовѣ. Когда русскіе заняли Львовъ, генераль М. былъ назначенъ его гражданскимъ губернаторомъ и расположился во дворцѣ гр. Голуховскаго, какъ у себя дома. Когда русскимъ пришлось отступать, онъ увезъ съ собою шесть великолѣпныхъ gobеленовъ.

«Когда я былъ вскорѣ послѣ этого въ Вѣнѣ,—пишетъ Свенъ-Гединъ,—я съ передней военнаго министерства встрѣтился съ гр. Голуховскимъ и розказалъ ему то, что я слышалъ.

«— Я только что получилъ письмо отъ моей сестры, которая ѣздила во Львовъ взглянуть на нашъ дворецъ,—отвѣчалъ Голуховскій.—Она пишетъ, что гобелены висятъ, какъ и прежде, на своемъ мѣстѣ и что у насъ не пропало ни одной булавки. Не слѣдуетъ вѣрить всему, что говорятъ».

То же самое приходится повторять Свену-Гедину и о Восточной Пруссіи.

«Въ теченіе трехнедѣльнаго пребыванія великаго князя Николая Николаевича въ Инстербургъ не было, насколько я знаю, никакого расхищенія собственности. Вслѣдствіе осторожнаго поведенія населенія Инстербургъ почти совсѣмъ не пострадалъ отъ войны. Въ особенности бережно относились русскіе къ церквамъ, безразлично лютеранскимъ или католическимъ»

Вотъ какъ описываетъ Свень-Гединъ свою встрѣчу съ Вильгельмомъ. Встрѣча эта произошла въ одномъ изъ маленькихъ городковъ Силезіи, черезъ который долженъ былъ проѣзжать кайзеръ. Вокругъ вокзала собралась, конечно, цѣлая толпа, на дебаркадеръ выстроилась рота почетнаго караула. Здѣсь же былъ и мѣстный бургомистръ. Ровно въ назначенный часъ подошелъ поѣздъ, и Вильгельмъ, поздоровавшись съ карауломъ, прямо подошелъ къ Свену-Гедину. «Онъ мужественно пожалъ мнѣ руку и, узнавъ, что я пріѣхалъ изъ Ясла, спросилъ меня, какъ тамъ идутъ дѣла. Я рассказалъ ему о томъ, что видѣлъ въ Восточной Пруссіи и въ Карпатахъ. Императоръ нисколько не палъ духомъ, какъ это пытаются изобразить. «Мы, конечно, кончимъ тѣмъ, что побѣдимъ,—сказалъ онъ мнѣ.—Германская культура не осуждена на исчезновеніе, она не можетъ и не должна исчезнуть. Мы сражаемся за высокій идеалъ»

Дальнѣйшій путь Свена-Гедина лежалъ въ Вѣну, гдѣ его ждалъ не менѣе лестный пріемъ. Особенно очаровалъ его баронъ Буріанъ, «благородный и тонкій мыслитель и дипломатъ». 4 іюля онъ былъ принятъ самимъ Францомъ-Іосифомъ, и эта аудіенція приводитъ умѣющаго цѣнить благодѣянія шведа прямо въ умиленіе.

Когда Свень-Гединъ явился во дворецъ въ Шенбруннѣ, императоръ только что былъ у обѣдни и пришелъ въ свой кабинетъ. По звонку Свена-Гедина ввели въ большую комнату, выходящую окнами на шумную улицу. Францъ-Іосифъ, ходившій въ ожиданіи посѣтителя взадъ и впередъ, быстро подошелъ къ нему и поздоровался.

— Мы не видались съ вами цѣлыхъ шесть лѣтъ. Чего только не случилось за это время!

Потомъ онъ усѣлся за свой письменный столъ и пригласилъ сѣсть и Свена-Гедина. По увѣренію послѣдняго, Францъ-Іосифъ очень интересуется всѣмъ происходящимъ и въ восторгѣ отъ своихъ генераловъ.

Наивный посѣтитель, забывъ возрастъ императора, пустился было въ разговоръ съ Францомъ-Іосифомъ, но тотъ, взглянувъ на стоявшіе на столѣ часы, быстро подаль ему руку и, простившись, проводилъ до двери кабинета.

— Увы,—заключилъ свою бесѣду Францъ-Іосифъ.—чего только я не вытерпѣлъ за свою жизнь! А теперь эта огромная война.

Изъ Вѣны германскій панегиристъ помчался въ занятую нѣмцами Курляндію, а оттуда въ Варшаву, въ Новогеоргіевскъ и Брестъ-Литовскъ, встрѣчая вездѣ картину полнаго разрушенія.

Вотъ какъ онъ описываетъ покинутый русскими Брестъ-Литовскъ:

«На югѣ его и на западѣ—дѣлмый океанъ огня или, лучше сказать, два океана: направо городъ, налѣво цитадель представляли страшное зрѣлище такой красоты, которую едва ли мнѣ приходилось когда-либо созерцать. Воздухъ былъ полонъ огня, улицы представляли собою костры. Мы едва не сварились отъ жара, едва не ослѣпли отъ пламени и едва не задохлись отъ дыма. Штатскихъ—ни души.

«Русскіе сожгли городъ, чтобы непріятель вмѣсто него нашелъ одинъ пепель. Онъ исчезъ съ лица земли въ одну ночь, какъ Помпея. Солдаты не поютъ и только молча смотрятъ на это страшное зрѣлище».

Въ такомъ же положеніи достались нѣмцамъ и другіе населенные пункты русской территоріи.

Свенъ-Гединъ описываетъ то, что онъ видѣлъ черезъ семь мѣсяцевъ послѣ начала войны. Было бы недурно, если бы онъ подѣлился съ читателями впечатлѣніями, которыя онъ вынесъ бы изъ Германіи въ настоящее время. Но на это, конечно, надежды мало.

— Изъ воспоминаній о Гюго. ¹⁾—Въ 1875 г. Викторъ Гюго жилъ въ Парижѣ, на улицѣ Эйлау, гдѣ занималъ три маленькихъ особняка, столь тѣсно связанныхъ между собою, что всѣ они составляли какъ бы одинъ домъ. Одинъ изъ нихъ занималъ Эдуардъ Локруа, женатый вторымъ бракомъ на вдовѣ старшаго сына Гюго, Шарля Гюго. Дома эти принадлежали принцу Люзиньяну.

Въ нижнемъ этажѣ находились гостиная, столовая и что-то въ родѣ курительной комнаты, увѣшанной китайскими матеріями самыхъ наивныхъ рисунковъ. Сзади дома тянулся большой четырехугольный садъ съ лужайками и тѣнистыми деревьями. Садъ этотъ лежалъ нѣсколько ниже самаго дома, и, чтобы попасть въ него, надо было спуститься по нѣсколькимъ ступенькамъ.

Викторъ Гюго жилъ въ одной изъ комнатъ второго этажа, меблированной чрезвычайно просто. Ее можно было бы принять за келью какого-нибудь доминиканца. Нѣсколько стульевъ, столъ, желѣзная кровать, на которой умеръ знаменитый писатель,—вотъ и вся ея мебель.

Викторъ Гюго спалъ въ ней не болѣе пяти-шести часовъ въ сутки, какъ это нерѣдко дѣлали великіе мыслители, отдававшіе сну столько времени, сколько было необходимо для возстановленія ихъ силъ.

Между двумя окнами стояла конторка, на которой онъ писалъ. На ней обыкновенно лежали чистые листы писчей бумаги большого формата. Поднявшись рано утромъ, Гюго съ полузакрытыми глазами начиналъ медленно прохаживаться по комнатѣ и, останавливаясь время отъ времени передъ конторкой, набрасывалъ на бумагу обрывки фразъ, отдѣльныя слова, смыслъ которыхъ былъ понятенъ ему одному. Почеркъ его напоминалъ какую-то средневѣковую скоропись.

Особенной привѣтливостью отличалась столовая: ея обильное меню отличалось скорѣе буржуазностью, чѣмъ изысканностью. Въ ней рѣдко завтракали,

¹⁾ «L' Temps», № 20159.

но зато часто обѣдали. Во время обѣда подходили все новые и новые гости, и, начавъ обѣдъ въ пятеромъ, нерѣдко кончали его въ большомъ обществѣ.

Самъ хозяинъ, пріятливый, но холодный, большею частью молчалъ, за исключеніемъ тѣхъ дней, когда ему приходило желаніе подѣлиться съ гостями своими воспоминаніями. Такіе дни были настоящимъ праздникомъ для его гостей: Гюго былъ удивительный рассказчикъ. Говорилъ онъ образно, но просто, привлекая къ разсказу множество интересныхъ подробностей.

Однажды разговоръ зашелъ о реставраціи Бурбоновъ, и собесѣдники нѣсколько разъ упомянули имя герцогини Беррійской.

— Вѣдь вы знали ее лично, не правда ли?—спросилъ хозяина кто-то изъ присутствовавшихъ.

— Еще бы. Мнѣ пришлось провести съ нею всего одинъ часъ, который я никогда не забуду, хотя это было очень давно. Случилось это въ одинъ прекрасный лѣтній день въ окрестностяхъ Безансона. Я шелъ пѣшкомъ къ одному изъ моихъ друзей и несъ свой багажъ въ небольшомъ чемоданѣ на плечѣ. Хотя мнѣ тогда было всего шестнадцать лѣтъ, но, поднимаясь все время въ гору, я порядочно усталъ. Сгорбившись, я сильно опирался на свою палку, и капли пота такъ и струились у меня по лбу. По дорогѣ я нагналъ почтовую карету съ почтальономъ въ желтыхъ штанахъ, въ обшитомъ галунами жилетѣ и въ маленькой шляпѣ, надвинутой на напудренный парикъ. Карета ѣхала шагомъ: видимо, хотѣли дать передохнуть лошадямъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея шли пѣшкомъ два какихъ-то господина весьма почтеннаго вида. Они, очевидно, вышли изъ кареты, оставивъ въ ней одну даму съ золотистыми свѣтлыми волосами, мягкими голубыми глазами и веселой улыбкой на лицѣ. Мнѣ показалось, что ея глаза были расположены не на одномъ уровнѣ: лѣвый былъ какъ будто нѣсколько выше праваго. Взглянувъ на меня, дама велѣла остановить карету и сдѣлала мнѣ знакъ приблизиться, махнувъ своей тонкой, бѣлой ручкой.

— Вы, кажется, очень утомлены,—заговорила она.—Садитесь ко мнѣ. Мы поѣдемъ вмѣстѣ до перевала. Положите свой чемоданъ въ ящикъ кареты.

Я, конечно, не заставилъ себя просить и, взволнованный, усѣлся около незнакомой дамы. Между нами завязался разговоръ. Она осыпала меня вопросами, интересуясь моею семьей, моими видами на будущее и т. д. Время отъ времени она вынимала изъ кожаной сумочки съ золотой королевской короной конфеты, шоколадъ и набивала ими мои карманы. Потомъ она достала изъ маленькой корзинки апельсинъ и, очистивъ его, раздѣлила пополамъ — для меня и для себя.

Когда мы добрались до конца подъема, я замѣтилъ дамѣ, что мнѣ теперь надо налѣво, а ей все прямо.

— Очень жаль, что мы не можемъ продолжать нашего путешествія вмѣстѣ. Вы мнѣ очень понравились. До свиданія! До свиданія, ибо никогда не надо говорить: прощай!

Со свойственнымъ моимъ шестнадцати лѣтамъ жаромъ я покрылъ ея руку поцѣлуями.

Меня интриговала вопросъ, кто могла быть эта дама. Какъ разъ въ это время одинъ изъ ея спутниковъ хотѣлъ сѣсть въ карету, и я спросилъ его:

— Какъ? Вы этого не знаете?—сказалъ онъ, съ презрѣніемъ пожимая плечами.—Это герцогиня Беррійская.

Въ другой разъ Викторъ Гюго много рассказывалъ своимъ гостямъ о Людовикѣ-Филиппѣ.

— Это былъ славный человекъ,—началъ поэтъ, погружаясь въ воспоминанія прошлаго.—Я не забуду его любезнаго пріема въ тотъ день, когда я впервые обѣдалъ у него въ Тюильрійскомъ дворцѣ, кажется, въ 1840 году. За столомъ было не болѣе пятидесяти человекъ, королевская семья, нѣсколько министровъ и друзей дома. Король сидѣлъ въ центрѣ стола. Напротивъ него занимала мѣсто между двумя сыновьями королева Марія-Амалия. Трудно не согласиться съ тѣмъ, что не было въ то время семьи, болѣе тѣсной, чѣмъ семья Людовика-Филиппа. Герцогъ Орлеанскій отличался необыкновенной пріятливостью и любезностью, и не случилось съ нимъ несчастья въ дорогѣ, исторія Франціи, безъ сомнѣнія, пошла бы иначе.

Обѣдъ прошелъ совершенно по семейному. Каждый говорилъ безъ стѣсненій со своими сосѣдями, но всѣ смолкали, какъ только начиналъ говорить король. Послѣ обѣда онъ отвелъ меня въ сторону и долго говорилъ о томъ, что онъ недоволенъ министрами, ибо они дѣлаютъ или слишкомъ мало, или слишкомъ много. Видимо, онъ искалъ моего одобренія.

Людовикъ-Филиппъ слылъ за человекъ очень скупого. Это невѣрно. Онъ былъ, можетъ быть, корыстолюбивъ, но не скупъ. 24 февраля 1848 г., когда ему пришлось бѣжать, онъ захватилъ съ собою всего нѣсколько франковъ: ящики въ столахъ Тюильрійскаго дворца были пусты.

Иногда на обѣдахъ Гюго появлялись совершенно неожиданные гости. Такъ, въ одинъ прекрасный вечеръ Гюго пригласилъ къ себѣ нѣкоего Моора, извозчика пріобрѣвшаго нѣкоторую извѣстность своими стихами. Мооръ читалъ много своихъ произведеній, а Гюго терпѣливо выслушивалъ все, лишь изрѣдка замѣчая шепотомъ: «У него есть и поэтическое чувство, и энтузіазмъ, но всего больше желанія».

Викторъ Гюго терпѣть не могъ позировать; неподвижность утомляла его. Когда скульпторъ Шеневекъ попросилъ его позировать для бюста, Гюго рѣшилъ лучше пригласить скульптора на обѣдъ. «Тамъ онъ меня увидитъ воочию, мы поболтаемъ, и это будетъ лучше, чѣмъ позировать».

Такихъ обѣдовъ понадобилось Шеневеку до двѣнадцати, и сдѣланный имъ по памяти бюстъ оказался необыкновенно похожимъ на оригиналь, только выраженіе лица было какое-то угрюмое.

— Это я,—воскликнулъ Гюго, увидѣвъ въ первый разъ свое изображеніе, но безъ всякаго идеала. Тутъ только одна внѣшняя моя форма.

Бюстъ этотъ украшаетъ теперь фойе театра «Одеонъ».

— Причуды писателей—Въ «La Revue» извѣстный французскій библиографъ Альбертъ Симъ приводитъ цѣлый рядъ странностей, нерѣдко наблюдающихся у различныхъ писателей и на первый взглядъ необъяснимыхъ иначе, какъ ихъ причудами и желаніемъ оригинальничать. Однако въ наше время, съ развитіемъ фізіологическихъ знаній, многія изъ этихъ причудъ получаютъ глубокій индивидуальный смыслъ. Иные писатели должны, напри-

мѣръ, во время работы непремѣнно ходить, дабы помогать дѣятельности сердца и проталкивать кровь къ мозгу. Другіе, наоборотъ, инстинктивно ищутъ покоя, избѣгая переобременять этотъ важнѣйшій органъ. Одни, нуждаясь въ нервномъ подъемѣ, сочиняютъ при шумѣ или свистѣ, другіе могутъ писать только въ абсолютной тишинѣ или въ темнотѣ, третьимъ нужны какія-нибудь обонятельныя раздраженія и т. д.

Байронъ, напримѣръ, писалъ большею частью не иначе, какъ наполнивъ свои карманы трюфелями, ароматъ которыхъ, дѣйствуя на его нервы, раздражалъ мозгъ и заставлялъ его фантазію работать сильнѣе.

Съ этою же цѣлью Боделеръ во время работы жегъ около себя курительныя бумажки.

То же дѣйствіе производитъ на нѣкоторыхъ шумъ. Напримѣръ, одинъ изъ профессоровъ политехнической школы иначе не могъ читать свои лекціи, какъ среди адскаго шума, который поднимали студенты. Когда слушатели бывали недовольны своимъ профессоромъ, они упорно хранили глубокое молчаніе, и несчастный математикъ былъ не въ состояніи произвести даже простаго сложения.

Бэкону, Мильтону и итальянскому поэту Альфьери для того, чтобы работать, непремѣнно нужна была музыка. Великій естествоиспытатель Дарвинъ прежде, чѣмъ сѣсть за работу, обыкновенно самъ пиликалъ нѣкоторое время на скрипкѣ.

Наоборотъ, Руссо и Ньютонъ могли писать только въ абсолютной тишинѣ и уединеніи.

Корнелю, Мальбраншу и Гоббсу для обдумыванія своихъ произведеній нужна была полная темнота.

Одни писатели возбуждаютъ совершающійся въ ихъ мозгу умственный процессъ, расхаживая по комнатѣ, другіе, наоборотъ, начиная писать, ложатся и лежатъ смирно.

Нѣмецкій историкъ Рейманъ большую часть своихъ трудовъ написалъ стоя. Чтобы не поддаваться искушенію и не сѣсть во время работы, онъ въ теченіе тридцати лѣтъ не держалъ въ своей рабочей комнатѣ ни одного стула.

Знаменитый же американскій юмористъ Маркъ Твэнъ, чувствуя желаніе работать, всегда ложился.

Шотландскій поэтъ Томсонъ во время работы цѣлыми днями не покидалъ постели.

Декартъ и Лейбницъ предавались «горизонтальному мышленію» и работали оба лежа.

Знаменитый средневѣковый юристъ Кюжа для работы ложился на полъ лицомъ внизъ и обкладывалъ себя со всѣхъ сторонъ книгами и рукописями.

Французскій академикъ Наполеоновскаго времени Пикаръ, чувствуя вдохновеніе, выгонялъ изъ дому всѣхъ—жену, дѣтей, прислугу, запиралъ всѣ двери и окна и, добившись полной тишины и темноты, начиналъ писать стихи. Любопытнѣе всего то, что, когда ему случалось писать прозой, онъ любилъ, чтобы вокругъ него толпилось какъ можно болѣе народа, было какъ можно шумнѣе.

Нѣкоторые писатели для возбужденія своего творчества прибѣгаютъ къ особымъ пріемамъ.

Такъ, поэтъ Луи-Бро долженъ былъ съ этою цѣлью одѣваться въ особый костюмъ—потертый сюртукъ и такой же жилетъ. Припомнимъ нашего романиста Лажечникова, у котораго тоже былъ свой «писчий костюмъ». Поэтесса графиня де-ля-Сюэ въ подобныхъ случаяхъ должна была одѣваться въ великолѣпный, изысканнаго вкуса костюмъ.

Иногда писатели призываютъ на помощь своей фантази болѣе реальныя образы.

Такъ, извѣстно, что у Диккенса были цѣлыя коллекціи металлическихъ фигурокъ, которыя онъ разставлялъ на своемъ письменномъ столѣ, видя въ нихъ героевъ того произведенія, надъ которымъ онъ въ данное время работалъ.

Послѣ Понсонъ-дю-Террайля такихъ маріонетокъ осталось нѣсколько сотъ.

Кребильонъ, работая надъ своими мрачными трагедіями, сажалъ на свой столъ двухъ вороновъ. Неизвѣстно, впрочемъ, были ли то живыя птицы, или чучела.

Есть и еще болѣе странныя привычки, помогавшія творчеству писателей. Мадамъ де-Сталь, напримѣръ, работая, катала между пальцами хлѣбныя шарики. Кантъ, самый аккуратный изъ всѣхъ писателей, обдумывая свои мысли, постоянно взглядывалъ на тополь, который росъ противъ его окна. Когда дерево срубили, философъ почувствовалъ, что онъ теряетъ нить своихъ мыслей, и работа его пошла гораздо медленнѣе.

Но все это средства и привычки, такъ сказать, невиннаго свойства, нисколько не вредящія здоровью. Гораздо дороже стоило творчество Бальзаку, Шатобриану и Шиллеру.

Бальзакъ для возбужденія мысли пилъ огромное количество кофе, и про него говорятъ, что онъ умеръ отъ 30 тысячъ выпитыхъ имъ чашекъ кофе.

Шиллеръ могъ писать только тогда, когда ставилъ ноги на ледъ, вызывая тѣмъ самымъ огромный приливъ крови къ головѣ.

Къ этому же средству прибѣгаль Шатобрианъ. Диктуя своему секретарю, онъ все время расхаживалъ босыми ногами по холодному каменному полу.

Но курьезнѣе всего велъ себя въ подобныхъ случаяхъ знаменитый французскій адвокатъ и государственный дѣятель Жюль-Фавръ. Подготовляя свои рѣчи, онъ становился на колѣни на полъ и въ такомъ положеніи заучивалъ то, что потомъ говорилъ.

— Три недѣли подъ русскимъ владычествомъ. — Въ маленькомъ городкѣ Восточной Пруссіи Гумбиненѣ вышла любопытная брошюра «Drei Wochen russischer Gouverneur», принадлежащая перу учителя одной изъ мѣстныхъ школъ нѣкоему Мюллеру. При занятіи въ 1914 г. Восточной Пруссіи русскими войсками этотъ Мюллеръ былъ назначенъ русскими властями губернаторомъ города и теперь дѣлится съ соотечественниками пережитыми приключеніями. По своей должности Мюллеръ постоянно приходилъ въ соприкосновеніе съ русскими офицерами и войсками. «Русская гвардія, — пишетъ онъ — состояла изъ великолѣпныхъ людей, выдержка и дисциплина которыхъ были безукоризненны. Многіе изъ нихъ умѣли немного говорить по-нѣмецки. Они покупали главнымъ образомъ папирсы и сигары. Когда имъ говорили, что дадутъ имъ все это даромъ, они сейчасъ же вынимали кошелекъ и заявляли: «Нѣтъ, мы желаемъ платить».

Русскій комендантъ города распорядился о томъ, чтобы возобновить богослуженіе въ городѣ. Но Миллеръ принужденъ былъ доложить ему, что это невозможно, ибо все духовенство бѣжало изъ города.

— Какъ? у васъ некому даже крестить дѣтей?—удивился комендантъ.— Некому подать утѣшеніе въ скорби? Наши священники поступаютъ иначе.

Офицеры и солдаты, по словамъ бывшаго губернатора, часто хватались за револьверъ, но никогда не стрѣляли. Особенно дружелюбно вели себя войска по отношенію къ дѣтямъ и женщинамъ. Мюллеръ рассказываетъ, что одна бѣжавшая было изъ Гумбинена женщина съ пятью дѣтьми вернулась назадъ совершенно голодная и русскіе солдаты пріютили и накормили всю семью изъ ротнаго котла.

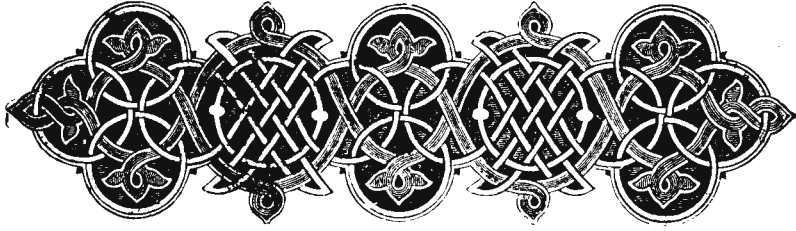
Губернатору русскія войска не причинили особыхъ хлопотъ по размѣщенію: они жили въ палаткахъ и питались собственными средствами. Ни о какихъ реквизиціяхъ и помину не было.

Мюллеръ рассказывалъ два случая, изъ которыхъ видно, какъ поступали русскіе, когда имъ приходилось отыскивать шпіоновъ. Однажды германцамъ былъ поданъ изъ города сигналъ при помощи часовъ на колокольнѣ. Призвали губернатора. Онъ произвелъ разслѣдованіе. Хотя его и сопровождали офицеры и солдаты, однако, подѣхавъ къ церкви, они остались въ автомобилѣ и въ церковь не вошли.

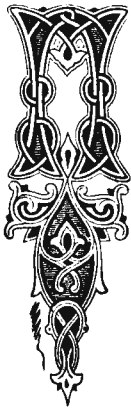
Другой разъ какой-то нѣмецъ, раздобывшій какимъ-то образомъ ружье и патроны, напившись пьянъ, поднялъ стрѣльбу, угрожая перестрѣлять всѣхъ русскихъ. Мюллеръ явился къ коменданту и, взявъ у него нѣсколько солдатъ, окружилъ домъ и въ концѣ концовъ захватилъ буяна. Когда его повели къ коменданту, онъ попросилъ позволенія на минуту вернуться домой. Мюллеръ отпустилъ его, думая, что отъ страха передъ ожидающимъ его наказаніемъ виновный покончитъ съ собою. Но не тутъ-то было! Буянь вернулся съ огромной бутылкой, изъ которой тутъ же сдѣлалъ порядочный глотокъ. Русскіе очень смѣялись этому происшествію и не только не разстрѣляли виновнаго, какъ этого всѣ ожидали, но, наоборотъ, убрали его куда-то подальше, чтобы онъ не причинилъ вреда кому-нибудь изъ окружающихъ.

Какъ это не похоже на тѣ расправы, которыя производились въ подобныхъ случаяхъ нѣмцами въ Бельгій!

С М Ъ С Ъ.

РИСУЖДЕНИЕ награды графа Уварова. Публичное заседание императорской академии наук 25-го сентября состоялось под председательством А. П. Карпинского. На LVIII конкурс по соисканию награды графа С. С. Уварова было представлено в академию пять сочинений пяти авторов; для рассмотрения и оценки этих сочинений конференцией академии была избрана комиссия в состав академиков: А. А. Шахматова, А. С. Лаппо-Данилевского, М. А. Дьяконова, Н. А. Котляревского, В. Н. Перетца и С. Θ. Ольденбурга. Комиссия, рассмотрев представленные на конкурс сочинения и рецензии их, постановила разделить большую награду графа Уварова на две части. Награда в 1.000 руб. присуждена А. А. Корнилову за сочинение «Молодые годы Михаила Бакунина. Из истории русского романтизма. Москва. 1915 г.». Отзыв об этом сочинении составлен профессором С. А. Венгеровым. Награда в 500 рублей присуждена сочинению Н. Н. Глубоковского «Высокопреосвященный Смарагдъ (Крыжановский), архиепископ рязанский: его жизнь и деятельность». Отзыв об этом историко-биографическом исследовании дан профессором К. В. Харламовичем. Малые награды по 500 рублей каждая присуждены сочинениям: Н. И. Серебрянского—«Древне-русские княжеские жития», отзыв о котором был составлен Н. К. Никольским, и Н. П. Черепнина—«Императорское воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк. 1764—1914 гг.». Отзыв об этом сочинении составлен академиком С. Θ. Ольденбургом. В виду неимения в распоряжении академии большого количества денежных наград, почетный отзыв присужден сочинению в рукописи Г. Н. Тимофеева—«Князь В. Θ. Одоевский и возро-

жденіе русскаго церковнаго пѣнія». Объ изслѣдованіи г. Тимофѣева отзывъ былъ составленъ профессоромъ С. К. Буличемъ. По присужденіи премій академія постановила благодарить рецензентовъ и присудить имъ золотыя рецензентскія уваровскія медали.

Новые академики. 8-го октября въ общемъ собраніи академіи наукъ были произведены выборы представленныхъ отдѣленіемъ русскаго языка и словесности кандидатовъ на званіе ординарныхъ академикомъ: заслуженнаго профессора петроградской духовной академіи И. С. Пальмова, приватъ-доцента петроградскаго университета Н. К. Никольскаго и заслуженнаго профессора варшавскаго университета Е. Θ. Карскаго. Всѣ три кандидата были избраны ординарными академиками, причемъ о трудахъ новыхъ академикомъ сообщали: академикъ А. И. Соболевскій—о Пальмовѣ, академикъ В. Н. Перетцъ—о Никольскомъ, и академикъ А. А. Шахматовъ—о Карскомъ. И. С. Пальмовъ—заслуженный ординарный профессоръ по кафедрѣ исторіи славянскихъ церквей и почетный членъ петроградской духовной академіи, членъ чешской академіи наукъ и членъ-корреспондентъ императорской академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности. Н. К. Никольскій окончилъ петроградскую духовную академію, гдѣ былъ въ 1889 г. удостоенъ степени доктора церковной исторіи за обширный трудъ о Кирилло-Вѣлосерскомъ монастырѣ. Въ томъ же году онъ началъ чтеніе лекцій въ академіи по исторіи проповѣдничества въ должности доцента, а затѣмъ и профессора, но въ 1909 году по «независящимъ обстоятельствамъ» принужденъ былъ выйти въ отставку и перенесъ свою учено-преподавательскую дѣятельность въ университетъ, а съ 1912 г. состоитъ профессоромъ психо-неврологическаго института по кафедрѣ русской филологіи и членомъ-корреспондентомъ академіи наукъ. Е. Θ. Карскій—знатокъ бѣлорусскаго языка. Свою педагогическую дѣятельность Е. Θ. Карскій началъ въ Вильнѣ въ качествѣ преподавателя гимназіи, а съ 1893 г. сталъ профессоромъ варшавскаго университета, ректоромъ котораго онъ состоялъ нѣкоторое время.

40-лѣтіе литературной дѣятельности К. А. Максимова. 17-го октября исполнилось сорокъ лѣтъ литературной дѣятельности беллетриста «старой школы»—Константина Афанасьевича Максимова, автора многихъ повѣстей и рассказовъ изъ народной и купеческой жизни. Родился К. А. въ 1848 г., въ небогатой купеческой семьѣ. Учился больше самоучкой. Впервые сталъ печататься К. А. Максимовъ въ 1876 г. въ журналѣ «Пчела» (М. О. Микѣшина). Затѣмъ рядъ его «очерковъ изъ купеческаго быта» появились въ «Еженедѣльномъ Новомъ Времени». Впослѣдствіи К. А. работалъ во многихъ журналахъ: «Русскомъ Богатствѣ», «Наблюдателѣ», «Живописномъ Обзорѣніи», «Всемирной Иллюстраціи» и др. Нѣкоторыя произведенія вышли и отдѣльными изданіями. Выступалъ К. А. и въ качествѣ драматическаго писателя: его народная пьеса «Всякъ молодецъ на своей образецъ» до сихъ поръ идетъ въ провинціи. Въ послѣдніе годы К. А. Максимовъ пишетъ мало, помѣщая лишь изрѣдка въ журналѣ для солдатъ и народа «Витязь» (В. А. Березовскаго) свои рассказы и въ журналахъ «Историческій Вѣстникъ» и «Наша Старина» интересныя воспоминанія.

Двѣ архивныя загадки изъ эпохи кодификаціи русскаго права при императорѣ Николаѣ I¹⁾. 25-го сентября въ засѣданіи московскаго общества по изслѣдованію памятниковъ древности имени А. И. Успенскаго при московскомъ археологическомъ институтѣ заслуженный профессоръ докторъ русскаго права А. Н. Филипповъ прочиталъ интересный докладъ на тему: «Двѣ архивныя загадки изъ эпохи кодификаціи русскаго права при императорѣ Николаѣ I». Докладчикъ указалъ, что настоящимъ творцомъ сложнаго дѣла кодификаціи русскаго права при Николаѣ I является М. М. Сперанскій, подъ руководствомъ котораго въ четыре года было издано 45 томовъ полнаго собранія Законовъ Россійской Имперіи и 15 томовъ Свода Законовъ. Сперанскій создалъ систему и порядокъ выполненія работы, требовавшей много ума, усилій, творчества; если изданіе Свода имѣло практическое значеніе, то въ Полномъ Собраніи Сперанскимъ преслѣдовались уже широкія научныя задачи. Но до сихъ поръ мы не знаемъ исторіи составленія этихъ двухъ изданій. Указанія на эту исторію даетъ самъ Сперанскій въ предисловіи къ Полному Собранію Законовъ. Въ этомъ предисловіи—много страннаго, не выдерживающаго критики. «Полное Собраніе» является далеко не полнымъ: мы теперь знаемъ гораздо болѣе актовъ, чѣмъ сколько помѣщено Сперанскимъ. Кромѣ того, въ Полномъ Собраніи встрѣчаются вещи, не относящіяся къ законамъ, напри- мѣръ, «сказки» о Стенькѣ Разинѣ, церемоніалы въѣзда государей, крещенія и погребенія великихъ князей и царей и т. п. Несмотря на увѣреніе Сперанскаго, что онъ будетъ помѣщать законы цѣликомъ, съ нѣкоторыми сокращеніями, онъ на самомъ дѣлѣ допускаетъ очень много сокращеній. Въ особенности возбуждаютъ интересъ двѣ загадки предисловія Сперанскаго, заключающіяся въ упоминаніи о томъ, что вторымъ отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи будетъ издана «исторія русскаго законодательства» и что въ томъ же отдѣленіи «положено начало собранію законовъ древнихъ». Но нѣтъ слѣдовъ ни исторіи законодательства, ни собранія древнихъ актовъ. Въ отчетахъ, подававшихся Николаю I, указывалось, что исторія русскаго законодательства «составляется»; въ одномъ изъ отчетовъ говорится даже о составленіи такой исторіи въ 23 главахъ и 247 параграфахъ, но пока не найдено слѣдовъ этой работы. Въ вышедшемъ подъ руководствомъ Сперанскаго «Историческомъ обзорѣніи Свода Законовъ» указывается, что описаніе наружнаго вида Уложенія будетъ помѣщено въ «Исторіи русскаго законодательства», но въ другомъ изданіи, въ «Исторической запискѣ о содѣйствіи второму отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи развитію юридическихъ наукъ», Сперанскій признается, что составленіе исторіи законодательства не дѣло канцеляріи, а должно быть предметомъ отдѣльныхъ трудовъ ученыхъ, которые призывались къ дѣлу составленія этой исторіи. Одно свѣдѣніе противорѣчитъ другому. Одно изъ двухъ: или исторія законодательства была составлена, и приходится пожалѣть, что она не дошла до насъ, или Сперанскій объявилъ существующимъ то, чего не было. Понимая необходимость исторіи законодательства, Сперанскій въ то же время хотѣлъ соста-

¹⁾ Сообщилъ М. С. Померанцевъ.

вить то, чего до сихъ поръ у насъ нѣтъ: собраніе древнихъ законовъ. Сперанскій доложилъ Николаю I о необходимости такого собранія; повидимому, государь одобрилъ это, и Сперанскій, какъ можно предполагать, приступилъ къ этому дѣлу, намѣтивъ подробный планъ работы, но опять-таки мы ничего не знаемъ объ этой работѣ. Интересно прослѣдить взгляды Сперанскаго на изданіе древнихъ актовъ. Сперанскій заботился о полнотѣ актовъ, достовѣрности ихъ и правильности ихъ формъ. По мнѣнію Сперанскаго, въ составъ собранія должны войти всѣ постановленія, имѣвшія силу законовъ, и, такимъ образомъ, собраніе должно быть свободно отъ тѣхъ примѣсей, которые находятся въ Полномъ Собраніи Законовъ. Въ виду невозможности собрать всѣ законы безъ исключенія, Сперанскій предполагалъ помѣстить тѣ законы, которые только будутъ имъ найдены; но при перечисленіи актовъ Сперанскій допускаетъ много страннаго, упоминая, на примѣръ, о такихъ законахъ, которыхъ никогда не было, напр., о законахъ, касающихся варяжской дружины и нѣмецкихъ стрѣльцовъ. Въ стремленіи Сперанскаго дойти до первоисточниковъ актовъ поражаетъ широта научнаго археографическаго смысла и правильность его пріемовъ съ научной точки зрѣнія. При этомъ Сперанскій задается вопросомъ, гдѣ же найти первоисточники; прежде всего, должно быть испрошено Высочайшее повелѣніе о доставленіи во второе отдѣленіе первоисточниковъ; сверхъ того, Сперанскій предполагалъ прибѣгнуть къ усердію «любителей россійскихъ древностей», прося ихъ присылать имѣющіеся у нихъ старинные акты или указывать на мѣстонахожденіе ихъ. По вопросу о собраніи древнихъ актовъ Сперанскій вошелъ въ переписку съ различными археологами; любопытна, на примѣръ, его переписка съ П. М. Строевымъ, который на запросъ Сперанскаго о древнихъ актахъ отвѣтилъ ему, что имъ составлено три тома собранія древнихъ актовъ, относящихся къ XV—XVII вв., но что, вслѣдствіе установленнаго по случаю холеры карантина между обѣими столицами, онъ не можетъ пріѣхать въ Петроградъ, а въ почтамтѣ не принимаютъ посылокъ. Пріѣхавъ нѣсколько времени спустя въ Петроградъ, Строевъ обратился къ академіи наукъ за разрѣшеніемъ дать Сперанскому акты; конференція академіи, гдѣ была доложена записка Строева, согласилась на просьбу Строева, но были ли даны Строевымъ Сперанскому документы, такъ и осталось неизвѣстнымъ. Но, несмотря на то, что эти археографическія загадки до сихъ поръ не разрѣшены, тѣмъ не менѣе вопросъ о нихъ бросаетъ яркій лучъ на работу Сперанскаго, который, будучи практическимъ дѣятелемъ, въ то же время преслѣдовалъ широкія научныя задачи.

Аракчеевская премія. Министерство народнаго просвѣщенія вошло въ первый департаментъ Государственнаго Совѣта съ представленіемъ объ измѣненіи завѣщанія графа А. А. Аракчеева, согласно которому императорской академіи наукъ было предоставлено 50.000 рублей для присужденія въ 1925 году трехъ четвертей этой суммы съ наросшими на нее процентами преміи автору лучшаго сочиненія по исторіи царствованія императора Александра I съ тѣмъ, чтобы остальной капиталъ былъ помѣщенъ академіей наукъ на изданіе этого сочиненія и на выдачу вознагражденія автору второго по достоинству конкурснаго труда. По буквальному смыслу текста завѣщанія содержаніе его должно быть

опубликовано въ 1915 году во всѣхъ газетахъ Россійской имперіи и за границей. Выполнить это условіе въ 1915 году оказалось невозможнымъ, во-первыхъ, потому, что пришлось бы публиковать въ неимовѣрномъ количествѣ газетъ, а, во-вторыхъ, въ виду невозможности сношеній съ непріятельскими странами. Поэтому академія наукъ нашла нужнымъ публиковать завѣщаніе графа Аракчеева лишь въ двадцати пяти русскихъ газетахъ и двухъ иностранныхъ, одной англійской и одной французской, причемъ расходы на публикаціи, за отсутствіемъ другого источника, пришлось оплатить изъ завѣщаннаго капитала. Чтобы придать дѣйствіямъ академіи наукъ законный характеръ, министерство народнаго просвѣщенія полагаетъ испросить Высочайшее соизволеніе на измѣненіе завѣщанія графа Аракчеева въ указанномъ смыслѣ. Завѣщанный Аракчеевымъ капиталъ достигъ къ 1-му января 1916 года 572.496 рублей, а къ моменту выдачи премии въ 1925 году онъ возрастетъ до 800 тысячъ рублей.

Премія имени М. Н. Герсеванова. Институтъ инженеровъ путей сообщенія въ Петроградѣ объявилъ конкурсъ на соисканіе премии имени д. т. с. М. Н. Герсеванова за лучший самостоятельный учено-технический трудъ на русскомъ языкѣ, посвященный изслѣдованію какого-либо инженернаго вопроса изъ области гидротехники въ обширномъ смыслѣ, обстоятельствъ и причинъ крушенія какого-либо инженернаго сооруженія, исторіи успѣховъ математики, механики или электротехники, или, наконецъ, исторіи тоннельнаго строительства въ Европѣ и особенно въ Россіи. Труды должны быть представлены не позже 1-го января 1917 г. лицами, получившими университетское или высшее техническое образованіе. Размѣръ премии—1.200 рублей.

НЕКРОЛОГИ.

ВОЛКОВА, М. М. 8-го октября скончалась въ Усикиркѣ женщина-врачъ Марія Михайловна Волкова. Покойная пользовалась въ Петроградѣ обширной извѣстностью. Богатая инициативой и предприимчивостью, замѣчательно энергичная, она не знала отдыха въ своей врачебной и общественной дѣятельности. Особенно производительной была ея дѣятельность въ концѣ девяностыхъ и въ началѣ девятисотыхъ годовъ. Она читала лекціи на образованныхъ врачами курсахъ, основала общество охраненія здоровья женщинъ и учредила на паяхъ женскую аптеку. Здоровью женщины она посвятила наибольшую часть своихъ печатныхъ трудовъ. Въ обществѣ охраненія здоровья женщины она была безсмѣнной предсѣдательницей и, когда общество стало распадаться, образовала лазаретъ для раненыхъ воиновъ. Въ послѣдніе годы М. М. основала свою санаторію въ Усикиркѣ, въ Финляндіи, и создала возможность многимъ недостаточнымъ лицамъ поправить свое здоровье. М. М. скончалась 64 лѣтъ. Она долго сохраняла свою молодость, сумѣла закалить свой организмъ отъ недуговъ и отличалась большой жизненностью. Въ «Новомъ Времени» было напечатано нѣсколько ея статей. Ея многочисленныя книги и брошюры выдержали нѣсколько изданій и широко распространены въ публикѣ. (Некрологъ ея: «Новое Время», 1916, № 14584).

† **Ивановъ, Д. И.** Въ городѣ Псковѣ скончался въ преклонномъ возрастѣ видный земскій дѣятель Дмитрій Ивановичъ Ивановъ. Происходя изъ государственныхъ крестьянъ, покойный получилъ образованіе въ дореформенной еще начальной школѣ. Съ введеніемъ земскихъ учреждений онъ былъ избранъ въ гласные псковскаго уѣзднаго земскаго собранія, гдѣ выдвинулся стойкой защитой интересовъ крестьянства и былъ избранъ въ концѣ шестиде-

сятихъ годовъ членомъ псковской уѣздной земской управы. Въ восьмидесятихъ годахъ Д. И. былъ избранъ предсѣдателемъ псковской уѣздной земской управы. Послѣ измѣненія земскаго устава, когда преобладаніе въ земствѣ было предоставлено дворянству, Д. И. отказался отъ мѣста предсѣдателя управы и баллотировался членомъ управы. Земское собраніе, избравъ его снова членомъ управы, оставило за нимъ предсѣдательское жалованье. Попрежнему онъ оставался душой земской управы. Однако его направленіе, его преданность народнымъ интересамъ не соответствовали вѣяніямъ времени. Лѣтъ десять тому назадъ онъ былъ вынужденъ оставить управу, въ которой прослужилъ около 40 лѣтъ. Покинувъ земство, Д. И. продолжалъ работать на благо мѣстныхъ крестьянъ въ обществѣ сельскаго хозяйства и въ сельско-хозяйственномъ складѣ, направивъ всѣ свои силы на распространеніе въ крестьянскихъ хозяйствахъ употребленія искусственныхъ удобреній, травосѣянія и многополья, на устройство кредитныхъ товариществъ и потребительныхъ обществъ. Обладая цѣнными практическими свѣдѣніями, онъ помѣщалъ статьи въ «Сельскомъ Вѣстникѣ» и мѣстномъ органѣ губернскаго земства по вопросамъ земскаго и сельскаго хозяйства. (Некрологъ его: «Новое Время» 1916 г., № 14582).

† **Лебедевъ, К. В.** 21-го сентября скончался академикъ живописи Клавдій Васильевичъ Лебедевъ. Покойный—хорошо извѣстный русскій художникъ, авторъ ряда бытовыхъ жанровъ и картинъ на историческіе сюжеты. Въ Третьяковской художественной галлерей находятся его картины: «Воярская свадьба», «Къ сыну» и «На родинѣ». Послѣдней работой К. В. былъ эскизъ «Царь Иванъ Васильевичъ Грозный». Это произведеніе появилось на передвижной выставкѣ 1916 года. К. В. происходилъ изъ крестьянъ, родился въ 1853 году. Въ 1881 г. онъ окончилъ московское училище живописи, ваянія и зодчества. Съ 1890 по 1894 гг. покойный состоялъ преподавателемъ училища живописи, ваянія и зодчества. Съ 1894 по 1898 гг. былъ профессоромъ академіи художествъ. Въ 1898 году К. В. вышелъ въ отставку. За картину «Смерть царя Феодора Алексѣевича», написанную въ 1897 г., К. В. былъ удостоенъ званія художника. Скончался К. В. на 63-мъ году жизни. (Некрологъ его: «Русское Слово», 1916 г., № 218).

† **Русскихъ, Н. А.** Въ ночь на 13-е сентября скончался редакторъ журнала «Охрана Материнства и Младенчества» докторъ Николай Александровичъ Русскихъ на шестидесятомъ году жизни и на тридцать восьмомъ году врачебной дѣятельности. Въ теченіе тридцати семи лѣтъ покойный занималъ должность участковаго врача екатеринбургскаго уѣзднаго земства. Помимо непосредственной дѣятельности земскаго врача, онъ все свое свободное время удѣлялъ врачебно-просвѣтительнымъ задачамъ, чѣмъ и приобрѣлъ широкую популярность на Уралѣ. Онъ былъ однимъ изъ основателей, первымъ и долготѣльнымъ предсѣдателемъ уральскаго медицинскаго общества, которое при немъ приобрѣло большую бібліотеку, построило образцовую глазную лечебницу, стало издавать «Записки» на русскомъ и французскомъ языкахъ. Затѣмъ онъ состоялъ вице-президентомъ уральскаго общества любителей естествознанія, предсѣдателемъ мѣстнаго отдѣла общества спасанія на водахъ, постояннымъ и дѣятельнымъ членомъ мѣстнаго комитета російскаго общества Краснаго

Креста, однимъ изъ организаторовъ бывшей въ Екатеринбургѣ въ 1888 году сибирско-уральской научно-промышленной выставки. По возникновеніи въ Петроградѣ состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Θεодоровны всероссійскаго попечительства объ охранѣ материнства и младенчества покойный инициаторъ и первый предсѣдатель совѣта попечительства К. А. Раухфусъ пригласилъ Н. А. редактировать журналъ попечительства «Охрана Материнства и Младенчества». Несмотря на годы и тридцатисемилѣтнюю напряженную дѣятельность въ одномъ и томъ же мѣстѣ, Н. А. покинулъ родныя мѣста и переселился въ Петроградъ для осуществленія своей завѣтной идеи. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1916 г., № 225).

† **Шавловскій, И. З., профессоръ.** Скончавшійся 6-го октября профессоръ военно-медицинской академіи Иванъ Эдуардовичъ Шавловскій былъ ассистентомъ извѣстнаго профессора Грубера по кафедрѣ анатоміи. Покойный Груберъ цѣнилъ знанія и дѣловитость Шавловскаго и вызвалъ его въ академію изъ Тихвина, гдѣ И. Э. былъ земскимъ врачомъ. Съ 1885 года дѣятельность покойнаго была неразрывно связана съ военно-медицинской академіей. Онъ былъ прозекторомъ по кафедрѣ нормальной анатоміи и съ 1901 по 1914 г. занималъ эту кафедру въ качествѣ профессора. Одновременно состоялъ предсѣдателемъ хозяйственнаго комитета академіи и ссудо-сберегательной кассы, читалъ лекціи по анатоміи въ психо-неврологическомъ институтѣ и въ академіи художествъ. Отправившись въ 1914 г. для поправленія своего здоровья въ Наугеймъ, онъ оказался при объявленіи войны неожиданнымъ плѣнникомъ Германіи и перенесъ въ плѣну тяжкія испытанія, окончательно подорвавшія его здоровье. Недавно вернулся изъ плѣна, но оправиться не могъ и преждевременно сошелъ въ могилу на 60 году своей жизни. (Некрологъ его «Новое Время», 1916 г. № 14584).

свободенъ отъ ихъ-участія. Согласившись на предложеніе хозяина, я вошелъ въ столовую и устроился на отдыхъ, насколько это позволяли два жесткихъ кресла и мои возбужденныя мысли.

Меня занимало только одно—поведеніе Луи и та внезапная перемена, которую я въ немъ замѣтилъ. Онъ даже, какъ будто, испугался меня, пришелъ въ ужасъ. Можетъ быть, Дениза умерла? Но этого не могло быть, это мнѣ подсказывало все мое существо.

Однако эта мысль сильно взволновала меня. Я всталъ и до разсвѣта ходилъ по комнатѣ, прислушиваясь къ крику ночного сторожа и къ торопливымъ шагамъ прохожихъ, напоминавшимъ о суетливомъ городѣ.

Наконецъ поднялось движеніе и въ гостиницѣ. Мнѣ надо было еще ждать, пока я не увижусь снова съ мадамъ Катино. Было еще рано, и я отправился безъ всякой цѣли бродить по городу.

При первомъ же ударѣ колокола въ двѣнадцать часовъ я былъ уже у дверей мадамъ Катино.

Едва я взглянулъ на нее, какъ сердце во мнѣ упало. Благодарность, которую я приготовилъ заранѣе, замерла у меня на губахъ. Она была, видимо, взволнована сама. Нѣкоторое время мы оба молчали.

— Повидимому, у васъ плохія новости для меня,—началъ я наконецъ, стараясь улыбнуться и казаться хладнокровнымъ.

— Боюсь, что очень плохія,—отвѣчала она, поглаживая съ видимымъ сожалѣніемъ свое платье.—Плохія тѣмъ, что ихъ вовсе нѣтъ.

— Говорятъ, что это хорошо, когда нѣтъ никакихъ новостей.

Ея губы дрожали, и она, очевидно, старалась не смотрѣть на меня.

— Послушайте, — началъ я опять, чувствуя, что у меня замираетъ сердце. — Вы, очевидно, можете сообщить мнѣ гораздо больше. Вы можете указать мнѣ, гдѣ я могу видѣть маркизу де-Сентъ-Алэ.

— Этого я не могу вамъ сообщить,—промолвила она тихо.

— Не можете сказать и того, почему такъ внезапно переѣхался ко мнѣ Луи?

— И этого не могу. Очень попрошу васъ,—вдругъ добавила она,—избавить меня отъ вашихъ разспросовъ. Я думала, что мнѣ удастся помочь вамъ. Вотъ почему я и просила васъ зайти ко мнѣ сегодня. Оказывается, что я только причиняю вамъ лишнія огорченія.

— И это все, что вы можете мнѣ сообщить?

— Все.

Я пошелъ къ двери, но на полдорогѣ повернулся назадъ.

— Нѣтъ,—закричалъ я,—я не могу уйти такъ! Что заставляетъ васъ молчать? Что готовится противъ Денизы? Чего вы боитесь?

Говорите же! Вѣдь не затѣмъ же вы позвали меня, чтобы отпустить меня ни съ чѣмъ?

Мадамъ Катино взглянула на меня съ упрекомъ.

— Такова моя награда за всѣ мои старанія?

Это было слишкомъ. Не говоря ни слова, я повернулся и вышелъ изъ ея дома.

На улицѣ я почувствовалъ себя, словно ребенокъ въ темнотѣ. Я почувствовалъ тупое гнетущее разочарованіе, которое ежеминутно готово было перейти въ острое нравственное страданіе. Что могло вызвать въ мадамъ Катино перемѣну, почти такую же, какая была съ Луи? Что такое она узнала? Что заставляло ихъ всѣхъ отворачиваться и бѣгать отъ меня, какъ отъ чумы?

Нѣкоторое время я былъ въ полномъ отчаяніи. Но яркое солнышко, заливавшее улицы и говорившее о близкомъ лѣтѣ, мало-помалу разогнало тяжелыя мысли. Въ концѣ концовъ, вѣдь не такъ ужъ и трудно разыскать въ Нимѣ кого угодно!

Пока я шелъ, погруженный въ эти мысли, на улицѣ сзади меня произошелъ какой-то шумъ: послышался гулъ голосовъ и шопотъ сотенъ ногъ. Обернувшись, я увидалъ, что сзади валила прямо на меня толпа народу.

Несли голубые флаги, распятіе и орифламы съ изображеніемъ пяти чудесъ. Толпа пѣла, кричала и размахивала палками и оружіемъ. Двигалась она плотной массой, наполнивъ собою всю улицу отъ одного тротуара до другого. Чтобы пропустить ее, я вошелъ подъ ворота, въ арку, которая попала мнѣ по дорогѣ.

Съ глухимъ шумомъ толпа прокатилась мимо меня. Виденъ былъ цѣлый лѣсъ палокъ и оружія, возвышавшійся надъ смуглыми, возбужденными лицами. Черезъ промежутокъ въ рядахъ толпы мнѣ удалось замѣтить трехъ человѣкъ, которые шли въ ея центрѣ и руководили ею. Въ самой срединѣ шелъ Фроманъ. Другой былъ въ рясѣ, на третьемъ красовалась шляпа военного образца.

За этой толпой валила другая, —человѣкъ въ четыреста, набранныхъ изъ всякихъ городскихъ отбросовъ, нищихъ, —отъявленныхъ негодяевъ и бездомныхъ бродягъ.

Не успѣлъ я повернуться, чтобы разсмотрѣть ее хорошенько, какъ около меня вдругъ очутился какой-то человѣкъ. По странной случайности это былъ тотъ самый человѣкъ, который вчера вечеромъ указывалъ мнѣ дорогу въ гостиницу. Я спросилъ его, дѣйствительно ли это былъ Фроманъ.

— Да, да, —сказалъ онъ, усмѣхаясь.—Это онъ съ братомъ.

— А, съ братомъ. Что же они здѣсь дѣлаютъ?

— Будутъ кричать передъ протестантской церковью, —энергично

отвѣчалъ онъ.—А завтра начнутъ бить стекла, а на слѣдующій день, когда имъ удастся хорошенько взвинтить себя, будутъ поджигать дома протестантовъ, вызовутъ гарнизонъ изъ Монпелье. Послѣ этого появятся эти изъ Турина, мы поднимемъ возстаніе. А потомъ, если все пойдетъ, какъ задумано, вы увидите удивительныя вещи.

— А гдѣ же мэръ? И допустить ли все это національная гвардія? спросилъ я.

— Мэръ изъ красныхъ,—коротко отвѣчалъ мой незнакомецъ.— Изъ красныхъ же и три четверти гвардіи. Вотъ вы увидите.

И, коротко кивнувъ мнѣ головой, онъ пошелъ своей дорогой. Съ минуту я стоялъ на одномъ мѣстѣ, глядя вслѣдъ процессіи. Вдругъ мнѣ пришло въ голову, что гдѣ Фроманъ, тамъ же можетъ быть и Сентъ-Алэ. И, подхвативъ эту мысль и удивляясь, какъ это она не пришла мнѣ въ голову раньше, я пустился догонять толпу. Я еще видѣлъ ея послѣдніе колеблющіеся ряды, заворачивавшіе вдали за уголъ. Но и послѣ того, какъ они скрылись изъ виду, легко можно было опредѣлить путь толпы по закрытымъ ставнямъ и испуганнымъ лицамъ, которыя выглядывали изъ оконъ. Я слышалъ, какъ толпа разомъ остановилась и закричала. Но прежде, чѣмъ я успѣлъ догнать ее, она тронулась дальше. Когда же мнѣ удалось догнать шествіе на одной изъ улицъ, недалеко отъ Старыхъ воротъ, ядро ея уже исчезло, а остальные расходились въ разныя стороны.

Моей цѣлью было найти Фромана, и этой цѣли я не достигъ. Но я былъ въ недоумѣніи всего какую-нибудь минуту. Пока я стоялъ и глядѣлъ на расходившуюся толпу, мой взглядъ случайно упалъ на высокую фигуру съ опущенной долу головой и въ рясѣ. Этотъ человѣкъ, видимо, хотѣлъ перейти черезъ улицу и стоялъ, чтобы пропустить мимо себя мѣшавшую ему толпу.

Человѣкъ этотъ былъ не кто иной, какъ отецъ Бенедиктъ! Съ радостнымъ крикомъ я бросился прямо въ толпу и черезъ какую-нибудь секунду былъ уже около него.

Отъ неожиданности мы долго не могли заговорить. Потомъ на радостяхъ мы обмѣнялись нѣсколькими поспѣшными словами. И тутъ я замѣтилъ на его лицѣ то же выраженіе безпокойства и неудовольствія, которое поразило меня въ Луи де-Сентъ-Алэ.

— О Боже мой! Боже мой!—тихонько промолвилъ отецъ Бенедиктъ, незамѣтно ломая себѣ руки.

Эта таинственность мнѣ уже надоѣла, и я рѣзко сказалъ:

— По крайней мѣрѣ, вы скажете мнѣ, что все это значить?

Мои слова были услышаны двумя-тремя прохожими, которые посмотрѣли на меня съ любопытствомъ. Чтобы избѣжать ихъ, отецъ Бенедиктъ увлекъ меня въ какой-то подвѣздъ. Но одинъ человѣкъ упорно не отходилъ отъ насъ.

— Поднимемся наверхъ,—шепнулъ мнѣ отецъ Бенедиктъ:—тамъ мы будемъ въ полной безопасности.

И онъ повелъ меня по старинной каменной лѣстницѣ, которую, видимо, пользовались многіе и которую не чистилъ никто.

— Вы здѣсь живете?—спросилъ я.

— Да.

И вдругъ, обернувшись ко мнѣ, онъ посмотрѣлъ на меня съ видимымъ смущеніемъ.

— Тутъ довольно бѣдно,—заговорилъ онъ, обнаруживая какъ будто желаніе спуститься опять внизъ.—Будетъ, пожалуй, лучше, если мы пойдемъ...

— Нѣтъ, нѣтъ!—вскричалъ я, горя нетерпѣніемъ.—Ведите меня въ вашу комнату. Я не могу больше ждать. Къ счастью, я васъ встрѣтилъ и теперь не отпущу васъ, пока вы не скажете мнѣ всей правды.

Онъ все еще колебался и началъ было придумывать какія-то другія отговорки. Но я былъ занятъ только однимъ, и онъ, видя мою рѣшимость, повелъ меня дальше по лѣстницѣ, на самый верхъ дома. Тутъ у него подъ самой черепичной крышей была маленькая комната, въ которой стояли кровать, столъ, стулъ, лежали двѣ-три книги и на стѣнѣ висѣло распятіе. Свѣтъ проникалъ сюда черезъ маленькое четырехугольное оконце.

Окно, очевидно, не закрывалось: когда мы вошли, съ пола поднялся голубь и вылетѣлъ въ него.

Отецъ Бенедиктъ пробормоталъ какое-то извиненіе и объяснилъ, что онъ кормитъ у себя голубей.

— Они составляютъ единственное общество для меня,—печально добавилъ онъ.

— Но вѣдь вы прибыли сюда по собственному желанію,—довольно грубо замѣтилъ я.

Я волновался какимъ-то смутнымъ опасеніемъ и невольно впалъ въ такой тонъ.

— Да, для того, что разстаться еще съ одной иллюзіей. Вы знаете, сколько лѣтъ я стремился къ реформѣ, къ свободѣ. Я воображалъ, что и другіе хотятъ того же. Прекрасно, теперь мы достигаемъ того и другого, и первое, для чего народъ воспользовался своей свободой,—было напасть на религію. Тогда я пришелъ сюда, ибо мнѣ сказали, что здѣсь собрались защитники церкви, что здѣсь религія сильна и пользуется уваженіемъ! И во мнѣ опять ожила надежда. И что же я нашелъ здѣсь? Мнимыя чудеса, обманъ, ложь, обманъ, къ которому прибѣгаетъ какъ одна сторона, такъ и другая. И всюду, всюду одно насиліе.

— Скажите же, ради Бога, отчего вы не ѣдете обратно домой?

— Недѣлю тому назадъ я совсѣмъ было собрался въ дорогу. Но теперь...

— Пожалуйста, оставьте меня въ покоѣ,—хрипло воскликнулъ я.—Я уже видѣлъ Луи де-Сентъ-Алэ и знаю, что тутъ творится что-то неладное. Онъ не хочетъ даже взглянуть мнѣ въ лицо, не хочетъ сказать, гдѣ живетъ маркиза. Онъ обращался со мной, какъ со своимъ злѣйшимъ врагомъ. Что все это значить? Я долженъ это знать наконецъ! Скажите мнѣ.

— О, Боже мой!—застоналъ отецъ Бенедиктъ, глядя на меня со слезами.—Какъ я боялся этого!

— Чего вы боялись?

— Что нанесу вамъ ударъ прямо въ сердце.

— Послушайте,—говорите же откровенно.

— Мадемуазель де-Сентъ-Алэ обручена,—проговорилъ старикъ, стараясь не глядѣть на меня.

Я остановился, какъ вкопанный.

— Какъ обручена? Съ кѣмъ же? — опомнившись, заговорилъ я.

— Съ господиномъ Фроманомъ,—послѣдовалъ тихій отвѣтъ.

IX.

Соперники.

— Не можетъ быть!—произнесъ я, не узнавая собственнаго голоса.—Съ Фроманомъ! Не можетъ быть.

Произнося эти слова, я самъ понималъ, что я говорю неправду, и отвернулся къ окну, чтобы отецъ Бенедиктъ не могъ видѣть моего лица.

Фроманъ! Это имя объяснило мнѣ теперь многое.

Погруженный въ свои мысли, я пристально смотрѣлъ на небольшой колодеобразный дворикъ, на который выходило окно этой комнаты. На противоположной его сторонѣ внизу виднѣлось крыльцо, похожее на какую-то монастырскую паперть, съ изваянной по срединѣ его фигурой. Несмотря на свою сосредоточенность, я невольно замѣтилъ, какъ во дворъ вошли два какихъ-то человѣка и направились къ этой паперти. Они не стучали въ дверь и никого не звали, но одинъ изъ нихъ слегка стукнулъ два раза палкою о землю. Черезъ секунду или двѣ дверь открылась сама собой, и оба незнакомца исчезли за нею.

Все это я замѣтилъ совершенно безсознательно, и только стукъ закрывшейся двери окончательно вывелъ меня изъ раздумья.

— Фроманъ,—сказалъ я.—А гдѣ же Дениза?

Отецъ Бенедиктъ покачалъ головой.

— Вы должны это знать!—хрипло закричалъ я. — Должны знать!

— Я знаю,—медленно отвѣчалъ онъ, не отрывая отъ меня

глазъ:—но не могу вамъ сказать. Я не могъ бы сказать этого даже тогда, когда приходилось бы спасать вашу жизнь, г. виконтъ. Это мнѣ сообщено на исповѣди.

Я былъ ошеломленъ и упалъ духомъ отъ такого отвѣта. Я зналъ, что объ эту желѣзную дверь, ключъ отъ которой заброшенъ, я могу биться головой до самой смерти и все-таки не достигну своей цѣли.

— Зачѣмъ же вы рассказали мнѣ все это въ такомъ случаѣ?— воскликнулъ я съ тоской.

— Я хотѣлъ, чтобы вы уѣхали скорѣе изъ Нима,—мягко отвѣчалъ старый священникъ, глядя на меня умоляющими глазами.— Мадемуазель Дениза уже обручена, и добраться до нея вы не можете. Черезъ нѣсколько часовъ, вѣроятно, какъ только кончатся выборы, здѣсь начнется возстаніе. Я знаю васъ, и ваши чувства мнѣ извѣстны. Вы не можете пристать ни къ той, ни къ другой партіи. Зачѣмъ же вамъ въ такомъ случаѣ оставаться здѣсь?

— Зачѣмъ?—воскликнулъ я такъ быстро и съ такой силой, что отецъ Бенедиктъ невольно вздрогнулъ.—Я останусь здѣсь до тѣхъ поръ, пока мадемаузель Дениза не будетъ обвинена. А до тѣхъ поръ я буду слѣдовать за нею хоть въ Туринъ. Г. Фроманъ смѣшиваетъ въ одно войну и любовь. Вотъ почему я теперь пристану къ одной изъ партій и, конечно, не къ его. Зачѣмъ мнѣ оставаться?—спрашиваете вы. Зачѣмъ, что если вы не можете сказать мнѣ, гдѣ Дениза, то здѣсь найдутся другіе, которые могутъ сообщить мнѣ это.

И, не слушая возраженій отца Бенедикта, который что-то кричалъ мнѣ и пытался удержать меня, я схватилъ свою шляпу и сбѣжалъ внизъ по лѣстницѣ. Потомъ я вышелъ изъ дома, прошелъ улицу, гдѣ стояла гостиница, и направился въ тотъ кварталъ города, гдѣ я былъ раньше.

Улицы, по которымъ я шелъ, были еще полны народу; всѣ были въ ожиданіи чего-то, словно процессія оставила за собой какой-то слѣдъ. Тамъ и сямъ ходили военные патрули и совѣтовали народу успокоиться. Тамъ и сямъ виднѣлись кучки посвистывавшихъ горожанъ, которые пристально смотрѣли на меня, когда я проходилъ мимо. Изъ десяти мужчинъ по крайней мѣрѣ одинъ былъ монахъ.

Мнѣ пришло въ голову отыскать барона де-Жеоля и Бютона и разузнать отъ нихъ о планахъ Фромана, и о томъ, какъ сильна его партія. Чувствовалось, что весь городъ пришелъ въ ненормальное состояніе и что если я хочу сдѣлать что-нибудь до того, какъ разразится гроза, то я долженъ дѣйствовать быстро.

Къ счастью, мнѣ удалось захватить де-Жеоля и Бютона у нихъ на квартирѣ. Баронъ, съ которымъ я не видался съ самаго пріѣзда въ городъ, безъ сомнѣнія, уже успѣлъ объяснить себѣ причину моего отсутствія по-своему. Онъ поздоровался со мной довольно

насмѣшливо. Но когда я предложилъ ему нѣсколько вопросовъ, онъ понялъ, что я не шучу, и перемѣнилъ свое обращеніе со мной.

— Это вотъ кто можетъ вамъ сказать,—промолвилъ онъ, кивая на Бютона.

Отъ меня не укрылось, что они оба были весьма возбуждены, хотя и старались не показывать этого.

— Партія Фромана вчера подняла въ Авиньонѣ возстаніе,—быстро отвѣтилъ Бютонъ:—но была раздавлена съ тяжелыми для нея потерями. Эта новость только что получена. Неудача можетъ заставить ихъ поспѣшить съ ихъ замыслами здѣсь.

— Я видѣлъ солдатъ на улицѣ,—замѣтилъ я.

— Да, кальвинисты просили дать имъ охрану. Но вся эта охрана—одна комедія,—съ грустной улыбкой продолжалъ баронъ де-Жеоль.—Гіенскій полкъ, настроенный патріотически, могъ бы защитить насъ, но офицеры нарочно удерживаютъ его въ казармахъ. Мэръ и муниципальные совѣтники—всѣ принадлежатъ къ краснымъ: что бы ни произошло, они не дадутъ соответствующаго сигнала и не вызовутъ на помощь войска. Католическія харчевни полны вооруженнымъ народомъ. Словомъ, другъ мой, если Фроману удастся овладѣть городомъ и продержаться здѣсь дня три, то губернаторъ Монпелье явится сюда съ своимъ гарнизономъ, и тогда... тогда бунтъ станетъ революціей,—прибавилъ онъ съ особой энергіей.

Едва успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ въ комнату вошелъ какой-то человѣкъ, взглянулъ на насъ и какъ-то особенно поднялъ руку.

— Извините,—быстро промолвилъ баронъ де-Жеоль и вышелъ съ этимъ человѣкомъ изъ комнаты. За нимъ быстро вышелъ и Бютонъ. Я остался одинъ.

Я думалъ, что они скоро вернутся, и ждалъ ихъ съ нетерпѣніемъ. Но прошло уже нѣсколько минутъ, а ихъ все не было. Наконецъ мнѣ надоѣло ждать, и, желая узнать, что дѣлается внизу, я сошелъ на дворъ гостиницы, откуда вышелъ на улицу. Но ихъ и тутъ не было. Передъ гостиницей стояла группа слугъ и другихъ обитателей дома. Всѣ они стояли и молча къ чему-то прислушивались. Когда я подошелъ къ нимъ, одинъ изъ нихъ робко сдѣлалъ мнѣ знакъ рукой, очевидно, приглашая меня вести себя тихо.

Прежде, чѣмъ я успѣлъ спросить, что все это значитъ, гдѣ-то вдали грянулъ пушечный выстрѣлъ. За нимъ послышался другой, третій. Потомъ донесся какой-то глухой шумъ, какъ будто кричала какая-то толпа или проѣхали по мостовой тяжелыя телеги. Потомъ опять началась стрѣльба: короткіе, рѣзкіе звуки выстрѣловъ слышны были совершенно явственно.

Пока мы прислушивались, а солнце закатывалось, оставляя

красную полоску на крышахъ, гдѣ-то торопливо звонили въ колоколъ.

Изъ-за угла быстро выскочилъ какой-то человѣкъ и побѣжалъ къ намъ. Но хозяинъ гостиницы «Экю» не сталъ дожидаться его.

— Пошли всѣ домой!—закричалъ онъ своимъ слугамъ.—Живо запереть большія ворота! Пьеръ, заложи хорошенько запоры. А вамъ, сударь,—торопливо обратился онъ ко мнѣ:—тоже лучше будетъ войти въ гостиницу. Въ городѣ началось возстаніе, и на улицахъ оставаться небезопасно.

Но я уже, наоборотъ, бросился бѣжать по улицѣ. Бѣжавшій къ намъ человѣкъ успѣлъ мнѣ крикнуть, что толпа сейчасъ будетъ здѣсь. Далѣе мнѣ попалась испуганная лошадь, мчавшаяся безъ сѣдока. Она шарахнулась отъ меня въ сторону и чуть не упала на скользкой мостовой.

Я продолжалъ бѣжать, не обращая вниманія ни на что. Вдругъ шагахъ въ двухстахъ отъ меня я увидѣлъ сквозь дымъ и облако пыли рядъ солдатъ, которые, повернувшись ко мнѣ спиной, медленно отступали передъ насѣдавшей на нихъ густой толпой. Когда они замѣтили меня, ихъ ряды уже порѣдѣли и стали разсѣиваться. Съ побѣднымъ крикомъ толпа хлынула на то самое мѣсто, гдѣ только что они что стояли.

Я сообразилъ, что я не въ состояніи пробиться сквозь толпу. Поэтому я бросился въ узкій проходъ, почти совсѣмъ скрытый отъ глазъ широкими низкими крышами, сквозь которыя виднѣлся лишь маленькій кусочекъ блѣднаго неба.

Изъ прохода я попалъ въ переулочекъ, переполненный женщинами, которыя стояли съ испуганными лицами и прислушивались. Я кое-какъ протолкался черезъ нихъ и, отойдя настолько, что, по моему расчету, могъ уже выйти сзади толпы, двинулся по переулку, который тянулся въ направленіи къ дому, гдѣ жилъ отецъ Бенедиктъ. Къ счастью, толпа валила по главнымъ улицамъ, а переулки были сравнительно безлюдны, и я безъ всякихъ приключеній дошелъ до самой площади у воротъ.

Нападеніе на солдатъ началось, очевидно, здѣсь, ибо на мостовой валялся сломанный на двѣ части мушкетъ. Когда я проходилъ по улицѣ, изо всѣхъ оконъ на меня смотрѣли блѣдныя лица, провожавшія меня какимъ-то недоброжелательнымъ молчаніемъ. Не было видно ни одного мужчины, и я безъ всякихъ препятствій добрался до подъѣзда отца Бенедикта и вошелъ въ сѣни.

На улицѣ было еще довольно свѣтло, но здѣсь, въ сѣняхъ, царилъ уже мракъ. Не успѣлъ я сдѣлать и двухъ шаговъ, какъ вдругъ споткнулся о какой-то предметъ, который лежалъ на моей дорогѣ, и упалъ. Я съ трудомъ поднялся по лѣстницѣ, постанывая отъ боли. Но стонъ замеръ у меня на губахъ, когда, оглянувшись внизъ, я увидѣлъ въ полоскѣ свѣта, пробивавшагося черезъ вход-

пую дверь, обо что я споткнулся: то былъ трупъ какого-то мужчины. То былъ монахъ, одѣтый въ бѣлое съ чернымъ одѣяніе своего ордена.

Не безъ труда удалось мнѣ подавить чувство ужаса. Успокоившись, я сообразилъ, какъ попалъ сюда этотъ трупъ. Монахъ былъ, очевидно, убитъ на улицѣ въ самомъ началѣ беспорядковъ. Можетъ быть, онъ однимъ изъ первыхъ напалъ на солдатъ. Потомъ тѣло его отнесли сюда, пока его приверженцы расправлялись за него съ солдатами.

Я спустился внизъ и наклонился надъ монахомъ, поправляя ему клобукъ, который я сбилъ съ него во время своего паденія. Предаваться размышленіямъ было некогда, и я опять взбѣжалъ наверхъ. Комната отца Бенедикта была пуста.

Не зная, что мнѣ дѣлать дальше, я стоялъ въ этой полутемнотѣ; потомъ безъ всякой цѣли вошелъ въ комнату и выглянулъ изъ нея на скучныя однообразныя стѣны, которыми былъ окруженъ дворъ. Въ нихъ было всего одно окно, нѣсколько сбоку отъ меня, но какъ разъ на одномъ со мной уровнѣ. Пока я тупо смотрѣлъ на стѣны, вдругъ въ этомъ окнѣ появился яркій свѣтъ. Въ комнатѣ, очевидно, зажгли лампу, и на этомъ свѣтломъ фонѣ ясно обрисовывалась голова какой-то женщины.

Я едва не вскрикнулъ: то была Дениза!

Она подошла къ окну, задернула штору, и видѣніе исчезло.

Съ минуту я стоялъ на порогѣ неподвижно. Сердце у меня билось, словно хотѣло выскочить изъ груди, мысль работала съ необыкновенной быстротой.

Она была рядомъ, тутъ же, въ противоположномъ домѣ!

Это казалось невозможнымъ, невѣроятнымъ. Потомъ я сообразилъ, что своимъ фасадомъ домъ этотъ стоялъ недалеко отъ старинныхъ воротъ, которыя я видѣлъ на улицѣ. А вѣдь кто-то и сказалъ мнѣ, что Фроманъ живетъ у Августовскихъ воротъ.

Очевидно, это такъ и было. Ясно, что Дениза находится въ его власти и живетъ въ смежномъ съ нимъ домѣ. Всмотриваясь жадными глазами, я старался опредѣлить фасадъ этого дома и мысленно провелъ прямую линію, соответствующую лѣстницѣ. Потомъ я продолжилъ эту линію, и она уперлась въ паперть, на которой стояла статуя, въ ту самую паперть, на которой я недавно замѣтилъ двухъ мужчинъ.

Въ городѣ продолжалась схватка. Доносились глухіе звуки отдаленныхъ залповъ, гулъ колоколовъ, иногда волна криковъ. Въ вечернемъ воздухѣ слышались иногда стоны и проклятія. Но я не обращалъ ни на что вниманіе и, не отрывая глазъ, смотрѣлъ на паперть внизъ. Вдругъ мнѣ пришла въ голову одна мысль. Я провелъ опять мысленно линію и замѣтилъ окно, въ которомъ

мелькнулъ профиль Денизы. Подумавъ хорошенько, я вышелъ изъ комнаты и спустился внизъ.

Огня со мной не было, и спускаться приходилось осторожно, держась одной рукой за грязную стѣнку. Я зналъ теперь, гдѣ лежалъ трупъ монаха, и я перешагнулъ черезъ него. Растворивъ затѣмъ дверь, я сталъ смотрѣть внизъ.

Пока я занимался своими наблюденіями, черезъ дворъ торопливо прошли два какихъ-то человѣка. Не доходя до воротъ, они нырнули въ какой-то проходъ направо и скрылись. Подъ крышей огромнаго мрачнаго дома, высившагося надо мной, замелькала слабый красноватый огонекъ. Я слышалъ какіе-то голоса, которые, какъ мнѣ казалось, неслись съ башни надъ воротами. Мнѣ показалось даже, что на фонѣ неба мелькнула какая-то фигура. Впрочемъ, кругомъ все было спокойно, и я опять вошелъ въ подъѣздъ.

Нѣтъ надобности рассказывать о томъ, что я дѣлалъ внизу въ темнотѣ. Мнѣ самому противно теперь вспоминать объ этомъ. Черезъ двѣ минуты я былъ уже въ монашескомъ одѣяніи. Потомъ я тоже нырнулъ въ боковой ходъ, о которомъ я говорилъ выше, и очутился на дворѣ. Передо мной видѣлась паперть. Обломкомъ мушкета, который я подобралъ проходя, я дважды стукнулъ о землю.

Не успѣлъ я подумать о томъ, что будетъ дальше, какъ дверь открылась, и я долженъ былъ войти. Словно по волшебству, дверь моментально и безшумно закрылась за мной.

Я очутился въ длинномъ пустомъ коридорѣ безъ всякой мебели. Вѣроятно, здѣсь былъ прежде монастырь. На стѣнѣ висѣла зажженная лампа, а противъ меня на каменной скамейкѣ сидѣли, мирно бесѣдуя, два какихъ-то человѣка. Трое или четверо другихъ прохаживались вдоль коридора. При моемъ появленіи всѣ сразу смолкли и посмотрѣли на меня съ любопытствомъ.

— Откуда ты, братъ?—сказалъ одинъ изъ нихъ, приближаясь ко мнѣ.

— Изъ таверны Св. Дѣвы,—наобумъ отвѣчалъ я.

Свѣтъ билъ мнѣ прямо въ глаза, и, чтобы защититься отъ него, я поднялъ руку къ глазамъ.

— Къ начальнику?

— Да.

— Въ такомъ случаѣ иди скорѣе. Онъ на крышѣ. Все идетъ хорошо?—продолжалъ онъ, съ улыбкой поглядывая на мое оружіе.

— Идетъ, какъ слѣдуетъ,—отвѣчалъ я, стараясь опустить голову какъ можно ниже и скрыть свое лицо подъ капюшономъ.

— Я слышалъ, что начали уже жечь?

— Да.

Онъ взялъ маленькій фонарь и, открывъ дверь въ какой-то бо-

ковой коридоръ, повелъ меня къ узкой винтовой лѣстницѣ, сдѣланной въ толщѣ стѣны. По дорогѣ намъ пришлось пройти мимо какой-то открытой двери, и я замѣтилъ ее про всякій случай. Дверь эта вела въ комнаты перваго этажа. Поднявшись по лѣстницѣ еще шаговъ пятнадцать, мы встрѣтили другую дверь, на этотъ разъ запертую. Черезъ пятнадцать шаговъ я увидѣлъ третью дверь, которая приковала къ себѣ все мое вниманіе. Я съ любопытствомъ и отчаяніемъ осматривался кругомъ, придумывая, какъ бы ускользнуть отъ моего провожатаго и проникнуть за нее. Но мой спутникъ продолжалъ подвигаться впередъ, и передо мной была опять гладкая стѣна.

Пройдя съ полдюжины ступеней, я остановился.

— Что съ тобой?—спросилъ онъ, оглядываясь на меня.

— Я уронилъ записку,—сказалъ я и принялся шарить по ступенямъ.

— Къ начальнику?

— Да.

— Возьми фонарь,—нетерпѣливо сказалъ онъ.—Только поскорѣе. Хорошую новость надо передавать быстро. Послушай, что ты тамъ дѣлаешь?

Я погасилъ лампу и бросилъ ее на лѣстницу. Мы очутились въ полной темнотѣ. Прежде, чѣмъ мой проводникъ оправился отъ изумленія, наверху надъ нами послышались голоса и шаги по крышѣ. На меня пахнуло свѣжимъ воздухомъ.

— Спускайся внизъ!—кричалъ мнѣ мой провожатый:—и дай мнѣ пройти. Что за неуклюжій человекъ! Жди теперь, когда я принесу другой фонарь.

Онъ прошмыгнулъ мимо меня, оставивъ меня тамъ, гдѣ я хотѣлъ. Не успѣлъ онъ спуститься и на десять ступеней, какъ я былъ уже у двери и схватился за ручку. Къ величайшей моей радости дверь,—очевидно, она была заперта не крѣпко,—уступила моему напору. Пройдя въ нее, я поспѣшилъ запереть ее за собой и пошелъ направо, придерживаясь въ темнотѣ руками за стѣну, вдоль которой я шелъ внизу. Я зналъ, что это наружная стѣна, и смутно различалъ передъ собой освѣщенное окно.

Въ минуту, когда приходилось ставить на карту все, я старался быть какъ можно спокойнѣе. Я отсчиталъ десять шаговъ и, по моимъ соображеніямъ, подходилъ къ окну. Но еще десять шаговъ, и мой путь былъ прегражденъ новой дверью. За нею, должно быть, была комната—послѣдняя по этому направленію. Прислушиваясь къ каждому звуку и опасаясь погони, я нащупалъ ручку и попробовалъ ее повернуть.

Судьба благопріятствовала мнѣ и на этотъ разъ; но, открывъ дверь, я очутился, вопреки ожиданіямъ, въ полной темнотѣ. При-

чину этого я понялъ очень быстро, стукнувшись лбомъ о вторую дверь. За нею раздался какой-то женскій голосъ.

— Кто здѣсь?—отчетливо спросилъ кто-то.

Я не отвѣчалъ, продолжая разыскивать въ темнотѣ дверную ручку. Найдя наконецъ ее, я быстро отворилъ дверь.

Свѣтъ, ударившій мнѣ прямо въ глаза, на нѣсколько секундъ совершенно ослѣпилъ меня. Пока я стоялъ, не поднимая глазъ, я все-таки замѣтилъ, что передо мной стояли въ сторонѣ какія-то двѣ дѣвушки.

Та изъ нихъ, которая стояла впереди, была Дениза!

Съ радостнымъ крикомъ я бросился было къ ней; но она быстро отпрыгнула назадъ. На лицѣ ея былъ написанъ ужасъ.

— Что вамъ здѣсь надо?—спрашивала она отступая передо мной.—Вы, вѣроятно, ошиблись.

Я вспомнилъ о своемъ маскарадѣ и обломкѣ мушкета и поспѣшилъ поднять капюшонъ.

Въ ту же минуту раздался радостный крикъ Денизы.

Мы не видались съ тѣхъ поръ, какъ сидѣли другъ противъ друга въ экипажѣ. Не говоря ни слова, она бросилась въ мои объятія и, спрятавъ на груди свою головку, залилась слезами!

— Мнѣ сказали, что васъ больше нѣтъ въ живыхъ,—говорила она среди рыданій.

Теперь я понялъ все. Крѣпко сжимая ее въ своихъ объятіяхъ, я что-то говорилъ ей, совершенно позабывъ и обо опасности нашего положенія, и о другой находившейся здѣсь дѣвушкѣ. Я чувствовалъ, что теперь насъ можетъ разлучить только смерть, одна смерть.

Увы! Она была не такъ далеко отъ насъ, чтобы забывать о ней.

Черезъ минуту Дениза освободилась отъ моихъ объятій и оттолкнула меня отъ себя.

Ея лицо поочередно то краснѣло, то блѣднѣло, а глаза горѣли, кажется, ярче самой лампы.

— Какъ вы попали сюда?—заговорила она:—да еще въ такомъ одѣяннiи!

— Я хотѣлъ видѣть васъ, — отвѣтилъ я и хотѣлъ опять обнять ее.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо. Вы знаете, что васъ убьютъ, если найдутъ васъ здѣсь? Умоляю васъ, бѣгите, пока еще есть время.

— Развѣ я могу оставить васъ?

— Да, вы должны оставить меня,—съ жестомъ отчаянія воскликнула она.—Умоляю васъ, бѣгите.

— И оставить васъ Фроману?—воскликнулъ я опять.

Она взглянула на меня съ видимымъ испугомъ.

— Вы знаете?

— Я знаю все.

— Въ такомъ случаѣ знайте же,—заговорила она, поднявъ голову и смѣло глядя мнѣ въ глаза:—знайте же, что ни въ какомъ случаѣ я не выйду замужъ за него, ни за кого-либо другого, кромѣ васъ.

Я готовъ былъ упасть на колѣни передъ нею, но она быстро отошла назадъ и опять принялась умолять меня спастись бѣгствомъ.

— Въ этомъ домѣ вы въ опасности, здѣсь вамъ грозитъ смерть,—возбужденно говорила она.—Моя мать не знаетъ жалости, мой братъ здѣсь. Весь домъ полонъ его приверженцевъ. Вы и такъ едва спаслись отъ него. Если же онъ застанетъ васъ здѣсь, онъ убьетъ васъ.

— Не очень я боюсь его,—запальчиво отвѣчалъ я, видя, какой страхъ изобразился въ ея глазахъ.—Если онъ такъ опасенъ для меня, то какъ же опасенъ онъ для васъ! Что будетъ съ вами? Неужели я могу оставить васъ на произволъ судьбы?

Она посмотрѣла на меня съ какой-то странной серьезностью. Отвѣтъ ея былъ таковъ, что я никогда не забуду его.

— Развѣ я боялась на крышѣ горящаго дома въ Сентъ-Алэ? Не бойтесь за меня. Здѣсь та же крыша, и я стою на ней. И моему мужу не придется краснѣть за меня.

— Но тамъ я былъ съ вами,—быстро возразилъ я, самъ не знаю для чего.

— Да, это правда,—улыбнулась она. Ея лицо опять вспыхнуло, а въ глазахъ засвѣтилась нескрываемая нѣжность. Въ одну секунду она была уже въ моихъ объятіяхъ.

Но это длилось всего одну секунду: почти въ гнѣвъ вырвалась она изъ моихъ рукъ.

— Идите, идите,—закричала она.—Если вы любите меня, идите.

— Дайте мнѣ слово, что вы махнете мнѣ платкомъ въ окно, если вамъ понадобится моя помощь.

— Въ окно?

— Я могу его видѣть изъ комнаты отца Бенедикта.

Лицо ея озарилось радостью.

— Хорошо,—промолвила она.—Слава Богу, что вы такъ близко отъ меня. Я поступлю такъ. Со мной здѣсь Франциска. Она предана мнѣ. Пока она со мной...

Вдругъ она остановилась и поблѣднѣла, какъ полотно. Мы молча смотрѣли другъ на друга.

Я, очевидно, замѣшался здѣсь слишкомъ долго.

Въ коридорѣ слышенъ былъ шумъ шаговъ, гулъ голосовъ и хлопанье отворявшихся дверей. Мнѣ казалось, что мы всѣ перестали дышать. Первой пришла въ себя ея служанка. Подбѣжавъ къ двери, она безшумно заперла ее.

— Напрасно!—хриплымъ шопотомъ замѣтила Дениза.—Ея лицо было блѣдно, какъ у мертвеца, и, чтобы не упасть, она

должна была прислониться къ столу.—Они приведутъ сюда мою мать и убьютъ васъ.

— Нѣтъ ли здѣсь другой двери?—спросилъ я, быстро оглядывая комнату и впервые чувствуя во всемъ объемѣ опасность, которой я подвергался.

Дениза покачала головой.

— А это что?—спросилъ я, указывая на дальній конецъ комнаты, гдѣ въ альковѣ стояла кровать.

— Это стѣнной шкапъ,—рыдая отвѣчала Франциска.—Можетъ быть, впрочемъ, они не станутъ искать. Скорѣе въ шкапъ, и я запру васъ.

Въ подобномъ положеніи мужчина дѣйствуетъ инстинктивно. Я слышалъ, какъ повернулась ручка двери, и кто-то рѣшительно постучалъ въ нее. Я еще колебался. Черезъ секунду стукъ повторился, и знакомый мнѣ голосъ нетерпѣливо закричалъ:

— Открой сейчасъ же, Франциска.

Я бросился къ шкапу.

Франциска подъ впечатлѣніемъ приказанія съ одной стороны, а съ другой—страха, стояла въ нерѣшительности между мною и дверью. Въ концѣ концовъ она направилась къ двери, такъ что я самъ долженъ былъ притворить за собою шкапъ.

Мнѣ пришло въ голову, что, спрячась здѣсь, я навлеку позоръ на бѣдную Денизу. Если бъ меня нашли здѣсь, среди платьевъ и тряпокъ ея горничной, я повредилъ бы Денизѣ гораздо болѣе, чѣмъ если бъ я остался посрединѣ комнаты и встрѣтился лицомъ къ лицу съ моими врагами.

Отъ этой мысли вся кровь бросилась мнѣ въ голову. Я быстро открылъ дверь и вышелъ изъ шкапа, и какъ разъ во-время.

Входная дверь растворилась настежь, и въ комнату вбѣжалъ маркизь де-Сентъ-Алэ.

Первый, кого онъ увидѣлъ передъ собой, былъ я. Сзади него виднѣлось еще человѣка четыре-пять изъ тѣхъ, которыхъ я видѣлъ уже на лѣстницѣ.

Сентъ-Алэ горящими отъ злобы глазами уставился прямо на меня.

X.

Noblesse oblige.

Первымъ заговорилъ, однако, не онъ. Одинъ изъ сопровождавшихъ его людей выступилъ впередъ и закричалъ:

— Это онъ самый и есть! Вотъ у него стволъ въ рукахъ!

— Схватить его,—коротко распорядился Сентъ-Алэ.—И взять его отсюда. Кто бы вы ни были,—свирѣпо обратился онъ ко

мнѣ:—но разъ вы взялись шпионить, вы должны знать, что васъ ожидаетъ. Взять его отсюда!

Двое изъ его спутниковъ бросились ко мнѣ и схватили меня за руки. Пораженный появленіемъ маркиза и словами, которыя онъ мнѣ кинулъ, я не оказалъ никакого сопротивленія.

Однако въ подобныхъ случаяхъ мозгъ работаетъ очень быстро, и я моментально взялъ себя въ руки.

— Что за вздоръ, г. маркизь!—сказалъ я.—Вамъ прекрасно извѣстно, что я не шпионъ. Вы, безъ сомнѣнія, знаете и то, зачѣмъ я здѣсь. Что касается этого...

— Я ничего не знаю, и мнѣ ничего не извѣстно,—сухо отвѣчалъ онъ.

— Но...

— Я ничего не знаю, и мнѣ ничего не извѣстно,—насмѣшливо повторилъ онъ.—Мнѣ извѣстно только то, что мы нашли васъ здѣсь въ одеждѣ монаха, которымъ вы никогда не были. Для васъ бы безопаснѣе попробовать переплыть вплавь Рону, чѣмъ входить вечеромъ въ этотъ домъ. А теперь уведите его. Мы разберемъ это дѣло внизу.

Это было уже слишкомъ. Я вырвалъ руки у державшихъ меня людей и отпрыгнулъ назадъ.

— Вы лжете,—воскликнулъ я. —Вы знаете, кто я, и знаете, зачѣмъ я здѣсь.

— Я не знаю васъ,—упрямо твердилъ Сентъ-Алэ.—Не знаю и того, зачѣмъ вы здѣсь. Правда, когда-то я зналъ одного челоуѣка, похожаго на васъ. Но то былъ дворянинъ и предпочелъ бы скорѣе умереть, чѣмъ спасать себя ложью. Возьмите его отсюда. Онъ до смерти перепугалъ мою сестру. Вѣроятно, дверь была открыта, вотъ онъ и проскочилъ сюда, воображая, что теперь онъ спасенъ.

Я понялъ, что это значитъ. Въ своей злобѣ онъ, очевидно, готовъ былъ принести меня въ жертву, лишь бы не повредить репутаціи своей сестры. Я видѣлъ теперь больше. Я понималъ, что онъ съ жестокой радостью наслаждался двусмысленнымъ положеніемъ, въ которое онъ поставилъ меня.

Въ моихъ ушахъ еще раздавался шумъ уличной битвы. Я зналъ, что отъ людей, которые въ этой борьбѣ поставили на карту все, нельзя ждать ни добросовѣстности, ни пощады. Я зналъ, что эти люди почти обезумѣли отъ лишеній и униженій, которыя имъ пришлось испытать. И я стоялъ, теряясь въ догадкахъ, какъ мнѣ поступить. Надо было рискнуть, попробовать освободиться, но я все еще колебался. Я далъ отвести себя на половину комнаты, какъ вдругъ задача нашла свое рѣшеніе.

Дениза, стоявшая все время въ полуобморочномъ состояніи у стѣны, вдругъ бросилась впередъ, схватила брата за руки и громко закричала:

— Вы не сдѣлаете этого! Сжальтесь! сжальтесь!

— Мадемуазель,—сухо обрѣзаль ее Сентъ-Алэ, въ глазахъ котораго опять засвѣтился огонекъ злобы.—Вы слишкомъ испуганы и не владѣете собой. Эта сцена слишкомъ потрясла васъ. Помогите вашей госпожѣ,—строго обратился онъ къ служанкѣ.—Этотъ человѣкъ шпионъ и не заслуживаетъ сожалѣнія.

— Онъ не шпионъ,—кричала Дениза, не выпуская его изъ рукъ.—Онъ не шпионъ, и вы знаете это!

— Прочь! молчите!—яростно крикнулъ этотъ злобный человѣкъ. Но онъ не рассчиталъ силы ея сопротивленія.

— Не хочу молчать,—кричала Дениза.

Къ моему удивленію, она отпустила руку брата, откинула назадъ спадавшіе ей на лобъ волосы и, выступивъ впередъ, громко крикнула:

— Я не хочу молчать! Это не шпионъ, и вы это знаете. Вы знаете, что это мой женихъ. Да, это мой женихъ,—повторила она съ гордымъ жестомъ, — и онъ явился сюда, чтобы видѣть меня. Поняли?

Въ комнатѣ водворилась мертвая тишина.

— Вы съ ума сопли!—заскрежеталъ зубами маркизъ.

— Нѣтъ, я не сошла съ ума,—твердо отвѣчала она, глядя на брата пылающими глазами.

— Не чувствуя стыда, вы, должно быть, не чувствуете и страха,—загремѣлъ онъ страшнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Для любви нѣтъ страха. А я люблю его!

Не могу выразить, что я почувствовалъ, услышавъ эти слова. Будучи самъ безпомощенъ, я пришелъ въ бѣшенство, увидѣвъ, какъ маркизъ грубо схватилъ бѣдную дѣвушку за руки и почти отбросилъ ее на другой конецъ комнаты.

Это послужило сигналомъ къ невѣроятной сценѣ. Я рванулся ей на помощь. Въ то же мгновеніе на меня бросились три человѣка и отгѣснили меня къ двери. Сентъ-Алэ, задыхаясь отъ ярости, кричалъ, чтобы они убрали меня отсюда, а я осыпалъ его бранью, называлъ трусомъ и старался какъ-нибудь добраться до него. Одну минуту я успѣлъ было справиться со всѣми тремя, но ихъ было все-таки трое противъ одного. Среди общаго шума, къ которому присоединились еще вопли горничной, имъ удалось вытолкнуть меня за дверь и запереть ее за собой.

Я былъ въ бѣшенствѣ и почти задохнулся. Но когда дверь захлопнулась за нами, мы всѣ вдругъ какъ-то успокоились. Люди держали меня за руки не такъ крѣпко и смотрѣли на меня довольно мирно. Я прислонился къ стѣнѣ и тоже разглядывалъ ихъ. Одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Довольно, сударь. Идите смиренно, и мы не сдѣлаемъ вамъ вреда. Иначе...

— Трусливая собака,—почти рыдая, промолвилъ я.

— Тихе, тихе.

Теперь ихъ было пятеро. Двое оставались за дверью. Въ коридорѣ было темно, но у нихъ съ собой былъ фонарь. Минуты двѣ-три прошло въ молчаніи. Потомъ дверь отворилась чуть-чуть, и какой-то человѣкъ, повидимому, ихъ начальникъ, подошелъ къ ней и, получивъ распоряженіе, вернулся къ намъ обратно.

— Впередь!—сказалъ онъ:—Въ № 6. Петинію, принеси ключъ.

Петинію быстро исчезъ куда-то, а мы тихонько пошли вдоль коридора. Тяжелые шаги моихъ конвойныхъ, которые шли за мной сзади, гулко раздавались въ коридорѣ, и ихъ эхо бѣжало впереди насъ. При свѣтѣ фонаря съ одной стороны видна была каменная бѣло-желтая стѣна, съ одной стороны которой шли двери какъ у тюремныхъ камеръ. У одной изъ нихъ мы остановились. Я думалъ, что меня посадятъ здѣсь. Стало быть, Дениза будетъ недалеко отъ меня. Но когда дверь открыли, то оказалось, что за ней была небольшая лѣстница, ведшая въ нижній коридоръ, такой же, какъ и верхній.

Пройдя половину этого коридора, мы опять остановились около раскрытаго окна, въ который свѣжій ночной вѣтеръ врвался съ такою силою, что человѣкъ, несшій фонарь, долженъ былъ прикрыть его полой. вмѣстѣ съ вѣтромъ доносился сюда и ночной шумъ взбудораженнаго города. Хриплые голоса и веселые крики, монотонный звонъ колоколовъ, иногда пистолетные выстрѣлы—все звуки, свидѣтельствовавшіе о томъ, что дѣлалось внизу подъ темнымъ покрываломъ ночи, спустившейся на этотъ хаосъ домовъ и улицъ!

Вдругъ въ одномъ мѣстѣ этотъ покровъ какъ бы разорвался, и сквозь эту трещину хлынул потокъ красноватаго цвѣта, заигравшій на крышахъ. Вспыхнулъ, очевидно, большой пожаръ гдѣ-то въ самомъ сердцѣ города, и само небо какъ бы стало принимать участіе въ тѣхъ ужасахъ, что творились внизу.

Сопровождавшіе меня люди бросились къ окну и, превратившись всѣ въ слухъ и зрѣніе, высунулись изъ него.

А человѣкъ, который несъ на себѣ отвѣтственность за все это и ставилъ на карту такую ставку, безпокойными шагами неутомимо ходилъ взадъ и впередъ по крышѣ!

По разговорамъ, которые вели люди, меня схватившіе, я догадался, что Фроману удалось захватить Арень и занять его своимъ гарнизономъ и что передъ нами горѣла одна изъ протестантскихъ церквей. Можно было понять еще, что застигнутые врасплохъ «патріоты» кое-гдѣ еще оказывали легкое сопротивленіе и что если «красные» могутъ продержаться еще двадцать четыре часа, то подоспѣютъ войска изъ Монпелье и упрочатъ создавшееся положеніе.

— Славно!—сказалъ одинъ изъ глядѣвшихъ въ окно.—Если бъ
«востр. вѣстн.», ноябрь 1916 г., т. сxlvi.

мы не перерѣзали имъ сегодня глотки, завтра они сдѣлали бы это съ нами.

— Однако мы не выбили и половины роты,—промолвилъ другой.

— Деревни подойдут только завтра утромъ,—вставилъ свое слово третій.—Теперь будутъ звонить всѣ колокола отсюда и до Роны.

— А что, если севеннолы придутъ первыми?—спросилъ кто-то.

Никто не отвѣтилъ на этотъ вопросъ. Всѣ жадно смотрѣли впередъ, пока раздавшіеся поблизости шаги не заставили ихъ отойти отъ окна.

— Вотъ ключъ,—сказалъ ихъ предводитель.—Ну-съ, сударь...

Въ эту минуту въ коридорѣ появился новый незнакомецъ—высокій человѣкъ въ плащѣ и шляпѣ. Въ сопровожденіи двухъ-трехъ человѣкъ онъ быстро шелъ по коридору.

— Бюзо здѣсь?—спросилъ онъ, подойдя къ намъ.

Человѣкъ, только что говорившій со мной, вытянулся передъ нимъ въ самой почтительной позѣ.

— Такъ точно, сударь.

— Возьмите съ полдюжины людей, самыхъ сильныхъ, какіе найдутся у васъ внизу,—продолжалъ вновь прибывшій,—я узналъ въ немъ Фромана,—возьмите еще столько же изъ часовни Св. Дѣвы и забаррикадируйте улицу, которая идетъ возлѣ казармъ къ арсеналу. Тамъ вы найдете много помощниковъ. Кромѣ того, занять нѣсколько домовъ, которые командуютъ надъ улицей. И... Что это такое?—прервалъ онъ самого себя, когда его глаза остановились на мнѣ.—Какъ попалъ сюда этотъ человѣкъ? И въ такомъ одѣяніи!..

— Г. маркизъ арестовалъ его наверху.

— Маркизъ?

— Да, сударь, и велѣлъ запереть его пока въ камеру N 6.

— А!

— Это шпіонъ!

Мы въ упоръ смотрѣли другъ на друга. Фроманъ слегка свистнулъ. Отъ колеблющагося свѣта фонарей, а можетъ быть отъ сильныхъ волненій, жесткія линіи его массивнаго лица стали еще жестче, тѣни около глазъ и рта еще глубже.

Вдругъ онъ улыбнулся, словно замѣтилъ что-то комическое въ создавшемся положеніи.

— Вотъ мы опять встрѣтились съ вами, г. виконтъ,—началъ онъ.—Я припоминаю, что я захватилъ кое-что вамъ принадлежащее. Вы, вѣроятно, за этимъ сюда и явились?

— Да, за этимъ,—насмѣшливо отвѣчалъ я, платя ему тою же монетой. Я видѣлъ, что онъ понималъ меня.

— А маркизъ засталъ васъ наверху?

— Да.

— Ага!

Онъ, казалось, погрузился въ размышленіе. Потомъ, повернувшись къ людямъ, сказалъ:

— Хорошо, Бюзо, вы можете идти. Я принимаю отвѣтственность за этого человѣка на себя. А вы,—обратился онъ къ тѣмъ, которые пришли съ нимъ,—вы ждите меня внизу. Скажите Фландрѣну—это мой рѣшительный приказъ, что, что бы ни случилось, мэръ не долженъ сдавать города войскамъ. Скажите ему при этомъ, что хотите, ну, хоть, что я повѣшу его за это на самой высокой башнѣ города. Поняли?

— Слушаемъ.

— А теперь идите. Я скоро буду у васъ.

Они ушли, оставивъ фонарь на полу. Фроманъ и я остались съ глазу на глазъ. Я стоялъ въ ожиданіи, но онъ не смотрѣлъ на меня. Въмѣсто этого онъ обратился къ открытому окну и, высунувшись изъ него, смотрѣлъ въ темноту ночи.

Нѣкоторое время царила полная тишина. Можетъ быть, приказаніе, имъ только что отданное, отвлекло его мысли въ другую сторону, а, можетъ быть, онъ просто еще не зналъ, какъ ему поступить со мной,—этого я не могу рѣшить. Но я слышалъ, какъ онъ не разъ вздыхалъ.

— Только три роты и взбунтовались,—вдругъ промолвилъ онъ.

Не знаю, что подтолкнуло меня, но тѣмъ же самымъ тономъ я спросилъ:

— А сколько ихъ всѣхъ?

— Тринадцать. Мы въ меньшинствѣ. Зато мы двинулись первые. Всѣ шансы на нашей сторонѣ, и мы одержимъ верхъ. А если завтра явятся еще изъ деревень...

— Севеннолы не явятся.

— Да, не явятся. Если офицерамъ удастся удержать полкъ въ казармахъ и мэръ не выкинетъ флага для сдачи, а калвинистамъ не удастся захватить арсеналь, то, я увѣренъ, побѣда будетъ на нашей сторонѣ. Мы болѣе, чѣмъ когда-либо, нуждаемся теперь въ человѣкѣ.

Тутъ онъ повернулся ко мнѣ и впервые посмотрѣлъ на меня съ какой-то мрачной гордостью.

— Знаете ли вы, за что мы сражаемся здѣсь? За Францію! За Францію!—энергично заговорилъ онъ, не скрывая охватившаго его волненія.

— Я успѣлъ собрать всего нѣсколько сотенъ головорѣзовъ и всякаго отребья, пока ваше милое дворянство лежало на боку и посматривало, что выйдетъ изъ всего этого! Рискую я, а ставку, въ случаѣ выигрыша, получаютъ они. Они въ полной безопасности, а я, случись неудача, буду повѣшенъ. Одного этого достаточно, чтобы сдѣлать человѣка патріотомъ и заставить его кричать: да здравствуетъ нація!

Не дожидаясь моего отвѣта, онъ порывисто схватилъ фонарь и сдѣлалъ мнѣ знакъ слѣдовать за нимъ. Мы пошли по коридору. Онъ не спросилъ меня, какъ я попалъ въ этотъ домъ, и не сказалъ ни слова ни по поводу моего положенія, ни насчетъ Денизы. Молчалъ онъ и о томъ, какъ онъ собирался поступить со мной. Не зная его намѣреній, я у самой двери остановился и слегка дотронулся до его плеча.

— Извините,—сказалъ я, стараясь сохранить по возможности достойный видъ:—я хотѣлъ бы знать, что вы хотите дѣлать со мной. Не зачѣмъ увѣрять васъ, что я проникъ въ этотъ домъ не для того, чтобы заниматься шпионствомъ.

— Вы можете не говорить мнѣ ничего,—отвѣчалъ онъ, рѣзко перебивая меня.—А что я хочу съ вами дѣлать—это я могу объяснить вамъ въ двухъ словахъ. Я хочу задержать васъ здѣсь для того, чтобы если дѣло пойдетъ плохо,—а это выяснится не позднѣе недѣли,—вы могли оказать помощь мадемуазель де-Сентъ-Алэ и отвезти ее въ безопасное мѣсто. Для этого бумага о вашей командировкѣ будетъ возвращена вамъ. Она у меня гдѣла. Если же, наоборотъ, мы одержимъ верхъ и устроимъ такой пожаръ, который разогрѣетъ даже всѣхъ этихъ педагоговъ, въ такомъ случаѣ мы еще поговоримъ съ вами и поговоримъ, какъ подобаешь дворянамъ.

Я стоялъ, пораженный изумленіемъ, когда онъ сказалъ это. Мы были уже около двери, ведущей на маленькую лѣстницу, по которой я спускался.

При послѣднихъ словахъ онъ повернулся, какъ бы не ожидая отъ меня отвѣта, и открылъ дверь. Я дернулъ его за рукавъ. Онъ повернулся и, поднявъ фонарь, устремилъ на меня острый взглядъ.

— Г. Фроманъ,—пробормоталъ я, не будучи въ состояніи продолжать дальше.

— Нѣтъ надобности въ словахъ,—величаво сказалъ онъ.

— Вы увѣрены, что вамъ все извѣстно?

— Я увѣренъ, что она любитъ васъ и не любитъ меня,—отвѣчалъ онъ съ замѣтнымъ гнѣвомъ.—Кромѣ этого, я знаю еще только одно.

— Именно?

— Что черезъ сорокъ восемь часовъ всѣ улицы Нима будутъ залиты кровью и Фроманъ-буржуа будетъ Фроманъ-баронъ, или его совсѣмъ не будетъ. Въ первомъ случаѣ мы еще потолкуемъ съ вами, въ послѣднемъ не стоитъ и толковать,—добавилъ онъ, пожимая плечами.

Съ этими словами онъ направился опять къ лѣстницѣ. Я слѣдовалъ за нимъ, и мы поднялись въ верхній коридоръ. Отсюда по лѣстницѣ, на которой я ускользнулъ отъ моего провожатаго, мы поднялись на крышу, а съ крыши, по деревянной приставной лѣстницѣ на плоскую кровлю башни. Отсюда сквозь тѣноту передъ

нами открывался видъ на весь хаосъ Нима. Его скорѣе можно было чувствовать, чѣмъ видѣть. Рѣзко выдѣлялись горячія свѣтовые полосы и темныя массы, раздѣляемыя заревомъ горящей церкви. Въ трехъ мѣстахъ, какъ будто въ небѣ, сіяли маячные огни: одинъ на гребнѣ арень, другой на колокольнѣ далекой церкви, третій на башнѣ за городомъ. Но въ остальныхъ частяхъ города все было, повидимому, спокойно: беспорядки замерли

Съ моря дулъ соленый вѣтеръ.

На башнѣ было человѣкъ двѣнадцать, закутанныхъ въ плащи. Нѣкоторые молча смотрѣли внизъ, другіе расхаживали взадъ и впередъ. Въ темнотѣ невозможно было разглядѣть ихъ. Фроманъ, получивъ два-три донесенія, отошелъ къ самому дальнему концу башни и то смотрѣлъ внизъ, то, наклонивъ голову и заложивъ руки назадъ, принимался въ одиночествѣ ходить взадъ и впередъ. Ему, очевидно, хотѣлось болѣе сохранить свое достоинство, чѣмъ остаться одному. Всѣ другіе сообразовались съ его желаніями. Я сдѣлалъ то же самое и усѣлся на краю кровли, откуда былъ виденъ затихавшій уже пожаръ.

Не могу сказать, что думали другіе. Изъ разговоровъ я узналъ, что Луи де Сенгъ-Алэ командуетъ мятежниками въ Арень, а его братъ дожидается только того, чтобы обезпечить успѣхъ и тогда отправиться въ Соммьеръ, гдѣ полковой командиръ обѣщалъ помощь кавалерійскаго полка въ случаѣ, если Фроманъ одержитъ въ Нимѣ верхъ: боясь скомпрометировать короля и напуганные участіемъ Фавра, который нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ поднялъ было возстаніе, но былъ покинутъ своей партией и повѣшенъ, эмигранты трусили. Тѣ, которые окружили меня, видимо, негодовали противъ нихъ, но старались не давать этого замѣтить.

Большинство, впрочемъ, молчало или обмѣнивалось между собою нѣсколькими словами, когда въ городѣ начинался какой-нибудь шумъ или раздавались крики; что касается меня, то я не думалъ ни о партіяхъ, боровшихся тамъ внизу, ни о завтрашнемъ днѣ, ни даже о Денизѣ. Всѣ мои мысли были поглощены Фроманомъ.

Если онъ хотѣлъ произвести на меня впечатлѣніе, то онъ достигъ своей цѣли. Сидя здѣсь во мракѣ, я чувствовалъ на себѣ его сильное вліяніе и дрожалъ, какъ дрожитъ азартный игрокъ, видя, какъ другой поставилъ все на карту. Я сталъ въ то головокружительное положеніе, въ которомъ онъ находился, и, вглядываясь въ темное будущее, дрожалъ за себя и за него. Мои глаза невольно искали его высокую фигуру, и я невольно относился къ нему съ уваженіемъ, какъ къ человѣку, который спокойно стоитъ на краю пропасти, гдѣ его ждетъ смерть.

Около полуночи всѣ стали спускаться внизъ. Я не ѣлъ ничего въ теченіе двѣнадцати часовъ, и, несмотря на неопредѣленное положеніе, въ которомъ я находился, аппетитъ заставилъ меня спустить-

ся вмѣстѣ съ другими. Слѣдуя за ними, я скоро оказался на порогѣ большой комнаты, ярко освѣщенной нѣсколькими лампами. Тутъ стояли столы съ приборами человѣкъ на шестьдесятъ. Сквозь толпу мужчинъ я замѣтилъ въ противоположномъ углу комнаты группу женщинъ, сіявшихъ брильянтами и помахивавшихъ вѣерами. Трудно представить себѣ большій контрастъ, чѣмъ темная, обвѣваемая вѣтрами крыша башни и красивое, веселое зрѣлище, такъ неожиданно развернувшееся передъ мной.

Но размышлять было некогда. Давка, окружившая меня у верхняго конца стола, мало-по-малу исчезла: всѣ съ шумомъ занимали свои мѣста, и вдругъ я очутился прямо передъ Денизой, которая, опустивъ глаза, со страдальческимъ выраженіемъ лица сидѣла противъ меня, рядомъ со своей матерью. Около нихъ сидѣла m-me Катина и еще нѣсколько какихъ-то дамъ.

Я ли поднялъ на нее глаза, или она сама случайно взглянула въ мою сторону—наши взгляды встрѣтились. Съ крикомъ ужаса, который я скорѣе почувствовалъ, чѣмъ услышалъ, она вскочила изъ-за стола. Маркиза тоже вскинула на меня глазами и также не могла удержаться отъ крика. Въ мгновеніе ока разговоры прекратились, всѣ повернулись ко мнѣ, и я сталъ центромъ общаго вниманія.

Какъ разъ въ эту минуту вошелъ запоздавшій маркизь де-Сентъ-Алэ. Онъ, конечно, также замѣтилъ меня; по крайней мѣрѣ, я слышалъ, какъ онъ испустилъ ругательство. Мнѣ, впрочемъ, было не до него: я былъ занятъ Денизой, и я увидѣлъ его только тогда, когда онъ положилъ свою руку мнѣ на плечо.

— Это ужъ слишкомъ!—вскричалъ онъ.

Я видѣлъ, что онъ задыхался отъ злобы и удивленія, и молча глядѣлъ на него: положеніе было такъ сложно, что я не могъ дать себѣ яснаго отчета.

— Какимъ образомъ вы здѣсь?—раздраженно продолжалъ онъ такимъ голосомъ, который привлекъ къ намъ общее вниманіе.

Онъ былъ блѣденъ отъ злобы: какъ! онъ оставилъ меня арестантомъ, а встрѣчаетъ меня гостемъ.

— Самъ не знаю,—отвѣчалъ я.—Но...

— Это я устроилъ,—произнесъ голосъ сзади меня.—Если вамъ угодно знать, виконтъ де-Со здѣсь по моему приглашенію.

Говорившій былъ Фроманъ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ здѣсь не мѣсто!—запальчиво закричалъ маркизь.

— Какъ вамъ угодно,—спокойно отвѣчалъ Фроманъ.

— Я не желаю этого,—закричалъ маркизь на всю комнату:—слышите, не желаю.

— Прекрасно,—отвѣчалъ Фроманъ, не теряя своей серьезности.—Но мнѣ кажется, что вы забыли....

— Нѣтъ, это вы забыли,—яростно закричалъ опять Сентъ-Алэ.— Или, можетъ быть, вы не понимаете, не знаете, что этотъ господинъ...

— Я ничего не забылъ,—возразилъ Фроманъ, нахмурившись.— Мы, однако, заставляемъ ждать моихъ гостей. Командованіе принадлежит мнѣ, маркизъ, и это мое дѣло составлять диспозиціи. Я уже сдѣлалъ ихъ и прошу васъ не нарушать ихъ. Я знаю, и всѣ присутствующіе знаютъ, что вы не оставите меня безъ помощи. Но я полагаю, что вы не станете создавать мнѣ и лишнихъ препятствій. Пожалуйте сюда, маркизъ. Этотъ господинъ не откажется приѣхать вотъ здѣсь, а мы съ вами сядемъ за столъ маркизы.

Лицо маркиза де-Сентъ-Алэ стало мрачнѣе ночи, но Фроманъ былъ не такой человѣкъ, съ которымъ можно было спорить: его тонъ былъ вѣжливъ, но рѣшительнъ.. Никогда и никому, кажется, не уступавшій маркизъ молча послѣдовалъ за нимъ на противоположный край стола.

Оставшись одинъ, я сѣлъ на свое мѣсто. Все глядѣли на меня съ величайшимъ любопытствомъ. Но для меня любопытнѣе всего былъ этотъ ночной раутъ въ то время, какъ въ городѣ на улицахъ валялись убитые и, казалось, самый ночной воздухъ остановился въ движеніи, прислушиваясь къ тому, что происходитъ.

ХІ.

Кризисъ.

Когда сѣдой разсвѣтъ, котораго ждали столь многіе, медленно наползалъ на бодрствовавшій городъ, на крышѣ Фроманова дома можно было различить нѣсколько блѣдныхъ лицъ. Эти часы, когда всѣ предметы какъ бы теряютъ свой цвѣтъ и представляются глазу черными, требуютъ отъ человѣка высшаго напряженія мужества. Глаза, которые всего часъ-два тому назадъ блестя огнемъ воодушевленія,—мы сидѣли за столомъ долго и пили за здоровье короля, за церковь, за красную кокарду, за графа д'Артуа,—теперь сдѣлались задумчивыми; люди, лица которыхъ такъ недавно горѣли отъ жара, теперь дрожали всѣмъ тѣломъ, всматриваясь въ ночную мглу, и поплотнѣе закутывались въ плащи. Я увѣренъ, что если бы здѣсь былъ человѣкъ равнодушно наблюдавшій всѣ событія дня, его мысли были бы недалеко отъ моихъ.

Фроманъ проповѣдывалъ вѣрность, но вѣрность нужна была тамъ внизу, на улицѣ. Здѣсь же было достаточно вѣрныхъ, которые были готовы ринуться на смерть или безжалостно умерщвлять другихъ. Въ большинствѣ случаевъ, люди, смотрѣвшіе сегодня вмѣстѣ со мною съ башни на Нимъ, вовсе не были ни искателями приключеній, ни мѣстными приверженцами Фромана, ни офицерами, которыхъ заставили удалиться изъ полка, ни дворянами, въ родѣ

маркиза де-Сентъ-Алэ. Все это были славные люди, хотя и разгоряченные виномъ. Однако не одинъ Фроманъ зналъ, что Фавръ повѣшенъ, де-Лоней убитъ, а мэръ Флессель застрѣленъ. Не онъ одинъ могъ строить догадки о томъ, какое мщеніе совершить новое лицо—«Нація»—за причиненное ей оскорбленіе.

Вотъ почему, когда появился наконецъ давно жданный разсвѣтъ, облака на западѣ стали какъ-будто теплѣе, и потянулся къ морю туманъ, наполнявшій долину Роны, то у всѣхъ лица были серьезны, на всѣхъ лежалъ отпечатокъ какой-то мрачной сосредоточенности.

Кромѣ, впрочемъ, Фромана. По какимъ бы то ни было причинамъ, его лицо было не только рѣшительно, но и весело. Онъ вышелъ изъ своего уединенія, которое онъ сохранялъ всю ночь, и подошелъ къ парапету крыши, поглядывая на городъ. Онъ разговаривалъ со всѣми и шутилъ, подсмѣиваясь надъ малодушными и не допуская и мысли, что онъ можетъ потерпѣть неудачу. Но враги говорили про него, что такова ужъ его природа, что все это онъ дѣлалъ изъ тщеславія.

— Поворачивайтесь живѣе, господа,—весело говорилъ онъ, гордо поднимая голову.—Пусть не говорятъ, что мы боимся высунуть носъ и выставить впередъ другихъ, сами прячемся сзади, словно говоруну этого подлаго собранія, которые, желая захватить своего короля, поставили въ первые ряды женщинъ. Идемъ, господа! Они привезли его изъ Версаля въ Парижъ. Мы будемъ сопровождать его обратно. Сегодня мы сдѣлаемъ первый шагъ въ этомъ направленіи.

Энтузіазмъ—самое заразительное изъ всѣхъ чувствъ. На слова Фромана присутствовавшіе отвѣтили громкими криками. Глаза, за минуту передъ тѣмъ еще затуманенные, теперь опять горѣли огнемъ.

— Долой измѣнниковъ!—кричалъ одинъ.

— Долой трехцвѣтную кокарду!—вопилъ другой.

Фроманъ поднялъ руку, требуя молчанія.

— Напротивъ. Да здравствуетъ кокарда изъ трехъ цвѣтовъ: да здравствуетъ король, вѣра, законъ!

Эти слова попали въ цѣль.

— Да здравствуетъ эта троица!—закричали голоса.

Этотъ крикъ былъ подхваченъ на нижней крышѣ, затѣмъ въ окнахъ и на улицѣ. Словно ружейные залпы, онъ замеръ только тогда, когда докатился до самыхъ окраинъ города.

Фроманъ снялъ шляпу.

— Благодарю васъ, господа,—началъ онъ.—Благодарю отъ имени его величества короля. Теперь нашъ крикъ слышалъ Атлантическій океанъ, и онъ, какъ эхо, отдастся и въ Ламаншѣ. И Рона исправитъ то, что надѣлала Сена. Взоры всей Франціи обращены

теперь на Нимъ и на васъ, господа. За свободу! За свободу жизни, которую хотятъ задушить плуты и писаки! За свободу молиться противъ тѣхъ, кто хочетъ отнять у насъ Бога и осквернить его храмы! За свободу передвиженія противъ тѣхъ, кто изъ короля Франціи сдѣлалъ арестанта! Нужно ли говорить вамъ еще?

— Нѣтъ, нѣтъ! — закричали всѣ хоромъ, махая шляпами и шпагами.

— Хорошо, — твердо пролжалъ Фроманъ. — Я не буду прибѣгать къ словамъ. Но я хочу показать, что здѣсь въ Нимѣ еще чтуть Бога и короля и слуги ихъ еще пользуются свободой. Идемте со мной, господа, мы пройдемъ черезъ весь городъ и посмотримъ, осмѣлится ли кто-нибудь крикнуть здѣсь: долой короля!

Окружающіе отвѣтили такимъ крикомъ, что, казалось, дрогнула сама башня, и, столпившись около лѣстницы, принялись спускаться по ней на нижнюю крышу, а оттуда внутрь дома.

Сидя на парапетѣ башни, я смотрѣлъ, какъ они спускались длинной вереницей, какъ блестѣли на солнцѣ ихъ шпаги и пряжки на башмакахъ, какъ развѣвалъ вѣтеръ ихъ ленты, и не безъ сочувствія къ нимъ слѣдилъ, какъ одинъ за другимъ исчезали они въ люкъ лѣстницы.

Ушло уже больше половины, когда кто-то дотронулся до моей руки: около меня стоялъ Фроманъ.

— Вы останетесь здѣсь, — заговорилъ онъ, опуская на меня глаза. — Если случится несчастье, то мнѣ не надо будетъ лишній разъ поручать вамъ позаботиться о мадемуазель Денизѣ.

— Что бы ни случилось, я это сдѣлаю.

— Благодарю васъ, — сказалъ онъ, скрививъ губы. — На одно мгновеніе въ его глазахъ блеснулъ какой-то нехорошій огонекъ. — Не забывайте, что если удача будетъ моя, мы еще поговоримъ съ вами!

— Дай Богъ, чтобы удача была на вашей сторонѣ! — невольно воскликнулъ я.

— А вы такъ увѣрены въ своемъ оружіи? — насмѣшливо спросилъ онъ. Потомъ, перемѣнивъ тонъ, онъ продолжалъ: — Нѣтъ, дѣло, конечно, не въ этомъ. Вы французскій дворянинъ, и я спокойно поручаю вамъ мадемуазель де-Сентъ-Алэ именно, какъ дворянину. Богъ да сохранить васъ!

— И васъ также.

Я видѣлъ, какъ онъ пошелъ за остальными. Было около пяти часовъ. Солнце уже поднялось, и кровля башни, оставшаяся теперь только въ моемъ владѣніи, казалась такимъ мирнымъ и спокойнымъ уголкомъ, что я не безъ удивленія оглядывался вокругъ себя. Я былъ такъ далекъ отъ этого стлавшагося внизу міра, откуда вдругъ донесся гулъ голосовъ, очевидно, привѣтствовавшихъ Фромана при его появленіи. За этимъ крикомъ послѣдовалъ другой,

третій. Испуганные голуби стаяй закружились надъ башней. Волна угрожающихъ голосовъ стала мало-по-малу удаляться въ южную сторону города и вскорѣ замерла въ отдаленіи.

Я остался одинъ съ своими невеселыми мыслями. Куда дѣвалось тѣсное единеніе, союзъ, о которомъ столько недѣль грезила добрая половина націи? Гдѣ братство, къ которому взывалъ отецъ Бенедиктъ? Гдѣ сліяніе классовъ и сословій? Развѣ не исчезли права человѣка? А вмѣстѣ съ ними и тысячи другихъ благодѣяній, которыя, вопреки человѣческой природѣ, обѣщали философы и теоретики, стоитъ только принять ихъ систему? Гдѣ все это? По всей веселой, улыбающейся окрестности звучалъ набатный звонъ колоколовъ; снизу, съ улицъ неслись крики и шумъ возстанія. По дорогамъ, лентами вившимися отъ города, тамъ и сямъ быстро двигались небольшія кучки людей съ блестящимъ оружіемъ.

Прошло еще съ полчаса. Я продолжалъ сидѣть, погруженный въ свои мысли. Вдругъ въ отдаленномъ пригородѣ на западной сторонѣ грянулъ пушечный выстрѣлъ, а за нимъ посыпалась дробь отдѣльныхъ выстрѣловъ.

Голуби все еще продолжали летать на фонѣ сіяющихъ, быстро бѣгущихъ облаковъ. Вокругъ меня на кровлѣ башни громко чирикали воробьи. Нижняя крыша, на которой столпилось нѣсколько слугъ, была залита солнцемъ. Здѣсь было такъ тихо, такъ спокойно!

А внизу, на улицахъ лилась кровь и царилъ смерть.

Я чувствовалъ мало-по-малу какое-то возбужденіе.

Было еще раннее утро. Я прислушивался ко всему почти безучастно, слѣдя лишь теченію своихъ мыслей и сравнивая про себя зрѣлище самоистребленія съ блестящими обѣщаніями, которыя дѣлались всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Но мало-по-малу волненіе слугъ, стоявшихъ на нижней крышѣ, передалось и мнѣ. Я сталъ прислушиваться болѣе внимательно. Мнѣ казалось, что моментъ рѣшительнаго столкновенія приближается, что крики становятся чаще и явственнѣе. Около казармъ, недалеко отъ насъ показались клубы бѣлаго дыма и дважды грянулъ залпъ, отъ котораго задрожали стекла домовъ. Потомъ на одной изъ улицъ, которая шла какъ разъ подъ нами и которая была видна изъ конца въ конецъ, я увидѣлъ бѣгущую толпу, которая направлялась прямо въ нашу сторону.

Я крикнулъ слугамъ и спросилъ, въ чемъ тутъ дѣло.

— Нападеніе на арсеналь, — отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, козырькомъ прикладывая руку къ глазамъ.

— Кто нападаетъ?

Въ отвѣтъ онъ только пожалъ плечами и сталъ смотрѣть еще внимательнѣе. Я послѣдовалъ его примѣру, но пока не замѣтилъ ничего особеннаго. Вдругъ до насъ докатился громкій гулъ голо-совъ, словно кто-то отворилъ запертую раньше дверь. Большая

толпа народа показалась на ближайшемъ концѣ улицы и, размахивая оружіемъ, вмѣстѣ съ распятіемъ и группой шедшихъ посрединѣ монаховъ, перелилась на другой конецъ и куда-то исчезла. Нѣкоторое время еще слышны были ея крики и можно было сообразить, что она направляется къ арсеналу, гдѣ время отъ времени раздавался трескъ мушкетовъ. Я догадался, что это было подкрѣпленіе, за которымъ присылалъ Фроманъ.

Взглянувъ случайно на нижнюю крышу, я замѣтилъ, что половина слугъ уже исчезла и что какія-то фигуры старались скрыться на безлюдной улицѣ.

Кризисъ, очевидно, разразился раньше, чѣмъ его ожидали. Я позвалъ одного изъ слугъ и спросилъ его, гдѣ дамы.

Его лицо было блѣдно, какъ у мертвеца.

— Не знаю, сударь,—быстро сказалъ онъ и опять сталъ глядѣть вдаль.

— Онѣ внизу?

Онъ такъ внимательно слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлалось внизу, что вмѣсто отвѣта только тряхнулъ досадливо головой. Мнѣ не хотѣлось оставлять своего мѣста на кровлѣ, и я приказалъ ему передать поклонъ маркизѣ де-Сентъ-Алэ и попросить ее подняться сюда.

Но человекъ, очевидно, былъ такъ перепуганъ, что могъ думать только о самомъ себѣ и не трогался съ мѣста. Остальные только кричали: «Сейчасъ, сударь, сейчасъ!»

Это, въ концѣ концовъ, взбѣсило меня. Я сбѣжалъ по лѣстницѣ и бросился къ нимъ.

— Канальи!—закричалъ я.—Гдѣ дамы?

Одинъ изъ смотрѣвшихъ испуганно обернулся на мой крикъ.

— Гдѣ дамы?—повторилъ я съ нетерпѣніемъ.

— Извините, мы не поняли васъ,—отвѣчалъ за него ближайшій сосѣдь:—Онѣ ушли въ церковь молиться.

— Въ церковь?

— Такъ точно. Къ капуцинамъ.

— А здѣсь ихъ нѣтъ?

— Нѣтъ, ихъ здѣсь нѣтъ, сударь,—отвѣчалъ слуга, блуждая глазами.—Но что это такое?!

И, привлеченный какимъ-то зрѣлищемъ, онъ быстро отпрыгнулъ отъ меня къ парапету. Я послѣдовалъ за нимъ и тоже сталъ смотрѣть. Отсюда видъ былъ не столь обширенъ, какъ съ кровли башни, но главная улица, ведущая въ южную часть города, была все же видна.

Она была полна народа. Вездѣ стояли толпы и небольшія группы. Одни шли къ намъ, другіе бѣжали, третьи двигались быстрымъ шагомъ по нѣсколько человекъ въ рядъ, безпрестанно оглядываясь.

Слуги догадывались, что это значитъ. Въ одно мгновеніе ихъ группа растаяла. Съ крикомъ: «Мы разбиты!» они въ беспорядкѣ

бросились по залитой солнцемъ крышѣ къ лѣстницѣ и стали спускаться внизъ.

Я продолжалъ выжидать на томъ же мѣстѣ. Но потокъ бѣглецовъ все возрасталъ и возрасталъ. Люди шли все быстрѣе и быстрѣе и чаще оглядывались назадъ. Шумъ схватки, крики, выстрѣлы приближались.

Я сразу рѣшилъ, что дѣлать.

Лѣстница была теперь свободна. Я быстро сбѣжалъ по ней и достигъ двери въ верхнемъ этажѣ, чрезъ которую я проникъ сюда вчера вечеромъ. Я попробовалъ отворить ее, но она оказалась запертой. Оставшись въ темнотѣ коридора, одинъ-одинешенекъ, не зная, что происходитъ внизу, я рисовалъ себѣ самыя страшныя картины. Съ лихорадочной силой я сломалъ замокъ двери и бросился бѣжать внизъ, пока не достигъ въ самомъ нижнемъ этажѣ зала, похожаго на какую-то монастырскую трапезную.

Заль этотъ былъ переполненъ вооруженными людьми съ искаженными отъ злобы лицами. Въ него бѣжали другіе, прямо съ улицы. Опоздай я на одну минуту, хлынувшій потокъ затопилъ бы всѣ лѣстницы и я не могъ бы спуститься съ крыши. И безъ того нѣсколько минутъ я совершенно не могъ пробраться сквозь толпу: меня совершенно притиснули къ стѣнѣ. Около меня очутился въ такомъ же положеніи одинъ изъ слугъ, и я схватилъ его за рукавъ.

— Гдѣ дамы?—закричалъ я ему.—Вернулись ли онѣ?

— Не знаю,—отвѣчалъ онъ, вращая глазами во всѣ стороны.

— Неужели онѣ все еще въ церкви?

— Не знаю,—послѣдовалъ раздраженный отвѣтъ.

Завидя челоуѣка, котораго онъ, повидимому, искалъ, слуга оттолкнулъ меня и быстро скрылся въ толпѣ.

Домъ сдѣлался какой-то толкучкой: въ него безпрестанно входили и уходили. Отдавали приказанія, продирались сквозь толпу. Я не зналъ, что предпринять. Нѣкоторые звали Фромана, другіе приказывали закрыть скорѣе двери. Одни кричали, что все потеряно, другіе,—что надо взорвать порохъ.

Я стоялъ въ самомъ центрѣ этого хаоса, увлекаемый толпой то въ одну сторону, то въ другую.

Гдѣ же дамы? Этотъ вопросъ не выходилъ у меня изъ головы. Я обращался къ нимъ по крайней мѣрѣ къ полдюжинѣ лицъ, которыя были поближе ко мнѣ, но въ отвѣтъ они только кричали свирѣпо, что не знаютъ, и бросались отъ меня въ сторону. Большинство было изъ простаго народа и мнѣ не удалось ничего узнать отъ нихъ ни о Фроманѣ, ни о маркизѣ де-Сентъ-Алѣ, ни о другихъ вожакѣхъ. Кажется, никогда мнѣ не приходилось быть въ столь мучительномъ положеніи. Дениза могла быть еще въ церкви и, стало быть, неминуемо подвергалась опасности. Или она могла быть уже на улицѣ, гдѣ опасность была еще больше. Наконецъ,

она могла быть и въ полной безопасности, гдѣ-нибудь здѣсь, въ сосѣдней комнатѣ или на крышѣ. Вся моя надежда была на возвращеніе Фромана. Прождавъ, однако, нѣсколько минутъ, которыя показались мнѣ цѣлою вѣчностью, я, наконецъ, потерялъ терпѣніе и сталъ прокладывать себѣ путь черезъ толпу къ двери, которая, повидимому, вела въ главную часть дома. Отворивъ ее, я увидѣлъ, что и здѣсь царилъ такой же беспорядокъ: одни выносили изъ погреба порохъ, загораживая дорогу, другіе, кажется, грабили домъ. Надежды найти тѣхъ, кого я искалъ, было мало, и, поискавъ бесполезно то тутъ, то тамъ, я поднялся по лѣстницѣ и, достигнувъ второго этажа, бросился въ комнату Денизы. Дверь была заперта.

Я, какъ безумный, сталъ стучать въ нее и кричать. Потомъ, прислушавшись и не получая отвѣта, начиналъ опять то же. Но за дверью все было тихо, я бросился къ слѣдующимъ. Двѣ ближайшія были заперты, и за ними также не было слышно ни звука. Третья и четвертая комнаты были не заперты и пусты.

Всѣ ихъ я осмотрѣлъ въ какую-нибудь минуту-двѣ. Пока я стучалъ въ двери и кричалъ, коридоръ, по которому я шелъ, былъ тихъ и безлюденъ, и въ немъ отдавалось только эхо моихъ шаговъ. А въ это самое время домъ внизу оглашался криками и бѣготней сотенъ ногъ. Я былъ какъ въ лихорадкѣ. Маркиза могла быть теперь на крышѣ, и я пустился къ лѣстницѣ, чтобы поскорѣе туда подняться. Потомъ ужъ я сообразилъ, что если бъ мнѣ даже удалось добраться до лѣстницы, то она, вѣроятно, оказалась бы загорженной.

Проклиная несчастную мысль покинуть залъ только потому, что мои разспросы не привели ни къ чему, я бросился опять къ лѣстницѣ и, очертя голову, полетѣлъ внизъ.

Я попалъ какъ разъ во-время: я вошелъ въ одну дверь, а Фроманъ въ другую. Съ нимъ была небольшая кучка его приверженцевъ, изъ которыхъ многіе имѣли на себѣ зеленныя ленты—цвѣтъ графа д'Артуа. Высокая фигура Фромана выдавалась изъ толпы, и я замѣтилъ, что онъ былъ раненъ: по его щекѣ текла струйка крови. Въ его глазахъ свѣтилось что-то близкое къ безумію. Онъ былъ спокоенъ и владѣлъ не только собою, но и всѣми окружающими. Волненіе стало утихать вокругъ него. Въ одно мгновеніе люди, которые толкали только что другъ друга и загораживали другъ другу дорогѣ, отхлынули на свое мѣсто. Хотя съ конца улицы еще и неслись бурные крики толпы, тѣмъ не менѣе было очевидно, что она отступаетъ подъ напоромъ какой-то превосходящей ее силы. Съ появленіемъ Фромана вмѣсто паники явилась рѣшимость, вмѣсто отчаянія—надежда.

Стоя на порогѣ съ только что разряженнымъ пистолетомъ, онъ отдавалъ короткія приказанія, чтобы забаррикадировали дверь,

и разсылалъ одного туда, другого—сюда. Толпа мало-по-малу стала разсѣиваться, и онъ увидѣлъ меня въ тотъ моментъ, какъ я старался пробраться къ нему. Онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ.

Если онъ игралъ роль, то я долженъ сказать, онъ игралъ ее съ большимъ благородствомъ. Даже въ эту минуту, когда, казалось, все было потеряно, въ его лицѣ не было ни страха, ни зависти.

— Уходите отсюда скорѣе,—тихо сказалъ онъ, предупреждая движеніемъ руки тысячу вопросовъ, которые вертѣлись у меня на языкѣ.—Уходите вонъ черезъ ту дверь. Выйдете на крыльцо, держитесь лѣвой стороны, и тамъ около церкви св. Женевьевы вы найдете лошадей. Здѣсь все кончено!—прибавилъ, онъ сильно пожимая мнѣ руки и толкая меня къ двери.

— А мадемуазель!—воскликнулъ я и объяснилъ, что ея нѣтъ дома.

— Какъ?—спросилъ онъ меня съ внезапно потемнѣвшимъ лицомъ.—Вы съ ума сошли! Неужели вы думаете, что она дѣйствительно вышла изъ дому?

— Ея здѣсь нѣтъ,—повторилъ я.—Мнѣ сказали, что она пошла вмѣстѣ съ маркизой въ церковь и домой не возвращалась.

— Что за сумасшествіе!—воскликнулъ онъ съ ругательствомъ.—Помоги имъ, Боже!—дважды добавилъ онъ.

Потомъ, вскинувъ на меня глазами и замѣтивъ мой ужасъ, онъ сухо размѣялся

— А въ концѣ концовъ не все ли равно?—беззаботнымъ тономъ заговорилъ онъ.—Мы всѣ тамъ будемъ. Будемъ же вести себя молодцами. Я сдѣлалъ все, что могъ. Слышите?

Отъ грохота залповъ, казалось, содрогался весь домъ. Фроманъ поднялъ руку и отдалъ какое-то приказаніе. Узкія окна были сейчасъ же заложены плитами съ мостовой, за дверью была наложена цѣлая гора ихъ. Стало темно, зажгли огонь, отчего эта зала съ бѣлоштукатуренными стѣнами получила какой-то странный, мрачный видъ.

— Боюсь, что оба Сентъ-Алэ отрѣзаны въ Аренѣ,—холодно произнесъ Фроманъ.—У нихъ не хватитъ людей для защиты стѣнъ. Этихъ проклятыхъ севенноловъ слишкомъ много для насъ. А что касается нашихъ друзей, то они поступили, какъ я и ожидалъ: предоставили мнѣ умереть подъ ножомъ, какъ быку. Хорошо, мы умремъ, но бодеясь.

Несмотря на мое преклоненіе передъ этимъ человѣкомъ, во мнѣ шевельнулось что-то въ родѣ отвращенія къ нему.

— А Дениза?—спросилъ я, хватая его руку.—Неужели вы оставите ее на гибель?

Онъ посмотрѣлъ на меня, скрививъ губы.

— Въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ онъ насмѣшливо:—я и забылъ. Вы вѣдь не изъ нашихъ.

— Я думаю только о ней!

Въ этотъ моментъ я ненавиждѣлъ его.

— Вы правы,—сказаль онъ, вдругъ мѣняя принятый тонъ.— Идите, вы можете спасти ее. Церковь—въ монастырѣ калуциновъ. Эти собаки лаяли вокругъ него, когда мы отступали. Ихъ придется десять на одного нашего. Но все-таки у васъ еще есть шансы,—продолжалъ онъ рѣшительно.—Идите и, если вамъ удастся спастись, не забывайте Фромана изъ Нима.

— Черезъ эту дверь?

— Да, и возьмите вотъ это,—промолвилъ онъ, вынимая изъ кармана заряженный пистолеть.—Идите. Мнѣ тоже нужно идти. Эй, вы, каналы,—вдругъ крикнулъ онъ на толпу:—быкъ еще не сваленъ и подниметь на рога не одного изъ васъ прежде, чѣмъ ударить его чась.

ХІІ.

Передъ лицомъ смерти.

Съ этими словами отъ толкнулъ меня къ двери, которая вела во внутреннія комнаты. Зная, что черезъ минуту-другую толпа уже осадитъ весь домъ, я не хотѣлъ терять времени даромъ.

И тѣмъ не менѣе пришлось замѣшкаться. Наверхъ взбѣжалъ главный отрядъ Фромановыхъ приверженцевъ, и слышно было, какъ они стрѣляли съ крыши и въ окна. Самъ Фроманъ стоялъ и слушалъ, погруженный въ свои мысли; а толпа съ зелеными лентами кричала и сражалась около забаррикадированныхъ дверей. Какое-то сіяніе въ этой мрачной комнатѣ, что-то одинокое, сказывавшееся въ фигурѣ этого человѣка, невольно тянуло меня къ нему. Я было сдѣлалъ шагъ къ нему, но въ эту минуту онъ взглянулъ на меня, и его лицо вдругъ нахмурилось. И почти съ яростью онъ махнулъ мнѣ рукой.

Даже за эту мгновенную остановку мнѣ, повидимому, пришлось дорого поплатиться. Черезъ десять шаговъ я былъ уже у низенькой дверцы, на которую онъ указаль мнѣ. Но ее уже закладывали желѣзными брусьями. Я закричалъ, чтобы мнѣ открыли.

— Поздно!—произнесъ какой-то человѣкъ, мрачно поглядывая на меня.

Сердце у меня упало. Тѣмъ не менѣе начали освобождать дверь, хотя и съ бранью, и минуты черезъ двѣ проходъ былъ свободенъ. Держа пистолеть въ рукѣ, одинъ изъ окружающихъ отворилъ дверь сквозь цѣпь и выглянулъ наружу. Дверь выходила въ узкій коридоръ, который, слава Богу, былъ еще безлюденъ. Человѣкъ отложилъ цѣпь и почти выпихнулъ меня наружу, крикнувъ:

— Налѣво!

Ослѣпленный внезапнымъ солнечнымъ свѣтомъ, я машинально повернулъ налѣво. Слышно было, какъ позади меня стукнула дверь и загремѣла надѣтая опять цѣпь.

Дома, обступившіе меня съ обѣихъ сторонъ, нѣсколько заглушали гулъ толпы и звукъ выстрѣловъ. Съ непокрытой головой, твердо сжимая въ рукѣ пистолеть, который мнѣ далъ Фроманъ, я поспѣшилъ по переулку на улицу. Вдругъ сзади меня сдѣлался какой-то шумъ: оглянувшись, я увидѣлъ, что съ противоположнаго конца въ него вбѣжала цѣлая толпа.

Замѣшкайся я здѣсь хоть одну минуту, было бы поздно! Какъ бы то ни было, я оказался въ очень трудномъ положеніи, хотя и не терялъ надежды. Я былъ здѣсь одинъ, города не зналъ, никакой эмблемы при мнѣ не было и рисковалъ на любомъ поворотѣ попасться въ руки той или другой партіи и быть убитымъ. Я зналъ, что церковь капуциновъ та самая, въ которой я былъ съ мадамъ Катиню, и моей первой мыслью было выбраться поскорѣе на главную улицу и двинуться въ этомъ направленіи. Это было, впрочемъ, не такъ-то легко: переулокъ, по которому я шель, выходилъ въ другой, такой же прямой и темный. Войдя въ него, я послѣ минутнаго раздумья повернулъ налѣво. Но не успѣлъ я сдѣлать и десятка шаговъ, какъ услышалъ впереди себя громкій крикъ. Это заставило меня остановиться и повернуть назадъ. Я очутился въ какомъ-то темномъ, колодеобразномъ дворѣ и стоялъ здѣсь задыхаясь. Мысль о томъ, что, пока я стою здѣсь въ недоумѣніи, все можетъ быть кончено, сводила меня съ ума.

Я уже хотѣлъ было вернуться назадъ, рѣшившись встрѣтиться лицомъ къ лицу съ толпой, которая кричала сзади меня, какъ вдругъ мой взглядъ упалъ на открытое окно нижняго этажа въ одномъ изъ тѣхъ домовъ, которыми былъ обставленъ этотъ дворъ. Окно было не высоко надъ землей, а изъ дома, очевидно, былъ выходъ на улицу. Въ нѣсколько прыжковъ я былъ уже около окна и, схватившись рукой за подоконникъ, впрыгнулъ въ комнату и тяжело упалъ прямо на полъ.

Я не ушибся, и быстро поднялся на ноги. Я слышалъ, какъ кто-то пронзительно закричалъ, и видѣлъ, какъ отъ меня бросилась въ сторону какая-то перепуганная дѣвушка съ побѣлѣвшимъ, какъ бумага, лицомъ. Прислонившись къ двери спиной, она упала передо мной на колѣни, очевидно, умоляя о пощадѣ.

Ради всего святого я просилъ ее успокоиться и не кричать.

— Гдѣ входная дверь?—спросилъ я:—покажите мнѣ дверь. Я никого не трону, только покажите мнѣ дверь.

— Кто вы?—прошептала она, глядя на меня расширенными отъ ужаса глазами.

— Не все ли вамъ равно?—сердито отвѣчалъ я:—покажите скорѣе дверь. Дверь на улицу!

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“

Петроградъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ на-Д.

Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинныхъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ОКТЯБРѢ 1916 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 10-й.

Богословіе.

КОЖЕВНИКОВЪ, В. Буддизмъ въ сравненіи съ христіанствомъ. Т. I и II. Пгр. 1916. Ц. 8 руб.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

ОБОЛЪЯНИНОВЪ, Н. Замѣтки о русскихъ иллюстрированныхъ изданіяхъ. М. 1916. Ц. 2 р.

СБОРНИКЪ по теоріи поэтического языка. Пгр. 1916. Ц. 1 р.

Беллетристика, поэзія, драматическія сочиненія.

АДАНЪ, П. Хитрость, романъ. Пгр. 1916. Ц. 2 р.

БОРДО, А. Страхъ жизни, ром. М. 1916. Ц. 1 р. 50 к.

ВАСИЛЕВСКІЙ, Л. Земные обманы. Пгр. 1916. Ц. 1 р. 40к.

ВИЛЬЧИНСКІЙ, Е. Пѣсни о Бельгій. Пгр. 1916. Ц. 75 к.

ВИННИЧЕНКО, В. Красота и сила. М. 1916. Ц. 2 р.

ГОЛЬДЕБАЕВЪ, А. Чужестранный цвѣтокъ. Пгр. 1916. Ц. 1 р. 50 к.

ЗАПЦЕВЪ, Б. Тихія зори. М. 1916. Ц. 75 к.

ИРКУТСКІЕ ВЕЧЕРА. Стихи. И. 1916. Ц. 1 руб.

КРИНИЦКІЙ, М. Вами казенный. Пгр. 1916. Ц. 2 р.

КУЛЬВАТЕНКО, К. Авель и Каинъ. М. 1916. Ц. 75 к.

КУПРИНЪ, А. Яма. Пгр. 1916. Ц. 2 р. 25 к.

ЛАЗАРЕВСКІЙ, Б. Семья. Разсказъ. Пгр. 1916. Ц. 1 р. 80 к.

ЛЕНСКІЙ, В. Игра, романъ. М. 1916. Ц. 1 р. 25 к.

ЛОККЪ, УИЛЛЬЯМЪ ДЖ. Жизнь зоветъ, романъ. 1916. Пгр. Ц. 1 р. 50 к.

— Счастливецъ, ром. М. 1916. Ц. 2 р.

— Побѣда женщины, ром. М. 1916. Ц. 2 р. 25 к.

1/4

- ЛУЧАНСКИЙ, П. Звѣздамъ и камнямъ. Пгр. 1916. Ц. 1 р. 25 к.
 МОРТЕ, А. Богема. М. 1916. Ц. 1 р. 50 к.
 МУРАВЬЕВЪ, Н. Женщина на пути. ром. М. 1916. Ц. 1 р. 25 к.
 ПОЛОНСКИЙ, Я. Избранныя стихотворенія. Пгр. 1916. Ц. 50 к.
 ПОЛОНЪ, Литературный сборникъ. Пгр. 1916. Ц. 2 р.
 РОПШИНЪ, То, чего не было. Романъ. М. 1916. Ц. 2 р. 50 к.
 РОСЛАВЛЕВЪ, А. Ангелъ съ шарманкой. Пгр. 1916. Ц. 1 р. 50 к.
 САЛЯМОВЪ, Б. Первая пѣсня, сборн. разск. и стихотвор. Пгр. 1916. Ц. 1 р.
- СЕРГЬЕВЪ - ЦЕНСКИЙ. Наклонная Елена. Рассказъ. М. 1916. Ц. 1 р. 25 к.
 СТАРАЯ УКРАИНА. Сборникъ. Пгр. 1916. Ц. 2 р.
 СУРГУЧОВЪ, ИЛЪЯ. Сосѣдка. Рассказъ. М. 1916. Ц. 1 р. 50 к.
 СЪВЕРЯНИНЪ, И. Собр. поэзъ, т. IV. М. 1916. Ц. 1 р. 50 к.
 ТИНАЙРЪ, М. Пережитая любовь. М. 1916. Ц. 1 р. 50 к.
 — Тѣнь любви. М. 1916. Ц. 1 р. 50 к.
 ТОЛСТОЙ, А., гр. Въ Англии, на Кавказѣ, по Вольтни и Галиции. Т. VI. М. 1916. Ц. 2 р.
 — Невѣрный шагъ. Рассказъ. М. 1916. Ц. 1 р. 50 к.

Исторія, біографія и археологія.

- ВАЛЬДЕНБЕРГЪ, В. Древне-русскія ученія о предѣлахъ царской власти. Пгр. 1916. Ц. 3 р.
 ЗАПИСКИ князя И. М. Долгорукова. 1764—1800. Пгр. Ц. 10 р.
- ИМПЕРАТОРСКОЕ Русское Историческое Общество. 1866—1916 гг. Пгр. Ц. 10 р.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

- БЕГАКЪ, Г. За кулисами Великой Войны. М. 1916. Ц. 1 р. 20 к.
 БРЖОСНІОВСКИЙ, А. Психологія германцевъ за 50 лѣтъ. О. 1916. Ц. 65 к.
 ГЕССЕНЪ, В. Основы конституціоннаго права. Пгр. 1916. Ц. 4 р.
 ГОГЕНЦОЛЛЕРНЫ. О чемъ помалчиваютъ въ Берлинѣ. К. 1916. Ц. 1 р. 50 к.
 ИТОГИ краевого земскаго совѣщанія на Кавказѣ. 1916. Ц. 50 к.
 КАПЧЕВЪ, Г. Современная Болгарія и ея судьбы. Пгр. 1916. Ц. 90 к.
 КАУТСКИЙ, К. Объединеніе Средней Европы. М. 1916. Ц. 75 к.
- КОЛОСОВЪ, Е. Русскіе волонтеры во Франціи. 1916. Ц. 60 к.
 КОРНИЛОВИЧЪ, М. Крестьянскій вопросъ въ Галичинѣ. Пгр. 1916. Ц. 25 к.
 ОСТРОГОРСКИЙ, М. Конституціонная эволюція въ Англии. 1916. Ц. 90 к.
 РОЗАНОВЪ, В. Въ чадѣ войны. М. 1916. Ц. 40 к.
 ТЫРКОВА, А. Старая Турція и младотурки. Пгр. 1916. Ц. 2 р.
 ФАНЪ-ДЕРЪ-ФЛИТЪ, В. Всенѣмецкое движеніе какъ факторъ европейской войны, съ двумя картами. Пгр. 1916. Ц. 80 к.
 ЭЛИНЛОВЪ, Ф. Еврейство и ассимиляція. Пгр. 1916. Ц. 75 к.

Искусство.

- АЛЕКСЬЕВЪ, В. Ф. М. Плюшкинъ и его музей. Пгр. 1916. Ц. 50 к.
- ВРЕМЕННИКЪ Сѣвернаго кружка любителей изящныхъ искусствъ. 1916. Ц. 2 руб.

Естествознаніе и математика.

- КАЙГОРОДОВЪ, Д. Наши лѣтніе цвѣты. Серія III. 1916. Ц. 1 р. 25 к.
- ЛЕБЕДИНЦЕВЪ, К. Ученіе о простѣйшихъ функціяхъ. Пгр. 1916. Ц. 1 р. 25 к.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

- ЗАКРЖЕВСКИЙ, А. Польша, стат.-этнограф. очеркъ. К. 1916. Ц. 1 р. 50 к.
 КАРСКИЙ, Е. Бѣлорусы, т. III. М. 1916. Ц. 4 р.
- САВЕЛОВЪ, Л. Отъ Босфора къ пирамидамъ. 1916. Ц. 1 р. 40 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

- ГЕДЕРЪ. Большой двигатель внутренняго сгорания. 1916. Ц. 65 к.
 КИСТЯКОВСКИЙ, В. Электро-химія. Ч. II. Пгр. 1916. Ц. 1 р. 25 к.
- КУЗНЕЦОВЪ, Н. Курсъ автомобилизма. V изд. Пгр. 1916. Ц. 5 р. 50 к.
 ПЕРОВЪ, С. Растворители и коагуляторы казеина. В. 1916. Ц. 35 к.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

ГАМАЛЪЯ, Н. О средствахъ предохра- | ЖЕЛУДКОВЪ, Н. Туберкулезъ и его
ненія отъ сыпного тифа. Пгр. 1916. Ц. 50 к. | терапия. К. 1916. Ц. 1 р. 20 к.

Военное и морское дѣло.

ГУСЕВЪ, А. Спутникъ прапорщика. О. 1916. Ц. 4 р.

Воспитаніе и обученіе Учебныя руковод. тва.

<p>АРДАШЕВЪ, П. Хрестоматія по новой исторіи. К. 1916. Ц. 2 р. 50 к. БОРГМАНЪ, А. Учебная книга по русской исторіи. Ч. I, до Иоанна IV. Пгр. Цѣна Ц. 90 к. ВИКТОРОВЪ, И. Учебникъ латинскаго языка. Пгр. 1916. Ц. 75 к. ВОИНОВЪ, А. Сборникъ геометрич. задачъ на вычисленіе. Пгр. 1916. Ц. 85 к. ВОЛЖАНИНЪ, В. Исторія какъ предметъ начальнаго обученія. Пгр. 1916. Ц. 1 р. 75 к. ГЛАГОЛЕВЪ, М. Законъ Божій. Пгр. 1916. Ц. 45 к. ЗВЪРЬЕВЪ, Н. Элементарная геометрія. Пгр. 1916. Ц. 1 р. 20 к. — Элементарная геометрія. Ч. I. Пгр. 1916. Ц. 1 р. 20 к.</p>	<p>ИНДРИКСОНЪ, Ф. Сокращенный учебникъ физики. Пгр. 1917. Ц. 2 р. 70 к. ЛАУРСОНЪ, А. Родительск. комитеты и попеч. совѣты при ср.-учебн. завед. 1916. Ц. 40 к. — Законъ 3 іюля 1916 г. объ улучшеніи матеріальнаго положенія служ. въ женскихъ гимназіяхъ. Ц. 40 к. ЛЕВИТИНЪ, С. Трудовая школа—школа будущаго. Т. I. М. 1916. Ц. 1 р. 75 к. «ФОНОЛЕКСИКА». Англійско-русскій словарь. О. 1916. Ц. 1 р. 35 к. «ФОНОЛЕКСИКА». Практ. курсъ англійскаго языка. О. 1916. Ц. 2 р. 40 к. ШТЕПЕНКО, В. Экскурси въ область школьной русской грамматики. О. 1916. Ц. 35 к.</p>
--	---

Спортъ, охота, игры.

СКАУТИЗМЪ ВЪ РОССИИ. Труды перваго съѣзда по скаутизму. Пгр. 1916. Ц. 1 р.

Объявленія.

М. Г.

Настоящимъ имѣю честь довести до Вашего свѣдѣнія, что мною случайно, за отъѣздомъ на войну издателя, пріобрѣтено ограниченное количество экземпляровъ капитальнаго историческаго сочиненія:

Луи Бланъ —, ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ"

въ переводѣ проф. РЪДКИНА, переведившаго этотъ трудъ въ продолженіе 18 лѣтъ.

Все изданіе состоитъ изъ 12 большихъ томовъ, въ 25 печатныхъ листовъ каждый и стоило въ отдѣльной продажѣ 36 рублей.

Теперь же высылаемъ за 12 рублей съ пересылкой. Безъ задатка книги не высылаются.

Просятъ высылать треть стоимости впередъ.

Адресъ склада: Петроградъ, Поварской пер. 10, кв. 6.

Н. Я. ПАНТЕЛЪЕВЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1917 г.

на
новый національно-прогрессивный общественно-политический еже-
недѣльникъ съ ежемѣсячными литер.- научн. приложениями

РУССКАЯ БУДУЩНОСТЬ

ПОСТОЯННЫЕ ОТДѢЛЫ ЕЖЕДѢЛЬНИКА

- 1) Обзоры внутренней и вѣшной политики. 2) Статьи научно-общественныя.
- 3) Церковные вопросы. 4) Областной отдѣлъ. Письма изъ провинціи. 5) Сла-
вянскій отдѣлъ. Обзоръ сла янской печати. 6) Рабочій отдѣлъ. Письма
рабочихъ. 7) Земскій отдѣлъ. 8) Торгово-промышленный отдѣлъ. 9) Ино-
странная хроника. 10) Письма изъ-за границы. 11) Военно-морской отдѣлъ.
- 12) Запросы, письма въ редакцію и друг.

Въ ежемѣсячныхъ приложенияхъ будутъ помещаемы романы, повѣсти,
разказы, драматическія произведенія, стихотворенія и статьи по научнымъ
и общественнымъ вопросамъ.

Еженедѣльникъ выходитъ развѣромъ не менѣе 2 печатныхъ листа in 4 ;
ежемѣсячники отъ 6 до 8 листовъ in 8°.

Подписная цѣна еженедѣльника вмѣстѣ съ прилож. на 1917 г. съ перес.
и дост. на домъ 10 р., на 1/2 г. — 6 р., на 1/4 г. — 4 р., за гравиду — 13 р.

Для сельскихъ священниковъ и учителей, для учащихся въ высшихъ
учебныхъ заведеніяхъ, для рабочихъ при непосредственномъ обращеніи въ
главную контору допускается скидка: на годъ — 8 р., на 1/2 г. — 5 р., на 1/4 г. — 3 р.
Цѣна комплекта за 1915 годъ со дня выхода журнала 3 руб. 50 коп. вмѣстѣ
съ приложениями.

Продолжается подписка на 1916 годъ на прежнихъ условіяхъ.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна № еженедѣльника 30 коп., ежемѣсячнаго при-
ложенія 60 к.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи, а также въ книжномъ
магазинѣ Т-ва „Новаго Времени“ (А. С. Суворина), Невскій пр., 40, и въ от-
дѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“ въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ,
Саратовѣ и Ростовѣ на Дону, въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбачникова
(Гостинный Дворъ, Суковная линия 19), въ конторѣ „Вечерняго Времени“
(Невскій пр., 52), въ жел.-дор. кіоскахъ.

Розничная продажа въ книжныхъ магазинахъ, у газетчиковъ, въ
Пассажахъ и въ кіоскахъ желѣзныхъ дорогъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ и ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ:

Петроградъ, Преображенская ул., 13, кв. 8.

Телефонъ № 612-86.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петроградѣ, при книжномъ магазинѣ Т-ва „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Подробныя свѣдѣнія о подпискѣ на 1915 г. см. впереди текста.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя **Бориса Борисовича Глинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

За перемѣну адреса съ городского на иногородный подписчики уплачиваютъ 1 р., въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный и иногороднаго на городскій) 25 коп.

Издатели: наслѣдники А. С. Суворина

въ лицѣ Б. Б. Глинскаго.

Редакторъ Б. Б. Глинскій.

Тарифъ на объявленія: впереди текста за страницу 80 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 45 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 25 р.; позади текста за страницу 60 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 35 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 20 р.

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНИЕ.

ДЕКАБРЬ 1916 г.

СТРАН.

Историческая летопись	III—XXIV
Иллюстрація: Герой войны, Сербскій генералъ Михаилъ Живковичъ, бывший начальникъ обороны Бѣлграда.	
I. У чужихъ алтарей. Романъ. (Окончаніе). В. В. Тимоосевой-Починковой	555
II. За тридцать лѣтъ. (Листки изъ воспоминаній). В. Б. Бертенсона	579
III. Чумакъ, атаманъ разбойниковъ. Сообщилъ С. Шпицеръ	597
IV. Воспоминанія сестры милосердія. (Дорогимъ пермцамъ на память о 1877—1878 г.г. отъ ихъ сестры милосердія). XII—XIV. (Окончаніе). С. А. фонъ-Кенигъ (нынѣ Чиряковой)	617
V. Скобелевъ въ Туркестанѣ. (1869—1877 гг.). XVI—XXI. (Окончаніе). Е. Толбухова	638
VI. Воспоминаніе русскаго консула въ Буковинѣ. С. М. Горянова	668
VII. Основа общаго плана романа «Война и миръ». Н. Чечулина	681
VIII. Памяти П. В. Максимова. А. Фрейганга	692
IX. М. А. Балакиревъ. (Изъ воспоминаній). В. П. Глѣбова	700
X. Наши плѣнные во Франціи въ 1854—55 годахъ. Н. [А. Катанскаго]	710
XI. Военно-Сухумская дорога. VII—XII. (Окончаніе). А. Мочанскаго	728
Иллюстраціи: 1) Гора Чотча-Мингелъ.—2) Гора Чотча-Мингелъ.—3) Одинъ изъ зигзаговъ Гоначхирской тропы.—4) Последній зигзагъ перевальной тропы.—5) Клухорскій перевалъ.—6) По тропѣ надъ р. Кодоромъ (72 версты отъ Сухума).—7) На 24 верстѣ отъ Сухума.—8) Аллея банановъ въ Сухумскомъ ботаническомъ саду.	
XII. Критика и библиографія	761
1) Мемуары П. И. Семанова-Тянь-Шанскаго. Эпоха освобожденія крестьянъ въ Россіи (1857—1861 г.г.) въ воспоминаніяхъ бывшаго члена-эксперта и завѣдывающаго дѣлами редакціонныхъ комиссій. Т. III. Пгр. 1915. Т. IV. Пгр. 1916. Съ портретами. Б. Глинскаго.—2) Вопросы мировой войны. Сборникъ комитета по устройству этапнаго лазарета имени высшихъ учебныхъ заведеній Петрограда, подъ редакціей проф. М. И. Туганъ-Варановскаго. Петроградъ. 1915. А. П. Смуревскаго.—3) А. Измаиловъ. «Чеховъ». 1860—1904. Биографическій набросокъ. Александра Тиманова.—4) Александръ Лебедевъ. Рукописи церковно-археологическаго музея императорской кievской духовной академіи. Т. I. Саратовъ. 1916. в. п.—5) Труды иркутской ученой архивной комиссіи. Вып. 3-й. Иркутскъ. 1916. А. Налимова.—6) Русско-японская война 1904—1905 г.г. (См. слѣд. стран.)	

Книга третья. Морское сражение въ Желтомъ морѣ 28 июля (10 августа, 1904 г.—Захватъ японцами миноносца «Рѣшительный» въ Чифу. Работа исторической комиссиі по описанію дѣйствій флота въ войну 1904—1905 г.г. при морскомъ генеральномъ штабѣ. Петроградъ. 1916. Андрея Семеновна-Тянь-Шанскаго.—7) Систематическій указатель книгъ для дѣтей и юношества. Ч. 1. Сказки. (Сказки народныя, произведенія народной словесности, былины, легенды, преданія, сказанія, сказки разныхъ авторовъ). Указатель обработанъ на основаніи отзывовъ комиссиі: Е. В. Арцимовичъ, О. А. Бѣлявская, В. И. Добродѣева, М. В. Имшенецкая, О. І. Капица, В. А. Коротнева, А. В. Пѣехонова, А. М. Фатѣва подъ ред. О. І. Капица. Петроградъ. 1916. В. Волновича.—8) А. П. Коптневъ. А. Н. Скрябинъ. Съ приложеніемъ 60 нотныхъ примѣровъ, пяти факсимиле и портрета композитора. Пгр. 1916. м. а. с.—9) Божидаръ. Распѣвочное единство. Редакція, предисловіе, комментаріи Сергѣя Воброва. Москва. 1916. вл. кн.—10) И. Ф. Павловскій. Къ исторіи полтавской епархіи. Историческіе и бытовые очерки, замѣтки и переписка. По архивнымъ даннымъ. Полтава. 1916. т. М.—11) Николай Лавровъ. «Темныя облака». Петроградъ. Б. Гурьева.—12) Материалы по археологій Кавказа. Выпускъ XIII. Подъ редакціей графини П. С. Урусовой и Х. П. Кучукъ-Юаннесова. М. 1916. т. 4. А. Захарова.—13) Комедія Аристофана «Женскій праздникъ». Стихотворный переводъ съ примѣчаніями Н. Корянова. Подъ редакціей профессора Д. П. Шестакова. Казань. 1916. б. в.—14) Проф. А. Н. Филиповъ. Каталогъ членовъ и оберъ-прокуроровъ Св. Пр. Синода за XVIII в. (Изъ рукописнаго собранія Н. Н. Подашевскаго). Москва. 1916. Проф. М. Красномена.—15) Ан. К. Лядовъ. I. Жизнь, бюгр. очеркъ В. Г. Вальтера. II. Портреть, по личнымъ воспоминаніямъ С. М. Городецкаго. III. Творчество, крит. очеркъ І. В. Витольа. IV. Изъ писемъ. 1901—1909 г.г. Петроградъ. 1916. в. Баснина.—16) Вънокъ Врангелю отъ общества защиты и сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины. Петроградъ. 1916. д. м.

XIII. Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника»	785
XIV. Заграничныя историческія повести и мелочи	787
1) Кто выдалъ Англіи тильзитскую тайну?—2) Гастонъ Масперо.—	
3) Судьба французской академіи.—4) Начало Болгаріи.—5) Трехсотлѣтіе со дня смерти Ричарда Гаклюйта.—6) Папа Левъ XIII и теноръ.	
XV. Смѣсь	802
1) Въ историческомъ обществѣ Нестора-Лѣтописца.—2) Открытіе литературно-библиографическаго института.—3) Въ литературномъ фондѣ.—	
4) Юбилей Л. Г. Лопатинскаго.—5) Юбилей А. И. Порошина-Бѣлозерскаго.—6) 25-лѣтній юбилей профессора Н. Н. Глубоковскаго.—7) Англо-русское педагогическое общество.	
XVI. Некрологи	807
1) Деркачевъ, И. П.—2) Кайгородовъ, Н. Н.—3) Левашевъ, В. А., профессоръ.—4) Покровскій, П. А.—5) Шебалина, Ф. А.	
XVII. Замѣтки и поправки	810

Приложенія: 1) Портреть Милія Алексѣевича Балакирева.—2) Красная карда. Историческій романъ Станлея Веймана. Переводъ съ англійскаго А. Б. Михайлова. Часть вторая. (Окончаніе).—3) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» 1916 г.—4) Указатель рисунковъ, помѣщенныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1916 г.

При декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» городскимъ и иногороднымъ подписчикамъ разсылается: 1) Каталогъ изданій издательства П. П. Соѣкина.—2) Объявленіе о подпискѣ на журналъ «Нива» въ 1917 году.

СОДЕРЖАНІЕ СТО СОРОКЪ ШЕСТОГО ТОМА.

ОКТАБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ 1916 года.

СТРАН.

Историческая лѣтопись . . . . . V—XXXII, III—XXXII, III—XXVI

Иллюстраціи: 1) Штабъ Верховнаго Главнокомандующаго.—2) Командиръ одного изъ армейскихъ корпусовъ ген.-отъ-инфант. Н. А. Кашталевскій, награжденный орденомъ св. Георгія 3-ей степени.—3) Фердинандъ I, король Румыніи.—4) Ген.-отъ-инфант. А. М. Заіончковскій, командующій русскими войсками въ Румыніи.—5) Румынскій престолонаслѣдникъ принцъ Кароль.—6) Генераль Авереску, командующій румынскими войсками.—7) Румынскій премьеръ-министръ г. Братіано.—8) Герой войны ген.-лейт. Владимиръ Петровичъ Мамонтовъ.—9) Вице-адмираль Александръ Васильевичъ Колчакъ, командующій Черноморскимъ флотомъ.—10) Герой войны сербскій генераль Михайль Живковичъ, бывшій начальнвѣ обороны Бѣлграда.

У чужихъ алтарей. Романъ. (Окончаніе). **В. В. Тимофеевой-Починковской** 1, 273, 555

Воспоминанія о жизни и дѣятельности протоіерея І. В. Васильева. (Окончаніе). **Л. І. Автонсмовой**. 27, 299

Иллюстраціи: 1) Православный храмъ въ Парижѣ.—2) Внутренній видъ парижскаго православнаго храма.

Старый протодіаконъ и Вильгельмовъ подарокъ. **Н. Нормова (Н. Новорускаго)**. 49

Воспоминанія сестры милосердія. (Дорогнмъ пермцамъ на память 1877—1878 г.г. отъ ихъ сестры милосердія). **С. А. фонъ-Кенигъ (нынѣ Чириковой)**. 70, 339, 617

Иллюстрація: Софія Александровна фонъ-Кенигъ (нынѣ Чирикова).

Скобелевъ въ Туркестанѣ. (1869—1877 г.г.). **Е. Толбухева**. 107, 369, 638

Моя борьба съ имяборцами на Святой горѣ. (Окончаніе). **Иеросхимонаха Антонія (Булатовича)**. 133

«истор. вѣстн.», декабрь 1916 г., т. сXLVI.

	СТРАН.
Александръ Васильевичъ Кругловъ. Анны Догановичъ	170
Нѣсколько словъ объ отцѣ Иоаннѣ Крошштатскомъ. (Къ дню его ро- ждения 19 октября). Евгеніи Козеко	195
У колеса счастья. Памяти Маріи Гавриловны Савиной. В. Николенко- Гильченко	201
Забытый уголскъ Иоанна Грознаго. И. Стеллецнаго	212
<p>Иллюстраціи: 1) Общій видъ твердыни Иоанна Грознаго въ Александровой слободѣ, нынѣ Успенскій женскій монастырь.—2) Дворецъ Иоанна Грознаго съ молельными кельями и подземными тюрьмами, нынѣ Успенскій соборъ.—3) Покровская церковь, построенная вел. кр. Василиемъ Ивановичемъ въ 1513 году.—4) Троицкій соборъ, построенный Иоанномъ Грознымъ.—5) Подземная тюрьма Иоанна Грознаго подъ Успенскимъ соборомъ въ Александровой слободѣ.—6) Царевна Марья Алексѣевна.</p>	
Уграшный домъ. Разсказъ изъ сѣверной старины. А. А. Дунина	318
Изъ семейной хроники. А. Бибиновой	404
<p>Иллюстрація: Михайлъ Никитичъ Муравьевъ.</p>	
Памяти Ю. Ѳ. Самарина. К. Я. Грота	427
Академикъ Никодимъ Павловичъ Кондаковъ. (Къ пятидесятилѣтію его ученой дѣятельности). А. Бѣлова	454
<p>Иллюстрація: Никодимъ Павловичъ Кондаковъ.</p>	
Памяти В. И. Семевского. (Изъ воспоминаній). Б. Б. Глинскаго	463
<p>Иллюстрація: Василій Ивановичъ Семевскій.</p>	
Военно-Сухумская дорога. А. Мощанскаго	474. 728
<p>Иллюстраціи: 1) Кубань у ст. Красногорской.—2) Селеніе Георгіевское-Осетинское.—3) Шоантинская скала, Хумаринское укрѣпленіе и Георгіевскій поселокъ.—4) Хумаринская церковь до реставраціи.—5) Сентинскій женскій монастырь.—6) Сентинская церковь.—7) Гора Чотча-Мингель.—8) Гора Чотча-Мингель.—9) Одинъ изъ зигзаговъ Гончарирской тропы.—10) Клухорскій переваль.—11) По тропѣ надъ р. Кодоромъ (72 версты отъ Сухума.—12) На 24 верстѣ отъ Сухума.—13) Аллея банановъ въ Сухумскомъ ботаническомъ саду.</p>	
За тридцать лѣтъ. (Листки изъ воспоминаній). В. Б. Бертенсона	579
Чумакъ, атаманъ разбойниковъ. Сообщилъ С. Шпицеръ	597
Воспоминанія русскаго консула въ Букарестѣ. С. М. Горяинскаго	668
Основа общаго плана романа «Война и миръ». Н. Чечулина	681

Памяти П. В. Максимова. А. Фрейганга.	692
М. А. Балакиревъ. (Изъ воспоминаній). В. П. Глѣбова.	700
Наши плѣнные во Франціи въ 1854—55 годахъ. Н. А. Катанскаго.	710
Критика и библиографія	220, 499, 761

1) Русская литература XX вѣка (1890—1910). Подъ редакціей С. А. Венгерова. Часть I. Томъ I—II. Выпуски 1—5. Москва. 1916. Съ иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ. Евг. Павлова.—2) С. В. Безсоновъ. Надзоръ за книгой. Опытъ систематизаціи матеріаловъ о цензурѣ въ допетровскую эпоху. Очеркъ по исторіи русскаго права. М. Д. Богданова.—3) Записки И. И. Горбачевского. Съ примѣчаніями и со вступительной статьей Б. Е. Сырофичковского. «Задруга». М. 1916. Е. Шумигорскаго.—4) Письма А. П. Чехова. Подъ редакціей М. П. Чеховой. Томъ VI. (1900—1904 г.г.). Съ иллюстраціями. Москва. 1916. Д. М.—на.—5) А. В. Тищенко. Его работы. Статьи о немъ. Петроградъ. 1916. М.—6) Матеріалы къ исторіи и изученію религиозныхъ общественныхъ движеній въ Россіи. Подъ редакціей Владимира Бончъ-Бруевича. Отдѣлъ: Сектанство. Выпускъ седьмой. Чемереки. Отвѣтственіе Стараго Царяля. Съ 10 портретами и фотографическими группами, 4 иносказательными изображеніями и другими снимками. Вступительная статья, замѣтки и примѣчанія Владимира Бончъ-Бруевича. Пгр. 1916. Т. м.—7) П. Митрофановъ. Леопольдъ II австрійскій. Внѣшняя политика. Т. I. Часть I. Пгр. 1916. А. Б.—А. Васильевъ. Курсъ исторіи среднихъ вѣковъ. М. 1915. В. Бутенко. Курсъ новой исторіи. М. 1915. П. Б.—8) Исполнить Тэнъ. Путешествіе по Италіи. Переводъ П. П. Перцова. Томъ II. Флоренція и Венеція. М. 1916. М.—9) Памятники міровой литературы. Персидскіе лирики X—XV вѣковъ. Съ персидскаго перевелъ академикъ Ѳ. Коршъ. Послѣ его смерти проредактировалъ и вступительною статьею снабдилъ профессоръ А. Крымскій. 1916. А. Налимова.—10) Проф. М. В. Ключковъ. Очерки правительственной дѣятельности времени Павла I. Петроградъ. 1916. Е. Шумигорскаго.—11) Вязьмы. Изданіе «Русскія усадьбы». Выпускъ первый. Градъ Святого Петра. 1916. Б. Модзалевскаго.—12) Архангельскій, А. С., проф. Введеніе въ исторію русской литературы. Томъ первый. Исторія литературы, какъ наука. Очеркъ научныхъ изученій въ области исторіи русской литературы. Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Петроградъ. 1916. А. Вознесенскаго.—13) И. И. Замотинъ, профессоръ императорскаго варшавскаго университета. Сороковые и шестидесятые годы. Очерки по исторіи русской литературы XIX столѣтія. Второе, просмотрѣнное и дополненное изданіе. Пгр. М. 1916. М.—о.—14) Пушкинъ. Историко-литературный сборникъ подъ редакціей профессора С. А. Венгерова. II. Петроградъ. 1916. В. Кн.—15) Священная книга Тота. Великіе Арканы Таро. Абсолютныя начала синтетической философіи эзотеризма. Опытъ комментарія Влад. Шмакова, инженера путей сообщенія. Москва. МСМХVI. С. л.—на.—16) Я. Штахъ. Очерки изъ исторіи и современной жизни южно-русскихъ колонистовъ. М. 1916. П. л.—ова.—17) Ученыя записки императорскаго московскаго университета. Отдѣлъ юридическій. В. 45. М. 1916. А. Налимова.—18) Старая Турція и младотурки. Годъ въ Константинополѣ. Аріадны Тырковой. Петроградъ. 1916.—Б. Гурьева.—19) Д. И. Семичъ. Сербская Голгова. Москва. 1916. Андрея Сиротина.—20) Мемуары П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго. Эпоха освобожденія крестьянъ въ Россіи (1857—1861 г.г.) въ воспоминаніяхъ бывшаго члена-эксперта и завѣдывающаго дѣлами редакціонныхъ комиссій. Пгр. Т. III. 1915. Т. IV. 1916. Съ портретами. Б. Глинскаго.—21) Вопросы міровой войны. Сборникъ комитета по устройству этапнаго лазарета имени высшихъ учебныхъ заведеній Петрограда, подъ редакціей проф. М. И. Туганъ-Барановскаго. Петроградъ. 1915. А. П. Снугаревскаго.—22) А. Назайловъ. «Чеховъ». 1860—1904. Биографическій набросокъ. Александра Тинякова.—23) Александръ Лебедевъ. Рукописи церковно-

археологическаго музея императорской кievской духовной академіи. Т. I. Саратовъ. 1916. в. п.—24) Труды иркутской ученой архивной комиссіи. Вып. 3-й. Иркутскъ. 1916. А. Малимова.—25) Русско-японская война. 1904—1905 г.г. Книга третья. Морское сраженіе въ Желтомъ морѣ 28 июля (10 августа) 1904 г.—Захватъ японцами миноносца «Рѣшительный» въ Чифу. Работа исторической комиссіи по описанію дѣйствій флота въ войну 1904—1905 г.г. при морскомъ генеральномъ штабѣ. Петроградъ. 1915. Андрея Семенова-Тянь-Шанскаго.—26) Систематическій указатель книгъ для дѣтей и юношества. Ч. I. Сказки. (Сказки народныя, произведенія народной словесности, былины, легенды, преданія, сказанія, сказки разныхъ авторовъ). Указатель обработали на основаніи отзывовъ комиссіи: Е. В. Арцимовичъ, О. А. Бѣлявская, В. И. Добродѣева, М. В. Имшенецкая, О. I. Капица, В. А. Коротнева, А. В. Пѣшихонова, А. М. Фатѣва подъ ред. О. I. Капица. Петроградъ. 1915. в. Волковича.—27) А. П. Коптяевъ. А. Н. Скрябинъ. Съ приложеніемъ 60 нотныхъ примѣровъ, пяти факсимиле и портрета композитора. Пгр. 1916. м. А. С.—28) Вождаръ. Распѣвочное единство. Редакція, предисловіе, комментарии Сергѣя Боброва. Москва. 1916. вл. Ив.—29) И. Ф. Павловскій. Къ исторіи полтавской епархіи. Историческіе и бытовые очерки, замѣтки и переписки. По архивнымъ даннымъ. Полтава. 1916. т. м.—30) Николай Ларовъ. «Темная облака». Петроградъ. Б. Гурьевъ.—31) Материалы по археологическому Кавказу. Выпускъ XIII. Подъ редакціей графини П. С. Урусово и Х. П. Кучукъ-Юанисова. М. 1916. Т. 4. А. Захарова.—32) Комедія Аристофана «Женскій праздникъ». Стихотворный переводъ съ примѣчаніями Н. Корнилова. Подъ редакціей профессора Д. П. Шестакова. Казань. 1916. б. в.—33) Проф. А. Н. Филипповъ. Каталогъ членовъ и оберъ-прокуроровъ Св. Пр. Синода за XVIII в. (Изъ рукописнаго собранія Н. Н. Подашевскаго). Москва. 1916. Проф. М. Красножена.—34) Ан. К. Лядовъ. I. Жизнь, біогр. очеркъ В. Г. Вальтера. II. Портретъ, по личнымъ воспоминаніямъ С. М. Городецкаго. III. Творчество, крѣт. очеркъ I. В. Витоли. IV. Изъ писемъ. 1901—1909 г.г. Петроградъ. 1916. в. Басмина.—35) Въянокъ Врангелю отъ общества защиты и сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины. Петроградъ. 1916. д. м.

Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника»	237, 516, 785
Новости исторіи. Е. С. Шумигорскаго.	240, 519
Заграничныя историческія новости и мелочи.	248, 534, 787
1) Старинный нѣмецкій учебникъ шпіонства.—2) Политическая жизнь Китайской республики.—3) Нѣмцы о воинѣ на истощеніе.—4) Чеховъ въ оцѣнѣ американскаго критика.—5) Къ характеристикѣ Вилгельма.—6) Къ исторіи единенія православной и англиканской церквей.—7) Съ того берега.—8) Изъ воспоминаній о Гюго.—9) Причуды писателей.—10) Три недѣли подъ русскимъ владычествомъ.—11) Кто выдалъ Англии тильзитскую тайну?—12) Гастонъ Масперо.—13) Судьба французской академіи.—14) Начало Болгаріи.—15) Трехсотлѣтіе со дня смерти Ричарда Гакаюита.—16) Папа Левъ XIII и теноръ.	
Смѣсь	264, 547, 802
1) Пятидесятилѣтіе московской консерваторіи.—2) 40-лѣтіе литературной дѣятельности В. Я. Лучинскаго.—3) Юбилей П. Г. Вывалькевича.—4) Выставка войны и трофеевъ.—5) Присужденіе наградъ графа Уварова.—6) Новые академики.—7) 40-лѣтіе литературной дѣятельности К. А. Максимова.—8) Двѣ архивныя загадки изъ эпохи кодификаціи русскаго права при императорѣ Николаѣ I.—9) Аракчеевская премія.—10) Премія имени	

М. Н. Герсевича.—11) Въ историческомъ обществѣ Нестора-Лѣтописца.—12) Открытіе литературно-библиографическаго института.—13) Въ литературномъ фондѣ.—14) Юбилей Л. Г. Лопатинскаго.—15) Юбилей А. И. Порошина-Бѣлозерскаго.—16) 25-лѣтній юбилей профессора Н. Н. Глубоковскаго.—17) Англо-русское педагогическое общество.

Некрологи 268, 552, 807

1) Баклундъ, О. А., академикъ.—2) Валицкій, С. В.—3) Борисовъ, П. Я.—4) Жуковский, В. В.—5) Ольхинъ, С. А.—6) Рыбаковъ, К. Н.—7) Спасскій, А. А., профессоръ.—8) Фругъ, С. Г.—9) Волкова, М. М.—10) Ивановъ, Д. И.—11) Лебедевъ, К. В.—12) Русскихъ, Н. А.—13) Шавловскій, И. Э., профессоръ.—14) Деркачевъ, И. П.—15) Кайгородовъ, Н. Н.—16) Левашевъ, В. А., профессоръ.—17) Покровскій, П. А.—18) Шебакина, Е. А.

Замѣтки и поправки 272, 810

ПРИЛОЖЕНІЯ: Портреты:—1) Александра Васильевича Круглова.—2) Протоіерея парижской посольской церкви о. Іосифа Васильевича Васильева.—3) Милія Алексѣевича Балакирева.—4) Красная кокарда. Историческій романъ Станлея Веймана. Переводъ съ англійскаго А. В. Михайлова. Часть вторая. (Окончаніе).—5) Указатель личныхъ именъ, упомянутыхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» 1916 года, и указатель рисунковъ, помѣщенныхъ въ этихъ томахъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время“

поступила въ продажу новая книга:

В. СЕНАТОВЪ.

Вавилонъ, Израиль и Германія

(Историко-философское объясненіе современной войны).

Цѣна 75 коп.

БИБЛИОТЕКА „ВЕЧЕРНЯГО ВРЕМЕНИ“

ИЗДАНИЯ Б. А. СУВОРИНА.

Юр. Бѣляевъ.
БАРЫШНИ ШНЕЙДЕРЪ

(впечатлѣнія).
4 изданіе. Цѣна 1 руб.

Юр. Бѣляевъ.
ОТКРЫТКИ СЪ ВОЙНЫ.

I серія. Цѣна 50 коп.

Юр. Бѣляевъ.
П С И Ш А.

Пьеса.
Обложка худ. П. Д. Шмарова.
Цѣна 1 руб. 50 коп.

Юр. Бѣляевъ.
ГОРОДОКЪ ВЪ ТАБАКЕРКЪ.

Цѣна 1 руб.

Бор. Горовоній.
ЗАБЫТЫЯ РУССКІЯ ЗЕМЛИ.

Съ 55 рисунками и картой.
Цѣна 2 руб.

ЦЕНЗУРА И ШПИОНСТВО
ПО ЗАКОНАМЪ ВОЕННАГО ВРЕМЕНИ.
Сост. Н. А. Громовъ. Цѣна 50 коп.

КАРИКАТУРЫ ПЭМА.

Цѣна 1 р. 50 к.

ВОЙНА И ПЭМЪ

(карикатуры).

LA GUERRE ET PÈME.

I выпускъ. 2-е изданіе
Цѣна 1 руб. 50 коп.

СОЛДАТСКІЯ СКАЗКИ.

Подъ редак. Н. Г. Козырева. Цѣна 75 к.

ЛАВРЕЦКІЙ (Бор. Суворинъ).

ДО ВОЙНЫ.

ПО ГЕРМАНИИ НА АВТОМОБИЛѢ.

„Въ дорогѣ“ и очерки „День за днемъ“.

Изданіе второе

Цѣна 1 р. 25 к.

АЛ. КСЮНИНЪ.

НАРОДЪ НА ВОЙНѢ.

(Изъ записокъ военнаго корреспондента).

Люблинъ—Галиція.— По слѣдамъ отступавшихъ австрійцевъ.—Сандомиръ.— На Варшаву.—Ракитно.—Ловичъ.—Океревицы.—Бои вокругъ Лодзи.—Вюль окоповъ.—Послѣ ночныхъ атакъ.—Передъ Бурой.—Противъ ста нѣмецкихъ батарей.—Праснышъ. У проволочныхъ загражденій.—Подъ Варшавой.—Сохачевъ—Ловичъ.—Мертвый городъ.—Въ Августовскихъ лѣсахъ.—Въ Карпатахъ.—На Дунайцѣ.—Львовъ—Перемышль.—Перемышль губернской.—Старые города—Горлице—Ясло.—На Черемошскомъ перевалѣ.—Тяжелые дни.—Стихія-бѣженцы.—Подъ Ригой.—Прягнувшіе Россіи.—Не отъ мира сего.

Обложка художника Н. Самокиша.

ИЗДАНИЕ Б. А. СУВОРИНА
„БИБЛИОТЕКА ВЕЧЕРНЯГО ВРЕМЕНИ“.

Цѣна 2 рубля.

Поступила во все лучшіе книжные магазины и кіоски
жел. дор. СЛАДЪ: Контора изданій Б. А. Суворина,
Невскій, 52. («Вечернее Время»).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1917 ГОДЪ

НА ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

«НАША СТАРИНА»

(ГОДЪ ИЗДАНИЯ ЧЕТВЕРТЫЙ).

Освѣщая вопросы русской старины, журналъ отличается на явленіи и ближайшаго нашего прошлаго, поскольку изслѣдованіе его отвѣчаетъ заданіямъ историческаго журнала. Чуждый сухого педантизма, журналъ «Наша Старина» является органомъ живой исторической мысли. Литература, искусство, бытъ, наука, политика (во взаимоотношеніи съ общеевропейской исторіей) находятъ освѣщеніе на страницахъ журнала. Безпристрастіе и правда — основныя идейныя его заданія; занимательность и доступность содержанія на основѣ, однако, вполне серьезнаго трактованія затрагиваемыхъ темъ — общія заданія журнала.

Главные отдѣлы «Нашей Старины»: историческая беллетристика (романы, повѣсти, бытовые очерки и рассказы); исторія литературы; театр, искусство; мемуары, записки, воспоминанія; неизданныя письма; вопросы науки въ общедоступной формѣ; современная война въ ея взаимоотношеніи съ исторіей; этнографическіе и географическіе очерки; біографіи; обзоры журналовъ русскихъ и иностранныхъ, критика, отзывы о книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, бібліографія и проч.

Въ 1917 г. программа и кругъ сотрудниковъ журнала расширяются; въ число сотрудниковъ приглашены лучшія силы литературы, искусства и науки. Объемъ журнала въ 1917 г. также будетъ увеличенъ.

«Наша Старина» выходитъ въ изящной цвѣтной обложкѣ, иллюстрируется портретами, рисунками и проч., помѣщаемыми въ текстѣ и на отдѣльныхъ страницахъ, художественными заставками, концовками и т. д. Печатается «Наша Старина» четкимъ, стариннымъ (елизаветинскимъ) шрифтомъ. Журналъ обезпеченъ запасомъ бумаги; выходъ номеровъ — исправный.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 11 р. съ пересылкой, на полгода 5 р. 50 к. Лицамъ маломужнымъ предоставляется подписываться по четвертямъ года (за четверть года 2 р. 75 к.), но безъ дѣйствительной нужды Редакція проситъ къ подпискѣ по четвертямъ года не прибѣгать, т. к. подобная разсрочная подписка крайне обременяетъ Контору, ограниченную, въ виду обстоятельствъ военнаго времени, въ рабочихъ рукахъ, и автудниеть бюджетъ журнала, что въ столь тяжелое издательское время весьма нежелательно.

Лица иногородныя, желающія получить № 1 журнала безъ запозданія, благоволятъ высылать деньги возможно скорѣе по адресу: Петроградъ, Каменноостровский пр., 26, «Наша Старина». Проспектъ и бланкъ для перевода денегъ по почтѣ высылаются по первому требованію. По этому же адресу слѣдуетъ направлять всякую корреспонденцію. Въ Петроградѣ мѣстная подписка принимается въ Конторѣ журнала: — ул. Жуковскаго, 24, въ кн. маг. «Новаго Времени», Вольфа, Мелье; въ Москвѣ — у Вольфа и въ конторахъ Гиларовскаго, Столешниковъ, 5, и Шаберта, Моросейва, 9; во Владивостокѣ — въ кн. маг. Чурина; Иркутскѣ — Макушина и Цооохина; Кіевѣ — Издиковскаго; Одессѣ — «Трудъ» и «Одесскія Новости»; Пермь — Петровской (Аммосова); Ростовъ на Д. — «Новаго Времени» и Сегаль; Севастополь — Ковшанлы; Талбовѣ — Зотовъ; Ташкентѣ — «Знаніе»; Тобольскѣ — Суханова; Харьковѣ — «Новаго Времени».

Редакторъ-издатель *Н. Н. Сергѣевскій.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1916—17 Г. (второй годъ изданія)

НА ЖУРНАЛЬ МУЗЫКАЛЬНАГО ИСКУССТВА

МУЗЫКАЛЬНЫЙ СОВРЕМЕННОКЪ,

издающійся въ Петроградѣ подъ редакціей А. Н. Римскаго-Корсакова, при ближайшемъ участіи Ю. Л. Вейсберга, Игоря Глѣбова, В. Г. Каратыгина, проф. И. И. Лапина, А. В. Оссовскаго, П. П. Сувицкаго, Ю. Д. Энгеля и мн. др.

„Музыкальный Современникъ“ не органъ партійный въ какомъ бы то ни было смыслѣ этого слова, а органъ музыкальной культуры въ Россіи.

„МУЗЫКАЛЬНЫЙ СОВРЕМЕННОКЪ“ выходитъ въ видѣ: а) **книжекъ** „МУЗЫКАЛЬНАГО СОВРЕМЕННОКА“ (размѣръ отъ 5 до 6 листовъ), выпускаемыхъ 8 разъ въ году (съ сентября по апрѣль) и иллюстрируемыхъ новыми примѣрами и художественными репродукціями (эскизы декоративн., костюмовъ, портреты музыкальных дѣятелей, художественныя карикатуры и т. д.) и б) **хроники** «Музыкальнаго Искусства», выходящей отъ 2-хъ до 4-хъ разъ въ мѣсяцъ и состоящей изъ справочнаго отдѣла и рецензій, мелкихъ статей, замѣтокъ и пр.

Въ предстоящемъ 1916—17 г. предполагаются, между прочимъ, къ напечатанію слѣдующія статьи.

Арс. Авраамовъ, Грядущая музыкальная наука и новая эра въ исторіи музыки. — И. С. Айсбергъ, Проблема музыкальнаго воспитанія въ современной музыкальной школѣ. — Е. М. Браудо, Наука о музыкѣ и университеты: Б. Ф. Бахъ, его жизнь и творчество; Итальянскіе музыканты въ Россіи; Начатки музыкально-теоретической литературы въ Россіи; — С. Бугословскій, Матеріалы и замѣтки по исторіи русской музыки XVII—XVIII вв. — Проф. С. К. Буличъ, Исторія фортепیانной литературы въ Россіи; Прудъдушка русскаго романа. — В. М. Бѣляевъ, О романахъ Римскаго-Корсакова. — Кн. С. М. Волонскій, Опера въ размышленіи. — Я. Я. Гандшинъ, Изъ исторіи органа въ Россіи. — М. Глинскій, Очерки изъ исторіи дирижерскаго искусства. — Игорь Глѣбовъ, О романтизмѣ Мусоргскаго. Значеніе творчества А. Д. Кастальскаго. Предчувствія и прозрѣнія. — Дрябинцевъ, Современное положеніе церковной музыки у старообрядцевъ. — Н. Н. Загорный, Педагогическія статьи. — В. Г. Каратыгинъ, О «Сорочанской ярмаркѣ» Мусоргскаго. О «Хованщинѣ» Мусоргскаго. — М. С. Керзина, Мои воспоминанія о «Керзинскомъ кружкѣ». — Илья Нуругули, Изъ записокъ бродячаго музыканта. — Проф. И. И. Лапинъ, Мусоргскій и Достоевскій. О комическомъ въ музыкѣ. — С. М. Майнапаръ, Сіамская музыкальная система. — Н. Металловъ, Изъ церковно-пѣвческой старины. Что такое церковное пѣніе? — А. В. Оссовскій, Эволюція звукосозерцанія. Забытый гений (К. Мортерди); Английскіе виргиналисты. — В. В. Паскаловъ, Шопенъ и польская народная музыка. — А. Б. Преображенскій, Историческія основы стиля русскаго церковнаго пѣнія. Древнерусская музыкальная терминологія. — Н. Н. Рейтманъ, Педагогическія статьи. — А. Н. Римскій-Корсаковъ, Очерки по исторіи музыкально-критической мысли въ Россіи. I. А. Н. Сѣровъ. II. В. В. Стасовъ. III. Г. Ларошъ. О принципахъ художественныхъ оперныхъ постановокъ; Слово и звукъ у Мусоргскаго. — С. Б. Розовскій, О прошломъ и настоящемъ еврейской музыки; О гармоническомъ дуализмѣ (къ характеристикѣ Риманъ-Эттингеновской гармонической системы). Л. Л. Сабанѣевъ, О воспріятіи музыки. Ультрахроматическая ориентировка. О психологій гармоній. — Л. О. Саминскій, Основы искусства дирижированія. — Тибо, Введеніе музыкальной нотатіи у славянъ. — Н. Шведовъ, О всеобщей Рахманинова. — Б. Шлецеръ, Къ вопросу о сущности музыки. Орфизмъ. — Ю. Д. Энгель, Римскій-Корсаковъ и Вагнеръ. О музыкальной критикѣ. — В. В. Ястребовъ, Анализъ музыкальной картины «Садко».

Тремъ книгамъ предстоящаго года редакция предполагаетъ придать характеръ **спеціальныхъ выпусковъ**, связанныхъ—въ каждомъ случаѣ—внутреннимъ единствомъ основной темы.

Эти выпуски будутъ посвящены: 1) **Жизни и творчеству М. П. Мусоргскаго**; 2) **Русской церковной музыкѣ** и 3) **Оперѣ и русскому оперному творчеству**.

Съ первой книжки будетъ продолжена печатаніемъ переписка **М. А. Балакирева** и **Н. А. Римскаго-Корсакова**, съ примѣчаніями проф. О. М. Ляпунова.

Подписная цѣна на годъ **15 р.** (за границу **25 р.**). При подпискѣ въ конторѣ журнала долъ укажется **разсрочка**: при подпискѣ—**6 р.**, 1-го декабря—**5 р.** и 1-го февраля—**4 р.** Цѣна комплекта журнала за 1915—1916 г. (безъ 1 и 2 книгъ)—**15 р.** Цѣна отдѣльнаго № журнала—**2 р.**, „Хроники“—**25 к.** Переимѣна адреса—**50 к.** Подписной годъ считается съ сентября.

Лица, подписавшіеся на журналъ послѣ 20-го сентября, будутъ получать «Хронику» лишь съ очереднаго выпуска.

Подробный проспектъ съ программой журнала, спискомъ сотрудниковъ и намѣченныхъ статей высылается по первому требованію **бесплатно.**

Адресъ Редакціи и Главной Конторы:

Петроградъ, Свѣчной пер., 2, кв. 12. Телефонъ 6-43-07.

О ПОДПИСКѢ

на

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

въ 1917 году.

(ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ).

«ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ» будетъ издаваться въ 1917 г. на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія тридцать семь лѣтъ (1880—1916 г.).

Въ виду значительнаго повышенія цѣны на бумагу и удорожанія типографскихъ работъ, подписная цѣна на «ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ» въ 1917 г. повышается еще на 3 р. Такимъ образомъ подписная цѣна за 12 книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) **четырнадцать рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.**

Главная контора «ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА» въ Петроградѣ при книжномъ магазинѣ «Новаго Времени», Невскій пр., д. № 40. Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ магазина «Новаго Времени».

**Отъ Общества Издателей періодической печати
въ Петроградѣ
къ читателямъ журналовъ.**

Вызванное войною общее вздорожаніе жизни и всѣхъ предметовъ производства не могло не коснуться и періодическихъ изданій.

Уже въ началѣ второго года войны, когда цѣны на рабочія руки и всѣ необходимые матеріалы производства, въ особенности на бумагу, достигли небывалыхъ размѣровъ, продолженіе изданія журналовъ при существовавшихъ подписныхъ цѣнахъ стало невозможнымъ, и большинство издательствъ принуждено было повысить подписную плату.

Наступилъ третій годъ войны. Цѣны на всѣ отрасли производства, особенно на бумагу, еще болѣе возросли. Повышенная подписная цѣна на 1916 г. опять оказалась далеко не соответствующей расходамъ по изданіямъ.

Ввиду того, что періодическая печать въ Россіи вообще и безъ того немногочисленна, что каждый изъ ея органовъ въ той или иной степени служитъ задачамъ общественнаго культурнаго развитія, издатели пришли къ убѣженію, что въ интересахъ самихъ читателей важно, чтобы существующія изданія продолжали свое дѣло. Это однако, возможно при новомъ повышеніи подписной цѣны на 1917 г.

НОВАЯ КНИГА

И. Б. Смольяниновъ

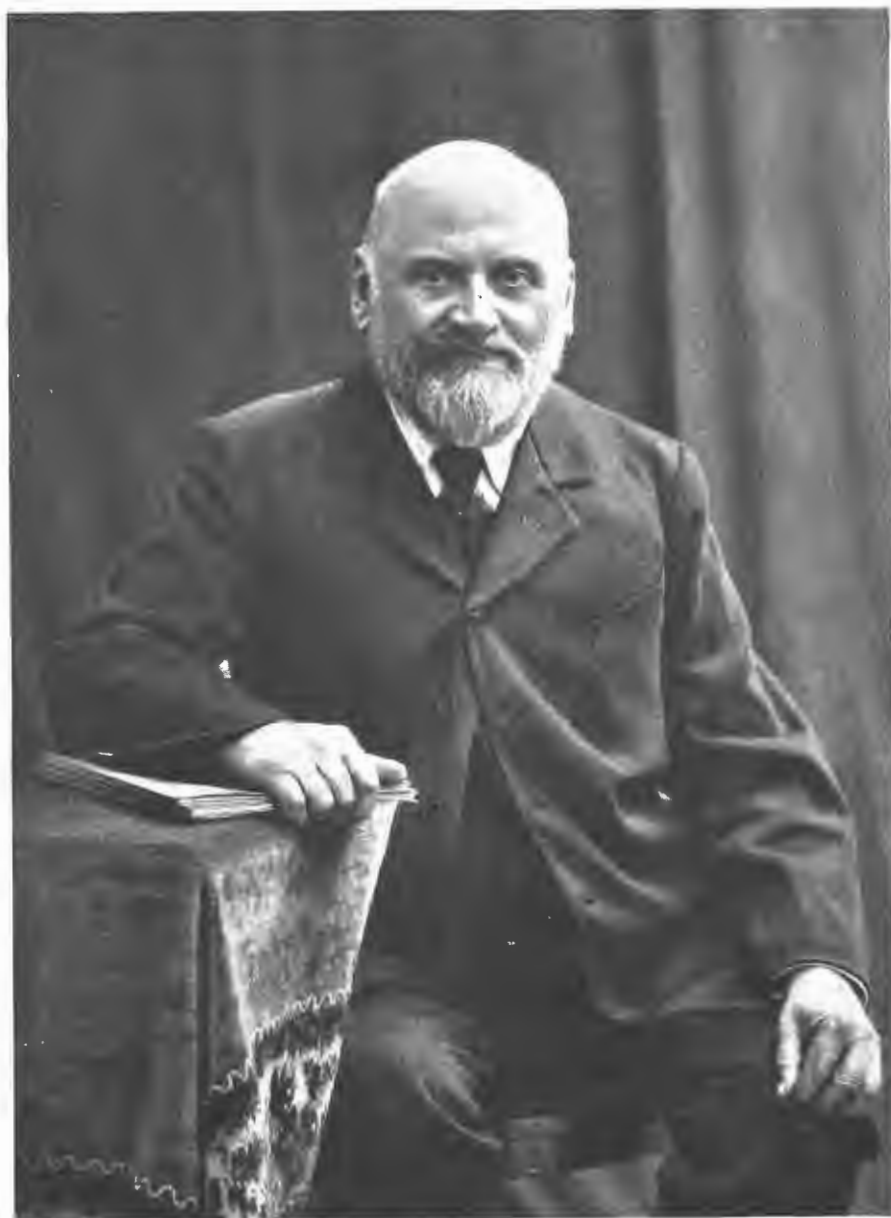
ЗАЩИТНЫЙ ЦВѢТЪ

(ВОЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ)

Цѣна 2 рубля. Изданіе М. А. Суворина.

Продается въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени»
и на станціяхъ жел. дор.

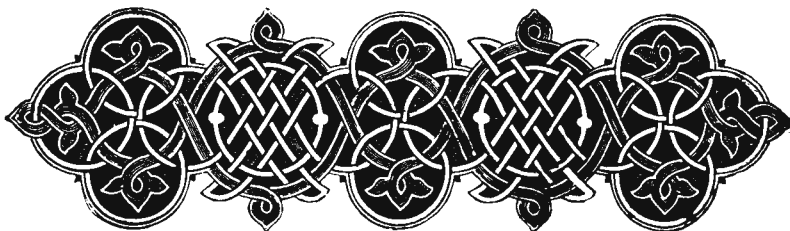

МИЛІЙ АЛЕКСЪЕВИЧЪ БАЛАКИРЕВЪ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ВАДЦАТЬ ПЯТАГО августа штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ: въ районѣ къ югу отъ Риги нашимъ огнемъ сбитъ непріятельскій самолетъ, упавшій въ расположеніе противника. Къ сѣверу отъ Двинска наши передовыя части, переправившись черезъ р. Западную Двину, выбили противника изъ его окоповъ и захватили небольшой участокъ его позиціи. Наши аэропланы успѣшно бомбардировали станцію Барановичи. На бржезанскомъ и галичскомъ направленіяхъ продолжаются успѣшные для насъ бои. Сбивая противника съ послѣдовательнаго ряда его укрѣпленныхъ позицій, молодецкія войска генерала Щербачева, преслѣдуя врага, продвинулись къ западу, подойдя къ Нараюнкѣ (притокъ Гнилой Лины), и частью переправились черезъ нее. Въ районѣ Галича наши войска заняли желѣзнодорожную линію Галичъ—Семиковце—Водники и тяжелой и легкой артиллеріей обстрѣливаютъ Галичъ, въ которомъ еще упорно держится противникъ и который подъ нашимъ обстрѣломъ горитъ.

За бои 24-го августа въ этомъ районѣ плѣнными взято всего 45 офицеровъ и 5.600 нижнихъ чиновъ, въ числѣ которыхъ германцевъ—22 офицера и около 3.000 нижнихъ чиновъ, и турокъ—5 офицеровъ и 685 нижнихъ чиновъ. Число трофеевъ выясняется.

Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ наше продвиженіе продолжается.

На Кавказскомъ фронтѣ наступленіе турокъ на лѣвомъ берегу р. Евфрата, къ западу отъ Эрзинджана, нами отражено. Несмотря на упорное сопротивленіе противника въ районѣ Огнота, наши части, выбивая врага изъ сильно укрѣпленныхъ горныхъ позицій, продолжаютъ продвигаться, отражая контръ-атаки.

По показаніямъ плѣнныхъ, въ бояхъ 18—19-го августа турецкія войска, дѣйствующія въ районѣ Огнота, понесли тяжкія потери, причемъ убитъ начальникъ 30-й турецкой дивизіи, тяжело раненъ или убитъ командиръ 2-го турецкаго корпуса Файкъ-паша и раненъ начальникъ 12-й турецкой дивизіи.

Къ сѣверу отъ Соммы происходила сильная бомбардировка.

Къ югу отъ Соммы французы заняли къ востоку отъ Денъекура нѣсколько участковъ траншей.

На правомъ берегу Мааса непріятель бомбардировалъ французскія позиціи въ лѣсу Во-Шапитръ.

Французскіе аэропланы сбросили большое количество крупныхъ снарядовъ въ различные пункты на фронтѣ Соммы.

Непріятельская контръ-атака у лѣса Лэзъ англичанами отбита.

26-го августа отражены неоднократныя наступленія германцевъ противъ нашихъ частей, занявшихъ наканунѣ небольшой участокъ непріятельскихъ позицій на лѣвомъ берегу р. Западной Двины, сѣвернѣе Двинска. Отражены также атаки противника въ районѣ господскаго двора Велицкъ (на ковельскомъ направленіи). Въ районѣ р. Гнилой Липы наше наступленіе продолжается.

На Кавказскомъ фронтѣ въ районѣ Киги—Огноть упорные бои продолжаются.

На семь фронтѣ Соммы продолжается артиллерійскій бой. Французы продвинулись впередъ къ востоку отъ Денъекура. Атаки въ лѣсу Во-Шапитръ французами отражены. Съ 21-го августа французы забрали въ плѣнъ 7.000 человекъ.

На англійскомъ фронтѣ во Франціи велась сильная артиллерійская перестрѣлка.

Румыны заняли Поплицу, Санъ-Милаи, Дельне, Журжень-санъ-Миклау. Русско-румынскія войска заставили болгаръ отступить отъ Базарджика (Добрича).

На итальянскомъ фронтѣ, кромѣ незначительныхъ отдѣльныхъ стычекъ, происходила обычная артиллерійская перестрѣлка:

27-го августа штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что на галицкомъ направленіи, на р. Паравюкѣ контръ-атака германцевъ и турокъ отбита нашимъ огнемъ. На этомъ направленіи упорные бои продолжаются. Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ къ югу отъ Баранова наши войска овладѣли рядомъ высотъ, взявъ въ плѣнъ болѣе 500 человекъ и захвативъ 5 пулеметовъ, горную дѣйствующую батарею и нѣсколько орудій, сброшенныхъ въ овраги.

На Кавказскомъ фронтѣ продолжался упорный бой въ районѣ села Огнота.

На Черномъ морѣ 25-го августа наши миноносцы обстрѣляли занятый болгарами портъ Бальчикъ и потопили 21 баржу, на которыя болгары грузили хлѣбъ изъ этого порта. Миноносцы были безрезультатно атакованы непріятельскими гидроаэропланами.

Французскія войска передъ Дуономомъ штурмомъ овладѣли всей системой германскихъ траншей. Къ юго-западу отъ Барле, къ востоку отъ Генье-

кура и къ югу отъ Вермандовиллера происходили упорные бои, послѣ которыхъ германцы по всей линіи отброшены къ своимъ траншеямъ. Атаки германцевъ и въ другихъ мѣстахъ французскаго фронта были безрезультатны и стоили имъ большихъ потерь.

Послѣ ожесточеннаго боя въ руки англичанъ перешла деревня Женши между лѣсомъ Фуру и Лэзь. Рядъ удачныхъ военныхъ операций совершень также доблестными англійскими войсками въ окрестностяхъ Арраса и Гогенцоллернскаго редута и къ сѣверу отъ Невшатель. Къ востоку отъ лѣса Фуру англичане продвинулись на 300 ярдовъ и взяли большое число плѣнныхъ. Англійскіе морскіе аэропланы произвели налетъ на Гистель, Гандзама и Лихтервельзе.

Въ районѣ Топаны итальянцы отразили атаку противъ позицій въ долинѣ Трапенанцессъ.

Румынскія батареи бомбардировали Виддинъ, Ломъ-Паланку и Рахово, а германо-болгары—Джурджево. Въ долинахъ верхняго теченія Мароша происходятъ упорные бои; къ западу отъ Топлицы румыны заняли Чикъ-Среду.

28-го августа штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ: въ районѣ желѣзной дороги Ковель—Рожище летала группа 7 германскихъ аэроплановъ. Нашъ летчикъ, штабсъ-ротмистръ Казаковъ, вступивъ въ бой послѣдовательно съ двумя аппаратами, заставилъ ихъ скрыться на западъ, причемъ одинъ изъ нихъ ушелъ съ длинной дымовой струей. 27-го августа въ районѣ р. Верхней Горожанки убитъ доблестный командиръ полка, Владимиръ Тимошеевичъ Лебедевъ. Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ въ бояхъ съ 18-го по 24-е августа включительно взято въ плѣнъ всего 15 офицеровъ, 1.889 нижнихъ чиновъ, захвачено 2 горныхъ орудія и 26 пулеметовъ, много винтовокъ, ручныхъ гранатъ и патроновъ.

На Балтійскомъ морѣ 27-го августа утромъ непріятельскіе гидроаэропланы совершили безрезультатный налетъ на островъ Руно, въ Рижскомъ заливѣ. За день непріятельскіе гидроаэропланы неоднократно появлялись надъ Ирбенскимъ проливомъ, происходили воздушные бои съ нашими летчиками, причемъ, несмотря на перевѣсъ въ численности, непріятель каждый разъ отгонялся.

28-го августа къ югу отъ р. Соммы германцы дважды атаковали французскія траншеи къ юго-западу отъ Берни въ Сантеррѣ; попытки ихъ окончились полной неудачей. Французская артиллерія проявляла въ теченіе дня дѣятельность на всемъ протяженіи фронта Соммы. За предыдущій день 27-го августа французскіе летчики имѣли надъ непріятельскими линіями 40 боевъ, въ которыхъ германскіе аппараты потерпѣли чувствительныя потери.

На итальянскомъ фронтѣ дѣятельность артиллеріи приняла болѣе напряженный характеръ. Въ Албаніи итальянцы заняли высоты между Порто-Палермо и Субашъ.

29-го августа штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что на кавказскомъ фронтѣ въ теченіе 27-го и 28-го августа упорные бои въ Огнотскомъ районѣ продолжались, причемъ 27-го августа нами взято 4 офи-

цера, 240 аскеровъ, 1 пулеметь, 1 гаубица, а 2 орудія, за невозможностью ихъ вывезти, пришлось испортить и бросить со скаль. Въ Саккизскомъ районѣ наши войска съ боемъ заняли городъ Бана и преслѣдуютъ противника.

29-го августа къ западу отъ горныхъ долинъ Мароша и Алюты непріятель продолжаетъ отступать. Румыны захватили въ плѣнъ 3 офицеровъ и 106 нижнихъ чиновъ. Къ юго-востоку отъ Сибіу (Германштадта) румыны заняли Селимбаръ (Шелленбергъ). Ими установлено, что непріятель пользуется пулями думьдумъ. Въ долину Стрейю, къ западу отъ Меросора, румынами отбито нѣсколько непріятельскихъ атакъ, причемъ ихъ войска, сами перейдя въ контръ-атаку, захватили два орудія, два пулемета и много ящиковъ со снарядами. Здѣсь румыны взяли въ плѣнъ трехъ офицеровъ и 302 нижнихъ чиновъ. Артиллерійская перестрѣлка на всемъ протяженіи дунайскаго фронта велась съ прежнимъ напряженіемъ. На фронтѣ Добруджи продолжаются военныя операціи.

Къ югу отъ Берни французы заняли германскія траншеи. Непріятельскія контръ-атаки вокругъ Женши англичанами отбиты. Англичане перешли черезъ Струму въ нѣсколькихъ пунктахъ и овладѣли деревнями Ораорманъ и Неволгенъ.

Итальянцы продвинулись впередъ между Валь-Аро и долиной Позины.

30-го августа въ районѣ рѣки Бѣлый Черемошь наши войска заняли нѣсколько высотъ. Попытки противника вновь овладѣть высотами не увѣнчались успѣхомъ. Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ въ районѣ горы Капулъ наши войска заняли хребетъ къ сѣверу отъ горы Капулъ и, преслѣдуя противника, овладѣли этой горой, захвативъ при этомъ въ плѣнъ 13 офицеровъ, 900 нижнихъ чиновъ, 7 пулеметовъ, 3 бомбомета и одинъ прожекторъ.

На кавказскомъ фронтѣ наши части овладѣли Пирамидальной горой, что южнѣ села Пирджанъ, и заняли высоты по лѣвому берегу рѣки Маса-Дараси. Въ горахъ выпалъ снѣгъ и ночью былъ морозъ.

Къ сѣверу отъ Соммы французы заняли д. Бушавенъ и овладѣли фермой Буа-Лабэ, а также захватили всю систему непріятельскихъ траншей до дороги Бетюнъ—Пероннъ.

Сербская скупщина возобновила занятія на о. Корфу.

1-го сентября на нашемъ западномъ фронтѣ особыхъ перемѣнъ не произошло. Въ районѣ Силистріи, на правомъ берегу Дуная, идетъ бой; румынами отбитъ рядъ атакъ германо-болгарскихъ войскъ. Президентъ Пуанкаре вручилъ Вердену знаки отличія, пожалованные этому городу главами союзныхъ державъ. На фронтѣ Соммы французы расширили свои позиціи. Всѣ контръ-атаки германцевъ отражены. Число плѣнныхъ германцевъ за вчерашній день превышаетъ 2.300. На правомъ берегу Мааса къ востоку отъ Флери и въ лѣсу Во-Шапитръ непріятельскія атаки отражены. На балканскомъ фронтѣ союзники продвигаются впередъ.

2-го сентября на Кавказскомъ фронтѣ въ битлисскомъ направленіи наши передовыя части выбили курдовъ изъ с. Чухуръ-Коршена и отгѣснили ихъ къ с. Чавкисъ.

По обоимъ берегамъ Соммы французы вновь расширили свои позиціи. Атаки германцевъ къ западу отъ дороги въ фортъ Во отражены. Итальянскія альпій-

кія войска овладѣли позиціями въ долині Цара у горнаго потока Позина и на Лагазои, въ долині Травенанцесь. Болгарскіе отряды отброшены итальянцами за желѣзную дорогу Дойранъ—Демиръ-Гиссаръ. Непріятельскіе гидропланы бомбардировали Венецію. Румыны продвинулись въ районъ Средней Алюты, занявъ мѣстности Бараольтъ и Богата-Ольтеану. Въ Добруджѣ велись оживленные бои по всему фронту.

Кавала занята болгарами; греческія войска, составлявшія ея гарнизонъ, будутъ, какъ нейтральныя, отправлены въ различные пункты расположенія германскихъ гарнизоновъ.

3-го сентября на Кавказскомъ фронтѣ западнѣ Каланта турки, переходившіе въ наступленіи, отражены. Въ районѣ Шарафхана (западнѣ Муша) турки выбиты изъ ихъ окоповъ и бѣжали.

Французы къ сѣверу отъ Соммы заняли систему германскихъ траншей, положивъ вмѣстѣ съ англичанами серьезное начало окруженію Комбля. Во время боевъ у дороги Бетюнъ и къ сѣверу отъ Бушавена французы расширили свои позиціи. Къ югу отъ Соммы французы захватили траншеи непріятели и лѣсъ. Къ сѣверо-востоку отъ Берни французы послѣдовательно заняли три непріятельскія траншеи. Англійскія войска заняли на своемъ фронтѣ во Франціи почти все плоскогорье между Комблемъ и дорогой Позьеръ—Бапомъ. Взято свыше двухъ тысячъ плѣнныхъ. Итальянцы на Карсо заняли нѣсколько линій траншей непріятели и захватили свыше двухъ тысячъ плѣнныхъ. Германцы потеряли къ востоку отъ Флорины позиціи у Малканидзе. Сербы заняли Соровичъ. На балканскомъ фронтѣ англійскія войска заняли сѣверную окраину деревни Макуково. Въ бою на добруджскомъ фронтѣ убитъ принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ-Генрихъ.

4-го сентября, согласно сообщенію штаба Верховнаго Главнокомандующаго, на берегу Золотой Лины наши войска овладѣли позиціями противника. Въ районѣ рѣки Нараювки взято 3.174 плѣнныхъ германцевъ при 34 офицерахъ, 20 пулеметовъ и 2 орудія. Атака турокъ противъ нашихъ передовыхъ частей на фронтѣ Карабурну—Су отбита.

Болгарскія позиціи Малка-Нидже и Мала-рѣка взяты сербами. Франко-русскія войска побѣдоносно продвигаются въ районѣ Флорины. Итальянцы взяли приступомъ на Карсо высоту Санградо. Бельгійскія войска совместно съ британскими войсками вступили въ Табору. Румынскія войска заняли Гоморать-Альмасъ и Фогарасъ.

5-го сентября попытки турокъ наступать въ районѣ села Адиса были отражены огнемъ. Въ районѣ Бережанъ и Галича начались упорнѣйшіе бои, инициатива которыхъ принадлежитъ намъ.

Британскія войска къ югу отъ Анкра продвинулись впередъ на 1—2 мили по фронту въ 6 миль. Французскія войска послѣ атаки заняли цѣликомъ деревни Вермандовиллеръ и Берни. Въ долині Суганы итальянцы нанесли большія потери непріятелю и отбросили его на правый берегъ Brenty, отбивъ три послѣдовательныя атаки. Итальянцы заняли Патрасъ.

6-го сентября ни на одномъ фронтѣ не произошло ничего существеннаго.

7-го сентября. На нашихъ западномъ и кавказскомъ фронтахъ не произошло ничего существеннаго.

Къ сѣверу отъ Соммы отбиты атаки германцевъ на французскія позиціи на кряжѣ «76» и начиная отъ жел. дороги Клери до Соммы. Къ югу отъ Соммы французской контръ-атакой выбито нѣсколько непріятельскихъ частей, утвердившихся было въ части передовыхъ траншей. Сербскія войска достигли главнаго гребня Каймакчалана и овладѣли первой линіей непріятельскихъ траншей. Къ востоку отъ Черны сербы атаковали и заняли высоту «2625».

8-го сентября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что наступленіе противника на рѣкѣ Стоходѣ въ районѣ желѣзной дороги Ковель—Ровно повсюду нами отбито. Въ районѣ Коротницы и Свиноухи нами захвачено въ плѣнъ 6 офицеровъ и 687 нижнихъ чиновъ германцевъ. Въ Карпатахъ восточнѣе горы Пантеръ наши войска овладѣли позиціей противника, взяли въ плѣнъ 439 чел. и захватили 6 пулеметовъ. На кавказскомъ фронтѣ наши части сбили курдовъ съ хребта Комшануть-Дагъ.

Французскія войска отразили нѣсколько атакъ отъ фермы Леприэ до пункта къ югу отъ фермы Буа-Лабэ. На южномъ фронтѣ Добруджи русско-румынскія войска отразили по всему фронту всѣ непріятельскія атаки и произвели нѣсколько контръ-атакъ. Сербы вступили на сербскую территорію. Бой идетъ въ предмѣстьяхъ Монастыря.

Попытки арабовъ вступить съ младотурками въ переговоры относительно автономіи арабскихъ вилайетовъ закончились нудачей.

9-го сентября на нашихъ фронтахъ никакихъ перемѣнъ не произошло. Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ наши войска штурмуютъ высоты, выбивая непріятели штыками.

На правомъ берегу рѣки Мааса французскія войска овладѣли двумя частями непріятельскихъ траншей къ югу отъ укрѣпленія Тіомонъ. Румынскія войска ведутъ бои въ горахъ Кабиману и Гюргюль. Одинъ изъ отрядовъ занялъ Одормею. Итальянскія войска къ востоку отъ Горицы приступомъ взяли новую позицію близъ Санта-Катарина.

Русско-румынскія войска въ Добруджѣ опрокинули болгарь, которые отступаютъ.

Румынское правительство вслѣдствіе безчеловѣчнаго обращенія болгарь съ румынскими плѣнными потребовало сообщенія Болгаріей списка плѣнныхъ.

10-го сентября, согласно извѣстію отъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, къ югу-западу отъ о. Нарочь двухчасовая газовая атака противника была отражена нашимъ пулеметнымъ, ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ. Въ районѣ юго-западнѣе Гююшъ-Ханы наши передовыя части прорвали непріятельское сторожевое охраненіе и нанесли непріятелю большія потери. Въ Черномъ морѣ нашими эскадренными миноносцами уничтожено три парохода и нѣсколько парусниковъ.

Французскія войска у подступовъ къ Комблю захватили укрѣпленный домъ и взяли въ плѣнъ сотню германцевъ, а на востокъ отъ него заняли траншею и захватили 40 плѣнныхъ. Германскій гидропланъ сбросилъ три бомбы близъ Дувра, но былъ отогнанъ обстрѣломъ орудій и лѣтчиками. На фронтѣ

Струмы суда англійскаго флота бомбардировали мѣста расположенія непріятеля близъ Песхори.

Представители всѣхъ державъ согласія на Корфу принесли горячія поздравленія королевскому правительству по случаю вступленія сербской арміи на родную землю.

11-го сентября на Верхнемъ Серетѣ всѣ контръ-атаки противника въ районѣ Манаюва—Харбузова нами отбиты, причемъ захвачено 1.500 плѣнныхъ

Герой войны. Сербскій генераль Михаилъ Живковичъ, бывшій начальникъ обороны Бѣлграда.

австро-германцевъ. Въ приморскомъ районѣ, на Кавказѣ, къ югу отъ м. Эллеу, наши части съ боемъ продвинулись.

Англійскія войска къ югу отъ Анкра продвинулись на востокъ отъ Курселетъ, захвативъ систему сильно укрѣпленныхъ непріятельскихъ траншей. Нѣсколько непріятельскихъ цеппелиновъ произвели налетъ на восточное и юго-восточное побережья Англій. Два германскихъ цеппелина упали въ Эссексъ. Румынскія войска къ востоку отъ Сибіу отбросили непріятеля, взявъ въ плѣнъ четырехъ офицеровъ и 300 нижнихъ чиновъ. Португальскія войска переправи-

лись через рѣку Ровама въ германской Восточной Африкѣ и продолжаютъ наступленіе.

День 12-го сентября прошелъ на всѣхъ фронтахъ въ общемъ спокойно. Германскіе дирижабли произвели палетъ на восточное и сѣверо-восточное побережье Англій.

13-го сентября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что послѣ сильнаго артиллерійскаго огня противникъ повелъ стремительное наступленіе на наши окопы въ районѣ къ сѣверу отъ оз. Колдычевскаго, но былъ отбитъ съ большими потерями.

Французы на фронтѣ Соммы одержали новые успѣхи, занявъ сильно укрѣпленную территорію между Фрежикуромъ и высотой «140», деревню Ранкуръ и расширивъ свои позиціи къ востоку отъ дороги въ Беронъ на километръ въ глубину. Къ сѣверу отъ Соммы выдвинутыя впередъ французскія части достигли кладбища Комбля, а другіе отряды достигли околицы этой деревни. Англичане взяли штурмомъ непріятельскія позиціи приблизительно въ 6 миль въ длину и около мили въ глубину между Комблемъ и Мартенъ-Пьюишемъ, а также овладѣли деревнями Морваль и Лебефъ, чѣмъ пересѣчены сообщенія непріятеля съ Комблемъ. Продвиженіе лѣваго крыла союзниковъ на Балканахъ продолжается по всей линіи. Къ западу отъ Флорины русскія войска взяли приступомъ укрѣпленную высоту «916». Въ долину Жіу румыны отразили нѣсколько непріятельскихъ атакъ. Въ Добруджѣ происходили бои отдѣльныхъ отрядовъ и воздушныя атаки. Альпійскія войска итальянцевъ овладѣли вершиной горы Кардиналь, къ сѣверо-востоку отъ Коуриоло. Турецкій гарнизонъ Эль-Таифа въ составѣ около 2,00 человекъ сдался арабамъ.

Венизелосъ отправился въ Солунь, чтобы стать во главѣ военнаго движенія въ пользу выступленія противъ болгаръ. 10.000 критскихъ четниковъ проникли въ Канено и низложили правительственныя власти.

14-го сентября на нашемъ западномъ фронтѣ мѣстами столкновенія развѣдывательныхъ партій: наиболѣе значительная стычка произошла на берегу болота Тируль, къ югу отъ Риги. На хамаданскомъ направленіи мы потѣснили противника къ западу, захвативъ плѣнныхъ, оружіе и другіе трофеи. По послѣднему подсчету, за время наступленія армій генерала Врусилова нами взято въ плѣнъ около 420,000 австро-германцевъ, 2,500 пулеметовъ, бомбометовъ и минометовъ и около 600 орудій.

Союзниками заняты Тіепваль. За предыдущій день англичанами взято въ плѣнъ свыше 1,000 германцевъ, а французами—1.300. Англійское правительство рассчитываетъ до іюня 1917 г. набрать еще миллионъ человекъ путемъ пересмотра изыятій, сдѣланныхъ при прежнихъ наборахъ.

15-го сентября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что попытка приблизиться къ нашимъ окопамъ западнѣе Риги отбита нашимъ огнемъ. Вечеромъ 14-го сентября къ юго-востоку отъ гор. Пинска небольшія части противника перешли въ наступленіе, но были тотчасъ же отбиты. Въ районѣ Бубнова, Свинюхи и Корытницы бои возобновились. Противникъ оказываетъ упорное сопротивленіе и переходитъ въ повторныя контръ-атаки, задерживая наше наступленіе. 13-го сентября наши гидроаэропланы совершили успѣшный на-

леть на неприятельскую авиостанцию на Ангернескомъ озерѣ. Наши аппараты подвергались обстрѣлу неприятельскихъ батарей и выдержали бой съ 20 неприятельскими аппаратами.

Англичане на французскомъ фронтѣ достигли новыхъ отличныхъ успѣховъ: къ сѣверу отъ Флерса англичане овладѣли неприятельскими траншеями къ сѣверо-востоку отъ Тиепваля и взяли приступомъ укрѣпленіе «редуть лѣстницу». Английскіе морскіе аэропланы совершили налетъ на неприятельскіе ангары близъ Брюсселя. Въ долину Жіу румыны атаковали и отбросили неприятеля, который отступаетъ. Попытки болгаръ вновь овладѣть хребтомъ Каймакчаланъ потерпѣли неудачу. Въ окрестностяхъ Флорины сербы нанесли болгарамъ большой уронъ.

16 сентября, по извѣстіямъ отъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, наши самолеты произвели налетъ на тылъ противника въ районѣ Боруны—Крево, вызвавъ бомбардировкой взрывы и пожары складовъ. Въ районѣ Гукаловскаго лѣса наступленіе противника отбито пулеметнымъ огнемъ. На рѣкѣ Быстрицѣ наши развѣдки сняли три полевыхъ караула и сбили два заставы противника.

На фронтѣ Тюмонъ—Флери сильная германская атака потерпѣла неудачу подъ французскимъ пулеметнымъ огнемъ. Британскія войска продвинулись отъ Мартеншюиша и Гедекура до передовыхъ постовъ къ западу и юго-западу отъ Окура и Лаблейю. Послѣ атаки британскихъ войскъ на Швабскій редуть большая часть его оказалась въ рукахъ британцевъ. На Каймакчаланскихъ высотахъ сербы отразили четыре неприятельскія атаки.

16-го сентября указомъ Его Императорскаго Величества А. А. Хвостовъ уволенъ, согласно прошенію, отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ.

Товарищъ предсѣдателя Государственной Думы симбирскій губернский предводитель дворянства А. Д. Протопоповъ назначенъ управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

17-го сентября на нашихъ западномъ и кавказскомъ фронтахъ ничего существеннаго не произошло.

На фронтѣ Соммы французы нѣсколько продвинулись къ сѣверу отъ Ранкура. На участкѣ Тиепваля англичане овладѣли частью траншей, называемой «Гессенской». Англичанами занята сильно укрѣпленная ферма къ юго-западу отъ Лазаря. На бельгійскомъ фронтѣ происходятъ оживленные артиллерійскіе бои. Неприятельскія атаки на Карсо окончились полной неудачей. Итальянцами рѣшительно отбиты атаки къ сѣверу отъ горы Кардиналь, у входа въ долину Ванои, и у Пунша-дель-Фораме, у входа въ долину Форизонъ. Румынскія войска на сѣверномъ и сѣверо-западномъ фронтахъ продолжаютъ продвигаться впередъ. Въ районѣ Сибіу продолжаются ожесточенные бои.

18-го сентября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ: въ районѣ желѣзной дороги Броды—Красне и южнѣе идутъ бои. Наши войска съ боемъ продвигаются. Противникъ оказываетъ упорное сопротивление. Здѣсь нами взято плѣнными 59 офицеровъ и 1.928 нижнихъ чиновъ. Удачные для насъ бои происходили къ югу отъ Бржежанъ на рѣкѣ Ценювкѣ и въ районѣ высотъ праваго берега рѣки Золотой Липы къ югу отъ Бржежанъ, гдѣ наши войска

стремительнымъ ударомъ овладѣли частью непріятельской позиціи, захвативъ при этомъ плѣнныхъ въ числѣ 112 офицеровъ и 2.268 нижнихъ чиновъ и нѣскольکو пулеметовъ. Ночныя контръ-атаки противника были отбиты нашимъ огнемъ.

Бельгійская тяжелая артиллерія разрушила непріятельскія траншеи близъ Бусинге. Румынскія войска, атакующія въ районѣ Сибіу, послѣ трехдневнаго боя возстановили сообщеніе съ югомъ. Румыны отразили попытку непріятели высадиться въ Караби.

Въ Греціи къ солунскому движенію присоединилось свыше 300 офицеровъ; 2 крейсера и 5 мелкихъ судовъ присоединились къ флоту союзниковъ. Острова Митилена и Хиосъ признали временное правительство въ Канеѣ.

19-го сентября продолжались упорные бои въ районѣ рѣки Нараювки и высотъ праваго берега рѣки Золотой Липы.

Англійскія войска произвели 16 успѣшныхъ набѣговъ между Ипромъ и Невшпелъ. Нѣсколько непріятельскихъ дирижаблей бомбардировали восточное побережье Англіи. На лѣвомъ берегу Струмы британскія войска заняли двѣ укрѣпленныя деревни близъ дороги въ Сересъ. Сербы заняли всѣ позиціи на Каймакчаланѣ. Въ Канеѣ образовалось новое правительство, обратившееся съ манифестомъ къ критскимъ властямъ.

20-го сентября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что на рѣкѣ Сервечъ наступленіе противника остановлено было нашимъ огнемъ. Въ районѣ Затурцы—Воля-Садовская—Шельвовъ идутъ упорные бои. На рѣкѣ Ценювкѣ бой продолжается.

Французскія войска къ сѣверу отъ Соммы продвинулись на востокъ отъ Бушавена. Сербская пѣхота захватила непріятельскія траншеи на высотахъ Старковгроба и взяла болгарскую батарею. Румынскія войска переправились черезъ Дунай между Рушукомъ и Туртукаемъ. Въ Трансильваніи румыны захватили городъ Гургіу (Дьердьо) и Гаргицы. Взяты трофеи.

21-го сентября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ: упорные бои продолжаются къ западу отъ Бубнова у Шельвова и Корытницы. Въ Добруджѣ русскія канонерки на Дунаѣ обстрѣляли у Рассовы лѣвый флангъ болгаръ. Наше наступленіе въ районѣ Рассовы—Кабадинъ—Первели продолжается.

Французскія войска къ сѣверу отъ Соммы завершили захватъ укрѣпленныхъ германскихъ траншей между Морвалемъ и лѣсомъ Сень-Пьеръ-Ваастъ. Англійскія войска отразили на Струмѣ всѣ контръ-атаки болгаръ. Сербскія войска заняли Котчобей. Сербы заняли Сочичъ, французы — Петоракъ и Вребени, англичане—Эникой къ востоку отъ Струмы. Греческія суда «Псара» и «Гидра» присоединились къ національному движенію.

По извѣстіямъ отъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго 22 сентября на фронтѣ отъ владимиръ-волинскаго большака до рѣки Днѣстра упорные бои продолжаются. Мѣстами мы овладѣли частью позицій противника. На приморскомъ фронтѣ мы продвинулись на широкомъ фронтѣ, овладѣвъ укрѣпленной позиціей противника въ районѣ рѣки Кара-Бурну-су.

Французы продвинулись къ востоку отъ Морваля. Сербскія, французскія и русскія войска достигли линіи Петалино на западномъ склонѣ Каймакчалана;

лѣвое крыло союзниковъ включаетъ Писодери. Въ Добруджѣ наступленіе союзниковъ успѣшно развивается; румыны завладѣли Анзачемъ, взявъ болѣе 1,000 плѣнныхъ. На сѣверномъ и сѣверо-западномъ фронтахъ румыны отбросили непріятели, взявъ въ плѣнъ свыше 1,000 человекъ. Въ долиинѣ Жіу румыны слегка отошли. Освобожденная часть Сербіи представляетъ площадь въ 200 квадратныхъ километровъ, включая семь городовъ. Итальянцы продвинулись впередъ къ нагорью Кольбриконъ—Пикколо.

Замѣстителемъ предсѣдателя Совѣта Министровъ въ случаѣ его отсутствія или болѣзни назначенъ А. Ф. Треповъ. Главнокомандующимъ государственнѣмъ здравоохраненіемъ назначенъ членъ Государственнаго Совѣта, академикъ Г. Е. Рейнъ.

23-го сентября на золочаевскомъ направленіи идутъ ожесточенные бои; противникъ упорно удерживаетъ наше наступленіе. Къ югу отъ Бржежанъ мы овладѣли частью позицій непріятели, отбивъ затѣмъ нѣсколько контръ-атакъ. На приморскомъ фронтѣ мы продолжаемъ наступленіе. На Добруджѣ наше наступленіе продолжается.

Къ сѣверу отъ Соммы французы продолжаютъ продвигаться впередъ. Президентъ Пуанкарэ поздравилъ сербскаго королевича Александра съ занятіемъ первой части сербской территоріи. Сербы подошли къ Црнѣ. Франко-русскія войска достигли греческой границы. Западная Македонія очищена отъ болгарскихъ войскъ. Въ районѣ Параяда румыны овладѣли непріятельными укрѣпленіями, отбросивъ противника къ западу. Произведя демонстрацію между Рущукомъ и Туртукаемъ, румыны отошли на лѣвый берегъ Дуная. На Добруджѣ идутъ весьма ожесточенные бои. Итальянцы заняли въ Албаніи Сантитаранту, Аргирокастро и Дельвино.

24-го сентября на рѣкѣ Ценювкѣ и на Золотой Лишѣ четыре послѣдовательныя контръ-атаки противника отбиты. Въ приморскомъ районѣ нами заняты укрѣпленія Петра-Калѣ. Въ Персіи наши войска вошли въ Кашанъ. Въ Добруджѣ наши войска заняли Карабаку, Бессаулъ и высоты между ними.

Англичане отбили ожесточенное наступленіе болгаръ и заняли Невольень. Сербскія войска на балканскомъ фронтѣ продвинулись до деревень Будимірова и Груниште и на лѣвомъ берегу рѣкѣ Црны и Сакулевы. Въ Добруджѣ продолжается успѣшная атака русско-румынскихъ войскъ. Румынскія войска въ Трансильваніи перешли въ наступленіе въ горномъ проходѣ Кайнени и въ долиинѣ Жіу. Цѣлые чешскіе полки интернированы австрійцами въ Венгріи въ сборныхъ лагеряхъ. Въ Санъ-Пелегрино (долина Авизио) итальянскія альпійскія части атаккой захватили укрѣпленные траншеи противника и бараки на склонахъ Чима-ди-Костабелла.

25-го сентября на Кавказскомъ фронтѣ въ огнотскомъ направленіи отбито наступленіе турецкихъ частей.

Къ сѣверу отъ Соммы франко-британскія войска вынесли свои линіи на 1.200 метровъ къ сѣверо-востоку отъ Морваля.

Итальянскія войска взяли приступомъ вершину горы Буза-Альта. Английскіе гидропланы совершили нѣсколько налетовъ на болгарскіе берега, обстрѣ-

ляли главную квартиру 10-й болгарской арміи, непріятельскіе транспорты и колонны войскъ.

26-го сентября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что въ районѣ Затурцы—Шельвовъ—Бубновъ идутъ упорные бои; мѣстами наши войска прорвали расположеніе противника и укрѣпились на занятыхъ позиціяхъ. Къ востоку отъ Бржежанъ противникъ переходилъ въ наступленіе въ районѣ къ югу отъ Шибалина, но былъ отброшенъ нашимъ огнемъ. Нашими миноносцами произведенъ набѣгъ на Самсунъ и Синоць, гдѣ ими уничтожены 58 парусныхъ судовъ; одинъ стальной боть приведенъ въ Севастополь.

Французы заняли Визово въ горахъ Беба. Въ районѣ къ сѣверу отъ Лебефъ германцы вернули часть утеранныхъ траншей; къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ Курселеть англичане значительно продвинули свой фронтъ. Англичане продвинули свои линіи на юго-западъ отъ Гедекура. Итальянцы отразили семь послѣдовательныхъ атакъ непріятеля противъ новыхъ позицій на Буза-Альта. Въ Гимбавулѣ, къ западу отъ Брашова, румыны отразили нѣсколько атакъ. Вдоль Дуная и въ Добруджѣ происходили артиллерійскіе бои. Сербы заняли непріятельскія позиціи къ сѣверу отъ Пожара, обративъ болгаръ въ бѣгство, а также овладѣли вершиной Доброполя. Пароходъ «Gallia», перевозившій 2.000 французскихъ и сербскихъ войскъ, потопленъ подводной лодкой; число спасенныхъ достигаетъ 1.362.

27-го сентября на нашихъ фронтахъ ничего важнаго не произошло.

Франко-русскія войска достигли новой оборонительной линіи, идущей отъ Кенали къ озеру Пресна. Французскіе летчики бомбардировали Монастырь и Прилѣпъ. Непріятельская атака къ востоку отъ Ранкура французами отражена.

На Струмѣ англичане заняли Кавдармахъ, Орманши и Хознаталь. Англичане продвинулись впередъ къ востоку отъ Лесаръ въ направленіи къ Вавланкурскому холму.

Сербы выбили болгаръ съ высоты, находящейся между Струпино и Добропольчи, захвативъ на Црнѣ Скочивиръ, продвинулись къ сѣверу.

28-го сентября французы произвели атаку на фронтъ въ 5 километровъ между Берни-въ-Сантеррѣ и Шономъ и овладѣли непріятельской позиціей, взявъ свыше тысячи плѣнныхъ. Англичане на своемъ фронтѣ во Франціи произвели удачный набѣгъ у Живанши, гдѣ имъ удалось проникнуть въ непріятельскія траншеи. Непріятельскіе аэропланы совершили новый налетъ на нижнее теченіе Изонцо и сбросили много бомбъ на рядъ селеній. Итальянскій отрядъ занялъ Клиссуру. На горѣ Пазубіе итальянскія войска взяли траншею въ участкѣ Кюсманьонъ и Сетте-Крочи. Сербскія войска прорвали вторую сильно укрѣпленную линію непріятельской обороны на лѣвомъ берегу рѣки Черной. Наступленіе сербовъ въ сѣверномъ направленіи продолжается. Взято много плѣнныхъ. На Балканахъ англійскія войска заняли Каландру и Хомондосъ.

Вмѣсто адмирала Капина командующимъ флотомъ Балтійскаго моря назначенъ вице-адмиралъ Непенинъ.

29-го сентября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ, что непріятельскія атаки передъ позиціями икскюльскаго предмостнаго укрѣпленія, подготовленныя удушливыми газами, нашими войсками отбиты. Непріятельская

воздушная эскадра бросала надъ Констанцей бомбы, отравленные конфеты, чеснокъ съ холерными бактеріями и стрѣлы.

Къ югу отъ Соммы французы взяли свыше 1.700 плѣнныхъ. На фронтѣ Струмы англичане заняли Тополову и Просеникъ. Итальянцы одержали нѣсколько блестящихъ успѣховъ въ районѣ Косманьонъ, на фронтѣ Юлійскихъ Альпъ и на Карсо; взято въ плѣнъ свыше 6.000 человекъ. Въ Пирей началась сдача союзникамъ греческаго флота.

30-го сентября ночью наступленіе нѣмцевъ на западномъ берегу рѣки Шары, въ районѣ деревни Голдовичи, нашей контръ-атакой отбито. Къ юго-западу отъ Бубнова наши развѣдчики обратили въ бѣгство заставу противника. Летчикъ и наблюдатель взяты въ плѣнъ.

Бельгійскій отрядъ къ востоку и къ югу отъ Стюевекенскерке занялъ непріятельскій постъ и захватилъ въ плѣнъ его гарнизонъ. На Карсо итальянская пѣхота овладѣла почти всей линіей обороны и захватила Новавилу и сосѣднія съ ней позиціи, взявъ въ плѣнъ 5.034 человекъ. На фронтѣ рѣки Струмы британская кавалерія очистила отъ непріятеля всю мѣстность вплоть до Сереса. На балканскомъ фронтѣ сербы отразили контръ-атаки и утвердились въ деревнѣ Бродъ. Въ исполненіе требованій адмирала дю-Фурнэ экипажи греческаго флота покинули свои суда, союзники вступили во владѣніе эвакуированными фортами и судами.

1-го октября въ верховьяхъ рѣки Стохода, въ районѣ деревни Раймѣсто и въ районѣ лѣсовъ къ западу отъ Бубнова, наши развѣдчики сбили сторожевое охраненіе противника и заняли его окопы. Австрійскіе аэропланы совершаютъ налеты на Луцкъ, Дубно и Кременецъ и обстрѣливаютъ жилища мирнаго населенія.

Итальянскія войска достигли западныхъ склоновъ Печинки, первыхъ домовъ Луквицы и Худи-Лога. Атаки непріятеля на Карсо были отражены артиллерійскимъ огнемъ итальянцевъ. Итальянцы въ Албаніи заняли селенія Премети и Ласковинки. Англичане къ сѣверу отъ Соммы овладѣваютъ высотами между фронтомъ и дорогой отъ Перрона къ Бапому.

2-го октября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что непріятельская атака въ районѣ Скробова нами отбита. Въ районѣ сѣвернѣе Корытница мы захватили непріятельскіе окопы, отразивъ пять ожесточенныхъ контръ-атакъ. Атаки въ районѣ Кирибабы и Дорна-Ватры, а также и въ Добруджѣ нами отбиты. Наша подводная лодка «Тюлень» вблизи Босфора захватила турецкій вооруженный транспортъ «Родосто» и привела въ Севастополь. Къ сѣверу отъ Соммы германцы заняли нѣсколько участковъ французскихъ траншей на опушкѣ лѣса Сень-Пьеръ-Ваастъ. Къ югу отъ Соммы французы овладѣли первой германской линіей въ 2 километра и заняли деревню Гуермонъ; пока насчитывается 800 плѣнныхъ. Англичане значительно улучшили свое положеніе близъ Швабскаго редута.

На фронтѣ Струмы сербы продолжали атаки вдоль всей своей линіи и захватили нѣсколько болгарскихъ траншей. Непріятель рѣшилъ защищать Монастырь, и весьма вѣроятно, что онъ готовится новое наступленіе. На Струмѣ непріятель занимаетъ линію Сересъ—Навъянъ—Баракли—Джема—Ионпманъ.

Десантный французскій отряд занялъ аѳинскій вокзалъ Ларисской желѣзной дороги съ цѣлью воспрепятствовать отправленію военного снаряженія въ Фессалію.

3-го октября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что въ районѣ сѣвернѣ Корытницы упорные бои продолжаются. Контръ-атаки противника отбиваются съ огромными для него потерями. Въ районѣ Зборова происходят упорные бои. Сѣвернѣ Станиславова противникъ пытался выйти изъ своихъ окоповъ, но былъ загнанъ обратно. Въ районѣ Коротнево и Кирлибабы происходят ожесточенныя безуспѣшныя атаки противника. Къ югу отъ Дорна-Ватры противникъ ведетъ наступленіе большими силами.

Къ югу отъ Соммы отражены контръ-атаки германцевъ противъ позицій, захваченныхъ французами въ теченіе дня. Вечеромъ французы проникли въ деревню Сайи—Сайсель. Заняли дома, расположенные вдоль дороги изъ Бопома. Операциі англичанъ по содѣйствию съ редутами «Stuff» и «Schwabes» вполне удалась; общій итогъ плѣнныхъ превышаетъ 300 человекъ. На склонахъ Пазубіо и въ долинѣ Позины непріятельскія атаки итальянцами успѣшно отражены.

На сѣверномъ и сѣверо-западномъ фронтахъ румыны вновь заняли деревню Поіана-Саратъ въ долинѣ Ойгузь. Непріятель въ долинѣ Бузео отступилъ послѣ того, какъ были отбиты его атаки на Предеаль. У Гувале и у Сузена румыны отошли. Въ Добруджѣ отбита непріятельская атака на румынскій лѣвый флангъ.

4-го октября въ районѣ сѣвернѣ Корытницы продолжаются упорные бои. Взятъ одинъ пулеметь и 50 плѣнныхъ. Въ районѣ Дорна-Ватры всѣ атаки противника отбиты. Въ приморскомъ направленіи наша артиллерія вела удачный обстрѣлъ порта Тире-Болу.

На фронтѣ Струмы англійскіе партули проникли въ Бурсукъ, откуда выбили непріятельскіе отряды. Въ долинѣ Ойгуза, около границы, румынскія войска отразили всѣ непріятельскія атаки. Въ долинѣ Бузеу румыны отразили атаки на Браточу и, перейдя въ наступленіе, выбили непріятели изъ долины Полистоака. Въ долинѣ Жіу румыны захватили приступомъ вершины Нергу и Заноага. Въ Америкѣ откликнулись на призывъ присоединиться къ партіи Ванзелоса 300.000 грековъ.

5-го сентября нашими войсками были отбиты атаки противника юго-восточнѣ Озеряны, сѣвернѣ Корытницы, южнѣ Керешмеца, и близъ Дорна-Ватры и на гору Судинъ-Дагъ.

Въ долинѣ Бузеу румынская артиллерія вынудила непріятели отступить на сѣверъ. Къ западу отъ Толгеса румынскими войсками отражены непріятельскія атаки.

Итальянскіе и французскіе гидроаэропланы произвели развѣдки западнаго побережья Истріи и бомбардировали непріятельскія суда и укрѣпленія.

Союзныя суда высадили десантъ въ Пирей. Моряки союзнаго флота заняли греческія суда «Аверовъ», «Килькисъ» и «Лемносъ». Греческій кабинетъ подаль въ отставку вслѣдствіе разногласій между королемъ и членами кабинета, высказавшимися въ пользу вмѣшательства. Въ греческихъ провинціальныхъ городахъ произошли большія воленія, направленныя противъ аѳинскаго правительства.

6-го октября штаб Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что сѣвернѣ деревни Киселинъ германцы атаковали наши окопы, но были отброшены. Въ районѣ восточнѣ мѣстечка Свиноухи ожесточенный бой продолжается. Всѣ атаки противника отбиты.

Къ сѣверу отъ Соммы французы завершили захватъ деревни Сайи-Сайизель и сбросили непріятеля съ кражей къ сѣверо-западу и сѣверо-востоку отъ деревни. Къ югу отъ Соммы французы захватили передовую германскую линію между Мезонеттъ и Біашъ; взято въ плѣнъ 250 человекъ. Успѣшной атакой англичане расширили свой фронтъ къ сѣверу отъ Гедекура и въ направленіи холма Варланкуръ. На Монте-Пазубіо итальянцы взяли приступомъ непріятельскія линіи къ сѣверу отъ горной вершины. На правомъ берегу Вардара французы заняли непріятельскія траншеи на 400 метровъ вглубь непріятельскаго расположенія. Сербы продолжаютъ продвигаться впередъ на сѣверо-западныхъ склонахъ Доброполья. На румынскомъ театрѣ непріятельскія атаки на сѣверномъ и сѣверо-западномъ фронтахъ отражены.

7-го октября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что сѣвернѣ мѣстечка Киселинъ упорный бой. Сѣвернѣ Куропатники противникъ ведетъ ожесточенныя безуспѣшныя атаки. Южнѣ Дорна-Ватры противникъ перешелъ къ наступленію и атаковалъ наши части. Сѣвернѣ горы Ламунтелю переходомъ въ наступленіе мы сбили противника съ ряда высотъ. Въ Добруджѣ противникъ открылъ сильный огонь и перешелъ въ наступленіе; атаки противника отбиты; бой продолжается. Наша подводная лодка потопила въ районѣ Босфора два турецкихъ парохода.

Къ югу отъ Соммы французы снова нѣсколько продвинулись между Мезонеттомъ и Біашемъ.

Къ сѣверу отъ Соммы отражена непріятельская атака къ сѣверо-востоку отъ Сайи-Сайисель.

Въ районѣ озера Дойранъ болгарскія атаки къ сѣверу отъ Доджели отражены союзниками. На лѣвомъ берегу Црны сербы овладѣли деревней Бродъ. Къ сѣверу отъ Пожира сербы обратили въ бѣгство болгаръ. Въ Агасѣ румыны, атаковавъ противника, уничтожили 12 орудій и захватили 600 плѣнныхъ; другой румынскій отрядъ въ направленіи Гойоаза захватилъ 300 плѣнныхъ и нѣсколько пулеметовъ. Въ горномъ проходѣ Бранъ-Торцбургѣ румыны продвинулись по направленію къ Драгославу.

Опубликованъ отвѣтъ норвежскаго правительства на заявленный державами согласія протестъ противъ допущенія въ норвежскія территоріальныя воды военныхъ и коммерческихъ подводныхъ лодокъ.

На Монте-Пазубіо непріятельскія контръ-атаки были успѣшно отражены итальянцами.

Членъ Государственнаго Совѣта, сенаторъ, генераль-адъютантъ Ф. Ф. Тревль назначенъ военнымъ генераль-губернаторомъ занятыхъ нами въ Австро-Венгріи областей.

8-го октября убитъ газетнымъ издателемъ Адлеромъ австро-венгерскій мистръ-президентъ Штюргк въ Вѣнѣ во время обѣда.

8-го октября въ районѣ д. Ярославецъ и въ районѣ деревни Конюхи наши

войска захватили плѣнных; на остальномъ протяженіи нашего фронта никакихъ болѣе существенныхъ военныхъ дѣйствій не наблюдалось.

Наступленіе противника на рѣкѣ Нараяовкѣ и къ югу отъ Дорна-Ватры отбито.

Итальянскій отрядъ въ Албаніи занялъ Ліясковики.

Въ Греціи начался фактический контроль союзниковъ за назначеніемъ французскихъ офицеровъ въ полицію и жандармерію. Отношенія между Греціей и союзниками нѣсколько улучшились вслѣдствіе объясненій, данныхъ королемъ Константиномъ англійскому посланнику, но въ общемъ положеніе попрежнему продолжало оставаться тревожнымъ и неопредѣленнымъ. Девять директоровъ временнаго правительства въ Солуни принесли присягу въ присутствіи національнаго триумvirата.

9-го октября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ, что на рѣкѣ Нараяовкѣ, въ районѣ деревень Свистельники и Скоромохи-Нове идутъ упорные бои за обладаніе высотами и лѣсами западнаго берега рѣки. Позиціи переходятъ изъ рукъ въ руки. Въ Добруджѣ противникъ ведетъ атаки по всему фронту; подъ натискомъ его наши и румынскія войска нѣсколько отошли назадъ.

И къ сѣверу и къ югу отъ Соммы французами отбитъ рядъ ожесточенныхъ атакъ противника (у деревни Сайи-Сайсель и между Біашемъ и Ля-Мезоннетомъ). Въ районѣ Шона французы заняли лѣсъ къ сѣверу отъ этого мѣстечка.

Англичане нѣсколько продвинулись по сосѣдству отъ Варланкурскаго холма и сдѣлали успѣшный набѣгъ на непріятельскія траншеи къ югу отъ Невшапелля. 8-го октября утромъ англичане, отразивъ атаку противъ редута «Швабенъ», произвели удачную атаку между Швабеномъ и Лезарь, продвинули свою линію на 300—500 ярдовъ и захватили траншеи «Stuff» и Regina».

На участкѣ Эрнарета сербская армія Мишича продвинулась къ деревнѣ Бордуэнци въ 3¼ миляхъ отъ Вродь. Въ Солунь прибыли сильные отряды русскихъ и французскихъ войскъ.

10-го октября попытки противника переправиться черезъ Болдурку отражены. Въ долинахъ рѣкъ Тротуса, Ойтуза и Сланицы противникъ отступилъ.

На западной границѣ Молдавіи успѣшные для румынъ бои продолжаются. Въ Добруджѣ подъ натискомъ противника наши и румынскія войска отходятъ, оказывая сопротивление. Непріятельскіе аэропланы появились близъ Ширнеса. Одинъ непріятельскій гидропланъ упалъ въ море. Во время операцій между редутами Швабенъ и Лезарь британскими войсками захвачено въ плѣнъ 1.018 человекъ. Агентство Вольфа признаетъ, что германскій крейсеръ «Мюнхенъ» пострадалъ отъ мины, выпущенной въ него британской подводной лодкой въ Сѣверномъ морѣ. Союзники предъявили требованія греческому королю о переводѣ войскъ изъ Фессаліи въ Пелопоннесъ и о выдачѣ военнаго матеріала.

11-го октября юго-восточнѣ озера Ванъ, сѣвернѣе мѣстечка Дизи, наши части отбросили курдовъ, захватили припасы и 400 головъ скота. Наступленіе противника въ районѣ Оршовой отбито огнемъ. Въ Добруджѣ Констанца и Меджидіэ заняты противникомъ.

Британскія войска къ югу отъ Анкра продвинули линію къ востоку отъ Гедекура и Лебефа на 1.000 ярдовъ. Въ Зеландіи спустился германскій бипланъ, находившіеся на немъ авіаторы интернированы. Въ Египтѣ британскій отрядъ на верблюдахъ, содѣйствуя блиндированному автомобилю, очистилъ оазисъ Докла и оазисъ Бокаріо. Взяты плѣнные. Германскія власти въ Польшѣ насильственными мѣрами привлекаютъ польскихъ рабочихъ въ Германію. Греческое временное правительство въ Солуни предъявило ультиматумъ Болгаріи, требуя очищенія Восточной Македоніи.

12-го октября къ югу отъ Дорна-Ватры нашими передовыми частями противникъ сбить съ ряда высотъ. На сѣверо-восточномъ фронтѣ противникъ атаковалъ румынскія войска у Предеалу въ долину Тиргулуй у Кимполунга и въ долину Жіуля, и принудилъ ихъ нѣсколько отойти. Въ Добруджѣ атаки противника продолжаются по всему фронту; наши и румынскія войска, отходя съ боемъ къ сѣверу, вынуждены были оставить линію Черноводы—озеро Тасавлу.

На правомъ берегу Мааса французы произвели блестящую атаку на протяженіи 7 километровъ; въ центрѣ движеніе достигаетъ 3 километровъ въ глубину. Деревня и фортъ Дуомонъ—въ рукахъ французовъ. Пока насчитывается 3.500 плѣнныхъ. На Цриѣ сербы завладѣли неприятельскими траншеями на 800 метровъ въ глубину. На итальянскомъ фронтѣ происходили только артиллерійскіе бои. За послѣднія сутки германцами потоплено и захвачено 14 норвежскихъ судовъ.

13-го октября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что на золочовскомъ направленіи противникъ небольшими частями переходилъ въ наступленіе, но былъ отброшенъ. Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ противникъ наступалъ на высоту у горы Капуль, но былъ остановленъ нашимъ огнемъ. Въ Персіи наши части заняли городъ Биджаръ.

На сѣверо-восточномъ фронтѣ румынскимъ войскамъ удалось остановить наступленіе противника. Подъ Верденомъ французы успѣшно отбили три послѣдовательныя контръ-атаки неприятеля. У лѣса Фомъ и у Шенуа французы продолжаютъ продвигаться впередъ. Эскадра англійскихъ аэроплановъ успѣшно бомбардировала доменная печи въ Халендантѣ. Сербы совершили нѣсколько успѣшныхъ атакъ.

14-го октября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что атаки небольшихъ частей германцевъ на наши позиціи южнѣе Риги были отбиты. Противникъ перешелъ въ наступленіе противъ нашихъ передовыхъ частей, расположенныхъ на западномъ берегу Шары, въ районѣ деревни Голдовичи, и принудилъ ихъ отойти на восточный берегъ рѣки. Въ районѣ къ югу отъ Рафаилова и къ западу отъ Ворохты попытки противника переходить въ наступленіе были остановлены. Отброшены небольшія части турокъ, пытавшихся наступать къ Шарафхану. Въ саккизскомъ районѣ наши войска отбили у турокъ часть ихъ транспорта.

На западной границѣ Молдавіи румыны, перейдя въ короткое наступленіе, захватили деревню Боянъ и высоту Пятра-Роткуль. На границѣ Сѣверной Валахіи румыны остановили наступленіе противника. По обѣимъ сторонамъ рѣки

Жіу ожесточенные бои продолжаютя. Въ Добруджѣ атаки противника продолжаютя по всему фронту. Наши и румынскія войска отходятъ къ сѣверу отъ линіи Гирсово—Кацапкой.

На верденскомъ фронтѣ нѣсколько послѣдовательныхъ атакъ отражены французами съ огромными потерями для противника; линія французскаго фронта осталась неприкосновенной; общее число плѣнныхъ превышаетъ 5.000.

На сѣверной границѣ Молдавіи непріятель повсюду отброшенъ по ту сторону границы и въ настоящее время занимаетъ лишь уголь, заключенный между Сумицей и долиной Тротусъ, а также часть долины Узуль.

Германскими подводными лодками потоплены 1 англійскій траллеръ, 3 норвежскихъ парохода и 2 барки и уведены 2 норвежскихъ парохода.

Австро-венгерское правительство опубликовало новую «Красную книгу», содержащую сообщенія о нарушеніяхъ международнаго права, якобы совершенныхъ государствами, воюющими съ Австро-Венгріей.

15-го октября на обоихъ берегахъ рѣки Быстрицы, въ районѣ Дорна-Ватра, противникъ произвелъ рядъ ожесточенныхъ атакъ, вынудивъ наши передовыя части оставить двѣ высоты. Атаки противника къ югу отъ вышеуказаннаго района успѣха не имѣли. У перевала Бранъ, въ долину рѣки Тиргулуй и въ долину рѣки Жіули ожесточенныя атаки противника продолжаютя.

Германская атака къ западу отъ Дуомона французами отражена. 10 германскихъ контръ-миноносцевъ совершили набѣгъ на транспорты въ Ламаншъ; потоплены два непріятельскихъ контръ-миноносца, остальные прогнаны. У союзниковъ потопленъ пустой транспортъ «Queen», одинъ контръ-миноносець потерпѣлъ аварію отъ мины; нѣтъ свѣдѣній о контръ-миноносцѣ «Flirt».

16-го октября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ: на хамаданскомъ направленіи значительныя силы турокъ перешли въ наступленіе, которое нами остановлено. На буруджирскомъ направленіи курды отброшены до селенія Туля. Наступленіе противника въ районѣ Негрой отбито нашимъ огнемъ.

Въ долину рѣки Узы румыны отбросили противника, захвативъ около тысячи плѣнныхъ, въ долину рѣки Бузео овладѣли горой Голу-Тегерелуй, къ сѣверу отъ Кимполунга, деревней Лирашти, взявъ при этомъ въ плѣнъ 300 германцевъ, въ долину рѣки Ольты продвинулись на 10 верстъ къ сѣверу отъ Салатрука. Въ долину рѣки Жіуль противникъ опрокинутъ румынами и бѣжалъ въ горы; взято въ плѣнъ 900 баварцевъ.

На солунскомъ фронтѣ попытка непріятели захватить Орманли союзниками отражена. Въ излучинѣ Црны сербы продвинулись впередъ. Французы овладѣли деревней Гардилово и системой непріятельскихъ траншей.

Германскими подводными лодками потоплены датская шхуна и 2 норвежскихъ парохода.

17-го октября на западномъ фронтѣ, въ Трансильваніи и Добруджѣ ничего существеннаго не произошло. На кавказскомъ фронтѣ въ районѣ западнѣе Петра-Кале и Чухуръ-Норшена (сѣвернѣе Битлиса) успѣшныя для насъ столкновенія развѣдывательныхъ частей. На хамаданскомъ направленіи противникъ выбить изъ деревень Ахметабадъ, Инджилбачи, Учтепе, Хатамабадъ, Віандъ и Мавре.

Къ сѣверу отъ Соммы французы заняли цѣлую систему германскихъ траншей, къ сѣверо-западу отъ Сайи-Сайзель. Изъ мести за новое поражение подъ Верденомъ германцы ожесточенно бомбардировали Реймсь. Къ сѣверо-востоку отъ Лефебъ англичане захватили нѣсколько важныхъ германскихъ траншей.

На солунскомъ театрѣ сербы захватили нѣсколько неприятельскихъ траншей. Къ сѣверу отъ Велисело между сербами, поддерживаемыми французской артиллеріей, и германо-болгарами идетъ ожесточенный бой.

18-го октября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ: на луцкомъ направленіи въ районѣ Пустомыты и у Ошева наши части захватили вынесенные впередъ окопы противника и утвердились въ нихъ. Къ югу отъ Бржежанъ, въ районѣ деревни Мичицувъ и д. Липицы-Дольной противникъ повелъ рядъ послѣдовательныхъ атакъ на наше расположеніе, атаки были отбиты. Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ имѣли мѣсто артиллерійская перестрѣлка и поиски развѣдчиковъ. Сѣверо-западнѣ Гюмишъ-Ханы части одного изъ нашихъ доблестныхъ полковъ энергично атаковали турокъ. На хамаданскомъ направленіи наши войска съ боемъ овладѣли селеніями Куриджанъ и Морамъ.

Германцы неоднократно пытались наступать на рижскомъ фронтѣ, но безуспѣшно.

Англичане продвинулись къ сѣверо-востоку отъ Лефебъ и заняли еще одну неприятельскую траншею. Съ утра 15-го октября начались бои у Виджара.

Въ Трансильваніи атаки противника въ районѣ Буштени въ долинѣ рѣки Прахова отбиты. Ожесточенные бои въ районѣ Кимполунга продолжаются. Въ долинѣ рѣки Жіу румыны продолжаютъ тѣснить противника къ сѣверу. Въ долинѣ Прахова румыны отразили неприятельскія атаки, въ районѣ Драгослава продвинули свое лѣвое крыло. Въ долинѣ Жіу преслѣдованіе неприятеля румынами продолжается.

Германской подводной лодкой потопленъ англійскій пароходъ «Magina»; капитанъ и 50 человекъ погибли.

19-го октября на нашемъ западномъ фронтѣ къ югу отъ Бржежанъ, въ районѣ Мичицува, Липицы-Дольной и къ востоку отъ деревни Свистельники, шли упорные бои. Въ районѣ Мичищувскаго лѣса противникъ въ превосходныхъ силахъ, послѣ сильнѣйшаго огня тяжелой артиллеріи, атаковалъ наши части и, несмотря на ихъ упорное сопротивление, потѣснилъ ихъ на южную опушку названнаго лѣса. Въ районѣ деревень Липица, Дольная и Свистельники атаки противника отбиты съ большими потерями. Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ попытки противника атаковать наше расположеніе въ 8 верстахъ къ югу отъ города Пневи успѣха не имѣла.

На румынскомъ фронтѣ въ Трансильваніи въ долинѣ рѣки Ольты противникъ, занявъ деревни Раковица и Титешти, нѣсколько оттѣснилъ румынскія войска къ югу. Эти послѣднія закрѣпляются на высотахъ къ югу отъ указанныхъ деревень.

На фронтѣ добруджской арміи происходили лишь поиски развѣдчиковъ.

На лѣвомъ берегу Струмы англичане разбили болгаръ, взяли деревню Баракли-Дзюма и захватили 315 плѣнныхъ.

20-го октября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что послѣ нѣсколькихъ отбитыхъ нами атакъ непріятель овладѣлъ нашими передовыми окопами, вынесенными на западный берегъ рѣки Стохода въ районѣ Витонежа и къ югу отъ него. Въ районѣ западнѣе Саккиза мы атаковали укрѣпленную позицію турокъ; турки очистили позицію и отступили. На биджарскомъ направленіи наши части послѣ упорнаго боя съ превосходными силами противника отошли къ деревнѣ Віанли и Ширикъ-Блуагъ. Въ долиинѣ рѣки Ольты бои продолжаются, въ долиинѣ рѣки Жіу преслѣдованіе противника продолжается. Въ Добруджѣ наблюдалась усиленная дѣятельность развѣдывательныхъ частей.

Селеніе Градилово занято французами. Къ сѣверу отъ Соммы наши союзники значительно продвинулись впередъ. Общій итогъ нераненыхъ плѣнныхъ, взятыхъ французами на верденскомъ фронтѣ съ 11-го октября, достигаетъ 6.011.

Вдоль всего фронта Струмы начались бои; англичане заняли Баракли-Джуму, а также селенія Прозеникъ и Кумли. На Црнѣ сербы продвинулись впередъ и захватили нѣсколько непріятельскихъ траншей.

Германской подводной лодкой потопленъ греческій пароходъ.

21-го октября на рѣкѣ Стоходѣ въ районѣ Витонежа и экономіи Александровки бои продолжаются; батальону одного изъ нашихъ полковъ удалось отбросить противника, занявшаго часть нашихъ окоповъ на западномъ берегу рѣки Стохода. Въ районѣ высотъ къ востоку отъ деревни Липица-Дольная наши части въ нѣсколькихъ мѣстахъ отгѣснили противника.

Къ сѣверу отъ Соммы французы вновь продвинулись впередъ; число взятыхъ въ плѣнъ достигаетъ 736. Германцы эвакуировали фортъ Во; такимъ образомъ, поясъ внѣшнихъ верденскихъ фортовъ теперь возстановленъ полностью и твердо удерживается французскими войсками.

Итальянцы захватили непріятельскія траншеи въ районѣ Горицы, взяли приступомъ Великій Грибачъ, высоту «376», гору Печинки и высоту «308» на Карсо, продвинулись впередъ на одинъ километръ къ востоку отъ Сегети и въ нѣсколькихъ пунктахъ прошли за сильную непріятельскую линію къ югу дороги изъ Оппанкіаселла въ Кастаневиццу; взято въ плѣнъ 4.731.

На фронтѣ Струмы англійская артиллерія вмѣстѣ съ флотомъ бомбардировала позиціи непріятеля у Неохори. Въ долиинѣ Прахова и въ районѣ Драгослава румыны отбили непріятеля. Къ западу отъ Жіу преслѣдованіе непріятеля продолжается.

Англійскія развѣдочныя суда отняли у германцевъ захваченный ими голландскій пароходъ «Oldamdt» и послѣ боя обратили въ бѣгство подошедшіе къ нему германскіе контръ-миноносцы.

22-го октября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что въ районѣ къ сѣверу отъ Шельвова атака нѣмцевъ отбита. Въ районѣ лѣсовъ къ югу отъ деревни Мичищувъ и восточнѣе деревни Липица-Дольная идутъ упорные бои. Наши части мѣстами отбросили противника, однако ему удалось занять часть нашихъ передовыхъ окоповъ на высотахъ къ востоку отъ деревни Липица-Дольная. Вой продолжается. Къ югу отъ Огнота турки повели наступленіе на фронтѣ Сиги—Колдаръ—Гулдаръ и Неликенъ, но были

отбиты и обращены въ бѣгство. Небольшія партіи турокъ перешли въ наступленіе въ томъ же районѣ на фронтѣ Хозаршахъ—Чермукъ—Шамиракъ и Кандась, но были остановлены.

Послѣ взятія форта Во французы продвинулись къ окраинѣ деревни Во; непріятель не оказалъ противодѣйствія. Къ сѣверу отъ Соммы отбита попытка германцевъ выбить французовъ изъ занятыхъ ими траншей на опушкѣ лѣса Сень-Пьерръ-Ваастъ. Англичане захватили траншею германцевъ къ востоку отъ Гедекура; непріятельская контръ-атака отражена.

На Карсо итальянцы достигли важной линіи: гора Файти—высота «319»—высота «229»; взято въ плѣнъ 3.498. 11-й армейскій корпусъ продолжаетъ развивать успѣшное наступленіе въ направленіи на Вишахъ.

На жиульскомъ направленіи подъ давленіемъ румынъ противникъ продолжаетъ отходить къ сѣверу. Въ долинѣ Бузеу румыны заняли горы Сиріуль и вершину Татаруль. Въ Табла-Бутци румынскія войска продвинулись, перейдя границу.

На западномъ берегу Солунскаго залива армія національной обороны заняла городъ Экатарини, гарнизонъ котораго вынужденъ былъ отступить передъ превосходными силами.

Почтовый пароходъ «Doukka» успѣшно выдержалъ бой съ непріятельской подводной лодкой и ушелъ отъ ея преслѣдованія. Потоплены непріятелемъ англійскіе пароходъ и траллеръ.

23-го октября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ: послѣ сильнаго обстрѣла химическими снарядами деревни Можайки (сѣвернѣе Поставы) германцы потѣснили наши части изъ этой деревни, но нашимъ огнемъ были вынуждены очистить занятую ими деревню, которая была вновь нами взята. Въ районѣ Городище (къ сѣверу отъ Поставы) нѣмцы послѣ сильнаго огня траншейныхъ орудій произвели газовую атаку. Въ районѣ къ западу отъ деревни Бубнова и въ районѣ шоссе Броды—Золочевъ удачные поиски нашихъ развѣдывательныхъ отрядовъ. Въ районѣ Мичишувскаго лѣса и деревни Липица-Дольная бой затихъ. Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ, въ районѣ 2 версты къ югу отъ горы Капуль, удачнымъ огнемъ нашей артиллеріи батарея противника была вынуждена оставить свою позицію. Къ югу отъ Дорна-Ватры наши войска нѣсколько продвинулись, занявъ рядъ высотъ между горой Ла-Мунтелу и деревней Холло и къ юго-востоку отъ Путно.

На кавказскомъ фронтѣ противникъ значительными силами занялъ Биджаръ и Біанли, что сѣверо-восточнѣе Биджара. Нападеніе турокъ на Султанабадъ нами отбито.

На румынскомъ фронтѣ перестрѣлки и столкновенія обѣихъ сторонъ происходили на линіи Касимджа, Иримникъ, Таверды, Девендерія.

Къ сѣверу отъ Соммы французы продвинулись впередъ въ различныхъ пунктахъ на значительное разстояніе отъ района къ югу отъ Транслуа до южной части лѣса Санъ-Пьерръ-Ваастъ; взято въ плѣнъ свыше 500. Французы заняли всю деревню Во. Англичане въ различныхъ пунктахъ фронта продвинулись впередъ; въ центрѣ они заняли возвышенный участокъ близъ холма Варланкуръ. На фронтѣ Юлійскихъ Альпъ отмѣчаются новые успѣхи итальян-

цевъ. Германская подводная лодка, сѣвшая на мель близъ Ютландіи, послѣ безуспѣшныхъ попытокъ сняться взорвалась; экипажъ перебрался на германскія суда. Потоплены два англійскихъ парохода.

23-го октября генераль-губернаторомъ Варшавы объявлено населенію русской Польши, что Польша признается государствомъ съ наслѣдственнымъ монархическимъ управленіемъ, и объявленъ наборъ войскъ.

24-го октября сообщеніе штаба Верховнаго Главнокомандующаго гласило: на западномъ фронтѣ въ районѣ къ востоку отъ деревни Липица-Дольная и къ западу отъ деревни Славентинъ противникъ нѣсколько разъ переходилъ въ наступленіе для овладѣнія занимаемыми нами командующими высотами. Всѣ попытки противника были отбиты нашимъ сильнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ. Вой продолжается. Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ противникъ трижды атаковалъ наши войска въ районѣ высоты 5781 (въ 10 верстахъ къ югу отъ горы Пневи), однако повторныя атаки его успѣха не имѣли; всѣ три раза онъ былъ отбитъ нашимъ огнемъ. Въ районѣ Кирлибаба противникъ атаковалъ расположеніе одного изъ нашихъ молодыхъ, но доблестныхъ полковъ въ 3¹/₂ верстахъ къ востоку отъ этого пункта, но былъ отбитъ. Атака была повторена дважды, причемъ во время послѣдней атаки противникъ ворвался въ наши окопы и захватилъ одинъ нашъ пулеметъ; нашей контръ-атакой противникъ былъ выбитъ изъ окоповъ, а захваченный имъ пулеметъ былъ отбитъ. Въ районѣ къ югу отъ горы Ла-Мунтелу наши войска съ боемъ заняли рядъ высотъ, захвативъ при этомъ въ плѣнъ 8 офицеровъ, 386 нижнихъ чиновъ, 6 пулеметовъ, 61 ящикъ со снарядами и 18 съ пулеметными лентами.

На кавказскомъ фронтѣ повторныя попытки турокъ атаковать наши части къ юго-западу отъ Огнота были остановлены нашимъ огнемъ.

На румынскомъ фронтѣ въ Трансильваніи на предеальскомъ направленіи послѣ упорныхъ и продолжительныхъ боевъ румыны были вынуждены нѣсколько отойти къ югу. Въ районѣ Лирешти (въ долину рѣки Тиргулуй) всѣ активныя попытки противника были отбиты. Въ долину рѣки Жіу румыны продолжали тѣснить противника къ сѣверу. На дунайскомъ фронтѣ наблюдались удачныя для насъ столкновенія конницы и передовыхъ частей пѣхоты.

У ЧУЖИХЪ АЛТАРЕЙ ¹⁾.

(Романъ).

Три эпилога.

I.

«Non omnia possunt omne».

Virg,

РИ РАЗСТАВАНЬѢ съ Денисомъ Мартыновичемъ Заслонный взялъ съ него слово, что тотъ будетъ высылать ему корреспонденціи о мѣстныхъ дѣлахъ и дѣлишкахъ, а онъ позаботится пристраивать ихъ въ московскихъ изданіяхъ—за приличные гонорары.

— Ну, и о нашихъ общихъ знакомыхъ дадите мнѣ вѣсточку, какъ и что. Понимаете?

Денисъ Мартыновичъ понялъ, конечно, по-своему. При каждой статейкѣ о гминныхъ войтахъ и чиншахъ, о прижимкахъ лѣсновскаго цензора и «вымоганіяхъ» полицейскихъ чиновъ, объ успѣхахъ ксендзовъ и «домоганьяхъ польшизны» Заслонный получалъ отъ него краснорѣчивыя воспѣванія своей бывшей невѣсты.

«Можете насъ поздравить,—писалъ онъ ему вдогонку:—вслѣдъ за вашимъ отъѣздомъ у насъ появилась страшнѣйшая холерная эпидемія. Процентъ смертности ужасающій, особливо среди евреевъ. Надумали мы съ Лидіей Алексѣвной устроить бесплатную чайную отъ редакціи. Кавалье, въ благородномъ восторгѣ, отвелъ намъ

¹⁾ Окончаніе. «Истор. Вѣстн». т. CXLVI. стр. 273.

«Истор. вѣстн.», декабрь 1916 г., т. CXLVI.

отдѣльную комнату, купилъ голову сахара и пять фунтовъ чаю. Ну-съ, полный успѣхъ однимъ словомъ. Съ перваго же дня отбою не было отъ алчущихъ и жаждущихъ. Признаться, даже работать мѣшали подчасъ. Кавальерша, какъ водится, на дыбы. Дескать, пустая затѣя, излишній расходъ, и просто курамъ на смѣхъ, до чего обозлилась. Даже худѣть начала. Кавалье испугался и тоже занылъ—въ отбой. Тогда мы пустились на хитрость. Уговорили отпечатать воззваніе къ общественной благотворительности. Ну-съ, и дѣло въ шляпѣ. Обезпечены натурой и деньгами вплоть до глубокой осени. Разнаряженные дамы и барышни пріѣзжаютъ смотрѣть, какъ это молодая, изящная дѣвушка изъ собственныхъ рукъ поить стоящую подѣ окномъ толпу «грязныхъ, отвратительныхъ нищихъ и жидовъ»,—отъ которыхъ, *fi donc!* воняетъ, можетъ быть, за версту, на которыхъ и взглянуть даже гадко. Ну-съ, а Лидія Алексѣевна не только глядитъ безъ всякаго отвращенія, но еще и на дому посѣщаетъ кое-кого изъ нихъ. И всѣ эти нищіе чуть не молятся на нее. Да и не одни только нищіе. Вчера при мнѣ къ окну подошелъ молоденькій офицерикъ, изъ тѣхъ, что задаютъ ей по вечерамъ серенады на флейтахъ, и, краснѣя, какъ школьникъ, подаетъ ей синенькую кредитку: «На чай для бѣдныхъ»... Однимъ словомъ, у насъ въ Лѣсновѣ она—центръ, *per vim vitae*. Съ помощью такихъ вотъ именно женщинъ и должна создаваться новая жизнь и новые люди. Давай Богъ побольше...»

Заслонный лукаво улыбался, читая между строкъ, и ждалъ неизбѣжной «перемѣны погоды». Ожиданія оправдались скорѣе, чѣмъ онъ рассчитывалъ. Обширная корреспонденція, спустя нѣсколько дней, о новыхъ растратахъ въ попечительствѣ «Доброхотной Копейки» сопровождалась только краткой припиской: «Холера у насъ сократилась, но мерзости житейской оттого не убавилось. Удивительная способность у нашихъ обывателей чернить и злословить все, что на нихъ не похоже. Подглядываютъ въ щелку, подслушиваютъ подѣ окнами—и плетутъ, плетутъ на всю губернію... Супруги Кавалье, какъ водится, благодушествуютъ на дачѣ; отдуваться за всѣхъ приходится намъ съ Лидіей Алексѣвной. До разсвѣта работаемъ съ ней вдвоемъ передъ выпускомъ каждаго нумера. Чудесная работница, правду сказать, но временами все же побаиваюсь ея. Слишкомъ ужъ гордая, мятежная это душа. Не смѣешь и прикоснуться».

«Съ общественной силой у насъ все еще слабовато,—писалъ онъ опять черезъ мѣсяцъ,—и на гражданскія добродѣтели спроса нѣтъ ни малѣйшаго. Все больше насчетъ сантимановъ да... «амановъ». Даже старый вашъ санюлотъ начинаетъ, какъ будто, тово... прихварывать. Живой водицей вспрыснуть бы не мѣшало,—да гдѣ ея взять?! Ну-съ, а ваше жениховское мѣсто, почтеннѣйшій другъ, тщится занять нѣкій шляхтичъ «зъ выгнанцевъ». Видать по всему—поль-

ская «сржава». Не то переводятъ «Роксоланью»¹⁾, не то сочиняютъ собственную поэму вдвоемъ на Замковой горѣ. Весь городъ трубить теперь о «новыхъ поэтахъ». Лидію Алексѣевну прозвали «лѣсновской Сафо», и, между нами сказать, препогано хихикаютъ при этомъ. Нашему брату остается только хлопать глазами да мотать себѣ на усъ матеріаль для новой статейки. Однако боюсь и я, какъ бы тутъ худо не кончилось. Съ одной стороны, эта польская сржава²⁾, а съ другой—вулканическая натура и фантазіи столько, что дѣвать ее некуда. «Безъ героевъ и жизни нѣтъ»... И «лучше мгновеніе молніи, чѣмъ столбѣтіе червяка»... Ну-съ, изволите видѣть. А по-нашему, по простецкому, дѣвицѣ стукнуло уже двадцать годковъ—замужъ давно пора».

«Вотъ оно что!» злорадно подумалъ Заслонный, и не безъ тревоги ждалъ «продолженія».

Но Денисъ Мартынычъ съ тѣхъ поръ замолчалъ, какъ убитый. Даже на дѣловые запросы не отвѣчалъ ни слова. Только въ концѣ уже года пришло отъ него извѣстіе—печатный листокъ «Полицейскихъ Вѣдомостей», съ отмѣткой красными чернилами въ рубрикѣ «происшествій»: «7-го декабря, поздно вечеромъ, подъ окнами дома, занимаемаго редакціей «Лѣсновскаго Голоса», покушался на самоубійство слущкій дворянинъ Ольгердъ Феликсовичъ Свенчъ, 22 лѣтъ. Раненаго въ грудь револьверной пулей навылеть въ безсознательномъ состояніи отвезли въ городской лазаретъ при костелѣ святого Якуба. При осмотрѣ врачомъ найдено залитое кровью письмо къ неизвѣстной Лидіи. Объяснить причины, побудившія его къ покушенію на самоубійство, О. Ф. Свенчъ отказался». И тутъ же на бланкѣ съ адресной вѣдомостью—приписка Дениса Мартыновича: «Ну-съ, вотъ и дождались героя! Плохо, батенька, совсѣмъ плохо».

«Р. S. Антипова-мать, говорятъ, теперь при смерти. Лидія Алексѣевна переселилась отъ насъ въ Питеръ. А Нина поступила сестрой милосердія къ дохлomu шляхтичу—залечивать его раны. И застрѣлиться-то какъ слѣдуетъ не сумѣлъ! А еще Польшу собираются воскрешать—этакіе-то герои!»

«PP. SS. Вытащите вы меня изъ этого гнилого болота. Не найдется ли для меня какой ни на есть работишки у вашихъ славянофиловъ? Не то, ей-ей, остается одно—поступить въ извозчики. Раздобуду себѣ коня добраго, заведу сермягу исправную и—айда по всей Бѣлой Руси! Сочиню и я тогда, чего добраго, какую-нибудь этакую свою «Роксоланью», наживу себѣ деньги и славу и махну прямо въ Питеръ, сватать за себя Лидію Алексѣевну, коли не угодитъ она къ тому времени въ Петропавловку, или еще куда хуже».

¹⁾ «Roxolania»—Zemie Czerwoněj Rusi—латинская поэма XVI в. Кленовича, въ переложеніи на польск. яз. Кондратовича.

²⁾ Тяжба, интрига

Работа Денису Мартынычу у славянофиловъ нашлась, и онъ тоже перебрался въ Москву. Славы онъ не нажилъ, «Роксоланьи» не написалъ, но деньги у него завелись. Онъ замѣтно раздобрѣлъ и не столь уже яро придерживался философіи знаменитаго санкюлота. Но «планы» строилъ попрежнему и попрежнему хлопоталъ объ изданіяхъ своихъ «добросовѣстныхъ» переводовъ. Только Веніамина Франклина замѣняли теперь «Творенія» Фомы Аквината и «Житіе» Франциска Ассизскаго, а мечты о блаженной долѣ извозчика смѣнились болѣе осуществимыми мечтами—«заполучить себѣ небогатенькій чиншъ въ лѣсновскихъ палестинахъ, развести тамъ фруктовый садъ и торговать на досугѣ грушами». Лѣсновская «Гандзя» превратилась въ Анну Степановну, беззавѣтно преданную жену и помощницу.

«Ничего себѣ, живу припѣваючи,—писалъ онъ Лидіи.—А вы какъ, глубокочитимый и незабвенный другъ? Не нуждается ли въ работѣ или въ деньгахъ? Счастливъ буду всѣмъ подѣлиться. Съ Лукой Фомичемъ нерѣдко ведемъ бесѣды о васъ. Онъ попрежнему все хандрить и ничѣмъ не доволенъ. Собирается вамъ писать въ надеждѣ на перемѣну вашихъ взглядовъ на общее съ нимъ ваше дѣло».

Отвѣты приходили всегда одинаковые — «гордые и мятежные».

— Все та же!—съ торжествомъ повторялъ Денисъ Мартынычъ, а Лука Фомичъ только язвительно усмѣхался и мысленно ставилъ крестъ на самой яркой страницѣ своей личной жизни.

Но, какъ нарочно, въ тотъ самый годъ билетъ, полученный имъ отъ Лидіи, выигралъ двадцать пять тысячъ. Заслонный написалъ объ этомъ ей въ Петербургъ и послалъ письмо заказнымъ. Оно вернулось къ нему обратно съ наклеенной справкой почтамта: «Выбыла неизвѣстно куда».

— Сидить! Навѣрное, сидитъ гдѣ-нибудь!—кипятился Денисъ Мартыновичъ, и долго искалъ знакомое имя во всѣхъ газетныхъ отчетахъ о политическихъ процессахъ съ именами «государственныхъ преступниковъ» и «преступницъ».

— Нѣтъ нигдѣ! Спрашивалъ, разузнавалъ. Просто какъ въ воду канула!—признался онъ подъ конецъ Заслонному, когда рѣчь однажды зашла о «броженіи умовъ и женскомъ метаніи» въ Россійской имперіи.—Вы какъ думаете, Лука Фомичъ, чѣмъ могла она кончить?

Лука Фомичъ пошевелилъ бровями и равнодушно отвѣтилъ:

— Чѣмъ кончаютъ всѣ смертные. Умерла, вѣроятно. Климатъ плохой въ Петербургѣ, а человекъ смертенъ. И мы съ вами тоже умремъ, Денисъ Мартыновичъ, — прибавилъ онъ въ видѣ утѣшенія.

II.

«Градъ Твой сохраняй, Богородительнице, въ Тебѣ бо сей вѣрою царствуяи въ Тебѣ и утверждается, и Тобою побѣждаая побѣждаетъ, и плѣняетъ ратники и проходитъ послушаніе».

(Канонъ Великій Андреа Критскаго).

... Лидія не умерла и нигдѣ не «сидѣла». Исторія съ выстрѣломъ подъ окнами редакціи «Лѣсновскаго Голоса» сдѣлала ее тогда басней цѣлаго города. Залитое кровью письмо къ «неизвѣстной Лидіи» приложено было къ полицейскому протоколу. Но только одна Лидія знала тайну этого покушенія и «залитаго кровью» письма.

Въ несчетный разъ повторилась тутъ старая, какъ міръ, но для отдѣльной жизни всегда новая сказка о борьбѣ двухъ началъ— мужского и женскаго. Нѣжныя «цѣпи Эроса» изъ свѣжихъ, благоухающихъ розъ превращались въ змѣинья жала, грызли сердце и отравляли умъ своимъ тлетворнымъ дыханіемъ. Мужчина становился требовательнѣе, женщина—слабѣе. И «слабому полу» оставалось одно—сдаться совсѣмъ или порвать эту цѣпь. Слабая женщина растоптала цвѣты. Сильный мужчина отмстилъ. Не зная, чѣмъ и какъ привязать къ своей жизни, мужская страсть пыталась поработить ее смертью: истомивъ женскую душу тоской и болью, отдать на посмѣяніе и позоръ то, что было поэмой, сладкой и мучительной для обоихъ.

— Ты безсердечная эгоистка, Лидія!—сквозь слезы говорила ей Нина, возвращаясь впервые изъ госпиталя, гдѣ лежалъ раненый Свенчъ.—Неужели тебѣ не жаль его? Поди же къ нему, онъ зоветъ тебя!

Лидія только стискивала зубы отъ боли собственныхъ ранъ, никому не вѣдомыхъ, никѣмъ не излечимыхъ.

— Онъ думалъ этимъ приковать меня!.. Не прикуетъ никто!—гнѣвно твердила она про себя, приготавлиаясь бѣжать безъ оглядки и отъ людей съ ихъ грубымъ и тупымъ расчетомъ, и отъ того, что эти люди называли «любовью».

Вадимъ Вадимычъ Кавалье пришелъ въ смятеніе, узнавъ о рѣшеніи Лидіи переселиться совсѣмъ въ Петербургъ. Битый часъ ходилъ онъ съ ней вдвоемъ по кабинету, стараясь отговорить ее.

— Да развѣ вамъ худо здѣсь? Помилуйте, у васъ тутъ столько поклонниковъ!..

— Я и бѣгу вотъ отъ этихъ поклонниковъ.

— Но вы не будете никогда тамъ играть такой роли, какъ здѣсь. Вѣдь вы у насъ, такъ сказать, лѣсновская «знаменитость». Вы піонерка, проложившая впервые эту дорогу. Вы первая женщина

на этомъ поприщѣ. Весь городъ интересуется вами. Меня постоянно разспрашиваютъ о васъ. Здѣсь вы—«лицо», большой человекъ. А тамъ никто и не замѣтитъ васъ. Тамъ много такихъ.

— Я ѣду въ Петербургъ, какъ прежде уходили въ монастырь: на искусь, въ послушаніе...

— Что-о? Въ Петербургъ... на монастырское послушаніе?.. Кха-кха-кха!

Онъ кашлялъ и задыхался отъ смѣха, держась за раненый подъ Севастополемъ бокъ. Бѣлый крестъ такъ и прыгалъ у него на впадой груди. Лидія смотрѣла на этотъ благородный крестъ, знакомый ей съ дѣтства—еще ребенкомъ любовалась она такимъ же крестомъ на груди своего стараго дѣда—и съ удивленіемъ спрашивала себя:

«Чему же смѣется Вадимъ Вадимовичъ?»

Она сама не знала, какъ сорвалось у нея съ языка это «послушаніе», но тутъ была ея душевная исповѣдь. Осталось въ памяти отъ давнихъ лѣтъ. За вечерней какъ-то, Великимъ постомъ,—онъ всегда говѣли на первой недѣлѣ,—въ ея разсѣянную душу западали эти таинственныя слова: «...и Тобою побѣждаая побѣждаетъ... и проходить послушаніе». Она потомъ часто ихъ вспоминала и задумывалась надъ ними, но вслухъ даже себѣ не произносила ни разу.

«Не понимаетъ, оттого и смѣется. А самъ такой славный!»

— Разныя бываютъ вѣдь послушанія,—пояснила она.—И разные монастыри. Монастырь въ наше время—та же тюрьма. Извнѣ принудительное благочестіе, чаще всего лицевѣрное. Въ міру, да еще въ Петербургѣ, пожалуй, потруднѣе будетъ.

— Нѣтъ, вы чудачка, большая чудачка!—захлебываясь отъ смѣха, говорилъ Кавалье.—Это Петербургъ-то, по-вашему, монастырь?!.. Содомъ и Гоморра—еще туда-сюда. Какое же тамъ «послушаніе», ну, сами вы посудите... кха-кха.. Лучше здѣсь ужъ отмаливайте грѣхи... Не хотите ли, вотъ, я свезу васъ къ нашей игуменьѣ? Нѣтъ, кромѣ шутокъ? Мать Евлалія, урожденная княжна Тугусова. Замѣчательная женщина. Умная, образованная и красавица до сихъ поръ. Хотите, свезу? Она встрѣтитъ васъ съ распростертыми объятіями...

— Я хочу извѣдать на собственномъ опытѣ всѣ искушенія жизни. Я чужимъ словамъ не повѣрю!..

Кавалье только кашлялъ и хохоталъ до икоты.

— Да прими порошокъ! Что это ты раскашлялся тамъ!—кричала ему съ досадою жена изъ сосѣдней комнаты,

Но онъ только отмахивался.

— Нѣтъ, да какъ вы сами-то не боитесь ѣхать туда?—не унимался онъ.—Средствъ вѣдь у васъ никакихъ. Работа когда-то еще найдется. И тамъ вѣдь съ голоду десятками въ день умираютъ—никто и не ахнетъ. Вы только подумайте хорошенько!

— Все я обдумала, давно все обдумала, повѣрьте, Вадимъ Вадимовичъ. Найду я работу! Какъ это можетъ быть, чтобы въ такомъ большомъ городѣ не нашлось никакой работы! Мнѣ извѣстно нѣсколько иностранныхъ языковъ, я подучилась стенографіи, познакомилась съ наборомъ и корректурой... Да я готова на все, хоть на фабрику нитки мотать, только бы жить общей жизнью съ другими людьми... Здѣсь я жить не могу... Нечѣмъ дышать... Не могу!

— Да и тамъ никакой «общей жизни» вы не найдете, увѣрю васъ. Все это однѣ только ваши фантазіи...

— Вадимъ Вадимовичъ!—взмолилась измученная Лидія:—Мать, больная мать моя, сама отпускаетъ меня... И она поняла, что мнѣ лучше уѣхать...

Вадимъ Вадимовичъ хотѣлъ ей замѣтить именно насчетъ больной матери, что не слѣдовало бы ей оставлять ее, но, увидавъ передъ собой взволнованное лицо, полное непреклонной рѣшимости, удержался и только прибавилъ съ ласковой укоризной:

— Фантазерка вы, я вижу, большая. Ну, да что же подѣлаешь съ вами. Я насильно держать не могу. А надумаете вернуться— милости просимъ, рады всегда.

И, провожая, на лѣстницѣ вручилъ-таки ей письмо къ своему однокашнику, сотруднику по фрегату и по редакціи.

— На всякій случай. Можетъ быть, пригодится. Въ Петербургѣ, предупреждаю васъ, безъ рекомендаціи шагу ступить нельзя. Это ужъ повѣрьте мнѣ на слово. А у Петра Андреича много связей и знакомствъ въ разныхъ сферахъ. Кстати, и онъ васъ знаетъ. Пользуйтесь имъ безъ стѣсненія. Только жена у него, предупреждаю, ревнивая. Вродѣ моей!—со смѣхомъ договорилъ онъ.

Лидія уѣхала въ тотъ же вечеръ, съ сотней рублей въ карманѣ— все, что оставалось на ея долю изъ отцовскаго состоянія—и съ письмомъ Кавалье къ вліятельному сотруднику вліятельнаго литературнаго органа. Въ кожаномъ чемоданчикѣ спрятано было только одно сокровище—тщательно переписанная рукопись: первый самостоятельный опытъ свободнаго раздумья надъ жизнью и страстями людей. Всю дорогу въ вагонѣ она невольно привлекала общее вниманіе своимъ сосредоточеннымъ видомъ и упорнымъ молчаніемъ въ отвѣтъ на обычныя въ вагонахъ разспросы: куда и зачѣмъ она ѣдетъ, такая молоденькая, одна, замужняя или дѣвушка? Она отдѣлывалась механическимъ *да* или *нѣтъ*. Душу ея рѣзала жгучая боль послѣдняго прощанія съ матерью, но глаза были сухи и строги и ничего не замѣчали вокругъ. Голова напряженно работала надъ впервые явившейся мыслью: безумный взглядъ матери, какъ будто опьянѣлый отъ счастья, напоминалъ о сходствѣ экстазовъ любви и экстазовъ страданія... И это была первая «собственнымъ опытомъ»

добытая истина. Что таилось за ней: благословеніе ли на новый жизненный путь, или осужденіе «безсердечнаго эгоизма»? вдохновенія ли новыхъ чувствъ и понятій, или пророчества неизбѣжныхъ «паденій»? удаленіе или приближеніе къ «истинной правдѣ»?—Отвѣты таились тамъ гдѣ-то, въ мгlistомъ туманѣ петербургскихъ болотъ и фабричнаго дыма...

— Я вернусь, родная моя, я вернусь!—шептали ея губы, а душа говорила: «Не лги! Ты уже никогда не вернешься!»

Ей повезло какъ будто съ первыхъ шаговъ. Петербургъ падохъ до всего «свѣженькаго». И вѣдь все тамъ привозное: таланты и вдохновенія, свѣстные припасы и юныя женщины въ состояніи эротической и всякой другой намагниченности. Она получила работу въ изданіи, гдѣ сотрудничалъ «влиятельный Петръ Андреичъ», и, сразу попавъ въ кипучій водоворотъ столицы, жадно ринулась навстрѣчу всему, что манило жизненной полнотой, новизной и свободой. Музыка, книги, журналисты, художники, картины, студенты, театры, политика, религія и наука—все было «нужно» и до всего надо было «дойти», «достучаться»... Лихорадочныя смѣны неудачъ и побѣдъ, тревогъ и лишеній, вспышки страстей, какъ ураганъ лѣтнихъ грозъ налетавшихъ на незащитную молодость, съ безпечной вѣрой въ себя и въ «человѣка», безоглядныя увлеченія и карающій судъ надъ собой—все извѣдала съ избыткомъ эта алчущая и жаждущая «все извѣдать» душа. Но ни лямка труда, истощавшая тѣло, ни борьба съ враждебными силами—страстей и пристрастій—не могли остудить эту душу. Чѣмъ глубже ранили удары судьбы, тѣмъ ярче сверкалъ радужнымъ блескомъ огонь душевныхъ переживаній въ этой человѣческой призмѣ. Не жизнь какъ будто, а медленное стораніе на живомъ кострѣ. Днем—работа для заработка. Ночью—жадное исканіе книжнаго «просвѣщенія». Нервный сонъ на ненастномъ разсвѣтѣ и во снѣ работавшей мысли. Пылающій восторгъ вдохновеннаго пробужденія, задуманный кабалой повседневной работы. Сладостныя мечты о солнцѣ, привольѣ и радости, о братскомъ общеніи всѣхъ со всѣми, среди такихъ же кабальныхъ бѣдняковъ, какъ она... Такъ отгорала незамѣтно молодость. А душа все не находила покоя. Ни утоленія умственной жажды, ни отрады для сердца, горѣвшаго желаніемъ отдаться всецѣло, навѣкъ, въ полномъ забвеніи всѣхъ своихъ правъ, въ отреченіи отъ всѣхъ своихъ благъ во имя одного только великаго, вѣчнаго, высшаго блага... Но въ чемъ оно, это «высшее благо»—это все еще оставалось неяснымъ. Даже болѣе, чѣмъ неяснымъ—просто *фразой*, громкой, красивой, но обманчивой фразой, которую и повторять уже не хотѣлось,—совѣстно было.

Лѣтъ десять прожила она такъ въ Петербургѣ. Завязались дѣловыя знакомства и связи. Умѣлый и добросовѣстный трудъ помогъ ей прочно устроиться при одномъ изъ крупныхъ книгоиздательствъ. Работы было по горло, но заработокъ достаточно обеспечивалъ неприхотливое существованіе одинокой женщины. Только вѣра въ «книжное просвѣщеніе» казалась утраченной навсегда. И порой, отъ усталости, одинъ видъ самыхъ книгъ наводилъ на нее смертельную тоску и уныніе.

Пыль отъ безчисленныхъ томовъ всѣхъ видовъ и фасоновъ, туманъ отъ газовыхъ лампъ, испаренія печатной бумаги сушили мозгъ и вызывали что-то похожее на галлюцинацію. Книжный складъ представлялся мертвецкой, книжныя пачки на столахъ и прилавкахъ—живыми покойниками. Безконечныя трупы на полкахъ, вдоль стѣнъ, на полу... И каждый день все новыя, новыя... И она, живая, одна среди мертвецовъ, осуждена на погибель. Погибнетъ... Не выбиться ни за что ...

«Купля, продажа, процентъ, оплаченные слезами и кровью... Читаютъ и пишутъ, читаютъ и пишутъ, а жить совсѣмъ некогда. Да и незачѣмъ. Всѣ повторяютъ чужія слова. Слова замѣняютъ жизнь, чувства, мысли, вѣру, поэзію, молитву, любовь... Все замѣнили клише. Милліоны отпечатанныхъ словъ поступаютъ ежедневно въ продажу и приносятъ процентъ. Живетъ то, что растетъ. Живутъ не силы живого производительнаго труда—живетъ кѣмъ-то давно возведенный въ законъ «ростъ» капитала. Онъ «растетъ», а души выводятся, убываютъ. За душу—логически —нѣтъ процента. Душа не цѣнность. Просто четыре буквы. Одно пустое слово, какъ бывають пустые билеты въ лотереяхъ-аллегри»...

— Контору сейчасъ запираемъ. Вы еще остаетесь?—будили ее мимоходомъ артельщики, навьюченные бумажной кладью.

Безсознательно, какъ отработавшая машина, она выходила на шумную, ярко освѣщенную улицу, точно въ пасть разъяреннаго чудовища. Вечерній грохотъ и шумъ, какъ молотъ по наковальнѣ, стучалъ по нервамъ усталой и впечатлительной женщины. Этотъ грохотъ твердилъ одно только грозное: «Берегись! Расшибу!»

Она бѣжала на сравнительно тихую, уединенную набережную и цѣлыми часами простаивала тамъ, слушая неумолчный гулъ столицы и неумолчный ропотъ души—«въ этомъ необъятномъ заводѣ, на этой душевой фабрикѣ изъ дымной слякоти и грязи, безъ неба и воздуха, подъ чудовищнымъ прессомъ изъ желѣза и камня для выжиманія жизненныхъ соковъ изъ людей и природы...

За рѣкой на томъ берегу зауньвно пѣли однѣ и тѣ же стихиры старинныя часы подъ золоченой стрѣлой петропавловской башни. И еще зауньвиѣ темнѣли зловѣщія мрачныя стѣны. Еще мучительноѣ томилась тамъ молодья, заживо погребенныя жизни. Со многими изъ тѣхъ, кто «сидѣлъ» тамъ, встрѣчалась она. По наслыш

кѣ знавала и тѣхъ, кто «засаживаль». И тѣ и другіе казались слѣпцами, обманывающими себя и другихъ, будто *видятъ* и *знаютъ*. Но сажатели гуляли на волѣ, а сидѣвшіе изводились въ страданіяхъ, и сердце тянулось къ страдающимъ, и хотѣлось облегчать ихъ страданія, сидѣть съ ними вмѣстѣ, чтобы лучше понять: «во имя чего все это?»—А мимо бѣшенымъ бѣгомъ безъ перерыва неслась все та же невозмутимо спокойная или беззаботно веселая, сытая и нарядная, но совсѣмъ не завидная жизнь...

Никому она тутъ не завидовала и ни одного близкаго существа у нея тутъ не было. Ни одного—ни вблизи, ни вдали. Мать умерла подъ ножомъ оператора. Братъ Сергѣй безслѣдно пропалъ въ сибирской тайгѣ. Сестра Нина, намучившись «любовью» съ излеченнымъ отъ ранъ лѣсновскимъ поэтомъ, зачахла въ тщетномъ ожиданіи его «торжества» и «успѣховъ»...

— Себя спасла, а семью погубила,—безпокойно повторялъ ей мучительный голосъ, неподкупный и строгій, заливавшій душу и болью, и жалостливой тоскою. Но, жалѣя о своей погибшей семьѣ, она ни разу, за всѣ эти годы, не пожалѣла, что убѣжала изъ Лѣнова, что разорвала «цѣпи Эрота» и не сдѣлалась женою Заслонаго.

...Но куда дѣваться отъ этого ада воспоминаній о развѣянныхъ снахъ и разбросанныхъ силахъ? Чѣмъ наполнить пустоту безцѣльнаго одиночества? Только трудъ до сихъ поръ и спасалъ отъ безумія. Но вотъ и тутъ ужъ сказывался предѣлъ, за которымъ начиналось неизбежное истощеніе... «проходимаго послушанія». Подвести и осмыслить, какъ слѣдуетъ, жизненные итоги времени не хватало. А жить безъ цѣли и смысла казалось постыдной и мучительной пошей. И не разъ, въ осеннія темныя ночи, бурливья невскія волны манили ее въ свои холодныя бездны, какъ отдыхъ, какъ разрѣшеніе всѣхъ задачъ, сведеніе всѣхъ итоговъ.

«И credit, и debet, все тамъ сольется въ одинъ итогъ», думалось Лидіи.

И только минутами, какъ искра въ полуночной мглѣ, вспыхивало сознаніе сладости невидимыхъ жертвъ на алтарѣ невѣдомаго Бога...

Съ каждымъ днемъ она становилась разсѣяннѣе. Работа какъ будто валилась изъ рукъ. Говорить ни съ кѣмъ ни о чемъ не хотѣлось. И ей не разъ уже—въ конторѣ и дома—напоминали, что «такъ нельзя», что надо съѣздить куда-нибудь «провѣтриться, отдохнуть, полечиться».

Въ одно весеннее утро изъ деревни Медвѣдихи, Б—го уѣзда, пришла повѣстка на шестьдесятъ рублей и сѣрый конвертъ съ зеленой земскою печатью, а въ немъ письмо на четвертушкѣ сѣрой бумаги, за подписью волостного писаря и рукоприкладствомъ крестьянъ-арендаторовъ. Всѣ они «слезно» просили «милостивѣй-

шую госпожу нашу» не оставитъ ихъ безъ вниманія—продать имъ «остатнюю пустошь Гогириху съ остатнимъ лѣскомъ» подъ пашню и выгонъ. «Земля давно у насъ выпажана, не родитъ ничего, и курицы выпуститъ некуда, и такая нужда, что хоть по міру всѣмъ итти». Покупать «надумали міромъ, всѣмъ обчествомъ». «И какъ вы насъ, господа, не обиждали, такъ и мы тебя обижать не согласны и сполна отдадимъ тебѣ все до полушки и что положишь, и то все предоставимъ».

Это былъ совершенный сюрпризъ для Лидіи. Никакихъ арендъ она не получала. Крестьяне платили исправно рублей сто съ чѣмъ-то въ годъ,—но всѣмъ завѣдываль братъ, а потомъ Нина съ паномъ Ольгердомъ.

Лѣтомъ она взяла отпускъ и поѣхала въ уѣздный городишко совершать всѣ нужные акты: ввода во владѣніе и продажи. Остановилась она у тетки, перебивавшейся кое-какъ уроками въ собственной школѣ, и съ первыхъ же дней не знала, куда дѣваться отъ скуки въ этомъ сонномъ медвѣжьемъ углу. Тетка была тоже сонная, вся въ прошломъ, ничего не понимая ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ. Съ мѣсяць прожила тутъ Лидія въ ожиданіи нотаріальныхъ бумагъ и судебныхъ рѣшеній, мечтая о давно желанныхъ путешествіяхъ въ Крымъ, на Кавказъ, за границу, о вечерахъ камерной музыки, о дивныхъ спектакляхъ Эрнесто Росси... А тетка сватала ее то за того, то за другого. И одинъ былъ лучше другого—«съ чинномъ въ отставкѣ и собой не уродъ...»

Внизу подъ школой помѣщалась артель рабочихъ—пильщики, плотники, каменщики и печники, работавшіе тутъ же неподалеку на городской постройкѣ. Отъ бездѣлья и скуки Лидія цѣлыми часами просиживала на крыльцѣ, наблюдая за ихъ работой. Ихъ плавныя, осмысленныя движенія создавали какой-то одинъ общій ритмъ, тоже похожій на музыку. Народъ былъ все рослый, здоровый. Лица чистыя, правильныя, благообразныя, у иныхъ—«точно святые, или, по крайней мѣрѣ, праведныя». Сами всѣ стройные, и молодые, и старые. Поступь неспѣшная, величавая. «Точно князя какіе-то ходятъ взадъ и впередъ по лѣсамъ, въ лаптяхъ да въ онучахъ, выпачканные известкой да глиной!» неволью думала Лидія.

Особенно выдавался одинъ высокій красавецъ мужикъ. Прямо хоть въ статую—такой стройный, въ смоляныхъ кудряхъ, съ огненными глазами и горделивой осанкой.

«Князь Галицкій», шутя прозвала его Лидія.

— Кажется, если бы не безграмотный, я бы влюбилась.

— Хочешь, сосватаемъ?—разсмѣялась тетка.—Вотъ погоди, ужъ послѣ ужина позовемъ тетушку Александру. Пусть сватаетъ намъ племянника.

Тетушка Александра жила тутъ же внизу стряпухой въ артели. И красавецъ-мужикъ приходился роднымъ племянникомъ ей. Въ

артели всё почитали ее «за святую» и прославляли ее необычайную кротость и трудолюбие. Маленькая, дѣтская фигурка съ кроткимъ и миловиднымъ лицомъ, съ ясными, добрыми глазками, всюду вносила съ собой поэзію русскаго странничества. Лидія любила посидѣть съ ней вдвоемъ на завалинкѣ, слушая пѣвучіе рассказы о страстіяхъ ея въ Кіевъ, въ Москву, въ Соловки. Мистикой религиозныхъ тайнъ и простодушныхъ восторговъ вѣяло отъ этихъ рассказовъ маленькой сорокалѣтней старушки, похожей на дѣвочку и «святую» старинныхъ иконъ. Порой и сама она какъ будто недоумѣвала передъ таинственной силой, какой наградила ее Богъ.

— И видѣнія были, Лидушка. И бѣсъ искушалъ, и Богъ къ себѣ призывалъ.... И сызмала любила я слушать духовное. Молитвы знала, какъ есть, всё наизусть. Старшихъ, семью въ домѣ мирила, о Богѣ имъ да о правдѣ напоминала. Всѣхъ было жалко. Всѣ лучше меня, а всѣ этакъ муцаются. «Царица Небесная!—говорю—пошто они муцаются, а я пѣтъ, дай и мнѣ тоже муку».—«Страдай за всѣхъ—вотъ тебѣ мука!»—Говорить и вздыхаетъ.

А лицо все свѣтлѣетъ и улыбается внутренней ясностью. И глазъ не хотѣлось тогда оторвать отъ этого чарующаго образа духовной красоты и душевной гармоніи.

— Ну, тетушка,—спросить Лидія:—а когда молода ты была, хотѣлось тебѣ веселиться тогда, какъ другія: пѣсни пѣтъ, съ парнями играть? Замужъ выйти или такъ по праву кто былъ?

Глядитъ взглядомъ младенца невиннаго.

— Николи тово и въ умѣ не бывало. И не хотѣлось ницево. Пѣла одно духовное. А парней для меня совсѣмъ какъ и не было. Ницево-то не занимало, и не манило къ нимъ николи.

— А какъ же бѣсъ-то тебя искушалъ?

— А вотъ такъ: покажется цорный, да страшный, съ рогами. Зубы скалить. Смѣется. Замертво такъ меня однова напугалъ. Царица Небесная заступилась, отогнала его. И такое было разъ чудо со мной. Сижу это я въ избѣ, кросны тку да молюсь про себя Ей, Заступницѣ, а Она и явись! Стала посередь избы, и свѣтъ скрозь Нее. А было ужъ подъ вецоръ, Лидушка, солнце зашло...

Она перевела духъ и остановилась, какъ бы вновь охваченная пережитымъ когда-то непостижимымъ явленіемъ. Глаза наполнились таинственной мглою, на губахъ свѣтлой тѣнью бродила восторженная улыбка.

— Ну, и что же? Явилась,—а ты?

Она точно проснулась, заморгала рѣсницами и снова перевела духъ.

— А я стою передъ Ней да радуюсь. А Она, Лидушка, ружкой меня—вотъ такъ—поманила къ себѣ... Ну, тутъ ужъ ницево и не помню. Такъ и нашли меня на полу.

— Вотъ, не хочешь ли, племянницу мою за твоего Игната отдамъ?—смѣялась тетка въ тотъ вечеръ.—Ну-ка, вотъ, сватай намъ барышню за мужика. Говорить, влюбилась въ твоего Игната. Вотъ онѣ какія у насъ, петербургскія-то!

Смѣялись всѣ, кто тутъ былъ изъ теткинхъ домочадцевъ. Улыбалась и сама тетушка Александра своей дѣтской улыбкой. Потомъ проникательно посмотрѣла на Лидію и съ задумчивой лаской въ голосѣ тихо сказала:

— Не надо тебѣ, Лидушка, милая, замужъ. Живи такъ. Луцце будетъ. А еще и вотъ што скажу: пойдемъ-ка мы съ тобой къ Нилу Столбенскому Цудотворцу. Послѣ Ивана-Купала сряду пойдемъ.

И каждый день потомъ она расписывала Лидіи чудеса, ея тамъ ожидающія:

— Трудно тебѣ будетъ сначала, Лидушка милая, очень трудно. Ну, а потрудишься, потерпишь для Господа Бога—и утѣшить Онъ тебя. И таково-то легко, хорошо тебѣ будетъ—и сказать неможно, что за радость великая будетъ. Ни труда, ни боли. Совсѣмъ какъ ровно и ноги не ноги,—душа одна благодарить да радуется.

На богомолье къ чудотворцу Лидія тогда не пошла—одолѣли привычные вкусы къ приманкамъ столицы,—но эта встрѣча и голосъ тетушки Александры крѣпко запечатлѣлись и не покидали ея съ тѣхъ поръ никогда. Случалось, въ одинокихъ блужданіяхъ по альпійскимъ тропинкамъ, въ картинныхъ галлереяхъ, съ трагической сцены, подъ звуки Шумана и Берліоза,—но чаще всего въ душевой конторѣ книжнаго склада,—всплыветъ вдругъ мягкой улыбкой свѣтящійся обликъ, и пѣвучая тихая рѣчь прозвучитъ какъ будто въ ухахъ: «А потрудишься для Бога—и утѣшить Онъ! И таково-то легко, хорошо тебѣ будетъ. И сказать не можно, что за радость великая будетъ...» Отъ однихъ этихъ словъ становилось и радостно, и легко. Что-то близко знакомое, что-то родное приближалось какъ будто къ душѣ—и вспоминалось дѣтство въ деревнѣ у дѣдушки, въ томъ же уѣздѣ, гдѣ покаютъ, въ захудаломъ сельцѣ ихъ Медвѣдихъ... Вспоминалось и возставало вновь все утраченное, все позабытое въ этой шумной, бездушной столицѣ,—и хотѣлось уѣхать изъ нея навсегда.

При совершеніи купчей крѣпости Лидія выговорила себѣ десятину, и за подаренный «лѣсокъ» (большой лѣсъ давно вырубилъ сами же арендаторы) Гриша обязался поставить ей избу.

— Приѣду къ вамъ умирать. А можетъ и раньше!—какъ бы шутя говорила она крестьянамъ.

Избу отстроили по ея указаніямъ—высокую, свѣтлую, съ окнами въ поле и на сосновый боръ за рѣкой, при старомъ погостѣ. Скамьи, столы, поставцы—все было сдѣлано «въ лучшемъ видѣ, на совѣсть».

— Чай, своя, не чужая!—пояснялъ Гриша сосѣдямъ свое ста-

раніе.—Сызмала зналь ее. Матушки-крѣсной дочка Лидія-то Лексѣвна. Почеть какъ родная.

И онъ любовно стругалъ и красиль, и нарѣзалъ затѣйливыхъ пѣтуховъ надъ высокимъ тесовымъ крылечкомъ на столбикахъ, сажалъ изъ ельника изгородь, пересаживалъ кусты и деревья изъ старой, давно разоренной барской усадьбы, натягивалъ новины на деревянные козла—вмѣсто кровати и тюфяковъ—и каждую весну приглашалъ «Лидію Лексѣвну» на новоселье въ Медвѣдиху.

Съ десятокъ весень, однако, прошло, а Лидія Лексѣвна и не собиралась туда. А когда наконецъ собралась—не всё и узнали ее. Многіе—изъ тѣхъ, кто вмѣстѣ росли,—успѣли ужъ умереть или перебрались въ города для наживы и «процвѣтанія». Самъ Гриша сталъ ужъ сѣдымъ старикомъ и въ качествѣ бездѣтнаго вдовца хозяйничалъ вдвоемъ со старухой-сестрой, тоже бездѣтной и вдовой.

— Дюже постарѣла ты, Лидія Лексѣвна!—первымъ долгомъ опривѣтилъ онъ Лидію.—Быдто какъ и не ты. Истоцала гораздъ и состарилась.

— Слава Богу, Гриша, состарилась. Легче будетъ дожить. Вотъ отдохну тутъ у васъ, да и опять за работу примусь. Можетъ, и вамъ еще всёмъ пригожусь. Послужу, какъ могу.

Хозяйство у Гриши было исправное, вызывавшее общую зависть. Приѣздъ «старой барышни» собралъ вокругъ двора его всю деревню. Всѣ ходили смотрѣть и слушать, и обсуждать по-своему значеніе диковиннаго событія.

— И добра при ней почеть никакого. Такъ, развѣ изъ одѣжи кое-чего. Сундучишко лядященькой съ книжками да бумаги писчей съ гору,—значить, для письменности. Ну, и все. «На мой вѣкъ, говорить, хватить. А чего неостанеть—заработать могу. Да и потерпѣть, молъ, тоже не грѣхъ. Вы же терпите, говорить,—можно и мнѣ потерпѣть».

— Вотъ оно дѣло какое. Выходить, допрежь господа у насъ были, а теперъ вродѣ какъ въ нищіе записались. Поровнять, видно, Богъ захотѣлъ,—чтобы всѣхъ въ одинъ рядъ, безъ обиды.

— Такъ что жъ, пусть живетъ. Никому не мѣшаетъ. А помретъ—изба и земля—все здѣсь останется, съ собой не возьметъ.

— Подожди еще, братъ, хоронить-то ее. Прибыли намъ отъ смерти ейной тоже не видать. Умереть, такъ вѣдь Гришкѣ, чай, все достанется. А на что ему, жадному псу? Оба какъ есть бобыли. У меня вонъ шестеро душъ на двухъ съ половиной... Нешто по-Божьи такъ-то дѣлится?

— А ты помолчи, сдѣлай милость. Безъ тебя дѣло сдѣлано,—ну, и нечего зря болтать. «Подъ школу, говорить, отпишу».

— На поминъ души, стало быть? Что жъ, и то дѣло божецкое, не худое.

Такъ разсуждали втихомолку крестьяне въ первые дни по приѣздѣ «Гришкиной барышни». А барышня цѣлыми днями копалась у себя въ огородѣ и разводила цвѣтникъ, учась добывать себѣ новую жизнь и новыя радости. И не разъ вспоминала при этомъ тетюшку Александру. Вначалѣ—ухъ, какъ было тутъ тяжело ей жить. А теперь вотъ что дальше, то легче. «И ноги какъ будто не ноги, и тѣла нѣтъ,—душа одна—благодарить да радуется...»

Утомится, присядеть въ тѣнь на завалинкѣ, закинетъ голову, зажмурить крѣпко глаза—солнце прямо въ лицо—и сидить. Бабочки носятся мимо взадъ и впередъ, жаворонки звенятъ въ яровомъ, пчелы гудятъ надъ цвѣтами... Яблоня вся въ цвѣту, пахнетъ горячимъ виномъ.

— Что, аль пристала, Лексѣвна?—крикнетъ ей кто-нибудь, идучи мимо.

— Нѣтъ, такъ сажу. Хорошо тутъ у васъ.

— Ну, сиди, сиди съ Богомъ. Можетъ, и поживешь еще.

— Можетъ, и поживу еще!—вторить она про себя съ улыбкой сладкой печали и радости. А внутри поетъ точно жаворонокъ:

...Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ чистыхъ дней»...

Сидитъ и видится ей живой сонъ наяву.

Ранней весной за обѣдней на Пасхѣ въ Москвѣ. Чудесно пѣли хоры монахинь. Точно херувимскіе гимны, разносились голоса ихъ подъ свѣтлыми и высокими сводами: «Христось воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ...» Передъ крестнымъ ходомъ она вышла на паперть. Въ воздухѣ плавало что-то живое и теплое, жизнерадостное. Отъ самой паперти до воротъ стояли и сидѣли рядами разные нищіе, монахи и монашенки съ сборными книжками, калѣки, слѣпые, убогіе и юродивые, и всѣ гнули на разные голоса, выпрашивая себѣ подаваніе. А неподалеку отъ нихъ, въ сторонѣ въ одѣяніи странника, одиноко стоялъ высокій чело-вѣкъ съ небольшой деревянной чашкой въ рукахъ. Прежде всего бросилось ей въ глаза поразительное сходство этого чело-вѣка съ извѣстнымъ ученымъ-философомъ, незадолго передъ тѣмъ похороненнымъ тутъ же, въ Москвѣ. Тѣ же очертанія высокаго бѣлаго лба, тѣ же волнистыя пряди сѣдьющихъ черныхъ волосъ вдоль испитыхъ блѣдныхъ щекъ, то же выраженіе глубокой созерцательной мысли. Одѣтъ онъ былъ странникомъ, но не такъ, какъ одѣваются обычно всѣ русскіе простолюдины, странствующие по святымъ мѣстамъ. Бурый кафтанъ до колѣнъ изъ грубой домо-

тканной шерсти, съ колпакомъ на спинѣ и широкимъ ремнемъ у пояса, строго-изящными линіями обрисовывалъ его худошавый станъ и худошавыя плечи. На ногахъ было что-то мягкое вродѣ валенокъ, обшитыхъ кожей. Онъ стоялъ противъ солнца и, закинувъ голову, съ закрытыми глазами, какъ будто упивался тепломъ и свѣтомъ живоносныхъ лучей.

Не отдавая себѣ отчета, она направилась прямо къ этому страннику и, опуская монету въ пустую чашку, сказала, какъ всегда на Пасхѣ, подавая нищимъ: «Христось воскресе!»

Мѣдный пятакъ звякнулъ на днѣ расписной черной съ золотомъ чашки. Странникъ медленно наклонилъ голову—именно такъ всегда кланялся покойный философъ—и, не поднимая глазъ, проникновенно отвѣтилъ:

— Воистину Христось воскресе! Благодарю!

И голось, и выраженіе, съ какимъ это было сказано, еще болѣе подтверждали, что это былъ не простой человекъ, изъ заурядныхъ бродягъ или нищихъ, но именно мудрецъ, поэтъ и философъ, возвращавшій съ избыткомъ полученное.

Что-то въ ней тогда вздрогнуло и, какъ молніей небо—отъ края до края, озарилась душа, и въ ней радостно вспыхнуло что-то новое, совсѣмъ новое... Невидимое стало видимымъ, и невозможное казалось уже возможнымъ.

Ей хотѣлось тогда вернуться и высыпать ему въ чашку все, что было у нея въ кошелекѣ. Но удержала мысль: что можетъ прибавить скудный ея кошелекъ къ тому, чѣмъ обладаетъ и для чего тутъ стоитъ со своей чашкой этотъ загадочный странникъ? Пойти за нимъ? Учиться у него? Но вѣдь ученіе это знакомо ей съ самаго ранняго дѣтства. И развѣ оно тамъ, у него одного? Не здѣсь и не тамъ, не въ «потаенной горницѣ», не на улицѣ, не за дверью. Въ каждой душѣ оно—не глухой, не слѣпой и не сонной. Вѣдь этотъ странникъ—родной братъ той же тетупки Александры, только въ болѣе осмысленномъ и привлекательномъ видѣ.

Подойдя къ воротамъ, она оглянулась, чтобы еще разъ посмотреть на него, но онъ перемѣнилъ мѣсто или затерялся въ толпѣ.

И вотъ эта вторая встрѣча и рѣшила все остальное, и привела ее въ эту глушь, какъ на чудотворное богомолье.

Чудилось ей какое-то новое слово изъ старой науки о человѣческой жизни. И все, что было неудовлетвореннаго, неизжитаго въ этой безпокойной и страстной душѣ, неодолимо устремилось, какъ желѣзо къ магниту, познать до конца неизвѣданную науку, дающую затишье душевныхъ тревогъ и миръ душевнаго утоленія.

III.

«Deine Früchte sind reif, aber du bist nicht reif für deine Früchte».

Nitzsche ¹⁾.

Шли годы. Заслонный достигъ всего, чего желалъ. Докторская диссертация его «О вѣчной трагедіи», написанная по-нѣмецки, надѣлала въ свое время не мало шума въ университетскихъ кружкахъ Австріи и Германіи. Въ Россіи знали о ней только близко стоявшіе къ факультету. Да и изъ нихъ немногіе догадывались, что первая мысль объ аналогіи трагедіи Эврипида съ славянскимъ распадомъ въ семьѣ,—а за семьей и въ государствѣ—принадлежала какому-то неизвѣстному учителю провинціальной русской гимназіи. Но за Нѣмновомъ, у сосѣдей, съ успѣхомъ пущено было даже въ рейхстагѣ мѣткое уподобленіе славянства женщинѣ, «германизма»—мужчинѣ, съ перспективой культурныхъ успѣховъ отъ ихъ союза. Никто не оспаривалъ искуснаго подмѣна эллиновъ тевтонами, и только студенты славянскаго племени, случалось, жестоко дрались съ студентами тевтонскаго происхожденія изъ-за «славянской протоплазмы» въ культурной обработкѣ ненасытнаго пангерманскаго духа.

Въ Россію подобныя новости, какъ всевозможныя моды, попадаютъ съ значительнымъ запозданіемъ—и рѣдко въ подлинномъ видѣ.

Въ Россіи Заслонный быстро шель въ гору. Судьба, видимо, улыбалась ему. Что ни задумывалъ онъ—все сбывалось. Ему завидовали и называли «любимцемъ фортуны». Онъ неизмѣнно проводилъ свою систему раздѣленія на «способнѣйшихъ» и «ословъ», «пасущихъ» и «пасомыхъ». На него жаловались открыто и доносили потихоньку. И то и другое вело къ его повышенію. Изъ тупоровъ назначили въ директора. Оттуда—на кафедре, въ профессора, но уже въ другую губернію, гдѣ «назначаемые» еще не являлись предметомъ злобы и посмѣянія.

У Заслоннаго была желанная кафедра, толпа учениковъ—по временамъ восторженныхъ, чаще—враждебныхъ. У него былъ уютный, хорошо обставленный кабинетъ съ великолѣпнымъ собраніемъ античной премудрости и—совсѣмъ молоденькая жена.

Какъ-то случилось, что нѣсколько предложеній, сдѣланныхъ имъ одновременно въ разныхъ домахъ,—какъ всегда, на каникулахъ,—разомъ были отвергнуты. Онъ рѣшилъ тогда съѣздить домой и тамъ поискать себѣ подходящей жены.

¹⁾ Плоды твои созрѣли, но самъ ты не созрѣлъ для твоихъ плодовъ. Ницше.
«Истор. вѣстн.», декабрь 1916 г., т. сXLVI.

На дорогѣ, съ пересадкой въ Варшавѣ, въ вагонѣ, гдѣ сидѣлъ онъ—по обыкновенію въ третьемъ классѣ,—вошла миловидная дѣвушка съ старомоднымъ дождевымъ зонтикомъ и небольшимъ узелкомъ въ рукахъ, заплаканная. Въ вагонѣ, кромѣ нихъ, никого не было. Онъ съ ней заговорилъ. Оказалось—нѣмочка изъ Тироля, «изъ самаго Инсбрука». Была «за бонну» въ богатомъ купеческомъ домѣ,—«bei Juden, wahrscheinlich» ¹⁾—гдѣ съ ней обращались «хуже, чѣмъ съ собакой», обчитали, какъ дурочку, и выгнали вонъ. И она ѣдетъ теперь домой—«въ самый Инсбрукъ!»—совсѣмъ безъ гроша и не зная, что дѣлать. На видъ ей было не больше шестнадцати, и она была очень мила, съ вишневыми губками, съ бархатными глазами и съ ямочками на щекахъ и на подбородкѣ. Звали ее Гертой, и она была круглая сирота. Только бабка-старуха дожидала свой вѣкъ въ «Armenhaus» ²⁾—въ Инсбрукѣ.

Заслонному эта встрѣча показалась «даромъ божествъ».

— Хотите, вернемся сейчасъ въ Варшаву и повѣнчаемся?—спросилъ онъ на первой же остановкѣ у Герты.—Я куплю вамъ нарядныхъ платьевъ и тонкаго бѣлья, и обуви, и всего, что вамъ нужно, только съ однимъ условіемъ: вы будете сами стряпать и убирать нашъ домъ и никуда не ходить безъ меня. Согласны? Хотите быть не служанкой въ чужихъ домахъ, а хозяйкой и госпожей въ домѣ мужа?

Дѣвушка снова заплакала, но въ концѣ концовъ согласилась. И они вернулись опять въ Варшаву и дня два спустя повѣнчались.

Онъ сдержалъ обѣщаніе: накупилъ ей всевозможныхъ нарядовъ, уборовъ и украшеній, свозилъ ее по разнымъ садамъ и лѣтнимъ театрамъ, а потомъ, не безъ тайнаго злорадства, по примѣру любимаго Архилоха, сдѣлалъ визиты въ тѣ самые дома, гдѣ ему отказали,—и хоть ни одна изъ дочерей въ этихъ домахъ не повѣсилась отъ обиды, но Герты съ тѣхъ поръ никто уже не видалъ. Заслонный держалъ ее взаперти.

Нѣмочка, какъ всѣ нѣмки, была опрятна и экономна, берегла каждый грошъ и привезла съ собой много пѣсенъ. Жарясь по цѣлымъ днямъ у плиты, приготовляя компоты и маринады, шамандкухены и марципаны, она распѣвала ихъ во весь голосъ, мечтая о милой, прекраснѣйшей въ свѣтѣ странѣ—своей родинѣ.

— Ахъ, какъ тамъ хорошо!—вздыхая, вспоминала она.—Тамъ, въ долину кипучаго Инна, подъ навѣсомъ зеленѣющихъ горъ, гдѣ цвѣтутъ весной и нарцисы, и анемоны, тамъ—ихъ милый, сказочный городъ, златоверхій патриотическій Инсбрукъ. Тамъ, въ старинномъ соборѣ, стоятъ, какъ святые, всѣ Габсбурги. Тамъ на вѣчную память красуется мавзолей ихъ «тирольскаго Телля»—

¹⁾ Вѣроятно, у евреевъ.

²⁾ Въ домѣ для бѣдныхъ.

Андреаса Гофера. И тамъ каждую пятницу, послѣ вечерни, подъ звонъ церковныхъ колоколовъ и полковыя фанфары—въ память какихъ-то побѣдъ (не то Тироля надъ Габсбургами, не то Габсбурговъ надъ Тиролемъ—кто можетъ помнить?—такъ это было давно!) каждую пятницу до сихъ поръ совершаются красивые факельцуги, и дѣвушки лучшихъ тавернъ ходятъ подъ ручку по улицамъ съ героями непобѣдимаго полка въ блестящихъ киверахъ и бѣлыхъ мундирахъ.

«Люкафѣмичъ»—такъ Герта называла мужа—былъ, конечно, хорошій и умный «*der Alter*» (хозяинъ, старикъ), но Герта боялась его, какъ дѣти боятся «чернаго трубочиста», которымъ пугаютъ ихъ няньки, и отъ страха была вѣрна и послушна ему во всемъ, какъ дитя и невольница. Она цѣлыми днями хлопотала на кухнѣ—и она же рожала ему дѣтей. Но дѣти были недолговѣчны, сама она чахла, скучала и просилась на родину. На родину онъ ее не пускалъ, но подъ конецъ все-таки предоставилъ призракъ свободы—не только на кухнѣ и въ спальной, —во всемъ домѣ. Только входъ къ нему въ кабинетъ запрещенъ былъ безъ зова. И какъ истая нѣмка, Герта ушла съ головой въ хозяйственныя заботы по украшенію и уютности своего дома (у Заслонныхъ былъ уже «собственный домъ», съ паркомъ, огородомъ и плодовымъ садомъ). Завелись у Герты на сторонѣ и знакомства, и то, что зовется «интрижками». И Герта съ каждымъ днемъ молодѣла и хорошѣла, а Лука Фѣмичъ засыхалъ и превращался въ ученую мумію. Казалось, всѣ жизненныя силы ушли у него въ глубокія, какъ щели, морщины на лбу и въ длинную, до пояса, бороду средневѣкового отшельника.

А жизнь текла своимъ чередомъ. Неустанный потокъ бытія мигъ за мигомъ катился какъ будто попрежнему, но каждый мигъ уносилъ что-нибудь невозвратное и создавалъ что-нибудь небывалое въ «странѣ великихъ ожиданій и всякихъ возможностей». Невозвратно, какъ будто, унесъ онъ и «счастливыхъ генераловъ», и наивно довѣрчиваго, великодушнаго идеалиста Пояркова, и творца знаменитой системы воспитанія русскихъ гражданъ по книжнымъ образцамъ аѳинской и римской классической доблести. Но какъ ни старались творцы и исполнители ихъ творческихъ замысловъ, героевъ все-таки не выходило. Ни Перикловъ, ни Ликурговъ, ни даже Юлія Цезаря. Античный духъ минувшихъ вѣковъ неизбывно уступалъ мѣсто кипучимъ напорамъ иныхъ надеждъ и стремленій. Вмѣсто «доблестныхъ мужей» и «героевъ» неслись отовсюду цѣлыя арміи обездоленныхъ, обезличенныхъ, озлобленныхъ, ожесточенныхъ искателей «правъ» на личность и долю. Всѣ они рвались впередъ, къ неизжитому, небывалому,—къ «тому, чего не было»... То тутъ, то тамъ вспыхивали студенческія волненія. Въ стѣнахъ

университетовъ собирались сходки, постановлялись рѣшенія, приговоры. Лекціи читались безъ слушателей...

Аудиторія Заслоннаго пустовала.—«Кому охота слушать эту мертвечину?!»—долетало до ушей лектора. Заслонный иронически улыбался и продолжалъ читать.

Студенты бушевали въ сосѣднихъ аудиторіяхъ, а онъ патетически декламировалъ изъ «Ось» Аристофана:

— «Во снѣ мнѣ видѣлось народное собранье... И тамъ не люди, нѣтъ,—все овцы, овцы паршивыя... Мнѣ снилось—держать громко рѣчь акула ненасытная... Чудовище всеядное, и голосъ—ни дать, ни взять, какъ у свиньи, которую за хвостъ подвѣсишь...»¹⁾

Надъ нимъ смѣялись, и никто не заходилъ полюбоваться на это гордое въ страданіи чело, на эти пламенно раздвинутыя губы, съ которыхъ точно пышутъ внутреннимъ огнемъ мятежныя слова непобѣдимаго страдальца Прометея:

— «И чтобъ того, кто мнѣ такъ ненавистенъ,—какъ женщина, поднявши къ небу руки,—сталь умолять спасти меня отъ казни—да никогда»²⁾.

А ему въ это время кричали сквозь запертыя двери:

— Долой заслоны! Не заслоняйте сѣлица, господа Заслоны!

Или со смѣхомъ громко переговаривались между собой:

— Что? Читаетъ?—Вотъ тоже идіотъ!—Вѣдь небось пусто?

— Пустынная Сахара, и на горизонтѣ одинъ только «Заслонъ» съ обнаженной, какъ колѣно, вершиной!—съ такимъ же паѳосомъ декламировали въ отвѣтъ.

— А вѣдь читаетъ онъ, чортъ этакой, не хуже, пожалуй, Росси или Сальвини...

— Да онъ просто помѣшанный, господа,—какъ же вы не хотите понять!—Знаете, это бываетъ. *Mania tragicosa*. Въ медицинѣ извѣстна.

— Ну его къ Аллаху! Пусть старается. Пойдемте лучше въ буфетную.

Каѳедру Заслоннаго, подъ какимъ-то предлогомъ, сочли за лучшее упразднить.

Не было никакихъ заранѣе поставленныхъ городовыхъ, и не стояло подлѣ никакихъ охранителей, когда Заслонный въ послѣдній разъ выходилъ изъ своей пустой аудиторіи. Но весь путь отъ этой аудиторіи былъ тѣсно занятъ шеренгами поджидавшихъ его студентовъ всѣхъ возрастовъ, «племень, нарѣчій, состояній».

Какъ истинный трагическій герой, не прибавляя шагу, съ гордо закинутой головой, грудью впередъ,—какъ бы навстрѣчу вражескимъ ударамъ,—медленно выступалъ онъ сквозь строй разъярен-

¹⁾ «Великіе греческіе писатели» Г. В. Штолля, въ перев. П. О. Морозова.

²⁾ «Прометей» Эсхила, въ перев. М. Л. Михайлова.

ныхъ воплей и дикаго улюлюканья: «Заслона вонь! Заслона вонь!»

Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на мертвенно-блѣдномъ лицѣ. Глаза смотрѣли вдаль, и съ губъ несло какое-то неясное бормотанье. Онъ дочитывалъ до конца свою послѣднюю лекцію.

Никто не слушалъ, что бормочетъ «эта адамова голова». Насталъ желанный мигъ—«безполезная, ненужная никому старина» удалялась, и молодость торжествовала, побѣдоноснымъ крикомъ провожая свою затравленную жертву: «Заслона вонь! Заслона вонь!»

Лука Ѳомичъ Заслонный давно уже слылъ богачомъ и могъ свободно избирать любой путь, искать любого удовлетворенія. И онъ его избралъ—уже безъ всякой помѣхи.

Античные боги вставали не разъ изъ старыхъ могилъ, но ужъ не онъ, а другіе жрецы возстановляли разрушенные храмы. Лука Ѳомичъ копилъ свои банковые билеты, игралъ удачно на биржѣ и раздавалъ деньги въ ростъ—сначала своимъ землякамъ и товарищамъ, а потомъ и чужимъ, незнакомымъ. Онъ былъ богатъ, но попрежнему дрожалъ надъ каждой копейкой. Это вошло ужъ въ привычку. Съ годами память начинала ему измѣняться, но страсть къ наживѣ росла все сильнѣе. Эта страсть поглощала всѣ остальные. Сатиры и философъ растворялись, какъ мыло въ водѣ, въ волшебномъ приростѣ денежныхъ фондовъ. Незамѣтно вырабатывалась своеобразная философія и своеобразный культъ—жестокаго наслажденія своимъ правомъ и властью.

Одинъ изъ его должниковъ, землякъ и товарищъ, уплативъ долгъ, забылъ вытребовать расписку. Заслонный, пригрозивъ судомъ, добился вторичной уплаты.

— Я позабылъ? Или онъ позабылъ? Кто можетъ намъ доказать, если мы оба не помнимъ? А документъ—налицо. И отсюда мудрое правило: не слѣдуетъ никогда забывать свои оплаченныя долговныя расписки.

Его называли Шейлокомъ. Его грозилась убить. Не разъ получалъ онъ по почтѣ и безыменныя угрозы, и безыменныя предостереженія. Онъ пересталъ выходить изъ своихъ владѣній и запирался на замокъ даже днемъ. Чѣмъ онъ жилъ и что думалъ—оставалось для всѣхъ неизвѣстнымъ. Но въ одну изъ темныхъ декабрьскихъ ночей трагедія этого «витязя духа» закончилась суровой развязкой.

Утромъ жена и служанка—изъ приходящихъ, для черной работы—долго ждали его звонка. Во всемъ домѣ сильно пахло жженой бумагой—не могли понять отчего. Дверь въ кабинетъ была, какъ всегда, на замкѣ. Жена постучалась, но знакомаго звука:

«Herein!» (войдите) не послѣдовало. И это молчаніе, и запахъ жженой бумаги предвѣщали что-то недоброе. Вызвали дворника, столовой, сломали замокъ. Откинувъ тяжелую занавѣсь у дверей, жена вошла туда первая. Вошла—и невольно попятилась. Дымъ отъ жженой бумаги въ каминѣ заволакивалъ кабинетъ сверху до низу. Шторы были опущены; электричество продолжало горѣть. Въ глубинѣ большой комнаты, на самомъ концѣ, за высокимъ и очень громоздкимъ бюро, съ предохранительными звонками, точно за баррикадой, сидѣлъ въ своемъ глубокомъ креслѣ ея старый мужъ и пристально смотрѣлъ на нее исподлобья.

— Sind Sie gesund, Люкафѳмичъ? Wünschen Sie Milch oder Kaffee? ¹⁾—недоумѣвая, спросила жена.

Никакого отвѣта. Даже не шевельнулся. Она подошла поближе, наконецъ совсѣмъ близко, дотронулась до его обнаженного черепа, вскрикнула въ ужасѣ: «Ach, mein Gott!» ²⁾—и стремглавъ выбѣжала изъ комнаты.

Черепъ холоденъ былъ какъ ледъ. Глаза остеклѣли. Пальцы застыли, вцѣпившись въ точенныя ручки великолѣпнаго кресла съ деревянной рѣзьбой и кожаными тисненіями на сюжеты Гомеровскаго Олимпа.

Послали за врачами. Дали знать въ полицію. Никакого сомнѣнія: старый профессоръ былъ мертвъ, «какъ всѣ смертныя». И никого не удивляла его неожиданная смерть. Что можетъ быть страннаго, когда умираетъ человѣкъ на восьмомъ десяткѣ, да еще такой истощенный субъектъ—кожа да кости? Станнымъ могло показаться одно: всѣ бумаги его—«ученыя и неученыя»—истреблены были имъ, очевидно, въ ту самую ночь. Весь каминъ былъ засыпанъ золой отъ сожженныхъ и не совсѣмъ еще догорѣвшихъ рукописей. Въ секретныхъ отдѣленіяхъ несгораемой кассы нашли все въ исправности. И деньги, и векселя, и долговыя расписки на немалыя суммы, и духовное завѣщаніе—все тутъ было какъ слѣдуетъ, «по закону»: недвижимость и седьмая часть капиталовъ—женѣ. Остальное было завѣщано на изданіе лекцій и многочисленныхъ рукописей—нѣмецкихъ и русскихъ. Но рукописей никакихъ не оказалось—все было сожжено,—и капиталы, за неимѣніемъ прямыхъ наслѣдниковъ, переходили въ наслѣдство его роднымъ, тѣмъ самымъ гуцуламъ, которые и до сихъ поръ еще пасутъ стада въ Карпатахъ и сами «пасутся».

— Дзивакъ былъ при жизни, дзивакомъ ³⁾ и жизнь скончалъ, — говорили наслѣдники Луки Ѳомича, и тоже не удивлялись.

¹⁾ Здоровы ли вы? Чего желаете—молока или кофе?

²⁾ Ахъ, Богъ мой!

³⁾ Станный былъ чудакъ, чудакомъ и скончался.

Приводя потомъ все въ порядокъ, вдова Заслоннаго нашла въ одномъ изъ безчисленныхъ ящичковъ бюро связку старыхъ тетрадей и писемъ, пожелтѣвшихъ отъ времени, съ истлѣвшими на половину краями. Въ одномъ изъ этихъ листковъ, исписанныхъ своеобразнымъ почеркомъ ея покойнаго мужа, завернуто было женское эмалевое кольцо—въ видѣ сердца съ замкомъ, усыпаннымъ мелкими брилльянтами,—и маленькая выцвѣтшая женская фотографія. Герта долго разсматривала и то, и другое. Колечко очень нравилось ей, но откуда и какъ попало сюда это кольцо? Не принесъ ли его кто-нибудь подъ залогъ? Не купилъ ли онъ самъ для нея и забылъ подарить? Последнее казалось вѣрнѣе всего, и Герта, не долго раздумывая, надѣла его, какъ свою «законную часть». А съ фотографіи на нее смотрѣло нѣжное молодое лицо, съ кудрями до плечъ, съ загадочнымъ выраженіемъ мечтанья и страстности.

«Nicht hübsch, doch sehr interessant!»¹⁾—неволью подумала Герта и, развернувъ исписанный листокъ, не безъ труда прочла съ начала до конца это неоконченное, мѣстами истлѣвшее и почему-то не посланное письмо.

«Москва, 22 іюня 187... года.

«Я писалъ къ Денису Мартынычу по дѣлу, касающемуся его племянника, и при томъ освѣдомился о васъ, Лидія Алексѣевна, и о вашемъ семействѣ. Я это сдѣлалъ по двумъ причинамъ: по общему свойству природы человѣческой, по которому наши прежніе знакомые отъ времени до времени въ памяти выплываютъ; образы давно прошедшихъ дѣяній болѣе или менѣе ярко рисуются передъ нами, и наша душа, не довольствуясь прошедшимъ, ищетъ дополненія, хочетъ узнать, что произошло съ нашими друзьями или знакомыми за время нашей разлуки..... Ваше письмо было для меня тогда неожиданностью. Я только что началъ оправляться отъ тяжелой болѣзни, во время которой благодарилъ всѣ животворящія силы за то, что я одинъ, холостой и, умирая, не оставляю никого несчастнымъ..... Вы, собственно, говоря правду, никогда не любили меня равнымъ чувствомъ. Ваше чувство скорѣе было похоже на огонекъ, то вспыхивающій, то потухающій, не могущій вывести путника среди мрачной ночи изъ дебрей и дремучихъ лѣсовъ на истинный путь, потому что вспыхиванье мелькаетъ мгновенно, а мракъ безграниченъ..... и на ткани, сотканной нѣжною Афродитой, пестрѣло ужъ слишкомъ много полосъ..... Что касается меня, то я очень часто хандрю, почти всегда, исключая времени труда и занятій. Состарѣлся я, гляжу уже къ тому берегу. Я не могу сказать, чтобы я былъ любимцемъ счастья, хоть многіе утвер-

¹⁾ Не красива, но очень интересна.

ждають противное. Но вѣдь всякій человѣкъ—ложь... Нѣтъ у меня теперь никакихъ порывовъ, почти никакихъ идеаловъ, да и нѣтъ никакого наслажденія жизнью. Она пуста, совсѣмъ пуста, безъ всякой цѣли. Одинъ единственный трудъ недостаточенъ для счастья. Нужно чего-то другого—а чего? Не знаю.....»

Герта громко расхохоталась.

— Скажите пожалуйста! У этой *anthologische Mumme* ¹⁾ былъ тоже романъ! Вотъ никогда бы не думала... *Ach, du, mein alter Nosentrompetter!* ²⁾—И съ недобрымъ смѣхомъ, какъ бы отмщая за что-то въ прошломъ, она швырнула «весь этотъ старый хламъ» туда же въ каминъ, гдѣ дотлѣвали подъ пепломъ всѣ его безконечныя и, очевидно, никому больше не нужныя «ученыя» рукописи.

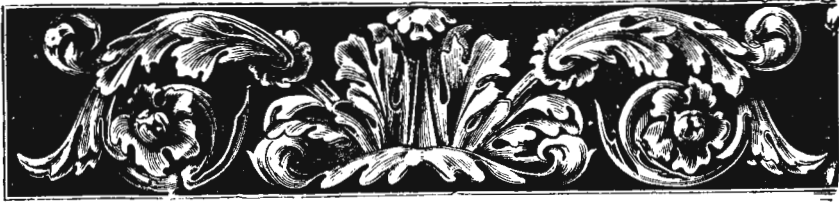
В. Тимофеева-Починковская.

---

¹⁾ Антологической маски (личины).

²⁾ Не переводимо въ печати. Равносильно русскому: «Старый колшакъ»...

ЗА ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ.

(Листки изъ воспоминаній).

I.

Николай Александровичъ Новосельскій.—Дѣятельность въ Одессѣ.—Его разсѣянность. Крѣпавый случай изъ жизни одного знаменитаго адвоката.—Юбилейный обѣдъ по случаю 25-лѣтня выпуска первыхъ женщинъ-врачей.—Кое-что про С. Н. Шубинскаго.

ВЪ ЧИСЛУ людей конца царствованія Николая I и затѣмъ Александра II и Александра III, слишкомъ рано позабытыхъ, но, несомнѣнно, выдающихся и, къ всеобщему изумленію, не попавшихъ, насколько мнѣ извѣстно, даже въ самый большой энциклопедическій словарь Брокгауза и Эфрона, принадлежитъ и человѣкъ, котораго я хорошо зналъ, извѣстный финансистъ и дѣлецъ въ широкомъ масштабѣ, авторъ ряда извѣстныхъ книгъ экономического характера, Николай Александровичъ Новосельскій.

Новосельскаго я увидѣлъ впервые, когда я былъ еще двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ въ Одессѣ одноклассникомъ и пріятелемъ его единственнаго сына отъ перваго брака, Николая Николаевича, чрезвычайно добраго и милаго человѣка, недавно скончавшагося гофмейстеромъ на видномъ посту въ министерствѣ двора, я имѣлъ впоследствии возможность въ продолженіе почти всей жизни Николая Александровича вплоть до самой его смерти быть хотя издали живымъ свидѣтелемъ его широкой, разнообразной и по тому времени небывалой и многополезной для Россіи дѣятельности.

Какъ теперь, вижу его подвижную, средняго роста, сухощавую фигуру съ рѣдеными бачками, въ вицъ-мундирѣ со звѣздою, съ не-

измѣннымъ портфелемъ подъ мышкою, слышу его рѣчь, приправленную добродушною улыбкою...

Типъ настоящаго широкаго русскаго барина съ чисто государственнымъ финансовымъ умомъ, Николай Александровичъ выдѣлялся не только своимъ созидательнымъ финансовымъ творчествомъ, въ особенности сильнымъ въ развитіи дѣлъ акціонерныхъ, которымъ, какъ извѣстно, въ эпоху конца царствованія Николая I не давалось никакого хода, но и своею феноменальною разсѣянностью. Объ ней я сообщу ниже.

Достаточно назвать не замѣченное господами составителями энциклопедій учрежденное имъ совмѣстно съ ген.-адъютантомъ Аркасомъ русское общество пароходства и торговли, существенное реформированіе общества Кавказъ и Меркурій, устройство ріонскаго и кубанскаго пароходствъ (до постройки Кавказскихъ желѣзныхъ дорогъ имѣвшихъ громадное значеніе), организацію добычи соли на соляныхъ промыслахъ Куяльницкаго и Хаджибейскаго лимановъ, (что около Одессы), коренное переустройство Кавказскихъ минеральныхъ водъ, до взятія ихъ Новосельскимъ въ аренду влачившихъ жалкое существованіе, и пр. и пр., а въ особенности чисто американскую дѣятельность его по части благоустройства Одессы во время десятилѣтняго пребыванія въ этомъ городѣ городскимъ головою, чтобы понять, что это былъ за человекъ и чѣмъ ему обязаны не только южная наша красавица, но и наше отечество.

Про Одессу я уже не говорю. Для этого города Николай Александровичъ въ короткое время сдѣлалъ невѣроятно много. Къ стыду намъ, петроградцамъ, нужно сознаться, что въ бытность Новосельскаго городскимъ головою Одессы многое по части благоустройства уже тогда, 45 лѣтъ назадъ, сдѣлавшееся достояніемъ этого города, до сихъ поръ до благополучнаго конца не удалось довести у насъ въ Петроградѣ ни санъ-галліотамъ, ни старо, ни новодумцамъ, ни обновленцамъ и прочимъ господамъ, державшимъ и держащимъ въ своихъ рукахъ благоустройство вѣреннаго ихъ попеченію перваго города Россійской имперіи.

До выбора Н. А. Новосельскаго городскимъ головою Одессы, этотъ перлъ нашего юга, въ настоящее время въ силу неблагоприятныхъ обстоятельствъ, кажется, довольно сильно остановившійся въ своемъ развитіи и благоустройствѣ, утопалъ то въ жидкой грязи, то въ сухую погоду былъ покрытъ тучами пыли.

Не даромъ еще Пушкинъ сказалъ про Одессу:

Я жилъ тогда въ Одессѣ пыльной...
 Я бъ могъ сказать: въ Одессѣ грязной...
 И тутъ бы, право, не солгалъ.
 Въ году недѣль пять—шесть Одесса
 По волѣ бурнаго Зевеса
 Потоплена, запружена,
 Въ густой грязи погружена....

И вотъ въ относительно короткій срокъ пребыванія Новосельскаго одесскимъ городскимъ головою Одесса сдѣлалась неузнаваемой: появились великолѣпныя гранитныя мостовыя (зависть остальныхъ городовъ Россіи), вмѣсто маслянаго городъ получилъ газовое освѣщеніе, проведенъ водопроводъ (изъ Днѣпра), устроена канализація, разведены сады и парки, значительно расширенъ портъ, появились желѣзныя дороги....

Нивеллировка Одессы уже около 45 лѣтъ назадъ дала жителямъ возможность безъ риска сломать себѣ ноги ходить по выравненнымъ панелямъ, находящимся отъ новоустроенныхъ гранитныхъ мостовыхъ всегда и вездѣ на одинаковой высотѣ.

У насъ же въ Петроградѣ, несмотря даже на послѣднія строжайшія предписанія градоначальника о приведеніи панелей и улицъ столицы въ надлежащій видъ, никто и теперь, почти полстолѣтія послѣ упорядоченія города Одессы, и не думаетъ объ исполненіи даже обязательныхъ постановленій!

Приведу примѣръ. Я живу въ 6-ой линіи Васильевскаго острова. Мнѣ поэтому ежедневно приходится проходить по нѣсколько разъ мимо богатаго Андреевскаго собора, гдѣ отъ собора и принадлежащихъ собору зданій панель по направленію къ мостовой устроена въ видѣ ската... Что тутъ дѣлается во время гололедицы и вообще зимою—описать трудно.. Сколько паденій, сколько несомнѣнныхъ несчастныхъ случаевъ. Оказалось, что такое санитарное безобразіе допускается всецѣло причтомъ Андреевскаго собора, повидимому, нисколько не безпокоящимся даже о безопасности своихъ же прихожанъ, не говоря уже о грозныхъ обязательныхъ постановленіяхъ... Никакія увѣщанія мѣстнаго околоточнаго, съ которымъ мнѣ какъ-то по этому поводу пришлось бесѣдовать, на мѣстныхъ святыхъ отцовъ не дѣйствуютъ, и всѣ эти санитарные непорядки вотъ уже сколько лѣтъ остаются безъ перемѣн...

Н. А. Новосельскій былъ въ большинствѣ случаевъ только создателемъ различныхъ финансовыхъ комбинацій, но не ихъ исполнителемъ. Для окончательнаго проведенія въ жизнь не только общественныхъ и государственныхъ финансовыхъ плановъ, но даже своихъ собственныхъ у него не хватало такъ называемаго «зитцъ-флейша».

Кромѣ того, удивительная доброта этого блестящаго грюндера, вѣра въ людей, постоянно его обманывавшихъ, неумѣніе подыскать себѣ способныхъ и дѣльныхъ помощниковъ, вмѣстѣ съ обиліемъ родныхъ, знакомыхъ, полужнакомыхъ и вовсе незнакомыхъ людей, то и дѣло выпрашивавшихъ у него въ собственность крупныя суммы, зачастую ставили самого Новосельскаго въ весьма затруднительное денежное положеніе. Выходило такимъ образомъ, несмотря на то, что черезъ руки Николая Александровича проходили милліоны, самъ онъ не обогащался, а наживали постоянно только люди, его окружавшіе.

Въ смыслѣ окончательнаго неустройства своихъ собственныхъ дѣлъ Новосельскій могъ смѣло побить рекордъ. Въ этомъ отношеніи въ особенности плохо приходилось ему въ послѣдніе годы его жизни (умеръ онъ 80 лѣтъ). Тѣмъ не менѣе, на видъ спокойный и какъ бы ничѣмъ не возмутимый, его нравъ, казалось, давалъ и тутъ ему возможность разсчитывать на появленіе лучшихъ дней.

И вотъ однажды, когда финансы Николая Александровича, повидимому, были въ весьма печальномъ состояніи, зашелъ я къ нему въ его болѣе чѣмъ скромную квартиру въ Поварскомъ переулкѣ, единственнымъ украшеніемъ которой были только шкапы съ книгами. Засталъ я хозяина за любимымъ въ свободное время занятіемъ—раскладываніемъ пасьянса. Взглянувъ на меня и улыбнувшись своею доброю улыбкою, Новосельскій, повидимому, позабывъ, что предшествовавшій посѣтитель (а такихъ у него было всегда масса) уже ушелъ, началъ мнѣ развѣивать, очевидно, конецъ какой-то новой финансовой комбинаціи, изъ которой я, по правдѣ сказать, ровно ничего не понималъ, быть можетъ, главнымъ образомъ по отсутствію у меня вообще финансоваго нюха. Передъ уходомъ я деликатно заявилъ ему объ этомъ. Новосельскій задумчиво посмотрѣлъ на меня. Выйдя затѣмъ меня проводить и не дозвавшись прислуги, онъ пожелалъ мнѣ непремѣнно лично подать пальто. Когда же, принимая во вниманіе почтенный возрастъ Николая Александровича, я рѣшительно отъ этого уклонился, то добрѣйшій этотъ старикъ, подъ вліяніемъ, повидимому, гнетущихъ его мыслей, сказалъ мнѣ съ нѣкоторою грустью: «Ну, отчего вы не хотите мнѣ дать разъ въ жизни возможность сдѣлаться человѣкомъ?»

Въ бытность его городскимъ головою Одессы у Новосельскаго былъ тамъ собственный домъ. Въ его домѣ, что въ Одессѣ была большая рѣдкость, находилась домовая церковь, гдѣ онъ, какъ человѣкъ весьма религіозный, не пропускалъ ни одной службы. Домъ былъ большой, помѣстительный, и въ немъ собиралось тогда лучшее общество Одессы. Центральною фігурою, конечно, былъ главнымъ образомъ самъ умный, гостепріимный хозяинъ, удивительно деликатный, любезный, добрый, но, какъ я уже говорилъ, невыразимо разсѣянный.

Вѣчно занятый финансовыми вопросами, текущими городскими дѣлами, цѣлые дни атакованный массою лицъ, и дѣловыхъ, и просто желавшихъ урвать денегъ отъ этого добрѣйшаго человѣка, во время моего съ нимъ знакомства уже давно женатаго во второй разъ на А. П. Дегай, женщинѣ довольно властнаго и неуравновѣшеннаго характера, подчасъ тоже разсѣянной, Николай Александровичъ, самъ страшно безпамятный, имѣлъ такимъ образомъ еще большую возможность проявить свою феноменальную разсѣянность, о которой въ Одессѣ въ свое время ходили всевозможные разсказы.

Позволяю себѣ уклониться нѣсколько въ сторону. Мнѣ городъ Одесса казался всегда страннымъ. Космополитическій по составу населенія, онъ, конечно, никогда не былъ и не могъ быть чисто русскимъ городомъ. Но удивительное дѣло: на ряду, однако, съ разными политическими вопросами далеко не русской жизни, свившими себѣ въ немъ прочное гнѣздо и зачастую въ Одессѣ же разрѣшавшимися, въ немъ временами, и частенько совершенно неожиданно, пробивалась какая-то несомнѣнно русская струя, позволявшая забывать инородческое ея населеніе и обликъ не русскаго города.

Стоить только вспомнить, какъ Одесса, воспитанная на итальянской музыкѣ (въ ней даже въ виду большого количества проживавшихъ итальянцевъ всѣ улицы носили еще не такъ давно рядомъ съ русскими итальянскія названія), никогда не слышавшая русской музыки, вдругъ, послѣ перваго представленія оперы «Жизнь за Царя», сразу оцѣнила гениальную музыку Глинки и, переполняя городскую оперный театръ во время гастролей въ 1869 г. пѣвцовъ Маринскаго театра, Меньшиковой, Лавровской, Орлова и др., стала положительно бредить только русской музыкой. Южный темпераментъ Одессы сказался въ бурныхъ оваціяхъ, которыя, настолько мнѣ помнится, выпали особенно на долю и теперь здравствующей Е. А. Лавровской. Неистовствовавшая публика не разъ заставляла ее послѣ представленія выходить на балконъ тогдашней «Петербургской гостиницы», гдѣ она проживала, и раскланиваться. Помню я, что въ числѣ восторгавшихся чуднымъ контральто Лавровской была и молоденькая дочь Н. А. Новосельскаго, Марія Николаевна, въ день бенефиса общей любимицы публики напечатывая въ честь ея акростихъ, массама вылетавшій изъ ложъ и начинавшійся такъ:

Лавръ въ имени твоёмъ—пророчество святое,
А намъ залогъ того, что ждетъ тебя...

Взрывъ патріотизма, охватившаго ту же Одессу во время русско-турецкой войны 1877—78 г., патріотизма, собственно говоря, въ виду не особенно большой популярности этой войны не всегда имѣвшаго мѣста даже и въ чисто русскихъ городахъ, въ свою очередь, долженъ подтвердить высказанное мною мнѣніе.

Въ вышеозначенную пору мнѣ пришлось бывать въ Одессѣ относительно часто (туда съ театра военныхъ дѣйствій привозились больные и раненые). Весь патріотическій подъемъ, обуявшій тогда Одессу, проходилъ у меня на глазахъ. Помню я тогда топотъ ногъ, до одурѣнія крики «браво» и требованія *bis* по адресу какой-то, судя по афишкѣ, извѣстной «русской» пѣвицы, распѣвавшей въ театрѣ городского сада знаменитый «Скобелевъ маршъ». Когда русская пѣвица эта съ охрипшею глоткою отъ постоянного повторенія марша,

въ виду не прекращавшихся требованій bis, рѣшила уговорить публику, спѣвши какой-нибудь другой номеръ изъ своего каскаднаго репертуара, ей пришлось быстро подойти къ рампѣ и сказать (шопотомъ дирижеру оркестра (я случайно сидѣлъ тогда въ первомъ ряду) «Herr Kapellmeister, bitte № 35».

Видно, нѣмецкое засиліе и тогда уже прочно сидѣло, если не повсюду, то по крайней мѣрѣ въ русскихъ кафешантанахъ!!

Какъ я уже говорилъ, Н. А. Новосельскій былъ удивительно добрый человекъ. У близкихъ моихъ родныхъ сохранились приводимые мною ниже стихи неизвѣстнаго автора, относящіеся не только къ бѣдствіямъ, одно время каждое лѣто причиняемымъ въ Россіи «краснымъ пѣтухомъ», не только къ страданіямъ славянъ, а также къ ожидаемому приѣзду въ Одессу министра народнаго просвѣщенія, графа Д. А. Толстого, знаменитаго приверженца классицизма. Стихи эти отчасти характеризуютъ доброту Н. А. Новосельскаго, за всѣхъ всегда хлопотавшаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ картинку нравовъ одного изъ нашихъ муниципалитетовъ, и сейчасъ, лѣтъ 50 спустя, не потеряли своего *coûleur locale*.

Дремлетъ дума городская,
 Всѣ заботы сбросивъ съ плечъ,
 Но, молчанье прерывая,
 Новосельскій началъ рѣчь:
 «Раскошеливайся, дума,
 «Дай-ка денегъ поскорѣй.
 «Посмотри, стоятъ угрюмо
 «Погорѣльцы у дверей.
 «Изо всѣхъ концовъ Россіи
 «Бросивъ села, города,
 «Истомленные, больные,
 «Собрались они сюда...»
 Но, склонясь на спинки кресель,
 Дума дремлетъ, словно спитъ,
 И, ласкаясь, Новосельскій
 Слово думѣ говоритъ:
 «Встали бѣдные славяне
 «За свободу всей земли,
 «Но у нихъ уже въ карманѣ
 «Ни полушки, ни деньги.
 «Русскій имъ, что только можетъ,
 «Помощь денежную шлетъ;
 «Неужель имъ не поможетъ
 «Наша дума, въ свой чередъ?»
 Но, склонясь на спинки кресель,
 Дума дремлетъ, словно спитъ,
 И, волнуясь, Новосельскій
 Слово думѣ говоритъ:
 «Слушай, дума, предложенье,—
 «Съ нимъ нельзя другихъ сравнить:
 «Вотъ министра просвѣщенья
 «Царь послалъ къ намъ погостить.

«Лютый врагъ живыхъ ученій,
 «Другъ отжившихъ языковъ,
 «Онъ на много поколѣній
 «Наплодилъ намъ дураковъ.
 «Но, привыкнувши отъ дѣтства,
 «Передъ сильными кадить,
 «Ты, навѣрно, сыщешь средство
 «Пыль ему въ глаза пустить».
 Встрепенулась дума быстро,
 Спячки вдругъ прошелъ и слѣдъ,
 И безъ преній для министра
 Разрѣшенъ большой обѣдъ!

Относительно легендарной разсѣянности Н. А. Новосельскаго могу привести нѣсколько разительныхъ примѣровъ, отчасти и мнѣ лично извѣстныхъ, но главнымъ образомъ на основаніи разсказовъ ближайшихъ его родственниковъ, записанныхъ почти дословно.

Молодой поручикъ конно-гренадерскаго полка Н. А. Бушенъ, давно ухаживавшій за одной изъ дочерей Николая Александровича, пріѣхалъ въ Одессу съ тѣмъ, чтобы просить ея руки. Ему было прекрасно извѣстно, что насколько была влюблена въ него молодая дѣвушка, настолько родители, въ особенности мачеха ея, были противъ этого брака, поэтому онъ рѣшилъ по совѣту своей будущей невесты отправиться къ Новосельскому въ думскій его кабинетъ, гдѣ нечего было опасаться «оппозиціоннаго» вліянія жены, и тамъ сдѣлать официальное предложеніе.

Въ это время городской голова велъ окончательные переговоры съ какою-то иностранною компаніею по поводу устройства водопровода въ Одессѣ. Вопросъ былъ серьезный, такъ какъ для его реализаціи сумма денегъ требовалась большая, трений и разногласій въ думѣ было масса, и всѣ эти непріятности отзывались на настроеніи и расположеніи духа обыкновенно всегда спокойнаго, равнаго Николая Александровича.

Когда въ дверяхъ показался Бушенъ, городской голова ходилъ взадъ и впередъ по кабинету. Не взглянувъ на вошедшаго, весь занятый собственными мыслями, онъ протянулъ руку со словами:

— Дайте мнѣ вашу докладную записку, а за отвѣтомъ приходите завтра.

— У меня, Николай Александровичъ, никакой докладной записки нѣтъ, — отвѣтилъ тотъ:—я пришелъ просить...

— Никакихъ словесныхъ просьбъ не принимаю,—все не смотря на вошедшаго, рѣзко сказалъ Новосельскій.

— Но, позвольте, я только прошу у васъ...

— Милостивый государь, вы меня задерживаете, попрошу васъ либо написать сейчасъ въ пріемной докладную записку и отдать мнѣ, либо прійти съ нею въ другой разъ,—и, не взглянувъ на своего собесѣдника, городской голова повернулся къ нему спиной.

Взбѣшенный Бушенъ вышелъ въ пріемную, написалъ докладную записку о томъ, что онъ проситъ руки второй дочери Н. А. Новосельскаго, вернулся въ кабинетъ послѣднимъ посѣтителемъ и подалъ свою докладную записку.

Бѣгло взглянувъ на нѣсколько знакомую подпись, городской голова поднялъ наконецъ глаза на стоявшаго передъ нимъ молодого человѣка и тогда только призналъ его.

— Что это за неумѣстная шутка?—спросилъ онъ его.

— Никакой шутки тутъ нѣтъ; я дважды тщетно старался высказать вамъ свою просьбу, но вы не захотѣли меня выслушать и два раза приказали подать докладную записку, что я и исполнилъ.

— Но, позвольте, вѣдь я васъ и видѣлъ всего два раза въ жизни и, конечно, могъ не узнать. Вы должны были прежде всего назваться и заставить себя выслушать!..

— Это было трудно, пожалуй, даже невозможно,—смѣясь отвѣтилъ Бушенъ.—А теперь позвольте узнать отвѣтъ на мою докладную записку?

Новосельскій былъ человѣкъ мягкій, въ особенности когда не было его жены, притомъ онъ обожалъ свою дочь... словомъ, согласіе было дано, и все кончилось къ общему благополучію.

Другой случай. Утренній пріемъ у одесскаго городского головы уже окончился, когда къ нему въ кабинетъ вошелъ еще одинъ посѣтитель.

— Я очень занятъ и долженъ сейчасъ ѣхать на засѣданіе, зайдите завтра,—торопливо сказалъ Новосельскій.

— Ваше превосходительство, мнѣ надо вамъ сказать лишь нѣсколько словъ, я только что пріѣхалъ и мнѣ бы непременно хотѣлось, не откладывая, переговорить съ вами сегодня же.

— Такъ знаете что,—видимо, думая совсѣмъ о другомъ, отвѣтилъ Николай Александровичъ:—приходите ко мнѣ обѣдать сегодня въ 6 часовъ; тогда мы и поговоримъ о вашемъ дѣлѣ.

Польщенный незнакомецъ молча расшаркался.

Новосельскій изъ засѣданія вернулся лишь незадолго до обѣда. Проходя черезъ столовую, онъ наткнулся на прислугу, суетившуюся у длиннаго, изящно накрытаго обѣденнаго стола, и тутъ только вспомнилъ, что въ этотъ день у него долженъ былъ быть большой офиціальнй обѣдъ въ честь вновь назначеннаго архіерея. Сдѣлавъ дворецкому послѣднія распоряженія, Николай Александровичъ пошелъ переодѣваться, но и тутъ не пришла ему въ голову мысль о приглашенномъ имъ на обѣдъ утреннемъ посѣтителѣ. Когда съѣхавшіеся гости перешли въ столовую и стали подходить къ закусочному столу, дворецкій подошелъ къ хозяину и тихо шепнулъ ему:

— Ваше превосходительство, вы приказали столъ покрыть на 28 приборовъ, а гостей всѣхъ 29!

— Не можетъ быть!—Оглядѣвъ всѣхъ присутствующихъ, Николай Александровичъ невольно остановилъ свое вниманіе на незнакомомъ господинѣ, закусывавшемъ съ видимымъ аппетитомъ.— Ну, что дѣлать, поставь въ концѣ стола еще лишній приборъ.

Когда обѣдъ окончился и всѣ перешли въ гостиную, Новосельскій, конфузясь, подошелъ къ незнакомцу, который тутъ же сталъ благодарить за оказанную ему честь.

— Простите пожалуйста,—сказалъ ему хозяинъ:—у меня такая плохая память; я васъ совсѣмъ не помню. Будьте такъ любезны и напомните мнѣ вашу фамилію.

Фамилія была сказана, но отъ этого положеніе хозяина не выяснилось.

— Васъ, вѣроятно, пригласила моя жена?—продолжалъ Новосельскій?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство.

Тутъ только разъяснились всѣ обстоятельства неожиданнаго приглашенія на обѣдъ какого-то мелкаго служащаго въ николаевскомъ порту, пожелавшаго получить для своего начальства рекомендательное письмо вліятельнаго и добрѣйшаго одесскаго городского головы.

Пригласить къ себѣ гостей на обѣдъ и самому вмѣстѣ съ женою уѣхать обѣдать въ другое мѣсто Новосельскому ровно ничего не стоило. Такіе случаи бывали съ нимъ не разъ. Но въ виду любви, которой пользовался этотъ общій любимецъ Одессы, ему все прощалось.

А вотъ еще анекдотъ, случившійся съ Новосельскимъ уже въ Петроградѣ. У него былъ большой пріятель докторъ М., въ свое время довольно извѣстный врачъ по нервнымъ болѣзнямъ. По его совѣту, Николай Александровичъ проходилъ какъ-то курсъ леченія душами въ петроградской водолечебницѣ этого доктора. Въ одно прекрасное утро, уже будучи совершенно раздѣтымъ, Новосельскій вдругъ вспомнилъ, что забылъ въ пріемной водолечебницы неразлучный съ нимъ портфель съ бумагами, и стремительно выбѣжалъ за нимъ, не смотря на то, что, какъ сказано, былъ въ костюмѣ Адама. Въ коридорѣ, по обѣимъ сторонамъ котораго находились кабины для раздѣвающихся, онъ наткнулся на одного изъ министровъ, тоже пациента д-ра М., къ которому у него какъ разъ было спѣшное дѣло. Обрадованный этою встрѣчею, Николай Александровичъ схватилъ сановника за пуговицу пиджака (любимая манера Новосельскаго), сталъ оживленно бесѣдовать о своемъ дѣлѣ, а затѣмъ, взявъ его подъ руку, заставилъ его ходить съ нимъ взадъ и впередъ по коридору.

Разсказывая потомъ самъ объ этомъ случаѣ, Новосельскій никакъ не могъ понять, почему тогда министръ, слушая его, да и всѣ проходящіе мимо нихъ пациенты доктора М. хохотали отъ души.

Неизвѣстно, сколько времени длилось бы это положеніе, если бы

наконецъ не вошелъ докторъ М., которому чуть не сдѣлалось дурно при видѣ своего друга, расхаживающаго подъ руку съ министромъ и абсолютно раздѣтаго!..

Какъ недюжиннаго финансиста, одесскаго городского голову въ свое время знали чуть ли не всѣ финансовые тузы Запада. К. А. Скальковскому, присутствовавшему на открытіи Суэцкаго канала, пришлось тамъ даже, какъ это онъ удостовѣряетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, выслушать въ этомъ смыслѣ панегирикъ Н. А. Новосельскому, и отъ кого?—отъ великаго Лессепса, знаменитаго строителя канала! Новосельскій, какъ я уже упоминалъ, былъ не чуждъ и специальной литературы. Ему между прочимъ принадлежали надѣлавшія въ свое время много шума финансовыя и экономическія сочиненія, каковы, напр., «Соціальныя вопросы въ Россіи», «Средства къ подъему законодательныхъ силъ Россіи», «Объ установленіи единства и стройности денежной системы», «Бѣдны ли мы?» и т. д.

Въ книгѣ о денежной системѣ своими разоблаченіями игры на нашемъ несчастномъ кредитномъ рублѣ, съ которыми понижатели обходились совсѣмъ не такъ, какъ съ сентиментальною старою дѣвою,—безъ лишней робости (какъ это однажды совѣтовалъ сдѣлать графъ Канкринъ съ нашимъ государственнымъ кредитомъ), а гораздо хуже, Новосельскій помогъ министру финансовъ Вышнеградскому въ его мѣропріятіяхъ, отчасти парализовавшихъ эту пагубную для Россіи игру.

И вотъ, повторяю, такого далеко незауряднаго человѣка господа составители самой большой русской энциклопедіи позабыли включить въ свое изданіе!..

Изъ воспоминаній моей очень ранней молодости (я кончалъ тогда гимназію) мнѣ пришелъ на память почти что трагическій случай, гдѣ главную роль игралъ, къ счастью, не я, а одинъ студентъ-юристъ, благополучно здравствующій и посейчасъ и въ тѣ времена встрѣчавшійся со мною у однихъ общихъ знакомыхъ. Не стану описывать ни его дальнѣйшей карьеры, ни наружности, главнымъ образомъ изъ боязни, что даже при моемъ наброскѣ не только герой происшествія, но и его близкіе знакомые, хотя бы и не знавшіе случая изъ его жизни, который я собираюсь описать, могутъ догадаться, о комъ идетъ рѣчь. Надобно сказать одно, что и тогда и теперь это былъ человѣкъ вполнѣ порядочный во всѣхъ отношеніяхъ и что въ дальнѣйшемъ отнюдь не къ нему относилось прекрасное старинное латинское изреченіе, выисканное и приведенное Т. А. Мартемьяновымъ въ одной изъ его статей въ «Историческомъ Вѣстникѣ»: *advocatus et non latro, — res miranda, Domine!* (адвокатъ и не разбойникъ, что за чудо, Господи!) и что не онъ авторъ знаменитаго отвѣта прокурору объ юридическомъ «черезчуръ»! Кровавый случай, о которомъ будетъ итти рѣчь, можетъ и теперь вызвать откликъ сочувствія не только

въ однихъ чувствительныхъ женскихъ сердцахъ, но и *horribile dictu!* и въ мужскихъ. Вѣдь, какъ извѣстно, всякое движеніе человѣческой души, даже явно преступное, чаще всего вызываетъ (хотя и не всегда явно) сочувствіе, но никакъ не порицаніе...

Познакомился я какъ-то во времена оны съ одною небольшого роста молодою, довольно симпатичнаго вида особою, російскаго типа, съ значительною склонностью къ полнотѣ, неопредѣленной профессіи, но, по нѣкоторымъ даннымъ, отнюдь не монахиней! Съ первыхъ же шаговъ нашего знакомства она съ волненіемъ стала мнѣ передавать о своей любви къ тому студенту-юристу *en question*, фамилію котораго я не желаю и не могу здѣсь назвать. Такъ какъ знакомство съ этою госпожою было чисто случайное, то я вскорѣ потерялъ ее изъ вида. Приблизительно черезъ годъ, проходя весною черезъ Лѣтній садъ, я былъ остановленъ одною молодою женщиною, назвавшей меня по имени. Съ трудомъ узналъ я въ этой исхудалой, съ печатью страданья на лицѣ ту особу, которая еще относительно недавно повѣряла мнѣ исторію своей, быть можетъ, первой настоящей любви.

— Если бы вы знали, что со мною произошло съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами не видѣлись?!—начала она, видимо, желая меня снова сдѣлать повѣреннымъ своихъ переживаній. Заинтересованный ея словами, я попросилъ ее усѣсться со мною на скамейку въ одной изъ боковыхъ аллей сада и поразсказать о своихъ приключеніяхъ. Оказалось, что, влюбляясь все больше и больше въ своего красиваго студента, наша общая знакомая, хотя и жила одна, никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняемая, видѣлась съ нимъ ежедневно, тѣмъ не менѣе отъ любви къ нему стала, видимо, сходить съ ума.

Вѣрь послѣ этого Шиллеру, сказавшему устами Донъ-Карлоса, что «съ истинною любовью знакомъ лишь тотъ, кто любитъ безнадежно!»

Примѣнима ли была въ настоящемъ случаѣ безнадежность?!

Помѣстивъ свою больную подругу въ больницу для умалишенныхъ въ отдѣльную комнату, студентъ навѣщалъ ее, насколько возможно, часто и тамъ.

Повидимому, и раньше увлеченный ею, бѣдняга подъ вліяніемъ ея болѣзни и сознанія, что только сильная любовь къ нему вызвала эту болѣзнь, привязался къ ней еще больше, а въ періодъ начавшагося выздоровленія сталъ прислушиваться ко всѣмъ ея словамъ, не разбирая, говорилось ли все это вполне сознательно, или же только подъ вліяніемъ только что начавшей проходить душевной болѣзни.

Такимъ образомъ, еще не вполне оправившаяся отъ своей тяжелой болѣзни російская Джульетта убѣдила своего вѣрнаго Ромео, что ей въ больницѣ живется тяжело, что ее тамъ истязаютъ, мучаютъ, и довела своего друга до такой степени невмѣняемости, что тотъ въ одинъ прекрасный день, повидимому, уговорившись съ нею, для

избавленія ея отъ мученій рѣшилъ ее убить и затѣмъ, кстати, покончить съ собою!..

Пріѣхавъ на другой день въ больницу, студентъ, захвативъ съ собою револьверъ, выстрѣлилъ въ свою возлюбленную, прострѣливъ ей, кажется, бокъ, но съ собою онъ ничего не успѣлъ сдѣлать, такъ какъ на шумъ выстрѣла сбѣжались люди и его моментально обезоружили.

Дальнѣйшая эта исторія, за которою я отчасти слѣдилъ, представлялась въ слѣдующемъ видѣ: послѣ совершившейся катастрофы студентъ хотя и былъ посаженъ въ тюрьму, но... судимъ не былъ. Оказалось, что его мать, жившая гдѣ-то на югѣ Россіи, немедленно примчавшаяся въ Петроградъ, употребила, какъ говорятъ, всѣ усилія, или, вѣрнѣе, всѣ свои сбереженія для благополучнаго ликвидировапія безъ суда дѣла ея злосчастнаго сына.

Хотя виновникъ счастливо окончившагося покушенія на убійство былъ отпущенъ на волю безъ суда по причинамъ, для многихъ совершенно неизвѣстнымъ, но тѣмъ не менѣе и тогда ясно говорившимъ о несомнѣнномъ нарушеніи закона. А между тѣмъ если бы этого покушителя на чужую жизнь судили тогда же не такъ давно созданный институтъ присяжныхъ, онъ, вникнувъ въ подробности дѣла, навѣрно бы его оправдалъ, — приходилось поэтому вдвойнѣ сожалѣть объ обходѣ молодого закона. Такимъ образомъ, поневолѣ нужно будетъ согласиться съ тѣмъ инородцемъ, заявившимъ, что въ Россіи законъ какъ желѣзо. Когда онъ вынутъ изъ печи, до него пальцемъ дотронуться нельзя, а черезъ часъ хоть садись на него верхомъ!

Въ 1872 г. при тогдашней петроградской медико-хирургической академіи, усиленно поддержанное военнымъ министерствомъ, было учреждено четырехгодичное высшее медицинское воспитательное учрежденіе для образованія, какъ объ этомъ было опубликовано въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», ученыхъ акушеровъ.

Не удовольствовавшись этимъ срокомъ, правительство черезъ четыре года, въ виду назрѣвшихъ требованій, прибавило пятый учебный годъ, и учено-акушерскіе курсы, какъ самостоятельное учрежденіе, подъ названіемъ «женскіе врачебные курсы», были отдѣлены отъ медицинской академіи и переведены въ передѣланное для этой цѣли помѣщеніе Николаевскаго военнаго госпиталя при полномъ приравненіи преподаванія съ медицинской академіей и медицинскими факультетами, — однимъ словомъ, на удивленіе всему міру возникъ медицинскій факультетъ специально для женщинъ!

Къ сожалѣнію, несмотря на то, что уже въ самомъ началѣ ихъ возникновенія «женскіе врачебные курсы» блестяще оправдали возлагавшіяся на нихъ надежды, несмотря на то, что курсамъ даль,

такъ сказать, жизнь бывшій военный министръ Александра II Д. А. Милютинъ, слѣдующій военный министръ въ царствованіе Александра III, П. С. Ванновскій, нашелъ въ 1881 г. существованіе женскихъ врачебныхъ курсовъ не соотвѣтствующимъ назначенію военного министерства...

За отказомъ затѣмъ другихъ вѣдомствъ принять столь полезныя курсы въ свое вѣдѣніе военное министерство стало постепенно ихъ упразднить.

Къ счастью для страждущаго русскаго народа, женскіе врачебныя курсы послѣ почти пятнадцатилѣтней летаргіи, поддержанныя главнымъ образомъ денежною помощію представителей разныхъ слоевъ общества, возродились въ видѣ женскаго медицинскаго института вѣдомства народнаго просвѣщенія и съ тѣхъ поръ неизблемо и съ большимъ научнымъ блескомъ поддерживаютъ право на свое существованіе.

Въ первые, кажется, два или три года существованія женскихъ медицинскихъ курсовъ (время, когда я самъ былъ въ медико-хирургической академіи) студентамъ съ новыми своими товарищами-студентками приходилось сталкиваться только въ коридорахъ академіи, а не на лекціяхъ (студенткамъ лекціи читались не одновременно съ нами, а до или послѣ насъ). Естественно, что большинству учащихся обоюго пола, занятому своимъ дѣломъ, оставалось мало времени для знакомствъ. Такъ или иначе, но лично у меня, на примѣръ, вовсе не оказалось знакомыхъ среди будущихъ женщинъ-врачей. Въ дальнѣйшей же своей жизни, избравъ сначала военно-медицинскую, а затѣмъ карьеру морскаго врача, я уже не имѣлъ случая за рѣдкими исключеніями сталкиваться съ женщинами-врачами, которыя, особенно въ первые годы окончанія ими курсовъ, служили или въ земствѣ, или въ какихъ-нибудь петроградскихъ больницахъ, чаще всего въ специально акушерскихъ заведеніяхъ. Вотъ почему я былъ нѣсколько удивленъ, когда однажды явились ко мнѣ депутатками двѣ женщины-врача, одна изъ нихъ г-жа Познанская, не такъ давно скончавшаяся, съ просьбою помочь имъ въ устройствѣ торжественнаго обѣда по случаю 25-лѣтія окончанія ими курса. Хотя ничто меня близко не связывало съ женщинами-врачами и для большинства мое участіе въ устройствѣ обѣда могло бы показаться страннымъ, тѣмъ не менѣе на просьбу моихъ коллегъ-женщинъ мнѣ пришлось согласиться.

Въ благодарность за мои хлопоты фактическія распорядительницы обѣда отвели мнѣ за столомъ, среди массы присутствующихъ, превосходное мѣсто, на которое я, какъ врачъ, не игравшій никакой роли въ дѣлѣ женскаго медицинскаго образованія, конечно, не имѣлъ никакого права, посадивъ меня противъ самыхъ почетныхъ гостей, министровъ земледѣлія А. С. Ермолова, матушка котораго была первою начальницею курсовъ, министра народнаго просвѣ-

щенія, профессора латинской словесности Г. Е. Зенгера, и его товарища, профессора С. М. Лукьянова, окончившаго въ одинъ годъ со мною медицинскую академію.

Въ свою очередь, считая себя, такъ сказать, нравственно обязаннымъ сказать приличную торжеству рѣчь, я дня за два до назначеннаго обѣда написалъ ее, но за хлопотами по обѣду и личными дѣлами не успѣлъ выучить ее наизусть. Припомнивъ, однако, знаменитый рассказъ про нѣмецкаго пивовара, дѣлавшаго видъ, что о давнымъ-давно готовящемся его юбилеѣ ему ничего не извѣстно и про послѣдующую его отвѣтную рѣчь, я совершенно успокоился. Дѣло въ томъ, что когда пивному юбиляру пришлось отвѣтить на всѣ сказанныя ему на юбилеѣ привѣтствія, онъ началъ такъ: «so unvorbereitet wie ich bin» (насколько я не приготовленъ), и, позабывъ отъ волненія все остальное, вынулъ изъ кармана заранѣе составленную рѣчь и преспокойно ее прочиталъ...

Послѣ ряда блестящихъ официальныхъ и неофициальныхъ рѣчей, въ которыхъ подчеркивалось дѣйствительно благодѣтельное значеніе въ Россіи женскаго медицинскаго образованія, наступилъ и мой чередъ. Поставить себя въ положеніе нѣмца-пивовара мнѣ отнюдь не хотѣлось и потому, извинившись передъ высокимъ собраніемъ за приготовленную экспромтомъ рѣчь, которую мнѣ не удалось выучить наизусть, я попросилъ позволенія попросту ее прочесть.

Рѣшаюсь провести здѣсь сказанныя слова цѣликомъ, какъ внесшія, быть можетъ, нѣсколько типичныхъ черточекъ въ исторію чисто ви́йшей эволюціи высшаго женскаго образованія въ Россіи.

Вотъ эта рѣчь:

«Когда Пифагору удалось открыть свою знаменитую теорему, онъ на радостяхъ принесъ въ жертву богамъ гекатомбу (100 быковъ). Съ тѣхъ поръ, по словамъ Берне, при всѣхъ открытіяхъ всѣ быки содрогаются. И 25 лѣтъ тому назадъ, когда у насъ открылись женскіе медицинскіе курсы, быки снова почувствовали себя нехорошо.

«Мнѣ могутъ замѣтить, что я для краснаго словца слово открытіе взялъ въ переносномъ смыслѣ. Нѣтъ, господа, открытіе женскихъ медицинскихъ курсовъ было настоящимъ открытіемъ, до котораго не только тогда, 25 лѣтъ назадъ, но и теперь не додумался Западъ.

«Что содрогаться не только быкамъ, но никому не было никакихъ причинъ,—это болѣе чѣмъ ясно.

«Благородная дѣятельность женщинъ-врачей за истекшее 25-лѣтіе слишкомъ у всѣхъ на виду.

«Но мнѣ, очевидцу возникновенія женскихъ медицинскихъ курсовъ, слушавшему съ женщинами-студентками въ однѣхъ аудиторіяхъ, хотя и въ разное время, лекціи профессоровъ тогдашней медико-хирургической академіи,—мнѣ не могло не броситься въ глаза одно курьезное обстоятельство, впрочемъ, отнюдь не новое.

«Мудрая природа наша нужнымъ дать женщинамъ массу индивидуальныхъ качествъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ, отличающихъ ихъ отъ мужчинъ.

«Между тѣмъ, 25 лѣтъ тому назадъ нѣкоторыя студентки, какъ и раньше, въ шестидесятыхъ годахъ, въ эпоху хожденія въ народъ, рѣшились вступить въ борьбу съ природою, пожелавъ приблизиться и по внѣшнему виду къ мужчинамъ. Не что же оказалось? Въ отвѣтъ на мужской покрой женскаго платья и стриженные волосы женщинъ, нѣкоторымъ изъ студентовъ естественно пришлось отпустить длинные волосы и даже завернуться въ пледы, вѣроятно, для того, чтобы равновѣсіе въ природѣ не было нарушено....

«Прошли, однако, годы, и студентки, забывъ свои крошечныя странности, отдавшись всецѣло наукѣ, остались тѣмъ не менѣе вновь тѣмъ, чѣмъ онѣ были, есть и должны быть всегда, остались украшеніемъ рода человѣческаго. И дѣйствительно, русская женщина, выдѣлившаяся изъ своей среды Татьяну, Елену, Лизу и Наташу, чѣмъ бы она ни занималась, должна всегда оставаться женщиной въ идеальномъ смыслѣ этого слова. Ея внѣшній обликъ долженъ всегда соответствовать тому неизсякаемому роднику благородныхъ чувствъ, мыслей, поступковъ, знанія, стремленія къ добру, т. е. отвѣчать тому внутреннему содержанію, которое наполняетъ все ея существо.

«За единеніе этихъ двухъ качествъ, искони принадлежавшихъ русской женщинѣ, я поднимаю свой бокалъ».

Цѣльныхъ и связанныхъ воспоминаній про покойнаго редактора «Историческаго Вѣстника» С. Н. Шубинскаго, съ которымъ я, къ сожалѣнію, ближе познакомился только за нѣсколько лѣтъ до его кончины, я не собираюсь писать. Его уже много разъ описывали и какъ редактора, и какъ человѣка, и какъ историка. Но нѣсколькими дополнительными штрихами, характеризующими этого самобытнаго и интереснаго человѣка все же мнѣ бы хотѣлось подѣлиться въ читателями.

При входѣ свѣжаго человѣка въ болѣе чѣмъ скромную квартиру Сергѣя Николаевича взоръ невольно поражался совершеннымъ отсутствіемъ комфорта и уюта; вещи у него въ квартирѣ были только самыя необходимыя. Но зато передъ чистотою и порядкомъ, царившими особенно въ дѣлахъ, касавшихся редакціи любимаго его дѣтища, «Историческаго Вѣстника», передъ книжными шкапами съ книгами, аккуратно переплетенными и содержимыми въ строжайшемъ порядкѣ, приходилось просто преклоняться. Мнѣ какъ-то понадобилось узнать кое-какія подробности про автора одной случайной статьи, напечатанной въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Спросивъ меня, въ какомъ году появилась интересовавшая

меня статья, Сергѣй Николаевичъ отворилъ одинъ изъ книжныхъ шкаповъ и, вынувъ книгу въ изящномъ переплетѣ, показалъ мнѣ всю аккуратную переплетенную переписку съ нужнымъ для меня авторомъ...

Не вѣрилось, что имѣешь дѣло съ русскимъ редакторомъ. Аккуратности Сергѣй Николаевичъ былъ поразительной. Онъ добивался ея даже у людей, не только мало съ нимъ знакомыхъ, но подчасъ вовсе не знакомыхъ. Недавно покинувшій постъ директора Кавказскихъ минеральныхъ водъ, нынѣ пятигорскій городской голова, т. сов. Тиличевъ про аккуратность редактора «Историческаго Вѣстника» рассказалъ мнѣ какъ-то слѣдующее. У Сергѣя Николаевича была небольшая дача въ Любани (по Николаевской желѣзной дорогѣ), гдѣ онъ обыкновенно проводилъ лѣто. Тиличеву пришлось тотчасъ по окончаніи курсовъ въ бывшей медико-хирургической академіи прослужить нѣкоторое время въ новгородскомъ земствѣ. Въ завѣдываемомъ имъ участкѣ находилась и станція Любань. Съ Шубинскимъ Тиличевъ въ началѣ своей службы не былъ знакомъ, но оба они съ вида другъ друга знали. Проходя однажды мимо крыльца дача Сергѣя Николаевича, Тиличевъ былъ остановленъ словами Шубинскаго: «У васъ, молъ, болтается пуговка на пальто» ...

Тиличевъ, котораго я лично зналъ еще при поступленіи въ медико-хирургическую академію, аккуратнѣйшимъ кирасирскимъ офицеромъ (Гатчинскаго Ея Величества полка), занятый, повидимому, своими новыми обязанностями, забылъ о напоминаніи Сергѣя Николаевича и черезъ нѣсколько дней прошелъ снова мимо дачи Шубинскаго съ не укрѣпленною еще пуговкою.

«А не зайдете ли вы ко мнѣ?», неожиданно обратился къ Тиличеву Сергѣй Николаевичъ, неизмѣнно возсѣдавшій на своемъ балконѣ. Тиличевъ согласился. Нѣкоторое время они дружески болтали, а затѣмъ Шубинскій, воспользовавшись перерывомъ, выйдя въ сосѣдную комнату, приказалъ горничной прикрѣпить смущавшую его взоръ еле-еле державшуюся пуговку, съ улыбкою поставивъ затѣмъ это на видъ гостю.....

Какъ жаль, что такой бывалый человѣкъ, какъ Сергѣй Николаевичъ, не одинъ десятокъ лѣтъ сталкивавшійся съ массою писателей и интересныхъ лицъ вообще, ни за что не хотѣлъ приступить къ писанію своихъ несомнѣнно интересныхъ воспоминаній. А между тѣмъ—цѣнное качество для человѣка, собирающагося писать воспоминанія, разъ запись для этого не велась исподволь раньше,—память сохранилась у покойнаго редактора «Историческаго Вѣстника» вплоть до послѣдняго года его жизни великолѣпная. Поскольку Сергѣй Николаевичъ не любилъ останавливаться на возможности написать свои воспоминанія, настолько онъ, въ особенности когда былъ въ духѣ любилъ образно, съ жестами, въ живыхъ краскахъ, съ

юморомъ говорить съ нѣкоторыми изъ своихъ сотрудниковъ о дѣлахъ давно минувшихъ и своихъ встрѣчахъ съ писателями.

Когда лѣтъ семь тому назадъ, послѣ помѣщенія въ «Историческомъ Вѣстникѣ» начала моихъ воспоминаній, меня весьма радушно приняла въ свое лоно дружеская семья этого журнала, то я тогда уже засталъ весьма симпатичное обыкновеніе редакціи «Историческаго Вѣстника» по вечерамъ ежемѣсячно собираться для собесѣдованія. Предсѣдательствоваль на этихъ собраніяхъ Б. Б. Глинскій. Собирались мы обыкновенно въ 9 ч. вечера 2-го числа каждаго мѣсяца, сначала въ отдѣльномъ залѣ 4-го этажа ресторана «Малый Ярославецъ», а затѣмъ въ 1-омъ товариществѣ официантовъ, что на Садовой, противъ Гостиного Двора, отнюдь не засиживаясь и пробавляясь чаемъ съ бутербродами. Нынѣшняя война перевернула все вверхъ дномъ, и вечернія многолюдныя собранія сотрудниковъ «Историческаго Вѣстника», къ сожалѣнію, прекратилось. Они были замѣнены по средамъ «деннымъ чаемъ» въ помѣщеніи редакціи «Историческаго Вѣстника», въ часы еженедѣльнаго приѣма редактора, т. е. отъ 2 до 4 ч. дня. На вечернихъ собраніяхъ, проходившихъ иногда очень оживленно, зачастую, помимо бесѣды, дѣлались доклады, обыкновенно на злобы дня, которые по тѣмъ или другимъ причинамъ не могли сдѣлаться достояніемъ печати. Такъ, напр., въ одномъ изъ такихъ собраній читался весьма интересный и вмѣстѣ съ тѣмъ курьезный докладъ о клубѣ самоубійць въ Петроградѣ. Къ сожалѣнію, связанные обѣщаніемъ не выдавать автора сообщенія, бывшаго члена этого уродливаго клуба, даже въ странахъ всевозможныхъ клубовъ С. Америкѣ и Англіи, конечно, невозможнаго, и ничего не печатать о читанномъ докладѣ, приходится существовавшее, а можетъ быть и теперь существующее, аномальное явленіе обойти молчаніемъ.....

Войдя въ семью постоянныхъ сотрудниковъ «Историческаго Вѣстника» и желая быть для нихъ хотя бы чѣмъ-нибудь полезнымъ, я предложилъ имъ въ случаѣ нужды свою, конечно, дружескую медицинскую помощь.

Какъ извѣстно, Сергѣй Николаевичъ, особенно въ послѣдніе годы, постоянно хворалъ. Не было почти дня, чтобы онъ, любя лечиться, не обращался къ врачамъ, которыхъ, къ слову сказать, онъ все-таки не особенно долюблялъ, за исключеніемъ извѣстнаго доктора Шершевскаго, во всѣхъ отношеніяхъ весьма благотворно на него вліявшаго и много ему помогшаго. Однажды лѣтомъ, до переѣзда въ свою Любань, когда въ Петроградѣ не только своего врача, но вообще нужнаго врача днемъ съ фонаремъ не разыщешь, Сергѣю Николаевичу пришлось прибѣгнуть и къ моей медицинской помощи.

Къ моему удивленію, Шубинскій, хотя и зналъ о принятомъ предложеніи пользоваться *gratis* сотрудниковъ «Историческаго Вѣстника»,

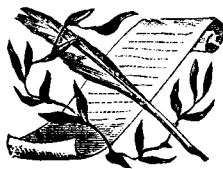

за мои докторскіе визиты все-таки предложилъ мнѣ денежное вознагражденіе. Мнѣ стоило не мало труда убѣдить почтеннѣйшаго редактора не настаивать на своемъ предложеніи.

— Какъ это такъ, — добавилъ я, — будучи по собственному желанію врачомъ *honoris causa* сотрудниковъ «Историческаго Вѣстника», — я почему-то съ редактора долженъ брать гонораръ?

Присутствовавшій при нашемъ разговорѣ Б. Б. Глинскій въ нашемъ спорѣ принялъ рѣшительно мою сторону и тутъ уже прибавилъ: «Ну, если вы, Сергѣй Николаевичъ, хотите оказать вашему врачу вниманіе, — окажите его не какъ врачу, а какъ сотруднику «Историческаго Вѣстника», увеличивъ его литературный гонораръ». И что же? Шубинскій во время моихъ докторскихъ визитовъ жаловавшійся на всевозможныя болѣзни, за исключеніемъ ослабленія слуха, какъ оказывается, вдругъ пересталъ слышать и на слова своего помощника, точно они не были вовсе сказаны, повидимому, не обратилъ никакого вниманія. Сергѣй Николаевичъ, не будучи вовсе скупъ относительно своихъ личныхъ расходовъ, однако совершенно мѣнялся, когда дѣло касалось расходовъ по «Историческому Вѣстнику». Тутъ онъ готовъ былъ цѣть даже Лазаря, доставалъ какіе-то документы, указывающіе яко бы на убыточность изданія и т. д. Конечно, это была одна фантазія, о которой въ воспоминаніяхъ о покойномъ редакторѣ журнала неоднократно говорилось.

В. Б. Бертенсонъ.

ЧУМАКЪ, АТАМАНЪ РАЗБОЙНИКОВЪ.

ОМЪЩАЕМЫЯ нами записки знаменитаго атамана разбойниковъ Василя Чумака, наводившаго ужасъ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ на всю Бессарабскую губернію, а въ послѣдствіи и на весь Юго-Западный край, записаны конвойнымъ офицеромъ съ его словъ во время сопровожденія разбойника въ Сибирь, по дорогѣ отъ Курска до Нижняго-Новгорода.

Чумака началъ свою страшную дѣятельность въ 30-хъ годахъ, а закончилась она въ началѣ 80-хъ годовъ. Онъ много разъ бѣжалъ изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ Сибири и своею неустрашимостью удивлялъ всѣхъ, кто только съ нимъ сталкивался.

Это былъ незаурядный человекъ, рѣдкостной физической силы, рѣшительный и непокорный. Доказательствомъ этому служитъ то, что смерть его застала передъ однимъ грабежомъ, когда ему пошелъ уже 94-й годъ и когда онъ только что вернулся съ побѣга изъ Якутской области.

Предлагаемая исповѣдь Чумака появляется въ печати впервые, а эти матеріалы, переданные имъ устно, систематизированы и обработаны...

С. Шциперъ.

Отецъ мой былъ крѣпостнымъ помѣщикомъ Ильбовыхъ, въ Херсонской губерніи. Онъ занимался чумакованіемъ (извознымъ промысломъ на волахъ), былъ мужикъ довольно зажиточный, и его любилъ нашъ баринъ-помѣщикъ. Въ отцовскомъ домѣ насъ

было шесть человекъ дѣтей, изъ которыхъ я былъ по возрасту четвертымъ. Звали меня Алексѣй Моисеенко, Воспитывался я точно такъ же, какъ и всѣ мои сверстники-хохленки, но само дѣтство, кажись, закалило меня для того, чтобы подъ старость носить кандалы безъ особой физической боли.

До зари, по утрамъ, по рассказамъ матушки, она, подпоясавшись кушакомъ ниже груди, укладывала меня за пазуху и уносила въ поле на жниво или въ луга на покось. Вѣдь бабы у насъ работаютъ всю полевую работу, а мужчины чумакують.

Въ полѣ матушка бросала меня въ кусты или подъ телѣгу, гдѣ я, распотѣвъ отъ рева, соваль въ ротъ все, что попадалось, а потомъ вечеромъ, съ закатомъ солнца, въ той же пазухѣ, оглушенный пѣснями молодыхъ хохлушекъ, путешествовалъ домой. Дома матушка, занявшись уборкою скота, бросала меня въ люльку на съѣденіе мухамъ. Однакоже къ году желудокъ мой отлично переваривалъ кусокъ сала, гречневья галушки и все, что хотите, а къ пяти годамъ матушка дала бы очень дорого, если бы ей удалось хорошенько подрать меня за чубъ...

Годовъ семи я поѣхалъ уже съ батькой чумаковать и съ того же возраста началъ чувствовать себя весьма самолюбивымъ, что, вѣроятно, и было причиной тому, что во мнѣ быстро развилась ненависть къ зависимости и вообще ко всякому повиновенію. Мое удовольствіе заключалось въ трудѣ, скажу болѣе, трудъ былъ моей страстью, если бы только меня къ нему не понуждали.

Достигнувъ, такимъ образомъ, 14—15-лѣтняго возраста, я жаждалъ уже отдѣлиться отъ семейства, завести свой извозъ и начать чумаковать самостоятельно, и это, конечно, не ускользнуло отъ вниманія отца и братьевъ.

Дядя, родной братъ моего отца, жилъ отъ насъ верстъ за тридцать. Не имѣя при своемъ богатомъ хозяйствѣ дѣтей и замѣчая во мнѣ дѣятельнаго парубка (мальчугана), онъ предложилъ мнѣ переѣхать къ нему и обѣщаль сдѣлать меня полнымъ хозяиномъ въ домѣ.

Такое предложеніе не могло мнѣ не понравиться: я сказалъ объ этомъ отцу, тотъ посоветовался съ братьями и рѣшено было меня отпустить.

У дяди, дѣйствительно, зажилъ я полнымъ хозяиномъ. Столько не довѣрялось его женѣ, матери, сколько мнѣ. Никто не зналъ, что дѣлается въ домѣ и даже гдѣ зарыты были деньги, каковыхъ у дяди было до 30 тысячъ рублей.

Такъ прожилъ я у дяди шесть лѣтъ; никогда не помышлялъ о худомъ, не пилъ водки и вотъ уже задумалъ было жениться, но несчастье, повидимому, меня уже подстерегало.

Не помню, въ которомъ году дядя мой нанялъ 80 косцовъ, чтобы скосить луга; на этотъ разъ, какъ и всегда, я собрался съ косцами

для уборки луговъ, но дядѣ почему-то вздумалось ѣхать самому, а я остался дома...

Проходить недѣля, другая; съ Днѣпра, у береговъ котораго находились покосы, ежедневно получались плохіе слухи: почему-то въ Днѣпрѣ чумѣла рыба, а народъ ловилъ ее руками, многіе варили ее и объѣдались ею. Много народу померло тогда, и въ томъ числѣ и мой дядя.

Послѣ похоронъ дяди тетушка съ его матушкой начали отыскивать деньги; всѣ знали, что ихъ много, но никто не зналъ, гдѣ они хранятся; я же притворился незнайкой и выжидалъ только случая воспользоваться ими. Тетка, т. е. жена дяди, подозрѣвала въ кражѣ денегъ свекровь, а свекровь невѣстку; вслѣдствіе этого между ними часто происходили ссоры, и каждая изъ нихъ тащила себѣ, что попадало подъ руки. Такимъ образомъ они разстроили хозяйство.

За всей комедіей я слѣдилъ зорко. Убѣдившись, что на меня никакого подозрѣнія нѣтъ, я забралъ деньги, отправился къ себѣ на родину и зарылъ ихъ опять въ землю.

Имѣя природную страсть къ труду, я, находясь въ домѣ отца, купилъ себѣ пять паръ воловъ и началъ чумаковать самостоятельно, затѣмъ вскорѣ женился, отдѣлился отъ отца, увеличилъ хозяйство, накупилъ до 18 паръ воловъ, нѣсколько головъ рогатаго скота, лошадей и овецъ. Такой образъ дѣйствій далъ поводъ къ подозрѣніямъ: почти вслухъ начали говорить, что дядюшкины деньги у меня. Предположенія и догадки людей мучали мою совѣсть; я страдалъ отъ тоски, не въ состояніи былъ свыкнуться съ мыслью, что люди обо мнѣ худого мнѣнія, но, однако, исправить ошибку было уже поздно. До той поры не пилъ я вина, а теперь я началъ имъ заливать тоску. Пьяницей я все-таки сдѣлаться не могъ. Вижу я, что тоска замучила меня, и я задумалъ совсѣмъ уйти отъ отца, барина, общества и всѣхъ тѣхъ, которые меня знали.

Случай представился мнѣ скоро. Я нанялся на пяти парахъ воловъ ѣхать въ Измаилъ съ казеннымъ провіантомъ. Это было въ 20-хъ годахъ. Со мною были два работника (тоже крѣпостные). Обдумывая дорогою зародившійся во мнѣ планъ, я рѣшилъ не возвращаться болѣе на родину и къ этому уговорилъ и моихъ работниковъ. Въ Измаилѣ я съ работниками приписался въ мѣщане, наименовавъ себя Василиемъ Чумакомъ, и подъ этимъ именемъ я провелъ всю мою горькую жизнь, и, должно быть, Чумакомъ меня похоронятъ въ холодной землѣ Сибири. А умереть желалъ бы я все-таки на родинѣ...

Освободившись отъ опеки родителей и барщины, тоскуя по родинѣ и близкимъ, вспоминая все свое прошлое, я началъ пить болѣе, чѣмъ когда-либо. Во время моихъ отчаянныхъ попойекъ я сошелся съ худыми людьми, а съ ними я пристрастился сначала къ воровству, а потомъ къ грабежамъ. Ужъ больно много грабили

и душили мы богатыхъ помѣщиковъ и евреевъ; въ особенности послѣднихъ душили мы, какъ куръ. О моемъ поведеніи узнали родители и господа. Женѣ становилось на родинѣ хуже, чѣмъ на чужбинѣ. Она собрала все, что могла, остальное бросила и переѣхала съ дочкой ко мнѣ.

Это было въ 1826 году.

По пріѣздѣ жены я пересталъ пьянствовать. Денегъ было у меня тогда много. Я завелъ отличное хозяйство и зажилъ помѣщикомъ.

Въ 1827 году, во время войны съ Турціей, я на сорока собственныхъ подводахъ отправился подъ Шумлу съ казеннымъ провіантомъ, гдѣ къ концу войны накуралесилъ такъ, что вынужденъ былъ бросить свой обозъ и бѣжать къ женѣ съ однимъ крестомъ на шеѣ.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ я купилъ себѣ въ Молдавіи у князя Балыша 500 десятинъ земли, завелъ новое хозяйство, поручилъ его женѣ, а самъ, уже по болѣзненной своей привычкѣ, сдѣлался открытымъ разбойникомъ, каковымъ остался и посейчасъ, даже до 93 лѣтъ своей жизни.

Едва ли гдѣ было такъ развито разбойничество, какъ у насъ въ Бессарабіи, и едва ли гдѣ удобнѣе скрывались разбойники, какъ въ нашихъ привольныхъ лѣсахъ.

Одинъ изъ атамановъ разбойничьей шайки, нѣкто Бужоръ, изъ молдаванъ, кочуя въ нашихъ лѣсахъ, заѣзжалъ частенько ко мнѣ на хуторъ одинъ и съ шайкой, въ особенности послѣ лихого набѣга. Я снабжалъ ихъ всѣми продуктами, даже виномъ... Кутежи шли за кутежами, въ которыхъ я постоянно былъ первымъ гостемъ принять у атамана, и это до того сблизило насъ, что я оторвался отъ хозяйства, поступилъ въ шайку Бужора и, какъ любимецъ, былъ принять имъ съ радостью.

Открыто сдѣлавшись, такимъ образомъ, членомъ семьи разбойниковъ, я заѣзжалъ домой очень рѣдко, и то лишь только для того, чтобы повидать семью и отдать женѣ награбленные деньги, которыхъ, скажу кстати, хватить не только дѣтямъ, но и внукамъ и правнукамъ...

Простымъ разбойникомъ я былъ два года. Послѣ смерти помощника Бужора, умершаго отъ раны въ груди, я былъ избранъ на его мѣсто. Еще черезъ годъ атаманъ съ товарищемъ поѣхалъ въ Яссы, къ женамъ, но тогда за ними уже слѣдили, и, лишь только они прибыли въ Яссы, ихъ схватили, осудили и повѣсили.

За смертью Бужора я назвалъ себя атаманомъ.

Сдѣлавшись владыкой шайки, я прежде всего позаботился поддержать дружбу съ полицейскими властями, которымъ былъ уже извѣстенъ. По существовавшимъ обычаямъ, они приняли меня лучше, чѣмъ я ожидалъ. Я былъ у нихъ запросто гостемъ, за что, конечно, награждалъ ихъ щедрою рукою; жалѣть для такихъ благо-

дѣтелей было бы безуміемъ—только бы была свобода, а добро будетъ.

Второю моею заботой было приучить своихъ людей не проливать напрасно крови и прибѣгать къ оружію только въ крайнемъ случаѣ, т. е. въ случаѣ сопротивленія жертвы и собственнаго нашего спасенія. Женщинъ и дѣтей положенъ былъ завѣтъ никогда не убивать. Я снялъ бы голову первому изъ сотоварищей, который посягнулъ бы на жизнь тѣхъ или другихъ. Послѣднимъ моимъ распоряженіемъ было грабить преимущественно богачей, бѣдныхъ же при случаѣ награждать.

Пять лѣтъ грабилъ я исключительно молдаванскихъ князьковъ, купцовъ и евреевъ. Паническій страхъ овладѣлъ всею областью. Дѣло становилось опаснымъ: съ одной стороны, я боялся, чтобы противъ меня не были высланы войска, съ другой же—самая кочевая жизнь мнѣ уже изрядно надоѣла, и я хотѣлъ распустить шайку и немного отдохнуть. Однажды попался мнѣ хорошій пріятель, который просилъ достать ему воловъ. Желая услужить, я опоилъ виномъ съ примѣсью дурмана извозчиковъ, отбилъ сорокъ паръ воловъ, передалъ ихъ этому пріятелю и близъ гор. Бѣльцы распустили свою шайку по домамъ, а самъ черезъ Аккерманъ отправился домой. И вотъ, ночуя въ пути у одной милой, знакомой вдовушки (у меня ихъ было много, въ особенности помѣщицы и попадѣи), я былъ схваченъ и отправленъ въ острогъ. Началось слѣдствіе. Меня хотѣли судить за грабежи и убійства въ Бессарабской области, но такъ какъ область эта велика и, кромѣ того, уликъ противъ меня было мало, то меня судили только за грабежъ сорока паръ воловъ.

Цѣлый годъ продолжалось дѣло. Наконецъ меня рѣшили сослать въ Сибирь, и ежели я окажусь годнымъ, то сдать въ солдаты. Разумѣется, я пожелалъ послѣднее. И вотъ меня въ Кишиневѣ забрили и отдали на службу въ одинъ изъ полковъ 17-й пѣхотной дивизіи, квартировавшей въ Минскѣ. Семейство не знало о моемъ положеніи, а сообщить о такой грустной переměнѣ значило бы убить ихъ; поэтому я скрывалъ о своей участи, рѣшивъ при первомъ же удобномъ случаѣ бѣжать, вновь собрать своихъ товарищей, забраться глубже въ лѣсъ и перебросить охоту на другую сторону, но уже ни за что живымъ въ руки не даваться. Мнѣ было тогда сорокъ лѣтъ; я былъ силенъ безъ мѣры, отваженъ до безумія и пилъ водку, какъ воду.

Потекла моя рекрутская жизнь. Въ кругу солдатъ я постоянно старался быть тихимъ и кроткимъ. Правда, особаго надзора за мною хотя и не было, но я зналъ, что исподтишка присматриваютъ за мною, и это заставляло меня съ покорностью выжидать болѣе удобнаго случая. Вскорѣ представился этотъ случай: въ Кишиневѣ насъ собрали 12 рекрутъ и подъ надзоромъ одного унтеръ-офицера и

двухъ рядовыхъ отправили въ командировку. На первыхъ порахъ въ пути конвойные пьянствовали мало, но въ селѣ Малаешты, Херсонской губерніи, они до того перепились, что болѣе сердобольные рекрутски отливали ихъ водою.

Было бы досадно не воспользоваться этимъ случаемъ: ночью я отъ нихъ скрылся и черезъ нѣсколько дней явился въ Одессу.

Вѣсть о возвращеніи Чумака быстро облетѣла все жилища сотоварищей, жившихъ большею частью домами. Я вновь собралъ шайку, возобновилъ грабежи, быстро переносясь изъ одного угла въ другой и, какъ всегда, заѣзжалъ домой очень рѣдко, только для передачи награбленного. Между тѣмъ по моимъ слѣдамъ меня искали, о чемъ я зналъ лучше самихъ преслѣдователей.

Такъ я кочевалъ два года. Но однажды я забрался на ночлегъ къ одной попадѣ, которая приняла меня, повидимому, только изъ боязни; она напоила меня и измѣнически выдала властямъ. Опять меня засадили въ острогъ. Черезъ 6 мѣсяцевъ военный судъ рѣшилъ: прогнать меня чрезъ 1000 ударовъ сквозъ строй и отправить въ 17-ю пѣхотную дивизію, по мѣсту перваго назначенія.

Тысяча ударовъ въ спину мнѣ, не испытавшему во всю жизнь побоевъ, показались горше горькаго... Барабанный бой долго поражалъ мой слухъ и даже тревожилъ сонъ своею знакомой дробью. Послѣ этой жестокой порки я лежалъ три дня въ лазаретѣ. Опять тѣмъ же порядкомъ былъ я отправленъ подъ болѣе строгій надзоръ, и хотя конвойные за мною и слѣдили, но я былъ вдвое бдительнѣе ихъ. Они терпѣли, терпѣли, и въ Кіевской губерніи сразу напились за все утерянное время, а это мнѣ и было нужно. Я ихъ бросилъ и черезъ двѣ недѣли явился опять въ Одессу. Мое появленіе на этотъ разъ въ одно и то же время подняло на ноги и моихъ сотоварищей, и властей. Одесса и Бессарабская область встрепенулись. Для поисковъ по трактамъ посланы были эскадроны казаковъ. Я зналъ обо всемъ этомъ и, однако, производилъ грабежи и быстро переносился изъ одной мѣстности въ другую. И не только со своей стороны я строго слѣдилъ за своими преслѣдователями, но и обманывалъ ихъ на каждомъ шагу. Имѣя на своей сторонѣ становыхъ и корчмарей, я пьянствовалъ съ ними вмѣстѣ въ корчмахъ и производилъ грабежи у нихъ на глазахъ. Я легко обманывалъ казаковъ, а становые знали это и отъ души хохотали...

Казаковъ я могъ обмануть разъ, другой, но все-таки я предвидѣлъ, что долженъ рано ли, поздно ли сдѣлаться ихъ добычею. Мои пріятель, становой и корчмарь, защищая меня, заботились, конечно, больше о собственномъ спасеніи.

Мнѣ оставалось для личнаго спасенія и спасенія другихъ распустить шайку на нѣкоторое время и тѣмъ усыпить страсти моихъ преслѣдователей.

Распустивъ шайку, я отправился домой, гдѣ секретно ежедневно

видѣлся съ полицейскими властями и прожилъ такимъ образомъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Когда надо мою разсѣялись тучи, я вышелъ на свѣжій воздухъ и въ нѣсколько дней вновь оживилъ окрестные лѣса своими разгудами.

Наступили сороковые годы... годы грабежей и безчеловѣчныхъ истязаній и пытокъ для меня. Съ этой поры счастливая звѣзда отъ меня отвернулась и уже больше не возвращалась; несчастье за несчастьемъ преслѣдовали меня на каждомъ шагу, преслѣдуютъ и понынѣ. Да, сороковые годы и понынѣ какою-то болью отзываются въ моей груди. Иногда теперь, подъ старость такъ и хочется всплакнуть.

Итакъ, послѣ безчисленнаго множества грабежей меня натравили ограбить хуторъ греческаго купца Калче, бизъ Одессы, у котораго, по рассказамъ, было много денегъ.

Заинтересовавшись добычей, я со своими молодцами явился къ нему однажды ночью, какъ снѣгъ на голову. Разставивъ часовыхъ, мы перевязали всю прислугу, и затѣмъ уже я съ тремя молодцами проникъ въ свѣтелку къ хозяину. Взглянувъ на меня, Калче догадался, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и указалъ, гдѣ хранятся деньги.

Мы забрали около 60 тысячъ рублей, потомъ связали хозяина и уже вышли, чтобы скрыться, оставивъ для безопасности всѣхъ дома перевязанными, какъ вдругъ одна женщина, какъ-то ускользнувшая отъ нашей бдительности, дала о насъ знать въ деревню. Поднялась тревога, о чемъ часовые дали немедленно мнѣ знать. Мы выбѣжали, вскочили на лошадей; по насъ былъ сдѣланъ выстрѣлъ. Я едва-едва скрылся, потерявъ одного товарища. Его изловили и подъ охранною отправили въ острогъ.

Зная, что послѣ такого грабежа меня будутъ преслѣдовать, я на другой же день распустилъ шайку и отправился домой, гдѣ подъ надзоромъ становаго скрывался до новой охоты.

Мѣсяца черезъ три я вновь отправился въ лѣсъ, собравъ небольшую шайку, и теперь перекочевалъ въ Ананьевскій уѣздъ Херсонской губерніи. Тамъ ограбили мы хуторъ Урыки, но дѣло кончилось счастливо, и добыча была хорошая.

Однако, предугадывая погоню, я своротилъ на м. Березовку и принялъ всѣ мѣры предосторожности. На наше несчастье, въ той мѣстности укрыться было трудно; ни лѣсовъ, ни овраговъ, а болота съ тростникомъ нужно было отыскивать, и всюду были однѣ голыя степи. Во что бы то ни стало мнѣ нужно было добраться только до Березовки, а тамъ я надѣялся быть въ безопасности.

Озабоченной своею долей, я вышелъ на большую дорогу. Вижу, ѣдетъ обозъ; я ухватился за мысль отбить его, затѣмъ гдѣ-нибудь уложить обозчиковъ и самимъ подъ видомъ чумаковъ отѣхать сколько намъ было нужно.

Поравнявшись съ обозомъ изъ 24 паръ воловъ, мы подъ разными увертками доѣхали до корчмы. Я купилъ водки, подмѣшалъ дурману, напоилъ земляковъ, отчего тѣ и уснули, а мы, не кормя воловъ, заняли мѣста возчиковъ и немедленно поѣхали по направленію къ Березовкѣ. У самага мѣстечка мой обозъ свернулъ въ сторону и остановился. Я приказалъ накормить воловъ, а самъ, не считая себя уже въ большой опасности, сѣлъ на свою верховую лошадь и поѣхалъ въ мѣстечко повидаться съ однимъ пріятелемъ.

Ничего не подозрѣвая, я выпивалъ чару за чарой, между тѣмъ какъ моихъ товарищей въ то время уже окружили и они съ оружіемъ въ рукахъ искали себѣ спасенія. Но тутъ я сдѣлалъ оплошность. Будучи уже навеселѣ и возвращаясь черезъ нѣсколько часовъ къ обозу, я встрѣтился съ какимъ-то верховымъ; мы съ нимъ переглянулись довольно непріязненно, но все же продолжали путь, каждый по своему направленію. Однако меня ожидала болѣе поразительная встрѣча: подѣзжая къ обозу, я, къ удивленію моему, увидѣлъ, что молодцовъ моихъ нѣтъ и что обозъ окруженъ какими-то незнакомцами въ числѣ около 20 человекъ. Не теряя присутствія духа, я спросилъ, чей этотъ обозъ, и одинъ изъ присутствовавшихъ, повидимому, хозяинъ обоза, передалъ мнѣ въ краткихъ словахъ, что обозъ принадлежитъ ему, что онъ былъ отнять у возчиковъ злоумышленниками, которыхъ онъ, хозяинъ, настигъ здѣсь и хотѣлъ переловить, но злодѣйское сопротивленіе спасло ихъ и они отбились и уѣхали на трехъ подводахъ.

Такая вѣсть меня не обрадовала.

Не подавая виду, я поѣхалъ по направленію, куда отправились товарищи, и, отѣхавъ уже версть двадцать, завернулъ въ корчму выпить чарку водки, но въ этотъ моментъ окружили корчму и меня схватили: оказалось, что тотъ верховой, съ которымъ я встрѣтился, ѣздилъ въ Березовку за полиціей...

На этотъ разъ совсѣмъ неожиданно я сдѣлался жертвою. Попавъ въ руки столькихъ людей, одинъ, безъ товарищей, я сдался подъ другимъ именемъ.

Меня немедленно связали и сперва сильно помяли бока, а затѣмъ бросили въ телѣгу и отправили въ Березовку, оттуда въ Ананьевъ, гдѣ на слѣдствіи я показалъ себя мѣщаниномъ Помолановымъ. Изъ Ананьева, по ошибкѣ, вмѣсто Тирасполя, я былъ отправленъ въ Одессу, гдѣ меня уже знали лично. Я былъ признанъ военнымъ дезертиромъ и отправленъ въ Тирасполь. Шестъ мѣсяцевъ сидѣлъ я въ тираспольскомъ острогѣ по дѣлу о грабежѣ обоза съ волами, и на этотъ разъ выручилъ меня одинъ корчмарь: онъ подъ присягою показалъ, что въ ночь грабежа воловъ я ночевалъ у него въ корчмѣ.

Когда я былъ оправданъ по этому дѣлу, меня тотчасъ же отправили въ Ананьевъ, гдѣ уже производилось дѣло о грабежѣ хутора

Урыки. Изъ Анапьева для очной ставки меня отправили въ станovouю квартиру въ дер. Чичикли, а изъ Чичикли въ Березовку— во время этого послѣдняго пути я выпилъ всю горькую чашу до дна.

Изъ Чичикли, подъ прикрытіемъ восьми сторожей и одного сотскаго, выѣхали мы вечеромъ, послѣ заката солнца, по тракту на Березовку. Меня заковали въ ножные кандалы и усадили на телѣгу; конвой шелъ пѣшкомъ вокругъ нея. Такимъ образомъ я очутился подъ строгимъ прикрытіемъ и въ кандалахъ.

Какъ тутъ бѣжать? А хотѣлось бы.

Затаивъ эту завѣтную мысль, я принялся потихоньку откручивать кольца кандаловъ, и, конечно, открутилъ ихъ. Я былъ на удивленіе силенъ. Теперь мнѣ нужно было выждать удобнаго случая, чтобы хватить ими же одного изъ провожатыхъ, тоже здороваго человѣка, а на остальныхъ я смотрѣлъ, какъ на мухъ.

Дорогою вся стража соединилась позади повозки и толковала о своихъ дѣлахъ; всѣхъ больше ораторствовалъ сотскій, маленькій и невзрачный мужичонка. Я казался задумчивымъ и не входилъ ни въ какіе разговоры. Наконецъ, часамъ къ 12-ти ночи, когда мы степью отѣхали нѣсколько верстъ и сдѣлалось уже совсѣмъ темно, здоровый провожатый, о которомъ я такъ много думалъ, подошелъ къ телѣгѣ съ правой стороны и очутился, такимъ образомъ, со мною рядомъ. Я просилъ остановить лошадь, подъ предлогомъ естественной надобности, и лишь только соскочилъ съ телѣги, удачно хватилъ здороваго парня по головѣ и убилъ его наповаль. Остальные мои спутники въ ужасѣ окаменѣли, и я имъ не далъ одуматься. Не считая нужнымъ убивать въ степи такую «храбрую» стражу, я, не сказавъ имъ ни слова, повернулся и пошелъ по направленію къ знакомому мнѣ болоту, имѣя въ виду скрыться въ тростникахъ. Всѣ остальные стражники все еще оставались на мѣстѣ, какъ вкопанные... Что они думали въ эту минуту—не знаю, но, давъ мнѣ отойти версты двѣ, они затѣмъ погнались за мною. Желая избѣгнуть отчаянной борьбы въ открытомъ полѣ съ восьмью стражниками, вооруженными дубинами, я прибавилъ ходу. Они бѣгомъ послѣдовали за мною; тогда я пустился бѣжать еще быстрее, и они еще шибче меня преслѣдовали.

Наконецъ я остановился и, держа кандалы въ рукахъ, допустилъ ихъ шаговъ за десять отъ себя. Они остановились, и я имъ сказалъ:

—Что вамъ нужно, ребята?.. Не лучше ли вамъ побережь себя, женъ и дѣтей, иначе вамъ будетъ то же самое, что и вашему товарищу...

Въ отвѣтъ на эти слова они набросились на меня, но не всѣ вмѣстѣ, а по одному или по два. У меня вмигъ глаза налились кровью, и я началъ ихъ косить кандалами; милости къ нимъ не было, но также и большого вреда я имъ причинить не могъ. Я сильно ихъ билъ, но не убилъ. Жаль, что только изувѣчилъ. Долго ли я ихъ билъ—не помню, во послѣ этого семь человѣкъ такъ или иначе

отстали, а восьмой, не рѣшаясь попасть подъ мои удары, остановился и издали кричалъ:

— Ратуйте, Бога ради, кто въ Бога вѣруетъ!...

Я бросился къ нему, а онъ отъ меня. Я иду дальше—онъ за мной, я бѣгомъ—онъ тоже, и все кричить: «Ратуйте, Бога ради...»

Никто въ жизни меня такъ не злилъ, какъ тотъ мужичонка; я разорвалъ бы его на клочки, но ничего подѣлать я не могъ.

Такъ онъ меня преслѣдовалъ до разсвѣта. Вблизи попалась одна деревня, и сбѣжался народъ, вооруженный вилами, топорами, дубинами и кто чѣмъ могъ. Вся эта ватага атаковала меня, я выбился изъ силъ и сдался. Больно здѣсь меня побили... не дай Боже! Я уже молилъ Бога, чтобы скорѣе онъ окончилъ мою жизнь, чтобы скорѣе меня убили. Не замѣчая во мнѣ уже дыханія, мужики взвалили меня въ телѣгу и распяли, привязавъ къ телѣгѣ за руки, за ноги и шею, и еще насѣли на меня, кто какъ могъ. Такъ они дотащили меня до д. Корниенко, гдѣ полумертвымъ сдали меня сотскому. Они и тутъ еще хотѣли меня побить, но сотскій не допустилъ: «Вы били его тогда, когда онъ былъ въ вашихъ рукахъ, а сдавши мнѣ—бить его не позволю»...

Изъ д. Корниенко отправили меня въ д. Завадовку. Становой снялъ съ меня допросъ и отправилъ въ Кишиневъ. Здѣсь меня предали суду.

Въ кишиневскомъ острогѣ мнѣ пришлось пожить довольно долго. Сперва меня содержали строго, но затѣмъ вмѣстѣ съ другими арестантами начали посылать на хозяйственныя работы подъ прикрытіемъ конвойныхъ. Послѣдніе доставляли намъ туда водочку, и въ такомъ изобиліи, что частенько и они, и мы, арестанты, напивались до одинаковыхъ градусовъ.

Возвращаясь я однажды съ работы. Плацъ-адъютантъ замѣтилъ пьянаго арестанта и началъ его бить, я же, не столько изъ чувства дружелюбія, сколько справедливости, сказалъ адъютанту: «Что вы его бьете, ваше благородіе, вѣдь вы видите, что онъ пьянъ»...

Неумышленное мое замѣчаніе плацъ-адъютантъ принялъ за дерзость и хотѣлъ дать мнѣ пощечину. Я тоже былъ тогда немного выпивши и не только не позволилъ ударить, но еще легонько оттолкнулъ его отъ себя. Плацъ-адъютантъ страшно разсвирѣпѣлъ и о моемъ поступкѣ доложилъ командиру кишиневскаго гарнизоннаго батальона полковнику Скляревскому. Послѣдній въ порывѣ негодованія не замедлил явиться въ острогъ, приказалъ посадить меня въ карцеръ и намочить и посолить розогъ...

«О, о,—подумалъ я,—вѣдь нашъ командиръ шутить не умѣетъ, онъ, навѣрно задастъ, мнѣ взбучку».

На другой день, рано утромъ, явился мой гарнизонный начальникъ, меня вывели подъ стражей, а розогъ было уготовано

столько, что, пожалуй, на одной лошади ихъ нельзя было перевезти.

— Раздѣвайся!—послышался голосъ командира батальона; но я не раздѣвался.

— Раздѣть его силою!—заревѣлъ онъ солдатамъ.

Тѣ отъ страха не только были готовы раздѣть меня, но нѣкоторые даже забылись и по привычкѣ стали раздѣваться сами.

Я растолкалъ караулъ и не дался. Солдаты принялись за меня вторично. Я повторилъ съ карауломъ то же самое, но вдругъ разсвирѣпѣлъ и бросился къ самому командиру, но причинить ему особенныя поврежденія мнѣ не удалось. Вырвавшись изъ моихъ лапъ, онъ уже больше не показывался, выжидая случая отомстить мнѣ, и онъ выждалъ.

Между тѣмъ слѣдствіе о моихъ грабежахъ подходило къ концу. Уликъ противъ меня не было, но отъ пораненій сельской стражи со смертными послѣдствіями я отказаться ужъ не могъ.

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ и меня рѣшили наказать шпицрутенами сквозь 500 рядовъ шесть разъ, и сослать въ каторжныя работы на 20 лѣтъ.

Я никакъ не ожидалъ такого страшнаго наказанія и узналъ о немъ только лишь по прочтеніи мнѣ конфирмаціи.

Ожидая ея со дня на день, я молилъ Бога, чтобы поскорѣ наступилъ тотъ день, когда я понесу свое наказаніе. Я предчувствовалъ что-то неладное, но могъ ли я думать, что у батальоннаго командира, моего заклятаго врага со дня моей съ имъ ссоры, созрѣвала мысль засѣчь меня до смерти...

Наканунѣ дня экзекуціи караульный офицеръ Новоингерманландскаго полка, капитанъ Щеколда, проникнутый чувствомъ христіанской любви и состраданія, отозвалъ меня въ сторону и сообщил секретно, что меня хотятъ засѣчь до смерти...

Горька была такая вѣсть, горько было разставаться съ жизнью, но ужаснѣе всего представлялся мнѣ церемоніаль смерти... Умереть такую смертью—страшнѣе всякой смерти; тѣмъ болѣе, что, дабы засѣчь меня, при моей гигантской силѣ, требовалось слишкомъ продолжительное время. Святые отцы, умирая за Христа, не испытывали того, что предстояло испытать мнѣ...

Не предвидя никакого исхода, я, по наущенію того же добраго Щеколды, обратился съ докладной запиской къ жандармскому штабъ-офицеру съ просьбою передать меня для наказанія въ какой-нибудь другой полкъ; ежели же, просилъ я, это невозможно, то начальникомъ экзекуціи не назначать командира гарнизоннаго батальона, а кого-либо изъ полковыхъ штабъ-офицеровъ.

Капитанъ Щеколда, какъ караульный офицеръ, честно исполнилъ свой долгъ человѣка и христіанина: онъ передалъ записку лично жандармскому штабъ-офицеру, но, на мое несчастье, тотъ

оказался роднымъ кумомъ моему заклятому врагу, и записку эту оставили безъ вниманія.

Приходилось разставаться съ жизнью. Единственная смутная надежда была на капитана Щеколду, который обѣщался присутствовать частнымъ зрителемъ при экзекуціи и тѣмъ спасти мою жизнь.

Минуты мои уже были сочтены. Въ 4 часа утра рокового дня явился ко мнѣ унтеръ-офицеръ и приказалъ одѣваться. Товарищи и даже осторожная прислуга, всегда сочувствуя подобнымъ несчастнымъ, какъ я, дали мнѣ полкварты водки; я выпилъ, одѣлся, перекрестился, попрощался съ товарищами, мысленно и съ женою и съ дѣтьми, и рѣшительно вышелъ изъ острога.

«Болѣе двухъ тысячъ ударовъ не посмѣютъ дать,—думалъ я дорогою,—а такое количество, хотя и съ трудомъ, хотя и угрожаетъ оно смертию, перенесу я за одинъ разъ,—только бы не подвергаться повторенію, какъ это случается съ тѣми, которые опредѣленнаго наказанія за одинъ разъ не переносятъ».

Подходя къ мѣсту экзекуціи (на батальонномъ дворѣ), я окинулъ взоромъ весь строй батальона во главѣ съ его командиромъ, поглядывалъ во все стороны, ища глазами капитана Щеколду, но, увы, его не оказалось.

Аудиторъ прочиталъ конфирмацію; меня раздѣли донага, и унтеръ-офицеры стали привязывать мои руки къ ложамя своихъ ружей. Въ это же время я еще разъ взглянулъ вокругъ себя, но моего благодѣтеля здѣсь не было.

«Прощай, бѣлый свѣтъ,—подумалъ я:—пришелъ, Чумакъ, тебѣ позорный и мученическій конецъ, прощай, жена, прощайте, дѣти! Ничего-то вы не знаете! о чемъ-то вы теперь думаете!...»

Но вотъ забили барабаны. Два унтеръ-офицера, придерживая привязанныя за ложа руки, повели меня... Вотъ онѣ, палки-то, впереди меня игриво въ воздухѣ взмахиваютъ, поочередно гордо ложатся онѣ на мою широкую спину, плечи, по всему туловищу, обвиваясь кругомъ кольцомъ-вокругъ моего тѣла, то выше, то ниже. Экзекуторъ Скляревскій, идя въ сторонѣ за фронтомъ, кричалъ: «Сильнѣе и чаще!»

Солдаты, опасаясь быть замѣченными въ недостаточномъ усердіи, били меня безопадно, каждый по нѣскольку разъ.

Будучи гигантскаго тѣлосложенія, я такъ напиралъ грудью на своихъ вожakovъ, что они едва успѣвали слѣдовать за мною. Экзекуторъ и тутъ нашелся: онъ приказалъ еще двумъ унтеръ-офицерамъ удерживать мой быстрый напоръ... Вотъ тогда-то меня начали бить не на животъ, а на смерть. Подвигался я уже тихо, и каждый солдатъ имѣлъ теперь полную возможность поиграть палкой, и, замахнувшись, въ угоду своему командру отпустить ударъ изъ всей силы.

Оказывается, что водка имѣла большое вліяніе на мое терпѣніе. Я прошелъ уже одинъ конецъ, другой и третій. Фельдшеръ угощаль меня спиртомъ подъ носъ, но я не допускаль его. Иду я четвертый, пятый и, наконецъ, шестой разъ.

«Ну,—думаю,—слава Богу, какъ-нибудь долетусь... «Я былъ уже избить отъ головы до пятъ и чувствовалъ, что клочки мяса болтались по всему моему израненному тѣлу.

Еле плетясь уже послѣдній конецъ (итти я почти уже не могъ), я взмолился, чтобы только поскорѣе кончились эти пытки... Лишь только я достигъ послѣдняго ряда, я упаль безъ чувствъ; фельдшеръ даль мнѣ понюхать спирту. Когда я очнулся и спросилъ его тихонько: «Кажись, кончилъ все!»—онъ неувѣренно мнѣ отвѣтилъ: «Кончилъ, слава Богу»...

Отдохнувъ немного, я всталъ, въ ожиданіи, что меня будутъ развязывать, но, къ моему горькому отчаянію, меня повели вновь...

Боль во всемъ тѣлѣ, боль души и отчаяніе ослабили меня до того, что, пройдя сверхъ положеннаго около 25 рядовъ, я упаль и лишился чувствъ.

Фельдшеръ опять подбѣжалъ ко мнѣ съ помощью, и я вновь очнулся... Но, Боже!... вдругъ въ моихъ ухахъ раздался спасительный голосъ моего Шеколды.

— Что вы дѣлаете!—закричалъ онъ въ отчаяніи:—развѣ у насъ засѣкають до смерти? Сейчасъ ѣду!...—послѣднее слово я едва слышалъ. Что было дальше, я уже не помнилъ. Я опять лишился чувствъ и меня полумертваго отнесли въ лазаретъ...

Вмѣсто трехъ мнѣ всыпали тысячь пять ударовъ: у меня отбили и чувства, и память. Я не помню, какъ меня снесли въ лазаретъ: на простыняхъ или на носилкахъ.

Одиннадцать дней я лежалъ въ безпамятствѣ, а затѣмъ уже началъ постепенно поправляться. Черезъ три мѣсяца меня выписали изъ лазарета, хотя на спинѣ и на плечахъ еще были слѣды побоевъ.

На этотъ разъ я былъ самъ виновенъ, я просилъ выписать меня изъ лазарета раньше окончательнаго выздоровленія; я полагаль, что на вольномъ воздухѣ поправлюсь лучше. Но оказалось иначе: Складревскій, закончивъ противъ своего желанія экзекуцію, донесъ начальству, что я выходилъ всего три конца, т. е. 1500 ударовъ, слѣдовательно, остальные 1500 ударовъ состояли за мною въ долгу... Кому же было жаловаться?...

Къ счастью моему, ко дню новой экзекуціи гарнизонный батальонъ выступилъ куда-то на работы, и честь экзекуторства досталась другимъ войскамъ.

На этотъ разъ Складревскій достигъ бы своей цѣли: онъ засѣкъ бы меня до смерти, потому что новые удары на старыя раны производили невыразимую боль... Во второй разъ я прошелъ не болѣе 50 рядовъ и упаль...

— Не могу!—возопилъ я къ экзекутору: положите меня ради Бога на телѣжку,—молилъ я,—и продолжайте до конца, хотя бы и на смерть...

Показалась телѣжка! Меня растянули, руки и ноги прикрѣпили ремнями къ кольцамъ и повезли... Боль въ тѣлѣ была невыносимая, выше всякаго воображенія. Получая на этотъ разъ отъ каждаго солдата только по одному удару (а не по три, какъ въ первый разъ), я потому теперь и выдержалъ наказаніе. Пришлось нестерпимо трудно, одинъ Богъ, знаетъ, какъ я вытерпѣлъ. Меня везли, какъ ободранную, безъ дыханія, скотину.

Послѣ экзекуціи я опять былъ отправленъ въ лазаретъ, а черезъ три мѣсяца я вновь былъ на выпискѣ.

Своимъ спасеніемъ послѣ двухъ истязаній я обязанъ доктору. Не знаю, съ какимъ чувствомъ онъ смотрѣлъ на терзаніе моего тѣла въ минуты тяжкаго искупленія, но послѣ него онъ былъ истиннымъ моимъ благодѣтелемъ.

Да и вообще эти доктора удивительно какъ умѣли располагать къ себѣ преступниковъ, даже самыхъ грубыхъ...

По выпискѣ изъ лазарета мой путь въ острогъ лежалъ мимо квартиры Скляревскаго; увидѣвъ меня, онъ былъ удивленъ. Я остановился неподалеку отъ него и сказалъ: «Чему удивляетесь? Вы хотѣли меня засѣчь до смерти. Анъ не такъ вышло. Богъ старше васъ!»...

Всѣ офицеры гарнизоннаго батальона были также удивлены моему выздоровленію.

— Ну, Чумакъ,—говорили они:—коли изъ нашихъ рукъ вырвался живымъ, такъ будешь еще долгу чумаковать...

Въ Кишиневѣ я оставался недолго. Лишь только я выздоровѣлъ, меня отправили въ Сибирь, на Нерчинскіе заводы (Средній заводъ), гдѣ я прожилъ полтора мѣсяца, а потомъ бѣжалъ.

Лѣсами, по указанію каторжниковъ, я добрался до Нерчинска, затѣмъ направился вглубь тайги, почти вплоть къ китайской границѣ и, обойдя Читу, добрался до Иркутска, откуда проселочными глухими дорогами прибылъ въ Томскъ. Отъ Иркутска до Томска и далѣе я рѣдко шель пѣшкомъ. Большею частью я ѣздилъ верхомъ на лошадахъ, которыя, между прочимъ, не нанималъ, а бралъ секретно отъ одной станицы до другой; такъ, не доѣзжая до одной станціи, я оставлялъ лошадь, станицею я проходилъ пѣшкомъ, а за станицею опять садился на другую лошадь до слѣдующей станціи. Такимъ образомъ, черезъ восемнадцать мѣсяцевъ, послѣ упорнаго труда и большихъ лишеній, я вернулся опять въ Одессу. Это было, насколько помнится, въ 1845 году.

Мои родные, не имѣвшіе никакихъ свѣдѣній обо мнѣ, удивились моему возвращенію. Увидѣвъ себя въ кругу близкихъ, я испытывалъ непередаваемую радость, и чувство это словами рассказать

не могу. Дочь была уже замужемъ и вмѣстѣ съ мужемъ жила въ моемъ домѣ.

Казалось бы, уроки прошлаго слѣдовало бы запомнить, но нѣтъ—привычка хуже всякой болѣзни. Хотя въ кругу родныхъ и знакомыхъ было мнѣ хорошо, но временами я страдалъ и тосковалъ; мнѣ нужна была свобода, ибо въ своемъ домѣ душно стало...

Прошло два мѣсяца. Ни груды награбленнаго золота, ни ласки родныхъ меня уже не прельщали, слезы и совѣты близкихъ меня еще больше волновали, и, уже не чувствуя страсти ни къ крови, ни къ богатству, я все же вновь собралъ шайку и охотился 8 лѣтъ—до 1853 года.

Первый набѣгъ, насколько помню, я свершилъ близъ Одессы, ограбивъ почту. Дѣло это было весьма опасное; предугадывая, что грабителей будутъ энергично преслѣдовать, я въ тотъ же день раздѣлилъ добычу и распустилъ шайку.

Полицейскія власти, не имѣя еще никакихъ свѣдѣній о возвращеніи моемъ изъ Сибири, не знали, кого преслѣдовать, и это дало мнѣ возможность пробраться въ Бендеры, гдѣ, однакожь, оставаться долго было довольно опасно.

Вскорѣ двое изъ участниковъ въ ограбленіи почты попались, и они открыли о моемъ возвращеніи. Хотя ихъ словамъ и не довѣряли, но, тѣмъ не менѣе, приказано было меня разыскивать. Считаю рискованнымъ оставаться въ окрестностяхъ Кишинева или Одессы, я перекочевалъ сперва въ Херсонскую, затѣмъ въ Кіевскую и, наконецъ, въ Каменецъ-Подольскую губерніи, гдѣ производилъ грабежи и задавалъ кутежи.

Ровно черезъ три года послѣ ограбленія почты я возвращался въ Одессу съ двумя товарищами и по дорогѣ закутилъ; меня изловили и посадили въ острогъ, но не какъ Чумака, а какъ члена его шайки. Въ одесскомъ острогѣ мое имя и грабежи сдѣлались легендой; нѣкогда я сиживалъ въ немъ, и прежнее начальство и служители меня отлично знали, однако въ теченіе почти десяти лѣтъ всѣ здѣсь перемѣнились, а для новичковъ и я преобразовался тоже въ новичка. Пользуясь такимъ случаемъ, я назвался Калино-Безумнымъ изъ 8-го округа пѣхотныхъ солдатъ, котораго въ дѣйствительности разыскивали. Послали туда справки, и показаніе мое подтвердилось, а это мнѣ было и нужно. Итакъ, меня туда отправили подъ охраной трехъ провожатыхъ, но дорогою они перепились, я ихъ перевязалъ и бѣжалъ.

Чтобы спастись отъ преслѣдованія, я одинъ отправился въ Елисаветградъ. Дорогою, близъ Елисаветграда, я заѣхалъ къ одному пріятелю, который послѣ хорошей выпивки передалъ мнѣ, что въ Александровскомъ уѣздѣ, въ д. Каменкѣ, проживаетъ богатый еврей-арендаторъ, и онъ мнѣ предложилъ его ограбить.

Не долго думая, мы собрались, всего въ числѣ шести человекъ, и на четырехъ лихихъ лошадяхъ отправились въ путь. Къ вечеру слѣдующаго дня мы были уже въ Каменкѣ. Для грабежа было еще рано. Мы выпили водки, высмотрѣли мѣстность и затѣмъ, поставивъ лошадей въ сторонкѣ, около 11 часовъ ночи подошли къ мызѣ. Окружая мызу съ одной и съ другой стороны, мы предполагали захватить всѣхъ уже спящими, но, къ нашему удивленію, мы услышали музыку, пѣсни и пляски... Нужно было собрать справки, что означало это торжество; оказалось, арендаторъ женилъ сына и справлялъ теперь свадьбу. Время было уже около часу ночи, и медлить было некогда. Пирующихъ мужчинъ и женщинъ было около 50 человекъ. Я былъ предупрежденъ, что самъ арендаторъ очень здоровый и сильный человекъ. Четырехъ товарищей разставилъ я вокругъ мызы, приказавъ имъ настрого никого не выпускать со двора, а самъ съ однимъ ловкимъ молодцомъ вошелъ къ пирующимъ. Арендаторъ, увидя незваныхъ гостей, смѣло подошелъ и спросилъ, что намъ нужно.

— Мы приѣхали къ тебѣ погостить, — сказала я: — попотчуй насъ...

Онъ догадался, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и схватилъ меня за грудь. Я выпустилъ изъ рукава фомку (кусокъ круглаго желѣза въ $\frac{3}{4}$ аршина) и хватилъ его по ермолкѣ: онъ свалился, какъ снопъ. Пирующіе, увидя хозяина дома сраженнымъ, закричали и, какъ саранча, поползли подъ столы и стулья, на печку, однимъ словомъ, кто куда могъ, Оставшись въ комнатѣ съ товарищемъ, я почему-то громко захохоталъ и, уложивъ затѣмъ полумертваго арендатора подъ лавку, пошелъ отыскивать прикованный подъ кроватью сундукъ съ деньгами.

Прошелъ еще часъ, и мы уже катили восвояси съ богатою добычей въ сорокъ тысячъ рублей.

Нечего было предугадывать, что за нами будетъ слѣдовать погоня, и поэтому нужно было скрыться какъ можно поспѣшнѣе. Не раздѣливъ еще добычи и доѣхавъ до корчмы Любомирской въ Бобринецкомъ уѣздѣ, я счелъ нужнымъ отдать приказъ накормить лошадей и затѣмъ вошелъ въ корчму, сопровождаемый моими товарищами. День былъ праздничный; народу въ корчму собралось человекъ сорокъ, и изъ нихъ никто насъ не зналъ. Мужики, замѣтивъ незнакомцевъ, начали придирааться къ намъ. Мы отвѣчали дерзостью. Видя, что съ такимъ числомъ людей справиться трудно, я приказалъ тремъ товарищамъ заложить лошадей, чтобы уѣхать, но, къ моему удивленію, я узналъ, что при выходѣ изъ корчмы ихъ перевязали. Это меня разозлило, и я ожидалъ, что скоро будетъ тревога и я попадусь. Разсерженный, я незамѣтно приказалъ двумъ товарищамъ запереть двери и никого изъ корчмы не выпускать. Не давая имъ опомниться, я схватилъ за ушко мѣдную четвертную и началъ ею косить мужиковъ. Такая неожиданность отуманила всѣхъ,

нѣкоторые бросились къ двери, но наткнулись на запоръ. У меня глаза налились кровью, и я билъ мужиковъ безпощадно, не помня себя.

Я пришелъ въ себя лишь тогда, когда махальъ уже по воздуху, никого не задѣвая. Освободивъ затѣмъ товарищей, мы заложили лошадей и уѣхали.

Къ вечеру того же дня мы остановились въ какой-то корчмѣ докармливать лошадей, и туда же пріѣхальъ одинъ уланскій офицеръ, отъ котораго мы узнали, что въ корчмѣ Любомирской перебито и переранено много народу. Я помалкиваль...

Убѣдившись, что снова надвигается опасность, я распустилъ товарищей, а самъ отправился домой на отдыхъ.

Черезъ мѣсяць я вновь взялся за грабежи и на этотъ разъ отправился въ Кіевскую губернію, перенося затѣмъ свою дѣятельность изъ одной губерніи въ другую.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ до 1853 г. я произвелъ множество грабежей, но большею частью неудачныхъ. Не бывавъ уже давно въ Одессѣ, я отправился туда. Въ это время за мною уже слѣдили изъ каждаго уголка, и, лишь только я показался въ Одессѣ, меня изловили и засадили въ острогъ, гдѣ я содержался до 1859 года. По окончаніи слѣдствія меня предали суду и приговорили къ наказанію шницрутенами въ 500 ударовъ и ссылкѣ въ каторжныя работы на 20 лѣтъ.

На этотъ разъ меня упрятали въ Верхній Нерчинскій заводъ, но ненадолго. Я прожилъ здѣсь всего пять мѣсяцевъ. Сговорившись съ товарищемъ, мы вдвоемъ бѣжали, и въ 1861 году я былъ уже опять въ Одессѣ.

Я еще находился въ Сибири, а по моимъ слѣдамъ на родинѣ производились грабежи моими же товарищами и еще Богъ вѣсть кѣмъ. Распустили слухъ, что все это дѣло моихъ рукъ. Я объ этомъ узналъ уже впоследствии.

Между тѣмъ власти приняли мѣры къ поимкѣ меня, а я въ то же самое время блудилъ еще по томскимъ лѣсамъ. Не успѣлъ я только оглянуться по возвращеніи изъ Сибири (погулялъ я на свободѣ около одного года), какъ вдругъ меня опять поймали и опять въ той же Одессѣ.

Желая, вѣроятно, разъ навсегда отдѣлаться отъ меня, комиссія суда не медлила дѣломъ и присудила меня къ разстрѣлію. Я протестовалъ; назначили новую комиссію, которая рѣшила сперва сослать меня въ Сибирь и заключить до высылки въ тюрьму на 3 года, а затѣмъ отправить навсегда въ отдаленныя мѣста Сибири. Взглянувъ еще разъ на родимый край, я по торной дорожкѣ вновь отправился въ Сибирь.

Высидѣвъ въ Томскѣ три года, я въ числѣ прочихъ былъ отправленъ въ 1867 году въ Восточную Сибирь. Гнали насъ боль-

шими партіями. Въ Красноярскѣ скопилось насъ нѣсколько тысячъ преступниковъ; отъ худой пищи и сырости развелись болѣзни...

Изъ Красноярска, чтобы очистить тюрьмы, насъ отправили далѣе. Дѣло было зимою, и мы терпѣли невыносимый холодъ, отчего почти половина людей перемерло.

Оставшись живымъ отъ холода, голода и заразы, я, быть можетъ, и примирился бы съ судьбою, но путь до Якутска мнѣ показался дорогою въ могилу: шель, шель, и не было конца... Пока еще встрѣчались русскія станицы, я чувствовалъ близость чего-то родного; насъ встрѣчали и провожали русскіе поселяне, женщины и дѣти, и ихъ радушіе какъ бы облетчало намъ грустный путь. Но, пройдя за Иркутскъ около трехъ тысячъ верстъ, мы лишились и этой послѣдней отрады; намъ пришлось уже встрѣчаться съ якутами, тунгузами и прочими инородцами, мы лишились и хлѣба и питались уже сушеной рыбой. На насъ смотрѣли, какъ на звѣрей. Чѣмъ двигались мы дальше, тѣмъ дѣлалось скучнѣе и скучнѣе. Было невыносимо скучно, я бросилъ на пути партію и бѣжалъ...

Такой побѣгъ казался опаснѣе всѣхъ прежнихъ. Мнѣ предстояло уже бороться не съ людьми, вооруженными дубинами и лопатами, а съ самой природой, холодомъ, голодомъ; кромѣ того, ежечасно я подвергался опасности сдѣлаться жертвою дикихъ звѣрей или дикихъ инородцевъ, которые опаснѣе звѣрей...

Отлучившись отъ партіи, я свернулъ къ берегамъ р. Лены и пошелъ наудалую. Въ пути я кормился чѣмъ Богъ послалъ, но чаще всего голодалъ. Однако меня ожидало гораздо худшее: я зналъ, что тунгузы охотятся на нашего брата бродягъ, какъ на птицъ (по ихъ выраженію, убивъ худого бродягу, можно снять съ него чего-нибудь все жѣ на рубль, а птица всего стоитъ 15 коп.), и потому, надѣясь въ лѣсу достать больше пищи, я съ рѣки Лены свернулъ въ лѣсъ и заблудился.

Четырнадцать дней я блудилъ въ такихъ лѣсахъ, гдѣ видны были только земля, небо да высокія горы, съ которыхъ скапывалась вода, своимъ шумомъ наводившая на меня ужасъ. Я приготовился уже погибнуть въ этихъ мѣстахъ. Изнемогая отъ усталости и голода, я остановился подъ громаднымъ деревомъ, близъ одного водопада, посмотрѣлъ на всѣ четыре стороны и вверхъ, чтобы узнать, гдѣ восходъ солнца... Тутъ-то я сталъ на колѣни и молился Богу, но уже не о спасеніи, а о прощеніи моихъ грѣховъ... Во всю жизнь я не молился съ такимъ чувствомъ, какъ въ этихъ лѣсахъ Сибири. Истощенный голодомъ и усталостью, я свалился и заснулъ.

Отдохнувъ подъ деревомъ, я собралъ послѣднія силы и пошелъ, куда глаза глядятъ. Въ тѣ минуты я не вспоминалъ о прошломъ.

На этотъ разъ Богъ мнѣ помогъ—я выбрался опять на рѣку Лену и берегами ея сперва держался на Иркутскъ, затѣмъ черезъ

р. Ангару на Томскъ, и такъ плелся я на родную сторону, пока наконецъ не явился опять въ Одессу.

Натерпѣвшись такъ много въ жизни, я молилъ Бога только о томъ, чтобы добраться на родину и тамъ уже въ мои преклонныя лѣта (мнѣ было 91 годъ) умереть въ кругу родныхъ. Однако злодѣямъ судьба приказала умирать не въ своемъ домѣ и не среди родныхъ, а въ холодной Сибири.

Погостивъ въ Одессѣ дня три, я какъ-то пробирался къ себѣ домой, но тутъ же вспомнилъ про одного богатаго арендатора, до котораго я давно уже добирался. Съ этой цѣлью я зашелъ къ моему старинному товарищу, чтобы вмѣстѣ съ нимъ отправиться на грабежъ. Товарищъ мнѣ обрадовался, мы покутили и отправились на охоту. Путь лежалъ черезъ Одессу, и такъ какъ пока мы еще не были въ опасности, то на окраинѣ города зашли въ одинъ трактиръ пить чай. На наше несчастье, завернулъ туда же и ключникъ изъ одесскаго острога, который узналъ меня. Не сказавъ ни слова, онъ вышелъ и позвалъ полицію. Меня опять забрали.

Охъ, судьба, судьба, будто бы для того только, послѣ столькихъ лишеній, на старости лѣтъ, я возвратился на родину, чтобы черезъ какихъ-нибудь нѣсколько дней опять лишиться той свободы, которую я искалъ отъ Якутска до Одессы. И вотъ меня засадили въ знакомую тюрьму. На этотъ разъ, по старости лѣтъ, меня осудили уже на поселеніе въ менѣе отдаленныя мѣста Сибири.

Если я когда-либо сожалѣлъ о свободѣ, то никогда болѣе, какъ теперь. Очень не хотѣлось мнѣ укладывать свои кости на кладбищѣ въ тайгѣ. Правда, я чувствую всю тягость своихъ преступленій, но вѣдь я грабилъ только богачей и награждалъ бѣдныхъ. Людей я не рѣзалъ, какъ это дѣлаютъ многіе, и ежели случалось убивать, такъ нечаянно, при самозащитѣ.... Во всю мою жизнь я удушилъ одного только фискала въ Одессѣ; я его награждалъ, награждалъ и усталъ. Несмотря на это, при первомъ же удобномъ случаѣ онъ грозилъ меня выдать. Едва не сдѣлавшись однажды его жертвою, я какъ-то попотчевалъ его, заманилъ въ глухое мѣсто и удушилъ, и не какъ человѣка, а какъ кошку.

Несмотря на то, что я разбойникъ, я всегда сострадателенъ. Ежели бы я не пилъ вина, меня никто въ мірѣ не вызвалъ бы на преступленіе, а вышью проклятаго зелья, самъ напрашиваюсь на преступленія. Идя теперь въ послѣдній разъ въ Сибирь, я ежечасно вспоминаю мольбы моей жены.

— Куда тебѣ, Василій, добро-то дѣвать?—говаривала мнѣ жена тысячу разъ:—смотри, груды золота гніютъ у насъ на ямахъ, хватить намъ, дѣтямъ и внукамъ. Оставь, ради Бога, оставь шалости...

Когда я былъ трезвымъ, я слушалъ, уткнувъ носъ въ землю, и ничего не отвѣчалъ, а скажетъ это жена подъ пьяную руку, ну, тогда задавалъ же я ей, чтобы не учила мужа.

— Ну,—говорила она мнѣ, когда я переставалъ браниться:— вспомнишь, Василій, когда будетъ тебѣ лихенько, но уже будетъ поздно...

И только теперь я сознаю эти слова моей жены. Они сейчасъ живы въ моей памяти, какъ запоздалая спасительная молитва.

Когда же я буду умирать въ сырой тюрьмѣ, я самъ буду повторять эти святыя слова моей жены...

Въ 1882 году Чумаць въ Малороссіи былъ забитъ крестьянами до смерти. Онъ уже послѣдній разъ бѣжалъ изъ Сибири, принялся опять за грабежи съ немногочисленной шайкой и былъ накрытъ крестьянами въ то время, когда сторожилъ на большой дорогѣ какого-то купца.

ВОСПОМИНАНІЯ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ¹⁾.

(Дорогимъ пермцамъ на память 1877—1878 г.г.).

XII.

Празднованіе въ Сливнѣ Санъ-Стефанскаго мира.—Отъѣздъ изъ Сливны.—Долина Розъ.

ДЕВЯТНАДЦАТОЕ февраля восшествіе на престолъ императора Александра II, праздникъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, къ нему же присоединялось сегодня и другое торжество—креста надъ полумѣсяцемъ, сегодня подписанъ договоръ въ Санъ-Стефано объ освобожденіи христіанъ отъ турецкой неволи. Торжественно празднуютъ войска и болгары, городъ украшенъ флагами, къ храму стекаются стоящіе здѣсь полки и жители города Сливны Митрополитъ служить обѣдню и молебень за русскаго монарха. На площади по окончаніи службы парадъ; войска подъ звуки гимна парадируютъ; но вотъ построились въ карре, слышенъ голосъ начальника нашего корпуса; онъ говоритъ что-то войскамъ; слышно «ура!» Солдатамъ было угощеніе—по чаркѣракіи и булка, а затѣмъ обѣдъ отъ города. Около двухъ часовъ жители снова собрались на площадь съ своей національной музыкой и пляской. Скоро и наши музыканты появились и играли до вечера, то болгары на своихъ оригинальныхъ первобытныхъ музыкальныхъ инструментахъ, а танцоры, какъ мужчины, такъ и женщины, вели хороводъ, взявшись за руки, сомкнувшись громаднмъ кольцомъ,

¹⁾ Окончаніе. «Истор. Вѣсти.», т. CXLVI, стр. 339.

плясали свой національный танецъ подъ звуки волынки и заунывныхъ пѣсенъ. Зданіе ратуши, стоявшее посреди площади, все украшено флагами. Встрѣтившіе меня и Екатерину Дмитраки гражданки провели насъ въ ратушу и посредствомъ внутренней лѣстницы мы поднялись на плоскую ея крышу, обнесенную желѣзною оградой; отсюда былъ виденъ весь городъ, расположенный у подножія Балканъ. Какъ и всѣ доселѣ видѣнные мною, городъ не отличался ни изяществомъ архитектуры, ни правильностью очень узкихъ улицъ, вдоль которыхъ тянулись высокіе заборы, скрывавшіе за собой жилища—роскошныя турокъ и скромныя по наружному виду болгаръ, жившихъ вѣчно подъ страхомъ и ограждавшихъ себя высокими стѣнами, черезъ которыя внутрь дворовъ трудно было попасть; городъ казался пустыннымъ еще и потому, что не было зелени, еще природа не развернула своего изумруднаго чуднаго покрова. Хотя солнце и грѣло днемъ, но къ вечеру вѣтеръ и холодъ, приносимый съ горъ, давали себя чувствовать, такъ что съ закатомъ солнца мы всѣ поспѣшили домой. Въ одно изъ воскресеній я была приглашена на обѣдъ къ сливенскому митрополиту. У него были двѣ дочери, уже невѣсты, и одна изъ нихъ, Марія, сосватана за офицера Вятскаго полка нашей 26-ой дивизіи. Когда мы вошли въ залъ, все общество было уже въ сборѣ.

Дядю (дѣдъ) владыка былъ высокаго роста, худощавый старикъ, строгое выраженіе его лица внушало невольную сдержанность въ разговорѣ; его длинная черная одежда говорила о его санѣ духовнаго, никакихъ отличительныхъ знаковъ, ни креста на груди не было. Привѣтливо онъ обратился ко мнѣ «Много губова госпожа, я слышанъ о васъ; мстно ли, да увидите въ нашъ домъ». Послѣ обмѣна любезностей предложили шербетъ. Дамы, болгарки, нѣсколько офицеровъ нашего и Вятскаго полка, болгары; вскорѣ были приглашены къ столу. Не буду описывать подаваемыхъ блюда, но скажу, что они сильно отличаются отъ нашихъ приправами турецкаго перца, оливками и т. д. Обѣдъ въ общемъ былъ оживленъ разговоромъ о войнѣ, С.-Стефанскомъ договорѣ, затянувшимся довольно долго. Нѣсколько сортовъ винъ мѣстныхъ виноградниковъ всѣхъ цвѣтовъ и вкусовъ приносились цѣлыми кувшинами и пились какъ нашъ квасъ. Двѣ дочери митрополита, Марія и другая, все время служили у стола, усердно угощая гостей. Послѣ обѣда всѣ вышли на балконъ. Дворъ былъ полонъ болгаръ, тутъ же передъ балкономъ помѣщались наши музыканты, игравшіе все время обѣда. Адъютантъ отдалъ имъ приказаніе не уходить, а время отъ времени играть. Веселье было въ полномъ разгарѣ, балконъ сталъ наполняться народомъ, и музыканты, чередуясь съ болгарской музыкой и пляской, служили развлеченіемъ. Чтобъ вознаградить солдатъ чѣмъ-нибудь, я обратилась довольно громко къ адъютанту, что не мѣшало бы музыкантамъ «ракіи». Черезъ нѣсколько времени появился на

дворѣ болгаринѣ съ боченкомъ и сталъ угощать ихъ по стаканчику, поднося съ поклономъ; солдатки повеселѣли, но этого мнѣ было мало. Я надумала какъ-нибудь болѣе существенно поблагодарить музыкантовъ и заставить и болгаръ поступить по моему примѣру и, переговоривъ съ адъютантомъ, когда окончили гимнъ «Боже, царя храни», а за нимъ всеобщее «ура!» приподнявшись съ своего мѣста и махнувъ платкомъ, я обратилась къ унтеръ-офицеру капельмейстеру: «Рексъ! За то, что вы такъ хорошо воодушевляли музыкой пермцевъ во время похода на турокъ и здѣсь въ Сливнѣ стараетесь воодушевить дорогихъ, освобожденныхъ болгаръ, вотъ вамъ на починку изорванныхъ сапогъ во время похода». Рексъ подошелъ ближе къ балкону, и я бросила ему въ подставленное кепи золотой въ 10 рублей. Моему примѣру послѣдовали полковой адъютантъ и другіе офицеры, каждый бросали свою ленту въ шапку; музыканты благодарили. Болгары подошли ко мнѣ, принося и свои гроши, но я отказалась принять, а ежели у нихъ есть желаніе, то пусть кто желаетъ имъ что-нибудь дать, соберутъ и сами предложатъ музыкантамъ. Трое болгаръ, взявъ подносъ, пошли обходить всю публику. Митрополитъ и другіе протягивали свои руки къ подносу, а потомъ понесли внизъ къ музыкантамъ. Когда все успокоились, музыканты сыграли «Шуми, Марица».

Долго еще гуляли болгары, но ни пьянства, ни дракъ, ни ругани, нигдѣ не было слышно ни малѣйшаго неприличнаго шума, и этотъ суровый воинственный народъ ничѣмъ рѣзкимъ не выразилъ своего протеста неволѣ, въ которой они были такъ долго. Пока не воцарится на болгарскомъ престолѣ православный славянинъ, до тѣхъ поръ ты не будешь имѣть покоя, вѣчно зависишь будешь отъ шваба или снова попадешь подъ власть ненавистныхъ турокъ. Русскій народъ въ войну 1877 года, предводимый русскимъ царемъ съ сыновьями и братомъ, шелъ къ тебѣ на помощь, какъ къ родному народу, съ любовью. Сливненцы сами выражали желаніе имѣть своимъ повелителемъ великаго князя Владимира Александровича, а между тѣмъ вамъ посадили нѣмца.

25-го февраля полковой адъютантъ принесъ мнѣ прочесть приказъ по арміи главнокомандующаго великаго князя Николая Николаевича. Прочитавшій его видѣлъ подтвержденіе всего, что сдѣлали русскіе для болгаръ и съ какой славой окончилась бы наша война, ежели бы не помѣшали намъ тѣ, которые боятся славянской мощи.

Наша дивизія простояла довольно долго въ Сливнѣ. Нѣкоторые офицеры выбрали себѣ невѣсть изъ хорошенькихъ болгарокъ и поженились; не обошлось и безъ того, чтобъ нѣкоторыя дѣвицы, полюбившія пермскихъ офицеровъ, должны были безнадежно проститься со своимъ счастьемъ съ ихъ уходомъ.

14 марта я получила записку изъ штаба 11-го армейскаго корпуса: просить дать знать вдовѣ 101-го пѣхотнаго пермскаго полка Софїи Александровнѣ Кенигъ, чтобы она прибыла сего числа въ первомъ часу пополудни въ штабъ корпуса за полученіемъ 300 руб. сер., разрѣшенныхъ ей въ видѣ единовременнаго пособія его императорскимъ высочествомъ главнокомандующимъ. Марта 14 дня 1878 года. Гор. Сливна.

Въ штабѣ мнѣ были выданы деньги. Когда я расписалась въ ихъ полученіи, окружавшіе меня офицеры предложили подать докладную записку; вамъ любой орденъ дадутъ. Думая, не шутка ли, я не рѣшилась на это и отвѣтила: «Господа, ежели кто-нибудь заслужилъ награду, то его награждаютъ, но просить для себѣ награды я не могу». Поклонившись, я вышла. Не знаю и теперь, правильно ли я сдѣлала, но мнѣ показалось неудобнымъ, а посовѣтоваться не съ кѣмъ было, да и совѣстно. Ежели мнѣ давалась денежная награда, которую я не просила, а меня представляли, то и къ ордену могли представить.

19 марта мы должны были выступить изъ Сливны рано утромъ. Я немного задержалась укладкой вещей, лошадь стояла у веренды. Сходя съ лѣстницы, мнѣ хотѣлось проститься съ хозяйкой моей квартиры. Подъ звуки полковой музыки мы вышли изъ Сливны, о себѣ скажу,—съ сожалѣніемъ; я стала привыкать; мнѣ нравились чудная природа южнаго климата, болгары своей простотой, мѣстоположеніе города у подножія крутыхъ Балканъ, вершины которыхъ были еще покрыты снѣгомъ, тогда какъ у подножія ихъ готова была распускаться зелень и расцвѣсть. Я очень жалѣла, что надо уходить въ самое чудное время весны. Вѣроятно, и всѣ, кто уѣзжалъ, тоже съ грустью разставались съ Болгаріей, за которую пролили столько крови, гдѣ остались братскія могилы павшихъ воиновъ. Что-то будетъ послѣ насъ съ этимъ народомъ, который мы всѣ успѣли полюбить!

Отъѣзжая отъ Сливны, все чаще и чаще оборачивались, чтобы запечатлѣть въ памяти картину Балканъ, величественной стѣной тянувшихся по горизонту за нами, впереди равнина, по правую и по лѣвую сторону небольшими холмами, покрытыми уже зеленѣющимъ густымъ лѣсомъ, какъ бы брошенными только для украшенія долины, открывавшейся предъ нами. Свѣтлозеленая, еще небольшая травка бархатнымъ ковромъ покрывала землю по обѣ стороны дороги; полоской бѣлой блестящей тянулась дорога, укатанная постояннымъ движеніемъ по ней. Офицеры многіе имѣли лошадей болгарскихъ, и мы кавалькадой ѣхали позади полка и время отъ времени оборачивались на Сливну, которая исчезла изъ вида; только минаретъ мечети поднимался и отчетливо виденъ былъ на темно-синемъ фонѣ Балканъ. Жаль мнѣ всего, что осталось за нами; но почему—я не могла себѣ уяснить тоску? Въ эти минуты мнѣ на-

всегда хотѣлось остаться здѣсь, купить кунакъ средѣ роскошныхъ цвѣтниковъ и виноградниковъ, надѣ жаркимъ солнцемъ юга, среди зелени и аромата роскошныхъ розъ, затеряться вдали отъ людей и отдохнуть душой и тѣломъ въ этомъ благодатномъ краѣ.

Мы дошли до деревни на ночлегъ, названія ея не помню; она была у подножія горы, здѣсь было нѣсколько мельницъ, съ горъ неслись бурные неширокіе ручьи, у мельницъ ихъ теченіе направлялось по деревяннымъ желобамъ, вода, падавшая на колеса, и приводила ихъ въ движеніе. Утромъ слѣдующаго дня мы спустились въ Долину Розъ, которыя не были еще въ зелени; довольно сильный холодъ, несмотря на ярко сіявшее утреннее солнце, давалъ себя чувствовать; долина, покрытая кустарникомъ, серебрилась легкою бѣлизною инея. Намъ надо было проѣзжать черезъ долину, но кусты розъ протестовали на нашъ безцеремонный переходъ, цѣпляясь за солдатскіе шинели и сапоги. У меня рвали на клочки платье, кололи ноги моей бѣдной Сивкѣ. Розы мстили за небрежное отношеніе къ нимъ русскаго солдата, попиравшаго ихъ своею тяжелой ногой и отбивавшаго вцѣпившіеся шипами сучья въ шинель прикладомъ ружья. Да, эти кустики, которые теперь безпощадно ломались, среди лѣта въ полномъ расцвѣтѣ составляли единственное украшеніе долины по рѣкѣ Тунджѣ. Говорили мнѣ сливнянки, что лѣтомъ для сбора розъ дѣвушки и женщины выходили въ праздничныхъ одеждахъ, собираніе считалось у нихъ особеннымъ, какъ бы священнымъ дѣломъ. И не мудрено: розовое масло шло для варки мира, и изъ Казанлыка, гдѣ занимались его выработкой, оно расходилось по всей Европѣ и цѣнилось на вѣсъ золота; не было духовъ, въ составъ которыхъ не входила бы розовая эссенція, розовой водой восточныя красавицы умывались, и мнѣ болгарки приносили чудную ароматную воду для умыванія. Мнѣ въ Сливнѣ подарили черную розу, какъ рѣдкость и тамъ; но привезти ее я не могла вслѣдствіе неудобства въ походѣ. Не думайте, что роза была относительно черной, лепестки цвѣтка положительно были черные, какъ сажа, еле замѣтныя жилки отъ основанія лепестка расходились кверху, какъ бы разнося кровавую влагу по ея организму. Наши солдаты находили розовое масло въ покинутыхъ турецкихъ домахъ и этимъ драгоценнымъ продуктомъ мазали сапоги, заскорузлые отъ грязи, за что кустики розъ теперь въ долинѣ Тунджи парали имъ руки, цѣплялись за шинели, какъ бы мстя за поруганіе ихъ вѣковой славы и чести. У меня до сихъ поръ сохранился маленькій флакончикъ, отдѣланый золотомъ, въ которомъ было масло, подаренное мнѣ болгарскимъ офицеромъ, и я его никуда не рискнула употребить, какъ только въ Великую пятницу страстей Господнихъ на плащаницу.

XIII.

Адрианополь.—Ужасное зрѣлище по дорогѣ въ Силиври.—Стоянка въ Силиври.—Смерть полкового командира Будкина.—Семейное горе.—Отъѣздъ на пароходъ въ Россію.—Панорама Константинополя.

26 мая прибыли въ Адрианополь. Весь полкъ въ городѣ разсыпался кто куда, только я съ отцомъ пошла 27-го посмотрѣть мечеть, и попали въ такое время, когда мулла въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ пришелъ на молитву, во время которой мы простояли въ храмѣ. Описать теперь подробно внутренность храма не берусь, потому что особеннаго впечатлѣнія не произвело на меня, но помню только, что мулла молился впереди предъ нишей, въ углубленіи которой находился коранъ, закрытый черной бархатной завѣсой, а лица, пришедшія съ нимъ, стояли, вытянувшись въ линію, и при возгласахъ одновременно всѣ клали глубокіе поклоны; это были, вѣроятно, дервиши. Моленіе было короткое, векорѣ всѣ вышли изъ храма. Нѣсколько турокъ были одѣты въ черныя штатскія платья, стояли безъ сапогъ въ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, чулкахъ на полу, закрытомъ плетеной цыновкой. Посреди храма было довольно высокое возвышеніе, что-то въ родѣ каѳедры. Когда мы вышли изъ храма, мнѣ хотѣлось посмотрѣть бассейнъ изъ бѣлаго мрамора, но возлѣ него было много собравшихся турокъ, и мы не подошли, боясь нарушить ихъ обряды, а вышли за ограду.

Въ городъ я одна не пошла, а отецъ, оставляя меня, сказалъ, что сегодня по-товарищески соберутся ужинать въ гостиницѣ. Я провела вечеръ въ обществѣ гречанки, которая хорошо говорила по-французски. Дѣйствительно ли она была гречанка, утверждать я не могу; она была чудная красавица, какой мнѣ никогда не приходилось видѣть. На ея красивой головѣ была крошечная красная феска, изъ-подъ которой спускались длинные темные волосы на бѣлую полуоткрытую шею, ярко-розовая рубашечка, стянутая у пояса, и такая же широкая юбка доходила до половины ногъ и внизу была собрана, образуя шаровары; бѣлые чулки и вышитыя золотомъ туфли, безъ пятокъ, только подошвы, пунцоваго бархата. Поверхъ рубашки была надѣта бѣлая суконная безрукавка, тоже шитая золотомъ. Когда я вошла въ комнату, куда меня провела немолодая женщина, я была поражена ея красотой и чудной декоративной обстановкой; на полу былъ роскошный коверъ, кругомъ низенькіе широкіе диваны съ нѣсколькими подушками и валиками изъ толстой шелковой матеріи синяго цвѣта, обшитой золотой бахромой. При моемъ появленіи она поднялась съ дивана, на которомъ полулежала, и, встрѣтившись по срединѣ комнаты, мы протянули другъ другу руки. «Я узнала, что вамъ указали квартиру въ нашемъ домѣ и вы провели уже здѣсь одну ночь, и мнѣ захотѣлось съ вами

познакомиться, я одна, мой мужъ на войнѣ», и тутъ она назвала мнѣ имя и фамилію какого-то паши. Она съ любопытствомъ разспрашивала меня, какъ я попала въ Адрианополи, и мнѣ пришлось ей рассказать о совершенномъ мною походѣ. Она сильно интересовалась сраженіями. На завтра передъ выступленіемъ подали мнѣ кофе. Принесла его женщина отъ любезной хозяйки, извиняясь, что госпожа не можетъ проводить, такъ какъ еще спитъ.

Не помню названія мѣстности, но то, что пришлось мнѣ видѣть, наполнило мою душу такою скорбью, что я до сихъ поръ вспоминаю съ отвращеніемъ и ненавистью о туркахъ. Мы впереди авангарда, дорога свернула вправо, съ лѣвой стороны небольшія горы, но издали какъ будто человѣческая фигура. Приближаемся—и о ужасъ! красивая молодая женщина, одежда на груди изорвана и громадная рана отъ ножа или пика; струя запекшейся крови красной лентой опоясываетъ грудь и тутъ же малютка ребенокъ, тоже убитый. Я закрыла лицо руками, и горькія слезы ручьемъ полились: это зрѣлище было потрясающее. Я не могла оставаться и отошла прочь; ѣхавшіе со мною тоже медленно отходили, ведя лошадей въ поводу; но вотъ съ лѣвой стороны еще группа труповъ—старики, женщины и малолѣтки, кто съ разможенной головой, съ отрѣзанными носами и ушами, у кого языкъ вырѣзанъ, у кого внутренности вышущены, у кого руки и ноги отрублены; это несчастные, бѣжавшіе отъ турокъ, чтобы спрятаться въ горахъ. Но кто же ихъ убилъ? Турки ли, башибузуки, или казаки? Въ догадкахъ мы все терялись. Грустно продолжали мы путь по дорогѣ, усыпанной по ея сторонамъ трупами несчастныхъ бѣглецовъ. Но возмездіе не замедлило постигнуть и турокъ. Слѣдно отступая передъ движеніемъ нашихъ войскъ къ Константинополю, они теряли массу людей, падавшихъ отъ утомленія, голода и лишеній. Мы положительно задыхались отъ зловонія разлагавшихся труповъ, покрывавшихъ цѣлыя площади; мы не знали, куда направиться, чтобъ обойти эти кладбища людей и животныхъ. Но всему есть граница, и мы послѣ двухдневныхъ мученій выбрались на свѣжій воздухъ, держа путь къ морю. Не буду описывать нашего похода теперь подробно потому, что здѣсь ничего особеннаго не было, что и не отразилось въ моей памяти. Мы достигли моря по берегу; шли мы къ нашей стоянкѣ, которая была назначена въ Силиври.

Теперь мы наслаждались свѣжимъ морскимъ воздухомъ и чуднымъ видомъ Мраморнаго моря. Я съ восторгомъ любовалась волнами, катящимися небольшими валами къ песчаному берегу и достигавшими до ногъ моей лошади и съ шипѣньемъ возвращавшимися обратно въ море, открывая большія полосы мокраго песку, на которомъ лежали разные цвѣтные камешки, раковинки, вынесенныя волной. Спрыгнувъ съ лошади, я пошла по мокрому песку, собирая ихъ въ сумку, которая еще недавно была наполнена перевязочнымъ матеріаломъ, а теперь была пуста. Съ прибытіемъ въ Силиври наша

дивизія, отдохнувъ, принялась за свои обычные военные занятія; казалось, всё наши бѣды прошли. Мы готовились встрѣчать праздникъ Пасхи.

Желая доставить офицерамъ нашего полка хотя маленькое удовольствіе на праздникъ, я собиралась приготовить по возможности пасхальный столъ, но это мнѣ не удалось. Полковой адъютантъ сообщил мнѣ, что нашъ новый командиръ полка, полковникъ Василій Васильевичъ Будкинъ, очень заболѣлъ и такъ какъ квартира его была рядомъ, я тотчасъ же направилась его навѣстить. Полковникъ лежалъ на своей походной постели. Увидавъ меня, онъ протянулъ ко мнѣ обѣ руки: «А, сестра милосердія, и мнѣ понадобились ваши услуги». Съ этой минуты я уже не отходила отъ его постели съ утра до поздней ночи; ночью замѣняли меня докторъ и офицеры, ни минуты не покидавшіе своего любимаго командира. Къ концу болѣзни я уже не отходила отъ его постели. Въ день его кончины весь составъ офицеровъ собрался въ его комнатѣ. Онъ замѣтно уже угасалъ, наконецъ онъ почувствовалъ, что у него отнимается правая рука. «Помогите мнѣ привести руку въ порядокъ, мнѣ надо подписать завѣщаніе, и попросите священника»,—обратился онъ къ присутствовавшимъ. Скоро пришелъ о. Николай, и собрались безъ исключенія всѣ офицеры, кромѣ тѣхъ, которые находились на дежурствѣ. Я сидѣла на краю его постели, на колѣняхъ лежала бутылка съ горячей водой, завернутая краснымъ сукномъ; поверхъ ея лежала рука умирающаго, которую я растирала тоже краснымъ сукномъ, стараясь задержать въ ней жизнь; чтобъ дать возможность совершить послѣдній актъ въ жизни—подписать завѣщаніе и осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ. Съ трудомъ его приподняли; онъ сталъ прощаться съ офицерами, цѣлуя ихъ; у больного катились слезы; офицеры едва сдерживались отъ всхлипываній. Когда онъ попрощался со всѣми, тогда обратился къ нимъ съ рѣчью, прося служить вѣрой и правдой царю и отечеству. Отпустивъ всѣхъ, онъ перекрестился и началъ диктовать духовное завѣщаніе. Распредѣливъ все свое имущество между членами семьи, онъ опредѣлилъ и для полка часть денегъ, а мнѣ подарилъ верховую лошадь съ сѣдломъ и чепракомъ; какъ оказалось потомъ, эта лошадь была подарена великимъ княземъ графу Комаровскому, а графъ подарилъ ее Василью Васильевичу Будкину.

Окончивъ духовное завѣщаніе, полковникъ пошевелилъ рукой и пальцами приказалъ подать его себѣ. Его ему положили на колѣни, и онъ свободно подписалъ его; потомъ взялъ мою руку, поцѣловалъ ее и, обнявъ меня лѣвой рукой, благословилъ правой крестнымъ знаменіемъ. Я его бережно опустила на подушки, едва сдерживая рыданія, опустила на колѣни возлѣ его постели. Смерть приближалась; но скорби не было на лицѣ умирающаго, ласковая улыбка играла на лицѣ его. Не вѣря въ его скорую кончи-

ну, находясь въ головахъ его постели, я знакомъ показала доктору на часы, онъ указаль мнѣ на часахъ минуты его кончины. На моихъ рукахъ скончался Василій Васильевичъ. Я сложила его руки на груди и прикрыла сама вѣки его улыбающихся глазъ. Миръ праху твоему, прекрасный человѣкъ! Полкъ занялся похоронами. Черезъ три дня къ греческой церкви тянулась похоронная процессія, провожая прахъ на вѣчное его упокоеніе. Печальный маршъ и «Коль славенъ», смѣшанные съ колокольнымъ звономъ, проникали въ душу, вызывая глубокую скорбь...

Но не все на мою долю приходилось печальное. Русскія полковныя дамы, оставшіяся въ Гроднѣ, узнавъ изъ писемъ, что войска на оккупациіи и мирно занимаются ученьемъ на берегу моря, стали прибывать въ Силиври скорѣй обнять своихъ уцѣлѣвшихъ мужей и жениховъ. Въ одинъ прекрасный день явилась въ мою квартиру молоденькая барышня въ сопровожденіи матери; это была невѣста офицера нашего полка. Не желая терпѣливо ожидать возвращенія своего возлюбленнаго, она рѣшила сочетаться бракомъ на берегу Мраморнаго моря, подъ очаровательнымъ южнымъ небомъ, подъ шумъ морскихъ волнъ и въ прелестныхъ прогулкахъ въ расцвѣтшихъ персиковыхъ садахъ провести медовый мѣсяць. Все это, конечно, очаровательно, но барышня не захватила съ собою необходимаго туалета для церемоніи вѣнчанія, надѣясь побывать въ Константинополѣ и тамъ все приобрѣсть, но обстоятельства такъ сложились, что Константинополь проѣхали и очутились въ Силиври. Вѣроятно, потому, что меня зовутъ командиры «добрымъ геніемъ полка», а солдаты «наша барыня», вообразили, что я для нихъ буду волшебницей. Милая невѣста обратилась ко мнѣ съ просьбой, не могу ли я ей дать совѣтъ и помочь въ приобрѣтеніи вѣнчального наряда. Сознаюсь, задача была не изъ легкихъ. У меня съ собой ничего подобнаго не было и, не зная ни греческаго, ни турецкаго языковъ, добиться невозможно было чего-нибудь. Позвавъ денщика, я разспросила его, имѣются ли въ нашемъ домѣ дамы турчанки или гречанки, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, отправилась въ сосѣдній домъ, сдѣлать визитъ турчанкамъ или гречанкамъ; оказались гречанки, очень образованныя, получившія воспитаніе въ одномъ изъ вѣнскихъ учебныхъ заведеній, знающія хорошо французскій и нѣмецкій языки. Послѣ визитныхъ церемоній я разговорилась о предметѣ затрудненій пріѣхавшей невѣсты. Къ счастью, молодая гречанка, недавно вышедшая замужъ, сохранила свое вѣнчальное платье. Свадьба состоялась. Милая новобрачная не сочла даже нужнымъ меня поблагодарить за мои хлопоты, а бѣдный капитанъ недолго наслаждался своимъ счастьемъ.

Однажды, гуляя, я зашла на пристань въ ожиданіи парохода изъ Россіи. Усѣвшись на скамейкѣ, я смотрѣла вдаль по направленію Босфора; скоро на горизонтѣ выяснились очертанія парохода;

тоскливое предчувствіе охватывало меня. Пароходъ черезъ полчаса подошелъ не къ самому берегу; пассажиры спускались въ лодки и причаливали къ пристани, между ними было еще нѣсколько нашихъ полковыхъ дамъ, радостными возгласами меня привѣтствовавшихъ. Одна изъ нихъ, жена командира 104-го полка, вынула письмо изъ сумки и подала его мнѣ. Письмо было отъ матери. Мама просила отца и меня, ежели возможно, вернуться домой, что сестра моя немножко больна и очень скучаетъ. Въ тотъ же вечеръ я передала письмо отцу и адъютанту и, между прочимъ, подчеркнула послѣднему, что его невѣста, вѣроятно, серьезно больна, ежели мама рискнула насъ призывать. Папа легко получилъ отпускъ по болѣзни, и я, уставшая, измученная, была тоже отпущена на поправку въ одно изъ лечебныхъ заведеній Россіи. Будучи на пристани въ ожиданіи парохода, который долженъ былъ перевезти насъ изъ Силиври въ С.-Стефано, многіе провожавшіе насъ просили не уѣзжать, такъ какъ, по слухамъ, это была маленькая война, а еще большая война будетъ; особенно приставали недавно пріѣхавшія дамы. Не зная, что имъ скоро придется покинуть дѣйствующую армію, я отвѣтила, что «для маленькой войны моихъ силъ хватило, а на большую войну совѣтую вамъ набираться умѣнья и храбрости и силъ, число же васъ достаточное для 26-й дивизіи; мое мѣсто при подвижномъ лазаретѣ вакантно». Пароходъ подходилъ; съ грустью разставалась я съ полкомъ, со всѣми я сжилась, какъ съ братьями, товарищами, и они смотрѣли на меня, какъ на сестру. Прощай, дорогой полкъ! Прощайте, пермцы! Долго я стояла на палубѣ, пока не скрылось Силиври. Мы прибыли въ С.-Стефано, гдѣ надо было подождать санитарнаго парохода; въ ожиданіи мы ходили съ отцомъ по городу, покупали вещицы изъ дамскаго туалета, вышитыя золотомъ, въ подарокъ матери и сестрѣ. Бродя по городу, мы еще встрѣчали коекого изъ нашихъ штабныхъ; меня звали поѣхать въ Константинополь, но папа боялся отпустить меня съ чужими. Черезъ недѣлю насъ уведомили, что около 4-хъ часовъ пополудни будетъ посадка раненыхъ на пароходъ, съ которымъ и насъ отправятъ. Съ утра я уложила вещи, но была озабочена, что при проѣздѣ черезъ Босфоръ, пожалуй, у насъ отымутъ нѣкоторые изъ нихъ при осмотрѣ таможенныхъ. Около 4 часовъ мы отправились къ пристани; пароходъ стоялъ отъ нея довольно далеко; пассажиры подѣзжали на лодкахъ. Около парохода было сильное колебаніе воды, и мы съ трудомъ поднимались на палубу. Папа забрался первымъ, я ухватилась за руки матроса и повисла надъ водою, лодка волной оттолкнулась съ вещами и денщикомъ, но, управляемая искусной рукой моряка, снова подошла и весь нашъ скарбъ и денщикъ съ ружьемъ, осиковскимъ трофеемъ, зашитымъ въ сукно, былъ съ нами. Вечеръ былъ чудный, пароходъ поднялъ якорь, зашумѣли турбины, и плавно пошли мы отъ берега. Сначала все вниманіе мое было сосредоточено

на С.-Стефано, отъ котораго мы удалялись, но потомъ мой взоръ сталъ переходить на болѣе отдаленные предметы, и я мысленно перенеслась въ Силиври, въ свою квартиру, которая стояла на высокой горѣ; изъ оконъ ея виднѣлось далеко вглубь моря къ Дарданелламъ, откуда шли пароходы изъ Средиземнаго море. Въ морскую подзорную трубу, съ которой отецъ не разставался во время похода и которая лежала у меня на окнѣ, я долгими часами слѣдила за Принцевыми островами, откуда не разъ показывались англійскія военныя суда; иногда одно изъ нихъ приближалось къ берегамъ Силиври. Однажды утромъ подошелъ небольшой пароходъ къ самому берегу, обмѣряя глубину его, и меня пугала мысль, что англичане подойдутъ и будутъ обстрѣливать нашъ лагерь, но пароходъ удалился, а команды и людей на немъ не было видно; только развѣвалось въ громадномъ количествѣ развѣшанное бѣлье на корабельныхъ канатахъ, и судно тихо уходило къ Принцевымъ островамъ. Вспоминался мнѣ вечеръ, когда я читала псалмы Давида. Окна моей квартиры были открыты при чудной тишинѣ въ воздухѣ; съ моря неслись звуки какъ будто отдаленнаго оркестра. Но вотъ однажды за чтеніемъ псалмовъ раздался трескъ по всѣмъ угламъ моего дома; мнѣ казалось, что его распатываетъ какая-то сверхъестественная сила. Я вскочила со стула, ожидая катастрофы; но вскорѣ все утихло. Это было землетрясеніе. Колебаніе почвы было такъ сильно, что часовые падали.

Но мои воспоминанія прерваны были подошедшимъ отцомъ: онъ звалъ меня въ табльдотъ къ чаю; въ паролодной столовой не много было публики: двое добровольцевъ, возвращавшихся съ войны на родину, и еще нѣсколько лицъ. Послѣ чая отецъ предложилъ мнѣ сойти въ каюту, выбрать заблаговременно себѣ мѣсто для ночлега; въ каютѣ я нашла двухъ женщинъ, одѣтыхъ въ свѣтлыя платья, въ передникахъ съ краснымъ крестомъ и въ бѣлыхъ косынкахъ, и мужчину, должно быть, доктора или фельдшера. Они предложили мнѣ мѣсто въ очень небольшой каютѣ, гдѣ они всѣ помѣщались; ихъ обращеніе другъ съ другомъ мнѣ не нравилось, и я скоро оставила каюту и вышла на палубу полюбоваться моремъ. Вечеръ былъ чудный, поверхность моря была гладка, какъ зеркало, ни малѣйшаго колебанія, впереди виднѣлись уже очертанія Константинополя. Куполь въ византійскомъ стилѣ ясно говорилъ, что это храмъ св. Софіи. Какъ хотѣлось бы мнѣ его посмотреть! Но это была невозможная мечта. Пароходъ, на которомъ мы ѣхали, былъ наполненъ нашими больными воинами; на немъ ихъ было 300 человѣкъ; но они всѣ были въ каютахъ, а такъ какъ на мнѣ не было ни повязки, ни передника съ краснымъ крестомъ въ этотъ вечеръ, то, конечно, ни сестры, ни докторъ меня не посвящали въ свои дѣла, а тѣмъ болѣе не показывали мнѣ больныхъ, считая меня частной пассажиркой. Пароходъ шелъ скоро, остановить вниманіе на какой-нибудь картинѣ, быстро мѣнявшейся,

невозможно было, а обращаться съ вопросами къ незнакомымъ мнѣ лицамъ я не рѣшалась. Но вотъ пароходъ обогнулъ уголь и сталъ приближаться ближе къ берегу, отъ котораго отдѣлился катеръ, на немъ было три турка въ формѣ; съ нашего парохода сошелъ въ лодочку, вѣроятно, капитанъ и перешелъ на катеръ, который повернулъ къ берегу оттоманской столицы и скоро затерялся въ безчисленномъ множествѣ судовъ и пароходовъ; маленькія лодки засыпали буквально заливъ. Ко мнѣ подошелъ отецъ въ обществѣ двухъ добровольцевъ, которыхъ онъ мнѣ представилъ, и молодые люди, бывавшіе здѣсь до войны, стали мнѣ объяснять все видѣнное. Заходящее солнце озолотило всю картину чудныхъ окрестностей, особенно мраморныхъ дворцовъ, тянувшихся бѣлой лентой на зеленомъ фонѣ кипарисовъ. Какъ красивъ Константинополь! И я думаю, что немного городовъ выдерживаютъ сравненіе съ нимъ. Въ Золотомъ Рогѣ мы простояли болѣе часу, и только шумъ поднимаемаго якоря оторвалъ меня отъ чарующей панорамы; пароходъ вздрогнулъ, зашумѣлъ и медленно сталъ отходить отъ города. Мы выѣхали на средину пролива, миновавъ дворцы, и сказали Константинополю: «прости!»

Не помню, отчего такъ сдѣлалось сѣро-мрачно, отъ захода ли солнца, или небо заволакивало тучами; вѣтеръ подулъ, и пароходъ сталъ покачиваться; все перемѣнилось, съ правой стороны пролива виднѣлся тоже городъ на азіатскомъ берегу Скутари, гдѣ тоже тянулись бѣлые мраморные дворцы, но такъ какъ онъ былъ въ значительномъ разстояніи, то трудно было разглядѣть его красоту; и Скутари скоро исчезло. По обѣ стороны пролива видны были крутые пустынные берега, картина была мрачной. Но вотъ на палубѣ сдѣлалось движеніе и бѣготня. На вопросъ: что случилось?—мнѣ отвѣтили, что умеръ больной солдатикъ отъ возвратнаго тифа и его сейчасъ будутъ хоронить. «Гдѣ же его похоронять, когда здѣсь вода?»—«Да опустимъ въ море». Такъ какъ азіатскій берегъ былъ недалеко, то я стала просить, чтобъ умершаго не бросали на съѣденіе рыбамъ, а лучше свезли бы на берегъ и предали землѣ. За мной и всѣ присутствовавшіе на палубѣ упрашивали капитана, чтобъ остановили пароходъ. Тогда капитанъ велѣлъ спустить шлюпку, и матросы закутали тѣло въ сѣрую солдатскую шинель, опустили въ лодку, которая быстро понеслась къ берегу. Я взяла у отца зрительную трубу и наблюдала, какъ быстро моряки работали лопатками. Положивъ тѣло и перекрестившись, стали зарывать землей, они скоро вернулись и возвратились на пароходъ. Мнѣ очень тоскливо было на душѣ отъ мысли, что нашъ бѣдный землякъ, православный, безъ молитвы священника, зарытъ на чужбинѣ, во вражьей нехристіанской землѣ, и изъ родныхъ никто не будетъ знать, гдѣ его могила, и никто не поставитъ креста. Сумерки становились гуще, сталъ моросить мелкій дождикъ, пароходъ сильнѣй и сильнѣй сталъ качаться; я чувствовала, что

мнѣ не долго придется быть на палубѣ; но мнѣ хотѣлось бодрствовать и видѣть, когда мы выйдемъ въ Черное море. Я сошла въ каюту сестеръ, гдѣ горѣли лампы; въ каютѣ было душно, я снова поднялась на палубу и, опершись о бортъ, старалась проникнуть темноту и туманъ. Пароходъ страшно качался, слышна была постоянная команда. Но вотъ что-то промчалось мимо насъ, пароходъ еще сильнѣе бросало изъ стороны въ сторону. «Слава Богу, что не столкнулись», проговорилъ матросъ. Американскій коммерческій пароходъ едва не налетѣлъ на насъ, а за шумомъ бури ни сигналовъ не слышно, ни огней не видно изъ-за мглы. Я едва держалась за бортъ. Пароходъ трещалъ по угламъ; казалось, что его сейчасъ разобьетъ. А когда же мы вышли изъ пролива? Въ самомъ выходѣ мы были въ тотъ моментъ, когда встрѣтились съ американцемъ, въ самомъ тѣсномъ мѣстѣ.

XIV.

Кончина сестры автора воспоминаній.—Возвращеніе Пермскаго полка въ Гродну.—Перѣздъ въ Польшу.—Представленіе императору Александру II въ Гроднѣ.—Представленіе императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.—Память пермцевъ объ авторѣ воспоминаній.

1-го іюня мы были въ Гроднѣ.

Со слезами радости обнимала меня мама, благодаря за уходъ за отцомъ и заботы о немъ, а сестра, слабенькая, вся дрожащая, сидѣла у меня на колѣняхъ, со слезами тоски и горя говорила: «Сонечка, а гдѣ Степка? Я умираю, скоро ли онъ пріѣдетъ?»

— Не тоскуй и не плачь, голубка, ты не умрешь, къ твоей свадьбѣ мы начнемъ готовить приданое, какъ только я отдохну съ дороги; мой подарокъ будетъ тебѣ весь нарядъ подвѣнечный.

Глядя же на нее, я едва удерживала рыданія; эта миниатюрная хорошенькая дѣвушка, очаровывавшая всю молодежь своимъ весельемъ, теперь была неузнаваема; огромные черные глаза горѣли какимъ-то особымъ блескомъ, а на блѣдныхъ исхудалыхъ щекахъ яркія пятна румянца говорили ясно, что злой недугъ сведетъ ее скоро въ могилу. Папа по болѣзни былъ отправленъ въ Друскеники, а я съ мамой ухаживали за умирающей. Отъ адъютанта приходили письма, но когда они пріѣдутъ, трудно было сказать, такъ какъ и въ Силиври никто не зналъ, когда окончится оккупация. Каждую недѣлю я должна была писать подробно о состояніи здоровья сестры Докторъ Кемарскій ежедневно навѣщалъ больную только для того, чтобы ее поддерживать и не показывать ей, что она въ опасности. Но тоска по возлюбленномъ не убивала. Она то сама писала, то меня заставляла писать, чтобы онъ пріѣхалъ скорѣй. Было уже 1-ое сентября, когда получилось извѣстіе, что пермцы возвращаются въ Россію. Пришло вскорѣ и письмо отъ адъютанта, что скоро пріѣдутъ въ Гродну.

Я посылала то письма, то телеграммы, но адъютантъ не могъ вырваться отъ командующаго полкомъ полковника Бородкина; будь командиръ полка, иначе дѣло бы устроилось. Но вотъ утромъ 7-го сентября получилось письмо, что черезъ два дня полкъ будетъ уже по пути въ Гродну. Прочтя письмо, сестра поднялась съ кресла, подошла къ роялю и со слезами на глазахъ начала играть «Травиату», потомъ протянула ко мнѣ руки и попросила провести къ кушеткѣ; вошедшая мама помогла ее, совѣмъ ослабѣвшую, положить въ постель. Въ шесть часовъ вечера ударили колокола гродненскаго собора ко всенощной. «Мама, мама, я умираю,—прошептала сестра:— скажите Степочкѣ, что я умру, его не дождавшись; когда онъ пріѣдетъ, скажи ему: «прости». Она склонила голову на грудь матери и что-то долго ей говорила, еще разъ произнесла: «умираю, умираю», и ея маленькая фигурка, глубоко вздохнувъ, вытянулась, и взоръ остановился. Вернувшійся отецъ упалъ на грудь покойницы съ душившими его рыданіями. Съ часу на часъ мы ожидали, что послѣ телеграммы адъютантъ пріѣдетъ; тѣло покойницы четыре дня не хоронили; ея подвѣнечный бѣлый нарядъ, который я ей подарила, облекалъ мертвыя формы. Панихиды шли за панихидами.

12-го сентября состоялись похороны, а 15-го полкъ вступилъ въ Гродну съ музыкой. «Боже мой, что я Гродзицкому скажу? Чѣмъ его утѣшу?» простонала мама. Я не выходила изъ дому и не присутствовала во время встрѣчи полка, но не прошло и часу, было прислано приглашеніе мнѣ прибыть въ полкъ, который собрался на площади, недалеко отъ вокзала. Вся площадь была уставлена столами и тутъ же огромная палатка. У входа въ нее меня встрѣтили командующій войсками виленскаго военнаго округа, генераль Альбединскій, новый командиръ Пермскаго полка и генераль Малаховъ; генераль Альбединскій, привѣтствуя меня, благодарилъ за труды и пользу, которую я своей отважной и неустрашимой дѣятельностью принесла раненымъ во время похода и въ сраженіяхъ и, поднявъ бокалъ шампанскаго, провозгласилъ тостъ за мое здоровье. Генераль Малаховъ поднесъ букетъ цвѣтовъ. Отвѣтивъ, въ свою очередь, рѣчью, едва прикоснувшись къ бокалу, я повернулась къ расположившемуся полку у столовъ; одинъ изъ солдатъ вскочилъ на столъ. «Ура, наша барыня!» и всѣ солдаты грянули «ура». Я подала стоявшему на столѣ солдату бокалъ со словами: «Развѣ ты узналъ меня?»—«Такъ точно».—«Ну, такъ выпей за мое здоровье». Солдаты снова грянули «ура». Шедшая со мною жена командира полка отдала и свой бокалъ другому солдату, и снова «ура, наша барыня!» Когда мы вернулись въ палатку, былъ предложенъ завтракъ. Городскія и полковыя дамы и офицеры, масса совершенно незнакомыхъ лицъ подходили ко мнѣ съ поздравленіемъ и благодарностью и похвалами. Изъ палатки видно было, какъ жители города угощали солдатиковъ обѣдомъ и прохаживались между столами. Адъютанта

я видѣла издали, мы обмѣнялись поклонами; но старались не подходить другъ къ другу, чтобы печалью не нарушить торжественно-праздничное настроеніе. Когда кончился обѣдъ, поблагодаривъ любезныхъ распорядителей города, всѣ стали удаляться; полкъ съ музыкой направился къ мѣсту своего расположенія, я возвратилась домой.

Въ томъ же году, т. е. 1878-мъ, папа былъ прикомандированъ къ штабу виленскаго военнаго округа, и мы должны выѣхать въ Вильну около Рождества. Будучи при штабѣ виленскаго военнаго округа, отецъ работалъ такъ же усердно, онъ не только занимался службой, но свободное его время было занято усовершенствованіемъ его дальномѣра. Онъ выходилъ со мною въ окрестности Вильны провѣрять инструменты, и я ему помогала въ его трудахъ. Кромѣ пѣхотнаго дальномѣра, онъ устроилъ артиллерійскій и работалъ надъ морскимъ. Пѣхотный дальномѣръ на расхватъ покупали; часто въ его отсутствіе я сама должна была показывать пріѣхавшимъ офицерамъ разныхъ частей и объяснять его употребленіе. Его находили очень точнымъ и удобнымъ для военнаго дѣла, но было мало средствъ, все, что отецъ получалъ за продаваемые дальномѣры, употреблять надо было на работы болѣе сложнаго дальномѣра артиллерійскаго, а также морского; всѣ ночи онъ просиживалъ за вычисленіями. Испытавъ свой пѣхотный въ бояхъ 1877 года, ему хотѣлось принести пользу всему русскому оружію. Въ штабѣ отецъ чувствовалъ себя на мѣстѣ, такъ какъ годился по познаніямъ. Старшій адъютантъ, полковникъ генеральнаго штаба Мау, и начальникъ штаба, полковникъ Звѣревъ, были довольны службой моего отца; однимъ словомъ, дѣло шло хорошо; но, какъ и вездѣ и во всѣхъ учрежденіяхъ, есть лица, которымъ чужое хорошее нестерпимо, и въ штабѣ нашлась личность, которая стала дѣлать моему отцу непріятности.

На масленой я получила приглашеніе пріѣхать въ Гродну. Наша бригада давала обѣдъ въ военномъ собраніи, въ числѣ дамъ на обѣдъ приглашена была пермцами и я, но такъ какъ со мною пріѣхала барышня, приглашенная артиллеристами, то и мнѣ пришлось занять мѣсто за артиллерійскимъ столомъ. Замѣтивъ это, пермцы выразили протестъ; но, объяснивъ имъ, что не могу оставить барышню, порученную мнѣ ея отцомъ, я извинилась; но едва только мы успѣли, за столомъ Пермскаго полка сдѣлалось движеніе, и съ полными бокалами шампанскаго пермцы появились за моимъ стуломъ. Одинъ изъ офицеровъ произнесъ рѣчь, вспоминая мою дѣятельность во время войны, послѣ чего всѣ пермцы стали подходить съ привѣтствіями и благодарили, чокаясь бокалами; послѣ послѣдняго привѣтствія прокатилось дружное «ура! за здоровье нашей барыни». Вообще любезность пермцевъ на всякомъ шагѣ по отношенію ко мнѣ была рыцарская.

Во время моего пребыванія въ Гроднѣ не разъ меня привѣтствовали «болгарскимъ маршемъ», а солдатики отдавали мнѣ честь по военному. Это меня трогало до глубины души, и я не могла удержаться, чтобы не отдать имъ то, что въ данную минуту было въ карманѣ.

Въ 1879 году 17-го августа ожидали въ Гроднѣ государя императора Александра II. Меня объ этомъ увѣдомили, чтобы я приѣхала. Съ женою командира полка въ числѣ собравшихся находилась и я. Но такъ какъ дамъ было очень много, я и m-me Энгельгардтъ (жена командира полка) разсудили не проталкиваться къ главному выходу изъ салонъ-вагона, а стоять отъ публики вдали на свободномъ мѣстѣ. Изъ Варшавы несся поѣздъ; мы думали, что царскій. Поѣздъ на секунду остановился, и оттуда былъ поданъ роскошный громадный букетъ, который принялъ командиръ полка, объявивъ, что царскій поѣздъ сейчасъ будетъ, подошелъ ко мнѣ и передалъ букетъ. «Вы поднесете его государю». Это было для меня неожиданностью. Я сильно волновалась, не подготовленная стать лицомъ къ лицу съ нашимъ обожаемымъ монархомъ. Несмотря на мое безстрашіе во время опасности, въ сущности я была очень робкой и скромной. Букетъ былъ изъ чудныхъ блѣдно-розовыхъ розъ, рукоятка портбукета была перевязана красной лентой, на которой была вышита золотомъ надпись. Въ 3 часа пополудни показался поѣздъ. Дамы бросились къ среднѣй дебаркадера, а я и m-me Энгельгардтъ заняли мѣста у послѣдней колонны дебаркадера по направленію къ Гроднѣ, вовсе не ожидая, что маленькая дверь откроется и изъ нея выйдетъ государь въ сопровожденіи командующаго войсками. Мы обѣ сдѣлали глубокий реверансъ. Государь приложилъ руку къ козырьку фуражки, устремивъ взоръ на меня, замѣтилъ на моемъ плечѣ знаки Краснаго Креста и свѣтло-бронзовую медаль. Всѣ, кто были на дебаркардерѣ, были озадачены, что государь, котораго ожидали изъ средняго параднаго выхода, очутился позади всѣхъ. Отвѣтивъ на поклонъ дамъ, государь сѣлъ на поданную ему лошадь и направился къ недалеку расположеннымъ войскамъ на гродненскомъ лагерномъ полигонѣ. Едва только показался государь, громовое «ура» пронеслось по всему полю среди войскъ и народа, окружавшаго дебаркадеръ, чудно убранный тропическими растеніями, вывезенными изъ варшавскихъ оранжерей; чудная арка, вся въ цвѣтахъ, украшала подъѣздъ дебаркадера, а весь лагерь издали красовался, декоративно убранный гирляндами зелени, флагами и транспарантами съ надписями о славныхъ боевыхъ дѣлахъ 26-ой пѣхотной дивизіи, а особенно нашего полка. Погода была чудная. Войска блистали своими новыми мундирами, а изъ офицеровъ многіе были украшены орденами боевыхъ отличій. Государь шагомъ объѣзжалъ выстроившіяся полки. Пойметъ ли кто-нибудь то, что творилось въ моей душѣ, когда проходили церемоніальнымъ маршемъ пермцы и государь

благодарилъ и хвалилъ ихъ! Каждое слово императора отзывалось въ моей душѣ, и я ловила его слова, которыя мнѣ хорошо были слышны, такъ какъ я и м-ше Энгельгардтъ находились непосредственно позади него; я слѣдила за каждымъ салютомъ командировъ частей и ловкостью, съ которою они ихъ дѣлали. Но вотъ съ громомъ тронулась артиллерія; облака пыли взвивались, окутавъ весь полигонъ, но слабый вѣтерокъ относилъ ее въ противную сторону отъ мѣста, гдѣ былъ государь. Два раза проходили войска передъ державнымъ вождемъ. Послѣ смотра государь повернулъ лошадь по направленію къ собравшимся офицерамъ, а я и м-ше Энгельгардтъ пошли къ дебаркадеру, гдѣ заняли мѣста во второмъ ряду выстроившихся городскихъ дамъ. Подъѣхавъ къ перрону, государь сошелъ съ лошади. Тутъ его привѣтствовали представители города, поднесли хлѣбъ-соль. Поднявшись по лѣстницѣ, онъ заговорилъ съ губернаторшей, а затѣмъ съ одной изъ военныхъ дамъ и повернулся круто въ мою сторону; дамы передняго ряда разступились, и я очутилась лицомъ къ лицу съ государемъ. Его величество благосклонно спросилъ меня, гдѣ я работала въ качествѣ сестры милосердія. Я ему отвѣтила, что совершила весь походъ въ турецкую кампанію съ Пермскимъ полкомъ и, съ разрѣшенія его императорскаго высочества наслѣдника цесаревича, въ качествѣ доброволицы сестры милосердія, на поляхъ сраженія подъ Осиковымъ, Чаркіой и Златарицей подавала помощь раненымъ. Государь милостиво поблагодарилъ. Въ этотъ моментъ тихонько кто-то толкнулъ мою руку съ букетомъ, который я и подала государю. Его величество, принявъ букетъ, подалъ мнѣ руку. Затѣмъ обратился къ генералу Малахову, а я обернулась назадъ, чтобъ посмотрѣть, кто прикоснулся къ моей рукѣ. «Извините, но вы едва не пропустили моментъ», проговорилъ старичокъ-генераль; это былъ министръ путей сообщенія Посыеть. Поѣздъ царскій отошелъ по направленію къ Гроднѣ. Дамы бросились поздравлять меня; нѣкоторые спрашивали, почему я не поцѣловала руку государя? На что я отвѣчала, что по правилу этикета я не могла этого сдѣлать. Мы съ м-ше Энгельгардтъ сѣли въ экипажъ и направились въ Гродну. «А что, Софья Александровна, я вамъ говорила, что государь самъ подойдетъ къ вамъ, несмотря на то, что мы займемъ самое скромное мѣсто на дебаркадерѣ?»

Въ томъ же году я получила бумагу отъ министра двора, гдѣ было велѣно благодарить меня за поднесенное стихотвореніе моего отца: «Посланіе анархистамъ», написанное по поводу взрыва во дворцѣ, и денежное единовременное пособіе. Несмотря на то, что я жила въ Вильнѣ, пермцы не забывали меня; не было торжества или праздника, на который я не была бы приглашена, и гдѣ бы мнѣ не доставили особеннаго удовольствія. На большихъ маневрахъ въ Трокскомъ уѣздѣ (у станціи Рудзиска лежало наше маленькое земельное владѣніе) и я не преминула повидать нашъ полкъ. Здѣсь,

я имѣла счастье долго бесѣдовать съ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ (Старшимъ). Онъ спрашивалъ меня о моемъ походѣ въ Болгарію и въ Балканахъ, пригласивъ меня сопутствовать на маневры. Но я, не имѣя верховой лошади, не могла принять этого предложенія. Командиръ полка общалъ по окончаніи маневровъ съ офицерами посѣтить меня, и я спѣшила домой, чтобъ достойно принять дорогихъ гостей. Дорогіе пермцы, несмотря на усталость, во главѣ съ полковникомъ Энгельгардтомъ, не преминули сдѣлать мнѣ честь, —раздѣлить съ нами хлѣбъ-соль.

Въ 1884 году 24 августа нашъ полкъ былъ назначенъ въ охрану отъ Гродны до Вильны во время проѣзда императора Александра III и государыни императрицы Маріи Феодоровны. Я легко получила разрѣшеніе въ числѣ лицъ, встрѣчавшихъ высочайшій поѣздъ, быть на вокзалѣ, а затѣмъ въ виленскомъ дворцѣ была въ числѣ представлявшихся дамъ. Здѣсь я имѣла счастье одновременно видѣть всѣхъ членовъ царской семьи. Государыня императрица въ сопровожденіи статсъ-дамы княгини Кочубей обходила всѣхъ представлявшихся ей дамъ. Пришла и моя очередь. Она милостиво спросила меня о моемъ житѣи и положеніи. Я такъ волновалась, что не помню того, что ей говорила; но ея словъ я не забыла: «*Rauege femme, de nouveau un malheur*». Она подала мнѣ руку и, опустившись на одно колѣно, я ее поцѣловала. Я хотѣла подать ей прошеніе о назначеніи меня классной дамой въ одно изъ учебныхъ заведеній, но не рискнула нарушить этикетъ. При отъѣздѣ царской семьи я вмѣстѣ съ офицерами нашего полка снова была на платформѣ виленскаго вокзала. Кто-то изъ полицейскихъ подошелъ ко мнѣ: «Здѣсь нельзя». — «Съ нами наша барыня вездѣ можетъ быть», отвѣтилъ командиръ полка. Царскій поѣздъ тихо отходилъ. Всѣ присутствовавшіе низко кланялись, а военные держали подъ козырекъ виднѣвшимся изъ оконъ царскимъ особамъ. Въ Вильнѣ полкъ простоялъ довольно долго. Многіе перебивали у меня. Отъ командира полка съ женою 30-го августа я и отецъ получили приглашеніе.

Старшій братъ моего покойнаго мужа, Александръ Николаевичъ фонъ-Кенигъ, который тоже служилъ въ Пермскомъ полку и былъ полковымъ адъютантомъ въ 1864 году графа Муравьева, какъ старшій въ семьѣ, долженъ былъ оставить полкъ и вернуться въ Валдайскій уѣздъ по семейнымъ обстоятельствамъ, оставивъ своихъ трехъ братьевъ адъютантами батальоновъ 101-го пѣхотнаго полка. Отказавшись отъ военной карьеры, служилъ 45 лѣтъ въ Валдайскомъ уѣздѣ и послѣ смерти самаго младшаго брата, полковника Михаила Николаевича фонъ-Кенига, оставшись совершенно одинокимъ и зная, что мой отецъ вышелъ въ отставку, пригласилъ меня въ свое имѣнье, чтобъ передать мнѣ его въ управленіе, и съ этого времени я дѣлаюсь уже новгородской помѣщицей; кругъ дѣятельности моей мѣняется, и я отдаюсь съ полнымъ жаромъ и энергіей хозяйству.

Но, несмотря на то, связь съ полкомъ не прекращается. Въ 1897 году я и отецъ получили приглашеніе изъ полка на балъ по случаю столѣтняго юбилея полка, но больная мать не отпускала насъ.

Однажды, сидя въ залѣ у чайнаго стола, я ожидала Александра Николаевича къ завтраку, но его долгое время не было. Но наконецъ послышался говоръ, и мой beau frère явился, а разсылный несъ посылку, конвертъ и письмо, которое было отъ подполковника Гродзицкаго. Прежде всего я прочла его. Вотъ его содержание:

«Гродна. 22 февраля 1899 г.

«Добрѣйшая Софья Александровна!

«Предо мною лежитъ «Исторія полка», только что принесли изъ переплета. Завтра или послѣзавтра она будетъ отправлена вамъ на имя Александра Николаевича при официальномъ письмѣ командира полка. Общество офицеровъ преподноситъ вамъ ее въ знакъ благодарности своей отважной и самоотверженной сестрѣ милосердія. Сообщаю вамъ объ этомъ съ особеннымъ чувствомъ радости, что совершается актъ справедливой благодарности, чѣмъ и можно объяснить то чувство умиленія, съ какимъ въ настоящій моментъ пишу къ вамъ, чтобъ скорѣй удовлетворить ваше любопытство. По полученіи исторіи, скажу вамъ, что на 217 стр. найдете кое-что о себѣ, есть и въ другихъ мѣстахъ ваше имя, но не скажу—ищите сами. Не знаю, какъ адресовать Александру Кузьмичу... Въ Сопкахъ, что ли? Передайте ему, что его пѣсню поютъ, но исковеркали солдатикки; если у него есть, то пусть пришлетъ мнѣ оригиналь и т. д.»

Радости моей никто представить не можетъ, когда Александръ Николаевичъ фонъ-Кенигъ поцѣловалъ меня и поднесъ мнѣ книгу, которая была уже, пока я читала письмо, обнажена отъ покрова и предстала во всей своей красѣ. Красный переплетъ, цвѣта Пермскаго полка, оттисненъ золотомъ, и золотыми буквами сдѣлана слѣдующая надпись:

«Софьи Александровнѣ фонъ-Кенигъ (нынѣ Чириковой). Боевому товарищу и сестрѣ милосердія въ русско-турецкую кампанію 1877—1878 годовъ.

Исторія 101 пѣхотнаго Пермскаго полка.

«Отъ пермцевъ».

Обернувъ переплетъ, мои глаза встрѣтились на первой, передъ заглавной, страницѣ съ многочисленными подписями, начиная съ командира полка, всѣхъ офицеровъ и врачей. Прочитавъ ниже слѣдующее письмо командира полка:

«Истор. вѣстн.», декабрь 1916 г., т. сXLVI.

6

«Командиръ 101-го пѣхотнаго Пермскаго полка февраля 22 дня 1899 г. № 7. Гор. Гродна.

«Милостивая Государыня

«Софья Александровна!

«Съ особеннымъ удовольствіемъ я исполняю желаніе г. г. офицеровъ вѣреннаго мнѣ полка и посылаю при семъ вамъ въ подарокъ «Исторію полка», на страницахъ которой увѣковѣчено ваше имя, такъ близко связанное съ полкомъ по русско-турецкой кампаніи 1877—78 года, когда вы, будучи сестрой милосердія, облегчали страданія раненыхъ чиновъ полка на полѣ сраженія съ безпримѣрными отвагой, самоотверженіемъ и любовью къ святому дѣлу помощи ближнимъ. Эта исторія полка пусть послужитъ прямымъ доказательствомъ той памяти и уваженія къ вамъ, милостивая государыня, не только старыхъ офицеровъ полка, вашихъ современниковъ, но и офицеровъ, служащихъ въ полку послѣ кампаніи, и всѣхъ нижнихъ чиновъ. Примите, милостивая государыня, увѣреніе въ совершенномъ почтеніи, съ которымъ имѣю честь быть вашимъ покорнымъ слугою. П. Пробенко».

Слезы благодарности покатались изъ моихъ глазъ, а Александръ Николаевичъ фонъ-Кенигъ, поднося мою руку для поцѣлуя, проговорилъ: «Невѣстка! Я, какъ бывший адъютантъ 101-го пѣхотнаго Пермскаго полка и какъ послѣдній въ родѣ Кениговъ, благодарю тебя за честь и славу нашего имени! Какъ жаль, что моихъ братьевъ нѣтъ въ живыхъ; мы всѣ, четыре одновременныхъ адъютанта, преклонились бы передъ тобой, но я за нихъ!» Онъ рыцарски опустился на одно колѣно, поцѣловалъ мою руку и, поднявшись, заключилъ въ объятія, сказавъ: «А теперь благодарю, какъ братъ, дорогую сестру, опору моей старости и одиночества». На груди его я рыдала отъ счастья и горя, что не видитъ этой торжественной минуты мой дорогой покойный мужъ, Константинъ Николаевичъ фонъ-Кенигъ, умершій въ 1873 году.

Полковникъ Гродзицкій въ одномъ изъ своихъ писемъ, между прочимъ, пишетъ:

«Въ урочищѣ Румекѣ, на лѣвомъ берегу Нѣмана, въ лѣсу расположенъ лагерь 101-го пѣхотнаго Пермскаго полка. Въ лагерьѣ красуется издалека видное, чудной архитектуры зданіе,—это собраніе полка. Въ немъ заль, обитый краснымъ кумачомъ, на стѣнахъ развѣшаны портреты военныхъ министровъ, корпусныхъ командировъ, начальниковъ дивизій и полковыхъ командировъ въ красивыхъ рамахъ. Между бывшимъ командиромъ 2-го армейскаго корпуса барономъ Дризеномъ и нынѣшнимъ командиромъ второго корпуса княземъ Щербатовымъ виситъ вашъ чудный портретъ. На семейныхъ и танцевальныхъ вечерахъ кавалеры подводятъ къ нему своихъ дамъ

и рассказываютъ имъ о вашей боевой жизни, я добавляю мимоходомъ—о вашей неустрашимости, какъ вы хотѣли отдать меня въ руки турокъ, предлагая отправиться вмѣстѣ съ вами въ деревню Осиково отыскивать отца, предполагая, что, выбивъ турокъ, онъ тамъ. Но деревня въ тотъ моментъ, по всему вѣроятію, еще была занята турками. Но затѣмъ полѣзли на гору и тутъ наткнулись на турка, но распростертаго, мертваго»...

Побудительной причиной, вызвавшей меня записать все, что я пережила и чему была сама свидѣтельницей въ русско-турецкую кампанію, была война 1912 года союзныхъ балканскихъ государствъ съ ненавистной Турціей, и, по странной случайности, пишу эти послѣднія строки въ моментъ, когда Турція объявила Россіи снова войну. Сейчасъ полученная мною газета «Свѣтъ» принесла эту вѣсть. Пусть же этотъ дерзкій вызовъ будетъ смертнымъ приговоромъ Оттоманской имперіи!

С. А. фонъ-Кенигъ (нынѣ Чирикова).

СКОБЕЛЕВЪ ВЪ ТУРКЕСТАНЪ ¹⁾.

XVI.

ВНО годъ губернаторствовалъ Михаилъ Дмитріевичъ, и этотъ годъ былъ послѣднимъ годомъ его службы въ Туркестанѣ. Вступая въ должность, онъ озаботился раньше всего завести твердый порядокъ въ политической жизни области. Усмиреніе кипчаковъ, сдача Автобачи и другихъ агитаторовъ, а также удаленіе хана—гарантировало бы спокойствіе, если бы еще гдѣ-то не скрывался Пулатъ-бекъ. Хотя шайки его приверженцевъ были разсѣяны, но онъ могъ ихъ собрать и надѣлать хлопотъ. Его надѣ было добыть во что бы то ни стало, и Скобелевъ разумно рѣшилъ поручить это дѣло своимъ джигитамъ, т. е. отряду отважныхъ туземцевъ, настрадавшихся во время правленія Пулатъ-бека. Не прошло и десяти дней, какъ онъ былъ настигнутъ въ предгорьяхъ Алая, схваченъ и доставленъ въ Маргеланъ, гдѣ орудовалъ въ свое время этотъ извергъ въ полномъ смыслѣ слова: упиваться казнями и кровью составляло потребность его натуры, и такое наслажденіе онъ доставлялъ себѣ ежедневно, казнивъ въ теченіе своего трехмѣсячнаго правленія до четырехъ тысячъ человѣкъ. Дворъ цитадели, гдѣ совершались звѣрства, былъ пропитанъ кровью, заражавшей смрадомъ воздухъ. Въ числѣ жертвъ было много вліятельныхъ туземцевъ, и въ то же время

¹⁾ Окончаніе. См. «Истор. Вѣст.», т. CXLVI, стр. 369.

погибли семь русскихъ, захваченныхъ въ плѣнъ рыскавшими шайками.

Казнь русскихъ была однимъ изъ послѣднихъ звѣрствъ Пулатъ-бека. Схваченный, онъ былъ повѣшенъ въ Маргеланѣ 29 февраля 1876 г. Его ближайшій сотрудникъ Абдулъ-Мумынъ также казненъ въ Ташкентѣ.

Осѣдлое населеніе, никогда не сочувствовавшее безпорядкамъ, вносимымъ кочевыми элементами, радовалось, что злодѣи понесли заслуженную кару, и мирная жизнь быстро наладилась: народъ занялся полевыми работами, благо важное для земледѣлія время весны еще не было потеряно. Сильно оживилась и торговля, особенно въ городахъ. Непосильные налоги въ послѣднее время правленія Худояръ-хана, а затѣмъ и кипчакская смута парализовали всю промышленно-торговую жизнь страны, а съ переходомъ ея въ подданство Россіи возродилось ко всему полное довѣріе; и купцы говорили, что торговые обороты достигли давно небывалаго развитія. Такое же впечатлѣніе получилось и въ сосѣднихъ странахъ—въ Кашгарѣ и Каратегенѣ. Эти ханства торопились посылать посольства съ изъявленіями дружбы, и коммерческія съ ними сношенія немедленно и безпрепятственно установились.

Теперь настало время для Скобелева проявить свои силы на административномъ поприщѣ, вводя въ новой области управленіе на началахъ русской гражданственности. Съ внѣшней стороны затрудненій не представлялось: дѣлить ее на уѣзды, волости и т. д. слѣдовало по примѣру уже ранѣе устроенныхъ трехъ областей. Задача сводилась къ внутреннему управленію народомъ, къ точному примѣненію того политическаго курса, который былъ преподанъ высшей властью въ краѣ, признавшей, что честь и достоинство Россіи требуютъ управлять туземцами твердо, безъ всякихъ поблажекъ, но съ уваженіемъ къ правамъ, дарованнымъ имъ милостью монарха.

Скобелевъ не боялся признавать себя новичкомъ въ гражданскомъ управленіи, но къ менторству Гомзина не прибѣгалъ. Ему было ясно, что нуженъ былъ не менторъ, а кадры сотрудниковъ и подчиненныхъ, людей честныхъ и опытныхъ, работая съ которыми онъ пріобрѣталъ бы нужныя ему самому знанія. Такихъ людей онъ и искалъ какъ въ военной средѣ, такъ и среди чиновниковъ, выбирая не изъ залетныхъ птицъ, думавшихъ только о томъ, чтобы, прослуживъ положенный трехгодичный срокъ, убѣжать изъ края, но изъ тѣхъ скромныхъ тружениковъ, которые, поживъ въ далекой, но богатой дарами природы Средней Азіи, оставались здѣсь на службѣ, выполняя тѣмъ патріотическій долгъ передъ Россіей. Въ Туркестанѣ было не мало людей такого честнаго закала.

Выборъ хорошихъ людей облегчался особыми условіями жизни въ новомъ краѣ, едва насчитывавшемъ 8 лѣтъ существова-

нія¹⁾. Русская колонія была еще очень малочисленна въ сравненіи съ туземнымъ населеніемъ и какъ безопасность, такъ и отдаленность отъ общей родины спланивала русскихъ тѣснѣе, а прекрасный климатъ страны съ блестящимъ солнцемъ въ теченіе 9—10 мѣсяцевъ заставлялъ забывать о многихъ недочетахъ въ жилищахъ и въ устройствѣ и вводилъ ту простоту жизни и отношеній, при которой не только служебныя дѣла, но и частная жизнь были у всѣхъ въ виду. Качества и недостатки служащихъ бросались всѣмъ въ глаза, а по нимъ складывались и соотвѣтствующія репутаціи. Къ этому никѣмъ не стѣсняемому общественному мнѣнію прислушивалась и высшая власть края.

Скобелевъ и самъ, конечно, умѣлъ разбираться въ людяхъ, и если у него были враги-завистники, то были и приверженцы, которые, вѣрно его оцѣнивая, стремились перейти къ нему на службу. Какъ губернаторъ, Скобелевъ былъ всегда доступенъ всѣмъ сослуживцамъ, и его искреннее желаніе войти въ курсъ новаго дѣла сближало его съ ними, а въ совмѣстной дружной работѣ устанавливалось обоюдное довѣріе. Онъ не кичился своимъ начальническимъ положеніемъ и не вносилъ въ него ничего сухого и офиціальнаго. Его гостепримный домъ былъ широко имъ открытъ, а своеобразная окраинная жизнь придавала особую прелесть отношеніямъ, въ которыхъ не замѣчалось, однако, никакой фамиллярности.

Лихорадочная энергія, свойственная Скобелеву во всякомъ дѣлѣ, заражала его сотрудниковъ, такъ что уже къ концу апрѣля государственная машина была въ полномъ ходу: образовались уѣзды и ихъ управленія; работало областное правленіе и губернаторская канцелярія; наладились городскія хозяйства и т. д.

Чтобы ближе узнать нужды народа и внушить ему довѣріе въ русскую власть, Скобелевъ приказалъ вывѣсить около своего дома, а также на площадяхъ и базарахъ, что онъ принимаетъ лично и каждый день просителей со всякими просьбами и жалобами. Туземцы были этимъ очень довольны. Просьбы добросовѣстно разбирались, и каждый обиженный находилъ защиту. Мѣра эта ограждала населеніе отъ злоупотребленій туземныхъ сборщиковъ податей, жестоко притѣснявшихъ народъ въ ханское время. Теперь же жалобы указывали на недобросовѣстныхъ людей, и такъ какъ онѣ поступали со всей области и передавались канцеляріей губернатора въ соотвѣтствующіе уѣзды, то этимъ облегчалось дѣло и главныхъ агентовъ Скобелева—уѣздныхъ начальниковъ.

Весь день Скобелева проходилъ въ занятіяхъ. Вставалъ онъ рано, особенно весной и лѣтомъ; и уже въ 7 часовъ, напившись чаю, крѣпкаго, какъ кофе, принималъ доклады начальника штаба, предсѣдателя областного правленія, правителя своей канцеляріи, начальника

¹⁾ Генераль-губернаторство учреждено въ 1867 году.

города, уѣздныхъ начальниковъ и т. д. Затѣмъ выходилъ къ про- сителямъ. Въ часъ подавался завтракъ, на которомъ бывало всегда человѣкъ 15. Домъ его заботами его матери былъ очень хорошо обставленъ, а большія средства, получаемыя изъ Россіи, позволяли принимать не стѣняясь. Днемъ Мих. Дм. объѣзжалъ казармы, слободы и т. д., а послѣ обѣда, который подавался въ 6 часовъ, онъ опять садился за работу, занимаясь нерѣдко до 2-хъ часовъ ночи. Спалъ онъ мало, но на здоровье не жаловался.

Входить въ подробности его управленія не наше дѣло; для будущаго историка Скобелева найдутся матерьялы въ архивахъ канцелярій. Но въ подтвержденіе общей характеристики сказаннаго приведемъ выдержки изъ письма генераль-губернатора, посѣтившаго Ферганскую область въ концѣ года. Кауфманъ писалъ начальнику штаба, генералу Троицкому, бывшему въ это время въ Петербургѣ.

«17 ноября 1876 г. Васъ интересуеть знать, какое впечатлѣніе произвела на меня поѣздка въ Ферганскую область. Общее впечатлѣніе самое хорошее. Михаилъ Дмитріевичъ занимается серьезно своимъ дѣломъ, вникаетъ во все, учится и трудится. Ферганская область такая же, какъ Заравшанскій округъ, по наружной обстановкѣ; почти какъ Сыръ-Дарьинская область: уѣздные начальники, аксакалы, волостные управители, старшины, казіи и пр. встрѣчаютъ, дѣлаютъ «кулдуки»¹⁾, какъ и здѣсь. Народъ подаетъ «арсы»²⁾ съ полнымъ довѣріемъ и, кажется, доволенъ своимъ теперешнимъ положеніемъ. Уѣздные начальники въ Ферганѣ все славные люди. Все бодрствуетъ и трудится. Въ Кокандскомъ уѣздѣ подъ предѣтельствомъ полковника Носовича сформирована организаціонная комиссія, которая въ теченіе зимы введетъ поземельный податной вопросъ въ дѣло. Весною, если въ Кокандскомъ уѣздѣ все будетъ хорошо, члены этой комиссіи послужатъ кадрами для сформированія организаціонныхъ комиссій въ прочихъ уѣздахъ, такъ что въ теченіе лѣта можно организовать всю область. Когда это дѣло удастся и ничто постороннее извнѣ ему не помѣшаетъ, то можно быть спокойнымъ за Фергану. Дай только Богъ, чтобы не выкинула чего-нибудь Бухара и Кашгаръ.

«Въ Кокандѣ русскому городу негдѣ строиться. Климатъ нездоровый: грунтовая вода на 1¹/₂—2 аршина отъ поверхности земли. Да, надо снять съ этой бывшей столицы ханства ея спесь; тамъ и теперь еще не совсѣмъ ладно. Маргеланъ центральнѣе, на 73 версты ближе къ юго-западной границѣ, и оттуда войсковому резерву одинаковыя разстоянія во всѣ стороны. Мѣсто свѣжее и почти свободное отъ сартовскихъ построекъ. Крѣпость наша на первой нашей позиціи

¹⁾ Поклоны.

²⁾ Просьбы.

къ сторонѣ горъ, вдоль прекраснаго сая (рѣка) съ обильной здоровой водой. Войска вездѣ строились и во время моего объѣзда. Войска славныя, съ прекраснымъ духомъ» ¹⁾).

Но не однимъ устройствомъ гражданской жизни туземцевъ былъ занять Скобелевъ, а большую часть своего времени и всю свою сердечную заботу онъ отдавалъ тѣмъ «славнымъ войскамъ», которыя составляли главное ядро силы и могущества Россіи въ далекомъ краѣ. Всѣ стремленія его были направлены къ тому, чтобы обезпечить не только матеріальное и физическое благополучіе нашего воинства, но и нравственное его здоровье.

Условія жизни туземцевъ не подходили, конечно, къ привычкамъ русскихъ людей и, начиная съ жилищъ, все должно было заново устраиваться; поэтому Михаилъ Дмитріевичъ самъ выбиралъ мѣстности, обязательно съ хорошей водной системой, для постройки зимнихъ казармъ, лѣтнихъ барачковъ, лазаретовъ, лагерныхъ стоянокъ, санитарныхъ станцій и т. д. Это требовало большого труда, и такъ какъ воинскія части были раскинуты по всей области, то ему приходилось часто ее объѣзжать. Въ Кокандѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ онъ лично наблюдалъ за постройками и всевозможными приспособленіями въ нихъ, чтобы предохранить солдатъ отъ заболѣваній въ непривычномъ климатѣ, среди населенія, подверженнаго многимъ, у насъ неизвѣстнымъ, недугамъ, какъ, напримѣръ, маляріи, эпидемическимъ зобамъ, сартовскимъ язвамъ и даже страшной библейской проказѣ. Пища и одежда, сообразно временамъ года, играли важную роль въ этомъ вопросѣ, и нечего говорить, какъ Скобелевъ строго наблюдалъ за интендантскими поставками.

Ради того же охраненія здоровья войскъ въ жаркомъ климатѣ въ округѣ были строго запрещены всѣ спиртные напитки. Но одной строгостію не уберечь солдата отъ соблазна, и Михаилъ Дмитріевичъ старался заводить разумный и пріятный порядокъ въ ихъ жизни, въ часы досуга. Среди офицерства, любившаго своего начальника, онъ нашелъ много дѣятельныхъ помощниковъ въ исполненіи его плана. Обученіе грамотѣ было обязательно; учителями были офицера, и они вели дѣло такъ хорошо, что солдаты учились очень охотно. Достижшіе успѣховъ не безъ гордости записывались на право чтенія въ бібліотекахъ, заведенныхъ при чайныхъ, бывшихъ въ каждой воинской части. Въ этихъ же чайныхъ, гдѣ солдаты любили собираться, устраивались импровизированные концерты, тамъ же составлялись планы спектаклей, очень забавлявшихъ солдатъ и служившихъ развлеченіемъ даже для посторонней публики. Иногда спектакли были очень удачны. На почвѣ соревнованія проявлялись и таланты. Поощрялись также состязанія въ стрѣльбѣ, въ скач-

¹⁾ Семейный архивъ П. М. Кауфмана-Туркестанскаго.

кахъ, въ гимнастикѣ и т. п. Всѣ эти занятія оздоравливали атмосферу солдатской жизни, и туркестанскіе войны отличались не только трезвостью, но и особой щеголеватой выправкой и порядочностью, что, однако, нисколько не умаляло ни дисциплины, ни ихъ беззавѣтной храбрости.

Среди служебныхъ привилегій для Туркестанскаго края было разрѣшено за идущими туда на службу солдатами слѣдовать ихъ семьямъ. Семьямъ этимъ отводились помѣщенія въ слободкахъ, и на каждую семью выдавалось пособіе для обзаведенія, чѣмъ при баснословной (въ то время) дешевизнѣ жизни достигались удобства и довольство. Эти семейные очаги были чрезвычайно благотѣтельны, предохраняя нравственность солдатъ и предупреждая всегда возможныя столкновенія съ мусульманскимъ населеніемъ, строго оберегающимъ свою замкнутую жизнь. Это было тѣмъ болѣе важно въ новой области, гдѣ малѣйшее недоразумѣніе могло вызвать фанатизмъ, и Скобелевъ съ особенной заботой устранивалъ молодя хозяйства, помогая имъ даже изъ своихъ личныхъ средствъ.

Здѣсь кстати сказать, что, благодаря этимъ налаженнымъ семейнымъ очагамъ, многіе солдаты, отбывая положенные годы службы, оставались въ краѣ, и именно такія солдатскія слободки разрослись впоследствии въ богатые поселки, колонизируя край чисто русскими людьми.

XVII.

Вся дѣятельность Скобелева по устройству области, обрисованная нами лишь въ общихъ чертахъ, выдвигала его, какъ выдающагося губернатора. Но его кипучая натура не находила достаточно удовлетворенія въ дѣлѣ, которое уже было налажено, тѣмъ болѣе, что и въ каждой отрасли управленія стояли достойные полного довѣрія люди, которые не нуждались въ постоянномъ руководствѣ. Самому же Михаилу Дмитріевичу не доставало поэзіи походной жизни, ея заботъ, тревогъ, волненій, риска, удачъ... А войнъ не предвидѣлось. Лишь напоследокъ судьба ему улыбнулась, и туркестанская карьера его завершилась экспедиціею въ Алайскія горы.

Съ присоединеніемъ къ Россіи Ферганы въ долину ея, гдѣ группировалось осѣдлое населеніе и жили умиротворенные кипчаки, водворилось полное спокойствіе; но на ея южной окраинѣ въ горахъ, прилегающихъ къ Кашгару и Каратегену, замѣчалось сильное броженіе. Горы эти населены кара-киргизами, которые, состоя подданными кокандскаго хана, власти его не признавали, и когда въ ханствѣ поднимались волненія и междоусобицы, служили орудіемъ для призывавшихъ ихъ партій и набѣги свои сопровождали грабежомъ осѣдлаго населенія. Большую часть года кара-кир-

гизы кочевали въ трудно доступныхъ ущельяхъ Алая, а на зиму спускались въ предгорья. Хань не были въ силахъ держать ихъ въ рукахъ. Кара-киргизы полагали, вѣроятно, что и русской власти съ ними не сладить, ибо не только не посылали своихъ старшинъ съ изъявленіемъ покорности, но пытались даже воевать съ нами. Подстрекаемые агитаторомъ Абдулла-бекомъ, они прервали караванное сообщеніе съ Кашгаромъ въ долину рѣки Гульчи и убили 30 нашихъ джигитовъ, посланныхъ для поимки Абдулла-бека; остальныхъ взяли въ плѣнъ и укрѣпились на позиціи Янги—Арыкъ. Скобелевъ, узнавъ объ этомъ, немедленно выступилъ съ отрядомъ для обузданія ихъ. Киргизы, конечно, были разбиты, понесли огромныя потери убитыми, но и у насъ было 2 убитыхъ и 7 тяжело раненыхъ (одинъ офицеръ). Абдулла и остатки шайки скрылись въ горы. Это было въ апрѣлѣ.

Алай, какъ часть Кокандскаго ханства, ставшій теперь нашей территоріей, населенный исключительно кочевниками, представлялъ совершенно своеобразное явленіе и былъ, можно сказать, киргизскимъ царствомъ, надъ которымъ властвовала одна замѣчательная женщина, алайская Марға-Посадница — Курманъ-Джанъ, мужъ которой былъ казненъ въ 1863 г. кокандскимъ временщикомъ Алимкуломъ. Смѣлая и умная, она пользовалась огромнымъ вліяніемъ среди алайскихъ киргизовъ, управляя ими на патриархальныхъ началахъ. Весь народъ добровольно ей подчинялся, и всякое ея распоряженіе безпрекословно исполнялось. Со смерти мужа она стала грозой Коканда, и Худояръ-ханъ, считаясь съ ея значеніемъ, не только не враждовалъ съ ней, но старался ее задобрить, принимая съ почетомъ, богато одаривая и даже далъ ей титулъ «датхи», т. е. правительницы. Курманъ-Джанъ-датха цѣну себѣ знала: она помнила, что родоначальникомъ послѣдней ханской династіи былъ кара-киргизъ Нарбутъ изъ ея рода, и неудивительно, что властолюбивая женщина мечтала образовать въ трудно доступныхъ горахъ Алая новое независимое владѣніе подъ главенствомъ своей семьи. У нея было нѣсколько сыновей, изъ которыхъ Абдулла и Умаръ-беки особенно враждебно относились къ русскимъ.

Допустить подобную затѣю было, конечно, не мыслимо, и экспедиція была необходима, чтобы разъ навсегда разбить самообольщеніе киргизовъ и доказать имъ, что отъ русскихъ войскъ имъ не укрыться въ самыхъ неприступныхъ горныхъ дебряхъ, куда не смѣли и появляться ханскія войска.

Не имѣя завоевательныхъ цѣлей, экспедиція являлась только внушительною военною прогулкою, а чтобы весь народъ воочию могъ убѣдиться въ могуществѣ русскихъ, она приурочивалась на іюль и августъ мѣсяцы, когда богатая пастбищами горы кишатъ киргизскими кочевьями и ихъ стадами. По свѣдѣніямъ, на Алаѣ было

раскинуто до 15 тысячъ кибитокъ, слѣдовательно, кочевало не менѣе 75 тысячъ человекъ. Такъ какъ боевыхъ столкновений не предполагалось, а между тѣмъ Алай—преддверіе загадочнаго Памира—былъ страною совершенно неизвѣданною и изученіе его, насколько возможно, представляло большой интересъ, то въ экспедиціонный отрядъ были командированы для такихъ изслѣдованій нѣсколько специалистовъ: подпрапорщикъ Бенсдорфъ и механикъ Михельсонъ для барометрическихъ наблюдений, В. Ф. Ошанинъ для естественно-историческихъ коллекцій, А. О. Костенко для статистическихъ изслѣдованій и подпрапорщикъ А. В. Лебедевъ какъ начальникъ партіи топографовъ.

Самому Скобелеву ставилось задачей: изслѣдовать алайскіе пути, намѣтить границы съ сосѣдними ханствами и, ставъ въ долину Кызыль-Су, организовать управленіе киргизами и фактически подчинить ихъ русской власти.

Еще до выступленія Скобелеву было предписано занять небольшими отрядами главнѣйшіе выходы изъ горъ, дабы помѣшать киргизамъ спуститься въ долину для грабежа въ то время, когда отрядъ двинется въ горы. Порученіе было быстро исполнено и проходы: Кастакозъ, Исфара, Сохъ, Вуадиль, Учъ-Курганъ и Наукатъ заняты.

Экспедиціонный отрядъ въ составѣ 8 ротъ, 4 сотенъ, 2 коннострѣлковыхъ полуротъ, 3 горныхъ орудій и ракетной батареи выступилъ 15 іюля тремя отдѣльными колоннами, имѣя соединиться къ началу августа въ нагорной долине Алая, въ урочищѣ Арча-Булакъ. Колонны шли изъ Гульчи, Оша и Учъ-Кургана. Скобелевъ шелъ съ гульчинской колонной. И тѣ же доблестные туркестанцы, которые еще такъ недавно погружались въ глубокіе, сыпучіе пески хивинскихъ пустынь при 60° жары, теперь бодро преодолевали, при 30° мороза, впервые видѣнныя ими горныя выси въ 11—15 тысячъ футовъ, карабкаясь по опаснымъ тропамъ, уширя карнизы въ каменныхъ утесахъ, перекидывая мосты надъ бурными потоками, спускаясь въ ущелья по отвѣснымъ скаламъ... Ни тѣни колебаній ни передъ какими затрудненіями; бодрое настроеніе не ослабѣваетъ, и слышатся лишь веселыя прибаутки, вызываемыя новыми впечатлѣніями въ невиданной доселѣ обстановкѣ.

На долю каждой колонны выпалъ свой, болѣе или менѣе трудный перевалъ; но картина ихъ получается общей для всѣхъ. Такъ, гульчинская колонна, перейдя сравнительно легкіе Суфи-Курганъ и Кызыль-Курганъ, направилась къ перевалу Арчатъ, въ 12 т. футовъ высотой. Подступы къ нему, незамѣтно повышаясь, ведутъ по ущелью Акъ-буры, гдѣ бѣжитъ горная рѣчка и живописно раскинулись кусты боярышника, барбариса, группы тополей и арчи. Широкіе зеленые луга, какъ затѣйливый коверъ, усыпаны цвѣтами альпійской флоры: бѣлоснѣжный эдельвейсъ, голубой

подсѣжники, разныхъ колеровъ тюльпаны, лиловыя генціаны, красныя маки... Теплый воздухъ напоенъ ароматами, солнце блестя и грѣть, и все веселить и радуеть. Но съ подходомъ къ подошвѣ картина быстро мѣняется: исчезаютъ луга и рощи; мягкая почва замѣняется каменистымъ грунтомъ, и вдругъ вырастаетъ кажущійся почти отвѣснымъ, крутой скалистый подъемъ.

Высланы саперы исправлять опасныя мѣста. За ними слѣдуетъ кавалерія, которой приходится часто спѣшиваться: лошади спотыкаются о крупный булыжникъ, рискуя сорваться въ обрывистыя скаты; медленно идетъ пѣхота; съ вьюками большія затрудненія... Между тѣмъ воздухъ свѣжѣеть, солнце перестаетъ грѣть, поднимается холодный вѣтеръ, и температура падаетъ до 3° мороза. Отдается приказъ надѣть теплыя полушубки, заготовленные заботливымъ начальникомъ. Съ передышками и остановками отрядъ преодолеваетъ тягостный путь, гдѣ кругомъ видны только сѣрые камни да кости павшихъ животныхъ. Такъ идутъ 5—6 часовъ. Но лишь только поднялись на вершину—мигомъ исчезла усталость, сбѣжали унылыя сѣрыя впечатлѣнія, въ виду открывшейся панорамы: съ сѣверо-востока на юго-западъ раскинулось громадное луговое пространство, перерѣзанное вдоль и поперекъ горными ручьями; они сбѣгаютъ со всѣхъ сторонъ и, переплетаясь прихотливой сѣтью, несутся къ широкому руслу Кызыль-Су. А съ юга эту цвѣтущую долину окаймляетъ непрерывная цѣпь вѣчно снѣговыхъ горъ Заалайскаго хребта съ его отдѣльными грандіозными пиками. На восточной сторонѣ этой снѣжной 140-верстной стѣны выдѣляется группа Курунды съ ея нѣсколькими головами; на западной—конусомъ подымается Кизиль-Артъ, а еще западнѣе—подобно гигантскому шатру раскинулся своей 23-тысячной высотой пикъ Кауфмана. Множество другихъ горъ тѣнятся въ живописныхъ очертаніяхъ и общей громадой прикрываютъ таинственныя Памиры. Солнце играетъ яркими отливами изумруда и опала на ледяныхъ вершинахъ этихъ исполиновъ, застывшихъ въ ихъ спокойномъ и гордомъ величій.

Картина такъ великолѣпна, что, начиная со Скобелева, всѣ воины сами какъ бы застыли въ молчаливомъ восхищеніи...

Спускъ въ долину былъ легокъ. Вскорѣ пришли сюда другія колонны, и въ урочищѣ Арча-Булакъ выросъ городокъ изъ пестрыхъ бухарскихъ палатокъ и войлочныхъ киргизскихъ юртъ. Закипѣла лагерная жизнь на лонѣ природѣ, въ обстановкѣ почти библейской простоты: спали безъ кроватей, безъ столовъ и стульевъ, возлежавъ на душистомъ лугу, вкушали пищу... Зато трапеза, замѣнившая походные сухари, была лукулловская: подавались молодые барашки, купленные у киргизовъ, куропатки, улары (горныя индѣйки), перепелъ и т. п., настрѣленные охотниками, рыба.

1) Открытъ и названъ Федченко.

наловленная тутъ же въ Кызыль-Су. Все это запивалось превосходнымъ кумысомъ. Веселые разговоры и солдатскія пѣсни нарушали молчаніе величественныхъ горъ.

Но оживленіе царило только тутъ. Долина же на всей ея 20-верстной ширинѣ и на длинѣ 140 верстъ—безмолвствовала; въ ней не было никакого признака человѣческой жизни. А между тѣмъ именно сюда, на тучныя пастбища, обильно орошаемая здоровой водой, къ этимъ условіямъ богатства и счастья кочевниковъ, изъ года въ годъ шли десятки тысячъ киргизовъ съ имъ миллионными стадами. Теперь же, напуганные движеніемъ нашихъ войскъ, они попрятались въ ущельяхъ и оттуда слѣдили за надвигавшейся грозной силой. Это производило непріятное впечатлѣніе на всѣхъ.

Но когда ближайшіе къ лагерю аулы увидали, что грозная сила ничѣмъ имъ не угрожаетъ, а, напротивъ, казавшіеся страшными воины приходятъ къ нимъ покупать барановъ и кумысъ и честно за все расплачиваются серебряными деньгами, да еще добродушно съ ними разговариваютъ (многіе солдаты хорошо говорили по-киргизски), кочевники мало-по-малу стали проникаться довѣріемъ, и болѣе благоразумные старшины явились къ начальнику отряда съ изъявленіемъ покорности отъ ихъ обществъ. Однако, пока это было меньшинства; между тѣмъ шли слухи, что агитаторы работаютъ и подъ предводительствомъ Абдулла-бека собираются шайки. Скобелевъ распорядился послать рекогносцировочные отряды въ разныя стороны, чтобы разгонять ихъ и наблюдать за общимъ настроеніемъ народа, рекомендуя избѣгать суровыхъ мѣръ. Ему хотѣлось подчинить киргизовъ мирнымъ путемъ, дѣйствуя черезъ вліятельныхъ личностей. Такой могла быть Курманъ-Джанъ, но о ней не было слышно, пока отряду полковника Витгенштейна не удалось попасть въ аулъ, гдѣ находилась алайская правительница. Какъ оказалось, она, заслышавъ о походѣ русскихъ, рѣшила уйти въ Кашгаръ и перекочевала туда со своимъ имуществомъ и стадами. Но богатства ея соблазнили тамошнія власти, и, ограбленная ими, Датха вернулась въ русскіе предѣлы и отдалась въ руки Витгенштейна.

Когда ее привезли въ лагерь къ Скобелеву, генералъ принялъ ее ласково, одарилъ богатыми халатами и золотой кружкой, долго съ ней бесѣдовалъ, совѣтуя ей повліять успокоительно на покорныхъ ей сородичей. Умная азіатка сообразила, что теперь она имѣетъ дѣло не съ ничтожнымъ ханомъ, боявшимся ея, а съ смѣлымъ и могущественнымъ врагомъ, осилившимъ неприступныя твердыни ея родныхъ горъ, что руководитъ имъ не страхъ, а великодушіе, и, тронутая его обращеніемъ, принесла искреннюю покорность, обѣщая во всемъ ему содѣйствовать. И Скобелевъ оказалъ ей полное довѣріе, предоставивъ ей свободно жить, гдѣ она хочетъ.

Нужно замѣтить, что кочевья племена Средней Азіи, несмотря на ихъ задорность, чрезвычайно честны и симпатичны, и Скобелевъ игралъ на психологіи народной души. Покоривъ кипчаковъ, болѣе суровыхъ, чѣмъ киргизы, онъ отдалъ такой приказъ: «24 октября 1876 г. Областная администрація обязана весьма чутко слѣдить за всякими попытками взбунтовать кипчакское населеніе,— это народъ честный, но воинственный, способный надѣлать намъ въ будущемъ много хлопотъ. Съ ними необходимо обращаться твердо, но съ сердцемъ,—это долженъ всегда помнить начальникъ Андиганскаго уѣзда».

Съ киргизами, сродными кипчакамъ, но совсѣмъ не фанатичными, почти добродушными, слѣдовало дѣйствовать мягче; онъ такъ и поступилъ и не ошибся: дахта сдержала свое слово; подъ ея вліяніемъ немедленно же всѣ киргизскія общества подчинились раздѣленію ихъ на волости и введенію у нихъ русскаго управленія. Подчинились они и обложенію болѣе непокорныхъ пеню въ 1½ зякета и приказанію итти на разработку Гульчинско-Алайской дороги (Скобелевскій путь).

Чтобы покончить съ этимъ вопросомъ и показать результатъ политики Скобелева, забѣжимъ впередъ. Сыновья Курманъ-Джанъ изъ руководителей беспорядковъ впослѣдствіи превратились въ мирныхъ волостныхъ старшинъ, безъ недоимокъ собиравшихъ кибиточную подать для русскаго казначейства. Только одинъ Абдулла-бекъ ушелъ въ Вакханъ. Но мать тосковала о немъ, и Скобелевъ порадылъ своей честной помощницѣ, имѣя при этомъ въ виду и пользу дѣла. Вотъ что онъ писалъ генераль-губернатору 1-го октября 1876 г.: «Мнѣ извѣстно желаніе Курманъ-Джанъ-датхи возвратить своего сына Абдулла-бека въ предѣлы Ферганской области. Народъ говоритъ, что Абдулла-бекъ всегда былъ весьма послушнымъ сыномъ, да и нельзя вообще сомнѣваться, что вліяніе вдовы Алимъ-бека до сихъ поръ весьма значительно, не только въ своемъ семействѣ, но и вообще между всѣми кочевниками Ошскаго и Маргеланскаго уѣздовъ. Такъ какъ мужъ ея, Алимъ-бекъ, былъ племени авигине—рода барги, а султанша, о которой имѣю честь докладывать, по рожденію принадлежитъ къ племени мунгушъ—рода анолякъ, то я полагаю, что мы съ большою пользою можемъ дѣйствовать черезъ нее на болѣе значительную и, по преданіямъ, наименѣ склонную къ спокойствію часть пограничнаго съ Кашгаромъ кочевого населенія».

Насколько было сильно вліяніе этой женщины и крѣпко ея слово, видно изъ того, что до самой ея смерти киргизы Алая оставались самыми мирными русскими подданными.

VIII.

7-го августа Скобелевъ выступилъ изъ Арча-Булака на востокъ для обзора кашгарской границы.

Къ каждому дѣлу, поручаемому Михаилу Дмитриевичу, онъ всегда относился серьезно, прилагая къ нему не только свой талантъ, но и добросовѣстность въ исполненіи. Опредѣлить наши границы съ новымъ сосѣдомъ въ глухомъ углу Средней Азіи, казалось бы, задача совсѣмъ простая; но Скобелевъ не ограничился формальной стороной дѣла, а сумѣлъ къ этому чисто мѣстному вопросу примѣнить широкой масштабъ нашихъ государственныхъ задачъ не только здѣсь, но и за предѣлами Средней Азіи.

Для обрисовки этого послѣдняго крупнаго дѣла Скобелева въ Туркестанѣ мы будемъ пользоваться очень цѣннымъ документомъ: его собственноручнымъ письмомъ-докладомъ съ Алая Константину Петровичу фонъ-Кауфману. Письмо на десяти листахъ большаго формата ¹⁾.

Съ полуротой конныхъ стрѣлковъ и 2 ракетными станками Скобелевъ прошелъ черезъ перевалъ Тунгъ-бурунъ (11.800 футовъ) и, сдѣлавъ въ первый день 39 верстъ, остановился на ночлегъ за переваломъ. На слѣдующій день, пройдя 17 верстъ, достигъ кашгарскаго пикета, расположеннаго при слияніи рѣкъ Нуры и Кокъ-Су. Какъ офицеръ генеральнаго штаба, онъ отмѣчаетъ въ мельчайшихъ подробностяхъ весь пройденный путь, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, подготовить его для движенія по немъ войскъ съ орудіями и приходитъ къ такому выводу:

«Дѣйствительность далеко превзошла мои ожиданія и привела меня къ положительному убѣжденію, что разъ какъ будетъ проведена арбяная дорога отъ Гульчи черезъ перевалъ Тандыкъ на Алай, къ разработкѣ коей будетъ приступлено 1-го сентября 1875 года и которая, по всей вѣроятности, будетъ окончена усиліями майора Ионова къ 1-му июню 1877 году, то путь Ошизъ, Гульча, Талдыкъ-даванъ, Тонгъ-бурунъ, Улукъ-Чашъ, Кашгаръ—будетъ, если не единственнымъ, то главнымъ нашимъ операционнымъ направленіемъ изъ Ферганской области къ Кашгару». ²⁾

Затѣмъ, стоя вблизи пикета, Скобелевъ передаетъ свои впечатлѣнія о кашгарскихъ солдатахъ, описывая ихъ вооруженіе, обмундированіе и т. д. Здѣсь же, получивъ просьбу отъ начальника передоваго поста не двигаться далѣе, уважилъ ее, не желая возбуждать недоразумѣній; да находилъ это и ненужнымъ, такъ какъ личныя его наблюденія и цѣнныя свѣдѣнія, добытыя путемъ разспросовъ, освѣ-

¹⁾ Семейный архивъ П. М. Кауфмана-Туркестанскаго.

²⁾ Курсивъ Скобелева.

тили ему положеніе дѣла въ торговомъ и военныхъ отношеніяхъ. По этимъ изслѣдованіямъ выяснилось слѣдующее: кашгарскій Бадаулетъ Якубъ-бекъ, пользуясь замѣтнымъ ослабленіемъ ханской власти въ послѣдніе годы царствованія Худояра кокандскаго, безъ всякаго соглашенія съ ханомъ, фактически присоединилъ южные склоны Алая, два года тому назадъ, не довольствуясь пограничной водораздѣльной линіею, распространивъ свои владѣнія на верховья рѣки Тары, у Узгента, впадающей въ Кара-Дарью. Такимъ образомъ, часть подвластныхъ намъ киргизовъ стала въ подчиненіе теперь Кашгару, что, конечно, недопустимо. Но этого мало. На верховьяхъ Тары Якубъ-бекъ построилъ укрѣпленіе Ойталь, а позади Иркшитана—укрѣпленіе Улукъ-Чашъ. Ойталь стоитъ на урочищѣ Алайку, что даетъ возможность кашгарскимъ властямъ вліять на нашихъ киргизовъ, кочующихъ по Тару и Кара-Дарьѣ. На Алайку же могутъ укрываться, какъ уже это и было, безпкойные элементы и не желающіе платить зякетъ (подати).

«Мириться съ такими границами немисливо, какъ потому, что это лишаетъ насъ удобныхъ административныхъ пунктовъ для управленія нашими горными подданными, такъ и еще главнымъ образомъ потому, что мы не должны допускать чьего бы то ни было вліянія на нихъ, кромѣ нашего. Исторически доказано, что хотя горныя племена нравственнѣе и воинственнѣе долинныхъ жителей, но, не съ организованныя въ государственномъ смыслѣ, они не способны къ продолжительной самобытности и рано или поздно подчиняются власти изъ смежныхъ съ ними долинныхъ странъ, конечно, одной сильнѣйшей или болѣе искусной. Не можетъ быть двухъ мнѣній, что не намъ уступать право первенства. Всѣ эти условія требуютъ возстановленія исторической границы, т. е. нашего права владѣть всей горной линіею Ферганскаго Тянь-Шаня.

«Въ торговомъ отношеніи признаніе за Якубъ-бекомъ границъ по водораздѣльной линіи рѣкъ системы Дарьи и Кокъ-Су также для насъ крайне невыгодно: какъ бы сравнительно ни казалось прочно положеніе азіатскаго государя, тѣмъ не менѣе въ отношеніи спокойствія и безопасности подвластныхъ населеній оно не можетъ представлять столько гарантій, сколько власть государей европейскихъ. Исторія всѣхъ самыхъ могущественныхъ азіатскихъ властителей показываетъ, какія часто самыя ничтожныя случайности были поводомъ къ ихъ низверженію. Политическія же границы недоступны мусульманскому строю.

«Торговые пути, проходя черезъ первостепенные снѣговые хребты и трудно доступныя трущобы, гдѣ всегда съ успѣхомъ могутъ укрываться шайки грабителей, казалось бы, заставляютъ насъ особенно внимательно относиться къ вышеизложенному.

«Значительное торговое движеніе черезъ Ферганскій Тянь-Шань будетъ обезпечено лишь тогда, когда мы выдвинемъ нашу власть за

предѣлы горъ и будемъ, такимъ образомъ, хозяевами горной полосы. Для насъ еще должны быть слишкомъ памятливы апрѣльскія событія (кровопролитное янгнарыское дѣло и гибель 39 лучшихъ нашихъ джигитовъ) и тѣ причины, которыми нѣсколько недѣль тому назадъ была отчасти вызвана алайская экспедиція, чтобы кому-либо до вѣрять отвѣтственность за продолжительную безопасность перво-степенныхъ торговыхъ путей съ Восточнымъ Туркестаномъ.

«Точно также въ вопросѣ объ обезпеченіи таможенного сбора слѣдуетъ настаивать на возстановленіи прежней границы, такъ какъ тогда мы можемъ ограничиться однимъ зякетнымъ постомъ, а не выставлять караулы во многихъ пунктахъ.

«Всѣ вышеизложенныя административныя и торговыя неудобства исчезнутъ, когда снова будетъ возстановлена для Ферганской области историческая граница бывшаго Кокандскаго ханства.

«Разобравъ, насколько позволили время и обстоятельства, возложенный на меня довѣріемъ вашего высокопревосходительства вопросъ о проведеніи этой пограничной черты, наиболѣе выгодной для насъ въ административномъ и торговомъ отношеніяхъ, позволяю себѣ коснуться и не менѣе существенныхъ соображеній и рассмотреть вновь предполагаемую черту съ точки зрѣнія исключительно военныхъ и политическихъ интересовъ».

По необходимости пропуская рядъ основательныхъ и логическихъ доводовъ Скобелева въ пользу намѣченной имъ границы, приведемъ лишь конечные его выводы.

«Заканчиваю: признавъ весь Ферганскій Тянь-шань нашимъ, мы
1) обезпечиваемъ спокойствіе въ горахъ и увеличиваемъ государственный доходъ.

2) Владѣемъ «*les issues des frontières*».

3) Во всякую данную минуту можемъ дебушировать во флангъ и на сообщенія противника.

4) Всѣ выгоды, сопряженныя съ внезапностью дѣйствій—иниціатива, въ нашихъ рукахъ.

5) Вынуждаемъ непріятеля несоразмѣрно дробить свои силы или отойти къ центру».

Затѣмъ, перечисляя перевалы, съ разныхъ сторонъ ведущіе къ этой границѣ, намѣчая подходящіе пункты для постройки укрѣпленій, Скобелевъ останавливается на мысли объ образованіи новаго казачьяго войска.

«Въ виду значенія, которое пріобрѣтаетъ для насъ новая кашгарская граница въ томъ видѣ, въ которомъ я осмѣливаюсь просить ваше высокопревосходительство ее признать, есть нѣсколько пунктовъ, на которыхъ было бы желательно основать казачьи станицы, разъ навсегда обезпечивающія намъ дѣйствительное обладаніе горною полосой и обезпечивающія власть въ краѣ русскаго элемента».

На опасеніе, выраженное многими, что вновь переселенное малочисленное христіанское населеніе можетъ подчиниться вліянію мусульманской окружающей среды, Скобелевъ указываетъ на примѣръ гребенскихъ и уральскихъ казаковъ, сохранившихъ въ теченіе 400 лѣтъ въ полной силѣ и крѣпости свои религіозные и національные устои. Да и въ самомъ Туркестанскомъ краѣ существовало молодое Семирѣченское войско, не внушавшее подобныхъ опасеній и оказавшее не мало цѣнныхъ услугъ при завоеваніи края.

Детально разработавъ этотъ пограничный вопросъ съ точки зрѣнія мѣстныхъ интересовъ, Скобелевъ перенесъ его въ сферу общегосударственнаго значенія, что видно изъ его письма отъ 12-го августа 1876 года къ генералу Кауфману, которое мы приведемъ ниже.

Скобелеву былъ хорошо извѣстенъ взглядъ Кауфмана на назрѣвавшія тогда на Ближнемъ Востокѣ событія: сербское возстаніе всколыхнуло славянскій міръ, взволновало Европу; для Константина Петровича неизбѣжность новой войны съ Турціей, за спиной которой явно стояла Англія, была очевидна; ясно ему было и то, что славянскій вопросъ неразрывно связанъ съ вѣковымъ вопросомъ о проливахъ, что въ разрѣшеніи послѣдняго Англія не уступитъ присвоеннаго ею себѣ рѣшающаго голоса и что давленіе на Англію возможно было съ нашей стороны лишь въ Средней Азій. Однимъ словомъ, Константинъ Петровичъ понималъ и еще въ февралѣ 1876 года убѣждалъ князя Горчакова и Милютину, что если борьба завяжется на Балканахъ и у Босфора, то для благополучнаго ея исхода намъ необходимо ошестиниться на рубежѣ сокровищницы Англіи. Тамъ, въ Туркестанѣ, на пути въ Индію, была Ахиллесова пята Англіи, тамъ, гдѣ противъ русскихъ штыковъ не могли прійти на помощь ея сухопутнымъ наемнымъ войскамъ безчисленные броненосцы съ ихъ дальнобойными орудіями и гдѣ испытанные въ бояхъ и походахъ туркестанскіе батальоны и сотни, даже при своей относительной малочисленности, способны были навести такую панику у сосѣдей, которая совершенно измѣнила бы роли борцовъ въ дипломатической кампаніи, приведшей насъ къ берлинской конференціи. Теперь можно уже съ увѣренностью-сказать, что прозорливость его не обманывала. Если бы ему вняли, не только честный маклеръ Бисмаркъ не получилъ бы для себя и своихъ австро-венгерскихъ подручныхъ куртажа, за который мы кровью расплачиваемся теперь, но наши недоразумѣнія и временное непониманіе общихъ интересовъ и общаго врага съ Англіей были бы давно уже разрѣшаны и тотъ союзъ, который призванъ нынѣ спасти Европу и освободить культурный міръ отъ ига бронированнаго кулака, былъ бы къ общему благу давно совершившимся фактомъ. Скобелевъ все это зналъ, понималъ и прочувствовалъ и тоже придавалъ задуманной Кауфманомъ демонстраціи рѣшающее значеніе и потому, провѣривъ, насколько было возможно, лично тѣ свѣдѣнія о предполагавшемся движеніи въ сторону Индіи.

которыя онъ получилъ отъ Константина Петровича, онъ успѣшили подѣлиться съ нимъ своими впечатлѣніями со свойственными ему опредѣленностью и широкимъ размахомъ мысли, можетъ быть, мечтающая оказаться опять *впереди*, въ случаѣ осуществленія Кауфманскаго плана. Не въ укоръ нашей доблестной нынѣ союзницѣ приводимъ мы это историческое воспоминаніе, а въ назиданіе современникамъ, которымъ надо помнить, что «gouverner—c'est prévoir».

«Свобода выраженія всѣхъ моихъ мыслей, дарованная мнѣ вашимъ высокопревосходительствомъ съ перваго дня назначенія моего начальникомъ Наманганскаго отдѣла,—писалъ Скобелевъ,—и увѣренность въ снисходительной улыбкѣ вашей, если бы даже мною было высказано что-либо, не вполне соответствующее съ возложенными на меня вами прямыми обязанностями, даютъ мнѣ смѣлость и на этотъ разъ коснуться поднятаго вами вопроса будущаго, быть можетъ, не нашего поколѣнія, но который не можетъ не быть признанъ вѣнцомъ нашихъ усилій въ Средне-Азіатскомъ вопросѣ—способностью нашей (при извѣстной долѣ беззавѣтной рѣшимости, которая будетъ вполне оправдана результатами, могущими быть завоеванными для величія отечества) занять относительно Азіатскихъ Британскихъ владѣній такое *угрожающее* положеніе, которое облегчило бы рѣшеніе въ нашу пользу труднаго восточнаго вопроса—другими словами: завоевать Царьградъ своевременно, политически и стратегически вѣрно направленною *демонстраціею*...

«Рѣшившись продолжать службу въ Средней Азіи, пока ваше высокопревосходительство, которому я всѣмъ обязанъ, не признаете болѣе полезнымъ призвать меня къ другой дѣятельности, я не могъ, всѣми силами сердца и мозга, не коснуться этого исполнскаго вопроса. И я въ этомъ твердо увѣренъ: въ политикѣ, какъ и на войнѣ, только невозможное—дѣйствительно возможно... Современная англійская литература все болѣе и болѣе свидѣтельствуеетъ, какого страха англичане набрались съ тѣхъ поръ, какъ русскіе интересы въ Средней Азіи ввѣрены вамъ и какая страшная угроза для нихъ ваше имя.

«Англичане слишкомъ предусмотрительны и практичны, чтобы тревожиться неисполнимымъ.

«Обращаясь къ связи, существующей между этимъ великимъ вопросомъ и русскою властью въ Ферганской области, мнѣ кажется, что ей не слѣдуетъ увлекаться возможностью имѣть *рѣшающее* значеніе въ могущей быть борьбѣ, такъ какъ главные операціонные пути внѣ сферы ея дѣйствій, но ей слѣдуетъ стать въ такое стратегически-выгодное положеніе, чтобы въ данный моментъ быть въ состояніи также въ извѣстной степени способствовать успѣху.

«Восточный Туркестанъ по богатству средствъ вполне въ состояніи содержать значительную армію—не только самостоятельный демонстративный отрядъ.

«Пути, ведущіе изъ владѣній Бадаулета въ провинцію Ле (Ладакъ), принадлежащую Кашмиру, до крайности пустыни, трудно доступны и страдаютъ мѣстами безкормицей; они продегають черезъ самыя высокіе перевалы на земномъ шарѣ,—но войскамъ, имѣвшимъ счастье участвовать подъ вашимъ начальствомъ въ безсмертномъ Хивинскомъ походѣ, нельзя ихъ признать окончательно недоступными.

«Появленіе русскихъ войскъ въ Ле (Ладакъ), по признанію всѣхъ англійскихъ военныхъ авторитетовъ, повлекло бы за собою немедленно возстаніе всей сѣверной, горной, воинственной, ненавидящей англичанъ полосы Индіи, отъ Муссафербата до Патны, принудило бы англійскую армію, сосредоточенную въ Пейшаурѣ, *отойти* (а шагъ назадъ для нихъ *такъ же, если не въ сильнѣйшей степени*, какъ и для насъ, повлечетъ за собою неисчислимыя бѣдствія; это и другое здѣсь сказанное, если вашему высокопревосходительству угодно приказать, я могу подтвердить англійскими же авторитетами) по крайней мѣрѣ къ Лагору, облегчило бы наступленіе главныхъ силъ на Индъ и, быть можетъ, разбило бы вдребезги съ 1857 года *все болѣе и болѣе колеблющееся англійское владычество въ Индостанѣ.*

«Изъ Ферганской области въ предѣлы Кашмира ведетъ путь, который, смѣю думать, намъ, ферганцамъ, не слѣдуетъ забывать: черезъ Терекъ-даванъ, Мустангъ къ Яркенду; изъ Яркенда Кара-кумскій переваль къ Ле (Ладаку) и далѣе черезъ проходъ Дзоджилла въ Кашмиръ.

«Этимъ путемъ полчища Мирза-Хайдара и Секундеръ-хана кашгарскаго въ 1543 году вторглись въ Кашмиръ.

«Что могли сдѣлать лишенные воинской доблести и не одушевленные безпредѣльною преданностью государю и отечеству, азіатскія полчища, конечно, сумѣютъ исполнить славныя туркестанскія войска...

«Заключаю: и въ видахъ отдаленнаго будущаго, а также и въ *настоящую многозначительную историческую минуту* вполне возможныхъ самыхъ непредвидѣнныхъ политическихъ неожиданностей намъ необходимо владѣть Ферганскимъ Тянь-Шанемъ, безъ чего своевременно выдвинутая, какъ громомъ поражающая весь индійскій міръ быстротою наступленія *демонстрація* къ Яркенду немислима...¹⁾ Арчабулакъ. 12-го августа 1876 года».

Съ восточной стороны алайской возвышенности Скобелевъ направился на западъ, черезъ Дараутъ-Курганъ и Большой Каракумъ къ границѣ Каратегенскаго владѣнія, во главѣ котораго стоялъ особый царекъ, носившій титулъ «Ша». Въ зависимости отъ мѣстныхъ внутреннихъ раздоровъ, къ которымъ присоединялось вмѣшательство сосѣдней бухарской власти, возникли нѣкоторыя

¹⁾ Въ письмѣ этомъ всѣ курсивы Скобелева.

недоразумѣнія и съ нами по вопросу о подданствѣ киргизовъ, что могло грозить столкновениемъ. Стоя между двухъ огней, Скобелевъ сумѣлъ, однако, благоразумно и мирно покончить дѣло, о которомъ онъ доносилъ Кауфману: «Въ *трудную*, только что *пережитую* мною минуту *сомнѣнія* я и на этотъ разъ всѣми силами старался остаться *върѣнъ* той политикѣ терпѣнія и справедливости, которую во всѣхъ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ почти 11-лѣтняго управления краемъ ваше высокопревосходительство положили въ основаніе всѣхъ вашихъ рѣшеній». Отмѣчаемъ этотъ эпизодъ, такъ какъ враги Скобелева надѣялись, что онъ втянетъ насъ въ столкновение, которое и повредитъ ему.

Экспедиція приходила къ концу. Среди возложенныхъ на Скобелева дѣлъ онъ не забывалъ ученыхъ, находившихся въ отрядѣ. Они всегда пользовались полнымъ вниманіемъ Михаила Дмитриевича, доставлявшаго имъ все способы для успѣха ихъ работъ. Результаты ихъ научныхъ изысканій въ свое время были доложены въ ученыхъ обществахъ и печатались въ повременныхъ изданіяхъ. Вкратцѣ отмѣтимъ, что 1) были открыты совершенно невѣдомыя европейцамъ страны и до 26 тысячъ верстъ нанесено на карту съ опредѣленіемъ 11 астрономическихъ пунктовъ; 2) произведено 42 барометрическихъ измѣренія отъ Коканда до перевала Учъ-Бель-Су; 3) опредѣлено магнитное склоненіе на 5 пунктахъ; 4) собраны богатые естественно-историческія коллекціи.

Между тѣмъ наступила холодная погода. «Рука коченѣетъ», пишетъ Скобелевъ 18-го августа, извиняясь за плохой почеркъ. «Но, — доноситъ онъ, — въ отрядѣ все благополучно, войска обезпечены кошмами, палатками, для ночныхъ постовъ полушубками, мясомъ въ избыткѣ и провіантомъ въ достаточномъ количествѣ. Здоровье войскъ весьма удовлетворительно, несмотря на суровую погоду и на дѣйствительные труды и лишенія алайскаго похода».

Съ мѣста послѣдней стоянки у Дараутъ-Кургана Скобелевъ произвелъ рекогносцировки ущелья Алтынъ-Дара и долины Мукъ-Су и наконецъ 28-го августа во главѣ отряда выступилъ обратно въ Кокандъ, черезъ переваль Кара-Казыкъ, высотой въ 14 тысячъ футовъ. Путь этотъ былъ чрезвычайно труденъ: онъ идетъ по леднику, засыпанному камнями. Преодоливъ все тяготы, отрядъ 1-го сентября былъ въ Вуадилѣ, кишлакѣ, лежащемъ у подошвы горъ, уже въ Ферганской долинѣ. Такимъ образомъ, экспедиція обошлась безъ кровопролитія. Но таланту все идетъ въ пользу: и въ этой мирной военной прогулкѣ, на перевалахъ Алайскихъ горъ, Скобелевъ приучался расправлять свои орлиныя крылья, чтобы позже уже со всей мощью парить на Балканскихъ высотахъ...

XIX.

Возвратясь въ Кокандъ, Скобелевъ нашель все въ полномъ порядкѣ и вступилъ въ управленіе областью; но рутинная, кабинетная работа утомляла его, и онъ разнообразилъ ее частыми поѣздками на ревизію уѣздныхъ правленій и войсковыхъ частей, выбирая самыя отдаленныя мѣста. Поѣздки онъ предпринималъ всегда верхомъ, дѣлая часто большіе переходы, испытывая на форсированной ѣздѣ выносливость коней и всадниковъ, причемъ вынесъ впечатлѣніе, что сдѣлать безъ отдыха 30 верстъ пріятно; 60—уже непріятно; 90—тяжко, а 120—нестерпимо. Часто ѣздилъ онъ и въ Маргеланъ¹⁾, слѣдя за устройствомъ будущаго областного города взаимѣнъ Коканда, гдѣ климатъ былъ нездоровъ, порождая массовыя заболѣванія зобомъ.

Михаилъ Дмитріевичъ былъ доволенъ народнымъ настроеніемъ, все и всюду было спокойно; но вдругъ совершенно неожиданно пришло извѣстіе, что вблизи Андижана появилась вооруженная шайка, подъ предводительствомъ какого-то агитатора, назвавшагося Джигымъ (Сиротой)-ханомъ. Скобелеву это было тѣмъ болѣе непріятно, что онъ ждалъ пріѣзда въ Кокандъ начальника края, которому только что донесъ о полномъ благополучіи въ области. Повидимому, въ этомъ случаѣ не было ничего политическаго: разбойники ограбили двухъ сборщиковъ податей и били евреевъ и индусовъ, которые туземцами считаются нечистыми. Шайка численностью ничтожна, не превышала 300 человѣкъ и могла быть разогнана сотней козаковъ, но Скобелевъ былъ такъ разсерженъ, что рѣшилъ наказать этотъ *сбродъ*, какъ онъ ихъ называлъ: онъ разогналъ его и поступилъ очень круто: нѣсколько человѣкъ пойманныхъ были казнены на базарѣ въ Узгентѣ. Самъ Джигымъ-халъ скрылся.

Этотъ эпизодъ былъ, конечно, некстати и непріятенъ генералъ-губернатору, но впечатлѣніе о немъ скоро сгладилось при объѣздѣ и обзорѣ всей области: города разрастались и строились; войска имѣли бравый и здоровый видъ и были прекрасно расквартированы въ новыхъ казармахъ; въ кишлакахъ жители встрѣчали начальника края съ видимымъ довѣріемъ, безъ всякихъ признаковъ угрюмой боязни; на мѣстныхъ базарахъ мирно толпились русскіе и туземцы. Кауфману, администратору опытному, было видно, что политическій тонъ, взятый Скобелевымъ, былъ вѣренъ и ведетъ къ тому, что и это новое владѣніе будетъ скоро такой же спокойной русской областью, какъ и ранѣе нами занятыя. Онъ остался всеѣмъ очень доволенъ и, уѣзжая, благодарилъ губернатора.

Но завистники Михаила Дмитріевича шпиѣли и проицзировали, называя постройки декораціями, сравнивая объѣздъ области Кауф-

¹⁾ Теперь Маргеланъ называется «Скобелевъ».

маномъ съ поѣздкой Екатерины въ Тавриду, въ сопровожденіи Скобелева-Потемкина и т. д. Какъ ни старались они такими выходками подорвать репутацію Скобелева въ глазахъ мѣстной власти,—это имъ не удавалось; зато случай помогъ имъ перенести ихъ козни и интриги далеко за предѣлы края.

Въ Кокандѣ пріѣхалъ полковникъ князь Х., посланный изъ Петербурга въ Туркестанъ по вопросу объ усиленіи войсковыхъ частей въ новой области. Скобелевъ, конечно, пригласилъ Х. остановиться въ его домѣ и, какъ любезный хозяинъ, фетировалъ его, знакомя его со всѣми оригинальными особенностями туземной жизни: была организована охота на кабановъ, поѣздки въ горы, устраивались байга, томаша и другія мѣстные развлечения. Удалось даже дать ему участіе въ небольшой экспедиціи, вызванной появленіемъ Джитымъ-хана.

Недрузи Скобелева, какъ старые знакомые Х., были, конечно, постоянными посѣтителями гостепріимнаго дома и наружно разыгрывали роль пріятелей хозяина. Все шло, повидимому, хорошо. Но людямъ, искренно преданнымъ Скобелеву, а такихъ было много, не нравилось слишкомъ большое его вниманіе къ петербургскому гостю: со стороны было замѣтно, что гость подпадаетъ подъ вліяніе враговъ Михаила Дмитріевича. Указывать ему на это было бы, пожалуй, безтактно, а самъ онъ ничего не подозрѣвалъ.

Но именно черезъ посредство Х. перенеслась въ Петербургъ интрига, причинившая, хотя и временно, много огорченій Михаилу Дмитріевичу.

Съ отъѣздомъ Х. установился спокойный строй жизни, которымъ вполне удовольствовался бы любой губернаторъ. Но Скобелевъ былъ еще очень молодъ, все законченное уже не манило его; онъ хотѣлъ новой работы, болѣе широкой и дѣятельной, и такую думалъ найти въ должнсти начальника окружнаго штаба: генераль Троцкій собирался оставить этотъ постъ. Вѣрнѣе, однако, предположить, что жажда переменъ вызывалась поколебавшимся душевнымъ равновѣсіемъ Скобелева въ предчувствіи европейской войны. Это отчасти подтверждается письмомъ Константина Петровича Кауфмана къ Троцкому, бывшему тогда въ Петербургѣ. «Скобелевъ высказалъ мнѣ,—пишетъ Константинъ Петровичъ,—желаніе быть начальникомъ окружнаго штаба. Вы знаете, что это была и моя мысль, если бы обстоятельства такъ сложились, что вамъ нельзя будетъ вступить въ отправленіе вашихъ обязанностей. Я не далъ ему положительнаго отвѣта, но сказалъ, что буду радъ такому начальнику штаба, какъ онъ, если вы не возвратитесь. Михаилъ Дмитріевичъ трудится и вникаетъ во все, но любить онъ только военное дѣло. Онъ его любить страстно, онъ ничего больше не любитъ, какъ военное дѣло. Онъ весь проникнутъ мыслью полетѣть въ армію, которая, повидимому, собирается на берегахъ Дуная. Если война будетъ въ

Европѣ, его нельзя будетъ удерживать. Онъ мнѣ пишетъ: «Я буду служить, гдѣ вы потребуете, но я долженъ васъ предупредить, что душа моя и мысли мои будутъ тамъ, гдѣ будутъ гремѣть наши пушки».

Пушки еще не загремѣли, а душа Скобелева затосковала... Она рвалась къ Царьграду, къ храму Святой Софіи—къ этой исторической мечтѣ русскихъ крестоносцевъ... Онъ сталъ умолять Кауфмана содѣйствовать его поступленію въ дѣйствующую армію. Константинъ Петровичъ вполне ему сочувствовалъ и понималъ, что тамъ онъ будетъ нуженъ, и немедленно написалъ военному министру, горячо рекомендуя Скобелева и убѣждая Милютина воспользоваться этимъ талантомъ. Но въ отвѣтъ пришла шифрованная депеша: «Государь не соблаговолилъ на переводъ Скобелева»... Извѣстіе это поразило, конечно, Скобелева; оно удивило и Кауфмана, представленія котораго всегда уважались. Очевидно было, что дѣйствовали тутъ какія-то враждебныя вліянія. Не прошло, однако, недѣли, какъ получило приказаніе: «Генералу Скобелеву высочайше повелѣно немедленно прибыть въ Петербургъ для отправленія въ дѣйствующую армію».

Желаніе М. Д., повидимому, сбылось, но форма вызова смутила его; присутствовавшіе при его свиданіи по этому поводу съ Кауфаномъ были удивлены его подавленнымъ настроеніемъ.

Какъ бы то ни было, вопросъ былъ рѣшенъ, и Туркестанъ терялъ Скобелева. Проводы его въ Ферганѣ были очень сердечны; и не только со стороны сослуживцевъ и подчиненныхъ и русскихъ жителей, успѣвшихъ оцѣнить его безпристрастіе, отзывчивость и тактъ въ личныхъ отношеніяхъ, а и со стороны туземцевъ, для которыхъ онъ былъ грозой въ честныхъ бояхъ, но, получивъ власть, сталъ начальникомъ доступнымъ и, главное, справедливымъ, что превыше всего цѣнится мусульманами. Всѣ по-своему выражали ему уваженіе и симпатіи, и Скобелевъ, глубоко растроганный, съ грустью прощался съ ставшей ему милой Ферганой.

Нечего говорить о его разлукѣ съ любимыми войсками. Приводимъ его приказъ: «Разставаясь съ доблестными войсками Ферганской области, которыми я имѣлъ счастье командовать въ столь памятное и славное время, съ благодарностью и съ гордостью вспоминаю о совершенныхъ вмѣстѣ подвигахъ, имѣвшихъ результатомъ покореніе всего ханства Кокандскаго, въ свое время достойно оцѣненныхъ милостивымъ словомъ Государя Императора и вниманіемъ командующаго войсками округа.

«Въ продолженіе полугодового командованія войсками Наманганскаго дѣйствующаго отряда, а впослѣдствіи войсками Ферганской области, я имѣлъ случай неоднократно убѣдиться, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, что войска относились ко мнѣ

съ довѣріемъ и сознавали ту безпредѣльную привязанность къ ихъ славѣ и благосостоянію, которая постоянно одушевляла меня въ этотъ продолжительный и незабвенный періодъ.

«Благодарю всѣхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ высочайше вѣранныхъ мнѣ войскъ. Воспоминаніе о службѣ съ ними навсегда останется лучшимъ воспоминаніемъ моей жизни.

«Съ казаками судьба судила мнѣ впервые сразиться съ непріателемъ въ Кокандскомъ ханствѣ, въ первые же дни по открытіи военныхъ дѣйствій. Я счастливъ, что могу напомнить имъ, какъ много они заработали по истинѣ *кавалерійской славы* въ 1875 году, подъ Махрамомъ. Подъ Ульджибаемъ, Ассакѣ, Учъ-Курганомъ ихъ молодецкому натиску мы исключительно обязаны побѣдою. Наскоро сформированный конно-стрѣлковый дивизионъ быстро сроднился съ боевыми особенностями тогдашней незабвенной службы Наманганскаго дѣйствующаго отряда и въ кавалерійскихъ столкновеніяхъ съ непріателемъ съ первыхъ же дней своего существованія доказалъ, что ничего нѣтъ невозможнаго для нашего туркестанскаго солдата.

«Отъѣзжая въ дѣйствующую армію, быть можетъ, наканунѣ новой встрѣчи съ непріателемъ, мнѣ остается желать лишь одно, чтобы въ самыя трудныя минуты боевого испытанія я бы сражался съ такими же молодецкими, съ такими же доблестными войсками, какъ тѣ, съ которыми мнѣ здѣсь пришлось служить и сражаться.

«Еще разъ благодарю всѣхъ моихъ сослуживцевъ—войска Ферганской области. Прошу ихъ не поминать меня лихомъ и вѣрить, что только надежда на вѣроятное близкое столкновение съ непріателемъ можетъ одна, хотя отчасти, заглушить глубокую скорбь разставанія съ ними.

«Свиты его величества генераль-майоръ Скобелевъ».

Не мало нашлось у Михаила Дмитріевича друзей и въ Ташкентѣ, во главѣ которыхъ стоялъ Константицъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ, издавшій на прощаніе слѣдующій приказъ:

«Разставаясь съ бывшимъ военнымъ губернаторомъ и командующимъ войсками Ферганской области, свиты его величества генераль-майоромъ Скобелевымъ, я не могу не вспомнить цѣлаго ряда блестящихъ военныхъ подвиговъ, ознаменовавшихъ службу его въ высочайше вѣренномъ мнѣ округѣ, Энергичное и точное исполненіе указаннаго ему плана военныхъ дѣйствій въ зиму съ 1875 по 1876 годъ привело къ сокрушенію партіи войны въ бывшемъ Кокандскомъ ханствѣ.

«Будучи назначенъ военнымъ губернаторомъ вновь образованной изъ ханства Ферганской области, генераль-майоръ Скобелевъ съ тою же энергіею принялся за гражданское устройство покореннаго края, и на этомъ новомъ поприщѣ труды его увѣнчались быстрымъ и полнымъ успѣхомъ. При посѣщеніи моемъ въ концѣ прошлаго года Ферганской области я нашелъ администрацію области

какъ въ городахъ, такъ и въ уѣздахъ, совершенно устроенною вездѣ и во всемъ стройный порядокъ.

«Искренно, отъ души благодарю свиты его величества генераль-майора Скобелева за его блестящіе военные подвиги и гражданскіе труды во вѣренномъ мнѣ краѣ, о которыхъ я навсегда сохраню самое отрадное воспоминаніе».

«Генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ I. ¹⁾

16 февраля 1877 года Скобелевъ выѣхалъ изъ края и на рубежѣ его, въ фортѣ Казалинскѣ, остановился, чтобы опомниться и отдохнуть отъ тысячи верстъ адскаго пути по распутицѣ въ тарантасѣ.

Здѣсь, на станціи, онъ еще разъ пишетъ своему другу-начальнику, Константину Петровичу Кауфману. Письмо это, какъ всѣ письма Скобелева, полно интереса, но мы сдѣлаемъ изъ него лишь небольшую выписку, непосредственно относящуюся къ только что пережитому.

«Позвольте,—пишетъ Скобелевъ,—еще и еще выразить вамъ мою глубокую сердечную признательность за все вами для меня сдѣланное; служба моя подъ вашимъ начальствомъ навсегда останется лучшимъ воспоминаніемъ моей жизни. Не говорю уже о положеніи, извѣстной репутаціи, которыми всецѣло вамъ обязанъ, я въ особенности долженъ никогда забывать, какимъ *человѣкомъ* я прибылъ во вѣренный вамъ край въ 1869 году и какимъ *человѣкомъ* я теперь ѣду отъ васъ въ дѣйствующую армію. Я въ полномъ смыслѣ слова ваше созданіе, сознаю это, всегда буду сознать и горжусь этимъ».

XX.

Послѣдуемъ теперь за Скобелевымъ въ Петербургъ. Люди военные, вѣроятно, еще помнятъ, что вызванный въ 1877 году изъ Туркестана генераль Скобелевъ, имѣя право и надежду получить какое-либо отвѣтственное назначеніе въ дѣйствующей арміи, началъ кампанію безъ опредѣленнаго положенія чуть ли не ординарцемъ у генерала Драгомирова.

Но до этой обиды Скобелеву пришлось вынести еще большое горе: немилостивый пріемъ у государя, подробности котораго знала очень немногіе. Если эти обстоятельства еще не забыты современниками, то едва ли кому-нибудь извѣстно, чѣмъ была опала Скобелева вызвана. Личность же Михаила Дмитриевича слишкомъ значительна, чтобы допустить для потомства не разъясненною какую-либо тѣнь въ его жизни и дать поводъ объяснять гнѣвъ императора дѣйствительной виной передъ нимъ Скобелева: Между тѣмъ, какъ потомъ выяснилось, всему причиной была интрига—плодъ трудовъ его завистниковъ.

¹⁾ Оба приказа въ «Турк. Вѣд.» 1877 г. № 8.

Въ личныхъ нашихъ воспоминаніяхъ живо сохранились событія того времени и имена враговъ Скобелева; сохранились и документы въ видѣ писемъ-автографовъ лицъ, интересовавшихся судьбою Скобелева, въ силу дружескихъ и служебныхъ съ нимъ отношеній.

Трудно сказать, когда злословіе и сплетня царили неограниченнѣе—въ нынѣшнемъ ли Петроградѣ, или въ Петербургѣ 70-хъ годовъ; но несомнѣнно, что и въ то время репутаціи нерѣдко создавались и разрушались не заслугами и проступками, а интригами, рекламой и клеветой. Кстати сказать, столичные круги были всегда падки на сплетни изъ отдаленныхъ окраинъ и чѣмъ значительнѣе и выше было лицо, о которомъ измышлялись легенды, тѣмъ радостно-злостнѣе ихъ принимали и вѣрили имъ. Не беремся углубляться въ психологію этого явленія—но такъ это было.

Авторами такихъ разсказовъ были, конечно, ничтожества, не выносившія ничьего давящаго ихъ превосходства ума, таланта, доблести; сами не обладая такими достоинствами, они не могли возвыситься и потому всѣми силами старались принизить до себя все, что было выше ихъ.

Такъ случилось и со Скобелевымъ.

Въ концѣ 1876 года, въ то время именно, когда Скобелевъ хлопоталъ о переводѣ его въ дѣйствующую армію, по Петербургу были пущены слухи «изъ Средней Азіи», несомнѣнно, имѣвшіе цѣлью подорвать его репутацію, уже твердо создавшуюся въ Туркестанѣ. По этому поводу генераль Троцкій писалъ Константину Петровичу Кауфману 19 декабря 1876 года:

«N. привезъ сюда какіе-то неблагопріятные отзывы о Скобелевѣ. Онъ ссылается, что все это онъ слышалъ отъ разныхъ будто бы проѣзжающихъ черезъ Оренбургъ офицеровъ. Не фабрикація ли это его сыновей, изъ которыхъ двое, кажется, въ Ферганской области? До N. я ни слова не слыхалъ дурного о Скобелевѣ, и впервые онъ мнѣ повѣдалъ, что и ваше высокопревосходительство имъ недовольны и пр. и пр. Слава Богу, какъ я и ожидалъ и возражалъ, изъ письма вашего вижу, что все сообщавшееся не больше, какъ сплетни, которыми неизвѣстно почему дана такая вѣра въ Оренбургѣ».

Но это, можно сказать, былъ пробный шаръ съ ближайшаго отъ Туркестана этапнаго пункта къ Петербургу. Оренбургъ еще со временъ Черняева завидовалъ Туркестану, охотно принималъ всякія оттуда розказни и еще охотнѣе отправлялъ ихъ дальше. Докатывались онѣ въ Петербургъ уже съ варіаціями; тутъ ихъ слушали въ гостинныхъ и будуарахъ, и разсказчики не стѣснялись украшать ихъ причудливыми восточными фантазіями,—благо Туркестанъ былъ за тридевять земель и провѣрять интересныя сказки было трудно.

Такъ и противъ Скобелева работали подручные и корреспонденты, подготавливая почву. Сами же скобелевскіе недруги лишь под-

ливали масла въ огонь, когда пламя ослабѣвало. Этихъ дирижеровъ было немного: двое въ Туркестанѣ и двое въ Петербургѣ; но они были сильны, если не духомъ, то положеніемъ. Душой интриги въ Туркестанѣ былъ Z., титулованный нѣмецъ съ большими родственными связями, съ еще большими претензіями на карьеру, но... съ ничтожными для нея данными. Это и былъ злѣйшій врагъ Скобелева, не прощавшій ему его успѣховъ, а между тѣмъ самъ, сдѣлавъ весь Кокандскій походъ,—ни разу нигдѣ ни въ чемъ себя не проявилъ. Попытка прославиться не удалась ему и послѣ занятія ханства. Но для характеристики князя Z. и его дѣла приводимъ письмо командующаго войсками округа къ начальнику своего штаба. «Когда Скобелевъ (пишетъ Кауфманъ Троицкому) вернулся съ горъ въ Кокандъ, онъ оставилъ въ горахъ съ небольшимъ отрядомъ полковника князя Z., который тотчасъ же воспользовался этимъ, чтобы *имѣть дѣло*; имѣлъ его—дѣло самое пустое, но въ донесеніи подъялъ его на высоту великаго подвига; себя выставилъ героемъ, а самое дѣло—для того, кто понимаетъ здѣшнія дѣла, очевидно, нелѣпо: три раза онъ разбиваетъ непріятеля на голову. Когда послѣ двухъ разбитій онъ хочетъ отойти на мѣсто, избранное имъ для бивуака, то непріятель не даетъ ему даже отдохнуть и отрѣзываетъ ему путь къ бивуаку; онъ третій разъ разбиваетъ его на голову... Самъ тяжело ушибленъ, лошадь—тоже; и все это выставлено въ донесеніи. Ранеными показаны: самъ Z., капитанъ Ц., есаулъ Б. и одинъ прапорщикъ. Оказывается, всѣ здоровы. Тяжело раненыхъ нижнихъ чиновъ 8; изъ нихъ въ лазаретъ поступилъ одинъ. Легко ранено 27 человекъ. Очевидно, очень легко—никто ихъ не видѣлъ. Джигитовъ ранено 18; изъ нихъ я нашелъ одного съ переломленной рукой... Вотъ они хваленые герои. А W. еще говорить, что Z. не чета Скобелеву!»

Этотъ-то герой, претендовавшій на постъ Скобелева, пользуясь пребываніемъ гостившаго въ Ферганѣ князя X., овладѣлъ его волей, настроилъ его противъ Скобелева, снабдилъ инструкціями и вручилъ ему письмо для передачи своему вліятельному петербургскому другу W. Имъ вторилъ третій воинственный, но въ мирной обстановкѣ, дѣятель Y. Дружескія бесѣды этого тріо достигли своей цѣли, и къ пріѣзду Скобелева въ Петербургъ клевета пустила корни.

Скобелевъ звалъ, что противъ него шипѣли недруги, но былъ далекъ отъ того, что его ожидало.

XXI.

5 марта 1877 года онъ представился государю. Неопровержимымъ документомъ этого тяжело-памятнаго для Скобелева событія служить подлинное письмо ген. Троицкаго къ Константину Петровичу Кауфману отъ 12 марта 1877 года.

«Пріѣхалъ сюда Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ. Онъ пора-

женъ, да и я вмѣстѣ съ нимъ пріемомъ у государя. Не подавъ руки, его величество сказалъ Скобелеву: «Благодарю тебя за молодецкую боевую твою службу; къ сожалѣнію, не могу сказать того же объ остальномъ» (о чемъ именно—ни слова). Затѣмъ, волнуясь и возвысивъ голосъ, государь продолжалъ: «Я помню, я зналъ твоего дѣда и я краснѣю за его славное имя». Это мѣсто изъ словъ государя такъ сразило Михаила Дмитріевича, что онъ говоритъ, что и не помнить, такъ ли именно произнесена была его величествомъ фраза; но что въ его, Скобелева, ушахъ, особенно тягостно отозвалось слово «краснѣю». Была еще и такая фраза: «Я осыпалъ тебя моими милостями». Государь закончилъ свое обращеніе словами: «Я надѣюсь, что на новомъ назначеніи, которое я тебѣ дамъ, ты покажешь себя молодцомъ».

Съ этимъ Михаилъ Дмитріевичъ былъ отпущенъ изъ дворца. Теперь онъ какъ ошпаренный; допытываетъ Адлерберга и всѣхъ, кого можетъ, что все это значить и откуда дуетъ вѣтеръ; по выраженію Скобелева, онъ жаждетъ *свѣта*. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просить защиты вашего высокопревосходительства. По всѣмъ признакамъ, выяснившимся пока, все это крупная интрига, имѣющая началомъ личные доклады X. и письма Z. къ W., доведенныя и читанныя..... Обвинительные противъ Скобелева пункты: распущенность войскъ, панибратство съ офицерами, демократизація, умышленное непривлеченіе къ себѣ помощниковъ съ громкими именами и пр. и пр. Что такое? Ничего не понимаю. Пишу все это вашему высокопревосходительству *со словъ Михаила Дмитріевича*. По его объясненіямъ, военный министръ принялъ его очень сухо и, не объясняя ему и не указывая, въ чемъ собственно онъ, Скобелевъ, провинился, говорилъ о беспорядкахъ у насъ въ краѣ, объ открытыхъ злоупотребленіяхъ. Вообще, тонъ всего, что говорилъ военный министръ, не понравился Скобелеву и произвелъ на него тяжелое впечатлѣніе. Еще разъ повторяю вашему высокопревосходительству, что все изложенное написано мною *со словъ Михаила Дмитріевича*, который пока, на первыхъ порахъ, находится въ какомъ-то чаду. Но все-таки нельзя не замѣтить, что что-то недоброе тутъ дѣлается и интрига работаетъ. Впрочемъ, все это не новость.

«Р. S. Сегодня Скобелевъ былъ дежурнымъ. Государь былъ съ нимъ уже милостивѣе. Военный министръ дополнилъ свои объясненія, что на государя произвели впечатлѣніе письма о Скобелевѣ изъ Коканда, что онъ фамиллярничаетъ съ офицерами, въ штабѣ его слишкомъ свободно критикуютъ правительство и что наконецъ Скобелевъ будто бы мечталъ устроить походъ на Кашгаръ»¹⁾).

Официальныя обвиненія были такъ слабы, нелѣпы и лживы, что легко могли быть опровергнуты и, очевидно, въ ходъ были пущены

¹⁾ Письмо автографъ. См. архивъ П. М. Кауфмана-Туркестанскаго.

другія клеветы, позорившія Скобелева въ глазахъ государя, краснѣвшаго за его дѣда. Но клеветники старались прикрыть ихъ непрощяемой тайной—понятно почему...

Можно себѣ представить, что переживалъ Михаилъ Дмитриевичъ, выслушивая суровый выговоръ монарха, ласковаго слова котораго жаждалъ каждый къ нему приближавшійся. Но не даромъ всё обожали Александра II. Даже въ этомъ немилостивомъ приѣмѣ сказались и великодушіе и справедливость государя: готовясь огорчить Скобелева суровымъ выговоромъ, онъ самъ волнуется и, смягчая наносимый ударъ, сначала оцѣниваетъ боевую службу Скобелева и благодаритъ за нее. Чувствуется доброта государя и въ разрѣшеніи Скобелеву явиться на дежурство, и въ смягченномъ уже 12-го марта обращеніи съ нимъ. Но изъ сердца Михаила Дмитриевича не скоро изгладились чувства огорченія и незаслуженной обиды. Какъ отзвукъ этого настроенія, приводимъ часть его письма отъ 1-го іюня 1877 года изъ Журжева къ другу, бывшему начальнику, Константину Петровичу Кауфману:

«Послѣ болѣе чѣмъ мѣсячнаго пребыванія въ арміи наконецъ берусь за перо, чтобы положить начало дорогому, дарованному мнѣ праву продолжать переписку съ вами, также какъ я имѣлъ счастье это дѣлать въ продолженіе почти двухъ лѣтъ.

«Отъ Виталія Николаевича (Троцкаго) вы узнаете, какъ много грусти и незаслуженныхъ испытаній мнѣ пришлось перенести вслѣдствіе клеветы; послѣдствія ея испытываю я во всемъ и въ особенности въ той нравственной пыткѣ, непривычной моему имени, которая со дня прибытія въ Петербургъ и до настоящаго дня выпадаетъ мнѣ на долю.

«Холоднымъ, по возможности безпристрастнымъ окомъ озираясь на время, пережитое въ Туркестанскомъ краѣ съ мая 15-го по февраль, я не чувствую себя виновнымъ ни передъ долгомъ службы, ни передъ вами, представителемъ для меня государя. Но вы, компетентный судья всего сдѣланнаго, единственный могущій произнести сознательный и справедливый приговоръ, далеко, и мнѣ остается теперь лишь съ возможнымъ достоинствомъ ждать торжества правды и справедливости.

«Я намѣренно, многоуважаемый Константинъ Петровичъ, не беспокоилъ васъ своими письмами въ минуту разгара постигшаго меня несчастія; вы и такъ слишкомъ много для меня сдѣлали. Да когда война объявлена, не время жаловаться, беспокоить собою. Мнѣ, однако, продолжаетъ казаться, что случившееся со мною въ извѣстной степени имѣетъ болѣе чѣмъ личное значеніе. Вашему высокопревосходительству извѣстно, что въ Туркестанскомъ краѣ, быть можетъ, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, необходимо полное довѣріе къ лицамъ, облеченнымъ властью, на различныхъ ступеняхъ служебной іерархіи. Если подобная, относительно фактовъ, совершенно без

почвенная интрига можетъ и въ будущемъ имѣть успѣхъ въ подобныхъ размѣрахъ, безъ вѣдома главнаго начальника края, то врядь ли авторитетъ власти отъ этого выиграетъ...

«Что до меня касается, то я слишкомъ награжденъ государемъ и вами обласканъ; сознавать все вами для меня сдѣланное, Константинъ Петровичъ, помнить это до послѣдней минуты жизни—послужить мнѣ лучшимъ утѣшеніемъ. Въ тяжелой необходимости болѣе не служить подъ вашимъ начальствомъ я силюсь найти и хорошую сторону: болѣе смѣло открывать передъ вами мое навсегда благодарное, любящее васъ сердце. Черезъ нѣсколько дней давно желанный бой; есть надежда быть изъ первыхъ при переправѣ. Молю Бога не ударить лицомъ въ грязь, поддержать въ дѣлѣ и ваше доброе обо мнѣ мнѣніе, и репутацію нашихъ доблестныхъ туркестанскихъ войскъ, въ рядахъ которыхъ я сердцемъ продолжаю себя считать.

«Наши туркестанцы: подпоручикъ Калитинъ и Рѣдкинъ, штабсъ-капитанъ Поповъ и Кашталинскій прикомандированы къ штабу болгарскихъ дружинъ, подъ начальствомъ генераль-майора Столѣтова. Нашего доморощенного алайскаго дорогостроителя, капитана Маслова, удалось пристроить старшимъ адъютантомъ передового, нынѣ Журжевскаго отряда, при которомъ и я временно исполняю должность начальника штаба».

Затѣмъ идутъ интересныя историческія новости той минуты.

Но жалкой интригѣ не было мѣста тамъ, гдѣ грянули пушки, закипѣли бои, гдѣ родинѣ понадобились герои, въ ряду которыхъ началъ выдвигаться Скобелевъ... Уже въ слѣдующемъ его письмѣ къ Константину Петровичу Кауфману, подъ впечатлѣніемъ измѣнившихся обстоятельствъ, чувствуется радостное настроеніе Скобелева, обласканнаго благороднѣйшимъ государемъ, никогда не боявшимся сознаться въ своихъ ошибкахъ.

«Позиція на Плевно-Ловченскомъ шоссе передъ Плевной. 13-го октября 1877 года».

«Ваше высокопревосходительство,

«Константинъ Петровичъ.

«Посылаю вамъ рапортъ мой генералу Зотову и князю Имеретинскому о дѣлахъ подъ Плевной отъ 26-го по 31-ое августа.

«Я знаю, какъ вы интересуетесь всѣмъ, касающимся нашей арміи. Въ данномъ случаѣ распорядился войсками въ столь многозначительную минуту вашъ туркестанскій воспитанникъ, глубоко со-знающій, что обязанъ вамъ исключительно; въ обширномъ смыслѣ слова, своими настоящими относительными успѣхами. Вообще въ настоящую кампанію въ глазахъ общества значеніе Туркестана, какъ боевой школы, значительно поднялось; этому помогло и геройское поведеніе всѣхъ нашихъ офицеровъ, служившихъ въ болгар-

скомъ ополченіи, и чрезвычайное боевое самолюбіе нижнихъ чиновъ Туркестанскаго округа передъ непріятелемъ, всѣми начальниками частей созннанное, наконецъ отчасти и несостоятельность различныхъ оранжеровъ мирныхъ маневренныхъ увеселеній, на всѣхъ ступеняхъ военной іерархіи слишкомъ рельефно высказавшаяся.

«Я, слава Богу, въ интимныхъ своихъ отношеніяхъ по службѣ былъ такъ счастливъ, что смогъ сохранить всѣ наши туркестанскія привычки.

«Начальникъ штаба у меня Куропаткинъ. Ваше высокопревосходительство уже давно оцѣнили по достоинству этого героя-солдата и прекраснаго, полнаго благородства человѣка. Съ нимъ мнѣ жить легко, несмотря на рычаніе толпы завистниковъ, больше прежняго на меня злящихся.

«Ласка государя ко мнѣ, при всѣхъ случаяхъ, не знаетъ предѣловъ. Послѣдній разъ за обѣдомъ я, конечно, сѣлъ за столъ съ послѣдними,—это вѣдь не въ дѣлѣ. Государь послалъ тотчасъ же за мной Воейкова, и меня посадили противъ князя Суворова, который сидѣлъ по правую сторону государя. За обѣдомъ онъ почти исключительно говорилъ со мной и наконецъ, поднявъ бокаль, пилъ мое здоровье.

«Наслѣдникъ тоже очень смягчился. При мнѣ Хомичевскій. Масловъ произведенъ въ майоры,—начальникъ Габровскаго уѣзда и очень отличился на Шинкѣ. Радецкій заявилъ, что при менѣ *опытно* и *распорядительно* уѣздномъ начальникѣ онъ, пожалуй, не удержался бы. Черкасскій отзывался о Масловѣ съ восторгомъ.

«Будьте здоровы, Константинъ Петровичъ. *Мы готовимся*. Васъ любящій и навсегда вамъ благодарный Скобелевъ»¹⁾.

«*Мы готовимся*». Да, онъ готовился къ ряду подвиговъ, которые и составили славу Бѣлаго генерала...

По странной случайности, послѣднее военное дѣло въ жизни Михаила Дмитріевича опять связало его съ Туркестаномъ, но, что всего удивительнѣе, сама судьба здѣсь отомстила за него и, помимо его воли, дала ему торжество именно надъ тѣми врагами, которые еще не такъ давно рыли ему яму.

Съ окончаніемъ турецкой войны наше политическое положеніе въ Средней Азіи потребовало похода въ Ахаль-Текинскій оазисъ, и въ 1879 году, въ августъ, было рѣшено отправить военную экспедицію съ цѣлью тамъ утвердиться.

Для исполненія этого предпріятія было назначено такое количество войскъ, которое впервые въ Туркестанѣ исчислялось уже не ротами, а батальонами, именно было назначено: 17¹/₂ батальоновъ

¹⁾ Оба письма въ «Р. Архивѣ» 1910 г., № 4.

пѣхоты, 18 сотенъ, 2 эскадрона кавалеріи и 34 орудія, всего свыше 12 тысячъ человѣкъ и 4.230 лошадей. Начальникомъ экспедиціи былъ назначенъ г.-ад. Лазаревъ, но онъ скончался во время похода и былъ замѣненъ генераломъ М. Ломакинымъ. Вотъ къ этой-то экспедиціи не сумѣвшіе принять участіе въ турецкой войнѣ пристроились на отвѣтственные должности три главныхъ недруга Скобелева—Х, У и Z.

Не останавливаясь на подробностяхъ, хорошо извѣстныхъ по исторіи, отмѣтимъ только, что экспедиція потерпѣла полную неудачу: мы должны были отступить подъ напоромъ текинцевъ послѣ отбитія штурма кр. Денкель-Тепе, причемъ потеряли убитыми 185 (7 офицеровъ) и 268 (20 офицеровъ) ранеными...

Экспедиція была немедленно ликвидирована. Но отступление нашихъ войскъ отъ Ахаль-Текинскаго оазиса грозило поколебать обаяніе русскаго могущества въ Туркестанѣ, а потому 1-го марта 1880 года былъ окончательно рѣшенъ вопросъ новаго похода, начальникомъ котораго на сей разъ назначенъ командиръ 4-го армейскаго корпуса, генералъ Скобелевъ. Такимъ образомъ, Скобелеву пришлось поправлять дѣло, гдѣ видными участниками были его ферганскіе *пріятели*, поспѣшившіе, конечно, ступешаться...

Испорченное дѣло потребовало новыхъ большихъ жертвъ, но, какъ извѣстно, кончилось блистательно.

Вѣрный своимъ туркестанскимъ традиціямъ, Михаилъ Дмитріевичъ тотчасъ по назначеніи своемъ написалъ Кауфману, прося его командировать отрядъ изъ любимыхъ имъ войскъ для участія въ экспедиціи. Ему было послано тысяча человѣкъ подъ начальствомъ полковника Куропаткина; начальникомъ штаба Скобелева былъ тоже туркестанецъ—генералъ Гродековъ.

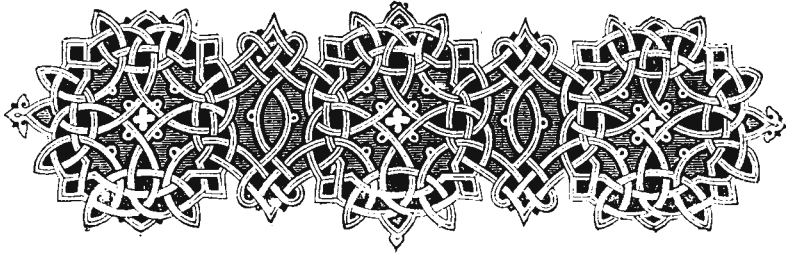
Михаила Дмитріевича нельзя было заподозрѣть въ сантиментальности; но благодарность—черта благородныхъ натуръ—руководила имъ, вѣроятно, когда онъ взялъ къ себѣ ординарцемъ юнаго тогда сына Константина Петровича—Михаила Кауфмана.

Въ теченіе всей кампаніи Скобелевъ посылалъ постоянно извѣщенія о ходѣ дѣлъ Кауфману въ Ташкентъ. Только окончательной побѣдой ему не удалось обрадовать своего друга-начальника. Трагическое событіе 1-го марта 1881 года сразило вѣрнаго слугу императора Александра II: Кауфмана постигъ апоплектический ударъ, и, проболѣвъ годъ, онъ умеръ въ маѣ 1882 года. А въ іюль того же года скончался, полный силъ и блестящихъ надеждъ, и самъ Бѣлый генералъ, отнынѣ безсмертный народный герой..

Е. Толбуховъ.

ВОСПОМИНАНІЯ РУССКАГО КОНСУЛА ВЪ БУКОВИНѢ.

I.

ВЪ БУКОВИНѢ я состоялъ консуломъ съ 1891 по 1896 г. Главный городъ этого австрійскаго герцогства Чёрновцы, лежащій на горѣ надъ Прутомъ, представлялъ тогда рядъ низенькихъ каменныхъ домовъ съ садами при нихъ. За исключеніемъ дворца начальника области, присутственныхъ мѣстъ, университета и митрополичьихъ палатъ, никакихъ многоэтажныхъ зданій не было. Высилась внизу на противоположномъ берегу Прута труба единственнаго завода въ Чёрновцахъ и его окрестностяхъ, паровой лѣсопильни, готовившей между прочимъ изъ мѣстнаго еловаго и пихтоваго лѣса доски, отправлявшіяся въ Батумъ для обшивки жестяныхъ ящиковъ, въ которыхъ перевозился моремъ русскій керосинъ. Край плодородный, богатый хлѣбомъ, пастбищами и лѣсами, которые занимаютъ теперь 43% всего пространства области, а при уступкѣ Австріи турками въ 1775 г. простирались на всю половину. Тогда въ этомъ краѣ существовали почти исключительно волошскія поселенія, помѣстья волошскихъ бояръ, основанные ими и господами православные монастыри, а въ Карпатскихъ горахъ и лѣсахъ укрывалось пріистившееся отъ нашествія различныхъ народностей православное русское племя, извѣстное теперь подъ названіемъ гуцуловъ, къ которому присоединились впоследствии русскіе пришельцы изъ Галиціи, равнымъ

образомъ православные, осѣвшіе въ равнинахъ и въ предгорныхъ мѣстностяхъ. Русскіе, именуемые совершенно произвольно русинами (Ruthenen), но сами называющіе себя русскими, принадлежатъ къ малорусской отрасли и составляютъ до сей поры приблизительно 42% всего населенія, а именно 280000 душъ, волоховъ же или румынъ 210000. Русскіе и румыны представляютъ двѣ трети всѣхъ жителей, число которыхъ равняется приблизительно 650 тысячамъ. Численное превосходство русскаго племени надъ другими народностями не давало ему, однако, преобладающаго значенія; напротивъ того, русскіе были до послѣдняго времени элементомъ самымъ угнетеннымъ въ краѣ. Одинъ видъ русскихъ сельскихъ носилъ на себѣ отпечатокъ униженія и забитости. Длинноволосые, какъ наши представители духовенства, въ бѣлыхъ холщевыхъ рубахахъ, на которыхъ надѣта безрукавка изъ овчины (киптаръ), въ бѣлыхъ холщевыхъ порткахъ, большею частью босые, въ соломенныхъ шляпахъ, они поразили меня своею неприглядною и печальною наружностью, когда я впервые ихъ увидѣлъ лѣтомъ 1891 года по дорогамъ на городскомъ рынкѣ.

Историческая ихъ судьба такова. Все землевладѣніе въ краѣ, когда онъ перешелъ къ Австріи, было преимущественно въ рукахъ волошскихъ или румынскихъ помѣщиковъ, монастырей и поселеній; румыны долго господствовали въ области, участвуя почти исключительно въ мѣстномъ управленіи, въ церковныхъ дѣлахъ и въ общественныхъ кругахъ. Православная церковь обладала большими богатствами, пожертвованными изстари волошскими господами и боярами; она и теперь владѣетъ 229000 десятинъ одного лѣса, т. е. 48% всего лѣсного пространства края. Хотя все церковное имущество, недвижимое и движимое, находится въ завѣдываніи австрійскаго министерства земледѣлія, но доходами съ нихъ пользуются черновецкая митрополія и духовенство. Въ 1890 годахъ недвижимая собственность православной церкви оцѣнивалась въ 7.848.100 гульденовъ (гульденъ—80 коп.), капиталы равнялись 6.653.360 гульденамъ, доходы съ нихъ числялись въ 729.780 гульд., а расходы—въ 654.000. На средства церковнаго фонда митрополитъ Гакманъ, орумынившійся русскій, построилъ въ 1880 годахъ великолѣпное зданіе, служащее и теперь украшеніемъ города, въ которомъ помѣщаются архіерейскія палаты, консисторія, духовная академія и другія учрежденія. Румынское духовенство обладая такими богатствами, допускало къ пользованію ими исключительно румынъ; митрополитами выбирались всегда румыны или русскіе, отказавшіеся отъ своей національности. Румыны предпочтительно назначались священниками даже въ русскіе приходы. Въ 1890 годахъ изъ 262 православныхъ приходовъ 115 находились въ мѣстностяхъ съ чисто русскимъ населеніемъ, изъ нихъ только въ 95 приходахъ состояли русскіе священники. Пре-

подаваніе въ духовныхъ семинаріяхъ и академіи велось на румынскомъ языкѣ.

Русскому племени въ Австро-Венгерской имперіи было суждено находиться въ подчиненіи другихъ народностей и терпѣть притѣсненія. Угро-русы подавлялись венгерцами, галичане—поляками; русское населеніе Буковины, большею частью пришлое изъ Галиціи, подпало подъ господство румынъ, въ ряды которыхъ перешли его немногочисленные дворянскіе роды и нѣкоторая часть духовенства. Такимъ образомъ, въ православномъ мірѣ Буковины вся интеллигенція, вся мыслящая часть населенія принадлежала къ румынамъ. Въ Буковинѣ, однако, русскому народу дышалось вольнѣе, чѣмъ въ Галиціи, каковое обстоятельство можно отчасти приписать тому, что какъ румыны, такъ и русскіе были православными, тогда какъ въ Галиціи унія, исповѣдуемая русскими и носящая у народа названіе русской вѣры, противопологалась, какъ вѣра угнетеннаго населенія, сильному его нетерпимостью римскому католицизму, религіи, исповѣдуемой народомъ, первенствующимъ въ Галиціи,—поляками. Несмотря на угнетенное положеніе русскихъ-галичанъ, въ средѣ ихъ нашлись люди болѣе образованные, которые поставили себѣ задачей возбудить самосознаніе въ своихъ единоплеменникахъ. Сперва оно коснулось языка и словесности, затѣмъ оно распространилось на политическое положеніе галицко-русскаго народа въ Австріи и наконецъ на его родство съ великорусскимъ и малорусскимъ племенемъ. Образовались двѣ партіи: одна, подъ названіемъ старой партіи, искала сближенія съ Россіей на почвѣ языка и литературы, другая породнилась съ нашими украинофилами, мечтая о соединеніи малороссовъ въ независимое государство съ престольнымъ градомъ Кіевомъ (мазепинцы). Полякамъ, отрицавшимъ существованіе русскаго племени въ Галиціи, пришлось, однако, примириться съ возникшимъ въ его средѣ движеніемъ къ самостоятельности. Заклеймивъ дѣятельность старой партіи измѣной за сочувствіе ея къ Россіи, хотя ея приверженцы никогда не помышляли о разобщеніи съ Австріей, поляки принялись искать сближенія съ украинофилами, хотя стремленія послѣднихъ, въ своихъ крайнихъ явленіяхъ, имѣли въ виду политическое разъединеніе съ Австріей. Поляки, преслѣдуя конечную свою мечту о возстановленіи Польши «отъ моря до моря», направили свои усилія къ тому, чтобы съ помощью украинцевъ привлечь русскій народъ въ сферу дѣятельности польской политики и культуры. Ихъ усилія не остались безъ успѣха. Въ 1890 году они достигли соглашенія съ нѣкоторыми русскими депутатами галицкаго областного сейма, во главѣ которыхъ стоялъ профессоръ гимназіи Юліанъ Ромачукъ. За уступку ему и его партіи нѣсколькихъ посольскихъ мѣстъ въ думѣ державной (австрійскій парламентъ), за обѣщаніе прекратить въ Галиціи преслѣдованіе русскаго на-

рода, его языка и вѣры, Романчукъ съ товарищами обязались итти рука объ руку съ поляками въ парламентѣ и не заявлять въ Вѣнѣ никакихъ жалобъ ни протестовъ на притѣсненія, терпимыя русскими въ Галиціи. Это соглашеніе, извѣстное подъ названіемъ новой эры, вызвало негодованіе въ средѣ русскаго населенія и, какъ слѣдовало ожидать, никакой пользы русскому народу не принесло, такъ какъ поляки не сдержали своихъ обѣщаній.

Сильные поддержкой австрійскаго правительства, поляки перенесли агитацію среди галицко-русскаго народа на Буковину, въ которой русскіе, будучи православными, въ мыслящихъ своихъ кругахъ скорѣе тяготѣли къ Великой Россіи, къ ея языку и культурѣ. Въ угоду полякамъ вѣнскія власти поощряли усиленіе польскаго элемента въ Буковинѣ посредствомъ перевода чиновниковъ изъ Галиціи, назначенія въ черновецкій университетъ и областныя гимназіи профессоровъ изъ русскихъ-галичанъ-униатовъ. Польскіе помѣщики стали покупать недвижимости въ Буковинѣ. Развилась въ герцогствѣ усиленная пропаганда католическая и униатская.

Въ годъ моего пріѣзда состоялась въ Черновцахъ торжественная закладка католическаго костела во имя Сердца Іисусова на 3000 человекъ, строившагося поляками-іезуитами на базарной площади, на землѣ, отведенной городомъ. Все польское высшее духовенство съѣхалось на торжество, между прочимъ львовскій архіепископъ Моравскій и бывший варшавскій Фелинскій, жившій въ Галиціи, на русской границѣ, въ имѣніи графини Козебродской и получавшій пенсію отъ русскаго правительства черезъ консульство въ Черновцахъ. Обсужденіе ходатайства іезуитскаго ордена о дарованіи отводѣ земли подъ постройку костела вызвало въ городскомъ магистратѣ опасенія нѣкоторыхъ гласныхъ, чтобы съ наплывомъ іезуитовъ не исчезла вѣротерпимость, составлявшая отличительную черту города, въ которомъ до того мирно проживали люди, принадлежавшіе къ семи различнымъ вѣроисповѣданіямъ. Іезуиты уже тогда содержали въ городѣ нѣсколько благотворительныхъ учрежденій въ видѣ пріютовъ для дѣтей и немощныхъ и стремились проникнуть въ воспитаніе молодыхъ дѣвушекъ. Такъ какъ всѣ іезуиты были польскаго происхожденія, то очевидно, что ими одновременно съ религіозной пропагандой велась и національная.

Но не путемъ одной вѣры производилось польское вторженіе въ Буковину, оно совершалось постепенно черезъ измѣненіе преподаванія русскаго языка въ народныхъ училищахъ. Поборникомъ этого направленія явился русскій униатъ изъ Галиціи, профессоръ черновецкаго университета по кафедрѣ русскаго словесности Смаль-Стецкій. Въ 1892 году онъ былъ избранъ при содѣйствіи жандармовъ гласнымъ областного сейма отъ садогурскаго сельскаго

общества и на очередномъ собраніи выступилъ защитникомъ русскаго народа, жалуясь на то, что русскій языкъ терпѣлъ гоненіе въ судахъ и другихъ присутственныхъ мѣстахъ, что русскія дѣти не имѣли русскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и что священники во многихъ русскихъ православныхъ приходахъ не русскіе, а румыны. Эти жалобы были справедливы, но онѣ исходили отъ представителя украинской партіи, пришельца со стороны, чуждаго интересамъ мѣстнаго православнаго населенія, но преслѣдовавшаго сближеніе русскихъ съ поляками какъ на почвѣ религіозной съ помощью перехода въ унию и католичество, такъ и на основаніи языка съ помощью введенія фонетическаго правописанія и латинской азбуки, а равно исключенія изъ русской рѣчи всякихъ словъ и выраженій, напоминавшихъ о кровномъ родствѣ здѣшняго русскаго населенія съ Россіей.

Усилія Смаль-Стецкаго увѣнчались успѣхомъ: уже въ 1894 году во всѣхъ первоначальныхъ училищахъ въ Буковинѣ и Галиціи, въ которыхъ преподавался мѣстный русскій языкъ, было введено фонетическое правописаніе, несмотря на протесты ученыхъ и политическихъ обществъ, а также частныхъ лицъ. На этихъ протестахъ центральному правительству было собрано болѣе 40000 подписей. Одновременно министерство народнаго просвѣщенія въ Вѣнѣ одобрило русскую грамматику Смаль-Стецкаго и Гартнера, изданную на средства казны въ Львовѣ по распоряженію намѣстника Галиціи, графа Бадени, и рекомендовало его какъ руководство для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Буковины и Галиціи. Противъ введенія этого руководства протестовали люди компетентные, доказывая, что эта книга никакой пользы не принесетъ русскимъ ученикамъ, которые, напротивъ, получатъ отвращеніе къ родному языку. Желая доказать самостоятельность и обособленность галицкаго нарѣчія отъ великорусскаго языка и порвать всякую связь между ними, составители грамматики придумали новые термины, какъ, напр., голосозвуки и шелестозвуки вмѣсто гласныхъ и согласныхъ, видминъ и видминекъ вмѣсто склоненія и падежей. Ими введены новыя правила, едва ли облегчавшія изученіе грамматики; по ихъ руководству, на примѣръ, имена существительныя дѣлятся на 13 склоненій и 18 подсклоненій.

II.

Всѣ эти правительственныя мѣры, клонившіяся къ насажденію среди галицко-русскаго народа искусственнаго языка, а въ Буковинѣ къ отпаденію русскаго населенія отъ православія и преслѣдовавшія въ конечномъ результатѣ ополеченіе русскихъ и обращеніе ихъ въ унию и католичество, встрѣтили рѣшительнаго противника въ лицѣ митрополита буковинскаго и дал-

матинскаго Сильвестра Андріевича Мораря, умершаго въ 1895 году, Сынъ орумынившагося русскаго сельскаго священника Андріевича и самъ пробывшій 20 лѣтъ священникомъ въ селѣ Чадорь, въ окрестностяхъ Черновцовъ, онъ близко стоялъ къ мѣстному сельскому населенію и пользовался его особой любовью и уваженіемъ. Получивъ воспитаніе въ черновецкой семинаріи, въ которой преподаваніе производится на румынскомъ языкѣ, и въ такое время, когда румынскій духъ сильно господствовалъ въ краѣ, Морарь забылъ о своемъ русскомъ происхожденіи и примкнулъ къ партіи, мечтавшей превратить Буковину въ румынскую область. Какъ членъ черновецкой консисторіи, а впоследствии въ 1880 г. какъ мѣстный архіепископъ, онъ первоначально усердно способствовалъ орумыненію русскаго православнаго духовенства и введенію румынскаго языка въ богослуженіе въ приходяхъ съ русскимъ населеніемъ. Подобныя мѣры вызвали отпоръ со стороны русскихъ, что привело ихъ къ сближенію съ ихъ инновѣрными единоплеменниками изъ Галиціи. Произошли случаи отпаденія отъ православія въ унию, чѣмъ воспользовалась польско-католическая пропаганда, чтобы вторгнуться въ православную Буковину и усилить раздоръ между обѣими православными народностями края. Къ счастью, глубокая преданность Сильвестра православію и опасность католическаго вторженія, которую онъ самъ навлекъ на православную церковь, заставили его опомниться въ послѣднія десять лѣтъ его пастырства. Всею послѣдовавшей дѣятельностью Сильвестръ старался загладить тотъ вредъ, который онъ нанесъ православію вообще и православному русскому народу Буковины въ особенности.

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ Сильвестръ въ двухъ брошюрахъ подъ заглавіемъ «Апология» опровергъ нападки на православную церковь въ Буковинѣ. По его настоятельному требованію былъ созванъ въ 1891 г., съ разрѣшенія правительства, мѣстный церковный соборъ для обсужденія вопросовъ по внутреннему управленію дѣлами православной церкви въ Буковинѣ, не достигшій, однако, никакихъ результатовъ вслѣдствіе противодѣйствія правительства. Убѣдившись въ необходимости подготовленія черновецкимъ богословскимъ факультетомъ священниковъ, могущихъ одинаково быть назначенными въ русскіе и румынскіе приходы области, они требовали учрежденія на средства православнаго церковнаго фонда кафедры церковно-славянскаго языка; но это требованіе было отклонено министромъ народнаго просвѣщенія въ Вѣнѣ. Украинская пропаганда встрѣтила въ немъ упорнаго противника; онъ всѣми силами старался оградить русское населеніе отъ воздѣйствія на него украинцевъ, для чего Сильвестръ въ своихъ посланіяхъ предписывалъ священникамъ противодѣйствовать елико возможно распространенію въ рус-

скихъ селахъ изданій и газетъ съ украинскимъ направлениемъ, напечатанныхъ фонетическимъ правописаниемъ. Несмотря на требованія правительства, онъ не далъ своего согласія на введеніе фонетики въ школахъ, содержимыхъ на средства православной церкви. Равнымъ образомъ онъ не разрѣшилъ введенія новаго правописанія при напечатаніи русскихъ учебниковъ по закону Божьему и по церковному пѣнію. Къ правительственнымъ органамъ Сильвестръ относился съ большимъ достоинствомъ и никакихъ соглашеній или уступокъ, клонившихся къ умаленію правъ церкви, не допускалъ. Изъ бесѣдъ, которыя мнѣ пришлось имѣть съ нимъ и которыя происходили на нѣмецкомъ языкѣ, такъ какъ онъ, хотя и понималъ великорусскую рѣчь, но избѣгалъ объясняться по-русски, я вынесъ впечатлѣніе, что онъ ясно сознавалъ неблагоприятное положеніе православной церкви и ея послѣдователей въ Буковинѣ и не питалъ никакой надежды на его улучшение въ будущемъ. Я также зналъ его ближайшаго преемника Аркадія Чуперновича, который пошелъ на всякія уступки правительству, и настоящаго митрополита Владимира Ренту, бывшаго тогда профессоромъ богословскаго факультета, человѣкъ умнаго и образованнаго, который при первомъ нашемъ вступленіи въ Черновцы въ 1914 году встрѣтилъ наши войска, но при нашемъ отходѣ вынужденъ былъ австрійцами оставить митрополию и удалиться въ Трансильванію.

III.

Кромѣ румынъ и русскихъ галицко-русскаго племени, составлявшихъ двѣ трети всего населенія области, въ Буковинѣ проживаютъ нѣмцы, поляки, армяне, евреи, венгерцы и выходцы изъ Россіи старообрядцы-липоване, которыхъ не болѣе 2500 душъ. Послѣдніе—поборники древняго священства, бѣжавшіе отъ преслѣдованія изъ разныхъ мѣстъ Великой Россіи и нашедшіе пристанище въ Буковинѣ, гдѣ осѣли въ Серетскомъ и Сучавскомъ уѣздахъ въ Бѣлой Криницѣ, въ Климовцахъ и другихъ поселкахъ и приняли австрійское подданство. Липоване, какъ ихъ называютъ въ Буковинѣ, вслѣдствіе своей привязанности къ старинѣ и отвращенія по всякимъ новшествамъ сохранили не только свою вѣру и преданія, но и свою рѣчь, свой бытъ и свою одежду, несмотря на то, что мѣста ихъ поселенія окружены румынами, венгерскими и нѣмецкими колоніями и что они, занимаясь большею частью отхожими промыслами, постоянно находятся въ соприкосновеніи съ инородцами. Лѣтомъ въ ихъ селеніяхъ остаются только старики, женщины и дѣти, все же рабочее населеніе разсѣяно по Буковинѣ и Румыніи. Главныя ихъ занятія садоводство и огородничество, съемка садовъ и торговля фруктами, которые они

развозятъ въ своихъ телѣгахъ, запряженныхъ въ одну лошадь съ дугой. Эта бродячая жизнь, эта торговля съ лотка или повозки напоминаютъ бытъ нашихъ оферей изъ среднихъ русскихъ губерній, изъ которыхъ они выселились. Въ связи съ огородничествомъ и садоводствомъ липоване занимаются земляными работами и слывутъ за очень искусныхъ землекоповъ. Строго придерживаясь старины, австрійскіе раскольники постоянно отвергали съ негодованіемъ всякое предложеніе властей объ учрежденіи въ ихъ селахъ училищъ съ преподаваніемъ на мѣстномъ русскомъ языкѣ и требовали, чтобъ ученіе непременно производилось на великорусскомъ, почему дѣти продолжали учиться грамотѣ попрежнему у разныхъ старообрядческихъ дячковъ и начетчиковъ, которые, кромѣ чтенія своихъ богослужебныхъ книгъ, ничего не знали. Но между нами нашелся человекъ болѣе развитой, самъ принадлежавшій къ расколу, но впоследствии перешедшій въ православіе, нѣкто Балановичъ, который положилъ первое начало школьному дѣлу среди липованъ.

Онъ учился въ черновецкой гимназіи, былъ временно въ Петербургѣ, затѣмъ слушалъ лекціи по медицинскому факультету въ вѣнскомъ университетѣ, но за недостаткомъ средствъ долженъ былъ вернуться на родину. Здѣсь Балановичъ сталъ обучать дѣтей русской грамотѣ, сперва частнымъ образомъ; въ 1891 г., съ разрѣшенія мѣстнаго исправника, онъ открылъ школу въ Климовцахъ и началъ было ученіе дѣтей по книгамъ и руководствамъ, напечатаннымъ русскимъ гражданскимъ шрифтомъ, которыя введены въ Россіи для начальныхъ народныхъ училищъ; но липоване требовали, чтобы ихъ дѣти научились сперва читать по-славянски, причемъ Балановичу стоило большихъ трудовъ и усилій убѣдить ихъ въ преимуществѣ звукового метода передъ старымъ способомъ обученія азбукѣ. Для чтенія въ училищѣ липоване допускали только часовникъ и псалтирь, напечатанную въ московской единовѣрческой типографіи. Балановичу пришлось подчиниться всѣмъ этимъ требованіямъ, такъ какъ иначе липоване были готовы заявить, что училище имъ не нужно, и прекратить отпускъ денегъ на его содержаніе. Но, обучая первоначально дѣтей чтенію церковнославянскихъ книгъ, Балановичъ впоследствии знакомилъ ихъ съ гражданскимъ шрифтомъ и письмомъ. Онъ имъ давалъ уроки и по Закону Божьему, такъ какъ старообрядческіе священники были положительно невѣжественны и относились къ училищу по меньшей мѣрѣ равнодушно.

Въ теченіе моего пребыванія въ Черновцахъ Балановичъ неоднократно обращался ко мнѣ за совѣтами и за помощью по школьному дѣлу, которое его интересовало. Училище нуждалось въ книгахъ; часовники и псалтыри, которые выписывались изъ Москвы, стоили очень дорого, почему онъ задумалъ напечатать въ Чер-

новцахъ книгу для первоначальнаго чтенія на церковно-славянскомъ языкѣ, заключающую извлеченіе изъ часовника, а именно вечерню, часы, утреню, повечерицу, малую и великую, затѣмъ канонъ ангелу и Богородицѣ, канонъ за единоумершихъ и за умершихъ. На изданіе этой книги Балановичу потребны были средства. По моему личному ходатайству, оберъ-прокуроръ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевъ, котораго я умѣлъ убѣдить въ необходимости поддерживать связь съ нашими зарубежными старообрядцами и способствовать сохраненію ими русской національности, передалъ мнѣ 800 рублей. На эти средства Балановичъ издалъ выше указанную первоначальную книгу для чтенія въ количествѣ 2000 экземпляровъ, церковно-славянскую азбуку по звуковому методу съ разными примѣрами для чтенія и объясненіями титуловъ и 151-й псаломъ въ 20 каѳизмахъ. Всѣ эти книги имѣли сбытъ между старообрядцами, находившимся не только въ Буковинѣ, но и въ Румыніи, гдѣ были училища для русскихъ раскольниковъ въ селеніяхъ Мануиловкѣ и Дамаскинѣ Фокшанскаго уѣзда.

Сношенія съ Балановичемъ побудили меня посѣтить Бѣлую Криницу, гдѣ никто изъ моихъ предшественниковъ не бывалъ. Поѣздка моя состоялась 2 (14) сентября 1893 года. Бѣлая Криница находится въ южной части Буковины, въ сторонѣ отъ желѣзной дороги, связывающей Черновцы съ румынской границей. Въ обители два монастыря, мужской и женскій; при первомъ двѣ церкви и одна отдѣльно стоящая высокая колокольня; при второмъ—одна церковь. Всѣ постройки деревянныя и относились большею частью къ сороковымъ годамъ прошлаго столѣтія. Церкви содержались въ исправномъ видѣ, но монастырскія постройки были уже ветхи и разваливались. Помѣщеніе самого архіерея заключалось въ маленькой кельѣ, въ которой принимались посѣтители, и поражаало своимъ убожествомъ и неопрятностью. Въ монастыряхъ спасались 30 монаховъ и 40 монахинь. Старообрядческій архіерей или митрополитъ, какъ онъ себя называлъ, Аванасій изъ Лиованъ, поселившись въ Румыніи, находился во главѣ епархіи съ 1871 года. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе челоуѣка плохо одареннаго и совершенно невѣжественнаго, находившагося подъ вліяніемъ окружавшей его братіи, которая, хотя при постороннихъ и оказывала ему всякое почтеніе, но едва ли на него обращала вниманіе, когда чужіе отсутствовали. Старообрядцамъ онъ былъ нуженъ для рукоположенія священниковъ, чтобъ не подвергать древлеправославныхъ опасности лишиться пастырей за смертью митрополита Аванасія, который уже поставилъ трехъ епископовъ. Изъ всей братіи выдѣлялся бывший іеромонахъ Чудовскаго монастыря Павелъ Овчинниковъ, перешедшій въ расколъ и поселившійся въ Бѣлой Криницѣ съ 1884 г. Онъ получилъ нѣкоторое образованіе, много путешествовалъ и вель, какъ я полагаю, переписку

и сношенія съ Россіей отъ имени своего малограмотнаго владыки. Между липованами и старообрядцами въ Россіи всегда существовали постоянныя сношенія, которыя въ то время стали, однако, рѣже. Тогда еще пріѣзжали изъ Россіи спасаться въ Бѣлокриницкихъ монастыряхъ; я встрѣтилъ тамъ одного петербургскаго мастерового и одного уроженца Нижняго - Новгорода, бывшаго машиниста на пароходѣ, подвизавшагося болѣе года въ Бѣлой Криницѣ въ качествѣ послушника. Между монахинями были нѣкоторыя изъ зажиточныхъ купеческихъ семействъ Калужской и Московской губерній. Изъ Россіи продолжали высылаться денежные средства на нужды монастырей, но не столь обильныя, какъ прежде. Благодаря этимъ пожертвованіямъ, возобновилась въ то время одна изъ церквей, потерпѣвшая отъ пожара. Съ своей стороны, липоване ѣздили ежегодно на богомолье въ Кіевъ и Москву. Такимъ образомъ, поддерживалась связь между Россіей и ея выходцами; но это общеніе совершалось тайно, съ большою осторожностью, чтобъ не возбуждать подозрѣній австрійскихъ властей. Вслѣдствіе этой боязни липоване остерегались проявлять свое сочувствіе къ Россіи; но доказательствомъ того, что оно не совсѣмъ заглохло, служило то, что въ кельѣ митрополита Аѳанасія я самъ видѣлъ портреты государя императора и императрицы, а у многихъ старообрядцевъ они красовались, какъ мнѣ передавали, на самомъ видномъ мѣстѣ.

IV.

Мой пріѣздъ въ Буковину въ 1891 г. совпалъ съ тѣмъ временемъ, когда Австро-Венгрія и Германія, хотя и состоявшія въ союзѣ съ 1879 года, еще тѣснѣе сплотились въ своей общей политикѣ, такъ какъ въ предыдущемъ году Германія, порвавъ узы, связывавшія ее до того съ Россіей, послѣдовала съ уходомъ князя Бисмарка по новому курсу, намѣченному молодымъ императоромъ Вильгельмомъ II. Въ пограничной съ Россіей Буковинѣ стали, въ печати и въ общественныхъ кругахъ, говорить о возможности войны Австріи съ нами, выражать жалобы на безпомощное состояніе области и опасенія того, что въ случаѣ нападенія съ русской стороны нашествіе совершится безъ всякихъ препятствій. Какъ бы въ отвѣтъ на эти сѣтованія австрійское военное вѣдомство приступило къ различнымъ предохранительнымъ мѣрамъ. Численность пѣхоты, расположенной въ области, увеличилась съ 3544 человекъ до 8000. Состоялись ученія пѣхоты совмѣстно съ расквартированной въ области кавалеріей и прибывшими артиллеристами; ученія завершились маневрами, на которыхъ одинъ изъ отрядовъ наступалъ со стороны Россіи. На маневры прибыли военные начальники изъ Станиславова и Львова. Въ 1891 году

совершилась поѣздка австрійскаго генеральнаго штаба черезъ Восточную Галицію и всю Буковину; въ ней участвовали, подъ командою начальника генеральнаго штаба генераль-фельдцейхмейстера барона фонъ-Бека, 37 штабъ и оберъ-офицеровъ и 60 нижнихъ чиновъ. Она имѣла цѣлю какъ подготовленіе офицеровъ генеральнаго штаба къ исполненію служебныхъ обязанностей, такъ и ближайшее ознакомленіе съ краемъ и изученіе мѣстности. Послѣ этой поѣздки стали строиться укрѣпленія въ различныхъ пунктахъ, между прочимъ въ Залещикахъ, въ Галиціи, на границѣ съ Буковиной. Укрѣпленія въ послѣдней мѣстности сыграли роль въ настоящую войну. Въ офицерскомъ составѣ войскъ, расположенныхъ въ Буковинѣ, произошли большія перемѣны вслѣдствіе введенія новаго служебнаго устава, требовавшаго усиленныхъ занятій какъ отъ нижнихъ чиновъ, такъ и отъ офицеровъ. Новые начальники частей отличались крайнею суровостью и даже жестокостью въ обращеніи съ солдатами. Всѣ эти мѣры были приняты, очевидно, подъ вліяніемъ прусскихъ порядковъ и болѣе тѣснаго сближенія съ Германіей.

Командиръ 41-го пѣхотнаго полка, стоявшаго въ Черновцахъ, полковникъ Маноиловичъ, сербъ изъ Славоніи, православный, былъ лично мнѣ знакомъ и бывалъ у меня, держась очень корректно, какъ милый и любезный собесѣдникъ, между тѣмъ на службѣ онъ считался очень строгимъ и жестокимъ начальникомъ по отношеніи къ нижнимъ чинамъ. Его жена, сербка изъ королевства, ревностная православная, собирала пожертвованія на нуждавшіяся православныя церкви въ Далмаціи, и мнѣ удалось ей выхлопотать пособія на этотъ предметъ изъ средствъ Св. Синода. Генераль, командовавшій бригадой, Серечинъ, румынъ изъ Трансильваніи, также православный, не скрывалъ своей неприязни къ Россіи.

Я уже говорилъ выше объ усилившемся вліяніи поляковъ на внутреннія австрійскія дѣла, а въ особенности на управление Буковиной. Центральныя власти поощряли проникновеніе польскаго элемента въ край, а такъ какъ оно вносило распри и раздоры среди туземнаго населенія области, то вся дѣятельность начальниковъ ея была направлена на то, чтобы пользоваться этими разнообразными элементами въ угоду политикѣ центральной власти. Во время моего пребыванія въ Черновцахъ смѣнилось три начальника края (Landespräsident). Я засталъ графа Паче, еще молодого страстнаго человѣка, который своею безтактностью и самоувѣренностью оттолкнулъ отъ себя румынъ-землевладѣльцевъ, составлявшихъ интеллигенцію края и послѣ пятнадцатимѣсячнаго управленія былъ смѣненъ барономъ Краусомъ, уже пожилымъ нѣмцемъ, стремившимся внести примиреніе между партіями; но эта задача оказалась ему не по силамъ, и онъ скоро ушелъ въ от-

ставку. На мѣсто его былъ назначенъ графъ Гоессъ, имѣвшій большія связи при вѣнскомъ дворѣ. Очень сдержанный и скрытный, онъ поставилъ себѣ задачей съ внѣшней стороны поддерживать самыя лучшія отношенія съ представителями всѣхъ сословій, партій и народностей Буковины. Разъѣзжая по области, онъ завязывалъ знакомства съ землевладѣльцами нѣмецкими, румынскими, польскими и еврейскими. Существовавшая въ 1894 г. холерная эпидемія дала ему случай присмотрѣться къ мѣстному крестьянскому населенію, такъ какъ онъ постоянно посѣщаль лично госпитали и бараки, устроенные въ зараженныхъ мѣстностяхъ и разбросанные по всей области.

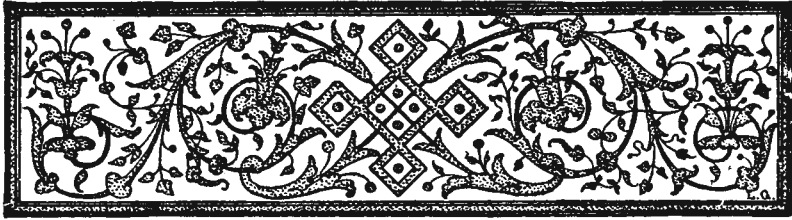
Подъ прикрытіемъ такого ровнаго, съ внѣшней стороны, обхожденія со всякимъ онъ, однако, нашель возможнымъ проводить мѣропріятія, намѣченныя центральными властями. За время его управленія въ тѣ годы, когда я находился въ краѣ, въ области умственной жизни мѣстнаго русскаго населенія и неразрывно связанной съ нимъ православной церкви, успѣло произойти нѣсколько событій, хотя сами по себѣ и маловажныхъ, но указывавшихъ на твердое намѣреніе австрійскаго правительства всѣми мѣрами способствовать отчужденію русскаго народа и мѣстной православной церкви отъ Россіи и постепенно ограничивать, посредствомъ придирокъ и притѣсненій, сферу вліянія православія на народъ. Такими событіями я разумью: во-первыхъ, закрытіе мѣстной властью русскаго общества студентовъ черновецкаго университета «Буковина», какъ не соотвѣтствовавшаго своему уставу, нарушеніе котораго усматривалось въ томъ, что члены общества именовались русскими, а не русинами, что они получали даромъ русскіе газеты и журналы изъ Россіи и что въ своемъ кругу и на своихъ собраніяхъ они говорили по-русски, а не на мѣстномъ нарѣчьи. Во-вторыхъ, распространеніе фонетическаго правописанія по русскому языку, уже обязательнаго во всѣхъ правительственныхъ училищахъ, на всѣ акты и указы судебныхъ мѣстъ. Въ-третьихъ, приговоръ черновецкаго уголовного суда, коимъ изданія Кіево-Печерской лавры на церковно-славянскомъ языкѣ: бесѣда Іоанна Златоуста, требникъ, послѣдованіе Воскресенія Христова, исповѣданіе грѣховъ генеральное, о мытарствахъ, благопотребныя прошенія, молитвенники, признаны по своему содержанію вообще возбуждавшими къ государственной измѣнѣ, посему подлежащими конфискаціи и уничтоженію. Этотъ приговоръ тѣмъ болѣе являлся непонятнымъ, что въ виду высокой цѣны, существовавшей на церковныя книги, напечатанныя на славянскомъ языкѣ въ Вѣнѣ, большинство православныхъ церквей въ Австро-Венгріи вообще, а въ Буковинѣ въ особенности, снабжались церковными книгами изъ той же Кіево-Печерской лавры или изъ Румыніи,

что ими всегда безпрепятственно торговало нѣсколько книжныхъ лавокъ въ Черновцахъ.

За двадцать лѣтъ, которыя прошли со времени моего отъѣзда изъ Буковины, украинское движеніе въ ней сильно развилось. Помѣщики румыны, которые тогда составляли интеллигенцію края, хотя и относились довольно равнодушно къ вопросамъ вѣры, но все-таки держались православія по преданіямъ. За истекшій промежутокъ времени они всѣ сошли въ могилу, съ ними исчезло то сочувствіе, которое большинство изъ нихъ выражало Россіи, такъ какъ они еще помнили заступничество ея за Австрію въ 1848 году. Молодое поколѣніе, которое при мнѣ было проникнуто иными взглядами, возмужало подъ ихъ вліяніемъ и отвернулось отъ всего, что почитали его отцы. Настоящее завладѣніе нами краемъ должно преслѣдовать соединеніе русскаго племени Буковины съ Великой Россіей и способствовать преуспѣянію его, какъ преобладающаго элемента въ краѣ.

С. Горяиновъ.

ОСНОВА ОБЩАГО ПЛАНА КНИГИ „ВОЙНА И МИРЪ“.

ВРЕДЛАГАЯ здѣсь замѣчанія объ общемъ планѣ романа «Война и миръ», я думаю, что о достоинствахъ этого великаго произведенія по такому поводу говорить не только нѣтъ надобности, но даже нельзя. Вопросъ о томъ: почему гениальныя наблюденія и мысли автора вылились именно въ данную форму, а не въ иную, почему сгруппировалъ онъ ихъ около этихъ именно героевъ, а не около другихъ—по сравненію съ художественнымъ величіемъ романа, съ его глубиной и со значеніемъ его въ цѣломъ, такъ несущественъ, что невозможно разсматривать ихъ рядомъ; въ то время, какъ о планѣ можно высказаться съ достаточной полнотой въ небольшой замѣткѣ, о достоинствахъ этого романа, о его значеніи можно написать, да уже и написаны, томы. Но выяснить, совершенно не касаясь достоинствъ романа, не отразилось ли на «Войнѣ и мирѣ» какое-нибудь другое произведеніе, не опирался ли Толстой,—вѣроятно же всего, безсознательно, самъ того не замѣчая, на планъ, выполненный еще ранѣе кѣмъ-либо другимъ, представляется интереснымъ, какъ разсмотрѣніе отдѣльнаго эпизода исторіи литературы; остановиться на немъ, во всякомъ случаѣ, естественно для тѣхъ, кто привыкъ изслѣдовать источники, сравнивать и критиковать тексты. Рѣшаясь на это, я твердо помню, что великій русскій поэтъ осудилъ стремленіе какъ трупъ раззять художественное цѣлое, и я не поднимаю руки противъ свѣжести силы

и красоты поэтического созданія. Если мнѣ и удастся показать, что основою общаго плана «Войны и мира» послужилъ планъ какого-то другого произведенія, то это послѣднее, я полагаю, получить въ нашихъ глазахъ только большее значеніе оттого, что на него опирался великій русскій писатель; что же касается гениальной его эпопеи, то она отъ признанія такого факта ничуть не потеряетъ. Фабула, сцѣпленіе обстоятельствъ—въ крупномъ произведеніи имѣютъ значенія меньше, чѣмъ второстепенное, не существенно, въ какія перипетіи ставитъ авторъ выводимыхъ имъ героевъ: изображеніе характеровъ и духовной ихъ жизни—вотъ что важно и драгоцѣнно. И въ этомъ отношеніи гениальность и полная самостоятельность Толстого не подлежатъ никакому сомнѣнію и никакое сравненіе имъ не страшно; все, что относится къ изображенію внутренней жизни героевъ, къ образованію и развитію ихъ характеровъ, все лучшее и важнѣйшее, что говоритъ Толстой о вѣчныхъ вопросахъ, занимающихъ человѣчество,—все это у Толстого глубоко самостоятельно, освѣщено часто совершенно новымъ свѣтомъ, не заимствовано ниоткуда и ни отъ кого; изъ глубины своего творческаго духа все это занесъ онъ, какъ нѣкій херувимъ. При такомъ общемъ [характерѣ своего произведенія воспользоваться фабулою, уже существовавшею, дать своимъ мыслямъ свободу течь въ случайно подготовленномъ ранѣ направленіи—совершенно возможно, вполне позволительно, и сотни разъ такой пріемъ примѣнялся; чуть ли не всѣ лучшія пьесы Шекспира имѣютъ въ своей основѣ фабулы уже ранѣ извѣстныя, и это нимало не уменьшаетъ величія шекспировскихъ созданій; есть цѣлый рядъ сюжетовъ, многократно обработанныхъ разными поэтами: таковы Эдипъ, Юлій Цезарь, Фаустъ, Донъ-Жуанъ, Іоаннъ Грозный, Дмитрій Самозванецъ; не мало и другихъ подобныхъ примѣровъ. Заимствовать тему и даже фабулу настолько же позволительно, насколько непозволительно повторять уже созданный другимъ писателемъ характеръ, если, только, конечно, авторъ не вноситъ въ него существенно новыхъ чертъ. Противъ предположенія, что Толстой въ «Войнѣ и мирѣ» слѣдовалъ плану какого-нибудь другого романа, можетъ быть выставлено то обстоятельство, что въ образѣ графа Ростова-отца Толстой почти несомнѣнно нарисовалъ черты своего отца, а въ образѣ княжны Марьи—черты своей матери; но это обстоятельство ничуть не можетъ служить основаніемъ для предположеній, что и въ тѣхъ перипетіяхъ, въ какихъ эти лица изображены въ «Войнѣ и мирѣ», отразились дѣйствительные факты жизни родителей Толстого: во-первыхъ, логически это вовсе не необходимо, такъ какъ люди, очень сходные по характерамъ, могутъ въ жизни оказаться въ самыхъ различныхъ положеніяхъ; во-вторыхъ, многія обстоятельства жизни родителей Л. Толстого изображены въ его «Дѣтствѣ»,

«Отрочествѣ» и «Юности»—и въ нихъ нѣтъ ничего общаго съ «Войной и миромъ»; наконецъ, въ-третьихъ, въ біографіи Л. Толстого нѣтъ, сколько извѣстно, никого, кто могъ бы быть признаваемъ прототипомъ Пьера, такъ какъ прототипъ Пьера самъ графъ Левъ Толстой въ извѣстный періодъ его жизни. Дѣйствительные факты жизни Толстого и его родителей, значить, не послужили канвою «Войны и мира», и потому, если удастся указать какое-нибудь ранѣе написанное литературное произведеніе, съ общимъ планомъ котораго близко совпадаетъ общій планъ «Войны и мира», то зависимость великаго русскаго романа отъ того произведенія дѣлается возможною. Признать эту зависимость или отрицать ее надо будетъ на основаніи того, удастся ли мнѣ указать въ обоихъ произведеніяхъ достаточно большое количество совпадений и будутъ ли эти совпаденія таковы, что объяснять ихъ простою случайностію окажется невозможнымъ. Могло бы быть, конечно, и неопровержимое свидѣтельство въ пользу того, что я намѣреваюсь доказать; но и при неоспоримости факта такого свидѣтельства можетъ и не быть. Неоспоримымъ доказательствомъ былъ бы или экземпляръ этого романа съ замѣтками Толстого, или его прямое заявленіе въ формѣ ли письма, или въ устной, что онъ опирался на такой-то романъ; но ясно, что книга могла быть прочитана и безъ замѣтокъ и что самому Толстому могло не представиться случая упомянуть объ этомъ; могъ Толстой и совершенно искренно не чувствовать, что онъ слѣдуетъ нѣкоторому роману, прочитанному имъ лѣтъ за 10, за 15 до написанія «Войны и мира». Тотъ романъ, который я имѣю въ виду,—произведеніе талантливое, но не гениальное; онъ не захватываетъ, не потрясаетъ читателя; его легко совсѣмъ позабыть. Во всякомъ случаѣ, заявленія Толстого по поводу разбираемаго здѣсь вопроса, кажется, нѣтъ,—если бы оно было сдѣлано, то это, конечно, давно стало бы извѣстно; абсолютно неоспоримаго доказательства справедливости моей мысли, такимъ образомъ, нѣтъ; но вѣрность ея я надѣюсь доказать вполне убѣдительно.

Кажется, не опасаясь ошибки, можно сказать, что нѣтъ другого романа, въ которомъ было бы выведено такъ много лицъ самаго разнообразнаго положенія, характера и ума, какъ въ «Войнѣ и мирѣ»; въ самыхъ обширныхъ и сложныхъ произведеніяхъ этого рода—въ «Вильгельмѣ Мейстерѣ» Гете, въ романахъ Диккенса, въ романахъ Золя, даже въ исторіи мушкетеровъ Дюма—нигдѣ не встрѣчаемъ мы такого числа дѣйствующихъ лицъ, какъ у Толстого; нѣтъ другого романа, въ которомъ бы съ такою же свободою смѣнялись самыя разнообразныя сцены, сохраняя неизмѣнно полную психологическую правдивость и полную живость и жизненность; нигдѣ не превзойдено то искусство, съ какимъ Толстой смѣшиваетъ въ одной общей картинѣ и лицъ

историческихъ и созданія своей фантазіи, приче́мъ читателю всѣ они кажутся совершенно одинаково ясными, понятными и живыми. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, романъ, въ которомъ дѣйствующими лицами являлись бы три императора, цѣлый рядъ выдающихся полководцевъ и государственныхъ дѣятелей—и, поистинѣ, почти неисчислимое множество созданныхъ фантазіей автора лицъ положительно всѣхъ общественныхъ положеній—и всѣ они проходятъ передъ нами какъ живые и въ салонахъ придворныхъ дамъ и на поляхъ ожесточенныхъ битвъ, на великосвѣтскихъ балахъ и въ ужасающей атмосферѣ лазаретовъ, въ дѣтской и на охотѣ, въ кабинетѣ человѣка, ищущаго истины, и на святочныхъ увеселеніяхъ въ театрѣ, въ кутежахъ—и у постели умирающаго, въ картинахъ горя дочери, отчаянія матери—и въ сценахъ народныхъ волненій, дикихъ убійствъ, пожаровъ, въ сценахъ варварскаго разстрѣла—и въ тишинѣ храма, гдѣ находитъ примиреніе мятущаяся душа дѣвушки...

Но всѣ эти безчисленные и разнообразныя сцены, вся безконечная вереница лицъ, дѣйствующихъ въ «Войнѣ и мирѣ», и историческихъ, и вымышленныхъ, группируются около двухъ семействъ—Ростовыхъ и Болконскихъ,—и около Пьера Безухова, который постоянно въ соприкосновеніи съ этими семьями; всѣ сцены мирнаго времени, весь собственно романъ разыгрывается между вышеназванными созданіями писателя или около нихъ; всѣ сцены войны и міровыхъ событій, развернутыя Толстымъ, всѣ имѣютъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ кому-нибудь изъ Ростовыхъ, къ кому-нибудь изъ Болконскихъ или къ Пьеру; эти лица выступаютъ на первыхъ же страницахъ романа, дѣйствіе котораго начинается въ 1804 году, сценами ихъ жизни, и заканчивается романъ уже незадолго до декабристовъ.

Въ «Базарѣ житейской суеты» Теккерей изображаетъ также жизнь самыхъ разныхъ слоевъ и круговъ общества, такъ же рисуетъ двѣ семьи, около которыхъ вращается все дѣйствіе романа, и одна изъ этихъ семей чрезвычайно близко соотвѣтствуетъ семьѣ Ростовыхъ, другая—семьѣ Болконскихъ; есть въ «Базарѣ житейской суеты» и лицо, соотвѣтствующее Пьеру Безухому. И не только общей концепціею, но и многими подробностями и частностями въ обрисовкѣ характеровъ напоминаетъ «Война и миръ» названный англійскій романъ, и пунктовъ совпаденія такъ много, а сходство столь значительно, что допустить просто случайное совпаденіе—никоимъ образомъ невозможно, а необходимо заключить, что «Война и миръ» написана подъ вліяніемъ «Базара житейской суеты». Весьма возможно, что самъ Толстой не замѣчалъ и не чувствовалъ, что подчинился этому вліянію; я склоненъ думать, что именно такъ и было, ибо иначе онъ непремѣнно гдѣ-нибудь сказалъ бы, что до извѣстной степени слѣдовалъ Теккерей; но во всякомъ случаѣ

вліяніе англійскаго романа на величайшій русскій романъ безусловно неоспоримо. Повидимому, въ свое время Толстой прочелъ «Базаръ житейской суеты»—романъ этотъ былъ напечатанъ въ теченіе 1847—1848 г.г.,—и, прочитавъ, довольно скоро позабылъ его, какъ цѣлое; но общій планъ этого произведенія, такъ сказать, отпечатался въ мозгу Толстого, запечатлѣлся въ немъ, какъ канва, удобная для обширнаго произведенія, которое должно было, съ одной стороны, обнять длинный промежутокъ времени, съ другой—включить въ себѣ большое число дѣйствующихъ лицъ. Когда же созрѣли у Толстого тѣ идеи, которыя онъ потомъ развилъ въ «Войнѣ и мирѣ», когда въ умѣ его уяснились житейскія наблюденія, а въ воображеніи вырисовались характеры и пришлось ему приводить все это въ связный рассказъ—тутъ, почти навѣрно безъ всякаго умысла автора, незамѣтно для него, вырисовалась для него, какъ остовъ романа, фабула «Базара житейской суеты»—и мысли его потекли по этому уже готовому руслу. Болѣе детальное сравненіе общаго плана «Войны и мира» и «Базара житейской суеты», къ чему я сейчасъ обращаюсь, докажетъ, надѣюсь, съ неоспоримой убѣдительностью, что произведеніе англійскаго автора отразилось весьма близко на русскомъ романѣ, но считаю нужнымъ подчеркнуть самымъ рѣшительнымъ образомъ, что это вліяніе—чисто внѣшнее, касающееся именно только фабулы; далѣе мнѣ придется не разъ ближе указывать, что у Толстого есть очень много отличій отъ Теккерея въ подробностяхъ, особенно же въ обрисовкѣ характеровъ и въ мотивировкѣ отдѣльныхъ эпизодовъ—и во всѣхъ этихъ случаяхъ Толстой имѣетъ надъ Теккереемъ то преимущество, которое коротко и ясно можно опредѣлить, какъ преимущество высокаго генія надъ талантомъ: много, много разъ Толстой словно мимоходомъ, однимъ, повидимому, случайно положеннымъ штрихомъ отмѣчаетъ нѣчто весьма цѣнное и важное, вскрываетъ душевную жизнь своихъ героевъ въ такихъ глубинахъ, съ такою яркостью и правдою, что далеко превосходитъ не только Теккерея, но, кажется, и всѣхъ другихъ писателей; отрадно намъ это драгоцѣнное отличіе нашего писателя, но возможности подражанія другому въ планѣ оно ничуть не исключаетъ, даже болѣе: такъ свободно слѣдовалъ Толстой чужому плану и не замѣчалъ этого не оттого ли, что богатство образовъ, которые онъ рисовалъ, тонкость въ обрисовкѣ чувствъ и характеровъ, глубина и новизна мысли—заслоняли отъ него тѣ впечатлѣнія, какія онъ нѣкогда почерпнулъ изъ романа Теккерея?

Не вдаваясь въ изложеніе содержанія «Базара житейской суеты», романа довольно сложнаго и съ большимъ дѣйствующихъ лицъ, я ограничусь только напомнимъ сказаннаго уже, что все дѣйствіе въ немъ вращается около семействъ, соотвѣтствующихъ семьямъ Ростовыхъ и Болконскихъ, и около лица, соотвѣтствующаго

щаго Пьеру Безухому. Я обращаюсь теперь къ болѣе детальному указанію сходства въ двухъ романахъ.

Семейство Ростовыхъ у Толстого соотвѣтствуетъ семейству Седли у Теккерея, семейство Болконскихъ—семейству Осборновъ; Пьеръ Безухій соотвѣтствуетъ майору Доббину; находятся въ романѣ Теккерея лица, которымъ у Толстого соотвѣтствуютъ Бергъ и Эленъ; взаимныя отношенія Ростовыхъ, Болконскихъ и Пьера—совершенно тѣ же самыя, какими связаны у Теккерея Седли, Осборны и Доббинъ, и главные персонажи этихъ семействъ у Теккерея отмѣчены именно тѣми самыми чертами характера, какими у Толстого отмѣчены соотвѣтствующія имъ лица въ семействахъ Ростовыхъ и Болконскихъ.

Мистеръ и мистриссъ Седли—чета простодушныхъ, добрыхъ и сердечныхъ старыхъ людей; когда-то они жили въ полномъ довольствѣ, потомъ обѣднѣли; они были въ дѣлахъ совершенно непрактичны, неспособными оказались они и выбиться изъ бѣдности, въ которую впали, но всегда они неизмѣнно довольны другъ другомъ, нѣжно, трогательно любятъ другъ друга; въ періодѣ своей бѣдности они капризничаютъ надъ своей дочерью, которая, со своей стороны, безропотно переноситъ эти капризы и дѣлаетъ все, чтобы сколько-нибудь облегчить имъ жизнь или дать имъ возможность хоть отчасти забыть свое тяжелое положеніе. У нихъ дочь, Амелія; это героиня романа; въ лицѣ ея Теккерей далъ типъ прекрасной женщины: она добра, мила; она вызываетъ восторженное поклоненіе всѣхъ мужчинъ, которые имѣютъ случай съ нею познакомиться; она нѣжная дочь, потомъ безгранично любящая жена, самоотверженная мать. Въ эту милую семью вводитъ Теккерей и диссонансъ въ лицѣ Седли-сына, Джозефа, служащаго въ колоніяхъ и только эпизодически появляющагося среди своихъ родныхъ; это тупой, себялюбивый, ничтожной души человѣкъ.

Не трудно замѣтить, что и по обстоятельствамъ жизни, и по характерамъ старики Седли—это блѣдный абрисъ старыхъ Ростовыхъ, Амеліи соотвѣтствуетъ Наташа, только, очевидно, у Теккерея Амелія нарисована далеко не съ тою жизненностью и правдой, съ какой нарисовалъ Наташу Толстой, относящійся къ этому типу съ глубокою симпатіей. Наташу, какъ и Амелію, неизмѣнно сопровождаетъ восхищеніе всѣхъ мужчинъ; Наташа безгранично любитъ своихъ родителей и неизмѣнно нѣжна съ ними—совершенно какъ Амелія; глубокая любовь ея къ мужу—это тоже черта и Амеліи; Теккерей многократно касается страстнаго чувства Амеліи къ ея сыну, родившемуся уже послѣ смерти обожаемаго ею мужа, и рисуетъ заботы о немъ Амеліи съ большою симпатією, иногда даже въ нѣсколько сантиментальномъ свѣтѣ,—Толстой такое же чувство Наташи къ дѣтямъ рисуетъ кратко, въ послѣднихъ главахъ романа, но рисуетъ съ поразительною простотою и жизненностью. Амелія забы-

ваеть для родителей и сына всякія удобства жизни,—Наташа еще и пѣніе бросила, вышедши замужъ, потому что ея пѣніе было слишкомъ сильнымъ средствомъ восхищать мужчинъ, а для нея послѣ замужества существовала только ея семья; изъ безконечно очаровательной, рѣзвой и увлекающейся дѣвушки она по выходѣ замужъ стала идеальной женой и матерью. И какъ у Теккеря въ симпатичной семьѣ Седли есть совершенно чуждый ей по духу человѣкъ въ лицѣ Джозефа, такъ и у Толстого есть при семействѣ Ростовыхъ такой же чуждый ей человѣкъ, именно Бергъ,—и въ этомъ случаѣ опять чувствуется бѣлая тонкость и глубина у Толстого: онъ роднитъ Берга съ Ростовыми только путемъ брака; не прямо въ семью Ростовыхъ ставитъ онъ такого человѣка, какъ Бергъ, съ присущимъ ему безграничнымъ, хотя и совершенно наивнымъ эгоизмомъ, съ его крайнею ограниченностью и неспособностью интересоваться чѣмъ-либо или кѣмъ-либо другимъ, кромѣ себя,—Толстой вводитъ въ семью Ростовыхъ дочь Вѣру, тоже мало подходящую къ общему тону своей семьи, но все-таки не столь дисгармонирующую съ другими Ростовыми, какъ Бергъ,—и уже черезъ эту дочь Вѣру, для которой Бергъ оказывается родственнымъ по духу, онъ роднитъ Берга съ Ростовыми.

Въ «Войнѣ и мирѣ» Наташа Ростова дѣлается невѣстою князя Андрея Болконскаго, въ «Базарѣ житейской суеты» Амелія Седли выходитъ замужъ за молодого Джорджа Осборна.

Семейство Осборновъ у Теккеря составляютъ: старшій Джорджъ Осборнъ, Джорджъ Осборнъ-сынъ и двѣ дочери. Отецъ—какъ у Толстого князь Николай Андреевичъ,—человѣкъ богатый, суровый, властный, до извѣстной степени самодуръ; ярко обрисовывая такія же черты нравственнаго облика стараго князя Болконскаго, Толстой вызываетъ въ насъ все-таки и симпатію къ нему, показывая, что онъ человѣкъ, во всякомъ случаѣ, крупный, — теплятся добрыя чувства и въ душѣ стараго Осборна, хотя онъ написанъ Теккереемъ значительно блѣднѣе, чѣмъ соотвѣтствующій типъ у Толстого; лучшія стороны его характера подавлены, какъ скрыты онѣ и въ характерѣ князя Николая Андреевича, и выступаютъ только въ распоряженіяхъ, какія дѣлаются извѣстными изъ его завѣщанія. Толстой изобразилъ намъ послѣдніе дни жизни князя Николая Андреевича, и въ этомъ изображеніи является онъ предъ нами со своихъ лучшихъ сторонъ. У Осборна двѣ дочери, некрасивыя, забитыя—какъ и княжна Марія—дѣвушки, только онѣ и неглубокія натуры. Осборнъ-сынъ—которому у Толстого соотвѣтствуетъ князь Андрей—чрезвычайно блестящій человѣкъ; онъ, правда, человѣкъ только внѣшне блестящій и какими-либо глубокими или серьезными достоинствами не обладаетъ—и въ этомъ, какъ будто, значительное различіе у Толстого съ Теккереемъ, такъ какъ князь Андрей—человѣкъ блестящій въ лучшемъ смыслѣ слова, и по независимому,

благородному характеру, и по свѣтлому, широкому уму, и по энергической дѣятельности. Но существеннаго противорѣчія тутъ нѣтъ: въ жизни часто люди лишь внѣшне блестящія достигаютъ такого успѣха, какой не всегда выпадаетъ на долю людей съ несравненно большими серьезными достоинствами; поэтому въ томъ обстоятельстве, что Теккерей предоставилъ человѣка по существу незначительному въ своемъ романѣ ту роль, какую Толстой счелъ лучшимъ дать человѣку исключительному—ничего неестественнаго или фальшиваго видѣть не надо; но какъ много въ романѣ Толстого получило совершенно новый и несравненно болѣе глубокой смыслъ благодаря тому, что роль, какую у Теккерей игралъ Джорджъ Осборнъ, Толстой предоставилъ князю Андрею! Смерть перваго—кстати, подъ Ватерлоо—случайный эпизодъ, рассказанный на полустраницѣ; смерть князя Андрея—отъ рапы, полученной подъ Бородиномъ, въ изображеніи Толстого составила эпоху въ отношеніи людей къ этому великому вопросу.

Въ «Войнѣ и мирѣ» князь Андрей дѣлается женихомъ Наташи, но отецъ согласія на этотъ бракъ не даетъ; у Теккерей Джорджъ Осборнъ женится на Амеліи тоже противъ воли своего отца и черезъ полгода онъ убитъ подъ Ватерлоо. Теккерей съ большою симпатіею изображаетъ безумное отчаяніе и потомъ тупую апатію, овладѣвающія Амеліею послѣ этого ужаснаго удара, и безконечную сердечность, съ какою заботится о ней въ это время Доббинъ,—совершенно подобное же положеніе есть и въ «Войнѣ и мирѣ»: послѣ смерти князя Андрея Наташа впадаетъ въ глубокое горе, въ какое-то душевное омертвѣніе,—и въ это время Пьеръ страдаетъ за нее и проявляетъ къ ней самое бережное и сердечное участіе; онъ тутъ только понимаетъ, что любить ее еще съ того времени, когда Наташа была дѣвочкой, съ первыхъ дней знакомства съ нею. И Толстой, и Теккерей удѣлили большое вниманіе изображенію того, какъ приходятъ въ себя, возвращаются къ интересамъ жизни и къ ея обязанностямъ молодя, любящія существа, на время почти обезумѣвшія отъ личнаго горя. У Амеліи Осборнъ рождается ребенокъ—и тогда она сбрасываетъ съ себя свою безучастность ко всему окружающему и на младенца переноситъ всю силу своей потребности любить. Этотъ выходъ, однако, нельзя не признать нѣсколько искусственнымъ: при томъ угнетенномъ состояніи духа, въ какомъ Теккерей изображаетъ Амелію, болѣе естественною развязкою была бы, кажется смерть матери или ребенка. Толстой нашелъ другой выходъ—и далъ незабываемыя по трогательности и глубокой правдивости, сцены изобразивъ, какъ безумное отчаяніе старой матери, неожиданно потерявшей своего цвѣтущаго, прелестнаго сына, заставляетъ Наташу вдругъ забыть свою личную печаль, вызываетъ въ душѣ ея неизсякаемый родникъ безконечной любви къ несчастной старухѣ, для которой послѣ смерти сына нѣтъ уже радостей въ

жизни, и какъ въ волнахъ этой любви въ другому страдающему тонеть для Наташи ея личное горе.

Сынъ Джорджа и Амеліи вырастаетъ затѣмъ живымъ, даровитымъ, хотя и избалованнымъ мальчикомъ—въ «Войнѣ и мирѣ» Николенька, сынъ князя Андрея отъ перваго брака, является въ концѣ романа мальчикомъ съ какимъ-то особымъ, общающимъ много прекраснаго характеромъ.

Майору Доббину у Теккерея—у Толстого соотвѣтствуетъ Пьеръ: Доббинъ, какъ и Пьеръ, внѣшне неуклюжій, застѣпчивый человекъ, но человекъ благородный, съ живымъ сердцемъ и сильный духомъ; онъ полюбилъ Амелію съ перваго взгляда, но во время этой встрѣчи она была уже невѣстою его друга, Джорджа Осборна; Доббинъ никогда не переставалъ ее любить; все это—тѣ самыя черты, какими обрисованъ у Толстого Пьеръ, это тѣ самыя отношенія, въ какихъ у Толстого стоятъ Пьеръ, Наташа и князь Андрей. При всемъ добродушіи своемъ Доббинъ способенъ къ рѣзкимъ вспышкамъ гнѣва и имѣлъ случай гнѣвно вступить за Амелію, когда старый Осборнъ неуважительно о ней отозвался, раздраженный неугодною ему женитьбою сына,—и Пьеръ имѣлъ подобнаго же рода сцену изъ-за Наташи, правда, съ Анатолемъ. Въ концѣ концовъ Доббинъ дѣлается счастливымъ мужемъ Амеліи, и романъ закачивается кратко набросанными сценами ихъ благополучія,—такъ же вѣдь, заканчивается и «Война и миръ», а въ довершеніе сходства Пьеръ, женившись на Наташѣ, такъ же «занимается науками», какъ Доббинъ работаетъ надъ «Исторіей Пенджаба», и въ обоихъ романахъ выдвигается отношеніе Амеліи и Наташи къ этимъ научнымъ интересамъ ихъ мужей: Амелія прямо ревнуетъ мужа къ его «Исторіи», а Наташа, относясь съ благоговѣніемъ къ ученымъ занятіямъ Пьера, требуетъ за то, чтобы всѣми своими свѣтскими интересами, связями и привычками онъ безусловно жертвовалъ семьѣ.

Заполнено въ «Войнѣ и мирѣ» и то важное мѣсто, какое въ «Базарѣ житейской суеты» занимаетъ Ребекка Шарпъ. Ребекка—женщина умная, даровитая, проникательная и съ твердою волею, но совершенно безпринципная и даже безнравственная—насколько можетъ быть выведена безнравственная личность въ англійскомъ романѣ, въ силу твердо установившихся въ этой литературѣ традицій,—является въ романѣ Теккерея одною изъ главныхъ фигуръ. И Толстой этой фигуры въ «Войнѣ и мирѣ» не вычеркнулъ, но—къ явному преимуществу своего романа—ввелъ вмѣсто одной Ребекки двѣ фигуры. Онъ разъединилъ двѣ стороны характера, которыми обѣими у Теккера надѣлена одна Ребекка; у Теккерея это сдѣлано весьма искусно, но болѣе правдиво показать ихъ въ разныхъ людяхъ, какъ Толстой и сдѣлалъ: чрезвычайную пронырливость, можно сказать, пролазничество Ребекки онъ нарисовалъ въ лицѣ княгини Анны Михайловны,—въ частности, обѣ онѣ умѣютъ даже прибере-

гать на черный день деньги, ловко выпрашиваемыя ими и въ такое время, когда непосредственной нужды онѣ въ нихъ не имѣютъ; мѣсто же Ребекки Шарпъ въ тѣхъ положеніяхъ, когда она блистаетъ въ самыхъ высшихъ кругахъ общества, у Толстого заняла Эленъ Безухая.

Послѣ всего сказаннаго неужели еще можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что въ основѣ общаго плана «Войны и мира» лежитъ планъ «Базара житейской суеты»? Неужели возможно, что случайно явились тѣ самыя двѣ семейныя группы и одинъ человѣкъ между ними, какія ранѣе нарисовалъ Теккерей, неужели случайно Толстой связалъ ихъ именно тѣми самыми отношеніями, какія переплетаютъ ихъ у Теккерей, случайно привелъ ихъ исторію къ такому же концу, какой находимъ у Теккерей? Если это случайность, то, по истинѣ, безпримѣрная; заимствованія же подобнаго рода—въ литературѣ явленіе весьма нерѣдкое. На мой взглядъ, заимствованіе Толстымъ для «Войны и мира» общаго плана у Теккерей столь же несомнѣнно и очевидно, какъ несомнѣнно и очевидно безконечное превосходство русскаго романа предъ его англійскимъ прототипомъ, такъ какъ Теккерей написалъ романъ интересный и талантливый, а Толстой создалъ произведеніе гениальное, поистинѣ—великое.

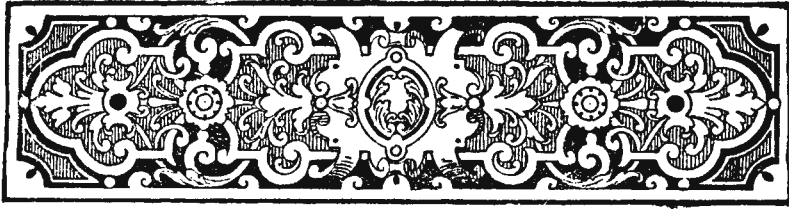
Я боюсь быть не вполне правильно кѣмъ-нибудь понятымъ и потому еще разъ подчеркиваю, что признаніе истины того, что я доказывалъ, ни въ самой малѣйшей степени не можетъ умалять великихъ, совершенно исключительныхъ достоинствъ «Войны и мира». Помимо того, что при лучшей, болѣе тонкой и глубокой разработкѣ характеровъ заимствованіе фабулы вообще совершенно незначительно и вполне позволительно—какъ въ научной области совершенно позволительно разработать тему, уже поставленную и разработанную другимъ, при томъ только условій, чтобы вторичная разработка была лучше первой,—надо имѣть въ виду еще слѣдующее: есть литературныя произведенія съ фабулами очень сложными, остроумно построенными и такъ хитро разработанными, что разрѣшеніе ихъ требуетъ большого искусства; образцомъ подобныхъ произведеній могутъ быть нѣкоторые романы Диккенса, на примѣръ, «Крошка Дорритъ», «Большія ожиданія» и др., у насъ нѣкоторые романы Достоевскаго, на примѣръ, «Братья Карамазовы». И, пожалуй, если бы кто-нибудь взялъ и обработалъ снова такую фабулу, это можно было бы поставить нѣсколько въ упрекъ. Но фабула «Базара житейской суеты»—совершенно проста, не сложнѣе фабулы какого-нибудь другого обширнаго романа,—и заимствованіе ея не представляетъ рѣшительно ничего, что хотя бы самымъ малѣйшимъ образомъ уменьшало достоинства «Войны и мира», такъ какъ фабула этого романа совершенно исчезаетъ предъ исключительно высокими достоинствами глубины, мысли и вѣрности психологическихъ наблюденій и построеній великаго русскаго писателя.

Прибавлю еще нѣсколько словъ. Есть, кажется мнѣ, еще въ другомъ произведеніи Толстого сцена, подтверждающая мысль, что онъ читалъ «Базаръ житейской суеты». Родонъ Кроли, мужъ Ребекки, безщабный и добродушный кутила, совершенно неожиданно попадаетъ въ долговую тюрьму. Онъ пишетъ оттуда женѣ, прося ее позаботиться о томъ, чтобы его выручить; въ отвѣтъ онъ получаетъ шутовское, хотя и въ ласковомъ тонѣ написанное извѣщеніе, что немедленно она ничего сдѣлать не можетъ. Его, однако, быстро выручаетъ жена его старшаго брата; неожиданно явившись къ себѣ домой, Родонъ Кроли застаётъ жену въ обществѣ поклонника, съ которымъ онъ былъ знакомъ, но никогда не подозрѣвалъ его отношеній къ женѣ,—они музицируютъ; Родонъ понимаетъ, что онъ обманутый мужъ, онъ бросаетъ своего врага на полъ и наноситъ ему по лицу ударъ, слѣды котораго остаются навсегда. «Я невинна, я невинна!»—кричитъ жена, пораженная мыслью, что мужъ ее убьетъ. Эта сцена очень напоминаетъ сцену внезапнаго возвращенія домой Позднышева въ «Крейцеровой сонатѣ».

Н. Чечулинъ.

ПАМЯТИ П. В. МАКСИМОВА.

ЕДЬМОГО ноября 1915 года въ Рио-де-Жанейро скончался на 63-мъ году отъ роду одинъ изъ выдающихся русскихъ дѣятелей на дипломатическомъ поприщѣ, бывшій посланникъ при правительствахъ республикъ Соединенныхъ Штатовъ, Бразиліи, Аргентинѣ, Парагваѣ и Урагваѣ, Петръ Васильевичъ Максимовъ.

Извѣщеніе о его смерти было опубликовано первоначально въ «Новомъ Времени» 13-го ноября его близкими родственниками, а 14-го въ той же газетѣ съ объявленіемъ о панихидѣ по скончавшемся посланникѣ выступило и министерство иностранныхъ дѣлъ.

Зная лично сына покойнаго и будучи хорошо осведомленъ, по разсказамъ очевидцевъ, въ бытность мою на югѣ объ энергичной и выдающейся дѣятельности на Ближнемъ Востоку самого П. В. Максимова, я также рѣшилъ почтить его свѣтлую память и отправился на объявленную министерствомъ иностранныхъ дѣлъ панихиду думая увидѣть на ней весь составъ этого министерства, пришедшій отдать послѣдній долгъ своему незаурядному товарищу и сослуживцу.

Но, къ великому моему изумленію, въ церкви, кромѣ сына покойнаго, его жены, меня и двухъ-трехъ знакомыхъ, никого не было, и только къ концу панихиды прибылъ какой-то одинъ представитель министерства, вѣроятно, изъ директоровъ департамента, который и простоялъ съ нами въ красивой позѣ минутъ десять, картинно заложивъ правую руку за бортъ элегантнаго сюртука и выставивъ правую, элегантно обутую ногу далеко впередъ.

Грустно было видѣть такое отношеніе со стороны бывшаго начальства и сослуживцевъ къ памяти того, кто отдалъ всѣ силы на служеніе родинѣ и до конца жизни проявлялъ неутомимую энергію въ дѣлѣ защиты ея интересовъ!

А между тѣмъ, если когда-либо на Ближнемъ Востокѣ престижъ Россіи и достигалъ высоты, недостигаемой для другихъ великихъ государствъ, то этимъ русскіе и въ особенности центральный органъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Петроградѣ были обязаны исключительно одному П. В. Максиму!

Въ дополненіе къ прекрасной характеристикѣ П. В. Максимова, напечатанной въ «Новомъ Времени» въ статьяхъ гг. А. Вознесенскаго и Инкогнито, считаю долгомъ изложить нѣкоторые факты и событія, касающіеся свѣтлой личности и дѣятельности покойнаго, сообщенные мнѣ, по случаю его кончины, однимъ изъ очевидцевъ этой дѣятельности на Ближнемъ Востокѣ.

«Когда я впервые пріѣхалъ въ Константинополь, а именно въ 1886 году,—шшетъ мнѣ этотъ очевидецъ въ пространномъ письмѣ,—Петръ Васильевичъ Максимовъ состоялъ вторымъ драгоманомъ при русскомъ императорскомъ посольствѣ, во главѣ котораго чрезвычайнымъ посломъ былъ А. И. Нелидовъ. Дѣятельность П. В. Максимова уже и тогда была въ полномъ разгарѣ, и личность перваго драгомана Иванова, получившаго впоследствии назначеніе на высокій постъ директора азіатскаго департамента въ Петроградѣ, невольно ступевывалась въ официальныхъ сферахъ Оттоманской имперіи, гдѣ главную роль игралъ все тотъ же П. В. Максимовъ. Будучи любимцемъ нынѣ въ Бозѣ почивающаго государя императора Александра III, П. В. Максимовъ пользовался большимъ почетомъ въ Петроградѣ, но, несмотря, однако, на свои солидныя связи съ тѣми, съ кѣмъ нужно, долгое время продолжалъ оставаться вторымъ драгоманомъ при посольствѣ въ Константинополѣ, не получая повышенія по службѣ, котораго безусловно заслуживалъ. Какъ бы страннымъ ни показалось это обстоятельство, оно имѣло свою цѣль и причину и служило для П. В. Максимова наивысшимъ поощреніемъ его полезной дѣятельности, такъ какъ оставленія его въ Турціи желалъ самъ государь императоръ, писавшій ему по этому поводу нижеслѣдующее:

«Ты будешь получать чины, ордена и прибавки къ содержанію, но будешь долго оставаться вторымъ драгоманомъ при моемъ посольствѣ въ Константинополѣ».

Такая воля императора Александра III въ отношеніи П. В. Максимова объяснялась тѣмъ, что Максимовъ былъ незамѣнимъ, какъ посредникъ императорскаго посольства въ Блистательной Портѣ и во дворцѣ султана. Первый драгоманъ находился при этомъ посольствѣ больше для представительства; функціи же посредника между посольствомъ и Портой, дѣла политическаго и ком

мерческаго характера выполнялись обыкновенно вторымъ драгоманомъ, П. В. Максимовымъ.

Въ этой роли П. В. Максимовъ дѣйствительно побилъ рекордъ. Не было случая, чтобы когда-нибудь ему не удалось добиться требуемаго отъ турецкаго правительства. А этому успѣху способствовала его обаятельная внѣшность, его умъ, сильный характеръ и прекрасное знаніе психологій турокъ, которые его любили, уважали, но одновременно его боялись и даже передъ нимъ дрожали отъ страха. Въ любомъ обществѣ П. В. Максимовъ былъ душою этого общества; въ дѣлѣ же и въ работѣ онъ былъ строгимъ руководителемъ, не дававшимъ никому поблажки. Въ драгоманатѣ чиновники также его любили и также его побаивались. Обладая высокимъ умомъ и прекрасной памятью, онъ обладалъ еще и умѣніемъ привлекать къ себѣ людей. Кто не только въ Константинополѣ, но и во всей Турціи не зналъ Максимова? Онъ умѣлъ поселиться, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ трудолюбивымъ и добросовѣстнымъ работникомъ. Онъ кутилъ, проводилъ безъ сна всю ночь напролетъ, но отъ дѣлъ не отходилъ ни на шагъ и къ утру всегда былъ уже на своемъ обычномъ мѣстѣ. Онъ былъ исключительный по натурѣ человекъ: добрый, ласковый, отзывчивый и веселый, а временами—злой, угрюмый и ужасный. Послѣднія свойства его характера проявлялись въ тѣхъ случаяхъ, когда ему что-либо временно не удавалось, когда ему противорѣчили или шли наперекоръ его желаніямъ. Но это были только минуты вспышки, и скоро онъ становился снова прежнимъ добрымъ и хорошимъ Максимовымъ! Будучи очень образованнымъ человекомъ и полиглотомъ, онъ владѣлъ въ совершенствѣ турецкимъ языкомъ, что ставило его высоко въ глазахъ турокъ; и дѣйствительно, изъ всѣхъ константинопольскихъ дипломатовъ Максимовъ былъ единственный, который, по своимъ познаніямъ въ этомъ языкѣ, по мнѣнію тѣхъ же турокъ, выше любого профессора турецкой литературы. Султанъ Абдуль-Гамидъ не разъ говорилъ А. И. Нелидову, а потомъ и Зиновьеву, что онъ «впервые въ жизни встрѣчаетъ европейца, такъ хорошо знающаго турецкій языкъ».

За время своего пребыванія въ Константинополѣ въ роли второго драгомана посольства П. В. Максимовъ положительно творилъ чудеса въ дѣлахъ этого посольства съ турецкимъ правительствомъ. Не было такого дѣла, которое поручалось бы Максиму и котораго онъ не довелъ бы до благополучнаго конца. Приведу нѣсколько примѣровъ его невѣроятной дѣятельности въ бытность его драгоманомъ.

Какъ вамъ извѣстно, послѣ войны 1877—1878 г. г. побѣжденное турецкое правительство обязалось уплатить Россіи громадную контрибуцію. Помимо того, за убытки, причиненные въ эту войну русско-подданнымъ, Оттоманская имперія, въ лицѣ своихъ предста-

вителей на Берлинскомъ конгрессѣ, дала подписку въ уплатѣ вознагражденія и этимъ русско-подданнымъ. Вотъ тутъ-то, въ области этихъ уплатъ и вознагражденій, и отличался отъ времени до времени П. В. Максимовъ, когда наше министерство иностранныхъ дѣлъ находило пужнымъ напомнить турецкому правительству о слѣдуемомъ съ него долгѣ. Тогда П. В. Максимовъ являлся собственной персоною въ Блистательную Порту съ требованіемъ немедленной выдачи ему той или иной части причитающейся Россіи суммы, и въ тѣхъ случаяхъ, когда ему не удавалось сразу покончить дѣло съ чиновниками, онъ безъ всякихъ размысленій отправлялся прямо во дворецъ къ султану Абдуль-Гамиду, отъ котораго уже никогда не уходилъ съ пустыми руками. Бывали случаи, когда по приходѣ во дворецъ онъ узнавалъ изъ доклада приближенныхъ къ султану лицъ, что «его величество изволить отдохнуть». На такое заявленіе П. В. Максимовъ неизмѣнно отвѣчалъ, что «ему необходимо видѣть его величество султана тотчасъ же», и потому просилъ не стѣсняться и немедленно разбудить «его величество»! Приближенные, зная натуру Максимова, а также и симпатію, питаемую къ нему султаномъ Абдуль-Гамидомъ, не противорѣчили и отправлялись въ опочивальню послѣдняго съ докладомъ что «шайтанъ Максимовъ велѣлъ разбудить его величество!» Каждый разъ послѣ такого доклада Абдуль-Гамидъ принималъ Максимова и хотя говорилъ ему съ улыбкою: «Шайтанъ, ты мнѣ и поспать не даешь вдоволь!» но каждый разъ вознаграждалъ его «султанскимъ ирадэ» на полученіе денегъ изъ государственнаго казначейства «Малліэ». При объясненіяхъ съ П. В. Максимовымъ не помогали никакіе доводы. Иногда бѣдный султанъ, будучи не въ духѣ, заявлялъ категорически, что никакихъ денегъ онъ въ настоящій моментъ дать не можетъ. Тогда Максимовъ просто-напросто говорилъ Гамиду: «А я не уйду отсюда, пока не получу денегъ!» И дѣло кончалось тѣмъ, что султанъ поневолѣ подписывалъ требуемую бумагу.

Какъ-то разъ П. В. Максимова снабдили «султанскимъ ирадэ» на полученіе крупной суммы изъ дирекціи оттоманской таможни. По приходѣ Максимова въ таможню и по предъявленіи имъ «ирадэ» главному директору онъ услышалъ отъ послѣдняго, что сейчасъ таможня такой крупной суммы заплатить не можетъ и потому просить получить пока только половину, а черезъ нѣсколько дней—остальные деньги. Выслушавъ это заявленіе, П. В. Максимовъ самымъ спокойнымъ образомъ вынулъ изъ жилетнаго кармана часы и, сунувъ ихъ въ носъ директору, сказалъ ему тономъ, не допускающимъ возраженія: «Если черезъ 20 минутъ я не получу всей суммы, я моментально пойду во дворецъ и доложу, что дирекція оттоманскихъ таможенъ не желаетъ признавать подписи его величества султана!»

Достаточно было ему произнести эту фразу, какъ всѣ чиновники таможи разбрелись по Стамбулу въ поискахъ за деньгами, причемъ имъ пришлось обратиться къ цѣлому ряду ростовщиковъ, чтобы получить заимообразно недостающую сумму денегъ для врученія ея Максиму.

Бывали и другіе случаи, болѣе курьезнаго характера. Вотъ одинъ изъ нихъ, хорошо сохранившійся въ моей памяти. Турецкая полиція страшно боялась Максимова. Однажды онъ встрѣтилъ на одномъ изъ пароходовъ Русскаго общества пароходства и торговли турецкаго полицейскаго. На заданный ему вопросъ, по какому праву онъ, турецкій полицейскій, влѣзъ на русскій пароходъ и вступилъ, такъ сказать, на русскую территорию, турокъ отвѣтилъ, что онъ просто проголодался и явился на пароходъ въ надеждѣ на то, что, быть можетъ, кто-нибудь изъ русскихъ угоститъ его «московъ борщъ». Это признаніе такъ понравилось Максиму, что онъ взялъ его подъ руку, свелъ въ буфетъ 2-го класса, приказалъ дать ему всевозможныхъ закусокъ, подать вина и водки и, угостивъ его на славу, отпустилъ восвояси, а самъ отправился къ турецкому министру полиціи просить о повышеніи по службѣ этого полицейскаго за доброжелательное отношеніе его къ Россіи вообще и къ русской кухнѣ въ частности. Само собой разумѣется, что ходатайство Максимова было тотчасъ же исполнено, и на слѣдующій день одурѣвшій отъ радости полицейскій явился благодарить Максимова уже въ формѣ околоточнаго надзирателя.

Въ числѣ прочихъ качествъ, свойственныхъ Максиму, была поразительная его неустрашимость. Во время армянскихъ беспорядковъ въ Константинополѣ онъ лично обходилъ всѣ кварталы Перы и спасалъ армянъ изъ рукъ разъяренной толпы. Достаточно было ему произнести свое имя, и толпа разступалась передъ нимъ съ безмолвнымъ почтеніемъ. Сколько сотенъ и даже тысячъ грековъ турецко-подданныхъ было спасено Максимовымъ изъ турецкихъ тюремъ, гдѣ они томилась, лишь благодаря ненависти турокъ къ христіанамъ, во времена Фехимъ-паши и ему подобныхъ варваровъ!

Всѣхъ заслугъ П. В. Максимова не перечестъ. Ихъ слишкомъ много. Но, какъ это бываетъ всегда со всѣми людьми талантливыми и одаренными свыше, и у Максимова, кромѣ друзей, искренно его любившихъ, были и враги, главнымъ образомъ—среди сослуживцевъ, которые изъ чувства зависти къ его успѣхамъ и популярности всячески старались отодвинуть его на задній планъ и повредить его служебной карьерѣ. Однако, несмотря на всѣ эти старанія, доброе имя Максимова было всегда на высотѣ, и никакія интриги не могли умалить его заслугъ и достоинствъ, признанныхъ всѣми правительствами, передъ коими онъ защищалъ интересы своей родины.

Перейдя въ 1891 году на должность перваго драгомана при посольствѣ въ Константинополь, П. В. Максимовъ оставался на этой должности не долго; въ 1903 году онъ получилъ назначеніе на постъ дипломатическаго агента въ Каирѣ, затѣмъ—посланника въ Цетиньѣ и, наконецъ, въ 1909 году былъ назначенъ въ Рио-де-Жанейро посланникомъ при правительствахъ республикъ Соединенныхъ Штатовъ Бразиліи, Аргентинѣ, Парагваѣ и Уругваѣ.

Въ 1895 году, передъ своимъ отъѣздомъ изъ Константинополя, во время армянской рѣзни въ этомъ городѣ П. В. Максимовъ спасъ Оттоманскій банкъ. Обстоятельства этого событія были слѣдующія. Нѣсколько человекъ армянъ, приговоренныхъ заочно къ смертной казни, желая избавиться отъ страшныхъ мученій и растерзанія ихъ на улицѣ дикой мусульманской толпой, запаслись бомбами и укрылись въ Оттоманскій банкъ съ твердымъ намѣреніемъ взорваться и умереть ужасной смертью, но причинивъ одновременно этой смертью огромный ущербъ оттоманскому правительству. Банкъ былъ оцѣпленъ войсками, и осужденные армяне были уже готовы, бросивъ бомбы, погибнуть подъ развалинами банка со всѣми находившимися въ немъ капиталами, служащими и посторонней публикой. Въ это время къ банку подоспѣлъ Максимовъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ, не теряя ни одной минуты, бросился въ зданіе банка, вступилъ въ переговоры съ армянами и, заручившись ихъ обѣщаніемъ спокойно ждать его обратнаго возвращенія, а отъ полиціи добившись согласія не принимать никакихъ рѣшительныхъ мѣръ, пока онъ вновь не пріѣдетъ, тотчасъ же отправился къ султану, которому сдѣлалъ слѣдующее категорическое предложеніе: «Даруйте мнѣ жизнь тѣхъ армянъ, которые выйдутъ вмѣстѣ со мною изъ Оттоманскаго Банка, и я обѣщаю вамъ спасти вашъ банкъ!»

Ошеломленный султанъ, конечно, согласился, и Максимовъ, получивъ отъ него соотвѣтствующее «ирадэ», вывелъ изъ банка приговоренныхъ къ смерти и, пройдя съ ними въ портъ сквозь разступившуюся передъ нимъ и не посмѣвшую ему сопротивляться экзальтированную толпу фанатиковъ-мусульманъ, посадилъ всѣхъ спасенныхъ имъ армянъ на стаціонеръ, отошедшій вскорѣ послѣ этого въ Марсель.

На слѣдующій день П. В. Максимовъ получилъ отъ дирекціи Оттоманскаго банка благодарственное письмо со вложенными въ него 5.000 турецкихъ фунтовъ, которые дирекція покорнѣйше просила его, Максимова, принять, какъ даръ, въ знакъ вѣчной и великой признательности этой дирекціи и всего турецкаго правительства за избавленіе ихъ Максимовымъ отъ неминуемаго краха и разоренія. Французское же правительство, узнавъ отъ своего представителя въ Константинополь о подвигѣ Максимова, пожа-

ловало ему орденъ Почетнаго Легіона «за спасеніе банка, съ которымъ были тѣсно связаны французскіе интересы».

О дѣятельности П. В. Максимова въ Каирѣ и Цетинѣ у меня, къ сожалѣнію, не имѣется достаточныхъ матеріаловъ для опубликованія ихъ въ печати. Что же касается дальнѣйшей, недавно лишь прекратившейся дѣятельности его въ Бразиліи, то о ней достаточно краснорѣчиво говорятъ тѣ похороны, которыя устроило ему бразильское правительство, глубоко цѣнившее его, какъ русскаго посланника. Похороны эти описаны подробно въ статьѣ г-на Инкогнито на страницахъ «Новаго Времени» и ясно указываютъ на глубокія симпатіи, завоеванныя покойнымъ у разноплеменнаго населенія Южной Америки не только лично къ себѣ, но и ко всей Россіи.

Добавлю еще ко всему этому нѣсколько словъ объ энергичной дѣятельности покойнаго П. В. Максимова во всѣхъ странахъ на экономическомъ поприщѣ, о той дѣятельности его, которая, въ сущности, должна была бы служить руководящимъ началомъ для всей нашей современной дипломатіи, но которая, къ сожалѣнію, постоянно встрѣчала отпоръ въ высшихъ дипломатическихъ сферахъ Петрограда и оставалась не использованной для блага Россіи. Не забудьте, что П. В. Максимовъ первый изъ всѣхъ иностранцевъ получилъ отъ султана «ирадэ» на концессию Багдадской желѣзной дороги, разрабатываемой теперь нѣмцами. Онъ получилъ также «ирадэ» на не использованную нами монополию нефтяныхъ складовъ для русской нефти, столь блестяще вытѣсненной теперь американской нефтью, несмотря на дальность разстоянія между Турціей и Америкой по сравненію съ близостью нашихъ южныхъ портовъ отъ турецкихъ портовъ Чернаго и другихъ морей. Тотъ же Максимовъ, будучи уже въ Бразиліи, открыто проводилъ идею о необходимости организациі пароходной линіи подъ русскимъ флагомъ между Южной Америкой и Россіей, но и эта идея не получила осуществленія, благодаря явному несочувствію планамъ Максимова въ высшихъ сферахъ Петрограда, а официально на томъ основаніи, что открытіе постоянной линіи между указанными странами увеличитъ массовую эмиграцію русско-подданныхъ и, въ особенности, евреевъ изъ Россіи въ Америку, т. е. вызоветъ явленіе чисто экономическое, которое все-таки возросло, но обогатило не наши, а нѣмецкія линіи.

Уже по однимъ изложеннымъ мною фактамъ можно судить о томъ, былъ ли энергиченъ, талантливъ и достоинъ болѣе высокаго назначенія покойный П. В. Максимовъ.

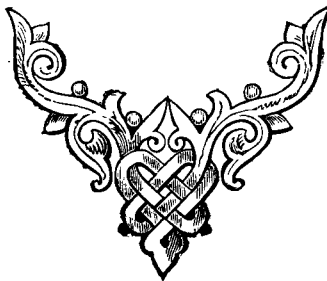
Но представьте себѣ, что, даже и зная всѣ эти факты, на мой вопросъ о томъ, почему такого талантливаго и работоспособнаго человѣка, какъ Максимовъ, руководители нашей внѣшней политики упорно держали гдѣ-то въ Америкѣ. тогда какъ въ столь

важные моменты—въ періодъ блокады Дарданелль и происшедшей затѣмъ высадки десанта въ Салоникахъ—онъ могъ бы принести огромную пользу именно тамъ, на родномъ и хорошо ему знакомомъ Ближнемъ Востокѣ, одинъ изъ служащихъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ съ презрительной улыбкою отвѣтилъ мнѣ слѣдующую несообразность:

— Куда же его можно было назначить, когда послѣдніе годы онъ пилъ запоемъ и буквально никуда не годился!

О, простота! Только,—увы!—не святая...

А. Фрейгангъ.

М. А. БАЛАКИРЕВЪ.

(Изъ воспоминаній.)

I.

УЗЫКАЛЬНАЯ дѣятельность Милія Алексѣевича Балакирева, этого «послѣдняго изъ могиканъ», связанныхъ съ Глинкинской эпохой, и основателя «могучей кучки», детально разобрана и оценена по заслугамъ какъ профессиональными критиками, такъ и вообще всѣми интересующимися музыкой — въ Россіи и за границей; что же касается подробной біографіи и характеристики самого автора, личности въ высшей степени своеобразной и замѣчательной, то, по всей вѣроятности, онѣ не заставятъ себя долго ждать и, конечно, найдутъ себѣ достойнаго и добросовѣстнаго историка. Пока же я считаю, со своей стороны, не лишнимъ подѣлиться съ обществомъ также и своими личными воспоминаніями о покойномъ композиторѣ и тѣми впечатлѣніями, которыя я вынесъ отъ знакомства съ нимъ.

Знакомство мое съ Миліемъ Алексѣевичемъ произошло слѣдующимъ образомъ: 4-го января 1904 года я получилъ отъ него письмо, которое привожу здѣсь дословно:

«Милостивый Государь

«Василій Петровичъ!

«Комиссія по сооруженію въ Петербургѣ памятника М. И. Глинкѣ поручила мнѣ сочинить кантату, которая будетъ испол-

нена на торжествѣ открытія памятника 20-го мая сего года. Изъ представленныхъ въ комиссію текстовъ для кантаты мой выборъ остановился на вашемъ текстѣ. Къ моему удовольствію, мой выборъ былъ поддержанъ членами комиссіи, но съ тѣмъ, чтобы вы сдѣлали въ немъ нѣкоторыя незначительныя перемѣны, касательно коихъ мнѣ поручено съ вами объясниться. Но такъ какъ этимъ дѣломъ нужно поспѣшить, то обращаюсь къ вамъ съ просьбой: не найдете ли удобнымъ пожаловать ко мнѣ завтра, въ понедѣльникъ, до 11 часовъ утра. Если это время окажется для васъ неудобнымъ, то завтра я буду дома послѣ 8-ми часовъ вечера. Если и въ это время вамъ неудобно будетъ со мной повидаться, то не откажите сообщить, когда бы возможно было вамъ пожаловать ко мнѣ. Примите увѣреніе въ совершенномъ къ вамъ уваженіи. М. Балакиревъ.

«P. S. При семь прилагаю вамъ свою карточку съ адресомъ».

На другой день, вечеромъ, я уже звонилъ у дверей квартиры Балакирева, въ домѣ № 7 по Коломенской улицѣ. (Въ этомъ домѣ и даже въ той же самой квартирѣ Милій Алексѣевичъ прожилъ, какъ говорятъ, безъ малаго тридцать лѣтъ). Двери мнѣ отворилъ молодой человекъ, одѣтый по-деревенски, въ высокихъ сапогахъ, исполнявшій, вѣроятно, должность лакея, а вслѣдъ за нимъ появился и самъ Милій Алексѣевичъ.

— Василій Петровичъ?!—встрѣтилъ онъ меня вопросомъ.

— Онъ самый!—отвѣчалъ я, снимая пальто и стараясь разглядѣть Балакирева.

— Очень радъ съ вами познакомиться,—продолжалъ Милій Алексѣевичъ:—прошу въ гостиную!

Изъ полутемной прихожей я вошелъ въ довольно просторную и свѣтлую гостиную, въ которой мнѣ бросились прежде всего въ глаза два большихъ концертныхъ рояля съ висѣвшимъ надъ однимъ изъ нихъ на стѣнѣ будуарнымъ, вдѣланнымъ въ широкое паспарту портретомъ Глинки съ собственноручной его, какъ оказалось послѣ, подписью.

Теперь я могъ вполне разглядѣть Балакирева. Это былъ выше средняго роста, плотный мужчина съ коротко стриженными сѣдыми волосами на головѣ, съ лысиной на передней части ея и съ такими же сѣдыми бородой и усамн (между прочимъ, очень схожій портретъ композитора дала фотографія Рентца и Шрадера, гдѣ онъ снимался по поводу 50-лѣтія своей музыкальной дѣятельности). Взглядъ большихъ круглыхъ глазъ Балакирева былъ замѣчательно энергичный, живой и проницательный и носилъ (да позволено мнѣ будетъ такъ выразиться) какой-то хищный рысій отгѣнокъ. Лицо было темноватое, какъ бы загорѣлое, шея же имѣла красивый геморондальный цвѣтъ. Какъ на характерную особенность лица покойнаго музыканта, укажу на большую шишку на верхней части его лба.

По живости движеній, быстротѣ взгляда и удивительно звучной и отчетливой рѣчи Балакирева вы никогда бы не догадались, что передъ вами старецъ, доживающій уже седьмой десятокъ лѣтъ.

Въ гостиной, кромѣ меня, сидѣлъ еще одинъ гость, полный блондинъ въ усахъ и съ длинной вьющейся шевелюрой. Это былъ музыкантъ, профессоръ консерваторіи Л. ¹⁾, съ которымъ Милій Алексѣевичъ и не преминулъ меня познакомить.

Профессоръ (оказавшійся причастнымъ къ юбилейному торжеству) скоро ушелъ, и мы остались съ Миліемъ Алексѣевичемъ одни.

Разговоръ, естественно, зашелъ о предстоящемъ торжествѣ постановки памятника Глинкѣ, а затѣмъ коснулся представленныхъ въ комиссію текстовъ для кантаты, литографированный сборникъ которыхъ Милій Алексѣевичъ показалъ мнѣ. Очень много было прекрасныхъ, прочувствованныхъ стихотвореній, но дѣло въ томъ, что авторы ихъ или слишкомъ уклонились отъ заданной темы, или же совершенно не считались съ музыкантомъ, на котораго выпала бы честь писать самую музыку, самостоятельно разбивъ стихотвореніе на сольные голоса, на хоры и т. п. Попадались и курьезные стихи, напримѣръ, въ одномъ стихотвореніи каждый куплетъ кончался такими словами:

«Славному Глинкѣ —
«Славныя поминки!..»

Милій Алексѣевичъ указалъ мнѣ на одно стихотвореніе, которое, наравнѣ съ моимъ, очень понравилось членамъ комиссіи. Оно, дѣйствительно, было очень граціозно и поэтично, но куплеты его заканчивались такъ:

«... И неслась эта пѣсня безъ словъ...»

— Развѣ бываетъ пѣсня безъ словъ! — произнесъ Милій Алексѣевичъ.

Затѣмъ перешли и на мой текстъ.

— Ваше коротенькое стихотвореніе удовлетворило, кажется, всѣхъ, — сказала Милій Алексѣевичъ: — оно также очень понравилось и Людмилѣ Ивановнѣ ²⁾, но конецъ его вамъ необходимо измѣнить. Вы пишете:

«Слава жъ тебѣ, музыкальный гигантъ,
«Слава, творецъ пѣснопѣнній,
«Славенъ вовѣки твой мощный талантъ,
«Славенъ безсмертный твой геній!..»

¹⁾ Ляпуновъ.

²⁾ Людмила Ивановна Шестакова, сестра М. И. Глинки, нынѣ покойная.

— Прежде всего, мнѣ не нравится здѣсь слово «гигантъ»... Ну, что такое «гигантъ»... «музыкальный гигантъ»—это и звучить некрасиво и ничего собою не выражаетъ...

Здѣсь Милій Алексѣевичъ поднялся съ кресла и сталъ ходить большими шагами по комнатѣ, оживленно жестикулируя.

— Можно сказать тогда «титанъ»,—вставилъ я.

— Ну, вотъ, еще лучше—«титанъ»... «Титанъ, титанъ, титанъ»,—троекратно передразнилъ меня Балакиревъ,—нѣтъ, это не подходитъ, да и слова все иностранныя. Хорошо бы сказать такъ:

— «Слава тебѣ, богатырь-музыкантъ»,—вотъ это будетъ вполне отвѣчать смыслу. Я бы послѣдній куплетъ написалъ такъ:

«Слава жъ тебѣ, богатырь-музыкантъ,
«Жизнь за царя» и «Руслана» намъ давшій,
«Слава тебѣ, гениальный талантъ,
«Основой искусства намъ ставшій»...

— Но, позвольте, Милій Алексѣевичъ,—взмолился я:—вѣдь у васъ здѣсь уже совершенно другой размѣръ, а потомъ «давшій» и «ставшій»—это очень уже не поэтично...

— Ну, такъ передѣлайте, какъ вамъ наиболѣе нравится, но только чтобы остался тотъ смыслъ, что Глинкѣ былъ для нашей русской музыки—основой искусства.

Я общался на другой же день доставить исправленный куплетъ.

— А затѣмъ,—продолжалъ Милій Алексѣевичъ,—скажите мнѣ, пожалуйста, почему это вы такого плохого мнѣнія о Россіи: вы пишете: «звуки (пѣсни) неслись среди чахлыхъ полей, по проселкамъ и пыльнымъ дорогамъ»... Почему чахлыя поля и почему пыльныя дороги, а пойдетъ дождь—вотъ вамъ уже и не пыльныя дороги...

Противъ послѣдняго аргумента я не могъ ничего возразить и скромно промолчалъ.

Видя, что я съ любопытствомъ разсматриваю висящій надъ роялемъ портретъ Глинки, Милій Алексѣевичъ сказалъ мнѣ:

— Эту подпись, которую вы видите подъ портретомъ, Михаилъ Ивановичъ сдѣлалъ мнѣ передъ послѣднимъ отъѣздомъ своимъ за границу и притомъ ранѣе, чѣмъ была готова сама карточка. Такъ что карточку мнѣ пришлось брать уже самому отъ фотографа, гдѣ Михаилъ Ивановичъ снялся въ послѣдній разъ.

Кажется, Милій Алексѣевичъ назвалъ фамилію Левицкаго.

— Вотъ, пойдѣте, я вамъ покажу еще нѣкоторыя гравюры, относящіяся къ Глинкѣ.

Мы прошли въ слѣдующую небольшую комнату, гдѣ Милій Алексѣевичъ указалъ мнѣ на двѣ-три гравюры, развѣшанныя по стѣнамъ, и одинъ дагерротипъ. Обратилъ я вниманіе еще на одну фотографію, изображавшую какую-то старушку, лежащую въ гробу.

Скоро я распрощался съ Миліемъ Алексѣевичемъ и прошелъ въ переднюю. Человѣка Балакиревъ куда-то услалъ, и, когда я снялъ свое пальто съ вѣшалки и сталъ надѣвать его, Милій Алексѣевичъ быстро вырвалъ его у меня изъ рукъ и хотѣлъ помочь мнѣ одѣться.

— Нѣтъ, это уже слишкомъ,— сказала я:— такой чести я вовсе не достоинъ...

— Ну, ну, ну,— почти прокричалъ Балакиревъ, крѣпко держа въ растопыренныхъ рукахъ мое несчастное пальто...

Прочтя во взглядѣ большихъ выразительныхъ глазъ Милія Алексѣевича непреклонную рѣшимость поступить все-таки по-своему, я надѣлъ пальто и покинулъ чудака-хозяина.

II.

На другой день, почти въ то же время, какъ и наканунѣ, я принесъ Милію Алексѣевичу измѣненный текстъ заключительнаго куплета, который его, кажется, удовлетворилъ. Вариантъ былъ слѣдующій:

«Слава тебѣ, незабвенный Баянъ,
«Лучшія тронувшій чувства...
«Жизнь за царя» и безсмертный «Русланъ»—
«Наша основа искусства!...»

— Вотъ это хорошо,— сказала Балакиревъ:— Глилки именно былъ баяномъ земли русской... Ну, пойдѣте же теперъ пить чай съ вареньемъ.

Мы прошли въ скромно убранную столовую, раздѣленную на-двое темной матерчатой перегородкой. Вторая половина комнаты служила, вѣроятно, спальней. Въ столовой сидѣлъ уже за стаканомъ чая какой-то свитскій офицеръ въ аксельбантахъ, оказавшійся потомъ композиторомъ К. ¹⁾, авторомъ недавно поставленной на Маринской сценѣ оперы изъ временъ крестовыхъ походовъ.

— Мой либреттистъ! — представилъ меня Милій Алексѣевичъ офицеру. Мы обмѣнялись привѣтствіями.

Послѣ чая всѣ прошли опять въ гостиную, гдѣ Милій Алексѣевичъ, сѣвъ за рояль и взявъ нѣсколько аккордовъ изъ «Жизни за царя», сталъ объяснять К., какъ онъ думаетъ воспользоваться нѣкоторыми глилкинскими тактами для заключительныхъ словъ кантаты:

«Жизнь за царя» и безсмертный «Русланъ»—
Наша основа искусства...

¹⁾ Покойный Н. И. Казанли, авторъ оп. «Мирада».

Вышло, дѣйствительно, очень грандіозно и эффектно.

Немного погодя К. ушелъ. Разговоръ нашъ съ Миліемъ Алексѣвичемъ скоро перешелъ на русскія пѣсни. Я, бывавшій нерѣдко въ Московской и Тульской губерніяхъ и часто слышавшій неподдѣльную русскую пѣсню, высказалъ свой взглядъ, что наши народныя пѣсни по напѣву слишкомъ однообразны, маломелодичны, а подчасъ даже и прямо какофоничны.

— Не относитесь такъ поверхностно къ національнымъ пѣснямъ, — возразилъ мнѣ Милій Алексѣвичъ: — въ бытность мою на Кавказѣ, куда я былъ командированъ для записи народныхъ напѣвовъ, я вынесъ въ первый разъ такое же впечатлѣніе отъ пѣсенъ грузинскихъ крестьянъ, но когда впослѣдствіи я детально разобрался въ мотивахъ и понялъ, если можно такъ выразиться, душу этихъ пѣсенъ, то пришелъ буквально въ восторгъ отъ богатства и своеобразности мелодій; то же можно сказать и про пѣсни, которыя съ незапамятныхъ временъ распѣваетъ наша матушка святая Русь... Кстати, вы напрасно написали въ началѣ текста «На обширныхъ равнинахъ Россіи родной». Непремѣнно замѣните слово «Россія» словомъ «Русь». Это приобрѣтаетъ гораздо болѣе характерный и мощный оттѣнокъ.

Скоро разговоръ нашъ перешелъ и на другія темы.

Узнавъ, что братъ мой художникъ и собирается писать картину на евангельскій сюжетъ, Милій Алексѣвичъ, взявъ съ этажерки небольшое евангеліе, сказалъ мнѣ:

— Отчего наши художники никогда не возьмутъ сюжетомъ для картины вотъ это мѣсто изъ Евангелія, — и онъ звучнымъ и умиленнымъ голосомъ прочелъ мнѣ съ 13-го по 16-й стихъ Евангелія отъ Луки (о томъ, какъ двое апостоловъ шли въ селеніе Эммаусъ и встрѣтили Христа, но не узнали Его).

— «Очи же ея держастѣся, да Его не познаста...» (но глаза ихъ были удержаны, такъ что они не узнали его) — повторилъ Милій Алексѣвичъ взволнованнымъ голосомъ 16-й стихъ, закрылъ Евангеліе и задумался...

— Попытки трактовать этотъ сюжетъ, — продолжалъ Милій Алексѣвичъ, — были у англійскихъ художниковъ, но центръ картины, фигура Христа, была передана очень грубо и матеріально, художникъ совершенно упустилъ изъ виду, что Христосъ здѣсь является апостоламъ уже послѣ распятія, и надо было приближаться, насколько это позволила бы техника современнаго живописнаго искусства, къ изображенію возможно большей астральности фигуры Спасителя...

Балакиревъ поцѣловалъ Евангеліе и бережно положилъ его на прежнее мѣсто...

Я простился съ Миліемъ Алексѣвичемъ, обѣщавъ прислать по почтѣ просимыя имъ измѣненія.

III.

Не прошло и недѣли, какъ я получилъ отъ Миліа Алексѣевича письмо, содержаніе котораго повергло меня въ немалое смущеніе. Милій Алексѣевичъ писалъ мнѣ:

«Многоуважаемый Василій Петровичъ. Я работаю въ настоящее время надъ кантатой, и теперь на дѣлѣ уже вижу, какъ согласовать мою музыку съ вашимъ текстомъ, въ которомъ мнѣ необходимо измѣнить одно слово: вмѣсто «въ ней душевная скорбь» я хочу написать «въ ней душевная мощь», о заунывности пѣсни было уже сказано у васъ раньше на 2-ой строкѣ, а между тѣмъ не одна же скорбь выразилась въ русской пѣснѣ, въ которъ много удали, молодчества и мощи. Надѣюсь, что вы ничего не будете имѣть противъ этой маленькой перемѣны. Вашъ всегда Балакиревъ. (Въ постскриптумѣ). Было бы грѣшно въ кантатѣ, написанной для прославленія нашего музыкальнаго отца, допустить такой узко односторонній взглядъ на русскую пѣсню, находя въ ней только скорбь и заунывность. Какъ вы думаете объ этомъ?»

Дѣло въ томъ, что стихотвореніе вылилось у меня прямо изъ сердца, и на немъ отразилось и то минорное настроеніе, въ какомъ я находился, когда писалъ стихи.

Замѣна слова «скорбь» діаметрально противоположнымъ ему словомъ «мощь» не только уничтожила элегическій тонъ всего стихотворенія, но даже и самый смыслъ его: вѣдь, что-нибудь одно: или заунывность, или мощь...

Я поспѣшилъ къ Балакиреву объясниться.

Милій Алексѣевичъ встрѣтилъ меня съ листомъ бумаги въ одной рукѣ и карандашомъ въ другой.

— Вотъ,—сказалъ онъ,—какую я думаю, съ вашего согласія, принять окончательную редакцію текста кантаты, и онъ громкимъ голосомъ началъ читать мнѣ:

«На обширныхъ равнинахъ Руси святой
«Заунывная—

и даже лучше, — прибавилъ онъ

«Разудалая

(Балакиревъ тотчасъ же написалъ это слово наверху)

...пѣснь раздавалась.

— Даже будетъ еще лучше, если мы скажемъ такъ: «раздавалась», — опять прибавилъ Милій Алексѣевичъ и сейчасъ же исправилъ на рукописи.

«За тяжелымъ трудомъ и т. д.

— Какъ у васъ. Затѣмъ 2-й куплетъ будетъ такъ:

«И душевная мощь, въ простотѣ безъ затѣй,
Въ первобытномъ напѣвѣ сказалася,
И неслась она средь необъятныхъ полей
По Руси... и въ сердцахъ отзывалася...

— Дальше,—сказалъ Милій Алексѣевичъ, заканчивая читать,—идеть все такъ же, какъ у васъ, за нѣкоторыми, самыми ничтожными измѣненіями...

Несмотря на то, что я съ жаромъ доказывалъ Милію Алексѣевичу, что комбинація выраженій: «за тяжелымъ трудомъ, за сохой-бороной», не совсѣмъ вяжется съ разудалостью и мощью пѣсни и что съ чисто технической стороны допущеніе въ двухъ смежныхъ строфахъ четырехъ глагольныхъ риемъ, какъ-то: раздавалася, слагалася, сказалася и отзывалася,—явленіе нежелательное, Милій Алексѣевичъ стоялъ на своемъ и мнѣ, скрѣпя сердце, пришлось уступить... Очевидно, музыканту нужны были мажоры, а не миноры.

Почему-то въ эту минуту я вспомнилъ исторію написанія либретто къ «Жизни за царя» барономъ Розеномъ. Какъ извѣстно, баронъ Розень не уступилъ Глинкѣ почти ни одного слова для измѣненія, и это было очень и очень прискорбно, ибо тогда дѣло обстояло совершенно иначе, а именно не музыка писалась на извѣстныхъ слова, а, наоборотъ, слова принаравливались (я бы выразился «натаскивались») къ готовому музыкальному размѣру, и поступиться тѣмъ или инымъ выраженіемъ было очень не трудно. Непонятное упрямство барона Розена сохранило намъ до настоящаго времени безобразное его либретто къ дивной Глинкинской музыкѣ.

— Но это еще не все,—прервалъ мои размышленія Балакиревъ:—мнѣ необходимъ, и притомъ въ самомъ непродолжительномъ времени, еще добавочный, такой же четырехстрочный куплетъ для solo, такъ какъ восьми строкъ мнѣ мало, куплетъ этотъ мы помѣстимъ послѣ словъ: «пріобрѣлъ ей безсмертную славу»... Можетъ быть, вамъ удастся даже сейчасъ набросать что-нибудь... Попробуйте-ка, благословясь,—ободрилъ меня Милій Алексѣевичъ, замѣтивъ мое вытянувшееся лицо.—Вотъ вамъ бумага, а вотъ и карандашъ, пристраивайтесь-ка здѣсь къ столу, да и пишите...

Собравъ все свое терпѣніе, я написалъ первыя три строчки куплета:

«И сияетъ она въ свѣтозарныхъ лучахъ,
Словно солнце на небѣ высокомъ,
«И побѣдно звучитъ въ благодарныхъ сердцахъ...

Скажу теперь (дѣло прошлое), что эти три строчки дались мнѣ съ очень и очень большимъ трудомъ, тѣмъ болѣе, что Милій Алексѣевичъ все время стоялъ у меня «надъ душой», или, вѣрнѣе, не стоялъ, а ходилъ взадъ и впередъ по гостиной, что-то напѣвая себѣ «подъ сурдинку», очевидно, онъ обдумывалъ свою музыку къ кантатѣ.

Дѣло стало за четвертой строчкой. Взглянувъ на часы, я увидѣлъ, что уже было около половины 12-го ночи. Желанье поскорѣе докончить куплетъ еще болѣе раздражало меня и замедляло ходъ работы. Я усипенно теръ себѣ разгоряченный лобъ и думалъ, что бы такое еще включить мнѣ на послѣдки... «Высокомъ», «глубокомъ», «далекомъ», мысленно подбиралъ я рѣшмы... Наконецъ и Милій Алексѣевичъ пересталъ ходить, пришелъ въ столовую и сталъ смотрѣть на меня какимъ-то полунасмѣшливымъ, полупрезрительнымъ взглядомъ.

— Вы бы себѣ хоть словарь рѣшмы купили,—язвительно произнесъ онъ:—я читалъ гдѣ-то, что продается такой... Дайте-ка мнѣ посмотрѣть, что вы насочиняли тутъ...

Я молча показалъ ему написанное.

— Ну, что же, прекрасно,—обрадовался онъ, пробѣжавъ строчки:—за чѣмъ же остановка: «И побѣдно звучить въ благодарныхъ сердцахъ, и... и... и...» Здѣсь наступилъ ужъ чередъ за Миліемъ Алексѣевичемъ помучиться присканіемъ соответствующихъ словъ для четвертой строчки...

— Постоите-ка,—напрягалъ свое воображеніе Балакиревъ:—«и побѣдно звучить въ благодарныхъ сердцахъ...» и... и... и... Что бы такое прибавить еще?—начиналъ нервировать Милій Алексѣевичъ, шагая по комнатѣ, а часы между тѣмъ давно уже перевалили за 12...

— Придумалъ, придумалъ!—закричалъ я, весь потный отъ волненія, съ сильнѣйшимъ сердцебіеніемъ въ груди и въ состояніи, близкомъ къ невмѣняемости:—«и несется въ пространствѣ далекомъ...»

— Ну, вотъ,—развелъ руками Балакиревъ:—придумали тоже «несется», и онъ нѣсколько разъ повторилъ:—«несется... несется»,; развѣ можно такъ сказать... Это курица, та вотъ, дѣйствительно, несется... У моего друга Жемчужникова (Кузьмы Пруткова) даже есть такая басня, (здѣсь Милій Алексѣевичъ привелъ слова басни которыя я теперь не могу вспомнить)...

— Позвольте,—возразилъ я:—а какъ же у Лермонтова въ его стихотвореніи «По синимъ волнамъ океана» говорится: «Корабль одинокій несется, несется на всѣхъ парусахъ».

Приведенный аргументъ наконецъ подѣйствовалъ на Милія Алексѣевича и сломилъ на этотъ разъ присущій ему духъ проти ворѣчія, къ величайшей моей радости.

Облегченно вдыхалъ я чистый морозный воздухъ полной грудью, поспѣшно удаляясь отъ дома № 7 по Коломенской улицѣ и давая себѣ слово никогда не дебютировать больше въ качествѣ либреттиста хотя бы и выдающихся композиторовъ.

Вотъ такимъ-то образомъ былъ написанъ текстъ юбилейной кантаты въ честь Михаила Ивановича Глинки, исполненной на торжествѣ открытія ему въ Петербургѣ памятника 3-го февраля 1906 года.

В. П. Глѣбовъ.

НАШИ ПЛѢННЫЕ ВО ФРАНЦИИ ВЪ 1854—55 ГОДАХЪ.

ПЕРЕЛИСТЫВАЮ старыя письма, и съ ихъ пожелтѣвшихъ страницъ льется въ душу столько любви и тепла. «Paris, 1854...» Тогда тоже была война, и авторъ этихъ писемъ, настоятель посольской церкви въ Парижѣ о. протоіерей Іосифъ Васильевичъ Васильевъ остался въ столицѣ враждебной страны, чтобы прійти на помощь своимъ плѣннымъ соотечественникамъ. Объ этой его пастырской дѣятельности и говорится въ письмахъ о. Васильева, адресованныхъ канцлеру Россійской имперіи графу Нессельроде, французскому военному министру маршалу Вальяну и другимъ лицамъ ¹⁾.

Въ переживаемое нами время весь міръ пораженъ безчеловѣчнымъ отношеніемъ германцевъ и австрійцевъ къ плѣннымъ. Разказы бѣжавшихъ изъ нѣмецкаго плѣна и возвращенныхъ въ Россію инвалидовъ свидѣлствуютъ о варварской жестокости врага и о полномъ забвеніи имъ самыхъ святыхъ велѣній культурной и религіозной совѣсти. Въ нѣмецкихъ лагеряхъ плѣнные живутъ въ построенныхъ наспѣхъ дошатахъ баракахъ или въ пещерахъ и ямахъ, вырываемыхъ ими въ мерзлой землѣ; они лишены теплой одежды и здоро-

¹⁾ Изъ приводимыхъ въ настоящемъ очеркѣ писемъ о. Васильева три письма къ гр. Н. А. Пратасову, К. С. Сербиновичу и А. И. Карасевскому напечатаны въ книгѣ Л. К. Бродскаго «Парижскія письма протоіерей Іосифа Васильевича Васильева къ оберъ-прокурорамъ Св. Синода и др. лицамъ». Петроградъ 1915 г. Остальныя же письма до настоящаго времени не были опубликованы.

вой пищи, они сотнями умираютъ отъ голоднаго тифа, а часовые беспощадно избиваютъ ихъ и прикалываютъ, принуждая къ непосильному, унижительному труду. Ужасно положеніе нашихъ плѣнныхъ, и мы почти безсильны помочь имъ. Развѣ можно убѣдить врага, который признаетъ только грубую силу и ставитъ ее выше права? Протесты и дипломатическія ноты... нѣмцы нагло смѣются надъ этими «клочками бумагъ».

Велики, безмѣрны страданія плѣнныхъ. Оторванные отъ семьи и родины, подчиненные исключительному по жестокости режиму, они лишены и духовнаго утѣшенія—церковнаго богослуженія, пастырскаго слова. А какое было бы великое счастье для нихъ, если бы пришелъ къ нимъ «пастырь добрый» утѣшить, омыть душевныя раны, утѣшить глубокую скорбь!

Читая письма о. Васильева, невольно думаешь объ этомъ и сравниваешь положеніе нашихъ плѣнныхъ тогда и теперь. Болѣе шести десятилѣтій отдѣляетъ насъ отъ той эпохи, великія завоеванія сдѣлала съ тѣхъ поръ человѣческая мысль въ области морали и права, но тѣмъ глубже и несоизмѣримѣе разница въ отношеніи къ плѣнному врагу со стороны Франціи 60-хъ годовъ и современной «культурной» Германіи.

Помимо личнаго обаянія имени автора, одного изъ виднѣйшихъ дѣятелей православной церкви на Западѣ, письма о. Васильева представляютъ для насъ въ переживаемое время особую историческую цѣнность. Въ нихъ подробно описывается положеніе нашихъ плѣнныхъ во Франціи въ Севастопольскую кампанію, и они одновременно служатъ прекраснымъ памятникомъ ихъ автору—этому «пастырю доброму» отторгнутаго отъ родныхъ полей духовнаго стада—и нашей теперешней союзницѣ благородной Франціи, на знаменахъ которой всегда было начертано рыцарское отношеніе къ врагу.

I.

Когда вслѣдствіе начала военныхъ дѣйствій съ Турціей русское посольство покинуло Парижъ, единственными представителями Россіи во Франціи остались члены причта посольской церкви, съ о. Васильевымъ во главѣ. Покидая столицу Франціи, русскій генеральный консулъ обратился къ французскому министру иностранныхъ дѣлъ съ просьбой объ оставленіи капеллы русскаго посольства въ Парижѣ, съ подчиненіемъ ея саксонскому посланнику барону Зеебаху, который на время войны принялъ на себя защиту правъ оставшихся во Франціи русскихъ подданныхъ. Побужденіемъ къ такой просьбѣ было выставлено то соображеніе, что тяжело было бы лишити духовной помощи больныхъ русскихъ, не имѣвшихъ силъ оставить предѣлы Франціи.

Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, выслушавъ это ходатайство, заявилъ, что для разрѣшенія его ему необходимо предварительно снестись съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Было очевидно, что французское правительство опасается дать свое согласіе на оставленіе русской посольской капеллы въ Парижѣ, такъ какъ это дало бы возможность нашимъ единовѣрцамъ грекамъ, славянамъ, валахамъ и др. посѣщать русскую церковь и поддерживало бы въ нихъ вліяніе Россіи «въ соотвѣтствіи съ восточнымъ вопросомъ». Въ виду уклончиваго отвѣта французскаго правительства положеніе православной церкви въ Парижѣ въ первое время войны было крайне неопредѣленнымъ.

«Полиція уже собираетъ свѣдѣнія о нашей жизни, образѣ мыслей, вліяніи, — пишетъ о. Васильевъ ¹⁾. — Я не имѣю съ этой стороны никакихъ опасеній, ибо всѣ служащіе при нашей капеллѣ отличаются скромной и осторожной жизнью. Въ ожиданіи рѣшенія въ будущемъ всецѣло предаюсь волѣ Божіей».

Очевидно, собранныя французскимъ правительствомъ свѣдѣнія были благопріятны, такъ какъ причтъ нашей православной церкви не былъ до конца войны удаленъ изъ Парижа. Слѣдуетъ отмѣтить также, что члены причта не были стѣснены даже въ правѣ передвиженія, что дало о. Васильеву возможность посѣтить для отправленія церковныхъ требъ Женеву, Бернъ, Гейдельбергъ, Висбаденъ, Льежъ и Брюссель, откуда имъ и было отправлено письмо, отрывокъ изъ котораго приведенъ выше.

«Все это путешествіе, — пишетъ о. Васильевъ въ томъ же письмѣ, — живо напомнило мнѣ первенствующія времена христіанства, когда пастыри церкви на пути изъ одного града въ другой раздѣляли вѣрующимъ слово жизни и питали хлѣбомъ животнымъ, спешившимъ съ небесъ».

Кругъ дѣятельности о. Васильева, состоявшей первоначально въ отправленіи богослуженія въ парижской церкви и подачѣ духовной помощи проживавшимъ въ Парижѣ православнымъ, вскорѣ значительно расширился. Нензбѣжнымъ слѣдствіемъ войны явилось прибытіе во Францію русскихъ военноплѣнныхъ, и нашимъ правительствомъ было возложено на о. Васильева порученіе «оставить нашимъ несчастнымъ помощь, назначенную имъ великодушнымъ и христіанскимъ сердцемъ государя императора».

Первую партію нашихъ военноплѣнныхъ, доставленныхъ во Францію, составлялъ гарнизонъ крѣпости Бомарзундъ на островѣ Аландѣ, сдавшійся послѣ храброй обороны и взрыва фортовъ. вмѣстѣ съ гарнизономъ былъ захваченъ въ плѣнъ и комендантъ крѣпости, генералъ Бодиско. Гарнизонъ Бомарзунда былъ помѣ-

¹⁾ Письмо къ директору хозяйственнаго управленія при св. синодѣ К. С. Сербиновичу отъ 16-23 мая 1854 года. См. Бродскій, стр. 162.

щенъ на островѣ Aix, а генералъ Бодиско съ двумя офицерами поселился въ городѣ Еугеих, добровольно избранномъ имъ для жительства.

По полученіи письма отъ графа Нессельроде, въ которомъ сообщалось возложенное на него русскимъ правительствомъ порученіе, о. Васильевъ немедленно рѣшилъ посѣтить плѣнныхъ и въ тотъ же день явился къ саксонскому посланнику барону Зеебаху, «прося его посредничества и совѣтовъ для точнаго и успѣшнаго исполненія дѣла».

Баронъ Зеебахъ отнесся къ миссіи о. Васильева съ большимъ участіемъ и устроилъ ему свиданіе съ военнымъ министромъ Франціи, маршаломъ Вальяномъ.

Свиданіе это состоялось 12 (24) сентября 1854 года; вотъ какъ описываетъ его о. Васильевъ¹⁾:

«Баронъ Зеебахъ представилъ меня военному министру для объясненій. Я счелъ приличнымъ и благоразумнымъ явиться туда въ одеждѣ священника, чтобы дать дѣлу истинный его смыслъ. На вопросъ маршала Вальяна: зачѣмъ я ѣду и что намѣренъ тамъ дѣлать?—я отвѣчалъ, что цѣль моей поѣздки есть подать духовную и матеріальную помощь плѣннымъ. Первая будетъ состоять въ богослуженіи, въ утѣшеніи, въ преподаваніи таинствъ больнымъ, въ наставленіи всѣхъ въ доброй жизни, послушаніи, порядкѣ, пристойности. Вторая—въ разданіи той помощи сообразно съ нуждами, которую по отеческой заботливости назначилъ имъ государь императоръ всероссійскій. Маршалъ Вальянъ, замѣтивъ мимоходомъ, что всѣ нужды плѣнныхъ будутъ удовлетворены, что Франція на сей счетъ всегда отличалась великодушіемъ и щедростью, присовокупилъ: *«votre mission est toute évangélique et conforme au caractère dont vous êtes revêtu, et je ferai tout de ma part pour contribuer à son accomplissement»* ²⁾.

«Я предупредилъ господина военнаго министра, что сначала намѣренъ я отправиться къ генералу Бодиско, какъ для узнанія его нуждъ, такъ и для полученія свѣдѣній о положеніи, въ какомъ онъ оставилъ своихъ подчиненныхъ, а затѣмъ на островъ Эксъ».

Предвидя, что плѣнные могутъ терпѣть нужду въ бѣльѣ и обуви, о. Васильевъ тогда же испросилъ у маршала Вальяна разрѣшеніе на пріобрѣтеніе ихъ для плѣнныхъ по казенной цѣнѣ изъ государственныхъ магазиновъ въ Рошфорѣ и Ларошели.

Получивъ письменное разрѣшеніе на посѣщеніе плѣнныхъ, о. Васильевъ 14 (26) сентября 1854 года, черезъ день послѣ своего

---

¹⁾ Не опубликованное письмо къ графу Нессельроде отъ 4 (16) октября 1854 года.

²⁾ Въ на миссія совершенно евангельская и соответствуетъ характеру одежды, въ которую вы облечены, и я сдѣлаю все съ своей стороны, чтобы способствовать ея выполненію.

свиданія съ маршаломъ Вальяномъ, отправился въ городъ Евгеух, гдѣ посѣтилъ генерала Бодиско, проживавшаго съ семействомъ въ «Гостиницѣ Великаго Оленя» (Hôtel du Grand Cerf); тамъ же поѣщались и два плѣнныхъ офицера: капитанъ Теше и штабсъ-капитанъ Викбергъ. Не получивъ еще отъ французскаго правительства денегъ, плѣнные жили въ кредитъ и нуждались въ одеждѣ и обуви.

«Я вручилъ генералу Бодиско для его нуждъ, его семейства и находящихся съ нимъ офицеровъ шестьсотъ франковъ, и онъ принялъ сію помощь съ благоговѣйной благодарностью за щедроты и великодушную попечительность государя императора. Къ моему крайнему сожалѣнію, я долженъ былъ ограничиться одною помощью генералу Бодиско и не могъ узнать отъ него о числѣ плѣнныхъ и положеніи, въ которомъ они оставили островъ Аландъ. Отправившись прежде всѣхъ и на особомъ пароходѣ въ Гавръ, бывший комендантъ Бомарзунда не зналъ, какъ произошло перевезеніе и раздѣленіе плѣнныхъ между враждебными намъ державами».

Изъ Евгеух о. Васильевъ предпринялъ путешествіе на островъ Аіх, находящійся въ устьѣ рѣки Шаронны, между островами Ré, Olegon и Madame.

Островъ этотъ имѣетъ всего 2 километра въ длину и 500 метровъ въ ширину; на немъ въ описываемое нами время была расположена деревня съ населеніемъ въ 450 человекъ. На двухъ противоположныхъ концахъ острова Аіхъ были сооружены форты, а между ними находились зданія казармъ.

На этотъ островокъ Атлантическаго океана 15-го сентября 1854 года были высажены наши плѣнные послѣ 20-дневнаго плаванія съ острова Аланда.

Въ томъ же письмѣ къ графу Нессельроде о. Васильевъ такъ описываетъ свое пребываніе на островѣ Аіхъ:

«Я прибылъ на островъ Аіхъ 20 сентября (1 октября) и, предъявивъ коменданту полномочіе, данное мнѣ французскимъ военнымъ министеромъ на свободный доступъ къ плѣннымъ, навѣстилъ гг. плѣнныхъ офицеровъ; осмотрѣлъ ихъ жилища, освѣдомился объ ихъ нуждахъ. Затѣмъ въ сопровожденіи подполковника Клингстена осмотрѣлъ всѣ казармы. Глубоко и печально была я тронута при видѣ нашихъ добрыхъ и храбрыхъ воиновъ, встрѣтившихъ меня съ любовью и радостью. Ихъ радость возросла и ихъ сердце исполнилось благоговѣйной благодарности, когда я имъ объявилъ, что я прибылъ къ нимъ по волѣ и мысли августѣйшаго монарха нашего, который, несмотря на многочисленность дѣлъ и тяжесть заботъ своихъ въ Россіи, помнить и отечески заботится о плѣнникахъ и прислалъ меня утѣшить ихъ и оказать имъ помощь. Послѣ благоговѣйнаго молчанія со всѣхъ сторонъ послышались восклицанія: «благодаримъ добраго государя нашего; онъ любитъ и помнить насъ: мы вѣрно служили и будемъ служить ему».

Въ теченіе своего перваго восьмидневнаго пребыванія на островѣ Aix o. Васильевъ имѣлъ возможность подробно ознакомиться съ условіями жизни нашихъ плѣнныхъ, которыхъ тамъ въ то время было 1054 человекъ.

Плѣнныхъ русскихъ офицеровъ о. Васильевъ нашелъ размѣщенными въ зданіи, предназначенномъ для жилища французскихъ инженеровъ. Несмотря на нѣкоторыя неудобства: небольшое число комнатъ, отсутствіе мебели и т. п., помѣщеніе это было въ общемъ сносное. Впослѣдствіи русскимъ плѣннымъ офицерамъ не приходилось терпѣть и этихъ неудобствъ, такъ какъ французское правительство разрѣшило имъ избрать для жительства любой городъ Франціи, кромѣ Парижа.

Каждый изъ офицеровъ получалъ по $1\frac{1}{2}$ солдатской порціи въ день. По избраніи плѣнными офицерами мѣста жительства имъ было назначено денежное содержаніе по тарифу, составленному въ 1837 году. Согласно этому тарифу генераль получалъ 166 франковъ въ мѣсяць, полковникъ—100 фр., подполковникъ—80 фр., майоръ—75 фр., капитанъ—50 фр., штабсъ-капитанъ—37 фр., и низшіе офицеры по 29 фр. Содержаніе это было, по словамъ о. Васильева, недостаточно, и вскорѣ французское правительство увеличило его приблизительно въ $1\frac{1}{2}$ раза.

Для плѣнныхъ нижнихъ чиновъ были предназначены двѣ находившіяся на островѣ казармы и помѣщенія форта Liédot. Между двумя рядами казармъ находился продолговатый дворъ для прогулокъ. Впрочемъ, плѣнные пользовались безпрепятственной прогулкой по площади, городу и всему острову до 6 часовъ вечера.

Казармы, по свидѣтельству о. Васильева, были «удобны для помѣщенія, сухи и здоровы». Помѣщенія форта Liédot были менѣе удовлетворительны влѣдствіе сырости и плохого воздуха. На эти недостатки, еще до посѣщенія плѣнныхъ о. Васильевымъ, было обращено вниманіе комендантомъ острова и докторомъ.

Каждый плѣнный солдатъ получалъ ежедневно $1\frac{1}{2}$ фунта бѣлаго пшеничнаго хлѣба, $\frac{1}{2}$ фунта мяса и для прибавленія въ супъ 60 граммовъ турецкихъ бобовъ (haricots). Эта порція какъ разъ соответствовала пайку французскаго солдата.

«Я отвѣдалъ хлѣбъ, говядину и супъ плѣнныхъ,—пишетъ о. Васильевъ,—и нашелъ ихъ весьма хорошаго качества. Наши воины въ одинъ голосъ засвидѣтельствовали то же самое».

Единственное, что возбуждало нѣкоторое неудовольствіе плѣнныхъ, это недостаточное, по ихъ мнѣнію, количество хлѣба и жидкость супа. Плѣнные жаловались на «малость и бездушность» французскаго хлѣба и говорили о. Васильеву: «этотъ хлѣбъ совсѣмъ не насыщаетъ за обѣдомъ: хорошо бы съѣсть по куску такого хлѣба послѣ обѣда для забавы». Многіе предлагали даже уменьшить порцію говядины, лишь бы имѣть прибавку хлѣба.

«Въ самомъ дѣлѣ,—пишетъ о. Васильевъ графу Нессельроде,— можетъ ли русскій солдатъ, питавшійся тремя фунтами прекраснаго чернаго хлѣба, сытными русскими щами и кашею, можетъ ли онъ насытиться назначенною во Франціи порціею? Тщетно я доказывалъ имъ, что бѣлый хлѣбъ питателенъ, что здѣшній климатъ и неподвижная ихъ жизнь требуетъ меньшее количество пищи, мои доводы не дѣйствовали на ихъ голодные желудки».

Работы были необязательны для плѣнныхъ и заключались въ насыпкѣ землянаго вала; за этотъ трудъ плѣннымъ платили небольшое вознагражденіе. Инженерный капитанъ, подъ руководствомъ котораго работали плѣнные, обратился къ о. Васильеву съ вопросомъ: одобряетъ ли онъ назначеніе плѣнныхъ на работы? О. Васильевъ отвѣтилъ, что «умѣренныя работы полезны, удаляя отъ праздности и улучшая положеніе плѣнныхъ. Безъ послѣдняго же условія онѣ будутъ тягостны и прискорбны».

Во время перваго посѣщенія о. Васильевымъ плѣнныхъ они еще не получили одежды и обуви, заказанной для нихъ французскимъ правительствомъ; и потому терпѣли нужду въ этомъ отношеніи. Однако бѣлье мѣнялось каждую недѣлю, и, благодаря теплomu климату, плѣнные пользовались купаньемъ въ морѣ. Каждый плѣнный получилъ отъ французскаго правительства соломенный матрацъ и шерстяное теплое одѣяло.

Состояніе здоровья плѣнныхъ было весьма удовлетворительнымъ. На островѣ былъ оборудованъ лазаретъ, въ которомъ о. Васильевъ нашелъ 16 человѣкъ больныхъ! За исключеніемъ одного—чахотчнаго, у всѣхъ остальныхъ были легкія неопасныя болѣзни, какъ-то: лихорадка и расстройство желудка. Лазаретомъ завѣдывалъ военный докторъ Lécard, «котораго ревность, внимательность, познанія и попеченіе о больныхъ заслуживаютъ всяческую похвалу. По случаю посѣщенія больницы я высказалъ ему искреннюю благодарность. Содержаніе больницы чисто и опрятно, воздухъ свѣжъ и благоарастворенъ».

«Докторъ, попеченію котораго ввѣрены наши плѣнные,—пишетъ о. Васильевъ въ другомъ письмѣ¹⁾,—врачуетъ ихъ съ отличнымъ вниманіемъ и христіанскимъ челоуѣколюбіемъ. Я не разъ замѣтилъ, что онъ посылалъ больнымъ отъ своего стола по одной и даже по двѣ порціи бульону. Для сокращенія издержекъ сего достойнаго и добраго челоуѣка и въ пользу больныхъ я опредѣлилъ 100 франковъ».

Не менѣе лестный отзывъ даетъ о. Васильевъ и о комендантѣ острова Aix, капитанѣ карабинеровъ Hérisant. О. Васильевъ говоритъ о немъ, какъ о челоуѣкѣ «очень добромъ, радушномъ и чело-

¹⁾ Не опубликованное письмо къ директору департамента внутреннихъ сношеній министерства иностранныхъ дѣлъ Л. Г. Сенявину отъ 25 ноября (6 декабря), 1854 года.

вѣсколюбивомъ, который обходился съ плѣнными ласково и всѣми силами старался объ ихъ спокойствіи и улучшеніи ихъ участи».

Для надзора за плѣнными въ одномъ изъ фортовъ (Fort de la Rade) былъ поставленъ гарнизонъ изъ 200 линейныхъ солдатъ. Кромѣ того, для наблюденія за порядкомъ въ деревнѣ тамъ находились 20 жандармовъ. Всѣ эти военныя силы находились подъ главнымъ начальствомъ капитана Hérisant.

Если плѣнные не могли ни на что пожаловаться въ отношеніи къ нимъ властей острова Aix, то поведеніе мѣстныхъ жителей-французовъ вызывало среди нихъ многочисленныя жалобы; жители острова Aix эксплуатировали плѣнныхъ, скупая у нихъ вещи за ничтожную цѣну, принимая отъ нихъ русскую монету за полцѣны и т. п.

«Сколько я нашелъ благосклонными и человѣколюбивыми военныя власти, надзору коихъ вѣрены наши плѣнные, столько жителей острова своекорыстными и недобросовѣстными»,—читаемъ мы въ письмѣ о. Васильева къ графу Нессельроде.

На обратномъ пути съ острова Aix о. Васильевъ, проѣзжая черезъ Ларошель, обратился къ префекту, въ управленіи котораго находился островъ Aix, съ жалобой на жителей острова. Префектъ внимательно выслушалъ о. Васильева и обѣщаль положить конецъ «ихъ обманамъ и алчности». Дѣйствительно, вскорѣ о. Васильевъ узналъ, что префектъ опредѣлилъ трехмѣсячное тюремное заключеніе и штрафъ въ 300 франковъ «всякому, кто будетъ замѣченъ въ притяжательности и обманѣ противъ русскихъ плѣнныхъ».

Поведеніе нашихъ плѣнныхъ, по личному наблюденію о. Васильева и по единогласнымъ отзывамъ администраціи острова Aix, было выше похвалъ.

«Я замѣтилъ въ нихъ,—пишетъ о. Васильевъ,—неизмѣнную преданность къ августѣйшей особѣ благочестивѣйшаго монарха нашего, пламенную любовь къ отечеству, выражающуюся въ глубокой грусти объ удаленіи отъ него, теплыя чувства вѣры и молитву, спокойствіе, порядокъ, кротость. Г. комендантъ сказалъ мнѣ: «Je n'ai qu'à me louer de la conduite exemplaire des prisonniers. Jusqu'à ce jour je n'ai eu aucune plainte contre eux»¹⁾. Жители и посѣтители острова тоже удивляются кротости, добротѣ и пристойности плѣнныхъ.»

О. Васильевъ рассказываетъ о похвальномъ поступкѣ одного плѣннаго рядового изъ дворянъ, Николая Зехтена, получившаго при первой бомбардировкѣ Бомарзунда георгіевскій крестъ и бывшаго знаменосцемъ во время второй бомбардировки.

«Сей молодой воинъ,—читаемъ мы въ письмѣ о. Васильева къ

¹⁾ Я могу только хвалить образцовое поведеніе плѣнныхъ. До сего дня ко мнѣ не поступило ни одной жалобы на нихъ.

Л. Г. Сенявину, —прекрасно владѣя французскимъ языкомъ, добровольно вызвался быть переводчикомъ въ больницѣ и ежедневно обходить больныхъ съ докторомъ, сообщая ему ихъ болѣзни и нужды, Французское правительство предложило ему за его труды пятьдесятъ франковъ въ мѣсяцъ, но онъ не принялъ сего жалованья, сказавъ: «Я имѣю въ виду служить не французскому правительству, а моему всемилостивѣйшему государю императору и пользамъ моихъ соотечественниковъ». Сей благородный поступокъ г. Зехтена, а равно и все его достойное поведеніе возбудили къ нему всеобщее уваженіе, и я, по совѣту коменданта острова Экса, просилъ въ министерствѣ г. Зехтену офицерское содержаніе, что мнѣ и было обѣщано. Комендантъ съ своей стороны просилъ объ этомъ военное начальство».

«Двѣ же статьи, которыя прочитаны мною въ журналахъ,—пишетъ о. Васильевъ графу Нессельроде,—гдѣ говорится о невоздержанности плѣнниксъ и о мнимыхъ бесѣдахъ нашихъ офицеровъ насчетъ недостаточности системы нашихъ укрѣпленій, худого образованія войскъ и политическихъ сужденій, все это есть постыдная ложь и черная клевета, которыми недобросовѣстный журналистъ исполнилъ чашу скорби бѣдныхъ плѣнниковъ. Офицеры говорили мнѣ объ этомъ съ глубокой грустью, а комендантъ съ негодованіемъ и съ готовностью обличить лжецовъ».

Очень порадовала о. Васильева при его посѣщеніи острова Aix религіозность плѣнныхъ. «Я весьма былъ утѣшенъ,—пишетъ онъ,—при видѣ неизмѣнной природы, сердца и вѣры русскаго воина. Помѣстившись въ негостепріимныхъ казармахъ, они тотъ же часъ положили въ нихъ свою печать, развѣсивъ по стѣнамъ святаыя иконы и крестики».

При такомъ религіозномъ настроеніи плѣнныхъ легко представить себѣ, какую радость вызвало среди нихъ присутствіе о. Васильева на о. Aix. Изъ письма къ графу Пратасову¹⁾ мы узнаемъ, что о. Васильевъ ежедневно въ теченіе всего времени своего пребыванія на островѣ совершалъ для плѣнныхъ богослуженіе.

«Прибывъ на островъ Эксъ, я избралъ болѣе чистую и просторную казарму для совершенія въ ней всенощныхъ бдѣній и кievскихъ обѣдницъ. Соображаясь съ печальнымъ положеніемъ плѣнниковъ, требующимъ обильнаго утѣшенія вѣры и молитвы, я совершалъ богослуженіе каждый день въ десять часовъ утра.

«Въ первое мое путешествіе на островъ Эксъ я бралъ съ собою одного пѣвчаго нашей церкви, синодскаго регистратора Алексѣя Копорскаго, который похвальнымъ стараніемъ образовалъ изъ двѣнадцати военноплѣнныхъ довольно согласный хоръ пѣвчихъ.

¹⁾ Письмо къ оберъ-прокурору Св. Синода графу Н. А. Пратасову отъ 1 (13) декабря 1854 года. Напечатано у Бродскаго, стр. 164.

Символь же вѣры и молитву Господню я приказаль пѣть всѣмъ присутствующимъ вѣрнымъ. Назидательно и умилительно это православное богослуженіе въ бѣдной казармѣ, среди душъ простыхъ и вѣрующихъ, испытанныхъ несчастіемъ плѣна».

Не довольствуясь совершеніемъ богослуженій, о. Васильевъ ежедневно произносилъ плѣннымъ поученія, наставляя ихъ въ правилахъ вѣры и доброй жизни. Онъ посѣщаль ежедневно и больныхъ, «преподавая имъ утѣшеніе и раздѣляя житейскія облегченія». Всѣхъ больныхъ о. Васильевъ исповѣдалъ и приобщилъ св. таинъ. Также была имъ совершена панихида по всѣмъ павшимъ во время осады Бомарзунда.

«Во время осады крѣпости Бомарзунда,—пишетъ о. Васильевъ графу Пратасову,—многіе воины умерли за вѣру и престоль, а нѣкоторые скончались по дорогѣ въ плѣнъ отъ ранъ и холеры. Я совершилъ имъ заочное погребеніе и панихиду. Симъ случаемъ я воспользовался для утѣшенія оставшихся и для внушенія подражанія благпріятной Богу смерти убійенныхъ на брани за отечество. Текстомъ моего поученія я избралъ слова Христа-Спасителя: больше селя любви никто же имать, да кто положить душу свою за други своя».

II.

Ознакомившись съ условіями жизни плѣнныхъ, о. Васильевъ занялся «раздѣленіемъ помощи по мѣрѣ нуждъ». Средства, которыми располагалъ о. Васильевъ, слагались изъ суммъ, пожертвованныхъ государемъ императоромъ и частными лицами, и равнялись 25.000 франковъ.

«Здѣсь я не могу умолчать,—пишетъ о. Васильевъ графу Нессельроде,—о добромъ и похвальномъ пожертвованіи, сдѣланномъ парижскимъ банкиромъ Гомбергомъ. Узнавъ о моемъ отъѣздѣ къ плѣнникамъ, онъ явился ко мнѣ и просилъ принять на сей предметъ тысячу франковъ, которые я и принялъ съ благодарностью. Равно и нѣкоторые русскіе, находящіеся въ Бельгіи, прислали мнѣ пятьсотъ франковъ для вспомошествованія нуждающимся плѣннымъ».

Оказывая помощь плѣннымъ, о. Васильевъ дѣйствовалъ по заранѣ выработанному имъ плану, стремясь при этомъ использовать самодѣятельность плѣнныхъ и создать имъ заработокъ. Невольно поражаетъ хозяйственности и распорядительности неутомимаго о. протоіерея, читая слѣдующія строки:

«Зная порядокъ, бережливость и искусство русскаго воина, я роздалъ каждому изъ нихъ по двѣ иголки и по мотку нитокъ для починки ихъ туалета. Для тѣхъ, у кого износилась или утратилась обувь, я не могъ прибѣгнуть къ покупкѣ въ казенныхъ магазинахъ, ибо французскіе солдаты носятъ башмаки съ гетрами, что было бы весьма странно и неудобно для русскаго воина. Въ семь

случаѣ я предпочелъ распорядиться домашними средствами. Узнавъ, что между плѣнными находятся до двадцати пяти хорошихъ сапожниковъ, я купилъ кожи, подошвы и сапожные инструменты и устроилъ порядокъ для работы. вмѣсто покупки новыхъ сапоговъ многіе удовлетворятся починкою, подметками или придѣланіемъ головокъ, только совсѣмъ неимущимъ будутъ сдѣланы новые. Такимъ образомъ, болѣе чѣмъ въ половину дешевою цѣною русскіе воины будутъ обуты по родному обычаю, а сверхъ того сапожники будутъ имѣть занятіе и выгоду; ибо каждый изъ нихъ послѣ подастъ мнѣ счетъ своей работы и получить умѣренную награду».

Изъ приведенныхъ строкъ мы можемъ судить о томъ, что о. Васильевымъ не была упущена ни одна мелочь въ дѣлѣ снабженія плѣнныхъ всѣмъ необходимымъ; онъ, по собственному признанію, при распредѣленіи помощи между плѣнными всегда имѣлъ въ виду: «а) сдѣлать только необходимое; в) сдѣлать это экономическимъ образомъ и с) сколько это возможно приблизительно къ привычкамъ русскаго воина».

При покупкѣ бѣлья для плѣнныхъ также сказалась хозяйственная предусмотрительность о. Васильева; благодаря заранѣе полученному отъ маршала Вальяна разрѣшенію, бѣлье было приобрѣтено по казенной цѣнѣ изъ государственныхъ магазиновъ.

Нѣкоторые изъ нашихъ солдатъ при взятіи въ плѣнъ не успѣли захватить съ собою вторую смѣну платья; о. Васильевъ обмундировалъ ихъ, купивъ одежду «за весьма умѣренную цѣну» у другихъ плѣнныхъ, оказавшихся болѣе предусмотрительными.

Въ своей заботливости о плѣнныхъ о. Васильевъ предвидѣлъ ихъ мельчайшія нужды. Такъ, для соблюденія чистоты онъ роздалъ каждому плѣнному по полфунта мыла, а для освѣщенія казармъ во время ужина и молитвы купилъ 30 фунтовъ сальныхъ свѣчей.

На удовлетвореніе нуждъ плѣнныхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ о. Васильевъ издержалъ 2.300 франковъ изъ предназначенныхъ на этотъ предметъ 25.000 франковъ. «Безъ сомнѣнія, — пишетъ онъ, — со временемъ потребуются новыя издержки, но, говоря вообще, я большихъ тратъ не предвижу».

Изъ этихъ словъ о. Васильева можно также заключить, что положеніе нашихъ плѣнныхъ на островѣ Аіхъ было вполнѣ хорошимъ, такъ какъ затрата 2.300 фр. на всестороннее удовлетвореніе нуждъ 1054 плѣнныхъ, конечно, не можетъ быть сочтена сколько-нибудь значительной.

По возвращеніи изъ своей первой поѣздки на островъ Аіхъ о. Васильевъ составилъ подробную записку о положеніи нашихъ плѣнныхъ, изложивъ въ ней свои замѣчанія и просьбы о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ устройствѣ ихъ жизни. Эта записка, черезъ посредство барона Зеебаха, была представлена маршалу Вальяну.

Въ своемъ обращеніи къ французскому военному министру о. Васильевъ прежде всего указывалъ на желательность распредѣленія плѣнныхъ по командамъ съ подчиненіемъ ихъ надзору плѣнныхъ же унтеръ-офицеровъ и фельдфебелей. Такая мѣра, по мнѣнію о. Васильева, являясь для французскихъ властей гарантіей въ строгомъ соблюденіи плѣнными дисциплины, была бы крайне полезна и для плѣнныхъ, которые сохранили бы «свою подчиненность и привычки». Эту мѣру предварительно одобрилъ и комендантъ острова Аіх.

Далѣе о. Васильевъ ходатайствовалъ о нѣкоторомъ улучшеніи жилищъ и объ отдѣленіи отъ плѣнныхъ 50 арестантовъ, захваченныхъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ ними на островѣ Аландѣ, «дабы въ случаѣ худого поступка арестантовъ, за которыхъ трудно ручаться, обвиненіе и безчестіе не падало на честныхъ воиновъ».

Въ числѣ прочихъ своихъ ходатайствъ о. Васильевъ просилъ также объ увеличеніи на $\frac{1}{2}$ фунта порціи хлѣба, сообщая при этомъ, что плѣнные добровольно соглашались уменьшить взамѣнъ этого порцію мяса на 50 гр. «Мнѣ возражали,—пишетъ о. Васильевъ графу Нессельроде:—что такая же порція выдается французскому солдату, но я представилъ въ отвѣтъ различіе климатовъ и привычекъ».

Сверхъ того о. Васильевъ просилъ отправить обратно въ Россію всѣхъ плѣнныхъ не воинскаго званія, въ томъ числѣ политическаго преступника Ивана Арнольда. «Сей послѣдній,—пишетъ о. Васильевъ,—самъ проситъ объ этомъ министра и, несмотря на подговоры поляковъ-эмигрантовъ, желаетъ возвратиться въ Россію».

Французское правительство со своей обычной готовностью удовлетворило возбужденныя о. Васильевымъ ходатайства.

Плѣнные были размѣщены по его указаніямъ, арестанты отдѣлены и подчинены болѣе строгому надзору. Въ жилищахъ плѣнныхъ были сдѣланы значительныя улучшенія: устроены асфальтовые полы и поставлены печи. Правда, послѣднія не давали много тепла, но «таковъ ужъ обычай страны, что въ ней нѣтъ хорошаго отопленія».

Маршалъ Вальянъ призналъ также возможнымъ освободить изъ плѣна вдову и дочь одного изъ плѣнныхъ, умершаго въ пути съ острова Аланда на островъ Аіх, и политическаго преступника Арнольда.

Одновременно съ удовлетвореніемъ этихъ просьбъ, французскимъ правительствомъ была изготовлена одежда для плѣнныхъ, состоявшая изъ темно-сѣрой шинели и суконныхъ штановъ темно-каштановаго цвѣта. Плѣннымъ были также выданы французскіе солдатскіе башмаки, суконныя туфли и деревянные «sabots». Такимъ образомъ смущавшее о. Васильева обстоятельство, что «подобнаго рода одежда противна привычкамъ русскаго воина», не было устранено и наши плѣнные должны были надѣть «странные и неудобные для

русскаго война» башмаки съ гетрами. Это былъ едва ли не единственный пунктъ въ ходатайствѣ о. Васильева, оставленный безъ удовлетворенія французскимъ правительствомъ.

Справедливость требуетъ, однако, отмѣтить, что вопросъ о покроѣ одежды и формѣ сапогъ, несомнѣнно, имѣлъ значеніе второстепенное и что отъ правительства Франціи трудно было бы требовать изготовленія особой одежды для плѣнныхъ по незнакомому и странному для французовъ образцу. Важно было то, что выданныя плѣннымъ одежда и обувь были прекраснаго качества и вполне предохраняли отъ холода.

Зато въ другихъ отношеніяхъ маршалъ Вальянъ сдѣлалъ даже болѣе того, о чемъ просилъ его о. Васильевъ. Въ отвѣтъ на ходатайство объ увеличеніи порціи хлѣба за счетъ уменьшенія мясного пайка французскій военный министръ распорядился прибавить $\frac{1}{2}$ фунта хлѣба, оставивъ прежнюю порцію мяса. Такимъ образомъ наши плѣнные стали получать болѣе той порціи, которая опредѣлена солдатамъ французской арміи.

Неутомимая, самоотверженная дѣятельность о. Васильева въ дѣлѣ помощи нашимъ плѣннымъ не остановилась на томъ, что было имъ сдѣлано во время описаннаго посѣщенія плѣнныхъ. Оставляя свою знатную парижскую паству для бѣдныхъ плѣнниковъ, о. Васильевъ совершилъ еще нѣсколько поѣздокъ на островъ Aix. Въ неустанныхъ заботахъ о плѣнныхъ о. Васильевъ не зналъ отвлеченія и отдыха, представляя за нихъ передъ правительствомъ Франціи и ревниво оберегая ихъ интересы. Посѣщенія о. Васильевымъ плѣнныхъ иногда были очень продолжительны. Такъ, въ одну изъ своихъ поѣздокъ на островъ Aix онъ пробылъ среди плѣнныхъ 28 дней, ежедневно совершая для нихъ богослуженіе.

Ревностная, плодотворная дѣятельность о. Васильева въ дѣлѣ облегченія участи нашихъ плѣнныхъ, находя себя полное сочувствіе и помощь со стороны французскаго правительства, встрѣчала подчасъ противодѣйствіе въ нѣкоторыхъ слояхъ французскаго общества. Давними врагами о. Васильева были иезуиты, съ которыми онъ, съ первыхъ дней своего пребыванія въ Парижѣ, велъ энергичную борьбу, спасая отъ ихъ цѣпкихъ лапъ многихъ увлеченныхъ иезуитской пропагандой представителей высшаго русскаго общества. Борьба эта достигла особенной остроты и напряженія послѣ нашествія въ свое время обращенія въ православіе аббата Гетте, присоединеніе котораго къ лону восточной церкви явилось плодомъ пламенной и убѣдительной проповѣди о. Васильева.

Французское духовенство съ самаго начала военныхъ дѣйствій старалось придать войнѣ характеръ религіозный. По прибытіи же во Францію плѣнныхъ иезуиты обратились къ французскому правительству съ предложеніемъ совратить плѣнныхъ отъ долга присяги и путемъ пропаганды убѣдить ихъ перейти во французское

подданство. Предложеніе это было отвергнуто, и маршалъ Вальянъ, намекая на это, сказалъ о. Васильеву во время свиданія: передъ первой поѣздкой на островъ Aix: «Il y a des gens qui m'ont demandé de détourner vos prisonniers de leur fidélité à leur patrie; pour moi je ne le veux pas: j'agirai franchement et loyalement»¹⁾.

Не встрѣтивъ сочувствія въ правительственныхъ кругахъ Франціи, іезуиты рѣшили, повидимому, дѣйствовать на свой рискъ. Въ началѣ ноября 1854 года епископъ ларошельскій, въ епархіи котораго находился островъ Aix, прислалъ туда іезуита Ловицкаго, якобы для подачи духовной помощи плѣннымъ римско-католическаго вѣроисповѣданія. Результаты дѣятельности Ловицкаго не замедлили сказаться. Съ глубокой скорбью сообщаетъ о. Васильевъ Л. Г. Сенявину о переходѣ во французское подданство нѣсколькихъ плѣнныхъ поляковъ и евреевъ, совращенныхъ Ловицкимъ къ измѣнѣ долгу присяги.

Невзирая на такую свою дѣятельность, отцы іезуиты не постѣснялись выдвинуть противъ о. Васильева обвиненіе въ томъ, что онъ занимается политической пропагандой среди плѣнныхъ, внушая имъ подъ видомъ проповѣди тѣ или другія политическія сужденія. Послѣдствіемъ такого неprovѣреннаго обвиненія было запрещеніе о. Васильеву посѣщать плѣнныхъ.

Но не такъ легко было сломить кипучую энергію неутомимаго о. протоіерея. Отвѣчая на нападки газеты «Le Moniteur Universel», въ одномъ изъ нумеровъ которой появилась замѣтка о томъ, что о. Васильевъ болѣе занимался съ плѣнными политикой, чѣмъ религіей (moins de religion, que de politique), онъ написалъ маршалу Вальяну письмо, полное достоинства и скрытаго негодованія²⁾:

«Monsieur le Maréchal,

«L'accusation du Moniteur de m'être occupé pendant mon séjour à l'île d'Aix plus de politique que de religion pèse lourdement sur mon coeur. Dans la position où je me trouve il me devient impossible de combattre cette inculpation qui cependant m'atteint profondément dans mon honneur et ma dignité de prêtre. Malgré la douleur que j'en éprouve, je me serai résigné à souffrir en silence, s'il ne s'agissait que de moi même; mais le blâme qui me frappe doit aussi me fermer l'accès auprès mes malheureux compatriotes pour lesquels ma présence était une grande consolation. Il est donc un devoir pour moi, mon-

¹⁾ «Есть люди, которые предлагали мнѣ совратить вашихъ плѣнныхъ отъ ихъ вѣрности родиѣ; что касается меня, я не желаю этого: я всегда буду дѣйствовать открыто и законно.

Не опубликованное письмо къ директору департамента внутреннихъ сношеній минист. иностр. дѣлъ Л. Г. Сенявину отъ 25 ноября 1854 года.

²⁾ Не опубликованное письмо къ маршалу Вальяну отъ 3 (15) февраля 1855 года.

sieur le maréchal, de prier Votre Excellence de m'offrir la possibilité de me justifier et d'obtenir par la l'autorisation de retourner à l'île d'Aix. Il ne m'appartient pas de rechercher les sources d'où les renseignements inexacts sur ma conduite sont parvenus au gouvernement Impérial; mais je crois pouvoir me référer en toute sureté au témoignage des autorités de l'île d'Aix dont l'accueil n'a cessé d'être aussi bienveillant que celui que Votre Excellence m'a accordé elle-même¹⁾.

Не довольствуясь этимъ протестомъ, о. Васильевъ черезъ посредство барона Зеебаха добился личной аудіенціи у Наполеона III. Императоръ французовъ былъ крайне пораженъ, когда вмѣсто ожидаемаго имъ «pore russe» предъ нимъ предсталъ о. Васильевъ и обратился къ нему съ рѣчью на прекрасномъ французскомъ языкѣ. Осанка и краснорѣчіе о. протоіерея произвели на Наполеона III такое сильное впечатлѣніе, что онъ разрѣшилъ о. Васильеву вновь посѣщать плѣнныхъ.

Это разрѣшеніе тѣмъ болѣе обрадовало о. Васильева, что оно дало ему возможность провести среди плѣнныхъ послѣдніе дни Великаго поста и Свѣтлый праздникъ, а также сообщить имъ о послѣдовавшей кончинѣ императора Николая Павловича. Описанію этого пребыванія на островѣ Aix и умиленной картины пасхальной заутрени среди заброшенныхъ на чужбину плѣнныхъ посвящено письмо о. Васильева къ А. И. Карасевскому²⁾, отрывокъ изъ котораго мы и приводимъ:

«Первымъ моимъ долгомъ по прибытіи на островъ Эксъ,—пишетъ о. Васильевъ,—было совершеніе панихиды по въ Бозѣ почившемъ государѣ императорѣ Николаѣ Павловичѣ, которую я предварилъ краткимъ повѣствованіемъ, на основаніи обнародованныхъ свѣдѣній въ Россіи, о болѣзни, христіански понесенной, и о смерти, христіански встрѣченной, великаго государя. Глубокая грусть и слезы нашихъ христіанскихъ и вѣрныхъ воиновъ, ихъ воздыханія и ко-

¹⁾ Обвиненіе меня газетой «Moniteur» въ томъ, что я во время моего пребыванія на островѣ Aix занимался болѣе политикой, чѣмъ религіей, тяжело давило мнѣ сердце. Въ положеніи, въ которомъ я нахожусь, мнѣ становится невозможнымъ опровергнуть это обвиненіе, которое между тѣмъ глубоко затрагиваетъ мою честь и мое достоинство священника. Несмотря на боль, причиняемую мнѣ этимъ, я рѣшился бы страдать молча, если бы дѣло шло только обо мнѣ одномъ, но клевета, которая меня поражаетъ, должна также закрыть мнѣ доступъ къ моимъ несчастнымъ соотечественникамъ, для которыхъ мое присутствіе было большимъ утѣшеніемъ. Такимъ образомъ я обязанъ, господинъ маршалъ, просить ваше превосходительство о предоставленіи мнѣ возможности оправдаться и черезъ это получить разрѣшеніе возвратиться на островъ Aix. Не въ моей возможности раскрыть тѣ источники, изъ которыхъ къ императорскому правительству дошли невѣрныя свѣдѣнія о моемъ поведеніи, но я считаю возможнымъ всецѣло положиться на свидѣтельство властей острова Aix, которыя всегда оказывали мнѣ столь же благожелательный пріемъ, какъ и ваше превосходительство».

²⁾ Письмо къ и. д. оберъ-прокурора Св. Синода А. И. Карасевскому отъ 18 мая (1 іюня) 1855 года. Напечатано у Бродскаго, стр. 167.

лѣнопреклоненныя молитвы носили глубокую печаль нѣжныхъ дѣтей, потерявшихъ отца и благодѣтеля.

«Не имѣя распоряженій нашего правительства касательно приведенія плѣнныхъ воиновъ къ присягѣ и получивъ на сей предметъ наставленія осторожности г. саксонскаго министра барона Зеебаха, имѣвшаго опасеніе недовѣрчивости французскаго правительства, я ограничился послѣ панихиды слѣдующимъ обращеніемъ къ военноплѣннымъ: «Христолюбивые воины, неизмѣнно вѣрные слуги всероссійскаго престола! По отдаленности отъ нашего отечества я еще не получилъ повелѣнія о приведеніи васъ къ присягѣ вѣрности нынѣ благополучно царствующему нашему истинному и природному государю императору Александру Николаевичу. Но, присягая въ вѣрности въ Божѣ почившему государю императору Николаю Павловичу, вмѣстѣ съ тѣмъ вы клялись предъ крестомъ и евангеліемъ Христовымъ въ вѣрности и наслѣднику его, нынѣ взошедшему на прародительскій престолъ, государю императору Александру Николаевичу. Храните же свято предъ Богомъ и людьми вами данную предварительную присягу, храните ее, какъ вы свидѣтельствовали, до послѣдней капли крови». На сіи слова послѣдовалъ единодушный отвѣтъ: «Будемъ служить ему вѣрою и правдою». Затѣмъ я приступилъ къ обыкновеннымъ великопостнымъ службамъ, устроивъ, съ согласія коменданта, для плѣнныхъ постную пищу въ продолженіе Страстной недѣли. Военное начальство острова Экса доставило мнѣ всякую возможность къ безпрепятственному совершенію богослуженія; избранное мною къ тому времени 10 часовъ утра и 6 часовъ вечера было имъ одобрено; закрытіе казармъ въ 6 часовъ вечера было перемѣнено на 7 часовъ; военноплѣнные арестантской роты, находящіяся подъ строгимъ надзоромъ, ежедневно были приводимы къ богослуженію. Всѣ военноплѣнные православнаго закона, въ числѣ 578 человекъ, были мною исповѣданы и удостоены св. тайнъ, запасенныхъ мною въ Парижѣ. Причащеніе совершалось въ четыре послѣдніе дня Страстной недѣли. Пасхальное богослуженіе я намѣренъ былъ совершить утромъ, не надѣясь получить позволеніе коменданта на совершеніе онаго ночью. Но онъ, узнавъ изъ разговора со мною о торжественности свѣтло-воскреснаго дня въ Россіи и ночномъ богослуженіи, предупредительно предложилъ мнѣ свое согласіе и свое содѣйствіе къ пасхальному богослуженію. Въ полночь всѣ мы собрались въ пространнѣйшую казарму и въ присутствіи начальника жандармовъ и надзирателей начали свѣтло-воскресное богослуженіе, при которомъ было человекъ до 50 французовъ. 800 горящихъ свѣчей, торжество обряда и пѣнія, духовная радость присутствующихъ, частыя единогласныя повторенія вѣрныхъ: «воистину воскресе!», лобзаніе пасхальное, все это не только исполнило торжествомъ насъ, православныхъ, но и сильно благопріятно подѣйствовало на иностранцевъ. Вообще

удовлетвореніе религиозныхъ потребностей нашихъ военнопленныхъ совершенно безпрепятственно, успѣшно и благолѣпно. Поведеніе же вѣрныхъ сыновъ Россіи, испытанныхъ несчастьемъ плѣна, было кротко и благоправно.

«При свѣтло-воскресномъ лобзаніи я далъ каждому изъ присутствующихъ по пасхальному красному яйцу; свреямъ же, не присутствовавшимъ при богослуженіи, я роздалъ въ казармахъ. Послѣ богослуженія я освѣтилъ приготовленные куличи и присутствовалъ при разговорѣхъ военнопленныхъ. Въ христіанской радости свѣтлаго праздника добрые воины воскресли и обновились духомъ и, полные глубочайшей благодарности къ нѣжной заботливости объ нихъ всемилостивѣйшаго монарха-отца, въ простотѣ сердца повторяли: «Батюшка, мы точно въ Россіи побывали».

Письма о. Васильева даютъ намъ весьма цѣнный историческій матеріалъ для сопоставленія положенія нашихъ плѣнныхъ во Франціи 1854—55 г. г. и современнаго положенія ихъ въ лагеряхъ Германіи и Австро-Венгріи. По ознакомленіи съ безпристрастнымъ свидѣтельствомъ о. Васильева для насъ становится еще болѣе очевиднымъ, что обращеніе нѣмцевъ съ плѣнными не имѣетъ примѣра въ новой исторіи.

О. Васильевъ упоминаетъ въ своихъ письмахъ о цѣломъ рядѣ фактовъ, свидѣтельствующихъ о той высокой гуманности и заботѣ, съ которыми Франція отнеслась къ нашимъ плѣннымъ. Онъ приводитъ умилительные примѣры вниманія и ласки французовъ къ ихъ плѣнникамъ и, если сопоставить эти факты и примѣры съ тѣми свѣдѣніями, какія мы имѣемъ о положеніи нашихъ военнопленныхъ въ австро-германскихъ лагеряхъ, трудно даже вообразить себѣ болѣе глубокое различіе, болѣе яркій контрастъ. На свѣтломъ фонѣ исключительнаго по человѣчности отношенія французовъ къ плѣннымъ звѣрства австро-германцевъ выступаютъ мрачнымъ кровавымъ пятномъ.

Изъ имѣющагося въ письмахъ о. Васильева богатаго матеріала мы позволимъ себѣ взять для сравненія нѣкоторые весьма характерные факты.

Со словъ о. Васильева намъ стало извѣстнымъ, что во Франціи 60-хъ годовъ плѣннымъ давали болѣе обильную пищу, чѣмъ французскимъ солдатамъ. Какъ же кормятъ плѣнныхъ въ современной Германіи? Къ сожалѣнію, ни для кого изъ насъ не тайна, что плѣнные питаются тамъ отбросами, болѣютъ голоднымъ тифомъ и умираютъ отъ голода.

О. Васильевъ сообщаетъ намъ, что французскій префектъ установилъ суровыя наказанія за всякій корыстный обманъ, направленный противъ плѣнныхъ. Что же видимъ мы у нашихъ враговъ?

Нѣмецкія власти поощряють толпу, избивающую мирныхъ русскихъ путешественниковъ камнями и палками...

Въ письмахъ о. Васильева есть также одно весьма характерное обстоятельство: въ нихъ совершенно не упоминается о наказаніяхъ, которымъ могли бы подвергнуться плѣнные. Трудно, однако, допустить, чтобы въ своемъ подробномъ описаніи жизни плѣнныхъ о. Васильевъ забылъ упомянуть объ этомъ важномъ обстоятельстве. Гораздо проще прійти къ заключенію, что наказаній вовсе не существовало, такъ какъ въ нихъ не было надобности. Къ этому выводу приводитъ насъ и сдѣланная о. Васильевымъ характеристика личности коменданта острова Aix, человѣка крайне гуманнаго, который не могъ нахвалиться поведеніемъ плѣнныхъ и всячески отстаивалъ ихъ интересы. Параллельно съ этимъ—что мы видимъ въ Германіи? Германскіе коменданты руководятъ избіеніемъ плѣнныхъ и стараются избобрѣсти для нихъ наиболѣе мучительныя наказанія.

А этотъ трогательный докторъ-французъ, который посылаетъ больнымъ плѣннымъ бульонъ отъ своего стола! Конечно, его сочли бы ненормальнымъ нѣмецкіе врачи, оставляющіе раненыхъ по 6 и болѣе сутокъ безъ перевязки и избивающіе больныхъ хлыстами.

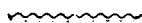
Много можно бы сдѣлать такихъ сопоставленій, но это вывело бы насъ за предѣлы настоящаго очерка.

Исключительному благородству французскаго правительства Россія обязана тѣмъ, что возлѣ русскихъ плѣнныхъ въ тяжелое для нихъ время разлуки съ родиной былъ православный священникъ. Нынѣ враждующія съ нами страны, какъ извѣстно, поступили иначе: наши священники были арестованы и до сихъ поръ томятся въ тюрьмахъ и казематахъ, вынося на себѣ грубыя издѣвательства нѣмецкихъ солдатъ.

Мы слѣдили за тѣмъ, съ какой неутомимой энергіей о. Васильевъ отдался дѣлу служенія плѣннымъ. Онъ пришелъ къ нимъ, «пастырь добрый», и отдалъ имъ свои дѣла и мысли, «преподалъ имъ таинства» и поддерживалъ въ нихъ живую связь съ родиной. Пусть будетъ его дѣятельность примѣромъ для всѣхъ желающихъ прійти на помощь плѣннымъ.

Въ лицѣ о. Васильева Россія имѣла во Франціи достойнаго представителя, и судьбѣ было угодно, чтобы отъ него именно русскіе узнали о томъ полномъ человѣколюбіи отношеніи къ плѣннымъ, которое было проявлено доблестной Франціей. Съ особенной теплотой вспоминая объ этомъ въ переживаемое время, мы можемъ повторить полныя справедливаго достоинства слова маршала Вальяна: «Франція всегда отличалась великодушіемъ и щедростью».

Н. А. Катанскій.

ВОЕННО-СУХУМСКАЯ ДОРОГА ¹⁾.

VII.

Отъ Тебердинскихъ дачъ до перевала.

Лѣсная дорога и ея красоты.—Карачаевскій кошъ.—Гоначхирское ущелье.—Горы у ветеринарной будки.—Мучительный отъ голода, холода и безпокойствъ вечеръ.—
Опять пугаютъ сванетами.

ВПРОМЪ 3-го августа, оставивъ дамъ, багажъ и провизию на попеченіе Измаила, отправившагося въ какой-то кошъ ²⁾ за лошадьми, мы пустились въ дальнѣйшій путь. Старый дремучій лѣсъ покрылъ насъ своимъ высокимъ и тѣнистымъ шатромъ. Огромныя и стройныя пихты, какъ точеныя колонны въ 3—4 обхвата толщиною, поднимаются ввысь и тамъ ведутъ между собою какой-то шумный, но непонятный намъ разговоръ. На нѣкоторое время онѣ совсѣмъ скрыли отъ насъ и рѣку, и горы, и ущелье. Лѣсъ, одинъ только лѣсъ кругомъ, и больше ничего. Но вотъ дорога красивымъ и смѣлымъ зигзагомъ взбѣгаетъ немного вверхъ и выбирается на открытую поляну... Здѣсь сосна и пихты какъ будто нарочно разступились, чтобы открыть путнику одинъ изъ самыхъ дивныхъ горныхъ ландшафтовъ. Глубоко внизу сверкаетъ на солнцѣ изумрудная красавица Теберда. Къ ней жметя и льнетъ зеленый, тѣнистый лѣсъ. А по бокамъ, уходя въ голубую высь,

¹⁾ Окончаніе. «Историческій Вѣстникъ», т. СХLVI, стр. 474.

²⁾ Кошемъ называется выстроенное гдѣ-нибудь въ лѣсу или въ горахъ лѣтнее жилище пастуховъ, стерегущихъ овецъ, лошадей или другой какой-либо скотъ.

тяжело поднимаются угрюмая, облысѣвшія сверху горы. Тоненькія, едва замѣтныя струйки воды кое-гдѣ серебрятся въ ихъ старыхъ морщинахъ и ртутью скатываются внизъ, къ Тебердѣ. Нѣсколько шаговъ дальше,—и мы снова въ дремучемъ лѣсу, сквозь верхушки котораго видна только бездонная лазурь небеснаго свода. Тихо. Даже вѣтви перестали шептаться и замерли въ неподвижной дремотѣ. Но вотъ къ этой тишинѣ мало-по-малу начинается примѣшиваться какой-то шумъ, сначала слабый и невнятный, но потомъ съ каждымъ нашимъ шагомъ все болѣе громкій и отчетливый. Это горный потокъ Муруджу бѣшено мчится откуда-то сверху, прокладывая себѣ дорогу сквозь скалы и лѣсъ. Каменные глыбы и древесные стволы загромождаютъ его русло; но онъ съ яростью прыгаетъ черезъ нихъ, пѣнится, клубится и оглашаетъ воздухъ своимъ сердитымъ грохотомъ. Перекинутый черезъ потокъ деревянный мостикъ весь покрытъ его брызгами и постоянно дрожитъ мелкой дрожью.

Скоро полдень. Мы прошли верстѣ 15. Чувствуется небольшая усталость и сильный голодъ. Пора бы закусить. Но Измаила съ дамами, багажомъ и провизіей (главное—съ провизіей) все нѣтъ и нѣтъ. Или запоздалъ выѣхать, или слишкомъ медленно тащится по скверной лѣсной дорогѣ.

Вотъ откуда-то потянуло дымкомъ; залаяла собака, заржала лошадь. Мы вглядываемся въ лѣсную чащу и скоро замѣчаемъ недалеко отъ дороги карачаевскій кошъ. Молча, не сговариваясь и повинуваясь лишь чувству голода, мы сворачиваемъ въ сторону и подходимъ къ кошу. Изъ низкой неуклюжей избы, похожей скорѣе на хлѣвъ, чѣмъ на человѣческое жилье, вылѣзаютъ нѣсколько полуголыхъ ребятишекъ и грязная оборванная старуха-татарка. Мы просимъ чего-нибудь поѣсть. Она ни слова не понимаетъ. Приходится обратиться къ международному языку мимики и жестовъ. Мы жуемъ пустымъ ртомъ, похлопываемъ себя по столь же пустому животу и пальцами показываемъ на вымя у пасущейся тутъ же коровы. Этотъ воляюкъ понятенъ и татаркѣ, и черезъ нѣсколько минутъ передъ нами появляется горшокъ молока, теплый кукурузный чурекъ и чашка только что набранной ребятишками лѣсной малины.

Червячокъ заморенъ, можно итти дальше. Двигаемся медленно, поджидая Измаила и дамъ; но ихъ все нѣтъ. Присаживаемся у дороги и опять ждемъ; но ихъ нѣтъ и нѣтъ. Смутная тревога заползаетъ въ душу. Является мысль—вернуться назадъ, чтобы отыскать пропавшихъ спутницъ. Но добрая половина пути до ветеринарной будки еще впереди, а день уже клонится къ вечеру. Времени терять нельзя, и мы продолжаемъ путь.

Дорога дѣлаетъ поворотъ къ рѣкѣ, и мы уже на самомъ берегу Теберды, въ которую съ шумомъ вливается бурный Гоначхирь.

Мы—у входа въ Гоначирское ущелье, одинъ изъ самыхъ живописныхъ уголковъ Кавказа. Красивыми легкими зигзагами взбѣгаетъ дорога все выше и выше по крутому склону горы. Все глубже и глубже проваливается въ свою трещину бушующій Гоначирь. Сжатый съ обѣихъ сторонъ, заваленный обломками скалъ, онъ бьется о прибрежныя скалы, плещетъ на нихъ сердитой волной и съ глухимъ рокотомъ перекатывается по дну тяжелые камни. Цѣлый лабиринтъ горъ толпится за ущельемъ. Ихъ могучіе склоны грозно ощетинились густымъ хвойнымъ лѣсомъ, а голыя зазубренныя вершины точно хотятъ пронзить небо. Длинными серебристыми нитями ползутъ по нимъ внизъ набитыя снѣгомъ трещины, а далѣе, на самомъ горизонтѣ, сверкаютъ вѣчно бѣлыя папахи горныхъ великановъ.

Но вотъ зигзаги окончились, дорога свернула въ лѣсъ, и шумъ Гоначхира замолкъ. Голодъ и усталость опять даютъ себя знать. Мы еле передвигаемъ ноги, и какъ только вышли изъ лѣса, пристально всматриваемся впередъ, не видна ли ветеринарная будка. Но ея и признаковъ нѣтъ. Дорога вьется все дальше и дальше въ ущелье, направляясь къ подножію громаднаго голаго пика, остріе котораго высоко поднимается надъ сосѣдними горами. Это гора Чотча-Мингель, названная такъ по имени одного смѣльчака-карачаевца, которому удалось взобраться на эту кажущуюся неприступной вершину.

Въ семь часовъ вечера мы наконецъ у будки, въ трехъ верстахъ (по прямому направленію) отъ перевала и въ центрѣ какого-то дикаго, хаотическаго нагроможденія горныхъ великановъ. Жутко смотрѣть на эту сплошную толпу исполиновъ, чрезъ которую, кажется, ни прохода, ни проѣзда, и даже птицѣ не пролетѣть. Какія силы нужны были для того, чтобы такъ чудовищно изломать каменную толщу земной коры и подбросить ее на эту недосыгаемую высоту!... И какимъ ничтожнымъ, жалкимъ и въ то же время безумно-дерзкимъ кажется человѣкъ, отваживающійся проникнуть въ эти горныя дебри, подняться на кручи, спуститься въ пропасти, стать на самомъ краю горнаго утеса, надъ головокружительной бездной, и спокойно заглянуть туда, откуда вѣтъ ужасомъ и холодомъ неминуемой гибели!...

Солнце сѣло за горы, ущелье потонуло въ черной, густой, непроницаемой тьмѣ, и въ этомъ мракѣ, не освѣщая ни земли, ни неба, засверкали звѣздныя точки. Кое-гдѣ по ущелью на невидимыхъ теперь горныхъ кручахъ загорѣлись костры, еще болѣе стгущая вокругъ себя тьму. Тамъ—баранта, огромныя стада овецъ, пасущихся на высокихъ горныхъ лугахъ, среди почти недоступныхъ скалъ. Пастухи зажгли кучи хвороста, овцы придвинулись къ огню сплошной массой и, тѣсно прижавшись другъ къ другу, чтобы было теплѣе, спокойно спятъ въ ночной прохладѣ.

Намъ тоже холодно; насъ мучаетъ голодь, хочется чаю. Но и теплыя вещи, и чай, и баранина, — все это у Измаила, а его еще нѣтъ. Мы сидимъ въ холодномъ домикѣ и угрюмо молчимъ, не зная, что предпринять. А тутъ еще хозяинъ будки, красивый молодой карачаевецъ, подсаживается къ столу и начинаетъ занимать насъ «приятными» разговорами:

— Куда идете? на переваль? Тамъ—сванеты; грабятъ, рѣжутъ, убиваютъ. Бѣда!..

Ахъ, думаемъ мы, отстань ты со своими сванетами. Намъ теперъ не до того. Мы голодны и дрожимъ отъ ночной стужи. Насъ беспокоитъ участь нашихъ дамъ, а онъ о сванетахъ.

Гора Чотча-Мингель.

Рѣшаемъ переночевать здѣсь, а рано утромъ отправиться назадъ, на розыски своихъ спутницъ.

Дверь открывается, и въ комнату входитъ огромнаго роста, плечистый мужчина въ широкополой войлочной шляпѣ. Мы смотримъ на него съ недоумѣниемъ, спрашиваемъ, кто онъ, откуда. Черезъ минуту все разъясняется. Это—Нанашъ, товарищъ Измаила и нашъ проводникъ. Они поздно выѣхали изъ Теберды, такъ какъ долго искали на пастбищѣ лошадей. Теперъ Измаиль кормитъ ихъ, измученныхъ худой дорогой, въ 6—8 верстахъ отъ будки, а его послалъ на верховой лошади впередъ, чтобы насъ успокоить. Черезъ полчаса онъ долженъ пріѣхать.

Нанашъ также подсаживается къ столу и, мрачно выглядывая изъ-подъ шляпы, говоритъ въ тонъ хозяину на ломаномъ русскомъ языкѣ:

«истор. вѣстн.», декабрь 1916 г., т. сxlvi.

12

— Завтра стражныхъ бэри!

— Зачѣмъ?—спрашиваемъ мы.

— Сванэти рэзаль будеть, карабчить (грабнуть) будеть.

Хозяинъ поддакиваетъ и кстати сообщаетъ, что не дальше, какъ два дня назадъ, сванеты угнали 14 лошадей, и что теперь, по слухамъ, за ними отправлена погоня.

— Ну, насчетъ сванетовъ мы теперь совершенно спокойны,—возражаемъ мы:—вѣдь, не каждый же день они грабятъ, да и погоня ихъ, вѣроятно, уже успѣла напугать. Выходить, что стражниковъ намъ брать незачѣмъ. Да и что могутъ сдѣлать одинъ или два стражника съ толпой вооруженныхъ, скрывающихся за скалами разбойниковъ? А вотъ плохо, что Измаила все нѣтъ, хотя прошло не полчаса, а болѣе часа. Ужъ не случилось ли съ нимъ и нашими спутницами несчастье? Не свалились ли они въ темнотѣ съ какого-нибудь обрыва?

Нанашъ увѣряетъ, что этого быть не можетъ, такъ какъ Измаиль скорѣе заночуетъ на дорогѣ, чѣмъ станетъ подвергать опасности своихъ пассажировъ и лошадей. Насъ это мало успокаиваетъ, и мы требуемъ, чтобы Нанашъ ѣхалъ назадъ, навстрѣчу Измаилу. Онъ охотно соглашается, но въ этотъ моментъ около дома послышались человѣческіе голоса и собачій лай. Мы выбѣгаемъ на крыльцо и здѣсь, въ темнотѣ, буквально сталкиваемся со своими спутницами. Наконецъ-то мы можемъ успокоиться и утолить свой голодь. Хозяинъ будки приготовилъ самоваръ, а Измаиль изжарилъ такой шашлыкъ, какого мы въ жизнь свою не ѣдали,—вѣроятно, потому, что никогда не были такъ голодны.

Черезъ часъ мы крѣпко спали всѣ въ одной комнатѣ: дамы на широкой хозяйской постели, а мы на полу у печки.

VIII.

На Клухорскомъ перевалѣ.

Проводники обезпечиваютъ свой заработокъ на случай нападенія сванетовъ.—Ужасный подъемъ на перевалѣ.—Волшебное озеро и тропа вокругъ него.—Въ области вѣчнаго снѣга.—Видъ съ перевала на югъ.

4-е августа, день перехода нашего черезъ Клухоръ, я никогда не забуду: столько новыхъ и сильныхъ впечатлѣній пришлось намъ пережить въ этотъ тяжелый и памятный день.

Но буду рассказывать по порядку.

Въ пять часовъ утра мы всѣ уже на ногахъ. Солнце еще не выкатилось изъ-за горъ, но уже освѣтило все небо, позолотило горныя вершины и разогнало мракъ въ нашемъ ущельѣ. Небольшая кучка облаковъ медленно ползетъ на нашъ горизонтъ вмѣстѣ съ солнечными лучами. Въ воздухѣ свѣжо. Наскоро пьемъ утренній чай

и дѣятельно принимаемся за укладку и навьючиваніе вещей. Въ шесть часовъ все готово, и можно тронуться въ путь.

Ко мнѣ подходитъ Измаиль и просить, чтобы все причитающіяся ему деньги я отдалъ на сохраненіе хозяину будки.

— Это зачѣмъ? И какъ я отдамъ все деньги, когда самая трудная и длинная часть пути еще впереди?

— Не безпокойся,—говоритъ Измаиль:—я свое дѣло сдѣлаю. Но я боюсь возвращаться съ деньгами. Вѣдь если на обратномъ пути на насъ нападутъ сванеты, то они отнимутъ у меня и деньги, и лошадей. Такъ пусть хоть деньги здѣсь уцѣлѣютъ.

— Ну, а если они теперь на насъ нападутъ и угонятъ твоихъ лошадей? Что тогда? На чемъ мы дальше двинемся?

— Да вѣдь лошади для вещей, а вещи тоже сванеты возьмутъ. Значить, лошади вамъ больше не понадобятся.

— Ну, деньги...

— И деньги возьмутъ. Ничего не оставятъ ни мнѣ, ни вамъ. Такъ пусть хоть мои 60 рублей уцѣлѣютъ.

Подходитъ хозяинъ будки и совѣтуетъ исполнить просьбу Измаила.

— Такъ все дѣлаютъ,—говоритъ онъ:—а мнѣ ѣхать назадъ съ деньгами опасно.

Я рассчитываюсь съ Измаиломъ. Онъ при всѣхъ кладетъ деньги въ кошелекъ хозяина будки, и мы отправляемся въ путь.

Впереди всѣхъ идетъ Измаиль съ вьючной лошадыю. За нимъ я веду верховую. Шествіе замыкаетъ Нанашъ съ другой вьючной лошадыю.

Передъ нами по очень крутому склону горы взбѣгаетъ зигзагами вверхъ инженерная тропа. По ней до перевала 12 верстъ. Но мы забираемъ отъ нея вправо и идемъ безъ всякой тропы то по сырой болотистой почвѣ, то среди каменныхъ глыбъ. Сначала подъемъ не очень великъ, но черезъ полчаса онъ дѣлается страшно крутымъ и тяжелымъ. Приходится иногда цѣпляться руками за камни и тощую траву. При каждомъ почти шагѣ необходимо выбирать ступеньку, на которую можно было бы поставить ногу. Медленно лѣземъ наверхъ, постоянно останавливаясь, чтобы перевести духъ. Ноги отъ напряженія дрожать, въ вискахъ начинаетъ стучать. Все глубже и глубже уходитъ отъ насъ дно ущелья. Вотъ мы уже почти на одной высотѣ съ вершинами сосѣднихъ горъ. И отсюда въ прозрачномъ, чистомъ воздухѣ онѣ кажутся такими близкими и такими влекущими. Сѣлъ бы на этотъ камень и просидѣлъ бы здѣсь цѣлый день, любуясь до самозабвенія чудной горной панорамой. Но Измаиль торопитъ: путь тяжелъ, а до ночлега далеко.

Вдругъ онъ останавливается и показываетъ пальцемъ вверхъ.

— Смотри, смотри!

Мы поднимаемъ головы и высоко, высоко, надъ собою, на са-

момъ гребнѣ горы видимъ нѣсколько всадниковъ. Ихъ темныя фигуры отчетливо выдѣляются на фонѣ яснаго, безоблачнаго неба.

— Кто это? Ужъ не сванеты ли, которые поджидаютъ насъ на перевалѣ?—спрашиваю я Измаила.

— Нѣтъ, это—наши карачаевцы, провожали студентовъ и идутъ назадъ.

Скоро мы встрѣчаемся съ ними, обмѣниваемся привѣтствіями и расходимся въ разныя стороны.

Подъемъ становится почти вертикальнымъ. Внизъ, на пройденный путь страшно взглянуть. Вверху, надъ головой, виденъ послѣдній зигзагъ инженерной тропы. Только бы добраться до него, и тогда уже будетъ легко. Мы употребляемъ послѣднія усилія, полземъ, карабкаемся, и въ страшномъ напряженіи, совершенно задыхаясь, выходимъ наконецъ на этотъ зигзагъ. Теперь можно хоть немного перевести духъ и спокойно посмотрѣть на ущелье, на днѣ котораго были полтора часа назадъ.

Впрочемъ, нельзя спокойно смотрѣть въ пропасть глубиною въ нѣсколько сотъ сажень съ площадки въ полтора или два аршина ширины. Невольно чувствуется острая жуть, и какая-то сила толкаетъ въ бездну, отъ которой человѣкъ не можетъ оторвать глазъ.

«Есть наслажденье и въ бою,
«И страшной бездны на краю».

Да, недаромъ же въ правила горныхъ обществъ обыкновенно включается требованіе, чтобы туристы не скатывали въ пропасти камней, потому что это нерѣдко вызываетъ головокруженіе и до такой степени увеличиваетъ влекущую силу бездны, что она наконецъ становится опасной для человѣка.

Я иду по тропѣ въ противоположную отъ перевала сторону, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на ущелье. Теперь оно все у моихъ ногъ, а передъ глазами на одномъ уровнѣ со мною тянется длинная гряда острыхъ и тупыхъ вершинъ. Небольшія разрозненныя кучки облаковъ кое-гдѣ уже заползли въ ущелье и тихо плывутъ надо мною, среди скалъ и утесовъ, какъ будто ласкаясь къ этимъ угрюмымъ великанамъ. Кругомъ поразительно тихо, и только тоненькія струйки воды, сбѣгающія откуда-то сверху прямо на тропу, слегка нарушаютъ тишину своимъ едва слышнымъ журчаніемъ. Солнце взошло и освѣтило верхніе зигзаги тропы; но тамъ, внизу, на днѣ ущелья еще все покрыто легкой прозрачною тѣнью.

Бросивъ послѣдній прощальный взглядъ на эту ни съ чѣмъ несравнимую картину, я спѣшу догнать своихъ спутниковъ и черезъ 10—15 минутъ вмѣстѣ съ ними останавливаюсь въ изумленіи передъ новой волшебной картиной совсѣмъ въ другомъ родѣ, чѣмъ только что видѣнная. Мы—у входа въ очень тѣсное ущелье овальной формы, почти со всѣхъ сторонъ закрытое сплошнымъ кольцомъ

отвѣсныхъ скаль. Ихъ острыя зазубренныя вершины уходятъ далеко ввысь, и надъ нашими головами виденъ лишь небольшой кусочекъ темно-лазурнаго неба. А снизу, со дна ущелья пристально смотрится въ него неморгающимъ взглядомъ огромный таинственный глазъ. Это—знаменитое Тебердинское озеро, дающее начало рѣкѣ Тебердѣ. Она родится здѣсь небольшимъ водопадомъ и рѣзвымъ

Гора Чочча-Мингель.

каскадомъ сбѣгаетъ внизъ. Пловучая льдина, не успѣвающая растаять за лѣто, прикрываетъ мѣсто ея рожденія.

Узенькая, высѣченная въ скалахъ тропа вьется почти вокругъ всего озера довольно высоко надъ его поверхностью. Длинной вереницей мы идемъ по ней и останавливаемся почти на каждомъ шагу, пораженные видомъ этого необыкновеннаго озера въ области вѣчныхъ снѣговъ, среди горныхъ вершинъ, на днѣ воронкообразной впадины, напоминающей своей формой кратеръ потухшаго вулкана. И, можетъ быть, это дѣйствительно кратеръ, стѣнки котораго разо-

рваны вытекавшей лавой лишь въ двухъ мѣстахъ: у истока Теберды на сѣверѣ и при спускѣ съ перевала къ югу. Слѣва отъ насъ—голыя отвѣсныя скалы, избороденныя временемъ и стихіями, покрытыя трещинами и со множествомъ нависшихъ надъ ними каменныхъ глыбъ; а внизу подъ карнизомъ, по которому вьется наша тропа,—неподвижно-мертвая, лазурная гладь таинственного озера. Не знаю, есть ли какія-нибудь легенды и сказки, связанныя съ этимъ чудомъ природы. Но мнѣ кажется, онѣ непременно должны быть. Человѣческая фантазія не въ силахъ пройти мимо этого мѣста, не наполнивъ его волшебными чарами, не заселивъ множествомъ таинственныхъ существъ. На самой высокой и дикой вершинѣ долженъ жить какой-нибудь гордый и могучій демонъ, въ трещинахъ скалъ и среди острыхъ утесовъ—рой легкихъ и рѣзвыхъ гномовъ, а въ глубинѣ бездоннаго озера—очаровательныя русалки и нимфы...

Медленно двигаемся мы по тропѣ, прихотливыми зигзагами огибающей озеро. Кое-гдѣ оно обледенѣло или подмыто низвергающимися сверху водопадами. Необходимо соблюдать осторожность, чтобы не соскользнуть въ подводное царство русалокъ. Измаиль набираетъ въ подолъ песку и посыпаетъ имъ обледенѣвшія мѣста, чтобы лошади не поскользнулись и не упали.

Черезъ часъ мы обходимъ все озеро, длина котораго не превышаетъ 3—4 версты, и вступаемъ на твердый снѣгъ, толстымъ пластомъ покрывающій неширокую долину со скатомъ къ югу. Это и есть Клухорскій перевалъ, граница Кубанской области и Кутаисской губерніи. Внизу—глубокое ущелье Клыча, а впереди на необозримое пространство—огромная толпа горъ, на которыхъ тамъ и сямъ видѣются ледниковыя массы, то застрявшія въ бокахъ узкихъ каменистыхъ расщелинъ, то сползающія по скаламъ въ верхнихъ впадинахъ скатовъ. Оттуда свергаются внизъ блестящія, какъ серебро, потоки, и шумъ ихъ только одинъ нарушаетъ глубокую торжественную тишину, которая царитъ въ этой пустынной обстановкѣ.

Я уже видѣлъ два перевала черезъ главный Кавказскій хребетъ—Крестовый и Мамиссонскій. Оба они, особенно послѣдній, производятъ на путешественника чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Но что человѣкъ испытываетъ на Клухорскомъ перевалѣ, не можетъ итти ни въ какое сравненіе съ этимъ впечатлѣніемъ. Непередаваемая, чисто сказочная прелесть Тебердинскаго озера, дикое величіе горныхъ пиковъ и мрачная красота ущелія въ концѣ концовъ совершенно подавляютъ даже сильную, чуждую нервозности психику. Чувствуется душевное утомленіе, разбитость и неспособность разобраться въ этихъ волшебныхъ и грандіозныхъ картинахъ. Хочется закрыть глаза и хоть минуту ничего не видѣть. Но это—невозможно, потому что тѣмъ ярче встаетъ въ воображеніи все только что видѣнное.

IX.

Спускъ съ перевала.

Необычайныя трудности спуска.—Отдыхъ на горномъ склонѣ.—Спускъ въ Нахарское ущелье.—Встрѣча съ туристами и ихъ разсказъ о почевкѣ въ свиномъ хлѣвѣ.—Переправа черезъ р. Нахарку.—По тропѣ надъ р. Клычемъ.—Мосты изъ снѣга.—Буквый лѣсъ и неумѣстное memento mori.—Прибытіе въ Клычскую казарму.—Вливая богомолка, дамская истерика и ночевка въ необитаемомъ домѣ.

Около 9 ч. утра, миновавъ снѣговую поляну, мы подошли къ спуску съ перевала. Инженерная тропа осталась значительно влѣво. Здѣсь за ней уже нѣсколько лѣтъ никто не смотритъ, и потому въ однихъ мѣстахъ ее занесло снѣгомъ, въ другихъ завалило каменными осыпями. Идутъ безъ всякой тропы то по снѣговымъ заваламъ, то среди сплошныхъ каменныхъ нагроможденій, съ трудомъ выбирая мѣсто, гдѣ можно поставить ногу.

Подавленный необычайными и сильными впечатлѣніями, я тихо и какъ-то полусознательно подвигаюсь за Измаиломъ, ведя къ поводу верховую лошадь. Вдругъ онъ останавливается и съ безпокойствомъ начинаетъ смотрѣть впередъ. Вотъ онъ прошелъ вправо, потомъ немного влѣво и опять остановился.

— Въ чемъ дѣло, Измаиль?—спрашиваю я его.

— Ищу дорогу.

Передъ нами—крутой, въ нѣсколько сажень высоты обрывъ, загроможденный камнями, и ни малѣйшихъ признаковъ тропы или дороги. Рѣшиться на спускъ съ этой кручи, да еще съ вьючными лошадьми кажется просто безуміемъ.

— Что ты, Измаиль,—возражаю я:—развѣ здѣсь можно спуститься?

— Нужно здѣсь, больше негдѣ,—коротко отвѣчалъ онъ.

У меня мелькаетъ мысль, что если болѣе негдѣ, то придется, пожалуй, вернуться назадъ; но тотчасъ вспоминаю, что не мы первые идемъ этимъ путемъ, и недавно встрѣтившіеся съ нами карачаевцы, несомнѣнно, шли тутъ же. Значитъ, какъ ни кажется невозможнымъ спускъ, но спускаются все-таки именно здѣсь.

Измаиль оставляетъ лошадь и осторожно, придерживаясь руками за камни, сползаетъ внизъ. Черезъ нѣсколько минутъ его голова снова показывается надъ обрывомъ. Онъ рѣшительнымъ жестомъ беретъ лошадь за поводъ и начинается спускъ. Умное животное сначала упирается, какъ будто не рѣшаясь на явно опасный шагъ. Но потомъ осторожно ступаетъ внизъ, пристально осматривая каждый камень. Вытянутая спина ея представляетъ почти вертикальную линію, и, кажется, оступись она хоть немного, какъ тотчасъ же кубаремъ полетитъ внизъ. Я не рѣшаюсь спускаться съ лошадью, опасаясь, что она упадетъ и придавитъ меня собою; по-

этому сползаю за Измаиломъ одинъ. Онъ снова поднимается вверхъ и сводитъ мою лошадь. Медленно, осторожно, по одиночкѣ спускаются съ кручи мои спутники и спутницы. У всѣхъ замѣтно огромное физическое и нервное напряженіе.

Благополучно пройденъ первый обрывъ. Мы немного переведемъ духъ и нѣсколько шаговъ дѣлаемъ по сравнительно сносной поверхности. Но затѣмъ—новая круча, еще опаснѣе первой. На этотъ разъ Измаиль развьючиваетъ лошадей и осторожно сводитъ ихъ внизъ порожнемъ. Вещи мы перетаскиваемъ на себѣ.

Далѣе трудности уже не такъ велики, и я снова рѣшаюсь вести верховую лошадь. Только теперь я узналъ, какое это умное, осторожное и ловкое животное. Иногда она останавливается, упирается передними ногами въ камни и какъ будто не хочетъ итти дальше. Я понукаю ее, дергаю за поводъ, думая, что лошадь устала или лѣнится, но она ни съ мѣста. Я оборачиваюсь назадъ и вижу, что она внимательно разглядываетъ камни и глазами выбираетъ наиболѣе надежный изъ нихъ. Вотъ она выбрала, рѣшилась и готовится прыгнуть внизъ. Я отодвигаюсь въ сторону и плотно прижимаюсь къ камнямъ, чтобы дать мѣсто лошади. Она стоитъ у меня надъ головой, туго натянувъ поводъ, который я держу за самый конецъ. Вдругъ—прыжокъ, и лошадь, вздрагивая всѣмъ тѣломъ, стоитъ всѣми четырьмя ногами на небольшомъ плоскомъ камнѣ рядомъ со мной.

Кругомъ только камни, утесы и скалы. Кое-гдѣ среди нихъ журчатъ небольшіе ручейки, вытекающіе изъ сосѣднихъ ледниковъ. Вотъ въ небольшой горной впадинѣ—остатки снѣгового завала, по которому намъ нужно итти. Странную окраску имѣетъ этотъ снѣгъ: онъ не бѣлаго, а кирпично-краснаго цвѣта. Микроскопическія альпійскія растенъица разсыпались по снѣговой поверхности, какъ мелкая-мелкая красноватая крупа, и окрасили ее въ свой цвѣтъ.

Болѣе трехъ часовъ мы почти полземъ съ горныхъ кручъ, цѣпляясь за камни, и только къ полудню выбираемся на покрытую сочной и густой травой полянку, на которой и намъ, и лошадямъ можно отдохнуть и подкрѣпить свои силы. Лошадей развьючиваемъ и пускаемъ пасться, а сами ложимся на траву и съ жадностью принимаемся за баранину, изжаренную Измаиломъ еще наканунѣ. Онъ вынимаетъ ее изъ сквернѣйшаго, грязнаго мѣшка, купленнаго въ Тебердѣ для сырого мяса, разрываетъ ее грязными пальцами на части и каждому даетъ по куску. Поддавшись невольному чувству брезгливости, я сначала отказываюсь отъ мяса; но Измаиль съ трогательною заботливостью суетъ его мнѣ почти въ самый ротъ и говорить:

— Бери, нужно ѣсть, а не то силъ не будетъ итти; самый хорошій кусокъ тебѣ достался.

Покорно беру большой кусокъ и ѣмъ, какъ дикарь, безъ ножа и вилки, разрывая мясо пальцами и зубами.

Острое чувство усталости немного прошло; голодь утолень, и теперь можно оглядѣться вокругъ.

Мы сидимъ на половинѣ спуска въ какую-то глубокую воронку, дна которой не видно, такъ какъ далеко впереди насъ на-

Одинъ изъ зигзаговъ Гоначхирской тропы.

клонные бока этой воронки круто обрываются внизъ. Тамъ кажется темно и сумрачно. Зигзаги инженерной тропы, высѣченные въ противоположной отъ насъ, совершенно отвѣсной стѣнѣ воронки, сбѣгаютъ куда-то въ преисподнюю и теряются во мракѣ. Тамъ—Нахарское ущелье и начало Клыча. Неужели и намъ предстоитъ

спускаться въ эту мрачную бездну? Да, но только не по инженерной тропѣ, которая безъ поддержки и ремонта во многихъ мѣстахъ обрушилась и сдѣлалась непроходимой.

Сплошнымъ кольцомъ обступили насъ могучія горы. Угрюмо хмурятся сѣрыя скалы. Холодомъ вѣетъ отъ сосѣднихъ ледниковъ и снѣговыхъ заваловъ. Дикое, суровое и неуютное мѣсто, въ своеобразной красотѣ котораго слишкомъ много мрачнаго элемента, подавляющаго человѣческую психику и поселяющаго въ ней какую-то безотчетную робость и пришибленность.

Послѣ часового отдыха мы снова начинаемъ спускаться на дно воронки. Небольшіе участки сносной дороги чередуются то съ снѣговыми завалами, то съ каменистыми осыпями, по которымъ мы иногда въ буквальномъ смыслѣ сползаемъ внизъ. Кое-гдѣ идемъ по густой и высокой травѣ, отъ которой съ трудомъ оттаскиваемъ своихъ голодныхъ лошадей.

Кругомъ поразительная тишь и безлюдье. Да и кому тутъ быть, въ этихъ глухихъ дебряхъ, въ этомъ мрачномъ горномъ лабиринтѣ? И, однако, мы здѣсь не одни. Навстрѣчу намъ медленно подвигаются три человѣческихъ фигуры — двое мужчинъ и одна женщина. Въ рукахъ у нихъ—длинные альпійскія палки, за плечами—небольшіе дорожные мѣшки.

Въ дикихъ и пустынныхъ мѣстахъ, гдѣ люди такъ рѣдки, нельзя пройти мимо человѣка, не обмѣнявшись съ нимъ привѣтствіями и не поговоривъ хоть немного о той части пути, которую одинъ уже прошелъ, а другому еще предстоитъ пройти. Мы также останавливаемся и знакомимся съ встрѣчными туристами. Они—природные кавказцы, но живутъ въ Харьковѣ; одинъ приватъ-доцентъ, а другой лаборантъ тамошняго университета съ женой. Идутъ изъ Сухума безъ проводника, такъ какъ мужчины уже были на Клухорѣ два раза и хорошо его знаютъ. Насчетъ сванетовъ спокойно, такъ какъ молва слишкомъ преувеличила ихъ разбойничьи подвиги. Да и чѣмъ трагители могли бы поживиться отъ нихъ?

Молодая путешественница имѣетъ очень утомленный видъ, а между тѣмъ самая трудная часть пути еще впереди.

— Вамъ, должно быть, очень тяжело? Вы устали?—спрашиваю я ее.

— Да, правда, устала; къ тому же эту ночь мы почти не спали.

— Почему?

— Мы предполагали остановиться на ночлегъ въ такъ называемой бѣлой будкѣ, у сторожа. Но повстрѣчали одного студента, который только-что провелъ тамъ ночь. Онъ сообщилъ намъ, что въ этой будкѣ, кромѣ свиней, никого нѣтъ. Онъ-то, впрочемъ, и свиньямъ былъ радъ, такъ какъ ночь была очень холодная, а теплымъ платьемъ онъ не запасся. Чтобы хоть немного согрѣться, прогонялъ то одну свинью, то другую и укладывался спать на нагрѣтое ею мѣсто.

— Ну, а гдѣ же вы ночевали?

— Мы прошли дальше и добрались до красной будки или, лучше сказать, до того мѣста, гдѣ она стояла. Будка, оказалось, сгорѣла еще въ прошломъ году, и отъ нея осталась лишь небольшой дощатый хлѣвушекъ, биткомъ набитый свиньями, которыхъ окрестные жители-свалеты выпускаютъ пастись безъ всякаго надзора ранней весной и вплоть до глубокой осени, когда свиньи сами возвращаются въ селенія со всѣмъ своимъ приплодомъ. Свиней мы изъ хлѣва выгнали и расположились ночевать на ихъ мѣстѣ. Но сами посудите, какое это могло быть спанье въ душномъ, тѣсномъ и невѣроятно грязномъ хлѣвѣ, да еще подъ безпрестанное свиное хрюканье и поросячій визгъ? Спать же на открытомъ воздухѣ—холодно.

— Итакъ, намъ предстоитъ рѣшить, какой изъ двухъ свиныхъ хлѣвовъ выбрать для ночлега. Спросимъ мнѣнія дамъ.

— Но если у вашихъ дамъ хватить силъ,—возразили наши новые знакомые,—то мы бы посоветовали вамъ идти до Клычской казармы. По путеводителю Москвича, тамъ долженъ быть сторожъ или дорожный мастеръ, у котораго можно даже добыть кое-что изъ съѣстнаго.

Недѣли полторы спустя, мы снова встрѣтились съ этими туристами въ Батумѣ и только тогда узнали, что во время первой встрѣчи съ нами они были голодны и сильно нуждались въ хлѣбѣ, но постѣснялись попросить у насъ. Къ тому же они рассчитывали скоро добраться до ветеринарной будки за переваломъ, но сбились съ дороги и пришли туда лишь поздно вечеромъ, страшно утомленные и обезсилѣвшіе отъ голода.

Наконецъ-то мы спустились на самое дно Нахарскаго ущелья. Передъ нами—не широкая, но бурная рѣчка Нахарка, съ шумомъ выбивающаяся изъ-подъ большого снѣгового завала. Узенькая, едва замѣтная тропинка ведетъ къ этому завалу, который, очевидно, и служилъ мостомъ черезъ рѣку. Но нижній конецъ завала подтаялъ и обрушился вмѣстѣ съ пролежавшей по нему тропинкой и сталъ невозможенъ для перехода; пробраться же на верхнюю, уцѣлѣвшую часть завала мѣшаютъ высокія отвѣсныя скалы. Нѣсколько минутъ мы стоимъ на берегу Нахарки въ недоумѣніи, но потомъ рѣшаемъ, что перебраться на другую сторону ея можно только въ бродъ на верховой лошади. И вотъ одинъ изъ насъ садится на лошадь и, переѣхавъ на тотъ берегъ, гонитъ ее ударами кнута назадъ. Здѣсь взбирается на нее новый всадникъ и продѣлываетъ то же самое. Съ барынями, которыя боятся переѣзжать чрезъ бурный потокъ на лошади, проводники поступаютъ проще: одну беретъ въ охапку Измаиль, другую Нанащъ и переносятъ ихъ въ бродъ пѣшкомъ.

Мы поворачиваемъ вправо и вступаемъ въ ущелье Клыча. Тс-

перь мы идемъ по крутому откосу, то спускаясь внизъ къ рѣкѣ, то вновь взбираясь на кручу. Голыя, дикія скалы перевала смѣнились высокими горными склонами, густо покрытыми растительностью. Вверху стройными колоннами поднимаются громадныя темно-зеленыя ели и сосны, а внизу по обрывамъ раскинулись заросли высокаго рододендрона съ крупными блестящими листьями. Еще немного дальше и ниже идутъ буки, ясени, вязы, столѣтнія пихты въ 3—4 обхвата. Но близость горныхъ вершинъ, покрытыхъ вѣчными снѣгами, и здѣсь дастъ о себѣ знать могучими снѣговыми завалами, остатки которыхъ еще лежатъ кое-гдѣ на нашемъ пути. Скатываясь внизъ, они широкой полосой прошли по дремучему лѣсу, опрокинули вѣковыя деревья, уничтожили почти всякую растительность и теперь лежатъ толстыми пластами на днѣ ущелья, надъ бушующей горной рѣчкой и нерѣдко служатъ намъ мостами. Жутко итти по такому мосту очень сомнительной прочности. Онъ подтаялъ и сверху и снизу. Кое-гдѣ образовались провалы, сквозь которые видно, какъ внизу бурлитъ и клокочетъ рѣка. Но сомнѣваться, раздумывать и высказывать опасенія безцѣльно, такъ какъ другого пути нѣтъ. Все, однако, обходится благополучно, и только одинъ разъ верховая лошадь поскользнулась и упала въ щель между берегомъ рѣки и снѣговымъ заваломъ. Подбѣжавшіе карачаевцы успѣли схватить ее одинъ за морду, другой за хвостъ и вытащили изъ щели.

Зигзагами вьется надъ Клычемъ наша тропинка, то теряясь въ густой лѣсной заросли, то выбѣгая на открытую полянку, съ которой мы видимъ—вверху уходяще въ небо утесы, а внизу—клокочущій Клычъ. Кое-гдѣ, шумя и сверкая, низвергаются на тропу водопады. Есть особенная прелесть въ этихъ серебристыхъ потокахъ, въ ихъ стремительномъ паденіи съ невѣдомыхъ кручъ, въ ихъ ровномъ и смѣломъ рокотѣ среди угрюмыхъ и безмолвныхъ скалъ.

По мѣстамъ тропа обрывается: или осыпался каменный карнизъ, по которому она была проложена, или сгнилъ и обрушился деревянный мостикъ, перекинутый надъ пропастью съ одной скалы на другую. Приходится итти безъ тропы, круто спускаясь внизъ, наперерѣзъ протореннымъ зигзагамъ, среди лѣсной чащи или безпорядочныхъ каменныхъ глыбъ

Мы все глубже и глубже уходимъ въ ущелье. Все выше и выше громоздятся надъ нами горные пики. Ели, сосны, пихты исчезли съ дороги, и ихъ мѣсто заняли вѣчно зеленый падубъ, лавровишня, горный кленъ, букъ и плющъ. Во многихъ мѣстахъ положительно всѣ деревья обвиты имъ отъ земли до самаго верху и превратились въ высокія колонны, обвитыя гирляндами зелени. Красиво, но... въ этихъ нѣжныхъ объятіяхъ легкаго граціознаго плюща задыхаются могучіе клены, сохнутъ гигантскіе буки и гибнутъ во цвѣтѣ лѣтъ...

Скоро вечеръ. Отъ голода и усталости мы едва передвигаемъ ноги.

Цѣлый день мы не шли, а лѣзли, спускались, карабкались и наконецъ выбились изъ силъ. Тѣмъ не менѣе, проходимъ, не оста-

Послѣдній зигзагъ перевальной тропы.

навливаясь красную и бѣлую будки и сладко мечтаемъ о Клычской казармѣ, какъ о землѣ обѣтованной. Тамъ у гостепріимнаго сторожа мы утолимъ свой голодъ чѣмъ-нибудь горячимъ, отлично выспимся и отдохнемъ.

Вечернія сумерки спускаются на землю, сердито хмурится темный буковый лѣсъ, и какая-то безотчетная жуть заползаетъ въ душу. А что если сванеты нападуть на насъ въ этой глуши? Крики, борьба бесполезны. Кругомъ—ни души, и никто не придетъ къ намъ на помощь. Вотъ у самой дороги стоитъ трехобхватное дерево. На высотѣ человѣческой груди съ него снята кора, и «чернымъ по бѣлому» написано: «1908 года іюля 25 здѣсь убить такой-то». Молча читаемъ мы это неумѣстное *memeto mori* и молча идемъ дальше.

— Измаиль, скоро ли Клычская казарма?—спрашиваемъ мы его.

— Скоро, но лучше пройти еще 8 верстъ до Генсвижа.

— Почему?

— Здѣсь худо: сванеты... а тамъ хорошо, и спать будемъ спокойно.

— Нѣтъ, Измаиль, мы такъ устали, что дальше итти не въ состояніи и готовы заночевать хоть здѣсь, въ лѣсу, на дорогѣ.

Въ сыромъ вечернемъ воздухѣ откуда-то потянуло дымкомъ. Это, несомнѣнно, Клычская казарма; гостепріимный сторожъ варить себѣ ужинъ, у котораго и намъ мѣстечко найдется. Еще сотня шаговъ, и мы, дѣйствительно, у казармы—довольно просторнаго каменнаго дома, построеннаго на самомъ берегу Клыча. На лужайкѣ передъ нимъ пасется стадо коровъ, а у воротъ три пастуха грѣются у костра и жарятъ шашлыкъ. Мы бѣжимъ въ казарму, чтобы поскорѣе устроиться въ ней, «какъ у себя дома», и здѣсь въ маленькой, невѣроятно грязной комнатѣ, служившей когда-то кухней, находимъ совѣмъ не то, чего ожидали. На полу сидитъ почти голая, грязная, съ растрепанными волосами и во всѣхъ смыслахъ отвратительная баба, а вокругъ нея—груда мокраго, вонючаго тряпья, снятаго для просушки и собиранія въ немъ насѣкомыхъ.

— Ты кто такая?

— Я богомолка изъ Пашинхи ¹⁾, иду въ Драндскій монастырь ²⁾. Одной страшно, такъ я къ пастухамъ пристала. Они гонятъ скотъ на продажу въ Сухумъ.

— А гдѣ же хозяинъ этого дома?

— Никого здѣсь нѣтъ.

— Какъ такъ? А сторожъ? а дорожный мастеръ?

— Давно ужъ нѣтъ,—три года.

Такъ вотъ почему не расчищена инженерная тропа! Вотъ почему во многихъ мѣстахъ она обрушилась и сдѣлалась непроходимой! Огромное сооруженіе, стоившее большихъ трудовъ и затратъ, совершенно брошено и быстро разрушается, Рабочіе расчитаны, дорожныя зданія покинуты, и путешественники предоставлены са-

¹⁾ Т.е. Баталпашинскъ.

²⁾ Въ 19-ти верстахъ отъ Сухума.

мимь себѣ: пусть идутъ гдѣ угодно, преодолевая невѣроятныя трудности и подвергаясь серьезнымъ опасностямъ.

Мы стоимъ разочарованные въ самыхъ сладкихъ мечтахъ истекшаго дня. Однако долго думать не надъ чѣмъ: волей-неволей придется заночевать въ этомъ необитаемомъ домѣ. Но всѣ другія комнаты заперты, туристамъ оставлена только эта тѣсная и грязная кухня, окончательно загаженная вшивой бабой.

— Вотъ что, тетка,—говорю я ей:—здѣсь будемъ ночевать мы, а ты убирай свое тряпье и иди въ сарай на дворъ. Тебѣ и тамъ будетъ хорошо.

Баба безропотно повинуется, а я иду на берегъ Клыча, чтобы изъ древесныхъ вѣтвей сдѣлать вѣшникъ и вынести кухню. Но на дворѣ встрѣчаюсь съ новой неожиданностью: среди положенныхъ на землю вьюковъ сидитъ одна изъ нашихъ спутницъ и горько плачетъ.

— Что съ вами? вы больны? васъ кто-нибудь обидѣлъ?—забрасываю я ее вопросами.

— Нѣтъ, не больна, и никто меня не обижалъ.

— Такъ о чемъ же вы плачете?

— И сама не знаю. Устала... и потомъ эти горы... горы...они меня раздавятъ...

— Значитъ, нервы не выдержали!..Ну, это пустыки. У насъ есть валеріанка и бромъ, которые васъ мигомъ успокоятъ.

Въ первый разъ пришлось обратиться къ дорожной аптекѣ.

Пока мели комнату и разбирали вещи, Измаиль вскипятить воду для чая. Въ мѣшкѣ у него оказались остатки шашлыка, а у меня въ корзинѣ небольшая бутылочка коньяку и роскошный домашній куличъ, которые мы везли неприкосновенными отъ самаго Симбирска, чтобы ими отпраздновать благополучный переходъ черезъ горы.

Сидя за ужиномъ на каменныхъ ступенькахъ крыльца, мы подвели итогъ послѣдняго дня: вышли изъ ветеринарной будки въ 6 ч. утра, пришли на ночлегъ въ 7¹/₂ ч. вечера, часъ употребили на обѣдъ; слѣдовательно, были на ногахъ 12¹/₂ часовъ и за это время прошли лишь 25 верстъ.

Спали по необходимости всѣ вмѣстѣ, почти не раздвываясь. Но впечатлѣнія тяжелаго дня, громкій шумъ Клыча и оставшіяся послѣ богомолки насѣкомыя всю ночь не давали заснуть какъ слѣдуетъ.

X.

Надъ р. Кодоромъ.

Сванетскія хижины.—Прощаніе съ карачаевцами.—Тропа надъ Кодоромъ и ея дикая прелесть.—Придорожная растительность.—Чхалты—районъ лѣсныхъ промысловъ.—
Тропа на 120-саженной высотѣ надъ Кодоромъ (Бочадская скала).

Несмотря на плохо проведенную ночь, мы утромъ 5-го августа бодро и весело отправились въ дальнѣйшій путь. Трудности спуска, опасности переправъ черезъ рѣки по снѣговымъ заваламъ, рискъ подвернуться нападенію со стороны сванетовъ,—все это миновало, и теперь можно было вздохнуть свободно. Юркій и узенькій, но не въ мѣру кипучій Клычъ какъ-то незамѣтно для насъ вдругъ исчезъ: онъ влился въ широкій Кодоръ, который степенно и важно катитъ свои бѣлогривыя волны среди зеленыхъ береговъ. Кругомъ на необъятное пространство—густой лиственный лѣсъ. Онъ заполнилъ собой все дно ущелья и пробуетъ подняться на горныя кручи. Тамъ чѣмъ выше, тѣмъ больше къ нему примѣшивается хвойная растительность, и мягкая кудрявая шевелюра горныхъ склоновъ мало-по-малу совсѣмъ замѣняется колючею щетиною. Она смѣло лѣпится по скаламъ и утесамъ, поднимаясь туда, гдѣ плывутъ тяжелыя тучи. Но вотъ и хвоя рѣдѣетъ; среди нея все чаще и чаще мелькають голыя каменныя лысины; вотъ она совсѣмъ исчезла, и въ темную лазурь неба дерзко вонзается острый, зазубренный пикъ, лишенный всякой растительности.

Мы идемъ среди густого, зеленого лѣса, отъ котораго вѣетъ свѣжей утренней сыростью. Въ воздухѣ тепло и влажно. Иногда набѣгаетъ небольшая тучка и брызжетъ въ насъ крупными, тяжелыми каплями. Кое-гдѣ въ сторонѣ отъ дороги начинаютъ попадаться небольшія полянки, засѣянныя кукурузой, а около нихъ—маленькія «избушки на курьихъ ножкахъ»: это—сванетскія хижины, построенныя на невысокихъ сваяхъ. Къ намъ на дорогу сначала выбѣгаютъ съ громкимъ лаемъ сванетскія собаки, а вслѣдъ за ними—цѣлой гурьбой оборванные, чумазые ребятишки, которымъ мы бросаемъ нѣсколько карамелекъ.

Девять или десять верстъ до Генсвижа промелькнули какъ-то незамѣтно. Здѣсь необходимо было остановиться, чтобы отпустить Измаила съ Нанашемъ и нанять повозку для дальнѣйшаго пути, уже до Сухума.

Всего два дня провели мы съ этими карачаевцами, но сдѣлали съ ними самую трудную и опасную часть пути. И за это небольшое время мы такъ успѣли привыкнуть къ своимъ проводникамъ, къ ихъ трогательной заботливости о насъ, къ постоянному вниманію и предупредительности, которыми они окружали насъ каждый шагъ, что разставаться съ ними было грустно. Да и карачаевцамъ было

не по себѣ, когда на прощанье мы жали ихъ грубыя, мозолистыя руки. Нанашъ, это большое наивное дитя, какъ-то нервно вскочилъ на лошадь и, повернувшись въ послѣдній разъ въ нашу сторону, взмахнулъ своей широкополой бѣлой шляпой, сердито ударилъ лошадь и, грустно сторбившись, скрылся за деревьями.

Теперь при насъ вмѣсто трехъ лошадей только одна, запряженная въ небольшую, на узенькомъ ходу телѣжку. На ней сидятъ и трясутся по каменистой дорогѣ наши дамы, а мы составляемъ около нихъ пѣшіей конвой. Лошадью править худенькій, тщедушный мужиченка, выходецъ изъ Бѣлорусси. Онъ сидитъ на передней перекладинѣ телѣги, свѣсивъ ноги къ лошадиному хвосту, и тычетъ

Клухорскій переваль.

въ него кривымъ кнутовищемъ. Лошаденка, не прибавляя шагу, взмахиваетъ своимъ грязнымъ хвостомъ подъ самымъ носомъ у Николая (имя возницы) и тѣмъ даетъ знать, что тычокъ кнутомъ принять ею къ свѣдѣнію.

Дорога вьется по карнизу надъ Кодоромъ. Это даже не дорога, а тропа, ширина которой не превышаетъ трехъ аршинъ. Очень часто она суживается до двухъ аршинъ и даже менѣе. Лѣвья колеса телѣги идутъ въ такихъ мѣстахъ у самаго обрыва. Еще 1—2 вершка влево, и телѣга полетѣла бы внизъ съ высоты 10—30 сажень. А тамъ, внизу ее ждали бы или сѣрыя каменные глыбы, или голубоватая волна Кодора. Кое-гдѣ барыни вынуждены сойти съ телѣги, и Николай осторожно проводитъ ее надъ обрывомъ. Въ одномъ самомъ узкомъ мѣстѣ съ большимъ наклономъ къ рѣкѣ пришлось

даже распрячь лошадь, вынуть изъ телѣги вещи и перенести ихъ нѣсколько сажень на рукахъ, а затѣмъ протащить на себя и телѣгу; такъ какъ проѣхать она уже не могла.

— Николай,—спрашиваемъ мы:—а какъ же ты назадъ проѣдешь этимъ мѣстомъ? Вѣдь, одному телѣги не перетащить, а попутчиковъ и встрѣчныхъ здѣсь немного.

— Э, переберусь; лошадь выпрягу, колеса сниму, оси—прочь, все по частямъ и перетащу.

— А какъ же здѣсь разъѣзжаются встрѣчные?

— Очень просто: лошадей выпрягаютъ, повозки, которыя потяжелѣе, стоять на мѣстѣ, а которыя полегче, переносятся надъ ними на рукахъ общими силами. Ежели есть кладъ, ее, конечно, переносятъ отдѣльно.

И на такой узкой дорогѣ съ такимъ крутымъ обрывомъ въ глубокую пропасть хотя бы какое-нибудь ограждение или парапетъ!..

Впрочемъ, эта узенькая тропа, бѣгущая капризными изгибами по карнизамъ горъ надъ бурной многоводной рѣчкой, имѣетъ свою особенную прелесть, какой не было бы у широкой, удобной дороги въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ. Шире дорога,—значить, больше культуры и меньше тѣхъ первобытныхъ красотъ, которыхъ жаждетъ человѣкъ, уставшій отъ культуры, бѣгущій отъ нея хоть на мѣсяцъ въ дикую горную глушь. Будь здѣсь шоссе въ родѣ Военно-Грузинскаго, и загрохочутъ по нему неуклюжіе почтовые дилижансы, помчатся, какъ одурѣлые, автомобили, пыля колесами и дымя бензиномъ, нахлынутъ толпы туристовъ и покроютъ всѣ скалы глупыми надписями и своими фамиліями, появятся духаны и почтовые станціи, Горный Духъ съ своими волшебными чарами отлетитъ въ другое мѣсто, и вмѣстѣ съ нимъ исчезнетъ первобытная красота и дикая роскошь ущелья.

Пышная, густая растительность сбѣгаетъ къ самой рѣчкѣ, жметя къ дорогѣ и свѣшивается надъ ней тѣнистымъ шатромъ. Ліаны и плющи иногда перекидываются съ одной стороны дороги на другую и образуютъ естественную арку, по сравненію съ которой наши такъ называемыя «тріумфальныя» арки ни къ чорту ни годны. Грабъ, лещина, самшитъ (иначе—кавказская пальма, но на обычную пальму нисколько не похожая), грабъ-хмель, букъ, алыча, кизиль, колючее держи-дерево,—все перемѣшалось между собою и съ неудержимою силою претъ изъ скалъ и камней,—отовсюду, гдѣ есть хоть горсточка перегной. Рука невольно тянется за висящими надъ дорогой орѣхами, а осыпавшіяся съ вѣтокъ спѣлыя ягоды алычи (по культурному—мирабель) манятъ немного въ сторону отъ дороги и какъ будто просятся въ ротъ. Скоро мы наѣдаемся этой благодатью до пресыщенія и только тогда (т. е. уже нѣсколько поздно) начинаемъ побаиваться за выносливость своихъ желудковъ. При «культурномъ» образѣ жизни это удовольствіе, дѣйствительно,

даромъ не прошло бы; но съ насъ все «какъ съ гуся вода», и взятая въ дорогу касторка пошла на смазку обуви, а опій остался въ неприкосновенности.

То спускаясь почти къ самой рѣкѣ, то взбѣгая на десятки сажень надъ нею, извивается Кодорская тропа и съ дикой, необузданной роскошью даритъ путника безконечнымъ разнообразіемъ чудныхъ паутинъ, предъ которыми блѣднѣютъ красоты Дарьяла. Нѣтъ силъ хоть на минуту оторвать глаза отъ этой многоводной рѣки, въ ровномъ шумѣ которой чувствуется не судорожное, порывистое бѣшенство Терека, а спокойная, величавая мощь; нѣтъ силъ не залюбоваться на эти гигантскія зеленныя горы съ обрывками тучъ и облаковъ, застрявшихъ въ ложбинахъ и лѣниво отдыхающихъ или «на груди утеса великана», или надъ дѣвственнымъ хвойнымъ лѣсомъ: нельзя равнодушно пройти мимо горныхъ водопадовъ, которые издали кажутся потоками ртути, скатывающейся по скалистымъ желобамъ съ невѣдомыхъ таинственныхъ высотъ; нельзя, наконецъ, не прійти въ восторгъ отъ темной небесной лазури, въ безднѣ которой тонутъ и горы, и лѣса.

Незамѣтно для себя мы подходимъ къ урочищу Чхалты. Отсюда къ югу мѣстность вдругъ сильно оживляется. Навстрѣчу намъ тянутся порожнемъ, въ сопровожденіи погонщиковъ-турокъ, длинные караваны рослыхъ лошадей съ вьючными сѣдлами на спинахъ; а въ одномъ направленіи съ нами, къ югу, идутъ такіе же караваны, нагруженные дранью и тесомъ. Каждая лошадь несетъ на себѣ 12 пудовъ. И все это направляется съ лѣсопильныхъ заводовъ Максимова въ Цебелду и другія селенія, гдѣ тесъ и дрань идутъ на разныя постройки, преимущественно на сараи для провяливанія и сушки табака.

На ночлегъ пришли въ селеніе Латы и остановились въ домикѣ путейскаго вѣдомства. Хозяинъ домика, старый дорожный мастеръ, ветеранъ русско-турецкой войны 1877—1878 г., принялъ насъ очень радушно и повелъ безконечные рассказы о происходившихъ гдѣ-то въ окрестностяхъ военныхъ стычкахъ, въ которыхъ, однако, самъ онъ участія не принималъ. О томъ же безмолвно рассказываютъ и заросшія плющемъ развалины солдатскихъ казармъ противъ оконъ путейскаго домика. Ни казармы, ни ветеранъ не нюхали турецкаго пороха и, мирно проживъ весь свой вѣкъ, такъ же мирно доживаютъ свои послѣдніе дни въ видѣ красивыхъ и почтенныхъ развалинъ.

На утро передъ нами—снова Кодоръ въ огромной чудной рамѣ изъ горъ и лѣсовъ. Сегодня мы съ нимъ разстанемся, и на прощанье онъ удивилъ насъ такими картинами, какихъ не увидишь въ самомъ фантастическомъ снѣ.

Ущелье мало-по-малу суживается и превращается въ тѣсную горную щель, сквозь которую пробилась рѣка. За нею чудовищно-

огромными волнами убѣгаютъ въ синюю даль зеленыя горы, а по правую сторону, гдѣ проложена тропа, высятся совершенно отвѣсныя скалы. Верхушки ихъ теряются гдѣ-то въ высотѣ, и съ тропы ихъ не видно, а тамъ, внизу, какъ разъ подъ нами, на глубинѣ 100—120 саженъ, сердито плещутся волны бурной рѣки. Онѣ лижутъ подножіе нашей скалы, подтачиваютъ ея основаніе и стремительно мчатся дальше. Не безъ страха мы свѣшиваемся немного надъ пропастью, бросаемъ туда камень и считаемъ секунды его полета. Проходитъ шесть, семь, восемь секундъ, и мы едва-едва видимъ, какъ камень достигъ наконецъ поверхности рѣки, шумъ которой заглушаетъ звукъ его паденія. Цѣлыхъ три версты идемъ мы надъ бездной по узенькой двухаршинной тропѣ, огибая такъ называемую Бочадскую скалу. Безпредѣльный восторгъ предъ неисчерпаемыми красотами Божьяго міра, открывающимися съ этой высоты, смѣшивается съ невольнымъ ужасомъ бездны, отъ которой насъ отдѣляетъ одинъ только шагъ ничѣмъ не огороженнаго пространства.

— Николай,—спрашиваемъ мы своего возницу:—неужели здѣшніе жители не боятся ѣздить надъ этой пропастью? И неужели здѣсь не бываетъ несчастныхъ случаевъ, о которыхъ подумать даже страшно? Ну, вотъ, хорошо, что мы ѣдемъ днемъ. А если застанутъ чело-вѣка сумерки или темная ночь? Вѣдь, одинъ невѣрный шагъ,—и поминай, какъ звали!...

— Нѣтъ, ночью тутъ ѣздить нельзя,—отвѣчаетъ Николай,—а гдѣ застала темъ, тамъ и стой да жди разсвѣту. А ужъ сорвешься внизъ, такъ и костей не соберешь. Въ позапрошломъ году одна женщина изъ Чхалтъ упала въ Кодоръ съ парой лошадей и съ телѣгой. Ни отъ нея, ни отъ лошадей ничего не осталось.

ХІ.

Конецъ пути.

Рѣка Амтхель-Ачадара и начало культурной области.—Цебельда и ея населеніе.—«Благораствореніе воздуха и изобиліе плодовъ земныхъ». — Ущелье р. Маджарки.—Дворянинъ Г.Д. Хварцкіа и импровизированная пирушка съ нимъ въ духанѣ.—Черное море и прибытіе въ Сухумъ.

Кончилась ужасная и дивная Бочадская скала. Дорога повертывается вправо, и Кодоръ исчезаетъ изъ нашихъ глазъ. Теперь мы идемъ по берегу его притока Амтхель-Ачадары среди стараго буковаго лѣса. Огромныя деревья свѣшиваютъ надъ дорогой свои зеленныя вѣтви, и получается красивая тѣнистая аллея, въ которой такъ пріятно укрыться отъ дневного зноя. Иногда дорога выбѣгаетъ къ берегу Амтхель-Ачадары и нѣсколько десятковъ саженъ вьется по высокому обрыву надъ рѣкой, давая намъ возможность полюбоваться горами на другой сторонѣ ея. Кажется, сколько мы ихъ видѣли, и все-таки продолжаемъ съ жадностью вглядываться

въ ихъ причудливыя формы, безконечно разнообразныя линіи и волшебна-измѣнчивыя комбинаціи свѣта и тѣни.

По хорошему желѣзному мосту переходимъ мы Амтхель-Ачадару и тотчасъ же, какъ будто по мановенію волшебной палочки, оказываемся въ совершенно иной обстановкѣ, чѣмъ были до сихъ поръ. Кругомъ—сады, хутора, табачныя плантаціи, кукурузныя поля.

По тропѣ надъ р. Кодоромъ (72 версты отъ Сухума).

Горная глушь кончилась и уступила мѣсто культурѣ. Самыя горы измѣнили свой характеръ. Нѣтъ болѣе-острыхъ, лишенныхъ растительности пиковъ. Повсюду закругленныя линіи, отлогіе скаты и волнообразныя холмы. Вотъ на юго-западномъ горизонтѣ цѣпь невысокихъ горъ въ одномъ мѣстѣ какъ будто разорвалась, и въ образовавшіяся ворота мы видимъ, что тамъ, дальше, вмѣсто горъ—безконечное ровное пространство, сливающееся съ небомъ и окрашенное съ нимъ въ одинъ лазурный цвѣтъ. Что это? Ужъ не море ли?

Прикладываемъ къ глазамъ бинокль и пристально вглядываемся въ открывшуюся за горными воротами безпредѣльность. Да, это— море. Тамъ, въ 40 верстахъ отсюда конецъ нашего тяжелого и продолжительнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ невыразимо дивнаго, полного сказочныхъ красотъ пути. Завтра мы будемъ тамъ, на берегу Чернаго моря, а теперь такъ хочется поскорѣе прійти на ночлегъ въ Цебельду, снять съ натруженныхъ ногъ обувь и отдохнуть.

Грязная армянская кофейня въ Цебельдѣ, безъ коекъ и отдѣльных «номеровъ для проѣзжающихъ», не общаетъ намъ никакихъ удобствъ на ночь. Но мы и ей рады. Ничего, что нѣтъ ни постелей, ни кроватей: поспимъ и на полу. Впрочемъ, барынямъ любезный хозяинъ уступилъ свой супружескій двухспальный катафалкъ подъ балдахиномъ съ мягкимъ матрасомъ и чистымъ бѣльемъ, а самъ съ дражайшей половиной расположился тутъ же на полу.

Ночь провели отлично и выспались какъ слѣдуетъ. А главное— впервые за всю Военно-Сухумскую дорогу у насъ на столѣ было горячее блюдо—чихиртма, на второе—отличный бараній пашлыкъ и вмѣсто сладкаго—но чашкѣ чернаго турецкаго кофе. Для приготовления этого вкуснаго напитка берутъ двѣ чайныхъ ложки чистаго кофе (безъ цикорія), столько же сахару, завариваютъ кипяткомъ въ миниатюрной мѣдной кастрюлькѣ съ длинной ручкой и, прокипятивши слегка надъ углями, выливаютъ въ маленькую фарфоровую чашечку вмѣстѣ съ гущей, которая, впрочемъ, быстро осаживается на дно чашки.

Такъ какъ въ Цебельду мы пришли довольно рано, то у насъ было достаточно времени, чтобы ознакомиться съ этимъ любопытнымъ селеніемъ.

Цебельда—это очень оживленный торговый пунктъ, главное мѣсто сбыта теса и драни, идущихъ съ лѣсныхъ промысловъ Максимова, и бойкая биржа торговаго и рабочаго люда, занятаго перевозкой и продажей лѣсныхъ матеріаловъ. На улицѣ—толпы турокъ, армянъ, грековъ, абхазцевъ и изрѣдка—русскихъ, ведущихъ между собою дѣловые разговоры. Подъѣзжаютъ изъ Сухума и отправляются обратно пароконные дилижансы, извозчичы фаятоны и простыя телѣги. У столбовъ привязаны вьючныя лошади, прибывшія въ Цебельду съ дранью и только-что освобожденные отъ клади. Кофейни и духаны биткомъ набиты посетителями, которые за чашкой горячаго кофе или за стаканомъ вина заканчиваютъ сдѣлки или просто коротаютъ время. Оттуда несутся неистовые звуки граммофона, поющаго пронзительную и уши раздражающую армянскую пѣсню. Какому-то толстому флегматичному турку не хочется сидѣть въ душной кофейнѣ; ему выносятъ на улицу небольшой столикъ, на который онъ и усаживается съ ногами, по-турецки. Самъ хозяинъ кофейни подаетъ ему чашечку кофе, и турокъ цѣлый

часть сосеть ее по каплѣ, безучастно поглядывая по сторонамъ и выкуривая трубку за трубкой.

Тутъ же на улицѣ, у оконъ кофейни мѣстный парикмахеръ открылъ свою мастерскую и едва успѣваетъ удовлетворить всѣхъ желающихъ привести въ порядокъ свою физиономію. Онъ стрижетъ, бреетъ и причесываетъ и всѣ эти операціи заканчиваетъ тѣмъ, что наливаетъ себѣ въ руки какой-то жидкости изъ пузырька (можетъ быть, одеколонъ), быстро третъ ее между ладонями и затѣмъ такъ же быстро растираетъ этими ладонями все лицо своего кліента. Тотъ понимаетъ, что дѣло окончено, улыбается во всю ширину своей раскраснѣвшей и лоснящейся отъ массажа физиономіи, осторожно надѣваетъ на затылокъ феску, чтобы не помять взбитаго надъ лбомъ хохолка, и даетъ парикмахеру гривенникъ.

Небольшая группа армянъ усѣлась въ кружокъ на землѣ и съ увлеченіемъ играетъ въ засаленныя карты, а два турка устроились на низенькихъ табуретикахъ, положили между собой на какомъ-то ящикѣ доску турецкаго прибора для игры въ кости, называемаго «нартъ», и серьезно, меланхолически, безъ улыбки, какъ будто занимаются важнымъ дѣломъ, катаютъ по доскѣ небольшіе костяные шарики.

— Что же, это азартная игра? Много проигрываютъ?—спрашиваю я хозяина кофейни.

— О, нѣтъ,—одинъ чашѣчка кофѣ, стаканъ вина на пять копѣекъ.

Послѣдній день пути. Погода жаркая. Въ воздухѣ чувствуется влажность, какъ въ теплой, сырой оранжереѣ. Близость моря даетъ себя знать. Обиліе солнечныхъ лучей, тепло и влага создаютъ здѣсь чрезвычайно выгодныя условія для земледѣлія и садоводства. Поэтому куда ни посмотришь,—всюду роскошная, сочная зелень садовъ и полей. А среди нихъ—хутора, дачи, усадьбы и небольшіе поселки. Жизнь бьетъ ключомъ. По дорогѣ—масса проѣзжихъ и пѣшеходовъ. Медленно двигаются тяжелыя телѣги, нагруженныя арбузами, персиками, кукурузой; громыхая желѣзомъ и стуча колесами, трусятъ не спѣша дилижансы; быстро проносятся легкіе фэтоны, шурша по гребню шоссе своими резиновыми шинами. И тихо-тихо плетутся пѣшкомъ усталые туристы, едва передвигая натруженныя ноги и постоянно отирая съ лица потъ.

«Благораствореніе воздухонъ и изобиліе плодовъ земныхъ», зеленныя невысокія горы съ мягкими закругленными линіями и кипучая жизнь людскаго муравейника, все это создаетъ дивную картину благодатнаго уголка, щедро одареннаго красотой и богатствомъ. Особенно живописно начинающееся за селеніемъ Ольгинскимъ узкое ущелье р. Маджарки. Небольшая рѣчка, текущая по дну ущелья, едва видна изъ-подъ буйной растительности, густо покрывающей прибрежныя скалы и свѣшивающейся

надъ нею тѣнистымъ шатромъ. Мелкіе кусты и крупныя деревья лѣплятся по обрывамъ и укореняются почти на голыхъ камняхъ. Дня два спустя, при осмотрѣ сухумскаго акклиматизаціоннаго сада, въ которомъ масса нѣжныхъ тропическихъ растений отлично идетъ на сухой каменистой почвѣ, я выразилъ по этому поводу свое удивленіе завѣдующему садомъ В. В. Марковичу.

На 24 верстѣ отъ Сухума.

— Да, почва у насъ плохая, — отвѣтилъ онъ: — живемъ однимъ климатомъ, какъ говорятъ крестьяне.

Очевидно, этимъ самымъ «климатомъ» живутъ и тѣ сочныя деревья, которыя съ отвѣсныхъ скалъ свѣшиваются надъ нашей дорогой и надъ рѣчкой Маджаркой свои темно-зеленыя, здоровыя вѣтви.

Щедрая, благодатная природа, веселое, яркое солнце и мягкая, ласковая красота ландшафта располагаютъ людей къ общитель-

ности, веселью и радушію. Поэтому, вмѣсто суровыхъ и угрюмыхъ обитателей горныхъ высотъ, мы повсюду здѣсь видимъ ласковыя и привѣтливыя лица. Встрѣчные съ улыбкой киваютъ намъ головой и желаютъ счастливаго пути, попутчики охотно вступаютъ въ разговоръ, а про любезность духанщиковъ и говорить нечего.

Аллея банановъ въ Сухумскомъ ботаническомъ саду.

Въ одномъ изъ духановъ, гдѣ мы остановились, чтобы утолить чаемъ жажду, къ нашему столику на верандѣ подошелъ молодой красивый кавказецъ и отрекомендовался мѣстнымъ дворяниномъ Григоріемъ Дмитріевичемъ Хварцкіа. Въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ и съ просьбой извинить его назойливость онъ сказалъ, что, узнавъ въ насъ туристовъ изъ Россіи, позволяетъ себѣ освѣдниться о нашихъ дорожныхъ впечатлѣніяхъ на Кавказѣ вообще и въ его родной Абхазіи въ частности. Завязался очень оживлен-

ный разговоръ, въ самомъ началѣ котораго Хварцкіа попросилъ насъ, по случаю пріятнаго знакомства, выпить съ нимъ вмѣстѣ по стакану вина. Отказаться, конечно, было нельзя, и спрошенная Хварцкіа бутылка мигомъ была осушена. За нею послѣдовала вторая, уже наша, такъ какъ мы непремѣнно хотѣли отплатить г. Хварцкіа за его любезность и угощеніе. Прежде, чѣмъ мы успѣли съ нею покончить, нашъ радушный знакомый потребовалъ еще бутылку, такъ какъ считалъ себя здѣсь хозяиномъ, а насъ своими гостями. Гости, въ свою очередь, не хотѣли оставаться въ долгу предъ любезнымъ хозяиномъ и спросили четвертую бутылку. Такъ, обмѣниваясь угощеніемъ и любезностями, мы просидѣли въ духанѣ часа два. Не помню уже, кто кого превзошелъ по этой части и чья была послѣдняя бутылка вина. Но только итти послѣ этого было хотя и весело, но довольно тяжело, такъ какъ приходилось употреблять усилія, чтобы не удлинять дорогу излишними зигзагами.

Горячее южное солнце печетъ немилосердно. Воздухъ—какъ въ хорошо нагретой банѣ, въ которой не пожалѣли воды на каменку. Идешь и буквально обливаешься потомъ. Поскорѣй бы Сухумъ, гдѣ можно отдохнуть по-человѣчески, а главное—смыть съ себя дорожную грязь. Вѣдь, мы уже нѣсколько дней, съ Сентинскаго монастыря, ни разу не снимали съ себя даже верхняго платья и спали не раздѣваясь.

Пристально вглядываемся впередъ, не увидимъ ли городъ или море, которое вчера днемъ издали мелькнуло передъ нами. Вдругъ откуда-то слѣва донесся глухой, неясный шумъ. Съ каждымъ нашимъ шагомъ онъ дѣлается громче и явственнѣе. Еще четверть версты, и сквозь зелень прибрежныхъ морскихъ сосенъ предъ нами развернулся необъятный просторъ Чернаго моря. Небольшія волны, сверкая солнечными лучами, покрывали его поверхность мелкой рябью и осторожно, съ нѣжнымъ шопотомъ ласкались къ низкому берегу...

Вотъ, наконецъ, и Сухумъ. Онъ тѣснымъ полукольцомъ охватилъ небольшую бухту, прижался къ самому морю и какъ будто глядитъ, не наглядится въ его лазурную даль...

ХІІ.

Сухумъ.

Кое-что изъ исторіи Сухума.—Уличная жиань въ Сухумѣ.—Сухумъ, какъ климатическая станція.—Сухумскій ботаническій садъ.—Опыты акклиматизаціи въ Сухумѣ цитрусовъ, маслинъ, чая, бамбука и гуттаперчеваго дерева.—Заключеніе.

По возрасту Сухумъ—очень древній городъ. Тридцать два вѣка назадъ на его мѣстѣ стоялъ греческій городъ, называвшійся у милетцевъ Діоскуромъ, а позднѣе, при римскомъ владычествѣ,

Севастополисомъ. Послѣдній процвѣталъ еще во времена генуэзскаго господства на Черномъ морѣ. Память о древнемъ Діоскурѣ и до настоящаго времени сохранилась въ названіи лежащей немного южнѣе Сухума маленькой бухты Схурча, въ которую впадаетъ рѣка того же имени.

Судя по большому количеству фрагментовъ отъ греческихъ судовъ, найденныхъ въ нынѣшнемъ Сухумѣ, можно думать, что въ античныя времена это былъ довольно многолюдный и оживленный городъ. Но въ средніе вѣка онъ пришелъ въ полное запустѣніе, и надъ слоємъ, хранящимъ слѣды античной жизни, успѣлъ образоваться толстый слой наносной земли. Въ позднѣйшія времена городъ перешелъ во власть сначала турокъ (въ 1755 г.), потомъ абхазцевъ и, наконецъ (съ 1810 г.), русскихъ. Остатки турецкой крѣпости и теперь еще сохраняются въ сѣверной части Сухума.

Въ настоящее время это—небольшой, но очень красивый городокъ, во внѣшности котораго нѣтъ никакихъ слѣдовъ его многовѣкового существованія. Главная прелесть его—дивное лазурное море, на берегу котораго устроены очень хорошій бульваръ. Здѣсь сухумцы и коротаютъ значительную часть своихъ досуговъ, любясь на безпредѣльный морской просторъ, среди котораго кое-гдѣ, какъ гиганскія бѣлокрылыя чайки, скользятъ парусныя лодки и суда. Тутъ же, на набережной, расположились рестораны и кофейни, имѣющіе для сухумцевъ значеніе общественныхъ клубовъ. На широкіе тротуары вынесены столы, стулья, цвѣты, и въ такой обстановкѣ, совсѣмъ на улицѣ, сухумцы ѣдятъ, пьютъ кофе и вино, играютъ въ карты или въ нартъ, ведутъ дѣловые и всякіе другіе разговоры. Черезъ день или два васъ уже знаютъ во всѣхъ кофейняхъ и ресторанахъ, вы также знаете почти всѣхъ и чувствуете себя какъ дома.

Въ климатическомъ отношеніи, о которомъ я уже помянулъ вскользь, Сухумъ обратилъ на себя серьезное вниманіе со стороны, главнымъ образомъ, врачей и ботаниковъ. На XII международномъ съѣздѣ врачей въ Москвѣ (1898 г.) Сухумъ былъ признанъ лучшей климатической станціей для слабогрудыхъ. Въ настоящее время тамъ имѣются хорошо оборудованныя санаторіи Смецкаго, Кошко и Мееровича. Нужно думать, что лечебное значеніе Сухума благодаря въ высшей степени благоприятнымъ климатическимъ условіямъ и близости очень хорошихъ сѣрныхъ источниковъ (2¹/₂ версты отъ города), будетъ съ каждымъ годомъ возрастать и вмѣсто того, чтобы тратить деньги на французскія и итальянскія ривьеры, русскіе поѣдутъ на собственную ривьеру, не менѣ живописную и болѣе полезную для здоровья. До настоящаго времени этому мѣшало отсутствіе желѣзнодорожнаго сообщенія съ Сухумомъ, морское же путешествіе переносятъ далеко не всѣ. Но теперь постройка желѣзной дорогѣ отъ Новороссійска до Поти

черезъ Сухумъ—дѣло, кажется, уже рѣшенное, и года черезъ 3—4 наша черноморская Ривьера будетъ опоясана рельсовымъ путемъ.

Ботаники обратили свое вниманіе на Сухумъ много раньше медиковъ. Пользующійся широкой и вполне заслуженной извѣстностью сухумскій акклиматизаціонный садъ былъ основанъ еще въ 1840 году съ практической цѣлью доставленія плодовыхъ и декоративныхъ растений крѣпостямъ, расположеннымъ вдоль береговъ Чернаго моря. Въ соотвѣтствіи съ этимъ садъ находился въ распоряженіи военнаго вѣдомства, и имъ завѣдывалъ военный лекаръ Баграновскій, большой любитель и знатокъ растений.

На протяженіи своей болѣе чѣмъ 70-лѣтней исторіи садъ не одинъ разъ подвергался опустошенію то со стороны абхазцевъ, то турокъ, которые въ 1877 году, взявъ Сухумъ, разгромили садъ и почти все деревья въ немъ вырубил.

Въ настоящее время задачи сада—чисто научные опыты по акклиматизаціи множества иностранныхъ растений. Но за этимъ стоитъ и практическая цѣль, такъ какъ въ ряду акклиматизируемыхъ растений не мало такихъ, которыя имѣютъ большое коммерческое значеніе. Такъ, напримѣръ, чрезвычайно удачные опыты разведенія цитрусовъ (апельсины и лимоны), которыхъ теперь насчитывается въ саду до 100 сортовъ, окончательно установили фактъ, что мадарины, и при томъ очень высокаго качества, могутъ быть культивируемы на побережьѣ съ промышленною цѣлью. То же нужно сказать о маслинахъ и чаѣ, которые отлично переносятъ сухумскій климатъ и даютъ хорошіе урожаи. Немного сѣвернѣе Сухума, въ Новоаѳонскомъ монастырѣ, ведется правильное масличное хозяйство, и тамъ есть цѣлая масличная роща. Что же касается чая, то убѣдительнымъ доказательствомъ возможности культивированія его въ Сухумѣ служитъ старый чайный кустъ въ сухумскомъ ботаническомъ саду, существующій болѣе 60 лѣтъ, и удачные опыты разведенія чая на трехъ опытныхъ поляхъ при этомъ садѣ. Впрочемъ, по мнѣнію завѣдующаго садомъ В. В. Марковича, окончательное рѣшеніе вопроса о коммерческомъ значеніи чая для сухумскаго побережья еще преждевременно, такъ какъ пока не все сорта его испробованы и не вполне изучены условія культуры и свойства самаго чая. Но зато съ несомнѣнностью можно утверждать, что большое коммерческое значеніе будутъ имѣть такія новыя для Сухума растенія, какъ бамбукъ и гуттаперчевое дерево.

Бамбукъ употребляется для самыхъ разнообразныхъ надобностей, начиная отъ плетенія корзинъ и шляпъ и кончая примѣненіемъ его на водопроводныя трубы. Бамбукъ отличается замѣчательною прочностью, почему его и употребляютъ на колья, мебель, водопроводныя трубы и пр. Въ сухумскомъ ботаническомъ саду имѣется до 40 сортовъ бамбука, изъ которыхъ нѣкоторые дости-

гаютъ 6 сантиметровъ толщины, а въ Чаквѣ—уже до 15 сантиметровъ. Въ Сухумѣ, Батумѣ и Тифлисѣ, особенно въ послѣднемъ, я видѣлъ много столярныхъ мастерскихъ, занятыхъ приготовленіемъ очень изящной, легкой и прочной мебели изъ мѣстнаго, преимущественно чаквинскаго бамбука.

Опыты акклиматизаціи гуттаперчеваго дерева хотя и производятся лишь съ очень недавняго времени (если не ошибаюсь, съ 1907—1908 г.), но дали въ высшей степени хорошіе результаты: двухлѣтнее деревцо, зимующее въ Сухумѣ безъ всякаго прикрытія, достигло высоты 6 аршинъ и толщины въ комлѣ $1\frac{1}{2}$ вершка. Выносливость—полная. И если анализъ установитъ достаточный % и хорошее качество гуттаперчи въ этомъ деревцѣ, то оно, несомнѣнно, можетъ быть разводимо съ коммерческой цѣлью. Я пробовалъ разрывать листь гуттаперчеваго дерева и убѣдился, что при этомъ онъ не раздѣляется совсѣмъ на двѣ части, а растягивается, какъ резина. Судя по этому, въ древесинѣ должно заключаться много гуттаперчи.

Чтобы судить о коммерческомъ значеніи каучука, достаточно привести слѣдующія цифры:

Міровое производство этого продукта въ 1908 г. было 70 тыс. тоннъ, а потребление около 68 тыс. тоннъ. Оставался еще запасъ. Но въ 1909 г., благодаря громадному росту автомобильнаго движенія и все увеличивающемуся употребленію каучука въ электротехникѣ (кабели), потребление превысило производство, и цѣны поднялись на 500%: съ $2\frac{1}{2}$ шиллинговъ до 12 шиллинговъ за фунтъ; между тѣмъ, самому плантатору, имѣющему взрослыя деревья, фунтъ каучука обходится не болѣе шиллинга. Естественно, что капиталисты не замедлили наброситься на операцію съ каучукомъ, и только за одинъ 1909 годъ въ одномъ лишь Лондонѣ образовалось до 80 акціонерныхъ обществъ съ капиталомъ болѣе 45 милліоновъ рублей. Нѣкоторыя государства и страны, можно сказать, живутъ почти однимъ каучукомъ. На немъ зиждется благополучіе Бразильскихъ Соединенныхъ Штатовъ, изъ которыхъ въ 1909 г. вывезено каучука на 340 милліоновъ фр. Въ послѣдующіе же годы вывозъ его значительно увеличился.

Намъ, русскимъ, стоитъ только вспомнить, какія бѣшенныя деньги платимъ мы за выдѣлываемыя изъ чужого каучука резиновыя галоши, чтобы отъ души пожелать скорѣйшаго и возможно широкаго развитія каучуковаго дѣла въ Россіи.

Здѣсь нѣтъ возможности да и незачѣмъ давать подробное описаніе въ высшей степени интереснаго акклиматизаціоннаго сада въ Сухумѣ. Замѣчу только, что, кромѣ субтропическихъ плодовыхъ и декоративныхъ растений, разводится садомъ масса техническихъ, имѣющихъ самое разнообразное примѣненіе. Между ними можно встрѣтить растенія, изъ которыхъ добываютъ краску,

дубильныя вещества, эфирныя масла, лакъ, воскъ, сахаръ, корицу, волокно, бумагу, разныя смолы и масла, лекарственныя алко-лоиды (хининъ, кокаинъ, пилокарпинъ), каучукъ, гуттарперчу, суррогатъ молока и пр.

Завѣдующій садомъ В. В. Марковичъ былъ такъ любезенъ, что самъ провелъ насъ по всему саду и по устроенному въ особомъ помѣщеніи музею, вездѣ давая самыя подробныя объясненія. Кромѣ основательныхъ знаній, въ этомъ человѣкѣ видны большая любовь къ своему дѣлу и огромная энергія. Всѣ эти качества дали ему возможность за 9 лѣтъ завѣдыванія садомъ (съ февраля 1903 г.) достигнуть крупныхъ и весьма поучительныхъ результатовъ.

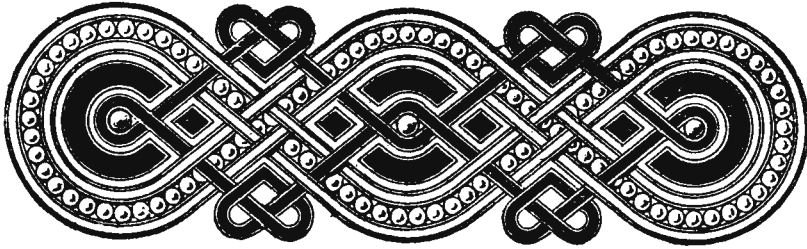
Будучи хорошимъ знатокомъ всего Черноморскаго побережья и въ особенности Сухума, В. В. Марковичъ въ своей статьѣ: «Въ странѣ солнца и вѣчно голубого неба» (журналъ «Любитель природы» за 1910 г.) пишетъ: «Черноморское побережье Кавказа, имѣющее среднюю температуру, доходящую на югѣ до 15°, осадковъ, достигающихъ на югѣ до 3000 мм., много солнечнаго свѣта и голубого неба, является какъ бы большою оранжереею, гдѣ подъ открытымъ небомъ могутъ расти виноградъ, смоквы и гранатъ, чай, маслины и эвкалипты, апельсины, лимоны и табакъ, хлопокъ и персикъ, пальмы, бананы и драцены, а въ лѣсахъ дико растутъ лавры благородныя, кавказская пальма, тисъ, хурма и много другихъ плодовыхъ растений, какъ каштаны, яблони, груши, алыча и пр. Такого богатства свѣта, тепла и влаги нѣтъ не только во всей обширной Россіи съ ея Кавказомъ и Туркестаномъ, но и во всей Европѣ. Это дѣлаетъ Черноморское побережье совершенно особеннымъ уголкомъ Россіи, на который нужно обратить особое вниманіе. И понятно теперь, почему сѣверянина такъ тянетъ на берегъ Чернаго моря, гдѣ онъ встрѣчаетъ ласковое солнышко, тепло и богатую растительность, а море даетъ ему рядъ дивныхъ картинъ, заставившихъ покойнаго писателя назвать Черноморское побережье «краемъ гордой красоты»¹⁾. Одинъ нѣмецкій ученый, побывавшій на Черноморскомъ побережьи, пишетъ мнѣ, что все видѣнное имъ на побережьи было какъ бы сномъ: «Es war ein Traum».

По выраженію другого, также уже покойнаго писателя (Е. Маркова)—«Сухумская долина—это кусочекъ Испаніи или Сициліи, оброненный у подножія старика Кавказа».

Осмотрѣвъ этотъ дивный уголокъ (на пространствѣ отъ Новаго Аѳона до Батума) и теперь вспоминая о немъ среди выжженныхъ солнцемъ, а потомъ занесенныхъ снѣгомъ унылыхъ полей Средняго Поволжья, я вмѣстѣ съ ученымъ нѣмцемъ говорю: «Ja, es war ein Traum!..»

А. Мощанскій.

¹⁾ Это выраженіе, несомнѣнно, заимствовано у Пушкина изъ его знаменитаго стихотворенія «Къ морю». А. М.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Мемуары П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго. Эпоха освобожденія крестьянъ въ Россіи (1857—1861 г.г.) въ воспоминаніяхъ бывшаго члена-эксперта и завѣдываваго дѣлами редакціонныхъ комиссій. Изданіе семьи. Т. III. Стр. XIII+444. Пгр. 1915. Т. IV. Стр. VIII+661. Пгр. 1916. Съ портретами. Цѣна за оба тома 6 р.

БДКО какая книга читается съ такимъ захватывающимъ интересомъ, какъ посмертные мемуары П. П. Семенова Тянь-Шанскаго, изданные нынѣ его семьею для всеобщаго свѣдѣнія. Въ свое время эти мемуары были извѣстны лишь ограниченному числу лицъ, т. к. они были напечатаны на правахъ рукописи и не поступали въ продажу. Выпускомъ воспоминаній маститаго дѣятеля по освобожденію крестьянъ наслѣдники его не только оказываютъ большое содѣйствіе къ изученію эпохи великихъ реформъ, но и создаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ нерукотворный памятникъ автору мемуаровъ, ближайшему участнику въ работахъ редакціонныхъ комиссій и сподвижнику председателя этихъ комиссій Я. И. Ростовцева.

П. П. Семенову-Тянь-Шанскому Богъ послалъ долгій вѣкъ и далъ ему возможность быть не только свидѣтелемъ, но и участникомъ великихъ государственныхъ преобразованій второй половины XIX вѣка, рѣзко раздѣлившихъ нашу отечественную исторію на два періода: дореформенный и пореформенный. Семенову-Тянь-Шанскому суждено было сыграть выдающуюся роль въ переходные моменты этихъ періодовъ. И вотъ появившіеся нынѣ въ продажѣ два тома его воспоминаній даютъ намъ возможность получить полное и всестороннее понятіе о той роли, которая выпала на его долю въ годы подготовленія вели-

чайшей реформы въ Россіи—освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ отъ крепостной зависимости. Уже изъ обширной работы его старшаго брата Н. П. Семенова (тоже нынѣ покойнаго): «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II» русскіе читатели могли до извѣстной степени судить о трудахъ, понесенныхъ его младшимъ братомъ, Петромъ Петровичемъ, въ періодъ занятій редакціонныхъ комиссій. Но въ названномъ трудѣ, явившемся вслѣдъ за трудами перваго историка дѣла освобожденія крестьянъ Скребицкаго, личность сотрудника Ростовцева какъ-то не такъ выпукло вырисовывалась, благодаря обилію сырого матеріала, вошедшаго въ названный трудъ. Въ немъ, въ этомъ трудѣ, дана стенографическая почти отчетность о всемъ томъ, что происходило на официальныхъ засѣданіяхъ редакціонныхъ комиссій, вслѣдствіе чего самыя фигуры дѣйствовавшихъ въ комиссіяхъ лицъ не такъ рельефно выступаютъ на первый планъ. Тутъ рѣчи, протоколы, предложенія, споры. Иной характеръ носятъ мемуары П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго. Здѣсь дана не только сжатая, поденная исторія того, что творилось въ нѣдрахъ комиссій и главнаго комитета, но представлена и закулисная интимная сторона дѣла, въ которой именно П. П. пришлось быть однимъ изъ главныхъ участниковъ, въ чьихъ рукахъ, благодаря его близости къ Ростовцеву, сосредоточились всѣ нити грандіозной освободительной реформы. Вслѣдствіе такого плана составленія мемуаровъ они получаютъ характеръ, съ одной стороны, исторіи самой реформы отъ начала ея возникновенія вплоть до завершенія, съ другой—характеръ автобіографіи за извѣстный періодъ лѣтъ, гдѣ повѣствователь съ большою подробностью и съ полной откровенностью сообщаетъ все имъ видѣнное, слышанное, передуманное, пережитое, изо дня въ день, изъ часу въ часъ. Автору приходилось быть участникомъ интимныхъ бесѣдъ съ императоромъ Александромъ II въ Зимнемъ дворцѣ, съ Ростовцевымъ, съ графомъ Панинымъ, великой княгиней Еленой Павловной, великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ и множествомъ другихъ лицъ, имѣвшихъ то или иное прикосновеніе къ дѣлу реформы. Онъ въ тѣ годы являлся своего рода посредникомъ между государемъ и Ростовцевымъ, государемъ и графомъ Панинымъ, между обоими предсѣдателями редакціонной комиссіи (Ростовцевымъ и Панинымъ), былъ до извѣстной степени душеприказчикомъ Ростовцева въ дѣлѣ приведенія къ желательному концу задуманной реформы, занималъ вліятельное мѣсто въ экспертизахъ комиссій, гдѣ стоялъ въ первыхъ рядахъ главныхъ бойцовъ за свободу и право на земельную собственность русскаго крестьянина. Порою на его долю выпадали самыя щекотливыя и тяжкія порученія, когда надо было устранять встрѣчавшіяся терніи на реформаторскомъ пути, сглаживать разныя недоразумѣнія, улаживать конфликты и вообще нести самую отвѣтственную будничную работу исполнительнаго порядка, безъ которой дѣло не могло благополучно продвигаться впередъ.

Составляя свои мемуары черезъ 50 лѣтъ послѣ завершенія реформы, П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій самъ задаетъ себѣ вопросъ, какъ могъ онъ вынести на своихъ плечахъ то громадное бремя работы, которое выпало на его долю, и даетъ объясненіе этому въ той физической крѣпости, которую онъ обрѣлъ въ домашней обстановкѣ дѣтскихъ лѣтъ, въ кратковременной военной службѣ и

въ тѣхъ путешествіяхъ по Тянь-Шаню, когда онъ закалилъ свое здоровье. Кромѣ этой стороны, несомнѣнно, сыгравшей въ тотъ періодъ его жизни крупную роль, надо отмѣтить и тотъ идеализмъ, который вдохновлялъ его при занятіяхъ какъ въ комиссіи, такъ и въ главномъ комитетѣ по дѣлу освобожденія крестьянъ. И не даромъ графиня Блудова называла его «Пигмаліономъ редакціонныхъ комиссій, влюбившимся въ свое собственное произведеніе». «На это я возражалъ,—повѣствуетъ Семеновъ,—что Галатея, о которой она говоритъ, есть свобода русскаго народа. Великимъ художникомъ, ее задумавшимъ, является самъ царь-Освободитель, а на исполненіе ея онъ призвалъ цѣлую плеяду лучшихъ людей русскаго народа; я дѣйствительно влюбился въ эту Галатею, потому что ранѣ многихъ изъ ея другихъ работниковъ замѣтилъ, что она начинаетъ оживать и превращаться въ одушевленное и притомъ уже безсмертное существо, созданное русскимъ гениемъ».

И дѣйствительно, мы видимъ на протяженіи всѣхъ мемуаровъ ихъ автора въ состояніи своего рода оптимистическаго экстаза, когда онъ вынуждаемъ былъ обстоятельствами переживать опасныя тревоженія, стоять порою надъ бездной крушенія реформы и биться грудью о грудью съ сильными и вліятельными противниками этой реформы. Да, покойный Семеновъ Тянь-Шанскій былъ настоящимъ оптимистомъ и идеалистомъ въ лучшемъ смыслѣ этихъ словъ во всю свою долгую жизнь. Таковымъ зналъ его авторъ настоящей рецензіи, когда состоялъ при немъ нѣкоторое время секретаремъ по обществу вспоможенія недостаточнымъ студентамъ петроградскаго университета, коего П. П. былъ предсѣдателемъ, и таковымъ же онъ встрѣтилъ его, какъ автора рецензируемыхъ мемуаровъ. Здѣсь старый идеалистъ возстаеетъ во всемъ своемъ величавомъ сѣдовласомъ образѣ и въ качествѣ ученаго писателя, и въ качествѣ «черноволосаго Авессаломъ»¹⁾, на долю котораго приходилось переубѣждать графа Панина и его единомышленниковъ, не сочувствовавшихъ земельному освобожденію крестьянъ. Этотъ оптимизмъ и далъ ему силу справиться съ колоссальною работою въ годы 1857—61 г.г. Этимъ же оптимизмомъ вѣетъ и съ каждой страницы его обширныхъ мемуаровъ, когда онъ не только лѣтописуетъ событія, но и даетъ попутно цѣлый рядъ характеристикъ и обстоятельныхъ біографическихъ свѣдѣній обо всѣхъ лицахъ, принимавшихъ то или иное участіе, какъ въ провинціи, такъ и въ столицѣ, въ дѣлѣ осуществленія реформы. Эти біографіи и эти характеристики—одна изъ цѣннѣйшихъ частей двухтомныхъ мемуаровъ, и вотъ тутъ-то старый идеалистъ вполне оправдываетъ свою былую репутацію. Онъ не только съ любовью взираетъ на своихъ политическихъ единомышленниковъ, каковыми были Ростовцевъ, Милютинъ, князь Черкасскій, Юрій Самаринъ и многіе другіе, но даже находитъ въ себѣ добрыя чувства и къ своимъ принципиальнымъ противникамъ. На склонѣ своихъ лѣтъ, переживъ всѣхъ дѣятелей того знаменатель-

¹⁾ Такъ прозывали въ петербургскомъ обществѣ молодого П. П. Семенова, когда онъ, послѣ смерти Ростовцева, пришелъ въ соприкосновеніе съ графомъ Панинымъ, поставленнымъ волею государя во главѣ редакціонныхъ комиссій. Семеновъ до конца своихъ дней сохранилъ великолѣпную шевелюру, откуда и явилось прозвище «Авессаломъ».

наго періода его жизни, онъ съ благодарною памятью обращается къ обширной галлерей ожившихъ передъ нимъ людей, посылая почти на краю разверстой могилы привѣтъ своимъ былымъ друзьямъ и соратникамъ и сердечное «прости» тѣмъ, кто тормозилъ великое дѣло освобожденія русскаго народа. Онъ, какъ бы подыскивая оправданіе ихъ словамъ и дѣламъ, находилъ смягчающія вину обстоятельства и усматривалъ въ нихъ тѣхъ, кто какъ никакъ стоялъ въ свое время лицомъ къ лицу съ прекрасной Галатеей—свободой народа. Пусть они къ этой свободѣ подходили не съ той стороны, какъ ему то желательно было въ свое время, но, какъ бы тамъ ни было, они были участниками появленія этой Галатеи на свѣтъ, и за это одно онъ и графу Панину, и графу Муравьеву, и графу Шувалову, и графу Бобринскому, и Позену, и многимъ другимъ въ своихъ воспоминаніяхъ чувствуетъ потребность сказать доброе слово. Можетъ быть, этотъ идеализмъ вносить въ мемуары усиленный субъективизмъ, но, соприкасаясь съ нимъ, съ этимъ идеализмомъ, чувствуешь себя при чтеніи мемуаровъ какъ бы захваченнымъ чистой и свѣтлой струей воздуха, пахнувшей на тебя изъ дали полувѣка и какъ бы освѣжившей тебя въ царящей нынѣ кругомъ атмосферѣ черствости, эгоизма и пошлости.

Воспоминанія П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго—крупное явленіе въ современной литературѣ, и безъ нихъ невозможно писать исторію царствованія Александра II. Быть можетъ, придирчивая критика найдетъ возможнымъ бросить автору упреки въ нѣкоторыхъ недочетахъ изложенія (частыя повторенія однихъ и тѣхъ же словъ, событій, замѣчаній), но всѣ эти придирки должны потонуть въ той массѣ достоинствъ, которыми отмѣчены мемуары, въ той исторической цѣнности ихъ, которая выдвигаетъ ихъ на видное мѣсто для исторіи эпохи великихъ реформъ. Можетъ быть, и самое заглавіе мемуаровъ—«эпоха»—не совсѣмъ правильно здѣсь принято. Эпоха разумѣетъ собою совокупность самыхъ разнородныхъ явленій, а здѣсь мы встрѣчаемся съ явленіемъ одного порядка—работами губернскихъ комитетовъ, редакціонныхъ комиссій, главнаго комитета, Государственнаго Совѣта, но нѣтъ обстановочной части, при которой всѣ эти работы протекали, нѣтъ той русской общественности, которая во всякомъ случаѣ вліяла на ходъ этихъ работъ. При отсутствіи этого послѣдняго элемента слово «эпоха» не подходяще, и его можно было бы замѣнить какимъ-нибудь другимъ. Но, повторяю, это мелочь, своего рода придирчивость, и она не можетъ вліять на общую оцѣнку труда. Эта оцѣнка должна быть признана всѣми высокою, и память автора, оставившаго намъ свои дорогія воспоминанія, должна быть окружена любовью и признательностью потомства.

В Глинскій.

Вопросы міровой войны. Сборникъ комитета по устройству этапнаго лазарета имени высшихъ учебныхъ заведеній Петрограда, подъ редакціей проф. М. И. Туганъ-Барановскаго. Петроградъ 1915. XIV+675 стр. Цѣна 4 р.

Это собраніе 27 статей болѣе или менѣе извѣстныхъ писателей нашего прогрессивнаго лагеря. Авторы затронули много вопросовъ современной войны, историческихъ, политическихъ, военныхъ, юридическихъ, экономическихъ,

національныхъ и даже психическихъ; но книга не даетъ общей связной картины размѣровъ и значенія войны; не всѣ вопросы, возбуждаемые ею, разсмотрѣны, а изъ вопросовъ, затронутыхъ въ ней, не всѣ разъяснены въ должной полнотѣ. Благотворительная цѣль изданія очень симпатична, но книга все-таки является болѣе или менѣе случайнымъ собраніемъ статей безъ общей программы, разнообразныхъ по содержанію и довольно различныхъ по достоинству. Война началась изъ-за славянскаго вопроса, но славянскихъ вопросовъ въ сборникѣ касается только статья Н. В. Ястребова «Великая Сербія» (въ 44 страницы). Статья интересная, хорошо разъясняющая географическую и политическую путаницу, исторически накопившуюся между сербами, хорватами, италянцами, австро-венгерцами, германцами, и указывающая на предстоящую при этомъ роль Россіи.

Война высоко подняла у насъ національное чувство; каковы бы ни были результаты войны, но навѣрное можно сказать, что національное самосознаніе у насъ восторжествуетъ наконецъ. Въ сборникѣ «идею націи» разъясняетъ на 60 страницахъ С. І. Гессенъ. Съ разъясненіемъ этимъ не всѣ согласятся.

Другая статья по тому же вопросу принадлежитъ М. М. Ковалевскому: «Національный вопросъ и имперіализмъ» (13 страницъ). Она касается главнымъ образомъ отношенія Англии къ ея колоніямъ, причемъ въ идею имперіализма вводитъ новый терминъ «навализмъ», которымъ характеризуется роль флота въ обезпеченіи британскаго единства. В. М. Бехтеревъ помѣстилъ статью «Война и психозы» (15 стр.). Война повышаетъ психическое настроеніе участниковъ боёвъ, авторъ приводитъ въ этомъ отношеніи рядъ интересныхъ наблюденій, хотя выводы изъ нихъ являются пока довольно шаткими. Даже въ такой области, въ которой возможны цифровыя опредѣленія, амплитуда колебаній ихъ получается слишкомъ обширная.

Военный отдѣлъ книги составленъ очень удачно. Н. Боринъ въ статьѣ: «Военныя операціи на восточномъ, западномъ и южномъ фронтахъ» сдѣлалъ на 30 страницахъ возможно полный очеркъ военныхъ дѣйствій до апрѣля мѣсяца 1915 г. и вѣрно обрисовалъ характеръ войны для невоенныхъ читателей. К. Г. Житковъ въ статьѣ «Морская сила въ міровой войнѣ» на 26 страницахъ привелъ дѣльные объясненія современнаго характера морской войны, а Н. А. Рынинъ въ статьѣ «Воздушная война» (13 стр.) даетъ такія же дѣльные поясненія о новомъ боевомъ факторѣ.

Восточный вопросъ затронутъ въ одной статьѣ П. Н. Милюкова: «Нейтрализація Дарданеллъ и Босфора» (17 стр.) и, какъ показываетъ заглавіе, затронуть довольно односторонне: нейтрализація проливовъ есть одно изъ рѣшеній восточнаго вопроса, которое встрѣчаетъ много возраженій; къ тому же, какъ сказалъ одинъ изъ турецкихъ министровъ, проливы бываютъ разные, и способы «нейтрализаціи» ихъ должны быть различныя. А изъ статьи не видно, какую «дискусію» по этому вопросу предлагаетъ авторъ въ отношеніи Босфора и Дарданеллъ.

Рядъ историческихъ и политическихъ статей разнообразенъ по содержанію.

Н. И. Карѣевъ помѣстилъ двѣ статьи: «Прошлое двухъ союзовъ великихъ европейскихъ государствъ» и «Польскій вопросъ въ историческомъ освѣщеніи».

Въ первомъ очеркѣ на 27 страницахъ авторъ изложилъ рядъ фактовъ, которые привели къ современной комбинаціи европейскихъ государствъ въ два враждебныхъ союза. Польшѣ г. Карѣвъ удѣлилъ 25 страницъ, обрисовывающихъ русско-польскія отношенія, которыя нынѣ вступаютъ въ новый фазисъ. Бар. В. Э. Нольде «Россия, Пруссія и Польша въ 1861—1863 гг.» (33 страницы). Интересный очеркъ отношеній Пруссіи къ Польшѣ съ приложеніемъ переписки Вильгельма I съ Александромъ II и Бисмарка съ Горчаковымъ. Пруссія довольно безцеремонно требовала отъ Россіи не вводить либеральныхъ реформъ въ Польшѣ, къ чему Александръ II былъ склоненъ передъ возстаніемъ 1863 года.

Содержаніе другихъ историческихъ статей сборника видно изъ заглавій ихъ: Евг. Тарле: «Эльзась-лотарингскій вопросъ наканунѣ великой европейской войны» (17 страницъ); В. А. Бутенка: «Борьба европейскихъ державъ за Бельгію» (18 стр.) и Э. Д. Гримма: «Борьба народовъ» (19 стр.). По культурѣ и искусству дано 3 статьи: В. Фриче «Германскій милитаризмъ и его отношеніе къ культурѣ» (14 стр.). Авторъ приподнимаетъ завѣсу будущаго. Онъ приводитъ выдержки изъ нѣмецкаго романа Венира (псевдонимъ) о томъ, что произойдетъ въ 2006 году: города разрастутся до сказочныхъ размѣровъ; по дну океана будутъ проложены электрическія желѣзныя дороги; пища будетъ состоять изъ химическихъ препаратовъ; въ телескопъ будетъ видно все, что дѣлается на Марсѣ; искусство исчезнетъ, а военная техника разовьется. Германія предполагается въ войнѣ съ «отсталою» Россією (нѣмцы увѣрены, что и тогда у насъ будетъ то же, что и теперь); они примѣняютъ самодвижущіяся механическія ружья, артиллерію, стрѣляющую на 35 верстъ, взрывчатые вещества, въ сравненіи съ которыми динамитъ является дѣтскою игрушкою; вся земля и всѣ заводы Германіи принадлежатъ государству, въ которомъ императоръ стоитъ выше парламента, хотя въ остальныхъ государствахъ вездѣ установленъ республиканскій строй.

Ө. Ф. Зѣлинскій «Война съ искусствомъ» (6 стр.). Краткое, но интересное сравненіе отношенія къ искусству древнихъ грековъ и современныхъ варваровъ. Характерны слова Гауптмана, поклонника Рубенса. «Но если,—говоритъ онъ,—разрушеніемъ картины Рубенса я могу спасти жизнь хоть одному нѣмецкому солдату, то я ее разрушу». Е. Е. Баумгартенъ «Война съ искусствомъ» (26 стр.). Прошлое и настоящее памятниковъ зодчества. По экономическимъ вопросамъ въ сборникѣ больше всего статей, цѣлыхъ 7. В. А. Мукосѣевъ «Экономическія причины войны» (44 стр.). Съ авторомъ можно согласиться, что основныя причины современной войны—экономическія; мысль эта доказывается цѣлымъ рядомъ интересныхъ цифръ.

Проф. М. И. Туганъ-Барановскій—«Вліяніе войны на народное хозяйство Россіи, Англіи и Германіи» (58 стр.). Рядомъ цифръ и сопоставленій авторъ доказываетъ, что война не нанесла тяжелыхъ ударовъ нашему народному хозяйству, представляя въ этомъ отношеніи разительный контрастъ съ тѣмъ, что мы видимъ въ Германіи. Проф. А. А. Чупровъ—«Народное продовольствіе въ Германіи» (38 стр.). Выдержки изъ коллективнаго труда на ту же тему 16 германскихъ специалистовъ по разнымъ отраслямъ знанія, издавнаго въ концѣ 1914 года. Авторъ не думаетъ, что Германію можно взять голодомъ; но при самой

строгой экономіи голоданіе отразится увеличеніемъ смертности. Экономія въ расходованіи пищевыхъ продуктовъ доведена тамъ до того, что для сбереженія крахмала стѣснено пошеніе крахмального бѣлья, избѣгается употребленіе клейстера для оклеиванія комнатъ обоями, при мытьѣ посуды не выливается изъ помоевъ сало, картофель чистится не сырой, а послѣ варки и т. д. М. И. Фридманъ — «Война и государственное хозяйство Россіи» (40 стр.). Авторъ мало касается всего государственнаго хозяйства, останавливаясь подробнѣе на финансахъ. М. И. Боголѣповъ — «Война и деньги» (45 стр.). Содержание статьи: Паника. — Кредитъ и банкноты. — Центральные банки. — Бумажные деньги. — Биржи. — Вексельные курсы. В. Н. Твердохлѣбовъ. — «Вліяніе войны на городскіе и земскіе финансы» (23 стр.). Сдѣлавъ обзоръ нашихъ городскихъ и земскихъ бюджетовъ, авторъ въ заключеніе говоритъ, что еще не насталъ моментъ для окончательнаго выясненія вліянія войны на наши городскіе и земскіе финансы. М. В. Новорусскій — «Война и новыя отрасли русской промышленности» (19 стр.). Авторъ развертываетъ безотраднѣе картину нашей безпечности и завидной предусмотрительности нѣмцевъ. Въ заключеніе дается такой выводъ: «Положеніе вѣдь таково: или свободная организація всѣхъ своихъ производительныхъ силъ, или опять какое-нибудь иноземное «засилье». Третьяго выхода нѣтъ».

По юридическимъ вопросамъ въ сборникѣ двѣ статьи: В. М. Гессенъ — «Война и право». Задавая нѣсколько разъ вопросъ, существуетъ ли право войны, авторъ этого вопроса не рѣшаетъ, хотя на 22 страницахъ говоритъ о многомъ и ссылается на много сочиненій, въ томъ числѣ и на свои собственные. Бар. С. А. Корфъ — «Международное право въ современной войнѣ» (25 стр.). Авторъ, если не рѣшаетъ самъ вопроса о существованіи международнаго права, то приводитъ совершенно ясное опредѣленіе его гр. Ревентловымъ: «Мы, нѣмцы, достаточно сильны, чтобы не считаться съ какимъ-либо правомъ войны, чтобы не нуждаться въ какихъ-либо принципахъ гуманности; мы можемъ быть жестокими». Авторъ совершенно правильно надѣется, что предстоящій конгрессъ возстановитъ нарушенное международное право и обезпечитъ ему силу въ будущемъ. Таковъ краткій переченьъ статей книги. Желательно, чтобы въ слѣдующемъ изданіи были затронуты по возможности всѣ вопросы, выдвинутые настоящею войною.

А. П. Окугаревскій.

А. Измайловъ. «Чеховъ». 1860—1904. Біографическій набросокъ. Стр. VIII + 592. Ц. 2 р. 50 к.

Сколько-нибудь удовлетворительная подробная біографія А. П. Чехова вряд ли можетъ появиться въ наши дни. Появленіе подобной біографіи невозможно по той простой причинѣ, что со дня смерти 44-лѣтняго Чехова исполнилось только 12 лѣтъ, — и его кровные родственники и ближайшіе къ нему люди не только живы, но, вѣроятно, еще и далеки отъ конца жизненнаго пути. Въ силу этого не малое число весьма важныхъ пунктовъ въ біографіи писателя не могутъ стать достояніемъ публичнаго обсужденія. Возьмемъ, для примѣра, отношенія Чехова къ женщинамъ. Въ работѣ Измайлова, занимающей около 600 страницъ, объ этой сторонѣ чеховской жизни не сказано, въ сущности, ни одного слова.

Допустить мысль, что у Чехова въ указанной области не было никакихъ переживаній,—мы не можемъ: а разъ они были, то они неизбежно оказывали извѣстное вліяніе на его внутренній міръ; опредѣлить размѣры и характеръ этого вліянія весьма важно,—во всякомъ случаѣ важнѣе, чѣмъ разрѣшить вопросъ о томъ, въ какомъ номерѣ «Стрекоза» была напечатана первая вещь Чехова. Касаясь указанного пункта, мы далеки отъ мысли, что въ этой области въ жизни Чехова было что-либо постыдное, но дѣло въ томъ, что даже и о самыхъ благородныхъ переживаніяхъ его на этой почвѣ говорить съ полной откровенностью и опредѣленностію еще нельзя. Вышесказанное нами—только одинъ изъ многихъ примѣровъ, доказывающихъ, что для біографіи Чехова время еще не настало... По крайней мѣрѣ, книга Измайлова жизнеописаніемъ покойнаго ни въ коемъ случаѣ названа быть не можетъ.

Авторъ описываетъ, въ сущности, только дѣтскіе годы да литературную дѣятельность Чехова. Но Чеховъ, разумѣется, былъ не только литераторъ, а представлялъ собою явленіе гораздо болѣе крупное и глубокое,—и его литературныя произведенія—пока лишь ключъ отъ двери, скрывающей отъ насъ нѣкую тайну. Мы чувствуемъ, что тайна личности Чехова и разгадка этой тайны могутъ имѣть для насъ большое значеніе, но искусной и властной руки, способной овладѣть волшебнымъ ключомъ чеховскаго творчества, у насъ пока не находится, и мы осуждены до поры до времени «пробавляться» около великаго наслѣдства, но еще далеки отъ полного введенія во владѣніе имъ. Сдѣлавъ эти предварительныя замѣчанія, мы можемъ обратиться къ труду г. Измайлова, памятуя, что передъ нами не біографія человѣка, а только жизнеописаніе литератора Чехова. Внимательно разсмотрѣвъ это жизнеописаніе, мы должны прийти къ выводу, что оно не представляетъ собою труда вполне удачнаго и непременно нужнаго. Книга носитъ подзаголовокъ: «біографическій набросокъ». Помимо подчеркнутой скромности, въ этомъ подзаголовкѣ заключается и приговоръ надъ означенной работой,—приговоръ, можетъ быть, нѣсколько неожиданный для ея автора.

Дѣло въ томъ, что г. Измайловъ совершенно правъ и его увѣсистая книга—во-истину «набросокъ». Но г. Измайловъ, очевидно, забылъ, что «набросокъ біографіи» можетъ быть изященъ и даже красивъ, когда онъ занимаетъ страницъ пятьдесятъ, а между тѣмъ въ настоящей книгѣ 600 стр. Ничего новаго, до сихъ поръ не сказаннаго о Чеховѣ въ книгѣ г. Измайлова мы не находимъ; почти всѣ факты, сгруппированные имъ, уже извѣстны читающей публикѣ. Допустимъ, что г. Измайловъ не прибѣгалъ къ оригинальному освѣщенію фактическаго матеріала изъ побужденій самыхъ благородныхъ: потому что не желалъ вступать на почву догадокъ и вносить въ свою работу излишней субъективности. Преклоняясь передъ такой скромностію біографа, мы не можемъ, однако, не указать, что освѣщеніе фактовъ достигается, между прочимъ, и такимъ приемомъ, какъ искусная группировка ихъ. Приемъ этотъ, по нашему мнѣнію, въ сущности, и обязательнъ для біографа. Истинная задача всякаго біографа въ томъ и состоитъ, чтобы не «набрасывать» факты передъ читателемъ, а непременно группировать ихъ. Фактовъ изъ жизни Чехова было «набросано» передъ нами порядочно и до г. Измайлова, и намъ кажется, что пора

уже не «набрасывать», а по мѣрѣ возможности разбираться въ «набро-санномъ».

До какой степени г. Измайловъ не овладѣлъ фактическимъ матеріаломъ, доказываетъ хотя бы 8-я глава его книги. Она озаглавлена: «Въ своемъ гнѣздѣ. Мелихово». И подъ такимъ заглавіемъ читатель, къ удивленію своему, находитъ подробнѣйшее описаніе двухъ заграничныхъ поѣздокъ Чехова. Эти поѣздки не только можно, но и должно было бы выдѣлить въ особую главу, тѣмъ болѣе, что объемъ книги сдѣлать это вполне позволялъ. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, объединять подъ одною чертой такія разнородныя вещи изъ жизни Чехова, какъ подъемъ на Везувій и развѣзды на тарантасѣ по русскимъ проселкамъ? Если бы г. Измайловъ на протяженіи всей своей книги придерживался строгаго хронологическаго порядка, тогда, конечно, слѣдовало бы помѣстить вслѣдъ за описаніемъ 1-й заграничной поѣздки описаніе жизни въ Мелиховѣ. Недостаточная внимательность автора къ своей работѣ проявляется, быть можетъ, еще ярче въ мелочахъ. Напр., въ той же 8-й главѣ, говоря—на стр. 369—о 2-й поѣздкѣ Чехова за границу, г. Измайловъ пишетъ: «Другая поѣздка Чехова за границу относится къ осени 1897 г.». Конецъ того же абзаца гласитъ: «онъ вернулся въ Москву, гдѣ былъ уже 15-го октября». Во-первыхъ, какъ это Чеховъ «вернулся», въ Москву, гдѣ онъ, по словамъ г. Измайлова, «уже былъ», а, во-вторыхъ, на стр. 371-й мы встрѣчаемъ помѣтку изъ дневника Чехова: «15 ноября. Монте-Карло» а на стр. 372 его же помѣтки: «16 апрѣля 1898. Въ Парижѣ» и «5 мая. Вернулся домой». Г. Измайловъ поторопился и не поставилъ послѣ своей фразы о возвращеніи Чехова—годъ (1898-й), а изъ такой торопливости проистекаетъ путаница, врядъ ли желательная. Самыя названія отдѣльных главъ звучатъ у него какъ-то не серьезно, а въ біографіи такого чуждаго «фразы» человѣка, какъ Чеховъ, даже оскорбительно. Языкъ книга вообще мѣстами довольно небреженъ. Напр., на стр. 375: «вездѣ, гдѣ было можно, Чеховъ жадно хваталъ природу и жизнь». На стр. 376 авторъ называетъ Чехова «русскій коренникъ». На стр. 391: «нога Чехова уже ступила на Сахалин».

Цитатъ въ книгѣ множество, но огромное большинство ихъ только обременяетъ книгу: длиннѣйшія выписки изъ юношескихъ произведеній Чехова,—къ тому же изъ произведеній, уже перепечатанныхъ въ дополнительныхъ томахъ его сочиненій,—были бы умѣстны развѣ лишь въ такомъ многотомномъ трудѣ, каково, напр., жизнеописаніе Погодина, составленное Н. П. Барсуковымъ...

Изъ предисловія къ книгѣ мы узнаемъ, что г. Измайловъ считаетъ себя первымъ біографомъ Чехова (стр. VI). Изъ сказаннаго нами слѣдуетъ, что данная книга не даетъ г. Измайлову неоспоримыхъ правъ на это названіе. Что онъ—собиратель біографическихъ матеріаловъ и собиратель усердный и добросовѣстный, это безспорно, но ничего большаго для уясненія личности Чехова г. Измайловъ пока не сдѣлалъ. Какъ психологическій типъ, какъ много-сторонняя и рѣдкостная человѣческая душа, даже какъ представитель своего поколѣнія, Чеховъ въ описаніи г. Измайлова отсутствуетъ. Какъ литераторъ, онъ въ разобранной книгѣ—налицо... но «Чеховъ литераторъ», по нашему мнѣнію, тема—безвкусная. Мы увѣрены, что въ будущемъ вспыхнетъ вѣчное, что

было особенно цѣнно и сильно въ Чеховѣ, — и въ свѣтѣ, и въ пламени этого вѣчнаго поймутъ, какая сила таилась въ словахъ Чехова о «небѣ въ алмазахъ»... Въ наши дни эти слова захватили и обезцвѣтили ихъ, и, кажется, никому не пришло въ голову, что они были не «фразой» — хотя бы и вдохновенной, — но отголоскомъ подлиннаго видѣнія, — что они — драгоценная нить, «цѣпь золота», тайно сочетающая «резваго» Чехова съ духовидцемъ Соловьевымъ... Говоря такъ, мы говоримъ не о преднамѣренномъ забвеніи будничныхъ фактовъ чеховской жизни, но о томъ, что за «деревьями» этихъ фактовъ нужно стараться рассмотреть «лѣсъ» — огромный лѣсъ человѣческой души...

Александръ Тиняковъ.

Александръ Лебедевъ. Рукописи церковно-археологическаго музея императорской кіевской духовной академіи. Т. I. Саратовъ. 1916. Стр. 472. Ц. 3 р. 50 к.

Описаніе рукописей названнаго музея, составленное профессоромъ Н. И. Петровымъ и изданное въ трехъ выпускахъ, обнимаетъ только поступления до 1877 г.; все, что позже поступило въ музей, частью описано въ годичныхъ отчетахъ и извѣстіяхъ церковно-археологическаго общества, частью (собраніе м. Макарія) въ трудѣ профессора Петрова: «Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ гор. Кіевѣ», т. I, 1891 г. Но притокъ рукописей разнообразнаго содержанія не прекращался до послѣдняго времени, и остро чувствовалась необходимость такого описанія, которое повторяло бы свѣдѣнія, опубликованныя въ двухъ названныхъ трудахъ профессора Петрова, ставшихъ уже библиографической рѣдкостью, и дополняло бы ихъ данными о новыхъ приобрѣтеніяхъ музея. Эта задачу отчасти выполняетъ книга г. Лебедева; отчасти потому, что онъ описываетъ лишь новыя поступления, съ 1877 по 1911 г. г., а также потому, что книга эта обрывается на № 909, представляя собою лишь первый выпускъ всего труда. Въ предисловіи г. Лебедевъ говоритъ, что особенное вниманіе обращено имъ на возможно точную датировку рукописей; но, хотя мы встрѣчаемъ частыя ссылки на труды о водяныхъ бумажныхъ знакахъ Н. П. Лихачева, все же датировка нѣкоторыхъ рукописей не достаточно убѣдительна. Странно звучатъ порою «филологическія» замѣчанія г. Лебедева о фонетическомъ ъ, ь въ XIV вѣкѣ, о юсахъ, о такихъ «украинизмахъ», какъ «отцю», вполне обычныхъ во всѣхъ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ, и т. п. мелочи, показывающія, что г. Лебедеву лучше было бы уклониться отъ вопросовъ, требующихъ хотя бы элементарнаго филологическаго образованія. Часто ставя на видъ своимъ предшественникамъ по опубликованію записей и надписей на рукописяхъ неточности воспроизведенія рукописнаго чтенія, г. Лебедевъ и самъ едва ли всегда бываетъ достаточно точенъ. Опечатокъ — невѣроятное изобиліе; искаженія цитируемыхъ польскихъ словъ порою прямо непостижимы. Не всегда къ дѣлу относятся библиографическія указанія: авторъ мигаетъ существенное, а указываетъ имѣющее лишь случайное отношеніе къ дѣлу. Что касается содержанія вышедшей части труда г. Лебедева, то здѣсь описаны большею частью рукописи, относящіяся къ богословскимъ наукамъ, исторіи

церковной и судбамъ духовной науки и просвѣщенія, преимущественно въ южной Россіи. Довольно много богослужебныхъ книгъ, списковъ книгъ священнаго писанія. Кромѣ рукописей славяно-русскихъ, есть и греческія (съ X вѣка), древне-еврейскія, арабскія и другія. В. П.

Труды иркутской ученой архивной комиссіи. Вып. 3-ій. Иркутскъ. 1916.
Стр. 393+29. Ц. 1 р. 25 к.

III выпускъ «Трудовъ» начинается некрологомъ дѣятельнаго предсѣдателя комиссіи М. М. Щуцкаго. Большая часть тома удѣлена очерку Я. А. Корейши «Иркутская гимназія съ 1805 по 1829 годъ». Добросовѣстный составитель статьи предуказываетъ, что онъ используетъ для второго періода исторіи гимназіи «архивныя данныя училищнаго комитета при казанскомъ университетѣ и канцеляріи попечителя казанскаго учебнаго округа» Но и сообщенное имъ въ 3 вып. «Трудовъ» прочтется съ интересомъ очень многими. Весьма выразительны тутъ инныя подробности. Первымъ директоромъ гимназіи былъ Е. Θ. Кранцъ. По словамъ ген.-губ. Селифонтова въ донесеніи попечителю, «г. Кранцъ, кромѣ своего добпорядочнаго поведенія, не только не знаетъ никакихъ наукъ, по съ нуждою подписываетъ свое имя». Третьимъ директоромъ состоялъ Ив. Ег. Миллеръ, который «при несомнѣнной своей образованности плохо владѣлъ русскимъ языкомъ». Учитель, на долю котораго при основаніи гимназіи выпало много уроковъ, явился пасторъ Беккеръ. 1½ мѣсяца въ году, а иногда и гораздо больше, онъ проводилъ въ разъѣздахъ по епархіи. Беккеръ настолько не строго относился къ своимъ обязанностямъ, что самъ директоръ «видѣлъ его въ день Св. Духа торгующимъ съ лодки рыбою» Выдавался своею образованностью преподаватель математики и физики Ст. Петр. Вельшевъ, сынъ священника. Но ему пришлось дать отставку: «онъ является къ должности въ непристойномъ видѣ. Слухи о немъ имѣютъ основаніе, въ семь изобличаетъ, кажется, самая подпись руки». Но въ общемъ, по выводамъ г. Корейши, иркутская гимназія въ первый періодъ своего существованія сослужила краю добрую просвѣтительную службу. Знаменитый Сперанскій писалъ попечителю казанскаго учебнаго округа, что иркутская гимназія есть достовѣрно лучшая во всей Россіи (въ 1820 г.) Въ книгѣ имѣются еще статьи: «Мои впечатлѣнія, связанныя со съѣздомъ представителей ученыхъ архивныхъ комиссій» М. М. Щуцкаго и М. П. Овчинникова—«Отчетъ о командировкѣ въ гор. Киренскъ для осмотра архивовъ, отъ Иркутска до Киренска». Послѣдній разливается горькими жалобами на мѣстные погромы древностей. По его словамъ, въ Киренскѣ монахи по небрежности «даже затеряли мощи преподобнаго Гермогена, находящіяся подъ спудомъ». Наконецъ, помимо отчета и протоколовъ комиссіи, находимъ въ названной книгѣ и небольшой очеркъ г. Александровича «Киренская Нижняя Расправа въ 1790 г.» (по дѣламъ расправы).

А. Налимовъ.

Русско-японская война 1904—1905 г.г. Книга третья. Морское сраженіе въ Желтомъ морѣ 28 іюля (10 августа) 1904 г.—Захватъ японцами миноносца «Рѣшительный» въ Чифу. Работа исторической комиссіи по описанію дѣйстви флота въ войну 1904—1905 г.г. при морскомъ генеральномъ штабѣ. Петроградъ. 1915 ¹⁾ Стр. 193 съ 2 картами.

Миновала уже 12-ая годовщина нашей войны съ Японіей, но мы до сихъ поръ не имѣемъ полного отчета о боевыхъ дѣйствіяхъ на морѣ въ ту эпоху. Особенно досадно, что мы все еще не имѣемъ сколько-нибудь обстоятельнаго, сполна документированнаго описанія боя при Цусимѣ 14 мая 1905 года. Между тѣмъ японцы уже черезъ три года послѣ окончанія войны дали подробный офиціальныи отчетъ о военныхъ дѣйствіяхъ на морѣ, который тогда же былъ переведенъ на русскій языкъ и въ 1909—1910 гг. изданъ въ четырехъ книжкахъ нашимъ морскимъ генеральнымъ штабомъ.

Первыя двѣ книги разсматриваемой нами офиціальной исторіи появились въ 1912 и 1913 гг. Онѣ обнимали періодъ времени отъ начала военныхъ дѣйствій до морского боя 28 іюля 1904 г.

Безпристрастное освѣщеніе всѣхъ обстоятельствъ этого сраженія тѣмъ болѣе важно, что именно оно было тѣмъ поворотнымъ пунктомъ, который предрѣшилъ участь нашей борьбы съ Японіей не въ нашу пользу. Эта мысль была высказана впервые авторомъ настоящихъ строкъ въ статьѣ, появившейся въ журналѣ «Море» еще въ 1906 году. Цусимское пораженіе явилось лишь неизбежнымъ слѣдствіемъ безрезультатнаго для насъ боя 28 іюля 1904 г. Ознакомленіе съ опубликованными теперь матеріалами только подтверждаетъ правильность этого вывода. Дѣло въ томъ, что никто (за исключеніемъ нѣсколькихъ болѣе молодыхъ офицеровъ)—ни въ составѣ артурской эскадры, ни въ средѣ высшаго командованія—не понималъ въ іюлѣ 1904 г. основной задачи артурской эскадры, уже ослабленной потерей выдающагося вождя въ лицѣ адмирала С. О. Макарова и одного изъ лучшихъ нашихъ броненосцевъ. А между тѣмъ именно послѣ этихъ потерь на артурскую эскадру нельзя было не смотрѣть какъ на расходный боевой матеріалъ. Выйдя въ море, наша достаточно для этого сильная эскадра должна была нанести тяжелый ударъ японскому флоту, причинивъ ему, хотя бы цѣною собственныхъ тягчайшихъ потерь, такой ущербъ, который не могъ бы быть уже ничѣмъ возмѣщенъ въ теченіе войны. Только послѣ этого новая эскадра адм. Рожественскаго имѣла извѣстные шансы побѣдоносно проложить себѣ путь во Владивостокъ.

На дѣлѣ вышло совсѣмъ иное. По настоянію главнокомандующаго нашими военными силами на Дальнемъ Востокѣ адмирала Алексѣева, артурская эскадра получила предписаніе прорваться во Владивостокъ, по возможности избѣгая боя. На эскадрѣ большинство команднаго состава смотрѣло на такую задачу безнадежно. При томъ же поставленный во главѣ эскадры адмиралъ Виттефтъ не чувствовалъ въ себѣ никакого призванія къ роли флотоводца, о чемъ и предупреждалъ, кого слѣдовало, заблаговременно. Въ результатъ произошелъ бой, который, не нанеся японскому флоту ни малѣйшаго ущерба, заставилъ

¹⁾ Книга появилась въ продажѣ только въ 1916 г.

артурскую эскадру отчасти разсѣяться, отчасти вернуться въ Портъ-Артуръ и въ то же время совершенно убилъ бодрый духъ ея личнаго состава. 28 іюля 1904 г. наша эскадра, по мѣткому выраженію составителей разсматриваемой книги, только «терпѣла бой, а не сражалась».

Ознакомленіе со всѣми обстоятельствами этого боя, въ которомъ командующій нашей эскадрой безнадежно обрекалъ себя на вѣрную гибель и съ большимъ, но въ данномъ случаѣ пагубнымъ для дѣла самоотверженіемъ не хотѣлъ принять никакихъ мѣръ для личной безопасности (онъ оставался все время на открытомъ командномъ мостикѣ), наталкиваетъ насъ на сравненіе боя 28 іюля 1914 г. съ генеральнымъ морскимъ сраженіемъ 18 мая 1916 г. у береговъ Ютландіи. Здѣсь англичане поставили себѣ именно ту цѣль, которая должна была быть поставлена артурской эскадрѣ: цѣною весьма чувствительныхъ потерь они нанесли мощный ударъ германскому флоту и, вынудивъ его искать спасенія въ своихъ базахъ, заставили нѣмцевъ отказаться отъ выполненія одной изъ своихъ основныхъ задачъ. И моральный, и матеріальный успѣхъ былъ этимъ англичанами достигнутъ, предрѣшая грядущія событія.

Возвращаясь къ разсматриваемой книгѣ, мы должны отмѣтить, что составлена она достаточно объективно и обстоятельно и издана, въ общемъ, тщательно. Есть нѣкоторая несогласованность только въ частныхъ данныхъ о дѣйствіяхъ отдѣльныхъ судовъ эскадры, о понесенныхъ ими въ бою потеряхъ и о расходѣ боевого матеріала. Такъ, напр., въ перечисленіи на стр. 74 потерь въ личномъ составѣ броненосца «Царевичъ» не упоминается раненый лейт. Ненюковъ, отсутствуютъ далѣе данныя о количествѣ снарядовъ, выпущенныхъ въ бою крейсеромъ «Аскольдъ», и т. д. На стр. 133 приводится попаданіе въ крейсеръ «Діану» непріятельскаго снаряда калибра 18 с. м. (орудій такого калибра у японцевъ не было!).

Очень интересна и поучительна добавочная глава объ уходѣ изъ Портъ-Артура миноносца «Рѣшительный» и о захватѣ его японцами въ Чифу. Она документально свидѣтельствуетъ какъ о выдающемся подвигѣ лейтенанта Роцаковскаго (оставшемся у насъ не достаточно оцѣненнымъ), такъ и о печальной роли нашей дипломатіи при разрѣшеніи этого инцидента. Характерна и двуличная роль германскаго адмирала, явившагося свидѣтелемъ незаконныхъ въ данномъ случаѣ дѣйствій японскаго флота.

Андрей Семеновъ-Тянь-Шанскій.

Систематическій указатель книгъ для дѣтей и юношества. Ч. 1. Сказки. (Сказки народныя, произведенія народной словесности, былины, легенды, преданія, сказанія, сказки разныхъ авторовъ). Указатель обработали на основаніи отзывовъ комиссіи: Е. В. Арцимовичъ, О. А. Бѣляевская, В. И. Добродѣева, М. В. Имшенецкая, О. І. Капица, В. А. Коротнева, А. В. Пѣшагонова, А. М. Фатѣева подъ ред. О. І. Капица. Изд. подвижнаго музея учебныхъ пособій при постоянной комиссіи по техническому образованію И. Р. Т. О. Петроградъ. 1915.

Первый отдѣлъ книги охватываетъ младшій возрастъ. Во второмъ отдѣлѣ перечислены сказки для средняго и старшаго возрастовъ и подростковъ.

Третій одділъ заключаетъ въ себѣ списокъ книгъ, выдѣленныхъ комиссіей, какъ особенно желательныя для дѣтей (младшаго, средняго и старшаго возрастовъ); кромѣ того, указаны сборники и сказки не рекомендуемыя комиссіей съ объясненіемъ причинъ для этого.

Обративъ вниманіе на тѣ книги, которыя развиваютъ національное, эстетическое и религіозное чувство у дѣтей, указатель устранилъ сказки страшныя и грубыя. Надо стараться будить въ дѣтяхъ радостныя эмоціи.

Рецензенты оцѣнили значеніе рисунковъ въ дѣтскихъ книгахъ (Полѣнова «Русскія народныя сказки», стр. 8 Указ., Каррикъ Валерій «Сказки-картинки» 4 стр. Ук.) и тѣмъ самымъ вполне отвѣтили педагогическимъ требованіямъ конкретизировать предлагаемый матеріалъ. Что касается стилизациі рисунковъ, то дѣти мало понимаютъ ее. Такъ, рисунки Билибина больше нравятся взрослымъ, чѣмъ дѣтямъ: слишкомъ въ нихъ много деталей, что запутываетъ дѣтей. Это лишній разъ доказываетъ, что не всегда извѣстныя имена могутъ дать полезное и интересное дѣтямъ. У послѣднихъ есть свое, чисто дѣтское пониманіе и чутье. Надо ихъ знать, чтобы вѣрно отвѣчать ихъ духовнымъ запросамъ. Попутно, развивая ту же мысль, слѣдуетъ сказать и о нашихъ извѣстныхъ литераторахъ: не все можетъ быть дано дѣтямъ (Блокъ, Алекс., «Сказки», стр. 161 Ук.) часто и премированныя сказки бываютъ нехороши («Новыя сказки», 185 стр. Ук.). Съ другой стороны, заслуживаютъ большой благодарности тѣ изъ ученыхъ и литераторовъ, которые съ пользой для дѣтскаго чтенія принимаютъ участіе своими творческими силами въ немъ. Въ дѣтяхъ и только въ нихъ все наше лучшее культурное будущее. Снисходя до дѣтскихъ представленій, какъ разъ и можно найти истинную поэзію, что доказалъ Андерсенъ, чарующая прелесть сказокъ котораго, возвышающій характеръ ихъ всѣми признаны. Правда, сказки его надо давать съ подборомъ сообразно возрасту. Такой же выборъ надо сдѣлать и по отношенію къ арабскимъ сказкамъ, вызвавшимъ огромную критическую литературу, «Тысячъ и одной ночи» и сказкамъ Кота-Мурлыки (Вагнеръ).

Изъ новыхъ современныхъ писателей съ большимъ удовольствіемъ дѣти читаютъ: сказки—Казьмина-Вьюгова («Лалти самоходы»), который хорошо выражаетъ народный элементъ, П. Соловьеву (Allegro), которая живо, ритмично, мѣтко пересыпаетъ остротами, шутками и юморомъ свои вещи и захватываетъ дѣтей («Приключенія Ани въ мірѣ чудесъ», 28 стр. Ук., «Семилѣтка», 69—70 стр. Ук.). Упомянемъ еще о С. Ф. Либровичѣ, у котораго есть любовь къ дѣтямъ, а главное стремленіе—оберечь ихъ свободное развитіе отъ насилія и гнета взрослыхъ.

Жаль, что для дѣтей старшаго возраста не рекомендована указателемъ книга Балабановой «Легенды о старинныхъ замкахъ Бретани». Кто побывалъ въ Бретани и изучилъ ее, кто узналъ своеобразную, чарующую красоту ея, полную мистической тайны, благороднаго аристократизма, тотъ пойметъ, какая правда скрыта въ легендахъ Балабановой, не только ученаго знатока кельтскихъ языковъ, но и увлекательной рассказчицы. Вся Бретань насквозь пропитана символической тайной, какъ приливы и отливы ея океана, но въ этомъ символизмѣ и скрывается мѣстный колоритъ Бретани.

Нельзя не привѣтствовать появленіе систематическаго указателя для дѣтскаго чтенія, плода 12-лѣтней работы комиссіи, одинаково полезнаго, какъ для родителей, такъ и для воспитателей и преподавателей. Недурно было бы записаться этимъ указателемъ каждой матери, сознательно относящейся къ дѣлу воспитанія дѣтей, она могла бы многое выбрать для разсказовъ и для прочтенія своимъ дѣтямъ. Въ виду того, что истинно-художественная сказка одинаково интересна дѣтямъ и взрослымъ, мы думаемъ, что и мать въ этомъ чтеніи не можетъ считать свое время напрасно потеряннымъ (Аксакова «Аленькій цвѣточекъ», 53—54 стр. Ук., «Золотая книга сказокъ всѣхъ странъ и народовъ», 65 стр. Ук.).

Въ заключеніе выскажемъ пожеланіе, чтобы сказки, заслуживающія быть рекомендованными, но вошедшія въ сборники уже распроданные, были изданы въ особомъ сборникѣ.

В. Волковичъ.

А. П. Коптяевъ. А. Н. Скрябинъ. Съ приложеніемъ 60 нотныхъ примѣровъ, пяти факсимиле и портрета композитора. Прг. 1916. Стр. 88. Ц. 1 р. 60 к.

Вокругъ имени безвременно скончавшагося весной 1915 года композитора Александра Николаевича Скрябина нынѣ образовалась уже цѣлая литература, поражающая какъ своимъ обиліемъ, такъ и разнообразіемъ оцѣнки музыкальнаго наслѣдія покойнаго автора «Божественной поэмѣ» и «Прометея». Одни, какъ, напримѣръ, М. М. Ивановъ, отрицаютъ его дарованіе, другіе же (Вячеславъ Ивановъ, редакция «Музыкальнаго Современника», К. Бальмонтъ, В. Брюсовъ) восторженно называютъ его гениемъ, «лучшей музыкальной славой нашихъ дней» и т. п. Разобраться въ этомъ разногласіи, опредѣлить дѣйствительное значеніе скрябинскаго творчества, объяснить его по мѣрѣ возможности и охарактеризовать это музыкальное наслѣдіе для широкой публики хотя бы въ общихъ чертахъ—эту задачу взялся выполнить г. Коптяевъ, достаточно авторитетный и уравновѣшенный музыкальный дѣятель.

Разсматриваемая нами его книжка о Скрябинѣ, съ содержаніемъ которой въ общихъ чертахъ онъ уже ознакомилъ публику на одномъ изъ концертовъ Яшнева въ залѣ консерваторіи, заключаетъ въ себѣ и біографію композитора, и характеристику его произведеній. Отмѣтивъ значеніе рояля и виртуознаго и импровизаціоннаго элементовъ въ творествѣ Скрябина, г. Коптяевъ даетъ характеристику скрябинскаго тематизма, причѣмъ удачно иллюстрируетъ свое изложеніе многочисленными нотными примѣрами. Выяснивъ тематическую цѣльность, г. Коптяевъ далѣе переходитъ къ вопросу о цѣльности художественной и намѣчаетъ философски-эстетическую программу Скрябина, послѣ чего останавливается на характеристикѣ шести главныхъ, наиболѣе любимыхъ покойнымъ композиторомъ жанровъ, а именно его симфоній, сонатъ, поэмъ, прелюдій, этюдовъ и экспромптовъ. Достаточно ярко охарактеризованы г. Коптяевымъ основныя идеи Скрябина, постепенный переходъ отъ экстаза къ чертамъ космическимъ, къ началамъ оргійнымъ и божественнымъ, проектъ неосуществленной грандіозной по замыслу «Мистеріи» и, наконецъ, взгляды

Скрябина на искусство. Весьма интересны также приведенные г. Коптяевым сравнения Скрябина съ другими композиторами, мѣтко охарактеризованы родственныя и отличныя черты ихъ творчества, слѣды вліянія на Скрябина тѣхъ или другихъ авторовъ, ихъ отраженія въ творествѣ Скрябина и значеніе, которое они оказали на его талантъ.

Заканчивается книга личными воспоминаніями г. Коптяева о прочившемъ композиторѣ, которыя, кромѣ нѣкоторыхъ любопытныхъ мелкихъ черточекъ, ничего не прибавляютъ особенно новаго. Для поклонниковъ Скрябина, несомнѣнно, любопытны приведенные въ книгѣ его автографы: письма и нотные автографы.

М. А. С.

Божидаръ. Распѣвочное единство. Редація, предисловіе, комментаріи Сергѣя Боброва. Изданіе «Центрифуги». Москва 1916. Стр. 84. Ц. 1 р. 25 к.

Божидаръ, или Богданъ Петровичъ Гордѣевъ, скончавшійся въ 1914 г., 20 лѣтъ отъ роду,—былъ, несомнѣнно, очень талантливый юноша. Тема его книги—русское стихосложеніе или «стиховѣдѣніе», по терминологіи редактора ея. Отрицаая возможность приложенія къ русскимъ размѣрамъ схемъ греческихъ размѣровъ, авторъ высказываетъ и защищаетъ мысль ритмическаго равенства всѣхъ русскихъ размѣровъ: каждый стихъ можетъ быть приведенъ къ единству размѣра, уподобляясь какъ бы многочленной стопѣ; это достигается рассмотрѣніемъ частей стиха, опредѣляющихъ преобладающій его размѣръ, и другихъ частей, опредѣляющихъ его распѣвъ, изслѣдуемый путемъ анализа такъ называемыхъ «ускореній и замедленій» стопъ. Особенно сложную и запутанную область представляютъ «неправильныя» размѣры, которымъ и посвящено вниманіе автора.

Въ нѣкоторыхъ своихъ постулатахъ авторъ голословенъ, не условливается съ читателемъ въ нѣкоторыхъ своихъ терминахъ, на примѣръ, что разумѣть подъ стихомъ творческимъ и подъ сочиненнымъ «ради нѣкоей размѣрочной затѣи». Книжка все же представитъ интересъ для интересующагося вопроса русскаго стихосложенія, если такой интересующійся не побоится труда преодолѣнія ея терминологіи и не устрашится варварскихъ неологизмовъ языка, который редакторомъ, въ силу совершенно непонятныхъ причинъ, именуется «образцомъ отмѣннѣйшей прозы новой». Не находимъ рѣшительно ничего отмѣннѣйшаго въ такой, на примѣръ, фразѣ: «отрывать невмѣрни ускоренія (тройни и проч.) не можно, вѣдь дѣя ихъ быванія въ російскомъ стихотворествѣ, нѣсколько страницъ обратя, обнаружена и удостовѣрена». Врядъ ли такіе славянизмы и провинциализмы могутъ довести языкъ до «прозрачной свѣтлости», хотя это все же лучше того «эсперанто», которымъ пользуется Игорь Сѣверянинъ.

Къ книгѣ приложены портретъ Божидара и краткая его біографія.

Вл. Кн.

И. Ф. Павловскій. Къ исторіи полтавской епархіи. Историческіе и бытовые очерки, замѣтки и переписка. По архивнымъ даннымъ. Изданіе полтавской архивной комиссіи. Полтава. 1916. Стр. 182. Ц. 1 р.

Г. Павловскій—заслуженный областной историкъ Малороссіи вообще, а Полтавщины въ особенности. На оберткѣ названной выше книги помѣщенъ довольно длинный списокъ его трудовъ по мѣстной исторіи Малорусскаго края. Разбираемая нами книга заключаетъ въ себѣ 33 статьи различнаго содержания и различной величины. Изъ этихъ статей къ наиболѣе крупнымъ, по объему, слѣдуетъ отнести слѣдующія: 1) «Кременчугскіе старообрядцы и обращеніе ихъ въ единовѣріе», 2) «Полтавскій Крестовоздвиженскій монастырь» и 3) «Постройка въ Полтавѣ архіерейскаго дома и консисторіи». Въ отдѣлѣ историческихъ документовъ довольно значительное мѣсто занимаетъ «Переписка іерарховъ съ княземъ Куракинымъ и княземъ Н. Г. Репнинымъ». Въ статьѣ «Полтавскій Крестовоздвиженскій монастырь», въ 1-й главѣ («Инокъ полтавскаго монастыря паломникъ XVIII вѣка и его литературные труды») мы находимъ довольно интересныя извѣстія объ одномъ полтавскомъ монахѣ-паломникѣ XVIII вѣка. Паломникъ этотъ—полтавскій архимандритъ Леонтій (1763—1803 г.), называвшій себя «младшимъ братомъ» другого, болѣе извѣстнаго паломника Григоровича-Барскаго. Онъ лишь недавно «открытъ» настоятелемъ кронштадтскаго собора покойнымъ протоіереемъ А. П. Поповымъ, издавшимъ о немъ въ 1911 году свой трудъ подъ заглавіемъ: «Младшій Григоровичъ», новооткрытый паломникъ по святымъ мѣстамъ XVIII вѣка». Судя по приводимымъ въ книгѣ г. Павловскаго отрывкамъ изъ описаннаго Леонтіемъ своего паломничества, трудъ этого «Григоровича младшаго» дѣйствительно является любопытнымъ и достойнымъ, кажется, занять мѣсто рядомъ съ «паломничествомъ» Григоровича старшаго. Полтавскій архимандритъ, впрочемъ, рѣзко отличается отъ многихъ другихъ старинныхъ русскихъ паломниковъ. Описывая свои путешествія, послѣдніе всегда неуклонно придерживаются церковно-благочестиваго направленія; они съ восторгомъ и нерѣдко даже со слезами радости и умиленія описываютъ мѣста страданій и смерти Спасителя. Леонтій, какъ чловѣкъ «вѣка Вольтера», напротивъ, критически относится къ нѣкоторымъ упущеніямъ въ греческой службѣ, позволяетъ себѣ вышучивать нѣкоторыя явленія въ жизни греческаго духовенства, иронизируетъ надъ жизнью Востока и пр.

Изъ мелкихъ замѣтокъ, помѣщенныхъ въ книгѣ г. Павловскаго, отмѣтимъ «Наборъ пѣвчихъ въ придворную пѣвческую капеллу». Въ Малороссіи, издавна славящейся своими голосами, наборъ этотъ производился, между прочимъ, въ 1824 году, по просьбѣ знаменитаго духовнаго композитора Боршнянскаго, занимавшаго тогда должность директора придворной пѣвческой капеллы; въ 1836 году Малороссію съ тою же цѣлью посѣтилъ другой нашъ знаменитый композиторъ М. И. Глинка, служившій тогда капельмейстеромъ въ придворной капеллѣ. Поѣздка его по Малороссіи совершалась съ извѣстными предосторожностями, такъ какъ придворные вербовщики пѣвчихъ по опыту знали, что отъ нихъ скрывали пѣвцовъ съ хорошими голосами.

Разбираемая книга почти вся составлена по архивному матеріалу, храня-

щемуся въ полтавской духовной консисторіи и полтавскомъ губернскомъ правленіи. Всѣ помѣщенные въ ней статьи болѣе или менѣе интересны; историкъ же Полтавщины найдетъ здѣсь для своихъ работъ довольно обильный, какъ бы товой, такъ и вообще историческій документальный матеріалъ. Указателя при книгѣ, къ сожалѣнію, нѣтъ.

Т. М.

Николай Лавровъ. «Темная облака». Петроградъ. Цѣна 1 р. 50 к.

Книга «Темная Облака» содержитъ въ себѣ рядъ очень интересныхъ очерковъ, живо и правдиво описывающихъ жизнь на нефтяныхъ промыслахъ. Здѣсь вы видите, какъ, благодаря нефти, люди, ничего ранѣе не имѣвшие, дѣлаются въ непродолжительное время богачами, видите ухищренія, которыя совершаются приходящими на промыслы бѣдняками въ погонѣ за бьющимъ изъ земли золотомъ—нефтью. Такъ, въ одномъ изъ разсказовъ картинно описывается, какъ бѣдняки въ погонѣ за нефтью устраиваютъ къ бассейнамъ послѣдней, образуемымъ фонтанами, тайныя канавки или проводятъ къ нефтепроводнымъ трубамъ свои воровскія маленькія трубки и, такимъ образомъ, похищая чужую нефть, становятся съ этого впослѣдствіи самостоятельными нефтепромышленниками и богачами.

Затѣмъ авторъ книги далъ яркіе разказы о существующей на промыслахъ ужасной откупной системѣ убійствъ, о чемъ приходилось лишь слышать при ознакомленіи съ промыслами, но не встрѣчалось нигдѣ ранѣе читать. Этотъ страшный откупъ на нефтяныхъ промыслахъ представляетъ собою слѣдующее: какой-нибудь извѣстный разбойникъ захватываетъ, такъ сказать, тайную власть надъ жизнями людей, находящихся на промыслахъ, и убиваетъ или ему неугодныхъ лицъ, или чаще по найму одного изъ соперниковъ. Въ разказѣ «Около нефти» авторъ, описывая одного изъ такихъ разбойниковъ, по имени Гюль-Мамеда, говоритъ: «Расцѣнка жизней тутъ начиналась отъ 5 рублей». Люди, которые становятся поперекъ дороги такому разбойнику или за смерть которыхъ послѣднему заплачено, погибаютъ будто нечаянно въ нефтяныхъ скважинахъ, бассейнахъ и при другихъ кажущихся совершенно объяснимыми естественными обстоятельствами случаяхъ.

Подобнаго главара убійствъ знаютъ всѣ, и мѣстные жители, и администрація промысловъ, но противъ него почти невозможно что-нибудь предпринять, такъ какъ большая часть преступленій совершается разбойниками руководимой имъ шайки безъ всякихъ слѣдовъ; если же послѣдніе и обнаруживаются, то убійца всегда успѣваетъ въ-время скрыться.

Съ другой стороны, администрація и жители сами находятся въ страхѣ за свою жизнь въ случаѣ борьбы съ подобнымъ разбоемъ и смотрятъ на него какъ на обычное явленіе.

Но ясно, что подобные факты не могутъ быть терпимы ни въ какомъ мало-мальски культурномъ государствѣ, а потому наглядное и правдивое описаніе ихъ является въ виду вышесказаннаго даже самоотверженной заслугой автора. Особенно же рекомендуется ознакомиться съ этой захватывающе написанной книгой всѣмъ лицамъ, близко соприкасающимся или знакомымъ съ нашими нефтяными промыслами въ Баку.

В. Гурьевъ.

Матеріалы по археологіи Кавказа. Выпускъ XIII. Подъ редакціей графини П. С. Уваровой и Х. П. Кучукъ-Іоаннесова. М. 1916. Т. 4. Стр. 244+40 таблицъ. рисунковъ.

Послѣ довольно долгаго перерыва (съ 1909 г.) вышелъ новый выпускъ издаваемыхъ императорскимъ московскимъ археологическимъ обществомъ «Матеріаловъ по археологіи Кавказа». Большой томъ in 4°, снабженный многочисленными иллюстраціями, посвященъ разработкѣ матеріаловъ, собранныхъ В. М. Сысоевымъ во время его командировокъ въ 1907 и 1908 г.г. Мѣстность, изученная изслѣдователемъ, охватываетъ восточную часть Эриванской губерніи и бассейнъ рѣки Арпачая. Цѣлью командировокъ было произвести обслѣдованіе армянскихъ церквей и монастырей въ данной мѣстности; всего было обслѣдовано 28 монастырей и мѣсть, въ которыхъ сохранились остатки древнихъ церквей и памятниковъ. При содѣйствіи г.г. Тарагроса, Вартамянца и Дадьянца всѣ остатки древнихъ сооружений были сфотографированы, составлены были ихъ планы и разрѣзы и были сфотографированы и эстампированы многочисленные армянскія надписи, среди которыхъ встрѣчаются имѣющія важное значеніе для исторіи средневѣковой Арменіи и ея быта. Трудъ транскрипціи и перевода этихъ надписей (всего 222 нумеровъ) выполнилъ Х. П. Кучукъ-Іоаннесовъ, снабдившій въ нужныхъ мѣстахъ текстъ комментаріемъ. Прекрасно сдѣланныя таблицы рисунковъ отчетливо передаютъ характерныя черты изученныхъ памятниковъ и доставляютъ цѣнный матеріалъ для исторіи армянской литературы.

А. Захаровъ.

Комедія Аристофана «Женскій праздникъ». Стихотворный переводъ съ примѣчаніями Н. Корнилова. Подъ редакціей профессора Д. П. Шестакова. Казань. 1916.

За послѣдніе годы у насъ появилось много переводовъ греческихъ трагиковъ (Эврипидъ—И. Θ. Анненскаго, Софокль—Θ. Ф. Зѣлинскаго); профессоръ Г. Ф. Церетели прекрасно перевелъ Менандра; теперь начинаютъ появляться переводы и такого великаго представителя греческаго театра, какъ Аристофанъ, одинъ изъ самыхъ характерныхъ и талантливыхъ греческихъ поэтовъ: въ 1914 году въ Казани профессоръ Д. Шестаковъ перевелъ три его пьесы: «Лисистрата», «Бабыя сходка» и «Лягушка». Нынѣ подъ редакціей того же ученаго появляется переводъ комедіи «Женщины на праздникъ Тесмофорій», или, какъ для сокращенности назвалъ ее русскій переводчикъ, «Женскій праздникъ». По своему содержанію эта пьеса, безусловно, принадлежитъ къ числу интереснѣйшихъ комедій Аристофана, представляя собой блестящую характеристику аѳинскихъ литературныхъ нравовъ, и въ частности Эврипида, жестоко въ ней высмѣяннаго. Знакомство съ ней поэтому необходимо для всякаго, интересующагося греческимъ театромъ. Тѣмъ больше поэтому надо благодарить усерднаго переводчика, удачно исполнившаго такую сложную работу. Г. Корниловъ не новичекъ въ дѣлѣ ознакомленія русскаго общества

съ Аристофаномъ: еще въ 1900 году онъ перевелъ его «Осы». За эти годы г. Корниловъ сдѣлалъ несомнѣнные успѣхи, и его новый переводъ читается легко. Съ извѣстными оговорками, можно согласиться и съ рѣшеніемъ передать ломаную рѣчь скиѳа языкомъ казанскихъ татаръ. Комическое впечатлѣніе получается. Но далеко не вездѣ понялъ переводчикъ истинный смыслъ отдѣльныхъ стиховъ. Особенно непріятенъ невѣрный переводъ стиха 153 про Федру: неужели ни самъ переводчикъ, ни даже его ученый редакторъ не помнятъ блестящаго по тонкости толкованія объясненія этого мѣста покойнымъ академикомъ П. В. Никитинымъ («Ж. М. Н. Пр.», 1886 г., № 2, стр. 52—58). Впрочемъ, переводить Аристофана—дѣло очень трудное, и всякая новая попытка въ этомъ направленіи заслуживаетъ поддержки.

Б. В.

Проф. А. Н. Филипповъ. Каталогъ членовъ и оберъ-прокуроровъ Св. Пр. Синода за XVIII в. (Изъ рукописнаго собранія Н. Н. Подашевскаго). Изданіе императорскаго общества исторіи и древностей російскихъ при московскомъ университетѣ. Москва. 1916.

Подлинникъ рукописи, по которой составленъ каталогъ членовъ и оберъ-прокуроровъ Св. Синода за XVIII в., сохранился въ одномъ частномъ, весьма любопытномъ собраніи старопечатныхъ книгъ и рукописей (въ Петроградѣ), принадлежащемъ Николаю Николаевичу Подашевскому, и былъ написанъ въ 1799 году, кромѣ небольшой приписки, сдѣланной позднѣе. Подлинникъ этотъ, въ двухъ частяхъ, содержитъ въ себѣ краткія біографическія свѣдѣнія о 94 лицахъ, присутствовавшихъ въ Св. Пр. Синодѣ, въ качествѣ его членовъ, съ 1721 г. до 1800 г., о 13 лицахъ, занимавшихъ въ тотъ же періодъ времени въ немъ должности оберъ-прокуроровъ, а равно и извѣстія о Г. А. Потемкинѣ, опредѣленномъ въ 1763 г., какъ извѣстно, въ Св. Синодѣ «за оберъ-прокурорскій столъ».

Несмотря на свою краткость, біографическія свѣдѣнія каталога иногда содержатъ въ себѣ подробности и даты, которыхъ не имѣется въ біографіяхъ, составленныхъ учеными, а также интересныя историческія свѣдѣнія. Интересно, напримѣръ, какъ въ немногихъ словахъ «Каталогъ» говоритъ о тѣхъ злоключеніяхъ, которыя постигли архіепископа Теодосія Яновскаго. Указавъ, что Теодосій находился въ милости у государя Петра Великаго, официальный біографъ добавляетъ, что онъ «потомъ сдѣлался гордымъ и дерзновеннымъ, впалъ въ важныя вины, за кои 725 г. мая 11 лишенъ всѣхъ чиновъ и достоинствъ, сосланъ въ Николаевскій Корельскій монастырь, гдѣ остальную жизнь препроводилъ въ темницѣ—мѣсто смерти»... (стр. 5).

Нельзя не поблагодарить почтеннаго профессора А. Н. Филиппова за изданіе въ свѣтъ этой интересной и весьма полезной для изученія вопроса о личномъ составѣ Св. Синода рукописи.

Проф. М. Красноженъ.

Ан. К. Лядовъ. I. Жизнь, біогр. очеркъ В. Г. Вальтера. II. Портретъ, по личнымъ воспоминаніямъ С. М. Городецкаго. III. Творчество, крит. очеркъ I. В. Витоля. IV. Изъ писемъ. 1901—1909 г. Изданіе попечительнаго совѣта для поощренія композиторовъ и музыкантовъ. Петроградъ. 1916. Стр. 223. Цѣна 2 р. 50 коп.

Къ годовщинѣ смерти композитора Лядова появилась книга, заглавіе которой поставлено въ заголовкѣ; 3 автора объединились съ цѣлью ознакомить читающую публику съ личностью композитора, которая до сихъ поръ оставалась terra incognita для многихъ. Человѣкъ крайне замкнутый, не любившій шума вокругъ своего имени, избѣгавшій всего, что соприкасалось съ уличной шумихой и рекламой, А. К. Лядовъ былъ очень мало извѣстенъ широкой публикѣ, какъ человѣкъ. Всѣ свѣдѣнія о немъ черпались изъ книги Римскаго-Корсакова «Лѣтопись моей музыкальной жизни»—изъ источника, заслуживающаго полного довѣрія, и многіе факты объяснялись взглядомъ, установленнымъ Римскимъ-Корсаковымъ, у котораго Лядовъ окончилъ курсъ въ петроградской консерваторіи и который зналъ его прекрасно и былъ съ нимъ очень друженъ въ теченіе своей жизни и дѣятельности.

Многими было отмѣчено по случаю исполнившагося 35-лѣтія композиторской дѣятельности незначительное, сравнительно съ такимъ періодомъ времени, количество трудовъ Лядова; объясненіе этому находимъ въ указаніи автора «Лѣтописи» на то, что безобразная обстановка дѣтства и отсутствіе воспитанія развили въ немъ лѣнь и неспособность къ чему-либо себя принудить; тѣмъ не менѣе Римскій-Корсаковъ находитъ въ немъ большой природный умъ, добрый-душую душу и огромный музыкальный талантъ. И, дѣйствительно, если вспомнить, что за тридцать пять лѣтъ Лядовымъ всего написано 67 миниатюрныхъ произведеній, что въ среднемъ числѣ не составляетъ и двухъ сочиненій въ годъ, то трудно найти иное объясненіе такому факту.

Г. Вальтеръ, взявшій на себя біографическую часть книги, освѣщаетъ этотъ вопросъ иначе, и его объясненіе заслуживаетъ вниманія; онъ не основываетъ свой взглядъ только на воспитаніи, а главнымъ образомъ на характерѣ Лядова и на условіяхъ его жизни; малообщительный по натурѣ, онъ избѣгалъ общества, былъ замкнутъ, все переживалъ глубоко и очень страдалъ отъ одиночества; эти свойства его натуры ярко обрисовываются въ его письмахъ къ друзьямъ, каковыхъ было у него очень немного.

Для него писаніе было священнослуженіе; онъ тогда лишь могъ браться за перо, когда въ головѣ все было готово въ совершенномъ видѣ, когда онъ могъ «радоваться за каждый тактъ». Чтобы составить себѣ понятіе о его отношеніи къ славѣ, особенно подогрѣтой дружественными перьями, достаточно привести слѣдующій отрывокъ изъ его письма: «Прочелъ въ июльской книжкѣ («Русская Мысль» 1910 г.) переписку Стасова и Римскаго-Корсакова. Ахъ, сколько тамъ лжи! А потомство будетъ считать это за «истинные документы» и писать по нимъ исторію. Я счастливъ, что никогда не былъ «кучкисомъ» и что на все всегда смотрѣлъ свободными глазами». А вѣдь тутъ рѣчь идетъ

объ его лучшихъ друзьяхъ, но истина—прежде всего. Могъ ли такой человекъ, съ такимъ честными взглядами на искусство увлекаться рекламными похвалами, шумной репутаціей, взмысленной друзьями?... Удивительно ли, что онъ чувствовалъ себя одинокимъ, находясь даже среди близкихъ и друзей?

Одиночество тоже одна изъ причинъ, вліявшихъ на его творчество; въ одномъ мѣстѣ чрезъ четыре года читаемъ: «Я почти никуда не хожу и никого не вижу. Сажу дома, много читаю и немного сочиняю—очень ужъ я усталъ... Проза жизни точитъ меня, хоть и медленно, но зато вѣрно. Это мой самый, самый страшный врагъ. Жить можно только до 30 лѣтъ».

Подъ «прозой жизни» слѣдуетъ разумѣть тѣ обстоятельства, при которыхъ ему приходилось сочинять; то, что мы читаемъ, между прочимъ, въ его письмахъ: «Вѣдь мнѣ приходится сочинять въ щелочки времени. Я не могу писать, какъ другіе композиторы, въ свободные полчаса между занятіями въ консерваторіи и частными уроками». Вотъ еще его слова изъ письма къ Бѣляеву: «Я ужасно усталъ, и, увы, ничего не сдѣлалъ, что обѣщался. Какъ только приѣду въ деревню, сейчасъ же примусь за дѣло (не смѣйся, пожалуйста). Ты себя представить не можешь, какъ я усталъ отъ уроковъ, музыкальной суши и т. п. По временамъ такъ жаль себя бываетъ, что хочется плакать. Дѣйствительно, трудъ его былъ каторжный и не удовлетворяющій: онъ преподавалъ «обязательную теорію музыки», т. е. курсъ, необходимый для всѣхъ обучающихся въ консерваторіи—пѣвцовъ, инструменталистовъ, пианистовъ и др. Это не спеціальныи курсъ для композиторовъ, дирижеровъ и теоретиковъ, представляющій большой интересъ, а, такъ сказать, сокращенная музыкальная грамматика; трудъ громадный, а плоды незначительные; разумѣется, это не могло его удовлетворить духовно, а лишь матеріально, т. е. обезпечить въ самомъ скромномъ видѣ его существованіе...

Конечно, онъ могъ бы заработать еще композиторскимъ трудомъ, но, какъ мы видѣли, писать для денегъ было для него невымыслимо: онъ слишкомъ идеально смотрѣлъ на искусство. Бѣляевъ одно время хотѣлъ его обезпечить съ тѣмъ, чтобы онъ отказался отъ консерваторіи и посвятилъ себя исключительно творчеству, но, по словамъ профессора г. Соколова, Лядовъ, со слезами на глазахъ, сказалъ ему: «Ужъ поздно, я уже отвыкъ отъ систематической работы». При такихъ условіяхъ жизни и при такихъ взглядахъ на творчество немудрено, что онъ мало написалъ, но дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ; созданное имъ прекрасно, и въ этомъ его великая заслуга. Книга заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ мнѣній о современной музыкѣ, о литературныхъ теченіяхъ, много паразитическихъ афоризмовъ и вообще читается съ большимъ интересомъ.

В. Васкинъ.

Вѣнокъ Врангелю отъ общества защиты и сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины. Петроградъ. 1916. Стр. 125. Цѣна не обозначена.

Въ прошломъ году 15-го іюня скончался въ расцвѣтѣ таланта молодой и многообъщавшій знатокъ и историкъ русской старины и искусства баронъ Николай Николаевичъ Врангель. Его работы на этомъ поприщѣ быстро создали

ему широкую популярность и поставили его имя на первое мѣсто среди изслѣдователей, влюбленныхъ въ нашу забытую, постепенно исчезающую старину. Возникшее въ 1909 году общество защиты и сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины, однимъ изъ основателей и дѣятельнѣйшихъ членовъ котораго былъ покойный баронъ Н. Н. Врангель, въ собраніи 15 декабря прошлаго года въ маломъ конференцъ-залѣ императорской академіи наукъ почтило память своего усопшаго сотоварища, и рѣчи о немъ, произнесенныя тогда его друзьями, составили разсматриваемую нами книгу «Вѣнокъ Врангелю», въ которой и личность, и дѣятельность покойнаго нашли себѣ правдивую, прочувствованную оцѣнку.

Открывается «Вѣнокъ Врангелю» его біографическимъ очеркомъ, составленнымъ П. П. Вейнеромъ. Этотъ очеркъ, весьма краткій по размѣру, цѣненъ въ томъ отношеніи, что всѣ заключающіяся въ немъ свѣдѣнія точно провѣрены и обоснованы главнымъ образомъ благодаря содѣйствію родителей почившаго.

С. Л. Бертенсонъ въ слѣдующемъ очеркѣ останавливается на двухъ періодахъ его біографіи, очень мало разработанныхъ до сихъ поръ, именно: на дѣятельности его въ «Обществѣ Защиты» и на работѣ его во время нынѣшней войны въ Красномъ Крестѣ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ предложенія бар. Врангеля объ организаціи періодически выставокъ, посвященныхъ либо отдѣльнымъ мастерамъ, либо цѣлой группѣ художниковъ. И такія выставки, устроенныя при дѣятельномъ участіи Н. Н. Врангеля, были встрѣчены большимъ сочувствіемъ публики и дѣйствительно подтвердили высказанное барономъ Врангелемъ мнѣніе, что онѣ являются лучшей пропагандой искусства. Очень цѣнны и показательны произведенные покойнымъ опыты возобновленія малоизвѣстныхъ произведеній забытыхъ русскихъ авторовъ въ художественныхъ постановкахъ, отражающихъ духъ прежняго времени; такъ, на сценѣ домашняго театра стариннаго особняка гр. Е. В. Шувалова любителями при участіи артиста имп. театровъ Ю. Э. Озаровскаго и художника М. Д. Добужинскаго были поставлены комедія Загоскина «Урокъ матушкамъ», драма репертуара времени Отечественной войны «Хижина, спасенная казакомъ, или признательность» — сочиненіе Константина Ватація. Мысль о реставраціи стариннаго балагана, поднятая въ 1913 году по мысли барона Врангеля въ совѣтѣ общества, до сихъ поръ не забыта и волнуетъ еще многихъ любителей родной старины, тѣмъ болѣе, что программа, разработанная бар. Врангелемъ при содѣйствіи Ю. Э. Озаровскаго и художника С. Ю. Судейкина, получила разрѣшеніе отъ правительства, и только военныя событія помѣшали ея осуществленію. Далѣе Бертенсонъ останавливается еще на нѣкоторыхъ работахъ Врангеля въ этомъ обществѣ и заканчиваетъ свой очеркъ отчетомъ о занятіяхъ Н. Н. въ Красномъ Крестѣ воспоминаніями о послѣднихъ дняхъ его жизни.

А. Ө. Кони въ своей прекрасной яркой статьѣ, характеризующей отношеніе покойнаго барона Н. Н. Врангеля къ русскому прошлому, останавливается на трехъ сторонахъ его работы: онъ обладалъ не только ученостью, но и знаніемъ, что гораздо важнѣе, ибо первая почерпается изъ книгъ, а второе изъ опыта, — небольшая частица послѣдняго несравненно дороже, по своимъ результатамъ,

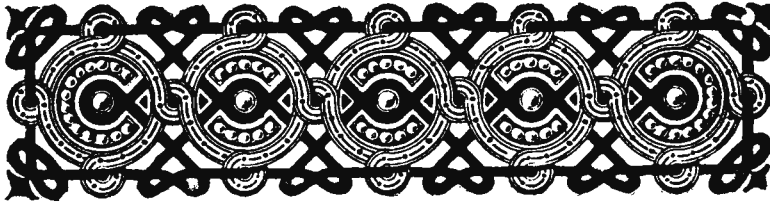
значительнаго количества первой. Большая часть трудовъ Врангеля была разработкой его личнаго воспріятія и непосредственнаго наблюденія—и это при давало особую осязательность тому, что онъ описывалъ. Онъ какъ бы говорилъ своему читателю: пойдѣмъ, посмотримъ вмѣстѣ на то, что я встрѣтилъ и видѣлъ... Во-вторыхъ, въ трудахъ Врангеля подкупаетъ сильная живость чувства, теплота и искренность тона и, въ третьихъ, нелегкое искусство собирать свои наблюденія, несмотря на ихъ обиліе и разнообразіе, въ одно сжатое цѣлое, совокупляя ихъ въ яркой картинѣ.

В. А. Верещагинъ вспоминаетъ свое знакомство съ барономъ Н. Н. Врангелемъ и его сотрудничество въ журналѣ «Старые Годы». Александръ Н. Бенуа намѣчаетъ тѣ черты въ личности Н. Н., которыя сообщили всей его дѣятельности совершенно особое значеніе, «озарили ее особымъ свѣтомъ», отмѣчаетъ характерное для покойнаго историка стремленіе къ массовымъ наблюденіямъ, его религіозность, горячій искренній патріотизмъ, согрѣвавшіе его писанія и отличавшіе ихъ отъ работъ въ томъ же направленіи многихъ холодныхъ бездушныхъ эстетовъ; не упущена г. Бенуа изъ вида общественная дѣятельность Врангеля, который въ прошломъ искалъ разгадку къ тому, что такое современная Россія. Значеніе научно-художественной дѣятельности Н. Н. Врангеля характеризуется такъ: «Врангель являлся типомъ цѣлой группы лицъ, посвятившихъ себя художественной культурѣ Россіи, и возможно, что будущія поколѣнія будутъ говорить о какой-то эпохѣ Врангеля, подразумѣвая подъ этимъ какъ его личную дѣятельность, такъ и то, что возникло вокругъ него, непосредственно до него и непосредственно послѣ него. Возможно, что столь характерный для нашего времени сентиментальный ретроспективизмъ получить какую-либо этикетку вродѣ «врангелизма». И даже Врангель удостоится той высшей чести, которая никогда не минуетъ избранныхъ — самыхъ яркихъ и самыхъ сильныхъ людей. Когда наступитъ рѣшительная реакція противъ ретроспективизма, то и память Врангеля переживетъ моментъ нѣ котораго мученичества. На него будутъ сыпаться упреки, ему поставятъ въ вину то, что старина въ началѣ XX вѣка задушила новизну, что речопъ бабушкиныхъ сундуковъ заглушила новые ростки и побѣги».

Заканчивается сборникъ статьей С. Ѳ. Ольденбурга «Баронъ Врангель и истинный націонализмъ» и воспоминаніями о покойномъ князѣ С. М. Волконскаго. Къ книгѣ приложенъ подробный хронологическій перечень печатныхъ трудовъ Н. Н. Врангеля.

Внѣшность книжки прямо художественна, чему не мало способствуютъ обложка работы С. Чехонина и стильныя изящныя заставки, мастерски исполненныя Е. Е. Лансере.

Д. М.

Съ 15 октябрия по 15 ноябрия 1916 г. въ редакцію «Историческаго Вѣстника» поступили для отзыва слѣдующія книги:

П. М. Бицилли. Салимбене. Очерки итальянской жизни XIII вѣка. Одесса. 1916. Стр. 389. Ц. не обозн.

Отчетъ о дѣятельности Сибирскаго общества помощи больнымъ и раненымъ воинамъ и пострадавшимъ отъ войны. (Съ 1 окт. 1914 г. по 1 окт. 1915 г.) Пг. 1916. Стр. 95. Ц. не обозн.

К. Гроссъ. Душевная жизнь ребенка. Избранныя лекціи. Переводъ В. В. Дѣловой со вступительной статьей В. В. Зѣньковскаго. Изданіе Кіевскаго фребелевскаго общества. Кіевъ. 1916. Стр. XVI+—242. Ц. 2 р. 20 к.

И. Н. Игнатовъ. Театръ и зрители. Часть I. Первая половина XIX вѣка, съ рис. Кн-во «Задруга». М. 1916. Стр. 342. Ц. 3 р.

Рюрикъ Ивневъ. Золото смерти. Кн-во «Центрифуга». М. 1916. Стр. 14. Ц. 50 к.

Стихотворенія г. Р. Ивнева, несмотря на умышленную манерность, все-таки обличаютъ въ авторѣ дѣйствительнаго поэта, который современнымъ, отрѣшившись отъ дешеваго оригинальничанья, можетъ дать что-нибудь болѣе достойное.

Ив. Евдокимовъ. Старинныя красноборскія печи. Изданіе Вологодскаго об-ва изученія Сѣвернаго края. Вологда. 1916. Стр. 6. Ц. не обозн.

Проза и поэзія. Литер. об-во «Ars». Пг. 1916. Стр. 72. Ц. 75

М. И. Боголѣповъ. О путяхъ будущаго. Къ вопросу объ экономическомъ планѣ. Пг. 1916. Стр. 63. Ц. 65 к.

П. Розеггеръ. Яковъ Послѣдній. Исторія крестьянина нашего времени. Романъ. Переводъ В. Величкиной. Кн-во «Жизнь и знаніе». Пг. 1916. Стр. 395. Ц. 1 р. 50 к.

Романъ П. Розеггера въ яркихъ краскахъ обрисовываетъ трагедію современнаго крестьянства, разрывающаго связь съ родной землей и отправляющагося въ городъ «на легкіе хлѣба». Картина нынѣшняго экономическаго кризиса изображена авторомъ исчерпывающе. Очень любопытно провести параллель съ французскимъ романомъ на ту же тему Базена «Умирающая земля» и нашими русскими бытописателями современнаго крестьянства.

Всев. Гаршинъ. Сигналь. Разсказъ. Съ 3 рис. худ. И. Гурьева. Кн-во «Жизнь и знаніе». Пг. 1916. Стр. 22. Ц. 8 к.

А. Н. Татарчуковъ. Биржи труда. Кн-во «Жизнь и знаніе». Пг. 1916. Стр. 64. Ц. 25 к.

Небольшая брошюра г. Татарчукова даетъ вполне ясное представленіе о борьбѣ рабочихъ, какъ за границей, такъ и у насъ въ Россіи за устройство въ надлежащемъ видѣ биржъ труда, играющихъ такую огромную роль въ

жизни рабочихъ массъ. У насъ въ Россіи эти биржи даже теперь, въ дни войны и всеобщаго напряженія производительныхъ силъ страны, находятся въ самомъ плачевномъ состояніи.

А. Мухаревъ. Стихи. Книга первая. Кн-во «Жизнь и знаніе». Пг. 1916. Стр. 53. Ц. 60 к.

Д-ръ І. Гауле. Какъ дѣйствуютъ спиртные напитки на человѣка. (Вліяніе алкоголя). Переводъ В. М. Величкиной. Кн-во «Жизнь и знаніе». Пг. 1916. Стр. 29. Ц. 10 к.

Очеркъ исторіи Китая. A sketch of Chinese history by F. L. Hawks Pott, D. D. Перевелъ съ англійскаго К. Ловцовъ. Пекинъ. 1914. Стр. 230. Ц. 1 р. 75 к.

Въ послѣднее время интересъ къ небесной имперіи, переживающей на нашихъ глазахъ серьезнѣйшую историческую перемѣну во всѣхъ слояхъ своей жизни, сильно выросъ въ русскомъ обществѣ, но до сихъ поръ не было вполне авторитетнаго труда по исторіи Китая за исключеніемъ нѣкоторыхъ поверхностныхъ и слабыхъ компилятивныхъ работъ. Поэтому книга г. Ловцова, представляющая собою переводъ серьезнаго англійскаго ученаго труда, во многомъ восполняетъ этотъ существенный пробѣлъ и можетъ служить настольнымъ пособіемъ и справочникомъ какъ для лицъ, специально занимающихся этимъ предметомъ (студенты восточнаго факультета), такъ и для широкой публики. Къ книгѣ приложены хронологическія таблицы и карты Китая различныхъ историческихъ эпохъ.

Французскіе рассказы съ фронта съ начала войны по октябрь 1915 г. съ офи-

ціальнаго разрѣшенія по документамъ французскаго военнаго министерства обработалъ и перевелъ Н. М. Лаговъ. 7-е (второе иллюстрированное) исправленное и вновь дополненное изданіе т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Пг. 1916. Стр. 262. Ц. 2 р.

Поэзія Арменіи съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, въ переводѣ русскихъ поэтовъ Ю. К. Балтрушайтиса, К. Д. Бальмонта, А. А. Блока, академика И. А. Бунина, Валерія Брюсова, Ю. А. Веселовскаго, Ю. Н. Верховскаго, Вячеслава Иванова, Ѳедора Сологуба, В. Ф. Ходасевича, С. В. Шервинскаго и др., подъ редакціей, со вступительнымъ очеркомъ и примѣчаніями В. Брюсова. Изданіе московскаго армянскаго комитета. М. 1916. Стр. 523. Ц. 5 р.

В. Азбукинъ. И. А. Гончаровъ въ русской критикѣ (1847—1912). Орель. 1916. Стр. V+293. Ц. 2 р. 50 к.

Алфавитный сводъ опредѣленій Сената по земскимъ дѣламъ за 50 лѣтъ. Составилъ секретарь харьковской губ. зем. управы М. И. Рожевускій. Харьковъ. 1916. Стр. LXXXVII+918. Ц. 11 р.

А. Миловидовъ. Памяти Сергѣя Александровича Рачинскаго. (Изъ воспоминаній и переписки.) Пг. 1916. Стр. 15. Ц. не обозн.

Воспоминанія А. И. Миловидова даютъ немало любопытныхъ черточекъ къ облику покойнаго выдающагося работника на нивѣ нашего народнаго образованія; нѣсколько приведенныхъ здѣсь писемъ С. А. Рачинскаго еще разъ обличаютъ въ немъ глубокаго знатока крестьянства и истиннаго борника за его умственное, нравственное и экономическое развитіе.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ТО ВЫДАЛЪ Англіи тильзитскую тайну? — Какъ извѣстно, послѣ пораженія русскихъ Наполеономъ въ 1807 г. въ Восточной Пруссіи было объявлено перемиріе, и оба императора, Наполеонъ и Александръ, 25-го іюня того же года встрѣтились на плоту по срединѣ рѣки Нѣмана и лично вели переговоры. Результатомъ этого свиданія было то, что перемиріе превратилось въ настоящій мирный договоръ, и между обѣими сторонами былъ заключенъ союзъ, направленный въ секретной своей части противъ Англіи. Однако, несмотря на всю таинственность этихъ переговоровъ, англійское правительство уже черезъ нѣсколько дней знало о содержаніи этихъ секретныхъ статей и немедленно приняло свои мѣры. Къ Копенгагену были отправлены значительныя сухопутныя и морскія британскія силы, чтобы поддерживать требованія, предъявленныя англійскимъ посланникомъ при датскомъ дворѣ. Онъ предъявилъ ультиматумъ, требуя, чтобы до наступленія общаго мира датское правительство выдало Англіи свой флотъ въ качествѣ залога. Это требованіе было отклонено, и Копенгагенъ, какъ извѣстно, подвергся сильной бомбардировкѣ. Датскій флотъ въ концѣ концовъ былъ выданъ и оставался во владѣніи англичанъ до окончанія европейской войны въ 1814 году.

Какимъ образомъ англійскому правительству стало извѣстно о содержаніи секретныхъ статей договора, заключеннаго на Нѣманѣ? Вопросъ этотъ давно привлекаетъ къ себѣ вниманіе историковъ и вызвалъ въ прежней исторической литературѣ цѣлый рядъ легендъ относительно британскихъ шпионовъ, которые, переодѣвшись казаками, проникли будто бы въ свиту русскаго императора и такимъ образомъ получили свѣдѣнія о содержаніи его переговоровъ съ Наполеономъ. Обычно героемъ этихъ легендъ выступаетъ сэръ Робертъ Вильсонъ.

Поиски новѣйшихъ историковъ направились въ другую сторону. Въ своемъ жизнеописаніи тогдашняго перваго министра Англии Каннинга англійскій историкъ Темперлей говоритъ: «Очевидно, на плоту былъ человекъ, сообщившій нѣкоторыя свѣдѣнія британскому правительству, но эти свѣдѣнія были дополнены сообщеніями какого-нибудь высокаго чиновника, по всей вѣроятности, Талерайна». Это обвиненіе Талерайна въ государственной измѣнѣ основано на подложныхъ мемуарахъ Фуше, гдѣ говорится, что Талерайнъ выдалъ тайну британскому правительству. Но въ 1906 г. это мнѣніе было разрушено анонимнымъ авторомъ на страницахъ «Edinburgh Review». Оказывается, что 25-го іюня, т. е. въ день свиданія и разговора императоровъ, Талерайнъ былъ въ Кенигсбергѣ и прибылъ въ Тильзитъ лишь черезъ нѣсколько дней. Никакихъ уличающихъ его данныхъ, кромѣ оговора въ подложныхъ мемуарахъ Фуше, не имѣется.

Профессоръ Голландъ Розъ въ своихъ «Napoleonic Studies» приходитъ къ другому выводу. По его мнѣнію, о тильзитской тайнѣ сообщилъ британскому правительству нѣкто Колинъ Маккензи, который былъ прикомандированъ къ англійской военной миссиі въ русской главной квартирѣ. Есть свѣдѣнія, что этотъ Маккензи былъ въ перепискѣ съ англійскимъ посланникомъ лордомъ Гренвиллемъ, и сохранилось между прочимъ его письмо, въ которомъ онъ сообщаетъ, что приглашенъ генераломъ Беннигсеномъ на ужинъ. На основаніи этого документа проф. Розъ предполагаетъ, что Беннигсенъ, недовольный ходомъ дѣлъ, могъ намекнуть Маккензи о томъ, что дѣлалось въ Тильзитѣ. Но если внимательно сравнить точныя даты событій, то подозрѣніе оказывается ни на чемъ не основаннымъ, и вопросъ о томъ, кто же выдалъ Каннингу тильзитскую тайну, остался бы, быть можетъ, безъ отвѣта, если бъ не блеснулъ лучъ свѣта совершенно съ другой стороны. Въ недавно опубликованной перепискѣ лорда Гренвилля, бывшаго въ то время посломъ въ Петербургѣ, очень часто упоминается имя нѣкоего д'Антрега, человека, очевидно, очень близкаго къ англійскому посольству, и англійскій историкъ Джонъ Голль дѣлаетъ на страницахъ «The Nineteenth Century»¹⁾ предположеніе, что именно этотъ французскій эмигрантъ, бывший въ то время на русской службѣ, и нарушилъ въ пользу англичанъ тайну тильзитскаго совѣщанія.

Эмануэль-Анри де-Лоней графъ д'Антрегъ, несмотря на свое аристократическое происхождение, былъ профессиональный шпионъ, служившій разнымъ правительствамъ. Въ послѣдніе годы «старога режима» д'Антрегъ пользовался нѣкоторою популярностью въ Парижѣ въ однихъ слояхъ общества какъ литераторъ, въ другихъ какъ прожигатель жизни. Потомъ онъ попалъ въ военную службу, но скучная гарнизонная жизнь въ Верденѣ и Тулузѣ заставила его выйти въ отставку. Нѣкоторое время онъ путешествовалъ, былъ у Вольтера въ Фернеѣ и у Руссо, къ которому питалъ всегда великое уваженіе. Потомъ онъ вернулся въ Парижъ и въ первое время революціи приобрѣлъ было славу хорошаго оратора. Но на него смотрѣли уже какъ на авантюриста, и никто ему не вѣрилъ.

¹⁾ «The N. C.», August 1916.

Когда собрались генеральные штаты, онъ бросился въ политику и выпустилъ массу памфлетовъ на тогдашнія злобы дня. Но когда революція стала разгораться и дѣло коснулось его имѣній, съ которыхъ онъ получалъ хорошій доходъ, онъ примкнулъ къ партіи, стоявшей за сохраненіе существующаго строя съ нѣкоторыми улучшеніями. Это возбудило противъ него негодованіе его прежнихъ друзей, и въ 1790 г. онъ бѣжалъ въ Швейцарію. Изъ Лозанны онъ вступилъ въ сношенія съ изгнанными принцами и скоро сдѣлался однимъ изъ самыхъ ревностныхъ агентовъ контръ-революціи. Во время своего пребыванія въ Швейцаріи онъ женился на парижской пѣвцѣ Сентъ-Оберти, добровольно послѣдовавшей за нимъ изъ Франціи. Вѣроятно, у нея было нѣкоторое состояніе, которое и дало имъ возможность существовать это время безбѣдно. Бракъ этотъ не одобрялся его родными, и д'Антрегъ держалъ его въ тайнѣ даже отъ своей матери.

Изъ Швейцаріи д'Антрегъ переѣхалъ въ 1793 г. въ Венецію. Въ это время вспыхнула общая война, и онъ нашелъ свое истинное призваніе.

Въ Венеціи д'Антрегъ близко сошелся съ прикомандированнымъ къ испанскому посольству Ласъ-Казасомъ и тоже пристроился къ этому посольству, оставаясь въ дѣйствительности однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ агентовъ Людовка XVIII. Защищая старый порядокъ, онъ сумѣлъ втереться въ довѣріе, съ одной стороны, къ неаполитанской королевѣ Маріи-Каролинѣ и другимъ современнымъ итальянскимъ владѣтельнымъ лицамъ, а съ другой—пріобрѣлъ благосклонность британскаго посланника въ Генуѣ Френсиса Дрека, извѣстнаго своими чрезвычайно интересными донесеніями изъ Парижа во дни террора. Во время итальянской кампаніи Бонапарта Дрекъ, при помощи д'Антрега, велъ корреспонденцію съ нѣкоторыми недовольными офицерами французской арміи и впоследствии, опять-таки при помощи д'Антрега, добывалъ весьма важныя свѣдѣнія, касающіяся неаполитанскаго двора.

Миръ, который Испанія заключила въ 1795 г. съ Французской республикой, заставилъ д'Антрега предложить свои услуги Россіи. Во время пребыванія на русской службѣ съ нимъ случился одинъ изъ самыхъ загадочныхъ эпизодовъ его жизни. Весною въ 1797 г. Бонапартъ, заключивъ побѣдоносный миръ съ Австріей, приступилъ къ разрушенію Венеціанской республики. При приближеніи французской арміи д'Антрегъ покинулъ Венецію вмѣстѣ съ русскимъ посланникомъ. Въ Триестѣ, занятомъ французами, всѣ они были задержаны. Маршалъ Бернадоттъ пропустилъ дальше русскихъ, но задержалъ д'Антрега, который былъ отправленъ имъ въ Миланъ и содержался здѣсь подъ строгимъ арестомъ. Что произошло далѣе между д'Антрегомъ и Бонапартомъ—неизвѣстно, но черезъ два мѣсяца ему дали возможность бѣжать на австрійскую территорію.

Между тѣмъ въ Парижѣ совершился переворотъ 18 фруктидора, а вслѣдъ за этимъ открылся заговоръ генерала Пишегрю. Говорятъ, что заговоръ былъ открытъ по бумагамъ, которыя генералъ Бонапартъ получилъ въ Миланѣ отъ д'Антрега. Бумаги эти, присланныя Бонапартомъ директоріи и хранящіяся теперь въ Парижѣ въ національномъ архивѣ, писаны, несомнѣнно, почеркомъ д'Антрега.

Отношенія между французскими эмигрантами и этимъ проходивцемъ были на нѣкоторое время испорчены, и д'Антрегу пришлось принять предложеніе Австріи и поступить на службу австрійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Здѣсь служба его продолжалась около года. Оказалось, что въ то самое время, когда отношенія между Вѣной и Петербургомъ приняли особенно острый характеръ, д'Антрегъ не стѣснялся получать деньги и отъ русскаго правительства, за что собственно и былъ удаленъ съ австрійской службы. Впрочемъ, нѣкоторое время онъ продолжалъ еще оставаться въ австрійской столицѣ, но уже въ качествѣ тайнаго русскаго агента. Въ 1802 г. онъ перебирается въ Дрезденъ, получаетъ возможность вести непосредственную переписку съ русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ кн. Адамомъ Чарторыйскимъ и достигаетъ зенита своего вліянія на императора Александра. Онъ доставлялъ русскому двору весьма цѣпныя свѣдѣнія, добывая ихъ отъ какой-то дамы, бывшей въ дружескихъ отношеніяхъ съ Жозефиной Бонапартъ. Въ 1806 г. въ виду движенія французскихъ войскъ къ Дрездену онъ принужденъ былъ бѣжать отсюда въ Англію и въ Лондонѣ пристроился къ русскому посольству. Но онъ никогда не служилъ только одному правительству и, очевидно, работалъ и на британское министерство иностранныхъ дѣлъ, ибо въ іюнѣ 1807 г. предшественникъ Каннинга лордъ Хаугъ назначилъ ему пенсію въ 600 фунтовъ. Черезъ нѣкоторое время новый премьеръ увеличилъ эту пенсію до 1000 фунтовъ. Въ іюль 1812 года д'Антрегъ, проживавшій на своей виллѣ около городка Барнса, недалеко отъ Лондона, былъ убитъ вмѣстѣ съ женой своимъ слугою, итальянцемъ Лоренцо, который, совершивъ преступленіе, покончилъ затѣмъ съ собой. Мотивы этого преступленія до сихъ поръ остаются не вполне выясненными, и обыкновенно полагаютъ, что Лоренцо дѣйствовалъ въ состояніи душевнаго расстройства.

Если искать среди шпионовъ, которые могли извѣстить Каннинга о русско-французскихъ планахъ противъ Англіи, то наибольшее подозрѣніе должно пасть именно на д'Антрега. Въ самомъ дѣлѣ, онъ явился въ Лондонъ въ сентябрѣ 1806 г., имѣя уже огромную опытность въ шпионскомъ дѣлѣ, и пристроился здѣсь именно къ русскому посольству. Потомъ, очевидно, онъ состоялъ на англійской службѣ и ей посвящалъ свои шпионскія способности. Въ упомынутой выше перепискѣ англійскаго посла въ Петербургѣ лорда Гренвилля съ его другомъ Каннингомъ есть не мало мѣстъ, свидѣтельствующихъ объ этомъ съ несомнѣнностью. Такъ, напримѣръ, въ одномъ письмѣ Каннингъ сообщаетъ Гренвиллю, что онъ уничтожилъ нѣкоторыя бумаги д'Антрега, «которыя, попади онѣ въ руки всѣхъ, могли бы скомпрометировать кое-кого весьма серьезно». Нужно замѣтить, что бумаги эти были тщательно просмотрѣны самимъ Каннингомъ, который потратилъ на это разсмотрѣніе не мало времени. Видимо, бумаги эти касались какого-нибудь важнаго лица.

Новый поворотъ русской политики послѣ свиданія императоровъ на плоту на Нѣманѣ вызвалъ въ нѣкоторыхъ кругахъ Петербурга большое неудовольствіе, и Савари описываетъ тѣ затрудненія, которыя онъ здѣсь встрѣтилъ. Императрица-мать и окружающіе ее были явно враждебны союзу съ Наполеономъ, и выраженіе Каннинга, что бумаги д'Антрега могутъ скомпрометировать «кое-кого», могло относиться именно къ русскому двору.

Но если считать, что д'Антрегъ получилъ свѣдѣнія о секретныхъ статьяхъ тильзитскаго договора изъ Петербурга, то кто могъ сообщить ему эту важную дипломатическую тайну? Трудно въ этомъ случаѣ назвать какое-нибудь имя. То могъ быть Новосильцевъ, который въ 1805 г. подписалъ договоръ съ Англiей, а послѣ тильзитскаго свиданія, по словамъ Савари, напомнилъ Александру объ участи его отца. Возможно, что тутъ не обошлось безъ участія тогдашняго русскаго посла въ Лондонѣ бар. Алопеуса, сторонника сближенія Россiи съ Англiей. Извѣстенъ своей преданностью этой идеѣ и бывшiй посланникъ въ Англии Семень Воронцовъ, дочь котораго была замужемъ за лордомъ Пемброкомъ. Наконецъ, среди недовольныхъ сближенiемъ Россiи съ Наполеономъ былъ, какъ указано выше, и генераль Беннигсенъ, одинъ изъ участниковъ еобытiя 11 марта 1801 г. Словомъ, положительныхъ данныхъ для рѣшенiя этого вопроса въ распоряженiи историка еще не имѣется, и тутъ нельзя даже строить такiя догадки, которыя высказываетъ въ своей статьѣ мистеръ Голль.

— Гастонъ Масперо. Египтология нынѣшнiй годъ понесла тяжелую потерю: 30-го июня нов. ст. скончался Г. Масперо, «послѣднiй всеобщiй египтологъ», какъ онъ любилъ называть себя, по свидѣтельствѣ своего ученика А. Морэ, ибо его преемники разрабатывали уже отдѣльныя отрасли этой столь разросшейся теперь науки.

Гастонъ-Камилль-Шарль Масперо, по происхожденiю итальянецъ, родился въ Парижѣ въ 1846 г. и рано обратился къ изученiю древней истории Востока. Еще въ лицѣ Louis-le Grand, а затѣмъ въ Ecole Normale онъ самоучкой изучилъ гiероглифы, а затѣмъ и гiератическiя письмена такъ основательно, что Мариеттъ, ранѣ относившiйся съ большимъ скептицизмомъ къ начинающему ученому, послѣ того, какъ тотъ въ восемь дней выполнилъ заданный ему переводъ одной не изданной надписи, призналъ, что молодой человекъ общается сдѣлаться первокласснымъ египтологомъ. Не окончивъ по политическимъ причинамъ Нормальную школу, Масперо въ 1867 г. уѣхалъ на мѣсто въ Южную Америку, гдѣ продолжалъ свои работы по изученiю египетскихъ надписей. Когда была основана Ecole pratique des Hautes Etudes, Масперо по рекомендацiи де-Руже получилъ въ этой школѣ кафедру профессора египтологiи. Ему было тогда всего 23 года. Въ 1872 г. онъ первый получаетъ отъ Сорбонны докторскiй дипломъ за диссертацию по египтологiи, озаглавленную: «Du genre epistolaire chez les anciens Egyptiens». Когда въ слѣдующемъ году послѣ смерти де-Руже освободилась въ Collège de France кафедра египтологiи, то Мариеттъ и Шаба представили Масперо, какъ единственное лицо, достойное занять эту кафедру, и съ 1874 г. началась академическая дѣятельность молодого ученаго въ качествѣ достойнаго продолжателя Шамполiона и его преемниковъ. Къ этому времени относится выходъ въ свѣтъ первыхъ изданiй его «Manuel d'histoire de l'Orient» и «L'Archeologie egyptienne».

Но одна кабинетная работа не удовлетворяла Масперо: онъ стремился посѣтить Египетъ, чтобы на мѣстѣ познакомиться съ памятниками древней цивилизацiи долины Нила, и вмѣстѣ съ тѣмъ настаивалъ на необходимости основанiя тамъ школы, подобной уже существовавшимъ въ Афинахъ и Римѣ, гдѣ молодые

французскіе ученые, посвятившіе себя занятіямъ египтологіей, могли бы въ наиболѣе удобной обстановкѣ изучить избранную ими специальность. Планы Масперо встрѣтили поддержку со стороны французскаго правительства, и въ 1880 г. онъ отправился въ Египетъ, какъ глава миссіи, посланной для основанія въ Каирѣ французскаго института восточной археологіи. Черезъ годъ Масперо занялъ освободившійся послѣ смерти Мариетта постъ главнаго директора раскопокъ, который занималъ до 1886 г., и выказалъ себя энергичнымъ администраторомъ и изслѣдователемъ. Важнѣйшими его открытіями надо признать раскопки пирамидъ Саккара, доставившія древнѣйшій текстъ Книги Мертвыхъ, и находка тайника въ Деиръ-аль Баари, гдѣ были спрятаны муміи великихъ фараоновъ 18 и 19 династій. Только черезъ десять лѣтъ (въ 1892г.) закончилъ Масперо изданіе и переводъ открытыхъ имъ «текстовъ пирамидъ», и если позднѣйшіе изслѣдователи указали на разныя неточности перевода, то все же не нужно забывать, насколько была трудна работа Масперо надъ совершенно неизвѣстнымъ архаическимъ текстомъ.

Вернувшись въ 1886 г. въ Парижъ, Масперо привезъ съ собою массу матеріала и весь отдался научной и профессорской дѣятельности. Къ этой эпохѣ его жизни относится большинство его статей, которыя, переизданныя въ «Bibliothèque Egyptologique», составили восемь большихъ томовъ, и тогда же сталъ выходить его трехтомный капитальный трудъ «Древняя исторія народовъ классическаго Востока» (1894—1899). Хотя нѣкоторыя части этого монументальнаго труда теперь устарѣли, но все же въ цѣломъ онъ до настоящаго времени едва ли имѣетъ себѣ равный.

Въ 1899 г. Масперо снова былъ призванъ занять постъ главнаго директора раскопокъ, на которомъ оставался до 1914 г. Къ этой эпохѣ его дѣятельности относятся реставраціи храмовъ Карнака, Гурна, Омбоса, Ибсамбула, изслѣдованіе храмовъ Нуби, законъ объ урегулированіи раскопокъ и, наконецъ, перенесеніе музея египетскихъ древностей изъ Булака въ Каиръ, гдѣ для него было выстроено роскошное зданіе. Въмѣстѣ съ административно-изслѣдовательской дѣятельностью Масперо не забывалъ и чисто научной. Подъ его редакціей началъ выходить подробный каталогъ Каирскаго музея (пока вышло 40 томовъ in folio). До самой смерти онъ продолжалъ редактировать основанные имъ въ 1878 г. «Recueils de travaux relatifs à la Philologie et à l'Archéologie Egyptienne et Assyrienne» и «Annales du service», равно какъ и предпринятое имъ изданіе «Египтологической бібліотеки», цѣлью которой было собрать разсѣяныя по разнымъ журналамъ работы извѣстныхъ египтологовъ. Въ 1909 г. онъ выпустилъ «Исторію египетскаго искусства», гдѣ даетъ анализъ стилей, смѣнявшихъ другъ друга на протяженіи многовѣковой исторіи долины Нила. Наконецъ онъ принимается за большой трудъ по египетской фонетикѣ, главная часть котораго была уже готова, когда смерть настигла неутомимаго изслѣдователя. Кончина его, безъ сомнѣнія, была ускорена гибелью его младшаго сына, Жана Масперо, павшаго въ февралѣ 1915 г. при Вокюа и извѣстнаго своими работами по исторіи Египта въ византійскую эпоху.

— Судьба французской академіи.— Французская академія была основана 2 января 1635 г. Это учрежденіе, имѣвшее своей цѣлью преобразование

и развитіе французскаго языка, возникло какъ разъ въ тотъ моментъ, когда зарождалась новая Франція.

Въ XVI вѣкѣ страстное увлеченіе древностью дало большой толчокъ французской мысли. Но это лихорадочное увлеченіе скоро привело къ истощенію и умственной усталости, и духовная жизнь Франціи оживляется опять лишь съ возстановленіемъ преобладанія въ Европѣ французской политики.

Въ этотъ періодъ французскій языкъ, по выраженію Монтэня, еще нуждался въ отдѣлкѣ. Великимъ его преобразователемъ былъ Малербъ, нормандецъ родомъ, «сѣдовласый грамматикъ въ очкахъ», какъ онъ самъ себя называлъ. На помощь ему шли салоны, только что входившіе тогда въ моду. Особенно славился отель Рамбулье, гдѣ царил образованная и умная маркиза де-Рамбулье.

Въ ея гостиной собиралась не только знать, но и писатели-разночинцы. Душою этого кружка былъ сынъ вино торговца изъ Амьена Вуатюръ, поэтъ, оставившій свое имя въ исторіи французской литературы. Въ этомъ кружкѣ читались литературныя произведенія, обсуждались вопросы стили и языка.

Одновременно съ отелемъ Рамбулье литераторы стали собираться на писательскія вечеринки въ улицѣ Сепъ-Мартинъ у нѣкоего библіофила и любителя литературы Валентина Конрара. По предложенію его двоюроднаго брата Антуана Годо, писавшаго недурные стихи, рѣшено было собираться разъ въ недѣлю, чтобы обмѣниваться мыслями, слушать новыя произведенія, дѣлиться литературными новостями. Скоро въ этотъ кружокъ вошелъ нѣкто Буароберъ, вхожій къ всемогущему тогда кардиналу Ришелье, который не замедлил довести до его свѣдѣнія о существованіи этого литературнаго клуба. Кардиналъ, склонный подозрѣвать вездѣ заговоры, сначала было нахмурился, но потомъ, любя литературу и французскій языкъ, рѣшилъ дать организацію и дѣлу его изученія. Черезъ Буаробера онъ приказалъ опросить, не пожелаютъ ли члены кружка образовать общество подъ покровительствомъ государственной власти. Первымъ движеніемъ Конрара и его друзей было отказать отъ этого предложенія, ибо образовать общество значило бы поставить себя подъ контроль. Но одинъ изъ членовъ кружка Шаплэнъ не безъ труда уговорилъ наконецъ сотоварищей принять предложеніе всеильнаго кардинала. Рѣшено было образовать въ числѣ сорока человекъ академію, которая вскорѣ получила названіе «французской».

Независимость новаго учрежденія обезпечивалась уже тѣмъ, что оно не получило никакихъ субсидій. Только впоследствии, чтобы привлечь членовъ на засѣданія, имъ выдавалось на каждомъ засѣданіи по 38 су. Эта сумма въ министерство Калонна была увеличена до 3 франковъ.

Хотя первый параграфъ устава новой академіи гласитъ, что никто изъ лицъ неугодныхъ кардиналу не можетъ быть избранъ членомъ академіи, однако Ришелье ни разу не опротестовалъ выборовъ и не стѣснялъ ничѣмъ внутренней свободы учрежденія.

Въ 1672 г. по его распоряженію для академіи было отведено помѣщеніе въ одной изъ залъ Луврскаго дворца, гдѣ теперь находится галерея скульптуры. Къ концу царствованія Людовика XIV академія въ числѣ своихъ сорока членовъ имѣла Боссюэ, Фенелона, Расина, Лафонтена, Буало, Перро, Фонтенеля и Томаса Корнея.

Въ слѣдующемъ вѣкѣ кресла безсмертныхъ были заняты Монтескье, Вольтеромъ, д'Аламберомъ. Въмѣстѣ съ ними въ трудахъ академіи получила преобладаніе философія. По мѣрѣ того, какъ дѣло приближалось къ революціи, академія пріобрѣтала все болѣе и болѣе политическій характеръ, и приходилось съ трудомъ отражать толпу, ломившуюся на ея засѣданія. Черезъ нѣсколько лѣтъ она уже дѣлается подозрительной въ глазахъ этой самой толпы, какъ учрежденіе «аристократическое», основанное «тираномъ». Въ эпоху террора даже составленный академіей словарь считался оскорбленіемъ свободѣ революціоннаго языка. «Намъ не надо литераторовъ, долой титулы, долой митры», писали тогдашнія газетки. Депутатъ конвента де-Вотиду потребовалъ, чтобы разсмотрѣніе скромнаго бюджета академіи было отложено до тѣхъ поръ, пока «она не докажетъ свою полезность». Академики поняли, что въ такое время они не могутъ продолжать свои занятія. 5-го августа 1793 г. было послѣднее засѣданіе въ академіи, а черезъ нѣсколько дней конвентъ объявилъ, что всякія академіи и литературныя общества «безполезны для націи».

Однако черезъ два года тотъ же самый конвентъ прежде, чѣмъ разойтись, возстановилъ подъ другой формой то, что онъ разрушилъ. Республика учредила вмѣсто академіи—національный институтъ, на который возложено было «дѣлать открытія и усовершенствовать искусства и науки». На первыхъ же порахъ новаго института по отдѣлу механики былъ избранъ членомъ молодой генераль Бонапартъ. Въ декабрѣ 1797 г. онъ былъ назначенъ членомъ по классу точныхъ наукъ и съ этого времени подписывалъ свои рапорты объ египетской экспедиціи не иначе, какъ: «главнокомандующій генераль Бонапартъ, членъ національнаго института».

Сдѣлавшись владыкой Франціи, онъ, однако, не посмѣлъ возстановить академію въ ея прежнемъ видѣ.

Вмѣсто академіи онъ присоединилъ къ институту классъ французскаго языка и словесности. Онъ вернулъ этому классу сорокъ прежнихъ членовъ, учредилъ должность постоянного секретаря и позволилъ имѣть торжественныя собранія, установившіяся въ академіи со временъ кардинала Мазарини.

Людовикъ XVIII сохранилъ національный институтъ, но классу французскаго языка и словесности вернулъ прежнее названіе «французской академіи». Съ этого времени ея судьба, какъ отдѣльнаго самостоятельнаго учрежденія, уже не испытывала перемѣнъ.

Въ самомъ началѣ своей дѣятельности французская академія занималась исключительно культурою французскаго языка. Упомянутый выше Шаплэнъ представилъ планъ обширнаго словаря, но исполненіе этого предпріятія выпало на долю нѣкоего Вожля, который былъ принятъ въ академію только потому, что красиво говорилъ. Вожля работалъ надъ словаремъ десять лѣтъ, до самой своей смерти, и успѣлъ довести до буквы І. Трудъ этотъ продолжала академія. Въ 1664 г. словарь былъ оконченъ и поднесенъ королю въ Версалѣ. Второе его изданіе явилось въ 1718 г. и потомъ повторялось шесть разъ. Послѣднее вышло въ 1877 году.

— Начало Болгаріи.—Въ первой октябрьской книжкѣ «Revue de deux Mondes» Эрнестъ Додэ, уже давшій цѣлый рядъ очерковъ новѣйшей политической

исторіи враждебныхъ намъ державъ, печатаеть очеркъ возникновенія современной Болгаріи и ея первой измѣны Россіи при Александрѣ Баттенбергскомъ.

Болгарія, какъ извѣстно, была освобождена русскими войсками отъ турецкаго ига по Санъ-Стефанскому договору 3 марта 1878 г. Военныя дѣйствія закончились въ срединѣ декабря 1877 г. Русскія войска стояли въ виду Константинополя, и султанъ черезъ Англію просилъ мира. Мирное предложеніе было поддержано и Франціею черезъ своего посла въ Петроградѣ генерала Лефлю. Англія предоставляла Россіи вести такіе переговоры съ султаномъ, какіе они пожелають, но, какъ и Австро-Венгрія, была противъ такихъ соглашеній, которыя шли бы въ разрѣзъ съ прежними договорами. Примѣръ этихъ двухъ державъ увлекъ за собою Италію и Францію. Рѣшено было созвать европейскій конгрессъ.

Отношенія между Россіей и Англіей приняли весьма натянутый характеръ, и англійскій флотъ явился передъ Константинополемъ. Въ Пештѣ мадьяры громили Россію. Въ Берлинѣ Бисмаркъ не скрывалъ своихъ опасеній.

— Войны не избѣжать, — заявилъ французскому посланнику Вильгельмъ I. — Англія непремѣнно хочетъ ея.

Такое положеніе продолжалось нѣсколько недѣль. Въ концѣ марта канцлеръ князь Горчаковъ отправилъ въ Берлинъ графа Игнатъева съ собственноручнымъ письмомъ императора Александра II къ Вильгельму, въ которомъ онъ просилъ у него поддержки. Изъ Берлина Игнатъевъ отправился въ Вѣну.

— До пріѣзда въ Вѣну Игнатъевъ зналъ, чего Австрія не хочетъ. Теперь онъ знаетъ, чего она хочетъ, — съ насмѣшкой говорилъ потомъ тогдашній австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Андраши.

Въ началѣ апрѣля Горчаковъ обратился съ просьбой къ Бисмарку взять на себя посредничество между Россіей и другими державами. 13-го іюня былъ созванъ Берлинскій конгрессъ. Увѣдомля объ этомъ лорда Сольсбери, Бисмаркъ сообщалъ, что «Санъ-Стефанскій договоръ будетъ полностью представленъ на пересмотръ конгресса». Императоръ Александръ сначала отвергъ было это предложеніе, какъ оскорбительное для достоинства Россіи, но потомъ вынужденъ былъ подчиниться этому.

Какъ исполнилъ свою роль «честнаго маклера» Бисмаркъ, извѣстно слишкомъ хорошо. Россія лишилась почти всѣхъ плодовъ своихъ побѣдъ, за что Австрія, ссылаясь на возможность беспорядковъ на турецкой границѣ, оккупировала двѣ турецкія провинціи Боснію и Герцеговину съ тѣмъ, чтобы уже не выпускать ихъ изъ своихъ цѣпкихъ рукъ.

По Санъ-Стефанскому договору всѣ болгарскія мѣстности и Македонія должны были составлять одну Болгарію. Берлинскій трактатъ раздѣлилъ Болгарію на двѣ части: сѣверную со столицей Софіей и южную съ главнымъ городомъ Филиппополемъ. Сѣверная часть образовала самостоятельное княжество, южная, или Восточная Румелія, управлялась турецкимъ губернаторомъ изъ христіанъ, назначаемымъ султаномъ.

Дипломаты наивно вѣрили въ устойчивость подобнаго положенія вещей. 13-го іюля конгрессъ закончилъ свое дѣло и разошелся.

Между тѣмъ настроеніе населенія на Балканскомъ полуостровѣ было

довольно тревожное. Узнавъ, что Берлинскій конгрессъ взялъ подъ свою защиту Турцію, болгары впали въ уныніе, которое еще болѣе усилилось, когда стало извѣстно рѣшеніе конгресса, и мало-по-малу перешло въ озлобленіе.

Когда въ 1879 г. губернаторомъ Румеліи былъ назначенъ Алеко-паша, русскіе предупредили его, что если онъ явится въ Филиппополь въ фескѣ, то пеминуемо произойдутъ безпорядки. Несмотря на протесты наши, ему все-таки пришлось надѣть болгарскую шапку при въѣздѣ въ румелійскую столицу.

Румелійцы немедленно начали стремиться къ сліянію съ болгарами, но ихъ сдерживала пока Россія.

Между тѣмъ въ собственной Болгаріи 22-го февраля въ Тырновѣ было создано собраніе, протоколъ котораго былъ подписанъ агентами всѣхъ державъ, кромѣ турецкаго. Собраніе выработало конституцію, основныя черты которой сводятся къ слѣдующему: палата одна, избираемая всеобщимъ голованіемъ на пять лѣтъ, министерство отвѣтственно передъ народнымъ представительствомъ, депутаты неприкосновенны, засѣданія публичны, палата имѣетъ право законодательной инициативы.

Черезъ нѣсколько дней состоялось народное собраніе для выбора князя. Александръ II заявилъ, что никто изъ членовъ русскаго царствующаго дома не выставитъ своей кандидатуры на новый престоль, и кандидатовъ оказалось два: Вальдемаръ датскій и принцъ Александръ Баттенбергскій изъ боковой вѣтви Гессенъ-Дармштадтскаго дома, старшій братъ котораго былъ женою на дочери англійской королевы Викторіи принцессѣ Беатрисѣ. Александръ Баттенбергскій приходился племянникомъ императрицѣ Маріи Александровнѣ.

25-го апрѣля 1879 г. у русскаго посланника въ Берлинѣ былъ большой балъ. Между приглашенными выдѣлялся красивый молодой человекъ высокаго роста въ формѣ гвардейскаго корпуса. То былъ Александръ Баттенбергскій. Въ этотъ же день въ Берлинѣ распространилось извѣстіе, что народное собраніе въ Тырновѣ избрало его княземъ болгарскимъ.

Хотя ему не было еще двадцати двухъ лѣтъ, но онъ уже имѣлъ длинное прошлое. Русско-турецкая война застала его въ рядахъ гессенскихъ гусаръ. По ходатайству императрицы Маріи Александровны онъ былъ прикомандированъ сначала къ главному штабу великаго князя Николая Николаевича, а потомъ къ штабу принца Евгенія Лейхтенбергскаго и принималъ участіе въ нѣсколькихъ сраженіяхъ съ турками.

Александръ Баттенбергскій не сразу припаялъ это избраніе. Сначала онъ отправился въ Дармштадтъ посоветоваться съ своимъ отцомъ. Тотъ находилъ, что болгарская конституція полна недомолвокъ и опасностей для князя, и отсоединялъ сыну принимать избраніе.

Черезъ нѣсколько дней будущій болгарскій князь явился въ Ливадію, гдѣ тогда находился императоръ Александръ.

— Примите эту корону на тѣхъ условіяхъ, на которыхъ она вамъ предложена. Рано или поздно конституція будетъ пересмотрѣна,—сказалъ ему государь.

Изъ Ливадіи Баттенбергъ предпринялъ объѣздъ европейскіхъ дворовъ Посѣтивъ Вѣну, онъ 28-го мая явился въ Берлинъ, откуда на другой день уѣхалъ въ Парижъ. Тутъ онъ пробылъ до 4-го іюня, потомъ побывалъ въ Лон-

донѣ, посѣтилъ своего сюзерена султана и наконецъ появился въ Тырново въ формѣ болгарскаго генерала и съ такимъ знаніемъ болгарскаго языка, что могъ давать отвѣты на обращенныя къ нему рѣчи.

13-го іюля, уже въ качествѣ болгарскаго князя, присягнувшаго въ Тырново конституціи, Александръ Баттенбергскій совершилъ торжественный въѣздъ въ Софію.

Политическое положеніе страны въ это время было довольно тяжелое. Множество недисциплинированныхъ, не привыкшихъ къ политической жизни партій, личное честолюбіе темныхъ дѣльцовъ и проходимцевъ дѣлали труднымъ управленіе новымъ княжествомъ. Около князя оказались главари разныхъ партій, въ родѣ Каравелова, Грекова, Цанкова и Стамбулова, все люди низкаго происхожденія, крайне непривлекательные съ правственнаго стороны и мало стѣснявшіеся въ средствахъ для достиженія своихъ цѣлей. Между ними на первый планъ выдвигается Каравеловъ, бывший московскій студентъ, котораго одинъ изъ придворныхъ чиновниковъ въ Софіи, близко его знавшій, называетъ «темнымъ агитаторомъ, грубымъ медвѣдемъ съ цѣлымъ лѣсомъ курчавыхъ черныхъ волосъ на вдавленной въ плечи головѣ—настоящій типъ политика изъ шивной».

Едва успѣлъ новый болгарскій князь водвориться въ своей столицѣ, какъ политики типа Каравелова рѣшили взять его въ руки и заставить его стать ихъ послушнымъ орудіемъ. Разумѣется, на этой почвѣ очень скоро послѣдовало столкновеніе, и князь, не выходя изъ рамокъ предоставленныхъ ему конституціей правъ, въ мартѣ 1880 г. распустилъ собраніе послѣ жестокаго министерскаго кризиса, продолжавшагося цѣлый мѣсяцъ. Послѣ паденія кабинета Каравелова былъ образованъ кабинетъ Цанкова. Желая охрानить армию отъ вліянія политикамовъ, князь настоялъ, чтобы портфель военнаго министра былъ отданъ присланному изъ Петербурга генералу Эрпроту, родомъ финляндцу.

Карауловъ овладѣлъ министерствомъ Цанкова и, подчинивъ своей волѣ всѣхъ министровъ, кромѣ Эрпрота, съ помощью Стоилова свергъ наконецъ болгарскаго диктатора. Тогда князь Александръ потребовалъ созыва народнаго собранія для пересмотра конституціи. Собраніе это должно было состояться въ Систовѣ, откуда князю, въ случаѣ неудачи, легче было бѣжать и отречься потомъ отъ престола.

Для исполненія этого плана нужно было согласіе державъ и главнымъ образомъ Россіи. Между тѣмъ императоръ Александръ II былъ 1-го марта убитъ. При полученіи этого извѣстія князь Александръ сейчасъ же поѣхалъ въ Петербургъ, оставивъ власть въ рукахъ совѣта министровъ.

По возвращеніи въ Болгарію князь рассказывалъ, что новый императоръ встрѣтилъ его еще милостивѣе, чѣмъ Александръ II. Въ Петербургѣ будто бы одобрили его планъ измѣненія конституціи и даже введенія диктатуры.

Планы князя стали извѣстны въ Софіи. Цанковъ, уже потерявшій министерскій портфель, и Каравеловъ, который долженъ былъ скоро выйти изъ министерства, дѣятельно готовились къ борьбѣ. Цанковъ писалъ Гладстону, но тотъ даже не отвѣтилъ ему. Каравеловъ послалъ депешу въ Петербургъ, но русскій

дипломатическій агентъ показалъ ему телеграмму, въ которой было сказано, что отвѣта не будетъ.

15-го юля собраніе въ Систовѣ одобрило предложеніе князя, но союзъ политикановъ продолжалъ работать противъ него. Въ 1883 г., желая прекратить эту борьбу, князь добровольно отказался отъ данныхъ ему въ Систовѣ полномочій и хотѣлъ вернуться къ прежней конституціи. Но это поссорило его съ Россіей. Русскіе офицеры были отозваны съ болгарской службы, и князь очутился совершенно въ рукахъ болгарскихъ демагоговъ.

Между тѣмъ въ Восточной Румелии назрѣвали крупныя событія. Офицеры филиппопольскаго гарнизона, предводительствуемые майоромъ Паницей, настоящимъ среднебѣковымъ кондотьеромъ, подняли въ сентябрѣ 1885 г. возстаніе. Началось съ того, что нѣсколько крестьянъ, пріѣхавшихъ рано утромъ въ городъ, стали кричать: «Да здравствуетъ объединенная Болгарія! Да здравствуетъ князь Александръ!» Паница немедленно принялъ участіе въ беспорядкахъ и организовалъ временное правительство. Разбуженный выстрѣлами и колокольнымъ звономъ, турецкій губернаторъ былъ схваченъ, посаженъ въ карету и отвезенъ подъ конвоемъ на границу. Сторонники Паницы майоръ Николаевъ и капитанъ Филовъ приняли мѣры противъ турокъ на случай, если бы они пустили въ ходъ оружіе.

25-го августа императоръ Александръ III имѣлъ свиданіе съ Францемъ-Иосифомъ въ Моравіи, въ пышномъ замкѣ Ольмюцѣ. На этомъ свиданіи былъ и Александръ Баттенбергскій, но, принявъ уже рѣшеніе объединить обѣ Болгаріи подъ своей властью и сговорившись объ этомъ съ Австріей, скрылъ свое рѣшеніе отъ императора Александра и не обмолвился ни однимъ словомъ даже передъ русскимъ посломъ въ Вѣнѣ Гирсомъ. Этой хитрости Россія не могла простить ему. Произошелъ окончательный разрывъ.

Радовался этому только Бисмаркъ, вѣрно рассчитавшій, что теперь Россія неминуемо столкнется съ Австріей.

Черезъ нѣсколько дней послѣ присоединенія Румелии къ Болгаріи сербскій король Миланъ объявилъ Болгаріи войну, и 24-го ноября 1885 г. сербская армія направилась на Софію, но при Сливницѣ была разбита болгарами. Армія ихъ направилась на Бѣлградъ, но 27-го къ князю явился австрійскій посланникъ въ Сербіи графъ Кевенгюллеръ и предъявилъ ему слѣдующую депешу главы австро-венгерскаго правительства: «Предупредите князя Александра, что если онъ откажется отъ перемирія, то найдетъ подъ стѣнами Бѣлграда австрійскую армію».

Оставалось подтянуться силѣ, и 3 марта 1886 г. между Болгаріей и Сербіей былъ заключенъ миръ въ Бухарестѣ, не давшій Болгаріи никакихъ приобрѣтеній. Этотъ миръ оскорбилъ армію и вызвалъ сильное негодованіе въ офицерскомъ корпусѣ. Готовилось возстаніе, которое и вспыхнуло въ ночь съ 21-го августа въ предмѣстьѣ Софіи Перникѣ. Возбунтовались два батальона Кюстендильскаго полка. У воротъ города они встрѣтились съ батальономъ пѣхоты, который сначала хотѣлъ остановить ихъ, но потомъ положилъ оружіе. Окруживъ дворецъ, заговорщики вломилась въ комнату князя Александра, всунули ему въ руки перо и подъ угрозами смерти заставили его подписать отреченіе.

Через нѣсколько часовъ князь Александръ и его братъ Францъ-Юсифъ Баттенбергскій, гостившій въ Софіи, были заключены въ одинъ монастырь въ четырехъ верстахъ отъ Софіи, а 23-го отправлены Дунаемъ на русскую границу. Тамъ заговорщики хотѣли выдать ихъ русскимъ властямъ, но онѣ отказались ихъ принять и послали запросъ въ Петербургъ, откуда пришелъ приказъ освободить немедленно обоихъ.

На развалинахъ власти возникла диктатура Стамбулова, приведшая на болгарскій престолъ австрійскаго гусара Фердинанда Кобургскаго, помимо согласія на то Россіи.

Такъ кончился первый періодъ новой исторіи Болгаріи.

— Трехсотлѣтіе со дня смерти Ричарда Гаклюйта¹⁾—Въ ноябрѣ настоящаго года исполнилось триста лѣтъ со дня смерти англичанина, оставившаго послѣ себя драгоценныя свѣдѣнія для нашей отечественной исторіи.

Имя англійскаго географа Ричарда Гаклюйта извѣстно всякому, кто занимался русской исторіей времени Ивана Грознаго. Именно благодаря ему мы знаемъ о путешествіи капитана Ченслера въ Московію и о началѣ англо-русскаго общенія.

Время королевы Елизаветы было совершенно особымъ временемъ въ исторіи Англій. Справившись съ неуклюжей «непобѣдимой армადой» испанскаго короля, извѣстнаго своимъ фанатизмомъ Филиппа II, англичане оказались хозяевами морей и могли теперь насытить свою страсть къ путешествіямъ, къ посѣщенію еще неизвѣстныхъ странъ. Конецъ XVI вѣка есть для Англій по преимуществу вѣкъ путешествій. Литература, описывающая эти путешествія, росла очень быстро, и Гаклюйтъ оказалъ огромную услугу исторической наукѣ, составивъ изъ современныхъ ему сочиненій и рассказовъ своего рода энциклопедію путешествій въ трехъ томахъ. Матеріалы для этой энциклопедіи Гаклюйтъ бралъ не только изъ напечатанныхъ уже книгъ, но и изъ устныхъ рассказовъ участниковъ той или иной экспедиціи, собирая ихъ, гдѣ только было можно.

О самомъ Ричардѣ Гаклюйтѣ свѣдѣній сохранилось очень немного. Извѣстно, что онъ въ 1577 г. окончилъ оксфордскій университетъ, зналъ пять языковъ и сначала былъ преподавателемъ географіи въ «обычной» школѣ, потомъ принялъ духовное званіе. Въ 1583 г. онъ собирался ѣхать въ путешествіе съ сэромъ Гемфри Джильбертомъ, но, къ счастью, ему что-то помѣшало, и онъ спасся отъ гибели, постигшей эту экспедицію. Далѣе извѣстно, что въ теченіе пяти лѣтъ онъ жилъ во Франціи въ качествѣ духовника англійскаго посланника при французскомъ дворѣ. Вернувшись въ Англію, Гаклюйтъ занималъ разныя духовныя мѣста въ Бристолѣ и другихъ городахъ и умеръ архидіакономъ Вестминстерскаго аббатства. Умеръ онъ въ 1616 г. — черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти Шекспира и былъ похороненъ въ аббатствѣ, но могила его осталась неизвѣстной.

Первое его сочиненіе, посвященное своему знаменитому современнику, сэру Филиппу Сиднею, «*Divers voyages touching the discoverie of America*» (разныя путешествія въ связи съ открытіемъ Америки) вышло въ 1582 г.. Но

¹⁾ «*Cornhill Magazine*» November.

главный трудъ «The principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, made by sea or overland to the remote and furthes Distant Quarters отъ the Earth at amy time withine the Compasse of these 1600 Years» (главные путешествія и открытія англійскаго народа на морѣ и на сушѣ, сдѣланная въ отдаленнѣйшихъ углахъ земли за послѣднія 1600 лѣтъ) вышелъ въ 1589 г., черезъ годъ послѣ гибели непобѣдимой армады, въ одномъ томѣ in folio. Черезъ десять лѣтъ тотъ же трудъ, переработанный и дополненный, вышелъ уже въ трехъ томахъ. Съ тѣхъ поръ изданіе 1598—1600 г. какъ источникъ драгоцѣннѣйшихъ свѣдѣній о многихъ уголкахъ земного шара, перепечатывается постоянно, и послѣдняя перепечатка вышла въ Лондонѣ всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

— Папа Левъ XIII и теноръ. — Гремѣвшій въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія теноръ Франческо Маркони, который большую часть своей артистической жизни прожилъ въ Россіи, былъ родомъ изъ Рима и принадлежалъ къ такъ называемымъ «Romani de Roma», то есть къ чистокровнымъ римлянамъ, нынѣ расплывающимся уже въ массѣ населившихъ «Вѣчный городъ» пришельцевъ изъ другихъ областей Италіи. Въ качествѣ «Romano de Roma», Маркони, человѣкъ весьма скромнаго происхожденія, въ юности бывшій подмастерьемъ какого-то римскаго столяра, пользовался исключительною популярностью именно среди римскаго простонародья, для котораго онъ являлся своимъ и былъ предметомъ гордости. Каждый пріѣздъ Маркони въ Римъ послѣ сопровождавшихся триумфами поѣздокъ по Европѣ былъ цѣлымъ событіемъ для обитателей «Вѣчнаго города». Импульсивные римляне устраивали своему любимцу «Кекко» бурныя оваціи при появленіи его на улицѣ, въ ресторанѣ, въ кафе.

Его святѣйшество папа Левъ XIII въ одинъ изъ пріѣздовъ Маркони пожелалъ видѣть знаменитаго тенора. Въ назначенный день Маркони явился въ Ватиканъ и былъ припять папою въ особой аудіенціи. При пріемѣ присутствовали близкіе къ папѣ кардиналы и представители т. н. «черной аристократіи». Пріемъ тенору былъ оказанъ крайне милостивый.

— До нашего слуха,—сказалъ папа,—дошелъ громкій голосъ молвы, восхваляющей васъ, какъ короля пѣвцовъ. Но вашего голоса мы не имѣли возможности еще услышать.

Это было явнымъ приглашеніемъ Маркони показать свое искусство.

— Я съ величайшимъ удовольствіемъ готовъ хоть сейчасъ спѣть что угодно вашему святѣйшеству,—поторопился заявить онъ.—Скажите только, что именно исполнить?

— Мы мало освѣдомлены въ вашемъ репертуарѣ —отвѣтилъ папа.—Спойте какую-нибудь вещь, исполненіемъ которой вы вызывали особое одобреніе публики.

— Развѣ спѣть вамъ, святой отецъ, эту знаменитую арію изъ «Риголетто»

Милыя женщины
Склонны къ измѣнѣ!

— Нѣтъ, нѣтъ!—испуганно замахалъ руками старичекъ папа.—Что-нибудь поскромнѣе. Въ нашемъ званіи сіе не подобаетъ.

— Тогда какой-нибудь романсъ, — предложилъ наивный Маркони. На примѣръ, вотъ этотъ:

Прильнувъ къ твоимъ устамъ
Мои жадными устами,...

— Нѣтъ, нѣтъ! — еще энергичнѣе замахалъ руками папа, еле удерживаясь отъ смѣха.

— И это не годится? — удивился Маркони. — Ну, такъ я вамъ спою, ваше святѣйшество, вотъ что:

Страстно жду я тайной встрѣчи.

— Нѣтъ, нѣтъ. Видно, не судьба мнѣ услышать ваше пѣніе, — заявилъ папа обезкураженному тепору. Аудіенція закончилась тѣмъ, что папа преподалъ особое благословеніе Маркони и напутствовалъ его пожеланіемъ дальнѣйшихъ успѣховъ. Послѣ аудіенціи Маркони говорилъ своимъ друзьямъ:

— Славный старичекъ этотъ папа. А лучшихъ вещей изъ моего репертуара почему-то убоился услышать.

С М Ъ С Ъ.

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ обществѣ Нестора-Лѣтописца. 30-го октября въ университетѣ Св. Владимира подъ предсѣдательствомъ профессора Ю. А. Кулаковскаго состоялось годовичное засѣданіе историческаго общества Нестора-Лѣтописца, первое по возвращеніи изъ Саратова. По открытіи засѣданія профессоръ Ю. А. Кулаковскій произнесъ краткую рѣчь, въ которой выразилъ радость по случаю возвращенія общества въ родной городъ, обрисовалъ дѣятельность общества въ Саратовѣ, гдѣ, благодаря сочувствію саратовскихъ ученыхъ учреждений, общество имѣло возможность продолжать свои занятія и, отмѣтивъ доблесть нашихъ войскъ, предложилъ почтить вставаніемъ память павшихъ героевъ. Затѣмъ секретарь общества С. И. Масловъ прочиталъ отчетъ о 44 годѣ дѣятельности общества (съ 27-го октября 1915 г. по 27-е октября 1916 г.). Изъ отчета видно, что общество лишилось въ истекшемъ году трехъ своихъ сочленовъ: митрополита Флавіана, профессора М. Ф. Владимирскаго-Буданова и А. В. Прахова. Къ концу года всѣхъ членовъ было 200 человекъ. Засѣданій въ отчетномъ году было 10 съ 18 докладами. Типографская дороговизна задержала выходъ очередныхъ книжекъ «Чтеній». Отчетный годъ общество провело въ Саратовѣ, гдѣ пользовалось сочувственнымъ отношеніемъ саратовцевъ, въ большомъ числѣ посѣщавшихъ засѣданія общества. Въ свою очередь, и общество проявило интересъ къ саратовской старинѣ. Далѣе членъ общества В. Е. Козловская прочитала докладъ о своихъ раскопкахъ лѣтомъ текущаго года, близъ села Сущковки, Уманскаго уѣзда Кіевской губерніи. Докладчица обнаружила тамъ нѣсколько такъ называемыхъ «площадокъ» съ множествомъ предметовъ трипольской культуры, а также домикенской эпохи. Часть найденныхъ предметовъ иллюстрировала докладъ. Особое вни-

маніе докладчица удѣлила найденной ею любопытной глиняной модели, по-видимому, дома. Докладъ вызвалъ пренія, въ которыхъ приняли участіе профессоръ Ю. А. Кулаковскій, профессоръ Г. Г. Павлуцкій, профессоръ В. Э. Завитневичъ, А. В. Стороженко, П. П. Смирновъ, А. Д. Эртель и другіе.

Открытие литературно-библиографическаго института. 21-го октября въ конференцъ-залѣ академіи наукъ состоялось учредительное собраніе общества «литературно-библиографическій институтъ». Предсѣдательствовалъ въ собраніи, привлекемъ многихъ академиковъ, историковъ литературы и писателей, профессоръ Н. И. Карѣевъ. Уставъ общества утвержденъ министромъ народнаго просвѣщенія, общавшимъ институту ежегодную субсидію. Такую же субсидію выдаетъ институту академія наукъ. Послѣ доклада состоялись выборы совѣта общества «литературно-библиографическаго института». Большинствомъ голосовъ избраны академики Котляревскій и Шахматовъ, профессора: Карѣевъ, Батюшковъ, Венгеровъ, Шляпкинъ, Пиксановъ, Лещенко, Сакулинъ и Фомины. Еще до возникновенія «института» поступили многочисленныя заявленія о готовности содѣйствовать его цѣлямъ и задачамъ. Присутствовавшій въ учредительномъ собраніи предсѣдатель общества любителей россійской словесности въ Москвѣ А. С. Грузиновъ заявилъ о передачѣ обществомъ собранныхъ имъ цѣнныхъ матеріаловъ, кромѣ ежегоднаго взноса; представители интеллигенціи и учащейся молодежи изъявили желаніе безвозмездно работать въ институтѣ. Фирма М. О. Вольфъ вноситъ ежегодно 300 руб., а И. Д. Сытинъ—200 руб. Ожидаются взносы отъ редакцій періодическихъ изданій и любителей родной литературы, для которыхъ всегда будутъ открыты двери института. Для молодыхъ ученыхъ открывается возможность безъ излишней затраты времени получать всѣ необходимыя указанія и свѣдѣнія по интересующимъ ихъ темамъ и вопросамъ. Профессоръ А. І. Маленинъ предложилъ разсылать библиографическія свѣдѣнія въ союзническія страны, интересующіяся теперь Россією, въ видахъ сближенія съ ними.

Въ литературномъ фондѣ. 30-го октября состоялось общее собраніе литературнаго фонда. При открытіи засѣданія было сказано нѣсколько прочувствованныхъ словъ по поводу скончавшихся членовъ фонда О. А. Шапиръ, В. И. Семеваго и И. Г. Симонова. Затѣмъ были прочитаны и утверждены отчеты по секретарской и казначейской частямъ за время съ мая по октябрь. Въ теченіе отчетнаго времени комитетъ фонда имѣлъ 14 засѣданій, на которыхъ было сдѣлано 396 постановленій, въ томъ числѣ были удовлетворены 153 просьбы о пособіяхъ. Денежныя пособія выданы 73 лицамъ на сумму 2.124 руб., на воспитаніе и обученіе 31 лицу—1.632 руб., безсрочныя ссуды—1.452 руб., ссуды подъ обезпеченіе—337 руб., на похороны—60 руб., всего выдано пособій 9.383 р., Фондомъ получены слѣдующія пожертвованія: отъ И. Г. Симонова 2.500 руб. по завѣщаніямъ: С. Г. Гулишамбарова 20.000 руб., Галкина-Враского 1.000 р., Череванскаго 3.240 руб., И. Г. Короленко 2.000 руб.; по завѣщанію И. О. Зибера право на изданіе сочиненій ея мужа. Денежныя средства фонда находятся въ слѣдующемъ состояніи: съ 1-го ноября 1915 г. по 30-е октября 1916 г. поступило по завѣщаніямъ 137.793 руб. процентными бумагами, другихъ поступленій 65.300 р. бумагами и 126.509 руб. наличными. Израсходовано 133.586 р.

Къ 30-му октября 1916 г. состоитъ 1.157.268 руб. бумагами и 148.210 р. наличными. Были произведены выборы ревизионной комиссиі, въ составъ которой вошли: Пѣшихоновъ, Леонтьевъ, Ватсонъ, Ватюшковъ, Ганфманъ, М. Горькій, Аркадакскій. Въ члены фонда избрапы: А. М. Пѣшковъ (Максимъ Горькій), Е. И. Кедринъ, В. Э. Кетриць и С. К. Маковскій.

Юбилей Л. Г. Лопатинскаго. 21-го октября исполнилось 50-лѣтіе служебной дѣятельности т. с. Льва Григорьевича Лопатинскаго, помощника попечителя кавказскаго учебнаго округа. Съ учебной службой онъ соединилъ широкую научно-литературную дѣятельность. Онъ состоитъ редакторомъ издаваемого учебнымъ округомъ «Сборника матеріаловъ по описанію мѣстностей и племень Кавказа», 44 томъ котораго вышелъ въ прошломъ году. Это изданіе принесло большую пользу для изученія нашей кавказской окраины, въ особенности со стороны языковѣдѣнія, этнографіи и фольклора. За свои труды по кабардинскому языку юбиляръ удостоенъ почетнаго званія доктора философіи заграничнаго университета. Л. Г. Лопатинскій редактируетъ также «Извѣстія кавказскаго отдѣленія Императорскаго московскаго археологическаго общества», IV томъ котораго вышелъ въ истекшемъ году. Изъ работъ его извѣстны: «Исслѣдованіе о вліяніи кавказскихъ языковъ на образование суффиксовъ русскаго языка», переводы изъ «Царя Эдипа» Софокла и одъ Горация въ стихотворной формѣ и много журнальныхъ и газетныхъ статей. Къ учебной дѣятельности относится его «Латинская грамматика» и «Латинская хрестоматія для чтенія», вышедшая 11 изданіемъ.

Юбилей А. И. Порошина-Бѣлозерскаго. 22-го октября исполнилось 25 лѣтъ литературной дѣятельности беллетриста, публициста и педагога А. И. Порошина. Какъ беллетристъ, онъ больше извѣстенъ подъ именемъ Бѣлозерскаго. Онъ написалъ больше ста большихъ и маленькихъ рассказовъ и повѣстей, не одинъ десятокъ журнальныхъ статей и нѣсколько тысячъ газетныхъ, т. е. не менѣе 20—25 книжекъ in 8°. Первый рассказъ «Послѣднія грезы» вышелъ въ журналъ «Русское Богатство» (Л. Е. Оболенскаго) въ 1891 году. Какъ публицистъ, А. И. стоялъ всегда за прогрессъ и свободу, но, какъ знатокъ Запада (онъ немало путешествовалъ и владѣетъ нѣсколькими языками), усвоилъ себѣ мировоззрѣніе западнаго и въ томъ числѣ славянскаго передового общества, у которыхъ идея разумной свободы и здраваго націонализма не противорѣчатъ другъ другу, а сливаются вмѣстѣ.

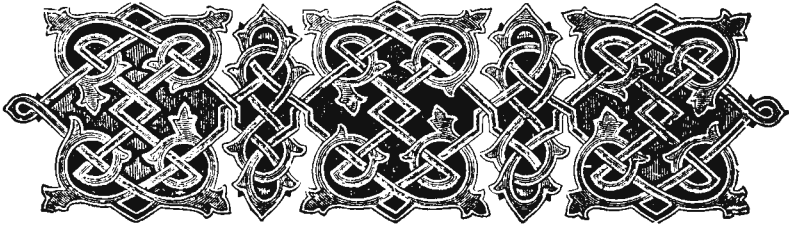
25-лѣтній юбилей профессора Н. Н. Глубоковскаго. 1-го октября сего года исполнилось 25 лѣтъ преподавательской, ученой и литературной дѣятельности извѣстнаго русскаго ученаго—ординарнаго профессора по кафедрѣ Св. Писанія Новаго Завѣта императорской петроградской духовной академіи, Николая Никаноровича Глубоковскаго, научныя работы котораго извѣстны не только въ Россіи, но и за границей. Н. Н. Глубоковскій родился въ 1863 году и высшее богословское образованіе получилъ въ императорской московской духовной академіи. Его диссертациі: магистерская—«Блаженный Феодоритъ, епископъ кипрскій» и докторская—«Благовѣстіе св. апостола Павла по его происхожденію и существу» заслужили самые лестные отзывы со стороны специалистовъ. Кромѣ диссертациій, Н. Н. написалъ рядъ цѣнныхъ сочиненій,

какъ, напримѣръ: «Обращеніе Савла и Евангеліе апостола Павла» (актовая рѣчь), «Разводъ по прелюбодѣянью и его послѣдствія по ученію Христа Спасителя», «Архіепископъ Смарагдъ Крыжановскій» и многія другія. Въ 1905 году профессоръ Глубоковскій принялъ на себя редактированіе «Православной Богословской Энциклопедіи», основанной Лопухинымъ, и продолжалъ этотъ нелегкій трудъ до 1911 года, когда изданіе «Богословской Энциклопедіи» по не зависящимъ отъ автора обстоятельствамъ прекратилось (въ настоящее время Св. Синодъ рѣшилъ продолжить это изданіе опять подъ редакціей почтеннаго юбиляра). Профессоръ Н. Н. Глубоковскій былъ также членомъ высочайше учрежденнаго предсоборнаго присутствія, причѣмъ принималъ дѣятельное участіе въ его работахъ и продолжаетъ участвовать въ трудахъ предсоборнаго совѣщанія, учрежденнаго при Св. Синодѣ; онъ участвовалъ также въ засѣданіяхъ комиссіи Государственной Думы по вопросу о реформѣ церковнаго прихода, въ качествѣ делегата отъ Св. Синода. Н. Н. Глубоковскій избранъ императорской академіей наукъ членомъ-корреспондентомъ.

Англо-русское педагогическое общество. 16-го октября состоялось первое годовое собраніе членовъ англо-русскаго педагогическаго общества. Общество это, основанное въ апрѣлѣ прошлаго года, по инициативѣ бібліотекаря Госуд. Думы А. М. Бѣлова и проф. А. П. Нечаева, имѣетъ своей задачей содѣйствовать взаимному сближенію Россіи и Великобританіи въ области народнаго просвѣщенія. Съ этою цѣлью общество имѣетъ право устраивать съѣзды, организовать литературные и музыкальные вечера, лекціи, собесѣдованія. Оно можетъ открывать свои школы, читальни, музеи, выставки, издавать свои печатные органы на русскомъ и англійскомъ языкахъ и устраивать русскія образовательныя экскурсіи по Англій и, имѣя право организовывать отдѣленія по всѣмъ городамъ имперіи, содѣйствовать таковымъ же англійскимъ экскурсіямъ въ Россіи. Какъ видно изъ прочитаннаго на собраніи отчета, общество состоитъ подъ предсѣдательствомъ директора педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній ген.-л. З. А. Макшеева. Товарищами предсѣдателя состоятъ проф. А. П. Нечаевъ и извѣстный педагогъ П. Г. Мижуревъ, секретаремъ А. М. Бѣловъ, товарищами его лекторъ англійскаго языка въ петроградскомъ университетѣ В. Р. Вильсонъ и преподаватель высшихъ курсовъ П. П. Лебедевъ, казначеемъ преподаватель М. И. Коноровъ. Число членовъ общества за первый годъ его существованія было около 100, изъ которыхъ 11 англичанъ. За означенное время общество имѣло 5 общихъ собраній, на которыхъ были прочитаны доклады: П. Г. Мижуревымъ на тему «Школа и общество въ Англій», А. П. Нечаевымъ: «Англійская школа и культура въ Австраліи» и Л. Г. Оршанскимъ—«Иллюстрація дѣтскихъ книгъ въ Англій». Остальные два вечера были посвящены параллельному чтенію русскихъ и англійскихъ писателей и ознакомленію съ англійской народной музыкой. Изъ мѣропріятій практическаго характера, общество по обстоятельствамъ военнаго времени могло пока организовать общедоступные вечерніе курсы англійскаго языка для взрослыхъ. Курсы эти, устроенные въ помѣщеніи педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній (Фонтанка, 10) для двухъ группъ по 25 человекъ въ каждой, оказались настолько переполнены, что въ настоящемъ академическомъ

году пришлось устроить 3 группы по 20 человекъ и, кромѣ того, открыть параллельные курсы въ помѣщеніи Владимирскаго начальнаго училища. Общество имѣетъ въ виду постепенно увеличивать число такихъ отдѣленій, разбрасывая ихъ по возможности по всему городу. Разрабатывавшаяся въ совѣтѣ общества мысль объ устройствѣ экскурсій въ Англію пока не можетъ, конечно, получить осуществленіе въ виду войны, но нѣкоторые предварительные шаги обществомъ уже сдѣланы: такъ оно вошло въ сношеніе съ русско-англійской торговой палатой, имѣющей въ Англіи нѣсколькихъ своихъ представителей, и съ англійскимъ обществомъ Russia Society, состоящимъ подъ предсѣдательствомъ спикера палаты общинъ и преслѣдующимъ цѣли, однородныя съ нашимъ обществомъ.

НЕКРОЛОГИ.

ИРКАЧЕВЪ, И. П. Въ ночь на 26-е октября въ Москвѣ, въ «Учительскомъ домѣ» на 83-мъ году своей жизни умеръ Илья Петровичъ Деркачевъ. Въ послѣднія десятилѣтія мало кто помнил покойнаго, но въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія имя его было хорошо извѣстно въ широкихъ кругахъ дѣятелей въ области народнаго образованія и воспитанія подрастающаго поколѣнія. Лучшіе годы его жизни и дѣятельности протекли въ эпоху наибольшаго оживленія общественныхъ силъ. Онъ былъ современникомъ и сотрудникомъ на полѣ народнаго образованія К. Д. Ушинскаго, барона Н. А. Корфа и графа Л. Н. Толстого. Ему принадлежитъ болѣе 50 книгъ по вопросамъ дѣтскаго воспитанія и народнаго образованія и цѣлый рядъ статей въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» ред. Корша, въ «Рѣчи» изд. Павлова, въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ», «Учитель», въ «Педагогическомъ Сборникѣ», въ «Народной Школѣ», «Сельскомъ Хозяинѣ», «Новостяхъ» и въ другихъ изданіяхъ. Начало общественно-педагогической дѣятельности покойнаго относится еще къ его студенческимъ годамъ, когда онъ составилъ «Книжку для школъ», которая была издана на средства бѣдняковъ-студентовъ, обучавшихъ, какъ и покойный И. П., бесплатно въ московскихъ воскресныхъ школахъ, а малороссійскій кружокъ студентовъ издалъ его же «Украинску Грамотку». Оставивъ университетъ послѣ извѣстной варнековской исторіи, онъ занялся частной педагогической практикой, ѣздилъ съ семьей графа А. П. Бобринскаго за границу, сначала въ Германію, гдѣ слушалъ лекціи въ гейдельбергскомъ университетѣ, а затѣмъ во Францію и Англію. Вернувшись въ Россію, онъ учительствовалъ въ среднихъ школахъ на югѣ и завѣдывалъ нѣсколько лѣтъ дѣломъ народнаго обра-

зованія сначала въ Одесскомъ, а позже въ Московскомъ уѣздахъ. Вмѣстѣ съ практическою дѣятельностью онъ отдался теоретической разработкѣ начавшагося у насъ тогда дѣла народнаго образованія, и его книги: «Какъ школу построить», «Школьное дѣло», «Наглядное обученіе» и другія служили долгое время настольнымъ пособіемъ для дѣятелей въ области просвѣщенія. Затѣмъ онъ составилъ и издалъ, какъ уже упоминали, болѣе 50 различныхъ книгъ по школьному и начальному обученію, каковы, напримѣръ, «Школьныя ступени», выдержавшія много изданій и разошедшіяся по народнымъ школамъ наравнѣ съ «Дѣтскимъ Міромъ» Ушинскаго. Послѣднія два десятилѣтія И. П. уже не могъ работать и существовать на средства изъ литературнаго фонда и постоянной литературной комиссіи при академіи наукъ. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1916, № 208).

† **Кайгородовъ, Н. Н.** 25-го октября скончался генералъ-лейтенантъ Несторъ Никифоровичъ Кайгородовъ, одинъ изъ выдающихся знатоковъ пороходѣлія. Въ области порохового дѣла покойный много содѣйствовалъ его развитію въ Россіи. Въ теченіе почти 19-лѣтней службы въ Охтенскомъ пороховомъ заводѣ онъ завѣдывалъ выдѣлкой обыкновеннаго и призматическаго пороха, потомъ былъ помощникомъ начальника завода. Въ 70-хъ годахъ въ теченіе 2½ лѣтъ онъ изучалъ за границей пороходѣліе и фабрикацію взрывчатыхъ веществъ, затѣмъ по его проектамъ и подъ его непосредственнымъ руководствомъ были перестроены какъ Охтенскій, такъ и другіе наши пороховые заводы для фабрикаціи новаго ружейнаго пороха съ бурымъ углемъ и пороха крупнозернистаго. Съ 1870 г. по 1876 г. Н. Н. состоялъ преподавателемъ пороходѣлія въ пиротехнической артиллерійской школѣ и въ чинѣ капитана былъ назначенъ совѣщательнымъ членомъ артиллерійскаго комитета. Въ 1883 г. онъ былъ прикомандированъ къ кронштадтской крѣпостной артиллеріи и назначенъ командиромъ морской № 4 батареи, потомъ командиромъ наибольшаго изъ кронштадтскихъ фортовъ—батарей «Константинъ». Съ 1886 г. Н. Н. былъ первымъ командиромъ вновь возрождавшейся тогда севастопольской крѣпостной артиллеріи, съ 1891 г. былъ командиромъ свеаборгской крѣпостной артиллеріи, съ 1900 г. комендантомъ Выборгской крѣпости и съ 1903 г. до отставки—комендантомъ Свеаборгской крѣпости. Покойный принималъ дѣятельное участіе въ «Артиллерійскомъ Журналѣ». Многія изъ его статей по пороходѣлію переведены на иностранныя языки. Болѣе 25 лѣтъ онъ былъ дѣятельнымъ членомъ русскаго технического общества, гдѣ сдѣлалъ нѣсколько обширныхъ сообщеній по своей специальности. Покойный—питомица Константиновскаго и Михайловскаго военныхъ училищъ, затѣмъ онъ окончилъ курсъ Михайловской артиллерійской академіи по первому разряду. Скончался онъ 76 лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1916, № 14600).

† **Левашевъ, В. А.**, профессоръ. Въ Гельсингфорсѣ 30-го октября скончался извѣстный гигиенистъ, профессоръ военно-медицинской академіи Викторъ Александровичъ Левашевъ. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ онъ завѣдывалъ городской дезинфекціонной камерой при барачной больницѣ въ память С. П. Боткина и принималъ живѣйшее участіе въ разрѣшеніи городскихъ санитарныхъ вопросовъ. Сынъ протоіерея, онъ родился въ Крестцахъ Новгородской гу-

бернии. По окончаніи курса петроградскаго университета кандидатомъ физико-математическихъ наукъ онъ перешель въ военно-медицинскую академію. Вышелъ изъ нея лекаремъ и былъ оставленъ по конкурсу при академіи для подготовки къ профессурѣ. Работалъ подъ руководствомъ профессора Шидловскаго и въ 1895 г. защитилъ диссертацию на степень доктора медицины. Затѣмъ покойный отправился за границу и работалъ въ нѣсколькихъ извѣстныхъ гигиеническихъ институтахъ. Съ 1898 г. его дѣятельность была тѣсно связана съ жизнью военно-медицинской академіи. Сперва онъ былъ приватъ-доцентомъ по кафедрѣ гигиены, потомъ ассистентомъ и профессоромъ по той же кафедрѣ. Въ послѣдніе годы состоялъ членомъ медицинскаго совѣта и принималъ участие въ петроградскомъ комитетѣ всероссійскаго союза городовъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1916, № 14606).

† **Покровскій, П. А.** 19-го октября ночью, вернувшись изъ театра, совершенно неожиданно скончался отъ разрыва сердца молодой ученый Петръ Алексѣевичъ Покровскій, приватъ-доцентъ петроградскаго университета по кафедрѣ государственнаго права. П. А. скончался совсѣмъ молодымъ, на 31—32 году, не успѣвъ развернуть своихъ дарованій. Онъ кончилъ курсъ въ харьковскомъ университетѣ и былъ оставленъ при университетѣ. Въ Харьковѣ онъ держалъ магистерскій экзаменъ и былъ утвержденъ въ званіи приватъ-доцента, но въ силу какихъ-то неурядицъ П. А. не могъ прочно осѣсть въ Харьковѣ. П. А. оставилъ по себѣ память въ харьковской прессѣ: въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ былъ дѣятельнѣйшимъ сотрудникомъ «Южнаго Края». Изъ Харькова П. А. переѣхалъ въ Петроградъ. Онъ читалъ лекціи въ здѣшнемъ университетѣ и психо-неврологическомъ институтѣ. Работая надъ диссертацией, П. А. отошелъ отъ журналистики и изрѣдка выступалъ съ небольшими статьями и рецензіями на столбцахъ «Дня». Въ послѣдніе годы П. А. служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, гдѣ былъ одно время секретаремъ «Извѣстій Министерства» и затѣмъ завѣдующимъ библіотекой. Изъ ученыхъ трудовъ покойнаго надо отмѣтить его этюдъ «О государственной власти», обратившій вниманіе нашихъ государствовѣдцовъ, работу о Ж.-Ж. Руссо. Весной вышла въ свѣтъ его объемистая диссертация: «Іеремія Бентамъ и его время». (Некрологъ его: «День», 1916, № 289).

† **Шебалина, Е. А.** 25-го октября на 61 году жизни скончалась въ Харьковѣ послѣ непродолжительной тяжелой болѣзни Екатерина Александровна Шебалина, дочь харьковскаго городского головы А. Е. Ковалева. Покойная принимала дѣятельное участіе въ газетѣ «Южный Край», гдѣ она работала въ теченіе послѣднихъ 11 лѣтъ подъ псевдонимомъ «Гай-Сагайдачная». Въ 1909 г. она составила либретто къ оперѣ-сказкѣ «Рѣпка»,—музыка В. И. Сокальскаго. Опера издана была харьковскимъ музыкальнымъ кружкомъ и шла съ успѣхомъ въ Харьковѣ и Тифлисѣ. Е. А. принадлежитъ водевилъ «На чужой квартирѣ», рассказъ «За что?», украинскій водевилъ «Живой мрецъ», пьеса «Хлоръ царевичъ», драма «Поцѣлуй Хамелеона», дѣтская пьеса «Небылицы», сценка «Женить» (1915 г.), небольшія статьи въ «Театрѣ и Искусствѣ», «Вѣстникѣ теософіи», «Красномъ Солнышкѣ», «Южномъ Краѣ». Въ литературномъ отношеніи выдается попытка Е. А. возродить на сценѣ мистерію. Она построила планъ на-

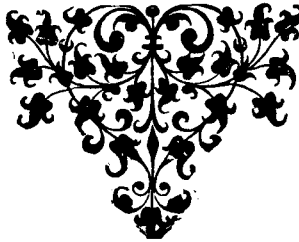
писать 3 мистеріи—«Иродъ», «Волхвы» и «Царь Артабанъ». Первые двѣ на библейскія темы, а третья вымыселъ автора, какъ царь Артабанъ искалъ Христа 33 года, переходя изъ страны въ страну. Напечатана и шла въ Петроградѣ только первая мистерія «Иродъ», со стихами великаго князя Константина Константиновича изъ его печатныхъ сборниковъ, съ разрѣшенія автора. Мистерія «Царь Артабанъ» сохранилась въ корректурѣ; по какимъ-то причинамъ, вѣроятно, духовно-цензурнымъ, она не вышла въ свѣтъ. Е. А. охотно отдавала свой трудъ мѣстнымъ просвѣтительнымъ и благотворительнымъ обществамъ, помогала при устройствѣ этнографической выставки 1902 г., музыкальному кружку, обществу грамотности при устройствѣ колоніи и спектаклей. (Некрологъ ея: «Южный Край», 1916, № 13669).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Въ кн. 11 «Историческаго Вѣстника» (стр. 515) фамилія автора книги «Сербская Голгова» набрана ошибочно: вм. Семизъ надо читать Семичъ.

Я приблизился къ ней, и тотъ же самый страхъ, который сначала парализовалъ ея движенія, теперь вернулъ ей сознаніе. Она открыла за собой дверь и показала на открывшійся за нею коридоръ. Радуюсь своему успѣху, я ринулся по коридору, но прежде, чѣмъ я отперъ входную дверь, изъ боковой комнаты показалась другая женщина.

Увидѣвъ меня, она съ крикомъ подняла руки.

— Гдѣ тутъ дорога къ церкви калуциновъ?—спросилъ я ее.

— Налѣво!—крикнула она, ударяя себя рукой.—Потомъ направо. Неужели они явятся сюда?

Мнѣ некогда было разспрашивать ее о томъ, кого она имѣетъ въ виду. Отворивъ наконецъ дверь, я однимъ прыжкомъ выскочилъ на улицу. Но едва бросивъ взглядъ вдоль улицы, я ринулся опять назадъ, а женщина, встрѣтивъ мой взглядъ, не говоря ни слова, схватила запоръ и заложила имъ дверь. Потомъ она бросилась вверхъ по лѣстницѣ, я послѣдовалъ за нею. Дѣвушка, которую я такъ напугалъ своимъ прыжкомъ, появилась было съ испуганнымъ лицомъ въ коридорѣ, но, увидѣвъ насъ, быстро куда-то скрылась.

Мы подбѣжали къ окну верхняго этажа и выглянули въ него, стараясь не высовываться наружу.

Теперь было понятно, почему я долженъ былъ вернуться назадъ такъ быстро. Шумъ голосовъ, казалось, сразу наполнилъ всю улицу, а нижній этажъ дома загудѣлъ отъ тысячи приближавшихся ногъ. Правильными сплошными рядами отъ одного края улицы до другого шель отрядъ, вооруженный мушкетами, въ какихъ-то особенныхъ, мундирахъ, а сзади валила дикая толпа, съ голыми руками, потрясая пиками и топорами. Они смотрѣли на окна, потрясали кулаками, и, подпрыгивая на ходу, кричали: «Въ Арень! въ Арень!»

Въ нихъ самихъ было что-то такое, отъ чего стыла кровь въ человѣкѣ не робкаго десятка. Но самое ужасное, отчего стоявшая около меня женщина съ крикомъ схватила меня за руку, было въ серединѣ этой процессіи. На шести длинныхъ пикахъ, возвышавшихся надъ толпой, виднѣлось шесть отрубленныхъ головъ; ближайшей къ намъ была огромная, съ тяжелыми чертами лица и оскаленными зубами. Эти головы они поднимали къ самымъ окнамъ, заставляя въ шутку встряхивать окровавленными волосами. Черезъ нѣсколько секундъ они дошли до конца улицы, и на ней опять все стало тихо и спокойно.

Женщина, дрожавшая въ креслѣ, увѣряла, что они разграбили кабачекъ красныхъ, называвшійся «Таверной св. Дѣвы», и что ужасная голова принадлежала одному изъ членовъ муниципальнаго совѣта, жившему съ нею по сосѣдству. Но мнѣ некогда было слушать ее. Я оставилъ ее сидѣть на креслѣ, а самъ поспѣшилъ внизъ, отперъ дверь и тронулся по улицѣ.

Вездѣ было какое-то странное затишье. Утреннее солнце сіяло ярко и лило теплоту на обезлюдѣвшую улицу. Нигдѣ не было видно ни одного живого существа. Не зная, что дѣлать, я сначала остановился въ нерѣшимости, пораженный этой тишиной. Потомъ я вспомнилъ, что говорила мнѣ эта женщина, и отправился слѣдомъ за толпой, пока не дошелъ до перваго поворота направо. Пройдя шаговъ сто, я увидѣлъ какъ разъ впереди себя домъ мадамъ Катиню.

Солнце обливало горячими лучами его высокія бѣлыя стѣны и длинный рядъ оконъ со спущенными шторами. Нигдѣ не было видно ни признака жизни. Тѣмъ не менѣе, этотъ домъ былъ для меня чѣмъ-то знакомымъ, и я посмотрѣлъ на него съ удовольствіемъ и надеждой!

Вотъ почему я быстро направился къ его двери и сталъ сильно стучать въ нее. Мой стукъ, казалось, могъ разбудить мертваго: онъ отдавался у каждаго подъѣзда по всей безлюдной улицѣ, которая въ день моего прибытія въ Нимъ отличалась такимъ оживленіемъ. Стоя на ступеняхъ лѣстницы, ведущей къ двери, я ожидалъ, что вотъ-вотъ раскроется, по крайней мѣрѣ, двадцать оконъ и изъ нихъ высунется множество головъ.

Я еще не зналъ, какую глухоту причиняетъ паника, или, лучше сказать, какъ инстинктъ трусости заставляетъ человѣка цѣпляться за свой очагъ, когда наружи льется кровь. Ни одно окно не отворилось, ни одного лица не выглянуло въ нижнемъ этажѣ. И, несмотря на то, что я принимался стучать нѣсколько разъ, весь домъ словно вымеръ.

Единственнымъ результатомъ моихъ усилій было то, что въ самомъ концѣ улицы, гдѣ мой стукъ какъ бы стучался, вдругъ послышался звукъ, который я уже хорошо зналъ: толпа возвращалась обратно.

Я выбранилъ себя за безразсудное промедленіе, но тутъ же вспомнилъ о проходѣ въ домѣ, который велъ къ церкви, нашель входъ въ него и бросился впередъ. Отдаленный ревъ становился ближе, но я уже видѣлъ низкую крышу церкви и немного замедлилъ свои шаги. Передо мной вдругъ открылась какая-то дверь, и изъ нея выглянулъ мужчина. На его тонкихъ чертахъ я прочелъ страхъ, стыдъ, ярость. И по какому-то странному чутью я зналъ, что онъ намѣренъ былъ дѣлать.

Прикрывъ рукой глаза отъ солнца, онъ съ минуту посмотрѣлъ на улицу, потомъ, замѣтивъ меня, выскользнулъ изъ двери и, бросивъ на меня лукавый, предательскій взглядъ, бросился бѣжать.

Дверь осталась полуоткрытой. Я думалъ, что это какой-нибудь швейцарь, убѣжавшій со своего мѣста, и, войдя въ церковь, очутился лицомъ къ лицу со зрѣлищемъ, котораго я никогда не забуду.

Солнце уже заходило. Нѣсколько красныхъ лампадъ у алтаря разливали темный цвѣтъ на колонны и пожелтѣвшія изображенія святыхъ и на огромную толпу колѣнопреклоненныхъ женщинъ, пѣвшихъ славословіе Св. Дѣвъ и наполнявшихъ своими голосами всю внутренность храма.

Нѣсколько женщинъ, изъ тѣхъ, которыя стояли сзади, молча въ слезахъ переходили съ мѣста на мѣсто, или лежали на полу, плотно прижавшись головой къ каменнымъ плитамъ; третьи, безпрестанно озираясь испуганными глазами, поблѣвшими губами бормотали молитвы.

«Ora pro nobis! Ora pro nobis!»—все громче и громче раздавалось въ толпѣ. Возгласъ, казалось, поднимался къ самому потолку и оттуда расходился по всей церкви.

Я чувствовалъ, что слезы подступаютъ у меня къ горлу и что грудь у меня сжимается чувствомъ сожалѣнія.

Въ этотъ моментъ я увидѣлъ Денизу.

Она стояла на колѣняхъ между своей матерью и мадамъ Катино, въ первомъ ряду богомольцевъ, прямо передъ алтаремъ. Съ мѣста, на которомъ я стоялъ, мнѣ было видно ея лицо, когда она въ молитвенномъ одушевленіи поднимала глаза кверху.

Вдругъ въ дверь въ противоположной отъ меня сторонѣ раздался сильный ударъ, за нимъ послышался другой, третій. Послышался цѣлый дождь ударовъ, и кто-то громко требовалъ, чтобы дверь была немедленно открыта.

Вся колѣнопреклоненная масса женщинъ въ страхѣ заволновалась. Тамъ и сямъ соскочили съ своихъ мѣстъ и плача, пугливо озирались кругомъ. Тѣмъ не менѣе пѣніе все еще продолжалось, попрежнему наполняя собою церковь.

Отъ сильнаго удара вдругъ вылетѣлъ кусокъ двери: три четверти присутствовавшихъ съ крикомъ упали на колѣни. Въ это время я былъ на полдорогѣ, пробираясь черезъ толпу къ Денизѣ; но прежде, чѣмъ я достигъ своей цѣли, вылетѣла другая дверь, и человекъ двѣнадцать съ шумомъ ворвались въ церковь. Передо мной мелькнула фигура священника—послѣ я узналъ, что это былъ отецъ Бенедиктъ,—который стоялъ какъ разъ противъ нихъ, высоко поднимая крестъ. Въ слѣдующую минуту, къ невыразимой радости, я увидѣлъ, что вломившіеся были не предводители уличной толпы, а кучка людей, во главѣ съ обоими Сентъ-Алэ. Оба были покрыты кровью и закопчены порохомъ. Одежда ихъ была разорвана. За ними виднѣлись лица ихъ приверженцевъ.

Отъ неожиданной радости женщины бросились на шею мужчинамъ, а тѣ, которыя стояли подале, разразились громкими рыданіями. Мужчины, тщательно забаррикадировавъ за собой двери, медленно тронулись черезъ всю церковь къ маленькому выходу въ переулокъ. Одни кричали, что все погибло, другіе—что западныя

ворота еще не закрыты, третьи умоляли женщинъ уйти отсюда, увѣряя, что въ сосѣднихъ домахъ имъ будетъ гораздо безопаснѣе и что церковь подвергнется нападенію. Стало извѣстно, что красныя кокарды были отгнаны и теперь спасаются въ монастырскія ворота, въ которыя, слѣдомъ за ними, ломаются уже кальвинисты.

Всѣхъ охватила паника и смущеніе. Кричали, что напрасно мужчины явились сюда, что, если бы они оставили церковь въ покоѣ, женщины были бы въ полной безопасности. Но въ такомъ аду, какой разыгрался сегодня въ Нимѣ, гдѣ всѣ канавы текли кровью, а красные были поражены своей неудачей, трудно было рѣшать, какъ лучше поступить.

Послѣ того, какъ выяснилась опасность дальнѣйшаго пребыванія въ церкви, всѣ бросились къ выходамъ. Это дало мнѣ возможность немного продвинуться къ Денизѣ. Она крѣпко закутала себѣ лицо капюшономъ и не видала меня, пока я не дотронулся до ея руки. Не говоря ни слова, она крѣпко схватила меня за руку.

Маркиза, отвѣтившая на мой поклонъ довольно кисло, не имѣла силъ удалить меня и ограничилась тѣмъ, что насмѣшливо замѣтила:

— Вы умѣете быстро пользоваться вашей побѣдой.

Я ничего не отвѣтилъ и съ Денизой и мадамъ Катино направился прямо къ Луи.

Увидѣвъ меня, маркизъ де-Сентъ-Алэ только улыбнулся и, подойдя къ матери, что-то сказалъ ей. Та, видимо, возражала.

— Не все ли теперь равно, — громко произнесъ Сентъ-Алэ. — Вѣдь мы проиграли послѣднюю ставку, и надо очистить столъ для другихъ.

Маркиза молча опустила капюшонъ на лицо. Было что-то трагическое въ этомъ жестѣ, и мнѣ стало жаль ея. Но теперь не время было предаваться чувствамъ: преслѣдователи были уже недалеко.

Мы не успѣли еще выйти изъ церкви, какъ за стѣнами послышался топотъ множества людей, и двери затрещали отъ сыпавшихся на нихъ ударовъ. Весь вопросъ былъ въ томъ, выдержать ли двери до того момента, какъ мы успѣемъ удалиться изъ церкви. Двери держались довольно долго, и передъ нами образовался свободный проходъ. Черезъ минуту мы были уже на дневномъ свѣтѣ и быстрымъ шагомъ направились къ дому мадамъ Катино.

Мнѣ казалось, что мы уже въ полной безопасности, — такъ я былъ радъ, что мы выбрались на свѣтъ и свѣжій воздухъ. Улица шла немного внизъ, и я видѣлъ впереди себя цѣлое море слѣпавшихъ головъ. Тамъ и сямъ оглядывались въ нашу сторону испуганныя блѣдныя лица. Высокіе дома по обѣимъ сторонамъ переулка смятчали шумъ и гулъ толпы. Сзади меня шли маркиза со старшимъ сыномъ. Шествіе замыкали три или четыре красныя кокарды.

Я оглянулся назадъ и увидѣлъ, что въ концѣ переулка еще никого не было. Очевидно, преслѣдователи не успѣли еще вло-

миться въ церковь, и я остановился, чтобы сказать Денизѣ нѣсколь-ко успокоительныхъ словъ.

Я, должно быть, простоялъ больше, чѣмъ было можно. Опомнившись, я замѣтилъ, что я очутился около Луи: въ переулочкѣ вкатилась обратная волна, которая отнесла его ко мнѣ. Съ крикомъ, стономъ и проклятіями толпа запрудила весь переулочкѣ между высокими домами. Нѣкоторые дѣлали отчаянныя усилія, чтобы пробиться назадъ къ церкви, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что произошло. Другіе продолжали идти впередъ, падали и были растаптываемы встрѣчной толпой. Словомъ, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ въ узкомъ переулкѣ все перемѣшалось въ паническомъ страхѣ.

Стараясь спасти Денизу отъ давки и не дать ей упасть, я сначала не зналъ, въ чемъ дѣло. Мнѣ показалось, что женщины, составлявшія три четверти всей массы, сошли съ ума или поддались необузданному страху.

Потомъ, когда наше шествіе отхлынуло назадъ, до половины переулка, я услышалъ впереди себя среди гула толпы взрывы смѣха и черезъ головы увидѣлъ цѣлый рядъ пикъ, выстроившихся какъ разъ противъ дома г-жи Катино.

Тутъ я понялъ создавшееся положеніе. Кальвинисты, очевидно, отрѣзали насъ отъ выхода изъ переулка. Я чувствовалъ, какъ сердце у меня перестало биться.

Отступать было некуда. Я оглянулся назадъ и увидѣлъ, что и сзади переулочкѣ былъ полонъ людей, прорвавшихся наконецъ черезъ церковь. Мы были зажаты въ тиски: по сторонамъ высокія стѣны домовъ, перелѣзть которыя было невозможно, впереди и сзади—люди, съ нахмуренными лицами, вооруженные пиками. Единственные ворота, ворота дома г-жи Катино, охранялись кальвинистами.

Мнѣ до сихъ поръ мерещится эта сцена: яркое горячее солнце, озарявшее блѣдныя, искаженные отъ страха лица, женщины, стоящія на колѣняхъ съ высоко поднятыми къверху руками или съ плачемъ молившіяся, длинный изломанный рядъ человѣческихъ существъ, въ каждой чертѣ которыхъ сказывался панической животный страхъ. А надъ всѣмъ этимъ насмѣшливый хохотъ побѣдителей, приказывавшихъ мужчинамъ остановиться и покрикивавшихъ на женщинъ.

Даже Нимъ, это гнѣздо всякихъ партій и всякихъ жестокихъ раздоровъ, даже Нимъ не видалъ никогда столь ужаснаго зрѣлища. Ошеломленный неожиданной ловушкой въ то самое время, когда все, казалось, шло благополучно, я только крѣпче прижмалъ къ себѣ Денизу и, прислонившись къ стѣнѣ, старался найти для нея слова утѣшенія и ободренія передъ лицомъ неминуемой смерти.

Первымъ пришелъ въ себя маркизъ де-Сентъ-Алѣ. Враги были

въ подавляющемъ большинствѣ, и едва ли что можно было предпринять противъ нихъ. Тѣмъ не менѣе, маркизь, поставивъ мать сзади себя, махнулъ бѣлымъ платкомъ людямъ, которые стояли у церковныхъ дверей, и потребовалъ, чтобы они пропустили женщину. Получивъ отказъ, онъ громко обозвалъ ихъ трусами, которые не смѣютъ развязать врагамъ руки, чтобы встрѣтиться съ ними лицомъ къ лицу.

Но кальвинисты въ отвѣтъ только смѣялись и грозили.

— Не пустимъ, нѣтъ,—кричали они:—выходите и отвѣдайте нашихъ пикъ. Тогда, можетъ быть, мы и пропустимъ женщину.

— Трусы!—закричалъ опять маркизь.

Но они только махали оружіемъ и со смѣхомъ кричали:

— Долой измѣнниковъ! Долой поповъ! Выходите! Держись теперь! А то мы придемъ и сами оторвемъ васъ отъ бабьихъ юбокъ.

Потомъ съ ихъ стороны выступилъ какой-то человѣкъ, который движеніемъ руки водворилъ тишину.

— Слушайте,—началъ другой, стоявшій рядомъ съ нимъ гигантъ съ черными волосами, падавшими ему на узкое лицо.—Даемъ вамъ три минуты, по истеченіи которыхъ вы должны выйти изъ переулка. Въ такомъ случаѣ женщины будутъ пропущены. Если же вы будете прятаться за ними, то мы будемъ стрѣлять по всѣмъ, и смерть женщинъ будетъ на вашей совѣсти.

Сентъ-Алэ до сихъ поръ стоялъ молча.

— Негодяи!—загремѣлъ онъ при этихъ словахъ страшнымъ голосомъ.—Неужели вы будете убивать насъ на ихъ глазахъ?

— Рѣшайтесь, рѣшайтесь!—продолжалъ гигантъ, потрясая пикой. Три минуты—по здѣшнимъ часамъ. Выходите, или мы будемъ стрѣлять. Выйдетъ изъ васъ славная окрошка!

Сентъ-Алэ повернулся ко мнѣ. Его лицо было блѣдно, глаза блуждали. Онъ хотѣлъ говорить, но голосъ измѣнилъ ему.

Не могу въ точности сказать, что произошло потомъ: въ одну секунду все смѣшалось. Помню только, что солнце горячо освѣщало стѣну за его головой. Насъ было всего двадцать человѣкъ и около пятидесяти женщинъ, сбившихся вмѣстѣ на пространствѣ нѣсколькихъ сажень. Женщины кричали, мужчины, прислонившись къ стѣнѣ, старались успокоить ихъ и какъ-нибудь оторвать ихъ отъ себя. Одни бранили негодяевъ, которые собирались убивать насъ, и грозили имъ кулаками, другіе покрывали поцѣлуями дорогія для нихъ блѣдныя лица. Много женщинъ, къ ихъ счастью, впали въ обморочное состояніе. Другія, въ родѣ маркизы де-Сентъ-Алэ, стиснувъ руки, съ благоговѣніемъ поднимали глаза къ голубому безоблачному небу.

Помню, какъ солнце ярко освѣщало всю эту картину, какъ въ садахъ за стѣною громко чиркали птицы. Все это происходило

часа за два до полудня, горячаго южнаго полудня. Помню, какъ въ долину блистала Рона между берегами, помню, какъ ликовала вся природа, и только мы одни, загнанные между этими двумя стѣнами, ожидали неминуемой смерти, которая скроетъ все это отъ нашихъ взоровъ.

Чья-то рука дотронулась до меня. То былъ Сентъ-Алэ. По его лицу я понялъ, что онъ хочетъ примириться со мной. Но когда я повернулся къ нему, его лицо носило другое выраженіе, — быть можетъ, на него подѣйствовала безмолвная мольба его сестры.

— Минута прошла! — закричалъ черноволосый гигантъ.

Сентъ-Алэ отдернулъ отъ меня свою руку.

— Стойте! — закричалъ онъ прежнимъ повелительнымъ тономъ. — Среди насъ есть человекъ, не принадлежащій къ нашей партіи. Пропустите его!

И онъ указалъ на меня.

— Клянусь вамъ, что онъ не принадлежитъ къ нашей партіи. Отвѣтомъ былъ взрывъ смѣха.

— Кто не за насъ, тотъ противъ насъ! — безжалостно отвѣчалъ гигантъ.

Съ этого момента я бы не принялъ на себя отвѣтственности за все то, что я дѣлалъ. Въ подобныя минуты люди не отвѣчаютъ за себя. Я зналъ, что все равно они будутъ безпощадны и что я не навлекаю на себя непужной опасности. Поэтому я съ яростью бросилъ имъ обратно ихъ же слова.

— Да, я противъ васъ, — закричалъ я. — Я предпочитаю умереть здѣсь, среди окружающихъ, чѣмъ жить съ вами! Вы оскверняете и землю, и воздухъ! Негодяи!

Едва я успѣлъ сказать это, какъ стоявшій возлѣ меня молодой малый, недавно ругавшій нашихъ враговъ, ринулся съ безумнымъ смѣхомъ прямо на лѣсъ вражескихъ копій. Съ полдюжины ихъ вонзилось въ него на нашихъ глазахъ. Онъ съ крикомъ выпустилъ свое оружіе залитый кровью изъ зіяющихъ ранъ, упалъ мертвый около стѣны.

Я инстинктивно закрылъ лицо Денизы, чтобы она не могла видѣть этого ужаснаго зрѣлища. И хорошо сдѣлалъ: опьяненные запахомъ крови, эти звѣри бросились на насъ. Я видѣлъ, какъ Сентъ-Алэ старался прикрыть собой свою мать и почти также бросился на копья. Оттолкнувъ Денизу за выступъ стѣны я застрѣлил изъ Фроманова пистолета перваго нападавшаго и свалилъ въ упоръ изъ втораго ствола другаго. Я не чувствовалъ въ этой свалкѣ никакого страха, а только одну ярость. Третій ударилъ меня пикой въ плечо. Я упалъ. Передо мной мелькнуло небо и черномазое искаженное злобой лицо. Я закрылъ глаза въ ожиданіи втораго удара.

Но удара не послѣдовало. Несмотря на какую-то навалившуюся на меня тяжесть, я продолжалъ бороться, и вся битва прошла какъ бы надо мной въ этомъ переулкѣ ужасовъ, гдѣ мужчинъ вырывали изъ объятій женщинъ и убивали тутъ же на ихъ глазахъ!

XIII.

Тѣнь и свѣтъ.

Благодарю Бога за то, что мнѣ пришлось видѣть такъ мало. Я чувствовалъ, какъ въ общей свалкѣ на меня не разъ наступали чьи-то ноги, покрывая меня чей-то чужой кровью. Я слышалъ хрипъ враговъ, схватившихся въ мертвой схваткѣ, пронзительные крики женщинъ, отъ которыхъ кровь стыла въ жилахъ, безумный смѣхъ, умоляющія стenanія. Подняться съ земли значило итти на вѣрную смерть, и, хотя у меня не было никакихъ надеждъ, я продолжалъ лежать безъ движенія. Сопротивляться было бы совершенно бесполезно.

Былъ моментъ, когда я думалъ, что настала мой конецъ. Кто-то оттащилъ тѣло, лежавшее на мнѣ и скрывавшее меня. Свѣтъ ударилъ мнѣ прямо въ глаза, и я слышалъ, какъ чей-то голосъ крикнулъ:

— Тутъ еще одинъ! Онъ живъ!

Шатаясь, я поднялся на ноги съ единственнымъ желаніемъ умереть съ достоинствомъ. Говорившій былъ какой-то незнакомецъ. Около него я увидѣлъ Бютона, а сзади виднѣлся баронъ де-Жеоль. Кругомъ было еще нѣсколько человекъ, которые съ любопытствомъ смотрѣли прямо мнѣ въ лицо.

Я едва вѣрилъ своему спасенію.

— Если хотите дѣлать свое дѣло, то кончайте скорѣе,—проговорилъ я, разставляя руки.

— Боже сохрани!—поспѣшно вскрикнулъ Бютонъ. —Довольно ужъ перебили народу и даже слишкомъ довольно! Г. виконтъ, обопритесь на меня и пойдете отсюда. Слава Богу, что я поспѣлъ сюда въ-время. Если бъ они убили васъ...

— Это уже пятый,—замѣтилъ де-Жеоль.

Бютонъ ничего не сказалъ, но взялъ меня подъ руку и тихонько повелъ впередъ. Де-Жеоль взялъ меня съ другой стороны, и я шелъ между ними сквозъ живую изгородь народа, смотрѣвшаго на меня съ удивленіемъ. Лица у всѣхъ, несмотря на яркое солнце, были какія-то удивительно блѣдныя. Шляпы на мнѣ не было, и солнце сильно меня беспокоило. Но, повинувшись поторапливаніямъ Бютона, я шелъ впередъ, пока мы не добрались до двери, открывшейся въ одной изъ стѣнъ. Войдя въ нее, я уронилъ платокъ, который мнѣ кто-то далъ, чтобы перевязать раненое плечо. Человекъ, стоявшій возлѣ двери, быстро поднялъ его и съ вѣжливой поспѣшностью

подаль его мнѣ. Онъ держаль пику, и руки его были обогрены кровью. Нѣтъ сомнѣнія, что это былъ одинъ изъ убійць!

Два человекѣ внесли въ противоположный отъ насъ домъ чье-то безпомощное тѣло со свѣсившейся головой. При первомъ взглядѣ на него я быстро припомнилъ всѣ обстоятельства пережитой трагедіи. Быстро схвативъ Бютона за шиворотъ, я изступленно закричалъ:

— Гдѣ мадемуазель де-Сентъ-Алэ? Что вы сдѣлали съ нею?

— Тише, тише, сударь,—съ упрекомъ отвѣчалъ онъ.—Постарайтесь овладѣть собою. Она здѣсь и въ полной безопасности, ручаюсь вамъ за это. Ее вынесли одной изъ первыхъ.

Кажется, я совсѣмъ не по-мужски разразился слезами. То были, впрочемъ, слезы благодарности. Я испыталъ слишкомъ много. Къ тому же, хотя рана въ плечѣ не представляла никакой опасности, я потерялъ много крови. Поэтому можно и простить мнѣ эти слезы. Впрочемъ, не одинъ я плакалъ въ тотъ день. Позднѣе я узналъ, что даже одинъ изъ убійць, отличавшійся особенной свирѣпостью, расплакался, когда увидѣлъ, что они надѣлали.

Въ этотъ и слѣдующій день въ Нимѣ было убито около трехсотъ человекъ, главнымъ образомъ около монастыря калуциновъ, который Фроманъ превратилъ въ типографію и сдѣлалъ центромъ своей пропаганды, затѣмъ около Красной таверны и въ домѣ Фромана, который держался до тѣхъ поръ, пока противъ него не начали дѣйствовать пушки. Едва ли половина всѣхъ погибшихъ легли въ схваткѣ, большею частью ихъ преслѣдовали и убивали въ переулкахъ, въ домахъ, въ разнаго рода тайникахъ. Иногда они сдавались на милость побѣдителей. Въ такомъ случаѣ ихъ отводили къ стѣнѣ ближайшаго дома и здѣсь разстрѣливали.

Потомъ начались такіе же ужасы и въ Парижѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что необходимо предупредить распространеніе по всей Франціи мятежа, который готовился вспыхнуть. Оглядываясь теперь назадъ, я нахожу, что причина этому была другая—презрѣніе къ жизни, которое такъ ярко проявлялось въ позднѣйшій періодъ революціи, та ничѣмъ не объяснимая жестокость, которая черезъ три года совершенно парализовала общество и удивила весь міръ.

Изъ восемнадцати мужчинъ, которые вмѣстѣ со мной пережили ужасы бойни въ переулкѣ около капуцинскаго монастыря, остались въ живыхъ только четверо. Мы обязаны жизнью отчасти своему временному прибытію Бютона и нѣкоторыхъ иностранныхъ представителей, не раздѣлявшихъ фанатизма северолюдовъ, отчасти запоздавшемуся раскаянію самихъ убійць.

Въ числѣ этихъ четырехъ были отецъ Бенедиктъ и Луи де-Сентъ-Алэ. Странная была наша встрѣча, когда мы, спасшись чудомъ отъ смерти, изорванные и перепачканные, сошлись вмѣстѣ въ гости-

ной мадамъ Катиню. Шторы оконъ, за исключеніемъ одного большаго окна въ углу, были еще спущены. На потухшемъ каминѣ, который такъ весело пылалъ, когда я сидѣлъ здѣсь въ первый разъ въ день моего приѣзда въ Нимъ, теперь лежалъ сѣровато-бѣлый пепелъ. Въ комнатѣ было мрачно и холодно, отъ мебели падали длинныя тѣни, и слышенъ былъ шумъ толпы, которая собралась къ переулку и не могла наглядѣться на жестокое зрѣлище.

Мы трое любили, несомнѣнно, другъ друга, но обстоятельства разбросали насъ въ разные стороны. Теперь мы опять вмѣстѣ, жалкія, блѣдныя фигуры, съ трясущимися руками и лихорадочно блестящими глазами. Каждый изъ насъ прошелъ очищеніе по-своему.

Изъ сосѣдней комнаты доносились чьи-то женскіе голоса, плачь и поспѣшные шаги. Я зналъ, что тамъ лежала маркиза, сильно пострадавшая во время схватки: она упала или ее сбили съ ногъ. За ней ухаживала Дениза, мадамъ Катиню и докторъ.

Мрачная комната была похожа на комнату покойника, и мы разговаривали между собой шепотомъ. Время отъ времени когонибудь изъ насъ охватывалъ ужасъ только что пережитаго; мы вставали и, тяжело дыша, начинали ходить по комнатѣ.

Вдругъ намъ послышались пушечные выстрѣлы. Забывъ на время самихъ себя, мы заговорили о Фроманѣ, обсуждая его шансы на спасеніе, но заговорили, какъ люди посторонніе, какъ люди, которыхъ смерть пока освободила отъ общей повинности.

Луи позвали въ сосѣдную комнату къ матери. Потомъ черезъ нѣсколько минутъ туда позвали отца Бенедикта.

Я остался въ гостиной одинъ.

Тишина послѣ такого волненія, уединеніе, когда всего часъ тому назадъ я смотрѣлъ прямо въ глаза смерти, безопасность послѣ такихъ ужасовъ—все это потрясло меня до глубины души. Когда же, къ довершенію всего, я вспомнилъ о гибели маркиза, унесшаго съ собой въ могилу столь общавшій умъ, слезы опять подступили у меня къ глазамъ.

Не имѣя силъ сдерживать свое волненіе, я быстрыми шагами ходилъ по комнатѣ. Теперь ея мракъ былъ мнѣ только пріятенъ. Въ душѣ оживало прежнее, воскресали въ памяти прежнія сцены, прежняя дружба, мое дѣтство. Я вспоминалъ, что мы когда-то вмѣстѣ играли, и забывалъ, что съ того времени мы шли совершенно разными дорогами.

Долго спустя, когда сталъ уже наступать вечеръ, ко мнѣ вышелъ Луи.

— Войдите,—кратко сказалъ онъ.

— Къ маркизѣ?

— Да, она желаетъ васъ видѣть,—отвѣчалъ онъ держа дверь открытой и говоря уныломъ тономъ человѣка, который ничего не скрываетъ отъ себя.

Послѣ такихъ событій, какія мы пережили, наступаетъ обыкновенно реакція! Я былъ совершенно измученъ и пошелъ за нимъ машинально, думая больше о прошломъ, чѣмъ о настоящемъ.

Но едва я переступилъ порогъ комнаты, которая, въ противоположность гостиной, была ярко освѣщена свѣчами, какъ вдругъ, словно отъ какого-то толчка, разомъ пришелъ въ себя. Противъ двери на кровати, вся обложенная подушками, лежала маркиза де-Сентъ-Алэ. Наши взгляды встрѣтились, и я остановился. Ея лицо было блѣдно, какъ полотно, но на щекахъ горѣли два ярко-красныхъ пятна. На ея лицѣ было какое-то особенное выраженіе, совершенно не подходившее къ обстановкѣ и наполнившее меня тревогой.

Замѣтивъ мое смущеніе, она веселымъ и слегка притворнымъ тономъ, который только увеличивалъ жуткость обстановки, не преминула упрекнуть меня за прошлое.

— Очень рада видѣть, виконтъ. Пріятно убѣдиться, что у васъ есть скромность. Впрочемъ, мы на васъ не сердимся. Лучше позже раскаяться, чѣмъ никогда. Гдѣ мой вѣрь, Дениза? Дитя мое, дай мнѣ мой вѣрь.

Какимъ-то надорваннымъ движеніемъ Дениза поднялась со своего стула около кровати. Мы, впрочемъ, всѣ были надорваны до поелѣдняго нерва.

Положеніе спасла мадамъ Катина. Она быстро достала съ софѣднаго стола вѣрь, положила руку на плечо Денизы и заставила ее снова опуститься на свое мѣсто.

— Благодарю васъ,—проговорила мадамъ де-Сентъ-Алэ, обмахиваясь вѣромъ и улыбаясь на обѣ стороны, какъ это, бывало, она дѣлала въ своемъ салонѣ.—А теперь, г. виконтъ,—продолжала она съ прежней насмѣшливостью,—можетъ быть, вы сооблаговолите теперь сознаться, что я была пророкомъ?

Я пробормотала, самъ не знаю что: эта сцена съ улыбающейся маркизой и нахмуренными лицами другихъ присутствовавшихъ, старавшихся даже не глядѣть другъ на друга, произвела на меня ужасное впечатлѣніе.

— Я никогда не сомнѣвалась, что рано или поздно вы присоединитесь къ намъ,—снисходительно продолжала она.—Если бы я была жестока, я могла бы сказать вамъ многое. Но такъ какъ вы вернулись къ исполненію вашего долга, то не будемъ вспоминать старое. Его величество такъ добръ, что... Но гдѣ же всѣ остальные? Не можемъ же мы продолжать нашъ разговоръ безъ нихъ.

Она обвела комнату привычнымъ повелительнымъ взглядомъ.

— Гдѣ же г. Гонто?—спросила она Луи:—развѣ г. Гонто еще не пріѣхалъ? Онъ обѣщалъ быть свидѣтелемъ при обрученіи.

Луи, стоя съ отцомъ Бенедиктомъ и врачомъ у одного изъ закры-

тыхъ ставнями оконъ, сдавленнымъ голосомъ отвѣчалъ, что онъ еще не пріѣхалъ.

Маркиза, повидимому, замѣтила что-то особенное въ его тонѣ и стала безпокойно смотрѣть то на одного, то на другого.

— Надѣюсь, съ нимъ ничего не случилось?—спросила она, сильнѣе дѣйствуя вѣромъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ,—поспѣшилъ отвѣтить Луи, стараясь успокоить ее.—Онъ долженъ вотъ-вотъ пріѣхать.

Но озабоченное выраженіе не сходило съ лица маркизы.

— А гдѣ Викторъ? Онъ тоже еще не пришелъ? Луи, ты увѣренъ, что съ нимъ ничего не случилось?

— Вы скоро увидите его сами,—отвѣчалъ онъ, едва сдерживая рыданія, и отвернулся съ жестомъ отчаянія.

Взглядъ маркизы упалъ на меня, и вдругъ ея лицо просвѣтлѣло, тѣнь безпокойства сошла съ него, подобно тому, какъ тѣнь облака быстро сбѣгаетъ въ солнечное апрѣльское утро. Она опять взялась за свой вѣеръ и заговорила:

— Послѣднюю ночь я видѣла чрезвычайно странный сонъ. Или это было тогда, какъ я была больна, Дениза? Впрочемъ, это все равно. Мнѣ мерещились разные ужасы—будто бы нашъ домъ въ Сентъ-Алѣ сгорѣлъ. Сгорѣлъ и домъ въ Кагорѣ, и тотъ, гдѣ мы нашли убѣжище въ Монтобанѣ. Мнѣ снилось, что г. Гонто убитъ, а вся чернь поднялась съ оружіемъ въ рукахъ. Какъ будто, —продолжала она со смѣхомъ, который должна была сдерживать отъ боли,—какъ будто бы король могъ позволить что-нибудь подобное, какъ будто подобныя вещи были возможны! А потомъ мнѣ приснились вещи, еще болѣе нелѣпыя про церковь!

Нахмутивъ брови, она сдѣлала нѣкоторую паузу.

— Дальше я забыла! Все забыла! И проснулась въ самый ужасный моментъ! Мнѣ снилось, будто имѣть пару красныхъ каблуковъ значило пріобрѣсти себѣ дипломъ на смерть, будто пудра и мушки осуждали васъ на казнь!

Она смолкла. Вѣеръ выпалъ у нея изъ рукъ, и она безпокойно озиралась вокругъ.

— Мнѣ кажется,—простонала она:—что мнѣ все еще нехорошо.

Видно было по ея лицу, что она жестоко страдаетъ.

— Луи,—вдругъ позвала она:—гдѣ нотаріусъ? Онъ долженъ прочесть брачный контрактъ. Викторъ и г. Гонто, конечно, сейчасъ явятся. Гдѣ же нотаріусъ?

Мы, конечно, тщательно играли свою роль, но жалость къ этой старухѣ лишила насъ послѣднихъ силъ. Дениза постаралась скрыть свое лицо и дрожала такъ, что стулъ подъ нею такъ и ходилъ. Луи отвернулся, вздрагивая отъ рыданій. Я застылъ въ своей позѣ, въ ногахъ кровати.

Выступилъ впередъ врачъ, худощавый, молодой человекъ со смуглымъ лицомъ.

— Бумаги въ сосѣдней комнатѣ,—серьезно сказалъ онъ.

— Но вѣдь вы не нотаріусъ Петтиферъ?—спросила маркиза.

— Нѣтъ, сударыня. Онъ такъ боленъ, что не можетъ выходить изъ дому.

— Онъ не имѣетъ права такъ болѣть,—сурово замѣтила умирающая.—Петтиферъ боленъ, а между тѣмъ нужно подписать брачный договоръ мадемуазель де-Сентъ-Алэ! Но бумаги съ вами?

— Въ сосѣдней комнатѣ.

— Принесите ихъ сюда! Скорѣе!—проговорила она, безпокойно переводя взглядъ съ одного на другого. Потомъ она заворочалась на кровати и застонала.

— Гдѣ Викторъ? Почему онъ неидетъ?—съ нетерпѣніемъ спрашивала она.

— Кажется, я слышу его шаги,—вдругъ сказалъ Луи.

Первый разъ онъ заговорилъ добровольно, и мнѣ послышался какой-то новый звукъ въ его голосѣ.

— Я сейчасъ посмотрю—сказалъ онъ и, двинувшись въ гостиную, сдѣлалъ мнѣ знакъ слѣдовать за нимъ.

Въ полутемномъ салонѣ, откуда извлекъ меня Луи, мы застали врача, который рылся въ разныхъ мѣстахъ.

— Нельзя ли получить бумаги,—нетерпѣливо сказалъ онъ, когда мы вошли.—Пожалуйста, какой-нибудь бумаги.

— Довольно!—вдругъ хрипло сказалъ Луи.—Довольно этой комедіи. Я болѣе не хочу этого.

— Что такое?

— Я не хочу этого больше!—повторилъ Луи, едва сдерживая душившія его рыданія.—Скажите ей всю правду.

— Но она не повѣритъ этому.

— Во всякомъ случаѣ, тогда будетъ лучше, чѣмъ теперь.

— Вы думаете?—спросилъ врачъ, искоса поглядывая на Луи.

— Убѣжденъ.

— Въ такомъ случаѣ, я не беру на себя это сдѣлать,—серьезно промолвилъ докторъ.—Я слагаю съ себя всякую отвѣтственность. Да и вы сами не сдѣлаете этого, если будете знать, что это можетъ повлечь за собой.

— Все равно, моя мать не можетъ поправиться,—упрямо возразилъ Луи.

— Конечно. Поскольку я могу судить, ей осталось жить всего нѣсколько часовъ. Когда жаръ, который ее теперь поддерживаетъ, спадетъ, силы покинутъ ее, и она умретъ. Отъ васъ зависитъ—умретъ ли, не зная о всемъ томъ, что случилось и не вѣдая о смерти сына, или же...

— Это ужасно!

— Выборъ зависитъ отъ васъ,—неумолимо продолжалъ докторъ. Луи обвелъ взглядомъ комнату.

— Бумага здѣсь,—вдругъ сказала она.

Мы пробыли въ гостиной, по всей вѣроятности, не болѣе двухъ минутъ. Когда мы вернулись, маркиза нетерпѣливо звала къ себѣ насъ и Виктора.

— Гдѣ онъ? Гдѣ онъ?—повторяла она въ жару.—Почему онъ опоздалъ сегодня? Нѣтъ ли между вами какой-нибудь ссоры?

Глаза ея попрежнему горѣли, и на щекахъ виднѣлись розовыя пятна, но голосъ становился хриплымъ и неестественнымъ.

— Мадемуазель,—вдругъ обратилась она къ дочери,—подойдите къ г. виконту и скажите ему что-нибудь такое, что порадовало бы насъ. А вы, виконтъ... Когда я была молода, существовалъ обычай, чтобы женихъ въ такомъ случаѣ цѣловалъ свою невѣсту. Ничего этого вы не знаете! Что за срамъ!

Дениза встала и медленно подошла ко мнѣ, но ни одного слова не прошептала ей блѣдныя губы. Не поднялись на меня и ея глаза. Она оставалась совершенно безучастной, когда я наклонился и поцѣловалъ ея холодную щечку.

Я обнялъ свою невѣсту, и такъ мы стояли въ ногахъ маркизы, которая смотрѣла на насъ съ улыбкой.

— Бѣдная маленькая мышка,—засмѣялась она.—Какъ она еще робка! Будьте добры къ ней. Ой! какъ мнѣ нехорошо,—вдругъ прервала она себя и, поднявшись на постели, схватила себя рукой за голову.—Скорѣй, позовите ко мнѣ доктора и Виктора.

Дениза бросилась къ кровати. Я продолжалъ стоять на своемъ мѣстѣ, пока докторъ не дотронулся до моего плеча.

— Уходите,—шепнулъ онъ мнѣ.—Оставьте ее женщинамъ. Скоро будетъ конецъ.

Маркиза умерла на другой день утромъ, такъ и не узнавъ о томъ, что толпа все еще бушевала на улицахъ Нима вокругъ не погребеннаго тѣла ея старшаго сына. Она умерла, не приходя въ сознание.

Я вошелъ взглянуть на нее: она лежала, почти не измѣнившись. Мнѣ было больно, когда я наклонился и поцѣловалъ безсильную теперь руку. Теперь же я считалъ ее счастливой. Сколькимъ ея друзьямъ, сколькимъ лицамъ, посѣщавшимъ ея салонъ въ Сентъ-Алѣ и въ Кагорѣ, пришлось перенести двадцать лѣтъ изгнанія и нищеты! Она была одарена энергіей и гордостью—рѣдкое сочетаніе въ нашемъ сословіи—и вела большую игру. Она поставила на карту все и все проиграла. Но все-таки это было лучше, чѣмъ попасть въ тюрьму или на гильотину, или состарѣться и одряхлѣть въ чужой землѣ и вернуться въ отечество, которое давно забыло о нихъ.

Я уже говорилъ, что безпорядки въ Нимѣ продолжались три

дня. Въ послѣдній день пришелъ ко мнѣ Бютонъ и сказалъ, что намъ надо уѣхать безотлагательно, чтобы не дожидаться еще худшаго, иначе онъ и умѣренная партія, которая спасла намъ жизнь, не принимаетъ на себя никакой отвѣтственности.

Луи стоялъ за то, чтобы уѣхать въ Монпелье, а отсюда къ эмигрантамъ въ Туринъ. Нѣсколько часовъ я былъ самъ того же мнѣнія, желая болѣе всего доставить женщинъ въ безопасное мѣсто.

Тѣмъ, что я не сдѣлалъ этого шага, въ которомъ потомъ пришлось бы жестоко раскаиваться, я обязанъ Бютону. Онъ спросилъ меня прямо, куда я думаю ѣхать, и когда я назвалъ Туринъ, онъ отшатнулся отъ меня въ ужасъ.

— Боже васъ сохрани!—воскликнулъ онъ.—Многіе туда поѣдутъ, но немногіе вернутся оттуда.

— Глупости,—горячо возразилъ я.—Предсказываю вамъ, что не далѣе, какъ черезъ годъ, вы будете на колѣняхъ умолять насъ, чтобы мы вернулись.

— Это почему?

— Потому, что безъ насъ вы не будете въ состояніи поддерживать порядокъ.

— Это вовсе не такъ трудно,—холодно сказалъ онъ.

— Посмотрите, въ какое положеніе пришли дѣла.

— Это пройдетъ.

— Кто же возьметъ на себя управленіе?

— Тотъ, кто окажется наиболѣе годнымъ для этого,—безъ обиняковъ отвѣчалъ онъ.—Неужели послѣ всего того, что случилось, вы все еще думаете, г. виконтъ, что человѣку для того, чтобы онъ могъ законодательствовать, непременно нуженъ титулъ? Неужели вы думаете, что пшеница перестанетъ расти, а куры не будутъ нести яйца, если на нихъ не будетъ падать тѣнь какого-нибудь владыки? Неужели вы думаете, что для того, чтобы сражаться, человѣку нуженъ напудренный парикъ?

— Я думаю,—отвѣчалъ я:—что когда за руль берется рулевой, не знающій моря, надо уходить съ корабля.

— Но рулевой научится. А чтобы облегчить корабль, можно позволить и уйти тѣмъ, у кого на борту нѣтъ никакого дѣла. Забудьте себя, сударь, забудьте,—продолжалъ онъ другимъ тономъ.—Въ Нимѣ въ три дня убили триста человѣкъ.

— А вы еще говорите: оставайтесь!

— Да, теперь насъ связываетъ кровь,—грустно отвѣчалъ онъ.—То, что произошло, не легко забыть. Если поѣдете за границу, то тамъ и оставайтесь. Впрочемъ,—продолжалъ онъ, весь красный отъ волненія,—не ѣздите туда, не ѣздите, а поѣзжайте лучше въ свой замокъ и живите тамъ съ миромъ: будьте увѣрены, никто не обидитъ васъ.

Совѣтъ былъ уменъ, и послѣ нѣкотораго колебанія я рѣшился

не только послѣдовать ему, но и преподавать его другимъ. Луи не хотѣлъ мѣнять своихъ плановъ: съ того момента, какъ ему удалось ускользнуть отъ смерти, онъ положительно боялся оставаться въ этой странѣ. Онъ, однако, не дѣлалъ мнѣ никакихъ возраженій, когда я попросилъ у него руки Денизы, и черезъ двадцать четыре часа послѣ смерти ихъ матери она стала моею женою. Обрядъ бракосочетанія былъ совершенъ отцомъ Бенедиктомъ въ домѣ съ опущенными ставнями возлѣ монастыря капуциновъ. Въ тотъ же день была свадьба Луи и мадамъ Катина, которая согласилась раздѣлится съ мужемъ изгнаніе. Нѣтъ надобности говорить, что обѣ свадьбы были не веселы: не было ни свадебнаго колокольнаго звона, ни подвѣчныхъ платевъ. Всѣ были какъ-то безучастны и холодны.

Но за холоднымъ туманнымъ разсвѣтомъ идетъ иногда горячій яркій день. Три года мы претерпѣвали всякія огорченія, подвергались всякимъ опасностямъ, раздѣляя участь всѣхъ французовъ, жившихъ въ это тяжелое время, но ни разу мнѣ не пришлось раскаться въ томъ, что было сдѣлано мною въ Нимѣ. Когда настали лучшіе дни и возникла новая Франція, моя жена нашла средство примирить насъ обоихъ съ далекимъ прошлымъ.

Остается сказать нѣсколько словъ о человѣкѣ, благодаря которому я получилъ такую жену. Фроманъ изъ Нима остался въ живыхъ, но я уже никогда не видалъ его. На третій день безпорядковъ противъ башни его дома были выдвинуты пушки. Домъ былъ взятъ приступомъ, а всѣ засѣвшіе въ немъ преданы мечу, за исключеніемъ какого-то одного человѣка, которому удалось спастись. То былъ Фроманъ, самый неукротимый, самый способный предводитель, какого только имѣли французскіе роялисты. Онъ безъ особыхъ опасностей добрался до границы, оттуда до Турина, гдѣ и былъ съ почетомъ принятъ тѣми, чья помощь, окажи они ее въ время, спасла бы все его дѣло.

Но тѣ, кто проигрываетъ игру, должны готовиться къ попрекамъ. Къ нему отнеслись холодно, онъ обижался и съ годами сталъ жаловаться все громче и громче. Одинъ разъ я хотѣлъ было разыскать его и помочь, но въ это время онъ ударился въ какую-то авантюру на африканскомъ берегу, да я и самъ былъ въ такихъ обстоятельствахъ, что немного могъ сдѣлать для него, если бы даже и нашелъ.

Вскорѣ потомъ онъ, кажется, умеръ, хотя точныхъ свѣдѣній объ этомъ мнѣ не удалось получить. Но живъ ли онъ, или умеръ я продолжаю хранить къ нему чувство благодарности и уваженія

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1916 г. 1)

А

А. Б. Его статья: «Эпизодъ изъ воспоминаній о Новогеоргіевской крѣпости», СXLV, июль, 123—131. Рецензіи его: 1) «The Tale of the armament of Igor. A. Russian historical Epic. Edited and translated by Leonard A. Magnus. Oxford University Press. 1914», СXLIV, апрѣль, 247. 2) «Бар. Б. Э. Нольде. Вѣгнѣняя политика. Историческій очеркъ. Пгр. 1915», СXLIV, июнь, 793, 794. 3) «П. Митрофановъ. Леопольдъ II австрійскій. Вѣгнѣняя политика. Т. I. Часть I. Пгр. 1916», СXLVI, окт., 231, 232.

А. Д. Рецензія его: «Н. А. Павловъ. Записки землевладѣльца. Пгр. 1915», СXLIII, февраль, 581.

А. М. Рецензіи его: 1) «Извѣстія таврической ученой архивной комиссіи (годъ двадцать восьмой). Вып. 52. Подъ редакціей предсѣдателя комиссіи Арс. Ив. Маркевича. Симфероп. 1915», СXLIII, мартъ, 888. 2) «И. И. Гливенко, магистръ истории западно-европейскихъ литературъ. Ч. I. Античная и средневѣковая литература. Пгр.—Кіевъ. 1916», СXLIV, май, 537.

А. М—нъ. Рецензіи его: 1) «Антоній, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій. М. Б. 1915», СXLIII, январь, 279—281. 2) «Библиографія русской периодической печати 1703—1900 гг. (Матеріалы для исторіи русской журналистики). Составилъ и издалъ Н. М. Лисовскій. Пгр. 1915, СXLIV, июнь, 795, 796. 3) «Русскій Библіофиль». Вып. I—VIII. Пгр. 1915», СXLV, июль, 217—219. 4) «Ферреро. Величіе и паденіе Рима. Т. II. Юлій Цезарь. Переводъ А. Захарова. М. 1916», СXLV, сент., 773, 774.

А. О. Рецензія его: «Вѣстникъ императорскаго общества ревнителей исторіи. Выпускъ II. Подъ редакціей замѣстителя предсѣдателя М. К. Соколова. Пгр. 1915», СXLIV, апрѣль, 240—242.

А. Ф. Рецензія его: «Собраніе сочиненій Виктора Ивановича Григоровича (1864—1876 гг.). Подъ редакц. М. Г. Попруженка. Одесса. 1916», СXLIV, июль, 781, 782.

А. Ш. Его статья: «По Франціи на автомобиль», СXLV, июль, 198—216.

1) Въ «Указателѣ» не включены личныя имена, упоминаемая въ историческихъ романахъ, беллетристическихъ статьяхъ и приложеніяхъ. — Римскія цифры означаютъ томъ, арабскія — страницу.

Аверкіевы:

— Д. В., писатель, въ сообщеніи С. В. Аверкіевой: «Незданная Записка о значеніи нашихъ государственныхъ учреждений» Д. В. Аверкіева и письмо о ней П. С. Аксакова, CXLV, сентябрь, 687—702.

— С. В. Ея сообщеніе: Незданная «Записка» о значеніи нашихъ государственныхъ учреждений Д. В. Аверкіева и письмо о ней П. С. Аксакова, CXLV, сент., 687—702.

Авиловъ, Б. Рецензія о книгѣ его: «Настоящее и будущее народнаго хозяйства Россіи. Вліяніе войны, возможная послѣдствія ея для народнаго хозяйства и проблемы будущаго. Пгр. 1916», CXLV, авг., 528».

Автономова, Л. И. Ея статья: «Воспоминанія о жизни и дѣятельности протоіерея І. В. Васильева». CXLV, августъ, 299—330; сент., 596—613; CXLVI, окт., 27—48; ноябрь, 299—317.

Адауровъ, желѣзнодорожный дѣятель, CXLIV, апрѣль, 162, 163.

Аданъ, Поль. Рецензія о романѣ его «Сила». Пгр. 1916», CXLIV, апрѣль, 261.

Адегер, французскій писатель, CXLIII мартъ, 916—918.

Айналовъ, Д. В. Рецензія объ изданномъ подъ его редакціей изслѣдованіи проф. Е. К. Рѣдина: «Христіанская топографія Козьмы Индикоплова по греческимъ и русскимъ спискамъ. Ч. I. М. 1916», CXLV, сент., 781, 782.

Анаимовъ, Н. В. Его статья: «Отступленіе изъ Варшавы», CXLV, августъ, 435—455.

Аксаковъ, И. С., писатель, CXLV, сент., 687—702.

Александра Николаевна, великая княжна, въ статьѣ В. П. Серебренникова: «Бракосочетаніе великой княжны Александры Николаевны и ея кончина. (Январь—іюль 1864 г.), XLVIII, январь, 127—142.

Александреско, румынскій поэтъ, CXLIV, май, 374, 375.

Александръ I, императоръ: 1) въ статьѣ А. Н. Витмера: «Курьезное недоразумѣніе. (По поводу легенды о Фодорѣ Кузьмичѣ)», CXLIV, май, 427—431. 2) Въ статьѣ А. А. Папкова: «Петница финскаго войска въ 1822 г.», CXLV, іюль, 156—164. 3) Въ замѣткѣ: «Кто выдалъ Англіи тильзитскую тайну», CXLVI, дек. 788—791. Упомин.: CXLIII, январь, 244—248; CXLV, авг., 533, 534.

Александръ II, императоръ, въ статьѣ Е. С. Каменскаго: «Отъ дѣтства до при-

сѣи». (Изъ жизни августѣйшихъ дѣтей императора Александра II), CXLIII, январь, 99—126; февраль, 427—458. Упомин.: CXLV, іюль, 242—244. CXLVI, окт., 240, 241.

Александръ III, императоръ: CXLIII, янв., 99—126; февраль, 427—458. Въ статьѣ Е. С. Каменскаго: «Красное Село. (Начало военной службы цесаревича Александра Александровича)», CXLV, августъ, 474—511. Упомин.: CXLIV, май, 342; CXLV, іюль, 239—241; сент., 737—740, 791—794.

Алексѣевы:

— А. С., профессоръ московскаго университета, знатокъ государственнаго права, писатель. Некрологъ его: CXLIV, апр., 293, 299.

— В. Рецензія Б. Модзалевскаго о книгѣ: «Письма и бумаги Суворова. Томъ первый. Письма 1764—1781 гг. Объяснилъ и примѣчаніями снабдилъ В. Алексѣевъ. Пгр. 1916», CXLIII, мартъ, 867—869.

— В. А. Его статья: «Ф. М. Плюшкин и его музей», CXLV, іюль, 176—197.

Алексѣй Михайловичъ, парь, въ рецензированной К—шовымъ книгѣ: «Курць, Б. Г. Сочиненія Кильбургера о русской торговлѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича», CXLIII, январь, 283, 284.

Алтаевъ, Ал. Рецензія о книгѣ его: «Внизъ по Волгѣ рѣкѣ... Историческая повѣсть изъ русской жизни въ XVII вѣкѣ. Пгр. 1916», CXLIII, январь, 296.

Альбертъ, бельгійскій король, CXLIV, апрѣль, 273, 276.

Аминовъ, бар., финляндскій дѣятель, CXLV, іюль, 156—160.

Анастасія Романовна, царица, супруга Ивана Грознаго, CXLIII, февраль, 595.

Андрашъ, графъ, австрійскій дипломатъ, CXLIII, январь, 34—58; февраль, 358—373, 376—378; мартъ, 658, 662, 663, 665, 668, 670, 671, CXLIV, май, 334.

Андреевскій, Е. К. Его статья: «Изъ записокъ за 47 лѣтъ», CXLIV, апрѣль, 77—111; май, 366—398.

Аничковъ, Е. В. Рецензія І. В. о книгѣ его: «Очеркъ развитія эстетическихъ ученій (Сборникъ «Вопросы теоріи и психологіи творчества»). Т. VI. Харьковъ. 1915 г.», CXLIII, мартъ, 874—876.

Анна Петровна, царица, дочь Петра I, CXLIV, іюнь, 703—721.

Анна Ярославна, княжна, дочь Ярослава Мудраго, CXLIV, іюнь, 824—826.

Анненкова, О. Рецензія М. о переведенной ею книгѣ Ш. Дилиа: «По берегамъ

Средиземнаго моря. М. 1916», CXLV, июль, 228, 229.

Анстей, Ф. Рецензія о романѣ его, въ переводѣ В. Кошевичъ: «Мѣдный кувшинъ». М. 1916», CXLV, авг. 526.

Антоній, (Вадковскій), петроградскій митрополитъ, въ статьѣ М. В. Вадковскаго: «Мои воспоминанія о митрополитѣ Антоніи», CXLIII, январь, 195—220; февраль, 475—497. Упомян.: янв., 279—281.

Антоновичъ, б. попечитель учебнаго округа, CXLIII, февраль, 588, 589.

Анемъ, болгарскій экзархъ, CXLIII, мартъ, 661.

Аранчевъ, А. А., графъ (о преміи его имени), CXLVI, ноябрь, 550, 551.

Аристофанъ, греческій писатель. Рецензія Б. В. о переводѣ комедіи его: «Женскій праздникъ». Казань. 1916, CXLVI, дек., 779, 780.

Арсеньевъ, К. К., публицистъ. Рецензія М. о книгѣ его: «За четверть вѣка. (1871—1894 гг.)». Сборникъ статей. Пгр. 1916», CXLIII, февраль, 572, 573.

Артемьевъ, П. А., генералъ-лейтенантъ, журналистъ. Некрологъ его: CXLIV, май, 570.

Архангельскіе:

— А. С., проф. Рецензія А. Вознесенскаго о книгѣ его: «Введеніе въ исторію русской литературы. Т. I. Исторія литературы, какъ наука. Очеркъ научныхъ изученій въ области исторіи русской литературы. Пгр. 1916», CXLVI, ноябрь, 505—507.

— П. Рецензія о книгѣ его: «Погостные указы 1767 г., какъ историческій источникъ. Казань. 1916», CXLVI, окт., 238.

Арцимовичъ, Е. В. См. Капица, О. I. **Ашитковъ,** саратовскій паяцъ, CXLIII, январь, 248, 249.

Ашукинъ, Н. Рецензія В. Княжнина о книгѣ съ его примѣчаніями: «Архивъ села Карабихи. Письма Н. А. Некрасова и къ Некрасову», CXLV, сентябрь, 766—768.

Аванасій III, патріархъ константинопольскій, Пателарій, CXLV, сент., 774—776.

В

Б—я. Рецензія его: «Матеріалы для исторіи Гангутской операціи. Выпуски I—III. Пгр. 1914—1915», CXLIII, январь, 281—283.

Б. В. Рецензія его: 1) «К. А. Кузнецовъ. Платонъ. Введеніе въ анализъ «Государства» и «Законовъ». Одесса. 1916», CXLV, сент., 779, 780. 2) Комедія Ари-

стофана «Женскій праздникъ». стихотворный переводъ съ примѣчаніями Н. Кошенилова. Подъ ред. професс. Д. П. Шестакова. Казань. 1916, CXLVI, дек., 779, 780.

Б. Г. Рецензія его: «Публицистъ-гражданинъ. Литературный сборникъ, посвященный памяти Григорія Константиновича Градовскаго. Съ портретами и снимками. Касса взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ—своему основателю-Пгр. 1916», CXLV, сент. 768, 769.

Бажаевъ, В. Г., профессоръ, общественный дѣятель и писатель. Некрологъ его: CXLV, июль, 268, 269.

Баклундъ, О. А., академикъ. Некрологъ его: CXLVI, окт., 268.

Балакиревъ, М. А., композиторъ, въ статьѣ В. П. Глѣбова: «М. А. Балакиревъ. (Изъ воспоминаній)», CXLVI, декабрь, 700—709.

Баланшинъ, челябинскій исправникъ, CXLV, июль, 84—86.

Балицкій, С. Б., польскій политикъ и публицистъ. Некрологъ его: CXLVI, окт., 268, 269.

Бальмонтъ, К. Рецензія А. Налимова о «Драмахъ» «Калидасы», въ его переводѣ, М. 1916», CXLV, июль, 225.

Бардыгинъ, Н. М., въ статьѣ М. Чернявскаго: «Егорьевскій городской голова Н. М. Бардыгинъ», CXLV, августъ 405—434.

Барсуковъ, И. П., историкъ, въ замѣткѣ М. Барсукова: «Памяти Ивана Платоновича Барсукова», CXLIV, май, 479—482.

Барсуковъ, М. Его замѣтка: «Памяти Ивана Платоновича Барсукова», CXLIV, май, 479—482.

Барятинскій, князь, декабристъ, CXLIII, февраль, 472—474.

Басанинъ, Маркъ. Ея романъ изъ купеческой жизни: «Торговый домъ Бахвалова сыновья», CXLIII, январь, 1—34; февраль, 321—356; мартъ, 625—653, CXLIV, апрѣль, 1—31; май, 315—329; июнь, 577—612; CXLV, июль, 1—42.

Баскинъ, В. С., писатель, музыкальный и театральнй критикъ, (его юбилей), CXLIV, апрѣль, 292, 293. Рецензія его: Ан. К. Лядовъ. 1) Жизнь, біограф. очеркъ В. Г. Вальтера. 2) Портретъ по личнымъ воспоминаніямъ С. М. Городецкаго. 3) Творчество, критик. очеркъ И. В. Витоля. 4) Изъ писемъ 1901—1909 гг. Пгр. 1916, CXLVI, дек. 781, 782.

де-Бассоньеръ, Альбертъ, бельгійскій дипломатъ, въ замѣткѣ «Трагическая ночь бельгійскаго правительства», CXLIV апрѣль, 273.

Батюшковъ, Г. Рецензія его: «А. Н.

Мандельштамъ—бывшій первый драгоманъ російскаго посольства въ Константинополь, членъ-сотрудникъ института международного права. Младотурецкая держава. Историко-политическій очеркъ. М. 1915», CXLV, июль, 230—232.

Бахрушинъ, А. А., московскій благотворитель. Некрологъ его: CXLIV, апрѣль, 299.

Бачинскій, А. И. Рецензіи о книжкахъ его: 1) Очеркъ жизни и трудовъ Николая Алексѣевича Умова. М. 1916», 2) «Н. А. Умовъ. Биографическій очеркъ и перечень печатныхъ трудовъ съ указаніемъ времени и мѣста ихъ появленія. Съ рис. М. 1915», CXLIII, мартъ, 894.

Башмановъ, А. А.: 1) Его статья: 1) «Баронъ Ѳеодоръ Романовичъ фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ. (Некрологъ)», CXLIV, июль, 745—750. 2) Его примѣчанія къ «Запискамъ» гр. Н. П. Игнатъева: «Послѣ Санъ-Стефано», CXLIII, январь, 35—38; февраль, 357—379, мартъ, 654—678, CXLIV, апрѣль, 32—54; май, 330—346.

Безсоновъ, С. В. Рецензія Д. Богданова о книгѣ его: «Надзоръ за книгой. Опытъ систематизаціи матеріаловъ о цензурѣ въ допетровскую эпоху. Очеркъ по исторіи русскаго права. М., CXLVI, окт., 223, 224.

Бейенсъ, бар., бельгійскій посланникъ въ Берлинѣ, CXLV, августъ, 544—547.

Бемъ, А. Л. Рецензія о книгѣ его: «Къ исторіи изученія Толстого. Пгр. 1915», CXLIII, январь, 295.

Беневитскій, Ил. Рецензія о книгѣ его: Враги. Драматическія сцены въ 4 дѣйствіяхъ изъ времени войны 1914 г. Казань. 1914», CXLVI, ноябрь, 516, 517.

Бенкендорфъ, А. X., графъ, шефъ жандармовъ, CXLIV, июль, 808; CXLV, июль, 237—239; CXLVI, ноябрь, 524, 525.

Бень-Израэль, Манасія, кабалистъ, CXLIII, февраль, 604, 605.

Берви-Флеровскій, А. А., революціонный дѣятель, CXLIV, апрѣль, 265—272, CXLV, июль, 244, 245.

Бертенсоны:

— В. Б. Его статья: «За тридцать лѣтъ. (Листки изъ воспоминаній)», CXLVI, декабрь, 579—596.

— Л. Рецензія о книгѣ его и Д. Никольскаго: «Краткое руководство по подаціи первой помощи при несчастныхъ случаяхъ и внезапныхъ заболѣваніяхъ. Пгр. 1915», CXLIV, июль, 802.

— Л. Б. Рецензія о книгѣ его: «Необходимъ ли Петрограду медицинскій фа-

культетъ и ощущается ли въ Россіи нужда во врачахъ. Пгр. 1916», CXLIV, июль, 802.

Бестужевъ - Рюминъ, подпоручикъ, декабристъ) (о казни его), CXLV, июль, 100—109.

Бибилова, А. Ея статья: «Изъ семейной хроники», CXLVI, ноябрь, 404—426.

Биконсфильдъ, лордъ, англійскій министръ, CXLIV, апрѣль, 34; май 332, 333.

Бисмаркъ, Отто, князь, германскій канцлеръ, CXLIII, мартъ, 670, 671, 672; CXLIV, апрѣль, 33; май, 337, 339, 340. Въ замѣткѣ «Послѣдніе дни диктатуры Бисмарка», CXLIII, январь, 297—303; февраль, 597—602. Упомянутъ: CXLVI, окт., 258.

Бобринскіе, гр.

— А. А. CXLIII, февраль, 582.

— В. А., CXLV, сент., 794, 795.

Бобровъ, С. I) Рецензія Влад. Княжина о книгѣ его: «Новое о стихосложеріи А. С. Пушкина. Трехдольный паузникъ у Пушкина. Разборъ статьи В. Я. Брюсова о техникѣ Пушкина. Добавленія. Объяснительныя примѣчанія. М. 1916», CXLV, июль, 224, 225. 2) Рецензія Вл. Кн. объ изданной подъ его редакціей съ его предисловіемъ и комментаріями книгѣ «Божидаръ. Распѣвочное единство. М. 1916», CXLVI, дек., 776.

Богацій, Ф. Д., адвокатъ, писатель. Некрологъ его: CXLIV, июль, 840, 841.

Богдановъ, Д. Рецензія его: «Надзоръ за книгой. Опытъ систематизаціи матеріаловъ о цензурѣ въ допетровскую эпоху. Очеркъ по исторіи русскаго права. М.», CXLVI, окт., 223, 224.

Богословскій, П., археологъ. Рецензія о книгахъ его: 1) «Подземный ходъ и археологическія раскопки въ селѣ Пыскорѣ Солнкамскаго у. Пермь. 1915». Съ рис. 2) Верхотурскія царскія грамоты (начало XVII в.). Пермь. 1915». Съ 2 снимк. CXLIV, апрѣль, 263.

Бодуэнъ-де-Нуртене, И. А., проф. Рецензія Е. Шумигорскаго объ изданной подъ его и друг. редакціей книгѣ: «Отечество. Сборники національной литературы Россіи. Т. I. Пгр.», CXLV, июль, 220—222.

Божидаръ, (Б. П. Гордѣевъ). Рецензія Вл. Кн. о книгѣ его, изданной подъ редакціей, съ предисловіемъ и комментаріями С. Боброва. «Распѣвочное единство. М. 1916», CXLVI, дек., 776.

Бонначьо, итальянскій писатель-гуманистъ, CXLIII, февраль, 582, 583.

- Бань, И. И.**, геолог, статистикъ и писатель. Некрологъ его: CXLV, июль, 269.
- Большаковъ, Т. О.**, собиратель рукописей, CXLIII, мартъ, 885, 886.
- Бончъ-Бруевичъ, В.** Рецензія Т. М. о книгѣ: «Матеріалы къ исторіи и изученію религиозныхъ общественныхъ движеній въ Россіи. Подъ ред. Влад. Бончъ-Бруевича. Отдѣлъ: Сектантство. Выпускъ седьмой. Чемереки. Отвѣтвление Старого Израиля. Съ 10 портретами и фотографическими группами, 4 иносказательными изображеніями и другими снимками. Вступительная статья, замѣтки и примѣчанія Владимира Бончъ-Бруевича. Пгр. 1916», CXLVI, окт., 230.
- Боргманъ, А. И.** Рецензія К. о книгѣ его: «Повторительный и дополнительный курсъ русской исторіи. (Обзоръ русской культуры). Примѣнительно къ программѣ 13 іюля 1913 г. Пгр. 1916», CXLV, июль, 222—224.
- Борисовъ, П. Я.**, профессоръ-медикъ, писатель по медицинѣ. Некрологъ его: CXLVI, окт., 269.
- Бороздинъ, И.: 1)** Рецензія его: «Е. Н. Щепкинъ. Варяжская впра. Одесса. 1915», CXLIV, июнь, 780, 781. **2)** Рецензія о брошюрѣ его: «Московский профессоръ-гуманистъ Николай Ильичъ Стороженко. (Къ десятилѣтію со дня смерти). М. 1916», CXLIV, июнь, 802.
- Бочковъ, Д.** Рецензія его: «Каталогъ выставки XVI всероссійскаго археологическаго съѣзда 1914 года въ Псковѣ, отмѣннаго по случаю войны. Псковъ. 1915», CXLIII, январь, 293.
- Браунъ, Ф. А.**, профес., въ рецензированной I. В. книгѣ: «Сборникъ въ честь профессора Ф. А. Брауна. Пгр. 1915», CXLIII, январь, 292, 293.
- Бродскій, Л. К.** Рецензія Н. Г. Р. о книгѣ: «Парижскія письма протоіеря Іосифа Васильевича Васильева къ оберъ-прокурорамъ Святѣйшаго Синода и другимъ лицамъ съ 1846 по 1867 гг., изданныя съ биографическими свѣдѣніями и пояснительными примѣчаніями Л. К. Бродскимъ. Пгр. 1915», CXLIV, апрѣль, 253—255.
- Брэдстедъ, Джемсъ Генри.** Рецензія А. Захарова о его сочиненіи: «Исторія Египта съ древнѣйшихъ временъ до персидскаго завоеванія. М. 1915», CXLIV, май, 537, 538.
- Брюсовъ, поэтъ.** Рецензія Влад. Княжнина о книгѣхъ: 1) «Каролина Павлова. Собраніе сочиненій. Редакція и матеріалы для біографіи К. Павловой Валерія Брюсова. Т. I. Съ портретомъ и автографомъ. Т. II. Москва. 1915», CXLIV, июнь, 784, 785. 2) С. Боброва: «Новое о стихосложеніи А. С. Пушкина. «Трехдольный паузникъ у Пушкина. Разборъ статьи В. Я. Брюсова о техникѣ Пушкина. Добавленія. Объяснительныя примѣчанія. М. 1916», CXLV, июль, 224, 225.
- Бузескулъ, В. П.**, проф. Рецензія М. о книгѣ: «Сборникъ статей въ честь Владислава Петровича Бузескула. Томъ XXI сборника харьковскаго историко-филологическаго общества. Харьковъ. 1913—1915 гг.», CXLVIII, февраль, 576, 577.
- Булатовичъ, Антоній, іеросхимонахъ.** Его статья: «Моя борьба съ имяборцами на Святой горѣ», CXLV, сентябрь, 648—682; CXLVI, окт., 133—169.
- Булгаринъ, Ф. В.**, писатель, CXLIV, июнь, 615—617.
- Бутенко, В.**, профессоръ. Рецензія П. Б. о книгѣ его: «Курсъ новой исторіи. М. 1915», CXLVI, октябрь, 232—234.
- Бывалькевичъ, Г. П.**, журналистъ, (его юбилей), CXLVI, октябрь, 266, 267.
- Бѣлгородскій, А.**, преподаватель гимназіи. Рецензія о книгѣхъ его: «Ученическія экскурсіи. (Краткій историческій очеркъ, значеніе и организація ихъ). Изд. 2-е. Пгр. 1916», CXLVI, октябрь 239.
- Бѣлгородскій, А. В.** Рецензія Ш. о книгѣхъ его: «Порабощенное славянство въ Австро-Венгріи и Германіи. Пгр. 1915». — Галиція—исконное достояніе Россіи. М. 1915.—За что боролся и пострадалъ Янъ Гуссъ. (По поводу исполнявшагося 500-лѣтія со дня его мученической кончины). Пгр. 1916», CXLV, июль, 232, 233.
- Бѣловъ, А. Е.** Его статья: «Академикъ Никодимъ Павловичъ Кондаковъ. (Къ пятидесятилѣтію его ученой дѣятельности), CXLVI, ноябрь, 454—462.
- Бѣльскій, писатель.** Рецензія А. Наумова о его переводѣ «Калевалы», CXLIV, июнь, 789.
- Бѣляевская, О. А.** См. Капица, О. I.
- Бзонъ-Веруламскій, англійскій ученый,** CXLIV, июнь, 809, 812.

В

- В. К.** Рецензія его: «Собраніе сочиненій Александра Николаевича Веселовскаго. Серія II, томъ 3-й. Италия и Возрожденіе. Боккаччо, его среда и сверстники. Томъ первый (1893). Томъ пятый. Пгр. 1915», CXLIII, февраль, 582, 583.
- Вл. Ив.** Рецензія его: 1) «Архивъ Раевскихъ. Томъ V. Редакція и примѣчанія

Б. Л. Модзалевского. Пгр. 1915», СХLIII, февраль, 572. 2) «Труды тульской губернской ученой архивной комисси. Кн. 1. 1913.—10 ноября 1914 г. Тула. 1915», февраль, 585, 585. 3) «Борисъ Садовскій. Лебедины клики. Пгр. 1915», СХLIV, апрѣль, 257, 258. 4) В. Денисовъ. Война и дубокъ. Пгр. 1916», СХLIV, авг., 525. 5) «Вопросы теории и психологии творчества. Томъ VII. (Непериодическое изданіе, выходящее подъ ред. Б. А. Лезина). Статьи по психологии и теории художественнаго, научнаго и философскаго творчества гг. С. А. Горнфельда, Т. Райнова, Е. Шульца, С. П. Энгельмэйера и (переводныя)—Аристотеля, Г. Зиммеля и Анри Пуанкаре. Харьк. 1916», сент., 783. 6) «Труды тульской губернской ученой архивной комисси. Книга II. 1914 г.—10 ноября 1915 г. Тула. 1915», сент., 784, 785. 7) «Пушкинствъ. Историко-литературный сборникъ подъ редакц. проф. С. А. Венгерова. II. Пгр. 1916», СХLIII, ноябрь, 508. «Божидаръ. Распѣвочное единство. Редакція, предисловіе, комментарии Сергія Боброва. М. 1916», дек., 776.

В. П. Рецензія его: «Александръ Лебедевъ. Рукописи церковно-археологическаго музея императорской кievской духовной академіи. Т. I. Саратовъ. 1916», СХLVI, дек., 770, 771.

Вл. Ш—о. Рецензія о книгѣ его: «Лютый нѣмецъ и богатыри русскіе. Былина сего времени. Одесса. 1916», СХLV, июль, 235, 236.

Вадковскій, М. В. Его статья: «Мои воспоминанія о митрополитѣ Антоніи», СХLIII, январь, 195—220, февраль, 475—495.

Валь, фонъ, В. В., членъ государственнаго совѣта, (его германфильство), СХLIII, февраль, 590—592.

Вальтеръ, В. Г. Рецензія В. Бакшпа и книгъ о А. К. Лядовѣ съ его біографическимъ очеркомъ этого композитора. СХLVI, дек. 781 782.

Вальтеръ, Э. А. Рецензія Z. о книгѣ: «Библиологическій сборникъ. Т. I. Выпускъ второй. Біо-библиографическіе матеріалы, собранные въ 1913—1914 гг. Э. А. Вальтеромъ. Пгр. 1915», СХLIII февраль, 585, 586.

Ванченко, К. И. Его статья: «Изъ воспоминаній украинскаго актера», СХLIV, июнь, 680—700; СХLV, июль, 77—97.

Васленко, Н. П. Рецензія Н. Любвича о составленной имъ при участіи профессоровъ и преподавателей подъ редакціей проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго книгѣ: «Очерки по исторіи Западной Руси и украинства. Русская исто-

рія въ очеркахъ и статьяхъ. Т. III. Приложеніе. Кіевъ. 1916», СХLIII, февраль, 568, 569.

Васильевы:

— А., проф. Рецензія П. Б. о книгѣ его: «Курсъ исторіи среднихъ вѣковъ. М. 1915», СХLVI, окт., 232—234. Упомин.: окт., 242, 244.

— (Ясавъ), В. В. Рецензія Д. М.—ко о книгѣ его: «Русскіе самородки. Жизнеописанія и характеристики со вступительнымъ очеркомъ А. А. Коринфскаго. Т. I. Ревель. 1916», СХLV, авг., 518, 519.

— I. В., протоіерей парижской посьольской церкви, въ статьѣ Л. I. Автеномовой: «Воспоминанія о жизни и дѣятельности протоіерея I. В. Васильева», СХLV, авг. 299—330; сент. 596—613; СХLVI, окт., 27—48; ноябрь, 299—317; Упомин.: СХLIV, апрѣль, 253—255.

Васильковскій, П. Е. I Его статья: «Подъ Перемышлемъ», СХLIII, мартъ, 827—839. 2) Рецензія о книгѣ его: «Спутникъ юнаго натуралиста. Популярныя очерки и наблюденія изъ жизни русской природы. Съ рис. Пгр. 1916», СХLIV, май, 545.

Васютинскій, А. М. Рецензія объ изданной подъ его и др. редакціей книгѣ: «Книга для чтенія по древней исторіи. Ч. III. Римъ—имперія. Для III и IV классовъ средн.-учебныхъ заведеній. Сборникъ статей съ 106 иллюстраціями въ текстѣ и 15 иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ. М. 1915», СХLIII, февраль, 595.

Ватаци, М. П. Ея статья: «Дѣвичій институтъ царицы Маріи на Цетиньѣ»; СХLIV, апрѣль, 194—213; май, 491—504.

Ватсонъ, историкъ, СХLIII, мартъ, 916.

Вейгелинъ, К. Е. Рецензія о книгѣ его: «Воздушный справочникъ (Ежегодникъ Императорск. всероссійск. аэроклуба). Пгр. 1916», СХLV, августъ, 526.

Вейманъ, Станлей. Его историческій романъ въ переводѣ А. Б. Михайлова: «Красная кокарда», СХLIV, июнь, 1—28; СХLV, июль, 29—60; августъ, 61—92; сент., 93—124; СХLVI, окт., 125—156; ноябрь, 157—188; дек., 189—?

Вейнбергъ, П. И., писатель, СХLV, июль, 45.

Величина, В. Рецензія о переведенномъ ею романѣ П. Розеттера: «Яковъ послѣдній. Исторія крестьянина нашего времени». Пгр. 1916, СХLVI, дек. 786, 786.

Венгеровы:

— З. Рецензія Д. А. М. о переведенной ею и Н. М. Лаговымъ книгѣ: «Чего ждетъ Германія отъ войны? Бесѣды съ германскими общественными дѣятелями. Пгр. 1915», CXLIII, февраль, 580, 581.

— С. Рецензія о переведенномъ ею и Дубино-Княжицкимъ романѣ Поль-Адама: «Сила. Пгр. 1916», CXLIV, апрѣль, 261.

— С. А., проф.: 1) Рецензіи Евг. Павлова объ изданной подъ его редакціей книгѣ: «Русская литература XX вѣка (1890—1910 гг.). Часть I. Томъ I—II. Выпуски 1—5. М. 1916. Съ иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ», CXLVI, окт., 220—223. 2) Рецензія Вл. Кн. о книгѣ, изданной подъ его редакц.: «Пушкинистъ. Историко-литературный сборникъ. Пгр. 1916», CXLVI, ноябрь, 508.

Верещагинъ, В., писатель, CXLV, июль, 242.

Вермонъ, де, французскій аббатъ, воспитатель французской королевы Марии-Антуаннеты, CXLIV, апрѣль, 284, 285.

Веселкова-Нильштетъ, М. Г. Рецензія Д. М.—ко о книгѣ ея: «Листы пожелтѣлые. Стихотворенія. Пгр. 1916», CXLIV, май, 543, 544.

Веселовскій, А. Н. Рецензія В. К. о книгѣ «Собраніе сочиненій Александра Николаевича Веселовскаго. Серія II, томъ 3-й. Италія и Возрожденіе—Боккаччо, его среда и сверстники. Томъ первый (1893). Томъ пятый. Пгр. 1915», CXLIII, февраль, 582, 583.

Визева, французскій критикъ, CXLVI, окт., 249—251.

Війонъ (Villon), Франсуа, французскій поэтъ-бродяга. Рецензія о книгѣ: «Франсуа Війонъ. Отрывки изъ «Большого завѣщанія», баллады и разныя стихотворенія. Переводы и биографическій очеркъ Э. Эренбурга. М. 1916», CXLIV, май, 546.

Викентьевъ, В. Рецензія А. Захарова о книгѣ Джемса Гегри Брестеда въ его переводѣ: «Исторія Египта съ древнѣйшихъ временъ до персидскаго завоеванія. М. 1916», CXLIV, май, 537, 538.

Виллари, Паскале, итальянскій писатель. Рецензія Н. Любвича о его книгѣ, переведенной И. М. Кригелемъ: «Николо Маккиавели и его время. Томъ I. 1916», CXLIII, мартъ, 877—879.

Villon, см. Війонъ.

Вильгельминъ, Г. М., дѣятель по техническому образованію, писатель. Некрологъ его: CXLIV, май, 571.

Вильгельмъ I, германскій императоръ, CXLVI, окт., 241, 242.

Вильгельмъ II, германскій императоръ, въ замѣткѣ «Вильгельмъ II и искусство», CXLV, сен., 807—808. Упомянутъ: CXLIII, янв. 297—303; февраль, 597—602; июль, 239—241; авг., 545; CXLVI, окт., 261—263.

Вильсонъ, миссисъ, жена англійскаго чиновника (о германскомъ кронпринцѣ), CXLIV, июнь, 816—818.

Винбергъ, С. Л. Рецензія С. Л.—на о книгѣ его: «Исторія еврейской печати въ Россіи въ связи съ общественными теченіями. Пгр. 1915», CXLIII, февраль, 574, 575.

Витновичъ, Е. С. Его статья: «Живая-мертвая. (Быль времени крѣпостного права)», CXLIV, апрѣль, 55—76.

Витоль, I. В. Рецензія В. Баскина о книгѣ «А. К. Лядовъ съ его критическимъ очеркомъ о творчествѣ этого композитора», CXLVI, дек., 781, 782.

Витмеръ, А. Н. Его статьи: 1) «Курьезное недоразумѣніе. (По поводу легенды о Федорѣ Кузьмичѣ)», CXLIV, май, 427—431. 2) «Дяденька Петръ Егоровичъ. (Бытовая картинка изъ помѣщичьего быта прошлаго столѣтія)», CXLV, августъ, 368—382. Его поправка къ эго же статьѣ: «Святой человѣкъ», CXLIV, май, 576.

Витте, С. Ю., графъ, CXLIV, май, 534, 535; июнь, 795.

Владимирскій-Будановъ, М. Ф., профессоръ исторіи русскаго права, писатель. Некрологъ его: CXLIV, май, 571.

Войковъ, А. И., заслуженный профессоръ физической географіи. Некрологъ его: CXLIII, мартъ, 923—925.

Вознесенскій, А. Рецензія его: «Г. Прохоровъ. М. Ю. Лермонтовъ и его значеніе въ исторіи русской литературы (Историко-литературный очеркъ). Пгр. 1915», CXLIV, июнь, 785—787. 2) «Несторъ Котляревскій. Канунъ освобожденія 1855—1861 гг. Изъ жизни идей и настроеній въ радикальныхъ кругахъ того времени. Пгр. 1916», CXLV, августъ, 515—518. 3) «Архангельскій, А. С.», проф. Введеніе въ исторію русской литературы. Томъ I. Исторія литературы, какъ наука. Очеркъ научныхъ изученій въ области исторіи русской литературы. Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Пгр. 1916», CXLVI, ноябрь, 505—507.

Воиновъ, В. Рецензія о книгѣ его: «Сильные духомъ. Рассказы. Пгр. 1915», CXLIII, февраль, 594.

Волковичъ, В. Рецензія его: «Систематическій указатель книгъ для дѣтей и

юношества. Ч. I. Сказки. (Сказки народные, произведения народной словесности, былины, легенды, предания, сказания, сказки разных авторов). Указатель обработан на основании отзыва комиссии: Е. В. Арцимовичъ, О. А. Бѣляевская, В. И. Добродѣева, М. В. Имшенецкая, О. I. Капица, В. А. Коротнева, А. В. Пѣшехонова, А. М. Фатѣева, подъ редакц. О. I. Капица. Пгр. 1915», CXLVI, дек., 773—775.

Волковъ, И. М. Рецензія С. Л.—на о книгѣ: «Культурно-историческіе памятники древняго Востока. Подъ редакціей проф. Б. А. Тураева. Выпускъ 2-й И. М. Волковъ. Арамейскіе документы іудейской колоніи на Элефантинѣ V вѣка до Р. Хр. Съ 10 рисунк. М. 1915», CXLIII, янв., 289—291.

Волкова, М. М., женщина-врачъ. Некрологъ ея: CXLVI, ноябрь, 552.

Де-Волланъ, Г. А., дипломатъ и писатель. Некрологъ его: CXLIV, июнь, 842, 843.

Волынский, А. Л. Рецензія Н. Любовича о книгѣ Паскале Виллари, въ переводѣ И. М. Кригеля, подъ его редакціей «Николо Макиавелли и его время». Томъ I. 1916», CXLIII, мартъ, 877—879.

Воробьевъ, П. И. Рецензія Дм. М.—ко объ изданной подъ его редакціей книгѣ, составленной О. П. Доброхотовымъ и друг.: «Черноморское побережье Кавказа. Пгр. 1916», CXLIII, мартъ, 886—888.

Воронцовъ-Дашковъ, И. И., графъ, бывш. намѣстникъ на Кавказѣ. Некрологъ его: CXLIII, мартъ, 925, 926.

Врангель, Н. Н., бар., историкъ русской старины и искусства, CXLVI, дек., 782—784.

Вуичъ, Э. Его замѣтка: «О выходѣ венгерскихъ сербовъ въ Россію», CXLV, сентябрь, 731—734.

Вульфъ, А. Н. Рецензія А. Захарова о книгѣ: «Дневникъ Алексѣя Николаевича Вульфа 1828—1831 гг. Съ предисловіемъ и примѣчаніями М. Л. Гофмана и съ приложеніемъ портрета А. Н. Вульфа. Пгр. 1915», CXLV, сентябрь, 769—771.

Вюсть, нѣмецкій баронъ, составитель учебника о шпіонажѣ, CXLVI, окт., 249—251.

Г

Габсбурги, австрійскій императорскій домъ, CXLV, сент., 808—810.

Ганебушъ, журналистъ, CXLV, июль, 52, 53.

Гайлюйтъ, Ричардъ, англійскій географъ, CXLVI, дек., 799, 800.

Гальковский, Н. М. Рецензія А. Налимова о книгѣ: «Памятники міровой литературы. Творенія славянъ. Сербскій народный эпосъ. Пер. Н. М. Гальковского. М. 1916», CXLIV, апрѣль, 247, 248.

Галатовскій, Іоанникій, южно-русскій писатель, CXLIV, май, 547.

Гаршины:

— В. М. писатель и его родственники, CXLIV, апрѣль, 130—158; май, 399—426.

Гейеръ, Б. Э., писатель. Некрологъ его: CXLV, авг., 556, 557.

Геймерле, австрійскій дипломатъ, CXLIV, май, 333, 334.

Гейцигъ, П. В., портретный коллекционеръ, CXLIV, июнь, 837—839.

Генрихъ I, французскій король, CXLIV, июнь, 824—826.

Георгиевскій, Г. П., изслѣдователь рукописей, CXLIII, мартъ, 885, 886.

Георгій Побѣдоносецъ, св. великомученикъ, CXLVI, окт., 239.

Гердъ, Арчибальдъ, англійскій писатель, CXLVI, окт., 258—260.

Герсевановъ, М. Н. (о преміи его имени), CXLVI, ноябрь, 551.

Герценштейнъ, Д. М., докторъ, писатель. Некрологъ его: CXLV, августъ 556.

Гершензонъ, М. Рецензія Вл. Княжнина: «Русскіе Проппен. Т. III. Материалы по исторіи русской мысли и литературы. Собралъ и приготовилъ къ печати М. Гершензонъ. Писанія И. С. Тургенева, не включенныя въ собраніе его сочиненій. М. 1915. Съ воспроизведеніемъ факсимиле Тургенева—письма Н. П. Огареву», CXLIV, май, 535—537.

Гетте, Владимиръ, свящ., б. аббатъ, писатель, CXLV, сентябрь, 604—606.

Гиляровскій, Вл. Рецензія о книгѣ его: «Грозный годъ. Стихотворенія. Обложка В. Е.-Егорова. М. 1916», CXLV, сент., 789.

Гирсъ, Н. К., русскій дипломатъ, CXLIV, май, 330, 331.

Гладстонъ, Екатерина, супруга англійскаго государственнаго дѣятеля, CXLIV, май, 548—551.

Гливенко, И. И., магистръ исторіи западно-европейскихъ литературъ. Рецензія А. М. о книгѣ его: «Хрестоматія по всеобщей литературѣ. Ч. I. Античная и средневѣковая литература. Пгр.—Кіевъ. 1916», CXLIV, май, 537.

Глинскій, В. Б. Его статья: 1) «Р. И. Сементковскій. (Къ его юбилею), CXLV, сентябрь, 745—754. 2) «Памяти В. И. Семевского (Изъ воспоминаній)», CXLVI,

- ноябрь, 463—473. Рецензія его: «Мемуары П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго. Эпоха освобожденія крестьянъ въ Россіи (1857—1861 гг.) въ воспоминаніяхъ бывшаго члена-эксперта и завѣдывающаго дѣлами редакціонныхъ комиссій. Т. III. Пгр. 1915. Т. IV. Пгр. 1916». Съ портретами», СХLVI, декабрь, 761—764., 2) Рецензія С. Л.—на о книгѣ: «Прологъ русско-японской войны. Матеріалы изъ архива гр. С. Ю. Витте съ предисловіемъ и подъ редакціей Б. Б. Глинскаго. (Съ приложеніемъ портрета гр. С. Ю. Витте). Пгр. 1916», СХLIV, май, 534, 535.
- Глубоковскій**, Н. Н. профессоръ (его юбилей), СХLVI, дек., 801, 805.
- Глѣбовъ**, В. П. Его статья: «М. А. Балакиревъ. (Изъ воспоминаній)», СХLVI, декабрь, 700—709.
- Гнѣдичъ**, П. П. Его повѣсть «При комедіальной храмнѣ. (Первое пѣмецкое засилье)», СХLIII, январь, 59—98; февраль, 380—426, мартъ, 679—718.
- Гогенлоз**, кн., германскій дипломатъ, СХLII, май, 331, 339, 340.
- Гогенцоллерны**, прусскій королевскій домъ, СХLV, сент., 804—808.
- Голицыны**, князья:
- Б. Б., физикъ, академикъ: 1) Некрологъ его: СХLIV, июнь, 841. 2) Въ статьѣ А. П. Семенова-Тянь-Шанскаго «Памяти кн. Б. Б. Голицына, СХLV, июль, 165—175. Упомн.: СХLVI, ноябрь, 517.
- Д. В., московскій генералъ-губернаторъ, СХLIII, январь, 240—256.
- Головинъ**, Ѳ. А., (по поводу головинскаго дворца), СХLIII, мартъ, 840—843.
- Головкинъ**, дипломатъ, СХLIV, май, 343.
- Голштинскій** герцогъ Карлъ-Фридрихъ, зять императора Петра I, въ статьѣ Т. А. Мартемьянова: «Маланьинъ зять», СХVLI, июнь, 701—722.
- Гольдингъ**, Ф. Р., американскій писатель. Рецензія о его романѣ въ перев. подъ редакціей М. Н. Никольскаго: «Островъ Убѣжща. Приключеніе юныхъ путешественниковъ на Флоридскомъ берегу. Съ рисунк. Пгр.—М. 1916», СХLIV, апрѣль, 262.
- Горбачевскій**, И. И. Рецензія Е. Шумигорскаго о его «Запискахъ». М. 1916», СХLVI, окт., 224—226.
- Гордѣевъ**, Б. П., писатель. См. Божидаръ.
- Городецкій**, С. Рецензія о книгѣ его: «Дальнія молніи. Разказы. Пгр. 1916», СХLVI, окт., 237.
- Городецкій**, С. М. Рецензія В. Баскина о А. К. Лядовѣ, съ его «портретомъ по личнымъ воспоминаніямъ этого композитора», СХLVI, дек., 781, 782.
- Горчаковъ**, А. М., князь, канцлеръ, СХLIV, апрѣль, 33, 35, 36; май, 331, 332, 334, 338.
- Горькій**, М. Рецензія о книгѣ его: «Сказки. (Сочиненія. Т. XVII). Пгр. 1916», СХLIII, январь, 296.
- Горяиновъ**, С. Его статья: «Воспоминанія русскаго консула въ Буковинѣ», СХLVI, декабрь, 668—680.
- Гофманъ**, М. Л. Рецензія А. Захарова о книгѣ съ его предисловіемъ и примѣчаніями: «Дневникъ Алексѣя Николаевича Вульфа. Съ приложеніемъ портрета А. Н. Вульфа. Пгр. 1915», СХLV, сент., 769—771.
- Гошъ**, французскій генералъ, СХLIII, мартъ, 912—915.
- Градовскій**, Г. К., публицистъ, СХLV, сент., 768, 769.
- Гранкинъ**, А. Л., журналистъ. Некрологъ его: СХLIV, июнь, 841, 842.
- Гредескулъ**, Н. А., проф. Рецензія Е. Шумигорскаго объ изданной подъ редакціей проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенъ, его и др. книгѣ: «Отечество. Сборники національной литературы Россіи. Томъ I. Пгр.», СХLV, июль, 220—222.
- Григоровичъ**, В. И., славистъ, СХLV, июнь, 781, 782.
- Григоровичъ**, Е. Рецензія А. Захарова о переведенныхъ ею книгахъ Г. Масперо: «Во времена Рамзеса и Ассурбанипала. Вып. 1. Египетъ. М. 1916.—Вып. II. Ассирія. М. 1916», СХLIV, июнь, 798, 799.
- Григорьевы**:
- А. А., критикъ и поэтъ, въ статьѣ И. Б. Смольянинова: «Литературныя замѣтки. Поэзія кручины и страсти», СХLV, сент., 703—712.
- Р. Рецензія о книгѣ его: «На ущербѣ. Романъ. Изд. 3-е. Пгр. 1915», СХLIII, февраль, 594, 595.
- С. С. Рецензія о книгѣ его: «Вокругъ южнаго полюса. М. 1915», СХLIII, февраль, 505.
- Гротъ**, К. Я. Его статья: «Памяти Ю. Ѳ. Самарина», СХLVI, ноябрь, 427—453.
- Гротъ**, Я. К., наставникъ царскихъ дѣтей, СХLIII, январь, 99, 116.
- Гуревичъ**, Б. А. Рецензія Е. Шумигорскаго объ изданной подъ редакціей проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенъ, его и др. книгѣ: «Отечество. Сборники національной литературы Россіи. Т. I. Пгр.», СХLV, июль, 220—222.

Гурьевъ, Б. Рецензія его: 1) «Старая Турція и младотурки. Годъ въ Константинополѣ. Ариадны Тырковой. Пгр. 1916», CXLVI, ноябрь, 514, 515; 2) «Николай Лавровъ. «Темныя облака». Пгр., дек., 778.

Гусевъ-Оренбургскій, С. И. Рецензія о книгахъ его: 1) «Въ приходѣ. Пгр. 1916», CXLIII, мартъ, 893. 2) «Призракъ. (Собр. соч. т. XIV). Пгр. 1916», CXLIV, май, 546.

Гусъ, Янъ, чешскій ученый, CXLV, июль, 232, 233.

Гюго, Викторъ, французскій поэтъ, CXLVI, ноябрь, 541—543.

Д

Д. Рецензія его: «Эукидидъ. Исторія. Т. I и II. Переводъ О. Мищенко въ переработкѣ, съ примѣчаніемъ и вступительнымъ очеркомъ С. Жебелева, 1915», CXLIII, февраль, 583, 584.

Д. А. М. Рецензія его: «Чего ждетъ Германія отъ войны? Бесѣды съ германскими общественными дѣятелями. Редакція, примѣчанія и предисловіе Р. Стрѣльцова. Переводъ З. Венгеровой и Н. М. Лагова. Пгр. 1915», CXLIII, февраль, 580, 581.

Д. М. Его статья: «Сорокалѣтіе газеты «Новое Время» (1876—1916 гг.), CXLIV, апрѣль, 166—193. Рецензія его: 1) «Алексеѣ Ксюнинъ. Народъ на войнѣ. (Изъ записокъ военнаго корреспондента). Пгр. 1916», апрѣль, 255, 256. 2) «Русская исторія въ культурно-бытовыхъ очеркахъ подъ редакціей В. Я. Уланова. М. 1915. Н. Д. Шаховская. Въ монастырской вотчинѣ XIV—XVII вв. (Св. Сергій и его хозяйство). Н. Д. Комовская. Въ странѣ великаго хана. (Картины изъ быта монголовъ). П. П. Кащенко. Судъ въ московскомъ государствѣ.—Н. Н. Коваленская. Вельможа въ фаворѣ и ссылкѣ. (Князь Долгорукіе).—М. Н. Коваленскій. Русскій ученый XVIII в. Страницы изъ жизни Ломоносова. Съ иллюстраціями», май, 532—534.—«Вѣнокъ Врангелю отъ общества защиты и сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины. Пгр. 1916», CXLVI, дек., 782—784.

Д. М—но. Рецензія его: 1) «М. Г. Веселкова-Кильпигетъ. Листы пожелтѣлые. Стихотворенія. Пгр. 1916», CXLIV, май, 543, 544. 2) «Георгій Чулковъ. Вчера и сегодня. Очеркъ. М. 1916», июль, 794, 795. 3) И. Б. Смольяниновъ. Защитный штыкъ. (Военные рассказы). Пгр. 1916», CXLV, июль, 233, 234. 4) «В. В. Васильевъ. (Ясавъ). Русскіе самородки. Жизнеописанія и характеристики съ вступитель-

нымъ очеркомъ А. А. Коринфскаго. Т. I—Ревель. 1916», авг., 518, 519. 5) «Письма А. П. Чехова. Подъ редакціей М. П. Чеховой. Т. VI. (1900—1904 гг.). Съ иллюстраціями. М. 1916». CXLVI, окт., 226—228.

Дм. М—но. Рецензія его: 1) «Черноморское побережье Кавказа. Справочная книга. Сост. О. П. Доброхотовъ и друг., съ предисловіемъ статсъ-секретаря А. С. Ермолова. Подъ редакц. Н. П. Воробьева. Пгр. 1916», CXLIII, мартъ, 886—888. 2) Оедоръ Коммиссаржевскій. Театральныя прелюдіи. Съ иллюстраціями. Москва. 1916», CXLIV, июнь, 796—798.

Даниловъ, В. Рецензія его: «Извѣстія вологодскаго общества изученія Сѣвернаго края. Вып. II. 1915 г.», CXLIII, январь, 284, 285.

Даниловичъ, Г. Г., педагогъ, CXLIV, май, 547.

Даниль, пророкъ, въ рецензированной Ив. Ювачевымъ переводѣ книги Исаака Ньютона: «Замѣчанія на книгу пророка Данила и Апокалипсисъ св. Іоанна. Пгр. 1915», CXLIII, январь, 288, 289.

Дельбрюкъ, Гансъ, нѣмецкій профессоръ, CXLV, июль, 256—260.

Дельвигъ, баронъ, поэтъ, CXLV, июль, 237—239.

Дель-Венкио, Джорджио, итальянскій ученый, проф. Рецензія о сочиненіи его: «Моральныя причины нашей войны. М. 1916», CXLVI, ноябрь, 517.

Деляновъ, И. Д., министръ народнаго просвѣщ., CXLVI, окт. 245—247.

Демидовъ-Санъ-Дonato, кн., CXLVI, окт., 27, 28.

Денблонъ, бельгійскій писатель, CXLIV, июнь, 812, 813.

Денисовъ, В. Рецензія Вл. Кн. о книгѣ его: «Война и лубокъ. Пгр. 1916», CXLV, авг., 525.

Денисюкъ, Н. О. Рецензія о книгахъ его: 1) «Государственное хозяйство въ популярномъ изложеніи. Съ 37 диаграммами. Пгр. 1916». 2) «Хозяйственная жизнь Россіи. Экономическая географія Россіи. Популярныя очерки. Съ предисловіемъ А. П. Нечаева. Пгр. 1916», сент. 788.

Дервизъ, фонъ, П. Г., желѣзнодорожный дѣятель, CXLVI, ноябрь, 311—315.

Державинъ, Г. Р., поэтъ, CXLV, августъ, 555.

Деркачевъ, И. П., дѣятель и писатель по народному образованію. Некрологъ его: CXLVI, дек., 807, 808.

Джемсъ, Уильямъ. Рецензія: «Психологія. Переводъ сочиненія «Psychology by William James, professor of psychol-

logy in Harvard University» И. И. Лапина, проф. импер. петрогр. унверс. Пгр. 1916», CXLIV, апрѣль, 263.

Диксонъ, Элеонора. Рецензія о книгѣ ея: «Гюльхана. Стихотворенія. Ташкентъ. 1916», CXLV, авг., 527.

Диль, Ш. Рецензія М. о переведенной О. Анненковой книгѣ его: «По берегамъ Средиземнаго моря. М. 1915», CXLV, июль, 228, 229.

Дмитріевъ, Д. С., священникъ и писатель, въ статьѣ епископа Трифона: «Памяти священника Д. С. Дмитріева», CXLIII, мартъ, 820—826.

Добротѣва, В. И. См. Калица, О. И. **Доброворскій**, Л. Ф., контръ-адмиралъ, въ статьѣ Л. П. Семенова-Тянь-Шанскаго: «Памяти А. Ф. Доброворскаго, контръ-адмирала въ отставкѣ», CXLIII, январь, 221—225.

Доброхотовъ, Ф. П. Рецензія Дм. М—ко о составленной имъ и др. книгѣ: «Черноморское побережье Кавказа. Справочная книга. Пгр. 1916», CXLIII, мартъ, 886—888.

Довнаръ-Запольскій, М. В., проф. 1) Рецензія Н. Любвича о редактированной имъ составленной Н. П. Василенко при участіи профессоровъ и преподавателей книгѣ: «Очерки по истории Западной Руси и украинства. Русская исторія въ очеркахъ и статьяхъ. Т. III. Приложение. Киевъ. 1916», CXLIII, февраль, 568, 569; 2) въ рецензированной К—шовой книгѣ: «Б. Г. Курцъ. Сочиненіе Кильбургера о русской торговлѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Сборникъ студенческаго историко-этнографическаго кружка при императорскомъ университетѣ св. Владимира подъ руководствомъ проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Вып. VI. Киевъ. 1915», CXLIII, январь, 283, 284.

Догановичъ, Анна. Ея статья: «Александръ Васильевичъ Кругловъ», CXLIII, окт., 170—194.

Додз, Эрнестъ, французскій историкъ, CXLIII, январь, 297—303; февраль, 597—602; CXLIV, апрѣль, 276, май, 551—554; CXLVI, дек., 794—799.

Долгоруковъ, И. М., кн., писатель, CXLV, августъ, 532—534.

Долгоруковъ, П. Д., кн. Рецензія Е. Шумигорскаго объ изданной подъ редакціей проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртена, его и др. книгѣ: «Отечество. Сборники національной литературы Россіи. Томъ I. П. р.», CXLV, июль, 220—222.

Дранъ, Л. Л., цензоръ, генераль-отъ-инфантеріи, военный историкъ. Некрологъ его: CXLV, сент., 825, 826.

Драницинъ, Д. А., натуралистъ, писа-

тель. Некрологъ его: CXLV, июль, 269, 270.

Дризень, баронъ, историкъ театра, CXLV, июль, 241, 242.

Дубасовъ, Ф. В., адмиралъ, въ замѣткѣ: «Памяти Ф. В. Дубасова», CXLIV, апрѣль, 296.

Дубино-Княжицкій, Б. Рецензія о переведенномъ имъ и С. Венгеровою романъ Поль Адана: «Сила. Пгр. 1916», CXLIV, апрѣль, 261.

Дунинъ, А. А. Его очеркъ: «Въ старой Москвѣ», CXLIII, январь, 240—256. Его статьи: 1) «На провинціальной газетной пивѣ. (Изъ литературныхъ воспоминаній)», CXLIV, июнь, 751—758. 2) «Страшный домъ. Рассказъ изъ сѣверной старины», CXLVI, ноябрь, 318—338. **Дюбоскъ**, Андрэ, французскій писатель, CXLIV, апрѣль, 288, 289.

Е

Е. Л. Его статья: «Многоотрудная жизнь», CXLV, июль, 110—122.

Е. Ш. Рецензія его: «Домъ княгини М. А. Шаховской. Фонтанка, 27. Очеркъ П. Н. Столянскаго. Пгр. 1916. Съ иллюстраціями», CXLV, сент., 782, 783.

Егоровъ, Д. Н. Рецензія А. Захарова о книгѣ его: «Славяно-германскія отношенія въ средніе вѣка. Колонизація Мекленбурга въ XIII в. Т. I. М т р і а л ы и методъ. Москва 1915». Приложение. Registrum Raseburgense а 1229—1230. Т. II. Процессъ колонизаціи. М. 1915», CXLIV, апрѣль, 249—252.

Екатерина I, императрица, въ статьѣ «Маланынъ зять», CXLIV, июнь, 701—722.

Екатерина II, императрица, въ замѣткѣ Б. С. Пушкина «Изъ исторіи Головинскаго и Екатерининскаго дворцовъ въ Москвѣ», CXLII, мартъ, 840—843. Упомин. мартъ, 896—898; CXLV, июль, 140, 141, 144.

Елена Павловна, великая княгиня, CXLVI, ноябрь, 304.

Елецкій, Ал-дръ. Рецензія его: «Русскія народныя картинки». Матеріалы для полного описанія ихъ со снимками. Описаль А. Е. Мальмгренъ. Часть первая. Сказки, былины, пѣсни, басни, повѣсти, романы и забавные листы. Вып. I. Митава. 1915», CXLIII, мартъ, 872, 873.

Елизавета Алексѣевна, императрица, CXLIV, июнь, 735—744.

Ершовъ, В. И., б. московскій губернскій предводитель дворянства, CXLIII, февраль, 593, мартъ, 702.

Ермоловъ, А. С., статсъ-секретарь. Рецензія Дм. М—ко объ изданной съ его

предисловіем книгѣ, составленной О. П. Доброхотовымъ и др. «Черноморское побережье Кавказа. Справочная книга. Пгр. 1916», СХLIII, мартъ, 886—888.

Ефимовъ, Н. Рецензія о книгахъ его: 1) «Вѣчный рыцарь. Памяти Сервантеса 1616—1916», СХLIV, июнь, 801. 2) Проблема любви и брака въ творчествѣ Жоржъ-Сандъ. (Памяти любвеобильной женщины). 1876—1916. Юрьевъ. 1916», СХLV, июль, 236.

Ж

Жариновъ, Д. А. Рецензія С. Л.—на о составленной имъ и др. книгѣ: «Древній міръ въ памятникахъ его письменности. Востокъ. Ч. 1-я. Съ рисунками. М. 1915», СХLIV, июнь, 789, 790.

Жебелевъ, С. А. Рецензія Д. о книгѣ: «Оукидидъ. Исторія. Т. I и II. Переводъ О. Мищенко въ переработкѣ, съ примѣчаніями и вступительнымъ очеркомъ С. Жебелева», СХLIII, 1915», февр., 583, 584.

Желховцевъ, Д. Рецензія С. Л.—на о переведенной имъ книгѣ К. Корниля: «Пророки. Пять публичныхъ лекцій. М. 1915», СХLV, июль, 226, 227.

Жерлицынъ, М. Рецензія Влад. Княжина о книгѣ его: «Кольриджъ и англійскій романтизмъ. Одесса. 1915», СХLIV, апрѣль, 248, 249.

Жомини, бар., русскій дипломатъ, СХLIV, апрѣль, 32, 33; май, 337, 338.

Жоржъ-Сандъ, французская писательница, СХLV, июль, 236.

Жуковский, В. А., поэтъ, СХLVI, ноябрь, 524—527.

Жуковский, В. В., финансово-промышленный дѣятель и писатель. Некрологъ его: СХLVI, окт., 269, 270.

Жуковъ, В. Г., табачный фабрикантъ, СХLIII, февраль, 592, 593.

Журавская, З. Рецензія о романахъ У. Д. Локка, въ ея переводѣ: «Узурпаторъ. М. 1916».—«Случайность. М. 1916», СХLIII, мартъ, 893. 2) «Обломки крушенія. М. 1916», СХLIV, апрѣль, 262. 3) «Другъ человѣчества. М. 1916», СХLV, авг., 526.

З

З. И. Б. Рецензія его: «В. К. Лукомскій и баронъ Н. А. Тимольтъ». Русская геральдика. Руководство къ составленію и описанію гербовъ. Пгр. 1915», СХLIII, февраль, 579, 580.

Зайкинъ, Л. Его статья: «Русскій Да-

вось», СХLIV, май, 505—525; июнь, 759—776.

Замотинъ, И. И., проф. Рецензія М.—о книгѣ его: «Сороковые и шестидесятые годы. Очерки по исторіи русской литературы XIX стол. Пгр. М. 1916», СХLII, ноябрь, 507—508.

Занарди-Ланди, г-жа, англійскій историкъ, СХLIII, январь, 303—307.

Занъ, Оома, польскій поэтъ, СХLIV, июнь, 617—619.

Захаровъ, А. Рецензія М. о переведенной имъ книгѣ Г. Ферреро «Величіе и паденіе Рима. Томъ I. Созданіе имперіи. М. 1915», СХLIII, мартъ, 876. Рецензія его: 1) Д. Н. Егоровъ. Славяно-германскія отношенія въ средніе вѣка. Колонизація Мекленбурга въ XIII в. Т. I. Матеріалъ и методъ. М. 1915». Приложение. Registum Raseburgense a 1229—1230. Т. II. Процессъ колонизаціи. Москва. 1915», СХLIV, апрѣль, 249—252. 2) Джемсъ Генри Брэггедъ. Исторія Египта съ древнѣйшихъ временъ до персидскаго завоеванія. Авторизованный переводъ въ англійскаго В. Викентьева. М. 1915», СХLIV, май, 537, 538. 3) «Владимиръ Соловьевъ. Стихотворенія. Изд. 6, значительно дополненное, съ вариантами, библиографическими примѣчаніями, библиографіей, факсимиле и 2 портретами. Москва. 1915», СХLIV, июнь, 787, 788. 4) «Г. Масперо. Во времена Рамзеса и Ассурбанипала. Вып. I. Египетъ. Переводъ Е. Григоровичъ. Москва. 1916. Г. Масперо. Во времена Рамзеса и Ассурбанипала. Вып. II. Ассирія. Перев. Е. Григоровичъ. М. 1916», СХLIV, июнь, 798, 799. 5) «Дневникъ Алексѣя Николаевича Вульфа 1828—1831 гг. Съ предисловіемъ и примѣчаніями М. Л. Гофмана и съ приложеніемъ портрета А. Н. Вульфа. Пгр. 1915, СХLV, сент. 769—771. 6) Матеріалы по археологіи Кавказа. Выпускъ XIII. Подъ ред. гр. П. С. Уваровой и Х. П. Кучукъ-Юаннесова. Пгр. 1916, т. VI», СХLVI, дек., 779.

Здравомысловъ, К. Я. Его статья: «Пятидесятилѣтіе высочайше утвержденной комиссіи по разбору и описанію архива Святѣйшаго Синода», СХLIII, февраль, 545—549.

Зеленинъ, Д. К. Рецензія Т. М. о книгѣ: «Великорусскія сказки Вятской губерніи. Съ приложеніемъ шести (пяти) вотяцкихъ сказокъ. Собралъ Д. К. Зеленинъ. Пгр. 1915», СХLIII, мартъ, 890, 891.

Зиновьевъ, Н. В., воспитатель царскихъ дѣтей, СХLIII, январь, 113, 114.

И

И. Б. Рецензія его: «Е. К. Рѣдинъ, профессоръ харьковскаго университета. Христіанская топографія Козьмы Индикоплова по греческимъ и русскимъ спискамъ. Исслѣдованіе. Посмертное изданіе. Подъ ред. Д. В. Айналова. Ч. I. М. 1916», CXLV, сент., 781, 782.

И. М. Его статья: «Изъ воспоминаній о Викторѣ Даниловичѣ Кренке. (Къ столѣтію со дня его рожденія)», CXLIV, июнь, 663—679.

Им. Б. Рецензія его: «Д. А. Лутохинъ, графъ С. Ю. Витте, какъ министръ финансовъ. Пгр. 1915», CXLV, июнь, 795.

Иваненко, В. Н., генераль, адвокатъ и писатель. Некрологъ его: CXLIII, январь, 316.

Ивановы:

— В. Л., орловскій чиновникъ, другъ писателя Н. С. Лѣскова, CXLIII, мартъ, 804—813.

— Д. И., земскій дѣятель, писатель. Некрологъ его: CXLVI, ноябрь, 553.

— М. М., композиторъ и музыкальный критикъ (его юбилей), CXLIV, май, 568, 569.

Иванъ III, великій князь (по поводу его «Судебника»), CXVI, сент., 787.

Иванъ Грозный, царь, въ статьѣ И. Стеллецкаго: «Забытый уголокъ Иоана Грознаго», CXLVI, окт., 212—219. Упомин.: CXLIII, февр., 545; CXLV, сент., 787, 789.

Ивероновъ, И. А., директоръ сельскохозяйственнаго института, геодезистъ и астрономъ, писатель. Некрологъ его: CXLV, сент., 826, 827.

Ивневъ, Р. Рецензія о книгѣ его: «Золото смерти. М. 1916», CXLXI, дек., 785.

Игнатьевъ, Е. И. Рецензіи о книгахъ его: 1) «Законы природы. Опытъ общедоступнаго изложенія основныхъ началъ современнаго научнаго міропониманія. Съ рис. Пгр. 1916», CXLV, июль, 236. 2) «Въ царствѣ звѣздъ и свѣтилъ. Наблюдательная астрономія для всѣхъ. Книга 2. Наблюденія невооруженнымъ глазомъ и посредствомъ простѣйшихъ инструментовъ. Съ рис. и черт. Пгр. 1916», CXLV, сент., 786.

Игнатьевъ, Н. П., графъ, дипломатъ. Его Записки: «Послѣ Санъ-Стефано». CXLIII, январь, 35—58; февраль, 357—379; мартъ, 654—678, CXLIV, апрѣль, 32—54; май, 330—346.

Игорь, князь новгородъ-сѣверскій, въ рецензированной А. Б. въ англійскомъ переводѣ А. Магнуса, съ его же комментаріями, книгѣ: «Слово о полку Игоревѣ.

1914», CXLIV, апрѣль, 247. Упом. CXLV, июль, 264, 265.

Измайловъ, А. А. Его статья: «Принцъ и нищій» (Изъ воспоминаній о К. М. Фофановѣ), CXLIV, май, 459—478. Поправка къ этой статьѣ, июнь, 848.—Рецензія А. Тинякова о книгѣ его: «Чеховъ. 1860—1904. Біографическій набросокъ», CXLVI, дек., 767—770.

Иконниковъ, В. С., профессоръ. Рецензія Н. Г. Р. о книгѣ его: «Максимъ Грекъ и его время. Историческіе изслѣдованіе. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Киевъ. 1915», CXLIII, февраль, 565—568.

Илія, пророкъ, CXLIV, июнь, 777—779.

Илличъ-Свитычъ, В. С., народникъ, писатель. Некрологъ его: CXLV, сент., 287.

Ильина-Пожарская, Е. Ея статья: «Подруга по институту. (Изъ записокъ бабушки)», CXLIV, май, 347—365.

Ильминскій, Я. К. Рецензія Н. Г. Р. о книгѣ его: «Святитель Афанасій III, патріархъ константинопольскій Пательарій. Историко-біографическое изслѣдованіе. Киевъ, 1915», CXLV, сент., 774—776.

Имеретинскій, А. К., князь, CXLIV, май, 397, 398.

Имшенецкая, М. В. См. Капица О. И. **Индикопловъ**, Козьма. Рецензія И. Б. о книгѣ проф. Е. К. Рѣдина: «Христіанская топографія Козьмы Индикоплова по греческимъ и русскимъ спискамъ. Исслѣдованіе. Посмертное изданіе. Подъ ред. Д. В. Айналова. Ч. I. М. 1916», CXLV, сент., 781, 782.

Иностранцевъ, А. А., профессоръ, (его юбилей), CXLIV, май, 566.

Ирецкій, В. Рецензія о книжкѣ его: «Суета. Разказы. Пгр. 1915», CXLVIII, февр., 594.

І

І. В. Рецензіи его: 1) Сборникъ въ честь профессора Э. Л. Брауна («Записки неопилогического общества при императорскомъ петроградскомъ университетѣ». Вып. VIII). Пгр. 1915», CXLIII, янв., 292, 293. 2) «Е. В. Аничковъ. Очеркъ развитія эстетическихъ ученій (сборникъ «Вопросы теоріи и психологіи творчества») С. VI. Харьковъ. 1915», CXLIII, мартъ 874—876.

Исусъ Христосъ, (по поводу секты имябожниковъ), CXLIII, мартъ, 752—785.

Іоаннъ, св. евангелистъ, въ рецензированной **Ив. Ювачевымъ** переводѣ

книги Исаака Ньютона: «Замѣчанія на книгу пророка Даниїла и апокалипсисъ св. Іоанна. Пгр. 1915», CXLIII, янв., 288, 289.

Іосифъ Бонапартъ, испанскій король, CXLIV, май, 561—563.

Іосифъ-Францъ, австрійскій эрцгерцогъ (его воспитаніе), CXLIV, апрѣль, 288, 289.

К

К. Рецензія его: 1) «А. И. Боргманъ. Повторительный и дополнительный курсъ русской исторіи. (Обзоръ русской культуры). Примѣнительно къ программѣ 13 іюля 1913 г. Пгр. 1916», CXLV, июль, 222—224; 2) «В. Строевъ. магистръ русской исторіи. Учебникъ русской исторіи для младшихъ классовъ, среднихъ учебныхъ заведеній и высшихъ начальныхъ училищъ съ рисунками и картами. М. 1915», авг., 519—520; 3) «А. В. Тищенко. Его работы-статьи о немъ. Пгр. 1916», CXLVI, окт., 229.

К. В. Рецензія его: «А. Кизеветтеръ. Историческіе отклики. М. МСМХV г.», CXLVI, сентябрь, 242—245.

К—въ. Рецензія его: «Историческая географія. Лекціи, читанныя проф. С. М. Середонинымъ въ императорскомъ петроградскомъ археологическомъ институтѣ. Пгр. 1916», CXLIV, май, 530—532.

К. Р., августѣйшій поэтъ, въ рецензированной книгѣ Г. Нелюбина: «Свѣтлой памяти К. Р. Цвѣты русской поэзіи усопшему августѣйшему поэту. Пгр. 1915», CXLIII, январь, 295.

К—шовъ. Рецензія его: «Б. Г. Курцъ. Сочиненіе Кильбургера о русской торговлѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Сборникъ студенческаго историко-этнографическаго кружка при императорскомъ университетѣ св. Владимира, подъ руководствомъ проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Вып. VI. Кіевъ», CXLIII, январь, 283, 284.

Казанли, Н. И., композиторъ. Некрологъ его: CXLV, сент., 827, 828.

Казоцкій, журналистъ, издатель газетъ, CXLV, июль, 52, 53.

Кайгородовъ, Н. Н., генералъ, знатокъ пороходѣлія, писатель. Некрологъ его: CXLVI, дек. 808.

Калидаса, индійскій писатель. Рецензія А. Налимова о его «Драмахъ», въ переводѣ К. Бальмонта, CXLV, июль, 225.

Каменскій, Е. С. Его статьи: 1) «Отъ дѣтства до присяги. (Изъ жизни августѣйшихъ дѣтей императора Александра II)», CXLIII, январь, 99—126, фев-

раль, 427—458; 2) «Красное Село. (Начало военной службы цесаревича Александра Александровича)», CXLV, августъ, 474—511.

Каранозовъ, покушавшійся на жизнь Александра II, CXLV, июль, 242—243.

Капица. О. І. Рецензія В. Волковича о книгѣ: Систематическій указатель книгъ для дѣтей и юношества. Ч. I. Сказки. (Сказки народныя, произведенія народной словесности, былины, легенды, преданія, сказанія, сказки разныхъ авторовъ). Указатель обработали на основаніи отзывовъ комиссіи Е. В. Арцимовичъ, О. А. Бѣляевская, В. И. Добродѣева, М. В. Имшенецкая, О. І. Капица, В. А. Коротнева, А. В. Пышекорова подъ ред. О. І. Капица. Пгр. 1915», CXLVI, дек., 773—775.

Карамзинъ, Н. М., историкъ, CXLV, июль, 206—211.

Карачевскій, Е. Его рассказъ-быль: «Крѣпостная дворянка.» CXLIV, июнь, 643—662.

Каргрэмъ, Генріэта. Рецензія о книгѣ ея: «Въ крѣпости небывалой. Пгр. 1916», CXLV, сент., 787.

Катаевъ, И. М. Рецензія о книгѣ: «Вопросы преподаванія исторіи въ средней и начальной школѣ. Сборникъ I. Подъ редакц. И. М. Катаева, при ближайшемъ участіи В. Н. Бочкарева и др. М. 1916», CXLIII, февраль, 596.

Катанскій, Н. А. Его статья: «Наши плѣнные во Франціи въ 1854—55 годахъ», CXLVI, дек., 710—727.

Науфманъ, И. И., профессоръ, докторъ политической экономіи и статистики. Некрологъ его: CXLIII, февраль, 620, 621.

Науфманъ, К. П., генералъ-губернаторъ, CXLIV, июнь, 623; CXLVI, октябрь, 111, 113, 116, 122; ноябрь 384, 397, 402; декабрь, 649, 652, 655, 660, 662, 664—666.

Наховскій, поручикъ, декабристъ, CXLV, июль, 101—109.

Наховскій, В. П., дѣятель военно-педагогическаго міра, CXLVI, ноябрь, 518.

Нащенко, П. П. Рецензія Д. М. о книгѣ его: «Судъ въ Московскомъ государствѣ», CXLIV, май, 532—354.

Менигъ, фонъ, С. А. (нынѣ Чирикова). Ея статья: «Воспоминанія сестры милосердія. (Дорогимъ пермяцамъ на память 1877—1878 гг. отъ ихъ сестры милосердія)». CXLVI, октябрь, 70—106; ноябрь, 339—368; декабрь, 617—637.

Неренскій, Вл., проф. Его статья: «Митрополитъ Антоній. (По поводу книги М. Б. Антоній, митрополитъ петербург-

ский и ладожский), СХLIV, июнь, 723—734. Рецензія о книжкѣ его: «Протоіерей Алексѣй Петровичъ Мальцевъ. (Очеркъ его жизни и дѣятельности)». Казань. 1915», СХLIV, апрѣль, 262, 263.

Керимъ-Гирей, крымскій султанъ, СХLIII, январь, 253—256.

Кизеветтеръ, А., проф. 1) Рецензія К. В. о книгѣ его: «Историческіе откъпки. М. МСМХV г., СХLIV, апрѣль, 242—245. 2) Рецензія объ издашпой подь его редакціей книжкѣ М. А. Крыловой: «Старый Кіевъ. Очеркъ изъ жизни славянъ на Днѣпрѣ. М. 1916», СХVІІІ, январь, 294

Кильбургеръ, Іоганъ-Филлиппъ, шведскій дипломатъ. Рецензія К—шова о книгѣ «Б. Г. Курцъ. «Сочиненіе Кильбургера о русской торговлѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича», СХLIII, январь, 283, 284.

Кирилль Бѣлозерскій, преподобный, СХLIII, февраль, 595.

Кирноръ, А. К., писатель, СХLIV, июль, 626, 627.

Клейгельсъ, Н. В., генераль-адъютантъ, административный дѣятель. Некрологъ его: СХLV, сент., 828, 829.

Климентъ, монахъ. Его статья: «Имябожническій бунтъ или плоды ученія книги «На горахъ Кавказа», СХLIII, мартъ, 752—785. Упом. СХLIII, сент., 648—650, 672, 674—679; СХLVI, отк., 132—169.

Климентъ XIV, римскій папа, противникъ іезуитовъ, СХLIII, февраль, 538—544.

Клочковъ, М. В., проф. 1) Рецензія Е. Шумигорскаго о книгѣ его: «Очерки правительственной дѣятельности времени Павла I. Пгр. 1916», СХLVI, ноябрь, 499—503. 2) Рецензія о книгѣ «Судебники Іоанна III и Іоанна IV 1497 и 1550 гг. Текстъ съ указателемъ напечатанъ проф. М. Клочковымъ. Харьковъ. 1915», СХLV, сент., 787.

Ковалевскій, М. М., проф. 1) въ статьѣ кн. Б. А. Щетинина: «М. М. Ковалевскій и московскій университетъ. (Страничка изъ воспоминаній)», СХLIV, май, 483—490. Некрологъ его: май, 571—574. 2) Рецензія Н. Любовича о книгѣ Паскале Виллари, въ переводѣ И. М. Кригеля, подь редакціей А. Л. Волынскаго, съ его вступительною статьею: «Никколо Макіавелли и его время. 1916», СХLIII, мартъ, 977—979.

Коваленскіе:

— М. Н. Рецензія: 1) объ издашпой подь его и др. редакціей книгѣ: «Книга для

чтенія по древней исторіи. Ч. III. Римъ—имперія. Для III и IV классовъ среднеучебныхъ заведеній. Сборникъ статей съ 106 иллюстраціями въ текстѣ и 15 иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ. М. 1915», СХLIII, февраль, 595. 2) Д. М. о книгѣ его: «Русскій ученый XVIII в. Страницы изъ жизни Ломоносова. М. 1915. Съ иллюстраціями», СХLIV, май, 532—534.

— Н. Н. Рецензія Д. М. о книгѣ ея: «Вельможа въ фаворѣ и ссылкѣ. (Князь Долгорукиѣ)», СХLIV, май, 532—534.

Ковальскіе, К. и Ѳ. Рецензія о книгѣ ихъ: «Двуликій богъ. Романъ. Пгр. 1916», СХLV, августъ, 527, 528.

Кожанчиковъ, Д. Е., киниторговецъ, СХLIV, апрѣль, 79—82.

Козеко, Евгенія. Ея статья «Нѣсколько словъ объ отцѣ Іоаннѣ Кронштадтскомъ. (Къ дню его рожденія 19 октября)», СХLVI, октябрь, 195—200.

Коллонтай, А. Рецензія Т. М. о книгѣ его: «Общество о материнство. Государственное страхование материнства. Пгр. 1916», СХLIV, апрѣль, 258, 259.

Кольриджъ, англійскій поэтъ, въ рецензированной Влад. Княжниннымъ книгѣ М. Жерлицына: «Кольриджъ и англійскій романтизмъ. Одесса, 1915», СХLIV, апрѣль, 248, 249.

Комаровъ, В. В., издатель газеты «Свѣтъ», СХLV, июль, 47.

Комманъ, Маргарита, англійская писательница, СХLIII, мартъ, 907—910.

Коммисаровъ-Костромской, И. О., спасшій жизнь имп. Александра II, СХIV, июль, 242—244.

Коммиссаржевскій, Федоръ. Рецензія Дм. М—ко о книгѣ его: «Театральныя прелюдіи. Съ иллюстраціями. Москва. 1916», СХLIV, июнь, 796—798.

Комовская, Н. Д. Рецензія Д. М. о книгѣ его: «Въ странѣ великаго хана. (Картинны пзъ быта монголовъ)», СХLIV, май, 532—534.

Кондаковъ, Н. П., академикъ, въ статьѣ А. Бѣлова: «Академикъ Никодимъ Павловичъ Кондаковъ», СХLVI, ноябрь, 454—462.

Константинъ Константиновичъ, великій князь, въ статьѣ А. Сиверскаго: «Черты изъ жизни великаго князя Константина Константиновича», СХLIII, мартъ, 719 — 722; (о его завѣщаніи), СХLV, июль, 263—264.

Коптяевъ, А. П. Рецензія М. А. С. о книгѣ его: «А. Н. Скрябинъ. Съ приложеніемъ 60 нотныхъ примѣровъ, пяти факсимиле и портрета композитора. Пгр. 1916», СХLVI, декабрь, 775, 776.

Норинфскій, А. А., поэт. Рецензія Д. М.—ко о книгѣ В. В. Васильева (Ясав): «Русскіе самородки. Жизнеописанія и характеристики», съ его вступительнымъ очеркомъ, СXLV, августъ, 518, 519.

Норниловъ, Н. Рецензія Б. В. о его переводѣ комедіи Аристофана «Женскій праздникъ». Казань. 1916, СXLVI, дек., 779, 780.

Норниль, К. Рецензія С. Л.—на о книгѣ его, переведенной Д. Желочовцевымъ подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. М. Никольскаго: «Пророки. Пять публичныхъ лекцій». М. 1915, СXLV, июль, 226, 227.

Нортнева, В. А. См. Капица, О. И.

Норти, графиня, итальянскій дипломатъ, СXLIV, апрѣль, 35; май, 337, 338.

Носвинцевъ, Е. Н. авторъ статьи «Черный бунтъ», въ статьѣ монаха Климента «Имяложническій бунтъ», СXLIII, мартъ, 752, 753.

Норшъ, О., академикъ. Рецензія А. Налимова о переведенной имъ книгѣ: «Персидскіе лирики X—XV вѣковъ». М. 1916, СXLVI, октябрь, 235, 236.

Ностицій, А. Его: некрологъ П. О. Никульцева, СXLV, авг., 558.

Нотляревскій, Несторъ. Рецензія А. Вознесенскаго о книгѣ его: «Канунъ освобожденія. 1885—1861 гг. Изъ жизни идей и настроеній въ радикальныхъ кругахъ того времени». Пгр. 1916, СXLV, августъ, 515—518.

Носевичъ, В. Рецензія о романѣ Ф. Анстeya въ ея переводѣ: «Мѣдный кувшинъ». М. 1916, СXLV, августъ, 526.

Носелевъ, А. И., публицистъ. СXLV, августъ, 553.

Нояловичъ, М. М., писатель-журналистъ. Некрологъ его: СXLV, сентябрь, 829.

Ноянинъ, Влад. Рецензіи его: 1) «Леонидъ Семеновъ. М. Ю. Лермонтовъ. Статьи и замѣтки. I. Москва. 1915. II. Семеновъ. Къ вопросу о вліяніи Марлинскаго на Лермонтова. Воронежъ. 1914», СXLIII, январь, 287, 288. 2) «М. Жерлицынъ. Кольридж и англійскій романтизмъ. Одесса. 1915».—А. Г. Рудневъ. Академикъ Н. С. Тихонравовъ и его труды по изученію памятниковъ древнерусской литературы. Опыт историко-литературной характеристики. Издавъ подъ редакціей и наблюденіемъ проф. А. В. Михайлова. Варшава. 1915», СXLIV, апрѣль, 248, 249. 3) «Русскіе Пропилеи. Томъ III. Матеріалы по исторіи русской мысли и литературы. Собралъ и приготовилъ къ печати М. Гершензонъ. Писанія И. С. Тургенева, не включенныя въ собраніе его сочиненій. М. 1915. Съ вос-

произведеніемъ факсимиле Тургенева—письма къ Н. П. Огареву», май, 535—537. 4) «Каролина Павлова. Собраніе сочиненій. Редакція и матеріалы для біографіи К. Павловой. Валерія, Брюсова. Т. I. Съ портретомъ и автографомъ. Т. II. Москва. 1915», июнь, 784, 785.

5) Сергій Бобровъ. Новое о стихосложеніи А. С. Пушкина. Трехдольный паузникъ у Пушкина. Разборъ статьи В. Я. Брюсова о техникѣ Пушкина. Добавленія. Объяснительныя примѣчанія. М. 1916», СXLV, июль, 224, 225. 6) «Борисъ Рапгофъ. К. Павлова. Матеріалы для изученія жизни и творчества. Пгр. 1916», августъ, 524, 525. 7) «Архивъ села Карабихи. Письма Н. А. Некрасова и къ Некрасову. Примѣчанія составилъ Н. Ашукинъ. Москва. MCMXVI. Съ 7 снимками и 1 автографомъ», сент., 766—768.

Нязевъ, Г. М. Рецензія объ изданной подъ его редакціей и съ его предисловіемъ книгѣ: «В. И. Ламазскій. Три міра Азіяско-Европейскаго материка. Пгр. 1916», СXLIV, июнь, 801.

Нязьковъ, С. Рецензія о книгахъ его: 1) Царь Иванъ Васильевичъ Грозный и его время. Изд. 4-е, исправл. и дополн. Пгр. 1915. 2) Гангудскій бой и морской флотъ Петра Великаго. Пгр. 1915. 3) Петръ Великій и его современники за границей. Пгр. 1915, и 4) С.-Петербургъ и с.-петербургское общество при Петрѣ Великомъ. Пгр. 1914», СXLV, сент. 788.

Кравченко, Н. Отвѣтъ ему А. Фрейганга, СXLIV, июнь, 846—848.

Красноженъ, М. проф. Рецензія его: «Проф. А. Н. Филипповъ. Каталогъ членовъ и оберъ-прокуроровъ Св. Прав. Синода за XVIII в. (Изъ рукописнаго собранія Н. Н. Подашевскаго). М. 1916», СXLVI, дек., 780.

Краснокутскій, Н. А., генераль, СXLIV, май, 368, 372—735.

Кренке, В. Д., инженеръ, писатель, въ статьѣ П. М.: «Изъ воспоминаній о Викторѣ Даниловичѣ Кренке», СXLIV, июнь, 663—679.

Крестовскій, В. В., писатель, СXLIV, июнь, 623, 625.

Кржижановскій, Н. Л., капитанъ 1-го ранга, писатель. Некрологъ его: СXLV, сент., 829, 830.

Кригель, И. М. Рецензія Н. Любовича о переведенной имъ книгѣ Паскале Виллари: «Никколо Макиавелли и его время. Т. I. 1916», СXLIII, мартъ 877—879.

Кромвель, Оливеръ, протекторъ Англій, СXLIII, февраль, 605.

Кругловъ, А. В., писатель въ статьѣ Анны Догановичъ: «Александръ Василье-

вить Кругловъ», СXLVI, октябрь, 170—194.

Кругловъ, Феодоръ, свящ. Рецензія о книжкѣ его: «Жизнь, чудеса и слава св. великомученика Георгія Побѣдоносца и памятники его имени.—Его императорское величество государь Императоръ Николай Александровичъ въ Гельсингфорсѣ 25 февраля 1915 г. Съ портретами Государя Императора и видами Гельсингфорса. Пгр. 1915», СXLVI, октябрь, 239.

Круновскіе:

— А. В. Рецензія о книжкѣ его: «Плетневъ, какъ критикъ. (Къ 50-лѣтію со дня его смерти). Воронежъ. 1916», СXLV, сент. 788.

— Л. Рецензія г. Слабченко о «Муарахъ кн. Л. Сапѣги», въ ея переводѣ, Пгр. 1916, СXLV, августъ, 512—515.

Крылова, М. А. Рецензія о книжкѣ ея: «Старый Кіевъ. Очеркъ изъ жизни славянъ на Днѣпрѣ. Подъ ред. проф. А. А. Кизеветтера. М. 1916», СXLIII, январь, 294.

Крымскій, А., проф., Рецензія А. Наумова о переведенной академикомъ О. Коршемъ, редактированной имъ и съ его вступительною статью книгъ: «Персидскіе лирики X—XV вѣковъ. М. 1916», СXLVI, октябрь, 235, 236.

Ксюнинъ, Алексѣй. Рецензія Д. М. о книгѣ его: «Народъ на войнѣ. (Изъ записокъ военнаго корреспондента). Пгр. 1916», СXLIV, апрѣль, 255, 256.

Кудряшевъ, К. Рецензія его: «Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной Е. И. В. канцеляріи. Съ Высочайшаго соизволенія. Подъ редакціей приватъ-доцента В. Строева. Вып. XV. Пгр. 1915», СXLIV, июнь, 782.

Кузнецовъ, К. А. Рецензія Б. В. о книгѣ его: «Платонъ. Введеніе въ анализъ «Государства» и «Законовъ». Одесса. 1916», СXLV, сент., 779, 780.

Курманъ-Джанъ, алайская киргизская царица, СXLVI, декабрь, 644, 648.

Курцъ, Б. Г. Рецензія К—шова о книгѣ «Б. Г. Курцъ «Сочиненія Кильбургера о русской торговлѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича», СXLIII, январь, 283, 284.

Кутузовъ-Смоленскій, М. И., князь (о памятникѣ ему), СXLIV, апрѣль, 295, 296.

Кучукъ-Іоаннесовъ, Х. П. Рецензія А. Захарова объ изданной подъ его и гр. П. С. Уваровой редакціей книгъ: «Матеріалы по археологій Кавказа. Вып. «Истор. вѣстн.», декабрь 1916 г.,

XIII. М. 1916. Т. IV», СXLV, дек. 779. **Кущевскій**, писатель, СXLIV, июнь, 633, 634.

Кюхельбекеръ, поэтъ - декабристъ, СXLIII, февраль, 468,—472.

Л

Л. Л. Рецензія его: 1) «М. Н. Покровский. Очеркъ исторіи русской культуры. Часть первая. М. 1915», СXLIII, мартъ, 889, 870. 2) «Труды вятской ученой архивной комиссіи. 1914 г. Вып. II—III. Вятка. 1914.—Тоже 1915 г. Вып. I», мартъ, 889.3) «Начальный курсъ исторіи русскаго языка въ связи съ древне-церковно-славянскимъ. Учебникъ по русскому языку для IV класса средне-учебныхъ заведеній. Составилъ И. И. Солосинъ, преподаватель морского корпуса и Александровской женской гимназіи въ Пгр. Пгр. 1915», СXLIV, апрѣль, 256, 257. 4) «Церковь Или пророка въ Ярославлѣ. Текстъ Н. Первухина. Фотографія И. Лазарева. Рисункъ обложки А. Красотина. М. 1915», июнь, 777—779. 5) «Систематическій указатель статей, напечатанныхъ въ неофициальной части «Педагогическаго Сборника» за пятьдесятъ лѣтъ (1864—1914 гг.). Составилъ С. А. Переселенковъ. Пгр. 1915.—И. С. Симоновъ. Изъ исторіи журнала для чтенія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній, Пгр. 1915», СXLV, сент. 785.

Лависсъ, Эрнестъ, французскій историкъ, СXLV, сент. 807, 808.

Лавровъ, В. М., писатель, издатель журнала «Русская Мысль», въ статьѣ П. Соколова: «Москвичъ. (Посвящается памяти Вукола Михайловича Лаврова)», СXLV, сент., 713—724.

Лавровъ, Н. Рецензія Б. Гурьева о книгѣ его: «Темныя облака. Пгр», СXLVI, дек., 778.

Лаговъ, Н. М. 1) Рецензія Д. А. М. о переведенной имъ и З. Венгеровой книгѣ: «Чего ждетъ Германія отъ войны? Бесѣды съ германскими общественными дѣятелями. Пгр. 1915», СXLIII, февраль, 580, 581. 2) Рецензія о книгѣ въ его работѣ и переводѣ: «Французскіе рассказы съ фронта съ начала войны по октябрь 1915 г. Пгр. 1916», СXLV, августъ, 526, 527.

Лазаревскій, Б. Рецензія о книгѣ его: «Любимое. Рассказы. Пгр. 1916», СXLVI, окт., 237.

Лазаревъ, И., фотографъ, СXLIV, июнь, 777—779.

Лазаревъ, Н. И. Его статья: «Поруган- т. СXLVI.

- ная Голгова». (Быль наших дней), СXLV, июль, 60—76.
- Ламанскій, В. И.** Рецензія о книгѣ его: «Три міра Азіяско-Европейскаго материка. Посмертное (второе) издание учебниковъ автора, съ портретомъ его, подъ ред. и съ предисл. Г. М. Князева. Пгр. 1916», СXLIV, июнь, 801.
- Лапшинъ, И. И., проф.** Рецензія: «Психологія. Переводъ сочиненія «Psychology by William James, professor of psychology in Harvard University» И. И. Лапшина, проф. императорскаго петроградскаго университета. Пгр. 1916», СXLIV, апрѣль, 263.
- Латышевъ, В. В.** Рецензія Ш. о книгѣ его: «Византійская «Царская» минаея. Изслѣдованіе. Пгр. 1915», СXLV, августъ, 521—523.
- Лебедевы:**
- А. Рецензія В. П. о книгѣ его: «Рукописи церковно-археологическаго музея императорской кіевской духовной академіи. Т. I. Саратовъ. 1916», СXLVI, дек., 770, 771.
- Александръ. Рецензія его: «Описание русскихъ рукописныхъ собраній. Вып. 1-й. Г. П. Георгіевскій. Рукописи Т. О. Большакова, хранящіяся въ императорскомъ московскомъ и Румянцовскомъ музеѣ. Пгр. 1915», СXLIII, мартъ, 885, 886.
- И. А., московскій общественный дѣятель, писатель. Некрологъ его: СXLV, сент., 830, 831.
- К. В., академикъ живописи. Некрологъ его: СXLVI, ноябрь, 553.
- Левашевъ, В. А., профессоръ-гигіенистъ.** Некрологъ его: СXLVI, дек., 808, 809.
- Левинсонъ, А.** Рецензія о «романѣ Поль-Адана «Сила». Пгр. 1916», съ его предисловіемъ, СXLIV, апрѣль, 261.
- Левъ XIII, папа, въ замѣткѣ «Папа Левъ XIII и теноръ»,** СXLVI, дек., 800, 801.
- Ледоховскій, Владимиръ, генералъ ордена іезуитовъ,** СXLIII, февраль, 532, 534.
- Лезинъ, Б. А.** Рецензія Вл. Кн. о неперіодическомъ изданіи, выходящемъ подъ его редакціей: «Вопросы теоріи и психологіи творчества. Т. VII. Статьи по психологіи и теоріи художественнаго, научнаго и философскаго творчества гг. А. Горнфельда, Т. Райнова, Е. Шульца, П. Энгельмейера и (переводныя)—Аристотеля, Г. Зиммеля и Анри Пуанкаре. Харьковъ. 1916», СXLV, сентябрь, 783.
- Лермонтовъ, М. Ю., поэтъ:** 1) въ рецензированныхъ Влад. Княжичинимъ книгахъ Л. Семенова: 1) «М. Ю. Лермонтовъ. Статьи и замѣтки. I. Москва. 1915», 2) «Къ вопросу о вліяніи Марлинскаго на Лермонтова. Воронежъ. 1914», СXLIII, январь, 287, 288. 2) Въ рецензированной В. Вознесенскимъ книгѣ Г. Прохорова: «М. Ю. Лермонтовъ и его значеніе въ исторіи русской литературы. (Историко-литературный очеркъ). Пгр. 1915», СXLIV, июнь, 785—787. (Открытие ему памятника), СXLV, июль, 265, 266. (Лермонтовскій музей), СXLV, сент., 823, 824.
- Леопольдъ II, австрійскій императоръ,** въ рецензированной А. Б. книгѣ П. Митрофанова: «Леопольдъ II, австрійскій. Внѣшняя политика. Т. I. Часть I. Пгр. 1916», СXLVI, окт. 231, 232.
- Ли, Вернонъ.** Рецензія А. Налимова о книгѣ его: «Италія. Избранныя страницы. Театръ и музыка. Пер. Е. Урениусъ, подъ ред. П. Муратова. 1915», СXLIV, май, 542, 463.
- Линдъ, В. Н., тверской земскій дѣятель, публицистъ.** Некрологъ его: СXLV, сентябрь, 831.
- Липовскій, А. Л., литераторъ и педагогъ (его юбилей),** СXLIII, январь, 315.
- Лисовскій, Н. М.** Рецензія А. М.—на о составленной имъ книгѣ: «Библиографія русской періодической печати 1703—1900 гг. (Матеріалы для исторіи русской журналистики). Пгр. 1915», СXLIV, июнь, 795, 796.
- Ловцовъ, К.** Рецензія о переведенной имъ книгѣ «Очеркъ исторіи Китая». Пекинъ. 1914. СXLVI, дек., 786.
- Ломкъ, Уильямъ Дж.** Рецензія о романахъ его: 1) «Уаурпаторъ. М. 1916».—«Случайность, М. 1916», СXLIII, мартъ, 893. 2) «Обломки крушенія. М. 1916», СXLIV, апрѣль, 262. 3) «Другъ человечества. М. 1916», СXLV, августъ, 526.
- Ломоносовъ, М. В., ученый и писатель,** СXLIV, май, 532—534.
- Лопатинскій, Л. Г., помощникъ попечителя учебнаго округа, писатель (его юбилей),** СXLVI, дек., 804.
- Лористъ-Меликовъ, М. Т., графъ, б. министръ внутреннихъ дѣлъ,** СXLV, сент., 790—792.
- Лукашевичъ, К. В., дѣтская писательница (ея юбилей),** СXLIV, апрѣль, 293.
- Лукомскій, В. К.** Рецензія З. И. Б. о книгѣ его и бар. Н. А. Типольта: «Русская геральдика. Руководство къ составленію и описанію гербовъ. Пгр. 1915», СXLIII, февраль, 579, 580.
- Лутохинъ, Д. А.** Рецензія Им. Б. о книгѣ его: «Графъ С. Ю. Витте, какъ министръ финансовъ. Пгр. 1915», СXLIV, июнь, 795.

Лучинский, В. Я., одесский журналист (его юбилей), CXLVI, окт., 266.

Лысанов, В. Д. Рецензия о книгѣ: «Дасюльная свадьба, пѣсни, игры и танцы въ Заонежьѣ, Олонецкой губерніи. Собрано и изложено въ драматической формѣ В. Д. Лысановымъ. Петрозаводскъ. 1916. Съ 16 снимками», CXLV, сентябрь, 786.

Лѣсковъ, Н. С., писатель, въ статьѣ А. И. Фаресова: «Умственные перемены въ дѣятельности Н. С. Лѣскова», CXLIII, мартъ, 786—819.

Любавскій, М. К. Рецензія Т. М. обз изданій подъ его завѣдываніемъ: «Чтенія при императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ». 1915 г. Книга третья двѣсти пятьдесятъ четвертая. М. 1915», CXLIII, мартъ, 872.

Любимовъ, С. Рецензія Б. Моздалевского о книгѣ его: «Опытъ историческихъ родословій. Гундоровы, Жижемскіе, Невсвицкіе, Сибирскіе, Зотовы и Остерманы. Пгр. 1915», CXLIV, апрѣль, 252.

Любовичъ, Н. П. Рецензія его: 1) «Василенко, Н. П. Очерки по исторіи Западной Руси и украинства. Русская исторія въ очеркахъ и статьяхъ. Составлена при участіи профессоръ и преподавателей подъ редакціей проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Т. III. Приложение. Кіевъ. 1916», CXLIII, февраль, 568, 569. 2) «Виллари, Пасвале. Николо Маккиавели и его время. Томъ I. Со вступительной статьёй М. М. Ковалевскаго. Переводъ съ итальянскаго И. М. Кригеля. 1916. Редакторъ А. Л. Волинскій», CXLIII, мартъ, 877—879.

Людовикъ XV, французскій король, CXLIV, апрѣль, 284, 285, 286.

Людовикъ XVI, французскій король, CXLIV, апрѣль, 283.

Лютостанскій, И. I., писатель. Поправка Т. М. къ его некрологу, CXLIII, январь, 320.

Лядовъ, Ан. К., композиторъ. Въ рецензированной В. Баскиннмъ книгѣ «А. К. Лядовъ: 1) «Жизнь, біогр. очеркъ В. Г. Вальтера». 2) «Портретъ, по личнымъ воспоминаніямъ С. М. Городецкаго». 3) «Творчество, крит. очеркъ И. В. Витоль». 4) «Изъ писемъ 1901—1909 гг.». Пгр. 1916, CXLVI, дек., 781, 782.

Лянды, С. И., журналистъ, общественный дѣятель. Некрологъ его: CXLIII, февраль, 621.

М

М. Рецензія его: 1) «К. К. Арсеневъ. За четверть вѣка (1871—1894 гг.). Сборникъ статей. Пгр. 1915», CXLIII, фе-

враль, 572, 573. 2) «Сборникъ статей въ честь Владислава Петровича Бузескула. Т. XXI сборника харьковскаго историко-филологическаго общества. Харьковъ. 1913—1915 г.», февраль, 576, 577. 3) «Г. Ферреро. Величіе и паденіе Рима. Томъ I. Созданіе имперіи. Переводъ А. Захарова. М. 1915», мартъ, 876. 4) «Труды саратовской ученой архивной комиссіи. Выпускъ 32-й. 1915. Саратовъ. 1915», CXLIV, апрѣль, 246. 5) «Извѣстія общества изучения Олонецкой губерніи. № 2—3. Петрозаводскъ. 1914», CXLIV, июнь, 739. 6) «III. Диль. По берегамъ Средиземнаго моря. Переводъ О. Анненковой. М. 1915», CXLV, июль, 228, 229. 7) «Труды вятской ученой архивной комиссіи 1915 г. Выпускъ II—III. Вятка. 1915», авг., 524. 8) «Отчетъ императорской публичной бібліотеки за 1908 г. Пгр. 1915.—То же за 1909 г. Пгр. 1915.—То же за 1910 г. Пгр. 1915», сент., 764—766. 9) «Ипполитъ Тэнъ. Путешествіе по Италіи. Переводъ П. П. Перцова. Т. II. Флоренція и Венеція. М. 1916», CXLVI, окт., 234, 235.

М. А. С. Рецензія его: «А. П. Коптяевъ, А. Н. Скрябинъ. Съ приложеніемъ 60 нотныхъ примѣровъ, пяти факсимиле и портрета композитора. Пгр. 1916», CXLVI, дек., 775, 776.

М. Б. Рецензія А. М.—на о книгѣ его: «Антоній, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій. 1915», CXLIII, январь, 279—281.

М. Л. Рецензія о книгѣ его: «За что воюетъ сейчащъ русскій народъ. Полт. 1916», CXLVI, окт., 238.

М—о. Рецензія его: 1) «А. И. Фаресовъ. Народъ безъ водки. (Путевые очерки). Пгр. 1916», CXLIII, февраль, 577, 578. 2) «И. И. Замотинъ, профессоръ императорскаго варшавск. университета. Сороковые и шестидесятыя годы. Очерки по исторіи русской литературы XIX столѣтія. Пгр. М. 1916», CXLVI, ноябрь, 507, 508.

М—ловъ. Рецензія его: 1) «Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Святейшаго Правительствующаго Синода. Томъ IX (1729 г.). Пгр. 1912.—Т. XVIII. (1738 г.). Пгр. 1915.—Т. XIX. (1739). Пгр. 1913.—Т. XXI (1741). Пгр. 1913.—Т. XXII (1742 г.). Москва. 1914.—Т. XXIX (1749). Пгр. 1913.—Т. XXXII (1752 г.). Пгр. 1915 г.—Т. XXXIV (1754 г.). Пгр. 1912.—Т. L. (1770 г.). Пгр. 1914», CXLIV, июнь, 783, 784. 2) «Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской Имперіи. Томъ IV (1763—28 іюля 1762 г.). Пгр.

1912 г.—Томъ II. (1773—1784). Пгр. 1915.—Т. III. (1785—1796 гг.). Пгр. 1915.—Томъ за время царствования императора Павла I. (1796—1801 гг.).—Т. I. (Съ 12 декабря 1825 г.—1835 г.). Пгр. 1915 г., CXLV, сент., 780, 781.
Магнусъ, Леонардъ, англійскій писатель. Рецензія А. Б. о переведенной имъ съ его же комментаріями книгѣ: «Слово о полку Игоревѣ. 1914», CXLIV, апрѣль, 247.

Майковъ, П. М. Рецензія его: «Рязанская губернія въ 1812 году, преимущественно съ бытовой стороны. Матеріалы по исторіи отечественной войны. Составилъ И. И. Проходцовъ. Т. I. Т. II. 1915», CXLIII, февраль, 569—571.

Макиавелли, Никколо, итальянскій писатель, въ рецензированной Н. Любимичемъ книгѣ Пасквале Виллари: «Никколо Макиавелли и его время. Томъ I. 1916», CXLIII, мартъ, 877, 879.

Максимовы:

— К. А., беллетристъ (его юбилей), CXLVI, ноябрь, 548.

— П. В., дипломатъ, въ статьѣ А. Фрейганга: «Памяти П. В. Максимова», CXLVI, декабрь, 692—699.

— С. В., этнографъ, CXLIV, апрѣль, 81, 82, 110, 111.

Максимъ Греть, преподаватель, CXLIII, февраль, 565, 568.

Макушинъ, П. И., сибирскій общественный дѣятель и благотворитель (его юбилей), CXLIV, май, 566—568.

Маланьинъ зять. См. Голштинскій герцогъ.

Малеинъ, А. I. Рецензія о книгѣ его: «Древніе языки въ реформируемой средней школѣ. Пгр. 1915», CXLIII, январь, 296.

Малыхинъ, П. В., воронежскій журналистъ, CXLIV, апрѣль, 78.

Мальмгрень, А. Э. Рецензія Ал—дра Елецкаго: «Русскія народныя картинки». Матеріалы для полного описанія ихъ со снимками. Описалъ А. Э. Мальмгрень. Часть первая. Сказки, былины, пѣсни, басни, повѣсти, романы и забавные листы. Вып. 1-й. Митава. 1915», CXLIII, мартъ, 872, 873.

Мальцевъ, Алексѣй Петровичъ, протоіерей, CXLIV, апрѣль, 262, 263.

Мандельштамъ, А. Н., бывш. первый драгоманъ русскаго посольства въ Константинополь, членъ-сотрудникъ института международного права. Рецензія Г. Батюшкова о книгѣ его: «Младотурецкая держава. Историко-политическій очеркъ. М. 1915», CXLV, июль, 230—232.

Мардаревъ, б. цензоръ (объ эпиграмахъ), CXLV, сент., 793, 794.

Маріонъ, профессоръ, CXLV, августъ, 547—549.

Марія Александровна, императрица, въ статьѣ М. П. Ватаци: «Дѣвичій институтъ царицы Маріи на Цетиньѣ», CXLIV, апрѣль, 194—213; май, 490—504.

Марія-Антуаннета, французская королева, въ замѣткѣ: «Новая біографія Маріи-Антуанетты», CXLIV, апрѣль, 282—288; май, 554—561; июнь, 818—824; CXLV, июль, 246—252; августъ, 537—543; сент., 799—804.

Марія Николаевна, великая княгиня, CXLVI, октябрь, 26, 27.

Марія-Терезія, австрійская императрица, CXLIV, апрѣль, 282, 284.

Марія Теодоровна, императрица, супруга имп. Павла I (по поводу казни декабристовъ), CXLV, июль, 103—109.

Марія Теодоровна, вдовствующая императрица, CXLV, августъ, 534, 535.

Маркевичъ, Ар. Ив. Рецензія А. М. объ изданной подъ его редакціей книгѣ: «Извѣстія таврической ученой архивной комиссіи (годъ двадцать восьмой). Вып. 52. Симфероп. 1915», CXLIII, мартъ, 888.

Маркони, Франческо, итальянскій телеграфистъ, CXLVI, дек., 800, 801.

Марлинскій, писатель, CXLIII, январь, 287, 288.

Мартемьяновъ, Т. А. Его статья: «Малашинъ зять». (Памяти С. Н. Шубинскаго), CXLIV, июнь, 701—722.

Мартьяновъ, Н. Г., книгопродавецъ-издатель. Некрологъ его: CXLIII, февраль, 621.

Масальскій, В. И., кн. Рецензія о редакцірованномъ имъ сборникѣ: «Ежегодникъ отдѣла земельныхъ улучшеній. 1914. Годъ шестой. Пгр. 1915», CXLIV, июнь, 801.

Масальскій, Н. Э., кн., начальникъ артиллеріи, CXLIV, май, 386—389.

Масляненко, Дм. Рецензія его: «К. Чуковский. Заговорили молчаніе. Томми Аткинсъ на войнѣ. Пгр. 1916», CXLIII, мартъ, 880—882.

Масперо, Г., египтологъ. Рецензія А. Захарова о книгѣхъ его въ переводѣ Е. Григоровичъ: «Во времена Рамзеса и Ассурбанипала. Вып. I. Египетъ. М. 1916.—Вып. II. Ассирія. М. 1916», CXLIV, июнь, 798, 799.—Замѣтка о немъ: CXLVI, дек., 791, 792.

Массонъ, Фредерикъ, французскій историкъ, CXLIV, май, 561—563.

Матвѣева, Е., рожд. кн. Львова. Ея статья: «Нѣсколько воспоминаній о графѣ

А, К. Толстомъ и его женѣ», СХLIII, январь, 162—178.

Мейеръ, фонъ, Фридрихъ-Клеменсъ, нѣмецкій культуртрегеръ», писатель, въ статьѣ А. И. Миловидова: «Изъ исторіи нѣмецкаго культуртрегерства и шпионажа въ Россіи», СХLV, сент., 726—730.

Мельгуновъ, С. П. 1) Рецензія о книгѣ: «Разказы по русской исторіи. Общедоступная хрестоматія съ рисунками. Составлена кружкомъ преподавательницъ, подъ ред. С. П. Мельгунова и В. А. Петрушевскаго. М. 1915», СХLIII, февраль, 596. 2) Рецензія Т. Соколовской объ изданной подъ его и Н. П. Сидорова редакціей книгѣ: «Масонство въ его прошломъ и настоящемъ», СХLIV, апрѣль, 245, 246. Упомян. СХLV, июль, 244, 245.

Мельниковъ (Печерскій), П. И., писатель, СХLIV, апрѣль, 81—83.

Менчицъ, В. А., работникъ по народо-вѣдѣнію юга Россіи. Некрологъ его: СХLIV, май, 574.

Мечниковъ, И. И., ученый, основатель современной эмбриологіи, писатель. Некрологъ его: СХLV, августъ, 557, 558.

Мигѣшинъ, скульпторъ, СХLV, июль, 265, 266.

Миллеръ, прусскій школьный учитель, СХLVI, ноябрь, 545, 546.

Миловидовъ, А. И. Его статья: «Изъ исторіи нѣмецкаго культуртрегерства и шпионажа въ Россіи», СХLV, сент., 725—730.—Рецензія о книгѣ его: «Памяти Сергѣя Александровича Рачинскаго. (Изъ воспоминаній и переписки)», Пгр. 1916», СХLVI, дек., 786.

Милютинъ, Д. А., гр., б. военный министръ, СХLV, сент. 790—793.

Мининъ, Козьма, патріотъ-нижегородецъ, СХLV, августъ, 529—532.

Мининъ, П. Рецензія о книгѣ его: «Главныя направленія древне-церковной мистики. Сергіевъ Посадъ. 1916», СХLIII, январь, 295.

Минцловъ, С. Р. Его статья: «Въ прошлыхъ вѣкахъ. (Побѣдка по Польшѣ)», СХLIII, мартъ, 844—866; СХLIV, апрѣль, 214—239.

Миртовъ, А. В. Рецензія о книгѣ его: «Учебникъ по исторіи русскаго языка М.—Пгр. 1916», СХLV, августъ, 527.

Митрофановъ, П. Рецензія А. Б. о книгѣ его: «Леопольдъ II австрійскій. Вѣшняя политика. Т. I. Ч. I. Пгр. 1916», СХLVI, окт., 231, 232.

Михайловскій, Н. К., писатель, СХLV, июль, 43—46.

Михайловъ, А. Б. Его переводъ: 1) романа Генри Ситонъ-Меримена: «Въ бархатныхъ когтяхъ», СХLIII, январь,

1—32; февраль, 33—64; мартъ, 65—88; СХLIV, апрѣль, 89—116; май, 117—156; 2) романа Станлея Веймана: «Красная кокарда», СХLIV, июнь, 1—28; СХLV, июль, 29—60; августъ, 61—92; сент., 93—124; СХLVI, окт., 128—156; ноябрь, 157—188, дек., 189—204.

Михайловъ, А. В., профессоръ. Рецензія Влад. Княжнина объ изданной подъ его редакціей и наблюденіемъ книгѣ А. Г. Руднева: «Академикъ Н. С. Тихомировъ и его труды по изученію памятниковъ древне-русской литературы. Опытъ историко-литературной характеристики. Варшава. 1915», СХLIV, апр., 248, 249.

Михаиль, сербскій архимандритъ. Рецензія А. Сиротинина о книгѣ его: «Полное собраніе сочиненій. Т. I. Националистическіе идеалы славянства. М. 1915», СХLV, сент., 778.

Михельсонъ, М. И., авторъ работъ о русскомъ языкѣ, СХLIV, апрѣль, 296, 297.

Мищенко, О. Г. Рецензія Д. о книгѣ: «Фуксидидъ. Исторія. Т. I и II. Переводъ О. Мищенка въ переработкѣ, съ примѣчаніями и вступительнымъ очеркомъ С. Жебелева», СХLIII, февраль, 583, 584.

Модзалевскіе:

— Б. Л. Рецензія Вл. Кн. объ изданной подъ его редакціей и съ его примѣчаніями книгѣ: «Архивъ Раевскихъ. Т. V. Пгр. 1915», СХLIII, февраль, 572. Рецензіи его: 1) «Письма и бумаги Суворова. Томъ первый. Письма 1764—1781 гг. Объяснилъ и примѣчаніями снабдилъ В. Алексѣевъ. Пгр. 1916», мартъ, 867—869. 2) «С. Любимовъ. Опытъ историческихъ родословій. Гундоровы, Жижемскіе, Несвицкіе, Сибирскіе, Зотовы и Остерманы. Пгр. 1915», СХLIV, апрѣль, 252. 3) «Вязѣмы. Изданіе «Русскія усадьбы». Выпускъ I. Пгр. 1916», СХLVI, ноябрь, 503—505.

— Л. Н. Рецензія о книгѣ: «Для дѣтей. Стишки Льва Николаевича Модзалевскаго. Съ 35 рис. Егора Нарбута. Пгр. 1916», СХLIV, май, 546.

Мощанскій, А. Его статья: «Военно-Сухумская дорога», СХLVI, ноябрь, 474—498; декабрь, 728—760.

Муравьевъ-Апостоль, Сергѣй, подполковникъ (о казни его), СХLV, июль, 100—109.

Муравьевъ, М. Н., писатель, СХLVI, ноябрь, 406, 412.

Муратовъ, П. Рецензія А. Налимова, о переведенной Е. Уреніусъ подъ его редакціей книгѣ Вернонь Ли «Италія.

Избранныя страницы. Театръ и музыка». М. 1915», СХLIV, май, 542, 543.

Мусоргскій, М. П., композиторъ (открытие ему памятник), СХLV, июль, 265, 266.

Мустафинъ, В. А. Статья его: «Алексаандръ Васильевичъ Самсоновъ († 15-го августа 1914 г.)», СХLV, августъ, 383—405.

И

И. Рецензія его: «Сборникъ учено-литературнаго общества при императорскомъ юрьевскомъ университетѣ. Томы: XX, XXI, XXII. Юрьевъ. 1915. 1916», СХLV, сент., 776, 777.

И. Рецензія его: «Проф. И. П. Соколовъ. Патриархія и храмы въ Константинополѣ отъ второй половины XV вѣка до настоящаго времени. Историческiй очеркъ. П. 1916», СХLV, июль, 228.

И. Г. Р. Рецензіи его: 1) «В. С. Иконниковъ. Максимъ Грекъ и его время. Историческое изслѣдованіе. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Кіевъ. 1915», СХLIII, февраль, 565—568. 2) «А. Яценко. Начальное землевѣдѣніе (курсъ географіи для младшихъ классовъ) на примѣрахъ преимущественно изъ природы Россіи, преимущественно къ новымъ программамъ министерства народнаго просвѣщенія, съ приложеніемъ очерковъ родиновѣдѣнія и краткаго обзора частей свѣта и проч.», мартъ, 883, 884. 3) «Парижскія письма протоіерея Юсифа Васильевича Васильева къ оберъ-прокурорамъ Святѣйшаго Синода и другимъ лицамъ съ 1846 по 1867 гг., заданныя съ біографическими свѣдѣніями и пояснительными примѣчаніями Л. К. Бродскимъ. Пгр. 1915», СХLIV, апрѣль, 253—255. 4) «Н. П. Черепнинъ. Императорское воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ. Историческiй очеркъ. 1764—1914 гг. Т. II. Пгр. 1915. Т. III. Приложение, май, 526—530. 5) «Яковъ Ильминскій. Святитель Афанасій III, патриархъ константинопольскій, Пательарій. Историко-біографическое изслѣдованіе. Кіевъ. 1915», СХLV, сент., 774—776.

Иалимовъ, А. Рецензіи его: 1) «Дѣйствія нижегородской ученой архивной комиссіи. Сборникъ. Т. XV. Вып. VI. Въ память 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ. Нижній-Новгородъ. 1915. То же. Сборникъ. Т. XVII. Вып. IV. Н.-Новг. 1914.—То же.—Люди нижегородскаго Поволжья. Вып. I. Краткiй словарь писателей-нижегородцевъ. Подъ

редакц. члена комиссіи В. Е. Чешихина. (Ч. Вѣтринскаго). Н.-Новг. 1915», СХLIII, январь, 286, 287. 2) «Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племень Кавказа. Вып. 44. Тифлисъ. 1915», СХLIII, февраль, 571. 3) «Н. А. Рубакинъ. Среди книгъ. Справочное пособіе для самообразованія и для систематизаціи и комплектованія общеобразовательныхъ бібліотекъ, а также книжныхъ магазиновъ. Т. II. Часть первая. М. 1915», СХLIII, мартъ, 879, 880. 4) «Памятники мировой литературы. Творенія славянъ. Сербскiй народный эпосъ. Перев. Н. М. Гальковского. М. 1916», СХLIV, апрѣль, 247, 248. 5) «Петръ Рысьс. Италия. М. 1916.—Вернонь Лн. Италия. Избранныя страницы. Театръ и музыка. Пер. Е. Урениусъ, подъ ред. П. Муратова. М. 1915», СХLIV, май, 542, 543. 6) «Памятники мировой литературы. Народная словесность. Калевала. Изд. 2-е. М. 1915», СХLIV, июль, 789. 7) «Памятники мировой литературы. Творенія Востока. Калидаса. Драмы. Пер. К. Бальмонта съ вступительнымъ очеркомъ С. Ольденбурга. М. 1916», СХLV, июль, 225. 8) «Извѣстія пермскаго епархіальнаго церковно-археологическаго общества. Выпускъ первый. Пермь. 1915». «Протоіерей П. Оуминъ. Церковныя древности харьковскаго края. Выпускъ I. Харьковъ. 1916», СХLV, августъ, 521. 9) «Памятники мировой литературы. Персидскіе лирики X—XV вѣковъ. Съ персидскаго перевелъ академ. О. Коршъ. Послѣ его смерти отредактировалъ и вступительную статью снабдилъ проф. А. Крымскій. М. 1916», СХLVI, окт., 235, 236. 10) «Ученыя записки императорскаго московскаго университета. Отдѣлъ юридическiй. Вып. 45. М. 1916», СХLI, ноябрь, 513, 514. 11) «Труды иркутской ученой архивной комиссіи. Вып. 3-й. Иркутскъ. 1916». СХLVI, дек., 771.

Наполеонъ I, французскiй императоръ, СХLIII, мартъ, 915, 916.—Въ заміткѣ: «Кто выдалъ Англии тильзитскую тайну», СХLVI, дек., 788—791.

Наполеонъ III, французскiй императоръ, СХLV, сент., 812—813.

Нарбутъ, Егоръ, художникъ, СХLIV, май, 546.

Невѣровъ, Я. М., членъ государственнаго совѣта, СХLIII, февраль, 587—590.

Некрасовъ, Н. А., поэтъ (о перепискѣ его), СХLV, сент., 766—768.

Нелидовъ, А. И., дипломатъ, СХLIV, май, 330—334.

Нелюбинъ, Г. Рецензія о книгѣ его «Свѣтлой памяти К. Р. Цвѣты русской

поэзии усопшему августѣйшему поэту. Пгр. 1915» CXVIII, январь, 295.

Непокойчицкій, А. А., генералъ, CXLIV, май, 390—392.

Несторъ-Лѣтописецъ, преп., CXLVI, дек., 802, 803.

Нечаевъ, А. П. Рецензія о книгѣ Н. О. Денисюка, съ его предисловіемъ: «Хозяйственная жизнь Россіи. Популярныя очерки. Пгр. 1916», CXLV, сент., 788.

Никаноръ, архіепископъ херсонскій, CXLIV, июнь, 803, 804.

Никита-Пустосвятъ, старообрядческій дѣятель, въ статьѣ М. И. Орѣшникова: «На Никитушкиной могилѣ», CXLV, августъ, 467—473.

Никитинъ, П. В., вице-президентъ академіи наукъ. Некрологъ его: CXLIV, июнь, 843, 844.

Николай I, императоръ, въ статьѣ великаго князя Николая Михайловича «Казнь пяти декабристовъ 13 іюля 1826 г. и императоръ Николай I», CXLV, июль, 98—109. Упомян. CXLIИ, янв., 107, CXLVI, ноябрь, 549, 550.

Николай Александровичъ, цесаревичъ, CXLIИ, янв., 100, февр., 431, CXLV, августъ, 534—536.

Николай Михайловичъ, великій князь. Его статьи: 1) «Письмо императрицы Елизаветы Алексѣевны къ неизвѣстному, писанное 1 февраля 1815 г. изъ Вѣны», CXLIV, июнь, 735—744. 2) «Казнь пяти декабристовъ 13 іюля 1826 г. и императоръ Николай I», CXLV, июль, 98—109.

Николай Николаевичъ Старшій, великій князь, CXLVI, окт., 240, 241.

Николенко-Гильченко, В. Его статья: «У колеса счастья. Памяти Маріи Гавриловны Савиной», CXLVI, октябрь, 201—211.

Никольскіе:

— Д. Рецензія о книгѣ его и Л. Бертенсона: «Краткое руководство къ подачѣ первой помощи при несчастныхъ случаяхъ и внезапныхъ заболѣваніяхъ. Пгр., 1915, CXLIV, июль, 802.

— М. Рецензія Е. о книгѣ его: «Задачи русской исторической и археологической науки въ Палестинѣ и Месопотаміи въ связи съ современными мировыми событиями. М. 1915» CXLV, сент., 783, 784.

— М. Н. Рецензія о переведенномъ подъ его редакціей романѣ Ф. Р. Гольдинга: «Островъ убѣжища. Приключенія юныхъ путешественниковъ на Флоридскомъ берегу. Съ рис. Пгр. М. 1916», CXLIV, апрѣль, 262.

— Н. М. Рецензія С. Л.—на: 1) о составленной имъ и друг. книгѣ: «Древній міръ въ памятникахъ его письменности.

Востокъ. Ч. I. Съ рисунками. М. 1915», CXLIV, июнь, 789, 790, и 2) о переведенной подъ его редакціей и съ его предисловіемъ, Д. Желуховцевымъ книгѣ К. Корнилы: «Пророки. Пять публичныхъ лекцій. М. 1915», CXLV, июль, 226, 227.

Никульцевъ, П. О., педагогъ, авторъ учебниковъ по математикѣ. Некрологъ его: CXLV, авг., 558.

Новиковъ, Е. П. дипломатъ, CXLIИ, январь, 40, 56.

Новосельскій, Н. А., б. одесскій городской голова, финансистъ и писатель, CXLVI, дек., 579—588.

Нольде, Б. Э., бар. Рецензія А. Б. о книгѣ его: «Внѣшняя политика. Историческіе очерки. Пгр. 1915», CXLIV, июнь, 793, 794.

Нормовъ, Н. (Н. Новрусскій). Его статья: «Старый протодьякопъ и Вильгельмовъ подарокъ», CXLVI, октябрь, 49—69.

Нѣловъ (по поводу его «Воспоминаній»), CXLIИ, февраль, 592, 593.

Ньютонъ, Исаакъ; англійскій ученый. Рецензія Ив. Ювачева о переводѣ книги его: «Замѣчанія на книгу пророка Даниила и Апокалипсисъ св. Іоанна. Въ двухъ частяхъ. Пгр. 1915», CXLIИ, январь, 288, 289;

Обнинскій, В. П., общественный дѣятель, «перводумець», писатель. Некрологъ его: CXLIV, май, 574.

Оболенскій, Д. Д., кн. (о его запискахъ), CXLV, сент., 794—796.

Огаревъ, Н. П., поэтъ, CXLIV, май, 535—537.

Оглоблинъ, Н. Н. Его статья: «Начальникъ поповъ. (Изъ волжскихъ встрѣчъ)», CXLV, июль, 147—155.

Окрейцъ, С. С. Его статья: «Литературная встрѣча и знакомства», CXLIV, июль, 613—642; CXLV, июль, 43—59.

Олигеръ, Н. Рецензія о книгѣ его: «Волки». Пгр. 1916», CXLIV, май, 547.

Ольденбургъ, С., академикъ. Рецензія А. Наллимова о «Драмахъ» Калидасы, (перев. К. Бальмонта), съ его вступительнымъ очеркомъ, CXLV, июль, 225.

Ольхинъ, С. А., финансовый и общественный дѣятель. Некрологъ его: CXLVI, окт., 270.

Ольшанскій, Г. Его повѣсть: «Вѣдьма. (Изъ типовъ русской деревни)», CXLV, августъ, 331—367.

Ордынцевъ-Кострицкій, М. Д. Рецензія о его исторической повѣсти: «Опальный князь. Пгр. М. 1916», CXLIV, апрѣль, 262.

Орѣшниковъ, М. И. Его статья: «На Никитушкиной могилѣ», CXLV, августъ, 467—473.

Остенъ-Саненъ, Ф. Р., бар., дипломатъ и географъ, въ некрологической статьѣ А. А. Башмакова: «Баронъ Федоръ Романовичъ фонъ-дербъ Остенъ-Саненъ», CXLIV, июнь, 745—750.

II

П. Рецензія его: «Проф. И. И. Соколовъ. Православный греческій Востокъ. Вып. III. Пгр. 1916», CXLV, сент., 779.

П. Б. Рецензія его: 1) «Историческое обозрѣніе. Т. 20. Пгр. 1915», CXLIII, февраль, 575, 576. 2) «С. П. Шестаковъ. Лекціи по исторіи Византіи. Томъ I. Казань 1915», мартъ, 876, 877. 3) «А. Васильевъ. Курсъ исторіи среднихъ вѣковъ. М. 1915. В. Бутенко. Курсъ новой исторіи. М. 1915», CXLVI, окт., 232—234.

П. Л—овъ. Рецензія его: «Я. Штахъ. Очерки изъ исторіи и современной жизни южно-русскихъ колонистовъ. М. 1916», CXLVI, ноябрь, 511—513.

Пав. Рос—въ. Рецензія его: «Труды полтавской ученой архивной комиссіи. Издано подъ редакціей дѣйствительныхъ членовъ комиссіи И. Ф. Павловскаго, А. Ф. Мальцева и Л. В. Падалки. Вып. 13. Полт. 1915», CXLIII, мартъ, 870, 871.

Павель I, императоръ, въ рецензированной М—ловымъ книгѣ: «Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи. Томъ за время царствованія императора Павла I (1796—1801 г.). Пгр. 1915», CXLV, сент., 780, 781. (О смерти его), CXLV, августъ, 532—534. Въ рецензированной Е. Шумигорскимъ книгѣ проф. М. В. Ключкова «Очерки правительственной дѣятельности временъ Павла I. Пгр. 1916», CXLVI, ноябрь, 499—503.

Павловскіе:

— Б. Рецензія г. Слабченко о «Мемуарахъ кн. Л. Салъги», съ его всушительную статью, CXLV, авг., 512—515.

— И. Ф. Рецензія. 1) Пав. Рос—ва объ изданіи подъ его и др. редакціей: «Труды полтавской ученой архивной комиссіи. Вып. 13. Полт. 1915», CXLIII, мартъ, 870, 871. 2) Т. М. о книгѣ его «Къ исторіи полтавской епархіи. Историческіе и бытовые очерки, замѣтки и переписка. По архивнымъ даннымъ. Полт. 1916», CXLVI, дек. 777, 778,

Павловы:

— Евг. Рецензія его: «Русская литература XX вѣка (1890—1910). Подъ редакціей проф. С. А. Венгерова. Часть I. Томъ I—II. Выпуски 1—5. М. 1916. Съ иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ», CXLVI, окт., 220—223.

— Е. В., профессоръ, лейбъ-хирургъ. Некрологъ его: CXLIII, мартъ, 926, 927.

— Каролина, поэтесса, CXLIV, июнь, 784, 785; CXLV, авг., 524, 525.

— Н. А. Рецензія А. Д. о книгѣ его: «Записки землевладельца. Пгр. 1915», CXLIII, февраль, 581.

Паджеть, Виолета (см. Ли, Вернонь).

Палацкій, чешскій историкъ, CXLIV, апрѣль, 82, 110.

Палковъ, А. А. Его статья: «Петиція финскаго войска въ 1822 г.», CXLV, июль, 156—164.

Парижская, Марія, жена табачнаго фабриканта Жукова, CXLIII, февраль, 592, 593.

Паскаль, румынскій поэтъ, CXLIV, май, 375.

Первухинъ, М. К. Его очеркъ: «Черный папа», CXLIII, февраль, 531—544.

Первухинъ, Н. Рецензія Л. Л. о книгѣ съ его текстомъ: «Церковь Іліи пророка въ Ярославлѣ. Фотографіи И. Лазарева. Рисунокъ обложки А. Красотина. М. 1915», CXLIV, июнь, 777—779.

Перельманъ, Я. И. Рецензія о книгѣ его «Веселыя задачи. 101 головоломка для юныхъ математиковъ. Съ 112 рис. Пгр. 1916», CXLVI, ноябрь, 518.

Переселенковъ, С. А. Рецензія Л. Л. о составленной имъ книгѣ: «Систематическій указатель статей, напечатанныхъ въ неофициальной части «Педагогическаго Сборника» за пятьдесятъ лѣтъ (1864—1914 гг.). Пгр. 1915». CXLV, сент., 785.

Перцевъ, В. Н. Рецензія объ изданной подъ его и друг. редакціей книгѣ: «Книга для чтенія по древней исторіи. Ч. III. Римъ—имперія. Для III и IV классовъ средне-учебныхъ заведеній. Сборникъ статей съ 106 иллюстраціями въ текстѣ и 15 иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ. М. 1915», CXLIII, февраль, 595.

Перцовъ, П. П. Рецензія М. о переведенной имъ книгѣ И. Тона «Путешествіе по Италіи. Т. II. Флоренція и Венеція. М. 1916». CXLVI, окт., 234, 235.

Пестель, полковникъ, декабристъ (о казни его), CXLV, июль, 99—109.

Петрушевскій, В. А. Рецензія о книгѣ «Разсказы по русской исторіи. Общеобразовательная хрестоматія съ рисунками. Со-

ставлена кружкомъ преподавательницъ подъ ред. С. П. Мельгунова и В. А. Петрушевскаго. М. 1915», СХLIII, февраль, 596.

Петръ I, императоръ, въ рецензированныхъ книгахъ С. Князькова: «Галгудскій бой и морской флотъ Петра Великаго. Пгр. 1915. Петръ Великій и его современники за границей. Пгр. 1915.—С.-Петербургъ и с.-петербургское общество при Петръ Великомъ. Пгр. 1914», СХLV, сент., 788.—СХLIV, июнь, 701—721; СХLVI; ноябрь, 354—536.

Петръ III, императоръ, СХLIII, мартъ, 896—898.

Пиго, Эмиль, французскій писатель, СХLIII, мартъ, 910—912.

Писаревъ, Д. П., критикъ, СХLIV, май, 373.

Платоновъ, С. О., членъ государственнаго совѣта, сенаторъ, писатель. Некрологъ его: СХLIV, июнь, 844.

Платонъ, греческій философъ, въ рецензированной Б. В. книгѣ К. А. Кузнецова: «Платонъ. Введеніе въ анализъ «Государства» и «Законовъ». Одесса, 1916», СХL I, сент., 779—780.

Плетневъ, И. Т., б. чиновникъ (по поводу его «Воспоминаній»), СХLIII, февр., 590—592.

Плетневъ, проф., въ рецензированной книгѣ А. В. Круковскаго «Плетневъ, какъ критикъ. (Къ 50-лѣтію со дня его смерти)». Воронежъ. 1916», СХLV, сент., 788.

Плюшкинъ, О. М., основатель псковскаго музея, въ статьѣ В. А. Алексѣева: «О. М. Плюшкинъ и его музей», СХLV, июль, 176—197.

Плющевскій-Плющикъ, Я. А., писатель и журналистъ, членъ театральнаго общества, юрисконсультъ министерства внутр. дѣлъ. Некрологъ его: СХLIV, май, 574, 575.

Побѣдоносцевъ, К. П., оберъ-прокуроръ Синода, СХLIII, мартъ, 674—676, СХLV, июль, 241—243.

Погоржанскій, И. В. Его статья: «Четыре записки изъ жизни декабристовъ», СХLIII, январь, 143—161, февраль, 459—474.

Подолинскій, А. И., поэтъ, въ статьѣ А. И. Тинякова: «Андрей Ивановичъ Подолинскій. (Къ 30-лѣтію со дня его смерти)», СХLIII, январь, 226—239.

Покровскій, М. Н. Рецензія Л. Л. о книгѣ его: «Очеркъ исторіи русской культуры». Часть 1-я. М. 1915», СХLIII, мартъ, 689, 870.

Покровскій, П. А., приватъ-доцентъ госуд. права, писатель. Некрологъ его: СХLVI, декабрь, 809.

Половцевъ, А. А., б. предсѣдатель императорскаго русскаго историческаго общества, СХLV, сент., 736—741.

Померанцевъ, М. С. Его замѣтки: 1) «Выставка древне-восточнаго искусства въ Москвѣ», СХLIII, янв., 313, 314. 2) «Программа для историко-статистическаго и археологическаго описанія церквей и монастырей», СХLV, июль 266, 267. 3) «О путешествіи Аристотеля Фіоравенти на дальній сѣверъ Россіи», СХLV, сент., 821—823. 4) «Двѣ архивныя загадки изъ эпохи кодификаціи русскаго права при императорѣ Николаѣ I», СХLVI, ноябрь, 549, 550. Упом. СХLIII, февраль, 618, 619

Поповъ, Н., легчикъ. Рецензія о брошюрѣ его «Жизнь идетъ», СХLV, июнь, 800.

Поповъ, П. Н. Рецензія о брошюрѣ его: «Грѣхи розмаитіи». Малоизвѣстное сочиненіе Іоанннкія Галытовскаго. Кіевъ, 1915», СХLIV, май, 547.

Попруженко, М. Г. Рецензія А. Ф. объ изданной подъ его редакціей книгѣ «Собраніе сочиненій Виктора Ивановича Григоровича (1864—1876 г.)». Одесса, 1916», СХLIV, июнь, 781, 782.

Порошинъ-Бѣлозерскій, И. А., писатель и педагогъ (его юбилей), СХLVI, декабрь, 804.

Португаловъ, С. В. Его статья: «Заживо погребенный. (Самарская легенда)», СХLV, сент., 683—686.

Портѣцкій, С. А., преподаватель гимназіи, авторъ популярно-научныхъ трудовъ. Некрологъ его: СХLV, сент., 831, 832.

Потѣхинъ, П. А., общественный дѣятель, адвокатъ. Некрологъ его: СХLIII, февраль, 621, 622.

Праховъ, А. В., профессоръ, знатокъ исторіи искусствъ и христіанской археологіи. Некрологъ его: СХLIV, июнь, 844, 845.

Придикъ, Е. М. СХLIII, февраль, 582.

Приклонской, А. Рецензія о книгѣ его: «Кирилловскій ъздъ 7061 г. Правдивое сказаніе о дняхъ запятныхъ. Съ примѣчаніями. Пгр. СХLIII, февраль, 595.

Протопоповъ, В. В., писатель-драматургъ и журналистъ. Некрологъ его: СХLIV, май, 575.

Проходцовъ, И. И. Рецензія П. Майкова о составленной имъ книгѣ «Рязанская губернія въ 1812 году, преимущественно съ бытовой стороны. Матеріалы для исторіи отечественной войны. Т. I. Т. II. 1915», СХLIII, февраль, 569—571.

Прохоровъ, Г. Рецензія А. Вознесенскаго о книгѣ его «М. Ю. Лермонтовъ и

его значеніе въ исторіи русской литературы. (Историко-литературный очеркъ). Пгр. 1915», CXLIV, июнь, 785—787.

Пушкины:

— А. С., поэтъ: 1) въ рецензированной Влад. Княжнинымъ книгѣ С. Боброва «Новое о стихосложеніи А. С. Пушкина. Трехдольный паузникъ у Пушкина. Разборъ статьи В. Я. Брюсова о техникахъ Пушкина. Добавленія. Объяснительныя примѣчанія. М. 1916», CXLV, июль, 224, 225. 2) CXLVI, ноябрь, 508 (о дуэли и смерти его), 519—534. 3) по поводу «Дневника» А. Н. Вульфа, CXLV, сент., 769—771. Упомин. июль, 237—239.

— Б. С. Его замѣтка: «Изъ исторіи Головинскаго и Екатерининскаго дворцовъ въ Москвѣ», CXLIII, мартъ, 840—843.

— Н. Н., жена поэта, CXLVI, ноябрь, 519—534.

Пѣшехонова, А. В. См. Капица, О. И.

Пылинъ, А. Н., академикъ, CXLIV, апрѣль, 154, 155.

Пятковский, А. П., издатель журнала «Наблюдатель», CXLV, июль, 48, 49.

Р

Рабиновичъ, Ив. Рецензія о книжкѣ его «Какъ боролись чехи съ нѣмцами за права своей народности. Пгр. 1916», CXLVI, окт., 237, 238.

Радецій, А. Его поправка къ статьѣ А. Фрейганга «Въ защиту славнаго прошлаго (XII, 1915 г.)», CXLIV, апрѣль, 302—304.

Радигъ, С. Н., Рецензія С. Л.—на о составленной имъ и друг. книгѣ «Древній міръ въ памятникахъ его письменности. Востокъ. Ч. I. М. 1915», CXLIV, июнь, 789, 790.

Радченко, З. Ѳ., собирательница и составительница сборниковъ народныхъ пѣсень. Некрологъ ея: CXLIV, май, 575, 576.

Раевскіе. Рецензія Вл. Кн. объ изданной подъ редакціей и съ примѣчаніями Б. Л. Мадзалеускаго книгѣ: «Архивъ Раевскихъ. Т. V. Пгр. 1915», CXLIII, февраль, 572.

Раинъ, Стенька, атаманъ, въ рецензированной книгѣ Ал. Алтаева «Визъ по Волгѣ рѣкѣ. Историческая повѣсть изъ русской жизни въ XVII вѣкѣ. Пгр. 1916», CXLIII, январь, 296.

Разумовскій, К. Г., графъ, CXLV, июль, 242.

Рапогфъ, Борисъ. Рецензія Вл. Княжнина о книгѣ его: «К. Павлова. Матеріалы

для изученія жизни и творчества. Пгр. 1916», CXLV, августъ, 524, 525.

Ратчъ, В. Ѳ., генераль-писатель, CXLIV, июнь, 621—622, 624, 625.

Раухфусъ, К. А., докторъ, лейбъ-педиатръ, писатель. Некрологъ его: CXLIII, январь, 316, 317.

Рачинскій, С. А., дѣятель по народному образованію, CXLVI, декабрь, 786.

Редстокъ, лордъ, сектантъ, CXLVI, ноябрь, 304.

Рембрандтъ, голландскій художникъ, CXLIII, февраль, 602—607.

Ремизовъ, Алексѣй. Рецензія о книгѣ его: «Укрѣпа. Слово къ русской землѣ о землѣ родной, тайностяхъ земныхъ и судьбѣ. Пгр. 1916», CXLIII, мартъ, 892.

Розеггеръ, П. Рецензія о романѣ его: «Яковъ Постѣдній. Исторія крестьянина нашего времени. Пгр. 1916», CXLVI, дек., 785.

Розенбахъ, Н. О., генераль-адъютантъ, CXLIV, июнь, 805—807, CXLV, июль, 239—241.

Розенфельдъ, И. Б. Рецензія о книгѣ его «Присоединеніе Малороссіи къ Россіи (1654—1793 гг.). Историко-юридическій очеркъ. Пгр. 1915», CXLIV, июнь, 801.

Розъ, Фирмень, писатель, CXLIV, июнь, 810—816.

Романовы, царствующій домъ, въ рецензированной А. Налимовымъ книгѣ «Дѣйствія нижегородской ученой архивной комиссіи. Сборникъ. Томъ XV. Выпускъ VI. Въ память 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ. Нижн.-Новг. 1915», CXLIII, январь, 286, 287.

Роско-Богдановичъ, историкъ, CXLV, сент., 804—808.

Россейкинъ, Ѳ. М., профессоръ. Рецензія Ѳ. о книгахъ его: 1) «Первое правленіе Фотія, патріарха константинопольскаго. Сергіевъ Посадъ. 1915», CXLIV, май, 539—542. 2) «Восточный папизмъ въ IX вѣкѣ. Сергіевъ посадъ. 1915», CXLV, июль, 227, 228.

Россини, итальянскій композиторъ, CXLV, сент., 813—817.

Россіевъ, П. Его статья: «Отголоски войны» CXLV, сент., 765—763.

Ростовцевъ, М. И., археологъ, CXLIII, февраль, 582.

Рубанинъ, Н. А. Рецензія А. Налимова о книгѣ его: «Среди книгъ. Справочное пособіе для самообразованія и для систематизаціи и комплектованія общеобразовательныхъ библиотекъ, а также книжныхъ магазиновъ. Томъ III. Часть I. М. 1915», CXLIII, мартъ, 879, 880.

Рудневъ, А. Г. Рецензія Влад. Княжнина о книгѣ его «Академикъ Н. С. Тихомировъ и его труды по изученію памятниковъ древне-русской литературы. Опытъ историко-литературной характеристики. Изданъ подъ редакціей и наблюдениемъ профессора А. В. Михайлова. Варшава. 1915», CXLIV, апрѣль, 248, 249.

Рудневъ, С. П. Его статья «Изъ жизни. Божья кара. (Изъ записокъ судьи)», CXLV, сент., 641—647.

Рудольфъ, австрійскій эрцгерцогъ, наследникъ престола, CXLIV, апрѣль, 277, 278.

Рукавишниковъ, К. В., б. московскій городской голова и учредитель исправительнаго пріюта для малолѣтнихъ. Некрологъ его: CXLIII, январь, 317.

Румянцевъ, П. А., графъ, въ рецензированной книгѣ «Село Троицкое-Кайнарджки и сельцо Зенино, Каргѣево тожъ. Историческій очеркъ», CXLIII, мартъ, 893, 894.

Рунова, О. Рецензія о книгѣ ея: «Мудрость жизни. Пгр. 1916», CXLIV, май, 546, 547.

Русскихъ, Н. А., докторъ и редакторъ журнала. Некрологъ его: CXLVI, ноябрь, 553, 554.

Рутландъ, лордъ (предполагаемый Шекспиръ), CXLIV, июнь, 812, 813.

Рыбановъ, К. Н., артистъ. Некрологъ его: CXLVI, окт., 270, 271.

Рылѣевъ, подпоручикъ, декабристъ, (о казни его), CXLV, июль, 99—109.

Рысь, Петръ. Рецензія А. Налимова о книгѣ его: «Италія. М. 1916», CXLIV, май, 542, 543.

Рыхликъ, Е. А. Рецензія Андрея Спиротинина о книгѣ его: «Поэтическая дѣятельность Франца-Ладислава Челяковского. Изъ исторіи чешскаго литературнаго возрожденія. Кіевъ. 1915», CXLIV, июнь, 790—792.

Рѣдинъ, Е. К., профъ. Рецензія И. Б. объ изслѣдованіи его: «Христіанская топографія Козьмы Индикоплова по греческимъ и русскимъ спискамъ. Посмертное изданіе. Подъ ред. Д. В. Айналова. Ч. I. М. 1916», CXLV, сент., 781, 782.

Рэнделль, А., англійскій историкъ, CXLIII, январь, 307—311.

С

С. Рецензія его: 1) «**Θ. М. Россейкинъ. Первое правленіе Фотія, патріарха константинопольскаго. Сергіевъ Посадъ. 1915», CXLIV, май, 539—542.** 2) «**Θ. М. Россейкинъ. Восточный папизмъ въ**

IX вѣкѣ. Сергіевъ Посадъ. 1915», CXLV, июль, 227, 228. 3) «**В. В. Латышевъ. Византійская «Царская» минаея. Изслѣдованіе. Пгр. 1915», авг., 521—523.** 4) «**М. Никольскій. Задачи русской исторической и археологической науки въ Палестинѣ и Месопотаміи въ связи съ современными мировыми событіями. М. 1915», сент., 783, 784.**

С. Н. Рецензія его: «**В. Сенатовъ. Вавилонъ, Израиль и Германія (Историко-философское объясненіе современной войны).** Пгр. 1916», CXLV, сент., 771—773.

С. Л.—нѣ. Рецензія его: «**Культурно-историческіе памятники древняго Востока. Подъ редакціей профессора Б. А. Тураева. Выпускъ 2-й. И. М. Волковъ. Арамейскіе документы иудейской колоніи на Элефантинѣ V вѣка до Р. Хр. Съ 10 рисунками. М. 1915». Вып. 3-й. Б. А. Тураевъ. Рассказъ египтянина Снухета и образцы египетскихъ документальныхъ автобіографій. Съ рис. М. 1915», CXLIII, январь, 289—291.** 2) «**С. Л. Винбергъ. Исторія еврейской печати въ Россіи въ связи съ общественными теченіями. Пгр. 1915», февраль, 574, 575.** 3) «**Прологъ русско-японской войны. Матеріалы изъ архива гр. С. Ю. Витте съ предисловіемъ и подъ редакціей Б. Б. Глинскаго. (Съ приложеніемъ портрета гр. С. Ю. Витте).** Пгр. 1916», CXLIV, май, 534, 535.

4) «**Древній міръ въ памятникахъ его письменности. Составили Д. А. Жариковъ, Н. М. Никольскій, С. И. Радцигъ, и В. Н. Стерлиговъ. Востокъ. Ч. I. Съ рисунк. М. 1915», июнь, 789, 790.** 5) **К. Корниль. Пророки. Пять публичныхъ лекцій. Переводъ Д. Желодоховеца подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. М. Никольскаго. М. 1915, CXLV, июль, 226, 227.** 6) **Священная книга Тота. Великіе Арканы Таро. Абсолютныя начала синтетической философіи эзотеризма. Опытъ комментарія Влад. Шмакова, инженера путей сообщенія. М. МСМХVІ», CXLVI, ноябрь, 509—511.**

Сабуровъ, А. А., членъ Государственнаго Совѣта, б. министръ народнаго просвѣщенія. Некрологъ его: CXLIV, апр., 299, 300.

Савина, М. Г., артистка, въ статьѣ В. Николенко-Гильченко: «У колеса счастья. Памяти Маріи Гавриловны Савиной», CXLVI, октябрь, 201—211.

Садовскій, Б. 1) Рецензія о книгѣ его «**Адмиралтейская игла. Рассказы. 1909—1914.**», Пгр. 1916. CXLIII, февраль, 594. 2) Рецензія Вл. Кн. о книгѣ его «**Лебединые клики. Пгр. 1915», CXLIV, апрѣль, 257, 258.**

- Сакнети, Л. А.**, профессор консерваториѣ, знатокъ искусства, историкъ музыки. Некрологъ его: СXLIV, апрѣль, 300, 301.
- Самаринъ, Ю. Ѳ.**, славянофилъ, писатель, въ статьѣ К. Я. Грота «Памяти Ю. Ѳ. Самарина», СXLVI, ноябрь, 427—453.
- Самсоновъ, А. В.**, генераль, въ статьѣ В. А. Мустафина «Александръ Васильевичъ Самсоновъ († 15-го августа 1914 г.)», СXLV, августъ, 383—405.
- Санчурскій, Н. В.** Рецензія о составленной имъ при участіи А. Гофмана и др. книгѣ «Краткій очеркъ римскихъ древностей. Для гимназій, прогимназій и самообученія. 6-е изданіе пересмотрѣнное. Пгр. 1916», СXLIII, мартъ, 894.
- Сапѣга, Л.**, кн. Рецензія г. Слабченко о его «Мемуарахъ», съ предисловіемъ г-в. Ст. Тарновскаго. Пгр. 1916», СXLV, августъ, 512—515.
- Сатунинъ, К. А.**, зоологъ. Некрологъ его: СXLIII, январь, 317, 318.
- Свенъ-Гединъ, шведскій путешественникъ и писатель, СXLVI, ноябрь, 538—541.**
- Свистунъ, Ф. И.**, историкъ Прикарпатской Руси. Некрологъ его: СXLV, августъ, 559, 560.
- де-Сегюръ,** маркизъ, французскій академикъ, СXLIV, апрѣль, 282—288; май, 554—561; июнь, 818—824; СXLV, июль, 246—252; авг., 537—543; сентябрь, 799—804.
- Семевскій, В. И.**, историкъ, въ некрологической статьѣ Б. Б. Глинскаго «Памяти В. И. Семевского (Изъ воспоминаній)», СXLVI, ноябрь, 463—473.
- Семеновъ, Леонидъ.** Рецензіи Влад. Княжнина о книгѣхъ его: 1) «М. Ю. Лермонтовъ. Статьи и замѣтки. I. Москва. 1915». 2) «Къ вопросу о вліяніи Марлинскаго на Лермонтова. Воронежъ. 1914», СXLIII, январь, 287, 288.
- Семеновы-Тянь-Шанскіе:**
— А. П. Его статьи: 1) «Памяти Л. Ф. Добротворскаго, контръ-адмирала въ отставкѣ (ум. 21-го октября 1915 г.)», СXLIII, январь, 221—225. 2) «Памяти кн. Б. Б. Голицына», СXLV, июль, 165—175. А. Рецензія о книгѣ его «Академикъ кн. Б. Б. Голицынъ. Біографич. очеркъ. Пгр. 1916», СXLVI, ноябрь, 517. 2) Рецензія его «Русско-японская война 1904—1905 гг. Книга третья. Морское сраженіе въ Желтомъ морѣ 28-го іюля (10-го августа) 1904 г.—Захватъ японцами миноносца «Рѣшительный» въ Чифу. Работа исторической комиссіи по описанію дѣйствій флота въ войну 1904—1905 гг. при морскомъ генеральномъ шта-
бѣ. Пгр. 1915», СXLVI, декабрь, 772, 773. 3) Его: некрологъ Н. Л. Кржижановскаго, СXLV, сент., 829, 830.
— П. П. Рецензія Б. Глинскаго о книгѣ «Мемуары П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго. Эпоха освобожденія крестьянъ въ Россіи (1857—1861 гг.) въ воспоминаніяхъ бывшаго члена-эксперта и завѣдывавшаго дѣлами редакціонныхъ комиссій. Т. III. Пгр. 1915. Т. IV. Пгр. 1916. Съ портретами», СXLVI, декабрь, 761—764. (Открытие памятника ему), СXLV, июль, 265, 266.
- Сементковскій, Р. И.:** 1) Его статья: «Наши государственные люди. (Посвящается памяти П. А. Столыпина)», СXLV, июль, 132—146, 2) въ статьѣ Б. Б. Глинскаго «Р. И. Сементковскій. (Къ его юбилею)». СXLV, сентябрь, 745—754.
- Семичъ, Д. И.** Рецензія А. Спиротинина о книгѣ его: «Сербская Голгова. М. 1916», СXLVI, ноябрь, 515.
- Сенатовъ, В.** Рецензія С. К. о книгѣ его «Вавилонъ, Израиль и Германія. (Историко-философское объясненіе современной войны)». Пгр. 1916», СXLV, сент., 771—773.
- Сеньобосъ, Шарль,** профессоръ, историкъ, СXLV, июль, 256—260.
- Сервантесъ,** испанскій писатель, СXLVI, июнь, 801.
- Сергіевъ (Кронштадтскій), Іоаннъ Ильичъ,** протоіерей, въ замѣткѣ Евгения Козеко «Нѣсколько словъ объ отцѣ Іоаннѣ Кронштадтскомъ (Ко дню его рожденія 19-го октября)», СXLVI, октябрь, 195—200.
- Серебrenиковъ, В. П.** Его статья «Бракосочетаніе великой княжны Александры Николаевны и ея кончина (январь—июль 1864 г.)», СXLIII, январь, 127—142.
- Середонинъ, С. М.** Рецензія К.—ва о книгѣ «Историческая географія. Лекціи, читанныя проф. С. М. Середонинимъ въ императорскомъ петроградскомъ археологическомъ институтѣ. Пгр. 1916», СXLIV, май, 530—532.
- Сиверскій, А.** Его статья «Черты изъ жизни великаго князя Константина Константиновича», СXLIII, мартъ, 719—722.
- Сивковъ, К. В.** Рецензіи объ 1) изданной подъ его и др. редакціей книгѣ «Книга для чтенія по древней исторіи. Ч. III. Римъ—имперія. Для III—IV классовъ средне-учебныхъ заведеній. Сборникъ статей съ 106 иллюстраціями въ текстѣ и 15 иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ. М. 1915», СXLIII, февраль, 595. 2) В. Е. Якушкина «Геній русскаго военнаго искусства А. В. Суворовъ, Посмерт-

ное издание под наблюдением К. В. Сивкова. М. 1915, февраль. 596.

Сидоровъ, Н. П. Рецензія Т. Соколовской объ изданной подь его и С. П. Мельгунова редакціей книгъ «Масонство въ его прошломъ и настоящемъ. Т. II», СXLIV, апрѣль, 245, 246.

Сизовъ, М. И. Рецензія о книгѣ его: «Сновидѣніе. Съ рисунк. Пгр. 1916», СXLIII, мартъ, 894.

Симоновъ, И. С. Рецензія о брошюрѣхъ его: 1) «Памяти Николая Васильевича Исакова. Къ двадцатипятилѣтію со дня его смерти 1891 (25 февр.)—1916 Пгр. 1916. Съ портр.», СXLIV, апрѣль, 263, 264. 2) «Памяти Григорія Григорьевича Даниловича, какъ выдающагося педагога. Пгр. 1916» XLIV, май, 547. 3) Рецензія Л. Л. о книгѣ его: «Изъ исторіи журнала для чтенія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. Пгр. 1915», СXLV, сент., 785. 4) Рецензія о брошюрѣ его: «Памяти Всеволода Порфирьевича Каховскаго. Пгр. 1916», СXLVI, ноябрь, 518.

Симъ, Альбертъ, французскій библиографъ, СXLVI, ноябрь, 543—545.

Синухетъ, египтянинъ. Рецензія С. Л.—на о книгѣ «Б. А. Тураевъ. Рассказъ египтянина Синухета и образцы египетскихъ документальныхъ автобиографій. Съ рис. М. 1915», СXLIII, янв., 289—291.

Сиротининъ, Андрей. Рецензія его: 1) «Е. А. Рыхликъ. Поэтическая дѣятельность Франца-Ладислава Челяковскаго. Изъ исторіи чешскаго литературнаго возрожденія. Кіевъ. 1915», СXLIV, июнь, 790—792. 2) «Сербскій архимандритъ Михайлъ. Полное собраніе сочиненій. Т. I. Националистическіе идеалы славянства. М. 1915», СXLV, сент., 778; 3) «Д. И. Семичъ. Сербская Голгова. М. 1916», СXLVI, ноябрь, 515.

Сиротининъ, В. Н., профессоръ, академикъ, лейбъ-медикъ (его юбилей), СXLIII, февраль, 618.

Ситонъ-Мериментъ, Генри. Его историческій романъ въ переводѣ А. Б. Михайлова «Въ бархатныхъ когтяхъ», СXLIII, январь, 1—32; февраль, 33—64; мартъ, 65—88; СXLIV, апрѣль, 89—116; май, 117—156.

Сниталець. Рецензія о книгѣ его «Сквозъ строй! и другіе рассказы. Пгр. 1916», СXLVI, окт., 238.

Скобелевъ, М. Д., генераль, въ статьѣ Е. Толбухова «Скобелевъ въ Туркестанѣ», СXLVI, окт., 107—132; ноябрь, 369—403; дѣк., 638—667.—Упомян.: СXLIV, май, 380—386, 398; июнь, 805—807.

Скрябинъ, Н. А., композиторъ, СXLVI, дѣк., 775, 776.

Скугаревскій, А. П. Рецензія его «Вопросы міровой войны. Сборникъ комитета по устройству этапнаго лазарета имени высшихъ учебныхъ заведеній Петрограда, подь ред. проф. М. И. Туганъ-Барановскаго. Пгр. 1915», СXLVI, дѣк., 765—767.

Слабченко, поручикъ. Рецензія его «Мемуары кн. Л. Салъгн. Предисловіе гр. Ст. Тарновскаго. Вступительная статья Б. Павловскаго. Переводъ Л. Круковской», СXLV, августъ, 512—515.

Славинскій, М. Е., музыкальный дѣятель. Некрологъ его: СXLIII, январь, 318, 319.

Слѣпцовъ, Н. П., генераль (открытіе памятника ему), СXLV, июль, 265, 266.

Смаль-Стеціній, черновецкій профессоръ-австрофиль, СXLVI, декабрь, 671, 672.

Смирновъ, С. И., профессоръ исторіи русской церкви, писатель. Некрологъ его: СXLV, авг., 558, 559.

Смоляниновъ, И. Б. Его статья «Литературныя замѣтки. Поэзія кручины и страсти», СXLV, сентябрь, 703—712. Рецензія Д. М.—ко о книгѣ его «Защитный цвѣтъ. (Военные рассказы). Пгр. 1916». СXLV, июль, 233, 234.

Снелль, Ганна, англичанка-амазонка, СXLIII, мартъ, 907—910.

Соболевскій, А. И., академикъ. Рецензія о брошюрѣхъ его «Русскія фрески въ Старой Польшѣ. М. 1916», СXLVI, ноябрь, 517

Соколовскіе:

— М. К. Рецензія А. О. объ изданной подь его редакціей книгъ: «Вѣстникъ императорскаго общества ревнителей исторіи. Выпускъ II. Пгр. 1915», СXLIV, апрѣль, 240—242.

— Т. О. Рецензія ея «Масонство въ его прошломъ и настоящемъ. Т. II. Подь редакціей С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова», СXLIV, апрѣль, 245, 246. Упомян.: мартъ, 900—902.

Соколовы:

— А. А., писатель, СXLIV, июнь, 630, 631, 634.

— А. И. Ея статьи: 1) «Московская сыскная полиція былыхъ годовъ», СXLIII, январь, 179—194. 2) «Легендарныелгуны», СXLIII, февраль, 521—530.

— В. П. Его статья «Гаршинны», СXLIV, апрѣль, 130—158; май, 399—426.

— Д. А., профессоръ, врачъ-педиатръ, писатель. Некрологъ его: СXLIII, фев., 622.

Соколовы:

— И. И., проф. Рецензія: 1) Т. о книгѣ его: «Вселенскіе судьи въ Византіи. Казань. 1915», СХLIV, іюнь, 793. 2) Н. о книгѣ его «Патріархія и храмы въ Константинополѣ отъ второй половины XV в. до настоящаго времени. Историческій очеркъ. Пгр. 1916», СХLV, іюль, 228. 3) П. о книгѣ его «Православный греческій Востокъ. Вып. третій. Пгр. 1916», СХLV, сент., 779.

— П. Его статья «Москвичъ. (Посвящается памяти Вукола Михайловича Лаврова)», СХLV, сентябрь, 713—724.

Соловьевъ, Владимиръ, писатель-философъ и поэтъ, СХLIV, іюнь, 787, 788.

Солосинъ, И. И., преподаватель. Рецензія Л. Л. о составленной имъ книгѣ «Начальный курсъ исторіи русскаго языка въ связи съ древне-церковно-славянскимъ. Учебникъ по русскому языку для IV класса среднихъ учебныхъ заведеній. Пгр. 1915», СХLIV, апрѣль, 256, 257.

Спасскій, А. А., профессоръ церковной исторіи, писатель. Некрологъ его: СХLVI, окт., 271, 272.

Сперанскій, В. Н., проф. Рецензія Е. Шумигорскаго объ изданной подъ редакціей проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ его и др. книгѣ «Отечество. Сборники національной литературы Россіи. Томъ I. Пгр.», СХLV, іюль, 220—222.

Сперанскій, М. М., графъ, государственный дѣятель, СХLVI, окт., 242—244; ноябрь, 549, 550.

Слиноза, философъ, СХLIII, февраль, 602—607.

Станиславъ-Августъ (Понятовскій), польскій король, СХLIII, мартъ, 896—898.

Старкъ, Э. Рецензія о книгѣ его «Сокровища Императорскаго Эрмитажа. (Картинная галлерей). Очеркъ. Пгр. 1916», СХLIV, апрѣль, 263.

Станчинскій, В. В. Рецензія объ изданіи подъ его редакціей «Труды общества изученія Смоленской губерніи. Вып. II. М. 1915», СХLV, іюль, 236.

Стеллецкій, И. Его статья: «Забитый уголокъ Іоанна Грознаго», СХLVI, октябрь, 212—219.

Стеллецкій, Игн. Рецензія о книгѣ его «Лѣтописныя варяжскіе пещера и кладъ. М. 1916», СХLVI, ноябрь, 517.

Стерлиговъ, В. Н. Рецензія С. Л.—на о составленной имъ и друг. книгѣ «Древній міръ въ памятникахъ его письменности. Востокъ. Ч. 1-я. Съ рисунками. М. 1915», СХLIV, іюнь, 789, 790.

Стожъ, М. Е. Рецензія о книгѣ его «Словарь сибирскихъ писателей, поэтовъ

и ученыхъ. 7-е изд. Иркутскъ», СХLIV, іюнь, 800.

Стожъ, Д. Рецензія о книгѣ его «Сердце и невѣжество. Стихотворенія. Изд. 4-е. Иркутскъ. 1916», СХLIV, іюнь, 800. Упомян. СХLVI, ноябрь, 517.

Столица, З. К. Рецензія о книгѣ его «Выработка характера. Пгр.—М. 1916»; СХLIV, апрѣль, 262.

Столянский, П. Н. Рецензія: 1) о книгѣ его «Старый Петербургъ. Къ исторіи строительныхъ матеріаловъ. Пгр. 1915» СХLIII, мартъ, 892, 893. 2) Е. Ш. книгѣ его: «Домъ княгини М. А. Шаховской. Фонтанка. 27. Съ иллюстраціями Пгр. 1916», СХLV, сент., 782—783. Упомян.: СХLIII, мартъ, 898—900.

Столыпинъ, П. А., б. премьеръ-министръ. Посвященіе его памяти статьи Р. И. Сементовскаго «Наши государственные люди», СХLV, іюль, 132—146.

Стопановскій, журналистъ, СХLIV, іюнь, 630, 631.

Стороженко, Н. И., проф., въ рецензированной книгѣ И. Боровадина «Московский профессоръ-гуманистъ Николай Ильичъ Стороженко. М. 1916», СХLIV, іюнь, 802.

Стояновъ, П. Его статья: «Фердинандъ Кобургскій. (По болгарскимъ источникамъ)», СХLIV, май, 432—458.

Стровъ, В., прив.-доц. 1) Рецензія К. Кудряшева объ изданной подъ его редакціей книгѣ: 1) «Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной Е. И. В. Канцеляріи. Съ Высочайшаго соизволенія. Вып. XV. Пгр. 1915», СХLIV, іюнь, 782. 2) Рецензія К. о книгѣ его: «Учебникъ русской исторіи для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и высшихъ начальныхъ училищъ, съ рисунками и картами. М. 1915», СХLV, августъ, 519, 520.

Стрѣльцовъ, Р. Рецензія Д. А. М. объ изданной подъ его редакціей, съ его примѣчаніями и предисловіемъ, въ переводѣ З. Венгеровой и Н. М. Лагова, книгѣ: «Чего ждешь Германія отъ войны? Бесѣды съ германскими общественными дѣятелями. Пгр. 1915», СХLIII, февраль, 580, 581.

Суворинъ, А. С., журналистъ, въ статьѣ Д. М. «Сорокалѣтіе газеты «Новое Время», СХLIV, апрѣль, 167—185. Упомян.: 77, 78, СХLV, іюль, 48—50.

Суворовъ, А. В., князь, генералиссимусъ: 1) въ рецензированной книгѣ В. Е. Якушкина «Геній русскаго военнаго искусства А. В. Суворовъ. М. 1915», СХLIII, февраль, 596. 2) Въ рецензированной Б. Модзалевскимъ книгѣ «Письма и бумаги Суворова. Томъ пер-

вый. Письма 1764—1781 гг. Объяснилъ и примѣчаніями снабдилъ В. Алексѣевъ. Пгр. 1916». СХLIII, мартъ, 867—869.

Суражевскій, Дмитрій. Рецензія о книгѣ его: «Тишина. Стихи. М. 1916», СХLV, июль, 236.

Суриковъ, В. И., художникъ. Некрологъ его: СХLIV, апрѣль, 301.

Сыроѣчковскій, Б. Е. Рецензія Е. Шумигорскаго о книгѣ съ его примѣчаніями и вступительной статьей «Записки И. И. Горбачевскаго. М. 1916», СХLVI, окт., 224—226.

Сытинъ, И. Д., книготорговецъ, издатель газ. «Русское Слово», СХLV, июль, 50—52.

Т

Т. Рецензія его: «Проф. И. И. Соколовъ. Вселенскіе судьи въ Византіи. Казань. 1915», СХLIV, июнь, 793.

Т. М. Его поправка. «Къ некрологу И. И. Лютостанскаго», СХLIII, январь, 320. Рецензія его: 1) «Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей російскихъ при московскомъ университетѣ. 1915 годъ. Книга третья (двѣсти пятьдесятъ четвертая) издана подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго. М. 1915», СХLIII, мартъ, 872 2) «Архивъ Государственнаго Совѣта. Журналы секретнаго и главнаго комитетовъ по крестьянскому дѣлу. Томъ. I. Съ 3 января 1857 г. по 30 ноября 1860 г. Томъ второй. Съ 10 октября 1860 г. по 13 февраля 1861 г. Журналы и меморіи общаго собранія Государственнаго Совѣта по крестьянскому дѣлу. Съ 28 января по 14 марта 1861 г. (т. III?)—Приложеніе къ журналу главнаго комитета по крестьянскому дѣлу. Пгр. 1915.—Опись дѣла архива Государственнаго Совѣта. Томъ одиннадцатый. Дѣла Государственнаго Совѣта съ 1889 по 1894 г.—Томъ двѣнадцатый. Дѣла Государственнаго Совѣта съ 1895 по 1899 г. Пгр. 1914», мартъ, 884, 885. 3) «Великорусскія сказки Вятской губерніи. Съ приложеніемъ шести (пяти?) вотяцкихъ сказокъ. Собралъ Д. К. Зеленинъ. Пгр. 1915», мартъ, 890, 891. 4) «А. Коллонгай. Общество и материнство. I. Государственное страхование материнства. Пгр. 1916», СХLIV, апрѣль, 258, 259. 5) «А. А. Фетъ (Шеншинъ). Матеріалы къ характеристикѣ. В. С. Федина. Пгр. 1915». СХLIV, апрѣль, 259, 260. 6) «Матеріалы къ исторіи и изученію религиозныхъ общественныхъ движеній въ Россіи. Подъ ред. Влад. Бонъ-Бруевича. Отдѣлъ Сектантизма. Выпускъ седьмой. Чемеряки. Отвѣтленіе Стараго Израиля. Съ 10 портретами и фотографическими

группами, 4 иносказательными изображеніями и другими снимками. Вступительная статья, замѣтки и примѣчанія Владимира Бонъ-Бруевича. Пгр. 1916», СХLVI, окт., 230. 7) «И. Ф. Павловскій. Къ исторіи Полтавской епархіи. Историческіе и бытовые очерки, замѣтки и перепека. По архивнымъ даннымъ. Полт. 1916», дек., 777, 778.

Танковъ, А. А. Его статья «Первый царскій поѣздъ на Курско-Кіевской желѣзной дорогѣ», СХLIV, апрѣль, 159—165.

Тарновскій, Ст. Рецензія г. Слабченко о «Мемуарахъ кн. Л. Сапѣги», съ его предисловіемъ», СХLV, августъ, 512—515.

Татарчуновъ, А. Н. Рецензія о брошюрѣ его «Биржи труда. Пгр. 1916», СХLVI, дек., 785, 786.

Тахтаревъ, К. Рецензія о книгѣ его «Соціология, какъ наука. Пгр. 1916», СХLV, августъ, 528.

Тевяшовъ, генералъ, СХLIV, июнь, 805, 806.

Тенкерей, англійскій писатель, СХLVI, декабрь, 684—691.

Терлецкій, Владиміръ, архимандритъ, въ статьѣ Е. Л. «Многогрудная жизнь», СХLV, июль, 110—122.

Тимосеева-Починковская, В. В. Ея романъ: «У чужихъ алтарей», СХLV, августъ, 273—298; сент., 561—595; СХLVI, окт., 1—26; ноябрь, 273—298; дек., 555—578.

Тиняковъ, А. И. 1) Его статья: «Андрей Ивановичъ Подолинскій (Къ 30-лѣтію со дня его смерти)», СХLIII, январь, 226—239. 2) Рецензія его: «А. А. Измайловъ. «Чеховъ». 1860—1904. Біографическій набросокъ», СХLVI, дек., 767—770.

Типольтъ, Н. А. баронъ. Рецензія З. И. Б. о книгѣ его и В. К. Лукомскаго «Русская геральдика. Руководство къ составленію и описанію гербовъ. Пгр. 1915», СХLIII, февраль, 579, 580.

Титъ-Ливій, римскій историкъ, СХLV, сент., 311.

Тихонравовъ, Н. С., академикъ, въ рецензированной Влад. Княжниннымъ книгѣ А. Г. Руднева: «Академикъ Н. С. Тихонравовъ и его труды по изданію памятниковъ древне-русской литературы. Опытъ историко-литературной характеристики. Изданъ подъ редакціей и наблюденіемъ проф. А. В. Михайлова. Варшава. 1915», СХLIV, апрѣль, 248, 249.

Тищенко, А. В., историкъ, въ рецензированной К. книгѣ «А. В. Тищенко. Его работы. Статьи о немъ. Пгр. 1916», СХLVI, окт., 229.

Толбуховъ, Е. Его статья «Скобелевъ въ Туркестанѣ (1869—1877 г.г.)», СXLVI, октябрь, 107—132; ноябрь, 369—403; дек., 638—667.

Толстые:

— А. К., графъ, поэтъ, въ статьѣ Е. Матвѣевой: «Нѣсколько воспоминаній о гр. А. К. Толстомъ и его женѣ», СXLIII, январь, 162—178.

— И. И., б. министр народнаго просвѣщенія, нумизматъ, писатель. Некрологъ его: СXLV, июль, 270, 271.

— Л. Н., гр., писатель: 1) въ статьѣ Н. Чечулина «Основа общаго плана романа «Война и миръ», СXLVI, декабрь, 681—691, 2) въ рецензированной книгѣ А. Л. Бемъ «Къ исторіи изученія Толстого». Пгр. 1915», СXLIII, январь, 295. Упомин. СXLV, июль, 54—56.

— С. А., графиня, жена поэта, въ статьѣ Е. Матвѣевой: «Нѣсколько воспоминаній о гр. А. К. Толстомъ и его женѣ», СXLIII, январь, 162—178.

Томашевскій, С. П., заслуженный профессоръ-медикъ. Некрологъ его: СXLVI, апрѣль, 301, 302.

Томсонъ, А. И., профессоръ (его юбилей), СXLV, августъ, 554, 555.

Тотъ (Гермезъ Трисмегистъ), древнеегипетскій богъ, СXLVI, ноябрь, 509—511.

Трифонъ, епископъ. Его статья: «Памяти священника Д. С. Дмитріева († 26 марта 1915 г.)», СXLIII, мартъ, 820—826.

Трофимовъ, В. В., уполномоченный организаціи по устройству бѣженцевъ, журналистъ. Некрологъ его: СXLIII, мартъ, 927, 928.

Туганъ-Барановскій, М. И., проф. Рецензія А. П. Скугаревскаго объ изданной подъ редакціей книгѣ: «Вопросы міровой войны. Пгр. 1915», СXLVI, дек., 764—767.

Тураевъ, Б. А., проф. Рецензія С. Л.—на: «Культурно-историческіе памятники древняго Востока. Подъ редакціей профессора Б. А. Тураева. Выпускъ 2-й. И. М. Волковъ. Арамейскіе документы іудейской колоніи на Элефантинѣ V вѣка до Р. Х. Съ 10 рис. М. 1915. Вып. 3-й Б. А. Тураевъ. Разсказъ египтянина Снухета и образцы египетскихъ документальныхъ автобіографій. Съ рис. М. 1915», СXLIII, январь, 289—291

Тургеневъ, И. С., писатель, въ статьѣ М. Щепкина «Село Спасское-Лутовинова, усадьба И. С. Тургенева. (Описаніе усадьбы и дома, какимъ онъ былъ при жизни И. С. Тургенева, съ планомъ дома и флигеля)», СXLIII, февраль, 550—564. Упомин. СXLIV, май, 535—537.

Тыркова, А. Рецензія Б. Гурьева о книгѣ ея «Старая Турція и младотурки. Годъ въ Константинополѣ». Пгр. 1916», СXLVI, ноябрь, 514, 515.

Тэнъ, Ипполитъ, французскій историкъ. Рецензія М. о книгѣ его въ переводѣ П. П. Перцова «Путешествіе по Италіи. Т. II. Флоренція и Венеція. М. 1916», СXLVI, окт., 234, 235.

Торго, французскій министръ, СXLV, июль, 247, 248.

Тяжельниковъ, В. М., сообщившій записки И. В. Погоржанскаго. СXLIII, январь, 143, 144.

У

Уваровы:

— П. С., графиня. Рецензія А. Захарова объ изданной подъ редакціей ея и Х. П. Кучукъ-Іоаннесова книгѣ «Матеріалы по археологіи Кавказа. Вып. XIII. М. 1916. Т. 4», СXLVI, дек., 779.

— С. С., гр. (присужденіе награды гр. Уварова). СXLVI, ноябрь, 547, 548.

Улановъ, В. Я. Рецензія Д. М. объ изданныхъ подъ его редакціей книгахъ (Н. Д. Шаховской и другихъ) СXLIV, май, 532—534.

Ульяновъ, И. Н. Его статья «Памятники современной войны. Почтовый день въ селѣ. (Вѣсти съ войны)», СXLVI, августъ, 456—466.

Умовъ, Н. А., проф., въ рецензированныхъ книжкахъ А. І. Бучинскаго, СXLIII, мартъ, 894.

Урениусъ, Е. Рецензія А. Налимова о переведенной имъ книгѣ: «Вернонь Ли. Италія. Избранныя страницы. Театръ и музыка. М. 1915», СXLIV, май, 542, 543.

Ф

Фаресовъ, А. И. Его статья: «Умственные переломы въ дѣятельности Н. С. Лѣскова». СXLIII, мартъ, 786—819.

Рецензія М.—о о книгѣ его: «Народъ безъ водки (Путевые очерки). Пгр. 1916», февраль, 577, 578.

Фармаковскій, Б. В., археол., СXLIII, февраль, 582.

Фатѣва, А. М. См. Капица, О. І.

Федина, В. С. Рецензія Т. М. о книгѣ его: «А. А. Феть. (Шешинъ). Матеріалы къ характеристикѣ. Пгр. 1915», СXLIV, апрѣль, 259, 260.

Фердинандъ, болгарскій царь, въ статьѣ П. Стоянова «Фердинандъ Кюбургскій. (По болгарскимъ источникамъ)», СXLIV, май, 432—458.

Ферреро, Г., итальянскій историкъ: 1) Рецензія М. о книгѣ его въ переводѣ А. Захарова: «Величіе и паденіе Рима. Томъ I. Созданіе имперіи. М. 1915», СХLIII, мартъ, 876. 2) Рецензія А. М.—на о книгѣ его, въ переводѣ А. Захарова: «Величіе и паденіе Рима. Т. II. Юлій Цезарь. М. 1916», СХLV, сент., 773, 774.

Фетъ, А. А. (Шеншинъ), поэтъ, въ рецензированной Т. М. книгѣ В. С. Федина: «А. А. Фетъ. (Шеншинъ). Матеріалы къ характеристикѣ. Пгр. 1915», СХLIV, апрѣль, 259, 260.

Филипповъ, А. Н., проф. Рецензія проф. М. Красножена о книгѣ его: «Каталогъ членовъ и оберъ-прокуроровъ св. пр. синода за XVIII в. (Изъ рукописнаго собранія Н. Н. Подашевского). М. 1916», СХLVI, декабрь, 780.

Фiorавенти, I. Аристотель, строитель Московскаго Успенскаго собора, СХLV, сент., 821—823.

Форгачъ, графъ, австрійскій дипломатъ, СХLIV, апрѣль, 279, 280.

Фонвизинъ, Д., писатель, СХLV, июль, 206—211.

Фотій, патриархъ константинопольскій, СХLIV, май, 539—542; СХLIV, июль, 227, 228.

Фофановъ, К. М., поэтъ, въ статьѣ А. А. Измайлова «Принцъ и нищій». (Изъ воспоминаній о К. М. Фофановѣ), СХLIV, май, 459—478. Поправка А. А. Измайлова къ этой статьѣ, июнь, 848.

Францъ-Іосифъ, австрійскій императоръ, въ замѣткѣ: «Австрійскій дворъ наканунѣ войны», СХLIV, апрѣль, 276—281. Упомин. апрѣль, 88—92; СХLIII, янв., 34—41.

Францъ-Фердинандъ, эрцгерцогъ, австрійскій престолонаследникъ, СХLIV, апрѣль, 278, 281, 282; май, 551—554.

Фрейгангъ, А. 1) Его статья: «Памяти П. В. Максимова», СХLVI, декабрь, 692—699. 2) Его отвѣтъ Н. Кравченку (по поводу статьи «Въ защиту славнаго прошлаго»), СХLIV, июнь, 846—848. 3) Поправка А. Радецкаго къ его статьѣ «Въ защиту славнаго прошлаго» («Истор. В.», XII, 1915 г.) СХLIV, апр., 302—304.

Фридрихъ, германскій крошпринцъ, СХLIV, июнь, 816, 818.

Фридрихъ-Вильгельмъ, принцъ гессенъ-кассельскій, СХLIII, январь, 128—132.

Фругъ, С. Г., поэтъ. Некрологъ его: СХLVI, окт., 272.

Фундуклей, И. И., дѣятель въ Польшѣ, СХLIV, май, 375, 376.

Х

Хвостовъ, М. М., проф. Рецензія о сборникѣ статей съ его предисловіемъ: «Историческія школьныя выставки. Къ вопросу о самодѣятельности въ средней школѣ. Съ иллюстр. Казань. 1916», СХLIII, январь, 295.

Хорень, армянскій архіепископъ, СХLIV, май, 336.

Хотень, Софія, графиня, жена австрійскаго престолонаследника, СХLIV, апрѣль, 281, 282.

Хрептовичъ-Бутеневъ, К. А., графъ, СХLV, сент., 821—823.

Худеновъ, Н. С., управляющій «Петербургской Газетой», СХLV, июль, 43—47.

Ц

Ц. Рецензія его: Изданіе русскаго библиологическаго общества: «Библиологическій сборникъ. Т. I. Вып. 2. Библиографическіе матеріалы, собранные въ 1913—1914 г.г. Э. А. Вальтеромъ. Пгр. 1915. Доклады и отчеты. Вып. III. 1913—1914 гг. Пгр. 1915», СХLIII, февр., 585, 586.

Цвѣтковъ, К. И. Его статья: «Поѣздка въ Кембриджъ», СХLIII, январь, 257—278.

Цибугинъ, В. И., сибирскій общественный дѣятель, ученый и писатель. Некрологъ его: СХLIII, февраль, 622, 623.

Цыбульскій, С. Рецензія его: 1) Матеріалы по археологической Россіи, издаваемые императорскою археологическою комиссіею. № 84. Доклады, читанные на лондонскомъ международномъ конгрессѣ историковъ 1913 г. графомъ А. А. Бобринскимъ, Е. М. Придикомъ, М. И. Ростовцевымъ, Б. В. Фармаковскимъ и Э. Р. фонъ-Штерномъ. Пгр. 1915», СХLIII, февраль, 582. 2) «Отчетъ императорской археологической комиссіи за 1911 годъ. Съ 143 рисунками въ текстѣ. Пгр. 1915», СХLIII, мартъ, 884. 3) Извѣстія императорской археологической комиссіи. Выпуски 51, 52 съ прибавленіемъ, выпуски 53, 54 съ прибавленіемъ къ нему, 55, 56 съ прибавленіемъ. Пгр., СХLIII, мартъ, 891.

Ч

Чайковскій, М. И., драматургъ и музыкантъ. Некрологъ его: СХLIII, февр., 623.

Чевкинъ, б. министръ путей сообщенія, СХLVI, ноябрь, 312.

Челпановъ, Г. П., профессоръ (его юбилей), СХLIII, мартъ, 922.

Челяновскій, Ф. Л., чешскій поэтъ, СХLV, июнь, 790, 792.

Черемисиновъ, П. Н., желѣзнодорожный и музыкальный и стенографическій дѣятель, поэтъ-переводчикъ. Некрологъ его: СХLIII, февр., 623.

Черепнинъ, Н. П. Рецензія Н. Г. Р. о книгѣ его: «Императорское воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ. Историческій очеркъ. 1764—1914. Т. II. Пгр. 1915. Т. III. Приложенія», СХLIV, май, 526—530.

Черниговецъ-Вишневскій, Ф. В., поэтъ и писатель-философъ. Некрологъ его: СХLIII, январь, 319.

Чернявскій, М. Его статья: «Егорьевскій городской голова Н. М. Бардыгинъ», СХLV, августъ, 406—434.

Чеховы:

— Ант. П., писатель. Рецензія Д. М.—ко о книгѣ: «Письма А. П. Чехова. Подъ редакц. М. П. Чеховой. Т. VI. (1900—1904 гг.). Съ иллюстраціями. М. 1916», СХLVI, окт., 226—228; (въ американской критикѣ) 260, 261. Упомян. СХLVI, дек., 767—770.

— М. П. Рецензія Д. М.—ко о книгѣ подъ ея редакціей: «Письма А. П. Чехова. Т. VI. (1900—1904 гг.). Съ иллюстраціями. М. 1916», СХLVI, октябрь, 226—228.

Чечулинъ, Н. Его статья: «Основа общаго плана книги «Война и миръ», СХLVI, декабрь, 681—691.

Чешихинъ, В. Е. (Ч. Вѣтринскій). Рецензія А. Налимова объ изданной подъ его редакціей книгѣ «Дѣйствія нижегородской ученой архивной комиссіи. Люди нижегородскаго Поволжья. Выпускъ первый. Краткій словарь писателей-нижегородцевъ. Нижн.-Новг. 1915», СХLIII, январь, 286, 287.

Чижовъ, М. А., академикъ-скульпторъ. Некрологъ его: СХLV, июль, 271.

Чумакъ, разбойникъ. Его «Записки», сообщенныя С. Шпидеромъ въ статьѣ «Чумакъ, атаманъ разбойниковъ», СХLVI, декабрь, 597—616.

Чуковский, К. Рецензія Дм. Масляненко о книгѣ его: «Заговорили молчаніе. Томми Аткинсъ на войнѣ». Пгр. 1916», СХLIII, мартъ, 880—882.

Чулковъ, Георгій. Рецензія Д. М.—ко о книгѣ его: «Вчера и сегодня. Очерки. М. 1916», СХLIV, июнь, 794, 795.

III

Ш. Рецензія его: «А. В. Бѣлгородскій. Поработенное славянство въ Австро-Венгрии и Германіи. Пгр. 1915.—Его же.

Галиція—ясконое достояніе Россіи. М. 1915. Его же. За что боролся и пострадалъ Янъ Гусъ. (По поводу исполнившагося 500-лѣтія со дня его мученической кончины). Пгр. 1916», СХLV, июль, 232, 233.

Шавловскій, И. Э., профессоръ-анатомъ. Некрологъ его: СХLVI, ноябрь, 554.

Шалькъ-де-ла-Фавери, библиотекаря парижской національной библиотеки, СХLV, июль, 252—256.

Шапиръ, О. А., писательница. Некрологъ ея: СХLV, июль, 271, 272.

Шараповъ, С. Э., публицистъ, въ статьѣ С. К. Эфрона: «Воспоминанія о С. Э. Шараповѣ», СХLIII, февраль, 496—520, мартъ, 723—751. Упомян. СХLV, июль, 50—52.

Шаховская, М. А., княгиня, въ рецензировавшемъ Е. Ш. очеркѣ П. Н. Столянского: «Домъ княгини М. А. Шаховской, Фонтанка, 27». Пгр. 1916. Съ иллюстраціями, СХLV, сент., 782, 783.

Шаховская, Н. Д. Рецензія Д. М. о книгѣ ея «Въ монастырской вотчинѣ XIV—XVII в.в. (Св. Сергій и его хозяйство)», СХLIV, май, 532—534.

Шаховская - Стрѣшневая, княгиня, СХLIV, июнь, 824—826.

Швачко, П. Рецензія о книгѣ его «Право и сила. Драматическія картины. Орѣхово. 1915», СХLIV, апрѣль, 262.

Шебалина, Е. А., писательница. Некрологъ ея: СХLVI, дек., 809, 810.

Шекспиръ, Вильямъ, англійскій писатель, СХLIV, июнь, 810—816.

Шереметевъ, П. С., графъ. Рецензія Б. Модзалевскаго о его изданіи: «Вяземы. Изданіе «Русской усадьбы». Вып. I. Пгр. 1916», СХLVI, ноябрь, 503—505.

Шестановъ, Д. П., проф. Рецензія Б. В. объ изданной подъ его редакціей книгѣ «Комедія Аристофана «Женскій праздникъ. Стихотворный переводъ съ примѣчаніями. Н. Корнилова. Казань. 1916», СХLVI, дек., 779, 780.

Шестановъ, С. П., проф. Рецензія П. Б. о книгѣ его: «Лекціи по исторіи Византіи. Томъ I. Казань. 1915», СХLIII, мартъ, 876, 877.

Шишкинъ, П. Н., сподвижникъ Скобелева, СХLIV, апрѣль, 104, 105; май, 308—386.

Шломберже, Густавъ, французскій историкъ, СХLIII, февраль, 607—611.

Шмаковъ, А. С., присяжный повѣренный, общественный дѣятель, писатель по еврейскому вопросу. Некрологъ его: СХLV, авг., 560.

Шмаковъ, В. А. Рецензія С. Л.—на о книгѣ его «Священная книга Тота. Великіе Арканы Таро. Абсолютная начала синтетической философіи эзотеризма. М. МСМХVI», СXLVI, ноябрь, 509—511.

Шмельковъ, П. М., художникъ изъ крѣпостныхъ, СXLIV, апрѣль, 92, 95.

Шостынь, А. П., заслуженный профессоръ духовной академіи, писатель. Некрологъ его: СXLIII, мартъ, 928.

Шлицеръ, С. Его сообщеніе «Записокъ» разбойника Чумака въ статьѣ: «Чумаки, атаманъ разбойниковъ», СXLVI, декабрь, 597—616.

Шраатъ, Екатерина, актриса, фаворитка австрійскаго императора, СXLIV, апрѣль, 277.

Штахъ, Я. Рецензія П. Л.—ова о книгѣ его: «Очерки изъ исторіи и современной жизни южно-русскихъ колонистовъ. М. 1916», СXLVI, ноябрь, 511—513.

Штернь, фонъ, Э. археологъ, СXLIII, февраль, 582.

Штрейтъ, Георгъ, греческій дипломатъ, СXLIV, апрѣль, 280, 281.

Шуазель, французскій посолъ въ Вѣнѣ, СXLIV, апрѣль, 283, 286.

Шубинскій, С. Н., писатель (посвященіе статьи его памяти), СXLIV, июнь, 701—722. Упомян.: апрѣль, 92—104; май, 395—397, СXLV, июль, 50, 51, 53, 56, 57, 59; СXLVI, дек., 593, 596.

Шуваловъ, П. А., дипломатъ, СXLIV, май, 331, 334.

Шумгорскій, Е. С. Его очерки «Новости исторіи»; СXLIII, февр., 587—593; СXLIV, мартъ, 896—902; апрѣль, 265—272; июнь, 803—809; XLV, июль, 237—245; августъ, 529—536; сент., 790—798; СXLVI, окт., 240—247; ноябрь, 519—533. Рецензіи его: 1) «Отечество. Сборники нац. ональной литературы Россіи. Томъ I. Редакція проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенз, проф. Н. А. Гредескула, Б. А. Гуревича, кн. П. Д. Долгорукова, проф. В. Н. Сперанскаго. Пгр», СXLV, июль, 220—222. 2) «Записки И. И. Горбачевского. Съ примѣчаніями и со вступительной статьей Б. Е. Сырѣчковскаго. М. 1916», СXLVI, окт., 224—226. 3) «Проф. М. В. Ключковъ. Очерки правительственной дѣятельности времени Павла I. Пгр. 1916», ноябрь, 499—503.

Щ

Щеголевъ, П. Е., писатель, СXLVI, ноябрь, 520—533.

Щепкинъ, Е. Н. Рецензія И. Бороздина о книгѣ его: «Варяжская вира. Одесса. 1916», СXLIV, июнь, 780—781.

Щепкинъ, М. Его статья: «Село Спаское-Лутовиново, усадьба И. С. Тургенева. (Описаніе усадьбы и дома, какимы онъ былъ при жизни И. С. Тургенева, съ планомъ дома и флигеля)», СXLIII, февр., 550—564.

Щетининъ, Б. А., князь. Его статьи: 1) «Силуэты прошлаго. (Изъ воспоминаній)», СXLIV, апрѣль 122—129. 2) «М. М. Ковалевскій и московскій университетъ. (Страничка изъ воспоминаній)», СXLIV, май, 483—490.

Э

Эмануиль, греческій императоръ, СXLIII, февраль, 607—611.

Энгельгардтъ, Н. А. Рецензія о книгѣ его «Огненная купель. Историческая повѣсть. Пгр. 1916», СXLIII, январь, 294, 295.

Эренбургъ, Э. Рецензія о книгѣ «Франсуа Війонъ. Отрывки изъ «Большаго завѣщанія», баллады и разныя стихотворенія. Переводы и биографическій очеркъ Э. Эренбурга. М. 1916», СXLIV, май, 546.

Эрмансдерферъ, Максъ, музыкантъ, СXLIV, апрѣль, 124, 125.

Эттингеръ, Ф. В. дѣятель въ области издательства специальной литературы и журналистики. Некрологъ его: СXLIII, февр., 624.

Эфронъ, С. К. Его статья «Воспоминанія о С. Ф. Шараровѣ», СXLIII, февр., 496—520, мартъ, 723—751.

Ю

Юанъ-Ши-Най, президентъ Китайской республики, СXLVI, окт., 255—257.

Ювачевъ, Ив. Рецензія его «Сэръ Исаакъ Ньютонъ. Забѣчанія на книгу пророка Даніяла и Апокалипсисъ св. Іоанна. Въ двухъ частяхъ. Пгр. 1915», СXLIII, январь, 288, 289.

Юлій - Цезарь, римскій императоръ, въ рецензированной А. М.—нымъ книгѣ Ферреро «Величіе и паденіе Рима. Т. II. Юлій Цезарь. М. 1916», СXLV, сент., 773, 774.

Юшневичъ, С. Рецензія о книгѣ его «Человѣкъ воздуха. Комедія въ 4 дѣйствіяхъ. Пгр. 1916», СXLIII, мартъ, 893.

Я

Ярославъ Мудрый, великій князь, СXLIV, юнь, 825.

Якушинъ, В. Е. Рецензіи о книгѣ его «Геній русскаго военнаго искусства А. В.

Суворовъ. М. 1915», СХLIII, февраль, 596.

Яхонтовъ, С. Д. Рецензія о книгѣ «Труды рязанской ученой архивной комисіи. Т. XXVII. Подъ ред. С. Д. Яхонтова. Рязань. 1916», СХLV, іюль, 235.

Яцута, К. З., д-ръ мед., проф. Рецензія о книгѣ его: «Краткій учебникъ анатоміи съ необходимыми данными изъ физиологіи. Для сестеръ милосердія, фельдшерницъ-акушеровъ и массажистокъ. Пгр. 1916», СХLIV, май, 546.

Ячевскій, Л. А., геологъ, горный инженеръ. Некрологъ его: СХLIV, іюнь, 845, 846.

Яценко, А. Рецензія Н. Г. Р. о книгѣ его: «Начальное землевѣдѣніе (курсъ географіи для младшихъ классовъ), на примѣрахъ преимущественно изъ природы Россіи, примѣнительно къ новымъ программамъ министерства народнаго просвѣщенія, съ приложеніемъ очерковъ

родиновѣдѣнія и краткаго обзора частей свѣта» и проч. Пгр. 1916», СХLIII, мартъ, 883, 884.

Федоръ Кузьмичъ, старецъ, СХLIV, май, 427—431.

Фирсовъ, Н. Н., проф. Рецензія о брошюркахъ его: 1) «Условія при которыхъ началась Семилѣтняя война. М. 1916» 2) Петръ I, Великій, московскій царь и императоръ всероссійскій. (Личная характеристика). М. 1916», СХLVI, ноябрь, 518.

Фоминъ, П., протоіерей. Рецензія А. Налимова о книгѣ его «Церковныя древности Харьковскаго края. Выпускъ I. Харьковъ. 1916», СХLV, авг., 521.

Фукидидъ, греческій историкъ. Рецензія Д. о книгѣ «Фукидидъ. Исторія. Т. I и II. Переводъ Ѳ. Мищенко въ переработкѣ, съ примѣчаніемъ и вступительнымъ очеркомъ С. Жебелева», СХLIII, февраль, 583, 584.

УКАЗАТЕЛЬ

РИСУНКОВЪ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1916 г.

I. П о р т р е т ы.

- Авереску**, генераль, командующій румынскими войсками, CXLVI, ноябрь, XIII.
Александра Юсифовна, великая княгиня, CXLIII, январь, 101.
Александра Николаевна, великая княгиня, CXLIII, январь, 129.
Александра Теодоровна, императрица, супруга императора Николая I, CXLIII, январь, 101.
Александръ Александровичъ, императоръ (въ 1850 г.), CXLIII, январь, 101; (въ 1851 г.) 105; февраль, 429, 433, 437, 441, 445.

CLV августъ:

- Въ бытность командиромъ стрѣлковой роты въ 1864 г. (Съ портрета, гравированнаго И. И. Хелмицкимъ). На отдѣльномъ листѣ.
  - На открытіи памятника императору Павлу I, шести лѣтъ отъ роду, стоитъ на часахъ у памятника своего прадѣда, 481.
  - 1865 годъ. Ни бивакъ подѣ Краснымъ Селомъ, 483.
  - Въ своемъ музыкальномъ кружкѣ въ Красномъ Селѣ, 485.
  - 1875 годъ. Какъ командиръ гвардейскаго корпуса, съ корпуснымъ штабомъ въ Красномъ Селѣ, 489.
  - На памятникѣ, открытомъ ему въ Красномъ Селѣ въ лагерѣ офицерской стрѣлковой школы 8-го августа 1896 г., 497.
- Александръ Николаевичъ**, наслѣдникъ-цесаревичъ, впоследствии императоръ, въ 1850 г., CXLIII, январь, 101.
Алексѣевъ, М. В., генераль-адъютантъ, начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, CXLVI, окт., IX.
Андреевскій, Евгений Константиновичъ (въ своемъ рабочемъ кабинетѣ), писатель. CXLIV, май. На отдѣльномъ листѣ.
Антоній, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій, CXLIII, февраль. На отдѣльномъ листѣ.
Бабсть, профессоръ, CXLIII, февраль, 445.
Баланиревъ, М. А., композиторъ, CXLVI, декабрь. На отдѣльномъ листѣ.
Басанинъ, Маркъ, писательница, CXLV, июль. На отдѣльномъ листѣ.

- Бергъ**, въ музыкальномъ кружкѣ наслѣдника-цесаревича Александра Александровича, CXLV, августъ, 485.
- Бнозовскій**, падре, генераль ордена іезуитовъ, жившій въ Россіи, CXLIII, февраль, 533.
- Боголюбовъ**, CXLIII, февраль, 445.
- Борисовъ**, В. Е., генераль-лейтенантъ, CXLVI, окт., IX.
- Братіано**, румынскій премьеръ-министръ, CXLVI, ноябрь, XVII.
- Булгаковъ**, Федоръ Ильичъ, писатель, редакторъ газеты «Новое Время», CXLIV, апрѣль, 181.
- Буренинъ**, Викторъ Петровичъ, критикъ и поэтъ, CXLIV, апрѣль, 173.
- Валуевъ**, П. С., генераль-отъ-инфантеріи, CXLV, сентябрь, XXV.
- Васильевъ**, Іосифъ Васильевичъ, протоіерей парижской посольской церкви, CXLVI, ноябрь. На отдѣльномъ листѣ.
- Вернцъ**, Ксаверій, падре, генераль ордена іезуитовъ, CXLIII, февраль, 537.
- Владимиръ Александровичъ**, великій князь въ 1850 г., CXLIII, январь, 101; (въ 1851 г.), 105. ; февраль, 429, 441, 445; CXLV, августъ, 483.
- Вурмъ**, въ музыкальномъ кружкѣ наслѣдника-цесаревича Александра Александровича, CXLV, августъ, 485.
- Гаршинъ**, В. М., въ 1884 г., писатель, CXLIV, май, 409.
- Гей**, Богданъ Веніаміновичъ, журналистъ, сотрудникъ газеты «Новое Время», CXLIV, апрѣль, 177.
- Гиршъ**, докторъ, CXLIII, февраль, 445.
- Дмитріевъ**, Дмитрій Савватеевичъ, священникъ, авторъ историческихъ романовъ CXLIII, мартъ, 821.
- Евгенія Максимиліановна**, в. княжна, CXLIII, февраль, 429.
- Живковичъ**, Михайлъ, сербскій генераль, CXLVI, декабрь, IX.
- Заіончковскій**, А. М., генераль-отъ-инфантеріи, командующій русскими войсками въ Румыніи, CXLVI, окт., XXV.
- Капнистъ**, гр., шт.-ротм., CXLVI, окт., IX.
- Кароль**, принцъ, наслѣдникъ румынскаго престола, CXLVI, ноябрь, IX.
- Де-Настельно**, генераль, главнокомандующій на французскомъ фронтѣ, CXLIII, февраль, IX.
- Нашалинскій**, Н. А., генераль-отъ-инфантеріи, CXLVI, окт., XVII.
- Кенигъ**, фонъ (Чирикова), С. А., сестра милосердія, CXLVI, окт., 73.
- Ковалевскій**, М. М., профессоръ, писатель, CXLIV, май, 485.
- Козловъ**, адъютантъ, CXLIII, февраль, 445.
- Колчакъ**, А. В., вице-адмиралъ, командующій Черноморскимъ флотомъ, CXLVI, ноябрь, XXV.
- Кондановъ**, Никодимъ Павловичъ, академикъ, историкъ искусствъ, CXLVI, ноябрь, 455.
- Константинъ Николаевичъ**, великій князь, CXLIII, январь, 101.
- Кренне**, Викторъ Даниловичъ, генераль и писатель, CXLIV, июнь. На отдѣльномъ листѣ.
- Кругловъ**, А. В., писатель, CXLVI, октябрь. На отдѣльномъ листѣ.
- Куропаткинъ**, А. Н., генераль-отъ-инфантеріи, б. главнокомандующій арміей сѣвернаго фронта, CXLIV, апрѣль, IX.
- Лавровъ**, В. М., журналистъ, б. издатель журн. «Русская Мысль», CXLV, сентябрь, 721.
- Ледоховскій**, Владимиръ, падре, генераль ордена іезуитовъ, CXLIII, февраль, 641.
- Лейхтенбергскій**, Николай Максимиліановичъ, князь, въ 1865 году, CXLIII, февраль, 441.
- Лейхтенбергскій**, Сергѣй Максимиліановичъ, князь, CXLIII, февраль, 429, 441.
- Лейхтенбергскій**, Юрій Максимиліановичъ, князь, CXLIII, февраль, 429.
- Лешъ**, Л. В., генераль, CXLV, сентябрь, XXI.
- Литвиновъ**, Н. П., CXLIII, февраль, 445.
- Лихачевъ**, В. И., б. издатель газеты «Новое Время», CXLIV, апрѣль, 171.
- Лосевъ**, М. П., генераль-майоръ, CXLIII, январь, XXV.
- Лохвицкій**, Н. А., генераль, командующій русскими войсками во Франціи, CXLV, сентябрь, IX.
- Мазаевъ**, Михайлъ Николаевичъ, редакторъ газеты «Новое Время», CXLIV., апрѣль, 183.

- Мамонтовъ**, В. П., генераль-лейтенантъ, CXLVI, ноябрь, XXI.
Марія Максимиліановна, в. княжна, CXLIII, февраль, 429.
Марѳа Алексѣевна, царевна, CXLVI, октябрь, 217.
Мещерскій, Вл., князь, CXLIII, февраль, 445.
Монро, генераль, командующій военными силами союзниковъ на южномъ фронтѣ, CXLIII, январь, XVII.
Муравьевъ, Михаилъ Никитичъ, сенаторъ, CXLVI, ноябрь, 411.
Николай Александровичъ, наслѣдникъ-цесаревичъ, сынъ императора Александра II, CXLIII, январь, 101, 105; февраль, 433.
Николай Михайловичъ, великій князь, августѣйшій предсѣдатель императорскаго русскаго историческаго общества, CXLV, сентябрь. На отдѣльномъ листѣ.
Николай I Павловичъ, императоръ (въ 1850 г.), CXLIII, январь, 101.
Олсуфьевы, Адамъ и Александръ, графы, въ музыкальномъ кружкѣ наслѣдника-цесаревича Александра Александровича, CXLV, августъ, 485.
Ольденбургскій, А. П., принцъ, въ музыкальномъ кружкѣ наслѣдника-цесаревича Александра Александровича въ Красномъ Селѣ, CXLV, августъ, 485.
Оомъ, секретарь, CXLIII, февраль, 445.
Фонъ-дёръ-Остенъ-Сакенъ, Федоръ Романовичъ, баронъ, государственный дѣятель, географъ, ботаникъ, путешественникъ и дипломатъ, CXLIV, июнь, 747.
Павелъ I, императоръ, на памятникѣ, открытомъ ему въ Гатчинѣ 1 августа 1851 г., CXLV, августъ, 481.
Перовскій, графъ, CXLIII, февраль, 445.
Петэнъ, генераль, командующій французской арміей у Вердена, CXLIV, май, IX.
Побѣдоносцевъ, К. П., CXLIII, февраль, 445.
Подолинскій, А. И., поэтъ, CXLIII, январь, 229.
Половцевъ, генераль, въ музыкальномъ кружкѣ наслѣдника цесаревича Александра Александровича въ Красномъ Селѣ, CXLV, августъ, 485.
Пустовойтенко, М. С., генераль-майоръ, CXLVI, октябрь, IX.
Саксенъ-Альтенбургская, принцесса Тереза, CXLIII, январь, 101.
Саксенъ-Альтенбургскій, принцъ, Эрнестъ, CXLIII, январь, 101.
Самсоновъ, А. В., генераль, CXLV, августъ, 389.
Сахаровъ, В. В., генераль-лейтенантъ, CXLV, сентябрь, V.
Семевскій, В. И., историкъ, CXLVI, ноябрь, 467.
Сементковскій, Р. И., писатель и журналистъ, CXLV, сентябрь, 749.
Суворинъ, Алексѣй Сергѣевичъ, журналистъ, издатель газеты «Новое Время» (въ періодъ основанія газеты), CXLIV, апрѣль, 169.
Суворинъ, Борисъ Алексѣевичъ, журналистъ, CXLIV, апрѣль, 185.
Суворинъ, Михаилъ Алексѣевичъ, журналистъ, CXLIV, апрѣль. На отдѣльномъ листѣ.
Терлецкій, Владимиръ, архимандритъ, религіозный дѣятель, CXLV, июль, 113.
Толстой, Алексѣй Константиновичъ, поэтъ, въ молодости, CXLIII, январь. На отдѣльномъ листѣ.
Федоровъ, Михаилъ Павловичъ, редакторъ газеты «Новое Время», CXLIV, апрѣль, 179.
Фердинандъ I, король Румыніи, CXLVI, октябрь, XXI.
Фридрихъ-Вильгельмъ, принцъ гессенскій, CXLIII, январь, 133.
Хэгъ, Дугласъ, англійскій генераль, главнокомандующій великобританской арміей во Франціи и въ Бельгіи, CXLIII, февраль, XVII.
Шараповъ, Сергѣй Федоровичъ, журналистъ и публицистъ, CXLIII, мартъ. На отдѣльномъ листѣ.
Шверинскій, принцъ, CXLIII, январь, 101.

II. Виды мѣстностей, городовъ, зданій и памятниковъ.

- Александрова Слобода** (нынѣ городъ), резиденція царя Ивана Грознаго, CXLVI, октябрь:
 — Общій видъ твердыни Іоанна Грознаго въ Александровой слободѣ, нынѣ Успенскій женскій монастырь, 213.
 — Дворецъ Іоанна Грознаго съ моленными кельями и подземными тюрьмами, нынѣ Успенскій соборъ, 213.

Александрова Слобода. Покровская церковь, построенная вел. кн. Василиемъ Ивановичемъ въ 1513 г., 215.

- Пронскій соборъ, построенный Иоанномъ Грознымъ, 215.
- Подземная тюрьма Иоанна Грознаго подъ Успенскимъ соборомъ въ Александровой слободѣ, 216.

Гатчина:

- Открытіе памятника императору Павлу I въ Гатчинѣ. Великій князь Александръ Александровичъ, 6 лѣтъ отъ роду, стоитъ на часахъ у памятника своего прадѣда, СXLV, августъ, 481.

Навказъ:

Абасъ-Туманъ, (Русскій Давосъ), курортъ, СXLIV, май:

- Абасъ-Туманъ; центральная часть мѣстечка, видъ съ одной изъ горъ, 507.
- Нижній Абасъ-Туманъ, рѣка Абастуманка у парка, 509.
- Главное ванное зданіе, 511.
- Водопадъ въ паркѣ, 513.
- Паркъ и Абастуманка, 517.
- Тополевая аллея въ центральной части Абасъ-Тумана, 519.
- Французскій пансіонъ Решель, 521.

СXLIV, іюль:

- Дворецъ великаго князя Георгія Александровича, 761.
- Дворецъ великой княгини Ксеніи Александровны, сгорѣвшій въ 1912 г., 763.
- Дворецъ великой княгини Ксеніи Александровны, 765.
- Часовня на мѣстѣ кончины великаго князя Георгія Александровича, 767.
- Ущелье Очарованья, 769.
- Преддверіе Абасъ-Тумана. Видъ съ одной изъ горъ со стороны Ахалцихской равнины, 771.

Навказъ. Военно-Сухумская дорога, СXLVI, ноябрь:

- Кубань у ст. Красногорской, 479.
- Селеніе Георгіевское-Осетинское, 482.
- Шоанинская скала, Хумаринское укрѣпленіе и Георгіевскій поселокъ, 483.
- Хумаринская церковь до реставраціи, 487.
- Септинскій женскій монастырь, 487.
- Септинская церковь, 489.

СXLVI, декабрь:

- Гора Чотча-Мингель, 731, 735.
- Одинъ изъ зигзаговъ Гоначхирской тропы, 739.
- Послѣдній зигзагъ перевальной тропы, 743.
- Клухорскій переваль, 747.
- По тропѣ надъ р. Кодоромъ (72 версты отъ Сухума), 751.
- На 24 верстѣ отъ Сухума, 754.
- Аллея банановъ въ Сухумскомъ ботаническомъ саду, 755.

Кембриджъ, городъ въ Англии, СXLIII, январь:

- Наружный видъ «Круглой церкви», 261.
- Внутренній видъ «Круглой церкви», 263.
- Библиотека колледжа Тринити, 265.
- Часовня при колледжѣ Тринити, 267.
- Часовня при колледжѣ Тринити въ Кембриджѣ, 269.
- Королевскій колледжъ, 273.
- Университетская библиотека и зданіе сената, 275.

Молбейскій погостъ, Тихвинскаго уѣзда. Могила В. Д. Кренке., СXLIV, іюнь, 669.

Красное Село, СXLV, августъ:

- Маневры надъ Краснымъ Селомъ въ царствованіе императора Николая I. (Съ картины Шварца), 477.

Красное Село, СXLV, августъ:

- 1865 годъ. Наслѣдникъ-цесаревичъ Александръ Александровичъ и великій князь Владимиръ Александровичъ на бивакѣ подь Краснымъ Селомъ. (Съ акварели Зичи изъ музея л.-гв. Преображенскаго полка), 483.
- Музыкальный кружокъ цесаревича Александра Александровича въ Красномъ Селѣ. Цесаревичъ, принцъ А. П. Ольденбургскій, генералъ Половцевъ, графы Адамъ и Александръ Олсуфьевы, Бергъ и Вурмъ, 485.
- 1874 годъ. Окончаніе корпуснаго маневра въ Красномъ Селѣ въ высочайшемъ присутствіи. (Съ картины Шарлеманя), 487.
- 1875 г. Командиръ гвардейскаго корпуса наследникъ-цесаревичъ Александръ Александровичъ съ корпуснымъ штабомъ въ Красномъ Селѣ. (Съ картины Френтца), 489.
- Красное Село 1876 года. Большіе маневры на Гатчинскомъ шоссе. (Съ акварели Френтца), 493.
- Открытіе памятника императору Александру III въ Красномъ Селѣ въ лагерѣ офицерской стрѣлковой школы 8 августа 1896 г., 497.

Либава, городъ:

- Наша группа у дома Б. Нольде въ Либавѣ. Либава въ 1862 г. Великіе князья Александръ и Владимиръ Александровичи, великія княжны Марія и Евгенія Максимиліановны и братья ихъ: Сергѣи и Юрій Максимиліановичи. (Собственноручная подпись по фотографіи великаго князя Александра Александровича. Анничковъ дворецъ), СXLIII, февраль, 429.

Никитушкина (Никита Пустосвятъ) могила, СXLV, августъ, 469.

Перемышль, въ Галиціи, СXLIII, мартъ:

- Подъ Перемышлемъ:
- На одномъ изъ фортовъ «Сѣдлисской группы», 829.
- Фортъ «Гурка», 831.
- Блидированный поѣздъ, 833.
- Раздача пасхальныхъ подарковъ государыни императрицы Александры Феодоровны, послѣ взятія Перемышля, 837.

Польша, СXLIII, мартъ:

- Видъ Казимержа съ р. Вислы, 849.
- Казимержь. Домъ сенаторовъ, 853.
- Казимержь. Древніе дома съ св. Христофоромъ и св. Николаемъ, 857.
- Казимержь. Древнее зданіе, превращенное въ амбаръ, 861.

СXLIV, апрѣль:

- Сандомиръ. Опатовскія ворота, 217.
- Сандомирская ратуша, 221.
- Развалины замка Оградзиска, 225.
- Развалины замка Уяздъ, 227.
- Древній костель въ Климонтовѣ, 229.
- Олькушь, 233.
- Замокъ Казимира въ Ойцовѣ, 235.

Псковъ, городъ.

- Плюшкинскій музей во Псковѣ, СXLV, июль, 185.

Спасское-Лутовиново, село, въ Мценскомъ уѣздѣ Орловской губерніи.

Усадьба И. С. Тургенева, СXLIII, февраль:

- Планы тургеневской усадьбы. Составилъ М. Щепкинъ. 1914 г.
- Планъ № 1. Тургеневскій домъ до 22 августа 1883 г. Сгорѣлъ въ 1905 г. На отдѣльномъ листѣ.
- Планъ № 2. Мезонинъ тургеневскаго дома, до 22 августа 1883 г., 561.
- Планъ № 3. Кабинетъ И. С. Тургенева, до 22 августа 1883 г. (съ обстановкой), 561.
- Планъ № 4. Флигель, обложенный кирпичомъ, въ которомъ жилъ И. С. Тургеневъ въ 1853—1855 гг., 562.
- Планъ № 5. Большой домъ, который сгорѣлъ въ 1843 году, 562.

Триентъ, итальянскій городъ въ Австріи, CXLV, сентябрь:

- Замокъ въ Триентѣ, 757.
- Соборъ и фонтанъ Посейдона въ Триентѣ, 759.

Франція, CXLV, июль:

- Авиньонъ. Панорама и мостъ св. Бенезета, 201.
- Часовня папы Климента VI, построенная въ XIV вѣкѣ, 203.
- Дворецъ папъ въ Авиньонѣ. (Видъ съ площади), 205.
- Дворецъ папъ въ Авиньонѣ. Окно, откуда давалось отпущеніе грѣховъ, 207.
- Дворецъ Фонтенбло. Тронный залъ, 209.
- Дворецъ Фонтенбло. «Залъ отреченія», гдѣ Наполеонъ подписалъ свое отреченіе отъ престола, 213.

Франція, Парижъ, CXLVI, октябрь:

- Православный храмъ въ Парижѣ, 37.
- Внутренній видъ парижскаго православнаго храма, 41.

Царское Село. Принесеніе присяги цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ 20 июля 1865 г., въ Царскомъ Селѣ, CXLIII, февраль, 437.

III. Разные рисунки.

Собственноручные рисунки великаго князя Александра Александровича:

- (Изъ коллекціи императора Александра II. Зимній дворецъ, 1854 г.), CXLIII, январь, 113.
- 1861 года, январь, 121.

Собственноручная надпись по фотографіи великаго князя Александра Александровича, CXLIII, февраль, 429.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“

Петроградъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ на-Д.

Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинныхъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ НОЯБРЬ 1916 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 12-й.

Богословіе.

ПЕТРОВЪ. Жизнь послѣ смерти. К. 1916 г. Ц. 90 к. | ЯВОРСКІЙ Ю. Карнаго-русское житіе апостола Петра. П. 1916 г. Ц. 30 к.

Философія, психологія, логика.

НЕЛЕДИНСКІЙ, В. Томленіе духа. П. 1916 г. Ц. 2 р. | ШТЕЙНЕРЪ, Р. Философія и теософія. 1916 г. Ц. 40 к.
ПФЕНДЕРЪ, А. Введеніе въ психологію. П. 1916 г. Ц. 2 руб.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

КРАЗЕ, А. Исторія греческой литературы. П. 1916 г. Ц. 2 р. 50 к. | СТОРОЖЕНКО, Н. Очеркъ исторіи западно-европейской литературы. П. 1916 г. Ц. 2 р. 25 к.

Беллетристика, поэзія, драматическія сочиненія.

АЛЬМАНАХЪ МУЗЪ. П. 1916 г. Ц. 5 р. | БУДИШЕВЪ, А. Крикъ во тьмѣ. М. 1916 г. Ц. 2 р.
БРЕШКО-БРЕШКОВСКІЙ. Предатели, ром. П. 1916 г. Ц. 2 р. 75 к. | БУТКОВСКІЙ, К. Кавалерійскія побѣды, стихотвор. П. 1916 г. Ц. 80 к.
— Ремесло сатаны. Романъ. П. 1916 г. Ц. 2 р. 80 к. | ЮНОВЪ, В. Обреченные. М. 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

- КРАЧКОВСКИЙ, Д. Святые грѣхи. Ром. П. 1916 г. Ц. 2 р.
 КРИНИЦКИЙ, М. Ангель страха. М. 1916 г. Ц. 2 руб.
 — Синяя борода. Романъ. П. 1916 г. Ц. 2 р. 50 к.
 ЛОККЪ, УЛ. Повреженные боги. Ром. П. 1916 г. Ц. 1 р. 75 к.
 — Случайность. Романъ. П. 1916 г. Ц. 2 р.
 — Демагогъ и лэди Файръ. Ром. М. 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.
 ЛОНДОНЪ, Д. Звѣздныя скитанія. Ром. П. 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.
 — Хмельное. М. 1916 г. Ц. 1 р. 60 к.
 МАЙКОВСКИЙ, ВЛ. Простое какъ мычаніе. П. 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.
 МЕРЕЖКОВСКИЙ, Д. Будеть радость. П. 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.
 МИКАЭЛИСЪ, К. Книга о любви. Ром. П. 1916 г. Ц. 1 р. 75 к.
 ПЭРЪ, К. Маленькая Кади. Романъ. П. 1916 г. Ц. 2 р.
 РОЗЕГГЕРЪ, П. Яковъ послѣдній. Ром. П. 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.
 РОСЛАВЛЕВЪ, А. Записки полицейской собаки. П. 1916 г. Ц. 50 к.
 РОЩИНСКИЙ-ПЛАМАДЬЛА, Ф. Стихи юности П. 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.
 САЗОНОВЪ, М. Уродливая маска. П. 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.
 СКАЗКИ НАРОДОВЪ Дальняго Востока. П. 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.
 СЛЕЗКИНЪ, Ю. Господинъ въ цилиндрѣ. Разсказъ. П. 1916 г. Ц. 2 р.
 УНДСЕТЪ, З. Викинги. Романъ. П. 1916 г. Ц. 1 р. 75 к.
 УЭЛЬСЪ, ДЖ. Утро жизни. Романъ. М. 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.
 ХИННИНГСЕНЪ, А. Многолюбивая Ева. Ром. М. 1916 г. Ц. 1 р. 75 к.
 ШУЛЬГОВСКИЙ, Н. Терновый вѣнецъ въянокъ сонетовъ. П. 1916 г. Ц. 30 к.
 ЩЕПКИНА - КУПЕРНИНЪ, Мелькающие огоньки. П. 1916 г. Ц. 1 р.
 ФЕДОРОВЪ, А. Бумажное царство, ром. П. 1916 г. Ц. 2 р.

Исторія, біографія и археологія.

- БРИЛЛИАНТОВЪ, А. Императоръ Константинъ Великій и миланскій эдиктъ 313 г. П. 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.
 ДЕ-КУЛАНЖЪ, Ф. Исторія общественнаго строя древней Франціи. П. 1916 г. Ц. 6 р. 25 к.
 ДУНАЕВЪ, Б. Пр. Максимъ Грекъ и греческая идея на Руси въ XVI вѣкѣ. М. 1916 г. Ц. 2 р. 50 к.
 ИГНАТЬЕВЪ, Н. графъ. Санъ-Стефано. П. 1916 г. Ц. 3 р.
 ЕГО ЖЕ Послѣ Санъ Стефано. П. 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.
 КЛОЧКОВЪ, М. Судебники Иоанна III и Иоанна IV 1497 г. и 1550 г. Х. 1916 г. Ц. 50 к.
 ОБРИ, Д. Англійскій дворъ и король Эдуардъ VII М. 1916 г. Ц. 1 р. 80 к.
 ПРИСЕЛКОВЪ, М. Ханскіе ярлыки русскимъ митрополитамъ П. 1916 г. Ц. 1 р. 20 к.
 РАЗСКАЗЫ изъ стараго времени на Руси. Императоръ Александръ I Ц. 20 к.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

- БОГОЛЪПОВЪ, М. О путяхъ будущаго. П. 1916 г. Ц. 65 к.
 ВАКСВЕЙЛЕРЪ, Э. Бельгія въ великой войнѣ. М. 1916 г. Ц. 1 р. 75 к.
 ВЯЗИГИНЪ, А. О. DOCUMENTA 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.
 ГЕРВАТЕНЪ, Л. Характеръ и защита владѣній П. 1916 г. Ц. 1 р. 20 к.
 ЗАВАДСКИЙ, А. Къ ученію о толкованіи гражданскихъ законовъ. К. 1916 г. Ц. 1 р. 75 к.
 ЗАХАРОВЪ, Н. Наше стремленіе къ Босфору и Дарданелламъ. П. 1916 г. Ц. 75 к.
 КАМЕНЕВЪ, Ю. Экономическая система имперіализма. П. 1916 г. Ц. 1 р.
 КАУТСКИЙ, К. Средняя Европа. М. 1916 г. Ц. 60 к.
 МЕЛКІЙ КРЕДИТЪ въ Туркестанѣ. П. 1916 г. Ц. 2 р.
 МИЛЪ, П. Монархъ. П. 1916 г. Ц. 1 р.
 МЫСЛИ русскаго челоуѣка предъ конгрессомъ мира. П. 1916 г. Ц. 1 р. 30 к.
 НИКОНОВЪ, С. Записки юридическаго факультета. Вып. II. Государственное страхование П. 1916 г. Ц. 2 р.
 ОБЩИЙ ТАМОЖЕННЫЙ тарифъ съ измѣненіями 1916 г. Ц. 2 р.
 ОТКЛИКИ, РУНИНЪ, С. Истинный. внутренний заемъ. 1916 Ц. 20 к.
 ПОКРОВСКИЙ, П. Записки юридическаго факультета. Вып. II. Бентамъ и его время. П. 1916 г. Ц. 4 р.
 ПОПЕЛИЩЕВЪ, В. Душа русскаго воина. П. 1916 г. Ц. 35 к.
 ПТУХА, М. Очерки по теоріи статистики населенія и моральной. П. 1916 г. Ц. 3 р.
 РОПШИНЪ, В. Во Франціи во время войны М. 1916 г. Ц. 1 р. 75 к.
 ТАТАРЧУКОВЪ, А. Биржи труда П. 1916 г. Ц. 25 к.
 ТРИБУНА. Война и Сазоновъ. П. 1916 г. Ц. 20 к.
 Программы рѣчи Протопопова, А. Д. П. 1916 г. Ц. 20 к.
 ШВИТТАУ, Г. Записки юридическаго факультета Вып. I Квалифицированный трудъ. П. 1916 г. Ц. 3 р.

Искусство.

- ГЛЪБОВЪ, И. Романсы С. П. Танъ-ева. П. 1916 г. Ц. 60 к.
 ИГНАТОВЪ, И. Театръ и зрители. I. М. 1916 г. Ц. 3 р.

Естествознание и математика.

НОВЫЯ ИДЕИ въ математикѣ. Сб. 1. 2-е изд. П. 1916 г. Ц. 1 р.	УЛАНОВСКІЙ, В. Элементарныя свѣдѣнія изъ теоріи опредѣлителей. К. 1916 г. Ц. 1 р.
ПАЛЛАДИНЪ, В. Анатомія растений. 6-е изд. П. 1916 г. Ц. 3 р. 30 к.	

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

ПО РУССКОЙ ЗЕМЛѢ. Закаспійскій край. 1916 г. Ц. 30 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

КРОТКОВЪ, А. Учебникъ по виноградарству. П. Ц. 80 к.	ЯМБУРСКІЙ, П. Промышленное крестьянское свиноводство. П. 1916 г. Ц. 20 к.
МЗИРИНОВЪ, П. Результаты примѣненія бактериальныхъ препаратовъ. П. 1916 г. Ц. 1 р.	

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

ГРУЗДЕВЪ, М. Руководство къ подборкѣ шестерень. П. 1916 г. Ц. 80 к.	кондитерскаго производства. П. 1916 г. Ц. 50 к.
ЛОМОНОСОВЪ, Ю. Опыты 1910 г. на Ташкентской ж. д. О. 1916 г. Ц. 4 р. 50 к.	ФЕДОРОВЪ П. Вязаніе сѣтокъ гаммаковъ и мѣшковъ. П. 1916 г. Ц. 20 к.
ЦЕТРОВЪ, Ю. Производство карандашей П. 1916 г. Ц. 20 к.	— Колбасное производство. П. 1916 г. Ц. 60 к.
СВИРСКІЙ, Н. Токаръ по металлу П. 1916 г. Ц. 60 к.	— Производство ваксы и друг. П. 1916 г. Ц. 40 к.
СЮЗЕВЪ, А. Производство жестяныхъ работъ. П. 1916 г. Ц. 1 р.	ЭНЕЛЕВЪ, Е. Аккумуляторы Эдисона. Цѣна 20 к.
УСОВЪ, И. Руководство конфектно-	

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

АЛЬТЕ, М. Основы зубоврачеванія. П. 1916 г. Ц. 80 к.	ГИВЕРЪ, Р. Французск. терапевтическая клиника П. 1916 г. Ц. 2 р.
ГАУЛЕ, Г. Какъ дѣйствуютъ спиртные напитки на человѣка. П. 1916 г. Ц. 10 к.	КИСЕЛЕВЪ, Н. Краткій курсъ акушерства. т. II. Ц. 3 р.

Воспитаніе и обученіе Учебныя руководства.

АНГЛО-РУССКІЙ словарь, карман. М. 1916 г. Ц. 72 к.	ОГНЕВЪ, С. Учебникъ зоологіи. М. 1916 г. Ц. 2 р. 25 к.
БЕМЪ, Д. и др. Сокращенный сборн. алгебры. М. 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.	РОДНЫЕ ПИСАТЕЛИ. Кольцовъ, А. В. 1916 г. Ц. 20 к.
ЗАВЪЯЛОВЪ, Н. Педагогическая хрестоматія. М. 1916 г. Ц. 2 р.	— Успенскій Г. И. 1916 г. Ц. 25 к.
ИВАНОВЪ, Г. Начальный географическій словарикъ. П. 1916 г. Ц. 15 к.	РУКІНЪ, А. Русская грамматика. Ч. I. М. 1916 г. Ц. 60 к.
ЛЕКСИНЪ, Н. Методика алгебры. Ц. 3 р.	ТУРСКІЙ, Гр. Избр. мѣста «Historia Francorum». X. 1916 г. Ц. 60 к.
НАРЪИ, О. Курсъ тригонометріи П. 1916 г. Ц. 1 р. 95 к.	ЧЕРЕШНИНЪ, Н. Русская исторія 2 изд. П. 1916 г. Ц. 1 руб.

Книги для дѣтей и юношества.

АЛЬМАНАХЪ для юношества. П. 1916 г. Ц. 3 р.	ПЕРЕЛЬМАНЪ, Я. Веселыя задачи. П. 1916 г. Ц. 50 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1917 г.

на

новый національно-прогрессивный общественно-политическій еженедѣльникъ съ ежемѣсячными литер.- научн. приложениями

РУССКАЯ БУДУЩНОСТЬ

ПОСТОЯННЫЕ ОТДѢЛЫ ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКА

- 1) Обзоры внутренней и вѣшной политики. 2) Статьи научно-общественныя.
- 3) Церковные вопросы. 4) Областной отдѣлъ. Письма изъ провинціи. 5) Славянской отдѣлъ. Обзоръ славянской печати. 6) Рабочій отдѣлъ. Письма рабочихъ. 7) Земскій отдѣлъ. 8) Торгово-промышленный отдѣлъ. 9) Иностранная хроника. 10) Письма изъ-за границы. 11) Военно-морской отдѣлъ.
- 12) Запросы, письма въ редакцію и друг.

Въ ежемѣсячныхъ приложенияхъ будутъ помѣщаемы романы, повѣсти, рассказы, драматическія произведенія, стихотворенія и статьи по научнымъ и общественнымъ вопросамъ.

Еженедѣльникъ выходитъ размѣромъ не менѣе 3 печатныхъ листовъ in 4°, ежемѣсячники отъ 6 до 8 листовъ in 8°.

Подписная цѣна еженедѣльника вмѣстѣ съ прилож. на 1917 г. съ перес. и дост. на домъ 10 р., на 1/4 г. — 6 р., на 1/2 г. — 4 р., за границу — 13 р.

Для сельскихъ священниковъ и учителей, для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, для рабочихъ при непосредственномъ обращеніи въ главную контору допускается скидка: на годъ — 8 р., на 1/2 г. — 5 р., на 1/4 г. — 3 р. Цѣна комплекта за 1916 годъ со дня выхода журнала 3 руб. 50 коп. вмѣстѣ съ приложениями.

Продолжается подписка на 1916 годъ на прежнихъ условіяхъ.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна № еженедѣльника 30 коп., ежемѣсячнаго приложения 60 к.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи, а также въ книжномъ магазинѣ Т-ва „Новаго Времени“ (А. С. Суворина), Невскій пр., 40, и въ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“ въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону, въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова (Гостинный Дворъ, Суковная линия 19), въ конторѣ „Вечерняго Времени“ (Невскій пр., 52), въ жел.-дор. кіоскахъ.

Розничная продажа въ книжныхъ магазинахъ, у газетчиковъ, въ Пассажахъ и въ кіоскахъ желѣзныхъ дорогъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ и ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ:

Петроградъ, Преображенская ул., 13, кв. 8.

Телефонъ № 612-86.

ОТКРЫТА ПОДПИСНА НА 1917 ГОДЪ.

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО •

ДВА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЕ иллюстрированные журнала для дѣтей и юношества, основ. С. М. МАКАРОВОЙ и издаваемые Т-вомъ М. О. ВОЛЬФЪ.

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-ГО НОЯБРЯ 1916 Г. — ЦЕРВЫЕ №№ ВЫСЫЛАЮТСЯ НЕМЕДЛЕННО.

Гг. годов. подписч. журн. „З. Сл.“ для дѣтей **МЛАДШАГО ВОЗРАСТА** (отъ 5 до 9 лѣтъ) получать

52 №№ и 48 ПРЕМИЙ,

въ числѣ которыхъ:

- БОЛЬШ. СТѢНН. КАРТИНА „ВЕСЕЛАЯ ПОЕЗДКА“, исполненная въ краск. по олинги. художн. А. Эльслей.
  - 12 ЛИСТОВЪ „ИГРЫ, РАБОТЫ, РУКОДѢЛІЯ“ и пр. для вырѣзыванія, оклеиванія и пр., въ краск. и черн.
  - 8 ВЫП. „МОЯ ПЕРВАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ КНИГА“. Легкое руководство въ изучен. франц. языка для дѣтей съ многочисл. рис.
  - 6 ВЫП. „РОДНАЯ СТАРИНА ВЪ КАРТИНКАХЪ“, П. Гурьева и П. Чеснокова, съ краткимъ текстомъ (Новая серия).
  - 6 ТАБЛ. „УЗОРОВЪ ДЛЯ ВЫШИВАНІЯ КРЕСТИНАМИ“.
  - 4 ВЫП. „ШКОЛА ЗВѢРЕЙ ДЛЯ ЗАБАВЫ ДѢТЕЙ“, въ картинк. и стихахъ.
  - 12 ОТКРЫТЫХЪ ПИСЕМЪ ДЛЯ РАСКРАШИВАНІЯ.
  - 6 ВЫП. „МОЯ ПЕРВАЯ БОТАНИКА“, въ картинкахъ, очеркахъ и разсказахъ.
  - 8 ВЫП. „МАЛЕНЬКИЙ ВСЕМИРНЫЙ ИСТОРИКЪ“, въ разск. и карт. (Нов. сер.).
  - 6 ТАБЛ. „РИСОВ. ПО ПУНКТИКАМЪ“ по системѣ Роберта.
- и мног. друг.

Гг. годов. подписч. журн. „З. Сл.“ для дѣтей **СТАРШАГО ВОЗРАСТА** (отъ 9 до 14 лѣтъ) получать

52 №№ и 48 ПРЕМИЙ,

въ числѣ которыхъ:

- 12 ТАБЛ. „ЦАРСТВО ГРИБОВЪ“, въ краскахъ, 95 изображеній, съ объяснителн. текстомъ и рисунками.
  - 6 ВЫП. „ГЕРОИНИ ПРОШЛАГО“. Разсказы и очерки Леонида Чернаго съ рис.
  - 8 ВЫП. „КНИГА ВЕЛИКИХЪ ИЗОБРЕТЕНІЙ“, въ общедоступномъ изложеніи, съ портр. и рис.
  - 6 РАЗСКАЗОВЪ ДЖЕНА ЛОНДОНА, СЭТОНА ТОМПСОНА, и др. авторовъ для юношества, съ рис.
  - 6 ВЫП. „ГЕРОИ ЖИВОГО СЛОВА“, биографич. очерки съ портр.
  - 4 КНИЖКИ „БИБЛИОТЕКА СПОРТА“, игры и занятія для юношества.
  - 4 КНИЖКИ „БИБЛИОТЕКА ПОЛЕЗНЫХЪ ЗНАНІЙ“, для юношества.
  - 6 РАБОТЫ „ДЛЯ ВЫРѢЗЫВАНІЯ И СКЛЕИВАНІЯ“, цвѣтныхъ и черныхъ.
  - ПУТЕШЕСТВІЕ НА ОСТРОВЪ ДРУЖБЫ. Большая комнатная игра для мальчиковъ и дѣвочекъ.
  - СПУТНИКЪ ШКОЛЫ. Календарь и учебная книжка для учащихся на 1917—1918 учебн. годъ, съ прил. въ перепл.
- и мног. друг.

4-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ

4-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Кромѣ того, при кажд. изд. будутъ высыл.: „ДѢТСКІЯ МОДЫ“ и „ЗАДУШЕВНОЕ ВОСПИТАНІЕ“.

Подписная цѣна каждаго издан. „Задушевного Слова“ со всѣми объявленными преміями и приложеніями, съ достав. и пересыл.—на годъ **ДЕВЯТЬ** рублей.

Доп. расрочка на 3 срока: 1) при подпискѣ, 2) въ 1 февраля и 3) въ 1 мая—по **3 Р.**

Съ требованіями, съ обозначеніемъ изданія (возраста), обращаться въ конторы „ЗАДУШЕВНОГО СЛОВА“, при книжн. маг. Т-ва М. О. Вольфъ—Петроградъ: 1) Гостин. Дв., 18 и 2) Невскій, 13.

ЗА ГОДЪ—9 рублей. РАСРОЧКА—по 3 рубля.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1917 г. (28-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

Подписной годъ считается съ 1-го ноября 1916 г. по 1-ое ноября 1917 г.

ПРИРОДА и ЛЮДИ

Въ теченіе 1917 года подписчики получаютъ:

52 №№ ХУДОЖЕСТВЕННО-ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА

свыше 1.000 стран. разнообразн., полезн. и увлекат. чтенія: романы, повѣсти и рассказы. Очерки по всѣмъ отрасл. знанія. Новыя открытія и изобрѣтенія. Военные обзоры. Спортъ и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: 6 РУБ. съ дост. и перес. 5 РУБ. безъ доставки } УСЛОВІЯ РАЗЪРЧИИ
по всей Россіи } 50 к. и пересылки. — см. нѣжѣ. —

Приложенія по выбору подписчиковъ за отдѣльн. плату:

42 КНИГИ ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ, РАЗСКАЗОВЪ, ОЧЕРКОВЪ и СТИХОТВОРЕНІЙ
ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА ЗА ДОПЛАТУ 8 р. 50 к.

Самое полное изъ всѣхъ существующихъ. Романы и повѣсти: Великій Розенкрейцеръ. — Волхвы. — Вольтерьянецъ. — Женихъ царевны. — Злые вихри. — Изгнанники. — Капитанъ гренадерской роты. — Кисимовская невѣста. — княжна Острожская. — Навождение. — Последніе Горбатовы. — Сергій Горбатовъ. — Старый домъ. — Русскіе крестоносцы. — Царь-дѣвица. — Царское посольство. — Цвѣты бездны. — Юный Императоръ. Рассказы, очерки, стихотворенія.

ИЛЛЮСТРИРОВ. ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРН. НОВИНОЦЪ ЗА ДОПЛАТУ
12 КНИГЪ МІРЪ ПРИКЛЮЧЕНІЙ 4 РУБЛЕЙ.
больш. форм.

При вѣборѣ литературнаго матеріала на первое мѣсто ставится новизна и оригинальность сюжетовъ, разнообразіе фабулъ, занимательность и драматичность интриги.

ОБЩЕДОСТУПНО - НАУЧНОЕ СОЧИНЕНІЕ ЗА ДОПЛАТУ
12 КНИГЪ ИСТОРІЯ НОВѢЙШАГО ВРЕМЕНИ 4 РУБЛЕЙ.
1.000 страницъ

Событія всемірной исторіи съ 1815 по 1915 годъ.
Александра Торсовъ. Съ дополненіями проф. И. В. Лучицкаго.

Первое изданіе книги датскою ученою А. Торсовъ, въ предлагаемомъ нами переводѣ М. В. Лучицкой, было одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ САМООБРАЗОВАВАНІЯ ЗА ДОПЛАТУ
12 КНИГЪ ЗНАВІЕ ДЛЯ ВСѢХЪ 5 РУБЛЕЙ.

Съ многочисленными иллюстраціями и особо приложенными картинами въ нѣсколько красокъ, портретами, картами и т. п. Каждая книга въ изящномъ папковомъ переплетѣ.

Журналъ „Природа и Люди“ и прил. къ нему печатаются на БѢЛОЙ газетной бумагѣ

РАЗСРОЧКА НА ЖУРНАЛЪ И ПРИЛОЖЕНІЯ ДОПУСКАЕТСЯ
въ два или три срока:
Въ два срока: при подпискѣ $\frac{1}{2}$ стоимости журнала и выбран. прилож. и къ 1 мая остальныхъ.
Въ три срока: при подпискѣ $\frac{1}{3}$ стоимости, къ 1 февраля еще $\frac{1}{3}$ и къ 1 мая остальныхъ.

Каждому подписчику предоставляется право выписать журн. безъ приложеній, либо съ однимъ или съ нѣсколькими прилож., по собственному выбору. Нѣсколько одинаковыхъ приложеній при одномъ экземплярѣ журнала „Природа и Люди“ разсылаемы быть не могутъ. ~~само~~ Приложенія безъ журнала „Природа и Люди“ не высылаются. ~~само~~

Главная Контора: Петроградъ, Стремянная, 12, собств. домъ. Изд. П. П. Соинкинъ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петроградѣ, при книжномъ магазинѣ Т-ва „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Подробныя свѣдѣнія о подпискѣ на 1915 г. см. впереди текста.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя **Бориса Борисовича Глинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

За перемѣну адреса съ городского на иногородный подписчики уплачиваютъ 1 р., въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный и иногороднаго на городскій) 25 коп.

Издатели: наслѣдники А. С. Суворина

въ лицѣ Б. Б. Глинскаго.

Редакторъ Б. Б. Глинскій.

Тарифъ на объявленія: впереди текста за страницу 80 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 45 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 25 р.; позади текста за страницу 60 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 35 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 20 р.

